

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

1899

Годъ 30-й.

А. Ф. МАРКСОМЪ

Малая Морская, № 22.

Утомление металлов 556
Фабрикация жемчуга 200
Человекъ разностороннихъ талантовъ 596
Число словъ въ различныхъ языкахъ. 340
Чума въ Португалии 695
Школьное обученіе и преступность . . 616

XIII. Парижскія моды.

12 №№—съ января по декабрь ежемѣсячно.

XIV. Тиражи выигрышей и погаш. билетовъ Гос. Банка.

Въ №№: 3, 11, 19, 28, 37, 46.

XV. Живопись, рисунки и портреты.

Абась-Туманъ. Домъ Дасовой 5766
Абась-Туманъ. Место кончины Наслѣдника Цесаревича. 2 рис. 573
Абась-Туманъ. Перенесеніе тѣла Наслѣдника Цесаревича. 4 рисунка 574—576
Авраамъ и три ангела. Карт. Брюллова 963
Академія Юліана въ Парижѣ 697
Александр-Сверскій монастырь. 5 рисунковъ 93—96
Аскеевъ, Е. И., вице-адмиралъ 693
Альбатросы надъ трупомъ тюленя. 585
Альфредъ, герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій 77
Амальфи (у береговъ). Карт. Димера. 468
Американцы на Филиппинск. островахъ 3726
Амуръ, рѣка (правый берегъ). 789
Англо-Трансваальская война. Видъ и сцены. 9 рисунк. 854, 856, 875, 914, 915, 934, 936
Анненковъ, М. Н., ген.-отъ-инфант. . . . 79
Антопій, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій 37
Аппаратъ для доенія коровъ 594
Архангельскій, Г. И. 695
Астрономическая труба на Парижской выставкѣ 219
Бальзакъ, Оноре 358
Баранцевичъ, К. С. 40а
Барклай-де-Толли-Веймартъ, князь . . . 775
Батуринъ. 1) Дворецъ Разумовскаго, 2) Крупецкій монастырь. 2 рис. 871—872
Бексидорфъ, А. Х., графъ. Приб. къ № 20.
Вельдиманъ, делегатъ Румыніи въ Гаагѣ 433
Берлинъ. Контора для справокъ о кредитоспособности 199
Берлинъ. Новый музей 912
Берлинъ. Новый соборъ. 909
Вернаэртъ, делегатъ Бельгій въ Гаагѣ. 433
Весѣда. Карт. Пастернака 385
Весѣда по душѣ. Карт. Аллингема . . . 528
Беттело, адмиралъ 38
Вильдъ, делегатъ Даниі въ Гаагѣ 433
Вильдъ, делегатъ Швеціи и Норвегій въ Гаагѣ 433
Благодарственная молитва. Карт. Ликъ
Благословеніе дѣтей. Карт. Кошелева. 761
Благоуханія лѣса. Карт. Э. Максанса. 5
Богатыри. Карт. Васнецова 304—305
Богородица въсхъ скорбящихъ радости
Бодиско, А. В., инт.-ротм. 371
Бой быковъ. Карт. Кейзера 448
Вольшая стирка. Карт. Каульбаха . . . 801
Бонапартъ и сержантъ Жюно 272
Бонеръ, Роза 495
Борзятникъ. Карт. Галкина 189
Боярышнія. Карт. В. Боброва 865
Боярышнія, заплетающая косу. Карт. В. Маковского 49
Браво. Карт. Степанова 545
Бракошерь. Карт. Любена 509
Бракосочетаніе княжна Данила 633
Бродячіе музыканты. Карт. Попова. . . 521
Брокенское привидѣніе. Рис. Гельмана
Броненосецъ «Ген.-адм. Апраксинъ». 2 рис. 1021
Броненосецъ «Императ. Фридрихъ III». 3 рисунка 172—173
Брюловъ, К. П., художникъ 961
Брюловъ, Корниловъ и Гагаринъ 976
Буллеръ, генералъ 815
Буизенъ, Робертъ 714
Буржуа, Л., делегатъ Франціи въ Гаагѣ 393
Бычковъ, А. Ф., директ. Имп. публ. библ. 317
Бюхнеръ, Людвигъ 553
Вагнеръ, Н. П., профессоръ 980
Вагонъ, электрическій 240

Валаамскій монастырь. Общій видъ . . . 745
Валаамскій монастырь: монастырскія мастерскія. 15 рисунковъ 738—745
Вальдекъ-Руссо, франц. миң.-презид. . . 513
Ванъ-Дейкъ, Антонъ 238
Ванъ-Карнебеевъ, делегатъ Нидерландъ въ Гаагѣ 433
Вашингтонъ, Георгъ 997
Веласкесъ, Діего 690
Великій постригъ. Карт. Нестерова. . . 520
Величайшія зданія въ мірѣ 59
Вельзергеймъ, графъ, делегатъ Австріи въ Гаагѣ 393
Венеціанское братство. Карт. Жерме
Верстовскій, А. Н. 177
Верцингеторикъ передъ Цезаремъ. Картина Ройэ 821
Веселая ш а. Карт. Адама 61
Весна. Карт. Мунте 301
Вечереть. Карт. Гензелера 680
Вильгельмъ II и принцъ Уэльскій . . . 933
Витязь на распутыи. Картина Васнецова 500
Вполемъ. Карт. Линке 989
Владиміръ Александровичъ, вел. князь. 653
Влюбленные. Карт. Пимоненко 561
Влюбленные. Карт. Пиотровича 332
Влучка. Карт. Тексидора 820
Во время Имперіи. Карт. К. Маковского . 805
Воевода. Рис. Селванова 717
Возвращеніе съ пасхальными покупками 313
Возрожденная Элада. Карт. Робертсона. 1001
Волконскій, М. С., князь 979
Волконскій, С. М., директ. император. театр 673
Вольта демонстрир. свой столбъ. . . . 535
Воронежъ. Видъ города 732
» Могила Никитина 731
«Воскресеніе». Ром. гр. Л. Н. Толстого, рисунки Пастернака:
1) Адвокатъ 224
2) Весна. 202
3) Во время перерыва 245
4) Возвращеніе Масловой въ камеру 348
5) Въ квартирѣ тюремнаго смотрителя 401
6) Екатерина Маслова и конвойн. . . . 205
7) За закуской у Корчагиныхъ. 324
8) За чтеніемъ 244
9) Извозчикъ Нехлодова 209
10) Катюша бѣжитъ за поѣздомъ 364
11) Княгиня Софья Васильевна. 325
12) Князь Нехлодовъ 208
13) Князь Нехлодовъ у окна дѣвичьей 268
14) Кузьминскіе мужики 440
15) Маріэттъ въ ложѣ 604
16) Ниціи бабы 460
17) Пасхальная заутреня 264
18) Подсудимые. 284
19) Послѣ приговора 308
20) Присяжные. 285
21) Приемная въ тюрьмѣ 377
22) Священникъ и дяконъ 265
23) Судья 225
24) Тюреми. надзират. 204
25) У входа въ тюрьму. 376
Воскресеніе Христово. Карт. Рубенса. 309
Воскресеніе чтеніе. Карт. Богданова-Бѣльскаго 132
Воскресный день въ Фрейбургѣ. 428
Врачебно-санит. отрядъ Кр. Кр., отпразднелный въ Трансваалѣ 999
Время. Карт. Ванъ-Хове. 1
Всеволожскій, П. А., директоръ. Имп. Эрмлт. 673
Всѣ проиграно. Карт. Штаммели 768
Всякая душа празднику рада. Карт. Каульбаха 144
Въ затруднительномъ положеніи. Карт. Каульбаха 505
Въ лѣсу. Карт. Кауфмана 53
Въ Малоросіи. Карт. Маковского 501
Въ ожиданіи. Карт. Блаза 540
Въ отставкѣ. Карт. Андреева. 45
Въ парикмахерской. Карт. Леруара. . . 409
Въ лесахъ натуръ. Карт. Андреева. 480
Въ Помпѣй. Карт. Селезнева 44
Въ святую ночь. Карт. Удэ 984—985

Въ скиту. Карт. Архипова 181
Въ степи. Карт. Брандта 708
Въ сумеркахъ. Карт. Книхта 881
Выкупали. Карт. Делоуба 569
Выставка молочн. хоз. въ Спб. 756
Выставка, франко-русская, 3 рис. 338—339
Вѣна. Православный храмъ 57
Вѣнокъ отъ русской арміи Ф. Фору . . . 177
Вѣра. Карт. Макса 281
Вяземскій, П. А., князь. Приб. къ № 20.
Гаага. Королевскій дворецъ 369
Гаданье съ зеркаломъ. Рис. Скиргелло. 1005
Гайяши, делегатъ Японіи въ Гаагѣ. . . 433
Галевн, Яковъ 435
Галифэ, франц. воен. министръ 513
Гамалонъ, птица въщія. Карт. Васнецова 329
Ганнибалъ, Абраамъ Петр. Приб. къ № 20.
Ганнибалъ, Иванъ Абр. Приб. къ № 20.
Гдѣ же рыба? Карт. Каульбаха 489
Гейденъ, Л. Л., графъ 318
Геллеръ, В. Л. 495
Гензель и Грегель. (Изъ сказ. Гриммъ). 84—85
Георгій Александровичъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ 516а
Георгій, королевичъ греческій 38
Герцогъ Тегуанскій, делегатъ Испаніи въ Гаагѣ 433
Герцогъ Шартрскій въ битвѣ при Жемапъ. Карт. Ле-Дрю 212
Гёте. Иоганнъ Вольфгангъ 614
Гёте. (Послѣднія минуты) 200
Гибель Икара. Карт. Дрѣпера 429
Гиршь, баронесса 429
Голгова. Панорама Яна Стыка. 1) Погонщикъ, 2) Хелки, 3) Рука, 4) Водоносъ, 5) Спаситель передъ казнью, 6) Народъ, 7—8) Типы евреевъ, 9) Савль, 10) Христосъ, 11—12) Жеицины, 13) Книжники и фарисеи, 14) Скорбный путь, 15) Иосифъ Аримаейскій 837—852
Головка ребенка. Карт. К. Маковского 705
Голдыни на ренетиціи. Карт. Монтегаци 748
Гомиліусъ, Л. Ф. 340
Гонзъ, генералъ. 636
Горчаковъ, А. М., кн. Приб. къ № 20.
Гребенка, Е. П. 18
Грѣзы. Карт. Роберта-Фабри 241
Гриза, Карлотта 495
Грудная кѣтка Лабори 696
Группа-ларецъ, поднес. Импер. Францу-Іосифу. 20
Группа турецк. учащ. молодежи 595
Группа участвов. на откр. работъ китайской ж. д. 788
Группа членовъ метеорологич. съѣзда. 775
Группа член. пожарн. съѣзда въ Орлѣ. 675
Группа шахматистовъ въ Лондонѣ. . . . 555
Гурзуфъ. Видъ. Приб. къ № 20.
Данילו, черногорскій княжичъ 369
Дантесъ, Георгъ-Карль. Приб. къ № 20.
Дасоева, Анна 5766
Два друга. Карт. Брюльэ 580
Дверь мира, во дворцѣ въ Гаагѣ 414
Двѣ семьи. Карт. О. Вальтера 12
Деліанисъ, делегатъ Греціи въ Гаагѣ. 433
Дельвингъ, А. А., баронъ. Приб. къ № 20.
Делькассэ, франц. миң. вн. дѣлъ 613
Дельмасъ, Г., артистъ 280
Дерзвельскій скрипачъ. Карт. Гризона. 249
Джеромъ К. Джеромъ 198
Діана на крыльяхъ ночи. Карт. Брюллова 973
Дмитревѣя. 3 вида. 730—731
Добраго аппетита. Карт. Деспеля 548
Домонтовичъ, М. А., ген.-отъ-инфант. 515
Домъ, гдѣ родился Гёте 623
Домъ, обледенный послѣ пожара 217
Домъ Селькирка 956
Дорога въ сосновомъ лѣсу. Карт. И. И. Шишкина 101
Дортмундъ-Эмскій каналъ. 3 рис. 654—655
Драма жизни. Карт. Шварца 629
Древолазы. Рис. Кукерта 52
Дрейфусъ передъ судомъ 635
Дрѣжинъ, С. Д., поэтъ-самоучка 372
Друзья. Карт. Высницкаго 597
Дѣла давно минувшихъ дней. Карт. Люкасъ-Робинъэ 449
Дѣлежъ добычи. Карт. Степанова 461

Содержание:

ТЕКСТЪ: Воробжа. Рассказ В. Г. Авсеенко. — На другое амледа. Рассказ О. Н. Чоминой. — Ацетиленъ. Очеркъ Ю. Штинде. — Къ рисункамъ: Время. — Поклонение волхвовъ. — Благоуханія лѣса. — Дѣти художника. — Дѣвъ семьи. — Въ ущельяхъ Сорренто. — Какъ ваше имя? — Митрополитъ Іосифъ Сьмашко. — Е. П. Гребенка. — А. Г. Нонтскій. — 100-лѣтіе Павловскаго военного училища. — Юбилейное подношеніе л.-гв. кексгольмскаго полка своему августѣйшему шефу австрійскому императору Францу Іосифу I. — Политическое обозрѣніе. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

РИСУНКИ: Время. Картина Э. Ванъ-Хове. — Поклонение волхвовъ. Картина Ганса Гольбейна. — Благоуханія лѣса. Картина Э. Максанса. — Дѣти художника. Картина К. Е. Маковского. — Дѣвъ семьи. Картина Ф. Вальтера. — Въ ущельяхъ Сорренто. — Какъ ваше имя? Ориг. рисунокъ И. И. Ижакевича. — Митрополитъ Іосифъ Сьмашко. По поводу 100-лѣтія со дня рожденія. — Е. П. Гребенка. По поводу 50-лѣтія со дня кончины. — 82-лѣтній пианистъ-виртуозъ А. Г. Нонтскій. — Столѣтіе Павловскаго военного училища. Зданіе училища по Б. Спасской ул. на Петербургской сторонѣ. — Юбилейное подношеніе л.-гв. кексгольмскаго полка своему августѣйшему шефу австрійскому императору Францу Іосифу I по поводу 50-лѣтія его шефста.

При этомъ № прилагаются: 1) Сборникъ „Нивы“ за январь, содержащій въ себѣ сочиненія И. А. Гончарова, т. 1; 2) Стѣнный календарь на 1899 г., печатанный красками; 3) „Парижскія моды“ за январь съ 27 рис. и отдѣльный листъ съ 28 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 24 рис. руководящихъ работъ.

ЮВЕЛИРЪ

К. И. БОКЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, бывшій МОСКВА,
Большая Морская, 9. БЮЛЕРЪ. Кузнечій мостъ, 6.

Громадный выборъ брилліантовыхъ и золотыхъ вещей на всякія цѣны. Изготовляетъ всевозможные жетоны, какъ-то: Всероссийской выставки въ Н.-Новгородѣ 1896 г., XII международнаго медицинскаго конгресса въ Москвѣ, V фотографической выставки Императорскаго Техническаго общества въ С.-Петербургѣ, 100-лѣтняго юбилея министерства путей сообщения и мн. др. Покупаетъ золото и драгоценные камни.

№ 11804 2-2

Состоящіе въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ

ЧАСТНЫЕ

№ 11860

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЕ СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ

Невскій пр., д. 102 (противъ Николаевской улицы).

Учрежд. В. Ф. Гаррисономъ, Г. Н. Мокѣвымъ, М. В. Побѣдисимъ и Н. Л. Хрусталевымъ. На курсахъ отдѣленія: обще-бухгалтерское, специальное, новыхъ языковъ и каллиграфіи. Курсы даютъ теоретическія и практичскія, подготовку къ бухгалтерской дѣятельности лицамъ обоего пола. Начало новаго учебнаго курса 12 января. Приемъ заявленій ежедневно. Свѣдѣнія высылаются бесплатно.

2-2

Н. В. ГАЛКИНЪ

объ Эоліантѣ:

«Новозобрѣтенный инструментъ Эоліантъ замѣняетъ собою оркестръ и даетъ возможность даже неумѣющимъ играть, исполнять всѣ оркестровыя сочиненія и такимъ образомъ пользоваться, съ приблизительной оркестровыми отбѣнками, всѣми подвѣрами музыки у себя дома.»

ЭОЛІАНТЪ—новѣйш. инструментъ темпа устраняющій работу пальцевъ играющаго. Нюансировка тона и силы звука и инструментка остаются въ полномъ распоряженіи играющаго, которому представляется только, выдвигая регистры, пользоваться всѣми этими музыкальными эффектами. Эоліантъ имѣются въ 225, 400, 500, 600, 700, 900, 1,200 и 1,500 р. Ноты въ немъ въ громадномъ выборѣ, отъ 1 р. 50 к. и дороже. Подробное описаніе бесплатно. Кроме того, рекомендуются

ФИСГАРМОНИИ

извѣстѣйшихъ фабрикъ

Карпентеръ	}	лучшія американскія
Бентъ		
Шидмайеръ	}	рекомендованная Главачелью, Гензельтомъ, Листомъ
и другихъ лучшихъ заграничныхъ фабрикъ		

въ 85, 100, 110, 130, 135, 150, 160, 175, 190, 200, 225, 240, 250, 300, 350, 375, 450, 500, 550, 750 и 1000 руб. Самоучитель Пахо—2 руб. Иллюстрированный прейсъ-куррантъ и каталогъ нотъ бесплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ
ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ. Большая Морская, 34.
Москва, Кузнечій м., д. Захарьина.

(Фигурки Карпентера въ 160 руб.)

КРАСИВО ПИСАТЬ

выучивается всякій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи А. КОССОДО.

Методъ премированъ на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. За 4 семикопеечныя марки высылаются **ПРОБНОЕ ПИСЬМО** шрифтовъ, подробныя условія и образцы исправленія почерк. заочн. учен. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

„ЧТО“

такое искусство укрѣпленія памяти? книга (8-е испр. и дополн. изд.) проф. миѳологич. С. Файнштейна, высл. за шесть 7-ми коп. марокъ, на велен. бумагѣ - за восемь 7-ми коп. марокъ.

Адресъ: Одесса, Гаванная ул., д. № 2/8, профессору миѳологич. С. ФАЙНШТЕЙНУ.

№ 11336 10-8

„НАШИМЪ ДѢТНАМЪ“.

Только что вышелъ изъ печати «Маленькій Глинка», новый сборникъ для дѣтей собр. любим. пѣсень, оперъ, модн. танцовъ и т. д. для форт. въ 2 руки М. Штейнберга - 1 р. 25 к. Маленькій Чайковский, 5-я тысяча, дѣтскій альбомъ сост. изъ маршей, оперет, романс. и т. д. М. Петрова 1 р. 25 к. «Бубенчики» и «Золотыя Колосы», сборники легкихъ дѣтскихъ пѣсень, игръ и пѣльвовъ для пѣн. и форт. Армеева по 1 рублю. «Звѣздочка» 20 красив. пѣсень для дѣтей, Астара, 1 р. «Маленькіе Фигнера» сборникъ легкомелодич. пѣсень для дѣтей съ рус. и франц. текстомъ 1 р. Единственное изданіе «50 пѣс. рус. народа» для форт. въ 2 руки съ текстомъ Армеева 2 р. 50 к. «Цыганская Жизнь» сост. изъ 25 модн. романсовъ для пѣн. и форт. стоимъ въ отдѣльности 10 руб. вмѣстѣ только 2 р. 50 к. «Гейша» полная оперетка, роскош. издан. 1 р. 50 к. Продаются у издателя Н. Давиногофъ, С.-Петербургъ, Гостиный дворъ № 12. Заказы въ провинцію высылаются немедленно.

Вышла книга П. А. БАДМАЕВА:

О системѣ врачебной науки Тибета.

1-й выпускъ. Ц. 1 р.; 50 к. Складъ изданія: ст. 7-й и Слоновій ул., д. 16-22, кв. 4, въ С.-Петербургѣ. Тамъ же принимается подписка на 2-й выпускъ: «Общедоступный лечебникъ по системѣ врачебной науки Тибета.» Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.

ПРОДАЖА И ПРОКАТЬ

роялей и піанино

знаменитыхъ фабрикъ.

П. БОРМАНЪ

СПБ., Вознесенскій пр., № 33,
уголь Екатерингофск. пр.

ПРОДАЕТСЯ

Л. СТОЛКИНДА

ВЪЗДѢЛЪ

ДѢТСКОЕ МЫЛО

НА РЫБЬЕМЪ ЖИРУ

МОСКВА ЦѢНА 1/2 к. 50 к. 1/2 к. 30 к.

СКЛАДЪ: ИМПЕРАТ. ТОРГОВАЯ Д. Л. СТОЛКИНДА

ДЕШЕВЫЯ ТУМАННЫЯ КАРТИНЫ

для волшебныхъ фонарей (одобрены. Пост. Комм. по техн. образ. при Импер. Русск. Технич. Общ.) Поступили въ продажу картины въ краскахъ:

Начало христіанства на Русѣ 8 картинъ, О смутномъ времени 8, Сыновья Владиміра 5, Владиміръ Мономахъ 6, Царственный домъ Романовыхъ 20, О вредномъ вѣсьмомъ 24, Сказка о куцѣхъ Остоловѣ 7, Робинзонъ Крузо 14 картинъ и пр. Полными сериями по 25, отдѣльными картинами по 35 коп. штука.

ЕВГ. ТИЛЕ преемн. СПБ. Благовѣст. ил. 5.

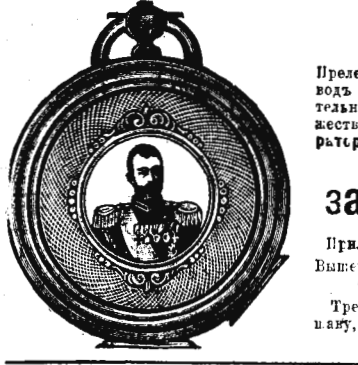
Поступила въ продажу новая книга А. ПЕЛЕНКИНА:

„ЧТО ТАКОЕ БАЛАНСЪ ВООБЩЕ И БУХГАЛТЕРСКІЯ ВЪ ЧАСТНОСТИ“.

Цѣна 2 р. Складъ у автора: Басковъ переулокъ, д. 3, кв. 10. Тамъ же продается

„РАЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРІЯ БУХГАЛТЕРСКИХЪ СЧЕТОВЪ“.

Цѣна 3 р. При покупкѣ послѣдней книги, первая отпускается бесплатно.

НОВОСТЬ!!!

Прелестные карманные металлическіе часы, заводъ безъ ключа, настоящие никельныя, тѣлѣнно противнренныя, на крышкѣ помѣщенъ художественно исполненный портретъ Гесударя Императора Николая I, къ нимъ цѣпочка новаго золота и парижскій комасъ,

за все только 5 руб.

Прилагается печатное ручательство на 4 года. Вышеупомянутыя часы высылаются немедленно и безъ задатка наличными платежомъ.

Требованія прошу адресовать въ городъ Паризу, къцу І. Бузверу, Гранчивал ул., № 6.

Прейсъ-куррантъ высылается бесплатно.

При садовомъ заведеніи И. И. Долгова въ с. Майкопѣ, Куб. об., открыта **СЪМЯНОТОР-ГОВЛЯ**. Продажа огородныхъ и цвѣточныхъ сѣмянъ. Цѣны умеренныя. Каталогъ и прейсъ-куррантъ бесплатно. № 11866

КАЗИМІРЪ ОССОВСКІЙ,

инженеръ.

Котора для исходатайствованія привилегій въ БЕРЛИНѢ (Berlin, W. 9. Potsdamerstr., 3.)

На Всероссийской выставке в Нижнем-Новгороде 1896 г. удостоены
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА

В. № 11515
13-8

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.

Фабрика

РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО

основанная в 1810 году
СПБ., Владимирская, № 8,
рекомендует превосходного
тона и отличной работы
РОЯЛИ в 1100, 900, 800, 700,
650 и 550 рублей.
ПИАНИНО в 650, 500 и 450 р.
Прейс-курранты высылаются
бесплатно.

Дело в Москвѣ: Юлій Генрихъ Циммерманъ, Кузнецкій м., д. Захарьина;
въ Ригѣ: О. Энгельманъ; въ Воронежѣ: Р. Т. Шугама; въ Бану: Ф. И. Шрейберъ;
въ Тифлисѣ: Е. М. Мириманянъ.

КАКАО ВАНЪ-ГОУТЕНА.

КАКАО

Ванъ-Гютена

представляет собою приятный, здо-
ровый и недорогой напитокъ.

Разлюбить его невозможно.

Какао Ванъ-Гютена—напитокъ, въ
одно и то же время и очень легкій,
и питательный, благодаря счастли-
вому содержанию въ немъ какъ бѣл-
ковыхъ, такъ и жирныхъ веществъ.
Вообще это очень крѣпкій шоколадъ,
приготавливаемый самымъ безупреч-
нымъ способомъ.

О.П.Б. ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ:

„ФИГАРО“, „РЕКОРДЪ“
ЛУЧШІЯ ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА

Приятный освѣжающій ароматъ, смягчаютъ кожу, придаютъ
нѣжность и бѣлизну.

ПРОДАЮТСЯ Просимъ остерегаться подражаній и **ТЕХНО**
БЕЗДѢЙ. требовать на этикеткахъ слово:

Главный складъ: С.-Петербургъ, Коломенская ул., № 12.

Кнейппль-Мальцаффее Катрейнера

(Солодовый кофе Кнейппа заводов Катрейнера)

единственный препаратъ, заслуживающій названіе солодового кофе, такъ какъ онъ имѣетъ
вкусъ и ароматъ зернового кофе, между тѣмъ какъ прочіе подъ тѣмъ же названіемъ «соло-
довый кофе» обыкновенно не что иное, какъ жареная рожь или поджаренный солодъ.

Ц. № 11874

Общество «Ливонія».

Мюнхенъ. Имѣется во всѣхъ лучшихъ магазинахъ. **Рига.**

Просьба остерегаться плохихъ поддѣлокъ!

ДЛЯ ТАНЦЕВЪ!

реком. въ большомъ вы-
борѣ и по умѣреннымъ
цѣнамъ всевозможные

механические инструменты:
дѣтскій АРИСТОНЪ 5 р., ИНТОНА 8 р., АРИСТОНЪ-
ОРГАНЪ 17 р., ГЕРОФОНЪ 22 р., КАЛЛИСТОНЪ 35 р.,
МАНОПАНЪ 50 р., ПИАНО-МЕЛОДИКО 65, 70 и 85 руб., само-
играющіе съ моторомъ 200 р.
МЕХАНИЧ. ПИАНИНО на которомъ можно
играть руками и по-
средствомъ верчения ручки, 550, 600, 650, 700 руб.
СИМФОНИОНЫ съ ручкой 4 1/2 р., самоиграющіе
въ 9, 17, 20, 27, 36, 65 и 90 р.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка, домъ Волкова.

Иллюстрированный прейс-куррантъ бесплатно.

ОСКОЛКИ

Подъ редакцію и при постоянномъ участіи
Н. А. Лейкина.

Еженедѣльный иллюстрированный юмористическій журналъ большого
формата съ карикатурами (въ краскахъ и черными).

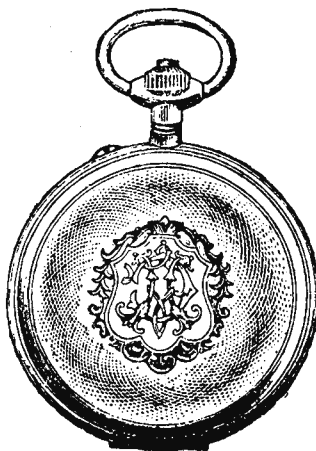
52 №№ въ годъ.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЬ:

съ перес. и дост.: на годъ 9 р., на полгода 5 р., на три мѣсяца 3 р. За гра-
ницу на годъ 10 р. Допускается расрочка.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ журн. «Осколки» въ С.-Петер-
бургѣ, въ Спасской ул., д. № 17.

№ 11771 4-4 Редакторы-издат.: Н. Лейкинъ и Р. Голике.

Благодаря большому сбыту и новому усовер-
шенствованному способу изготовленія часовъ
моего производства, я имѣю возможность про-
давать съ 1 января сего года самыя элегант-
ныя и прочныя **МУЖСКИЕ ЧАСЫ** американскаго
золота, трудно отдѣаемыя, даже спеціалиста-
ми, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золо-
тыхъ,—крытые анкеръ, механизмъ самой луч-
шей конструкции (удост. серебр. медалью на
Женевской выставкѣ въ 1896 г.), съ прекрас-
ною цѣпочкою, тоже американскаго золота, съ
брелокомъ; по желанію заказчика съ его моно-
граммой на верхней крышкѣ, вмѣсто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.

Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили
настоящее золото, а въ послѣднее время и у
насъ входятъ во всеобщее употребленіе.

Такіе же **ДАМСКІЕ** дороже на 1 рубль.

Письменное ручательство на 8 лѣтъ.

Высылаю исполнѣ вывѣренные часы, по полу-
ченіи задатка 2 руб., остальные же наложен-
нымъ платежемъ.

Выписывающіе за пересылку не платятъ.

Адресъ: Ю. ГУБЕРЪ,

Одесса, Почтовая, № 21. Складъ женев-
скихъ часовъ.

При заказѣхъ на 2 шт. уступается 50 коп.,
на 3 шт.—1 руб. Множество благодарственныхъ писемъ и отзывовъ.

PRECIOSA VIOLETTE

ПРЕЛЕСТНЫЕ НѢЖНЫЯ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ.
Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самаго
тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за
волосами. Рисовая пудра неваляющая и неслезающая.

ED. PINAUD

PARIS

Открыта подписка на 1899 годъ

Журналъ имѣетъ цѣлью распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣ-
дѣній о возможно правильномъ установленіи воспитанія въ семьѣ и школѣ.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаменталь-
ныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Программа журнала: I) Оригинальныя и переводныя статьи. II) Критика и библио-
графія. III) Рефераты и мелкія сообщенія. IV) Хроника. V) Приложенія: литературно-
педагогическія очерки, рассказы, воспоминанія и т. д. VI) Объясненія.

Въ журналѣ два раза въ годъ печатается подробный и систематическій «Указатель
текущей педагогической литературы».

Срокъ выхода восемь разъ въ годъ (въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ
не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала около 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки 5 руб., съ доставкой и пересылкой 6 р.,
въ полгода 3 р.; съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ
людей цѣна уменьшается на 1 рубль.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Копылов-
ный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обихъ столицъ.
Гг. иногородныхъ просимъ обращаться прямо въ редакцію.

Ц. № 11871. 2-1 Редакторы-издатели д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

МЕБЕЛЬ ВОСТОЧНАЯ:

диваны, оттоманки, тахты, кушетки, кресла, стулья и столы.

ЖАЛАТЫ И ОДѢЯЛА,

стеганные на ватѣ, готовые и на заказъ.

ВСѢ ВОСТОЧНЫЕ ТОВАРЫ: серебряныя ИЗДѢЛІЯ, БАШЛЫКИ
офицерскіе, дамскіе и дѣтскіе.

Настоящіе персидскіе ковры всѣхъ размѣровъ.

Бол. Морская, № 26, уголъ Гороховой.

БОЛЬШОЙ ВОСТОЧНЫЙ МАГАЗИНЪ. № 11869

„Журналъ“
Журналовъ

Въ редакціи: С.-Петербургъ, Коломенская ул., № 12.

ЖЗВ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXX г.
№ 1

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXX
1899

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

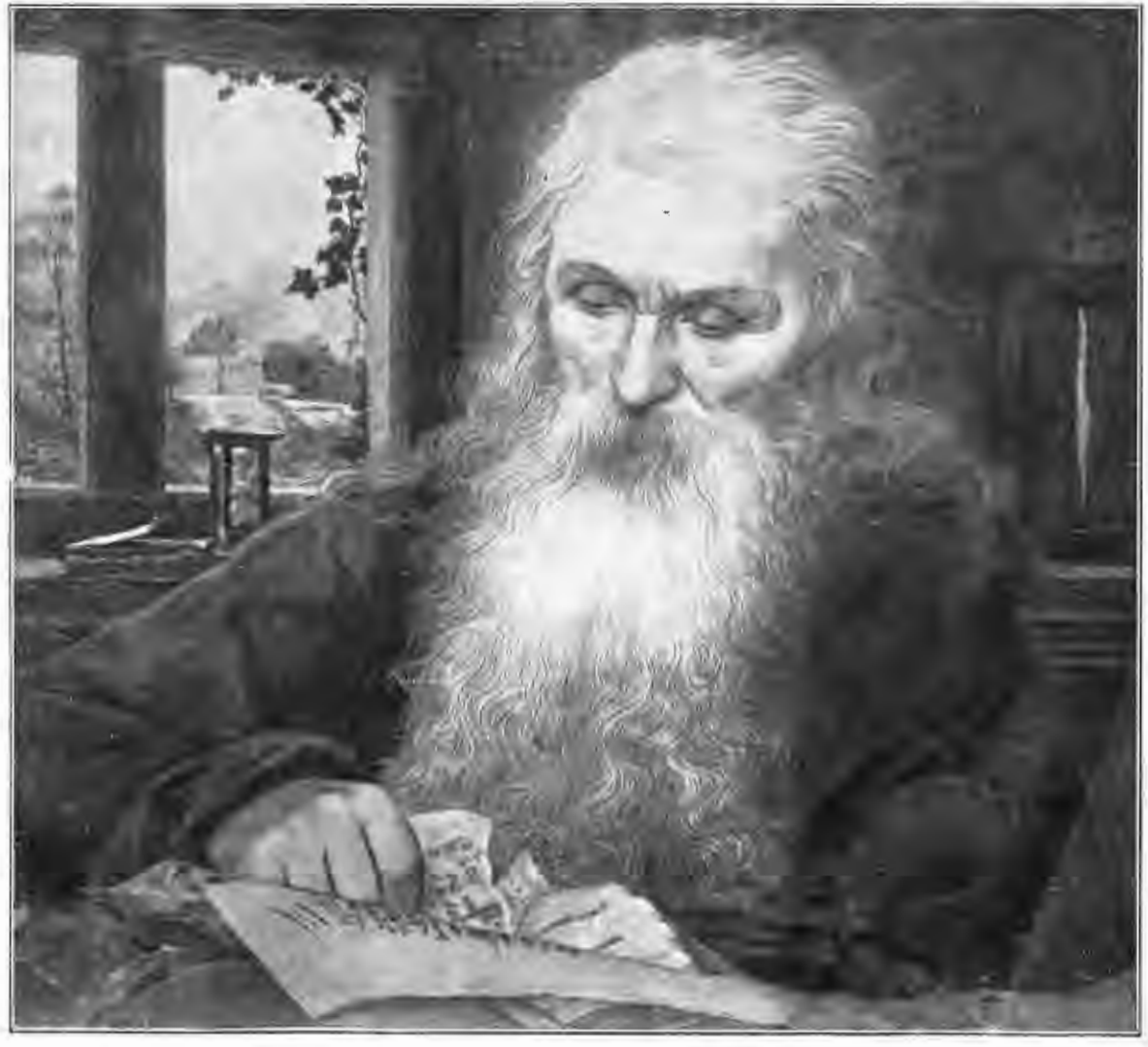
Выдавъ 2 января 1899 г.

Цѣна этого № 25 к., съ порос. 30 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1899 г.

Безъ доставки въ Петербургъ.	5 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.	6 р. 25 к.	Съ доставкою въ Петербургъ.	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи.	7 р.	За границу.	10 р.
На ¼ года съ дост. въ СПБ. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на ½ года съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 к.									

При семъ прилагаются: 1) СОЧИНЕНІЯ И. А. ГОНЧАРОВА, т. I (Сборникъ „Нивы“ за январь); 2) СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1899 г., печат. красками; 3) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА ЯНВАРЬ 1899 г. съ 27 рис. и отдѣльн. листъ съ 28 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 24 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Бельгійская художественная выставка въ Петербургъ. „Время“. Съ картины Э. Ванъ-Хове по фот. Г. Глыбовскаго автот. «Нивы».

Ворожба.

Разсказъ В. Г. Авсѣнко.

I.

Мнѣ было шестнадцать лѣтъ—чудесный возрастъ!

Я только что окончилъ свои экзамены, и слонялся по городу безъ всякаго дѣла, въ ожиданіи скорого отъѣзда въ деревню. Погода въ эти первые дни іюня стояла теплая, даже жаркая. Послѣ тяжелой петербургской зимы и нѣсколькихъ недѣль напряженныхъ умственныхъ занятій, хотѣлось воздуха, зелени, солнца. Я иногда выходилъ на Неву, садился на пароходъ и ѣхалъ до самаго конца, до Крестовскаго острова, гулялъ тамъ до изнеможения, и тѣмъ же путемъ возвращался къ обѣду домой.

Разъ, часовъ въ одиннадцать утра, я шелъ съ такимъ именно намѣреніемъ по Литейной. На улицѣ было почти безлюдно. Слѣзть мнѣ было не зачѣмъ, и я очень лѣниво переставлялъ ногами, зѣвалъ по сторонамъ, останавливался передъ окнами магазиновъ. Въ особенности одна вывѣска всегда привлекала мое вниманіе: она изображала парусный корабль, несущійся по лазурнымъ морскимъ волнамъ. Подъ этимъ поэтическимъ флагомъ производилась торговля... греческими губками. Помню, что эта вывѣска переносила мои мечты къ классической «Одиссеѣ», хотя учитель греческаго языка показывалъ намъ на рисунокѣ корабль Улисса совсѣмъ другого фасона.

Мимо меня, торопливой, какъ будто тревожной походкой прошла молодая дѣвушка, очень стройная, одѣтая скромно, но весьма недурно. Обгоняя меня, она бросила въ мою сторону разсѣянный взглядъ, сразу обратившій на нее мое вниманіе. Въ этомъ взглядѣ выразилось столько горестной тревоги, столько растерянности, что я сразу почувствовалъ смутное участіе къ ней...

Опередивъ меня на нѣсколько шаговъ, дѣвушка вдругъ остановилась, повернулась и, къ моему изумленію, прямо обратилась ко мнѣ.

— Извините пожалуйста... можете вы оказать мнѣ большую услугу?—проговорила она красивымъ тоненькимъ голоскомъ, и ея печальные глаза зорко оглядѣли меня.

Я такъ растерялся, что отвѣтилъ только поклономъ.

— Проводите меня въ Спасскую улицу, я не привыкла одна ходить,—сказала она.—Если у васъ есть немножко свободнаго времени.

Свободнаго времени у меня было сколько угодно, и я тотчасъ согласился.

Мы пошли рядомъ, и я долженъ былъ сильно прибавить шагу, потому что моя спутница не шла, а почти бѣжала. Я осторожно, сбоку оглядывалъ ее. Это была очень смуглая брюнетка, всего на годъ или на два старше меня. При обыкновенныхъ условіяхъ, ея нѣжная кожа, вѣроятно, имѣла розоватый оттѣнокъ; но сегодня она была блѣдна, и только около глазъ я различалъ пятна, какія бываютъ у дѣтей и у женщинъ отъ слезъ. Выраженіе продолговатыхъ черныхъ глазъ говорило не то о большомъ горѣ, не то объ испугѣ, и такое же выраженіе сжимало ея крупныя губы.

— Вы куда-нибудь по дѣлу слѣзните?—спросилъ я.

Она усмѣхнулась, какъ будто въ моемъ вопросѣ заключалось что-то очень забавное.

— Да, по дѣлу; конечно, по дѣлу; вотъ вы увидите...—отвѣтила она.

Но прежде чѣмъ я «увидѣлъ», она объяснила мнѣ на ходу, торопясь и замѣтно конфузясь, что въ Спасской улицѣ живетъ гадалка, старая цыганка, про которую ей много говорили. Такая поразительная гадалка, которой стѣбитъ только взглянуть на человѣка, чтобы сейчасъ же узнать всѣ обстоятельства его жизни, настоящія, прошедшія и будущія. Гадаетъ она и по картамъ, и по линиямъ ладони, и иногда просто по лицу. Все, что она кому-нибудь говорила, всегда было вѣрно, такъ вѣрно, какъ будто она всю жизнь жила съ этимъ человѣкомъ.

И всѣ ея предсказанія непременно сбываются точка въ точку, самымъ поразительнымъ образомъ.

— И вы всему этому вѣрите?—спросилъ я съ скептицизмомъ очень молодого человѣка.

— Конечно, вѣрю; я знаю такіе примѣры, что можно подумать, будто тутъ въ самомъ дѣлѣ нечистыя силы замѣшались,—отвѣтила тономъ убѣжденія моя спутница.— Жаль, что она не гадаетъ мужчинамъ, а то вы могли бы сами убѣдиться.

Мнѣ было очень пріятно сознавать себя «мужчиной», но съ другой стороны было жаль, что удивительная гадалка не станеть гадать мнѣ. Вопреки моему напускному скептицизму, все необыкновенное, сверхъестественное, дѣйствовало на меня такъ же сильно, какъ и на всѣхъ юношей моего возраста.

Разговоръ о гадалкѣ нѣсколько сблизилъ меня съ этою неизвѣстною мнѣ дѣвушкой. Мнѣ казалось, какъ будто она довѣрила мнѣ часть своей тайны. Любопытство мое было возбуждено, и я рѣшился спросить:

— Почему вы именно сегодня пошли къ гадалкѣ? Съ вами что-нибудь случилось? Вы имѣете разстроенный видъ.

Дѣвушка отвернулась и пошла еще скорѣе.

— Ничего не случилось, а просто мнѣ надо знать... Но это не ваше дѣло,—сказала она.

Я больше не настаивалъ.

Въ Спасской улицѣ мы вошли въ ворота стараго каменнаго дома, поднялись по несовсѣмъ опрятной лѣстницѣ въ четвертый этажъ, и остановились передъ дверью № 43, обитой войлокомъ и разорванной клеенкой. Никакой дощечки на двери не было.

— Здѣсь?—спросилъ я мою спутницу.

— Здѣсь,—отвѣтила она, сразу замѣтно поблѣднѣвъ.

Я тронулъ за ручку простого, стариннаго звонка. Онъ издалъ слабый, тупой звукъ, который, мнѣ казалось, не могъ быть услышанъ въ квартирѣ. Но я ошибался: очень скоро дверь какъ бы сама собою пріотворилась, и въ темномъ разрѣзѣ ея показалась дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, худенькая, черненькая, съ ясно выраженнымъ цыганскимъ типомъ.

— Дома?—спросила моя спутница.

Дѣвочка оглядѣла ее, потомъ меня, и въ черныхъ и блестящихъ, какъ полированный каменный уголь, глазахъ ея выразились недовѣріе и нерѣшительность. Ее, очевидно, затруднялъ вопросъ, слѣдуетъ ли считать меня за мужчину. Но наконецъ она усмѣхнулась, откинула цѣпь, придержавшую дверь, и пропустила насъ.

Мы вошли въ довольно большую, но очень плохо и неряшливо убранную комнату, съ двумя окнами на грязный дворъ. Старинная, обтрепанная мебель кое-какъ заполняла простѣнки. Портьера изъ полинялаго шерстяного репса висѣла только на одной двери. Подъ этой дверью на полу возился грязный цыганенокъ лѣтъ трехъ. Невзирая на раскрытыя окна, въ комнатѣ чувствовался прескверный запахъ—смѣсь вареныхъ потроховъ, луку, щикорію и цыганскаго поту.

II.

Дѣвочка насъ оставила и юркнула подъ портьеру. Цыганенокъ, прислонясь къ притолкѣ и засунувъ нѣсколько пальцевъ въ ротъ, смотрѣлъ на насъ огромными, выпуклыми, какъ будто уже смышленными глазами. Мнѣ пришло въ голову, что если старая цыганка выйдетъ изъ другой комнаты, то непременно на него наступить. Я поманилъ его къ себѣ; но мальчуганъ только нахмурилъ свои уже густыя брови, потомъ перевернулся колесомъ, и наконецъ уползъ за портьеру.

Спустя минуты двѣ, появилась гадалка. На видъ ей

можно было дать лѣтъ сорокъ, принимая во вниманіе, что женщины ея племени рано старѣютъ. Черты лица ея представляли обыкновенный цыганскій типъ. Одѣта она была въ темное шелковое платье, подозрительной чистоты, и шаль турецкаго рисунка, сильно потертую.

— Здравствуй, моя красавица,—произнесла она, подходя прямо къ дѣвухѣ и словно впиваясь въ нее черными съ желтоватымъ блескомъ глазами, которымъ она видимо старалась придать слащавое, угодливое выраженіе.—Хоть и знаю я, что не отъ большой радости ты пришла ко мнѣ, да сама я рада, что могу снять съ тебя печаль твою. Пойдемъ, моя красавица, я тебѣ всю правду скажу, и такое будешь знать, чего не ожидаешь. А ты, красавецъ мой хорошій, пріятные твои глазки, обратилась она ко мнѣ:—подожди тутъ, не обидься.

Онѣ ушли за портьеру. Я остался одинъ, и пересмотрѣвъ еще разъ мало интересные предметы, находившіеся въ комнатѣ, сѣлъ на окно и сталъ глядѣть на дворъ. Тамъ нѣсколько мальчишекъ бѣгали, кувыркались, дразнили собаку и швыряли чѣмъ-то другъ въ друга и въ пробѣгавшихъ кошекъ.

Прошло съ четверть часа, мнѣ становилось скучно. Наконецъ моя незнакомка вышла изъ другой комнаты. Но до чего она измѣнилась! Ея выразительные глаза сіяли счастьемъ, губы точно сами собой улыбались, все лицо горѣло. Она пробѣжала мимо, не замѣчая меня, потомъ вспомнила, остановилась и сказала:

— Вы ждали меня? вы опять меня проводите?

— Погоди, моя красавица,—перебила ее старая цыганка:—я и нашему голубку тоже судьбу расскажу. Хотя я не гадаю мужчинамъ, оттого что не вѣрющіе они, да онѣ такой молоденькій, серебряный мой, да такой скромный, словно красная дѣвушка...

Я радостно вспыхнулъ и вопросительно посмотрѣлъ на мою незнакомку. Она улыбнулась ласково и весело, и проговорила:

— Ну, такъ прощайте, спасибо за услугу.

— Значитъ, мы больше и не увидимся?—сказалъ я, протягивая руку.

— Увидитесь, милые мои, хорошіе, золотое ваше время!—неожиданно вмѣшалась гадалка.—Встрѣтитесь другъ съ другомъ, только не скоро и не близко, на чужой сторонѣ. Забудете до тѣхъ поръ другъ друга, а тогда все вспомните, и меня вспомните...

Дѣвушка взглянула на старуху, потомъ на меня, и наскорѣ пожала мнѣ руку.

— Меня зовутъ Владиміръ Петровичъ Заварзинъ,—сказалъ я съ поклономъ.

— А моя фамилія—Горальская, и зовутъ меня Анной Николаевной,—отвѣтила послѣ небольшого колебанія дѣвушка и, кивнувъ намъ обоимъ, выбѣжала на лѣстницу.

Старуха повела меня въ слѣдующую комнату, такъ же обѣдно убранную, какъ и первая, и усадила около небольшого столика, приткнутаго къ комоду. Сама она сѣла у другого конца столика, и сейчасъ же взялась за истрепанную колоду картъ. Долго она ихъ раскладывала своими костлявыми, черными пальцами, въ какомъ-то особенномъ порядкѣ, не въ такомъ, какъ обыкновенно гадаютъ, и часто взглядывала на меня зорко и строго. Въ лицѣ ея уже не было слащаваго, угодливаго выраженія; напротивъ, оно становилось все мрачнѣе, какъ будто ее удручало и пугало то, что выходило по картамъ. Я совсѣмъ присмирѣлъ, непонятная тоска давила мнѣ сердце; я ждалъ, что вотъ-вотъ она сейчасъ скажетъ мнѣ что-нибудь страшное, можетъ-быть напроорочить мнѣ скорую смерть. И холодный ужасъ понемногу овладѣвалъ мною, и мнѣ мучительно, страстно не хотѣлось умереть молодымъ... А старуха беззвучно шевелила губами и качала головой съ выраженіемъ, не предвѣщавшимъ ничего хорошаго.

— Нехорошія твои карты, серебряный мой, нехорошія,—сказала она наконецъ.—Хотѣла я тебѣ твою ра-

дость, твое счастье угадать, да не любятъ тебя счастливыя карты.

— Я скоро умру?—наивно спросилъ я.

— Нѣтъ, этого нѣтъ въ картахъ,—отвѣтила старуха.—Только не найдешь ты своего счастья, не будетъ тебѣ судьбы. Дай ручку, я тебѣ все скажу.

Я почти со страхомъ протянулъ руку. Цыганка долго глядѣла на перекрещивающіяся на ладони линіи, и наконецъ лицо ея приняло какъ будто довольный видъ.

— Разгадала я всю твою судьбу, красавецъ мой,—сказала она такимъ убѣжденнымъ тономъ, который невольно подѣйствовало и на меня.—Одинъ только годъ въ твоей жизни опасный будетъ, и придется это черезъ десять лѣтъ и полгода. Ты тогда богатый будешь, кучи золота передъ тобой лежать будутъ. И ты не бойся ничего, это твое золото будетъ. А будетъ опасность отъ фальшивой женщины. Большая будетъ опасность, только ты отъ нея избавиться можешь, если будешь остерегаться бѣлаго цвѣтка дурмана. Есть такой цвѣтокъ дурманъ, въ теплыхъ странахъ растетъ. Берегись его пуще всего. Цвѣтокъ ядовитый, его даже нюхать нельзя. Если будешь его остерегаться, то отъ большого несчастья уйдешь, и враги твои ничего тебѣ не сдѣлаютъ. Бѣлый цвѣтокъ, душистый, дурманомъ зовется. И когда пройдетъ этотъ годъ, который будетъ черезъ десять лѣтъ и полгода, тогда твоя жизнь счастливая да спокойная пойдетъ, и не будетъ у тебя ни горя, ни печалей.

Старуха смѣшала карты и запахла концы своей портертой шали турецкаго рисунка.

Я всталъ. Я былъ успокоенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и разочарованъ. Слова цыганки казались мнѣ теперь самой пустой, сочиненной болтовней. Фальшивая женщина—это входить въ каждое гаданье. Цвѣтокъ дурмана—очевидный вздоръ; кто же въ настоящее время прибѣгаетъ къ подобному способу отравы? Весь мой скептицизмъ разомъ вернулся ко мнѣ. Даже то, что цыганка говорила о моемъ богатствѣ, о кучахъ золота, представлялось мнѣ невѣжественною глупостью: какіе же богатые люди теперь держатъ свое богатство въ кучахъ золота?

Я опустилъ руку въ карманъ, досталъ оттуда двѣ рублевныя бумажки, и подалъ ихъ старухѣ. Та равнодушно сунула ихъ подъ шаль, и равнодушно выпроводила меня. Уходя, я чувствовалъ, что несю на своемъ шестнадцатилѣтнемъ лицѣ выраженіе насмѣшливаго и пренебрежительнаго сомнѣнія...

III.

Прошло много лѣтъ, и самымъ обыкновеннымъ образомъ. Я окончилъ свои учебные годы, поступилъ, по заведенному порядку, въ одну изъ петербургскихъ канцелярій, и даже чуть ли не обнаружилъ наклонности сдѣлаться хорошимъ чиновникомъ. Установилась жизнь, болѣе или менѣе обязательная для каждаго молодого петербуржца, имѣющаго кое-какія карманныя деньги и опредѣленный кругъ знакомствъ: утромъ служба, вечеромъ театръ и посѣщеніе «жур-фиксовъ», винтъ и котильонъ, лѣтний флиртъ въ обществѣ, и скороспѣлыя увлеченія Богъ знаетъ кѣмъ...

Все это было такъ обыкновенно, складывалось такимъ зауряднымъ образомъ, что за много лѣтъ я, кажется, ни разу не вспомнилъ о старой цыганкѣ, обѣщавшей мнѣ груды золота и предсказавшей опасность отъ фальшивой женщины и отъ какого-то дурмана. Впрочемъ, виновать: когда у меня сильно недобхватывало денегъ, я иногда мысленно ругалъ гадалку, сулившую мнѣ золотыя горы. И еще одинъ разъ я вспомнилъ ее. Это было въ деревнѣ, лѣтомъ. Я шелъ съ учителемъ нашей народной школы по узкому догу, тянувшемуся подъ лѣсомъ; мы направлялись къ маленькому озеру, гдѣ иногда удили рыбу. На ходу учитель сорвалъ какой-то бѣлый цвѣтокъ и показалъ мнѣ.

— Знаете, что это такое?—спросилъ онъ.

Поклоненіе волхвовъ. Съ картины Ганса Гольбейна. (Мюнхенскій музей.) Грав. Ш. Бодъ.

Благоуханія лѣса. Съ картины Э. Максанса грав. Ш. Бодъ.

Я взялъ цвѣтокъ и хотѣлъ его понюхать, но учитель быстро остановилъ меня за руку.

— Не нюхайте, это дурманъ, ядовитое зелье,—объяснилъ онъ. — Въ здѣшнихъ мѣстахъ это рѣдкость. Говорятъ, если нанюхаться его, то можно съ ума сойти.

Я тотчасъ вспомнилъ мою гадалку.

«Такъ вотъ онъ, этотъ страшный дурманъ», подумалъ я, и съ любопытствомъ повертѣлъ его въ рукахъ.

Крупный, бѣлый какъ морская пѣна, высоко вытнутый вѣнчикъ его показался мнѣ очень красивымъ. Въ его необычайной бѣлизнѣ было что-то подозрительное, непрочное, лицемѣрное: казалось, отъ малѣйшаго прикосновенія этотъ вѣнчикъ потемнѣетъ, пожелтѣетъ. Листья стебелька были тоже очень красивы; узорчатые, съ капризно изогнутыми краями, они также глядѣли подозрительно. Несмотря на предостереженіе, я все-таки понюхалъ цвѣтокъ, и запахъ его произвелъ на меня такое же впечатлѣніе: въ немъ была какая-то подозрительная, вкрадчивая сладость, отъ которой слегка кружилась голова.

Я хотѣлъ спрятать цвѣтокъ, чтобъ дома поставить его въ воду и сдѣлать надъ нимъ наблюденія, но учитель отсоветовалъ мнѣ.

— Не стойте, — сказалъ онъ. — Дурманъ — страшный цвѣтокъ. Онъ и на корню держится только одинъ день, а сорванный сейчасъ отпадаетъ. Вотъ, посмотрите, онъ уже умираетъ.

И въ самомъ дѣлѣ, цвѣтокъ умиралъ. Бѣлоснѣжный вѣнчикъ его сдѣлался прозрачно-сѣрымъ, сплюснулся, и наконецъ отвалился.

— Дѣйствительно, странное растеніе, — сказалъ я, обращаясь больше къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ.

Но, говоря по правдѣ, все это очень скоро вылетѣло у меня изъ головы, и я основательно позабылъ и странный цвѣтокъ, и гадалку, и странную дѣвушку, которая когда-то привела меня къ ней.

Между тѣмъ, въ судьбѣ моей произошла нѣкоторая перемѣна. Отецъ мой умеръ, и я сдѣлался самостоятельнымъ распорядителемъ небольшого состоянія. Я не разбогатѣлъ, но у меня, какъ говорится, завелись деньги. Это дало мнѣ возможность исполнить давнишнее мое желаніе — сдѣлать большую заграничную поѣздку. Устроивъ матушку въ деревнѣ, я взялъ продолжительный отпускъ и, вопреки обычаю большинства русскихъ туристовъ, среди зимы уѣхалъ за границу.

Разумѣется, мои впечатлѣнія были очень сильны. Мнѣ шелъ двадцать седьмой годъ, я былъ достаточно зрѣлъ для наблюденій, и достаточно молодъ для восторговъ. Ужъ Берлинъ поразилъ меня чрезвычайно пріятно. Я не нашелъ въ немъ и тѣни той скучной, казарменной суровости, о которой слышался раньше. Напротивъ, эта обновленная германская столица поражала широкимъ размахомъ городской жизни, блистала чистотой и электричествомъ, являла признаки довольства и даже щегольства. Неустанное уличное движеніе, прекрасная архитектура зданій, великолѣпные отели, чувствовавшаяся во всемъ культурность нравовъ и порядковъ, невольно подкупали, и я съ удовольствіемъ провелъ тамъ цѣлую недѣлю.

Изъ Берлина я проѣхалъ въ Вѣну, а оттуда въ Ниццу. Въ Парижѣ я имѣлъ въ виду побывать весною, но оставшіеся зимніе мѣсяцы мнѣ хотѣлось провести на югѣ. Въ Ниццу меня влекла, кромѣ того, близость карнавала.

Зима въ томъ году во всей Европѣ была холодной, и вся сѣверная Италія лежала подъ снѣгомъ. Но тѣмъ поразительнѣе былъ переходъ, какъ только поѣздъ спустился на Ривьеру. Уже надъ Генуей блеснуло яркое южное солнце на темно-синемъ небѣ, въ воздухѣ пронеслась со-всѣмъ лѣтняя теплота, а тамъ, дальше, выдвинулись развѣсистыя вершины пальмъ, вытянулись ряды очаровательныхъ виллъ, потонувшихъ въ зелени померанцевыхъ и масличныхъ деревьевъ. Поѣздъ летѣлъ между моремъ и скалами, то и дѣло пропадаая во мракѣ туннелей, послѣ

которыхъ солнечный блескъ казался прямо нестерпимымъ. Этотъ предвечерній блескъ словно зажигалъ и море, и горы, и широкія лопасти пальмъ, и густо нанизанные шары зрѣющихъ апельсиновъ, и пышныя розы, выглядывающія черезъ плетень, посреди колючихъ кактусовъ и множества другихъ, неизвѣстныхъ на нашемъ Сѣверѣ растеній и цвѣтовъ.

Сумерки уже сильно стусились, когда на потемнѣвшемъ небѣ мрачно обрисовалась крутая скала княжества Монако. Слово разбойничье гнѣздо, вздернутое на орлиную высоту, глянулъ изъ-за зубчатыхъ стѣнъ княжескій замокъ, а подъ нимъ вспыхнули пересѣкающіяся линіи электрическихъ огней, отразившіяся въ маленькомъ портѣ, и таинственно, чуть-чуть, обозначилось сквозь узорчатые тѣни пальмъ зданіе знаменитаго казино, посвященное рулеткѣ.

Слущая часъ, я уже стоялъ у раскрытаго окна въ отелѣ, въ Ниццѣ, и жадно вбиралъ въ грудь теплый, влажный воздухъ, въ которомъ морская свѣжесть пронизывалась остывающимъ запахомъ земли и смѣшаннымъ благоуханіемъ листвы и цвѣтовъ. Море, тихое и ласковое, все подернутое ночнымъ мерцаніемъ, уходило въ безконечную даль, и глазъ съ трудомъ различалъ на немъ одинокій парусъ. Широкая набережная была совершенно пуста. И чудное чувство тѣснилось въ грудь среди этого ласковаго уединенія, и никогда раньше жизнь не казалась мнѣ такой прекрасной, какъ въ тотъ вечеръ...

IV.

Я подчинился обычному въ Ниццѣ препровожденію времени. Утромъ прогулка по набережной, потомъ завтракъ въ «London House», и затѣмъ поѣздка въ окрестности. За нѣсколько дней я побывалъ во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Ривьеры, въ этихъ странныхъ станціяхъ, великолѣпныхъ и печальныхъ, куда собираются со всего свѣта больные и умирающіе, и гдѣ природа, съ своей равнодушной лаской, расточаетъ передъ ними весь блескъ, все упоеніе жизни... Но меланхолическія аллеи Канна и Ментоны наводили на меня грусть. Мнѣ больше нравились поѣздки на лошадяхъ по гребню «Corniche», между тѣсно разбросанными, хорошенькими виллами, сѣрыми скалами, маленькими парками пальмъ и эвкалиптусовъ, и голубою гладью моря на горизонтѣ.

Надо было, конечно, побывать и въ Монте-Карло: нельзя же жить въ полчасѣ ѣзды отъ знаменитаго казино, и не взглянуть на него. Соблазнъ рулетки не слишкомъ пугалъ меня: я не чувствовалъ въ себѣ игрока. Наблюдать казалось мнѣ интереснѣе, чѣмъ самому волноваться.

Признаюсь, на первый разъ казино произвело на меня почти непріятное впечатлѣніе. Разноязычная толпа, тѣснившаяся около столовъ, хищное выраженіе лицъ, духота, тяжелый запахъ духовъ и разгоряченныхъ человѣческихъ дыханій, непрерывный звонъ стребаемыхъ и разбрасываемыхъ монетъ — все это скорѣе отталкивало, чѣмъ привлекало. Я побродилъ по заламъ, поговорилъ со встрѣтившимися знакомыми соотечественниками, и наконецъ остановился у одного изъ столовъ, съ намѣреніемъ попытать счастья и заплатить дань заведенію.

Сидѣвшій передо мною, у самаго конца «tableau», молодой англичанинъ, проставивъ десятую тысячу франковъ на одинъ и тотъ же никакъ не выходявшій номеръ, скрипнулъ зубами, заперъ свой сакъ съ деньгами, и ушелъ. Я сѣлъ на очистившееся мѣсто.

Мнѣ пришло въ голову, что такъ какъ этому англичанину не везло, то очень возможно, что онъ бросилъ игру какъ разъ передъ тѣмъ ударомъ, когда долженъ выйти его номеръ. Съ упрямыми неудачниками это часто случается. И самъ смѣясь надъ своей идеей, я поставилъ сто-франковый золотой именно на тотъ номеръ.

Идея оказалась счастливой. Номеръ вышелъ. Это было такъ забавно, что сидѣвшій рядомъ крупно оглянулъ меня съ ногъ до головы и сочувственно улыбнулся. Мнѣ вы-

дали три съ половиной тысячи франковъ. Упрятавъ бумажки въ карманъ, я совсѣмъ позабылъ, что моя ставка осталась на прежнемъ мѣстѣ, и вспомнилъ объ этомъ только тогда, когда между сидѣвшими за столомъ пронесся ропотъ удивленія или одобренія, и всѣ головы повернулись въ мою сторону. Оказалось, что тотъ же номеръ выигралъ вторично, и мнѣ опять выдали три съ половиной тысячи.

Это было такъ неожиданно, такъ глупо, что я готовъ былъ и расхохотаться, и сконфузиться. Мнѣ почти совѣстно было принимать этотъ послѣдній выигрышъ, доставшійся совершенно случайно. Съ растеряннымъ видомъ я засунулъ въ карманъ бумажки и собралъ въ столбики разсыпанную передо мною кучу золота.

Обыкновенно, выигрышъ, да еще первый, возбуждаетъ азартъ. Но я совсѣмъ этого не испытывалъ. Мнѣ сдѣлалось только до дикости весело. Случайное счастье представлялось мнѣ прямо забавнымъ.

«Вотъ, люди мучаются, волнуются, изобрѣтаютъ системы, суетѣричатъ, проигрываются, стрѣляются», думалъ я: «а дѣло такъ просто. Пришло въ голову первое, простѣйшее соображеніе, я попробовалъ, и оказался правъ. А второй выигрышъ—уже совершенная нелѣпость, надъ которой хохотать надо».

И вмѣстѣ съ разбиравшимъ меня внутреннимъ хохотомъ, я ощущалъ что-то въ родѣ торжества, точно я одержалъ надъ всѣми блестящую побѣду. Словомъ, мнѣ было удивительно хорошо.

Нисколько не торопясь продолжать игру, я оглянулся по сторонамъ. Налѣво отъ меня сидѣлъ крупье, маленький итальянецъ съ калуемъ на сморщенномъ лбу и хитрыми, рысими глазками. Направо помѣщалась дама лѣтъ сорока или даже больше, съ слѣдами красоты, въ настоящее время уже замѣтно подправленной. Темно-русые волосы ея были тщательно расчесаны и подобраны подъ большую черную шляпу, брови и рѣсницы слегка подведены, свѣжесть и нѣжность кожи казались довольно подозрительными. Туалетъ дамы, темный, но очень моднаго фасона, можно было бы назвать безукоризненнымъ, если бъ не лежавшія подлѣ нея на столѣ перчатки далеко не первой свѣжести.

Дама эта пересчитывала только что полученныя ею золотыя монеты, и разставляла ихъ правильными кучками на сукнѣ. Жадная радость сквозила въ каждой чертѣ ея лица. Замѣтивъ, что я смотрю на нее, она подняла на меня свои еще красные глаза, и улыбнулась самымъ благосклоннымъ образомъ.

— Вы не въ претензіи на меня?—вдругъ обратилась она ко мнѣ по-французски.

— За что?—переспросилъ я, не понимая.

— Я играла на ваше счастье, — объяснила она. — Когда я замѣтила, что вы оставили свою *plaque* *) на томъ же номерѣ, я положила на нее свой лундоръ, и выиграла семьсотъ франковъ.

— Я ничего не видѣлъ, и даже не снялъ свою ставку просто по забывчивости.—сказалъ я.—Но я очень радъ.

Дама отвѣтила новой, еще болѣе благосклонной улыбкой.

— Вы не въ первый ли разъ играете?—спросила она.

— Въ первый.

— О, тогда вамъ должно чертовски везти, — воскликнула дама. — Вы позволите мнѣ продолжать ставить на одинъ номеръ съ вами?

Я наклонилъ голову: какъ бы я могъ не позволить ей этого?

— Но предупреждаю васъ, у меня нѣтъ никакой системы, и я совсѣмъ не умѣю играть.—счелъ я нужнымъ сказать.

— Тѣмъ лучше, счастье любить новичковъ. — возразила дама.—Я жду, на какой номеръ вы поставите.

— Я думаю, что я совсѣмъ не буду больше играть на номера, — отвѣтилъ я — Было бы слишкомъ нелѣпо

*) *Plaque*—сто-франковая золотая монета.

выиграть въ третій разъ *en plein* *). Я буду ставить на дюжины.

— Прекрасно, я буду дѣлать то же самое.

Во время этого разговора, я немножко сдѣлалъ за игрой, и замѣтилъ, что выходили все вторая и третья дюжины. Я взялъ нѣсколько *plaques* и поставилъ на первую. Сосѣдка насыпала сверху горсть лундоровъ.

Вышелъ 5-й номеръ. Намъ заплатили вдвое противъ нашихъ ставокъ.

— Но это восхитительно! — воскликнула съ хищною радостью моя сосѣдка, и даже захлопала въ ладоши.

Чтобъ не долго думать, я оставилъ ставку на первой дюжинѣ. Вышелъ 12-й номеръ, и намъ опять заплатили.

«Боже, какъ это просто!» съ невольнымъ внутреннимъ смѣхомъ подумалъ я.

И дѣйствительно, нѣтъ ничего проще какъ выигрывать, когда глупо везеть.

V.

Теперь игра начинала уже не на шутку интересоваться меня. Я былъ въ крупномъ выигрышѣ. Кучки золота все росли и росли передо мной, и передъ моей сосѣдкой тоже. Нѣсколько разъ уже она отсчитывала по пятидесяти лундоровъ, обмѣнивала ихъ на тысячный билетъ, и записывала его въ сумочку. Я продолжалъ слѣдовать системѣ простѣйшей вѣроятности. Иногда она обманывала меня, но затѣмъ слѣдовалъ опять рядъ вѣрныхъ ударовъ. Груда выиграннаго золота все росла и росла.

И вдругъ, когда ярко-желтый лучъ заходящаго солнца скользнулъ черезъ головы игроковъ по столу, и золото словно вспыхнуло подъ нимъ, я неожиданно вспомнилъ старую цыганку и ея предсказаніе. «Груды золота»—онѣ передо мной.—«Черезъ десять лѣтъ и полгода...» — Я началъ считать въ умѣ. Тогда мнѣ было шестнадцать лѣтъ, теперь шелъ двадцать седьмой; тогда былъ июль, теперь—январь. Нельзя было требовать большей точности.

Не знаю почему, это внезапно вырванное изъ дѣтскихъ лѣтъ воспоминаніе смутило меня. Я тотчасъ потерялъ всякую охоту играть. Какое-то странное утомленіе овладѣло мною, точно я поднялъ на себя тяжесть. Я взглянулъ на часы и убѣдился, что уже три часа сижу въ душной залѣ игорнаго дома. Не мудрено, что у меня стучало въ виски и немножко сжимало сердце.

Мнѣ захотѣлось какъ можно скорѣе вырваться на свѣжій воздухъ. Я собралъ золото, обмѣнялъ его на банкноты, и всталъ.

Оглянувшись на свою сосѣдку, я увидѣлъ за ея спиной дѣвушку, которая, наклонясь къ ней, тихо говорила ей что-то. Это была стройная, довольно высокаго роста шатенка, съ темно-голубыми глазами, темно-русыми волосами и сливочной бѣлизной кожи. Въ чертахъ лица ея можно было замѣтить фамиліное сходство съ моей сосѣдкой, но весь обликъ ея отзывался чѣмъ-то другимъ. Ея красота дышала удивительнымъ благородствомъ и изяществомъ. Особенно это сказывалось въ чудесныхъ линіяхъ лба и носа, и постановкѣ ея прелестной головки. Не слишкомъ маленькія, но красиво очерченныя губы ея были немножко блѣдны, но эта слабая окраска чрезвычайно шла къ общему типу ея лица, напоминая великолѣпный и нѣжный рисунокъ пастелью. И что-то немножко грустное, казалось, залегло въ складкахъ этихъ блѣдно-розовыхъ губъ, въ голубыхъ зрачкахъ, большихъ и прозрачныхъ, и даже въ изящномъ изломѣ темныхъ бровей.

Всѣ эти подробности какъ-то сразу бросились мнѣ въ глаза: есть женщины, наружность которыхъ запоминается съ перваго взгляда и производитъ опредѣленное и полное впечатлѣніе. А у этой дѣвушки была именно извѣстная цѣльность всего облика, и даже ея бѣлый въ англійскомъ жанрѣ костюмъ и простенькая соломенная шляпа съ пестрой лентой представлялись обдуманно слитыми со всею ея внѣшностью.

*) *En plein*—ставка на одинъ номеръ.

Дѣвушка похлопала пальцами по спинкѣ стула, на которомъ сидѣла моя сосѣдка, и сказала по-русски:

— Пойдемъ же, мама...

«Ба, да онѣ русскія», подумалъ я: «и я не ошибся сразу, что это мать и дочь».

Мамаша торопливо встала, собрала въ сумочку все свое золото, и обратилась ко мнѣ со словами:

— Я теперь должна уѣхать, но мы еще встрѣтимся здѣсь, не правда ли? Мнѣ никогда такъ не везло, какъ играя съ вами...

— Я очень радъ, что вы выиграли, — отвѣтилъ я.

Мнѣ хотѣлось заговорить съ ней по-русски, но я рѣшилъ отложить этотъ сюрпризъ до другого раза.

Пойти вмѣстѣ съ ними мнѣ показалось навязчивостью, и я пропустилъ ихъ впередъ. Съ широкаго перрона я видѣлъ, какъ онѣ, вмѣсто того, чтобы повернуть къ вокзалу, подозвали извозчицью коляску и сѣли въ нее.

«Стало-быть, онѣ живутъ не въ Ниццѣ, а гдѣ-то близко здѣсь», вывелъ я основательное заключеніе. И мнѣ почему-то словно жаль стало, зачѣмъ онѣ живутъ не въ Ниццѣ...

Долженъ сознаться, что послѣ Монте-Карло, мои невѣрные прогулки по окрестностямъ стали казаться мнѣ нѣсколько прѣсными. Игра не увлекала меня сама по себѣ, но неожиданный крупный выигрышъ нарушилъ во мнѣ равновѣсіе духа, поднялъ какое-то нервное безпокойство, потребность острыхъ ощущений. Можетъ-быть, здѣсь участвовалъ и интересъ, возбужденный незнакомой дѣвушкой. Мнѣ непременно хотѣлось ее видѣть, наблюдать за нею...

Не безъ нѣкотораго насилія надъ собой, я пропустилъ два дня, но затѣмъ меня потянуло еще сильнѣе въ Монте-Карло.

Обойдя всѣ залы и оглядѣвъ внимательно всѣ группы игроковъ, я ни гдѣ не встрѣтилъ моихъ знакомыхъ, и тотчасъ же вышелъ. Погода въ тотъ день была особенно восхитительна, и мнѣ подумалось, что онѣ вѣроятно сидятъ или на площадкѣ передъ кафѣ, или въ паркѣ. Но поиски мои были безуспѣшны. Наконецъ, уже собираясь повернуть назадъ, я услышалъ женскіе голоса, разговаривавшіе по-русски. Одинъ голосъ показался мнѣ знакомымъ. Я машинально приостановился, прислушиваясь.

— Все-таки я не вижу причины прятаться, оттого что князь здѣсь, — говорилъ этотъ, звучащій чѣмъ-то знакомымъ, голосъ. — Мы и безъ того ведемъ очень удивительную жизнь.

— Но въ казино онъ навѣрное бываетъ. — возражалъ другой голосъ, свѣжій, серебристый.

— Ну, я не боюсь; я сумѣю съ нимъ объясниться. — продолжалъ первый голосъ. — Ты говоришь, онъ смотрѣлъ въ другую сторону, когда проѣхалъ мимо насъ?

— Въ тотъ разъ онъ насъ не узналъ, но это была простая случайность, — отвѣтилъ второй голосъ.

Разговоръ оборвался. Я взялъ въ сторону, обогнулъ пальмовую группу, и увидѣлъ на скамейкѣ моихъ знакомыхъ. Мамаша очень любезно отвѣтила на мой поклонъ.

— Я хотѣла бы представить васъ моей дочери, но не знаю вашего имени, — сказала она.

Я назвалъ себя. На лицѣ незнакомки выразилось удивленіе, и какъ мнѣ показалось, не особенно радостное.

— Вы русскій?! — воскликнула она не то недовольнымъ, не то встревоженнымъ тономъ.

Я невольно улыбнулся.

— Это васъ разочаровываетъ? — сказалъ я.

— Напротивъ, — тотчасъ другимъ тономъ отвѣтила дама. — У насъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ знакомыхъ, и мы очень рады встрѣтить соотечественника. Меня зовутъ Любовь Даниловна Дачевская, а это моя дочь, Ксенія Михайловна.

Я снова поклонился. Дѣвушка протянула руку и улыб-

нулась очень пріятливо. Ея глаза и все лицо какъ будто говорили: «ну, давайте, будемъ знакомы, здѣсь это катать».

Ты знаешь, Ксенія, мосье Заварзинъ — это тотъ самый господинъ, благодаря которому я тогда такъ много выиграла въ рулетку, — объяснила мамаша.

Дѣвушка снова удостоила меня благосклонной улыбки.

— Мама тогда играла всего только во второй разъ въ жизни, — сказала она.

— Да, я не люблю бывать въ казино, тамъ ужъ очень смѣшанная публика, — подтвердила мать.

Я не совсѣмъ повѣрилъ ей. Мнѣ, напротивъ, m-me Дачевская казалась именно изъ тѣхъ дамъ, которыя цѣлые дни просиживаютъ за рулеточнымъ столомъ. Но я могъ ошибаться.

— Здѣсь и безъ казино такъ хорошо! — продолжала Любовь Даниловна. — Такой чудный, горный воздухъ, такія прогулки; и кромѣ того, я нахожу, что здѣсь гораздо дешевле, чѣмъ въ Ниццѣ. Мы нашли прехорошенькое помещеніе, почти особнякъ, и очень не дорого.

Разговоръ завязался. Я узналъ, что m-me Дачевская овдовѣла лѣтъ пять тому назадъ, что ея мужъ былъ генералъ, и что они жили очень богато въ Петербургѣ, потому что генералъ, кромѣ службы, занимался еще частными дѣлами.

— Теперь, конечно, у меня уже нѣтъ такихъ средствъ, — объяснила Любовь Даниловна: — но все-таки послѣ мужа осталась пенсія, и паи въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ, и капиталъ — небольшой, но на который Ксенія всегда можетъ рассчитывать, потому что я считаю его неприкосновеннымъ для себя.

Дѣвушка при этихъ словахъ вспыхнула и отвернулась.

Я посидѣлъ минутъ двадцать, и не желая показаться навязчивымъ, всталъ и простился.

— Въ казино? будете играть? — спросила съ маленькимъ завистливымъ вздохомъ Любовь Даниловна. — А мы завтра съ утра ѣдемъ въ Ниццу, дѣла есть, — добавила она.

VI.

Мнѣ почему-то казалось, что я непременно долженъ встрѣтить ихъ на другой день на «Promenade des Anglais», обычномъ мѣстѣ утреннихъ прогулокъ всего ниццскаго общества. Но тщетно я бѣгалъ вдоль всей набережной: ихъ не было.

Солнце нестерпимо блистало, и у меня наконецъ заболѣли глаза отъ этого блеска. Я рѣшилъ отдохнуть въ тѣни, и забрался въ самый отдаленный уголокъ сквера, гдѣ менѣе всего встрѣчается прохожихъ. И тутъ, къ моему удивленію, я неожиданно увидѣлъ Ксенію Михайловну.

Она сидѣла на скамьѣ одна, бросивъ подлѣ себя раскрытый зонтикъ и слегка запрокинувъ свою хорошенькую голову. Выраженіе утомленія высказывалось во всей ея позѣ, а въ полузакрытыхъ глазахъ и чуть обозначившихся линіяхъ по уголкамъ рта порхало что-то мечтательное и печальное. Заслышавъ шаги, она съ видимымъ неудовольствіемъ глянула въ мою сторону, но узнавъ меня, улыбнулась и поспѣшно выпрямилась.

— Присядьте, я жду маму, она ѣдитъ по своимъ дѣламъ; у нея всегда какія-то скучныя дѣла, — сказала она.

— Я думалъ встрѣтить васъ на набережной, — признался я.

— Мы вообще неохотно бываемъ въ очень многолюдныхъ мѣстахъ, — отвѣтила она. — Мы больше любимъ гулять тамъ, гдѣ меньше публики. Здѣсь, за границей, мы отдыхаемъ.

— Но вы не больны? не лѣчитесь? — спросилъ я.

На ея лицѣ промелькнуло безпокойство.

— Вы спрашиваете оттого, что я очень блѣдна сегодня? Да, я чувствую какое-то утомленіе, — сказала она. — Можетъ-быть оттого, что вчера очень много ходила. Но

Дѣти художника. Съ картины В. Е. Маковского по фот. Чоглокова грав. Г. Гедань. (Исключ. право воспроизв. въ гравюрѣ принадл. «Нивѣ»).

мы оба совершенно здоровы, и лечимся только воздухом и режимом: рано ложимся спать, рано встаем. — Чалотки у меня нѣтъ. — добавила она, улыбувшись.

И дѣйствительно, несмотря на ея сегодняшнюю блѣдность, вся ея вышность говорила скорѣе о богатой физической организаціи, чѣмъ о болѣзни. Она была удивительно пропорціонально сложена, и подъ мягкими изломаннми свѣтло-сѣраго платья, плотно облегавашаго ея стройный станъ, чувствовалась свѣжесть и роскошь первой зрѣлости.

Мы разговорились. Съ Ксеніей Михайловной было очень легко разговаривать. Она была хорошо образована, и въ ея образованности была тотъ мягкій, небрежный, чуть-чуть прониженный тонъ, который удается только тщательнo воспитаннымъ русскимъ женщинамъ. Говорить она могла обо всемъ, такъ какъ побывала всюду, знала Европу гораздо лучше меня, въ первый разъ выбравшагося за границу, много читала и отлично помнила прочитанное и къ удивленію моему, знала лично разныхъ политическихъ, литературныхъ и артистическихъ знаменитостей. Это несомнѣннo отвѣчало боязни общества, о которой она только что говорила.

— Гдѣ вы могли всѣхъ ихъ встрѣчать? вѣдь вы ведете за границей удивленную жизнь? — спросилъ я.

Ксенія Михайловна объяснила, что прошлой зимой въ Парижѣ жила ея тетка, богатая женщина, у которой можно было встрѣтить кого угодно.

А меня не считали при этомъ лишней. — добавила она со своей милдой и, какъ мнѣ всегда казалось, немножко загадочной улыбкой.

— Я думаю! — воскликнулъ я совершенно искренно.

Она прищурилась на меня, и слегка, съ едва чувствительнымъ, но обворожительнымъ кокетствомъ повела плечами. И какъ бы въ видѣ признательности за сорвавшееся одобреніе, она перевела разговоръ на меня самого, расспрашивала о моей службѣ, о моемъ образѣ жизни, требовала, чтобы я называлъ ей тѣ дома, гдѣ я бываю. Нѣкоторыя фамиліи оказались ей знакомыми; но она только расспрашивала, а о себѣ объяснила веколязь, что такъ какъ онѣ живутъ большую часть года за границей, то въ петербургскомъ свѣтѣ показываются мало.

Заграничная жизнь вамъ вообще больше нравится? — спросилъ я.

Здѣсь хорошо, — отвѣтила Ксенія Михайловна, и повела вокругъ себя глазами. — Развѣ не хорошо? вѣдь это лѣто, совершенное лѣто среди зимы. Гдѣ вы найдете у насъ такой рай? И потому, эта свобода, независимость, отсутствіе всякихъ заботъ и обязанностей... Но, конечно, долго такъ нельзя; можно совсѣмъ избаловаться, да и наскучитъ это въ концѣ концовъ. Нельзя же всю жизнь своего мѣста не имѣть.

Такъ что къ осени вы, вѣроятно, совсѣмъ переселитесь въ Петербургъ? — спросилъ я.

Она опять прищурилась на меня, какъ будто хотѣла понять цѣль моего вопроса, и не сразу отвѣтила.

Нѣтъ, не думаю. — произнесла она наконецъ. — Петербургъ, послѣ смерти отца, сдѣлался для насъ какъ будто чужимъ городомъ. И потому, у матери есть дѣла на югѣ. Вѣрнѣе всего, что мы поселимся или въ Одессѣ, или на Кавказѣ.

— Совсѣмъ? — невольно вырвалось у меня.

— Да, совсѣмъ.

— Какія же могутъ быть у вашей мамани дѣла на югѣ? — спросилъ я довольно некстати.

— Есть какія-то. Послѣ отца пап остались; кажется, нефтяное дѣло, если не ошибаюсь. — отвѣтила равнодушнымъ тономъ Ксенія Михайловна. — Но вообще, мнѣ кажется, тамъ можно пріятнѣе жить. Провинціальное общество тѣснѣе, дружнѣе.

— Но, можетъ-быть, именно это и не понравится вамъ. — возразилъ я. — Вѣдь вы еще никогда не жили въ провинціи?

Она опять взглянула на меня какимъ-то недоверчивымъ взглядомъ, и промедлила отвѣтомъ, точно обдумывая его.

Нѣтъ, мы немножко знаемъ провинцію; намъ случалось бывать въ разныхъ городахъ. — объяснила она послѣ краткой паузы. — А вы, повидимому, такъ очарованы Петербургомъ, что хотѣли бы всѣхъ переманить туда? — добавила она весело.

— Я думаю, что въ петербургскомъ обществѣ ваши достоинства встрѣтили бы самую справедливую оцѣнку. — сказалъ я.

Она поблагодарила меня шутливымъ поклономъ.

— Петербургъ очень мало интересуется барышнями, онѣ признаютъ только дамъ. — возразила она. — Когда я выйду замужъ, я буду согласна жить въ Петербургѣ. Но... вы видите, что нашъ разговоръ вступается въ область неизвѣстнаго. А вотъ и мама идетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, къ намъ приближалась Любовь Даниловна. Ксенія поднялась ей навстрѣчу, и онѣ обмѣнялись нѣсколькими словами вполголоса. Со мною m-me Дачевская поздоровалась чрезвычайно любезно.

— Я все утро развѣзжала по дѣламъ, устала и проголодалась. — объявила она. — Надо рѣшить вопросъ, гдѣ мы будемъ завтракать. — здѣсь или дома?

— Я горячо высказался за то, чтобы завтракать здѣсь, тѣмъ болѣе, что «London-House» находился въ двухъ шагахъ. Но мое предложеніе не было принято.

— Тамъ всегда слишкомъ много публики. — возразила Любовь Даниловна.

Тогда я вспомнилъ объ отличномъ ресторанѣ, подъ галлерей rue Masséna, гдѣ прекрасно кормили, и гдѣ была вторая маленькая зала, рѣдко занятая во время завтрака. Наставать я не рѣшался, потому что мы, въ сущности, даже не могли считаться знакомыми. Но, вѣроятно, въ моемъ голосѣ и въ выраженіи лица было такъ много убѣдительности, что Любовь Даниловна, обмѣнявшись безмолвнымъ взглядомъ съ дочерью, изъявила согласіе.

Завтракъ прошелъ очень мило. Мною опять овладѣло какое-то безотчетное ощущеніе удачи, легкаго успѣха, радостнаго подъема нервовъ. Я очень много говорилъ, очень удачно путить, и, повидимому, произвелъ на своихъ дамъ довольно выгодное впечатлѣніе. Ксенія Михайловна нѣсколько разъ взглядывала на меня съ одобрительнымъ удивленіемъ, словно хотѣла сказать: — «вотъ ты какой!» — что-жъ, тѣмъ лучше, я ничего противъ этого не имѣю». А Любовь Даниловна очень исправно глотала шампанское и заставляла предполагать, что въ свое время она умѣла отлично кутнуть.

Прощаясь, она сообщила мнѣ свой адресъ и взяла слово быть у нихъ въ Монте-Карло.

(Окончаніе будетъ.)

На другое ампула.

Рассказъ О. П. Чуминой.

I.

Премьеръ мѣстнаго театра, Орестъ Львовичъ Червонцевъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ за стаканомъ утренняго кофе. Артистъ имѣлъ склонность къ комфорту, поэтому онъ жилъ не въ гостиницѣ, а занималъ небольшую, весьма уютно обставленную квартиру, главнымъ украшеніемъ которой служили трофеи его артистической дѣятельности, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые въ данную минуту не были заложены. Орестъ Львовичъ любилъ жить на широкую ногу,

притомъ онъ не отказывалъ въ помощи мелкой театральной сошнѣ, весьма беззастѣнчиво черпавшей изъ его кармана; иногда онъ прикармливалъ и рецензентовъ, «чтобы не лазили», хотя провинціальная пресса вообще относилась къ нему съ должнымъ почтеніемъ.

Червонцевъ взялъ газету, лежавшую передъ нимъ на столѣ, и по привычкѣ развернулъ ее на отдѣлѣ театральныхъ извѣстій, но такъ какъ тамъ не было о немъ ни строки, онъ небрежно отложилъ листокъ и снова принялся за кофе. Несмотря на солнце, загляды-

вавшее в комнату сквозь причудливо разрисованный морозом стекла, ему показалось, что в спальне холодно, а когда он быстро повернулся в кресле, он почувствовал знакомо, неприятную боль в коленях. Червонцев съехался и с гримасою потер ногу. Неужели опять проклятый ревматизм? И все оттого, что он вчера вечером вздумал пощеголять, надвев короткое пальто вместо шубы. Может-быть, он и надвев бы шубу, если бы этот старый негодий Мерлинов не съезвил в присутствии дам. замѣтив, что в ихъ годѣ слѣдуетъ одѣваться теплѣе... Какіе такіе изъ года? Удивительная пошлость! Говорилъ бы о себѣ, благо онъ толстъ, плѣшивъ и вообще напоминаетъ одряхлѣвшаго сатира; что же касается до него, Ореста Львовича, ему на сценѣ, да и въ жизни тоже, въ особенности въ его «хорошіе дни», никто не дастъ болѣе тридцати, самое болѣе — тридцати пяти... Неужели возрастъ опредѣляется однимъ метрическимъ свидѣтельствомъ? Женщинѣ, а также и мужчинѣ, да притомъ еще артисту — столько лѣтъ, сколько имъ можно дать на видъ, а метрика въ сущности не болѣе, какъ предразсудокъ. За границею прекрасно это поняли. Сара Бернаръ играетъ Жанну д'Аркъ, и никто не находитъ этого смѣшнымъ: Росси, когда ему было уже за пятьдесятъ, выступалъ съ успѣхомъ въ Ромео. Нѣтъ, въ этомъ отношеніи мы куда отстали отъ Европы! Оживившись и позабывъ даже о боли въ коленяхъ, Орестъ Львовичъ бодро поднялся съ мѣста и подошелъ къ трюмо, отразившему во весь ростъ его высокую, сильную, но уже замѣтно отяжелѣвшую фигуру. Шелковая рубашка съ воротникомъ à la Байронъ и небрежнымъ узломъ галстука; плотно обхватывавшая его торсъ куртка, въ родѣ джерси, узкіе панталоны, пестренькіе чулки и желтыя туфли, весь этотъ старательно обдуманый имъ утренній костюмъ — не могъ скрыть увеличивавшейся полноты его фигуры. Однако, прежде, даже всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ былъ значительно стройнѣе... Конечно, тутъ виною исключительно образъ жизни, придется нѣсколько измѣнить режимъ... Червонцевъ перевелъ глаза на отраженіе своего лица въ зеркало, но лицо понравилось ему еще менѣе: желтое, обрюзгшее, съ неизвѣстно откуда-то появившимися складками на щекахъ и въ углахъ рта... Правда, лобъ, носъ и ротъ еще сохранили свои благородныя очертанія, но углы рта неприятно опустились, глаза смотрѣли тускло.

Червонцевъ въ нѣкоторомъ волненіи провелъ рукою по волосамъ. Онъ замѣтилъ, что лѣтъ двадцать тому назадъ и волосы были у него значительно гуще, и тогда ему не приходилось такъ старательно зачесывать ихъ на манушкѣ, чтобы скрыть недостатки, именуемый на языкѣ Мерлинова — дефектомъ.

Червонцевъ съ досадою отвернулся отъ трюмо: сегодня онъ не нравится себѣ, рѣшительно сегодня — одинъ изъ его дурныхъ дней. Онъ снова опустился въ кресло, но дурное расположеніе не проходило, а боль въ коленяхъ не могла способствовать его улучшенію. Уже не въ первый разъ въ душѣ его поднималось жуткое, неприятное, пронизывающее ее холодомъ ощущение, смутный страхъ передъ чѣмъ-то надвигающимся, неизбѣжнымъ и ужаснымъ для него. Но еще ни разу это чувство не овладѣвало имъ съ такою силою, не резюмировалось съ такою беспощадной ясностью. Эти все чаще повторяющіяся недомоганія, морщины на лицѣ, роковая полнота, раздражительность, какой онъ раньше не замѣчалъ въ себѣ, — что могли онѣ означать? Ему припоминались теперь тысячи ускользавшихъ ранѣе отъ его вниманія мелочей, множество признаковъ, указывавшихъ на близость того, чего онъ такъ опасался. Ему вспомнились загадочныя улыбки пріятелей, смущеніе его поклонъ въ сдержанность отзывомъ при появленіи его въ нѣкоторыхъ случаяхъ, который, по привычкѣ, онъ продолжалъ считать лучшими въ своемъ репертуарѣ. Почему публика, такъ восторженно аплодировавшая ему за исполненіе Отелло, осталась равнодушною, когда онъ появился передъ нею въ Ромео? Антрепренеръ даже уклонился отъ повторенія трагедіи.

И тутъ же, по странной ассоціаціи идей, Червонцеву пришла на умъ смазливая горничная, обзовавшая его вчера, когда онъ вздумалъ взять ее за талию, «старымъ грѣховодникомъ». Тогда онъ увѣрилъ себя, что ослышался, но врядъ ли оно было такъ... Да неужели же борьба съ годами, которую онъ велъ такъ долго и упорно, готова окончиться? Неужели онъ, Червонцевъ, неподражаемый жеппе premier и герой, много лѣтъ (не все ли равно, сколько именно?) первенствовавший на этомъ амплуа, долженъ уступить свое мѣсто какому-нибудь молокососу? Неужели онъ старѣеть?

Рокоевое слово было произнесено, и артист почувствовалъ внутреннюю дрожь. Рѣшительно въ этой комнатѣ было нестерпимо холодно. Чего же смотреть этотъ мальчишка?

Онъ нетерпѣливо нажалъ пуговку стоявшаго передъ нимъ звонка, но никто не явился на зовъ. Онъ позвонилъ вторично; и снова — то же молчаніе. Артистъ разсердился.

— Вася! — крикнулъ онъ съ раскатомъ въ своемъ звучномъ баритонѣ, который, очевидно, могъ принадлежать лишь исполнителю героическихъ ролей. Такимъ голосомъ не говорятъ ни сиповатые и сюсюкающіе комики, ни деревянныя резонеры, ни водевильные любовники, щеголяющіе пѣтушинымъ тембромъ.

Въ отвѣтъ на этотъ призывъ послышались поспѣшные шаги, затѣмъ дверь быстро распахнулась, и въ комнату вошелъ высокій, тонкій юноша лѣтъ двадцати съ небольшимъ. Черты его были красивы, но въ движеніяхъ сказывалась еще нѣкоторая застѣнчивость и угловатость.

II.

Это былъ Вася Черновъ, воспитанникъ и ученикъ артиста, сынъ

его стараго друга. Послѣ смерти родителей Васи, Червонцевъ пріютилъ его у себя въ порывѣ великодушія, которому онъ не былъ чуждъ по временамъ; мальчика помѣстили въ гимназію, гдѣ онъ благополучно дошелъ до шестого класса, но затѣмъ наследственная любовь къ подмосткамъ заставила его промѣнять святилище науки на храмъ Мельпомены. Теперь онъ жилъ у Червонцева, служа ему секретаремъ и готовая подъ его руководствомъ къ сценѣ, гдѣ покуда ему поручались изрѣдка небольшія роли.

Передъ Червонцевымъ юноша благоговѣлъ, считая его самымъ выдающимся артистомъ нашего времени; онъ усердно работалъ, съ волненіемъ ожидая той минуты, когда руководитель его разрешитъ ему наконецъ выступить передъ публикою въ отвѣтственной роли. Но дебютъ его постоянно откладывался, подъ тѣми или другими предлогами: онъ былъ еще слишкомъ молодъ, ему слѣдовало хорошенько подготовиться. Вася ждалъ терпѣливо, но съ нѣкоторыхъ поръ произошли обстоятельства, заставившія его еще горячѣе стремиться къ завѣтной цѣли.

— Послушай, Вася, это наконецъ ни на что не похоже! — заговорилъ Червонцевъ: — прислуга у насъ распушена, во всемъ безпорядокъ... Гдѣ пропадаетъ Иванъ, желать бы я зналъ?

— Вы сами послали его съ письмомъ въ театръ, онъ сейчасъ долженъ вернуться, — отвѣтилъ Вася, и прибавилъ поспѣшно: — не могу ли я сдѣлать что-нибудь?..

— Ничего ты не можешь... Почему онъ ушелъ, не затопивъ печки?

— Ее топили вчера вечеромъ; на-дняхъ вы жаловались, что было слишкомъ жарко.

— Ну, конечно, я самъ во всемъ виноватъ! — проговорилъ Червонцевъ, съ досадою глядя на свѣжій цвѣтъ лица и блестящіе глаза Васи. Какъ, однако, вытянулся этотъ мальчуганъ, еще такъ недавно бѣгавшій въ курточкѣ и ревшій на весь домъ, когда его ставили въ уголъ. Онъ даже сталъ заниматься собою, и ужъ, конечно, болѣе прежняго мечтаетъ о Фердинандахъ и Карлахъ Моорахъ... Пробовалъ онъ подготовить его для водевильчиковъ, — всѣ съ этого начинаютъ, но у Васи непреодолимое тяготѣніе къ героическимъ ролямъ. Нынче трагедія опять входитъ въ моду, и каждый молокососъ, только потому, что у него блестящіе глаза и цѣлая шапка волосъ на головѣ, считаетъ себя призваннымъ пропагандировать образцовый репертуаръ, воспитывать вкусы публики...

Артистъ снова перевелъ взоръ на Васю, почтительно стоявшаго передъ нимъ.

— Что это какъ ты сегодня элегантенъ? Новый галстукъ цвѣта гелиотропа... И ты, кажется, даже надушился?

По лицу юноши разлилась яркая краска.

— Я, видите ли, хотѣлъ... Мнѣ нужно было сегодня... — пробормоталъ онъ въ смущеніи, но раздавшійся въ передней звонокъ весьма кстати избавилъ его отъ затруднительнаго объясненія.

Вернувшійся Иванъ доложилъ, что Ореста Львовича спрашиваютъ дама.

При словѣ: «дама», мгновенно разсѣявшемъ, подобно солнечному лучу, омрачившія чело артиста облака, Червонцевъ оживился. Дамское вниманіе всегда служило вѣрнѣйшимъ барометромъ отношенія публики къ артисту, и Червонцевъ уже начиналъ, увъ! испытывать на себѣ его пониженіе. Обычная дань дамскихъ восторговъ въ видѣ цвѣтговъ, сувенировъ, приглашеній и подношеній — приносилась поклонниками къ подножію кумира далеко не въ такомъ изобиліи, какъ прежде.

— Кто такая? — небрежно спросилъ онъ.

— Фамилія не назвали-съ... Молоденькія и изъ себя такія субтильныя. Одѣты по-модному...

— На актрису не похожа? — такъ же небрежно уронилъ артистъ, мысленно очень заинтересованный поспѣвательницею.

— Какъ можно-съ! — обидѣлся Иванъ: — изъ барышень, надо полагать... Очень конфузятся...

Обычная, самодовольная улыбка мелькнула на губахъ артиста. Ну, конечно, это — новая поклонница. Молоденькая, робкая, смущенная, съ какимъ трепетомъ ждетъ она теперь его появленія, какую борьбу должна она была выдержать съ собою прежде, чѣмъ явилась сюда, къ тому, кто первый пробудилъ въ ея душѣ могучее чувство любви!.. Какъ пріятно наблюдать первыя проявленія ея въ юномъ, дѣвственно-нетронутымъ сердцѣ, видѣть, какъ оно раскрывается для него подобно цвѣтку, согрѣтому лучами солнца... Однако не слѣдуетъ заставлять ее черезчуръ долго ждать.

Онъ поправилъ галстукъ, кинулъ еще разъ взглядъ въ зеркало и легкой поступью вышелъ въ пріемную, не замѣтивъ страннаго вида Васи, которой то краснѣлъ, то блѣднѣлъ и находился, очевидно, въ сильномъ волненіи.

III.

Посѣтельница стояла спиною къ двери, передъ портретомъ артиста, изображавшимъ его въ роли Уріэля Акосты, и при звукѣ шаговъ его быстро обернулась. Это была совсѣмъ молоденькая дѣвушка, блѣлая и стройная, съ чудными голубыми, застѣнчиво опущенными глазами, очень робкая и испуганная. Судя по манерамъ и костюму, простому, но изящному, она принадлежала къ обществу.

Любуясь ея очаровательнымъ смущеніемъ, причину котораго онъ угадывалъ, артистъ самымъ любезнымъ образомъ пригласилъ ее сѣсть, извинившись мимоходомъ за свой черезчуръ домашній костюмъ: ему сегодня нездоровится, онъ слишкомъ былъ занятъ въ послѣднее время, а его первы такъ отзывчивы...

Двѣ семьи. Съ картины О. Вальтера.

Въ ущельяхъ Сорренто. По фот. грав. Уніонъ.

Молодая дѣвушка всхлинула.

— Простите, пожалуйста, что я такъ не во-время... Я лучше найду въ другой разъ...

Она было поднялась, но онъ поспѣшно вскочилъ и, взявъ ее за обѣ руки, усадилъ на прежнее мѣсто. Онъ чувствовалъ трепетъ этихъ маленькихъ рукъ, затынутыхъ въ шведскія перчатки, и это наполняло его сладостнымъ ощущеніемъ, пріятно шекотавшимъ его самолюбіе.

— Ради Бога, останьтесь!—проговорилъ онъ съ умоляющей интонаціей:—я былъ боленъ, но вы воскресили меня чарами вашей молодости и красоты. Останьтесь и скажите мнѣ, не могу ли я быть вамъ въ чемъ-нибудь полезнымъ. Располагайте мною, прошу васъ...

Она застѣчиво улыбнулась.

— Благодарю васъ, Орестъ Львовичъ, вы слишкомъ добры... Я давно мечтала познакомиться съ вами и все не могла рѣшиться... Но меня наконецъ убѣдили, увидѣвъ, что вы отнесетесь ко мнѣ съ обычной вашей добротою. И я вижу,—прибавила она, украдкой вскинувъ на него глаза:—что меня не обманули.

Ея наивно восторженный взглядъ, ея слова показались артисту небесной гармоніей. Давно уже онъ не встрѣчалъ такого молодого, плѣнительнаго и до такой степени увлеченнаго имъ существа. Это—не одна изъ легко достающихся и не менѣе легко забываемыхъ побѣдъ, это—сама молодость, свѣжесть, искренность. Она внесетъ въ его жизнь ту струю поэзіи, которой ему давно уже недостаетъ, но нельзя пугать ее, надо бережно обращаться съ этимъ юнымъ, почти не сознающимъ себя чувствомъ.

Краснѣя и почти не поднимая глазъ, молодая дѣвушка объяснила наконецъ цѣль своего посѣщенія. Ее зовутъ Еленой Сергѣевной Томлиной, она сирота, живетъ у тетки и, располагая небольшими средствами, мечтаетъ о поступленіи на сцену. Она страстно любить театръ, съ дѣтскихъ лѣтъ ея заветная мечта—сдѣлаться актрисой. Она не пропускаетъ ни одного спектакля съ участіемъ знаменитаго артиста; въ первый же разъ увидѣвъ его на сценѣ, она сказала себѣ, что ея судьба—въ его рукахъ. Она никому не повѣритъ, кромѣ него. Согласится ли онъ прослушать ее и высказать свое мнѣніе?

Артистъ внимательно выслушалъ ее. Очевидно она открывала передъ нимъ всю свою душу, она ничего не скрыла (бѣдное дитя!), кромѣ того могучаго чувства, которое привело ее сюда. Дѣвушка оживилась и отчасти преодолѣла свою застѣчивость; когда она заговорила объ искусствѣ, глаза ея засіяли, а голосъ зазвучалъ теплыми, грудными нотоми. У нея есть огонекъ, это несомнѣнно. Играла ли она когда-нибудь?

Да, на любительскихъ спектакляхъ, потомъ она много читала, декламируя наизусть по цѣлымъ ночамъ. Можетъ быть это слишкомъ большая смѣлость съ ея стороны, но она предпочитаетъ классическія вещи: Шиллера, Шекспира. Ея любимая роль—Луиза Миллеръ, изъ нея-то она и желала бы прочесть...

Червонцевъ почувствовалъ электрической токъ. Онъ собирался поставить въ свой бенефисъ «Коварство и любовь»—ему давно уже хотѣлось снова появиться въ роли Фердинанда, которой онъ не игралъ уже нѣсколько лѣтъ и которой онъ былъ обязанъ когда-то едва ли не самыми блестящими своими успѣхами. Его останавливала не сдержанность друзей, почему-то не особенно горячо отнесшихся къ плану постановки шиллеровской трагедіи, а отсутствіе въ труппѣ подходящей актрисы на роль Луизы. Но теперь, когда сама судьба является къ нему на помощь, желаніе это овладѣло имъ съ особенною силою. Нечего терять времени. Онъ съ восторгомъ прослушаетъ ее и не сомнѣвается, что результатъ будетъ самый благоприятный...

Онъ съ юношескою живостью вскочилъ съ мѣста, чтобы отыскать книгу, между тѣмъ, какъ Елена Сергѣевна старалась овладѣть собою. Они выбрали послѣднюю сцену Фердинанда съ Луизою.

Сначала голосъ молодой дѣвушки нѣсколько дрожалъ, но затѣмъ она овладѣла имъ и прочла роль осмысленно и горячо, обнаруживъ

даже извѣстное умѣнье, приобретенное путемъ изученія. У нея прорывались искреннія, захватывающія ноты, и ея подвижное лицо отражало волнованіи ея чувства. Самъ Червонцевъ былъ великодушнѣе въ своихъ переходахъ отъ дивнаго пафоса къ нѣжному воркованію, и, глядя на него, молодая дѣвушка подумала, какъ хороша она была вѣроятно въ этой роли въ дни своей молодости.

Когда они кончили, артистъ кинулся цѣловать ея руки.

— Bravo! Поздравляю! У васъ талантъ, настоящій талантъ, вы положительно вдохновили меня! Рѣшено! Вы играете Луизу въ мой бенефисъ!

Она осталась растерянная, взволнованная, счастливая, глядя на него восторженными, недоумѣвающими глазами, не смѣя вѣрить своимъ ушамъ.

— Вашъ бенефисъ?.. Луизу?..—повторила она и тутъ же прибавила невольно:—а Фердинанда?

Артистъ въ свою очередь изумленно вскинулъ на нее глаза.

— Фердинанда конечно я...—отвѣтилъ онъ, нѣсколько удививъ странности ея вопроса.

Но онъ тотчасъ же объяснилъ его себѣ. Бѣдное дитя! Она не вѣритъ своему счастью, ей хочется слышать подтвержденіе этому изъ его собственныхъ устъ, какъ женщины, ожидающей признанія, хочется услышать слово: люблю!

— Да, мы играемъ вмѣстѣ!—проговорилъ онъ, сжавъ ея руку и посмотрѣвъ на нее взглядомъ, который заставилъ ее всхлинуть и отстраниться.

Но онъ и самъ сдержался. Къ чему пугать этого ребенка? Онъ также чувствуетъ себя способнымъ любить ее чистою любовью, по крайней мѣрѣ—на нѣкоторое время.

Но тутъ дверь отворилась, и на порогѣ неожиданно появился Вася.

При видѣ молодого челоуѣка, брови Червонцева слегка сдвинулись, но онъ скрылъ свое неудовольствіе.

— Мой крестникъ, Вася Черновъ, — проговорилъ онъ нѣсколько небрежнымъ тономъ, какимъ рекомендуютъ подростковъ.

Юноша всхлинулъ и неловко расшаркался передъ молодою дѣвушкою, привѣтливо, но также съ отнѣнкомъ смущенія, протянувшей ему руку, до которой онъ едва коснулся, какъ будто она обожгла его. Они не обмѣнялись ни однимъ словомъ.

Было рѣшено, что Червонцевъ завтра же будетъ съ визитомъ у тетки Елены Сергѣевны, а затѣмъ молодая дѣвушка станетъ прѣзжать къ нему по два раза въ недѣлю. До бенефиса оставалось еще около мѣсяца.

Артистъ галантно проводилъ молодую дѣвушку до самой лѣстницы и, прощаясь съ нею, снова поцѣловалъ ея руки. Онъ чувствовалъ себя бодрымъ, полнымъ силъ; о прежней тоскѣ не было и помину. Что за вздоръ лѣзетъ иногда челоуѣку въ голову, когда онъ разстроенъ! Онъ—старѣеть? Никогда еще онъ не чувствовалъ себя такимъ молодцомъ. Глаза у него блестятъ, морщины на лбу разгладились... Пока присутствіе его закипаетъ пылъ страсти въ юныхъ сердцахъ, пока чудные женскіе глаза еще глядятъ на него восторженнымъ взоромъ—о старости не можетъ быть и помину. Онъ—тотъ же неотразимый, вѣчно юный артистъ, потерявшій счетъ своимъ побѣдамъ.

Червонцевъ самодовольно улыбнулся и закрутилъ опущенные имъ съ нѣкотораго времени усы. Тутъ онъ замѣтилъ вертѣвшіеся въ комнатѣ Васю и счелъ долгомъ сдѣлать ему внушеніе.

— Что это тебѣ вздумалось войти? Твое появленіе было очевидно очень непріятно Еленѣ Сергѣевнѣ.

— Я помѣшалъ?—невиннымъ тономъ спросилъ Вася.

Артистъ пренебрежительно повелъ на него глазами, какъ будто желая сказать: развѣ ты можешь быть кому-нибудь помѣхой? Тебѣ выплыть изъ комнаты, и дѣло съ концомъ.

Вася, казался, понялъ этотъ взглядъ. Онъ потупился, но на губахъ его мелькнула лукавая усмѣшка, которой погруженный въ романческія мечты артистъ не замѣтилъ.

(Оканчаніе будетъ.)

Ацетиленъ.

Очеркъ Ю. Штинде.

Со времени введенія электрическаго освѣщенія, требованія свѣта у культурнаго челоуѣка значительно усилились. Челоуѣкъ хочетъ сдѣлать искусственно продолженный день по возможности свѣтлымъ. Онъ пересталъ довольствоваться на улицахъ газовыми фонарями, въ театрахъ и общественныхъ собраніяхъ онъ сталъ требовать все больше и больше свѣта, а вскорѣ и въ домашней жизни ощутилъ потребность въ усиленномъ освѣщеніи. Если электрическое освѣщеніе восторжествовало надъ газомъ и керосиномъ, то новѣйшая техника, совершенствую лампы и горѣлки, стала конкурировать съ вольтовой дугой и лампочкой накаливанія. Побѣдительницей изъ борьбы вышла горѣлка Ауэра, соединяющая въ себѣ силу свѣта съ дешезвиной.

Но вотъ выступаетъ на сцену новый конкурентъ—ацетиленъ—и орудія, которыми онъ намѣренъ бороться, суть: сила свѣта, дешезвина и удобство. Правда, и молодой американецъ—ацетиленъ—не лишенъ нѣкоторыхъ недостатковъ, но по мѣрѣ дальнѣйшаго его развитія, они несомнѣнно исчезнутъ, а отчасти устранены уже и теперь.

Впервые ацетиленъ полученъ изъ кальцикарбида (сплава на

силнѣйшемъ огнѣ угля и извести) Велеромъ, въ химической лабораторіи геттингенскаго университета; тѣмъ не менѣе, ацетиленъ, играющій роль въ промышленности, долженъ быть признанъ американскаго происхожденія, потому что способъ массоваго его добыванія открытъ по ту сторону океана и, какъ многое великое, благодаря простой случайности.

Нѣмецъ умствуетъ, американецъ идетъ путемъ опыта. Онъ подражаетъ средневѣковымъ алхимикамъ, которые бросали въ свои реторты самыя противоположныя вещества и подвергали ихъ дѣйствію огня, чтобы посмотреть, не получится ли тамъ золотой растворъ или философскій камень. Американецъ тоже пробуетъ и то, и другое, и не щадитъ издержекъ, въ надеждѣ на барыши и удачу.

Такимъ именно образомъ, одинъ американецъ, по имени Ачерсонъ, сплавилъ въ калильномъ жару электрическаго горна песокъ съ углемъ и получилъ твердое, какъ алмазъ, тѣло—такъ называемый *карборундъ*—имѣющее большую цѣнность, какъ шлифовальный матеріалъ, и доставившее не мало долларовъ счастливому изобрѣтателю.

Другой американец, Дж. Л. Уильсонъ, сталъ разсуждать такъ: «Если уголь съ пескомъ дать драгоценный карборундъ, то что выйдетъ, если я замѣню песокъ болѣе цѣннымъ матеріаломъ, известно, и смѣшавъ ее съ углемъ, подвергну жару электрическаго горна?»

Сказано—сдѣлано. Уильсонъ сплавилъ уголь съ известью и получилъ сплавъ, который, по охлажденію, превратился въ твердую массу, но имбьющую, однако, ничего общаго съ карборундомъ и потому признанную ни къ чему не пригодною.

Но тутъ выступилъ на сцену непредвидѣнный, всемогущій случай. Выброшенный кусокъ твердой массы попалъ въ сосудъ съ водой, и на поверхности ея тотчасъ же показались газовые пузырьки, издававшіе настолько отвратительный запахъ, что не могли остаться незамѣченными. Попробовали зажечь этотъ газъ, онъ сталъ горѣть яркимъ, коптящимъ пламенемъ и былъ признанъ химиками за чистѣйшій ацетиленъ. Химики пришли въ неописанный восторгъ; они объявили, что ацетиленъ имѣетъ блестящую будущность, что это химическое тѣло съ большими надеждами, осуществленію которыхъ мышла до сихъ поръ лишь трудность и дороговизна его добычанія. Теперь же, такъ какъ мы можемъ превращать водяную силу въ электричество, и при помощи послѣдняго получать температуру, необходимую для сплава извести съ углемъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности противостоитъ высочайшему жару,—задача значительно облегчается.

Кальцікарбидъ, перелитый водой, развиваетъ ацетиленъ, а ацетиленъ горитъ прекраснымъ, яркимъ пламенемъ. Казалось бы поэтому, что достаточно построить особые газоразвивающіе аппараты и соединить ихъ съ газометрами и съ проводами, ведущими къ горѣлкамъ, чтобы разрѣшить задачу ацетиленоваго освѣщенія. Въ сущности же дѣло оказалось не такъ просто. Ацетиленъ имѣетъ свои особенности, и техникамъ приходилось считатьъ не только съ его достоинствами, но и съ недостатками. За четырехлѣтній періодъ имъ удалось, однако, сдѣлать очень многое. Ацетиленовое освѣщеніе стало совершившимся фактомъ, что доказала состоявшаяся недавно въ Берлинѣ ацетиленовая промышленная выставка, въ которой приняли участіе свыше 50-ти экспонентовъ,—нѣмцевъ, американцевъ, англичанъ и французовъ.

Вещество, дающее ацетиленъ — или кальцікарбидъ — выгоды всею добывать тамъ, гдѣ имѣется достаточное количество водяной силы и гдѣ она дешева. Водяная сила, какъ сказано выше, превращается въ электричество, а электричество въ теплоту, настолько высокой температуры, что уголь и известь сплавляются въ ней въ одно химическое соединеніе.

Во всѣхъ гористыхъ мѣстностяхъ существуетъ стремленіе строить плузы, иначе говоря, устраивать высоко лежащія водяные бассейны, которые собираютъ безопасно текущую въ долины воду и передаютъ ее въ турбины, съ своей стороны приносящія въ движеніе динамо-машины. Съ увеличеніемъ числа такихъ естественныхъ источниковъ силы развивается и производство кальцікарбида и упадутъ на него цѣны, достигающія въ настоящее время 40 марокъ (18 р. 60 к.) за 100 кило (241 ф.). Въ продажу онъ поступаетъ герметически закупореннымъ въ металлическую оболочку, такъ какъ онъ разлагается отъ сырости. Приведенный въ соприкосновеніе съ водою, кальцікарбидъ, какъ сказано выше, развиваетъ ацетиленъ, причемъ одинъ килограммъ кальцікарбида даетъ среднимъ числомъ 300 литровъ газа. Въ остаткѣ получается известковый шлакъ.

Какъ ни разнообразно устройство газоразвивательныхъ аппаратовъ, всѣ они главнымъ образомъ сводятся къ тому, чтобы количество воды, поступающее въ аппаратъ, не превышало количества, необходимаго для выработки газа изъ кальцікарбида. Въ большихъ газометрахъ нѣтъ надобности, и все устройство требуетъ сравнительно мало мѣста. Не нужно ни топки, ни трубъ; нужна

только вода. Такимъ образомъ ацетиленовое освѣщеніе можетъ быть устроено проще и съ меньшими расходами, чѣмъ всякое другое газовое, и это обстоятельство много способствуетъ распространенію новаго освѣщенія въ такихъ мѣстахъ, которыя слишкомъ незначительны для выдѣлки каменноугольнаго освѣтительнаго газа, какъ напр. въ отеляхъ, вилахъ, садахъ, кургазахъ, фабрикахъ, желѣзнодорожныхъ вокзалахъ, театрахъ и т. д.

Нужно замѣтить, однако, что ацетиленовое освѣщеніе приобретаетъ право гражданства даже въ городахъ, снабженныхъ газомъ. Объясняется это тѣмъ, что свѣтъ ацетилена почти вътрое сильнѣе свѣта горѣлки Ауэра, четверо свѣтлѣе электрической лампочки накаливанія, въ пятнадцать разъ свѣтлѣе каменноугольнаго газа, и отъ шестнадцати до двадцати разъ свѣтлѣе керосина. Кромѣ того ацетиленъ менѣе портитъ воздухъ, чѣмъ два послѣднихъ освѣтительныхъ матеріала. Свѣтъ его удивительно красивъ, а цѣна, не считая первоначальнаго устройства, исчисляется такъ: одинъ килограммъ кальцікарбида, стоящій приблизительно 40 пф. (18,6 к.), развиваетъ около 300 литровъ газа. Нормальная свѣча расходуетъ въ одинъ часъ горѣнія около 0,6 литровъ газа, следовательно пламя въ 16 свѣчей—около 10 литровъ, равняющихся по стоимости 1,4 пфен. (0,65 п.). Та же сила свѣта обходится при каменноугольномъ газѣ 2,72 пф. въ одинъ часъ горѣнія; при электрическихъ лампочкахъ накаливанія—въ 4,3 пфеннга; при керосинѣ же—въ 2 цѣлыхъ пфеннга. Такимъ образомъ ацетиленовое освѣщеніе является самымъ дешевымъ, и въ этомъ и заключается его будущность.

Газоразвивающіе аппараты работаютъ болѣею частью автоматически. Разъ снабженные кальцікарбидомъ и водою, они не требуютъ никакого ухода до новой заправки карбидоваго слоя. Аппараты эти можно считать въ достаточной мѣрѣ усовершенствованными, и въ настоящее время техники трудятся надъ изобрѣтеніемъ не менѣе совершенной горѣлки. Такъ какъ богатый углемъ ацетиленъ легко коптитъ, если только горѣлка не находится въ безукоризненномъ состояніи, то на эту часть ацетиленоваго освѣщенія должно быть обращено особое вниманіе.

Пробовали, между прочимъ, обойтись вовсе безъ газоразвивающихъ аппаратовъ и для этого обращали ацетиленъ въ жидкость, пуская его въ продажу въ стальныхъ бутылкахъ, подобно жидкой угольной кислотѣ. Однако, сгущенный ацетиленъ оказался не безопаснымъ: онъ разлагается и производитъ взрывы. А между тѣмъ, для желѣзнодорожныхъ вагоновъ, напримѣръ, употребленіе сжатаго ацетилена могло бы считаться наудобѣйшимъ, такъ какъ электрическое освѣщеніе побѣдовъ уже признано мало пригоднымъ и чрезвычайно дорого стоящимъ.

Надо сказать, однако, что ацетиленъ служить не для одного лишь освѣщенія, но и для введенія въ дѣйствіе газовыхъ двигателей. Такимъ образомъ, даже тамъ, гдѣ нѣтъ газовыхъ заводовъ, можно пользоваться удобнымъ и не громоздкимъ газовымъ моторомъ. Такой двигатель отличается чистотой, вполне безопасенъ и, разъ приведенный въ дѣйствіе, не требуетъ особой прислуги.

Въ настоящее время съ ацетиленомъ уже считается промышленность, на него обратила уже вниманіе торговля. Во многихъ странахъ образовались общества для эксплуатаціи ацетилена; за границей существуютъ даже два особые журнала, посвященные ацетиленовому освѣщенію. Одинъ изъ нихъ называется *Сила и Свѣтъ (Kraft und Licht)*, другой носитъ названіе: *Журналъ кальцікарбидоваго производства и ацетиленоваго освѣщенія*.

Изъ вышесказаннаго ясно, какой широкой развилкѣ получило новое производство, обязанное своимъ происхожденіемъ простой случайности. Мистеръ Уильсонъ и не подозревалъ о важности своего открытія, когда съ досады бросилъ въ воду казавшійся никому негоднымъ сплавъ.

Къ рисункамъ.

Насталъ новый годъ, и люди ожидаютъ новаго счастья. Всякій думаетъ о себѣ, объ исполненіи своего желанія, суетится, мечтаетъ, негодуетъ, страдаетъ, радуется. И мало кому приходитъ въ голову, что такихъ человѣческихъ существъ безчисленное множество. Иначе представляется жизнь тому, кто умственнымъ взоромъ обнимаетъ вѣка: его не волнуютъ страсти людей, онъ знаетъ, что все это было, что все это повторится. Взгляните на символическое изображеніе такого человѣка на картинѣ бельгійскаго художника Ванъ-Хове. Въ комнатѣ, напоминающей келью аскета, сидитъ у стола, перебирая безконечныя хартии, старецъ, имя которому—*Время*. Безстрастно всматриваетъ онъ на списки людей, на событія и отмѣчаетъ все, что творится передъ его взоромъ. Смѣняются поколѣнія, зима приходитъ на смѣну осени, затѣмъ расцвѣтаетъ весна, зарождается лѣто, а старикъ все себѣ сидитъ, слѣдя за бѣгущими днями. Картина эта была однимъ изъ украшеній бельгійской художественной выставки, устроенной недавно въ Петербургѣ. Общественномъ впечатленію о бѣдныхъ и богатыхъ дѣтяхъ.

«И, вошедши въ домъ, увидѣли Младенца съ Марією, Матерью Его, и падши поклонились Ему». Какую удивительную иллюстрацію къ этому евангельскому тексту представляетъ картина знаменитаго художника Ганса Гольбейна, изображающая поклоненіе *во хввовъ* новорожденному Спасителю. Простота положеній и трогательная наивность выведенныхъ лицъ, при замѣчательномъ исполненіи деталей, дѣлаютъ эту картину мастерскимъ произведеніемъ.

Трудно лучше изобразить торжественность настроенія, и какъ въ то же время разнообразно выраженіе лицъ: видно, что всякій живетъ собственной жизнью, но всѣ сливаются въ одномъ общемъ чувствѣ,—сознанія важности переживаемаго момента.

Эдуардъ Максансъ задался цѣлью представить въ символической картинѣ жизнь и *благодареніе лѣса*. Женскія фигуры олицетворяютъ эту жизнь классическою красотой и спокойствіемъ, соответствующими величественной красотѣ лѣса. Одна изъ фигуръ распространяетъ вѣяніе запаха смолистаго куренія, которымъ пропитанъ воздухъ густыхъ лѣсовъ; если бы эти женщины заплѣли, то ихъ голоса, полные гармоніи, напоминали бы пѣніе птицъ, шелестъ листьевъ, журчаніе серебристаго ручья... Въ общемъ картина задумана и выполнена художникомъ очень тонко и, конечно, болѣе чувствуется, чѣмъ поддается описанію.

Всякому приятно полюбоваться такими милыми дѣтьми, какъ *дѣти художника К. Е. Маковскаго*, которыхъ онъ изобразилъ на своемъ полотнѣ въ изящной позѣ кавалера и дамы, идущихъ подругу... Куда? Не съ новогоднимъ ли поздравленіемъ къ родителямъ? К. Е. Маковскій большой мастеръ, и всѣ его картины отличаются поразительной жизненностью. Непринужденность позы и техника письма, какъ и всегда, составляютъ отличительную черту талантливаго художника: выписка аксессуаровъ, по обыкновенію, блестящая.

Какъ ваше имя? Ориг. рис. (собств. «Нивы») И. И. Ижакевича, автотипія «Нивы».

*
Передь нами двѣ семьи: лошадь съ жеребенкомъ, выглядывающая изъ стойла, и ея вѣрный сторожъ — собака съ подрастющими щенятами. Между ними — тѣсная дружба, вызванная одинаковымъ положеніемъ. Вы смотрите, какъ лошадь подставила свою голову собацѣ и какъ та лижетъ ее въ знакъ добраго собѣдства, и, право, можете порой позавидовать этой безкорыстной дружбѣ, — ее вѣдь и среди людей не такъ-то легко найти!.. Картина, — работы яѣмецкаго художника О. Вальтера, — производитъ прекрасное впечатлѣніе какъ по своему сюжету, такъ и по мастерству исполненія.

*
На сѣверномъ берегу Неаполитанскаго залива поперебѣнно чередуются возвышенности съ долинами, къ западу же отъ Везувія поверхность склоняется къ морю и образуетъ рядъ крутыхъ скалъ. На нихъ живописно раскинулось мѣстечко Сорренто — это излюбленное мѣстопробываніе какъ неаполитанцевъ, такъ и чужеземцевъ, благодаря чудному его воздуху, насыщенному запахомъ апельсинныхъ рошъ, окружающихъ Сорренто; къ югу тянутся горы вдоль всего полуострова, образуя ущелья, въ глубинѣ которыхъ текутъ ручьи. На нашемъ рисункѣ, представляющемъ одинъ изъ скалистыхъ уголковъ въ ущельяхъ Сорренто, скалы образуютъ двѣ отвѣсныя стѣны, наверху которыхъ красуются цвѣтущіе сады съ южной растительностью, внизу же царитъ мракъ ущелья, кое-гдѣ освѣщенный солнцемъ. Надъ ущельемъ переброшенъ мостикъ, къ которому ведетъ вырубленная въ скалѣ каменная лѣстница. Въ самомъ ущельѣ часто ищутъ пристанища итальянскіе рыбаки, и трудно себѣ представить болѣе живописную мѣстность.

Кому не извѣстенъ старинный русскій обычай въ ночь подъ Новый годъ спрашивать у перваго, кто попадется навстрѣчу: «Какъ ваше имя?» и, такимъ образомъ, заранее узнать у капризной судьбы, какъ зовутъ суженаго или суженую? Въ этомъ обычѣ много поэзіи. Въ большихъ городахъ старый обычай начинаетъ отходить въ область преданій, но въ захолустныхъ центрахъ нашей обширной Россіи онъ еще въ полной силѣ. Художнику Ижакевичу удалось жизненно изобразить головку провинціальной барышни южно-русскаго типа, обращающейся къ встрѣчному съ просьбой сказать, какъ его зовутъ. Она кокетливо приложила къ губамъ ручку и громко окликаетъ прохожаго. Она слегка наклонилась въ его сторону и вся горитъ любопытствомъ и молодымъ зазоромъ. И вамъ кажется, что этотъ неизвѣстный человѣкъ отвѣтитъ ей такъ же, какъ и въ романѣ Пушкина: — «Агафонъ», что, конечно, приведетъ ее въ нѣкоторое разочарованіе.

Митрополитъ Іосифъ Сѣмашко. (Портр. на этой стр.)

25-го декабря истекшаго года исполнилось ровно сто лѣтъ со дня рожденія извѣстнаго дѣятеля по воссоединенію западно-русскихъ униатовъ съ православною греко-россійскою церковью, Іосифа Іосифовича Сѣмашки.

Если вообще впечатлѣнія дѣтства играютъ большую роль въ жизни людей, то относительно І. Сѣмашки это нужно сказать въ особенности. Семья, въ которой онъ выросъ, была проникнута русскимъ духомъ; дѣдъ и отецъ его были униатскими священниками въ липовецкомъ уѣздѣ кievской губерніи; мать Іосифа, Фекла Осиповна, дочь униатскаго священника Ивановскаго, даже не умѣла говорить на общепотребительномъ тогда въ юго-западной Россіи польскомъ языкѣ. Первые годы жизни Іосифа протекли среди православныхъ малороссовъ, съ которыми онъ входилъ въ непосредственное общеніе, помогая отцу въ веденіи хозяйства: пасъ воловъ, возилъ снопы и исполнялъ другія работы. Онъ часто вращался среди тѣхъ простыхъ украинцевъ, сказки, пѣсни и думы которыхъ дышали ненавистью ко всему польскому. Самъ Іосифъ какъ-то инстинктивно полюбилъ все родное, «чумацкое».

Грамотѣ Іосифъ выучился у православнаго дьячка, «бакалара» Бочковскаго, которому съ разрѣшенія своего отца помогали пѣть и читать на клиросѣ.

Эта анти-польская среда, эти хожденія въ православную церковь имѣли очень сильное вліяніе на воспримчиваго мальчика; впечатлѣнія дѣтства глубоко запади въ его душу и легли въ основу той любви и приверженности его къ православно-русской церкви, которая впоследствии обнаружилась въ немъ на дѣлѣ съ такой силой. Здѣсь ключъ и разгадка всей его дальнѣйшей дѣятельности.

Благодаря прочно заложеннымъ въ его дѣтскую природу русскимъ началамъ Сѣмашко не поддавался вліянію польской школы,

гдѣ онъ учился семь лѣтъ (1809—1816 гг.). Большая часть учителей были поляки, католическіе монахи или униатскіе «ксенды». Сѣмашко окончилъ курсъ первымъ и для продолженія образованія отправился въ главную духовную семинарію, при виленскомъ университетѣ, съ цѣлью посвятить себя впоследствии на служеніе униатской церкви.

Преподаваніе здѣсь велось хотя опять-таки на польскомъ языкѣ, но все же въ нѣсколько иномъ духѣ: профессора не были фанатиками и даже нерѣдко на лекціяхъ подвергали рѣзкому порицанію многія темныя стороны Чернявскій своими живыми разказами изъ русской исторіи и яркими бытовыми картинами изъ народной жизни успѣлъ разсѣять не мало предрасудковъ своихъ слушателей противъ ихъ отечества, а въ сердцѣ Іосифа «поселилъ даже предпочтеніе и любовь къ Россіи». Въ семинаріи Сѣмашко заявилъ себя необыкновенно трудолюбивымъ и этимъ обратилъ на себя общее вниманіе. Профессоръ, ксендзъ Ходани, публично говорилъ объ Іосифѣ: «онъ такъ усердно трудится, что или возведетъ римскую церковь въ Россіи на высшую степень могущества, или до основанія разрушитъ ее, опираясь на свою превратную (?) ученость». Критическое направленіе въ семинаріи, а также чтеніе русскихъ книгъ оказали самое благотворное вліяніе на Сѣмашку: научили его безпристрастно смотрѣть на вещи, всему отдавать должное. 6-го іюля 1820 г. онъ окончилъ курсъ со степенью магистра богословія.

Посвященный вскорѣ въ священникъ санъ, Сѣмашко 20-го іюля 1822 года лунскимъ униатскимъ епископомъ Мартусевичемъ назначенъ быть въ С.-Петербургъ для засѣданія въ униатскомъ департаментѣ римско-католической коллегіи. Жизнь въ русской столицѣ, вдали отъ центра латино-польской пропаганды, ближайшее непосредственное знакомство съ русской дѣятельностью, пробудили въ душѣ Іосифа таинствѣныя въ глубинѣ ея симпатіи къ «схизматикамъ-москалямъ». Іосифъ хотѣлъ-было даже поступить простымъ инокомъ въ Александро-Невскую лавру.

5-го ноября 1827 года Сѣмашко подаетъ государю знаменитую записку, гдѣ, между прочимъ, рекомендовалъ «удалить униатовъ нѣсколько отъ сближенія съ римлянами и дать надлежащее направленіе умамъ духовенства, посредствомъ воспитанія его въ духѣ православія и русской народности. А простой народъ, который въ первой четверти XIX столѣтія былъ почти таковъ, каковъ былъ до своего обращенія въ унию, нужно пока оставить въ сторонѣ, потому что онъ станетъ православнымъ, коль скоро станутъ таковыми его пастыри». Императоръ Николай I на запискѣ Іосифа положилъ такую резолюцію: «Раздѣляя совершенно сей образъ мыслей, я радуюсь, что случайно нашелъ въ униатской церкви человѣка, который можетъ быть способенъ помочь намъ въ дѣлѣ, которымъ непрестанно занимаюсь и, съ помощью Божіей, приведу въ исполненіе».

Записка Сѣмашки 1827 г. — документъ большой важности: въ ней заключается программа всей послѣдующей его дѣятельности. Благодаря энергической поддержкѣ государя, задуманное Іосифомъ дѣло воссоединенія униатовъ пошло такъ успѣшно, что черезъ 12 лѣтъ (25-го марта 1839 г.) стало совершившимся фактомъ. Инициаторомъ, руководителемъ и исполнителемъ его былъ Сѣмашко. Онъ дѣйствовалъ такъ искусно, что успѣлъ вернуть православію полтора миллиона душъ.

Хиротонисанный 8-го августа 1829 г. во епископа мстиславскаго, Іосифъ 2-го апрѣля 1833 г. былъ назначенъ греко-униатскимъ литовскимъ епископомъ, 12-го февраля 1839 г. въ Полоцкѣ онъ подписалъ соборный актъ о воссоединеніи съ православною церковью, 8-го мая 1845 г. перенесъ свою кафедру изъ мѣстечка Жировицъ, гродненской губерніи, въ Вильну, 1-го апрѣля 1847 г. сдѣланъ былъ членомъ св. синода, 30-го марта 1852 г. возведенъ былъ въ санъ митрополита, 23-го ноября 1868 г. мирно скончался. Могила его находится подъ ракою мощей св. мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія въ пещерской церкви виленскаго Свято-Духова монастыря. Въ 1883 г. Императорскою академіею наукъ, по завѣщанію І. Сѣмашки, изданы его записки въ трехъ томахъ (цѣна 12 р.), заключающія въ себѣ весьма цѣнный не только лично-биографическій, но и историческій матеріалъ по вопросу объ униі.

Е. П. Гребенка. (Портр. на стр. 18.)

3-го декабря прошлаго года истекло 50 лѣтъ со дня смерти извѣстнаго въ свое время писателя, Евгенія Павловича Гребенки, принимавшаго участіе почти во всѣхъ журналахъ и сборникахъ

Митрополитъ Іосифъ Сѣмашко. По поводу 100-лѣтія со дня рожденія. По соврем. портр. авт. «Нивы».

тридцатых и сороковых годов и оставившего несколько томов романов, повестей и стихотворений, из которых некоторые стали народными песнями.

Е. П. Гребенка или, по южно-русскому произношению, принято у малорусских писателей и историков литературы, — *Гребинка*, родился 21-го января 1812 г., в отцовском хуторе «Убжинице», в полтавской губернии. Отец его был небогатый дворянин, служивший раньше в гусарах, а затем, с 1812 до 1815 г. состоял в малорусском казачьем ополчении. Мать Евгения (вторая жена П. Гребенки) была из рода Чайковских, местной казацко-дворянской фамилии.

Детство Евгения протекло среди патриархальной обстановки, среди степей, тогда еще не распаханных, в общении с простым народом, хранителем самотной поэзии и преданий, еще свежих, о героическом прошлом этого края. Особенно значительно было влияние на мальчика его няни-старушки; от нее Евгений слышал множество рассказов, и был ей всегда благодарен.

Евгения учили сначала дома, при помощи приглашенных домашних учителей, а затем, на 14-м году жизни, отвезли в Нжинь, в гимназию высших наук (лицей) князя Безбородко, незадолго перед тем (1820) основанный «для образования малороссийского юношества». Это оригинальное учебное заведение с энциклопедической программой раздвинулось на 3 отделения (низшее, среднее и высшее), по 3 класса в каждом. В то время учились в лицей также Н. В. Гоголь и Н. Кукольник, но оба они были в старших классах, когда Гребенка поступил в младший.

Гребенка был юношей тихим, скромным, послушным. Еще в лицей он начал издавать рукописный журнал, почти весь наполняемый его прозой и стихами, большею частью сатирическими. Окончив курс лицей, в 1831 году, с званием действительного студента, Гребенка поступил в резервы 8-го малороссийского казачьего полка, но вскоре уволился и некоторое время жил дома, в «Убжинице», принимая участие в развлечениях и увеселениях соседей-панов.

В это время многие лицейские товарищи Гребенки уже служили в Петербурге, в разных ведомствах; потянуло и его туда, потому что он, хотя и любил свои роскошные степи, но тяготился бездействием. Земляки помогли ему устроиться в Петербурге, куда он переехал в 1834 г.; он поступил на службу в комиссию духовных училищ, а затем приглашен был читать лекции по различным предметам в разных учебных заведениях.

Тотчас же по приезде в Петербург, Гребенка принялся за издание своих *Малороссийских приказок* (сказок), печатавшихся отчасти раньше в журналах. Издание это было радушно принято публикой и повторено через два года. Затем пошли годы усиленной литературной деятельности Гребенки. Сначала он выступал преимущественно со стихотворениями (самая большая поэма — «Богдан Хмельницкий»); затем с рассказами, повестями, романами, — большею частью из малорусской жизни. Публикою были радушно встречены: «Рассказы Пирятинца» (1837), «Записки студента» (1838—1841) и особенно роман «Чайковский», содержание которого заимствовано из семейных преданий. В *Вѣстник* (Современник, 1848, кн. XII) с большою похвалою отзывался об этом романе.

В 1841 г. Гребенка издал малорусский сборник «Ластивка», в котором принял участие тогдашние малорусские писатели: молодой Т. Шевченко, Г. Квитка (Основьяненко) и др. В 1847 г. Гребенка начал издавать собрание своих сочинений и в два года издал 8 томов; смерть его прервала это издание. Он уже давно жаловался на кашель, тяжелый петербургский климат, не раз вадил на юг поправлять здоровье. Он умер 3-го декабря 1848 года, на 36-м году жизни, оставив молодую жену и маленькую дочь. На отпевании присутствовали земляки-литераторы, почитатели и ученики Евгения Павловича; затем тело его перевезено было на родину, которую он пламенно любил и которой посвятил лучшие свои произведения.

А. Г. Контский. (Портр. на этой стр.)

Предь нами редкий концертант, врибе — единственный в своем роде; восьмидесятидвулетний старик, выступающий на эстраде и покоряющий массу слушателей. Это последний из плеяды артистов, гремевших в первой половине нынешнего столетия; сам ученик Фильда, г. Контский является типичным, и пресловутым, прибавим, представителем школы виртуозной игры на рояле, из которой вышли его профессор, Дрейшок, Тальберг, Калькбреннер и др., царившие в Европе до появления Листа, Рубинштейна и всей плеяды их последователей, характеризующих вторую половину нынешнего столетия. Именно этим и ценен г. Контский для нас, почти вовсе не знающих первой половины, что он является, как он сам себя называет, исторической хроникой прошлого. Это, действительно, живая история.

Но помимо того, этот маститый артист — великодушный пианист, способный очаровать всякого, даже предубежденного слушателя. Он поражает столько же сохранившейся памятью (играет все наизусть), сколько редкой для его лета силой удара и неимоверной блостью его старческих пальцев. Приходящий в его концерт рассчитывать увидит дряхлого старика, еще играющего, и вместо этого встречает бодрого, жизнерадостного артиста, до сих пор увлекающегося, передающего лирические настроения с юношеским пылом, играющего с редким вдохновением, но свой репертуар пьес, — репертуар, которым увлекались наши дедушки и бабушки. Он весь переносит в другую эпоху, с другими взглядами на искусство, правда для нас отжившими, но представляющими несомненный интерес с исторической точки зрения.

С кем только не встречался на своем длинном артистическом пути Антон Григорьевич Контский! Вебер, Шопен, Мейерберг, Мендельсон, Шуман, Глинка, Даргомыжский, Сбров, Рубинштейн, Лист, Вагнер, — он всех пережил, со всеми был лично знаком, со многими был в дружбе; ему есть о чем рассказывать, и как остроумный собеседник, он всему дает прекрасные характеристики. К этому надо прибавить, что нет угла на земном шару, где бы не слышали нашего концертанта и где он не встречал самого радужного приема публики. Он был в Новой Зеландии, Новой Гвинее, жил долгое время в Америке, посетил Японию и Китай, откуда через Сибирь направился в Россию; нынешним летом концертировал в Ялте и в настоящее время из Петербурга идет через внутреннюю Россию на Кавказ.

А. Г. Контский родился в 1816 г. и принадлежит к известной артистической семье; особенной славой пользовался брат его, известный скрипач Аполлинарий Контский, одно время гремевший по Европе. Учился он главным образом у знаменитого в свое время Фильда; долгое время жил он в Петербурге и только в шестидесятых годах, когда на горизонте у нас появился А. Г. Рубинштейн, организовавший консерваторию у нас и этим лишивший многих артистов богатых уроков, наш концертант оставил Россию и переселился в Америку, где пробыл 35 лет. Говоря о г. Контском, необходимо упомянуть о его композиторской деятельности; он насчитывает 400 своих произведений разных родов: оперы, симфонии, пьесы камерной музыки, для фортепиано, для пения и пр. Особенным успехом пользовалось его «Reveil du lion» («Пробуждение льва»). Г. Контский дал у нас три концерта в зале кредитного общества, привлекивших массу публики, восторженно принимавшей его и устроившей ему ряд заслуженных овалей.

В. Баскинъ.

Е. П. Гребенка. По поводу 50-летия со дня кончины. По соврем. портрету автотипия «Нивы».

82-летний пианист-виртуоз А. Г. Контский. По фот. грав. Ю. Шюблеръ.

100-лѣтіе Павловскаго военного училища.

(Рис. на стр. 19.)

22-го декабря только что истекшего года Павловское военное училище праздновало 100-лѣтіе своего существованія. Собственно подь именем Павловскаго военного училища учебное это за-

ведение существует всего 35 лет, но оно преобразовано было из прежнего Павловскаго кадетскаго корпуса, который въ свою очередь замѣнилъ въ 1829 г. «Императорскій военно-сиротскій домъ», учрежденный въ 1798 г.

Какъ известно, первый кадетскій корпусъ основанъ былъ въ царствованіе Анны Иоанновны, по мысли сподвижника Петра I, графа П. И. Ягужинскаго. Учрежденіемъ корпуса желали избавиться отъ необходимости посылать молодежь за границу для обученія военному дѣлу. 17-го февраля 1732 г. открытъ былъ первый кадетскій корпусъ, и помѣщеніемъ для него былъ избранъ цѣлый домъ съ обширнымъ мѣстомъ на Васильевскомъ острову (тамъ и до сихъ поръ помѣщается 1-й кадетскій корпусъ).

Съ тѣхъ поръ военно-учебныя заведенія пережили цѣлый рядъ преобразованій. Крупнѣйшимъ перемѣнамъ подверглись они въ началѣ царствованія императора Александра II: кадетскіе корпуса были преобразованы въ военныя училища и военныя гимназіи. Затѣмъ въ 1863 г. спеціальныя классы кадетскихъ корпусовъ были соединены въ три отдѣльныя заведенія, съ присвоеніемъ имъ названія военныхъ училищъ. Первое изъ этихъ училищъ получило названіе Павловскаго и было помѣщено въ зданіи перваго кадетскаго корпуса (на Васильевскомъ острову), переведеннаго въ помѣщеніе упраздненнаго Павловскаго корпуса, которое служило ранѣе помѣщеніемъ Дворянскаго полка. Въ этомъ помѣщеніи Павловское училище находилось вплоть до 1887 года, когда военныя гимназіи были вновь преобразованы въ корпуса; тогда же первому кадетскому корпусу вернули прежнее его помѣщеніе, а Павловское училище переведено было въ нынѣшнее свое зданіе (на Петербургской сторонѣ), принадлежавшее Павловскому кадетскому корпусу, преемникомъ котораго оно и считается. Въ спискѣ начальниковъ Павловскаго училища значится, между прочимъ, имя бывшаго военнаго министра П. С. Ванновскаго, состоявшаго въ этой должности съ 1863 по 1868 гг.

Столѣтіе Павловскаго военнаго училища. Зданіе училища по Б. Спасской ул. на Петербургской сторонѣ. По фот. К. Булла, грав. М. Рашевскій.

Юбилейное подношеніе л.-гв. кексгольмскаго полка своему августѣйшему шефу австрійскому императору Францу-Иосифу. (Рис. на стр. 20.)

Въ 1814 г., послѣ сверженія Наполеона, императоръ Александръ Благословенный, австрійскій императоръ Францъ I-й и прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III-й избрали въ своихъ арміяхъ по два заслуженныхъ полка для назначенія шефами своихъ высокими союзниковъ-друзей. Въ русской арміи честь эта выпала на долю гренадерскихъ полковъ—кексгольмскаго и с.-петербургскаго, недавно увѣнчанныхъ высшей наградой, зачисленіемъ въ ряды нашей старой гвардіи. Съ тѣхъ поръ кексгольмскій полкъ непрерывно носитъ имя австрійскихъ императоровъ; недавно онъ отпраздновалъ полувековую юбилей того дня, когда императоръ Николай I назначилъ 18-лѣтняго императора Франца-Иосифа I-го шефомъ полка. 28-го декабря истекшаго года, въ день празднованія юбилея, лейбъ-гвардіи кексгольмскій полкъ поднесъ своему шефу выбитую полкомъ, съ соизволенія Государя Императора, юбилейную медаль въ красивой группѣ-ларцѣ. Основная часть группы—скала съ серебрянымъ ларцомъ въ уступѣ, на серебряномъ же постаментѣ; ларець и постаментъ въ стилѣ Людовика XV; на постаментѣ, подъ историческимъ гербомъ полка, помѣщенъ серебряный барельефъ, изобра-

жающій моментъ представленія шефу полковаго адъютанта послѣ парада на Марсовомъ полѣ 13-го апрѣля 1897 года; по сторонамъ ларца серебряныя статуэтки созданы въ формѣ 1848 и 1898 годовъ; на скалѣ двуглавый орелъ и георгиевскій крестъ, кавалеромъ котораго состоитъ императоръ Францъ-Иосифъ.

Группа производитъ вполне художественное впечатлѣніе. Въ ларець вложена золотая медаль съ изображеніемъ юбиляра, исполненная нашимъ монетнымъ дворомъ по оригиналу медальера г. Гриллихеса.

Въ полку день юбилея сопровождался особымъ торжествомъ, на которое августѣйшій шефъ прислалъ своего флигель-адъютанта, полковника князя Дитрихштейна.

Политическое обозрѣніе.

1898 годъ.

Главную сферу внѣшней политической дѣятельности Европы въ теченіе истекшаго года оставался по преимуществу Востокъ—дальній и ближайшій, къ которому присоединился Востокъ африканскій.

Съ тѣхъ поръ, какъ на берегахъ Великаго океана исчезла вѣковая устойчивость недвижнаго Китая, въ столицѣ Небесной имперіи началось прогрессивное возрастаніе соперничества европейцевъ, особенно усилившагося въ прошломъ году.

Продолжая отстаивать свои интересы на Дальнемъ Востокѣ, Россія подтвердила свои законныя стремленія крупнымъ ассигнованіемъ средствъ на потребности отечественнаго судостроенія. Въ дѣлахъ ближайшаго православнаго Востока на долю Россіи выпала руководящая роль исконной покровительницы православнаго міра. Посѣщеніе русской столицы королемъ румынскимъ и княземъ болгарскимъ укрѣпило положеніе дѣлъ, благодаря которому на Балканскомъ полуостровѣ представляются невозможными политическія осложненія, способныя нарушить европейскій миръ. Турціи дано понять, что ея упорство въ устройствѣ Крита безцѣльно: по настоянію Россіи критяне получили автономное управленіе съ греческимъ королевичемъ Георгіемъ.

Униженная безразсудной войной, Греція удовлетворена прав-

ственно, Турція же убѣдилась, что даже побѣдоносная для турокъ война сопровождается громадными территориальными потерями, упразднившими турецкое владычество на Средиземномъ морѣ. Если критскіе христіане благословляютъ истекшій годъ, какъ зарю своего возрожденія, то это отрадное явленіе въ значительной мѣрѣ приходится отнести къ успѣхамъ плодотворной русской восточной политики.

Помимо этихъ утѣшительныхъ результатовъ, внѣшняя политика Россіи открыла для себя въ истекшемъ году блестящую страницу исторіи, куда золотыми письменами внесено будетъ великодушіе Государя Императора, обратившагося къ державамъ съ предложеніемъ конференціи для ограниченія современныхъ вооруженій Европы. Пронесшійся по политическому горизонту блестящимъ метеоромъ великій призывъ Державнаго Вождя Россіи напомнилъ культурному человечеству о пагубныхъ послѣдствіяхъ грознаго милитаризма, снѣгающагося упразднить въ людяхъ понятіе о братствѣ народовъ.

Для нашей союзницы—Франціи истекшій годъ былъ жестокии тормозомъ во внутренней жизни республики. Съ самаго начала года выступившее на сцену новое орудіе партійной борьбы—дѣло Дрейфуса—завладѣло на цѣлый годъ вниманіемъ всей французской націи

и ея правительства. Послѣ ниспроверженія новой палатой кабинета умѣренныхъ республиканцевъ, власть перешла въ руки радикальнаго министерства, смѣнившаго трехъ военныхъ министровъ и державшагося на своемъ мѣстѣ не болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Новому кабинету, ставшему у власти въ концѣ года, пришлось продолжать упорную борьбу съ сторонниками пересмотра пресловутаго процесса. Безконечные запросы не дали палатѣ возможности разсмотрѣть государственный бюджетъ на предстоящій годъ, и правительство прибѣгло къ непопулярнымъ въ странѣ временнымъ кредитамъ.

Важнѣйшимъ ущербомъ для престижа третьей республики было столкновеніе французовъ съ англичанами въ Суданѣ, закончившееся отступленіемъ Франціи, уязвившимъ ея національное самолюбіе; въ памяти французовъ надолго останутся военные угрозы Англии. Французская республика проводила минувшій годъ среди небывалой путаницы партійныхъ настроеній, и лишь доказанная неизмѣнность франко-русскаго союза служить Франціи путеводной звѣздой въ международныхъ отношеніяхъ.

Германія мирнымъ путемъ продолжала энергичную защиту своихъ подданныхъ за предѣлами имперіи. Торжественное путешествіе императора Вильгельма II по Азіатской Турціи подняло на Востокъ престижъ Германіи, благодаря чему нѣмецкой предприимчивости открыты широкіе пути, вызывающіе въ другихъ державахъ опасенія серьезнаго соперничества нѣмцевъ. Для преслѣдованія широкихъ германскихъ задачъ, отъ рейхстага потребовано новое увеличеніе арміи. Какъ бы по роковой случайности, вслѣдъ за проходами Германіей желѣзнаго канцлера на вѣчный покой, — въ твореніи князя Бисмарка — въ тройственномъ союзѣ обнаружилась нѣкоторыя шероховатости, исключаящія сердечность отношеній между союзниками.

По отношенію къ Россіи германскій императоръ выказывалъ особую предупредительность, содѣйствующую большому закрѣпленію дружбы двухъ великихъ со- сѣдей.

Австро-Венгріи не удалось наладить свой сложный государственный механизмъ. Смѣна австрійскаго кабинета, скандалы въ рейхсратѣ, отсрочки его сессіи, крупныя беспорядки въ Вѣнѣ и Буда-Пештѣ — создали безвыходность положенія, потребовавшую вмѣшательства императора, направившаго дѣла помимо парламента. Наканунѣ новаго года обнародованными императорскими указами продолжено временное австро-венгерское соглашеніе на весь наступившій годъ, при чемъ оставлены въ силѣ, по 14-й статьѣ австрійской конституціи, договорныя отношенія обѣихъ половинъ имперіи, вопреки основному закону Венгріи, и разрѣшены временные кредиты на первые три мѣсяца. Кризисъ Габсбургской имперіи дѣлкомъ перенесенъ въ новый годъ, отъ котораго австрійскія народности ждутъ для себя болѣе счастливаго оборота дѣлъ.

Италія пережила серьезныя народныя волненія, вызванныя вздорожаніемъ хлѣба, что отразилось на положеніи министерства. Новый кабинетъ занимался восстановленіемъ порядка въ странѣ. При

всей трудности домашнихъ дѣлъ, Италія приняла дѣятельное участіе во вѣннской политикѣ и взяла на себя починъ созыва международной конференціи объ анархистахъ. Выдающимся фактомъ итальянской вѣннской политики было начало сближенія съ Франціей, съ которою Италія заключила торговый договоръ.

Великобританія не жалѣла усилий для удержанія своего престижа на желасмой высотѣ. Въ Пекинѣ англичане вели энергичную борьбу съ русскимъ влияніемъ. Не довольствуясь захватомъ порта Вей-Ха-Вей, Англія въ теченіе всего истекшаго года тревожила европейскую печать сенсационными предположеніями о намѣреніи англичанъ присвоить себѣ ту или иную область китайскаго побережья. Одновременно съ воинственными порывами на Дальнемъ Востокѣ,

Англія энергично защищала свои верховныя права въ южной Африкѣ и побѣдно закончила походъ англо-египетскихъ войскъ въ верховья Нила: съ карты восточной Африки стерто полудикое государство дервишей-махдистовъ, и въ столицѣ омурумманскаго халифа развѣвается британскій флагъ. Египеть очутился въ болѣе энергичныхъ рукахъ Англии, которая постаралась доказать, что ей нуженъ сплошной путь отъ Александріи до Капштадта. Положение это подкрѣплено было чрезмѣрными военными приготовлениями, заставлявшими опасаться грозной катастрофы въ самой Европѣ. Несмотря на удовлетвореніе Франціей британскихъ притязаній въ Суданѣ, Англія встрѣтила новый годъ во всеоружіи, какъ бы готовая къ серьезнымъ дѣйствіямъ.

Соединенные Штаты Сѣверной Америки, по окончаніи побѣдоносной войны, стали въ минувшемъ году могущественной военной державой, стремящейся отнынѣ играть выдающуюся роль въ мировой политикѣ: для великой заатлантической республики началась новая эпоха исторической жизни.

Разбитая Испанія распрощалась съ обширными колоніями и перешла въ разрядъ третьестепенныхъ державъ. Роковыя неудачи испанцевъ подготовили въ королевствѣ достаточно матеріала, угрожающаго

всему государственному строю Испаніи.

И на мирномъ Скандинавскомъ полуостровѣ нависли тучи: въ истекшемъ году шведско-норвежскія отношенія значительно ухудшились. Норвежскій стортингъ въ третій разъ принялъ дважды отвергнутый королемъ законопроектъ объ отдѣльномъ норвежскомъ торговомъ флагѣ. Шведское правительство не пошло на уступки, между тѣмъ рѣшеніе норвежской палаты, въ силу конституціи, стало уже закономъ. Этимъ закономъ норвежцы заявили о своемъ стремленіи къ полному политическому обособленію отъ Швеціи.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 к. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.—же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Юбилейное подношеніе л. гв. нексгольмскаго полка своему августѣйшему шефу австрійскому императору Францу-Иосифу I по поводу 50-лѣтія его шефства.
По фот. автотипія «Нивы».

Основан. въ 1886 году КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРИИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ.

Бухгалтерія торговая, банковая, сельскохозяйственная и фабричная. Съ марта — винной монополіи и земскихъ управъ.
Москва, Тверская ул., уголъ Леонтьевского пер., д. Полякова. д. № 11861 5-2

10-го ЯНВАРЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются бесплатно.

ВАЖНОЕ СООБЩЕНИЕ

Понижение цѣнъ.

Благодаря феноменальному успѣху образцовыхъ пишущихъ машинъ

РЕМИНГТОНЪ

сбытъ которыхъ достигъ уже цифры

— 250,000 шт. —

заводъ оцѣль возможнымъ понизить съ 1 Сентября с. г. цѣну машинъ

== НА 50 РУБ. ==

позтому новѣйшая модель 1898 года Ремингтонъ Спеціалъ стоитъ 275 и 260 р., а модель № 5-й только 250 и 235 руб.

ПРЕДОСТЕРЕГ. ОТЪ МАССЫ ПОДДѢЛОКЪ!!

КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.

ЕДИНСТВ. ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ

М. Блок

МОСКВА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, КИЕВЪ, ОДЕССА, Варшава, Екатеринбургъ, Конакъ, Ростовъ "и др.

и.с. николаевскій, москва.

Оптический и хирургическій магазинъ

П. И. МАХИНЪ и К^о.

Москва, Рождественка, д. Суздаль. подворья. Волшебные фонари для народа. чтен. отъ 30 р. Картины фотогр. къ народн. чтеніямъ для волшебн. фонар.: черныя отъ 22 к. до 65 к., раскрашен. отъ 75 к. до 1 р. 25 к. Высл. катал. волшеб. фонар. и свѣт. карт. на 1899 г. Очки, пенсне, бинокли, барометры, термометры, стереоскопы, чертежныя инструм. и проч. по умѣреннымъ цѣнамъ.

КАРАМЕЛЬ

изъ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ

„КЕТТИ БОССЪ“

В. Семадени въ Кіевѣ.

Цѣна коробки 25 коп. Малая коробка 15 коп.

Главный складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ. С.-Петербургъ, Гороховая ул., 33. Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. 12-7

Цѣны означены съ уплаченною пошлиною и перемылкою.

Мужескія часы цѣна 10 руб. съ нивельнымъ механизмомъ и 3 крышками.

Реформа двойная мужеская цѣпочка 3 руб.

Новость! **„Реформа“** часы звѣзда

Norwich Watch Company.

Пересыла съ уплаченною нами пошлиною.

Часы реформа оставлены изъ новаго своеобразнаго металла, такъ что дѣше специалисту трудно ихъ отличить отъ обыкновеннаго золота часовъ. Имъ прилагаемъ на себя за часъ реформа Norwich Watch Company пожизненную гарантію въ томъ, что они никогда не потеряютъ вида настоящихъ золотыхъ часовъ.

Патентованный механизмъ часовъ Реформа Norwich Watch Company устроенъ съ такою точностію и тщательностію, что каждому, кто нуждается въ совершенно вѣрныхъ часахъ или изъ нововаго металла, удобнаго и легкаго обрамленія, предлагаемъ. Изъ каждымъ часамъ прилагается трехлѣтняя гарантія съ обозначеніемъ No. часовъ.

Цѣна за штуку 10 рублей. Однорядные, двойные или палладіевые часы реформы, цѣна 3 рубля съ вышними браслетами.

Дамскія Реформы-часы выйдутъ съ 3-мя крышками 12 руб.

Дамскія Реформы-цѣпочка 8 руб.

Во всемъ заключаемъ таможенныя пошлины и перемылку, по почтѣ съ требованіемъ можно обращаться на русскіи языкъ.

Числами исполняются по получению денегъ или наложеннымъ платежомъ.

Во всякомъ случаѣ или недоразумѣніи поворачивая просимъ Г-на. покупателя принять къ сведенію, что наша фирма въ Россіи нивѣдѣтъ представителей или Агентовъ, но имѣетъ въ настоящее время часъ только съ нашей маркой.

Письма просить адресовать

ANTON RIX & BRUDER

Wien, II. Praterstrasse 14/16.

Пейте Цейлонскій чай!

Больше всего въ мірѣ потребляется чай въ Англии. Англичане, вслѣдъ за появленіемъ Цейлонскаго чая, перестали потреблять чай Китайскій, такъ какъ Цейлонскій чай есть несомнѣнно лучший чай и въ настоящее время въ Англии расходуется Цейлонскаго чая болѣе ста милліоновъ фунтовъ въ годъ.

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ ЭКОНОМИЧЕНЪ.

Ш. № 11641 **ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ** очень полезенъ для здоровья. 30-9

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучший чай по вкусу и аромату.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ **Цейлонскаго чая у** **М. Роживю, Москва,** Маросейка, д. Тушинной. Представитель Товарищества Цейлонскихъ плантаторовъ для всей Россіи. Ш. № 11642 20-9

Печатается и поступить въ продажу весной будущаго 1899 года новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**

ДЕШЕВЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Въ одномъ большомъ томѣ, состоящемъ изъ 55 печатныхъ листовъ: болѣе 2500 столбцовъ текста съ 2000 рисунковъ (въ томъ числѣ около 700 портретовъ) и 30 географическими картами, гравированными въ Парижѣ. Изданіе печатается на плотной глянцеванной бумагѣ. Цѣна словаря въ переплетѣ — три рубля. За пересылку — по вѣсу (3 фунта) и расстолю. Желающіе получить словарь тотчасъ по его выходѣ могутъ обращаться съ своими требованіями заблаговременно въ книжный магазинъ П. Дуконникова (С.-Петербургъ, Лештуковъ пер., д. 2), откуда словарь будетъ имъ высланъ немедленно наложеннымъ платежомъ.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

на 1899 годъ продается во всѣхъ главныхъ музыкальн. и книжн. торговляхъ. Цѣна въ издани. колонков. переплетѣ 1 рубль. Гл. складъ: С.-Петербургъ, Троицкая, 38.

На 1899 г. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** на 1899 г. самый дешевый журналъ, политическій, литературно-художественный съ карикатурами № 11760 4-4

„РАЗВЛЕЧЕНІЕ“

50 номеровъ журнала, въ которыхъ будетъ помѣщено болѣе 800 прекрасн. исполненныхъ рисунковъ извѣстныхъ карикатуристовъ-художниковъ. „РАЗВЛЕЧЕНІЕ“ всѣмъ годовымъ подписчикамъ дастъ въ видѣ приложенія Сборникъ юмористическихъ разназовъ популярнаго юмориста А. Педро.

Годовая цѣна журнала 6 рублей, на полгода 3 рубля.

Пробный № высылается за три семикопеечныя марки.

Адресъ: Москва, Тверская, д. Чижова, журналу «РАЗВЛЕЧЕНІЕ».

ПРИЯТНЫЕ ДУХИ **ВЕРА-АНОНА** РОСКОШНЫЕ НѢЖНЫЕ

ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО **ВЕРА-АНОНА** ПРИЯТНОЕ, нѣжное бархатистое

Т-ва ГИГИЕНА

◆ ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ. ◆

Гл. складъ: С.-Петербургъ, Коломенская, 12.

ПЛУГЪ „СУПЕРІОРЪ“

лучшій, новѣйшій и самый простой плугъ для почвы всякаго рода Валдлебенской системы и Эккерта, съ мѣшкообразнымъ лемехомъ доставляетъ за 22 руб. (включая и пересылку до границы) съ запаснымъ лемехомъ **МОРНЦЪ ВЕЙЛЬ** младш., Франнфуртъ и М. **ЦАВОНДЕНІЕ** Ром. изъ современн. жизни В. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 3 р. 50 к.

БЫСТРО, ЧЕТКО и КРАСИВО шить новѣйшія пишущія машины

„БЛИКЕНСДЕРФЕРЪ“

Въ 2 года выпущено свыше 20,000 машинъ.

На различн. выставкахъ премированы высшими наградами и золот. медалями. Цѣна 100 и 120 руб. В. № 11843 2-2

Образцы писемъ и каталоги высылаются бесплатно.

★ ПРЕДСТАВИТЕЛИ: **Э. КИЖИМАНЪ и К^о** С.-Петербургъ, Гороховая, 17. ★

ФАБРИКА
Музыкальных
инструментовъ
торгового дома
Андрей Емольяновичъ
КУЛАКОВЪ
въ С.-Петербургѣ,
Садовая улица, № 33.

рекомендуетъ
ГИТАРЫ
солидной рабо-
ты и отличнаго
тона

въ 2, 3, 4, 8, 10,
12, 15, 30, 50,
75 рублей.

СКРЯЖКИ
въ 2, 3, 5, 6, 10,
15, 30, 100 руб.

ЮБИЛЕЙНЫЙ РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИР-
ванный прейсъ-курантъ всѣхъ инстру-
ментовъ высылается БЕЗПЛАТНО.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться
письменно: Банкирскій домъ Генрихъ
Блокъ. С.-Петербургъ, 59, Невскій.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

В. В. ДУМНОВА,

въ Москвѣ и С.-Петербургѣ,
продаетъ слѣдующія дѣтскія книги, могущія
служить хорошимъ подаркомъ въ праздникъ:
Мензбира, М. А. Изъ жизни звѣрей и птицъ.
Популярные очерки съ 20 рис. Г. Волфа,
въ папкѣ. Ц. 3 руб.
Золотницкаго, Н. Ф. Дѣтскій акваріумъ, съ
73 политипажами и 4 табл. Ц. 1 р. 25 к.
Коровина, В. Д. Въ дремучемъ лѣсу. Раз-
сказъ дѣдушки внукамъ, для дѣтей млад-
шаго возраста. Ц. 50 коп.
Ярошевская, М. Т. Пестрый вѣнокъ, вып. I.
Сборникъ разсказовъ и стихотвор. Ц. 75 к.
Сальниковъ, В. Г. Бѣлинскій для учащихся.
Ц. 1 руб. 25 к. № 11820 2-2
Его же, В. Г. Бѣлинскій объ искусствѣ. Ц. 75 к.

ЦАРЬ-ДѢВЦА.
Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ
пер. 2 р. 50 к.
Требованія адресовать въ контору изданій
А. Ф. Маркса. Спб., Мал. Морская, № 22.

СЪМЕННОЯ
ТОРГОВЛЯ
А. Б. МЕЙЕРЪ.

Москва, Мясницкая, д. Кузнецова.

СЪМЕНА
ЦВѢТЧНЫХЪ, ОГОРОДНЫХЪ и ПОЛЕВЫХЪ
НАИЛУЧШАГО КАЧЕСТВА

и испытанной всхожести,
по умѣреннымъ цѣнамъ.

Иллюстрирован.
каталогъ
БЕЗПЛАТНО.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN

Эссенція для платновъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра —
Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6442 (94)

НОВѢЙШЕ ЦВѢТЧНЫЕ ДУХИ:

ЛОЗЕ „VIOLETTA REGIA“

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ
магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

PASTILLES VICHY-ÉTAT
aux Sels Naturels extraits des Eaux
Vendues en boîtes métalliques scellées.

COMPRIMÉS VICHY-ÉTAT
aux Sels Naturels extraits des Eaux
pour fabriquer
l'EAU ALCALINE GAZEUSE

№ 10042 26-24

СВЪЗІЯ полевая, огородн.,
СЪМЕНА ЦВѢТЧНЫХЪ и
БЕЗПЛАТНО
СЪМЕННО-ТОРГОВЛЯ у БОЛЬШАГО ТЕАТР.
въ МОСКВѢ

270 Р.

подъ выигрышные билеты. И заемъ
до 235 руб., подъ III Дворянскіе до
200 руб., подъ остальными бумагами до
95 руб. въ 5 до 8% годов. и 1/4%
ежеме. ком. предлагаетъ въ суду
банкирскій домъ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
59, Невскій. 7-3

БЕЗПОДОБНАЯ
цитра „МОНОПОЛЬ“

отличается силою звука и мелодичнымъ
голосомъ, а съ помощью шести педалей,
полными очаровательными аккордами мо-
жетъ всякій разыгрывать все что угодно,
не имѣя даже понатія о нотѣ.

Цѣна 7 руб.

ПРЕДЛАГАЕТЪ
ФАБРИКА ТОРГОВОГО ДОМА
ТОВАРИЩЕСТВА

А. Е. КУЛАКОВЪ.

С.-Петербургъ, Садовая, 33.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣхъ
инструментовъ высылается бесплатно.

ВОЛНИЦЫ лѣчатъ наружныя, внутреннія
большія электротер. Невскій, 53, кв. 7.
Отъ 2—4 и отъ 6—7 1/2 ч. в. № 11521 4—4

ВОЗДУХЪ ВЪ РОЛИ ТОПЛИВА.
Безплатно описание новой системы
ОТЪСОПЪЛЕНІЯ.
Новочеркасскъ. Изобр. Ф. К. Трайлину.

!! КЪ ПРАЗДНИКАМЪ !!

Кто желаетъ имѣть
вѣрные ЧАСЫ и дать
хорошій подарокъ и не
дорогой, пусть выпи-
шетъ изящные и проч-
ные карманные муж-
скіе часы, открытые,
ремонтуръ, массивно-
обтянутые золотомъ,
вѣрнымъ ходомъ, съ щелковой цѣ-
почкой и брелокомъ вѣра, надежда
и любовь или другой фантазіи

только за 4 рубля

дамскіе на 1 р. 50 к. дороже.
Письменное ручательство на 6 лѣтъ.
Высылаютъ по получениі 1 рубля
задатка. Адресъ: Торговой фирмѣ Бр.
Варновицкихъ, складъ женевскихъ и
французскихъ часовъ въ Варшавѣ,
Королевская 29—42. Выписывающіе
на сумму болѣе 20 рублей даромъ
получаютъ изящные кабинетные ча-
сы «Форъ».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА НОВЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

= МІРЪ ИСКУССТВА. =

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ теченіе года) тетрадами in 4° съ рисун-
ками въ текстѣ и съ приложеніемъ на отдѣльныхъ листахъ фототипій и хромолитографій.
Журналъ состоитъ изъ отдѣловъ: художественнаго и художественно-промышленнаго.

ВЫШЛИ УЖЕ ИЗЪ ПЕЧАТИ №№ 1—4.

Въ художественномъ отдѣлѣ въ первыхъ четырехъ номерахъ журнала были помѣщены иллюстра-
ціи (41 иллюстр. въ текстѣ и 5 приложеній) съ произведеній слѣдующихъ художниковъ: О. Бердслей,
Э. Бернъ-Джонса, В. Васнецова, Э. Веренсюльда, И. Левитана, Д. Левицкаго, Г. Моро, П. Шювись-
де-Шаванна, И. Рѣпина, В. Сѣрова и кн. П. Трубецкаго.

Въ художественно-промышленномъ отдѣлѣ помѣщены снимки (30 иллюстр. въ текстѣ и 5 прилож.)
съ работъ художниковъ: В. Васнецова, М. Врубеля, К. Коровина, С. Малютина, В. Полѣнова, Е. Полѣ-
новой, К. Сомова, а также снимки со старинныхъ русскихъ построекъ, деревьевъ, вещей, мебели и т. п.

Въ литературномъ отдѣлѣ помѣщены статьи и замѣтки: П. Боборыкина, кн. С. Волконскаго, С. Дягилева, К. Мадсена (Копенга-
генъ), Д. Мережковскаго, Н. Минскаго и Р. Мутера (Бреславль), Д. Философова, І. Ясинскаго и др.

Подписная цѣна съ доставкой:

Въ С.-Петербургѣ	На годъ	10 р.	5 р.
Съ пересылкой иногороднимъ	»	12 »	6 »
» за границу	»	14 »	7 »

Цѣна двойного номера въ отдѣльной продажѣ 1 рубль; —1 руб. 30 коп. съ пересылкою.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Главная контора журнала находится при книжномъ магазинѣ товарищества **М. О. ВОЛЬФЪ** (С.-Петербургъ, Гостиный Дворъ,
№ 18; Москва, Кузнецкій Мостъ, 12).

Подписной годъ начинается съ 1-го января 1899 года.

Изданіе книжки **М. К. Тенишевой** и **С. Н. Мамонтова**. Редакторъ **С. Н. Дягилевъ**.

Поставщик Двора Его Императорского Величества. Сдельная фабрика основана 1786 г.

СЪДЛА, РУССКАЯ УПРЯЖЬ, АНГЛИЙСКІЯ ШОРЫ,
кожушенные принадлежности, дорожные вещи лучшего качества.

ВАЛЬТЕРЪ и КОХЪ.
Малая Морская, № 4.

XX

Покройте ситцемъ наши поля. Новая привилегія. Дешево, прочно, замѣчательно изычно, скоро, можно даже зимою, безъ запала, моются водою. Адресъ: Одесса, техническое бюро инженера Н. МЕЛЬНИКОВА. (Высылаютъ подробности). 3-3

КРЕМЬ АЛЬДЕХИДЪ ВЛАДИО
ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ КОЖИ ЛИЦА И РУКЪ.
Мал. флак. 60 к.; больш. фл. 1 р.
Можно получать вездѣ.
Главный складъ въ Москвѣ у **В. КРЕМЕРЪ,** Чижовское подѣ. (7)

7 разъ удостоены первыхъ премій. **СКРИПКИ, ВИОЛОНЧЕЛИ** и пр. неподражаемы по тону и качеству. Старин. итальянскіе инструменты въ громаднѣмъ выборѣ. **ЦИТРЫ,** всемирно-извѣстныя по своему прекрасному тону и превосходн. работѣ. Все другіе музыкальные инструм. Иллюстр. каталоги высылаются бесплатно. **Братья Вольфъ.** Фабрика струнныхъ инструментовъ. Крейцнахъ.

ЗА ОДИНЪ РУБЛЬ во всѣхъ кн. маг. и б-кахъ. Рос. Имп. пруд. **„АЛЬМАНАХЪ-ЕЖЕГОДНИКЪ“**
П. О. Яблонскаго
ВЕРХОУССІЙСКІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1899 г., содержащій около 500 стр. и 174 рис. Купите кн., ознакомитесь съ ея полезн. для всѣхъ и каждого содержан. и вы навѣрно не пожалѣете затрат. РУБЛЯ. Отъ издат.: СПБ. Лешугинъ 13 можно выпис. нал. плат. Перес. по почт. таксѣ.

1896. 1897.

Я. БЕККЕРЪ
ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА:

Его Величества Императора Всероссийскаго
Его Величества Императора Австрійскаго
Его Величества Короля Шведскаго и Норвежскаго
Его Величества Короля Датскаго.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ:
1893 г. ЧИКАГО—дипломъ и медаль.
1894 г. АНТВЕРПЕНЬ—„Grand-Prix“.
1896 г. НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ—Государственный гербъ.
1897 г. СТОКГОЛЬМЪ—золотая медаль и званіе Поставщика Его Величества Короля Швеции и Норвегии.
Рояли отъ 600 руб. Пянино отъ 450 руб. 6-4

ЛѢЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ЦИММЕРМАНА ВЪ ХЕМНИЦѢ, ГЕРМАНІЯ.
Лѣтн. и зимн. сезоны; за день отъ 5—10 1/2 мар., вклуч. все, также 1 конс. и завтраки.
Завѣдыв. врачъ д-ръ Диске (Disque), авт. с. «Естествен. лѣч. болѣзн.», 5 изд., въ пер. 3 мар., и «Діететическ. столъ», 3 изд., въ перепл. 1.80 мар. (скл. изд. на нѣм. яз. у О. Sprater, Leipzig). 2-й врачъ д-ръ Бурнагертъ. Лѣчб. зав. съ инстин. ортопед. и врач. гимнаст. по сист. Цандера. Лѣч. бол.: нервн. (гипноз., гидротер., элект., электр. ванн.), женск. (с. Туре-Брандтъ), сахарн., желуд., нишечн. (устан. діеты по изсл. жел. выдѣл.), спинного мозга (компенз. терапія), почечн., моч. пузыря, легк., сердца, а также ожирѣн. (электр. свѣт. ванны), подагры, ревматизма (песоч. ванны) и ислривл. позвон. и т. д. 3 доктора и 1 женщ.-врачъ. Присп. выс. безпл. управл. лечебн. зав.

САРАТОВСКАЯ САРЖИКА
ИЗЯЩНАЯ ЛЕГКАЯ ТКАНЬ
ДЛЯ ПЛАТЬЕВЪ и БѢЛЬЯ.
360 ОБРАЗЦОВЪ ВЪ АЛЬБОМѢ
Высылаются за 56 коп. почтов. марками.
ФАБРИКАНТЫ, ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
А. БЕНДЕРЪ съ С-ми и В. БЕНДЕРЪ.
МОСКВА, Петровка.
на лѣто 1899 года.
Пересылка оптовыхъ и розничныхъ заказовъ во всѣ мѣста.

НОВЫЯ КНИГИ:
Изданія фирмы «Полиглотъ» Кишиневъ Бессарабія.
СПЕЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ для РОССІИ:
КАКЪ ИЗВЛЕЧЪ
изъ каждой десятины земли, какова бы ни была почва и гдѣ бы она ни находилась,
500 руб.
и болѣе доходу въ годъ
СОЧИНЕНІЕ
составленное общими силами извѣстныхъ агрономовъ: Дюборъ, Тронсе, Делансь, Лебанкъ, Вильморинъ, Камбонъ, Дюксенъ, Балъеръ и друг.
Переводъ съ французскаго.
Цѣна 2 рубля.
КАКЪ РАЗБОГАТѢТЬ?
Какъ создать выгодное и самостоятельное занятіе съ 10 руб. сочиненіе Инездинръ.
Переводъ съ англійскаго.
Цѣна 1 рубль.
Цѣны съ пересылкою.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА
„СМИСЬ - ПРЕМЬЕ“.
Скорость, прочность, удобство. Последнія усовершенствованія. Цѣна 250 р. и 275 р. Дешев. пишущ. машина **„КОСМОПОЛИТЬ“.** Самый красив. шрифтъ. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами. Описаніе и образцы шрифтовъ обѣихъ машинъ высыл. бесплатно. **О. РИХТЕРЪ, СПБ.,** Адмиралт. пр., 4. Москва—Ф. И. Розенталь, Мясницкая, 36. Варшава—И. Фансъ и К^о. Севастополь, 36. Кіевъ—Н. Фальбергъ, Кредактикъ. Одесса—Г. М. Левинсонъ, Ришельевская, 19.

ЮБИЛЕЙНО-ТОРЖЕСТВЕННАЯ ПОДПИСКА „КОНЦА ВЪКА“ НА ЮРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Будильникъ

Въ 1899 г.—35-лѣтіе журнала.
Въ 1899 г.—15-лѣтіе настоящей редакціи.
Въ 1899 г.—100-лѣтіе рожденія А. С. Пушкина.

Всѣ подписчики 1899 г. признаются юбилейными гостями редакціи и, кромѣ уваженія, получатъ ежедневно серьезнѣе-юмористическое обзорнѣе текущей жизни столицы, особенно провинціи и заграницы. Все будетъ изображаться въ прозѣ, стихахъ, въ рисункахъ, карикатурахъ, перомъ, карандашомъ и красками.

ГODOVЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ НЕБЫВАЛАЯ ПРЕМІЯ: „ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ“.
Полный текстъ поэмы съ портретами А. С. Пушкина, П. И. Чайковского и иллюстраціями-фототипіями фотогр. К. А. Фаера, снятыми со сценъ оперы «Евгеній Онѣгинъ» въ Императорскихъ театрахъ Москвы и Петербурга.
КРОМЪ ТОГО ГОДОВЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ БЕЗПЛАТНО: ЮБИЛЕЙНЫЙ СУРПРИЗЪ.
(Сюрпризъ будетъ разосланъ подписчикамъ въ ноябрѣ 1899 г., что, кстати, при № 11696 учить любозытныхъ къ терпѣнью...)
Подписная цѣна: на годъ съ преміей и сурпризомъ—10 р. Безъ преміи—9 р. Въ Москвѣ на 1 р. дешевле. Скупщикъ—разрочка: 5 р. при подпискѣ и 5 руб. 1 июня 1899 г. Полугодовые подписки не остаются безъ обѣда, но остаются безъ преміи и сурприза. Пробный номеръ «Будильника» высыл. за три 7 к. маржи.
Подписная денги адресуются: МОСКВА, ВЪ РЕД. ЖУРН. „БУДИЛЬНИКЪ“.

ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА И КАРТОЧКИ СЪ РИСУНКАМИ
ХУДОЖНИКОВЪ ЕЛИЗ. БЕМЪ, М. ВИЛЛЕ, Э. ВИЗЕЛЬ, КАРАЗИНА, К. МАКОВСКАГО, В. ОВСЯНИКОВА, РЫБИНА, ЕЛЕНЫ САМОКИЦЪ-СУДКОВСКОЙ, Н. САМОКИНА, СОЛОМКО И ВАРВАРЫ ШИДЕЙЕРЪ,
КОНВЕРТЫ „КРАСНАГО КРЕСТА“
№ 11780 (ВМѢСТО ВИЗИТОВЪ) 3 2
въ пользу больницы въ память ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Продаются въ СПБ. Попечительномъ Комит. о сестрахъ Краснаго Креста (Инженерная, 9) и въ лучшихъ писчебумажн. и эстампныхъ магазинахъ.

ЗАЛЪ ДВОРЯНСКАГО СОВРАЩЕНІЯ
Въ Субботу, 9-го января 1899 г., въ 8 ч. веч. состоится ежегодный большой симфоническій концертъ при благосклонномъ участіи оркестра Императорской оперы подъ управленіемъ извѣстнаго дирижера (изъ Бреслава) Рафаэля Машковскаго, г-мъ М. И. Долной, солистки-свириачки (изъ Париза) Софія Гаффе, солистки Его Величества Императора Австрійскаго Софія Ментеръ.

ПРОГРАММА:
1. Beethoven. Восьмая симфонія. Иск. Менеръ.
2. Sophie Menter. „Ungarische Zigeunerweisen“. (Инструментовано для оркестра П. Чайковскимъ). Иск. Г-жа Софія Ментеръ.
3. Liszt „Préludes“. Иск. оркестръ.
4. Ernst „Airs hongrois (съ оркестромъ)“. Иск. M-lle Софія Гаффе.
5. a) Victorien Joncieres „Air de Martha“ de l'opéra „Dimitri“ (Дмитрій Самозвъ.“) b) Saint-Saens „Chanson de Scozzone de l'opéra „Ascanio“ (съ оркестромъ) въ первый разъ. Иск. Г-жа М. И. Долная.
6. R. Wagner. Увертюра къ оперѣ „Мейстерзингеръ“. Иск. оркестръ.

Роль фабрики **Я. БЕККЕРА.**
Всѣ сборы поступить въ пользу обществъ: 1) „ЯСЛИ“, 2) ДОСТАВЛЕНІЯ ДЕШЕВЫХЪ КВАРТИРЪ. Билеты по 5, 4, 3, 2, 1 р. 50 к. и 1 р. можно съ 20-го декабря получить въ музыкальномъ магазинѣ Югансена (Невскій, 50) и въ книжн. магаз. „Новаго Времени“ (Невскій, 40), а для учащихъ (въ формѣ) въ музыкальн. магазинѣ Циммерманъ (Б. Морская, 34) и у ювелира Рейхертъ (Невскій, 34), а по 3, 7 и 6 рублей исключительно у ин. Щербацкой (Надсединская, 48) и у О. В. Барановой (Малюковская, 6).

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
украшенный 3-мя эстампами на мѣди и 14-ю гравюрами и виньетками на деревѣ

ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ БИБЛИОТЕКИ „НИВЫ“ на 1899 г.
содержащей въ себѣ большое роскошно-иллюстрированное изданіе in folio

ТРАГЕДІИ

ГЕТЕ

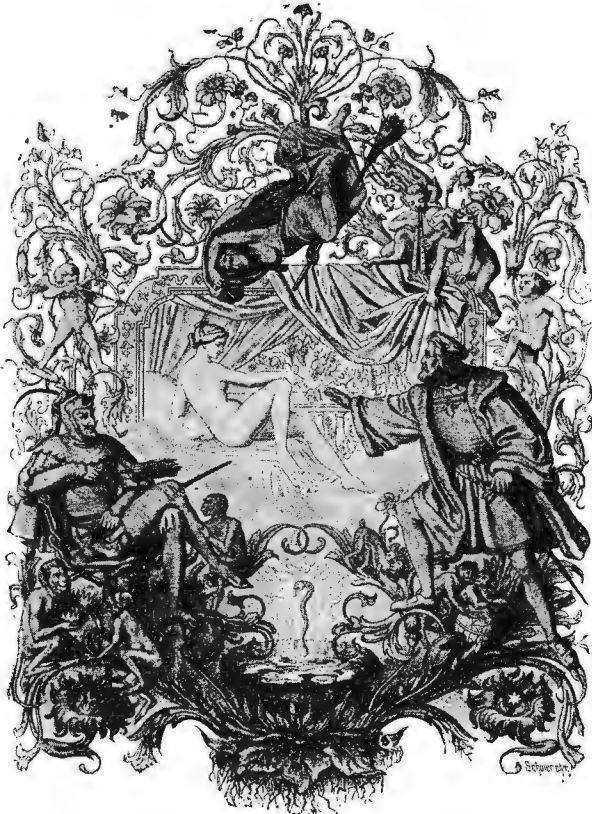
„ФАУСТЪ“ ПЕРЕВОДЪ
А. ФЕТА.

Желающіе могутъ ознакомиться съ первымъ выпускомъ какъ въ помѣщеніи редакціи, такъ и въ большихъ книжныхъ магазинахъ.

Первый выпускъ „Фауста“ продается за 1 руб., иногороднымъ высылается за 1 р. 50 к. (можно почтов. марками въ заказн. письмахъ), **КОТОРЫЕ ЗАСЧИТЫВАЮТСЯ ПРИ ПОДПИСКѢ НА ВСЕ ИЗДАНИЕ СО 2-ГО ВЫПУСКА.**

Предлагаемое нами новое удешевленное изданіе „Фауста“, съ 25 эстампами, гравированными на мѣди, и 132 гравюрами на деревѣ, по рисункамъ знаменитаго германскаго художника ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА, исполненнымъ въ гравюрѣ извѣстнѣйшими граверами,—по формату, качеству бумаги, эстампамъ, гравюрамъ и печати будетъ до такой степени соответствовать первому дорогому изданію, стоившему (въ переплетѣ) 40 р., что ихъ нельзя будетъ отличить другъ отъ друга. Но, вмѣсто 40 р. (а съ перес. свыше 45 руб.), подписная цѣна для дешеваго изданія назначена нами въ 14 р. (съ перес. 16 р.), причѣмъ допускается разсрочка платежа. По заключеніи подписки цѣна будетъ возвышена до 20 р.

О высококомъ качествѣ иллюстрацій къ „ФАУСТУ“ можно судить по эстампамъ на мѣди и гравюрамъ на деревѣ, помѣщеннымъ въ первомъ выпускѣ „Фауста“.

Мепистофель показываетъ Фаусту въ первый разъ Маргариту.
Копія (уменьшенная въ 10 разъ) съ эстампа на мѣди изъ роскошнаго изданія «Фаустъ» Гёте.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на все изданіе, выходящее въ 12-ти выпускахъ,
по одному выпуску въ мѣсяцъ:

Безъ доставки	14 р.	Съ доставкой въ С.-Петербургъ и съ пересылк. во всѣ города и мѣстности Россіи . . .	16 р.
Безъ доставки: въ Москвѣ въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, и въ Одессѣ въ книж. маг. „Образованіе“, Ришельевская, № 12	15 р.	Съ пересылкой за границу	20 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА

подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ:

	БЕЗЪ ДОСТАВКИ:				СЪ ДОСТ. и ПЕРЕС.:			
	въ 2 срока.	въ 3 срока.	въ 4 срока.	въ 6 срок.	въ 2 срока.	въ 3 срока.	въ 4 срока.	въ 6 срок.
При подпискѣ . . .	7 р.	5 р.	4 р.	4 р.	8 р.	6 р.	5 р.	4 р.
1 февраля . . .	—»	—»	4»	2»	—»	—»	4»	3»
1 марта . . .	—»	5»	—»	—»	—»	5»	—»	—»
1 апрѣля . . .	—»	—»	—»	2»	—»	—»	—»	3»
1 мая . . .	7»	—»	3»	2»	8»	—»	4»	2»
1 іюля . . .	—»	4»	—»	2»	—»	5»	—»	2»
1 августа . . .	—»	—»	3»	2»	—»	—»	3»	2»

Для гг. служащихъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка платежа, за поручительствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ, на еще болѣе льготныхъ условіяхъ.

Отдѣльные выпуски «Фауста», кромѣ перваго, не продаются, и изданіе съ наложеннымъ платежомъ не высылается.

Требованія и деньги адресовать: въ контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, Малая Морская № 22.

Поединокъ между Валентиномъ и Фаустомъ.

Копія (уменьшенная въ 10 разъ) съ эстампа на мѣди изъ роскошнаго изданія «Фаустъ» Гёте.

ЖЖВА

№ 2.

XXX г.

1899 г.

Содержание:

ТЕКСТЪ: Воровба. Рассказъ В. Г. Авсеенко. (Окончание.) — На другое амлуа. Рассказъ О. Н. Чюминой. (Окончание.) — Къ рисункамъ: Съ ярмарки. — Нимфа. — Зимній день. — Фарандоль. — „Обрывъ“, романъ И. А. Гончарова. — Лягавая собака. — Высокопроесященнѣйшій Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій. — Королевичъ греческій Георгій на о. Критъ. — Храмъ-усыпальница русскихъ воиновъ близъ Санъ-Стефано. — Столѣтїе Павловскаго института въ Петербургѣ. — К. С. Баранцевичъ. — Летательный аппаратъ доктора Данилевскаго. — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Объявленія.

РИСУНКИ: Съ ярмарки. Картина А. Вѣрушъ-Новальскаго. — Нимфа. Картина К. Е. Мановскаго. — Зимній день. Картина А. Швейцера. — Фарандоль. Картина Э. Гарриво. — Литературный альбомъ. „Обрывъ“, романъ И. А. Гончарова: 1) Марейника. 2) Райскій у Козловыхъ. Ориг. рисунки В. А. Табурина. — Лягавая собака. Этюдъ А. Д. Нившенно. — Высокопроесященнѣйшій Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій. — Верховный комиссаръ Крита королевичъ греческій Георгій и адмиралы европейскіхъ державъ, даровавшихъ автономію критянамъ. — Прибытіе королевича греческаго Георгія на о. Критъ. Адмиралы привѣтствуютъ его высочество у пристани. — Храмъ-усыпальница русскихъ воиновъ, павшихъ въ русско-турецкую войну 1877-78 г. близъ Санъ-Стефано. — Столѣтїе Павловскаго института въ Петербургѣ. Зданіе института на Знаменской улицѣ. — К. С. Заранцевичъ. — Летательный аппаратъ доктора Данилевскаго.

ФОТОГРАФЪ К. К. БУЛЛА,

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Садовая улица, д. № 61, противъ Адреснаго стола.

Всегда подготовленъ къ выѣзду и отправляется по приглашенію куда бы то ни потребовалось. Снимаетъ все, не стѣсняя помещеніемъ, вездѣ и всюду — какъ днемъ, такъ и во всякое вечернее время — при своемъ искусственномъ свѣтѣ. Портреты съ умершихъ, группы во всякомъ составѣ, внутреннія обстановки

комнатъ, залъ, выставки и т. п. Всякіе архитектурные предметы, какъ внутренніе, такъ и наружные фасады, дома, фабрики, мастерскія съ рабочими, машины, желѣзныя дороги, памятники, магазины, виды и проч.

Различныя сцены и типы, снимки съ древнихъ и старин. предметовъ, открытіе и освященіе зданій, юбилейныя торжества и др.

Моментальные снимки съ лошадей, собакъ и другихъ животныхъ. У себя въ павильонѣ: портреты и группы всѣхъ форматовъ. Увеличеніе со всякихъ картъ — до натуральной величины. № 11877 12-1

ДАЖА, прослужившая 12 лѣтъ въ княжескомъ домѣ воспитательницей, владѣющая вполнѣ французскимъ и нѣмецкимъ языками, говорящая по-итальянски и по-испански, знающая рисованіе и рукодѣліе, желаетъ получить мѣсто воспитательницы или компаньонки, здѣсь или въ отъѣздѣ. Просить обращаться въ контору журнала „НИВА“.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блонкъ. С.-Петербургъ, 39, Невскій.

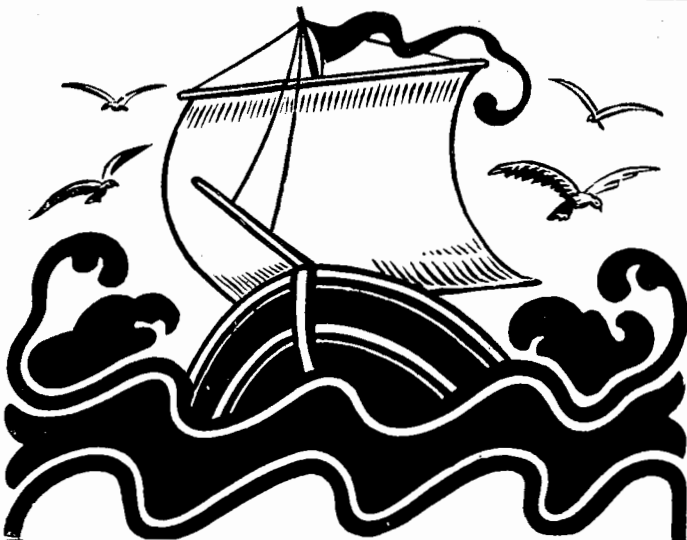
КРАСИВО выучивается всякій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО**.

Методъ преподаванія на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. За 4 семилеточныя марки высылается **ПРОБНОЕ ПИСЬМО** шрифтовъ, подробныя условія и образцы исправленія почерк. заочн. учен. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерябосовская, д. № 19.

Коммерч. Академія въ Лейпцигѣ.

Программы высылаются секретаремъ Академіи.

Нарф.-косм. маг. иарикмагорская М. И. Баба-новскаго, г. г. Минскъ. Преобр. ул., д. Вендорфа. Товаръ разн. фаб., цѣны всему низки.

Потребленіе какао **ВАНЪ-ГОУТЕНА**, одного изъ пріятнѣйшихъ напитковъ, увеличивается съ каждымъ днемъ. Изъ этого какао получается самый лучший шоколадъ для питья.

Этимъ и объясняется тотъ успѣхъ, которымъ пользуется это какао среди другихъ сортовъ шоколада и среди другихъ напитковъ, въ родѣ чая и кофе.

Приготовленіе его очень легко, просто и быстро.

Въ 100 частяхъ какао Ванъ-Гутена содержится болѣе 60 частей полезныхъ питательныхъ веществъ.

R. № 11233 6-5

SAINT LÉON

ЕДИНСТВЕННОЕ НАТУРАЛЬНОЕ

ТОНИЧЕСКОЕ ВИНО

VIN TONIQUE NATUREL RECONSTITUANT

SEUL PROPRIÉTAIRE DU CRU DE SAINT-LÉON

NESTOR FALCON, VALENCE (Drôme)

(FRANCE)

Основан. въ 1886 году КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРІИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ.

Бухгалтерія торговая, банковая, сельскохозяйственная и фабричная. Съ марта — винной монополіи и земскихъ управъ. Москва, Тверская ул., уголъ Леонтьевскаго пер., д. Подякова.

Ц. № 11861 5-3

10-го ЯНВАРЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются бесплатно.

XXX г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXX

№ 2

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 № № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1899

Выданъ 9 января 1899 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1899 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цѣна годового изданія „Нивы“ со веѣми приложеніями на 1899 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ полное собраніе сочиненій И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставкѣ въ Петербургѣ.	5 р. 50 к.	Безъ доставкѣ въ Москвѣ чр. контору Н. Н. Печниковой, Петровскія торговыя линіи.	6 р. 25 к.	Съ доставкою въ Петербургѣ.	6 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи.	7 р.	За границу.	10 р.
------------------------------	-------------------	--	-------------------	-----------------------------	-------------------	--	-------------	-------------	--------------

На ¼ года съ дост. въ СПБ. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на ½ года съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 л.

Съ ярмарки. Съ картины А. Вѣрушъ-Новальскаго грав. Кирмзе.

Ворожба.

Рассказъ В. Г. Авсѣнко.

(Окончаніе.)

VII.

Съ этихъ поръ я встрѣчался съ Дачевскими уже на правахъ хорошаго знакомаго, и очень часто. Я иногда съ утра прѣзжалъ изъ Ниццы, заходилъ за ними на хорошенькую виллу на горѣ, гдѣ онѣ жили, и мы вмѣстѣ отирались на прогулку, пѣшкомъ или въ экипажѣ. Иногда, наоборотъ, онѣ прѣзжали въ Ниццу, я встрѣчалъ ихъ въ вокзалѣ, и затѣмъ предпринималась поѣздка въ Симіэсъ, Больё, или на парусномъ катерѣ въ море. Я, такъ сказать, прикомандировался къ Дачевскимъ, и это выходило тѣмъ удобнѣе, что у нихъ почти не было знакомыхъ, или же онѣ избѣгали ихъ. Между прочимъ, разъ, въ Ниццѣ, Ксенія Михайловна, завидѣвъ издали высокаго господина съ подстриженной черной съ просѣдью бородой, быстро толкнула мать, шепнула ей: «князь!»—и обѣ онѣ тотчасъ же бросились въ ближайшій магазинъ. Это меня очень удивило, и когда онѣ вышли опять на улицу, я не удержался спросить:

— Что это за князь? Вы какъ-будто испугались его?

Ксенія Михайловна сдѣлала презрительную гримаску.

Не испугались, но дѣйствительно, избѣгаемъ встрѣчаться съ нимъ,—объяснила она.—Этотъ господинъ меня преслѣдуетъ, и такъ грубо и неотвязчиво, что становится нестерпимо. Мы не хотѣли бы, чтобы онъ зналъ о нашемъ пребываніи здѣсь.

— Кто жъ это такой?—спросилъ я.

— Право, я даже не знаю его фамиліи; какой-то князь... Мы съ нимъ почти незнакомы,—отвѣтила съ явной неохотой Ксенія.

— Это изъ тѣхъ господъ, которые думаютъ, что если женщины не имѣютъ подлѣ себя мужа или отца, то ихъ можно преслѣдовать своими ухаживаньями,—добавила Любовь Даниловна.

— Но его можно и отучить отъ этого,—сказалъ я.

— Нѣтъ, оставимъ его въ покоѣ; лучше просто избѣгать встрѣчаться съ нимъ,—возразила мнѣ Дачевская.

Странно: это обстоятельство, вмѣсто того, чтобы показаться мнѣ недостаточно выясненнымъ, сдѣлало Дачевскихъ какъ-будто еще болѣе близкими мнѣ. Ихъ одинокое положеніе, да еще на чужбинѣ, привлекало все мое участіе. И въ особенности положеніе Ксеніи, такъ какъ я догадывался, что тѣсной душевной связи съ матерью у нея не было.

Догадка эта перешла въ убѣжденіе послѣ того, какъ я разъ засталъ Ксенію одну, съ заплаканными глазами, разстроенную. Она сидѣла въ маленькомъ садикѣ, у крыльца виллы, спиною ко мнѣ, съ опущенною на руки головою. Меня еще издали поразила глубокая печаль, выражающаяся во всей ея позѣ; мнѣ показалось, что густая волна ея великолѣпныхъ волосъ, покрывавшая плечи и спину, подозрительно вздрагивала, какъ бываетъ у плачущихъ женщинъ. Я подошелъ къ чугунной рѣшеткѣ садика и окликнулъ негромко:

— Ксенія Михайловна!

Она быстро обернулась, вспрыгнула на ступеньку крыльца, и уже оттуда, приставивъ руку къ бровямъ, взглядылась въ меня.

— Мама нѣтъ дома, крикнула она голосомъ, въ которомъ на этотъ разъ не звучало обычной привѣтливости.

— Разрѣшите зайти на минуту къ вамъ въ садъ,—попросилъ я.

— Нельзя, мамы нѣтъ,—повторила она.

— Но мнѣ такъ хочется васъ видѣть... Что съ вами? Мнѣ показалось, будто вы разстроены,—проговорилъ я.

— Приходите вечеромъ, мы будемъ дома.

— Но развѣ нельзя зайти къ вамъ теперь, на одну минуту? Точно вы боитесь меня...

Она помолчала, потомъ махнула рукой.

Ну, зайдите...

И маленькими, нерѣшительными шагами она спустилась со ступенекъ и пошла по крупному, зернистому песку въ глубину садика.

— Вы плакали?—спросилъ я тревожно, вглядываясь въ ея словно потемнѣвшіе глаза.—Что такое? у васъ какія-нибудь непріятности?

Ксенія досадливо отвела глаза и проговорила:

— Можетъ-быть. Кому какое дѣло до моихъ непріятностей?

— Ну да, я угадалъ, вы совсѣмъ разстроены,—сказалъ я.—Иначе вы не захотѣли бы обидѣть меня этимъ замѣчаніемъ.

— Обижать мнѣ васъ не за что. И ничего не случилось, просто я сегодня не въ духѣ,—возразила она.

— Мамаша ушла въ казино?

— Нѣтъ... не знаю... кажется, по дѣламъ куда-то.

Она сидѣла на низенькомъ желѣзномъ стулѣ, и трепетная тѣнь листы порхала около ея прелестной головки, наполняя воздухъ какими-то зеленоватыми и голубыми отраженіями. Эти свѣтовые полутоны придавали ея красотѣ особенную нѣжность и прозрачность. А слезы, несмотря на усилія задержать ихъ, изрѣдка скатывались крупными каплями съ рѣсницъ, и уголки рта чуть вздрагивали. Я смотрѣлъ на нее, весь охваченный чувствомъ обожанія и жалости. Я былъ уже влюбленъ въ нее въ ту минуту...

— Вотъ видите, я была права, что не пускала васъ: мы и разговаривать не можемъ,—проговорила она.—Нѣтъ, серьезно, приходите лучше вечеромъ, я уснѣю оправиться. Теперь я, въ самомъ дѣлѣ, разстроена.

И она встала, собираясь убѣжать. Я быстро схватилъ ея руку.

— Ксенія Михайловна, развѣ я не заслужилъ маленькаго довѣрія?—сказалъ я.—Меня смущаетъ мысль, что, можетъ-быть, ваше положеніе тяжелѣе, чѣмъ я думаю. Успокойте меня. Я знаю, между вами и вашей мамашей много несходнаго, у васъ не должно быть тѣсной дружбы. И хотя я лицо постороннее, но, вѣроятно, Любовь Даниловна не оставитъ безъ всякаго вниманія моего мнѣнія, если я выскажу его по поводу какого-нибудь непріятнаго столкновенія между вами... Я хотѣлъ бы хоть такимъ образомъ быть полезнымъ вамъ.

Ксенія стояла, не шевелясь, низко наклонивъ голову. Лицо ея было такъ же печально, какъ и раньше; скользившія по немъ тѣни листы были такъ обманчивы, что мнѣ почудилось, будто мгновеньями какая-то странная усмѣшка пробѣгала, словно молнія, по сжатымъ губамъ дѣвушки!

Она вдругъ порывисто протянула мнѣ руку.

— Вы хорошій, добрый, умный; я вѣрю вашему участію:—сказала она такимъ же порывистымъ тономъ. Но вы ничего не можете сдѣлать, ничего! И не думайте никогда заступаться за меня передъ мамой, отъ этого только мнѣ же хуже будетъ!

И съ этими словами она быстро отвернулась отъ меня и убѣжала въ домъ.

VIII.

Я вышелъ изъ садика, почти разстроенный этой сценической. Воображеніе мое усиленно работало все въ одномъ направленіи. Я представлялъ себѣ, какъ сложилась жизнь этой прелестной дѣвушки, поставленной въ полную зависимость отъ матери, съ которой она ни въ чемъ не могла сходиться. Чувство жалости все накоплялось у меня въ душѣ, вмѣстѣ съ смутнымъ волненіемъ очарованія...

Все это кончилось тѣмъ, чѣмъ должно было кончиться: я влюбился въ Ксенію Михайловну.

Странное это было чувство: оно точно не внезапно явилось, а только вскрылось нечаянно, послѣ долгаго скрытнаго пребыванія въ душѣ. Я какъ будто давно уже любилъ ее, не видя и не зная. Все въ ней казалось мнѣ удивительно близкимъ, роднымъ и волнующимъ. И что-то болѣзненное было въ этомъ чувствѣ, какая-то вкрадчивая ядовитость; мнѣ нравилось представлять себѣ Ксенію несчастною, страдающею, точно я былъ влюбленъ именно въ ея печаль и страданіе. Когда на нее находили минуты непривычной, рѣзвой веселости, эта веселость почти оскорбляла меня, причиняла мнѣ боль.

Словомъ, я фантазировалъ, сентиментальничалъ до глупости. Теперь я объясняю себѣ это условіями поэтическаго одиночества, въ какихъ я находился, дѣйствіемъ южнаго воздуха и солнца, и всей этой завораживающей, опьяняющей природы Ривьеры; но тогда все, что я чувствовалъ, все мои странныя и страстныя волненія, представлялись мнѣ какъ нельзя болѣе естественными, и я исполняя не заботился разбираться въ нихъ.

Разъ, послѣ обѣда, мы долго сидѣли на площадкѣ передъ казино, наблюдая за нескончаемымъ движеніемъ все новыхъ и новыхъ посѣтителей, торопившихся въ игорныя залы. Любовь Даниловну сильно тянуло туда же. У нея сегодня были свѣжія деньги: по ея словамъ, она получила крупный чекъ изъ Петербурга. Наконецъ, она встала и рѣшительно объявила, что пойдетъ попытать счастья.

Ну, вотъ, представьте себѣ, до такой степени я увѣрена въ сегодняшнемъ выигрышѣ, точно уже положила его въ карманъ,—объяснила она.—А тебя Владиміръ Петровичъ не откажется, конечно, проводить домой.—добавила она къ дочери.

Намъ надо было идти черезъ весь паркъ. Солнце уже давно скрылось, густыя сумерки заволакивали все кругомъ. Электрическій свѣтъ скользилъ по верхушкамъ пальмъ, тогда какъ подъ ними, на широкихъ дорожкахъ, было почти темно. Я подаль руку Ксеніи.

Мы шли нѣсколько минутъ молча, словно пугаясь этой, охватившей насъ со всехъ сторонъ, темноты. Паркъ былъ совершенно безлюденъ, вся публика толпилась около игорныхъ столовъ. Я почти съ ужасомъ думалъ о душномъ воздухѣ казино, о нездоровомъ, хищномъ возбужденіи игры, о подрисованныхъ лицахъ женщинъ, ихъ наглыхъ взглядахъ и вызывающихъ улыбкахъ... А здѣсь было такъ чудно-хорошо! Въ воздухѣ струилась бодрящая свѣжесть, ночныя тѣни ширились, все словно дышало какою-то страстною тайной...

Вдругъ Ксенія пугливо прижалась ко мнѣ и оглянулась.

— Знаете, какое это мѣсто? — сказала она. — Здѣсь, недѣлю назадъ, ночью, застрѣлился одинъ итальянецъ. Онъ, бѣдный, незадолго передъ тѣмъ женился, предпринялъ «свадебное путешествіе», проигрался, и наканунѣ отъѣзда пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Ужасно, не правда ли?

Я пожалъ плечами.

— Вашъ итальянецъ для меня непонятенъ, — сказала я:—какимъ образомъ можно дѣлать впечатлѣнія медоваго мѣсяца съ азартомъ игорнаго дома?

— О, съ вами этого не случилось бы, я знаю, — сказала Ксенія, и рука ея крѣпче оперлась на мою руку. Вы должны совсемъ иначе любить.

— Да, не такъ, какъ этотъ итальянецъ, подтвердилъ я. Любовь, то-есть счастливая, увѣчная любовь, захватила бы меня всего, такъ что не было бы мѣста никакой другой страсти.

Ксенія не отвѣчала и ниже наклонила голову.

— Можетъ-быть, я оттого такъ разсуждаю, что очень увѣренъ въ своемъ выборѣ.—продолжалъ я. — Въ любви страшнѣе всего—ошибиться.

Ксенія быстро подняла голову и взглянула на меня сверкнувшими въ темнотѣ глазами.

Ошибиться въ женщинѣ? — переспросила она.

— Да; это такъ часто случается, — отвѣтилъ я.

Влюбленные мужчины вообще довѣрчивы, а женщины такъ умѣютъ надѣвать на себя маску. Но я почему-то полагаюсь на свой инстинктъ; мнѣ кажется, что онъ не обманетъ меня.

Вѣроятно, мои слова были въ какомъ-нибудь отношеніи глупы, потому что на губахъ Ксеніи промелькнула улыбка, и я видѣлъ даже, что ея подбородокъ слегка задрожалъ, какъ бываетъ при сдержанномъ внутреннемъ смѣхѣ. Это заставило меня покраснѣть въ темнотѣ.

— Вы до сихъ поръ не обманывались? — спросила Ксенія.

— Я до сихъ поръ не любилъ.—отвѣтилъ я.

Мнѣ показалось, что рука ея снова сильнѣе оперлась на мою руку.

— Правда ли это?—произнесла она негромко.

— Вы сомнѣваетесь?

— Я думаю, что вы умѣли бы любить. А кто умѣетъ...

Она не договорила, и только вскинула на меня сбоку своимъ прозрачнымъ и загадочнымъ взглядомъ.

Мы въ это время подошли къ выходу изъ парка. Впередъ лежала полоса бѣлаго электрическаго свѣта на каменной дорогѣ. Мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ грустно, такъ больно выходить изъ нашей темноты на этотъ свѣтъ, что я остановился, придерживавъ руку Ксеніи подъ своей рукой.

— Послушайте, куда мы торопимся? Въ паркѣ такъ хорошо,—сказалъ я.—Отчего бы намъ не вернуться и не пройти еще разъ?

Она тотчасъ согласилась, и мы опять вошли въ темную, благоухающую и нѣбжащую темноту южной ночи. Ея довѣріе умилило меня, я готовъ былъ упасть къ ея ногамъ и со слезами сказать, какъ я люблю ее...

— Вы вѣрите, что я сумѣлъ бы любить?—проговорилъ я дрогнувшимъ голосомъ.

— Вѣрю. У васъ душа есть... отвѣтила Ксенія, и я почувствовалъ довѣрчивое прикосновеніе ея плеча.

— И вы правы, Ксенія, вы правы! Я самъ это знаю, чувствую, испытываю... проговорилъ я, начиная задышаться.

Она пошла медленно, ея ноги какъ будто пугались въ складкахъ платья.

— Вамъ такъ кажется. На васъ эта поэтическая ночь такъ дѣйствуетъ... — сказала она съ чуть зазвучавшей ироніей.

— Эта ночь помогла мнѣ понять себя; но это не обманъ...—возразилъ я. — Да вы знаете, что это не обманъ: вы раньше меня самого угадали мое чувство.

— И не трудно было!—произнесла она какъ-то странно, съ прорвавшимся сквозь стиснутые зубы смѣхомъ.

Но не иронія звучала въ этомъ смѣхѣ, а захватывающее, задорное торжество...

Я остановился, и осторожно охвативъ рукой ея талию, жадно вглядывался въ выраженіе ея лица. Въ зеленоватыхъ тѣняхъ ночи оно казалось блѣднѣе обыкновеннаго; вѣки дѣлвно опустились, и сквозь полураскрытыя, но не улыбавшіяся губы чуть блѣднѣли все такъ же стиснутые, мелкіе и ровные зубки. Задыхаясь, я прижался губами къ этимъ дышавшимъ неотразимымъ соблазномъ губамъ. Она медленно отдала мнѣ поцѣлуй, потомъ тихо оттолкнула меня и пошла назадъ, къ выходу изъ парка, не подавая мнѣ руки и все ускоряя шагъ.

Мы почти молча дошли до ея виллы. Чугунная калитка не была заперта. Ксенія быстро захлопнула ее за собою, кивнула мнѣ головой, и скрылась за узенькой дверью крыльца.

IX.

Я возвращался въ Ниццу счастливый, но еще болѣе смущенный. Случившееся пугало меня. Что могло быть впереди? Моя любовь не была мимолетнымъ капризомъ;

Нимфа. Съ картины К. Е. Маковского по фотограф. П. Чоглокова грав. Герике (исключит. право воспроизв. въ гравюрѣ принадлежитъ «Нивѣ»).

Зимній день. Ст' картини А. Швейцера грав. Киржес.

я сознавалъ, что не въ силахъ пожертвовать ею. Но въ такомъ случаѣ, что же оставалось дѣлать? Жениться на Ксеніи? Я былъ слишкомъ мало приготовленъ къ такой рѣшительной переизмѣнѣ въ своемъ положеніи. Кромѣ того, сколько бы я ни полагался на свой инстинктъ, я не могъ отрицать, что очень мало знаю Ксенію. Да и вообще все, что я зналъ о Дачевскихъ, было мнѣ извѣстно только изъ ихъ собственныхъ словъ.

Погруженный въ это тягостное раздумье, я почти не обращалъ вниманія, когда въ Больѣ вошла въ мое купе молодая дама, и помѣстилась прямо противъ меня. По-немногу я сталъ, однако, всматриваться въ ея черты, потому что меня удивило въ нихъ что-то знакомое. Дама была приблизительно однихъ лѣтъ со мною, смугла, очень недурна; въ наружности ея сказывался чисто русскій типъ. Она и одѣта была, какъ одѣваются не слишкомъ свѣтскія русскія дамы: жакетъ и платье ея едва ли отличались парижскимъ покроемъ. Но вниманіе мое было привлечено преимущественно тѣмъ, что она, какъ только вошла въ вагонъ, безпрестанно исподтишка на меня по-смагивала, съ такимъ видомъ, какъ будто ожидала, что я заговорю съ нею.

Я наконецъ приподнял шляпу и сказалъ по-русски:

— Простите, но мнѣ кажется, что я гдѣ-то встрѣчался съ вами; только, вѣроятно, давно, потому что память со-всѣмъ измѣняетъ мнѣ.

Дама улыбнулась и кивнула мнѣ головой.

— Дѣйствительно, мы встрѣчались, только очень давно, — сказала она. — Но я васъ узнала. Ваша фамилія Заварзинъ?

Я поклонился.

— Мы видѣлись только одинъ разъ, десять лѣтъ назадъ, и довольно необыкновеннымъ образомъ, — продолжала она. — Мы вмѣстѣ ходили къ гадалкѣ, старой цыганкѣ, въ Спасской улицѣ...

— Боже мой! — воскликнулъ я, разомъ припоминая все это полудѣтское приключеніе. — Теперь я отлично призналъ васъ. Такъ вы та самая дѣвушка, которая въ тотъ день была такъ сильно тѣмъ-то разстроена... Но, простите, ваше имя совершенно исчезло изъ моей памяти...

— Я ношу теперь другое имя: я замужемъ. Меня зовутъ Анна Николаевна Ожимкова.

— Анна Николаевна... такъ, такъ; теперь припоминаю.

И мы теперь уже открыто, во всѣ глаза, посмотрѣли другъ на друга, какъ старыя давно не видавшіеся и неожиданно встрѣтившіеся знакомые.

— А вы помните, что тогда сказала эта старая цыганка, когда я прошла съ вами? Что мы еще увидимся, только не скоро и не близко, а на чужой сторонѣ, — припомнила Ожимкова.

— Что вы говорите! — воскликнулъ я, пораженный.

— Да, да, дѣйствительно, теперь все это разомъ оживаетъ въ моей памяти. Она именно сказала, что мы забудемъ другъ друга, а потомъ, черезъ много лѣтъ, встрѣтимся на чужой сторонѣ, и все вспомнимъ, и ее вспомнимъ... Но какъ это все удивительно! Можно сдѣлаться совсѣмъ суевѣрнымъ отъ такой удачной ворожбы.

По лицу молодой женщины пробѣжала задумчивая тѣнь; видно было, что и въ ней тогдашнее приключеніе вызвало воспоминанія.

— Да, это была удивительная гадалка, — сказала она.

Мы разговорились; я узналъ, что Ожимкова живетъ въ Ниццѣ, въ томъ же самомъ отелѣ, гдѣ и я; что прѣхала она на Ривьеру ради восьмилѣтней дочери, которая была очень плоха, но теперь почти совсѣмъ оправилась; что ея мужъ занимаетъ хорошее частное мѣсто въ Москвѣ, и что она ждетъ не дожидется, когда можно будетъ туда вернуться.

— А скажите, ваше замужество было въ какой-нибудь связи съ гаданьемъ старой цыганки? — спросилъ я. — Я тогда заподозрилъ романическую исторію.

Анна Николаевна улыбнулась.

— Конечно, я потому и побѣжала къ гадалкѣ, что была влюблена. — Дѣтскія глупости! — добавила она съ маленькимъ вздохомъ.

— И цыганка сказала вамъ правду?

Замѣчательно. Но вѣдь она и вамъ тоже гадала? Что жъ, сбылось что-нибудь?

Я сообщилъ, что предсказала мнѣ цыганка, и какъ исполнилась часть ея предсказаній.

— Вотъ видите! И остальное тоже исполнится. — тономъ убѣжденія замѣтила Ожимкова. — А я нѣсколько разъ встрѣчалась съ вами здѣсь съ однимъ семействомъ, которое я немножко знаю, — вдругъ добавила она. — Вы, кажется, очень весело проводите время...

Вы знаете Дачевскихъ? — восторженно спросилъ я.

— Очень мало, по Москвѣ, и больше по слухамъ, — отвѣтила Анна Николаевна. — И еще раньше, я ихъ видѣла въ Ростовѣ, гдѣ мужъ имѣлъ дѣла. Лично я не знакома съ ними. Но вы, очевидно, ухаживаете, и я не удивляюсь вамъ: она прехорошенькая...

— Не правда ли? — воскликнулъ я съ влюбленною наивностью.

Ожимкова посмотрѣла на меня съ какою-то замысловатою улыбкой, и сказала:

Очень интересная особа, сколько я слышала.

Мнѣ хотѣлось узнать отъ нея гораздо больше, но разспрашивать показалось мнѣ неловкимъ; притомъ же, въ отвѣтахъ Ожимковой замѣчалась неохота продолжать этотъ разговоръ. Женщины не любятъ говорить съ мужчиной о той, кто его интересуетъ, если... не хотятъ говорить о ней дурно.

Остерегайтесь дурмана: очень опасный цвѣтокъ, — напомнила съ маленькимъ смѣхомъ Ожимкова, прощаясь со мной.

X.

На другой день я съ утра уѣхалъ въ Монте-Карло. Маленькая вилла, гдѣ жили Дачевскіе, имѣла сонный видъ: сквозь чугунную рѣшетку никого не было видно, и часть оконъ стояла съ закрытыми ставнями. Встрѣтила меня сама Ксенія Михайловна, въ утреннемъ корсажѣ съ широкимъ воротомъ, и распущенными волосами.

— Мама совсѣмъ здорова, не вставала еще, — сказала она, и провела меня въ маленькую угловую комнату, со спущенными на окнахъ жалюзи, сквозь которыя проникалъ слабый, зеленоватый полусвѣтъ.

Мнѣ казалось, что голосъ Ксеніи звучалъ сегодня какъ-то иначе, довѣрчивѣе, словно со вчерашняго вечера мы стали ближе другъ къ другу. Да и вся она, въ этомъ мягкомъ и тепломъ полусвѣтѣ, въ этомъ свободномъ корсажѣ съ открытой шеей и обнаженными по локоть руками, съ наскоро расчесанною волною волосъ, казалась какъ-то проще, милѣе, «домашнѣе»...

Она сѣла на старинный узенькій диванчикъ съ позолотою прошлаго вѣка, и указала мнѣ мѣсто подлѣ себя.

Мнѣ было несказанно хорошо. Всѣ вчерашнія сомнѣнія и страхи отлетѣли; безнечность молодости брала свое. Наслаждаться ея близостью, ненасытно любоваться этой только-что созрѣвшей и уже полной неотразимаго соблазна красотой — вотъ все, что я жадно ощущалъ въ себѣ. Разговоръ какъ-то сразу завязался, и становился все довѣрчивѣе, все полнѣе той бессознательной и свободной прелести, какую рождаетъ только влюбленная близость. Ксенія больше разспрашивала меня; ей хотѣлось узнать все, что меня касалось, мою жизнь, мою дѣловую и интимную обстановку, мои привычки, вкусы, даже размѣры моего бюджета и мои виды на будущее. Когда я сказалъ, что могу тратить въ годъ отъ восьми до десяти тысячъ, она посмотрѣла на меня нѣсколько задумчивымъ, но удивительно нѣжнымъ взглядомъ, какъ-то сверху внизъ, точно хотѣла одобрительно поглядѣть меня.

— Но вѣдь если бы вы захотѣли постараться, то могли бы и больше имѣть? — сказала она.

— О, конечно,—подтвердилъ я;—но мнѣ одному моихъ средствъ до сихъ поръ было вполне достаточно.

Она ничего на это не сказала, только положила свою руку на мою. Я сжалъ ея узкіе, маленькіе пальцы, поднесъ ихъ къ губамъ и принялся цѣловать. Она не отнимала ихъ. Ея вѣки чуть опустились, длинныя рѣсницы перестали мигать, въ разжатыхъ губахъ опять появилось то полное ядовитого соблазна выраженіе, которое кружило мнѣ голову вчера... Я потянулся и жадно прильнулъ къ этимъ губамъ. Волненіе омыняло меня. Словно сквозь пахучій туманъ, я чувствовалъ только щекотаніе ея рѣсницъ на моей щекѣ, и легкое вздрагиваніе ея плечъ подъ мягкимъ шелкомъ. Она, наконецъ, порывисто вскинула руками, обвила мою шею, быстро и крѣпко поцѣловала меня нѣсколько разъ, почти до боли прижимаясь губами, и затѣмъ съ силой оттолкнула меня.

Вошла служанка, и съ жестокимъ итальянскимъ акцентомъ спросила, подавать ли завтракать.

— Да, да, мы будемъ завтракать. Я сегодня сама хозяйничаю! — воскликнула Ксенія, быстро вскочивъ и захопавъ въ ладоши. — Владиміръ Петровичъ, ведите меня въ столовую, торжественно, подъ-руку.

На нее внезапно напала дѣтская шаловливость. Я замѣчалъ и раньше, что она вообще способна къ такимъ быстрымъ переходамъ; но сегодня это вышло какъ-то особенно мило. Она смѣялась, звенѣла посудой, роняла ножи и вилки, и при этомъ лицо ея иногда вдругъ принимало смущенное, растерянное выраженіе, нѣжная кожа ея розовѣла, и она словно досадливо отворачивалась отъ моего жаднаго взгляда. Въ эти минуты моему воображенію представлялось, что я уже женатъ на ней, и что мы въ первый разъ завтракаемъ вдвоемъ у себя дома. Долженъ сознаться, что настроенное такимъ образомъ воображеніе мое очень легко обличалось съ мыслью о бракѣ, и какой-нибудь виѣшній толчокъ могъ бы заставить меня сейчасъ же сдѣлать предложеніе.

Завтракъ, впрочемъ, былъ самый безпорядочный въ хозяйственномъ смыслѣ: Ксенія по минутно срывалась съ мѣста, бѣгала за служанкой, или въ маленькій чуланъ, гдѣ хранились вино и фрукты, я бѣгалъ вслѣдъ за нею, и сталкиваясь въ коридорѣ или въ темноватой угольной, гдѣ мы раньше сидѣли, старался поймать ее за руки или за талію. Она громко хохотала, увертываясь, но потомъ вдругъ сама остановила меня и, поднявшись на цыпочки, скромно подставила мнѣ свой розовый лобъ для поцѣлуя.

Между тѣмъ изъ спальни Любови Даниловны все чаще доносилось погашливанье, и какъ будто даже слабыя стоны.

— Мамаша не на шутку расхворалась?—спросилъ я.

Лицо Ксеніи тотчасъ сдѣлалось серьезно, темныя брови ея сблизились.

— Это съ ней всегда послѣ крупнаго проигрыша,—сказала она, и сѣла, безсильно опустивъ руки.

— Проигралась вчера въ рулетку? — полюбопытствовалъ я.

Ксенія помолчала, потомъ приблизила ко мнѣ лицо и проговорила вполголоса:

— Все проиграла, все рѣшительно, что у насъ было... Отъ этого она и расхворалась.

— Это скверно,—сказалъ я.—И вѣроятно уже не въ первый разъ?

— Нѣтъ, раньше она проигрывала понемногу, а вчера ей страшно не везло,—объяснила Ксенія.—И хуже всего то, что какъ разъ вчера она получила деньги изъ Петербурга, и теперь ей неоткуда больше получить.

— Скверно, — повторилъ я, не зная, собственно, что сказать.

Мнѣ представилось прежде всего, что м-ше Дачевская, проигравшись, захочетъ сейчасъ же уѣхать изъ Монте-Карло, и мнѣ придется расстаться съ Ксеніей, отказаться отъ этого очаровательнаго романа, прелесть кото-

раго я только-что началъ ощущать. Затѣмъ я вспомнилъ, что Любовь Даниловна говорила о какомъ-то капиталѣ, который считала неприкосновеннымъ. Такъ какъ я видѣлъ, что Ксенія посвящена въ денежные дѣла матери, то спросилъ:

— Но вѣдь мамаша можетъ, ради такой случайной катастрофы, позаимствовать изъ капитала, о которомъ она говорила?

Дѣвушка взглянула на меня съ недоумѣніемъ, но затѣмъ тотчасъ отвѣтила:

— Да, капиталъ... но изъ него, кажется, нельзя сейчасъ взять, онъ несвободенъ. Во всякомъ случаѣ, имъ нельзя распорядиться отсюда, надо лично въ Петербургъ... или, можетъ-быть, даже въ Тифлисѣ.

Мы оба замолчали. Ксенія сидѣла, сжавъ сложенные на колѣняхъ руки, и ея печальные глаза глядѣли мимо меня.

— Значитъ, можетъ случиться, что васъ увезутъ отсюда, и пожалуй даже на Кавказъ?—рѣшился я наконецъ спросить.

Ксенія запрокинула голову и сжала руками виски.

— Ахъ, я ничего не знаю въ настоящую минуту, — сказала она съ тоской. —Сегодня или завтра все объяснится, тогда я вамъ скажу.

Изъ спальни послышался слабый голосъ Любови Даниловны, призывавшей дочь.

— Уйдите теперь, мы еще увидимся,—сказала Ксенія, и протянула мнѣ руку.

Я печально пожалъ ея горячіе пальцы.

— Но вы дадите мнѣ слово, что не уѣдете, не увидавшись со мною?—проговорилъ я.

— Мы увидимся, во что бы то ни стало, — отвѣтила Ксенія, и побѣжала къ матери.

XI.

Мнѣ было такъ скучно, такъ тоскливо, что вечеромъ я не выдержалъ, и снова побѣжалъ въ Монте-Карло. Но на виллѣ никого не было, кромѣ привратника; даже служанка, воспользовавшись отсутствіемъ господъ, ушла куда-то. Я отправился въ казино, обошелъ всѣ залы, но не встрѣтилъ Дачевскихъ, и вернулся въ Ниццу еще болѣе беспокойный, чѣмъ былъ раньше.

И опять мнѣ припомнилась старая цыганка, съ ея предсказаніями. «Не найдешь ты своего счастья, не будетъ тебѣ судьбы», повторялъ я мысленно ея слова. Что она хотѣла этимъ сказать? Повидимому, предсказаніе относилось именно къ настоящему времени. Она тогда прямо сказала, что будетъ одинъ опасный годъ въ моей жизни, черезъ десять съ половиной лѣтъ. Теперь какъ разъ шель этотъ роковой годъ. Уже исполнилось все то, что она говорила о грудяхъ золота и о встрѣчѣ съ Анной Николаевной. Неужели сбудется остальное? Мое счастье, моя судьба, это—Ксенія. Я долженъ потерять ее; ее увезутъ, и я никогда больше не увижу ее... Но при чемъ тутъ какіе-то враги, о которыхъ говорила старуха, какой-то ядовитый дурманъ, котораго надо опасаться?

Я долго не могъ заснуть въ ту ночь, и когда наконецъ заснулъ, мнѣ привидѣлась Ксенія, печальная и обворожительная въ своей печали, и что удивительнѣе всего—въ волосахъ ея была вѣтка дурмана, съ чудеснымъ, крупнымъ цвѣткомъ, такъ и сверкавшимъ своей подозрительной бѣлизной... Мнѣ даже чудилось, будто я вдыхаю его запахъ, полный омыняющей, соблазнительной отравы. Ясно, что нервы мои не на шутку разигрались, и что я былъ жалостнымъ образомъ влюбленъ.

Утромъ, только-что я успѣлъ одѣться и собрался идти завтракать, кто-то осторожно постучался ко мнѣ. Я отворилъ дверь, и вскрикнулъ тревожно и радостно: передо мной была Ксенія.

Мама оставила меня въ скверѣ, и я на минуту забѣжала къ вамъ, потому что общалась непремѣнно уви-

дѣться съ вами,—сказала она, садясь на первый попавшійся стулъ.

У меня сердце унало.

— Вы увѣжаете?—спросилъ я уныло.

— Еще ничего не знаю. Мы пробуемъ въ Ниццѣ полчаса, и тогда все рѣшится, — отвѣтила Ксенія. — У мамы тутъ какія-то дѣла... она пошла къ нашему консулу... Изъ Монте-Карло я напишу вамъ два слова, и если мы сегодня же увѣжаемъ совсѣмъ, то я постараюсь такъ устроить, чтобъ вы могли заѣхать къ намъ перелѣ отъѣздомъ.

Пока она говорила, ея раскраснѣвшееся отъ ходьбы личико постепенно блѣднѣло, и глаза принимали то-скующее выраженіе. А у меня словно лихорадка началась.

— Но объясните мнѣ откровенно, этотъ внезапный отъѣздъ вызывается только денежными затрудненіями? — спросилъ я.

Ксенія досадливо повела плечами.

— Ничего не знаю, мама такъ не въ духѣ, что я боюсь о чемъ-нибудь ее спрашивать, — отвѣтила она. — Вѣроятно все, что дѣло въ деньгахъ. Вчера мама говорила, что ей понадобилось бы не меньше пяти тысячъ франковъ, чтобъ дождаться здѣсь денегъ изъ Россіи.

Пять тысячъ франковъ! Мнѣ эта сумма показалась какими-то пустяками, если такой цѣной можно устранить разлуку.

— На правахъ хорошаго знакомаго, я съ удовольствіемъ предложилъ бы мамашѣ занять у меня эту сумму, — сказалъ я, немножко смущаясь.

Ксенія вспыхнула, длинныя рѣсницы ея опустились, бросивъ тѣнь.

Потомъ она вдругъ подняла голову и протянула мнѣ руки.

— Какой вы хорошій, какой вы другъ! — произнесла она порывисто, глядя мнѣ прямо въ глаза своими прозрачными и больше чѣмъ когда-нибудь загадочными глазами. — Не даромъ никто раньше, кромѣ васъ, не внушалъ мнѣ такого довѣрія. Я передамъ мамѣ о вашемъ предложеніи, если вы уполномочиваете.

— Пожалуйста, непременно... Мы можемъ даже гораздо проще устроить: возьмите эти пять тысячъ съ собою, я увѣренъ, что мамаша не захочетъ обидѣть меня отказомъ, — отвѣтилъ я, и торопливо доставъ изъ бумажника пять банкнотъ, сунулъ ихъ въ конвертъ и подаль Ксеніи.

Она, продолжая краснѣть, опустила пакетъ въ карманъ, при чемъ бровки ея какъ-то серьезно насупились, губы сжались. Мнѣ показалось, однакожь, что уголки этихъ сжатыхъ губъ чуть-чуть дрожали, словно въ нихъ затаилась та самая непонятная усмѣшка, которую я уже нѣсколько разъ наблюдалъ въ ней.

Ксенія встала, сдѣлала нѣсколько шаговъ по ковру, оглядѣла обстановку. На лицѣ ея вспыхнуло смущеніе, какъ-будто она въ первый разъ дала себѣ отчетъ, что находится въ комнатѣ молодого мужчины.

— Вы меня будете осуждать за то, что я рѣшилась придти къ вамъ... — проговорила она, краснѣя. — Это ни на что не похоже. Но я эти два дня совершенно какъ въ туманѣ, сама не знаю, что дѣлаю. Мнѣ было такъ тяжело, такъ тяжело...

Ея голосъ дрожалъ какою-то виноватою, вкрадчивою лаской, и вся она была такая слабая, нервная, беззащитная... Я осторожно привлекъ ее къ себѣ. Она порывисто обняла меня руками и наклонила голову къ моему плечу.

— Ксенія! какъ я васъ люблю! — проговорилъ я, повинувшись непреодолимому порыву.

Она, не перемѣняя положенія, только вонзилась мнѣ прямо въ глаза своими какъ бы расширившимися зрачками.

— Я знаю... развѣ я пришла бы сюда, если-бъ не знала? — произнесла она тихо.

На моей щекѣ горѣло ея дыханіе. Я прильнулъ губами къ ея губамъ. Она не отталкивала меня, и только жмурила глаза. Я терялъ голову... Но мнѣ удалось опомниться и выпустить ее изъ рукъ.

— Вамъ надо вернуться въ скверъ: мамаша, вѣроятно, уже разыскиваетъ васъ, — сказалъ я.

Она выпрямилась, немножко покачнувшись на ногахъ, провела руками по лицу, сжала виски, и схвативъ брошенную на столикъ шляпу, принялась медленно зашпиливать ее передъ зеркаломъ. А въ зеркалѣ опять отражалась все та же загадочная, торжествующая, проницательная усмѣшка...

— Вы напишите, какъ только вернетесь домой, и пришлете съ нарочнымъ? Я съ такимъ нетерпѣніемъ буду ждать! — сказалъ я.

Ксенія кивнула головой.

— Но вы увѣрены въ успѣхѣ? вы надѣетесь? — продолжалъ я.

— Почти увѣрена, — отвѣтила она. Мама не предполагала такъ скоро увѣжать: это все дѣла разстроили ее. А когда она пойметъ... когда она будетъ знать, что есть серьезная причина не увѣжать...

Ксенія обернулась ко мнѣ и подняла на меня глаза съ такой обворожительною кокетливостью, что я готовъ былъ упасть къ ея ногамъ...

— Я скажу мамѣ, что встрѣтила васъ въ скверѣ; вѣдь она не должна знать, что я была у васъ, — добавила Ксенія, и, торопливо простившись со мною, выбѣжала изъ комнаты.

XII.

Страстное, тревожное нетерпѣніе охватило меня всего, когда я остался одинъ. Я отправился завтракать больше по привычкѣ, не чувствуя никакого аппетита. Сидя за столомъ, я мысленно рассчитывалъ, когда могу получить отвѣтъ отъ Ксеніи. Въ Монте-Карло онѣ будутъ черезъ часъ; дорогой, вѣроятно, все уже будетъ переговорено и рѣшено. Написать двѣ строки — дѣло одной минуты; на доставку письма въ Ниццу совершенно достаточно полтора часа. Можно, стало-быть, положить на все два съ половиной часа. Но возможны какія-нибудь случайныя, пустыя задержки... И я начиналъ сожалѣть, что не успѣлъ поѣхать въ Монте-Карло вслѣдъ за Дачевскими, и подождать отвѣта гдѣ-нибудь подлѣ ихъ виллы.

Чтобъ убить время, я отправился бродить по городу, просидѣлъ цѣлый часъ въ какомъ-то кафѣ, потомъ вышелъ въ казино, выстроенное на сваяхъ надъ самымъ моремъ, и долго мечтательно глядѣлъ въ морскую даль, ослѣпительно залитую солнцемъ. Немолчный, ровный шумъ прибоя успокоительно дѣйствовалъ на мои нервы. На обратномъ пути я заходилъ въ нѣсколько магазиновъ, и накупилъ какихъ-то совершенно ненужныхъ мнѣ вещей.

Когда я вернулся въ свой отель, швейцаръ подаль мнѣ конвертикъ, написанный красивымъ женскимъ почеркомъ. Я почти бѣгомъ подѣлся въ свой номеръ, развернулъ конвертикъ, развернулъ вложенный въ него листокъ, и...

Но глаза мои, вмѣсто того чтобы пробѣжать по строчкамъ, были привлечены и поражены совсѣмъ другимъ. На толстомъ, розоватомъ почтовомъ листкѣ находился изящный литографскій рисунокъ, изображавшій цвѣтущую вѣтку. Узорчатые листья, чуть тронутые краской, блѣднѣли, отходя отъ уголка; но длинный, слегка наклоненный вѣнчикъ цвѣтка рѣзко бѣлѣлъ вверху почтового листка, и точно дышалъ на строки своимъ ядовитымъ благоуханіемъ.

Я сжалъ въ рукѣ записку, и, прежде чѣмъ прочесть ее, опустился на стулъ въ невыразимомъ смятеніи. У меня словно голова закружилась, до такой степени безпорядочнымъ потокомъ нахлынули на меня ощущенія и мысли. Цвѣтокъ дурмана! Съ необычайной отчетливостью представилась мнѣ опять старая цыганка, и память моя

Фарандоль. Съ картины Э. Гарридо грав. Ш. Бодь.

въ такой точности воспроизвела ея слова, обстановку, мельчайшія, давно забытыя подробности, точно вся эта сцена не просто припомнилась, а повторилась наяву передо мною...

Наконецъ я снова взглянулъ въ записку, и разсѣянно прочелъ слѣдующія строки:

«Все устроилось, мама будетъ очень благодарить васъ. Теперь нашъ отъѣздъ будетъ зависеть отъ васъ самихъ. Пріѣзжайте сейчасъ послѣ обѣда, мы обѣ дома. Ксенія.»

Я не почувствовалъ никакой радости; напротивъ, мое смятеніе какъ будто еще усилилось. Во мнѣ какъ-то вдругъ измѣнилось отношеніе ко всему этому очаровательному роману, словно на него внезапно налетѣло что-то разрушительное, разлагающее...

Я вставалъ, ходилъ по комнатѣ, снова садился, а мозгъ мой неотвязчиво работалъ все въ одномъ направленіи, подозрительно и мнительно переворачивая каждую подробность, каждую мысль. И все, что волновало раньше мое влюбленное чувство, казалось мнѣ теперь подозрительнымъ...

Вдругъ новая мысль сверкнула въ моемъ умѣ. Я вспомнилъ, что въ одномъ отелѣ со мной жила Анна Николаевна Ожимкова, которая знала Дачевскихъ, и, какъ мнѣ показалось съ перваго раза, знала ихъ ближе, чѣмъ хотѣла обнаружить. Я справился, въ которомъ номерѣ она стоитъ, и черезъ минуту постучался къ ней.

Анна Николаевна только-что вернулась съ прогулки съ дочерью, и по совѣту доктора, укладывала ее въ постель. Она встрѣтила меня очень привѣтливо, и попеняла за то, что, живя въ одномъ отелѣ, я до сихъ поръ не вспомнилъ о ней.

— Чувствую свою вину, но мнѣ было не до того, — отвѣтилъ я откровенно. — Загладить свой грѣхъ я успѣю, а теперь я пришелъ къ вамъ за совѣтомъ и помощью въ очень серьезномъ обстоятельствѣ.

— Вы меня пугаете; что такое случилось? У васъ и видъ какой-то разстроенный, — сказала тономъ участія Ожимкова.

Я напомнилъ ей нашу встрѣчу въ вагонѣ и разговоръ о Дачевскихъ.

— Вы тогда, сколько я замѣтилъ, отнеслись къ моему увлеченію, какъ къ мимолетной шалости, — добавилъ я. — Но оно было серьезнѣе, чѣмъ вы думали, такъ что... въ настоящее время — я почти женихъ m-ше Дачевской.

Ожимкова взглянула на меня широко раскрытыми, почти испуганными глазами.

— Можетъ ли быть, Владиміръ Петровичъ? — воскликнула она. — По вѣдъ вы, кажется, почти не знаете эту семью?

— Въ этомъ все дѣло. У нихъ нѣтъ здѣсь никакихъ знакомыхъ, мнѣ никто не могъ сообщить о нихъ обстоятельныхъ свѣдѣній, — сказалъ я. — Я знаю, что Любовь Даниловна — вдова генерала...

— Вдова генерала? — повторила за мной Ожимкова такимъ тономъ, что я сразу поблѣднѣлъ. — Да она вовсе не вдова; у нея въ Ростовѣ мужъ, мелкій чиновникъ. Она его бросила, потому что у него нѣтъ никакихъ средствъ.

— Можетъ ли быть! — воскликнулъ я въ свою очередь, совершенно пораженный.

Мое волненіе должно было убѣдить Ожимкову, что положеніе въ самомъ дѣлѣ серьезно. Она взглянула на меня съ участіемъ.

— Я боюсь, что вы сдѣлались жертвой ловкой интриги, и уже не первой жертвой... — сказала она, и даже покачала головой. — Тогда, въ вагонѣ, я не считала себя въ правѣ предостеречь васъ, такъ какъ полагала, что вы просто развлекаетесь, не допуская ничего серьезнаго. Я даже была увѣрена, что вы что-нибудь знаете о Дачевскихъ. Помилуйте: кто же ихъ не знаетъ! Но если васъ успѣли завлечь и все скрыть, то... поберегите себя, пока не поздно...

Я молчалъ, рѣшительно не зная, что сказать, о чемъ спросить. Наконецъ, я проговорилъ неувѣреннымъ тономъ:

— Но, можетъ-быть, дурная репутація касается только матери? Ксенія Михайловна такъ молода, она производитъ такое симпатичное впечатлѣніе...

Ожимкова пожалала плечами.

— Дочка такая же авантюристка, какъ и мамаша, — отвѣтила она. — Я знаю ихъ приключенія и въ Ростовѣ, и въ Москвѣ, и гдѣ-то на Кавказѣ. Въ Ростовѣ почти на моихъ глазахъ разыгрался романъ, въ которомъ m-ше Дачевская играла очень некрасивую роль. Словомъ, это изъ тѣхъ барышень, за которыми волочатся, но на которыхъ не женятся. Вы можете догадаться, что я ничего этого не говорила бы, если-бъ не имѣла основаній.

— О, конечно, я долженъ вамъ вѣрить... — проговорилъ я, совершенно разстроенный.

XIII.

Въ эту минуту кто-то постучался въ дверь.

— Entrez! — крикнула Ожимкова.

Вошелъ господинъ лѣтъ сорока-пяти, высокій, съ коротко подстриженной черной бородой, значительно тронутый просѣдью. Я тотчасъ призналъ въ немъ того самага князя, съ которымъ Дачевскіе такъ боялись встрѣтиться, и съ любопытствомъ оглядѣлъ его. Его открытое лицо, съ прямодушными сѣрыми глазами, прямыми породистымъ носомъ и крупными губами, производило приятное впечатлѣніе.

Ожимкова познакомила насъ, назвавъ его княземъ Лыжевскимъ.

— А мы сейчасъ говорили о Дачевскихъ, съ которыми мосьѣ Заварзинъ недавно здѣсь познакомился, — сказала Ожимкова.

При имени Дачевскихъ лицо князя разомъ насунилось.

— Да развѣ онъ здѣсь? — спросилъ онъ тономъ, въ которомъ слышались и удивленіе, и какъ будто угроза.

Здѣсь, и Владиміръ Петровичъ часто ихъ видитъ, — подтвердила Ожимкова, и переглянулась со мной.

Князь тоже посмотрѣлъ на меня, и его продолжительный взглядъ какъ будто говорилъ: — «Вотъ какъ? — ну, берегитесь же, молодой человекъ».

Онъ здѣсь въ какой-то новой роли, — продолжала Ожимкова: — оказывается, что m-ше Дачевская выдаетъ себя за вдову генерала.

Князь громко разсмѣялся.

— Такъ она уже не графиня, стало-быть? Въ Парижѣ она была вдовою польскаго графа, — сказалъ онъ. — Жалью, что я здѣсь не надолго; очень интересно было бы съ ними встрѣтиться.

— Въ Парижѣ у васъ случился какой-то маленький эпизодъ съ ними? — напомнила Ожимкова, очевидно желавшая вызвать князя на разговоръ о Дачевскихъ, въ моемъ присутствіи.

— Не очень маленькій, потому что онъ обошелся въ десять тысячъ франковъ, — возразилъ князь, съ трудомъ поворачивая свое крупное туловище на низенькомъ стулѣ. — И не со мною собственно, а съ моимъ племянникомъ, Глѣбнѣшкой. Вѣдь вы знаете, Глѣбнѣшка мой — славный малый, но это лузурь, ребенокъ. Познакомился онъ съ ними въ Парижѣ случайно, въ какомъ-то русскомъ семействѣ, и заинтересовался. А онъ сейчасъ его влюблять сталъ. Мамаша-то все норовила ихъ вдвоемъ оставлять. Выйдутъ всѣ трое вмѣстѣ, а тамъ — фють, мамаша-то гдѣ-нибудь и потерялась. Ну, надо барышню сажать въ куца, домой отвозить. А тутъ сейчасъ жалкіе разговоры — мнѣ, молъ, тяжело, у меня никакой нравственной связи съ матерью нѣтъ. Слезы...

Князь пріостановился, какъ будто нарочно, для того, чтобъ дать мнѣ время покраснѣть. И я дѣйствительно покраснѣлъ, вспомнивъ, какъ я самъ добивался точно

такого же признанія отъ Ксеніи, и какъ она плакала, а я мучился.

— Словомъ, романъ пошелъ полнымъ ходомъ? — встала, усмѣхаясь, Ожикова.

— По всѣмъ правиламъ, — продолжалъ князь. — И вотъ, въ одно прекрасное утро, у мамы катастрофа: больна, въ постели лежитъ. Что такое? Оказывается, проигралась накануне въ баккара у какой-то румынской княгини, которая что-то въ родѣ игорнаго дома держитъ. Дочка плачетъ — нельзя въ Парижѣ оставаться, надо уѣзжать въ Россію. Глѣбинька мой въ отчаяніи, чуть не топиться собирается. — Возьмите, говоритъ, у меня займы, послѣ отдадите. — Да намъ, говорятъ, чтобы остаться въ Парижѣ, меньше десяти тысячъ нельзя. — Къ несчастью, у Глѣбиньки были эти десять тысячъ, онъ и отдалъ. А на другой день прибѣгаетъ ко мнѣ, нельзя ли денегъ достать. Я удивился, сталъ расспрашивать. Ну, онъ со мною откровененъ, рассказалъ все. А я этихъ Дачевскихъ еще изъ Москвы знаю, онъ тамъ маленькій шантажъ учинилъ. Отправляюсь я прямо къ нимъ, говорю: «такъ и такъ, не желаете ли возратить взятія у моего племянника десять тысячъ?» Ну, тутъ, само собою, цѣлый скандалъ: мамаша визжитъ, дочка въ истерикѣ. Въ концѣ концовъ объявляетъ эта m-me Дачевская напрямикъ: «дѣлайте, что хотите, а у меня денегъ нѣтъ». Я вижу, что деньги действительно пропали, и махнулъ рукой: только пригрозилъ, что если обѣ онѣ не уйдутъ завтра же изъ Парижа, и притомъ тайно отъ Глѣбиньки, такъ чтобы онъ и слѣдовъ ихъ не нашелъ, то заявлю обо всемъ полиціи. Подѣйствовало, уѣхали.

Я слушалъ рассказъ князя съ пожирающимъ вниманіемъ, хотя чувствовалъ себя чрезвычайно скверно. Я то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, и вѣроятно имѣлъ преглупый видъ; къ счастью, на меня не обращали вниманія.

Воспользовавшись паузой, я простился и вернулся въ свой номеръ. Признаюсь, ни раньше, ни позже мнѣ не приводилось быть въ такомъ нелѣпомъ состояніи. Кажется, я готовъ былъ бы заплакать отъ злости и обиды;

можетъ-быть, и отъ другого чувства, но въ тѣ минуты я не сознавалъ его въ себѣ.

Брошенный на столѣ розовый листокъ привлекъ мое вниманіе. То была записка Ксеніи. Я еще разъ развернулъ ее, и долго рассматривалъ перегнувшуюся изъ угла вѣтку дурмана. Ядовитый цвѣтокъ попрежнему сверкалъ своей нѣжной и пышной бѣлизной: слабый запахъ духовъ отдѣлялся отъ него. Что это были за духи? Они не подходили ни на одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ запаховъ.

Я сложилъ листокъ и засунулъ его въ портфель, на память о странномъ совпаденіи обстоятельствъ, оправдавшемъ предсказанія старой цыганки. Я не суевѣритъ и, разумѣется, все объяснялъ простою случайностью, какихъ не мало встрѣчается въ жизни. Угадать судьбу нельзя — это знаютъ малыя дѣти. Но на тысячи случаевъ, когда вороженъ говоритъ вздоръ, одинъ разъ имъ удается сдѣлать ловкое предсказаніе.

Затѣмъ, я написалъ Ксеніи Михайловнѣ слѣдующія строки:

«Въ моихъ обстоятельствахъ произошла внезапная перемѣна, требующая моего послѣпнаго отъѣзда. Уѣзжаю сегодня же, такъ что не имѣю возможности проститься съ вами. Позвольте пожелать вамъ всего хорошаго, и завѣрить васъ, что наше непродолжительное знакомство никогда не исчезнетъ изъ моей памяти».

И дѣйствительно, въ тотъ же день я уѣхалъ въ Парижъ. Я покидалъ Ниццу безъ сожалѣнія, но и безъ злого чувства. Да и о чемъ было сожалѣть, или за что злобствовать? Въ сущности, я очень благополучно избавился отъ большой опасности, а горевать о потерянныхъ пяти тысячахъ франковъ не стоило: вѣдь это были деньги, выигранныя въ рулетку.

Впослѣдствіи я слышалъ, что m-me Дачевская судилась за что-то въ Берлинѣ. Ксенію я разъ видѣлъ мелькомъ въ Москвѣ, въ Петровскомъ паркѣ, въ коляскѣ, съ молодымъ человѣкомъ купеческой складки. Она взглянула на меня, и сейчасъ же послѣпшно обернулась къ своему спутнику.

На другое амплуа.

Рассказъ О. Н. Чюминой.

(Окончаніе.)

IV.

Въ закулисомъ мірѣ, гдѣ самые неправдоподобные слухи получаютъ невѣроятно быстрое распространеніе, скоро узнали объ «ученицѣ» Червонцева и о предстоящемъ ей дебютѣ въ его бенефисный спектакль.

Разумѣется, фактъ этотъ былъ истолкованъ самымъ лестнымъ образомъ для самолюбія артиста и самымъ нежелательнымъ — для репутации его ученицы. Напрасно, изъ рыцарской заботливости о чести молодой дѣвушки, Червонцевъ протестовалъ, увѣряя, что между ними существуетъ лишь дружеская близость — никто ему не вѣрилъ. Да и самъ онъ произносилъ эти увѣренія съ тѣмъ ложнымъ видомъ скромности, съ какимъ мы слушаемъ обыкновенно болѣе или менѣе неискреннія похвалы нашимъ талантамъ изъ устъ нашихъ добрыхъ друзей и знакомыхъ. Новость эта приобрѣла особенно жгучій интересъ, въ виду слуховъ о молодости, красотѣ и «богатствѣ» дебютантки. Актрисы заранѣе негодовали, предвидя себѣ соперницу; актеры, изъ молодыхъ, уже толковали о томъ, какъ бы отбить ее у Червонцева. Всѣ эти, доходившіе до него, толки лѣстляли премьеру, и онъ, ради вѣщаго эффекта, откладывалъ знакомство Елены Сергѣевны съ труппою.

Даже Мерлиновъ одобрительно похлопалъ его по плечу, насмѣшливо прищуривъ лѣвый глазъ, которымъ онъ имѣлъ привычку подмигивать.

— Не упускаешь случая... Молодецъ! Покажи имъ, каковы мы — старая гвардія!

Въ дѣйствительности же Червонцевъ говорилъ сущую правду. Со времени двухнедельнаго его знакомства съ Еленой Сергѣевной, несмотря на то, что они видались почти каждый день и она относилась къ нему, какъ къ другу, — онъ не подвинулся ни на одинъ шагъ. Иногда они видались у ея тетки, весьма радушно встрѣчавшей его, полной апатичной дамы, проводившей свободное отъ хозяйственныхъ заботъ время за пасьянсами, репертуаръ которыхъ отличался у нея большимъ разнообразіемъ. Когда Томилина заговаривала о будущности племянницы, пасьянсы почти всегда расходились, что, кажется, болѣе всего примирило ее съ рѣшеніемъ молодой дѣвушки сдѣлаться актрисой. Притомъ Червонцевъ былъ

почтителенъ и цѣловалъ у тетушки руку — знакъ вниманія, которымъ она всегда дорожила.

Чаще же всего Леночка сама заѣзжала къ артисту по утрамъ, когда у него не было репетиціи. Сначала они занимались одни, но затѣмъ въ ихъ занятіяхъ принималъ участіе и Вася.

Случилось это незамѣтно, какъ-то само собою. Леночка желала ознакомиться, насколько возможно ближе, съ подробностями mise en scène, а для этого участіе третьяго лица являлось весьма полезнымъ. Вася выступилъ сначала въ скромной роли суфлера, а затѣмъ — и въ роли чтеца, изображая собою различныхъ персонажей пьесы. Онъ то говорилъ фальцетомъ за старуху Миллеръ, то гнусилъ, подавалъ реплики Вурма, то тараторилъ и манерничалъ въ роли гофмаршала Кальба.

Однажды ему поручили прочесть за президента, но его попытка олицетворить грознаго сановника оказалась настолько неудачной, что Леночка расхохоталась, а Червонцевъ, съ досадою взявъ у него книгу, принялся читать самъ.

При первыхъ же произнесенныхъ имъ словахъ, молодые люди вздрогнули, обмѣнявшись невольнымъ взглядомъ. Никогда еще имъ не случалось слышать такой мастерской, блестящей читки. Тонъ артиста, мельчайшіе оттѣнки интонацій, мимика — все было превосходно, словно онъ съ любовью изучалъ эту роль, а между тѣмъ онъ читалъ ее, видимо не придавая этому значенія, и, насколько имъ было извѣстно, никогда не занимался ею. Надменный сановникъ, скрывающій подъ блестящей внѣшностью свѣтскаго чловека холодный умъ и жесткое сердце. — являлся въ передачѣ Червонцева яркимъ, живымъ типомъ. Самое лицо артиста вдругъ преобразилось, черты его сложились въ суровую, старческую маску. Эта высокообразно-саркастическая складка губъ, этотъ холодный взглядъ изъ-подъ нависшихъ бровей, этотъ металлическій голосъ... Даже теперь, въ простой комнатѣ, внѣ условій сцены, безъ грима и костюма того времени, артистъ производилъ громадное впечатленіе.

Они слушали его, затаивъ дыханіе, и Вася машинально подавалъ ему реплики Фердинанда — они читали его большую сцену съ отцомъ, — а Леночка спрашивала себя, неужели это тотъ же самый

Литературный альбомъ. „Обрывъ“, романъ И. А. Гончарова. Марейнька.

Ориг. рис. (собств. «Нивы») В. А. Табурина, авторитиія «Нивы»

Библиотека "Руниверс"

Литературный альбомъ. „Обрывъ“, романъ И. А. Гончарова. Райскій у Козловыхъ.

Ориг. рис. (собств. «Нивы») В. А. Табурина, автотипія «Нивы».

артисты, чтение которого только что сейчас поражало ее своим дѣланымъ пафосомъ, своею неискренностью? При всей его талантливости, у Червонцева не доставало юношескаго жара и увлеченія, которые одни могутъ сдѣлать понятнымъ чрезъчуръ «приподнятымъ» рѣчи пылкого, шиллеровскаго любовника. Онъ скоро утомлялся и, желая «ввинтить» себя, нерѣдко терялъ чувство мѣры, переходя на крикъ. Да и самая вышность его слишкомъ мало отвѣчала понятію о наружности идеальнаго юноши, какимъ полагается быть Фердинанду.

Когда онъ кончилъ, молодые люди восторженно зааплодировали. Леночка, съ сіявшими глазами, вскочила съ мѣста и подбѣжала къ нему.

— Какъ вы это чудесно прочли! Боже, какимъ бы вы были великодушнымъ президентомъ!

— Удивительно! Чудесно! — повторилъ Вася.

— Вы находите? — небрежно и довольно сухо проговорилъ Червонцевъ, которому эта похвала повидимому не доставила никакого удовольствія: — мнѣ эта роль совсѣмъ не симпатична, я даже плохо понимаю ее.

— Но ее невозможно лучше сыграть! — настаивала молодая дѣвушка, повидимому не замѣчая его неудовольствія.

— Вы слишкомъ снисходительны, — тѣмъ же суховатымъ тономъ отозвался артистъ.

— А вотъ у насъ президентъ будетъ слабъ, роль совсѣмъ пропадетъ, — съ сожалѣніемъ замѣтилъ Вася: — Петровъ ничего изъ нея не сдѣлаетъ, а больше никому дать.

— Это не имѣетъ никакого существеннаго значенія, — нетерпѣливо прервалъ Червонцевъ: — весь интересъ пьесы сосредоточивается на Фердинандѣ и Луизѣ, то-есть на насъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Еленѣ Сергѣевнѣ и сопровождая свои слова краснорѣчивымъ взглядомъ, котораго она, казалось, не замѣтила или не поняла его значенія.

— А по-моему, тутъ всѣ роли важны... Леди Мильфордъ и президентъ не менѣе приковываютъ къ себѣ вниманіе: президентъ — типъ отрицательный, конечно, но очерченный необыкновенно ярко, и роль — великолѣпная.

Червонцевъ не безъ удивленія взглянулъ на юношу. Откуда онъ набрался такого краснорѣчія? Онъ говорить и держится съ такимъ апломбомъ, прежнія застѣнчивость и неловкость куда-то исчезли. Кажется, онъ не на шутку считаетъ себя взрослымъ и, чортъ его побери! онъ становится красивѣе, этотъ мальчуганъ, и, чего добраго, скоро приметъ ухаживать въ свою очередь. Наживешь тогда съ нимъ хлопотъ.

Онъ даже задумался, растревоженный такимъ открытіемъ, и не сразу расслышалъ вопросъ Леночки, спрашивавшей «Василія Андреевича», не участвуетъ ли онъ въ пьесѣ, хотя ей было хорошо извѣстно, что нѣтъ.

— Нѣтъ, и не играю, вотъ развѣ заболѣетъ актриса на роль старухи Миллеръ — такъ меня пригласятъ замѣнить ее, — насмѣшливо отвѣтилъ Вася, не сдержавъ накопившейся въ его сердцѣ горечи.

Червонцевъ строго взглянулъ на него. Какова смѣлость! Но что-то помѣшало ему «оборвать» Васю, и онъ заговорилъ, желая переменить тему бесѣды, о костюмѣ, выписанномъ имъ изъ Москвы. Здѣшнему костюмеру невозможно ничего поручить.

— Но у васъ былъ, кажется, костюмъ Фердинанда? Я недавно видѣлъ его, — замѣтилъ Вася.

— Онъ несовсѣмъ свѣжъ, я заказалъ другой, — небрежно замѣтилъ артистъ.

Въ дѣйствительности костюмъ оказывался слишкомъ узкимъ. Онъ попробовалъ на-дняхъ примѣрить его, но мундиръ не сходилъ на добрыхъ двѣ четверти, а лосины вѣшали бы развѣ только на руки. Но онъ счелъ излишнимъ упоминать объ этомъ.

Чтение продолжалось. Еленой Сергѣевною онъ былъ очень доволенъ, она дѣлала быстрые успѣхи. Ему даже не вѣрилось, чтобы она все время работала самостоятельно, — у нея замѣчалась извѣстная подготовка, ему казалось даже, что онъ находитъ у нея слѣды своей собственной манеры. Не чуется ли любящаго сердца она угадывала ее? Она созналась ему наконецъ, что занималась ранѣе, но съ кѣмъ — она такъ и не сказала, что весьма подстрекнуло его любопытство.

Продолжая смотрѣть на него прежними «восторженными» глазами, молодая дѣвушка такъ упорно не понимала его намековъ, такъ смущалась, когда онъ позволялъ себѣ цѣловать ея руки или смотрѣть на нее однимъ изъ своихъ чарующихъ взглядовъ, что онъ то упрекалъ себя въ грубости, то съ досадою спрашивалъ себя, не смѣется ли надъ нимъ эта дѣвчонка? Еще никогда его, Червонцева, не ставила такимъ образомъ втупикъ ни одна женщина. Всѣ его прежнія системы нигде не годились съ нею... Прошло еще два дня. Завтра должны были начаться репетиціи «Коварства и любви». Червонцевъ зашелъ въ театръ, гдѣ на слабо освѣщенной нѣсколькими лампами сценѣ бродили въ полумракѣ закулисныя фигуры. Голоса ихъ глухо отдавались въ зябшей полутьмѣ залы, чередуясь и сливаясь съ отчетливымъ шопотомъ суфлера, сидѣвшаго тутъ же на авансценѣ, за маленькимъ столикомъ, на которомъ мигала красноватымъ пламенемъ свѣча. Репетировали вполголоса, зачастую останавливаясь, вслѣдствіе незнанія ролей, которымъ щеголяли по преимуществу актеры, то и дѣло обращавшіяся къ режиссеру съ просьбою «вымарать»: у нихъ кое-что изъ монологовъ.

Режиссеръ, молчаливый человѣкъ, съ усталымъ, вѣчно недовольнымъ лицомъ, покорно соглашался.

— Ужъ вы, батенька, гарандашка-то не жалѣйте, перекрестите и эту страничку цѣликомъ! — говорилъ толстякъ Мерлиновъ: — ему, автору, ничего: знай себѣ сидитъ да пишетъ, а тутъ учи на старости лѣтъ всякую, съ позволенія сказать, ерунду...

— Зато завтра Шиллера играть будете! — отозвалась немножко въ носъ драматическая ингенуе, тщедушная, невзрачная особа изъ породы тѣхъ маленькихъ, но цѣпкихъ и колочихъ, какъ репейникъ, женщинъ, которыя, разъ прицѣпились къ человѣку, уже не отстаютъ отъ него до конца его жизни, подобно укору совѣсти, неотвязно преслѣдующему преступника. Ингенуе принадлежала къ этому типу. Мужа своего, талантливаго человѣка, увѣровавшаго въ ея гений, она увлекла за собой въ провинцію, гдѣ онъ изъ даровитаго живописца обратился въ простаго декоратора, расписывавшаго убогіе храмы и фронтоны... Обиженная тѣмъ, что ей не дали играть Луизу, она считала дебютъ Леночки личнымъ для себя оскорбленіемъ.

— Хорошо, что теперь время холодное, а то лучше бы подальше, чего добраго, укусить! — шепнулъ водевильный любовникъ молодой субреткѣ.

Та фыркнула и тутъ же пугливо покосилась на Шипилину.

Въ это время замѣтили Червонцева, пробравшагося въ режиссерскую.

— Вотъ и онъ, легокъ на поминѣ, нашъ любовникъ и герой! — воскликнулъ Мерлиновъ. — Привѣтъ побѣдителя!

— И горе побѣжденнымъ! — отвѣтилъ ему въ тонъ Червонцевъ, здороваясь съ актерской братіей.

Услышавъ о его приходѣ, антрепренеръ, сидѣвшій въ режиссерской, поспѣшилъ ему навстрѣчу. Это былъ одинъ изъ немногихъ фениксовъ-антрепренеровъ, понимавшихъ искусство и еще не оставившихъ привычки платить артистамъ, — привычки, рѣкующей скоро перейти въ область преданій.

Онъ пожалъ Червонцеву руку и отвелъ его въ сторону, чтобы столкнуться относительно постановки. Антрепренеръ питалъ, по старой привычкѣ, слабость къ хорошему репертуару и любилъ обставлять такіе пьесы «чистенько».

— Не безпокойтесь, Орестъ Львовичъ, — сказалъ онъ въ заключеніе: — мейнингенскихъ эффектовъ, конечно, не общаю, а все же тѣнъ Шиллера и вашъ бенефисъ авось не посрамятъ... Только вы сами себѣ, батенька, напортили: ничего Петровъ изъ президента не сдѣлаетъ.

— Богъ съ нимъ! — отмахнулся Червонцевъ, котораго начинало раздражать упоминаніе объ этой роли.

Но антрепренеръ не могъ успокоиться.

— Помилуйте! Такую роль, дающую тонъ всей пьесѣ, и вдругъ — на провалъ... Конечно, больше никому дать, а жалъ, очень жалъ.

— Знаете, Орестъ Львовичъ, — вдругъ заговорилъ онъ, очевидно, собравшись съ духомъ: — я бы на вашемъ мѣстѣ самъ его сыгралъ. И вы бы, прямо скажу, удивительно его сыграли... Пусть я ничего не смыслю въ театрѣ, если это не такъ!

Червонцева передернуло. Онъ закусилъ губы, на лицѣ его выступила краска.

— А Фердинанда кому же дать? Мерлинову, что ли? — съиронизировалъ онъ.

Но антрепренеръ остался спокойнымъ.

— Фердинанда могъ бы Вася сыграть. Знаете, онъ вчера въ высшей степени приятно поразилъ насъ, экспромтомъ замѣнивъ Любецкаго въ Лаэртѣ. У него есть огонекъ, и онъ недурно держится: ваша школа видна... Я думаю оставить роль за нимъ.

— Очень радъ за него, — довольно сухо выговорилъ Червонцевъ, и протиснулся со своимъ импрессарию.

Когда онъ проходилъ по сценѣ, всѣ накиннулись на него съ вопросомъ, когда же онъ представитъ имъ свою Луизу. Они жаждутъ ее увидѣть.

— Завтра, господа, завтра! — съ улыбкою проговорилъ Червонцевъ, прощаясь со всѣми общимъ поклономъ.

Но какъ только онъ вышелъ изъ театра, улыбка исчезла съ его лица, и непріятное чувство охватило его.

Съ чего они вздумали приставать къ нему съ президентомъ? Завидуютъ? Желаютъ уязвить? Отъ актеровъ онъ, конечно, всего можетъ ждать, но антрепренеръ?..

Онъ не прошелъ и нѣсколькихъ шаговъ по улицѣ, какъ съ нимъ поравнялись сани, въ которыхъ сидѣлъ пожилой, осанистый господинъ, одно изъ важныхъ въ городѣ лицъ, знакомый и большой поклонникъ Червонцева, очень дорожившаго его мнѣніемъ.

— Стой! — крикнулъ онъ кучеру и, выйдя изъ саней, подошелъ къ артисту, которому пожалъ руку, любезно упрекнувъ его за то, что онъ совсѣмъ къ нимъ не заглядываетъ.

Червонцевъ извинился, ссылаясь на хлопоты по поводу бенефиса.

— Да, я сегодня прочелъ, что вы окончательно остановились на «Коварствѣ и любви» и, кажется, намѣрены подарить насъ новымъ талантомъ? Что же! Выборъ пьесы прекрасный, только я думалъ сначала, что президента играете вы...

Червонцевъ вспыхнулъ. У него застучало въ виски.

— Ваше пр—во. Фердинандъ — одна изъ моихъ любимыхъ ролей, я всегда игралъ его.

— Не сомнѣваюсь, что вы будете превосходны, хотя признаюсь, я предпочелъ бы видѣть васъ въ президентѣ; это — роль, требующая замѣчательно тонкой, детальной игры. Вы бы дали намъ нѣчто вы-

соко-художественное, вполне достойное вашего таланта... Пожалуй-ста, не забудьте оставить намъ двѣ ложи и нѣсколько кресель перваго ряда. До свиданія, не забывайте насъ.

Сановникъ уѣхалъ, а Червонцевъ продолжалъ еще стоять на мѣстѣ, какъ прикованный, затѣмъ онъ быстро зашагалъ впередъ.

Что это они всѣ сговорились, что ли? Сначала—Леночка, потомъ антрепренеръ, а теперь и этотъ театральнй мененатъ, его всегдашній, горячій поклонникъ... Неужели, дѣйствительно, роль Фердинанда ему не подходитъ, неужели всѣ ихъ недомолвки, всѣ эти позолоченныя пилюли означаютъ то, что онъ устарѣлъ для нея? Эта мысль смутно мелькнула у него въ головѣ, когда онъ вздумалъ примѣрить свой костюмъ, но тогда онъ поспѣшилъ отогнать ее. А если они правы? Если онъ, дѣйствительно, будетъ смѣшенъ.—онъ, болѣе всего опасавшійся быть смѣшнымъ? Но Россія—Ромео, но Сара Бернара—Юанна д'Арктъ?..

Но и эти излюбленные примѣры не утѣшали Червонцева, онъ готовъ уже былъ усомниться во всемъ, но мысль о Леночкѣ баллазамомъ пролилась на его рану. Безумецъ! Возможно ли считать себя устарѣвшимъ для роли любовника человѣку, любимому такой дѣвушкой? Нѣтъ, на зло всѣмъ завистникамъ и непонимающимъ, врагамъ и друзьямъ, онъ сыграетъ эту роль вмѣстѣ съ нею, онъ покажетъ имъ, какъ онъ еще можетъ играть такія роли! Вася—его преемникъ? вспомнились ему слова антрепренера. Нѣтъ, погодите! Рано еще ему переходить на другое амплуа—и на сценѣ, и въ жизни... Это чудное, молодое созданіе. олицетвореніе «вѣчно женственнаго»—любить его, и послѣ спектакля, упоенная славой, которую она будетъ обязана ему, она, преодолевъ свою дѣвическую стыдливость, сама подойдетъ къ нему, сама вымолитъ первая долгожданное слово: «люблю!» И тогда какъ они вмѣстѣ поемѣются надъ слѣзками, какъ они будутъ горжествовать!

Упоенный мечтами, Червонцевъ ускорилъ шаги; онъ не замѣтилъ, какъ подошелъ къ своему дому. Леночка, вѣроятно, уже у него. сегодня она хотѣла репетировать въ костюмѣ. Съ какимъ нетерпѣніемъ она, по всей вѣроятности, ждетъ его, какъ прислушивается къ его шагамъ!

Входная дверь оказалась почему-то не запертою. Червонцевъ вошелъ и поднялся по нѣсколькимъ ступенямъ лѣстницы. Въ передней висѣло на вѣшалкѣ пальто Леночки.—значитъ, она была здѣсь, и артисту захотѣлось сдѣлать молодой дѣвушкѣ сюрпризъ, войдя незамѣченнымъ. Онъ потихоньку раздѣлся и отворилъ дверь въ коридоръ. Изъ выходившаго въ коридоръ кабинета доносились громкіе голоса—мужской и женскій. Червонцевъ невольно остановился и прислушался: онъ узналъ голосъ Васи. Сначала онъ подумалъ, что они разговариваютъ, но они, очевидно, репетировали. Конечно, о чемъ они могли бы разговаривать другъ съ другомъ? Что это они читаютъ? Послѣднюю сцену Фердинанда съ Луизой. Интересно послушать...

Червонцева что-то кольнуло. Онъ на цыпочкахъ подошелъ къ самой двери и остановился, затанув дыханіе. До него явственно донесся возгласъ Фердинанда, приказывавшаго Луизѣ подать ему лимонаду. Тонъ Васи—высокопѣрный, отрывистый, нервный—поразилъ его вѣрностью интонаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ—своей простотой, такъ же, какъ и грустные отвѣты Луизы, ея робкія попытки успокоить любимаго человѣка. Какъ они однако «спѣлись», какъ хорошо звучатъ вмѣстѣ ихъ голоса. Нельзя подумать, что они читаютъ въ первый разъ...

Странное волненіе охватило Червонцева, и онъ еще напряженнѣе сталъ прислушиваться.

Бурный выходъ Фердинанда, въ порывѣ ревности осыпавшаго свою возлюбленную незаслуженными оскорбленіями, его желчная иронія—выливались у Васи сильно и правдиво, звучали неподдѣльной страстью, искреннимъ увлеченіемъ. Мѣстами онъ подражалъ Червонцеву, узнававшему свою манеру, но многое въ его игрѣ было самостоятельно, и слушавшій его артистъ все болѣе приходилъ въ недоумѣніе. Онъ даже пріотворилъ дверь, чего исполнители конечно не замѣтили, и первое, что онъ увидѣлъ, была Леночка—Луиза въ бѣломъ платьѣ стариннаго покроя, въ бѣломъ чепчикѣ бюргерской дѣвушки, изъ-подъ котораго падали ей на плечи бѣлосурь. обрамлявшіе ея блѣдное, тонкое личико. локоны. Да, вотъ она, его идеальная Луиза, его созданіе! Но кто же этотъ стройный, красивый юноша съ горящими одушевленіемъ глазами, въ костюмѣ Фердинанда, сидащемъ на немъ такъ ловко, какъ будто онъ всю жизнь не носилъ другого платья? Откуда у немолодаго, застѣнчиваго Васи взялись эти красивые жесты, это умѣнье держать себя, эта чистка? Правда, въ игрѣ его есть нѣкоторыя шероховатости, есть извѣстные недочеты, обличающіе недостатки опыта, но все же передъ нимъ—готовый артистъ!

И, волнуемый разнородными ощущеніями, Червонцевъ слушалъ и слушалъ... Но вотъ и отчаянныя рыданія Фердинанда надъ гробомъ Луизы... Кончено!

Артистъ прижмурилъ глаза—у него кружилась голова. Когда онъ снова открылъ ихъ—обсчовка пережвнилась: ожившая Луиза сидѣла на диванѣ, а Фердинандъ, стоя передъ нею на колыняхъ, цѣловалъ ей руки, чего по Шиллеру не полагалось. Первые слова, поразившія его слухъ, также принадлежали очевидно не Шиллеру, и эти слова разразились надъ слушателемъ, какъ громовой ударъ.

— Ахъ, Вася, если-бъ это было возможно!

— Нечего и думать, дорогая... Онъ никогда не согласится.

— Но неужели же онъ—такой умный, такой тонкій артистъ не понимаетъ? Мнѣ просто жаль его...

Послышался вздохъ, которому отвѣчалъ другой вздохъ.

— Какъ я могу сказать ему,—продолжалъ Вася:—я всѣмъ ему обязанъ, онъ такъ добръ, такъ благороденъ, несмотря на всѣ свои странности... Онъ и безъ того разсердится, когда узнаетъ, что мы были знакомы раньше... Онъ самъ влюбленъ въ тебя...

— Вася, какъ тебѣ не стыдно!

— Нечего принимать такой оскорбленный видъ... Я не такъ глупъ, какъ кажусь.

— Да ты ревнуешь, гадкій мальчишка! Я надеру тебѣ уши.

— А я тебя поцѣлую!

И вслѣдъ за этими словами дѣйствительно раздался звукъ поцѣлуя. Но Червонцева уже ничто не могло поразить: онъ слышалъ довольно. Онъ безшумно притворилъ двери и, снова одѣвшись, вышелъ на улицу, чувствуя необходимость привести въ порядокъ свои мысли, освѣжиться...

Обмануть, осмѣять, провести, онъ, Червонцевъ, и къмъ же? Дѣвчонкой и мальчишкой, едва вышедшими изъ дѣтской! Составить противъ него цѣлый заговоръ! Да, онъ истиннѣе палъ жертвою «Коварства и любви... Проклятіе этой пьесѣ, проклятіе—тому часу, когда ему пришла негѣлая мысль поставить ее! По счастью, мѣсть—это наслажденіе боговъ—въ его рукахъ, и онъ жестоко отомститъ за себя, разрушивъ ихъ радужныя мечты о славѣ, насладившись ихъ разочарованіемъ. Онъ отгнѣтитъ пьесу, онъ выгонитъ вонъ неблагодарнаго мальчишку, такъ недостойно отплатившаго ему за его заботы...

А потомъ что? Скандалъ разгласится—они конечно не станутъ молчать, и всѣ, начиная съ высокопоставленныхъ лицъ и кончая Мерлиновымъ, узнаютъ, какую глупую роль онъ разыгралъ, и всѣ скажутъ, лягая ногою поверженнаго льва: подѣломъ ему, старому чорту! Что дѣлать? Что ему дѣлать? Не лучше ли примириться съ неизбежнымъ, сдѣлать видъ, что онъ обо всемъ догадался, но только молчалъ до поры до времени, желая поразить ихъ сюрпризомъ? Разыграть роль добраго гения, устроить ихъ счастье, великодушно отплативъ добромъ за зло? Не будетъ ли это—лучшимъ, наиболее достойнымъ его, мщеніемъ? Вѣдь даже они, недостойно обманувшіе его, упоминали о его добротѣ и благородствѣ...

И Червонцевъ то умилялся передъ собственнымъ великодушіемъ, то снова пылалъ негодованіемъ. А можетъ-быть, сами того не зная, они даже оказали ему услугу? Можетъ-быть, дѣйствительно, онъ былъ бы слишкомъ тяжелъ для роли пылкаго юноши, и вмѣсто ожидаемаго триумфа, на его долю выпали бы насмѣшки, или средній успѣхъ, который хуже провала. Пожалуй, Вася будетъ дѣйствительно болѣе на мѣстѣ? Какова однако его школа! Какіихъ артистовъ онъ создастъ!

И среди окружающаго мрака, лучъ самодовольствія мелькнулъ въ душѣ артиста. Въ сущности, это—еще не переходъ на другое амплуа, онъ откажется лишь отъ нѣсколькихъ, черезчуръ молодыхъ ролей, откажется самъ, не дожидаясь, чтобы ему объ этомъ намекнули, онъ сумѣетъ сохранить свое достоинство, никто не догадается, не долженъ догадываться о томъ, какого труда ему это стоило...

Червонцевъ зашагалъ быстрѣе, словно стараясь уѣхать отъ своихъ думъ. Несмотря на доводы разсудка, на благоразумно принятое рѣшеніе, сердце его продолжало шептать. Да, нечего долѣе скрывать отъ себя.—осень наступаетъ, его пѣсенка спѣта, другія птицы будутъ пѣть ее болѣе молодыми и свѣжими голосами. Какъ тяжело-больной, онъ долго не догадывался о томъ, какъ опасна его болѣзнь, но сегодня наступилъ переломъ... Можетъ-быть, этотъ переломъ и спасителенъ, но трудно, ахъ, какъ трудно пережить его... И какой-то туманъ застилалъ глаза Червонцева, и онъ шелъ все далѣе, почти не различая передъ собою дороги.

Извѣстіе о томъ, что бенефициантъ передаетъ роль Фердинанда Васѣ Чернову, а самъ выступаетъ въ президентъ—поразило всю труппу. Когда же стало извѣстнымъ, что юная дебютантка—невѣста Васи и что Червонцевъ самъ устраиваетъ этотъ бракъ—изумленіе не знало границъ. Одинъ Мерлиновъ догадывался объ истинѣ, но Червонцевъ такъ непринужденно держалъ себя, такъ загадочно улыбался, что комикъ былъ сбитъ съ толку. Болѣе же всего были изумлены, поражены и отчасти смущены—виновники, взиравшіе теперь на своего добраго гения съ безграничной признательностью и благоговѣніемъ.

Бенефисный спектакль сошелъ блистательно, и грандіозныя оваціи, выпавшія на долю бенефицианта, затмили собою успѣхъ молодыхъ дебютантовъ, весьма понаравившихся публикѣ. Когда Червонцевъ появился на вызовъ объ руки съ ними—разразилась цѣлая буря восторговъ. Его привѣтствовали вдвойнѣ, какъ артиста и какъ учителя, создаващаго новые таланты.

Болѣе всего позаботился объ успѣхѣхъ его знакомый мененатъ, чрезвычайно польщенный тѣмъ, что, благодаря его совѣту, Червонцевъ отказался отъ роли Фердинанда. Антрепренеръ, въ свою очередь, приписывалъ такое рѣшеніе артиста исключительно дѣйствию своихъ словъ, и всѣ были довольны, за исключеніемъ самого героя вечера, который, прислушиваясь за кулисами къ горячимъ тирадамъ Фердинанда, съ грустью думалъ о томъ, какъ бы онъ самъ сыгралъ эту роль! Не слишкомъ ли онъ поторопился уступить свое мѣсто?

Къ рисункамъ.

А. Вѣрушь-Ковальскій хорошо извѣстенъ нашимъ читателямъ. Рисунки его всегда такъ своеобразны, что сразу узнаешь его кисть. Польша и Галиція, ихъ природа и население—вогь главная, почти исключительная тема картинъ Вѣрушь-Ковальскаго, родившагося въ Польшѣ (въ Сувалкахъ) и получившаго художественное образование въ Варшавѣ. Специальность его—жанръ, но онъ всегда выноситъ его подь открытое небо, на проѣзжую дорогу: его свѣжія, юмористическія жанровыя сценки полны движенія, даже въ буквальномъ смыслѣ слова: достигнувъ рѣдкаго мастерства въ изображеніи лошадей, онъ всегда ставитъ ихъ на первый планъ, и дѣйствительно лошади на картинахъ Вѣрушь-Ковальскаго живутъ и дышать... Хорошо изучивъ родной крестьянскій бытъ,

ковываютъ вниманіе каждаго, кто остановится передъ этимъ изящнымъ произведеніемъ искусства.

Ландшафтъ Ад. Швейтцера, представляющій зимній день, изображенъ умѣлой кистью опытнаго художника, которому доступны всѣ оттѣнки засыпающей природы. Въ послѣднюю ночь выпалъ глубокой снѣгъ, и лѣсная дорога покрылась густымъ пушистымъ ковромъ, точно саваномъ; стволы и древесныя вѣтви усыпаны имъ, какъ «такимъ-то тусклымъ серебромъ». Дубовая роща дремлетъ, не шелохнется: она застыла въ тихомъ снѣ.

Фарандоль—это танецъ веселаго, порывистаго темпа, впер-

Лягавая собака. Этюдъ (собств. «Нивы») А. Д. Кившенко. Автотипія Ангерера и Гешля въ Вѣнѣ.

художникъ ярко изображаетъ его наиболѣе характерныя черты... Вотъ, напримѣръ, на помѣщенной здѣсь картинѣ его: крестьяне веселой гурьбой ѣдутъ въ своихъ тряскихъ телегахъ по не менѣе тряской дорогѣ. Они возвращаются домой съ ярмарки. Всѣ еще полны впечатлѣній, видимо весьма пріятныхъ и радостныхъ. Особенно характерны двѣ фигуры старой и молодой крестьянки на первомъ планѣ. Старуха—олицетвореніе довольства: очевидно, дѣла ея устроились прекрасно, все удалось продать до чиста, да и цѣну дали хорошую—не грѣхъ, значитъ, было и повеселиться немножко. Душѣ просторъ дать... И, вспоминая все это, она весело улыбается. Такъ же, видимо, полна воспоминаній и сидица съ ней рядомъ дочка... Но ея думы глубже и касаются скорѣе области «страсти нѣжной». Въ простой, незатѣйливой формѣ художникъ блестяще изобразилъ два различныхъ настроенія этихъ двухъ представительницъ жизнерадостной старости и мечтательной, просыпающейся къ жизни, юности...

Нимфа К. Е. Маковскаго—одно изъ тѣхъ очаровательныхъ созданий, которыми такъ богата его галлерей женскихъ типовъ.

Какъ алыя уста, улыбкою играя,
Лепечуть, полныя томленья и огня!

Какъ красиво это личико въ вѣнкѣ, окруженное чудной волной густыхъ волосъ! Не трудно догадаться, что эта красавица-нимфа олицетворяетъ цвѣтущую природу полей. Ея прозрачныя глаза, поражающіе глубиной ласковаго взгляда (характерный признакъ женщинъ, изображаемыхъ кистью Маковскаго), при-

вые повлившійся въ Провансаѣ и Лангедокѣ. Подъ звуки клавиноръ, скрипокъ и мандолинъ игриво выступаютъ танцоры. Мягкія ихъ тѣлодвиженія соперничаютъ съ изяществомъ туалетовъ въ стилѣ Людовика XV. Газъ, бархатъ и атласъ, блескъ жемчужныхъ зубовъ и бѣлизна плечъ, граціозныя позы и веселые разговоры, благоуханіе и чудные звуки музыки не могутъ не произвести впечатлѣнія. Смотри на артистически исполненную картину Эдуарда Гарридо, невольно позавидуешь танцорамъ, беззаботно увлеченнымъ живыми звуками фарандоля. Картина полна движенія.

Въ галлерей женскихъ типовъ, созданныхъ русскими художниками слова, выдающиеся мѣсто занимаютъ героини романа Гончарова „Обрывъ“. Достаточно прочитать хоть одинъ разъ этотъ романъ, чтобы навсегда въ память врѣзались образы бабушки, Вѣры и Марѣиньки. Какъ противоположны эти типы, и какъ въ то же время они восполняютъ другъ друга, какое наглядное представление они даютъ о характеристическихъ чертахъ русской женщины!

Главная героиня романа Гончарова это—Вѣра. Но чтобы должнымъ образомъ выяснить всѣ особенности склада ея души и ума, Гончаровъ выхватываетъ изъ жизни нѣсколько другихъ изумительныхъ женскихъ типовъ. Между ними выдѣляются бабушка и Марѣинька. Отсутствие въ Вѣрѣ того, чѣмъ такъ богато надѣлила природа Марѣиньку, и составляетъ одну изъ причинъ тяжелой душевной драмы, переживаемой Вѣрою.

Въ настоящемъ номерѣ *Нивы* мы помѣщаемъ двѣ иллюстраціи къ роману Гончарова. Первая изъ нихъ изображаетъ прїѣздъ Райскаго въ его родное гнѣздо. Подъѣзжая къ усадьбѣ, онъ вышелъ изъ экипажа и пробирался пѣшкомъ мимо рѣшетчатого забора, отдѣлявшаго домъ, дворъ, цвѣтникъ и садъ отъ проезжей дороги, и вдругъ взоръ его остановился на неожиданномъ явленіи. На крыльцѣ въ родѣ веранды, установленной большими кадками съ разными цвѣтами, стояла дѣвушка лѣтъ двадцати и съ двухъ тарелокъ, которыя держала передъ ней крестьянская дѣвочка, брала горстями пшено и бросала птицамъ. У ногъ ея толпились куры, индѣйки, утки, голуби, воробьи и галки.

Вся эта картина представляла неизъяснимую прелесть. Это была не жизнь, а какое-то необычайно граціозное и поэтическое видѣніе. И когда Райскій, прельщенный имъ, бросился впередъ и очутился передъ дѣвучкой, видѣніе въ одну минуту, какъ бы по волшебству, исчезло. Нельзя было разобрать, какъ и куда пропали и дѣвушка, и воробьи, и голуби, и куры. Все это улетѣло, убѣжало, разсыпалось точно Райскій видѣлъ только сонъ.

Таково первое появленіе Марейники, и во всемъ романѣ она окружена этимъ обаяніемъ дѣвственной чистоты и прелести, семейныхъ качествъ, неразрывно связанныхъ со всей ея дѣломудренной натурой.

На второмъ рисункѣ мы видимъ женскій типъ совершенно иного порядка. Если Марейника поражаетъ своею поэтическою милостивостью, то Уленька Козлова несомнѣнно красива: у нея прекрасный носъ, граціозный ротъ, хорошенькій подбородокъ, но особенно красивъ ея профиль, отличающійся классическою строгостью. Мужъ ея въ свою очередь отличается большими душевными качествами. О немъ говорятъ, что онъ человекъ «предобрый», «преумный» и «высоко нравственный». Но Уленька по-своему толкуетъ эти качества. «Добрый! Какая же это доброта, коли онъ ничего подарить не можетъ? Умный! Бѣтъ третью тарелку каши и не видитъ, что всѣ кругомъ смѣются надъ нимъ. Высоко-нравственный! На немъ, кажется, и рубашки нѣтъ: не видать, — хороша нравственность». Уленька, дочь эконома какого-то казеннаго учебнаго заведенія, который держалъ столъ для студентовъ. Всѣ ухаживаютъ за красивою Уленькою: красота — тотъ магнитъ, которымъ она притягиваетъ къ себѣ мужчинъ, и который помогаетъ ей устроиться въ жизни. Она выходитъ замужъ за Козлова, привязывающагося къ ней всѣми силами своей чистой души. Для него семейная жизнь, ученые занятія, книги — все. Онъ такъ же прочно любитъ свою жену, какъ и книги. Это — цѣльная натура, глубокая, сосредоточенная, въ то время какъ Уленька ищетъ разнообразія, внѣшнихъ развлеченій. Трагедія неизбежна. На нашемъ рисункѣ изображено посѣщеніе Райскимъ Козловыхъ. Послѣ первыхъ привѣтствій мужъ уже занятъ установкою книгъ на полки, а Уленька кокетничаетъ съ Райскимъ. Мужъ не замѣчаетъ этого заигрыванія, какъ онъ впоследствии проглядитъ и ея измѣну.

Вѣра въ первой трети романа еще отсутствуетъ, но читатель чувствуетъ скорое ея появленіе, и когда она появится, какимъ яркимъ свѣтомъ освѣтитъ она всѣ тѣ душевныя движенія, которыя пока только очерчены авторомъ и затѣмъ сольются въ одну дивную картину душевной жизни русской женщины!..

Покойный Кившенко мастерски рисовалъ охотничьи сцены; особенно ему удавались изображенія охотничьихъ собакъ... Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно посмотреть хотя бы на помѣщенную въ этомъ номерѣ «Лягавую собаку»... Это небольшой эскизный набросокъ, но сколько въ немъ жизни и движенія! Такъ вотъ и кажется, что предъ вами живой лагашъ, съ его умнымъ выраженіемъ глазъ, съ его мягкими осторожными движеніями, самой природой прировненными для охотничьей службы. Глядя на нее, невольно вспоминаешь слова С. Т. Аксакова въ его «Запискахъ ружейнаго охотника»: «всякій охотникъ знаетъ необходимость лагавой собаки: это жизнь, душа ружейной охоты и, предочительно, охоты болотной, самой лучшей; охотникъ съ ружьемъ, безъ собаки, что-то недостаточное, не полное!»

Высокопреосвященнѣйшій Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій.

(Портр. на этой стр.)

Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Святѣйшему Правительствующему Синоду, архіепископу финляндскому Антонію Всемилоостивѣйше повелѣно быть митрополитомъ с.-петербургскимъ и ладожскимъ, Свято-Троицкія Александро-Невскія лавры священноархимандритомъ и членомъ Святѣйшаго Синода.

Высокопреосвященнѣйшій Антоній, въ мѣрѣ — Александръ Васильевичъ Вадковскій, родился въ 1845 г. въ селѣ Ширингуши, тамбовской губерніи, спасскаго уѣзда.

Первоначальное образованіе Александръ Вадковскій получилъ въ тамбовской духовной семинаріи, а затѣмъ былъ отправленъ на казенный счетъ въ казанскую духовную академію, гдѣ, съ отличіемъ окончивъ курсъ въ 1870 г., двадцатипятилѣтнимъ бакалавромъ вступилъ на кафедру церковнаго проповѣдничества.

Вскорѣ онъ вступилъ въ бракъ, но потерялъ въ теченіе очень короткаго времени любимую жену и обоеихъ своихъ дѣтей. Трудно было ему перенести эту тяжелую потерю, но онъ принялъ ее, какъ указаніе свыше, и въ 1883 г. Александръ Вадковскій сталъ инокомъ Антоніемъ, а въ 1884 г., уже въ санѣ архимандрита, мы видимъ его инспекторомъ казанской духовной академіи. Въ 1885 г. онъ переведенъ былъ инспекторомъ же въ с.-петербургскую духовную академію, а 1-го мая 1887 г. нареченъ во епископа Выборгскаго, викарія с.-петербургской митрополіи, и назначенъ ректоромъ академіи.

Здѣсь, въ столицѣ, особенно ярко проявилась дѣятельность молодого епископа. Въ 1887 г. онъ примкнулъ къ Обществу религиозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви и организовалъ дѣло студенческаго проповѣдничества въ залахъ и храмахъ Петербурга, гдѣ студентами ведутся и до сихъ поръ бесѣды, приносящія не малую пользу обществу.

Полезную дѣятельность проявилъ также высокопреосвященнѣйшій, состоя главнымъ наблюдателемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ столицы. Эта административная — педагогическая дѣятельность была оцѣнена Высочайшею властью, и преосвященный получилъ драгоценную панягію изъ кабинета Его Императорскаго Величества. Занимая въ теченіе 22 лѣтъ кафедру церковнаго проповѣдничества въ двухъ академіяхъ, онъ напечаталъ массу статей по этому предмету и выпустилъ въ свѣтъ очень солидный трудъ подъ заглавіемъ «Изъ истории христіанской проповѣди», за которое ему присуждена въ 1895 г. степень доктора церковной исторіи. Кромѣ того, имъ изданы въ 1890 г. «Слова и рѣчи».

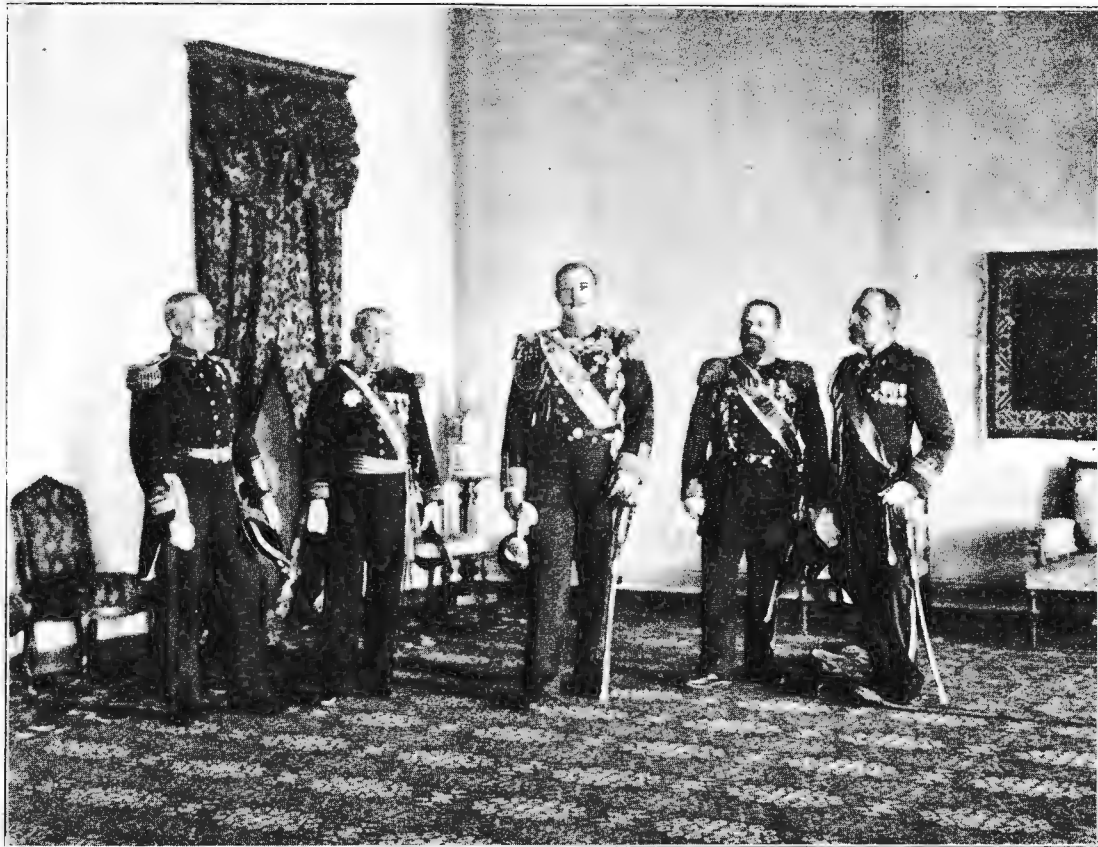
Особенно близка и извѣстна дѣятельность высокопреосвященнѣйшаго Антонія питомцамъ духовной академіи. Въ каждомъ студентѣ высокопреосвященнѣйшій прежде всего видѣлъ человека, уважалъ его убѣжденія, всѣ нравственныя права его, но вмѣстѣ съ тѣмъ строго требовалъ и исполненія обязанностей. Дисциплинарныхъ взысканій у преосвященнаго не было, но порядкомъ академической корпораціи былъ идеальнымъ; все исполнялось безъ принужденія... Любезное сердце и кротость ректора побуждали каждаго. Студентамъ преосвященный былъ всегда доступенъ — дверь и квартира его были всегда открыты для всѣхъ. Съ нимъ преосвященный обращался, какъ съ дѣтьми; не разъ говаривалъ онъ: «Я рано потерялъ жену и дѣтей, и вотъ вы замѣнили мнѣ семью, вамъ я посвятилъ свои силы и жизнь. Служите радостью для меня и въ послѣдующемъ вашемъ служеніи. Будьте искренни и бойтесь особенно лжи».

Каждый, слушавшій лекціи преосвященнаго Антонія въ духовной академіи, испыталъ на себѣ его отеческое отношеніе, сердечную любовь и попеченіе, отзывчивость его сердца.

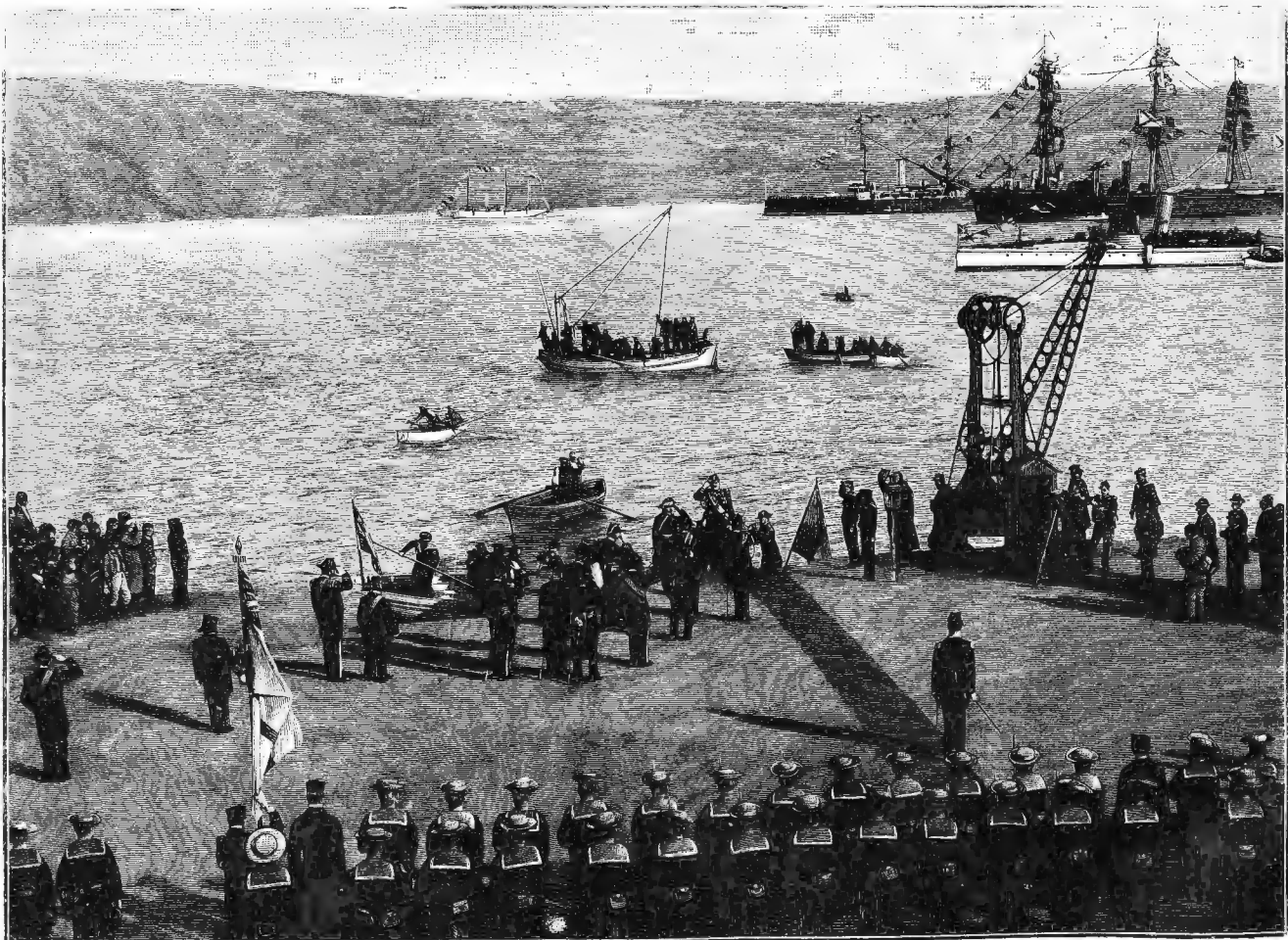
Высокопреосвященнѣйшій Антоній извѣстенъ всѣмъ, какъ талантливый и энергичный администраторъ. Онъ — еще во цвѣтѣ лѣтъ: сѣдина лишь чуть серебрить его черную бороду. Петербургская епархія, равно какъ и другія составныя части русской церкви, знакомы ему прекрасно: 12 лѣтъ онъ почти безвыѣздно

Высокопреосвященнѣйшій Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій. По фот. Боровитинова грав. Шюблеръ.

Адмиралъ Потье. Королевичъ Георгій. Адмиралъ Скрыдлов.
 Адмиралъ Ноэль. Адмиралъ Беттелло.
 Верховный комиссаръ Крита королевичъ греческій Георгій и адмиралы европейскихъ державъ, даровавшихъ автономію критянамъ.
 По фот. автотипія «Нивы».

Прибытіе королевича греческаго Георгія на о. Критъ. Адмиралы привѣтствуютъ его высочество у пристани. По фот. грав. Шюблеръ.

прожилъ въ столицѣ и принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ важнѣйшихъ церковныхъ дѣлахъ. Въ 1897 г. владыка ѣздилъ въ Англию, въ качествѣ представителя Св. Синода, для присутствования на юбилейныхъ торжествахъ въ честь королевы Викторіи.

Королевичъ греческій Георгій на о. Критѣ.

(Съ 2 рис. на стр. 38.)

Въ настоящемъ нумерѣ мы даемъ два рисунка, посвященные недавнему радостному событію на о. Критѣ—прибытію избраннаго державами верховнаго комиссара острова, греческаго королевича Георгія. Моментъ прибытія королевича Георгія останется незабвеннымъ въ исторіи критянъ, столько вѣковъ страдавшихъ отъ турецкаго ига, съ такой неутомимостью отстаивавшихъ свою свободу и независимость и наконецъ дождавшихся къ концу только-что истекшаго года желаннаго дня освобожденія. Теперь для критянъ начинается новая эра, и неудивительно поэтому, что все христіанское населеніе острова радовалось прибытію своего молодого властителя, какъ свѣтлому празднику. На одномъ рисункѣ изображена официальная встрѣча королевича представителями временнаго правительства на островѣ—адмиралами европейски хъ державъ, даровавшихъ критянамъ автономію. На другомъ рисункѣ королевичъ изображенъ вмѣстѣ съ этими четырьмя адмиралами, передавшими теперь его высочеству бразды правленія. По лѣвую руку, рядомъ съ королевичемъ, стоитъ русскій адмиралъ Скрыдловъ, особенно много потрудившійся въ дѣлѣ умиротворенія острова и съ изумительнымъ тактомъ и терпимостью исполнявшій предначертанія своего правительства; по правую руку королевича стоитъ французскій адмиралъ Потье. По бокамъ—англійскій адмиралъ Ноэль (рядомъ съ адмираломъ Потье) и итальянскій адмиралъ Беттелло (рядомъ съ адмираломъ Скрыдловымъ).

Храмъ-усыпальница русскихъ воиновъ близъ Санъ-Стефано. (Рис. на этой стр.)

Въ верстѣ съ небольшимъ отъ селенія Санъ-Стефано, лежащаго около полотна восточной желѣзной дороги, въ 17 верстахъ отъ Константинополя, у берега Мраморнаго моря, на большой возвышенности, господствующей надъ далекими окрестностями, въ виду Константинополя, у греческаго селенія Галатарія, воздвигнуть и открыть

6-го декабря истекшаго года грандіозный храмъ-усыпальница русскихъ воинамъ, сооруженный изъ гранита, имѣющій болѣе двадцати квадратныхъ саженой, въ три яруса, съ часовней; въ одномъ изъ этихъ ярусовъ—колокольня съ позолоченнымъ куполомъ, на которомъ красуется громадный крестъ, составленный изъ разноцвѣтныхъ толстыхъ стеколъ, вложенныхъ въ металлическую позолоченную раму: крестъ этотъ, въ лунную ночь, на темномъ фонѣ неба, играетъ своими стеклами, какъ брильянтами.

Храмъ построенъ въ древне-русскомъ стилѣ, напоминающемъ, въ особенности куполь,—соборъ Василия Блаженнаго въ Москвѣ. Въ него ведутъ съ четырехъ сторонъ металлическія филигранной работы двери. Внутренность храма сводчатая, алтарь изъ итальянскаго мрамора; стѣны храма украшены чудной живописью, изображающей событія изъ священной исторіи.

Подъ сводами храма находится усыпальница павшихъ на полѣ брани русскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, останки которыхъ собраны со всѣхъ мѣстностей, гдѣ происходила война 1877—78 гг. Сюда же перенесены и надгробные камни. Вотъ перечень нѣкоторыхъ изъ нихъ: братскія могилы л.-гв. стрѣльцоваго батальона, 62 суздальскаго полка, л.-гв. гренадерскаго полка, л.-гв. измайловскаго полка, л.-гв. егерскаго полка, третьей пѣхотной дивизіи, ингерманландскаго полка, 5 гренадерскаго кievскаго, 6 таврическаго и 2 гренадерской артиллерійской бригады, л.-гв. 4 стрѣльцоваго Императорской Фамиліи батальона, л.-гв. волынскаго и петербургскаго полковъ, л.-гв. литовскаго полка, л.-гв. московскаго полка, тридцати гусаровъ л.-гв. гродненскаго полка, 2 гренадерской дивизіи и 2 гренадерской артиллерійской бригады, л.-гв. сапернаго батальона, л.-гв. павловскаго полка. Одиноч-

Храмъ-усыпальница русскихъ воиновъ, павшихъ въ русско-турецкую войну 1877-78 г., близъ Санъ-Стефано. По фот. грав. Рашевскій.

ныя могилы: поручика А. К. Жукова, доктора Е. А. Аноева, старшаго врача л.-гв. гродненскаго гусарскаго полка А. И. Гольдгамера, поручика 4 сапернаго батальона Ф. Э. Аргиландеръ, прапорщика Ф. И. Каотляуса, казака Жарикова, фельдфебеля Аванасьева, священника госпиталя № 53 iеромонаха Арсенія, старшаго врача л.-гв. финляндскаго полка Николая Богуславскаго, полковаго писаря Мирошенко, старшаго врача А. М. Куклина, врача Сергія Тальфтора, поручика первой гвардейской гренадерской бригады М. П. Попова и другихъ.

Усыпальница расположена въ видѣ креста, полъ устланъ гранитомъ. Самый храмъ-усыпальница воздвигнутъ на мѣстѣ бывшаго лазарета. Кругомъ храма разбиты пѣвники и посажены молодыя деревья.

Мысль объ устройствѣ этого храма возникла уже давно. Проектъ храма составленъ академикомъ В. В. Суслевымъ, исполненіемъ же его завѣдывали какъ самъ авторъ проекта, такъ и нашъ военный агентъ при Портѣ, полковникъ генеральнаго штаба Н. Н. Пѣшковъ.

Храмъ былъ заложенъ въ 1894 году; постройка его длилась до сего времени съ большими трудностями и обоилась въ 270.000 р.

Освященіе храма-усыпальницы совершено было при исключительно торжественной обстановкѣ, въ присутствіи специально прибывшаго къ этому дню въ Санъ-Стефано Его Императорскаго Высочества великаго князя Николая Николаевича, всѣхъ членовъ русскаго посольства и высшихъ турецкихъ сановниковъ.

Столѣтіе павловскаго института въ Петербургѣ.

(Рис. на этой стр.)

27, 28 и 29-го декабря прошлаго года состоялись въ павловскомъ институтѣ торжества по поводу исполняющагося столѣтія его существованія. Въ первый день въ институтской церкви совершено было торжественное богослуженіе преосвященнымъ Веніаминномъ, епископомъ гдовскимъ. На другой день состоялся торжественный актъ, который удостоила своимъ посѣщеніемъ Ея Величество Государыня Императрица Марія Теодоровна. На торжествѣ

съ переводомъ второго его отдѣленія для дочерей нижнихъ чиновъ въ дѣвичью школу человеколюбиваго общества, названіе института осталось лишь за первымъ отдѣленіемъ, предназначеннымъ для недостаточныхъ дочерей офицеровъ.

«Дальнѣйшему развитію просвѣтительной дѣятельности института способствовало какъ преобразование его въ семиклассное заведеніе съ годичными курсами, такъ и открытіе при немъ специальныхъ педагогическихъ классовъ.

«Съ истеченіемъ нынѣ столѣтія со дня учрежденія дѣвичьяго отдѣленія военно-сиротскаго дома, изъ коего возникъ Павловскій институтъ, Намъ отрядно свидѣтельствовать, что этотъ разсадникъ религиозно-нравственнаго воспитанія и основательнаго образованія бѣдныхъ дѣвицъ военнаго сословія непрерывно служилъ своей плодотворной цѣли и далъ отечеству тысячи достойныхъ матерей для семейной жизни и полезныхъ дѣятельницъ на педагогическомъ поприщѣ.

«Справедливо дѣля заслуги всѣхъ, содѣйствовавшихъ своими трудами успѣшному развитію Павловскаго института, Августѣйшая Родительница Моя, Государыня Императрица Марія Теодоровна, и Я вмѣняемъ Себѣ въ пріятный долгъ, въ настоящій знаменательный для института день, выразить Нашу Монаршую признательность всѣмъ этимъ труженицамъ и труженикамъ за ихъ разум-

Столѣтіе Павловскаго института въ Петербургѣ. Зданіе института на Знаменской улицѣ. По фот. К. Булла грав. Рашевскій.

присутствовали главноуправляющій вѣдомствомъ Императрицы Маріи ген.-лейт. графъ Протасовъ-Бахметевъ, почетные опекуны, высшіе представители вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, бывшія воспитанницы института, въ числѣ которыхъ находилась игуменья Леушинскаго монастыря, мать Таисія, и начальникъ павловскаго училища ген.-майоръ Драке, полковникъ, адъютантъ и 20 юнкеровъ училища. Присутствіе юнкеровъ съ своимъ начальникомъ объясняется тѣмъ, что павловское училище и павловскій институтъ при своемъ основаніи представляли собственно одно общее учрежденіе.

Актъ открылся торжественными звуками полонеза Чайковскаго, исполненнаго восемью воспитанницами на четырехъ рояляхъ, и затѣмъ графъ Протасовъ-Бахметевъ прочелъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ, данный институту и очерчивающій въ краткихъ словахъ его исторію:

«Блаженныя памяти императоромъ Павломъ I, совмѣстно съ Августѣйшею супругою его императрицею Маріею Теодоровною, въ обезпеченіе участи бѣдныхъ сиротъ обоюго пола, оставшихся послѣ военныхъ людей, былъ основанъ 23-го декабря 1798 г. императорскій военно-сиротскій домъ. Въ первое отдѣленіе дома принимались дѣти дворянъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ, а во второе—дѣти нижнихъ чиновъ. 19-го февраля 1807 г. дѣвичье отдѣленіе было выдѣлено въ особое заведеніе, подъ названіемъ дѣвичьяго училища военно-сиротскаго дома, и поступило подъ непосредственное покровительство императрицы Маріи Теодоровны, постоянно принимавшей затѣмъ живое участіе какъ въ управленіи училищемъ, такъ и въ веденіи воспитанія, обученія и содержанія въ немъ дѣвицъ. Съ кончиною незабвенной покровительницы, дѣвичье училище было переименовано, въ память державнаго основателя военно-сиротскаго дома, въ Павловскій институтъ, а 2-го декабря 1850 года,

ное и ревностное служеніе святому дѣлу воспитанія подрастающаго поколѣнія. Твердо уповаемъ, что Павловскій институтъ пребудетъ навсегда столь же вѣрнымъ своему высокому призванію».

Затѣмъ была исполнена юбилейная кантата, написанная на слова поэта Случевского композиторомъ Глазуновымъ. Послѣ того нѣсколько воспитанницъ прочли стихотворенія и былъ поставленъ рядъ очень эффектныхъ живыхъ картинъ, посвященныхъ празднуемому событію. На третій день торжества, — 29-го декабря, — состоялся юбилейный обѣдъ.

Н. С. Баранцевичъ. (Портр. на стр. 40а.)

Въ самомъ концѣ прошлаго года минуло двадцатипятилѣтіе литературной дѣятельности одного изъ видныхъ современныхъ беллетристовъ, Казимира Станиславовича Баранцевича. Онъ съ ранней юности страстно полюбилъ русскую литературу и всецѣло посвятилъ ей богатый запасъ своихъ душевныхъ силъ и свой недюжинный талантъ. Съ раннихъ же лѣтъ ему пришлось познакомиться съ страшною нуждою и жить въ неприглядной обстановкѣ среди столичнаго мелкаго люда. Это не могло не отразиться на его литературной дѣятельности, и притомъ въ двухъ направленіяхъ. Изучилъ онъ лучше всего ту среду, въ которой вращался, и въ то же время преисполнился къ ней великой жалости, стараясь въ своихъ трудахъ выяснитъ ея бѣдственное положеніе, внушить къ ней симпатіи, раскрыть намъ ея живую душу. Этимъ опредѣляется главное содержаніе его беллетристическихъ трудовъ и то мѣсто, которое онъ занимаетъ въ русской литературѣ.

Врядъ ли въ ней найдется другой писатель, который съ такимъ знаніемъ дѣла и съ такою любовью описалъ бы бытъ петербургскаго мелкаго люда, какъ г. Баранцевичъ. Можно смѣло сказать, что всякій, кто желаетъ познакомиться съ этимъ бытомъ, долженъ

прочсть по крайней мѣрѣ лучшія произведенія автора «Рабы». Правы петербургскихъ разночинцевъ всякаго рода и такъ-называемой мѣщанской среды описаны имъ такъ образно и обстоятельно, что уже эти описанія обезпечиваютъ за нимъ прочное мѣсто въ нашей литературѣ. Г. Баранцевичъ примыкаетъ къ той плеядѣ русскихъ писателей, которые, каждый въ избранной имъ сферѣ, дали намъ удивительно вѣрную и глубокую картину всѣхъ классовъ русскаго общества. Если одни писатели изображали намъ преимущественно аристократическую среду, другіе — помѣщиковъ средней руки, третьи — духовенство, четвертые — крестьянъ и т. д., то г. Баранцевичъ долженъ быть причисленъ къ этимъ изслѣдователямъ русской жизни, какъ бытописатель петербургскаго мелкаго люда, и въ этомъ отношеніи его труды не лишены большого объективнаго значенія.

Если мы теперь остановимся на субъективномъ характерѣ его трудовъ, то мы убѣдимся, что въ его творчествѣ не звучитъ ни одной душевной ноты, которая лишала бы его писательскій обликъ симпатичности. Быть-можетъ онъ иногда смотритъ слишкомъ мрачно на судьбу описываемой имъ среды, налагаетъ слишкомъ густыя краски на свои картины. Но источникъ этихъ преувеличеній несомнѣнно благороднаго свойства: онъ такъ близко принимаетъ къ сердцу горе своихъ героевъ, что его лира невольно настраивается на минорный тонъ, и все-таки нельзя не согласиться, что въ общей сложности жизнь описываемой имъ среды болѣе печальна, чѣмъ радостна, что основной ея колоритъ сѣрый, тусклый и скрываетъ много глубокаго человѣческаго горя. Если меланхоліе вѣетъ отъ каждой страницы произведеній г. Баранцевича, если даже его юморъ оставляетъ въ душѣ читателя осадокъ печали, то надо сознаться, что это вызывается не только настроеніемъ самого автора, но и условіями, окружающими среду, которую онъ намъ описываетъ.

На г. Баранцевичъ оправдывается изреченіе, что много страдаетъ тотъ, кто сильно любитъ. Всѣ его произведенія проникнуты скорбью, потому что онъ сильно любитъ среду, въ которой выросъ и съ которой сжился. Все, что онъ написалъ, — начиная отъ большихъ его вещей, въ родѣ «Чужака», «Дебюта», «Рабы», и кончая многочисленными его очерками и рассказами, — проникнуто стремленіемъ притти на помощь столичному мелкому люду, вызвать къ нему участіе, облегчить его долю. И за этотъ избытокъ добраго, гуманнаго чувства скажетъ ему спасибо не только тотъ мелкій людъ, который онъ такъ мастерски описалъ, но и всякій просвѣщенный челоѣкъ съ живой, отзывчивой душой. Вотъ почему двадцатипятилѣтіе его полезной литературной дѣятельности встрѣтило такое общее сочувствіе.

Летательный аппаратъ доктора Данилевскаго.

(Рис. на стр. 40б.)

Докторъ Данилевскій продолжаетъ неутомимо работать въ области

К. С. Баранцевичъ. По поводу 25-лѣтія литературной дѣятельности. Съ фот. Здобнова авт. «Нивы».

аэронавтики, каждый годъ давая все болѣе и болѣе совершенные летательные снаряды. Въ прошломъ году мы помѣстили въ *Ниву* фотографическій снимокъ его полетовъ. На-дняхъ мы имѣли случай видѣть альбомъ съ многочисленными фотографическими снимками полетовъ въ разные моменты, снятыхъ во время его опытовъ съ тремя летательными снарядами (одинъ изъ нихъ помѣщенъ въ этомъ номерѣ «Нивы»). Опыты производились лѣтомъ въ Харьковѣ, гдѣ сдѣлано было около 150 свободныхъ подъемовъ на разныя высоты (300—500 фут.).

Въ своемъ докладѣ, читанномъ на X съѣздѣ естествоиспытателей въ Кіевѣ, изобрѣтатель говоритъ: «результаты, которые пока мною достигнуты, можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ:

«1) Этимъ аппаратомъ дана возможность простѣйшимъ способомъ производить свободные подъемы на любыя высоты и безопасные спуски *неограниченное число разъ* безъ выбрасыванія балласта или выпусканія газа.

«2) Дана возможность активнаго управленія летанія *въ безвѣтренную погоду*.

«3) Дана возможность *по произволу* отыскивать свой попутный вѣтеръ на разной высотѣ и пользоваться имъ.

«4) Дана возможность, разъ зарядивши аппаратъ, пользоваться имъ ежедневно, ежечасно въ продолженіе 8—9 дней, и, наконецъ,

«5) Что особенно важно, дана возможность вынести фактъ летанія изъ лабораторіи ученаго въ самую жизнь и тѣмъ дать возможность пользоваться летаніемъ не десяткамъ лицъ, а тысячамъ.»

Это условіе достигнуто г. Данилевскимъ благодаря *дешевизнѣ* аппарата, *безопасности летанія* и *крайней простотѣ конструкции*, позволяющей изготовлять летательные снаряды простыми кустарными слесарями. Въ этомъ онъ видитъ залогъ быстраго прогресса летанія челоѣка.

Немного далѣе изобрѣтатель пишетъ: «Идея, вложенная въ настоящій аппаратъ, чрезвычайно проста и небезызвѣстна специалистамъ. Ее можно выразить въ двухъ словахъ: если челоѣкъ своими силами не можетъ самъ себя поднять, то, наоборотъ, онъ можетъ поднять себя при условіи, если часть его вѣса будетъ уничтожена. Последнее достигается примѣненіемъ водороднаго баллона».

Челоѣкъ, имѣя возможность по произволу подниматься въ разные слои воздуха, всегда будетъ стараться отыскивать свой попутный вѣтеръ и пользоваться имъ. Болѣе того, если даже челоѣкъ со временемъ и будетъ обладать могучими двигателями, онъ всегда, избѣгая излишней работы двигателя, будетъ стараться пользоваться попутными вѣтрами, которые изрѣзываютъ нашу атмосферу во всевозможныхъ направленіяхъ.

Всѣ производимыя въ настоящее время попытки летанія *прямо* противъ вѣтра не приводили, да и едва ли приведутъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, къ благоприятнымъ результатамъ. При такихъ условіяхъ, изобрѣтенный д-ромъ Данилевскимъ летательный аппаратъ не лишитъ большого значенія.

Политическое обозрѣніе.

Новый годъ въ Западной Европѣ наступилъ довольно скромно, вызывая нѣкоторые опасенія своею загадочною молчаливостью. Политическіе кружки разочарованы блѣдностью обыкновенныхъ новогоднихъ пріемовъ: не было произнесено политическихъ рѣчей-программъ, къ которымъ такъ охотно прислушивается западно-европейская печать. Берлинъ, откуда обыкновенно раздавалось авторитетное слово, въ нынѣшнемъ году молчалъ: захворавшій инфлуэнцой императоръ Вильгельмъ II въ новый годъ оставался въ постели, такъ что обычный пріемъ происходилъ лишь въ присутствіи императрицы и принца.

Новогодняя рѣчь президента французской республики была чрезвычайно сдержанная. Упомянувъ о томъ, что Франція выше всего ставитъ сохраненіе мира, г. Фелпсъ Форъ сказалъ, что событія истекшаго года доказали отсутствіе сомнѣній въ миролюбіи Франціи. Президентъ республики подчеркнул въ своей рѣчи слова, что не отъ Франціи зависитъ, если отношенія къ одной сосѣдней націи, т.-е. къ Англіи, измѣнились къ худшему.

Далеко неутѣшительное положеніе дѣлъ въ Парижѣ, постепенно охватившее всю Францію, стало привлекать симпатіи большинства французскаго общества къ оскорбленной арміи. Страна какъ будто взволнована тѣмъ, что національную армію слишкомъ долго носятъ. Въ Парижѣ произвело прекрасное впечатлѣніе, что президентъ республики въ новый годъ очень любезно бесѣдовалъ съ генераломъ Курлинденомъ и подчиненными ему офицерами. Вообще французы вспомнили о должномъ уваженіи къ арміи, которая призвана отстаивать честь Франціи.

На-дняхъ вышелъ манифестъ «лиги французскаго отечества»,

основанной по почину двухъ членовъ французской академіи: поэта Франсуа Коппэ и драматурга Жюль Леметра. Цѣль лиги — положить конецъ пагубной агитаціи, которая своею *продолжительностью* можетъ нанести смертельный вредъ жизненнымъ интересамъ Франціи и въ особенности тѣмъ, которые охраняются національной арміей. Лига будетъ отстаивать традиціи національнаго патриотизма, примиряя ихъ съ идеями прогресса, и пользоваться при этомъ орудіями: словомъ, перомъ и личнымъ примѣромъ. Къ новой лигѣ примкнули многіе академики, извѣстные ученые и профессора.

Въ политическихъ кружкахъ обратили особенное вниманіе на слѣдующее событіе: по порученію г. Фелпса Форъ французскій посолъ при берлинскомъ дворѣ ѣздилъ 24-го декабря въ Потсдамъ освѣдомляться о состояніи здоровья императора и былъ принятъ императрицею. Затѣмъ 27-го декабря выздоровѣвшій императоръ сдѣлалъ французскому послу визитъ, длившійся цѣлый часъ. Въ сопоставленіи съ натянутыми франко-британскими отношеніями, событіе это считается не лишнимъ важнымъ значенія.

На Дальнемъ Востокѣ Франція потеряла дипломатическую неудачу: французскій посланникъ въ Пекинѣ потребовалъ отъ Китая расширенія французской колоніи въ Шанхаѣ; Англія протестовала, къ ней присоединились Соединенные Штаты Сѣверной Америки. По свѣдѣніямъ отъ 28-го декабря, французскій посланникъ вынужденъ былъ взять обратно свое требованіе.

Газета *Times* недавно высказала взглядъ, что теперь-де время Англіи показать Франціи свою силу. Обсуждая франко-британскія отношенія, французская печать пришла къ общему заключенію, что Англія рѣшилась начать войну съ Франціей, почему необходимо обезпечить обо-

рону. При подобном настроении возобновилась парламентская деятельность Франции 29-го декабря. Открывая сессию, старший из членов палаты депутатов призывал парламент прекратить приговорные и опасные раздоры и вернуться к спокойствию и доблести, опираясь на армию. Палата откликнулась знаками одобрения

и приступила к выбору бюро палаты. Избран вновь прошлогодний состав, при чем президент палаты г. Дешален получил 323 голоса против 187 голосов, поданных за г. Бриссона. Возбужденное общественное мнение Франции с нетерпением ждет начала парламентских запросов и заявлений правительства.

СМѢСЬ.

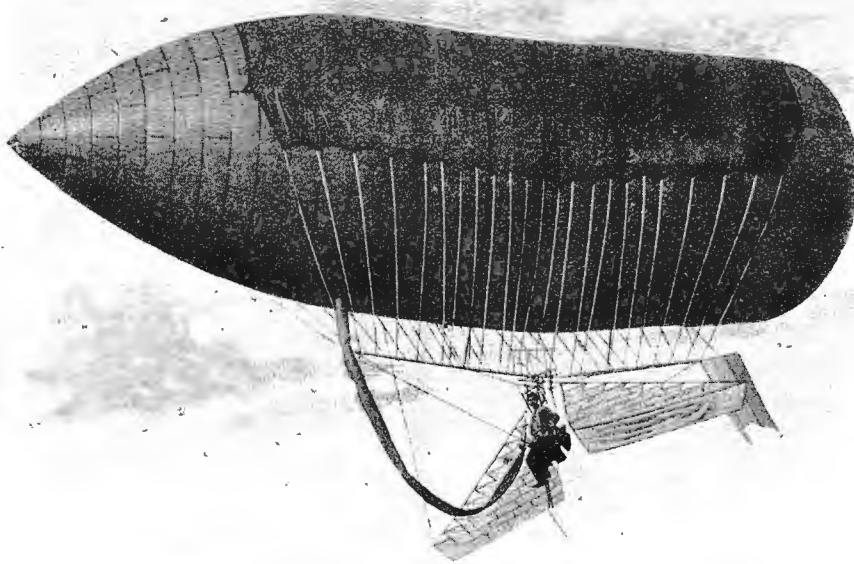
Инстинктъ самосохранения у животныхъ. Одинъ нѣмецкій врачъ обнаруживалъ слѣдующія интересныя наблюдения надъ жизнью животныхъ. На птичьемъ дворѣ, въ одно прекрасное утро, захворалъ цыпленокъ, всего за недѣлю передъ тѣмъ вылупившійся изъ яйца. Утро было свѣжее. Дрожа отъ холода, нахохлившись, жался бѣдняжка въ углу двора, между тѣмъ какъ matka, въѣто того, чтобы заботливо укрыть его подъ теплымъ крыломъ, не обращала на него ни малѣйшаго вниманія. Попробовалъ-было онъ подложить цыпленка подъ курицу, но ничего не вышло. Остальные цыплята тоже боязливо сторонились отъ заболѣвшаго. Это странное явленіе легче всего объяснить тѣмъ, что отъ больного цыпленка исходилъ «запахъ болѣзни», заставлявшій инстинктивно малку и остальныхъ цыплятъ сторониться отъ больного цыпленка. Безспорно, фактъ жестокой, но въ сущности не обходимый. Если бы больной цыпленокъ нашелъ защиту у матери, всѣ остальные цыплята подверглись бы опасности заразиться отъ него болѣзью. Другое подобное же наблюдение было сдѣлано надъ стадомъ лосей. Среди этого стада развивалась, вслѣдствіе продолжительной сырой погоды, заразительная болѣзнь. И здѣсь, какъ въ первомъ случаѣ, можно было замѣтить, что здоровыя животныя избѣгали всякаго общенія съ больными. Даже matka поступала такъ относительно своихъ заболѣвшихъ дѣтенышей. И тутъ трудно предположить другую причину, кромѣ особаго «запаха», свойственнаго больнымъ лосямъ и заставляющаго сторониться отъ нихъ здоровыхъ.

Наемныя могилы. Трудно представить себѣ страну, въ которой люди не только при жизни могутъ быть выселяемы изъ жилищъ, но и послѣ смерти не имѣютъ покоя на кладбищѣ, если близкіе ихъ забываютъ возобновить контрактъ на занимаемое ими помѣщеніе. Удивительная страна, въ которой такое выселеніе умершихъ является обыкновеннымъ фактомъ, есть островъ Порторико, о которомъ такъ много приходится слышать за послѣднее время. На Кампо-Санто, или кладбищѣ, лежащемъ на узкой береговой полосѣ, у подножья скалы, мѣста такъ дороги, что ихъ почти никто не покупаетъ въ полную собственность. Даже богатые люди предпочитаютъ вносить ежегодную наемную плату. Бѣдные же обыкновенно не въ состояніи платить долго за наемъ могилы, и потому имъ нерѣдко приходится быть свидѣтелями того, какъ дорогіе имъ останки вырываются изъ могилы, чтобы очистить мѣсто для новаго покойника. На вопросъ, куда дѣваются всѣ вырытые изъ могилъ скелеты, отвѣтить не трудно: въ одномъ изъ дальнихъ уголковъ кладбища возвышается возлѣ ограды высокій холмъ изъ костей мертвецовъ. Впрочемъ, кости очень рѣдко лежатъ на виду. Заботливая мать-природа поступаетъ великодушнѣе человѣка: она покрываетъ вырытые изъ гробовъ останки такой густой сѣтью ползучихъ растений, что они очень недолго профанируются любопытными взорами толпы.

Расщепленные гвозди. Новыя изобрѣтенія касаются нерѣдко самой скромной и незначительной сферы, вводя улучшения въ самые обыденные предметы повседневной жизни, и иногда настолько простыя, что кажется страннымъ, какъ они до сихъ поръ никому не пришли въ голову. Зато находчивые изобрѣтатели бываютъ воз-

награждаемы весьма значительнымъ доходомъ. Ту же участь ожидаетъ вѣроятно и гвоздь Фендерля. Вновь изобрѣтенный имъ гвоздь просто-напросто имѣетъ на концѣ довольно глубокой надрѣзъ, который раздвигается, какъ только гвоздь вогнанъ въ дерево, и держитъ гвоздь такъ крѣпко, что нѣтъ никакой возможности выдернуть его обратно. Поэтому новый гвоздь Фендерля можетъ быть рекомендованъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требуется очень прочная прибавка. На австрійскихъ желѣзныхъ дорогахъ, а также въ Босніи и Сербіи, эти гвозди введены въ употребленіе для прикрѣпленія рельсъ къ шпаламъ и оказались вполнѣ отвѣчающими этой цѣли.

Автоматическій пожарный сигналъ. Самая лучшая пожарная команда не можетъ выполнить своей задачи, если не будетъ своевременно уведомлена о случившемся пожарѣ. Прекрасное средство для быстрого извѣщенія въ такихъ случаяхъ составляетъ введенный недавно въ употребленіе въ большихъ городахъ Западной Европы общественный самодѣйствующій пожарный сигналъ. Онъ состоитъ изъ доступнаго публикѣ аппарата, соединеннаго под-

Летательный аппаратъ доктора Данилевскаго. Съ фот. автотипія «Нивы».

земными телеграфными или телефонными проводами съ ближайшей пожарной частью. Въ Берлинѣ подобные сигналы установлены на перекресткахъ улицъ или на площадяхъ. Они состоятъ изъ желѣзнаго ящика, укрѣпленнаго на столбѣ соответственной высоты. Въ ящикѣ помѣщается часовой механизмъ, приходящій въ движеніе при пользованіи аппаратомъ и автоматически производящій тревогу. Желающій воспользоваться аппаратомъ, долженъ выдать палкой, ножомъ или ключомъ тоненькую стеклянную рамку, вставленную съ передней стороны ящика, вынуть оттуда ключъ, вложить его въ замочную скважину и повертывать въ сторону, указанную стрѣлкой, послѣ чего открывается клапанъ и появляется кнопка. Эту кнопку нужно совѣемъ вытащить, для того, чтобы привести въ дѣйствіе часовой механизмъ, который и производитъ тревогу. Человѣкъ, вызвавшій тревогу или долженъ остаться у аппарата до прибытія пожарной команды или обозначить мѣсто пожара, лежащимъ подъ вытяжной кнопкой карандашомъ на бумагѣ, которой оклеена внутренняя сторона клапана. Нѣсколько усовершенствованнаго устройства являются пожарные сигналы Дижона (Dijon), установленные на парижскихъ улицахъ. Они могутъ быть употребляемы, не только какъ пожарные сигналы, но и для призванія спасательныхъ или санитарныхъ отрядовъ. Эти аппараты точно также состоятъ изъ чугунныхъ столбовъ, съ установленными на нихъ красными желѣзными ящиками, имѣющими на передней сторонѣ дверцу съ тоненькой стеклянной рамой. Пожарный сигналъ и телефонъ помѣщаются въ ящикѣ и соединены съ проводами, проходящими чрезъ чугунный столбъ къ подземнымъ кабелямъ. Надъ дверцей помѣщена надпись, указывающая, какъ нужно продвинуть рамку для пользования аппаратомъ. Въ отворенной дверцѣ является отверстие телефона, обозначенное тоже особой надписью. Въ телефонъ надо громко прокричать, какого рода произошелъ несчастный случай, улицу и номеръ дома. Въ тотъ моментъ, какъ открывается дверца, аппаратъ начинаетъ звонить и тѣмъ привлекаетъ вниманіе прохожихъ. Это сдѣлано для того, чтобы аппаратомъ не пользовались для нелѣпыхъ шутокъ. Когда звонокъ перестанетъ звонить, надо назвать станцію и повторять вызовъ до тѣхъ поръ, пока особый трескъ не покажетъ, что тревога услышана и понята.

новѣйшая модель 1898 года всемирно-образц. пишущей машины

РЕМИНГТОНЪ

обладаетъ всеми усовершенствованиями изобрѣтенными до настоящаго времени, создавшими типъ

САМОЙ СОВЕРШЕННОЙ МАШИНЫ лревосходящей всѣмъ другимъ системы

ВЪ ПРОЧНОСТИ,

БЫСТРОТѢ,

ЛЕГКОСТИ УДАРА

и ТЩАТЕЛЬНОСТИ

исполнения работъ.

Пониженная цѣна

275 руб. 325 руб.

предостерегаемъ отъ массы

ПОДЪЛОЖЪШЪ

ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГИ.

ЕДИНСТВ. ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДЛЯ ВСЕЙ РОССИИ

М. Блок

МОСКВА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

КІЕВЪ, ОДЕССА,

Варшава, Екатеринбургъ, Конакъ,

Ростовъ и др.

И. С. НИКОЛАЕВЪ, МОСКВА.

Дорогой читатель! Мы рады сообщить вам, что журнал "Юридическое обозрение" возобновляет свое издание в 1899 году. В этом году мы издадим 35-й том. В нем вы найдете много интересного и полезного. Мы просим вас подписаться на этот журнал. Цена подписки 10 руб. в год. Если вы хотите подписаться на несколько лет, то цена будет меньше. Мы также продаем отдельные выпуски. Если вы хотите узнать больше, то обратитесь к редактору. Редактор: И. Ф. Шамиссо, Одесса, Ришельевская, 28.

«Наилучший подарок для самого себя». Цѣна: 1 шт. 2 р., 2 шт. 3 р. 75 к. ПОРТМОНЪ СО ШТЕМПЕЛЕМЪ изъ наилучшей черной оловяной заграничной выдѣлки, съ матовымъ лоскомъ, съ 5 отдѣленіями, 1 внутреннимъ закрытымъ для звонкой монеты и однимъ особо закрытымъ для золота. Корпусъ изъ одного куска съ механич. затворомъ, содержащимъ научуковый штемпель съ подушкой для краски. Въ штемпелѣ можно помѣстить имя, отчество, фамилію и званіе, по желанію и коронку. Наружная велич. 2 1/4 x 1 3/4 в. Также дамскія вязальныя, разбитыя 1 3/4 x 1 верш. по тѣмъ же цѣнамъ. Тѣ же изъ настоящей толстой, мягкой шагренованной кожи, штука на 50 к. дороже. Ц. № 11823 4-2 Цѣны съ пересылкою въ Европейскую Россію, въ Азиатскую же — съ прибавленіемъ части въсовыхъ. Съ надюжными платежамъ на 10 к. болѣе. Тоже безъ штемпелей, штука на 35 к. дешевле. Въ контору фабрики АМЕРИК. КАУЧУКОВЫХЪ ШТЕМПЕЛЕЙ М. ФИШМАНЪ, Варшава, Вѣльская, 18.

ЮБИЛЕЙНО-ТОРЖЕСТВЕННАЯ ПОДПИСКА „КОНЦА ВЪКА“ НА ЮРИДИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ „Будильникъ“ ВЪ 1899 Г.—35-лѣтіе журнала. ВЪ 1899 Г.—15-лѣтіе настоящей редакціи. ВЪ 1899 Г.—100-лѣтіе рожденія А. С. ПУШКИНА. Всѣ подписчики 1899 г. признаются юбилейными гостями редакціи и, кромѣ уваженія, получатъ еженеѣдно серьезно-юмористическое обзорное текущей жизни столич. особенно провинціи и заграничьи. Все будетъ изображаться въ прозѣ, стихахъ, въ рисункахъ, карикатурахъ, перомъ, карандашомъ и красками. ГОДОВЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ НЕБЫВАЛАЯ ПРЕМІЯ: „ЕВГЕНІЙ ОНАГИЧЪ“. Полный текстъ поэмы съ портретами А. С. Пушкина, П. И. Чайковского и иллюстраціями-фотографіями фотограф. К. А. Фишера, снятыми со сцены оперы „Евгеній Онегинъ“ въ Императорскихъ театрахъ Москвы и Петербурга. КРОМЪ ТОГО ГОДОВЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ БЕЗПЛАТНО: ЮБИЛЕЙНЫЙ СЮРПРИЗЪ. (Сюрпризъ будетъ разосланъ подписчикамъ въ ноябрѣ 1899 г., что, кстати, при № 11696 учить любознательныхъ къ терпѣнію...) Подписная цѣна: на годъ съ преміей и сюрпризомъ — 10 р. Безъ преміи — 9 р. Въ Москвѣ на 1 р. дешевле. Скупнымъ — разсрочка: 5 р. при подпискѣ и 5 руб. 1 июня 1899 г. Полугодные подписчики не остаются безъ обѣда, но остаются безъ преміи и сюрприза. Пробный номеръ „Будильника“ высыл. за три 7 к. марк. Подписная деньга адресуется: МОСКВА, ВЪ РЕД. ЖУРН. „БУДИЛЬНИКЪ“.

1400 стилизован. узоры для вышиванія, углубленной и рельефной резьбы, выжиганія и живописи по дереву, и пр., и пр. Рисунки выжигаются на бумагѣ и на деревѣ. Наставленія, инструменты, машины и материалы. Газета „Дилетантъ“. Иллюстр. прейсъ-куррантъ высылаются за 30 пф. почт. марк. Mey & Widmeyer, München.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ У ВСѢХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ новое (2-е) издание Ф. ПАВЛЕНКОВА: „ИСТОРИЯ РЕЛИГІИ“ Проф. Мензиса. Переводъ съ англійскаго М. Чопитской. Цѣна 1 рубль.

ДАМАМЪ И БАРЫШНЯМЪ изящный подарокъ. Изъ чистаго золота 56-й пробы цѣлый гарнитуръ только за 15 руб. 1) Браслетъ золотой, состоящій изъ плотнаго золотого обруча, на которомъ искусствен. бриллы прехвосходной игры обхвачиваются дублетъ-рубинъ, сафиръ, изумрудъ или бирюзу (по выбору заказчика); 2) Брошь золотая такого же фасона; 3) Пара крупныхъ серегъ такого же фасона; 4) Кольцо золотое такого же фасона высыл. наложен. платеж. по полученіи 3 руб. задатка. Въ отдѣльности высылается браслетъ за 8 р., брошь — 4 р., серги — 3 р., кольцо — 2 р. (На рисунокъ гарнитуръ изображенъ въ уменьшенномъ видѣ). Часы изъ настоящаго американскаго золота съ гарантіей за вѣрность хода складъ высылаетъ только за 7 и за 10 руб. № 11896 Съ заказами обращаться въ фабрич. ный складъ золотыхъ издѣлій и часовъ І. Г. ШАМИССО, Одесса, Ришельевская, 28.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ П. П. Гнѣдича. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ роскош. колѣн. перепл. 2 р. 75 к., съ пересылкою 3 р. 25 к. Требования адресовать въ контору изданій А. Ф. Маркса (СБ., Мал. Морская, № 22).

Ювелиръ В. К. ЗЙКЕНРОТЪ. МОСКВА, Камергерскій переулокъ, дома Ланозова. Покупаю жемчужныя перлы, рубины, изумруды и бриллы по хорошей цѣнѣ. Имѣю большой выборъ новѣйшихъ фасоновъ золотыхъ и бриллантовыхъ, съ драгоценными камнями, вещей. Беру въ обмѣнъ старое золото на новыя вещи. Ш. № 11893 ЗАКАЗЫ исполняются въ собственной мастерской. 3-1

НОВЫЕ КНИГИ: Изданія фирмы «Полнглотъ» Книшневъ Бессарабія. СПЕЦІАЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ для РОССІИ: КАКЪ ИЗВЛЕЧЪ изъ каждой десятины земли, какова бы ни была почва и гдѣ бы она ни находилась, 500 руб. и болѣе дохода въ годъ СОЧИНЕНІЕ составленное общими силами извѣстныхъ агрономовъ: Дюборъ, Тронсе, Деаланъ, Лебланъ, Вильморинъ, Камбонъ, Дюксель, Бэллеръ и друг. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 рубля. КАКЪ РАЗЪОГАТЪТЬ? Какъ создать выгодное и самостоятельное занятіе съ 10 руб. сочиненіе Инездирбъ. Переводъ съ англійскаго. Цѣна 1 рубль. Цѣны съ пересылкою.

Корнеты-а-истонъ и всѣ другіе духовые гдчно и деревянныя инструменты, а также РОЯЛИ, ПИАНИНО, ФИСГАРМОНИ. Скрипки отъ 2—100 р. Гитары „ 3— 75 р. Балалайки „ 1— 20 р. Мандолины „ 8— 75 р. Цитры. „ 8— 75 р. и всѣ прочіе струнныя а также и механическія и самоиграющія инструменты и принадлежнкости рекомендуютъ І. Ф. МЮЛЛЕРЪ. Москва, Петровка, дома Волкова. Требуемъ иллюстр. прейсъ-куррантъ.

Открыта подписка на 1899 годъ „ВЪОТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“. Журналъ имѣетъ цѣлю распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи воспитанія въ семьѣ и школѣ. Журналъ допущенъ Учебнымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. Программа журнала: I) Оригинальныя и переводныя статьи. II) Критика и библиографія. III) Рефераты и мелкія сообщенія. IV) Хроника. V) Приложенія: литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и т. д. VI) Объясненія. Въ журналѣ два раза въ годъ печатается подробный и систематическій «Указатель текущей педагогической литературы». Срокъ выхода восемь разъ въ годъ (въ теченіи четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книгѣ журнала около 20 печатныхъ листовъ. Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки 5 руб., съ доставкой и пересылкою 6 р., въ полгода 3 р.; съ пересылкою за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 руб. Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Копытенинскій пер., д. Мисайлова) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ общаго столич. и внгородныхъ проситъ обращаться прямо въ редакцію. III. № 11871. 2—2 Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

САМОУЧИТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВЪ ДОХОДА
 въ 2-хъ частяхъ, съ 2-мя табл. чертень.
 Руководство къ быстрому самоучению безъ учителя любому
 изъ 14 разныхъ занятій.
ПРИНОСИТЕЛЬ НА КАЖДОЕ ЛИЦО ЕЖЕМЪСЯЧНО
отъ 50 до 250 р.
 не требующихъ капитала, быстро изучаемыхъ, легкихъ, доступ-
 ныхъ всякому возрасту и полу.
Соч. А. МИХАЙЛОВЪ.
Цѣна съ пересылкой: За марки и налог. плат.
 деньгами 60 к. не высылаетъ.
 Трехкратныя адресованы: жегъ подполковника Александра Дил-
 троннаго Золотницкаго, Москва, Кузнецкаго моста, домъ Захарья-
 на, вкварт. № 39. № 11887

на 3 шт. — 1. Множество благодарственных писемъ и отзывовъ.

Благодаря большому сбыту и новому усовер-
 шенствованному способу изготовления часовъ
 моего производства, я имѣю возможность про-
 давать съ 1 января сего года самые элегант-
 ные и прочные **МУЖСКИЕ ЧАСЫ** американскаго
 золота, трудно отличимые, даже специалста-
 ми, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ золо-
 тыхъ, — крытые явкерт, механизмъ самой луч-
 шей конструкции (удост. серебр. медалью на
 Женевской выставкѣ въ 1896 г.), съ прекрас-
 ной цѣлочкою, тоже американскаго золота, съ
 брелокомъ; но желанно заказчика съ его моно-
 граммою на верхней крышкѣ, вмѣсто 18 и 20 руб.

только за 10 и 12 руб.

Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили
 настоящие золотые, а въ послѣднее время и у
 насъ входятъ во всеобщее употребленіе.
 Такіе же **ДАМСКІЕ** дорожные на 1 рубль.
 Письменное ручательство на 8 лѣтъ.
 Высылаю вполнѣ вывѣренные часы, по полу-
 ченіи задатка 2 руб., остальные же наложен-
 нымъ платежамъ.
 Выписывающіе за пересылку не платятъ.
Адресъ: Ю. ГУБЕРЪ,
 Одесса, Почтовая, № 21. Складъ жене-
 вскихъ часовъ.

При заказахъ на 2 шт. устунается 50 коп.,
 на 3 шт. — 1. Множество благодарственных писемъ и отзывовъ.

ПАМЯТЬ
 лица кажд. возр. укрѣпляетъ лично и
 ясно (въ 10 урок.) профес. мнемоники,
 членъ парижск. академ. С. Файнштейнъ.
 Одесса, уг. Пушкин. и Ваз. ул., со-
 бствен. домъ. № 28. Условія преподава-
 ній и 2 брош. въ 64 стр. (содерж. от-
 зывы (о системѣ) офиц. и вполнѣ кон-
 лет. лицъ) высыл. за одну 7-ми коп.
 марку. № телефона въ городѣ 199. №
 телеф. на собствен. дащѣ 933. Адр. для
 телегр.: Одесса, профессору мнемоники
 Файнштейну.
 № 11345 10—9

Вышла книга П. А. БАДМАЕВА:
„О системѣ врачебной науки Тибета“.
 1-й выпускъ. Ц. 1 р. 50 к. Складъ изданія:
 уг. 7-й и Слоновой ул., д. 16—22, кв. 4, въ
 С.-Петербурѣ. Тамъ же принимается под-
 писка на 2-й выпускъ: «Общедоступный ле-
 чебникъ по системѣ врачебной науки Ти-
 бета.» Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.

ГАРМОНИИ ИЗВѢСТНѢЙШЕЙ ФАБРИКИ **Г. Ф. КАЛЬВЕ** И ЛУЧШЕЙ ВѢНСКОЙ РАБОТЫ.

№ 3623—4 р. 50 к. № 3626—5 р. № 3639—9 р. № 3700—10 р. № 3737—20 р. № 3750—25 р. № 3746—20 р. № 3760—20 р.

САМОУЧИТЕЛИ: для однорядной 1 р., для двух-рядной 1 р., для трех-рядной 75 к. Иллюстрированный прейсъ-курантъ **БЕСПЛАТНО**

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И ПОУЧ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Большая Морская, № 34 и 40. МОСКВА, Кузнецкаго моста, д. Захарьяна.

ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ торговаго дома **Андрей Емельяновичъ КУДАКОВЪ** въ С.-Петербурѣ, Садовая улица, № 33.

рекомендуютъ **ГИТАРЫ** солидной работы и отличнаго тона въ 2, 3, 4, 8, 10, 12, 15, 30, 50, 75 рублей.
СКРЯЖКИ въ 2, 3, 5, 6, 10, 15, 30, 100 руб.

ЮБИЛЕЙНЫЙ РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВСѢХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ **БЕСПЛАТНО**.

КАЗИМІРЪ ОССОВСКІЙ, инженеръ.
 Коптора для исходатайствованія привилегій **ВЪ БЕРЛИНѢ.** (Berlin, W. 9. Potsdamerstr. 3.)

СВѢЖІЯ ПОЛЕВЫЯ, ОГОРОДН. СЫМЕНА ЦВѢТОЧНЫЯ И ДРУГІЯ **БЕСПЛАТНО** **СЪЕМНО-ТОРГОВЛЯ** у **БОЛЬШОГО ТЕАТРА** въ **МОСКВѢ** — **Е. РОТЪ.**

270 Р.
 подъ выигрышныя билеты, II заемъ до 235 руб., подъ III Дворянскіе до 90 руб., подъ остальные бумаги до 200 руб. въ 5 до 8% годов. и 1/4% ежемѣ. ком. предлагаетъ въ суду банкскій домъ **ГЕНРИХЪ БЛОКЪ** 59, Невскій. 7—4

Пейте Цейлонскій чай!

Больше всего въ мірѣ потребляется чай въ Англии. Англичане, вслѣдъ за появленіемъ Цейлонскаго чая, перестали потреблять чай Китайскій, такъ какъ Цейлонскій чай есть несомнѣнно лучший чай и въ настоящее время въ Англии расходуется Цейлонскаго чая болѣе ста милліоновъ фунтовъ въ годъ.

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучший чай по вкусу и аромату.

Ш. № 11641 30—10

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ **Цейлонскаго чая** у **М. Роживю, Москва,** Маросейка, д. Тушинной. Представитель Товарищества Цейлонскихъ плантаторовъ для всей Россіи. Ш. № 11642 20—10

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (125)
 Во избѣжаніе часто встречаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикеткѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

Разрѣш. Киев. Учебн. окр. курсъ **ДВ. ИТ. БУХГАЛТЕРІИ** скоро и основательно выуч. всякаго посред. переп., вполнѣ захв. успевъ препода. Услов. высл. безпл. А. П. Бобыр. Киевъ, Рейтарск., 23.
СРЕДИ ЛЬДОВЪ и во мракѣ ночи. Фр. Нансенъ. Переп. Ковалевскаго. Съ рис. и порт. 2 т. 1 р., на веленев. бум. 1 р. 60 к.
Какъ устроенъ міръ Божій. Профес. Бекетовъ. Съ 144 рис. 80 к. Корролевскій, Д. БЕСѢДЫ СЪ ДѢТЬМИ О ПРИРОДѢ. А. Беклей. Съ англійскаго. Изд. 2. 60 к. Складъ Н. Аскарянова. С.-Петербурѣ, Троицкая, 6.

Содержание:

ТЕКСТЪ: Мара. Древне-русская повесть В. М. Михеева.—Грубость. Рассказ Иды Бой-Эль.—Село Нимры.— Къ рисункамъ: Прудъ въ старомъ паркѣ.— Въ Помпѣ.— Въ отставкѣ.— Боярышня, заглетающая носу.— Древолазы.— Въ лѣсу.— Завлечение.— Новый храмъ при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ.— Столѣтье лейбъ-гвардіи уральской казачьей сотни.— Самый высокій домъ въ мірѣ.— Библиографія.— Сибирь.— Объявленія.

1 внутренний 5% съ выигр. заемъ Гос. Банка 1864 г.

68 тиражъ 2-го января 1899 г.

ТИРАЖЪ ВЫГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

Table with 15 columns (№ сер., № бил., Сумма) and multiple rows of numerical data representing lottery results.

№№ серий, вышедшихъ въ тиражъ погашенія:

29, 171, 199, 276, 387, 388, 898, 936, 1036, 1086, 1102, 1230, 1327, 1397, 1625, 1698, 1750, 1842, 1854, 1861, 1921, 2137, 2358, 2412, 2506, 2817, 2920, 3284, 3417, 3694, 3755, 3875, 4148, 4186, 4201, 4283, 4331, 4500, 4587, 4669, 5188, 5274, 5287, 5330, 5381, 5514, 5564, 5640, 5850, 6818, 6838, 7517, 7687, 7754, 7774, 8517, 8613, 8775, 8877, 8881, 8904, 8999, 9284, 9312, 9460, 9783, 9932, 10252, 10384, 10700, 10776, 11109, 11158, 11350, 11406, 11506, 11556, 11731, 12291, 12692, 12894, 12967, 13035, 13080, 13101, 13186, 13441, 13666, 13829, 13867, 14474, 14492, 14526, 14641, 14653, 14994, 15008, 15038, 15082, 15150, 15469, 15619, 15714, 15753, 15940, 16058, 16063, 16321, 16389, 16421, 16666, 16749, 16788, 16920, 16973, 17136, 17349, 17501, 17587, 17611, 17634, 17635, 17893, 18320, 18556, 19154, 19423, 19515, 19618, 19621, 19628, 19651, 19653, 19690, 19769, 19802.

Всего 136 серий, составляющихъ 6800 билетовъ, на сумму 884,000 рублей.

ОТРОКЪ-МУЧЕНИКЪ. УГЛИЦКОЕ ПРЕДАНИЕ. ПОВѢСТЬ В. М. МИХЕЕВА. Съ 30 рис. (10 рис. на отдѣлн. листахъ и 20 рис. въ текстѣ) М. В. Нестерова, В. П. Сурикова и Е. М. Бемъ.

ЗАЙКАНИЕ. ѣтится въ лѣчебномъ учрежденіи И. И. Гимиллера. Москва, Новая Басманная, д. Ланина. ПЛАТА ПО ИЗДѢЧЕНІИ.

М. ПЛОХОВЪ. МАГАЗИНЪ И МАСТЕРСКАЯ СТАЛЬНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Садовая ул., 9. ПРОДАЖА перочна, ножей, бритвъ, ножищъ, машинокъ для стрижки волосъ и проч. ИЗЪ САМОЙ ЛУЧШЕЙ СТАЛИ.

ПРИГЛАШАЮТЬ дѣятельныхъ агентовъ. Обращаетъ писменно: Вапкирскій домъ Генрихъ Блонкъ. С.-Петербургъ, 59, Цевскій.

Разрѣш. Кіев. Учебн. окр. курсъ ДВ. ИТ. БУХГАЛТЕРІИ скоро и основательно выуч. языка посредперепл., плоти въамъ. учебн. препод. Услов. выск. безла. А. П. Бобыр. Кіевъ, Рейтарск., 23.

ЗАЙКАНИЕ КАРТАВОСТЬ ШЕПЕЛЯВОСТЬ устраниеть лѣчебное заведеніе К. Ю. Эрнстъ, Москва, В. Никитская, № 11, кв. 6. Ц. № 11924 (1) Руководство къ самообуч. для языкъ 3 руб. ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. Пшавлателъ. Съ портретомъ и фотографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

Cacao van Houten

КАКАО ВАНЪ-ГОУТЕНЪ. Одной чайной ложки достаточно для приготовления большой чашки превосходнаго шоколада на водѣ или на молокѣ.

В. № 11304 3-3

Основан. въ 1886 году КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРИИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ.

Бухгалтерія торговая, банковая, сельскохозяйственная и фабричная. Съ марта — винной монополи и земскихъ управл., Москва, Тверская ул., уголъ Леонтьевского пер., д. Полякова.

Ц. № 11861 5-4

10-го ЯНВАРЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются бесплатно.

ВАЖНОЕ СООБЩЕНИЕ

Понижение цѣнъ.

Благодаря феноменальному успѣху образцовыхъ пишущихъ машинъ

РЕМИНГТОНЪ

сбытъ которыхъ достигъ уже цифры

— 250,000 шт. —

заводъ счелъ возможнымъ понизитъ съ 1 Сентября с. г. цѣну машинъ

== НА 50 РУБ. ==

поэтому новѣйшая модель 1898 года Ремингтонъ Спеціальъ стоитъ 275 и 260 р., а модель № 6-й только 260 и 235 руб.

ПРЕДОСТЕРЕГ. ОТЪ МАССЫ ПОДЪЛЮКЪ!!

КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.

ЕДИНСТВ. ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДЛЯ ВСЕЙ РОССИИ

М. Блок

МОСКВА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, КИЕВЪ, ОДЕССА, Варшава, Екатеринбургъ, Нокандъ, Ростовъ и т. д.

Н. С. НИКОЛЬСКИЙ, МОСКВА.

Пейте Цейлонскій чай!

Больше всего въ мирѣ потребляется чай въ Англии. Англичане, вслѣдъ за появленіемъ Цейлонскаго чая, перестали потреблять чай Китайскій, такъ какъ Цейлонскій чай есть несомнѣнно лучший чай и въ настоящее время въ Англии расходуется Цейлонскаго чая болѣе ста милліоновъ фунтовъ въ годъ.

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ ЭКОНОМИЧЕНЪ.

Ш. № 11641

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.

30-11

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучший чай по вкусу и аромату.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ Цейлонскаго чая у

М. Роживю, Москва, Маросейка, д. Тушинной. Представитель Товарищества Цейлонскихъ плантаторовъ для всей Россіи.

Ш. № 11642 20-11

„ПРЕЛЕСТЬ-АККОРДЕОНЪ“

наилучшія въ настоящее время ручныя гармоніи. Отличаются замѣчательной легкостью, пріятнымъ тономъ, удобной игрою, новымъ патент. грифомъ и металл. углами у мѣховъ; одноряд. дамская 5 р.; обыкновен. 8, 10 и 14 руб.; двухрядная 20 и 30 руб.; трехрядная 40 руб.

„КРЕМОНА-АККОРДЕОНЪ“

послѣдняя новинка въ ручныхъ гармоніяхъ, съ чрезвычайно пѣвучимъ тономъ. 10 клан. въ 8, 10 и 12 руб.; двухрядная 16 и 20 р. Самоучитель Алексѣева 1 р.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка, домъ Волкова.

Подробное описаніе и полный иллюстрир. прейсъ-куррантъ Ш. № 11824 2-2 бесплатно.

25 лѣтъ практически бывши на работахъ крѣпостныхъ, желѣз. дорогъ и другихъ, занималъ ответственныя должности. Въ настоящее время состоитъ представит. Промышленн. Общества; имѣетъ свидѣльств. и благодарств. Желалъ-бы перемѣнить занятія и принять участіе въ какихъ-либо строителн. работахъ. Письменн. предлогъ подѣлит. Г. М. П. адресъ въ Торг. Домъ Л. и Э. Метцль и К°, Б. Морская, 11.

Популярно-научная книга, доказывающая

СЧАСТЛИВЫЕ ЛЕЖЕ

ВЫИГРЫШ

ныхъ бил. 1, 2, 3 займ. Ц. 1 руб., съ перес. 1 р. 20 к. (налож. плат. 1 р. 30 к.). СПб. Вознесенскій, 37, кв. 32. КРАСИЛЬНИКОВЪ. 2 янв. с. г. на доказан. № пале 266 выигрышей на сумму въ 365 1/2 тыс. рублей.

СВѢЖІЯ ПОЛЕВАЯ, ОГОРОДН. СЫМЕНА ЦВѢТОЧНАЯ И ДРУГІЯ БЕЗПЛАТНО НА КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО СЫМЕННО-ТОРГОВАЯ У БОЛЬШОГО ТЕАТРА. ВЪ МОСКВѢ

Е. РОТЪ.

на 1899 г. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** на 1899 г. самый интересный журналъ юмористическій

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

50 номеровъ журнала, въ которыхъ будетъ помѣщено болѣе 800 прекрасн. исполненныхъ рисунковъ извѣстныхъ карикатуристовъ-художниковъ.

Всѣ годовые подписчики получатъ прѣдл:

- Художественный альбомъ въ краскахъ «ЦАРЬ БЕОДОРЪ ЮАННОВИЧЪ», трагедія А. К. Толстого.
- Альбомъ будетъ заключать въ себѣ 12 картинъ въ краскахъ, снятыхъ со сцены въ Москвѣ въ Художественно-общедоступномъ театрѣ.
- Въ память столѣтія со дня смерти А. С. Пушкина будетъ разосланъ Пушкинскій номеръ, посвященный памяти поэта.
- Полное собраніе сочиненій популярнаго юмориста А. Педро. Годовая цѣна шесть руб., съ преміями семь руб.

Пробный номеръ высылается за три семикопейчн. арка.

Адресъ: Москва, журналу «Развлеченіе». Ш. № 11839 2-2

БЕЗПОДОБНАЯ

цитра **„МОНОПОЛЬ“**

отличается силою звука и мелодичнымъ тономъ, а съ помощью шести педалей, полными очаровательными аккордами можетъ всякій разыгрывать все что угодно, не имѣя даже понятія о ноткахъ.

Цѣна 7 руб.

ПРЕДЛАГАЕТЪ

ФАБРИКА ТОРГОВАГО ДОМА ТОВАРИЩЕСТВА

Д. Е. КУЛАКОВЪ.

С.-Петербургъ, Садовая, 33.

Иллюстрированный прейсъ-куррантъ всѣхъ инструментовъ высылаются бесплатно.

XXX г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXX

№ 3

Выходит еженедельно (52 № в годъ), съ приложениемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ литературныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1899

Выданъ 16 января 1899 г.

Цѣна этого № 15 в., съ перес. 20 в.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1899 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Подписная цѣна годового изданія „Нивы“ со всѣми приложениями на 1899 г.: 12 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ полное собраніе сочиненій И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ „Литературныхъ приложений“, и пр., и пр.

Безъ доставк въ Петер- бургъ . .	5 р. 50 к.	Безъ дост. въ МОСКВѢ въ конто- рѣ Н. ПЕЧНОВСКОЙ, Петровскія дѣли .	6 р. 25 к.	Безъ доставк ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Ришельевская, 12.	6 р. 50 к.	Съ достав- кою въ Па- тербургъ . .	6 р. 50 к.	Съ пересыл- кою во всѣ мѣст- ности Россіи . .	7 р.	За гра- нцу . .	10 р.
--	-------------------	---	-------------------	---	-------------------	--	-------------------	---	-------------	-----------------------	--------------

На ¼ года съ дост. въ СПБ. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на ½ года съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 к.

При этомъ № прилагается выпускъ «Ежемесячн. литерат. приложений» за январь 1899 г.

Прудъ въ старомъ паркѣ. Съ картины И. И. Шишкина по фотогр. Чоголова грав. Рашевскій.

М а р а.

Древне-русская повесть В. М. Михеева.

Жизнь или смерть олицетворяется
въ образъ женщины, подъ именемъ
Мары.

С. М. Соловьевъ.

I.

Старый Годинь.

Немного меньше, чѣмъ тысячу и сто лѣтъ назадъ, въ половинѣ десятого вѣка, киевская княгиня Ольга, вносившая первая насадительница православія на Руси, совершивъ падъ древлянами, убившими ея мужа, Игоря, хитрую и грозную месть, стала править всею тогдашней Русью.

Сынъ ея Святославъ былъ малолѣтенъ и находился на попеченіи воеводы Асмуда; мудрая Ольга правила, какъ князь; овладѣвъ землей древлянской и присоединивъ ее къ своей вотчинѣ, землѣ полянской, она пошла по ней съ дружиной, воздѣ устанавливая уставы, то-есть свой порядокъ; во время этого обхода, она останавливалась отдохнуть или поохотиться; и долго, пораженные мудрымъ и могучимъ гнѣвомъ и доброй хозяйственной распорядительностью княгини, помнили древляне мѣста ея остановки: Ольгини становища и ловища.

Недалеко отъ мѣстечка, ставнаго потомъ городевь, Овруча, на одномъ изъ становищъ Ольги образовалось поселеніе, такъ и прозванное въ память княгини «Ольжица».

Мѣсто было красное, на берегу рѣчки Горыни. Ольга жила и охотилась здѣсь довольно долго. Когда пришла пора двинуться дальше, княгиня сказала Асмуду, ибѣстуну княжича Святослава, что съ этого хорошаго мѣста ей грустно уходить. Княжичъ и его ибѣстунъ, воспитатель, тоже были въ ея обозѣ. Асмудъ погладилъ свою длинную бороду и сказалъ:

— Точно! Хорошее мѣсто, а пустое останется. Да мало ли, мать-княгиня, мѣсть! И краше найдемъ.

Дружина и нѣкоторые древляне, провожавшіе Ольгу съ ближайшихъ мѣсть, выслушали все это молча. Замолчала и Ольга. Обозъ княгини пошелъ дальше, древляне повернули, низко побивъ челою княгинѣ, назадъ къ своимъ мѣстамъ; а черезъ малое время явились на рѣчку Горынь люди, застучали топорами, и скоро избы выросли между вѣковыхъ дубовъ и кленовъ.

Среди древлянъ, сопровождавшихъ Ольгу и вернувшихся въ Овручъ, былъ закиточный овручскій «людичъ», то-есть человѣкъ не княжескаго рода и двора, именемъ Годинь. Онъ былъ староста и сопровождалъ новую княгиню по ближайшимъ къ его мѣсту нѣлямъ, путямъ. Когда онъ вернулся домой, онъ ходилъ долго задумчивый и молчаливый. Ближкіе ужъ боялись, не настала ли на Година порча какой-нибудь злой чары. Но Годинь собралъ однажды всѣхъ домохозяевъ и челядницевъ, всѣхъ своихъ наймитовъ (наемныхъ слугъ) и всю свою «обель», по-тогдашнему крѣпостныхъ, и сказалъ:

— Мудро рекла мудрая княгиня. Хорошо мѣсто на Горыни. Правду сказали и воевода Асмудъ: жалко, что пустое стоитъ. Вошло это мѣсто въ душу мою — зоветь меня. Собирайся родъ Годиневъ, домохозяды и челядницы, на новыя мѣста... Срубимъ поселокъ и заживемъ сами по себѣ. Тѣсно стало въ Овручѣ, повольнѣй заживемъ.

— Что жъ, вѣрно, старому своимъ Годиничей захотѣлось? — спросила старшая изъ женъ Година (были въ ту пору всѣ древляне еще язычники и многожены).

— Ольжицами назовемъ мѣсто наше, старуха, не Годиничами. Не позабыть мнѣ мудрой княгини. По ней и становище свое назову, — отвѣтилъ старый Годинь.

И какъ былъ онъ старшій въ родѣ — по роду и старостой назывался — послушался его весь родъ, семья, близ-

кіе и дальніе родичи, собрали, небольшое въ ту пору жилища простой и бѣдной, имущество, и двинулись обозомъ на новое мѣсто, гдѣ немного дней назадъ стояли и Ольгини обозы. Въ ту пору наши предки и вообще легко уходили на новыя мѣста. Кого война гнала, кого пожары, кого выгода: на новыхъ мѣстахъ и лѣса было больше, и звѣря, и меда — на старыхъ-то все это ужъ новырубилы, новыбыли, новынули. И не прогадалъ Годинь. Въ Ольжицахъ на Горыни зашло къ нему и семейство его хорошо. И звѣря было довольно, и меда, и лѣса. А когда весь Годиневъ родъ павалился на новую землю по бережьямъ Горыни, новырубилъ лѣсъ, новыкорчевалъ и принялся сѣять хлѣбъ, то увидать, что и новъ — черная и жирная — дастъ хорошее и обильное зерно.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе двадцати лѣтъ. Годинь совсѣмъ состарился. Онъ ужъ мало и хозяйствовалъ. Хозяйство его перешло въ руки его старшаго сына Баюза. Къ Годину же, въ одинокую избу, подальше отъ другихъ избъ срубленную самимъ старикомъ, ходили только за совѣтомъ по самымъ важнымъ дѣламъ.

Шли къ нему туда, когда въ семьѣ затѣвалась свадьба; хотъ женихъ и умикалъ невѣсту, по обычаю, какъ бы тайно увелъ ее, но, обыкновенно, старшіе родичи раньше знали, а часто и сами готовили тайный какъ будто сговоръ между будущими мужемъ и женою. Не одобрялъ Годинь этого сговора, и умикальню не давали состояться. Шли къ Годину въ избу, когда кто-нибудь умиралъ, или рождался въ семьѣ. Годинь, какъ старшій въ родѣ, былъ и жрецъ семьи, языческой священникъ; онъ произносилъ надъ теломъ сожженнаго покойника нужныя воззванія къ богамъ и къ чурмамъ, прежде умершимъ роднымъ; надъ поворожденнымъ онъ, осматривая книжки жертвенныхъ животныхъ, произносилъ предсказанія и заклинанія.

Шли къ Годину въ избу, когда, собравъ хлѣбъ, медъ, воскъ, шкуры, рыбу, готовили обозъ въ Болгары, мѣсто, гдѣ по преимуществу сбывали все это за ткани, оружіе, утварь, монеты. Когда такой обозъ былъ собранъ въ Ольжицахъ, готовый пуститься на Волгу, въ Болгары, — Годинь, оповѣщенный, выходилъ изъ своей избы, благословлялъ и товаръ, и путниковъ и заклиналъ ихъ отъ всякой бѣды и несчастій въ дорогѣ. Онъ же растолковывалъ тѣмъ, кто шелъ въ Болгары дороги, мѣста, гдѣ оставлять товаръ, — помѣченныя знаками.

Въ ту пору торговали на Руси особенно: привезуть въ назначенныя мѣста, въ назначенное время, товаръ, да и оставить. А затѣмъ покушники явятся. И ридомъ оставить то, что нужно въ обмѣнъ. А потомъ снова явятся продавцы и, если оставленное въ обмѣнъ имъ по вкусу и стоитъ ихъ товара, — заберутъ плату, оставивъ товаръ. А черезъ короткое время за товаромъ явятся купившіе.

Въ старину Годинь, какъ староста, не мало разъ хаживалъ съ обозами хлѣба, рыбы, меда, кожи изъ Овруча въ Болгары и зналъ всѣ мѣста товарныхъ складовъ, всѣ подробности обмѣна и стоимость вещей и чужеземныхъ денегъ. Такъ что и теперь подолгу наставлялъ онъ сопровождавшихъ товарный обозъ передъ тѣмъ, какъ имъ тронуться въ путь. Это была одна изъ главныхъ и самыхъ серьезныхъ заботъ стараго Година въ Ольжицахъ. Сынъ его Баюзъ въ это дѣло пока совсѣмъ не мѣшался.

Другая забота старика — было собраніе по требованію князя воевъ — ратниковъ; князь черезъ гонца оповѣщалъ жителей городовъ, селъ и поселковъ о походѣ. Годину приходилось выбирать воевъ между ближайшими родичами и обдѣлывать это безъ обиды, безъ лукавства, чтобы жены и матери не ворчали на старика.

На счастье Година въ правленіе Ольгино, когда его поселокъ, Ольжица, началъ только расцвѣтать на берегахъ Горыни, почти не было на Руси походовъ, и въ

глухие Ольжичи не добывали советам княжеские тонцы за воинами. А когда стала править молодой Святослав, хоть он и воевал постоянно, но не любил воинов сельчан: он сам собирал свою дружину и рать, в ведомых ему лично мѣстах; собирал рать отборную, такую, какую ему было надо, — а къ сельчанам, особенно изъ глухих мѣсть, относился съ недоверіемъ, какъ къ воинамъ.

Все же, когда онъ ходилъ на хозарь, на Дунай, противъ болгаръ, его гонецъ обѣжалъ всю его землю, заглянуть и въ Ольжичи. Потомъ, когда печенѣги обложили Кіевъ, и Святославъ пошелъ изъ Болгаріи спасать осажденную въ столицѣ мать Ольгу и дѣтей своихъ, — въ Ольжичи онъ прискакалъ гонецъ-вербовщикъ. И Годишь добросовѣстно отбиралъ старшихъ родичей и посылалъ ихъ князю.

Баюмъ, единственный взрослый его сынъ, по обычаю, оставался дома — и никогда не былъ въ походѣ. Годишь хотѣлъ бы и его хоть разъ послать въ рать къ князю. Стыдно было старику, который самъ нѣкогда бывалъ въ походахъ и бояхъ съ древлянскимъ княземъ Маламъ, слышать отъ возвращавшихся воевъ похода родичей о боевой славіи Святослава, въ которой его сынъ не принималъ никакого участія. Хотѣлось ему и Баюму дать случай похвалиться въ родномъ кругу боевой удачей. Но Баюмъ иначе думалъ. Скучной и хозяйственный, онъ былъ трусливъ и лѣнивъ, въ чемъ, впрочемъ, не сознавался даже самому себѣ. И онъ крѣпко уперся на своемъ правѣ единственнаго сына не ходить въ походъ. Годишь не хотѣлъ нарушать обычая да и боялся потерять на войнѣ единственнаго сына, поэтому не настаивалъ. Но втайнѣ онъ грустилъ о робости сына и его нежеланіи боевой славы.

Но эта грусть была ничто сравнительно съ той скорбью, какая овладѣла старикомъ, когда тѣ же вернувшіеся съ Дуная родичи — вой — принесли вѣсть, что мудрая княгиня Ольга ходила въ Царь-градъ и окрестилась. Долго не вѣрили тому Годишь. Но потомъ это подтвердили и вернувшіеся изъ Кіева ольжичане, возившіе туда на продажу воскъ. Они, кромѣ того, рассказали, что Ольга и молодого князя уговариваютъ окреститься у грековъ. Старый Годишь, услышавъ все это, совѣмъ затуманился.

Тогда-то онъ и ушелъ въ отдельную избу, въ отдаленное отъ прочихъ мѣсто, подъ старые, вѣковые, не срубленные дубы. Подъ этими самыми дубами, помнилъ Годишь, была ставка княгини Ольги. Тяжко ему было узнать, что мудрая и могучая княгиня покинула отческую вѣру и предалась другой, — та самая княгиня, мощь, мудрость и благодѣтельность которой нѣкогда «вошла» въ его, до тѣхъ поръ враждебную ей, древлянскую душу, подъ этими самыми дубами.

Утѣшало его одно: по слухамъ, князь Святославъ еще не послѣдовалъ настояніямъ матери. Этому князю Годишь помнилъ малюткой, когда онъ неужелой, дѣтской рукой бросалъ конемъ въ древлянскую рать, скача на конѣ рядомъ съ длиннорылымъ Асмудомъ. Потомъ онъ помнилъ ребенка Святослава рядомъ съ матерью, творившей здѣсь, подъ этими дубами, свой распорядокъ въ древлянской землѣ. Мальчикъ грозно хмурилъ брови, когда мать его указывала древлянскимъ мужамъ, чего она отъ нихъ требуетъ, и ручонка его повелительно сжимала небольшой мечъ. А мать говорила тихо, медленно, строго, но не безъ мягкости. Пѣлила тогда эта строгая мягкость Годиша, пѣлила разумная рѣчь княгини. Не подозрѣвалъ онъ, что эта разумная мягкость и подвигнула сердце Ольги окреститься...

И съ особенной старательностью дрихлый теперь Годишь ушелъ въ обычай своей языческой вѣры. Ни одно воззваніе, ни одно заклинаніе, ни одну жертву богамъ не пропускалъ онъ въ пужныхъ случаяхъ. И сиди одинъ въ своей избѣ, онъ продолжалъ бормотать изсохшими губами, тонущими въ придыхъ советамъ бѣлыхъ усомъ и бо-

роды, эти вѣсныя слова заклятій и моленій, точно и самъ себя старался укрѣпить въ своей неконной вѣрѣ.

Кромѣ возраставшаго процвѣтанія Ольжичей, невольно радовавшаго сердце старика, кромѣ этой все болѣе ожившейся съ его душой вѣры отговъ и дѣловъ, еще одно утѣшеніе было у него — внучка Русава, единственное дитя его сына Баюма... Одно было не хорошо — въ этомъ чудилась Годишу недоброе предвѣстіе: Русава родилась какъ разъ въ тотъ годъ, когда мудрая княгиня, по слухамъ, опустилась въ кушель въ Царь-градъ.

II.

Волшебная ночь.

Въ 970 году, когда Русавѣ пошелъ четырнадцатый годъ, вторая половина іюня мѣсяца была жаркая и тихая. Праздникъ Куналы, 23-го іюня, и теперь въ просторѣчьи называемый Ивагъ Кунало, — обѣщала быть особенно радостный и оживленный. Ночь на этотъ день, Куналя ночь, стояла теплая — настоящая волшебная ночь: ни вѣтра, ни тучъ; точно бархатный таинственный па-теръ, раскинулось темно-голубое небо, усеянное крупными, яркими звездами, надъ рѣчкой Горынью, и отразилось въ ней такое же глубокое и звѣздное.

Поселокъ Ольжичи какъ-будто смалъ. Въ избахъ была, повидимому тишина; но во многихъ горѣли огни.

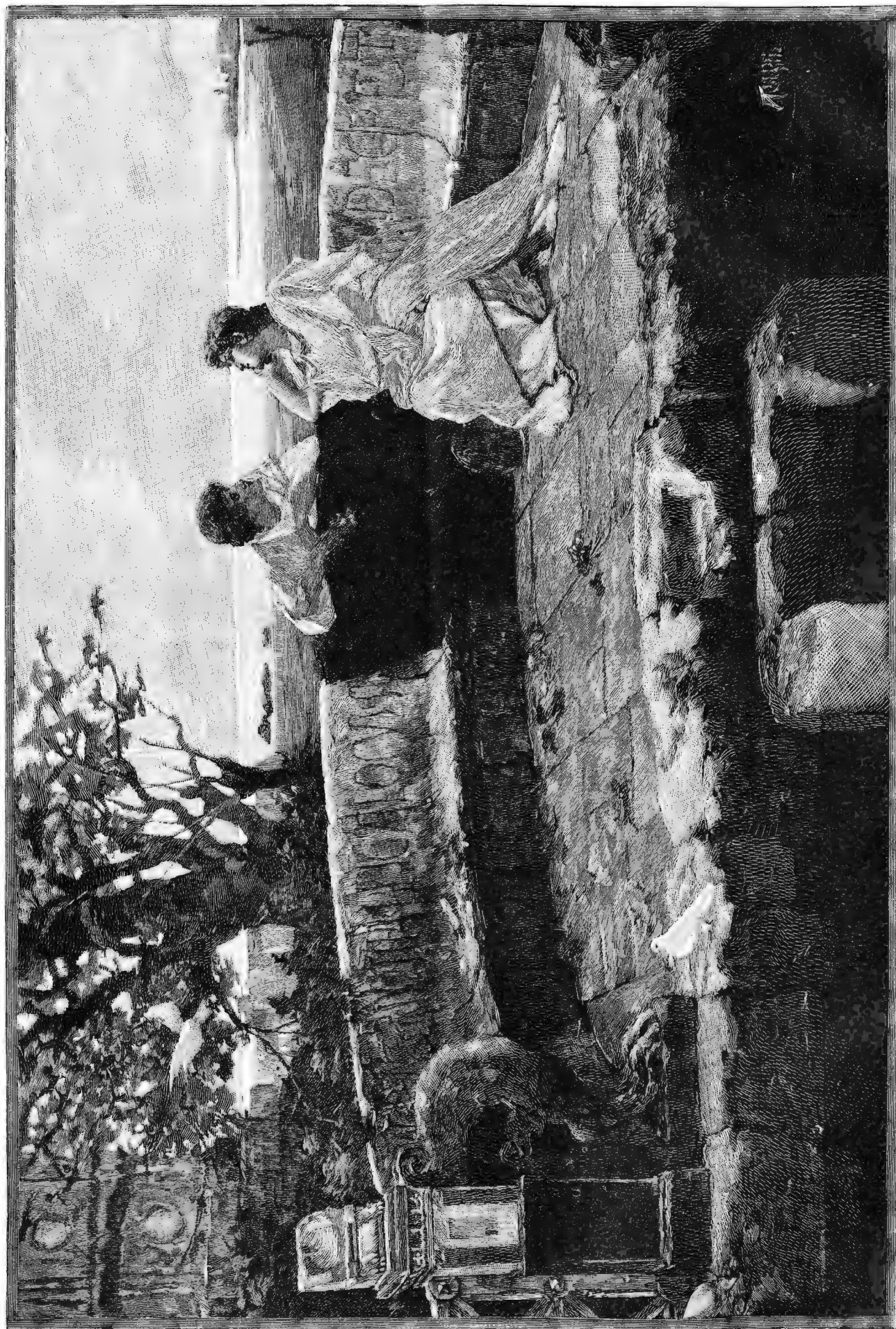
Старики и старухи сидѣли согнувшись, пригорюнившись, и, точно одержимые тайнымъ бредомъ, шевелили сухими, ввалившимися губами. Дѣти, кромѣ совершенныхъ несмысленковъ, съ которыми возилась матери или которые спали, жались къ бабкамъ и дѣдамъ съ широко раскрытыми глазками, и слушали, точно сказку, то, что вырывалось изъ старческихъ устъ про сегодншнюю ночь и завтрашній день, про этотъ праздникъ бога Сварога и его дѣтей: солнца и огня, а также и воды.

Завтра день этихъ божественныхъ силъ, день, когда живодавецъ солнце горитъ съ самой большой яркостью и теплотой; и въ эту волшебную ночь травы, деревья наливаются съ особой полнотою чарующими, плодотворными соками: вода, струя которой съ вѣжностью ласкаетъ каждое утро солнце, проникается особенной трепетной чистотой. И всѣ силы жизни, добрая и злая, напрягаются всѣмъ своимъ напряженіемъ. Человѣкъ дѣлается особенно чутокъ и воспримчивъ. Добро и зло, радость и страданіе охватываютъ его въ эту ночь, какъ никогда. Это — ночь створовъ и умыканій невѣсть, это — ночь всякихъ наговоровъ и чарованій. Въ эту ночь собираютъ цѣлительныя и приворотныя травы, кунаются и прыгаютъ черезъ костры для очищенія отъ всего злого и нечистаго.

Всякая нечисть вѣдь въ эту ночь особенно настораживается, ловить, путаетъ и пугаетъ человѣка. Лѣшіе, перекликаясь, заводятъ въ страшную лѣсную чащу. Водные высовываютъ изъ омутовъ обѣленные зеленой тиной лохматыя головы и ловятъ кунальницъ, если тѣ во-время, опускаясь въ воду, не произнесутъ пужныхъ заклинаній. Русалки разсыпаются по лѣсамъ, прячутся въ деревьяхъ, играютъ и акупаются. Русалки не злые духи, но онѣ, въ ихъ посмертной тихой тоскѣ по родичамъ, покинутымъ на землѣ, — духи юные, а потому паловливо-дукавые. И перѣдко имъ хочется заманить къ себѣ живого человѣка, обнимая и лаская его, ощутить въ немъ такъ рано и грустно покинутую ими плоть и кровь. И вотъ онѣ зовутъ, манятъ, клещутъ — и путаютъ живыхъ людей не хуже завѣдомо злыхъ духовъ.

Про все это старики рассказывали въ эту ночь дѣтямъ, дрожа отъ воспомнаній того, что уже давно миновало для нихъ. Иные приписывали несчастія своей жизни такимъ почамъ, когда врагъ чарованіямъ и злымъ наговорамъ побѣждалъ радостное вліяніе солнца и неожиданно насыпалъ бѣды. Иные, вѣдая, вспоминали счастье, еще чаще связываемое съ памятью о праздникѣ Куналы. Горичая пора молодости вдругъ ярко венихивала въ памяти.

Дѣти много не понимали, еще больше понимали по-

Русский музей Императора Александра III. „Въ Помпѣ“, Съ картины и. Селезнева грав. И. Павловъ.

Въ отставкѣ. Съ картины В. Андреева грав. В. Цехомскій.

своему, но они молча жадно слушали бормотанье и шопотъ дѣдовъ и бабокъ. Все говорили негромко, подавленно. Да и сдержанное волненіе пресѣкало невольно голосъ. Дѣтямъ было такъ занято и такъ страшно, что они даже не разспрашивали, не подбодряли дѣдушекъ въ ихъ разсказахъ. Дѣды въ этомъ не нуждались.

Люди среднихъ лѣтъ, пожилые, матери и отцы тоже не спали въ эту ночь. Они не шли въ глубь лѣсовъ, къ отдаленнымъ берегамъ Горыни. Они рѣдко, только по особымъ случаямъ, подвергали себя очищенію купаньемъ, или скакали черезъ огонь. Развѣ по указанію волхвовъ и вѣдуновъ. Они, отойдя отъ избъ, издали смотрѣли на таинственное оживленіе лѣсовъ и рѣчныхъ береговъ. Суровые и сосредоточенные, они задумывались въ эту ночь также съ особенной напряженностью: они думали о своихъ взрослыхъ дѣтяхъ, которыхъ въ эту ночь гадали о судьбѣ, опускаая вѣнки на рѣку, лица цвѣтка напоротника, пугово таясь въ чащѣ темнаго лѣса.

Молодежь же въ эту ночь овладѣвало неудержимое волненіе. Подростки, еще проилымъ лѣтомъ цѣплявшіеся за рубаху бабки, въ ужасѣ слушая ея таинственные сказанія, ускользали изъ избы, кралісь въ лѣсъ, бѣжали на рѣку. Молодые парни и дѣвушки, чувствуя себя истинными хозяевами этой ночи и завтрашняго дня, сами не замѣчали, какъ сближались съ подростками, которые пугово и зорко поглядывали на счастливыя пары. Въ подутьѣ ночи свои не узнавали своихъ; лица измѣнялись отъ напряженныхъ оцущеній, отблесковъ костровъ, вѣсковъ на головахъ. Отуманенныя молодыя очи брата или сестры казались незнакомыми.

Въ эту ночь старшіе никого не удерживали дома. Они все-равно знали, что это бесполезно. Они подчинялись вышней силѣ боговъ, которые влекли въ лѣсъ, на рѣку всякаго, у кого въ молодой груди просыпался вчерные порывъ невидимаго, сладко сосущаго чувства. Пожилые и сами помнили, какъ овладѣли ими боги и какъ невозможно было противостоять.

Только особенно зажиточные и по старшинству рода почетные отцы и матери, боясь, чтобъ ихъ дѣти не вступили въ бракъ съ какимъ-нибудь бѣднякомъ, или,—храни Сварогъ!—обелью, крѣпостнымъ, а то и рабомъ—прибѣгали къ зоркимъ старухамъ-вѣдуньямъ, поручая имъ слѣдить за дѣтями, и номѣнать, гдѣ надо, нашенцынѣемъ.

И сгорбленные старухи съ налѣзающими на лобъ сѣдыми космами волосъ, по старости лѣтъ онѣ уже пренебрегали обычаемъ замужнихъ женщинъ скрывать подъ убрисы волосы, — эти старухи-вѣдьмы скользили во мракѣ лѣса между молодежь, озаряемая вдругъ пламенемъ костра, то зловище шепча что-то, то грозя кому-нибудь клюкой. И только, по минованіи праздника Купалы, такая старуха заходила въ чью-нибудь избу и шепталась въ горенкѣ съ чьимъ-нибудь отцомъ, матерью—и уходила, нагруженная сѣдью, брагой и мѣхомъ. И послѣ этого проходили семейныя бури и чьи-нибудь молодые глаза краснѣли отъ слезъ.

Тринадцатилѣтняя Русава, внучка Година, дочь Баюма впервые въ эту ночь ускользнула отъ матери — и, прокравшись подъ плетнемъ за избою отца къ опушкѣ лѣса, бросилась бѣжать, какъ стрѣла, къ рѣкѣ Горыни, туда, гдѣ въ узкую, глубокую прогалину были видны огоньки.

Русава, названная такъ при рожденіи за свѣтлые глаза и свѣтлые волосы, до сихъ поръ проводила обыкновенно такія ночи съ отцомъ и матерью въ избѣ. Она была единственное дитя Баюма. Было у него до Русавы два сына. Да одного задралъ до смерти кабанъ въ лѣсу. Юноша съ малолѣтства бредилъ охотой и, едва окрѣпнувъ настолько, чтобъ натянуть тетиву отцова лука, однажды съ этимъ лукомъ ушелъ въ лѣсъ. Черезъ нѣсколько дней нашли тамъ его обезображенное тѣло.

Другого сына Баюма унесла отъ родителей злая болѣзнь еще совѣтъ малолѣткой. Нашла она на Ольжичи, страшная и таинственная, и вырвала изъ семей ребенка

за ребенкомъ. Дѣдъ Годинъ проводилъ цѣлые дни и ночи въ моленіяхъ и заклятіяхъ надъ кострами, а смерть косила дѣтей, точно злая рука срывала на дугу цвѣты цѣлыми пригоршнями. Годинъ былъ неутѣшенъ, теряя второго внука; Баюмъ, вообще сухой и злой, сталъ еще суше и борыетѣе: жена его, вся загнанная мужемъ въ домашнія заботы, точно одеревянѣла. И вотъ черезъ годъ родилась Русава, свѣтлоголовая и свѣтлоглазая, какъ умершій мальчикъ. Матери показалось, что это и родился снова ея погибшій ребенокъ, но теперь дѣвочкою, чтобы укрыться отъ злой смерти, которая однажды уже похитила его. Годинъ ожилъ, точно помолодѣлъ. Баюмъ сталъ даже какъ будто добрѣе.

И зорко начали слѣдить за дочерью отецъ и мать. Послѣ Русавы у нихъ дѣтей не рождалось. Только къ дѣдушкѣ въ отдаленную избу позволяли они бѣгать быстроногой дѣвчкѣ. И по цѣлымъ часамъ сидѣли старый Годинъ и Русава подъ тѣми дубами, подъ которыми нѣкогда творила урядъ княгиня Ольга. И ни одинъ ребенокъ въ Ольжичахъ не слышалъ столько чуднаго и таинственнаго про боговъ и нечистыя силы, какъ Русава: недаромъ старый Годинъ былъ жрецъ поселка. По въ таинственную ночь Купалы старикъ наглухо запирался въ своей избѣ, а Русава должна была неотступно сидѣть съ отцомъ и матерью.

Мать ея обыкновенно испуганно молчала въ эту ночь; Баюмъ же, хотя и вѣрный старымъ богамъ, какъ весь поселокъ Ольжичи, не любилъ говорить ни о нихъ, ни обо всемъ, что ихъ касалось. Когда дошла вѣсть о крещеніи Ольги, Баюмъ про себя подумалъ, что мудрая княгиня недаромъ не влюбила старыхъ боговъ. Онъ, конечно, объ этой мысли никому ничего не сказалъ. Онъ и самъ не вполне понималъ, отчего онъ это подумалъ. Баюмъ, голова трезвая и разсчетливая, давно втайнѣ недолюбливалъ чары старыхъ боговъ.

Ему смутно чувствовалось въ отцовской вѣрѣ слишкомъ много темнаго, безтолковаго, случайнаго. Онъ боялся старыхъ боговъ отца, но боялся не съ благоговѣніемъ, а какъ будто съ досадой на нихъ. И не любилъ онъ говорить о нихъ, и о редкихъ обрядахъ и обычаяхъ, связанныхъ съ ними. Баюмъ, которому въ свое время лачу выбралъ отецъ, тоже предпочталъ обрядъ умышанія невесты, по съ такой скукой и досадой, какъ совѣтъ ненужное, лишнее, что и досетъ не безъ злобы думалъ обо всемъ, что относилось къ молодой любви и къ браку. И когда наступала Купальская ночь, Баюмъ дѣлался раздражителемъ и запирался съ женой и дочерью въ избѣ.

Въ этомъ году онъ былъ еще злѣе и суровѣе. За недѣлю до дня Купалы у него изъ двора украли лучшаго коня, котораго онъ саморучно ходилъ. Ни коня, ни вора, до сихъ поръ, не нашли. Кто былъ воръ, подозревали, потому что въ ту же ночь какъ увели Баюмова коня — исчезъ изъ поселка парень Вельмудъ. Злой на пронажу коня, поручивши вѣдунѣмъ наслать волхвованіемъ всякія бѣды на голову вора, Баюмъ рѣшилъ еще крѣпче держать при себѣ Русаву, которая за послѣдній годъ такъ расцвѣла, что боязнь за судьбу ея въ эту дикую и дурную, по мнѣнію Баюма, Купальскую ночь—овладѣла душой Годинова сына съ необычайной силой.

И онъ былъ правъ. Русава скрылась изъ избы еще почти засвѣтло. Рѣшили, что она пошла къ дѣду Годину. И когда обезпеченные мать и отецъ поспѣшили за ней въ избу старика, Русава вытѣкла изъ-подъ плетня, гдѣ она утаилась подъ навальной древесной корой, надранной для домашнихъ подлѣсокъ, и пустилась стрѣлой къ лѣсу—но не въ ту сторону, гдѣ была изба Година.

Начало уже темнѣть, и на берегу рѣки замелькали огни.

III.

Заповѣдная невеста.

Русава давно, за много дней до праздника Сварога-Перуна и его дѣтей, задумала уйти въ Купальскую ночь

изъ избы отца и матери. Въ минувшемъ году ей этого еще не приходило и въ голову.

Въ ту пору, развиваясь на свободѣ, на воздухѣ, дѣвочки созрѣвали раньше и выходили замужъ перѣдко въ возрастѣ Русавы. Но молодые парни Ольжичей уже года два внимательно хотя издали поглядывали на тонкую, высокую, русокудрую дочь Баюма.

Она привлекала и большими, свѣтлыми задумчивыми глазами, и густой косой до колъницъ, и высокимъ тонкимъ станомъ, такимъ упругимъ и подвижнымъ въ его еще дѣтскихъ формахъ, но обѣщавшимъ сильную стройную женщину. Она привлекала, какъ будущая жена, и тѣмъ, что была единственная дочь старшаго въ родѣ, послѣ Година, въ Ольжичахъ. Ольжичи чтли Годинovu кровь и съ отца перенесли бы уваженіе и на дочь, и на ея мужа.

И хоть скупой Баюмъ и потребуетъ, въ качествѣ старшаго въ родѣ, и хорошии выкупъ за дочь, доброе вѣно, но можно было быть увѣреннымъ, что Баюмъ такъ одаритъ, по доброй волѣ, единственную любимую дочь, уступивъ ее мужу, что это будетъ стоить всякаго наслѣдства и покроетъ расходъ на всякое вѣно. Но ужъ по одному тому, что вѣно все-таки надо будетъ выдать раньше — до брачнаго обряда, — только богатый могъ рискнуть поднять очи на Русаву.

Да и вообще все были увѣрены, что и Годинъ, и Баюмъ отдадутъ Русаву только молодому изъ самыхъ близкихъ къ нимъ по родству, тому, кому въ будущемъ всего вѣроятнѣе могло перейти старшинство въ родѣ, чтобы и она со временемъ раздѣлила почетъ этого старинства. Поэтому молодые ольжичанскіе парни очень осторожно поглядывали на Баюмову дочку.

Быль только одинъ родичъ, на котораго Годинъ и Баюмъ могли мѣтить, какъ на мужа Русавы, — сынъ старшаго сына Годинова брата, Владанъ, уславнившійся въ дружбѣ князи. Владану теперь было почти 25 лѣтъ. Русава была совсѣмъ маленькой, когда ея женихъ Владанъ ушелъ въ рать. Этотъ далекий воинъ Владанъ, эта смутная тѣнь будущаго, стоялъ крѣпкой стѣною между Русавой и молодыми ея родичами. Благодаря ему, за ней ухаживали, и все видные женихи Ольжичей — почтительно сторонились отъ нея.

И помимо этого, жизнь при строгомъ отцѣ и молчаливой хлопотунѣ матери, не отпускавшихъ ни на часъ отъ себя дочери, ограждала Русаву въ ранніе годы отъ всякихъ мечтаній о суженомъ. Она и играла въ дѣтствѣ одна, за высокимъ тыномъ отцовой избы подъ присмотромъ матери или ключницы, помогавшей матери по хозяйству.

Ключница эта, еще въ Овручѣ пошедшая безъ всякаго ряда къ Годинової женѣ въ домоводки, обратилась въ обель, полную холодку Годинова рода. Звали ее Недыхой. Была она всегда худа и блѣдна. Такой, говорили, и родилась: едва отдышалась на груди у матери. Отсюда и ея имя. Говорили еще: эта Недыха оттого пошла безъ ряда въ слуги Годинової семьи, готовая стать обелью, крѣпостной, что Годинъ, молодой тогда, причаровалъ ее къ себѣ, и она была даже его женой — послѣдней его женой; но на волю никогда не просилась.

И когда Годинъ и она одряхлѣли, онъ ушелъ въ свою избы подъ старыми дубами, а она стала ключницей, а потомъ и нянькой Русавы у Баюмовой единственной жены.

Большое было хозяйство у Баюма. Немалое было оно и у его жены. Давно ужъ Баюмъ набиралъ, правдой и неправдой, свою обель, «закупалъ» и семейныхъ, а они еще легче по нуждѣ попадали въ холопы; въ семьяхъ рождались дочери, которыя, въ свою очередь, шли замужъ за рабовъ — и женская крѣпостная толпа, сейчасъ около «хоромъ» Баюма въ рабскихъ «одрипахъ» — плутихъ избѣнкахъ, а иногда и землянкахъ, — шла подъ специальную команду матери Русавы и Недыхи. Она, эта женская

обель, — врила, ткала, трепала кудель, жала, ворошила сѣно, топила изъ сотъ медъ и воскъ. Это была шумная и болтливая женская толпа. И надо было всю зоркость, всю преданность Недыхи господамъ, чтобы удержать Русаву вдаль отъ этой толпы, не совсѣмъ хорошо «честившей» Баюма и его «шоровъ».

Недыха неуслынно слѣдила, чтобы ольжичанскія дѣвочки не сманили въ свои игры, на свои посидѣлки подраставшую Русаву. И Баюмова дочка, благодаря всему этому, жила какъ за замкнутой стѣной во дворѣ отца. Одна была лазейка, которой никто не считалъ себя въ правѣ закрыть передъ дѣвочкой: уединенная тронка къ избѣ дѣда Година. Туда провожала Русаву или мать, или Недыха. А иногда дѣвочку нискали и одну, увѣрившись, что она, дикая и пугливая, никого не подпуститъ къ себѣ, да и никто не посмѣетъ обидѣть любимую внучку Година.

Година все любили за его мягкій нравъ, за его всегда мудрый и правый судъ. Даже когда возникали судбища между Баюмомъ и его должниками, въ очахъ старика читали скорбь о жадности сына и видѣли, какъ, произнося приговоръ, Годинъ качалъ сѣдой головой. Знали, что онъ пробовалъ и наставлять сына не такъ жадничать, не ловить людей своими сѣтями «закупничества» и «одолеженья». Но Баюмъ только хмуρο сиранивалъ отца:

— Не по свѣчаю-обычаю что-ль поступаю?

И старикъ молча уходилъ, поникнувъ головой. И утѣшался однимъ, въ своей отшельнической избѣ, подъ «Ольгиними» или «Княгининими» дубами, какъ эти деревья уже прозвали въ Ольжичахъ: утѣшался ожиданіемъ прихода внучки. Онъ любилъ оставаться съ Русавой одинъ. Мать ея или Недыха покорно уходила, а дѣдъ садился на землю подъ дубомъ, и Русава онускалась къ его ногамъ.

И здѣсь она слышала о богахъ, о чухрахъ, о русалкахъ, о домовыхъ, лѣсныхъ, водныхъ. Здѣсь она слышала о праздникѣ бога Сварога, о праздникѣ Дажбога, который въ день Купалы выѣзжаетъ на небо на трехъ коняхъ: золотомъ, серебряномъ и алмазномъ. Здѣсь она слышала о Водѣ, которую цѣлуетъ Дажбогъ и которая въ ночь на Купалу отъ этого особенно серебрится... Много слышала Русава отъ стараго дѣда. Тихіе Книгинины дубы шелестѣли своими густыми вершинами, и шорохъ ихъ листвы походилъ на медленный хриплый говоръ старческихъ губъ Година. И казалось тогда Русавѣ, что дубы говорятъ дѣду, и онъ ихъ понимаетъ, и все, что онъ рассказываетъ ей, онъ слышитъ отъ дубовъ.

Дѣвочка слушала рѣчи дѣда, какъ сказку, въ которую безусловно вѣрила. Но любовь къ занятному незамѣтно для нея самоѣ переходила въ мечтательность, отъ словъ дѣда иногда уже сладко или больно ныло у нея подъ сердцемъ. Она начала уже тайкомъ, безъ дѣда, шептать молитвы и заклинанія, слышанныя отъ него. И вдругъ съ нынѣшней весны она почувала въ себѣ непонятное, неузнаваемое безпокойство. Образы, зароненные въ ея душу дѣдомъ, точно оживали.

Съ внезапной остротой и яркостью всныхнули въ русской головѣ и словечки о «Ладахъ», обѣ «Умыканьяхъ», о «Суженьяхъ», доносившіяся до нея изъ чужихъ женскихъ усть, несмотря на весь надзоръ матери и Недыхи. И вдругъ эта «завоудная Владанова невѣста», какъ говорили про нее въ Ольжичахъ, поняла, что въ эту Купальную ночь она убѣжитъ непременно «посмотрѣть». Что посмотреть — она сама еще не знала.

И воспользовавшись мгновеніемъ, когда мать и Недыха считали принесенныя женой обелью связки кудели, Русава залѣзла подъ «дрань» у тына, а когда все разошлось въ поискахъ ея, убѣжала...

IV.

Въ прогалинѣ.

Русава бѣжала очень быстро въ полумракѣ лѣсной прогалины. Когда она почувствовала, что отцовская изба

осталась въ значительномъ отдаленіи и что за ней нѣтъ никакой погони, она нѣсколько замедлила шаги своихъ босыхъ ножекъ. Лѣтомъ, кромѣ торжественныхъ случаевъ угощенія родичей по разнымъ поводамъ, вся Баюмова семья ходила босая; только въ дождь, въ холодъ надѣвали обувь изъ искусно нарисанной и сплетенной древесной коры; зимой же носили широкіе и мягкіе сапоги изъ кожи и мѣха.

Обильно покрытая росой трава охватывала ступни Русавы ласковой влажностью, и когда она приостановилась, она неволью приподняла одну ногу и тряхнула ея, чтобы сбросить съ пальцевъ цекотавшія ихъ капли росы. Но вдругъ она оглянулась и пустилась бѣжать еще быстрее.

Она сама не понимала, что теперь утратило ее. Она только поняла, что ея полудѣтскую душу охватить страхъ, отъ котораго она можетъ повернуть назадъ, къ отцу, къ матери и, испугавшись этого, она побѣжала дальше. Она чувствовала, что, если вернется, Купалья ночь и въ этомъ году останется для нея тайной. Такъ она бѣжала между двумя страхами: боязнью вернуться домой и боязнью того, чѣмъ, уже начиная съ темной лѣсной прогалины, непонятно пугала ее таинственная волшебная ночь.

Но Русава запыхалась и вдругъ приостановилась. Чѣмъ глубже шла прогалина, чѣмъ дальше отъ Ольжичей, тѣмъ въ ней было темнѣе. Узенькая полоска неба, наверху между вѣтвями, была уже едва видна. Звѣзды теперь мерцали только кое-гдѣ сквозь гушину листвы; онѣ казались отъ этого какими-то особенно таинственными, точно уже не съ высокаго неба онѣ глядѣли, а съ вершинъ самихъ вѣковыхъ деревьевъ, какъ живые огоньки, запутавшіеся въ ихъ густой листвѣ.

Внизу подъ деревьями было теперь совсѣмъ темно, темно какой-то живой, точно дышащей темнотой; легкій шелестъ деревьевъ отъ едва замѣтнаго вѣтерка, казалось, шель не отъ листвевъ, а отъ самой темноты. Мокрая трава, точно влажные тонкіе пальцы ползущихъ внизу невидимыхъ существъ, цѣплялась за ноги Русавы. Дѣвушка въ одно мгновеніе поняла, что она уже не одна въ этой таинственной прогалинѣ лѣса.

Тамъ, въ листвѣ, мерцаютъ очами не живые огоньки, а русалки — юныя умершія души. Тьма — это не тьма пустая и мертвая; это темные, черные, мохнатые лѣнны, которые толпятся и давятъ ей дорогу и незаметно расходятся и сходятся, глядяваясь въ нее. Мокрая трава — не трава, а тоже руки невидимыхъ духовъ, можетъ-быть, тѣхъ же русалокъ, упавшихъ въ игръ съ деревьевъ. И Русавѣ вдругъ вспомнилась лѣсенка, слышавшая ея въ Ольжичахъ изъ-за отцовскаго тына:

Русалочки дремлючки
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Свалились, забилси...

Всѣ эти представленія въ одинъ мигъ овладѣли душой Русавы, и ей показалось, что весь лѣсъ сейчасъ наполнится звуками; всѣ его таинственные жильцы, обрадовавшись тому, что среди нихъ появился «живъ человѣкъ», начнутъ аугаться, перекликаться, явно высовываться изъ-за вѣтвей, безъ устали ловить ее, Русаву. И вдругъ она увидитъ ихъ во-общю, потому что они начнутъ приближаться къ ней все ближе, ближе, и она узнаетъ въ неизвѣстномъ еще ей русалочномъ видѣ двухъ своихъ умершихъ братьевъ — отрока и младенца.

Оба эти брата умерли до рожденія Русавы, такъ что и ихъ вѣшняго вида Русава не знала; но въ это мгно-

веніе ей почему-то показалось, что она ихъ непременно узнаетъ: если же она не узнаетъ, то они, теперь прозорливые духи, узнаютъ сестру и бросятся къ ней, чтобы прижаться къ ней юными душами, тоскующими по молодымъ своимъ тѣламъ. И они обнимутъ ее, зацѣлуютъ, задушатъ. Правда, мать думаетъ, что въ ней душа ея младшаго брата, возвращенная матери милостью Сварога въ другомъ, жещскомъ тѣлѣ, чтобы обмануть на этотъ разъ злую Мару, смерть. Но если мать ошибается, и душа ея двойника — мальчикъ, говорятъ, такъ походить на нее, на Русаву! — ницѣтъ теперь во тьмѣ лѣса ея тѣла, похожаго на его тѣло, о которомъ онъ тоскуетъ, блуждая въ лѣсу и водахъ?

Все это промелькнуло въ сознаніи Русавы почти мгновенно. Чувство и мысль ея работали съ быстротой блеска молніи. И смутные образы, всныхивая въ ея головѣ, опережали опредѣленное сознаніе. И въ полусознательномъ сверканіи этихъ мыслей, этихъ образовъ — рождался смутный, непобѣдимый страхъ. И отъ этого страха Русава повернула бы домой — и, добѣжавъ до родного тына, упала бы, бурно, полдѣтски зарывавъ, на руки матери. Недыхи, отца, — все равно, перваго живого человѣка, который встрѣтился бы ей.

Но вмѣсто того она ринулась еще быстрее впередъ. Боязнь, что она повернетъ домой и такъ ничего и не узнаетъ о Купальей ночи, не испытаетъ сама, — точно указала ея и дала ей новыя силы бѣжать впередъ. Тѣмъ болѣе, что и тамъ, впереди, были живые люди. Тамъ, въ глубинѣ прогалины, видѣлось свѣтлое отверстіе. Прогалина пересѣкала неширокую полосу лѣса и выходила другимъ своимъ концомъ, болѣе узкимъ, чѣмъ тотъ, который упирался въ Ольжичи, на лугъ, спускавшійся едва замѣтной отлогостью къ берегамъ Горыни. И этотъ-то лугъ съ отблескомъ рѣчки въ глубинѣ — видѣлся въ отверстіе прогалины болѣе свѣтлый, чѣмъ глубъ лѣса. Кромѣ того, тамъ мелькали огоньки. Русава знала, что означаютъ эти огоньки.

Горынь полукольцомъ огибала поселокъ, основанный дѣдомъ Русавы, и другой своей верхней частью протекала по болѣе высокому мѣсту; дно тамъ было слегка каменистое, теченіе довольно быстрое, вода, благодаря чистому дну и быстротѣ, свѣжая и прозрачная. Тамъ ольжичане брали воду, омывались въ обыкновенное время. Избы поселка почти примыкали къ этой части рѣчки.

Но дальше Горынь, оборачиваясь полунизгибомъ къ лѣсу, опускалась ниже и, достигнувъ дуга, текла по руслу илистому и ровному. Лугъ переходилъ у самаго берега въ небольшое болотце, берега рѣчки здѣсь поросли камышомъ, апрогъ, осокой. Лѣтомъ вода здѣсь текла медленно, весною же, низвергаясь выше, въ каменистомъ руслѣ, съ быстротою пологого каскада, здѣсь заливала весь лугъ и часть лѣса и нѣсколько недель господствовала здѣсь, какъ широкое, могучее озеро, бурное и волнистое при порывахъ вѣтра, — дремотно-таинственное въ затишьѣ.

Обиліе водяныхъ лилій, покрывавшихъ здѣсь рѣчку, обиліе водорослей, мохнатыхъ и пушистыхъ, казавшихся надъ поверхностью воды цѣлымъ лѣсомъ, таинственные камыши и высокія травы по ея берегамъ, — все это укрѣпляло за нею вѣще, волшебное значеніе. И на этой части рѣчки ольжичане совершали всѣ гаданія, связанныя съ водой. И въ Купалью ночь сюда сбѣжали толпами дѣвушки... Это знала Русава.

(Продолженіе будетъ.)

Грубость.

Рассказъ Иды Бой-Эдь.

Марта подсидѣла въ постели: мать кормила ее, нѣжно приговаривая, вперемежку съ выразительными улыбками и кивками головы; всѣ движенія, всѣ жесты матери, казалось, добивались соглашій довриваго сердечка. И Марта улыбалась ей въ отвѣтъ, съ радомъ кивая своей отяжелѣвшей головкой.

Уютная комната была вся залита лучами полуденнаго солнца.

Оба подоконника были уставлены тщательно выращенными растеніями въ глиняныхъ горшкахъ; среди нихъ особенно выдѣлялась карликовая липа, сквозь пушистыя листья которой, теперь такіе прозрачныя и золотисто-зеленыя, сіяло солнце.

Вдоль стѣны, оклеенныхъ свѣтло-сѣрыми обоями, стояла скромная мебель. Надъ выдѣвшимъ чернымъ репсовымъ диваномъ ви-

Боярышня, заплетающая косу.

Съ картины В. Е. Маковского по фот. П. Чоглокова грав. Геданъ. (Исключит. право воспроизв. въ гравюрѣ принадлежитъ «Нивѣ»).

Марта, вся красная от волнения, устремила сияющей взоръ на пастора, который медленно клалъ на столъ шляпу и шапку.

— Ну, дитя мое, какъ вы себя чувствуете?—спросила онъ, усаживаясь у ея изголовья.

— Лучше,—прошептала Марта.

Ахъ, опять она слышитъ этотъ звучный прекрасный голосъ, напоминавший звонъ колокола.

— Вы пожелали, милое дитя, говорить со мной. Это меня порадовало. Кто можетъ въ эти минуты лучше поддержать васъ, какъ не нашъ духовникъ.

Марта была смущена. Говорить съ нимъ? Но она не знала, что ему сказать. Она только хотѣла его видѣть, подчиняясь какому-то неопредѣленному побужденію, быть-можетъ, вызванному неяснымъ сознаніемъ, что серьезная болѣзнь дѣлаетъ человѣка интереснымъ.

— Какъ давно вы не были у Св. Причастія! Послѣ вашей конфирмаціи я, кажется, всего разъ видѣлъ васъ у себя?—спросилъ онъ. Марта заволновалась, и ея дыханіе стало еще отрывистѣе.

— Ахъ, господинъ пасторъ, не браните меня. Воздухъ церкви мнѣ всегда такъ вредилъ. Мама находила, что мой кашель послѣ этого усилвался.

— Вы вѣроятно пожелаете причаститься теперь?—спросилъ онъ своимъ величественно спокойнымъ тономъ.

— Да,—пролепетала Марта:—очень охотно.

Въ головѣ ея смутно ропило всевозможныя мысли.

«Умирающіе причащаются въ постели... Сколько онъ изъ-за насъ безпокоится, а мы не можемъ ему заплатить... Онъ бы обидѣлся, если-бъ я сказала «нѣтъ»... Вся наша улица будетъ удивляться...»

— Вы усердно молитесь, дитя мое?

Марта гордо улыбнулась. Сознаніе твердо исполняемаго долга вернуло ей самообладаніе и смѣлость. Она сложила руки и скромно опустила глаза.

— Каждое утро и каждый вечеръ я благодарю Господа Бога за то, что Онъ даруетъ мнѣ выздоровленіе отъ тяжкой болѣзни и жизнь,—горячо отвѣтила она.

Въ пасторѣ начинало кипѣть раздраженіе; ему невыносимы были эти неопредѣленные изъявленія благочестія, эти смутныя воззванія къ Богу.

Онъ нѣсколько подался впередъ и взялъ руку больной.

— Все это прекрасно, дитя мое,—сказалъ онъ, подавая нетерпѣніе—но недостаточно. Вы должны еще благодарить Господа нашего Исуса Христа, Который претерпѣлъ для насъ страданія и смерть. Дѣласте ли вы это?

— Не всегда, господинъ пасторъ; но я думаю объ этомъ. О, я еще все помню, чему вы насъ учили,—горячо увѣряла Марта:—но если вы того желаете, я съ сегодняшняго дня буду всегда благодарить Спасителя нашего за то, что я осталась жива.

Пасторъ продолжалъ держать ея руку. Голосъ его сдѣлался еще мягче.

— Не только за жизнь мы обязаны благодарить, но и за смерть. Печаль лучше радости, ибо печаль очищаетъ сердце.

Марта смотрѣла на него большими глазами; въ нихъ выразился неслыханный ужасъ.

— Но я... я вѣдь буду жить,—лепетала она.

— Подумайте, дитя мое, о томъ, что говоритъ псалмистъ о ничтожествѣ жизни. Счастливъ тотъ, кто можетъ сбросить свое тѣло, подобно изношенному платью; блаженъ тотъ, чья душа возносится къ Господу нашему Исусу Христу.

— Но я, я совсѣмъ не хочу умирать,—крикнула Марта.—Я хочу жить, жить!..

— Это не въ нашей волѣ, милое дитя мое. Кого Господь отзываетъ къ Себѣ, тотъ не долженъ оставить этотъ міръ не подготовленнымъ, утѣшаясь пустыми мечтами, самообманомъ: душа его, въ радостномъ предвѣщеніи небеснаго блаженства, должна быть мгновенно готовой предстать предъ Господомъ Богомъ и Его Единороднымъ Сыномъ; она должна отойти въ лучшій міръ съ молитвой и славословіемъ.

— Я должна умереть?—закричала Марта.—Правда, это—правда?

Пасторъ Штаге загусилъ губы. Ему тяжело было видѣть ужасъ этого кроткаго, благочестиваго ребенка.

«Боже,—молился онъ про себя:—не вмѣни ей этого вс грѣхъ; снизойди къ ея молодости».

— Милая Марта,—кרותо сказалъ онъ:—помолимся вмѣстѣ, какъ добрые христіане, покорные волѣ Божіей.

— Я должна умереть,—стонала Марта:—я должна умереть!

Страшный припадокъ кашля потрясъ ея худенкое изможденное тѣло; задыхаясь, она, что было силъ, вѣпилась ногтями въ край постели.

Изъ кухни приближалась тетя Фось; она приподняла се съ подушекъ и подняла къ ея губамъ чашку съ водой. Больная, хрипя, старалась откашляться.

— Ахъ, извините, господинъ пасторъ, но съ нашей бѣдной Мартушкой всегда такъ бываетъ, когда она немного поговоритъ. Вотъ такъ, такъ, дорогая.

— Бѣдная дѣвочка! Богъ въ Своёмъ неизреченномъ милосердіи да избавитъ ее скорѣе отъ страданій,—вполголоса прошепталъ пасторъ Штаге.

— Ну, нѣтъ, напротивъ того: наша Марта скоро совсѣмъ поправится, — громко возразила тетя Фось, боявшаяся, чтобы Марта не услышала, хотя она продолжала корчиться въ припадкѣ кашля.—

Марта останется у своей матери. У васъ есть также дѣти, господинъ пасторъ; съ ними не такъ-то легко расставаться.

Наконецъ припадокъ кашля стихъ, и дѣвушка, совершенно измученная, откинулась на подушки. Тети Фось стала тихонько обтирать ей лицо.

Пасторъ Штаге вынулъ изъ кармана книгу духовнаго содержанія; онъ принесъ ее Мартѣ и теперь перелстывалъ, въ ожиданіи, пока она оправится.

Прошло нѣсколько минутъ въ тягостномъ молчаніи.

Вдругъ распахнулась дверь, и вошла мать Марты, вся красная, съ развязанными лентами шляпы. На улицѣ ей уже сказали, что пасторъ Штаге у ея дочери.

— У Марты только что былъ припадокъ,—шепнула ей тетя Фось, стоявшая въ ногахъ постели.

— Здравствуйте, господинъ пасторъ. Благодарю васъ за столь большую честь, — торопливо проговорила мать и бросилась къ постели.

На нее падала тѣнь отъ высокой фигуры пастора, стоявшаго въ вышатающейся позѣ съ раскрытой книгой въ рукахъ.

— Моя милая... —шепнула мать.

Марта открыла глаза; ихъ неопредѣленно блуждающій взглядъ остановился на пасторѣ. Она пронзительно вскрикнула со всей силой ужаса.

— Смерть!.. — кричала она. — Черный человѣкъ!.. онъ пришелъ за мной!

Казалось, вся кровь застыла въ жилахъ матери.

— Марта,—воскликнула она:—я здѣсь! Ты живешь, ты будешь жить!

— Онъ говоритъ, я должна умереть! — кричала Марта, въ безумномъ страхѣ выходя на постели изъ стороны въ сторону.

— О, какой ужасъ!—воскликнула мать и разразилась слезами.

Пасторъ Штаге приблизился къ постели. Терпѣливо относиться къ тѣмъ, кто грѣшилъ отсутствіемъ христіанской покорности, было его долгомъ; въ данномъ случаѣ онъ вооружился всею своею кротостью.

— Добрыйшай мой, — сказалъ онъ:—не гнѣвите Создателя. Вы знаете—Богъ далъ, Богъ и взял. Да будетъ благословенно...

Но тутъ его рѣчь оборвалась.

Онъ стоялъ у постели; его звучный голосъ такъ и гремѣлъ въ маленькой комнаткѣ.

Въ то время, какъ, полный кротости и христіанскаго милосердія, онъ хотѣлъ нагнуться и взять руку больной, мать, какъ разъяренная тигрица, кинулась между ними и дочерью и оттолкнула его. Ея жесткій кулакъ ударилъ его въ грудь...

Она упала на колѣни и съ молитвенно сложенными руками начала звать—къ кому? Она не знала и повиновалась единственно неустержимому влеченію вымолить пощаду своему ребенку:

— Не правда ли? Мое дитя будетъ жить?!

А пасторъ Штаге, блѣдный, какъ полотно, кусалъ себя губы; его опущенныя руки были сжаты. Черезъ секунду онъ, однако, овладѣлъ собою, и по лицу его разлилось выраженіе гордости.

Полный сознанія собственнаго достоинства, спокойно и увѣренно собралъ онъ свои вещи и медленно вышелъ.

Мать плакала, прислонившись лбомъ къ постели; совсѣмъ растерявшаяся сосѣдка застыла на мѣстѣ.

Марта продолжала оглашать комнату жалобными стопами, пока новый приступъ кашля не потребовалъ помощи обѣихъ женщинъ.

По всей маленькой улицѣ предвѣстья шептались о томъ, что Герцогъ ударилъ пастора въ грудь, когда онъ объявилъ ей Мартѣ, что она должна умереть. И сосѣдки уже неохотно соглашались прийти помочь матери, въ бѣдной квартирѣ которой теперь царилъ отчаяніе.

Дочь то и дѣло кричала, что она ничѣмъ не заслужила такой ранней смерти и не хочетъ умирать; мать почти обсернула отъ гора.

Жажда жизни дала новую силу сопротивленія измученному тѣлу, въ которомъ передъ тѣмъ жизнь медленно угасала. Марта страдала въ десять разъ сильнѣе и боролась, какъ могла, съ надвигавшейся смертью.

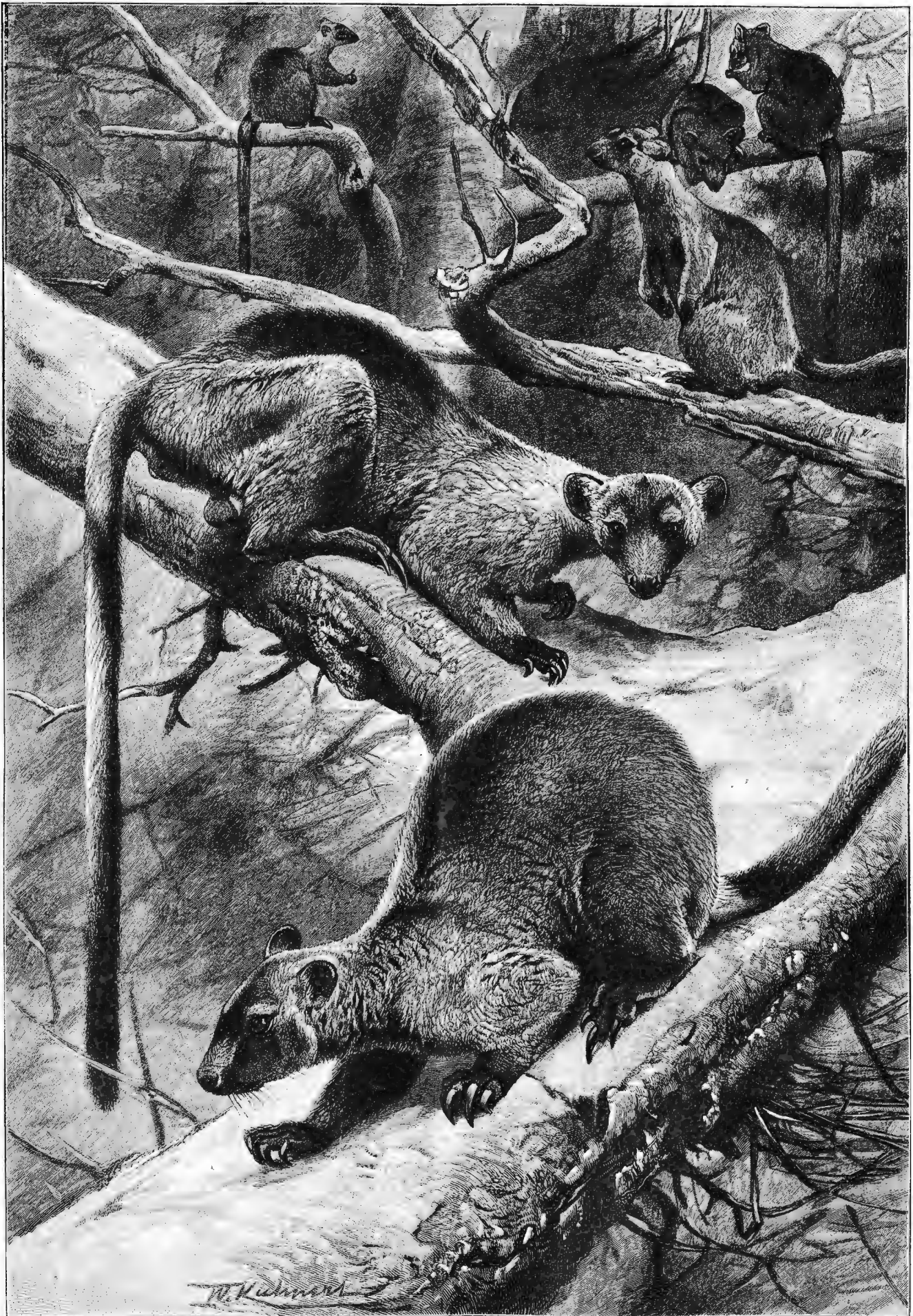
— Скорѣе бы ужъ конецъ, — говорила тетя Фось: — сердце разрывается смотрѣть на это.

И конецъ пришелъ.

Черезъ четыре недѣли непрерывныхъ страданій, обостряемыхъ ужасомъ смерти, измученная душа покинула свою брентную оболочку. Послѣднія минуты умирающей были ужасны; съ жалкимъ, раздирающимъ душу крикомъ она впадала въ безсознательное состояніе, и послѣднимъ трепетнымъ желаніемъ матери, прислушавшейся къ ея хрипѣнію, было: «Только бы она не возвращалась къ сознанію!»

Чтобы похоронить Марту, мать должна была заложить кое-что изъ домашней утвари да еще признать нѣсколько талеровъ у сосѣдей: она не хотѣла, чтобы ея дочь, ея бѣдную Марту, хоронили на счетъ прихода, какъ нищую; но и въ четвертомъ разѣ мѣсто на кладбищѣ стояло дорого, очень дорого. Нуженъ былъ и миртовый вѣнокъ, и бѣлый шелковый бантъ на саванѣ. Сосѣдки нанесли вѣнковъ, жалкихъ, дешевыхъ вѣнковъ изъ еловыхъ вѣтвей съ бумажными цвѣтами; вѣнокъ тети Фось, изъ болѣе цѣннаго матеріала, былъ перевязанъ бѣлой лентой съ надписью: «Покойся съ миромъ».

Такиимъ образомъ, похороны удалась на славу, и всѣ радовались

Древолазы (*Dendrolagus ursinus*). По рис. съ натуры В. Кунерта.

Въ лѣсу. Съ картины А. Кауфмана грав. Бонгъ.

за бедную Марту, которая уже не нуждалась ни в земных радостях, ни в почестях.

Недостало только священника. Пастор Штаге, которого пошла приглашать тети Фось, отказался поотрѣзъ отъ участія въ похоронахъ; другіе городскіе священники, конечно, поступили бы точно такъ же изъ чувства товарищества; поэтому она никого больше не просила.

Видѣвдствіи, рассказывая вернувшемуся сыну о болѣзни и смерти бѣдной Марты, она сказала:

— Что Штаге не пришелъ на похороны — вполне понятно. По-

думай только, какаѣ это была грубость въ то утро, когда онъ пришелъ навѣстить Марту...

— Съ его стороны! — многозначительно сказала Беригардь. — Вы, конечно, это хотѣли сказать?

— Съ его стороны? — переспросила его мать и нерѣшительно прибавила: — Я подразумѣвала — съ его стороны.

Молодой человѣкъ грустно усмѣхнулся.

— Видите ли, матушка, это дѣло взгляда. Но покажите мнѣ сегодня же могилу бѣдной Марты. Я отнесу ей вѣнокъ изъ розъ; она, знаете, и мнѣ нравилась... очень нравилась.

Село Кимры.

(Съ 3 рисунками на стр. 55 и 56.)

Село Кимры — одна изъ достопримѣчательностей Россіи. Кимры — центръ всего нашего сапожнаго промысла. Кимры обуваютъ всю Россію, начиная со столицъ и кончая далекой Сибирью. Сапожный промыселъ развитъ здѣсь очень широко и захватываетъ вмѣстѣ съ селомъ цѣлый районъ, обнимающій собой 14 волостей трехъ уѣздовъ: корчевскаго, калязинскаго и кашинскаго. Около 20,000 кустарей копитъ этимъ промысломъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что они вырабатываютъ только низшіе сорта. Дѣйствительно, въ прежнія времена въ Кимрахъ изготовлялись только простой черной сапогъ и такъ-называемый «смазной», но за послѣднія 15—20 лѣтъ кимряки научились дѣлать и другіе, лучшіе сорта обуви: дамскую, дѣтскую, туфли, башмаки-скороходы и прочіе сорта «городской обуви». Вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа сортовъ обуви развилась и другая отрасль сапожнаго промысла — выдѣлка изъ конской кожи гамбура и шарренн; эти вышніе сорта кожи, употребляющіеся болѣе на дамскую и дѣтскую обувь, вышивались кимряками ранѣе изъ границы и изъ Варшавы. Конечно, продукты эти по качеству уступаютъ привознымъ, но зато они сильно понизили цѣны на обувь. Достаточно сказать, что на мѣстныхъ базарахъ пару большихъ мужскихъ сапогъ, изготовленныхъ изъ кожи мѣстной выдѣлки, можно приобрести за 2 рубля, а на высшіе дамскіе полусапожки существуетъ цѣна даже въ 75 коп.

Трудно даже представить себѣ, какой колоссальной цифры достигаетъ количество ежегодно изготовляемой кимряками обуви. Весь кимрскій районъ сбываетъ ежегодно болѣе 2½ миллионъ паръ на сумму болѣе 6 миллионъ рублей.

При этомъ характернымъ является то, что кимряки установили вѣвѣстную специализацию производства. Такъ, въ калязинскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ села Галдома, почти всѣ шьютъ только башмаки, въ деревнѣ Богунѣвѣ — валони, ботинки и т. д. Другое особенностью, характеризующее полную организованность промысла у кимряковъ, является полное, взумительно строго проведенное раздѣленіе труда. Выше мы говорили уже о кожевенныхъ заводахъ, измѣющихся у кимряковъ. Полученныя изъ заводовъ кожи поступаютъ сначала въ закройныя мастерскія, измѣющіяся у большей части крупныхъ промышленниковъ; отсюда спрессованъ уже матеріалъ переходитъ въ руки посадчиковъ для окончательной выдѣлки и вытѣжки, и только отъ посадчиковъ кожи, вмѣстѣ съ прикладомъ (шодошенными частями), поступаютъ къ кустарямъ. Этимъ строгимъ и детальнымъ раздѣленіемъ труда и объясняется процвѣтаніе промысла у кимряковъ. Для нѣкоторыхъ сортовъ обуви, какъ, напримѣръ, штиблетъ и дамской обуви, заготовка подвергается еще одной манипуляціи: она проходитъ черезъ строчильни, въ которыхъ производится шиваніе на специальныхъ машинахъ. Громадное количество сапожныхъ швейныхъ машинъ у кимряковъ — 3000 — можетъ также въ известной мѣрѣ служить показателемъ размѣровъ ихъ промысла.

Мы видимъ такимъ образомъ, что кимрскій сапожный промыселъ одинъ изъ самыхъ благоустроенныхъ кустарныхъ промысловъ, и поэтому неудивительно, что обувь кимряковъ, поражающая подчасъ совершенствомъ работы, находитъ себѣ широкій сбытъ по всей Россіи: и въ столицахъ, гдѣ живутъ по специальнымъ мастерскимъ нѣсколько тысячъ кимряковъ-сапожниковъ, и на нижегородской, прѣтонской и малороссійскихъ ярмаркахъ, въ Харьковѣ и Ростовѣ на Дону, и даже на дальнихъ отъ Кимръ окраинахъ: на Кавказѣ, въ Туркестанѣ и Сибирѣ.

Этотъ широкій сбытъ кимрской обуви понятно создалъ постепенно. Такаюсѣмъ сапогъ кимряки занимаются уже очень давно. Имѣются свѣдѣнія, что сапожный промыселъ былъ главнымъ средствомъ заработка кимрскихъ крестьянъ еще въ прошломъ вѣкѣ, и во всѣ войны вышившіи вѣка, въ 1807, 1812, 1853—55 и 1877—78 гг., кимряки поставили сапоги на русскую армію. Въ отечественную войну кимряки въ порывѣ патриотизма снабдили нашу армію значительнымъ количествомъ обуви безплатно. Въ послѣднюю же турецкую войну кимряки, по предложенію правительства, поставили войскамъ болѣе миллиона паръ сапогъ.

Достоверныя историческія данныя о Кимрахъ начинаются съ 1677 г. Въ тѣ времена село Кимры было дворцовымъ селомъ и состояло въ вѣдѣніи Принца большого двора. Затѣмъ въ царствованіе Петра и Иоанна Алексѣевичей, послѣ того какъ царь Иоаннъ Алексѣевичъ взялъ себѣ въ жены дочь боярина Оедора Петровича Салтыкова, Праксовью, — село Кимры было пожаловано въ вѣчное и потомственное владѣніе Салтыкову, изъ рода котораго кимрская вотчина перешла въ родъ государственнаго канцлера графа Головкина. Когда же графа Головкина постигла царская опала, и онъ

былъ сосланъ въ Сибирь, — село Кимры было конфисковано и затѣмъ было причислено къ дворцовымъ землямъ. Императрица Елисавета Петровна пожаловала село Кимры графинѣ Аннѣ Карловнѣ Воронцовой, рожденной Скавронской. По смерти ея село Кимры переходило по наслѣдству сначала къ ея брату, затѣмъ къ сыну его, а по смерти его къ супругѣ его, вышедшей вторично замужъ за графа Литта. Отъ нея село перешло по раздѣлу графинѣ Юліи Самойловой, рожденной фонъ-деръ-Наленъ, отъ которой въ 1847 г., при содѣвствіи правительства, выкупилося на волю въ полномъ своемъ составѣ за 495,000 р.

Такимъ образомъ село Кимры еще задолго до великаго дня «19-го февраля» стало свободным, и этимъ въ значительной мѣрѣ объясняется его экономическое благосостояніе, вполне окрѣпшее за пятьдесятъ лѣтъ самостоятельной жизни.

Село Кимры широко раскинулось, версты на три, вдоль высокаго обрывистаго лѣваго берега Волги, въ 120 верстахъ отъ Твери и въ 40 верстахъ отъ своего уѣзднаго города Корчевы. Взоры протѣкающихъ по Волгѣ невольно устремляются на это красивое, богатое село. Почти по самой серединѣ села протекаетъ рѣчка Кимерка, дѣлящая его на двѣ части, изъ которыхъ большая и лучшая называется по имени находящагося тамъ собора св. Троицы — Троицкою, а другая, гдѣ стоитъ Вознесенская церковь, — Вознесенскою. Обѣ части села, расположенныя на совершенно ровной мѣстности, разбиты вдоль и поперекъ на кварталы прямыми улицами, изъ которыхъ половина вымощена, а нѣкоторыя усажены деревьями. Въ центрѣ села двѣ мощныя площади: «Сапожная» и «Торговая». Самыми выдающимися сооружениями въ селѣ являются, конечно, соборы, которые могли бы служить украшеніемъ даже губернскихъ городовъ. Оба собора построены самими кимряками на собственные ихъ средства; главными жертвователями были купцы Малогины и Башловы, отсутствовавшіе каждый по 100,000 р. на постройку храмовъ.

Троицкій соборъ, увѣнчанный одной большой главой, имѣетъ три придѣла, главный изъ которыхъ освященъ въ честь св. Троицы; въ немъ сооруженъ шестиярусный вызолоченный иконостасъ и имѣется богатая серебряная утварь; стѣны его расписны. Къ собору примыкаетъ тридцатисажженная колокольня красивой архитектуры, со звономъ изъ 12-ти колоколовъ, вѣсомъ всего до 1600 пудовъ; изъ нихъ самый большой колоколъ вѣситъ 1009 пуд. Между соборомъ и колокольней помѣщается богатая ризница, въ которой среди старинныхъ драгоценностей хранятся двѣ хоругви, подаренныя и собственноручно вышитыя царевной Софіей Алексѣевной.

Покровскій пятиглавый соборъ гораздо величественнѣе Троицкаго; онъ представляетъ копию Большаго Успенскаго собора въ Москвѣ. Сходство это особенно бросается въ глаза внутри собора. Вызолоченный пятиярусный иконостасъ съ великолѣпнымъ подборомъ иконъ величественъ. Стѣны украшены живописью; очень богата и цѣна церковная утварь. Другія двѣ церкви въ селѣ — Вознесенская и кладбищенская — также довольно богаты и изукрашены живописью.

Послѣ соборовъ изъ числа зданій села выдѣляются нѣсколько красивыхъ домовъ мѣстныхъ богачей. Въ общемъ, въ селѣ живъ числа 1000 жилыхъ домовъ до 100 каменныхъ зданій, до 100 промышленныхъ и болѣе 400 торговыхъ заведеній и особый гостинный дворъ.

Прекрасно поставлены въ Кимрахъ дѣла благотворенія. Въ селѣ устроены двѣ обширныхъ каменныхъ богадѣльни-пріюты для престарѣлыхъ бѣдныхъ односельчанъ; специальное благотворительное учрежденіе отпускаетъ ежедневно бесплатныя обѣды бѣднымъ и оказывать денежныя пособія бѣднымъ невѣстамъ при выходѣ ихъ въ замужество; устроена большая земская больница съ пріютомъ для роженныхъ и бараками на случай эпидемическихъ болѣзней. Позади болыничныхъ зданій раскинутъ обширный паркъ для прогулки больныхъ.

Не забыто въ селѣ и дѣло народнаго образованія. Въ Кимрахъ имѣются три большихъ народныхъ училища, изъ которыхъ одно рѣшено преобразовать въ двухклассное министерское училище. Во всѣхъ этихъ школахъ обучается до 500 дѣтей. Кромѣ того, дѣти богатаго класса обучаются въ частномъ училищѣ, въ которомъ программа шире. Не малую пользу народному образованію принести и бесплатная библиотека-читальня съ обширнымъ выборомъ книгъ, газетъ и журналовъ.

Широкому развитію торговли и промышленности содѣвствовало учрежденіе въ селѣ общественнаго банка, сберегательной кассы, конторы нотаріуса, почтово-телеграфной конторы, двухъ агентствъ по транспортированію кладей и т. д.

Въ селѣ прекрасно устроена пожарная часть, что весьма важно при таком скопленіи торговыхъ заведеній. Имѣется специальная пожарная каланча, организовано вольное пожарное общество, располагающее нѣсколькими пожарными машинами новѣйшихъ конструкций и богатыхъ запасомъ огнетушительныхъ орудій; заступаютъ вниманію въ томъ же отношеніи устроенные въ разныхъ мѣстахъ села пожарные колодцы съ механической помпой и разставленные по селу особые баки съ водой.

До чего развита жизнь села, можно судить по слѣдующему характерному факту: въ Кимрахъ имѣются четыре гостиницы. Такое обиліе объясняется большимъ наплывомъ пріѣзжихъ торговыхъ людей, являющихся для заказовъ и за покупкой обуви.

Покупки эти совершаются главнымъ образомъ на ежедневныхъ базарахъ (по субботамъ), на которые свозится со всего района, обнимающаго площадь версты въ 40 вокругъ Кимръ, весь готовый товаръ. На эти базары съѣзжаются съ обувью до 5,000 кустарей. Если же теперь принять во вниманіе, что въ самомъ селѣ по послѣдней переписи около 7,500 жителей, то можно себѣ представить, какое оживленіе царитъ тамъ въ эти дни. Рѣдко можно видѣть такое скопленіе народа и такую оживленную торговлю даже въ значительныхъ уѣздныхъ городахъ. Не менѣе бьетъ ключомъ жизнь и въ дни трехъ годовыхъ ярмарокъ: петровской (29-го июня), покровской (1-го октября) и сборной (въ мартѣ). На эти ярмарки съѣзжаются въ Кимрахъ торговцы буквально со всей Россіи, даже изъ далекой Сибири.

Эти торговые сношенія села Кимръ съ самыми отдаленными концами Россіи и въ особенности съ крупнѣйшими промышленными центрами — обильными столицами — значительно страдаютъ отъ отсутствія удобныхъ путей сообщенія. При такой оживленной торговлѣ, несмотря на миллионные обороты, Кимры до сихъ поръ принуждены прибѣгать къ примитивной гужевой перевозкѣ обуви. Но гужевая перевозка очень не выгодна, въ силу своей ме-

денности и порчи товара. Значительнымъ подспорьемъ для Кимръ, какъ приволжскаго села, могло бы служить пароходство, если бы не неправильность пароходныхъ рейсовъ и кратковременность навигаціи, прерывающейся часто на верхнемъ плесѣ ранѣе чѣмъ съ половиною лѣта, вслѣдствіе обме-

льннхъ Волги. Благодаря этому товары приходится разгружать въ болѣе мелкихъ суда, и плывутъ они черепашьимъ шагомъ вверхъ и внизъ по Волгѣ, а частью направляются, какъ въ прежнее время — гужевымъ способомъ къ двумъ главнѣйшимъ пунктамъ — Москвѣ и Твери, а оттуда въ дальнѣйшіе пункты, въ томъ числѣ и въ нашу столицу.

Всѣ эти неудобства невольно зарождаютъ у каждого мысль о необходимости желѣзнодорожнаго сообщенія съ Кимрами. И въ настоящее время эта мысль, наконецъ, начинаетъ осуществляться сразу съ двухъ концовъ. Во-первыхъ, стрѣящаяся новая желѣзная дорога Москва — Савелово на Волгѣ, задалась цѣлью соединить такимъ образомъ Москву и съ Кимрами, находящимися на другомъ берегу Волги, какъ разъ насупротивъ деревни Савелово. Во-вторыхъ, общество рыбинско-бологовской желѣзной дороги, желая продлить строящуюся подъѣздную вѣтвь отъ ст. Савелина на г. Капшинъ до Кимръ, сдѣлало уже также подготовительныя работы для этого. Стоянный желѣзнодорожный мостъ черезъ Волгу, сооруженіе котораго необходимо въ такомъ случаѣ, будетъ сооружено именно близъ самаго села Кимръ.

Такимъ образомъ эти двѣ линіи соединить наконецъ это богатое промышленное село съ обильными столицами и еще болѣе возвысить его торговое и промышленное значеніе, благотворно отзывалось на всемъ окружномъ районѣ. Оживленная торговля не только отводитъ селу Ким-

рамъ мѣсто на ряду съ крупными уѣздными городами, но и упрочиваетъ въ значительной мѣрѣ экономическое благосостояніе обильныхъ уѣздныхъ, незначительныхъ по торговлѣ городовъ Корчевы и Калязина, благодаря уплатѣ цѣлой массы сборовъ съ торговыхъ и про-

Село Кимры. Соборъ. Съ фот. С. Столярова грав. Шлиперъ.

Село Кимры. Главная улица — Ильинская. Съ фот. С. Столярова грав. Шлиперъ.

мысленныхъ предприятий въ кимрскомъ районѣ. Наконецъ, новые желѣзнодорожные пути, связавъ тѣснѣ Кимры съ культурнымъ міромъ, докажутъ всю несообразность самаго факта существованія

въ Россіи села съ 4-мя миллионами ежегоднаго оборота. Кимры въ полномъ смыслѣ городъ, и городъ очень значительный.

Къ рисункамъ.

Взглянувъ на картину: «спрудъ въ старомъ паркѣ» вы, безъ сомнѣнія, тотчасъ же узнаете въ ней работу покойнаго И. И. Шишкина. Сколько поэзіи въ каждомъ его произведеніи! Эта лодка, на-примѣръ, тихо стоящая у берега, наводитъ на васъ думы о далекомъ прошломъ, о времени, проведенномъ вами гдѣ-нибудь въ такомъ же забытомъ старомъ саду, у озера или пруда. Вѣковыя деревья отражаются въ зеркальной поверхности воды. «Какъ тихо!.. Каждый звукъ и шорохъ слышится», — хочется сказать вмѣстѣ съ поэтомъ.

Въ музей Императора Александра III находится картина художника Селезнева, переносица на въ Помпею, въ цвѣтущее время этого города, когда никому и въ голову не приходила угро-

быль коня, да избѣдился. Послѣ усиленной дѣятельности настали дни отдыха. Передъ нами генералъ, когда-то, можетъ-быть, и грозный, но теперь, въ отставкѣ, занятый самыми миролюбивыми дѣлами. Оставивъ на столѣ недочитанную газету, онъ занялся маленькой внучкой, которая всѣми силами старается обучить котенка. Дѣвочка желаетъ сдѣлать своего комнатнаго звѣрка ученымъ, хочетъ, чтобъ онъ умѣлъ служить на заднихъ лапкахъ и прыгать по командѣ. Съ этой цѣлью она смастерила изъ бѣлой бумаги при-манку—мышь, привязала ее къ длинному шнуру и дала въ руки дѣдушкѣ, строго-настрою приказавъ ему дернуть, какъ только она скажетъ. Но, увы, котенокъ не понимаетъ, что надо прыгать. Дѣдушка улыбается, заинтересованный исходомъ урока. Зато шустрая

Село Кимры. Видъ части села къ сѣверу съ соборной колокольни. Съ фот. С. Стоярова грав. Шлиперъ.

жающая ему страшная катастрофа. Изверженіе Везувія, длившееся не менѣ полутора сутокъ (въ августѣ '79 г. по Р. Х.), какъ извѣстно, похоронило Геркуланъ и Стабію съ незначительными мѣстечками и засыпало Помпею пепломъ и вулканическими лаками на высоту 4—6 метровъ. О Помпей забыли, и только въ 1592 г. архитекторъ Фонтана, устраивая подземный каналъ изъ рѣки Сарно въ Торре-Антициану, натолкнулся на ея развалины. Однако на нихъ обратили вниманіе лишь въ 1748 г., когда одинъ крестьянинъ случайно нашелъ бронзовые предметы и статуи. Въ новѣйшее время раскопки начали производиться непрерывно по строгой системѣ, подъ руководствомъ опытнаго археолога Фиорелли, и уже открыто приблизительно 2/3 мертваго города.

Въ аркадахъ мраморныхъ молчанье цѣпенѣтъ,
Вѣлбуютъ кое-гдѣ статуи нимфъ и грацій;
Гремѣвшій водометъ изъ пасти мѣдныхъ львовъ
Замолкъ...

А прежде кака я здѣсь цвѣла жизнь!.. Картина Селезнева, изображающая двухъ влюбленныхъ, напоминаетъ намъ объ этой былой жизни. Идиллическій ея характеръ прекрасно отгнѣняетъ трагизмъ катастрофы, постигшей знаменитый городъ. Въ этомъ главная прелесть картины.

Г. Андреевъ удачно разработалъ всѣмъ знакомый сюжетъ.

учительница не терпѣнья и, разставивъ руки, упорно ожидаетъ отъ котенка перваго прыжка. Жанровая картинка г. Андреева многихъ заставитъ улыбнуться, — такъ она жизненна и правдива.

Передъ нами типъ русской красавицы, которая, стоя въ красномъ углу, мечтательно заплетаетъ носу. Чудные густые волосы рассыпались волнистыми прядями, голубые глаза устремлены куда-то вдаль. Головной уборъ еще не надѣтъ и лежитъ на столѣ возлѣ рѣзного ларца съ сокровищами. Въ дѣвущкѣ не трудно узнать дочь богатаго боярина. Она готовится къ свадебному пиру и полна самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній, смѣняющихся, какъ морская волна, а сердечко такъ и бьется въ груди, какъ пойманная птица. Картина Маковского живо передаетъ настроеніе дѣвочки. Всѣ аксессуары картины, по обыкновенію, выписаны художникомъ съ удивительнымъ мастерствомъ и знаніемъ соответствующей эпохи.

Любопытно наблюдать за особой породой сосуновъ, называемыхъ древолазами, когда они, цѣпляясь за вѣтки, продѣлываютъ разные уморительные фокусы. По наружному своему виду они напоминаютъ кенгуру. Древолазъ—сонное, неподвижное животное, особенно днемъ, и только къ вечеру оживляется и весело прыгаетъ съ вѣтки на вѣтку или передвигается по стволу съ помощью переднихъ лапъ, а задними цѣпляется за древесную кору, чтобъ

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой—какъ извѣстно, и въ корректурѣ еще необыкновенно тщательно отдѣлывающій свои произведенія — просилъ насъ на нѣкоторое время отложить печатаніе его романа: „ВОСКРЕСЕНІЕ“. Мы, понятно, ничѣмъ не желаемъ нарушить спокойную работу нашего знаменитаго писателя и поэтому поспѣшили изъяснить графу Льву Николаевичу согласіе, будучи увѣрены, что и читатели „Нивы“ вполне одобряютъ чувство, которымъ мы въ данномъ случаѣ руководствовались. Тѣмъ временемъ мы дадимъ историческую повѣсть изъ эпохи, крайне интересной и до сихъ поръ еще мало разработанной. Начало этой повѣсти помѣщено въ настоящемъ номерѣ, закончена она будетъ въ № 10, а затѣмъ уже съ № 11 мы начнемъ печатать романъ гр. Л. Н. Толстого.

удержаться отъ паденія. Въ неволѣ древолазы питаются рисомъ, картофелемъ и рѣпой. Въ Берлинскомъ зоологическомъ саду находятся очень интересные экземпляры этихъ животныхъ, принадлежащихъ къ особому виду, открытому всего 9 лѣтъ тому назадъ въ сѣверной Австраліи (Queensland). О жизни древолазовъ почти ничего неизвѣстно, и до сихъ поръ еще никто не знаетъ, чѣмъ они питаются на свободѣ. Есть предположеніе, что пищу ихъ составляютъ молодые почки, листья, сучья и древесные плоды. Цѣлый день они просиживаютъ на верхушкахъ деревьевъ, а ночью рѣшаются даже спуститься на землю. На древолазовъ охотятся при помощи австралійской собаки «динго», которая отлично умѣетъ выискивать ихъ слѣды. Охота всегда бываетъ успѣшна, такъ какъ древолазы обыкновенно находятся въ полусонномъ состояніи. Мясо ихъ весьма вкусно и пользуется большой любовью мѣстныхъ жителей, которые, отправляясь на охоту съ «динго», влѣзаютъ по стволу на дерево, хватаютъ древолазовъ за хвостъ и бьютъ ихъ палками или стоняютъ на землю, гдѣ ихъ ожидаютъ охотничьи собаки.

*

Далѣко
Въ лѣсную глубь уходить взоръ:
Уныль и голъ холодный
боръ.

Забыты всѣ укромные
уголки лѣса; какъ-то непривѣтливо
глядятъ на васъ сѣрая небеса, и
васъ тянетъ къ свѣту,
подальше отъ этихъ обледѣвшихъ
стволовъ и вѣтвей, чернѣющихъ
такъ уныло среди пушистаго
снѣга. Только рабочей поневолѣ
бываетъ въ лѣсу. А между тѣмъ
и въ опустѣвшемъ лѣсу
сколько поэзій, прекрасно
воспроизведенной нѣмецкимъ
художникомъ.

Новый храмъ при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ.

(Рис. на этой стр.).

Довольно многочисленная русская колонія въ Вѣнѣ давно нуждалась въ большомъ православномъ храмѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ богатой роскошными и изящными зданіями всѣхъ стилей красавица-Вѣнѣ давно недоставало сооруженія, могущаго явиться представителемъ старо-византійскаго церковнаго стиля. Въ настоящее

время пробѣлъ этотъ блестяще заполненъ, и новая русская польская церковь на Вальфшгассе, являющаяся поистинѣ однимъ изъ украшеній австрійской столицы, должна порадовать всѣхъ истинно-русскихъ людей. Церковь эта выстроена по проекту академика архитектуры Г. И. Котова, исполнившаго также всѣ детальныя чертежи и рисунки, равно какъ и всѣ расчеты. Наблюденіе за строительными работами на мѣстѣ было передано мѣстнымъ архитекторамъ. Работы были доведены благополучно до конца подъ руководствомъ вѣнскаго архитектора Джакомелли, и теперь церковь во всей своей красѣ ожидаетъ освященія, назначеннаго на февраль мѣсяца нынѣшняго года.

Фасады церкви исполнены изъ тесаннаго камня и облицовочнаго

кирпича. Фризы, подъ главнымъ корпусомъ и на галлерей, сдѣланы изъ разноцвѣтныхъ изразцовъ; средняя пирамидальная крыша, а также крыша надъ входомъ — изъ черепины, покрытой глазурью. Главный крестъ — мѣдный, позолоченный — черезъ огонь и украшенный стеклами съ алмазной гранью, которыми и въ утреннемъ и вечернемъ солнечномъ освѣщеніи блестятъ и отливаютъ всѣми цвѣтами радуги.

Надъ входомъ, со стороны улицы, помѣщено большое мозаичное изображеніе Спасителя и двухъ ангеловъ, исполненное въ Венеци по эскизу художника Н. А. Бруни.

Н. А. Бруни и Н. П. Харламовымъ исполненъ образъ для иконостаса, самый же иконостасъ исполнялся въ Вѣнѣ по шаблону автора проекта церкви изъ кипариснаго дерева. Роспись церкви внутри сдѣлана пока временная, принималъ во вниманіе, что постоянную роспись слѣдуетъ отложить до окончательной просушки зданія. Церковь помѣщается въ саду, прилегающемъ къ зданіямъ русскаго посольства.

Столѣтіе лейбъ-гвардіи уральской казачьей сотни.

(Рис. на стр. 58.)

2-го января исполнилось столѣтіе существованія лейбъ-гвардіи уральской казачьей сотни. По этому поводу въ Михайловскомъ ма-

Новый православный храмъ при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ.
По рис. Г. З. грав. Рашевскій.

нежѣ состоялся парадъ въ Высочайшемъ присутствіи, съ торжественнымъ молебствіемъ.

Въ одиннадцатомъ часу утра сотня въ своихъ малиновыхъ мундирахъ и огромныхъ черныхъ папахъ выстроилась въ манежѣ. На лѣвомъ флангѣ находились нестрельные чины и 12 казаковъ во всѣхъ тѣхъ формахъ, которыя носила сотня за время своего вѣкового существованія.

Наиболѣе характерна изъ нихъ самая старинная форма, время Павла I. Длиннополоый малиновый кафтанъ, шапка съ четырехстороннимъ острымъ малиновымъ стоячимъ верхомъ, такой же вышины, какъ и самая шапка, борода и длинные волосы, на рукахъ перчатки съ крагами. Стоящіе рядомъ съ нимъ шесть казаковъ въ формахъ времени Александра I и Николая I, въ темно-синихъ мундирахъ и киверахъ съ султанами или помпонами, уже гораздо менѣе напоминаютъ характеръ казаковъ; затѣмъ идетъ снова малиновый казачій мундиръ унтеръ-офицера и рядового времени императора Александра II, со шнурками на груди и эполетами; предъ послѣдній въ ряду казакъ одѣтъ въ походную форму 1855—67 гг.; наконецъ крайній справа рядовой-казакъ—въ формѣ 1881—91 гг. (рис. на этой стр.).

Тутъ же присутствовали прибывшіе съ Урала къ торжеству ста-

возводимыхъ за послѣдній десятокъ лѣтъ въ большихъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ, особенно въ Нью-Йоркѣ и Чикаго, въ центрѣ дѣловыхъ кварталовъ, американцы измыслили картичный неологизмъ: они называютъ такіе дома *sky-scrapers*, что значитъ буквально: «небоскребы».

Объ этихъ сооруженіяхъ много говорилось въ американской прессѣ за послѣдній мѣсяць, по поводу окончанія постройки, далеко оставившей за собой всѣ самые высокіе дома въ мірѣ.

Новое сооруженіе этого типа, которымъ теперь гордится Нью-Йоркъ, называется, по мѣсту своего расположенія, Парк-Ровскимъ зданіемъ (Park-Row building). Собственно фасадъ его не такъ уже высокъ. Но общая его высота, считая до высшей точки двухъ вѣчающихся его башенъ, равняется 117 метрамъ (54 саж. 2 $\frac{1}{4}$ арш.). Всего лучше и яснѣе мы можемъ представить себѣ, что это за высота, если сопоставимъ съ вышиною этого зданія вышину знаковыхъ намъ колоссальныхъ сооружений: Александровская колона въ С.-Петербургѣ—23 саж. 11 $\frac{1}{16}$ арш.; шпиль Адмиралтейства—33 саж.; Сухарева башня въ Москвѣ—35 саж.; колокольня Ивана Великаго—46 саж. 2 арш.; Пискаревскій соборъ (безъ креста)—57 саж.; Петропавловскій соборъ—65 саж.; а также помѣщенные у насъ на рисункѣ: церковь св. Троицы въ Нью-Йоркѣ

1798 г. 1802 г. 1826 г. 1828 г. 1838 г. 1845 г. 1848 г. 1855 г. 1867—1881 г. 1855—67 г. 1881 г.

Столѣтіе лейбъ-гвардіи уральской казачьей сотни. Формы сотни за сто лѣтъ ея существованія.

По фот. К. Булга автотипія «Пявы».

рики-депутаты отъ войска, бывшіе вахмистры и урядники, награжденные георгиевскими крестами и знаками отличій.

Въ 11 часовъ въ манежъ прибылъ Государь Императоръ; Его Величество былъ въ формѣ гвардейскихъ уральскихъ казаковъ. Раздалась команда «на караулъ»; затрубили походъ трубы; склонились штандарты. Государь, сопровождаемый великими князьями и блестящей свитой, обошелъ фронтъ, поздоровался и поздравилъ уральцевъ съ праздникомъ.

Его Величество подошелъ къ приготовленному посреди манежа мѣсту для Богослуженія. Командиръ сотни прочелъ Высочайшую грамоту, при которой пожалованъ сотнѣ штандартъ, и статьи воинскаго устава о знамени.

Затѣмъ было отслужено протопресвитеромъ Желобовскимъ молебствіе; протопресвитеръ окропилъ штандартъ святой водой, послѣ чего вручилъ его Государю Императору. Его Величество передалъ штандартъ колѣнопреклоненному командиру сотни, а тотъ знаменику, принявшему штандартъ тоже на колѣняхъ.

Затѣмъ уральцы прошли мимо Его Величества по полусотенно и полувзводно, при чемъ позади проходила отдѣльно шеренга въ историческихъ формахъ. Проходженіе удостоилось Царскаго «спасибо».

Государь Императоръ обратился къ сотнѣ со слѣдующими словами: «Въ ознаменованіе вѣрной и доблестной службы уральскихъ казаковъ лейбъ-гвардіи Уральской казачьей сотни, Я принимаю на Себя званіе шефа сотни и лью за здоровье и процвѣтаніе ваше, братцы». Эта неожиданная царская милость вызвала единодушный взрывъ восторженнаго «ура». Командиръ сотни подиалъ чарку за Государя Императора, Державнаго Шефа,—въ отвѣтъ на что раздались новые раскаты громогласнаго «ура» и звуки гимна, повторенные затѣмъ при тоствѣ за Ихъ Величества Государынь Императрицъ и Наслѣдника Цесаревича. Послѣ того Государь Императоръ, еще разъ удостоивъ сотню Царскаго «спасибо» за парадъ, отбылъ изъ манежа.

Самый высокій домъ въ мірѣ. (Рис. на стр. 59.)

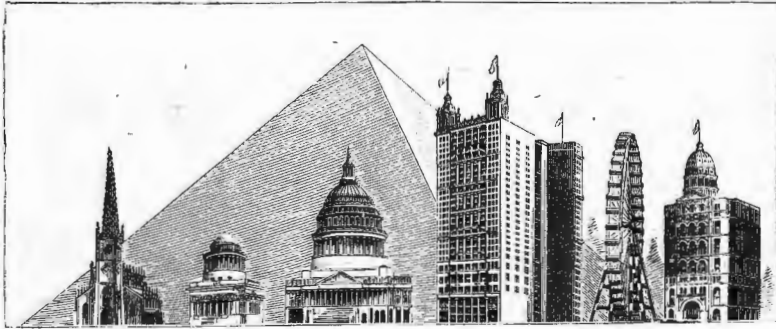
Для обозначенія громадныхъ сооруженийъ, въ 18 или 20 этажей,

(41 саж. 7 вершк.); мавзолей генерала Гранта въ Нью-Йоркѣ; Капитолій въ Вашингтонѣ (41 саж.); упомянутое Park-Row'ское зданіе, гигантское колесо на будущей парижской всемирной выставкѣ 1900 г. (43 саж. 1 $\frac{3}{4}$ арш.), Всемирный домъ въ Нью-Йоркѣ—42 сажени, и наконецъ превосходящая ихъ всѣ Хеопсова пирамида въ Египтѣ—64 саж. 1 арш. Это сопоставленіе очень обрадуетъ нью-йоркцевъ, гордящихся своею «вавилонскою архитектурою».

Считая отъ основанія фундаментомъ Park-Row'скаго сооруженія до верхушки флажковокъ, утвержденныхъ на куполахъ его башенъ, мы получимъ вышину, по вертикали равную 72 сажениамъ.

Этажей въ этомъ зданіи 27. Вверху, между двухъ башенъ, на самой крышѣ, устроена кухня ресторана, помѣщающагося въ верхнемъ этажѣ. Вся громада, не въ примѣръ большинству прочихъ своихъ собратьевъ по росту, предназначенныхъ для помѣщенія администраціи какого-нибудь одного большого предпріятія, вмѣщаетъ въ себѣ 950 отдѣльныхъ конторъ разныхъ размѣровъ. Если считать только по четыре человѣка въ среднемъ на каждую контору, то въ этомъ домѣ можетъ размѣститься почти четырехтысячное населеніе, силовъ состоящее изъ дѣловыхъ людей. Правда, таково только дневное населеніе; ночью домъ пустѣетъ, и въ немъ остается только нѣсколько сторожей. Но дневное населеніе этимъ не ограничивается: надо принять во вниманіе, сколько посѣтителей является въ эти 950 конторъ, къ ихъ 4000 обитателей. Какою примѣрно цифрою изобразить число этихъ посѣтителей? Въ Нью-Йоркѣ—самый дѣловый городъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и зданіе, о которомъ идетъ рѣчь, вытянулось къ небу только въ силу той причины, что въ самомъ сердцѣ города слишкомъ мало свободнаго пространства для построекъ, по сравненію съ требованіями дѣлового движенія. Не будетъ, слѣдовательно, преувеличеннымъ предположеніе, что въ теченіе часа въ зданіи можетъ находиться, въ среднемъ, 4 тысячи посѣтителей, и что къ концу дѣлового дня въ немъ пребываетъ до 25 тысячъ человѣкъ. Какова должна быть толкотня въ коридорахъ, на лѣстницахъ и на подземныхъ машинахъ!

Когда подумаешь об этой массе людей, толкущихся на столь малом пространстве, невольно приходит на мысль: а что станет с ними в случае пожара? Американские архитекторы обыкновенно отвечали на это: «Не может быть и речи об опасностях пожара в этих зданиях, построенных из негорючих материалов». Как показали опыты, к этим словам архитекторов следует относиться не с таким безграничным доверием. Доказательство налицо. Недавно в Нью-Йорке загорелся ночью обыкновенных размеров дом, и с него пламя перекинуло на соседнее здание в 17 этажей, в котором, к счастью, никого не было, так как публика бывает там только днем. Пламя проникло внутрь здания и обратило всю движимость в пепел. Но это произошло благодаря тому, что переплеты окон были деревянные, а главное, за отсутствием людей, которые могли бы направить для борьбы с огнем воду из имеющихся в каждом этаже запасных резервуаров с противопожарными кранами и приспособлениями. Следует устранить в этих зданиях

Сравнительная высота величайших зданий в мире. По рис. М. И. грав. Рашевский.

окончательно дерево, как строительный и подлочный материал, заменив его железом, снабдить металлическими ставнями все отверстия, направленные в сторону примыкающих зданий обыкновенной постройки, и устроить горизонтальные переборки между отдельными этажами в пролетах подъемных машин.

Если же к тому при имеющихся в таких зданиях громадных резервуарах с водою будут постоянно находиться приставленные к ним пожарные с трубами (ведь в каждом городе с 5—6 тысячным населением есть пожарные и пожарные трубы; почему же не быть им и в городах - домах?), то тогда можно будет безобоязненно отправиться завтракать в ресторан, помещающийся в 27-м этаже Park-Row'sкого здания. Если в четырнадцатом этаже этого здания во время завтрака вспыхнет пожар, то придется лишь переждать четверть часа за чашкой кофе, пока пожар преспокойно спустится вниз и постараться поскорее наверстать потерянное время: время ведь деньги.

Библиография.

В. М. Михеев. Отрок-Мученик. Углицкое предание. С рисунками М. В. Нестерова, В. И. Сурикова и Е. М. Бём. Изд. А. Ф. Маркса. СПб. Ц. брош. 2 р. 50 к., с перес. 2 р. 80 к.; в роскош. переплет 3 руб., с перес. 3 р. 50 к.

Среди представителей русской исторической беллетристики за последние годы видное место занял талантливый автор «Золотых розсыпей», «Художников» и многих других беллетристических произведений, г. Михеев. Первая его историческая повесть «Отрок-Мученик» появилась года три тому назад, была встречена очень сочувственно читающей публикой и предлагается ей ныне в виде отдельного роскошного издания, иллюстрированного такими художниками, как г. Нестеров и Суриков и г-жа Бём. Внешние достоинства издания вполне соответствуют внутренним достоинствам самой повести.

Исторические повести г. Михеева сразу захватывают читателя и приковывают его внимание к эпохам русской истории, возсоздаваемым автором в чрезвычайно ярких образах. Он так умело располагает богатым историческим материалом, лежащим в основании каждой его повести, что трудная и кропотливая подготовительная работа, необходимая для собиранья этих материалов и одухотворения их, совершенно незаметна для читателя. Пред духовным оком послыдяго воскресают одна за другой картины давно минувшего времени, и каждая из этих картин, краткая, сжатая, но и необычайно яркая, заставляет вас переживать прошлое, воспринимать с чрезвычайною отчетливостью не только внешнюю его сторону, но и внутреннюю жизнь людей того времени.

Повесть «Отрок-Мученик» относится к семнадцатому веку, к эпохе царя Алексея Михайловича. Есть много исто-

рических трудов художественного и ученого характера, в которых описывается или изображается эта эпоха; но нам приходится читать книги, в которых эта эпоха была бы ярче освещена, чем в повести г. Михеева.

Не затрогиваясь он ни тогдашней придворной жизни, ни быта бояр. Он берет простого посадского человека, жителя города Углича, кожевника, и описывает нам судьбу, постигшую его единственного сына. Автор нашел в архивах предание об этом отрок-мученике и как будто только безхитростно излагает это предание. Но по мере того, как развертывается перед читателем жизнь углицкого кожевника и его семьи, давно умершие люди начинают постепенно облекаться в плоть и кровь, воскресать с такою отчетливостью, что вы не можете оторваться от них и с величайшим интересом следите за их судьбой. Автор достигает этого не только мастерством изложения, но и чем-то другим. Вы невольно спрашиваете себя, почему эти люди, этот кожевник, его жена и сыны, или его друг, вам так близки, почему вы с таким вниманием следите за мельчайшими обстоятельствами их жизни? И стоит только поставить себя этого вопрос, как ответ на него готов. Все, что говорится об этих людях, имеет тесную связь с окружающей нас жизнью. Да, все это несомненно случилось более двухсот лет тому назад, но тем не менее в этой старинной отчетливо и сильно бьется пульс современной народной жизни. И вы проникаетесь просто и в то же время столь часто забываемой истиной, что настоящее глубоко коренится в прошлом, что нельзя понять настоящего, не вдумываясь в прошлое. Читая повесть г. Михеева, вы ясно видите, что это прошлое, с которым нас так смутно знакомят разные исторические

Самый высокий дом в мире—Park-Row'sкое здание в Нью-Йорке. По рис. М. И. грав. Рашевский.

труды, и которое мы поэтому считаемъ чѣмъ-то давно минувшимъ и никому не нужнымъ, не умерло, что оно все еще продолжаетъ жить въ насъ самихъ и вокругъ насъ. Русская народная душа съ ея избыткомъ хорошихъ чувствъ и со всѣми условіями, приводящими эти хорошія чувства иногда къ такимъ печальнымъ и даже возмутительнымъ послѣдствіямъ, сложилась уже тогда, двѣсти лѣтъ тому назадъ. Какой чудный ребенокъ этотъ отрокъ-мученикъ! Онъ—любимый сынъ своихъ родителей; не менѣе горячо его любить ученый человекъ тогдашняго времени, книжникъ Рудаки,—а въ результатѣ получается

вслѣдствіе невѣжества и вызываемаго имъ помраченія ума и чувства, губить прекраснѣйшіе зародыши лучшей жизни, чѣмъ это сдѣлано г. Михеевымъ въ его исторической повѣсти. Далеко ли мы ушли отъ того времени? Вотъ вопросъ, который настойчиво напрашивается при чтеніи этой повѣсти, а вмѣстѣ съ тѣмъ мы убѣждаемся, какъ поучительно для насъ прошлое, какъ трудно, не изучая его, понять настоящее. Побольше такихъ повѣстей, такихъ яркихъ и точныхъ картинъ разныхъ эпохъ отечественной исторіи,—и мы лучше уяснимъ себѣ окружающія насъ условія, мы яснѣе

Изъ книги В. М. Михеева „Отрокъ-Мученикъ“. Шествіе изъ приходской церкви приближается къ зарытому въ песокъ трупъ отрока-мученика. Рисунокъ М. В. Нестерова.

трагическая судьба, тѣмъ болѣе трагическая, что злыхъ людей нѣтъ, что всѣ питаютъ къ отроку-мученику наилучшія чувства.

Нельзя представить болѣе убѣдительно картины того, какъ среда,

поймемъ, на что должны быть обращены наше вниманіе и нашъ трудъ, чтобы добрыя сѣмена, тающіяся въ родной почвѣ, не глотли и не погибли.

Р. С.

СМѢСЬ.

Первый лѣсъ въ Египтѣ. До сихъ поръ, изъ всѣхъ большихъ деревьевъ, одна только финиковая пальма встрѣчалась въ Египтѣ въ значительномъ числѣ: всѣ прочія породы появлялись лишь въ видѣ единичныхъ экземпляровъ. Изъ этого выводили заключение, что климатическія и почвенныя условія Египта не благопріятствуютъ росту другихъ деревьевъ. Въ настоящее же время доказано совершенно противное; одинъ англичанинъ, живущій въ Каирѣ, мистеръ Бердвудъ, сдѣлалъ опытъ насажденія лѣса вблизи столицы Египта, и опытъ этотъ удался вполне. Мистеръ Бердвудъ выписалъ изъ Цейлона, Индіи и Австраліи саженцы 110 различныхъ породъ деревьевъ, преимущественно дающихъ хорошія строевой лѣсъ, и посадилъ ихъ по сосѣдству съ Гизехомъ. Когда деревья нѣсколько подросли, ими засадили довольно большое пространство близъ Тезаль-эль-Кебира въ сосѣдствѣ съ Каиромъ, и теперь изъ нихъ выросъ прекрасный лѣсъ въ 200,000 деревъ. Такой результатъ весьма благопріятенъ для Египта, потому что, съ одной стороны, при новыхъ насажденіяхъ, можно имѣть дешевой и хорошій строевой лѣсъ въ самой странѣ, съ другой—обширные лѣса окажутъ выгодное вліяніе на мѣстный климатъ. Уже въ настоящее время въ Каирѣ замѣтно измѣненіе климата, что вызывается исключительно подрастаніемъ новаго лѣса. Сколько помнить мѣстные сторожники—осадки въ верхнемъ Египтѣ вообще незначительны—въ Каирѣ не было дождя; въ прошлую же зиму дождь шелъ четыре раза и одинъ разъ даже въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ.

При такихъ условіяхъ весьма возможно, что само египетское правительство послѣдуетъ примѣру мистера Бердвуда и насадитъ новые лѣса. Тогда, черезъ нѣсколько десятилѣтій, благодаря подросшимъ

лѣсамъ и устраиваемымъ въ настоящее время каналамъ, картина Верхняго Египта совершенно измѣнится.

Материнская любовь въ трагедіяхъ Шекспира.—Мистрисъ Мэри Бранфордъ-Уайтингъ указываетъ на весьма характерный и очень значительный пробѣлъ въ твореніяхъ Шекспира. У Шекспира можно найти все, какъ въ Библии,—говорятъ англичане:—а между тѣмъ, въ его твореніяхъ мы не находимъ ни одного женскаго типа, олицетворяющаго материнскую любовь. Въ отцахъ, и очень нѣжныхъ, самоотверженныхъ, въ драмахъ Шекспира нѣтъ недостатка; материнскія же роли встрѣчаются у него поразительно рѣдко. Ни Дездемона и Корделия, ни Розалинда и Целія, ни Сильвія и Геро, ни Джессика, ни Имогена и Елена, не имѣли матери, то-есть ни одна изъ матерей не выведена на сцену! Матери другихъ шекспировскихъ героинь, правда, появляются на сценѣ, но всегда въ роляхъ незначительныхъ или порочныхъ женщинъ. Джудія тщетно взываетъ къ жестокому сердцу своей матери, съ пасмѣшкой относящейся къ сердечному горю своей дочери. Мать Гамлета—преступная женщина, еще преступнѣе своего нечестиваго супруга. Шекспиръ, этотъ тонкій знатокъ человѣческаго сердца, повидимому, совсѣмъ не знаетъ чувства материнской любви, и мистрисъ Бранфордъ-Уайтингъ задаетъ справедливый вопросъ: «Какого рода женщина была мать Шекспира и какой матерью была его жена?»—Мистрисъ Уайтингъ приходитъ къ заключенію, что, хотя гений Шекспира способенъ былъ понять всю глубину любви, на которую способна женщина, какъ супруга, дочь, сестра, служанка и подруга; но сущность материнской любви, этого элементарнѣйшаго изъ душевныхъ движеній, оставалась для него сокрыта.

СИБИРСКИЙ СКЛАДЪ
КИТАЙСКИХЪ ШЕЛКОВЫХЪ МАТЕРИЙ
Д. А. Епанешникова
 Москва, Никольская ул., д. Греческ. мон.
ЧЕ-СУ-ЧА.
 Дамская отъ 10 до 18 р. кусокъ въ 26/28 арш.
 Мужская « 20 « 40 р. кусокъ въ 26/28 «
 Банза « 12 « 50 р. кусокъ въ 21/22 «
 Товаръ высылаю наложеннымъ платежомъ.
 Образцы безплатно. 10—1

РИСОВАЯ ПУДРА
ПЛОТНОПРИСТАЮЩАЯ,
НЕЗАМѢТНАЯ, ДУШИСТАЯ
LA MADONE
 Продажа оптомъ:
HUBERT, парижскій въ **БОРДО**
 и въ **ПАРИЖѢ**: 26, rue d'Enghien
 Склады во всѣхъ хорошихъ
 парфюмерныхъ магазинахъ.

Только 4 р. 50 к. въ годъ
 съ пересылкой 6 руб.
 ПРЕКРАСНЫЙ ФРАНЦУЗСКИЙ
МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ
„LA MODE NATIONALE“.
 52 номера раскраш. съ выкройк. въ годъ.
 Также принимается абонемента на всѣ
 французск. Модные Журналы.
Н. Х. Давингофъ.
 С.-Петербургъ, Гостин. Дворъ № 12.

НОВОСТИ! ручные швейные
 машинки шьютъ
 въ двѣ нитки, необходимы для каждой семьи.
 Продаются по ПЯТИ руб. съ пересылкой;
 валожнымъ платежомъ безъ задатка ма-
 шинки не высылаются. № 11920
 Съ требованіемъ обращаться: г. Саранулъ,
 въ мас. шейн. машинк. И. С. Ромарову.

ВОСТРЕГАТЬСЯ ПОДАРОМЪ!
ПРОВИЗОРА
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
 ПРОТИВЪ ИЗЛИШНЕЙ ПОТЛИВОСТИ И
 ДЕЗОДОРИРУЮЩЕЕ
БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
 1/2 к. 50 к. 1/2 к. 30 к.

PASTILLES VICHY-ETAT
 aux Sels Naturels extraits des Eaux
Vendues en boîtes métalliques scellées.
COMPRIMÉS VICHY-ETAT
 aux Sels Naturels extraits des Eaux
 pour fabriquer
l'EAU ALCALINE GAZEUSE

КАЗИМИРЪ ОССОВСКИЙ,
 инженеръ.
 Контора для исходатайствования привилегій
 въ **БЕРЛИНѢ**. (Berlin, W. 9, Potsdamerstr. 3.)
КАННА КРОЗИ
 и другія модныя луков. растенія. Иллюстр.
 описательн. каталогъ по требованію без-
 платно и франко.
 Садоводство **К. Г. МЕЙЕРА.**
 Кіевъ, Сырецъ, с. д.

ПРІЯТНЫЕ ДУХИ
ВЕРА-АНОНА
РОСКОШНЫЕ НѢЖНЫЕ
ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЕРА-АНОНА
 ПРІЯТНОЕ,
 нѢжное бархатистое
Т-ва ГИГИЕНА
 ♦ ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ. ♦
 Гл. склады: С.-Петербургъ, Коломенская, 12.

Ювелиръ В. К. ЭЙКЕНРОТЬ.
 МОСКВА, Камергерскій переулокъ,
 домъ Ланозовъ.
 Покупаю жемчужина нитки, ру-
 бины, изумруды и брил-
 лианты по хорошей цѣнѣ.
Имѣю большой выборъ
 новѣйшихъ фасоновъ золотыхъ и брил-
 лантовыхъ, съ драгоценными камня-
 ми, вещей.
 Беру въ обмѣнъ старое зо-
 лото и кам-
 ни на новыя вещи. Ш. № 11893
ЗАКАЗЫ исполняются въ собствен-
 ной мастерской. 3—2

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроникъ
 ХУІІІ в. Всеволода Соловьева. СПб.
 Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.
 Требуяція адресовать въ контору изданій
 А. Ф. Маркса, СПб., М. Морская, № 22.
САМОУЧИТЕЛИ. Съ указ.
 цынов. чист.
 произном. Сост. по америк. системѣ д-ра
 Розенталя, Ал. Московскій.
ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗ. Ц. пространны. изд.
 3 р. 40 к., съ пер. 3 р. 80. Общедост.
 75 к., съ пер. 1 р. **НѢМЕЦКАГО ЯЗ.** Ц.
 3 р., съ пер. 3 р. 40 к. **АНГЛИСКАГО**
ЯЗЫКА. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 40 к.
 Склады у Антона Антоновича Московскаго.
 СПб., Знаменская, 53.
 ← Образцовая сист. являетелъ подража-
 ніемъ указанной самою природою методъ.
 Подробная программа высыл. безплатно.

КАРАМЕЛЬ
 изъ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ
„КЕТТИ БОССЪ“
 Б. Семадени въ Кіевѣ.
 Цѣна коробки 25 коп. Малая коробка
 15 коп.
 Главный складъ у **АЛЕКСАНДРА ВЕН-**
ЦЕ. П. В. С.-Петербургъ, Гороховая ул., 33.
 Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекар-
 скихъ магазинахъ Россіи. 12—8

270 Р.
 подъ выигранные билеты. И имѣю
 до 235 руб., подъ III Дворянскіе до
 200 руб., подъ остальные бумаги до
 95 руб. изъ 5 до 8^{1/2} годич. и 1^{1/2} лѣт.
 ежемѣ. ком. предлагаются въ сеуду
 банкирскій домъ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
 59, Невскій. 7—5

НОВОСТЬ!!!
 Прелестные карманные металлические часы, за-
 водъ безъ ключа, настоящіе никельные, тща-
 тельно проверенные, на крышкѣ помѣщенъ худо-
 жественно исполненный портретъ Государя Импе-
 ратора Николая II, къ низу цѣпочка новаго зо-
 лота и парижскій компасъ,
за все только 5 руб.
 Предлагаются печатное ручательство на 4 года.
 Вышеупомянуты часы высылаются немедленно и
 безъ задатка наложеннымъ платежомъ.
 Требуянія прому адресовать въ городъ Вар-
 шану, къ у. Бузееру, Граничная ул., № 6.
 Грейсъ-курить высылаются безплатно.

медальоновъ,
 нумераторовъ, ка-
 лендарей и ми. др.
 Грейсъ-курить визиты, кар-
 точекъ и др. типографск. работъ.
 Высылаются немедленно по полученіи
 60 коп. почт. марж., которыя при заказахъ
 фабрики засчитываются. Ц. № 11907 4—1
 ФАБРИКА ШТЕМЦЕЛЕЙ И ТИПОГРАФИЯ
Г. К. ЛЕВИКОНА въ Варшавѣ.
 Магазины: Сенаторская ул., № 30.
 Вышель изъ печати поспѣйшій альбомъ
 альбомъ штемцелей, новаго изд.
 съ рис. всевозможныхъ клише
 дѣловыхъ, казенныхъ
 частныхъ штемцелей
 автоматовъ, краис-
 новъ, портмовъ

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**
ПРОИСХОЖДЕНІЕ
СЕМЬИ, СОБСТВЕННОСТИ и ГОСУДАРСТВА
 Составилъ Фридрихъ Энгельсъ. Переводъ съ 6 нѣмецкаго изданія подъ редакціею
 М. Толкина. Цѣна 50 коп.

Цѣны озваче-
 ны съ уплаченной
 пошлинною и пере-
 сылкою.

 Мужескія часы цѣна
 10 руб. съ нинель-
 нымъ механизмомъ
 и 3 крышками.
 Реформа двойная му-
 жеская цѣпочка 3 руб.

Новости! Новости!
„Реформа“ часы звѣзда
Norwich Watch Company.
 Пересыла съ уплаченною нами пошлинною.
 Часы реформа составлены изъ новаго словобраннаго металла, такъ
 что даже специалисту трудно ихъ отличить отъ действительныхъ золо-
 тыхъ часовъ. Мы приписываемъ себѣ за часы реформа Norwich Watch
 Company двойную гарантию въ томъ, что она никогда не потеряетъ
 вида настоящихъ золотыхъ часовъ.
 Патентованный металлическія часы Реформа Norwich Watch Company
 устроены съ такою точностію и тщательностію, что каждому, кто е-
 желаетъ въ совершеннѣ вѣрныя часы, мы изъ нашихъ самыхъ убѣ-
 дительныхъ образцовъ предлагаемъ. Изъ каждыхъ часовъ предлагаются
 трехлѣтняя гарантия съ обремененіемъ №. часовъ.
 Цѣна та же, цѣну 10 рублѣй однообразна, двойныя или па-
 перные цѣпочка реформовъ, золота 3 рублѣ съ вальцями брѣзками.
 Дамскія Реформа-Часы выкупа съ 8-ми крышками 12 руб.
 Дамскія Реформа цѣпочка 8 рублѣ.
 Въ 2-хъ вѣзвѣченъ Таможенина пошляз и пересылка.
 по почтѣ съ требованіемъ можно обращаться на русскою языкъ.
 Заказамъ исполняются по полученіи денегъ или наложеннымъ
 платежомъ.
 Во избѣженіи какихъ либо недоразумѣній покорнейше просимъ Г-въ,
 покупателей приять къ сведенію что наша фирма въ Россіи никакъ
 представителъ или Агентовъ не имѣетъ и настояще Реформа часы
 только съ нашей маркой.
 Писемъ грейсъ адресовать
ANTON RIX & BRUDER.
 Wism, II, Praterstrasse 14/16.

Благодаря большому сбыту и новому усовер-
 шенствованному способу изготовления часовъ
 моего производства, я имѣю возможность про-
 давать съ 1 Января сего года самые эlegant-
 ныя и прочныя **МУЖСКИЕ ЧАСЫ** американскаго
 золота, трудно отличаемыя, даже специалистъ
 ми, отъ настоящихъ, дорого стоющихъ золо-
 тыхъ, — крытые анверъ, механизмы самой луч-
 шей конструкціи (удост. серебр. медалью и
 Женевской выставкѣ въ 1896 г.), съ прекрас-
 ною цѣпочкою, тоже американскаго золота, съ
 брелокомъ, по желанію заказчика съ его моно-
 граммою на верхней крышкѣ, вмѣсто 18 и 20 руб
только за 10 и 12 руб.
 Въ Америкѣ часы эти давно уже вытѣснили
 настоящіе золотые, а въ послѣднее время и
 настъ входятъ во всеобщее употребленіе.
 Такою же **ДАМСКИЕ** дорожне на 1 рублѣ.
 Писменное ручательство на 8 лѣтъ.
 Высылаю вопль въ вывѣреныя часы, по полу-
 ченіи задатка 2 руб., остальные же наложен-
 нымъ платежомъ.
 Выписывающіе за пересылку не платятъ.
Адресъ: Ю. ГУБЕРЪ,
 Одесса, Почтовая, № 21. Склады женев-
 скихъ часовъ.
 При заказахъ на 2 шт. уступается 50 коп.
 на 3 шт. — 1 руб. Множество благодарственныхъ писемъ и отзывовъ.

БЫСТРО, ЧЕТКО и КРАСИВО *
 пишутъ новѣйшія пишущія машинки
„БЛИКЕНСДЕРФЕРЪ“
 Въ 2 года выпущено свыше 26,000 машинъ.
 На различн. выставкахъ презированы высшими наградами и золот
 медалями. Цѣна **100 и 120** руб. В. № 11922 6—1
 Образцы шрифтовъ и каталогъ высылаются безплатно.
 * ПРЕДСТАВИТЕЛИ: **Э. КИЖИМАНЪ** и **К°** С.-Петербургъ,
 Гороховая, 17. *

PRECIOSA VIOLETTE
 ПРЕЛЕСТНЫЕ НѢЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ.
 Эссенція высшаго качества. Мыло. Туалетная вода самаго
 тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за
 волосами. Рисовая пудра незаметная и неослабляющая.
ED. PINAUD
 PARIS

ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА И КАРТОЧКИ СЪ РИСУНКАМИ

художниковъ Елиз. Бемъ, М. Виллие, Э. Визель, Каразина, К. Маковского, В. Овсянникова, Рѣпина, Елены Самокиши-Судковской, Н. Самокиши, Саломки и Варвары Шнейдеръ,
въ пользу больницы въ память ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Складъ въ СПБ. Попечительномъ Комитетѣ о сестрахъ Краснаго Креста (Инженерная, 9) и въ Конторахъ журнала «Нива»: въ Москвѣ у Н. Печковской и въ Одессѣ въ книжномъ магазинѣ „Образованіе“.

КАТАЛОГЪ СЪМЕНАМЪ И ГЕОРГИНАМЪ

садоваго заведенія
И. Г. КАРЛСОНЪ въ Воронежѣ
выйдетъ изъ печати въ началѣ января м-ца и будетъ разсылаться всѣмъ желающимъ по первому требованію бесплатно.
Каталогъ деревьямъ, кустарникамъ и растениямъ — высылается также во всякое время бесплатно.
№ 11902

Вышелъ въ свѣтъ 1-го января и разосланъ подписчикамъ украшенный 3-мя эстампами на мѣди и 14-ю гравюрами и виньетками на деревѣ

ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ БИБЛИОТЕКИ „НИВЫ“ на 1899 годъ, СОДЕРЖАЩЕЙ ВЪ СЕБѢ БОЛЬШОЕ РОСКОШНО-ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ in folio ТРАГЕДИИ ГѢТЕ „ФАУСТЪ“ А. ФЕТА.

Для ознакомленія съ изданіемъ, ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ „ФАУСТА“ ПРОДАЕТСЯ ЗА 1 РУБЛЬ. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ЗА 1 Р. 60 К. (можно почтов. марками въ заказ. письмахъ), которые засчитываются при подпискѣ на все изданіе со 2-го выпуска. О высокому качеству иллюстрацій къ „ФАУСТУ“ можно судить по эстампамъ на мѣди и гравюрамъ на деревѣ, помещеннымъ въ первомъ выпускѣ „Фауста“. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на все изданіе, выходящее въ 12-ти выпускахъ, по одному выпуску въ мѣсяцъ: БЕЗЪ ДОСТАВКИ: 1) въ С.-Петербургѣ—14 р.; 2) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, и въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе“—15 р. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ И СЪ ПЕРЕС. ВО ВСѢ ГОРОДА И МѢСТНОСТИ РОССИИ—16 РУБ. (съ перес. за границу—20 руб. Разрѣзка допускается въ 2, 3, 4 и 6 сроковъ).
Требованія и деньги адресовать въ контору изданій А. Ф. Маркса, СПБ., М. Морская, № 22.

Одобр. Учен. Ком. Мин. Народ. Просвѣщен.

ПОЧЕРКИ кривые, ломаные и дрожжащие исправляю лично и заочно на бѣгло-каллиграфическіе при помощи трехъ знаменъ, составляющихъ секретъ автора. Методъ этотъ проситъ не смѣшивать съ другими, такъ какъ онъ единствен. рациональн. признанъ въ Россіи, Франціи, Германіи, Англии и др. государ. удостоенъ золот. мед. ВИСОЧАНИИШ. благодарн., одобр. КОР. ОСОБЪ, Презид. Республ., высокоостав. лицъ, реценз. проч. и пр. Цѣна 1-го издан. 15 р., 2-го 30 р. За 10 семи к. марокъ высыл. подр. условія, а также и о заочномъ преподаван. (Спб., Невскій, 13—9, Профессоръ каллиграфіи и др. графическихъ искусствъ Пивтъ).

ИСПРАВЬТЕ СВОЙ ПОЧЕРКЪ ЗА 1 руб. 60 коп. Красиво писать по послѣдней усовершенств. и дополненному методу „КАЛЛИГРАФЪ“
въ 15 уроковъ СЪ РУЧАТЕЛЬСТВОМЪ ЗА УСПѢХЪ выучивается всякій, самый дурной почеркъ превращается въ блестяще красивый.
1) Теоретическая часть, состоящая изъ руководствъ на 32 стр.
2) Практическая часть, состоящая изъ 5 отдѣловъ, раздѣленныхъ на 15 уроковъ на 160 страницахъ. № 11918 3—1
Цѣна за весь курсъ исправленія почерка, т. е. за обѣ части, состоящая изъ 192 стр., съ перес. 1 р. 60 к., можно присылать почт. марками съ налож. плат. 1 р. 75 к. Адресъ: Полтава. Складъ изданій „НАЛЛИГРАФЪ“ Д. Н. Подземскому, собств. дозв.

PÂTE DENTIFRICE GLYCÉRINE
S'en servir une fois c'est l'adopter.
GELLÉ FRÈRES
6, Avenue de l'Opéra PARIS

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЫ:

механическіе музыкальные инструменты, играющіе посредствомъ веревки ручки. Прочной конструкція. Ноты металлическія. Стальные голоса. Звучный тонъ. Удобны для танцевъ.

16-тонный Органъ-Интала, цѣна безъ нотъ . . . 8 р. — к.
Ноты къ нему по . . . — 30 »
24-тонный Фениксъ-Органъ, цѣна безъ нотъ . . . 23 » —
Ноты къ нему по . . . — 60 »
48-тонный (двойной голоса) Органъ-Фениксъ, очень звучный, безъ нотъ. . . 35 » —
Ноты къ нему по . . . — 60 »
Списки цѣвъ бесплатно.
По полученіи задатка 1/2 стоимости требующе высылается съ наложенными платежемъ на остальную сумму.
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.
С.-Петербургъ, В. Морская, № 34. Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА
В. № 11515 13—9
Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.
Фабрика
РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО
основанная въ 1810 году СПБ., Владимирская, № 8, рекомендуетъ превосходнаго тона и отличной работы РОЯЛИ въ 1100, 900, 800, 700, 650 и 600 рублей. ПИАНИНО въ 850, 500 и 450 р. Прейсъ-куррантъ высылаются бесплатно.
Депо въ Москвѣ: Юлій Генрихъ Циммерманъ, Кузнецкій м., д. Захарьина; въ Ригѣ: О. Энгельманъ; въ Воронежѣ: Р. Т. Шугама; въ Баку: Ф. И. Шрейберъ; въ Тифлисѣ: Б. М. Мириманіанъ.

ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ торговаго дома Андрей Емельяновичъ **КУДАКОВЪ** въ С.-Петербургѣ, Садовая улица, № 33.
РЕКОМЕНДУЕТЪ
ГИТАРЫ солидной работы и отличнаго тона
въ 2, 3, 4, 8, 10, 12, 15, 30, 50, 75 рублей.
СКРИПКИ въ 2, 3, 5, 6, 10, 15, 30, 100 руб.
ЮБИЛЕЙНЫЙ РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВСѢХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

КУРСКО-ХАРЬКОВО-СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ЖЕЛ. ДОР.
Открытое съ 1-го января 1899 года при Транспортной Конторѣ казенныхъ жел. дорогъ «Харьковъ—Городъ»
ТАМОЖЕННОЕ АГЕНТСТВО
принимаетъ на себя комиссію по опискѣ пошлянъ и совершенію таможенныхъ обрядностей въ Харьковской Таможнѣ за слѣдующую комиссіонную плату: за товары безпошлинные: до 100 пуд. по 1/2 коп. съ пуда; болѣе 100 пуд. по 1 руб. съ вагона или отправки не болѣе 610 пуд. За товары пошлинные: за сѣмь въ бочкахъ—5 коп. съ бочки; цементъ и асфальтъ—1/4 коп. съ пуда; чугунъ—2 руб. съ вагона; камень не въ дѣлѣ, кирпичъ и гончарныя трубы—1 руб. съ вагона. За товары съ пошлиной не болѣе 100 руб. золотомъ—по 1/2 коп. съ пуда, но не менѣе 1 руб. съ отправки; за товаръ съ пошлиной болѣе 100 р. и до 500 р. золотомъ—1% съ уплаченной пошлины, по перечисленію ея въ кредитные рубль; за товары съ пошлиной болѣе 500 руб. золотомъ—1% съ 500 руб. золотомъ и 1/2% съ остальной суммы, по перечисленію ея въ кредитные рубль.
Конторская ул., № 2. Телефонъ № 91. № 11923

ВЫГРЫШЪ.
НЫЕ 1, 2 и 3 вагны продаетъ **БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,**
59, Невскій, СЧБ 6—

С.П.Б. **ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ** ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ:
„ФИГАРО“, „РЕКОРДЪ“
ЛУЧШІЯ ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА
Приятный освѣжающій ароматъ, смягчаютъ кожу, придаютъ нѣжность и бѣлизну.
ПРОДАЮТСЯ Простымъ остерегаются подражаній и ВЕЗДѢ. требовать на этикеткахъ слово: „ТЕХНО“.
Главный складъ: С.-Петербургъ, Коломенская ул., № 12.

„ЧТО“
такое искусство укрѣпленія памяти? книга (8-е испр. и дополн. изд.) проф. мнемоники С. Файнштейна, высл. за шесть 7-ми коп. марокъ, на вѣл. бумагѣ - за восемь 7-ми коп. марокъ.
Адресъ: Одесса, Гаванная ул., д. № 28, профессору мнемоники **С. ФАЙНШТЕЙНУ.**
№ 11356 10—9

ДЛЯ ВХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
Бѣлая и розовая вода для бѣлокурокъ, желтая вода для брюнетокъ. Фланонъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5121 (127)

выучивается всякій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО.**
Методъ премірованъ на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. За 4-семикопечный марку высылается ПРОБНОЕ ПИСЬМО шрифтовъ, подробныя условія и образцы исправленія почерка. заочн. учен. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дербасовская, д. № 19.

ДОБРЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!
Помогите Господу ради Касимов. Миссія на построеніе ей храма миссіонерскаго, пріюта, училища и бѣднымъ новокрещенымъ. Если бы каждый читатель «Нивы» пожертвовалъ хотя немного, и тогда бы созидать Миссію возможно было ею предпринятое на помпование жертвователей. Читатель! не откажи въ добромъ прошеніи! Ни одна копейка не пропадетъ даромъ. Богъ воздастъ по сердцу Вашему благотворителю каждому. Адресъ: Грязанъ, Епископу Мелетію, или: Касимовъ, миссіонеру священнику Василію В. Дорожникову. Пожертвуйте!

ЖИВЪ

№ 4.

XXX г.

1899 г.

Содержаніе:

ТЕКСТЪ: Мара. Древне-русская повесть В. М. Михеева. (Продолженіе).—Фантазія. Стих. К. Фофанова.—Въ область вѣчнаго снѣга на чугунокъ. (Рельсовый путь на Юнгфрау).—Къ рисункамъ: Веселая игра.—Онъ танцуетъ съ ней.—Зимній день.—Старый другъ.—Съ похоронъ.—Герцогъ саксенъ-кобургъ-готскій Альфредъ и его супруга Марія.—Церковь при ст. Макушино западно-сибирской жел. дор.—В. М. Флоринскій.—М. Н. Анненковъ.—А. А. Скальковскій.—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—Объявленія.

РИСУНКИ: Веселая игра. Картина Ю. Адама.—Онъ танцуетъ съ ней! Картина К. Кизеля.—Зимній день. Картина А. Швейцера.—Старые друзья. Картина А. А. Наимова.—Съ похоронъ. Картина Бриспо.—Рельсовый путь на Юнгфрау: 1) Баракы для рабочихъ у Эйгерглетчера. 2) Укладка пути щебнемъ. 3) Входъ въ туннель Зегеръ. 4) Рабочій поѣздъ.—Герцогъ саксенъ-кобургъ-готскій Альфредъ.—Герцогиня саксенъ-кобургъ-готская Марія.—Церковь при ст. Макушино западно-сибирской жел. дор.—В. М. Флоринскій.—М. Н. Анненковъ.—А. А. Скальковскій.

1896. 1897.

Я. БЕККЕРЪ

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА:

Его Величества Императора Всероссийскаго
Его Величества Императора Австрійскаго
Его Величества Короля Шведскаго и Норвежскаго
Его Величества Короля Датскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ:
1893 г. ЧИКАГО—дипломъ и медаль.
1894 г. АНТВЕРПЕНЬ—„Grand-Prix“.
1896 г. НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ—Государственный гербъ.
1897 г. СТОКГОЛЬМЪ—золотая медаль и званіе Поставщика Его Величества Короля Швеции и Норвегии.

Рояли отъ 600 руб. Пианино отъ 450 руб.

КНИЖН. „ОБРАЗОВАНИЕ“ МАГАЗ. въ Одессѣ, Ришельевская, № 12, съ отдѣлен. Конторы „КНИЖВЪ“ высылаетъ иногород. —визитъ всѣ книги и паложки. платежомъ, получивъ 1/3 задатка.

ПАМЯТЬ

лицъ кажда. возр. укрѣпляетъ дѣло и зрочно (въ 10 урок.) профес. мнемоники, членъ парижск. академ. С. Файнштейнъ. Одесса, уг. Пушкин. и Ваз. ул., собствен. домъ. № 29. Условія преподаванія и 2 брош. въ 64 стран. (содерж. отзывы (о системѣ) офиц. и исполн. комит. лицъ) вѣснл. за одну 7-ми коп. марку. № телефона въ городѣ 193. № телеф. на собствен. дачѣ 933. Адр. для телегр.: Одесса, профессору мнемоники Файнштейну. № 11345 10—10

Avoir soin de désigner la Source.

CELESTINS GROS-GRILLE HOPITAL VICHY

КАННА КРОЗИ

и другія модныя луков. растенія. Иллюстр. описательн. каталогъ по требованію бесплатно и франко.

Садоводство **К. Г. МЕЙЕРА.**
Кіевъ, Сырецъ, с. д.

КРАСИВО ПИСАТЬ

изучиваете великія заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО.**

Методъ премирно извѣстенъ на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. За 4 семимѣсячные марки — высылается **ПРОБНОЕ ПИСЬМО** шрифтовъ, подробныя условія и образцы исправленія почерк. заочн. учев. Адресъ: профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 18.

НОВАЯ НАРОДНАЯ ЦИТРА

съ патентованными подкладными листами, на которой каждый незнакомый съ чтеніемъ нотъ можетъ точно же играть по подкладнымъ листамъ.

Цѣна безъ листовъ 8 руб.
Подкладные листы по 15 коп.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Б. Морская, 34.
МОСКВА, Кузнецкій м., д. Захарыина.

НОВОЕ ИЗДАШЕ Ф. ПАВЛЕНКОВА:

СМОТРИ НА НЕБО!

Опытъ общедоступной астрономіи С. Альдиса. Переводъ съ англійскаго. Съ рис. Ц. 50 к.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блонкъ. С.-Петербургъ, 59, Невскій.

Крахмальные заводы

по новой реформированной системѣ Уланда

обеспечиваютъ наибольшую прибыль сбереженіемъ 40% КАПИТАЛА НА УСТРОЙСТВО, малыми издержками производства; превосходнѣйш. фабрикаты.

Спеціальное заведеніе для устройства и перестройки крахмальныхъ заводовъ.

Р. № 11937 **В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.** 5—1
Прейс-курранты бесплатно.

ЗАЧѢМЪ ДАРОМЪ!

Получать портреты изъ Франціи и платить за пересылку 5 р. и дороже, когда у насъ въ Россіи

СТУДИЯ СВѢТОТЪХИХИ

С.-Петербургъ, Литейный проспектъ, д. 29

УВЕЛИЧИВАЕТЪ

БОЛЬШІЕ ПОРТРЕТЫ

съ маленькихъ фотографическихъ карточекъ на платино-серебряной бумагѣ съ артистической художественной отдѣлкой итальянскимъ карандашомъ или, какъ выражаются французы, карандашомъ Верселедомъ, установленныя въ изящныя англійскія пас-парту (бумажныя толстыя рамки)

всего только по 4 руб. за экземпляръ съ пересылкой по почтѣ съ наложеннымъ платежомъ во всѣ города Россійск. Имперіи.

ПОДРОБНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ ВЫСЫЛ. БЕЗПЛАТНО.

Требуются агенты для приема заказовъ въ провинціи. Ц. № 11931

„НЕДѢЛЯ“

«НЕДѢЛЯ» состоитъ изъ двухъ изданій: еженедѣльной общественно-политической газеты «НЕДѢЛЯ» и ежемѣсячнаго литературнаго журнала «КНИЖКИ НЕДѢЛИ».

Содержаніе январской «КНИЖКИ»: — I. КЪ ЛУЧШЕМУ БУДУЩЕМУ. Н. Н. Неплюева. — II. ПО ДѢЛАМЪ СЛУЖБЫ. Разсказъ Ант. П. Чехова. — III. ДВАДЦАТЫЙ ВѢКЪ ПОЙДЕТЬ... Стихотвореніе А. М. Жемчужникова. — IV. ВЪ СИБИРСКОМЪ ТАРАИТАСѢ. (Углы Сибиря). I. Кочетокъ. В. Л. Дѣдлова. — V. ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ. В. Г. Малафѣевой. — VI. ТУМАНЫ. Романъ. Часть I. I.—IX. П. П. Гнѣдича. — VII. ПОЭТЕССА. Повесть въ стихахъ. Часть I. I.—IX. К. М. Фофанова. — VIII. НА ГРУДИ ПРИРОДЫ. (Квершенскій человѣчекъ). Г. Р. Каргрэмъ. — IX. «ЗНОЙНЫМЪ ВЛЕСКОМЪ ОДѢТА...» Стихотвореніе Гарри. — X. СВЯТЫЯ ВОДЫ. Романъ. I.—III. I. Гера. — XI. ХУДОЖНИКЪ-МЫСЛИТЕЛЬ. В. М. Грибовскаго. — XII. НОВЫЕ ВХОДЫ. Пл. Н. Нраснова. — XIII. НАЧАЛА ЖИЗНИ. О дружбѣ. М. О. Меньшикова. — ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ. — XIV. ПИСЬМО САГАРИНА КЪ ТЮТЧЕВУ О БЕНЕДИКТОВѢ И ПУШКИНѢ. Сообщилъ П. О. Пирлингъ. — XV. ИЗЪ РУССКИХЪ ИЗДАНІЙ. — Повесть кожда года. — Работа на дьявола. — Мелодраматическая метафороза. — Художественная археологія. — Душныя страданія комка. — Больные ученіки въ современной школѣ. — Дольгъ интеллигенціи предъ народомъ. — Китайскіе экзамены. — XVI. ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ИЗДАНІЙ. — Интеллигентный пролетаріатъ въ Италіи. — Монахиня-реформаторша. — Воспоминанія Бисмарка. — Картина войны. — Французская беллетристика въ ХІХ вѣкѣ. — Юви де-Шаванъ. — Этика Метерлиха. — XVII. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНАГО МИРА. — Юбилей Е. П. Гребенки. — Русскія симвалы англійскому юмористу. — Мицкевичъ. — Общественная дѣятельность Каплинга. — Его войнѣи произведенія. — Уильямъ Блэкъ. — Национальное изданіе.

Подписная цѣна газеты «НЕДѢЛЯ» съ «КНИЖКАМИ НЕДѢЛИ» девять рублей за годъ и пять рублей на полгода съ пересылкой и доставкой. Допускается разсрочка.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи «НЕДѢЛИ», Литейный, 9. Редакторъ-издатель **В. П. ГАЙДЕБУРОВЪ.**

Коммерч. Академія
въ **Лейпцигѣ.**
Программы высылаются секретарю Академіи.

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ П. П. ДАУГУЛЯ

существуетъ съ 1822 года въ г. Юрьевъ (Дерптѣ), Лифляндской губ. и высылаетъ бесплатно и franco каталогъ сѣмянамъ огороднымъ, цвѣточнымъ и эконо- мическимъ, 500 сорт. РОЗАНАМЪ, грунтовымъ и оранжерейнымъ, георгинамъ, гвоздикамъ, цвѣточн., лукович- нымъ и тенлици. растеніямъ, фрук- товымъ и украсительнымъ ДЕРЕВАМЪ и КУСТАРНИКАМЪ, клубникамъ, спаржѣ, шампиньон. гнѣздамъ, растительн. гагротетрамъ (предсказан. пере- мѣну погоды въ точности за 24 ч. впередъ, и 2 р.) и пр., съ обозначеніемъ краин. цѣны.

ВЫГРЫШ-
НЫЕ 1, 2 и 3 ваимъ продаетъ **БАНКІРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,**
59, Невскій, СПб. 6-5

ВѢСТНИКЪ РУССКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА

№ 11928. 50 №№ въ годъ, цѣна 6 руб. съ пересылкой. 5-1
Издается въ Москвѣ, Леонтьевскій пер. № 2, П. Верещагинъ и Н. П. Петровскіи.

ПИШУЩАЯ МАШИНА "РЕМИНГТОНЪ-ШОЛЕСЪ" МОДЕЛЬ 1898 г. фабрика Ф. Ремингтонъ и С. Шолесъ. Чикаго—Америка.

Прочная конструкция, всѣ части металлч., безшумный и легкій ходъ, ровный и красивый шрифтъ. * Не смѣшивать съ машинкой фабрики Викирова, Симамъ и Бенедиттъ „РЕМИНГТОНЪ-СТАНДАРТЪ“
Представитель для всей Россіи
Т. И. ГАГЕНЪ—МОСКВА.
Бол. Лубянка, № 3. Ота. Кузнецкій м., пасс. Попова, № 4.
Цѣна 275 р.

Не покупайте пишущихъ машинъ, не осматривъ машинку „РЕМИНГТОНЪ-ШОЛЕСЪ“

БЫСТРО, ЧЕТКО И КРАСИВО

„БЛИКЕНСДЕРФЕРЪ“

Въ 2 года выпущено свыше 20,000 машинъ.
На различн. выставкахъ премированы высшими наградами и золот. медалями. Цѣна 100 и 120 руб. В. № 11922 6-2
Образцы шрифтовъ и каталоги высылаются бесплатно.

Представители: Э. КУХИМАНЪ № 10 С.-Петербургъ, Гороховая, 17.

МЫЛО ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫЯ ВЪ ТЕПЛОЙ ВОДѢ * П. Н. ВИНОГРАДОВА * ПАРКИ БЕЗЪ ДИСПОЗЕ

ПОХВАЛЫ ОТЗЫВЪ на Всероссийской Выставкѣ 1896 года, требовать куски съ этикетомъ утвержден. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ. БѢЛЫЕ получается замѣчательно чистымъ. Желтизна и пятна уничтожаются ЭКОНО- МІЯ въ топливѣ, ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. Мыла ДИСПОЗЕ расходуются въ ТРИ РАЗА МЕНЪЕ просто. Совершенно безвредно для тканей бѣлья. Удостоверъ ва № 3780. ЭКОНОМИЧНО ДЛЯ БАНИ. Продажа въездъ Оп. и П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка, домъ № 2.

Пикантная новость — «Снѣжинки» Novus'a Ego!!

С неба сыплетсѣ снѣжинки, Одѣвая космосъ (летитъ) мило, Воображеніе же рвется...
То что и жизни со мной было: Вот и слезы дрожатъ малюга, Под лохмотья праветъ руки...
И в ихъ взорахъ нудны мушкет., Вот и femina (женщина) с по- томкомъ...
Словом—всѣ безмѣстныя божества! Все стремится притоптаться! И «Снѣжинокъ» — это — тема! Пусть же

Novus'a Ego — «Снѣжинки» — Ободриетъ (Безъ обиды) тѣхъ кто Свои заныи «картинки» (статуетъ, Он для Васъ из сердца «увража») вынетъ...

ЦВѢТОЧНЫЕ ЭКСТРАКТЫ ТВА „ГИГИЕНА“

РАЗНЫХЪ ЗАПАХОВЪ, ПРІЯТНЫ, ПРОЧНЫ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ПРЕВОСХОДЯТЪ СУЩЕ- СТВУЮЩЕ ДО СИХЪ ПОРЪ ЦВѢТОЧНЫЕ ОДЕКОЛОНЫ И ТУАЛЕТНЫЯ ВОДЫ. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

ГЛ. СКЛАДЫ: С. ПЕТЕРБУРГЪ, КОЛОМЕНСКІЙ.

ЧАХОТКА,

природа, предупрежденіе ея. Скорое леченіе тах. смѣшанной деизиф.; для ревматизма, геморроя, оспы, с. язвы и др. брошюры о леченіи. Въ ил. и первой. По 30—40 к. съ пересыл. За посл. 2 р. 80 к. (денг., марк., нолж. пл.)

Адр.: Кіевъ, Д-ру Гурины.

Основан. въ 1886 году КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРІИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ.

Бухгалтеріи торгован, банковая, сельскохозяйственная и фабричная. Съ марта — виной монополіи и земскихъ управъ. Москва, Тверская ул., уголъ Леонтьевского пер., д. Подкова. Ц. № 11451 5-5
10-го ЯНВАРЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются бесплатно.

БОЛЪЕ СТА ЗОЛОТЫХЪ И СЕРЕБРЯНЫХЪ МЕДАЛЕЙ

1881г. ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОСТАВЩИКИ 1896г.

Э. ИММЕРЪ и СЫНЪ

ВЪ МОСКВѢ, ПО МЯСНИЦКОЙ УЛ., Д. ОБИДИНОЙ

Для посѣва въ январь и февраль высыл. (въ письмѣ) наложеннымъ платежемъ:

Сѣмена комнатнаго огурца М. В. Рытова, образую- щаго быстро плоды около 8 вершк. длиною. Премиро- ваны Рос. Обществомъ Люб. Садоводства. Пригодны для комнатной и тепличной культуры во всю зиму. Правила посѣва прилагаются бесплатно. *Пакетъ (10 зер.) 50 к.*

Сѣмена японской лилипутовой ремонтантной розы, за- цвѣтающей черезъ 6 мѣсяцевъ посѣва. Неболь- шіе цвѣточки разныхъ колеровъ, махровые, полумах- ровые и одинаге. Премированы Рос. Обществомъ Люб. Садоводства. Для комнатной культуры и посадки зѣтомъ въ саду. Правила посѣва прилагаются без- платно. *Пакетъ (около 40 зеренъ) 40 коп.*

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ СѢМАНЪ оро- дныхъ, цвѣточныхъ, полевыхъ и древесныхъ, лучшаго качества, испытанной всхожести, съ обширнымъ по- ленительнымъ текстомъ и 680 рисунками въ текствѣ, высылаются за 35 коп. почтовыми марками.

КРАТКІЙ КАТАЛОГЪ СѢМАНЪ, содержащій перечень отборныхъ сѣмянъ, высыл. по требованію бесплатно.

XXX г.

г. XXX

№ 4

1899

Выходить еженедельно (52 № в годъ), съ приложениемъ 12-ти еженѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ литературныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 23 января 1899 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1899 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Безъ доставки въ Петербургъ	5 р. 50 к.	Безъ дост. въ МОСКВЪ въ конторѣ Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи.	6 р. 25 к.	Безъ доставки въ ОДЕССЪ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Ришельевская, 12.	6 р. 50 к.	Съ доставкою въ Петербургъ . . .	6 р. 50 к.	Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи . . .	7 р.	За гра. ницу.	10 р.
-----------------------------	------------	--	------------	--	------------	----------------------------------	------------	---	------	---------------	-------

На ¼ года съ дост. въ СПБ. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на ½ года съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 к.

Веселая игра. Съ картины Ю. Адама грав. Терики.

Мара.

Древне-русская повесть В. М. Михеева.

(Продолжение.)

А.

По тропѣ вора.

Точно безумная помчалась Русава по прогалинѣ, слѣша какъ можно скорѣе достигнуть выхода изъ нея на дугъ. И невидимыя маленькія руки ловили ея ноги, невидимыя существа во тьмѣ прыгали за ней по вѣтвямъ деревь. Обжали съ ней рядомъ, пытались заглянуть ей въ лицо. Она все это чувствовала и вся холодѣла...

Она не сводила глазъ съ отверстія прогалины, гдѣ смутно свѣтлѣли дугъ и рѣка. Отверстіе все увеличивалось, все приближалось, въ лѣсу отъ него становилось свѣтлѣе. Постепенно таинственная тьма, переполненная непонятными существами, стала обращаться въ простую темноту, гдѣ уже можно было рассмотреть неподвижные стволы деревь.

Русавѣ уже казалось: не она бѣжитъ къ этому свѣтлому пятну, а это свѣтлое пятно, спасительное и ободряющее, надвигается на нее. И она не замѣтила, какъ ея быстрые ноги вынесли ее изъ лѣса, и все ея гибкое, тонкое тѣло вѣшалось на обѣгу въ густую задремавшую траву дуга. Трава зашуршала, заволновалась Русава.

Дугъ еще не начинали косить. Въ этомъ году вода съ него спала довольно поздно, потому что и вскрылась Горынь поздно: зима нынѣ была особенно холодная и затянулась.

Русава замедлила шагъ, чтобы передохнуть и собраться съ силами, съ мыслями. Теперь она знала, что ей дѣлать. Къ рѣкѣ обыкновенно пробирались тропкой, проложенной въ одномъ мѣстѣ дуга. Если замѣчали, что дугъ измятъ въ другомъ мѣстѣ, старались открыть, кто это сдѣлалъ, и, открывъ, подвергали его пенѣ, какъ преступника, въ пользу того, въ чьемъ участкѣ дугъ были измяты. Двѣ ночи тому назадъ, воръ, укравши у Баюма лучшую лошадь, привезенную жеребенкомъ съ Дуная и проданную ему за десять кадей лучшаго отборнаго зерна и за пятнадцать лисьихъ мѣховъ—самая дорогая плата, которую въ Ольжичахъ платили до сихъ поръ за коня,—воръ этой лошади проскакалъ ночью на ней по дугу и за нимъ скрылся, вѣроятно, переплывъ на конѣ Горынь.

Дугъ въ одномъ мѣстѣ, точно на зло въ Баюмовомъ же участкѣ, былъ сильно примятъ, и на утро послѣ воровства, вся община Ольжичей, съ Гоудиномъ во главѣ, пошла на дугъ, чтобы опредѣлить убытокъ Баюма на дугу. И этотъ убытокъ опредѣлили. И только ждали, когда поймаютъ ольжичанскаго парня изгоя Вельмуда, который съ той ночи исчезъ, и въ которомъ, поэтому, подозрѣвали вора.

Вельмудъ былъ прежде землепашцемъ-людиномъ, но сперва неосторожно задолжалъ Баюму, потомъ, чтобы отработать долгъ, пошелъ къ Баюму въ закупни, бѣжалъ, былъ пойманъ, попалъ въ обельные, въ холопы. Но откуда-то добылъ мѣшокъ византійскихъ монетъ, выкупился и, выкупившись изъ холоповъ, сталъ по обычаю изгоемъ. Онъ пріютился у родича. Отдавъ мѣшокъ денегъ Баюму, онъ отдалъ ему все, сохранивъ лишь свободу.

Мѣшокъ съ деньгами, какъ при выкупѣ объяснилъ Вельмудъ, прислать ему, именно для выкупа изъ Кіева Владанъ, намѣченный женихъ Русавы, который былъ ближайшимъ дружкой Вельмуда въ ихъ отрочествѣ. Баюмъ предсказывалъ Вельмуду, что онъ снова попадетъ въ его обельные. Не хотѣлось Баюму отпускать молодого, сильного, съ горя какъ-то изстуженно-работавшаго холопа, но мѣшокъ денегъ, рѣдкихъ вообще въ Ольжичахъ, прельстилъ корыстнаго отца Русавы, удержать же и этотъ мѣшокъ, и Вельмуда въ рабахъ было нельзя. Деньги побѣдили душу Баюма, и Вельмудъ сталъ изгоемъ.

Но злое предсказаніе Баюма исполнилось, только совершенно неожиданно для него, далеко не такъ, какъ онъ надѣялся. Вельмудъ вскорѣ послѣ ухода на волю скрылся, и въ эту же ночь Баюмовъ конь пропалъ, и часть Баюмова дуга была истоптана.

Все это Русава слышала изъ устъ матери и Недыхи. Видѣла также Русава, выйдя изъ воротъ отца, какъ толпа, во главѣ съ ея дѣдомъ, пошла на дугъ изслѣдовать порчу, причиненную тамъ воровомъ. Вельмуда въ дворнѣ отца Русава, вѣроятно, мелькомъ видѣла, когда онъ былъ обелью. Но Недыха такъ оберегала ее отъ близости съ холопами и работниками, что Русава только смутно знала, кого изъ нихъ какъ зовутъ, и мало помнила ихъ лица. Она, услышавъ про кражу коня, только на мгновеніе задумалась, который изъ нихъ былъ Вельмудъ, но не могла рѣшить вопроса.

Она сообразила одно. Придется пробѣжать черезъ дугъ. Въ обходъ она дорогъ не знаетъ, да и пришлось бы все время идти лѣсомъ, а это страшно. Идти общей тропкой по дугу—ее могутъ легко встрѣтить другія дѣвушки, которыя, вѣроятно, въ эту ночь то и дѣло будутъ ходить на Горынь. Возможно, что по этой тропкѣ начнутъ искать ее.

Идти дугомъ безъ тропы—истопчешь чей-нибудь участокъ, а топтать хлѣбъ на коню, или траву на дугу строго заповѣдали ей дѣдъ Годинъ.

Но какъ же перебраться ей къ рѣкѣ Горыни? Тамъ она рѣшила скрыться въ камынахъ, густыхъ и высокихъ, и оттуда выслѣдить все то таинственное, что дѣлаютъ въ эту ночь на рѣкѣ дѣвушки. Воръ Вельмудъ выручилъ ее изъ затрудненія. Онъ такъ, по словамъ ея отца, измялъ дугъ въ одномъ мѣстѣ насквозь до самой рѣки, что трава уже не могла подняться. Вотъ это-то мѣсто и рѣшила отыскать Русава. Овладевъ собой, она сдѣлала шагъ назадъ къ опушкѣ лѣса у дуга и, стараясь совсѣмъ не мять травы, перебирая высокіе стебли руками, начала красться по самому краю лѣса, высматривая, гдѣ измятое Вельмудомъ мѣсто. Днемъ она его уже высмотрѣла, ускользнувъ ненадолго изъ дома.

Какъ русалка, спрыгнувшая съ вѣтвей и высматривающая на дугу между травой далеко забѣжавшую изъ лѣса подругу, Русава, легкая и стройная, воздушной тѣнью среди свѣтлой ночи—то наклоняясь, то вся вытягиваясь вверхъ, чтобы разглядѣть измятое мѣсто сверхъ травы, шла шагъ за шагомъ, неслышная и мало замѣтная. Если-бъ кто-нибудь изъ ольжичанъ, пробираясь къ берегамъ Горыни въ эту волшебную ночь, увидать ее теперь, между лѣсомъ и дугомъ, онъ ни на мгновеніе не усомнился бы въ томъ, что предъ нимъ настоящая русалка.

Не такъ скоро нашла Русава то мѣсто, гдѣ на конѣ ея отца проскакалъ воръ Вельмудъ. Вдругъ ея сердце радостно забилося. Она нашла его. Трава здѣсь, дѣйствительно, была попорчена въ конецъ. Конь съ воровомъ на спинѣ, очевидно, несся вихремъ. Даже ночью можно было разглядѣть почти правильно легкіе подъ копытами густые ряды стеблей. Конь, стремительно мчась широкой грудью впередъ, точно разрывалъ и разметывалъ по сторонамъ густую поросль.

Русава неслышно скользнула въ эту пустую прогалинку, извивавшуюся въ травѣ небольшими зигзагами, точно конь, управляемый нетвердой рукой испуганнаго и растерявашагося вора-всадника, дѣлалъ прыжки, кидаясь изъ стороны въ сторону. И когда Русава шагнула на этотъ проложенный для нея воровомъ путь,—она вдругъ точно переродилась. Она совсѣмъ успокоилась. Страхъ лѣса здѣсь не было. Страхъ, что ее увидятъ, также исчезъ.

Мѣсто, какъ она убѣдилась, было совсѣмъ пустое: кто ночью пойдетъ по этой дурной-воровской тропѣ!

Здѣсь она могла вполнѣ отдохнуть отъ всѣхъ страховъ. Вблизи, надъ травой, ее не откуда было увидѣть: обшая трона къ рѣкѣ, книгнувшая въ эту ночь дѣвчиками и парнями, была довольно далеко; оттуда нельзя было ничего разсмотрѣть. Русава, все-таки, изъ безсознательной предосторожности, наклонилась къ травѣ. Тихой мышкой крадась она по дугу, который совсѣмъ затихъ.

Стебли травы стояли неподвижно — точно чутко прислушивались къ чему-то. Мелькавшіе между ними цвѣты, не успѣвшіе еще отцвѣсть, точно замечталась. Запахъ травъ и этихъ цвѣтовъ ночью былъ сильнѣе, — онъ вѣялъ на Русаву отовсюду, сладкій, почти опьяняющій. Ей было такъ хорошо дышать, хотя немного и тѣснило грудь, что она еще болѣе замедлила шаги — и подняла невольно глаза къ небу: точно не отъ этихъ земныхъ цвѣтовъ и растений шель въ свѣтлой тѣмѣ звѣздной ночи дивный запахъ, а отъ сестеръ и братьевъ Дажбога-солнца, что сіяли надъ Русавой въ темно-голубой выси неба.

И чѣмъ дальше Русава смотрѣла теперь на звѣзды, тѣмъ болѣе ей казалось, что онѣ опускаются ниже, хотѣть какъ-будто войти въ ея очи своими трепетными огнями. И вдругъ она пошла еще тише, точно замирала. Ей показалось, что все небо ликуетъ надъ нею, сверкая этими звѣздами, большими, яркими, готовыми совсѣмъ спуститься къ ней. А земля, дугъ тоже ликуетъ въ тишинѣ и плетъ навстрѣчу звѣздамъ свои сладостно-опьяняющіе запахи. И въ срединѣ этого общаго ликования земли и неба стоитъ она, затерянный ребенокъ, сама не зная, зачѣмъ забралась сюда, погнувъ уютный уголь близь отца и матери, — и вся ея душа дрожитъ непонятнымъ трепетомъ.

Не чудится ей здѣсь, на дугу, подъ открытымъ небеснымъ сводомъ, ни дѣвочки, ни русалки, но въ ней самой какъ-будто просыпается какое-то другое, таинственное существо, — она точно растеть, и сама чувствуетъ это... О, эта волшебная ночь! Это — та ночь, въ которую, по словамъ ея дѣда, стараго Година, дѣйствительно, совершается окончательная побѣда великаго и добраго Дажбога-солнца надъ страшной, холодной Марой! И звѣзды это чувствуютъ, и цвѣты это знаютъ, благоухая, какъ никогда.

Русава вдругъ остановилась. До сихъ поръ ей казалось, что вокругъ ея царитъ полная, торжественная тишина. И вдругъ она поняла, что тишины этой нѣтъ. Тишина эта была въ ней самой — послѣ волнений и ужасовъ лѣса. А весь міръ гудѣлъ таинственнымъ, однообразнымъ звономъ — тонкимъ и настойчивымъ. Вся трава была населена кузнечиками, и въ тиши ночи хоръ ихъ несся однообразной, звенящей нотой. Русава до сихъ поръ не замѣчала этого хора. Теперь она къ нему прислушивалась.

И когда прислушалась, она услышала еще и другіе звуки, которые все громче долетали до ея слуха. Этихъ звуковъ она сначала совсѣмъ не поняла. Потомъ для нея стало ясно, что это — хоръ лягушекъ несется съ прибрежной топи, изъ камышей, къ которымъ она незамѣтно шагъ за шагомъ приближается по дугу.

И еще другіе звуки, болѣе громкіе, болѣе опредѣленные, стали доноситься до нея, покрывая не только кузнечиковъ, но и лягушекъ. Она сразу поняла, что это за звуки. То были людскіе выкрики и пѣсни. Они долетали уже съ близкой теперь къ Русавѣ рѣки изъ усть тѣхъ, кто тамъ гадалъ, прыгалъ черезъ костры, погружался въ воду, плясалъ и пѣлъ въ упоеніи волшебной ночью и тѣмъ чувствами, какія она будила.

Постепенно для Русавы вся ночь наполнилась звуками, точно это не кузнечики, не лягушки, не люди изливали въ звукахъ то, что просилось изъ ихъ груди, а сама эта ночь говорила, шумѣла, стрекотала, пѣла опьяняющую пѣсню — гимнъ жизни, счастью, солнцу. Русава пошла дальше все медленнѣе, среди высокой, влажной травы.

Она все смотрѣла на звѣзды и слушала, слушала. Ей уже казалось, что и въ ея груди раздается тотъ же гимнъ, который ей слышался вокругъ.

Ей уже хотѣлось въ самомъ дѣлѣ запѣть; она только не знала, что, она не знала подходящихъ пѣсень: ни мать, ни Недыха не научили ее этимъ пѣснямъ. И точно оттого, что она не знала этихъ пѣсень — грудь ея запыла щемящей и сладостной болью. Русава невольно заломила руки надъ головою и сдѣлала еще шагъ впередъ.

Почва подъ нею точно поколебалась. Пога ея какъ-будто дрогнула. Она даже слегка отшатнулась. Но сейчасъ же поняла, въ чемъ дѣло. Туманнымъ взглядомъ осмотрѣлась она. Вокругъ нея уже были камыши, а не трава. Она незамѣтно дошла до топи. Легкою ногой ступая по зыбкой почвѣ, она сдѣлала еще нѣсколько шаговъ и, остановившись, слегка раздвинула камыши, сомкнувшіеся передъ нею. На нее пахнуло сыростью, и тусклая сталь Горыни во тѣмѣ ночи глянула въ ея затуманившіеся глаза.

VI.

На Горыни.

Русава пристально, широко раскрытыми глазами смотрѣла на Горынь. Она сдѣлала еще шагъ, но не вышла изъ камышей.

Въ томъ мѣстѣ, куда она подошла по заливному дугу, по воровской тропѣ, проложенной Вельмудомъ, камыши не были смяты; но шага черезъ три, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ рѣки и въ самой рѣкѣ у берега, гдѣ они росли прямо въ водѣ, они были сильно раздвинуты и примяты. Очевидно конь, на которомъ скакалъ Вельмудъ, промчавшись по сравнительно мягкой травѣ дуга и встрѣтивъ грудью болѣе плотную и жесткую поросль камыша, попытался сдѣлать черезъ него прыжокъ и, не перескочивъ всѣхъ, уже дальнѣйшіе мялъ и топталъ въ своемъ бѣгѣ, и на берегу, и въ самой рѣкѣ, по которой онъ дальше, вѣроятно, пустился вилавъ.

Благодаря этимъ-то примятымъ камышамъ, Русава и могла видѣть на довольно далекое разстояніе рѣку и ея берега, не подходи къ ней самой. И она замерла, приподнявшись на концахъ пальцевъ ногъ.

Все ея тонкое, стройное тѣло напряглось, вытянулось вверхъ, подалось впередъ, точно она собралась летѣть, точно она была не дочь Баюма, а таинственная русалка, готовая обратиться въ чайку, взмахнуть длинными крыльями и полетѣть во тѣмѣ надъ Горынью. И какъ бы хотѣлось Русавѣ быть дѣйствительно теперь птицей, чтобы нестись въ эту волшебную ночь надъ рѣкою и видѣть свободно, безъ боязни быть узанной, все, что происходитъ на этихъ тихихъ водахъ.

Она знала отъ дѣда, что женщины-вѣдьмы легко могутъ обращаться въ птицъ и летать. Она знала, что только помощью нечистой силы можетъ обратитъ человекъ въ птицу! И вдругъ у нея сердце захололо. Ужъ не приближается ли къ ней въ гуницѣ камышей, въ легкомъ туманѣ рѣки, невидимая нечистая сила, ужъ не вѣсть ли она соблазномъ на нее, маня на первый разъ желаніемъ полетѣть птицей надъ Горынью? Русавѣ стало страшно. Струйкой мороза пробѣжало по ея спинѣ сознание, что, неини ей теперь нечистая сила: «хочешь и вырастуть у тебя крылья, и полетишь ты, полетишь, только отдай мнѣ свою душу и тѣло». — она, вся застывая отъ страха, отдала бы, молча, нечистой силѣ душу и тѣло и понеслась бы, понеслась широкими взмахами крыльевъ надъ сонною, таинственною рѣкою.

Но нечистая сила, видно, еще жалѣла Баюмову дочку. Она только дразнила ее желаніемъ полета, она не шептала ей ничего. Ноги Русавы впились въ топъ побережья, точно вросли въ нее, и только глаза Русавы видѣли далеко-далеко по рѣкѣ.

Она видѣла, что на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея

Онъ танцуетъ съ ней! ь картины Н. Кизеля грав. Бонга.

берега рѣки были пусты, но дальше группа за группой, въ бѣлыхъ рубахахъ,— длинныхъ холщевыхъ рубахахъ, какія тогда носили дѣтвѣ женщины,— тѣснились къ берегу. Въ одномъ мѣстѣ она разглядѣла, какъ дѣвушки снимали рубахи и погружались въ воду по грудь, потомъ выскакивали, и, оглядываясь съ боязнью кругомъ, становились въ кругъ, брались рука за руку и кружились, то молча, то съ пѣснями, съ распушенными мокрыми волосами, мельгая, какъ бѣлыя, стройныя тѣни, въ свѣтлой тѣмѣ ночи.

Въ другомъ мѣстѣ, близко къ берегу, были разложены костры, такъ что огонь ихъ отражался въ водѣ и казался двойнымъ. И вдругъ надъ однимъ изъ этихъ двухъ питей во тѣмѣ взлетало что-то бѣлое, какъ длинная, узкая птица, и, перелетѣвъ огненное пятно, съ плескомъ погружалось въ воду. А вокругъ костра, застывая отъ глаза Русавы огонь, начинали двигаться съ пѣснями, рука за руку, темныя тѣни. Зоркіе глаза Русавы видѣли, что и перелетѣла черезъ костеръ и погрузилась въ воду женщина, и пошли хороводомъ около огня съ пѣснями— ея подруги.

Странно дѣйствовали въ тишинѣ ночи, въ ея свѣтлой тѣмѣ, на Русаву эти пѣсни, эти огни, эти бѣлыя и темныя тѣни женскихъ тѣлъ, то обнаженныхъ, то въ длинныхъ, таинственно шевелящихся во тѣмѣ и отблескахъ огня рубахахъ. Слова пѣсенъ неясно долетали до Русавы, но въ звукахъ ей чувствовалось что-то такое, что она какъ будто поняла только теперь въ эту ночь. Всплески воды, когда въ нихъ погружались тѣла женщинъ, искры, летѣвшія съ трескомъ отъ костровъ, казались Русавѣ не плескомъ рѣки, не искрами горящаго дерева, а какими-то тоже живыми существами, страшными и таинственными, сверкавшими очами, всплескивавшими ладонями во тѣмѣ ночи.

Русавѣ казалось, что и Горынь, чуть-чуть двигавшая серебристыми струями почти у ея ногъ, — не бездушная рѣка, а непонятное живое существо, томя нѣжащееся и простирающее невидимыя обитыя во мракѣ этия женщины и дѣвушками, и самой Русавѣ, стоявшей надъ Горынью. Русава вдругъ почувствовала, что два соблазна овладѣваютъ ею. Ей уже казалось, что нечистая сила дѣйствительно шепчетъ ей на ухо: «отдайся мнѣ, и полетишь птицею!»— а благостная, добрая Горынь журчитъ своими струями: «погрузись въ меня — и очистишься отъ всего нечистаго, станешь свѣжая, свѣтлая, радостная, такая, какую любить дѣловать Дажбогъ своими животельными, ласковыми лучами».

И вся дрожа, повинувшись необходимости влеченію, гонимая страхомъ нечистой силы, Русава припала къ землѣ, точно боясь, что ее замѣтятъ, и почти ползкомъ скользнула въ рѣку. На мгновение ей захотѣлось снять рубашку, но какая-то непонятная боязнь не дала ей обнажиться въ этой тѣмѣ ночи, среди этихъ таинственно обступающихъ камышей, которые точно во все ихъ невидимые глаза слѣдили за ней. Въ своей легкой, льняной, длинной рубашкѣ, которую она почти не чувствовала на тѣлѣ, неслышно погрузилась она въ воду и вдругъ поплыла, поплыла, тихо, безъ всплесковъ, быстро и легко, какъ рыба, понавшая въ воду.

Вода была теплая. Послѣ сравнительно свѣжаго воздуха ночи Русавѣ показалось въ ней еще теплѣе, чѣмъ на берегу. И это была такая нѣжная, такая освѣжающая теплота. Русава любила купаться и отлично плавала, но дѣлала это всегда днемъ, въ указанныя дѣтвѣ часы, въ верхней свѣтлой и быстрой части Горыни, подъ присмотромъ матери и Недыхи; впервые она плыла въ рѣкѣ одна, ночью. И вдругъ она поняла, что именно этого ей и было нужно. Желаніе полетѣть птицей, мгновенно покинуло ее: очевидно, нечистая сила сразу отступила, едва благостная Горынь, едва, любимца солнца, вода обняла Русаву, тихая и ласковая.

И зачѣмъ было Русавѣ теперь летѣть, когда ея юное,

тонкое, легкое тѣло — быстро несло въ струяхъ рѣки, а ея бѣлыя руки, какъ крылья, неслышно взмахивали надъ водой, погружаясь въ нее? Водоросли ловили Русаву изрѣдка за ноги, и она вздрагивала и плыла еще быстрѣе, и, когда выплывала на болѣе глубокое мѣсто, и водоросли не могли достать до нея, когда одна ласковая вода обнимала ее всю— Русава совсѣмъ забывалась и плыла, плыла...

Но вдругъ она опомнилась, мгновенно нырнула въ глубь рѣки, болѣе холодную, чѣмъ тѣ струи, въ которыхъ она плыла, раскрыла въ этой глубинѣ глаза и почувствовала, что она находится въ зеленомъ, волшебномъ царствѣ. Рыбы, темныя и быстрыя, скользили около нея, водоросли пушистымъ лѣсомъ тихо качались, точно не одобряя ея появленія въ ихъ царствѣ. Ей стало на мгновение и сладостно, и страшно, она круто повернулась въ водѣ и вынырнула у самого берега подѣ свѣтло нависшей надъ нимъ ивы, корни которой выбралась изъ рыхлой набережной земли кривыми, хитро сплетенными извилинами и торчали надъ самой рѣкой.

Русава уцѣпилась за эти корни и, цѣпкая, гибкая, легкая, поднялась на самую толстую ихъ извилину и сѣвъ на нее, вся согнувшись, свѣсивъ ноги надъ самой рѣкой, такъ что струйки Горыни шекотали ей пятки, притаилась въ землястыхъ корняхъ этой ивы. Въ темнотѣ нависшаго берега ея не было видно; ея тонкое согнувшееся тѣло образовало какъ бы новую извилину тѣхъ же корней дерева.

Русава и нырнула въ глубь рѣки, и притаилась въ корняхъ ивы— потому что услышала, плывя, близкій, женскій говоръ на берегу. И теперь она чутко слушала этотъ говоръ. Онъ раздавался надъ ея головой, у самой ивы.

— Пускай, пускай! — громко и повелительно звучалъ одинъ женскій голосъ.

Бѣлая женская рука вытянулась сверху отъ ивы, совсѣмъ рядомъ съ Русавой, и бросила въ воду вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ.

— Теперь ты, дѣвушка... Теперь ты... не робѣйте, дѣвочки, смотрите, смотрите! — воскликнулъ тотъ же голосъ, очевидно, болѣе опытной и рѣшительной подруги.

И рука за рукой, нѣжная, бѣлая, торопливо показалась надъ Русавой, и вѣнокъ за вѣнкомъ заколебался у ея ногъ на теплой водѣ и поплылъ внизъ по рѣкѣ, медленно удаляясь отъ Русавы. И Русава услышала надъ своей головой шелестъ травы и легкой свѣиный топотъ, дѣвушки побѣжали по берегу, наблюдая за своими вѣнками, трепеща за то, что который-нибудь изъ нихъ потонетъ, а если и не потонетъ, то остановится, зацѣпившись за кувшинку, за корягу, или прибитый къ берегу. И то, и другое было дурнымъ предзнаменованіемъ. И того, и другого дѣвушки страшлись.

Русава долго, сидя на корняхъ ивы, слѣдила за вѣнками, удалявшимися отъ нея по водѣ темными, мохнатыми кружочками. Она задумалась, смотря на эти кружочки. Точно и ея вѣнокъ плылъ между ними. И вдругъ тихая тоска, непонятная ей самой, охватила ее здѣсь, подѣ темнымъ берегомъ, надъ темной водой, въ темныхъ извилинахъ корней ивы. На мгновение ей захотѣлось выпрыгнуть на берегъ, побѣжать за удалявшимися дѣвушками, войти въ ихъ толпу, увидеть живыя человѣческія лица.

Но что-то точно приковывало Русаву къ извилинѣмъ корня, на которой она сидѣла. И вдругъ она поняла, что ей надо сдѣлать, чтобы дать исходъ этой непонятной, зовущей тоскѣ. Держась руками за корни ивы, она неслышно опустила въ воду и поплыла по ней, дѣлая короткіе обороты, погружая то одну, то другую руку въ воду.

Она срывала одну за другой бѣлыя и желтыя кувшинки, плававшія на поверхности Горыни между плоскихъ, круглыхъ, точно жестяныхъ листьевъ. Она сры-

вала ихъ и вытаскивала изъ воды, волоха за каждымъ сорваннымъ цвѣткомъ длинный, мокрый, темно-зеленый стебель. Сперва эти стебли пугали ее, обѣливая и обвинявая тонкими мокрыми жгутами ее руки. Они были точно змѣи. Но она знала, что это только стебли кувшиннокъ. Когда она нарвала довольно этихъ цвѣтковъ, повертываясь въ водѣ, какъ разыгравшаяся рыба, она снова поплыла къ корнямъ ивы.

На одной изъ ее рукъ тяжело висѣли мокрые, крупные цвѣты, и стебли ихъ тянулись за Русавой по водѣ длинные, извивающіеся. Подплывъ къ ивѣ, Русава перекинула эти стебли черезъ извилину корней, такъ что цвѣты повисли на ней и снова ухватившись руками за корни, поднялась и сѣла попрежнему на самую толстую извилину. Потомъ, наклоняясь и вытягивая руку, она стала доставать кувшинку за кувшинкой.

Она отгрызала своими острыми зубками слишкомъ длинные стебли и связывала ими же цвѣтокъ за цвѣткомъ. Она плеза свой вѣнокъ. Ей необходимо захотѣлось пустить его по водѣ и плыть за нимъ, или скользнуть по берегу, жадно смотря, далеко ли онъ уплыветъ. Ея быстрыя, мокрыя руки работали ловко и умѣло. Пышный, тяжелый, мокрый вѣнокъ скоро былъ готовъ. Его можно было уже пустить на воду.

Дѣвушки, слѣдившія за своими вѣнками, пропали изъ виду. Русава, придерживаясь за корни дерева, высунула голову выше берега. Тамъ было пусто. Вдали, попрежнему, мерцали костры, дымались бѣлые и темныя тѣни, слышались пѣсни, но вблизи, тамъ, гдѣ была Русава, не было ни души. Небо сіяло всеми своими звѣздами, побережные травы были неподвижны, Горынь текла тихая, таинственная и ласковая.

И Русава снова сѣла на извилину корня съ тяжелымъ мокрымъ вѣнкомъ на колѣняхъ. Она снова задумалась. Она не рѣшилась опустить вѣнокъ на воду. Боязнь чего-то тѣснила ее юную грудь.

VII.

Водяной.

Наконецъ, Русава рѣшилась опустить свой вѣнокъ на воду. Она тихо привстала на извилиніи корня и, перекнувшись грудью черезъ другую извилину, протянула руку съ вѣнкомъ къ водѣ. Но она сейчасъ же отшатнулась назадъ, не выпустивъ вѣнка изъ пальцевъ. Глаза ея расширились, ротъ полуоткрылся въ ужасѣ. Она не сводила взгляда съ рѣки.

На Горыни происходило, дѣйствительно, нечто необычайное, въ чемъ не могла быть не замѣтана нечистая сила. Сперва, взглянувъ мелькомъ на рѣку, нельзя было ничего замѣтить. На поверхности воды было тихо и пусто. Но зоркій взглядъ Русавы не могъ пропустить того, что ее поразило и ужаснуло.

Въ этомъ мѣстѣ рѣки камышь по берегамъ уже не росъ, его замѣнила невысокая и рѣдкая осока. По срединѣ же Горыни здѣсь было настолько глубоко, что никакой тростникъ, никакая трава не могли перерасти рѣчной глубины и высунуться изъ воды. Русава въ этомъ убѣдилась сама, ныряя и плавая. И вдругъ на этой самой срединѣ рѣки она замѣтила поднимающуюся надъ водой камышину. Этой камышины Русава до сихъ поръ рѣшительно не видала. Одно ее появленіе уже пугало,— появленіе внезапное, на такой глубинѣ.

По этого было мало. Камышина тихо-тихо двигалась, едва замѣтно, и вода отъ ея движенія ползла по сторонамъ, какъ два длинные серебряные уса. Камышина двигалась, плыла, какъ живая. Русава почувствовала, что вся дрожитъ. Неужели нечистая сила, обратившись въ эту камышину, чтобы обмануть людей, осмѣлилась погрузиться въ свѣтлую, благодатную Горынь, да еще въ эту ночь, когда вода, по словамъ дѣда Година и по общему убѣжденію, приобретаетъ передъ утренними лучами торжествующаго солнца особенную чистоту и очистительную силу?

Но успѣла Русава осмыслить сколько-нибудь этой дивной, непонятно движущейся камышины, какъ стволъ ея самъ собой вдругъ наклонился, почти исчезъ, и на его мѣстѣ появилась голова съ мокрыми волосами и бородой. Голова эта, едва поднимаясь надъ водой, оглянулась во все стороны— надъ поверхностью рѣки. Камышина же исчезла подъ водой. Это непонятное обращеніе живой камышины въ таинственную бородатую голову оледенело ужасомъ все тѣло Русавы. Какъ мертвая, застыла она на извилиніи корня ивы.

Для нея уже было несомнѣнно, что и та камышина, и эта голова были, мѣняющій свой видъ, Водяной.

Водяной оглядѣлся, точно убѣдился, что вокругъ него никого нѣтъ, и тихо поплылъ къ ивѣ. Въ два неслышимыхъ движенія лапы— Русавѣ такъ и казалось, что она видитъ эти зеленые, перепончатые лапы подъ водой— онъ достигъ того мѣста, гдѣ скрывалась Русава.

И въ одно и то же мгновеніе двѣ пары глазъ вышлись другъ въ друга— сверху, съ темныхъ корней ивы— глаза Русавы, снизу, съ темной воды— большіе, впадные, горячіе, совсѣмъ человѣческіе, глаза. И въ этихъ глазахъ на мгновеніе мелькнулъ страхъ; но сейчасъ же смѣнился чѣмъ-то совсѣмъ особеннымъ, чего не могла понять Русава. Глаза эти стали глубокими-глубокими, огромными и, что было особенно ужасно,— добрыми-добрыми. И снизу, изъ разомкнувшихся устъ Водяного, точно тихій стонъ, донеслось до Русавы:

— Русавунка?! Баюмовна?! Ненаглядная!?

Голосъ, произнесеній во тьмѣ надъ водой эти слова, былъ тихъ и немного хриплъ, но и онъ, какъ и глаза Водяного— поразили Русаву, испугали ее какой-то необыкновенной добротой и лаской... Никто еще до сихъ поръ, кромѣ дѣда-Година да матери— не называли ее такими словами: «Русавунка! Ненаглядная!» И что еще было ужаснѣе: лицо Водяного, въ которое теперь поневолѣ пришлось вемотрѣться Русавѣ, было совсѣмъ не зеленое, а только блѣдное-блѣдное— въ темнотѣ странно блѣдное, — было странно и знакомо, и незнакомо Русавѣ.

Она видала это лицо— гдѣ, когда— она не могла теперь вспомнить. Это было доброе, хорошее лицо, почти такое же хорошее, какъ у дѣда-Година, только у того все щеки и лобъ были въ морщинахъ, а волосы и борода бѣлые, у Водяного же лицо было молодое, гладкое— и кудри, и небольшая борода— темныя. Русава почувствовала, какъ отъ страха сейчасъ судорожно разомкнется ея руки, и она полетитъ внизъ, въ объятія Водяного, и увлечетъ онъ ее въ свое зеленое, прозрачное царство, и вырастетъ у нея рыбой хвостъ.

Она понимала все предѣлки Водяного. Онъ нарочно, обернувшись изъ камышины въ челоѣвка, принялъ видъ кого-то ей знакомаго, добраго и ласковаго. Онъ, должно-быть, не могъ принять совсѣмъ знакомый Русавѣ видъ. Она все еще не узнавала, въ кого онъ обернулся. Но она отлично поняла, зачѣмъ онъ старался обернуться въ знакомое ей, доброе лицо, зачѣмъ онъ говорилъ такими ласковыми-звонкими трепетнымъ голосомъ, звалъ ее такими ласковыми именами. Онъ хотѣлъ ее соблазнить, онъ хотѣлъ заставить ее полюбить его, и тѣмъ скорѣе увлечь навсегда къ себѣ.

И она чувствовала, какъ соблазнъ дѣйствовалъ. И невѣроятно странно ей было— и что-то иное просыналось подъ сердцемъ...

«Русавунка! Ненаглядная!» такъ и стояло въ ея ушахъ.

Она судорожно оторвала одну руку отъ извилины швоваго корня, и, вся повиснувъ на другой рукѣ, едва упираясь ногами въ другую мокрую, скользкую извилину,— ухватилась свободной рукой за нитку изъ зеленого бисера, висѣвшую на ея шеѣ.

На этой ниткѣ, надѣтой на Русаву дѣдомъ, съ нужными заклинаніями, когда она только-что родилась, висѣла небольшая коробочка изъ желтовато-серебристой фи-

нифти: въ той коробочкѣ таились запертые наглухо священные предметы, известные только Годину, о которыхъ дѣвушкѣ не слѣдовало спрашивать. Дѣдъ-Годинъ сказалъ ей, что бисерную нитку и эту коробочку онъ снялъ съ шеи одной убитой вражеской женщины во время далекаго похода съ древянскимъ княземъ Маломъ и поберегъ для внучки, если она у него будетъ. Въ коробочку онъ заключилъ то, что будетъ всю жизнь оберегать внучку отъ всего злого и нечистаго.

А въ прошломъ году онъ же прикрѣпилъ къ коробочкѣ золотое кольцо, привезенное ему изъ Болгарь, а къ этому кольцу небольшой острый ножъ съ роговой рукояткой: ножъ, который онъ хранилъ еще отъ матери. Онъ самъ, съ нужными заклинаніями, отточилъ этотъ ножъ и сказалъ Русавѣ, укрѣпляя его на золотомъ колечкѣ, на ея шеѣ:

— Выросла ты, внучка, окрѣпла рука твоя, не трогай безъ нужды этого ножа, но если врагъ, злой человѣкъ занесетъ руку на тебя, рази его этимъ ножомъ, и отшатнется онъ, обливаясь кровью.

Съ благоговѣніемъ носила все это на шеѣ Русава. Когда она плавала и ныряла въ рѣкѣ, она все время трогала рукой бисерную нитку, боясь потерять ее. И вотъ теперь къ этой ниткѣ потянулась ея рука. Она не знала, хочетъ ли она только коснуться завѣтной коробочки, чтобы та отшатнула отъ нея нечистую силу, Водяного, или выхватить изъ мѣховыхъ кунныхъ ноженъ завѣтный ножъ и поразить имъ, по указанію дѣда, грудь Водяного.

Она знала, что у Водяныхъ нѣтъ крови, что самая смертельная рана для нихъ— ничто. Но въ ея смятенной душѣ, науганной лѣшми и русалками въ темной пропасти лѣса, нечистымъ желаніемъ обратиться въ птицу, наконецъ оледененной страхомъ при видѣ Водяного— все черепуталось. Ей уже казалось, что не лапа Водяного сейчасъ протянется къ ней, а рука чужого человѣка, живого врага.

И ея пальцы почти безсознательно впились въ роговую рукоятку ножа— онъ выскользнулъ изъ ноженъ и сверкнулъ въ темнотѣ надъ головой Водяного... Голова эта совсѣмъ высунулась изъ воды, совсѣмъ надвинулась снизу на Русаву. Но Водяной былъ— Водяной. Безсильно скользнулъ заповѣдный ножъ по его темнымъ кудрямъ, и въ то же мгновеніе мокрый корень ивы вырвался изъ пальцевъ другой руки Русавы; ноги ея скользнули, и внучка Година, судорожно сжавъ ножъ маленькими пальцами, обрушилась внизъ, прямо въ объятья Водяного. Проглянувшій, стонувшій вопль вылетѣлъ изъ ея груди— и она мгновенно потеряла сознаніе.

Вопль ея пронесся длиннымъ перекликающимся отзвукомъ надъ затихшей Горышью и утонулъ въ тишинѣ ночи. Если кто и слышалъ его вдали, на рѣкѣ— то въ эту волшебную ночь мало ли непонятныхъ, пугающихъ звуковъ доносилось изъ лѣсу, съ луга, съ рѣки! Да и берега Горыни уже почти опустѣли. Приблизилось самое таинственное время ночи,— полночь, когда въ тайникахъ лѣса расцвѣтаетъ загадочный цвѣтокъ папоротника. Дѣвушки и молодые парни, совершивъ обряды очищенія на рѣкѣ— ушли въ тихіе лѣса искать этого цвѣтка— высшего залога счастья.

Горынь, ея побережья, дуга вдоль нея, камыши, травы— все это потонуло въ полной тьмѣ и тишинѣ. Костры потухли, нѣби, голоса стихли. Русава очнулась. Она лежала на чемъ-то мягкомъ и влажномъ. Вокругъ нея стояла зеленоватая тьма. На лбу ея было что-то тяжелое и мокрое.

Въ одной рукѣ она чувствовала роговую рукоятку ножа. Не раскрывая глазъ, она тихо повела пальцами другой руки по лицу, по лбу. Она нащупала на лбу большіе, влажные цвѣты. Она тихо открыла глаза. Та же зеленоватая, но болѣе прозрачная тьма окружала ее. Ни неба, и звѣздъ не было видно. Какія-то мутныя, тусклыя волны плыли надъ Русавой, скрывя и волокнистыя. Она

снова закрыла глаза, вся холодная, глубоко-несчастливая, безсильная. Она все вспомнила, все поняла. Она, очевидно, была въ подводномъ царствѣ Водяного. Онъ увлекъ ее къ себѣ.

Оставалось одно:—вонзить заповѣдный ножъ дѣда въ свою грудь. Ножъ этотъ она чувствовала въ своей рукѣ. Водяной или его не замѣтилъ, или пренебрегъ имъ. Она вспомнила, что дѣдъ, привѣсивъ въ минувшемъ году, когда онъ совершилъ надъ нею обрядъ совершенности, этотъ ножъ на кольцѣ къ бисерному шнурку на ея шеѣ, сказалъ еще такія слова:

— А одолѣетъ тебя, внучка, злой человѣкъ, наложить на тебя руки, и не будетъ у тебя силы противиться ему— опусти этотъ ножъ въ свою грудь, сюда, гдѣ начинается шея, и перейдешь ты къ предкамъ и, ликуя, встрѣтять они тебя, чистую и свѣтлую...

И дѣдъ тогда показалъ ей на мѣсто, гдѣ ея нѣжная шейка переходила мягкимъ углубленіемъ въ ея уже цвѣтущую, юную грудь... Но, очевидно, Водяной околдовалъ Русаву. Безсильно лежала ея рука съ ножомъ. Она чувствовала, что не совершить ей этого страшнаго, освободительнаго дѣла: не вонзить въ себя заповѣднаго ножа. Да и умереть ли она отъ самой глубокой раны здѣсь, на днѣ Горыни, въ царствѣ Водяного? Можетъ-быть, она уже не простая дѣвушка, Баюмова дочка, Годинова внучка, можетъ-быть, она уже женщина-рыба съ чешуйчатымъ хвостомъ, навѣкъ обреченная жить здѣсь въ тинѣ и холодѣ?

Русавѣ стало странно пошевеливаться. Вдругъ она почувствуетъ, что вмѣсто ногъ у нея подъ туловищемъ извивается что-то гибкое, холодное и скользкое. Глаза ея опять невольно закрылись. Стягивая, точно умирающая, лежала она среди влаги, тьмы и тишины... Вдругъ по всему ея тѣлу пробѣжалъ трепеть.

— Русавушка, Баюмовна... ненаглядная!— раздался надъ ея ухомъ тотъ же молящій, добрый и ласковый голосъ.

Она узнала голосъ Водяного. Она еще кричиче сжала вѣки глазъ. Она рѣшилась не открывать ихъ. Пусть дѣлаетъ съ ней, что хочетъ, она не раскроетъ глазъ, какой бы обольстительный видъ ни принималъ онъ, ея теперешній подводный господинъ. Она только вся вздрагивала и стыла.

— Ненаглядная! отогрѣю я тебя!— услышала она надъ собой.

И горячіе, частые поцѣлуи начали точно обжигать ей щеки, лобъ, шею... Поцѣлуи эти не были ледяные поцѣлуи. Они жгли, они проливали какое-то томящее тепло по всему ея тѣлу. И ей стало еще страшнѣе. Еще кричиче сжалась ея вѣки, еще безсильнѣе лежала ея рука, стискивая заповѣдный ножъ.

И вдругъ, тотъ, кто отогрѣвалъ ее, точно видя, что поцѣлуи его безсильны, и, прибѣгая къ послѣднему средству, поцѣловалъ ее прямо въ губы долгимъ поцѣлуемъ. Русава задохнулась подъ этимъ поцѣлуемъ, грудь ея поднялась высоко, ей стало больно, пальцы, сжимающіе ножъ, невольно разжались. И ея руки, вмѣсто того, чтобы оттолкнуть, обвилась вокругъ чьей-то шеи...

— Ненаглядная, опомнилась?!— простонали въ радостномъ ликованіи чьи-то уста.

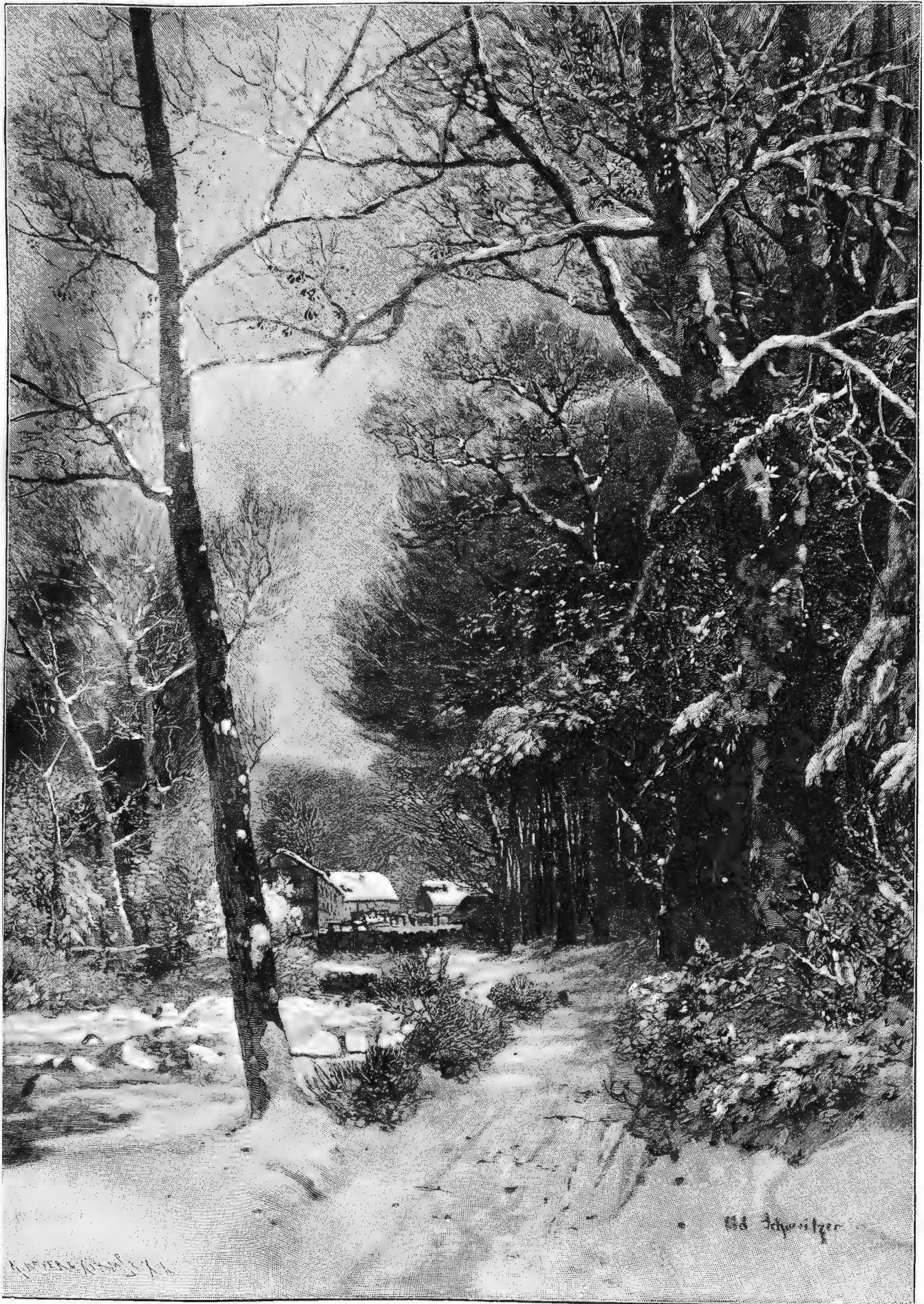
Вѣки Русавы разжались, она приподнялась... И ей стало все ясно. Она увидѣла, что она не на днѣ рѣки, а на берегу, на мокрой отъ росы травѣ. Надъ ней плывутъ не темныя волны омута, а волокна густого тумана, застилающаго небо... И передъ ней знакомое лицо... И она вдругъ совсѣмъ узнала его.

— Вельмудъ?!— невольно вырвалось тихо и трепетно изъ ея устъ.

VIII.

Коневый тать.

Если бы Русава встрѣтила Вельмуду такъ же, ночью, одна, глазъ-на-глазъ, но не послѣ того, какъ сошла себя

Зимній день. Съ картины А. Швейцера грав. Кирмзе.

увлеченной Водянымъ въ его холодное жилье, она можетъ-быть испугалась бы его не менѣе, чѣмъ Водяного. Бѣглей воръ, нищій изгой, на котораго устраиваютъ облавы, какъ га хищнаго волка, онъ страшно испугать бы своимъ неожиданнымъ появленіемъ Баюмову дочку.

Но теперь, когда она убѣдилась, что вмѣсто Водяного около нея живой человѣкъ, для Русавы было почти счастьемъ. Она точно совсѣмъ забыла, что передъ ней злодѣй, похитившій лучшаго коня ея отца, истоптавшій траву отца. Она не изумлялась и тому, что вдругъ узнала молодого изгой, бывшаго грубостного Баюма. Она его действительно видала во дворѣ отца, во время работъ на овинницѣ, куда она ходила съ матерью, когда тамъ навивали сѣно.

Она совсѣмъ забыла о Вельмудѣ, когда, въ ужасѣ, свѣсившись надъ водой на корняхъ швы, смотрѣла въ лицо Водяного, принимавшаго какъ будто знакомыя ей черты. И вдругъ теперь точно молнія блеснула въ ея головѣ.

— Вельмудъ?

Молодой изгой бѣглець, услышавъ ея воскликъ, прошепталъ и радостно, и испуганно:

— Узнала? Баюмовна!

Онъ быль одѣтъ въ холщевую рубаху-косоворотку, повязанную на станѣ свернувшимся сыромятнымъ ремнемъ, и въ широкія порты изъ выдубленной кожи, изъ-подъ которыхъ выглядывали его босые ноги. Одежда его вся насквозь пропиталась водой, волосы и борода совершенно намочили. На лбу подъ прядью новисшихъ кудрей видѣлась небольшая рана. Кровь изъ нея медленно выступала и, смѣшиваясь съ каплями воды, обжавшими съ его волосъ, блѣдно-розовой полоской текла по его щекѣ. Видъ его быль скорѣе жалокъ, чѣмъ страшнѣе.

Русава пристально смотрѣла на него — и сама дивилась, что въ ея душѣ не пробуждается ни малѣйшаго страха... Точно въ тихомъ недоумѣніи она наконецъ произнесла:

— А я тебя за Водяного...—и занулась.

— Я сама, Баюмовна, тебя за водяницу почитъ, тамъ подъ ливой-то, — задрожать снова радостно и робко хрипѣлъ, но мягкій голосъ Вельмуда: — ну, а какъ ударила ты меня ножкомъ, да полетѣла мнѣ на руки, да обмерла—вижу и дивлюсь... И раньше-то кликнулъ тебя Русавушкой — да думалъ водяница обернулась тобой, а все крикнулъ, не удержался... А тутъ обмерла-то ты, да вынесъ я тебя на берегъ—да посмотрѣлъ хорошенько... Прости ужъ меня, Баюмовна... Губами началъ тебя отогревать... Еще отецъ, бывало, училъ: обомреть кто, Вельмудъ, зимою ли въ лѣсу, али въ бою, али со страху, — коли ничего не беретъ, — губами, губами къ нему прижимайся... Много тепла въ губахъ человѣческихъ... Вотъ и тебя, и тебя отогревъ...

Вельмудъ говорилъ это все дрожащимъ голосомъ, робкій, радостный, а розоватая струйка все блѣднѣе падала съ его лба на его щеку и исчезала въ его мокрыхъ бородахъ. Русава, смотрѣвшая близко въ самое его лицо, точно все еще не вѣря и стараясь убѣдиться, что передъ ней не Водяной, вдругъ замѣтила эту струйку и вспомнила, что она и вправду ударила его ножкомъ. И рука ея судорожно начала искать по травѣ заповѣднѣй ножъ, выпавшій изъ ея пальцевъ, когда Вельмудъ отогревалъ ее губами.

— Пожика ищешь? — встрепенулся молодой изгой и, подавъ ей, поднявъ изъ травы, ножъ.

Русава судорожно сжала рукоятъ ножа, нащупала руками у своей шеи коробочку и ножны на бисерномъ шнурѣ и тихо вложила ножъ въ ножны. Она продолжала пристально смотрѣть въ лицо Вельмуда.

— Боишься меня, Русава? — произнесъ онъ медленно и глухо.

Она покачала головой, какъ будто хотѣла сказать, что нѣтъ. И въ то же время съ ея устъ неволью слетѣло:

— Зачѣмъ ты отца ограбилъ, Вельмудъ?

Въ ея словахъ, въ звукѣ голоса слышался укоръ какъ будто не за бѣду, причиненную отцу ея, а за то, что онъ, Вельмудъ, сдѣлался воромъ, грабителемъ.

— Отца твоего ограбилъ?! — глухимъ хрипомъ вырвалось, точно эхо, изъ самой глубины груди молодого изгой. — Слушай, Баюмовна! Не знаю, какъ ты очутилась на корняхъ старой нвы... не стану и донимываться... боги-ль тебя принесли, сама-ль пришла—видно надо было, чтобы настгъ я тебя на этомъ корняхъ... чтобы согрѣлъ я тебя своими устами... чтобы сказать я тебѣ этими же устами — и скажу, все скажу. И ежели изволишь сама, бери меня бѣлыми руками — за руки. веди меня на отцовъ дворъ, пусть казнятъ меня карою по закону, по обычаю. Конѣвый я тать, и по обычаю пойду на потокъ, на изгонъ съ земли отчей, безъ того я изгой—пусть же стану бродягой, безъ роду, безъ племени. Пусть, что хочеть дѣлать со мною Баюмъ,—сама веди—на кару къ отцу. къ дѣду, ко всему міру Ольжичанскому. Только выслушай меня, Баюмовна, Годинова внучка! Выслушай и сама суди! Быль я честный смердь твоего же рода Годинова. Только по родству-то чуть не послѣдній въ роду. Но не обидѣлъ отца моего дѣдъ Годинъ, приведи подъ Книгинны дубы, выдѣлилъ ему землю, не велику — и отецъ быль не великъ человѣкъ — да кормилъ насъ съ отцомъ на ней; и избу выстроили, и дворъ возвели. А были ужъ мы сироты съ отцомъ. Мать-то, родимши меня перваго, да и послѣдняго у ней еще въ Овручѣ, мною и померла. Совсѣмъ малыша принесъ меня отецъ на спинѣ въ Ольжичи, здѣсь выкормилъ, выѣстовалъ, и, померши, одного парня оставилъ на своей землицѣ малой. А я, сирота, молодая голова, глянуть-поглядеть—тѣсно мнѣ на отцовой землѣ. Пошелъ я къ отцу твоему, Баюму. Зналъ я, чѣмъ занимается Баюмъ. Все Ольжичи про то знаютъ. Дастъ зерна двѣ кади — а черезъ мѣсяць три беретъ; дастъ на порты дубленой кожи шкуру, а черезъ двадцать дѣнь—неси ему три шкуры... Побилъ я челомъ Баюму — дай, молъ, займи хлѣба, одежды, корцовъ, лопать, топоровъ, ножей — пойду въ лѣсъ дальній, повырублю въ дикомъ мѣстѣ дерева, найму за хлѣбъ, за одежду наймитовъ, повыкорчу, повынаю, повынахаю новъ, коль дѣдъ Годинъ благословитъ—авось поболтъ хлѣба принасу, чѣмъ отецъ имѣлъ. А принасу, продамъ, новольнѣй заживу. А звѣръ набѣжитъ—отобьюсь, отмахуюсь, звѣря же ноюю, имъ же сытъ буду. «Бери, говоритъ Баюмъ, чего хочешь и сколько хочешь, да, говоритъ, коль во время не отдашь втройнѣ вся твоя новъ — моя, и самъ ты въ закупни на полгода идишь ко мнѣ». Эхъ, удалая голова я, Русава! Мотнулъ только кудрями, поблагословился у Година. Дѣдъ сказать: «не закунись, не задолжись совсѣмъ, парень», да у меня мимо уха пролетѣло. Забралъ я что надо у Баюма, нанялъ трехъ закушней, трехъ родичей еще бѣднѣе меня, и пошли мы по лѣсу темному искать нови пожириѣ. И лашки, и повырубилъ лѣсъ, повыкорчилъ, распахали — и звѣри побили не мало, тропу-просѣку до Ольжичей вырубилъ. И посѣяли озимую. И весны дождался. Да была прошлогодняя-то весна — морозъ-морозомъ, поминишь, Баюмовна. Повызносило весь посѣвъ. И замѣсто, чтобы хлѣбъ собирать, отдать я послѣднее, что имѣлъ, работникамъ: свою одежду, запасъ какой — а самъ къ отцу твоему Баюму: ничего у меня, молъ, на отдачу тебѣ не носило, а бери мою новъ на предки, — потому земля жирная, да морозъ хлѣбъ убилъ, самъ же пойду къ тебѣ въ закупни... все, какъ, значить, условлено было. Потому и по чести — да и при свидѣтеляхъ дѣло было — развѣ твой отецъ что безъ свидѣтелей дѣлаетъ? А онъ мнѣ: «возьму твою новъ, Вельмудъ, не родовая земля, самъ добылъ, иди ко мнѣ въ закупни, Вельмудъ, да только работай — держись». И пошелъ я къ вамъ во дворъ, Баюмовна, работникомъ, наймитомъ. Ахъ, и работалъ бы я до срока закупы своего, и пошелъ бы я потомъ на волю опять, да увидалъ я тебя, Русава Баюмовна, и тошно мнѣ стало въ работни-

кахъ, наймитахъ! Взяла ты меня за сердце. Только мысли—выйти на волю, уйти въ Кіевъ, въ княжью рать, къ побратану Владану—дружокъ я ему былъ, съ дѣтства любить его отецъ моего отца, хотя они и изъ первыхъ въ роду, а мы изъ послѣднихъ... Ну, такъ, моль, выйти мнѣ на волю, пойти къ Владану, въ рать, сдѣлаться воємъ у князя—авось счастье повезетъ, съ вражьиимъ добромъ, золотомъ вернусь, положу доброе вѣно къ Баюмовымъ погамъ—отдай, моль, дочку, до смерти любя мнѣ!.. Думается-то такъ мнѣ. А самъ-то въ закуняхъ, и конца краю закуни не видится. Покривишь ли въ работѣ косу—а я больно рьянъ, зарывень въ работѣ—обобьешь ли соху, аш цѣль—все на биркѣ отмѣнить Баюмъ; придется, моль, тебѣ, Вельмудъ, заживать... А у меня сердце все изгрызло по волѣ, да по тебѣ, Русавушка. Самъ не помню—ушелъ я въ темный лѣсъ съ тоски да съ горя. А Баюмовы ловишки накрыли меня и привели облаго закуни къ Горыню на судъ. Горько покачать старый головою, а повернуть меня въ обельные сыну, какъ, по обычаю, облаго закуни слѣдовало. И мѣрь съ нимъ согласился. И избу мою Баюмъ за себя за долгъ записалъ; а землю мои родичи, что поближе, взяли. И попалъ я снова въ работники родителю твоему, да ужъ безъ просвѣта, безъ конца, въ холопы—кѣпостные. Да на счастье, о ту пору шелъ изъ Ольжичей обозъ въ Кіевъ съ товаромъ, наказалъ я обозникамъ рассказать все про меня Владану. Только, дескать, расскажите, и больше ничего. Пусть, моль, узнаетъ, дружекъ, какъ дружекъ его въ обель попалъ. Ушли обозные. А я опять сиону гну, теперь ужъ рабъ рабомъ, и тоскую по волѣ, по тебѣ, хоть руки на себя наложи. И вдругъ ворочаются обозные. Счастье твое, говорятъ, Вельмудъ. Въ Кіевѣ былъ Владанъ. Съ княземъ Святославомъ пришелъ съ Дуная. Какъ услышалъ про тебя, вынесъ намъ мѣшокъ денегъ—отдайте, говорить, ему, пусть выкушится. И пришелъ я тогда съ этимъ мѣшкомъ къ отцу твоему Баюму—помнишь, и ты тутъ была—сердце-то у меня, точно птица раненая, крыломъ забило,—да ушла ты, точно молнія вспыхнула и погасла. Загорѣлись глаза Баюмовы на деньги, отпустилъ онъ меня въ изгон. Остался я какъ есть изгой—какъ вѣтеръ, лети на все четыре стороны. Притулился на время у родича. Тоска меня взяла. Рѣшилъ надѣть кошель-суму на спину, взять кѣй-рогатину въ руку, топоръ да ножъ за поясъ, да и пойти въ Кіевъ къ Владану, въ рать къ князю проситься. Ишь, самъ-то князь давно не посылаетъ къ намъ за войми, а при отцѣ моемъ я одинъ сынъ былъ, не послали меня тогда, на

горе мое, въ рать. И вотъ, собрался я въ ту ночь въ путь, да какъ пошелъ мимо вашего двора—взяла меня охота пробраться въ него, хоть постоять подъ оконкомъ твоимъ, Баюмовна. Перелѣзъ я черезъ тынь, подгрался къ окну—не видать было тебя, спала ты, небось. Только вдругъ какъ заржетъ изъ сарая конь. Точно туманъ пошелъ у меня въ головѣ. Одно мнѣ теперь и надо. Коня лихого. Вывести коня у Баюма, покатать на немъ до Кіева. Кормъ теперь коню подъ погами, трава вездѣ. Чего мнѣ бояться? Поймають—отдадутъ князю на потокъ,—все равно, я ницѣй, изгой. И, какъ пьяный, вошелъ я въ сарай, вывелъ коня, разобралъ тынь за сараемъ,—сняли сторожа Баюмовы, ны-то меня обнюхивали, да хвостами виляли, знакомъ человекъ, бывший хозяиновъ обельный, и я вѣдь въ сторожахъ у вашихъ воротъ ставивалъ. Вывелъ я коня, забралъ опять тынь, конь и не заржалъ, только похрапывалъ. А какъ вскочилъ я на него, точно вовсе ошпанѣлъ, полетѣлъ черезъ дугъ, черезъ рѣку, гдѣ скачу, гдѣ плыву на конѣ, самъ не помню—туманъ въ головѣ—а доскакалъ на конѣ до лѣсу за Горыню: слѣзъ съ него—вдругъ ровню и отрезвѣлъ. Что, моль, я надѣлалъ, воръ, моль, я, тать я коневый—у кого украсть, у отца, моль, моей лады желанной! А еще съ вѣномъ собирался къ нему, коль въ Кіевѣ бы посчастливилось. И тутъ же въ лѣсу, какъ слѣзъ съ коня,—воплю гвоздемъ мнѣ въ голову—верну коня, въ слѣдующую же ночь верну коня во дворъ Баюма. Какъ увелъ, такъ и приведу. И спрятавъ я коня въ пещерѣ, въ лѣсу за Горыню. Когда еще нови себѣ послѣ отцовою смерти искалъ, открылъ ту пещеру, и никто, кромѣ меня, не вѣдаетъ ее. Скрылъ въ ней коня. А самъ вотъ вторую ночь, какъ въ огнѣ, горю. Прячусь, таюсь. Нынѣ, въ Куналюю ночь, не могъ въ пещерѣ усидѣть. Коня вести назадъ нынѣ не рука—народъ вездѣ въ эту ночь. Въ завтрашнюю ночь думалъ отвести. А нынѣ не вытерпѣлъ. Дай, думаю, поплыву Горыню—просверлю камышину, возьму въ ротъ, чтобъ дышать, да подъ водой на спинѣ и поплыву... Доплыву до дуга, проберусь дугомъ, хоть издали посмотрю на свѣтлицу Русавину, на окошко ея косящато. Плыву въ водѣ тихо... Дай, моль, выгляну, вынырну, вылѣзу на берегъ, передохну—ну, а вынырнуть, тутъ и увидать... тебя—водяницу мою... ненаглядную!..

И вдругъ, весь содрогаясь, точно отъ подступившихъ слезъ, Вельмудъ схватилъ Русаву за руку и умолялъ, не своди взгляда съ ея неподвижно-расширенныхъ глазъ.

(Продолженіе будетъ.)

Фантазія.

1.
Грудь въ тоскѣ моя сжималася,
Сонъ бѣжалъ отъ влажныхъ вѣждъ,
Я страдалъ безъ упованія,
Погибалъ я безъ надеждъ.

2.
Блѣдный мѣсяцъ лиль сіяніе
Къ изголовью моему,—
Вдругъ я вижу: кто-то бережно
Распахнулъ мнѣ полутьму.

3.
Словно скатерть самобранная,
Разостлалась предо мной
Даль родная, даль туманная,
Даль межъ небомъ и землей.

4.
Стародивная, завѣтная
Воскресала старина—
Лучезарнѣй упованія,
Обольстительнѣе сна.

5.
Самолетъ-коверь понесъ меня
Словно легкая ладья,—
Обѣзжалъ я и обхаживалъ
Стародавнѣ края.

6.
Возникали рѣки синія,
И по оползнямъ,—кругомъ
Терема, сады волшебные,
Скиты въ сумракѣ сѣдомъ.

7.
На крыльцахъ, вратахъ расписанныхъ
Тонко высилась рѣзьба,
Каждый дворъ звенѣлъ доспѣхами,
Пѣсней—каждая изба.

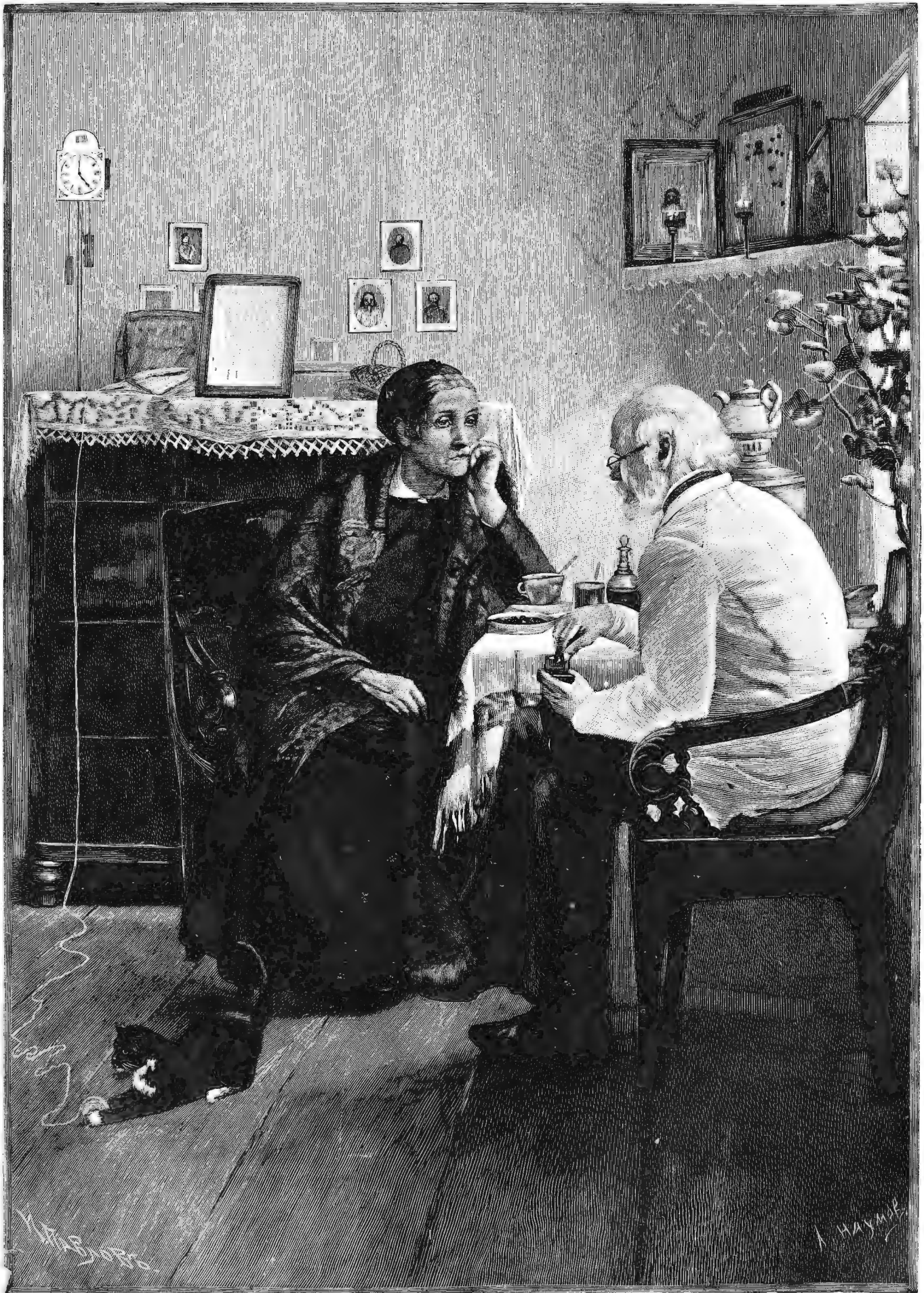
8.
Что тамъ дѣется, что притчится?
Ворожатъ ли новизнѣ?
Иль гадаютъ красны дѣвицы
На водѣ и на ишенѣ?

9.
Погостилъ я у царевича,—
Онъ такъ молодъ и пригожъ;
Отъ его улыбки дѣвичей
Глазъ до ночи не сведешь.

10.
Ясенъ взоръ его младенческій,
Ярче снѣга спанча.
Словно вѣкъ онъ и не нашивалъ
Ни доспѣховъ, ни меча.

11.
Подносилъ онъ чару полную,
Чару зелена вина,
И со мной, братаясь ласково,
Выпивалъ ее до дна.

12.
И входилъ я въ теремъ,—никогда
Запечатанный замкомъ,—
Тамъ блѣдна и опечалена
Ты сидѣла подъ окномъ.

Русский музей Императора Александра III. „Старые друзья“. Съ картины А. А. Наумова грав. П. Павловъ.

Съ похоронъ. Съ картины Бриспо грав. Тпріа

13.

Ты—царевна, красна дѣвица,
Для кого пѣвали всѣ;
Красне камня самоцвѣтнаго
Мѣсяць прятался въ косѣ.

14.

А въ саду твоёмъ, подѣ липою,
Двѣ жарь-птицы, какъ огни,
И сверкали, и качались
Въ очарованной тѣни.

15.

Соловей запѣлъ пѣснь чудную,
Неземную пѣснь любви;
На рѣсницахъ слезы вспыхнули,
Страсти вспыхнули въ крови.

16.

Отвела съ груди красавица
Шитый золотомъ рукавъ;
Опустила руки бѣлыя,
Уронила пестрядь травъ.

17.

А межъ тѣмъ, въ дали разымчивой
Гопоть слышится коня,—
И лицо твое вдругъ вспыхнуло
Ярче радостнаго дня.

18.

Вотъ ужъ близко... вотъ доносится
Звонъ уздечекъ... звуки шпоръ...
Ты вздохнула, что отъ холода...
Размыкается затворъ.

19.

Не свѣтлица озарилася
Краемъ вспыхнувшихъ небесъ—
То отъ міра чаръ таинственныхъ
Я проснулся, я исчезъ!

20.

И опять въ душѣ страданія,
Въ сердцѣ смутно и темно...
И глядитъ, мерцая искрами,
Мѣсяць въ снѣжное окно.

К. Фофановъ.

Въ область вѣчнаго снѣга на чугункѣ.

(Рельсовый путь на Юнгфрау.)

«Орель, съ отдаленной поднявшися вершины,
Паритъ неподвижно со мной паравиъ».

Повидимому приходитъ конецъ орлиной привилегіи залетать въ заоблачныя выси. Теперь туда пробираются люди и не въ одиночку, а цѣлымъ обществомъ, и съ такимъ комфортомъ и удобствами, какими еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ нельзя было пользоваться даже при переѣздѣ между двумя сосѣдними мѣстностями на равнинѣ.

Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Швейцаріи возникли толки о постройкѣ желѣзной дороги на Юнгфрау, планъ этотъ вызвалъ насмѣшки. Публика рѣшила, что это—«невозможная вещь», и на томъ покончила. Между тѣмъ, то, что казалось невозможнымъ, осуществляется на нашихъ глазахъ, и благодаря трудамъ энергичнаго инженера А. Гюйеръ-Целлера, спустя два года отъ начала работъ, первая часть ихъ уже закончена. 19-го сентября истекшаго года, въ присутствіи собравшихся со всѣхъ концовъ свѣта гостей, торжественно открыто движеніе по линіи Шейдеггъ-Эйгерглетчеръ,

Рис. 1. Рельсовый путь на Юнгфрау. Баракы для рабочихъ у Эйгерглетчера.

составляющей начало строящейся дороги на Юнгфрау. На этомъ, однако, дѣло не остановилось. Последніе туристы уже давно покинули Бернское нагорье, тишина царитъ на горныхъ тропахъ, зимній снѣгъ толстымъ пластомъ, съ добрый домъ вышиною, покрывъ столь оживленные лѣтомъ альпійскія дороги, а на Эйгерскомъ ледникѣ, въ баракахъ, почти вполнѣ отрѣзанная отъ остальнаго міра, живетъ еще довольно многочисленная колонія рабочихъ, ретиво трудящихся надъ продолженіемъ дороги, конечнымъ пунктомъ которой будетъ красавица—Юнгфрау.

Перенесемъ мысленно къ нимъ и постараемся поближе познакомиться съ ихъ дѣломъ.

Съ первою достопримѣчательностью будущей желѣзной дороги на Юнгфрау мы познакомимся уже въ Лаутербрунненѣ, деревушкѣ, возлѣ которой съ высокой, прямой, какъ стѣна, скалы ниспадаетъ трещащая въ воздухѣ водяная завѣса—знаменитый водопадъ Штауббахъ. Здѣсь устроена центральная станція, грандіозное сооруженіе, утилизирующее силу водопада и превращающее ее въ электричество, съ помощью котораго производится какъ движеніе по законченной уже части дороги, такъ и работы по прорытію туннеля. Грандіозною трубою, діаметромъ въ человѣчскій ростъ и длиною въ 1300 метровъ, съ уклономъ въ 40 метровъ, пѣнистый потокъ отводится къ построенному въ стилѣ средневѣковаго замка зданію, на правомъ берегу рѣки. Здѣсь помѣщаются исполнскія турбины, приводимыя въ движеніе укрощеннымъ потокомъ. Такихъ турбинъ шесть, и каждая изъ нихъ находится въ связи съ громаднымъ ге-

нераторомъ. Посредствомъ этихъ шести турбинъ и шести генераторовъ живая сила воды превращается въ электрическій токъ, напряженіемъ въ 7000 вольтъ, отводимый открытыми проводами въ мѣстность, гдѣ производятся работы. Легкимъ поворотомъ рычага въ ту или другую сторону по бѣло-мраморной стѣнѣ, представляющей собою выключательную доску, рука машиниста распоряжается

громадными силами электричества: то дастъ имъ полную свободу, то сковываетъ ихъ, то усиливаетъ ихъ работу, то ослабляетъ. Когда къ лаутербрунненскимъ сооружениямъ прибавятся еще болѣе значительныя бурглауенскія (у Гриндельвальда), то совмѣстная ихъ работа доставитъ такую рабочую силу, что не только свободно можно будетъ поднимать на вершину Юнгфрау и спускать съ нея цѣлый рядъ поѣздовъ, но и освѣтитъ яркимъ свѣтомъ туннели и доставитъ исполнскіе потоки свѣта для двухъ великановъ рефлекторовъ, которые будутъ установлены на высшемъ пунктѣ Юнгфрау.

Двинемся теперь дальше, придерживаясь, съ палачьими на солнцѣ мѣдными проводами, тянущимися отъ турбинныхъ сооружений на бѣломъ потоцѣ къ идиллически расположенному среди Альпъ Венгену и черезъ Венгернальпъ къ Малому Шейдеггу. Мы доберемся этимъ путемъ до Шейдеггской станціи съ вокзаломъ, чудесно примостившимся на высотѣ 2064 метровъ надъ уровнемъ моря, съ видомъ на группы Эйгера, Мѣнха и Юнгфрау. Вокзалъ этотъ служитъ станціею для двухъ дорогъ: венгернальпской и юнгфрауской. Туристу, желающему переѣхать изъ вагона одной дороги въ вагонъ другой, придется сдѣлать только нѣсколько шаговъ.

Съ Малаго Шейдегга, на порядочномъ пространствѣ, видно начало желѣзной дороги на Юнгфрау, по которому уже открыто движеніе. Путь этотъ явственно распознается по двойному ряду столбовъ. Къ соединяющимъ эти столбы проволокамъ прикрѣплены провода, отъ которыхъ электрическая энергія сообщается поѣзду. Путь этотъ, мимо гостиницы «Bellevue» на Шейдеггѣ, черезъ Травяной Гребень (Graskamm), отдѣляющій Троммельвальдскую долину отъ Гриндельвальдской, ведетъ нѣсколькими сильными излучинами къ могучей, обрывистой горной площадкѣ между величественною Эйгерскою стѣною и Эйгерскимъ глетчеромъ. При длинѣ въ два километра, на этомъ участкѣ совершается подъемъ вверхъ на 300 метровъ. Весь путь, за исключеніемъ 84 метровъ, продолженныхъ въ туннель, идетъ по открытому мѣсту и заканчивается на станціи Глетчеръ, на высотѣ 2,319 метровъ надъ уровнемъ моря. На этой высотѣ уже теперь скользятъ свѣтлые сорокамѣстные ва-

гоны юнгфрауской желѣзной дороги, влекомые тяжелыми пятидесятитонными электрическими локомотивами. Каждый поѣзд составленъ изъ одного локомотива и одного вагона.

Уже на этомъ участкѣ, служащемъ только началомъ пути, необычайныя красоты горной природы поражаютъ путешественника. Поразительно красивъ видъ отсюда внизъ въ глубь Трюмелтала, гдѣ разбиваются лавины, сползающія съ глетчеровъ Гиссенъ и Гуджи. Сквозь дикое ущелье виднѣются Лаутербрунненская долина съ напоминающимъ бѣлый вуаль Штауббахомъ, деревушка Мюрренъ, мирно приютившаяся на небольшой горной террасѣ, и пышныя, высокія горы, воздымающіяся къ небу позади этой деревушки. Вместе съ тѣмъ мы такъ близко подступаемъ къ группѣ Юнгфрау, что массивная громада, среди которыхъ она выдѣляется своеобразностью своего строения, бросается намъ въ глаза еще рѣзче, чѣмъ съ Венгерпальпа или Шейдета.

Еще десять минутъ, и мы на станціи Глетчеръ. Только глубокой ровъ отдѣляетъ насъ отъ Эйгерскаго глетчера, одного изъ красивѣйшихъ ледниковъ Швейцаріи. Благодаря крутизнѣ своего склона, между Эйгеромъ и Мѣнхомъ глетчеръ этотъ даетъ возможность наблюдать вершины ледниковой жизни въ типичной и наиболее совершенной формѣ ихъ развитія и поражаетъ богатствомъ и игрою красокъ, отражающихся по его краямъ и въ его расщелинахъ.

На станціи Эйгерскій глетчеръ предполагается выстроить красивый отель. Покуда же здѣсь расположились селеніи рабочихъ, живущихъ въ баракахъ. Во время постройки участка, теперь открытаго уже для движенія, здѣсь проживало ихъ около трехсотъ человекъ. Теперь число рабочихъ уменьшилось на цѣлую треть: при прокладываніи туннели нельзя занять работою большаго числа рабочихъ, чѣмъ позволяетъ мѣсто, гдѣ производится туннельныя работы. Такъ какъ зимою здѣсь бываютъ сильные морозы, то бараки, выстроенные на такой высотѣ, пришлось соорудить по довольно сложному способу. Каменная кладка, составляющая остовъ барака, обшита еще двойнымъ деревяннымъ настиломъ. Между кладкою и внутреннею обшивкою находится слой воздуха, служащій изоляторомъ, а между внутреннею и паружною обшивкою свободно укладывается еще войлочная простилка. Рабочіе, находящіеся подъ руководствомъ Фр. Врубеля и главнаго инженера Гоба (Hobal),—въ большинствѣ привычныя къ горному воздуху итальянцы; но, кромѣ нихъ, есть также порядочное число мѣстныхъ бернскихъ горцевъ, исполняющихъ главнымъ образомъ обязанности ходоковъ и носильщиковъ. Лѣтомъ всѣмъ этимъ людямъ живется легко: благодаря венгерпальпской дорогѣ, имъ можно быстро доставлять все, что имъ требуется; и въ жизненныхъ впечатлѣніяхъ въ барачной деревушкѣ лѣтомъ также не чувствуется недостатка. Дорога на Юнгфрау уже теперь сильно интересуетъ и манитъ къ себѣ сплывшихъ по Бернскому нагорью туристовъ, и пестрая толпа ихъ вноситъ сильное оживленіе въ барачную колонию. Не то бываетъ зимою, когда тишина царитъ на горныхъ дорогахъ. Тогда только разъ въ недѣлю двое людей пробиваются черезъ глубокія снѣга, внизъ въ Гриндельвальдъ или Лаутербрунненъ, за почтою. На обратный путь надо потратить сутки. Доставка товаровъ почти невозможна, и жизненные потребности рабочаго поселка удовлетворяются изъ магазинныхъ запасовъ, отличающихся изобиліемъ и разнообразіемъ. О толщинѣ зимняго снѣгового покрыва можно судить по рассказу инженеровъ, которые въ послѣднюю зиму прокатились на лыжахъ надъ крышею четырехэтажной гостиницы «Bellevue». Не слѣдуетъ все же представлять себѣ зиму на этихъ высотахъ чересчуръ уже страшною. Дни снѣжныхъ буръ, съ ихъ ужаснымъ воемъ, и жестокихъ морозовъ зачастую смѣняются дилми, когда лучи солнца настолько сильны, что термометръ на солнцѣ доходитъ до 40 градусовъ по Цельсію, и рабочіе могутъ прогуливаться передъ своими хижинами на воздухъ безъ верхняго платья.

Работы въ туннелѣ, начинающемся сейчасъ же за бараками и зимою соединяемомъ съ нами крытымъ ходомъ, производятся смѣнами рабочихъ, чередующимися каждыя восемь часовъ. Заработная плата—4-5 франковъ—не должна казаться слишкомъ малою, такъ какъ управленіе снабжаетъ ихъ всѣми нужными припасами и товарами по своей оптовой цѣнѣ безъ барыша, и попусту тратить денегъ также не приходится, потому что, по условіямъ ихъ жизни, къ тому совсѣмъ не представляется случаевъ. Такимъ образомъ рабочіе изъ

заработной платы могутъ еще дѣлать порядочныя сбереженія. Управленіемъ приняты цѣлый рядъ мѣръ въ интересахъ здоровья и благосостоянія рабочихъ, и каждый изъ нихъ застрахованъ за счетъ управленія отъ несчастныхъ случайностей въ суммѣ 6000 франковъ. До сихъ поръ, за два года работы, произошелъ только одинъ несчастный случай.

Въ высшей степени интересны работы въ туннелѣ. Туннель, начинаясь за бараками, проникаетъ въ толщу горы Эйгеръ, словно продернутый сквозъ нее, прямо натянутый съ небольшимъ (25%) подъемомъ шнуръ. Онъ представляетъ ровный по всей длинѣ сводъ въ 4,25 метра въ высоту и шириною въ 3,6 метра. Въ темнотѣ передъ нами, то тамъ, то сямъ, словно свѣтляки, мелькаютъ лампочки рабочихъ. Дневного свѣта нѣтъ до 160-го метра считая отъ входа: въ этомъ мѣстѣ свѣтлый сводъ дневныхъ лучей, прорывающійся сквозъ боковую штольню, разбиваетъ ночной мракъ, господствующій на всемъ остальномъ протяженіи туннели.

Если черезъ эту боковую штольню мы выберемъ на вольный воздухъ, то очутимся на небольшомъ плато, осѣняемомъ могучимъ скалистымъ куполомъ Эйгерпюттока, гдѣ, въ особомъ баракѣ, размѣщены все потребныя для прорытія туннели механическія приспособленія и специальная машина, передающая работающимъ въ туннелѣ бурамъ необходимую для ихъ работы электрическую энергію. Цѣлый рядъ бочекъ, размѣщенныхъ неподалеку отъ этого завода, предназначенъ для превращенія снѣга, съ помощью электричества, въ воду, такъ какъ на такой высотѣ, въ особенности зимою, не найти никакихъ водяныхъ ключей. Не слѣдуетъ только забираться въ одну изъ такихъ бочекъ, не найдя никакихъ предупрежденій, получить такой электрическій ударъ, отъ котораго ему на ногахъ не устоять. На каждомъ шагу попадаются намъ на глаза надписи: не прикасаться къ металлическимъ предметамъ и частямъ.

Рис. 2. Рельсовый путь на Юнгфрау. Укладка пути щебнемъ.

Вернемся однако обратно и движемся по готовой части туннели. Уже облицованной красивымъ сѣровато-коричневымъ, не уступающимъ граниту по крѣпости, известнякомъ съ попадающимися кой-гдѣ, напоминающими мраморъ, бѣлыми жилками. При температурѣ въ 7° Цельсія выше нуля, здѣсь вьюны суха. По одному пути проволочно-канатной дороги спускаются нагруженные вагончики-тачки; по другому поднимаются порожніе; гдѣ-то впереди, немного повыше, таинственно мигаютъ огоньки: мы дошли до Бремсберга—здѣсь, словно насѣчки на жерновѣ, расходится во всѣ стороны отводные пути, по которымъ увозятъ взорванный камень; рабочіе, похожіе на привидѣнія, при свѣтѣ особыхъ лампочекъ ссыпаютъ камень съ высокой доски въ вагоны-тачки. Вотъ мы доходимъ до штольни, называемой Рихтштолленъ; въ этой части туннели взорвана только верхняя часть его профиля; нижняя же, по которой пройдетъ полотно дороги, пока еще невредима, и надъ удаленіемъ ея работаютъ сильныя ударныя буры. Подвигаясь впередъ, съ полукилометръ разстоянія отъ входа, мы добраемся до замѣчательнаго мѣста, гдѣ буры съ страшнымъ шумомъ пробиваютъ себѣ дорогу все дальше и дальше внутрь горы. Мы не сдѣлали еще 800 метровъ, а чувствуемъ себя такъ, какъ будто мы уже не вѣсть сколько прошли по довольно крутому пути. Приятное волненіе охватываетъ насъ при мысли, что какихъ-нибудь два часа тому назадъ мѣсто, гдѣ мы стоимъ, было еще мертвымъ камнемъ, какии оно было миллионы лѣтъ передъ этимъ, —а пришли неутомимые люди и пробили эти вѣдра, и скоро наступитъ время, когда тысячи людей со всѣхъ концовъ свѣта будутъ пробѣгать здѣсь, исполненные радостной надежды пробраться въ неприступное царство красавицы Юнгфрау.

Сильная электрическая лампа освѣщаетъ это мѣсто; мы видимъ предъ собою машины, направляющія свои длинныя, крѣпкіе буры въ мощную сѣрую грудь камня. У каждого такого аппарата трое рабочихъ: одинъ впереди, а двое — по бокамъ. Самый аппаратъ представляетъ вертикальный станокъ изъ двухъ шинъ, между которыми расположенъ подвижной стержень. Изъ него торчитъ похожий на ломъ буръ, который, при замыканіи электрическаго тока, съ визгомъ врѣзается въ скалу. Черезъ маленькій каналъ въ бурѣ сильная струя воды проникаетъ въ пробурованное имъ отверстіе и вымываетъ оттуда размельченный въ муку частички камня. Безжалостная сталь съ каждымъ поворотомъ бура пробиваетъ себѣ въ камнѣ новыхъ два миллиметра пути, и въ теченіе

десяти минут образует в скалы круглое, в метр глубиною отверстие.

Когда машины просверлят двенадцать таких отверстий: в центр намеченного направления, сверху, снизу и с боков начинаются пороховые взрывные работы. В каждое отверстие минеры вставляют по динамитному патрону, плотно забивают их деревянным коломъ, подкладывают зажигательные шнуры с запаломъ, и когда послышится гудящий звукъ, издаваемый ими, тогда всё находящееся в туннелѣ поспѣшно бросается вниз по туннелю или сквозь штольню на вольный воздухъ, ничуть не интересуясь тѣмъ, что тамъ теперь наверху происходитъ. «Бумъ-бумъ» — доносится изъ глубины. Это взорвало два средних патрона, у которыхъ, по техническимъ соображениямъ, зажигательные шнуры дѣлаются короче. Словно вздрогнулъ Эйгеръ, и сердито отозвался соседній горы. За первыми двумя ударами слѣдуютъ десять новыхъ. Съ шумнымъ визгомъ прогоняетъ вентиляторъ изъ туннеля зловонный душливый дымъ динамита, и рабочие снова возвращаются, чтобы продолжать прерванное на время буреніе. Такъ какъ очень много времени отнимается расчисткою и удаленіемъ взорванныхъ массъ, то въ теченіе дня можно въ среднемъ произвести не болѣе четырехъ взрывовъ, что соответствуетъ четыремъ погоннымъ метрамъ отвоеваннаго внутри горы пути; но предприниматели надѣются постепенно довести эту цифру до пяти метровъ.

Рис. 3. Рельсовый путь на Юнгфрау. Входъ въ туннель Эйгеръ.

Ближайшею цѣлью работъ является станція Эйгервальдъ (Эйгерская стѣна) на высотѣ 2,815 метровъ надъ уровнемъ моря. Работы должны быть доведены до этого мѣста къ нынѣшнему дѣту, и тогда будетъ открытъ второй участокъ пути на Юнгфрау, длиною, какъ и первый, въ два километра, и для туристовъ явится возможность, отправляясь изъ Венгернальпа, легко и быстро ознакомиться съ своеобразнѣйшимъ чудесамъ альпійской жизни. Со станціи Эйгервальдъ, которая представитъ оригинальную галерею изъ скалъ среди грозной, обращенной къ Гриндельвальду стѣны Исполинскихъ горъ, откроется чудный видъ на усѣянную домиками, зеленую долину въ глубинѣ Гриндельвальда, — видѣющагося отсюда съ высоты птичьего полета, — на громады Веттергорна, на Фаульгорнскую цѣпь, на красивыя горы, высіящіяся между Аарскою долиною и озеромъ Четырехъ Кантоновъ и на различаемые вдали холмы средней Швейцаріи.

Такъ, по частямъ, будетъ расти и отстраиваться желѣзный путь на Юнгфрау. Закончится же все это смѣлое предпріятіе въ 1904 г.

Если принять во вниманіе, что по мѣрѣ проникновенія на болѣе значительныя высоты, трудность работъ, какъ доказано недавнимъ опытомъ постройки Горнергратской дороги, усиливается, и что разстояніе осталось еще порядочное, то исполненные уже работы представляются еще очень скромными; но все же онѣ настолько значительны, что позволяютъ съ увѣренностью рассчитывать на успѣшное ихъ завершеніе.

Къ рисункамъ.

Котята затѣяли веселую игру. И они умѣютъ играть въ мячикъ. Маленькій тигренокъ завладѣлъ имъ, а другому котенку обидно. Въ сознаніи своего превосходства, тигренокъ развалился на шкурѣ медвѣди въ уютномъ будuarѣ хозяйки и поглядываетъ на товарища, перевязаннаго ленточкой. очевидно, любимца въ этомъ барскомъ домѣ. Онъ хотя позволяетъ ему приблизиться къ мячику, но въ рѣшительный моментъ мячикъ отлетитъ далеко въ сторону, и снова начнется потѣха, которая не кончается у котятъ, какъ часто у дѣтей, горькими слезами. Картина Адама исполнена съ рѣдкимъ талантомъ, отличающимъ всё вообще картины этого художника, выбирающаго сюжеты для своихъ произведеній главнымъ образомъ изъ жизни кошекъ. Въ царствѣ этихъ домашнихъ животныхъ Адамъ — мастеръ своего дѣла.

Горить огнями залъ; играетъ музыка; на свѣтломъ фонѣ дамскихъ туалетовъ красиво выдѣляются черные фраки и блестящіе мунди-

ры военныхъ; подъ звуки мелодичнаго вальса кружатся пары; воздухъ залы напоенъ ароматами цвѣтовъ и духовъ. И звуки музыки, и запахи цвѣтовъ, и электрическій свѣтъ кружатъ головы... не говоря о тѣхъ живыхъ цвѣтахъ, которые, кажется, самой природой созданы, чтобы кружить головы мужчинамъ, въ особенности, когда они такъ изящно одѣты и такъ граціозно танцуютъ. Но когда ихъ лица открыты «танцевальной холодной полумаской», изъ-за шелковой ткани которой блестятъ возбужденные глазки, тогда вся эта обстановка бала дѣйствуетъ еще вѣрнѣе и еще сильнѣе, потому что «танцевальное» всегда придаетъ прелесть жизни и возбуждаетъ любопытство. Первый красавецъ бала только что объяснился въ любви хорошенькой брюнеткѣ, увѣряя ее, что глаза ея блестятъ какъ черныя алмазы: она явилась сюда, чтобы поинтриговать его, потому что сердце ея давно уже было къ нему неравнодушно. И она чувствовала, что она узнаетъ ее по ея го-

Рис. 4. Рельсовый путь на Юнгфрау. Рабочій поѣздъ.

лосу, по фигурѣ, по моднымъ духамъ. Она сдѣлала видъ, что уѣзжаетъ, и онъ клялся ей, что съ ея отъѣздомъ для него «все будетъ кончено». Но она не уѣхала, а удалась съ своей вѣрной подругой въ укромный уголокъ, и здѣсь, за шелковой портьерой и за кустами зелени, она съ тревожнымъ любопытствомъ слѣдитъ за нимъ. О, ужасъ! Онъ не уѣхалъ, онъ остался, и не только остался, но съ тѣмъ же увлеченіемъ танцуетъ съ ней, съ другой маской. Она обижена, но вмѣстѣ съ тѣмъ торжествуетъ! Онъ будетъ наказанъ. Потому что ту, съ которою онъ танцуетъ, она отлично знаетъ: если она сама—орхидея, то новая маска—колючій репейникъ...

Все это прекрасно передано на картинѣ нѣмецкаго художника; но особенно ему удался контрастъ между жгучимъ любопытствомъ дѣвушки и спокойнымъ вниманіемъ ея подруги, больше видѣвшей и испытавшей въ жизни.

Поэтичная картина Швейцера: «Зимній день» переноситъ насъ въ чудную долину Ильзы (въ Гарцѣ), образуемой всѣмъ извѣстнымъ Ильзенскій водопадъ, знаменитый камнемъ (Isenstein), воспѣтымъ Гейне. Если читатель былъ въ этой долинѣ въ лѣтнюю пору, когда его взоръ ласкала яркая зелень деревьевъ, онъ съ грустью взглянетъ теперь на притихшій горный потокъ. Густая

Герцогъ саксенъ-кобургъ-готскій Альфредъ.

По поводу двадцатипятилѣтія бракосочетанія. Съ фот. грав. Шюблеръ.

листва спала, обнаживъ сухія вѣтки. Онъ покрытъ серебристымъ инеемъ, а снѣгъ переливается на солнцѣ, какъ кристалль. Нѣтъ и пѣвчихъ птичекъ, оглашавшихъ еще такъ недавно ильзенскій лѣсъ. Успокоительная тишина охватываетъ васъ, когда вы взглянете на это художественное произведеніе. Въ глубинѣ затерялись одинокія строения. Все отдыхаетъ, ожидая возвращенія весны.

«Старый другъ лучше новыхъ двухъ»,—гласитъ русская пословица, которая прекрасно иллюстрируется картиною извѣстнаго художника А. А. Наумова, помѣщенной въ настоящемъ номерѣ *Нивы*. Въ маленькой, убогой комнатѣ сошлись два старыхъ друга и за самоваромъ вспоминаютъ невозвратное прошлое. Они такъ увлеклись, передавая другъ другу пережитыя горести и радости, что позабыли и о чаѣ, и о вареньѣ, и о завѣтной бутылочкѣ рома. Но черному котенку дѣла нѣтъ до прошлаго. Доставъ съ комода мотокъ нитокъ, онъ весело играетъ имъ на полу, радуясь, что хозяйка не замѣчаетъ его продѣлокъ. Ей, дѣйствительно, не до котенка. Долгимъ, глубокимъ взглядомъ смотритъ она на своего постарѣвшаго друга дѣтства, одряхлѣвшаго подъ бременемъ житейскихъ невзгодъ, а онъ, машинально доставъ табакерку, продолжаетъ вспоминать прошлое. Авторъ описанной картины, какъ извѣстно, обратилъ на себя общее вниманіе двумя картинами: «Бѣлинскій передъ смертью» и «Дуэль Пушкина», весьма интересными какъ по содержанію, такъ и по исполненію. «Старый другъ»—одна изъ послѣднихъ его картинъ (1889 г.).

«Мертвый мирно въ гробѣ спи, жизнью пользуйся живущій». Кто не вспомнитъ этого стиха, взглянувъ на юмористическую картину: Съ похоронъ. Очевидно, что два милыхъ старичка, два дѣтла какого-нибудь «бюро похоронныхъ процессій», такъ весело играющихъ въ карты на запяткахъ траурнаго катафалка, слыхкомъ не похожи на того классическаго могильщика, который, роя могилу Офеліи, пѣлъ унылую пѣсню:

Стъ-могилой мнози споръ ведутъ—
Вотъ то-то и оно!

Живи, живи, а умирать—
Придется всѣмъ равно...

Но классическій могильщикъ былъ сѣвериницъ, человекъ печальныхъ рефлексовъ и философскихъ обобщеній; наши герои—люжане, люди жизни. Если бы они не были такъ заняты игрой въ карты, имѣли бы вкусъ къ философскимъ обобщеніямъ и даръ пѣть, они навѣрное пропѣли бы нѣчто другое: такъ какъ смерть есть нѣчто неизбежное, то не зачѣмъ о ней думать, а надо пользоваться тѣмъ, что даетъ жизнь. Да, эта картинка французскаго художника, несмотря на взятую имъ невеселую тему, не производитъ тяжелого впечатлѣнія, и можетъ быть въ этомъ основномъ свойствѣ духа французскаго народа,—жизнерадостности, бодрости—и его несокрушимая сила.

Герцогъ саксенъ-кобургъ-готскій Альфредъ и его супруга Марія. (Портр. на этой стр.)

11-го января въ герцогскомъ дворцѣ въ Готѣ состоялось торжественное празднованіе серебряной свадьбы герцогской четы. Послѣ официальныхъ поздравленій, на которыя герцогъ Альфредъ отвѣчалъ длинной благодарственной рѣчью, состоялся ланчъ (зав-

Герцогиня саксенъ-кобургъ-готская Марія.

трапъ), а затѣмъ парадный обѣдъ. Вечеромъ весь городъ былъ великолюбно иллюминированъ, и въ герцогскомъ театрѣ состоялся парадный спектакль.

Саксенъ-кобургъ-готскій герцогскій домъ, въ лицѣ герцога Альфреда и въ особенности герцогини Марія, связанъ тѣсными родственными узами съ нашимъ Императорскимъ Домомъ.

Герцогъ саксенъ-кобургъ-готскій Альфредъ, герцогъ эдинбургскій,—второй сынъ английской королевы Викторин; онъ вступилъ на саксенъ-кобургъ-готскій престолъ 10-го августа 1893 года, по кончинѣ своего бездѣтнаго дяди герцога Эрнста II. Герцогъ саксенъ-кобургъ-готскій родился 25-го июля 1844 г. и съ юныхъ лѣтъ посвятилъ себя морскому дѣлу. Въ настоящее время герцогъ числится генераломъ-отъ-инфантеріи германской арміи и состоитъ шефомъ русскаго 81-го пѣхотнаго полка и 2-го флотскаго черноморскаго эскадрона. Чинъ англійскаго адмирала герцогъ сложилъ съ себя по вступленію на саксенъ-кобургъ-готскій престолъ.

Супруга его высочества герцогиня Марія, рожденная великая княжна Марія Александровна—тетка Государя Императора. Ея Высочество родилась 5-го октября 1853 г. и вступила въ бракъ съ герцогомъ Альфредомъ 11-го января 1874 г. Герцогиня Марія Александровна состоитъ шефомъ 41 драгунскаго ямбургскаго полка.

Наслѣдннй герцогъ саксенъ-кобургъ-готскій Альфредъ, единственный сынъ герцога Альфреда, двоюродный братъ Государя Императора, родился въ Англии, 3-го октября 1874 г. и состоитъ офицеромъ въ прусской и англійской арміи, а также числится въ офицерскихъ спискахъ 41-го драгунскаго ямбургскаго полка.

Церковь при ст. Макушино западно-сибирской желѣзной дороги. (Рис. на стр. 78.)

Вблизи одной изъ станцій западно-сибирской желѣзной дороги, именно при ст. Макушино, на средства, доставленныя въ церковно-строительный фондъ имени императора Александра III извѣстнымъ благотворителемъ, недавно скончавшимся д. с. с. М. Г. Петровымъ, сооружена и освящена въ истекшемъ году церковь въ честь Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы.

Небольшая эта деревянная церковь, на 450 человекъ, снимокъ съ которой здѣсь воспроизведенъ, была построена подъ руководствомъ начальника западно-сибирской желѣзной дороги инженера Павловскаго. Около станціи расположено нѣсколько переселенческихъ поселковъ, жителямъ которыхъ, благодаря сооруженію станціонной церкви, дана теперь возможность удовлетворять свои духовныя нужды и ходить по праздникамъ въ церковь слушать слово Божіе. Въ настоящее время, изъ 135 церквей, къ постройкѣ которыхъ было приступлено въ четыре года существованія фонда имени Александра III, теперь готово 43. Изъ остальныхъ 92-хъ церквей, нѣкоторыя близятся къ окончанію и будутъ освящены въ текущемъ году, если только поступать суммы, достаточныя для ихъ окончанія. Притокъ новыхъ пожертвованій весьма необходимъ для скорѣйшаго окончанія этихъ храмовъ и приданій имъ надлежащаго благоустройства. По всеподданнѣйшему докладу Августѣйшему Предсѣдателю Комитета сибирской желѣзной дороги о ходѣ церковнаго строительства въ Сибири, Его Императорскому Величеству, 4-го января 1899 года, благоугодно было выразить удовольствіе по поводу совершившейся закладки новыхъ церквей и окончанія храмовъ, къ постройкѣ коихъ было приступлено въ прежнее время.

Великъ путь сибирскій, велика и нужда въ церквахъ для настоящихъ и будущихъ переселенцевъ, и поэтому да не оскудѣетъ рука дающаго. Пожертвованія на постройку церквей въ Сибири принимаются въ канцеляріи комитета министровъ (С.-Петербургъ, Маринскій дворецъ).

В. М. Флоринскій.

(Портр. на стр. 79.)

3-го января скончался послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни (отъ перерожденія сердца) одинъ изъ выдающихся современныхъ общественныхъ дѣятелей, попечитель западно-сибирскаго учебнаго округа, Василій Марковичъ Флоринскій.

Покойный происходилъ изъ духовнаго званія; онъ родился въ 1834 г. Получивъ первоначальное образованіе въ пермской семинаріи, онъ въ 1853 г. поступилъ въ Императорскую медико-хирургическую академію, окончивъ курсъ которой со степенью лѣкаря съ отличіемъ, въ 1858 г. опредѣлился на службу сверхкомплектнымъ врачомъ по военно-медицинскому вѣдомству, съ прикомандированіемъ ко второму военно-сухопутному госпиталю для усовершенствованія. В. М., еще будучи студентомъ, исполнялъ обязанности ординатора въ клиникѣ профессора Рклицкаго, а затѣмъ проф. Килера. Въ 1860 г. ему поручено было, въ качествѣ частнаго преподавателя, читать лекціи по женскимъ болѣзнямъ въ медико-хирургической академіи. Въ слѣдующемъ году онъ получилъ степень доктора медицины и былъ командированъ съ ученою цѣлью за границу на два года. Въ 1863 г. онъ назначенъ былъ адъюнктомъ-профессоромъ медико-хирургической академіи и черезъ два года опредѣленъ, сверхъ того, младшимъ ординаторомъ 2-го военно-сухопутнаго госпиталя. Въ 1868 г. онъ сталъ экстраординарнымъ профессоромъ академіи. Въ 1873 г. В. М. былъ назначенъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ въ занимаемой должности. Въ 1875 году онъ совершенно перешелъ на службу въ министерство народнаго просвѣщенія и назначенъ былъ отъ этого министерства непременнымъ членомъ медицинскаго совѣта. Въ 1877 г. назначенъ членомъ особой коммисіи для всесторонняго обсужденія вопроса о мѣстности, въ которой окажется болѣе полезнымъ основать сибирскій университетъ. Въ 1878 году перешелъ, въ

качествѣ ординарнаго профессора, въ казанскій университетъ на кафедру акушерства и женскихъ болѣзней и занималъ эту кафедру до 1-го іюля 1885 г., когда онъ былъ назначенъ попечителемъ западно-сибирскаго учебнаго округа.

Въ 1879 г. В. М. былъ избранъ въ дѣйствительные члены бостонскаго гинекологическаго общества и въ почетные члены общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ. Въ 1880 г. В. М. былъ назначенъ членомъ строительнаго комитета для возведенія зданія сибирскаго университета въ Томскѣ, съ оставленіемъ въ должности профессора, и командированъ въ Томскъ для принятія участія въ этомъ комитетѣ.

Покойный В. М. Флоринскій былъ человекъ разносторонне образованный и очень много писалъ не только по своей медицинской специальности (акушерству и женскимъ болѣзнямъ), но и по исторіи и археологіи. Изъ его медицинскихъ трудовъ пользуются до

сихъ поръ извѣстностью его «Курсъ акушерства и женскихъ болѣзней», вышедшій въ 1869 — 70 гг., «Курсъ акушерства», изданный въ Казани въ 1883 г., и въ особенности его общедоступный лѣчебникъ: «Домашняя медицина», выдержавшій цѣлый рядъ изданий и увѣнчанный академической Петровской преміей.

М. Н. Анненковъ.

(Портр. на стр. 79.)

9-го января послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни скончался, на 61 году отъ рожденія, извѣстный строитель закаспійской военной дороги, членъ военнаго совѣта, генераль-отъ-инфантеріи Михаилъ Николаевичъ Анненковъ.

Покойный происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода нижгородской губ. До десяти лѣтъ онъ воспитывался дома, а затѣмъ былъ опредѣленъ въ нахескій корпусъ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1853 г., послѣ чего вступилъ на дѣйствительную службу въ лейб-гвардіи конно-піонерный дивизионъ. Въ 1857 г., для полученія спеціальнаго военнаго образованія, онъ поступилъ въ академію генеральнаго штаба, въ которой окончилъ курсъ первымъ, и имя его было записано на мраморную доску. Затѣмъ, съ 1859 по 1863 гг., онъ прослужилъ старшимъ адъютантомъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, а слѣдующіе три года принималъ участіе въ усмиреніи польскаго мятежа въ привислянскомъ краѣ. По возвращеніи оттуда, М. Н. Анненковъ, уже въ чинѣ полковника, обратилъ на себя вниманіе правительственныхъ сферъ своимъ проектомъ о примѣненіи желѣзныхъ дорогъ къ военному дѣлу, и вскорѣ онъ былъ назначенъ завѣдующимъ передвиженіемъ войскъ по всѣмъ нашимъ желѣзнымъ дорогамъ. Въ этой именно области и пришлось М. Н. особенно много поработать и принести много пользы. Такъ, въ 1875 г. онъ въ спеціальной запискѣ выяснилъ многія несовершенства эксплуатаціи нашихъ желѣзныхъ дорогъ и вызвалъ учрежденіе коммисіи для изслѣдованія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи, при чемъ М. Н. былъ назначенъ членомъ-управляющимъ этой коммисіи.

Когда предпринята была Ахаль-Текинская экспедиція, М. Н. Анненкову, состоявшему начальникомъ военныхъ сообщений Закаспійскаго края, поручена была тяжелая задача: построить желѣзную дорогу между Михайловскимъ заливомъ и Кизиль-Арватомъ. Дорога эта многимъ обязана его энергіи и рѣдкому знанію желѣзно-дорожнаго дѣла и увѣнчала его имя.

Рѣдкія административныя способности М. Н. послужили основаніемъ къ тому, что ему было поручено въ 1892 г. важное и от-

Церковь при ст. Макушино западно-сибирской жел. дор. По фот. грав. Рашевскій.

вѣтственное дѣло — завѣдываніе общепольными работами въ мѣстностях, пострадавшихъ отъ неурожая, — и онъ блестяще исполнилъ свою миссію.

На ряду съ этой кипучей административною дѣятельностью, покойный находилъ время и для литературныхъ занятій, главнымъ образомъ, въ области военного дѣла. Въ свое время обратили на себя вниманіе общей и специальной печати его труды: «Война 1870 г. Замѣтки и впечатлѣнія русскаго офицера», представляющія результатъ его командировки на франко-прусскую войну, «Отношенія англо-индійскихъ владѣній къ сѣверо-западнымъ соседямъ», «Международный тюремный конгрессъ и англійскія тюрьмы». Если прибавить къ этому еще цѣлый рядъ его статей, разбросанныхъ по журналамъ, то можно убѣдиться, какой это былъ разнообразный, пылкий умъ и какія разнообразныя научныя области его интересовали. Последние семь лѣтъ жизни М. Н., состоя членомъ военного совѣта, провелъ на покой, насколько это только мыслимо было для такой дѣятельной натуры.

А. А. Скальковскій.

(Портр. на этой стр.)

Въ концѣ истекшаго года скончался въ Одессѣ на девятисто первомъ году жизни Аполлопъ Александровичъ Скальковскій. Не только вся Одесса, но и весь Новороссійскій край зналъ своего историографа и статистика, посвятившаго семьдесятъ лѣтъ жизни изученію южной Россіи. А. А. Скальковскій представлялъ изъ себя живую хроникку жизни Одессы, лучший источникъ историческихъ данныхъ обо всемъ Новороссійскомъ краѣ за послѣднія 100 лѣтъ. Къ нему прибѣгали почти всѣ изслѣдователи мѣстной исторіи и статистики,

М. Н. Анненковъ († 9-го января 1899 г.).
Съ фот. автотипія «Нивы».

и всѣмъ онъ давалъ богатые свѣдѣнія, самъ горячо интересовался исторіей и археологіей, до конца своей жизни продолжалъ работать съ прежней энергіей и неизмѣнно сохраняя изумительную свѣжесть и бодрость духа. Смерть его послѣдовала не отъ старческой немощи, а отъ несчастнаго случая — перелома реберъ вслѣдствіе паденія.

А. А. Скальковскій родился въ 1808 г., въ Житомирѣ, гдѣ и окончилъ курсъ гимназій. Поступивъ сначала на медицинскій факультетъ въ вилнскій университетъ, онъ вскорѣ затѣмъ перешелъ на юридическій факультетъ въ московскій университетъ, въ которомъ и окончилъ курсъ въ

В. М. Флоринскій († 3 января 1899 г.).
Съ фот. грав. Хелмицкій.

1828 г. Еще во времена студенчества, вращаясь въ литературныхъ кругахъ, А. А. посвящалъ свои досуги литературнымъ занятіямъ и сотрудничалъ въ московскихъ журналахъ.

Окончивъ курсъ университета, А. А. поступилъ на службу въ канцелярію одесскаго генералъ-губернатора гр. М. С. Воронцова. Графъ Воронцовъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ государственныхъ дѣятелей первой половины настоящаго столѣтія, старался окружить себя талантливыми сотрудниками, задумавъ вмѣстѣ съ тогдашнимъ одесскимъ градоначальникомъ А. И. Левининымъ образовать въ Одессѣ учено-литературный центръ. По ихъ указанію А. А. Скальковскій посвятилъ себя занятіямъ мѣстной исторіей и археологіей, а затѣмъ статистикой и былъ въ числѣ учредителей одесскаго общества исторіи и древностей и общества сельскаго хозяйства южной Россіи. Занявшись разборомъ и изученіемъ мѣстныхъ архивовъ, А. А. извѣдывалъ съ этой цѣлью весь Новороссійскій край и дѣйствительно добылъ богатѣйшія данныя. Такъ, между прочимъ, онъ добылъ въ скатериославской казенной палатѣ, среди заброшенныхъ, полусгнившихъ бумагъ, очень цѣнный архивъ запорожскаго казацкаго войска. Результатомъ этихъ архивныхъ работъ А. А. были: впервые имъ составленная «Исторія города Одессы», а также «Хронологическое описаніе исторіи Новороссійскаго края» (въ 2-хъ томахъ) и «Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго» (въ 3-хъ томахъ), выдержавшая три изданія и до сихъ поръ сохраняющая выдающееся значеніе строгой ученой разработки подлинныхъ документовъ, частью уже утраченныхъ. Крупный научный интересъ представляетъ его солидное изслѣдованіе: «Наѣзды гайдамаковъ на Западную Украину». На ряду съ этими трудами А. А. заслуживаютъ вниманія

статистическія работы, предпринятія имъ, въ качествѣ редактора и директора главнаго статистическаго комитета Новороссійскаго края.

А. А. Скальковскій.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

Кромѣ того, А. А. Скальковскій не былъ чуждъ и публицистики и беллетристики. Написанные въ жанрѣ Вальтеръ-Скотта и изданные полвѣка тому назадъ, его романы: «Хрустальная балка», «Кагальничанка» и др. рисуютъ намъ жизнь Новороссіи въ прошломъ вѣкѣ, возстановленную по любопытнымъ архив-

нымъ даннымъ и рассказамъ современниковъ, которыхъ авторъ въ ту пору еще засталъ въ живыхъ.

Политическое обозрѣніе.

Въ Англіи вслѣдствіе политическихъ событій послѣдняго времени обнаружались два теченія: съ одной стороны продолжающаяся воинственность доходитъ до мобилизаціи боевыхъ силъ, съ другой — замѣтно угнѣбительное стремленіе англійскаго общества къ миролюбию. Среди шума военныхъ приготовленій благимъ вѣстникомъ является агитация въ пользу предложенія Россіи о сокращеніи вооруженій. По поводу призыва вліятельныхъ членовъ общества примкнуть вслѣдъ усиліями къ этому дѣлу, высказалось и правительство, заявившее о своемъ рѣшительномъ желаніи содѣйствовать цѣлямъ созываемой конференціи. Это въ высшей степеніи отрадно.

Къ сожалѣнію, однако, всѣхъ искреннихъ сторонниковъ мира смущаютъ факты, явно свидѣтельствующіе о наступательномъ характерѣ британской политики. Опубликованные дипломатическіе документы англійской «Синей книги» рѣзко подчеркнули протестъ бри-

танскаго правительства противъ стѣсненія французами англійской торговли на островѣ Мадагаскарѣ и выдвинули несрываемыя требованія Англіи добиться отъ Франціи важныхъ уступокъ на Нью-Фондлендѣ и въ Сіамѣ.

Одновременно съ этимъ весьма характерными являются энергичныя мѣры Англіи въ ея поступательномъ движеніи по долинкамъ рѣки Нила.

Въ Каирѣ 8-го января обнаружено англо-египетское соглашеніе, устанавливающее границы Судана, поступающаго отнынѣ въ совмѣстное владѣніе Англіи и Египта. Въ суданскую территорію входятъ всѣ области, лежащія къ югу отъ 22 градуса, находившіяся въ постоянной оккупации египетскихъ военныхъ отрядовъ съ 1882 года или же отторгнутыя дервишами, но снова завоеванныя англо-египетскими войсками, и наконецъ къ Судану

ТОЛКО РАЗЪ ВЪ ЖИВИ БЫВАЕТЪ ПОДОБНЫЙ СЛУЧАЙ.

БОЛЬШАЯ РАСПРОДАЖА

Вспомните, какъ събитъ амальгамный эпидемъ на бай-кэ (Стега патента „Британъ“ (Hartley Patent), который по виду и качеству нисколько не уступаетъ высшему серебру, симъ, дабы (дабы) изъяснить окончательно распръ даму въ виду своего толеранс...

- 12 " " " " " " " " " " " "
- 11 " " " " " " " " " " " "
- 10 " " " " " " " " " " " "
- 9 " " " " " " " " " " " "
- 8 " " " " " " " " " " " "
- 7 " " " " " " " " " " " "
- 6 " " " " " " " " " " " "
- 5 " " " " " " " " " " " "
- 4 " " " " " " " " " " " "
- 3 " " " " " " " " " " " "
- 2 " " " " " " " " " " " "
- 1 " " " " " " " " " " " "

Обыкновенно скрпкъ, сбркъ, постова сдкъ, вкдательное количество спирта. Итого за штука... **LAFORTHAIS, Wien, II Praterstrasse No. 14/16.**

„ОТРОКЪ-МУЧЕНИКЪ“ Углицкое преданіе. Повѣсть В. М. Ливеева и 20 рис. въ текствѣ м. в. Нестерова, В. П. Сурикова и Е. М. Бемъ. Большой роскошный томъ въ 4-ю долю листа въ худож. переплетѣ, тисненомъ золотомъ и красками. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к., а въ художественномъ переплетѣ тисненомъ золотомъ и красками — 3 руб., съ пересылкою 3 руб. 50 коп. Требованій адресовать въ контору изданій А. Ф. Маркса, СІБ., М. Морская, № 22.

PRECIOSA VIOLETTE
 ПРЕЛЕСТНЫЕ НОЖНЫЕ ДУХИ, ДОЛГО СОХРАНЯЮЩЕ СВОЙ ЗАПАХЪ.
 Эссенція высшего качества. Мыло. Туалетная вода самого тонкаго запаха. Растительный экстрактъ для ухода за волосами. Рисовая пудра неувядающая и неослабляющая.
ED. PINAUD
 PARIS

КНЕЙПСКИЙ СОЛОДОВОЙ КОФЕ КАТРЕЙНЕРА
 не преходящій предметъ потребления, но постоянный другъ народа! Онъ весьма полезенъ и по вкусу сходенъ съ зерновымъ кофе, отличающійся отъ нежелательнаго отсутствіемъ вредно-дѣйствующаго кофеина!
 Ц. № 11923 Общество «Ливонія».
Мюнхенъ. Имѣется во всѣхъ лучшихъ магазинахъ. Рига. Просятъ остерегаться плохихъ поддѣлокъ!

№ 4711. Кто любитъ запахъ настоящей фиалки, тотъ пусть требуетъ **ЭССЕНЦІИ „РЕЙНСКАЯ ФИАЛКА“** (Violette du Rhin.) Чистый запахъ Фиалки, крѣпкій, даже въ теченіе нѣсколькихъ недѣлей не выдыхающійся.

№ 4711. No. 4711 Savon violette du rhin. No. 4711 Sachets violette du rhin. Въ одинаковаго качества.

Продается въ парфюмерныхъ магазинахъ

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN
 Эссенція для платновъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6142 (95)
НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:
ЛОЗЕ „VIOLETTA REGIA“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
 Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ нуаферовъ.

ТОЗАРИЩЕСТВО

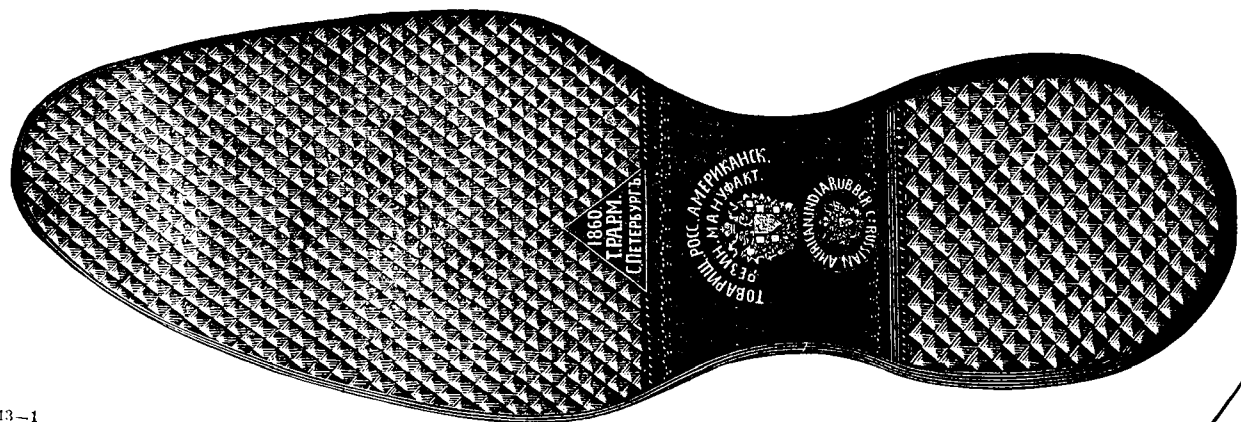
РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ

просить при покупкѣ обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 11926 13-1

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, и на слово „С.-Петербургъ“ въ красномъ треугольничкѣ (фабричное клеймо).

КАЗИМІРЪ ОССОВСКІЙ,

инженеръ.
Контора для исходайствования привилегій
ВЪ БЕРЛИНѢ. (Berlin, W. 9. Potsdamerstr, 3.)

Ювелиръ В. К. ЗЙКЕРОТЪ.

МОСКВА, Камергерскій переулокъ,
доль Ляозова.

Покупаю жемчужныя вѣнки, ру-
бины, лазурды и брил-
лянты по хорошей цѣнѣ.

Имѣю большой выборъ
новѣйшихъ фасоновъ золотыхъ и брил-
лянтовыхъ, съ драгоценными камни-
ми, вещей.

Беру въ обмѣнъ старое зо-
лото и камни. Ш. № 11893
ЗАКАЗЫ исполняются въ собствен-
ной мастерской. 3-3

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ

Первоклассной плантаціи ПОМПАПОЛЛА. Самый лучший изъ всѣхъ Цейлонскихъ чаевъ.
Экономическій, мягкій и ароматный. Единственное и главное депо Цейлонскаго чая пла-
нтаціи Помпаполла находится при чайныхъ складахъ

Московского купца И. Е. ДУБИНИНА. Москва, Покровка, д. Тяжелова.

Розничная	1 р. 60 к.	2 р. — к.	2 р. 40 к.	2 р. 80 к.	покупающимъ 25 ф. даются особ. льготы.
Оптовая	1 » 30 »	1 » 60 »	1 » 80 »	2 » — »	

При выпискѣ трехъ фун. чай высылается по оптовой цѣнѣ. Подробный прейсъ-курантъ
и необыкновенно льготныя условия высылаются по требованію бесплатно.

СВѢЖІЯ ПОЛЕВІЯ, ОГОРОДН.
СЪМЕНА ЦВѢТОЧНЫЯ И
ДРУГІЯ
НА СЛОЖН
БЕСПЛАТНО
СЪМЕННО-ТОРГОВЛЯ у БОЛЬШОГО ТЕАТР.
ВЪ МОСКВѢ
Е. РОТЪ.

270 Р.

подъ выигранные билеты, П лоземъ
до 235 руб., подъ III Дворянскіе до
200 руб., подъ остальные бумаги до
95 руб. изъ 5 до 8% годов. и 1/4%
скажемъ. ком. предлагаетъ въ суду
Банкирскій домъ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
69, Невскій. 7-6

НА ПУТИ КЪ СЧАСТЬЮ.

Романъ В. С. И. Н. Миревича-Данчен о.
Большой изданный томъ въ 328 страницъ №, въ
красной обложкѣ. СПб. 1898 г.

ЦѢНА за эту книгу, несмотря на ея значительный объемъ, назначена крайне умѣ-
ренна — 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 25 коп.
Требованія адресовать въ контору изданій А. Ф. Маркса. СПб. М. Морская, № 22.

СОБРАНИЕ ЗАДАЧЪ ПО МАТЕМАТИКѢ,

служившихъ темами на испытаніяхъ
зрѣлости въ гимназіяхъ и на выпуск-
ныхъ экзаменахъ въ реальныхъ учили-
щахъ, съ подробнымъ рѣшеніемъ
и объясненіемъ ихъ. Арифм., Алгеб.,
геометр. и тригоном. II изд. 1.35 к.

Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ
помощію НОВОЙ теоремы. Ц. 35 к.

ТРИГОНОМЕТРИЧЕСКАЯ ТЕОРЕМА, ФОРМУЛЫ
и примѣненіе ихъ къ рѣшен. задачъ Ц. 1 р. 65 к.
МЕТОДЫ рѣшен. ТРЕУГОЛЬНИКОВЪ Ц. 1 р.

Конспектъ и справочная книжка
ПО МАТЕМАТИКѢ.
Ц. 75 к.

Второе изд. Формулы, необходимыя при рѣшеніи зад.
изд. арифм., алгебр., геометр. и тригоном.
Темы для письм. испыт. съ образцами рѣш. ихъ.
Искусственные способы рѣшен. уравненій
Ц. 60 к. Подробное рѣшеніе и объясненіе
типическихъ задачъ по арифметикѣ. Ц. 60 к.

НОВАЯ ТРИГОНОМЕТРИЯ

РѢШЕНІЕ
ТРЕУГОЛЬНИКОВЪ

помощію ОДНОЙ теоремы,
45 случаевъ. Второе изд.
Ц. 85 к. Уч. Ком. М. Н. Пр.
доп. въ Уч. биб. ср. Уч. зав.

Съ требованіями обращаться къ автору.
Г. Оренбургъ, Д. В. Агаповъ. Инстит. № 11.

новѣйшая \$
МОДЕЛЬ
1898 года
всемирно-образц.
ПИСЬМЕН-
МАШИНЫ

РЕМИНГТОНЪ

обладаетъ всеми усовершенствованіями
изобрѣтенными до настоящаго времени,
создавшими типъ

САМОЙ СОВЕРШЕННОЙ МАШИНЫ

превосходящей всѣ другія системы
ВЪ ПРОЧНОСТИ,
БЫСТРОТѢ,
ЛЕГКОСТИ УДАРА
и ТЩАТЕЛЬНОСТИ
исполненія работъ.

ПОНИЖЕННАЯ ЦѢНА
275 РУБ. ВМѢСТО
325 РУБ.
предостерегаемъ отъ массы

ПОДДѢЛОКЪ И

ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГИ.

ЕДИНСТВ. ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ

М. Блокъ

МОСКВА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
КИЕВЪ, ОДЕССА,
Варшава, Екатеринбургъ, Нонандъ,
Ростовъ

Пейте Цейлонскій чай! Пейте Цейлонскій чай!! Пейте Цейлонскій чай!!!

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготвленія.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучший чай по вкусу и аромату.

Годичное потребленіе Цейлонскаго чая въ Россіи
болѣе 10.000,000 фунтовъ 10.000,000.

Главный складъ Цейлонскаго чая у **М. РОЖИВІЮ**, Москва,
МАРОСЕЙКА, д. ТУШНИНОЙ. Ш. № 11642 20-12
Представитель Товарищества Цейлонскихъ плантаторовъ для всей Россіи.

Тысячи благодарственныхъ отзывовъ
отъ самыхъ интеллигентныхъ потребителей нашо-
го изобрѣтенія дозволяютъ намъ рекомендовать всѣмъ
дамамъ ПАТЕНТОВАННЫЙ ШИНДЛЕРА БЮСТ-
ГАЛЬТЕРЪ (Аптекорсетъ). Изобрѣтеніе это, за-
мѣняющее корсетъ и признанное во всѣхъ государ-
ствахъ, даетъ полное свободное движеніе, вслѣдствіе
чего его могутъ носить въ теченіе цѣлаго дня и безъ
утомленія себя ВОТЪ безъ исключенія дамы и даже
страдающія, беременныя, кормящія грудью, хозяйки
въ домашнемъ быту, трудящіяся въ разн. мѣхъ оубо,
училищахъ, торговляхъ, путешествующія, управлю-
щія всякаго рода спортъ и т. д., въ чемъ свидѣль-
ствуютъ отзывы докторовъ, прилагающіеся къ ка-
ждому экземпляру.

Бюстгальтеръ, патентованный въ 13-ти государ-
ствахъ, изготовляется изъ лучшихъ и моднѣйшихъ кор-
сетныхъ матеріаловъ со щегольской отдѣлкой.

ЦѢНЫ: А. А. В. С. D. D. шелк. черн.
3.50. 4.50. 5.75. 6.75. 9.50 к.

Детальные заказы высылаются почтою повсемѣстно наложеннымъ платежомъ (даже
безъ задатка) съ причисленіемъ за пересылку 60 коп. При заказѣ слѣдуетъ прислать мѣру въ
сантиметрахъ, верхнихъ, нижнихъ или тѣсной по рисунку.

- 1) Полную окружность груди (со спиной), мѣра на платѣ подъ мышкою кругомъ отъ А до В.
 - 2) Полную окружность талии кругомъ отъ С до D.
 - 3) Высоту бока отъ А до С.
- Выписывающіе три и болѣе экземпляра за пересылку не платятъ.

Адресъ для заказовъ:

Варшава, „Шиндлера Бюстгальтеръ“

Маршалковская, 118/2. Ц. № 11932 5-1

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ Банкирской конторы Генриха Блокъ въ СПб.

Содержаніе:

Т Е К С Т Ъ: Мара. Древне-русская повесть В. М. Михеева. (Продолженіе).—Митяка-бѣглець. Рассказъ Ф. Н. Фальковского.—Александро-Свирскій монастырь. Очеркъ И. Томенова.—Къ рисункамъ: Изъ гостей.—Гензель и Гретель.—Молитва.—Рѣка Селенга.—Болгарская княгиня Марія-Луиза.—Столбѣте кавалергардскаго полка.—М. С. Корелинъ.—Игнатій Падеревскій.—Политическое обозрѣніе.—Объявленія.

Р И С У Н К И: Изъ гостей. Картина Алонзо Перетца.—Литературный альбомъ. Сказка братьевъ Гриммовъ. Гензель и Гретель въ лѣсу. Картина О. Лингнера.—Благодарственная молитва. Картина Г. Ливъ.—Рѣка Селенга, впадающая въ озеро Байкаль. Ориг. рисунокъ Д. Пахомова.—Александро-Свирскій монастырь: 1) Преображенскій соборъ. 2) Троицкій соборъ. 3) Мѣсто явленія св. Троицы преп. Александру Свирскому. 4) Покровская церковь. 5) Нелья преп. Александра въ подвальномъ помѣщеніи Покровской церкви. Ориг. рисунки В. Павлова и И. Томенова.—Ея высочество княгиня болгарская Марія-Луиза.—Графъ Ю. П. Литта, шефъ кавалергардскаго корпуса въ 1799 г.—Кавалергардъ при императорѣ Петрѣ I (1724 г.).—Унтеръ-офицеръ, кавалергардъ и офицеръ при имп. Екаторинѣ II (1764—1796).—Офицеръ и кавалергардъ кавалергардскаго корпуса при императорѣ Павлѣ I (1797 г.).—Кавалергардъ, трубачъ и унтеръ-офицеръ кавалергардскаго полка при императорѣ Александрѣ I (1804—1807).—М. С. Корелинъ.—Піанистъ Игнатій Падеревскій.

ЛЕОТИ

Первоаарядный торговый домъ корсетовъ
8, Place de la Madeleine (1)
ПАРИЖЪ.
Для мѣрки требовать указатель на русск. яз.

ВЫГРЫШ-

НЫЕ 1, 2 и 3 займы продаетъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
59, Невскій, С.П.В. 6-6

Крахмальные заводы

по
ново-реформированной системѣ Уландъ
обеспечиваютъ наибольшій доходъ!
Спеціальное заведеніе для устройства и
перестройки крахмальныхъ заводовъ
В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
Прейс-курранты бесплатно.

Только 4 р. 50 к. въ
годъ, съ перес. 6 р.
Прекрасный франц. Модн. журналъ
„LA MODE NATIONALE“

52 раскраш. номера въ годъ съ вы-
кройк., а также принимается абоне-
ментъ на всѣ франц. модн. журналы

Н. Х. ДАВИНГОФЪ.

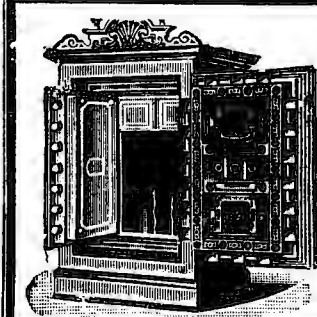
С.-Петербургъ, Гостиный дв., № 12.

№ 11966 3-1

ЗВѢРЕЙ и ПТИЦЪ

всякаго рода, живыхъ, покупаютъ
С.-Петербургскій Зоологическій Садъ.

С. И. Арнгеймъ, Берлинъ.

ПРИДВОРНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ
ИМПЕРАТОРА ГЕРМАНСКАГО.
ВСЕМІРНО-ИЗВѢСТНЫЙ ЗАВОДЪ
НЕСГОРАЕМЫХЪ ШКАФОВЪ

ГАРАНТИРОВАННЫХЪ ОТЪ ОГНЯ И ОТЪ ВЛОМА.
УСТРОЙСТВО СТАЛЬНЫХЪ ПОМѢЩЕНІИ
№ 11 75 И ТРЕЗОРОВЪ. (1)

Представитель: О. Г. Шпеннеманъ.
С.-Петербургъ, Чернышевъ пер., 12.

КНИЖ. МАГАЗ. „ОБРАЗОВАНИЕ“

въ Одессѣ, Ришельевская, № 12,
съ отдѣлен. конторы
высылаютъ иногород. „КНИЖИ“
цѣны всѣ книги; можно наложить пла-
тежомъ, получивъ 1/3 въ задатокъ.

„ЧТО“

такое искусство укрѣпленія памяти?
книга (8-е испр. и дополн. изд.) проф.
мнемоники С. Файнштейна, вполн. за
шесть 7-ми коп. марокъ, на велен. бума-
га—за восемь 7-ми коп. марокъ.

Адресъ: Одесса, Гаванная ул., д. № 2/8,
профессору мнемоники
С. ФАЙНШТЕЙНУ.
№ 11356 10-10

КАРПАТСКІЯ КОСЫ изъ серебристой стали. Ручательство за наивысшее качество.
Длина | 24 | 26 | 28 | 30 | 32 | 34 | 36 | 38 | дюйм.
Цѣна | 70 | 75 | 80 | 85 | 90 | 95 | 100 | 110 | коп.

Доставка и посылка на счетъ завода. При полученіи задатка — отправляемъ по
жел. дор. При уплатѣ всѣхъ денегъ — пересылаемъ по почтѣ. № 11969
Фабричное клеймо.

Минцеръ и К^о.

Вѣна $\frac{9}{3}$
(Австрія).

Münzer & Co.

Wien $\frac{9}{3}$
(Oesterreich).

Открыта подписка на 1899 г. на самый распространенный въ Россіи
музыкальный журналъ. (Изданія годъ 5-й).

„МУЗЫКА и ПѢНІЕ“

Для пѣнія одноголоснаго и хорового, фортепіано и другихъ инстру-
ментовъ. Одобрены Учеб. Комит. при Св. Синодѣ. Одобрены Учен.
Ком. Мин. Нар. Пр. Одобрены особымъ отдѣломъ Учен. Ком. Мин.
Нар. Пр. Рекомендованы Гл. Упр. военно-учебн. завед. Выходитъ
ежемесячно. Подписчики получаютъ 200 лучшихъ музыкальных сочи-
неній по всѣмъ отраслямъ музыки, творчества, стоящихъ въ отдѣль-
ныхъ изданіяхъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ сорныхъ рублей. Годовой экземпляръ
составитъ болѣе 500 стран. большого нотнаго формата.

Вышелъ № 3. Содержаніе: Отдѣл I, тексты: 1) Гродзкій, В. Очеркъ исторіи музыки
въ Россіи. 2) Морель, В. Какъ достигъ наилучшихъ результатовъ въ искусствѣ пѣнія.
3) Обзоръ новѣйшей духовно-музыкальной литературы. 4) Эд. Григъ. Музыкально-ха-
ракт. очеркъ. 5) У кого на рукахъ умеръ Ф. Шопенъ. 6) Забавный эпизодъ изъ
жизни Верди. 7) Кн. Бисмаркъ о музыкѣ. Отдѣл II, пѣнія: 8) Зайцевъ, С. А. Съ нами
Богъ. 9) Егю-же. Да молчитъ всякая плоть. 10) Лотъ, Ф. Практическая школа солдаго
пѣнія. 11) Варламовъ, А. Красный сарафанъ. 12) Массенъ, I. Элегія. Отдѣл III, легкія
пѣсни для форт. Шуманъ, Р. Дѣтскія пѣсни: 13) Мелодія. 14) Солдатскій маршъ. 15)
Пѣсенка. 16) Хорать. 17) Пѣсенка. 18) Вѣдный серотка. 19) Rascher, I. Air de Warla-
moff. 20) Ganschals, C. На мильницѣ. Отдѣл IV, пѣсни д. форт. ср. тр.: 21) Schubert-
Heller. Совѣдѣ. 22) Казаченко, G. Valse lento. 23) Blon, F. Sizilietta. 24) Pessard,
Em. Petite Valse. 25) Момковский, М. Знаменитый испанскій танецъ. 26) Падеревскій,
И. Знаменитый менуэтъ. Отдѣл V, д. гармоніума или форт.: 27) Флотовъ, Ф. Гимнъ
изъ оп. «Страдалла». 28) Менерберъ, Дж. Молитва изъ оп. «Сѣверная звѣзда». Отдѣл
VI, д. форт. въ 4 руки: 29) Момковский, М. Испан. танецъ. Отдѣл VII, д. разн. ин-
струм.: 30) Момковский, М. Исп. тан. д. скрипки съ форт. 31) Тоже. Для 2 скр. 32)
Тоже. Для 2 скрпн. съ форт. 33) Тоже. Для флейты съ форт. 34) Тоже. Для виолонч. съ
форт. 35) Тоже. Для корнета съ форт. 36) Тоже. Для 1 ил 2 скр., виолонч. и форт.
37) Момковский, М. Исп. тан. въ 4 руки со скрипкой. 38) Тоже. Съ 2 скр. 39) Тоже.
Съ флейтой. 40) Тоже. Съ виолонч. 41) Тоже. Съ корнетомъ. 42) Тоже. Съ 1 ил 2 скр.
и виолонч. 43) Объявленія. Цѣна № 3 въ отдѣльной продажѣ 75 к., съ пересылкой 1 р.
(можно марками). Пробный номеръ, содержащій въ себѣ ноты, стоящихъ въ отдѣльныхъ
изданіяхъ пять рублей, можно получить за 50 к., съ перес. 71 в. (можно марками).
Подробныя объясненія, списокъ премій, каталоги книгъ и ноты высылаются бесплатно.
Подписка принимается въ главн. конторѣ журнала «Музыка и Пѣніе» при книжномъ
и музыкальномъ магазинѣ П. К. Селиверстовъ, С.-Петербургъ, Садовая 23, противъ
Гостиваго двора. Редакторъ-издатель П. Селиверстовъ.

Подписная цѣна
на годъ безъ до-
ставки 4 р., съ
доставкою и че-
ресылкою по всей
Россіи 5 руб. За
границу 6 руб.
Допускается раз-
срочка. Первый
авносъ одинъ руб.

ЗАОЧНОЕ ОБУЧЕНІЕ ИГРЪ НА ФОРТЕПИАНО.

Проф. Ипполитъ Павловичъ РАПГОФЪ
(быв. инспекторъ Курсовъ Рапгофъ,
директоръ музык. школы въ СПб.,
преп. Пажескаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
корпуса, авторъ многихъ руко-
водствъ),
открылъ подписку на сто письменныхъ
уроковъ игры на фортепіано, съ при-
ложеніемъ массы иллюстрацій и нотъ,
при помощи которыхъ безъ препода-
вателя можно легко научиться
играть на фортепіано. Подписная цѣ-
на на всѣ сто уроковъ—10 руб., съ
доставкою во всѣ города Россіи.
Допущ. рассрочка въ 2 срока. Пробн.
урокъ и программа курса высла. за
28 в. марками.
СПб. Невскій пр., № 73, на 49.

Карль Ивановичъ Вагнеръ, Садовый Заведеніе въ Ригѣ,

смы имѣетъ честь довести до свѣдѣній
любителей, что иллюстрированные ката-
логи съменяемъ и пр. на 1899 г. изданы
и высылаются по требованію бесплатно.

Натуральный княгининскій чай

фирмы К. ДОЛБЕВА, Кяхта.
Выска специально иногороднымъ.

270 Р.

подъ выигрышные билеты, II заемъ
до 235 руб., подл III Дворянскіе до
200 руб., подл остальные бумаги до
95 руб. изъ 5 до 8% годов. и 1/4%
ежемѣс. ком. предлагаетъ въ ссуду
банкирскій домъ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

59, Невскій. 7-7

ТОВАРИЩЕСТВО
„ПРОВОДНИКЪ“.
Москва. * Рига. * СПбуртъ.

* Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. *
Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подл фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.

XXX г.

№ 5

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXX

1899

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выдавъ 30 января 1899 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1899 г.

Безъ доставки въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к. Безъ дост. въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи . . . 6 р. 25 к. Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Ришельевская, 12. . . 6 р. 50 к. Съ доставкою въ Петербургъ . . . 6 р. 50 к. Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи . . . 7 р. 10 р. За границею . . . 10 р.

На 1/4 года съ дост. въ СПБ. 1 р. 25 к., съ перес. инсгор. 1 р. 35 к.; на 1/2 года съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 к.

М а р а.

Древне-русская повѣсть

В. М. Михеева.

(Продолженіе.)

IX.

Л а д а.

Русава сидѣла молча, не шевелясь. Широко-раскрытые глаза ея смотрѣли упорно на Вельмуда.

Ея влажные волосы, которые она обыкновенно заплетала въ одну толстую длинную косу, постепенно, во время бѣга и плаванія распустились и висѣли вдоль ея щекъ влажными прядями. Отъ влажности и блѣдности ея лица они казались темнѣе. Вѣнокъ изъ желтыхъ и бѣлыхъ водяныхъ кувшинокъ, надѣтый на ея голову, эти волосы, прозрачно-блѣдное, отъ всего пережитаго, лицо и горящіе потемнѣвшіе глаза, въ свѣтлой тѣмнѣ юньской ночи дѣлали ее похожей на видѣніе, на духъ, на водяницу, какъ называлъ ее Вельмудъ.

Она бѣжала изъ отчужаго дома, чтобы воочию увидать тайны волшебной Купальей ночи; многихъ изъ этихъ тайнъ она не увидѣла: но довольно было и того, что она видѣла и испытала, — начиная отъ ужаса въ прогалинѣ лѣса и кончая этимъ разказомъ Вельмуда. Самымъ потрясающимъ было, конечно, мгновеніе, когда она почувствовала, что летитъ въ объятія Водяного. Но теперь, когда она слышала то, что говорилъ Вельмудъ, — все для нея исчезло, и того страшнаго мгновенія она будто и не пережила.

Изъ гостей. Съ картины Алонзо Перетца автотипія Ангерера и Гёшля.

Душа ея, совѣсьмъ дѣтская, когда она бросилась стрѣлой къ прогалинѣмъ лѣса, росла въ эту ночь съ необычайною быстротой. Потрясенная страхомъ, переменяя его, чтобы все-таки добѣжать до Горыни съ ея тайнами, — Русава уже была старше душою, когда ступила ногой на пригорынской дугъ. Упоенная на ласково-тихомъ дугу созерцаніемъ звѣздъ, почувствовавъ будто на самомъ дѣлѣ все то, что о звѣздахъ слышала отъ дѣда, желая взлетѣть птицей надъ Горынью, повиснувъ на пловомъ корпичѣ, рѣшивъ опустить на воду и свой вѣнокъ по примѣру другихъ дѣвушекъ, услышавъ всѣ тѣ шепчи, какія допеллись въ эту ночь до нея, переживъ все, что она пережила: встрѣчу съ Водянымъ, боязнь опутить у себя рыбій хвостъ и горячіе поцѣлуи Вельмуда, «отогрѣвавшего ее губами», — Русава становилась все иной и иной, все росла и росла душою.

И теперь, слушая рассказы Вельмуда о томъ, какъ онъ оукался отъ волнаго, смѣлаго и предприимчиваго людина до закушия, отъ закушия до холона, до изгой, до вора — Русава впервые почувала суровое дыханіе жизни, то, отъ чего такъ ревниво отдалили ее отецъ, мать, Недыха, отъ чего самъ уже давно отдалился дѣдъ Годинъ, уйдя всею душою въ строгое соблюденіе родовыхъ правъ, обычаевъ и въ созерцательную жизнь вѣдуна, жреца.

Не лѣшіе, не водяные пугали Русаву въ этомъ суровомъ дыханіи жизни, дыханіи нужды, рабства, преступленія. Многого еще не могла она осмыслить, но на ея робкую, юную душу повѣяло чѣмъ-то не менѣе грознымъ, чѣмъ темныя силы лѣса и воды. Отецъ ея и дѣдъ Годинъ, — первый, приумножая богатство старшаго въ родѣ, второй, помогая ему, противъ воли, своимъ судомъ, становились чѣмъ-то стихійнымъ, какъ Водяной, суровымъ, какъ Стрибогъ, богъ бурь и грозъ.

А жертва этихъ грозныхъ силъ, — блѣдецъ, изгой, раскаявшійся «копесый тать» — сморгнулъ во время своего разсказа такими скорбными, добрыми глазами, его молодое лицо было такъ страдальчески мягко, что сердце Русавы, зачарованное этой ночью створовъ и улыканій, невольно забилося сильнѣе, точно и оно слушало горькую повѣсть Вельмуда, видѣло его лицо, его очи. Но оно, юное и неопытное, быть-можетъ, и не забилося бы сильнѣе отъ рѣчей татя и блѣдца, если бы не услышало впервые, что она, Русава, стала для кого-то зазнобой, ладой...

Никто до сихъ поръ не говорилъ ей этого, никто не намекалъ ей на это. Заповѣдная невѣста знатнаго родича Владана, она только съ тайнымъ страхомъ думала изрѣдка объ этомъ почти никогда не виданномъ ею будущемъ мужѣ. Она была малюткой, когда Владанъ поплывулъ Ольжичи. Она совѣсьмъ забыла его. Когда она узнала, что тамъ, на далекомъ Дунаѣ у нея есть будущій мужъ, она представила его себѣ подобіемъ отца Баюма, сердитымъ, властнымъ, «морящимъ» женщицъ и всѣхъ больше жену на работѣ.

Заговаривала она съ дѣдомъ-Годинномъ о Владанѣ, старикъ уклонялся.

— Увидишь, узнаешь, дѣвонька, все въ свое время, говорилъ онъ неохотно, точно мысль отдать внучку мужу была ему непріятна.

И сама Русава забывала объ этомъ далекомъ и страшномъ, совѣсьмъ невѣдомомъ суженомъ. Въ сердцѣ ея пресыпались непонятные порывы, тоска, но при этихъ порывахъ она не думала о Владанѣ. Эти порывы, вѣроятно, и погнали ее на Горынь въ Купалью ночь... И вдругъ она слышитъ, что она «зазноба, лада». И глаза того, кто говорить это, такъ грустно смотрятъ на нее, уста его рассказываютъ о глубокомъ горѣ, эти уста, поцѣлуи которыхъ уже обожгли ее и, быть-можетъ, болѣе всего пробудили ея юное сердце.

Лугавилъ Вельмудъ, говоря, что хотѣлъ только отогрѣть ее губами, когда она обмерла. Но губы его не

лугавили, и поцѣлуи ихъ еще до сихъ поръ горѣли на щекахъ и губахъ Русавы. И когда она услышала все, что онъ разсказалъ, когда она услышала изъ этихъ устъ, что она «зазноба», «лада» его — она почувствовала, какъ кровь хлынула къ ея лицу. Рука Вельмуда сжала ея руку. Она молчала и только тяжело дышала.

Русава Баюмовна! Бери же, веди меня на судъ къ отцу. Укажу, и сдѣ конь спряганъ, — простоналъ Вельмудъ и крѣпче сдвинулъ ея блѣдную, ослабѣвшую руку своими грубыми, трудовыми пальцами.

Русава продолжала молчать. Но другая ея рука тихо поднялась ко лбу Вельмуда и отвела его кудри отъ раны, нанесенной ея ножомъ.

— Больно тебѣ? — тихо прошептала она...

Шоночь этотъ трепетно напряженной струной зазвенѣлъ въ затишьи ночи. Въмѣсто всякаго отвѣта, Вельмудъ полуобнялъ ее и, заглядывая счастливыми глазами въ ея глаза, прошепталъ почти такимъ же шоночьомъ:

— Лада моя, лада!

Русава не шевельнулась, чтобы освободиться отъ его робкихъ, благоговѣйныхъ объятій. Ея рука, коснувшаяся его раны, тронула теперь вѣнокъ изъ водяныхъ лепѣй, надѣтый на ея голову. Она вспомнила, что она выронила его, увидавъ Водяного.

— Это ты нашель и надѣлъ на меня? тѣмъ же шоночьомъ спросила она.

И глаза ея потонули въ его взглядъ — огромные, темные, глубокіе.

— Лада моя, лада! — шепталъ Вельмудъ. Когда ты падала съ ивы, и вѣнокъ упалъ на тебя, такъ на волосы твои и упалъ, а я только понадвинулъ его.

— Самъ упалъ на голову мою? — радостно вырвалось у Русавы.

То было доброе предвѣстье: не въ воду упалъ, не потонулъ ея вѣнокъ, а увѣнчалъ самъ собой ея голову. — точно голову невѣсты.

— Самъ упалъ! — отвѣтилъ Вельмудъ. — Понадвинулъ я только его на головку твою.

Онъ все заглядывалъ въ глаза Русавы. Онъ точно искалъ чего-то въ нихъ. Онъ точно спрашивалъ у нихъ о чемъ-то... А глаза эти становились все безотвѣтнѣе, тѣло Русавы точно невольно уже само прищипало къ груди Вельмуда... Что-то притягивало ее къ молодому изгою... Тонкая рука обвила его шею. И, наклоняясь къ его уху, она прошептала чуть слышно, вся дрожа отъ страха или отъ холода ночи:

— А Владанъ-то... дружокъ твой, женихъ мой?

X.

Синькина душа.

Вельмудъ выпустилъ Русаву изъ своихъ рукъ. Онъ всталъ на ноги во весь свой высокій ростъ. Она тоже поднялась, точно испуганная его движеніемъ.

— Прости, Русава Баюмовна, одурила меня Купалью ночь, не суженый я тебѣ. Владанова невѣста! Забылъ, что я нищій, изгой... Ступай домой! Заплуталась ты, видно. Не къ дѣду ли шла, да заплуталась? Издали провожу я тебя, чтобы не пристигъ тебя лихъ человекъ, а дойдешь до хоромъ отца, — скроешь, пропадаю. И не верну я ему коня, а нынѣ же сяду на лихого, ускачу куда глаза глядятъ, авось не найдутъ ни моихъ, ни его костей гонцы-ловцы Баюмовы...

Вельмудъ стоялъ теперь въ отдаленіи отъ Русавы темной, суровой тѣнью. Русава протянула къ нему руку, точно хотѣла оставить его. Но онъ сдѣлалъ еще шагъ прочь отъ нея.

— Стой, Вельмудъ. Не отходи. — вдругъ крикнула Русава.

Голосъ ея звучалъ глухо и печально. Въ немъ уже не слышалось ничего дѣтскаго. Точно она вдругъ возмужала.

— Не отходи. Слышалъ ты, Вельмудъ, о Марѣ?— продолжала она тѣмъ же голосомъ.

— Слыхалъ, Баюмовна, какъ не слыхалъ! Пообѣдить ее на утро солнышко - Ярило, сожгутъ ея соломенное чучело, и до зимы холодной забудутъ о ней --- да не всѣ! --- также глухо отозвался Вельмудъ.

— Ты не забудешь?—поняла его Русава...

— Не забуду, Баюмовна. Въ дальнихъ лѣсахъ, на отощаломъ конѣ, слыша вой голодныхъ волковъ, буду я все дальше уходить отъ тебя, къ ней я буду приближаться, ея очей искать въ бору темномъ... И выглянетъ она на меня, дохнетъ на меня и на коня, и ляжемъ мы костьюми небось еще до зимы, и замашетъ надъ нами крылами черными Смерть,--Мара.

Русава жадно слушала мрачную рѣчь Вельмуда.

— Постои, Вельмудъ, не говори, дай мнѣ сказать, -- остановила она его. -- Много сказать мнѣ дѣдъ Годинъ про страшную Мару. одного онъ не сказалъ, да Недыха недоумила. Болясь я, охъ, болясь. Да все думала: глупый мой ребячий страхъ. А нынѣ, въ эту ночь, чую... Машетъ она черными крыльями, говоришь ты. А дѣдъ говорить--крылья у ней бѣлыя, холодныя, невидимыя. И вправду не вижу я ея крыльевъ, а машетъ она ими надо мною, чую -- машетъ. Все она, она! -- вдругъ воскликнула Русава съ дрожью во всемъ тѣлѣ, съ какой-то бурной страстностью въ голосѣ, страстностью полной ненависти. -- Слыхалъ ты? Былъ у меня братъ, младенецъ Синька --- за синія, голубыя очи прозвали его такъ. Махнула надъ нимъ своими крыльями Мара и взяла его. А черезъ годъ родилась я. И узнала мать Синькины очи въ моихъ очахъ... А старуха Недыха посмотрѣла на меня и шепнула матери: «Смиловался надъ тобой, госпожа, Сварогъ, вернуть тебѣ Синькину душу въ Русавиномъ тѣлѣ, да не больно радуешься, госпожа, будетъ опять искать Синькину душу Мара-смерть; береги, какъ око, дочку». Пали на материну душу Недыхины слова. Затосковала мать. Дѣдъ Годинъ на нихъ только головой покачалъ. А отецъ Баюмъ палкой на Недыху замахнулся: не муги, говорить, вѣдунья проклятая. Мнѣ давно ужъ про все это рассказала Недыха шопоткомъ, таясь отъ отца, матери... Сказала я про то дѣду. А онъ только головой качалъ, на другое рѣчь перевелъ. Ни мать, ни отецъ объ этомъ и не упоминаютъ. И сама я стала думать: не Синькина, моля, во мнѣ душа, а своя, а Синькина душа въ русалку, видно, перешла, какъ всѣ души младенцевъ. И почувдилось мнѣ сегодня въ лѣсу: гонится за мной та душа... Да вижу теперь: во мнѣ та душа... Все это Мара, все она... Слушай, Вельмудъ, ступай ко мнѣ, обими меня, приласкай,--разрывается у меня сердце... И тебя губитъ Мара за меня... И въ отцово сердце злобу къ тебѣ дохнула она, и въ тебя-- воровской соблазнъ; стала я тебѣ ладой--и на тебя погибель пошла...

Рѣчь Русавы путалась. Точно волнение, постепенно овлаждая ею, пресѣкало ея мысль, ея дыханіе. Вельмудъ вдругъ шагнулъ къ ней. Не дожидаясь, когда онъ совсемъ подойдетъ, какъ вснугнутая птица, порхнула Русава на его грудь, пришла къ этой груди и громко, воплемъ, далеко пронесшимся въ тишинѣ ночи, зарыдала. Въ это мгновеніе, казалось, въ ней рыдалъ и запуганный ребенокъ, и полюбившая неровню дѣвушка, и готовая узнать всѣ тайны и бѣды жизни женщина. Вельмудъ крѣпко прижалъ ее къ своей широкой груди. Она рыдала долго, глухо, тяжело... Вельмудъ потерянно гладилъ ея голову... Вдругъ она приподняла облитое слезами лицо, глянула въ его глаза полными слезъ глазами и снова заговорила быстро-быстро:

— Посади меня на отцова коня, умчи меня съ собой, Вельмудъ! Никого мнѣ не жалко въ роду племени, кромѣ матери да Година дѣда, да и супротивъ нихъ злоба въ сердцѣ выросла... Отдадутъ они меня Владану-вою... Не вѣдомъ мнѣ Владанъ, страшенъ мнѣ Владанъ... Увези меня отъ Владана... Лада я твоя... Любовь ты мнѣ, жалко

мнѣ тебя... Ишь, ножомъ ударила тебя, сама же вѣдая, кто ты, а точно больше любовь ты мнѣ отъ того, что кровь твою пролила... Ишь, и вѣнокъ самъ на голову мнѣ упалъ, когда повалилась я въ руки твои... А Купальнѣ вѣнки не обмануть--и дѣдъ мнѣ говорить. Все одно, возьметъ меня Мара--видно, вправду Синькина душа во мнѣ... Ускачемъ, Вельмудъ, ускачемъ далеко-далеко... Не дамъ я тебѣ одному въ лѣсу съ голоду помереть... Вѣстѣ... вѣстѣ... Пусть вѣстѣ беретъ насъ Мара. Водянымъ ты мнѣ причудился; губи, какъ Водяной, умыгай, увози на отцовомъ конѣ... Изгойшка мой желанный... Лада, я тебѣ и вправду лада... Любовь ты мнѣ, жалко мнѣ тебя!..

И Русава, все еще обливаясь слезами, ласкалась, приникала, жалась къ Вельмуду, какъ одинокій ребенокъ, давно искавшій груди, къ которой могъ бы онъ прижаться, весь отдаваясь ей. Вельмудъ не сказалъ ни слова. Въ его мысляхъ онъ давно уже мчался вихремъ на краденомъ Баюмовомъ конѣ, умыкнувъ въ Купальню ночь свою невѣсту, свою ладю... Куда онъ съ ней помчится -- съ ней, въ которой точно и вправду плакала душа преслѣдуемаго Марой младенца, Синькина душа, -- онъ не думалъ. Вдругъ въ бѣгломъ ворѣ, изгой проснулась точно вѣра въ свою силу, въ то, что онъ уберезетъ, несмотря ни на что, отъ второй смерти эту милую ему Синькину душу... И, весь вспыхнувъ этой вѣрой, горячимъ поцѣлуемъ припалъ онъ къ устамъ Русавы... Она безотвѣтно отдавала ему уста...

Вдругъ странный крикъ нарушилъ тишину ночи.

— Эй, кто на берегу? Ольжичанскіе?

Вельмудъ обернулся. По рѣкѣ смутно тинулся во мракѣ рядъ лодокъ съ людьми.

— Ольжичанскій изгой, Вельмудъ! --забывшись, крикнулъ онъ, не отпуская отъ груди своей Русавы.

Онъ, точно опьянѣвъ, кидать вызовъ чему-то...

— Ну, а я побратанъ твой, Владанъ, веду князя Святослава въ Ольжичи на полюдь;-- крикнулъ тотъ же голосъ съ передней лодки...

XI.

Князь свать.

Вельмудъ и Русава почувствовали, приникая другъ къ другу, какъ они оба задрожали точно одной необходимой дрожью. Но Вельмудъ еще крѣпче прижалъ дѣвушку къ своей груди и, все болѣе охватываемый жаждой вызова, внезапными, безумными безстрашіемъ, закричалъ:

— Коли ведешь, Владанъ, князя на полюдь, сходи съ ладей, ступай отсетъ волокомъ--не пройдутъ большія лады далѣ по Горыни!

Слова эти, какъ и все, что теперь говорилъ и дѣлалъ молодой изгой, вырвались у него будто противъ его воли. Онъ терялъ сознание дѣйствительности. Жизнь его, окончательно выходя изъ колеи, въ виду всего, что онъ пережилъ въ послѣднее время, особенно въ эту волшебную ночь, становилась ему самому чѣмъ-то невѣроятнымъ, сказочнымъ. И только одна несомнѣнная для него правда трепетала въ его груди-- сознание, что Русава тутъ, у его сердца, и какія бы невѣроятныя неожиданности ни посылала ему волшебная ночь, этой правды она у него не отниметъ.

И въ то же время онъ чувствовалъ, что, разъ во-очію совершается то, что происходитъ, кончая этимъ внезапнымъ появленіемъ въ Ольжичахъ Русавина жениха и самого князя, -- нечего искать спасенія себѣ и своей ладѣ въ утайкахъ, хитростяхъ, обгѣствѣ. Точно все существо Вельмуда прониклось однимъ необходимымъ ощущеніемъ: если еще можно чѣмъ бороться противъ всего, что совершалось въ его судьбѣ въ эту ночь, то только одной правдой, одной готовностью смѣло смотрѣть въ очи всему, что бы ни послала ему и Русавѣ злая Мара.

Ибо и Вельмуду теперь казалось, что Русава права, что злая Мара не въ силахъ явиться въ это время тор-

Литературный альбомъ. Сказки братьевъ Гриммовъ. Гемзель и Гретель въ лѣсу. Съ картины О. Лингнера гравир. Бонгъ

жества Солнца - Ярилы. не въ силахъ проявить свою разрушительную власть смерти. И смѣлымъ вызовомъ не то Владану, не то самой Марѣ, прозвенѣли надъ Горынью его слова о томъ, что дальше княжескія ладьи не пройдутъ по Горыни.

И когда темныя лодки, уже въ рѣдѣвшей чуть-чуть ночной тьмѣ, медленно направились къ берегу, и первыя изъ нихъ зашуршали своими плоскими, острыми и длинными носами о прибрежныя травы, — Вельмудъ только крѣпче прижалъ къ себѣ дочь Баюма. Точно зачарованный, точно прикованный къ мѣсту, видѣлъ онъ, какъ лодка за лодкой, будто крадучись, ровнялась съ берегомъ, изъ нихъ выходили тѣни, и лодки вползали на берегъ встѣдъ за этими тѣнями.

Нѣсколько тѣней двинулись впередъ по берегу и приостановились, озираясь вокругъ и лица глазами, вѣроятно, его, Вельмуда. Онъ хотѣлъ пойти имъ навстрѣчу, но Русава припала съ такимъ трепетомъ къ его груди, что онъ снова застылъ на мѣстѣ. Выдержанные ратники Святослава, привыкшіе въ походѣхъ къ тишинѣ и молчаливой расторопности—долго молча вематривались въ тьму и вдругъ прямо двинулись къ Вельмуду и Русавѣ.

— Ты, что-ль, побратанъ?—раздался сильный голосъ Владана.—Чего-жь ты стоишь, какъ одурѣлый, не поможешь господину князю, воеводамъ, воямъ на земь выйти? Не одинъ ты что-ль?

И нѣсколько темныхъ фигуръ подошли вплотъ къ Вельмуду и Русавѣ.

— Забылъ, видно, Владанъ, какая нынѣ ночь?—раздался другой голосъ, болѣе тихій и спокойный, но гораздо болѣе властный и повелительный.—Видишь, съ ладой въ обнимку побратанъ-то. Зажгите-ка други вон костры-огни — поглядимъ на ольжичанскихъ добрыхъ молодцевъ, красныхъ дѣвушекъ!

И не успѣло это медленно сказанное повелѣніе лѣниво и небрежно слетѣть съ устъ говорившаго, два-три смоляныхъ факела вспыхнули красноватымъ огнемъ, и нѣсколько человѣкъ шагнули къ бережной древесной поросли. Раздался стукъ топоровъ, сучья посыпались съ деревьевъ, и костры, точно по мановенію волшебства, затрещали на бережной лужайкѣ. Огонь факеловъ сразу освѣтилъ людей, подошедшихъ къ Вельмуду.

Впереди стоялъ человѣкъ средняго роста, съ необыкновенно широкой грудью и могучей шеей; небольшая голова съ чубомъ посрединѣ синеваго, гладко остриженного черепа, сидѣла плотно на этой шеѣ, подавшись немного впередъ—точно привыкнувъ всегда что-нибудь высматривать. Чубъ волосъ, раздѣленный надвое, спадалъ двумя густыми свѣтлыми прядями по бокамъ сухого, почти квадратнаго лица, слегка закрывая уши и касаясь на щекахъ длинныхъ, косматыхъ, свѣтлыхъ усовъ, висѣвшихъ по самую грудь. Небольшой плоскій носъ, съ раздувающимися ноздрями тонуть своимъ нѣсколько загнутымъ концомъ въ усахъ; рта подъ усами не было видно; только четырехугольный — крѣпкій подбородокъ круто и рѣзко выступалъ изъ-подъ нихъ. Густыя брови нависли надъ большими голубыми, впаыми глазами, которые, несмотря на ихъ свѣтлый цвѣтъ, казались грозными и мрачными. Лицо было отъ загара темное, и глаза и волосы казались гораздо свѣтлѣе кожи.

Въ одномъ ухѣ висѣла длинная тяжелая серьга, слегка оттянувъ мочку уха. Въ отсвѣтѣ факела, который близко къ этому властному, суровому лицу держалъ молодой воинъ, ярко сверкала на этой серьгѣ большой карбункулъ между двухъ матово блестящихъ жемчужинъ. Вѣлая, холщевая рубаха, очень опрятная, охватывала невысокую, могучую, суховатую фигуру; кожаный ремень стягивалъ тонкій станъ; за нимъ были заткнуты большой кривой ножъ, бѣлые порты, новязанные ремнями плотно къ ногѣ у самой щиколки, облекали стройныя, сильные ноги. Ступни были обернуты поверхъ лыка мягкими бѣлыми ремнями.

Факель ярко озарили этого человѣка, и Вельмудъ сразу по той серьгѣ, по взгляду, понялъ, что передъ нимъ Святославъ. Онъ почувствовалъ, что ноги его подгибаются, что ему непобѣдимо хочется упасть на колѣни передъ княземъ и сразу, не дожидаясь, что будетъ дальше, рассказать князю всю судьбу свою и Русавы, моля помилованія и защиты отъ всего и всѣхъ, отъ Баюма, Владана, отъ самой злой Мары.

Лицо князя было непривѣтливо, мрачно. То было лицо дремлющаго барса, готовое каждое мгновеніе вспыхнуть величавымъ гнѣвомъ и властной свирѣпостью. Но самая непоколебимая суровость этого лица точно говорила молодому изгою, что если можно гдѣ найти защиту—то только у этого страшнаго человѣка. Однако, Вельмудъ не успѣлъ склониться передъ княземъ. Онъ увидаль, что глаза князя засвѣтились ярче, расширились, вспыхнули холоднымъ голубымъ огнемъ и впились въ Русаву. Баюмова дочка вся какъ-то сжалась подъ этимъ взглядомъ, а Святославъ, разгладивъ длинные усы, вдругъ сказалъ:

— Какъ зовутъ, кличуть, дѣвица-красавица?

Русава медлила отвѣтомъ. Она вся дрожала, не въ силахъ отвести глазъ отъ голубыхъ очей, пронизывавшихъ ее стальнымъ взглядомъ.

— Робѣешь, дѣвица?—продолжалъ князь и навиль концы усомъ на свои крѣпкіе и широкіе пальцы.—А ты не робѣй. Не на бой-войну пришли къ вамъ—на миръ, на судъ, на урядъ. Не обиду творить, отъ обиды хранили. А и еще пришли мы свадьбу пировать слуги-дружинника моего вѣрнаго. Небось знаешь, дѣвица, Русаву, старшины Годинова внучку, можетъ, и подружка Русавы-то... Суженая она Владану... Сказаль онъ мнѣ, а я въ сватѣя ему назвался—судъ судомъ, а свадьба—свадьбой. Коль не хуже тебя, дѣвица, будетъ Русава, Годинова внучка—и свату по невѣстѣ честь.

Князь говорилъ медленно, съ лѣнливой усмѣшкой, хотя лицо его совсѣмъ не улыбалось, а голубые глаза такъ и впивались въ глаза Русавы. Вельмуда, къ которому она приникла, онъ точно не замѣчалъ. При послѣднихъ словахъ правая рука его вдругъ выпустила усъ и широкимъ властнымъ движеніемъ легла на плечо молодого вонна, державшаго факель близъ князя.

Одѣтый почти такъ же, какъ и князь, этотъ воинъ походилъ на него и усами, которые были только короче. Но глаза были темныя, болѣе тусклыя, и все лицо, бѣлье и моложе, дышало безпечностью и вызывающей дерзостью.

— Вотъ онъ, женихъ-то мой, дѣвица-красавица, — Владанъ-дружинникъ! Видала Русаву-то Годинову, стѣбилъ ли она добра-молодца?—сказаль снова князь.

И голубые глаза его вдругъ прищурились совсѣмъ по кошачьи.

XII.

Княжье рѣшеніе.

Русава молчала, блѣдная, какъ смерть. Даже въ красноватомъ отблескѣ факеловъ и костровъ ея лицо поражало блѣдностью. Князь вдругъ сдѣлалъ къ ней шагъ. И мягкій упругій шагъ собирающагося прыгнуть барса. И какъ-будто тутъ только впервые взглянулъ Вельмуда. Медленно перевелъ онъ пытливымъ взглядъ съ лица Русавы на лицо Вельмуда и оставилъ его на глазахъ изгой.

Эти впаые, большіе глаза не поникли передъ княжимъ взоромъ. Въ нихъ только вспыхнула внутреннимъ, пожирающимъ огнемъ тайная мольба къ князю, горячая вѣра въ то, что князь отвѣтитъ на эту мольбу правымъ и милостивымъ отвѣтомъ. Но Святославъ по-своему понималъ мольбу глазъ.

— И дружокъ Владановъ, вижу. — удалый женихъ — всѣмъ ладамъ ладу себѣ нашеть... Что-жь, и другую свадьбу сыграемъ. и тебѣ, Вельмудъ. — такъ что ли по имени-то. — сватомъ князь будетъ! Не робѣй! Слушай, Владанъ! Другъ тебѣ Вельмудъ! За службу твою и Вельмуда, друга твоего жалую. И ему буду сватомъ! Мечъ мой порука!

И, выхвативъ широкій кривой ножъ изъ-за пояса, князь взмахнулъ имъ надъ своей головой, а лезвіе такъ и сверкнуло въ свѣтъ факела.

— Спасибо, осударь-князь! — сказали Владанъ, поднимая выше факель. — Не осуди побратана съ его ладой, не привычны передъ княземъ рѣчь держать... А коли жалуетъ его, какъ и мнѣ, въ сваты его идешь, бою тебѣ за то челомъ. И ты, Вельмудъ, ошамитуйся, побой князю челомъ, и ты, дѣвушка, въ ноги князю поклонись... Коли и моя суженая подѣ-стать тебѣ, надо быть, двухъ первыхъ ольжичанскихъ красавицъ съ Вельмудомъ заберемъ — не въ покорѣ осударю, свату нашему!..

Видно было, что Владанъ старался говорить въ тонъ Святославу, что рѣдкая у Святослава веселость и разговорчивость расшевелила и его воина, шедшаго съ княземъ домой къ невѣстѣ. Дружинники, стоявшіе позади князя, радостнымъ, немного суровымъ гуломъ отозвались на слова Владана. А князь, точно хмелья суровой душой отъ рѣдкаго для него веселаго настроенія, охватившаго его передъ этой красивой, искутанной его появленіемъ, парой, — еще разъ взмахнулъ ножомъ-мечомъ и еще разъ воскликнулъ:

— Мечъ порукой! И эту свадьбу отыграемъ!

И онъ широкимъ размахомъ могучей руки указалъ дружинѣ на Вельмуда и Русаву. Кто знаетъ, плывя въ эту волшебную Купальную ночь въ лодкѣ, по невѣдомой ему древянской рѣкѣ, не вспомнилъ ли онъ и свою раннюю молодость, когда и онъ нашелъ своихъ ладъ, мать старшаго княжича Ярополка и другихъ, особливо же любимую свою жену, материну ключницу, Малуну? И не зазвучали ли въ его суровомъ сердцѣ воина линыя струны? И его не захмелила ли эта волшебная ночь, зрѣлище этой красивой, молодой, взволнованной пары, которая первая встрѣтила князя на ольжичанскомъ берегу Горыни?

Воины оживились. Послышались веселые удары палицами въ кожаные щиты, послышался веселый смѣхъ. Вельмудъ и Русава до сихъ поръ ни звукомъ не отозвались на слова князя, Владана, на радостный шумъ воиновъ. Вельмудъ чувствовалъ, что долгие нельзя молчать.

И вдругъ Владанъ, лихо встряхнувъ своей головой, отчего его чубъ разсыпался по его затылку, протянулъ руку Вельмуду и воскликнулъ, махая въ другой рукѣ факеломъ, такъ что отъ огня посыпались искры:

— Какъ же именуютъ твою ладъ суженую, Вельмудъ-другъ? Небось и виравду подружка Русавина. Говори, Вельмудъ! Не бойся князя-осударя. Милостью возгорѣлось его сердце къ тебѣ.

И рука Владана легла на плечо Вельмуда. Какъ ужаленный, отшатнулся Вельмудъ, а съ нимъ и Русава. И держа Русаву за руку, повалился на оба колѣна не то передъ княземъ, не то передъ Владаномъ. И стономъ вырвалось изъ груди его:

— Русавой зовутъ ладъ мою, Баюмовной, Годиновой внучкой!

На мгновеніе точно всѣ растерялись. Дружина затихла. Князь, тряхнувъ своимъ раздвоеннымъ чубомъ, такъ что пряди его упали за уши, какъ-то сверху внизъ, совсѣмъ опустивъ верхнія вѣки, долгимъ, пристальнымъ, точно лезвіе ножа, взглядомъ скользнулъ по Вельмуду и Русавѣ.

— Такъ ты и есть Годинова внучка. Владанова обѣщанная невѣста? — сухо и рѣзко прозвучалъ его голосъ въ то время, какъ рука медленно засунула мечъ за поясъ.

Русава повикла головой.

Она, князь-осударь! — новымъ стономъ вырвалось у Вельмуда.

И, весь охваченный жадной все излить передъ княземъ и передъ Владаномъ, молодой изгой, не вставая съ колѣнъ, не выпуская руки Русавы, рассказалъ въ бурной прерывающейся рѣчи, какъ онъ попалъ къ Баюму сперва

въ закуни, потомъ въ обельные, какъ онъ сталъ изгоемъ, потомъ воромъ, какъ онъ полюбилъ Русаву и встрѣтилъ ее въ эту ночь, какъ онъ полюбился въ эту ночь Баюмовой дочкѣ, невѣстѣ его друга, какъ онъ хотѣлъ увести ее домой къ отцу, а затѣмъ умчаться въ лѣса темные на краденомъ конѣ и погнѣнуть тамъ вмѣстѣ съ конемъ, какъ онъ услышалъ голосъ Владана съ лодки — и не потапсая, крикнуть, кто онъ.

Святославъ, Владанъ, дружина, молча слушали всю эту исповѣдь бѣлаго изгоя, коневого татя. Лицо Владана нахмурилось, грозно сдвинулись его брови, сильные руки крѣпко сжимали факель, точно хотѣли ударить имъ склоненнаго передъ княземъ Вельмуда. Русава стояла блѣдная и тихая, съ опущенными глазами. Святославъ слушалъ, скрестивъ руки и уронивъ усы на широкую грудь. Лицо его было невозмутимо — глаза блестяли холодно и ясно...

Ночь уже значительно посвѣтѣла. Пламя костровъ и факеловъ поблѣднѣло на фонѣ невысокихъ прибрежныхъ деревьевъ. Они казались теперь смутными, сѣроватыми кучами, влажные и тихіе; а за ними уже гасли звѣзды за звѣздой. Небольшая рать, сопровождавшая князя на полюдьѣ, на объѣздѣ земли, ради суда, уряда и сбора повинностей — стояла на побережьи, у вытасенныхъ на берегъ длинныхъ, узкихъ плоскодонныхъ лодокъ, темной массой закрывая рѣку, и конья ее рисовались частыми темными остроями надъ головами въ мѣдныхъ тусклыхъ шишакахъ.

Когда Вельмудъ умолкъ — никто не пошевелился. Всѣ ждали, что скажетъ князь. Святославъ взглянулъ на Владана. Потомъ вдругъ сказалъ ему отрывисто:

— Брось свѣтильникъ-то. Безъ того свѣтло. Просвѣтлѣло. Вери невѣсту за руки бѣлая — веди въ домъ отцовъ. А бѣлаго вора, други-дружинники, ведите за мной. Да пусть укажетъ, гдѣ конь утаенъ. Вернемъ коня будущему тестю Владанову. А вора бѣлаго — осудимъ на судьбищѣ, да на потоки пошлемъ, чтобъ напредки коней не уводить, чужихъ ладъ не умякали!

Все это Святославъ проговорилъ сурово и спокойно. Только при послѣднихъ словахъ на его устахъ, скрытыхъ усамъ, скользнула какъ будто усмѣшка. Владанъ немного помедлилъ, потомъ рѣзко отшвырнулъ факель, который, слегка зашигивъ, сейчасъ же погасъ въ мокрой травѣ, — и, стиснувъ зубы, рѣшительно и властно двинулся къ Русавѣ.

Но, едва онъ приблизился къ ней, дѣвушка судорожно выдернула руку у Вельмуда, и ножъ ея, повѣшенный на ее шею Годиномъ, выскользнувъ, какъ молнія, изъ куныхъ ноженъ, сверкнулъ въ ея маленькихъ рукахъ у ея груди.

— Стой, Владанъ! — повелительно крикнулъ Святославъ.

Владанъ остановился.

— На кого ножъ подняла? — спросилъ князь, пристально смотря въ большіе сѣрые, страшные теперь глаза Русавы.

— На себя, осударь-князь! — тихо и медленно отвѣтила дѣвушка.

Въ это мгновеніе она точно окончательно возмужала. Ребенка въ ней уже не осталось и слѣда. Высокая, тихая, блѣдная стояла она передъ княземъ, съ ножомъ, прижатымъ къ груди. У матово-бѣлой шеи ея, у того мѣста, гдѣ эта шея мягкимъ углубленіемъ переходила въ юную нѣжную грудь, холоднымъ блескомъ искрилась сталь ножа. Довольно было легкаго движенія, чтобы кровь алой струей брызнула изъ этой груди. Князь вдругъ точно сразу что-то повялъ. Глаза его, теперь совсѣмъ орлиные, широко раскрылись. Спокойнымъ жестомъ разглаживая усы и навивая ихъ снова на свои темные пальцы, онъ сказалъ медленно, голосомъ, передъ звукомъ котораго замерло бы всякое противорѣчіе:

— Отойди, Владанъ. Вложи, дѣвушка, ножъ въ ножны. Я самъ, твой князь, отведу тебя къ дѣду, отцу. А ты,

изгой. Вельмудъ, ступай въ ту пещеру, гдѣ утаилъ ты коня, и жди тамъ посланца отъ меня. А чтобъ знать, гдѣ твоя пещера, укажи ее моему отроку, Фрелофу. И ты, Фрелофъ, проводивъ въ ту пещеру изгой, никому про то, гдѣ она, кромѣ меня, не молви! А какъ дойти отъ той пещеры въ Ольжичи, пусть тебѣ Вельмудъ самъ скажетъ, только ты о томъ никому ни слова.

Юноша-воишь, почти мальчикъ, безбородый, съ тихимъ кроткимъ взоромъ выдвинулся изъ рядовъ княжьей дружины. Онъ молча выслушалъ князя.

— Ступай же съ нимъ, Вельмудъ-изгой, и жди моего посланца. Уйдешь, убѣдившись, не по волѣ князя поступишь: на ней вымещу,— вдругъ показавъ князь на Русаву. И ты, Годинова внука, помни: что содѣлаешь не по князеву,— на немъ отольется кровью—слезами,—могучая рука Святослава указала на Вельмуда. Вѣрите вы князю, что не зла вопить на васъ?— вдругъ спросилъ онъ, быстро переведя глаза съ очей Русавы на очь Вельмуда.

И оба, и молодой изгой, и Баюмова дочка, съ тихой, покорной мольбой и вѣрой встрѣтили быстрый, властный взглядъ князя.

— А ты, Владанъ, и вы, други-дружина--за мной въ Ольжичи, къ старому Годину. Утро вечера мудренѣе. Утро всемъ принесетъ совѣтъ. И помни, Владанъ: добра жди отъ князя душе другихъ, а кто виновенъ, не уйдетъ отъ княжьей кары—и кто правъ—отъ княжьей милости... Веди же насъ, Годинова внука, къ дѣду на дворъ! Небось помнитъ отрокомъ Святослава старый... Вонъ и утро, вонъ и Дажбогъ—солнце!

И князь указавъ на востокъ, гдѣ уже загорѣлась узкая алая полоса...

Русава долгимъ, долгимъ взглядомъ посмотрѣла на Вельмуда. Онъ все не вставалъ съ колѣнъ, точно пораженный тѣмъ, что случилось... Русава тихо-тихо пошла по дорогѣ къ избѣ дѣда, берегомъ Горыни. Князь двинулся за ней своей упругой, легкой, точно скользящей по ступню, Владанъ, мрачный и задумчивый, медленно пошелъ за нимъ. Дружина и воины, вскинувъ на плечи лады, потянулись имъ встѣдъ.

На мѣстѣ остались только Вельмудъ, все еще стоявшій на колѣняхъ, и въ ожиданіи, когда и онъ двинется, княжьей отроку, Фрелофу.

(Продолженіе будетъ.)

Митька-бѣглець.

Рассказъ Ф. Н. Фальковского.

I.

Анна Петровна возвращалась съ дочерью домой. Она была въ гостяхъ у бабушки и, такъ какъ туда забѣжалъ молодой помѣщикъ Андреевъ, она осталась до десяти часовъ. Было темно и грязно, двухколеса плеталась по глубокимъ ямамъ отвратительной дороги. Анна Петровна держала вожжи и, низко нагнувшись, вглядывалась въ темную грязь, однообразно тинушущуюсь подъ ногами лошади, и порывисто дергала вожжами, когда колесо со скриномъ проходило по незамѣченному камню или погружалось по самую ось въ лужу. И несмотря на эту скверную дорогу, на сырость, мракъ, на ежеминутную возможность полетѣть изъ этой высокой, короткой двусетки въ канаву, обѣ женщины, привычныя ко всему этому, были всецѣло поглощены своими отрывочными, нестройными мыслями, незамѣтно сокращавшими десятиверстное разстояние до ихъ усадьбы.

Было тихо. Очертанія лошади терлись во мракѣ: казалось, что-то безжизненно, механически, монотонно двигалось впередъ и съ замѣтнымъ усиленіемъ прорѣзывало эту темную ночь, какъ рѣзаетъ парохомъ осеннюю, черную воду.

По сторонамъ чувствовался сѣванный клеверъ, сонное дыханье назрѣвавшей ржи или дремавшей сосновый лѣсъ, гдѣ ночь казалась еще чернѣе, еще безнадежнѣе.

Анна Петровна, почти лежа, продолжала править, упрямо разглядывая дорогу. Неосторожность могла бы задержать ихъ, а она такъ нужна дома! Что-то тамъ дѣлается? Управилась ли Сашка со скотиной, ужинали ли мужъ, обито ли масло?..

И передъ нею среди мрака и грязи мелькалъ скотный дворъ, сонное, идиотски-упрямое лицо работника, плоская грудь скотины, круглый столъ съ холодной закуской, за которой весь вечеръ ворчали ея состарившіеся мужъ въ ожиданіи засидѣвшихся у бабушки жены и дочери. И достанется же имъ отъ него! И онъ будетъ правъ: нечего было засиживаться.—если у Андреева на умѣ что-нибудь серьезное, онъ и самъ прійдетъ... Мелькалъ передъ ней и маляшникъ, который слѣдовало бы расчистить, и огорокъ, гдѣ парница совсѣмъ сгнила, и картофельное поле, что-то нынче неудачное, и овецъ, которому все завидуютъ, и курицы, терившія яйца, и желтые утята, задавленные Тресоромъ, и все то, чѣмъ красна и печальна ея суружеская тридцатилѣтняя жизнь, что способно радовать или терзать сердце, будить несложный умъ этой работницы, незамѣтно состарившейся вмѣстѣ съ своимъ мужемъ и скотнымъ дворомъ среди мелкихъ волнений, страховъ. Еще очень недавно по этой самой дорогѣ она возвращалась изъ подвѣнечномъ платѣ съ молодымъ мужемъ, а теперь?..

А теперь рядомъ съ нею ея взрослая дочь грезитъ о томъ самомъ счастьи, которое грезилось когда-то ей. Среди мрака и грязи передъ дочерью мелькаютъ молодые глаза, усы, нестройны галетку и всякія глупости. Скоро по этой самой дорогѣ ее сведутъ туда, куда отвезли ея матушку, бабушку.

— Н-во, Мальчикъ! Заснулъ, что ли?.. Маша, ты спишь?

— Сплю...

— Ну, спи...

— Пускай спитъ. Знаю, что ей теперь снится. Только усы и хороши... Что это, никакъ гармоника?

Изъ мрака тянулись навстрѣчу тонкіе, жалобные звуки.

— Вѣрно, съ гулянья.—проснулась Маша.

Звуки приближались, росли, слышались въ монотонное скрипящее дешевой гармоникой и поразившее съ двухколкой, Мракъ скрывалъ играваго, Анна Петровна оклинула:

— Кто здѣсь?

Отвѣта не было. Звуки затихли. Обѣ женщины опять погрузились въ свои думы. Лошадь, какъ что-то безжизненное, упрямо двигалась впередъ, прорѣзывая темную ночь, и казалось, ей суждено двигаться вѣчно въ этомъ мракѣ. Далеко позади опять прощались одинокіе, тонкіе звуки. Кто-то безуспѣшно рыдалъ, брошенный безъ пути и свѣта въ темную ночь...

II.

— Митрій, Митька!— кричала Анна Петровна, подбѣжая къ крыльцу.

Она съ дочерью вытѣкла изъ двусетки и, стуча въ дверь, продолжала кричать:

— Митрій, Митька! Бери лошадь...

Сонная старуха отворила имъ дверь и, босая, ежась отъ холода, принялась звать Митьку.

Никто, однако, не показывался. Тогда старуха съ ворчаньемъ спустилась съ крыльца и отправилась искать пастуха Митьку, на обязанности котораго лежало ухаживать за немногими лошадьми хозяйства Анны Петровны.

Старуха вернулась и заявила, что пастуха видѣть нѣтъ, что конюшня открыта.

— Неужели онъ опять ушелъ?— въ ужасѣ воскликнула усталая, разбитая дорогой, Анна Петровна.

— Это вѣрно мы его и встрѣтили съ гармоникой, отозвалась Маша:—въ темнотѣ нельзя было разглядѣть.

— Конечно онъ!— подхватила Анна Петровна. — И какъ это я не узнала его идиотской музыки?

Босая старуха, крихти и охая, отвела лошадь и кое-какъ вывела ее испотѣвшую шею изъ хомута.

Женщины вошли въ домъ. Маша поднялась наверхъ въ свою комнату, торолливо, сонно сбросила платье и линулась въ постель, вздохнувъ всей своей молодой, жаждавшей жизни, грудью: черезъ нѣсколько минутъ она уже спала; на ея полураскрытыхъ, сочныхъ губахъ играла счастливая улыбка; ей грезился нестройны галетку, вьющіеся усы, грязная дорога, сбѣжавшій Митька.

Анна Петровна вошла въ спальню. Мужъ, разметавшись въ постели, храпѣлъ; по обнаженной, волосатой груди его бѣгали, какъ мышенки, черныя кружочки, отбрасываемый всдыхавшей въ углу лампадой; Анна Петровна поправила сдвинутое одеяло, раздѣлась, по со-вдохомъ отошла отъ кровати и сѣла на диванъ; ей не хотѣлось спать, она была разстроена, и мрачныя думы окончательно овладѣли ею.

Въ теченіе тридцати лѣтъ она каждый вечеръ входитъ въ эту спальню, видитъ эту волосатую грудь, слышитъ этотъ храпъ. Въ теченіе тридцати лѣтъ передъ нею постоянно этотъ отвратительный портретъ въ бумажной рамкѣ со скачущимъ генераломъ; генералъ все скачетъ, скачетъ и никакъ не можетъ устать, хоть на полвершка.

«И въ жизни никуда не укачешь!»— думаетъ Анна Петровна, съ ненавистью смотря на генерала.

Завтра мужъ ея встанетъ ровно въ четыре часа: будетъ кашлять и сморкаться, затѣмъ начнетъ искать спичекъ, онъ будетъ кричать, что у него воруютъ изъ-подъ носа дѣлая коробки; но спички окажутся у него неизрѣдимо въ правомъ кармапѣ брюкъ; затѣмъ онъ будетъ брить свой щетиный острый подбородокъ, порѣжется и будетъ кричать, что ему подали холодную воду вмѣсто горячей; затѣмъ онъ будетъ придирается къ обѣду, къ дочери, къ

Благодарственная молитва. . Съ картины І. Ликъ автотипія Бонгъ.

работнику, къ собакѣ, къ кошкамъ и въ особенности къ ней, его вѣрной, многострадальной женѣ; она же, многострадальная жена, будетъ бѣгать цѣлый день за мужемъ, застегивать ему ежеминутно разстегивающуюся рубашку, за скотницей, волоса которой постоянно кунаются въ молокъ, за курами, терпящими яйца, за Трезоромъ, который любитъ давить своей большой лапой утятъ, за скотиной, за старухой, выжившей изъ ума, пьяницей и воровкой, за... да мало ли за кѣмъ и за чѣмъ она будетъ бѣгать цѣлый день, кричать, волноваться на кухнѣ, въ погребѣ, въ огородѣ, на скотномъ дворѣ?.. Потомъ, измученная физически и нравственно, она придетъ въ эту спальню и увидитъ эту волосатую грудь, этого скачущаго генерала и этотъ открытый ротъ, выпускающей, какъ изъ трубы, хриплые звуки. А въ довершеніе всего этого сбѣжалъ Митыка. О, это ужасно!

Недѣль пять тому назадъ Митыку привелъ его отецъ, высокій, худой мужикъ, съ желтымъ лицомъ. Она тогда же видѣла, что этотъ глупо ухмылявшійся парень съ гармоникой подъ мышкой не годенъ. Но выбрать не изъ него было, пастухъ нуженъ былъ, какъ и кормъ, для скота, и Митыка водворился на мѣсто. Съ тѣхъ поръ она лишилась покоя; на зарѣ ее будили тонкіе, жалобные звуки гармонии, днемъ она боялась, что Митыка растеряетъ въ лѣсу скотину или накормитъ волковъ телятиной, а ночью, заснувъ подъ музыку пастуха, она просыпалась въ ужасѣ, такъ какъ ей снилось, что Митыка опять сбѣжалъ.

Три раза бѣгалъ этотъ каторжникъ! Три раза приводилъ его назадъ отецъ и, кланяясь, просилъ прощенья. А Митыка, съ гармоникой подъ мышкой, мялъ картузы и, глупо ухмыляясь, смотрѣлъ всѣмъ въ лицо своими свѣтлыми, ясными глазами, какъ будто за нимъ, мошенникомъ, и вины-то никакой не было. Теперь онъ опять сбѣжалъ! Что теперь будетъ? Опять несчастная скотина будетъ цѣлый день томиться на скотномъ дворѣ, потому что выгнать ее некому, положительно, некому... Она сама бы выгнала, но она не можетъ... не можетъ, потому что она должна пасти своего мужа... она вотъ и теперь держитъ длинную хворостинку и, подобравъ юбку, бѣжитъ за своимъ мужемъ, который упирается и, вмѣсто того, чтобы идти въ поле, норовитъ въ овесъ... она бьетъ его хворостинкой и кричитъ: куда, куда, лѣшій? Мужъ, превратившійся въ какое-то пестрое, странное животное, мычитъ, сморзается и бросаетъ ей въ лицо коробки спичекъ, салфетки и... и чертъ знаетъ что!

Черное пятно бѣгаетъ по волосатой груди, комаръ пьетъ старую помѣшечью кровь; Анна Петровна, прижавъ неловко къ спинѣ дивана, спитъ тревожнымъ, мучительнымъ сномъ, и на бѣломъ чехлѣ рѣзко выдѣляется ея состарившееся тѣло въ рубашѣ изъ домашнего полотна, и безпомощно свѣсившаяся голова съ подобродкомъ, глубоко ушедшимъ въ мясистую грудь. Тихо. Весь домъ спитъ: только комары да мошки, залетѣвшіе въ открытую форточку, жадно утоляютъ свой голодъ, да тамъ, гдѣ-то далеко-далеко жалобно рыдаютъ одинокіе звуки одинокаго путника, брошеннаго безъ пути, безъ свѣта въ темную ночь.

III.

Митыка опять сбѣжалъ!

Это извѣстіе одновременно сообщилось и скотному двору, и мужу Анны Петровны, Ивану Семенычу, и скотницѣ, и Трезору, и курамъ, и даже малиннику. Точно само солнышко, бодро выглянувъ изъ сплывшихся за ночь тучъ, говорило:

— Митыка опять сбѣжалъ!.. Что же теперь будетъ?

Казалось, что будетъ, действительно, нѣчто нехорошее... Все заволновалось, забѣгало, точно встревоженный муравейникъ. Но черезъ нѣкоторое время все затихло; все разошлось по своимъ мѣстамъ, занялось своимъ дѣломъ: кто въ полѣ, кто въ огородѣ, кто на птичницѣ. Только скотина, поцуривъ голову, стояла подъ тяжелымъ навѣсомъ, сквозь щели котораго смотрѣлъ немного хмурый, юный, бодрый день, и ждала, когда ее, наконецъ, выведутъ изъ этой сгнившей соломы и жидкаго навоза въ поле, гдѣ такъ чисто воздухъ и соченъ кормъ. Не могъ успокоиться и Иванъ Семенычъ.

И онъ метался по всѣмъ угламъ своего незавиднаго хозяйства, и вездѣ слышались его громкія жалобы на безлюдье, на испорченность народа. Дребезжавшій, старческий голосъ его нарушалъ сонную тишину дряхлой усадьбы и будилъ мрачнаго Трезора, посаженнаго на цѣль хозяйкой за его любовь къ утятамъ. Наконецъ Иванъ Семенычъ взялъ свою любимую палку съ желѣзной лопаткой на концѣ и пошелъ въ деревню искать человека; онъ ушелъ нервно жестикулируя, и вернулся окончательно возмущенный, вспотѣвшій, усталый. Войдя въ домъ, онъ бросился на первый попавшійся стулъ и съ отчаяніемъ воскликнулъ:

— Чорта съ два! Слышишь ли, жена, чорта съ два!..

Жена, выбѣжавшая къ нему изъ птичника, стояла передъ нимъ съ засученными до локтей грязными рукавами, съ высоко подобранной юбкой, и ея отекшее лицо говорило о глубокой жалости къ этому старому-ребенку, ничего не смыслящему въ хозяйствѣ. И зачѣмъ было бѣгать въ деревню въ это рабочее время, когда тамъ всѣ заняты своимъ дѣломъ.

Она заботливо протянула руки, чтобы застегнуть этому старому ребенку рубашку, какъ вдругъ онъ неожиданно вскопчилъ и, ступивъ объ палкой, воскликнулъ:

— Такъ я самъ выгону скотину!

И онъ побѣжалъ къ скотному двору.

Размахивая палкой, онъ ходилъ по стойламъ и выгонялъ апатичныхъ животныхъ; при этомъ онъ кричалъ и суетился, не замѣчая, что визнеть въ жидкомъ навозѣ на каждомъ шагѣ, какъ въ болотѣ.

И въ этотъ достопамятный день, стоявшія на опушкѣ сторожевые сосны, созрѣвшая рожь и весь этотъ живой, но безмолвный мѣръ,—созерцали доселѣ невиданное зрѣлище: самъ помѣщикъ Иванъ Семенычъ выгонялъ въ поле свое стадо!

А жена, дочь, босая старуха, босая молочница и босая работница, защитивъ руками глаза отъ солнца, ошеломленные, смотрѣли вслѣдъ метавшейся среди скотины фигурѣ помѣщика съ высоко загнутыми брюками, въ сѣромъ, изъ крестьянскаго холста, неуклюже болтавшемся на старческомъ тѣлѣ, подкажѣ.

IV.

Первый опытъ Ивана Семеныча оказался очень неудачнымъ. Какимъ-то удивительнымъ, непонятнымъ образомъ все стадо забралось въ овесъ, въ тотъ самый овесъ, которому такъ завидовали сосѣди, и пробыло тамъ больше часу, такъ какъ никакіе крики и удары Ивана Семеныча не дѣйствовали на упрямыхъ животныхъ. И, Боже ты мой, во что превратился прекрасный овесъ! Бѣдная Анна Петровна, завидѣвъ въ немъ огромныя плѣши и безчисленныя дорожки, такъ и присѣла съ широко раскрытыми глазами и долго-долго оставалась въ такомъ положеніи, прежде чѣмъ произнесла:

— О, Господи!

Зачѣмъ отбѣлся отъ стада прекрасный бычокъ, любимецъ всей семьи, и бродилъ, вѣроятно, теперь по графскому лѣсу. А въ довершеніе всѣхъ бѣдъ самъ Иванъ Семенычъ лежалъ въ постели, обложенный припарками, стоналъ и говорилъ, что у него сердце перестаетъ биться. Разстроился бѣдный Иванъ Семенычъ! Весь домъ былъ на ногахъ. Поговаривали о докторѣ. Босая старуха доставала изъ своего сундучка муравьиный спиртъ, ключница готовила брусничныи цвѣтъ, работница топилъ баню, Маша грѣла бутылки, Анна Петровна сидѣла у постели больного мужа, держала его руку, слушала его горькія сѣгованія, и уныло смотрѣла на скачущаго генерала.

«И въ жизни никуда не ускачешь»,—тоскливо думала она.

А за окномъ жалобно взвизгивалъ Трезоръ, которому ужъ надоело сидѣть на цѣпи.

Неожиданно со двора донесли тонкіе, знакомые звуки, заставившіе всѣхъ вздрогнуть, и вслѣдъ за тѣмъ въ комнату вбѣжала босая старуха и заявила:

— Митыка пришелъ!

Холодные и горячіе припарки, одѣяла, подушки полетѣли сначала вверхъ, а потомъ на полъ. Иванъ Семенычъ вскопчилъ съ постели и, въ чемъ былъ, бросился на кухню. Анна Петровна схватила халатъ и ужъ на бѣгу набросила его на плечи мужа. На кухнѣ у дверей стоялъ высокій мужикъ, худой, съ желтымъ лицомъ, отецъ Митыки. Завидѣвъ барина, онъ низко поклонился.

— Ужъ вы, Иванъ Семенычъ, простите; парень совсѣмъ оумѣлъ. Клавайся барину, дуракъ!

Митыка, съ гармоникой подъ мышкой, мялъ шапку. Глупо ухмыляясь, онъ потянулъ головою и уставился своими свѣтлыми, счастливыми глазами на барина.

— Ахъ, ты!—началь Иванъ Семенычъ съ лѣной у рта, и вдругъ остановился, обезкураженный этими добрыми, ясными глазами.—Да онъ совсѣмъ дуракъ,—какъ-то растерянно закончилъ онъ, кутаясь въ халатъ.

Анна Петровна принялась рассказывать о событіяхъ дня. Слушая похождения барина, высокій мужикъ охалъ и ахалъ, но подъ его тонкими усами шевелилась насмѣшливая улыбка. Митыка продолжалъ ухмыляться; замѣтивъ барышню, онъ полѣзъ за лазуку и, доставъ оттуда три еще не совсѣмъ спѣлыхъ яблога, выбралъ самое большое и протянулъ его Машѣ.

— На, пожуй!..—добродушно сказалъ онъ.

Раздался дружный хохотъ. Маша упала на табуретку и закатилась, какъ въ обморокъ, старуха визгивала, плоскогрудая ключница закашлялась, Анна Петровна хваталась за бока, а Иванъ Семенычъ подпрыгивалъ на одномъ мѣстѣ, точно танцовалъ, и все кричалъ, захлебываясь старческимъ смѣхомъ:

— Ахъ, онъ мошенникъ! ахъ, онъ мошенникъ!..

Митыка удивленно смотрѣлъ на всѣхъ и цѣдилъ:

— Инъ, какъ ихъ разобрано!

V.

Рано утромъ назойливо-скрипячіе звуки Митыкина инструмента снова разбудили Анну Петровну; она, зѣвая, не безъ досады взглянула изъ форточки и тотчасъ улыбнулась; зари румянила лицо Митыки и придавала ему какое-то особенное сіяніе, точно онъ вышелъ не изъ грязной конюшни, а сошелъ только-что съ этого сверкающаго неба; бодрымъ счастьемъ вѣяло отъ всей его худенькой фигуры и дѣлало его въ эти минуты общаго пробужденія такимъ милымъ, такимъ хорошимъ, что у Анны Петровны что-то дрогнуло въ груди, и она крикнула:

— Добраго утра, Митыка!

Парень взглянулъ на нее спокойно, ясно, еще шире улыбнулся и отвѣтилъ:

— Вылазъ, чего спишь?..

Анна Петровна размѣлась и пошла одѣваться.

Митыка выгнал скотину со двора и пошел за нею по дорожке, ухватывая одной рукою извлекать из гармоник любимые звуки, а другою поддерживая среди животных ряды. Скоть, впрочем, шель спокойно, без попытки нарушить его.

Митыка гнал животных на клеверное поле, где преродержал их до полдня. Когда же солнце дошло до самой середины неба, он погнал их къ опушкѣ лѣса.

День был жаркій. Насытившись, усталый скотъ тѣсно улелся въ мелкомъ кустарникѣ, яркимъ пятномъ выдѣляясь на облитой солнцемъ зелени. Только бычокъ, общій любимецъ усадьбы, продолжалъ одиноко тыкать черную морду въ траву.

Митыка, насытившись и выснавшись въ клеверномъ полѣ, лежалъ, припавъ спиною къ стволу сосны, и предавался своему любимому занятию: щурилъ глаза противъ свѣта, а откуда-то сверху сыпались различныя отблески кружки, похожыя на пузырьки, которые бѣгаютъ по водѣ въ ясный день, когда въ воздухѣ кружатся мошки и комары. Удивительныя шарики массами падали сверху, точно кто-то сыпалъ ихъ изъ кармана, и исчезали гдѣ-то внизу. И никакъ Митыка не могъ уловить, откуда они приходили и куда уходили. Чудно!..

«Этотъ дуни праведниковъ»,—вспоминалъ онъ толкованіе тетли.

На снѣгѣ лежать надѣло: лопатки болятъ; онъ перевернулся вниз животомъ, и, упершись локтями въ землю и подперевъ виски ладонями, устался глазами въ траву.

Божья коровка ползетъ по занесенному сюда, Господь его вѣдаетъ откуда, дубовому листу; она красненькая съ черненькими точками и такая хорошенькая! Эту коровку самъ Богъ несетъ, а ангелы изъ нея молоко доятъ... Ишь какъ! А вотъ муравей перебирается черезъ сгнившій сучокъ и не можетъ переташить зеленого червяка, котораго онъ держитъ посерединѣ; понимаетъ, дьяволъ, что такъ ему легче будетъ. Червякъ хоть и мертвый, но точно упирается, извивается, и бѣдному муравью очень трудно, а до муравейника еще далеко.

На животѣ лежать тоже надѣло: локтямъ больно. Митыка перевернулся на правый бокъ. Между столами сосенъ мелькаетъ синее небо, внизу ярко нестрѣбъ высохшій мохъ. Вотъ бы теперь спичку бросить, какъ бы славно вспыхнуть и забѣгать огонь... Вонъ—по стволу бѣгаетъ красноеголовый дятель и, какъ молоткомъ, стучитъ носомъ въ дерево. Митыка перевернулся на лѣвый бокъ и увидѣлъ красный зонтикъ барышни; онъ сѣлъ и сталъ ухмыляться. Бычокъ внимательно уставился на приближавшійся красный предметъ.

Маша остановилась; въ рукахъ у нея была плетенка съ грибами.

— Здравствуй, Митыка, ты что дѣлаешь?

— Лажу.

Барышня улыбнулась.

— Знаешь, Митыка, у тебя глаза такіе же синіе и ясные, какъ это небо.

— Ишь какъ!

— И вообще ты очень хорошенькій... Хочешь, я буду тебя учить грамотѣ.

— Учи, я те дудку сдѣлаю...

Барышня разсмѣялась и пошла дальше. Митыка и бычокъ, оба съ равнымъ любопытствомъ, смотрѣли ей вслѣдъ, и, когда она скрылась, бычокъ пренебрежительно ткнулъ морду въ траву, а Митыка взялъ свою гармонику и послалъ барышнѣ вдогонку нѣсколько динныхъ звуковъ.

Но въ эту пору дня Митыка больше любилъ тишину; онъ оставилъ музыку и снова принялся щурить глаза, чтобы видѣть «души праведниковъ».

И, должно-быть, онъ ихъ видѣлъ... Лицо его было спокойно, ясно, какъ вся окружающая природа: ни облачка, ни звука...

VI.

Когда солнце покраснѣло, стало больше и раскаленнымъ шаромъ показилось къ лѣсу, Митыка погналъ свое стадо домой. Впереди, тяжело ступая, шла отягченная молокомъ черная корова, къ великому неудовольствію Анны Петровны, такъ какъ черная корова впереди—означала дождь, а дождей теперь не нужно было; за нею, подымая клубы пыли, плелись усталыя животныя. Митыка, бодрый, счастливый, румяный отъ заката, замыкалъ шествіе, громко возвѣщая на гармоникѣ о благополучномъ возвращеніи домой.

Загнавъ животныхъ, Митыка направился въ людскую, гдѣ старуха приготовила ему ужинъ; вскорѣ онъ вышелъ оттуда съ гармоникой подъ мышкой и пошелъ въ сарай спать.

День умираетъ въ старой усадьбѣ быстро. Плоскогрудая скотинка и старуха проносили на шестѣ огромное ведро изъного молока. Ефимъ, съ веревкой черезъ плечо, запираетъ амбаръ и уходитъ, звеня ключами, въ кухню. Босой работникъ выходитъ изъ конюшни и широкимъ взмахомъ выливаетъ недонутую рабочими лошади воду. Иванъ Семенычъ, крихтя, подымается съ крыльца и со словами: «смеро» входитъ въ домъ. Анна Петровна съ засученными рукавами уходитъ изъ пичинки. Барышня хлопала въ своемъ мезонинѣ форткой. Трезоръ сонно вытягивался, громко съ пошестомъ зѣвалъ и свертывался у своей будки. Жизнь затихала. А небо между тѣмъ темнѣло, и изъ его туманной глубины выплывали одни за другими мигавшіе огоньки... Зеленое становилось чернымъ, прозрачное—непрозрачнымъ. Лѣсъ вдали принималъ форму длиннаго сарая, а сарай казался безформенной массой лѣса. Митыка

неподвижно лежалъ на снѣгѣ. Гдѣ-то сбоку возились телята, хрюкали свиньи, чавкала зубами лошадь.

Какъ всегда въ эти часы, Митыкѣ стало скучно. Спать не хотѣлось, дѣлать нечего. Митыка сѣлъ, и принялся извлекать изъ гармоникъ монотонныя звуки...

Долго сидѣлъ онъ, вслушиваясь и въ свою музыку, и въ окружающую его тишину, пока не стало совсемъ скучно...

Тогда онъ слѣзъ съ сѣна и задумчиво пошелъ по темной безконечной дорожкѣ, забывъ о незанертномъ сараѣ, о скотинѣ, которую онъ выгоняетъ каждый день въ поле, о своемъ сердитомъ хозяйнѣ...

И снова одинокіе звуки одинокаго путника плакали во мракѣ темной, таинственной ночи.

А Аннѣ Петровнѣ въ это время снилось, что скачущій генераль сорвался съ своего мѣста и поскакалъ, поскакалъ...

— Наконецъ-то!—облегченно вздохнула она.

VII.

Митыка опять сбѣжалъ!

Иванъ Семенычъ, разбитый, разстроенный, влѣзъ съ помощью супруги, дочери и скотницы въ двуколку, взявъ вожжи и поѣхалъ къ уряднику.

На другой день онъ вернулся и вылѣзъ изъ двуколки съ помощью той же жены, дочери и скотницы.

Вскорѣ подѣхалъ на бѣговѣхъ дрожкахъ урядникъ; за нимъ плелась телѣга; изъ телѣги вылезли Митыка съ отцомъ.

Иванъ Семенычъ и урядникъ вошли въ столовую, гдѣ за круглымъ столомъ ужъ хлопотала Анна Петровна и Маша.

Сѣли и выпили. Послѣ третьей рюмки урядникъ сказалъ барышнѣ, что у нея глаза похожи на незабудки, а Ивана Семеныча называлъ господиномъ полковникомъ. Послѣ пятой рюмки господинъ полковникъ высморкался и сталъ искать спичекъ. Анна Петровна нашла спички въ правомъ кармаѣ его брюка и отодвинула отъ него вожку. Урядникъ сказалъ барышнѣ, что у нея глаза похожи на аютины глаза, хозяйкѣ—что у нея грибы божественны, а Ивана Семеновича называлъ его превосходительствомъ; послѣ этого разговоръ сдѣлался общимъ. Говорили громко, горячо объ испорченности народа, о бѣглецѣ Митыкѣ; урядникъ обѣщался его погнать, хорошеняко погнать.

— Ужъ вы будьте покойны, больше бѣгать не будетъ.

Графиня, зорко охраняемый опытнымъ глазомъ хозяйки, удивительно ловко высказывалъ изъ рукъ Ивана Семеныча и набирался къ рюмкѣ урядника, который на каждый его поклонъ отѣчалъ новой любезностью по адресу хозяевъ.

— Если-бъ моя власть была,—съ сожалѣніемъ говорилъ гость:—я бы вамъ показалъ свою распорядительность. Но будьте покойны, пугнемъ... превысимъ, такъ-сказать...

— Нельзя ли протоколъ составить?—вставила Анна Петровна.

— Отчего нельзя? Все можно. Составимъ, а потомъ въ печку...

Ну-ка, давайте подсудимаго.

Онъ сорвался съ мѣста, сильно качнулся въ сторону, недоумѣвающе уставился на хозяйку, точно увидѣлъ на ея носу чорта, и быстро выпрямился, какъ человекъ, котораго хотѣли повалить, но который удачно избѣгъ опасности; послѣ этого онъ тяжело опустился за столъ съ письменными принадлежностями. Въ комнату вошелъ Митыка съ отцомъ. Высокій мужикъ былъ мраченъ: который-то разъ его отрывають отъ работы! Митыка мялъ картузь, крѣпко поддерживалъ подъ мышкой свою гармонику и улыбался своей неизмѣнной счастливой улыбкой.

Свѣтлые глаза его съ любопытствомъ осматривали воинскія принадлежности и красный носъ начальника.

— Подеудимый, какъ тебя звать?—важно, слегка запиннаясь, крикнулъ урядникъ.

— Митыка.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Не—знаю...

— Четырнадцать,—отвѣтилъ отецъ.

— Тэкъ-съ... А какого ты званія? Впрочемъ, ладно!

Грозная обстановка, грозный вопросъ однако не дѣйствовали. Митыка смотрѣлъ на всѣхъ и улыбался, спокойный, радостный. Урядника окончательно взорвало.

— Да знаешь ли ты,—накинулся онъ, перегнувшись черезъ столъ:—что за каждый день самовольной отлучки ты платишь штрафъ—рубль. Итого, если ты будешь такъ бѣгать, ты за лѣто будешь оштрафованъ рублемъ на сто!..

— Ишь ты!—окончательно просіялъ Митыка.

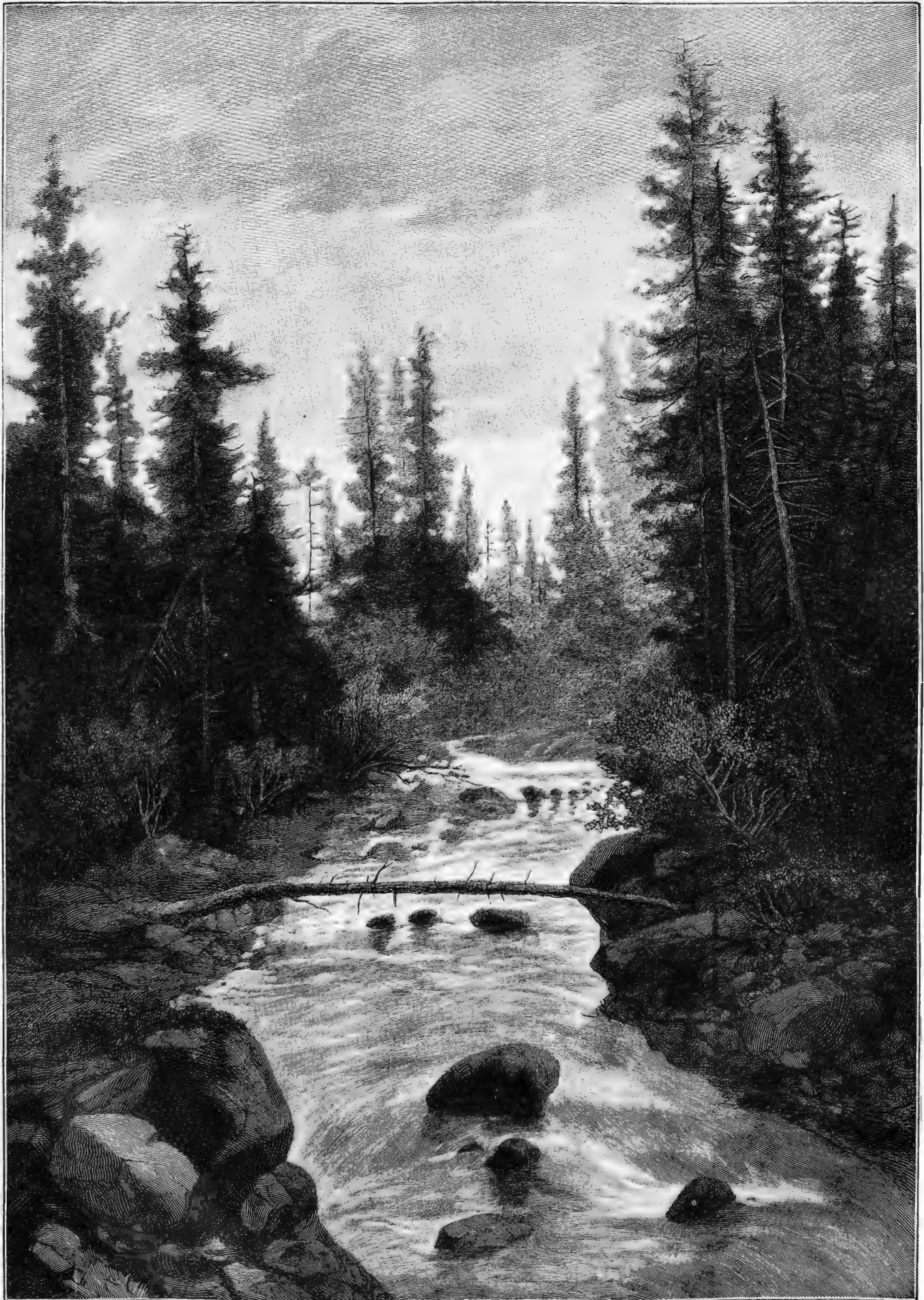
Урядникъ сердито сплюнулъ, обманулъ перо и началъ писать, громко диктуя себѣ:

— Крестьянскій сынъ, Митыка, за самовольный побѣгъ числа такого-то подвергается... подвергается...

Едва урядникъ, упавъ грудью и локтями на столъ, принялся выводить на бумагѣ черныя буквы, лицо Митыки сразу измѣнилось, точно чернила отбросили отъ себя на это лицо черную тѣнь; ясные глаза парня съ недоумѣніемъ и страхомъ стали слѣдить за каждымъ перомъ, съ котораго на его, Митыкину, голову лился великій напастъ... Каждая новая буква болло отзывалась въ Митыкиномъ сердцѣ и вставала передъ нимъ, какъ таинственный, но страшный призракъ. Наконецъ, перень не выдержалъ и рѣзко, не своимъ голосомъ, крикнулъ:

— Не пиши! Чего пишешь?!

Этотъ неожиданный крикъ заставилъ сначала всѣхъ вздрогнуть.

Рѣка Селенга, впадающая въ озеро Байкаль. Ориг. рис. (собств. «Нивы») Д. Пахомова, грав. М. Рашевскій.

Александрo-Свирскій монастырь Преображенскій соборъ. Ориг. рис. (собств. «Нивы») В. Павлова, грав. Шюблеръ.

Александрo-Свирскій монастырь. Троицкій соборъ. Ориг. рис. (собств. «Нивы») В. Павлова, грав. Ю. Шюблеръ

а потомъ улыбиться. Урядникъ молодповато переглянулся съ Анной Петровной и спокойно продолжалъ:

— Подвергается лишению, значить... всѣхъ правъ и даже... гармоникки...

— Не пиши!.. Говорю, не пиши! — и Митька рванулся впередъ, но, во-время подхваченный отцомъ, вылетѣлъ изъ комнаты.

— Подѣйствовало! — провозгласило начальство.

Всѣ разсмѣялись. Иванъ Семеновичъ поднесъ высокому мужику рюмочку и сказалъ:

— На грѣхъ я съ тобою связался.

Вечеромъ, утомленная Анна Петровна вошла въ спальню и принялась раздѣваться, съ тоскою глядя на скачущаго генерала, на открытый ротъ и волосатую грудь мужа, — но вдругъ тревожно начала прислушиваться.

— Что это его не слышать?.. Неужели опять ушелъ?

Заснуть безъ музыки Митьки, значило заснуть съ сознаниемъ, что завтра некому будетъ выгонять скотину.

Анна Петровна набросила на плечи платокъ и съ тревогой въ сердцѣ вошла въ сарай.

Вмѣсто знакомыхъ звуковъ, она услышала глухое, сдавленное рыданье.

Митька плакалъ! Это было что-то невѣроятное.

Неужели по этому лицу, вѣчно улыбающемуся, вѣчно счастливому, текли теперь слезы?

Пораженная Анна Петровна дрогнувшимъ голосомъ спросила:

— Митька, что съ тобою?.. Да отвѣчай же, дурачокъ, что ты?

И только послѣ долгихъ разспросовъ она сквозь рыданья услышала:

— Тетенка, боюсь... очинно боюсь...

Урядникъ оказался опытнымъ психологомъ: Митька больше не бѣгалъ. Но каждый разъ, когда Анна Петровна встрѣчала его взоръ съ новымъ въ немъ выраженіемъ страха и грусти, ей становилось очень больно.

Алекса́ндро-Сви́рска́й монастырь.

Очеркъ И. Тюменова.
(Съ 5-ю рисунками.)

Спасскій Свято-Троицкій монастырь св. Александра Свирскаго, расположенный въ 34-хъ верстахъ отъ гор. Олонки и въ 6-ти вер. отъ рѣки Свири, безусловно составляетъ главную святыню и духовный оплотъ православія во всемъ Олонецкомъ краѣ. Во дни сильнѣйшаго распространения на Сѣверѣ раскола, центромъ котораго были повѣнчанные скиты, когда ажеученіе проникло даже въ стѣны Соловецкой обители, — Сви́рска́й монастырь оставался непоколебимымъ въ своихъ убѣжденіяхъ, и заслуги его нравственнаго вліянія на окружающую мѣстность были признаны самими московскими государями. Тысячи богомольцевъ изъ разныхъ, часто весьма отдаленныхъ, мѣстъ ежегодно стекаются на поклонъ къ Сви́рскому угоднику, считающемуся главнымъ заступникомъ и молитвенникомъ всего края и покровителемъ столь распространеннаго здѣсь, по Свири и озерамъ, судоходства.

Расположеніемъ своимъ Сви́рска́я обитель представляетъ крайне интересный и рѣдкій примѣръ двойнаго монастыря. Она состоитъ изъ двухъ совершенно отдѣльных, обнесенныхъ особыми стѣнами, монастырей, носящихъ названія—Троицкаго и Преображенскаго и находящихся одинъ отъ другого на разстояніи 130 сажень. Причина такого необычнаго устройства обители заключается въ обстоятельствахъ, подробно изложенныхъ въ житіи ея основателя, преподобнаго Александра, жизнь котораго заключаетъ въ себѣ не мало интереснаго и поучительнаго.

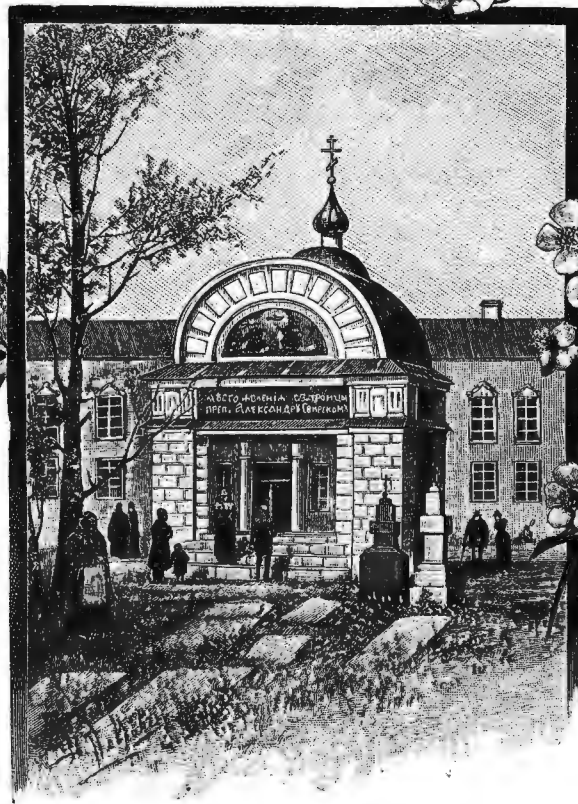
Въ княженіи великаго князя Васи́лія Васи́льевича Темнаго, неподалеку отъ Свири, на берегу ея притока—Ояти, находилось небольшое селеніе Ма́ндера. Здѣсь, въ одной изъ крестьянскихъ семей, — 15-го іюля 1448 г., — родился мальчикъ, названный при крещеніи Аммосомъ, которому предназначено было сдѣлаться однимъ изъ величайшихъ подвижниковъ земли русской. Любовь къ аскетизму проявилась въ Аммосѣ съ самыхъ юныхъ лѣтъ; еще въ отрочествѣ онъ уже подвергалъ себя строгимъ подвигамъ воздержанія, а, достигнувъ совершеннолѣтія, твердо рѣшилъ ѣхать отъ мірской суеты и поступить въ число иноковъ Валаамскаго монастыря на Ладожскомъ озерѣ, существовавшаго тамъ со времени глубокой древности. Берега Свири и Ладожскаго озера были покрыты тогда густыми, дремучими лѣсами. Путь на Валаамъ шель посреди непроходимыхъ лѣсныхъ тучищъ, по едва замѣтной, узкой тропинкѣ. Сказавъ родителямъ, что идетъ зачѣмъ-то въ сосѣдную деревню, Аммосъ простился съ ними, взявъ немного хлѣба на дорогу, и навсегда покинулъ родительскій домъ. Былъ уже вечеръ, когда онъ перебрался черезъ Сви́рь и погрузился въ чащу дремучаго лѣса. Ночь застала его въ красивой холмистой мѣстности на берегу небольшого озера; здѣсь путникъ остановился на ночлегъ. Во время сна, онъ, какъ бы въ предвидѣніи, узналъ, что на этомъ мѣстѣ, современемъ, имъ будетъ основанъ монастырь. Помолясь утромъ Богу, Аммосъ тронулся въ дальнѣйшій путь и добрался до Валаама, гдѣ вскорѣ былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Александра.

На Валаамѣ, гдѣ теперь устроенъ скитъ его имени близъ пещеры, въ которой онъ спасался, — Александръ прожилъ около 12-ти лѣтъ и въ 1485—86 г., получивъ откровеніе свыше, вернулся на Сви́рь и поселился въ 6-ти верстахъ отъ нея на берегу уже знакомаго ему озера, называвшагося Рошинскимъ. Поставивъ себѣ кое-какъ убогую хижинку, онъ, за неимѣніемъ хлѣба, питался травою и лѣсными растеніями, и весь погрузился въ молитву и благочестивые подвиги. Непривычная пища сначала очень тяжело отозвалась на его организмъ; отъ страшной боли въ пищеварительныхъ органахъ онъ, по его собственнымъ словамъ, не могъ работать на ногахъ, и лежа пластомъ на землѣ, не будучи въ силахъ поднять даже голову, продолжалъ читать и пѣть свои обычныя молитвы. Но Богъ помогъ страдальцу, онъ выздоровѣлъ и съ прежнею неутомимостью обратился къ своимъ подвигамъ. Такъ прошло семь лѣтъ, и никто изъ окрестныхъ жителей не зналъ и не подозревалъ о существованіи отшельника; оставивъ Валаамъ, святой какъ бы умеръ для людей.

Однажды мѣстный вотчинникъ, по имени Андрей Завалишинъ, выѣхалъ на охоту съ царями и гончими. Вскорѣ имъ удалось поднять оленя, но олень такъ быстро помчался по лѣсу, что отъ него отстали не только охотники, но и самыя собаки. Одинъ только Андрей на своемъ борзomъ конѣ гнался за оленемъ и все далѣе и далѣе углублялся въ чащу. Наконецъ, залетѣвъ на

одинъ пригорокъ, олень остановился, посмотрѣлъ по сторонамъ, прыгнулъ и окончательно исчезъ изъ вида. Завалишинъ въ досадѣ поворотилъ коня, но едва лишь проѣхалъ нѣсколько шаговъ, какъ увидѣлъ передъ собою небольшую хижинку. Онъ сошелъ съ коня и постучался.

Въ дверяхъ показалась блѣдная, изможденная фигура пустытника, который, семь лѣтъ не выдавъ человѣческаго лица, принялъ появленіе неожиданнаго гостя за галлюцинацію. Андрей назвалъ себя, рассказалъ про случай на охотѣ и, въ свою очередь, началъ предлагать вопросы невѣдомому пустынножителю. Отшельникъ сначала заклѣя его именемъ Божиимъ никому не рассказывать о встрѣчѣ, и потомъ сказалъ, что имя ему Александръ, что жилъ онъ прежде на Валаамѣ и теперь поселился здѣсь. Принявъ благословеніе преподобнаго, Завалишинъ удалился, и вскорѣ же молва о чудномъ отшельникѣ стала распространяться по всей окрестности. Въ пустыню къ Александру явился старшій его братъ Іоаннъ и поселился съ нимъ. Вскорѣ явилось еще нѣсколько иноковъ и мірянъ, желающихъ остаться въ пустынѣ подъ духовнымъ руководствомъ преподобнаго. Онъ указалъ имъ мѣсто для селенія въ 130 сажняхъ отъ своей хижины, полянку же вокругъ своего жилища назначилъ кладбищемъ для братіи, и однимъ изъ первыхъ похороненныхъ

Мѣсто явленія св. Троицы преп. Александру Сви́рскому.
Ориг. рис. (собств. «Нивы») В. Павлова, грав. Рашевскій.

здесь иноковъ былъ братъ его Иоаннъ. Хижина преподобнаго съ окружающимъ кладбищемъ получила название «отходной пустыни». Тамъ, гдѣ поселилась братія, находится теперь Троицкій монастырь, на мѣстѣ же отходной пустыни, гдѣ потомъ былъ похороненъ и самъ преподобный,—возникъ монастырь Преображенскій.

Церковь въ Троицкомъ монастырѣ, на мѣстѣ которой стоитъ теперь каменный Троицкій соборъ, была построена и освящена въ честь св. Троицы, вслѣдствіе особаго небеснаго явленія, помѣченнаго въ житіи 1508 годомъ. Однажды ночью, когда преподобный стоялъ на молитвѣ въ своей кельѣ, ему явились три свѣтлыхъ мужа съ посохами въ рукахъ и велѣли ему строить перкозъ. Когда же старецъ, долго отказывавшійся изъ скромности свершить такое дѣло, спросилъ ихъ, наконецъ, и наконецъ, объ имени будущей церкви, они сказали: «Какъ видишь говорящаго съ тобою въ трехъ лицахъ, и перковь строй во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, единосущной Троицы». На мѣстѣ кельи преподобнаго, гдѣ они сподобились чудеснаго явленія, устроена теперь каменная часовня. Самое мѣсто

Троицкаго храма было указано преподобному ангеломъ, который явился ему на воздухъ въ мантии и монашескомъ куколѣ, съ распростертыми крыльями и молитвенно поднятыми къ небу руками. Когда деревянная перковь, по благословенію новгородскаго архіепископа Серапіона, была построена, св. Александръ былъ вызванъ въ Новгородъ, рукоположенъ въ священника и сдѣланъ игуменомъ новой обители. Уставъ въ монастырѣ былъ заведенъ строгій, и самъ игумень служилъ высокимъ образцомъ подвижничества для братіи.

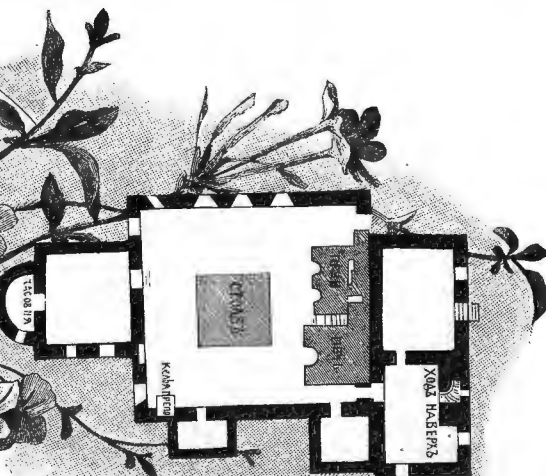
Черезъ нѣсколько времени маленькая деревянная перковь св. Троицы оказалась тѣсною для братіи, и преподобный на мѣстѣ ея построилъ новый каменный храмъ, причемъ по его просьбѣ мастера-строители были присланы уже изъ Москвы великимъ княземъ Иоанномъ Васильевичемъ III. Этотъ же князь оказался щедрымъ помощникомъ преподобному и при построении другой каменной перкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы, — неподалеку отъ Троицкой. При этой перкви, въ западной части была устроена трапеза, а внизу обширное помѣщеніе братской кухни, прекрасно сохранившееся и до нашего времени, съ двумя огромными печами, по пяти съ половиною аршинъ шириною. Въ этомъ подвальномъ помѣщеніи хранятся и старинные, полуизмолотые, монастырскіе жернова, а въ одной изъ стѣнъ устроено небольшое, полукруглое помѣщеніе, въ которомъ, по преданію, преподобный, приходя въ Троицкій монастырь, уединялся для молитвы. Кромѣ этихъ построекъ, св. Александромъ были построены еще двѣ деревянные перкви въ отходной пустыни, во имя Преображенія и св. Николая. На мѣстѣ Преображенской церкви находится теперь большой каменный соборъ, въ которомъ почиваютъ мощи св. Александра, скончавшагося 30-го августа 1533 г., восьмидесяти пяти лѣтъ отъ роду.

Строгий уставъ, введенный преподобнымъ, долгое время свято соблюдался въ обители, и она была извѣстна по всей Руси на ряду съ самыми строгими по жизни монастырями. Упрекая бояръ за то,

что они любятъ постригаться въ богатыхъ монастыряхъ, съ слабымъ уставомъ, царь Иванъ Васильевичъ Грозный говаривалъ: «Вотъ, въ нашихъ глазахъ, у Діонисія, у великаго чудотворца, на Глушицахъ, и у великаго чудотворца Александра на Свири бояре не постригаются, а монастыри эти процвѣтаютъ подвигами». Доказательствами благоволенія Грознаго къ обители служатъ: Перуковтвенный образъ Спасителя, присланный царемъ въ 1584 году «по сынѣ своему царевичу», и серебряный крестъ съ ковчезцами, пожертвованный въ 1576 году. Крестъ этотъ замѣчательнъ по обилію содержащихся въ немъ священныхъ предметовъ. Судя по надписи на футлярѣ, на крестѣ, кромѣ частицы крови Господней, находится: часть камня отъ гроба Господня, «плащаница Христова», бумага, что

потирали кровь въ Иерусалимѣ, камень того мѣста, гдѣ Христосъ со апостолами молитву молился: Отче нашъ, — древо Тиверіадскаго моря, гдѣ Христосъ со апостолами рыбы ловилъ, камень, какъ Христосъ крестился во Иордань рѣкѣ и на немъ сидѣлъ, персть

Иордань рѣки, камень горы Синайскаго, камень дому Иоанна Богослова, камень того мѣста, гдѣ Иуда Христа предалъ» — словомъ пѣлая Палестина въ миниатюрѣ. По смерти Грознаго, сынъ его и наслѣдникъ, царь Феодоръ Иоанновичъ, въ 1585 году, прислалъ въ монастырь колоколъ съ интересною надписью, что колоколъ слитъ «подъ щетъ Государя Царя Великаго Князя Ивана Васильевича всея Руссии, въ иноцѣхъ Юны». Борисъ Годуновъ также очень тепло относился къ монастырю, послалъ сюда свою жену Марью Григорьевну на богомолье и неоднократно дѣлалъ въ монастырѣ разныя пожертвова-

Покровская церковь въ Александрo-Свиpскомъ Троицкомъ монастырѣ.
Ориг. рис. (собств. «Ншвы») В. Павлова, грав. Ю. Шюблеръ.

нія. По восшествіи Бориса на престолъ, къ нему были посланы монахи изъ обители съ хлѣбомъ и рѣкою печеною» — «и царь пожаловалъ хлѣбъ Чудотворца и рѣпу печеную, принялъ честно и священноначока, привозившаго тѣ подарки, жаловалъ и послалъ на молебнѣ 5 рублей, да на столъ братіи 5 рублей, да пудъ воску».

Съ эпохою московскаго разоренія и для обители настали тяжелыя времена. Въ краѣ появились бродячія шайки шведовъ, поляковъ и литвы. Одна изъ такихъ шайекъ, въ 1612 или 1613 году, потерпѣвъ неудачу подъ укрѣпленными стѣнами Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, двинулась на сѣверо-западъ и достигла береговъ Свири, гдѣ совершила цѣлый рядъ злодѣйствъ. Свиpскіе иноки поспѣшили отправить главныя свои церковныя драгоценности въ крѣпкій Кирилловъ монастырь, остальные же вещи, вмѣстѣ съ колоколами, зарыли въ землю, а казну обительскую укрыли подъ кирпичнымъ поломъ Покровской церкви. Шайка достигла низовьевъ Свири и отъ Сермаксы двинулась на монастырь. Построенная для мирныхъ подвиговъ благочестія, обитель была плохо защищена въ военномъ

шопеніи и взята неприятелями без сопротивленія. Злодѣи принялись разграбивать о монастырскомъ добрѣ; начались пытки. Двадцать семь человекъ братіи и тридцать два служки были замучены до смерти, но ни одинъ изъ нихъ не выдалъ мѣста, гдѣ было спрятано монастырское добро. Разграбивъ, что могли, разбойники подошли къ монастырю и двинулись далѣе, но вскорѣ были разбиты выведенными изъ терпѣнія олончаняи. Во время пожара Троицкая церковь треснула на-двое, а отъ Покровской остались только одніе стѣны.

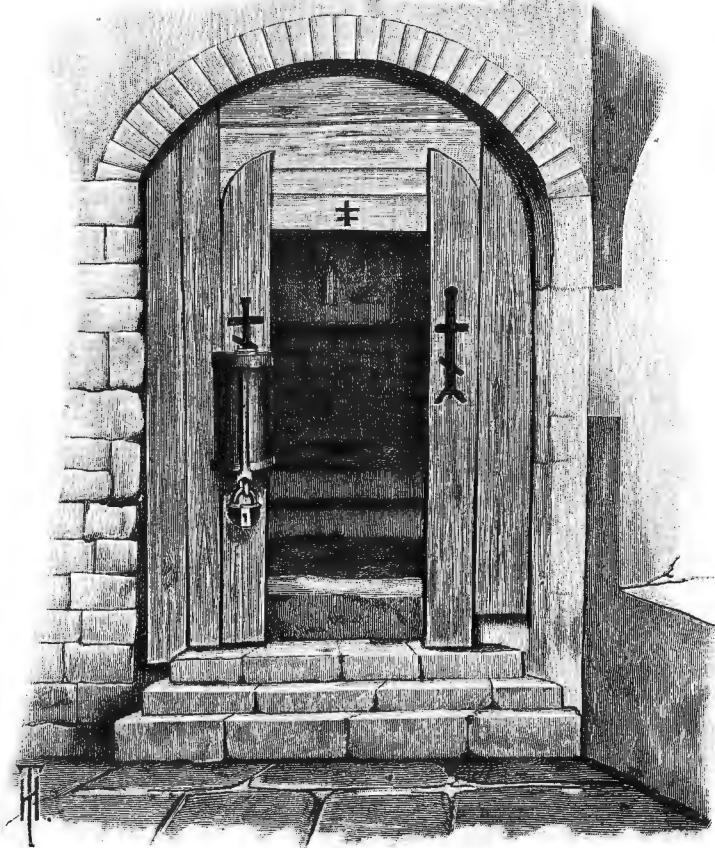
Съ 1615 года начинается постепенное возобновленіе обители. Въ 1618 г. игумень Феодоритъ лично явился въ Москву и, получивъ средства отъ царя Михаила Феодоровича, построилъ на мѣстѣ разореннаго новый каменный Троицкій соборъ; потомъ были перестроены кельи, службы и возобновлена Покровская церковь. Преображенскій храмъ въ отходной пустыни былъ перестроенъ въ 1641 году, и во время копанія рововъ, 17-го апрѣля, были обрѣтены нетлѣнные мощи преподобнаго. Государь Михаилъ Феодоровичъ прислалъ для нихъ раку, обложенную позолоченнымъ басменнымъ серебромъ съ избороженіемъ самого преподобнаго.

Во время шведской войны, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, монастырь, вслѣдствіе полученнаго указа, принималъ дѣятельное участіе деньгами и людьми въ укрѣпленіи города Олонца. Но, укрѣпился Олоонецъ, монастырь самъ еще долгое время оставался безза-

щитнымъ, и каменная ограда воздвигнута лишь въ 1677 г. Черезъ восемнадцать лѣтъ послѣ построения ограды, воздвигнутъ, на мѣстѣ обветнаваго, нынѣшній Троицкій соборъ, могучій служити типичнымъ образцомъ русскаго зодчества конца XVII вѣка.

Проѣзжая въ Петрозаводскъ, на марціальныя воды, Петръ I неоднократно посѣщалъ монастырь, гдѣ проводилъ иногда по нѣскольку дней. Поконъ, въ которыхъ онъ помѣщался, указываютъ въ западной части Троицкаго монастыря, гдѣ въслѣдствіи жили олонецкіе архіереи, числившіеся с.-петербургскими викаріями и начавшіе имѣти свое мѣстопробываніе въ монастырѣ съ 1763 года. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ поселенія въ обители, сюда была переведена и олонецкая духовная семинарія. Въ 1827 году была учреждена самостоятельная олонецкая и петрозаводская епархія, и Свирскій монастырь до самаго послѣдняго времени оставался въ личномъ распоряженіи мѣстныхъ архіереевъ.

Изъ монастырской лѣтописи нынѣшняго столѣтія упомянемъ о посѣщеніи обители императоромъ Александромъ I въ 1820 году и императоромъ Александромъ II въ 1858 г., а изъ лицъ, наиболѣе потрудившихся къ восстановленію и украшенію обители, слѣдуетъ назвать архимандрита Павла, благодаря стараніямъ котораго была построена въ Петербургѣ Свирская часовня, обращенная потомъ въ церковь и служащая теперь главнымъ источникомъ монастырскихъ доходовъ.

Александрo-Свирскій монастырь. Келья преп. Александра въ подвальномъ помѣщеніи Покровской церкви.
Ориг. рис. (собств. «Нивы») И. Тюменова, грав. Рашевскій.

Къ рисункамъ.

Стоитъ бросить взглядъ на картину Алонзо Перетца: «Изъ гостей», чтобы убѣдиться въ высокихъ достоинствахъ его работы. Картина представляетъ вестибюль съ веселой компаніей, которая возвращается изъ гостей и посылаетъ прощальные поклоны новобрачнымъ, живописно стоящимъ у открытаго окна. Много жизни, движенія въ этой картинѣ; она написана съ поразительнымъ мастерствомъ и изящна до мельчайшихъ своихъ деталей.

Нѣкогда богатый запасъ народной поэзіи постепенно исчезаетъ подъ неудержимымъ напоромъ матеріализма. Новыхъ сказокъ нѣтъ, а старыя забываются, и можетъ-быть исчезли бы окончательно, если бы не находились люди, усердно ихъ собирающіе и записывающіе. Такими людьми въ Германіи были братья Гриммы, собиравшіе кроха за крохою драгоценныя перлы народной поэзіи. Множество сказокъ существуетъ на свѣтѣ, но въ то время какъ одніе остаются лишь въ сборникахъ, другіе — выходятъ на свѣтъ Божій и приобретаютъ широкую популярность. Таковы, напримѣръ, «Спящая красавица», «Синіяя борода», «Царевна-лягушка», «Гензель и Гретель». Последняя сказка — трогательная и поэтичная — въ высокохудожественныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясныхъ и простыхъ образахъ воплотила въ себѣ вѣчную для всѣхъ временъ и народовъ исторію злой мачихи, желающей погубить своихъ не родныхъ дѣтей. Конечно злой умыселъ не удастся, и дѣтки, выгнанныя въ лѣсъ и попавшія къ лодобѣдѣ-вѣдьмѣ, спасаются отъ тяжелой доли, благодаря своей смѣливости и ловкости. Дѣвочка проситъ вѣдьму показать ей, какъ нужно влѣзати въ раскаленную печь, въ которой та хотѣла ее сжарить, и когда глухая и злая вѣдьма очутилась въ печи, она захлопнула заслонку и освободила брата изъ заключенія. Мачиха умираетъ и добро торжествуетъ надъ зломъ. Вотъ элементы этой сказки, и вотъ разгадка ея всемірной популярности. Она даетъ синтезъ отношеній между мачихой и дѣтками, она, какъ въ фокусѣ, вытупко и ярко рисуетъ картину набобѣвнаго семейнаго вопроса; кромѣ того, она выражаетъ глубокую вѣру народа въ торжество добра надъ зломъ, бодрую вѣру въ торжество Правды. Спасеніе дѣтей происходитъ не вслѣдствіе какого-нибудь чуда или фантастическаго приключенія, являющагося въ критическую минуту, какъ Deus ex machina, а благодаря смѣливости и ловкости дѣвочки. Нельзя ли въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве видѣти намекъ на

силу воли и самопомощь — отличительныя свойства германскаго народа?

Сказка братьевъ Гриммовъ вдохновила не мало художниковъ. Недавно еще имѣла большой успѣхъ прелестная опера Гупердинга на сюжетъ «Гензель и Гретель» съ ея трогательно-наивными мелодіями, а живописецъ Отто Лингнеръ, картину котораго мы здѣсь воспроизводимъ, изобразилъ намъ Гензель и Гретель, затерянныхъ въ дремучемъ лѣсу.

Она такъ молода, а между тѣмъ ей уже пришлось познакомиться съ горемъ: самый дорогой для нея человекъ посланъ на войну. Она выплакала всѣ слезы, ежедневно ходила въ часовню и обращалась съ теплою молитвою къ Богу, чтобы онъ охранялъ отсутствующаго отъ вражеской пули.

И вотъ сегодня она получила, наконецъ, первое письмо отъ возлюбленнаго. Онъ живъ, онъ здоровъ и скоро вернется. Счастливая дѣвушка пошла излить передъ образомъ свою благодарность о спасеніи жениха и, сложивши руки передъ престоломъ, предалась вдохновенному изліанію своихъ искреннихъ чувствъ. Не одна нужда заставляетъ молиться, но и радость, охватывающая, словно стихійной волной, все наше существо...

Великій сибирскій путь подвигается и растетъ не по днямъ, а по часамъ. Въ настоящее время уже открыто движеніе пассажирскихъ поездовъ до Иркутска, и не далеко время, когда мы будемъ въ состояніи въ 2 недѣли перенестись черезъ всю Сибирь. Глубже и глубже проходитъ желѣзный путь, внося съ грохотомъ цивилизацію и культуру въ дикія, сумрачныя дебри тайги. Тамъ, гдѣ въ былыя времена слышны были только вой волковъ, тяжелые шаги медвѣдей, шуршанье вѣтокъ, тамъ звучитъ теперь топоръ и разноситъ далеко русская протяжная пѣсня про родимый край, про широкое раздолье убѣгающихъ вдаль степей. Хмурятся высокія пихты, гордо вздымающія свои вершины къ облакамъ, и тревожно шумятъ, протестуя противъ чуждыхъ имъ звуковъ.

Дивныя мѣста — за Иркутскомъ, по берегамъ Байкальскаго озера. Прекрасное шоссе вьется, то подымаясь, то спускаясь, по крутымъ оврагамъ. Особенно хороши мѣста между станциями Выдреной и

Пересмной; въ 7 верстахъ отъ послѣдней находится небольшой мостъ на днѣ громаднаго оврага, и видъ съ этого моста считается совершенно справедливо однимъ изъ живописнѣйшихъ на Круго-Байкальскомъ почтовомъ трактѣ. Байкальское озеро (святое море) питается массой большихъ и малыхъ рѣкъ, и одной изъ важнѣйшихъ можно считать Селенгу, начинающуюся въ Монголіи. Въ верхнемъ теченіи эта рѣка имѣетъ совершенно горный характеръ, но нижняя доступна судамъ, и въ 1863 г. на ней устроено было пароходство. Кромѣ большихъ рѣкъ, какъ Верхняя Ангара, Селенга, Баргузинъ и проч., насчитывается до 233 большихъ потоковъ и ручьевъ. Глубина Байкальскаго озера вездѣ очень значительна — отъ 300 до 800 сажень.

Болгарская княгиня Марія-Луиза.

(Портр. на этой стр.)

19-го января въ Софіи скончалась отъ воспаления легкихъ супруга болгарскаго князя Фердинанда, княгиня Марія-Луиза. Смерть княгини поразила своей неожиданностью весь болгарскій народъ, глубоко опечаленный этой тяжелой утратой. Вся Софія облеклась въ глубокой трауръ.

Княгиня Марія-Луиза скончалась еще очень молодой (она родилась 5-го января 1870 г.), но она всегда отличалась слабымъ здоровьемъ. Покойная княгиня была урожденной принцессой Бурбонской, изъ Пармской герцогской линии. Ея высочество была старшей дочерью (отъ перваго брака) Роберта Бурбонскаго, инфанта испанскаго, герцога Пармскаго, родившагося 27-го іюня 1848 года и вступившаго на престолъ послѣ смерти отца еще малолѣтнимъ. Въ настоящее время герцогъ состоитъ во второмъ бракѣ и имѣетъ отъ обоихъ браковъ 17 дѣтей. 8-го апрѣля 1893 г. принцесса Марія-Луиза сочеталась бракомъ съ болгарскимъ княземъ Фердинандомъ, происходившимъ изъ Саксенъ-Кобургъ-Готскаго герцогскаго дома. Бракосочетаніе состоялось въ виллѣ Піаноре, во Флоренціи. Отъ этого брака родились два сына: принцы Борисъ (род. 18-го января 1894 г. и претензія по православному обряду 2-го февраля 1896 г.) и Кирилль (род. 5-го ноября 1895 г.) и двѣ дочери: Евдокія (род. 5 января 1898 г.) и только что явившаяся на свѣтъ принцесса, нареченная Клементина, въ честь престарѣлой родительницы князя Фердинанда, дочери французскаго короля Луи-Филиппа.

Покойная княгиня Марія-Луиза хорошо знакома Россіи; вмѣстѣ съ своимъ августѣйшимъ супругомъ и старшимъ сыномъ, княземъ Борисомъ тырновскимъ, ея высочество посѣтила Россію въ истекшемъ году, побывавъ въ Кіевѣ, Москвѣ и Петербургѣ и всюду встрѣтивъ очень теплый, радушный приемъ.

Столѣтіе кавалергардскаго полна.

(Съ портр. и 4 рисунками на стр. 98 и 99.)

11-го января кавалергардскій Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны полкъ праздновалъ свой столѣтній юбилей. Въ этотъ день исполнилось сто лѣтъ непрерывнаго существованія кавалергардовъ со дня сформированія, 11-го января 1799 года, кавалергардскаго корпуса (отряда), созданнаго императоромъ Павломъ I, собственно въ качествѣ стражи великаго магистра ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Онъ состоялъ изъ однихъ дворянъ, въ числѣ 75 человекъ. Въ такомъ видѣ, однако, корпусъ существовать не долго: черезъ годъ, 11-го января 1800 года, императоръ Павелъ I повелѣлъ переформировать этотъ корпусъ въ обыкновенный гвардейскій полкъ трехъ-эскадроннаго состава. Такимъ образомъ, явился кавалергардскій полкъ — прямой родоначальникъ нынѣшняго, торжественно отпраздновавшаго свою славную вѣковую службу, богатую высокими доблестями и выдающимися боевыми подвигами. Но столѣтіемъ далеко не исчерпывается исторія кавалергардовъ. Они ведутъ свое начало со временъ императора Петра Великаго, когда впервые после коронаціи императрицы Екатерины I (7-го мая 1724 года), служили почетными тѣлохранителями государя — царской гвардіей, имѣвшей такое огромное значеніе въ русской исторіи.

19 дней после коронаціи императрицы Екатерины I, а именно 26-го мая 1725 года, кавалергарды были распущены. Въ декабрь

1726 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе императрицы Екатерины I о сформированіи вновь кавалергардовъ, подъ именемъ кавалергардіи, при чемъ сама государыня приняла на себя званіе капитана кавалергардіи. Съ этихъ поръ во все время существованія кавалергардіи принимала участіе во всѣхъ торжествахъ, происходившихъ при Дворѣ.

Въ царствованіе императора Петра II кавалергарды продолжали свою придворную службу, участвовали въ торжественномъ шествіи государя въ Москву и затѣмъ въ послѣдовавшей его коронаціи. Императоръ Петръ II и императрица Анна Іоанновна такъ же, какъ и ихъ предшественница, носили званіе капитана кавалергардіи. Однако, вскорѣ послѣ коронаціи императрицы Анны Іоанновны, 7-го іюля 1731 года, кавалергардія была расформирована, и большая часть ея чиновъ поступила въ сформировавшійся тогда конный драбантскій или лейбъ-гвардіи конный полкъ. Расформированіе кавалергардіи объясняется чисто-политическими соображеніями. Не полагаясь на русскія войска и окружая себя иностранцами, Анна Іоанновна, какъ извѣстно, создала, такъ сказать, въ противовѣсъ полкамъ преображенскому и семеновскому, полку измайловскій и конный, сформированные преимущественно изъ иностранцевъ. Кавалергардію же она признала возможнымъ совсѣмъ расформировать. Но кавалергарды не исчезли, и въ послѣдующемъ царствованіи являются уже въ составѣ лейбъ-кампаніи, образуя въ ней отдѣльное «капральство» въ числѣ 60 человекъ. 21-го марта 1762 года Петръ III распустилъ лейбъ-кампанію. Екатерина II, тотчасъ же по вступленіи на престолъ, возстановила «кавалергардскій корпусъ», пожаловавъ въ него бывшихъ лейбъ-кампанцевъ (90 человекъ), принимавшихъ участіе въ возведеніи ея на престолъ.

Ея высочество княгиня болгарская Марія-Луиза († 19 января 1899 г.). Съ фот. авт. «Нивы».

Въ царствованіи Екатерины II «кавалергардскій Ея Императорскаго Величества корпусъ» составлялъ наибольшее приближенную къ императрицѣ часть. Во все время царствованія Екатерины II кавалергарды содержали внутрѣнный караулъ близъ ея покоевъ, въ особой комнатѣ, получившей отъ того названіе «кавалергардской». Императрица Екатерина II дала кавалергардскому корпусу новое обмундированіе, въ родѣ рыпарскаго — съ шишами, украшенными страусовыми перьями, съ серебряными накладками на рукавахъ, нижнемъ платьѣ и сапогахъ, и съ такими же коваными звѣздами на супервестахъ. Новая форма дѣлала этотъ малочисленный, но отборный родъ войска, по одеждѣ, однимъ изъ самыхъ красивыхъ и великолѣпныхъ въ Европѣ. Въ продолженіе всего царствованія императрицы Екатерины II кавалергарды участвовали на видныхъ мѣстахъ во всѣхъ торжествахъ и сопровождали императрицу въ ея путешествіяхъ, иногда въ числѣ нѣсколькихъ человекъ, а иногда и въ полномъ своемъ составѣ.

Тотчасъ же по вступленіи на престолъ императоръ Павелъ повелѣлъ (11-го ноября 1796 года) графу В. П. Мусину-Пушкину сформировать новый «кавалергардскій Ея Императорскаго Величества корпусъ» изъ унтеръ-офицеровъ дворянъ, а екатерининскіе кавалергарды послѣ ея похоронъ были распущены. Затѣмъ, 31-го декабря послѣдовало повелѣніе о сформированіи сие двухъ эскадроновъ, также изъ дворянъ, и съ этого времени корпусъ сталъ именоваться «кавалергардскими эскадронами». Кавалергардамъ было присвоено обмундированіе бѣлаго цвѣта по формѣ кирасиръ того времени, съ кирасирскимъ же вооруженіемъ, причемъ кавалергарды обыкновенно носили треугольные шляпы, но въ торжественные дни надѣвали серебряныя кирасы и серебряные же шишаны со страусовыми перьями. 9-го іюня 1797 г. въ первый разъ встрѣчается названіе «кавалергардскаго полна», когда Высочайшимъ приказомъ эмигрантъ маркизъ д'Отишанъ назначенъ былъ командиромъ кавалергардскаго полка. Въ основу организаціи кавалергардскаго полка была положена мысль заставить дѣйствительно служить, а не числиться только на службѣ, русскую дворянскую молодежь, и заставить ее испытать на себѣ всю тяжесть службы нижняго чина, чтобы этимъ самымъ подготовить ее къ званію офицера армейской кавалеріи. Павлу I не удалось осуществить этой мысли; привести ее въ исполненіе много лѣтъ спустя пришлось его преемнику.

Къ концу 1797 года кавалергардскій полкъ былъ расформиро-

ванъ. Принявъ званіе великаго магистра Мальтійскаго ордена, императоръ Павелъ 11-го января 1799 г. повелѣлъ графу Юлію Литтѣ сформировать «кавалергардскій корпусъ» для составленія гвардіи особы великаго магистра ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. 18-го марта Литта былъ уволенъ отъ службы, а на его мѣсто шефомъ кавалергардскаго корпуса назначенъ князь В. П. Долгоруковъ, съ свою очередь замѣненный 9-го августа того же года Ф. П. Уваровымъ. Вскорѣ назначеніе кавалергардовъ измѣнилось противъ первоначальной ихъ цѣли, и они поступили въ общій составъ войскъ, удержавъ, однакоже, первое мѣсто въ ряду кавалерійскихъ полковъ и сохранивъ дарованное имъ Петромъ Великимъ высокое преимущество: имѣть изъ среды своей почетную стражу у Трона и у церковныхъ дверей при Священномъ Вѣнчаніи на Царство Русскихъ Монарховъ.

Не долго пришлось новому полку ожидать своего боевого крещенія. Въ 1806 году 30-го ноября, полкъ, подъ начальствомъ ген.-маіора Демперадовича, участвовалъ въ сраженіи при Аустерлицѣ, гдѣ покрылъ себя неувядаемой славой. Въ 1807 г. полкъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Гейльбергѣ (29-го мая) и Фриландѣ (2-го іюня). 1812, 1813 и 1814 гг. ознаменованы для полка выдающимися боевыми подвигами. За дѣйствія полка въ Бородинскомъ сраженіи ему былъ пожалованъ георгіевскій штандартъ съ надписью: «за отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи 1812 г.», за отличіе подъ Фершампенуазомъ — серебряныя трубы съ георгіевскимъ крестомъ и лентами. Особенно памятенъ полку день 19-го марта 1814 г. При вступленіи въ Парижъ императоръ Александръ былъ въ кавалергардскомъ мундирѣ. Это была, — говорить одинъ изъ историковъ: — лестнѣйшая награда полку, начавшему боевую свою службу при императорѣ Александрѣ подъ Аустерлицомъ и участвовавшему во всѣхъ войнахъ Россіи съ Наполеономъ». Въ послѣдующія царствованія

2-го марта 1881 года императоръ Александръ III соизволилъ назначить Государыню Императрицу Марію Теодоровну первымъ шефомъ полка, причемъ Государю угодно было сохранить за Собою званіе второго шефа (первый примѣръ въ исторіи русской арміи).

Такова краткая исторія полка. 10-го января, наканунѣ его юбилея, состоялась въ Аничковскомъ дворцѣ прибавка новаго штандарта полка, а на слѣдующій день состоялся церковный парадъ полку въ манежѣ Инженернаго замка. На парадѣ присутствовали всѣ находящіеся въ Петербургѣ Августѣйшія Особы, генералитетъ, высшіе придворные и дипломатическій корпусъ, среди котораго находился и представитель прусскаго Gardes du Corps — графъ Линарь, прибывшій для принесенія поздравленія кавалергардамъ съ днемъ столѣтняго ихъ юбилея.

Послѣ Высочайшаго объѣзда, Богослуженія и прохожденія полка перемональнымъ маршемъ, онъ выстроился противъ Царской ложи въ эскадронныхъ колоннахъ по-дивизионно. Въ это время Государыни Императрицы Маріи Теодоровны имѣли счастье представляться офицеры и нижніе чины въ прежнихъ формахъ обмундированія. Между тѣмъ, передъ фронтомъ былъ поставленъ столикъ съ пробной порціей; къ столику подошли Государь Императоръ и Государыня Императрица Марія Теодоровна, подъ руку съ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ. Государь Императоръ, поднимая чарку вина и

обращаясь къ полку, произнесъ:

«Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Теодоровна, Августѣйшій Шефъ полка, поручила Мнѣ выпить за дорогія Ей здорье, процвѣтаніе и за вѣчную славу Ея кавалергардовъ. Ура!»

Восторженные клики кавалергардовъ были отвѣтомъ на эти высокомиловидныя слова. Затѣмъ командиръ полка провозгласилъ тосты

Графъ Ю. П. Литта, шефъ кавалергардскаго корпуса въ 1799 г. Съ портр. Клаубера по литогр. ванъ-Долена грав. Шюблеръ.

Кавалергардъ при императорѣ Петрѣ I (1724 г.). По литогр. П. Пети грав. Шюблеръ.

полкъ многократно удостоивался Высочайшихъ милостей и отличій. 1-го іюля 1826 года императору Николаю I угодно было назначить свою супругу императрицу Александру Теодоровну шефомъ полка. Это былъ первый примѣръ назначенія супруги императора шефомъ войсковой части. По кончинѣ императрицы (20-го октября 1860 г.) императоръ Александръ II принялъ на себя званіе шефа полка.

Унтеръ-офицеръ, кавалергардъ и офицеръ при императрицѣ Екатеринѣ II, 1764—1796 г. (въ парадной формѣ).

за драгоцѣнное здравіе Августѣйшаго Шефа полка Государыни Императрицы Маріи Теодоровны и Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Теодоровны. Музыка исполнила гимнъ. Послѣ этого Государь Императоръ осчастливилъ кавалергардовъ благодарностью, сказавъ:

«Еще раз спасибо, братцы, за вашу славную и вѣрную службу». После того Ихъ Величества позволили отбыть въ Собственный Его Величества (Аничковскій) Дворецъ, куда прослѣдовали также

Офицеръ и кавалергардъ кавалергардскаго корпуса при императорѣ Павлѣ I (1797 г.). По рис. Кляквина съ литогр. Тюлева грав. Шюблеръ.

и всѣ Августѣйшія Особы и гдѣ вслѣдъ затѣмъ состоялся Высочайшій завтракъ, къ которому были удостоены приглашенія всѣ офицеры полка, числящіеся въ спискахъ полка генералы и высшія начальствующія лица.

Во время завтрака Государь Императоръ изволил сказать:

«Отъ Имени Моей дорогой Матушки, Шефа полка, и отъ Себя выражаю Нашу искреннюю благодарность какъ прежде служившимъ, такъ и нынѣ находящимся на службѣ кавалергардамъ за ихъ вѣрное, самоотверженное и ревностное служеніе Престолу и Отечеству. Я увѣренъ, что новыя поколѣнія кавалергардовъ будутъ служить съ тѣмъ же усердіемъ, по примѣру ихъ предковъ. Отъ Имени Ея Величества пью за здоровье и дальнѣйшую славу Ея кавалергардскаго полка».

По окончаніи завтрака Ихъ Величества обходили присутствовавшихъ и милостиво со многими бесѣдовали. Офицеры, бывшіе на парадѣ въ прежнихъ формахъ обмундирования, прибыли въ этихъ формахъ и во Дворецъ на завтракъ.

М. С. Корелинъ. (Портр. на стр. 100.)

3-го января 1899 г. скончался въ Москвѣ профессоръ московскаго университета Михаилъ Сергѣевичъ Корелинъ, одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ представителей кафедръ всеобщей исторіи въ нашемъ отечествѣ, скончавшійся въ такіе годы, когда можно было ждать отъ него еще очень многого для русской науки.

М. С. Корелинъ родился въ 1855 г. и по происхожденію былъ крестьянинъ. Учился онъ послѣдовательно въ уѣздномъ училищѣ въ г. Рузѣ, въ 1 московской гимназіи и въ московскомъ университетѣ, на историко-филологическомъ факультетѣ, гдѣ занимался главнымъ образомъ подъ руководствомъ проф. В. И. Герье. Уже на студенческой скамьѣ онъ написалъ научную работу «Легенда о Фаустѣ и ея обработки», за которую получилъ золотую медаль; впоследствии часть этой работы была напечатана въ *Вѣстникъ Европы* (1882). Окончивъ курсъ въ 1880 г., онъ былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессурѣ и въ то же время началъ свою преподавательскую дѣятельность на высшихъ женскихъ курсахъ проф. Герье и въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. Выдержавъ магистерскій экзаменъ, молодой ученый получилъ заграничную командировку и около двухъ лѣтъ провелъ въ Италіи и Франціи надъ своей диссертацией. Будучи хорошо знакомъ съ исторіей искусства, онъ по возвращеніи въ Москву сдѣлался приватъ-доцентомъ этого предмета въ университетѣ, но вскорѣ сталъ

читать историческіе курсы. Главный трудъ Корелина «Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія» по всей справедливости можетъ быть названъ однимъ изъ наиболѣе капитальныхъ сочиненій по этому предмету, притомъ не въ одной нашей литературѣ, и московскій университетъ далъ автору за эту громадную книгу прямо докторскую степень, а академія наукъ увѣнчала его одной изъ своихъ премій. По исторіи итальянскаго гуманизма Корелинъ написалъ еще нѣсколько работъ, часть которыхъ была издана отдѣльной книгой подъ заглавіемъ «Очерки итальянскаго Возрожденія» (1896 г.). Было бы въ высшей степени важно, чтобы были собраны вмѣстѣ и изданы всѣ работы М. С. по исторіи гуманизма. Въ бумагахъ покойнаго остался еще неоконченный трудъ о Лаврентіи Вальѣ, надъ которымъ онъ долго и упорно трудился. Кромѣ университета, въ которомъ М. С. въ послѣднее время былъ профессоромъ, онъ читалъ еще публичные курсы, изъ которыхъ два появились въ *Русской Мысли* (о средневѣковомъ папствѣ и о паденіи язычества; послѣдній вышелъ въ свѣтъ въ 1895 г. отдѣльной книгойъ подъ заглавіемъ «Культурный кризисъ въ римской имперіи»). Множество статей покойнаго разбросано въ *Вѣстн. Евр.*, *Рус. Мысли*, *Истор. Вѣстн.*, *Вопросы философіи и психологіи* и др. изданіяхъ. Въ послѣднее время Корелинъ занялся популяризацией исторіи въ цѣломъ рядѣ «Иллюстрированныхъ чтеній по культурной исторіи» и написалъ интересную статью «Что можно дать для народнаго чтенія по всемірной исторіи?» (въ «Сборникѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ московскаго университета»). Въ февралѣ 1897 г. Корелинъ подвергся весьма опасной болѣзни, которая и свела его черезъ два года въ могилу на сорокъ третьемъ году его жизни. Хорошая характеристика его личности была сдѣлана въ надгробномъ словѣ профессоромъ Герье, его учителемъ и предшественникомъ на кафедрѣ (*Рус. Вѣд.*, 1899 г., № 8). Со смертью Корелина русская историческая наука понесла большую утрату, и московскій университетъ лишился даровитаго и знающаго профессора.

Игнатій Падеревскій. (Портр. на стр. 100.)

Среди современныхъ піанистовъ довольно видное мѣсто занимаетъ г. Падеревскій, давшій въ январѣ мѣсяцѣ т. г. три концерта въ залѣ Дворянскаго собранія. Концерты эти привлекли многочисленную публику и доставили слушателямъ высокое эстетическое наслажденіе.

Г. Падеревскій родомъ изъ подольской губерніи. Двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ, въ 1872 г., былъ отданъ въ варшавскую консерваторію, въ которой онъ окончилъ курсъ въ 1878 г. и въ слѣдующемъ году уже числился преподавателемъ фортепیانной игры въ томъ же учебномъ заведеніи. Затѣмъ онъ совершенствовался въ Берлинѣ

Кавалергардъ, трубачъ и унтеръ-офицеръ кавалергардскаго полка при императорѣ Александрѣ I (1804—1807). По соврем. лит. грав. Шюблеръ.

подъ руководством тамошнихъ профессоровъ. Въ 1887 г. онъ выступилъ концертантомъ въ Вѣнѣ, затѣмъ давалъ концерты въ Парижѣ и Лондонѣ, а съ 1891 г. сталъ совершать артистическія турнѣ въ Америкѣ, гдѣ составилъ себѣ состояніе и въ то же время основалъ въ Нью-Йоркѣ благотворительное общество для музыкальныхъ дѣятелей, отблагодаривъ такимъ образомъ страну, доставившую ему богатство.

Въ столицѣ Россіи г. Падеревскій уже однажды концертировалъ съ успехомъ 17-лѣтнимъ юношею въ 1877 г. Теперь онъ пріѣхалъ къ намъ готовымъ артистомъ съ европейскою репутациею. Г. Падеревскій не виртуозъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Онъ прежде всего художникъ, т.-е. пользуется своею замѣчательною техникою, только какъ средствомъ для совершеннаго исполненія произведеній искусства. Въ этомъ смыслѣ онъ напоминаетъ лучшихъ піанистовъ, и съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ оцѣнивать его игру. Г. Падеревскій, какъ художникъ, имѣетъ весьма опредѣленную физиономію. Наибольше ему удаются вещи національныя, т.-е. польскія, — г. Падеревскій — полякъ. Не даромъ онъ заслужилъ репутацию одного изъ лучшихъ после Рубинштейна—этого всеобъемлющаго гениа фортепیانной игры — исполнителей Шопена. Шопенъ можетъ прямо считаться его духовнымъ отцомъ. Послѣ Шопена ему лучше всего удается исполненіе Шумановскихъ вещей и тѣхъ произведеній Бетховена, которые можно назвать скорѣе романтическими, чѣмъ классическими. Нѣжное, печальное, фантастическое, таинственное — вотъ та область, въ которой особенно выдается талантъ г. Падеревского. Веселое, когда оно не носитъ національнаго характера, удается ему менѣе, и еще менѣе—бравурное, героическое...

Г. Падеревскій не только замѣчательный піанистъ, но и талантливый композиторъ. Его музыкальныя произведенія проникнуты національными элементами и въ то же время свидѣтельствуютъ объ его обширномъ музыкальномъ образованіи. Въ общемъ г. Падеревскій несомнѣнно значительная сила въ области музыкальнаго искусства, и нельзя не порадоваться, что онъ далъ Петербургу возможность познакомиться съ его симпатичнымъ талантомъ.

Политическое обозрѣніе.

Въ политическихъ кружкахъ Европы дѣятельно обсуждаются задачи предстоящей международной конференціи, созываемой на благо общаго мира. Казалось бы, при такомъ настроеніи, долженъ былъ бы расширяться политическій горизонтъ. Но вдругъ, при самой миролюбивой международной обстановкѣ, Турція подноситъ Европѣ новую задачу: политическая печать энергично заговорила о сгущающихся тучахъ на Балканскомъ полуостровѣ. «Верховный македонскій комитетъ» въ запискѣ къ великимъ державамъ счелъ долгомъ заявить, что христіанское населеніе Македоніи и Адрианоупольскаго вилайета испытываетъ непосильный гнетъ, такъ какъ жизнь, честь и имущество населенія приносятся въ жертву неслыханнымъ жестокостямъ. Поэтому, если Европа, даровавшая Криту автономію, не введетъ реформъ, предусмотрѣнныхъ берлинскимъ трактатомъ, населеніе названныхъ турецкихъ областей вынуждено будетъ искать выхода изъ своего отчаяннаго положенія, прибѣгнувъ къ самымъ крайнимъ средствамъ. Взывая къ чувству чужбинности всего цивилизованнаго міра, «комитетъ» надѣется, что державы устранятъ турецкое иго и не допустятъ пролитія христіанской крови. Одновременно съ этимъ появились толки о предстоящихъ сѣздахъ по македонскому вопросу: по извѣстіямъ парижскихъ газетъ, въ началѣ марта устраивается въ Женевѣ македонскій сѣздъ для выслушанія жалобъ и обсужденія общихъ стремленій македонскаго населенія, которые въ главныхъ чертахъ сводятся къ образованію автономной провинціи съ центральной администраціей въ Салоникахъ и съ христіанскимъ губернаторомъ во главѣ управленія.

Слухи и толки по этому вопросу вызвали появленіе въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* 17-го января слѣдующаго сообщенія: изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ получились свѣдѣнія о готовящемся весною революціонномъ движеніи въ Македоніи; агенты македонскихъ комитетовъ, разъѣзжая по Македоніи, призываютъ население къ возстанію, въ надеждѣ добиться автономнаго управленія; уроки прошлыхъ неудачъ не даютъ повода думать, чтобы смута могла распространиться среди мирнаго и трудолюбиваго населенія Македоніи; революціонныя попытки могутъ вызвать лишь тяжкія бѣдствія; улучшение быта и администраціи народностей Балканскаго полуострова возможно только путемъ мирныхъ средствъ, а не кровавыхъ внутреннихъ потрясеній, задерживающихъ пріуслабленіе народностей; вотъ «точка зрѣнія европейскихъ державъ и особенно тѣхъ, которыя, подобно Россіи, стремясь къ обезпеченію общаго мира, считаютъ необходимымъ сохраненіе порядка и спокойствія въ балканскихъ государствахъ». Указывая на существующее полное основаніе надѣяться, что Турція, въ отвѣтъ на дружескія представленія державъ, введетъ въ Македоніи соотвѣтствующіе административные и судебные порядки, официально сообщеніе предостерегаетъ политическихъ агитаторовъ, что если бы они успѣли вызвать смуту въ Македоніи, «движеніе это ни въ какомъ случаѣ не встрѣтитъ сочувственнаго отголоска ни въ Россіи, ни въ одномъ изъ прочихъ европейскихъ государствъ».

По отзывамъ берлинской печати, относившейся весьма сочувственно къ дѣлу сохраненія мира на Балканскомъ полуостровѣ, Россія и Австро-Венгрія пришли — де къ соглашенію не допустить смуты въ Македоніи, въ виду чего Россія-де дала надлежащія указанія Сербіи, Болгаріи и Черногоріи. Вообще сохраненіе порядка въ Македоніи, какъ будто, обезпечено, тѣмъ болѣе, что Турція усиленно готовится подавить возстаніе.

Главнымъ очагомъ македонскаго движенія признается Болгарія, гдѣ проживаетъ множество уроженцевъ Македоніи. Поэтому, озабоченныя спокойствіемъ Балканскаго полуострова, державы обратились съ предостереженіями преимущественно къ болгарскому правительству, въ рукахъ котораго македонскій вопросъ всегда считался важнымъ политическимъ ходомъ. Софійскій кабинетъ заявилъ державамъ о своемъ намѣреніи соблюдать корректныя отношенія въ македонскомъ дѣлѣ. Но положеніе этого кабинета стало довольно шаткимъ. Въ концѣ истекшаго года министерство прибѣгло къ новой комбинаціи для улучшенія разстроенныхъ финансовъ княжества: проведенъ былъ законъ о займѣ въ 290 милліоновъ левовъ—на конверсію долговъ и на текущія государственныя нужды; деньги обшаны группой австрійскихъ и германскихъ банкировъ, уступающихъ Болгаріи эксплоатацию части Восточной желѣзной дороги въ предѣлахъ такъ-называемой Восточной Румелии. Сдѣлка эта была очень выгодна для австрійскихъ банкировъ, но далеко не вполне соответствовала интересамъ Болгаріи. Разногласіе въ совѣтѣ министровъ, вызвавшее отставку одного изъ министровъ, и оппозиція въ народномъ собраніи, къ которой примкнула треть всего состава депутатовъ, не остановили одобренія проекта, ставшаго скоро закономъ. Но со стороны многочисленныхъ народныхъ сходокъ адресованы были по телеграфу въ Софію протесты съ просьбою къ князю не приводить въ исполненіе крайне невыгоднаго закона и доверить управленіе страной другому министерству. Трехнедѣльное броженіе въ странѣ вынудило кабинетъ Стоилова подать 16-го января въ отставку. Новый кабинетъ составленъ изъ фракцій — консервативной и стамбуловской.

Министерскій кризисъ засталъ князя болгарскаго въ дни тяжелаго семейнаго горя: послѣ преждевременныхъ родовъ скончалась княгиня болгарская, оставивъ болгарскому княжескому дому малолѣтнихъ — двухъ принцевъ и двухъ принцессъ.

М. С. Корелинъ († 3 января 1899 г.).
Съ фот. Р. Бродовскаго грав. Шюблеръ.

Піанистъ Игнатій Падеревскій.
Съ фот. автотипія «Нивы».

PASTILLES VICHY-ETAT
aux Sels Naturels extraits des Eaux
Vendues en boîtes métalliques scellées.

COMPRIMÉS VICHY-ETAT
aux Sels Naturels extraits des Eaux
pour fabriquer
L'EAU ALCALINE GAZEUSE

И. А. № 10942 26 - 26

„НАШИМЪ ДѢТКАМЪ“
Только что вышедъ изъ печати
„МАЛЕНЬКІЙ ГЛИНКА“

новый сборникъ для дѣтей собранъ любимиыхъ пьесъ, оперъ, модн. танцовъ и т. д. для форт. въ 2 руки М. Штейнберга 1 р. 25 к. Маленький Чайковский, 5-я тысяча, дѣтскій альбомъ сост. изъ маршей, оперет, романс. и т. д. М. Петрова 1 р. 25 к. «Бубенчики» и «Золотые Колосы», сборники легкихъ дѣтскихъ пѣсенокъ, игръ и кантатовъ для пѣн. и фруто. Артемьева по 1 рублю. «Звѣздики» 20 красив. пѣсенокъ для дѣтей, Астори, 1 р. «Маленькіе Фигера» сборникъ легкихъ мелодич. пѣсенокъ для дѣтей съ рус. и франц. текстомъ 1 р. Единственное издание «50 пѣс. рус. народа» для форт. въ 2 руки съ текстомъ Артемьева 2 р. 50 к. «Цыганская Жизнь» сост. изъ 25 модн. романсовъ для пѣн. и форт. стоющ. въ отдѣльности 10 руб. вышедъ только 2 р. 50 к. «Гейша» полная овертюра, роскошн. издан. 1 р. 50 к. Продаются у издателя Н. Давингофъ, С.-Петербургъ, Гостинный дворъ № 12.
Заказы въ провинцію высылаются немедленно. № 11941

ВѢСТНИКЪ РУССКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА
№ 11928. 50 №№ въ годъ, цѣна 6 руб. съ пересылкой.
Надается въ Москвѣ, Леонтьевскій пер. № 2, Н. Верещинникъ и Н. П. Петровычъ.

№ 4711. Кто любитъ запахъ настоящей фиалки, тотъ пусть требуетъ **ЭССЕНЦИИ „РЕЙНСКАЯ ФИАЛКА“** (Violette du Rhin.)

№ 4711. Чистый запахъ Фиалки, крѣпкій, даже въ теченіи нѣсколькихъ недѣлей не выдыхающійся.

№ 4711 du Savon violette Все одинаковаго качества.

№ 4711 Sachets violette Все одинаковаго качества.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ

ПОРТМОНЭ СО ШТЕМПЕЛЕМЪ
съ 5-ю отдѣленіями для звонкой монеты и золота, оловянной кожи только 1 р. 85 к. тюлевая * * * 2 р. 25 к. Безъ штемпеля на 35 коп. дешевле.

Пересылка на счетъ фабрики. Требованія и деньги прошу адресовать:

на фабрику **І. Д. ЛЕВИНСОНА**, Варшава,
Магазинъ, Сенаторская, 30. Ц. № 11960 4-1
Приглашаются дѣятельные агенты на весьма выгодныхъ условияхъ. Полный иллюстрированный альбомъ высылается за 60 коп. (почтов. марк.), который при заказахъ засчитывается.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА „СМИСЬ - ПРЕМИ“

Скорость, графичность, удобство. Писанія усовершенствованія. Цѣна 250 р. и 275 р. Дешев. пишущ. машинка „КОСМОПОЛЬ“ Самый красив. шрифтъ. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами. Описанія и образцы шрифтовъ обѣихъ машинъ высыл. безплатно.

О. РИХТЕРЪ, СПБ., Адмиралт. пр., 4.
Москва—Ф. И. Розенталя, Мясницкая, 36.
Варшава—И. Фаянсъ и К^о. Сенаторск. вая, 36.
Кіевъ—Н. Фальбергъ, Крестьянск. Удеса—Г. М. Левинсонъ, Ратшевская, 19.

НОВОСТЬ.

Патентованная машинка для набивки ручныхъ папиресъ разныхъ размѣровъ. 10 папиресъ въ 1 минуту. Цѣна 6 рублей.

БРАТЯ ШАПШАЛЬ, СПБ.,
Невскій просп., № 30. № 11959

САРАТОВСКІЯ САРПИНКИ

указка за аршинъ 12 к., англійск. 18, 20 к., шелковистая мыла 28, 30, 40 коп., шелков. 40, 75 к.; чечуха 50 к., 1 р., 1.20. Чернышевск. пер., домъ Пажескаго корпуса. Складъ саратовскихъ сарпинковъ № 11956. Опротинна.

Подъ фирмой „М. Н. Конарскій“ фотограф. Московскаго Импер. Универс. **Н. Н. ИВАНОВЪ**
Москва, Камерг. пер., д. № 6.
Большая специально-художественная мастерская портретовъ маслян., акварельн. красками и тушью. Портр. исполн. также съ карточекъ; давность посѣды. значенія и имѣть. Ручательство какъ за вѣрность сходства, такъ и за художественность исполненія. Для земствъ и школы портреты Царствующаго Дома. Цѣны въ конкуренціи. Прейскуранты безплатно. Ивановъ.

СИБИРСКІЙ СКЛАДЪ КИТАЙСКИХЪ ШЕЛКОВЫХЪ МАТЕРІИ
Д. А. Епанешникова
Москва, Никольская ул., д. Греческ. мон

ЧЕ-СУ-ЧА.
Дамская отъ 12 до 18 р. кусокъ въ 26/28 арш Мужская * 20 * 40 р. кусокъ въ 26/28 * Фанза * 12 * 50 р. кусокъ въ 21/22 * Товаръ высылаю наложеннымъ платежомъ. Образцы безплатно. 19-

КОРОВЧЕВСКІЙ
дантистъ. Искусств. зубы и челюсти. СПб. Вознесенскій уг. Казан., 47-48

ПРІЯТНЫЕ ДУХИ ВЕРА-АНОНА
РОСКОШНЫЕ НѢЖНЫЕ

ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО ВЕРА-АНОНА
ПРІЯТНОЕ, нѣжное бархатистое

Т-ва ГИГИЕНА
ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ.
Гал. с. в. в. С.-Петербургъ, Коломенская, 12.

НОВОЕ что овозуждаетъ всеобщій интересъ и удивленіе, есть изобрѣтеніе въ Чикаго **ручная швейная машинка „THE JEWEL“** которая шьетъ велкую матерію, тонкую и тонкую, сукно и полотно также аккуртно, какъ самая больш. швейная машина.

Конструкция вся изъ жѣстк. и стали, изящно относированная съ регуляторомъ, иглодержателемъ, иголкой, иголкой, иголкой, иголкой.

9 руб.

для масла и иллюстрир. Помято нложеннымъ руководствомъ. Въсѣ 5 Кило. Каждая машинка имѣетъ тщательно проверъ. ходъ и стоитъ со всѣми приспособл. для шитья всевозможныхъ матерій и мною оцѣн. пошлой только 9 руб. Высылаютъ полученій всей суммы, или 3 р. задатка.

М. RUNDBAKIN, WIEN, Berggasse 3. (Вѣна Австрія). Прейс-куръ бѣ. платно.

Поступило въ продажу новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**

ФИЛОСОФІЯ ИСТОРИИ
ВЪ ЕЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ТЕЧЕНІЯХЪ.
К. Рапорорта, Спб. 200 стр. Цѣна 75 коп.

ЧАХОТКА,
природа, предупрежденіе ея. Скорое лѣченіе чах. сѣншанной дезинф.; лѣч. ревматизма, геморроя, осли, с. лавы и др. брошюры о лѣченіи. Въли и перелон. По 30-40 к. съ пересыл. За всѣ 2 р. 80 к. (денг., марк., налож. пл.).
Адр.: Кіевъ, Д-ру Гурину.

ПОПЕЧАТЕЛЬСТВО
ПРОСИТЬ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ ЖЕЛТВОВАТЬ СМУ

НЕУЖИВНЫ ВЕЩИ

ТЕЛЕФОНЪ 3672. ТЕЛЕФОНЪ 1141.

КАННА КРОЗИ
и другія модныя дуквы, растенія. Иллюстр. описатель. каталогъ по требованію безплатно и франко.

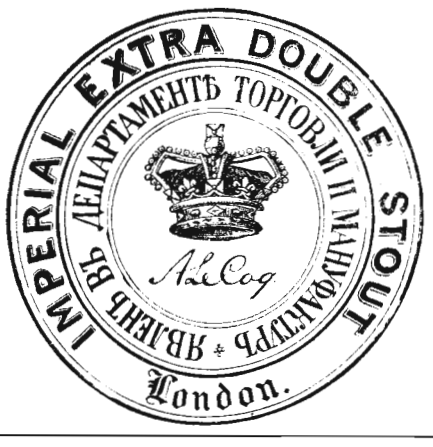
Садоводство **К. Г. МЕЙЕРА.**
Кіевъ, Сырецъ, с. д.

ДАЧА — усадьба продается
въ Полтавской губерніи, на рѣкѣ Ворсклѣ, въ лѣсной мѣстности, расположена на возвышенности. 10 большихъ комнатъ. До станціи Ж. Д. одна верста, до рѣки 100 шаговъ, до Полтавы 40 верстъ желѣзной дороги. Узнать о подробностяхъ у Василія Александровича Баласнаго, г. Полтава, Сѣнная площадь.

КАРТИНЫ
свѣтоты въ волшебнымъ фонарямъ для народныхъ чтеній изготовляетъ мастерская С. О. Разсохина и К^о. Картины безъ различія сюжетовъ: черныя въ рамкахъ 65 к. штука, крашенныя 1 руб. 25 коп. Каталогъ безплатно. Главная контора: Москва, Тверская-Садовая, д. Галушигина. Отдѣленіе конторы: Москва, театральная бібліотека С. О. Разсохина. № 11944

A. Le Coq,

Лондонъ, симъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія почтенной публики, что его знаменитые, розлитые въ Лондонѣ, но **Imperial Extra Double Stout и Extra Fine Pale Bitter Ale** только тогда настоящіе и неподдѣльные, когда бутылки снабжены нижепомѣщенными этикетками и длиннымъ красными капсулями.

БЫСТРО, ЧЕТКО и КРАСИВО
пишутъ новѣйшія пишущія машины

„БЛИКЕНСДЕРФЕРЪ“

Въ 2 года выпущено свыше 20,000 машинъ.
На различн. выставкахъ премированы высшими наградами и 30.107 медалями. Цѣна **100 и 120** руб. В. № 11922 6-3
Образцы шрифтовъ и каталоги высылаются безплатно.

★ ПРЕДСТАВИТЕЛИ: **Э. КИНКМАНЪ** № К° С.-Петербургъ, Гороховая, 17. ★

Пишущая машина „Гаммондъ“
ЦѢНА **225 р.**
„Гаммондъ“ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ **П.И. Тагенъ.**
МОСКВА, Россіи
БОЛЬШАЯ ЛУБЯНКА №3. продано болѣе **2000** штукъ

Такъ какъ всѣ уже убѣдились, что часы такъ называемаго Американскаго золота въ самомъ непродолжительномъ времени теряютъ свой цвѣтъ и совершенно превращаются въ мѣдные крайне некрасиваго цвѣта—мы задались цѣлью доставить гг. почтеннымъ покупателямъ часы серебряные «Ремонтуръ» или ключомъ, съ корпусомъ изъ массивнаго серебра 84 пробы, крытые, 3 крышками, съ механизмомъ, отличающимся математическою вѣрностью хода, съ уравнительнымъ маятникомъ, двойнымъ волоскомъ.

Паружная отдѣлка корпуса отличается особымъ изяществомъ, верхняя крышка покрыта изящными золотыми украшениями, придающими часамъ особую красоту. По желанію покупателя на золото вырѣзывается безплатно его монограмма. Часы эти по своему изяществу удовлетворяютъ самымъ изысканнымъ требованіямъ покупателей. Высылаются вполнѣ пробѣрные, съ ручательствомъ за вѣрность хода, только за 12 руб., такіе же дамскіе съ золотыми украшениями за 10 р. 50 к.

Требованія адресовать:
ВЪ ФАБРИЧНЫЙ СКЛАДЪ ЧАСОВЪ
І. Г. ШАМПССО, ОДЕССА,
Ришельевская ул., № 28.
Р. С. Торговцамъ, выписывающимъ не менѣе 5 шт., уступка 10%.

НОВОСТЬ!!!

Прелестные карманные металлическіе часы, заводъ безъ ключа, настояще никельныя, тѣлѣтельно пробѣренные, на крышкѣ помѣщенъ художественно исполненный портретъ Государя Императора Николая II, къ нимъ цѣночка новаго золота и парижскій кожанъ,

за все только 5 руб.

Прилагается печатное ручательство на 4 года. Вышеупомянутые часы высылаются немедленно и безъ задатка наложеннымъ платежомъ.

Требованія прошу адресовать въ городъ Варшаву, къ г. Буззеру, Граничная д., № 6.
Прейс-куррантъ высылается безплатно.

ДЛЯ ТАНЦЕВЪ! реком. въ большомъ выборѣ и по умѣреннымъ цѣнамъ всевозможные механические инструменты:
ДѢТСКІЙ АРИСТОНЪ 5 р., ИТОНА 8 р., АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ 17 р., ГЕРОФОНЪ 22 р., КАЛЛИСТОНЪ 35 р., МАНОПАНЪ 50 р., ПИАНО-МЕЛОДИКО 65, 70 и 85 руб., самоиграющіе съ моторомъ 200 р.
МЕХАНИЧ. ПИАНО на которомъ можно играть руками и посредствомъ перченія ручки, 550, 600, 650, 700 руб.
СИМФОНІОНЫ съ ручкой 4 1/2 р., самоиграющіе въ 9, 17, 20, 27, 36, 65 и 90 р.
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Иллюстрированный прейс-куррантъ безплатно.

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ
Первоклассной плантаціи ПОМПАПОЛЛА. Самый лучший изъ всѣхъ Цейлонскихъ чаевъ. Экономическій, мягкій и ароматный. Единственное и главное дело Цейлонскаго чая плантаціи Помпаполла находится при чайныхъ складахъ
Московскаго купца И. Е. ДУБИННИНА. Москва, Покровка, д. Тяжелова.
ЦѢНЫ ЧАЯ: Розничная 1 р. 60 к. 2 р. — к. 2 р. 40 к. 2 р. 80 к. 25 ф. даются покупающимъ
Оптовая. 1 » 30 » 1 » 60 » 1 » 80 » 2 » — » особ. льготы.
При выпискѣ трехъ фун. чай высылается по оптовой цѣнѣ. Подробный прейс-куррантъ и необыкновенно льготныя условия высылаются по требованію безплатно.

ВАЖНОЕ СООБЩЕНІЕ **Пониженіе цѣнъ.**
Благодаря феноменальному успѣху образцовыхъ пишущихъ машинъ
РЕМИНГТОНЪ
сбытъ которыхъ достигъ уже цифры
— 250,000 шт. —
заводъ счелъ возможнымъ понизить съ 1 Сентября с. г. цѣну машинъ
== НА 50 РУБ. ==
поэтому новѣйшая модель 1898 года Ремингтонъ Спеціалъ стоитъ 275 и 280 р., а модель № 6-й только 250 и 235 руб.
ПРЕДОСТЕРЕГ. ОТЪ МАССЫ ПОДПЬЛОКЪ!!
КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.
ЕДИНСТВ. ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДЛЯ ВСЕЙ РОССИИ
М. Блок
МОСКВА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, КИЕВЪ, ОДЕССА,
Варшава, Екатеринбургъ, Нонандъ, Ростовъ "и.
К. С. МИКОЛЬСКІЙ, МОСКВА.
КАЗИМІРЪ ОССОВСКІЙ, инженеръ.
Котора для исходатайствованія привилегій ВЪ БЕРЛИНѢ. (Berlin, W. 9. Potsdamerstr, 3.)

Изящный ОТРЫВНОЙ НА 1899 г. КАЛЕНДАРЬ ВЫДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
БЕЗПЛАТНО
при покупкѣ **КОНЬЯКА** собствен. КОНЬЯЧНЫХЪ ЗАВОДОВЪ ТОВАРИЩЕСТВА **Н. Л. ШУСТОВЪ** СМ.
№ 11913

Пейте Цейлонскій чай!
Пейте Цейлонскій чай!!
Пейте Цейлонскій чай!!!
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготовленія.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучшей чай по вкусу и аромату.
Годичное потребленіе Цейлонскаго чая въ Россіи болѣе 10.000,000 фунтовъ 10.000,000.
Ш. № 11641 30-13
Ш. № 11642 20-13
Главный складъ Цейлонскаго чая у **М. РОЖИВІО,** Москва, МАРОСЕЙКА, Д. ТУШИННОЙ.
Представитель Товарищества Цейлонскихъ плантаторовъ для всей Россіи.

ЖИВНА

№ 6.

XXX г.

1899 г.

Содержаніе:

ГЕНСТЪ: Мара. Древне-русская повесть В. М. Михеева. (Продолженіе.)—Кимасъ-озеро. Очерки-глухой Карелія А. Старнова.—Стихотвореніе Алекс. Круглова.—Производство стальныхъ перьевъ.—Къ рисункамъ: Лѣсная дорога въ сосновомъ лѣсу.—Онъ спитъ!—У салоинника.—Обѣтъ.—Изъ святыхъ мѣстъ.—Пришелъ конецъ.—Высокоп освященный Николай, архіепископъ финляндскій.—И. К. фонъ-Ренгартенъ.—Библиографія.—Политическое обозрѣніе.—Объявленія.

РИСУНКИ: Дорога въ сосновомъ лѣсу. Картина И. И. Шишкина.—Онъ спитъ. Картина В. Иролли.—У салоинника. Картина И. С. Казакова.—Обѣтъ. Картина Г. Ройс.—Изъ святыхъ мѣстъ. Картина П. Орля.—Пришелъ конецъ. Картина К. Рейхерта.—Производство стальныхъ перьевъ: 1) Раскалываніе стали на полосы. 2) Раскатываніе стальныхъ полосъ въ тонкіе листы. 3) Вырѣзываніе бланшетъ. 4) Накаливаніе стальныхъ перьевъ. 5) Сгибаніе перьевъ. 6) Очищеніе перьевъ отъ масла. 7) Штамповка перьевъ. 8) Шлифовка перьевъ. 9) Расщепленіе перьевъ.—Высокопреосвященный Николай, архіепископъ финляндскій.—И. К. фонъ-Ренгартенъ.—Библиографія. Пять иллюстрацій изъ новаго изданія А. Ф. Маркса: «Непокупное», повесть П. Н. Полевого.

При этомъ № прилагаются: 1) Сочиненія И. А. Гончарова, т. II (Сборникъ „Нивы“ за февраль); 2) „Парижскія Моды“ за февраль съ 28 рис. и отдѣльный листъ съ 25 чертж. выроекъ въ натур. величину и 18 рис. выпильныхъ работъ.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ,
ОБШИРНЫЕ СКЛАДЫ
РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО.

МОСКВА,
Кузнецкій мостъ,
д. Захарьина.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,
Б. Морская, № 34.

Главный складъ знаменитой фабрики
БЛЮТНЕРЪ, Поставщикъ Двора
Его Величества.

РОЯЛИ Блютнера въ 900, 950, 1000, 1100 и 1250 р.,
другихъ хорошихъ фабрикъ въ 550 и 700 руб.

ПИАНИНО Блютнера въ 600 и 700 р.,
другихъ хорошихъ фабрикъ въ 375, 400, 425, 450 и 475 р. № 12000

Я. БЕККЕРЪ
ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА:

Его Величества Императора Всероссийскаго
Его Величества Императора Австрійскаго
Его Величества Короля Шведскаго и Норвежскаго
Его Величества Короля Датскаго.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ:
1893 г. ЧИКАГО—дипломъ и медаль.
1894 г. АНТВЕРПЕНЬ—„Grand-Prix“.
1896 г. НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ—Государственный гербъ.
1897 г. СТОНГОЛЬМЪ—золотая медаль и званіе Поставщика Его Величества Короля Швеціи и Норвегіи.
Рояли отъ 600 руб. Пיאнино отъ 450 руб. 6-6

ЗВЪРЕЙ И ПТИЦЪ
всякаго рода, живыхъ, покупаетъ
С.-Петербургскій Зоологическій Садъ.
№ 11966 3-2

УРОКИ
ПО
ЭЛЕКТРИЧЕСТВУ

Дж. Тиндала. Перевелъ съ послѣдняго англійскаго изданія Е. А. Предтеченскій. Съ рисунками. Ц. 50 коп., съ перес. 65 к. Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просвѣд. одобрены для фундаментальн. и учебн. библиотекъ всѣхъ средн. учебныхъ заведеній, для библиотекъ учительскихъ институтовъ, семинарій и городскихъ училищъ, а также допущены въ бесплатныя народныя библиотекы и читальни. Складъ въ книж. магазинѣ П. В. Луковникова. СПб., Лештуковъ пер., 2.

КАРАМЕЛЬ
изъ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ
„КЕТТИ БОССЪ“
Б. Семедени въ Кіевѣ.
Цѣна коробки 25 коп. Малая коробка 15 коп.
Главный складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, С.-Петербургъ, Гороховая ул., 33.
Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. 12-9

„ФРАНЦУЗСКІЙ“ СЪМЕННОЙ ОВЕСЪ
высокой доброты и очистки предлагаетъ по 85 коп. пудъ, ст. „ЗАЛЕГОЩЪ“, Юго-Восточной ж. д.
ПОЛУСКОЕ СЪМЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО
виза С. М. Голицына (Новосиль, Тульск. губ.).

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блонкъ, С.-Петербургъ, 39, Невскій.

С. И. Арнгеймъ, Берлинъ.
придворный поставщикъ
Императора Германскаго.
ВСЕМІРНО-ИЗВѢСТНЫЙ ЗАВОДЪ
НЕСГОРАЕМЫХЪ ШКАФОВЪ
гарантированныхъ отъ огня и отъ вѣлома.
устройство стальныхъ помѣщеній
№ 11973 И ТРЕЗОРОВЪ. (2)
Представитель: **О. Г. Шпеннеманъ.**
С.-Петербургъ, Чернышевъ пер., 12.

НОВОСТЬ!!!
Преступные карманные металлические часы, заводъ безъ ключа, настояще провѣренныя, на крышкѣ помѣщенъ художественно исполненный портретъ Государя Императора Николая II, къ низу дѣлочка новаго золота и парижскій компасъ
за все только 5 руб.
Прилагается печатное ручательство на 4 года. Вышеупомянутыя часы высылаются немедленно и безъ задатка наложеннымъ плат. 11986 6-1
Требованія прощу адресовать въ городъ Варшаву, Граничная, № 6
КУПЦУ І. ВУЗЕЕРУ.
Прессъ-курранты высылаются бесплатно.

Продается **фрейлинскій шлейфъ** совсѣмъ мало надѣванный за 550 рублей.
Невскій, д. 54, кв. 39.

Карль Ивановичъ Вагнеръ,
Садовое Заведеніе въ Ригѣ,
сдѣлать честь доставить до свѣдѣнія любителей, что иллюстрированныя каталоги сѣменамъ и пр. на 1899 г. изданы и высылаются по требованію бесплатно.

ЛЕОТИ
Первообразный торговый домъ корсетовъ
8, Place de la Madeleine (2)
ПАРИЖЪ.
Для мѣрки требовать указатель на русск. яз.

С.П.Б. ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ:

„ФИГАРО“, „РЕКОРДЪ“

ЛУЧШИЯ ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА

Пріятный освѣжающій ароматъ, смягчаютъ кожу, придаютъ нежность и бѣлизну.

ПРОДАЮТСЯ ВЪСѢДЪ. Просимъ остерегаться подражаній и требовать на этикеткахъ слово: „ТЕХНО“.

Главный складъ. С.-Петербургъ, Коломенская ул., № 12.

КАКАО ВАНЪ-ГОУТЕНА.

Зтренній напитокъ.

Для замѣны обыкновеннаго шоколада, бывающаго перѣдко приторнымъ, можно приготовить себѣ чашку

ПРЕВОСХОДНАГО ЛЕГКАГО ШОКОЛАДА, разведя въ впитатѣ чайную ложку

какао Ванъ-Гутена.

Для получения шоколада на молокѣ, впитку нужно взять только полчашки, а остальное долить молокомъ.

Какао Ванъ-Гутена занимаетъ первое мѣсто въ ряду этого рода продуктовъ и своимъ неотъемлемымъ успѣхомъ обязано исключительно своимъ прекраснымъ качествамъ.

1839

1844

1865

1896

1882

1861

1839

ТОВАРИЩЕСТВО ТЮЛЕВОЙ ФАБРИКИ

въ С.-Петербургѣ,

основ. въ 1837 году,

имѣеть честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что оно РѢШИЛО ИЗМѢНИТЬ ЭТИКЕТЫ

на своихъ произведеніяхъ по слѣдующимъ причинамъ:

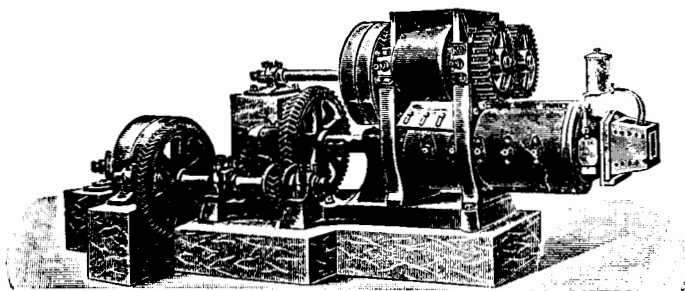
- 1) Товарищество на выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 г. въ ПЯТЫЙ РАЗЪ было удостоено права изображенія Государственнаго Герба.
- 2) Этикеты Товарищества подвергались въ последнее время многократнымъ подражаніямъ.

Въ виду сего **НОВЫЕ ЭТИКЕТЫ** снабжены ПЯТИКРАТНЫМЪ (1844, 1861, 1865, 1882 и 1896 гг.) изображеніемъ ГОСУДАРСТВЕННАГО ГЕРБА и золотой медали, полученной въ 1839 году.

Этикеты, а равно и рисунки произведеній Товарищества утверждены Департаментомъ Торговли и Мануфактуръ.

Поддѣлка оныхъ будетъ преслѣдоваться на основаніи законовъ. В. № 11749 3—3

Louis Jäger in Köln - Ehrenfeld,

Луи Јегеръ, Кёльнъ - Эренфельдъ,

машино-строительный заводъ, поставяетъ съ 1862 года

СПЕЦИАЛЬНО: КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫЯ МАШИНЫ ПЕРВОКЛАС. СИСТЕМЫ.
полные комплекты для кирпичныхъ, шамотовыхъ, черепяныхъ, цементовыхъ и заводъ для гончарныхъ трубъ. Дробильныя машины. 6—1

ПОРТМОНЭ СО ШТЕМПЕЛЕМЪ

съ 5-ю отдѣленіями для звонкой монеты и золота, опойковой кожи **только 1 р. 85 к.**
юленевой „ „ „ **2 р. 25 к.**
Безъ штемпеля на 35 коп. дешевле.

Пересылка на счетъ фабрики. Требованія и деньги прошу адресовать:

на фабрику **І. Д. ЛЕВИНСОНА**, Варшава, Магазинъ, Сенаторская, 30. Ц. № 11960 4—2

Приглашаются дѣятельные агенты на весьма выгодныхъ условіяхъ. Полный иллюстрированный альбомъ высылается за 60 коп. (почтой, марк.), который при заказѣ зачитывается.

П Крахмало-сахароварные, Паточные и декстриновые

заводы по новѣйшей, испытанной системѣ

дешевое обзаведеніе, превосходные фабрикаты

устраиваетъ

Спеціальное заведеніе для постройки и перестройки крахмальныхъ заводовъ

Р. № 11998 **В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.** 5—1

Прейсъ-куранты бесплатно.

7 разъ удостоены первыхъ премій. **СКРИПКИ, виолончели и пр.** неподражаема по тону и качеству. Старин. итальянскіе инструменты въ громадномъ выборѣ. **ЦИТРЫ,** всемірно-извѣстныя по своему прекрасному тону и превосходи. работѣ. Въ другіе музыкальные инструм. Иллюстр. каталоги высылаются бесплатно. **Братья ВОЛЬФЪ.** Фабрика струнныхъ инструментовъ. Крейцихъ.

КРЕМЪ АЛЬДЕХИДЪ ВЛАДИО

ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ КОЖИ ЛИЦА И РУКЪ. Мал. флак. 60 к.; больш. фл. 1 р. Можно получать вездѣ. Главный складъ въ Москвѣ, у **В. КРЕМЕРЪ,** Чижовское подв. (S)

СОСТАВИТЬ СЕБѢ ПОЛОЖЕНІЕ можно, принявъ агентуру известной фирмы. Очень выгодныя условія. Писать А. Б. ящикъ 13. Почтампъ. Кишиневъ.

КАЗИМІРЪ ОССОВСКІЙ,

инженеръ. Контора для исходатайствованія привилегій ВЪ БЕРЛИНѢ. (Ber. in. W. 9. Potsdamstr. 3.)

ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИДЕДЫ

ГУМБЕРЪ

предлагаетъ Ц. № 11988 **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Георгіи ЖЕМАНЧКА и К°.** Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5. Прейсъ-куранты по требованію. 15—1

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ

Первоклассной плантаціи **ПОМПАПОЛЛА.** Самый лучший изъ всѣхъ Цейлонскихъ чаевъ. Экономическій, мягкій и ароматный. Единственное и главное депо Цейлонскаго чая плантаціи Помпаполла находится при чайныхъ складахъ

Московскаго купца И. Е. ДУБИНИНА. Москва, Покровка, д. Тяжелое.

ЦѢНЫ ЧАЯ: Розничныя 1 р. 60 к. 2 р. — к. 2 р. 40 к. 2 р. 80 к. покупавшимъ 25 ф. даются особ. льготы. Оптовьяя. 1 » 30 » 1 » 60 » 1 » 80 » 2 » — » При выпискѣ трехъ фун. чай высылается по оптовой цѣнѣ. Подробный прейсъ-курантъ и необыкновенно льготныя условія высылаются по требованію бесплатно.

XXX г.

№ 6

Выходить ежедневно (52 № в год), с приложением 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXX

1899

Выдаѣтъ 6 февраля 1899 г.

Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1899 г.

При семъ прилагаются: 1) **СОЧИНЕНІЯ И. А. ГОНЧАРОВА, т. II (Сборникъ „Нивы“ за февраль); 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА ФЕВРАЛЬ 1899 г.** съ 28 рис. и отдѣльн. листъ съ 25 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 18 рис. выпильныхъ работъ.

М а р а.

Древне-русская повѣсть

В. М. Михеева.

(Продолженіе.)

XIII.

Подъ Княгининими дубами.

Тяжела была эта Купалья ночь для стараго Година, Баюма, его жены и дряхлой ключницы Недыхи.

Когда поздно вечеромъ Русава исчезла изъ избы отца, и Недыха, заглянувъ во все углы этой избы и ея обширнаго запасливаго двора; не нашла дѣвочки нигдѣ; не догадавшись заглянуть подъ кучу древесной драни у тына, все рѣшили, что Русава побѣжала къ дѣду-Годину. Желая убѣдиться въ этомъ, и мать, и отецъ, и нянька-ключница поспѣшили по хорошо-знакомой тропѣ подъ Княгинины дубы. Они пошли все трое, ибо ихъ всехъ одинаково мучило желаніе скорѣе увѣриться, что Русава, дѣйствительно, у дѣда.

Имъ и въ голову не могло придти, что Русава могла быть въ другомъ мѣстѣ. Дѣвушка никогда не выказывала желанія уйти куда-нибудь, кромѣ хаты дѣда, котораго посящать она любила и къ которому часто просилась и тогда, когда ее почему-нибудь къ нему не пускали. Мать и Недыха слишкомъ благоговѣли передъ Годинимъ, чтобъ рѣшиться удерживать Русаву отъ посѣщеній дѣда. Но отецъ ся, Баюмъ, всгаиѣ боялся и не

Дорога въ сосновомъ лѣсу. Съ картинъ И. И. Шишкина по фот. Погдогова грав. Рашевскій.

любить этих посещений. Онъ чувствовалъ, что бесѣды съ дѣдомъ какъ будто отнимають у него постепенно душу дочери. Онъ чувствовалъ въ этихъ бесѣдахъ тайную опасность для дочери. Онъ зналъ, что Русава все болѣе проникается влїивемъ той вѣры, которую и онъ еще хранилъ, какъ вѣру отцовъ, но втайнѣ не любилъ, какъ смутную и полную образцовъ, чуждыхъ его сухой хозяйственной души.

Но какъ свою нелюбовь къ дѣдовской вѣрѣ, такъ и неохоту отпускать дочь часто къ дѣду Баюмъ скрывалъ. Удерживая дочь дома, онъ всегда придумывалъ какой-нибудь хозяйственный предлогъ, чтобы занять дочь. Эта же Купалья ночь захватила его врасплохъ. Вся семья Баюмова знала, что старый Годинъ всегда наканунѣ забирается въ эту ночь въ своей хатѣ, отдаваясь молитвамъ Дажбогу, ограждаясь отъ всякихъ злыхъ духовъ, можетъ-быть и предаваясь воспоминаніямъ о своей давней молодой жизни. Зналъ Баюмъ, что и Русава это знаетъ. И не стеречь онъ дочь въ этотъ вечеръ отъ ухода къ дѣду.

Но когда она исчезла, ему пришло въ голову, что дочерью его овладѣло любопытство провѣдать, что дѣлаетъ дѣдъ, таинственно забираясь въ эту ночь. И небось добилась дѣвушка, чтобы старый пустилъ ее хоть не надолго въ хату или посидѣть съ ней подъ Книжничными дубами, поговорить бы о тайнахъ этой ночи, думать Баюмъ. Эта догадка его, высказанная женѣ, сразу почти успокоила женщину, и онѣ только жаждали поскорѣе убѣдиться, что Русава, дѣйствительно, у дѣда.

Торопливыми шагами шелъ Баюмъ въ избѣ отца. Жена его едва поспѣвала за нимъ. Недыха, старая и дряхлая, плелась въ нѣсколькихъ шагахъ позади, суя безпорядочно клюкой въ мшистую сухую тропку. Баюмъ, было, прикрикнулъ на старуху за то, что и она поплелась. Сидѣла бы дома, ждала, когда они приведутъ дочку отъ дѣда домой. Но Недыха уверно плелась за ними, даже не отвѣчая на ворчанья хозяйки.

Если деревья прогалины, во которой бѣжала къ Горыни Русава, густо тѣснились къ узкой тропкѣ и почти слетались вѣтвями надъ нею, то здѣсь, по бокамъ дорожки, которая вела отъ двора Баюма къ хатѣ Година, чѣмъ дальше отъ этого двора и ближе къ этой хатѣ, тѣмъ дубы стояли рѣже и рѣже. Огромные, высокіе, вѣковые, они точно задавили своими толстыми извилистыми корнями не только всякую болѣе молодую древесную поросль, но даже траву у ихъ подножій. Только прошлогодній опавшій листь темной, затхлою тухлой лежалъ въ углубленіяхъ между этими горбами выступающихъ корней, да мохъ, сѣдой и сухой, лѣнился лохматыми наростами и на землѣ, и на самыхъ корняхъ.

Лѣства, обильная и густая, истинно дремучая, начиналась у дубовъ высоко надъ землей, и темными, таинственно-угрюмыми кучами, задумчивымъ, непроницаемымъ навѣсомъ, ограждала землю отъ солнца. Стволы широкіе, съ толстой позрѣватой темной корой казались огромными столбами низкаго и темнаго храма.

Въ нѣсколькихъ сажениахъ отъ избы Година деревья образовали почти круглую лужайку. Только одно, чуть ли не самое старое, дерево выскочило посерединѣ многовѣтвистое и густолиственное настолько, что тѣнь отъ него падала, какъ отъ навѣса. Подъ этимъ деревомъ Годинъ совершалъ все общественныя жертвоприношенія, молитвы и заклинанія, и почва вся была вытоптана ольжичанами.

Проходя этимъ мѣстомъ, всякій ольжичанинъ чувствовалъ невольный трепетъ: тутъ жили боги, тутъ они танцъ въ густой лѣствѣ дерева, отсюда зорко слѣдили за жизнью ольжичанъ. Баюмъ, тайный врагъ этихъ боговъ, и боялся и не любилъ этого мѣста. Помимо пребыванія здѣсь таинственныхъ боговъ, отъ которыхъ невольно отшатывалась его сухая душа, оно служило мѣстомъ и судьбищъ. Здѣсь его отецъ, неодобрительно качая сѣдой головой, укрѣплялъ не разъ за Баюмомъ право на сво-

боду, на всю жизнь, закупленныхъ, закабаленныхъ ольжичанъ. Правда, Баюмъ уходилъ отсюда перѣдко владѣльцемъ новаго раба, чужой собственности и получалъ все это по праву, по обычаю, но чувство, съ какимъ онъ уходилъ изъ круга ольжичанъ отъ судьбы-отца, всегда было неприятное, тяжелое чувство.

Но сегодня, слыша узнать, у дѣда ли Русава, онъ не хотѣлъ удлинять путь и, самъ въ торопливости не замѣчая того, пошелъ прямо черезъ лужайку, мимо священнаго дерева. Недыха и мать Русавы, проходя за Баюмомъ, какъ-то согнулись отъ страха и благоговѣнія. Недыха негала извѣстныя ей заклятія. А Баюмъ вдругъ почувствовалъ, что сердце его болѣзненно скалось: пробежалъ мимо дерева почти бѣгомъ.

«Не у дѣда она!» вдругъ мелькнуло въ его смятенной головѣ.

Точно гнѣвные боги съ злораднымъ торжествомъ вдохнули это сознаніе въ него изъ таинственной лѣствы священнаго дерева. Да, не у дѣда Русава, а у нихъ, у этихъ боговъ, увлекшихъ ее въ эту ночь въ свое загадочное царство. У нихъ она, у этого Купальи, который во тьмѣ ночной разжигаетъ юныя желанія, бросаетъ людей въ объятія другъ друга, не разбирая, ровня ли они, заставляя ихъ забывать совѣты отцовъ и матерей. У нихъ она, у этихъ лѣсныхъ, русалокъ, водяныхъ, отуманивающихъ юныя головы страннымъ бредомъ, чтобы овладѣть ими, погубить... Какъ жгучее пламя, вспыхнуло это опасеніе въ душѣ Баюма, когда онъ почти бѣжалъ мимо священнаго дерева, а тѣмъ ночи надвигалась, и лѣства дерева въ этой тьмѣ, казалось, росла, покрывала своимъ навѣсомъ все небо, точно собираясь задушить подъ собою Баюма.

И когда онъ миновалъ лужайку и въ глубинѣ дубовой поросли увидалъ небольшую хатку жилие Година, онъ ринулся, какъ раненый звѣрь, къ этой хатѣ.

То была низенькій, уже совсемъ почернѣвшій срубъ, съ небольшою тяжелой дверью безъ приступки крыльца. Единственное окошко, глубокое и низкое, затянутое бычьимъ пузыремъ, съ дырами въ немъ для воздуха, какъ одной глазь съ бѣльмомъ, выглядывало изъ-подъ нависшей соломенной кровли. Съ дубовъ, склонявшихся надъ этой кровлей, годъ за годомъ падали на нее сучья, сухіе листья, остатки гнѣздъ грачей и воронъ, и крыша Годинової хаты давно уже утратила видъ крыши... Это была какая-то темная, угрюмая, таинственная куча, нависшая надъ срубомъ избы, какъ разбухшая шляпка стараго гриба-дождевика надъ его корявымъ корешкомъ.

Баюмъ ринулся къ двери, ударилъ въ нее обѣими руками. Дверь, запертая снаружи, не подалась.

Отецъ! закричалъ Баюмъ.

Женщины въ это время также подбѣжали къ избы Година, страшно зашыхавшись.

Итъ ея тутъ! крикнулъ полнымъ отчаянія голосомъ Баюмъ. Кабы была, не сидѣть бы онъ, запершись въ избы! Отецъ! Отецъ! стучалъ сынъ Година въ дверь.

Женщины застыли передъ этой дверью въ нѣмомъ ужасѣ... Но старикъ не отворялъ. Только пузырь въ окнѣ зашевелился, скрипя: край его, не прибитый къ окошницѣ снизу и съ одного бока, загнулся изнутри, и старческіе глаза выглянули оттуда.

Ты, что-ль, Баюмъ? раздался тихій, старческій голосъ.

Баюмъ и женщины бросились къ окну.

Русава, Русава у тебя? вырвалось у Баюма.

Скрылась, пропала Русавушка! — визгливымъ плачемъ заволала Недыха.

Точно теперь для нея уже не было никакого сомнѣнія, что Русавы нѣтъ у дѣда. Къ этому плачу присоединился и вопль матери Русавы. Дверь хаты Година медленно отворилась. Изъ нея низкой пробояны, на фонѣ священнаго лучной жилия старика, будто изъ подземья, показался онъ самъ. Въ длинной бѣлой рубахѣ, босой, съ

прядями волосъ и бороды, какъ бѣлая лохматая шкура, спадавшихъ на грудь и спину, появился глава ольжичанскаго рода.

Когда-то очень высокій и статный, теперь онъ сильно согнулся. Точно его низенькая хата давила, давила и, наконецъ, немного придавила къ землѣ. Въ рамѣ бѣлыхъ волосъ и бороды его лицо, все въ морщинахъ, казалось почти чернымъ. Огромные впадные глаза смотрѣли съ глубокой тишиной изъ-подъ бровей, которыя нависли надъ ними, какъ крыша старика нависла надъ его хатой. Выйдя изъ избы, Годнигъ вдругъ выпрямился, опираясь на длинный бѣлый посохъ, который онъ никогда не выпускалъ изъ рукъ. И теперь, выпрямившись сколько могъ, онъ казался чуть не головой выше сына, невѣстки и Недыхи.

— Русава ушла?— тихо спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

Онъ былъ спокоенъ, точно ничего не случилось.

— Итъ ей, итъ здѣсь!— простоналъ Баюмъ, и, схвативъ жену за руку, вдругъ потащилъ ее прочь отъ избы отца, назадъ, къ своему двору.— Искать, искать ее, мать! Всю дворню подниму! Всю обель сгною! — кричалъ онъ, увлекая жену.

Тутъ только понять этотъ скупецъ и безжалостный ростовщикъ-хозяинъ, чѣмъ была для него его единственная дочь. Скоро онъ и его жена скрылись между деревьями. Годнигъ, пораженный, но по привычкѣ съ виду все еще спокойный, стоялъ, опираясь на посохъ, и смотрѣлъ имъ влѣдъ... Обезиленная Недыха повалилась къ его ногамъ и тихо плакала...

XIV.

Въ Баюмовыхъ хорамахъ.

Баюмъ и его жена, возвращаясь отъ Година, въ страхѣ за дочь, не замѣтили, какъ они пробѣжали все пространство отъ хаты старика до своего двора.

Войдя въ тяжелыя ворота, Баюмъ сильно захлопалъ въ ладоши и началъ звать свою прислугу, своихъ наймитовъ, свою обель. Злобно выкликая имена людей, онъ быстро обѣжалъ всѣ постройки своего обширнаго двора. Прежде, чѣмъ войти въ теремъ, въ главную избу, гдѣ жилъ онъ самъ, его жена, дочь и изъ постороннихъ одна Недыха, и то только зимой, и гдѣ лѣтомъ принимали почетныхъ гостей, онъ заглянуть въ клѣти — легко сколоченное, прохладное лѣтнее жилище. Онъ метался по своему жилищу, сзывая людей, какъ будто надѣясь въ какомъ-нибудь углу увидать утанувшую дочь. Жена его, охая и совѣсьмъ растерявшись, плелась за нимъ, безсильно уронивъ руки.

Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ избы и углы двора были почти пусты. Обель, дворня, слуги разбѣжались въ лѣсъ, на Горынь. Только нѣсколько стариковъ и старухъ, спугнутые шумнымъ появленіемъ хозяина и хозяйки, выглянули изъ разныхъ угловъ и почти тотчасъ же попрятались.

Хозяйка плакала, хозяинъ бранился. Это было знакомъ недобрымъ для людей Баюма. Въ такія минуты тяжелой на руку сынъ Година, случалось, и увѣчилъ неожиданнѣйшимъ ударомъ невольно-подвернувагося холона.

Баюмъ съ проклятіями добрался до огнища въ гридницѣ— главной комнатѣ терема, гдѣ обыкновенно хозяйка жила и гдѣ на земляномъ очагѣ всегда лежала теплая зола, посверкивая угольями.

Баюмъ удивился, что зола не потухла и сегодня на огнищѣ, когда вся дворня разбѣжалась. Умѣлыми руками, хотя и дрожащими отъ волненія, Баюмъ зажегъ лучину, вставилъ ее въ мѣдный поставецъ, и когда гридница освѣтилась, вдругъ въ беззвучіи усталъ на «обсѣду», — широкую скамью, покрытую поволокой, тканью греческой работы.

— Ну, мать...— сказала онъ женѣ: — что намъ дѣлать? Пронала дочка... Людинки разбѣжались, проклятые,

на колдовство, да на ворожбу, али попрятались бо страху— какъ намъ искать Русавушку?

— Охъ, Баюмъ! Посмотрю-ка я въ медушѣ, не утанулась ли тамъ?— сказала мать Русавы.

Бѣдная женщина, покорная, безличная раба Баюма, окончательно потерялась.

Баюмъ схватился за свой кожаный поясъ, на который были обыкновенно надѣты всѣ ключи отъ его домашнихъ сокровищъ,— ключи тяжелые, кievской грубой работы. Ключи всѣ были на мѣстѣ, и ключъ отъ каморки, гдѣ берегли медъ, былъ налицо.

— Не въ медушѣ, она, мать! — гнѣвно простоналъ Баюмъ:— много меда захотѣла наша дочка! Папѣли ей дѣдъ да вы, бабы, въ уши— и пошла она къ дѣвкамъ, водянымъ! А то и къ дѣвкамъ, парнямъ ольжичанскимъ.— Охъ! обезпаятъ, было, я. Хотѣлъ наймитовъ, обельныхъ въ розыскъ за ней послать! Не найдутъ! Пуще погубятъ дѣвку. Ненавистники они всѣ мнѣ и роду моему. И молчи, мать, сиди здѣсь. Сиди, какъ бы домъ не спалили, добро не расхитили. Сиди вотъ здѣсь, въ гридницѣ — раздувай огнище... А я самъ пойду... Самъ обшарю всю Горынь, всѣ Ольжичи... Найду Русаву... Приведу неразумную... Негдѣ ей иначе быть, знаю, какого меда ей захотѣлось! Найду! Самъ найду... И не говори людинкамъ, коли изъ угловъ повылѣзутъ: моль дочь пронала. Заприси въ гридницѣ и сиди. Жди всю ночь. Сторожи насъ у огня всю ночь!.. Найду Русаву! А найду, завтра же всю дворню на расправу— всю мою мѣрку отповскую вымещу— Недыху старую въ гробъ заколочу.

Баюмъ вскопчилъ съ лавки-бесѣды, снялъ со стѣны сѣкиру — топоръ на ремешной поворожкѣ-петлѣ, чтобы надѣвать топоръ на руку, и, взмахивая этимъ топоромъ, собрался уходить... Какъ бы желая укрѣпиться въ своемъ намѣреніи отыскать во что бы то ни стало пропавшую дочь, онъ окинулъ гридницу своимъ взглядомъ, полнымъ злобнаго горя.

Лучина слабо освѣщала низкую, просторную горницу, съ немногими волоковыми окнами, затянутыми бычачьимъ пузыряремъ. Кривикія, крупныя бревна, выпираясь въ стѣнахъ, были начисто выскоблены. Отъ времени бѣлыя бревенъ уже нѣсколько потемнѣла, и они приняли ровный сизоватый приятный цвѣтъ. Такого же цвѣта былъ дощатый потолокъ.

По стѣнамъ или лавки-бесѣды, покрытыя греческой тканью и двумя-тремя арабскими коврами. Эти лавки находились на длинныхъ, низкихъ ларяхъ, кривико запертыхъ; въ этихъ ларяхъ, подъ покрывавшими ихъ тканями и коврами, лежала значительная часть богатства Баюма. Тамъ была поклажа, то-есть имущество многихъ ольжичанъ, взятое подъ закладъ, за одолженный хлѣбъ, кожаное, оружія, частью же переданное Баюму на храненіе, за что платили ему же.

Это былъ также особый способъ причинаго заклада. Дорогія одежды, корзны, луды, сугуги и переплѣты, порой украшенные жемчугами, цѣнной бирюзой, фольгой и финифтью, ольжичане отдавали Баюму, какъ будто больше надѣялись на его кривикіе лари и замки, и даже за это платили ему. И онъ самъ охотно, за сходную цѣну, предлагалъ свои замки и лари, какъ надежное хранилище для дорогихъ вещей. А потомъ, когда владѣльцамъ этихъ вещей приходила нужда въ хлѣбѣ, въ зернѣ, въ салтѣ, въ кожѣ, или даже въ деньгахъ и когда къ сроку у плательщика выходила заминка — хранимое, какъ закладъ, поступало въ полное владѣніе Баюма.

Такимъ-то образомъ и конилъ Баюмъ то, что должно было пойти въ приданое его дочкѣ. И много ужъ было этого приданого. Лари въ гридницѣ были почти наполнены. На небольшое въ нихъ мѣсто еще полное владѣльческое право тѣ, кто отдали свои сокровища на храненіе Баюму. И большое уже было приданое у Русавы.

И когда, бывало, Баюмъ хозяйственнымъ окомъ окидывалъ лари подъ «бесѣдами» гридницы, радостно би-

Онъ слить. Съ картици в. Иролли грав. Бонгъ.

Музей Императора Александра III. „У сапожника“.
Съ картины и. с. Казакова грав. И. Павловъ (гравюра удостоена первой премии на конкурсъ.)

лось его сердце за богатую дочку, весело ему думалось, что хоть и большое вѣно возьметъ онъ съ ея будущаго мужа, Владана, да зато удивитъ и его приданымъ Русавы. И вотъ и теперь окинуть онъ взглядомъ эти лари, это скрытое въ нихъ приданое, — и злоба въ его суровыхъ очахъ засверкала еще сильнѣе.

Здѣсь оно было, это приданое его Русавы, это ловко забранное чужое добро,—да гдѣ была сама Русава, та, ради кого все это собиралось правдой и неправдой? Другъ въ памяти Баюма возникло окровавленное, растерзанное молодое тѣло,—тѣло его старшаго сына, въ ранней юности загрызенное кабаномъ въ темномъ лѣсѣ, и онъ самъ, подобный разъяренному вепрю, сжимая сѣкиру въ рукѣ, ринулся вонъ изъ гридницы.

Сильно захлопнулась дверь гридницы, когда вышла изъ нея Баюмъ, громко загремѣвъ византийскій замокъ на воротахъ Баюмова двора, когда хозяинъ накрѣпко заперъ этотъ дворъ и пошелъ, сжимая рукоять топора, въ темный лѣсъ, на Горынь, туда, гдѣ колдовали и ворожили въ эту ночь ольжичанскіе парни и дѣвушки.

ХV.

Н е д ы х а.

Старый Годинъ долго стоялъ неподвижно у входа въ свою хату, надъ плачущей Недыхой, когда его сынъ и невѣстка послѣдно отъ него ушли.

Надъ нимъ неподвижно стояли громадными черными тѣнями на фонѣ темно-голубого ночного неба Книгинины дубы.

Онъ наклонился надъ Недыхой, тронулъ ее за плечо, потомъ самъ опустился рядомъ съ ней на землю. Согнувъ высоко коѣнни и уронивъ на нихъ бороду, онъ сѣлъ въ свою обычную позу созерцателя-жреца въ удивеніи кашица боговъ. Но онъ былъ не одинъ. Рука его лежала на плечѣ Недыхи, и онъ чувствовалъ, что дрожащее маленькое тѣло женщины, которую онъ любилъ когда-то, какъ жену, и женой ввелъ подъ свой кровъ, содрогается вождь него въ тишинѣ ночи, послѣдними утихающими всхлипываніями.

Онъ терпѣливо переждалъ, пока всхлипыванія старой ключницы совсѣмъ затихнутъ.

— Недыха!—тихо позовалъ онъ ее наконецъ.

Старуха вздрогнула, подняла голову и уставилась на Година. Она точно не сразу поняла, гдѣ она и кто передъ нею. Потомъ она оглядѣлась, оправдала на головѣ свой старческій темный уборъ, изъ-подъ котораго выбились лохмы ея темно-сѣдыхъ, какъ старая жестъ, волосъ, приподнялась и сѣла такъ же, какъ сѣдѣлъ Годинъ.

— Вправду, что-ль, Русава-то потерялась?—сказала онъ глухимъ, но все еще спокойнымъ голосомъ.

— Не потерялась! Не убѣжала! Мара ее взяла! Знаю!—вдругъ заговорила Недыха, все содрогаясь.

— Нѣтъ въ эту ночь Марѣ власти!—сурово и настоятельно возразилъ Годинъ.—Нѣтъ ей въ эту ночь власти! Еще на Красную Горку сожгли ее; а завтра утромъ утопятъ въ Горыни! Дажбогъ—владыка въ эту ночь.

— Да нешто Мару сожжешь! Нешто утопишь?—почти закричала Недыха.—Жгутъ ей чучело изъ гола въ годъ, топятъ ее изъ гола въ годъ—а наступитъ зима, и леденитъ Мара все снова. Придетъ смерть и въ лѣтніе дни, и разнесетъ Мара зѣвъ своей ояты. Не сожжешь, не утопишь ее. Помнишь, въ такую же ночь, обнявшись, глядѣли мы, какъ тонуло темное соломенное чучело въ серебряной рѣкѣ... Какъ Русава, была я годками, какъ золото горѣли у тебя волосы и борода. И взялъ ты меня во дворъ своей младшей женой, и пошла я, въ рабыни обельныя пошла, въ услуги женѣ твоей старшей, въ младшія жены тебѣ, Годину. Сколь разъ съ тѣхъ поръ жгли, топили соломенную Мару, а все же сѣла она твои кудри золотыя, мои косы темныя! Помнишь, Годинъ, мои косы темныя да длинныя!

Крикливый голосъ Недыхи перенесъ въ тихую, застенную дрожущую рѣчь, не по-старчески ясную.

— Помню, Недыха,—едва слышно вылетѣло изъ впадоу груди Година.

Онъ вдругъ закрылъ глаза и безсильно уронилъ руки на свои высокія—угловатыя коѣнна. Недыха прижалась къ нему и забормотала еще тише и глуше:

— А помнишь, Годинъ: побѣдила чужая княгиня князя Мала, пошла по древлянскій землѣ, и пошелъ ты съ ней дороги-пути указывать,—и пришелъ ты въ Овручъ и на Недыху и смотрѣть не сталъ, о чужой княгинѣ все рѣчь держать, и повелъ свой родъ-племя сюда на Горынь и поселить насъ здѣсь, и похоронилъ всѣхъ женъ на этомъ мѣстѣ, въ Ольжичахъ. Всѣхъ взяла ихъ Мара. Одну Недыху не взяла, да сказала ты ей: ступай, Недыха, въ пѣстуньи къ внуку. И ушелъ ты подъ Книгинины дубы. И взошли мы съ тобой—ты подъ этими дубами, а я въ Баюмовыхъ хоромахъ надъ внукой, надъ твоей. Сколько разъ съ тѣхъ поръ сжигали, топили Мару, Годинъ?

Въ голосѣ Недыхи уже слышались причитанія, точно по покойникѣ.

— Много разъ, Недыха!—беззвучно прошептала Годинъ.

— Хорошо мѣсто на Горыни-рѣкѣ. Богато живетъ твой родъ-племя въ Ольжичахъ,—продолжала Недыха.—Богатъ твой сынъ Баюмъ, какъ никогда ты не былъ. Да гдѣ твои другіе сыны? Гдѣ твои внуки: Годиславъ и Синько, Баюмовы сыны? Не слезьми ли плачутъ твои родичи отъ Баюмова богатства? А одинъ онъ у тебя сынъ, одинъ роду-дереву сукъ безъ сучковъ... А кто наслалъ неплodie на твоихъ женъ — кромѣ Баюмовой матери, кто сунулъ въ зубы дикому вепрю Годинова внука, кто ознобилъ-омертвилъ Синьку младенца? А мало ли разъ сжигали Мару, топили ее въ Ольжичахъ Годиновыхъ, въ Горыни-рѣкѣ?

— Охъ, много, Недыха, много разъ!—едва слышно шептала старикъ, и голова его склонилась все ниже.

— Пожадѣлъ тебя Дажбогъ, Годинъ. Послалъ тебѣ утѣху-отраду: Русаву-красу—внуку-внученку, старой Недыхѣ дочку кормленую... Укрылъ въ Русаву Синькину душу младешенькую, далъ ей очи, кудри Синькины... Милостивъ Дажбогъ—милостивъ, Годинъ! Да утопили-ль, сожгли Мару-то злую, чучело-то ея тони соломенное! Гдѣ она нынѣ, Русава-то? Гдѣ она Синькина душа въ Русавиномъ тѣлѣ? У Година, молъ, дѣда — догадались отецъ съ матерью... Охъ, у дѣда ли? Затряслась моя душа, побѣжала я къ тебѣ... Чуяла я, чуяла... Знаю я, знаю! Погнала злая Мара въ темный лѣсъ Русавушку. Нашлетъ на нее злая Мара вепря злого, какъ на брата ея Годислава-отрока. Возьметъ опять душу Синькину, утопитъ русалочкой безпріютной въ лѣсъ-воду. И останетъ мы съ тобой—два перста безъ мизинчика, съ богатѣмъ Баюмомъ—роду старостой. Сожгли-ль, утопили Мару, Годинъ-старшина?

Причитанія Недыхи становились все глуше, все противнѣе. Голова ея тряслась, точно имъ въ тактъ. Глаза ея уставились въ мракъ, точно тамъ былъ страшный призракъ самой Мары. Годинъ поднялся на ноги, покачивуясь всѣмъ своимъ высокимъ, согнутымъ станомъ. Онъ безпорочно разводилъ руками. И вдругъ онъ двинулся съ мѣста. Не поднимаясь съ земли, ухватила Недыха его за руку обими руками.

— Стой! Куда ты, Годинъ-старшина?!—крикнула она почти повелительно.

— Найду я ее. Приведу я ее. Отецъ Сварогъ! Сварожичъ Дажбогъ! Укажите мнѣ Русавушку, ведите меня въ роши, въ лѣса... Ваше теперь время! Ваша теперь власть!—воскликнулъ Годинъ, высоко поднимая руки и дѣлая еще шагъ отъ Недыхи.

Но старуха крепко въпилилась въ его руку и не пущала дальше.

— Ихъ время, ихъ власть, Годинъ-старшина!—шипѣла она, точно зѣва, извиваясь у ногъ Година. Мило-

слывы они: отецъ Сварогъ, Дажбогъ-солнце, да не къ тебѣ. Не въ добрый часъ пошелъ ты чужой княгинѣ, родныхъ князей губительницѣ, пути-дороги указывать, не въ добрый часъ промѣнять Овручъ на Ольжичи, не въ добрый часъ забыть всѣхъ женъ, да и Недыху съ ними, о чужой княгинѣ только рѣчь держалъ, о мѣстѣ любви ей только думу таилъ... не въ добрый часъ, Годинъ-старшина!

— Молчи о мудрой, молчи о ней, старая!—необычайно сильнымъ для его лѣтъ голосомъ воскликнула Годинъ и вырвалъ руку у Недыхи.

Старая ключница покачнулася и поднялася сама на ноги.

— А! Молчи о мудрой княгинѣ! Молчи, старая, — злобно засмѣялася она. А кому поклонилась мудрая княгиня?.. На кого промѣняла Сварога и Дажбога? Еще двадцать лѣтъ назадъ, сидючи подъ этими дубами, небось, таила въ душѣ: «броню, моль, старыхъ боговъ, пойду въ Царьградъ, окунусь тамъ во имя новаго Бога»... Двадцать лѣтъ, небось, здѣсь таила, мудрая, эти думы, а ты, Годинъ-старшина, о всѣхъ женахъ забылъ, въ Ольжичахъ ся—родомъ-племенемъ съты! И именемъ-то ся становице назвалъ — не Годиничами. Съ той поры, небось, отвернулсѣ отъ тебя Сварогъ и Дажбогъ. Не роду-племени старшина ты, а княгининъ управникъ съ тѣхъ поръ... Погубила она твоего князя Мала, поборола твой народъ-племя, да хоть боговъ-то бы соблюла... На кого ихъ промѣняла, кому поклонилась?! Въ Царьградъ ходила! Крестъ надѣла! И нѣтъ милости Ольжичамъ отъ боговъ... Нѣтъ тебѣ пощады отъ нихъ, Годинъ-старшина! Жги, тоши Мару! Гдѣ Русава, внука? Гдѣ послѣдняя радость твоя?

Недыха сжала руки и потрясала ими надъ головой...

XVI.

Б а ю м ь.

Но вдругъ она замерла, точно къ чему-то прислушивалась. Прислушивался и Годинъ.

Свади его хаты, между дубами, разросся довольно густой ягодный кустарникъ: дикая малина. Годинъ, расчищая мѣсто вокругъ своего жилья и оставляя нетронутыми только вѣковые деревья, кромѣ тѣхъ, которые пошли на срубъ избы, — не тронулъ и этого дикаго ягодника. Наоборотъ, онъ даже лѣтѣлъ эту малину, подщипать ее, поливалъ въ засуху. Годинъ собиралъ ягоды, шитался ими лѣтомъ, сушилъ ихъ на зиму, приготовляя изъ нихъ съ инею тюрю.

Кустарникъ малины, довольно высокій, очень густой и цѣпкій, уходилъ далеко подъ дубами и сливался съ лѣсомъ.

И вотъ въ этой-то затихшей, темной гушѣ ягодника— послышался шумъ. Кто-то, очевидно, рвался сквозь него впередъ, цѣпляясь за вѣтви, разрывая мокрые листья, буди птицъ. Цѣлыми стаями безпокойно взлетали онѣ теперь надъ малиной, пиликая, будто плача, и такъ металась, что ударилась о стволы дубовъ. У Година мелькнула мысль: неужели кто-нибудь гналъ подъ его дубы, къ его священному жилью этой волшебной ночью венря или иного звѣря? Недыха, блѣдная, съ раскрывшимся ртомъ смотрѣла на малиникъ, точно сама Мара должна была оттуда ринуться на нее.

Но это не была Мара. Это не былъ и дикій звѣрь. Это былъ Баюмъ. Гдѣ онъ не побывалъ, отыскивая Русаву: у береговъ Горыни, въ лѣсу, на лугу— онъ не нашелъ ее.

Ольжичанская молодежь, оныявшая играми, гаданіями, сама не вѣрила своимъ глазамъ, видя будто тѣнь Баюма— блѣдную, страшную тѣнь. Тѣнь эта злобно озиралась— и быстро исчезала. Баюмъ никого не сиранивалъ, ни съ кѣмъ не заговаривалъ. Онъ боялся однимъ намекомъ на то, что его дочь бѣжала и что онъ ее ищетъ, не только не спасти ее, а скорѣе погубить. Онъ отлично зналъ чувства молодежи къ нему. Онъ рѣшилъ: узнай парни, что Русава въ эту ночь скитается гдѣ-то въ лѣсу, они на-

рочно отыщутъ ее, нарочно погубить въ отместку отцу.

И онъ молча искалъ дочь, дѣлая видъ, что просто бродитъ, поглядывая на пляски и гаданья.

Парни сообразили, что онъ выглядываетъ, не появится ли этой ночью воръ-Вельмудъ, ища встрѣчи съ какой-нибудь зазнобой-дѣвушкой. Другимъ же казалось, что это просто тѣнь Баюма, что этимъ злымъ человекомъ прикинулся какой-нибудь злой духъ.

Долго бродить Баюмъ. Наконецъ, силы его оставили. Онъ началъ шататься, какъ пьяный. Онъ оглянулся. Переходя отъ груши къ грушѣ олжичанъ, онъ очутился на сибѣ рѣки, въ который упирался малиникъ его отца, Година. Это вспомнилось Баюму какъ-то невольно. И точно некра, внезапно брошенная на солому, въ его смятенной головѣ вспыхнула мысль: ненавистны ему теперь отцовскіе и дѣдовскіе боги, всѣ эти разжигатели людскихъ страстей, всѣ эти Ярлы, Стрибоги—враги его жестокаго благоразумія, но они боги — и отецъ его ихъ жрецъ. Пусть же онъ вернетъ ему дочь, вымолитъ, вырветъ ее у своихъ боговъ, откроетъ, гдѣ она!

Не могъ отецъ его открыть, гдѣ украденный Вельмудомъ конь; но вѣдь теперь дѣло идетъ не о конѣ, хотя бы и отличномъ, а о его же, Година, любимой внучкѣ. Пусть старикъ покажетъ всю силу и свою, и боговъ. И Баюмъ ринулся черезъ малиникъ къ мѣсту, гдѣ жилъ Годинъ.

Онъ рвалъ кусты руками, топоромъ пробивалъ себѣ дорогу. Птицы, взвившись надъ нимъ, кружились злобще надъ его головой, будто укоряя его за то, что онъ нарушилъ ихъ покой, ронялъ ихъ гнѣзда, разорилъ ихъ птенцовъ. Онъ отмахивался отъ песчаныхъ птицъ топоромъ, и, не попадая въ нихъ, злобствовалъ еще пуще. Наконецъ, весь взлохмаченный, блѣдный, въ холодномъ поту, съ листьями малины на рубахѣ, въ бородѣ, съ ренейниками въ волосахъ, точно пьяный, вырвался онъ изъ малиника къ избѣ Година.

Увидѣвъ старика-отца и Недыху, онъ уже, дѣйствительно, окончательно охмелѣлъ. И забывъ, что онъ передъ отцомъ, передъ старшиной рода, передъ жрецомъ боговъ— ринулся къ нему и закричалъ:

— Ступай къ нимъ, старій! Молнись! Заклинай! Нигдѣ ея нѣтъ! Пусть отдадутъ! Пусть вернутъ! Чего они хотять отъ меня? Жертвъ! Скажи: весь скогъ свой сожгу. Все имѣніе имъ выброни! Пусть только отдадутъ Русаву! Нѣтъ ея! Нигдѣ, нигдѣ!

И, ударивъ топоромъ о землю, Баюмъ самъ повалился и застоналъ долгимъ стономъ. Недыха слышала все, что прокричалъ Баюмъ, видѣла, какъ онъ повалился на землю, и теперь, наклонившись надъ нимъ, сама закричала, своимъ хриплымъ голосомъ:

— А-а! Все отдаешь богамъ! Все, что награбилъ, все, что вымоталъ изъ людей! И отдай! Да, отдай богамъ! Сожги все подъ ихъ дубомъ! И самого себя сожги! Не умолишь Мару! Въ тебѣ самомъ сидитъ Мара... Отъ тебя самого вѣетъ холодомъ, смертью на людей! Покаралъ тобой боги отца твоего! Погубили вы оба Русавинку, доченьку мою кормленую! Не спасутъ ее боги! Не помогутъ они вамъ, старшины олжичанскіе! Ступайте къ богу греческому, къ богу чужой, мудрой княгинюшки... Отплатилсѣ отъ васъ боги дѣдовъ-огновъ! Марѣ отдали вамъ родъ-племя!

— Отплатилсѣ,— вдругъ вскочили Баюмъ съ земли: отплатилсѣ, старая колдунья? Коли они отплатилсѣ — и я отплатусь отъ нихъ! Отецъ! Слышалъ, что я сказалъ?.. Все отдаю я твоимъ богамъ! Ничѣмъ не поспулюсь! И если и за это не вернутъ они мнѣ Русаву...

Баюмъ не договорилъ. Онъ самъ ужаснулся того богохульства, которое было готово сорваться съ его языка... Годинъ стоялъ неподвижно. Скрестивъ на груди руки, поднявъ очи къ небу, слушалъ онъ всѣ эти безумныя рѣчи сына и старой своей жены. Сердце его, быть-можетъ, болѣе ихъ сердце обливалось кровью о пропавшей безъ

вѣсти вѣкъ, но въ груди его росло могучее пламя вѣры въ единого вѣснаго бога и въ сына его—солнце.

И воздѣвъ руки, старый Годиць, какъ величественный дубъ, среди другихъ Княгининныхъ дубовъ, прямой и высокій, точно еще болѣе выросшій, ясно и тихо возгласилъ:

— Прости ихъ, Сварогъ! Яви свою милость!

XVII.

Д а ж б о г ъ .

Ночь проходила. Уже и подъ Княгининными дубами свѣтлѣло. И когда Годиць воздѣлъ руки и возгласилъ свою мольбу къ богамъ, между темными стволами вѣковыхъ деревьевъ начала медленно разсѣиваться черная завѣса, и сѣрватая туманная дымка замѣняла ее. На фонѣ этой дымки стволы деревьевъ казались еще чернѣе. Алый огонь внутри хаты Година потухъ.

И точно въ отвѣтъ на воззваніе стараго Година, между дубами, по дорогѣ отъ Ольжичей къ его избѣ, показалась толпа народа. Толпа эта, смутная, какъ спустившаяся на землю и волнующаяся туча, надвигалась на жилие Година, тѣсняя около какого-то длиннаго желтаго предмета, который она волочила по землѣ на веревкахъ. Толпа гудѣла и шумѣла. Когда передовые замѣтили Година съ воздѣтыми руками, они, какъ одинъ человѣкъ, закричали радостно и настойчиво:

— Пора, дѣдъ, топить ее! Дажбогъ уже раскрылъ свои вѣжды! Скоро онъ сядетъ на свою колесницу! Скоро взлетитъ на небесный сводъ! Топить, топить ее!

Эти крики рвались изъ множества грудей, какъ вопль ошьянбіи. Точно весь хмель истекающей ночи бросился въ голову ольжичанамъ подъ утро и вспыхнулъ яркой радостью въ ожиданіи Дажбога, точно эготъ хмель еще ярче и властнѣе выразился въ жаждѣ утопить чучело злой Мары,—эту огромную соломенную куклу, которую толпа тащила по землѣ, какъ врага, взятаго, наконецъ, въ плѣнъ и влекомаго на казнь.

И Година какъ-будто и пужно было только появленія этой толпы, съ ея вѣрой въ добраго бога, съ ея злобой на Мару и увѣренностью въ гибели послѣдней, чтобы совершенно обратиться во вдохновеннаго жреца, чтобы также ошьянѣть вѣрой въ добро и ненавистью къ олицетворенному злу. Его старческое, надорванное вѣстью о пронажѣ Русавы, сердце загорѣлось вдругъ жгучей вѣрой, что Дажбогъ вернетъ ему Русаву, вернетъ скоро, сейчасъ,—только надо утопить этотъ символъ зла, уничтожить его, принести его въ жертву Дажбогу.

И не только онъ, и Недыха,—едва увидала толпу, едва услышала ея возгласы, едва разглядѣла огромное, неуловимое, безобразное соломенное чудище, влекомое по землѣ,—вспыхнула горячѣй вѣрой въ силу и благодѣтельность Дажбога, и закричала, устремляясь къ толпѣ:

— Пора, Годиць, топить ее! Слава Дажбогу великому!

И самъ Баямъ, измученный, истерзаный своими поисками, присоединился къ этимъ крикамъ:

— Топить ее, топить ее! — зазвенѣлъ и его изступленный крикъ.

Годиць, не говоря ни слова, съ воздѣтыми вверхъ руками, съ поднятыми къ свѣтлѣющему небу старческими глазами, двинулся во главѣ толпы къ Горыни. Вся бѣлая, въ чистыхъ рубахахъ, съ вѣнками на молодыхъ головахъ, съ цвѣтами въ косахъ у дѣвушекъ, ликующая, праздничная толпа ольжичанъ загудѣла, заплѣла. И впереди, пенча заклинанія и воззванія къ богамъ, шель Годиць, властный и величественный въ эту минуту.

Недыха и Баямъ смѣшались съ толпой. Теперь никто не замѣчалъ Баяма, не удивлялся, что онъ пошелъ съ толпой,—онъ, до сихъ поръ никогда не бывавшій при совершеніи этого обряда. Не до него было ликующей толпѣ, вымѣщавшей на соломенномъ чучелѣ всю горечь, все не-

згоды своей жизни,—все, чѣмъ обездоливаетъ роковая злая Мара.

Быстро, увлекаемые охватившимъ всѣхъ настроеніемъ, протаскивали ольжичане чучело Мары между дубами, правѣе Годинова малинника, на берегъ Горыни, и тамъ остановились. На мгновеніе все стихло. Мѣсто около соломеннаго чучела очистилось. Все отступило на нѣсколько шаговъ. Кукла лежала огромная, желтая, лохматая, величинной роста въ три человѣческихъ, да въ два человѣческихъ обхвата толщиной.

На верхнемъ концѣ ея солома была навита съ явнымъ желаніемъ изобразить голову; подъ этой головой торчали отъ туловища, напоминавшаго толстый снопъ, соломенные руки. Чудище лежало тихое и спокойное, даже какъ будто величавое, несмотря на все его безобразіе. Оно какъ будто было истиннымъ воплощеніемъ Мары, спокойно и властно сознававшей, что сколько ни жгите, ни топите ее,—какъ справедливо говорила старая Недыха,—власть ея несокрушима и нечего ей волноваться отъ жалкихъ усилій людей уничтожить ее, отъ ихъ глупой вѣры, что они этого могутъ достигнуть.

Такъ лежала странная, большая, уродливая, властно спокойная Мара, среди разступившейся толпы.

Небо уже почти совсѣмъ посвѣтлѣло. На востокѣ, надъ самой рѣкой, вѣтви отъ которой въ это время въ Ольжичахъ выходило солнце, горизонтъ уже былъ совсѣмъ сѣро-молочный. Чувствовалось, что мгновеніе—и солнце выльнетъ оттуда, и лучи его разбѣгутся ослѣпительнымъ блескомъ по обильной росѣ дуга, по серебрянымъ струямъ рѣки.

Годиць приблизился къ соломенному чудищу, простеръ надъ нимъ слегка дрожація руки и громко возгласилъ нужные заклинанія. Голосъ его дрожалъ отъ гнѣвнаго волненія. Онъ повелъ медленно рукой по направленію къ рѣкѣ. Глаза его въ это мгновеніе были устремлены на востокъ, гдѣ небо все свѣтлѣло и свѣтлѣло.

И когда рука его торжественно направилась къ Горыни, соломенное чудище точно само пошло къ рѣкѣ, покачиваясь и шурша по травѣ своей жесткой соломой. Толпа хлынула встѣдъ за нимъ. Одинъ Годиць стоялъ неподвижно, вшиваясь очами въ небо на востокѣ.

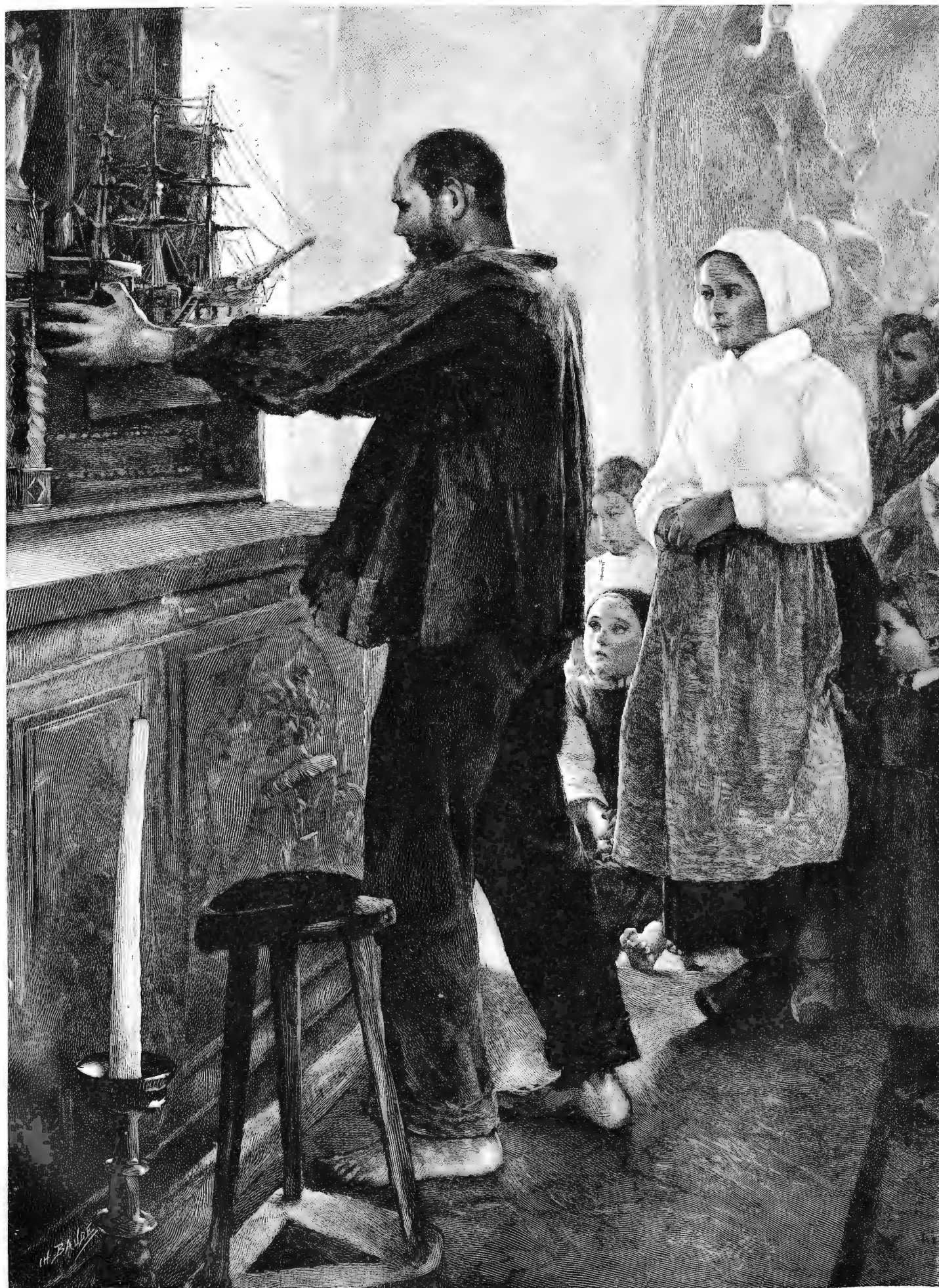
Вдругъ чудище повисло надъ водой на обрывистомъ берегу. Оно точно не хотѣло идти дальше. Никто не видать, какъ отвязали отъ него веревки, какъ толкнули его сзади. Тяжелая голова—въ ней была вдѣлана большой камень—наклонилась надъ водой, и чудище, съ плескомъ и шумомъ, все сразу погрузилось въ Горынь.

Толпа замерла, наваливаясь, нагибаясь надъ рѣкой. Все жадно, затанявъ дыханіе, смотрѣли, какъ соломенное чудище, точно огромная рыба, темнѣя все болѣе въ водѣ, уходило въ ея глубь медленно, тихо, и наконецъ исчезло во тьмѣ глубокой въ этомъ мѣстѣ Горыни.

И когда его совсѣмъ не стало видно, толпа на мгновеніе, точно стараясь убѣдиться, что и вправду Мара исчезла, затихла надъ рѣкой, не сводя очей съ ея глубины. Потомъ вдругъ, съ криками ликования, съ ибѣнями и плясками, она повернулась отъ рѣки туда, гдѣ стоялъ Годиць. И снова замерла, затихла.

Солнце во всей своей красѣ поднималось алымъ полукругомъ надъ гладью травы, и длинные сверкающіе лучи затрепетали алмазами по совершенно бѣлому отъ росы лугу... Но не отъ этого зрѣлища замерла и затихла толпа. Оно вызвало бы у нея новые восклицанія радости, новыя ибѣни и пляски. Его ждали. Оно было привычно и въ этотъ день только особенно радовало. Сегодня толпа увидѣла на лугу, на востокѣ еще ибѣтѣ, что повергло ее въ благоговѣйное молчаніе. Баямъ же, Недыха и Годиць, при видѣ того, что появилось тамъ, на востокѣ, непытали мигъ блаженства.

На востокѣ показался человѣкъ—величественный и ясный, съ свѣтлыми длинными усами и такими же свѣт-

Французская художественная выставка въ С.-Петербургѣ. „Объѣтъ“. Съ картины Г. Ройэ грав. Бодъ

лыми волосами, окружавшими его чело, какъ снопъ лучей. Съ одной стороны его лица, около уха, свергало что-то ослѣпительно-яркое. За нимъ шли люди съ лядьями на плечахъ, точно несли лари съ несмѣтными богатствами. А передъ нимъ тихо двигалась, словно свѣтлое видѣнiе, съ вѣнкомъ на головѣ внука Година, Русава. Это явленiе было до того неожиданно, непонятно, ослѣпительно, что, казалось, всё они, и этотъ человѣкъ, и Русава, и всё, кто шли за ними по общественной тропѣ черезъ лугъ, не шли, а тихо неслись надъ травой, особенно человѣкъ со сверкающимъ ухомъ.

Кимасъ-озеро.

Очеркъ глухой Карелии А. Старкова

На крайнемъ Сѣверѣ, въ глухой Карелии, почти подъ самымъ полярнымъ кругомъ, гдѣ солнце лѣтомъ не заходитъ, а зимою не восходитъ, въ верховьяхъ рѣки Кемь, находится село Кимасъ-озеро, на разстоянiи около 700 верстъ отъ своего губернскаго города—Архангельска и верстахъ въ 300 отъ своего уѣзднаго—Кемь. Еще маленькая здѣсь рѣчка Кемь, знаменитая въ низовьяхъ по своимъ Подужемскимъ порогамъ, гдѣ ловить прекрасную семгу, проходить въ этомъ мѣстѣ черезъ длинное (около 20 верстъ) и довольно узкое (отъ 1 до 3-хъ верстъ ширины) озеро Кимасъ, на обоихъ берегахъ котораго и расположено самое село, получившее отъ озера свое названiе. Какъ всё безчисленныя озера Карелии, Кимасъ-озеро имѣетъ множество небольшихъ острововъ, представляющихъ продолговатые гнейсовые выступы, расположенные въ одномъ и томъ же направленiи съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Изъ всѣхъ этихъ острововъ только одинъ отступилъ отъ этого направленiя, и мѣстные жители Карелии назвали его очень характерно—«дуракъ-островъ»: всё острова расположились правильно, а онъ легъ поперекъ,—ну и дуракъ. Какъ берега озера, такъ и его многочисленные острова покрыты вѣковыми сосновымъ лѣсомъ, до котораго еще не добрались, какъ слѣдуетъ, тоноръ,—валить столѣтнiя красныя сосны больше на «подсыи», чтобы сечь ихъ, когда онѣ высохнутъ, и на выжженномъ мѣстѣ посеять одинъ-два раза хлѣбъ. Спускался въ лодкѣ по маленькой порожистой Кемь, едва успѣете выхвать на Кимасъ-озеро, какъ между лѣсистыми островами блеснетъ предъ вашими глазами маленькое бѣлое пятно и сейчасъ же скрестся, лишь только лодка завернеть въ одинъ изъ безчисленныхъ извилистыхъ проливовъ. Это блестящее бѣлое пятно невольно привлекаетъ и поражаетъ ваше вниманiе, такъ какъ хотя вы и знаете, что скоро будетъ село Кимасъ-озеро, но на такомъ разстоянiи (около 8 верстъ) вы ничего больше не видите. Ваши гребцы, обыкновенно дѣвушки-карелии, объяснятъ вамъ, что это знаменитая на сотни верстъ кругомъ школа, построенная извѣстнымъ Михаиломъ Тарасовичемъ Мининимъ, родившимся кимасъ-озерскимъ крестьяниномъ, а умершимъ петербургскимъ купцомъ первой гильди. Надо замѣтить, что въ этой глухой части Карелии никакихъ дорогъ нѣтъ, телегъ и колесъ не знаютъ вовсе. Поэтому лѣтомъ никакого сообщенiя нѣтъ между крайне рѣдкими здѣсь селенiями (не менѣе 25—30 верстъ одно отъ другаго, а чаще 50—60—80 и даже болѣе верстъ), а ужъ если кому нужно, идутъ лѣсомъ пешкомъ или плывутъ въ маленькой легкой лодкѣ по многочисленнымъ озерамъ и порожистымъ рѣчкамъ, причѣмъ самые большiе надуны—настоящiе водопады—обходятъ берегомъ, лодку обтаскиваютъ волокомъ, какъ дѣлали наши предки славяне тысячу лѣтъ тому назадъ. Зимой же имѣется прекрасный санный путь, по которому поддерживается между селенiями окрѣпленное сообщенiе на бойкихъ карельскихъ лошадахъ или на сѣверныхъ оленихъ. Съѣздить въ гости или побывать въ волости верстъ за 200—зимой считается только прогулкой, а лѣтомъ добраться въ ближайшую сосѣднюю деревню верстъ за 25—30 считается дѣломъ путешествiемъ, предпринять которое заставляетъ только крайняя необходимость.

Но въ тѣмъ временѣ быстро двинулись впередъ подъ дружными ударами весель вашихъ молодыхъ возницъ, и бѣлое блестящее пятно быстро вырастаетъ предъ вами, все чаще и чаще показываясь изъ-за острововъ. Версты за три-четыре вы уже можете различить, что это большой, бѣлый двухъ-этажный домъ, такой, каковаго вы нигдѣмъ образомъ не предполагали встрѣтить въ столь глухихъ мѣстахъ. Еще ближе, и вы начинаете различать сѣрыя небольшiя строенiя самого села Кимасъ-озера, расположеннаго на обоихъ берегахъ озера и частью на островѣ. Вотъ показалась и характерная деревянная церковь, древней архангельской архитектуры, на противоположномъ отъ школы берегу, а самая школа уже выросла до весьма внушительныхъ размѣровъ.

Исторiя этой школы очень интересна.

Одинъ изъ крестьянъ карельскаго села Кимасъ-озера, Михаилъ Тарасовичъ Мининъ, много лѣтъ тому назадъ, въ поискахъ заработка на сторонѣ, добрался до Петербурга и занялся здѣсь торговлей, которая пошла такъ удачно, что пришедшiй на время Мининъ не могъ уже оставить быстро выросшаго дѣла и вернуться домой въ свою родную глушь. Выбравъ время посвободиться, онъ съѣздить за женой и окончательно обосновался въ Петербургѣ. Скоро

П толпа вдругъ зашумѣла, какъ густой лѣсъ, охваченный внезапнымъ порывомъ вѣтра:

— Дажбогъ, самъ Дажбогъ идетъ!

По Русава, необыкновенный человѣкъ и тѣ, кто шли за ними, уже настолько приблизились къ толпѣ у Горыни, что слышали этотъ благоговѣнный внезапный говоръ. П вдругъ тотъ, кого приняли за бога, громко сказалъ:

— Не Дажбогъ! Дажбогъ - вонъ: ясное солнце... А князь вагъ, люди, самъ пришелъ къ вамъ на полюдь!..

(Продолженiе будетъ.)

появилась у него мануфактурная лавка въ Гостиномъ дворѣ, а потомъ другая, завелся капиталъ, купился быть домъ въ Петербургѣ, и Михаилъ Тарасовичъ сталъ солиднымъ петербургскимъ купцомъ. Но онъ не забывалъ своего роднаго села, отъ времени до времени совершалъ туда длинное и трудное путешествiе и вовсе не чуждался своихъ родственниковъ и односельчанъ, которымъ помогалъ по мѣрѣ возможности.

Богу не угодно было благословить его потомствомъ, какъ выразился одинъ изъ тамошнихъ жителей, и вотъ бездѣтный Мининъ завѣщать большую часть своего крупнаго состоянiя женѣ, а послѣ ея смерти—ближайшимъ родственникамъ, около 15,000 руб. односельчанамъ и капиталъ въ 60,000 рублей на школу въ родномъ селѣ. Изъ нихъ 20,000 руб. израсходовано на постройку прекраснаго зданiя школы, которая состоитъ изъ двухъ классовъ и обширнаго ремесленнаго отдѣленiя. При школѣ, кромѣ учительскихъ квартиръ, имѣется прекрасное помѣщенiе—одно для учителей, другое для ученицъ изъ сосѣднихъ деревень, такъ какъ ближайшая деревня Лувозеро находится въ 25 верстахъ, а другiя окружающiя деревни гораздо дальше, и потому ученики изъ этихъ деревень не могутъ прѣзжать ежедневно въ школу и должны жить въ Кимасъ-озерѣ. Правда, многiе изъ нихъ живутъ у родныхъ или знакомыхъ въ селѣ, но не мало и такихъ, которые не могутъ тамъ помѣститься по бѣдности или по другимъ причинамъ. Объ этихъ-то покойный Мининъ больше и позаботился, завѣщавъ устроить для нихъ хорошiй прiютъ при самой школѣ, содержать ихъ и одѣвать на проенты съ капитала, специально предназначеннаго имъ для этой цѣли.

Школа снабжена богато учебными пособиями, хотя завѣдующiй ею г. Оленевъ, молодой очень симпатичный педагогъ, душевно преданный своему дѣлу, мечтаетъ объ исключительной роскоши въ этомъ направленiи, тѣмъ болѣе, что средства для этого имѣются въ изобилiи и это вполне совпадаетъ съ желанiями покойнаго создателя такой чудной школы на столь дальнемъ Сѣверѣ. Дай Богъ этимъ симпатичнымъ мечтамъ осуществиться. Г. Оленевъ тщательнѣе ведетъ и довольно сложныя метеорологическiя наблюденiя, единственныя въ этой глухой мѣстности, очень важныя для науки, и является завѣдывающимъ огородникомъ: въ 1897 г. у него выросли не только рѣпа и картофель, но и морковь и даже огурцы! По всему видно, что школа идетъ прекрасно, быстро растетъ и расширяется, и дѣти съ нетерпѣнiемъ ждутъ зимняго времени, т. е. учении, которое не только имъ не въ тягость, а напротивъ составляетъ для нихъ удовольствiе.

Ближайшая къ Кимасъ-озеру деревня Лувозеро находится, какъ сказано, въ 25 верстахъ по Кемь вверхъ. Деревня Лувозеро точно такъ же расположена на обоихъ берегахъ длиннаго озера Лувозера, которое, впрочемъ, значительно меньше Кимасъ-озера. Лѣтомъ сообщенiе между деревней и селомъ очень трудно, а зимой чудная санная дорога идетъ сначала 5 верстъ по льду Лувозера, затѣмъ 13 верстъ лѣсомъ и, наконецъ, около 7 верстъ по льду Кимасъ-озера, такъ что съѣздить въ село—пустяки: часа два, не больше.

Въ глухой Карелии жизнь сложилась совсѣмъ иначе, чѣмъ вообще въ русскои крестьянской средѣ. Здѣсь мужикъ никогда не бьетъ своей бабы, не пьянствуетъ, частью по внутреннему убѣжденiю,—карелы преимущественно старообрядцы и раскольники, даже сохранились несомнѣнные остатки язычества въ самыхъ глухихъ мѣстахъ,—частью потому, что водку очень трудно достать, да если и есть она, то заперта у бабы подъ замкомъ, частью, наконецъ, потому, что отцы и дѣды сами не пили, слѣдовательно и дѣтей къ пьянству не приучили.

Когда мы въ лодкѣ спустились внизъ по Кемь, то какъ только прѣзжали въ какую-нибудь деревню, сейчасъ же къ намъ обѣгала съ бабы съ маленькими боченками и ласково просили нашего кормчаго исполнить ихъ порученiе. Такъ какъ этихъ порученiй набралось много, то нашъ кормчiй сталъ отказывать и спѣшилъ отчаливать отъ берега. Тогда бабы бросали въ лодку боченки и деньги какъ понало; мѣстная деликатность въ такихъ случаяхъ не позволяла отказывать, и порученiе волей-неволей принималось. Мы никакъ не могли понять, что это за порученiя, такъ какъ въ разговорѣ слышалась ласковая просьба исполнить, а что именно исполнить—не говорилось. Кормчiй мнѣ послѣ объяснилъ, что это все просить привезти воды изъ Кемь на обратномъ пути.

— Зачѣмъ же такъ много?

— Онѣ продають мужикамъ.

Здѣсь такой обычай, что мужики сами водки не покупають, а обязаны брать водку у бабъ и платитъ за нее значительно дороже. Это главный доходъ здѣшнихъ бабъ. Кромѣ того, бабы не даютъ мужикамъ безъ мѣры напиваться, а если которая изъ нихъ слишкомъ подпоитъ кого-нибудь изъ мужиковъ, то всѣ другія бабы ей отомстятъ тѣмъ же: постараются подпоить ея мужа или отца. Однимъ словомъ, близкаго ей человѣка. Этого бабы очень боятся и потому своимъ много водки не даютъ. Совсѣмъ другое дѣло, когда лѣсъ гонять гонщики чужие, русскіе, имъ даютъ водки сколько угодно.

Вообще положеніе женщины у карель замѣчательно хорошее. Въ домѣ она полная, уважаемая вѣщица, хозяйка; безъ ея совѣта и въ извѣстныхъ случаяхъ даже позволений, хозяинъ ничего не предприниметъ. Женщина-карелка вполне это сознаетъ, но не пользуется имъ зло своимъ вліяніемъ; поэтому въ семьѣ обыкновенно царствуетъ миръ и любовь. Мужъ въ семьѣ глава, но отнюдь не тиранъ, жена относится къ нему часто съ трогательнымъ вниманіемъ, и, разумеется, взаимно отъ мужа она пользуется тѣмъ же. Эта счастливая семейная жизнь у карель можетъ быть объяснена слѣдующими двумя условіями: во-первыхъ, дѣвушкѣ-карелкѣ не принуждаютъ выходить замужъ противъ воли, она сама выбираетъ себѣ мужа по сердцу; во-вторыхъ, жена-карелка несетъ въ домѣ самостоятельную и отвѣтственную обязанность, кромѣ обычнаго бабьяго дѣла: въ то время какъ мужикъ занимается лѣснымъ промысломъ, она ловитъ рыбу, которая составляетъ основной продуктъ для прокормленія семьи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мужики совсѣмъ не вмѣшиваются въ это дѣло и даже не умѣютъ, какъ слѣдуетъ, управлять рыболовными снастями: всякая баба въ этомъ дѣлѣ заткнетъ ихъ за поясъ. Но зато въ самомъ дремучемъ лѣсу мужикъ-карель у себя дома, и тамъ ужъ никто съ нимъ не поспоритъ.

Карелка необыкновенно внимательна къ своимъ дѣтямъ и горячо любитъ ихъ. Какъ бы ребенокъ ни капризничалъ, какъ бы онъ ни надобдалъ ей, она старается вѣчески его занять, успокоить, ухаживаетъ за нимъ, и намъ ни разу не пришлось видѣть, чтобы мать при такихъ условіяхъ наградила свое расхажившее чадо пинкомъ или плеткомъ. Точно такъ же и къ дѣтскимъ шалостямъ родители относятся вообще добродушно и снисходительно. Въ свою очередь и дѣти питаютъ необыкновенную, нерѣдко трогательную привязанность къ родителямъ, особенно когда начинаютъ подрастать. Вотъ случай, который имѣлъ мѣсто зимой 1897 года въ деревнѣ Лувозерѣ.

Въ молодой исправной семьѣ старшій сынъ, мальчикъ 12-ти лѣтъ, отдавъ былъ въ школу въ село Кимасъ-озеро. Ежедневно возить мальчика въ школу за 25 верстъ было неудобно, и потому его помѣстили въ Кимасъ-озерѣ у тетки, у которой ему жилось хорошо, такъ какъ бездѣтная тетка его очень любила. Наканунѣ каждаго воскресенья и каждаго праздника отецъ пріѣзжалъ и брать мальчика домой повидаться съ матерью и другими дѣтьми. Все шло хорошо, мальчикъ былъ веселъ и доволенъ своею жизнью у тетки, учился прилежно и успѣшно. Но въ одинъ изъ канунныхъ праздниковъ отецъ противъ обыкновенія не пріѣхалъ за нимъ, что-то помѣшалось, и побѣдка была отложена до утра самаго праздника. Особаго значенія этому никто не придавалъ, такъ какъ только два дня тому назадъ мальчикъ былъ дома и со вѣми видѣлся. Къ тому же отецъ предупредилъ его, что, можетъ-быть, не пріѣдетъ за нимъ. Между тѣмъ мальчикъ вдругъ сдѣлался скучнымъ и вечеромъ исчезъ изъ дому. Тетка сначала подумала, что племянникъ пошелъ къ кому-нибудь изъ товарищей въ другую половину села, но ту сторону озера, куда онъ нерѣдко хаживалъ, а потомъ, когда уже долго

его не было, стала безпокоиться и пошла искать. Оказалось, нигдѣ его нѣтъ; тогда она сообразила, что мальчикъ затосковалъ и пошелъ домой пѣшкомъ—двадцать пять верстъ лѣсомъ и озерами. Правда, дикихъ звѣрей она не опасалась, такъ какъ тамъ волковъ совсѣмъ нѣтъ, а медвѣдь зимой лежитъ въ берлогѣ, рысь встрѣчается рѣдко и притомъ не любитъ болѣе или менѣе открытыхъ мѣстъ, старается держаться въ самомъ густомъ лѣсу, да и нацарадать на людей неохотно, только при крайней необходимости. Но мальчика могла застѣнуть выюга-мятель, и тогда онъ безусловно сообразилъ съ дороги и замерзнетъ въ снѣгу. Поэтому она хотѣла тотчасъ же ѣхать на поиски, но въ это время отправились въ Лувозеро староста и фельдшеръ, которые увидѣли, что они пойдутъ быстро и, догнавши мальчика, возьмутъ его и доставятъ отцу, — имъ какъ разъ это по пути. Тетка уступила ихъ настоящимъ общинамъ и прекратила свои сборы въ путь, а староста и фельдшеръ быстро покатили по прекрасной зимней дорогѣ къ Лувозеру. Въ два часа пролетѣли они все разстояніе въ 25 верстъ и къ 12 часамъ ночи были уже въ Лувозерѣ, но догнавши мальчика по дорогѣ. На другой день, едва начало свѣтать, примѣрно около 10 часовъ, староста пошелъ къ отцу мальчика и спрашиваетъ:

— Что Ваня дома?

— Какъ дома? — нераспрощавшись испуганный отецъ.

— Онъ вчера вечеромъ ушелъ изъ Кимасъ-озера домой пѣшкомъ, неужели не пришелъ?

— Батюшки мои, его нѣтъ, должно-быть замерзъ дорогой. — вскричать окончательно растерявшійся отецъ.

Съ матерью сдѣлался столбнякъ, и она не могла сказать ни слова. Вся деревня быстро узнала объ этомъ несчастіи, и всѣ, у кого были лошади дома, тотчасъ же запрягли и поѣхали на поиски, такъ же, какъ отецъ и староста съ фельдшеромъ. Между тѣмъ ночью была выюга, и дорогу почти занесло снѣгомъ. Тщательный осмотръ ея до самаго Кимасъ-озера не обнаружилъ никакихъ слѣдовъ въ сторону, и всѣ вернулись домой ни съ чѣмъ. Надо было ждать, пока наступитъ ночь и совсѣмъ стемнѣетъ. Дѣло въ томъ, что занесенные снѣгомъ слѣды днемъ отыскать никакъ нельзя, а ночью, когда совсѣмъ стемнѣетъ и особенно, когда нѣтъ луны или сѣвернаго сіянія, очень часто зимою въ тѣхъ широтахъ, свѣтъ отъ смолистой головни отблѣкиваетъ въ недавнихъ слѣдахъ, занесенныхъ даже глубокимъ снѣгомъ, темно-красной тѣнью. Къ счастью, луны не было, и какъ только стемнѣло, опять всѣ пошли на поиски, вооружившись зажатными смолиными головнями, исполняющими тамъ роль ярко горящихъ факеловъ. Эти смолиныя головни горятъ очень свѣтло, и вѣтеръ задуть ихъ не можетъ, а только усиливаетъ свѣтъ. Не прошли и трехъ верстъ отъ Лувозера по дорогѣ къ Кимасъ-озеру, какъ замѣтили при свѣтѣ смолистыхъ факеловъ вправо отъ дороги занесенный снѣгомъ слѣдъ; сейчасъ же пошли по этому слѣду и шагахъ въ ста отъ дороги увидѣли на гладкомъ лѣду озера небольшой холмикъ, совершенно занесенный снѣгомъ.

— Здѣсь! — крикнулъ съ отчаяніемъ несчастный отецъ.

И, дѣйствительно, не успѣли сбросить верхній слой снѣга, какъ наткнулись на что-то твердое: внутри снѣгового холмика оказался замерзшій мальчикъ. Онъ сидѣлъ спокойно, подогнувши колѣна; въ въ правой рукѣ надутый лозомъ хлѣбъ; на лицѣ такое радостное выраженіе, какъ-будто бы онъ въ минуту разставанія съ жизнью испытывалъ величайшее наслажденіе. Сидѣлъ онъ, какъ живой, и въ первый моментъ никто не хотѣлъ вѣрить, что онъ мертвъ. — всѣ думали, что онъ живъ, только спитъ. Но всѣ принятая мѣры для возвращенія его къ жизни оказались напрасными: мальчикъ замерзъ. Горе отца и отчаяніе матери, а также любившей его тетки, трудно себѣ и представить. Случая полгода послѣ этого случая, они не могли говорить о немъ безъ слезъ.

* * *

Она тогда была совсѣмъ еще дитя...

Я пѣлъ ей пѣсенки, рассказывалъ ей сказки,
Звалъ Красной Шапочкой, царевною шутя,
И цѣловалъ ея голубенькіе глазки.

Молчу я... Вспомнилась мнѣ дѣвочка-Маруся,

И сердце сжала вдругъ невольная печаль:

Мнѣ этой дѣвочки до боли стало жаль,

И какъ за женщину грядущую боюсь я...

Алекс. Кругловъ.

Производство стальныхъ перьевъ.

(Съ 9 рисунками.)

Въ древности первымъ орудіемъ для воспроизведенія писемъ или рисунковъ окрашенными жидкостями служили заостренные деревянные палочки. Съ теченіемъ времени концы ихъ расщеплялись, что вѣроятно поддало мысль изготовлять изъ конского волоса и свиной щетины кисти, вошедшія въ употребленіе въ употребленіе у живописцевъ всѣхъ странъ и народовъ. Но посредствомъ кистей можно было писать только относительно густыми красящими веществами, — водянистые растворы были слишкомъ

жидки, чтобы воспроизводить подобнымъ же образомъ отчетливыя и равномерныя штрихи. Тутъ подошелъ на помощь тростникъ, обработанный наподобіе нашихъ гусиныхъ перьевъ, которыми болѣе пожилые изъ нашихъ читателей, можетъ-быть, еще писали въ юности.

Лучшій тростникъ для писанія (calamus), по словамъ Плинія, получался изъ Египта, Киндоса и съ Анагетскаго озера. Имъ пользовались въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя было употребить острый

Изъ святыхъ мѣстъ. Съ картины Г. Орела грав. Бодъ.

Пришелъ конецъ. Съ картины К. Рейхерга грав. Фельдлеръ.

металлическій стержень, которымъ собственно писали на восковыхъ табличкахъ. Тростникомъ писали на изготовленной изъ папируса египетской бумагѣ и на пергаментѣ. Чернилами, которыми пользовались древніе, была тушь, состоявшая изъ смѣси сажи и камеди съ водою; посредствомъ примѣси небольшого количества виннаго уксуса тушь дѣлала почти неизгладимой. Эти чернила, ко-

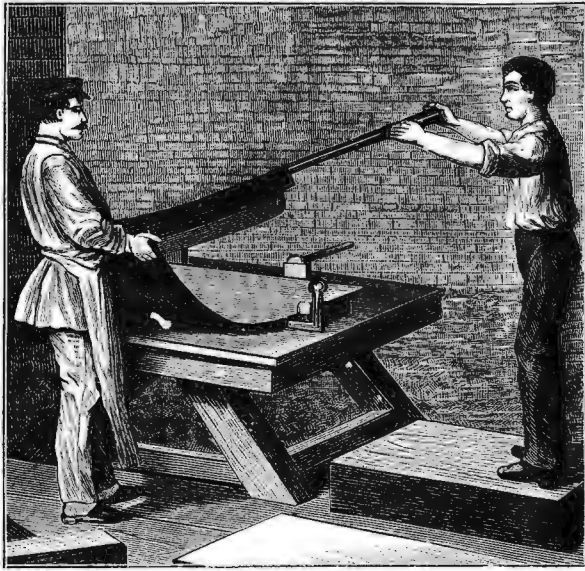

Рис. 1. Распиливаніе стали на полосы.

торымъ умѣли придавать разные цвѣта, были въ употребленіи до XII вѣка, когда появились наши теперешнія чернила.

Въ то время уже давно перешли къ употребленію для письма птичьихъ перьевъ; о нихъ впервые упоминаетъ въ VII вѣкѣ св. Исидоръ Севильскій, говоря: «орудіе писца — трость и перо; ими слова на страницахъ изображаются; трость отъ дерева, а перо отъ птицы, его остріе раздѣляется на-двое». Въ теченіе многихъ вѣковъ гусиное перо не имѣло соперниковъ какъ въ школѣ, такъ и въ частной жизни, пока въ первой половинѣ нашего столѣтія его не начало вытѣснять стальное перо, теперь вошедшее во всеобщее употребленіе. Дѣлались и раньше попытки изготовлять перья изъ рога, черепахи и тому подобныхъ матеріаловъ; но всѣ эти фабрикатъ оказывались непрактичными. Перья изъ металла дѣлались уже въ XVI вѣкѣ въ Нюрнбергѣ, но и это производство вскорѣ прекратилось по той же причинѣ.

Изготовленіе перьевъ изъ стали началось въ англійскомъ фабричномъ городѣ Бирмингамѣ, который и въ настоящее время является

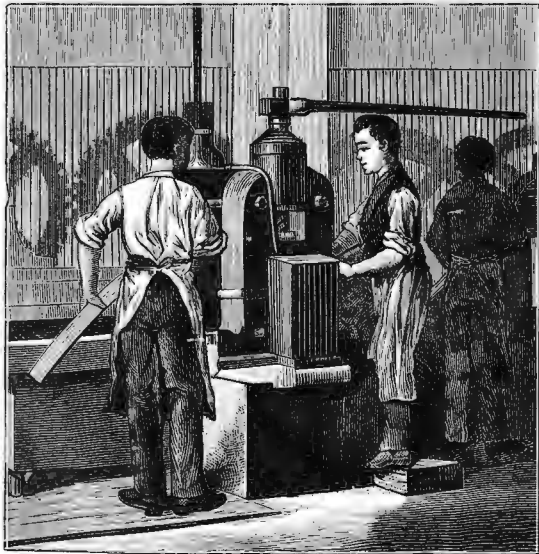

Рис. 2. Раскатываніе стальныхъ полосъ въ тонкіе листы.

центромъ этого производства. Около 1803 года нѣкто Уайзъ сдѣлалъ первыя стальные перья, но прошло еще около двадцати лѣтъ, прежде чѣмъ эта фабрикація приобрѣла извѣстное значеніе, и стальное перо начало входить во всеобщее употребленіе.

Чрезвычайно разнообразны и интересны тѣ процессы и манипуляціи, которымъ долженъ подвергнуться кусокъ стали, пока изъ него не получится писчее перо. Постараемся изобразить ихъ читателю въ возможности нагляднѣе.

Лучшимъ матеріаломъ для перьевъ считается литая сталь, изготовленная изъ первосортнаго шведскаго желѣза. Для худшихъ сортовъ перьевъ употребляется и менѣе цѣнный матеріалъ.

Со сталелитейныхъ заводовъ сталь является большей частью въ видѣ большихъ плитъ или досокъ, поэтому на фабрикахъ стальныхъ перьевъ ихъ приходится прежде всего распиливать на узкіе бруски или полосы (рис. 1). Вслѣдъ за тѣмъ распиленная сталь кладется въ желѣзные ящики и въ продолженіе десяти-двѣнадцати часовъ подвергается накаливанію до-бѣла въ каменной печи (рис. 4). Благодаря этому процессу матеріалъ теряетъ свою твердость и дѣлается гибкимъ. Затѣмъ стальные полосы, послѣ предварительной очистки, переходятъ на плющильные станки, которые раскатываютъ ихъ въ тонкіе листы (фиг. 2). Выдѣланная такимъ образомъ полоска стали имѣетъ 30 сантиметровъ длины и 7 сантиметровъ ширины; изъ нея можно вырѣзывать перья двумя рядами, не оставляя значительныхъ обрѣзковъ.

Дальнѣйшія работы, мало-по-малу превращающія эти стальные полосы въ готовые писчія перья, выполняются исключительно женщинами, пальцы которыхъ нѣжны и проворны мужскихъ. Прежде всего полосы переходятъ въ большой залъ, гдѣ за длинными столами сидятъ работницы, которыя при помощи маленькихъ машинъ выбиваютъ изъ полосъ бляшки такой формы, какую имѣло бы сплюснутое и разогнутое стальное перо. Передъ каждой изъ женщинъ стоитъ маленькая машинка, подъ которую работница пропускаетъ стальную полосу, приводя въ движеніе правой рукой на-

Рис. 3. Вырѣзываніе бляшекъ.

жимательный рычагъ; при каждомъ его надавливаніи поршень машины, движущійся вверхъ и внизъ, вырѣзываетъ одну бляшку — матеріалъ для будущаго пера (рис. 3). Вырѣзываніе идетъ такъ быстро, что хорошая работница въ девять рабочихъ часовъ заготовитъ больше 36.000 штукъ. Какъ мы уже говорили, изъ такой полосы стали выбивается въ ширину каждый разъ два пера, которыя приходятся другъ къ другу острыми такъ, чтобы оставался какъ можно меньшій обрѣзокъ.

Въ другомъ отдѣленіи фабрики происходитъ просверливаніе перьевъ. Посредствомъ ручныхъ прессовъ, такихъ же, какіе служатъ и для вырѣзыванія, — съ той только разницей, что здѣсь подставка и поршень нѣсколько другой формы, — бляшки получаютъ отверстіе посрединѣ и, если нужно, щели по бокамъ, продѣлаваемые для того, чтобы придать перьямъ большую гибкость. Работница должна одной рукой подкладывать перья по одиночкѣ на подставку и такимъ же образомъ отбрасывать ихъ, при чемъ другая рука приводитъ въ движеніе поршень; но и эта работа подвигается невѣроятно скоро.

Затѣмъ производится штемпованіе бляшекъ, т.-е. снабженіе ихъ номеромъ или маркой, а также, большей частью, клеймомъ фабричной фирмы и нѣкоторыми украшеніями. Для этой работы металлъ долженъ получить еще большую степень мягкости; поэтому бляшки предварительно подвергаются новому накаливанію, на этотъ разъ только до-красна. Онѣ становятся послѣ этого мягки и гибки, какъ слово, такъ что надписи и украшенія штемпеля отпечатываются на нихъ вполне отчетливо. Каждая работница, нажимая ногой на стремя, приводитъ въ движеніе гиру, снабженную внизу штемпелемъ; гири сначала поднимается, потомъ всей тяжестью падаетъ на пододвинутую бляшку (рис. 7).

Въ другомъ залѣ все еще плоскимъ бляшкамъ придаютъ, опять-таки посредствомъ машинъ, полукруглую форму перьевъ. Каждая штука кладется въ маленькій, соответственно углубленный чеканъ, послѣ чего, посредствомъ нажиманія рычага, въ желобчатое углубленіе чекана вгоняется поршень, плотно пригнанный по формѣ

Рис. 4. Накаливаніе стальныхъ полосъ.

жолоба (рис. 5). Отъ этого мягкая, еще не эластическая бляшка принимаетъ закругленную форму; теперь перо готово вплоть до срединнаго расщепа.

Но прежде чѣмъ приступить къ окончательной отдѣлкѣ пера,

необходимо вернуть металлу всѣ свойства стали. Съ этой цѣлью бляшки въ закрытыхъ желѣзныхъ сосудахъ ставятъ въ печи, похожія на хлѣбныя, накаливаютъ до-красна и высыпаютъ для охлажденія въ большія бочки, наполненныя масломъ или ворованью. Послѣ этой процедуры онѣ вмѣстѣ съ прежней твердостью стали приобретаютъ хрупкость стекла, что, разумеется, опять нужно устранить. Затѣмъ онѣ очищаются отъ приставшаго къ нимъ масла въ барабанѣ, вращающемся вокругъ своей оси и частью наполненномъ опилками (рис. 6).

Рис. 5. Сгибаніе перьевъ.

Въ другихъ цилиндрахъ, частью наполненныхъ сланцемъ, пескомъ и тому подобными матеріалами, перья чистятся до тѣхъ поръ, пока не начинаютъ блеснуть, послѣ чего переходятъ въ шлифовальный залъ. Здѣсь надъ рабочими столами тянутся двигательные валы, отъ которыхъ къ каждой работницѣ спускается безо-

печный ремень, приводящій въ очень быстрое вращательное движеніе наждачный кругъ. Работница беретъ перья по одиночкѣ и пальцами или щипчиками подноситъ на минуту каждое перо къ шлифовальному кругу, вслѣдствіе чего верхняя часть его носика нѣсколько заостряется. Посредствомъ этой операции прежде хотѣли сдѣлать кончикъ пера тоньше и эластичнѣе, но теперь поперечная шлифовка имѣетъ значеніе только украшенія (рис. 8).

Наонецъ продѣлывается въ носикѣ срединная щель, такъ-называемый расщепъ. Передъ каждой работницей стоитъ опять-таки

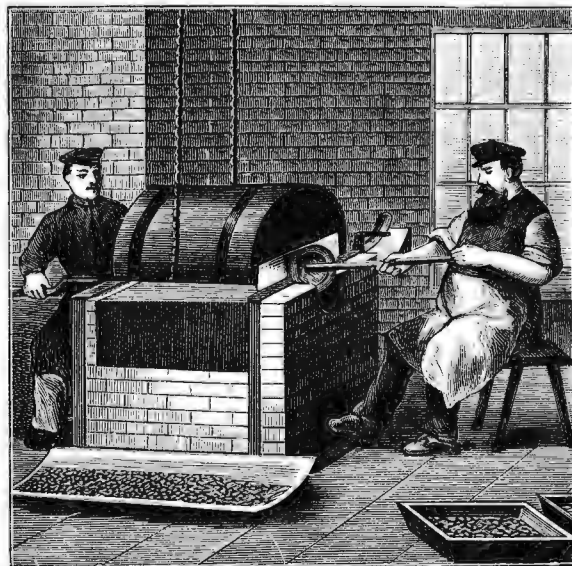

Рис. 6. Очищеніе перьевъ отъ масла.

маленькая машина, совершенно такая же, какъ описанныя раньше. Каждое отдѣльное перо кладется на назначенное для этого мѣсто, и на него, помощью рычага, спускается сверху стальной инструментъ, дѣйствующій наподобіе ножницъ и раскалывающій перо какъ разъ посерединѣ. Въ залѣ, гдѣ происходятъ эти работы, множество рѣжущихъ инструментовъ производятъ непрерывный своеобразный шумъ, похожій на жужжаніе. Работницѣ нужно слѣдить только за тѣмъ, чтобы каждое перо пришлось какъ разъ на надлежащемъ

Рис. 7. Штемпелевка перьевъ.

мѣстѣ, для чего на подставкѣ машины сдѣланы особыя приспособленія.

Порядокъ производства перьевъ на различныхъ фабрикахъ въ нѣкоторыхъ своихъ подробностяхъ иногда уклоняется отъ вышеописанныхъ приѣмовъ. Высшіе сорта перьевъ послѣ раскалыванія

подвергаются еще особаго рода шлифовкѣ, для устранения послѣднихъ неровностей и шероховатостей.

Послѣ окончательной шлифовки въ специальномъ помѣщеніи, готовые перья тщательно пересматриваются и сортируются на хорошія, среднія и дурныя, а совершенно негодныя откладываются въ сторону для переплавки.

Нѣкоторые сорта послѣ этого пропускаются еще черезъ огонь для приданія имъ синяго или коричневаго цвѣта; дѣлается это только ради большей красоты, и никакого улучшенія качества перьевъ не приноситъ, такъ какъ само по себѣ является уже результатомъ начинающагося окисленія. Зато гальваническое луженіе и серебреніе дѣйствительно дѣлаютъ перья значительно прочнѣе. Алюминіевыя перья дѣлаются изъ алюминіевой бронзы, которая однако не выдерживаетъ сравненія съ литою сталью. Золотыя перья съ острыми носиками, приготовляемыя изъ лигатуры

платины и осма-иридія, очень дороги, но зато имѣютъ то преимущество, что не портятся отъ чернилъ.

Послѣ того какъ стальныя перья, въ видахъ предохраненія ихъ отъ окисленія, отлакированы растворомъ камеди, приступаютъ къ упаковкѣ готоваго фабриката. Развѣска производится на гротсы; каждый гротсъ высыпается въ картонную коробочку съ обозначеніемъ качества соответствующаго сорта перьевъ, фирмы и другихъ данныхъ.

Вотъ сколько разнообразныхъ работъ необходимо для того, чтобы превратить кусочекъ стали въ готовое писчее перо, цѣна котораго, несмотря на все это, такъ незначительна!

Хотя главную массу стальныхъ перьевъ на всемірный рынокъ попрежнему доставляетъ Англія, однако имѣются очень хорошія фабрики и въ Германіи (въ Берлинѣ, Боннѣ, Лейпцигѣ-Плагвицѣ), Франціи, Сѣверной Америкѣ и у насъ въ Россіи (Русское общество для производства стальныхъ перьевъ въ городѣ Ригѣ).

Къ рисункамъ.

Въ густомъ лѣсу всегда царитъ полумракъ, полусвѣтъ, что-то мягкое и таинственное. Вѣтерокъ проносится по безчисленнымъ коридорамъ лѣса, деревья точно совѣщаются другъ съ другомъ, точно шепчутъ другъ другу лѣсныя тайны. И лѣсъ дѣлается похожимъ на волшебное царство: онъ живетъ, дремлетъ, шепчется. И хочется подойти къ дереву и подслушать его

мрачныя и еще болѣе грязныя щели—переулочки—calli. Порой, отъ окна къ окну протянута веревка, на которой сушится бѣлье, какіе-то красныя и синіе лоскуты, полосатые купальные костюмы. Кос-гдѣ изъ окна или въ темномъ углу, на скользкихъ ступеняхъ, лежитъ перина или свѣшивается край подушки, выставленной для провѣтриванія. Вы начинаете убѣждаться, что въ этомъ безмолвномъ

Рис. 8. Шлифовка перьевъ.

Рис. 9. Расщепленіе перьевъ.

тайну. Кажется, что за этими стволами ничего нѣтъ, кромѣ такихъ же высокихъ и стройныхъ стволовъ, вытянувшихся рядами и освѣщенныхъ зеленоватымъ свѣтомъ лѣсныхъ сумерекъ. Начинаешь понимать, что такое безконечность. Безконечность вѣдь рядъ мгновений: одно мгновение не дѣлаетъ вѣчности—и только безконечные ряды деревьевъ образуютъ лѣсъ. Да, лѣсъ надо любить, чтобы понимать его, любить такъ, какъ любилъ его покойный его поэтъ—Шинкинъ, и понимать его такъ, какъ онъ его понималъ. Каждый уголокъ лѣса онъ превращалъ въ поэму, въ лирическое стихотвореніе, въ пѣсню, и его лѣсъ дышалъ, жилъ и открывалъ свои тайны. Лѣсная дорога въ основномъ лѣсу, лѣсная тропинка, чаща, полоска, лужайка, внезапно прорвавшійся лучъ солнца, окрасившій листья деревьевъ въ яркую изумрудную зелень—все это давало материалъ поэтическому гению Шинкина. Онъ былъ тонкій наблюдатель и вдохновенный поэтъ лѣса. Онъ не только понималъ и чувствовалъ, но и любилъ природу, и въ своихъ картинахъ, казалось, жилъ общою съ нею жизнью.

Раннее венеціанское утро. Медленно и безшумно плывутъ по каналамъ рѣдкія гондолы, направляясь къ рыбному или овощному рынку. Городъ еще спитъ; рѣшетчатая ставня домовъ плотно прикрыта, никого на каналахъ, ни души на горбатыхъ мостахъ. Одинокого путника, появившаго въ этотъ странный городъ въ лѣтнее утро, охватываетъ жуткое чувство: ему кажется, будто онъ попалъ въ завороченный городъ Нерендъ. Въ боковыхъ канальчикахъ—гю—еще темно: солнце не успѣло добраться до нихъ. По сторонамъ отъ этихъ канальчиковъ тянутся еще болѣе узкія, еще болѣе

городъ есть жизнь. Загляните въ другой уголокъ—туда, гдѣ навалены фрукты и овощи, гдѣ продается свѣжая вода и всякая зелень. Здѣсь вы навѣрное увидите всегда веселыхъ и кокетливыхъ, хотя всегда нѣсколько неряшливыхъ и грязныхъ, венеціанокъ и почти неизбѣжную принадлежность ихъ—маленькихъ bambino. Ребенокъ спитъ въ корзинѣ, служившей когда-то хранилищемъ дынь и помидоровъ, подъ навѣсомъ дыряваго зонтика и подъ сѣною образа Мадонны. Молодая мать старается говорить шопотомъ, чтобы не разбудить bambino. Онъ спитъ! Ей съ трудомъ дается эта сдержанность. Какъ только онъ проснется, она вознаграждаетъ себя звонкимъ хохотомъ, веселой шуткой, рѣзкимъ словечкомъ, брошеннымъ гондольеру, берсалеру или не въ мѣру скупой и торгующейся кухаркѣ. А пока ей кажется, что всей тишины венеціанскаго утра мало ей спящему ребенку: она даже сняла деревянные башмаки, такъ весело стучаще днемъ каблучками по искрошившимся и заплѣсневѣвшимъ ступенямъ и тротуарамъ узенькихъ calli...

Важное совѣщаніе у сапожника. Рѣшается почти гамлетовскій вопросъ: быть или не быть сапогу? Съ безпокойнымъ и тревожнымъ чувствомъ обладатель этой драгоценности, давній клиентъ деревенскаго сапожника, смотритъ на великаго чародѣя. Въ его согбенной фигурѣ чувствуется вопросъ. Но сапожникъ въ недоумѣніи. Ужъ онъ ли не мастеръ затаить, подметки подкидывать, союзить, каблукъ подбить, голенище приставить? Кажется, всѣ знаютъ его мастерство, его изворотливость. Чуть что иногда ни-однѣ каблукъ приносятъ и говорятъ «чини!» И онъ къ каблuku пристравиваетъ подошву и

голеннице и выходить сапоги! Но тут и на него нашло раздумье. И голенище, и подошва, и каблук — все есть, а сапога не сдѣлаешь. Голенище прогнило, подошва пропотпалась, вся въ дырахъ, а изъ каблука торчатъ гвозди. Только гвозди и цѣлы. — «А ты къ гвоздямъ-то, слышь, и приладь, стало-быть, остальное». — «Ничего не подѣлаешь, братъ, одна труха... труха одна, твои сапоги». — «Какъ труха, коли ежели гвозди въ ей держатся?» — «Гвозди и въ мякнѣ будутъ держаться», — и чародѣй разводитъ руками. Два безмолвныхъ свидѣтели, покуривая трубки, философски смотрятъ на эту сцену: они въ лаптяхъ, но и у нихъ есть сапоги «для всякаго случая», и ихъ этотъ вопрекъ касается близко. Когда-нибудь и ихъ сапоги «запросятъ каши», и придется обоимъ лапотникамъ поклониться тому же сапожнику.

Только-что закрылась бельгійская художественная выставка, какъ въ тѣхъ же залахъ общества поощренія художествъ состоялось открытiе французской художественной выставки. Разница между этими двумя выставками громадная, хотя, быть-можетъ, не столько по мастерству художниковъ, сколько по сюжетамъ, избраннымъ ими. Если на бельгійской выставкѣ преобладали картины сельской природы и жизни, если то и дѣло попадались изображенія овецъ и, особенно, коровъ, то французская выставка отличалась непомернымъ культомъ женской красоты, и притомъ не въ смыслѣ изображенія красивыхъ женскихъ лицъ, а въ смыслѣ изображенія женскаго тѣла. вмѣстѣ съ тѣмъ, бельгійская выставка производила впечатлѣнiя наивности, цѣломудрiя, французская же — наоборотъ, отличалась нѣсколько игривымъ характеромъ.

Но, конечно, на ряду съ подобными игривыми сюжетами встрѣчались на французской выставкѣ и другiе: религиозные и историческiе, жанръ, пейзажъ. Между жанровыми картинами выдѣлилась своими достоинствами работа г. Ройэ: «Обѣтъ», купленная французскимъ правительствомъ. Мы воспроизводимъ ее въ настоящемъ номерѣ *Нивы*. Морякъ далъ обѣтъ, въ случаѣ благополучнаго возвращенiя изъ дальняго плаванiя, смастерить маленький корабль и поднести его Богоматери. Онъ свято исполняетъ своей обѣтъ. Таковъ незамысловатый сюжетъ картины. Но особенно трогательно дѣйствуетъ на зрителя настроенiе, вѣющее отъ нея. Взгляните, какъ набожно и серьезно самъ морякъ, и его миловидная жена, и ребятишки относятся къ исполненiю обѣта, и вы поймете, какъ все они счастливы, что Богъ ихъ спасъ отъ тяжелаго семейнаго гора, отъ утраты опоры и кормильца семьи. Въ этомъ прелесть картины: она свидѣтельствуетъ о крѣпкомъ, здоровомъ семейномъ началѣ, о глубокой простой вѣрѣ, которая, какъ видно, еще не изыскали во французскомъ народѣ и проявляются иногда въ очень трогательной формѣ.

По существовавшему въ XVI вѣкѣ обычаю, странники, возвращавшiеся изъ святыхъ мѣстъ, послѣ долгаго и утомительнаго пути, охотно принимались на ночлегъ въ замки, попадавшiеся имъ на дорогѣ, и считались тамъ желанными и дорогими гостями. Какой-нибудь старецъ-паллигримъ, въ ветхой отъ времени и непогодѣ одеждѣ, въ истоптанныхъ, запыленныхъ башмакахъ и съ посохомъ въ рукѣ, входилъ въ богато-убранную гостиницу, украшенную дорогими гобеленами, и просилъ гостеприимства. Его принимали охотно, съ чувствомъ благоговѣнiя и нѣкотораго любопытства. Развѣренные дамы и кавалеры съ наслажденiемъ выслушивали его разсказанiе о далекихъ и въ то же время опасныхъ странствованiяхъ по святымъ мѣстамъ. Такимъ образомъ нежданный гость находилъ приютъ и покой, а владѣтели замка — неожиданное развлеченiе среди однообразiя и монотонности ихъ жизни.

Лѣсъ заиндевелъ и безмолвствуетъ. Все кругомъ запорошило снѣгомъ. Рѣдко гдѣ промелькнетъ пушистый хвостикъ бѣлки, осыпается подъ ней вѣтка серебряной пылью, и снова все тихо. Плотiя времена настали для лѣсныхъ хищниковъ, волковъ да лисницъ. Волеи-неволеи приходится имъ перенести свои поиски за добычею въ другiя мѣста, на лѣсную опушку, въ поле, а то и дальше, къ самому жилью злѣйшаго ихъ врага. Долго, нескончаемо тинутся зимнiя ночи, есть когда подъ ихъ темнымъ покровомъ порыскаетъ лисичкѣ у слабо-припертыхъ клѣтѣй да сараямъ и раздобыть себѣ курятинки на потребу. Тихо и осторожно крадется она за добычей, зато быстро улетываетъ она прочь, волоча за горло затравленную куринку, утку или гуся. Благополучно добравшись до лѣсу, она преспокойно приступаетъ къ обѣду; только перышки сыплются по сторонамъ... А тамъ, вдали, гдѣ весело вьются въ небѣ дымки, раздаются проклятыя хозяекъ, горяюшихъ по затравленнымъ птицамъ. Но пороги наказываются — и очень жестоко. Много жизней загубила на своемъ вѣку лакомка-лисица, долго выслѣживали ее, и наконецъ-таки выслѣдили. Бѣда пришла къ ней неожиданно-негаданно, въ луч-

шія минуты, когда такъ сладко грезилось ей послѣ обильнаго обѣда. Напрянули къ лисичкѣ гости, ей злые недруги — таксы выслухи. Подобрались они къ самой норѣ, и уже зло зубы точатъ. Только и остается, что въ постыдное бѣгство обратиться. Быстро кинулась лиса боковой норой мимо нихъ, прямо въ лѣсъ, но не тутъ-то было. Тамъ уже, зная лисью сноровку, ждутъ, не дожудятъ ее охотникъ съ другой сворой собакъ. Ожесточенно бросаются они лисѣ наперерѣзъ, и погибла ее хитрая головушка. Вблеснул на мигъ огонекъ, захохоталъ вслѣдъ выстрѣлъ по лѣсу, и все снова смолкло. Только слышно ворчанье собакъ, загрызающихъ издыхающую лису. Пришелъ конецъ ей и ей продѣлкамъ.

Высокопреосвященный Николай, архіепископъ финляндскій. (Портр. на этой стр.)

Преемникомъ митрополита Антонiя по финляндской епархіи назначенъ высокопреосвященный Николай, епископъ саратовскій и паричьскій. Новый владыка Выборской епархіи родомъ изъ близкой къ Финляндіи петербургской дачной мѣстности — Парголово, гдѣ отецъ его долгое время былъ священникомъ; вслѣдствіе этого новая епархія его знакома ему, какъ родная. Образованіе свое будущій архіерей получилъ въ столичныхъ духовно-учебныхъ заведенiяхъ. Въ 1877 г., по окончанiи курса ученiя въ с.-петербургской духовной академіи, со степенью кандидата богословія, Николай Александровичъ Налимовъ (такъ назывался въ мiрѣ нынѣшній высокопреосвященный Николай) назначенъ былъ въ родное ему Александро-Невское духовное училище преподавателемъ греческаго языка; но здѣсь онъ недолго пробылъ. Въ слѣдующемъ (1878) году Налимовъ перешелъ въ мѣстную (с.-петербургскую) духовную семинарію на должность помощника инспектора, а черезъ годъ занялъ тамъ любимую имъ кафедру греческаго языка (въ 1879 г.). Какъ наиболѣе выдающемуся преподавателю, Н. А. неоднократно поручалось исправленіе должности инспектора семинарии.

Высокопреосвященный Николай, архіепископъ финляндскій.

Съ фот. Д. Здобиова грав. Шюблеръ.

Чувствуя склонность къ одинокой жизни, Налимовъ 33-хъ лѣтъ отъ роду (8-го июня 1885 г.) принялъ иночество. Въ 1886 г. онъ былъ назначенъ ректоромъ смоленской духовной семинарии, а черезъ три года перемѣщенъ былъ на ту же должность въ С.-Петербургъ. Въ Смоленскѣ о. Николай, помимо ректорства, былъ еще предсѣдателемъ братства преподобнаго Авраамiя.

5-го августа 1890 г. архимандритъ Николай хиротонисанъ былъ въ епископа ладожскаго, второго викарія с.-петербургской епархіи, а черезъ два года, по смерти митрополита Псидора, переименованъ былъ во епископа гдовскаго, перваго викарія; съ 1893 года онъ пять лѣтъ управлялъ саратовской епархіей. 19-го января текущаго года преосвященный Николай возведенъ въ санъ архіепископа финляндскаго.

Новое назначеніе владыки встрѣчено очень сочувственно. Финляндiя — почти родина его. Въ бытность столичнымъ викаріемъ преосвященный Николай пользовался большою популярностью, какъ прекрасный ораторъ и благолѣпный священнослужитель. Владыка обладаетъ убѣдительнымъ даромъ слова и прекрасной дикціей, часто говоритъ проповѣди-импровизаціи и замѣчательно чинно и внятно совершаетъ богослуженiя.

Въ Саратовѣ преосвященный Николай заявилъ себя ревностнымъ архипастыремъ. По его ходатайству тамъ вновь открыто было въ 1898 г. вольское викариатство, существовавшее въ 1849—50 году. Владыка прилагалъ большія старанiя къ тому, чтобы православная его паства стояла на должной высотѣ и не роняла себя въ глазахъ многочисленнаго иновѣрческаго населенiя Поволжья. Благодаря его заботамъ, въ послѣдніе годы довольно много старообрядцевъ, католиковъ и протестантовъ присоединилось къ православной церкви.

Принимая во вниманіе сравнительно молодые годы высокопреосвященнаго Николая (46 лѣтъ) и его прошлую карьеру, можно ожидать отъ него энергичной и плодотворной дѣятельности на новомъ, отвѣтственномъ мѣстѣ его служенiя.

К. К. фонъ-Ренгартенъ. (Портр. на стр. 118.)

Болѣе четырехъ лѣтъ тому назадъ въ нашей и даже заграничной печати появились сообщенiя, что одинъ изъ жителей г. Риги, журналистъ К. К. фонъ-Ренгартенъ, рѣшилъ совершить кругосвѣтное путешествіе лѣшкомъ. Дѣйствительно, 15-го августа 1894 г. онъ отправился въ свой дальній путь. Направившись на юго-востокъ, въ Ростовъ-на-Дону, онъ оттуда пробрался обходными путями на Кавказъ и, пройдя его и достигнувъ подошвы Арарата, вступилъ въ предѣлы Персiи. Семьдесятъ одинъ день путешествiе стовалоъ онъ по этой странѣ, терпя большiя лишения. Оттуда онъ перешелъ снова русскую границу, вступилъ въ Закаспійскую область, прошелъ Бухару, русскій Туркестанъ, и 7-го марта 1896 года прибылъ въ Томскъ. Здѣсь онъ встрѣтился съ своей женой,

которая специально прибыла туда для свиданія съ мужем и, послѣ краткаго пребыванія въ Томскѣ, пустился въ дальнѣйшій путь по Западной и Восточной Сибири и, достигнувъ южнаго берега Байкальскаго озера, приблизился къ границамъ Монголіи. Ни на минуту не задумывался передъ предстоящей опасностью, онъ смѣло рѣшился проникнуть въ глубь Азій, въ самую дикую и неизвѣданную ея область—пустыню Гоби или Шамо. Тридцать шесть дней длился его переходъ по пустынѣ, показавшійся ему «одной темной, безотрадной ночью». Единственный его спутникъ — мулъ, взятый для перевозки провизіи, издохъ въ пустынѣ, на полпути, небольшие запасы пищи пришлось нести на себѣ, и когда они изсякли, приходилось выпрашивать себѣ пищу у монголовъ, которые встрѣчали его далеко не дружественно. Но вотъ, наконецъ, судьба надъ нимъ смилостивилась: онъ увидѣлъ передъ собой остатки Великой китайской стѣны. Это было его спасеніемъ. Слѣдуя по направленію этой стѣны, онъ добрался до Пеккина, отсюда въ портъ Чифу, въ которомъ сѣлъ на пароходъ и переправился въ Японію, гдѣ вмѣстѣ съ присоединившимся къ нему русскимъ офицеромъ-туристомъ путешествовалъ по странѣ 4 мѣсяца.

Въ апрѣлѣ 1897 г. фонъ-Ренгартенъ высадился на американскій берегъ въ городѣ Ситль, въ штатѣ Вашингтонъ и съ прежней неутомимостью пустился въ дальнѣйшій путь. Въ тринадцать мѣсяцевъ прошелъ онъ весь американскій континентъ, вплоть до Нью-Йорка. Тамъ онъ сѣлъ на пароходъ и направился въ Гавръ, куда

прибылъ 3-го мая. Изъ Гавра онъ пустился въ новое странствованіе пѣшкомъ, на востокъ. Добравшись до Парижа, онъ отсюда направился въ Лотарингію, въ Вердунъ и Мецъ. Путешествіе его уже близилось къ концу, и, начиная съ Меца, онъ уже почувствовалъ это по тѣмъ теплымъ встрѣчамъ, которыя ему устраивало население попутныхъ городовъ, прослышавъ о совершенномъ имъ смѣломъ предпріятіи.

Вся германская печать привѣтствовала его возвращеніе, отдавая должную дань его изумительной выдержкѣ и неутомимости. Въ Штутгартѣ, Мюнхенѣ, Дрезденѣ, Берлинѣ и Кенигсбергѣ г. фонъ-Ренгартенъ читалъ лекціи о своемъ путешествіи, на которыя стекалась масса слушателей. На русско-германской границѣ отважный путешественникъ удостоился торжественной встрѣчи. Еще съ большимъ энтузіазмомъ привѣтствовало его население Прибалтійскаго края въ Либавѣ, Митавѣ и наконецъ въ родной ему Ригѣ, гдѣ навстрѣчу ему 27-го сентября 1898 г. высыпало нѣсколько десятковъ тысячъ народа. Въ лицѣ г. фонъ-Ренгартена чувствовали силу и энергію, безстрашное мужество и горячую, ненасытную жажду знанія. И съ этой точки зрѣнія путешествіе г. фонъ-Ренгартена дѣйствительно заслуживаетъ быть отмѣченнымъ.

Г. фонъ-Ренгартенъ пробылъ въ путешествіи 4 года, 1 мѣсяць, 12 дней и 12 часовъ, и за это время онъ прошелъ 25,194 версты.

Константинъ Константиновичъ фонъ-Ренгартенъ родился 26-го сентября 1864 г. въ г. Игумнѣ, минской губерніи.

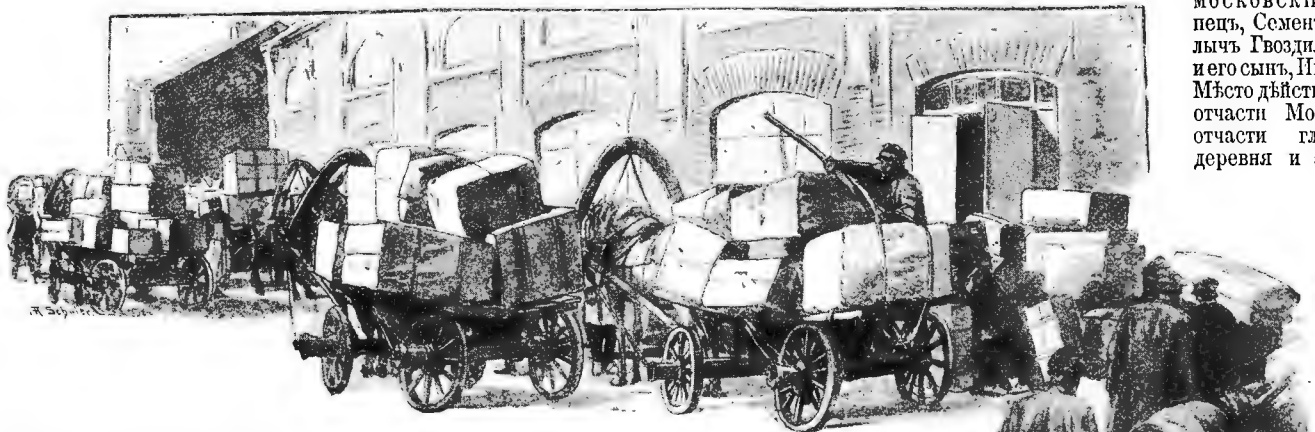
К. К. фонъ-Ренгартенъ. По фот. автотипія «Нивы».

Библиографія.

(Съ 5-ю рисунками.)

П. Н. Полевой. Непокупное. Съ 55-ю ориг. рис. Е. П. Са- разнаго состоянія и общественнаго положенія. Въ центрѣ повѣсти

стоятъ: именитый московскій купецъ, Семень Сильчъ Гвоздилинь, и его сынъ, Иванъ. Мѣсто дѣйствія—отчасти Москва, отчасти глухая деревня и захо-

мокишь-Судковской. Изд. А. Ф. Маркса. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к., въ переплетѣ 3 р.

Есть беллетристическія произведенія, которыя вносятъ въ нашу жизнь, преисполненную взаимной вражды, злобы, даже ненависти, духъ успокоенія и умиротворенія. Они продиктованы чувствомъ любви къ ближнему, къ тѣмъ бы онъ ни былъ, въ какой средѣ бы ни родился, какую вѣру бы ни исповѣдывалъ. Къ такимъ произведеніямъ несомнѣнно принадлежитъ повѣсть г. Полевого: «Непокупное»... Если вражды, злобы и человѣконенавистничества, вызываемыхъ алчнымъ пріобрѣтеніемъ земныхъ благъ, на свѣтѣ много, то тѣмъ не менѣе всѣ чувствуютъ, что есть въ жизни и другія блага, не отчуждающія людей другъ отъ друга, а соединяющія ихъ въ одномъ возвышенномъ чувствѣ, которымъ собственно и держится человѣческое общество; и что это чувство за деньги пріобрѣсти нельзя, что оно... «непокупное».

Фабула, избранная авторомъ для своей повѣсти, принадлежитъ къ числу весьма благодарныхъ. Независимо отъ ея занимательности, она позволяетъ автору коснуться разнообразныхъ сторонъ жизни, ввести читателей въ интересы, настроенія, чувства лицъ

дустное еврейское мѣстечко Западнаго края. Гвоздилинь принадлежитъ къ тѣмъ именитымъ купцамъ, которые нашею литературою злобно окрещены кулаками-эксплоататорами. Сынъ его, Иванъ, принадлежитъ къ тому потоку именитыхъ купцовъ, которые, вопреки взглядамъ и понятіямъ своей среды, рвутся изъ нея вонъ, ищутъ себѣ удовольствія не въ богатствѣ и вышнихъ почестяхъ, а въ готовности придти на помощь ближнему. Отсюда конфликтъ между отцомъ и сыномъ. По

Дмитрий Бибиковъ

...Десятки ломовыхъ извозчиковъ постоянно въѣзжали съ перулка «черными» воротами на амбарный дворъ, то груза, то выгружая у амбаровъ какіе-то ящики и тюки... (стр. 9).

Опираясь на маленькій столикъ, Семень Силычъ внимательно слушаетъ то, что говоритъ ему его собесѣдникъ, плотный и красивый мужчина, съ Владиміромъ на шеѣ и съ двумя звѣздами, скромно выглядывающими изъ-подъ отворота фрака... (стр. 22).

судьба послѣдняго очень драматична еще и въ другомъ отношеніи, именно въ смыслѣ тѣхъ препятствій, которыя онъ встрѣчаетъ въ осуществленіи своихъ благихъ намѣреній со стороны почти всѣхъ людей, съ которыми онъ сталкивается. Дѣло кончилось бы для него роковымъ образомъ, если бы не благородство представителя того племени, которому у насъ такъ склонны приписывать одни лишь корыстные стремленія. Въ захолустномъ мѣстечкѣ Западнаго края еврейская гольтба спасаетъ сына московскаго миллионера, котораго не могли спасти ни усилія и деньги отца, ни гарантіи, представляемыя судомъ.

Читатель видитъ, слѣдовательно, какіе разнообразныя элементы и вопросы затрагиваются въ повѣсти г. Полевого, и въ то же время поймете, почему она вноситъ такое умиротворяющее настроеніе въ нашу жизнь, все еще страдающую упорнымъ словеснымъ и племеннымъ антагонизмомъ. Между отцомъ-миллионеромъ и его идеально-настроеннымъ сыномъ борьба разрѣшается благополучно: и отецъ, и сынъ приходятъ къ сознанию, что они были несправедливы другъ къ другу, что надо избрать средній путь, чтобы примирить въ самой жизни тѣ на видъ совершенно противоположныя начала, которыми они руководствуются. Богатство можетъ быть плодотворною силою, когда имъ пользуются на благо родины, когда оно идетъ рука объ руку съ просвѣщеніемъ и нравственными стремленіями. Такимъ образомъ въ повѣсти г. Полевого затронутъ и столь существенный для будущихъ успѣховъ родины вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между интеллигенціею и разбо-

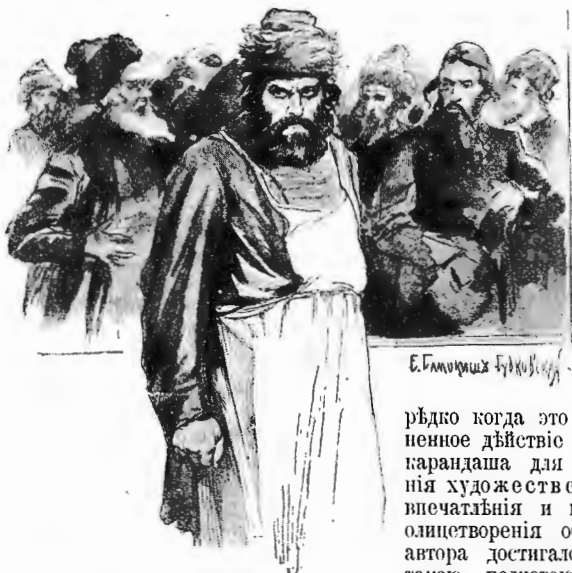
гатѣвными крестьянами, т.-с. именитымъ купечествомъ.

Намъ надо для полноты картины коснуться еще одного вопроса, затронутого въ повѣсти. Сынъ миллионера, кончившій курсъ въ гимназіи, между прочимъ желаетъ наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ нести военную службу, но не въ качествѣ вольноопредѣляющагося, а въ качествѣ простаго солдата. Такимъ образомъ онъ попадаетъ въ военную среду, и это даетъ автору возможность выяснитъ положеніе образованнаго человѣка въ рядахъ нашей арміи. И тутъ происходятъ весьма поучительныя столкновенія, которыя раскрываютъ намъ многія ненормальности русской жизни, и столкновенія эти тѣмъ болѣе поучительны, что и тутъ, какъ во всей повѣсти г. Полевого, онъ не изображаетъ намъ ни ангеловъ, ни дьяволовъ—вопреки пріему, свойственному нашей тенденціозной беллетристикѣ,—а простыхъ смертныхъ, въ душѣ которыхъ происходитъ постоянная борьба между зломъ и добромъ. Герои г. Полевого — люди въ самомъ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Такіе люди составляютъ подавляющее большинство, и когда мы изучаемъ жизненные явленія, то поучительнѣе и интереснѣе всего прослѣдить, какъ они разыгрываются именно среди такихъ людей, потому что тогда на сцену выступаетъ жизнь, какова она на самомъ дѣлѣ, а не та жизнь, которая создается нашимъ воображеніемъ.

Повѣсть г. Полевого написана съ свойственнымъ ему талантомъ. Одинъ яркій образъ смѣняется другимъ, и интересъ не ослабѣваетъ ни на минуту. На помощь автору приходятъ еще иллюстраціи, и надо сказать,

...При слабомъ, чуть брезжущемъ свѣтѣ утра, полувзводъ расположился цѣлью на срединѣ поляны, а внутри его нестроевые стали врывать въ землю черный столбъ и позади столба поспѣшно рыть могилу... (стр. 123).

Е. Г. Морозовъ

...Садясь въ бричку, Семень Силычъ замѣтилъ въ густой толпѣ евреевъ какую-то высокую фигуру, въ косматой шапкѣ и бѣломъ фартукѣ, надѣтомъ поверхъ оборваннаго полушубка (стр. 100).

ской принадлежать къ числу тѣхъ, которыя, независимо отъ большихъ достоинствъ рисунка, свидѣтельствуютъ о замѣчательной способности художника вдуматься въ образы писателя и воспроизвести ихъ съ большою жизненною правдою.

О чисто-внѣшнихъ достоинствахъ этого роскошнаго изданія (въ 4-ю долю листа) мы упоминать не станемъ, потому что читатели успѣли уже сами ознакомиться съ этою стороною дѣятельности издателя.

Политическое обозрѣніе.

Подготовительныя работы къ созыву международной конференціи о разоруженіи заставляютъ общественное мнѣніе Европы особенно внимательно слѣдить за настроеніемъ политическихъ центровъ, преимущественно Берлина. 23-го января на общедѣ бранденбургскаго провинціального сейма, отвѣчая на слова оберъ-президента о подвигахъ Гогенцоллернскаго дома, императоръ Вильгельмъ II произнесъ обстоятельную рѣчь, развивъ въ ней мысль, что Гогенцоллерны всегда сознавали свою личную отвѣтственность передъ Богомъ и народомъ; упомянувъ о побѣдѣ въ Палестинѣ, императоръ сказалъ, что на Масличной горѣ онъ вторично произнесъ присягу заботиться о благѣ народа; далѣе, привелъ слова Мольте къ Бисмарку по окончаніи франко-прусской войны: «теперь должно наблюдать за ростомъ дерева», — царственный ораторъ заявилъ, что твердо намѣренъ быть хорошимъ садовникомъ и охранять древо Германской имперіи, «отрубая лишніе сучья, уничтожая животныхъ, угрожающихъ его корнямъ»; при такомъ уходѣ императоръ питаетъ надежду дожидаться великолѣпнаго роста древа, «на стражѣ котораго стоитъ опирающийся на рукоятку меча нѣмецкій Михель, бросая взглядъ вдаль»; своимъ щитомъ этотъ Михель оберегаетъ миръ. Затѣмъ, коснувшись «чудснаго почина» — даровать народамъ миръ, императоръ высказался, что тутъ «ошибка неизбежна, пока въ человѣчествѣ господствуетъ неуклонный грѣхъ, пока война будетъ съять вражду и ненависть, пока человѣкъ будетъ стремиться къ преобладанію надъ другими», такъ какъ дѣйствующій между отдѣльными людьми законъ проявляетъ свою силу и во взаимныхъ отношеніяхъ народовъ. Поэтому германцамъ необходимо слючиться воедино, чтобы образовать непоколебимую «бронзовую скалу», о которую разобьется всякая угрожающая миру волна «далеко за морями и дома — въ Европѣ». Разсчитывая на содѣйствіе Бранденбурга въ дѣлѣ охраны внѣшняго и внутренняго мира, императоръ провозгласилъ «hoch» въ честь бранденбургской провинціи и ея населенія.

Само собою разумѣется, что бранденбургская рѣчь вызвала въ печати оживленные толки, изъ общей массы которыхъ выдѣлились попытки комментировать, къ кому болѣе всего должны относиться тѣ или другія слова германскаго императора и каковы вообще теперь взгляды германскаго правительства. Несомнѣнно, однако, что только ближайшія событія могутъ дать опредѣленную характеристику политики Германской имперіи, выяснивъ отношеніе ея къ назрѣвающимъ современнымъ вопросамъ.

Не менѣе сенсационною новостью европейской политической жизни слѣдуетъ признать какъ будто наступившее улучшеніе франко-германскихъ отношеній, выразившееся въ довольно наглядной формѣ.

Германская печать — въ лицѣ ея вліятельныхъ представите-

лей — съ живымъ интересомъ занялась обсужденіемъ этого международнаго явленія, подчеркивая существованіе общихъ, для обѣихъ великихъ сосѣднихъ націй, задачъ, если только оставить въ сторонѣ вопросъ объ Эльзасѣ-Лотарингіи. Особенное вниманіе обратили на себя знаменательный фактъ: плавающія въ Средиземномъ морѣ два германскихъ учебныхъ судна посѣтили французскіе порты на африканскомъ берегу — Оранъ и Алжиръ; при появленіи гостей раздались пушечные салюты. Въ Оранѣ французскій генералъ сдѣлалъ германскимъ судамъ продолжительный визитъ; въ честь генерала, при его отбытіи, съ германскихъ судовъ произведено было 13 выстрѣловъ; сошедшіе на берегъ германскіе кадеты и матросы были встрѣчены населеніемъ очень любезно; въ теченіе трехдневнаго пребыванія гостей, жители города посѣщали суда и остались очень довольны пріемомъ. Суда прибыли 22-го января въ Алжиръ: послѣ обычной пушечной пальбы, нѣмцы сдѣлали визиты французскому адмиралу, губернатору и командиру армейскаго корпуса. Вообще произошло нѣчто неожиданное, если вспомнить, что послѣ франко-прусской войны германскія суда старательно обходили всѣ французскія гавани. Указывая на важный поворотъ въ настроеніи французскія къ нѣмцамъ, французская печать съ своей стороны отмѣтила фактъ, что мысль о примиреніи между двумя могущественными сосѣдками мало-по-малу «акклиматизируется» въ обѣихъ государствахъ.

Дѣла американцевъ на Филиппинскихъ островахъ обстоятъ не совсѣмъ благополучно: инсургенты отказались признать верховную ихъ власть, выработали свою конституцію, провозгласили филиппинскую республику, выразили полное довѣріе своему вождю Агвинальдо. Съ цѣлью подкрѣпить свои требованія, филиппинцы начали военныя дѣйствія, блокировали нѣсколько стратегическихъ пунктовъ, заставивъ американцевъ отступить, наконецъ — 23-го января начали общее наступленіе на Манилу, открывъ атаку по всей линіи, занятой американскими отрядами; жестокой бой продолжался и на слѣдующій день. По официальному донесенію американскаго генерала Отиса, всѣ атаки филиппинцевъ отбиты. Генералу Отису приказано изъ Вашингтона сообщить филиппинцамъ о ратификаціи испано-американскаго договора, продолжать военныя дѣйствія и подавить возстаніе противъ американскаго верховенства. Въ отвѣтъ на это, какъ сообщаютъ изъ Манилы отъ 27-го января, Агвинальдо прокламаціей къ филиппинцамъ объявилъ американцамъ войну. Повидимому, филиппинскому архиепископу предстоитъ новое кровопролитіе, такъ какъ едва ли американцы пойдутъ на компромиссъ съ инсургентами.

Въ полутьмѣ, около рѣшетчатого окна, изъ котораго слабый свѣтъ проникалъ внутрь нарцера, въ солдатской шинели, стоялъ Иванъ Семеновичъ передъ отцомъ, блѣдный, изнуренный безсонными ночами и тяжкими тревогами... (стр. 107).

ПАМЯТЬ

лицъ кажда. возр. (начиная съ 8 лѣтъ до глубокой старости) укрѣпляетъ лично и заочно (въ 10 ур.) профессоръ мнемоники, членъ Парижской Академіи, С. Файнштейнъ, Одесса.

Первый и единственный въ Россіи преподаватель искусства изобрѣнія и укрѣпленія памяти и устраненія расбѣянности. Средства моего метода, основаннаго на законахъ физиологій, психол., логики и педагог., память возвращается потерявшимъ ее, дѣлается хорошей у имѣющихъ плохую и лучшей у обладающихъ хорошей, причемъ изощряется вниманіе и улучшаются всѣ умственные способности.

Методъ преподаванія дважды премированъ Парижской Академіей.

Въ несомн. пользы и цѣлесообразности системы убѣдился въ теченіе моей двѣнадцатилѣтней дѣятельности на поприщѣ препода. мнемоники въ Россіи и за границ., гг. священники, врачи, педагоги, военные, студенты, антеры, художники и тысячи др. лицъ разныхъ профессій, знаній и возр., окончивш. у меня курсъ изобрѣнія и укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня благодарности.

ИНОГОРОДНИМЪ

высыл. условия за заочное преподав. и объемистую брошюру (содерж. многочисл. благодарн. офиц. и вполнѣ компетентн. лицъ, прошедш. у меня курсъ мнемоники) за одну 7-ми коп. марку, вмѣстѣ съ книгой *) (8-е испр. и дополн. изд.). «Что такое искусство укрѣпленія памяти?» за 6-ть 7-ми коп. марокъ, на велевой бумагѣ—за 8-ми 7-ми коп. марокъ.

Лично пр. въ г. Одессѣ, по Гавацкой ул., въ д. № 2—8 (рядъ съ Городскимъ садомъ), въ своей кв. бель-этажъ, № 8, или въ своемъ главн. бюро, кв. № 14. Адресъ для прост. и записк. писемъ: Одесса, уг. Пушкинской и Баз. ул., собственн. д., № 28, для телегр.: профессору мнемоники Файнштейну. (№ телефона въ городѣ 199, № телефона на собств. дачѣ «Мнемонина» 933).

*) Книга эта продается во всѣхъ лучшихъ книжн. магаз. Россійск. имперіи.

Корнеты-а-пистонъ

и всѣ другіе духовые мѣдные и деревянные инструменты, а также

РОЯЛИ, ПИАНИНО, ФИСГАРМОНИИ.

Скрипки отъ 2—100 р.
Гитары „ 3— 75 р.
Балалайки „ 1— 20 р.
Мандолины „ 8— 75 р.
Цитры. „ 8— 75 р.

и всѣ прочіе струнные а также и механическіе и самоиграющіе инструменты и принадлежности рекомендуютъ

И. Ф. МЮЛЛЕРЪ.

Москва, Петровка, домъ Волкова. Требуется палеостр. пресль-курантъ.

Популярно-научная книга, доказывающая

СЧАСТЛИВЫЕ ЛЕГІИ ВЫИГРЫШ-

ныхъ бил. 1, 2, 3 займ. Ц. 1 руб., съ перес. 1 р. 20 к. (налож. плат. 1 р. 30 к.). СИБ. Вознесенскій, 37, кв. 32. КРАСИЛЬНИКОВЪ. 2 янв. с. г. на доказан. №№ палат 266 выигрышной на сумму въ 365½ тыс. рублей.

270 Р.

подъ выигрышные билеты. И заемъ до 240 руб., подъ III Дворянско до 260 руб., подъ остальныя бумаги до 45 руб. въ 5 до 8½ годов. и 4½ саемъ. ком. предлагаетъ въ среду банкирскій домъ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

39, Невскій. 3—1

Изыщный ОТРЫВНОЙ НА 1899г. КАЛЕНДАРЬ ВЫДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

БЕЗПЛАТНО

ПРИ ПОКУПКѢ

КОНЬЯКА

СОБСТВ. КОНЬЯЧНЫХЪ ЗАВОДОВЪ ТОВАРИЩЕСТВА

Н. Л. ШУСТОВЪ СЪ СМ

Россійское Общество застрахованія капиталовъ и доходовъ

учрежд. въ 1835 году.

НАРОДНОЕ СТРАХОВАНИЕ.

Страхованіе на случай смерти безъ врачебнаго освидѣтельствованія, съ участіемъ въ прибыляхъ Общества и уплатою премій помѣсячно, начиная отъ 50 коп. въ мѣсяцъ.

Тарифы, объявленія и всякія свѣдѣнія можно получить въ Правленіи Общества: С.-Петербургъ. Улица Глинки, № 1, у Поцѣлуева моста, въ собств. домѣ, и у Агентовъ Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.

№ 11978 4 1

Пейте Цейлонскій чай!

Пейте Цейлонскій чай!!

Пейте Цейлонскій чай!!!

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготовленія.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучший чай по вкусу и аромату.

Годичное потребленіе Цейлонскаго чая въ Россіи болѣе 10.000,000 фунтовъ 10.000,000.

№ 11641 30—14

Главный складъ Цейлонскаго чая у **М. РОЖИВІО**, Москва, МАРОСЕЙКА, Д. ТУШИННОЙ. № 11612 20—14
Представитель Товарищества Цейлонскихъ плантаторовъ для всей Россіи.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для блѣлокрурыхъ, желтая вода для брюнетонъ. Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5.2) (128)

Новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ГИГИЕНА НЕВРАСТЕНИКА.

Проф. Пру и Балле.
Перевелъ съ разрѣш. авторовъ д-ръ Л. Шейнш. Цѣна 60 коп.

ЦАРЬ-ДѢВЦА.
Вс. Соловьева.
Ром.-хрон. XVII в., въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 в

ЗАЙКАНИЕ

КАРТАВОСТЬ, ШЕПЕЛЯВОСТЬ устраняетъ лѣчебное заведеніе **К. Ю. Эрнстъ**, Москва, Б. Никитская, № 11, кв. 6.
Руководство къ самообуч. для зайкъ 3 руб.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Вс. С. Соловьева. Романъ-хроника XVIII в. Время паденія Бироны и воцаренія Елисаветы. Изд. 3-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. въ роскош. колѣнк. переп. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.
Требованія адресовать въ контору изданій А. Ф. Маркса. СИБ. М. Морская, № 22.

1400

стилизован. узоровъ для выпилванія, углубленной и рельефной резьбм, выжиганія и живописи по дереву, и пр., и пр. Рисунки излагаются на бумагѣ и на деревѣ. Наставленія, инструменты, машины и матеріалы. Газета «Дилетантъ».
Иллюстр. пресль-курантъ высылается за 30 пф. почт. марк. **Mey & Widmeyer, München.**

НОВЫЙШАЯ МОДЕЛЬ 1898 года
 всемирно-образц. ПИШУЩЕЙ МАШИНЫ

РЕМИНГТОНЪ

обладает всеми усовершенствованиями изобретенными до настоящего времени, создавшими тип **САМОЙ СОВЕРШЕННОЙ МАШИНЫ** превосходящей все другія системы **ВЪ ПРОЧНОСТИ, БЫСТРОТѢ, ЛЕГКОСТИ УДАРА и ТЩАТЕЛЬНОСТИ исполненія работъ.**

ПОНИЖЕННАЯ ЦѢНА
275 РУБ. ВМѢСТО 325 РУБ.
 предостерегаемъ отъ массы **ПОДЪЛОЖЪ**

ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГИ.
 ЕДИНСТВ. ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДЛЯ ВСЕЙ РОССИИ

М. Блок

МОСКВА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, КИЕВЪ, ОДЕССА, Варшава, Екатеринбургъ, Конакъ, Ростовъ

Поступило въ продажу новое изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**

ИЕЗУИТЫ.

Ихъ исторія, ученіе, организація и практическіе приемы въ политической и религіозной дѣятельности. Профессора Мюнхенскаго университета ГУБЕРА. Переводъ съ 6 изданія **В. И. Лисаревичъ.** Цѣна 1 рубль.

ВЫГРЫШ-
 НЫЕ 1, 2 и 3 ваими продаетъ **БАНКИРСКИЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,**
 59, Невскій, СПб. 4-1

ТРАВА КУЗЬМИЧА
 (Erchoda Vulgaris).

Майскаго сбора 1898 г. съ корнями продается фунтъ съ пересылк.: Высшій сортъ боров. отборн. въ цѣнѣ 3 р. Оа-же въ металличе-скихъ коробкахъ 4 р. Второй сортъ боров. 2 р. Съ требованіями прошу адресоваться въ Сорочинское, Самарск. губ., въ складъ **Эфедры Н. И. Семенова.**

КРАСИВО выучивается вслѣдъ заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО.**

Методъ преподаванія на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоивъ золотой медали. За 4 семиклассныя классы высылается **ПРОБНОЕ ПИСЬМО** шрифтовъ, подробныя условія и образцы испривленія почерк. заочн. учен. Адресъ: профессору каллиграфіи **Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.**

ЗОЛАНЪ новѣйшій, Барскій. Полн. оперы и проч. Почтамтск. ул., 10, кв. 7 (у изобрѣт.).

КИТАЙЦЫ и ихъ цинизация.

И. Я. КОРОСТОВЕЦЪ.

Одобрено Учен. Комит. Мин. Нар. Провѣщ. Изд. 2-е, удеш. Книжн. складъ Аскарханова, Троицкая ул., № 6, С.-Петербургъ.

"ЭЙНЕМЪ" въ МОСКВѢ.
 Собств. Паров. Фабрика въ Симферополь (въ Крымѣ.)
ПЮРЕТОМАТЬ.
ГЛАЗИРОВАННЫЕ ФРУКТЫ КОМПОТЬ.

Интеллигентнымъ мужчинамъ
ИЗЯЩНЫЙ ПОДАРОКЪ
за 15 руб.

Изъ чистаго золота 56 пробы массивное мужское кольцо и массивная мужская булавка для галстука съ новыми искусствен. брилліантами "Жюнквиль", отличающимися превосходной игрой.

Камни эти новооткрыты въ минералогіи подъ названіемъ **Jonquille** имѣютъ все свойства настоящаго брилліанта, они безъ фольги, имѣютъ собственный блескъ, а шлифовка и гравъ ихъ не уступаютъ самымъ лучшимъ бразильскимъ брилліантамъ, даже специалисты трудно отличаютъ ихъ отъ настоящихъ брилліантовъ. Высылается по полученіи 3 руб., а остальное наложен. платежомъ. Въ отдѣльности кольцо 11 руб., булавка 6 руб. Дамскія кольца съ такими же камнями 7 руб., брошки 8 рублей.

Требованія адресовать: Въ фабричный складъ золотыхъ издѣлій и часовъ

І. І. ШАМИССО, Одесса,
 Ришельевская № 28.

РУССКІЙ ДВИГАТЕЛЬ.

МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ, ЧУГУННО И МѢДНО-ЛИТЕЙНЫЙ ЗАВОДЪ
наслѣд. Е. ЯКОВЛЕВА,
 въ С.-Петербургѣ.

Усовершенствованные керосиновые, бензиновые и газовые **ДВИГАТЕЛИ,** солидной и простой конструкціи.

Требуются дѣятельные агенты во всѣхъ главныхъ городахъ. Ц. № 12002 2-1

С.-Петербургъ, Петербургская сторона Большая Спасская, № 28, или Москва, Мясницкая, № 18, д. Бутикова.

ВѢСТНИКЪ РУССКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА
 № 11928. 50 №№ въ годъ, цѣна 6 руб. съ пересылкой. 5-
 Надается въ Москвѣ, Леонтьевскій пер. № 2, Н. Верещагинскій и Н. П. Петровскій.

ЛѢЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ЦИММЕРМАНА ВЪ ХЕМИЦНѢ, ГЕРМАНІЯ.

Лѣтн. и зимн. сезоны; за день отъ 5-10 1/2 мар., вклуч. все, также 1 конс. и завтраки.

Завѣдымъ врачъ **д-ръ Диске (Disque),** авт. с. "Естествен. лѣч. болѣзн.", 5 изд., въ пер. 3 мар., и "Диетическ. столъ", 3 изд., въ перел. 1.80 мар. (скл. изд. на немъ, яз. у О. Spramer, Leipzig). 2-й врачъ **д-ръ Бургартъ.** Лѣчб. зав. съ инстин. ортопед. и врач. гимнаст. по сист. Цандера. Лѣч. бол.: нерви. (гипноз, гидротер., элект., электр. ванн.), менсн. (с. Туре-Брандтъ), сахарн., желуд., кишечн. (устан. діета по наст. жел. выдѣл.), спинного мозга (комплекс. терапия), почеч., моч. пузыря, легн., сердца, а также ожирѣн. (электр. свѣт. ванн.), подагры, ревматизма (несоч. ванн) и иссривл. позвон. и т. д. 3-доктора и 1 женщ.-врачъ. Присл. вмс. безпл. управл. лечебн. зав.

СЪМЯННЫЙ МАГАЗИНЪ Г. ЛАУБЕРЪ.
 С.-Петербургъ, Малая Конюшенная, 5.

честь имѣть сообщить почтеннѣйшей публикѣ о выцускѣ на 1899 годъ новаго каталога свѣжихъ огородныхъ, луговыхъ, цвѣточныхъ и древесныхъ съмянъ, который по желанію высылается бесплатно. № 11954 2-2

ПИШУЩАЯ МАШИНА "РЕМИНГТОНЪ-ШОЛЕСЬ" МОДЕЛЬ 1898 г. фабрика Ф. Ремингтонъ и С. Шолесъ. Чикаго—Америка.

Прочная конструкція, все части металлич., безшумный и легкій ходъ, ровнымъ и красивымъ шрифтомъ. Не смѣшивать съ машиной фабрики Викторовъ, Симанъ и Бенедиктъ "РЕМИНГТОНЪ-СТАНДАРТЪ".

Представитель для всей России

Т. И. ГАГЕНЪ—МОСКВА,
 Бол. Лубянна, № 3, Отд. Кузнецкій м., пасс. Попова, № 4.

Не покупайте пишущихъ машинъ, не осматривъ машину "РЕМИНГТОНЪ-ШОЛЕСЬ"

ROYAL-MONDAIN
 EXTRAIT TRIPLE
GELLÉ FRÈRES
 Parfumeurs
 6, Avenue de l'Opéra, 6
 PARIS

ТОЛЬКО 1 р. 85 к.

ПОРТМОНЭ

со штемелемъ изъ прекрасной керной оной-ки, съ 5-ю отдѣленіями, 1 внутреннимъ закрытымъ для авонкой монеты и однимъ особо закрытымъ для золота. Корпусъ изъ одного куска, съ мех. замкомъ, содержащимъ каучуковый штемпель съ подушкой для краски. Въ штемпель можно помѣстить вмѣ, отч., фамилію и званіе, по желанію и корону. Дамскія изящныя по тѣмъ же цѣнамъ. Изъ тюленев. кожи штука на 40 коп. дороже. Цѣны съ пересылкой; въ Азіатскую же Россію съ прибавленіемъ части вѣсовыхъ. Налож. платежъ на 10 коп. дороже. Заказы исполняются немедленно по полученіи стоимости или задатка. Выписывающимъ 5 штукъ сразу выс. бесплатно 5 изящныхъ дѣтск. портмоне.

Адресъ: въ контору фабрики кожн. издѣлій Ш. Е. Фридмана. Варшава.

НЕЗАМѢТНА НА ЛИЦѢ
 ТОЛЬКО ЦѢНА
ТУДРА "ГИГИЕНА"
 РОСКОШНАГО ЗАПАХА.
 ПРОДАЕТСЯ ВЪСѢДЪ.
 ГЛ. СКЛАДЫ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ КОЛОМЕНСК. 12

Поступившую въ продажу свѣжую послѣднихъ сборовъ 1898 года

ЭФЕДРУ
 И Л И
КУЗЬМИЧЕВСКУЮ ТРАВУ

высылаю почтой во все мѣста Россіи, за деньги и налож. платежъ, отборный высшій сортъ, лучше котораго не бываетъ, по 4 руб. за фун., второй отборный сортъ 3 р. за фун. безъ пересылки, при требованіи прилагаю подробное наставленіе. Складъ Николая Ивановича **ГУСАРОВА,** въ Бузулукъ, Сам. губ. Брошюра **Портанскаго** высылается бесплатно.

Не кой-какія а свѣжія **СЪХНЕНА** 1-го разб. цвѣточныя и качества. Выс.: 25, 50 и 100 сорт. за 1, 2 и 3 р. съ перес. и по 5, 10 или 15 сорт. огор. сѣм. по 1 л. кажд. сорт. назван. по желан.

ДАРОМЪ.
 Сѣмьтог. **А. Я. ЧЕРЕНИНА,**
 г. Кашинъ, Твер. губ.
 Каталоги раз. все.

Коммерч. Академія
 въ Лейпцигѣ.
 Программы высылаются секретаремъ Академіи.

ЖИВНА

№ 7.

XXX г.

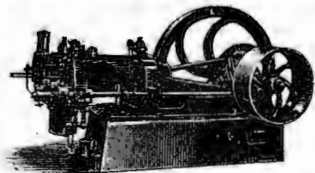
1899 г.

Содержание:

ТЕКСТЪ: Мара. Древне-русская повесть В. М. Михеева. (Продолжение). — Бурдановъ осель. Рассказъ И. Вильденштейна. — Съ крутизмы. Стихотворение А. М. Федорова. — Къ рисункамъ: Цветокъ лотоса. — Трудная задача. — Смертный бой. — Воскресное чтение. — Передъ отъездомъ. — Китайская янана или водяной фазанъ. — Феликсъ Форъ. — Пресвященный Евсевій, епископъ владивостокскій. — А. А. Нуниъ. — М. Д. Наменская. — „Забава Путятинна“, новая опера Г. Иванова. — Объявления.

РИСУНКИ: Трудная задача. Картина Г. Наульбаха. — Смертный бой. Картина А. Вѣрушъ-Новальскаго. — Лотосъ. Картина И. Зихеля. — Воскресное чтение. Картина Н. П. Богданова-Бѣльскаго. — Передъ отъездомъ. Картина Ж. Перра. — Китайская янана или водяной фазанъ. Рис. Л. Бирда. — Феликсъ Форъ. — Пресвященный Евсевій, первый епископъ владивостокскій. — Торжественное засѣданіе французской академіи въ Высочайшемъ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Федоровны и покойнаго президента республики Феликса Форъ, 25 сентября 1896 года. — М. Д. Наменская. — М. М. Ивановъ.

АНГЛІЙСКІЕ

КЕРОСИНОВЫЕ И ГАЗОВЫЕ ДВИГАТЕЛИ

сист. Крослей-Отто
предлагаетъ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Братья ГАНТЕРТЪ.
Петербургъ, Малая Морская, 21.
Москва, Театральный проездъ, домъ
Хлудова.
КЕРОСИНОВЫЕ ДВИГАТЕЛИ
всегда на складѣ.
ТРЕБУЙТЕ
списки двигателей «КРОСЛЕЙ ОТТО»
поставлен. въ Россіи.
Имѣются специальные двигатели для
электрическаго освѣщенія.

ФАБРИКА
СКЛАДЪ
Бруно Земгеръ и Ко
С.Петербургъ, Невскій Пр. № 25 (бывш. Казанскій)
Фотогр. Аппараты
и Принадл.
(Кратк. Прессъ Курантъ Берлинск.)
Ц. № 12033 12-1

ЗАЙКАНИЕ

лѣчится въ лѣчебномъ учрежденіи
И. И. Гиммилера. Москва, Новая
Басманная, д. Ланина. **ПЛА-**
ТА ПО ИЗЛѣ-
ЧЕНІИ.
Условия высылаются бесплатно.

Быстро рисующій аппаратъ
для копированія и увеличенія всякаго
рода рисунковъ, картъ, плановъ, моно-
граммъ и проч.
Цѣна съ объясненіемъ 50 коп.,
съ пересылкой 1 руб.
ЭМИЛЬ ГОЛЬСТЪ.
СПБ., Гостинный Дворъ, 83.

ОЧКИ
ИХЪ ПОЛЬЗА И ВРЕДЪ.
Д-ра мед. Р. НАЦА. Съ 7
рис. Ц. 50 к., съ пер. 85 к.
Въ книжкѣ излож. кому,
когда и какіе събудетъ
носить очки. Прод. въ
ж. маг. Н. Я. Оглоблина въ СПБ. и Кіевѣ.

НА ГИТАРѢ
предлагаю 6 мѣс. заочное обученіе, теоріи
и игръ, съ разсрочкою за 10 р. Успѣхъ га-
рантирую. Условия бесплатно. Тюмень, Тоб.
губ. Ал. М. Афроимъву.

Образ- **САМОУЧИТЕЛИ.** Съ указ.
цѣны част.
произвощ. Сост. по америк. системѣ А-ра
Розенталя, Ал. Месковский.
ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗ. Ц. простран. изд.
3 р. 40 к., съ пер. 3 р. 80. Общедост.
75 к., съ пер. 1 р. **НѢМЕЦКАГО ЯЗ.** Ц.
3 р., съ пер. 3 р. 40 к. **АНГЛІЙСКАГО**
ЯЗЫКА. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 40 к.
Складъ у Антона Антоновича Месковского.
СПБ., Знаменская, 53.
← Образцовая сист. является подража-
ніемъ указанной самою природою методѣ.
Подробная программа высыл. бесплатно.

ЗВѢРЕЙ И ПТИЦЪ
вскаго рода, живыхъ, популасть
С.-Петербургскій Зоологическій Садъ.
№ 11966 3-3

„СТАНОКЪ - ВЕЛОСИПЕДЪ“
Новая машина для ежедневной комнатной гимнастики. Незамѣнимый подарокъ пожилымъ и ослабленнымъ сидячимъ образомъ жизни. Одобрень медицинскимъ ученымъ комитетомъ. Доступенъ всякому съ перваго раза. Упраженія оригинальн., разнообразны и интересны до прелекательности; могутъ замѣнить прогулку. Глубокія выхвѣтанія и оживленія циркуляціи крови вызываются въ 4-5 минутъ. Экономія времени и удобство пользования. Цѣна аппарата на мѣстѣ: съ опухаломъ 85 р., безъ оп. 65 р. Пройсъ-курантъ, 5 фототипій и наставленіе высылаются бесплатно; въ книжкѣ маг. 10 к. Адресъ: Рымбисск., Яросл. губ. Полковнику В. Ф. Бѣльскому.

Поступило въ продажу новое изданіе
Ф. ПАВЛЕНКОВА:
ГИПНОТИЗМЪ

въ теоріи и на практикѣ. Д-ра П. Маррена.
Переводъ А. Аванасьева. Ц. 75 коп.
выучивается всякій заочно
(посредствомъ переписки)
въ 15 уроковъ у
КРАСИВО ПИСАТЬ
профессора каллиграфіи
А. БОССОДО.
Методъ преподаванія на Парижской
всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ
золотой медали. За 4 семилеточныя
марки высылается **ПРОБНОЕ ПИСЬМО**
шрифтовъ, подробныя условия и образцы
исправленія почерк. заочн. учен. Адресъ:
Профессору каллиграфіи Адольфу Носо-
соду въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

ПАМЯТЬ

лицъ кажда. возр. укрѣпляетъ лично и
заочно (въ 10 урок.) профес. мнемоника,
членъ парижск. академ. С. Файнштейнъ.
Одесса, ул. Пушкин. и Ваг. ул., соб-
ствен. домъ, № 23. Условия преподаванія
и объемистую брошюру (содерж.
многочислен. благодарности оффиц. и
вполнѣ компет. лицъ, прошед. у меня
курсы мнемоники) высыл. за одну 7-ми
коп. марку. № телефона въ городѣ 199.
№ телеф. на собств. дачѣ „мнемоника“
933. Адр. для телегр.: Одесса, профессору
мнемоники Файнштейну.
№ 12020 10-1

Казачье сѣдло
№ 1,
роскошно тисне-
ное, шагрениров.
кожи, съ уздечкой
и остальн. прил.
прибор. 20 р. Пер-
сым. по ж. д. 2р.,
почтой за 35 ф. Са-
ратовъ, фабрика
М. и И. Малыше-
выхъ. Пр.-кур. за
дѣл 7 к. марки.

Общедоступный спутникъ МЕХАНИКА-СТРОИТЕЛЯ

для мастеровъ, монтажеровъ, машинистовъ и
мастеровъ мех. Ил. Фелькнера. 5-е изданіе,
исправи. и дополн. инж.-технол. А. А. Ла-
дыгинымъ. Съ 164 рис. въ текстѣ. К. 1898 г.
Цѣна съ пересыл. 2 р. 35 к. Тоже въ ко-
лектор. переплетѣ съ перес. 2 р. 60 к.
Съ требованіями обращаться въ книжн.
магазины Н. Я. Оглоблина: Кіевъ или С.-Пе-
тербургъ — Екатерининская ул., № 4.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣлательныхъ агентовъ. Обращаться
письменно: Банкирскій домъ Генрихъ
Блонкъ, С.-Петербургъ, 59, Невскій.

ТРЕБУЙТЕ
ВЪ АПТЕКАРСКИХЪ
МАГАЗИНАХЪ
„АРМИНЪ“
Для холи и мягкости осовъ и бороды.
Цѣна 50 КОП.
„АРМИНЪ“ безъ № 267 разр. Мед. Упр. —
поддѣлка. Главн. складъ Г. ПЮСА.
Пассажъ, № 52, С.-Петербургъ.

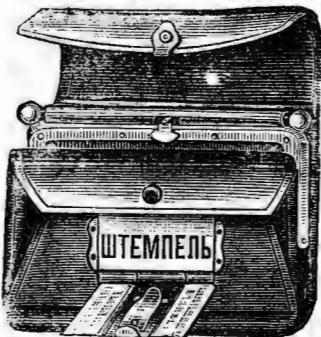
270 Р.
подъ выигрышныя билеты, II заемъ
до 240 руб., подъ III Дворянскіе до
200 руб., подъ остальныя бумаги до
96 руб. изъ 5 до 8% годов. и 1/4%
ежемес. ком. предлагать въ оузу
банкирскій домъ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
59, Невскій. 3-2

ÉLIXIR, POUDRE et PÂTE
DENTIFRI
des RR. PP.
BÉNÉDICTINS
DE
Abbaye de Soulas,
Dom MAQUELONNE, Prieur.
Inventés en l'an 1373 par le Prieur P. BOURSAUD
VENTE EN GROS :
SEGUIN, BORDEAUX.
Maison fondée en 1807.
VENTE DANS TOUTES
LES BONNES PARFUMERIES,
PHARMACIES ET DROGUERIES.
MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.
GRAND PRIX
Exposé Int'l^e Lyon 1894
HORS CONCOURS
MEMBRE DU JURY
Exp^e Int'l^e Bordeaux 1895.
EXIGER LA SIGNATURE
DU PRIEUR
Dom Maquellonne

Продается **Фрейлинский шлейф** совсем мало надванный за 550 рублей. Невский, д. 54, кв. 39.

КАЗИМІРЪ ОССОВСКІЙ, инженеръ.
Контора для изодатательства привилегій
Въ БѢРЛИНѢ (Berlin, W. 9 Potsdam-str., 3.

«Наилучший подарок для самого себя».
Цѣна: 1 шт. 2 р., 2 шт. 3 р. 75 к.

ПОРТМОНЪ СО ШТЕМПЕЛЕМЪ
изъ наилучшей черной опойки заграничной выдѣлки, съ матовымъ лоскомъ, съ 5 отдѣленіями, 1 внутреннимъ закрытымъ для звонкой монеты и однимъ особо закрытымъ для золота. Корпусъ изъ одного куска съ механическою затворомъ, содержащимъ каучуковый штемпель съ подушкой для краски. Въ штемпель можно помѣстить имя, отчество, фамилію и званіе, по желанію и корону. Наружная велич. 2 1/4 x 1 1/4 в. Также дамскія нащипы, разбромъ 13,4 x 1 верш. по тѣмъ же цѣнамъ. Тѣ же изъ настоящей тѣлесовой, мягкой шагренированной кожи, штука на 50 к. дороже. Ц. № 11823 4—3
Цѣны съ поресмыкою въ Европійскую Россію, въ Азіатскую же—съ прибавленіемъ части въсвоихъ. Съ наложеннымъ платежомъ на 10 к. болѣе. Также безъ штемпелей, штука на 35 к. дешевле.

Требованія адресовать: Въ контору фабрики **АМЕРИК. КАУЧУКОВО-ВЫХЪ ШТЕМПЕЛЕЙ М. ФИШМАНЪ,** Варшава, Бѣльнская 18.

Разрѣш. Киев. Учебн. окр. курсы
ДВ. ИТ. БУХГАЛТЕРІИ
ск ро и основательно выуч. всякаго посред. переп., вновь заміт. усное препода. Услов. пис. безп. А. П. Бѣзъыр. Киевъ, Рейтарск., 23.

ПРІЯТНЫЕ ДУХИ
ВЕРА-АНОНА
РОСКОШНЫЕ НѢЖНЫЕ
ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЕРА-АНОНА
ПРІЯТНОЕ,
нѣжное бархатистое
Т-ва ГИГИЕНА
◆ ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ ◆
Гл. складъ: С.-Петербургъ, Коломенская, 12.

СИБИРСКІЙ СКЛАДЪ
КИТАЙСКІХЪ ШЕЛКОВЫХЪ МАТЕРІЙ
Д. А. Епанешникова
Москва, Никольская ул., д. Греческ. мон.
ЧЕ-СУ-ЧА.
Дамская отъ 12 до 18 р. кусокъ въ 26/28 арш.
Мужская • 20 • 40 р. кусокъ въ 26/28 •
Фанза • 12 • 50 р. кусокъ въ 21/22 •
Товаръ высылаю наложеннымъ платежомъ.
Образцы безплатно. 10—3

Черезъ контору журнала
„СЧЕТОВОДСТВО“
(СПБ., Невскій 64) можно выписать:
1) Двойную бухгалтерію въ популяр. очеркахъ, 2-ое изданіе. Цѣна 1 руб.
2) Самоучитель двойн. бухгалт. Ф. Скубца, 3-е изд. Ц. 1 р. 50 к.
3) Одобренны Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ.
4) Фабрично-заводское (мельничное) счетоводство, Л. Гомберга. Цѣна 4 руб.
5) Аналитическая карта бухгалтеріи. Ц. 75 коп. № 12036 3—1
6) Журналъ „Счетоводство“ за 1889—1899 годъ, по 6 руб. Богатый научный и практическій матеріалъ.
Дал. пл. омысл. лишь при задаткѣ.
Программа, съ означеніемъ за всѣ года, высылаются безплатно.

№ 4711. Кто любить запахъ настоящей фиалки, тотъ пусть требуетъ **ЭССЕНЦИИ „РЕЙНСКАЯ ФИАЛКА“** (Violette du Rhin.) Чистый запахъ Фиалки, крѣпкій, даже въ теченіе нѣсколькихъ недѣлей не выдыхающійся.

№ 4711 du Rhin, violette
№ 4711 Sachets violette du rhin.

Продается въ парфюмерныхъ аптекарскихъ магазинахъ.

Кнейпскій солодовый кофе Катрейнера
Тому, кто цѣнитъ вкусный и удобоваримый кофе, слѣдуетъ употреблять въ качествѣ приправы исключительно Малькаффее Катрейнера, избѣгая обыкновенныхъ красящихъ средствъ, въ родѣ цикорія или кофейной эссенціи.

Ц. 12014 Общество „Ливонія“.
Мюнхенъ. Имѣется во всѣхъ лучшихъ магазинахъ. Рига.
Просятъ остерегаться поддѣлокъ!

О.П.Б. **ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ**
ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ:
„ФИГАРО“, „РЕКОРДЪ“
ЛУЧШІЯ ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА
Пріятный освѣжающій ароматъ, смягчаютъ кожу, придаютъ нѣжность и бѣлизну.

ПРОДАЮТСЯ. Просимъ остерегаться подражаній и требовать на этикеткахъ слово: **„ТЕХНО“**.
Главный складъ: С.-Петербургъ, Коломенская ул., № 12.

ПОРТМОНЪ СО ШТЕМПЕЛЕМЪ
съ 5-ю отдѣленіями для звонкой монеты и золота, опойковой кожи только 1 р. 85 к. тѣлесовой • 2 р. 25 к. Безъ штемпеля на 35 коп. дешевле.

Пересылка на счетъ фабрики. Требования и деньги прошу адресовать:
на фабрику **І. Д. ЛЕВИНСОНА,** Варшава,
Магазинъ, Сенаторская, 30. Ц. № 11960 4—3

Приглашаются дѣятельные агенты на весьма выгодныхъ условияхъ. Полный иллюстрированный альбомъ высылается за 60 коп. (почтов. марк.), который при заказахъ засчитывается.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. № 27.
О-де-Колонъ двойной, О-де-Колонъ тройной, О-де-Колонъ экстрактъ.

МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
Невскій пр. № 32, Невскій пр. № 66, Невскій пр. № 66.

Случайныя вещи.
Продается мебель подержанная и новая, вполне выдержанная. Принадлежности домашняго устройства; бронза, драпировки, золото, драгоценныя камни. Москва, Неглинный проѣздъ, пассажъ Солодовникова, рядомъ съ Абрикосовымъ.
Ц. № 11987 6—1

ФОНОГРАФЫ
съ которыми каждый можетъ самъ изготовлять фоногр., пѣніе, разговоръ и муз. или воспроизводить съ пригтовленнаго цилиндра. Цѣна нач. съ 40 руб. Дѣтскій фоногр.—15 р.

Подлинныя фонографы Эдисона
нач. съ 70 руб.
Большой выборъ пригтов. цилиндр. съ муз., пѣн. изъ оп. и оперет., танц., марши, рус., нѣмец. и др. пѣніе. Спец. прейсъ-курantzъ безплатно.
Большой выборъ волшебн. фонарей и картицъ.

БРУНО ЗЕНГЕРЪ и К°.
Казанская, 1—25, на углу Невскаго. СПБ.

Вышла совершенно новая и оригинальная игра и развлеченіе для дѣтей всѣхъ возрастовъ

Офицерскія скачки
съ препятствіями.
Вырученная сумма пойдетъ въ пользу пріютовъ мальбъ и иждютовъ, состоящихъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны.
Желающихъ пріобрѣсти означенную игру, для удобства публики, пріютъ поворѣше проситъ прислать требованіе открытымъ письмомъ по адресу пріюта: Спб. Б. Гребенная, № 28, и она будетъ доставлена на домъ, гдѣ и послѣдуетъ уплата за оную, цѣна 2 р. Иногороднымъ 2 р. и пересылка по тарифу наложеннымъ платежомъ.

РИСОВАЯ ПУДРА
ПЛОТНОПРИСТАЮЩАЯ И НЕЗАМѢТНАЯ, ДУШИСТАЯ
LA MADONE
Продажа оптомъ:
БУВЕТЪ, парфюмеръ въ БОРТО и въ ШАРШЪ: 28, rue d'Engliem
Складъ во всѣхъ хорошихъ парфюмерныхъ магазинахъ.

НИЧЕТО НЕБЫВАЛОЕ!
Женевскіе, взыщные открытые мужскіе черные часы, вороненой стали, ремонтуаръ известной фабрики „Эмиль“, провѣренные до минуты, съ ручательствомъ за ходъ на 6 лѣтъ, высылаемъ и безъ задатка наложенн. платеж. всего за 4 р.; также же дамскіе и гаммаз., а также золочен. 1 руб. дороже. Адресъ: главный складъ часовъ **ШО-ДЕ-ФОНЪ** въ Врш стѣ.

Изданіе Общества Ветеринарныхъ Врачей въ С.-Петербургѣ.

„Ветеринарный фельдшеръ“
популярный, иллюстрированный журналъ (съ безплатными приложеніями), имѣющій задачею описаніе болѣзней и лѣченія домашнихъ животныхъ, а также вопросы по зоотехніи. Выходятъ ежемѣсячно. Цѣна съ пересылкой 2 р. 20 к. въ годъ.
Подписка принимается въ конторѣ редакціи—С.-Петербургъ, Загородный проспектъ, № 12017 д. № 5, кв. 3. 2—1

КАПИТАНЪ ДРЕЙФУССЪ узнанъ съ Чортова Острова, сенсационный романъ, вышель изъ печати въ 83 выпускахъ или 3-хъ томахъ. Высылается за 4 рубля, при высылкѣ денегъ впередъ. Эмиль Зола и Дрейфусъ, новый сенсационный романъ, цѣна по подпискѣ 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Вышло изъ печати (пока) 12 выпусковъ: всего будетъ до 30 выпусковъ. Въ пунѣтъ извѣстны!!! Единственное достоверное описаніе процесса Дрейфусса и Зола. Цѣна 40 к., съ пер. 55 коп. Письма Дрейфусса въ 6 выпускахъ по 5 коп. Изданія книжнаго магазина М. А. Коновера, Варшава, Медовая, № 18. Катогаи высылаются безплатно.

ВЫИГРЫШ-НЫЕ 1, 2 и 3 займы продаетъ **БАНКІРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,** 59, Невскій, СПБ. 4—5

XXX г.

№ 7

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXX

1899

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 13 февраля 1899 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1899 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	5 р. 50 к.	Безъ дост. въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи . . .	6 р. 25 к.	Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Ришельевская, 12.	6 р. 50 к.	Съ доставкою въ Петербургъ . . .	6 р. 50 к.	Съ пересылкою во все мѣстности Россіи . . .	7 р.	За границу . . .	10 р.
-----------------------------------	------------	---	------------	--	------------	----------------------------------	------------	---	------	------------------	-------

На ¼ года съ дост. въ СПБ. 1 р. 75 к., съ перес. инсгор. 1 р. 75 к.; на ½ года съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 к.

Мара.

Древне-русская повѣсть

В. М. Михеева.

(Продолженіе.)

XVIII.

Въ пещерѣ.

Когда Русава, князь Святославъ, Владанъ и вся дружина князя, съ ладьями на плечахъ, исчезли изъ глазъ Вельмуда и Фрелофа, удаляясь къ Ольжичамъ по берегу Горыни, Вельмудъ, шатаясь, поднялся съ колысь. Упавшимъ, полнымъ отчаянья голосомъ онъ сказалъ молодому воину:

— Пойдемъ!

Затѣмъ онъ направился къ берегу Горыни. Фрелофъ, тихій и задумчивый, покорно двинулся за нимъ. Но подойдя къ берегу, Вельмудъ остановился и взглянулъ на юношину. Фрелофъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло.

— Плыви! — сказалъ онъ, и самъ бросился въ воду, не снимая тусклаго тяжелого шинка и только вынуть изъ-за пояса большой ножъ-мечъ, который взялъ въ зубы.

Очевидно, онъ не придавалъ никакого значенія тому, что его рубаха, кожаный стеганый нагрудникъ съ мѣдной бляхой посрединѣ и порты намокнуты въ водѣ. Копье свое онъ еще при уходѣ князя бросилъ въ одну изъ лодокъ. Вельмудъ, видя, что юноша понялъ его, также погрузился въ воду.

Если Вельмудъ былъ хорошій пловецъ, то юный, гибкій и тонкій Фрелофъ держался въ водѣ, какъ рыба. Будь Вельмудъ не въ такомъ тяжкомъ настроеніи, онъ залюбовался бы мастерствомъ, съ какимъ плылъ Фрелофъ, не шелохнувъ какъ будто ни одной стружкой воды. Фрелофъ давно былъ на противоположномъ берегу, когда Вельмудъ догналъ его.

Трудная задача. Съ картины Г. Каульбаха графъ Геданъ.

Потрясенный всѣмъ, что онъ пережилъ въ эту ночь, Вельмудъ двигался устало и тяжело. Фрелофъ скользилъ легко ровными, неспѣшными на видъ, но необыкновенно скорыми шагами. Ему, повидимому, трудно было сдерживать свою быструю привычную поступь, чтобъ не обогнать Вельмуда. Впрочемъ, понемногу и Вельмудъ разошелся. Движеніе какъ будто придало ему бодрости. Но, несмотря на быстроту ихъ ходьбы, они долго, долго шли до пещеры, гдѣ Вельмудъ утаилъ Бажюмова коня. Они шли непроходимымъ лѣсомъ: только ихъ умѣнье лѣсныхъ ходокъ помогало имъ пробираться между деревьями.

— Назадъ, въ Ольжичи здѣсь пойдутъ?—спросилъ отрывисто Фрелофъ, когда они за рѣкой вступили въ лѣсъ.

— Здѣсь,—глухо отвѣтилъ Вельмудъ:—а отъ рѣки тамъ прямо по рѣкѣ, увидишь тропу, по той тропѣ и пойдешь и придеши въ Ольжичи.

Фрелофъ молча кивнулъ головой, вытащилъ ножъ изъ за пояса, который засунулъ туда снова, переплывъ рѣку, и на пути легко и быстро прикоснулся ножомъ къ корѣ дерева. Замѣтивъ безпокойный взглядъ Вельмуда, слѣдившаго за тѣмъ, что онъ дѣлалъ, юноша улыбнулся доброй улыбкой и тихо сказалъ, точно ободряя своего спутника:

— Кромѣ меня никто не увидитъ. Никто не выслѣдитъ твоей пещеры.

И дѣйствительно, отмѣтины Фрелофа на корѣ могли быть разобраны только тѣмъ, кто зналъ, что онъ тутъ есть. Всю дорогу молодой воинъ дѣлалъ эти отмѣтины. Всю дорогу молча слѣдилъ за этимъ Вельмудъ. Долго шли они. Утреннія сумерки свѣтлѣли. Восходъ солнца здѣсь въ непроходимой гущѣ лѣса былъ почти незамѣтенъ. Стало только гораздо свѣтлѣе, и на травѣ, на мхѣ, на корѣ деревьевъ, на ихъ трепетныхъ листьяхъ заблестѣли жемчужины росы.

Но зато птицы вдругъ какъ-то разомъ проснулись, зашевелились, зачирикали въ листьяхъ. И одна изъ нихъ, невидимая въ вѣтвяхъ, громко и звонко загла, разливаясь трелями. Вельмуду отъ этого радостнаго пѣнія птички стало еще тоскливѣе на душѣ, точно задорныя серебряныя трели пѣвуньи усиливали его горе. Но Фрелофъ вдругъ поднималъ голову вверхъ и, всматриваясь въ листву, сказалъ:

— Она поетъ о землѣ Тулѣ!

— О какой землѣ?—вздрогнувъ отъ его неожиданныхъ словъ послѣ долгаго молчанія, не удержался спросить Вельмудъ.

— Есть такая земля. Тамъ далеко-далеко на сѣверѣ. За землею моихъ предковъ. Море тамъ золотое, тихое, геплое. Берега тамъ всѣ въ цвѣтахъ. И живутъ люди въ золотыхъ городахъ—тихо и мирно. Нѣтъ тамъ ни войны, ни злобы... И всѣ знаютъ, что есть та земля, и никто не знаетъ, какъ къ ней плыть... Только птицы залетаютъ гуда и прилетаютъ оттуда и поютъ, какъ туда летѣтъ—да никто не знаетъ ихъ языка и не пойметъ ихъ! О, я чувствую: о землѣ Тулѣ пѣла эта птица, о счастливой землѣ Тулѣ!

Фрелофъ говорилъ все это тихо, съ глубокой грустью. Вельмудъ широко раскрылъ глаза, смотря на своего спутника. Будто что-то зарыдало неслышно и внезапно въ урду его отъ словъ юнаго воина.

— И есть такая земля? Далеко за моремъ? — жадно спросилъ изгой.

— Есть! За землей моихъ предковъ, о ней поетъ птица!—точно во снѣ повторилъ Фрелофъ.

— А кто твои предки? Ты не нашего племени, вижу я,—все спрашивалъ Вельмудъ, пробираясь между деревьями.

— Прадѣда моего звали Инегельдомъ. И пришелъ онъ издалека съ сѣвера, пришелъ онъ еще съ дѣдомъ князи Святослава. Говорила мнѣ бабка, будто позвали того князева дѣда изъ далекой нашей родной земли на Ильмень-озеро судить-рядить иной народъ. А отецъ говаривалъ, сами

будто всѣ они пошли: и дѣдъ князя, и мой прадѣдъ — Инегельдъ. И стали они на Ильмень-озерѣ. И былъ мой предокъ Инегельдъ кемпе, по-здѣшнему, какъ я, дружинникъ Святослава дѣда, а потомъ ходилъ онъ въ походы съ Олегомъ мудрымъ, и въ Кіевъ съ нимъ пришелъ, и тутъ ужъ у внука Инегельдова Рулава—родился я... А Инегельдъ ужъ умеръ, и сынъ его Рюаръ, дѣдъ мой, умеръ, а Рулавъ — отецъ былъ кемпе у воеводы Свенельда, и женился на полянкѣ, и мать моя умерла, родивъ меня. И жилъ я съ древней-древней прабабкой Ингеборгой, а она давно-давно пришла къ прадѣду моему Инегельду. И сталъ и я кемпе у князя Святослава. И вотъ хожу въ его дружинѣ уже третій годъ... И много земель обходилъ я съ княземъ, а дорогу въ землю Тулѣ по сю пору не знаю... Только слышу: поютъ птицы про нее, да самъ знаю про нее — и пою, и вижу ее, а гдѣ она — не знаю.

Фрелофъ все это говорилъ тихимъ, затаеннымъ голосомъ, полузакрывъ глаза, идя своей быстрой привычной поступью, забывъ дѣлать отмѣтины на деревьяхъ. Вельмудъ жадно слушалъ его. Вдругъ Вельмудъ остановился. Онъ тихо засвисталъ. Звонкое ржанье раздалось изъ-за чащи деревъ.

— Пришли? — точно опомнившись, широко раскрылъ глаза Фрелофъ и тоже остановился.

Вельмудъ раздвинулъ густую поросль кленовъ и, согнувшись, исчезъ въ небольшомъ темномъ отверстіи. Фрелофъ послѣдовалъ за нимъ. Они, какъ будто, нырнули подъ землю и потомъ оба выпрямились. Громкое веселое ржанье лошади, раскатисто пробуждая отклики эха, раздалось имъ навстрѣчу.

Въ пещерѣ было темно. Но изъ отверстія, въ которое они вошли, черезъ густую поросль, застилающую его, — все же пробивался свѣтъ солнца; и привычными въ сумеркахъ глазами можно было разсмотрѣть въ дымкѣ полумрака вороного коня. Испуская свое радостное привѣтствіе, конь приблизился къ Вельмуду.

Молодой изгой принякъ на мгновеніе къ тонкой мордѣ лошади. Она замахала хвостомъ и опять заржала. Фрелофъ пристально посмотрѣлъ на коня, потомъ на отверстіе, въ которое они вошли въ пещеру. Отъ просвѣтовъ между заграждавшими его снаружи вѣтвями поросли казалось, что оно закрыто рѣшеткой. Фрелофъ сразу понималъ, какъ глубоко и тонокъ конь, если Вельмуду удалось втянуть его въ пещеру черезъ такое отверстіе. Впрочемъ, даже во тьмѣ можно было разглядѣть тонкія ноги, длинную шею и поджарое, какъ у гончей собаки, туловище коня.

Конь и Вельмудъ долго стояли, прижавшись другъ къ другу, въ полутьмѣ пещеры. Конь пересталъ ржать. Теперь онъ только тихо и мѣрно махалъ хвостомъ и слегка извивалъ свою шею, касаясь ноздрями щекъ Вельмуда. Очевидно, воръ и краденое ужъ сжились. Фрелофъ смотрѣлъ на нихъ, потомъ тихо сказалъ:

— Теперь я знаю, гдѣ. Пойду къ князю.

Но Вельмудъ оставилъ коня и подошелъ къ воину Святослава.

— Можетъ-быть, ты хочешь ѣсть? У меня здѣсь есть травы и корни, сладкіе и сочные, есть орѣхи и ягоды... Я и онъ,—Вельмудъ указалъ на коня:—питались ими эти дни.

Онъ взглянулъ въ уголъ пещеры. Тамъ, дѣйствительно, все это было небрежно набросано и стояла посудина съ водой. Посудина была сдѣлана изъ коры.

— Вонъ и вода, я нашелъ вблизи ключъ и сдѣлалъ берестовую чашу,—говорилъ Вельмудъ Фрелофу.

Юный воинъ отрицательно покачалъ головой.

— Ъсть я не хочу. Мы съ княземъ ѣдимъ разъ въ день, послѣ того, какъ солнце станеть надъ нашими головами, на самомъ верху неба,—сказалъ онъ.—Ключевой воды я выпью и, пожалуй, прилягу немного отдохнуть. Князь не сказалъ, чтобъ я торопился. А ты самъ ѣшь и корми коня,—прибавилъ онъ.

Вельмудъ горько тряхнулъ головой и вымолвилъ:

— Конь безъ меня знаетъ, гдѣ шипа и вода. Онъ ужъ, небось, ѣлъ и пилъ. Ишь какъ весело ржалъ. А мнѣ ѣда нейдетъ на умъ!

Вельмудъ послѣдовалъ примѣру Фрелофа и также опустился на землю. Конь стоялъ надъ нимъ, наклоняя голову и касаясь мордой его плеча.

— Слушай, правнукъ Инегельда! Видѣлъ ты и слышалъ все, что было со мной, когда вы съ княземъ вышли на берегъ Горыни?—вдругъ, съ сильной, глухой болью въ голось, вымолвилъ бѣглый изгой.

— Видѣлъ и слышалъ все,—тихо отозвался Фрелофъ.

— Знаешь ты, что такое лада? Есть у тебя лада? Молодь ты! Но и ты ужъ воинъ! Есть у тебя лада?—продолжалъ Вельмудъ.

Фрелофъ молчалъ, опустивъ лицо въ землю. Потомъ тихо-тихо заговорилъ:

— Нѣтъ у меня лады. А есть въ терему у князя Ярополка, сына князя Святослава,—а онъ еще моложе меня,—жена молодая. Взялъ ее въ полонъ князь Святославъ въ далекой странѣ греческой. Молилась она тамъ, какъ и другія дѣвушки, въ далекомъ храмѣ, монахиней ее тамъ звали. Взялъ ее князь Святославъ въ полонъ и привезъ ее сыну Ярополку въ жены. Ибо красоты она невиданной. Видѣлъ я ее въ теремѣ княжескомъ—сидитъ она, тоскуетъ въ терему. И молится она своему Богу, какъ молилась Ему старая княгиня Ольга. И хочеть этому Богу молиться мужъ ея, юный князь Ярополкъ. И хочу этому Богу молиться и я... и ужъ молюсь я этому Богу тихими ночами, да не окунувшись въ купель, да не надѣлъ только еще креста, какъ и князь Ярополкъ не окунулся и не надѣлъ... Не хочеть, чтобъ мы молились Богу старой княгини и молодой княгини, князь Святославъ и вся его дружина... Молится ли ночами Богу молодой княгини мужъ ея, князь Ярополкъ,—не вѣдаю, а я молюсь этому Богу... узналъ я этого Бога... Есть въ Киевѣ тѣ, что молятся Ему—научили меня. Молюсь я Ему ночами, чтобъ указалъ Онъ мнѣ, гдѣ найти путь-дорогу въ счастливую землю Тула. Узналъ бы я эту дорогу и пропѣлъ бы о томъ, какъ найти ее, пѣсню молодой княгини. И нѣтъ у меня лады, и не надо мнѣ лады!

И точно въ глубокомъ, тихомъ отчаяннѣ Фрелофъ умолкъ. Молчалъ и Вельмудъ. Тихо стоялъ и конь надъ нимъ; молчала и вся пещера, полутемная, просторная, точно пустой таинственный храмъ.

И вдругъ Фрелофъ звучнымъ, молодымъ голосомъ запѣлъ... И откликнулась, и въ тонъ ему гудѣла пещера тихимъ, печально-однообразнымъ эхомъ. Странную пѣсню пѣлъ Фрелофъ. Въ ней говорилось о Тула-землѣ, и о золотомъ морѣ, и о юной греческой монахинѣ, и о юной княгинѣ, и о распятомъ Богѣ, и о литицѣ-пѣвунѣ, которая знаетъ, гдѣ путь къ Тула-землѣ...

Недвижно, широко раскрывъ глаза, слушалъ Вельмудъ эту не совсемъ понятную ему пѣсню... И казалось Вельмуду, что онъ сейчасъ зарыдаеть, потому что Фрелофъ пѣлъ какъ будто и о Русавѣ, хотя ея имя и не поминалось въ его пѣснѣ, и о немъ, изгой-ворѣ, Вельмудѣ, хотя и его, Вельмуда, имя не слышалось въ пѣснѣ... Особенно это казалось Вельмуду, когда Фрелофъ пѣлъ о Богѣ старой киевской княгини и молодой княгини-гречанки, о распятомъ Богѣ, за Которымъ шли всѣ нищѣ, всѣ рабы...

Долго пѣлъ Фрелофъ. Наконецъ умолкъ. И Вельмуду стало страшно. Ему вдругъ показалось, что онъ громко зарыдаеть на всю пещеру...

XIX.

Встрѣча князя.

Тишина, наступившая вслѣдъ за словами Святослава, что онъ пришелъ самъ на полюдь, въ Ольжичи, длилась нѣсколько мгновеній.

Первый оправился отъ неожиданности старшина Го-

динъ. Низко склонившись, почти до земли, станомъ, онъ медленно и истоиво побилъ челою князю и, поднимая отъ земли свою сѣдую голову, вымолвилъ трепетнымъ отъ счастья голосомъ:

— Хлѣбъ-соль, княже, на твоей землѣ.

И эти слова точно дали исходъ накопившемуся въ толпѣ настроенію.

— Хлѣбъ-соль, княже! Хлѣбъ-соль, княже!—загудѣли ольжичане, низко кланаясь, громкимъ, полнымъ еще недоумѣнія, но уже ликующимъ говоромъ, который постепенно перешелъ въ оживленные, приветственные крики.

Только Недыха и Баюмъ не кричали. Старуха впаала въ какую-то безмолвную радость при видѣ Русавы. Изъ глазъ ея текли слезы, и она, беззвучно шевеля губами отъ волненія, не вытирала ихъ.

У Баюма только на мгновеніе захватило духъ отъ радости. Зоркіе глаза его быстро окинули жаднымъ взглядомъ всѣхъ сопровождавшихъ князя. Ему показалось, что онъ узналъ среди нихъ Владана. Въ его головѣ вспыхнула пріятная, хотя и поразившая его мысль: неужели боги увлекли въ эту ночь его Русаву, чтобы привести ее къ настоящему ея жениху?

Князь же Святославъ взялъ за руку Русаву, которая, блѣдная и трепетная, какъ приговоренная къ смерти, стояла близъ него, и, подводя ее къ Годину, сказалъ:

— Спасибо, старикъ! Спасибо, люди! Узналъ меня, что-ль, старикъ? Вонъ боги выслали твою внучку навстрѣчу мнѣ, чтобъ повела князя въ ея родное село!

Святославъ произнесъ эти слова строго и властно, какъ будто напиралъ на значеніе не только того, что сказалъ, но и того, о чемъ не желалъ никакого намека.

Дружина поняла его молчаливое приказаніе. И Владанъ это понялъ. Хмурый и блѣдный, но спокойный стоялъ онъ въ кругу дружинниковъ.

Онъ узнавалъ въ толпѣ ольжичанъ своего отца и другихъ близкихъ родичей, видѣлъ, что отецъ и нѣкоторые другіе земляки, бывшіе еще недавно при немъ въ Киевѣ съ торговымъ обозомъ, узнаютъ его; но онъ не двигался. Онъ зналъ, что когда князь говорилъ, да еще со старшиной рода, непристойно никому и ничѣмъ мѣшать. Чувствовали это и его родичи, узнавшіе его. Простые, наивные ольжичане были въ то же время очень чутки.

— Узналъ меня, старый?—снова спросилъ князь Годину, не выпуская трепетной руки его внучки изъ своей сильной, темной руки.

— Гдѣ же узнать, княже! Отрокомъ юнымъ ты былъ... Помню старца Асмуда у стремена твоего. Помню родительницу твою мудрую,—говорилъ, опуская низко голову, Годинъ, и вдругъ на послѣднихъ словахъ голосъ его точно ослабѣлъ и оборвался... Онъ умолкъ.

— Умерла моя мать!—сурово сказалъ князь.

Брови его сдвинулись, лицо нѣсколько поблѣднѣло. Рука непроизвольно, до боли, сжала руку Русавы.

— Умерла? Къ богамъ отошла?—вдругъ вырвалось изъ устъ стараго Година.

Эта вѣсть еще не дошла до Ольжичей.

— Къ своему Богу отошла мать моя! Къ греческому Богу!—сурово и настойчиво произнесъ Святославъ и еще больнѣе сжавилъ руку Русавы. Онъ точно совершенно забылъ, что держитъ эту руку въ своей рукѣ.—Умерла моя мать!—повторилъ онъ.—Раздѣлилъ я землю свою между сынами своими и пошелъ на Дунай-рѣку. Туда течетъ ко мнѣ все добро земли, отъ грековъ, чеховъ, угровъ и Руси! Но хотѣлъ зайти въ тѣ мѣста, гдѣ отрокомъ съ матерью станомъ стоялъ. И сказалъ я Владану-дружиннику: «веди къ твоему роду-племени Годинову! Иду на полюдь да и на погошенье туда, гдѣ мать моя, урядъ древянамъ твоя, со мной отрокомъ гостила, отдыхъ держала!»

И, словно только тутъ вспомнивъ о Русавѣ, Святославъ продолжалъ:

— Къ своему Богу отошла мать. И наши боги насъ

Смертный бой. Съ картины А. Вьрушь-Новальскаго грав. Бонгъ.

не оставляютъ. Первую вашу красавицу, надо быть, выслали князю навстрѣчу, бери ее дѣдь, веди ее къ матери въ теремъ! Да не спрашивайте дѣвицу ни о чемъ! Про все, какъ мы съ ней встрѣтились, свидѣлись, самъ тебѣ, старикъ, расскажу... Такъ и скажи отцу, матери: ни о чемъ пусть не спрашиваютъ дочку: князь-моль велѣлъ! И Святославъ слегка толкнулъ дѣвушку къ Годину.

Все больше дивилась Русава своимъ смущеннымъ сердцемъ тому, что говорилъ ей князь, тому, что онъ дѣлалъ съ ней. Странной добротой вѣяло на нее отъ суроваго, почти страшнаго ей, князя. И теперь, какъ она была благодарна ему за его приказаніе! Что она могла рассказать отцу, матери о томъ, что съ ней случилось? Какимъ горемъ встрѣтила бы ее рассказъ мать, какимъ гнѣвомъ — отецъ! Не разспросовъ хотѣла она теперь, а хотѣла припасть къ кому-нибудь на родную грудь, заплакать, замереть, можетъ-быть, задремать усталой головой на этой груди. И на чьей же груди сдѣлала бы она все это охотнѣе, чѣмъ на груди дѣда, къ которому толкнула ее властно-ласковая рука князя.

Годинъ принялъ молча на свою грудь внучку. Старикъ былъ будто во снѣ. Слова князя, что мудрая княгиня ушла къ своему Богу, потрясли старика еще больше, чѣмъ вѣсть объ ея смерти. Передъ нимъ какъ будто открывалось что-то невѣдомое, отнимавшее у него силы. И хотя князь говоритъ и о милости своихъ боговъ, боговъ его, Година, но уже то, что князь такъ спокойно сурово признавалъ, что душа его матери ушла къ чужому Богу, точно пошатнуло почву подъ ногами Година.

И, будто ища утѣшенія, почти спасенія отъ охватившаго его страха, старикъ крѣпко прижалъ внучку къ своей груди. А Русава такъ и замерла на этой груди — и вдругъ тихо-тихо заплакала, сама не зная — горькими или счастливыми слезами.

А князь веселымъ взглядомъ своихъ стальныхъ глазъ смотрѣлъ на старика и дѣвушку. Къ нему какъ будто возвращалось то настроеніе, рѣдкое и необычное для него, въ которомъ онъ собрался быть сватомъ Вельмуду и Русавѣ, еще не зная, кто она. Но какъ разъ въ это время Баюмъ протѣснился сквозь толпу и, кланяясь князю поклономъ ниже отцовскаго, сказалъ, задыхаясь отъ волненія:

— Отецъ ея, милостивый князь: Баюмъ, Годиновъ сынъ!

Лицо князя вдругъ омрачилось. Холодъ сталью прошелъ по его очамъ; рука крѣпко закрутила длинный косматый усь.

— Баюмъ? Годиновъ сынъ? Русавинъ отецъ? — протянулъ князь медленно и сурово, потомъ пристально посмотрѣлъ на сильно оробѣвшаго Баюма и, отворачиваясь, бросилъ ему небрежно, съ отѣнкомъ гнѣва: — Слышалъ ты: ни о чемъ не спрашивай дочь! Боги ее послали мнѣ навстрѣчу, и не такимъ, какъ ты, проникать въ волю боговъ!

И онъ совсѣмъ отвернулся отъ Годинова сына. Сдержанный, благоговѣйный къ князю гулъ прошелъ по толпѣ ольжичанъ. Очевидно, все зналъ князь, только-что прибывшій въ Ольжичи. Почти тѣмъ же грозно-милостивымъ, всевѣдущимъ Дажбогомъ, за котораго раньше приняла его толпа, показался онъ снова ольжичанамъ. Годинъ невольно поднялъ голову и зорко посмотрѣлъ на сына и на князя. Но князь уже веселымъ звонкимъ голосомъ дожда-отца воскликнулъ:

— А теперь, люди! Принимайте государя-князя! Укажите дружинникамъ, гдѣ разбить ставки — шатры княжіе. И князю надо отдохнуть малость послѣ пути. А когда Дажбогъ-солнышко станетъ надъ самой нашей головой, собирайтесь въ кругъ-раду, помолимся богамъ, совершимъ княжой судъ-урядъ, да и пошуримъ. А ты, Владанъ, ступай къ своимъ — коли здѣсь твой отецъ, спасибо ему за война вѣрнаго!

Князь повернулся къ Владану. Отецъ Владана выступилъ изъ толпы и побить челомъ князю. Князь привѣтливо потрепалъ его по плечу. Потомъ снова обратился къ Годину, отъ котораго Русава все не отходила. Баюмъ, точно испуганный звѣрь, давно скрылся въ толпѣ.

— Укажи же, Годинъ-старшина, гдѣ намъ станомъ стать!

Годинъ пошелъ, не отпуская отъ себя внучки. За нимъ двинулась дружина князя, все съ ладьями на плечахъ, кромѣ Владана, котораго окружили родичи. А за дружиной повалили всѣ ольжичане съ радостнымъ говоромъ и гуломъ. На пути Годинъ знакомъ подозвалъ къ себѣ Недыху. Передавая ей Русаву, онъ шепнулъ:

— Веди къ матери. Помните слова князя!

Недыха торопливо повела Русаву на дворъ Баюма. Молча, обливаясь слезами, встрѣтила дочь жена Баюма. Она вся истосковалась, измучилась. Баюмъ не возвращался домой. Онъ пошелъ съ остальными ольжичанами устанавливать станъ князя.

Недыха рассказала матери Русавы все, чему она была свидѣтельницей. Женщины съ какимъ-то благоговѣніемъ начали смотрѣть на Русаву... Онѣ молча поили, кормили ее, уложили въ постель. Она ничего не ѣла, жадно пила, молчала. И когда голова ея коснулась постели — заснула вдругъ, какъ убитая. Она спала тихая, блѣдная, прекрасная.

XX.

Первая пѣсня Вельмуда.

Фрелофъ спалъ. Онъ спалъ тѣмъ юношескимъ богатырскимъ сномъ, который охватываетъ, послѣ усталости и волненій, тѣло и душу молодого человѣка непобѣдимо. Въ пещерѣ Вельмуда царилъ полная тишина. Вельмудъ не рѣшался будить юнаго воина: такъ былъ хорошъ его сонъ.

Да и Вельмудъ зналъ — проснется Фрелофъ, и уйдетъ къ князю. И останется онъ опять одинъ съ безмолвнымъ товарищемъ, живымъ свидѣтелемъ его преступленія, — конемъ. А въ душѣ молодого изгоя тайлась теперь такая тоска, такая скорбь о себѣ, о Русавѣ, что его теперь пугало одиночество въ пещерѣ, въ глухомъ лѣсу.

«Пусть спитъ», думалось Вельмуду, «пусть видитъ во снѣ княгиню-гречанку, пусть видитъ того Бога, Которому поклонилась мудрая Ольга, про Котораго онъ пѣлъ такія странныя, такія хорошія слова.» И Вельмудъ чувствовалъ, что ему самому мучительно хочется запѣть, запѣть про Русаву, про милостивое солнце-Дажбога, про тоску свою.

И незамѣтно, тихо-тихо, Вельмудъ запѣлъ. Онъ самъ не ожидалъ, что запоетъ. Онъ самъ не зналъ, что поетъ: хорошія ли то были слова, которыя онъ пѣлъ, но они подбирались сами собой. То были слова все о томъ же — о несчастной судьбѣ его и Русавы.

Долго, тихо пѣлъ Вельмудъ, монотонно и грустно. Конь, настороживъ уши, слушалъ. Фрелофъ спалъ, казалось, еще крѣпче, точно подъ колыбельную пѣсню. Не подозрѣвалъ Вельмудъ, что не одинъ конь его слушалъ, что у входа въ пещеру стоитъ человѣкъ съ суровымъ лицомъ и чутко прислушивается.

«— И пришелъ великій господинъ со звѣздой въ ухѣ, и взялъ лебедушку за бѣлыя руки, и повелъ лебедушку ко отцу злomu-селезню. И сказалъ великій господинъ мнѣ, добру-молодцу: жди, добрый молодецъ, судьбы своей горькой. И послалъ великій господинъ ко мнѣ, добру-молодцу, соловья-пѣвцуна, и запѣлъ мнѣ пѣвунъ про княгинина Бога. А и не знаю я, добрый молодецъ, какой этотъ Богъ, а и охота мнѣ, добру-молодцу, провѣдать-узнать. Ахъ, отдай мнѣ, великій господинъ, мою лебедушку бѣлую. И пропой мнѣ, соловей-пѣвунъ, еще и еще о княгининомъ Богѣ... А и не отдастъ, великій господинъ, мою лебедушку бѣлую, а и не споетъ мнѣ больше пѣвунъ-соловей про княгинина Бога; изгрызетъ меня Мара темнокрылая, не спасетъ меня Дажбогъ-солнце свѣдлое!»

Такъ пѣлъ Вельмудъ. И слушалъ его, настороживъ уши, Баямовъ конь, и спалъ, какъ подъ колыбельную пѣсню, молодой воинъ... А самому Вельмуду отъ его пѣсни становилось такъ хорошо, будто въ его истерзанное сердце льется что-то сладостное. Наконецъ, онъ смолкъ.

Въ это мгновеніе входъ въ пещеру потемнѣлъ. Вельмудъ вздрогнулъ и вскочилъ на ноги. Онъ увидѣлъ, что кто-то, какъ гибкая змѣя, скользнулъ въ пещеру. И не успѣлъ онъ опомниться, какъ его привыкшіе къ полутьмѣ пещеры глаза узнали въ человѣкѣ, который скользнулъ въ отверстіе пещеры и выпрямился передъ нимъ, какъ пантера послѣ мягкаго прыжка, великаго господина со звѣздой въ ухѣ.

То несомнѣнно былъ князь Святославъ. Лошадь, вскочивъ въ испугѣ, шарахнулась въ глубь пещеры. Одинъ Фрелофъ не пошевелился. Князь окинулъ взглядомъ пещеру, молча подошелъ къ коню, который испуганно поднялся передъ нимъ, крѣпкой рукой ухватилъ его за морду, задралъ ее, осмотрѣлъ его зубы, потомъ окинулъ его всего взглядомъ. И, отпуская коня, сказалъ:

— Стоило красть. И я бы укралъ.

Потомъ Святославъ подошелъ къ спящему Фрелофу, посмотрѣлъ на него, покрутилъ усы и сказалъ Вельмуду:

— Не буди. Въ его годы я самъ спалъ еще крѣпче.

Молодой изгой стоялъ передъ княземъ, слегка дрожа. Святославъ остановился передъ нимъ.

— Двинулся, что я нашелъ твою пещеру? — сказалъ онъ. — Когда стрижъ, летя по лѣсу, царапаетъ деревья крыломъ, глазамъ ли орла не выслѣдить стрижа!

— Князь! Ты говоришь объ отмѣтинахъ твоего вонна? — тихо спросилъ Вельмудъ.

— Не объ однихъ отмѣтинахъ моего воина. И о слѣдахъ коня, и о слѣдахъ вора, — отвѣтилъ сурово князь. — Если твои родичи не высмотрѣли ихъ, не накрыли тебя, то не князю Святославу прозѣвать ихъ. Гдѣ ступилъ конь хоть краемъ копыта, гдѣ прошелъ человѣкъ хоть мизинцемъ ноги, тамъ око князя Святослава видитъ на локоть подъ землю, на сто локтей вокругъ!

Сказавъ это, Святославъ опустился на мшистую почву пещеры и сѣлъ въ привычную позу челоуѣка, рѣдко сидящаго иначе, чѣмъ прямо на землѣ. Вельмудъ стоялъ подавленный.

— Сядись, молодой изгой! — сказалъ князь спокойно и какъ будто мягче.

Вельмудъ тихо опустился на землю противъ князя.

— Спасибо за пѣсню-былгину! — продолжалъ князь, грутя усы. — Всю твою пѣсню выслушалъ. Хоть и слышалъ отъ тебя раньше про то, что пѣлъ ты, да въ пѣснѣ всякое слово, точно воинъ въ бронѣ: — простое слово рукой брать, въ пѣснѣ оно копьемъ разить.

Святославъ умолкъ въ суровой и какъ будто глубоко-грустной задумчивости.

— Прости, князь, впервые пѣлъ, — глухо вымолвилъ Вельмудъ. Но князь какъ будто не слушалъ его.

— Про бѣлую лебедушку ты пѣлъ, — заговорилъ онъ также глухо и совсѣмъ сурово. — Что повелъ я ее къ селезню-отцу?.. А слыхалъ ты, молодой пѣвунъ, про Малку, жену мою? Слыхалъ ты, какъ прогнѣвалась мать моя на Малку-ключницу за любовь къ князю Святославу? Какъ отослала во гнѣвѣ Малку въ село Будутипо, гдѣ родился сынъ мой Володимерко? Слыхалъ ты про то, молодой пѣвунъ?

Смутные слухи обо всемъ этомъ давно доходили до Ольжичей, черезъ торговыхъ обозныхъ людей — дошли и до Вельмуда.

— Слыхалъ, князь, — тихо отвѣтилъ онъ.

— Въ ту пору самъ бы я спѣлъ пѣсню про Малку, да про себя, — тихо молвилъ князь. — Да не пѣть орлу соловьемъ, не чирикать соколу чижомъ. И про Бога княгинина бы спѣлъ. Не отъ отрока безусаго, какъ ты, слышалъ я про Бога того, — кинулъ князь косой взглядъ

на спящаго Фрелофа: — отъ самой моеи мудрой матери не разъ про того Бога слыхалъ. Дивный этотъ Богъ — намурилъ очи Святославъ. — Да не орлу коггистому во слѣдъ за Богомъ тѣмъ летѣть... Окружаютъ орла соколы-коршуны... Куда взмоетъ онъ крыломъ, тамъ и они добычу ему когтятъ. Полетитъ онъ отъ нихъ къ новому Богу, — подберутъ когти и соколы-коршуны, закричатъ — зашумятъ на орла — вождя... Не орлу-вождю, вонъ и соловью-пѣвуну пѣсни свои про новаго Бога прятать приходится, ворами-изгоями въ пещерѣ пѣть. Давно вѣдомо мнѣ, что шушукается Рюаровъ внукъ съ княгининими бабами по теремамъ, таясь про то отъ дружины... Суровъ сердцемъ князь Святославъ, да и у него сердце дуришь порой. Вотъ этакому мальчишкѣ все простить князь Святославъ.

Мрачный взглядъ князя опять скользнулъ по спящему юношѣ. Святославъ точно гнѣвался на самого себя.

— Только къ немногимъ милостивъ князь Святославъ — не ко всякому. Слушай, воръ-изгой! смотри мнѣ въ очи — прямо смотри! — князь вперилъ свои и въ полумракѣ пещеры стальнымъ отсвѣтомъ блеснувшіе глаза въ глаза Вельмуда.

Вельмудъ не опустилъ глазъ.

— Нынѣ же, когда солнце станетъ надъ нашими головами, когда Дажбогъ взвѣдетъ на колесницѣ на самый верхъ неба, сядись на краденаго лихого коня, скачи въ родное село, въ кругъ-раду, предстань предъ княжеское око на судъ-расправу! Прискачешь, молодой изгой?

— Прискачу, тихо и твердо отвѣтилъ Вельмудъ, не поникая взглядомъ передъ взоромъ князя, такъ и впишавшагося въ него очами.

— А не лучше-ль тебѣ, молодой изгой, ускакать на конѣ куда глаза глядятъ, судьбы новой поискать? Доскачешь до людей, за коня деньги хорошія дадутъ. А лѣтомъ по полямъ-лѣсамъ кто самъ другъ съ конемъ не прокормится? И до Овруча отсѣлъ не за море скакать, да и до Кіева-града — не за Дунай-рѣку. А и никто тебя не сторожить, не ловить. Въ томъ княжее слово!

И, сказавъ это, Святославъ еще пристальнѣе впился взоромъ въ очи Вельмуда.

— На судъ-расправу твою прискачетъ воръ-Вельмудъ, князь! Отдастъ коня Баяму. А ты суди-казни! — опять выдерживая взглядъ Святослава, еще тверже отвѣтилъ изгой.

Князь молча всталъ. Онъ оглядѣлъ пещеру. Замѣтивъ въ углу ея наваленные корни, травы, ягоды и берестяной сосудъ съ водою, онъ подошелъ къ этому углу, загребъ руками нѣсколько травъ, корней, ягодъ, осмотрѣлъ ихъ и началъ ѣсть. Сѣвъ пригоршней пять этого скуднаго питанія бѣлаго изгоя, онъ сдѣлалъ сильный глотокъ воды, потомъ выпрямился, погладилъ руками по груди и сказалъ весело:

— Вотъ и сытъ князь Святославъ. Пора и въ Ольжичи. Небось переполнились тамъ. Тайкомъ отъ всѣхъ ушелъ. Не бойся. Коли князь Святославъ захочетъ тайкомъ уйти, муха его не выслѣдитъ. Затѣмъ и ушелъ, чтобы сказать тебѣ: колъ охота, скачи на судъ-расправу; — колъ охота...

— На судъ твой, расправу прискачу, князь! — перебилъ его Вельмудъ.

— Помни же, — настойчиво сказалъ князь: — какъ будетъ солнышко совсѣмъ наверху неба... Ждать буду! — И онъ быстро пошелъ къ выходу изъ пещеры. — А этого соловья, — на ходу указалъ онъ на Фрелофа: — не буди! И ни слова ему, что я былъ у тебя.

Святославъ подошелъ къ самой отверстію пещеры. Потомъ вдругъ вернулся внутрь ея, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ коню, опять ухватилъ его за морду, посмотрѣлъ испуганному коню въ зубы, въ глаза, хлопнулъ его по груди, и снова рѣзко повторилъ свои прежнія слова:

— И я бы укралъ!

И опять быстро своими упряго-скользящими шагами пошелъ онъ къ выходу изъ пещеры. И, опять остановившись у самаго отверстия, повернулся и сказалъ Вельмуду:

— Такъ слыхалъ, какъ мудрая княгиня Малу, Добрынину сестру, въ Будутино въ гнѣвѣ устала? Какъ это ты пропѣлъ-то: «Ахъ, отдай мнѣ, великій господинъ, лебедушку бѣлую?» Прискачешь на судъ-то-расправу на лихомъ конѣ?

И не успѣлъ Вельмудъ отвѣтить, князь выскользнулъ въ отверстіе пещеры. Вельмудъ выбрался вслѣдъ за нимъ. Но когда онъ поднялъ голову, Святослава не было. Онъ исчезъ мгновенно, безъ всякихъ слѣдовъ, точно онъ приснился Вельмуду.

Но Вельмудъ не спалъ. Онъ стоялъ передъ пещерой между деревьевъ, онъ видѣлъ синее, яркое небо и на немъ Дажбога-солнце, которое значительно подвинулось къ высшей точкѣ, къ тому мѣсту, гдѣ былъ, какъ говорилъ князь Святославъ, самый верхъ неба.

XXI.

Княжья правда.

Въ Ольжичахъ былъ переполохъ.

Послѣ ухода Святослава въ шатеръ, полы шатра закрылись, Годиный и Баюмъ пошли къ себѣ, ольжичане понемногу разбрелись, и все затихло около княжескаго стана. Одинъ изъ стражниковъ подошелъ къ княжеской палаткѣ и, желая убѣдиться, заснулъ ли князь, заглянулъ въ нее. Князя тамъ не было. Палатка была пуста. Стражникъ обошелъ ее кругомъ, обошелъ другіе шатры. Князя нигдѣ не было. Нѣкоторые дружинники не спали. Стражъ сказалъ имъ, что князь исчезъ.

Кто-то изъ ольжичанъ, пораженный этой вѣстью, бросился въ Ольжичи, и скоро отовсюду повалила къ шатрамъ толпа. Старшіе дружинники были недовольны, что эта вѣсть разнеслась и подняла шумъ. Въ это самое время къ стану подошелъ Годиный.

Старикъ уже изъ говора вокругъ понять, въ чемъ дѣло. Когда онъ увидалъ у одной ставки хмураго, но спокойнаго Владана, онъ сдѣлалъ шагъ къ жениху Русавы и сказалъ:

— Молви, Владанъ-воинъ, искать, что-ль, князя государя, всѣмъ народомъ искать?

— Вразуми ты ихъ, дѣдъ Годиный, — отвѣтилъ ему Владанъ: — не съ чего полошиться, шумъ держать. Не вѣдаете вы обычай князева. Обычай князевъ — уйти, скрыться изъ стану, никому и не померещиться, что ушелъ... И придетъ такъ же—никто не увидитъ, не замѣтитъ. Одно слово—барсъ нашъ князь. Ищи, не ищи—не услѣдишь князя, пока самъ не придетъ.

Такъ говорилъ Владанъ Годиному. И толпа, которая мало-по-малу собралась около нихъ, слыша эти слова, стала затихать, успокаиваться.

— Придетъ батюшка-князь, придетъ, моль! — раздались радостные голоса, точно голоса дѣтей, узнавшихъ, что ихъ не броситъ тотъ, кому раскрылись ихъ дѣтскія сердца.

Придетъ князь-государь, придетъ! — громко возгласилъ и Годиный. Пойдемте, люди, на кругъ-раду. Солнце ужъ близко къ верху неба, назначилъ князь свой судъ-урядъ о ту пору, тамъ и дождемся князя. Туда, небось, и придетъ свѣтлый.

Такъ говорилъ Годиный и направился подъ священное дерево боговъ. И толпа ольжичанъ, волнуясь и шумя, хлынула за нимъ. Пошла и дружина, безъ копій, съ одними мечами у бедеръ, на лужайку подъ священное дерево. Только стражники остались у шатровъ.

Когда всѣ дошли до лужайки, ольжичане плотнымъ кругомъ оцѣнили все пространство у священнаго дерева. Дружина стала позади самаго дерева, старшіе воины и между ними Владанъ — впереди другихъ. Годиный же вошелъ подъ сѣнь дерева и сталъ возлѣ камня, который лежалъ подъ этой сѣнью передъ дубомъ. Опершись на

посохъ, Годиный поднялъ глаза на небо и слѣдилъ за солнцемъ. И всѣ смотрѣли на небо.

Дажбогъ, свѣтлый и ослѣпительно-яркій, двигался на своей невидимой колесницѣ, на своихъ трехъ невидимыхъ коняхъ, и вся лазурь неба таяла въ его блескѣ. Чувствовалось, что нѣтъ мѣста ничему злему, никакой Марѣ, какъ бы она ни была властна, когда солнце такъ величественно-ярко, когда небо такъ благостно-лазурно. И всѣ смотрѣли на небо, на солнце, и ждали часа, когда назначилъ князь свой судъ.

И дѣйствительно, солнечный шаръ подходилъ къ самому верху неба, надъ головами Година, ольжичанъ, воиновъ, когда вдругъ изъ глубы дубовой рощи, зади священнаго дерева появился Святославъ. И не успѣли всѣ опомниться, онъ очутился на камнѣ, подъ священнымъ деревомъ. Онъ былъ съ обнаженной головой. Рука его покоилась на мечѣ. Выставивъ впередъ ногу на невысокомъ камнѣ, онъ слегка приподнял руку и, какъ разъ въ то мгновеніе, какъ по толпѣ пронесся радостный, ликующій гулъ, громко сказалъ:

— Помолись, старшина Годиный, Дажбогу великому! Да прольетъ на насъ лучи свои, да дастъ намъ правду свою!

Гуль замеръ. Годиный воздѣлъ руки и произнесъ воззваніе къ богу. Солнце точно услышало это воззваніе. Легкое облачко, перистое и бѣлоснѣжное, на мгновеніе заслонило его. И въ ту минуту, какъ Годиный воздѣлъ руки къ солнцу и князь Святославъ поднялъ свои холодно-ясныя очи на свѣтло—облако точно растаяло. Солнце зардѣлось всѣмъ своимъ блескомъ на зенитѣ. Взрывъ радостнаго гула снова загудѣлъ вокругъ священнаго дерева, точно то загудѣла по небеснымъ сводамъ колесница Дажбога. Но голосъ князя опять покрылъ этотъ гуль. Все стихло, когда зазвенѣлъ этотъ суровый стальнаго голоса.

— Люди!—говорилъ князь, стоя на камнѣ, подъ священнымъ деревомъ:—пришелъ къ вамъ князь вашъ судъ-правду держать. Пришелъ нѣкогда родичъ мой Олегъ-Вѣщій въ страну вашу древлянскую и покорилъ ее роду моему, и ставилъ городища въ вашей землѣ, и брать дани себѣ и отцу моему, малолѣтнему въ тѣ поры. И умеръ Вѣщій Олегъ, отошелъ къ богамъ. И остался отецъ мой съ матерью моею, и встала ваша земля на отца моего. И лютой смертью погубила отца моего. И отказала въ данихъ матери моеи. А восхотѣлъ вашъ князь Малъ поять въ жены мать мою. И помстила моя мать горько вашему князю и мужамъ его. И пошла по землѣ вашей, и положила съ васъ двѣ части дани: Кіеву на мою князеву долю, да одну часть Вышгороду, на свою вдовью долю. И положила ту дань въ мѣхахъ, въ медѣ. И положила она уставы и уроки на васъ, и погесты, и оброки, и повозы. И блюли всѣ мѣста древлянскія завѣтъ матери моеи. И дань въ Кіевъ и Вышгородъ слали, и гдѣ княгини, а въ ея тѣны на полюдье, на судъ-урядъ въ нихъ шли, оброки имъ на прожитіе несли, и гдѣ княжескія стоянки были, погонцы, погосты несли и всѣ ея уставы, уроки блюли. И на семь мѣстъ становище матери моеи было—да стало село ваше позже. Позже сѣлъ Годиновъ родъ на мѣстѣ здѣсь, гдѣ, помню, отрокомъ съ матерью на ловницѣ и я сидѣлъ. И не было княжаго полюдья къ вамъ досель. Правилъ вы безъ полюдья всѣ дани, оброки. И мѣха, медъ слали въ Кіевъ, Вышгородъ, и воевъ мнѣ, князю. И бью челомъ за то старшинѣ Годиному и всѣмъ вамъ, люди ольжичанскіе. И померла моя мать, немного дѣтъ тому. А и правилъ я, князь вашъ, при ней, да больше войной, походами. Нашелъ я середку земли моеи—Переяславецъ-городъ, и сѣлъ я тамъ съ дружиной, ратью моеи. Да пришли печенѣги, сѣли округъ Кіева-града, учинили боль матери моеи, сынамъ моимъ, и пошелъ я въ Кіевъ-городъ, и прогналъ злыхъ печенѣговъ, и засѣлъ въ Кіевъ-градѣ, да не любо стало мнѣ тамъ. Не среда тамъ земли моеи.

Лотосъ. Съ картины Н. Зихеля грав. Бонгъ.

И умерла тутъ мать моя, княгиня мудрая Ольга. И вошли сыны мои въ возрастъ-ростъ. И подѣлилъ я землю промежъ нихъ. И отдалъ вашу землю древлянскую Олегу сыну. И пришелъ самъ сказать вамъ, всѣмъ древлянскимъ людямъ, правьте Олегу, сыну моему, какъ правили матери моей, всѣ уставы, уроки, всѣ погосты, повозы, всѣ дани, сборы. И не забуду я васъ въ середѣ земли моей, на Дунаѣ-рѣкѣ. Молодъ еще князь Олегъ, въ Кіевѣ остался онъ, а тамъ въ Искростенѣ сидеть—большомъ городищѣ древлянскомъ, гдѣ и князь Малъ вашъ сидѣть. Да годъ, другой и совсѣмъ въ возрастъ придетъ, можетъ, и къ вамъ на полюдь придетъ—примите сына, какъ отца принимаете. А чтобъ не забыли и отца, что дитятей съ матерью подъ этими дубами на стану стоятъ, и пришелъ я къ вамъ. Коли кому нужда въ княжьей правдѣ,—выходи впередъ, говори свое челобитье. Али просьба какая! Али иное что! Выходи, говори! Вонъ со старшиной вашимъ, Годиномъ, посудимъ, порядимъ—никого въ обидѣ не оставимъ. Выходите, люди!

Князь говорилъ долго, медленно. Какъ стальная труба, гудѣть его голосъ. Стѣной вытянулась сзади его дружина. Старшина Годиный стоялъ рядомъ у камня, и, слегка наклонивъ сѣдую голову на-бокъ, внимательно слушалъ слова князя. И священный дубъ неподвижно въ безвѣтреномъ воздухѣ осѣнялъ князя и старшину своими густолиственными вѣтвями. Тишина царилъ постѣ рѣчи князя. Точно вся толпа ольжичанъ впадала въ долгое раздумье. И въ этой тишинѣ раздавался тихій старческой голосъ Година:

— Дѣти, выходи на судъ, на правду княжью.

И тогда изъ толпы выступило нѣсколько человѣкъ, тихо и нерѣшительно. Князь сѣлъ на камень подъ дубомъ. Положивъ мечъ на колѣни свои, онъ вперилъ свои ясныя очи въ тѣхъ, кто подходилъ къ нему. Исканіе его суда, его княжьей правды—дѣлали шагъ впередъ, отвѣщивали поклонъ и медленно, съ остановками излагали то, чему они искали правды. Князь неподвижно вслушивался, подперевъ голову рукой, опертой о колѣно, покоя другую руку на мечѣ. Годиный, опираясь на посохъ, стоялъ сзади него.

Первый подошелъ къ князю старый ольжичанинъ. Побивъ челомъ, онъ потребовалъ правды на старшину Година. Ни одна морщина не дрогнула на лицѣ стараго Година, когда онъ слышалъ изъ устъ своего родовича жалобу князю на него.

— Свѣтлый княже,—говорилъ старый ольжичанинъ:—былъ у меня единый сынъ. И нашли моего сына въ лѣсу темномъ—съ челомъ, разрубленнымъ топоромъ. Пошелъ мой сынъ съ товарищемъ лѣсъ рубить, да въ споръ вошли, кому въ семью одно, самое большое, дерево срубить—сыну-ль моему, товарищу-ль его. А поспорили, разгорѣлись молодцы—пошли топоры въ ходъ—и палъ мой сынъ. И пришелъ его товарищъ и самъ повинился: моль, въ спорѣ-ссорѣ дѣло было. И судилъ Годиный-старшина: не мстить мнѣ, отцу, за сына, а взять виру простую въ сорокъ гривенъ. Покорился я Годиному-старшинѣ, взял виру, а самъ только тебя, свѣтлаго, ждалъ: развяжи мнѣ руки на убійцу сына, дай кровью помстить ему!

Старикъ дрожалъ отъ злобы, говоря все это. Во время его рѣчи изъ толпы ольжичанъ выступилъ молодой паренъ, худой и блѣдный. Молча и понуро сталъ онъ въ отдаленіи отъ жалобщика.

— Ты въ крови повиненъ?—кратко и рѣзко спросилъ его князь.

Убійца молча еще ниже опустилъ голову.

— А виру отдашь?— снова спросилъ князь.

— Отдашь, княже: село за меня отдало,—глубоко вздохнулъ виновный:—а я отработывалъ, съ поля на поле шелъ.

— Въ ссорѣ-спорѣ убилъ?

— Въ ссорѣ-спорѣ, княже.

— И на тебя топоръ занесъ тотъ, кого убилъ?

— Занесъ, княже.

— А послухи-свидѣтели есть?

— Трое видѣли, княже. Трое товарищей. Сказывали Годиному. Одинъ-то изъ нихъ померъ, княже. А двое—вотъ они.

Убійца указалъ на двухъ вышедшихъ вслѣдъ за нимъ изъ толпы ольжичанъ.

— Видѣли?—сурово спросилъ ихъ князь.

— Видѣли, княже. Въ ссорѣ дѣло было. Оба въ топоры пошли,—въ одинъ голосъ заявили послухи.

Князь навилъ свои густые усы на пальцы той руки, на которую опирался его подбородокъ, задумался, закрылъ глаза и, вдругъ открывъ ихъ, суровые и рѣшительные, сказалъ, точно отрубилъ:

— Княжьа правда, что Годинова правда. Нѣтъ тебѣ, старикъ, кровной мести! Взялъ ты виру, да и въ ссорѣ, взыанное было дѣло.

— Отецъ я, свѣтлый князь!—возошлъ жалобщикъ.—По обычаю крови требую. И виру ему отдамъ. И вира-то не его была. Гольшигъ онъ, пресвѣтлый князь. Селомъ всѣмъ заплатили за него—дикую виру взяли съ него!

— А куда ты виру дѣлъ?—вдругъ рѣзко спросилъ жалобщика князь.—Отослалъ въ казну мою, въ Кіевъ?

Жалобщикъ смутился.

— У себя оставилъ? А какъ по уставу матери моей? Князю виру платить,—а не родичу за убитаго... Есть вина старшины Година, да не въ томъ вина, въ чемъ ты винишь. Князю надо было виру отослать, а не родичу отдать...

— Княже, въ старину родичи брали виру,—тихо сказали Годиный.

— Въ старину ради виры и убивали. Самъ же родичъ подучитъ убить. да самъ же и виру возьметъ съ простака. Князю убойную виру отдавать надо,—чтобъ ничьи глаза на нее не зарились. Отдай мнѣ, князю твоему, гривны, что вирой взялъ—и не проси крови-мести за сына твоего. Въ ссорѣ-спорѣ было!—рѣшительно объявилъ Святославъ и вперилъ суровыя повелительныя очи въ жалобщика.

Старый ольжичанинъ дрогнулъ.

— Отдамъ я тебѣ, княже, гривны. Дай только мнѣ кровь-месть на него!—умоляюще простоналъ онъ, указывая на убійцу, который стоялъ между двухъ свидѣтелей, понурый и безмолвный.

— Нѣтъ тебѣ крови-мести. Принеси мнѣ въ шатеръ мой виру и отыди отъ князя!—неуклонно произнесъ Святославъ, и такимъ взглядомъ глянулъ на просителя, что старикъ потупился, согнулся и пошелъ въ толпу медленнымъ шагомъ.—Ступай и ты,—еще болѣе сурово приказалъ Святославъ убійцѣ:—не проливай крови. Не заставляй село платить за нее. Ваня кровь нужна князю. А дѣти—отцамъ-дѣдамъ. Огорчилъ ты старика-отца.

Убійца со свидѣтелями удалился въ толпу еще медленнѣе, чѣмъ его обвинитель. А князь вдругъ обратился къ Годиному болѣе мягко, но такъ же неуклонно и твердо:

— Не виню тебя, старшина Годиный. Въ глуши живете, не всякій княжій уставъ доходитъ до васъ. Помни же этотъ уставъ: убойная вира не родичу, а князю! Да будетъ отнынь такъ и въ Ольжичахъ. Не пристало за кровь свою родичамъ деньги брать, а князь беретъ за кровь, что въ бою за землю его, за людей его, нужна ему! Князю убойную виру, родичу кровную месть—да поменьше и кровной мести: развѣ за самое злое убійство сына али брата... Щадите кровь, люди!

Молча слушали рѣшеніе княжьей правды старшина Годиный и толпа ольжичанъ. Совсѣмъ еще родовые были въ Ольжичахъ судъ и кара. А въ судѣ и правдѣ Святослава чувалось ужъ иное начало, общинное, государственное...

(Продолженіе будетъ.)

Буридановъ осель.

Разсказъ К. Вильденштейна.

— Гьфу, пронасть!.. Что за огромная лужа!.. — проговорилъ пассажиръ, указывая рукой на Атлантическій океанъ.

— Да, лужа... согласился я:— но нельзя сказать, что ощущаешь особую гордость, сознавая себя не болѣе, какъ инфузоріей въ этой лужѣ.

— А вы, вѣроятно, нѣмецъ, если дѣлаете такія научныя сравненія,—возразилъ незнакомецъ съ улыбкой.—Я самъ полу-нѣмецъ,—продолжалъ онъ:—моя мать была родомъ изъ рейнскихъ провинцій. Позвольте представиться—Скотсфеллеръ, практикующій врачъ, возвращающійся съ медицинскаго конгресса въ Берлинъ.

Я назвалъ свою фамилію, и мы молча стали смотреть за борть нашего парохода «Августа-Викторія», на всѣхъ парахъ спѣшившаго изъ Гамбурга въ нью-йоркскую гавань.

Впрочемъ, до мѣста назначенія намъ оставалось еще очень далеко; мы всего одинъ день находились въ открытомъ морѣ.

На палубѣ появились оберкельнеръ и поднесъ моему новому знакомому корзиночку съ апельсинами. Поставивъ ее на особый столикъ, онъ удалился.

— Пожалуйста, не угодно ли? — проговорилъ докторъ Скотсфеллеръ, обращаясь ко мнѣ съ любезнымъ жестомъ.

Въ морѣ церемоній не приняты; я охотно принялъ приглашеніе и подѣлъ къ столу съ апельсинами.

Въ это время, весело поддирывая, пробѣжала по палубѣ прелестная дѣвочка лѣтъ трехъ. Скотсфеллеръ позвалъ ее. Онъ взялъ въ каждую руку по апельсину и протянулъ ихъ ей. Дѣвочка перѣшительно переводила глаза съ одного апельсина на другой, очевидно не зная, который выбрать.

— Вотъ вамъ доказательство равной притягательной силы двухъ одинаково привлекательныхъ предметовъ,—замѣтилъ докторъ, смѣясь.

— История Буриданова осла и двухъ охапокъ сѣна! — сказалъ я.

— Вотъ именно. Я только не хотѣлъ обидѣть эту маленькую особу, сравнивъ ее съ извѣстнымъ сѣрымъ животнымъ! — продолжалъ Скотсфеллеръ со смѣхомъ.

Она сунула дѣвочки въ руки оба апельсина, и ребенокъ убѣжалъ.

Скотсфеллеръ съѣлъ еще апельсинъ и проговорилъ словно про себя:

— Да! Буридановъ осель!.. Всѣ мы на него похожи.

Потомъ онъ вопросительно взглянулъ на меня.

— У насъ до обѣда еще два часа времени. Я успѣю разсказать вамъ одинъ случай этого рода. Я знаю, что вы писатель, и буду очень радъ, если увидите когда-нибудь мой разсказъ напечатаннымъ за вашей подписью!

— Можете вполнѣ разчитывать на мою нескромность! — возразилъ я.

— Ну, такъ слушайте... Лѣтъ пятнадцать тому назадъ поселился въ Нью-Йоркѣ одинъ молодой врачъ, только-что блестяще окончившій курсъ въ медицинскій академіи Литтона. Назовемъ этого молодого человѣка — героя нашего разсказа — Ральфомъ. Ему было около тридцати лѣтъ; онъ былъ высокій, стройный и уже выдавшій свѣтъ молодой человѣкъ, такъ какъ слушалъ лекціи въ Парижѣ, Гейдельбергѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ. Прибавимъ еще, что онъ обладалъ порядочнымъ состояніемъ, что совершенно необходимо для того, чтобы получить практику въ такой аристократической части Нью-Йорка, какъ Пятый бульваръ, по сосѣдству съ которымъ онъ поселился. Въ этой мѣстности доктору приходилось долго ждать практиканта, и самому надо дѣлать большія затраты для того, чтобы сдѣлаться домашнимъ врачомъ въ семьяхъ миллионеровъ. Какъ вамъ извѣстно, въ нашей благословенной Америкѣ всѣ равны, но могу васъ увѣрить, что европейская аристократія меньше держится въ сторонѣ отъ буржуазіи, чѣмъ наши нью-йоркскіе миллионеры отъ «черни» т.-е. обладателей какихъ-нибудь сотенъ тысячъ.

Въ одно прекрасное утро Ральфъ сидѣлъ въ своей пріемной и ожидать пациентовъ, которые упорно не являлись, какъ вдругъ лакей доложилъ ему, что по сосѣдству случилось несчастье, и необходима немедленная врачебная помощь. Ральфъ схватилъ футляръ съ инструментами, нахлобучилъ шляпу и выбѣжалъ изъ комнаты. Въ передней онъ увидѣлъ лакея въ лифѣ, который побѣжалъ впередъ со словами: «Здѣсь, рядомъ...» Ральфъ съ трудомъ поспѣвалъ за нимъ. Действительно, пробѣжавъ всего пять домовъ, лакей открылъ двери весьма элегантнаго дома, и повелъ Ральфа наверхъ по устланной ковромъ лѣстницѣ.

Наверху также стояло нѣсколько смотрѣвшихъ довольно безпомощно лакеевъ. Черезъ цѣлый рядъ комнатъ, Ральфъ вошелъ въ залу, въ которой находилось съ дюжину молодыхъ дѣвушекъ, въ странныхъ полу-мужскихъ костюмахъ. На кушеткѣ лежала безъ чувствъ, съ окровавленнымъ глазомъ, молодая дѣвушка въ такомъ же костюмѣ.

Молоденькая, хорошенькая брюнетка, лѣтъ двадцати двухъ, подошла къ Ральфу и проговорила коротко и рѣшительно:

— Я—предсѣдательница женскаго клуба. Это наша фехтовальная зала. Двѣ нашихъ подруги дрались на рапирахъ, и предохранительный кожаный шарикъ, который придѣлывается къ учебной рапирѣ,

отломился какъ разъ въ тотъ моментъ, когда одна изъ нихъ нанесла сильный ударъ въ проволочную маску другой. Сломанный кончикъ рапиры прошелъ сквозь проволочную сѣтку, попалъ въ глазъ, и мы боимся, что глазъ будетъ потерянъ навсегда.

Ральфъ опустился на колѣни возлѣ лежавшей въ обморогѣ дѣвушки и сталъ изслѣдовать ея окровавленный глазъ. Остальные молодыя дѣвушки молча стояли вокругъ. Черезъ нѣсколько минутъ Ральфъ объявилъ:

— Самый глазъ не тронуть; повреждена только глазная впадина!

Молодые дѣвушки вздохнули съ облегченіемъ. Ральфъ наложилъ повязку и только тогда сталъ приводить дѣвушку въ чувство. Затѣмъ онъ оставилъ свою пациентку на попеченіе подругъ и многочисленныхъ служанокъ, объявивъ, что черезъ полчаса онъ сдѣлаетъ новую перевязку. А пока онъ просилъ позволенія подождать въ соседней комнатѣ.

— Вы нашъ гость, — объявила молодая предсѣдательница: — и наши члены сочтутъ приятнымъ долгомъ занять васъ. Кто сегодня дежуритъ по пріему гостей? Ахъ, да, вы обѣ, Мэри и Анни!

Двѣ молодые дѣвушки выступили впередъ. Ихъ познакомили съ Ральфомъ. Обѣмъ было лѣтъ по двадцати; обѣ были хороши собой, почти одного роста, и казались очень дружными, потому что все время стояли рука-объ-руку. Анни была блондинка, Мэри брюнетка. Но этого слишкомъ недостаточно, чтобы дать о нихъ понятіе. Мэри была кроткая, томная брюнетка съ чудными черными глазами и гармонически округленными движеніями. Анни, напротивъ того, живая, блестящая умомъ и остроуміемъ, блондинка, съ огненными голубыми глазами, гордо закинутой вверхъ головкой, и необычайно подвижна.

— Ахъ, шутъ ихъ возьми!..—перебилъ я доктора Скотсфеллера:—действительно двѣ соблазнительныхъ «охапки сѣна»! Мнѣ жаль вашего Ральфа. Тутъ каждый сдѣлался бы сѣрымъ осликомъ Буридана. Онъ былъ бы поставленъ въ ужасное затрудненіе, такъ какъ блондинка обладала всѣми прелестями брюнетки, а брюнетка всѣмъ очарованіемъ блондинки!

— Въ томъ-то и дѣло!—подтвердилъ Скотсфеллеръ.—Но слушайте дальше. И такъ, Мэри и Анни исполнили приказаніе своей предсѣдательницы, Дэйзи, и стали занимать гостя. Прежде всего онѣ повели показывать ему все устройство клуба. Членами его состояли тридцать молодыхъ дѣвушекъ, исключительно дочерей первыхъ аристократическихъ домовъ въ Нью-Йоркѣ.

Клубъ носилъ названіе «клуба сестеръ», имѣлъ превосходный собственный домъ съ многочисленной прислугой, отдѣльныя, роскошно убранныя комнаты для каждаго члена, гостиница, пріемная, фехтовальный залъ, залъ музыкальный и театальный, мастерскія, гардеробныя и, наконецъ, столовую, въ которой «сестры» устраивали большіе и малые обѣды.

Ральфъ осмотрѣлъ все подъ руководствомъ обѣихъ очаровательныхъ дѣвушекъ, потомъ вернулся къ пациенткѣ, сдѣлать новую перевязку, удостоившись въ томъ, что никакое постороннее тѣло не осталось въ ранѣ, и разрѣшилъ перевезти молодую дѣвушку въ ея собственномъ экипажѣ въ домъ ея родителей.

Послѣ этого онъ хотѣлъ удалиться, но предсѣдательница, Дэйзи, просила его, отъ имени всѣхъ членовъ клуба, остаться обѣдать.

Обѣды были сервированы въ большой столовой. Явилось не мало гостей-мужчинъ, родственниковъ и знакомыхъ членовъ клуба. Вѣдь вамъ извѣстно, что у насъ, въ Америкѣ, каждая молодая дѣвушка пользуется полной свободой знакомиться съ кѣмъ хочетъ. Она можетъ обѣдать съ молодымъ человѣкомъ въ ресторанахъ, можетъ совершать съ нимъ побѣдки, посѣщать театры и концерты, и никто не видитъ въ этомъ ничего предосудительнаго. За обѣдомъ сосѣдками Ральфа были Мэри и Анни, и всѣ трое прекрасно провели время.

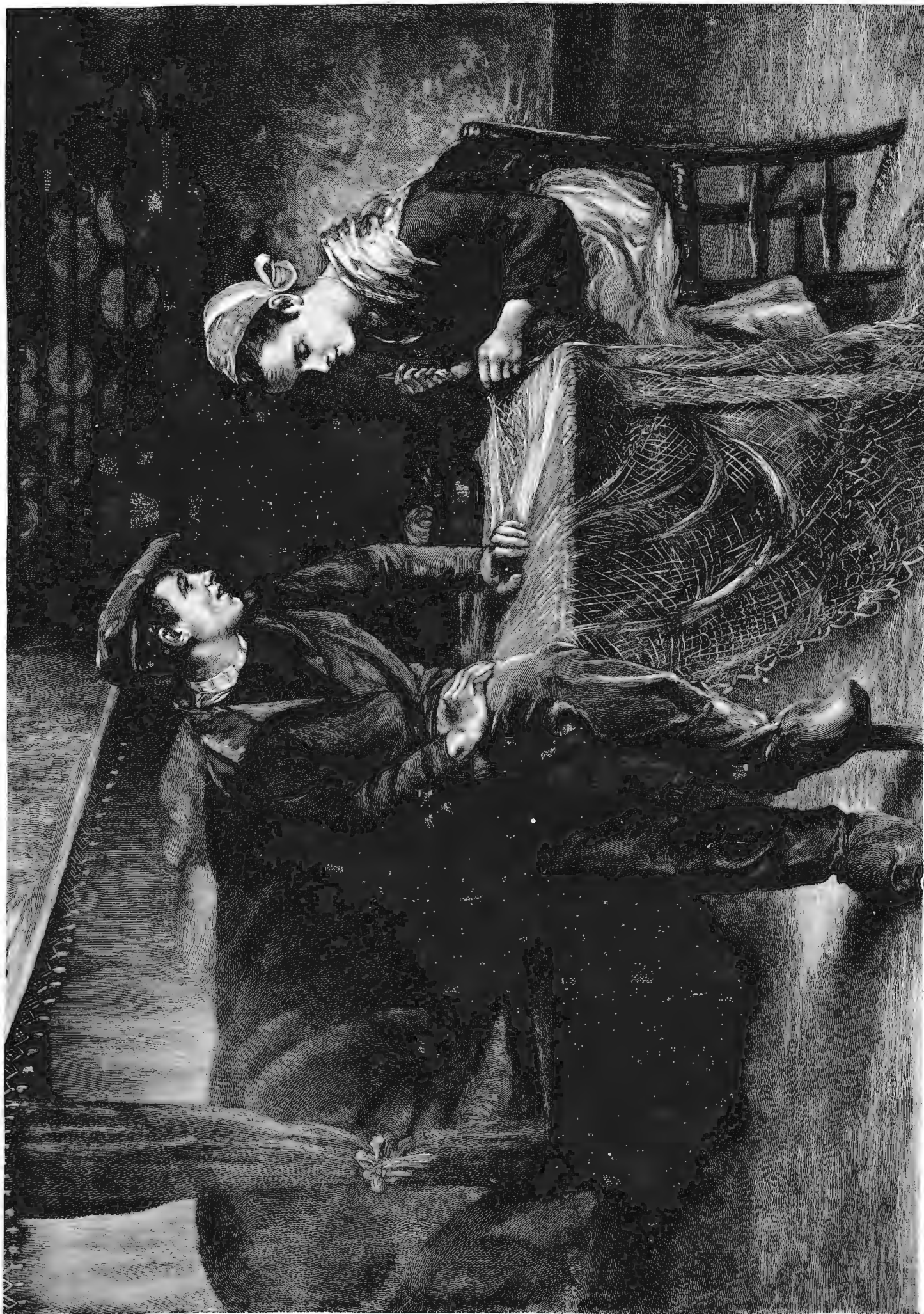
На слѣдующій день Ральфъ былъ удивленъ торжественнымъ посланіемъ отъ «клуба сестеръ». Его благодарили въ этомъ посланіи за оказанную помощь и предлагали мѣсто клубнаго врача, въ обязанности котораго входило каждое утро въ теченіе трехъ часовъ во время занятій фехтованіемъ и гимнастикой, находиться въ клубѣ, въ особо отведенной комнатѣ, для подаенія врачебной помощи на случай новаго несчастья.

Ральфъ, само собою разумѣется, принялъ предложеніе. Оно явилось для него самой счастливой случайностью, и не только вслѣдствіе трехъ тысячъ долларовъ жалованья, но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе связей, которое оно доставляло. Оно сразу давало ему доступъ въ самыя богатыя семьи Нью-Йорка, а затѣмъ уже было не трудно сдѣлаться мало-по-малу домашнимъ врачомъ въ тѣхъ семьяхъ, дочери которыхъ состояли членами женскаго клуба. Въ Америкѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, выборъ того или другого врача является вопросомъ моды. Стоить одной семьѣ пригласить доктора, какъ къ нему начинаютъ обращаться и другіе дома того же кружка или, вѣрнѣе сказать, того же общественнаго слоя.

И такъ, Ральфъ сдѣлался клубнымъ врачомъ, и счастье, казалось, улыбнулось ему. Его стали приглашать во всѣ мало до-

Русскій музей Императора Александра III. „Воскресное чтение“. Съ картины Н. П. Богданова-Бѣльскаго грав. И. Павловъ.

Передь отъѣздомъ. Съ картины Ж. Перре грав. Бодъ.

ступные дома миллионеров, и первая семья, выбравшая его своим домашним доктором, была семья той девушки, которой он спас глаза. Анни и Мэри также не замедлили вести его в дом своих родителей, и оба неразлучных друга, дѣлавшие всегда одно и то же, одинаково старались выказывать ему всевозможное вниманіе. Это впрочемъ никого не поражало, потому что и другіе члены клуба, съ предѣлательницей во главѣ, старались окружить своего врача всевозможнымъ вниманіемъ; и, могу васъ увѣрить: Ральфъ чувствовалъ себя прекрасно.

Впрочемъ, онъ вполнѣ этого заслуживалъ, такъ какъ былъ прекрасной души человекъ. Всякій другой на его мѣстѣ прежде всего позаботился бы о томъ, чтобы оградить себя отъ конкуренціи, иначе сказать, сохранивъ за собой монополію. Но Ральфъ не былъ эгоистомъ; онъ сейчасъ же вспомнилъ о своемъ другѣ, т.-е. обо мнѣ, и о томъ, съ какимъ страшнымъ трудомъ я старался составить себѣ въ Нью-Йоркѣ практику. Я могъ бы конечно уѣхать на Западъ, но у меня была разбитая параличомъ мать, давно уже овдовѣвшая и находившая единственное утѣшеніе во мнѣ, ея единственномъ сынѣ. Я не могъ покинуть ее и не могъ увезти ее съ собой на Западъ и потому принужденъ былъ оставаться въ Нью-Йоркѣ. Средства наши были не велики, и я довольно мрачно смотрѣлъ на будущее.

Я слушалъ лекціи вмѣстѣ съ Ральфомъ, вмѣстѣ съ нимъ сдавалъ экзамены, и мы были съ нимъ большими друзьями.

Въ клубѣ задумали однажды поставить живыя картины, но для этого требовалось нѣсколько мужчинъ. Ральфъ сейчасъ же подумалъ обо мнѣ, объявивъ, что я еще въ академіи считался «спеціалистомъ по постановкѣ живыхъ картинъ», и такимъ образомъ я получилъ приглашеніе въ клубъ обѣдать. Повидимому я успѣлъ заслужить благосклонность членовъ клуба, потому что мои услуги были приняты, а внослѣдствіи я получилъ право посѣщать клубъ, въ качествѣ постоянного гостя.

— Дѣйствительно самоотверженный другъ, этотъ мистеръ Ральфъ,—замѣтилъ я.—Онъ заслуживаетъ всякой похвалы. Прямо удивительно!.. Вѣдь вы, въ качествѣ врача, могли быть ему прямымъ конкурентомъ...

— Да, это — человекъ благородной души. Но, слушайте дальше!.. Когда я началъ частенно посѣщать клубъ, Ральфъ сказалъ мнѣ однажды, нѣсколько грубовато, по-студенчески, но въ то же время весьма практично: не зѣвай!.. Здѣсь можно подѣшнить невѣсту-миллионершу!.. Постарайся, чтобы одна изъ здѣшнихъ молодыхъ особъ заинтересовалась тобою, а тамъ, не долго думая, женись, и basta!.. Ты умѣешь быть приятнымъ въ обществѣ, и отъ тебя совершенно будетъ зависть, куда направятъ свои батареи. Здѣшніе богатые молодые люди всѣ безъ исключенія скучны и безцвѣтны, и тебѣ не трудно будетъ затмить ихъ.

Я разсмѣялся, хотя въ душѣ былъ согласенъ съ приятелемъ, и спросилъ шутивымъ тономъ:

— А ты уже сдѣлалъ выборъ? Вѣдь ты тоже практичный человекъ и вѣроятно сумѣешь дать совѣтъ и себѣ, не только другимъ. Ты-то ужъ навѣрно женишься на одной изъ здѣшнихъ миллионершъ, и для тебя оно тѣмъ легче, что ты здѣсь чуть не главное лицо. Удивительно, какъ всѣ эти барышни балуютъ тебѣ!..

— Не завидуй, милый другъ!—возразилъ Ральфъ.—Я бы хотѣлъ, чтобы меня меньше баловали и чтобы мною не интересовались двѣ особы сразу...

— Ты говоришь о Мэри и Анни?—спросилъ я.—Дѣйствительно, тебѣ предстоитъ не легкій выборъ.

Онъ усмѣхнулся про себя.

— Это два прелестнѣйшихъ созданія. Но у меня просто не хватаетъ духу выбрать одну изъ нихъ. Мнѣ было бы слишкомъ жаль другую. Ты знаешь, Буриданъ утверждалъ, что оселъ, поставленный между двухъ, одинаковой величины и одинаковой привлекательности, охопитъ сѣна, издохъ бы съ голоду, не зная, которую изъ двухъ охапокъ выбрать, такъ какъ и та, и другая одинаково влекли его къ себѣ. Считаю меня такимъ осломъ. Я по всей вѣроятности никогда не женюсь: развѣ, если одна изъ двухъ сама отступится, влюбившись въ кого-нибудь другого. Увѣрю тебѣ, что я желалъ бы этого, потому что, право, я люблю ихъ обоихъ, и въ концѣ концовъ мы всѣ трое будемъ несчастны.

Ральфъ прекратилъ разговоръ, и я замѣтилъ, что онъ принимаетъ дѣло довольно близко къ сердцу. Не хорошо и то, если судьба чересчуръ благопріятствуетъ человѣку.

Недѣли четыре спустя, я засталъ предѣлательницу, Дэзи, въ такомъ волненіи, что, за отсутствіемъ Ральфа, дежурство котораго въ этотъ день уже окончилось, принужденъ былъ прописать ей успокоительное средство.

Очевидно, Дэзи ощущала потребность высказаться, а такъ какъ докторъ всегда является довереннымъ лицомъ, то она избрала меня. Можетъ-быть, впрочемъ, у нея была и другая цѣль, но тогда я не подозрѣвалъ о ней.

— У насъ въ клубѣ случилось происшествіе.—начала она:—какого никогда еще не бывало и, я надѣюсь, никогда не будетъ. Представьте себѣ: двѣ величайшихъ приятельницы, двѣ неразлучныя подруги, Мэри и Анни, поссорились и, какъ двѣ фуріи, напали другъ на друга. Если бы мы не вмѣшались, онѣ пожалуй перешли бы къ дѣйствию. Елизавета и Варвара, самыя младшія изъ нашихъ членовъ, чуть не упали со страху въ обморокъ. Съ Фрэнсисъ—вы знаете, ради глаза которой мы когда-то пригласили вашего друга—сдѣлалась истерика. Вы не можете себѣ представить, какъ эти двѣ

благовоспитанныя дѣвушки накинудись одна на другую. Мы давно уже замѣчали между ними натянутыя отношенія, и ни для кого не было тайной, что именно служило предметомъ ихъ раздора. Въ несчастный день явился въ этотъ домъ вашъ другъ Ральфъ!

И вдругъ совершенно неожиданно Дэзи разрыдалась. Если бы самъ я былъ въ ту минуту спокойнѣе, эти веззашныя слезы поразили бы меня. Но я думалъ о Фрэнсисъ. Меня сильно встревожило, что у нея отъ волненія сдѣлалась истерика. Надо вамъ сказать, что я былъ неравнодушенъ къ кроткой, милой Фрэнсисъ, и имѣлъ основаніе надѣяться, что и она несомнѣнно равнодушна ко мнѣ. Поэтому я не нашелъ ничего лучшаго, какъ освѣдомиться о здоровьѣ Фрэнсисъ и спросить, не нужна ли ей моя помощь.

Дэзи отвѣтила не безъ раздраженія, что Фрэнсисъ совершенно оправилась и уже уѣхала домой. Мой вопросъ очевидно удивилъ ее. Она замолчала, и я понялъ, что сдѣлалъ неосторожность и глупость. Только послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Дэзи стала убѣдительно просить меня, не говорить Ральфу о томъ, что она проклинаетъ день, когда онъ впервые явился въ клубъ. Потомъ она снова принялась плакать, и я съелъ за лучшее удалиться. Она видимо ничего не имѣла противъ того, чтобы я ушелъ.

На слѣдующее утро и получилъ отъ Дэзи записку, въ которой она просила меня быть въ двѣнадцать часовъ въ клубѣ и захватить съ собою перевязочныя матеріалы. Лакеей ждалъ отвѣта, и я объявилъ ему, что аккуратно явлюсь въ назначенное время.

Меня такое приглашеніе очень удивило. Неужели Ральфъ впалъ въ немилость? Почему не обращаются къ нему, если нужна врачебная помощь?

Въ назначенное время я явился въ клубъ и былъ встрѣченъ Дэзи словами:

— Мы обратились къ вамъ за помощью, потому что неудобно было бы пригласить въ этотъ случай Ральфа. Но я прошу васъ дать мнѣ честное слово, что вы не проговоритесь никому о томъ, что вы здѣсь услышите или увидите.

Я далъ требуемое обѣщаніе, и любопытство мое само собою возросло еще больше.

— У насъ будетъ дуэль между Мэри и Анни.—продолжалъ мнѣ Дэзи:—дуэль на шпагахъ. Дѣло кончится вѣроятно очень серьезно, потому что противницы очень озлоблены другъ противъ друга и къ тому же обѣ—прекрасныя фехтовальщицы.

— Дуэль!..—началъ я съ удивленіемъ, готовясь возразить противъ нея, но мнѣ не пришлось сказать ни слова, потому что Дэзи перебила меня рѣзко и рѣшительно:

— Мистеръ Скотсфеллеръ!.. Слова тутъ бесполезны и не могутъ помѣшать дѣлу. Повѣрьте, что все, что можно сдѣлать словами, мы уже испробовали. Гдѣ рѣчь идетъ о такой ожесточенной враждѣ двухъ женщинъ, что всякія убѣжденія напрасны. Можетъ-быть, оно и лучше, если ненависть двухъ соперницъ найдетъ себѣ исходъ въ дуэли. Можетъ-быть, страсти отступятъ послѣ того, какъ будетъ пролита кровь. Будемъ надѣяться, что дѣло не дойдетъ до катастрофы. Объ этомъ позаботятся секундантки, и я, какъ избранная быть безпристрастнымъ судьей, сдѣлаю все, отъ меня зависящее. Мы уже пригласили женщину-врача, но такъ какъ противницы могутъ быть ранены одновременно, то намъ нужно еще одного доктора. Желаете вы оказать намъ эту услугу?

Я выразилъ согласіе, и Дэзи повела меня въ фехтовальную залу, гдѣ я нашелъ уже своего коллегу, относительно молодую еще женщину.

Послѣ взаимнаго представленія, мы начали дѣлать наши врачебныя приготовленія. Мы велѣли принести лоханки съ водою, карболовую кислоту, приготовили иголки и шелкъ для зашиванія ранъ, гипоскопическую вату и бинты, и мнѣ припомнилось студенческое время въ Гейдельбергѣ, гдѣ я слушалъ лекціи два семестра вмѣстѣ съ Ральфомъ, и гдѣ мнѣ приходилось часто присутствовать на студенческихъ дуэляхъ, во время которыхъ доктора такъ же приготовляли на отдѣльныхъ столахъ перевязочныя средства, какъ и я теперь.

Вскорѣ появилась Дэзи и приказала принять предосторожности, чтобы никто не могъ помѣшать дуэли. Въ комнатахъ, прилегающихъ къ фехтовальной залѣ, были разставлены группами члены клуба, чтобы остановить всякаго, кто хотѣлъ бы войти. Прозвонилъ звонокъ, и въ залу вошли Мэри съ Анни, каждая въ сопровожденіи своей секундантки. Какъ противницы, такъ и секундантки были въ бѣлыхъ шелковыхъ фехтовальныхъ костюмахъ, состоящихъ изъ шелковыхъ чулокъ, короткихъ панталонъ до колѣнъ и плотно прилегающей блузы, вполнѣ обрисовывавшей прекрасныя молодыя формы дѣвушекъ. Впрочемъ, мнѣ не пришлось долго разсматривать костюмы, такъ какъ команда Дэзи не заставила себя ждать.

Секундантки отмѣрили необходимое число шаговъ, провели на полу мѣломъ кругъ, потомъ безпристрастный судья, Дэзи, выбрала двѣ пары шпагъ съ остро отточенными трехгранными концами и вручила ихъ противницамъ и секунданткамъ; послѣднія должны были оставаться внѣ круга.

— Готово!..—послышалась команда Дэзи.

Противницы выступили другъ противъ друга. Лѣвая рука сражающихся лежала на затылкѣ, правая была вытянута впередъ, такъ что чашка шпаги приходилась почти на высоту глазъ, а кончики лезвій были опущены внизъ.

— Начинать!

Объ противницы бѣшено бросились другъ на друга. Я никогда не забуду того взгляда, полнаго ненависти, которымъ обмѣнялись двѣ бѣнныя неразлучныя подруги. Но эта ненависть не мѣшала имъ тщательно парировать удары. Анни перешла вправо и попробовала нанести ударъ въ менѣе защищенную сторону, но Мэри сдѣлала ловкій прыжокъ; она отпарировала ударъ противницы и выпала сама на четверть.

При другихъ обстоятельствахъ было бы чистымъ удовольствіемъ наблюдать за молодыми, элегантными фехтовальщицами и ихъ быстрыми, какъ молнія, движеніями. Но тутъ приходилось думать съ ужасомъ и состраданіемъ, что одинъ ударъ трехгранной шпаги можетъ уничтожить цвѣтущую молодую жизнь. При горячности и быстротѣ, съ которой дрались противницы, секундантки не имѣли никакой возможности помѣшать удару въ глаза или въ сердце.

Минуты черезъ три раздалось въ первый разъ: «Стойте!.. Стойте!..» со стороны секундантокъ, и онѣ розняли своими шпагами борющихся, чтобы закончить первое нападеніе.

Шпага Анни тронула Мэри, но только проколола ей правый рукавъ немного ниже плеча. Пораненія не оказалось, и потому дуэль продолжалась.

Анни перешла на финты, то-есть, она старалась обмануть вниманіе противницы ложными выпадами, для того, чтобы Мэри не довольно внимательно парировала, когда Анни сдѣлаетъ действительное нападеніе. Но Мэри была готова къ этому маневру. Благодаря бывшимъ пріятельницамъ ежедневно фехтовали между собою и изучили приемы другъ друга вполнѣ.

Финты послужили даже во вредъ Анни. Мэри парировала и ударила съ быстротой молніи въ непокрытое мѣсто.

Кинжолъ ей шпаги ударилъ въ правую руку Анни, пониже плеча. Алая кровь тотчасъ окрасила бѣлый шелковый рукавъ.

Секундантки бросились между сражавшимися, и мой коллега констатировалъ у Анни въ верхней части руки поверхностную рану, но съ сильнымъ провозглашеніемъ: во всякомъ случаѣ, ни артерій, ни кость не были задѣты.

Дэзи спросила: не удовольствуются ли противницы этимъ результатомъ дуэли, но онѣ отказались, и особенно горячо протестовала Анни.

Перевязывать было некогда. Началось третье нападеніе. Смертельной ненавистью были полны взгляды обѣихъ подругъ, щени ихъ горѣли, и какъ змѣи извивались онѣ, молча обмѣняваясь самыми опасными ударами. Правый рукавъ Анни былъ весь въ крови. Условія бой становились для нея все хуже сравнительно съ противницей, потому что потеря крови ослабила ее правую руку, отъ которой все зависѣло.

Но вдругъ она, стиснувъ зубы, собрала всю свою силу и ловкость и нанесла Мэри ударъ въ шею. Секундантки громко вскрикнули отъ ужаса.

И женщина-врачъ бросилась на помощь, но, къ счастью, могли сейчасъ же констатировать, что шейная артерія не пострадала. Но и эта рана сильно сочилась кровью, а такъ какъ ударъ пришелся близко къ шейной артеріи, мы потребовали, чтобы дуэль была прекращена.

Я подаль помощь Мэри; коллега перевязалъ руку Анни.

По окончаніи перевязки, Дэзи спросила обѣихъ противницъ, не хотятъ ли онѣ помириться. Обѣ энергически протестовали.

Обѣ дравшіяся держали себя очень мужественно. Я долженъ сказать, что и Дэзи вела себя, какъ старый студентъ. Ея спокойствіе и увѣренность, съ которой она руководила дуэлью, были поистинѣ удивительны. И это была та самая дѣвушка, которая накануне заливалась слезами и не могла успокоиться, потому что двѣ пріятельницы поссорились между собою.

О, женщины, женщины!..

По наложеніи повязокъ раненыхъ отвезли по домамъ, гдѣ родители ихъ, вѣроятно, перевели не малый испугъ, хотя и привыкли къ эксцентричностямъ своихъ избалованныхъ дочерей.

Мнѣ было поручено сообщить Ральфу о происшедшей изъ-за него дуэли. Онъ пришелъ въ неописанное волненіе.

— Ахъ, бѣдняжки!—воскликнулъ онъ.—Что онѣ надѣлали!

Онъ былъ виѣ себя. Я же побѣждалъ дать отчетъ Дэзи. Она только пожалала плечами и проговорила:

— Эта исторія сдѣлаетъ то, что нашъ клубъ распадется, если только не будутъ приняты мѣры. А главное: вся исторія основана на самообманѣ. Вашъ другъ въ сущности не любитъ ни ту, ни другую. Его прививаетъ къ нимъ только польщенное самолюбіе и нѣкоторый родъ состраданія къ обѣимъ. Мэри и Анни тоже вовсе не любятъ его такъ сильно, чтобы не могли жить безъ него. Просто одна не хочетъ уступить другой, чтобы не быть побѣжденной или отвергнутой.

Процессъ выздоровленія обѣихъ дѣвушекъ шель совершенно нормально. Клубъ онѣ больше не посѣщали и, само собою, не видѣли больше Ральфа.

Въ теченіе двухнедѣльнаго отсутствія обѣихъ дѣвушекъ мы съ Дэзи не терпели времени, и при нашемъ посредствѣ между ними обѣими и Ральфомъ состоялось слѣдующее соглашеніе: Мэри и Анни должны были отправиться на цѣлый годъ въ путешествіе: Мэри—въ Европу, Анни — въ Индію и Японію. Ни та, ни другая не имѣла права входить съ Ральфомъ въ какія бы то ни было сношенія, ни даже переписываться.

Ральфъ обещалъ въ теченіе этого времени серьезно испытать себя и крѣпнуть по влеченію своего сердца. Вѣдь должно же было его сердце въ концѣ концовъ высказаться въ пользу той или другой.

Черезъ недѣлю обѣ дѣвушки уѣхали, не увидѣвшись съ Ральфомъ. Онъ продолжалъ нести свою службу въ клубѣ, и все шло своимъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Я же, полгода спустя, сочетался бракомъ съ миссъ Франсисъ.

Годъ испытанія истекъ, и первой вернулась Анни. Она нашла на своемъ письменномъ столѣ письмо, написанное рукою Ральфа. Съ какими чувствами она взяла его въ руки—вы можете себѣ представить. Когда же она вскрыла конвертъ, то нашла въ немъ... сообщеніе объ обрученіи Ральфа съ Дэзи...

Такое же письмо нашла и Мэри, когда вернулась двѣ недѣли спустя. Еще черезъ недѣлю Мэри и Анни были попрежнему друзьями. Онѣ стали снова посѣщать клубъ, потому что ни Ральфъ, ни Дэзи не появились тамъ больше...

Вотъ вамъ моя исторія о Буридановомъ ослѣ. Однако, звонять къ обѣду!.. Поидемте!..

Съ крутизны.

Отсюда, съ крутизны береговыхъ высотъ,
Все такъ таинственно сдружилося въ тѣмѣ полночной.
Нѣмая небеса пустыню чуткихъ водъ
Покрыли ласково чадрой своей восточной.

Межъ небомъ и землей границы не найти:
Они въ объятіяхъ свилися, какъ родныя.
Лишь отраженія звѣздъ и млечнаго пути
Намъ говорятъ, что тамъ иная есть стихія.

Порой слышится глубокій, внятный вздохъ.
Онъ чуткой мыслью сердце вдохновляетъ,

Что тамъ, въ безбрежности, гдѣ вѣчность лишь да Богъ,
Душа вселенной отдыхаетъ.

И замираетъ духъ отъ величавыхъ думъ.
И мнится, на землѣ, измученной борьбою,
Всю эту тишину, гармонию и шумъ
Дано постичь лишь намъ съ тобою.

И если въ эту ночь мы только захотимъ,
Летать, какъ птицы, будемъ на просторѣ,
Одной звѣздой въ небѣ заблестимъ,
Одной волной сольемся въ морѣ.

А. М. Федоровъ.

Къ рисункамъ.

Нѣмецкій художникъ Зихель давно пользуется славой поэта жизни восточныхъ женщинъ, какъ другой, нѣмецкій же, художникъ Германъ Каульбахъ—поэта дѣтской жизни. На страницахъ настоящаго номера мы публикуемъ два образа картинъ этихъ художниковъ. Зихель олицетворялъ цвѣтокъ лотоса въ прелестной головкѣ женщины восточнаго типа. Лотосъ, это священное растеніе, встрѣчается въ изобиліи въ стоячихъ и медленно текущихъ водахъ Ганга. Красивый и сильно пахучій бѣлый цвѣтокъ лотоса погружается ночью въ воду и медленно выходитъ изъ нея навстрѣчу солнцу, при первыхъ его лучахъ. Съ заходомъ солнца какъ будто

грусть овладѣваетъ цвѣткомъ, и онъ уныло склоняется на своемъ стеблѣ, погружаясь въ воду, а утромъ, точно радуясь возврату тепла и свѣта, стебель его выпрямляется, и цвѣтокъ показывается изъ воды. Гейне, въ своемъ прелестномъ стихотвореніи, нѣсколько отступилъ отъ истины и заставилъ цвѣтокъ тинуться къ лунѣ:

Вынести лотосъ не можетъ
Пышнаго солнца: большой
Клонить головку и въ грѣзахъ
Ждетъ онъ прохлады ночной.

Ночью его пробуждает
Мѣсяцъ лучомъ золотымъ;
Лотосъ къ нему повернулся
Лицкомъ пѣжнымъ своимъ.

Рдѣть, цвѣтеть онъ, сверкаетъ,
Взоръ въ вышину устремилъ,—
Пахнетъ и плачетъ, весь полонъ
Мукой любовною онъ.

Лотосъ, на такъ называемомъ «языкѣ цвѣтовъ», имѣетъ значеніе «вѣчно-юной красоты». Но, если черноокая красавица Зихемъ — роскошно распустившійся восточный цвѣтокъ, полный восточной нѣги и страсти, то дѣвочка Каулбаха — милый полевой бутончикъ, расцвѣтъ котораго — въ будущемъ. Пока она задумалась надъ трудной задачей, заданной ей деревенскимъ учителемъ. Но дѣвочка будетъ расти, а съ нею вмѣстѣ будетъ расти и задача, пока не превратится въ сложную задачу жизни, которую ей надо будетъ рѣшить такъ или иначе. И навѣрно она отнесется къ этой задачѣ такъ же серьезно, какъ серьезно рѣшаетъ она теперь свой школьный урокъ. Но эта хорошенькая дѣвочка разовьется не въ роскошный и нарядный лотосъ, возвращенный въ знойной атмосферѣ Индіи, а въ нѣжную и скромную полевую лилію, согрѣтую нѣжными лучами европейскаго солнца. Впрочемъ, какъ въ экзотическомъ лотосѣ, такъ и въ бѣдной полевой лиліи есть своя поэзія и свой аромат.

Волки, какъ извѣстно, въ настоящее время почти совершенно истреблены въ Англіи, Франціи и Германіи. Зато ихъ еще много въ Россіи, Турціи и отчасти Венгріи. Не менѣе извѣстно, что волкъ живетъ въ уединенныхъ мѣстахъ, въ густыхъ и темныхъ лѣсахъ, прячется днемъ и выходитъ на добычу ночью въ одиночку или по-парно. Только зимою, въ большую стужу, когда становится трудно добываніе пищи, волки собираются въ стан и смѣло нападаютъ тогда на людей. Встрѣча съ этими разбойниками лѣса крайне опасна, и когда большая стая волковъ, притаившихся на лѣсной прогалинѣ, подстережетъ одинокаго путника, то завязывается смертный бой... Волки самые вредные изъ всѣхъ хищниковъ: въ одной Россіи, по свѣдѣніямъ центрального статистическаго комитета, заѣдается волками ежегодно до 100 человекъ, а общая по Европейской Россіи цифра убытка отъ волковъ доходитъ до 15 милліоновъ рублей ежегодно. Отсюда видно, насколько волчій вопросъ — серьезный вопросъ для Россіи; но, несмотря на принятія правительствомъ и земствами мѣры борьбы съ волками, вопросъ этотъ не разрѣшенъ удовлетворительно и по настоящее время. Существуетъ много видовъ охоты на волковъ: охота съ поросенкомъ, на падаля, ловля капканами, тенетами, истребленіе въ гнѣздахъ, ямы, садки и пр. Волкъ въ народныхъ вѣрованіяхъ олицетворяетъ собою нечистую силу ночного мрака; зима называется «волчьимъ временемъ», а время отъ Рождества до Крещенія — «волчьими праздниками»; въ эти дни женщины не должны шить одежду, потому что того, кто надѣнетъ на себя платье, сшитое въ этотъ періодъ, разорвутъ волки. По русскому повѣрью, волкъ находится въ распоряженіи св. Георгія Храбраго; онъ разыскиваетъ ихъ во всѣ концы свѣта и научаетъ ихъ, чѣмъ каждому пропитаться; и если кого обречетъ св. Георгій на пропитаніе волкамъ, того уже ничто спасти не можетъ. Картина извѣстнаго художника Вѣрушъ-Ковальскаго изображаетъ намъ страшную встрѣчу въ лѣсу человека съ большою стаей волковъ, напавшихъ на его лошадей. Въ картинѣ много движенія и настроенія. Борьба эта почти неравная, борьба не на животь, а на смерть и, конечно, съ трагическимъ исходомъ. Взгляните на это полное ужаса лицо, на эти смертельно испуганные глаза, и вы почувствуете, какъ сильно и правдиво переданъ художникомъ весь трагизмъ положенія данной мицуты.

Китайская якана или водяной фазанъ.
По рис. Л. Бирда автотипія «Нивы».

Писатели и ученые — только работники на нивѣ жизни. Они — сѣятели идей, но не жнецы ихъ всходовъ. Другіе пожнутъ то, что они посѣяли, вопреки существующей поговоркѣ — «что посеешь, то пожнешь». Иногда посѣянные идеи слишкомъ долго лежатъ въ землѣ и слишкомъ медленно всходятъ, вслѣдствіе плохо обработанной почвы, или вслѣдствіе того, что наше бѣдное солнце мало ихъ грѣетъ, а наши морозы слишкомъ продолжительны и суровы. Ахъ, если бы тѣ, кто призванъ творить, походили бы на докторовъ, выслушивающихъ сердце того, кто требуетъ отъ нихъ помощи! Но мы слишкомъ удалены отъ народа и плохо знаемъ его нужды и потребности; если бы мы больше интересовались имъ, мы бы вѣрнѣе поняли его душу, и сѣмя, брошенное нами на ниву народную, возило бы скорѣе и принесло бы больше пользы. Взгляните на эти сосредоточенныя, вдумчивыя, мечтательныя лица, жадно внимающія живому слову; посмотрите, сколько поучительнаго въ этой прелестной картинѣ г. Богданова-Бѣльскаго, этого молодого поэта нашего народа. Его «воскресное чтеніе» наводитъ на серьезные мысли о жгучей необходимости народнаго просвѣщенія, потому что картина его написана съ искренней любовью, безъ предвзятой тенденціи и даетъ намъ образъ подлинной жизни. И, глядя на эти лица великовозрастныхъ школьниковъ, не могутъ не придти на умъ слова нашего «печальника горя народнаго» — его предсмертный завѣтъ будущимъ писателямъ:

«Сѣйте разумное, доброе,
вѣчное.
Сѣйте, спасибо вамъ скажетъ
сердечное
Русскій народъ».

Передъ отъѣздомъ мы часто открываемъ близкому человеку сокровенныя думы, дѣлимся съ нимъ привѣтствіями и пожеланіями. Это бываетъ со всѣми, во всѣхъ обществахъ и положеніяхъ. Картина Перрея на этотъ разъ переноситъ зрителя въ комнату молодого рыбака. Жена осматриваетъ сѣти, а черезъ калитку слышится его слѣдъ простынетъ. Какъ тутъ не побесѣдовать о будущемъ, не вспомнить прошлаго и не потолковать о настоящемъ! Въ оживленныхъ разговорахъ пролетитъ время, и рыбакъ, захвативъ сѣти, пойдетъ въ путь-дорогу съ свѣтлой надеждой и вѣрой въ Бога. Воспоминаніе о тепломъ, уютномъ семейномъ уголкѣ поможетъ ему перенести тяжелое время и дастъ силу для борьбы въ случаѣ опасности.

Въ жаркихъ странахъ Старога и Новаго Свѣта, на стоячихъ и тихо текущихъ водахъ, поверхность которыхъ покрыта широкими круглыми листьями разныхъ водяныхъ растений, главнымъ образомъ водяныхъ лилій, водятся очень милыя птицы съ длинными, граціозными ножками, съ не менѣе длинными когтями, тонкими продолговатымъ клювомъ и великоблѣннымъ опереніемъ. Онѣ называются «листовыми курами», и дѣйствительно, пловучіе листья водяныхъ лилій служатъ имъ и обиталищемъ, и мѣстомъ охотничьихъ экскурсій для добыванія себѣ пищи, состоящей изъ водяныхъ животныхъ и растительныхъ сѣмянъ. Въ отличіе отъ своихъ земныхъ родичей, листовыя куры очень смѣлы, ничуть не боятся человека, свободно показываются на открытыхъ мѣстахъ, близко подпускаютъ къ себѣ лодку съ людьми и затѣмъ уже взлетаютъ и, перепорхнувъ надъ самой водой, опускаются опять на листъ. Легкія и проворныя, онѣ удивительно искусно бѣгаютъ по сравнительно тонкимъ листьямъ, никогда не осунувшись. Это вызвало даже среди туземцевъ разныя легенды о сверхъестественной способности этихъ птицъ держаться на водѣ. Внѣ водяной стихіи, безъ причудливаго ковра пловучихъ зеленыхъ листовъ, онѣ кажутся неловкими и неуклюжими; если онѣ и могутъ еще бѣгать по жидкому илу, то уже еле могутъ двигаться по высокой травѣ и плохо летаютъ. Передъ взлетомъ и при опусканіи онѣ испускаютъ оригинальные звуки, похожіе на смѣхъ. Одинъ изъ интереснѣйшихъ видовъ этихъ

Феликс Форь, президентъ Французской республики († 4 февраля 1899 г.).
Съ фот. автогипія «Нивы».

птица известна под названием ягана и водится в Новомъ Свѣтѣ, по всемъ стоячимъ водамъ отъ Гвианы до Парагвая, и въ Китаѣ. Очаровательно зрѣние представляетъ китайская ягана или водяной фазанъ, при яркомъ солнечномъ освѣщеніи, когда она бѣжитъ съ немнѣвнѣй, еле уловимой глазомъ, быстротой по

густо сплетеннымъ листьямъ водяныхъ лилій въ поискахъ за добычей, — водяными насекомыми. Въ случаѣ опасности, ягана скрывается подъ широкіе листья и, нырнувъ въ воду, выжидаетъ тамъ, пока не минетъ опасность; затѣмъ она снова выходитъ на поверхность и направляетъ свой стремительный бѣгъ по листьямъ.

Феликсъ Форъ.

(Портр. на стр. 137.)

Въ пятницу, 5-го февраля, вся Европа была поражена неожиданною вѣстью. Наканунѣ, 4-го февраля, скоропостижно скончался президентъ Французской республики, Феликсъ Форъ. Никто не ожидалъ его смерти. Феликсъ Форъ родился 18-го января 1841 г., следовательно, ему было всего 58 лѣтъ. Мало того, онъ пользовался извѣстнымъ здоровьемъ и въ день смерти еще утромъ собирался совершить, по своему обыкновенію, прогулку верхомъ. Хотя эта прогулка и была отменена вслѣдствіе внезапной слабости, которую почувствовалъ покойный президентъ, но весь день онъ, какъ всегда, провелъ за работою и только вечеромъ потребовалась врачебная помощь, а въ 10 часовъ его уже не стало: онъ умеръ отъ удара, отъ кровоизліянія въ мозгъ, сохранивъ почти до послѣдней минуты полное сознание.

Не стало виднаго государственнаго дѣятеля, весьма типичнаго представителя тѣхъ энергичныхъ людей, self-made men, — какъ говорятъ англичане, — которые всемъ обязаны только себѣ и, начавъ съ малаго, достигаютъ великаго. Сынъ обойщика-столяра, простой рабочей-дубильщикъ, а затѣмъ приказчикъ въ кожевнной лавкѣ, онъ долгие годы трудится надъ усовершенствованіемъ своего ремесла и приобретаетъ такой опытъ и такія знанія, что постепенно самъ становится хозяиномъ. Мало того, благодаря своей дѣловитости, опыту, практической умѣлости, способности вникать въ интересы своихъ товарищей, онъ приобретаетъ среди нихъ большое влияние, становится извѣстнымъ въ своемъ родномъ городѣ Гаврѣ, а постепенно и въ другихъ мѣстностяхъ Франціи, расширяетъ свое торговое предпріятіе одновременно съ своимъ общественнымъ влияніемъ. Когда для Франціи настаютъ роковые дни бѣдственной войны, онъ все бросаетъ, сѣмнитъ въ ряды арміи, будучи тяжело боленъ, не покидаетъ поля сраженія, своею храбростію и неустрашимостію отличается на войнѣ, командуетъ батальономъ подвижной гвардіи, и затѣмъ, по минованіи войны, опять возвращается къ своей трудовой жизни. Общественное его влияние все возрастаетъ. Въ 1881 г., 40 лѣтъ отъ роду, онъ становится депутатомъ и тотчасъ же привлекается къ административной дѣятельности, въ качествѣ товарища министра торговли и колоній. Еще въ Гаврѣ онъ расширяетъ свою торговую дѣятельность, дѣлается собственникомъ верфи, изучаетъ интересы вышней торговли родины. Приобрѣтенныя имъ на этомъ поприщѣ знанія и опытъ оказались столь значительными, что къ нимъ не могли не прибѣгнуть въ руководящихъ правительственныхъ кружкахъ. Когда французскій парламентъ отъ словесныхъ фейерверковъ и турнировъ переходилъ къ рѣшенію серьезныхъ вопросовъ, къ голосу Форы всѣ прислушивались: онъ не былъ ораторомъ, но обладалъ, быть-можетъ, наиболее убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, — краснорѣчіемъ фактовъ, т.-е. неопровержимыхъ фактическихъ аргументовъ. Обсуждался ли вопросъ о сооруженіи новыхъ путей сообщенія или о лучшей эксплуатации старыхъ, возникали ли сомнѣнія относительно способовъ лучшаго огражденія торговыхъ интересовъ Франціи, опасались ли французскіе патриоты за процваніе финансовъ страны, тотчасъ же взоры обращались на Форы, и наиболее дѣльные элементы народнаго представительства высоко цѣнили его указанія и совѣты. Поэтому рѣдная парламентская коммисія обходилась безъ него. Не только практически, но и теоретически онъ настолько овладѣлъ экономическими интересами своего отечества, что написалъ нѣсколько книгъ, посвященныхъ бюджету Франціи, изъ которыхъ одна вслѣдствіе своей основательности удостоилась преміи со стороны высшаго ученаго учрежденія страны, академіи наукъ. Въ 1891 г. онъ занимаетъ постъ морскаго министра и признается весьма авторитетомъ по вопросамъ колониальнымъ и морскою торговлю, а въ слѣдующемъ году, когда 3-го января Казиміръ Перье отрывается отъ президентства, кандидатура Форы встрѣчаетъ уже общее сочувствіе, и 5-го января конгрессъ избираетъ его большинствомъ 430 голосовъ противъ 361. Простой рабочей-дубильщикъ занимаетъ постъ главы государства.

Мы въ краткихъ словахъ прослѣдили всю дѣятельность покойнаго президента Французской республики до того дня, когда онъ занялъ отшельническій постъ, на которомъ и скончался. Отвѣчая на привѣтствія президентова сената и палаты депутатовъ по поводу его назначенія главою государства, Форъ, между прочимъ, сказалъ: «Съ настоящей минуты я перестаю принадлежать одной только партіи и становлюсь третейскимъ судьей для всѣхъ». Собственно говоря, Феликсъ Форъ никогда не былъ человекомъ партіи или, выражаясь иначе, онъ строго воздерживался отъ участія въ тѣхъ партійныхъ раздорахъ, которые такъ сильно тормозятъ успѣхи нормальной законодательной дѣятельности французскаго парламента, задерживаютъ рѣшеніе наиболее насущныхъ вопросовъ и перѣдко повергаютъ въ уныніе наиболее преданныхъ друзей Франціи. Для Форы, какъ въ частной, такъ и въ общественной и государственной жизни дѣло стояло на первомъ планѣ, и потому онъ былъ врагомъ тѣхъ безконечныхъ пререканій, раздоровъ и скандаловъ, которые такъ

часто омрачаютъ засѣданія палаты депутатовъ. Если онъ лично многого достигъ, если большинство избирателей находилось на его сторонѣ, если онъ добился влияния въ парламентѣ, если народныя представители доверили ему высшій постъ въ государствѣ, то именно потому, что онъ по возможности стоялъ въ сторонѣ отъ борьбы партій, отъ тѣхъ театральныхъ представленій, которыя то и дѣло устраиваютъ наиболее легкомысленные элементы палаты на потѣху толпы, жадной до подобныхъ представленій. Повидимому только этими представленіями достигается извѣстность въ самой Франціи и за ея предѣлами. Благодаря имъ личности, ничтожныя во всѣхъ отношеніяхъ, становятся европейскими знаменитостями. Но на дѣлѣ, какъ оказывается, слава эта не принадлежитъ къ числу завидныхъ, и французскій народъ, равно какъ и его представители въ парламентѣ, возводятъ на высшіе государственныя посты людей, работающихъ въ тиши, занятыхъ насущными вопросами, административными и законодательными, которые двигаютъ жизнь въ то время, какъ крикливые элементы, поднимающіе шумъ на всю Европу, только ее тормозятъ и зашугиваютъ. Покойный президентъ Французской республики принадлежалъ именно къ числу такихъ работниковъ и своею трезвою, трудовою и умѣлою дѣятельностію снискалъ себѣ общее уваженіе и сочувствіе даже среди недоброжелателей Франціи.

Россія принадлежитъ къ числу ея друзей. Единеніе между двумя странами установилось уже давно. Покойному президенту пришлось только завершить то, что было уже начато и осуществлено другими. Но при немъ русско-французское единеніе достигло того фазиса, когда даже наиболее скептическіе умы вынуждены были признать совершившійся фактъ. Въ 1896 г. Государь Императоръ дозволилъ посѣтить Францію и Парижъ. То были дни народнаго энтузіазма, какіе рѣдко переживала Франція. Въ слѣдующемъ году Россія пережила не менѣе торжественные дни общаго воодушевленія по поводу пріѣзда покойнаго президента Французской республики въ Петербургъ: берега Невы въ своемъ патриотическомъ восторгѣ не отстали отъ береговъ Сены. Со времени этихъ достопамятныхъ дней не прошло еще и двухъ лѣтъ, а Феликса Форы, служившаго тогда представителемъ Франціи и выразителемъ ея чувствъ, уже не стало. Сколько отрадныхъ, радостныхъ воспоминаній связано для насъ съ его именемъ! И поэтому вдвойнѣ печально узнать, что смерть безжалостно скосила этого дѣятеля, пользовавшагося полнымъ нашимъ сочувствіемъ, скосила еще въ цвѣтѣ силъ, когда, казалось, нельзя было и думать о преждевременной его кончинѣ.

Когда мы вспоминаемъ тѣ недавніе дни общаго одушевленія, мы не можемъ не отнестись съ особенною признательностію къ памяти усопшаго французскаго государственнаго дѣятеля. За нимъ стояло громадное большинство французскаго народа, то большинство, которое въ частной жизни посвящаетъ себя упорному труду, въ общественной — избѣгаетъ всякаго шума и заботится только о дѣлѣ, въ государственной — имѣетъ въ виду истинные интересы родины и настроено враждебно ко всякаго рода политическимъ и военнымъ похижденіямъ. Это — вся трезвая, трудолюбивая, дѣловая Франція. Феликсъ Форъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся ея представителей и, въ качествѣ главы государства, старался вслѣдствіе быть ея выразителемъ. Эта Франція никому не внушаетъ опасеній; всѣ къ ней относятся сочувственно, доброжелательно, съ уваженіемъ. Россія, какъ это недавно еще такъ краснорѣчиво подтвердилось циркуляромъ о разоруженіи, не ищетъ войны, она не сочувствуетъ политическимъ дѣятелямъ, склоннымъ ставить на карту благополучіе своей родины; миролюбивое настроеніе Россіи вполне раздѣляетъ и та Франція, представителемъ которой былъ покойный Феликсъ Форъ. Только эта Франція могла подготовить франко-русское единеніе, только она могла скрѣпить это единеніе достопамятными событиями 1896—97 гг.

Съ этой точкой зрѣнія смерть Феликса Форы составляетъ событіе для всѣхъ одинаково печальное. Когда на другой день послѣ кончины Форы собрался германскій рейхстагъ для обсужденія текущихъ вопросовъ, имперскій канцлеръ потребовалъ слова и сказалъ: «Я убѣренъ въ томъ, что представительство германскаго народа сливается въ чувствахъ съ императоромъ и союзными правительствами при выраженіи искренняго и сердечнаго сочувствія къ французской націи, оплакивающей кончину человека, который, будучи главою ея государства, неотступно ратовалъ за великіе интересы мира и поощрялъ благоуспѣшныя народовъ». Слова эти были покрыты рукоплесканіями и конечно встрѣтили сочувствіе во всей Европѣ.

Такъ какъ президентъ Французской республики избирается на 7 лѣтъ, то Феликсу Форѣ предстояло занимать свой постъ еще до 5-го января 1902 г., т. е. еще 3 года. Его неожиданная смерть лишила Францію одного изъ наиболее надежныхъ ея руководителей, а ея друзей — одного изъ наиболее желательныхъ носителей французской государственной власти. Вся Европа могла быть увѣ-

рена, что, пока Феликс Форь занимает пост президента, со стороны Франции не произойдет нарушения торжественного лозунга, провозглашенного в 1896 и 1897 гг. Лозунг этот гласил: «мир и братство», и подтверждал ту мысль, что Россия и Франция стремятся главным образом к миру и усматривают в своем единении наиболее верное средство достижения этой благой цели. Если французская государственная власть оказалась бы в других руках, то можно было бы опасаться, если не прямо за мир, то по крайней мере за ослабление наиболее верного средства сохранения его в неприкосновенности. Скорбя о смерти Феликса Фора, мы можем найти некоторое утешение в том обстоятельстве, что у него было не мало сотрудников и единомышленников, которые позаботятся о том, чтобы Франция не уклонилась от пути, которого она так твердо держалась при двух своих президентах, к несчастью, столь рано у нея похищенных смертью,—Карно и Форь...

Можно надеяться, что и во внутренней политике Франции не изменит этому пути. Неумеренная борьба партий, пользующихся всяким удобным случаем для возбуждения народных страстей, пока никому не доставила влиятельного положения в государстве. Стремления трудовой и деловой Франции до сих пор всегда одерживали верх в решительные минуты. Смерть Феликса Фора, составляющая тяжкий удар для Франции, заставит ее теснее сойтись вокруг других ее вождей, также обязанных своим общественным и политическим влиянием тем же качествам, которые в такой высокой степени были присущи покойному президенту республики.

Мы достаточно охарактеризовали эти качества. Когда говорят о деловитости, умении добиваться в жизни своих целей, служить практическим интересам родины, то обыкновенно с этими качествами связывают представление о некоторой черствости и сухости. Покойный Феликс Форь обладал, повторяем, в высокой степени этими качествами. Но каковы же были последние минуты его жизни? Простившись с женою и детьми, он поблагодарил в теплых выражениях директора своего кабинета Легали за верное сотрудничество и обратился затем к своему дворецкому, напомнив ему, что он иногда с ним обращался резко, и просил простить его за это, а также сказал несколько добрых слов своему камердинеру. После того он потерял сознание и через час скончался. Какою добротой, каким искренним желанием никого не обидеть ввесь от этой прощальной сцены с жизнью и всем, что было в ней дорогого! В основе той деловитости и серьезности, которые были характеристическими признаками покойного президента, лежали идеальные стремления: горячее желание добра ближнему и родине, а вместе с тем и глубокое сознание, что только путем проявления этих качеств можно принести в жизни существенную пользу. Так жил, так умер Феликс Форь, и его жизнь, независимо от той непосредственной пользы, которую она принесла, может служить красноречивым указанием, в какого рода деятелях наиболее нуждается современность.

В жизни президента Фора, скрывавшего от лица Франции в Париже и Петербурге дружественный союз с Россией, участие его в заседании французской академии рука-об-руку с Их Императорскими Величествами является одним из крупнейших событий. Это знаменитое заседание состоялось, как известно, 25-го сентября 1896 года. Оно воспроизведено на прекрасной картине г. Бруйя, снимок с которой помещен в настоящем номере *Новы*. Французские академики пожелали, — по словам Легуве, приветствовавшего Их Величества, — чтобы Государь Император и Государыня Императрица вместе с президентом республики, как представители всей Франции, вошли в тесное общение с цветом французской науки и литературы. Общение правителей с цветом науки и литературы представлять всегда отрадное зрелище. В данном же случае оно подтверждало мирный характер франко-русской дружбы и поэтому составляло событие, на котором охотнее всего останавливается наше внимание, когда мы вспоминаем о покойном президенте Французской республики и о той роли, которую он сыграл в деле окончательного упрочения франко-русского союза.

Преосвященный Евсевий, епископ владивостокский.

(Портр. на этой стр.)

Съ приобретением от дружественного Китая новых территорий в Манджурii горизонты нашей политики, естественно, расширились; вместе с этим на Дальнем Востоке открылось для русских людей новое поприще для культурно-исторической их работы и православно-христианской миссии. В связи с этими характерными явлениями в политическом мире получает свой глу-

бойкий смысл назначение съ 1-го января 1899 г. во Владивосток самостоятельного нашего архиепископа.

Честь быть первым духовным владыкой важнейшего административно-торгового пункта этой отдаленной окраины нашего обширного отечества выпала на долю скромного труженика сибирской церкви, благовещенского епископа Евсевия, в мире прозывавшегося Евгением Ивановичем Никольским.

Родина владыки — село Серебрянка, алексинского уезда, тульской губернии, где отец его был священником. Воспитание его велось в строго-церковном духе. В 1885 г., по окончании курса учения в московской духовной академии со степенью кандидата богословия, Е. И. Никольский назначен был преподавателем русского и церковно-славянского языка в духовном училище Могилева-губернского. Здесь он исполнял еще должность надзирателя и по собственному желанию был старостой и уставщиком домовою церкви училища. 31-го декабря 1888 г. Никольский определен был помощником смотрителя того же училища.

Не имея призвания къ семейной жизни, Е. И. 3-го августа 1893 г. постригся въ иночество. Въ том же году онъ возведенъ былъ въ санъ архимандрита и, послѣ кратковременной службы въ с.-петербургскомъ духовно-цензурномъ комитетѣ, въ октябрѣ определенъ былъ на должность ректора Иркутской духовной семинарии. Теперь центръ дѣятельности о. Евсевія, послѣ 8-лѣтней службы на Западѣ Россіи, переносится на Востокъ, въ далекую и глухую Сибирь. Мало оттуда доходить до насъ извѣстій, и потому не много мы знаемъ о той часто удивительной энергій, которую проявляютъ тамъ скромные слуги православно-русскаго дѣла.

26-го января 1897 г. архимандритъ Евсевій хиротонисанъ былъ во епископа киренскаго, викарія-миссіонера Иркутской епархіи, а въ слѣдующемъ году получилъ уже самостоятельную благовещенскую каѳедру.

Владивостокъ въ настоящее время — главный русскій портъ въ водахъ Тихаго океана. Порты-Артуръ и Талиенванъ еще не оборудованы, какъ слѣдуетъ. Владивостокъ — мѣсто стоянки нашей эскадры и исходный пунктъ великой сибирской желѣзно-дорожной магистрали, а также и конечный портъ пароходныхъ рейсовъ. Въ виду такого важнаго значенія этого города нельзя не приветствовать назначеніе туда спеціального православно-русскаго архіерея. Преосвященный Евсевій еще во цвѣтѣ силъ: ему всего 39 лѣтъ (род. 21-го января 1860 г.).

А. А. Куникъ.

Сошелъ въ могилу старѣйшій академикъ Императорской академіи наукъ Аристъ Аристовичъ Куникъ — извѣстный исторіографъ, археологъ, нумизматъ, византистъ и линг-

вистъ, бывшій въ продолженіе многихъ лѣтъ директоромъ одного изъ отдѣленій академической бібліотеки, старшимъ хранителемъ Императорскаго Эрмитажа, членомъ археографической коммисіи и главнымъ ея редакторомъ для иностранныхъ авторовъ. Нѣмецъ по происхожденію, онъ отдалъ Россіи все: и свои лучшие годы, и свою обширную эрудицію, напечатавъ въ теченіе полувѣковой своей ученой дѣятельности свыше 120-ти статей, замѣтокъ и записокъ.

А. А. Куникъ родился въ 1814-мъ году въ прусской Силезіи и, по окончаніи курса въ берлинскомъ университетѣ со степенью кандидата философіи, пріѣхалъ въ 1839 г. въ Москву, гдѣ занялся изученіемъ русской исторіи, обративъ на себя вниманіе историка Погодина и министра С. С. Уварова. Уже тогда молодой ученый перевелъ на нѣмецкій языкъ «Энциклопедію законодѣнія» Неволлина и «Славянскую міѳологію» Касторскаго. Въ 1841 г. А. А. началъ сотрудничать въ *Москвитяинѣ*, гдѣ, между прочимъ, помѣстилъ статью: «Литература исторіи въ Германіи». Въ 1844 г. Куникъ определенъ сверхштатнымъ хранителемъ при нумизматическомъ отдѣленіи Императорской академіи наукъ, а за свое фундаментальное сочиненіе: «Die Berufung der schwedischen Rodse durch die Finnen und Slowenen» избранъ былъ въ адъюнкты той же академіи по каѳедрѣ русской исторіи, а поздиѣ — въ экстраординарные академики. Въ 1876 г. Куникъ возведенъ кѣнскимъ университетомъ въ степень доктора русской исторіи — honoris causa.

Среди многочисленныхъ трудовъ А. А. — наиболее значительный: «Призваніе шведскихъ Родзовъ финнами и славянами». Здѣсь онъ выступаетъ представителемъ норманской теоріи происхожденія Руси и впервые примѣняетъ къ изученію русской исторіи историко-генетическій методъ, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ разработанъ Яковомъ Гриммомъ. Много трудовъ А. А. относятся къ области исторической этнографіи и исторіи просвѣщенія въ Россіи. Многие изъ нихъ изданы отдѣльно. Въ качествѣ директора бібліотеки академіи, Куникъ значительно ее обогатилъ. Покойный оставилъ послѣ себя достойный памятникъ — богатую рѣдкими историческими сочиненіями бібліотеку, которую знатоки оцениваютъ въ 30,000 р.

А. А. представлялъ собою типъ замкнутаго въ своемъ кабинетѣ ученаго, ушедшаго отъ міра ради науки и пренебрегавшаго вся-

Преосвященный Евсевий, первый епископ владивостокский.

По фот. Здобинова грав. Шюблеръ.

Легуа, Эрве, Лоти, Герцогъ Брольи, Мельякъ, Леметръ, Сорель, Ганото, Ген. Турнье, Графъ Воронцовъ, Ген. Фредериксъ,
 Сюлиа Прюдомъ, Греаръ, Бертранъ, Колпазъ, Галеви, Коппазъ, Графъ д'Оссонвилль, Лависъ, Рамбо, Ген.-адъют. Рихтеръ, Ген. Будадефъ,
 Маркизъ де-Вогре, Сарау, Борнье, Пальеронъ, Клареси, Государь Императоръ, Президентъ Форъ, Государыня Императрица, Фрейлина Васильичнова,
 Эредиа, Герцогъ Омальскій, Герцогъ д'Одиффра, Мезьеръ, Шербулье.

Торжественное засѣданіе французской академіи въ Высочайшемъ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Александровны и покойнаго президента республики Феликса Фора, 25 сентября 1896 года.

Съ картины А. Бруйя грав. Ш. Бодъ.

кими почестями. Между прочим, онъ никогда не одѣвалъ своего мундира, орденовъ и никогда въ жизни не снимался. Всегда за работой, въ халатѣ на распашку, въ ветхомъ креслѣ, четвертую ножку котораго замѣняли книги, горячо бесѣдующій объ увлекавшихъ его вопросахъ, или въ поношенномъ пальто предпринимающій, въ сопровожденіи двухъ своихъ вѣрныхъ четвероногихъ друзей, длинныя загородныя прогулки пѣшкомъ—такимъ является А. А. въ памяти лицъ, хорошо его знавшихъ. Ученый и гуманный человекъ, Кунникъ либо вкладывалъ сбереженія свои въ библиотеку, либо раздавалъ ихъ нуждающимся. Онъ жилъ одиноко и одиноко умеръ на 85-мъ году жизни.

М. Д. Каменская.

(Портр. на этой стр.)

Даровитая примадонна нашей маринской сцены, Марія Даниловна Каменская, недавно отпраздновала двадцатипятилѣтній юбилей своей артистической дѣятельности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, двадцатилѣтіе службы на казенной сценѣ. Дебютировавъ съ большимъ успѣхомъ въ партіи Вани («Жизнь за Царя») въ концѣ января 1874 г., тотчасъ по уходѣ г-жи Лавровской, М. Д. Каменская въ теченіе двѣнадцати лѣтъ подъ рядъ занимала одно изъ первыхъ мѣстъ на амбула партій меццо-сопрано и контральто, пользуясь любовью публики и вниманіемъ печати. Вслѣдствіе разныхъ, недоразумѣній она вынуждена была оставить Императорскій театръ и пѣть на частныхъ сценахъ и въ концертахъ, то собственннхъ, то устраиваемыхъ другими.

Пять тяжелыхъ лѣтъ провела такимъ образомъ наша юбилярша: частныхъ сценъ у насъ мало, концертами тоже очень трудно существовать при отсутствіи у насъ постоянныхъ концертныхъ обществъ, какъ, напримѣръ, въ Германіи, гдѣ почти въ каждомъ городѣ имѣются различныя «Verein'ы» и гдѣ спросъ на концертныхъ пѣвцовъ очень значителенъ. Единственнымъ утѣшеніемъ въ эту пору ея жизни была любовь публики, неизмѣнно относившейся къ ней, какъ къ своему баловню. Наконецъ обстоятельства замѣнились, и ее снова пригласили на маринскую сцену въ 1891 г., «на вторыя партіи» съ маленькимъ окладомъ. Но превосходный голосъ ея, вмѣстѣ съ обширнымъ репертуаромъ, выдвинули М. Д., и она снова перешла вскорѣ на первыя роли.

Кромѣ того, ей зачислили первое время службы и, такимъ образомъ, г-жа Каменская дослужила до пенсіи. Юбиляршу оставляютъ еще на пять лѣтъ, и тогда она получитъ бенефисъ. Надо было быть въ Маринскомъ театрѣ въ день ея юбилей, когда дана была «Рогнѣда», чтобы видѣть, какъ ее любитъ публика: оваціямъ, аплодисментамъ, подношеніямъ, цвѣтамъ, букетамъ, вѣнкамъ не было конца. Г-жа Каменская спѣла партію «Рогнѣды» съ такимъ же мастерствомъ, какъ и прежде; голосъ ея до сихъ поръ теплый, мягкій, сильный. Въ теченіе своей артистической дѣятельности М. Д. насчитываетъ до 30 партій, исполненныхъ ею въ разныхъ операхъ русскаго и иностраннаго репертуара. Не забудемъ, что ей приходилось пѣть въ самую блестящую пору руссой оперы, когда рядомъ съ нею дѣйствовали г-жи Меньшикова, Велинская, Раабъ, Петрова и г. Орловъ, Мельниковъ, Прияшниковъ, Стравинскій и проч., и что она пѣла такія отвѣтственные партіи, какъ Фидесь («Пророкъ»), княгини («Русалка»), Ортруды («Лоэнгринъ»), Рогнѣды, Тизбы («Анжело»), Амперисъ («Аида»), Пенли («Бронзовый конь»), Андриана («Рисци»), Ганны и свояченицы («Майская ночь»), Иоанны («Орлеанская дѣва»), Любови («Мазепа»), Графини («Пиковая дама»), Спиридоновны («Вражья сила»), Солохи («Ночь передъ Рождествомъ»), Нани («Евгеній Онѣгинъ»), Морозовой («Опричникъ») и мн. др. Мы далеко не перечислили всѣхъ партій, но и изъ этого перечня видно, что ей одинаково доступны были какъ сильныя драматическія роли, такъ и комическія. Остается только пожелать, чтобы М. Д. Каменская еще долго служила родному искусству.

„Забава Путятишна“, новая опера г. Иванова.

Въ истекшемъ январѣ т. г. дана была въ Новомъ Императорскомъ

театрѣ въ Москвѣ первая опера извѣстнаго музыкальнаго критика и композитора, г. Иванова, подъ названіемъ, выставленнымъ въ заголовкѣ. Опера имѣла громадный успѣхъ, и на первыя представленія автору устроены были шумныя оваціи.

«Забава Путятишна», либретто для которой составлено композиторомъ изъ пьесы г. Буренна того же названія, дававшейся съ успѣхомъ на Александринской сценѣ, принадлежитъ, какъ по сюжету, такъ и по музыкѣ, къ типу серьезной *комической оперы*, т.-е. къ жанру, сравнительно мало у насъ культивируемому; къ сожалѣнію, авторъ не вездѣ выдерживаетъ этотъ характеръ и этимъ, конечно, лишаетъ свою оперу цѣльности. Мы не станемъ останавливаться на либретто: на ссорѣ Ильи Муромца съ княземъ Краснымъ Солнышкомъ, на побѣдѣ Ильи Муромца надъ ордынскимъ ханомъ Калиномъ и др.; все это общеизвѣстно, а перейдемъ прямо къ иллюстрирующей этотъ сюжетъ музыкѣ, въ которой ярко можно отмѣтить три стили, сообразно персонажажамъ, дѣйствующимъ въ оперѣ: русскій для большинства героевъ, итальянскій для венеціанца Соловья и восточный для мурзъ, пословъ ордынскаго хана.

Прежде всего нужно замѣтить, что г. Ивановъ въ своей «Забавѣ» является поклонникомъ не декламационнаго стиля, а мелодическаго; большинство его героевъ поетъ, а не разговариваетъ подъ музыку; исключеніемъ является князь и приближенные къ нему богатыри, хоти и речитативы Ильи Муромца и Добрыни очень мелодичны. Затѣмъ, характеристика героевъ у него не формальная въ смыслѣ общепринятыхъ въ настоящее время лейтмотивовъ, а вытекаетъ изъ самой музыки, которую онъ отводитъ тому или другому лицу. Напримѣръ, Забава очерчена рѣзвой, веселой музыкой;

то же нужно сказать о ея подружѣ Настѣ, такой же рѣзвухѣ, какъ она сама (партія, къ сожалѣнію, слишкомъ не велика); Василиса Микулишна, жена Ставра, являющаяся подъ видомъ королевича Василья Эгмануйловича, чтобы освободить мужа изъ оковъ, также характеризуется подходящей музыкой; Соловей Будимировичъ распѣваетъ о венеціанской ночи и серенады, какъ и подобаетъ итальянцу.

Первенствующую роль г. Ивановъ предоставляет не оркестру, а пѣвцамъ; партіи написаны убого для голоса; есть, однако, и самостоятельныя №№ для оркестра: интродукція съ хоромъ (пѣсь гусляровъ), симфоническая картина лѣса (нѣчто въ родѣ интермеццо), маршъ (когда князь принимаетъ ханскихъ пословъ); къ сожалѣнію, пропущенъ татарскій маршъ, имѣвшій успѣхъ на концертахъ въ Петербургѣ, Москвѣ и въ Парижѣ, и танцы въ концѣ оперы. Выпустить пришлось также и большую народную сцену въ третьемъ актѣ, отчего послѣдній очень пострадалъ. Невольно вспоминаются слова Рубинштейна относительно купюръ, дѣлаемыхъ дирижерами: «и инквизиторы спасали души, сжигая гѣла». Изъ названныхъ оркестровыхъ номеровъ болѣе удались композитору — картина лѣса и маршъ.

Опера состоитъ изъ четырехъ дѣйствій и пяти картинъ, кромѣ пролога. Вторая картина въ первомъ актѣ и четвертое дѣйствіе — самыя лучшія; вторая картина, происходящая въ лѣсу, куда прѣѣзжаютъ (на лодкахъ) Забава съ подругами порѣзвиться (здѣсь же и пѣсь соловья, превосходная колоратурная арія, всегда повторяемая), полна поэзіи. Что же касается послѣдняго акта, который развязываетъ всѣ узлы интриги, то онъ чрезвычайно оживленъ. Изъ отдѣльныхъ номеровъ отмѣтимъ прежде всего два прекрасныхъ женскихъ хора въ народномъ характерѣ, истинно-комическое тріо въ восточномъ стилѣ (канонъ) ордынскихъ пословъ, квинтетъ (въ лѣсу), доказывающій, что авторъ очень искусенъ въ голосоведеніи, и славлене князя въ концѣ. Почти у всѣхъ солистовъ есть благодарныя аріи: двѣ—у Забавы, одна—у Василисы, двѣ—у Соловья, по одной у Ильи Муромца и Добрыни. Въ заключеніе прибавимъ, что «Забава Путятишна» уже ставится въ Кіевѣ и Харьковѣ.

В. Баскинъ.

М. Д. Каменская.

Съ фот. Императ. театровъ автотипія «Нивы».

М. М. Ивановъ.

Съ фот. автотипія «Нивы».

Только что вышло из печати и поступило в продажу новое издание А. Ф. МАРКСА:

„НЕПОКУШНОЕ“.

Повесть Н. И. Полевого.

Съ 55 оригинальными рисунками Е. П. Самокишъ-Судковской.

Большой роскошный томъ въ 4-ю долю листа въ художественномъ переплетѣ, тисненомъ золотомъ, серебромъ и красками.

Содержаніе этой новой повести нашего известнаго писателя заимствовано изъ современной жизни. Дѣйствие ея происходитъ сначала въ Москвѣ, а затѣмъ въ Западномъ краѣ. Въ основу повести положена очень симпатичная идея, выраженная авторомъ, какъ въ самомъ заглавіи повести, такъ и въ словахъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ, купца-идеалиста Холцева: «думаешь: на деньги, жаль, все куплю, все выкулю... А въ томъ-то и бѣда, что есть, братецъ, на свѣтѣ и непокушно!» Справедливость этой мысли авторъ и доказываетъ своей повестью. въ высшей степени живописной, возвышающейся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до глубокаго драматизма. Разказанная мастерски, съ постояннымъ нарастаніемъ интереса, и отличающаяся глубокой правдивостью изложенія и художественностью обрисовки дѣйствующихъ лицъ, повесть оставляетъ въ читателѣ бодрѣе чувство глубокаго удовлетворенія, пробуждаетъ въ немъ лучшія чувства души.

Прекрасныя, художественно воспроизведенныя, иллюстраціи Е. П. Самокишъ-Судковской не только служатъ украшеніемъ повести, но и въ известной степени поясняютъ мысли автора: строго вѣрныя тексту, оныя запечатлѣваютъ въ памяти читателя образы, которые создалъ авторъ въ своей повести. Великолепная бумага, четкія, крупныя шрифты, большой форматъ (въ 4-ю долю листа), новинный художественный, тисненый красками, серебромъ и золотомъ переплетъ придаютъ книгѣ характеръ роскошнаго изданія.

Цена 2 р. 50 к., съ перес.— 2 р. 80 к., въ художественномъ переплетѣ— 3 р., съ пересылкою — 3 р. 50 к.

Треб. просить адресъ въ контору изданій А. Ф. Маркса, СПб., М. Морская, № 22.

ЮВЕЛИРЪ

К. И. БОКЪ

бывшій

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Большая Морская, 9.

БЮЛЕРЪ.

МОСКВА,
Кузнечій мость, 6.

Громадный выборъ брилліантовыхъ и золотыхъ вещей на всякія цѣны. Изготавливаетъ всевозможные жетоны, какъ-то: Всероссийской выставки въ Н.-Новгородѣ 1896 г., XII международнаго медицинскаго конгресса въ Москвѣ, V фотографической выставки Императорскаго Техническаго общества въ С.-Петербургѣ, 100-лѣтняго юбилея министерства путей сообщенія и мн. др. Покупаетъ золото и драгоценныя камни.

№ 12039 12-1

„ОТРОКЪ-МУЧЕНИКЪ“

Углицкое преданіе. Повесть В. М. Михеева. Съ 30-ю рис. (10 рис. на отдѣльныхъ листахъ и 20 рис. въ текстѣ) М. В. Нестерова, В. П. Суринова и Е. М. Бемъ.

Большой роскошный томъ въ 4-ю долю листа въ худож. переплетѣ, тисненомъ золотомъ и красками.

Цена 2 р. 50 к., съ перес.— 2 р. 80 к., а въ художественномъ переплетѣ, тисненомъ золотомъ и красками—3 руд., съ пересылкою 3 руб. 50 коп.

Требованія адресовать въ контору изданій А. Ф. Маркса, СПб., М. Морская, № 22.

ГИТАРЫ

Народныя въ 3 руб. и 5 руб.
Для любителей въ 6, 7, 10, 15 и 20 руб.
Для артистовъ въ 25, 30, 40, 50, 75, 100 и 125 руб.

БАЛАЛАЙКИ

Для одиночной игры въ 3 1/2, 4, 8 и 10 руб.
Для оркестровой игры въ 6, 9, 10, 15 и 25 руб.

МАНДОЛИНЫ

въ 8, 15, 22, 30, 50, 75, 100 и 125 руб.
въ 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 60, 80, 100, 125 и 150 руб.

Цитры 80, 100, 125 и 150 руб.
Всѣ другіе музыкальные инструменты по умѣреннымъ цѣнамъ. Прейсъ-курантъ безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34. | Москва, Кузнечій м., д. Захарыина.

СѢМЕННАЯ

ТОРГОВЛЯ

А. Б. МЕЙЕРЪ.

Москва, Мясницкая, д. Кузнецова.

СѢМЕНА

ЦВѢТОЧНЫЯ, ОГОРОДНЫЯ И ПОЛЕВЫЯ
НАИЛУЧШАГО КАЧЕСТВА
И ИСПЫТАННОЙ ВЪСОЖЕСТИ,
по умѣреннымъ цѣнамъ.

Иллюстрирован.
каталога
БЕЗПЛАТНО.

1865.
Москва.

1870.
С.-Петербургъ.

1882.
Москва.

1896.
Нижн.-Новгор.

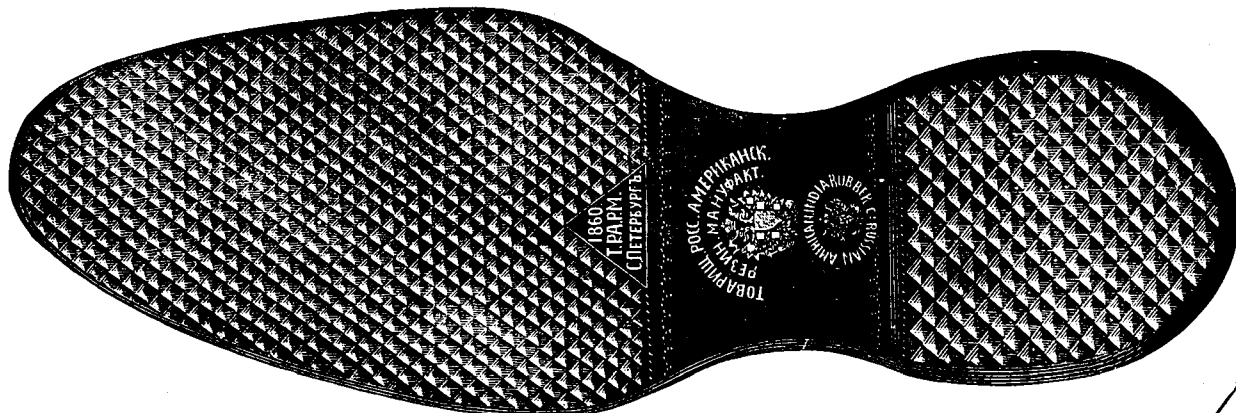
ТОВАРИЩЕСТВО

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАПУФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 11926 13-2

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, и на слово „С.-Петербургъ“ въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

ЧУГУННО-ЛИТЕЙНЫЙ И МЕХАНИЧЕСКИЕ ЗАВОДЫ Ф. САНЬ-ГАЛЛИ.

МОСКВА Кузнецкий мостъ, собств. домъ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ Лиговская ул., № 60. ТЕЛЕФОНЪ № 675.

МАГАЗИНЫ:

НЕВСКИЙ пр., № 8, соб. д. НЕВСКИЙ пр., № 60.
ТЕЛЕФОНЪ № 2355.

ПРОИЗВОДСТВО ЗАВОДОВЪ.

Чугунныя и желѣзныя строительныя издѣлія, какъ-то: всякаго рода конструкціи чуг. колонны, балки, стропила, лѣстницы, зонтики, балконы, рѣшетки и кронштейны.

ЧУГУННЫЯ ТРУБЫ ВЕРТИКАЛЬНОЙ ОТЛИВКИ.

ПАРОВЫЯ МАШИНЫ И НАСОСЫ.

ПАРОВЫЕ КОТЛЫ.

МАШИНЫ ДЛЯ ТАБАЧНАГО
производства.

ПОЛНОЕ УСТРОЙСТВО

МАКАРОННЫХЪ
ЗАВОДОВЪ.

УСТРОЙСТВО ПАРОВОГО И
ВОДЯНОГО ОТОПЛЕНІЯ.

УСТРОЙСТВО
паровыхъ прачешныхъ
и общественныхъ

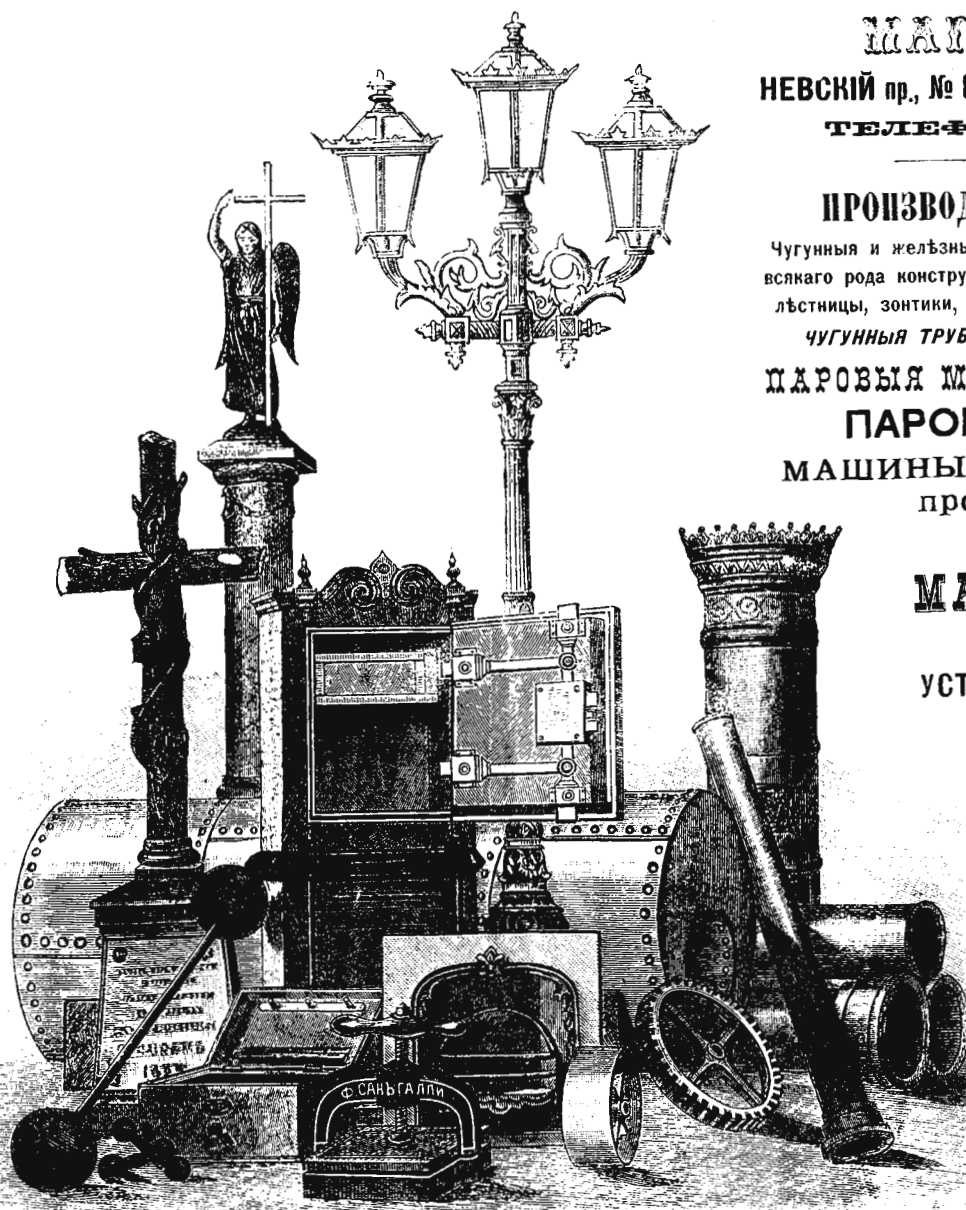
БАНЬ.

УСТРОЙСТВО
паровыхъ и обыкновенныхъ КУХОНЬ
со всеми принадлежностями.

УСТРОЙСТВО
ВОДО-
ПРОВОДОВЪ.

ДЕЗИНФЕКЦИОННЫЕ АППАРАТЫ, СЪ ПАРОМЪ И ФОРМАЛДЕГИДНЫМЪ ГАЗОМЪ.
ПОЛНОЕ УСТРОЙСТВО КОНЮШЕНЬ.

ГИДРАВЛИЧЕСКІЯ, ЭЛЕКТРИЧЕСКІЯ И РУЧНЫЯ ПОДЪЕМНЫЯ МАШИНЫ и проч.
ВЪ МАГАЗИНАХЪ: Денежные шкафы.—Кровати.—Умывальные столы.—Камины.—
Кухонные очаги и проч.

Вниманію застрахован- ныхъ въ Обществѣ „НЬЮ-ІОРКЪ“

Главное Управление для Россіи Общества взаимнаго страхования жизни «НЬЮ-ІОРКЪ» получило слѣдующія интересныя данныя (въ круглыхъ цифрахъ) о результатахъ дѣятельности означеннаго Общества по заключеніи книгъ на 31 декабря 1898 г.

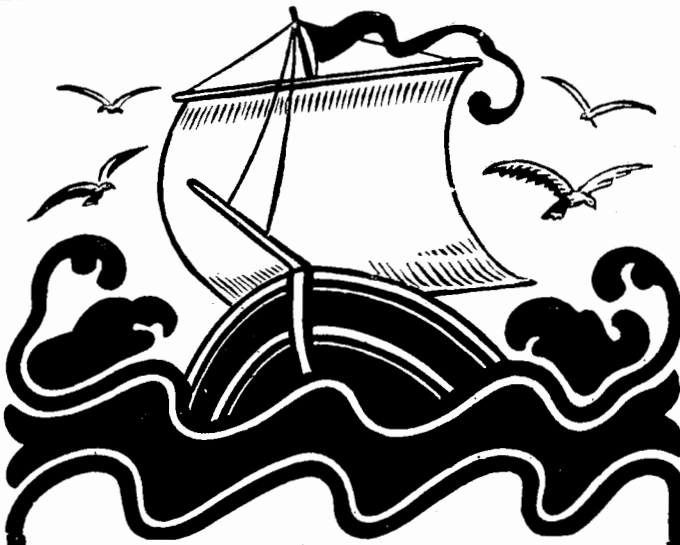
Въ теченіе 1898 года:

Заключено 73.000 новыхъ страхованій на капиталъ 302.000.000 руб. *) т.-е. на 34.000.000 больше, чѣмъ въ 1897 г. Сумма страхованія въ силѣ къ концу отчетнаго года: 1.888.000.000 руб. т.-е. на 134.000.000 больше противъ 1897 года, при чемъ эти результаты достигнуты при меньшихъ расходахъ, чѣмъ даже въ 1897 году.	Уплачено по смертнымъ случаямъ 2850 полисовладельцамъ слишкомъ 20.000.000 руб. по страхованіямъ, которымъ наступилъ срокъ 22.000.000 руб. Выдано 7400 полисовладельцамъ ссудъ подъ обезпеченіе полисовъ изъ 6 проц. годовыхъ (безъ всякаго друг. расход.) 8.000.000 руб. Уплачено полисовлад. дивидендовъ 5.400.000 руб. т.-е. на 600.000 больше, чѣмъ въ 1897 году.
--	--

*) Первая премія поступила.

Приведенныя цифры могутъ вполнѣ удовлетворить страхователей Общества, въ томъ числѣ и его страхователей въ Россіи, такъ какъ Общество, какъ видно изъ его отчетовъ, съ каждымъ годомъ дѣлаетъ все большіе и большіе успѣхи и, что главное, ридомъ съ безпримѣрнымъ расширеніемъ своей дѣятельности, расходы Общества обнаруживаютъ постоянную тенденцію къ уменьшенію.

С.-Петербургъ, Малая Морская, д. № 12.

Потребленіе какао **ВАНЪ-ГОУТЕНА**, одного изъ пріятнѣйшихъ напитковъ, увеличивается съ каждымъ днемъ. Изъ этого какао получается самый лучшій шоколадъ для питья.

Этимъ и объясняется тотъ успѣхъ, которымъ пользуется это какао среди другихъ сортовъ шоколада и среди другихъ напиткововъ, въ родѣ чая и кофе.

Приготовленіе его очень легко, просто и быстро.

Въ 100 частяхъ какао Ванъ-Гутена содержится болѣе 60 частей полезныхъ питательныхъ веществъ.

В. № 11233 6-6

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1898 г. удостоены
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА

В. № 11615
13-11

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.

РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО

основанная въ 1810 году Спб., Владимірскаго № 8, рекомендуетъ превосходнаго тона и отличной работы РОЯЛИ въ 1100, 900, 800, 700, 650 и 550 рублей.
ПИАНИНО въ 550, 500 и 450 р.
Прейсъ-курanty высылаются бесплатно.

Дело въ Москвѣ: Юлій Генрихъ Циммерманъ, Кузнецкій м., д. Захарьина;
въ Ригѣ: О. Энгельманъ; въ Воронежѣ: Р. Т. Шугама; въ Бану: Ф. И. Шрейберъ;
въ Тифлисѣ: Б. М. Мирманіанъ.

БЫСТРО, ЧЕТКО и КРАСИВО

пишутъ новѣйшія пишущія машины

„БЛИКЕНСДЕРФЕРЪ“

Въ 2 года выпущено свыше 20,000 машинъ.

На различн. выставкахъ премированы высшими наградами и золот. медалями. Цена **100 и 140 руб.** В. № 11922 6-4

Образцы шрифтовъ и каталоги высылаются бесплатно.

★ ПРЕДСТАВИТЕЛИ: Э. КУЖИХАНЪ и К^о С.-Петербургъ, Гороховая, 17. ★

СПЕРМИНЪ ПРОФ. ПЕЛЯ.

СРЕДСТВО
ДЛЯ

МАЛОКРОВНЫХЪ и СЛАБОНЕРВНЫХЪ.

Тонизирующее средство при лихорадочныхъ и изнурительныхъ болѣзняхъ употребляется: 1) внутр., въ видѣ капель (Essentia Spermini-Pöehl), 2) въ видѣ подкожныхъ впрыскиваній (Sperminum-Pöehl pro injectione).

ИМѢЕТСЯ ВО ВСѢХЪ БОЛЬШИХЪ АПТЕКАХЪ.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:

ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ ПРОФ. ДОКТОРА ХИМИИ ПЕЛЯ,
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 7 явл., д. 18.

Лабораторія охотно снабжаетъ гг. врачей полновѣщими въ научной печати наблюденіями надъ цѣлебными дѣйствіями этихъ препаратовъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на популярное иллюстрированное изданіе:

„ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ“ БРЭМА.

Полный переводъ со 2-го нѣмецк. изданія подъ редакціей доктора зоологіи С. М. Перяславцевой.

80 выпусковъ или 3 объемистыхъ тома большого формата и убористой печати. 1.200 иллюстрацій. Первые 26 выпусковъ составляютъ 1-й томъ — Млекопитающія. Съ 27-го выпуска начинается 2-й томъ — Птицы. 3-й томъ (съ 53-го выпуска) посвященъ описанію: рыбъ, земноводныхъ, пресмыкающихся, насѣкомыхъ и низшихъ животныхъ.

Все изданіе будетъ окончено въ 1899 году. № 12009 3-1

Цена за всѣ 80 выпусковъ по подпискѣ 17 р. 60 к. съ пересылкою.

Допускается самая широкая разсрочка платежа (начиная съ 1 р. въ мѣсяцъ).

Съ требованіями обращаться въ контору изданія:
Книжный магазинъ М. Шаповича, Одесса, Малый переулокъ, 8.

Пишущая машина „Гаммондъ“

ЦѢНА **225 р.**

„Гаммондъ“

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ
М.И. Тагень.
МОСКВА,
БОЛЬШАЯ ЛУБЯНКА № 3. Продано болѣе 2000 штукъ

СПЕЦ. КАБИНЕТЪ ПО ДѢЛАМЪ

ПРИВИЛЕГІЙ

на изобрѣтенія во всѣхъ странахъ, доступн. цѣны, долговѣтн. правтвн. Сов. разьясн. бесплатно.

А. СКОРОДИНСКІЙ.
С.-Петербургъ, Больш. Монетная, 16.

Карль Ивановичъ Вагнеръ,
Садовое Заведеніе въ Ригѣ,
снмъ имѣетъ честь довести до свѣдѣній любителей, что иллюстрированныя каталоги сѣменамъ и пр. на 1899 г. издавы и высылаются по требованію бесплатно.

Табачная фабрика В. И. АСМОЛОВА и К^о.

рекомендуютъ отличнаго достоинства ПАПИРОСЫ

ВИЗИТНЫЯ 10 шт. 10 коп.

ФЕЛИКСЪ ФОРЪ 10 шт. 6 коп.

П. № 12013 5-1
Получать можно вездѣ.

ТОВАРИЩЕСТВО
 „ПРОВОДНИКЪ“
 Москва * Рига * Сибургъ.

Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
 ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДАБЛОЖИ

* Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. *

Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.

ЛЕОТИ

Первообразный торговый домъ корсетовъ
 8, Place de la Madeleine (3).
 ПАРИЖЪ.
 Для мѣрки требовать указатель на русск. яз.

ВАЖНОЕ СООБЩЕНІЕ
 Пониженіе цѣнъ.
 Благодаря феноменальному успѣху образцовыхъ пишущихъ машинъ

РЕМИНГТОНЪ

обить которыхъ достигъ уже цифры
 — 250,000 шт. —
 заводъ очель возможнымъ понизитъ съ 1 Сентября с. г. цѣну машинъ
 — НА 50 РУБ. —
 поэтому новѣйшая модель 1898 года Ремингтонъ Спеціалъ стоитъ 275 и 260 р., а модель № 5-й только 250 и 235 руб.
 ПРЕДОСТЕРЕГ. ОТЪ МАССЫ ПОДПЬЛОЖИ!!
 КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.
 ЕДИНСТВ. ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДЛЯ ВСЕЙ РОССИИ

М. Блок
 МОСКВА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
 КІЕВЪ, ОДЕССА,
 Варшава, Екатеринбургъ,
 Нонандъ, Ростовъ * и др.
 К. С. НИКОЛАЕВИЧЪ, МОСКВА.

Крахмало-сахароварные, Паточные и Декстриновые заводы по новѣйшей, испанной системѣ
 дешовое оборудование,
 превосходные фабрикаты
 R. № 12024 устраиваетъ 4-1
 Спеціальное заведение для постройки и перестройки крахмальныхъ заводовъ
В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
 Прейс-куранты бесплатно.

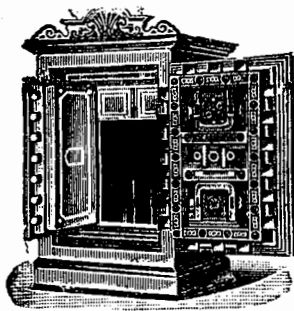
Пейте Цейлонскій чай!
Пейте Цейлонскій чай!!
Пейте Цейлонскій чай!!!

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
 ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.
 ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготвлѣнія.
 ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучший чай по вкусу и аромату.

Годичное потребленіе Цейлонскаго чая въ Россіи
 болѣе 10.000,000 фунтовъ 10.000,000.

Ш. № 11841 30-18

Главный складъ Цейлонскаго чая у **М. РОЖИВІЮ**, Москва,
 МАРОСЕЙКА, Д. ТУШНИНОЙ. Ш. № 11842 20-18
 Представитель Товарищества Цейлонскихъ плантаторовъ для всей Россіи.

С. И. Арнгеймъ, Берлинъ.
 придворный поставщикъ Императора Германскаго.
 ВСЕМИРНО-ИЗВѢСТНЫЙ ЗАВОДЪ
ПЕГОРАВНЫХЪ ШКАФОВЪ

гарантированныхъ отъ огня и отъ валама.
 цѣны отъ 200—500 р., для Банковъ и большихъ заведеній крупныхъ размѣровъ отъ № 12040 500—1000 руб. 46-1
 Представитель: **О. Г. Шпеннеманъ.**
 С.-Петербургъ, Чернышевъ пер., 12.

Прейс-куранты по желанію высылаются бесплатно.

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ

Первоклассной плантаціи **ПОМПАПОЛЛА**. Самый лучший изъ всѣхъ Цейлонскихъ чаевъ. Экономическій, мягкій и ароматный. Единственное и главное дело Цейлонскаго чая плантаціи Помпаполла находится при чайныхъ складахъ
Московскаго купца И. Е. ДУБИНИНА, Москва, Покровка, д. Тяжелова.
 Розничная 1р. 60к. 2р. — и. 2р. 40к. 2р. 80к. 25 ф. дается особ. льготы.
 Оптовый. 1р 30к 1р 60к 1р 80к 2р — и
 При выпискѣ трехъ фун. чай высылается по оптовой цѣнѣ. Подробный прейс-курантъ и необыкновенно льготныя условія высылаются по требованію бесплатно.

ВѢСТНИКЪ РУССКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА
 № 11929. 50 №№ въ годъ, цѣна 6 руб. съ пересылкой. 5-4
 Издается въ Москвѣ, Леонтьевскій пер. № 2, **И. Ворезакинъ** и **И. П. Петровъ**.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKHEN

Эссенціи для платновъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра —
 Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6442 (96)
новѣйшіе цвѣточные духи:
ЛОЗЕ „VIOLETTA REGIA“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
 Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

БЕЗЪ СОМНѢНІЯ
 самая лучшая приправа къ кушаньямъ.

Одной или двумя чайными ложками „ГУСТО“ на чашку горячей воды приготавливается моментально прекрасный и вкусный бульонъ.
 Прейс-куранты высылаются по первому требованію.

КОРОБЧЕВСКІЙ

дантистъ. Искусств. зубы и челюсти.
 СПб. Вознесенскій уг. Каван., 17—45.

СОСТАВИТЬ СЕБѢ ПОЛОЖЕНІЕ можно, принявъ агентуру известной фирмы. Очень выгодныя условія. Писать А. Б. ящикъ 13. Почтамтъ. Кишиневъ.

І. СТЕФЕНЪ.
 СПб. Казанская ул., № 13.
ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.
 Кинематографы отъ 175 р. готовые картины къ нимъ отъ 22 р. Фонографы отъ 36 р., наѣтые валки отъ 2 р. **ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ** отъ 16 р., раскрашенные картины къ нимъ отъ 1 р. 25 к. Увеличительные аппараты отъ 40 р. Разныя новости. Иллюстр. каталогъ 60 к. почтов. марками.

ЖЖВА

№ 8.

XXX г.

1899 г.

Содержание:

ТЕКСТЪ: Мара. Древне-русская повесть В. М. Михеева. (Продолжение).—Дамскій портной. Рассказ Ф. Лоренцена.—Женщина. (Индійская легенда). С. Ф.—Къ рисункамъ: Послъ бала.—Всякая душа празднику рада.—Блины въ складчину.—Пьеретта.—Обжегся.—Послѣдній аккордъ.—Эмиль Лубэ, новый президентъ Французской республики.—Фридрихъ Шпильгагенъ.—В. И. Жуковский.—Политическое обозрѣнiе.—Смѣсь.—Объявленiя.

РИСУНКИ: Послъ бала. Картина Реаль-дель-Сарте.—Всякая душа празднику рада. Картина Г. Каульбаха.—Масленица въ Малороссiи. Блины въ складчину. Ориг. рисунокъ Н. Ткаченко.—Въ маскарадѣ. Послѣдній аккордъ. Рисунокъ Ст. Грохольскаго.—Обжегся. Картина Э. Рейтъ.—Пьеретта. Картина М. Левиса.—Эмиль Лубэ, новый президентъ Французской республики.—Фридрихъ Шпильгагенъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ.—В. И. Жуковский.—Арнольдъ Фрейбергъ, основатель перлодъ въ Россiи фабрики бильярдовъ.—Керкау, первый въ мiрѣ бильярдный игрокъ.

При этомъ № прилагается выпускъ „Ежемесячныхъ литературныхъ приложений“ за февраль.

СКРИПКИ
для учениковъ въ 6, 8, 10, 12, 15 и 2 1/2 р.
для артистовъ въ 25, 30, 40, 50, 60, 70, 100 и до 1,000 р.
нравовая скрипка въ 2 и 4 р.

СМЫЧКИ
для учениковъ 1, 1 1/2 и 2 р.
для артистовъ въ 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р.; народные въ 50 к.
Съязыки струны и другія принадлежности.
Школа Баганца въ 1 р., 2 1/2 и 3 руб.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

С. И. Арнгеймъ, Берлинъ.
придворный поставщикъ
Императора Германскаго.
ВСЕМИРНО-ИЗВѢСТНЫЙ ЗАВОДЪ
НЕСГОРАЕМЫХЪ ШКАФОВЪ
гарантированныхъ отъ огня и отъ валама.
Цѣны отъ 200—500 р., для Банковъ и большихъ заведенiй крупнѣйшихъ размѣровъ отъ
Л. 12040 500—1000 руб. 46—2

Представитель: **О. Г. Шпеннеманъ.**
С.-Петербургъ, Чернышевъ пер., 12.
Прейс-курранты по желанiю высылаются бесплатно.

„ЧТО“
такое искусство укрѣпленiя памяти? книга (8-е испр. и доп. изд.) проф. мнемоники С. Файнштейна, высл. за шесть 7-ми коп. марокъ, на велен. бумагѣ—за восемь 7-ми коп. марокъ.
Адресъ: Одесса, Гаванная ул., собственный д. № 28,
профессору мнемоники
С. ФАЙНШТЕЙНУ.
№ 12044 10—1

БЫСТРО, ЧЕТКО и КРАСИВО
печать новѣйшихъ пишущихъ машинъ

„БЛИКЕНСДЕРФЕРЪ“
Въ 2 года выпущено свыше 20,000 машинъ.
На различн. выставкахъ премированы высшими наградами и золот. медалями. Цѣна **100** и **120** руб. В. № 11922 6—5
Образцы шрифтовъ и каталоги высылаются бесплатно.

★ ПРЕДСТАВИТЕЛИ: **Э. КИНКМАНЪ и К^о** С.-Петербургъ, Гороховая, 17. ★

Цѣна 190 руб.
Нов. ПИЩУЩАЯ машина
ДАУГЕРТИ-ВИЗЖИЛЬ.
Милейшая, стальной и до послѣдней буквы видный шрифтъ. Солнц. простыя, прочныя, констр. Подробности бесплатно. С.-Петербургское депо Даугерти-Визжилъ, Фонтанка, 68, кв. 55, С.-Петербургъ.

Аполлонскiй.
Альбомъ стиховъ.
Ц. 1 р. у Карбасникова, Нов. Времени. Высылающо изъ скл. за перес. не платятъ. Скл. Тельжинъ пер., 3, кв. 26.

Популярно-научная книга, доказывающая
СЧАСТЛИВЫЕ ЛЮДИ
ВЫГРЫШ-
ныхъ бил. 1, 2, 3 займ. Ц. 1 руб., съ перес. 1 р. 20 к. (налож. плат. 1 р. 30 к.). Спб. Вознесенскiй, 37, кв. 32. **КРАСИЛЬНИКОВЪ.** 2 янв. с. г. на доказан. № пазо 266 выигрышей на сумму въ 365 1/2 тыс. рублей.

ПОРТМОНЭ СО ШТЕМПЕЛЕМЪ
съ 5-ю отдѣленiями для звонкой монеты и золота, ониксовой кожи только 1 р. 85 к. тюленевой „ „ 2 р. 25 к.
Безъ штемпеля въ 35 коп. дешовле.

Пересылка на счетъ фабрики. Требования и деньги прошу адресовать:
на фабрику **І. Д. ЛЕВИНСОНА,** Варшава,
Магазинъ, Сенаторская, 30. Ц. № 11960 4—4

Приглашаются дѣятельные агенты на весьма выгодныхъ условiяхъ. Полный иллюстрированный альбомъ высылается за 60 коп. (почтов. марк.), который при заказахъ засчитывается.

Изданiе Общества Ветеринарныхъ Врачей въ С.-Петербургѣ.
„Ветеринарный фельдшеръ“
популярный, иллюстрированный журналъ (съ безплатными приложениями), измѣющiй задачей описанiе болезней и лѣченiя домашнихъ животныхъ, а также вопросы по зоотехнiи. Выходитъ ежемѣсячно. Цѣна съ пересылкой 2 р. 20 к. въ годъ.
Подписка принимается въ конторѣ редакцiи—С.-Петербургъ, Загородный проспектъ, № 12017. Д. № 5, кв. 3. 2—2

ФАБРИКА
„СКЛАДЪ“
Бруно Зенгеръ и К^о
С.Петербургъ, Невскiй Пр. № 25 (впередъ Клязьминскiй)
Фотогр. Аппараты
и Принадл.
Кратк. Прейс-Куррантъ Бесплатно.
Ц. № 12033 12—2

Крахмальные заводы
по новой реформированной системѣ Уландъ
обеспечиваютъ наибольшую прибыль сбереженiемъ
40% КАПИТАЛА НА УСТРОЙСТВО,
малыми издержками производства;
превосходнѣйш. фабрикаты.
Спеціальное заведенiе для устройства и перестройки крахмальныхъ заводовъ
R. № 11998 **В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.** 5—2
Прейс-курранты бесплатно.

Карль Ивановичъ Вагнеръ,
Садовое Заведенiе въ Ригѣ,
силь имѣетъ честь довести до свѣдѣнiя любителей, что иллюстрированные каталоги сѣмьмѣнъ и пр. на 1899 г. издааны и высылаются по требованiю бесплатно.

КАЗИМИРЪ ОССОВСКIЙ,
инженеръ.
Контора для исходатайствованiя привилегiй въ БЕРЛИНѢ. (Berlin, W. 9 Potsdam-str., 3.)
УЛЬИ Дубини д. 2 р. 50 к. Дадаиа д. 4 р., г. Тварь, Арсенiю Арсеневичу Тюльнину.

КАРАМЕЛЬ
изъ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ
„КЕТТИ БОССЪ“
В. Семедени въ Кiевѣ.
Цѣна коробки 25 коп. Малая коробка 15 коп.
Главный складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕЙЦЕЛЯ. С.-Петербургъ, Гороховая ул., 33.
Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россiи. 12—10

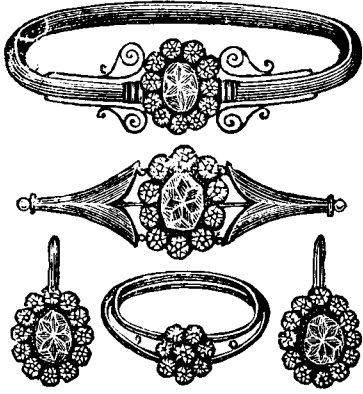
ЗАЙКАНИЕ КАРТАВОСТЬ, ШЕПЕЛЯВОСТЬ
устраняетъ лѣчебное заведенiе
К. Ю. Эрнеть,
Москва, Б. Никитская, № 11, кв. 6. Ц. № 12057 15—1
Руководство къ самообуч. для зайкъ 3 руб.

ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
ГУМБЕРТЪ
предлагаетъ Ц. № 11939
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Георгiй ЖЕМЛЮЧКА и К^о.
Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
Прейс-курранты по требованiю. 15—2

ДАМАМЪ И БАРЫШНЯМЪ

изящный подарокъ.

Изъ чистаго золота 56-й пробы цѣны гарнитуръ только за 15 руб. 1) Браслетъ золотой, состоящій изъ золотнаго золотого обруча, на которомъ искусствен. брилліанты превосходной игры обхватываютъ дублетъ-рубинъ, сафиръ, изумудъ или бирюзу (по выбору заказчика) 2) Брошь золотая такого же фасона; 3) Пара крупныхъ серегъ такого же фасона; 4) Кольцо золотое такого же фасона высл. наложен. платеж. по получении 3 руб. задатка.

Въ отдѣльности въсылается браслетъ за 8 р., брошь—4 р., серьги—3 р., кольцо—2 р. (На рисункѣ гарнитуръ изображенъ въ уменьшенномъ видѣ). Часы изъ настоящаго американскаго золота съ гарантіею за вѣрность хода склада въсылаетъ только за 7 и за 10 руб.

№ 12952
Съ заказами обращаться въ фабричнй складъ золотыхъ издѣлій и часовъ **И. Г. ШАМИССО**, Одесса, Рительскал, 28.

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ

Первоклассной плантаціи **ПОМПАПОЛЛА**. Самый лучший изъ всѣхъ Цейлонскихъ чаевъ. Экономическій, мягкій и ароматный. Единственное и главное депо Цейлонскаго чая плантаціи Помпаполла находится при чайныхъ складахъ **Московскаго купца И. Е. ДУБИНИНА**, Москва, Покровка, д. Тяжелова.

ЦѢНЫ ЧАЯ:	Розничныя	1 р. 60 к.	2 р. — к.	2 р. 40 к.	2 р. 80 к.	покупающимъ 25 ф. даются особ. льготы.
	Оптовые.	1 » 30 »	1 » 60 »	1 » 80 »	2 » — »	

При выпискѣ трехъ фун. чай въсылается по оптовой цѣнѣ. Подробный прейс-куррантъ и необыкновенно льготныя условія въсылаются по требованію бесплатно.

ВЪЗДЪ

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ П. П. ДАУГУЛЯ существуетъ съ 1822 года въ г. Юрьевѣ (Дерптѣ), Лифляндской губ. и въсылаетъ бесплатно и франко **КАТАЛОГЪ СЪМЯНАМЪ** огороднымъ, дѣточнымъ и экономическимъ, 500 сорт. **РОЗАНАМЪ**, грунтовымъ и оранжево-краснымъ, георгинамъ, гвоздикамъ, дѣточн. луковичкамъ, воздушн. и тендич. растеніямъ, фруктовымъ и украсительнымъ **ДЕРЕВАМЪ** и **КУСТАРНИКАМЪ**, клубникамъ, спаржѣ, шампиньон. гнѣздамъ, растительн. гигрометрамъ (предсказан. перемены погоды въ точности за 24 ч. впередъ, ц. 2 р.) и пр., съ обозначеніемъ краин. цѣны.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА „СМІСЬ - ПРЕМЬЕ“. Скорость, прочность, удобство. Последнія усовершенствованія. Цѣна 250 р. и 275 р. Дешев. пишущ. машина **„КОСМОПОЛИТЪ“**. Самый красивый шрифтъ. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами. Описанія и образцы шрифтовъ обѣихъ машинъ высыл. бесплатно. **О. РИХТЕРЪ**, СПБ., Адмиралт. пр., 4. Москва—Ф. Н. Розенталя, Мясницкал, 36. Варшава—Я. Фальсера и К. Сенаторскал, 36. Кіевъ—Н. Фальсбергъ, Крещатикъ. Одесса—Г. М. Левинсонъ, Рительскал, 19.

Тысячи благодарственныхъ отзывовъ отъ самыхъ интеллигентныхъ потребителей нашего изобретенія дозволяютъ намъ рекомендовать всѣмъ дамамъ **ПАТЕНТОВАННЫЙ ШИНДЛЕРА БЮСТГАЛЬТЕРЪ** (Англическѣ). Изобрѣтеніе это, замѣняющее корсетъ и признающее во всѣхъ государствахъ, даетъ полное свободное движеніе, вслѣдствіе чего это могутъ носить въ теченіе цѣлаго дня и безъ утомленія себя **ВОСЪ** безъ исключенія дамы и даже страдающія, беременныя, кормящія грудью, хозяйки въ домашнемъ быту, трудящіяся въ разныхъ оирю, училищахъ, торговляхъ, путешествующія, управляющія всякаго рода спортъ и т. д., въ чемъ свидѣлствуютъ отзывы докторовъ, прилагающіеся къ каждому экземпляру.

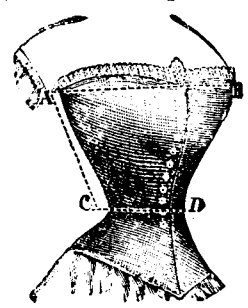
Бюстгальтеръ, патентованный въ 13-ти государствахъ, изготовляется изъ лучшихъ и модѣйшихъ корсетныхъ матеріаловъ со швейцарскою отдѣлкою.
ЦѢНЫ: А. А. В. С. D. D. шелъ черн. 3.50. 4.50. 5.75. 6.75. 9.50 к.

Детальные заказы въсылаются почтою посылкою наложеннымъ платежомъ (даже безъ задатка) съ причисленіемъ за пересылку 60 коп. При заказѣ слѣдуетъ прислать мѣрку въ сантиметрахъ, перикахъ, дюймахъ или тельмой по рисунку.
1) Полную окружность груди (со спиною), мѣря на платьѣ подъ мышкою кругомъ отъ А до В.
2) Полную окружность талии кругомъ отъ С до D.
3) Высоту бока отъ А до С.
Выписывающіе три и болѣе экземпляра за пересылку не платятъ.

Адресъ для заказовъ:

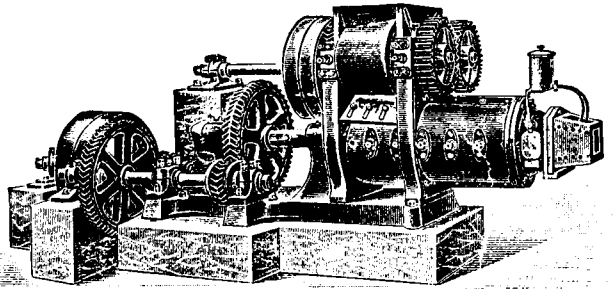
Варшава, „Шиндлера Бюстгальтеръ“

Маршалковскал, 118 2.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе **Ф. Павленкова: „Повѣсти и рассказы И. Н. ПОТАПЕНКО“**, Т. XII. СОДЕРЖАНІЕ: Уставъ. Двѣ полосы. Мужичья канитель. Сфинксъ. Ц. 1 рубль.

Louis Jäger in Köln-Ehrenfeld,

Луи Јегеръ, Кёльнъ-Эренфельдъ,

машино-строительный заводъ, поставляетъ съ 1862 года

СПЕЦИАЛЬНО: КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫЯ МАШИНЫ ПЕРВОКЛАС. СИСТЕМЫ полные комплекты для кирпичныхъ, шамотовыхъ, черепичныхъ, цементовыхъ и заводъ для гончарныхъ трубъ. Дробильныя машины. 6—2

№ 4711. Кто любить запахъ настоящей фіалки, тотъ пусть требуетъ **ЭССЕНЦІИ „РЕЙНСКАЯ ФІАЛКА“** (Violette du Rhin.) Чистый запахъ Фіалки, крѣпкій, даже въ теченіи нѣсколькихъ недѣлей не выдыхающійся.

№ 4711 Savon violette
№ 4711 Sachets violette du rhin.

Всѣ одинаковаго качества.

Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ

XXX г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXX

№ 8

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 12-ти ежемб. книг „Сборника“, соерж. соч. И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книг литературных приложений, 12 №№ „Парижских модъ“ и 12 листовъ чергедей и выкроекъ.

1899

Выданъ 20 февраля 1899 г.

Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1899 г.

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	5 р. 50 к.	Безъ дост. въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи .	6 р. 25 к.	Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Ришельевская, 12.	6 р. 50 к.	Съ доставкою въ Петербургъ . . .	6 р. 50 к.	Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи . . .	7 р.	За границу . . .	10 р.
-----------------------------------	-------------------	---	-------------------	--	-------------------	----------------------------------	-------------------	---	-------------	------------------	--------------

При этомъ № прилагается выпускъ «Ежемесячн. литерат. приложений» за февраль 1899 г.

Мара.

Древне-русская повесть

В. М. Михеева.

(Продолженіе.)

XXII.

Конь.

Послѣ разбора дѣла объ убійствѣ и родовой мести и рѣшенія его княземъ, ольжичане почувствовали, что судъ князя подобенъ суду ихъ старшины и не грозитъ ничѣмъ, особенно страшнымъ ни истцу, ни ответчику. Число желающихъ суднаго разбора увеличилось. Жалобъ на Година больше не было. Передъ лицо князя несли тѣ дѣла, тѣ тяжбы и жалобы, которыя Годинъ не успѣлъ еще порѣшить.

Когда Святославъ разбирать послѣднее изъ этихъ дѣлъ, онъ все зорче и безпокойнѣе вглядывался въ солнце. Оно стояло «наверху неба» и начало уже слегка подаваться къ западу. Очи князя нахмурились, онъ гнѣвно скалъ рукоятъ меча.

Послѣ бала. Съ картины Реаль-дель-Сарте грав. Бодь.

— Итъ ли кого обокраденнаго?—вдругъ рѣзко спросилъ онъ.

— Я, княже, я обокраденъ!—и изъ толпы выдвинулся, низко кланаясь, Баюмъ.

— Ты?!—еще рѣзче воскликнулъ Святославъ, увидѣвъ отца Русавы.—Знаю! Слышалъ! Коня украли? Лугъ у тебя помаяли? Изгой? Вельмудъ именемъ?

— Такъ, такъ, княже,—закивалъ головой Баюмъ.

Тихій гулъ прошелъ по толпѣ ольжичанъ. Владанъ, стоявшій въ переднихъ рядахъ дружины, вдругъ сдѣлалъ шагъ впередъ, точно желая прислушаться внимательнѣе. Онъ также нахмурился, какъ и князь. А лицо князя покрылось тучей. Замѣтивъ выдвинувшася Владана, Святославъ вдругъ сказалъ отрывисто:

— Лягъ, Владанъ, на мать—сырую землю, приложи ухо (острое у тебя ухо), не слышать ли въ ней, сырой, конскаго бѣга-топота?

Владанъ прилегъ къ землѣ. Всѣ, изумленные княжескимъ приказаніемъ, притихли. Князь, гнѣвный и мрачный, смотрѣлъ на Владана, приникшаго ухомъ къ землѣ. Вдругъ Владанъ приподнялся. Суровыя очи князя такъ и впились въ него.

— Не слышать, что-ль?—гнѣвно крикнулъ онъ.

— Слышно, княже, бѣжить конь, какъ стрѣла летитъ!—отвѣтилъ Владанъ.

Лицо Святослава прояснѣло вдругъ совсѣмъ, какъ ясное солнце, а толпа такъ и захолонула.

— Бѣжить твой конь! Изъ рукъ въ руки отдамъ тебѣ его!—весело крикнулъ князь Баюму.

И вся толпа, дѣйствительно, услышала приближающійся топотъ легко и быстро летящаго коня. Толпа загудѣла, вся разомъ оглянулась назадъ и разступилась. Какъ стрѣла, влетѣлъ вороной, вспѣнанный конь—и Вельмудъ, осадивъ его передъ самымъ княземъ, спрыгнулъ съ его лоснящейся отъ пота, неосѣданной спины. Вельмудъ былъ блѣденъ, какъ полотно. Конь попытался передъ княземъ, выдвинулся, и, только ухвативъ его за гриву, молодой изгой не далъ ему снова ускакать.

Умные, дымчатые глаза коня дико осматривались, пѣна повисла бѣлыми клоками на раздувающихся, слегка красныхъ ноздряхъ, бока его тяжело вздымались.

— Твой конь?—вставши во весь ростъ, крикнулъ Баюму Святославъ.

— Его, его!—загудѣла толпа.—Мы всѣ знаемъ!

Толпа какъ-будто опянѣла восторгомъ при видѣ всего, что совершалось передъ нею.

— Мой, мой, княже!—завопилъ и Баюмъ въ какомъ-то изступленіи радости.—Мой! А это воръ—воръ бѣглый!—сжавъ кулаки, бросился онъ къ Вельмуду.

Молодой изгой, все еще держа коня за гриву, весь выпрямился.

— Стой!—остановилъ Баюма князь.—Ошибся ты, Баюмъ, Годиновъ сынъ! Не Вельмудъ воръ. Гдѣ у тебя улики, послухи на него? Не укралъ онъ—пашель онъ; по приказу моему, тебѣ коня! Не ругай его, спасибо ему скажи!

Князь говорилъ это громко и ясно, а самъ такъ и впиался глазами въ Вельмуда. Молодой изгой былъ пораженъ тѣмъ, что онъ слышалъ. Князь, очевидно, довольный тѣмъ, что Вельмудъ исполнилъ его повелѣніе, хотѣлъ облить его. Въ первое мгновеніе лицо Вельмуда вспыхнуло яркой краской радости при словахъ князя; но тотчасъ же снова смертельно поблѣднѣло. И крѣпко держа все пятывнагося и озиравшагося коня за гриву, молодой изгой вдругъ воскликнулъ громко:

— Спасибо за слова твои, княже! Облить меня хочешь, милостивый! Да не пристало мнѣ ложью жить, хоть и княжой, милостивой! Не даромъ душа моя въ темномъ лѣсу эти дни ныла-тосковала, какъ кукушка, про стыдъ воровской куковала.—И точно въ какомъ-то бурномъ порывѣ, потрясая рукой шею коня за гриву, Вельмудъ продолжалъ:—Княже свѣтлый! Годиный дѣдъ! Люди-народъ!

Слушайте меня! Ничего не утаю. Слушайте тѣ, кому невѣдомо!

И вновь, въ четвертый разъ, все рассказалъ громко и ясно Вельмудъ, все, что повѣдалъ Русавѣ, все, что излілъ передъ княземъ на берегу Горыни, все, что пролілъ надъ спящимъ Фрелофомъ, все, кончая своимъ намѣреніемъ вернуть коня; только любви своей къ Русавѣ онъ не коснулся. И когда кончилъ, умолкъ, тихій и блѣдный, но глубоко спокойный.

— Такъ, такъ! Воръ, воръ онъ! На потокъ его, князь! Гнать его! Коневый тать онъ! А хочеть—прощу. Не изгонимъ, не пошлемъ на потокъ. Прощу вину его. Пусть идетъ заново въ обель ко мнѣ!—въ злобномъ ликованіи закричалъ Баюмъ.

Но князь гнѣвно, повелительно протеръ къ нему руку, и вдругъ Баюму стало чего-то страшно. Онъ какъ-то сжался, точно умалился ростомъ.

— Не спиши, Баюмъ, Годиновъ сынъ,—вѣско и медленно началъ князь и, подойди къ коню, отстранивъ Вельмуда. Положивъ могучую руку на шею коня, такъ что скакунъ весь какъ-то покорно застылъ подъ этой рукой, Святославъ говорилъ:—Люди ольжичанскіе! Слышали вы все, что рекъ изгой Вельмудъ? Знаете вы, какъ родичъ вашъ, Баюмъ, Годиновъ сынъ, вольнаго въ закупши завель, закупши—въ обельные, хозяина на землѣ своей—въ изгонъ безземельные! И не одного такъ!

— Не одного, не одного!—громко раздался крикъ ольжичанъ.

— А увѣчилъ судьбу человѣчью, человѣка увѣчилъ Баюмъ, Годиновъ сынъ: добра - молодца воромъ сдѣлалъ... Да и воромъ ли? Посмотрите на коня добраго. Такому-ль соколу-скакуну въ Баюмовыхъ запорахъ стоять?—Князь потрепалъ лошадь, которая весело заржала.—Учуялъ тихой ночью орель-конь добра молодца, изгой вольнаго, заржалъ, какъ теперь мнѣ ржетъ, рѣчи моей ржетъ: уведи, моль, меня, добрый молодецъ, изгой вольный, въ вольный лѣсъ, поскачи, полетай на мнѣ, добрый молодецъ, по лугамъ-доламъ, отведи себѣ душеньку, да и мнѣ кошу доброму. А отвѣдемъ душу, къ скареду Баюму вновь придемъ. Возьми, моль, коня, Баюмъ, а меня, молодца, не кори, храни я, лелѣялъ коня твоего, а и всего-то на немъ, на конѣ добромъ, душу, тобой измаянную, отвель... А что помаялъ твой лугъ, авось и пешо найдемъ заплатитъ! Найденъ, Вельмудъ, вольный изгой! Не пойдешь въ холопы Баюму скареду! Да и коня ему не отдамъ. Князевъ это конь, князевъ,—Святославъ опять потрепалъ коня.—А Баюму, чтобъ не въ обиду было, отъ князя гривень вдвое, сколько ему конь стѣитъ, да за лугъ мягый двойную пеню,—что укажетъ Годиный старшина. А конь удалой съ этой поры—князевъ конь, а Вельмудъ изгой—конюхъ, отрокъ княжой. И не изгой онъ болѣе. Плачѣ я, князь, его роду-племени за землю Вельмудову, что къ родичамъ по обычаю отошла, плачѣ я, князь, Владану-воину деньги, что на выкупъ изъ Баюмовыхъ холоповъ побратану онъ послалъ, плачѣ я, князь, Баюму за избу Вельмудову, что за долгъ Вельмудовъ Баюму идетъ; не хочу я, чтобъ мой слуга-отрокъ, конюхъ вѣрный, безъ земли, безъ очага быть, да и изъ чужихъ рукъ, какъ выкупленный, глядѣлъ... Все плачѣ... А коня и Вельмуда не видать Баюму. Правъ ли мой судъ княжой? Правъ ли онъ, люди?

И когда это мощное восклицаніе докончило рѣчь князя, громовымъ раскатомъ пронесся кличъ и ольжичанъ, и дружины:

— Правъ, княже милостивый, правъ!

И звонкое, веселой нотой раскатывшагося серебра, въ этомъ кличѣ пронеслось протяжное, радостное ржаніе коня: точно онъ все понялъ.

XXIII.

Богъ-мечъ.

Среди всеобщаго ликованія, вызваннаго словами князя

о Вельмудѣ, Баюмѣ и конѣ, только двое: самъ Баюмъ и Владанъ стояли мрачно и хмурые.

Баюмъ испытывалъ чувство змѣи, которая еще не успѣла развернуться вполнѣ, какъ чужая могучая нога придавила ей голову и не давала ей высунуть жала. Ему хотѣлось крикнуть князю, что если такъ, если онъ, Баюмъ, неавистный, позоримый предъ всѣмъ народомъ скаредъ, то онъ ни за какія деньги не отдастъ теперь князю не только коня, но даже гнилого сруба Вельмудовой пазы, обреченной пгъ на дрова. Но это только пронеслось у него въ головѣ. Уста его крѣпко сжались. Сѣмѣливая голова его понимала, что нельзя идти противъ князя, противъ такого князя, при такомъ ликованіи народа. И трезвый, расчетливый отецъ Русавы, легко забывъ всенародную обиду, уже соображалъ, сколько онъ получитъ гривенъ съ князя, какъ двойную плату за коня и за избу изгоя. И только губы его подергивало злобною судорогой.

Крѣпко сжалъ губы и нахмурилъ брови и Владанъ. Въ раннемъ отрочествѣ Владанъ сильно любилъ мальчика-товарища Вельмуда. Когда въ Кіевѣ прослышалъ онъ о бѣдахъ, постигшихъ Вельмуда, охотно послалъ онъ старому другу мѣшокъ византийскихъ монетъ, — даръ князя неслѣдѣжка военной добычи. Радъ онъ былъ и повидать Вельмуда, когда повелъ князя на полюдь въ родное село. Но съ тѣхъ поръ, какъ на берегу Горыни узналъ, что другъ, взявшій у него деньги, чтобы выкупиться отъ Баюма, взялъ и сердце Баюмовой дочери, его невѣсты, враждебность Владана къ Вельмуду тяжкимъ камнемъ легла на душу Святослава воина.

Не очень гнался Владанъ за Русавой, какъ за женой. У него уже были двѣ жены: одна въ Кіевѣ, другая въ Переяславцѣ; ему льстило быть женихомъ лучшей невѣсты родного села, это ему сулило еще больше почета, когда подѣ старость, по смерти Година и Баюма, онъ станетъ главой всего уже обширнаго и богатаго Годинова рода.

Доволенъ былъ, правда, Владанъ, что получить отъ князя деньги, затраченныя на выкупъ Вельмуда, но все-жъ хмуро и мрачно выслушалъ онъ ликованіе ольжичанъ по поводу рѣшенія Святослава. Князь, вѣроятно, это замѣтилъ.

— Владанъ!—вдругъ обратился Святославъ къ нему.— Не хмурь чела. Не любо тебѣ, что деньги, отъ сердца побратану данныя, тебѣ ворочаю! Что, молъ, даль, того назадъ не беру. Добре, Владанъ! Вѣрный ты другъ! Да только ужъ прими деньги отъ меня. Не къ лицу князю отроку изъ чужихъ рукъ, хотя и побратановыхъ, смотрѣть. Кошоухъ княжкой Вельмудъ! Побей челомъ Владану. Другъ онъ тебѣ настоящій, что бы ни было! — прозавить князь.

Вельмудъ, который все время стоялъ точно во снѣ, блѣдный и безмолвный, широко раскрылъ глаза, повелъ ими вокругъ себя. И вдругъ онъ ринулся къ Владану— не то хотѣлъ обнять его, не то упасть ему въ ноги.

— Прости мнѣ все, побратай Владанъ, какъ простилъ мнѣ князь милостивый! Поминишь... ребятишками... взглясть въ лѣсу темномъ бѣгали, аугались!—вдругъ всплыло въ памяти Вельмуда былое.

И точно все это:—и слова князя, и движеніе Вельмуда, и въ особенности это дѣтское воспоминаніе—вдругъ перевернули простую и прямую душу воина Владана. Самъ не замѣчая того, охватилъ онъ сильными руками Вельмуда, прижалъ его къ своей груди и сказалъ ему прерывающимся голосомъ:

— Прощаю! Бери все, что князь отдастъ. Не помѣхай!

У Вельмуда точно голова закружилась. Онъ уронилъ ее на плечо Владана, и, когда поднялъ ее и отошелъ, онъ услышалъ голосъ князя:

— Возьми моего коня, Вельмудъ-конюхъ, отведи въ мой кивий шатеръ и жди тамъ меня, пока не приду. Да гдѣ же мой другой отрокъ, Фрелофъ-пѣвунъ?

Вельмудъ, который уже взять-было въ руки семень узды, надѣтой на коня, отвѣтилъ:

— Не поднялся у меня, княже, рука будить его. Спать онъ, какъ дитя малое. Спать онъ, какъ поскакали я сюда,—не тронуть я его!

— И пускай спитъ!—молвилъ весело князь.— Проснется—дорогу найдетъ. Птицы скажутъ-укажутъ. Молъ, по-птичьему понимаетъ Фрелофъ-то! — засмѣялся Святославъ.

Вельмудъ повелъ лошадь къ шатру князя. Толпа какъ будто даже съ почтеніемъ разступилась, давая ему дорогу. А князь снова поднялся на камень подъ священнымъ дубомъ и сказалъ:

— Ну, други, кажись весь судъ-урядъ кончили. Никто не выходитъ еще бить князю челомъ?

— Никто, никто!—шумно раздалось въ толпѣ.

— Видно, князю послѣднему за вину досталось!—еще веселѣе воскликнулъ Святославъ.— Уличилъ князя отрокъ Вельмудъ во лжи-обманѣ. Дескать, обмануть меня князь хотѣлъ. Да коли воръ, такъ и воръ, молъ. Анъ вышло не воръ!

— Не воръ, не воръ!—загудѣла толпа.

— Конецъ суду князю!—возгласилъ Святославъ.— Принесемъ жертву Дажбогу милостивому! Волосу, богу всякой животины—коня и скота! И богу Перуну, богу-мечу гнѣвному, правому. Кладу мой мечъ княжкой на камень подъ дубъ боговъ! И ему, какъ богу, поклонимся. Люди! Не одну правду среди васъ блости князю надо. Эту правду и старшины соблюдутъ. Да другая неправда вокругъ земли вашей. Куда ни глянь—вороги злые, печенѣги, хазары, болгары, греки, да мало ли? А не родится хлѣбъ—голодь, смерть. Чѣмъ хлѣба добыть? Чѣмъ воровъ злодѣвъ-вороговъ избить? Мечомъ! Нашелъ я, ванъ князь, середу земли моей на Дунай-рѣкѣ. Оттоль богатство соберу. Оттоль землю отъ грековъ устрожу! Оттоль хлѣба въ нуждѣ добуду. Оттоль золотомъ мѣшки набью. А будетъ у князя золото—будетъ и хлѣбъ, будетъ городъ-вѣжа, отколь, какъ орель, всю землю онъ усладитъ, и всѣмъ вамъ, люди, полегчаетъ! А кто все это дастъ князю? Мечъ! Мечъ—мой богъ!—Перуновъ даръ! Годинъ-старшина! Принеси въ жертву богу козла черного, круторогаго! Да обогригъ жертвенная кровь камень суда моего, желѣзо меча моего!

И Святославъ бросилъ свой обнаженный мечъ въ камень, на которомъ передъ тѣмъ сидѣлъ. Съ тонкимъ звономъ упалъ, мудрыми финнами (отъ которыхъ его и добылъ князь) кованный мечъ на камень, точно откликнулся на рѣчь князя. Годинъ выступилъ впередъ. Молодой ольжичанинъ влекъ за нимъ за рога молодого козла, черная шерсть котораго шелковисто лоснилась. Ноги животного были связаны толстыми гирляндами дубовыхъ вѣтвей. Такими же гирляндами были пышно и густо оплетены его рога. Его заготовили по повелѣнію Година для жертвы Дажбогу еще наканунѣ.

Козла положили на камень. Годинъ досталъ изъ-подъ широкихъ складокъ рубахи жертвенный ножъ. Но Святославъ быстро шагнулъ къ камню, на которомъ лежалъ его мечъ и связанный козель, и однимъ ударомъ меча разсѣкъ грудь и животъ козла, разрубивъ при этомъ и вѣтви, которыми у живота были связаны ноги жертвы. Кровь темно-алой густой струей обогригла сталь меча. Камень также въ одно мгновеніе точно одѣлся пурпуромъ. Козель захрипѣлъ въ предсмертныхъ судорогахъ. Годинъ въздѣлъ къ небу руки, шепча заклинанія. А князь взмахнулъ окровавленнымъ мечомъ, поднялъ его вверхъ и крикнулъ:

— Помните, люди, Перуна меченосца, громовержца! Воздайте честь богу-мечу!

И широкимъ взмахомъ по землѣ, къ которой онъ быстро шагнулъ своимъ гибкимъ и уругимъ станомъ, оторевъ съ меча кровь жертвы, Святославъ засунулъ мечъ за поясъ. Всѣ стихли. Всѣ благоговѣнно внимали закланіямъ

Всякая душа праздничку рада. Ст. картины Г. Наульбаха грав. Геданг.

Масленица въ Малороссіи. Блины въ складчину. Ориг. рис. (собств. «Нивы») Н. Каченко, автотипія «Нивы».

и молитвамъ Година, которая онъ произносить трепетнымъ голосомъ надъ истекающей кровью жертвой; камень, обгаренный кровью, слабо дымился; около него быть уже готовъ костеръ, быстро набросанный и зажженный тѣмъ же юношей-ольжичаниномъ, который приволокъ козла: это былъ тотъ родичъ, который, по очереди, прислуживалъ въ этомъ мѣсяцѣ Годину во время служенія богамъ.

Вскорѣ костеръ ярко вспыхнулъ, тѣло козла было брошено на него, запахъ жаренаго мяса понесся по воздуху, дымъ бѣлыми клубами повалилъ подъ священнымъ дубомъ къ небу, на которомъ раскаленный шаръ солнца стоялъ неподвижно, точно дожидаясь, когда эти клубы насыщеннаго мясомъ дыма достигнутъ его въ царственной лазурной высотѣ. Зной усилился. Даже подъ тѣнью княгининныхъ дубовъ было душно.

Жертва медленно догорала. Годинъ произнесъ заклинанія. Всѣ молчали въ подавляющемъ благоговѣннѣ. Святославъ стоялъ съ рукой на мечѣ, суровый и властный. Онъ смотрѣлъ на жертвенное пламя. Лицо его было опять хмуро и мрачно. Не вспомнилъ ли онъ мать свою, которая, немного дней назадъ, умирая, дѣлала послѣднюю попытку отвлечь его отъ этихъ кровавыхъ жертвъ и обратить его гордое, но великодушное сердце къ доброму греческому Богу, Который самъ сдѣлался кровавой жертвой, но не требовалъ ихъ? И вдругъ, точно сбрасывая думы и скорбь, навѣянный этимъ воспоминаніемъ, Святославъ снова повернулся къ толпѣ и сказалъ громко и рѣзко:

— Баюмъ! Не какъ судья, какъ князь, налагаю я на тебя пеню за все, за что ты ее заслужилъ. Ты богатъ, ты старшій въ родѣ по Годинѣ. Накорми жъ мою дружину достойно во дворѣ своемъ! Ни въ чемъ ей не откажи!

— Други-дружинники! — воскликнулъ онъ, оборачиваясь къ своимъ воинамъ. — Ступайте, займите весь дворъ Баюмовъ, пейте, ѣйте, пейте, пейте, хозяйина не жалѣйте, но никому въ дому его обиды не творите, и никого изъ дому его не выпускайте, пока я самъ на пирѣ къ Баюму не приду!

И, ударивъ рукою сильно по рукоятки меча, князь быстро пошелъ къ своему патру, куда Вельмудъ увелъ коня.

Баюмъ такъ и обмеръ. Но дружинники князя уже окружили его, ликуя и хлопая по плечу Годинова сына.

А Годинъ все еще стоялъ надъ догоравшей жертвой съ воздѣтыми руками. Они его были устремлены на пламенный дискъ солнца. Послѣднія синеватыя струйки дыма поднимались къ Дажбогу отъ жертвеннаго костра.

XXIV.

Пиръ дружины.

Когда Баюмъ, окруженный дружиной и отроками князя, пошелъ къ своему двору, ему казалось, что онъ погнѣбъ.

Хотя князь и велѣлъ воинамъ не обижать никого въ его дворѣ, но онъ же сказалъ: «шпруйте, хозяйина не жалѣйте и до прихода князя никого изъ двора не выпускайте!» Притомъ Святославъ далъ понять, что посылаетъ воиновъ шпровать къ Баюму не просто, какъ къ старшему почетному лицу въ селѣ, а какъ бы въ отместку за какія-то провинности Баюма.

Баюмъ понималъ, какія это провинности. Онъ не считалъ ихъ провинностями, потому что поступалъ по обычаю, по праву. Но онъ понималъ и то, что послѣ словъ князя подъ священнымъ деревомъ не только дружина, весь ольжичанскій міръ вооружится противъ него.

Вонъ какъ дружина плотной стѣной окружила его, Баюма, точно не къ хозяйину гости идутъ, а плѣнника на казнь везутъ: Баюмъ чувствовалъ, что онъ гибнетъ. Въ отчаяніи бросился онъ къ Владану, проталкиваясь къ нему въ ридяхъ воиновъ; онъ ухватилъ Владана за руку и хотѣлъ заговорить съ нимъ. Но каковъ же былъ его ужасъ, когда землякъ-воинъ, рывнувъ отъ него руку чуть не съ ярвой ненавистью, повернулся къ нему спиной и заговорилъ съ другими ратниками!

Баюмъ окончательно убѣдился въ одномъ — нельзя ни

на кого падѣяться. Надо спасать, что можно, а главное Русаву. Въ его головѣ сейчасъ же мелькнуло соображеніе ввѣсти неожиданныхъ и нежелательныхъ гостей не въ гридницу главныхъ хоромъ, какъ слѣдовало по обычаю, а въ большія сѣни лѣтнихъ клѣтѣй, гдѣ и устронуть имъ пирь. Они не знаютъ его дома и двора и не разберутъ, гдѣ они.

Баюмъ зналъ, что въ гридницѣ спала Русава, подъ надзоромъ матери и Недыхи. Если она и не спитъ, она все еще тамъ: женщины въ знойные часы дня нерѣдко оставались тамъ; легкія клѣтѣ слишкомъ накалялись. Да и сегодня, когда всѣ Ольжичи были взбудоражены княжескимъ постоемъ, княжескимъ судомъ, полуднемъ, робкія женщины, вѣроятно, и не выходили изъ гридницы, гдѣ всего легче и крѣпче можно было запереться отъ вторженія военныхъ гостей, страхъ передъ которыми въ то время жилъ въ каждой женской душѣ.

Да и кромѣ Русавы, въ гридницѣ находились главныя богатства Баюма. Можетъ-быть, и удастся все это спасти. Медомъ, хлѣбомъ, мясомъ, дичиной все равно приходилось поступиться. Деньги, бывшія у Баюма, — а въ Ольжичахъ рѣдко у кого онѣ были въ ту пору, — были у него болѣею частью зарыты подъ половицами гридницы. Смокнувъ все это очень быстро, несмотря на все свое волненіе, на весь свой страхъ, Баюмъ, широко растворивъ ворота двора, прямо повелъ шумную толпу своихъ гостей въ клѣтѣ, въ сѣни; самъ же, подъ предлогомъ распорядиться по хозяйству, ускользнулъ въ гридницу.

Русава все еще спала. Сонъ ея былъ тихъ. Очевидно, она страшно устала отъ всего пережитаго въ эту бессонную для нея Купалью ночь. Недыха и жена Баюма, трепеща отъ шума, который издали, изъ клѣтѣй, донесся до нихъ, какъ насѣдки надъ больнымъ итепчикомъ, сидѣли у очага близъ Русавы.

— Дружину кормить, поить привелъ — князь повелѣлъ! — наскоро сказалъ Баюмъ. — А васъ я здѣсь запру: не шевелитесь, не зажигайте огня. Закройте очагъ-то — огонька чтобъ не было видно! — слышно приказывалъ онъ. — Проснется Русава — никуда не пускайте.

И онъ, быстро выскользнувъ изъ гридницы, заперъ ее на замѣкъ, какъ и тогда, когда, убѣжавъ искать Русаву, оставилъ въ ней одну свою жену. Женщины задвинули мѣднымъ щитомъ очагъ. Вся гридница погрузилась въ полную тишину. Въ ней лишь слышалось тихое, мѣрное дыханіе спящей Русавы, да тяжкіе вздохи, которые не могла подавить Недыха.

Но зато весь остальной дворъ Баюма наполнился шумомъ. Не успѣлъ Баюмъ, хлопая въ ладоши и призывая рабовъ, появиться въ клѣтѣхъ, какъ онъ понялъ, что гости хозяйничаютъ безъ него. Вся дворня поднята была на ноги. Погреба, хранилища запасовъ, медуши — все уже было настезъ. Замки, гдѣ они были, вывернули мечами и короткими коньями. Дворня, напуганная шумной военной ватагой, бѣгала по всему двору.

На большомъ очагѣ большой одрины, гдѣ жила главная дворня, уже пекли и варили частью холоны, частью сами пришельцы-воины, младшіе изъ нихъ, отроки. На вертелахъ верещало свиное, конское мясо, нѣсколько слегка просоленныхъ стѣгонъ лося, найденныхъ въ погребу. Въ большой глиняной чашѣ мѣсили цѣкъ: овсяный кисель, смѣшанный съ медовой сытой. На угольяхъ пекли свѣжую рыбу, запасенную Баюмомъ недавно. Топорами и мечами отхватывали куски соевъ, полныхъ янтарнымъ медомъ, который при разрубѣ сочился изъ сога, какъ золотистая, прозрачная кровь его. Въ большихъ глиняныхъ корчагахъ мѣсили разваренное шшено, смѣшанное съ ягодами. Домашнее пиво, пѣнистое, темное и густое, разливали въ сулен.

То, что было готово изъ свѣтлаго, и напитки несли слышно въ общія сѣни клѣтѣй. Тамъ, на полу, разлеглись кругами, воины уже бражничали. Чары съ шумомъ обходили въ круговую.

Церивичные къ широканью, вообще трезвые воины Святослава легко пьянѣли и шумно радовались сами своему ошьянѣнью. Владанъ сидѣлъ въ кругу почетнѣйшихъ и громко говорилъ:

— Князь правъ! Я самъ здѣсь буду старшиной! Пора этимъ полевымъ мышамъ показать силу меча! Я не Годиновъ родичъ, я князевъ мужъ-дружинникъ — я отречусь и отъ старшинства въ родѣ — князевымъ ставленникомъ, воеводой буду! Не подѣ дубомъ буду звать рѣзать, — враговъ князевыхъ крушить! Да живетъ князь! Да живетъ стольный градъ Кіевъ! Да живетъ середѣ земли — Переяславецъ! Да живетъ мечъ-кладенецъ! Да живетъ дружина — вои!

Баюма какъ будто не замѣчали. На него не обращали вниманія. И вдругъ въ порывѣ какого-то безсильнаго изступленія онъ выхватилъ чару у неснаго се мимо холопа и опорожнилъ ее сразу, отчего вдругъ и захмѣлѣлъ послѣ безсонной ночи и всѣхъ пережитыхъ волненій. И онъ началъ пить. Отъ круга къ кругу переходилъ онъ съ чарой, ни съ кѣмъ не чокаясь. Только самъ пилъ молча, будто въ отчаяніи. Это тянулось долго. Наконецъ, онъ смѣло подошелъ къ кругу, въ которомъ сидѣлъ Владанъ.

— Мечъ — богъ! — заговорилъ онъ злобнымъ голосомъ. — Полевые мыши мы, родичъ Владанъ! Ограбить насъ надо, обобрать! А чѣмъ вы живы? — Полевыми мышами!.. Онъ спосилъ зерно по зерну, куну по кувѣ, сотъ по соту — для дани тому же вашему мечу. Среду земли добыть — вѣжу-охрану всей землѣ? Мечъ, молъ, все это добудетъ. Одинъ ли мечъ? Охъ, и князя почнуть собирать, какъ полевые мыши, зерно къ зерну... И тѣмъ станетъ земля. Карайте, молъ, Баюма, за его обычай... А этимъ обычаемъ стоитъ земля! Не однимъ мечомъ...

Баюма какъ будто не умѣлъ выразить все, что хотѣлъ сказать... Вдругъ одинъ дружинникъ крикнулъ ему:

— Чего хвалишься своимъ обычаемъ, носатый! Дочь не удержишь, а туда же! Баюмовъ обычай!

Вонилъ, очевидно, вспомнилъ то, чему свидѣтелемъ былъ утромъ на Горыни. Баюма не поизилъ его.

— Дочь не удержишь? — повторилъ онъ.

И точно въ отвѣтъ на эти слова въ сѣни ворвалась Недыха, вся растрепанная, растерзанная и, ринувшись во весь ростъ передъ Баюмомъ, колотясь головой объ полъ, завонила:

— Охъ! Казни головунку бѣдную, — украли, умыкнули дочь твою, Русавунку! Уволокли ни вѣсть куда, ни вѣсть кто! Въ окошко я выльзла, чтобъ до тебя добѣжать.

Баюма стоялъ, какъ пораженный громомъ. Тяжелая деревянная чара съ грохотомъ упала у него изъ рукъ, и покатилась по полу, заливая его брагою.

XXV.

Ч у р ь.

Когда Вельмудъ привелъ, по приказанію князя, коня къ его шатру, онъ увидѣлъ, что у шатра стоитъ стражникъ. Онъ остановился передъ шатромъ, не зная, какъ ему поступить дальше. Стражникъ спросилъ его, что ему надо. Вельмудъ передалъ ему все, что повѣлѣлъ князь. Стражникъ на мгновеніе нахмурился и задумался. Потомъ сказалъ:

— Веди коня въ шатеръ. Коли князю полюбится конь, онъ держитъ лошадь въ шатрѣ, спитъ вмѣстѣ съ ней, самъ чиститъ, холитъ. А этотъ конь, видно, полюбился ему. Здѣсь онъ не думалъ брать коней, здѣсь и путь-то до Кіева города все водой, небольшие переволоки волокомъ. А коль тебя въ отроки-конюхи пожаловалъ, видно въ Кіевѣ-городѣ, на конномъ княземъ дворѣ жить будешь, тамъ запасные княжіе кони, да старые на покой. Въ походѣ князь самъ и конюхъ своего коня. Да и не любить онъ въ походѣ на конѣ быть. Въ ладѣ, либо пѣшій. Ходитъ онъ любить, да ужъ и ходитъ! Видно полюбился конь, коли себѣ князь взял! Веди его въ шатеръ.

И стражникъ откинулъ полу шатра, который у князя былъ больше, чѣмъ у воиновъ его. Вельмудъ ввелъ коня въ шатку, стражникъ опустилъ за нимъ полу. Когда новопожалованный княжіи конюхъ остался въ полувѣтѣ шатра съ лошадейю одинъ на одинъ, онъ оглядѣлся.

Палатка изъ просмоленной грубой холщевой рѣдины слегка просвѣчивала, и въ ней стояла знойная, темно-золотистая дымка; просвѣты же въ черномъ отъ дегтя холстѣ горѣли оранжевыми пятнами. Палатка была почти пуста. Нѣсколько копій, мечей, луковъ, колчановъ и щитовъ были прислонены въ одномъ ея углу къ ея стѣнкѣ. На полу лежала шкура лося, выдѣланная и распластанная. Около шкуры на землѣ были видны деревянная чашка и берестяной буракъ — утварь князя для ѣды и питья. Въ углу, въ головахъ шатра, былъ небольшой войлокъ-вьюкъ, завязанный ремнемъ. Отъ пустоты шатеръ казался просторнымъ.

Но когда Вельмудъ ввелъ въ него коня, лошадь заняла почти половину шатра. Вельмудъ постарался помѣстить коня подалеже отъ того мѣста, гдѣ лежала шкура и стояла утварь: тамъ князь, очевидно, спалъ. Конь повиновался Вельмуду, ласково сгибая шею и помахивая хвостомъ. Уведенный изъ шумной толпы, отдышавшись отъ бѣшеной скачки, конь какъ будто затихъ.

Въ шатрѣ было тихо. Только большая синяя муха уныло гудѣла, тяжело летая въ оранжевой дымкѣ подѣ его нолами. Вельмудъ, держа коня въ поводу, молча ждалъ появленія князя. Въ его груди поднялось какое-то непобѣдимое чувство. Слезы счастья набѣжали на его глаза, и онъ прижался къ груди лошади, точно къ груди друга, которому хотѣлъ излить все, что творилось въ его душѣ — души княжого отрока, только что бывшаго изгоемъ, бѣлымъ воромъ.

Долго стоялъ такъ въ оранжевой дымкѣ шатра Вельмудъ. Вдругъ конь поднялъ голову и заржалъ. Вельмудъ вздрогнулъ и тоже поднялъ голову. Онъ слегка отступилъ. Въ шатрѣ стоялъ Святославъ.

— Молодецъ! Узнаетъ хозяина! — сказалъ онъ и потрепалъ коня по бедру. — «Изгой» ему кличка будетъ! Въ память, какъ отъ «изгоя» въ руки мнѣ достался. Да брось поводъ! Не уйдетъ. Умная животина! — продолжалъ князь.

Вельмудъ выпустилъ поводъ изъ рукъ. Князь сорвалъ узду съ коня и бросилъ ее на землю.

— Будь дома, «Изгой»! Отдохни! Потомъ и накормлю. Самъ накормлю!

Въ это мгновеніе, опомнившійся Вельмудъ упалъ къ ногамъ князя и въ глубокой, молчаливой благодарности обнялъ эти ноги. Рука князя коснулась его головы.

— Встань, отрокъ Вельмудъ, дай князю протянуться, отдохнуть.

Вельмудъ выпустилъ ноги князя. Слезы катились по его щекамъ — лучшія человѣческія слезы, слезы благодарности. Князь протянулся на шкурѣ, подперевъ голову рукою.

— Благодарись теперь, — сказалъ онъ медленно, пристально смотря на Вельмуда, который молча стоялъ передъ княземъ. — А давеча — молъ, обманываешь, великій милостивый князь! Облечь обманомъ хочешь! Воръ, молъ, я, такъ и есть воръ. Уличилъ князя въ обманѣ! — добродушно посмѣиваясь, говорилъ Святославъ.

— Прости! Вся душа заговорила! Вся правда заговорила! — глухо произнесъ Вельмудъ.

— А ты полагаешь, я и хотѣлъ обмана? — снова засмѣялся князь. — Испытать я тебя хотѣлъ. Пойдешь ли, молъ, на обманъ? Не пошелъ! Вотъ за это и честь тебѣ! Ну, да что было, то было. За одно не держись, другое начинай! Такъ, полагаю я. Скажи-ка мнѣ, отрокъ Вельмудъ, какъ у васъ здѣсь, въ Ольжичахъ, играютъ свадьбы? Такъ же-ль, какъ у насъ, въ Кіевѣ?

Вельмуда вдругъ какъ будто кто-то схватилъ за сердце.

— Сговорятся заранѣ родители, родичи, да и ладъ съ

ладой, а потомъ, какъ бы увозомъ. Посадить ладъ на коня ладу да триады вокругъ озера обвезеть... Есть тутъ у насъ озерко, близъ Горыни. По ту сторону рѣки. Сейчасъ, какъ, противъ Баюмова двора, за лугомъ, переильвешъ Горыни, тутъ и оно, озеро. Коли лѣтомъ, обвезеть женихъ невесту на конѣ: коли зимой да саняхъ; а придуть—полагословить дѣдь Годинъ, вѣно отцу въ ноги положить, а тамъ и чару разошьютъ... дрожащимъ голосомъ говорилъ Вельмудъ въ то время, какъ лицо его блѣднѣло.

А кто видитъ, что обвезъ три раза кругъ озера? какъ будто сурово спросилъ Святославъ.

А дружокъ... али свать... али за ними скачетъ, али у озера стоитъ... едва слышно отвѣтилъ Вельмудъ.

Такъ... задумчиво расправилъ усы Святославъ. Ну, такъ слушай же ты, отрокъ слуга мой! Люблю я испытать всякаго слугу вновь. Годенъ ли, пригоденъ ли князю-господину? А служба у меня трудная, боевая, ну и испытаніе по ней. Вотъ и тебѣ испытанье, отрокъ Вельмудъ! Есть у Баюма, Годинова сына, дочка, слыхали, видать, небось, усмѣхнулся князь. Коли любя тебѣ эта дочка... Вельмудъ рванулся къ князю, но Святославъ движеніемъ руки остановилъ его. Не пресѣкай рѣчь князей! Такъ, коли любя тебѣ эта Баюмова дочка, жалую я тебѣ ее въ жены, а ужъ добыть ее въ жены ты самъ себѣ долженъ. Пируетъ теперь моя дружина у Баюма, а дочку небось онъ на запоръ заперъ. Вызови ее изъ за запора, да приведи на озеро. А я тебя тамъ съ конемъ ждать буду. Вотъ съ нимъ, съ «Изгоємъ». — князь указалъ на лошадь. Буду я тебя ждать, какъ твой дружокъ, свать. И вѣно твое Баюму при мнѣ будетъ. Обскачешъ съ ней трижды озеро, а я послухомя тому буду, и оба мы прямо на Баюмовъ дворъ... принимай, моль, вѣно и молодыхъ! А не добудешъ Баюмовой дочку, пожду, пожду тебя, да и вѣно въ озеро кину. И не приходи ко мнѣ. Какой ты слуга мнѣ, коли жены себѣ добыть не могъ! Ступай на всѣ четыре стороны. Безъ тебя съ конемъ обойдемся. А Баюмовну тогда Владану соватаю! Благо ужъ и соватана ранѣ!

Князь закончилъ свою рѣчь сурово и небрежно. Но Вельмудъ, точно обезумѣвшій, бросился вонъ изъ княжого шатра, едва дослушавъ эту рѣчь. Конь поднялъ голову, будто удивившись его исчезновенію, и увидавъ, что усмѣхающийся князь лежитъ спокойно, снова опустилъ голову.

Постой «Изгой»! Наше дѣло еще впередъ! — сказалъ Святославъ.

Вельмудъ выскользнулъ изъ шатра. Стражникъ увидаль въ отверстіе приподнятой полы шатра, что князь спокойно лежитъ, глядя усы, и пропустилъ новаго отрока. Вельмудъ исчезъ между дубами. Едва Святославъ договорилъ то, что хотѣлъ сказать ему, въ головѣ Вельмуда уже готовъ былъ планъ похищенія Русавы. Благодаря счастливой случайности, Вельмуду былъ извѣстенъ подземный ходъ, который велъ отъ двора Баюма къ Горыни.

Въ ту пору въ сравнительно богатыхъ дворахъ нерѣдко устраивали всевозможныя тайныя лазейки и ходы. Боязнь внезапнаго нападенія какихъ-нибудь дикихъ кочевыхъ сосѣдей, или враговъ, съ которыми воевалъ князь, заставляла мирныхъ поселенъ, особенно тѣхъ, у которыхъ было, что беречь, рыться подъ землей, какъ кроты, чтобы въ дни опасности самимъ спрятаться и спрятать имущество.

Баюмъ предусмотрительно вырылъ себѣ такой потайной ходъ къ Горыни, чтобы при случаѣ обѣжать отъ враговъ этой рѣкой. Въ проходѣ подъ землей для этой цѣли всегда хранилась и лодка-долбленка. Рыль этотъ проходъ Баюмъ въ то время, когда Вельмудъ былъ у него вольнымъ закупшемъ, и отецъ Русавы еще не надѣялся обратить Вельмуда въ рабы. Рыль ходъ одному, при помощи жены и Недыхи, которая таскала землю ночью наружу, было трудно. Обели свой Баюмъ не довѣрялъ: она всегда была слишкомъ зла на него.

Онъ избралъ меньшее изъ золъ: довѣрилъ тайну хода вольному закупню, парню, позидному, вѣрному и честному, взявъ съ него клятву, что онъ никогда никому не укажетъ этого хода.

Когда Вельмудъ пробирался по селу, онъ видѣлъ, что оно почти опустѣло.

Всѣ взрослые, дѣти, старики, даже собаки, вслѣдъ за людьми, толпились у запертаго на замокъ входа въ дворъ Баюма. Точно всѣ хотѣли хоть краемъ уха услышать, какъ пируетъ княжеская дружина на дворѣ ненавистнаго стареда Баюма.

Благодаря этому, на задахъ Баюмова двора, гдѣ брался Вельмудъ, не было ни души. Онъ взобрался тамъ на тынъ, уцѣпился за большой сукъ тополя и, въ густой листвѣ тополя почти невидимый, сползъ на крышу покинутой теперь всѣми гридницы. Въ одно мгновеніе Вельмудъ былъ надъ отверстіемъ, въ которое тонкой, едва замѣтной струйкой тянулся дымокъ очага, распространяя горьковатый чадный запахъ.

Ноги Вельмуда опустились въ это отверстіе, и онъ нырнулъ въ темную, обгорѣлую дыру, ухватившись руками о ея края.

Въ гридницѣ было тихо. Слышался только отдаленный шумъ. Вельмудъ понялъ, что темно оттого, что очагъ задвинуть мѣднымъ щитомъ. Онъ разжалъ пальцы, державшіеся за края надъ очагомъ, и мягко спрыгнулъ въ его золу. Босыми ногами онъ почувствовалъ ее тепло и рыдую жгучесть. Сверху изъ отверстія шель слабый свѣтъ.

Онъ тихо протянулъ руку и отодвинулъ мѣдный щитъ. Никто въ гридницѣ не пошевелился. Вельмудъ взглянулъ изъ устья печи. Сердце его сильно застучало. На скамьѣ лежала Русава. Ея мать и Недыха, прислонившись обѣ къ двери, прислушивались къ звукамъ, долетающимъ со двора, гдѣ пировали воины князя. Обѣ стояли спиной къ Вельмуду.

Однимъ мягкимъ неслышнымъ прыжкомъ Вельмудъ былъ въ комнату. Сразу сорвалъ онъ большую толстую поволоку изъ греческой плотной ткани, лежавшую на одной изъ лавокъ, и, набросивъ ее на Русаву, обернулъ ее въ эту ткань. Дѣвушка закричала, но глухо раздался подъ поволокой ея голосъ. Недыха и мать Русавы испуганно обернулись на этотъ глухой крикъ.

Но въ то же мгновеніе два сильныхъ удара по переносью каждой страшно ошеломили женщинъ. Точно искры посыпались у нихъ изъ глазъ, и обѣ упали. Не успѣли онѣ опомниться, вскочить, съ дверью произошло что-то необыкновенное. Подъ сильнымъ ударомъ ноги Вельмуда, тяжелая колода ея порога—сдвинулась съ мѣста, что-то куда-то рухнуло, колода опять, сильно стукнувшись, стала на свое мѣсто. Порогъ находился по эту сторону затвора, и, чтобы сдвинуть его и спрыгнуть, не нужно было отворять двери.

Когда обѣ женщины опомнились и вскочили на ноги, кромѣ нихъ уже никого не было, но не было и Русавы и одной поволоки на лавкѣ. Щитъ очага лежалъ плашмя на плитѣ, по полу шла полоска золы. Женщины въ ужасѣ смотрѣли другъ на друга.

И вдругъ обѣ съ воплемъ ринулись на запертую дверь, пытаясь раскрыть ее. Но это, конечно, было имъ не по силамъ. Тогда Недыха ползла вслѣдъ своимъ небольшимъ, старческимъ, сухимъ тѣломъ въ окно.

Она ударилась головой въ бычачій пузырь окна, и сама не поняла, какъ, пробивъ этотъ пузырь, ободранная, исцарапанная, съ кровавыми ссадинами, съ растрепанными волосами, съ обломленными ногтями, обрушившись вслѣдъ тѣломъ на-земь—выскочила изъ окна наружу, во дворъ. Тутъ-то она и ринулась въ среду пирующихъ съ воплемъ о новомъ исчезновеніи Русавы.

А Русава въ это время переживала ощущенія одно необычайнѣе другого. Когда Вельмудъ провалился съ ней въ тайникъ, дернувъ колоду за кожаный ремень, приближій къ ней, онъ и Русава очутились въ полной темнотѣ.

Въ маснарадѣ. Послѣдній анкордъ. Рис. Ст. Грохольскаго, грав. Швабъ.

Впрочемъ Русавѣ, окутанной съ головою въ поволоку, было и безъ того темно. Да и внезапно такъ страшно пробужденная отъ сна, она не понимала, что съ ней творится. гдѣ она, и только тихо закричала. Теперь, въ подземельи, задыхаясь въ толстой ткани, она уже не кричала, а глухо стонала. Она думала, что умираетъ.

Но вотъ чьи-то руки сняли съ нея то непонятное, что душило ее. Она вздохнула полной грудью. Хотя въ низкомъ подземельи было мало воздуха, но все же ей сразу стало вольнѣе дышать. Однако вокругъ нея все было такъ же темно, и она все не понимала: гдѣ она, и что съ ней. Она только чувствовала, что она лежитъ на сырой землѣ и кто-то въ темнотѣ наклоняется къ ней.

И ей вдругъ показалось, что она поняла. Ей показалось, что это наклоняется къ ней чурь — духъ одного изъ ея предковъ, скрывающійся въ домѣ отца. Она знала, что чурь всегда добры къ своимъ потомкамъ, оберегаютъ ихъ отъ бѣдъ, если только потомки не заслужили чѣмъ-нибудь ихъ справедливаго гнѣва. И вотъ, Русава вся прижалась своимъ трепещущимъ тѣломъ къ этому чурю и зашептала:

Чурь меня! Чурь меня!

Такъ звать къ чурю научила ее еще Недыха. Это сокращенное воззваніе значило: добрый чурь, спаси, охраняй меня! И добрый чурь обнялъ ее, и прижалъ ее къ своей груди и понесъ быстро-быстро въ темнотѣ, прижимая къ ней вѣжно и ласково. Ей казалось, что они плыли по чему-то темному, безконечному.

«Ужъ чурь ли это? начало ей думаться... Не оный ли злая Мара?»..

Но въ это время чурь прошептала ей на ухо:

Не бойся, Русавушка, не бойся, сердечная! Хорошо тебѣ будетъ!

И Русава закрыла глаза и въ непонятной сладостной истомѣ отдалась этимъ невѣдомымъ объятіямъ, быстро уносившимъ ее куда-то сквозь темноту и духоту.

XXVI.

У о з е р а .

Не одна Русава въ этотъ безпокойный день заспалась долгимъ крѣпкимъ сномъ. Фрелофъ спалъ почти такъ же глубоко и долго.

Наконецъ онъ проснулся, сразу вскочилъ на ноги и оглядѣлся. Первымъ его движеніемъ было схватиться за мечъ: мечъ былъ тутъ, за поясомъ. Онъ, значитъ, былъ не въ тюрьмѣ, не въ лѣбну, какъ ему почудилось въ первый мигъ пробужденія. Потомъ онъ вдругъ все вспомнилъ. Онъ снова внимательно оглядѣлъ пещеру. Ни коня, ни молодого изгой не было.

«Неужели бѣжалъ отъ княжескаго гнѣва и увелъ ворованную лошадь?» — подумалъ Фрелофъ.

Ему вдругъ стало жаль этого бѣднаго изгой. Но со свойственной ему переменчивостью и быстротой опущеній, онъ въ то же время почувствовалъ, что хочетъ ѣсть. Онъ вспомнилъ, что у Вельмуда въ углу пещеры былъ запасъ орѣховъ, травъ, ягодъ, воды. Онъ забрался въ этотъ уголъ и долго грызъ орѣхи, совсѣмъ какъ бѣака, своими облоупѣнными великолѣпными зубами. Когда онъ поѣлъ и выпилъ воды, онъ подумалъ, что и ему пора идти къ князю.

И Фрелофъ выбрался изъ пещеры и пошелъ по лѣсу. Онъ пошелъ съ твердымъ намѣреніемъ идти прямо къ князю въ Ольжичи, отыскивая свои отмѣтны на корѣ деревьевъ.

Но, выйдя изъ полутьмы пещеры на солнце, свѣтлое, мягкое, ласковое, юный воинъ-лѣвецъ вдругъ невольно громко зашѣлъ, тутъ же создавая свою пѣсню о солнцѣ, о птицахъ, о травахъ, о деревьяхъ. Передъ вечеромъ, въ этотъ чудный солнечный день, было такъ дивно хорошо въ загишемъ, точно замечтавшемся лѣсу. — что пѣсни невольно полилась изъ устъ Фрелофа. И, громко вапѣвая эту пѣсню, весь уходилъ самъ въ ея звуки и

образы, Фрелофъ забылъ и про князя, и про Ольжичи, и про свои отмѣтны на деревьяхъ.

Шелъ онъ и пѣлъ такимъ образомъ долго. Вдругъ сквозь кусты передъ нимъ блеснула стальная полоска воды. Онъ подумалъ, что подошелъ къ Горыни, и сразу вспомнилъ и князя, и Ольжичи, и куда онъ шелъ. Онъ обрадовался, что хотя и шелъ наугадъ, но, очевидно, вышелъ къ Горыни, а отъ нея-то онъ ужъ доберется до мѣста, только бы сообразить: куда идти по берегу направо, или налево. Онъ быстро шагнулъ черезъ кусты къ водѣ.

Увы! То не была Горынь. То было голубое озерко, дремавшее въ песчаныхъ берегахъ, точно въ золотистой рамкѣ. И у этого озера кто-то сидѣлъ. Этотъ кто-то сидѣлъ къ Фрелофу спиной. Изъ-за головы его, бритой, съ чубомъ, поднимался къ небу синеватый дымъ. Сладкій пріятный запахъ шелъ отъ этого дыма. Фрелофъ узналъ этотъ запахъ. То былъ запахъ травы, которую князь Святославъ умѣлъ находить въ дубовыхъ лѣсахъ и любилъ жечь, чтобы нюхать во время горѣнія ея ошьяняющей-пріятный ароматъ. Князь Святославъ, почти не пившій ни вина, ни браги, любилъ слегка ошьяняться въ лѣсу жженіемъ этой травы.

Да неужели же это князь Святославъ сидѣлъ и жегъ свою любимую траву? Пѣсни Фрелофа оборвалась. И въ тотъ же мигъ голова съ чубомъ повернулась къ юному воину. Да, то былъ, несомѣнно, князь Святославъ. Холодно и спокойно, съ едва замѣтной усмѣшкой, смотрѣлъ онъ на опѣвившаго лѣвца.

— Что же, сонливецъ, проснулся? Запѣлъ? Куда ты идешь? Узнать путь въ пещеру? Гдѣ воръ-изгой и конь его? — вопросъ за вопросомъ задавалъ юному князю, въ то время, какъ Фрелофъ стоялъ и протиралъ свои глаза, не вѣря имъ. — Да, ты не спишь! Фрелофъ! Куда ты пришелъ? Гдѣ изгой и конь? — совсѣмъ расхохотавшись, спросилъ князь.

Фрелофъ, окончательно потерявшійся, молчалъ. Наконецъ, онъ овладѣлъ собой.

— Убѣжалъ и увелъ коня! — трепетно соскользнуло съ его губъ.

— Убѣжалъ и увелъ коня! — повторилъ князь шутливо гнѣвно. — Да онъ совершенный печенѣгъ! Ужъ не одурманилъ ли онъ тебя какой сонной травой? Вотъ, какъ я этой одурманиваюсь,—показать онъ на небольшую кучку травы, которая тѣла передъ нимъ на берегу озера подъ кустами зажженного тута и берескы.

— Прости, милостивый князь! Самъ я заснулъ, тихо, съ лукавой виноватостью любимца, который знаетъ на-вѣрное, что будетъ прощенъ, сказалъ Фрелофъ.

— Простить тебя! Да что-жъ! Я не гнѣваюсь... а слѣдовало бы тебя на-сторожѣ ночи на двѣ безъ просыпу поставить, чтобы не горланить въ лѣсу, когда надо идти къ князю. Но не гнѣваюсь. Сегодня я только на одного гнѣвался. Больше ни на кого не хочу сегодня гнѣваться... А вотъ гдѣ печенѣгъ — изгой? Ушелъ и увелъ коня! — усмѣхаясь, повторилъ Святославъ.

Фрелофъ не зналъ, что отвѣтить.

— А глѣнь-ка вошь за кусты. Не его ли краденый конь тамъ? — указалъ вдругъ князь на молодую поросль дубовъ и кленовъ нѣсколько въ сторонкѣ отъ озера.

Фрелофъ, удивленный, раздвинулъ кусты. Тамъ мирно щипала траву конь, привязанный къ одному дереву. Черезъ спину его были перекиннуты два небольшихъ, очевидно, тяжелыхъ мѣшка. Фрелофъ сейчасъ же узналъ коня, хотя и видѣлъ его всего разъ въ полусвѣтѣ пещеры. Конь приподнял голову.

Но гдѣ же былъ изгой? Фрелофъ поблѣднѣлъ. Ему подумалось — не накрылъ ли князь вора-изгой въ лѣсу во время бѣгства съ конемъ? Не расправился ли онъ съ нимъ по-своему? Безпощаденъ былъ князь Святославъ, когда нарушалъ его строгій приказъ.

— Княже! Княже! — воскликнулъ онъ.

— Что ты? удивленно возвел на него свои большие очи князь.

— Живъ? Живъ изгой? точно против воли вырвалось у Фрелофа молодымъ, трепетнымъ звукомъ, похожимъ на стоны.

— Живъ ли? еще болѣе точно удивился Святославъ. Потому онъ вдругъ посмотрѣлъ на солнце. Оно все болѣе и болѣе близилось къ небосклону.

— Теперь, можетъ, и вправду не жить, сурово и угрозою сказалъ Святославъ.

Точно туча налетѣла на его темное лицо. И вдругъ вставъ на ноги, онъ сердито растопталъ глѣвную траву, будто не хотѣлъ больше наслаждаться ею.

— Дать я твоему изгоя искусъ, испытаніе. Да вотъ и жду его. Что-то ужъ поздно. Пора бы и на пиръ къ дружить. Того и гляди, сложить буйную голову твоей изгой.

Фрелофъ не понималъ князя. Онъ понималъ только его послѣднія слова и поблѣднѣлъ. Князь пристально, мрачными глазами взглянуть въ испуганные глаза юноши.

— Что ты... ахъ больно полюбился... изгой-то?

Голосъ князя странно дрогнулъ, точно хотѣлъ сказать этой дрожью, что и князю тоже полюбился изгой Вельмудъ. Вдругъ князь поднялъ голову, прислушался, сразу просіявъ лицомъ.

— Плывуть. Слышишь? отрывисто кинулъ онъ Фрелофу.

И быстро пошелъ онъ отъ озера за дубовый перелѣсокъ, въ которомъ пасся конь. Фрелофъ бросился за нимъ. За перелѣскомъ оказалась снова вода. На этотъ разъ, дѣйствительно, Горынь. Фрелофъ узналъ ее. Въ отдаленіи на ней плыла лодка. Въ лодкѣ сидѣли двое. Князь вдругъ весело, протяжно гикнулъ навстрѣчу плывущимъ.

(Продолженіе будетъ.)

Дамскій портной.

Рассказъ Ф. Лоренцена.

I.

Послушай, Анна... обратишься богатый банкиръ Циммерманъ къ своей единственной дочери:—мнѣ нужно сообщить тебѣ важную новость. Такъ какъ я тороплюсь на биржу, то не буду тратить времени на предисловія и перейду прямо къ дѣлу. А дѣло въ томъ, что у меня сейчасъ былъ молодой Мейеръ, сынъ моего старшаго друга, собственика фирмы «Мейеръ и Гельмерсъ», и просить твоей руки.

Анна слегка вскрикнула отъ негодованія.

— Па за что, паничка! — рѣзко перебила его Анна. — Я этого господина знаю достаточно, и знаю, что онъ мнѣ совсѣмъ не пара.

Только не волнуйся, дитя мое, только не волнуйся! — ласково трепля дочь по зардымившимся щекамъ, успокаивалъ ее банкиръ. — Мнѣ и въ голову не приходитъ стѣснять свободу твоего выбора. Хорошо, я отпущу молодому человѣку, но все же кой-какую надежду ему оставлю.

Итъ, ни малѣйшей. — вспыхнула Анна: — слышишь, папа — ни малѣйшей! У меня къ нему никогда никакого чувства не будетъ. Никогда! Мое сердце, папа, — легкій румянецъ озарилъ ея лицо: — мое сердце не свободно. — я уже обещала свою руку!

Какъ! Значитъ это, дѣйствительно, этотъ докторишка, нищій?

Пастушила очередь дочери разсердиться.

Я не позволю, папа, такъ отзываться о моемъ докторѣ: онъ самый милый человѣкъ на свѣтѣ; лучше его никого нѣтъ! А что у него денегъ нѣтъ — такъ что же тутъ такого? Изъ дому онъ ничего не получалъ; сколькохъ трудовъ ему стоило въ университетѣ понасть и тамъ пробыть до экзаменовъ! А послѣ нихъ, разумеется, масса расходовъ явилась, и все необходимыхъ. Квартира, обстановка! А инструменты! Ихъ однихъ сколько ему нужно было! На все вмѣстѣ ушло болѣе трехъ тысячъ. А гдѣ было ихъ взять? Съ уличной грошовыхъ онъ столько накопить не могъ — это ты и самъ отлично понимаешь. Поневолѣ пришлось къ займамъ прибѣгнуть. И, по-моему, эти долги еще болѣе его рекомендуютъ: если ему дали эти деньги безъ всякаго залога и поручительства, — значить, люди считали его человѣкомъ порядочнымъ, заслуживающимъ довѣрія! Въдь и ты далъ ему двѣ тысячи.

Ты знаешь, — возразилъ банкиръ спокойно: — я далеко не тиранъ, но я тебѣ отказываю теперь въ своемъ согласіи, ради твоей же пользы. Не волнуйся, погоди еще годокъ! Лично протавъ доктора и ничего не имѣю, и если черезъ годикъ или полтора онъ расплатится съ долгами и зарабатывать будетъ достаточно для безбѣдной жизни, — что-жъ? тогда, пожалуй, можно будетъ еще разокъ поговорить съ тобою объ этомъ дѣлѣ.

— Помилуй, папа! Развѣ возможно въ одинъ годъ обзавестись большою практикой?

— Ну, если съ наукою дѣло у него не выгораетъ, пусть что-нибудь другое попробуетъ.

Да за что же онъ можетъ взяться, кромѣ своего дѣла?

— Это ему лучше знать. — разсмѣялся банкиръ, надвѣвая пальто, чтобы отправиться на биржу. — Если онъ тебя дѣйствительно любитъ, онъ придумаеъ. Можетъ быть, ему почастливится какого-нибудь американскаго крѣза отъ тяжелой болѣзни вылѣчить и сотенку-другую тысячъ гонорара за это получить. А это не удастся — тогда пусть драму, что ли, напишетъ: нынче это тоже деньги даетъ. Ты мнѣ вѣдь рассказывала раньше, что онъ «ужасно» хорошо пишетъ, даже стихами. Если драма ему не подходитъ, тогда тебѣ остается посоветовать ему... Ну... хоть дамскимъ портнымъ сдѣлаться. Вотъ твое новое платье снова уймъ денегъ стоить, и твой портниха на пемъ хорошо заработала!

Циммерманъ, смѣясь, направился къ двери.

— Ну, папа, я отъ тебя этого не ожидала! — заливаясь слезами и всхлипывая, упрекнула отца Анна. — Это жестоко: я его такъ люблю, онъ мнѣ такъ дорогъ!

Слезы мѣшали ей говорить, и, не слушая успокаивающаго ее отца, она убѣжала въ свою комнату и заперлась въ ней.

II.

Послѣ обѣда Анна отправилась съ визитомъ къ своей подругѣ Лизѣ Мюллеръ. Совершенно случайно къ Мюллерамъ пришелъ въ это же время и докторъ Вегнеръ, лѣчившій у нихъ кухарку, сильно поранившую себѣ руку. Разумеется, послѣ осмотра больной, доктора пригласили въ гостиную. Дѣло было къ вечеру: Лизѣ, какъ хозяйкѣ, понадобилось сдѣлать кой-какія распоряженія, и ваюбленные вскорѣ остались одни.

Съ трудомъ сдерживала Анна слезы, сообщая своему милому суровый отвѣтъ отца.

— Пусть ты американскаго крѣза отъ смерти спасешь или драму напишешь! — издѣвался надъ тобою папа, а потомъ сказалъ, что тебѣ можно и дамскимъ портнымъ сдѣлаться, — въ смущеніи жаловалась она ему на отца.

Докторъ озабоченно слушалъ ее, но вдругъ черты его прояснились, и онъ весело вскочилъ.

— Ну, только не унывай! Все хорошо будетъ! Только не переставай довѣрять моей любви и моимъ силамъ, а тогда для насъ ничего еще не потеряно. На твоего отца нельзя обижаться: онъ разсудитъ, какъ подобаетъ разумному, положительному человѣку: на его мѣстѣ и я, быть-можетъ, такъ же поступилъ бы.

Анна смотрѣла на него съ удивленіемъ, не вѣря своимъ ушамъ. Но докторъ продолжалъ:

— Что богатую дѣвушку любить только изъ-за ея богатства. — это подозрѣніе само собою напрашивается; чтобы отдѣлаться отъ него, нужны очень вѣскія убѣжденія. И чѣмъ нѣжше относятся къ дѣтямъ родители, тѣмъ они недовѣрчивѣе. Такъ и твой отецъ! Я, поэтому, ничуть не сержусь на него.

— Однако, какъ же ты убѣдишь моего отца и, главное, какъ ты сможешь въ такой короткій срокъ столько денегъ заработать? Ты самъ же мнѣ говорилъ, что раньше пяти-шести лѣтъ нельзя и рассчитывать на такую практику, которая вполне бы тебя обеспечила.

— Да, при нормальныхъ обстоятельствахъ, при обычномъ ходѣ вещей, въ болѣе короткій срокъ и нельзя добиться успѣха. Санитарное состояніе города замѣчательно, а врачей въ пемъ — хоть отбавляй. И несмотря на это, я не теряю надежды черезъ годъ назвать тебя своею. Твой отецъ своими насмѣшками навелъ меня на великодушную мысль.

— Я тебя не понимаю, Фердинандъ!

— Я теперь всѣ свои силы направляю на добываніе денегъ: разыскиваю американскихъ богачей и, разумеется, не стану въ наши времена эта счастливая порода людей стала такою же рѣдкостью, какъ зубры. Писаніе драмъ я тоже отложу въ сторону. Но зато намежъ на дамскіе наряды, на портняжество для дамъ! Да этому свѣту и цѣны нѣтъ!

Аннѣ показалось, что онъ шутитъ. Ей стало обидно.

— Это не хорошо! Я отъ тебя этого не ожидала. Другой бы старался утѣшить меня, ободрить, а ты еще шутить!

— Да что ты, голубка? Съ чего ты взяла, что я шучу? Дамскимъ портнымъ сдѣлаться — я говорю это совершенно серьезно. Я завтра же отправлюсь къ госпожѣ Мангуэтъ и поступлю къ пей въ науку. Анна громко разсмѣялась.

— Ты станешь учиться шитью и кройкѣ? Вотъ сумасбродъ! Впрочемъ, я вижу, — прибавила она, внезапно опечалившись: — съ тобою сегодня ничего не подѣлаешь. Я никогда не думала, что ты такъ легкомысленно отнесешься къ нашему положенію.

Она встала, собралась уходить.

Но молодой врачъ крѣпко ухватилъ ее за руки, заставилъ снова усѣсться и выслушать его.

— Увѣрю тебя, Анна, я не шучу. Завтра же я начну учиться портняжному искусству. Долженъ тебѣ сказать, что между врачбнымъ дѣломъ и изготовленіемъ предметовъ одежды существуетъ гораздо болѣе тѣсная связь, чѣмъ ты думаешь. Я могъ бы тебѣ назвать многихъ врачей, разбогатѣвшихъ благодаря какому-нибудь удачному изобрѣтенію въ этой области. Чтобы не далеко ходить, до-

Обжегся. Съ картины Э. Рейгъ грав. Дреэръ.

Пьеретта. Съ картины М. Левиса грав. Герике.

статочно назвать профессора Тегера. Ему его «нормальная одежда» сотни тысяч принесла!

— Теперь я начинаю понимать тебя! — весело воскликнула Анна, хлопая в ладоши от удовольствия. — Значит, и ты что-то изобрёл? Потому-то ты хочешь портняжное искусство изучить? Ты думаешь, что тогда успех будет?

— Ну вот мы и споговорились, милая моя! И я от души радуюсь этому. Положим, я ничего еще не изобрёл, но кое-какие планы у меня есть. Они не вполне определены; однако, главная цель, к которой я должен стремиться, для меня ясна. Задача только в том, каким путем до нее добраться. Самый удобный путь в данном случае — практический. Приходится начинать с азов, с мельчайших деталей шитья и кройки и вообще всего, что относится к портняжному делу. Когда я с ними вполне ознакомлюсь, мне уже не трудно будет доказать, что современная женская одежда в высшей степени непрактична и вредно отзывается на здоровье. На мое счастье, в нашем городе, кажется, уже существуют кружок лиц, стоящих за реформу одежды?

— Да, в прошлом году здесь образовался такой кружок, и во главе его находится наша молодая бургомистрша. Она, положим, всегда на стороне «новых идей», но и другие дамы также всё вступили в кружок. И я хотела записаться, да мама не позволила, потому что я барышня, а кружок основан будто бы для замужних. А теперь уж я не остану от мамы и упрошу его позволить мне записаться в кружок. А раз я буду в кружке, я стану твоею ревностной помощницей.

— Ну вот и прекрасно, умница моя!

Она бьет тронуть пальцем дёвушки, и горячим поцелуем выразил свою благодарность.

III.

Доктор Вегнер на следующий же день отправился к лучшей портнихе города, известной госпоже Магнус. У нея была большая мастерская на главной улице, и двенадцать бойких мастериц, под наблюдением двух старших приказчиц, работали над созданием чудных образцов ее творческого гения. Сама она уже давно не прикасалась к игле: с нею довольно было и того, что она давала своим сотрудницам указания относительно покроя, фасона и разных тонкостей; главная же ее деятельность состояла в приёмке важных клиентов.

Доктора она также приняла сама; ввела его в роскошную приемную, и с любовью уязвила начала разговор.

— Чем могу служить, господин доктор?

— Я прочёл в газетах, что вам требуется ученица.

— Совершенно верно, господин доктор!

— Так я поэтому и явился к вам.

— Вы хотите мне рекомендовать ученицу?

— Нет, не рекомендовать! Я к вам привел... себя в ученицы.

— Какой вы шутник, доктор!

— Я вовсе и не думаю шутить, сударыня; развѣ я бы осмѣлился шутить съ такой почтенной дамой?

— Г-жа Магнус улыбнулась, польщенная.

— Я позволю себѣ еще раз увѣрить васъ, что я серьезнѣйшимъ образомъ хочу изучить шитье дамскихъ платьевъ, и къ вамъ я обратился, потому что знаю, что лучшей учительницы мнѣ не найти.

Г-жа Магнус поблагодарила поклономъ за комплиментъ, но не знала, что отвѣтить на такое странное предложеніе.

Докторъ, между тѣмъ, продолжалъ:

— Разумѣется, за ваши труды вы получите приличный гонораръ. Я попрошу, чтобы вы сами его опредѣлили. И такъ, сколько вы съ меня возьмете за ученье?

Г-жа Магнусъ любила рѣшать дѣла безъ задержки. Она не стала осведомляться о мотивахъ страннаго предложенія доктора, и, быстро обдумавъ, изъявила свое согласіе. Гонораръ она опредѣлила въ 100 марокъ, а срокъ ученія — въ четыре мѣсяца.

— Я надѣюсь, что, при нѣкоторомъ рвеніи и прилежаніи, четыре-пять мѣсяцевъ окажется мною достаточно для васъ, чтобы научиться мною самостоятельно создавать дамскій костюмъ.

— Прекрасно! Я мною согласенъ на ваши условія, а за старательность мою и прилежаніе не беспокойтесь: въ нихъ недостатка не будетъ.

Она раскланялась, обѣщая явиться на слѣдующій день въ три часа, чтобы вѣять первый урокъ.

На обратномъ пути она зашла въ магазинъ и купила пару большихъ линейкъ, два треугольника для черченія, ножницы и толстую книгу, подъ заглавіемъ «Практическое руководство кройки и шитья дамскихъ платьевъ, со многими чертежами и выкройками» — все согласно указаніямъ г-жи Магнусъ.

Въ назначенный часъ онъ былъ снова въ мастерской. Г-жа Магнусъ представила его новымъ «товаркамъ».

Можно себѣ представить переполохъ, вызванный въ мастерской появленіемъ доктора. Бойкіе глазки забѣгали, щечки раскраснѣлись, и торопливый шопотъ посвящалъ отовсюду.

— Господинъ, да еще такой образованный, докторъ. — ихъ товарищъ по мастерской! И какой красавецъ! Съ какими усами! И глаза какіе ласковые! Такъ и свѣтятся. Вотъ бы хорошо, если бы его къ намъ посадили! Онъ, навѣрное, сталъ бы за нами ухаживать! И навѣрное не напрасно!

— Но, о, ужасъ! Ничего этого не будетъ! — Хозяйка усадила его къ себѣ въ комнату, и тамъ онъ долженъ былъ все время находиться одинъ-одинѣнешекъ.

Тѣмъ не менѣе у веселой дюжины мастерицъ только и было разговору, что о немъ. Всѣхъ ихъ занималъ вопросъ: чего ради онъ явился за иглу и ножницы? Тутъ что-нибудь не просто. И отвѣты, одинъ другого смѣлье, рождались въ ихъ озабоченныхъ головкахъ.

Разумѣется, въ первый же праздничный день великое событіе облетѣло весь городъ, и имя молодого доктора проникло даже въ такіе круги, гдѣ у него не было ни друзей, ни знакомыхъ.

IV.

Вегнеръ горячо принялся за свои новыя занятія. Прошло нѣсколько недѣль, и юный докторъ уже бойко работалъ иглою и чисто шилъ на швейной машинкѣ. Скоро онъ постигъ даже сокровенныя тайны закройнаго искусства и уже могъ свободно, безъ всякой посторонней помощи, исполнять второстепенныя работы. Четыре мѣсяца пролетѣли незамѣтно, и докторъ за это время сдѣлалъ такіе успѣхи, что его наставница могла съ спокойною совѣстью засвидѣтельствовать въ выданномъ ему удостовѣреніи, что докторъ Вегнеръ въ состояніи безъ всякой посторонней помощи изготовить элегантнѣйшій дамскій костюмъ.

Прекративъ свои посѣщенія мастерской г-жи Магнусъ, докторъ не забросилъ своихъ швейныхъ занятій. Напротивъ, онъ имъ теперь началъ предаваться съ болѣющимъ, чѣмъ раньше, прилежаніемъ, превративъ свое жилище въ форменную швейную мастерскую. Его экономка руками всплеснула, увидѣвъ его развѣ вечеромъ, заваленнаго разнообразными матеріями и выкройками. Когда же къ нему въ домъ принесли швейную машину, и самъ баринъ уясилъ за нее, забывъ всю свою ученость, — удивленіе достигло высшихъ предѣловъ. Г-жа Нейманъ — такъ звали эту достойную особу — не прочь была бы поближе ознакомиться съ работою доктора и разузнать, что собственно онъ шилъ, но ея стараніи, въ этомъ отношеніи, не увѣнчались успѣхомъ, потому что докторъ, садясь за машину, каждый разъ предварительно тщательно заперала двери. Къ тому же, онъ принимался за шитье болѣею частью поздно вечеромъ, когда ея миссия въ домъ кончалась, и для дальнѣйшаго пребыванія ея въ квартирѣ не представлялось резонныхъ основаній.

Нерѣдко ему приходилось захватывать и часть ночи, такъ какъ практика его росла съ поразительною быстротою, и часто у него за весь день и часу свободнаго не было. Въ городѣ обратили на него вниманіе. Его окружалъ ореолъ таинственности, такъ сильно дѣйствующій на многихъ.

И вотъ въ газетахъ вдругъ появилось извѣстіе, что имъ заявлено привилегія на какинъ-то «совершенствованіи дамскаго туалета». Одновременно съ этимъ дамскій кружокъ «Реформа» объявилъ о предстоящемъ публичномъ собраніи его членовъ, посвященномъ докладу доктора Фердинанда Вегнера на тему: «Гигиеническое значеніе женской одежды».

Мѣстомъ доклада предусмотрительно избрали самый большой залъ въ городѣ: залъ «Гармоніи»; но и онъ оказался слишкомъ малъ: задолго до начала засѣданія всѣ мѣста уже были заняты, и цѣлыя сотни людей должны были возвратиться домой не содоломъ хлебавши. Публика, разумѣется, была по преимуществу дамская, но не мало было и мужчинъ, пришедшихъ сюда не столько изъ интереса къ дѣлу, сколько изъ любопытства.

Въ первомъ ряду сидѣла Анна Циммерманъ. Радость, чередовавшаяся со страхомъ, заставила сильно биться ея сердце: нити, кромѣ нея, не зная, что отъ этого вечера для ея возлюбленнаго, да и для нея самой, зависитъ все — и успѣхъ, и счастье. Неподдадену отъ нея размѣстилась г-жа Магнусъ со своей бойкой арміей; ея клиентки обступили ее со всѣхъ сторонъ; вопросы объ интересномъ докладѣ сыпались на нее градомъ, но отвѣты ея были исполнены таинственности и еще болѣе усиляли напряженный интересъ собравшейся аудиторіи.

Вегнеръ приступилъ къ чтенію доклада. Его звучный, пріятный голосъ сразу расположилъ слушательницъ въ его пользу, а живость изложенія быстро помогла ему приковать къ себѣ общее вниманіе. Въ видѣ предисловія онъ далъ культурно-историческій очеркъ женскихъ нарядовъ въ прошедшія времена и очень наглядно выяснилъ, какъ уже въ древности и въ средніе вѣка женщина поддала подлыго моды. Затѣмъ онъ перенесъ къ современной женской одеждѣ и подвергъ ее безпощадной критикѣ. Онъ показалъ, сколько въ ней недостатковъ и какія неудобства она причиняетъ; значительныя прегрѣшенія ея противъ эстетики и полная несостоятельность съ точки зрѣнія гигиенической ярко вытупили передъ внимательными слушательницами. Нѣсколько удачныхъ юмористическихъ замѣчаній вызвали веселый смѣхъ и нѣсколько разъ даже крики «браво». За краткимъ изложеніемъ требованій, предъявляемыхъ къ женскому платью представителями высшей науки, слѣдовало мною убѣдительное выясненіе полнѣйшей возможности удовлетворить эти требованія безъ малѣйшаго ущерба для эстетическаго чувства.

Заканчивая свое изложеніе, онъ обратилъ вниманіе публики на стоявшую около него фигуру-манекенъ, закутанную въ строгое покрывало. Когда онъ снялъ это покрывало, зрителямъ представилась стройная фигура, одѣтая въ моднаго цвѣта костюмъ совершенно своеобразнаго покроя.

— Этотъ костюмъ, — продолжалъ Вегнеръ, — составляетъ мое личное изобрѣтеніе и называю мною «Санитасъ», т. е. «Здоровье». При выработкѣ его приняты во вниманіе установленныя наукою прин-

щины, и онъ вполне отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ гигиены, только что мнѣ передъ вами изложеннымъ. Костюмъ этотъ обладаетъ еще однимъ преимуществомъ: его легче изготовить, и стоитъ онъ гораздо дешевле, чѣмъ любое женское платье, шитое по употребившимся досель образцамъ. Я полагаю, докторъ при этомъ тонко улыбнулся: — что мнѣ позволено будетъ высказать свое мнѣніе по этому поводу въ виду слѣдующихъ обстоятельствъ. Какъ этотъ костюмъ, такъ и тотъ, что я отправилъ въ министерство съ просьбою о выдачѣ на него привилегіи, шиты мною собственноручно. Это оказалось для меня возможнымъ благодаря основательнѣйшему изученію мною портняжнаго искусства подъ искуснымъ руководствомъ выдающейся представительницы его, являющейся въ своемъ дѣлѣ истиннымъ художникомъ.

Одобрительная улыбка озарила оживленные черты слушательницъ. Взоры всѣхъ обратились на г-жу Магнусъ, всю раскрасившуюся отъ радости и гордаго торжества. Ея «бойкая дюжина» окружила ее. Всѣ дамы были очень обрадованы тѣмъ, что наконецъ узнали его секретъ. Его стремленія создать дѣйствительно нѣчто хорошее, и рѣшимость идти навстрѣчу всѣмъ трудностямъ для достиженія своей цѣли заслуживали, по ихъ мнѣнію, полного признанія и достойной награды.

И онъ безъ устали аплодировалъ Вегнеру по окончаніи доклада, и доктору приходилось кланяться во всѣ стороны, чтобы выразить свою благодарность. Дамы, которымъ удалось, несмотря на страшную давку, протиснуться и осмотрѣть выставленный костюмъ, единогласно заявили, что помимо безупречности исполненія, костюмъ этотъ дѣйствительно обладаетъ всѣми преимуществами, отмѣченными его изобрѣтателемъ.

Однимъ словомъ, Вегнеръ сталъ героемъ дня.

V.

На слѣдующій день его приемная была переполнена народомъ, и обычный срокъ приема больныхъ уже давно миновалъ, а Вегнеру все еще приходилось выслушивать своихъ пациентовъ. Проводивъ послѣднюю посетительницу, молодую жену пользовавшагося большимъ почетомъ коммерсанта, докторъ не посмѣлъ еще развалиться на диванъ и немного передохнуть, какъ вошла г-жа Нейманъ съ докладомъ о новомъ посетителѣ, ожидавшемъ въ приемной.

— Скажите этому господину, что приемъ уже кончился; пусть придетъ послѣ обѣда между тремя и четырьмя часами! — раздраженно крикнулъ докторъ.

Г-жа Нейманъ вышла, но тотчасъ же вернулась.

— Господинъ настоятельно проситъ принять его. Онъ говоритъ, что онъ не больной, и пришелъ не за врачебнымъ совѣтомъ, а по дѣлу, и очень важному. Вотъ его карточка.

Вегнеръ взялъ карточку, на которой стояло «Фердинандъ Рейманъ, фабрикантъ».

— Попросите войти!

Въ комнату вошелъ высокій элегантный господинъ и вѣжливо поклонился доктору.

— Простите, пожалуйста, господинъ докторъ, что я отнимаю у васъ драгоценное время!

— Пожалуйста! Чѣмъ могу служить? вѣжливо возразилъ Вегнеръ и движеніемъ руки предложилъ гостю сѣсть.

Фабрикантъ уселся, съ довольнымъ видомъ разгладилъ свою заботливо вычесанную бороду и притянулъ къ дѣлу.

— Моя специальность — модное дѣло. Директриса моей фабрики была вчера на вашемъ докладѣ и осмотрѣла вашъ новый костюмъ «Здоровье». Она отъ него положительно въ восторгѣ и ручается за полный успѣхъ нашего изобрѣтенія. Въ виду этого я хотѣлъ бы вамъ предложить, не уступите ли вы мнѣ права эксплоатаціи вашего изобрѣтенія?

Вегнеръ ликовалъ; онъ никакъ не рассчитывалъ такъ скоро найти покупателя. Однако онъ не выдалъ своей радости и отвѣтилъ съ понымъ хладнокровіемъ:

— Къ сожалѣнію, я уже завязалъ переговоры съ одною мѣстной портняхою, г-жею Магнусъ, о передачѣ ей исключительнаго права на изготовленіе моего костюма...

Простите, но это соглашеніе несколько не препятствуетъ исполненію моего предложенія. Я далекъ отъ мысли заняться изготовленіемъ отдѣльныхъ платьевъ на заказъ, но снятой мѣрѣ. Я имѣю въ виду лишь оптовое дѣло, фабрикацію на всемірный рынокъ. Теперь даже въ маленькихъ городкахъ годъ отъ году распространяется среди дамъ обычай покупать себѣ тоновые платья. Я ежегодно нѣсколько тысячъ платьевъ разсылаю во всѣ концы за границу и даже въ тропическія страны. Такъ что для меня безразлично, если здѣсь, на мѣстѣ, ваше изобрѣтеніе будетъ эксплоатироваться другимъ лицомъ.

— Гм, — промычалъ Вегнеръ: — понимаю! — И послѣ нѣкотораго раздумья прибавилъ: — А сколько бы вы мнѣ заплатили за право исключительнаго изготовленія?

— Сколько вы потребуете?

— Штъ, пожалуйста, предложите вашу цѣну!

— Что вы предпочитаете: получить одновременно наличную сумму; или же ежегодно получать опредѣленный процентъ съ оборота?

— Гм... а развѣ того и другого нельзя соединить? Видите ли, въ данную минуту мнѣ требуется дѣйствительно значительная сумма, но я хотѣлъ бы и прочный ежегодный доходъ имѣть.

— Виновать! Минуточку подождите! — сказала фабрикантъ. Онъ вынулъ записную книжку, быстро что-то подсчиталъ и обратился къ доктору.

Вотъ, что я вамъ могу предложить: вы передаете мнѣ на десятилѣтній срокъ всѣ права на наше изобрѣтеніе и на всѣ тѣ усовершенствованія, какія будутъ вами сдѣланы въ немъ за это время. Права г-жи Магнусъ остаются при этомъ въ силѣ, и она можетъ принимать заказы на изготовленіе отдѣльныхъ платьевъ по мѣрѣ. Я же, съ своей стороны, выплачиваю вамъ двадцать тысячъ марокъ по заключеніи контракта и, кромѣ того, ежегодно пять процентовъ съ оборота.

— А во сколько опредѣляете вы оборотъ?

— Точно опредѣлить его теперь, разумеется, трудно, но я думаю, что онъ превыситъ сто тысячъ марокъ.

— Значитъ, на мою долю придется пять тысячъ марокъ?

— Если не больше!

Эти цифры пріятно поразили Вегнера. Ему бы никогда и во снѣ не пригрезилось, что онъ съ такою быстротою сдѣлается обладателемъ столь значительныхъ капиталовъ.

— Хорошо! Я принимаю ваше предложеніе, — радостно сказалъ онъ.

Фабрикантъ поклонился.

— Я напередъ знаю, что мы съ вами поладимъ, и поэтому захватилъ съ собою и проектъ контракта; только цифры остается проставить.

Вегнеръ принесъ перо и чернила, подписалъ контрактъ и, получивъ чекъ на контору имперскаго банка, вдругъ сталъ капиталистомъ съ значительнымъ ежегоднымъ доходомъ.

Въ тотъ же день покончить онъ и съ г-жею Магнусъ и передать ей исключительное право изготовленія — на заказъ и по мѣрѣ — изобрѣтеннаго имъ платья въ предѣлахъ города и окрестностей. Онъ выговорилъ себѣ по 10 марокъ съ платья.

VI.

Банкиръ Циммерманъ сидитъ за работою въ своей конторѣ. Покончивъ съ почтою, онъ развертываетъ долговую книгу и бормочетъ:

— Гм, сегодня срокъ вегнерскому векселю въ двѣ тысячи марокъ! Ну, да ничего, можно подождать! Съ какой стати причинять неспрiятности молодому человѣку? О немъ теперь весь городъ говоритъ!

При послѣднихъ словахъ входитъ конторщикъ и докладываетъ:

— Докторъ Вегнеръ!

«Вѣдвѣяга, просить пришелъ вексель отсрочить!» подумалъ банкиръ.

Но, нѣтъ! Докторъ вынимаетъ изъ кармана новенькій бумажникъ, беретъ оттуда два банковые билета, по тысячѣ марокъ каждый, и прехладнокровно протягиваетъ ихъ Циммерману:

— Вотъ, г. Циммерманъ, я возвращаю вамъ съ благодарностью свой долгъ. Векселекъ мой у васъ?

Еще сдерживая удивленіе, банкиръ сталъ рыться въ документахъ, отыскавъ тамъ вексель и передать доктору. Тотъ его равнодушно разорвалъ.

Но представьте себѣ его удивленіе при дальнѣйшихъ словахъ доктора.

— Не будете ли вы такъ любезны дать мнѣ совѣтъ? Мнѣ бы хотѣлось помѣстить пятнадцать тысячъ въ вѣрныя бумаги. Что по вашему выйдеть — купить на нихъ билетовъ государственнаго займа или же дать ихъ подъ надежную закладную?

Банкиръ протеръ глаза.

— Что вы — наслѣдство получили, или въ лотерею выиграли?

— Ни того, ни другого, — улыбаясь, отвѣтилъ докторъ. — Я только вашего совѣта послушался и въ дамскіе портные поступилъ.

Съ этими словами онъ передалъ банкиру заключенный съ фабрикантомъ контрактъ.

Циммерманъ сталъ его внимательно штудировать и, погруженный въ чтеніе, вовсе не замѣтилъ, какъ дверь тихонько пріотворилась, и русая дѣвчья головка выглянула изъ-за нея.

— Вотъ такъ штука! Да васъ отъ души поздравить можно! Рейманъ! Каково! Первѣйшая фирма! Мало-мало на четыреста тысячъ въ годъ оборотъ сдѣлаетъ, а то и больше! Десять тысячъ марокъ въ годъ, по крайней мѣрѣ, у васъ, какъ въ карманѣ! Да еще практика! Да вы теперь, милый докторъ, совѣмъ на рельсахъ! Очень радъ! Очень, очень радъ! — Позвольте — прибавилъ онъ, весело улыбаясь: — да мнѣ съ васъ за коммисію надо получить! Вѣдь вы сами говорите, что это я васъ на эту мысль навелъ!

— Полноте, милѣйшій г. Циммерманъ, — сияя довольствомъ воскликнулъ Вегнеръ: — не станете же вы брать за коммисію съ зятя?

— Что? какъ? съ зятя? съ какого зятя?..

Но ему такъ и не удалось закончить начатой фразы. Дверь открылась настежь, Анна ворвалась въ комнату и безъ дальнѣйшихъ предисловія бросилась на шею доктору. Всѣ конторщики въ сосѣдней комнатѣ рвы разинули отъ удивленія, глядя на эту картину.

Что тутъ было дѣлать отцу? Ему ничего не оставалось, какъ дать свое согласіе и соединить руки влюбленныхъ.

Вотъ ужъ никогда бы не повѣрилъ, — замѣтилъ онъ, смѣясь: — что зителемъ моимъ будетъ дамскій портной, да еще какой: самъ же я его и сдѣлалъ портнымъ!

Ж е н щ и н а.

(Индійская легенда).

Мегадева, вселенную создавший,
Сошелъ съ небесъ на пышныя поля
И новый мѣръ окинулъ властнымъ взоромъ..
И вотъ подулъ живительный зефиръ,
Кругомъ сады украсились цвѣтами,
Зазеленѣлъ густой травой лугъ
И яркій лучъ прорѣзалъ тьму ночную
Тогда Творецъ взялъ лилію рукой
И погрузилъ въ волну сѣдого моря,
И въ тотъ же мигъ явился передъ нимъ.
Чудесный образъ женщины прекрасной.
Мегадева въ восторгѣ отступилъ,
Когда она вдругъ поднялась изъ пѣны,
Какъ вѣтерокъ ласкающей, легка.
Стройна, нѣжна, какъ лилія живая,
Какъ валь морской, капризна и вольна
И женщина, явившись во вселенной,
Съ нѣмою робостью взглянула на себя
И улыбнулась, видя отраженье
Прелестныхъ формъ на зеркалѣ воды.
Ожившій мѣръ привѣтствовалъ парицу,—
Волна, и лѣсъ, и пышная земля.

Восторгъ остылъ, и женщина сказала:
«Мегадева, ты далъ мнѣ красоту,
Но что мнѣ въ ней, когда похвалъ не слышу!
Безъ нихъ, повѣрь, и жизнь совсѣмъ не въ жизнь»..
Промолвила, и вдругъ запѣли птицы
Хвалебный гимнъ любви и красотѣ.
Внимаетъ имъ, а у самой сердечко
Дрожить въ груди, какъ нѣжный лепестокъ.
«Я жить хочу, хочу объятій сильныхъ,
О, дай мнѣ ихъ!..» Горячія мольбы
Мегадева услышалъ и мгновенно
Послать ей въ даръ блестящую змѣю,
И гибкій гадъ, обвинившись безмятежно
Вокругъ нея, ласкался и дремалъ.
Но вновь Творцу красавица взмолилась:

«Ты всемогущъ! Зачѣмъ мнѣ красота,
Когда никто мнѣ подражать не хочетъ!»
Творецъ—великъ, и мысль его—законъ.
Лишь захотѣлъ и создалъ обезьяну.
Звѣрекъ во всемъ красоткѣ подражалъ
И надоѣлъ, конечно, очень скоро,
А женщина все проситъ новыхъ жертвъ,—
Желанье въ ней смѣняется желаньемъ.
Защитника хотѣла,—и Творецъ
Ей создалъ льва; хотѣла видѣть друга,—
И передъ ней косматый вѣрный песъ...

Все получивъ, что у Творца просила,
Капризница въ нежданный гнѣвъ пришла
И стала гнать все то, что такъ желала.
Озлился левъ, и песъ, поджавши хвостъ,
Прочь убѣжалъ, узнавъ неблагодарность
Людской любви, и уползла змѣя,
Вспорхнули птицы, скрылась обезьяна.
И женщина осталась вновь одна.
«Мегадева!» она опять взмолилась:
«Нѣтъ на землѣ ни правды, ни любви..
Въ послѣдній разъ прошу тебя, Всесильный,
Создай ты мнѣ такое существо,
Которое ко мнѣ-бъ любовь питало,
Какъ тѣнь, за мной ходило цѣлый день,
Подобно льву, имѣло въ сердцѣ храбрость,
Блѣднѣло-бы отъ гнѣва моего!
Пускай оно мнѣ будетъ такъ подвластно.
Чтобъ я могла по прихоти своей
Дразнить его, чтобъ всѣ мои желанья
Всегда закономъ были для него.»
Мегадева задумался невольно
И молвилъ ей: «Да будетъ!.. Получи
Для прихотей своихъ еще одну забаву!» —
И къ женщинѣ супругъ смиренно подошелъ...

С. З.

Къ рисункамъ.

Помните, какъ поэтъ описываетъ состояніе молодой дѣвушки,
вернувшейся съ веселаго праздника?

Ты грустна поутру послѣ бала;
Недовольствомъ волнуется грудь,
И головка склонилась устало
Отъ безплодныхъ тревогъ отдохнуть..
А вчера тебѣ было отрадно
Въ ароматахъ, въ сіяньи, въ цвѣтахъ,
И оркестру внимала ты жадно,
Развиваясь въ привольныхъ кругахъ...

Сколько было надеждъ на этотъ балъ! Юное сердце такъ лихо-
радочно билось, когда дѣвушка входила въ громадную залу, ярко
залитую электрическимъ свѣтомъ. Сотни лицъ, сотни впечатлѣній..
Она танцевала, безъ умолку болтала, смѣялась беззаботнымъ смѣхомъ
и чудный вечеръ промчался, какъ сонъ, какъ легкое жемчужное
облачко, не оставивъ слѣда. «Стоило ли ожидать, томиться, беспо-
коиться!» невольно думается ей. Юная душа не удовлетворена,
и безпричинная грусть покрываетъ утомленное личико дѣвушки.
еще почти ребенка. Безотчетная тоска смѣняется другими впечатлѣ-
ніями, а надежды на новый балъ озаряютъ отуманившіеся голубые
глазки. Такова юность!

Всякая душа празднику рада. Едва въ воздухѣ раздался
живнерадостный звукъ бубенчиковъ, и широкая масленица прика-
тила на улицу, при крикахъ: «Пріѣхала масленица! пріѣхала ма-
сленица!» Всѣ отъ мала до велика рады ея пріѣзду и съ веселой
душой встрѣчаютъ ее, кто какъ можетъ: на горахъ, на балаганахъ,
за бинами, въ веселомъ праздничномъ обществѣ или въ тѣсномъ
семейномъ кругу. Но тяжело тому, кто одинокъ, спрѣ и босъ въ эти
радостные дни народнаго праздника и кому негдѣ склонить свою
горемычную голову. Многія благотворительныя общества вспоми-
наютъ въ такія минуты объ этихъ несчастныхъ. На прекрасной
картинѣ Каульбаха мы видимъ блестяще исполненныя фигуры бѣд-

ныхъ дѣтей, которыхъ призрѣло одно изъ подобныхъ обществъ и
въ праздничный день награждаетъ даровой пиццей. Бѣдняжки, они
давно не ѣли такого вкуснаго угощенья!.. Добрый сѣдой монахъ
раздаетъ имъ обѣдъ у входа въ зданіе, и тутъ же у воротъ не-
счастныя голодныя дѣти насыщаются—чѣмъ Богъ послалъ. Каждая
фигура картинны живетъ своей собственной жизнью.

Картина художника Н. Ткаченко переноситъ насъ въ самое
сердце Малороссіи въ разгульные дни сырной недѣли, весьма чти-
мой на югѣ Россіи, какъ праздникъ новообвѣнчанныхъ, торжество
вновь сложившейся семьи. Въ хатѣ, куда собираются молодые парни
и дѣвки на «вечерицы», рѣшили устроить блины въ складчину и
такимъ образомъ весело отпраздновать широкую масленицу въ про-
щенное воскресенье. Тутъ и молодухи, и дѣвки, и парни, и подвы-
пившій уже «чоловникъ», заигрывающій съ черноокой красавицей,
на радостяхъ, что у него въ рукахъ оказалась бутылка съ «горил-
кой». Въ сторонѣ одинъ изъ гостей наигрываетъ пѣсенку на «со-
пилкѣ», въ другомъ углу украшаютъ молодуху цвѣтами. Опара хо-
рошо поднялась и блины вышли на славу. То-то объѣдятся гости и
захвалятъ стряпнуху! Потомъ можно будетъ сказать, что «выпили
пиво объ масленицѣ, а съ похмелья ломало послѣ радунницы».

Баль-маскарадъ... «Какъ много въ этомъ звукѣ для сердца жен-
щины слилось, какъ много въ немъ отозвалось!» Залитый свѣтомъ
электрическихъ огней залъ, мелодичные звуки вальса, пестрые
костюмы, шелкъ и цвѣты, домино и маски, шутки и маскарадные
штрига...

Изъ-подъ таинственной холодной полумаски
Звучалъ мнѣ голосъ твой, отрадный, какъ мечта.
Свѣтили мнѣ твои пѣлнтельные глазки,
И улыбались лукавыи уста.

Сквозь дымку легкую замѣтилъ я невольно
И дѣвственныхъ ланитъ, и шеи бѣлизну.

Счастливец! Видѣлъ я и локопъ своевольный,
Родимыхъ кудрей покинувший воду!..

И создашь и тогда въ моемъ воображеніи
По легкимъ признакамъ красавицу мою...

Но легкіе признаки бываютъ обманчивы, какъ обманчива маскарадная интрига. И подъ таинственной, холодной полумаской могутъ скрываться далеко не плѣнительные глазки, и тогда маскарадное счастье—эфемерное и короткое, какъ эта недѣля масленичнаго веселья—превращается въ «краденое счастье». Не потому ли маска приобрѣла такое право гражданства, что она равняетъ всѣхъ и скрываетъ подъ собою всѣ «возрасты и состоянія», и красоту, и уродство, и даетъ возможность даже дурнушкѣ почувствовать сладкую иллюзію успѣха? Конечно, кака-нибудь Пьеретта съ хорошенькими глазками и съ зубами, бѣлыми, какъ жемчугъ, не станетъ злоупотреблять маской и при первой возможности сниметъ ее... И воздушная блондинка съ лугавыми глазками и задорной улыбкой, проходи даже мимо какого-нибудь нелюбезнаго ей Пьерро, сниметъ маску и такъ спроводитъ его, что онъ надолго запомнитъ данный ему урокъ. Вѣднѣй Пьерро, какъ онъ **обжеся!** Если хотите, маскарадъ—это символъ жизни. Какъ много можно встрѣтить на ширѣ жизни людей замаскированныхъ и перереженныхъ въ красивые костюмы. Интрига въ маскарадѣ; интрига въ жизни. И жизненный ширъ такъ же коротокъ, какъ и маскарадный. Не все масленица—наступаетъ и великій постъ. Вотъ и послѣдній, аккордъ! Огни потушены, зать опустѣлъ, цвѣты поблѣкли и измяты, рѣчи—усталы, движенія—вялыя, изъ-за все еще спущенныхъ портьеръ врывается блѣдный свѣтъ занимающагося дня. Не хочется разставаться съ весельемъ. Послѣдній аккордъ не сется навстрѣчу двумъ запоздавшимъ дамамъ. Еще одна улыбка, шутка — и очарованіе кончено. Маски сняты, и дневной свѣтъ вступаетъ въ свои права.

Эмиль Лубэ, новый президентъ Французской республики.

Новымъ президентомъ Французской республики избранъ Эмиль Лубэ, занимавшій до этого высочайшій постъ президента сената.

Эмиль Лубэ на три года старше покойнаго Феликса Фора: онъ родился 31-го (19-го) декабря 1838 года. Въ противоположность своему предшественнику, онъ не парижанинъ, а уроженецъ Марсанны въ департаментѣ Дрома. Отецъ его былъ простой поселенникъ; мать его, 86-лѣтняя старушка, жива до сихъ поръ и живетъ у себя въ родной деревнѣ, куда часто къ ней прїѣзжаетъ сынъ; во время своего пребыванія у матери онъ постоянно собственноручно помогаетъ ей въ хозяйствѣ.

Эмиль Лубэ получилъ образованіе на юридическомъ факультетѣ, и, удостоенный степени доктора правъ, сталъ адвокатомъ въ Монтельмарѣ, гдѣ вскорѣ его избрали въ мэры. Во время всеобщихъ выборовъ въ палату депутатовъ въ 1876 г. Лубэ получилъ большинство голосовъ на родинѣ. Въ палатѣ онъ примкнулъ къ республиканской лѣвой. Избранный въ 1885 г. своимъ департаментомъ въ сенаторы, Лубэ, съ декабря 1887 г. по апрѣль 1888 г., былъ министромъ общественныхъ работъ въ министерствѣ Тирара, а въ 1891 г. былъ председателемъ финансовой коммисіи сената. Благодаря своему мягкому, привѣтливому характеру, Лубэ въ это время приобрѣлъ значительныя симпатіи въ разныхъ кругахъ республиканской партіи. Въ февралѣ 1892 г., когда пало министерство Фрейсина, другъ Лубэ, покойный президентъ Сади-Карно поручилъ ему составить смѣшанный радикально-республиканскій кабинетъ, которому удалось провести два закона, направленные къ улучшенію быта рабочихъ: о третейскомъ разбирательствѣ споровъ между рабочими и предпринимателями и объ ограниченіи продолжительности работъ женщинъ и дѣтей. Когда вспыхнула надѣлавшая много шума во Франціи стачка рабочихъ въ Кармо, Эмиль Лубэ былъ избранъ третейскимъ судьей и, разобравъ претензіи рабочихъ, призналъ ихъ настолько вѣскими, что настоялъ на безотлагательномъ поминдованіи рабочихъ, осужденныхъ за нарушеніе тишины и спокойствія, и постановилъ приговоръ, очень благоприятный для стачниковъ. Это рѣшеніе Лубэ, прекратившее стачку, не понравилось въ палатѣ депутатовъ лицамъ, придерживающимся правила: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», и они встрѣтили Лубэ въ палатѣ крикомъ: «Третейскій судья!» На это Лубэ энергично возразилъ: «Я здѣсь не третейскій судья, а глава правительства и отвѣчаю за порядокъ въ странѣ. Требую отъ палаты яснаго отвѣта на вопросъ, пользуюсь ли я ея довѣріемъ. Борьба между трудомъ и капиталомъ при-

нимаетъ крупныя размѣры. Будемъ поддерживать общественный порядокъ и свободу труда, во имя которой и произошла эта лѣтъ тому назадъ революція». Этотъ рѣшительный образъ дѣйствій Лубэ упрочилъ его положеніе и далъ ему возможность около года продержаться на посту министра-президента, несмотря на то, что правительству приходилось вести упорную борьбу съ цѣлымъ рядомъ бурныхъ событій, грозившихъ потрясѣнію внутреннюю и внѣшнюю жизнь Франціи. При министерствѣ Лубэ произошли возмутительныя анархистскія покушенія Равашаля, были потребованы кредиты на экспедиціи въ Суданъ и Дагомею, произошелъ кризисъ въ самомъ кабинетѣ вследствие выхода въ отставку Кавеньяка, состоялись социалистскіе конгрессы въ Турѣ, Сентъ-Уанѣ и Марселѣ, начались безпорядки рабочихъ, а вступая за ними упоминаемая стачка въ Кармо, разразилась скандальная Панамская исторія и, наконецъ, въ ноябрѣ 1892 г. начались разоблаченія изъ-за взятокъ, которыми нѣкоторыми депутатами получены были отъ Панамской компаніи. Лубэ согласился на избраніе парламентомъ слѣдственной коммисіи, но изъ-за несогласія съ председателемъ ея, Бриссономъ, оставилъ предѣдательство въ совѣтѣ министровъ. Однако, онъ сохранилъ за собою на нѣкоторое время портфель внутреннихъ дѣлъ въ новомъ кабинетѣ Рибо и вышелъ окончательно въ отставку только въ январѣ 1893 г. Ровно черезъ три года послѣ этого, въ 1896 г. Лубэ избранъ былъ въ президентъ сената и обратилъ здѣсь на себя вниманіе сильною рѣчью противъ пересмотра конституціи и противъ подоходнаго налога.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что новый президентъ — испытанный политическій боецъ и твердый администраторъ.

Характерныя его первыя президентскія слова, произнесенныя въ Версальскомъ дворцѣ, точнаго же по избранію его въ президенты: «Милостивые государи! Я глубоко тронутъ проявленіемъ симпатій, которыхъ я являюсь предметомъ. Ничто въ моемъ прошломъ, ничто въ моихъ надеждахъ не позволило мнѣ мечтать о томъ, что я достигну когда-нибудь верховной должности въ республикѣ. Тѣ, кто меня знаютъ, въ всѣ милостивые государи, вы были свидѣтелями моихъ долгихъ колебаній, и если я согласился возложить на себя это бремя, слишкомъ тяжелое бремя, то потому только, что такъ заставило поступить меня чувство долга и что вы мнѣ это предписали.

«Я старый республиканецъ, я всегда былъ республиканцемъ и останусь вѣрнымъ республиканцемъ.

«Мнѣ, конечно, извѣстно, съ какими обязанностями связано это званіе, но я постараюсь всѣми силами своего сердца и своего мозга исполнять долгъ мой, посвящая ему все свое время, всѣ мои труды, чтобы оказать достойнымъ этого званія и вашего довѣрія.

«Милостивые государи! Я желаю, чтобы Елисейскій домъ былъ республиканскимъ домомъ. Двери его будутъ всегда открыты настѣжь для всѣхъ республиканцевъ».

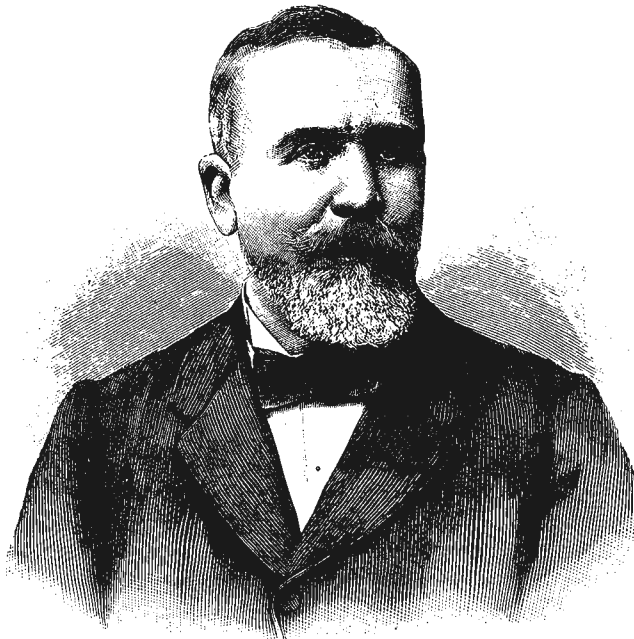
Въ частной жизни Эмиль Лубэ, несмотря на свое выдающееся положеніе, очень скромный. Онъ женатъ на дочери кунаца Шингара и имѣетъ одну дочь, которая замужемъ за марсельскимъ судьей Суббраномъ, и двоихъ сыновей, изъ которыхъ одинъ блестяще окончилъ медицинскій факультетъ, а другой—еще мальчикъ, шести лѣтъ. Братъ Эмиля Лубэ—провинціальный врачъ.

Лубэ чрезвычайно любезенъ въ обращеніи и очень скромный. Онъ не любитъ декоративныхъ обстановокъ, являющихся неизбежнымъ атрибутомъ высокаго положенія, и, повидимому, никогда не освободится отъ простыхъ привычекъ и приемовъ провинціального адвоката. Внѣшность его—симпатичная, но мало внушительная. Онъ—средняго, скорѣе даже низкаго роста. Сравнительно большаго роста его уже убила сѣдинами, свѣтлорусая борода—съ просѣдью, живые глаза съ добродушнымъ выраженіемъ оживляютъ полное лицо.

Однимъ словомъ, новый президентъ представляетъ собою трогательный примѣръ чловѣка, добившагося высшаго поста въ государствѣ исключительно благодаря своему труду и способностямъ. Онъ вышелъ изъ народа, всегда работалъ для своего народа, и является истиннымъ представителемъ интересовъ народа. Избраніе въ президенты Эмиля Лубэ есть поистинѣ «торжество труда и мира».

Фридрихъ Шпильгагенъ. (Портр. на стр. 153.)

12-го февраля 1829 г. родился въ Магдебургѣ писатель, котораго знаетъ вся образованная Россія, и который, несомнѣнно, имѣлъ значительное вліяніе на русскую общественную мысль. Это—Фридрихъ Шпильгагенъ. 12-го февраля т. г. ему, слѣдовательно, минуло 70 лѣтъ. Его первыя произведенія были написаны въ концѣ 40-хъ го-

Эмиль Лубэ, новый президентъ Французской республики.

По рис. М. I. грав. Шюблеръ.

довь. Значить, онъ можетъ нынѣ отпраздновать и 50-лѣтіе своей литературной дѣятельности. Такимъ образомъ можно соединить два юбилея, отъ души привѣтствовать маститаго писателя съ двойнымъ праздникомъ и пожелать ему еще долго сохранить бодрость тѣла и свѣжесть духа, которыя до сихъ поръ ему; слава Богу, не измѣняются.

Въ настоящее время Фридрихъ Шпильгагенъ пишетъ большой романъ изъ современной жизни, который начнетъ появляться въ нѣмецкихъ газетахъ съ конца марта. Въ этомъ романѣ, заглавіе котораго еще не установлено окончательно, нѣмецкій писатель снова коснется животрепещущихъ вопросовъ общественной жизни. Именно въ этой области онъ стяжалъ самые крупные свои лавры. Кто не помнитъ его знаменитыхъ романовъ: «Загадочныя натуры», «Одинъ въ полѣ не воинъ», «Между молотомъ и наковальней»? Русская публика зачитывалась ими въ 60-хъ и 70-хъ годахъ. Съ ними связаны многія свѣтлыя воспоминанія для русскаго образованнаго общества, и съ ними до сихъ поръ знакомятся

всякій, кто не только желаетъ усвоить себѣ выдающіяся произведенія европейской литературы, но и вникнуть въ задачи современнаго общества. Несостоятельность интеллигенціи съ ея благами намѣреніями и неспособностью ихъ осуществить въ живомъ дѣлѣ, роль личности въ обществѣ, способы воздѣйствія на послѣднее, отношенія между интеллигенціею и народомъ, рабочій вопросъ, самопомощь и государственная опека, оскуднѣніе дворянства, духъ спекуляціи, захватывающій значительныя группы современнаго общества, положеніе въ немъ женщины,—все это мастерски изображено Шпильгагеномъ въ образахъ, которые если не навсегда, то надолго запечатлѣваются въ памяти. Кто забудетъ такіе типы, какъ Лео и Сильвія въ «Одинъ въ полѣ не воинъ», какъ Освальдъ Штойнгъ въ «Загадочныхъ натурахъ», какъ Паула въ «Между молотомъ и наковальней». Эта способность Шпильгагена создавать яркіе образы, надолго запечатлѣвающіеся въ памяти, не позволяетъ сомнѣваться, что онъ принадлежитъ къ числу крупныхъ художниковъ, какъ захватывающій интересъ, вызываемый въ читателѣ его произведеніями, не позволяетъ сомнѣваться, что онъ и очень искусный рассказчикъ. Но Шпильгагенъ не только замѣчательный рассказчикъ и выдающійся художникъ, онъ, кромѣ того, и мыслитель. Только мыслитель, глубоко вдумавшійся въ условия современной жизни, размышлявшій о пути, который вѣрнѣе всего можетъ вывести человѣка изъ лабиринта противорѣчій, окружающихъ насъ со всѣхъ сторонъ въ настоящее время, когда аристократическій строй такъ рѣшительно замѣнился демократическимъ, только мыслитель, смѣло поставившій и разрѣшившій вопросъ о гармоническомъ сотрудничествѣ личности и общества для достиженія культурныхъ задачъ, могъ создать произведенія, заставляющія глубоко призадуматься развитога читателя и указывающія ему выходъ изъ мучительныхъ сомнѣній и безчисленныхъ страданій, порождаемыхъ ненормальностью окружающихъ насъ условий.

Привѣтствуя маститаго писателя по поводу его личнаго праздника, мы должны признать, что русское общество не можетъ отнестись къ этому празднику иначе, какъ съ величайшимъ сочувствіемъ. Шпильгагенъ не только доставилъ русскимъ читателямъ часы благороднаго развлечения и высокаго художественнаго наслажденія. Онъ кромѣ того многому его научилъ: совѣты и уроки Шпильгагена всегда принадлежали къ числу наиболее полезныхъ и дальновидныхъ. Вспомнимъ основную мысль романа: «Между мо-

лотомъ и наковальней». Вездѣ жизнь наталкиваетъ насъ на роковой вопросъ: чѣмъ человѣку быть—молотомъ или наковальней, страдать самому или доставлять другимъ страданія, чтобы удовлетворить тѣмъ неумолимымъ требованіямъ, которыя ставитъ жизнь? Между тѣмъ, если бы люди иначе понимали свою общественную задачу, если бы они вдумчивѣе относились къ жизненнымъ явленіямъ, то не было бы и надобности въ такомъ жестокомъ вопросѣ: всякій могъ бы быть молотомъ, не поражая своими ударами ближнихъ, и всякій могъ бы быть наковальней, не страдая отъ ударовъ молота, а напротивъ сливаясь съ нимъ въ соединенномъ дѣйствіи на пользу родины. Еще яснѣе эта мысль выражена въ самомъ популярномъ у насъ романѣ Шпильгагена: «Одинъ въ полѣ не воинъ». Не томиться подъ гнетомъ другихъ, а поддерживать и охранять другъ друга, какъ деревья въ лѣсу, какъ солдаты въ сомкнутомъ строю,—вотъ что требуется, ибо если всякій будетъ честно и энергично отстаивать свои законные интересы, онъ сумѣетъ постоять и за ближняго, гдѣ въ

этомъ представится надобность. Эта основная мысль двухъ главныхъ романовъ Шпильгагена находитъ себѣ краснорѣчивое подтвержденіе въ сатирическихъ его выходкахъ противъ дряблости дворянства, противъ спекулятивнаго духа, охватывающаго современное общество, и въ прославленіи мужественной, дѣятельной личности, которая сознательно и увѣренно идетъ къ устраненію современныхъ общественныхъ золъ, разсчитывая только на собственную энергию и на поддержку единомышленниковъ, гнушаемая громкихъ, но пустыхъ фразъ, умѣетъ упорно трудиться и пользоваться своими способностями и благоприятными обстоятельствами. Въ такихъ дѣятеляхъ наиболее нуждается и Россія, и Фридрихъ Шпильгагенъ вотъ уже почти полвѣка съ необычайнымъ талантомъ пророчески указываетъ на нихъ, выясняя, что только отъ нихъ современное общество можетъ ожидать своего спасенія.

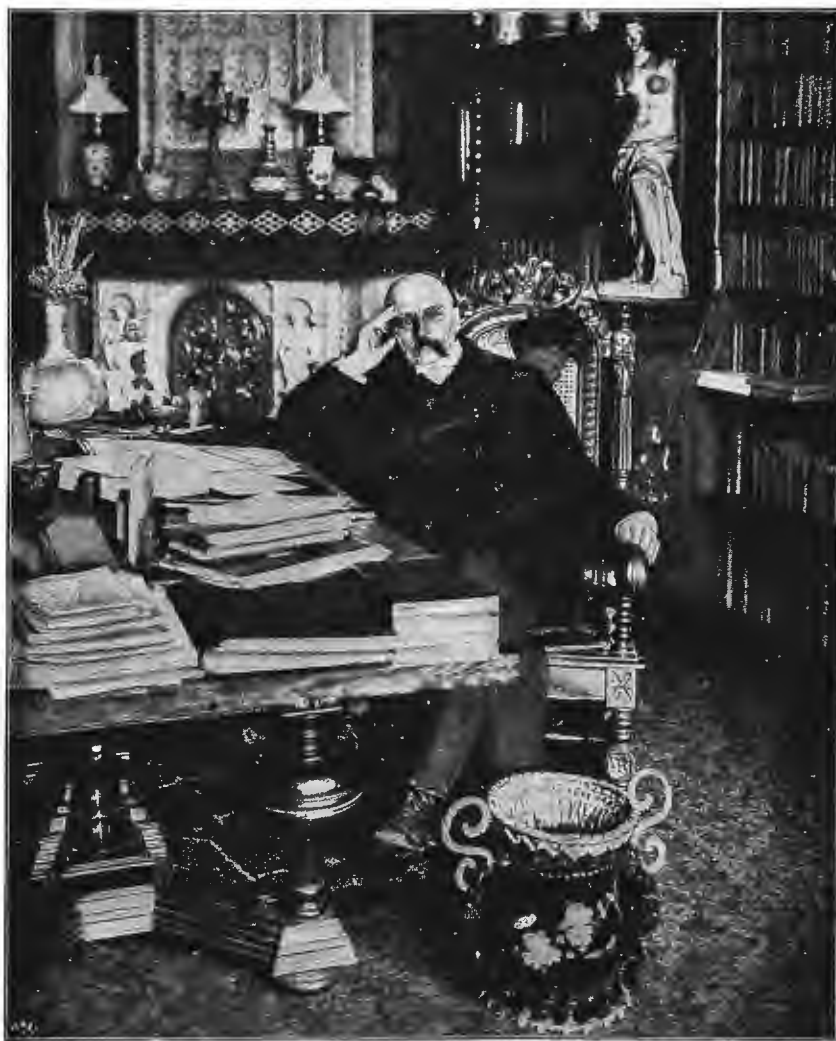
Мы не станемъ касаться другихъ сторонъ дѣятельности знаменитаго писателя. Онъ выступалъ и драматургомъ, и критикомъ, и лирикомъ, и, если въ этой области не создалъ ничего столь значительнаго, какъ въ области романа, то ни одно изъ его произведеній не лишено болѣе или менѣе

глубокой мысли или значительныхъ художественныхъ достоинствъ. Вспоминаю свою почти 50-лѣтнюю литературную дѣятельность, Шпильгагенъ съ полнымъ правомъ можетъ сказать себѣ, что трудился не даромъ, а мы съ своей стороны подтвердимъ это въ полной мѣрѣ и прибавимъ, что русское общество ему глубоко благодарно какъ за художественныя наслажденія, которыя онъ ему доставлялъ, такъ и за утѣшеніе, которое оно черпало въ его произведеніяхъ, и за дальновидные его совѣты, которые оно всегда принимало къ сердцу, хотя, быть-можетъ, только за послѣднее время поняло всю глубину ихъ значенія.

В. И. Жуковскій. (Портр. на стр. 159.)

Ряды первыхъ представителей нашей адвокатуры, созданной великой судебной реформой, рѣдуютъ съ каждымъ годомъ. 5-го февраля скончался Владиміръ Ивановичъ Жуковскій. Смерть прекратила его тяжкія страданія, длившіяся цѣлые полгода и вызванныя одной изъ страшнѣйшихъ болѣзней—ракомъ.

В. И. Жуковскій скончался еще далеко не въ преклонныхъ годахъ,—61 года отъ роду. Среднее и высшее образованіе В. И. получилъ въ Петербургѣ: въ 1-й гимназіи и университетѣ по юридическому факультету (на камеральномъ отдѣленіи). По окончаніи курса онъ былъ назначенъ судебнымъ слѣдователемъ въ уфимскую

Фридрихъ Шпильгагенъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. По поводу 70-лѣтія его рожденія.

губернію, затѣмъ занималъ должности уфимскаго и костромскаго прокурора. Въ 1869 г., когда введены были новые суды, В. И. былъ назначенъ товарищемъ прокурора петербургскаго окружнаго суда. Девять лѣтъ прослужилъ онъ въ прокурорскомъ надзорѣ и приобрѣлъ себѣ за это время славу выдающагося оратора, образцоваго обвинителя, ни на минуту не забывающаго своего назначенія — строго охранять законъ и преслѣдовать малѣйшія его нарушенія во имя блага государства и общества. Но въ 1878 г. В. И., вслѣдствіе отказа его выступить обвинителемъ въ одномъ процессѣ, вынужденъ былъ подать въ отставку и, оставивъ прокурорскую трибуну, вступилъ въ сословіе адвокатовъ. Такъ сказать, прирожденный обвинитель, по складу ума и манерѣ говорить съ глубокимъ юморомъ, переходившимъ нерѣдко въ ѣдкій сарказмъ, готовый скорѣе клеветать зло, чѣмъ примирять съ нимъ, — В. И. Жуковскій занялъ среди адвокатовъ совершенно особое мѣсто. Онъ отвоевалъ себѣ одну небольшую отрасль адвокатской дѣятельности — защиту интересовъ потерпѣвшихъ отъ извѣстнаго преступленія, т.-е. роль гражданскаго истца. Гражданскій истецъ въ уголовномъ дѣлѣ — это своего рода «адвокатъ діавола», выступающій въ католической церкви при канонизаціи святыхъ съ осужденіемъ дѣятельности канонизируемаго, выискивающій факты для его опороченія. В. И. Жуковскій заслужилъ себѣ извѣстность именно въ этой роли частнаго обвинителя, своимъ изумительнымъ умѣньемъ однимъ удачнымъ словомъ уничтожить благоприятное для обвиняемаго обстоятельство или свидѣтельское показаніе, — умѣньемъ нѣсколькими съ виду незначительными черточками освѣтить дѣло и охарактеризовать внутренний міръ подсудимаго. И можно смѣло сказать, что его юмористическія рѣчи скорѣе рѣшали судьбу подсудимаго, чѣмъ самыя

громоздныя филиппики прокуроровъ. Покойнаго Жуковскаго съ увлеченіемъ слушали судьи, слушали присяжные, рвались слушать судебныя дѣятели, а за ними и публика. Его рѣчи были по большей части импровизаціей, но въ этихъ импровизированныхъ рѣчахъ сквозили всегда глубокая эрудиція, чуткость психолога, тонкій аналитическій умъ и красота, литературный стиль. Самая наружность его напоминала въ нѣкоторыхъ чертахъ обычнаго изображенія Мефистофеля: худощавый, съ клинообразной бородкой, съ саркастической улыбкой и пытливымъ, пронизательнымъ взглядомъ, — и еще болѣе обостряла ѣдкость стрѣлъ, которыми онъ металъ въ своихъ рѣчахъ въ нарушителей права, которое онъ защищалъ всю жизнь, всѣми силами своего недюжиннаго таланта. Но стоило ему выйти изъ залы суда, и онъ преобразался. Это былъ сердечный, добрейшей души человекъ, всегда готовый прийти на помощь каждому словомъ и дѣломъ. Масса бѣднаго люда обращалась къ нему за юридическими совѣтами, и В. И. никогда въ нихъ не отказывалъ. Среди своихъ товарищей В. И. пользовался рѣдкой любовью; чужды всякой партійности, прямой и безпристрастный, онъ много лѣтъ состоялъ членомъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и горячо заботился объ интересахъ сословія.

Кромѣ того, В. И. Жуковскій не былъ чуждъ и публицистической дѣятельности. Въ семидесятыхъ годахъ онъ принималъ дѣятельное участіе и какъ сотрудникъ, и какъ издатель и соредакторъ журналовъ: *Слово, Знаніе, Новое Обозрѣніе, Молва*. Во всѣхъ этихъ органахъ покойный Жуковскій помѣстилъ рядъ статей, изъ которыхъ особенно выдавались его горячія статьи въ защиту суда присяжныхъ.

Э.

Политическое обозрѣніе.

Внезапная кончина президента республики создала для французскаго народа новую неожиданную заботу, рядъ тревожныхъ дней. Въ четвергъ 4-го (16-го) февраля къ 9 часамъ вечера, когда уже не было сомнѣній въ печальномъ исходѣ болѣзненнаго припадка, предвѣщавшаго смерть Феликса Фора, глава кабинета, г. Дюпон, явился въ Елисейскій дворецъ и оставался у одра президента до самой его кончины, послѣдовавшей въ 10 часовъ вечера. Тотчасъ же увѣдомлены были о случившемся министры, президенты палаты и сената, а также и представители исполнительственной власти въ провинціи. Уже поздно ночью съѣхались въ Елисейскій дворецъ министры и президенты палатъ.

На слѣдующій день утромъ въ засѣданіи совѣта министровъ, облеченнаго временно исполнительною властью, г. Дюпон сообщилъ, что президентъ сената г. Лубэ назначилъ собраніе конгресса на 6-е (18-е) февраля — въ субботу, въ часъ пополудни.

Парижъ одѣлся въ трауръ. Вся печать начала обсуждать горестное событіе, отмѣчая государственныя заслуги покойнаго президента, сумѣвшаго приобрести симпатіи большинства французовъ, и выставляя на видъ серьезное значеніе кончины Фора при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Взывая къ единенію сторонниковъ республики для выбора въ президенты человека, способнаго защищать существующій государственный строй, республиканская печать указала, какъ на кандидатовъ, прежде всего на министра-президента, президентовъ обѣихъ палатъ и на г. Мелина.

Засѣданіе палаты депутатовъ открыто было при глубокомъ траурѣ. По прочтеніи извѣщенія министра-президента о печальномъ событіи, президентъ палаты г. Дешанель произнесъ блестящее похвальное слово въ честь Фора, призывая всѣхъ французовъ сплотиться вокругъ его гроба. На этотъ призывъ палата откликнулась продолжительными знаками одобренія. Затѣмъ, по увѣдомленіи о днѣ созыва конгресса, г. Дешанель предложилъ закрыть засѣданіе въ знакъ траура; депутаты выразили общее согласіе и покинули залъ засѣданія при торжественной тишинѣ.

Въ сенатѣ г. Лубэ къ печальному увѣдомленію министерства прибавилъ, что весь сенатъ присоединяется къ скорби Франціи, но просилъ отложить засѣданіе, что и принято было сенатомъ. Чувства соболезнованія горю семьи почившаго президента и скорби Франціи выражены были множествомъ телеграммъ отъ иностранныхъ государей и правительствъ. Изъ числа депешъ глубокое впечатлѣніе произвела телеграмма Государя Императора.

Россійскому послу въ Парижѣ телеграфировано «порученіе Государя Императора быть истолкователемъ глубокаго искренняго участія, принимаемаго Ихъ Величествами и всей Россіей въ жестокой утратѣ, поразившей дружественную Францію». Императоръ

германскій въ трогательныхъ выраженіяхъ высказалъ сочувствіе семьѣ президента Фора и французскому правительству. Германскій рейхстагъ, какъ уже извѣстно читателямъ, отнесся къ событію съ необыкновенной внимательностью и рѣдкою деликатностью.

Восхваляя покойнаго президента, англійскій парламентъ выразилъ также свое соболезнованіе Франціи.

Въ Италіи печать отмѣтила важную заслугу Феликса Фора, въ президентство котораго улучшились отношенія двухъ сосѣднихъ государствъ; король выразилъ сочувствіе горю семьи покойнаго президента, а итальянская палата депутатовъ закрыла засѣданіе въ знакъ траура и постановила окупать чернымъ флеромъ національный флагъ, развѣвающійся надъ зданіемъ парламента.

Правительство Соединенныхъ Штатовъ телеграммой передало французскому правительству, что «весь свѣтъ оплакиваетъ потерю одного изъ величайшихъ своихъ государственныхъ мужей, Штаты же принимаютъ особенно большое участіе въ горѣ республиканскестры».

Наканунѣ созыва конгресса политическія группы Франціи весь день провели въ совѣщаніяхъ о кандидатахъ въ президенты республики, причемъ республиканцы-прогрессисты выставили кандидатуру г. Мелина, а радикалы съ социалистами столковались о выборѣ г. Лубэ, поддержаннаго преимущественно большинствомъ сената. Шансы этой кандидатуры усилились послѣ того, какъ г. Мелинъ и Дюпон отказались выступить конкурентами президента сената.

На слѣдующій день члены обѣихъ палатъ съѣхались въ Версаль — въ залъ конгресса. Ровно въ часъ пополудни президентъ сената г. Лубэ, прочитавъ соотвѣтствующія двѣ статьи конституціи, открылъ «национальное собраніе для избранія президента республики». Не обошлось, по обыкновенію, безъ шума, среди котораго были попытки уклониться въ сторону отъ предстоящей задачи; но поименное голосованіе началось, и, въ силу закона, устранены были всякіе побочные вопросы, такъ что къ четыремъ часамъ подача голосовъ была окончена. Во время констатированія результата г. Лубэ удалился, уступивъ предсѣдательское мѣсто своему товарищу. По возобновленіи засѣданія, послѣ перерыва, объявленъ былъ слѣдующій результатъ: голосовавшихъ членовъ было 814; абсолютное большинство — 407; подано за г. Лубэ 483 голоса, за г. Мелина 279, за разныхъ лицъ 52 голоса.

Послѣ краткаго пребыванія новаго президента въ Елисейскомъ дворцѣ, гдѣ г. Лубэ поклонился праху Фора и выразилъ соболезнованіе его семьѣ, состоялся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ пріемъ дипломатическаго корпуса и представителей государственныхъ учреждений. Здѣсь г. Дюпон вручилъ президенту отставку кабинета, но г. Лубэ просилъ министерство остаться у власти. Столица Фран-

В. И. Жуковскій. Съ фот. Лоренца грав. Хелмицкій.

ции всецѣло предалась траурному настроенію, въ виду назначенныхъ на четвергъ 11-го (23-го) февраля національныхъ похоронъ Феликса Фора. Парламентъ отсрочилъ свои засѣданія. Палата депутатовъ постановила отправиться на выносъ тѣла Феликса Фора; офи-

ціальный траурный кортежъ долженъ сформироваться въ соборѣ Notre Dame. Новый президентъ принялъ рѣшеніе сопровождать останки своего предшественника и, въ знакъ траура, рѣшилъ въ теченіе четырехъ недѣль не участвовать ни въ какихъ торжествахъ.

СМѢСЬ.

Къ исторіи бильярда. Игра на бильярдѣ очень распространена у насъ. Нѣтъ, можно сказать, ни одного города въ Россіи, гдѣ не процвѣтала бы бильярдная игра, и собственно въ этомъ нельзя усмотрѣть ничего дурного, такъ какъ игра на бильярдѣ одна изъ самыхъ здоровыхъ, требуетъ движенія, развиваетъ ловкость, мѣткость и, во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія гигиены, гораздо симпатичнѣе процвѣтающаго по всеѣмъ городамъ и всеямъ «винта». Единственный недостатокъ бильярдной игры, это дороговизна и недоступность для большинства самого бильярда, благодаря чему приходится имъ пользоваться сообща, въ такихъ общественныхъ учрежденіяхъ, какъ рестораны и трактиры. При этихъ же условіяхъ указанныя нами достоинства бильярдной игры значительно уменьшаются, такъ какъ какаѣ же гигиена въ трактирныхъ залахъ съ тѣмъ запахомъ кухоннаго чада и клубами табачнаго дыма? Поэтому можно пожелать, чтобы у насъ устроены были спеціальныя «бильярдныя», гдѣ желающіе могли бы предаваться этой здоровой и интересной игрѣ. Вотъ, напримѣръ, за границей это уже осуществлено и даже въ грандіозныхъ размѣрахъ. Такъ, напримѣръ, въ Берлинѣ учреждена даже спеціальная бильярдная академія, съ цѣлымъ рядомъ залъ, уставленныхъ бильярдами (до 20 штукъ) разныхъ величинъ и системъ. Здѣсь производится обученіе игрѣ, и въ качествѣ экзамена устраиваются спеціальныя бильярдныя турниры. Учредителемъ этой бильярдной академіи является знаменитый бильярдистъ Гуго Керкау. Недавно онъ побилъ всемірный бильярдный рекордъ, сдѣлавъ одинъ за другимъ 4285 карамболей въ теченіе четырехъ часовъ. На спеціальномъ матчѣ, игранномъ имъ въ концѣ января т. г. въ Лондонѣ съ лучшими игроками-профессионалистами, Керкау взялъ у нихъ партію въ 12,000 очковъ, давъ впередъ 10,000 очковъ.

Къ 50-лѣтію русскаго бильярда. Арнольдъ Фрейбергеръ, основатель первой въ Россіи фабрики бильярдныхъ. Съ фот. грав. Хемлицкіи.

У насъ въ Россіи тоже есть искусные игроки на бильярдѣ, но, понятно, имъ далеко до Керкау. Это и не удивительно, такъ какъ бильярдная игра существуетъ у насъ сравнительно недавно. 6-го февраля исполнилось, такъ сказать, 50-лѣтіе русскаго бильярда, или, что то же самое, 50-лѣтіе существованія бильярдной фабрики Фрейберга, впервые введшаго въ Россію изготовленіе бильярдныхъ.

Игра на бильярдѣ заимствована нами съ Запада, вмѣстѣ съ другими новшествами, при Петрѣ Великомъ. Но родиной бильярда слѣдуетъ признавать Китай. Въ Европѣ же бильярдъ сталъ извѣстенъ въ XVI вѣкѣ. О бильярдѣ зналъ уже Шекспиръ, заставившій Клеопатру въ своей трагедіи «Антоній и Клеопатра» (актъ II, сцена 5) играть съ вѣнчкомъ Мардыномъ на бильярдѣ. Игра на бильярдѣ была любимымъ развлеченіемъ королей и аристократіи. Карлъ IX игралъ на бильярдѣ въ знаменитую Варооломеевскую ночь (24-го августа 1572 г.), когда вдругъ услышалъ колокольный звонъ, призывавшій католиковъ къ избѣженію гугенотовъ. Марія Стюартъ, въ самый день своей трагической смерти, 18-го февраля 1587 г., въ письмѣ къ гласговскому архіепископу выражаетъ между прочимъ заботу о своемъ бильярдѣ (une table billard). Постепенно увлеченіе игрой на бильярдѣ дошло до того, что англійскій король Георгъ II въ 1760 г. запретилъ, подъ страхомъ крупнаго штрафа въ 10 фунтъ стерл., играть на бильярдѣ въ общественныхъ мѣстахъ. Точно такъ же увлекались бильярдомъ и во Франціи, гдѣ при Людовикѣ XIV онъ представлялъ привилегію аристократіи, и на покушку бильярда необходимо было получить предварительное разрѣшеніе короля.

Появившійся у насъ при Петрѣ Великомъ бильярдъ получилъ особенное распространеніе въ царствованіе Анны Иоанновны. Въ тѣ времена бильярдъ имѣлся во многихъ «австеріяхъ» (трактирахъ). Правильная игра на бильярдѣ начала у насъ развиваться лишь со второй половины нынѣшняго вѣка. Спеціальныя правила игры на бильярдѣ выработаны были уже давно, — въ 1674 г. Этьеномъ Ли-

зономъ въ Лионѣ. У насъ, въ Россіи, привились пятишаровая партія или русская, трехшаровая или берлинская, пирамида (изъ 15 шаровъ) и карамбольная или французская (sarambolage). Последняя партія особенно любима во Франціи и играется иногда на особомъ глухихъ бильярдахъ, безъ лузъ. Вести бильярдную игру строго по правиламъ мыслимо только на математически вывѣренныхъ бильярдахъ, т.-е. когда доска совершенно горизонтальна и равна, и шары такимъ образомъ, ни за что не задерживая, подчиняются въ своемъ движеніи исключительно удару. Заслуга перваго устройства такихъ бильярдныхъ въ Россіи по спеціально изобрѣтенной имъ конструкции и принадлежить покойному основателю фабрики Фрейберга—Арнольду Фрейбергеру, изучившему сначала столярное и фортепианное дѣло, а затѣмъ предпринявшему фабрикацію бильярдныхъ. Устроенная имъ въ Петербургѣ сначала въ скромныхъ размѣрахъ, бильярдная мастерская его вскорѣ разрослась въ цѣлую фабрику, имѣвшуюся въ собственномъ домѣ ея владѣльца. Быстрое развитіе новаго предпріятія Арнольда Фрейберга показываетъ, какъ великъ былъ у насъ спросъ на бильярдныя, выписывавшіяся прежде изъ-за границы. О размѣрахъ дѣятельности фабрики Фрейберга можно судить по цифрѣ изготовленныхъ ею за полвѣка бильярдныхъ—3,765. Изъ этого числа бильярдныя Фрейберга не только распространены во всей Россіи, но и отправлялись неоднократно въ Персію, Китай и Японію.

Гуго Керкау, первый въ мірѣ бильярдный игрокъ.

По рис. I. Z. грав. Шюблеръ.

Какое самое большое число можно написать тремя цифрами?— Не математикъ, отвѣчая на подобный вопросъ, ограничился бы конечно числомъ 999 (девятьсотъ девяносто девять); а между тѣмъ этими же тремя цифрами можно написать неизмѣримо большее, прямо исполнимое число, размѣстивъ только цифры слѣдующимъ образомъ:

$$9^{99}$$

Число это, какъ извѣстно каждому, обучающемуся математикѣ, будетъ тогда прочтено такъ: девятая степень девяти въ девятой степени, и означать двукратно возведеніе въ девятую степень. Первое возведеніе въ степень означаетъ цифру 9, помноженную 9 разъ самое на себя, то-есть $9 \times 9 \times 9 \times 9 \times 9 \times 9 \times 9 \times 9 \times 9$, что уже составитъ весьма внушительное, но все еще удобопонятное число 387.420,489. При второмъ возведеніи цифра 9 должна быть помножена сама на себя 387.420,489 разъ. Полученное произведеніе нѣмѣтъ еще не было вычислено и, вѣроятно, никогда не будетъ, по той простой причинѣ, что жизни человѣческой не хватило бы на такое вычисленіе. Можно сказать одно, что полученное отъ перемноженія исполнимое число имѣло бы, во всякомъ случаѣ, болѣе 369 миллионъ цифръ. (Говоримъ, круглымъ счетомъ, потому что болѣе точное опредѣленіе было бы совершенно излишне). Если бы кто-нибудь задался цѣлью написать этотъ рядъ цифръ на длинной бумажной лентѣ, умѣщая на каждомъ дециметрѣ по 20 цифръ, то понадобилась бы лента въ 18,485 килом. Иначе сказать, она превосходила бы въ полтора раза діаметръ земнаго шара, имѣющій у экватора 12,758 килом. Для того только, чтобы написать эти цифры, нанося на бумагу по 100 цифръ въ минуту и работая круглый годъ, не исключая праздниковъ и воскресеній, по десяти часовъ въ сутки, понадобилось бы семнадцать лѣтъ. Всѣ числа, которыя донныи принято было считать удивительными по своей громадности, напримѣръ, [въ извѣстномъ анекдотѣ о вознагражденіи изобрѣтателя шахматной игры посредствомъ удваиванія числа пшеничныхъ зеренъ на каждой кѣткѣ шахматной доски, или то, которое получилось бы отъ нарастанія процентовъ на монету, положенную во времена Иисуса Христа, совершенно блѣднѣютъ передъ чудовищнымъ числомъ, написаннымъ просто тремя девятками.

ВЫГРЫШ-
 НЫЕ 1, 2 и 3 вѣдры продаетъ
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,
 59, Невскій, Спб. 4-3

Кнейпскій солодовый кофе Катрейнера

обладаетъ всеми преимуществами зернового кофе и не содержитъ кофеина. Мальцаффе Катрейнера вполне замѣняетъ кофе, но можетъ также служить превосходной, смягчающей вкусъ приправой, которой мѣсто въ каждомъ семействѣ.
 Ц. 12046 Общество „Ливонія“.
Мюнхенъ. Имѣется во всѣхъ лучшихъ магазинахъ. Рига.
 Просить остерегаться поддѣлокъ!

РЕМИНГТОНЪ

новѣйшая **МОДЕЛЬ**
1898 года
 всемірно-образц.
ПИШУЩЕЙ
МАШИНЫ

обладаетъ всеми усовершенствованиями изобрѣтенными до настоящаго времени, создавшими типъ **САМОЙ СОВЕРШЕННОЙ МАШИНЫ** превосходящей всѣ другія системы **ВЪ ПРОЧНОСТИ, БЫСТРОТѢ, ЛЕГКОСТИ УДАРА и ТЩАТЕЛЬНОСТИ исполненія работъ.**

ПОНИЖЕННАЯ ЦѢНА
275 РУБ. 325 РУБ.
 предостерегаемъ отъ массы **ПОДДѢЛОКЪ!!!**

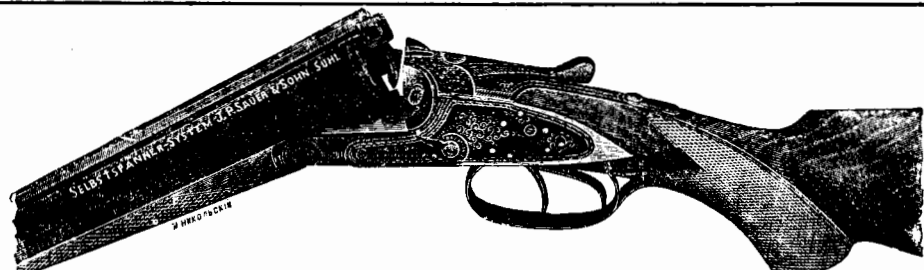
ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГИ.
 ЕДИНСТВ. ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДЛЯ ВСЕЙ РОССИИ

М. Блок
 МОСКВА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
 КІЕВЪ, ОДЕССА,
 Варшава, Екатеринбургъ, Никандръ,
 Ростовъ и др.

Россійское Общество застрахованія капиталовъ и доходовъ
 учрежд. въ 1835 году.
НАРОДНОЕ СТРАХОВАНИЕ.

Страхование на случай смерти безъ врачебнаго освидѣтельствованія, съ участіемъ въ прибыляхъ Общества и уплатою премии **ПОМѢСЯЧНО, начиная отъ 50 коп. въ мѣсяць.**

Тарифы, объявленія и всякія свѣдѣнія можно получить: въ Правленіи Общества: С.-Петербургъ. Улица Глинки, № 1, у Поцѣбуева моста, въ собств. домѣ, и у Агентовъ Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.

Оружейный магазинъ „ДИАНА“
Н. ФЕТТЕРЪ и Е. ГИНКЕЛЬ

МОСКВА, Театральный проѣздъ, д. Блохиной единственныхъ представителей для всей Россіи ружейныхъ заводовъ **И. П. ЗАУЕРЪ и СЫНЪ** въ Зулѣ и **Г. ПИПЕРЪ** въ Льежѣ, высылаютъ бесплатно по первому требованію иллюстрированный прейсъ-курантъ. Въ особенности магазинъ обращаетъ вниманіе гг. охотниковъ на ружья Зауера со стволами всемірно-извѣстной **спеціальной стали Круппа!**

ТОЛЬКО 1 р. 85 к.
ПОРТМОНЪ

со штемпелемъ изъ прекрасной черной опонки, съ 5-ю отдѣленіями, 1 внутреннимъ закрытымъ для звонкой монеты и однимъ особо закрытымъ для золота. Корпусъ изъ одного куска, съ мех. замкомъ, содержащимъ каучуковый штемпель съ подушкой для краски. Въ штемпель можно помѣстить имя, отч., фамилію и званіе, по желанію и корону. Дамскія издѣлія по тѣмъ же цѣнамъ. Изъ тюлево-кожи штука на 40 коп. дороже. Цѣны съ пересылкой; въ Азіатскую же Россію съ прибавленіемъ части вѣсовыхъ. Налож. платежъ на 10 коп. дороже. Заказы исполняются немедленно по полученіи стоимости или задатка. Высылающимъ 5 штукъ сразу выс. бесплатно 5 изящныхъ дѣтск. портмоне.

Адресъ: въ контору фабрики кожян. издѣлій **Ш. Е. Фридмана**. Варшава.

ТАНЦЫ. Новая книга для изученія новѣйшихъ современныхъ танцевъ. **Н. Л. ГАВЛИКОВСКАГО.** Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ЦВѢТОЧНЫЕ ЭКСТРАКТЫ
ТВА „ГИГИЕНА“

РАЗНЫХЪ ЗАПАХОВЪ, ПРІЯТНЫ, ПРОЧНЫ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ПРЕВОСХОДЯТЪ СУЩЕСТВУЮЩЕ ДО СИХЪ ПОРЪ ЦВѢТОЧНЫЕ ОДЕКОЛОНЫ и ТУАЛЕТНЫЯ ВОДЫ. **ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.**
 ГЛ. СКЛАДЪ: С. ПЕТЕРБУРГЪ, КОЛОМЕНСК. 12

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
3. Д. ГУРЕВИЧЪ.
 Уг. Вознесен. и Садовой, 45-46. Спб.
 Продаетъ по оптовымъ цѣнамъ: чулки, носки, бѣлье муж. и дам., носов. платки, рубаха, джуповыя кальсоны, перчатки, колготы, скатерти и матерія.
 Полное приданое для невестъ. Высыл. и налож. платеж., прейсъ-курантъ бесплатно.

Пейте Цейлонскій чай!
Пейте Цейлонскій чай!!
Пейте Цейлонскій чай!!!

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
 ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья. Ш. № 11641 30-16
 ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготовленія.
 ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучший чай по вкусу и аромату.

Годичное потребленіе Цейлонскаго чая въ Россіи больше 10.000,000 фунтовъ 10.000,000.

Главный складъ Цейлонскаго чая у **М. РОЖИВІЮ, Москва, МАРОСЕЙКА, Д. ТУШНИНОЙ.** Ш. № 11642 20-16
 Представитель Товарищества Цейлонскихъ плантаторовъ для всей Россіи.

В. № 11395 3-3

Cacao van Houten

КАКАО ВАНЪ-ГОУТЕНЪ.

Потребление какао Ванъ-Гоутена, какъ пріятнаго напитка, растетъ съ каждымъ днемъ. Это—наилучшій шоколадъ для питья.

НОВОСТЬ!!!

Прелестные карманные металлическіе часы, заводъ безъ ключа, настоящіе никелевые, тщательно проверенные, на крышкѣ помѣщенъ художественно исполненный портретъ Государя Императора Николая II, къ нимъ цѣлочка новаго золота и парижскій компасъ

за все только 5 руб.

Прилагается печатное ругательство на 4 года. Вышеупомянутые часы высылаются немедленно и безъ задатка наложеннымъ плащомъ. Ц. № 11396 6-2

Требованія прошу адресовать въ городъ Варшаву, Граничная, № 6

кунцу I. ВУЗЕЕРУ.

Прейс-курранты высылаются бесплатно.

НОВОСТЬ

ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ

Цвѣтущая сирень.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ.

Магазины въ С.-Петербургѣ:

Невскій просп., № 32 и № 66.

Вознесенскій пр. уг. Казанской, № 24/52.

ФОНОГРАФЫ

съ которыми каждый можетъ самъ изготовить фоногр., пѣнье, разговоръ и муз. или воспроизводить съ пригтовленнаго цилиндра. Цѣна нач. съ 40 руб. Дѣтскій фоногр.—15 р.

Подлинныя Фонографы Эдисона нач. съ 70 руб.

Большой выборъ пригтов. цилиндр. съ муз., пѣн. къ оп. и оперет., танц., жарши, рус., вѣмед. и др. пѣніе.

Спец. преис-куррантъ бесплатно.

Большой выборъ волшебн. фонарей и картин.

БРУНО ЗЕНГЕРЪ и К^о.

Казанск., 1—25, на углу Невскаго. СПБ.

TEINTURE Instantanée

NIGRITINE

NOIR, CHATAIN, BRUN
GELLÉ FRÈRES
6, Avenue de l'Opéra, 6
PARIS

ТРАВЪ КУЗЬМИЦА

(Ephedra Vulgaris)

Майскаго сбора 1898 г. съ корнями продаетъ фунтъ съ пересылкой. Высшій сортъ боров. отборн. въ цѣвту 3 р. Она же въ металлическихъ коробкахъ 4 р. Второй сортъ боров. 2 р. Съ требованіями прошу адресовать въ Сорочинское, Сахарск. губ., въ складъ Эфедры Н. И. Семенова.

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE

БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (127)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

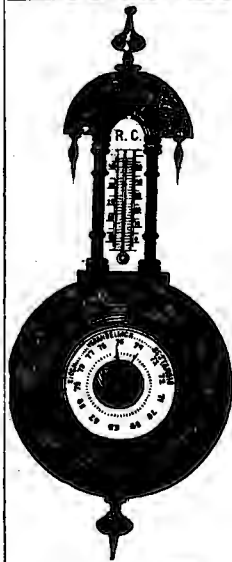
46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

МЫЛО ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫЯ ВЪ ТЕПЛОЙ ДИСПОЗЕ БЕЗЪ ВОДЫ * П. Н. ВИНОГРАДОВА * ПАРКИ

ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ на Всероссийской Выставѣ 1896 года. требовать нуски съ этикетомъ утвержд. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ. БѢЛЫЕ получаются замѣчательно чистымъ. Желтизна и пятна уничтожаются ЭКОНОМІЯ въ топливѣ, ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. Мыла ДИСПОЗЕ расходуются въ ТРИ РАЗА МЕНЬШЕ протого. Совершенно безвредно для тканей бѣлья. Удовольствіе цѣна 3780. ЭКОНОМИЧНО ДЛЯ БАНИ. Продажа всѣхъ Опт. у П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка, домъ № 2.

БАРОМЕТРЫ-АНЕРОИДЪ

проверенные, въ металлическихъ оправкахъ отъ . . . 3 р. 50 к.

Въ деревянныхъ оправкахъ отъ . . . 7 р.

БИНОКЛИ для театра и поля, съ большимъ полемъ зрѣнія и сильнымъ увеличеніемъ отъ 3 р. 50 к. до 30 руб.

ОЧКИ и ПЕНСНЗ съ лучшими стеклами, стальными . . . 1 р. 25 к.

Double (накладнаго золота), не отличающіеся отъ золотыхъ и не чернющіе. 4 р.

ОЧКИ и ПЕНСНЗ золотые 56 пробъ отъ . . . 7 р.

В. ПРЕТЦЕЛЬ

преемникъ **КАРЛЬ БОРХАРТЪ**

Москва, Рождественка, д. № 5.

ВѢСТНИКЪ РУССКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА

№ 11928. 50 №№ въ годъ, цѣна 6 руб. съ пересылкой. 5-5
Издается въ Москвѣ, Леонтьевскій пер. № 2. Н. Верещагинскій и И. П. Петровскій.

КАННА КРОЗИ

и другія модныя луков. растенія для грунта и для комнаты. Иллюстр. описательн. каталогъ по требованію. № 12051. ванію бесплатно и франко. 3-1

Садоводство **К. Г. МЕЙЕРА.** Киевъ, Сырецъ, с. д.

На Киевск. Сельск.-Хоз. Выставкѣ въ 1897 г.: Больш. Золотая медаль.

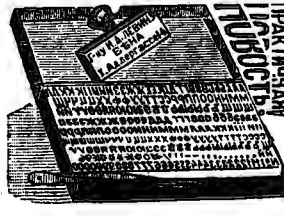
ДОМАШНЯЯ ТИПОГРАФІЯ.

Полный приборъ передвижныхъ каучуковыхъ РУССКИХЪ буквъ, которыми всякій самъ въ состояніи печатать адр. карты, бланки, повѣстки и пр.

№ 1 съ 140 буквъ. 2 р. 50 к. № 3 съ 450 буквъ. 6 р. № 2 съ 260 . . . 4 р. 50 к. № 4 съ 650 . . . 8 р.

Высылаеть черезъ свое одесское отдѣленіе по полученіи всей суммы или задатка фабрика И. А. ЛЕВИНСОНЪ, ВЕНА (Австрія), Адлергассе 12-Н.

Полнуду уплачивается на границѣ сама фабрика. Прейс-курранты высылаеть за 7 в. марку.

ЛЕОТИ

Первообразный торговый домъ корсетовъ 8, Place de la Madeleine (4)

ПАРИЖЪ. Для мѣрки требовать указатель на русск. яз.

270 Р.

подъ выигрышные билеты, II заемъ до 240 руб., подъ III Дворянскіе до 200 руб., подъ остальные бумаги до 95 руб. изъ 5 до 8% годов. и 1/4% ежемѣс. ком. предлагаетъ въ сеуду банкирскій домъ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

59, Невскій. 3-3

Садоводство Я. Т. ПАВЛЕНКО,

М. Городище, Киев. губ. Удѣст. золотой медали на Киев. С.-Х. Выст. 1897 г. Предлагаетъ плодовая деревья промышленныя сорта: яблонь, грушъ, сливъ, абрикосовъ, персиковъ и проч. Черенки для прививки, шпакловни, пикированные дѣтчен и свѣжія фруктовія сѣмена. Каталогъ высылаеться бесплатно.

400 до 1000 р.с.

въ годъ можно заработать дома на новѣйшей визальной машинѣ. Чулокъ вяжутся въ 1/4 часа, безъ шва, резинкой. Маш. оч. проста. Подробности бесплатно. Ищу перепродавцевъ. Един. Представ. для Россіи **И. К. ВЕРГЪ.** СПБ., Фонтанка, 68, кв. 55.

НИЧЕГО НЕБЫВАЛОЕ!!!

Железные, изъясненныя открытыя мундшне черные часы, вороненой стали, ремонтуаръ извѣстной фабрики «Эмиль», проверенные до минуты, съ ругательствомъ за ходъ на 6 дѣтъ, высылаемъ и безъ задатка наложенн. платѣжъ. всего за 4 р.; также же дамскіе и гимназ., а также золочен. 1 руб. дороже. Адресъ: главный складъ часовъ **ШО-ДЕ-ФОНЪ** въ Варшавѣ.

БУХГАЛТЕРІЮ

2-хъ системъ, легкимъ и весьма удобн. корреспонд. способомъ преподаетъ **А. К. Фонъ-дѣр-Зее.** Москва, Никитская, д. гр. Шереметева. Для получ. програм. и услов. прія. марку.

ЖИЗНЬ

№ 9.

XXX г.

1899 г.

Содержание:

ТЕКСТЪ: Мара. Древне-русская повесть В. М. Михеева. (Продолжение.)—Современные левианы.—Къ рисункамъ: У тѣла св. Цециліи.—Надъ старой книгой.—„Обрывъ“, романъ Гончарова: 1) Первая встрѣча Вѣры съ Маркомъ Волоховымъ. 2) Вѣра и Райскій.—А. Н. Верстовскій.—Вѣнокъ покойному президенту Французской республики Феликсу Фору отъ русской армии.—Подарокъ австрийскаго императора Франца-Иосифа л.-гв. кексгольмскому полку.—Къ 75-лѣтію л.-гв. гродненскаго гусарскаго полка.—Яхта „Тимса“, подаренная черногорскому князю турецкимъ султаномъ.—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Объявленія.

РИСУНКИ: У тѣла св. Цециліи. Картина Ж. де-Вриендъ.—„Обрывъ“, романъ И. А. Гончарова: 1) Первая встрѣча Вѣры съ Маркомъ Волоховымъ. 2) Вѣра и Райскій. Ориг. рисунки В. А. Табурина.—Надъ старой книгой. Картина Э. Грюцера.—Современные левианы. Броненосецъ Императоръ Фридрихъ III: 1) Видъ броненосца сбоку. 2) Видъ броненосца спереди. 3) Продольный разрѣзъ. Детали внутреннего устройства броненосца.—А. Н. Верстовскій.—Вѣнокъ отъ русской армии покойному президенту Французской республики Феликсу Фору.—Подарокъ австрийскаго императора Франца-Иосифа л.-гв. кексгольмскому полку въ память 50-лѣтія шефства его величества.—Къ 75-лѣтію л.-гв. гродненскаго гусарскаго полка. Серебряное Surtout de table, заказанное собраніемъ полка въ память его 75-лѣтія.—Яхта „Тимса“, подаренная турецкимъ султаномъ князю черногорскому.

С. М. ЭЛІАШЕВЪ, Москва,
Софійка, ЛУБЯНСКІЙ
ПАССАЖЪ
№ 60—61.

*** ЦѢНЫ ВСѢ ДОСТУПНЫ ***

Иллюстр. преис-квантъ высыл. по требов. величайшій выборъ.

КРОВАТЕЙ съ изящной живописью, английскихъ золоченыхъ, никелированныхъ и обійковенныхъ.

МАТРАЦОВЪ пружинныхъ, проволочныхъ, волосныхъ и друг.; КРЕСЕЛЪ для больныхъ.

ВАННЪ, ДУШЪ и ШКАФОВЪ купальныхъ.

УМЫВАЛЬНИКОВЪ мраморныхъ и металлич.

Дѣтскихъ КОЛЯСОКЪ и ВЕЛОСИПЕДОВЪ.

ЛЕДНИКОВЪ комнатн. и друг. ХОЗЯЙСТВЕН. ВЕЩЕЙ.

Единственный фабричный складъ издѣлій Варшавск. фабр. Бр. Фруминныхъ.

№ 12070 12—1

МАЛЮТКА

(годъ изданія четырнадцатый).

12 КНИЖЕКЪ — 12 ПРЕМІЙ-ИГРУШЕКЪ.

ГОДОВАЯ ЦѢНА 2 Р. 50 К.

БЕЗЪ ДОСТАВКИ въ КОНТОРЪ Н. ПЕЧКОВСКОЙ 2 РУБ.

Почтовый адресъ: МОСКВА, Редакція журнала МАЛЮТКА.

Текстоскопъ старъ съ пом. приборомъ, расширяетъ текстоскопъ съ красн. тономъ, или бланкъ маб.

Роза съ пестичемъ. № 2. 40 р. Почтомъ № 44
Фабрика С. М. ЭЛІАШЕВЪ, Москва.

КАЗИМІРЪ ОССОВСКІЙ,
инженеръ.

Контора для изслѣдованія и проектированія
въ БЕРЛИНѢ. (Berlin, W. 9, Potsdam-str., 3.)

РУССКІЙ РОМАНЪ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

К. ГОЛОВИНА. Ч. 3 р.

Складъ изданія: Васильевскій остр. 5 л. 28, у М. М. Стасюлевича.

Рекомендовано Министерствомъ Народн. Просвѣщенія.

№ 12078

ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА И КАРТОЧКИ СЪ РИСУНКАМИ

ХУДОЖНИКОВЪ Е. ПИЗ, БЕМЪ, М. ВИЛЛЕ, Э. ВИЗЕЛЬ, КАРАЗИНА, К. МАКОВСКАГО, В. ОВСЯНИКОВА, РЫБИНА, ЕЛЕНЫ САМОКИШЪ-СУДКОВСКОЙ, П. САМОКИША, СОЛОМКО И ВАРВАРЫ ШНЕЙДЕРЪ,

КОНВЕРТЫ „КРАСНАГО КРЕСТА“

№ 11780 (ВМѢСТО ВИЗИТОВЪ) 3—3
въ пользу больницы въ память ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Продаются въ СПБ. Попечительный Комит. о сестрахъ Краснаго Креста (Инженерная. 9) и въ лучшихъ писчебумажн. и эстампныхъ магазинахъ.

Изданіе 1899 года все разошлось по подпискѣ. Открыта подписка на 2-е изданіе со всѣми приложениями на самый распространенный въ Россіи музыкальный журналъ (Изданія годъ 5-й)

„МУЗЫКА И ПѢНІЕ“

Для пѣнія одноголоснаго и хорового, фортепiano и другихъ инструментовъ. Одобрены Учен. Комит. при Св. Синодѣ. Одобрены Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. Одобрены особымъ отдѣломъ Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. Рекомендованы Гл. Упр. военно-учебн. завед. Выходитъ ежемѣсячно. Подписной годъ нач. съ 15 ноября 1898 г. Подписчики получаютъ 203 лучшихъ музыкальныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ музыки, творчества, стоящихъ въ отдѣлн. изданіяхъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ сорокъ рублей. Годовой экземпляръ составляетъ болѣе 500 страницъ большого нотнаго формата.

Вышелъ № 4. Содержание: Отдѣлъ I, тексты: 1) Гродакій, В. Исторія музыки въ Россіи. 2) Морель, В. Какъ достигъ наилучшихъ результатовъ въ искусствѣ пѣнія. 3) Обзоръ новейшей духовно-музыкальной литературы. 4) Эд. Григъ. Музыкально-характер. очеркъ. 5) Библиографія. 6) Нг. Падоревскій. 7) Нв. Армсгеймеръ. 8) К. Эверарди. Отдѣлъ II, пѣніе: 9) Казаченко, Г. Юбилейная пѣнь А. С. Пушкина. Для смѣш. хора. 10) Тоже. Для одноп. хора. 11) Лисинскій, М. Памяти А. С. Пушкина. Для смѣш. хора. 12) Тоже. Не стало сады. 13) Армсгеймеръ, Н. И моремъ плавль. 14) Варламова, А. Тяжело, не стало сады. 15) Егю-же. Сольвучко. 16) Абель, Ф. Практическая пѣснька. 17) Набандина. 18) Народная пѣснька. 19) Народная пѣснька. 20) Веселый крестьянинъ. 21) Сидцильскій танецъ. 22) Родж. елка. 23) Espen, Th. Подвѣжники. 24) Gänsschals, C. Au bois des myrtes. Отдѣлъ IV, пѣсь д. форт. ср. тр.: 25) Chavagnat, Ed. Valse-étude. 26) Sousa, I. Вашингтонская почта. Маршъ. 27) Sprig, M. Грезъ бала. Вальсъ. 28) Heins, C. Gita. Мазурка. 29) Григъ, Эд. Романсъ безъ словъ. 30) Мошковскій, М. Испанскій танецъ. Отдѣлъ V, д. форт. въ 4 руки: 31) Мошковскій, М. Испан. танецъ. Отдѣлъ VI, д. гармоніума или форт.: 32) Моцартъ, В. Хоръ жрецовъ. 33) Егю-же. Терцетъ изъ он. Волшеб. флейты. Отдѣлъ VII, д. разн. инструм.: 34) Мошковскій, М. Исп. тан. д. скрипки или флейты съ форт. 35) Тоже. Для 2 скр. 36) Тоже. Для 2 скрип. съ форт. 37) Тоже. Для виолонч. съ форт. 38) Тоже. Для корнета съ форт. 39) Тоже. Для 1 или 2 скр. и виолонч. съ форт. 40) Тоже. Исп. тан. въ 4 руки со скрипкой или флейтой. 41) Тоже. Съ 2 скр. 42) Тоже. Съ виолонч. 43) Тоже. Съ корнетомъ. 44) Тоже. (ч. 1 или 2 скр. и виолонч. 45) Объявленія. Цѣна № 4 въ отдѣльной продажѣ 75 к., съ пересылкой 1 р. (можно марками). Пробный номеръ, содержащій въ себѣ нотъ, стѣбщихъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ пять рублей, можно получить за 50 к., съ перес. 71 к. (можно марками). Подробная объясненія, списокъ премій, каталогъ книгъ и нотъ высылаются бесплатно. Подписка принимается въ главной конторѣ при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ П. Селиверстова, СПб., Садовая 22, противъ Гостиного двора. Редакторъ-издатель П. Селиверстовъ. Въ редакціи журнала „Музыка и Пѣніе“ поступаютъ въ продажу слѣдующіе ХОРЫ КЪ ЮБИЛЕЮ А. С. ПУШКИНА: Назаченно, Г. „ты памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный“. Для смѣш. и одноп. хора. Партитура д. 30 к., голоса 40 коп. Лисинскій, М. „Въ минувшій вѣкъ, назадъ сто лѣтъ“. Для смѣш. и одноп. хора. Партитура 30 коп., голоса 40 коп.

Подписная цѣна: на годъ безъ доставки 4 р., съ доставкой по всей Россіи 5 руб. За границу 6 руб. Допускается разсрочка. Первый взносъ одинъ руб.

ФОТОГРАФЪ К. К. БУЛЛА,

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Садовая улица, д. № 61, противъ Адреснаго стола.

Всегда подготовленъ къ выѣзду и отправляется по приглашенію куда бы то ни потребовалось. Снимаетъ все, не стѣсняясь помѣщеніемъ, вездѣ и всюду — какъ днемъ, такъ и во всякое вечернее время — при своемъ искусственномъ свѣтѣ. Портреты съ умершихъ, группы во всякомъ составѣ, внутреннія обстановки

комнатъ, залъ, выставки и т. п. Всякіе архитектурные предметы, какъ внутренне, такъ и наружные фасады, дома, фабрики, мастерскія съ рабочими, машины, желѣзныя дороги, памятники, магазины, виды и проч.

Различныя сцены и типы, снимки съ древнихъ и старин. предметовъ, открытіе и освѣщеніе зданій, юбилейныя торжества и др.

Моментальныя снимки съ лошадей, собакъ и другихъ животныхъ. У себя въ павильонѣ: портреты и группы всѣхъ форматовъ. Увеличеніе со всякихъ картъ — до натуральной величины.

№ 11877 12—2

Буинскій Мѣстный Комитетъ Россійскаго Общества Краснаго Креста,

признавъ необходимымъ оказать помощь трудоспособной части населенія въ присканіи ею работъ по случаю неурожая, открылъ въ гор. Буинскѣ, Симбирской губ., при Мѣстномъ Комитетѣ „Контору по присканію работъ для рабочихъ“, а посему проситъ нуждающихся въ рабочихъ съ требованіемъ о высылкѣ таковыхъ обращаться въ эту Контору — обозначая потребное количество рабочихъ, мѣсто и родъ работы и подробное условіе найма.

ФАБРИКА
„СКЛАДЪ“
Бруно Зенгеръ № 2
С. Петербургъ, Невскій Пр. № 23 (сходно Каменному)

Фотогр. Аппараты
и Лринад.

(Кратк. Преис-Квантъ БЕРЛИНЪ)

И. № 12033 12—3

ПАМЯТЬ

лицъ кажд. возр. укрѣпляютъ лично и заочно (въ 10 урокъ) профес. мнемоника, членъ парижск. академ. С. Файнштейнъ. Одесса, уг. Пушкина и Баз. ул., собствен. домъ, № 24. Условія преподаванія и объемистую брошюру (содерж. многочислен. благодарности оффиц. и вполнѣ комитет. лицъ, прошед. у меня курсъ мнемоники) высылаю за одну 7-ми коп. марку. № телефона въ городѣ 199. № телеф. на собств. датѣ „мнемоника“ 933. Адр. для телегр. Одесса, профессору мнемоники Файнштейну.

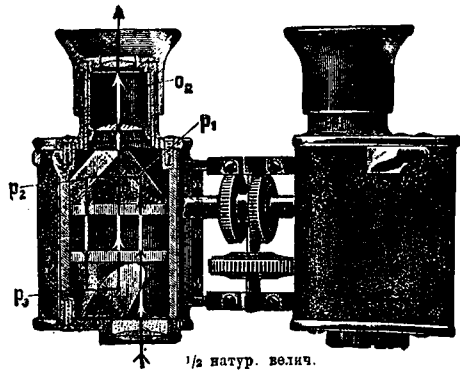
№ 12020 10—2

ДЛЯ ВОЛОСЪ

НОВОСТЬ. Краска И. Купчинскаго.

Сп. у. волосы сѣдые получаютъ желаемый цвѣтъ (брюнетъ, цвѣтъ блондинъ), если будутъ хорошо вымыты и лично, безъ посторонней помощи, подкладывая гребень подъ волосы, легко протерти вымытые уже флакономъ № 1, 2 и 3-го. Затѣмъ вновь вымытые уже не начкуютъ блѣды и становятся мягкими. Повторять окраску слѣдуетъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Боробка 2 р. перес. влож. плат. Москва, П. Виноградовъ, Рождественка, д. № 2, СПб., Фонтанка, 60, у ЛЕВЕНСОНЪ,

НОВЫЕ БИНОКЛИ ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫЕ TRIËDER-BINOCLE

1/2 натур. велич.

„Бинокли-Триедеръ“ значительно превосходятъ всё до сихъ поръ употребляемые бинокли (театральные, полевые и пр.), увеличивая, при одинаковомъ съ ними полѣ зрѣнія, въ 8—10 разъ сильнѣе, а при одинаковомъ увеличеніи захватывая въ 8—10 разъ болѣе обширное поле зрѣнія. Въ принципѣ „Бинокль-Триедеръ“ представляетъ собою кеплеровскую трубу, съ тѣмъ лишь, что картина въ немъ воспроизводится посредствомъ системы призмъ. „Бинокль-Триедеръ“ незаменимъ въ театрѣ и въ дорогѣ, а также для военныхъ, моряковъ, охотниковъ, на скачкахъ и на гонкахъ. На каждомъ биноклѣ имѣется наша фирма. Получать по фабричнымъ цѣнамъ можно, кромѣ нашего оптического заведенія, во всѣхъ лучшихъ оптическихъ магазинахъ или же, гдѣ таковыхъ нѣтъ, черезъ г. Карла Шпанъ въ С.-Петербургѣ, Дворцовая набер., 12.

Цѣна для Россіи включительно съ пошлиной и пересылкой:
увелич. въ 3 раза—63 р.; въ 6 разъ—75 р.; въ 9 разъ—88 р.; въ 12 разъ—100 р.
Подробныя описанія устройства и прейсъ-курантъ высылаются бесплатно.

№ 12089 6-1

Оптическое заведеніе
New-York, 52, East Union Square.
London, Ross, 111, New Bond Street.

C. P. GOERZ

Berlin-Friedenau.
Rhein-Strasse, 52.
Paris. 22 Rue de l'Entrepôt.

С.-Петербургъ: Карлъ Шпанъ, Дворцовая набер., 12.

ТОВАРИЧЕСТВО „ПРОВОДНИКЪ“
Москва. * Рига. * СПбурзь.

Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ ПОДЪ ФИРМОЮ: „ПРОВОДНИКЪ“.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛКИ!

* Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. *

Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.

Табачная фабрика В. И. АСМОЛОВА и К. 0

рекомендуетъ отличнаго достоинства ПАПИРОСЫ

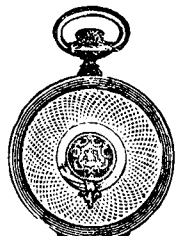
ВИЗИТНЫЯ 10 шт. 10 коп. ФЕЛИКСЪ ФОРЪ 10 шт. 6 коп.

Ц. № 12013 5-2
Получать можно вездѣ.

КАННА КРОЗИ и другія модныя луков. растенія для грунта и для комнатъ. Иллюстр. описатели. каталогъ по требованію № 12051 ваию бесплатно и франко. 3-2

Садоводство К. Г. МЕЙЕРА. Кіевъ, Сырецъ, с. д.
На Кіевск. Сельск.-Хозійств. и Промыш. Выставкѣ въ 1897 г.: Больш. Золотая медаль

ФАБРИКА ЧАСОВЪ „РОМЕО“ ВЪ ГОР. ЖЕНЕВЪ (ШВЕЙЦАРІЯ).

Каждому извѣстно, что источникомъ производства карманныхъ часовъ для всего міра есть Швейцарія, то каждый желающій приобрести карманные часы, которые бы служили на многіе годы вѣрнымъ измѣрителемъ времени, долженъ воспользоваться полезнымъ совѣтомъ „посунуть изъ первыхъ рукъ“, и для этой цѣли нами устроенъ специальный отдѣлъ по экспорту часовъ въ Россію и Финляндію.

Благодаря усиленному требованію во всей Европѣ часовъ накладного золота „Plaqué d'or“, фабрика имѣла достаточно времени зацѣпиться опытною по улучшенію производства корпусовъ изъ накладного золота. Фабрика часовъ „Ромео“ имѣетъ въ виду этого возможность стать на высотъ своей задачи и рекомендовать часы накладного золота, не уступающіе по прочности механизма, отдѣлкѣ и качеству лучшимъ золотымъ часамъ.

Часы „Ромео“ обладаютъ замѣчательно вѣрнымъ аннернымъ ходомъ и механизмамъ устроены съ такой точностью и тщательностью, что мы можемъ ихъ самымъ убѣдительнымъ образомъ рекомендовать каждому.

Въ часамъ прилагается пятилѣтняя гарантія съ обозначеніемъ № часовъ.

Мужскіе часы „Ромео“ 13 рублей.
дамскіе на 1^{р.} дороже.
Цѣны обозначены съ уплаченной пошлиной и пересылкой.

Цѣна за МУЖСКІЕ 13 р. ГЛУХІЕ или ОТКРЫТЫЕ; дамскіе на штуку: 1 р. дороже.
Пересылка во всё мѣсто Россійской Имперіи и Финляндіи БЕЗПЛАТНАЯ и съ уплаченной нами пошлиной.
Имѣются въ большомъ выборѣ золотыя, серебряныя, стальные и никелевыя часы.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ по требованію бесплатно.

Заказы исполняются наложеннымъ платежемъ безъ задатка. № 12082 4-1
Корреспонденція ведется на русскомъ языкѣ.

Предостереженіе: Фабрика часовъ „Ромео“ обращаетъ вниманіе почтенныхъ покупателей, что никакая отдѣленія въ Россіи не имѣетъ, а потому проситъ обращаться непосредственно по нижеозначенному адресу:

FABRIQUE D'HORLOGERIE „ROMEO“ à GENEVE (Швейцарія) Suisse, Rue de Mont-Blanc, № 11.

!!ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛКИ!!
(На внутренней крышкѣ часовъ „Plaqué d'or“, а на циферблатѣ „Ромео“).

С. И. Арнгеимъ, Берлинъ.
придворный поставщикъ Императора Германскаго.
ВСЕМИРНО - ИЗВѢСТНЫЙ ЗАВОДЪ НЕСГОРАЕМЫХЪ ШКАФОВЪ

гарантированныхъ отъ огня и отъ влома.
Цѣны отъ 200—500 р., для Банковъ и большихъ заведеній крупныхъ размѣровъ отъ № 12040 500—1000 руб. 46-3

Представитель: О. Г. Шпенненманъ.
С.-Петербургъ, Чернышевъ пер., 12.

Прейсъ-куранты по желанію высылаются бесплатно.

!!! ДОЛОЙ ПОДЪЯЖКИ и ПУГОВИЦЫ !!!
чистое здоровыя эластично-пружинистыя бюрокреджатели, удобно для всѣхъ и каждому. Здоровье и легкое держаніе, свободное дыханіе; нѣтъ давленія, ни поту.
Штука 70 к., съ пер. 1 р., 3 шт. съ пер. 2 р. 50 к., 6 шт. съ пер. 4 р. 50 к. на разстояніи 2,000 верстъ, болѣе же съ прибавл. части вѣсовыхъ; съ налогомъ. платежъ на 10 к. болѣе.
Требованія адресовать: Ю. С. ЖУКЪ, Варшава, Новоліпка, 30.

„ЭЙНЕМЪ“ въ Москвѣ.
Сѣвѣ Даровъ Фабрика въ Симферополѣ (въ Крымѣ.)

ПЮРЕТОМАТЬ.
ГЛАЗИРОВАННЫЕ ФРУКТЫ КОМПОТЬ.

Ш. № 11897 16-2

XXX г.

№ 9

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXX

1899

Выходит еженедельно 52 № в годъ), съ приложеніемъ 42-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выдастъ 27 февраля 1899 г.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1899 г.

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	5 р. 50 к.	Безъ дост. въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи .	6 р. 25 к.	Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Ришельевская, 12.	6 р. 50 к.	Съ доставкою въ Петербургъ . . .	6 р. 50 к.	Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи . . .	7 р. ниц.	За гра. ницу . . .	10 р.
-----------------------------------	------------	---	------------	--	------------	----------------------------------	------------	---	-----------	--------------------	-------

Мара.

Древне-русская повѣсть

В. М. Михеева.

(Продолженіе.)

XXVII.

Свадьба.

Русава не сознавала, долго ли ее несъ чурь по темному подземелью. Она чувствовала, что ей хорошо, что ей маленькому сердцу такъ тепло, какъ никогда не бывало отъ нѣжныхъ крѣпкихъ объятій. Ей даже не хотѣлось свѣта. Точно самъ мракъ былъ этимъ таинственнымъ добрымъ чуромъ, который нѣжно несъ ее куда-то, согрѣвая ее лаской всего своего существа.

Но свѣтъ вдругъ появился. Русава и чурь будто вынырнули изъ какой-то глубины на свѣтъ. То не былъ яркій, палаящій свѣтъ полдня, знойнаго июнскаго полдня. Дажбогъ уходилъ уже на покой послѣ своего торжественнаго дня, точно немного утомившись тѣми благами, которыя онъ оказалъ людямъ. Мягкій, розово-алый, спускался онъ къ западу, болѣе не томя зноемъ и не ослѣпляя, а тихо-тихо лаская, точно маня къ сладостной дремотѣ.

Вечернее солнце, дѣйствительно, уже не ослѣпляло. Но

Бельгійская художественная выставка въ С.-Петербурѣ. «У гѣла Св. Цециліи». Съ картины Ж. де Ивиендъ по фотографіи І. Глыбовскаго автотипія «Нивы».

когда Вельмудъ пробѣжалъ, неся свою дорогую ношу, все подземелье — и, остановившись тамъ, гдѣ оно кончалось, толчкомъ плеча сдвинулъ камень, которымъ былъ заложенъ выходъ изъ него, она крѣпко сжала вѣки: такъ рѣзко показалось ей даже вечернее солнце, постѣть тѣмъ подземнаго хода.

И когда она, опущенная Вельмудомъ на бережную траву, раскрыла глаза — она застыла отъ изумленія: передъ ней былъ ея милый. Русава не вѣрила себѣ. Ей хотѣлось и заплакать, и засмѣяться. А Вельмудъ снова обнялъ ее. Онъ шепталъ ей:

— Не пугайся, моя лада. Побѣдилъ Дажбогъ Мару. Не изгой-воръ твой суженый, а князевъ отрокъ. Не пугайся. Послѣши со мной! Князь ждетъ, женой моею будешь!

И, на мгновенье покидая ее, почти не понимающую, что онъ говорилъ, Вельмудъ разомъ, сильною рукою вытащилъ изъ того же подземелья, изъ котораго вытѣзъ самъ съ Русавой, узкую лодку, цѣликомъ выдолбленную въ стволѣ вѣкового дуба, и длинный шестъ: все это было заготовлено Баюмомъ, при помощи Вельмуда.

Быстро, точно на лету, сбросилъ Вельмудъ лодку въ Горынь, почти также на лету посадилъ въ нее Русаву; и не успѣла опомниться, сидя въ валкомъ челнокѣ, дочь Баюма, — челнокъ понесся по тихой въ безвѣтренный вечеръ рѣкѣ. Русава, держась обѣими руками за края лодки, озиралась вокругъ, точно во снѣ.

Она уже забыла про чура, про подземелье. Она чувствовала только, что у нея замираетъ сердце, что ее ждетъ что-то необычайное — и сладостное, и страшное.

Лодка неслась все быстрѣе. Вельмудъ, въ лихорадочной торопливости, перебрасывалъ шестъ. Вдругъ веселый гикъ раздался навстрѣчу лодкѣ съ берега Горыни, — и Вельмудъ, повернувшись туда, узналъ на берегу князя и Фрелофа. Еще сильнѣе налегъ онъ на шестъ. Русава тоже узнала князя. Не успѣла она еще осмыслить того, что видѣла, какъ лодка до половины взлетѣла на пологий берегъ высокочувшимъ вверхъ посомъ. Едва удержалась Русава.

— Молодецъ! Добылъ невѣсту! Настоящій слуга будень князю! — кричалъ между тѣмъ Святославъ. — Коня, коня, Фрелсф!, сюда!

Фрелофъ, ничего не понимая, стрѣлой бросился въ кусты и мгновенно привелъ коня.

— Садись, отрокъ Вельмудъ, умыкай ладу-суженую! И сватъ здѣсь, и дружокъ! — указалъ князь на Фрелофа при послѣднемъ словѣ. — Прочь это. Не возять вѣно женихово вокругъ озера! — И князь быстро сорвалъ мѣшки со спинъ коня и бросилъ ихъ въ лодку. — Не медди, отрокъ Вельмудъ! На коня! Бери свою ладу!

И Русава, у которой закружилась голова, — отъ толчковъ ли лодки, отъ всего ли, что она переживала, — почувствовала, что сильныя руки отдѣлили ее отъ земли, вскинули на что-то высокое, раздався протяжный гикъ — ей показалось, она узнала голосъ Вельмуда, и вдругъ точно вихрь засвисталъ у нея въ ухахъ. Какъ стрѣла, понесся конь, а Вельмудъ, направляя его одной рукой, другой прижалъ къ груди свою ладу, и вдругъ припалъ къ ея губамъ долгимъ-долгимъ поцѣлуемъ. Русава закрыла глаза. Милыя губы жгли ея губы. Вихрь свисталъ ей въ уши. Конь несся, описывая подъ вѣрной рукой всадника кругъ за кругомъ.

Князь и Фрелофъ стояли на берегу. Фрелофу хотѣлось почему-то броситься и расцѣловать князя. Святославъ стоялъ неподвижно, властный и слегка хмурый. Глаза его совсѣмъ затуманились. Но хмуростью своей, казалось, онъ только хотѣлъ прикрыть передъ юнымъ воиномъ совсѣмъ иное свое пастроеніе, которое и затуманило его стальные очи. Не вспомнилъ ли онъ, какъ и онъ умыкалъ юношей свою первую жену или свою постыдную, ту Манку, которую разгнѣванная за ея беременность отъ князя мать его вѣкогда услала въ уединенное село Будутино.

И князь, и Фреловъ молчали. А между тѣмъ Фрелофу хотѣлось громко запѣть какую-то пѣсню, еще не вѣдомую ему, но несомнѣнно полную ликованія, — свадебную пѣсню.

Разъ вихремъ пронесся мимо нихъ всадникъ на конѣ съ дѣвушкой на рукахъ, другой разъ, третій — и вдругъ всадникъ осадилъ коня, такъ что тотъ сѣлъ на заднія ноги. И спрыгнувъ съ лошади, которая громко, радостно, протяжно заржала, точно довольная тѣмъ, что она исполнила свое дѣло, и ее наконецъ освободили отъ бѣшеной, непонятной ей скачки. Вельмудъ опустилъ Русаву на землю передъ княземъ... Онъ сталъ надъ ней на одно колѣно и зашепталъ:

— Лада моя! Жена моя суженая! Открой свои ясные очи! Глянь мужу родному въ очи! Моя ты теперь, желанная, ненаглядная!

И Русава открыла свои большіе, глубокіе, затуманившіеся глаза. И на этотъ разъ, точно сразу все понявъ, она протянула обѣ руки къ Вельмуду и обвила ими его шею. Онъ всталъ съ колѣнъ и этимъ движеніемъ поднялъ и ее.

Князь Святославъ долго стоялъ молча. Наконецъ онъ произнесъ важно и раздѣльно:

— Ну, здравствуй, жена Вельмудова, отрока князяго, Русава Баюмовна! Позволь почестить тебя свату твоему, Святославу, дружкѣ мужа твоего, Фрелофу, князюму оружничему!

Русава точно сразу опомнилась; отшатнувшись тихо отъ мужа, вся заалѣвъ пѣлнымъ румянцемъ, она стояла передъ княземъ — тихая, робкая, смущенная. Вельмудъ, почти такой же, стоялъ сзади нея. Вдругъ сердце его точно переполнилось.

— Твой, князь-господинъ, по гробъ твой! — воскликнулъ онъ.

— Помни это, Вельмудъ, не отрекись отъ словъ своихъ! — сверкнулъ сталью очей Святославъ.

— Князь-господинъ, да не... — началъ въ сильномъ порывѣ Вельмудъ.

Но князь перебилъ его.

— Не клянись! Вѣрю! Мой! Помни! — сказали онъ какъ будто даже грозно, и вдругъ, весь смягчившись, тихо прибавилъ: — Поцѣлуй жену-то. Какъ мужу подобаетъ!

Русава совсѣмъ потушилась, совсѣмъ заалѣла, какъ маковъ цвѣтъ. Тихо приподнявъ ея головку за подбородокъ Вельмудъ и тихо поцѣловалъ ее въ ея неволью раскрывшіяся юныя уста. Это былъ не тотъ буйный до самозабвенія поцѣлуй, какимъ впился онъ въ ея губы, носясь съ ней на лошади вокругъ озера, это былъ и не тотъ поцѣлуй, которымъ онъ «отогрѣвалъ» ее на берегу Горыни ночью, принятый ею за водяного, — это былъ поцѣлуй, въ которомъ точно слились всѣ лучшія его чувства.

И Фрелофъ, видя этотъ поцѣлуй «молодыхъ», вдругъ понялъ, почему нѣтъ у него на языкѣ словъ для свадебной пѣсн. Дѣйствительно, не было у него ладъ, какъ говорилъ онъ Вельмуду въ пещерѣ, а была молодая гречанка, княгиня, жена юнаго Святослава сына, Ярополка, томившаяся въ терему въ Кіевѣ; и не о поцѣлуяхъ съ ней думалъ, видѣвъ ее два, три раза въ теремѣ, юный воинъ-пѣвецъ, а о томъ, чтобы молиться, проливая втайнѣ слезы, одному съ ней греческому Страдальцу-Богу... И образъ княгини-гречанки, бывшей монахини въ Византіи, плѣнницы Святослава, подневольной жены Святослава сына, точно блѣдный призракъ всталъ на фонѣ лѣса, затихавшаго въ аломъ отблескѣ заката, передъ Фрелофомъ; блѣдныя, закрытыя онъ глаза. Но ему сейчасъ же пришлось ихъ открыть.

— Ну, теперь къ тестю! Вѣно отдать, да кстаи и за коня, за помятый дугъ заплатитъ. Вези, Вельмудъ-отрокъ, меня и жену молодую въ челнѣ-долбнѣ по Горыни-рѣкѣ къ тестевымъ хоромамъ. Гдѣ надо — доплывемъ, а гдѣ надо — пѣшіе дойдемъ! А ты, Фреловъ-отрокъ, веди коня

въ ставку мою, накорми, напой, я ужъ и овса, и воды запасъ въ шатрѣ,—раздался голосъ князя.

Вскорѣ ладья, выдолбленная Вельмудомъ для Баюма, вновь плыла по Горыни, но плыла тихо и медленно. Бережно двигалъ шестомъ Вельмудъ, везя въ ней князя, жену свою и вѣно за нею. Онъ тихо рассказывалъ при этомъ, какъ удалось ему похитить Русаву. Русава сидѣла потупившись. Князь задумчиво смотрѣлъ на нее.

А Фреллофъ въ это время медленно переплывалъ Горынь на конѣ. Онъ былъ блѣденъ и не пѣлъ. Образъ Ярополковой княгини стоялъ въ его очахъ неотступно.

XXVIII.

У родителей.

Во дворѣ Баюма поднялся такой шумъ и крикъ, что ольжичане, наблюдавшіе извнѣ, что тамъ происходитъ, и судившіе обо всемъ только по долетавшимъ до нихъ звукамъ, въ страхѣ притихли. Имъ показалось, что воины допировались до послѣдняго предѣла и, отуманенные брагой, теперь грабятъ Баюмовъ дворъ. Они и не подозревали, что происходитъ тамъ на самомъ дѣлѣ.

Едва Баюмъ нѣсколько опомнился отъ того, что прокричала ему Недыха, онъ бросился въ гридницу. Толпа воиновъ, возбужденныхъ и въ самомъ дѣлѣ значительно охмелѣвшихъ, хлынула за нимъ. Недыху чуть не раздавили. Но, живучая и юркая, какъ кошка, старуха все-таки вскочила и, толкаясь среди воиновъ, побѣжала, хромая и подпрыгивая, также въ гридницу.

Въ туманныхъ головахъ воиновъ вѣсть о новомъ исчезновеніи дочери Баюма смутно сливалась съ ея исчезновеніемъ въ Купалью ночь, когда они съ княземъ встрѣтились на Горыни. Владанъ тоже пошелъ въ гридницу. Онъ былъ трезвѣе другихъ, и ему вдругъ показалось, что онъ понимаетъ, въ чемъ дѣло. Баюмъ отомкнулъ замокъ гридницы, вошелъ въ нее; воины, Владанъ, Недыха—за нимъ.

Жена Баюма изступленно рыдала, колотясь растрепанной головой объ полъ. Зоркимъ глазомъ окинулъ Баюмъ комнату. Взглядъ его упалъ на очагъ. Щитъ лежалъ на плитѣ, явно отброшенный дерзкой рукой, пепелъ былъ разбросанъ, слѣды его были на полу. Баюмъ подбѣжалъ къ очагу, заглянулъ въ его устье, — и вдругъ понялъ, откуда пришелъ и, конечно, унесъ воръ и унесъ свою жертву. Слѣды ногъ были видны на плитѣ, слѣды рукъ на сажѣ у краевъ дыры въ трубу.

Но, выскочивъ этимъ путемъ, похититель не могъ уйти далеко.

Баюмъ ринулся вонъ изъ гридницы, къ воротамъ двора. Шумная толпа хмельныхъ воиновъ, все еще не отдавая себѣ отчета, что творится, хлынула за нимъ. Но когда Владанъ замѣтилъ, что Баюмъ вкладываетъ ключъ въ тяжелый царьградскій замокъ воротъ, онъ вдругъ вырвалъ ключъ у хозяина изъ рукъ и крикнулъ:

— Куда? Князь повелѣлъ не пускать никого отсюда, пока онъ самъ не придетъ.

— Не пускать никого! — загремѣли, какъ грозное эхо, воины вокругъ.

Холодный потъ выступилъ у Баюма на лбу.

— Владанъ! Родичъ! — вдругъ простоналъ онъ. — Дочь мою украли! Невѣсту твою! Воръ близко! Его можно накрыть! Ему не успѣть уйти! Невѣсту твою!

— Нѣтъ у меня невѣсты въ Ольжичахъ! — закричалъ Владанъ. — А унесъ твою дочь, знаю, кто! Самъ князь унесъ ее! Вельмуду въ жены унесъ! Полюбился ему Вельмудъ! Все ему! Догадался я!

— Вельмуду?! — еще громче закричалъ Баюмъ. — Пустите меня! Отворите ворота! Ежели князь... Упаду я ему въ ноги! Бѣглому вору, бѣглому изгою! Дочь мою... Баюмовну! Пустите! Откройте ворота!

Баюмъ съ такимъ ожесточеніемъ рвался къ воротамъ, что воины должны были схватить его за руки и крѣпко держать.

— Падай князю въ ноги! Опоздалъ, родичъ Баюмъ! Не

къ князю навстрѣчу, не по мнѣ—что я ей! Изъ тому бѣглому вору-изгою бѣгала въ Купалью ночь дочь твоя—Баюмовна! Благодари князя, коль оженитъ ихъ своей милостью! Сниметь стыдъ съ головы твоей старой! — сказали Владанъ съ горькой и гнѣвной усмѣшкой.

— Лжешь, Владанъ! — ринулся на родича Баюмъ, съ нечеловѣческой силой вырвавшись изъ рукъ державшихъ его воиновъ. И онъ поднялъ кулаки надъ головой Владана. Но воины мгновенно сбили его съ ногъ.

— Скрутить его! Ремнями! — приказалъ Владанъ, даже поблѣднѣвшій отъ гнѣва.

И въ мгновеніе ока два дюжихъ отрока-воина, сорвавъ съ себя поясъ изъ сыромятной кожи, скрутили Баюма по рукамъ и по ногамъ.

— Оставь его. Пусть отлежится, опомнится. Отганци только отъ воротъ! — приказалъ Владанъ.

Баюма, вдругъ какъ-то внезапно ослабѣвшаго отъ горя и безильной злобы, вытащили подъ сѣны лѣтнихъ клѣттей, идѣ шелъ до сихъ поръ пиръ, и бросили тамъ на полъ. И точно ничего особеннаго не произошло, — снова принялись за снѣдь и за чары. Владанъ теперь хозяйничалъ въ домѣ, совсѣмъ какъ настоящій хозяинъ. Все, что было запасено у Баюма, было вынута и вынесено изъ погребовъ, клѣтукъ и клѣтушъ. И на глазахъ безильно лежащаго, связаннаго хозяина войны шли, ѣли, ликовали, все болѣе хмелѣя.

— За новаго зятя! За жену его молодую, Баюмъ, Годиново сынь! — поднималъ Владанъ чару и пилъ.

И гудѣли, какъ буря, ширующіе дружинники князя, и всѣхъ больше пилъ на этотъ разъ и шумѣлъ одинъ изъ самыхъ благоразумныхъ—Владанъ.

Въ этомъ шумѣ никто не слышалъ гула, вдругъ раздавшагося въ толпѣ ольжичанъ у двора Баюма. Но зато тѣмъ рѣзче прогремѣлъ сильный стукъ въ ворота и, какъ звонкая стрѣла, возился въ общій гамъ рѣзкій повелительный окрикъ:

— Отширай князю ворота!

Всѣ дружинники сразу узнали голосъ Святослава.

— Развяжи хозяина! Развяжи хозяина! — зашумѣли они въ волненіи.

Мысль, не нанесли ли они излишней обиды хозяину дома, противъ воли князя, мгновенно промелькнула въ ихъ, сразу отъ княжяго голоса отрезвѣвшихъ, головахъ. Баюма слѣпшио развязали. Ворота отперъ Владанъ ключомъ, который теперь былъ у него. Всѣ стихли. Всѣ почтительно разступились передъ воротами на двѣ стороны двора. Баюмъ одинъ, блѣдный и измученно-потерянный, остался передъ воротами. Владанъ ихъ распахнулъ.

Вошелъ князь Святославъ. За нимъ, вся трепетная, Русава. За ней съ двумя тяжелыми мѣшками на спинѣ Вельмудъ. Точно что обожгло Баюма. Его какъ-то всего повело, какъ бересту на огнѣ.

— Принимай, хозяинъ Баюмъ, гостя-князя! Да принимай съ нимъ и другого князя со княгиней—зятя съ дочкой твоею. На моихъ, князевыхъ глазахъ, округились трижды вокругъ озера, какъ жена и мужъ въ совѣтъ-любовь вошли. А вотъ и вѣно тебѣ принесъ Вельмудъ, отрокъ мой: сто золотыхъ царьградскихъ. Клади, Вельмудъ, мѣшокъ съ вѣномъ. Да клади и другой мѣшокъ—это еще 50 золотыхъ: за поправу на лугу твоемъ да отъ меня, князя, за коня тебѣ. Спасибо, Баюмъ, за коня! Лихой конь!

Вельмудъ положилъ передъ Баюмомъ оба мѣшка. Они грузно звякнули. Потомъ Русава и Вельмудъ опустили на колѣни передъ Баюмомъ, мѣла склоняя головы. И вдругъ самъ князь Святославъ, низко кланаясь Баюму, вымолвить:

— Прости ихъ, Баюмъ, Годиново сынь. Я вѣдь ихъ округилъ, я сосваталъ. По моему приказу и выкралъ твою дочь слуга мой вѣрный!

Баюмъ совсѣмъ растерялся. Онъ вдругъ почувствовалъ, что кровь бросилась ему въ лицо. Такого щедрого вѣна

Литературный альбомъ. „Обрывъ“, романъ И. А. Гончарова. Первая встрѣча Вѣры съ Маркомъ Волоховымъ.
→ Ориг. рис. (собств. «Нивы») В. А. Табурина, автотипія «Нивы».

Литературный альбомъ. „Обрывъ“, романъ И. А. Гончарова. Вѣра и Райскій.
Ориг. рис. (собств. «Нивы») В. А. Табурина, автогипія «Нивы».

онъ никогда не рассчитывалъ получить въ Ольжичахъ за дочь, да и такой пени за дугъ, такой платы за коня! А ужъ о томъ, что самъ гордый, властный князь Святославъ поклонится ему низко—и мечтать не смѣлъ. Видно, сильно полюбился Вельмудъ князю, а полюбился Вельмудъ—голягъ и тестя его! Главное же: дочь его, Русава,—жива, сосватана самимъ княземъ, счастлива... Это послѣднее внезапно, съ особенной остротой, почувствовать Баюмъ и, для самого себя неожиданно, забывая все, что перенесъ, вдругъ приподнять молча дочь и тронуть ея голову дрожащей рукой...

— Простилъ! Простилъ! Благословилъ! —весело воскликнулъ князь.—Ну, теперь къ тецѣ, къ старухѣ веди. Пусть ей за обиду невольную челомъ побьетъ слуга мой вѣрный.

Баюмъ спѣшно, ныряющей походкой, точно онъ вдругъ постарѣлъ и ослабѣлъ, повелъ всѣхъ въ гридницу. Не успѣли всѣ опомниться, какъ Русава лежала въ объятіяхъ счастливо-всплывавшей матери, а Недыха, ползая по землѣ, цѣловала ноги князя.

Очагъ дома Баюмова былъ все еще забытъ. Пенель на немъ все еще лежалъ мертвой, холодной грудой. Но кому какое было до этого дѣло, когда возжигался новый очагъ новой семьи, счастливой и молодой, и въ пламени его снова возжигалось пламя того огня, который грѣлъ и лелѣялъ Русаву со дня ея рожденія. Забыта была совсѣмъ и злая Мара.

XXIX.

Разные боги.

Наконецъ, мать Русавы нѣсколько успокоилась и все поняла. Она долгимъ и робко-недовѣрчивымъ взглядомъ посмотрѣла на Вельмуда.

— Любовь ли онъ тебѣ, Русавушка?—шепнула она.

— Любовь, любовь, матушка! —воскликнула Русава и скрыла свою молодую голову на груди матери.

И по тому, какъ прижалась къ груди эта голова, мать поняла, какъ счастлива ея дочь, какъ любовь ей этотъ «оборотень». Такъ она мысленно и звала Вельмуда, вспоминая переѣзду въ его судьбѣ. И хоть ушишь онъ ее больно — простила она, забыла все. Да и некогда было помнить. Князь уже поднималъ наполненную чару, поданную ему Баюмомъ, и возглашалъ:

— Пью на тебя, мати невестина!

И старуха низко кланялась, торопливо утирая слезы съ рѣсницъ.

— Ну, свадебное дѣло завершено, —сказалъ князь, осушивъ чару до дна: — да и други-дружинники, небось, поѣли, понили вволю, а то и болѣ! А завтра конецъ князю полюдою! Съ солнцемъ и въ походъ въ Кіевъ-градъ. Теперь спать, отдыхать! Побейте челомъ, други-дружинники, хозяину щедрому, да ласковому, да и въ станъ! А я пойду къ старшинѣ Годину словомъ на прощанье перемолвиться! Небось, и молодые челомъ дѣду побить, поблагословиться у него пойдутъ? А гдѣ заночуютъ-то, молодые-то?—князь посмотрѣлъ на Вельмуда.— Нѣтъ у тебя, отрокъ Вельмудъ, еще и шатра своего.

— Шатра нѣтъ, да изба есть, гдѣ отецъ меня выѣстовалъ, князь-государь. Земля есть, потому какъ не изгой я больше, а княжкой слуга, отдадутъ родичи даромъ назадъ мнѣ землю отцову—не велика она, и корысти-то въ ней мало...

Вельмудъ говорилъ все это съ приливомъ давно забытой имъ гордости и собственного достоинства. Снова онъ былъ вольный людинъ, хозяинъ дома. Но вдругъ онъ поблѣднѣлъ...

— Баюмъ Годиниичъ!—дрожащимъ голосомъ, съ боязнью смотря на тестя, спросилъ онъ. — Дыма-то моего не разорилъ?

— Не трогалъ еще! —хмуро отозвался Баюмъ.—Да и не трону. Ворочаю тебѣ избу твою. А долгъ, за какой бралъ ее,— пусть какъ приданое за Русавой поидетъ. Чистъ ты теперь передо мной!

Яркимъ румянцемъ прихлынула кровь къ поблѣднѣвшему-было лицу Вельмуда. Очагъ былъ цѣлъ. Онъ еще не былъ настоящимъ изгоемъ безъ роду, безъ племени. Кто подвергался этому вполне, у того въ избѣ, обыкновенно, разворачивали печь очага. Грустно было древленину, когда у него тухъ и холодѣлъ пенель очага, но когда разрушали самый этотъ очагъ — скорбь на всю жизнь загнаивалась въ его сердцѣ. Баюмъ не успѣлъ нанести эту обиду-скорбь теперешнему своему зятю.

Полная радость охватила сердце Вельмуда. Если изба ему возвращается, если очагъ его не тронуть, если всѣ долги — а онъ только и долженъ былъ Баюму — съ него сняты, родичи уже не имѣютъ права отнять его землю. И горячо воскликнулъ онъ:

— Спасибо, Баюмъ Годиниичъ! Въ свою избу поведу и жену мою желанную! Къ своему очагу, государь князь! —объялъ онъ при этихъ словахъ Русаву.

— Да не спиши! Проведи эту ночь въ жениномъ, тестевомъ дому,—сказалъ Баюмъ, которому вдругъ стало грустно отпускать свою дочь въ пустую, холодную избу Вельмуда.

— Нѣтъ, Баюмъ Годиниичъ! Разорень мой дворъ. Потухъ мой очагъ. Ни отца, матери у меня нѣтъ. Не встрѣтитъ Русаву, по обычаю, свекровь ласковая. Да все же своя земля, своя изба. Разведемъ мы съ Русавушкой огонь на очагѣ, отогрѣются и мои чурь—отцы, дѣды, почуявъ въ домѣ молодую хозяйку! Пойдемъ, Русава! Пойдемъ къ дѣду Годину. А тамъ и въ свой домъ, и къ своему очагу! Пойдемъ съ государемъ-княземъ!

— Пусть идутъ въ свою избу, —подтвердилъ Святославъ.—И не провожайте ихъ, отецъ, мать! Дайте съ дѣдомъ глазъ-на-глазъ побыть! Спасибо, Баюмъ, Годиновъ сынъ, за пиръ дружинѣ моей! Не забудетъ тебя князь Святославъ! Гайда, други-дружинники! Бери жену, веди домой, Вельмудъ-отрокъ!

И, повелительно махнувъ рукой, князь двинулся изъ гридницы Баюма. Вонны повалили за нимъ. Владана не было межъ ними. Онъ давно одинъ ушелъ въ домъ своего отца. Двинулись и Вельмудъ, и Русава. Сперва мать Русавы, потомъ и Недыха бросились обнимать ее. Князь нахмурился. Онъ крикнулъ:

— Пустите, бабы, не ваша болѣ Русава! Бери се, Вельмудъ!

И Вельмудъ почти силой вырвалъ жену у тещи и няньки. Русава отдавалась ему, какъ безотвѣтное дитя. Только горькія слезы разлуки лились теперь по ея щекамъ. Когда всѣ уже были на выходѣ изъ Баюмова двора, и самъ Баюмъ бросился къ Русавѣ и крѣпко объялъ дочь. Это, впрочемъ, не помѣшало ему сейчасъ же затворить ворота за княземъ и всѣми, кто уходилъ изъ его двора, и, оглянувшись на полуразоренный пиромъ дружины домъ, вдругъ закричать женѣ, Недыхѣ и дворнѣ:

— Собирай остатки! Запнай кладуши! Хорошо хоть свадебнаго пира князь еще не затѣялъ у меня на дворѣ! Совсѣмъ бы въ раззоръ разорилъ! Не ревите! —кричалъ онъ, снова раздраженный, только теперь замѣтивъ весь ущербъ, нанесенный его запасамъ войнами князя.

Ольжичане, стоявшіе передъ дворомъ Баюма, почти-тельно разступились. Князь шелъ молча. Рука-объ-руку, медленно, молча ступали почти рядомъ съ нимъ молодые. Дружина, затихшая и быстро отрезвѣвшая, сдвинулась въ боевой порядокъ и тихо бесѣдовала между собой. Толпа ольжичанъ замыкала шествіе. Закатившееся солнце еще лило слабый свѣтъ, но сумерки уже покрывали все тихой дымкой. Когда князь поравнялся со своимъ станомъ, онъ сказалъ дружинникамъ:

— На покой, други! Завтра, съ солнцемъ, въ Кіевъ! И вы всѣ, люди, на покой! Спасибо за добрый день! крикнулъ онъ толпѣ.

Дружина сейчасъ же разбрелась по ставкамъ. Начали расходиться и ольжичане. Проходя мимо своего шатра, Святославъ увидалъ Фрелофа. Юноша задумчиво стоялъ

у ставки и, очень блѣдный, смотрѣлъ какими-то отсутствующими глазами въ даль.

— А конь, Фрелюфъ?—крикнулъ князь.

— Въ патрѣ твоёмъ, княже. Напоенъ, накормленъ!—отвѣтилъ Фрелюфъ, точно просыпаясь.

Князь прошелъ мимо. Вельмудъ и Русава шли за нимъ. Вскорѣ они, минуя священное дерево боговъ, которое въ полдень вечера казалось могучимъ задремавшимъ старцемъ, дошли до хаты Година. Дѣдъ Русавы былъ въ хатѣ. Съ того времени, какъ Святославъ приказалъ дружинѣ идти пировать къ Бяюму, старикъ, помедливъ въ молитвѣ надъ пепломъ жертвы богамъ, ушелъ въ свою хату, къ своимъ богамъ и отдался имъ весь.

И вдругъ властный стукъ въ дверь. Опасаясь, не случилось ли что-нибудь неладное, отворилъ дѣдъ Русавы низкую дверь и появился въ ней, блѣтый и величественный, тихій и спокойный. Передъ нимъ стоялъ князь. Нѣсколько отступивъ, держалъ за руку его внучку Вельмудъ.

— Не гнѣвайся, старшина Годинъ, что я привелъ къ тебѣ въ такое позднее время твою внучку, — сказала князь.—Прошлой ночью я встрѣтилъ ее на берегу Горыни съ этимъ добрымъ молодцемъ. И когда воинъ мой, Владанъ, почитая себя ея суженымъ, протянулъ къ ней руку, она чуть не вонзила въ себя ножъ, что виситъ у нея на шеѣ. А когда этотъ добрый молодецъ вокругъ озера промчалъ ее трижды, что я самъ своими очами видѣлъ, — не тронула ея рука завитнаго ножа. Ты самъ слышалъ, какъ пожаловалъ я Вельмуду! Аль прогнѣваешься на внучку—теперь ладу, жену Вельмудову?

Князь говорилъ тихо и серьезно, такъ, какъ и надлежало говорить съ этимъ старцемъ—главой рода, жрецомъ боговъ. Русава, точно охваченная внезапнымъ неудержимымъ побужденіемъ, бросилась къ дѣду, прижалась къ его ногамъ. Вельмудъ низко склонилъ голову. Годинъ молча приподнялъ внучку, взялъ ея голову обѣими своими большими, темными, худыми старческими руками и только сказалъ, какъ и мать Русавы:

— Любовь, что-ль тебѣ?

Русава даже не отвѣтила дѣду. Вся припала она къ нему. А онъ воздѣлъ надъ ней руки, возвелъ очи къ небу, на которомъ затеплились первыя звѣзды, и тихо сказалъ:

— Дажбогъ великій! Сотворилось по волѣ твоей! А что лучше воли твоей?.. Подойди, Вельмудъ! — обратился Годинъ къ новому внуку.

Вельмудъ приблизился. И, надъ нимъ воздѣвая руки, Годинъ сказалъ:

— Люби ладу ладу. Будь мнѣ внукомъ желаннымъ! Да горитъ, не гаснетъ огонь вашъ!—потомъ, весь выпрямляясь, точно вырастая, точно сбрасывая грузъ многихъ годовъ, пригнетавшихъ его могучую спину, прибавилъ:—Веди, Вельмудъ, жену твою въ домъ твой, возжгите очагъ вашъ! А меня оставьте съ княземъ. Съ княземъ надлежитъ мнѣ рѣчь вести.

И тихо отошли Вельмудъ и Русава отъ дѣда, и тихо, обнявшись, пошли они къ опустѣвшей избѣ недавняго изгоя. Старшина Годинъ и князь остались вдвоемъ. Князь молча ждалъ, о чемъ заговоритъ Годинъ.

— Княже! — слегка дрожа, какъ будто отъ глубокаго волненія, началъ старикъ.—Въ добрый день прибылъ ты въ село мое! Тайственная воля боговъ, и загадочна судьба людей. Но могучи и благостны боги! Ты прибылъ въ село мое въ день, когда великій Сварожичъ Дажбогъ побѣждаетъ мрачную, суровую къ людямъ Мару. Ты прибылъ въ село мое въ дивную ночь, когда великій Дажбогъ даже въ ночномъ мракѣ летѣтъ свой благостный огонь въ молодья сердца и, возжигая эти сердца, возжигаетъ новые очаги человѣческіе. И ты увидѣлъ на моей внучкѣ, на этомъ молодомъ несчастливцѣ, какъ суровая Мара и свѣтлый Дажбогъ боролись за горе и за счастье людей! Душу сына моего Бяюма избрала Мара вмѣстившемъ злого дыханія своего,—твою княжью грудь, твой княжой

разумъ избрала Дажбогъ очагомъ огня своего, дабы согрѣть двѣ другія молодья души! Правъ твой гнѣвъ былъ на сына моего! Велика была твоя милость къ изгю Вельмуду. И счастьемъ вздохнула грудь моей внучки, когда гнѣвъ твой и милость твоя излились на отца ея и на молодую, побѣдную голову лада ея... Цѣни же самъ боговъ! дѣдовъ и отцовъ твоихъ — они живутъ въ груди твоей! Умерла твоя мудрая мать. Ушла она отъ нихъ... Да простъ ей они! Великая была жена, и горько мнѣ, старому, было слышать о смерти ея... но еще горче раньше — о другомъ, о томъ, что ушла она отъ боговъ моихъ... Но ликуеть мое сердце теперь. Вижу... не ушелъ ты отъ нихъ! И никогда, никогда...

Старикъ точно отъ переполниваемаго его волненія не могъ договорить. Руки невольно поднимались, дрожа и блуждая по воздуху, точно благословляя князя. Лицо его поблѣднѣло. Это было видно даже въ наступающей тьмѣ. Глаза горѣли, хотя и казалось, что они еще глубже ввалились въ орбиты. Сурово и спокойно стоялъ князь, положивъ руку на мечъ. Брови его сдвинулись.

— Старикъ!—вдругъ заговорилъ онъ.—Немного дней назадъ стоялъ я надъ головой моей матери. Она покоилась на ложѣ послѣднимъ предсмертнымъ покоемъ. Рука ея сжимала мою руку. Жрецъ ея, греческій поигъ, стоялъ по другую сторону ея ложа и держалъ передъ ней крестъ. И она смотрѣла на этотъ крестъ и сжимала мою руку. И чуяла моя рука, какъ слабѣла ея рука, какъ отходила жизнь отъ нея. Видѣлъ я, какъ закрывались очи ея. И вдругъ широко раскрылись эти большія очи, и посмотрѣли на меня, потомъ на крестъ и закрылись навѣки.

Князь умолкъ. Молчалъ и Годинъ. Точно предсмертный холодъ охватилъ его тѣло...

— Думаешь, Мара взяла ее, если ушла отъ нашихъ боговъ?—вдругъ рѣзко, почти стономъ крикнулъ Святославъ.—Нѣтъ! Не беретъ такъ Мара... Улетѣла ея душа къ Тому, на Кого она глядѣла, къ Кому, умирая, звала и меня!

Годинъ точно весь осунулся.

— Княже, княже!—застоналъ онъ глухимъ, будто угасающимъ голосомъ:—не уходи отъ своихъ боговъ! Не уходи къ Тому, на крестѣ!

— Не уйду!—прохрипѣлъ сдавленнымъ голосомъ Святославъ.—Давно бы ушелъ. Давно уговаривала меня мать! Великъ Дажбогъ... А спасаетъ ли онъ отъ Мары? Тотъ спасаетъ! Тотъ, на крестѣ! Почувалъ это я, когда умерла мать... Но клятву даю я дружинѣ—не уйду отъ своихъ боговъ! И повторяю тебѣ эту клятву, старикъ! И пусть ждетъ меня Мара! И меня, и тебя возьметъ она, старикъ! Не спасутъ отъ нея наши боги! Пусть! Въ бою она меня возьметъ! Не замедлю я въ Кіевѣ. Пойду опять въ Переславецъ! Встаютъ тамъ противъ меня! Дошли до меня слухи! Пусть поднимаетъ на меня Мара всѣхъ болгаръ, грековъ, печенѣговъ! Пусть! Не пойду отъ нея къ Тому, на крестѣ! Лягу съ дружиной костью! А только Тотъ, на крестѣ, спасетъ отъ Мары! Сказали мнѣ это очи матери, когда она умерала!..

Рука Святослава крѣпко сжимала рукоять меча. Онъ былъ такъ же блѣденъ, какъ и Годинъ, мрачнымъ огнемъ горѣли во тьмѣ ночи его глаза. И вдругъ онъ быстро отошелъ отъ Година. Но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановился.

— А тѣхъ... сосваталъ... не Дажбогъ... а тоска моя... Пусть пьютъ лучи Дажбога... Мнѣ ужъ не пить ихъ! Отъ боя къ бою... Лягу съ дружиной... Дать клятву—не идти къ Тому, на крестѣ!

Глухимъ стономъ вырвались слова князя изъ его устъ во тьмѣ наступившей ночи, и онъ исчезъ въ этой тьмѣ среди дубовъ... Но онъ не пошелъ къ стану своему, который былъ близко, какъ это подумалъ Годинъ, опустившійся на колѣни и воздѣвший очи и руки къ звѣздамъ въ глубокой непонятной ему самому тоскѣ. Князь быстро

шелъ, гочю самъ не зная куда. Его скорбь, какъ всегда было съ этой душой потомка сѣверныхъ викинговъ-берсерковъ, вдругъ перешла въ неудержимый разрушительный гнѣвъ, жаждущій себѣ жертвы. Стиснувъ зубы, шелъ онъ мимо своего шатра, мимо всего стана дружины, мимо дубовъ, мимо священнаго дерева, и не замѣтивъ, какъ вышелъ въ Ольжичи и пошелъ между низкими затихшими хатами.

Только одинъ слабый огонекъ бросился въ глаза Святославу. Онъ на мгновенье остановился, потомъ быстро подошелъ къ той хаткѣ, чуть ли не ниже всѣхъ остальныхъ, въ которой горѣлъ огонекъ. И сильно ударивъ въ дверь рукояткою меча, закричалъ:

— Вельмудъ. Возжегъ очагъ?!

Князь не ошибся. То была заброшенная хата Вельмуда. Очагъ въ ней былъ уже возжегъ рукой Вельмуда и ярко разгорѣлся отъ лучинъ, набросанныхъ Русавой. Бывшая была эта хата. Но видно, съ тѣхъ поръ, какъ покинула ее Вельмудъ, еще не заглянула въ нее никто, думая, что и нечего въ ней взять. Волчья шкура — постель Вельмуда лежала еще на полатяхъ, низенькихъ и покосившихся. Глиняная съ облупившейся обмазкой печь выскочила въ бокъ изъ-подъ курной дыры... Утвари почти не было. Давно не жила въ ней Вельмудъ, скитаясь то въ дворнѣ Баюма, то въ дѣсу. Сиротой глядѣла хата.

Но когда Вельмудъ ввелъ въ нее Русаву, онъ схватилъ два отрубка деревь, лежавшіе на пустомъ очагѣ, давно обугленные и совсѣмъ сухіе, и сталъ ихъ тереть одинъ о другой. Огонекъ скоро синеваго-желтой струйкой побѣжалъ по дереву. Русава, точно вдругъ поняла, что ей надо дѣлать. Она увидала въ углу обрубокъ березы, съ неочищенной корой, вѣроятно, принесенный для сидѣнья. Впрочемъ въ него былъ воткнутъ топоръ.

Русава схватила своими маленькими руками топоръ и начала отсѣкать имъ кору и края дерева отъ обрубка. Когда нѣсколько кусковъ коры и щепъ упало къ ей ногамъ, она раздрала сухія щены на мелкія лучины и какъ разъ въ то мгновенье, когда огонь побѣжалъ по кускамъ дерева, которые теръ другъ о друга Вельмудъ, бросила эти лучины на очагъ. Вельмудъ положилъ на нихъ загорѣвшееся дерево.

Лучины быстро и ярко венихнули. Тьма хаты освѣтилась трепетнымъ огнемъ. Въ этомъ трепетномъ свѣтѣ на Вельмуда глянули огромныя очи Русавы. И бывшій изгой, при вновь загорѣвшемся очагѣ его отчаго дома, обнялъ и долгимъ поцѣлуемъ заставилъ совсѣмъ закрыть глаза жену свою. Русавѣ показалось, что богъ Купало яркимъ, жгучимъ, бѣлымъ свѣтомъ озарилъ ослѣпительно всю хату.

Но это только показалось ей. Огонь лучинъ ослабѣлъ, онѣ перестали трещать, хата погрузилась почти въ прежнюю тьму, только на очагѣ горѣли уже очень слабо двѣ-три обуглившіяся щепы, да въ сердцахъ «молодыхъ» горѣло пламя Купала. Ночь проходила, покрывая своимъ покровомъ молодое счастье въ этой почти нищей хатѣ. Огонь очага не тухъ: лучины горѣли слабо, но упорно. Подъ ними уже образовалась теплая зола, искрящаяся угольки.

Этотъ огонь и увидалъ Святославъ, когда раздался его грозный стукъ въ дверь и крикъ:

— Вельмудъ? Возжегъ очагъ!

Вельмудъ вскочилъ съ волчьей шкуры. Онъ бросился къ двери, вышелъ изъ избы и, ликуя, проговорилъ:

— Возжегъ! Спасибо, княже!

А князь точно съ злораднымъ смѣхомъ продолжалъ:

— Не заснешь съ молодой женой! Завтра чуть свѣтъ въ Кіевъ со мной, мой отрокъ-конюхъ! Помни — самъ сказалъ: весь мой!

— А жена, княже?—вырвалось у Вельмуда.

— Не оставимъ у Баюма. Пусть въ Кіевѣ, у молодой моей невѣстки въ услугахъ живетъ! Скучаетъ моя невѣстка. Ну, и твоя будетъ скучать. Въ Переяславецъ въ походъ тебя уведу. А бабы пусть утѣшаютъ другъ друга.

И князь быстро пошелъ прочь. Вельмуду показалось, что то не князь говорилъ во тьмѣ ночи, а злая Маря...

XXX.

Въ пути.

Вельмудъ послѣ того, какъ князь ушелъ, забывъ о дальнейшей судьбѣ его и Русавы, — не могъ заснуть. Жена его заснула также почти подъ самое утро. Вернувшись тогда въ избу, онъ ни слова не сказалъ ей о томъ, что крикнулъ ему князь.

Тихо, какъ сладостно утомленное дитя, задремывала и вдругъ снова просыпалась, лаская Вельмуда, Русава. Не могъ онъ вѣстью о скорой разлукѣ отравить ее душу въ эту брачную ночь. Когда она заснула совсѣмъ, онъ долго сидѣлъ на полатяхъ, свѣсивъ ноги съ волчьей шкуры, и смотрѣлъ потерянными глазами на тлѣвшій огонекъ очага. Онъ рѣшился отдать и землю, и избу ближнему родичу, взявъ съ него клятвенный зарокъ жить въ ней, если захочетъ, поновивъ ее, хранивъ огонь очага, возжегннаго имъ, Вельмудомъ, и Русавой.

Темный, безформенный образъ Мары, почудившійся ему во тьмѣ ночи, когда князь говорилъ ему изъ этой тьмы, не уходилъ изъ души Вельмуда. Тихо разбудилъ онъ молодую жену, едва начало свѣтать. Она раскрыла мнѣя, заспанные очи, и вдругъ, вся вспыхнувъ румянцемъ, прижалась къ мужу.

— Русавушка, собрайся въ путь,—прошептала она:— подходишь вечеръ князь къ избѣ нашей, сказалъ: въ Кіевъ насъ съ тобой чуть свѣтъ повезетъ. Тебя въ теремъ, въ услуги невѣстухи его, меня...

Вельмудъ зашнулся и не договорилъ.

— А какъ же огонекъ-то? — робко спросила Русава, указывая на очагъ.

Казалось, ей было глубоко жаль этого огонька, съ которымъ она сроднилась въ теченіе этой ночи.

— Раздуюмъ его съ тобой, можетъ, въ послѣдній разъ, да и передадимъ родичамъ: пусть блудутъ, — отвѣтилъ Вельмудъ.

Русава, вся какая-то затаенно сосредоточенная, подошла къ очагу, разворотила почти потухающіе угли, потомъ топоромъ нащепала лучинокъ все отъ того же березоваго пенька-чурбана и разожгла ярко очагъ.

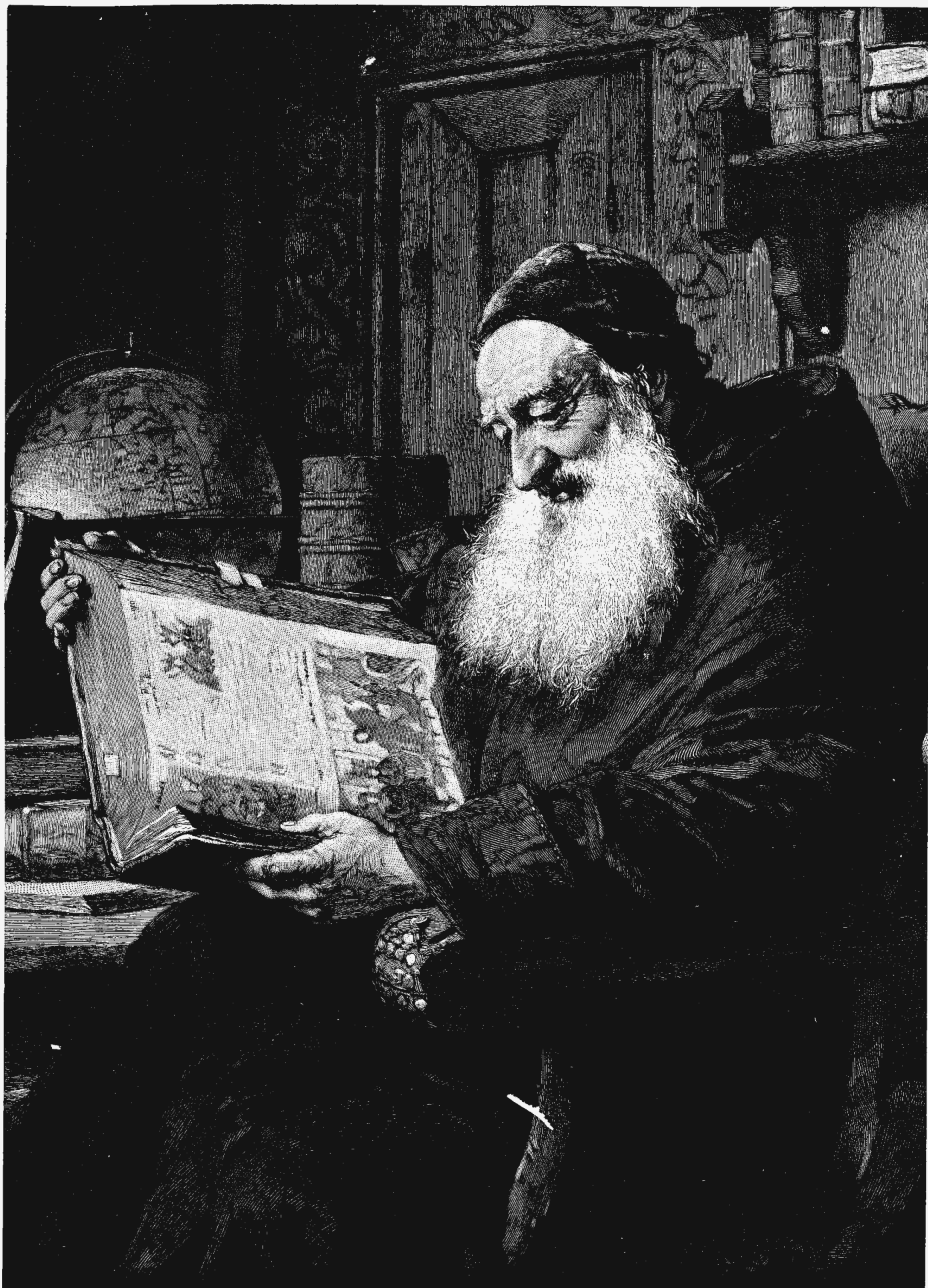
Вдругъ дверь растворилась. На порогѣ ей стоялъ Фрелюфъ. Онъ улыбался тихо и стыдливо-привѣтливо.

— Шлетъ меня къ вамъ, государь-князь. Повелѣтъ онъ челомъ вамъ побить на новой жизни. Шлетъ онъ вамъ и княжескій подарокъ.— И Фрелюфъ опустилъ въ руки Вельмуда кожаный кошель.— Червонцы тутъ греческіе.— сказалъ онъ:— да нитка оватной бирюзы арабской.— Русавѣ на шею на память о князѣ. А еще повелѣтъ сказать князь, что ждетъ отъ тебя, Вельмудъ, кунцы черной. Какъ убьешь, такъ принеси князю, ибо дань такую на княжой дворъ постановила Ольга княгиня съ каждаго жениха, молодого. А и еще повелѣтъ сказать государь-князь, чтобъ шелъ ты, Вельмудъ, съ женой твоей на Горынь-рѣчку, готова тамъ тебѣ съ женой лодка, изъ запасныхъ княжескихъ, и одежда въ ней, и занася. А ужъ стань княжой спялся, и лодки на воду спустили! И народъ туда побѣжалъ. Шелъ бы ты, не медлилъ, Вельмудъ, съ женой,— повелѣтъ князь.

— А дѣдушку, батюшку, матушку повидать?—всплеснула въ отчаяніи руками Русава.

— А ужъ ждутъ всѣ они тебя на берегу; спосылать за всѣми князь. Хотѣли они къ избѣ твоей идти, Вельмудъ, по обычаю встрѣтить, проводить васъ, молодоженовъ, съ хлѣбомъ-солью, съ шинемъ, брагой, да и другіе-то олжичане, но повернулъ всѣхъ князь къ берегу, тамъ, молъ, въ ладѣ князевой война его и чествуйте, а не въ избѣ мужичьей.

Быстро вскочилъ Вельмудъ. Взявши волчью шкуру, лукъ съ колчаномъ — все это на полатяхъ лежало, — мѣняю подарокъ князя, не считая въ немъ денегъ, только

Надъ старой книгой. Съ картины Э. Грюцнера грав. Кирмзе.

вынув бирюзовое ожерелье, которое Русава и надѣла, вся радостно застыдившись, взваливъ все это на спину Вельмудъ и придерживая попу одной рукой, другой поднялъ и посадилъ жену на плечо. Русава обняла его шею, прижавъ щекой къ его головѣ. Оба они кинули поспѣшнѣй взглядъ на огонекъ очага, который, снова разожженный Русавой, радостно горѣлъ и трещалъ имъ въслѣдъ,—и почти бѣгомъ, не чувствуя своего груза, двинулся Вельмудъ къ Горыни.

Фрелофъ слѣдовалъ за ними. И снова юному воину при видѣ того, какъ легко и нѣжно нести жену Вельмудъ, хотѣлось закричать свадебную пѣсню, да все такъ же не было у него словъ для нея, все такъ же стоялъ въ очахъ его образъ блѣдной задумчивой гречанки-княгини и точно сковывалъ его уста молчаніемъ. Чувствовалъ Фрелофъ, что скоро увидитъ юную княгиню въ теремѣ въ Кіевѣ-городѣ, и не зная, на радость или на горе увидитъ.

По дорогѣ имъ не попадалось никого. Всѣ были уже на Горыни, провожая отпавшавшаго князя. Но вотъ и Горынь заблестѣла своей синевой, и толпа на ея берегу зашумѣла навстрѣчу подходящимъ. Толпа эта разступилась. Русава и Вельмудъ увидѣли Година, Баюма, жену его, Недыху—всѣ ихъ руки протянулись къ Русавѣ. И Русава съ плеча мужа простерла къ нимъ руки и хотѣла прыгнуть и броситься въ объятія отца, матери, дѣда и зарыдать всей грудью въ этихъ объятіяхъ. Но вдругъ съ рѣки, съ лодокъ, которыя, вытянувшись одна за другой, стояли на ней, полныя уже воинами, раздался повелительный голосъ:

— Заснался, Вельмудъ-отрокъ, съ молодой женой. Иди прямо въ ладью, вонъ, гдѣ конь. Блюди княжого коня въ пути. Фрелофъ, скорѣй въ мою ладью!

И Вельмудъ сдвинулъ ноги жены руками, не далъ ей покинуть его плеча. Онъ совѣтъ бѣгомъ подбѣжалъ къ берегу. Въ глаза ему бросились двѣ ладьи, одна возлѣ другой. Въ одной, среди сидѣвшихъ гребцовъ-дружинниковъ, стоялъ князь Святославъ въ шинякѣ, съ высокимъ кошемъ въ рукѣ, въ другой лежалъ на соломѣ конь «Изгой». Однимъ прыжкомъ бросился Вельмудъ съ женой и грузомъ на плечахъ въ эту ладью и, едва успѣвъ опустить Русаву и все остальное, что нести, на солому на днѣ лодкѣ,—услышалъ тотъ же холодно-властный голосъ:

— Берись за весла. Въ весла, други!

И Вельмудъ схватился за весла. А съ берега тянулись руки Година, Баюма, Недыхи, другихъ ольжичанъ, слышались вопли и крики. И Русава простирала изъ лодки руки къ родному берегу, къ дѣду, къ матери, къ отцу. И крупныя тихія слезы текли по ея лицу, и высоко, задержанными рыданіями, колыхалась ея грудь.

Но лодки двигались быстро. Едва успѣвали грести Вельмудъ, чтобы на лодку его не наскочила слѣдующая. А князь Святославъ, стоя въ своей лодкѣ, опирался на конь и громко кричалъ:

— Прощайте, люди. Прощай, старшина Годинъ. Не осуди, что не далъ съ вилкой попрощаться. Миѣ некогда ждать отрока-конюха. Не плачьте, отецъ, мать. Въ княгининомъ терему и дочкѣ вашей найдется мѣсто не хуже отцовскихъ хоромъ.

И стояли на берегу ольжичане, пораженные быстрымъ, какъ молнія, отплытіемъ «необычнаго» князя. И выпало изъ рукъ матери и Недыхи и шпено, и коровай, принесенные-было просватанной дочкѣ по обычаю. И Годинъ, воздѣвъ руки, застылъ съ полуоткрытыми устами, самъ не зная, что онъ хотѣлъ крикнуть:

«Русавушка, Русава!» или «блуди боговъ, княже!»

Лодки уже исчезли изъ ихъ глазъ. Вдругъ издали доносилось звонкое молодое ржаніе лошади. То ржало изъ лодки Вельмуда конь «Изгой», словно онъ также прощался съ Ольжичами, воздѣвая, что нечего горевать, когда рѣка такъ свѣтла, и богъ такъ ярко свѣтитъ на небѣ.

Часа два продолжалась эта бѣшеная гонка лодокъ по

Горыни. Князь Святославъ на передовой лодкѣ неустанно понукалъ гребцовъ, къ которымъ присоединился и Фрелофъ, вскочившій въ его ладью. На слѣдующей лодкѣ Вельмудъ гребъ изо всѣхъ силъ, Русава лежала около лошади и тихо плакала, обнявъ шею коня, точно ища у него утѣшенія.

— Гроби, отрокъ Вельмудъ!—воскликнулъ съ передовой лодки князь.—Одинъ ты гробешь. Посадить бы я къ тебѣ другихъ гребцовъ, да небось лучше тебѣ съ женой вдвоемъ да съ «Изгоемъ» конемъ.

— Лучше, княже, не надо другихъ,—отозвался громко Вельмудъ, обливаясь потомъ и дѣлая богатырскій взмахъ веслами.

Наконецъ, когда Ольжичи уже давно пропали изъ глазъ и по бокамъ Горыни тѣснился къ лодкамъ непроходимый лѣсъ, Святославъ остановилъ гребцовъ. Лодки, конечно, гораздо тише поплыли сами собой. Плыви внизъ по рѣкѣ. Горынь впадала въ другую рѣку, которая текла въ Днѣпръ. Князь легъ на своей лодкѣ и заснулъ. Вельмудъ положилъ весла, приласкавъ затихшую жену и коня.

Русава и Вельмудъ оглядѣлись въ своемъ довольно большомъ стругѣ. Два вьюка лежали на кормѣ. Вельмудъ раскрылъ ихъ. Тамъ была одежда Русавы изъ ея отчужденнаго дома. Очевидно, князь вытребовалъ ее. Тамъ же было двѣ, три запасныхъ мужскихъ рубахи и столько же портовъ. Уже послѣ, гораздо позднѣе, узналъ Вельмудъ, что эта одежда была изъ запаса самого князя, съ его плеча. Тамъ же лежало и жито, и свинина въ кускахъ, и рѣпа въ мѣшкѣ—зашасъ, очевидно, на дорогу Вельмуду и Русавѣ.

Понемногу Русава разобралась въ своемъ лодочномъ хозяйствѣ, и понемногу она успокоилась. Только изрѣдка слезинки все еще навертывались на ея глаза при воспоминаніи объ Ольжичахъ, о своихъ, въ особенности о матери и дѣдѣ. Одинъ только, кромѣ нея и мужа, ольжичанинъ плылъ съ княземъ теперь по Горыни—Владанъ. Но онъ сидѣлъ на дальней лодкѣ и не выходилъ изъ нея всю дорогу. Такъ плыли они день за днемъ къ Кіеву-граду. Изрѣдка перетаскивали лодки на меляхъ. Изрѣдка приставали къ берегу. Выводили лошадь отдохнуть отъ лежанья. Но ѣли, пили въ челнахъ; на земляныхъ таганахъ, вѣданныхъ въ корму, несли пищу. Плыли всю дорогу дальше уже тихо, мѣрно.

По ночамъ Вельмудъ часто выводилъ свою ладью изъ ряда другихъ лодокъ и слегка отставалъ отъ всѣхъ. Тѣма окутывала рѣку, берега. Звѣзды загорались на небѣ. И подъ этимъ дивнымъ шатромъ, при тихомъ движеніи лодки по водѣ внизъ, въ темнотѣ лѣтнихъ ночей Вельмудъ и Русава переживали свое «медовое время». И Вельмудъ забывалъ слова князя о новомъ походѣ, о Переяславцѣ на далекомъ Дунаѣ, куда грозилъ взять его князь, оторвавъ отъ жены.

И до того забывались молодожены въ своемъ счастьи этими ночами въ лодкѣ на Горыни, что позабыли даже о томъ, что никому не поручили поддерживать пламя очага въ ихъ избѣ въ Ольжичахъ. Русава однажды ночью вспомнила про это и съ испугомъ шепнула Вельмуду:

— Пусть гаснетъ.—сказала Вельмудъ:—не ольжичане мы съ тобой больше. Не потухло бы намъ только Солнышко-Ладъ днемъ, да Мѣсяць-Лада ночью.

И снова забывали они все впереди и позади себя, и смотрѣли, принявши другъ къ другу, —смотрѣли на эту Ладъ Дажбога, которая, выплывая на темно-лазурное ночное небо, разливала вокругъ себя таинственное голубое сіяніе и отражалась въ струяхъ рѣки, точно узкій трепетный золотой мостъ. А лодку несло да несло по теченію тихо дремлющей рѣки.

XXXI.

Княгиня-грекыня.

Лодки Святослава постепенно проплыли всю Горынь-рѣку и миновали городище Туровъ; онъ показался Вельмуду и Русавѣ, — первый смутно помнилъ Овручъ, вто-

рая же ничего кроме Ольжичей не видала — въ несколько разъ больше Ольжичей, но почти такимъ же по виду.

Князь, бывши въ этомъ городищѣ на полуднѣ до Ольжичей, теперь въ немъ не остановился. Туровцы только съ берега, завидѣвъ княжьи ладьи, приветливо махали руками и кричали:

Здравствуй, княже свѣтлый!

Святославъ, стоя въ ладѣ и опираясь на копье, неподвижно смотрѣлъ на нихъ. Но мѣръ приближенія къ Киеву, онъ дѣлался все суровѣе и мрачнѣе, какъ будто ничего уже не могло его обрадовать и смягчить. На Вельмуду, Русаву, да и на всѣхъ другихъ своихъ спутниковъ онъ почти не обращалъ теперь вниманія. Вельмуду подумалось: не прогнѣвалъ ли онъ чѣмъ князя? Но Фрелофъ успокоить. Онъ сказалъ, что такое настроеніе князя вовсе не означаетъ его гнѣва на кого-либо или зрѣющей въ его душѣ къ кому-нибудь немилости; въ походахъ это съ нимъ бываеъ нерѣдко и разрѣшается обыкновенно сдержаннымъ ликованіемъ послѣ удачи въ бою, послѣ того, какъ онъ перескитритъ врага или разобьетъ его.

Фрелофъ въ началѣ плаванія рѣдко находилъ время уйти съ княжей лодки въ лодку Вельмуды, да и не хотѣлъ мѣшать молодоженамъ, но потомъ сталъ чаще заглядывать къ нимъ, особенно, когда князь засыпалъ. Самъ Фрелофъ становился все печальнѣе и блѣднѣе, по мѣръ приближенія къ столичному городу. Вельмудъ понималъ, отчего. Онъ понималъ, что приближаются къ тому мѣсту, гдѣ живетъ юная гречанка, жена Ярополка, любимая Фрелофомъ, и гдѣ есть поклонники того Бога, которому Фрелофъ тайно поклоняется.

Русаву ничего не знала. Ей Фрелофъ нравился, и его юное печальное лицо вызывало у нея нерѣдко два-три ласковыхъ слова, какія только она умѣла сказать.

— Твоя лада — настоящая горностаевая шкурка, — сказалъ разъ Фрелофъ Вельмуду, стараясь этимъ сравненіемъ выразить всю ея ласковую, теплую мягкость.

О Ярополковой княгинѣ и о Богѣ своемъ Фрелофъ не заговаривалъ, точно это ему было тяжело. Да и Вельмудъ до того ушелъ въ счастье со своей ладой-женой, данною ему, какъ онъ теперь твердо вѣрилъ, его богами, что ни до чужихъ ладъ, ни до чужихъ боговъ ему дѣла не было.

Такъ проплыли до самаго Вышгорода, отъ котораго до Киева уже было рукой подать. Этотъ небольшой приднепровскій городъ былъ до ея смерти личнымъ владѣніемъ покойной матери Святослава. Съ берега можно было видѣть довольно обширный дворецъ княгини, гдѣ при ея жизни хранились всѣ дани, собиравшіяся на ея вдовью часть. Тогда тутъ жила большая дворня, жилъ особый тулупъ, и сама Ольга часто наѣзжала похозяйничать, не какъ княгиня, а какъ простая добрая запасливая хозяйка.

Но теперь Вышгородъ опустѣлъ. Всѣ дани стали свозить въ Киевъ. Печально и тихо выглядѣть Вышгородъ съ берега, съ заколоченнымъ княжескимъ теремомъ, съ унылыми, послѣ смерти княгини, избами.

Совѣмъ тучей посмотрѣлъ на него Святославъ и приказалъ, не останавливаясь, плыть дальше. Фрелофъ долго тихимъ, грустнымъ взглядомъ провожалъ высокой княгининъ теремъ Вышгорода, — гдѣ сживала нерѣдко въ бе-

сѣдѣ съ греческими духовными, покойная, мудрая княгиня.

Кіевъ былъ все ближе, ближе. Ночью подплыли къ нему. Въ полной тишинѣ приказали высадиться Святославъ. Стражи у воротъ съ рѣки тихо выпустили князя и его дружину. Имъ было приказано не будить города.

Темными неровными улицами, какъ будто взрытыми плугомъ, между невысокихъ зданій, въ которыхъ нигдѣ не было огня — пошелъ князь къ своимъ хоромамъ; онъ былъ недалеко отъ берега. Люди, со всѣмъ, что въ нихъ было, оставили на Днѣпрѣ.

Только Вельмуду было приказано вести коня въ княжескій конный дворъ. Фрелофъ долженъ былъ указать гдѣ этотъ дворъ. Русавѣ же князь повелѣлъ слѣдовать за собой, въ теремъ княжескій.

— Поутру и мужа туда приведутъ, — успокоилъ ее Святославъ, видя, что она вся задрожала, услышавъ его повелѣніе. — Возьми и мѣшокъ съ червонцами, что я мужу пожаловалъ. Въ теремѣ будетъ цѣлье. Княгиня спрячетъ.

Не смѣя даже проститься другъ съ другомъ при видѣ суроваго лица князя, Русаву и Вельмудъ разстались передъ княжескими хоромами на эту ночь, первую ночь, которую имъ, послѣ брака, привелось провести врозь. Молча повелъ коня Вельмудъ, идя слѣдомъ за безмолвнымъ Фрелофомъ. Дружинники, глухо переговариваясь, шли за ними. Палаты дружины и конный дворъ князя были въ одномъ дворѣ — бокомъ-о-бокъ съ хоромами князя и въ одной съ ними высокой оградѣ. Уже подходя къ своему жилью, низкому и длинному, дружинники заговорили громче.

— Скоро пойдетъ князь въ походъ. — услышать въ темнотѣ Вельмудъ голосъ Владана: — по всему видно. Больно хмурь. Начать хмуриться — значитъ душа запросилась въ походъ. Да и лучше. Что тутъ корить съ бабами!

Дружинники, очевидно соглашаясь, окружили Владана и радостно зашумѣли, входя въ свои палаты. Фрелофъ ввелъ Вельмуду въ конный дворъ, гдѣ въ низкомъ помѣщеніи, за безконечными пряслами и корытами, въ темнотѣ, было слышно, какъ лошади во снѣ чавкали, жевали, вздыхали и переступали копытами.

Нѣсколько младшихъ конюховъ встали на ноги. Они спали тоже на соломѣ, между коней. Фрелофъ указалъ рабу-конюху на Вельмуду, какъ на новаго княжата отрока — одного изъ старшихъ конюшнихъ. Рабъ долженъ былъ дать все, что было нужно для коня.

— Выспимся пока здѣсь. Я лягу съ тобой. Точно у меня на душѣ. Въ грѣдѣ дружиной у насъ больно шумно. — сказалъ Фрелофъ.

Поставивъ «Изгой» въ свободныя прясла, задавъ ему корму, который въ мѣшкѣ принесъ рабъ-конюхъ изъ угла коннаго двора, Фрелофъ и Вельмудъ легли на свѣжую солому, посланную тѣмъ же рабомъ. «Изгой», учуявъ другихъ лошадей, заржалъ и застучалъ копытами. Ржаніе изъ разныхъ угловъ коннаго двора откликнулось ему. Потомъ все стихло. Молча лежали на душистой мягкой соломѣ Вельмудъ и Фрелофъ. Парный острый вѣздучу шумно окутывалъ все своей застоявшейся пряной гущиной.

Но Фрелофъ и Вельмудъ долго еще не спали...

(Окончаніе будетъ.)

Современные левіаѳаны.

(Съ 3 рисунками.)

«Современные левіаѳаны». — какъ смѣло можно назвать наши нынѣшніе броненосцы, представляющіе собою поистинѣ плывучія морскія крѣпости. — одинаково возбуждаютъ живой интересъ и удивленіе и въ людяхъ, несвѣдущихъ въ морскомъ дѣлѣ, и въ бываломъ морякѣ, которому пришлось на своемъ вѣку видѣть не мало всякаго рода военныхъ кораблей. Между формами старыхъ броненосцевъ и тѣми, въ какія вылились въ своемъ паразитическомъ развитіи нынѣ этотъ типъ судовъ, — дѣлалъ пропасть. Даже спеціалиста невольно поразитъ творческая мощь человѣка, величіе и разносторонность работы человѣческаго духа и человѣческихъ рукъ,

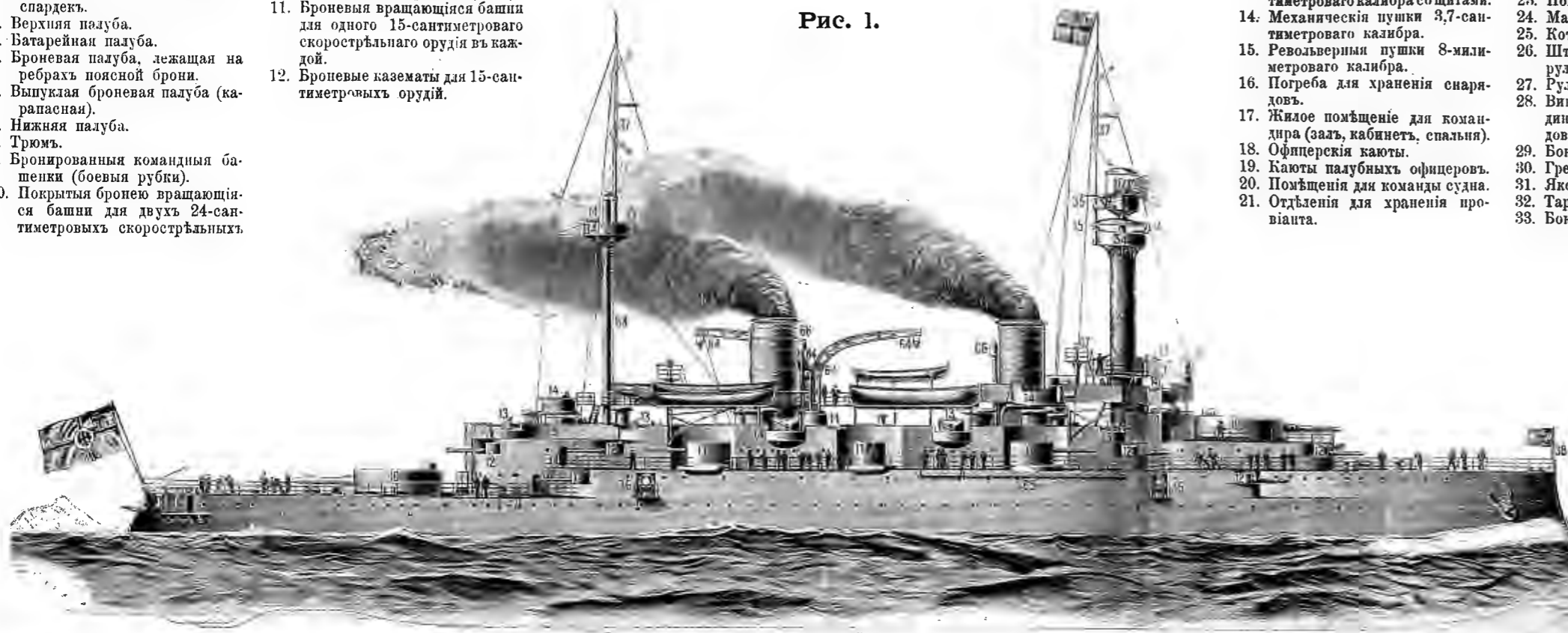
проявляющихся въ подобнаго рода сооруженіяхъ. Современный броненосецъ, съ его сотнями машинъ, аппаратовъ, инструментовъ, пушекъ, съ его разнообразнѣйшими приспособленіями для самыхъ разнородныхъ цѣлей, представляетъ несомнѣнно одно изъ самыхъ выдающихся проявленій техническихъ и научныхъ успѣховъ, достигнутыхъ человѣкомъ и тѣмъ болѣе поразительныхъ, что эти колоссальные успѣхи боевого кораблестроенія достигнуты почти исключительно въ нынѣшнемъ вѣкѣ.

До конца среднихъ вѣковъ мореходное искусство было въ зачаточномъ состояніи. Венеціанская и генуэзская республики имѣли,

- 1. Командные и бѣговые мостики.
- 2. Наружная открытая палуба-спардекъ.
- 3. Верхняя палуба.
- 4. Батерейная палуба.
- 5. Броневая палуба, лежащая на ребрахъ поясной брони.
- 6. Выпуклая броневая палуба (карапасная).
- 7. Нижняя палуба.
- 8. Трюмъ.
- 9. Бронированныя командныя башенки (боевыя рубки).
- 10. Покрѣтыя броней вращающіяся башни для двухъ 24-сантиметровыхъ скорострѣльныхъ

- орудій въ каждой съ трубою для подачи снарядовъ (10 а).
- 11. Броневыя вращающіяся башни для одного 15-сантиметрового скорострѣльнаго орудія въ каждой.
- 12. Броневыя казематы для 15-сантиметровыхъ орудій.

Рис. 1.

Видь броненосца сбоку.

- 13. Скорострѣльныя пушки 8,8-сантиметроваго калибра со щитами.
- 14. Механическія пушки 3,7-сантиметроваго калибра.
- 15. Револьверныя пушки 8-миллиметроваго калибра.
- 16. Погреба для хранения снарядовъ.
- 17. Жилое помѣщеніе для командира (зааъ, кабинетъ, спальня).
- 18. Офицерскія каюты.
- 19. Каюты палубныхъ офицеровъ.
- 20. Помѣщенія для команды судна.
- 21. Отдѣленія для хранения провіанта.

- 22. Водной трюмъ.
- 23. Погребъ для льда.
- 24. Машинное отдѣленіе.
- 25. Котельное отдѣленіе.
- 26. Штурвальное отдѣленіе (для рулевой машины).
- 27. Руль.
- 28. Винтъ, находящійся на срединной линіи продольнаго судового разрѣза.
- 29. Боковыя винты.
- 30. Гребной валъ.
- 31. Якорный клюзъ съ якоремъ.
- 32. Таранъ.
- 33. Боковыя окна (иллюминаторы).

Рис. 2.

Видь броненосца спереди.

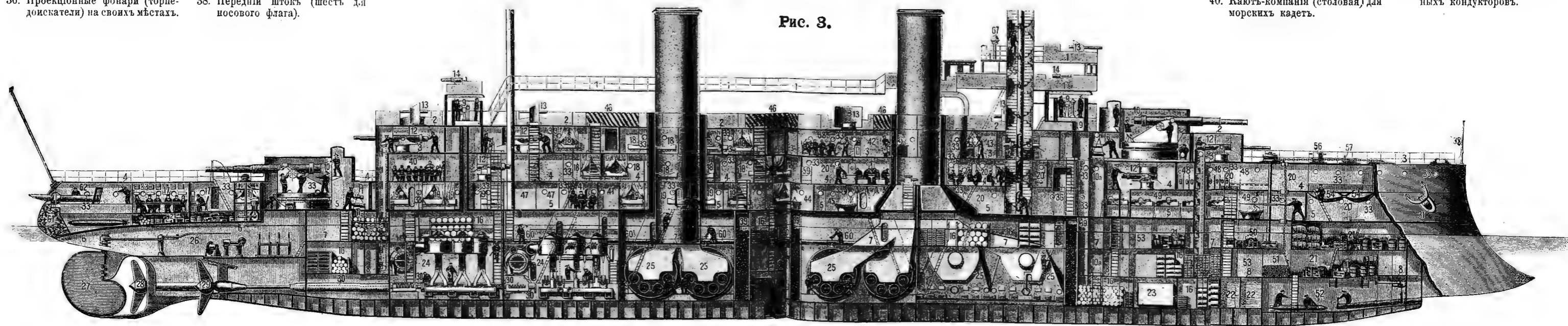
- 34. Боевой марсъ (для пушекъ).
- 35. Марсъ для боевого фонаря.
- 36. Проекционные фонари (торпедоискатели) на своихъ мѣстахъ.

- 37. Стѣны съ занавѣми для мачтовыхъ сигналовъ.
- 38. Передній штокъ (шесть для носоваго флага).

- 39. Угольные ямы.
- 40. Каютъ-компанія (столовая) для морскихъ кадетъ.

- 41. Каютъ-компанія для инженерныхъ кондукторовъ.

Рис. 3.

Продольный разрѣзъ. Детали внутренняго устройства броненосца.

- 42. Офицерская кухня.
- 43. Кухня для команды (камбузъ).
- 44. Ванны для палубныхъ офицеровъ.
- 45. Душевая комната (съ ванной) для чечегаровъ.

- Ящики для хранения днемъ постельныхъ кооекъ команды.
- 47. Умывальныя для кадетъ.
- 48. Отхожія мѣста для команды.
- 49. Лазаретъ съ подвижными койками и лазаретныя ванны.

- 50. Шпиль-машина. (Машина, приводящая въ движеніе шпиль (вертикальный воротъ)).
- 51. Канатный ящикъ (для цѣпного каната)
- 52. Носовая минная камера (съ

- минною пушкой).
- 53. Рабочія помѣщенія для боцмана и рулевого.
- 54. Койки, подвѣшенныя подъ палубными бѣсами.
- 55. Боевая мачта съ винтовою

- лѣтницею, ведущею на марсы.
- 56. Витенги (толстыя вертикальныя бруссы) для крѣпленія якорныхъ канатовъ (цѣпей).
- 57. Закрѣпитель цѣпей.
- 58. Каютъ-компанія офицеровъ.

- 59. Рундуки для чемодановъ и сундуковъ команды.
- 60. Главная паропроводная труба.
- 61. Пробковая подушка (идущая вокругъ судна надъ броневою, карапасною, палубою).

- 62. Кормовая минная камера.
- 63. Лѣстница (проволочная) на заднюю мачту.
- 64. Краны для подъема шлюпокъ изъ воды.
- 65. Бакширь.

- 66. Труба, отводящая дымъ изъ камбуза.
- 67. Главный компасъ.
- 68. Клетки въ междудонномъ пространствѣ.

Современные левиагоаны. Броненосецъ „Императоръ Фридрихъ III“.

правда, еще в X вѣкѣ свой флотъ; но суда ихъ мало чѣмъ отличались отъ древне-римскихъ и были похожи на древнѣе галеры. Эти 40—60-весельные суда держались большей частью близъ береговъ. Лишь въ XIV вѣкѣ ихъ начали замѣнить судами большихъ размѣровъ. Вначалѣ возвысили корпусъ судна, чтобы увеличить мѣсто для помѣщения команды, а также для установки машинъ, металлических камней. Въ томъ же XIV вѣкѣ введенъ былъ мѣсто двухъ большихъ весель по обѣимъ сторонамъ судна,—руль. Но XIV вѣкъ является своего рода эрой въ исторіи мореплаванія, благодаря двумъ ознаменовавшимся его изобрѣтеніямъ,—изобрѣтенію компаса и пороха. Особенно пошло на улучшение кораблестроенія изобрѣтеніе пороха. Съ введеніемъ орудій пришлось увеличить размѣры судовъ, и на смѣну галеръ явились галеоны. Постепенно на судахъ прибавили одинъ декъ (палубу), изменили систему артиллерійскаго вооруженія судовъ, сосредоточивающегося до тѣхъ поръ на носу и на кормѣ. Такъ, въ XVI вѣкѣ англійскій галеонъ «Great Harry» имѣлъ уже 1000 тоннъ водоизмѣненія, 300 человекъ судовой команды, 50 канонировъ и 340 солдатъ. На немъ было 19 мѣдныхъ и 103 чугунныхъ орудій. Но въ тѣ времена ни у одной страны все еще не было флота въ настоящемъ значеніи этого слова; суда были частныя и отдавались въ наемъ. Такъ, напримѣръ, въ 1589 году англійскій флотъ, готовившійся къ войнѣ съ Испаніей, имѣлъ 146 судовъ, изъ которыхъ, однако, всего шесть было правительственныхъ.

Съ половины XVI вѣка появился новый типъ судна—фрегатъ, обладавшій лучшими качествами, чѣмъ его предшественникъ. Онъ шелъ на веслахъ и подъ парусами и отличался быстротой хода, снабженъ былъ орудіями малаго калибра, расположенными на верхней палубѣ.

Только съ 1665 г. стали прилагать математику къ кораблестроенію, и послѣ того какъ мастеръ Деизъ первый опредѣлилъ углубленіе корабля до его спуска на воду, наступилъ новый фазисъ корабельнаго дѣла. Съ половины XVII вѣка введенъ еще цѣлый рядъ усовершенствованій: орудія нижняго дека уже возвышались на 4½ ф. надъ водой, и въ трюмахъ уже имѣлись большіе запасы провизіи на полгода. До того времени весь почти трюмъ былъ занятъ балластомъ, и небольшое мѣсто тамъ удѣлялось только кухнѣ; провизія же помѣщалась на особыхъ судахъ, слѣдовавшихъ за флотомъ. Эти ироническія суда еще долго находились въ употребленіи, и ихъ можно было встрѣтить еще въ прошломъ вѣкѣ. Съ постепеннымъ усовершенствованіемъ кораблестроенія, образовались быстроходныя, поворотливыя и крупныя парусныя суда семи родовъ: корабли четырехъ ранговъ и фрегаты трехъ ранговъ. Стоимость корабля перваго ранга съ полнымъ боевымъ вооруженіемъ (120 орудій и 1000 человекъ экипажа) и запасомъ продовольствія на полгода достигала 3 милліоновъ франковъ.

До XIX вѣка, въ теченіе тысячелѣтій, пока двигателями судовъ являлись весла и въ особенности паруса, удача или неудача морскихъ сраженій зависѣла главнымъ образомъ отъ вѣтра. Только съ изобрѣтеніемъ Фултона въ 1807 г. перваго колеснаго парохода, снова совершенно измѣнились все кораблестроеніе и вообще все морское дѣло. Первыми, крупнѣйшимъ толчкомъ къ развитію пароходства послужилъ пароходъ «Savannah», спущенный на воду въ Нью-Йоркѣ въ 1818 г. и построенный для Россіи. На слѣдующій годъ пароходъ этотъ дѣйствительно совершилъ первый переходъ черезъ Атлантическій океанъ, зайдя по пути въ Англію. Прибывъ въ Петербургъ, пароходъ, однако, не остался у насъ и вернулся въ Нью-Йоркъ. Этимъ смѣлымъ переходомъ черезъ океанъ была практически осуществлена и доказана возможность быстрого и регулярнаго сообщенія между Европой и Америкой, и пароходство стало быстро развиваться сначала для торговыхъ цѣлей, а затѣмъ и для военноморскихъ.

Значительнымъ препятствіемъ къ введенію паровыхъ судовъ въ общее употребленіе былъ гребный колесо. На военныхъ судахъ они были совершенно открыты дѣйствию непріятельскихъ выстрѣловъ, и, въ случаѣ ихъ поврежденія, судно оказывалось безомощнымъ; кромѣ того, колесные кожуха, увеличивая претолкаемое судномъ сопротивленіе воздуха, сокращали быстроту хода. Поэтому значительнымъ подспорьемъ паровому флоту явилось изобрѣтеніе въ Сѣверной Америкѣ, въ 1840 г., винтового двигателя. Первый американскій военный винтовой фрегатъ «Princeton» развилъ ходъ въ 14 миль въ часъ. Всѣ страны наперерывъ другъ другу стали строить винтовые суда. У насъ также, въ 1848 г., спущенъ былъ на воду въ Петербургѣ винтовой фрегатъ «Архимедъ»; но онъ спустя два года погибъ въ Балтійскомъ морѣ, въ пасмурную погоду. Другого ему на смѣну построено не было, и такимъ образомъ у насъ, въ началѣ крымской войны, не было ни одного винтового боевого судна. Число другихъ колесныхъ пароходовъ было тоже не велико (всего 7). Силы же непріятеля были неизмѣримо значительнѣе (у англичанъ было 24 паровыхъ судна, у французовъ—12). Этимъ и объясняется, что нашъ флотъ вынужденъ былъ, послѣ геройской сибирской битвы, укрыться въ Севастопольскую бухту и тамъ былъ затопленъ.

Крымская война окончательно доказала превосходство паровыхъ судовъ и навсегда развила парусный флотъ. Та же крымская война ввела въ употребленіе броню на судахъ. При осадѣ Севастополя, французы и англичане поняли, какъ опасенъ береговой огонь для деревянныхъ судовъ, могущихъ легко сгорѣть отъ снаряда. И у французовъ, и у англичанъ въ крымскую войну уже было нѣсколько пловучихъ броненосныхъ батарей. Снаряды нашей артиллеріи были безсилны въ борьбѣ съ этими батареями, и

тогда знатоки морского дѣла рѣшили, что, стоить лишь построить флотъ изъ судовъ, покрытыхъ желѣзною броней и могущихъ свободно двигаться въ открытомъ морѣ,—и флотъ этотъ будетъ непобѣдимъ. И вотъ прежніе беззащитные фрегаты стали обшиваться броней.

Въ 1858 г. Наполеонъ III приказалъ построить, по плану знаменитаго французскаго инженера Дюпон де-Тома, первый броненосный фрегатъ «Gloire». По выраженію Дюпон де-Тома, фрегатъ долженъ быть между деревянными судами «львомъ въ стадѣ овецъ». Фрегатъ обошелся въ 7 милліоновъ франковъ, т. е. вдвое дороже самыхъ большихъ линейныхъ кораблей. «Gloire» былъ окруженъ весь, начиная съ 1½ метра ниже ватерлиній до верхней палубы—желѣзнымъ поясомъ, толщиной болѣе, чѣмъ въ 100 милліметровъ. Для того времени броня этой толщины была неуязвима.

Въ Англій моряхъ не доверяли броненоснымъ судамъ, представляя изъ гибель въ первую же бурю. Но когда эти опасенія не оправдались, просвѣщенные мореплаватели съ большой горячностью, чѣмъ сами французы, приступили къ построенію броненосцевъ и опередили ихъ, окруживъ первый свой броненосецъ «Warrior» бортовой броней въ 11½ мм. и соединивъ еще броневой поясъ поперечными броневыми переборками. При этомъ они уже строили броненосцы изъ желѣза, между тѣмъ какъ французы до 60-хъ годовъ все еще строили суда изъ дерева.

Боевыя качества броненосныхъ судовъ скоро сказались на практикѣ во время междоусобной войны американскихъ штатовъ. Обѣ непріятельскія стороны вооружили на-спѣхъ свои суда, защитили ихъ желѣзными цѣпями или рельсами и, кромѣ того, впервые примѣнили новый типъ военныхъ судовъ—мониторъ, изобрѣтенный шведскимъ инженеромъ Эриксономъ. Эти маленькія, тихоходныя суда пригодны лишь для береговой обороны, но тутъ они сослужили большую службу. Деревянный фрегатъ, обшитый бортовой броней, «Merrimack», принадлежавшій южнымъ штатамъ, участвовалъ на ряду съ другими простыми военными пароходами 8-го марта 1862 г. въ жестокомъ бою и остался совершенно невредимымъ, между тѣмъ какъ остальные фрегаты почти всѣ погибли. Когда онъ на другой день снова гордо вышелъ на Гемптонскій рейдъ, то командиръ и команда его съ изумленіемъ увидѣли какое-то маленькое судно, назвавшееся въ сравненіи съ броненосцемъ, простымъ самоварчикомъ. Это и былъ первый мониторъ, только что прибывшій изъ Нью-Йорка. Не долго думая, «Merrimack» открылъ по монитору убійственный огонь изъ своихъ громадныхъ орудій. Однако мониторъ не только отбивалъ ему выстрѣлами, но и рѣшилъ даже таранить своего врага. Три часа длился бой между ними на очень близкомъ разстояніи, и результаты изумили весь міръ: мониторъ оказался невредимъ, а «Merrimack» долженъ былъ оставить Порфольскій рейдъ съ такими поврежденіями, что вскоре пришлось его уничтожить. Это было яркимъ доказательствомъ превосходства желѣзныхъ броненосцевъ надъ деревянными, хотя бы и обшитыми броневымъ поясомъ. Такова эволюція морского дѣла. Броневые желѣзные суда явились на смѣну винтовымъ деревяннымъ, замѣнившимъ собою деревянные колесныя, занявшимъ мѣсто парусныхъ фрегатовъ и т. д.

Убѣдившись въ томъ, что вся суть въ толщинѣ брони, стали при постройкѣ судовъ какъ можно болѣе утолщать броню, и съ 1860 по 1876 г. толщина брони увеличилась съ 4½ до 12 дюймовъ. Но это странно увеличивало вѣсъ судна, и для того приходилось все болѣе увеличивать силу судовыхъ машинъ.

Характерное и очень наглядное сравненіе между прежнимъ деревяннымъ фрегатомъ и однимъ изъ «современныхъ левиапановъ» приводитъ контръ-адмиралъ Макаровъ, беря, какъ образецъ послѣднихъ, нашъ крейсеръ «Рюрикъ».

«Машина и котлы на крейсерѣ «Рюрикъ»,—говоритъ онъ,—занимаютъ по длинѣ 192 ф. самой широкой части корабля. Чтобы ясно представить себѣ, что такое 192 ф. такого судна, какъ «Рюрикъ», можно сказать, что если бы вынуть изъ него всю машину съ котлами и угольными ямами и налить туда воды, то образовался бы бассейнъ, въ которомъ совершенно свободно могъ бы развѣстаться на швартовахъ весь фрегатъ прошлаго времени, со вѣмъ его экипажемъ и со всѣмъ его пушамъ. Кругомъ фрегата осталось бы даже достаточно свободнаго мѣста, чтобы объѣхать на плюшкѣ. Въ этихъ 192 футахъ, занимаемыхъ машиною, все сжато до невозможности, и тѣнота въ помѣщеніяхъ доходитъ иногда до того, что какъ только посторонніе отъ шатна одной машины, то неизмѣнно нападутъ въ котель другую, и, чтобы почувствовать какой-нибудь подлинникъ, дабы убѣдиться, что онъ не нагревается, машинистъ долженъ быть аэробатомъ, а почегарь, который, съ его форсированнымъ дутьемъ, долженъ заставить котель дать вдвое больше пару, чѣмъ то соответствуетъ его размѣру, долженъ имѣть выносливость и энергію почти нечеловѣчeskія».

Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что теперь, по прошествіи двухъ дѣтъ, «Рюрикъ» уже превзойденъ въ отношеніи силы вооруженія. Эти страшныя вооруженія и увеличенія размѣровъ судовъ вызвали въ свою очередь повѣржательное увеличеніе расходовъ на ихъ постройку. Стоимость современнаго броненосца, помимо продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, все-ятеро превосходитъ стоимость самаго большаго корабля прежняго времени, со вѣмъ его вооруженіемъ и запасами.

Точно также сильно измѣнились и возросли размѣры судовыхъ орудій и легкость требованія ими. Такъ, напримѣръ, для дѣйствія старыми орудіями требовалось прежде 14 человекъ орудійной прислуги, у новыхъ же довольно 4 человекъ, при чемъ изъ 10 сантим. душень производится отъ 6 до 8 выстрѣловъ въ минуту.

Постепенное усиление пробивной способности снарядов значительно уменьшило броневую обеспеченность судна; ввиду обеспечения суда броней только в отношении малокалиберных пушек и при стрельбе с очень значительных расстояний.

Это вызвало в 1889 г. переворот в постройке броненосцев. У новейших эскадренных броненосцев вооружение состоит из нескольких тяжелых броневых орудий, числом около четырех, и из сильной батареи скорострельных орудий, расположенных между ними. Новейший тип броненосцев представляет таким образом двойной характер: он приурочен для ведения двух родов боя — атаки из главных орудий на броневой пояс неприятеля сплошными броневыми бомбами, и атаки из вспомогательных орудий меньших калибров разрывными снарядами на более слабые части корпуса неприятельского судна.

Желая наглядно ознакомить читателей с внешним и внутренним устройством современных броненосцев, представляющих собою поистине чудо строительной и инженерной техники, возьмем для примера один из крупнейших германских броненосцев Император Фридрих III. Он является поистине последним словом броненосного судостроения.

Свершим вместе с читателем маленькое путешествие.

Мы садимся в лодку и направляемся к покоящемуся на рейде морскому чудовищу. Приближаясь к нему, мы постепенно различаем много своеобразных надстроек, орудийных башенок и броневых стенок, затем видим, что часть судна, расположенная над водою, заключает в себя три закрытых яруса, один над другим: верхнюю, батарейную и броневую палубу. Еще два яруса расположены под ватерлинией судна, проведенной на 7,8 метра над наиболее погружающейся в воду частью его; эти яруса называются средней и нижней палубой. Палубами же называется и половой настил этих пяти ярусов. Потолок верхней яруса образует открытую наружную палубу (спардек). Она окружена довольно высокою броневою стеною, напоминающею старинные крепостные башни по своим отверстиям (застопорным гиздам), в которые глядят орудия. Над нею размещаются еще так называемые мостики: в них два командных или капитанских, лежат один над другим и обращены к носу корабля. Все это пространство окружено защитным кольцом из орудий самых разнообразных калибров. Над ним господствует на переднем плане толстая боевая мачта, позади которой находятся две дымовых трубы. У задней трубы, по обе стороны спардека, мы видим сильный вращающийся подъемный кран, при посредстве которого поднимаются из воды и устанавливаются на особые шлюпбалки над спардеком имбующиеся на корабль катера и шлюпки (см. рис. 1, 64).

Приблизившись к броненосцу, мы видим перед собою внизу ряд круглых боковых окон. Отверстия их настолько значительны, что сквозить через них может человек. Их круглые металлической рамы со стальными стеклами вилотную прикрываются к вдвигаемым навстречу в бортовой стенок оконным рамкам посредством винтов и герметических резиновых колец, так что доступ воды даже в сильнейшую бурю прегражден ввиду.

По судовому этикету наша шлюпка пристает к левому борту судна, называемого бакбортом, к дэсенк (трапу), которая во время стоянки судна в гавани спускается с площадки; на которой во время ночного боя устанавливаются очень сильные электрические прожекторы (фонари). В обыкновенное время эти сторожевые фонари, служащие для распознавания неприятельских миноносцев, сохраняются в специальном помбении внутри корабля. По близости от переднего фальшена (канатный поручень, закрывающий перила при подъеме по трапу) расположен длинный круглый шест (бакширь), перпендикулярно к борту. За него укрываются шлюпки, спускаемые пассажирами. Мы вступаем с площадки сквозь широко-раскрытую стальную дверь на батарейную палубу и поворачиваемся сперва направо к открытой кормовой палубе (акхтердек), на которой развешены военный флаг. На корабль расположена задняя тяжелая вращающаяся броневая башня. Наше обхождение под руководством прикомандированного для сопровождения нас офицера начинается с обзора мачты, отсюда закрытой вращающейся бронированной башни. Два длинных тяжелых 24-сантиметровых скорострельных орудия, выступающих горизонтально из узких бойниц башни, несколько возбуждают наше удивление. Мы поднимаемся по маленькой дэсенк и попадаем в особенно широкий проход, на котором (см. рис. 1 на стр. 172) под заднюю трубу стоит пьедестал матросов у перил. Здесь можно изучить расположение артиллерии, размещенной в средней части судна и состоящей из 15-сантиметровых скорострельных пушек. Позади расположены три таких орудий в защитных броневых казематах (12). Затем путь ведет к трем отдельно стоящим, закрытым и бронированным вращающимся башням (11); в каждой из них находится по такому же орудью; и наконец на переднем плане, где матросы тянут канат (швартов), расположены еще три таких же, как и упомянутых выше, орудий в казематах (12); один из этих казематов расположен ярусом ниже того, на котором мы находимся. Так как левый борт судна (бакборт) несет ввиду одинаковое с правым (штюрборт) вооружение, то отсюда слышится, что общее количество 15-сантиметровых орудий на судне равняется 18. Уже это представляет странную боевую силу.

Стоит лишь вспомнить, что каждое орудие может сделать около 6 выстрелов в минуту, и что весь казачок снаряда—51 килограмм (3 пуда с лишком). Когда стоишь возле вращающихся башенок или перед казематами, то замечаешь, что каждое орудие при вращении обстреливает очень большое пространство, так что расположение орудий на современном броненосце представляется значительно более целесообразным, чем на старых судах. Ближе к носу, где заканчивается надстройка над главным остовом судна, мы выходим на свободную площадку, так называемый *бок*; сюда во время стоянки любят собираться экипажи судна, потому что отсюда всего лучше можно разглядеть тот порт, куда заходит корабль на стоянку. На бак можно видеть всякого рода приспособления для бросания и подъема якоря (31), который на рисунке изображен поднятым до якорного ключа, большого сквозного отверстия в борту, в котором он плотно закрывается на случай бури.

Если ветать на носу корабля, у самого флагштока, то в ясную погоду можно различить в воде могучий таран судна (32). Это орудие, которым пользовались уже триремы Осмистокла в сражении при Саламинке, служит для удара в корпус неприятельского корабля ниже броневой заграждения. В случае удачного удара пробитый корабль неминуемо идет ко дну.

Наш проводник просит нас снова подняться и через боковую дверь вводить нас в надстройки, сделанные над верхней палубой. Внутри их целый лабиринт ходов различной ширины, в которых неопытный человек навряд ли заблудится; но вот открываются перед нами узенькая дверь, и мы попадаем на узкую винтовую лестницу (55). Лестница ввиду удобства, снабжена перилами; железные ступеньки покрыты линолеумом, чтобы не поскользнуться; но она так узка, что больше, чем одному человеку, по ней не пройти, и двоим втроем не разойтись. Лестница освещена электричеством, но несомненно подвигнута, различаясь уже близи дневного света, падающего на ступени сквозь круглые боковые окна. Наконец после довольно утомительного подъема, попадаем в просторное, светлое, круглое, приподнятое сверху, пространство, на котором свободно может расположиться человек 20. Здесь помбены два легких орудия. Одного взгляда с броневой стеньги, окружающей это пространство, достаточно, чтобы догадаться, что мы находимся на боевом марсе (34) передней толстой мачты, на котором поставлены два механических орудия: одно калибром в 3,7 сантиметра, другое—пушпа-револьвер 8-миллиметрового калибра (14 и 15). Кажется, что стоишь на наблюдательной вышке крепости. Под собою ясно различаешь пышно раскинувшуюся внизу морскую твердь. Только теперь начинаешь себя ясно представлять, каковы в действительности вид судна и как своеобразно расположена на нем артиллерия. Да и размеры судна только теперь выясняются с отчетливостью: 125 метров (наибольшая длина судна) и 20,4 м. (наибольшая его ширина)— величины не малые. Так как весь корпус судна из стали и почти на 8 метров погружен в воду, то становится понятным, что вся эта машина должна иметь порядочный вес. И действительно, весь ее—11.000 тонн (около 700.000 пудов) равен весу 222 хороших локомотивов. Между тем следует заметить, что теперь строить броненосцы и свыше 11.000 тонн водоизмещения.

С высоты марса, на котором мы теперь расположились, видно также и расположение боковых мостиков (1), командных мостиков (1) и различных лестниц (трапов). Ниже нас, между переднюю трубу и мачтой, находится главный судовой компас (67). В гиздах на спардек была уже рывч выше; сверху в этих надстройках можно различить не менее 10 скорострельных пушек (13) 88 см. калибра, расположенных в них под прикрытием броневых щитов. Еще пара этих прекрасных легких орудий установлена на верхнем командном мостике переднюю мачтой. Наконец, на различных надстройках и мостиках можно различить еще десяток механических пушек (14); две из них находятся на задней боевой рубке (9). Расположение вещей их очень целесообразно. Если с нашего наблюдательного пункта на боевом марсе взглянуть вверх, то можно увидеть, что от мачты идет еще тонкое продолжение—стенга (37), на которой размещены железные лань мачтовых сигналов. На верхушке стеньги развешены адмиральский флаг, обозначающий присутствие на корабле вице-адмирала—начальника эскадры. Над боевым марсом находится еще марс, служащий местом установки проекционного электрического фонаря-солнца. На этот марс нужно взобраться по особой дэсенк. И его электрический аппарат, кроме прямого своего назначения—освещать окружающее корабль пространство, служит также для сигнализации по системе Морзе, основанной на условном чередовании коротких и длинных световых вспышек. На заднюю мачту нельзя попасть иначе, как по особой проволочной лестнице (63).

Чтобы сойти с мачты, с высоты которой мы любовались устройством корабля, нам придется прибегнуть уже к другой винтовой лестнице, служащей исключительно для спуска. Повернув, внутри толстой мачты, есть еще полое отверстие-труба, по которой подаются на марс нужные для расположенных там орудий снаряды. Мы на этот раз выходим изнутри мачты через дверь, ведущую на спардек; тут перед самою мачтой находится прикрытая сильною броней командная боевая рубка (9). В ней помбены паровой руль (штурвал), несколько компасов, масса переговорных трубок, механические телеграфы и сигнальные

аппараты различнѣйшихъ видовъ. Во время боя здѣсь находится команда судна. Крѣпкая стальная броневая палуба расположена на поясной бронѣ, окружающей со всѣхъ сторонъ борта судна и на добрый кусокъ спускающейся ниже ватерлинии, для обезпеченія судового корпуса отъ опасныхъ выстрѣловъ, которые могли бы дать водѣ проникнуть внутрь судна.

Спустившись по расположенной сзади мачты лѣсенкѣ, мы попадаемъ въ помѣщеніе, въ которомъ расположена просторная кухня экипажа, камбузь (43). Если отсюда направиться въ сторону носовой части судна, то можно будетъ бросить взглядъ во внутренность большой броневой башни (10) и ознакомиться тамъ съ устройствомъ лафетовъ тяжелыхъ 24-сантиметровыхъ орудій. Проводникъ объявляетъ намъ, что особая защищенная броней труба для подъема снарядовъ (10а) ведетъ изъ башни въ погреба, гдѣ хранятся бомбы, и въ крытый-камеры (16); такого же рода приспособленія, какъ видно на рисункѣ 1-мъ, имѣются и для казематовъ (12) съ 15-сантиметровыми орудіями. Если по свѣтлымъ проходамъ верхней палубы подвигаться къ кормѣ, то мы пройдемъ офицерскую кухню (42), офицерскую каюту-компанію (58), различныя офицерскія жилыя помѣщенія (каюты) (18), снабженныя необходимою мебелью: кроватью, письменнымъ столомъ, платянымъ шкапомъ, умывальникомъ и столомъ. Затѣмъ, спустившись еще разъ по лѣсенкѣ, мы очутимся въ батарейной палубѣ, въ самомъ концѣ которой расположена каюта морскихъ падець (40); затѣмъ снова пойдутъ каюты офицеровъ (18), потомъ различныя помѣщенія для матросовъ, со столами и лавками, подвѣшиваемыми, по минованіи въ нихъ надобности, къ потолку и съ особыми рундуками для матросскихъ вещей (59). Еще ярусомъ ниже въ броневой палубѣ, въ передней части судна есть еще помѣщенія для экипажа; почю здѣсь висятъ подвѣсныя койки (51), которыя днемъ въ видѣ гигантскихъ колбасъ складываются въ особые кожные ящики (46), устроенные въ фальшбортахъ открытой палубы. Для больныхъ устроенъ свѣтлый, просторный лазаретъ (49), въ которомъ имѣется ванна. Особые, очень практичныя ванныя помѣщенія устроены для кочегаровъ (45) и для палубныхъ офицеровъ (44). Затѣмъ начинаются многочисленныя каюты палубныхъ офицеровъ (19), тянущіяся вплоть до задней большой панцирной башни. За задней панцирной башней расположены убранные съ большимъ комфортомъ помѣщенія командира (17) и адмирала. Къ нему примыкаетъ кормовая минная камера (62), въ которой установлена большая труба-пушка, служащая для вытѣсыванія минъ,—единственное на суднѣ приспособленіе для выбрасыванія минъ, лежащее выше уровня воды. Пять остальныхъ такихъ пушекъ лежатъ глубоко подъ водою.

Изъ помѣщеній, находящихся подъ броневой палубою, слѣдуетъ осмотрѣть три машинныхъ отдѣленія (24) и шесть большихъ котельныхъ помѣщеній (25); между послѣдними находится угольная яма (39). Паръ изъ котловъ проводится главною паропроводною трубою (60) въ машины. Три машины приводятъ въ движеніе столько же гребныхъ валовъ (30), на концахъ которыхъ насажены средній судовой винтъ (28) и два боковыхъ (29). При работѣ всѣхъ котловъ «полнымъ паромъ» машины въ состояніи развить рабочую силу, равную 13.000 лошадиныхъ (почти столько, сколько 33 локомотива) и сообщить судну скорость около 18 узловъ (33 версты) въ часъ. Множество небольшихъ вспомогательныхъ машинъ и механизмовъ приводятся также въ движеніе паромъ; таковы: рулевая машина (26), которую приводится въ движеніе посредствомъ рулеви руля; къ ней прибѣгаютъ въ томъ случаѣ, когда нужно руководить движеніемъ руля непосредственно изъ боевой капитанской рубки (9). Нижнее судовое пространство (трюмъ) раздѣляется массой продольныхъ и поперечныхъ стѣнъ, такъ-называемыхъ переборковъ, на множество водонепроницаемыхъ камеръ. Цѣль ихъ устройства—обезпечить устойчивость судна на водѣ даже въ томъ случаѣ, если оно получитъ въ какомъ-либо мѣстѣ пробоину. Эти камеры служатъ отчасти складами провіанта (21), прѣсной воды (водяной трюмъ съ цистернами—22), льда (23) или разнаго рода матеріаловъ и подѣлокъ (53). Нѣкоторыя изъ такихъ помѣщеній остаются совершенно пустыми; таковы, напримѣръ, небольшія клѣтчики междудоннаго пространства въ килевой части судна (68).

Этимъ окончился нашъ осмотръ броненосца. Все, что только было наиболее интереснаго, начиная съ верхушки мачты (возвышающейся на 20 сажень надъ водою) и вплоть до днища судна, намъ было показано, и мы сошли съ этой пловучей крѣпости совершенно подавленные ея грандіозными размѣрами.

Медленно уливала наша лодка, а мы все смотрѣли на этого морского гиганта и невольно вспомнили описаніе библейскаго чудовища «левиаана»: «кости у него, какъ желѣзные прутья... Крѣпкіе щиты его—великолѣпны... Изъ пасти его выходятъ пламеники, выскакиваютъ огненные искры; изъ поздравей его выходитъ дымъ, какъ изъ кипящаго котла. Желѣзо онъ считаетъ за солому, мѣдь—за гнилое дерево...» (Книга Іова, гл. 40—41).

Предъ нами на лонѣ водѣ горчавился современный левиаанъ, но уже созданный умомъ и руками человека. Подобно его библейскому прототипу, «когда онъ поднимается, силачи въ страхѣ, всѣмъъ терзаются отъ ужаса». Онъ извергаетъ пламя изъ пасти своихъ орудій, и далеко впереди себя несетъ смерть и разрушеніе.

И. Э.

Къ рисункамъ.

На выставкѣ бельгійскихъ художниковъ красовалась мастерски написанная картина де-Врида: «У тѣла св. Цециліи». Какъ известно, эта святая считается покровительницей музыки и изобрѣтательницей органа, на которомъ она исполнила хвалебные гимны Богу. Многие художники вдохновлялись ею, изображая ее въ цѣломъ рядѣ разнообразныхъ картинъ. Достаточно упомянуть такія имена, какъ Рафаэль и Карло Дольчи. Въ прошломъ году на страницахъ *Новы* была помѣщена картина Аламбро, изображающая «видѣніе св. Цециліи». Картина, помѣщенная въ настоящемъ номерѣ, полна такого же религіознаго настроенія. У тѣла умершей мученицы задумчиво сидитъ старикъ-христіанинъ, полный молитвеннаго созерцанія, а надъ тѣломъ усопшей святой носится ангелъ. Одинъ изъ нихъ играетъ на арфѣ тихую мелодію, другіе поютъ

...о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ.

Подъ кущами райскихъ садовъ...

третью усыпаютъ святою бѣлыми розами.

Курящійся оміамъ, разнесся благовоной волной по усыпальничѣ, поднимается къ небу...

*

Съ сѣдою бородой, съ высокимъ, умнымъ лбомъ, съ уставшими, но все еще полными жизни глазами, сидитъ монахъ надъ старой книгой. Годы даютъ себя чувствовать. Ему приятно отдохнуть въ своей уединенной кельѣ. На пожелтѣвшихъ отъ времени страницахъ онъ ищетъ слѣдовъ исчезнувшей жизни; онъ чувствуетъ большое наслажденіе, изучая духъ минувшихъ временъ, уясняя себѣ, «какъ жила жизнь человѣкъ, и какъ мыслятъ онъ, и далеко ль теперь развито просвѣщеніе». Ахъ, старая пѣсня все повторяется! Человѣкъ вѣчно чего-то ищетъ.

Исполненный надеждъ и грѣзъ своихъ пустыхъ,

Онъ все ползетъ впередъ дорожкой одною:

Сокровищъ ищетъ вкругу онъ жадною рукою—

И радъ когда червой находить дождевыхъ.

Нѣтъ, Богъ съ нею, съ этой вѣчной житейской сутолокой! Счастія въ ней не найдешь. То ли дѣло предаваться созерцательной жизни, съ высоты взирать на людей и ихъ дѣянія, вдали отъ міра размышлять объ его суетности, безъ злобы и ненависти, съ приятнымъ сознаніемъ, что все это осталось далеко позади, что тамъ, въ этомъ взбаломученномъ морѣ человѣческихъ страстей, нѣтъ счастья, что спокойная гавань здѣсь, въ тиши монастырскихъ стѣнъ...

Двѣ иллюстраціи къ знаменитому роману Гончарова: «Обрывъ», помѣщаемыя въ настоящемъ номерѣ *Новы*, вводятъ насъ въ самый

центръ страшной драмы, разыгравшейся между Вѣрою и Маркомъ Волоховымъ. Одна изъ нихъ изображаетъ первое знакомство героини романа съ представителемъ поколѣнія новыхъ дѣятелей, народившихся въ 60-хъ годахъ или, какъ громкогласно возвѣщала самъ Маркъ Волоховъ, «новой грядущей силы». Со времени зарожденія этой силы прошло теперь болѣе сорока лѣтъ. Если она не вымерла окончательно, то уже обветшала, состарилась, но никогда не состарится та драма, которая разыгралась въ душѣ Вѣры, потому что эта драма равносильна порыву русской женщины найти вѣрный путь къ воздѣйствию на общество. Многие пѣли Вѣру въ старомъ общественномъ строѣ, олицетворенномъ бабушкой, Марвинькой. Но чего-то этому строю не хватало. Глубоко это сознавала чуткая душа Вѣры, и страстно были ея поиски новой жизни, пробуждающей русскую женщину къ общественнымъ стремленіямъ родины.

Одинъ изъ представителей «новой грядущей силы» встрѣтился ей случайно. Какъ удивительно очерчена Гончаровымъ эта первая встрѣча! Самоувѣренность, съ какою Маркъ Волоховъ отрицаетъ все прошлое, не давая себѣ отчета въ своемъ легкомысліи, и страстное вниманіе, съ какимъ Вѣра присматривается къ «новому» человеку, неудержимо захватываютъ читателей. Взгляните на этого человека, стрѣляющаго въ другихъ людей, травящаго собакой женщину, ворующаго яблоки изъ чужихъ садовъ, восторгающагося «свободнымъ умомъ». Вѣры и тутъ же провозглашающаго, что онъ беретъ поработить этотъ свободный умъ, подвести его подъ ярмо своихъ «новыхъ» идей. — и вы вспомните всю непродуманность и противорѣчивость того міросозерцанія, которымъ такъ долго гордилась нѣкоторая часть нашего образованнаго общества, проповѣдывавшая свободу на словахъ и страшно нетерпимая на дѣлѣ. Во всѣхъ противорѣчійхъ этого міросозерцанія мы до сихъ поръ не можемъ еще разобраться. Могла ли въ нихъ разобраться дѣвушка съ большимъ умомъ, съ сильною волею, но сама преданная новой, лучшей жизни и поэтому склонная видѣть въ лже-пророкахъ истинныхъ провозвѣстниковъ этой новой, лучшей жизни?

Сомнѣнія, однако, никогда ее не покидали. Уже тутъ, во время первой встрѣчи, когда Маркъ Волоховъ самодовольно градеетъ чужія яблоки, сысаясь на изреченіе Шрудона: «собственность—это воровство», Вѣра ему заявляетъ: «Вы не мальчикъ, а воруете чужія яблоки и вѣрите, что это не воровство, потому что г. Шрудонъ сказалъ...»

И сомнѣнія Вѣры въ «новомъ» ученіи все увеличиваются, но вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается и ея любовь къ «новому» человеку, ея

страстное стремление спасти этого человека от ложного пути, на котором он находится, воспользоваться его энергией, его беззаветною преданностью общественному благу, пойти съ нимъ рука об руку для созданія лучшей жизни. Напрасно Райскій, — этотъ человекъ благородныхъ порывовъ, но неспособный вошлотивить ихъ въ какомъ бы то ни было дѣлѣ — старается удержать Вѣру отъ любви къ Марку Волохову, отъ рокового свиданія съ нимъ. Она вѣритъ и надѣется, что одержитъ побѣду надъ Волоховымъ. Она всецѣло подчиняется благородной своей любви къ нему.

На второмъ рисункѣ изображена полная трагизма послѣдняя сцена этой борьбы между Райскимъ и Вѣрою. Въ этой борьбѣ любовь Вѣры побѣждаетъ. Онъ самъ помогаетъ ей спуститься съ обрыва, самъ несетъ ее съ крутизнами; прежде онъ хотѣлъ удержать ее насильственно, теперь, блѣдный, весь дрожа, онъ самъ отпускаетъ ее на роковое свиданіе. Вѣра вскрикиваетъ отъ радости, какъ освобожденная изъ клѣтки птица, и бросается въ кусты. А онъ садится на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ, и съ ужасомъ слушаетъ шумъ раздвигаемыхъ ею вѣтвей и трескъ сухихъ прутьевъ подъ ногами...

Въ нашей литературѣ мало такихъ сильныхъ сценъ, какъ эта сцена борьбы Райскаго съ Вѣрою и слѣдующая за ней сцена рокового свиданія Вѣры съ Маркомъ Волоховымъ. Вѣра почти была спасена, но въ послѣднюю минуту, когда она уже уходила отъ Волохова, она въ страшной тоскѣ еще разъ оборачивается и видитъ, что и Волоховъ не можетъ разстаться съ нею. Она понимаетъ это такъ, что онъ уступилъ ей страстнымъ убѣжденіямъ, что онъ изъявляетъ готовность шадить свободу ея убѣжденій, подобно тому, какъ она готова воспринять все, что есть свѣтлаго, хорошаго въ его идеяхъ. Любовь ослѣпила ее, она поддавалась обману. Вѣра пала; но кто не воскликнетъ влѣстѣ съ авторомъ: «Боже, прости ее!»

А. Н. Верстовскій.

(Портр. на этой стр.)

18-го февраля минуло сто лѣтъ со дня рожденія Алексѣя Николаевича Верстовскаго, знаменитаго автора «Аскольдовой могилы», шестидесятилѣтіе которой исполнилось въ 1895 г. Но Верстовскій написалъ не одну только «Аскольдову могилу»; и до нея, и послѣ нея онъ много писалъ и притомъ въ разныхъ жанрахъ; у него есть баллады, романсы, куплеты къ разнымъ водевилямъ, бывшимъ въ его время въ большой модѣ, духовная музыка, оперы. Недавно, говоря о Варламовѣ, мы указали, что собраніе его сочиненій составляетъ двѣнадцать объемистыхъ томовъ. О Верстовскомъ меньше позаботились, и у насъ нѣтъ полнаго собранія его сочиненій. Мало того, даже въ точности неизвѣстно, гдѣ онъ родился, нѣтъ свѣдѣній о дѣятельности его родителей, нѣтъ ни одного серьезнаго изслѣдованія о немъ; біографія его известна лишь по отрывкамъ, по «Воспоминаніямъ» (С. Т. Аксаковъ и др.), по отдѣльнымъ характеристикамъ и пр. Это только доказываетъ, какъ мы мало цѣнимъ нашихъ выдающихся дѣятелей.

Подѣлимся тѣми скудными свѣдѣніями, которыя мы имѣемъ о Верстовскомъ. Родился онъ 18-го февраля 1799 г., гдѣ — неизвѣстно; по мнѣнію однихъ — въ Тамбовской губерніи, по мнѣнію другихъ (Сѣровъ) — въ Москвѣ. Десятилѣтнимъ мальчикомъ онъ

участвуетъ въ публичномъ концертѣ съ громаднымъ успѣхомъ; слѣдовательно, онъ къ этому времени уже прекрасно игралъ; по всей вѣроятности это — результатъ домашняго воспитанія, ибо школы и консерваторій въ то время не было. Учился онъ у разныхъ учителей: фортепиано у знаменитаго Фильды, игрѣ на скрипкѣ у Маурера, контрапункту у Брандта, пѣнію у Тарквиніо. Отсюда не трудно заключить, что онъ былъ достаточно подготовленъ (для того времени особенно) къ композиторской дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, судя по тому, что онъ воспитывался въ институтѣ путей сообщенія, надо думать, что родители не готовили его въ музыканты. Но призваніе и страсть къ музыкѣ взяли свое. Восемнадцати лѣтъ онъ уже писалъ и уже пользовался широкой извѣстностью.

Его романсы, куплеты къ водевилямъ Ленскаго, Хмѣльницкаго и др. доставили ему такую обширную популярность, что, по свѣдѣніямъ С. Т. Аксакова («Литер. и театр. воспоминанія»), Верстовскій приблизительно между 1820—1825 гг. былъ опредѣленъ директоромъ музыки въ московскій театръ, затѣмъ, съ 1848 г. до 1861 г., онъ управлялъ конторой московскихъ театровъ. Такимъ образомъ, влияние его на дѣла московскаго искусства было безусловно громадное. Не забудемъ, что онъ дѣйствовалъ совмѣстно съ такими дѣятелями, какъ Загоскинъ, Кокосинъ, кн. Шаховской и друг. Шумный успѣхъ, сопровождавшій его произведенія, и былъ, по всей вѣроятности, главной причиной отечества въ его произведеніяхъ серьезной работы относительно инструментовки и изученія классическихъ композиторовъ. Но талантъ онъ былъ первоклассный, и родникъ его мелодическаго дарованія былъ неиссякаемъ. Лучшимъ его сочиненіемъ вполнѣ основательно считается «Аскольдова могила».

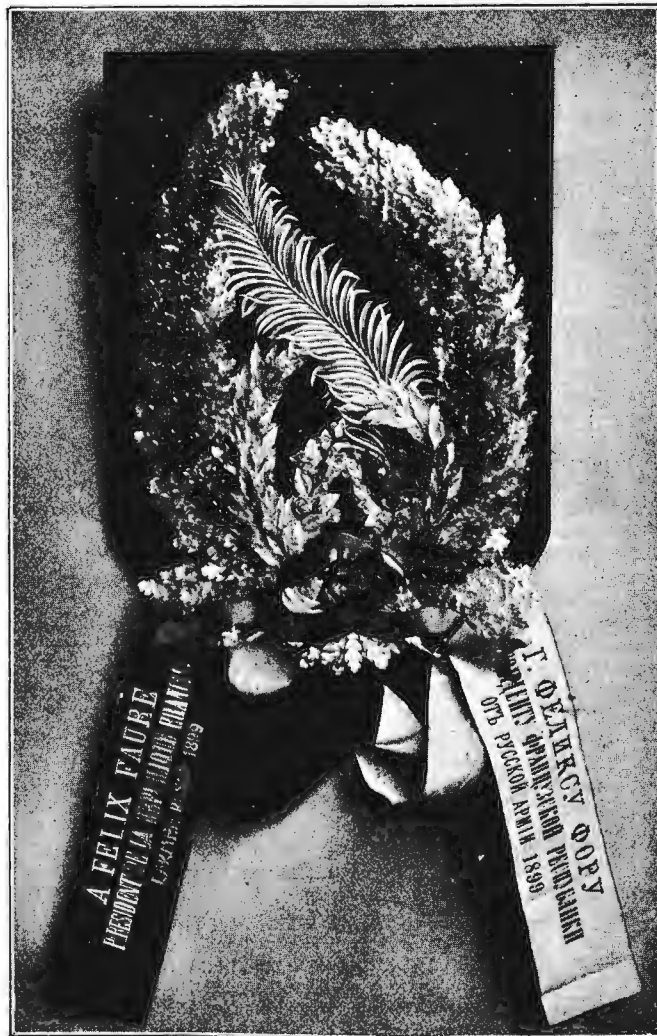
«Оперы», въ томъ смыслѣ, какъ онъ тогда понимались, писали многіе: Львовъ, Титовъ, Фоминъ, Мауреръ, Кавосъ и мн. друг.; ни одно изъ ихъ произведеній, однако, не дожило до нашихъ дней; да и изъ оперъ Верстовскаго, какъ предшествовавшихъ «Аскольдовой могилѣ» («Панъ Твардовскій», «Вадимъ или Двѣнадцать спящихъ дѣвъ»), такъ и послѣдовавшихъ за нею («Госка по родинѣ», «Чурова долина» и «Громобой») почти ничего неизвѣстно. И причина станетъ совершенно понятной, если вспомнимъ, что оперная форма, господствовавшая въ то время (пѣса съ куплетами, нѣчто въ родѣ нѣмецкаго Singspiel'а, обработаннаго Диттерсдорфомъ и др. до Вебера включительно), совершенно отжила; музыкальное же содержаніе этихъ оперъ не заключало въ себѣ ничего такого, что затрогивало бы національное чувство, что было бы написано въ народномъ характерѣ, что захватывало бы русскаго человека. Именно этими сторонами и богата «Аскольдова могила», въ которой Верстовскій является подражателемъ Веберу на національной почвѣ. Если нѣсколько преувеличено мнѣніе Сѣрова, что «мелодія Верстовскаго затрогиваетъ такіа струны русской души, до которыхъ не достигалъ и Глинка», то въ этихъ словахъ есть, несомнѣнно, нѣкоторая доля правды.

Композиторъ, создавшій такой музыкальный типъ, какъ Горюха Голованъ, являющійся и до сихъ поръ единственнымъ въ нашей оперной литературѣ, написавшій такіе хоры, какъ «Гой ты, Днѣпръ ли мой широкий», «Ахъ, подруженьки, какъ грустно» или арію Неизвѣстнаго «Въ старину жи-

А. Н. Верстовскій. По поводу 100-лѣтія дня рожденія. Съ соврем. портр. грав. Хельмцкій.

классическихъ композиторовъ. Но талантъ онъ былъ первоклассный, и родникъ его мелодическаго дарованія былъ неиссякаемъ. Лучшимъ его сочиненіемъ вполнѣ основательно считается «Аскольдова могила».

Вѣнокъ отъ русской армии покойному президенту Французской республики, Феликсу Форю. По фот. автотипія «Нивы».

вали дѣды», славянскую пляску и мн. друг. нумера «Аскольдовой могилы», вызывающіе до настоящаго времени восторги публики, — имѣть полное право на значеніе въ исторіи музыки и на вниманіе потомства. Не забудемъ, что всѣ названные мотивы плоды собственного вдохновенія, а не народныя пѣсни, которыми пользуются теперь многіе авторы, претендующіе на званіе національныхъ композиторовъ.

Вѣнокъ покойному президенту Французской республики Феликсу Фору отъ русской арміи.

(Рис. на стр. 177.)

Среди вѣнковъ, возложенныхъ на гробъ покойнаго президента Французской республики Феликса Форы, одно изъ первыхъ мѣстъ отведено было колоссальному серебряному вѣнку отъ русской арміи. Свитый изъ дубовыхъ, лавровыхъ и миртовыхъ листьевъ съ поноя-

куются габсбургская и венгерская короны, шпиретръ и мечъ, держава и двуглавые орлы; спереди между львами сдѣлана надпись: «Францъ-Иосифъ I, Императоръ Австрійскій, Король Богемскій и пр. и Апост. Кор. Венгріи», на другой сторонѣ: «Лейбъ-Гвардіи Кексгольмскому Императору Австрійскаго полку отъ Шефа 1848—1898».

Изъ середины подымается монументъ, украшенный вензелемъ и гербомъ императора, всевозможными военными доспѣхами и увѣнчаный фигурой Архистратига Михаила, поражающаго дракона.

Вся группа вѣситъ больше трехъ пудовъ и имѣетъ 1¹/₂ аршина высоты.

Къ 75-лѣтію л.-гв. гродненскаго гусарскаго полка.

(Рис. на стр. 179.)

Лейбъ-гвардіи гродненскій гусарскій полкъ сформированъ въ г.

Подарокъ австрійскаго императора Франца-Иосифа л.-гв. кексгольмскому полку въ память 50-лѣтія шефства его величества.
По фот. автотипія «Нивы».

щеюся на нихъ пальмовой вѣтвью, исходящею изъ-подъ русскаго государственнаго герба, вѣнокъ этотъ имѣетъ въ діаметрѣ 1 аршинъ 6 вершковъ. На шелковыхъ лентахъ начертаны надписи на французскомъ и русскомъ языкахъ. Вѣнокъ этотъ возложила особая депутація во главѣ съ генералъ-лейтенантомъ А. А. Бильдерлингомъ, состоявшимъ при особѣ покойнаго президента въ 1897 г., во время пребыванія его въ Россіи.

Подарокъ австрійскаго императора Франца-Иосифа л.-гв. кексгольмскому полку. (Рис. на этой стр.)

28-го декабря минувшаго года л.-гв. кексгольмскій императору австрійскаго полкъ праздновалъ пятидесятилѣтіе назначенія императора Франца-Иосифа своимъ шефомъ. Въ № 1 *Нивы* были помѣщены замѣтка по этому поводу и изображеніе юбилейнаго подношенія полка августѣйшему шефу. Съ своей стороны австрійскій императоръ пожаловалъ въ этотъ день офицерскому собранію л.-гв. кексгольмскаго полка великолѣпный серебряный *surtout de table*, доставленный въ полкъ флигель-адъютантомъ его величества свѣтлейшимъ княземъ Дидрихштейномъ.

Это грандіозное украшеніе представляетъ собою высокохудожественное сочетаніе императорско-королевскихъ регалій и военныхъ эмблемъ. На борту, охватывающемъ вмѣстѣлище для цвѣтовъ, по-

сѣдець въ 1824 г., сначала на правахъ молодой гвардіи, но уже четыре года спустя ему дарованы были права старой гвардіи. Общество офицеровъ л.-гв. гродненскаго гусарскаго полка, желая нынѣ ознаменовать и увѣковѣчить въ полку память о 75-лѣтнемъ его юбилей, постановило заказать для этой цѣли серебряное *surtout de table*. По идеѣ и выполненію оно вышло чрезвычайно оригинальнымъ. Главная часть его изображаетъ собой гору (изъ фруктовъ), на вершинѣ которой, видимо, только что вскопиль верхомъ, командиръ полка съ поднятою саблею, какъ бы для обозрѣнія предприятия передъ атакой, за нимъ адъютантъ и два трубача. У подношья горы — офицеръ-ординарецъ, перескакивающій черезъ заборъ. Цѣлость художественнаго впечатлѣнія группы не нарушается даже и тогда, когда гора изъ фруктовъ разбирается частями. За нею открывается изищно сдѣланный бревенчатый мостъ, на которомъ и остаются всадники. Слѣдующія двѣ части — двѣ вазы для конфетъ — украшены серебряными изображеніями гусаръ на коняхъ въ парадныхъ формахъ 1824 и 1899 гг. Фигура перваго гусара вылѣплена поручикомъ л.-гв. литовскаго полка г. Бышевскимъ, второго — художникомъ Сафоновымъ. На подножкахъ канделябровъ помѣщены группы, представляющія собою два эпизода изъ славной боевой жизни полка: на одной — одинъ изъ моментовъ сраженія подъ м. Раціонжемъ въ 1831 году, на другой — моментъ сраженія при г. Ихтиномъ въ 1877 году. За доблестное участіе въ этихъ кампаніяхъ

полкъ удостоенъ двухъ высшихъ знаковъ отличія: георгиевскаго штандарта съ надписью: «За отличіе въ турецкую войну 1877—78 гг.» и серебряныхъ трубъ съ надписью: «Л.-гв. гродненскій гусарскій полкъ въ 1830 г.». На остальныхъ вазахъ для фруктовъ изображены сцены изъ мирной казарменной жизни полка. Всѣ орнаментныя части surtout de table исполнены въ стилѣ «Empire», вполне гармонирующемъ съ убранствомъ столовой полка. Въ дѣлѣ приняли участіе гг. Сафоновъ, Былевскій, Грачевъ и Степановъ. Самая же идея всего этого «surtout de table», а также и первоначальные наброски всѣхъ группъ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ принадлежатъ ротмистру полка П. Д. Политковскому. Этотъ цѣнный подарокъ, выдающійся по художественности замысла и исполненія, стоитъ болѣе 12.000 рублей. Въ подпискѣ на этотъ подарокъ участвовали, кромѣ наличнаго состава полка, и многіе бывшіе гродненскіе гусары.

Яхта „Тимса“, подаренная черногорскому князю турецкимъ султаномъ. (Рис. на стр. 180.)

22-го января покинула берега Босфора и отправилась въ Адриа-

строителемъ Гузни-пашой. Вся цѣликомъ сооруженная изъ стали, она имѣетъ въ длину 120 и въ ширину 18 футовъ, при осадкѣ въ 11 футовъ. При 200 тоннахъ водоизмѣщенія, яхта развиваетъ скорость въ 14 англійскихъ миль въ часъ. Несмотря на то, что турки считаютъ до сихъ поръ электротехнику «богопротивнымъ дѣломъ», яхта снабжена электрическимъ освѣщеніемъ. Вообще, по своему устройству яхта представляетъ собою послѣднее слово корабельной техники. Внутреннее убранство поражаетъ своимъ комфортомъ и чисто-восточной роскошью. На яхтѣ имѣются двѣ каюты для княжеской четы, обѣденный и курительный салоны, каюты для 12 офицеровъ и капитана яхты и помѣщеніе для 25 человѣкъ команды.

Этотъ роскошный подарокъ султана является новымъ доказательствомъ дружескаго расположенія падишаха къ черногорскому князю, который сумѣлъ, и какъ правитель — своимъ выдающимся политическимъ тактомъ, и какъ человѣкъ — своей открытой, прямой душой — привлечь къ себѣ сердца всѣхъ балканскихъ правителей. Въ настоящее время миролюбивыхъ тенденцій, каждое проявленіе дружескихъ чувствъ между правителями на Балканскомъ полуостровѣ, представлявшемъ собою въ теченіе многихъ вѣковъ очагъ войны, должно быть привѣтствуемо съ особенной радостью всѣми,

Къ 75-лѣтію л.-гв. гродненскаго гусарскаго полка. Серебряное Surtout de table, заказанное собраніемъ полка въ память его 75-лѣтія. По фот. Бѣлявскаго автотипія «Нивы».

тическое море новая, подаренная султаномъ черногорскому князю, яхта «Тимса». Яхта эта построена въ самой Турціи корабельнымъ

человѣкомъ дорого мирное преуспѣваніе родины и культурное развитіе

Политическое обозрѣніе.

Въ политической жизни Австро-Венгріи на первомъ планѣ все еще стоитъ сложная задача, какъ найти выходъ изъ крайне запутаннаго положенія. Старая политическая система габсбургской имперіи, мало пригодная для удовлетворенія современныхъ требованій народностей, подвластныхъ императору Францу-Иосифу, — стремится всѣми мѣрами удержаться за собою господствующее положеніе: австрійскіе нѣмцы, признавая за австро-венгерской монархіей исключительно нѣмецкій обликъ, и слышать не хотятъ о дарованіи славянамъ равноправности въ области языка. Упорное сопротивленіе въ рейхсратѣ всѣмъ начинаніямъ правительства сдѣлало окончательно невозможною дальнѣйшую законодательную дѣятельность: рядъ безплодныхъ попытокъ со стороны правительства добиться отъ парламента разрѣшенія важнѣйшихъ текущихъ вопросовъ привелъ наконецъ, какъ всѣ того ожидали, къ закрытію рейхсрата. Съ принятіемъ этой мѣры урегулированіе всѣхъ вопросовъ представлено всецѣло самому императору, въ силу 14 статьи австрійской конституціи. Объясняя причину такого поворота дѣлъ, министр-президентъ графъ Тунъ заявилъ парламентской комиссіи правительственнаго большинства, что единственный поводъ къ отсрочкѣ засѣданій рейхсрата, это — доказанный obstructioнизмъ, на устраненіе котораго нѣтъ никакой надежды. Стараясь отклонить отъ себя отвѣтственность за приостановку парламентской дѣятельности, всѣ политическія партіи обратились въ концѣ истекшаго мѣсяца съ манифестами къ своимъ избирателямъ.

Несмотря на закрытіе рейхсрата, глава кабинета, графъ Тунъ, общающій славянскому и клерикальному большинству совѣщаться съ нимъ по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ, на что нѣмцы отвѣтили

усиленнымъ возбужденіемъ пангерманскаго духа, привѣтствуя общенѣмецкій патриотизмъ гогенцоллернскаго дома.

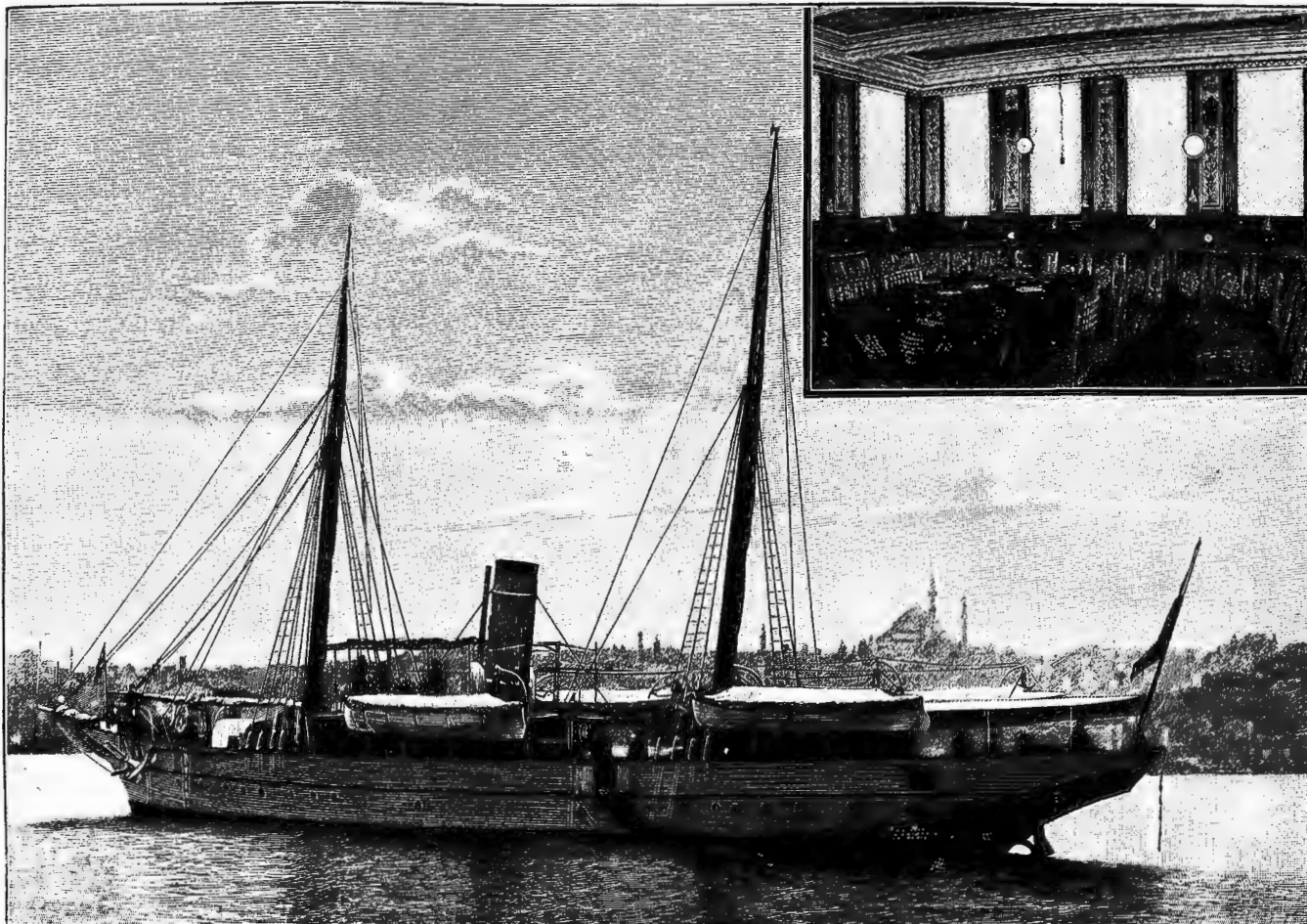
Въ то время, какъ для Австріи нашелся предохранительный плапанъ, — 14-я статья конституціи, — въ другой половинѣ монархіи, въ Венгріи, срокъ законныхъ полномочій правительства для установленія договорныхъ отношеній къ Австріи — истекъ, и въ силу этого Венгрія приобрѣтала право на самостоятельное рѣшеніе неотложныхъ дѣлъ, независимо отъ Вѣны, гдѣ парламентъ бездѣиственъ.

Но съ начала нынѣшняго года государственныя дѣла Венгріи продолжали идти по инерціи прежнимъ порядкомъ, и министр-президентъ баронъ Банффи управлялъ страной безъ парламентскихъ полномочій, основываясь лишь на повелѣніяхъ императора. Такой порядокъ крайне ожесточилъ оппозицію венгерскаго парламента, которая рѣзко высказалась, что Венгрія дѣла нѣтъ до затруднительныхъ обстоятельствъ Вѣны, а потому венгерское правительство обязано-де заботиться только о дѣлахъ венгерскаго народа. Борьба парламента, большинства противъ правительства должна была привести къ паденію кабинета барона Банффи, на что указывали въ началѣ текущаго мѣсяца неоднократныя аудіенціи венгерскаго премьера у императора въ Вѣнѣ и постановка барономъ Банффи вопроса о доврѣніи къ кабинету. Совѣщанія императора съ политическими вождями Венгріи выяснили, что оппозиція стремится къ удаленію барона Банффи. Въ подтвержденіе этого требованія предъявленъ былъ ультиматумъ, именно отъ оппозиціи отъ всякихъ переговоровъ до ухода премьера изъ кабинета. Положеніе императора Франца-Иосифа оказалось тѣмъ болѣе

затруднительнымъ, что венгерскій министр-президентъ руководился въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно желаніями своего государя. Тѣмъ не менѣ уступка парламентскому большинству оказалась неизбежной, и баронъ Банффи заявилъ либеральной партіи, что компромиссъ съ оппозиціей не удался, а потому кабинетъ выходитъ въ отставку. Императоръ поручилъ г. Коломану Селлю сформировать новый кабинетъ, послѣ чего состоялось соглашеніе съ оппозиціей въ слѣдующихъ пунктахъ: измѣненіе парламентской процедуры съ цѣлью сдѣлать невозможнымъ obstructivismъ; соответствующая переработка законовъ о выборахъ для обезпеченія ихъ свободы. Императорскимъ рескриптомъ 15-го февраля объявлено объ отставкѣ кабинета и о назначеніи министромъ-президентомъ г. Коломана Селля; новый кабинетъ составленъ исключительно изъ либераловъ; назначены шесть прежнихъ министровъ и двое новыхъ; возвышено о возобновленіи законнаго порядка, приостановленнаго

Глава новаго венгерскаго министерства произнесъ 17-го февраля въ палатѣ депутатовъ рѣчь-программу, сводящуюся къ слѣдующему: внутренняя борьба, продолжавшаяся нѣсколько мѣсяцевъ, будто бы уже окончена: главный достигнутый успѣхъ—установленіе съ Австріей соглашенія, въ которомъ венгерское правительство придерживается законовъ 1867 года; для обезпеченія миролюбія необходимо заботиться объ арміи; во внѣшней дѣятельности правительство стоитъ за политику мира на основахъ тройственнаго союза. При громкихъ знакахъ одобренія всей палаты, министр-президентъ закончилъ свою рѣчь, призывая всѣхъ венгерцевъ слить свои усилія на благо родины. Палата депутатовъ отвѣтила кабинету полнымъ довѣріемъ. Въ этомъ же смыслѣ высказалась и палата магнатовъ.

Такимъ образомъ получено новое подтвержденіе факта, что Венгрія съ успѣхомъ пользуется обстоятельствами и послѣдовательно

Внѣшній видъ. Внутренній видъ каюты.
Яхта „Тимса“, подаренная турецкимъ султаномъ князю черногорскому. По фот. грав. М. Рашевскій.

съ начала нынѣшняго года бывшимъ министромъ-президентомъ; экономическія отношенія къ Австріи будутъ-де рѣшены починаемъ Венгріи, такъ какъ теперь фактически нѣтъ австрійскаго парламента.

переноситъ центръ государственной дѣятельности габсбургской имперіи въ Буда-Пештъ, откуда теперь ожидается починъ въ нелегкомъ дѣлѣ разрѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ.

СМѢСЬ.

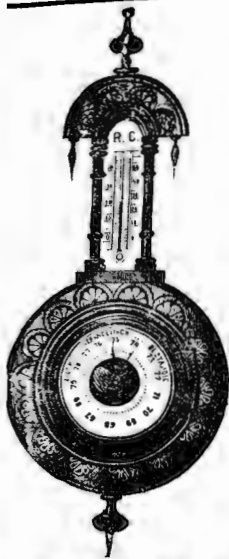
Театральныя представленія въ курьерскихъ поѣздахъ.— Удивительное новшество, способное, въ истинномъ смыслѣ слова, превратить желѣзнодорожныя путешествія въ увеселительныя поѣздки, вводится на нѣкоторыхъ скорыхъ поѣздахъ прямого сообщенія между Нью-Йоркомъ западомъ и югомъ Соединенныхъ Штатовъ. Существуетъ намѣреніе снабдить эти поѣзда, — и безъ того уже пользующіея всевозможнымъ комфортомъ и утонченной роскошью — маленькимъ театромъ, имѣющимъ всѣ аксессуары настоящей сцены. Первый театральныи вагонъ, строящійся для извѣстнаго антрепренера Джона Ф. Гарлея, будетъ включенъ въ поѣздъ «Black-diamond-express» и начнетъ дѣйствовать съ 1-го апрѣля 1899 г. Такъ какъ вагонная сцена не можетъ быть велика, то предполагается ставить только маленькія пьесы, давать концерты и т. п. Внутреннее устройство театральнаго вагона должно подходить по возможности близко къ обыкновенному храму музъ. Мѣста, рассчитанныя на 50—60 человекъ, будутъ подниматься амфитеатромъ. Сцена будетъ нѣсколько приподнята, и передъ ней будетъ помѣщаться оркестръ изъ пѣвицы, корнетъ-а-пистона и флейты. Разнообразнѣйшія представленія, съ небольшими перерывами, будутъ продолжаться съ десяти часовъ утра до двѣнадцати часовъ ночи. За

полчаса до каждаго представленія, капельдинеры должны обходить по узенькимъ коридорамъ весь поѣздъ-гармонику и раздавать во всѣхъ купѣ афиши. Отъ тѣхъ же капельдинеровъ могутъ получать и билеты на предстоящее представленіе тѣ, кто не занасяся заранѣе «pas-partout», которое продается въ каждой кассѣ вмѣстѣ съ пробѣжными билетами. Такіе театральные вагоны — Theatre-cars — будутъ впрочемъ употребляться и для другихъ цѣлей. Посредствомъ весьма остроумныхъ приспособленій, сцена можетъ быть превращена въ маленькій аттаръ, и, въ воскресенье утромъ, специально ангажированный для воскресныхъ поѣздокъ пасторъ можетъ совершать богослуженіе, при чемъ пианино замѣнитъ органъ. Рѣзкую противоположность составитъ слѣдующая метаморфоза, которую придется перенести театальному вагону. При самыхъ незначительныхъ хлопотахъ стулья могутъ быть удалены, сцена сдвинута, и вагонъ во всякое время можетъ превратиться въ бальную залу, украшенную цвѣтами и экзотическими растеніями. Здѣсь подъ веселые мотивы незатѣйливаго оркестра путешественники могутъ сокращать танцами безконечно длинныя часы желѣзнодорожнаго путешествія. Повстинѣ американское изобрѣтеніе!..

ЗНАМЕНИТЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
„ЭНФИЛЬДЪ“
 „Ройаль“ 99 г. цѣна 170 руб.
 ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

И. Г. АЛЕКСѢЕВЪ И К^о.
 Москва, Рождественка, д. Третьяковыхъ.
 Прейсъ-куранты по требованію. П. № 12031 8-1

БАРОМЕТРЫ-АНЕРОИДЪ

проверенные, въ металлическихъ
 оправкахъ отъ . . . 3 р. 50 к.
 Въ деревянныхъ опра-
 вкахъ отъ 7 р.
БИНОКЛИ для театра и поля, съ
 большимъ полемъ зрѣнія и силь-
 нымъ увеличеніемъ отъ 3 р.
 50 к. до 30 руб.
ОЧНИ и ПЕНСНЪ съ
 лучшими стеклами,
 стальные 1 р. 25 к.
 Double (накладного
 золота), не отли-
 чающіеся отъ золо-
 тыхъ и не чернѣющіе. 4 р.
ОЧНИ и ПЕНСНЪ золо-
 тые 56 пробы отъ . . . 7 р.

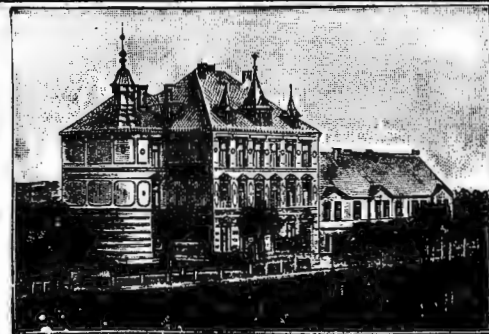

П. № 12056
 3-2 **В. ПРЕТЦЕЛЬ**
 преемникъ **КАРЛЬ БОРХАРТЪ**
 Москва, Рождественка, д. № 5.

Фабриканты Образцовыхъ механическихъ гильзъ
 ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
 наследники
ВИКТОРСОНЪ **Предостереженіе!**
 СТАРШАГО
 МОСКВА.

Папиросныя гильзы нашей фабрики вырабатываются безъ вся-
 кихъ прозрачныхъ надписей и узоровъ, что служитъ лучшимъ на-
 гляднымъ доказательствомъ отсутствія вредныхъ примѣсей, такъ что,
 при употребленіи нашихъ гильзъ, табакъ вполнѣ сохраняетъ своей
 вкусъ и ароматъ. № 12080

Продажа во всехъ городахъ Россіи.
Остерегайтесь поддѣлокъ и подражаній.

Лѣчебница Шульце въ Гарделегенѣ
 (Gardelegen) Саксонія, Германія.

ЛѢЧЕБНИЦА
 для спокойныхъ
 душевно-боль-
 ныхъ, эпилепти-
 ковъ и слабоум-
 ныхъ дѣтей,
 за которыми установленъ
 тщательный присмотръ и
 уходъ. Обширная эконо-
 мія, сады, парки. Лѣс-
 ства, здоровая мѣстность.
Берлинъ-Дерте-
вокзалъ.
 (Berlin-Lehrter Bahn).
 Со справками обращаться
 въ дирекцію лѣчебницы.

ВАЖНОЕ СООБЩЕНІЕ **Пониженіе цѣнъ.**
 Благодаря феноменальному успѣху образцовыхъ пишущихъ машинъ

РЕМИНГТОНЪ
 обить которыхъ достигъ уже цифры
— 250,000 шт. —
 заводъ счелъ возможнымъ понизитъ съ 1 Сентября с. г. цѣну машинъ
на 50 руб.
 поэтому новѣйшая модель 1898 года Ремингтонъ Спеціаль стоитъ 275 и 280 р., а модель № 5-й только 250 и 235 руб.
ПРЕДОСТЕРЕГ. ОТЪ МАССЫ ПОДДѢЛОКЪ!!
КАТАЛОГИ БЕЗПЛАТНО.
ЕДИНСТВ. ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ

М. Блок
 МОСКВА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
 КИЕВЪ, ОДЕССА,
 Варшава, Екатеринбургъ,
 Никандръ, Ростовъ н/а.
 н. с. нивольскій, москв.

Московское Товарищество повсемѣстнаго артезианскаго водоснабженія, орошенія и осушки

Б. И. фонъ-ВАНГЕЛЬ,

Москва, Покровская, собств. д., № 84, Телефонъ № 2168.

принимаетъ на себя устройство артезианскихъ колодезъ
 для получения чистой воды для городовъ, мѣстностей, желѣзныхъ дорогъ и частныхъ лицъ.
Сооруженіе полныхъ насосныхъ станцій
 ручного и машиннаго дѣйствія, вѣтряными, керосиновыми и приводимыми въ дѣйствіе горячимъ воздухомъ двигателями.

Собственники привлекли для всей Россіи на патентованные пневматическіе элеваторы „Мамуть“ для подъема воды изъ артезианскихъ колодезъ, съ большой глубины, а также и для подъема другихъ жидкостей, какъ-то: нефти, кислотъ, бумажной массы, барды, сточныхъ водъ разныхъ видовъ—холодныхъ, горячихъ, иловатыхъ и песчаныхъ. Единственно надежное сооруженіе, не требующее ремонта, такъ какъ въ скважинѣ не имѣется движущихся и трущихся частей, какъ, напр., поршней, цилиндровъ, клапановъ и пр.

Продажа комплектовъ буроваго инструмента, составленныхъ на основаніи собственной многолѣтней практики, буровыхъ трубъ и др. необходимыхъ матеріаловъ: а) для буренія въ ручную и машиннымъ способомъ, б) для изысканія полезныхъ ископаемыхъ, в) для устройства артезианскихъ и абиссинскихъ колодезъ. Геологическія изысканія для разныхъ цѣлей. Устройство аппаратовъ для смѣгненія жесткой воды, употребляемой для питанія котловъ и другихъ промышленныхъ цѣлей. Сооруженіе фильтровъ для очистки мутной воды. Ц. № 11593 5-3

По востребованію высылаются прейсъ-куранты и смѣты.

Пейте Цейлонскій чай!
Пейте Цейлонскій чай!!
Пейте Цейлонскій чай!!!

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготовленія.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучший чай по вкусу и аромату.

Годичное потребленіе Цейлонскаго чая въ Россіи
 болѣе 10.000,000 фунтовъ 10.000,000.

Ш. № 11641 30-17

Главный складъ Цейлонскаго чая у М. РОЖИВІЮ, Москва,
МАРОСЕЙКА, Д. ТУШНИНОЙ. Ш. № 11642 20-17
 Представитель Товарищества Цейлонскихъ плантаторовъ для всей Россіи.

Черезъ контору журнала
„СЧЕТОВОДСТВО“
 (СПБ., Невскій 64) можно выпустить:
 1) Двойную бухгалтерію въ популяр. очер-
 кахъ, 2-ое изданіе. Цѣна 1 руб.
 2) Самоучитель двойн. бухгалт. Ф. Ску-
 бица, 3-е изд. Ц. 1 р. 50 к.
 3) Одобренъ Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ.
 Фабрично-заводское (мельничное) сче-
 товодство, Л. Гомберга. Цѣна 4 руб.
 4) Аналитическая карта бухгалтеріи. Ц.
 75 коп. № 12036 3-2
 5) Журналъ „Счетоводство“ за 1889—1899
 годъ, по 6 руб. Богатый научный и прак-
 тическій матеріалъ.
 Нал. пл. высл. лишь при задаткѣ.
 Программа, съ оглавленіемъ за всѣ года, вы-
 сылается бесплатно.

№ 4711. Кто любит запах настоящей фиалки, тот пусть требует ЭССЕНЦИИ „РЕЙНСКАЯ ФИАЛКА“ (Violette du Rhin.)

№ 4711. Чистый запах Фиалки, крепкий, даже в течение нескольких недель не выдыхающийся.

№ 4711 Savon violette
№ 4711 Sachets violette du rhin. Всею Однородного качества.

Продается в парфюмерных аптекарских магазинах.

ТРЕБУЙТЕ ВЪ АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ „АРМИНЪ“

для хлы и мягкости усовъ и бороды.

ЦѢНА 50 КОП.

„АРМИНЪ“ безъ № 267 разр. Мед. Упр.—поддѣлка. Главн. складъ Г. ШОПА Пассажъ, № 52, С.-Петербургъ.

СОСТАВИТЬ СЕБѢ ПОЛОЖЕНІЕ можно, правящая агентуру известной фирмы. Очень выгодныя условия. Писать А. Б. ящикъ 13. Почтамтъ. Кішиневъ.

Разрѣш. Кіев. Учебн. окр. курсы

ДВ. ИТ. БУХГАЛТЕРІИ

сноро и основательно вучч. всякаго посредперл., вполнѣ замѣн. устное препода. Услов. выс. безпл. А. П. Бобырь. Кіевъ, Рейтарск., 23.

БЫСТРО, ЧЕТКО и КРАСИВО пишуть новѣйшія пишущія машины

„БЛИКЕНСДЕРФЕРЪ“

Въ 2 года выпущено свыше 20,000 машинъ.

На различн. выставкахъ премированы высшими наградами и золот. медалями. Цѣна **100 и 140 руб.** В. № 11923 6—8

Образцы шрифтовъ и каталоги высылаются бесплатно.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ: Э. КИЖИМАНЪ и К° С.-Петербургъ, Гороховая, 17.

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены **ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА**

В. № 11515 13—12

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.

Фабрика **РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО** основанная въ 1810 году СПб., Владимирская, № 8, рекомендуетъ превосходнаго тона и отличной работы **РОЯЛИ** въ 1100, 900, 800, 700, 650 и 550 рублей. **ПИАНИНО** въ 550, 600 и 450 р. Прейсъ-куранты высылаются бесплатно.

Депю въ Москвѣ: Юлій Генрихъ Циммерманъ, Кузнецкій м., д. Захарьина; въ Ригѣ: О. Энгельманъ; въ Воронежѣ: Р. Т. Шугама; въ Бану: Ф. И. Шрейберъ; въ Тифлисѣ: В. М. Мирманянъ.

Складъ чая и шелковыхъ товаровъ **ТОРГОВАГО ДОМА Барботъ-де-Марни и К°, Кяхта.**

Спеціальный прейсъ-курантъ для иногородныхъ:

Ланной	1 р. 20 к.	Фанза бѣлая, цвѣтная 22 арш.	10 р. —
Синешеху	1 р. 40 к.	Фанза бѣлая, цвѣтная 22 арш. лучш.	14 р. —
Сююфать	1 р. 60 к.	Лѣтн. дамск. шарфъ.	3 р. 50 к.
Тисучючю	1 р. 80 к.	Платки шелков. носов.	40 к.
Поудзюконъ	2 р. —	Купоны чесучи (шаджажъ, жилеть)	5 р. —
Кихинъ	2 р. 40 к.	Купоны чесучи, фанзы для дамск. кофточекъ. 3 р. —	
Чесуча мужск. 28 арш.	18 р. —		
Чесуча муж. 28 арш. выс. с. 22 р. —			
Дамская чесуча 28 арш.	10 р. —		
Дамская чесуча 28 арш. высш. с.	14 р. —		

Цѣны обозначены съ пошлиной и доставкой по всей Россіи. Торговый домъ высылаеть всѣ товары наложеннымъ платежемъ, безъ задатка, учрежденіямъ всѣхъ Министерствъ, Духовенству, агентамъ Страховыхъ обществъ, начальникамъ станцій, земскимъ, городскимъ управленіямъ. Частныя лица высылаютъ четверть стоимости; заказы телеграммой исполняются немедленно. При заказахъ отъ пяти до двадцати рублей просить деньги высылаеть впередъ полностью. Адресъ для денежныхъ посылокъ: Троицкоавскъ, въ Кяхту; адресъ для телеграммъ: Кяхта, чай. Ц. № 12073

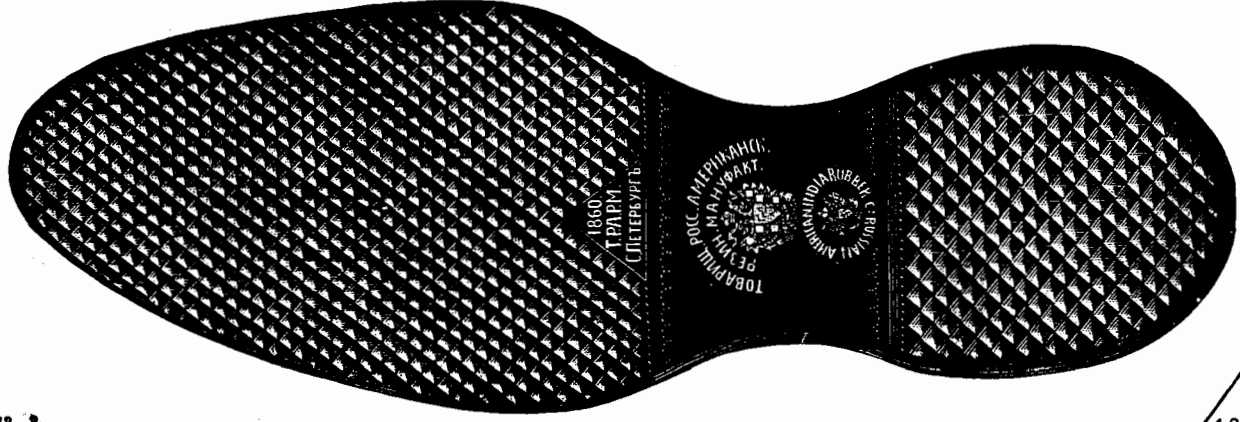

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНОФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ** обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 11926-13-3

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, и на слово „С.-Петербургъ“ въ красномъ треугольничкѣ (фабричное клеймо).

ЭСПЕРАНТО, международн. языкъ, украинск. легкій. Пола. учебникъ съ 2 словар. 28 коп. съ пересылк. СПБ. О-во „Эсперо“, Соколовъ Городецк. Членскій взносъ 2 рубля въ годъ. № 12036

Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу новое издание А. Ф. МАРКСА:

„НЕПОКУШНОЕ“.

Повѣсть Н. Н. Цолеваго.

Съ 55 оригинальнымъ рисунками Е. П. Самокишъ-Судковской.

Большой роскошный томъ въ 4-ю долю листа въ художественномъ переплетѣ, тисненомъ золотомъ, серебромъ и красками.

Прекрасныя, художественно воспроизведенныя, иллюстраціи Е. П. Самокишъ-Судковской не только служатъ украшеніемъ повести, но и въ известной степени поясняютъ мысль автора: строго вѣрныя тексту, онѣ запечатлѣваютъ въ памяти читателя образы, которые создалъ авторъ въ своей повѣсти. Великолепная бумага, четкій, крупный шрифтъ, большой форматъ (въ 4-ю долю листа), блестящій художественный, тисненый красками, серебромъ и золотомъ переплетъ придають книгѣ характеръ роскошнаго издания.

Цѣна 2 р. 50 к., съ перес.— 2 р. 80 к., въ художественномъ переплетѣ— 3 р., съ пересылкою — 3 р. 50 к.

Треб. просать адресъ въ контору изданій А. Ф. Маркса, СПБ., М. Морская, № 22.

ПРОБОВАТЬСЯ ПОДЪ ЛЮДЬМИ
ПРОВИЗОРА
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
 ПРОТИВЪ ИЗЛИШНЕЙ ПОТЛИВОСТИ И
 ДЕЗОДОРИРУЮЩЕЕ
БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
 Цѣна 50 к. 1/2 к. 30 к.

КРАСИВО ПИСАТЬ
 выучивается всякій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи А. КОССОДО.
 Методъ преполагаетъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. За 4 семилетнія марки высылаются **ПРОБНОЕ ПИСЬМО** шрифтовъ, подробныя условия и образцы исправленія почерк. заочн. учен. Адресъ: профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

РИСОВАЯ ПУДРА
ПЛОТНОПРИСТАЮЩАЯ И НЕВАМѢТНАЯ, ДУШИСТАЯ
LA MADONE
 Продажа оптомъ:
 HUBERT, парфюмеръ въ БОРДО и въ ПАРИЖѢ: 26, rue d'Enghien
 Складъ во всѣхъ хорошихъ парфюмерныхъ магазинахъ.

ИСПОЛИНСКИЕ
 овощи, фрукты, декоративныя и красиво-цвѣтущія кусты на любой почвѣ и склонахъ получаютъ посредствомъ прѣжневшаго **ВАГНЕРОВСКИХЪ ТУКОВЪ** марка W. G. для садовыхъ растений (жестянка — 30 к.).
 Марка А. G. для огородныхъ растений 10 фунтовъ — 2 руб. 50 коп.
 Наставленіе безплатно.
Г. ФРИКЪ, СПБ., Адмиралтейскій просп., 10.

ПРІЯТНЫЕ ДУХИ
ВЕРА-АНОНА
РОСКОШНЫЕ ИВЖИЕ
ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЕРА-АНОНА
ПРІЯТНОЕ,
ИВЖИЕ БАРХАТИСТОЕ
Т-ва ГИГИЕНА
 ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ.
 Гл. складъ: С.-Петербургъ, Коломенская, 12.

НОВОЕ то возбуждаетъ всеобщій интересъ и удивленіе, есть лучшій предметъ въ Чикаго ручная швейная машина „The Juwel“ которая шьетъ всякую матерію, толстую и тонкую, судно и положно также аккуртно, какъ самая большія швейная машина.
 Конструкция вся изъ жѣлѣза и стали, вѣсичко отполированная съ регуляторомъ, шнуръ, камн., прочн., камн., шнурочкой
 9 руб.
 для масла и измеренія. Можно нанимать руководителемъ. Въезъ 5 Кило. Каждая машина имѣетъ тщательно проверенъ ходитъ стоитъ со всѣми приспособл. для шитья всевозможныхъ матерій и мною одуванъ пошленимъ только 9 руб. Высылаютъ по полученіи всѣхъ суммъ или 3 р. вадатка **M. RUN, BAKIN, WIEN, Berggasse 3.** (Вѣна Австрія). Преис-кур. бс. платно.

ВОЛИЦНИЙ лѣчить наружныя, внутреннія болѣзни электротер. Невскій, 53, кв. 7. Отъ 2—4 и отъ 6—7 1/2 ч. в. № 12093 4—1
 По новѣйшей французской методѣ „**БОРТА**“ 10—2 обучаю кроить и шитья дамскихъ, дѣтскихъ народовъ, верхн. платья, бѣлыя и корсетовъ съ школѣ и заочно посредствомъ лекцій. Плата впередъ не взимается. По окончаніи установленное свидѣтельство. Условія высыл. безплатно. Киевъ, Б. Васильковская д. № 89. Преподавательница Е. Д. АШМАРИНА.

1 2 коп. ВЪ ГОДЪ
 стоятъ содержаніе комнаты, оранжерей или теплицы, растенія въ полной силѣ и въ пышномъ цвѣтѣ. Ц. № 12092
 Гл. складъ хвойника „Эфедры“, подъ назв. „Трава Нузымича“. Ц.: отъ 1-й с. ягодная съ корн., боровая 5 р. ф., 2-й с. тоже боровая 3 р. за ф. Адресъ: г. Бузулукъ, Сам. г. складъ хвойника Сергѣя Зянов. Орловъ.

ТЕХНИЧЕСКОЕ БЮРО ДЛЯ ХИМИЧЕСКОЙ
 Промышленности И. Ю. Якубовскій, Киевъ, Б. Житомирская, № 18.

ÉLIXIR, POUDRE ET PÂTE DENTIFRICES
 des RR. PP.
BÉNÉDICTINS
 DE l'Abbaye de Souillac,
 Dom MAQUELONNE, Prieur.
 Inventés en l'an 1373 par le Prieur P. BOURSAUD
VENTE EN GROS :
SEGUIN, BORDEAUX.
 Maison fondée en 1807.
 VENTE DANS TOUTES LES BONNES PARFUMERIES, PHARMACIES ET DROGUERIES.
 MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.
 GRAND PRIX Expos. Int. Lyon 1894. HORS CONCOURS MEMBRE DU JURY Expo. Int. Bordeaux 1895.
 EXIGER LA SIGNATURE DU PRIEUR Dom Maquellonne B. O. S.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
 Бѣлая и розовая вода для блоннурыхъ, желтая вода для брюнетокъ. Флаконтъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILLENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5-2 (1291)

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
 ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. № 7.
ХИМНАЯ ВОДА ДЛЯ ВОЛОСЪ.
 С-Петербургъ, врачамъ, управл. и готово, и продажа вышесказанной воды какъ не содержитъ въ своемъ составѣ вредн. взор. веществъ, развѣн. на общ. основан. торг.
 Вода Филородъ. Шампунъ (Мыльн. эссен.). Тоническая вода. для мытья головы.

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ
 Принадлежитъ Департ. торгов. и мануф. за № 5102.
Купите для вашихъ самоваровъ
ПАТЕНТОВАННЫЙ АППАРАТЪ-РЕГУЛЯТОРЪ.

Видъ самовара съ аппаратомъ-регуляторомъ. **ЭКОНОМНО, УДОБНО И ИЗЯЧНО.**
 Аппаратъ-регуляторъ поддерживаетъ кипяченіе въ самоварѣ въ теченіе 10 часовъ, устраняетъ дымъ и гарь, сохраняетъ качество чая. Предохраняетъ руки отъ обжоговъ и исключаетъ всякую надобность въ примитивномъ накрываніи самоварной трубы традиціонной бумагой. Аппаратъ приводится въ дѣйствіе простымъ поворотомъ кружка стержня, какъ у обыкновенной лампы. Въ виду разныхъ размѣровъ самоварныхъ трубъ, при заказѣ слѣдуетъ прислать бумажную ленточку **ТОЧНУЮ МѢРКУ ОБЪЕМА ВКРУГЪ ТРУБЫ**, въ томъ мѣстѣ, гдѣ надвывается конфорка. Цѣна съ пересылкой за 1 штуку 1 р. 20 к., 3 шт. 3 р. 10 к., 5 шт. 4 р. 80 к. Прислать двѣнадцатью марками, наложеннымъ платежомъ 10 к. дороже.
 Аппаратъ изготовленъ изъ самоварной мѣди. Высеребрены на 50 коп. дороже.
 Адресъ: **КРОЛЬ и ЧИДНЕРЪ**, Одесса, Ординная, 24, соб. домъ. Приглашаютъ агенты.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника ЮХУИІІ в. Всеволода Соловьева. СПБ. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Требования адресовать въ контору изданій А. Ф. Маркса, СПБ., М. Морская, № 22.

ОСПЕННЫЙ ТЕЛЯТНИКЪ
 ветеринарнаго врача С. К. Живонисцева въ г. Орлѣ.

Во всякое время года можно получать свѣжую оспенную вакцину для прививанія людямъ предохранительной осмы. Выписывать можно съ наложеннымъ платежомъ и на сумму не менѣе рубля. Заказы исполняются безъ замедленія. Адресъ: г. Орель, оспенный телятникъ Живонисцева.

ШЕЧТО НЕБЫВАЛОЕ!
 Женевскіе, вѣзичные открытыя мунисіе черныя часы, вороненое стали, ремонтуаръ извѣстной фабрики „Эмилъ“, превращенные до минуты, съ ручательствомъ за ходъ на 6 лѣтъ, высылаемъ и безъ задатка наложеннымъ платеж. часъ за 4 р., такіе же дамскіе и гимназ. а также золочен. 1 руб. дороже.
 Адресъ: главный складъ часовъ **ПО-ДЕ-ФОНЪ** въ В. ршчѣ.

ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ КУРСЪ
 КОММЕРЧЕСКОЙ АРИТМЕТИКИ И двойной бухгалтеріи, сост. Ф. І. Бельмеръ, препода. Моск. гор. учнд. и торгов. школы, а также курсовъ бухгалтеріи при общ. распростр. коммерч. образов. 420 стр. больш. форм. Цѣна 1 р. 50 к., съ налож. плат. 1 р. 80 к., съ перес. 1 р. 70 к. Книга эта по простотѣ изложенія доступна пониманію каждому, особенно пригодна для самообученія, т. е., кромѣ курса бухгалтеріи, содержитъ курсъ коммер. ариметики, безъ котор. изученіе бухгалтеріи невозможно. Складъ изданій: Москва, Тверская, оруж. магаз. „Я. Зимина вдова и Ко.“ Выписъ изъ скл. за наличн., за пересылку не платятъ.

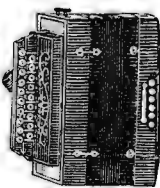
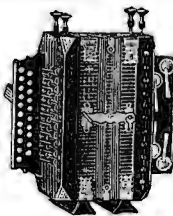
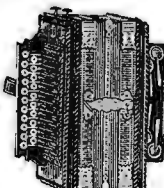
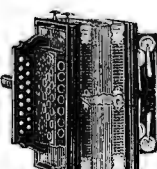
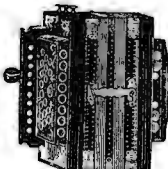
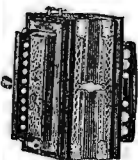
СИБИРСКІЙ СКЛАДЪ
КИТАЙСКИХЪ ШЕЛКОВЫХЪ МАТЕРІЙ
Д. А. Епанешникова
 Москва, Никольская ул., д. Греческ. мон.
ЧЕ-СУ-ЧА.
 Дамская отъ 12 до 18 р. кусокъ въ 26/28 арш. Мужская « 20 « 40 р. кусокъ въ 26/28 « Фанза « 12 « 50 р. кусокъ въ 21/22 « Товаръ высылаю наложеннымъ платежомъ. Образцы безплатно. 10—4

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
 на новую книгу
„ОТЪ МРАКА КЪ СВѢТУ“
 Б. О. ДЕ-СКРОХОВСКАГО.
 Двѣ части свыше 40 листовъ большого формата. Цѣна по подпискѣ теперь 3 р. 50 к. Цѣна по выходѣ въ свѣтъ 5 р. — е. Подписка принимается въ типографіи А. А. Пороховникова: СПБ. Басейная 3—5.

ГАРМОНИИ

ИЗВѢСТНѢЙШЕЙ ФАБРИКИ І. Ф. КАЛЬВЕ

И ЛУЧШЕЙ ВЪНСКОЙ РАБОТЫ.

№ 3623-4 р. 50 к.

№ 3626-5 р.

№ 3659-9 р.

№ 3700-10 р.

№ 3737-20 р.

№ 3750-25 р.

№ 3716-20 р.

№ 3780-28 р.

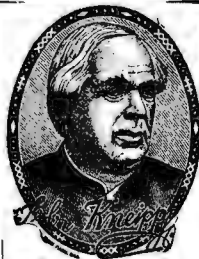
САМОУЧИТЕЛИ: для однопрядной 1 р., для двухрядной 1 р., для трехрядной 75 к. Иллюстрированный прейс-курантъ бесплатно

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И ПОТЬ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Большая Морская, № 31 и 40. МОСКВА, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

Крахмальные заводы

по ново-реформированной системѣ Уландъ обезпечиваютъ наибольшій доходъ! Специальное заведеніе для устройства и перестройки крахмальныхъ заводовъ В. Г. Уландъ, Лейпцигъ. Прейс-куранты бесплатно.

Кнейпскій солодовый кофе Катрейнера

единственный препаратъ, которому дано разрѣшеніе имѣть на пакетахъ, какъ предохранительную марку, портретъ и подпись прелата Кнейпа. Отличъ послѣднимъ и рекомендовать фабрику, какъ содержащій, благодаря привагированному способу производства, всѣ преимущества зернового кофе, безъ его вредныхъ качествъ. Малькафея Катрейнера рекомендуется даже авторитетами, какъ дѣльная для здоровья приправа къ кофе или замѣна его.

Ц. 12071 Общество „Ливонія“. Мюнхенъ. Имѣется во всѣхъ лучшихъ магазинахъ. Рига. Просятъ остерегаться поддѣлокъ.

Угольный заводъ

рекомендуетъ водочно-заводчикамъ для очистки спирта и водокъ чистого-УГОЛЬ, разныхъ сортовъ, химической, чести заготовленной. За достоинства награжденъ на московско-російской выставкѣ 1895 г. медалью, на польской 1893 г. и смоленской 1899 г. Почетн. орденами и похвалами, листами: Лиссабонъ. Съ заказами обрацъ: ст. Пбѣднѣ, Смоленской губ., д. н. ДЕМІДОВЪ.

Литейный просп., № 43. Ставки отъ 65 руб. Прейс-курантъ бесплатно.

№ 12084

Для смягченія и бѣлизны кожи.

КАЛОДЕРМА

ЖЕЛЕ КАЛОДЕРМА. * МЫЛО КАЛОДЕРМА.

Ф. Вольфъ и Сынъ въ Карлсруэ.

Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

ЛЕОТИ Первоараднй торговй домъ корсетовъ 8, Place de la Madeleine (5) ПАРИЖЪ. Для мѣрки требовать указатель на русск. яз.

ЧЕ-СУ-ЧА

настоящая китайская, чистого желтка, собственной вышивки: Дамская, н. за куколку полой мѣры въ 24-27 1/2 арш. 12 руб. и 14 руб., тоже вышитой соргъ.—15 и 16 руб. Мужская, мѣссивная, н. за куколку въ 27-28 арш. 18 руб. и 20 руб. и вышитой соргъ.—23 руб. Можно вышивать исключительно въ оптовомъ складѣ

А. Н. ИВАНОВА.

Москва, Тверская, пассажъ Постникова. (Складъ вышивать и съ наможен. выгѣжми.)

5,000,000

дерево въ фруктовыхъ, лѣсныхъ, декоративныхъ и парковыхъ, приготовлено къ продажѣ; фруктовая отъ 6 р. за 1000 шт., лѣсныя отъ 30 коп. за 1000 шт. Громаднй выборъ всевозможныхъ годныхъ кустарниковъ по несчаю дешевой цѣнѣ. Прейс-курантъ высылается бесплатно. Садоводство Н. Д. РАС-ТОРГУЕВА въ Липецкѣ, Тамб. губ.

! 3 р. 50 к. !

„Лилипутъ“ Усовершен. складъ. Карман. фотографическй аппаратъ. Сним. моментъ и съ выдержк. Днечъ и ночью. Портреты, группы, виды и пр. Фотографировать можетъ каждый. (Всѣмъ 2 ф.). Требуемъ. адр.: Москва, Почтамтъ, № 103. ПОЛИВАНОВУ.

ДЕРЕВНЪ

Издается съ 1896 года (подъ редакціей П. И. Елагина) ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

IV-й (1899) годъ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ, Цѣна за годъ изданія. ТРИ рубля.

имѣющей задачей распространять практически-полезныя по сельскому хозяйству свѣдѣнія, пригодныя главнымъ образомъ для хозяевъ-практиковъ, свѣдѣнныя своею дѣятельностью и жизнью съ землею. Журналь „ДЕРЕВНЪ“ доушеивъ въ библиотекѣ всѣхъ среди и низшихъ учебн. заведеній, въ бесплатныя народныя читальни и въ библиотекѣ церковно-приходскихъ школъ. Программа журналя: отрасли сельскаго хозяйства, ремесла и домоводство. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ: сѣмена хорошихъ сортовъ сельско-хозяйственныхъ растений, планы и чертежи хозяйственныхъ построекъ.

Иротивъ выдержки изъ отзавовъ о журналь „ДЕРЕВНЪ“:

- 1) Газета „Новое Время“: „При цѣнѣ всего въ три рубля съ пересылкой, „Дереви“ выходитъ ежемѣсячно хорошевыми книжками въ множествѣмъ рисунковъ, исполненныхъ очень хорошо. Содержаніе каждой книжки состоитъ изъ короткихъ, но дѣльныхъ и ясно написанныхъ статей на самыя разнообразныя темы, во всегда чисто практическы и излагательныя предметъ. Это направленіе намъ кажется очень дѣльнымъ для сельско-хозяйственнаго журналя. Многие изъ деревенскихъ жителей читывали въ книжкахъ и журнальяхъ и знаютъ, что имъ надо было бы у себя сдѣлать, но какъ это сдѣлать—тутъ они закладываютъ на повѣхъ же шагахъ и... откладываютъ задуманное до лучшихъ временъ. Помочь имъ пореять отъ словъ къ самому дѣлу—эту задачу и поставилъ себѣ журналь. Среди сельскихъ хозяевъ журналь былъ принятъ очень сочувственно и нельзя не сказать, что немалыя зноитъ—добросовѣстно заслуженный успѣхъ.“
- 2) Журналь „Русскій Начальный Учитель“: „По своему разнообразному содержанію, по важности и насущному характеру затрагиваемыхъ вопросовъ, по несомненной практичности многочисленныхъ рекомендуемыхъ нововведеній, журналь „Дереви“ можетъ быть признанъ однимъ изъ наиболее полезныхъ по своему назначенію и наиболее доступныхъ журналовъ.“
- 3) „Новости печати“: „Дереви“ журналь интересенъ и популярно составленнымъ, включающій въ себѣ много полезнаго, являющійся издательскимъ и очень дешевымъ.“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналь „ДЕРЕВНЪ“: за годъ, 12 вып., съ перес., ТРИ рубля. Адресъ: „ДЕРЕВНЪ“, С.-Петербургъ, Большая Морская, д. 13.

Громаднй выборъ новыхъ изданій по сельск. хозяйству, ремесламъ, домоводству и пр. Адресъ: „ДЕРЕВНЪ“, С.-Петербургъ, Большая Морская, д. 13. Полный каталогъ высылается бесплатно.

ПОЛЬ МАРИ.

ШЕВСКІЙ ПР., № 13, уголь Больн. Морской. ХИМИЧЕСКАЯ ЧИСТКА: Балыныхъ платьевъ, костюмовъ, перьевъ, перчатокъ, кружевъ, занавѣсокъ и проч. Мужскихъ платьевъ, пальто и мундировъ. ОКРАСКА ВО ВСѢ ЦВѢТА. Заказы иногор. исполняются немедленно.

ПРОДАВАЙТЕ ИМѢНІЯ

дачи, спрощъ на такыма ежедневно уведомляется въ конторѣ Копаньина, СПБ. Б. Московская 3. Правила высыл. бесплатно.

7 разъ удостоены первыиъ премій. СЕРИИКИ, вѣдочели и пр. неодожаема по тону и качеству. Старин. итальянскіе инструменты въ громадномъ выборѣ. ЦЕНТРЕ, всемирно-извѣстныя по своему прекрасному тону и превосходн. работѣ. Всѣ другіе музыкальные инструм. Издатель. каталогъ высылается бесплатно. БРАТЯ ВОЛЬФЪ. Фабрика струнныхъ инструмен. Крещицахъ.

ЖУРНАЛЪ

№ 10.

XXX г.

1899 г.

Содержаніе:

Т Е К С Т Ъ: Мара. Древне-русская повѣсть В. М. Михеева. (Окончаніе).—Хирургъ Разинскій. Разсказъ В. Сакмарина.—Паразиты муравьев.—Къ рисункамъ: Вь скиту.—Эльвира.—Сокольничья царя Алексѣя Михайловича.—Борзятникъ.—Романово-Борисоглѣбскій соборъ.—Л. И. Поливановъ.—Джеромъ К. Джеромъ.—Международная контора для справокъ о кредитоспособности.—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Объявленія.

Р И С У Н К И: Вь скиту. Картина А. Архипова.—Эльвира. Картина К. Низеля.—Борзятникъ. Картина И. С. Галкина.—Соборъ въ г. Романовъ-Борисоглѣбскѣ (арх. славской губ.).—Сокольничья времянь царя Алексѣя Михайловича. Картина А. Д. Литовченко.—Муравьи и ихъ паразиты.—Л. И. Поливановъ.—Джеромъ К. Джеромъ.—Международная контора для справокъ о кредитоспособности въ Берлинѣ.

При этомъ № прилагаются: 1) Сборникъ „Нивы“ за мартъ, содержащій въ себѣ Сочиненія И. А. Гончарова, т. III; 2) „Парижскія Моды“ за мартъ съ 29 рис. и отдѣльный листъ съ 27 чертѣмъ, выкроекъ въ натур. величину и 32 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Балалайки:
вѣрнаго строя, хорошаго тона и солидной работы.

Дискантъ	6 р.
Прима въ 4, 8 и 12	9
Секунда	9
Альтъ	10
Басъ	15
Контрабасъ	25

и дороже.

Инструменты для пѣсенниковъ и оркестровые инструменты
лучшаго качества.

Прейсъ-куррантъ безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Фабрика и главное депо
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ЮВЕЛИРЪ
К. И. БОКЪ
бывшій
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, БЮЛЕРЪ. МОСКВА,
Большая Морская, 9. Кузнецкій мостъ, 6.

Громадный выборъ брилліантовыхъ и золотыхъ вещей на всякій цѣны. Изготовляетъ всевозможные жетоны, какъ-то: Всероссийской выставки въ Н.-Новгородѣ 1896 г., XII международнаго медицинскаго конгресса въ Москвѣ, V фотографической выставки Императорскаго Техническаго общества въ С.-Петербургѣ, 100-лѣтняго юбилея министерства путей сообщения и мн. др. Покупаетъ золото и драгоценныя камни.

№ 12039 12-2

ПАМЯТЬ

лицъ намд. возр. (начиная съ 8 лѣтъ до глубокой старости) укрѣпляетъ лично и заочно (въ 10 ур.) профессоръ мнемоники, членъ Парижской Академіи, С. Файнштейнъ, Одесса.

Первый и единственный въ Россіи преподаватель искусства изобрѣнія и укрѣпленія памяти и устраненія расхлябанности. Посредствъ моего метода, основаннаго на законахъ физиологіи, психол., логики и педагог., память возвращается потерявшимъ ее, дѣлается хорошей и имѣющей плохую и лучшей у обладающихъ хорошей, причемъ изобрѣтается вниманіе и улучшаются всѣ умственныя способности.

Методъ преподаванія дважды премированъ Парижскою Академіею.

Въ веселомъ пользѣ и дѣлѣсообр. моей системы убѣдился въ теченіе моей двадцатилѣтней дѣятельности на поприщѣ препода. мнемоники въ Россіи и за гран., гг. священники, врачи, педагоги, военные, студенты, антеры, художники и тысячи др. лицъ разныхъ профессій, званій и возр., окончивши у меня курсъ изобрѣнія и укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня благодарности.

ИНОГОРОДНИМЪ

выссы. условия за заочное преподав. и объемистую брошюру (содерж. многочисл. благодарн. офиц. и вполнѣ компетентн. лицъ, прошедш. у меня курсъ мнемоники) за одну 7-ми коп. марку, вмѣстѣ съ книгой *) (8-е испр. и дополн. изд.). «Что такое искусство укрѣпленія памяти?» за 6-ть 7-ми коп. марокъ, на вѣленовой бумагѣ—за 8-ми 7-ми коп. марокъ.

Лично пр. въ г. Одессѣ, по Гаванной ул., въ д. № 2-8 (рядъ съ Городскимъ садомъ), въ своей кв. бель-этажъ, № 8, или въ своемъ главн. бюро, кв. № 14.

Адресъ для прост. и заказа. писемъ: Одесса, уг. Пушкинской и Баз. ул., собственн. д., № 28, для телегр.: профессору мнемоники Файнштейну. (№ телефона въ городѣ 199, № телефона на собств. дачѣ «Мнемозина» 933).

*) Книга эта продается во всѣхъ лучшихъ книжн. магаз. Россійск. имперія.

БЕЗЪ СОМНѢНІЯ

самая лучшая приправа къ кушаньямъ.

Одной или двумя чайными ложками „ГУСТО“ на чашку горячей воды готовится моментально прекрасный и вкусный бульонъ.

Прейсъ-куррантъ выслаются по первому требованію.

С. И. Арнгеимъ, Берлинъ.
придворный поставщикъ
Императора Германскаго.
ВСЕМИРНО-ИЗВѢСТНЫЙ ЗАВОДЪ
ПЕСГОРАЕМЫХЪ ШКАФОВЪ
гарантированныхъ отъ огня и отъ валама.
цѣны отъ 200—500 р., для Банковъ и большихъ заведеній крупныхъ размѣровъ отъ № 12040 500—1000 руб. 46-4

Представитель: **О. Г. Шпеннеманъ.**
С.-Петербургъ, Чернышевъ пер., 12.

Прейсъ-курранты по желанію высылаются безплатно.

Крахмало-сахароварные, Паточные и декстриновые заводы по новѣйшей, испытанной системѣ

дешевое обзаведеніе, превосходныя фабрики устраиваетъ

Спеціальное заведеніе для постройки и перестройки крахмальныхъ заводовъ

К. № 11998 **В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.** 5-2

Прейсъ-курранты безплатно.

СОСТАВИТЬ СЕБѢ ПОЛОЖЕНІЕ
можно, принимая агентуру известной фирмы. Очень выгодныя условия. Писать А. В. ящикъ 13. Почтамтъ. Кишиневъ.

ВЫИГРЫШЪ.

Ныѣ 1, 2 и 3 займы продаетъ **БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,**
59, Невскій, Спб. 4-4

МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ,
ЧУГУННО И МѢДНО-ЛИТЕЙНЫЙ ЗАВОДЪ

наслѣд. **Е. ЯКОВЛЕВА,**
въ С.-Петербургѣ.

Усовершенствованныя керосиновые, бензиновые и газовыя ДВИГАТЕЛИ, солидной и простой конструкціи.

Требуются дѣятельныя агенты во всѣхъ главныхъ городахъ. Ц. № 12002 2-2

С.-Петербургъ, Петербургская сторона, Большая Спасская, № 28, или Москва, Мясницкая, № 18, д. Бутикова.

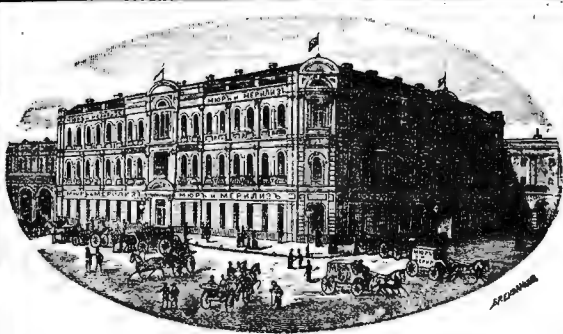
Русскій ДВИГАТЕЛЬ.

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскаго дома Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, 59, Невскій.

PARFUMERIE
BOUQUET
du SACRE
GELLE FRÈRES, PARIS

Мюръ и Мерилизъ

Москва, Петровка, 2.

ИНОГОРОДНИЙ ОТДѢЛЪ

(по исполненію иногороднихъ заказовъ).

Вышелъ преісь-курантъ

на **ВЕСЕННИЙ**
и **ЛѢТНИЙ** сезонъ 1899 г.

высылается **БЕЗПЛАТНО** всѣмъ желающимъ.

ПРЕИМУЩЕСТВА для иногородн. покупателей

настолько многочисленны, что число послѣднихъ съ каждымъ днемъ растетъ, и въ настоящее время число нашихъ иногороднихъ покупателей достигло огромной цифры.

Мы выполняемъ самыя обширныя требованія: для этого у насъ огромный выборъ товаровъ и превосходно организованная отправочная контора.

Благодаря нашимъ льготамъ

Вы можете у себя дома, гдѣ бы Вы ни жили, имѣть наши товары по той же цѣнѣ, что и москвичи.

РАСХОДЫ ПО ПЕРЕСЫЛКѢ НИЧТОЖНЫ,

такъ какъ при выпискѣ на 50 руб. (кромя товар. громоздк.) мы беремъ пересылку на себя (въ Евр. Россіи); съ 1-го мая, при новомъ тарифѣ на посылки, пересылка будетъ особенно дешева.

ОБРАЗЧИКИ всякихъ матерій Вы получаете **БЕЗПЛАТНО**,

равно **безплатно** не только сезонные преісь-куранты,

но и другіе: хозяйств. принадл., серебра и мелх., часовъ, ковровъ и драпир., музык. INSTR., водопров., эл.-техн. и др.

НАШИ ОТДѢЛЕНІЯ:

Кружевное.
Ленточное.
Шелковыхъ матерій.
Мануфактурное.
Ситцевое.
Полотняное.
Сахарное.

Дамскихъ рукодѣлій.
Корсетное.
Чулочное.
Зонточное.
Мужского бѣлья.
Дамскаго бѣлья.
Дамскихъ вещей.

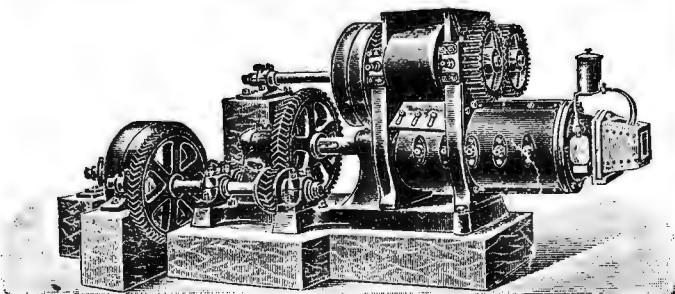
Дамскихъ платьевъ.
Дѣтскихъ костюмовъ.
Мужского платья.
Дамскихъ шляпъ.
Мужскихъ шляпъ.
Сапожное.
Галантерейное.

Парфюмерное.
Перчаточное.
Игрушечное.
Оружейное.
Дорожныхъ вещей.
Письмен. принадлежн.
Картинъ и предм. роск.

Хозяйствен. принадлежн.
Кровати и умывальн.
Серебра и мельхиора.
Часовъ.
Ламповое.
Фарф., фаянса и хруст.
Ковровое.

Мебельныхъ матерій.
Гардиннаго тюля.
Клеенокъ. Мебели.
Музыкальн. INSTRUM.
Электро-техническое.
Водопроводн. принадл.
Печное.

Louis Jäger in Köln-Ehrenfeld,

Луи Яегеръ, Кёльнъ - Эренфельдъ,

машино-строительный заводъ, поставяетъ съ 1862 года

СПЕЦИАЛЬНО: КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫЯ МАШИНЫ ПЕРВОКЛАСС. СИСТЕМЫ,
полныя комплекты для кирпичныхъ, шамотовыхъ, черепячныхъ, цементовыхъ и заводовъ для гончарныхъ трубъ. Дробильныя машины. 6-3

ЛОЗЕ MAIGLÖCKHEN

Эссенція для платковъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра —
Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6442 (97)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:

ЛОЗЕ „VIOLETTA REGIA“

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ нуаферовъ.

ИЗВѢСТНЫЯ ВЕЛОСИПЕДЫ

ГУМБЕРЪ

предлагаетъ Ц. № 11988

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Георгій ЭЖЕМЛИЧКА и К^о.

Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.

Преісь-куранты по требованію. 15-3

БАРОМЕТРЫ-АНЕРОИДЪ

профрѣнные, въ металлическихъ
оправахъ отъ . . . 3 р. 50 к.

Въ деревянныхъ опра-
вахъ отъ 7 р.

БИНОКЛИ для театра и поля, съ
большимъ полемъ зрѣнія и силь-
нымъ увеличеніемъ отъ 3 р.
50 к. до 30 руб.

ОЧКИ и ПЕНСЭ съ
лучшими стеклами,
стальные 1 р. 25 к.

Double (накладного
золота), не отли-
чающіеся отъ золо-
тыхъ и не чернящіе. 4 р.

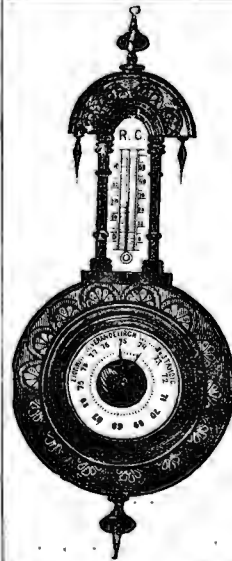
ОЧКИ и ПЕНСЭ золо-
тые 56 пробъ отъ . . . 7 р.

Ц. № 12056
3-3

В. ПРЕТЦЕЛЬ

преемникъ **КАРЛЬ БОРХАРТЪ**

Москва, Рождественка, д. № 5.

НОВОСТЫ!!!

Прелестныя карманные ме-
таллическія часы, заводъ безъ
ключа, настояція никеле-
выя, тщательно профрѣн-
ныя, на крышкѣ помѣщенъ
художественно исполненный
портретъ Государя Импера-
тора Николая II, къ нимъ
дѣлается новаго золота и
парижскій компасъ

за все только 5 руб.

Прилагается печатно ручательство на 4 года.
Вышеупомянутыя часы высылаются немед-
ленно и безъ задатка наложеннымъ пла-
Ц. 11986 6-3

Требованія продку адресовать въ городъ
Варшаву, Граничная, № 6

купцу **І. ВУЗЕЕРУ.**

Преісь-куранты высылаются безплатно.

ЛЕОТИ

Первообразный торговый домъ корсетовъ:

8, Place de la Madeleine

ПАРИЖЪ.

Для мѣрки требовать указатель на русск. яз.

По новѣйшей методѣ „**ВОРТА**“
высылаю безплатно проб. лекціи и услов.
заочнаго обученія крою и шитью дамск. дѣтск.
парад., верх. илг., бѣлья и корсетовъ. Школа
Е. Д. Ашмарной, Кіевъ, В. Васильевская 89.

XXX г.

№ 10

Выданъ 6 марта 1899 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходитъ еженедѣльно 52 № въ годъ, съ приложеніемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содержа. соч. И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXX

1899

Цѣна этого № 20 к., съ пер. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1899 г.

При семъ прилагаются: 1) Сборникъ „Нивы“ за мартъ, содержащій въ себѣ **СОЧИНЕНІЯ И. А. ГОНЧАРОВА, т. III**; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА МАРТЪ 1899 г. съ 29 рис. и отдѣльн. листъ съ 27 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 32 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Третьяковская галерея. «Въ скиту». Съ картины А. Архипова грав. И. Павловъ.

Мара.

Древне-русская повѣсть

В. М. Михеева.

(Окончаніе.)

Когда князь Святославъ ступилъ на первую ступень лѣстницы, которая вела, подъ навѣсомъ, украшеннымъ рѣзбой и коньками, на галерею, откуда былъ ходъ внутрь терема, наверху у этого входа замелькали факелы. Рядъ отроковъ-мальчинокъ, державшихъ ихъ, выстроился по лѣстницѣ, озаряя ее красноватымъ свѣтомъ. А наверху, у самаго входа, появились въ тяжелыхъ одеждахъ и высокихъ кикахъ двѣ женщины и три мальчика въ парчевыхъ корзнахъ и яркихъ рубахахъ изъ дорогой камки; на ногахъ у нихъ были сафьянные сапоги съ загнутыми носами.

То были: любимая жена Святослава, мать его младшаго любимца Владиміра; юная жена его старшаго сына Ярополка, бывшая плѣнница гречанка; этотъ сынъ, отрокъ по четырнадцатому году, и два его брата: Олегъ и Владиміръ, совсѣмъ маленькій.

Небольшого роста, полная, съ большими, смѣлыми, темными очами, сестра воеводы Добрыни, Малуша обладала мягкой, размычной красотой настоящей сѣверной славянки. Ея густые русые волосы были скрыты подъ распущенымъ шелками уборомъ и высокой кикой, съ крупными бѣломолочными, съ желтизной, жемчужинами. Приѣздъ князя уже заранѣе былъ оповѣщенъ стражемъ съ высокой башни, вѣжи терема, откуда воинъ разглядѣлъ лошадь князя даже въ темнотѣ, отчего и ворота терема были уже открыты, и всѣ въ немъ проснулись и одѣлись.

Увидѣвъ мужа, Малуша протянула ему съ зывающей лаской полныя бѣлыя руки.

Впрочемъ, она пропустила впередъ Ярополка. Блѣдный, худощавый, нѣсколько старообразный на видъ, старшій наслѣдникъ Святослава имѣлъ грустное, доброе лицо. Тихо наклонилъ онъ голову передъ отцомъ. Нѣсколько отступя, за нимъ стоялъ второй княжичъ, Олегъ, здоровый, лѣтъ одиннадцати, съ болѣе рѣзкими, но и менѣе правильными и выразительными чертами. Онъ исподлобья, недовѣрчиво смотрѣлъ на отца.

Но между ними вдругъ проскочилъ мальчикъ лѣтъ восьми, крупный и крѣпкій, съ огромными темными живыми очами его матери, Малуши, съ яснымъ румянцемъ лицомъ и цѣлой конной золотисто-русыхъ кудрей на большой, круглой головѣ. Онъ быстро схватилъ руку отца сильной ручонкой и потянулъ его внизъ не то повелительно, не то съ капризной мольбой. Алая губка его вытянулась для поцѣлуя, темныя бровки сдвинулись властно и своенравно. И хмуро-задумчивый отецъ, котораго даже ласковое движеніе любимой жены не освѣтило радостью, вдругъ улыбнулся, поднялъ своего послѣдыша и сказалъ дрогнувшимъ голосомъ:

— Ахъ, ты мое красно солнышко!

Потомъ заглянувъ въ недѣтски умные, великолѣпные глаза сына, опустилъ его на землю, коснулся ладонью голову двухъ другихъ княжичей, потренилъ по протянутой рукѣ Малушу, и быстро повернулся къ молодой невѣсткѣ, которая тихо и незамѣтно стояла въ нѣкоторомъ отдаленіи позади всѣхъ.

Это была совсѣмъ юная, лѣтъ пятнадцати, женщина. Тяжелыя одежды, въ особенности кика, точно давили и лишали послѣднихъ силъ ея довольно высокой, но крайне тонкой, стройной и хрупкой станъ, ея небольшую печальную головку. Изжелта-матово-блѣдное, какъ старая слошная кость, лицо ея, поразительно правильнаго и изящнаго овала, было худощаво той вѣжной фарфоровой худобой, какая, не обнаруживая выступовъ костей, дѣлаетъ лицо одухотвореннымъ, точно неземнымъ.

Большія, темныя, какъ уголь, очи смотрѣли широко и открыто: ихъ будто разъ навсегда что-то испугало и на-

полнило неутолимой скорбью. Тонкія, восточнаго типа, черты лица какъ-то совсѣмъ не замѣчались при этихъ глазахъ,—только безмѣрно печальная складка губъ невольно останавливала на себѣ вниманіе. Въ этомъ лицѣ было что-то иконописное, несмотря на всю его юность.

Кика на пыльномъ бѣломъ, съ малиновымъ шитьемъ, уборѣ, окружала это лицо, какъ тяжелая рамка. Крупныя рубины на кикѣ казались каплями крови, брызнувшими изъ юнаго, страдальчески блѣднаго чела, сверкая въ яркомъ огнѣ факеловъ. Красота, скорбь, тайная и постоянная молитва, сливались на этомъ лицѣ.

Едва невѣстка увидала свекра, она еще болѣе поблѣднѣла. Глаза ея испуганно расширились. Губы стиснулись, точно удерживая невольный крикъ страха. Русавъ, стоя трепетно позади князя, забыла все, даже мужа, и такъ и вылилась глазами, всей душой въ это лицо. Ей казалось, это не было лицо человѣческое. Для нея это лицо было невѣдомо таинственное, мучительно привлекательное. Сердце ея жалось и одновременно сладостно забилось, и она не могла отвести глазъ отъ юной княгини.

Въ это время Святославъ положилъ руку на плечо невѣстки и сказалъ, какъ будто стараясь всячески смягчить свой голосъ:

— Все тоскуешь, княгиня-грекня? Все своихъ черныхъ поповъ не можешь забыть?.. Вотъ я тебѣ подружку привезу... Тоже будетъ скоро тосковать, только не по черномъ погѣ... Возьми ее въ услуги... Только помни: вольная, отрока моего жена. Поняла, грекня?—не безъ раздраженія, сурово закончилъ свои слова князь, видя, что невѣстка молчитъ и только все болѣе блѣднѣетъ.

— Поняла,—тихо, необыкновенно музыкальнымъ, трепетнымъ голосомъ, точно дальнее затихающее эхо, отозвалась нерусскимъ выговоромъ, какъ будто съ трудомъ произнося это слово, бывшая греческая монахиня. Она уже начинала овладѣвать языкомъ мужа.

— Поняла, такъ и ладно!—ласково тронулъ ея холодную, точно восковую, щеку князь.—Веди ее къ себѣ,—указалъ онъ невѣсткѣ на Русаву.—Веди, Малуша, ребята спать. А ты, Ярополкъ, ступай ко мнѣ, расскажешь: все ли ладно въ Кіевѣ-градѣ?

И князь быстро пошелъ на свою половину терема; Ярополкъ, покорно склонивъ голову, за нимъ. Малуша, взявъ за руки обоихъ младшихъ княжичей, подошла на мгновеніе къ Русавѣ, заглянула своими большими ясными очами въ ея лицо, и послѣ нѣкотораго раздумья, точно побѣждая сомнѣніе, не плѣнила ли князя эта невѣдомая доселѣ жена его отрока, улыбнулась вѣжной и доброй улыбочкой и сказала:

— Иди за княгиней. Служи ей. Тоскуешь она у насъ.

И Малуша повела дѣтей туда, куда ушелъ князь. Прежде чѣмъ идти спать, ей хотѣлось послушать, о чемъ говорятъ два князя. Святославъ всегда допускалъ ее до этого, и она знала, что и ихъ «солнышко» охотникъ слушать, кажись, непонятныя для его возраста рѣчи отца. Но Владиміръ, уходя съ матерью, державшей его за сильную крѣпкую ручонку, вдругъ оглянулся на Русаву своими большими быстрыми глазами, точно ожегъ ее.

— Иди, иди... — тихо, очевидно лучше понимая русскую рѣчь, чѣмъ владея ею, сказала жена Ярополка Русавѣ и взяла ее за руку тонкой, блѣдной, холодной, какъ мраморъ, рукой.

И повлекла ее за собой, не спуская очей съ ея глазъ. За ними двинулись теремныя женщины и мальчики-отроки съ факелами. Довольно долго извилистыми переходами вела молодая княгиня Русаву. Двѣ-три женщины или молча за ней. Два мальчика освѣщали дорогу факел-

лами. Все время княгиня смотрѣла молча въ очи Русавы. И Русава, точно зачарованная, съ сжимающимся и больно, и сладостно сердцемъ, шла неслышно, чувствуя на своей рукѣ тонкіе, нервные пальцы гречанки.

Наконецъ они пришли въ низенькій покой, весь устланый арабскими коврами. На мягкой постели подъ атласнымъ пологомъ лежали круглыя подушки, вальками, расшитыя и затканныя яркими шелками и шерстью. Молодая княгиня знакомъ отпустила женщинъ и мальчиковъ. Одинъ изъ нихъ, уходя, вставилъ факель въ высокій темный бронзовый поставецъ.

Русава и княгиня остались вдвоемъ. Княгиня въ изнеможениі опустилась на постель и склонила голову на блѣдную руку съ явно видными синими жилками. Она все смотрѣла на Русаву.

— Сядь,—указала она на полъ у постели.

Русава, въ трепетномъ, еще никогда неиспытанномъ ею благоговѣніи, опустилась къ ногамъ своей госпожи. Ее перенесли точно въ жилище боговъ. Гдѣ были темные, мрачные родные Ольжичи?

— Расскажи, расскажи,—проговорила княгиня своимъ не русскимъ, слегка гортаннымъ музыкальнымъ говоромъ, и, точно не умѣя выразить то, что было нужно сказать, запнулась.

И вдругъ Русава почувствовала, что этого-то ей и нужно было отъ невѣдомо-дивной женщины. И дрожащимъ голосомъ, склоненная у ногъ бывшей монахини-гречанки, она рассказала про себя все, что помнила: про мать, про дѣда, про Недыху, про Синьгину душу, про ночь на Горыни, про мужа, про то, какъ сосватать ихъ князь, про то, какъ они плыли въ Кіевъ, какъ она была счастлива въ лодкѣ съ мужемъ.

Княгиня слушала и въ это время тихо сняла съ головы кичу, убрость и распустила свои прекрасныя, какъ вороново крыло черныя съ синевой, косы. Безъ кичи, съ распущенными волосами, отчего лобъ ея казался выше и уже, а лицо еще одухотвореннѣе, она была еще прекраснѣе, еще болѣе напоминала ангела, изгнаннаго съ неба на землю... И глаза ея все смотрѣли, все смотрѣли въ очи Русавы. И Русава рассказывала все оживленнѣе, все подробнѣе.

Вдругъ княгиня двинула своей блѣдной лилейной рукой и, поднявъ ее, указала на стѣну въ изголовьи ея постели: Русава возвела туда очи.

— А Этого... знаешь? — своимъ неловкимъ, несвободнымъ, русскимъ языкомъ спросила тихо княгиня.

Глаза ея стали еще больше, еще глубже. Въ изголовьи висѣло расцѣпленіе изъ слоновой кости. Въ недоумѣніи, совсѣмъ дѣтскими очами, не отвѣчая, смотрѣла Русава на Распятаго.

«Этого» она еще совсѣмъ не знала.

XXXII.

Перуновъ громъ.

Не долго Святославъ оставался въ Кіевѣ.

Назавтра послѣ его прибытія, Фрелофъ и Вельмудъ, передавъ «Изгоя» на попеченіе конюховъ, явились къ княжескимъ хоромамъ. Ихъ встрѣтилъ княжій тиунъ, чиновникъ княжяго двора. Ему уже былъ отданъ приказъ отъ князя отвести въ хоромамъ, вблизи терема княгини, жены Ярополка, свѣтлицу, гдѣ и поселить Вельмуду съ женой. Вельмуду повѣстно было сказать, что жена его пришла по нраву молодой княгини и оставлена при ней: онъ же, Вельмудъ, сохраняя званіе отрока-конюха, долженъ ждать новыхъ повелѣній князя, живя въ той свѣтлицѣ съ женой.

Вельмудъ тамъ и поселился, устроивъ на подаренныя княземъ деньги этотъ уголокъ. Русава хлопотала, помогала мужу. Но огонька на очагѣ тутъ уже было не зачѣмъ возжигать. Уголь былъ чужой, пекли имъ снѣдь въ хоромамъ, и ѣлъ Вельмудъ въ общей гридницѣ, большой комнатѣ, гдѣ собирались, когда солнце было, по вы-

раженію князя, наверху неба, всѣ холостые дружинники и любимые отроки князя. Женатые ѣли въ семьяхъ, въ своихъ жильяхъ въ Кіевѣ. Вельмудъ кормился потому въ общей гридницѣ, что жена его ѣла съ княгиней и княземъ Ярополкомъ, у которыхъ проводила все утро, занимаясь съ другими женщинами княгини рукодѣльями или подолгу глазъ на глазъ бесѣдуя съ самой княгиней.

Въ свѣтлицу мужа Русава приходила только вечеромъ. Счастью Вельмуда и Русавы не было конца въ эти вечера. И не отдаваясь Вельмудъ такъ горячо и полно своему молодому супружескому счастью, — счастию молодыхъ поцѣлуевъ и объятій, онъ замѣтилъ бы перемену, которая постепенно совершалась съ его женой. Она приходила въ свѣтлицу отъ княгини, задумчивая и сосредоточенная. Часто ей какъ будто хотѣлось заговорить о чемъ-то съ мужемъ, но она точно не рѣшалась, боялась.

А Вельмудъ, упоенный своимъ безмѣрнымъ счастьемъ, забыть все. Ему уже казалось, что счастье такъ сжилось съ нимъ, что не можетъ уйти отъ него. Ему уже думалось, что князь или самъ не пойдетъ въ походъ, или не возьметъ его.

Да и зачѣмъ Святославу онъ въ походѣ? Неохотно брать въ походъ коней любитель пѣшей ходбы и пѣнаго строя Святославъ. Даже и шатры-то, съ которыми онъ пришелъ на мирныя дѣла и гостьбу въ Ольжичи, туда, гдѣ предстоятъ бои, не любилъ онъ брать, и какъ въ далекомъ ни былъ походъ, — спать, обыкновенно, какъ всѣ его воины, подъ открытымъ небомъ на конскомъ потникѣ, поджаривая ломти дичины на угляхъ костра, или паря ихъ подъ сѣдомъ. Все это узналъ теперь Вельмудъ отъ воиновъ и дворни княжеской. И думалось ему: зачѣмъ князю въ походѣ непривычный къ бою и походу молодой конь, а съ этимъ конемъ и огъ, конюхъ этого коня? Авось оставитъ его князь при молодомъ Ярополкѣ, при молодой его женѣ, выхолить, выѣздить коня къ тому времени, когда вернется и самъ Святославъ снова въ Кіевъ къ дѣтямъ своимъ.

Этой мечтой Вельмудъ до того себя тѣшилъ, что совсѣмъ увѣровалъ въ нее. И тѣмъ болѣе былъ ужасенъ ударъ, когда, однажды, его позвали къ князю. Святославъ сидѣлъ у себя въ покоѣ хмурый, съ какимъ-то потемнѣвшимъ лицомъ. Медленно возвелъ онъ на Вельмуду суровые глаза. Съ Ольжичей почти не говоритъ онъ съ бывшимъ изгоемъ, не оставался съ нимъ глазъ на глазъ.

— Ну, Вельмудъ, отрокъ, спасибо тебѣ и женѣ твоей за службу вѣрную. Въ порядкѣ ты держишь коня, слышалъ я. Только тебя будто и слушается конь. Это—хорошо. Только конюха своего и долженъ знать княжій конь. Никого иного не подпускать. Я-то, князь, на всякаго сиду, всякаго уйма. А жена твоя угодила моей княгинюшкѣ-невѣстухкѣ: тоскуеть гречиня меньше. Обѣ годами-то чуть не ровня. Княгиня-то малость старше. И порѣшилъ я — въ походъ я заутро иду, въ среду земли моей на Дунай-рѣку. Пожалуй, бодемъ придется средѣ-то земли моей опять добывать. Слышно, мутятъ супротивъ меня болгаре... И беру я съ собой «Изгоя»-коня. Ну, и тебя—его конюха... А жену твою при княгинѣ оставимъ... Стоскуется теперь княгиня безъ нея.

Князь говорилъ все это спокойно, какъ будто благосклонно, но глаза его злорадно смотрѣли на Вельмуду. Такъ и рухнулъ въ ноги ему Вельмудъ, подъ которымъ точно земля расцѣлась.

— Помилуй, князь-государь! — возопилъ онъ, ломая руки: — не разлучай съ Русавой! Можетъ, и князю Ярополку пригожусь я въ Кіевѣ.

Святославъ всталъ, сильно ударивъ рукой по столу.

— Мнѣ ты пригодись! — крикнулъ онъ. — Не мальчишкѣ моему. Съ конемъ «Изгоемъ» ты мнѣ нуженъ. Самъ, помнишь, говорилъ: весь мой? Аль ужъ смѣнилъ князя на бабу, на жену? Аль я не оставляю Малку? Въ походѣ все забудешь, всѣхъ бабъ забудешь. Не такую

Эльвира. Съ картины К. Кизела грав. Карма

змѣю-тоску въ походѣ забываютъ. Вонъ я,—можетъ, что хочу въ походѣ забыть. И забуду. Смерть матери хочу забыть! Ступай. И чтобъ ни тебя, ни жены твоей не видалъ я, пока не увижу тебя въ строю походномъ, съ поводомъ «Изгоя» въ рукѣ.

Точно самъ Перунъ прогремѣлъ надъ склоненной головой Вельмуда. Онъ не помнилъ, какъ вышелъ изъ княжого покоя, какъ дошелъ, по переходамъ, до своей горенки, какъ просидѣлъ тамъ, точно каменный, пока не пришла Русава, какъ сказалъ ей отъ слова до слова всѣ рѣчи князя,—обнялъ, припалъ къ ней. Русава замерла. Она смертельно поблѣднѣла. Вельмудъ умолкъ. Она тоже молчала. Одна мысль о злой Марѣ стояла въ ихъ головахъ, но они даже не заикнулись объ этомъ другъ другу. Долго они молчали.

— А у княгинюшки-то хорошо тебѣ будетъ, Русава?—вдругъ спросилъ ослабѣвшимъ голосомъ Вельмудъ.

— У ней-то... охъ, хорошо, Вельмудъ,—точно вздохъ, слегло съ попельно-блѣдныхъ губъ Русавы.

— Ольгиному, княгинину Богу, слышно, поклоняется она?—продолжалъ Вельмудъ еще тише.

Русава ничего не отвѣтила на это...

— Потухъ, поди, нашъ огонекъ въ Ольжичахъ на очагѣ, Вельмудъ,—неожиданно, съ глубокой грустью, прошептала Русава.

— Не уснѣлъ я родичамъ и крикнуть тогда, чтобъ не топили избы, а жили въ ней, блюли очагъ,—въ тонъ ей проговорилъ Вельмудъ, и вдругъ, съ странной, полной буйной удали, горечью, тряхнувъ волосами, прибавилъ:—Видно, не имѣть намъ, Русава, съ тобой дыма-очага! Куда понесетъ княжая воля, туда и полетимъ, какъ былинки... Что-жъ, кто, какъ не князь, и свель, оженитъ насъ! Будемъ служить ему вѣрно. А тамъ...

Онъ махнулъ рукой и потомъ обнялъ жену. И она, разгораясь въ его ласкахъ и леденія вѣстей отъ страшнаго сознанія, что видно не ушли они съ Вельмудомъ отъ Мары, забыла въ эту минуту и свою госпожу княгиню, и Того, о Комъ начала уже своимъ нескладнымъ ломанымъ русскимъ языкомъ рассказывать ей бывшая греческая монахиня, указывая ей на распятіе въ изголовьи своей постели...

Вдругъ сильный стукъ раздался въ дверь ихъ горенки. Оба вскочили. Дверь отворилась. Въ ней стоялъ Фрелофъ.

— Снова, Вельмудъ-другъ, шлетъ меня къ тебѣ князь государь. Повелѣлъ онъ просигнися тебѣ съ женой. А ей не выходить до разсвѣта изъ свѣтлицы. Возьми, сколько тебѣ надо, одежи, да и веди «Изгоя»-коня на берегъ Дѣвпра. Тамъ уже вся рать большая княжая. И трубы трубятъ. Князь тебя съ конемъ ждетъ. А тебѣ повелѣлъ сѣсть на другого коня. Я его привелъ, во дворъ стоитъ. И я на конѣ. Поведемъ «Изгоя» къ князю,—сказалъ Фрелофъ.

Съ этой минуты для Вельмуда все словно покрылось туманомъ. Онъ видѣлъ, какъ жена собрала ему одѣжу, какъ унала ему въ ноги; и, когда онъ ее поднялъ, понялъ, что Русава—неподвижна, точно мертвое тѣло. Онъ положилъ ее на постель. Онъ не отошелъ бы отъ нея, несмотря на всѣ приказанія князя... Но въ это мгновеніе въ дверяхъ его горенки показалась Ярополкова княгиня-гречанка.

— Иди... Я съ ней... Все знаю,—съ трудомъ говорила по-русски она, блѣдная и сильно взволнованная.

— Соблюди ты мнѣ ее, княгинюшка!—простоналъ Вельмудъ и вдругъ бросился вонъ, точно боясь, что, если онъ промедлитъ близъ жены, онъ не уйдетъ, и тогда гнѣвъ князя безошадно, въ конецъ, поразитъ и его, и Русаву.

Не видалъ Вельмудъ, устремляясь вонъ изъ горницы, какъ Фрелофъ, посторонясь и давая княгинѣ войти, блѣдный, какъ снѣгъ, во всѣ свои большіе, хотя и свѣтлые, но вдругъ потемнѣвшіе глаза, смотрѣлъ на нее; княгиня, не замѣчая юнаго воина, склонилась надъ Русавой. Не

видалъ Вельмудъ, какъ вслѣдъ за нимъ тотчасъ же, шатаясь, побрѣлъ Фрелофъ, какъ судорожно трепетали поблѣднѣвшія губы юноши...

Когда Русава очнулась, она увидѣла надъ собою свою госпожу-княгиню, а въ рукѣ княгини, блѣдной, какъ мраморъ, тонкой, какъ лилія, высоко поднятое надъ ея, Русавы, раскрывшимися глазами костяное изображение на крестѣ Того, Распятаго...

XXXIII.

Слово о полку Святославѣ.

Минуло болѣе двухъ лѣтъ. Русава жила въ Кіевѣ въ теремѣ Ярополковой княгини. За это время Олегъ, второй сынъ Святослава, уѣхалъ на свой древлянскій столъ, въ Искоростень. Младшій же, совсѣмъ малолѣтній Владимірко, съ матерью и дядей Добрыней—въ Новгородъ, куда на столъ выпросили его новгородцы, еще когда Святославъ былъ въ Кіевѣ.

О самомъ князѣ доходили изрѣдка смутныя вѣсти. Одно было несомнѣнно: сынъ Ольги все время воевалъ и поблѣждалъ своихъ враговъ. О Кіевѣ, послѣ отъѣзда оттуда Малуши съ ея сыномъ, онъ какъ-будто забылъ, даже не слалъ туда вѣстей, которыя доходили со стороны. Ярополкъ правилъ въ Кіевѣ, весь подчинившись своему воеводѣ Блуду, суровому и подозрительному мужу, когда-то дружиннику Святослава, перешедшему къ сыну его. Ярополкъ, въ ту пору совсѣмъ юный, былъ кротокъ, добръ, но крайне впечатлительнъ и непостояннъ.

Проведя часъ, другой съ женой-христіанкой, онъ дѣлался почти христіаниномъ, даже подумывалъ о призваніи съ родины жены монаховъ, чтобы креститься самому и поручить имъ учить ихъ вѣрѣ кіевскій народъ. Но приходилъ воевода Блудъ, увозилъ юнаго князя въ гридню его дружины, и князь возвращался оттуда въ теремъ жены съ возбужденнымъ лицомъ, о греческомъ Богѣ не хотѣлъ и слушать, говоря, что это не Богъ его отца, не Богъ его мужей, его вонновъ. Юная княгиня поникала прекрасной головой и умолкала, возводя очи на костяное распятіе.

Близъ нея всегда была Русава. Если вѣсти о самомъ Святославѣ доходили рѣдко и смутно, то о Вельмудѣ не было никакихъ вѣстей. Быть-можетъ, онъ и поручалъ встрѣчнымъ кіевлянамъ, шедшимъ на родину, рассказать о немъ женѣ, но рассказы эти не достигали до нея. Быть-можетъ, онъ уже давно погибъ въ бою.

Изъ Ольжичей дошли вѣсти, но печальныя. Годинъ умеръ вскорѣ послѣ отплытія Святослава оттуда. Старика нашли распростертымъ, съ раскинутыми по землѣ руками, точно онъ старался обнять мать-землю, у священнаго дерева подъ Княгининими дубами.

Баюмъ сталъ старшиной рода и жрецомъ боговъ. Странное дѣло—этотъ человѣкъ, не любившій своихъ языческихъ боговъ, ставъ ихъ жрецомъ, сдѣлался усерднымъ исполнителемъ всѣхъ обрядовъ, на которые насмотрѣлся при отцѣ. Но онъ не ограничился этимъ. Онъ первый ввелъ въ Ольжичахъ человѣческія жертвы. О нихъ при Годинѣ не было и поминъ. Сухой и немногорѣчивый, Баюмъ объявлялъ, что боги ему открыли, будто желаютъ того или другого отрока или юношу, и собственноручно закалывать блѣдныхъ дѣтей на томъ жертвенномъ камнѣ, на которомъ при Годинѣ лилась кровь только козловъ и ягнятъ. Отцы и матери сперва въ ужасѣ ронгали и чуть не силой защищали своихъ дѣтей, но Баюмъ сумѣлъ такъ застрашать ольжичанъ волею боговъ, гнѣвомъ ихъ, что община уже сама требовала человѣческихъ жертвъ.

Мать Русавы очень скоро послѣ отъѣзда дочери заболѣла и умерла: говорили, Баюмъ заѣлъ ее и Недыху злыми рѣчами и побоями за то, что не уберегли его дочь, и пришлось ее отдать его лиходѣю Вельмуду, который бросилъ ее въ Кіевѣ и ушелъ съ княземъ невѣсть куда, такъ что и выгоды отъ его вліянія у князя не было никакой. Недыха ушла отъ Баюма и поселилась въ забро-

иенной теперь хатъ Година, подъ Княгиниными дубами, отсюда почти не выходила. Она прослыла за вѣдму: всѣ сами сторонились отъ нея. Съ трясущимися головой и руками сидѣла она въ избѣ или у избы бывшаго своего мужа и бормотала страшныя, невнятные рѣчи про Мару.

До Русавы въ теремъ Ярополковой княгини все это дошло въ смутныхъ, пугающихъ слухахъ. Она вся дрожала, когда приходившіе съ обозами ольжичане, заходя въ теремъ княгини, рассказывали о жречествѣ Баюма.

Ольжичане попрежнему доставляли дань въ княжью казну, привозя ее сами. Баюмъ заботился строго объ этомъ. На полюде Ярополкъ къ нимъ не ѣздилъ. Блудъ увѣрялъ, что разъ дань платятъ хорошо, то и судомъ своимъ управятся. И Баюмъ судилъ и рядилъ уже не подъ священнымъ деревомъ, а въ кругу идоловъ, безпощадно пользуясь всѣмъ, чтобы укрѣпить свою власть, особенно семейными раздорами, семейной кровавой местию, право на которую онъ давалъ все чаще, забывая завѣтъ Святослава. Стопъ и скрежетъ стояли въ Ольжичахъ.

Русава, слушая про все это отъ завѣжихъ земляковъ, блѣднѣла и уходила въ глубь терема, молча, съ большими, полными слезъ, глазами. Она постепенно сильно измѣнилась. Она выросла, страшно похудѣла и поблѣднѣла. Ея свѣтлыя прозрачныя очи ввалились и казались огромными. Несмотря на всю разницу ихъ типа, она стала теперь походить на свою госпожу-гречанку, только, при ея русыхъ волосахъ и свѣтлыхъ глазахъ, казалась еще болѣе воздушной и еще болѣе неземной.

Кіева княгиня и Русава почти не покидали. Только изрѣдка, въ крытыхъ ладьяхъ, съ небольшою дружиной—у княгини была своя дружина немногочисленная, втайнѣ вся поклонявшаяся ей Богу—онѣ уплывали въ Вышгородъ, который теперь перешелъ во владѣніе жены Ярополка. Вышгородъ отъ этого не процвѣлъ, какъ было при Ольгѣ: юная гречанка не имѣла никакихъ хозяйственныхъ стремлений и способностей. И тишина для сбора даней туда не поселила: дани эти передала она всѣ мужу, и собирала ихъ тише въ Кіевѣ. Поэтому Вышгородъ сохранилъ видъ пустынный. Но это и цѣнила въ немъ княгиня, любя уединеніе и тишину.

Она часто пріѣзжала туда почти незамѣтно, ночью, съ немногими воинами и Русавой и сидѣла, залершись въ высокой башнѣ-вѣжѣ, устроенной надъ теремомъ еще покойной Ольгой, чтобы отсюда наблюдать за жизнью всего Вышгорода, какъ и надлежитъ заботливой хозяйкѣ. Цѣлые дни проводили на этой вѣжѣ-вышкѣ двѣ блѣдныя женщины и, среди тихаго, соннаго городка, смотрѣли вдаль за рѣку, туда, гдѣ, онѣ думали, былъ Царградъ. Княгиня искала въ этой дали свою родину, Русава—своего мужа: по послѣднимъ смутнымъ вѣстямъ, князь Святославъ воевалъ въ греческой землѣ.

И чудились черноокой гречанкѣ родные храмы, стройное пѣніе клира, лики иконъ, богатые одѣянія пресвитеровъ; а свѣтлоокой Русавѣ—дальняя рать суровыхъ воиновъ, спавшихъ безъ шатровъ на землѣ, въ холщевыхъ рубахахъ, лаптяхъ, или босыхъ. Иногда княгинѣ казалось: далекое стройное пѣніе тихо доносится до нея, и звуки ея роднаго языка сливаются съ красотой византійскихъ нагѣвовъ. Русавѣ же чудилось:—по рѣкѣ вдали, на дальней-дальней излучинѣ Днѣпра показываются, одна за другой, низкія темныя ладьи, и надъ ними невысокая шестна копія. Порой ей казалось, за рѣкой, тамъ, гдѣ виднѣлся темный шляхъ,—дорога изъ «грековъ»,—вздмается густая пыль, точно идутъ толпы пѣшихъ, или медленно ѣдутъ на изморенныхъ коняхъ всадники. И подолгу, до темной ночи, сидѣли обѣ женщины на вышгородской Ольгиной вышкѣ-вѣжѣ.

Иногда онѣ рѣшались, окруженныя воинами, пойти въ лѣсокъ подъ Вышгородомъ собирать цвѣты, ягоды, грибы. Дружина княгини располагалась гдѣ-нибудь на лужайкѣ, чтобы при первомъ ихъ крикѣ придти на помощь, а онѣ бродили вдвоемъ по лѣсу, не отходя далеко. Онѣ

не любили, чтобы въ тиши лѣса, около нихъ находились другія женщины или воины.

Бродили онѣ такъ и черезъ два съ небольшимъ года послѣ ухода Святослава изъ Кіева, въ срединѣ мая, яснымъ теплымъ днемъ, собирая ландыши, которыхъ въ это время всегда было много въ лѣсу на его небольшихъ душистыхъ лужайкахъ. Вдругъ имъ почудилось, что за свѣтлыми серебристыми деревьями лѣса раздается не то тихое однообразное пѣніе, не то говоръ нараснѣвъ. Онѣ остановились и прислушались. Онѣ вдругъ поняли, что это, вѣроятно, какіе-нибудь странники поютъ былинну воинамъ. Онѣ приблизились къ лужайкѣ, на которой оставили воиновъ.

Русава хотѣла-было выйти на эту лужайку и посмотреть, что тамъ дѣлается. Она порывисто шагнула между деревьями. Но княгиня остановила ее движеніемъ руки и опустилась на мягкую траву подъ тополями. Ей, очевидно, хотѣлось послушать былинну странниковъ отсюда, чтобы ея не видали и не смутились ея появленіемъ. Русава поняла ее и тоже опустилась съ ней на траву.

Обѣ женщины уронили на колѣни пышные букеты ландышей, набранныхъ въ лѣсу. И княгиня начала плести вѣнокъ, который потомъ возложила на русую головку Русавы. Надѣвъ на Русаву вѣнокъ, княгиня взяла одну изъ ея косъ, большую, тяжелую, точно изъ темнаго золота, и вплетала въ нихъ свѣжіе, душистые цвѣты.

Русава сидѣла неподвижно. Какъ ни хорошо владѣла теперь русской рѣчью гречанка-княгиня она, очевидно, не совсемъ понимала былинный складъ того, что доносилось до нихъ нараснѣвъ изъ-за тополей. Русава, наоборотъ, вся ушла въ это и вдругъ странно поблѣднѣла, сжавъ губы, расширивъ глаза, не замѣчая совсемъ, что дѣлаетъ съ ней княгиня. Свѣтлая, мягкая тѣнь тонолей, чуть-чуть пронизанная золотомъ майскихъ лучей, придавала бархатистую матовость ея блѣднымъ, впалымъ щечамъ, ароматъ ландышей такъ и стоялъ во влажномъ воздухѣ лѣса. Но ни этого аромата, ни той ласковой тѣни не замѣчала Русава; она слушала:

«А и засѣли болгаре въ Переяславцѣ-городѣ на Дунай-рѣкѣ,—доносилось до нея однообразно-грустно.—А и не пустили князя нашего. И пошли на него съчю великою. И сказалъ князь: «Братья-дружинники! Видно, злая погибель на насъ пришла. А и потянемъ мы, какъ мужи хоробрые. И взяли копьемъ Переяславецъ-городъ на Дунай-рѣкѣ. И сѣлъ въ середкѣ земли своей—той земли, что мечомъ себѣ добылъ.»

«Да не усидѣло сердце князево. Загорѣлась душа отъ побѣды той. И послалъ князь въ Царградъ-городъ, и сказали грекамъ гонцы князево:—«Иду на вы, хочу взять и вашъ городъ, какъ взялъ Переяславецъ на Дунай-рѣкѣ. И собрали греки тьму темъ. А у князя-то дружина малая. И сказалъ князь:—«Братья-дружинники! Видно, погибель на насъ пришла. А и потянемъ, какъ мужи хоробрые, не посрамимъ земли своей, ляжемъ головой, костью, мертвымъ срама не имати. А отъ срама-стыда—не уйти никуда. Коль сложу я головушку княжую, промышляйте о себѣ, братья-дружинники». И сказала князю дружина-ратъ:—«Гдѣ ляжетъ твоя голова, тамъ и наши». И была съча великая. Побѣжали греки—точно гуси заготовали. И много городовъ разорили, опустошили князь въ землѣ греческой.»

«И созвалъ царь греческій дружину мужей своихъ. И сказалъ имъ:—«Не стать противъ князя намъ». И послалъ онъ князю ткани дорогія, золото червлѣное. А и не посмотрѣлъ князь на ткани, на золото. И послалъ тогда царь греческій ему мечи, конья булатныя. А и долго смотрѣлъ князь на мечи, конья булатныя. И ликовалъ сердцемъ, окомъ, ихъ видючи. И пошли греки къ царю ихнему. И сказали, горюючи:—«Охъ, лютъ князь: на мечи, конья только и зарится». И послалъ царь князю дань великую. А и сказалъ князь:—«Беру за убитыхъ роду-племени». И сказалъ князь царю:—«Заживемъ съ

тобой въ мирѣ-любви». А дружинѣ-мужамъ молвилъ иначе: — «Пойдемъ-ка пока, соберемъ рать побольше: а то обмануть греки насъ, перебьютъ, погубятъ. До земли родной далеко, да и сторожать ее печенѣги злы».

«И поплылъ самъ князь на ладѣ-стругѣ, по Дунаю-рѣкѣ, и вошелъ въ любовь съ паремъ, со Цимискѣмъ. И приплылъ назадъ туча-тучею. И сказалъ воевода Свѣнелдъ: — «Ступай, князь, въ обходъ на коняхъ: засѣли въ порогахъ печенѣги на рѣкѣ». А и прогнѣвался князь, и сказалъ воеводѣ вѣрному: — «Аль боюсь я печенѣговъ злыхъ?» И пошелъ въ ладьяхъ по темной рѣкѣ.

«Охъ, братья, развернула крылья Мара черная. Понеслась она надъ княжей головой, лапы-когти разжимаючи. А и внизу темна рѣка, вверху тучи темныя, а вода у пороговъ, какъ буй-гуръ реветъ. А и легла Мара не впервые надъ буйной головушкой князевой. Какъ засѣли болгаре въ Перяславѣ на Дунай-рѣкѣ, какъ собрали греки тму темъ на ней, замахала Мара крылами тогда. Да не спустилась на княжую голову. А какъ хоронили на Дунай-рѣкѣ вои Святославы, да убитыхъ товарищей, жгли ихъ на кострахъ многѣхъ ночью темною, да рѣзали въ честь ихъ болгарь-мужей, женъ и юношей, и топили въ Дунай-рѣкѣ дѣтей малыхъ, пѣтуховъ-пѣтеловъ, — и вивалась въ нихъ Мара жадная.

«И помстили князю болгаре. Печенѣгамъ сказали, отъ грековъ прослышавши: идетъ князь порогами, съ ратью малою, добычей великою. И заступили печенѣги пороги тѣ, и тма темъ имъ была. И засѣлъ князь въ Бѣлобѣ-режѣ-городѣ, на зиму темную. И настала царство Мары злой. Вышелъ весь запасъ-жито. Стали ѣсть коней ратныхъ. За полгривну шла голова коня.

«И сидѣлъ князь туча тучею, на коня любимца гляючи: на «Изгой»-коня. И взялъ князь мечъ острый свой. И сказалъ конюху вѣрному:

«— А и самъ вонжу мечъ въ «Изгой»-коня, да не рабья рука и не вражеская.

«А и посмотрѣлъ князь въ очи «Изгой»-коню. И зарикалъ конь жалобно: конь-то едва на ногахъ стоялъ, отопталъ весь отъ голода. И ударилъ князь «Изгой»-коня да мечомъ подъ ребро. И палъ конь, какъ травушка подкошенная. А князь сталъ туча тучею. И лилъ слезы горькія конюхъ вѣрный коня.

«А и пришла весна-красна, да не дождался князь Купалья дня, пошелъ на бой съ печенѣгами. А и ждалъ его Куря-князь. И была сѣча великая. И разилъ мечомъ Святославъ врага: гдѣ махнетъ — тамъ улица, гдѣ шагнетъ — переулочекъ. Да спустилась Мара черная, разжала лапы когтистыя. Паль великій князь, кровью обливаясь. А и близъ него палъ дружинникъ Владанъ. А и близъ него палъ Фрелофъ-пѣвунъ, съ княземъ объ руку. А и конюхъ тотъ, да «Изгоевъ» ли, бился рядомъ съ нимъ, съ воими. А и рекъ Владанъ умираючи:

«— Ты прости, продай, побратанъ-землякъ. Позабудь, братанъ, мою злобушку.

«Ничего не рекъ, умираючи, юнъ пѣвунъ Фрелофъ, Инегельдовъ внукъ. Ничего не рекъ, умираючи, самъ великій князь, лишь закрылъ глаза, да замкнулъ уста.

«А не палъ пѣвецъ. Видно, блюлъ его али самъ Дажбогъ, али богъ иной. Во полонъ попалъ весь израненный. И узрѣлъ въ плѣну, какъ отѣкли ли князю голову, а изъ черепа чашу сдѣлали, въ золотой ободъ оковали всю. А изъ чаши той пили злы враги, да лигуючи. И молчалъ, тосковалъ плѣнный конюхъ тотъ, да «Изгоевъ» ли, коня мертвого. Да помогъ ему во полонѣ зломъ, видно, самъ Дажбогъ, али богъ иной, про его, про молодунку помнючи. И ушелъ изъ полона конюхъ тотъ, да «Изгоевъ» ли, коня мертвого, въ ночку темную. И пошелъ дни и ночки, да не зналъ куда. Да пришелъ къ родной землѣ, да и пѣсню ту, слово вѣщее, какъ училъ его Фрелофъ-пѣвунъ, сложилъ-запѣлъ да на славу ли князю старому, на утѣху ли, на печаль-тоску молодымъ князьямъ.

«А за пѣсню ту не судите, люди добрые, а скажите, молвите: не слыхали ли про ладу пѣвца-странника, Русавушку Вельмуду?»

Сильный женскій крикъ, вопль безумной радости, открылъ эти слова былины. Какъ стрѣла, бросилась Русава, между тополями, на лужайку, гдѣ дружина княгини слухала пѣвца. Ландыши быстро посыпались съ колѣвъ Русавы и падали за ней на траву, какъ бѣлый душистый сѣдъ.

XXXIV.

Мара и Марія.

Когда княгиня, увидѣвъ быстрое движеніе Русавы, бросилась вслѣдъ за нею и очутилась на лужайкѣ, гдѣ оставались ея вонны, она увидѣла такую картину: кружокъ вонновъ разступился, изумленный и пораженный тѣмъ, чтó произошло; въ серединѣ лужайки стоялъ человекъ, въ оборванной рубахѣ, съ войлочной шапкой на головѣ, наподобіе закругленнаго колпака. На груди его, рыдая, лежала Русава.

Онъ обнималъ ее одной рукой, держа въ другой посохъ, возведя на небо свои большіе, ввалившіеся глаза. Волосы, усы и борода отѣняли густой темной рамкой его блѣдное, истощенное лицо и совсѣмъ безкровныя губы. На ногахъ его, израненныхъ и стертыхъ долгимъ путемъ, были отрезки лаптей изъ совсѣмъ неотдѣланной коры, которую онъ, очевидно, самъ обдиралъ съ деревьевъ въ пути и наворачивалъ на ноги, привязывая обрывками перетершихся давно, скрутившихся и пропитавшихся грязью ремней.

Долго неудержимо рыдала Русава на груди этого нищаго, измученнаго странника, долго не могъ онъ произнести ни слова и только смотрѣлъ на яркое майское солнце на небѣ, на этого Дажбога, который уже въ третій разъ шелъ къ своему полному торжеству надъ Марой, въ Купальіи день, съ тѣхъ поръ, какъ олжичане встрѣчали теперь покойнаго князя Святослава. И слезы такъ и стояли въ глазахъ этого осколка послѣдней рати Святослава, этого «Изгоева» княжата конюха, это пѣвца про послѣдній походъ Святослава, ученика павшаго въ томъ походѣ Фрелофа-пѣвуна. Наконецъ, лаская дрожащей рукой голову жены, рыданія которой начали затихать, Вельмудъ сказалъ:

— Вонъ онъ, Дажбогъ. Побѣдилъ онъ, Русавушка, и на сей разъ Мару злою. Не досталась сѣ, видно, и на сей разъ Синькина душа.

Точно пораженная молніей, отшатнулась отъ мужа Русава при этихъ словахъ.

— Нѣтъ, Вельмудъ, ни Дажбога, ни Мары злой! — воскликнула она и, высвободивъ изъ-подъ лѣтника на шеѣ шелковый византийскій шнуръ, надѣтый ею вмѣсто прежней дѣдовской ладонки, показала мужу темный крестъ.

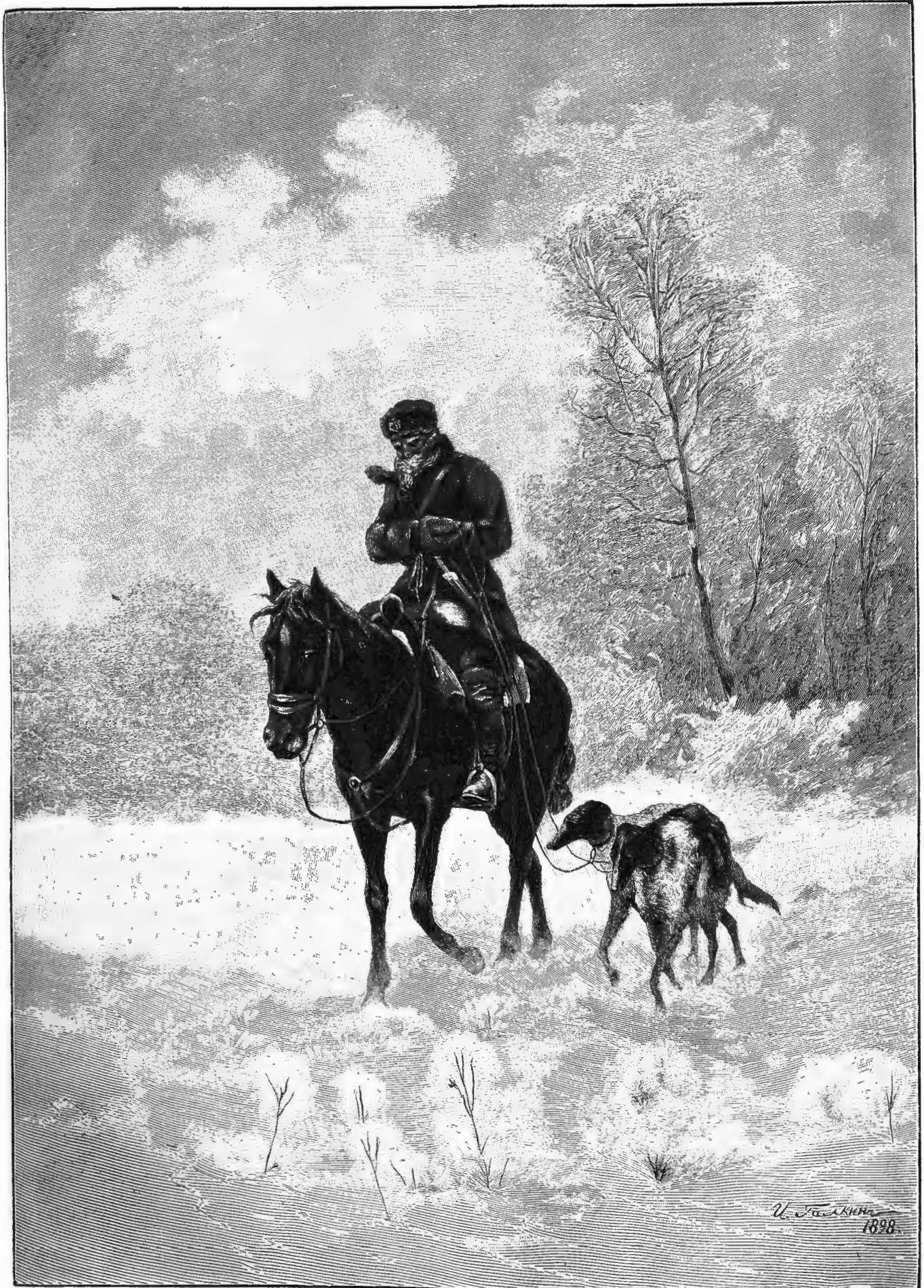
Вельмудъ смотрѣлъ на нее потеряннымъ взглядомъ. Дружина княгини молча стояла вокругъ. Княгиня медленно приблизилась къ Русавѣ и Вельмуду. Русава молча, показывая свой крестъ, смотрѣла на мужа большими вопрошающими и умоляющими очами, въ глубинѣ которыхъ трепеталъ страхъ.

— Нѣтъ, воинъ князя Святослава, твоихъ боговъ. Есть одинъ въ небѣ, Тотъ, Котораго посылъ на груди своей и въ груди своей теперь твоя жена, — медленно сказала гречанка-княгиня.

Она говорила теперь несравненно лучше, чѣмъ два года назадъ, на языкѣ Вельмуда и Русавы, но и теперь ея тихій, мелодичный голосъ звенѣлъ чуждыми ихъ русскому уху мягко-гортанными звуками. Подойдя совсѣмъ близко къ Русавѣ, она взяла изъ ея руки крестъ, осторожно сняла шнуръ съ ея шеи и, подавая крестъ Вельмуду, сказала снова:

— Есть одинъ въ небѣ—Этотъ.

Вельмудъ вдруть, точно подхваченный какимъ-то впе-

XIX январьская выставка. „Борзятникъ“. Съ картины И. Галкина грав. М. Рашевскій.

занно овладѣвшимъ имъ порывомъ, почти вырвать крестъ изъ руки княгини и стать упорно, жадно смотрѣть на него. На крестѣ тонкой византийской рѣзьбой былъ изображенъ Распятый въ терновомъ вѣнцѣ, съ прободеннымъ бокомъ. Какъ мало походило это изображеніе на тѣ деревянные и металлическія чудища, которыя выдаль уже Вельмудъ, въ Кіевѣ и во многихъ другихъ городищахъ по пути, когда онъ шелъ, собираясь, по русской землѣ, уйдя хитростью изъ далекаго печенѣжскаго плѣна.

Прежде всего этотъ Распятый былъ человѣкъ. Это было настоящее человеческое тѣло, крайне худое, сухое, истощенное, съ видимыми ребрами, съ подведеннымъ страдальчески животомъ; это была настоящая человеческая голова, увѣчанная терніями, страдальческая, съ большими, воздымающимися горѣ очами. Вельмудъ впервые жадно и пристально всматривался въ символъ христіанской вѣры.

— Смотри на него! — говорила княгиня. — Онъ пришелъ учить и спасать всѣхъ несчастныхъ, бѣдныхъ, Онъ былъ прибитъ къ той вислицѣ изъ дерева, на которой изъ Его странѣ вѣшали плѣнниковъ рабовъ, холоповъ, и которая съ тѣхъ поръ уже не вислица, а святой Крестъ. И надѣли Ему на чело колочки, и ударили Его въ бокъ копьемъ, и били, и хлестали Его. А Онъ только молился Отцу Его и прощалъ всѣхъ, потому что въ Его прощаніи — и спасеніе всѣхъ, въ Его пролитой крови — искупленіе всѣхъ людей. Такъ и заповѣдалъ Ему Отецъ Его, вѣчный Богъ. — говорила княгиня-гречанка, жадно смотря на Вельмуду.

И Русава жадно смотрѣла на мужа. Страхъ чего-то все еще мучительно стоялъ въ ея очахъ.

— Такъ заповѣдалъ Ему Отецъ Его, вѣчный Богъ, — точно безсознательно повторили слова княгини губы Вельмуды.

Онъ крѣпко сжималъ крестъ пальцами, держа его близко передъ глазами. Чуждыя, какъ будто княгиня выраженія княгини, переводившей про себя русскую рѣчь съ греческаго, не поразили Вельмуду. Онъ даже безъ труда повторилъ ея слова, совсѣмъ ему непривычныя. Его, очевидно, глубоко поражаало иное.

— Такъ заповѣдалъ Ему Отецъ Его, вѣчный Богъ, — повторили уста Вельмуды. И вдругъ, поднимъ отъ креста глаза на княгиню, онъ тихо, благоговѣнно спросилъ: Сварогъ?

— Нѣтъ Сварога! Нѣтъ вашихъ боговъ! — въ религиозномъ экстазѣ, потрясая своей янтарно-блѣдной рукой, поднятой къ небу, воскликнула съ необычной для нея силой гречанка-княгиня. — Онъ одинъ. Онъ и Отецъ Его — Одно. Онъ и Духъ Его Святой — Одно. Одинъ — вѣчный Богъ.

Вельмудъ какъ будто не понималъ ея.

— Одно... Одинъ... — зашептали безвязно его губы, и глаза снова впились въ распятіе.

— Одинъ! Одно! Распятый Богъ! Богъ несчастныхъ, рабовъ, нищихъ, странниковъ, безпріютныхъ. Твой Богъ! сказала княгиня.

— Мой Богъ? — шептали, все болѣе дрожа, губы Вельмуды.

Дружина благоговѣнно слушала. Русава все смотрѣла съ жаднымъ вопросомъ и тайнымъ страхомъ на мужа. Экстазъ княгини-гречанки возрасталъ.

— Твой Богъ. Богъ твоей жены. Когда ее, робкую, почти дѣвочку, отдалъ мнѣ твой убитый теперь князь, на этого Бога указала я ей. Когда повлекъ тебя въ страшный послѣдній походъ твой убитый теперь князь и обмерла въ тоскѣ жена твои, — на этого Бога указала я ей. Когда въ одиночествѣ, не зная о судьбѣ твоей, изнывала, тосковала она, — объ этомъ Богѣ говорила я ей... И слушала она, слушала, и отходила отъ ея души твои боги, и освобождалась отъ нихъ ея душа, и входилъ въ нее этотъ Богъ. И когда Онъ вошелъ въ ея душу, узнала она передо мной на колѣни и заплакала. И поняла я тѣ слезы. И позвала я свещенника своего, и окрестилъ

мы ее. Такъ захотѣлъ этотъ Богъ, потому что вошелъ Онъ въ ея душу, и не могла больше быть безъ Него ея душа... Ибо, когда совсѣмъ войдетъ въ чью-нибудь душу этотъ Богъ — уже не уйдетъ Онъ... И до тѣхъ поръ будетъ, какъ въ закрытыя ворота, стучать въ эту душу, пока эти ворота совсѣмъ не откроетъ святое крещеніе.

Княгиня говорила, и голосъ ея звенѣлъ, какъ все болѣе напругающаяся струна. И благоговѣнно слушала дружина княгини. И Русава, положивъ обѣ руки крестообразно на свою грудь, вдругъ отвела глаза отъ мужа, все смотрѣвшаго на ея крестъ. Въ глазахъ Русавы страхъ уменьшался, нѣмой ея вопросъ какъ будто уже получилъ отвѣтъ.

Княгиня, говоря все это, точно боролась не только за душу Вельмуды, пытаясь отнять эту душу у его языческихъ боговъ, но какъ будто защищала и христіанскую уже душу своей любимицы, своего единственнаго друга въ этой чужой, еще языческой землѣ. Княгинейю точно овладѣлъ страхъ, что этотъ внезапно появившійся язычникъ-мужъ можетъ снова вернуть къ старымъ богамъ душу жены. Но этотъ мужъ все не сводилъ глазъ съ Распятія на крестѣ. Вдругъ, когда гречанка-княгиня умолкла, смотря безпокойными очами на него и на Русаву, онъ сказалъ тихо и раздѣльно:

— Это самое говорилъ мнѣ про того Бога и Фрелофъ. И тосковалъ онъ, что не взялъ креста въ походъ — не хотѣлъ, чтобы дружина увидала на немъ крестъ и злобно осмѣяла его Бога... Только князь Святославъ никогда не осмѣивалъ его Бога... Да, вѣрнѣе я въ Даждь-бога, низева бога, думалъ: онъ далъ мнѣ жену мою Русаву.

— Русавы нѣтъ больше! — властно и рѣзко перебила княгиня Вельмуду.

— Нѣтъ?.. Русавы? — коснѣющими губами произнесъ Вельмудъ.

Глаза его сильно расширились. Онъ почти съ ужасомъ смотрѣлъ на жену свою. Княгиня такъ убѣжденно сказала: «Русавы нѣтъ», что Вельмуду вдругъ показалось: передъ нимъ призракъ его жены. И онъ только тутъ замѣтилъ, что прежней Русавы, дѣйствительно, не было.

Передъ нимъ была его Русава. Онъ въ этомъ не сомнѣвался. Онъ это чувствовалъ всѣмъ своимъ сердцемъ, когда она, рыдая, ринулась на его грудь, выѣживъ внезапно изъ-за деревьевъ. Но теперь, когда онъ жадно смотрѣлъ на нее, точно желая убѣдиться, не видѣніе ли она, — ему на мгновеніе могло показаться, что передъ нимъ, дѣйствительно, не жена его, а призракъ ея, — такъ она измѣнилась. Исчезла та дѣвочка-женщина, жизнерадостная, сильная, гибкая, цвѣтущая, которую онъ когда-то держалъ въ объятіяхъ. Высокая, худая, блѣдная, съ строгимъ, почти прозрачнымъ лицомъ, съ огромными свѣтлыми, но какъ бы лишенными земной жизни очами, стояла передъ нимъ она: и Русава, и не Русава.

Между тѣмъ княгиня снова еще настойчивѣе повторила:

— Русавы нѣтъ. Есть теперь Марія. Этимъ именемъ она крещена во имя той Маріи, чадомъ которой явился на землю Распятый Богъ...

— Марія... Марія?... — воскликнулъ Вельмудъ.

Созвучіе этихъ двухъ именъ поразило его слухъ, и это восклицаніе сорвалось съ его губъ непонятно и не произвольно для него самого. Онъ самъ еще не сознавалъ, какой смыслъ его смятенная душа вкладывала въ это восклицаніе.

— Нѣтъ Мары, Вельмудъ, нѣтъ ея! Есть святая Матерь Бога Марія-Дѣва. Ей и Сыну Ея молилась я цѣлые дни, ночи, обливаясь слезами, чтобы вернула Она тебя — мужа моего, чтобы помогла мнѣ тебя обратитъ къ истинной вѣрѣ, не дала тебѣ умереть въ худой вѣрѣ, въ той вѣрѣ, въ которой умерли дѣдъ Годинъ, мать моя, князь Святославъ... О, сколько слезъ пролила я въ этихъ

молитвахъ! Всю душу вылила въ тѣхъ молитвахъ. тѣхъ слезахъ. И слышали Они — привели тебя ко мнѣ. Увѣруй въ Нихъ, увѣруй въ Нихъ. Вельмудъ! Нѣтъ больше Мары для насъ съ тобой! Знаю я теперь — не Спилькина душа въ душѣ моей — Божья душа. Нѣтъ Мары. Есть Марія. Мать Божія. есть и Марія, жена твоя!

Такъ говорила глубоко потрясенная молодая женщина, которую прежде звали Русавой, опускаясь на колѣни передъ мужемъ и простирая къ нему блѣдныя трепетныя руки. Вельмудъ весь задрожалъ.

— Нѣтъ Мары... Марія... Мать Его... И Они привели меня къ тебѣ... А Фрелофъ?... Отчего, отчего...

Вельмудъ не кончилъ своего вопроса. Княгиня поняла его.

Фрелофа Они взяли къ себѣ на небо. Я знаю. Онъ вѣрнѣе въ Нихъ, — сказала она: Они взяли душу его на небо, и тамъ они молятъ теперь Ихъ. чтобы вошли Они въ твою душу.

— Онъ молитъ Ихъ на небѣ... — Вельмудъ поднялъ глаза къ небу.

К О Н Е Ц Ъ .

Хирургъ Разинскій.

Рассказъ В. Саммарина.

I.

Семень Васильевичъ Разинскій былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, сосредоточенный, очень часто хмурый, съ широкимъ, краснымъ лицомъ, небольшою русою бородою и спускавшимся внизъ рѣдкими усами. Волосы онъ носилъ длинные, волнами лежавшіе на его большой головѣ. Но когда Разинскій улыбался, все лицо его какъ бы озарилось: хмурая сосредоточенность мгновенно исчезала, уступая мѣсто выраженію самаго дружелюбнаго участія. Одѣвался онъ неизмѣнно въ черный сюртукъ; въ другомъ костюмѣ его трудно было себѣ и предѣлать.

Разинскій былъ по специальности хирургъ и въ своей профессіи приобрѣлъ довольно большую извѣстность не только въ губернскомъ городѣ ***, но и по всему Поволожью. Ему перѣдко приходилось ѣздить въ сосѣдніе города по вызову больныхъ.

Семень Васильевичъ былъ женатъ. Жена его, Анна Николаевна, или «Нюша», какъ называлъ ее мужъ, была молода и хороша собой. Пяццо, всегда по модѣ одѣтая, живая, веселая и кокетливая, она была предметомъ постоянного вниманія окружающихъ ее мужчинъ. Анна Николаевна умѣла принять гостей, устроить вечеринку, затѣять веселый шипикъ.

Семень Васильевичъ любилъ свою Нюшу безгранично. Несмотря на то, что онъ былъ женатъ уже около шести лѣтъ, онъ все еще былъ влюбленъ въ нее почти такъ же, какъ въ первый годъ своей брачной жизни. У нихъ не было дѣтей, а потому чувство любви Разинскаго не дробилось и всецѣло принадлежало молодой хорошенькой женѣ. Возвращаясь усталый домой и оставаясь вдвоемъ со своею Нюшей, онъ былъ такъ счастливъ, что ни о чемъ большемъ не мечталъ, и никогда не приходила ему въ голову мысль, что жизнь его можетъ измѣниться.

Гроза разразилась внезапно, и Разинскій, ослѣпленный своею любовью къ женѣ и безграничнымъ къ ней довѣріемъ, спохватился уже слишкомъ поздно.

Въ числѣ гостей особенно часто посѣщала Разинскихъ молодой офицеръ генеральнаго штаба Павелъ Никаноровичъ Барщевскій.

Это былъ хорошо сложенный, красивый брюнетъ, съ коротко подстриженными, стоявшими ѣжикомъ черными волосами, бойкимъ взглядомъ, румянымъ лицомъ, маленькими острыми ушками и круглыми черными глазами, надъ которыми прямыми полосками лежали немного женственныя брови. Говорилъ онъ мягкимъ, груднымъ баритономъ; привѣтливая улыбка не сходила съ его лица.

Барщевскій былъ немного фатъ, немного фразѣръ, но ни то, ни другое не бросалось въ глаза, благодаря его хорошему воспитанію. Онъ много читалъ, много видѣлъ и испыталъ, несмотря на свою молодость; онъ умѣлъ увлекательно рассказывать, былъ неподражаемый анекдотистъ. Товарищи-офицеры любили его за веселый нравъ, общительность и ровность въ обращеніи. Онъ былъ страстный охотникъ, поклонникъ всякаго спорта, артистически ѣздилъ верхомъ и ловко игралъ на бильярдѣ. У женщинъ онъ имѣлъ несомнѣнный успѣхъ и насчитывалъ уже не одинъ романъ въ своей жизни.

Анна Николаевна съ первой же встрѣчи произвела на Барщевского то впечатлѣніе, изъ котораго незамѣтно развивается симпатія, постепенно затѣмъ переходящая въ любовь. Сближеніе между ними росло незамѣтно, и Анна Николаевна, сама того не предполагая, съ каждымъ днемъ все сильнѣе привязывалась къ Барщевскому.

Семень Васильевичъ былъ далекъ отъ всякихъ подозрѣній. Никакъ ни маскировала Анна Николаевна свои отношенія къ Барщевскому, все же они всплыли наружу и притомъ самымъ неожиданнымъ образомъ.

II.

Дѣло было въ воскресенье. Семень Васильевичъ постѣ обѣда уѣхалъ къ какому-то больному; отсюда онъ долженъ былъ, какъ онъ объяснилъ Нюшѣ, отправиться въ больницу, а затѣмъ—въ засѣданіе врачей, и рассчитывалъ вернуться домой не ранѣе одиннадцати часовъ ночи.

Но обстоятельства заставили его вернуться раньше. Онъ забылъ захватить съ собою какую-то книгу, обѣщанную одному изъ товарищей, и вотъ около восьми часовъ захалъ домой.

Входя въ переднюю, онъ увидѣлъ на вѣшалкѣ военное пальто. «Павелъ Никаноровичъ, должно-быть»,—подумалъ онъ и направился къ себѣ черезъ залу въ кабинетъ.

Анна Николаевна и Барщевскій не слышали его звонка, и не успѣлъ Разинскій переступить порога въ залу, какъ изъ гостиной, расположенной за залой, до него неясно долетѣли слова, отъ которыхъ сердце мучительно сжалось, и на одно мгновеніе Разинскій замеръ, пораженный странною мыслью. Онъ, однако, тотчасъ же овладѣлъ собою и пошелъ въ гостиную.

Тамъ онъ засталъ жену и Барщевского. Анна Николаевна сидѣла на кушеткѣ, откинувши голову назадъ, а Барщевскій стоялъ передъ нею въ той неопредѣленной позѣ, какую принимаетъ человѣкъ, быстро переимѣнившій положеніе. Они какъ-то смущенно молчали. Тусклый свѣтъ лампы, заслоненной густымъ абажуромъ, не позволялъ Разинскому разглядѣть взволнованныя лица жены и Барщевского.

Не успѣлъ Разинскій привести въ порядокъ свои мысли, какъ около него стояла его Нюша. Она ласково взглянула ему въ лицо тѣмъ довѣрчиво-спокойнымъ взглядомъ, которому онъ не могъ не вѣрить.

— Что это ты вернулся?—заговорила она:—забылъ что-нибудь? А мы вотъ чуть было не поссорились съ Павломъ Никаноровичемъ... вотъ и хорошо... ты насъ разберешь... Павелъ Никаноровичъ такой горячій, совсѣмъ спорить не умѣетъ.

Барщевскій поздоровался съ Разинскимъ, но ничего не отвѣтилъ на слова Анны Николаевны.

Въ эту минуту раздался звонокъ. У Разинскаго отлегло отъ сердца. «И съ чего это я?... Ужъ не послышалось ли мнѣ?—вѣдь сегодня воскресенье... у насъ всегда кто-нибудь бываетъ... вотъ и еще гости».—подумалъ Разинскій.

— Ну, мнѣ некогда, вы меня извините, Павелъ Никаноровичъ, я тороплюсь.

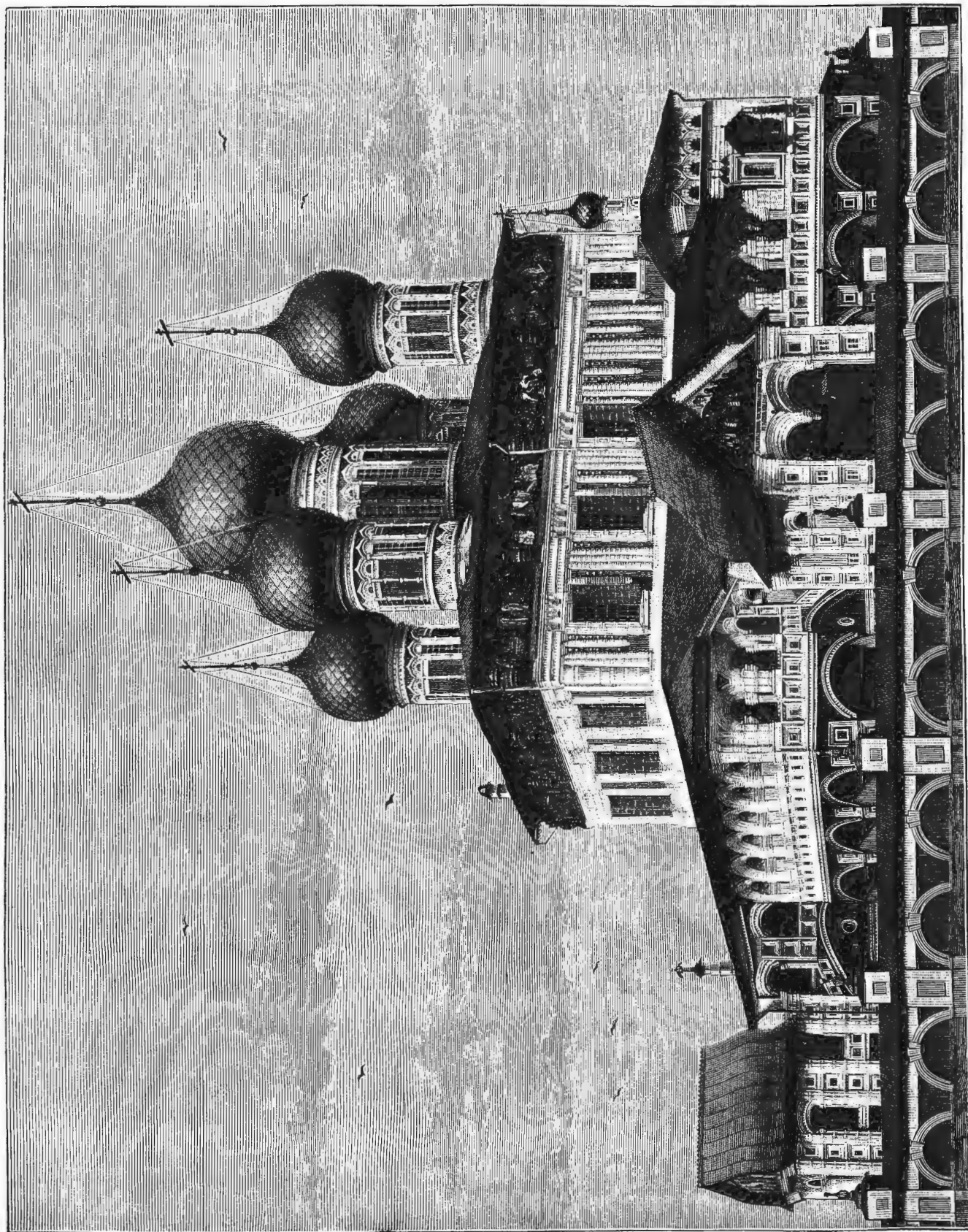
Съ этими словами Разинскій прошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Минутъ черезъ пять онъ уѣхалъ, простившись съ Барщевскимъ и молодыми супругами Павлиновыми, только что вошедшими въ гостиную.

— Я стараюсь освободиться поскорѣе, чтобы не потерять пріятнаго вечера,—говорилъ Разинскій, прощаясь.

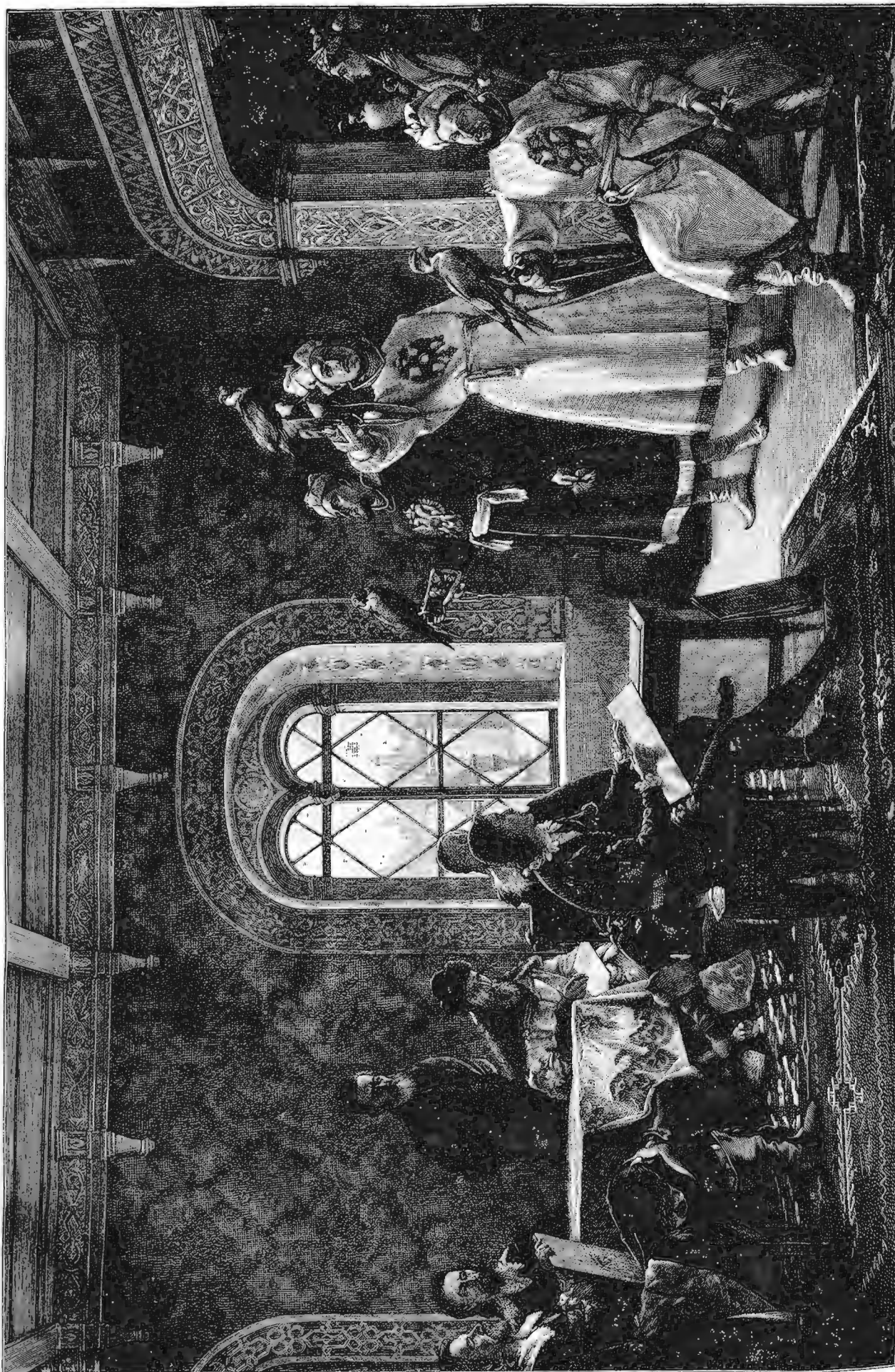
Онъ былъ доволенъ тѣмъ, что жена его не осталась вдвоемъ съ Барщевскимъ.

На засѣданіи Разинскій чувствовалъ себя не хорошо. Онъ не могъ слушать внимательно, не могъ возражать. Мысли его не работали съ обычною ясностью. Его, какъ-то, совершенно не интересовало то, что читалось.

Онъ мысленно невольно возвращался къ тому, что такъ смутно, такъ встревожило его. Онъ мучился сомнѣніями, то обвинялъ себя въ дурныхъ мысляхъ, то вдругъ вздрагивая, при одномъ воспоминаніи о послышавшихся ему словахъ. Но проткій взглядъ жены, ея ласковая, довѣрчивая улыбка заставляли его испытывать ибчто въ родѣ презрѣнія къ себѣ, къ своей слишкомъ мало обоснованной

Соборъ въ г. Романовъ-Борисоглѣбскѣ (ярославской губ.). Съ фот. Фомина грав. Рашевскій.

Музей Императора Александра III. Сокольничьи времена царя Алексея Михайловича.
Съ картины А. Д. Литовченко грав. Шюблерг.

подозрительности. А все же сердце у него щемило, и он никак не мог прогнать от себя навязчивых мыслей.

Засѣданіе затихло, и когда Разинскій вернулся домой, гости уже разошлись.

Войдя въ кабинетъ и увидавъ жену, по обыкновенію ожидавшую его возвращенія, онъ не рѣшился взглянуть ей въ лицо; ему казалось, что онъ сейчасъ же прочтетъ на немъ страшное подтвержденіе своихъ догадокъ. Но вотъ она, какъ всегда, идетъ къ нему навстрѣчу, кладетъ ему на плечи свои хорошенькія ручки, озаряетъ его любящею улыбкой и нѣжно цѣлуетъ въ щеку. Она разспрашиваетъ его о томъ, что говорилось на засѣданіи, кто на немъ присутствовалъ, задаетъ ему массу вопросовъ съ видимымъ интересомъ.

Разинскій слушаетъ ее, отвѣчаетъ и въ то же время пылко, но осторожно востраивается въ ея лицо. Оно спокойно и ясно, и съ каждой минутой Разинскій все болѣе и болѣе готовъ вѣрить, что онъ непоправимо ошибелъ. Ему становилось стыдно передъ собою, передъ Юшей, которая такъ ласково на него поглядывала, вѣроятно и не предполагая тѣхъ отвратительно-грязныхъ мыслей, которыя, какъ наважденіе злого духа, закрались ему въ душу ни съ того, ни съ сего.

— Юша!—вдругъ рѣшительно обратился къ ней Разинскій:— я хотѣлъ тебя спросить...

Онъ останоился: сердце учащенно забилось у него въ груди.

— Что? — простодушно отозвалась Анна Николаевна, удивленно поднявъ брови и останоившись на мужѣ вопрошающей взглядъ.

— Скажи, пожалуйста!.. — онъ опять замисля и провелъ рукою по лбу и волосамъ:— да, да... о чемъ это вы спорили съ нимъ... съ Барщевскимъ?— вдругъ закончилъ онъ, неожиданно для самого себя, задавъ совсѣмъ не тотъ вопросъ, который вертѣлся у него на умѣ.

— Пстой!.. О чемъ же это мы спорили?.. да, вообрази. Наверъ Никаноровичъ предпочитаетъ спортъ искусствамъ; онъ говоритъ, что ѣзда на велосипедѣ или игра на бильярдѣ доставляютъ ему болѣе удовольствія, чѣмъ музыка, что хорошая лошадь для него интереснѣе самой знаменитой картины... Ну, что ты скажешь на это... а?

Анна Николаевна весело засмѣялась.

— У всякаго свой вкусъ.—разсѣянно отвѣтилъ Разинскій.

Ночью Разинскій долго не могъ заснуть.—«Нѣтъ, нѣтъ, она не можетъ меня обманывать», повторялъ онъ себѣ, но навязчивыя мысли, помимо его воли, лѣзли ему въ голову, не поддаваясь никакимъ доводамъ.

Онъ заснулъ только подъ утро.

III.

На слѣдующій день все пошло по-старому.

Дни проходили за днями, и Семень Васильевичъ началъ понемногу забывать то, что его такъ встревожило.

Какъ-то утромъ, когда Разинскій еще только собирался ѣхать въ больницу и потихоньку допивалъ съ женою свой утренній чай, ему подали письмо.

Онъ быстро распечаталъ его и пробѣжалъ глазами. Одинъ изъ ординаторовъ просилъ его немедленно прѣхать въ больницу, куда доставили Барщевского, опасно ранившаго себя на охотѣ.

— Юша, знаешь, Барщевскій подстрѣлилъ себя на охотѣ, я...

Разинскій не успѣлъ договорить, Анна Николаевна, блѣдная, какъ полотно, опрокинулась на спинку стула; открытые глаза ея уставились въ потолокъ и, остановившись неподвижно, казалось, ничего не видѣли.

Разинскій бросился къ женѣ и сталъ приводить ее въ чувство. Тяжелый вздохъ вырвался, наконецъ, изъ ея груди; она дико по-смотрѣла вокругъ и какъ-то сразу зарыдала. Все тѣло ея сотрясало, она безсознательно раскачивала голову и ломала руки; плачь смѣнялся глубокими всхлипываніями и истерическимъ смѣхомъ.

— Что съ нимъ?.. Гдѣ онъ?.. — повторяла она, ничего не признавая и едва произнося слова.

Съ полчаса Разинскій провозился надъ нею. Какъ только она затихла, онъ, оставивъ ее на почесаніе горничной, бросился въ переднюю, напнулъ на плечи пальто и, не помня себя, побѣжалъ въ больницу.

«Такъ вотъ что!.. Значитъ это правда?.. Я не ошибся?..» вихремъ пронеслось у него въ головѣ. «И его... его... я долженъ спасти!..»

Разинскій почти бѣжалъ по улицамъ, не замѣчая знакомыхъ, не отвѣчая на поклонны.

Но вотъ и больница. Со скрипомъ открывается предъ нимъ тяжелая дверь, обитая зеленой клеенкой. Разинскій снимаетъ пальто и скорыми шагами идетъ по длинному выбѣленному коридору. Въ комнатѣ, рядомъ съ операционной, его встрѣчаетъ молодой ординаторъ, и по его встревоженному, блѣдному лицу Разинскій видитъ, что случай очень серьезный.

Радость охватила Разинскаго.

— Ну что?—спрашиваетъ онъ у ординатора, надевая полотняный халатъ.

— Все готово, Семень Васильевичъ, пожалуйста... дѣло, кажется, скверное...

Тутъ ординаторъ сталъ излагать Разинскому результаты своего осмотра.

— Когда его доставили въ больницу, — говорилъ онъ: — сознанія уже не было, онъ дышалъ хрипло и тяжело. Въ области лѣваго виска—огнестрѣльная рана... Доставившіе больного говорили, что въ первое время послѣ раненія онъ былъ въ сознаніи и жаловался

только на сильную боль въ головѣ, но затѣмъ онъ постепенно впасть въ безсознательное состояніе... Пульсъ у него замедленный...

— Не было ли у него судорогъ въ правой рукѣ и ногѣ? — спросилъ Разинскій, дѣлая надъ собою усиліе.

— Были, да и продолжаютъ.—отвѣтилъ ординаторъ.

— Кровозлитіице въ полость черепа и давленіе на мозгъ,—какъ бы про-себя произнесъ Разинскій.

Они вошли въ операционную залу. На столѣ лежалъ Барщевскій.

Разинскій былъ мертвенно блѣденъ; руки его замѣтно дрожали, и только благодаря тому, что онъ нѣрѣдко волновался въ серьезныхъ случаяхъ, ординаторъ и стоявшая тутъ же фельдшерина не придали этому особаго значенія.

Нѣсколько мгновений Разинскій стоялъ неподвижно у стола, устремивъ свой взоръ на блѣдное, красивое лицо Барщевского. Что творилось въ его душѣ—кто это скажетъ!

Но вотъ онъ взялся за ножъ, и въ тотъ же мигъ съ нимъ совершилось нѣчто поразительное. Передъ нимъ не было болѣе врага... Онъ видѣлъ только страдальца, которому онъ во что бы то ни стало долженъ былъ возвратить жизнь!.. Да, это былъ одинъ изъ тѣхъ, исцѣленію которыхъ онъ посвятилъ всю свою жизнь, для которыхъ онъ готовъ былъ отречься отъ всякаго другаго счастья!

О, какъ знакомо было ему это чувство, заставлявшее его твердо смотреть на страданія, созная великую задачу своей жизни!

Разинскій произвелъ трепанацию и перевязалъ кровоточившій сосудъ.

Операция была окончена блестяще, но Разинскій все же высказалъ сомнѣніе въ удачномъ исходѣ.

— Повидимому начинается воспаленіе мозговой оболочки, — пояснилъ онъ ординатору, съ юношескимъ оптимизмомъ высказавшему надежду на исцеленіе больного. — Если будетъ ухудшеніе, пришлите сейчасъ же за мною, — говорилъ Разинскій ординатору, снимая халатъ:— я мало надѣюсь, но, быть-можетъ... силы молодцы... пожалуйста, слѣдите за температурою и главное за пульсомъ.

Ординаторъ задаетъ ему нѣсколько вопросовъ, и Разинскій, внимательно выслушавъ его и отвѣчая ему, отправился въ палату.

Сдѣлавъ нѣсколько перевязокъ, осмотрѣвъ наиболѣе серьезныхъ оперированныхъ и окончивъ пріемъ амбулаторныхъ больныхъ, Разинскій ушелъ изъ больницы.

IV.

Лишь только онъ очутился одинъ на улицѣ, его снова охватило сознаніе своего несчастія. Онъ не въ силахъ былъ вернуться домой. Тихо бродилъ онъ по городу безъ цѣли, безъ всякаго опредѣленнаго намѣренія.

Мысль его, всегда ясная, даже въ самыхъ серьезныхъ случаяхъ, теперь отказывалась ему служить. Одно сознавалъ онъ ясно, что теперь вся сила его ненависти (въ первый разъ въ жизни испытывать онъ это чувство) перешла съ Барщевского на Анну Николаевну. Кто же, въ самомъ дѣлѣ, какъ не она, разбила его жизнь, его счастье? Кто, какъ не она, самымъ предательскимъ образомъ обманывала его? И съ какою изощреною хитростью скрывала она отъ него свое вѣродомство!.. Можно ли было любить болѣе, чѣмъ онъ любилъ свою Юшу?.. И чѣмъ она заплатила ему?

Въ его воображеніи воскресали тѣ ласковые взгляды, какими она встрѣчала его, когда онъ усталый возвращался домой. Ему казалось, что онъ ощущать на своей щецѣ ея нѣжныя поцѣлуи, дарившіе ему такое счастье! И все это былъ обманъ, все это была ложь... одна ложь... безсердечная, безжалостная!..

Когда онъ вспоминалъ о Барщевскомъ, онъ уже не находилъ въ себѣ той злобы, которая въ первый моментъ, послѣ истерики его жены, охватила его, и, странное дѣло, теперь онъ желалъ, чтобъ Барщевскій не погибъ. Отчего? Не оттого ли, что смерть его могла вызвать невыгодные для него, какъ врача, толки? О, нѣтъ! Разинскій мало боялся суда публики; онъ всегда стоялъ выше ея легкомысленныхъ сужденій. Не потому ли, что онъ смутно надѣялся въ случаѣ его выздоровленія потребовать отъ него удовлетворенія? И это не то!.. Его коняія о чести были неизмѣримо выше этого, освященнаго обычаемъ, способа смыть позоръ... Почему же желать онъ выздоровленія Барщевского?

Сколько разъ замѣчалъ онъ, что всякій изъ его пациентовъ съ той минуты, какъ онъ подаетъ ему первую помощь, становится ему дорогимъ, и чѣмъ тяжелѣе была форма болѣзни, чѣмъ труднѣе было спасти его отъ смерти, тѣмъ сильнѣе привязывался онъ къ нему, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ и любовью слѣдилъ онъ за нимъ.

Не разъ даже на глаза его навертывались непрощенныя слезы, когда больной, надъ жизнью котораго онъ дрожалъ, не оправдывалъ его ожиданій. Онъ, безъ содроганія позившійся въ крови, производившій самую тяжелую операцию, спокойно выносившій стоны невѣроятныхъ мученій, не одинъ разъ испытывалъ самую нѣжную жалость къ умирающему больному, уносившему съ собою его труды и надежды.

Когда Разинскій, наконецъ, очнулся отъ пахлынувшихъ на него чувствъ, онъ не могъ сразу сообразить, гдѣ онъ. Кругомъ тянулись низенькіе, бревенчатые дома и покосившіеся заборы. Плохо мощеная, изрытая колеями, пыльная улица была пустыня. Разинскій останоился и сталъ соображать, куда онъ забрѣлъ. Это было первымъ шагомъ его возвращенія къ дѣйствительности.

Только съ трудомъ сообразилъ онъ, что зашелъ въ одно изъ отдаленныхъ предмѣстій. Постоявъ нѣкоторое время неподвижно, Разинскій повернулъ назадъ. Мысли его просвѣтлѣли. Онъ припомнилъ,

что ему надо навѣстить нѣсколькихъ трудно-больныхъ. Онъ по-смотрѣлъ на часы. Было около двухъ.

Спустя нѣкоторое время, онъ услышалъ за собою стукъ дрожекъ. Это былъ извозчикъ. Разинскій позвать его и поѣхалъ по больнымъ.

До четырехъ онъ странствовалъ изъ дома въ домъ; затѣмъ онъ отправился обѣдать въ ресторанъ. Постлѣ обѣда онъ долго сидѣлъ надъ стаканомъ чая, весь погруженный въ тяжелыя, неотвязныя думы.

Вечеромъ, захвативъ еще кое къ кому изъ больныхъ, онъ опять отправился въ больницу.

— Ну, что? — спросилъ онъ того же ординатора, который помогалъ ему при операцин.

— Судороги не возвращались, больной сталъ спокойнѣе.

— А сознание?

— Не возвращалось.

— Не хорошо... очень не хорошо. — замѣтилъ Разинскій, качая головою. — Ну, пойдете, посмотримъ.

Разинскій самъ осмотрѣлъ больного. Онъ лежалъ неподвижно, мертвенно блѣдный.

— Надо выжидать. — сказала наконецъ Разинскій: — воспаление можетъ обнаружиться очень скоро, и тогда едва ли что-либо удастся сдѣлать... Продолжайте слѣдить... если появятся угрожающіе симптомы, пришлите за мною немедленно.

Разинскій уѣхалъ.

Вернувшись домой, онъ прошелъ прямо къ себѣ въ кабинетъ. Страшную, безсонную ночь провелъ Разинскій. Онъ то лежалъ на диванѣ, закинувъ голову на кожаную подушку, то вставалъ и мѣрно ходилъ изъ угла въ уголъ, то садился въ кресло къ письменному столу и, оперевъ голову на руки, какъ бы застывалъ въ такомъ положеніи.

Впечатлѣнія дня неотступно повторились въ его мозгу. Онъ не разбирался въ нихъ; онъ отдавался пассивно ихъ теченію.

Рано утромъ за нимъ прислали изъ больницы. Онъ тотчасъ же отправился туда.

Барщевскій находился въ агоніи. Онъ метался на постели; судороги искажали его лицо; онъ хрипло и тяжело дышалъ. Помочь было невозможно.

Молодой ординаторъ вопрошающе смотрѣлъ на Разинскаго, все еще тайно надѣясь, что въ его силахъ вырвать больного у смерти. Но Разинскій только пожалъ плечами и тихо, не спуская глазъ съ лица Барщевскаго, промолвилъ:

— Ничѣмъ не поможешь.

Спустя нѣкоторое время явленія возбужденія смѣнились параличомъ, и Барщевскій, не приходя въ себя, скончался.

У.

Разинскій не развелся съ женою, не бросилъ ее: для постороннихъ наблюдателей ничто въ его жизни не измѣнилось.

Анна Николаевна со страхомъ ждала свиданія съ мужемъ послѣ неожиданной смерти Барщевскаго; она готовилась отразить бурю, но ей не было. Сначала она была поражена тѣмъ, какъ Разинскій отнесся ко всему происшедшему. Какъ могъ онъ такъ спокойно вернуться къ ней, безъ взрыва негодованія, котораго она такъ боялась и который считала неизбежнымъ! Она не знала, какія мысли возбужденія заставили Разинскаго поступить такъ, какъ онъ поступилъ, она и не предполагала, что ради нея, ради того, чтобы не дать ей окончательно погибнуть, чтобы спасти ее отъ позора, отъ осужденія людского, онъ рѣшилъ принести ей въ жертву свои личныя чувства, какъ послѣдній даръ своей поруганной любви. Она не знала всего этого, но она ясно чувствовала, что онъ глубоко страдаетъ.

Отчаяніе, охватившее ее при извѣстіи о смерти Барщевскаго, не нашло себѣ исхода въ бурной снѣгѣ, которой она ждала отъ мужа, и накопившіяся въ душѣ чувства томили ее. Постепенно, однако, горе утраты, понесенной ею со смертью Барщевскаго, стало смѣняться новыми ощущеніями, въ которыхъ она не сразу могла разобраться. Тутъ было и раскаяніе, и сожалѣніе о прошломъ, и непреодолимое желаніе вернуть его, и мучительная жалость къ Разинскому.

Долго томилась Анна Николаевна, не находя себѣ покоя, а сознание своей тяжелой вины передъ мужемъ росло и крѣпло съ каждымъ днемъ.

Однажды, не будучи въ состояніи болѣе справиться съ собою, Анна Николаевна, покорясь какой-то невѣдомой силѣ, вошла въ кабинетъ мужа. Разинскій сидѣлъ за письменнымъ столомъ, подперевъ голову руками. Остановившись на мгновеніе у двери, она вдругъ бросилась къ нему, и, упавъ на колѣни у его ногъ, сорвавшимся, глухимъ голосомъ проронила:

— Прости, ради Бога!

Тяжкія рыданія заглушили ее.

Ласково поднялъ ее Разинскій, усадилъ на диванъ и сказалъ:

— Нуша! Я уже давно простилъ тебя... Я видѣлъ, что ты страдаешь, и я простилъ тебя... Успокойся, не мучай себя!

Онъ тихо провелъ рукою по ея волосамъ.

Въ обществѣ еще долго ходили различныя сплетни на счетъ Разинскаго. Были лица, удивлявшіяся его пассивному невѣдѣнію; были и такія, которыя съ жаромъ доказывали, что Разинскій все прекрасно знаетъ, удивлялись, что онъ продолжаетъ жить со своею женою послѣ всего, что произошло, и съ злорадствомъ называли его тринкою.

Паразиты муравьевъ.

(Съ рис. на стр. 196).

Муравейники населены значительнымъ количествомъ живыхъ существъ, размножающихся тамъ помимо законныхъ хозяевъ и живущихъ тамъ словно у себя дома. Каковы въ точности отношенія этихъ пришельцевъ къ муравьямъ? Просто ли они паразиты или нахлебники, или же ихъ отношенія построены на началѣ взаимопомощи? Какого рода жизнь они ведутъ? Вотъ вопросы, разрѣшеніемъ которыхъ занялся французскій ученый Шарль Жане (Charles Janet). Приводимъ вкратцѣ нѣкоторые изъ добытыхъ имъ результаты.

Однимъ изъ болѣе обычныхъ паразитовъ муравьевъ является видъ клещей, посидій названіе *Antennophorus Uhlmanni*. Онъ живетъ постоянно на тѣлѣ муравьевъ. Обыкновенно муравей носитъ на себѣ по клещу подъ головою и по правую и лѣвую сторону брюшка. Если оторвать такого паразита и положить его на полъ искусственнаго муравьиного гнѣзда, то онъ сейчасъ же начнетъ вытягивать свои сяжки, какъ бы ожидая приближенія муравья. И дѣйствительно, стоить только одному изъ нихъ проползти мимо, какъ паразитъ уже цѣпко ухватывается одною изъ лапокъ за голову или за брюшко муравья, или же за спину уже ранѣе примостившагося на послѣднемъ клеща. Вещество, выдѣляющееся съ поверхности кончиковъ его лапокъ, отличается липкостью. Благодаря этому свойству, клещъ моментально пристааетъ, какъ бы прирастаетъ къ муравью, на котораго ему удалось наложить одну изъ своихъ лапокъ.

Почувствовавъ на себѣ незваного гостя, муравей начинаетъ метаться во всѣ стороны, осаждавая членисты, тереть себя лапками, и въ особенности стибать брюшко, чтобы уколоть новаго пришельца своимъ ядовитымъ жаломъ. Но пришельцу по большей части удается уже занять одну изъ неуязвимыхъ позицій, и муравью въ концѣ концовъ ничего не остается, какъ примириться съ новымъ бременемъ. Антеннофоры легко переходятъ съ муравья на муравья. Когда муравьи сойдутся группами, то можно часто видѣть, какъ антеннофоры становятся на заднія лапки и, выпнувъ переднія, сжѣло совершаютъ свои переходы. Если отобрать и разлѣстить въ искусственномъ гнѣздѣ порядочное количество муравьевъ, чтобы на каждомъ было только по одному антеннофору, то черезъ нѣсколько часовъ можно будетъ подмѣтить, что на нѣкоторыхъ муравьяхъ ихъ вовсе не будетъ, а на другихъ ихъ окажется по-двое или по-трое.

Исключительно пищею антеннофоровъ служитъ питательная жидкость, которую муравьи запасаютъ въ своемъ зобѣ.

Разъ антеннофорамъ удалось расположиться на своемъ хозяйнѣ, имъ не приходится жаловаться на дурное съ его стороны обращеніе. Часто можно видѣть въ наблюдательныхъ гнѣздахъ, какъ муравей заботливо лижетъ тѣло одного изъ своихъ товарищей. Если во время этой операцин ему случится натолкнуться на антеннофору, то онъ не выказываетъ ни малѣйшаго удивленія. Продолжая свое дѣло, онъ облизываетъ и спину паразита, а если поблизости окажется и ротъ клеща, то муравей охотно удкнитъ послѣднему капельку любимой пищи.

Другой видъ клещей, *Discornia solana*, также часто попадается на муравьяхъ. Ихъ встрѣчаютъ въ значительномъ количествѣ на личинкахъ самокъ и матокъ и, въ особенности, на брюшкѣ взрослыхъ рабочихъ муравьевъ, къ которымъ они пристають наподобіе антеннофоровъ. Дискорномы устраиваются на брюшкѣ муравьевъ обыкновенно по-трое: одинъ — посрединѣ и по одному съ каждой бока; при этомъ они пропигиваютъ своими хоботками сквозь кожу муравьиного тѣла и высасываютъ содержимое внутренностей: это паразиты въ полномъ смыслѣ слова.

Всѣ эти «незванные гости» муравьевъ, по счастью для хозяевъ, не очень опасны для нихъ. Однимъ изъ болѣе безобидныхъ являются несомнѣнно такъ называемые *Lepismina polipoda*. Эти леписмины не присасываются къ муравьямъ, а только живутъ въ ихъ обществѣ.

Если на нѣсколько дней удалить изъ искусственнаго гнѣзда наполненную медомъ кормушку и потомъ опять поставить ее на мѣсто, то можно видѣть, какъ масса муравьевъ направляется туда и досыта тамъ наѣдается. Наблизъ себѣ хорошенько зобъ медомъ, они возвращаются въ свои комнаты, гдѣ ихъ осаждаютъ товарищи, требуя доли изъ забранной ими про запасъ пищи. Начинается дѣлежка. Запасники и получатели располагаются другъ противъ друга. Первые раздвигаютъ свои челюсти и вытягиваютъ язычки: голодные муравьи, ухватившись за ихъ язычки, добываютъ себѣ маленькія капельки, которыя тутъ же немедленно проглатываютъ. Но это не всегда имъ удается. Леписмины тоже не прочь между отбѣдать. И завидѣвъ, какъ пара муравьевъ, вытянувъ слегка тѣло и приподнявъ переднія лапки, пристають къ «кормителю», — леписмина бросается между ними, высоко поднимаетъ голову (какъ это изображено на рисункѣ), быстро перехватываетъ капельку меда и такъ же быстро удаляется, видимо, опасаясь преслѣдованія. Но муравьямъ, устроившимся другъ противъ друга

для кормежки, не под силу преслѣдовать дерзкаго грабителя, и тотъ преспокойно, пользуясь ихъ неповоротливостью, немедленно направляется за новой данью къ другой парѣ, къ третьей и такъ

дальше, пока окоячительно не утолитъ своего голода.

Подумаешь, сколько охотниковъ до чужого добра! Совѣмъ человѣческая жизнь въ миниатюрѣ.

Къ рисункамъ.

Въ знаменитой третьяковской галлерей, столь богатой художественными произведеніями, есть прекрасная картина А. Архипова: «Въ скиту», которая сразу переноситъ насъ въ обитель мира и забвенія. Извѣстно, что монастыри и скиты часто бывають расположены въ живописныхъ мѣстностяхъ. Мы не говоримъ, конечно, о подгородныхъ лаврахъ позднѣйшаго времени, которыя основывались съ совершенно

идеями, не имѣвшими ничего общаго съ намбреніями древнихъ и ноковъ, о брѣтавшихъ мѣста для своихъ «пустынь» среди первоизданнаго захолустья. Монастырская природа зачастую блестятъ такими яркими красками зелени и душистыхъ цвѣтовъ, что, при взглядѣ на нее, право, можно скорѣе подумать, что она менѣе всего создана для суроваго уединенія схимника. А между тѣмъ именно въ такихъ мѣстахъ совершались и совершаются еще понынѣ великіе духовные подвиги никому неизвѣстныхъ подвижниковъ. Отрѣшившись отъ личнаго счастья, они шлютъ горячія молитвы за все челоѣчество, забывшее о Богѣ, Который создалъ изъ хаоса всю эту дивную природу. Въ вѣчномъ нощѣ, въ лишенияхъ они спасаютъ душу и молятся за ближнихъ, оставшихся въ мѣрѣ и дорожащихъ его светомъ.

На картинѣ Архипова изображенъ одинъ изъ такихъ уголковъ братской уединенной жизни вдали отъ обители, гдѣ въ тѣсныхъ кельяхъ спасаются благочестивые старцы и схимники. Кромѣ звонкихъ голосовъ птицъ да стрекотанья кузнечиковъ въ ясное лѣтнее утро, рѣдко-рѣдко раздастся тутъ человѣческая рѣчь: развѣ выйдетъ только изъ своей кѣлушки схимникъ покормить слѣтѣвшихъ голубей и броситъ имъ нѣсколько ласковыхъ словъ. Взмахнутъ они крыльями, и снова наступитъ благоговѣйная тишина, полная молитвеннаго настроенія.

Въ поэтическихъ произведеніяхъ всемірной литературы существуетъ нѣсколько женскихъ именъ, которыя какъ бы символизир-

руютъ красоту ихъ носительницъ. Вспомните Лесбію—Катулла, Беатриче—Данте, Лауру—Петрарка, Юлію—Байрона, и передъ вами непременно возникнутъ поэтическіе образы всѣхъ этихъ женщинъ, воспѣтыхъ мировыми гениями. Эти имена—символы тѣхъ таинственныхъ музъ, которыя вдохновляли поэтовъ, въ свою очередь обезсмертившихъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Съ именемъ

Эльвиры связывается представленіе о красавицѣ испанскаго типа, съ матовымъ цвѣтомъ лица, съ темными волосами тидановскаго оттѣнка, съ темными глазами, съ алыми, нѣсколько чувственными губами. Южной нѣгой и сдержанной страстью вѣетъ отъ этого образа, полного чарующей прелести, отъ этого идеала поэтическихъ грѣзъ и вдохновеній... Знаменитые поэты, страстные поклонники женской красоты, воспѣвали Эльвиру съ той же горячностью, какъ Анакреонъ воспѣвалъ красоту юной гречанки. Но никто не любилъ такъ этого имени, какъ французскій поэтъ Ламартинъ; онъ выбралъ имя Эльвиры, какъ псевдонимъ для любимой имъ женщины, и посвятилъ ей много лирическихъ стихотвореній въ своихъ «Méditations» и «Harmonies».

Нѣмецкій художникъ Конрадъ Кизель далъ намъ въ своей Эльвирѣ какъ бы синтезъ этой южной красоты, въ которой столько задумчивости, мечтательности и нѣги...

Вѣковая привычка и наслѣдственность сдѣлали охоту любимѣйшимъ изъ удовольствій во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ, распространенію и прिवитію котораго не могли помѣшать рѣдкіе голоса передовыхъ мыслителей, которые причисляютъ охоту къ забавамъ жестокихъ и ненужныхъ. Въ Россіи охота съ давнихъ временъ была однимъ изъ любимѣйшихъ удовольствій. Правда, противъ великокопняжескихъ охотъ возставало православное духовенство; но и оно само имѣло охотничьи угоды и пользовалось доходами съ нихъ, хотя само не занималось охотой. На Руси существовало много видовъ охоты, но самой любимой была все-таки

Муравьи и ихъ паразиты. По рис. А. Клемана грав. Тирія.

соколиная. Царь Алексѣй Михайловичъ былъ страстнымъ любителемъ соколиной охоты. Онъ содержалъ огромный охотничій штатъ. Вокругъ Москвы, верста на 30 въ окружности, всѣ рощи и лѣса были отведены подъ царскую забаву, и соколиной охотой вѣдалъ приказъ тайныхъ дѣлъ, жестоко каравшій частныхъ лицъ, имѣвшихъ смѣлость охотиться въ царскихъ лѣсахъ. Въ Уложеніи Алексѣя Михайловича находится много карательныхъ постановленій для нарушителей закона, которыхъ предписывается «бить батогами нещадно». Въ сокольниковъ царя Алексѣя Михайловича выбирались рослые и красивые люди; для нихъ былъ установленъ особенный парадный костюмъ—цвѣтной длинный кафтанъ, обшитый золотымъ позументомъ и украшенный на груди орломъ. На картинѣ художника А. Д. Литовченко мы видимъ этихъ молодцовъ, съ соколами на рукахъ, расположенныхъ въ царскихъ покояхъ. Нѣсколько иностранныхъ художниковъ, заморскихъ гостей, съ увлеченіемъ зарисовывали группу сокольниковъ для своихъ государей.

Но сокольниковъ охота — забава лѣтняя. Къ числу зимнихъ охотничьихъ забавъ относится охота псовой. На картинѣ художника И. С. Галкина, красовавшейся на XIX акварельной выставкѣ, мы видимъ современнаго борзятника съ двумя борзыми, чрезвычайно породистаго тиша. Всадникъ ѣдетъ по опушкѣ лѣса; несмотря на теплый полубубокъ, онъ сильно промерзъ, какъ и его борзые. Настроеніе лютаго зимняго утра превосходно передано на картинѣ художникомъ. И зимній пейзажъ, и фигуры написаны очень хорошо.

Романово-Борисоглѣбскій соборъ. Весь Ярославскій край представляетъ собою одинъ изъ наиболее замѣчательныхъ для археолога уголковъ Россіи. Недаромъ въ народѣ сложилась пословица: «Ярославль-городокъ — Москва уголкомъ...» И дѣйствительно, и самый городъ Ярославль, и большинство городовъ бывшей ярославской губерніи представляютъ собою любопытный сколокъ съ памятниковъ московской старины но, конечно, въ уменьшенномъ видѣ—въ изысканой и прелестной миниатюрѣ. Церкви и монастыри Ярославскаго края чрезвычайно типичны и, въ смыслѣ архитектурномъ, повторяютъ московскіе архитектурные образцы, но не буквально, не въ видѣ слѣпнаго подражанія, а съ различными улучшениями и усовершенствованиями, особенно въ деталяхъ и въ связи главныхъ частей храма съ частями второстепеннаго значенія. Особенно хороши бывають въ нихъ подробности внутренней отдѣлки, рѣзныя изъ дерева или изъ камня, пояски и карнизы изъ поливныхъ изразцовъ, царскія двери изъ распянаго и рѣзнаго дерева, внутреннія двери и ставни изъ крученаго и витого желѣза съ пущенными по нимъ хитро-переплетенными узорами изъ цвѣтовъ и травъ, съ верями и навертьями изъ тонкой рѣзбы по мягкому бѣлому песчаннику. Эти подробности отдѣлки, придающія храмамъ Ярославскаго края (извнѣ и внутри) особенную красоту и изящество, способствуютъ тому, чтобы образовать въ нашей древне-русской архитектурѣ особый, какъ бы отдѣльный «ярославскій стиль», памятники котораго относятся, главнымъ образомъ, къ половинѣ XVII вѣка, какъ главному періоду процвѣтанія Ярославскаго края въ Поволжьѣ.

Однимъ изъ весьма характерныхъ памятниковъ этой эпохи слѣдуетъ, конечно, считать Романово-Борисоглѣбскій соборъ въ г. Романовѣ-Борисоглѣбскѣ (уѣздномъ, ярославской губ.), въ 36-ти верстахъ къ сѣверо-западу отъ Ярославля, расположенномъ на обоихъ возвышенныхъ берегахъ Волги. Самый городъ, произошедшій изъ двухъ разныхъ слободъ, основанъ былъ въ XIV вѣкѣ, около 1370 г., а главный соборъ его, Воздвиженскій, относится къ концу первой половины XVII вѣка (основанъ въ 1658 г.). По своей архитектурѣ онъ относится къ типу русскихъ православныхъ храмовъ, окруженныхъ широкою крытою галлереею или папертью, съ чрезвычайно красивымъ крытымъ крыльцомъ и высокимъ подвальнымъ этажемъ. Въ подобіе главамъ, возвышающимся надъ кровлею главнаго храма и надъ кровлею крытой паперти, выступаютъ въ двухъ мѣстахъ меньшія главы особыхъ рѣзньевъ, помѣщенныхъ въ отдѣльныхъ каменныхъ шатрахъ. Внутренность храма изобилуетъ старыми иконами, въ древнихъ ризахъ и въ окладахъ съ басменными украшениями. На колокольнѣ много колоколовъ стараго литія—конца XVII и начала XVIII вѣка. Въ послѣдніе годы соборъ получилъ печальную извѣстность по тому переполоху, который произведенъ былъ при одномъ изъ праздничныхъ служеній какими-то злоумышленниками и закончился значительнымъ числомъ человѣческихъ жертвъ.

п.

Л. И. Поливановъ. (Портр. на этой стр.)

11-го февраля скончался въ Москвѣ извѣстный русскій педагогъ, основатель и директоръ частной классической гимназій въ Москвѣ, Левъ Ивановичъ Поливановъ. Цѣлый рядъ его учебныхъ руководствъ

(«Русскій синтаксисъ», «Русская хрестоматія», «Краткое руководство грамматики»), по которымъ учился русскому языку въ 70-хъ и 80-хъ годахъ почти вся наша школьная молодежь, сдѣлалъ его имя широко извѣстнымъ во всей Россіи.

Л. И. Поливановъ родился въ 1838 г. и высшее образованіе получилъ въ московскомъ университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ по историко-филологическому факультету въ 1861 г. Рѣшивъ посвятить себя педагогической дѣятельности, Л. И. съ этой цѣлью специально посѣщалъ педагогическіе курсы при второй московской гимназій. Затѣмъ съ 1862 по 1875 г. Л. И. состоялъ преподавателемъ русскаго языка и словесности въ средне-учебныхъ заведеніяхъ Москвы. Съ 1875 же года онъ сосредоточилъ свою педагогическую дѣятельность въ своей частной гимназій, учрежденной имъ въ 1868 г. Отдавшись всецѣло этому новому дѣлу, Л. И. до послѣднихъ дней руководилъ гимназій и сдѣлалъ изъ нея одно изъ образцовыхъ частныхъ средне-учебныхъ заведеній. Покойный стремился не только обучать своихъ учениковъ, но и развивать ихъ, и съ этой цѣлью устраивалъ ученическіе спектакли, литературныя чтенія, лекціи по исторіи искусствъ, которыми руководилъ покойный профессоръ С. А. Усовъ. Л. И. былъ основателемъ «Шекспировскаго кружка» въ Москвѣ, въ составъ котораго вошли бывшіе воспитанники поливановской гимназій. Относясь съ чисто отеческою заботливостью къ своимъ ученикамъ, Л. И. не переставалъ думать о нихъ и послѣ ихъ выхода изъ стѣнъ гимназій, и для поддержки ихъ учредилъ «Общество вспомоществованія бывшимъ воспитанникамъ поливановской гимназій». 22-го октября 1893 года торжественно чествовалось 25-лѣтіе существованія его гимназій, и Л. И. могъ воочию убѣдиться, какъ глубоко цѣнили его дѣятельность и его ученики, ихъ родители и вообще все русское общество.

Какъ авторъ, Л. И. Поливановъ извѣстенъ (кромя упомянутыхъ выше прекрасныхъ учебныхъ руководствъ) такими выдающимися литературными трудами, какъ «Жуковский и его произведенія», изданіе сочиненій А. С. Пушкина (въ 5 томахъ) съ подробными объясненіями, сводомъ критики и примѣчаніями. За это образцовое изданіе Л. И. былъ удостоенъ большой золотой медали Академіей Наукъ и преміи Петра Великаго ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. Извѣстны также его прекрасные переводы «Мизантропа» Мольера и цѣлаго ряда произведеній Корнели и Расина. Много разбросано также критическихъ статей его о Пушкинѣ и Лермонтовѣ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Джеромъ К. Джеромъ.

(Портр. на стр. 198.)

Въ февралѣ гостилъ въ Петербургѣ извѣстный всей образованной Россіи англійскій писатель Джеромъ К. Джеромъ, юмористическіе очерки котораго нерѣдко украшали и столбцы *Нивы*. Мы пользуемся его посѣщеніемъ Россіи, чтобы сердечно приветствовать его, дать его портретъ и вкратцѣ познакомить читателей съ его биографіею.

Вслѣдствіе тяжелыхъ семейныхъ обстоятельствъ Джеромъ-Джеромъ долженъ былъ самостоятельно вступить въ жизнь на пятнадцатомъ году отъ роду, даже не успѣвъ окончить филологическую школу въ Лондонѣ. Прослуживъ чetyре года клеркомъ въ конторѣ желѣзнодорожной компаніи, онъ «почувствовалъ по призванію, которое испытываютъ столь многіе въ возрастѣ около 19 лѣтъ — а именно, что онъ рожденъ для сцены: что онъ будетъ тѣмъ великимъ артистомъ, котораго ждетъ мѣръ, который зажжетъ священный огонь въ сердцахъ людей и будетъ получать 300 ф. стерл. въ недѣлю жалованья!..»

Этими словами начинается его первая книга «На подмосткахъ»; она, дѣйствительно, описываетъ треволненія тѣхъ двухъ лѣтъ, когда Джеромъ былъ провинціальнымъ актеромъ. Но хотя эта вещь и обратила на себя сразу вниманіе читающаго общества, она еще не обезпечила молодому автору карьеры писателя, который можетъ не заниматься ничѣмъ инымъ, кроме своего писательства — и, послѣ сцены, Джеромъ былъ еще два года учителемъ въ средне-учебномъ заведеніи. Однако, слѣдующее его произведеніе — «Праздныя мысли лѣтнія» — окончательное поставило его на ноги; а послѣ появленія книгъ «Втроемъ по Темзѣ» и «Новый способъ писать романы» — имя Джерома-Джерома стало однимъ изъ первыхъ въ англійской литературѣ.

Дѣйствительно, эти книги не могли пройти незамѣченными: въ нихъ столько самобытности, прелестнаго юмора, ума и доброты, что съ ними можетъ *вообще* не соглашаться раздражительный, требовательный и холодный человѣкъ, но никто не можетъ отнестись къ нимъ *безразлично* и остаться равнодушнымъ къ автору, личность котораго чувствуется въ каждой его строкѣ. Это особенность Джерома. **Вы** никогда не услышите вопроса — «вамъ нравится такая-то книга Джеро-

ма?»—потому что его книги вовсе не представляют отдельных вещей: говорить о них—значит говорить об авторе, как о человеке; поэтому очень часто слышится вопрос: «вы любите Джерома?» И, очевидно, холодных и требовательно-раздражительных людей очень немного, потому что на последний вопрос обыкновенно слышится: «да развѣ можно не любить Джерома!» Несмотря на сравнительно молодой возраст (39 лѣтъ) и небольшое количество написанных вещей, его имя уже ставится на ряду съ классиками, и издание за изданіемъ выпускается въ Лондонѣ, Америкѣ и почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ...

Намъ, русскимъ, онъ особенно близокъ—и по добродушному, ласковому юмору, и по меланхолически-поэтическимъ размышлениямъ. Всѣ его мелкіе рассказы, написанные до сихъ поръ, были помѣщены въ разныхъ газетахъ и журналахъ, а крупныя вещи изданы отдельными книгами (въ переводѣ Н. А. Жаринцовой). Въ продолженіе шести лѣтъ Джеромъ-Джеромъ почти ничего не писалъ, такъ какъ былъ редакторомъ двухъ журналовъ—«The Idler» и «To Day», но въ концѣ 1897 года онъ оставилъ редакторство и написалъ послѣ этого «Новыя праздныя мысли лѣтяя», въ которыхъ его умъ и знаніе человѣческой природы развернулись во всей силѣ. Джеромъ К. Джеромъ *) не только блестящій юмористъ, но и глубокой мыслитель, и искренній, чуткій поэтъ.

Человѣкъ онъ, вообще, очень разносторонній и относится одинаково ко всему: политика, общественный строй, искусства—интересуютъ его такъ же, какъ люди и ихъ нравы. По характеру очень скромный и простой, Джеромъ-Джеромъ, будучи въ Петербургѣ, избѣгалъ всякаго «интервьюирования» и старался отнюдь не держаться «на виду»; онъ проводилъ все время въ частномъ домѣ, пользуясь своимъ пребываніемъ въ Петербургѣ, чтобы познакомиться съ столицей Россіи, съ ея художественною и общественною жизнью. Онъ посѣтилъ, между прочимъ, галерею Петра Великаго въ Эрмитажѣ, его домикъ на Петербургской сторонѣ, школу русской живописи въ музеѣ Императора Александра III, причѣмъ Джеромъ-Джеромъ—большой любитель живописи—не могъ оторваться отъ видѣнныхъ впервые картинъ Айвазовскаго и Рѣпина. Онъ побывалъ и въ театрѣ, прослушалъ «Руслана и Людмилу» и «Царя Θεодора Иоанновича»: первую англійскій писатель слушалъ съ большимъ любопытствомъ, какъ яркій образецъ перехода отъ старой музыки къ новѣйшей; а о «Θеодорѣ Иоанновичѣ» сказалъ, что эту дивную вещь онъ могъ бы понять и безъ предварительнаго перевода—такъ она хорошо написана и поставлена.

Джеромъ К. Джеромъ. По фот. К. Булла автотипія «Нивы».

Международная контора для справокъ о кредитоспособности. (Рис. на стр. 199.)

Сильный подъемъ торговли и промышленности въ Россіи измѣнилъ въ значительной мѣрѣ и ихъ характеръ. Истощаемыя природными богатства страны начинаютъ разрабатываться съ усиленною энергіею. Вмѣстѣ съ развитіемъ предпримчивости нарождается и потребность въ целесообразной охранѣ интересовъ предпринимателей въ видахъ возможно широкаго пользованія тою силою, каковую въ настоящее время представляетъ кредитъ.

Измѣненія, какія произошли въ послѣдніе годы въ области даже мѣстной торговли и ремесла, таковы, что только въ рѣдкихъ случаяхъ допускаютъ непосредственные личные сношенія между поставщиками и покупателями, несмотря на то, что и тѣ, и другіе живутъ въ одной мѣстности.

Расширеніе желѣзнодорожной сѣти сильно содѣйствуетъ успѣхамъ торговли и промышленности. Область, охватываемая ими, все растетъ. Передъ энергичнымъ предпринимателемъ открывается безконечно широкое поле дѣятельности, но чѣмъ шире поле, тѣмъ больше и опасность лишиться всѣхъ плодовъ своей работы на этомъ полѣ, въ случаѣ недостаточной надежности тѣхъ элементовъ, безъ которыхъ ему нельзя обойтись. Неаккуратность или злостный умыселъ со стороны лишь, съ которыми ему приходится вступать въ кредитныя сдѣлки, можетъ принести непоправимый вредъ.

*) Буква *К* въ подписи Джерома, означающая сокращенное *Клалка*, представляетъ приставку къ фамиліи, сохранившуюся отъ его предковъ, чеховъ, переселившихся въ Англію болѣе восьмисотъ лѣтъ тому назадъ. Значитъ, въ немъ течетъ славянская кровь.

Устранить эту опасность, создать достигшему столь широкаго развитія кредитному обращенію устойчивую опору—задача не изъ легкихъ. Для этого нужно организовать сложныя учрежденія, которыя могли бы по каждой отрасли дать всѣ нужныя справки. Такія учрежденія дѣйствительно организовались на Западѣ, и благодаря имъ стало возможно отвѣчать на такіе вопросы, какъ: «Откуда лучше всего получать купцу тѣ товары, которыми онъ торгуетъ, и гдѣ ихъ лучше всего сбывать» или «Какъ промышленнику быстро разузнать, можно ли ему безъ риска вступить съ кѣмъ-нибудь въ дѣловыя сношенія и оказать ему кредитъ».

Мы также не остались чужды тому широкому развитію, какого достигла торговля и промышленность на Западѣ, и русское купечество ощущаетъ сильную потребность въ такого рода учрежденіяхъ, гдѣ бы собирались и получали практическую оцѣнку всѣ данныя о кредитоспособности представителей дѣлового міра.

Напряженный интересъ, вызванный занятіями образованной при департаментѣ торговли и мануфактуръ министерства финансовъ подъ предѣтельствомъ директора этого департамента В. И. Ко-

валевскаго комиссіи для разработки вопроса относительно допустимости у насъ справочныхъ бюро о кредитоспособности, убѣждаетъ насъ, что русскій торговый міръ признаетъ настоятельную необходимость возникновеніе у насъ предпріятія, которое поставило бы себѣ задачей облегчить дѣловымъ людямъ тяжелый и хлопотливый трудъ по добыванію свѣдѣній о кредитоспособности.

Какую пользу можетъ доставить такого рода учрежденіе, это было съ чрезвычайною ясностью очерчено профессоромъ И. И. Янжуломъ въ засѣданіи вышеозначенной комиссіи, гдѣ онъ подробно описалъ устройство и дѣятельность справочнаго бюро В. Шиммельфеннига, столичаго, какъ известно, на первомъ мѣстѣ въ ряду учреждений этого рода въ Европѣ.

Профессоръ И. И. Янжулъ указалъ на то, что едва ли какому-нибудь другому учрежденію, поставившему себѣ цѣлью служить интересамъ торговаго оборота, пришлось преодолѣть такую упорную борьбу съ укоренившимися предрассудками и ошибками, какаѣ выпала на долю справочныхъ бюро при ихъ организаціи.

Но зато рѣдкое предпріятіе можетъ похвалиться столь быстрымъ и успѣшнымъ развитіемъ своей общепользующей дѣятельности, каковымъ отмѣчена исторія упомянутаго справочнаго бюро.

Представьте себѣ капиталиста, способнаго вести обширное экспортное и импортное дѣло, которому недостаетъ свѣдѣній о кредитоспособности покупателей, и который желаетъ сразу устранить этотъ недостатокъ.

При прежнихъ порядкахъ его положеніе оказалось бы совершенно безнадежнымъ: онъ долженъ былъ бы сознаться, что желаніе его можетъ быть исполнено только въ весьма слабой и ограниченной степени, да и то не сразу, а спустя долгое время и не безъ серьезныхъ затратъ.

Теперь попробуемъ отправиться вмѣстѣ съ этимъ заинтересованнымъ лицомъ хотя бы въ справочное бюро Шиммельфеннига. Онъ можетъ навести справки не только относительно родной страны, но и относительно всего европейскаго континента и заморскихъ странъ. Безъ всякой задержки будетъ ему представленъ полный перечень надежныхъ поставщиковъ товара, кредитоспособныхъ покупателей и дѣятельныхъ агентовъ по каждой отрасли; его направить въ архивъ (см. рисунокъ); онъ получитъ немедленно свѣдѣнія относительно множества интересующихъ его фирмъ, и въ числѣ этихъ свѣдѣній встрѣтится болѣею частью только самыя новѣйшія. Если онъ заинтересованъ въ полученіи справокъ относительно Сѣверной Америки, то ему предложатъ для пользованія новѣйшее изданіе «Торговыхъ Донесеній» («Commercial Reports») Бредстритской Компаніи (Bradstreet Company), связанной съ Шиммельфеннигскою конторою особымъ соглашеніемъ. Въ этомъ изданіи можно найти полный перечень всѣхъ большихъ и малыхъ фирмъ Соединенныхъ Штатовъ и Канады.

Такъ какъ языкъ цифръ отличается наибольшою убѣдительною, то не лишнимъ будетъ указать здѣсь на то, что основанное въ 1872 году В. Шиммельфеннигомъ въ Берлинѣ бюро для справокъ о кредитоспособности имѣетъ теперь множество филиальныхъ отдѣленій въ крупнѣйшихъ городахъ Европы, напр. въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Амстердамѣ, Будапештѣ, Брюсселѣ, Цюрихѣ и др., въ которыхъ работаетъ около семисотъ служащихъ.

Количество циркуляровъ, ежегодно рассылаемыхъ вышеназваннымъ

учреждением, выражается миллионами, а ежегодные затраты, ими производимыя, составят сумму свыше миллиона рублей.

Когда слышишь, какіе успѣхи достигнуты подобнымъ учреждениемъ, то невольно зарождается вопросъ, почему у насъ нѣтъ такихъ справочныхъ учреждений.

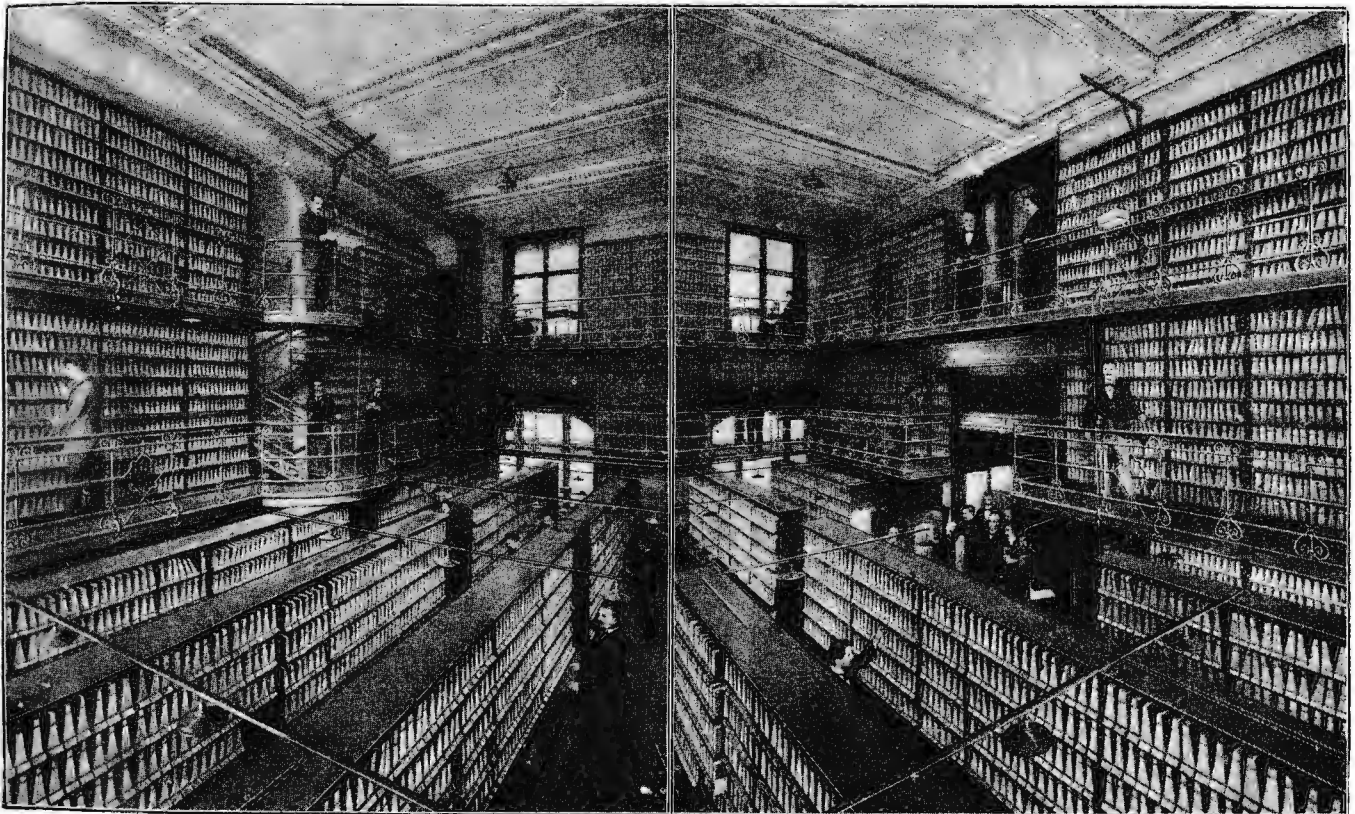
Солідный дѣловой мѣръ можетъ поэтому привѣтствовать фактъ значительной успѣшности произведенныхъ въ департаментѣ торговли и мануфактуръ подготовительныхъ работъ для опредѣленія условий, при которыхъ можетъ быть допущена въ Россіи дѣятельность справочныхъ бюро.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что серьезный дѣловой мѣръ въ Россіи сумѣетъ оцѣнить значение цѣлесообразнаго сообщенія нужныхъ ему свѣдѣній. Разумѣется, и въ этомъ дѣлѣ нельзя забывать старой поговорки: «Поспѣшишь, людей насмѣшишь». Всякій неправильный шагъ въ этой нелегкой и ответственной области можетъ имѣть очень вредныя послѣдствія. Самымъ важнымъ теперь является дѣятельное участіе дѣлового міра въ предпринятой работѣ и энергическое содѣйствіе и поддержка ея повсюду, гдѣ это окажется возможнымъ.

Политическое обозрѣніе.

Во Франціи пережитыя за послѣднее время волненія мало-помалу улеглись, уступая мѣсто обычному теченію жизни. Стремясь внести въ общество необходимое успокоеніе, министерство г. Дюпюи стало разбираться съ новой энергіей въ накопившихся вопросахъ, которыхъ оказалось достаточно, а именно: громкій скандалъ лиги патриотовъ, новый законъ о кассационномъ пересмотрѣ процессовъ и

«Это положить конецъ агитаціи и вызвать умиротвореніе умовъ». Большинствомъ 346 голосовъ противъ 189 палата передала проектъ министерства въ существующую юридическую комиссію, которая нѣсколько дней спустя выразила свое несочувствіе къ проекту. Въ слѣдующемъ засѣданіи палаты глава кабинета г. Дюпюи потребовалъ неотложности законопроекта. Предсѣдатель юридиче-

Международная контора для справокъ о кредитоспособности въ Берлинѣ. Архивъ. По фот. автотипія «Нивы».

новое недоразумѣніе съ Англіей на юго-восточномъ берегу Аравіи.

Недопущенная правительствомъ къ участію въ печальной церемоніи 11-го февраля, лига патриотовъ рѣшила собраться на одной изъ парижскихъ площадей и уже послѣ похоронъ возложить вѣнки на могилу Фора. Значительная часть лигеровъ задержана была полиціей на избранной ими площади, но вырвавшіеся изъ оцѣленного мѣста манифестанты кинулись навстрѣчу возвращавшимся съ похоронъ войскамъ. Толпа, подъ предводительствомъ президента лиги, г. Деруладъ, примкнула къ солдатамъ, брателься съ ними, украшая оружіе ихъ букетами цвѣтовъ, и съ криками: «да здравствуетъ армія! да здравствуетъ Франція!» вошла въ казармы, гдѣ г. Деруладъ сталъ увѣщавать офицеровъ содѣйствовать торжеству «народной республики для спасенія Франціи»; но казарменные ворота заперлись, и арестованный съ нѣсколькими лигерами Деруладъ сданъ былъ полиціи, которая отправила его въ тюрьму. Теперь начато дѣло по обвиненію злополучнаго и не въ мѣру усерднаго президента «лиги патриотовъ» и его товарищей въ подстрекательствѣ арміи къ государственному перевороту. Правительство распорядилось произвести строгіе обыскы у всѣхъ заподозрѣнныхъ лицъ и закрыть всѣ «лиги», преслѣдующія политическія задачи. Несмотря на поднятый печатный шумъ, французское общество хранитъ полную сдержанность; слѣдствіе ведется энергично, и дѣло скоро будетъ передано на разсмотрѣніе суда присяжныхъ.

Еще во второй половинѣ января министръ юстиціи внесъ въ одно изъ бурныхъ засѣданій палаты депутатовъ законопроектъ о пересмотрѣ процессовъ не одною лишь уголовною палатою, а соединеннымъ присутствіемъ всѣхъ трехъ палатъ кассационнаго суда. Излагая доводы въ пользу проекта, «вызваннаго не случайнымъ обстоятельствомъ, а необходимостью», министръ закончилъ свою рѣчь словами:

своей комиссіи выступилъ противъ правительства съ рѣзкими обвиненіями въ измѣнѣ великимъ историческимъ принципамъ раздѣленія властей, называя законопроектъ специальнымъ и легкомысленнымъ. При сильномъ волненіи палаты, министръ юстиціи отстаивалъ необходимость закона для умиротворенія страны: передъ рѣшеніемъ высшаго судебного учрежденія въ полномъ составѣ — сорока слишкомъ высшихъ судей Франціи — должны преклониться всѣ; такого-де авторитетнаго суда желаетъ французскій народъ. Затѣмъ министр-президентъ въ энергичной рѣчи, сопровождавшейся знаками одобренія со всѣхъ сторонъ, сказалъ, что народъ уже вотировалъ этотъ законопроектъ, исключительный характеръ котораго обусловливается исключительными же обстоятельствами; проектъ вызванъ предложеніемъ старшаго президента высшаго суда Франціи — «передать дѣло Дрейфуса на разсмотрѣніе всего личнаго состава кассационнаго суда, такъ какъ это — самая надежная гарантія полнаго безпристрастія». Г. Дюпюи закончилъ свою рѣчь словами: «мы взяли за это дѣло, мы и доведемъ его до конца». Послѣ проголосовъ противъ 206 — вотировать проектъ цѣликомъ, а затѣмъ приняла его большинствомъ 332 голосовъ противъ 216.

Въ сенатѣ министерскій проектъ встрѣтилъ сильную оппозицію. Засѣданія 15-го и 16-го февраля посвящены были непрерывнымъ преніямъ по вопросу о кассационномъ пересмотрѣ. Вместе съ возніемъ арміи, по адресу послѣдней слышны были упреки, на которые послѣдовалъ энергичный отвѣтъ военнаго министра де-Фрейсина, что «армія стоитъ на высотѣ своего призванія». Выслушавъ пламенную рѣчь министра-президента, сенатъ большинствомъ 155 голосовъ противъ 125 постановилъ перейти къ обсужденію законо-

проекта по статьям. Наконец, въ бурномъ засѣданіи 17-го февраля, сенатъ, отвергнувъ разныя предложенія и поправки, принялъ весь законопроектъ большинствомъ 154 голосовъ противъ 131.

Съ изданіемъ новаго закона вопросъ о «пересмотрѣ» дѣла Дрейфуса вступилъ въ рѣшительный фазисъ на чисто-юридической почвѣ.

Покончивъ съ закономъ о кассационномъ пересмотрѣ процессовъ, сенатъ разрѣшилъ вопросъ о выборѣ новаго президента на мѣсто г. Луба. Серьезными кандидатами на постъ, считающейся переходною ступенью къ Елисейскому дворцу, выступили гг. Фаллеръ и Констанъ; избраннымъ оказался первый, получившій 151 голосъ.

Больше всего сенации вызвала вопросъ виѣшней политики—столкновение съ Англіей изъ-за договора, заключеннаго Франціей съ султаномъ Омана.

Въ англійской палатѣ общинъ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ заявилъ 11-го февраля, что договоръ Франціи съ султаномъ Омана, какъ противорѣчащій договору Англіи съ этимъ султаномъ, не приведенъ-де въ исполненіе. По дальнѣйшимъ свѣдѣніямъ оказалось, что доселѣ отказъ названнаго султана дать свѣдѣнія по этому вопросу британскому агенту, у г. Маската стали три англійскихъ военныхъ судна; англійскій адмиралъ объявилъ султану, что если

онъ не явится на дурбаръ, назначенный въ два часа пополудни на флагманскомъ суднѣ, то будетъ начата бомбардировка города. Объ этомъ увѣдомлены были иностранные консулы, а броненосцы стали готовиться къ бою. Султанъ сигналами далъ знать, что соглашеніе съ Франціей взято обратно, и послать къ адмиралу своего брата, который, однако, не былъ принятъ англичанами; незадолго до истечения опредѣленнаго срока, султанъ самъ явился и оставался на флагманскомъ суднѣ три часа. На слѣдующій день былъ дурбаръ во дворцѣ, гдѣ султанъ передалъ англійскому адмиралу договоръ съ Франціей, публично отказавшись отъ него.

Между Парижемъ и Лондономъ начались оживленные переговоры, приведшіе къ благополучному разрѣшенію спорнаго вопроса.

По маскатскому инциденту французскій министръ иностранныхъ дѣлъ г. Делкассе сообщилъ, 22-го февраля, палатѣ депутатовъ, что франко-англійская конвенція 1862 г. предоставляетъ Франціи право имѣть въ Маскатѣ такой же складъ угля, какъ и Англіи; въ моментъ переговоровъ между обоими державами о разграниченіи африканскихъ владѣній Англія не можетъ-де стремиться къ созданію Франціи затрудненій въ Маскатѣ и потому выразила-де свои сожалѣнія по поводу случившагося. Палата встрѣтила правительство заявленіе продолжительными рукоплесканіями.

СМѢСЬ.

Записки со дна морского.—Подъ такимъ названіемъ обнаруживаетъ свои воспоминанія знаменитый американскій подолазь, мистеръ Пирсъ, за время своей сорокалѣтней дѣятельности получившій свыше пяти тысячъ премій и составившій себѣ изрядное состояніе. Надо имѣть дѣйствительно крѣпкіе нервы, чтобы не содрогаться, читая описанія того, что ему приходилось встрѣчать на днѣ морскомъ. Страшныя сцены разыгрывались передъ его глазами, настолько страшныя, что шикакая фантазія Эдгара По не могла бы придумать ничего болѣе ужаснаго и отвратительнаго. Ему пришлось спасать, что было возможно, изъ обломковъ Кадикса, Друммондъ-кастля, Адена и великолѣпнаго океанскаго парохода «Городъ Палермо». Нельзя пойти на картѣ ни одного морского уголка, съ которымъ онъ не ознакомился бы во время своихъ работъ. Въ 1875 году, недалеко отъ Квинсланда, ему пришлось спускаться на океанскій пароходъ, вскорѣ послѣ его крушенія. Часть погибшихъ пассажировъ сидѣли еще, какъ живые, за богато убраннымъ столомъ и при всякомъ движеніи волнъ качали страшно обезображенными.—изъѣденными рыбами и другими морскими животными—головами. Казалось почти, что они еще живы. Изъ глазныхъ впадин выплывали гнѣздившіеся тамъ, отвратительныя гадки: цѣлыя стаи мелкихъ рыбъ съ жадностью отрывали куски тѣла покойниковъ и тѣмъ тоже приводили ихъ въ движеніе. Не разъ приходилось Пирсу заглядывать при своихъ работахъ, какъ прожорливый морской чудовище выдался на тонкій рукавъ, единственную связь его съ виѣшнимъ міромъ и единственный доступъ къ нему воздуха. Въ окрестностяхъ Сокотры онъ изслѣдовалъ однажды разбитое судно и напелъ въ каютахъ на всѣхъ койкахъ скелеты, которые, въ подувѣтѣ морской глубины, казались движущимися привидѣніями. Несмотря на все испытанное, Пирсъ до сихъ поръ еще продолжаетъ свою подводную дѣятельность.

Гусь, какъ извѣстно, всегда является вѣрнымъ охранителемъ и защитникомъ своей подруги, но врядъ ли многіе знаютъ, что между гусаками есть такіе, которые гораздо шире понимаютъ обязанности защитника. По словамъ нѣмецкихъ газетъ, въ одной изъ деревушекъ сѣверной Германіи живетъ гусакъ, смертельно влюбленный въ гусыню. Тутъ въ сущности еще не было бы ничего удивительнаго. Но дѣло въ томъ, что избранныя его сердца не принадлежатъ къ одному съ нимъ стаду и живутъ сравнительно далеко: она живетъ въ нижней части деревни, онъ—въ верхней. Путь отъ него къ ней очень далекъ—около 130 сажень. Но разстояніе не можетъ служить помѣхой для влюбленныхъ, въ особенности при ихъ взаимной «предупредительности». Каждое утро, какъ только двери птичника открываются, оба выступаютъ въ путь: онъ идетъ къ ней, она—къ нему. Въ освѣжающей влагѣ деревенской рѣчонки, перерѣзывающей дорогу приблизительно на половинѣ пути, происходитъ радостная встрѣча, послѣ чего влюбленные проводятъ вѣсѣтъ цѣлый день въ блаженномъ уединеніи. Когда же зайдетъ дневное свѣтло, галантный гусакъ идетъ проводить свою избранницу домой. Заботливо удостоверившись, что она улеглась спать, онъ еще цѣлый часъ стоитъ на сторожѣ у дверей птичника и затѣмъ храбро и съ полнымъ сознаніемъ собственного достоинства направляется домой. Впрочемъ, имѣть правла безъ исключенія. Иногда, напротивъ, гусыня, въ приливъ великодушія, идетъ провожать своего друга въ его жилище, поцуетъ рядомъ съ нимъ, и рано утромъ оба вмѣстѣ отправляются на рѣчку. Такъ продолжается эта любовь ихъ, изо-дня-въ-день, уже цѣлыхъ пять лѣтъ.

Практично и дешево. Нѣкій старый литовець Курпьевейтъ требовалъ, чтобы сосѣдь его, извѣстный всѣмъ скрига Раудонатъ, куры котораго день-денской рылись у него въ саду, поставилъ на границѣ ихъ владѣній заборъ. Раудонатъ отказывался, и Курпьевейтъ собирался-было уже подать въ судъ, но потомъ передумалъ. И вдругъ, ко всеобщему удивленію, жадный скупецъ принялъ строить заборъ, и очень плотный, дощатый, между обоими садами.—«Ахъ, братецъ Курпьевейтъ, расскажи намъ, какъ ты добился этого?» спрашивали сосѣди.—«А очень просто!.. Я сталъ посылать Раудонату

черезъ день по три, то шесть яичекъ, говоря, что его куры потянули у меня въ саду эти яйца. Черезъ недѣлю онъ принялся за постройку забора. Все же мнѣ обошлось дешевле, чѣмъ обращаться въ судъ!..»

Самое быстроходное судно въ свѣтѣ. Гамбургско-американская пароходная линія заказала штеттинскому судно- и машиностроительному акціонерному обществу «Вулканъ» новый пароходъ, который своими размѣрами и быстротой хода долженъ превзойти всѣ суда, совершающія нынѣ рейсы между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ. Съ согласія германскаго императора, компанія намѣрена дать новому судну имя «Германія». Первый рейсъ парохода изъ Гамбурга въ Нью-Йоркъ назначенъ на начало марта 1900 года; надѣются, что нуть этотъ онъ сдѣлаетъ въ нѣтеро сутокъ. Чтобы достичь такой скорости, считающейся доселѣ почти невѣроятной, нужна машина въ 34,000 индикаторныхъ силъ. Для сравненія, можно упомянуть, что машина быстроходнаго судна «Князь Бисмаркъ» развиваетъ около 16,000 индикат. силъ и машина «Августы-Викторія»—12,500 индикаторныхъ силъ, тогда какъ «Great-Eastern», которому «Германія» почти равна длиною, имѣетъ лишь 8,000 силъ. Стоимость сооружения «Германіи» достигнетъ 11—12 миллионъ марокъ; она будетъ вмѣщать въ себѣ 800 каютныхъ пассажировъ и 600 надубныхъ, при экипажѣ въ 420 человекъ.

Фабрикація настоящаго жемчуга. Извѣстный естественныяатель Лакизъ-Дютеръ, которому обязана своимъ цвѣтущимъ состояніемъ морская станція въ Росковѣ, на берегахъ Ламанша, сдѣлалъ въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій академіи наукъ интересное сообщеніе о работахъ своего ученика Луи Бутана, состоящаго доцентомъ естественнаго факультета въ Парижѣ. Молодому ученому удалось воспроизвести, искусственнымъ путемъ, настоящій жемчугъ, ничуть не отличающійся отъ добываемаго изъ жемчужныхъ раковинъ, что признано Бертело, Мильтъ-Эдвардомъ и другими учеными, на разсмотрѣніе которыхъ представилъ новый жемчугъ Лаказъ-Дютеръ. По давно распространенному мнѣнію, жемчугъ есть ничто иное, какъ болѣзненное выдѣленіе раковины, получившей поврежденіе какимъ-нибудь постороннимъ тѣломъ. Опираясь на такое предположеніе, Бутанъ произвелъ въ росковской лабораторіи опытъ, увѣнчавшійся полнымъ успѣхомъ; а именно онъ просверлялъ одну изъ раковинъ «halotis» или, какъ называютъ ихъ мѣстные жители, «огмеаихъ», встрѣчающихся на берегахъ Нормандіи, и втиснулъ въ отверстіе нѣсколько зернышекъ жемчуга. Выдѣленіе перламутроваго вещества пораженными моллюсками произошло дѣйствительно, какъ ожидалъ ученый: зернышки покрылись нѣсколькими слоями названнаго вещества, и въ результатѣ получились жемчужины чистѣйшей воды.

Дружба между пѣтухомъ и собакой. Въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ мы находимъ слѣдующую замѣтку: «Давно уже извѣстенъ фактъ, что куры покидаютъ своего заблѣвшаго супруга, клюютъ его и отгоняютъ отъ корма. То же случилось во дворѣ одного мельника. На томъ же дворѣ жила пѣлая собака, прекрасно сторожившая, но очень злая и нитавшая непримиримую вражду ко всему птичьему царству. Курица, невзначай забредшая, къ ея будкѣ, должна была считать себя счастливою, если ей удавалось убѣжать, не платившись только хвостомъ или горсточкой перьевъ. Но вотъ однажды, гонимый курами больной пѣтухъ приблизился къ собачьей чашкѣ, вѣроятно въ надеждѣ поживиться оставшимися крохами. При видѣ такой дерзости, собака свирѣпо выскочила изъ будки и бросилась къ нарушителю своихъ правъ, но вдругъ остановилась, обнюхала пѣтуха, и позволила ему спокойно утолить свой голодъ. Съ этой минуты и во все время болѣзни пѣтухъ не отходилъ отъ собаки, найдя у нея защиту отъ своихъ безсердечныхъ женъ. Когда наступалъ вечеръ, пѣтухъ, къ великому удивленію всѣхъ обитателей мельницы, отправлялся на ночь въ собачью конуру, гдѣ находилъ гостепримство и полегч. Въ настоящее время пѣтухъ давно уже выздоровѣлъ, давно уже какъ маленкій паша властвуетъ въ своемъ куринномъ царствѣ, но дружба его съ собакой все продолжается, становясь все тѣснѣе и тѣснѣе».

LE TRÈFLE INCARNAT
DE L.T. RIVER
PARFUMS LA MODE

И. № 12104 19-2

ПРАКТИЧНАЯ НОВИТВОСТЬ

НЕСГОРАЕМЫЕ ФИТИЛИ

ДЛЯ КЕРОСИНОВЫХ ЛАМП И КУХОНЬ ВСЕХ СИСТЕМЪ НА ФИТИЛИ ТРЕБОВАТЬ КЛЕЙМО ФАБРИКИ.

НЕ КОПАТЬ, УВЕЛИЧИВАЮТ ПЛАМЯ, БЕЗОПАСНЫ ОТ ВЗРЫВА, ГОРЯТЬ БЕЗЪ МАЛЪИШАГО ЗАПАХА, ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ЭКОНОМІЯ ВЪ КЕРОСИНѢ, НЕ ТРЕБУЮТЪ ОБРѢЗЫВАНІЯ И ФИТИЛЬНАЯ ТЕСЬМА, ОСТАВАЯСЯ НЕСГОРАЕМОЮ, НИКОЛЬКО НЕ УБЫВАЕТЪ. ЦѢНА ЗА 5 ВЕРШКОВЫХЪ ФИТИЛЬ ДЛЯ ГОРѢЛОКЪ КРУГЛЫХЪ. копѣекъ 70, 60, 50, 40, 30, 36, 32, 28, 24, 20, 16.

ПЛОСКИХЪ. въ линіи 14, 12, 10, 7, 6, 3, 2. копѣекъ 14, 12, 10, 7, 6, 3, 2.

КЕРОСИНОВ. КУХОНЬ въ линіи 20, 30, 33. ИМѢЮТСЯ ДЛЯ ВСѢХЪ БЕЗЪ ИСКЛЮЧЕНІЯ ГОРѢЛОКЪ. копѣекъ 20, 30, 33.

ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЫ МОСКВА, Д. БОМИНУ. Уланскій переул., домъ Измайловой № 6. Торговцамъ при покупкѣ не менѣе 25 руб. скидки 30%. При требованіи почтой наложен. платежомъ сообщ. размѣръ линіи или высыл. мѣрки (можно начертить линіи). Менѣе одного рубля многороднымъ заказъ не высылаю.

ФАБРИКА И СКАДЪ

Бруно Земгеръ и Ко

С.Петербург, Невскій Пр. №25 (бывшій Коллежскій)

Фотогр. Аппараты и Принад.

(Кратк. Прейс-Курантъ Берлинск.)

И. № 12033 12-4

НЕЗАМѢТНА НА ЛИЦѢ ТОЛЬКО ЦЕНА

ТУДРА ГИГИЕНА

РОСКОШНАГО ЗАПАХА. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

ГЛ. СКЛАДЫ: С.ПЕТЕРБУРГЪ, КОЛОДЕНСК. 12.

ВЕЛОСИПЕДЫ „ЭНФИЛЬДЪ“

Новость на 1899 годъ
Модель «РИШЪ»

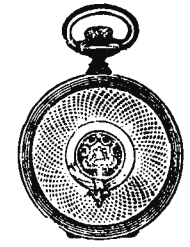
Рекомендуется вниманію знатоковъ и любителей.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ И. Г. АЛЕКСѢЕВЪ И К^О.

Москва, Рождественка, д. Третьяковскихъ.

Прейс-куранты высылаются бесплатно. П. № 12101 7-1

ФАБРИКА ЧАСОВЪ „РОМЕО“ ВЪ ГОР. ЖЕНЕВЪ (ШВЕЙЦАРІЯ).

Каждому извѣстно, что источникомъ производства карманныхъ часовъ для всего міра есть Швейцарія, то каждый желающій приобрести карманные часы, которые бы служили на многіе годы вѣрнымъ измѣрителемъ времени, долженъ воспользоваться полезнымъ совѣтомъ «покупать изъ первыхъ рукъ», и для этой цѣли нами устроенъ специальный отдѣлъ по экспорту часовъ въ Россію и Финляндію.

Благодаря уславленному требованію во всей Европѣ часовъ накладного золота «Plaqué d'or», фабрика вышла достаточно времени запастись сыпчатою по улучшенію производства корпусовъ изъ накладного золота. Фабрика часовъ «Ромео» имѣетъ въ виду этого возможность стать на высотъ своей задачи и рекомендовать часы накладного золота, не уступающіе по прочности механизма, отдѣлкѣ и качеству лучшимъ золотымъ часамъ.

Часы «Ромео» обладаютъ замѣчательно вѣрнымъ аннернымъ ходомъ и механикамъ устроены съ такой точностью и тщательностью, что мы можемъ ихъ самымъ убѣдительнымъ образомъ рекомендовать каждому.

Къ часамъ предлагается пятилѣтняя гарантія съ обозначеніемъ № часовъ.

Мужскіе часы «Ромео» 13 рублей, дамскіе на 1 р. дороже. Цѣны обозначены съ уплаченной поштинной и пересылкой.

Цѣна за **МУЖСКІЕ 13 р. ГЛУХІЕ или ОТКРЫТЫЕ;** дамскіе на штору; 1 р. дороже.

Пересылка во всѣ мѣста Россійской Имперіи и Финляндіи **БЕЗПЛАТНАЯ** и съ уплаченной нами поштинной.

Имѣются въ большомъ выборѣ золотые, серебряные, стальные и никелевые часы. Иллюстрированные прейс-курантъ по требованію бесплатно.

Заказы исполняются наложеннымъ платежомъ безъ задатка. № 12082 4-2

Корреспонденція ведется на русскомъ языкѣ.

Предостереженіе: Фабрика часовъ «Ромео» обращаетъ вниманіе почтенныхъ покупателей, что **нѣкоторые** отдѣленія въ Россіи не имѣютъ, а потому проситъ обращаться непосредственно по нижеслѣдующему адресу:

FABRIQUE D'HORLOGERIE „ROMEO“ à GENEVE
(Швейцарія) Suisse, Rue de Mont-Blanc, № 11.

!!ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛКИ!!

(На внутренней крышкѣ часовъ «Plaqué d'or», а на циферблатѣ «Ромео».)

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЬ 1889

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. №7.

ДУХИ высшаго качества, самыя модныя:

Айва (Grab-Apple) Лѣсной ландышъ
Новая Фіалка Букетъ Флоріада

приятный и долго сохраняющійся запахъ.

МАГАЗИНЫ: С. ПЕТЕРБУРГЪ, БОЛЬШОЙ КАНАЛЪ, Д. 10. ИВАНСКОЕ ПЛ. № 2. МОСКВА, КАЗАНСКО-СМЪЛЕНСКІЙ П. № 10. КИЕВЪ, П. № 10. ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ, НА КИРОВА, Д. 10. ВЪ КАЗАНИ, Д. 10. ВЪ СМЪЛЕНСКѢ, Д. 10.

ДАМАМЪ И БАРЫШНЯМЪ
изящный подарокъ.

Изъ чистаго золота 56-й пробы цѣлымъ гарнитуръ только за 15 руб. 1) Браслетъ золотой, состоящій изъ плотнаго золотого обруча, на которомъ искусствен. брилліанты превосходной игры обхватываютъ дублетъ-рубинъ, сафиръ, изумрудъ или бирюзу (по выбору заказчика); 2) Брошь золотая такого же фасона; 3) Пара крупныхъ серегъ такого же фасона; 4) Кольцо золотое такого же фасона высил. наложен. платеж. по полученіи 3 руб. задатка.

Въ отдѣльности высылаются браслетъ за 8 р., брошь—4 р., серьги—3 р., кольцо—2 р. (На рисункѣ гарнитуръ изображенъ въ уменьшенномъ видѣ).

Часы изъ настоящаго американскаго золота съ гарантіей за вѣрность хода складъ высылаютъ только за 7 и за 10 руб. № 12109

Съ заказами обращаться въ фабричный складъ золотыхъ издѣлій и часовъ **И. Г. ШАМИССО**, Одесса, Ришельевская, 28.

КАРАМЕЛЬ
изъ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ

„КЕТТИ БОССЪ“

В. Семадени въ Киевѣ.

Цѣна коробокъ 25 коп. Малая коробка 15 коп.

Главный складъ у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ**, С.-Петербургъ, Гороховая ул., 33. Продаются во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. 12-11

КАЗИМИРЪ ОССОВСКІЙ,
инженеръ.

Котора для исходатайствованія привилегіи въ **БЕРЛИНѢ**. (Berlin, W. 9. Potsdamerstr. 3.)

5,000,000

деревьевъ фруктовыхъ, лѣсныхъ, декоративныхъ и парковыхъ, прѣготовлено къ продажѣ; фруктошка отъ 6 р. за 1000 шт., лѣса отъ 30 коп. за 1000 шт. Громадный выборъ всевозможныхъ ягодныхъ кустарниковъ по весьма дешевой цѣнѣ. Прейс-курантъ высылается бесплатно. Садоводство **Н. Д. РАСПОРУГА** въ Липецкѣ, Тамб. губ.

ЛОНГЛЕЙФЪ

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ВОЗДУХООЧИСТИТЕЛЬ

АППАРАТЪ ЛОНГЛЕЙФЪ

УНИЧТОЖАЕТЪ ВСЯКІЙ ДУРНОЙ ЗАПАХЪ

табачный дымъ, угаръ, копоть, вредн. испаренія и пр.

◆ Аппараты „ЛОНГЛЕЙФЪ“ премированы на Гигіен. Выст. въ Гамбургѣ 2 окт. 1898 г. ◆

Изящно отдѣл. аппаратъ Лонглейфъ можетъ служить украшеніемъ всякаго жилого помѣщенія. Стоитъ 5 р. со всѣми присп. Главное депо: „Предпріятіе гигиенич. аппаратовъ Лонглейфъ“, Москва, Солонка, д. Бабурина.

ОКРАС. СМѢЛ. ДЕП. ТОР. МАН.

Патентованы во всѣхъ государствахъ.

за № 6703.

ЗАОЧНОЕ ОБУЧЕНИЕ ИГРЪ НА ФОРТЕПИАНО.
 Проф. Ипполитъ Павловичъ РАПГОВЪ (быв. инспекторъ „Курсовъ Рапгофъ“, директоръ музык. школы въ СПБ., преп. Пажескаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА корпуса, авторъ многихъ руководствъ), открылъ подписку на сто письменныхъ уроковъ игры на фортепиано, съ приложеніемъ массы иллюстрацій и нотъ, при помощи которыхъ безъ преподавателя можно легко научиться играть на фортепиано. Подписная цѣна на все сто уроковъ—10 руб., съ доставкой во все города Россіи. Допуск. разсрочка въ 3 срока. Пробн. урокъ и программа курса высыл. за 28 к. марками.
 СПб. Невскій пр., № 76. кв. 49.

ПОРТМОНЪ
 со штемпелемъ только 1 р. 85 к. изъ лучшей черной опойки, заграничной выдѣлки, съ матовымъ лоскомъ, съ 5 отдѣленіями, 1 внутреннимъ закрытымъ для звонкой монеты и однимъ особо закрытымъ для золота. Корпусъ изъ одного куска, съ механическимъ затворомъ, содержащимъ каучуковый штемпель съ подушкой для краски. Въ штемпель помѣщаются: имя, отчество, фамилія и званіе, по желанію и коронка. Такая же дамскія издѣлки по тѣмъ же цѣнамъ. Тѣ же изъ настоящей тюленевой мягкой шагренированной кожи на 40 к. дорож. Бумажники: того же материала и выдѣлки съ 9 отдѣленіями со штемпелами, опойковые 3 р. 50 к., тюленевые 4 р. 50 к. Цѣны съ пересылкою; въ Азіатскую же Россію—съ прибавленіемъ части въсѣныхъ. Съ наклад. платеж. на 10 к. дорож. Тѣ же безъ штемпеля на 35 к. дешевле. Выписывающіе 5 штукъ портмоя или бумажниковъ сразу получаютъ бесплатно 5 издѣльныхъ дѣтскихъ портмоя. Ц. № 12106

Адресовать: въ контору фабрики компан. издѣлій Ш. Е. ФРИДМАНЪ, Варшава, Дѣльная, № 9.

БУХГАЛТЕРІЮ
 2-хъ системъ, легкимъ и весьма удобн. корреспонд. способомъ преподаетъ А. К. ФОНЪ-ДЕРЪ-ЗЕЕ. Москва, Никитская, д. гр. Шереметова. Для получ. програм. и услов. прил. марку.

КРЕМЪ АЛЬДЕХИДЪ ВЛАДИО
 для СМЯГЧЕНІЯ КОЖИ ЛИЦА И РУКЪ.
 Мал. флак. 60 к.; больш. фл. 1 р.
 Можно получать вездѣ.
 Главный складъ въ Москвѣ у В. КРЕМЕРЪ, Чижовск. подв. (9)

„Непокупное“ Повесть П. Н. Погриналь. рис. Е. П. Самокингъ-Судковской. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес.—3 р. 80 к.; въ художественномъ переплетѣ—3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.
 Требования адресовать въ контору изданій А. Ф. Маркса: СПб., Мал. Морская, № 22.
 Только 4 р. 50 к. въ годъ, съ пересылкою 6 руб. прекрасный франц. Модный журналъ „LA MODE PATRIOTIQUE“ (Парижск. изд.) 52 раскраш. номера въ годъ съ выкройками.
„DIE MODE“ журналъ (89 стр.) на весен. и лѣтн. сезонъ 1899 г., содержащ. верхн. вещи, платья, блузы, капоты, дѣтск. вещи и проч. Цѣна 2 руб.
 Журналы въ провинцію высылаются немедленно по полученіи денегъ. Нотный магазинъ **Н. Х. Давингофъ.** С.-Петербургъ, Гостиный дворъ. № 12.

Г. РЫБОЛОВАМЪ!
 Шкатулка съ полнымъ наборомъ и руководствомъ ужения разныхъ рыбъ 5 руб., съ пересылкой до 1000 верстъ. Прейсъ-куррантъ рыболови. прил. съ руководствомъ ловли рыбъ и образцами американской лѣски и бронз.-алюмин. крючка на-стальномъ поводкѣ, высылаются за три семкоп. марки. Подробный прейсъ-куррантъ безъ руководства и образцовъ высылается безплатно.
 Специальный магазинъ И. ГЛАЗУНОВА, поставщ. московскаго рыбол. общ. Москва, Столешняковъ пер., д. № 8.

ГРОМАДНЫЙ ЗАПАСЪ
 фруктовыхъ, парковыхъ, декоративныхъ, лѣсныхъ деревьевъ и различныхъ сѣмлей при-готовленъ для весенней продажи.
 Низкія цѣны. Прейсъ-курранты по требованію высыл. безплатно.
САДОВОДСТВО
А. БЫХАНОВОЙ СЪ С-М
 въ Липецкѣ, Тамбов. губ.

КРАСИВО ПИСАТЬ
 выучивается всякій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО.**
 Методъ премированъ на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. За 4 семиклассныя марки высылаются **ПРОБНОЕ ПИСЬМО** шрифтовъ, подробныя условія и образцы исправленія почерк. заочн. учен. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

ОСПЕННЫЙ ТЕЛЯТНИКЪ
 ветеринарнаго врача С. К. Живовицскаго въ г. Орлѣ.
 Во всякое время года можно получать свѣжую оспенную вакцину для прививанія людямъ предохранительной оспы. Выписывать можно съ вложеннымъ платежемъ и на сумму не менѣе рубля. Заказы исполняются безъ замедленія. Адресъ: г. Орель, оспенный телятникъ Живовицскаго.

ФОНОГРАФЫ
 съ которыми каждый можетъ самъ изготовл. фоногр., пѣніе, разговоръ и муз. или воспроизводить съ приготовленнаго цилиндра. Цѣна нач. съ 30 руб.
Подлинные фонографы ЭДИСОНА нач. съ 70 руб.
 Большой выборъ приготов. цилиндр. съ муз., пѣн. изъ оп. и оперет., танц., марши, рус., вѣмок. и др. пѣніе.
 Спец. прейсъ-куррантъ безплатно.
 Большой выборъ волшебн. фонарей и картин.
Бруно Зенгеръ и Ко Казанская, 1—25, на углу Невскаго. СПб

Для СМЯГЧЕНІЯ и БЪЛИЗНЫ КОЖИ.
КАЛОДЕРМА
 ЖЕЛЕ КАЛОДЕРМА. МЫЛО КАЛОДЕРМА.
Ф. Вольфъ и Сынъ въ Карлсруэ.
 Продается во всехъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

КАННА КРОЗИ и другія жидкія луков. растенія для грунта и для комнатъ. Иллюстр. описатель. каталогъ по требованію высыл. бесплатно и франко.
 Садоводство **К. Г. МЕЙЕРА.** Киевъ, Сырецъ, с. д.
 На Киевск. Сольск.-Хозіств. и Промыш. Выставкѣ въ 1897 г.: Больш. Золотая медаль

Россійское Общество застрахованія капиталовъ и доходовъ
 учрежд. въ 1835 году.
НАРОДНОЕ СТРАХОВАНІЕ.
 Страхованіе на случай смерти безъ врачебнаго освидѣтельствованія, съ участіемъ въ прибыляхъ Общества и уплатою преміи помѣсячно, начиная отъ 50 коп. въ мѣсяцъ.
 Тарифы, объявленія и всякія свѣдѣнія можно получить: въ Правленіи Общества: С.-Петербургъ. Улица Глинки, № 1, у Пощѣлуева моста, въ собств. домѣ, и у Агентовъ Общества во всехъ городахъ Имперіи.
 В. № 11978 4-3

Пейте Цейлонскій чай!
Пейте Цейлонскій чай!!
Пейте Цейлонскій чай!!!
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготовленія.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучшей чай по вкусу и аромату.
 Годичное потребленіе Цейлонскаго чая въ Россіи болѣе 10.000,000 фунтовъ 10.000,000.
Главный складъ Цейлонскаго чая у М. РОЖИВІЮ, Москва, МАРОСЕЙКА, д. ТУШИННОЙ. Ш. № 11642 20—18
 Представитель Товарищества Цейлонскихъ плантаторовъ для всей Россіи.

Содержаніе:

ТЕКСТЪ: Воскресеніе. Романъ графа Л. Н. Толстого. — Элегія. Стихотвореніе Баронессы Е. К. Остенъ-Сакенъ. — Обвалъ. Разсказъ Г. Т. Сьверцова. — Новѣйшія вооруженія. Подводная миноноска и динамитная пушка. Очеркъ И. Эйзена. — Къ рисункамъ: Герцогъ Шартскій въ битвѣ при Жемапѣ. — Шубертъ въ кругу знакомыхъ. — В. О. Михневичъ. — Снѣжная буря въ Америкѣ. — Астрономическая труба на всемірной выставкѣ 1900 г. — Взрывъ порохового погреба близъ Тулона. — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Тиражъ выигрышей въ Государственномъ Банкѣ. — Объявленія.

РИСУНКИ: „Воскресеніе“, романъ графа Л. Н. Толстого: 1) Весна. 2) Тюремные надзиратель и надзирательница. 3) Екатерина Маслова и конвойные. 4) Князь Нехлюдовъ. 5) Извозчикъ изъ Нехлюдова. Ориг. рисунки Л. О. Пастернака. — Герцогъ Шартскій въ битвѣ при Жемапѣ съ австріяцами въ 1792 г. Картина Ле-Дрю. — Шубертъ въ кругу знакомыхъ. Картина Ю. Шауда. — Новѣйшія вооруженія: 1) Подводная лодка „Голландъ“. Видъ лодки подъ водой. 2) Подольный разрывъ механизма подводной лодки „Голландъ“. 3) Видъ лодки надъ водой. 4) Новая гигантская динамитная пушка въ Нью-Йоркской гавани. — В. О. Михневичъ. — Снѣжная буря въ Америкѣ: 1) Обледѣлый домъ послѣ пожара. 2) Обледѣлый океанскій пароходъ „Германикъ“. — Гигантская астрономическая труба на всемірной выставкѣ 1900 г. — Взрывъ порохового погреба близъ Тулона: 1) Пороховой погребъ до взрыва. 2) Разрушенныя дома въ деревнѣ Лагубранъ. 3) Общій видъ мѣстности послѣ катастрофы.

2 внутренній 5% съ выигр. заемъ Гос. Банка 1866 г.

66 тиражъ 1-го марта 1899 г.

ТИРАЖЪ ВЫГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

Table with columns for serial numbers, denominations, and sums for various prize categories (1st to 5th prizes).

№№ серий, вышедшихъ въ тиражъ погашенія:

84, 298, 499, 602, 627, 782, 880, 886, 1202, 1429, 1451, 1629, 1763, 1911, 2094, 2147, 2174, 2626, 2666, 2780, 2932, 2911, 2922, 2944, 2976, 3073, 3212, 3293, 3320, 3330, 3482, 3599, 3611, 3803, 3933, 4181, 4288, 4537, 4597, 5057, 5076, 5125, 5225, 5270, 5533, 5666, 6037, 6093, 6110, 6189, 6217, 6297, 6339, 6379, 6473, 7477, 7524, 7562, 7828, 7863, 7916, 8093, 8132, 8447, 8577, 8748, 9114, 9297, 9436, 9599, 9675, 9686, 9836, 10139, 10147, 10435, 10495, 10591, 10633, 10733, 11161, 11495, 11560, 11571, 11751, 11862, 11870, 12241, 12260, 12347, 12374, 12643, 12961, 12970, 13275, 13435, 13811, 14087, 14193, 14593, 14613, 14635, 14844, 14899, 14945, 15184, 15200, 15496, 15651, 15657, 15775, 16448, 16638, 17146, 17220, 17584, 18246, 18430, 18552, 18554, 18616, 19069, 19255, 19324, 19386, 19490, 19538, 19620, 19622, 19736.

Всего 130 серий, составляющихъ 6500 билетовъ, на сумму 845,000 рублей.

Advertisement for 'Пожизненные страхования' (Lifetime Insurance) from 'РОССІЯ' (Russia) society, including details about policy types and agents.

Advertisement for 'ГИГИЕНА' (Hygiene) products, featuring 'ВЕРА-АНОНА' (Vera-Anona) soap and other household items.

Advertisement for 'КАЗИМИРЪ ОССОВСКІЙ, инженеръ' (Kazimir Ossowski, Engineer) and 'ИЗЪДАНИИ' (Editions) of a historical novel.

Advertisement for 'ЭЛЕМЕНТЪ КУРСЪ КОММЕРЦІИ' (Element Course of Commerce) by Annet and Kvachonka.

Abonnements für das II. Quartal zum Preise von 2 Rub. 72 Kop.

werden angenommen vom Kais. Postamt in St. Petersburg auf das jetzt ca. 65000 Abonnenten

zählende und demnach die grösste Verbreitung aller liberalen Zeitungen grossen Stils im In- und Auslande besitzende, durch Reichhaltigkeit und sorgfältige Sichtung des Inhalts sich auszeichnende, täglich zweimal in einer Morgen- und Abend-Ausgabe, auch Montags erscheinende

BERLINER TAGEBLATT

und Handels-Zeitung mit 5 werthvollen Beiblättern:

- „ULK“ farbig illustriertes Witzblatt
 - „Der Zeitgeist“ feuilletonist. Beiblatt
 - „Deutsche Lesehalle“ illustrierte Sonntagsbeilage
 - „Technische Rundschau“ illustrierte Fachzeitschrift
- Mittheilungen über Landwirtschaft, Gartenbau und Hauswirtschaft.

Im Roman-Feuilletton erscheint ein neuer hochinteressanter Roman von

Richard Voss: „Sigurd Eckdal's Braut“

der, nach Form und Inhalt originell, die fortreissende Darstellungskraft des Verfassers zeigt und das Lesepublikum in hohem Grade fesseln wird.

Probenummern gratis und franco von der Expedition Berlin SW.

БЕРНДОРФСКИЙ МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ЗАВОДЪ, Артуръ Круппъ

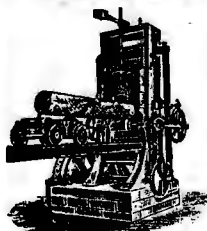
Московское отделение: На Кузнецкомъ мосту, № 6.

изъ ЧИСТАГО НИКЕЛЯ Кухонная Посуда.

Премиированы на Всероссийской выставкѣ 6. сер. медалью. Машиностроительный котельный и чугуно-мѣдно-литейный заводъ

В. Рейтцъ и Эд. Ротерманъ въ Ревель.

изготавливаетъ спеціально лѣсопильные рамы, круглыя пилы, двойныя и ординарыя и ленточныя пилы, строгальныя станки, машины для приготовления древеснаго волокна и т. д., а также и ПАРОВЫЯ МАШИНЫ и ПАРОВЫЕ КОТЛЫ всѣхъ системъ, а главнымъ образомъ заводъ принимаетъ заказы на устройство ЛѢСОПИЛЬНЫХЪ ЗАВОДОВЪ.

Устроено болѣе 100 заводовъ въ разныхъ губерніяхъ. Кроме того заводъ принимаетъ заказы на устройство мукомольныхъ мельницъ, винокуренныхъ и рефигиационныхъ заводовъ, молочныхъ фермъ съ водкою, вътрѣною и паровою силою.

Въ складахъ завода имѣются готовые маслобойки и маслообработчики, оси, втулки, рѣзцы, сошники, плуги, бороны, жолобѣлы, конные приводы и вообще всякаго рода земледѣльческія орудія. № 12128 2-1

ЗАЙКАНИЕ КАРТАВОСТЬ, ШЕПЕЛЯВОСТЬ

устраиваетъ лѣчебное заведеніе

К. Ю. Эрнстъ,

Москва, Б. Никитская, № 11, кв. 6. Ц. № 12057 15-2

Руководство къ самообуч. для зайкъ 3 руб.

ЛѢЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ЦИММЕРМАНА ВЪ ХЕМНИЦѢ, ГЕРМАНІЯ. Лѣти и зимн. сезоны; за день отъ 5-10 1/2 мар., вклуч. все, также 1 конск. и завтраки. Завѣдыв. врачъ д-ръ Дисне (Disque), авт. с. «Естествен. лѣч. болѣзн.», 5 изд., въ пер. 3 мар., и «Диетогигиен. столъ», 3 изд., въ перен. 1.80 мар. (скл. изд. на нѣм. яз. у О. Spramer, Leipzig). 2-й врачъ д-ръ Бургартъ. Лѣчб. зав. съ инстит. ортопед. и врач. гимнаст. по сист. Цандера. Лѣч. бол.: нервн. (гипноз., гидротер., элект., электр. ванн.), менсн. (с. Туре-Брандтъ), сахарн., желуд., кишечн. (устан. діеты по вѣсл. жел. выдѣл.), спинного мозга (компенз. терапия), почечн., моч. пузыря, легн., сердца, а также ониртн. (электр. свѣт. ванн.), подагры, ревматизма (песоч. ванн.) и истривл. позвон. и т. д. 3 доктора и 1 женщ.-врачъ. Просп. выс. безпл. управл. лѣчбн. зав.

ЗНАМЕНИТЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ

„ЭНФИЛЬДЪ“

„Ройаль“ 99 г. цѣна 170 руб.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

И. Г. АЛЕКСѢЕВЪ И К. О.

Москва, Рождественка, д. Третьяковыхъ.

Прейсъ-куранты по требованію. Ц. № 12081 8-2

ФАБРИКА И СКЛАДЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ ТОКАРНЫХЪ СТАНКОВЪ СКАВРОНСКАГО С-ПЕТЕРБУРГЪ

значительно расширена и переведена на Петерб. стор. въ собственный домъ, Лидейская ул., № 13. Станки отъ 65 р. Пр.-кур. за 7 коп. марку.

Женевскіе извѣстные открытыя МУЖСКІЕ черныя вороненой стали часы, ремонтаръ извѣстной фабрики «ЭМИЛЬ», провѣривъ до минуты, съ рутательствомъ за ходъ на 6 лѣтъ, высылаемъ по полученіи задатка 1 руб., а остальные наложен. платежъ, всего за 4 р. 55 коп. съ цѣпочкою, дамскіе на 1 руб. дороже. № 12131

Адресъ: 2-1 Складъ Американскихъ часовъ Діана въ Одессѣ, Почтовая ул.

РИСОВАЯ ПУДРА

ПЛОТНОПРЯСТАЮЩАЯ, НЕЗАМѢТНАЯ, ДУШИСТАЯ

LA MADONE

Продажа оптомъ: HUBERT, парижскій въ БОРДО и въ ПАРИЖѢ: 28, rue d'Anglemont. Склады во всѣхъ хорошихъ парфюмерныхъ магазинахъ.

1/2 КОП. ВЪ ГОДЪ.

Вагнеровскіе туки для комнаты и гостиной—марка F.K.W. 1 жестянка (для 60-75 растений)—50 к. 1/2 жестянки—30 к. Настав.—бесплатно. Главн. складъ СПб., Адмиралъ пр., 10. Г. ФРИКЪ.

ТРЕБУЙТЕ

ВЪ АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ

„АРМИНЪ“

для хохли и мягкости усомъ и бороды. Цѣна во коп. „АРМИНЪ“ безъ № 267 разр. Мед. Упр.—Поддѣлка. Главн. складъ Г. ПЮНА, Пассаажъ, № 52, С.-Петербургъ.

XXX г.
№ 11

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXX
1899

Выходит еженедельно (52 № в год), съ приложениемъ 12-ти еженѣдн. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ литературныхъ приложениій, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 13 марта 1899 г.

Цѣна этого № 15 к., съ порос. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1899 г.

Безъ доставк. въ Петербургъ . . .

5.50 к.

Безъ дост. въ МОСКВУ въ конторѣ Н. ПЕЧНОВОЙ, Петровскія линіи . . .

6.25 к.

Безъ доставк. въ ОДЕССУ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Ришельевская, 12.

6.50 к.

Съ доставкою въ ПЕТЕРБУРГЪ . . .

6.50 к.

Съ поросылкою во все мѣсто Россіи . . .

7 р. 10 п.

Воскресеніе.

Романъ
графа Л. Н. ТОЛСТОГО.

Матѣ. Гл. 18. Ст. 21. Тогда Петръ приступилъ къ Нему и сказалъ: Господи! сколько разъ прошать брату моему, согрѣшающему противъ меня? до семи ли разъ? 22. Исусъ говоритъ ему: не говорю тебѣ: до семи, но до седмижды семидесяти разъ.

Матѣ. Гл. 7. Ст. 3. И что ты смотришь на сучекъ въ глазѣ брата твоего, а бревно въ твоемъ глазѣ не чувствуешь?

Іоаннъ. Гл. 8. Ст. 7. . . кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось на нее камень.

Лука. Гл. 6. Ст. 40. Ученикъ не бываетъ выше своего учителя: но, и усовершенствовавшись, будетъ всякій, какъ учитель его.

I.

Какъ ни старались люди, собравшись въ одно небольшое мѣсто нѣсколько сотъ тысячъ, изуродовать ту землю, на которой они жались, какъ ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, какъ ни счищали всякую пробивающуюся травку, какъ ни дымили каменнымъ углемъ и нефтью, какъ ни обрѣзывали деревья и ни выгоняли всѣхъ животныхъ и птицъ, весна была весною, даже и въ городѣ. Солнце грѣло, трава, оживая, росла и зеленѣла всѣмъ гдѣ только не соскребли ее, не только на газонахъ бульваровъ, но и между плитами камней, и березы, тополи, черемуха распускали свои клейкіе и пахучіе листья, липы надували лопавшіяся почки; галки, воробьи и голуби по весеннему радостно готовили уже гнѣзда, и мухи жужжали у стѣнъ, пригрѣтыя солнцемъ. Веселы были и растенія, и птицы, и насѣкомыя, и дѣти. Но люди—большіе, взрослые люди не переставали обманывать и мучить себя и другъ друга. Люди считали, что священо и важно не это весеннее утро, не эта красота міра Божія, данная для блага всѣхъ существъ.—красота,

располагающая къ миру, согласію и любви, а священо и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать другъ надъ другомъ.

Такъ въ конторѣ губернской тюрьмы считалось священнымъ и важнымъ не то, что всѣмъ животнымъ и людямъ даны умиленіе и радость весны, а считалось священнымъ и важнымъ то, что наканунѣ получена была за номеромъ, съ печатью и заголовкомъ бумага о томъ, чтобы къ 9-ти часамъ утра были доставлены въ нынѣшній день, 28-го апрѣля, три содержащіяся въ тюрьмѣ подсѣдственные арестанта—двѣ женщины и одинъ мужчина. Одна изъ этихъ женщинъ, какъ самая важная преступница, должна была быть доставлена отдѣльно. И вотъ, на основаніи этого предписанія, 28-го апрѣля въ темный вонючій коридоръ женскаго отдѣленія, въ 8 часовъ утра, вошелъ старшій надзиратель. Вслѣдъ за нимъ вошла въ коридоръ женщина съ измученнымъ лицомъ и вьющимися сѣдыми волосами, одѣтая въ кофту съ рукавами обшитыми галунами и подпоясанная поясомъ съ синимъ кантомъ. Это была надзирательница.

— Вамъ Маслову?—спросила она, подходя съ дежурнымъ надзирателемъ къ одной изъ дверей камеръ, отворившихся въ коридоръ.

Надзиратель, греми желѣзомъ, отперъ замокъ и, растворивъ дверь камеры, изъ которой хлынулъ еще болѣе вонючій, чѣмъ въ коридоръ, воздухъ, крикнуть:

— Маслова, въ судъ!—и опять притворилъ дверь, дожидаясь.

Даже на тюремномъ дворѣ былъ свѣжій, живительный воздухъ полей, принесенный вѣтромъ въ городъ. Но въ

Съ настоящаго номера мы приступаемъ къ печатанію романа гр. Л. Н. Толстого: „Воскресеніе“ на основаніи приобретеннаго нами у автора права перваго печатанія этого романа. Никому, следовательно, не разрѣшено печатать романъ одновременно съ „Нивою“, за исключеніемъ нѣкоторыхъ иностранныхъ изданій, которыя приобрѣли вмѣстѣ съ нами это право у автора. Если же кто-нибудь приступитъ къ одновременному съ нами печатанію романа „Воскресеніе“, то это будетъ контрафакціею, которую мы рѣшили преслѣдовать законнымъ порядкомъ.

коридоръ былъ удручающій воздухъ, пропитанный запахомъ дегтя и гнили, который тотчасъ же приводилъ въ уныніе и грусть всякаго, вновь приходившаго человѣка. Это испытала на себѣ, несмотря на привычку къ дурному воздуху, пришедшая со двора надзирательница. Она вдругъ, входя въ коридоръ, почувствовала усталость, и ей захотѣлось спать.

Въ камерѣ слышна была суетня: женскіе голоса и шаги босыхъ ногъ.

— Живѣе, что-ль, поворачивайся тамъ, Маслова, говорю!— крикнулъ старшій надзиратель въ дверь камеры.

Минуты черезъ двѣ, бодрымъ шагомъ изъ двери вышла, быстро перевернувшись и стала подлѣ надзирателя невысокая и очень полногрудая молодая женщина въ сѣромъ халатѣ, надѣтомъ на бѣлую кофту и на бѣлую юбку. На ногахъ женщины были полотняные чулки, на чулкахъ— острожные коты, голова была повязана бѣлой косынкой,

рѣшетному маленькому оконцу въ двери. Старуха съ той стороны прильнула къ оконцу и хриплымъ голосомъ проговорила:

— Пуще всего лишняго не высказывай, стой на одномъ и шабашъ.

— Да ужъ одно бы что, хуже не будетъ, — сказала Маслова.

— Известно одно, а не два,—сказалъ старшій надзиратель съ начальственной увѣренностью въ собственномъ остроуміи.—За мной, маршъ!

Видѣвшійся въ оконцѣ глазъ старухи исчезъ, а Маслова вышла на середину коридора и быстрыми мелкими шагами пошла вслѣдъ за старшимъ надзирателемъ. Они спустились внизъ по каменной лѣстницѣ, прошли мимо еще болѣе, чѣмъ женскія, мужскихъ вонючихъ и шумныхъ камеръ, изъ которыхъ ихъ вездѣ провожали глаза въ оконцахъ дверей, и вошли въ контору, гдѣ уже стояли

„Воскресеніе“, романъ гр. Л. Н. Толстого. Весна. Ориг. рис. (собств. «Нивы») Л. О. Пастернака, автотипія «Нивы».

изъ-подъ которой, очевидно, умышленно были выпущены колечки вьющихся черныхъ волосъ. Все лицо женщины было той особенной бѣлизны, которая бываетъ на лицахъ людей, прошедшихъ долгое время взаперти, и которая напоминаетъ ростки картофеля въ подвалѣ. Такія же были и небольшія широкія руки, и бѣлая, полная шея, видѣвшаяся изъ-за большого воротника халата. Въ лицѣ этомъ поражали, особенно на матовой бѣдности лица, очень черные, блестящіе, нѣсколько подпухшіе, но очень живленные глаза, изъ которыхъ одинъ косилъ немного. Она держалась очень прямо, выставляя полную грудь. Выйдя въ коридоръ, она, немного закинувъ голову, посмотрѣла прямо въ глаза надзирателю и остановилась въ готовности исполнить все то, что отъ нея потребуютъ. Надзиратель хотѣлъ уже запереть дверь, когда оттуда высунулось бѣдное, строгое, морщинистое лицо простоволосой сѣдой старухи. Старуха начала что-то говорить Масловой. Но надзиратель надавилъ дверь на голову старухи, и голова исчезла. Въ камерѣ захохоталъ женскій голосъ. Маслова тоже улыбнулась и повернулась къ за-

два конвойныхъ солдата съ ружьями. Сидѣвшій тамъ писарь далъ одному изъ солдатъ пропитанную табачнымъ дымомъ бумагу и, указавъ на арестантку, сказалъ: «Прими». Солдатъ,—нижегородскій мужикъ, съ краснымъ, изрытымъ оспою лицомъ,—положилъ бумагу за обшлагъ рукава шинели и, улыбаясь, подмигнувъ товарищу, широкоскулому чувашину, на арестантку. Солдаты съ арестанткой спустились съ лѣстницы и пошли къ главному выходу.

Въ двери главнаго выхода отворилась калитка, и, переступивъ черезъ порогъ калитки на дворъ, солдаты съ арестанткой вышли изъ ограда и пошли городомъ посрединѣ мощеныхъ улицъ.

Извозчики, лавочники, кухарки, рабочіе, чиновники останавливались и съ любопытствомъ оглядывали арестантку; иные покачивали головами и думали: «вотъ, до чего доводитъ дурное, не такое, какъ наше, поведеніе». Дѣти съ ужасомъ смотрѣли на разбойницу, успокаиваясь только тѣмъ, что за ней идутъ солдаты и она теперь ничего уже не сдѣлаетъ. Одинъ деревенскій мужикъ,

продавший уголь и напившись чаю въ трактирѣ, подошелъ къ ней, перекрестился и подаль ей копейку. Арестантка покраснѣла, наклонила голову и что-то проговорила.

Чувствуя направленные на себя взгляды, она незамѣтно, не поворачивая головы, косилась на тѣхъ, кто смотрѣлъ на нее, и это обращенное на нее вниманіе веселило ее. Веселилъ ее тоже чистый, сравнительно съ острымъ, весенній воздухъ, но больно было ступать по камнямъ отвыкшими отъ ходьбы и обутыми въ неуклюжіе арестантскіе коты ногами, и она смотрѣла себѣ подъ ноги и старалась ступать какъ можно легче. Проходя мимо мучной лавки, передъ которой ходили, перекачиваясь, нѣкъмъ не обижаемые, голуби, арестантка чуть не задѣла ногою одного сизяка; голубь вспорхнулъ и, трепеща крыльями, пролетѣлъ мимо самаго уха арестантки, обдавъ ее вѣтромъ. Она улыбнулась, и потомъ тяжело вздохнула, вспоминая свое положеніе.

II.

Исторія арестантки Масловой была очень обыкновенная исторія. Маслова была дочь незамужней дворовой женщины, жившей при своей матери скотницей въ деревнѣ у барышень-помѣщицъ. Незамужняя женщина эта рожала каждый годъ, и, какъ это обыкновенно дѣлается по деревнямъ, ребенка крестили, и потомъ мать не кормила нежеланно появившагося, ненужнаго и мѣшавшаго работѣ ребенка, и онъ скоро умиралъ отъ голода.

Такъ умерло пять дѣтей. Всѣхъ ихъ крестили, потомъ не кормили, и они умирали. Шестой ребенокъ, прижитый отъ проѣзжаго цыгана, была дѣвочка, и участь ея была бы та же, но случилось такъ, что одна изъ двухъ старшихъ барышень зашла въ скотную, чтобы сдѣлать выговоръ скотницамъ за сливки, пахнущія коровой. Въ скотной лежала родильница съ прекраснымъ здоровымъ младенцемъ. Старая барышня сдѣлала выговоръ и за сливки, и за то, что пустили родившую женщину въ скотную, и хотѣла уже уходить, какъ, увидавъ ребеночка, умилилась надъ нимъ и вызвалась быть его крестной матерью. Она и окрестила дѣвочку, а потомъ жалѣя свою крестницу, давала молока и денегъ матери, и дѣвочка осталась жива. Старыя барышни такъ и называли ее «спасенной».

Ребенку было три года, когда мать ея заболѣла и умерла. Бабка-скотница тяготилась внучкой, и тогда старыя барышни взяли дѣвочку къ себѣ. Черноглазая дѣвочка вышла необыкновенно живая и миленькая, и старыя барышни утѣшались ею.

Старыхъ барышень было двѣ: меньшая, подобрѣе — Софья Ивановна, она-то и крестила дѣвочку, и старшая, построеже — Марья Ивановна. Софья Ивановна наряжала, учила дѣвочку читать и хотѣла сдѣлать изъ нея воспитанницу. Марья Ивановна говорила, что изъ дѣвочки надо сдѣлать работницу, хорошую горничную, и потому была требовательна, наказывала и даже била дѣвочку, когда бывала не въ духѣ. Такъ между двухъ вліяній изъ дѣвочки, когда она выросла, вышла полу-горничная, полу-воспитанница. Ее и звали такъ среднимъ именемъ — не Катька и не Катенька, а Катюша. Она шила, убирала комнаты, чистила мѣломъ образа, жарила, молола и подавала кофе, дѣлала мелкія постирушечки и иногда сидѣла съ барышнями и читала имъ.

За нее сватались, но она ни за кого не хотѣла идти, чувствуя, что жизнь ея съ тѣми трудовыми людьми, которые сватались за нее, будетъ трудна ей, избалованной счастіемъ господской жизни.

Такъ жила она до 16-ти лѣтъ. Когда же ей минуло 16 лѣтъ, къ ея барышнямъ пріѣхалъ племянникъ ихъ, студентъ богатый, и Катюша, не смѣя ни ему, ни даже себѣ признаться въ этомъ, влюбилась въ него. Потомъ черезъ два года этотъ самый племянникъ захватилъ къ тетушкамъ по дорогѣ на войну, пробылъ у нихъ четыре дня, увлекъ и обманулъ Катюшу и, сунувъ ей въ послѣдній день сторублевую бумажку, уѣхалъ.

Съ тѣхъ поръ ей все стало постыло, и она только думала о томъ, какъ бы ей избавиться отъ того стыда, который ожидать ее, и стала не только неохотно и дурно служить барышнямъ, но,—она сама не знала, какъ это случилось,—вдругъ ее прорвало. Она наговорила барышнямъ грубостей, въ которыхъ сама потомъ раскаивалась, и попросила расчета.

И барышни, очень недовольныя ею, отпустили ее. Отъ нихъ она поступила горничной къ становому, но могла прожить тамъ только три мѣсяца, потому что становой, 50-лѣтній старикъ, сталъ приставать къ ней, и одинъ разъ, когда онъ сталъ особенно предпримчивъ, она вскинула, назвала его дуракомъ и старымъ чортомъ, и такъ толкнула въ грудь, что онъ упалъ. Ее прогнали за грубость. Поступать на мѣсто было не къ чему, скоро надо было родить, и она поселилась у деревенской вдовы-повитухи, торговавшей виномъ. Роды были легкіе. Но повитуха, принимавшая на деревнѣ у больной женщины, заразилъ Катюшу родильной горячкой, и ребенка, мальчика, отправили въ воспитательный домъ, гдѣ ребенокъ, какъ рассказывала возникшая его старуха, тотчасъ же по пріѣздѣ умеръ.

Всѣхъ денегъ у Катюши, когда она поселилась у повитухи, было 127 рублей: 27 — зажитыхъ и 100 рублей, которые дала ей ея соблазнитель. Когда же она вышла отъ нея, у нея осталось 6 рублей. Она не умѣла беречь деньги, и на себя тратила и давала всѣмъ, кто просилъ. Повитуха взяла у нея за прожитыя—за кормъ и за чай—за два мѣсяца 40 рублей, 25 рублей пошла за отправку ребенка, 40 рублей повитуха выпросила себѣ взаймы на корову, рублей 20 разошлись такъ—на платья, на гостинцы, такъ что, когда Катюша выздоровѣла, денегъ у нея не было и надо было искать мѣста. Мѣсто нашлось у лѣсничаго. Лѣсничій былъ женатый человекъ, но точно такъ же, какъ и становой, съ перваго же дня началъ приставать къ ней. Жена узнала и заставъ разъ мужа одного въ комнату съ Катюшей, бросилась бить ее. Катюша не далась, и произошла драка, вѣдствие которой ее выгнали изъ дома, не заплативъ зажитого. Тогда Катюша поѣхала въ городъ и остановилась тамъ у тетки. Мужъ тетки былъ переплетчикъ и прежде жилъ хорошо, а теперь растерялъ всѣхъ давальщиковъ и пьянствовалъ, пропивая все, что ему попадало подъ руку.

Тетка же держала маленькое прачечное заведеніе и этимъ кормилась съ дѣтми и поддерживала пропащаго мужа. Она предложила Масловой поступить къ ней въ прачки. Но, глядя на ту тяжелую жизнь, которую вели женщины, прачки, жившія у тетки, Маслова медлила и отыскивала въ конторахъ мѣсто въ прислуги. И мѣсто нашлось у барыни, жившей съ двумя сыновьями-гимназистами. Черезъ недѣлю постѣя ея поступленія, старинный, усатый, 6-го класса гимназистъ бросилъ учиться и не далъ покою Масловой. Мать обвинила во всемъ Маслову и разочла ее. Новаго мѣста не выходило, но случилось такъ, что, придя въ контору, поставляющую прислугу, Маслова встрѣтила тамъ барыню въ перстняхъ и браслетахъ на пухлыхъ голыхъ рукахъ. Барыня эта, узнавъ про положеніе Масловой, ищущей мѣста, дала ей свой адресъ и пригласила къ себѣ. Маслова пошла къ ней. Барыня ласково приняла ее, угостила пирожками и сладкимъ виномъ и послала куда-то свою горничную съ запиской. Вечеромъ въ комнату вошелъ высокій человекъ съ длинными сѣдвущими волосами и сѣдой бородой; старикъ этотъ тотчасъ же подошелъ къ Масловой и сталъ шутить съ нею. Хозяйка вызвала его въ другую комнату, и Маслова слышала, какъ хозяйка говорила: свѣженькая, деревенская. Потомъ хозяйка вызвала Маслову и сказала, что это писатель, у котораго денегъ очень много и который ничего не пожалѣетъ, если она ему понравится. Она понравилась, и писатель далъ ей 25 рублей, обѣщая часто видѣться съ нею. Деньги вышли очень скоро на уплату зажитого у тетки и на новое платье, шляпку и ленты. Черезъ нѣсколько дней писатель прислалъ за нею въ

„Воскресение“, романъ гр. Л. Н. Толстого. Тюремные надзиратель и надзирательница.
Ориг. рис. (собств. «Нивы») л. о. Пастернака, аэротипия «Нивы».

„Воскресеніє“, романъ гр. Л. Н. Толстого. Екатерина Маслова и конвойные.
Ориг. рис. (собств. «Нивы») Л. О. Пастернака, автотипія «Нивы».

другой разъ. Она пошла. Онъ далъ ей еще 25 рублей и предложилъ переѣхать въ отдѣльную квартиру.

Живя на квартирѣ, нанятой писателемъ, Маслова полюбила веселаго приказчика, жившаго на томъ же дворѣ. Она сама объявила объ этомъ писателю и перешла на отдѣльную маленькую квартиру. Приказчикъ же, обѣщавшій жениться, ничего не сказавъ ей и очевидно, бросивъ ее, уѣхалъ въ Нижній, и Маслова осталась одна. Она хотѣла-было жить одна на квартирѣ, но ей не позволили. Тогда она пошла опять къ теткѣ. Тетка, видя на ней модное платье, накидку и шляпу, съ уваженіемъ приняла ее и уже не смѣла предлагать ей поступить въ прачки, считая, что она теперь стала на высшую ступень жизни. Для Масловой теперь уже не было и вопроса о томъ, поступить или не поступить въ прачки. Она съ соболѣзнованіемъ смотрѣла теперь на ту каторжную жизнь, которую вели въ первыхъ комнатахъ блѣдныя, съ худыми руками, прачки, изъ которыхъ нѣкоторыя уже были чахоточныя, стирая и глядя въ 30-ти-градусномъ мыльномъ пару съ открытыми лѣтомъ и зимой окнами, и ужасалась мысли о томъ, что и она могла поступить въ эту каторгу.

Маслова курила уже давно, но въ послѣднее время она все больше и больше приучалась пить. Вино привлекало ее не только потому, что оно казалось ей вкуснымъ, но оно привлекало ее и больше всего потому, что давало ей возможность забывать все то тяжелое, что она пережила, и давало ей развязность и увѣренность въ своемъ достоинствѣ, которыхъ она не имѣла безъ вина. Безъ вина ей всегда было уныло и стыдно. Масловой предстоялъ выборъ: или униженное положеніе прислуги, въ которомъ навѣрное будутъ преслѣдованія со стороны мужчинъ, или обезпеченное, спокойное, законное положеніе. Кромѣ того, она этимъ думала отплатить и своему соблазнителью, и приказчику, и всѣмъ людямъ, которые ей сдѣлали зло. Притомъ же соблазняло ее и было одной изъ причинъ окончательнаго рѣшенія то, что платья она можетъ заказывать себѣ, какія только пожелаетъ—бархатныя, фасовыя, шелковыя, бальныя съ открытыми плечами и руками. И когда Маслова вообразила себя въ ярко-желтомъ шелковомъ платьѣ, съ черной бархатной отдѣлкой, декольте, она не могла устоять.

И съ тѣхъ поръ началась для Масловой та жизнь, которая ведется сотнями и сотнями тысячъ женщинъ и кончается для девяти женщинъ изъ десяти мучительными болѣзнями, преждевременной дряхлостью и смертью.

Утромъ и днемъ тяжелый сонъ послѣ оргіи ночи. Въ 3-мъ, 4-мъ часу устало вставанье съ грязной постели, зельтерская вода съ перепоя, кофе, лѣнивое шлянье по комнатамъ въ ценюарахъ, кофтахъ, халатахъ, смотрѣніе въ окна, вялыя перебранки, потѣмъ душеніе тѣла, волосъ, примѣриванье платьевъ, споры изъ-за нихъ съ хозяйкой, разсматриванье себя въ зеркало, подкрашиваніе лица, бровей, сладкая жирная пицца, потомъ одѣванье въ яркое шелковое платье, потомъ выходъ въ разукрашенную, ярко освѣщенную залу, пріѣздъ гостей, музыка, танцы, конфеты, вино, куренье.

Такъ прожила Маслова семь лѣтъ. На восьмомъ году, когда ей было 26 лѣтъ, съ ней случилось то, за что ее посадили въ острогъ и теперь вели на судъ, послѣ шести мѣсяцевъ пребыванія въ тюрьмѣ, съ убійцами и воровками.

III.

Въ то время когда Маслова, измученная длиннымъ переходомъ, съ своими конвойными подошла къ зданію окружнаго суда, тотъ самый племянникъ ея воспитательницъ, князь Дмитрій Ивановичъ Нехлюдовъ, который обмануль ее, лежалъ еще на своей высокой, пружинной съ пуховымъ тюфякомъ, смятой постели, и, разстегнувъ воротъ голландской, чистой, ночной рубашки съ застуженными складочками на груди, курилъ папиросу. Онъ остановившимися глазами смотрѣлъ передъ собой и думалъ о томъ, что предстоитъ ему нынче сдѣлать и что было вчера.

Вспоминая вчерашній вечеръ, проведенный у Корчагиныхъ, богатыхъ и знаменитыхъ людей, на дочери которыхъ предполагалось всѣмъ, что онъ долженъ жениться, онъ вздохнулъ и, бросивъ выкуренную папиросу, хотѣлъ достать изъ серебрянаго портсигара другую, но раздумать и, спустивъ съ кровати гладкія бѣлыя ноги, напелъ ими туфли, накиннулъ на полныя плечи шелковый халатъ и, быстро и тяжело ступая, пошелъ въ соседнюю съ спальней уборную, всю пропитанную искусственнымъ запахомъ эликсировъ, одеколона, фиксагуровъ, духовъ. Тамъ онъ вычистилъ особеннымъ порошкомъ пломбированные во многихъ мѣстахъ зубы, выполоскалъ ихъ душистымъ полосканьемъ, потомъ сталъ со всѣхъ сторонъ мыться и вытираться разными полотенцами. Вымывъ душистымъ мыломъ руки, старательно вычистивъ щетками отпущенные ногти и обмывъ у большаго мраморнаго умывальника себѣ лицо и толстую шею, онъ пошелъ еще въ третью комнату у спальни, гдѣ приготовленъ былъ душъ. Обмывъ тамъ холодной водой мускулистое, обложившееся жиромъ бѣлое тѣло и вытершись лохматой простыней, онъ надѣлъ чистое выглаженное бѣлье, какъ зеркало вычищенные ботинки и сѣлъ передъ туалетомъ расчесывать двумя щетками небольшую черную курчавую бороду и, порѣдѣвшіе на передней части головы, вьющіеся волосы.

Всѣ вещи, которыя онъ упогреблялъ—принадлежности туалета: бѣлье, одежда, обувь, галстуки, булавки, запонки были самаго перваго, дорогаго сорта, незамѣтныя, простыя, прочныя и цѣбныя.

Выбравъ изъ десятка галстуковъ и булавокъ тѣ, какіе первые попались подъ руку,—когда-то это было ново и забавно, теперь было совершенно все равно,—Нехлюдовъ одѣлся въ вычищенное и приготовленное на стулѣ платье и вышелъ, хотя и не вполне свѣжій, но чистый и душистый, въ длинную, съ натертымъ вчера тремя мужиками паркетомъ, столовую съ огромнымъ дубовымъ буфетомъ и такимъ же большимъ раздвижнымъ столомъ, имѣвшимъ что-то торжественное въ своихъ широко разсталенныхъ, въ видѣ львиныхъ лапъ, рѣзныхъ ножкахъ. На столѣ этомъ, покрытомъ тонкой крахмальной скатертью съ большими вензелями, стояли: серебряный кофейникъ съ нахучимъ кофе, такая же сахарница, сливочникъ съ кипячеными сливками и корзина съ свѣжимъ калачомъ, сухариками и бисквитами. Подлѣ прибора лежали полученные письма, газеты и новая книжка *Revue des deux Mondes*. Нехлюдовъ только что хотѣлъ взяться за письма, какъ изъ двери, ведшей въ коридоръ, выплыла полная, пожилая женщина въ траурѣ, съ кружевной наколкой на головѣ, скрывавшей ея развѣхавшуюся дорожку пробора. Это была горничная покойной, недавно въ этой самой квартирѣ умершей матери Нехлюдова. Аграфена Петровна, оставшаяся теперь при сынѣ въ качествѣ экономки.

Аграфена Петровна лѣтъ десять въ разное время провела съ матерью Нехлюдова за границей и имѣла видъ и приемы барыни. Она жила въ домѣ Нехлюдовыхъ съ дѣтства и знала Дмитрія Ивановича еще Митенькой.

— Съ добрымъ утромъ, Дмитрій Ивановичъ.

— Здравствуйте, Аграфена Петровна. Что новенькаго?—спросилъ Нехлюдовъ, шутя.

Письмо отъ княгини ли, отъ княжны ли. Горничная давно принесла, у меня дожидается,—сказала Аграфена Петровна, подавая письмо и значительно улыбаясь.

— Хорошо, сейчасъ,—сказалъ Нехлюдовъ, взявъ письмо, и замѣтивъ улыбку Аграфены Петровны, нахмурился.

Улыбка Аграфены Петровны означала, что письмо было отъ княжны Корчагиной, на которой, по мнѣнію Аграфены Петровны, Нехлюдовъ собирался жениться. И это предположеніе, выраженное улыбкой Аграфены Петровны, было неприято Нехлюдову.

— Такъ я ей скажу подождать,—и Аграфена Петровна, захвативъ лежавшую не на мѣстѣ щеточку для сметанія

со стола и переложив ее на другое мѣсто, вышла изъ столовой.

Нехлюдовъ, распечатавъ пахучее письмо, поданное ему Аграфеной Петровной, сталъ читать его:

«Исполняя взятую на себя обязанность быть вашей памятью», было написано на листѣ сѣрой толстой бумаги съ неровными краями, острымъ, но разгонистымъ почеркомъ: «папоминаю вамъ, что вы, нынче, 28-го апрѣля, должны быть въ судѣ присяжныхъ и потому не можете никакъ ѣхать съ нами и Колосовымъ смотреть картины, какъ вы, со свойственнымъ вамъ легкомысліемъ, вчера обѣщали; à moins que vous ne soyez disposé à payer à la cour d'assises les 300 roubles d'amende que vous refusez pour votre cheval за то, что не явились вовремя. Я вспомнила это вчера, только что вы ушли. Такъ не забудьте же.

Кн. М. Корчагина».

На другой сторонѣ было прибавлено:

«Maman vous fait dire que votre couvert vous attendra jusqu'à la nuit. Venez absolument à quelle heure que cela soit».

М. К.

Нехлюдовъ поморщился. Записка была продолженіемъ той искусной работы, которая вотъ уже два мѣсяца производилась надъ нимъ княжной Корчагиной и состояла въ томъ, что незамѣтными нитями все болѣе и болѣе связывала его съ ней. А между тѣмъ, кромѣ той обычной перфидности передъ женитьбой людей не первой молодости и не страстно влюбленныхъ, у Нехлюдова была еще важная причина, по которой онъ, если бы даже и рѣшился, не могъ сейчасъ сдѣлать предложенія. Причина эта заключалась не въ томъ, что онъ 10 лѣтъ тому назадъ обманулъ Катюшу и бросилъ ее, это было совершенно забыто имъ, и онъ не считалъ это препятствіемъ для своей женитьбы; причина эта была въ томъ, что у него въ это самое время была съ замужней женщиной связь, которая, хотя и была разорвана теперь съ его стороны, не была еще признана разорванной ею.

Нехлюдовъ былъ очень робокъ съ женщинами, но именно эта-то его робость и вызвала въ этой замужней женщинѣ желаніе покорить его. Женщина эта была жена предводителя того уѣзда, на выборы котораго ѣздилъ Нехлюдовъ. И женщина эта вовлекла его въ связь, которая съ каждымъ днемъ дѣлалась для Нехлюдова все болѣе и болѣе захватывающей и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе отглаголивающей. Сначала Нехлюдовъ не могъ устоять противъ соблазна, потомъ, чувствуя себя виноватымъ передъ нею, онъ не могъ разорвать эту связь безъ ея согласія. Вотъ это-то и было причиной, по которой Нехлюдовъ считалъ себя не въ правѣ, если бы даже и хотѣлъ этого, сдѣлать предложеніе Корчагиной.

На столѣ какъ разъ лежало письмо отъ мужа этой женщины. Увидавъ этотъ почеркъ и итемнелъ, Нехлюдовъ покраснѣлъ и тотчасъ же почувствовалъ тотъ подъемъ энергій, который онъ всегда испытывалъ при приближеніи опасности. Но волненіе его было напрасно: мужъ, предводитель дворянства того самаго уѣзда, въ которомъ были главныя имѣнія Нехлюдова, извѣщалъ Нехлюдова о томъ, что въ концѣ мая назначено экстренное земское собраніе, и что онъ проситъ Нехлюдова непременно пріѣхать и donner un coup d'épaule въ предстоящихъ важныхъ вопросахъ на-земскомъ собраніи о школахъ и подъѣздныхъ путяхъ, при которыхъ ожидалось сильное противодѣйствіе реакціонной партіи.

Предводитель былъ либеральный человѣкъ, весь былъ поглощенъ этой борьбой и ничего не зналъ о своей несчастной семейной жизни.

Нехлюдовъ вспомнилъ о всѣхъ мучительныхъ минутахъ, пережитыхъ имъ по отношенію этого человѣка: вспомнилъ, какъ одинъ разъ онъ думалъ, что мужъ узналъ, и готовился къ дуэли съ нимъ, въ которой онъ хотѣлъ выстрѣлить на воздухъ, и о той страшной сценѣ съ нею,

когда она въ отчаяніи выбѣжала въ садъ къ пруду съ намѣреніемъ утопиться, и онъ бѣгалъ искать ее. «Не могу я теперь ѣхать и не могу ничего предпринять, пока она не отвѣтитъ мнѣ», подумалъ Нехлюдовъ. Онъ недѣлю тому назадъ написалъ ей рѣшительное письмо, въ которомъ признавалъ себя виновнымъ, готовымъ на всякаго рода изкупленіе своей вины, но считалъ все-таки, для ея же блага, ихъ отношенія навсегда поконченными. Вотъ па это-то письмо онъ ждалъ и не получалъ отвѣта. То, что не было отвѣта, было отчасти хорошимъ признакомъ. Если бы она не согласилась на разрывъ, она давно бы написала или даже сама пріѣхала, какъ она дѣлала это прежде. Нехлюдовъ слышалъ, что тамъ былъ теперь какой-то офицеръ, ухаживавшій за нею, и это мучило его ревностью и вмѣстѣ съ тѣмъ, радовало надеждой на освобожденіе отъ томившей его лжи.

Другое письмо было отъ управляющаго имѣніями. Управляющій писалъ, что ему, Нехлюдову, необходимо самому пріѣхать, чтобы утвердиться въ правахъ наследства и, кромѣ того, рѣшить вопросъ о томъ, какъ продолжать хозяйство: такъ ли, какъ оно велось при покойницѣ, или, какъ онъ это и предлагалъ покойной княгинѣ и теперь предлагаетъ молодому князю, — увеличить инвентарь и всю раздаваемую крестьянамъ землю обрабатывать самимъ. Управляющій писалъ, что такая эксплуатация будетъ гораздо выгоднѣе. При этомъ управляющій извѣщался въ томъ, что нѣсколько опоздалъ высылкой слѣдующихъ по расписанію къ 1-му числу 3.000 рублей. Деньги эти вышлются съ слѣдующей почтой. Замедлил же онъ высылкой, потому что никакъ не могъ собрать съ крестьянъ, которые въ своей недобросовѣстности дошли до такой степени, что для понужденія ихъ необходимо было обратиться къ власти. Письмо это было и приятно, и неприятно Нехлюдову. Приятно было чувствовать свою власть надъ большою собственностью и неприятно было то, что, во время своей первой молодости, онъ былъ восторженнымъ послѣдователемъ Герберта Спенсера и въ особенности, самъ будучи большимъ землевладѣльцемъ, былъ пораженъ его положеніемъ въ Social statics о томъ, что справедливость не допускаетъ частной земельной собственности. Съ прямотой и рѣшительностью молодости, онъ не только говорилъ тогда, что земля не можетъ быть предметомъ частной собственности, и не только въ университетѣ писалъ сочиненіе объ этомъ, но и на дѣлѣ отдалъ въ то время малую часть земли (принадлежавшей не его матери, а, по наследству отъ отца, ему лично) мужикамъ, не желая, противно своимъ убѣжденіямъ, владѣть землею. Теперь, сдѣлавшись по наследству большимъ землевладѣльцемъ, онъ долженъ былъ одно изъ двухъ: или отказаться отъ своей собственности, какъ онъ сдѣлать это десять лѣтъ тому назадъ, по отношенію 200 десятинъ отцовской земли, или молчаливымъ соглашеніемъ признать всѣ свои прежнія мысли ошибочными и ложными.

Перваго онъ не могъ сдѣлать, потому что у него не было никакихъ, кромѣ земли, средствъ существованія. Служить онъ не хотѣлъ, а между тѣмъ уже были усвоены роскошныя привычки жизни, отъ которыхъ онъ считалъ, что не можетъ отстать. Да и не зачѣмъ было, такъ какъ не было уже ни той силы убѣжденія, ни той рѣшимости, ни того тщеславія и желанія удивить, которыя были въ молодости. Второе же, — отречься отъ тѣхъ доводовъ о незаконости владѣнія землею, которые онъ тогда почерпнулъ изъ «Соціальной статикъ» Спенсера и подтвержденіе которыхъ онъ нашелъ потомъ, уже много послѣ, въ сочиненіяхъ Генри Джорджа, — онъ никакъ не могъ.

И отъ этого письма управляющаго было неприятно ему.

IV.

Напившись кофе, Нехлюдовъ пошелъ въ кабинетъ, чтобы справиться въ повѣсткѣ, въ которомъ часу надо

„Воскресение“, романъ гр. Л. Н. Толстого. Князь Нехлюдовъ.
Ориг. рис. (собств. «Нивы») Л. О. пастернака, авторитетъ «Нивы».

„Воскресеніє“, романъ гр. Л. Н. Толстого. Извозчикъ кн. Нехлюдова.
Ориг. рис. (собств. «Нивы») Л. О. Пастернака, автогипія «Нивы».

быть въ судѣ, и написать отвѣтъ княжнѣ. Въ кабинетѣ надо было пройти черезъ мастерскую. Въ мастерской стоялъ мольбертъ съ перевернутой начатою картиною. и развѣшены были этюды. Видъ этой картины, надъ которой онъ бился два года, и этюдовъ, и всей мастерской—напомнили ему, испытанное съ особенной силой въ послѣднее время, чувство безсилія идти дальше въ живописи. Онъ объяснялъ это чувство слишкомъ тонко развитымъ эстетическимъ чувствомъ. но все-таки сознание это было очень неприятно.

Семь лѣтъ тому назадъ онъ бросилъ службу, рѣшивъ, что у него есть призваніе къ живописи, и съ высоты художественной дѣятельности смотрѣлъ нѣсколько презрительно на всѣ другія дѣятельности. Теперь оказывалось, что онъ на это не имѣлъ права. И потому всякое воспоминаніе объ этомъ было неприятно. Онъ съ тяжелымъ чувствомъ посмотрѣлъ на всѣ эти роскошныя приспособленія мастерской и въ невеселомъ расположеніи духа вошелъ въ кабинетъ. Кабинетъ былъ очень большая, высокая комната, со всякаго рода украшеніями, приспособленіями и удобствами.

Тотчасъ же найди въ ящикѣ огромнаго стола, подъ отѣломъ *срочныхъ*, повѣстку, въ которой значилось, что въ судѣ надо было быть въ одиннадцать. Нехлюдовъ сѣлъ писать княжнѣ записку о томъ, что онъ благодаритъ за приглашеніе и постарается пріѣхать къ обѣду. Но, написавъ одну записку, онъ разорвалъ ее: было слишкомъ нитивно; написалъ другую—было холодно, почти оскорбительно. Онъ опять разорвалъ и нажалъ въ стѣнѣ пуговку. Въ двери вошелъ въ сѣромъ колениковомъ фартукѣ пожилой, мрачнаго вида, бритый, съ бакенбардами, лакей.

— Пожалуйста, пошлите за извозчикомъ.

— Слушаю-съ.

— Да скажите, тутъ дожидаются отъ Корчагиныхъ,— что благодарю, постараюсь быть.

— Слушаю.

«Неучтиво, но не могу писать. Все равно увижусь съ ней нынче»,—подумалъ Нехлюдовъ и пошелъ одѣваться. Когда онъ, одѣвшись, вышелъ на крыльцо, знакомый извозчикъ, на резиновыхъ шинахъ, уже ожидалъ его.

— А вчера, вы только уѣхали отъ князя Корчагина,— сказалъ извозчикъ, полуоборачивая свою крѣпкую, загорѣлую шею, въ бѣломъ воротѣ рубахи:— и я пріѣхалъ, а швейцаръ говорить: «только вышли».

«И извозчики знаютъ о моихъ отношеніяхъ къ Корчагинымъ»,—подумалъ Нехлюдовъ, и нерѣшенный вопросъ, занимавшій его постоянно въ послѣднее время: слѣдуетъ или не слѣдуетъ жениться на Корчагиной,—сталъ передъ нимъ, и онъ, какъ въ большинствѣ вопросовъ, представившихся ему въ это время, никакъ, ни въ ту, ни въ другую сторону, не могъ рѣшить его.

Въ пользу женитьбы вообще было, во-первыхъ, то, что женитьба, кромѣ пріятностей домашняго очага, давала возможность нравственной жизни, какъ онъ называлъ такую семейную жизнь; во-вторыхъ, и, главное, то, что Нехлюдовъ надѣялся, что семья, дѣти дадутъ смыслъ его теперь безсодержательной жизни. Это было за женитьбу вообще. Противъ же женитьбы было, во-первыхъ, общій всѣмъ немолодымъ холостикамъ страхъ за лишеніе свободы и, во-вторыхъ, безсознательный страхъ передъ таинственнымъ существомъ женщины.

Въ пользу же, въ частности, женитьбы именно на Мисси (Корчагину звали Марія и, какъ во всѣхъ семьяхъ извѣстнаго круга, ей дали прозвище)— было, во-первыхъ, что она была породиста, и во всемъ, отъ одежды до манеры говорить, ходить, смѣяться, выдѣлялась отъ простыхъ людей, выдѣлялась не чѣмъ-нибудь исключительнымъ, а «порядочностью», онъ не зналъ другого выраженія этого свойства и цѣнилъ это свойство очень высоко; во-вторыхъ, еще то, что она выше всѣхъ другихъ людей цѣнила его, стало-быть, по его понятіямъ, понимала его. И это пониманіе его, т.-е. признаніе его высокаго достоинства, свидѣтельствовало для Нехлюдова объ ея умѣ и вѣрности сужденія. Противъ же женитьбы на Мисси, въ частности, было, во-первыхъ, что очень вѣроятно можно бы было найти дѣвушку, имѣющую еще гораздо больше достоинства, чѣмъ Мисси, и потому болѣе достойную его, и, во-вторыхъ, то, что ей было 27 лѣтъ, и потому навѣрное у нея были уже прежде увлеченія, и эта мысль была мучительна для Нехлюдова. Гордость его не мирилась съ тѣмъ, чтобы она даже въ прошедшемъ могла любить не его. Разумѣется, она не могла знать, что она встрѣтитъ его, но одна мысль о томъ, что она могла любить кого-нибудь прежде, оскорбляла его.

Такъ что доводовъ было столько же за, сколько и противъ; по крайней мѣрѣ, по силѣ своей, доводы эти были равны, и Нехлюдовъ, смѣясь самъ надъ собою, называлъ себя Буридановымъ осломъ. И все-таки оставался имъ, не зная, къ какой изъ двухъ вязанокъ обратиться.

«Впрочемъ, не получивъ отвѣта отъ Марьи Васильевны, жены предводителя, не покончивъ совершенно съ тѣмъ, я и не могу ничего предпринять»,— сказалъ онъ себѣ.

И это сознаніе того, что онъ можетъ и долженъ медлить рѣшеніемъ, было пріятно ему.

«Впрочемъ, это все я обдумую послѣ»,— сказалъ онъ себѣ, когда его пролетка совсѣмъ уже беззвучно подкатила къ асфальтовому подъѣзду суда.

«Теперь надо добросовѣстно, какъ я всегда дѣлаю и считаю должнымъ, исполнить общественную обязанность. Притомъ же это часто бываетъ и интересно»,— сказалъ онъ себѣ и вошелъ мимо швейцара въ сѣни суда.

(Продолженіе будетъ.)

Элегія.

Баронессы Е. К. Остенъ-Сакенъ.

Мои усталыя, понуряя березы,
Глубокой осенью рядкомъ стоите вы,
Роняя крупныя, безпомощныя слезы
Надъ мертвой грудой оторванной листвы.
Утѣштесь, горькія!.. Чистѣйшими снѣгами
Зима родимая засыплетъ васъ тайкомъ;
Уснете въ грѣзахъ вы, поникнете главами,
Завороженныя таинственными снами,—
Проснетесь, чуткія, съ весеннимъ торжествомъ!..

Усталая душа,—понуряя береза!
Замучена и ты въ борьбѣ не равныхъ силъ.
Мила тебѣ еще весенней жизни грѣза;
Но съ каждымъ днемъ тѣснѣй угрюмый рядъ могиль.
Утѣшься! Тихій сонъ, покой благословенный,
Тебя не обойдетъ... Заранѣе онъ твой...
И въ радость увидишь ты, какъ этотъ стихъ смиренный,
Слезамъ вскормленный, унылый, сокровенный,
Но рвущійся лучемъ за вѣчной красотой!

Обвалъ.

Разсказъ Г. Т. Сѣверцова.

— Митрофанъ Ивановичъ, какъ хотите, а безъ пороку дѣло мнѣ не подручно!—отчаянно размахивая прагой, свободной рукою (лѣвая держала «скомканную шапку»), быстро говорилъ, высокаго роста, худощавый мужчина молодому брюнету, сидѣвшему за столомъ въ конторѣ.

Послѣдній насмѣшливо поглядѣлъ на говорившаго и, несмотря на его частыя паузы, продолжалъ молчать.

— Такъ какъ же быть, Митрофанъ Ивановичъ?

— Ужъ не знаю, Станиславъ, хозяевъ никого нѣтъ, сейчасъ на

Герцогъ Шартрскій въ битвѣ при Жемапѣ съ австрійцами въ 1792 г.

Съ картины Ле-Дро грав. Боджъ.

Шубертъ въ кругу знакомыхъ. Съ картины Ю. Шмидта грав. Геданъ.

номъ проходѣ, куда ихъ сложили рядчикъ, не желая загромождать пещеру.

— Давайте руками рыть,—предложили энергичный Казимиръ:— авось, одолбемъ.

И, одушевленные желаніемъ сласти, всѣ пятеро, не исключая Арины, начали рыть замерзшую песочную стѣну въ томъ направленіи, гдѣ была лазейка.

Не прошло и четверти часа, какъ пальцы несчастныхъ покрылись кровью, работа же ничуть не подвинулась впередъ.

Воздухъ портился все больше и больше, притоку свѣжаго не было, дышалось тяжело.

Усталые, разочарованные бесполезною работою землеконы прекратили ее; полное отчаяніе овладѣло ими.

— Точно я съ вечера чуялъ бѣду,—послышался въ темнотѣ голосъ Феликса:—такъ сердце и щемло.

— Пропадалъ, видно, намъ приходится,—отозвалась грустнымъ жомъ Арина.

— Самимъ не откопаться, а кричать—кто услышитъ, мѣсто отдаленное.

У Станислава мелькнулъ слабый луч надежды.

— Стой, братцы, я велѣю мужикамъ позтру рано за пескомъ прѣхать; може они здѣсь, давайте кричать.

И всѣ пятеро начали кричать.

Голоса слабо звучали въ маленькомъ пространствѣ. Стало еще душнѣе.

— А время-то какое теперь? Може уже и утро миновало,—замѣтилъ Марцелль.—Прѣехали мужики, посмотрѣли-посмотрѣли, никого насъ нѣтъ, взяли и уѣхали обратно.

За минуту радовавшійся Врубль снова опустил голову.

— Ой, братцы, ой, родимые, душно!—болѣзненно простоналъ Казимиръ.

Его молодой, здоровой груди не хватало воздуха.

— Братцы, выйди отсюда намъ нечего и думать, видно придется и умереть въ этой могилѣ!—продолжалъ Феликсъ, и голосъ его звучалъ торжественно.—Давайте готовиться къ смерти, покаемъ, чтобы Господь простилъ насъ.

Всѣ четверо мужчинъ были католики, только одна Арина—православная.

— Правда, дядя, говоришь,—прошептала Казимиръ.—Ты самый старшій между нами, тебѣ и будемъ мы грѣхи свои сказывать.

Прочіе молча согласились.

— Долго я, дядя, у ксендза не былъ, поди года три,—продолжалъ еле слышно Казимиръ:—все тебѣ расскажу; во всѣхъ грѣхахъ покаюсь...

Болѣзненный стонъ вырвался у говорившаго; онъ продолжалъ свою исповѣдь слабымъ шопотомъ.

Молча стояла Арина, по лицу ея катились невидимыя въ темнотѣ слезы. Она не боллась умереть; но мысль, что грѣхи ея останутся не прощенными, волновала бабу.

Послѣ мужчинъ очередь рассказывать свои грѣхи старому Феликсу дошла и до нея. Сначала Арина видимо стѣснялась говорить всю правду не попу, а простому человѣку, такому же, какъ и она, да еще пивѣрцу, но мало-по-малу душа ея открылась, и, ничего не скрывая, она повѣдала старику всю исторію своей грѣшной жизни.

— Теперь давайте молиться, братцы,—торжественно сказала Феликсъ.—Богъ видитъ всю вашу душу и проститъ васъ.

И онъ сталъ читать тѣ католическія молитвы, скорѣе отрывки изъ нихъ, которыя еще помнилъ съ дѣтства, мѣшая ихъ со словами православныхъ молитвъ, усвоенныхъ имъ въ долгомъ общеніи съ русскими рабочими.

Марцелль и Арина внимательно слушали его; они покорились ожидаемой участи; Казимиръ лежалъ въ обморокѣ на землѣ, а Станиславъ заливался горячими слезами и причитывалъ: ему не хотѣлось умирать!

— Амен,—совсѣмъ глухо произнесъ старикъ.

Въ пещерѣ сдѣлалось влажно, дышать было еще труднѣе.

— Умираю,—хрипѣлъ Казимиръ.

Въ темнотѣ слышалось усиленное дыханіе рабочихъ.

Рыданія Врубля становились слабѣе, его причитанія прекратились. Арина тихо шептала:

— Господи, прости меня, грѣшную!

Старикъ Феликсъ и Марцелль стончески ожидали смерти.

Но вотъ замолкъ плачь Станислава, Арина беззвучно шептала запекшимся губами слова молитвы. Зловѣщая тишина нарушалась только хрипѣніемъ умирающаго Казимира. Онъ безпомощно хваталъ воздухъ руками, на губахъ его показалась ифа.

Сердце у всѣхъ учащенно билось, шумъ въ ушахъ разрастался въ какой-то пескочасный звонъ, глазами представлялись стран-

ныя картины изъ промелькнувшей жизни, миражи смѣнялись миражами.

Обезсиленный, первый послѣ Казимира, свалился самъ рядчикъ, немного спустя последовать за нимъ и Марцелль, упавшій на землю безъ звука.

Старикъ и Арина все еще держались.

Но вотъ настала и очередь бабы. Она почему-то захотѣла крикнуть, но крика не было слышно, изъ груди ея вырывалось какое-то хрипѣніе.

«Теперь мой чередъ», въ полузабытій промелькнуло въ головѣ Феликса. Онъ приготовился заснуть вѣчнымъ сномъ, и самъ опустился на твердое предсмертное ложе.

Но что это такое? Ему почудились голоса, кто-то кричалъ снаружи. Пятъ, это не обманъ слуха! Дѣйствительно кричать. Старикъ, уже совсѣмъ покорившійся своей участи, съ трудомъ поднялся на ноги и еле слышнымъ голосомъ сталъ звать на помощь, ударяя своими ослабѣвшими руками въ твердую песочную глыбу. Чу! Его услышали, ему отвѣчаютъ, голоса слышатся яснѣе и ближе.

Феликсъ началъ приводить въ чувство своихъ товарищей. Первою очулась Арина. Извѣстіе, что спасеніе близко, ее оживило; она тоже стала колотить руками о преграду, раздѣлявшую ихъ отъ остального міра.

Слышно было, какъ шуршали комья мерзлаго песку и удары лома. Надежда на близость спасенія придавала бодрость угасающимъ силамъ старика и женщины.

Еще мгновеніе—и въ пещерку ворвалась свѣжая струя морознаго воздуха, предразсвѣтныя сумерки глядѣли въ отверстіе. Феликсъ зашатался, но устоялъ на ногахъ.

Отверстіе быстро расширялось подъ ловкими ударами кирки.

Тотчасъ же вынесли наружу лежавшихъ безъ движенія Врубля, Марцелла и Казимира и начали приводить ихъ въ чувство.

Первые двое, спустя нѣсколько времени, пришли въ себя, но всѣ усилія вернуть къ жизни молодого парня оказались напрасными. Казимиръ захочся. Что вынесли сравнительно старыя легкія другихъ рабочихъ и женщины, того не перенесла сильная, молодая грудь деревенскаго парня.

Спаси землекоповъ мужики-возчики, прѣхавшіе еще до разсвѣта за пескомъ, какъ приказалъ имъ Врубль.

Не найдя никого изъ рабочихъ и видя обвалившуюся часть крутого обрыва, потухшій костеръ и торчащія изъ песка инструменты, возчики смекнули, что случилось несчастье, и начали кричать.

Причиною обвала была злосчастная жестянка съ порохомъ, которую безпечный Станиславъ не довольно глубоко зарылъ въ песокъ. Догоравшій костеръ развалился, и одно пылавшее полѣно упало прямо на кучку, подъ которой лежалъ порохъ. Песокъ оттаялъ подъ горячею головешкою, и приблизилъ ее къ самой жестянкѣ съ порохомъ.

Взрывъ былъ настолько силенъ, что возчики его слышали еще въ своей деревнѣ. Струя воздуха ворвалась въ лазейку и раскрывла другую часть обрыва, которую и разрыли мужики. Здѣсь стѣнка была не толще аршина, и если бы засыпанные попробовали прорыть ее, вмѣсто того, чтобы работать на другой сторонѣ, легко могло случиться, что они сами бы нашли себѣ выходъ.

— Кто же это могъ знать?—задумчиво произнесъ старикъ Феликсъ, когда возчики окончили свой рассказъ.

Рядчикъ молчалъ, онъ такъ былъ потрясенъ пережитыми тремя часами въ песочной тюрьмѣ, что точно помѣшался.

— Жалко парня-то,—участливо сказала Арина, смотря на лежавшаго въ сторонѣ мертваго Казимира, и заплакала.

— Мать-старуху въ деревнѣ оставилъ да, кажись, невѣста была,—проговорилъ Марцелль:—все хотѣлъ деньги нажить, чтобы мать на старость успокоить...

— Да вотъ самъ прежде ея успокоился,—чинно замѣтилъ одинъ изъ возчиковъ:—Царство ему небесное!

— Значитъ, не судьба была пожить еще,—прошептала старикъ-землекопъ:—подбирай, братцы, песокъ, ишь его навалило и ломать не нужно.

Возчики нагрузили свои подводы, на одну изъ нихъ положили застывшій уже трупъ Казимира, зачмокали на понурыхъ лошадей, задергали вожжами, и длинный обозъ тронулся узкою лѣсною тропкою. За ними зашагали, забравъ свои инструменты, и землеконы.

Тихо двигался этотъ своеобразный погребальный поѣздъ. Свѣтъ скрипѣлъ подъ полозьями тяжело нагруженныхъ розвальней. Морозъ не уменьшался.

На востокъ показалась узенькая, еле замѣтная блѣдная полоска зари, почныя тѣни начали рѣдѣть, угрюмый, сѣверный день входилъ въ свои права.

Далеко-далеко, за извилинами рѣчки, слабо загудѣлъ заводскій свистокъ, звавшій на работу.

Новѣйшія вооруженія.

Подводная миноноска и динамитная пушка.
(Съ 3 рис. и чертежомъ).

Въ настоящее время въ Европѣ кипитъ горячая борьба: борются двѣ искони враждебныя идеи. идея всеобщаго мира и разоруженія, возвѣщенная устами нашего Монарха, и идея войны, милитаризма. Въ отвѣтъ на осликовую вѣтвь, протягиваемую міру, изнывающему отъ бремени вооруженія, поднимается своеобразный бро-

несо кулакъ, строятся гигантскіе броненосцы, изобрѣтаются подводныя миноноски, сооружаются исполинскія динамитныя пушки, предназначающіяся для уничтоженія сразу сотни людей, для истребленія цѣлыхъ городовъ. Въ этомъ фактѣ усматриваютъ побѣду милитаризма, даже несвоевременность будто бы мирныхъ идей. Но

совершенно напрасно. Всё эти новейшие усовершенствования орудий истребления ведут только к искоренению войны. Человеческий гений, гений творчества, уклонившийся от сферы мирного труда и направивший свои силы на изобретение военных орудий, заканчивая свой окольный путь и снова приведет человечество к миру. Вечно соревнование, неустанное стремление обладать более сильным вооружением, привело постепенно государства к неоплатным долгам, к крайнему напряжению вооруженных сил, дальше которого уже идти некуда. Исчезли навсегда времена жестоких, многолетних кровопролитных войн, превращавших цѣлы страны в пустыни, исчезли не потому, что люди стали более миролюбивы, менее стяжательны, нѣтъ,—а потому, что люди стали более изобретательны и обладают такими орудиями истребления, которая в состоянии покончить борьбу в несколько дней. Развѣ мыслимы в настоящее время долговременная морская война? Грозные броненосцы в течение нескольких часов рѣшают сражение, на которое при прежних боевых силах пришлось бы потратить недѣли упорного боя... Но и броненосцы не последнее слово творческого гения человека, неустанно служащаго Беллону. Имъ на гибель изобрѣтены миноноски, могущія в одинъ моментъ взорвать гиганта на воздухъ: въ отвѣтъ на это броненосцы окружили себя сѣткой и электрическими фонарями—«торпедоскателями». Это послужило имъ сильной защитой, но не надолго. Явились сразу два изобрѣтенія, значительно парализующія ихъ разрушительную мощь. Это—подводныя миноноски и гигантская береговая динамитная пушка. Такимъ образомъ теперь съ береговъ ждутъ броненосцы исполнскія жерла динамитныхъ пушекъ, ежеминутно готовыхъ послать имъ за нѣсколько верстъ свое грозное «veto», а въ водѣ имъ ежесекундно грозитъ опасность быть взорванными миной, пушечной подъ водою таинственной миноноской.

Идея объ устройствѣ подводной миноноске существуетъ уже нѣсколько лѣтъ и разрабатывалась многими изобрѣтателями параллельно развитію и усилению броненоснаго судостроенія. Вслѣдъ за «Наутилусомъ» Фультона, появились подводныя миноноски Норденфельда, Пераля, Поццо, Губа, Морзе, Зеде (много шумѣвшая за послѣднее время во Франціи) и наконецъ Голланда. Подводная миноноска послѣдняя, названная его же именемъ, увѣнчана на конкурсѣ подводныхъ миноносокъ, устроенномъ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ.

«Голландъ», типичный образецъ подводной миноноске, построенъ въ Нью-Джерсеѣ. При длинѣ въ 7 сажень диаметр миноноске равенъ 4 съ лишнимъ аршинамъ. Всѣмъ вытѣсняемому ею, при полномъ погруженіи, воды равенъ 74 тоннамъ. При плаваніи подъ водою выступаетъ на поверхность одна лишь верхушка командной башенки. Ея корпусъ имѣетъ форму Уайтхедовой мины. На хребтѣ ея—надстройка, заканчивающаяся плоскою поверхностью и загибающаяся мостикъ во время подводнаго плаванія; командная башенка помѣщается почти въ самой срединѣ ея.

Газолиновая машина развиваетъ 50 индикаторныхъ силъ и приводитъ въ движеніе винтъ, сообщающій судну скорость въ 8 узловъ при плаваніи въ уровень съ водою. На двигательномъ валу расположена динамомашинка для зарядки аккумуляторовъ и для приведенія въ движеніе винта при посредствѣ электричества, уже запасеннаго, въ случаѣ полного погруженія судна.

Со своимъ запасомъ горячаго матеріала (газолина) «Голландъ» можетъ пройти разстояніе въ 2000 миль. Всѣ аккумуляторы—21,000 килограммъ; они достаточно сильны для развитія посредствомъ динамомашинки силы, равной 50 лошадинымъ, передаваемой движущему валу, благодаря чему скорость ея при полномъ погруженіи почти равна скорости плаванія на уровнѣ воды.

Командная башенка съ зрительной трубой имѣетъ въ диаметръ 13 вершковъ. Достаточно двухъ секундъ, чтобы поднять ее на 13 вершковъ надъ мостикомъ и снова вдвинуть ее совершенно внутрь. Во время плаванія на уровнѣ воды командиръ изслѣдуетъ горизонтъ сквозь иллюминаторы, продѣланные въ верхушкѣ башни. Свѣжій воздухъ доставляется командѣ состоящей изъ 4 человекъ, резервуарами сжатого воздуха, испорченный же выгоняется посредствомъ особаго насоса. Резервуары могутъ доставить командѣ годный для дыханія воздухъ на 8—10 часовъ.

Другое изумительное изобрѣтеніе—гигантская динамитная пушка,

установленная на Рыбачьемъ островѣ для защиты Нью-Йоркскаго порта.

При калибрѣ въ 5 дюймовъ, она имѣетъ въ длину 50 футъ и посылаетъ на разстояніе въ 5000 метровъ снарядъ, содержащій 500 фунтовъ нитроглицерина, разрушительное дѣйствіе котораго простирается на площадь съ радиусомъ въ 100 метровъ отъ мѣста паденія снаряда. Взрывчатая смѣсь составлена изъ 87% нитроглицерина, 7% пироксилина, 4% камфары и 2% углекислой магнезии. Взрывъ 100 фунтовъ этой смѣси поднимаетъ въ морѣ водяной столбъ, вышиною съ высочайшее въ мірѣ Паркъ-Ровское зданіе, съ которымъ мы недавно познакомили нашихъ читателей (№ 3).

Такъ какъ при употребленіи динамита для зарядки пушекъ наблюдались несчастные случаи, онъ замѣненъ сжатымъ воздухомъ. Благодаря этому устраняется отдача орудія, вызываемая взрывомъ.

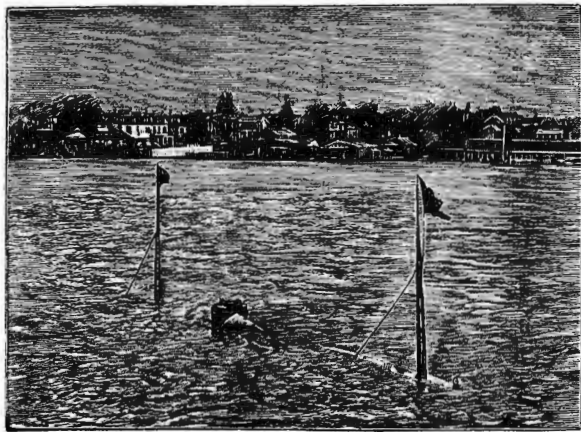
Снарядъ въ 685 фунтовъ вѣсомъ подвозится на тѣлѣжкѣ, движущейся по кругообразному рельсовому пути, окружающему орудію, и затѣмъ вводится посредствомъ электричества. Когда снарядъ уже на мѣстѣ, простымъ нажатіемъ рычага открываются клапаны резервуара, содержащаго 250,000 фунтовъ сжатого воздуха,—и дѣло готово. Пушка эта можетъ произвести 8 выстрѣловъ въ 10 минутъ.

Характерно, что сооруженіе этой гигантской пушки явилось неизбежнымъ слѣдствіемъ послѣдней морской войны Америки съ Испаніей. Въ этой войнѣ на практикѣ сказались мощь броненосцевъ, и потому рѣшено было противопоставить ей другую силу, уничтожающую или по крайней мѣрѣ значительно ослабляющую первую. Во время войны американцы сильно боялись, чтобы испанскіе броненосцы не явились обстрѣливать почти не защищенныя крупнѣйшія американскія гавани, и новая динамитная пушка явилась первой защитницей главнѣйшей гавани Нового Свѣта—Нью-Йорка.

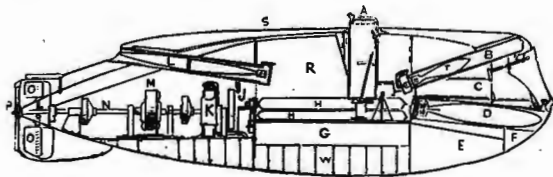
Но сооруженіе такихъ гигантскихъ пушекъ весьма сложно и дорого. Гораздо проще, дешевле и существованіе устройство подводныхъ миноносокъ. Типъ «Голландъ» является уже очень усовершенствованнымъ, но мы, понятно, въ правѣ ждать дальнѣйшихъ улучшеній. Мы представляемъ себѣ типъ идеальной подводной миноноске, которая, завидѣвъ уже за двѣ, за три версты броненосецъ, быстро погружается въ воду и направляется прямо къ нему; приблизившись на разстояніе версты и даже менѣе отъ броненосца, съ котораго ее теперь могутъ уже замѣтить, она мгновенно кидается полнымъ ходомъ прямо на броненосецъ, и въ какія-нибудь одну-двѣ минуты уже вонзаетъ свою мину въ подводную часть броненосца. Цѣли своей она достигаетъ почти всегда, такъ какъ, представляя собою сильно подвижную и притомъ весьма незначительную цѣль (выставляется надъ водою только одна башенка, окрашенная къ тому же подъ цвѣтъ морской воды), она почти обезпечена противъ выстрѣловъ съ броненосца. Но ея дѣйствія вѣроятно будутъ не единичны, и тогда броненосцу въ борьбѣ съ двумя, тремя подводными миноносками уже не сдобровать ни въ какомъ случаѣ.

Однимъ словомъ, подводной миноноскѣ предстоитъ большая будущность. Для всякаго обороника мира она представляетъ отвратительное явленіе, по своей разрушительной силѣ, но если взглянуть на нее съ другой точки зрѣнія,—чисто практической, то она имѣетъ значеніе даже и въ дѣлѣ развитія мирныхъ идей. Она уничтожитъ боевую мощь броненосцевъ и ихъ орудій, она сдѣлаетъ морскую войну такой же страшной и бессмысленной, какъ и сухопутная. Со времени послѣдней войны Испаніи съ Америкой среди жрецовъ Беллоны возгорѣлось увлеченіе морской войной, будто бы уносящей сравнительно гораздо меньше человеческихъ жертвъ и, главное, не сопровождающейся будто бы такими бѣдствіями и опустошеніями, какъ война на сушѣ. Подводныя миноноски въ значительной мѣрѣ охладятъ пылъ и этого рода шовинистовъ. Далеко не такъ безконечно грозны огненные броненосцы, далеко не столь могущественными оказываются страны, кичащіяся и страшущія міръ своимъ могущественнымъ боевымъ флотомъ. Исходъ морской войны огнѣй подверженъ такимъ же случайностямъ, какъ и сухопутной.

Война,—этотъ старый, осужденный вѣками варварскій способъ разрѣшенія международныхъ споровъ, съ каждымъ днемъ становится безсмысленнѣе. Эта прожорливая гидра въ ожесточеніи уничтожаетъ сама

Подводная лодка „Голландъ“. Видъ лодки подъ водою.

Продольный разрѣзъ механизма подводной лодки „Голландъ“.

A—крышка башенки; B— пневматическая пушка; C—складъ торпедъ; D—торпеда Уайтхеда въ пушкѣ; E—складъ предметовъ вооруженія; F—складъ газолина; G—батарея; H—резервуаръ со сжатымъ воздухомъ; J—аппаратъ, приводимый въ движеніе сжатымъ воздухомъ; K—машина, движимая газолиномъ; L—динамитная мина; M—динамомашинка; N—гребной валъ; O—руль; P—винтъ; R—помѣщеніе для командъ; S—мостикъ; T—воздушная мина.

себя. Человѣчество изнываетъ отъ своего вѣкового недуга, но все же упорно не хочетъ избавиться отъ него обычными средствами лѣченія — рѣшительнымъ уничтоженіемъ его причины: воинственныхъ стремленій и вооруженій. Страшась за свое достоинствѣ, оно безумно растрачиваетъ его на предметы, предназначаемые для его же охраненія. Но всѣ эти средства защиты, истощающія страны, становятся безсильными и безуспѣшными благодаря изобрѣтенію противниками новыхъ сильнѣйшихъ орудій вооруженія. Происходитъ неустанная скрытая война всѣхъ противъ всѣхъ для обезпеченія благъ мира. Не желая достигнуть этихъ благъ простымъ способомъ — обоюднымъ прекращеніемъ вооруженнаго соревнованія, человѣчество постепенно приходитъ къ этимъ благамъ мира, путемъ уничтоженія зла зломъ, путемъ искорененія вооруженій вооруженіями. Оно точно провозгласило принципъ «similia similibus curantur», и пусть хоть этотъ жестокой въ данномъ случаѣ способъ лѣченія приведетъ наконецъ къ исполненію! Кризисъ уже наступаетъ. Во всѣхъ странахъ раздаются отклики на призывъ къ миру нашего Государя. Народы изнываютъ отъ безконечныхъ вооруженій и ждутъ не дождутся голубя съ оливковой вѣтвью.

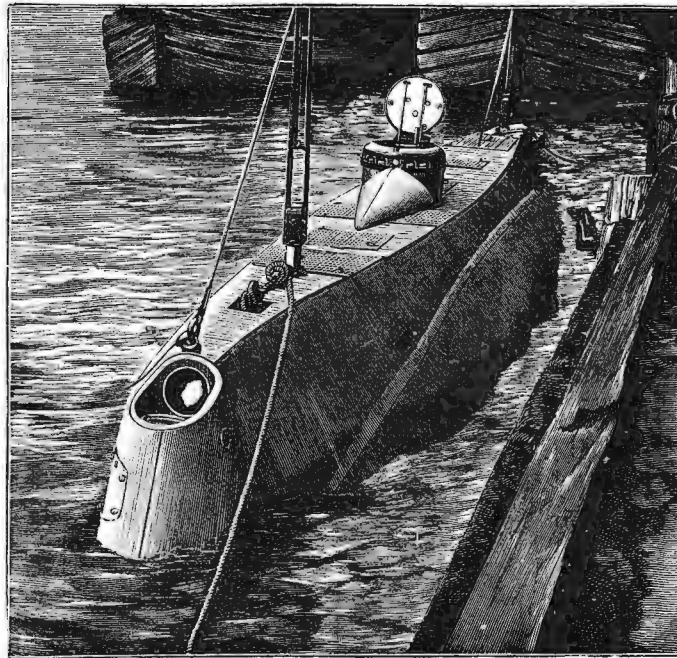
И. Эйзенъ.

Къ рисункамъ.

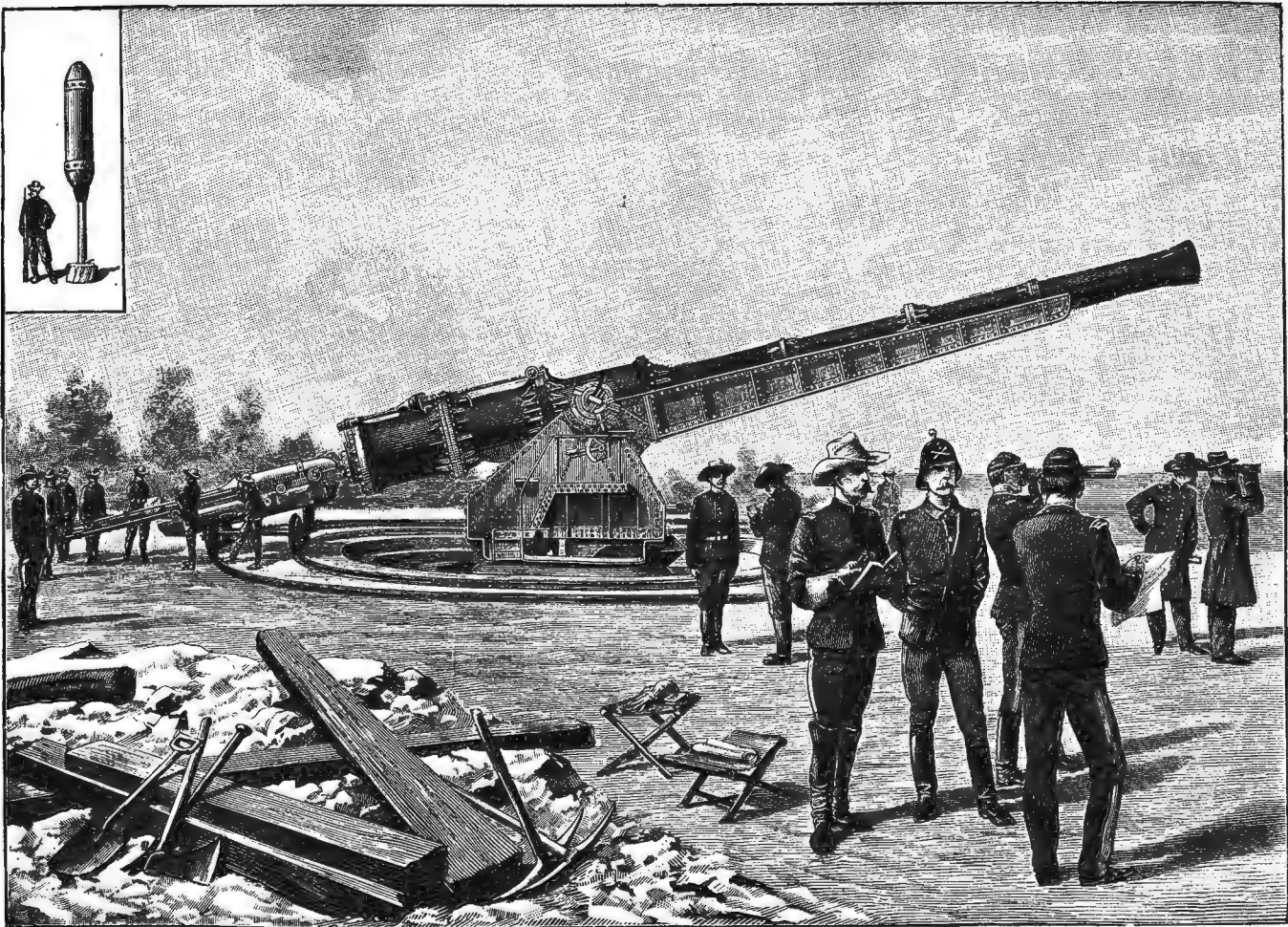
Жемапъ (Jemmapes) — небольшой бельгійскій городокъ, извѣстенъ въ исторіи Франціи битвой, въ которой французы, сражавшіеся подъ начальствомъ Дюмурье, одержали блистательную побѣду

надъ австрійцами, наводнившими своими войсками Бельгію. Главнѣйшимъ командующимъ австрійской арміей былъ герцогъ Альбрехтъ Саксен-Тешенскій. У Дюмурье было 40 тысячъ человѣкъ, у герцога Альбрехта около 30 тысячъ. 6-го ноября 1792 года обѣ арміи открыли

жестокій огонь; позиція французовъ была невыгодна, и Дюмурье, не видя другого исхода, приказалъ начать наступленіе; войска должны были идти по неудобной болотистой почвѣ, по которой немислимо было передвиженіе артиллеріи. Онъ приказалъ оставить ее на мѣстѣ, а самъ продолжалъ съ войсками идти впередъ. Въ это время генералъ Дамьеръ прибѣгаетъ на помощь французамъ, бросается на лѣвый флангъ австрійцевъ, захватываетъ у нихъ два орудія и беретъ въ плѣнъ 1,300 солдатъ. Дюмурье же, видя, что оба неприятельскіе фланга смяты, началъ атаку съ фронта; но вдругъ въ ихъ рядахъ происходитъ замѣшательство, которымъ пользуются австрійцы. Три французскихъ колонны не выдерживаютъ жестокаго огня редутовъ. Наступаетъ «психологическій моментъ» боя. Французы дрогнули... Тогда герцогъ Шартрскій бросается въ середину смятыхъ колоннъ, соединяетъ ихъ, образуетъ отрядъ, которому тутъ же дается имя «Батальона Жемапа» и снова начинается наступленіе. Къ нему присоединяются генералы Штегенхофенъ и Дефорэ съ нѣсколькими другими и поддерживаютъ его. Солдаты воодушевляются, и австрійцы принуждены покинуть редуты. Австрійцы были разбиты на всѣхъ пунктахъ, и Жемапъ былъ взятъ. Въ то время, когда герцогъ Шартрскій овладевалъ редутами, его братъ, герцогъ Монпансье

Подводная лодка „Голландъ“. Видъ лодки надъ водой.

Новая гигантская динамитная пушка въ Нью-Йоркской гавани. По рис. М. Бомблэ грав. Шлиперъ.

подскакалъ къ нему, сообщивъ о взятіи города. Битва при Жемапѣ имѣла большія послѣдствія. Всѣ города Бельгіи, не исключая Брюсселя, открыли свои ворота французамъ и встрѣтили ихъ, какъ своихъ освободителей.

*

Францъ Шубертъ, знаменитый музыкантъ и композиторъ, родился въ Вѣнѣ въ 1797 г., а умеръ тамъ же въ 1828 г. Онъ былъ сыномъ школьнаго учителя, страстнаго любителя музыки; отецъ заставилъ сына брать уроки музыки у Михаила Гольцера, который, признавъ въ маленькомъ Францѣ огромныя музыкальныя способности, опредѣлилъ его въ пѣвческій хоръ придворной церкви, такъ какъ у его ученика оказался сверхъ всего и голосъ. Уже пятнадцати лѣтъ Шубертъ игралъ первую скрипку въ оркестрѣ; придворный органистъ давалъ ему уроки гармоніи, а знаменитый Сальери преподавалъ ему композицію. Шубертъ не имѣлъ средствъ и никогда не мечталъ утилизировать свой выдающійся талантъ, принужденный давать грошевыя уроки музыки. Въ свободное время онъ сочинялъ свои «пѣсни» (Lieder), создавъ новый жанръ въ искусствѣ, вызвавшій много подражателей, но ни одного соперника. Сначала онъ исполнялъ эти пѣсни въ тѣсномъ кружкѣ родныхъ, самъ не будучи увѣренъ въ успѣхъ своихъ произведеній, но потомъ все чаще и чаще Шубертъ въ кругу знакомыхъ игралъ ихъ на клавикордахъ, и онѣ все болѣе и болѣе приобрѣтали цѣнителей и поклонниковъ. Въ то время какъ онъ велъ тяжелую борьбу съ нуждою, пѣсни его быстро перенеслись во Францію, гдѣ имѣли небывалыя, грандіозныя успѣхи. Успѣхъ этихъ лирическихъ вещей, полныхъ поэзіи и нѣжнаго чувства, побудилъ молодого композитора продолжать свою творческую дѣятельность, и онъ сталъ писать тріо и квартеты. Попытки его въ сочиненіи оперъ были не очень удачны. Онъ не успѣлъ въ полной мѣрѣ развить свой талантъ; истощенный болѣзнію и нуждою, онъ скончался тридцати лѣтъ отъ роду. На картинѣ Ю. Шмита, воспроизведенной нами, мы видимъ Шуберта за инструментомъ, окруженнаго представителями и представителями вѣснаго общества двадцатыхъ годовъ. Композиторъ только что сыгралъ одну изъ своихъ вдохновенныхъ вещей, и на лицахъ слушателей написаны восторгъ и восхищеніе. Аплодисменты, — эти первые взрывы восторга, уже стихаютъ, и вслѣдъ за ними сыплются со всѣхъ сторонъ словесныя восхваленія. Глаза всѣхъ обращены къ гениальному композитору, выслушивающему, видимо, довольно спокойно восторженные отзывы. Онъ еще находится подъ властью звуковъ. Задумчиво смотря на всѣхъ, онъ сконфуженно твердитъ слова благодарности, но душою онъ еще не присоединился къ окружающимъ.

В. О. Михневичъ.

(Портр. на этой стр.)

24-го февраля т. г. скончался одинъ изъ видныхъ петербургскихъ журнальныхъ дѣятелей, Владимиръ Осиповичъ Михневичъ. Въ теченіе своей почти сорокалѣтней литературной дѣятельности онъ потрудился такъ много и съ такимъ успѣхомъ, что невозможно объять въ короткой замѣткѣ все имъ написанное, и мы вынуждены ограничиться общою характеристикою его личности и трудовъ.

Самую выдающуюся чертою въ этомъ отношеніи была его любовь къ литературѣ. Можно смѣло сказать, что вся его жизнь, начиная съ ранней юности и кончая послѣднимъ его днемъ, была однимъ непрерывнымъ служеніемъ русской литературѣ на разнообразныхъ поприщахъ. Уже на гимназической скамьѣ онъ увлекался ею, писалъ повѣсти или комедіи. Поступивъ въ кievскій университетъ (онъ былъ уроженецъ кievской губерніи, гдѣ родился въ 1841 г.), онъ продолжаетъ свои литературные опыты, несмотря на то, что у него нѣтъ никакихъ средствъ къ существованію, и что онъ вынужденъ зарабатывать насущный хлѣбъ исполненіемъ обязанностей гувернера. Жизнь часто впродолжѣ нисколько не осла-

бляетъ его увлеченія литературою: онъ участвуетъ въ мѣстныхъ изданіяхъ, шлетъ статьи и замѣтки въ Петербургъ, просиживаетъ дни и ночи за книгами, наблюдаетъ жизнь, гдѣ только можетъ. Страсть къ писательству, желаніе принять дѣятельное участіе въ столичныхъ органахъ печати, гдѣ литературный талантъ, вслѣдствіе болѣе свободныхъ условій, могъ быстрое развернуться, побуждаетъ его, съ грохами въ карманѣ, предпринять въ то время трудное и продолжительное путешествіе въ Петербургъ. Какъ онъ совершилъ это путешествіе, — известно одному Богу; но онъ все-таки попалъ въ столицу, и здѣсь для него начинается новая, поистинѣ страдальческая жизнь. Литература относится къ нему, какъ мачиха. Онъ вынужденъ искать всевозможныхъ занятій, чтобы только прокормить себя и своихъ родныхъ, занимается перепискою, составляетъ прошенія, служитъ приказчикомъ въ мебельномъ магазинѣ или помощникомъ библиотекаря за 15 р. въ мѣсяцъ. Онъ несетъ пять лѣтъ почти непосильное бремя такой жизни, но ничто не можетъ сокрушить его желѣзной энергіи, и наконецъ онъ добивается своего. Въ 1870 г. онъ становится постояннымъ сотрудникомъ *Будильника*, затѣмъ воскреснымъ фельетонистомъ *Сына Отечества* и *Голоса*, наконецъ постояннымъ и однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ *Новостей*, которымъ онъ посвящаетъ свои силы въ теченіе 22 лѣтъ.

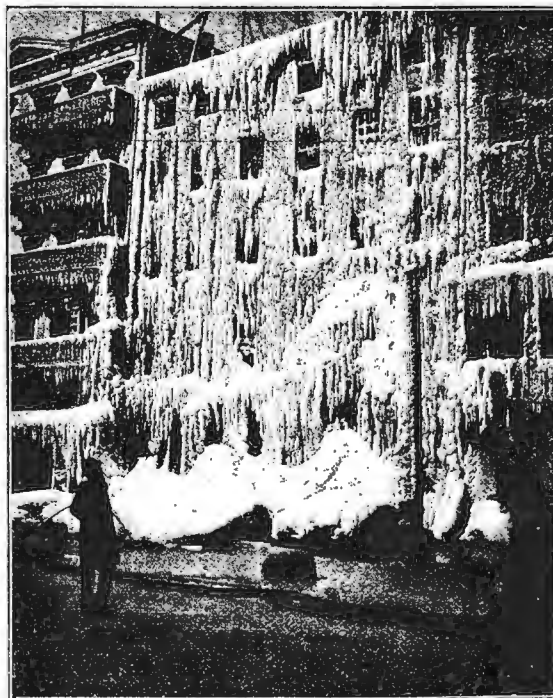
Достаточно этихъ фактовъ, чтобы понять, что Михневичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ избранныхъ натуръ, которые знаютъ «одной лишь думы власть». Полюбивъ съ ранней юности литературу, поставивъ себя цѣлью служить ей вѣрою и правдою, онъ не знаетъ никакихъ преградъ, умѣетъ бороться за нее, гдѣ нужно, страдать безмолвно, проявлять стойкость, мужество и даже приносить себя въ жертву. Такихъ цѣльныхъ натуръ у насъ, на Руси, мало, и тѣмъ болѣе мы имѣемъ основаніе дорожить ими и оплакивать ихъ утрату.

Вышесказаннымъ уже въ значительной степени опредѣляется писательскій обликъ Михневича. Будучи по происхожденію малороссомъ, онъ обладалъ значительнымъ юморомъ, и этимъ объясняется, что первые его литературные опыты проявились въ области юмористики. У него была большая склонность осмѣивать свѣзю «невидимыя слезы» недостатки и несовершенства нашей общественной жизни.

Отсюда станетъ понятнымъ, почему изъ него, при его недюжинномъ талантѣ, выработался видный фельетонистъ. Своимъ фельетоннымъ работамъ онъ придавалъ весьма разнообразную форму: то писалъ такъ-называемые воскресные фельетоны, то облекалъ ихъ въ беллетристическую форму, такъ что изъ него выработался и довольно замѣтный беллетристъ. Съ жаднымъ вниманіемъ онъ присматривался къ нашей общественной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Въ тотъ почти 30-лѣтній періодъ времени, когда онъ состоялъ постояннымъ сотрудникомъ газетъ и журналовъ, не было сколько-нибудь значительнаго общественнаго явленія, которое онъ не освѣтилъ бы съ точки зрѣнія выработанныхъ имъ взглядовъ. Его интересовали и политическія событія, и общественныя явленія, и народныя бѣдствія, и нравы столичнаго и провинціальнаго общества, и театръ. Но, стараясь уяснить самому себѣ и освѣтить для другихъ все, что происходило въ нашемъ обществѣ, онъ изучалъ все это и съ исторической точки зрѣнія, и такимъ образомъ написалъ, на ряду со своими беллетристическими и бытовыми очерками, еще рядъ весьма цѣнныхъ историческихъ этюдовъ. Такъ какъ всѣ эти работы были проникнуты общими идеями, несмотря на ихъ, повидимому, отрывочный и случайный характеръ, то представлялась полная возможность ихъ объединить, и такимъ образомъ возникъ цѣлый рядъ книгъ, находящихся въ рукахъ у читающей публики. Мы отмѣтимъ изъ нихъ только самыя характерныя и значительныя. Большимъ успѣхомъ пользовались сборники его статей, въ родѣ: «Всего понемножку», «Мы, вы, онъ, она»,

В. О. Михневичъ († 24 февраля 1899 г.).
По фот. Д. Здобнова грав. Шюблеръ.

Снѣжная буря въ Америкѣ. Обледенѣлый домъ послѣ пожара.

несмотря на ихъ, повидимому, отрывочный и случайный характеръ, то представлялась полная возможность ихъ объединить, и такимъ образомъ возникъ цѣлый рядъ книгъ, находящихся въ рукахъ у читающей публики. Мы отмѣтимъ изъ нихъ только самыя характерныя и значительныя. Большимъ успѣхомъ пользовались сборники его статей, въ родѣ: «Всего понемножку», «Мы, вы, онъ, она»,

«Романы кухарки и камелии», «Картины петербургской жизни» и т. д. Изъ его путевых очерковъ хорошо всѣмъ извѣстны книги: «Варшава и варшавяне» и «Черные дни» — одно изъ лучшихъ описаній постигшаго въ 1891 г. Россію народнаго бѣдствія (голода). Изъ его историческихъ трудовъ всѣмъ извѣстно его 3-томное изданіе: «Историческіе этюды русской жизни», въ которое вошли такіе цѣнные работы, какъ «Очеркъ исторіи музыки въ Россіи», «Языкъ Петербурга» и т. д. Назовемъ еще его словарь современниковъ: «Наши знакомые», который содержитъ болѣе тысячи характеристикъ видныхъ современниковъ. Характеристики эти составлены чрезвычайно мѣтко и обнаруживаютъ во всемъ блескъ юмористическій талантъ покойнаго писателя.

Его любовь къ литературѣ сказалась съ необыкновенною силою и въ послѣдніе годы его жизни, когда тяжелый недугъ, повидимому, долженъ былъ превратить всякую дѣятельность. Несмотря на этотъ недугъ, онъ продолжалъ принимать участіе въ литературныхъ собраніяхъ, горячо заботился объ интересахъ пишущей братіи*, волновался всѣмъ, что волнуетъ честнаго русскаго литератора. У него была больная сердца, но и въ этомъ больномъ сердцѣ жила до послѣдняго его бисіа страстная любовь къ литературѣ. Уже совершенно больной, онъ ревностно трудился на пользу кассы взаимопомощи литераторовъ и умеръ буквально съ перомъ въ рукѣ, дописывая передъ смертью одинъ изъ своихъ критическихъ фельетоновъ. Жизнь Михневича можетъ служить образцомъ для всякаго писателя, и если другіе, болѣе одаренные, достигли и болѣе значительныхъ результатовъ, то никто его не превзошелъ въ любви къ родному слову, беззаветной ему преданности и готовности служить ему до послѣдняго вздоха.

Снѣжная буря въ Америкѣ.

(Рис. на стр. 217 и 218).

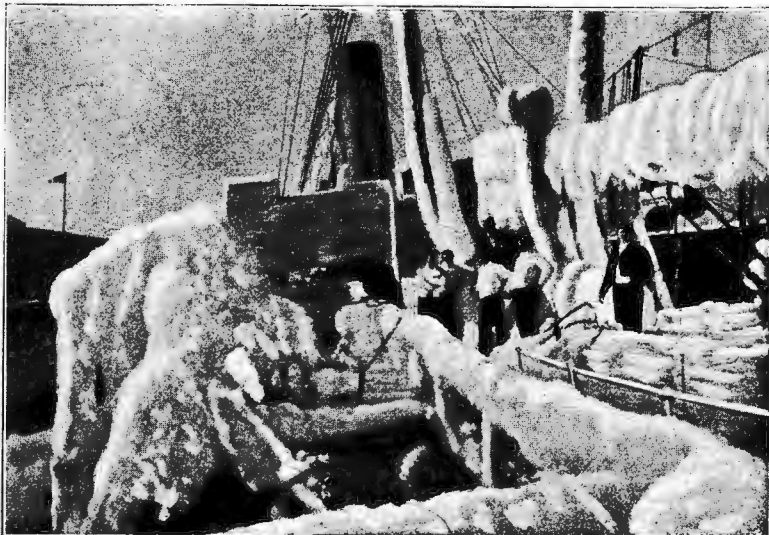
Съ 11-го по 14-е февраля (нов. ст.) разразилась надъ Соединенными Штатами страшная снѣжная буря. Нью-Йоркъ былъ скованъ льдомъ, а изъ срочныхъ океанскихъ пароходовъ только самые крупные и снабженные могучими машинами были въ силахъ пробить себѣ путь въ гавань.

Температура упала, какъ не падала и одиннадцать лѣтъ тому назадъ во время подобной же бури. Даже на пароходахъ во время шторма тугъ въ термометрахъ стояла на нуль по Фаренгейту — 14° мороза по Р. Положеніе океанскаго парохода «Германикъ», прибывшагося въ теченіе нѣсколькихъ дней среди бури и льда, не поддается описанію. Помѣщенный у насъ рисунокъ можетъ дать читателю представленіе о томъ, каковыя полярныя чудища явились «Германикъ» въ Нью-Йоркскую гавань. Его корпусъ, палубы и носовое пространство были покрыты ледянымъ слоемъ въ два фута. Мостики и рубки внизу были словно погребены подъ обледѣлымъ снѣгомъ. Всѣ стойки и желѣзныя части были покрыты толстымъ льдомъ; спасательныхъ лодокъ нельзя было различить на предназначенномъ для нихъ на пароходѣ мѣстѣ: такъ все было скрыто накою-то сплошною глыбою, образовавшейся отъ обледѣвшихъ бризговъ и снѣга. Одиннадцать дней подрядъ пришлось пароходу выдерживать страшную борьбу. Къ счастью, на двѣнадцатый день удалось ему добраться до гавани, иначе пришлось бы плохо: подъ тяжестью исполинской массы льда пароходъ накренился и сталъ зарываться въ воду. Въ самомъ Нью-Йоркѣ за время съ 11-го по 14-е февраля выпало почти 4 метра снѣга. Температура упала до—19° Р.; наконецъ скорость вѣтра достигала почти 100 верствъ въ часъ. Стоить взглянуть на другой нашъ рисунокъ, на которомъ не сразу различишь, что это не болѣе, не менѣе, какъ многоэтажное зданіе, въ которомъ въ одинъ изъ этихъ дней случился пожаръ. Струи выбрасываемой пожарными трубами воды моментально замерзали и облекли зданіе, въ которомъ былъ пожаръ, въ своеобразную одежду: словно простынями покрыли всю стѣну, среди которыхъ свѣшивались крупные ледяные сталактиты. Интересный казусъ произошелъ въ этотъ день въ судѣ въ Нью-Йоркѣ при разборѣ одного уголовнаго процесса. Засѣданіе пришлось отложить и судьи, и обвиняемые, и свидѣтели, и полицейскіе буквально замерзали, несмотря на то, что они сожгли въ помѣщавшейся въ судебной камерѣ печи стулья, скамьи, свидѣтельскую рѣшетку и наконецъ даже судейское кресло.

* Значительную часть своего тяжелымъ трудомъ добытаго составилъ В. О. Михневичъ завѣщаль Литературному Фонду, а богатую свою бібліотеку — Русскому Литературному Обществу.

Астрономическая труба на всемірной выставкѣ 1900 г. (Рис. на стр. 219.)

Среди диковинокъ предстоящей всемірной парижской выставки 1900 года несомнѣнно одной изъ первыхъ будетъ колоссальная астрономическая труба, которая представитъ собой послѣднее слово оптики и механики XIX вѣка. Въ настоящее время идутъ спѣшныя изготовленія этого замѣчательнаго астрономическаго прибора, и мы признали не безынтереснымъ дать читателямъ изображеніе общаго его вида, по которому уже можно себѣ представить его грандіозные размѣры. Эта астрономическая труба превзойдетъ всѣ донинѣ существующія. Величайшая въ мірѣ (въ обсерваторіи Геркеса) труба снабжена объективомъ діаметромъ въ 1 метръ при фокусномъ разстояніи около 20 метровъ; въ новой же трубѣ діаметръ объектива будетъ на 1/4 метра болѣе, фокусное же разстояніе достигнетъ 60 метровъ. Въ виду громадной длины трубы и колоссальности ея вѣса (20,000 килограммовъ), пришлось устроить и утвердить ее иначе, чѣмъ всѣ обыкновенныя астрономическія трубы: она будетъ покоиться въ горизонтальномъ положеніи на семи каменныхъ устояхъ, и для изслѣдованія небесныхъ свѣтилъ будетъ изготовлено громадное подвижное зеркало, которое будетъ прикрѣплено къ специальному металлическому штативу. Благодаря этому зеркалу, которое само по себѣ опять-таки является чудомъ оптической техники, изображеніе изслѣдуемаго свѣтила, доведенное до апогея точности, направится по трубѣ черезъ объективъ къ окуляру, чрезъ который и явится глазамъ наблюдателя непосредственно или въ увеличенномъ видѣ, или же можетъ проектироваться на экранѣ въ особомъ темномъ помѣщеніи, въ видѣ туманной картины, которой могутъ любоваться сразу сотни лицъ. Кроме того, при трубѣ имѣется приспособленіе для фотографической съемки изображенія. На нашемъ рисункѣ изображено въ разрѣзѣ все зданіе, которое будетъ построено для помѣщенія этой трубы, со специальнымъ темнымъ заломъ (справа), въ которомъ будутъ

Снѣжная буря въ Америкѣ. Обледѣный океанскій пароходъ «Германикъ».

показываться на экранѣ публикѣ колоссальныя изображенія небесныхъ тѣлъ. На рисунокѣ труба представлена въ раздвинутомъ видѣ: слѣва — подвижное зеркало на массивномъ штативѣ, направленное вверхъ, затѣмъ во всю длину зданія тянется 60-метровая труба съ двумя объективами, изъ которыхъ одинъ предназначенъ для непосредственныхъ наблюденій или для получения изображеній на экранѣ, а другой — специально для фотографическихъ цѣлей. Оба объектива могутъ быть перемѣщаемы съ помощью особой каретки, передвигающейся по рельсамъ. Нечего и говорить, какой громадный интересъ представитъ эта новая астрономическая труба для науки, а также и для публики, глазамъ которой представится невиданное зрѣлище. Идея изготовленія этой трубы принадлежитъ Ф. Делонкло, а самое выполненіе ея, главнымъ образомъ, понятно, изготовленіе колоссальнаго объектива, возлѣ на себя П. Готье.

Взрывъ порохового погреба близъ Тулона.

(Съ 3 рисунками на стр. 220.)

Въ ночь съ 21-го на 22-е февраля близъ Тулона, въ Лагубранѣ, произошелъ внезапно взрывъ порохового магазина, въ которомъ хранилось 50,000 килограммовъ пороха. Взрывъ былъ настолько силенъ, что разрушилъ до основанія все вокругъ магазина. Число жертвъ, пострадавшихъ отъ взрыва, достигаетъ 200 человекъ, изъ которыхъ 54 человека убитыхъ; всѣ солдаты, находившіеся при складѣ, погибли. По словамъ очевидцевъ, отъ всего массивнаго зданія порохового магазина не осталось ровно ничего, если не считать большой кучи камней, земляныхъ глыбъ, бревенъ, всякихъ обломковъ и двухъ изуродованныхъ стѣнъ, изъ которыхъ развалины одной находятся на сѣверо-востокѣ, другой на юго-западѣ. Все зданіе какъ будто было перпендикулярно поднято въ воздухъ и снова упало обратно. Взрывомъ поднята была громадная масса воды и грязи изъ сосѣдняго ручейка, протекавшаго около склада; грязью этой залиты развалины сосѣднихъ зданій въ маленькой деревушкѣ, состоявшей изъ 30 домовъ. Сила взрыва распредѣлилась по окрестностямъ какъ-то неравномѣрно. Болѣе чѣмъ на двѣ версты въ прямомъ направленіи къ сѣверо-западу все уничтожено, разрушено, смс-тено съ поверхности земли. По другимъ направленіямъ дѣйствія взрыва распредѣлились какъ-то вѣерообразно. Между тѣмъ, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ громадные камни оказывались отброшенными на два километра вдаль, менѣе чѣмъ въ ста метрахъ къ

сѣверо-востоку отъ порохового склада небольшой домикъ остался совершенно неповрежденнымъ.

Въ минуту катастрофы, между 2 и 3 часами утра префектъ Тулона и вся тулонская знать находились на балу, въ разстояніи двухъ верстъ отъ мѣста взрыва. Сначала они увидѣли розовый отблескъ на небѣ, потомъ услышали страшный громъ, а вслѣдъ затѣмъ стали лопаться стекла въ окнахъ. Понявъ, что случилось страшное несчастье, дамы въ роскошныхъ туалетахъ бросились прямо съ бала къ Лагубрану и самоотверженно ухаживали за ранеными.

24-го февраля посѣтилъ мѣсто катастрофы морской министръ Локруа, желавшій выяснитъ на мѣстѣ причину внезапнаго взрыва. Добѣхавъ до деревни, онъ вышелъ изъ кареты и пѣшкомъ направился въ крестьянскіе дома, разговаривая по дорогѣ съ оставшимися въ живыхъ свидѣтелями катастрофы, вытаскивавшими изъ-подъ развалинъ обломки исчезнувшей домашней утвари.

Труды по уборкѣ успѣли уже сильно подвинуться: много поломанной мебели, загрязненной пылью и мусоромъ посуды удалось извлечь на свѣтъ Божій. Жалкій видъ всѣхъ этихъ остатковъ крестьянскаго скарба производилъ тяжелое впечатлѣніе.

«У насъ ничего больше не осталось. Есть только глаза, чтобы плакать», сказали министру одинъ изъ крестьянъ, лицо котораго представляло слѣды ранъ, полученныхъ во время взрыва. Многие рассказывали, какъ имъ удалось спастись чудомъ: такъ, одинъ жандармъ сообщилъ, что на жену его, спавшую крѣпкимъ сномъ, свалились два громадныхъ камня прямо на изголовье, не задѣвъ однако головы, но лишь слегка поцарапавъ уши.

Министру былъ представленъ артиллеристъ, находившійся во время взрыва въ небольшомъ домикѣ, между обоими пороховыми складами. Домикъ этотъ былъ раскиданъ на щепы, но артиллеристъ, жившій въ немъ, остался цѣль и невредимъ, равно какъ и его жена и ребенокъ; по распоряженію артиллериста, кровать, на которой онъ лежалъ, была продавлена сквозь стѣну дома.

Изумительно то, что другой пороховой складъ Мильо, находящійся рядомъ съ взорваннымъ и вмѣстѣ съ нимъ состоявшій при Тулонскомъ портѣ, остался невредимъ. Чтобы выяснитъ это странное обстоятельство, министръ Локруа посѣтилъ и этотъ складъ, и тутъ обнаружилась странная картина: оказалось, что, силою сотрясенія воздуха, въ складѣ были выбиты двойныя чугунныя двери, раскиданы ящики съ порохомъ и начиненными боевыми снарядами, разбиты жестянки съ ружейными патронами—и, все-таки, не произошло никакого взрыва, несмотря на то, что, вѣроятно, даже самая пламя отъ перваго взрыва должно было проникнуть и во второй складъ. Это странное явленіе еще болѣе затрудняетъ объясненіе катастрофы.

Вѣдь если произошло разложеніе пороха, то оно должно было имѣть мѣсто въ обоихъ складахъ. Если взрывъ произошелъ отъ сотрясенія, произведеннаго паденіемъ камня съ потолка, то слѣдовало бы ожидать еще большихъ послѣдствій отъ сотрясенія, раскиданнаго ящики съ порохомъ во второмъ складѣ. Не могла катастрофа произойти и отъ неосторожнаго обращенія съ взрывчатыми веществами, такъ какъ взрывъ произошелъ черезъ девять часовъ послѣ закрытія порохового склада.

Незадолго до посѣщенія министромъ пороховыхъ магазиновъ тулонскому полицейскому префекту было прислано анонимное письмо, предупреждавшее о томъ, что второй пороховой складъ будетъ взорванъ, какъ только министръ въ него вступитъ. Локруа, однако, не побоялся этой угрозы—и, конечно, никакого взрыва не послѣдовало.

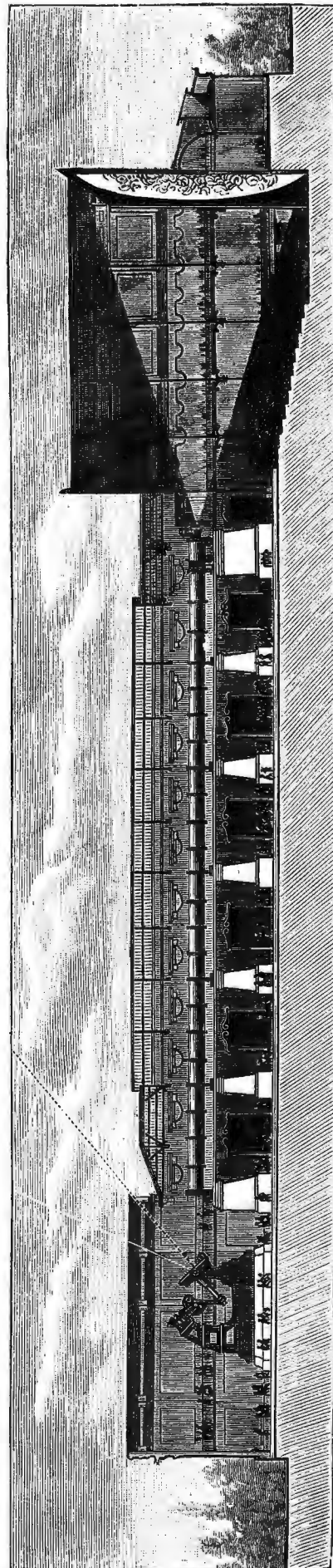
Существуетъ предположеніе, что взрывъ этотъ дѣло злоумышленниковъ, и скорѣе всего анархистовъ, но данныхъ для этого пока еще мало. Среди такого рода подозрительныхъ данныхъ указываютъ на то, что передъ катастрофой многіе слышали крикъ часового, и что среди развалинъ найденъ фыталь длиною въ полтора метра. Министръ Локруа тоже выразилъ предположеніе, что взрывъ есть результатъ злодѣянія.

Вся Франція глубоко опечалена этой катастрофой. Тулонскій муниципалитетъ постановилъ похоронить жертвы катастрофы на свой счетъ и воздвигнуть имъ памятникъ. Палата ассигновала по предложенію правительства 600,000 фр. для вспоможенія пострадавшимъ отъ взрыва и ихъ семьямъ.

Политическое обозрѣніе.

Въ парламентской жизни Германской имперіи проявилась значительная натаянность отношеній между императоромъ Вильгельмомъ и рейхстагомъ. Взгляды большинства германскаго народнаго представительства на современное положеніе имперскихъ дѣлъ оказались несогласными съ мнѣніемъ имперскаго правительства. Внесенный въ рейхстагъ проектъ увеличенія арміи въ мирное время встрѣтилъ съ самаго начала сильную оппозицію, устранить которую, повидимому, предполагалось нѣкоторыми уступками католікамъ парламентскаго центра, отъ котораго главнымъ образомъ зависѣло осуществленіе военной реформы. Комиссія рейхстага, послѣ продолжительныхъ переговоровъ съ правительствомъ, приняла проектъ, хотя и внесла въ него нѣкоторыя видоизмѣненія. Когда, однако, проектъ доложенъ былъ рейхстагу во всѣхъ подробностяхъ, совершенно неожиданно правительственная программа объ увеличеніи арміи потерпѣла полную неудачу: въ засѣданіи 2-го марта рейхстагъ, большинствомъ 209 голосовъ противъ 141, высказался противъ проекта правительства, а затѣмъ отклонилъ и предложеніе комиссіи, поддержанное центромъ и членами свободомыслящаго союза. Такой исходъ обсужденія военнаго проекта произвелъ сильное впечатлѣніе въ такое время, когда общественное мнѣніе Европы занято вопросомъ объ ограниченіи дальнѣйшихъ вооруженій, но едва ли остановить энергичнаго императора Вильгельма въ его непреклонномъ стремленіи къ намѣченной цѣли. По знаменательному совпаденію, въ день отклоненія рейхстагомъ военнаго проекта опубликованъ кабинетный приказъ императора о преобразованіи высшихъ морскихъ властей: подобно тому, какъ въ арміи, главнокомандующимъ флота становится теперь самъ императоръ, которому подчинены представители высшей власти во флотѣ. Сосредоточеніе управленія сухопутными и морскими силами имперіи въ рукахъ императора служить всѣмъ указаніемъ на то, что въ имперскихъ дѣлахъ рейхстагу отводится не главная роль. Это обстоятельство даетъ достаточно основанія предполагать, что, въ случаѣ невозможности для правительства сократить предъявленные рейхстагу требованія объ увеличеніи мирнаго состава арміи, распущеніе нынѣшняго рейхстага сдѣлается неминуемымъ.

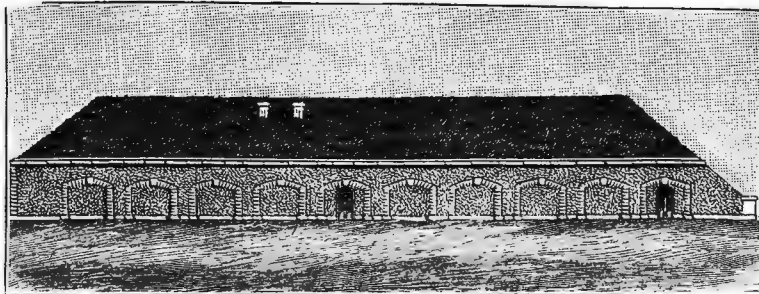
На Дальнемъ Востокѣ произошелъ новый конфликтъ: вслѣдъ за прочими великими державами къ берегамъ Тихаго океана потянулась Италия. Итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ адмиралъ Каневаро, отвѣчая 19-го февраля на разные запросы, заявилъ палатѣ депутатовъ о своемъ намѣреніи сформировать въ китайскихъ водахъ морскую дивизию; Италия желаетъ-де получить отъ Китая въ аренду бухту Санмунъ.

Гигантская астрономическая труба на всемірной парижской выставкѣ 1900 г.

съ прилегающей территорией; объ этомъ увѣдомлены всѣ державы, заинтересованныя въ Китаѣ и дружественно расположенныя къ нему; министерство надѣется-де на благоприятный результатъ. Значитъ, политика раздѣла Китайской имперіи продолжается. Въ ней собираются принять участие и Соединенные Штаты, намѣревающіеся, какъ носятъ слухи, занять китайскую провинцію Чжили. Китайское правительство, однако, не обнаружало податливости и готовности безпрекословно подчиниться новому требованію, вполне убѣжденное, что дѣло затѣяно Англійей, подстрекающей Италию: итальянскому посланнику возвращена нота объ уступкѣ Саньмунской бухты при письменномъ заявленіи, что Китай не можетъ исполнить требованіе Итали. Возвращеніе ноты признано было итальянскимъ правительствомъ невѣжливостью, нарушившею дипломатическіе обычаи, тѣмъ болѣе, что итальянское требованіе, составленное въ умѣренныхъ выраженіяхъ, не заключало-де въ себѣ никакихъ угрозъ, а указывало-де лишь на выгоды для обоихъ государствъ отъ уступки упомянутой бухты. Въ виду неделикатнаго образа дѣйствій китайскаго

правительства, итальянскій посланникъ въ Пекинѣ воздержался отъ дальнѣйшихъ переговоровъ, въ ожиданіи инструкцій изъ Рима. По дальнѣйшимъ извѣстіямъ, Италия приняла рѣшеніе сосредоточить въ китайскихъ водахъ эскадру изъ пяти броненосцевъ, вооруженныхъ 50 орудіями крупнаго и 60 — мелкаго калибра, съ экипажемъ около 1,600 человекъ.

Взрывъ порохового погреба близъ Тулона. Пороховой погребъ до взрыва.

вительство Итали въ Пекинѣ вручено англійскому посланнику. По мнѣнію упомянутой газеты, Квирицаль надѣется на проведеніе своей программы въ Китаѣ, хотя бы усилія дипломатовъ на первый разъ и не увѣчились успѣхомъ.

По свѣдѣніямъ изъ Пекина отъ 1-го марта, итальянскій посланникъ передалъ вторую ноту, предлагая китайскому правительству принять первую ноту и вступить въ переговоры. Нота была принята, но вступить въ переговоры Китай не обнаружилъ склонности. По отзывамъ римской оффиціозной газеты *Tribuna*, отъ 2-го марта, итальянское правительство отставило своего пекинскаго посланника и вызвало его въ Римъ; до назначенія новаго посланника, представительство Итали въ Пекинѣ вручено англійскому посланнику.

СМѢСЬ.

Убѣдительный отвѣтъ. — Правившему въ пятидесятыхъ годахъ Сербіей князю Милошу были его соратники постоянно надобдали просьбами о смѣщеніи находившихся въ то время на государственной службѣ иностранцевъ и о замѣнѣ ихъ сербами. Однажды, когда къ нему, нивѣтъ въ который разъ, обратились съ такою просьбою, Милошъ, дѣлая видъ, что соглашается съ доводами просящихъ, убѣжденнымъ тономъ сказалъ имъ:

— Вы правы, надо ихъ вонъ выгнать; садись, Марко, и пиши приказъ объ ихъ увольненіи отъ службы.

— И? Да я писать не умѣю, — возразилъ посѣдѣвшій въ бояхъ вояка.

Князь обратился къ другому, третьему изъ своихъ старыхъ дружинниковъ: — никто изъ нихъ, оказалось, не умѣлъ обращаться съ перомъ.

— Вотъ видите, — смѣясь, сказалъ тогда князь: — разъ никто изъ васъ не можетъ замѣнить иностранцевъ и никто не смыслитъ въ томъ, на что они мастера, что же намъ тогда дѣлать? Видно, ужъ придется оставить здѣсь эту нечисть.

Какова бываетъ судьба? — Когда, послѣ столь несчастной для приверженцевъ династіи Стюартовъ, битвы при Куллоденѣ (въ 1746 г.),

молодому принцу Эдуарду, сыну короля Якова II, пришлось искать спасенія въ бѣгствѣ и скитаться безпріютнымъ по пустырямъ и зарослямъ Шотландскаго нагорья, никто изъ попадавшихся ему изрѣдка навстрѣчу бѣдниковъ не подумалъ выдать его, несмотря на то, что за выдачу его была обѣщана крупная награда.

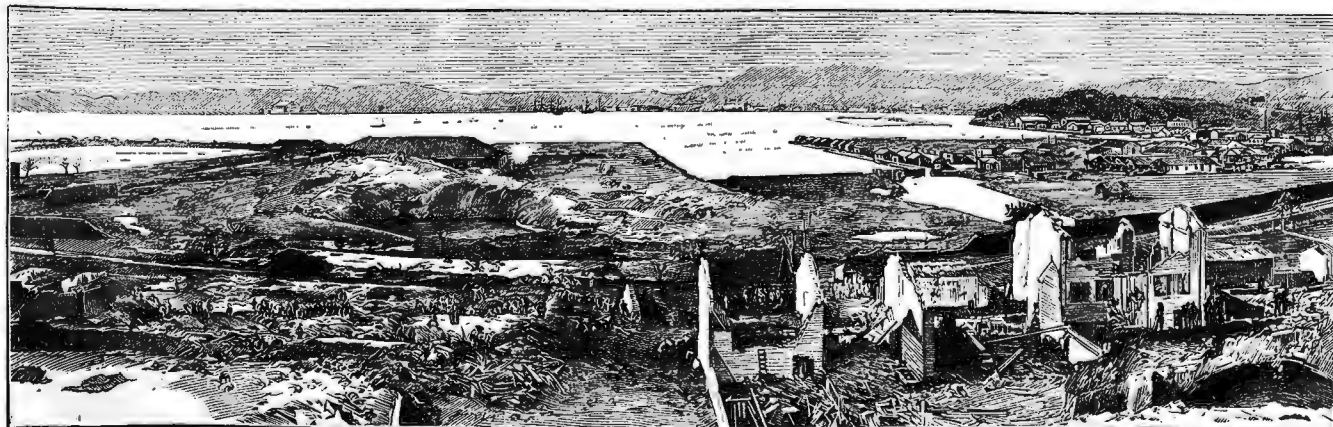
Одинъ изъ горцевъ, по имени Киди (Keady), человекъ очень бѣдный, присоединился къ принцу и вмѣстѣ съ нимъ прятался въ скалистыхъ пещерахъ; съ опасностью для собственной жизни рыскалъ онъ повсюду, чтобы добыть пищи для несчастнаго принца и, наконецъ, поборовъ всѣ безчисленныя преграды и препятствія, съ неимоверными усиліями сумѣлъ переправить бѣглеца на островъ Скай (Skye), гдѣ горемычный принцъ укрылся на пѣкоторое время въ ожиданіи французскаго корабля, на которомъ онъ потомъ счастливо спасся.

И вотъ этотъ благородный человекъ, котораго не могла прельстить такая громадная даже для нынѣшняго времени

сумма, какъ 30,000 фунтовъ стерлинговъ (около трехсотъ тысячъ рублей), обѣщанная за выдачу принца, укралъ впоследствии корову, и, обвиненный въ этомъ преступленіи, — былъ вздернутъ на висѣлицу.

Взрывъ порохового погреба близъ Тулона. Разрушенные дома въ деревнѣ Лагубранъ.

Взрывъ порохового погреба близъ Тулона. Общій видъ мѣстности послѣ катастрофы.

ВАЖНОЕ СООБЩЕНИЕ ДЛЯ НАШИХ ИНОГОРОДНИХ ПОКУПАТЕЛЕЙ.

Съ 1-го мая вводится дешевый почтовый тарифъ, по которому посылки изъ Москвы въсомъ до 2 фун. будутъ стоить повсюду въ Е. Россіи—20 к., а отъ 2—7 фун.—40 к. (въ З. Сибирь 40 и 80 к., въ В. Сибирь 60 и 1.20), излишекъ сверхъ 7 фун. оплачивается по разстоянію отъ 5—35 к. съ фунта.

При столь ничтожн. расходахъ по пересылкѣ,

Вы можете у себя дома получать наши товары по той же цѣнѣ, какъ и москвичи.

Кромѣ того, при выпискѣ на 50 руб. одновременно (товар. не громоздк.) пересылку принимаемъ на себя (въ Е. Россіи).

Преимущества нашего дѣла для иногородн. покупателей

настолько многочисленны, что число послѣднихъ растетъ съ каждымъ днемъ, и въ настоящее время число нашихъ иногороднихъ покупателей достигло громадной цифры.

Мы выполняемъ самыя обширныя требованія: для этого у насъ **огромный выборъ товаровъ и превосходно организованная отправочная контора.**

Образцы матерій бесплатно (указать цв., шир., приблиз. цѣну и для какой надобности).

Только что отпечатанъ **прейс-курантъ на весенній сезонъ 1899 года**

МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ

высылается бесплатно, какъ и другіе: хозяйствен. принадл., серебр. изд., часовъ, ковровъ, драпировокъ, музык. инстр., водопров., эл.-техническ. и друг.

въ Москвѣ, Петровка, 2.

НАШИ ОТДѢЛЕНІЯ:

Кружевное. Ленточное. Шелковыхъ матерій. Мануфактурное. Ситцевое. Полотняное. Бахромное.	Дамскихъ рукодѣлій. Корсетное. Чулочное. Зонточное. Мужского бѣлья. Дамскаго бѣлья. Дамскихъ вещей.	Дамскихъ платьевъ. Дѣтскихъ костюмовъ. Мужского платья. Дамскихъ шляпъ. Мужскихъ шляпъ. Сапожное. Галантерейное.	Парфюмерное. Перчаточное. Игрушечное. Оружейное. Дорожныхъ вещей. Письмен. принадлежн. Картинъ и предм. роск.	Хозяйствен. принадлежн. Кроватей и умывальн. Серебра и мельхиора. Часовъ. Ламповое. Фарф., фаянса и хруст. Ковровое.	Мебельныхъ матерій. Гардиннаго тюля. Клеенокъ. Мебели. Музыкальн. инструм. Электро-техническое. Водопроводн. принадл. Печное.
--	---	--	---	--	---

Табачная фабрика В. И. АСМОЛОВА и К^о.

рекомендуютъ отличнаго достоинства ПАПИРОСЫ

ВИЗИТНЫЯ 10 шт. 10 коп. ФЕЛИКСЪ ФОРЪ 10 шт. 6 коп.

Ц. № 12013 5-3
Получать можно вездѣ.

ТОВАРИШЕСТВО
„ПРОВОДНИКЪ“.
Москва. * Рига. * Сибуръгъ.

Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДЪЯЛОНЪ!

Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмою.

ЗАЧѢМЪ ДАРОМЪ!

Получать портреты изъ Франціи и платить за пересылку 5 р. и дороже, когда у насъ въ Россіи

СТУДІЯ СВѢТОХИЗЪ

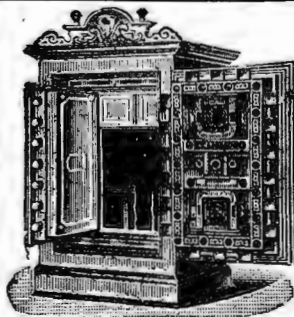
С.-Петербургъ, Литейный проспектъ, д. 29
УВЕЛИЧИВАЕТЪ

БОЛЬШІЕ ПОРТРЕТЫ

съ маленькихъ фотографическихъ карточекъ на платино-серебряной бумагѣ съ артистической художественной отдѣлкой итальянскихъ карандашомъ или, какъ выражаются французы, карандашомъ Верселедомъ, вставленными въ изящныя английскія пас-парту (бумажныя толстыя рамки)

всего только по 4 руб. за экземпляръ съ пересылкой по почте съ наложеннымъ платежомъ во всѣ города Россійск. Имперіи. **ПОДРОБНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ ВЫСЫЛ. БЕЗПЛАТНО.**

Требуются агенты для приема заказовъ въ провинціи. Ц. № 12141

С. И. Арнгеймъ, Берлинъ.

придворный поставщикъ Императора Германскаго.

ВСЕМИРНО-ИЗВѢСТНЫЙ ЗАВОДЪ

ПЕСГОРАЕМЫХЪ ШКАФОВЪ

гарантированныхъ отъ огня и отъ вѣлома.

Цѣны отъ 200—500 р., для Банковъ и большахъ заведеній крупныхъ размѣровъ отъ № 12040 500—1000 руб. 46-5

Представитель: **О. Г. Шпеннеманъ.**

С.-Петербургъ, Чернышевъ пер., 12.

Прейс-куранты по желанію высылаются бесплатно.

На Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г. удостоены **ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА**

В. № 11515
13—13

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.

Фабрика **РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО**

основанная въ 1810 году СШБ., Владимирская, № 8, рекомендуетъ превосходнаго тона и отличной работы **РОЯЛИ** въ 1100, 900, 800, 700, 650 и 550 рублей. **ПИАНИНО** въ 650, 500 и 450 р. Прейс-куранты высылаются бесплатно.

Дело въ Москвѣ: Юлій Генрихъ Циммерманъ, Кузнецкій м., д. Захарьяна; въ Ригѣ: О. Энгельманъ; въ Воронежѣ: Р. Т. Шугана; въ Бану: Ф. И. Шрейберъ; въ Тифлисѣ: В. М. Мириманянъ.

НА ВОСПИТАНІЕ ДЕТЕЙ И УЧЕНИКОВЪ
СЕРВЕН 50
ТЕЛЕФОНЪ 1360
ИМПЕРАТОРСКОГО ОБЩЕСТВА
ПРОСИТЪ
АВЕРЬКА ЛАДЕЙ
составить ему

НЕУЖНЫЯ ВЕЩИ
АВТОНОМНОЕ ПО ВОСПИТАНІЮ
ВОСПИТАНІЕ
500 часовъ
ВОСКРЕСЕНСКАЯ ШКОЛА
ТЕЛЕФОНЪ 3672. ТЕЛЕФОНЪ 2141.

1400
стилизован. узоръ для вышиванія, углубленной и рельефной резьбѣ, выжиганія и живописи по дереву, и пр., и пр. Рисунки имеются на бумагѣ и на деревѣ. Наставленія, инструменты, машины и материалы. Газета „Дидерихсъ“. Изящн. преис-куранты высылаются въ 30 пф. почт. марк. **Mey & Widmeyer, München.**

Всѣ иногороднія требованія исключительно выполняются только главнымъ складомъ, куда и слѣдуетъ адресовать:
Д. ѲОМИНУ, Москва, Уланскій пер., № 6.

Въ настоящее время керосиновое освѣщеніе прогрессивно вытѣсняется газомъ или электричествомъ, въ виду того обстоятельства, что керосинъ не имѣетъ способности давать яркаго свѣта, даетъ при горѣннй угаръ и копоть и какъ вещество легко воспламеняющееся представляетъ большую опасность въ пожарномъ отношеніи. Потрудившася много лѣтъ надъ вопросомъ объ уничтоженіи перечисленныхъ неудобствъ, я изобрѣлъ привилегированные

ПРАКТИЧНАЯ
НЕСГОРАЕМЫЕ
ФИТИЛИ
 ДЛЯ
КЕРОСИНОВЫХЪ
ЛАМПЪ И
КУХОНЪ
ВСѢХЪ
СИСТЕМЪ.

НОВАСТЬ
 НЕ КОПЯТЪ, УВЕЛИЧИВАЮТЪ ПЛАМЯ, БЕЗОПАС. ОТЪ ВЗРЫВА, ГОРЯТЪ БЕЗЪ МАЛѢЙШАГО ЗАПАХА, ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ЭКОНОМІЯ ВЪ КЕРОСИНѢ, НЕ ТРЕБУЮТЪ ОБРѢЗЫВАНІЯ И ФИТИЛЬНАЯ ТЕСЬМА, ОСТАВАЯСЯ НЕ-СГАРАЕМОЮ, НИКОЛЬКО НЕ УБЫВАЕТЪ. ЦѢНА за 5 верш. ФИТИЛЬ для
ГОРѢЛОКЪ КРУГЛЫХЪ: въ линіи 35, 30, 25, 20, 15, 18, 16, 14, 12, 10, 8, копѣекъ 70, 60, 50, 40, 30, 36, 32, 28, 24, 20, 16.
ПЛОСКИХЪ въ линіи 14, 12, 10, 7, 5, 3, 2. **КЕРОСИН. КУХОНЪ** въ линіи 20, 30, 33. Митральезъ копѣекъ 14, 12, 10, 7, 5, 3, 2. копѣекъ 20, 30, 33. 3 и 5 коп.

Торговцамъ, Обществамъ, Потребителей, Городск. и Земскимъ Управламъ
СКИДКА
 при покупкѣ
 на 25 р. = 30%
 50 „ = 35%
 100 „ = 37%
 бол. 100 „ = 40%
 съ рубля.

Торговцамъ, Обществамъ, Потребителей, Городск. и Земскимъ Управламъ
СКИДКА
 при покупкѣ
 на 25 р. = 30%
 50 „ = 35%
 100 „ = 37%
 бол. 100 „ = 40%
 съ рубля.

Лучшимъ ручательствомъ высокаго качества изобрѣтенихъ моею фитилей служитъ масса отзывовъ лицъ, воспользовавшихся моими изобрѣтеніемъ и порѣкомендовавшихъ обыкновенные фитили въ своихъ лампахъ на мои „Несгораемые фитили Триумфъ“. Краткую выдержку изъ этихъ отзывовъ я считаю не лишнимъ привести ниже. Одновременно съ сими покорѣннѣе прошу гг. покупателей не обращать вниманія на увѣренія нѣкоторыхъ торговцевъ, не рекомендуемыхъ моимъ фитилемъ, ибо увѣренія эти основаны лишь на невыгодности розничной продажн ихъ, какъ фабрика такого, который можетъ служить долгіе годы безъ перемѣны. Обращая вниманіе гг. покупателей на вышеназванное, я предлагаю воспользоваться моимъ изобрѣтеніемъ, приѣмляя его къ вашимъ лампамъ. Фитили имѣются къ горѣлкамъ всѣхъ исключенія системъ лампъ и керосиновыхъ кухонъ.

При требованіяхъ наложеннымъ платежомъ слѣдуетъ сообщать размѣръ ширины фитилей въ линіяхъ, указывая круглая или плоская горѣлка. Можно ширину фитилей обозначить линіею (начертить въ требованіи).

ФИТИЛИ ТРИУМФЪ ИМѢЮТЪ ВЪ РОССИЙСК. ИМПЕРІИ СЛѢДУЮЩІЕ МАГАЗИНЫ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: В. Л. Славина, В. О., уг. Средняго и 2 лин.; Д. А. Гордѣва, Офицерская 37; И. А. Семенова, Литейный 57; уголь Литейной и Бассейной; Миллионная 24; Б. Морская близ арки, № 5; Загородный, № 27-19; Н. Н. Бычкова, Невскій 84; Попова, Можайская, 5-17 и Литейный, 31; М. Федорова, Подтапика, 10; И. В. Богачева, Максимилиановскій, № 17 и Екатерингофскій, 4; Кондратьева, Предтеченская, 22-27 и Херсонская, 23; И. С. Маликова, Фонтанка, № 128 и уг. Вознесенскаго и Фонтанки № 57 и 127; Г. М. Шашкина, Садовая, 44; Голдеева, Лиговская, 167; В. Н. Голубова, Колокольная, д. 3; И. Бахвалова, у Черныш. моста, д. 7-68; Бахвалова, Английскій пр., 21-60; И. М. Новикова, Надеждинская, д. 30-18; В. С. Куликова, Гороховая, 58; Никифорова, Невскій, 108; В. Никитиной, М. Итальянская, 5; В. Н. Голубова, Казанская, 52; В. С. Куликова, М. Морская, 1-9; И. Л. Артамонова, Боровая, 20; А. Варгунина, Офицерская, пр. Казанской части, № 19; Садовая, 49; уголь Мясной и Псковской, 22-11; В. Васильева, Офицерская, 78; Бычкова, Садовая, 33-43; Балашова, Садовая, 65; Н. А. Алексѣева, Садовая, 17; Чумина, Никольскій рынокъ, 19; Бодунова, Садовая, 112-114; Трубицкова, Разъѣзжая, 41; Чанина, Разъѣзжая, 14; Ф. Дятлова, Гончарная, 27; С. Варгунина, Мокшала, С. Варгунина, Гагаринская, 15 и Лиговская, 134; Барсукова, Серпуховская ул.; Потапова, уголь Кляскаго и Верейскаго; Бахвалова, Садовая, 66-2; А. Принациной, уг. Английскаго и Садовой; Пятакова, Пущинская, 20; К. В. Почиталова, Николаевская, 33; Андреева, Николаевская, 37; Павлова, Николаевская, 75; А. П. Головкина, уголь 1 роты и Забалканскаго, 2-23; И. Румянцова, Словоная, 15-19; Лемергардъ, Стрелинная, 16; Поварской, 9; Екатерининская ул., 3; В. С. Куликова, П. стор., Большой пр., 10; Назанова, Словоная, 23-17; К. С. Леонтьева, Гороховая ул., 57-81; Лештуковъ, 11; В. Н. Голубова, Апраксинъ, уголь Фонтанки, 21-71; М. Федорова, уголь 4 и Слоновой, 18-9; аптекарскій магазинъ Англия, Лиговская, 117 и во многихъ другихъ магазинахъ.

ВЪ МОСКВѢ: П. А. Пичугина, Мясницкая, д. Музея, рлд. съ Почтамтомъ; А. П. Замятина, Смоленскій рынокъ; П. П. Замятина, Арбатскія ворота; Филиппова, М. Ф. Карѣва, Накитскія ворота, д. ц. св. Ѳеодора Студита; И. Ф. Костяницкая, Солянка, д. Сербскаго подворья; В. Парфенова, Старая Триумфальная ворота, д. Фомичева; А. И. Игнатова, Срѣтенка, д. ц. св. Троицы; Михайлова, Срѣтенка, близъ Сухаревой; Каменева, прот. Страстнаго монастыря, соб. д.; Л. В. Горина, Кудринская площадь, д. Молчановыхъ; К. Усанова, Вол. Бронная, д. Арбатскаго; М. Булина, Б. Ордынка, д. Трапезникова; Андреева, уголь Гагаринскаго и Власьевскаго пер.; П. Стриженова, Земляной валъ, домъ Саложниковой; П. Г. Царскова, Нѣмецк. рынокъ, д. Саложниковыхъ; П. Гостевой, Таганка, уг. Садовой, д. Стрижубева; В. П. Орлова, Солянка, Хохловскій пер., д. Шпаубергъ; Ф. Николаева, Малая Грузинская, соб. домъ; Ф. Бухарина, Красносельская, д. Ночаева; Чижова, Никольская ул., д. Алексѣева и мног. друг.

- въ **НИВѢ:** магазинъ Н. М. Лучинскаго, А. А. Иванова, Малиновскаго, Гибермана и Зелинскаго.
- въ **ХАРЬКОВѢ** магазинъ: М. Латмана, Семеново, Насл. Короткина.
- въ **РОСТОВѢ** на **ДОНУ** аптекарск. магазинъ: Новицаго и Валентиновичъ и коворта Рысь.
- въ **ОРЛѢ** магазинъ И. В. Гумбина.
- въ **ТАГАНРОГѢ** Аптек. магазинъ Замондъ и пос. маг. Шаевичъ.
- въ **НОВОЧЕРКАСКѢ** Магазинъ Петрова.
- въ **ВИНДѢ** (Курляндія) Магазинъ Ф. Вормъ.
- въ **КРОНШТАДТѢ** Магазинъ Снородникова.
- въ **ОРХОВѢ** **ЗУЕВЪ** Общ. Потреб. при фабриктъ Саваы Морозова.
- въ **САРАНСКѢ** (Повоз. г.) О-во Потребителей.
- въ **НОВОЗЫБНОВѢ** О-во Потребителей.
- въ **ПЕНЗѢ** Аптек. магазинъ Н. А. Усердова и О-во Потребит. при Сызр-Власовск. ж. д.
- въ **НИКОЛАЕВѢ** (Херс. губ.) О-во Потребителей: Сбереженіе и Приобрѣтеніе.
- въ **ЯЛТѢ** О-во Потребителей.
- въ **МИНСКѢ** у А. Соломянскаго.
- въ **СИУЦѢ** у Гарелина.
- въ **УФѢ** Магазинъ И. П. Залкова.
- въ **ПРОСЬУРОВѢ** (Под. г.) у Б. И. Райхмана.
- въ **ЕЛИЗАВЕТГРАДѢ** у М. М. Косенко.
- въ **БѢЖИЦѢ** (Орл. г.) О-во Потребителей при Брянскомъ заводѣ.
- въ **ГРОДНО** у Ф. Левина.
- въ **КОБРИНѢ** (Гродн. губ.) Эконом. О-во 150 пѣхот. Таманскаго полка.
- въ **НАМЫШЛОВѢ** (Перм. губ.) у И. Я. Алашкина.
- въ **ШУѢ** Магазинъ Н. Уткина.
- въ **КОЛОМНѢ** (Моск. губ.) Магазинъ П. В. Козакова и О-ва Потребителей при Коломенскомъ Маш.-Стр. заводѣ.
- въ **НОВОМЪ-БУГѢ** (Херс. губ.) Магазинъ Аврашкова.
- въ **КУЗНЕЦКѢ** (Сарат. губ.) Аптек. магазинъ князя А. В. Чегодаева.
- въ **ПОДОЛЬСКѢ** (Моск. губ.) Магазинъ И. Е. Толкушева.
- въ **НЕРЕХТѢ** Магазинъ Н. Н. Мѣшалина.
- въ **БОГОРОДИЦѢ** (Тул. г.) О-во Потребителей.
- въ **УРЖУМѢ** (Вятск. губ.) Магазинъ И. Н. Кулинина.
- въ **БОРИСОГЛѢБСКѢ** О-во Потребителей Служац. Юго-Восточн. ж. д.
- въ **РѣжницѢ** (Вятск. губ.) у З. Ф. Слѣбурскаго.
- въ **СЛОБ. РАКИТИНОИ** (Кур. губ.) у А. С. Каменева.
- въ **СТАРОБѢЛЬСКѢ** (Харьк. губ.) у П. И. Сергѣева.

Краткая выдержка изъ отзывовъ о высокомъ качествѣ „фитилей Триумфъ“.
УПРАВЛЕНІЕ РАДОМСКАГО
 Уѣзднаго Воинскаго Начальника.
 по части хозяйственной.
 № 1604.
 Февраля 6 дня 1899 года.
 Губ. г. РАДОМЪ.

Высланные складомъ по требованію моему отъ 20 февраля сего года за № 906 несгораемые ламповыя фитили «Триумфъ» оказались весьма практичными, какъ по производящие копоти, увеличивающіе пламя, не дающіе чувствовать запаха керосина и извѣщающіе отъ несопоянаго обрѣзанія фитилей и чистки горѣлокъ. Въ виду этого, прошу выслать во вѣршеное мѣѣ Управление наложеннымъ платежомъ такихъ же фитилей слѣдующее количество:

1) 30-лицевыхъ къ лампамъ молнія 5 шт. 3 р. — к.
2) 20 „ „ „ „ „ 2 „ — 80 к.
3) 14 „ „ „ „ „ 10 „ 2 р. 80 к.
4) 10 „ „ „ „ „ 5 „ 1 р. — к.
Итого. . . 22 шт. 7 р. 60 к.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДѢЛОКЪ
 требовать на каждомъ фитилѣ вытиснутое фиолетовою краскою клеймо, заявленное департаменту торговли и мануфактуръ «ТРИУМФЪ П. З. и рисунокъ ПѢТУХЪ». Фитили высылаются наложеннымъ платежомъ во всѣ города Россійской Имперіи (въ Сибирь задат. 1/3 часть).

Всѣ иногороднія требованія исключительно выполняются только главнымъ складомъ, куда и слѣдуетъ адресовать:
Д. ѲОМИНУ, Москва, Уланскій пер., № 6.

Всѣ иногород. требованія исключительно адресовать: Д. ѲОМИНУ, Москва, Уланскій пер., № 6.

Всѣ иногород. требованія исключительно адресовать: Д. ѲОМИНУ, Москва, Уланскій пер., № 6.

ФАБРИКА ЧАСОВЪ „РОМЕО“ ВЪ ГОР. ЖЕНЕВЪ (ШВЕЙЦАРІЯ).

Мужские часы «Ромео» 13 рублей, дамские на 1 р. дороже. Цѣны обозначены съ уплаченной пошлойной и пересылкой.

Каждому вѣдомо, что источникомъ производства карман-ныхъ часовъ для всего міра есть Швейцарія, то каждый желающій приобрести карманные часы, которые бы служили на многие годы вѣрнымъ мѣрителемъ времени, долженъ воспользо-ваться полезнымъ советомъ «понаулить изъ первыхъ рукъ», и для этой цѣли нами устроенъ спеціальнй отдѣлъ по экспорту часовъ въ Россію и Финляндію.

Благодаря усиленному требованію во всей Европѣ часовъ накладного золота «Placé d'or», фабрика имѣла достаточно времени заготовить опытною по улучшенію производства корпусовъ изъ накладного золота. Фабрика часовъ «Ромео» имѣетъ въ виду этого возможность стать на высотѣ своей задачи и рекомендовать часы накладного золота, не уступающіе по прочности механизма, отдѣлкѣ и качеству лучшимъ золоти-тымъ часамъ.

Часы «Ромео» обладаютъ замѣчательно вѣрнымъ аннернымъ ходомъ и механизмы устроены съ такой точностью и тщатель-ностью, что мы можемъ ихъ самымъ убѣдительнымъ образомъ рекомендовать каждому.

Къ часамъ прилагается пятилѣтняя гарантія съ обозначені-емъ № часовъ.

Цѣна за МУЖСКИЕ 13 р. ГЛУХІЕ или ОТКРЫТЫЕ: дамские на штучу.

Пересылка во всѣ мѣста Россійской Имперіи и Финляндіи БЕЗПЛАТНАЯ и съ запла-ченной нами пошлойной.

Имѣются въ большомъ выборѣ золотые, серебряные, стальные и никелевые часы. Иллюстрированный прейсъ-курантъ по требованію бесплатно.

Заказы исполняются надлежащимъ платежомъ безъ задатка. № 12082 4—3

Корреспонденція ведется на русскомъ языкѣ.

Предостереженіе: Фабрика часовъ «Ромео» обращаетъ вниманіе почтенныхъ поку-пателей, что никакихъ отдѣленій въ Россіи не имѣетъ, а потому проситъ обращаться непосредственно по нижеозначенному адресу:

ФАБРИКЕ D'HORLOGERIE „РОМЕО“ à GENEVE (Швейцарія) Suisse, Rue de Mont-Blanc, № 11.

!!ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДЪЛКИ!!

(На внутренней крышкѣ часовъ «Placé d'or», а на циферблатѣ «Ромео».)

ФАБРИКА И СКЛАДЪ
Бруно Зенгеръ & К^о
С.Петербургъ, Невскій П. № 25 (бывш. Каминскій)
Фотогр. Аппараты и Личнал.
(Кратк. Прейсъ-Курантъ Бесплатно)

ОСПЕННЫЙ ТЕЛЯТНИКЪ

ветеринарнаго врача С. К. Живописцева въ г. Орлѣ.

Во всякое время года можно получать свѣ-жую оспенную вакцину для прививанія лю-дямъ предохранительной оспы. Выписывать можно съ надлежащимъ платежомъ и на сумму не менѣе рубля. Заказы исполняются безъ замедленія. Адресъ: Г. Орель, оспен-ный телятникъ Живописцева.

ОБЛАДАЯ

весьма слабой памятью съ самаго дѣтства и потому желая укрѣ-пить ее, я сперва прошелъ курсъ мнемоники по системѣ англій-скаго пастора Кильбурна, состоящій изъ 8 писемъ. Его система принесла мнѣ пользу, но не въ такой степени, какъ я желалъ. Поэтому я сталъ брать уроки мнемоники у Васъ, г. Файнштейнъ, которые Вы согласились мнѣ преподавать. Ваши уроки благо-творно подѣйствовали на мою слабую прежде память: память у меня стала постепенно дѣлаться все крѣпче и крѣпче, а разсы-янность уничтожалась. Пройдя у Васъ курсъ мнемоники, я до-стигъ блестящихъ результатовъ. Сравнивая результаты, получив-шіеся отъ системы пастора Кильбурна и Вашей, я нахожу, что Ваша система неизмѣримо выше системы пастора Кильбурна: одна Ваша мнемоническая лекція принесла мнѣ гораздо больше пользы, чѣмъ вся система пастора. Ваша система приноситъ тройную пользу: укрѣпляетъ память, уничтожаетъ разсыянность и улучшаетъ всѣ умственные способности, такъ какъ совершенно устраняетъ механическое заучиваніе, дѣйствующее такъ пагубно на память и умъ. Кромѣ того, она возбуждаетъ любовь къ ученію, давая прекрасные приемы, при помощи которыхъ все изучается легко, свободно и занимательно. Оказывая такую пользу, Ваша система является въ высшей степени цѣлесообразной, и я серд-ечно благодарю Васъ, г. Профессоръ, что Вы соблагородили дать мнѣ уроки по мнемоникѣ, а также за ту добросовѣстность, ко-торую Вы выказали въ отношеніи ко мнѣ.

Благодарю, еще разъ благодарю!

Илларионъ Гавриловичъ Кондратьевъ.

СПБ., Петербургская сторона, Звѣринская ул., д. № 36, кв. № 8. ПРОФЕССОРУ МНЕМОНИКИ

С. Файнштейну въ Одессѣ.

LE TRÈFLE INCARNAT
DE L. T. PIVER
PARFUM A LA MODE

П. № 1. 104 19—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВОЕ ИЗДАНИЕ П. П. СОЙКИНА

ТАЛМУДЪ.

Полный переводъ текста, сдѣланный ориенталистомъ Н. Переферновичемъ и снабженный объяснительными примѣ-чаніями переводчика и наглядными чертежами.

Всякій образованный человекъ, вѣроятно, слышалъ про Талмудъ, но мало кто, дѣйствительно, знаетъ, что содержится въ этой таинственной восточной книгѣ, написанной крайне темнымъ и не всѣмъ доступ-нымъ языкомъ и составившей цѣлое тысячелѣтіе тысячами лицъ. Одни говорятъ, что это самая безнравствен-ная книга въ мірѣ, а другіе называютъ ее не иначе, какъ «нашею святой Талмудъ». Полный переводъ Талмуда даетъ возможность судить, какое изъ этихъ мнѣній правильнѣе. *Переводчикъ стоитъ на строю научной почтѣ и не всякихъ полемическихъ или религіозныхъ вліяній.* Особенность перевода заклю-чается въ томъ, что весь матеріалъ расположенъ въ порядкѣ Мишны, основного ядра Талмуда, такъ что каждый вопросъ, затронутый въ книгѣ, проходитъ передъ глазами читателя всесторонне разсмотрѣннымъ талмудическими авторитетами. Легкій языкъ, обильные примѣчанія и разъясненія переводчика—оріента-листа, наглядные чертежи, наконецъ, различные шрифты для болѣе и менѣе важнаго—все это облегчаетъ пониманіе текста, способствуя быстрому проникновенію даже совсѣмъ неподготовленнаго читателя въ чуждый строй восточной мысли.

Все изданіе „Мишны и Тосефты“ будетъ состоять изъ 6 томовъ, объемомъ каждый отъ 25—30 листовъ большаго формата, и будетъ раздѣлено на 12 книгъ.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждого тома 2 р. 50 к., съ перес. 3 руб. Вышелъ т. I (кн. 1 и 2), томъ II (книга 1-ая) печатается.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на все изданіе Талмуда въ 6 томахъ (12 книгъ) 12 руб.

Допускается расрочка (исключительно у издателя) на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р. и по выходѣ въ свѣтъ каждого тома по 2 руб., впредь до полной уплаты подписной цѣны.

Имѣются въ продажѣ слѣдующіе труды Н. Переферновича:

Талмудъ, его исторія и содержаніе.

Часть первая—Мишна. СПБ. 97. Цѣна въ кол. пер. 1 р. 50 к.

Что такое Шульханъ-Арухъ?

(Къ освѣщенію еврейскаго вопроса). СПБ. 1898. Цѣна 1 р. 30 к.

Съ требованіями обращаться въ Книжный Складъ П. П. Сойкина, С.-Петербургъ, Стремянная, № 12.

Печатается и поступитъ въ продажу весной 1899 года новое изданіе
Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ДЕШЕВЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Въ одномъ большомъ томѣ, состоящемъ изъ 86 печатныхъ листовъ: болѣе 2500 столбцовъ текста съ 2000 рисунковъ (въ томъ числѣ около 700 портретовъ) и 30 географическихъ картъ, гравированными въ Парижѣ. Изданіе печатается на плотной глян-сованной бумагѣ. Цѣна словаря въ переплетѣ—три рубля. За пересылку—по вѣсу (3 фунта) и растолкію. Желающіе получить словарь тотчасъ по его выходѣ могутъ обращаться съ своими требованіями заблаговременно въ книжный магазинъ П. Луванскаго (С.-Петербургъ, Лештуковъ пер., д. 2), откуда словарь будетъ имъ высланъ немедленно надлежащимъ платежомъ.

„ЧТО
такое искусство укрѣпленія памяти? книга (8-е испр. и дополн. изд.) проф. мнемоники С. Файнштейна, высл. за шесть 7-ми коп. марокъ, на велен. бумагѣ—за восемь 7-ми коп. марокъ.
Адресъ: Одесса, Гаванная ул., собствен-ный д. № 2/8,
профессору мнемоники
С. ФАЙНШТЕЙНУ.
№ 12044 10—2

ДОБРЫЕ ЛЮДИ!

Сгорѣлъ храмъ Архангельскій въ с. Мичал-кахъ Лукоя. у.—Прихожане, въ бѣдѣ, про-сятъ помощи на постройку новаго камен-наго Арх. храма. Помогите имъ, ради Бога, по арх.-ст. «Немля», Нижегород. г., Строи-Комит., свящ. Миловскому.

КРАСКИ
скоровысыхаю-щія,
масляныя, лако-выя, эмалевыя, су-хія и проч. для малярнаго произ-водства.
Прейсъ-курантъ съ приложеніемъ 90 образцовъ вы-сылается по требо-ванію бесплатно.
Существуетъ съ 1856 года.
Н. Ф. КЮПЪ.
СПБ., Казанская ул., № 36.
Телефонъ № 236.

С.-Петербургъ, Казанская, 36
Н. Ф. КЮПЪ

НОВАЯ ЗАМѢЧАТЕЛЬНО-УООВЕРШЕНСТВОВААННАЯ

МЕТОДА

ИЗДАНИЕ ПАРОВОЙ ТИПО-ЛИТОГРАФИИ

Я. Н. Подземского

въ Смоленскѣ.

ПОЛЬЗУЙТЕСЬ РѢДКИМЪ СЛУЧАЕМЪ
ВЪ 20 ДНЕЙ ИСПРАВИТЬ САМЫЙ ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ ВЪ БЛЕСТЯЩЕ-КРАСИВЫЙ
ВСЕГДѢ ЗА 1 руб. 30 коп. съ пересылкою.

Самоучитель состоитъ изъ слѣдующихъ 4-хъ отдѣловъ:

1-й отдѣлъ: а) полное подробное руководство въ правильному письму прямолінейныхъ, круглыхъ и полукруглыхъ буквъ съ литографир. примѣрами въ тексты и проблемныя прописки; б) два късило исполненныхъ рисунка правильного держанія пера и расположенія пальцевъ; в) двадцать механическихъ элементарныхъ прописокъ, късило исполненныхъ голубою краскою для обведенія чернилами и усовершенств. тверд. руки.
2-й отдѣлъ: а) руководство къ изученію заглавныхъ буквъ по вновь изобрѣд. упрощенной методѣ; б) элементы заглавной азбуки; в) полная двѣ азбуки — заглавная и строчная; г) двадцать практическихъ прописокъ крупныхъ и мелкихъ каллиграфическихъ шрифтовъ, исполненныхъ голубою краскою.

3-й отдѣлъ: а) полный курсъ заглавной скорописи съ двадцатью механическими прописками, исполненными голубою краскою.

и 4-й отдѣлъ: Французскія и нѣмецкія четыре азбуки съ названными росчерками. Рондо, готическій шрифтъ и разные названные шрифты для заголовковъ и фактуръ.

Объясненіе это не голословное, а подтверждается отзывами должностныхъ и частныхъ лицъ, часть которыхъ напечатана здѣсь.

Вышло изъ печати руководство къ обученію письму шрифтами рондо, курсивъ, готикъ и печатанію цифръ, късило исполненныхъ литографическимъ способомъ на 40 страницъ, отпечатано голубою краскою для обведенія чернилами и усовершенствованія твердости руки, составленное преподавателемъ Тульского технического ж.-д. училища В. Комаровымъ, изданіе Я. Н. Подземского въ Смоленскѣ, цѣна 60 к. съ пересылкою.

При одновременной выпискѣ самоучителя каллиграфіи и скорописи каллиграфіа С. Волычине и руководство В. Номарова — 1 р. 60 к. съ пересылкою за оба изданія.

БЛАГОДАРСТВЕННЫЯ ПИСЬМА.

1-е) Ваши рукописи къ обученію псалерскихъ учениковъ вполне отвѣчаютъ дѣлу, какъ я убѣдился въ минувшемъ году, и писарские ученики удостоились лучшихъ отзывовъ на экзаменѣ. Желательно, чтобы и настольный годъ принесъ не худшіе успѣхи, прошу Васъ не откажитесь выслать рукописи на три руб. — По полученіи, деньги будутъ высланы. — Высылайте по адресу: г. Свѣтлицы, Издательскому Свѣтлицкому Волжскому Начальнику Колоколому. Отвѣсь съ почтеніемъ Штабсъ-Капитанъ Колоколовъ.

2-е) Изъ настоящаго письма Вы видите, какихъ результатовъ достигъ я, выписавъ Вашъ самоучитель. За это приношу Вамъ мою искреннюю благодарность. При всемъ томъ я всѣмъ своимъ знакомымъ рекомендую Вашъ способъ и Вы навѣрно уже получили требованія на него еще въ Октябрѣ изъ м. Посада отъ Альгина, Соколова и Капитонова. Желая теперь преподать своему помощнику по канцеляріи Вашъ способъ, покоряюсь Вамъ: не найдете ли возможности выслать мнѣ по повѣреннымъ цѣнамъ еще два экземпляра самоучителя. Съ совершеннымъ почтеніемъ Николай Петровъ.

3-е) Блестящіе результаты упражненій по Вашей методѣ ставятъ меня въ обязанность выразить Вамъ мою искреннюю признательность и сердечную благодарность и, вмѣстѣ съ симъ, яроить выслать для моихъ знакомыхъ еще два экземпляра самоучителя каллиграфіи и скорописи съ законными платежомъ. А. Смирновъ, С.-Петербургъ.

4-е) Приношу Вамъ искреннюю благодарность за исправленіе моего почерка. Я нашелъ, что изобрѣтенный Вами методъ въ каллиграфіи, сверхъ естества правильный, съ которымъ нельзя сравнить другіе, по которому я и усовершенствовался писать каллиграфически. Съ почтеніемъ Ис. Сем. Зубаревъ, г. Бѣлогородъ.

СПЕРМИНЪ ПРОФ. ПЕЛЯ.
Sperminum Poehli СРЕДСТВО ДЛЯ
МАЛОКРОВНЫХЪ И СЛАБОНЕРВНЫХЪ.

Тонизирующее средство при лихорадочныхъ и изнурительныхъ болѣзняхъ употребляется: 1) внутрь, въ видѣ капель (Essentia Spermini-Poehli), 2) въ видѣ подкожныхъ инъекцій (Sperminum-Poehli pro injectione).

ИМѢЕТСЯ ВО ВСѢХЪ БОЛЬШИХЪ АПТЕКАХЪ.
ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:
ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ПРОФ. ДОКТОРА ХИМИИ ПЕЛЯ,
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 7 лин., д. 18.
Лабораторія охотно снабжаетъ в. врачей полемическимъ съ научной точности наблюдениемъ надъ цѣлебными дѣйствіемъ этого препарата.

ТРЕБУЙТЕ ТОЛЬКО
карманные часы изъ настоящаго новаго золота "double'or",
никогда не темнѣющіе, ничѣмъ не отличающіеся по виду отъ настоящихъ золотыхъ 56 пр., крытые, съ 3 крышками, ажурные, мужские, механика выш. сорта, заводъ безъ ключа, ремонтъ гаръ.
Цѣна 12 руб. и 15 руб.
Такіе же дамскіе 13 руб.
Каждый экземпляръ часовъ снабженъ ручательствомъ за прочность металла и вѣрность хода на 6 лѣтъ. Къ часамъ прилагается бесплатно названная панцирная пружина съ брегетомъ, тоже новаго золота. Заказы высылаются и наложеннымъ платежомъ по полученіи 2 р. вадатка.
Адресъ: Фабричному складу часовъ «ЖЕНЕВА», Варшава, Рымарская, № 18.
Предостереженіе! Въ виду появившихся поддѣлокъ просимъ обращать вниманіе, что ювелирскіе часы изъ настоящаго новаго золота имѣютъ слѣдующія марки: на внутрен. крышкѣ «ЖЕНЕВА» и «double'or», на циферблатѣ «Fischmann Watch Co»; часы безъ этихъ марокъ слѣдуетъ считать лишь золочеными. Кромѣ вышеозначенныхъ марокъ, часы снабжены также панциремъ «ЖЕНЕВА», утвержденномъ Департаментомъ Торговли и Мануфактуръ за № 16395.
Имѣются также золоченые часы мужскіе крытые въ 7 р. и 8 р. съ маркою на крышкѣ «Diana» (головка), которые продаются всѣми фирмами по 10 р. и 12 р.

EAU DENTIFRICE
BAISANIQUE DE LOUZE
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (128)

Во избѣжаніе часто встречаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

!Долой пухъ и перья!
Покупайте надувающихся подушки изъ англ. сатина на фабрикѣ Торре-ваго Дома Фельтенштейнъ и Розенбергъ въ Двинскѣ по слѣд. цѣнамъ:
размѣръ въ англ. дюйм.: 12 × 16 14 × 16 16 × 16 18 × 20
безъ перегородокъ 1 р. 75 к. 1 р. 85 к. 2 р. 10 к. 2 р. 50 к.
съ перегородками 2 р. 25 к. 2 р. 35 к. 2 р. 60 к. 3 р. —
Шелковыя подушки съ перегородками:
12 × 16 14 × 16 16 × 16 18 × 20
3 р. 50 к. 3 р. 80 к. 4 р. 10 к. 4 р. 40 к.
Съ монограммой г. заказчика на 1 руб. дороже.
Высылаются по полученіи вадатка налож. платежъ.

СКЛАДЫ ЗАВОДОВЪ
ГРАФА ГАРРАХА
С.-Петербургъ, Невскій просп., д. 54, противъ Публичной Библиотеки.
Москва, Кузнецкій м., домъ Санъ-Галли.
РЕКОМЕНДУЮТЪ

ХРУСТАЛЬНЫЕ СЕРВИЗЫ изъ богемскаго хрустала.
ХРУСТАЛЬНЫЯ ЛЮСТРЫ. ПРЕДМ. РОСКОШИ изъ хрустала, фарфора и маюлика.
И паскальные яйца въ большомъ выборѣ по фабричнымъ цѣнамъ.
ГЕРЫ-ВЕНЗЕЛЯ и РАЗНЫЕ УЗОРЫ на хрусталѣ и фарфорѣ дѣлаются по заказу въ собственной мастерской изъщю, ДЕШЕВО и СКОРО.

СТОЛОВЫЕ СЕРВИЗЫ. Чайныя и кофейныя сервизы. УМЫВАЛЬНЫЕ ПРИВОРЫ изъ фарфора и ояака.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

ЧАЙ ЛЮБИТЕЛЬСК.

Чисто Китайскіе, свѣжіе, самые высокіе сорта, какіе рѣдко бываютъ въ продажѣ, получены чрезъ Сибирскую ж. д. въ чайныхъ складахъ,
Москов. купца **И. Е. ДУБИНИНА**, Москва, Покровка, д. Тяжелова.
Чай Царская Роза, чрезвычайно ароматный . . . 2 руб. — н. фун.
Чай Черный Лянсинъ замѣчательный 2 » 50 » л
Чай небывалая рѣдкость верхи съ цвѣточкомъ 2 » 80 » »
Желая познакомиться съ нашими чаями всѣхъ знатоковъ и любителей истинно хорошихъ чаевъ, мы предлагаемъ самую льготную условія.
Желающимъ выписать на пробу **ОДИНЪ ФУНТЪ** одного или всѣхъ сортовъ (1/2, 1/4, 1/8) чай высылается во всѣ мѣста Европейской Россіи на счетъ магазина по розничной цѣнѣ безъ скидки. Можно съ налож. платежомъ. При выпискѣ чая не меньше трехъ фун. дается скидка 20% съ руб. при чемъ пересылка на счетъ покупателя. Покупателямъ 25 фун. особая льгота. Подробный Прейсъ-Курантъ чаямъ китайскимъ, Цейлонскимъ и Японскимъ и льготныя условія высылаются желающимъ бесплатно.

ÉLIXIR, POUDRE et PÂTE
DENTIFRICES
des RR. PP.

BÉNÉDICTINS
DE
Abbaye de Soulac,
Dom MAQUELONNE, Prieur.
Inventés en l'an 1373 par le Prieur P. BOURSAUD
VENTE EN GROS :
SEGUIN, BORDEAUX.
Maison fondée en 1807.

VENTE DANS TOUTES LES BONNES PARFUMERIES, PHARMACIES ET DROGUERIES.
MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.

GRAND PRIX Exposit. Int. Lyon 1889. HORS CONCOURS MEMBRE DU JURY Exp. Int. Bordeaux 1885.

EXIGER LA SIGNATURE DU PRIEUR Dom M. Maquellonne - S. O.

ЛОКОМОБИЛИ
АНГЛ. ЗАВ. РУСТОНЪ ПРОКТОРЪ И ДР.
ВСЕГДА НА СВАДЬБѢ

У ПРЕДСТАВИТЕЛЯ
Ф. И. РОЗЕНТАЛЬ
ВЪ МОСКВѢ, ПУШКИНСКАЯ 123.

Ш. № 12122 3-1

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ П. П. ДАУГУЛЯ
существуетъ съ 1822 года въ г. Юрьевѣ (Дерптѣ), Лифляндской губ. и высылаетъ бесплатно и франко **КАТАЛОГЪ ОБЪЯНМЪ** огороднымъ, цвѣточнымъ и экономическимъ, 500 сорт. РОЗАНАМЪ, грунтовымъ и оражерейнымъ, георгинамъ, гвоздикамъ, цвѣточн. луковкамъ, воздушн. и тепличн. растеніямъ, фруктовымъ и украсительнымъ **ДЕРЕВАМЪ** и **КУСТАРНИКАМЪ**, клубникамъ, спаржѣ, шампиньон. гриздамъ, растеніямъ. Гигрометра (предсказан. перемены погоды въ точности за 24 ч. впередъ, л. 2 р.) и пр. съ обозначеніемъ крайн. цѣнъ.

Черезъ контору журнала "СЧЕТОВОДСТВО" (СНБ., Невскій 64) можно выписать:

- 1) Двойную бухгалтерію въ популяр. очеркахъ, 2-ое изданіе. Цѣна 1 руб.
- 2) Самоучитель двойн. бухгалт. Ф. Скубица, 3-е изд. Ц. 1 р. 50 к.
- 3) Одобренн. Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ. Фабрично-заводское (мельничное) счетоводство, Л. Гомберга. Цѣна 4 руб.
- 4) Аналитическая карта бухгалтеріи. Ц. 75 коп. № 12036 3-3
- 5) Журналъ "Счетоводство" за 1889-1899 годъ, по 6 руб. Богатый научный и практический матеріалъ.

Над. ил. высыл. лишь при задаткѣ. Программа, съ объясненіемъ за всѣ года, высылается бесплатно.

"Наилучшій подарокъ для самого себя".
Цѣна: 1 шт. 2 р., 2 шт. 3 р. 75 к.

ПОРТМОНЪ СО ШТЕМПЕЛЕМЪ
изъ наилучшей черной онойки заграничной выделки, съ матовымъ лоскомъ, съ 5 отдѣленіями, 1 внутреннимъ закрытымъ для званой монеты и однимъ особо закрытымъ для золота. Корпусъ изъ одного куска съ механич. затворомъ, содержащимъ каучуковый штемпель съ подушкой для краски. Въ штемпелѣ можно помѣстить имя, отчество, фамилію и званіе, по желанію и корону. Наружная велич. 2 1/4 x 1 3/4 в. Также дамскія изящныя, размѣромъ 1 1/4 x 1 верш. по тѣмъ же цѣнамъ. Тѣ же изъ настоящей гусиной, мягкой лагровированной кожи, штука на 50 к. дороже. Ц. № 11823 4-4

Цѣны съ пересылкою въ Европейскую Россію, въ Азіатскую же—съ прибавленіемъ части въвозныхъ. Съ наложеннымъ платежомъ на 10 к. болѣе. Также безъ штемпелей, штука на 35 к. дешевле.

Въ контору фабрика **АМЕРИК. КАУЧУКОВЫХЪ ШТЕМПЕЛЕЙ И. ФИШМАНЪ**, Варшава, Бѣльска, 18.

Требованія прощу адресовать: Ш. № 11642 20-19

МЫЛО ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫХЪ ВЪ ТЕПЛОЙ ДИСПОЗЕ БЕЗЪ ВОДЫ * П. Н. ВИНОГРАДОВА. * ПАРКИ
ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ на Всероссийской Выставкѣ 1896 года. требовать луски съ этикетомъ утверждено ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ. БѢЛЫЕ получаются замѣчательно чистыми. Желтизна и пятна уничтожаются ЭКОНОМИЯ въ топливѣ, ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. Мыла ДИСПОЗЕ расходуется въ ТРИ РАЗА МЕНЬШЕ простаго. Совершенно безвредно для тканей бѣлыя. Удостоверенъ № 3780. ЭКОНОМИЧНО ДЛЯ БАНИ. Продажа въезд. Опт. у П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка, домъ № 2.

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

В. В. ЛЕЖЕНЪ
сущ. съ 1794 г.
СПБ., Казанская ул., д. № 48.
ОРУЖЕЙНЫЙ магазинъ и мастерская.
Высмыслетъ новый иллюстрирован. прейсъ-курантъ на 1899 г. за три 7 коп. марки.

Для смягченія и бѣлизны кожи.

КАЛОДЕРМА
ЖЕЛЕ КАЛОДЕРМА. * МЫЛО КАЛОДЕРМА.
Ф. Вольфъ и Сынъ въ Карлсруэ.

Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

!! ЧАСЫ !!

америк. накладного золота глухіе, самые изящные, самые прочные, самые вѣрные, анкерный ремонтуаръ, настоящие женевскіе, конструкціи золотыхъ часовъ, съ чрезвычайно изящной настоящаго наклад. золота цѣпоч. и брелк. по 10 и 12 р. высылаютъ обнулыми и проверенными до минуты съ гарантіей на 5 лѣтъ по желанію съ монограммой Ш. Биткерь, въ Варшавѣ, Сенаторская ул., № 27, по полученіи 2-хъ руб. задатка, остальные налож. платеж.; такіе же дамскіе на 1 руб. дороже.

Извлеченіе изъ аттестаціи. г. Борзно, Чернигов. губ. 18 февраля 1899 г. Господинъ Биткерь! Высланными на мое имя часами изъ американскаго золота ожего года тому назадъ я остался доволенъ: они не потеряли первоначальнаго цвѣта и самое главное имѣютъ вѣрный ходъ, а потому, прилагая въ задатокъ два руб., покорнѣйше прошу выслать мнѣ такого же достоинства мужскіе часы и т. д. Дѣлопроизводитель Борзенскаго земскаго управленія Иванъ Ивановичъ Пустовойтовъ и множ. другихъ.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника ХУПІІ в. Всеволода Соловьева. СПб. Изд. 2-е. Ц. 3 р., съ перес. 2 р. 50 к. Требования адресовать въ контору издавн. А. Ф. Мариса, СПб., М. Морская, № 22.

ИЦА
для вышиванія отъ итальянскихъ куръ 2 р. 75 к., кохичихъ 4 р., лангшанъ 4 р., пежисъ. утокъ 5 р. за дожд. За прѣбытіе въ цѣности и гарантію. Иллюстриров. каталогъ 25 к. Пгдцеводство Э. В. Багбутова бж. Ревеля.

Врачу ХУТОРЪ
или усадьбу въ деревнѣ нужно. Условія: южная полоса Россіи, 5—10 десятинъ при рѣкѣ, почта, отсутствіе иного врача поблизости. Опись и цѣну адресовать: Москва, М. Никитская, д. Чижова, Дунаевой.

Въ виду предстоящаго праздничнаго пригот. мною большой выборъ изящныхъ вещей изъ чистаго 580/0 пробы золота спеціально для подарковъ. Особено рекомендую изящный подарокъ **ГАРНИТУРЪ** браслетъ золотой 580/0 пр. изящной отдѣлки, кармазирозанный, т. е. осыпанный искусственными парижскими брилліантами, а по серединѣ дуплетъ, сапфиръ, рубинъ, аметистъ, бирюза и другіе; такая же пара серегъ и кольцо, все изъ чистаго 580/0 пр. золота **ТОЛЬКО ЗА 12 Р.** Инородичныя «Гарнитуръ» высылаются въ спеціально пригтовленномъ изящномъ футлярѣ, безъ задатка, наложеннымъ платежомъ. Адресъ: 1. ВУЗЕРЪ, складъ золотыхъ издѣлій, Варшава, Граничная, 6.

Ювелиръ ЗЙКЕНРОТЪ.
МОСКВА, Камергерскій переулокъ, домъ Ланоголов.

Покупаю жемчужныя вѣнки, брилліанты, рубины, изумруды, по хорошей цѣнѣ. старое золото и серебро на новые вещи. Заняты исполненіемъ въ собственной мастерской, находящейся при магазинѣ.

Къ наступающему празднику заготовленъ большой выборъ новѣйшихъ фасоновъ золотыхъ и брилліантовыхъ, съ драгоценными камнями, вещей и большой выборъ новостей **БРЕЛОКОВЪ И ЯЧЕКЪ.**

Пейте Цейлонскій чай!
Пейте Цейлонскій чай!!
Пейте Цейлонскій чай!!!

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго пригтовленія.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучший чай по вкусу и аромату.

Тодичное потребленіе Цейлонскаго чая въ Россіи болѣе 10.000,000 фунтовъ 10.000,000.

Ш. № 11641 30-19

Главный складъ Цейлонскаго чая у М. РОЖИВЮ, Москва, МАРОСЕЙКА, д. ТУШНИНОЙ.
Представитель Товарищества Цейлонскихъ плантаторовъ для всей Россіи. Ш. № 11642 20-19

ЗАЙКАНИЕ

лѣчится въ дѣчебномъ учрежденіи И. И. Гиммилера. Москва, Новая Басманная, д. Ланина. ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ.

Условія высылаются бесплатно.

ТРЕБУЙТЕ
для выписки
НОМИЦИАРУНЪ
и **ОТЪ ЗАГАРА**
КРЕМЪ ОРИЗА
на В. ШМОЛЬ
цѣна 20 коп. Продажи въезде

КРАСИВО вычитается всякій заочно (посредствомъ переписки) **ПИСАТЬ** въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДА.**
Методъ преподаванія на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. За 4 семилеточныя мѣсяца высылаются **ПРОБНОЕ ПИСЬМО** шрифтовъ, подробныя условія и образцы исправленія почерка. заочн. учен. Адресъ: профессору каллиграфіи **Адольфу Коссоду** въ Одессѣ, Дербасовская, д. № 19.

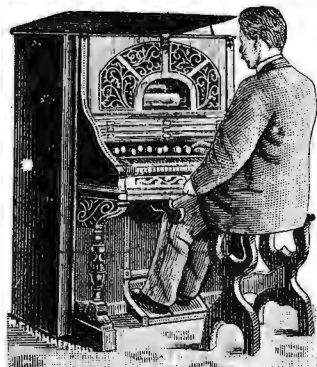
ЛЕОТИ
Перворазрядный торговый домъ корсетовъ 8, Place de la Madeleine **ПАРИЖЪ.**
Для мѣрки требовать указатель на русск. яз.

СИБИРСКІЙ СКЛАДЪ
КИТАЙСКІХЪ ШЕЛКОВЫХЪ МАТЕРІЙ
Д. А. Епанешникова
Москва, Никольская ул., д. Греческ. мон.
ЧЕ-СУ-ЧА.
Дамская отъ 12 до 18 р. кусокъ въ 26/23 арш.
Мужская « 20 « 40 р. кусокъ въ 26/23 «
Фанта « 12 « 40 р. кусокъ въ 21/22 «
Товаръ высылаю наложнымъ платежомъ.
Образцы бесплатно. 10-5

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА
„СМИСЬ - ПРЕМЬЕ“
Скорость, прочность, удобство. Последнія усовершенствованія.
Цѣна 250 р. и 275 р.
Дешев. пишущ. машина **„КОСМОПОЛИТЪ“**
Самый красивый шрифтъ.
Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами. Описанія и образцы шрифтовъ обѣихъ машинъ высылаю бесплатно.
О. РИХТЕРЪ, СПБ., Адмиралт. пр., 4.
Москва—Ф. И. Розенталь, Мясницкая, 36.
Варшава—Я. Фаясъ и К^о. Сенаторская, 36.
Кіевъ—Н. Фальбергъ, Крестьянск. Одесса—Г. М. Левинсонъ, Рижельская, 19.

По новѣйшей французской методѣ **„ВОРТА“** 10-2
обучаю кроить и шить дамскихъ, дѣтскихъ кардодъ, верхн. платья, бѣлья и корсетовъ въ школѣ и заочно посредствомъ лекцій. Плата впередъ не взимается. По окончаніи установленное свидѣтельство. Условія высылаю бесплатно. Кіевъ, Б. Васильевская д. № 89. Преподавательница **Е. Д. АШМАРИНА.**

БЕСѢДЫ ПО ЗЕМЛЕДѢЛІЮ.
Соч. И. А. Билъдерлинга.
Изданіе заключаетъ въ себѣ 102 страницъ in 8° и снабжено 18 рис.
Цѣна 40 коп. съ пересылкою 50 коп.

Отзывъ проф. Н. В. Галкина
объ
Золіанъ-органъ.
Новоизобрѣтенный инструментъ Золіанъ замѣняетъ собою оркестръ и даетъ возможность даже неумѣющимъ играть исполнять всѣ оркестровыя сочиненія и тѣмъ образомъ пользоваться, съ приближеніемъ оркестровымъ оттѣнками, всѣми шедеврами музыки у себя дома.
Золіанъ вымѣются въ 225, 300, 400, 500, 600, 900, 1,200 и 1,500 р. Ноты къ нему въ громадномъ выборѣ, отъ 1 р. 50 к. и дороже. Имѣется много русскихъ свѣтскихъ и духовныхъ пьесъ.
Подробное описаніе бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34. | Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

НОВѢЙШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА

„БЛИКЕНСДЕРФЕРЪ“

не только равна другимъ, значительно дороже стоящимъ машинамъ, но она безусловно превосходить какъ въ прочностъ, такъ и въ удобствѣ всѣ конструкции имѣя существующихъ пишущихъ машинъ. Цѣна 100 и 140 руб. Въ 2 года вымучено 20,000 машинъ. Образцы шрифтовъ и каталоги высылаются бесплатно.

★ ПРЕДСТАВИТЕЛИ: **Э. КИЖИМАНЪ** и **К^о** С.-Петербургъ, Гороховая, 17. ★

Новое изданіе **А. Ф. МАРКСА**, въ С.-Петербургѣ.

Открыта подписка на СОЧИНЕНІЯ

С. Н. Терпигорева (С. Атава),

издаваемыя подъ редакцію **С. Н. Шубинскаго**, въ шести томахъ in 8°, съ биографическимъ очеркомъ, составленнымъ **П. В. Бывовымъ**, и съ портретомъ автора, исполненнымъ гелиографіей.

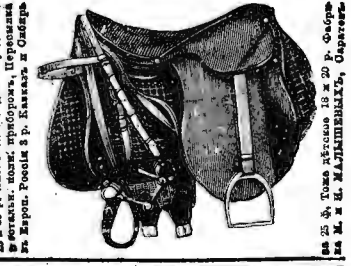
Содержаніе отдѣльныхъ томовъ:

- Томъ I.** Орудіе. „Благородные“. Часть I-я. Оуцы. I. Увертюра. II. Рациональные хозяева. III. Новый баринъ. IV. Нашъ послѣдній расцвѣтъ. V. Поземельный кредитъ. VI. Отхожіе промыслы. VII. На промыслахъ. VIII. Кустарная промышленность. IX. Тихія пристани. X. Бродячіе. XI. Итого.
- Томъ II.** Орудіе. „Благородные“. Часть II-я. Матери. I. Бабушка. II. Кукушка. III. Шалава. IV. Неуголима. V. Овца. Желтая книга. Сназаніе о новыхъ ингиныхъ и старыхъ ингизяхъ. I. Книгиня Ундальчева. II. Книгиня Ухнемъ. III. Книгиня Вольская.
- Томъ III.** Потрвоженныя тѣни. I. Въ раю. II. Бабушка Аграфена. III. Тетенька Клавдія Васильевна. IV. Илья Игнатьевичъ, богатый человекъ. V. Проданныя дѣти. VI. Первая охота. VII. Дядина любовь. VIII. Дворянинъ Евстигній Чарыковъ. IX. Маша—Марья. X. Вице-королева Неаполитанская. XI. Дѣвъ жизни—поконченная и призванная. XII. Емелковская усадьба. XIII. Иуда. XIV. Праздникъ Венеры.
- Томъ IV.** Повѣсти и рассказы. I. Маренинкоino счастье. II. Чайная роза. III. Безъ воздуха. IV. На старомъ гнѣздѣ. V. Сморчки. VI. Галченкокъ. VIII. Вѣчная загадка. VIII. Записки сытаго человека.
- Томъ V.** Повѣсти и рассказы. I. Чужой караванъ. II. Братья Голубчиковы. III. Горѣ доктора Эфеонскаго. IV. Страданія и приключенія вдовы Пересыпкиной. V. Горестныя и радостныя приключенія дѣвственнаго стасткаго совѣтника Анчуткина и дѣвицы Амаліи Шмандтъ. VI. Дѣвочку шести лѣтъ желаютъ отдать совѣтъ. VII. Стрелковская барышня. VIII. Тамбовскія Семирамидыны сады. IX. Князь Иванъ Х. Аверьянъ Михѣевъ и его жильцы. XI. Жоржъ. XII. Соничкинъ сынъ. XIII. Съ простымъ взглядомъ. XIV. Съ нѣжными чувствами. XV. Въ духъ времени. XVI. Предопредѣленіе или Борьба Кудинныхъ съ апельсинникомъ. XVII. Брава. XVIII. Слѣпые (комедія).
- Томъ VI.** Историческіе рассказы. I. Лакейская столица. II. Солотчинскіе монахи и ихъ крѣпостные. III. Раскаты Стенкина грома въ Тамбовской землѣ. Дорожные очерки: I. Въ странѣ фонтановъ и колпаковъ. II. Съ дороги. III. По тихому Дону. Воспоминанія. Умершихъ писателей.

Все изданіе въ 6 изящныхъ томахъ, отпечатанныхъ на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ,—выйдетъ въ теченіе сего 1899 г. Первый томъ выйдетъ изъ печати и будетъ разосланъ подписчикамъ въ концѣ марта.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за 6 томовъ—8 руб., съ пересылкою 9 руб. 50 коп., въ 12-ти изящныхъ колѣнокорковыхъ переплетахъ 11 руб., съ пересылк.—12 руб. 50 коп.
Подписныя деньги вносятся сполна—при заказѣ, или въ разсрочку на слѣдующихъ условіяхъ:

Гг. подписчики уплачиваютъ вперѣдъ:	Безъ пересылки.		Съ пересылкой.	
	Брошюр. Въ перепл.	Брошюр. Въ перепл.	Брошюр. Въ перепл.	Брошюр. Въ перепл.
за 1-й томъ	3 руб.	4 руб.	3 р. 50 к.	4 р. 50 к.
„ 2-й „	3 „	4 „	3 „	4 „
„ 3-й „	2 „	3 „	3 „	4 „
4-й, 5-й и 6-й томы—бесплатно.	—	—	—	—
Итого	8 руб.	11 руб.	9 р. 50 к.	12 р. 50 к.

Требованія и деньги адресовать въ контору изданій **А. Ф. МАРКСА**, С.-Петербургъ, М. Морская, № 22. Подписка принимается также въ конторѣ Н. Н. Печниковой, въ Москвѣ, въ книжн. магазинѣ „Образованіе“, въ Одессѣ, и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

Роскошная клумба — за 3 руб.
Цѣлый цвѣтникъ — за 5 руб.
Полный огорождъ — за 1 руб. 75 коп.
Цѣлая ковровая лужайка — за 40 коп.
Г. Фринь, Адмиралтейск. просп., 10.

ХРИСТОЛЮБИВЫЕ БЛАГОТВОРИТЕЛИ!

Въ бѣдномъ селѣ Дерновѣ Калужск. губ. строится каменный храмъ во имя Святителя и Чуд. Николая. Деньги въ храмъ итѣ. Откликнитесь, благотѣля, на мой зовъ, на мое всеусердѣйшее прошеніе, помогите кто чѣмъ можетъ. Свят. Николай за ваше усердіе не оставитъ васъ своими молитвами предъ Престоломъ Бога Вышняго. И мы, служащіе Олтарю Господню, будемъ молить милосердіе Божіе, оказать вамъ милость на землѣ и на небѣ. Скажи, добрый братъ, свое имя, я буду молиться за тебя, а съ родной покойницъ, дорогой сердцу твоemu, скажи и его имя, я помню его на проскомидіи и отгадаю ему будетъ и тебѣ, добрый дѣтель, Господу поможетъ въ день скорби твоей и въ часъ кончины твоей и за гробомъ. Будьте милосерды! Село Дерново, Священникъ Алекс. Тихомировъ. Адресъ: ст. Мятлево, С.-В. ж. д., въ село Дерново, Свят. Александру Аваанасъевичу Тихомирову.

Крахмало-сахароварные, Паточные и Декстриновые

заводы по новѣйшей, испытанной системѣ
дешевое обезаждение,
превосходные фабрикаты
В. № 12024 устраиваетъ 4-3
Спеціальное заведеніе для постройки и перестройки крахмальныхъ заводовъ
В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
Прейсъ-курранты бесплатно.

Подарокъ для хозяекъ:

Практической Кондитеръ и Булочникъ.
Приготовленіе пироговъ, тортъ, бабъ, пирожного и т. д., чернаго и разнаго благаго хлѣба; пряниковъ, охладит. наниковъ; вагетонка фруктовъ и т. д., и т. д., сост. на осн. 40-лѣтн. практ. Ф. Бетцъ, дѣна 1 р. Выписывающіе изъ склада: Охтенск. порох. зав. Ф. Бетцъ, СЛБ., за пересылку не платятъ. Также во всѣхъ книжн. магазинахъ.

НОВОСТЬ ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ

Цвѣтущая сирень.
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ.
Магазины въ С.-Петербургѣ:
Невскій просп., № 32 и № 66.
Вознесенскій пр. уг. Казанской, № 24/52.

С. СТЕФЕНЪ.
СПБ., Казанская ул., № 13.
ФОТОГРАФ. ПРИНАДЛ.
Иммематографы отъ 175 р.
Картны въ немъ 22 р.
Фотографы отъ 36 р.
наѣтые валіки отъ 2 р.
ВОЛШ. ФОНАРИ отъ 16 р.,
раскрашенн. картны въ немъ отъ 30 коп.
Увеличительные аппараты отъ 40 р.
Разныя новосты.
РАСПРОДАЖА ОСТАТКОВЪ.
Иллюстр. каталогъ 60 к. поттов. марками.

ЖИВНА

№ 12.

XXX г.

1899 г.

Содержаніе:

ТЕКСТЪ: Воскресеніе. Романъ гр. Л. Н. Толстого. (Продолженіе.)—Послѣдній день. Разсказъ Ф. Н. Фальковского.—Первый женскій университетъ. Очеркъ.—Къ рисуванкѣ: Дѣтская головка.—Раннее весноу.—Сложный счетъ.—Ледоколъ „Ермакъ“.—Антонъ ванъ-Дейкъ.—А. А. Реммертъ.—Электрическая конка въ Петербургѣ.—Объявленія.

РИСУНКИ: Дѣтская головка. Картина А. Эрдтеля.—„Воскресеніе“ романъ гр. Л. Н. Толстого: 1) Адвокатъ. 2) Судья. Ориг. рисунки Л. О. Пастернака.—Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Теодоровна съ Августѣйшими Дѣтьми Великими Княжнами Ольгой Николаевной и Татианой Николаевной.—Раннее весноу. Картина Р. Руса.—Сложный счетъ. Картина Л. Брюнена.—Первый женскій университетъ: Коллегія Вассара: 1) Внѣшній видъ зданія коллегіи. 2) Студентки зъ лабораторными работами. 3) Студентки высшаго курса.—Ледоколъ „Ермакъ“ на кронштадтскомъ рейдѣ.—Антонъ ванъ-Дейкъ.—С. О. Макаровъ.—А. А. Реммертъ.—Новый электрическій вагонъ на Знаменской площади въ Петербургѣ.

При этомъ № прилагается выпускъ „Ежемесячныхъ литературныхъ приложений“ за мартъ.

С. М. ЭЛІАШЕВЪ, Москва,
Софійка, ЛУБЯНСКІЙ
ПАССАЖЪ
№ 60—61.

* ЦѢНЫ ВСѢ ДОСТУПНЫ *
ИЛЛЮСТР. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛ. ПО ТРЕБОВ.
ВЕЛИЧАЙШІЙ ВЫБОРЪ:
КРОВАТЕЙ съ изящной живописью, англійскихъ
золоченыхъ, никелированныхъ и обыкновенныхъ.
МАТРАЦОВЪ пружинныхъ, проволочныхъ,
эбеновыхъ и друг.; КРЕСЕЛЪ для больныхъ,
ВАННЪ, ДУШЪ и ШКАФОВЪ купальныхъ
УМЫВАЛЬНИКОВЪ мраморныхъ и металлическихъ.
Дѣтскихъ КОЛЯСОКЪ и ВЕЛОСИПЕДОВЪ.
ТЕДНИКОВЪ КОМНАТЪ и друг. хозяйствен. вещей.
ЕДИНСТВЕННЫЙ ФАБРИЧНЫЙ СКЛАДЪ ИДІАЛЪ
Баршавск. фабр. Бр. Фрунжическихъ.

НОВѢЙШАЯ ПИЩУЩАЯ МАШИНА
„БЛИКЕНСДЕРФЕРЪ“

не только равна другимъ, значительно дороже стоящимъ машинамъ, но она безусловно превосходитъ какъ въ прочности, такъ и въ удобствѣ всѣ конструкции нынѣ существующихъ пишущихъ машинъ. Цѣна 100 и 140 руб. Въ 2 года вышущего 20,000 машинъ. Образцы шрифтовъ и каталоги высылаются бесплатно.

* ПРЕДСТАВИТЕЛИ: **Э. КУЖИМАНЪ и К°**
С.-Петербургъ, Гороховая, 17.

ПАМЯТЬ

лицъ каждаго возр. укрѣпляетъ лично и заочно (въ 10 урокъ.) профес. мнемоникъ, членъ парижск. академ. С. Файнштейнъ. Одесса, ул. Пушкина и Ваз. ул., собствен. домъ, № 23. Условія преподаванія и обменистую брошюру (содерж. многочислен. благодарности офиц. и вполнѣ компет. лицъ, прошед. у меня курсъ мнемоники) высыл. за одну 7-ми коп. марку. (№ телефона въ городѣ 199, № телеф. на собств. дачѣ „многознамя“ 933). Адр. для телегр.: Одесса, профессору мнемоники Файнштейну.
№ 12020 10—3

С.-Петербургско-Азовскій Коммерческій Банкъ
Невскій 62.

Отдаются въ наемъ безопасныя ящики для храненія цѣнностей, документовъ и драгоценныхъ вещей.

№ 12152 12—1

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ
**СЛАБИТЕЛЬНАЯ
ГОРЬКАЯ ВОДА**
ИСТОЧНИКА
ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ

ТОЧНЫМИ АНАЛИЗАМИ и наблюденіями ледичисникихъ авторитетовъ установлено, что испытанная
Слабит. вода **ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ** вълѣдствіе удачной комбинаціи сост. частей, является **ЕДИНСТВЕННЫМЪ** натуральнымъ слабительнымъ, пріятнымъ на вкусъ и не утрачивающимъ своей дѣятельности даже при продолжительномъ употребленіи.
ПРОДАНА ВЕЗДѢ.

КРАСКИ

скоровысыхающія,
масляныя, лаковыя, эмалевыя, гуашь и проч. для малярнаго производства.

Прейсъ-курантъ съ приложеніемъ 90 образцовъ высылается по требованію бесплатно.

Существуетъ съ 1856 года

Н. Ф. КЮНЬ.
СПб., Казанская ул., № 36.
Телефонъ № 236.

ВЕЛОСИПЕДЫ
„ЭНФИЛЬДЪ“
Новость на 1899 годъ.
Модель «РИШЪ»
Рекомендуется вниманію знатоковъ и любителей.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ И. Г. АЛЕКСѢЕВЪ и К°.
Москва, Рождественка, д. Третьяковскихъ.
Прейсъ-куранты высылаются бесплатно. П. № 12101 7 2

КАРАМЕЛЬ
изъ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ
„КЕТТИ БОССЪ“
В. Семедени въ Кіевѣ.
Цѣна коробки 25 коп. Малая коробка 15 коп.

Главный складъ у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ**, С.-Петербургъ, Гороховая ул., 33.
Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. 12—12

ЛѢЧЕБНИЦА
для
УТРАДАЮЩИХЪ ЗАЙКАНІЕМЪ
д-ра мед. **НЕТКАЧЕВА.**
Москва, Никитскій бульв., д. Прибылова.

Крахмальные заводы
по
ново-реформированной системѣ Уландъ

обеспечиваютъ наибольшій доходъ! Специальное заведеніе для устройства и перестройки крахмальныхъ заводовъ **В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.** Прейсъ-куранты бесплатно.

ФОНОГРАФЫ
съ которыми каждый можетъ самъ изготов. фоногр., пѣніе, разговоръ и муз. или воспроизводить съ приготовленнаго цилиндра.

Цѣна нач. съ 30 руб. Подлинныя фонографы **ДИСОНА** нач. съ 70 руб.

Большой выборъ приготов. цилиндр. съ муз., пѣн. изъ оп. и оперет., танц., марши, рус., вѣнец. и др. пѣніе. Спец. преисъ-курантъ бесплатно.

Большой выборъ волшебн. фонарей и картинъ. **Бруно Зенгеръ и К°** угуу Невскаго. СПБ.

КУМЫСЪ.

Открывается 1-го мая 42-ой сезонъ. Подлинн. свѣд.: Самара, д-ру Постникову. Кумысъ эксп. портъ (не портится) высыл. съ 1-го мая, ящикъ 60 бут., съ дост. по ж. доу. больш. скоростью, 30 р. Требуя. кумыса-эксп. портъ и брошюры (35 к.): Самаро-Златоуст. ж. д. станція Смышляевка, Постникову.

ГАРМОНИИ ИЗВѢСТНѢЙШЕЙ ФАБРИКИ **І. Ф. КАЛЪБЕ** И ЛУЧШЕЙ ВЫСОКОЙ РАБОТЫ.

№ 3623—4 р. 50 к. № 3626—5 р. № 3630—9 р. № 3700—10 р. № 3727—20 р. № 3750—25 р. № 3746—20 р. № 3780—28 р.

САМОУЧИТЕЛИ: для однорядной 1 р., для узкородной 1 р., для трехъ-рядной 75 к. Иллюстрированный преисъ-курантъ бесплатно

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И ПОТЪ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Большая Морская, № 34 и 40. МОСКВА, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

Ш. № 11997 16-3

Международный Органъ ИСКУССТВО и Художественная Промышленность

Ежемесячное Иллюстрированное Изданіе
Императорскаго Общества Поощренія Художествъ,
безъ предварительной цензуры,
подъ редакціей **Н. П. СОВКО**,

съ фотогравюрами, хромотипіями, офортами, ксилографіями, исполненными въ первоклассныхъ заведеніяхъ и подъ руководствомъ лучшихъ мастеровъ.

С.-Петербургъ, Мойка, 83.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 6 р. безъ доставки, 7 р. съ доставкой, 8 р. съ пересылкой, 10 р. за границу.

Содержаніе первыхъ 4-хъ выпусковъ (№№ 1-6).

СТАТЬИ биографическія, историческія и критическія: проф. М. М. Антокольскаго, художника А. А. Борисова, художника В. В. Верещагина, Е. А. Ганейзера, Д. В. Григоровича, художника М. М. Далькевича, бельгійца Ферн. Кнопфа, акад. Н. П. Кондакова, Е. М. Кузьмина, Н. В. Некрасова, проф. А. А. Павловскаго, художн. Д. А. Пахомова, художн. Н. К. Рериха, проф. Е. К. Рѣдина, Н. П. Собко, А. И. Сомова, француза Жана Сорреза, Старовѣра, В. В. Стасова, архит. Н. Н. Щербини-Крамаренко и др. (въ общемъ 40 статей). (О дѣятельности разныхъ художниковъ, направленіи различныхъ выставокъ, состояніи цѣлыхъ учреждений и отдѣльныхъ производствъ, содержаніи разныхъ изданій и проч.).

СНИМКИ: внѣ текста—офорты проф. В. В. Матѣ (съ И. Н. Крамскога), фототипія въ краскахъ и безъ красокъ, оригинальныя литографіи и гравюры на деревѣ съ произведеній: Е. М. Бѣмъ, А. А. Борисова, В. М. Васнецова, Зарубина, Зарина, Лампи, И. П. Ропета, И. И. Шишкина и др.,—изъ собраній Государя Императора, Вели. Кн. Сергія Александровича, Музеи Имп. Александра III, Имп. Эрмитажа, И. С. Остроухова, И. М. Третьякова, И. Е. Цвѣткова (числомъ 20); въ текстѣ:—хромолитографіи и автотипіи въ краскахъ и безъ красокъ съ заставокъ и заглавныхъ буквъ изъ древнихъ рукописей Имп. Публ. Библиотеки и др. и съ произведеній 60-ти русск. и иностр. художниковъ, въ томъ числѣ: К. Брюллова, В. В. Верещагина, А. А. Иванова, В. Е. Маковскаго, Перова, Рембрандта, ск. Риссъ, Рѣпина, Н. Сверчкова, Ярошенко и др. (числомъ 250).

Четыре тома въ 502 стр., въ большую 4-ку, въ хромолитографическихъ обложкахъ, съ 40 статьями и 270 снимками, мноюцѣтными и одноцѣтными, въ текстѣ и на особахъ листкахъ.

Цѣна въ отдѣльной продажѣ: вып. I-го (№№ 1-2) и III-го (№№ 4-5)—по 2 руб.; II-го (№ 3) и IV-го (№ 6)—по 1 руб. 50 коп., безъ перес.

ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
ГУМБЕРЪ
предлагаетъ Ц. № 11988
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Георгій ЖЕМЛЮЧКА и Ко.
Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
Прейсъ-курранты по требованію. 15-4

ИСПРАВЬТЕ СВОЙ ПОЧЕРКЪ ЗА 1 руб. 60 коп.
Красиво писать по господнему усовершенств. и дополненному методу
„КАЛЛИГРАФЪ“

въ 15 уроковъ съ РУЧАТЕЛЬСТВОМЪ ЗА УСПѢХЪ выучивается всякій, самый дурной почеркъ превращается въ блестяще красивый.
1) Теоретическая часть, состоящая изъ рукозодства на 32 стр.
2) Практическая часть, состоящая изъ 5 отдѣловъ, раздѣленныхъ на 15 уроковъ на 160 страницкахъ. № 11918 3-2
Цѣна за весь курсъ исправленія почерка, т. е. за обѣ части, состоящая изъ 192 стр., съ перес. 1 р. 60 к., можно прислать почт. марками; съ налож. плат. 1 р. 75 к.
Адресъ: Полтава. Съладъ изданія «КАЛЛИГРАФЪ» Д. Н. Подземскому, собств. домъ.

Профессору мнемоники

С. ФАЙНШТЕЙНУ

въ г. ОДЕССѢ.

Желаніе мое

помочь радикально развитію способностей сына моего Владимира Петровича увѣчалось счастливейшимъ успѣхомъ подъ влияніемъ вашихъ мнемоническихъ лекцій. Его лѣтностъ къ книжному дѣлу и невнимательность въ классѣ сдѣлались прилежаніемъ и полнымъ логическимъ отношеніемъ ко всякой мыслительной дѣятельности. Это произошло съ того времени, когда лекціи ваши коснулись его уха и картины уроковъ мнемоники возбудили въ немъ интересъ къ приобрѣтенію ученическихъ знаній, вызванный главнымъ образомъ той легкостью запоминанія, кака я дается вашей системой. Курсъ еще въ полномъ составѣ имъ не пройденъ, но сила уроковъ глубоко отразилась на ребенкѣ; теперь нѣтъ у него лѣтности къ ученію, воспринимаетъ онъ быстро и воспроизводитъ ясно, обстоятельно и точно; словомъ, изъ безнадѣжнаго сына сталъ мой Владимиръ Петровичъ очень хорошимъ ученикомъ. О системѣ же вашего преподаванія считаю долгомъ сказать, любезнѣйшій профессоръ, что въ ней глубоко кроется великая тайна, при помощи которой можетъ возникнуть и развитіе могучее древо познаній на почвѣ даже самыхъ посредственныхъ дарованій, а безъ нея можетъ сохнуть и погибнуть высокой психозъ. Крайне благодарный отецъ за оказанію вами, милостивѣйшій профессоръ, щедрую помощь моему сыну. Дай вамъ Богъ плодотворно потрудиться на трудномъ поприщѣ, которое проходите!

СВЯЩЕННИКЪ

Петръ Аркадѣвичъ Алякритскій.

Судай (Костр. губ.).

СЫНЪ МОЙ

Павелъ Чековскій, будучи въ гимназій, шелъ чрезвычайно неуспѣшно, вслѣдствіе чего мнѣ предлагали взять его изъ гимназій. Желая не оставить сына моего безъ образованія, я началъ доискиваться причины его неуспѣшности, и оказалось, что все несчастіе моего сына заключается въ томъ, что у него полное отсутствіе памяти. Тогда я обратился къ профессору мнемоники Файнштейну и благодаря ему мой сынъ Павелъ окончилъ гимназію, и съ тѣхъ поръ и понынѣ я и вся моя семья искренно молимъ Бога за тотъ даръ, которымъ обладаетъ г. Файнштейнъ, оказывая челоѣчеству и въ особенности молодежи такую великую услугу, безъ которой мой сынъ, Павелъ Чековскій, не окончивши гимназій, приносилъ бы моему семейству одно лишь горе. Буду пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы выразить свою искреннюю благодарность г. Файнштейну.

ПОЛКОВНИКЪ

Игнатій Карловичъ ЧЕКОВСКІИ.

М-ко Каларашъ (Бессар. губ.).

Для СМЯГЧЕНІЯ БѢЛИЗНЫ КОЖИ.

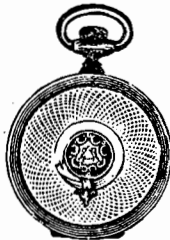
КАЛОДЕРМА

ЖЕЛЕ КАЛОДЕРМА. ❖ МЫЛО КАЛОДЕРМА.

Ф. Вольфъ и Сынъ въ Карлсруэ.

Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

!! ЧАСЫ !!

америк. накладного золота глухія, самые изящные, самые прочные, самые вѣрные, анкерный ремонтуръ, настоящие женевскіе, конструкции золотыхъ часовъ, съ чрезвычайно изящной настоящаго наклад. золота цѣпоч. и брелк. по 10 и 12 р. высылаютъ отгннутыми и протѣренными до минуты съ гарантіей на 5 лѣтъ по желанію съ монограммой
Ш. Еитнеръ, въ Варшавѣ, Сенаторская ул., № 27, по полученіи 2-хъ руб. задатка, остальные налож. платеж.; такіе же дамскіе на 1 руб. дороже.

Извлеченіе изъ аттестаціи г. Борзно, Чернигов. губ. 18 февраля 1899 г. Господинъ Биткертъ! Высланными на мое имя часами изъ американскаго золота около года тому назадъ я остался доволенъ: они не потеряли первоначальнаго цвѣта и самое главное имѣютъ вѣрный ходъ, а потому, прилагая въ задатокъ два руб., покорнѣйше прошу выслать мнѣ такого же достоинства мужскіе часы и т. д. Дѣлопроизводитель Борзенаго земскаго управленія Иванъ Ивановичъ Пустовойтовъ и мною, другихъ,

XXX г.
№ 12

Выходить еженедельно 52 № в годъ, съ приложениемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ литературныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXX
1899

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выданъ 20 марта 1899 г.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1899 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	5 р. 50 к.	Безъ дост. въ МОСКВЪ въ конторѣ Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи . . .	6 р. 25 к.	Безъ доставки въ ОДЕССЪ въ книж. маг. «ОБРАЗОВАНИЕ», Ришельевская, 12.	6 р. 50 к.	Съ доставкою въ Петербургъ . . .	6 р. 50 к.	Съ пересылкою во все мѣстности Россіи . . .	7 р.	За грав. ницу . . .	10 р.
-----------------------------------	-------------------	---	-------------------	--	-------------------	----------------------------------	-------------------	---	-------------	---------------------	--------------

На ¼ года съ дост. въ СПБ. 1 р. 25 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на ½ года съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 к.

При этомъ № прилагается выпускъ «Ежемесячн. литерат. приложений» за мартъ 1899 г.

Воскресеніе.

Романъ
графа Л. Н. ТОЛСТОГО.

(Продолженіе.)

V.

Въ коридорахъ суда уже шло усиленное движеніе, когда Нехлюдовъ вошелъ въ него.

Сторожа то быстро ходили, то рысью даже, не поднимая ногъ отъ пола, но нмыгая ими, запыхавшись бѣгали взадъ и впередъ съ порученіями и бумагами. Пристава, адвокаты и судейскіе проходили то туда, то сюда, просители или подсудимые не подъ стражей уныло бродили у стѣнъ или сидѣли дожидаясь.

— Гдѣ окружный судъ?—спросилъ Нехлюдовъ у одного изъ сторожей.

— Какой вамъ? Есть гражданское отдѣленіе, есть судебная палата.

— Я присяжный.

— Уголовное отдѣленіе. Такъ бы и сказали. Сюда направо, потомъ направо и вторая дверь.

Нехлюдовъ пошелъ по указанію.

У указанной двери стояли два человѣка, дожидаясь: одинъ былъ высокій, толстый купецъ, добродушный человѣкъ, который, очевидно, выпилъ и закусилъ и былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа; другой былъ приказчикъ еврейскаго происхожденія. Они разговаривали о цѣнѣ шерсти, когда къ нимъ подошелъ Нехлюдовъ и спросилъ, здѣсь ли комната присяжныхъ.

— Здѣсь, сударь, здѣсь. Тоже, нашъ братъ, присяжный?—весело подмигивая, спросилъ добродушный купецъ.

— Ну что же, вмѣстѣ потрудимся, — продолжалъ онъ на утвердительный отвѣтъ Нехлюдова: — 2-й гильдіи, Баклашовъ, — сказать онъ,

Дѣтская головка. Съ картины А. Эрдельта грав. Гедадь.

подавая мягкую, широкую несжимающуюся руку: потрудиться надо. Съ кѣмъ имѣю удовольствіе?

Нехлюдовъ назвалъ и прошелъ въ комнату присяжныхъ.

Въ небольшой комнатѣ присяжныхъ было человѣкъ десять разнаго сорта людей. Всѣ только пришли и нѣкоторые сидѣли, другіе ходили, разглядывая другъ друга и знакомясь. Былъ одинъ отставной въ мундирѣ, другіе въ сюртукахъ, въ пиджакахъ, одинъ только былъ въ поддевкѣ.

На всѣхъ былъ, — несмотря на то, что многихъ это огорвало отъ дѣла и что они говорили, что тяготятся этимъ, — отпечатокъ нѣкотораго удовольствія, вызваннаго сознаниемъ совершенія важнаго общественнаго дѣла.

Присяжные, кто познакомившись, а кто такъ, только догадываясь, кто это, разговаривали между собой о погодѣ, о ранней веснѣ, о предстоящихъ дѣлахъ. Тѣ, кто не были знакомы, постѣпшили познакомиться съ Нехлюдовымъ, очевидно, считая это за особую честь. И Нехлюдовъ, какъ и всегда, среди незнакомыхъ людей, принималъ это, какъ должное. Если бы его спросили, почему онъ считаетъ себя выше большинства людей, онъ не могъ бы отвѣтить, такъ какъ вся его жизнь не являла никакихъ особенныхъ достоинствъ. То же, что онъ выговаривалъ хорошо по-англійски, по-французски и по-нѣмецки, что на немъ было бѣлье, одежда, галстукъ и запонки отъ самыхъ первыхъ поставщиковъ этихъ товаровъ, не могло служить, онъ самъ понималъ, — никакъ причиной признанія его превосходства. А между тѣмъ онъ несомнѣнно признавалъ это свое превосходство и принималъ выказываемые ему знаки уваженія, какъ должное, и оскорблялся, когда этого не было. Въ комнатѣ присяжныхъ ему какъ разъ пришлось испытать это неприятное чувство отъ выказаннаго ему неуваженія. Въ числѣ присяжныхъ нашелся знакомый Нехлюдова. Это былъ Петръ Герасимовичъ (Нехлюдовъ никогда не зналъ и даже немного хвасталъ тѣмъ, что не знаетъ его фамиліи), бывшій учитель дѣтей его сестры. Петръ Герасимовичъ этотъ былъ теперь учителемъ гимназіи. Онъ всегда былъ невыносимъ Нехлюдову своей фамильярностью, своимъ самодовольнымъ хохотомъ, вообще своей «коммуностью», какъ говорила сестра Нехлюдова.

— А, и вы попали, — съ громкимъ хохотомъ встрѣтилъ Петръ Герасимовичъ Нехлюдова. — Не отверглись?

— Я и не думалъ отвертываться. — строго и уныло сказалъ Нехлюдовъ.

— Ну, это гражданская доблесть. Погодите, какъ проголодаетесь, да спать не дадутъ, не то запоете! еще громче хочоча, заговорилъ Петръ Герасимовичъ.

«Этотъ протоіереевъ сынъ сейчасъ станетъ мнѣ «ты» говорить», подумалъ Нехлюдовъ и, выразивъ на своемъ лицѣ такую печаль, которая была бы естественна только, если бы онъ сейчасъ узналъ о смерти всѣхъ родныхъ, отошелъ отъ него и приблизился къ группѣ, образовавшейся около бритаго, высокаго, представительнаго господина, что-то оживленно рассказывавшаго. Господинъ этотъ говорилъ о процессѣ, который шелъ теперь въ гражданскомъ отдѣленіи, какъ о хорошо знакомомъ ему дѣлѣ, называя судей и знаменитыхъ адвокатовъ по имени и отчеству. Онъ рассказывалъ про тотъ удивительный оборотъ, который умѣлъ дать дѣлу знаменитый адвокатъ и по которому одна изъ сторонъ, старая барыня, несмотря на то, что она была совершенно права, должна будетъ не за что заплатить большія деньги противной сторонѣ.

— Геніальный адвокатъ! говорилъ онъ.

Его слушали съ уваженіемъ, и нѣкоторые старались вставить свои замѣчанія, но онъ всѣхъ обрывалъ, какъ будто онъ одинъ могъ знать все по-настоящему.

Несмотря на то, что Нехлюдовъ пріѣхалъ поздно, пришлось долго дожидаться. Задерживалъ дѣло до сихъ поръ не пріѣхавшій одинъ изъ членовъ суда.

VI.

Предсѣдательствующій пріѣхалъ въ судъ рано. Предсѣдательствующій былъ высокій, полный человѣкъ съ большими сѣдьющими бакенбардами. Онъ былъ женатъ, но велъ очень распущенную жизнь, такъ а. е. какъ и его жена. Они не мѣшали другъ другу. Нынче утромъ онъ получилъ записку отъ швейцарки-губернантки, жившей у нихъ въ домѣ лѣтомъ и теперь проживавшей съ юга въ Петербургъ, что она будетъ въ городѣ между тремя и шестью часами ждать его въ гостиницѣ «Италія». И потому ему хотѣлось начать и кончить раньше засѣданіе нынѣшняго дня, съ тѣмъ, чтобы до шести успѣть посѣтить эту ряженскую Клару Васильевну, съ которой у него прошлымъ лѣтомъ на дачѣ завязался романтъ.

Войдя въ кабинетъ, онъ защелкнулъ дверь, досталъ изъ шкапа съ бумагами съ нижней полки двѣ галтеры (гири) и сдѣлалъ 20 движеній вверхъ, впередъ, вбокъ и внизъ, и потомъ три раза легко присѣлъ, держа галтеры надъ головой.

«Ничто такъ не поддерживаетъ, какъ обливаніе водою и гимнастика», подумалъ онъ, ощупывая лѣвой рукой съ золотымъ кольцомъ на безымянникѣ напруженный бицепсъ правой. Ему оставалось еще сдѣлать мулину (онъ всегда дѣлалъ эти два движенія передъ долгимъ сидѣніемъ засѣданія), когда дверь дрогнула. Кто-то хотѣлъ отворить ее. Предсѣдатель постѣпнно положилъ гири на мѣсто и отворилъ дверь.

— Извините, сказали онъ.

Въ комнату вошелъ одинъ изъ членовъ въ золотыхъ очкахъ, невысокій, съ поднятыми плечами и нахмуреннымъ лицомъ.

— Опять Матвѣя Никитича нѣтъ, сказали членъ недовольно.

— Нѣтъ еще, — надѣвая мундиръ, отвѣчалъ предсѣдатель. — Вѣчно опаздываетъ.

— Удивительно, какъ не совѣстно, — сказали членъ и сердито сѣлъ, доставая папирсы.

Членъ этотъ, очень аккуратный человѣкъ, нынче утромъ имѣлъ неприятное столкновеніе съ женой за то, что жена израсходовала раньше срока данныя ей на дѣсяць деньги. Она просила дать ей впередъ, но онъ сказалъ, что не отступитъ отъ своего. Вышла сцена. Жена сказала, что если такъ, то и обѣда не будетъ, чтобы онъ и не ждалъ обѣда дома. На этомъ онъ уѣхалъ, боясь, что она сдержитъ свою угрозу, такъ какъ отъ нея всего можно было ожидать. — «Вотъ и живи хорошей, нравственной жизнью, — думалъ онъ, глядя на сіяющаго, здороваго, веселаго и добродушнаго предсѣдателя, который, широко разставляя локти, красивыми, бѣлыми руками расправлялъ густыя и длинныя сѣдьющія бакенбарды по обѣимъ сторонамъ шитаго воротника: онъ всегда доволенъ и веселъ, а я мучаюсь».

Вошелъ секретарь, и принесъ какое-то дѣло.

— Очень вамъ благодаренъ, — сказали предсѣдатель и закурилъ папирску. — Какое же дѣло пустимъ первымъ?

— Да я думаю отравленіе. — какъ будто равнодушно сказалъ секретарь.

— Ну, хорошо, отравленіе такъ отравленіе, — сказали предсѣдатель, сообразивъ, что это такое дѣло, которое можно кончить до 4-хъ часовъ, а потомъ уѣхать. — А Матвѣя Никитича нѣтъ?

— Все нѣтъ.

— А Бреве здѣсь?

— Здѣсь, — отвѣчалъ секретарь.

— Такъ скажите ему, если увидите, что мы начнемъ съ отравленія.

Бреве былъ тотъ товарищъ прокурора, который долженъ былъ обвинять въ этомъ засѣданіи.

Выйдя въ коридоръ, секретарь встрѣтилъ Бреве. Поднявъ высоко плечи, онъ, въ разстегнутомъ мундирѣ, съ портфелемъ подъ мышкой, чуть не бѣгомъ, постукивая каблучками и махая свободной рукой такъ, что плоскость

руки была перпендикулярна къ направлению его хода, быстро шагала по коридору.

— Михайлъ Петровичъ просилъ узнать, готовы ли вы?—спросилъ у него секретарь.

— Разувайтесь, я всегда готовъ.— сказалъ товарищъ прокурора. Какое дѣло первое?

— Оравленіе.

— И прекрасно.— сказалъ товарищъ прокурора; но онъ вовсе не находилъ этого прекраснымъ: онъ не спалъ всю ночь. Они провожали товарища, много пили и играли до 2 часовъ, такъ что именно дѣло объ отравленіи онъ не успѣлъ прочесть, и теперь хотѣлъ пробѣжать его. Секретарь же нарочно, зная, что онъ не читалъ дѣла объ отравленіи, посоветовалъ председателю пустить его первымъ. Секретарь былъ либеральнаго, даже радикальнаго образа мыслей человѣкъ. Бреше же былъ консервативенъ; секретарь не любилъ его и завидовалъ его мѣсту.

— Ну, а какъ же о скопцахъ?—спросилъ секретарь.

— Я сказалъ, что не могу.—сказалъ товарищъ прокурора:— за отсутствіемъ свидѣтелей, такъ и заявлю суду.

— Да вѣдь все равно...

— Не могу,—сказалъ товарищъ прокурора и, такъ же махая рукой, пробѣжалъ въ свой кабинетъ.

Онъ откладывалъ дѣло о скопцахъ за отсутствіемъ совѣтъ не важнаго и не нужнаго для дѣла свидѣтеля только потому, что дѣло это, если бы слушалось въ судѣ, гдѣ составъ присяжныхъ былъ бы интеллигентный, могло кончиться оправданіемъ. По уговору же съ председателемъ, дѣло это должно было перенестись на сессію уѣзднаго города, гдѣ будутъ больше крестьяне, и потому больше шансовъ обвиненія.

Движеніе по коридору все усиливалось. Больше всего народа было около залы гражданскаго отдѣленія, въ которой шло то дѣло, о которомъ говорилъ присяжнымъ представительный господинъ, охотникъ до судейскихъ дѣлъ. Въ сдѣланный перерывъ изъ этой залы вышла та самая старушка, у которой геніальный адвокатъ сумѣлъ отнять ея имущество въ пользу дѣльца, не имѣвшаго на это имущество никакого права; это знали и судьи, а тѣмъ болѣе истецъ и его адвокатъ; но придуманный ими ходъ былъ такой, что нельзя было не отнять имущества у старушки и не отдать его дѣльцу. Старушка была толстая женщина въ нарядномъ платьѣ и съ огромными цвѣтами на шляпкѣ. Она, выйдя изъ двери, остановилась въ коридорѣ и, разводя толстыми, короткими руками, все повторяла, обращаясь къ своему адвокату: «что-жъ это будетъ? Сдѣлайте милость! Что-жъ это?» Адвокатъ смотрѣлъ на цвѣты на ея шляпкѣ и не слушалъ ее, что-то соображая.

Вслѣдъ за старушкой изъ двери залы гражданскаго отдѣленія, сіяя пластрономъ широко раскрытаго жилета и самодовольнымъ лицомъ, быстро вышелъ тотъ самый знаменитый адвокатъ, который сдѣлалъ такъ, что старушка съ цвѣтами осталась ни при чемъ, а дѣлецъ, давшій ему 10 тысячъ рублей, получилъ больше 100 тысячъ. Всѣ глаза обратились на адвоката, и онъ чувствовалъ это и, всей наружностью своей, какъ бы говорилъ: «Не нужно никакихъ выраженій преданности», и быстро прошелъ мимо всѣхъ.

VII.

Наконецъ пріѣхалъ и Матвѣй Никитичъ, и судебный приставъ, худой человѣкъ съ длинной шеей и походкой на бокъ, и также на бокъ выступающей нижней губой, вошелъ въ комнату присяжныхъ.

Судебный приставъ этотъ былъ честный человѣкъ, университетскаго образованія, но не могъ нигдѣ удержаться на мѣстѣ, потому что былъ запоемъ. Три мѣсяца тому назадъ одна графиня, покровительница его жены, устроила ему это мѣсто, и онъ до сихъ поръ держался на немъ и радовался этому.

— Что же, господа, собрался всѣ?—сказалъ онъ, надевая *rinse-nez* и глядя черезъ него.

— Всѣ, кажется.—сказалъ веселый купецъ.

— Вотъ повѣримъ.—сказалъ судебный приставъ и доставъ изъ кармана листъ, сталъ перекликать, глядя на вызываемыхъ то черезъ *rinse-nez*, то сквозь него.

— Статскій совѣтникъ Н. М. Никифоровъ.

— Я,—сказалъ представительный господинъ, знавшій всѣ судейскія дѣла.

— Отставной полковникъ Иванъ Семеновичъ Ивановъ.

— Здѣсь,—отозвался худой человѣкъ въ отставномъ мундирѣ.

— Купецъ 2-й гильдіи Петръ Баклашовъ.

— Есть,—сказалъ добродушный купецъ, улыбаясь во весь ротъ.—Готовы!

— Гвардіи поручикъ, князь Дмитрій Нехлюдовъ.

— Я,—отвѣчалъ Нехлюдовъ.

Судебный приставъ особенно учтиво и приятно, глядя поверхъ *rinse-nez*, поклонился, какъ будто выдѣляя его этимъ отъ другихъ.

— Капитанъ Юрій Дмитріевичъ Данченко, купецъ Григорій Ефимовичъ Куленовъ, и т. д., и т. д.

Всѣ, кромѣ двухъ, были въ сборѣ.

— Теперь пожалуйте, господа, въ залу,—приятнымъ жестомъ указывая на дверь, сказалъ приставъ.

Всѣ тронулись и, пропуская другъ друга въ дверяхъ, вышли въ коридоръ и изъ коридора въ залу засѣданія.

Зала суда была большая, длинная комната. Одинъ конецъ ея былъ занятъ возвышеніемъ, къ которому вели три ступеньки. На возвышеніи по срединѣ стоялъ столъ, покрытый зеленымъ сукномъ съ болѣе темной, зеленой бахромой. Позади стола стояли три кресла съ очень высокими дубовыми, рѣзными спинками. Въ правомъ углу висѣлъ крестъ съ образомъ Христа въ терновомъ вѣнкѣ, и стоялъ аналой, и въ правой же сторонѣ стояла конторка прокурора. Съ лѣвой стороны, противъ конторки, былъ въ глубинѣ столикъ секретаря, а ближе къ публикѣ—точеная дубовая рѣшетка и за нею еще не занятая скамья подсудимыхъ. Съ правой стороны на возвышеніи стояли въ два ряда стулья, тоже съ высокими спинками, для присяжныхъ, внизу столы для адвокатовъ. Все это было въ передней части залы, раздѣлявшейся рѣшеткой на-двое. Задняя же часть вся занята была скамьями, которыя, возвышаясь одинъ рядъ надъ другимъ, шли до задней стѣны. Въ задней части залы, на переднихъ лавкахъ сидѣли четыре женщины, въ родѣ фабричныхъ или горничныхъ, и двое мужчинъ, тоже изъ рабочихъ, очевидно, подавленныхъ величіемъ убранства залы и потому робко перемѣтившихся между собой.

Скоро послѣ присяжныхъ судебный приставъ одною походкой вышелъ на средину и громкимъ голосомъ, которымъ онъ точно хотѣлъ испугать присутствующихъ, прокричалъ:

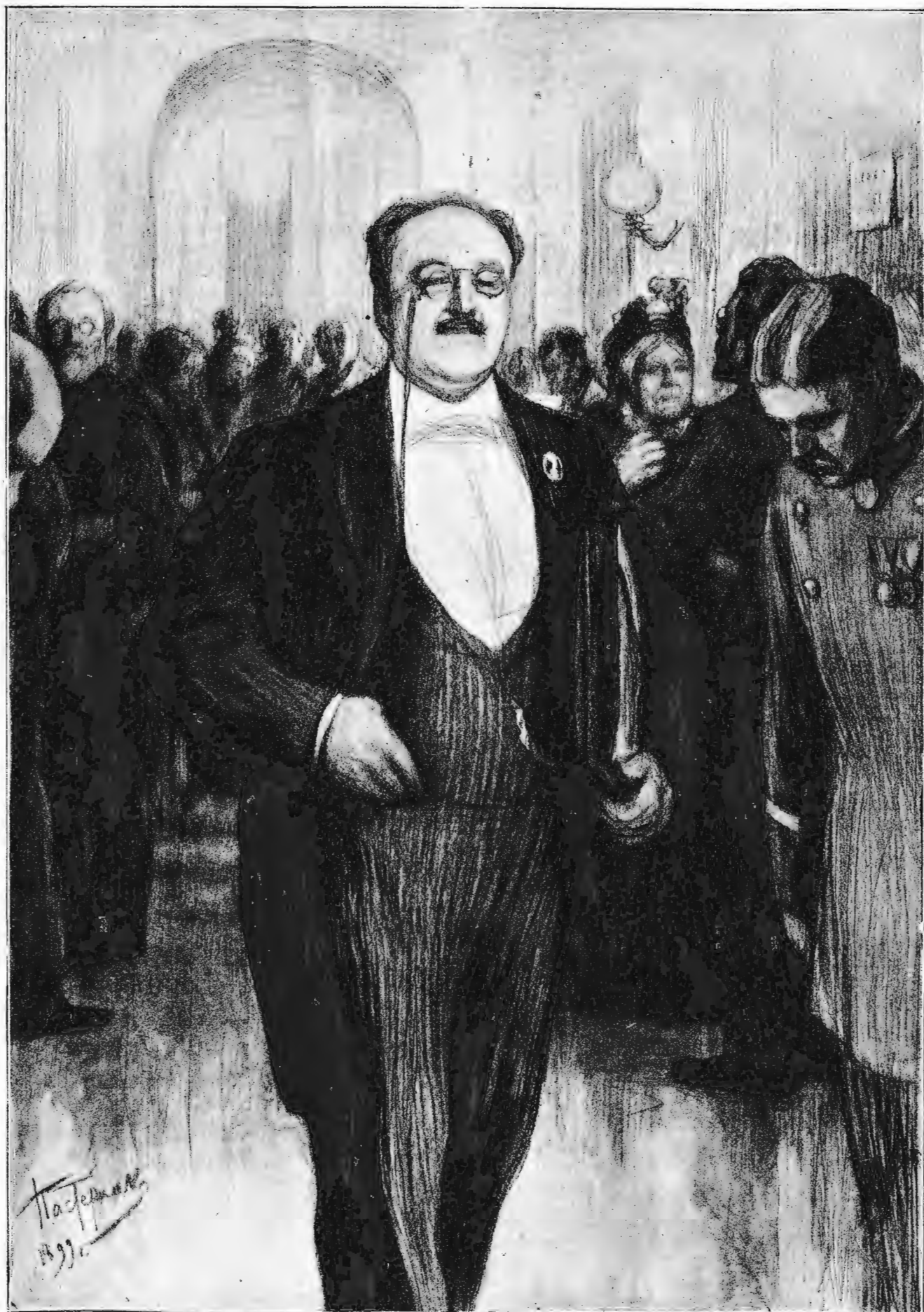
— Судъ идетъ!

Всѣ встали, и на возвышеніи залы вышли судьи: председательствующій съ своими мускулами и прекрасными бакенбардами. Потомъ мрачный членъ суда въ золотыхъ очкахъ, который теперь былъ еще мрачнѣе оттого, что передъ самымъ засѣданіемъ онъ встрѣтилъ своего шурина, кандидата на судебныя должности, который сообщилъ ему, что онъ былъ у сестры, и сестра объявила ему, что обѣда не будетъ.

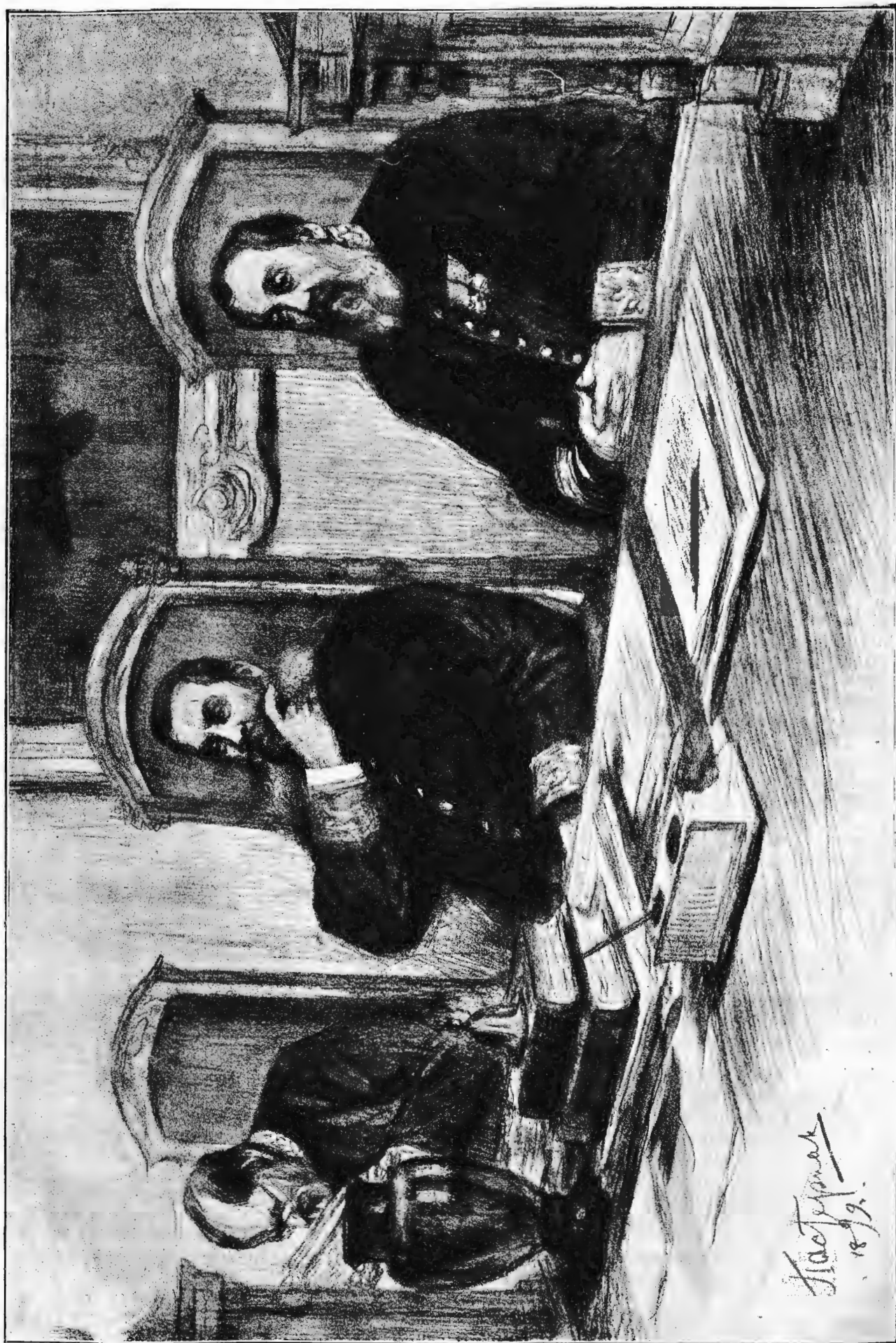
— Такъ что, видно, въ кабачокъ побдемъ.—сказалъ шурина, смѣясь.

— Ничего вѣтъ смѣшнаго.—сказалъ мрачный членъ суда, и сдѣлалъ еще мрачнѣе.

И, наконецъ, третій членъ суда, тотъ самый Матвѣй Никитичъ, который всегда опаздывалъ.—этотъ членъ былъ бородастый человѣкъ, съ большими, внизъ оттянутыми, добрыми глазами. Членъ этотъ страдалъ катарромъ желудка и съ нынѣшняго утра началъ, по совѣту доктора, новый режимъ, и этотъ новый режимъ задержалъ

„Воскресеніє“, романъ гр. Л. Н. Толстого. Адвонать.
Ориг. рис. (собств. «Нивы») Л. О. Пастернака, автотиція «Нивы».

„Воскресеніє“, романъ гр. Л. Н. Толстого. Судьи. Ориг. рис. (собет. «Нива») Л. О. Пастернака, авторитпія «Нива».

его пынце дома еще долгие обыкновенного. Теперь, когда онъ входилъ на возвышеніе, онъ имѣлъ сосредоточенный видъ потому, что у него была привычка загадывать всѣми возможными средствами на вопросы, которые онъ задавалъ себѣ. Теперь онъ загадалъ, что если число шаговъ до кресла отъ двери кабинета будетъ дѣлиться на три безъ остатка, то новый режимъ вылѣчить его отъ катарра, если же не будетъ дѣлиться—то пѣть. Шаговъ было 26-ть, но онъ сдѣлалъ маленькій шагокъ и ровно на 27-мъ подошелъ къ креслу.

Фигуры председателя и членовъ, вышедшихъ на возвышеніе въ своихъ расшитыхъ золотомъ воротникахъ мундировъ, были очень внушительны. Они сами чувствовали это, и всѣ трое, какъ бы смущенные своимъ величіемъ, поспѣшно, скромно опуская глаза, сѣли на свои рѣзные кресла за покрытый зеленымъ сукномъ столъ, на которомъ лежали чистая бумага и вновь очиненные карандаши разныхъ размѣровъ. Вмѣстѣ съ судьями вошелъ и товарищъ прокурора. Онъ также поспѣшно, съ портофелемъ подъ мышкой, и, махая рукой, прошелъ къ своему мѣсту у окна и тотчасъ же погрузился въ чтеніе и просмотриваніе бумагъ, пользуясь каждой минутой для того, чтобы приготовиться къ дѣлу. Прокуроръ этотъ только-что четвертый разъ обвинялъ. Онъ былъ очень честолюбивъ и твердо рѣшилъ сдѣлать карьеру, и потому считалъ необходимымъ добиваться обвиненія по всѣмъ дѣламъ, по которымъ онъ будетъ обвинять. Сущность дѣла объ отравленіи онъ зналъ въ общихъ чертахъ и составилъ уже планъ рѣчи, но ему нужны были еще нѣкоторые данныя, и ихъ-то онъ теперь поспѣшно и выписывалъ изъ дѣла.

Секретарь сидѣлъ на противоположномъ концѣ возвышенія и, подготовивъ всѣ тѣ бумаги, которыя могутъ понадобиться для чтенія, просматривалъ статью, которую онъ досталъ и читалъ вчера. Ему хотѣлось поговорить объ этой статьѣ съ членомъ суда съ большой бородой, раздѣляющимъ его взгляды, и прежде разговора хотѣлъ ознакомиться съ нею.

VIII.

Председатель, просмотрѣвъ бумаги, сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ судебному приставу и секретарю и, получивъ утвердительные отвѣты, распорядился о приводѣ подсудимыхъ. Тотчасъ же дверь за рѣшеткой отворилась, и вошли въ шапкахъ два жандарма съ оголенными саблями, а за ними сначала одинъ подсудимый, рыжій мужчина съ веснушками—и двѣ женщины. Мужчина былъ одѣтъ въ арестантскій халатъ, слишкомъ широкой и длинный для него. Входя въ судъ, онъ держалъ руки съ оттопыренными большими пальцами, напряженно вытянутыми по ливамъ, придерживая этимъ положеніемъ спускавшіеся слишкомъ длинные рукава. Онъ, не взглядывая на судей и зрителей, внимательно смотрѣлъ на скамью, которую обходить. Обойдя ее, онъ аккуратно, съ края, давая мѣсто другимъ, сѣлъ на нее, и вперивъ глаза въ председателя, точно шепча что-то, сталъ шевелить мускулами въ шекахъ. За нимъ вошла не молодая женщина, также одѣтая въ арестантскій халатъ. Голова женщины была повязана арестантской косынкой, лицо было сѣро-бѣлое, безъ бровей и рѣсницъ, но съ красными глазами. Женщина эта казалась совершенно спокойной. Когда она прошла на свое мѣсто, халатъ ея зацѣпился за что-то, она старательно, не торопясь, выпростала его и сѣла.

Третья подсудимая была Маслова.

Какъ только она вошла, глаза всѣхъ мужчинъ, бывшихъ въ залѣ, обратились на нее и долго не отрывались отъ ея бѣлаго, съ черными глянцево-блестящими глазами, лица и выступающей подъ халатомъ высокой груди. Даже жандармъ, мимо котораго она проходила, не спуская глазъ, смотрѣлъ на нее, пока она проходила и усаживалась, и потомъ, когда она усѣлась, какъ будто созная

себя виновнымъ, поспѣшно отвернулся и, встряхнувшись уперся глазами въ окно прямо передъ собой.

Председатель дождался, пока подсудимые заняли свои мѣста, и, какъ только Маслова усѣлась, обратился къ секретарю.

Началась обычная процедура: перечисленіе присяжныхъ заседателей, разсужденіе о не явившихся, наложеніе на нихъ штрафовъ и рѣшеніе о тѣхъ, которые отпрашивались, и исполненіе неявившихся запасными. Потомъ председатель сложилъ билетки, вложилъ ихъ въ стеклянную вазу и сталъ, немного засучивъ шитые рукава мундира, вынимать по одному билетку, раскатывать и читать ихъ. Потомъ председатель спустил рукава и предложилъ священнику привести заседателей къ присягѣ.

Старичокъ-священникъ, съ опухшимъ желто-блѣднымъ лицомъ, въ коричневой рясѣ съ золотымъ крестомъ на груди и еще какимъ-то маленькимъ орденомъ, приколотымъ сбоку на рясѣ, медленно подъ рясой передвигая свои опухшія ноги, подошелъ къ аналою, стоявшему подъ образомъ.

Присяжные встали и, топясь, двинулись къ аналою.

— Пожалуйте,—проговорилъ священникъ, потрогивая пухлой рукой свой крестъ на груди и ожидая приближенія всѣхъ присяжныхъ.

Когда присяжные всѣ взошли по ступенькамъ на возвышеніе, священникъ, нагнувъ на бокъ лысую и сѣдую голову, пролѣзъ ею въ эпитрахиль и, оправивъ жидкіе волосы, обратился къ присяжнымъ:

— Правую руку поднимите, а персты сложите такъ вотъ,—сказалъ онъ медленно старческимъ голосомъ, поднимая пухлую руку съ ямочками надъ каждымъ пальцемъ и складывая эти пальцы въ щепоть.—Теперь повторяйте за мной,—сказалъ онъ, и началъ: Общаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ, предъ Святымъ Его Евангелиемъ и Животворящимъ Крестомъ Господнимъ, что по дѣлу, по которому...—говорилъ онъ, дѣлая перерывъ послѣ каждой фразы.— Не опускайте руки, держите такъ,— обратился онъ къ молодому человѣку, опустившему руку...— что по дѣлу, по которому...

Представительный господинъ съ бакенбардами, полковникъ, купецъ и другіе держали руки со сложенными перстами такъ, какъ этого требовалъ священникъ, и какъ бы съ особеннымъ удовольствіемъ очень опредѣленно и высоко, другіе какъ будто неохотно и неопредѣленно. Одни слишкомъ громко повторяли слова, словно съ задоромъ и выраженіемъ, говорящимъ: а я все-таки буду и буду говорить, другіе же только шептали, отставали отъ священника и потомъ, какъ бы испугавшись, не вовремя догоняли его; одни крѣико-крѣико, точно боясь, что выпустятъ что-то, вызывающими жемами держали свои щепотки, а другіе распускали ихъ и опять собирали. Послѣ присяги председатель предложилъ присяжнымъ выбрать старшину. Присяжные встали и, тѣсясь, прошли въ совѣщательную комнату, гдѣ почти всѣ они тотчасъ достали паширсы и стали курить. Кто-то предложилъ старшиной представителяго господина, и всѣ тотчасъ же согласились и, побросавъ и потушивъ окурки, вернулись въ залу. Выбранный старшина объявилъ председателю, кто избранъ старшиной, и всѣ опять, шагая черезъ ноги другъ другу, усѣлись въ два ряда на стулья съ высокими спинками.

Все шло безъ задержекъ, скоро и не безъ торжественности, и эта правильность, послѣдовательность и торжественность, очевидно, доставляли удовольствіе участвующимъ, подтверждая въ нихъ сознаніе, что они дѣлаютъ серьезное и важное общественное дѣло. Это чувство испытывалъ и Нехлюдовъ.

Какъ только присяжные усѣлись, председатель сказалъ имъ рѣчь объ ихъ правахъ, обязанностяхъ и отвѣтственности. Говоря свою рѣчь, председатель постоянно перемѣнялъ позу: то облокачивался на лѣвую, то на правую руку, то на спинку, то на ручки кресель, то уравнивалъ

края бумаги, то гладить разрывной ножь, то ощупывал карандашъ.

Права ихъ, по его словамъ, состояли въ томъ, что они могутъ спрашивать подсудимыхъ черезъ предсѣдателя, могутъ имѣть карандашъ и бумагу, и могутъ осматривать вещественныя доказательства. Обязанность состояла въ томъ, чтобы они судили не ложно, а справедливо. Ответственность же ихъ состояла въ томъ, что въ случаѣ несоблюденія тайны совѣщаній и установленія сношеній съ посторонними, они подвергались наказанію.

Всѣ слушали съ почитательнымъ вниманіемъ. Купецъ, распространяя вокругъ себя запахъ вина и удерживая шумную отрывку, на каждую фразу одобрительно кивалъ головою.

IX.

Окончивъ свою рѣчь, предсѣдатель обратился къ подсудимымъ.

— Симонъ Картинкинъ, встаньте,— сказалъ онъ.

Симонъ нервно вскочилъ. Мускулы щекъ зашевелились еще быстрее.

— Ваше имя?

— Симонъ Петровъ Картинкинъ.— быстро проговорилъ онъ трескучимъ голосомъ, очевидно, впередъ приготовившись къ отвѣту.

— Ваше званіе?

— Крестьяне.

— Какой губерніи, уѣзда?

— Тульской губерніи, Крапивненскаго уѣзда, волости Купянской, села Борки.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Тридцать четвертый, рожденъ въ тысяча восемьсотъ...

— Вѣры какой?

— Вѣры мы русской, православной.

— Женаты?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Чѣмъ занимаетесь?

— Занимались мы по коридору въ гостиницѣ «Мавританія».

— Судились когда прежде?

— Никогда не сужденъ, потому какъ мы жили прежде...

— Не судились прежде?

— Помилуй Богъ, никогда.

— Копію съ обвинительнаго акта получили?

— Получили.

— Садитесь. Евфимія Ивановна Бочкова,— обратился предсѣдатель къ слѣдующей подсудимой.

Но Симонъ продолжалъ стоять и заслонялъ Бочкову.

— Картинкинъ, сядьте.

Картинкинъ все стоялъ.

— Картинкинъ, сядьте!

Но Картинкинъ все стоялъ и сѣлъ только тогда, когда подбѣжавшій приставъ, склонивъ голову на бокъ и неестественно раскрывая глаза, трагическимъ шопотомъ проговорилъ: сидѣть, сидѣть!

Картинкинъ сѣлъ такъ же быстро, какъ онъ вставалъ, и, запахнувшись халатомъ, сталъ опять беззвучно шевелить щеками.

— Ваше имя? — со вздохомъ усталости, обратился предсѣдатель ко второй подсудимой, не глядя на нее и о чемъ-то справляясь въ лежащей передъ нимъ бумагѣ. Дѣло было настолько привычное для предсѣдателя, что, для убыстренія хода дѣла онъ могъ дѣлать два дѣла разомъ.

Бочковой было 43 года, званіе — коломенская мѣщанка. Занятіе — коридорная въ той же гостиницѣ «Мавританія». Подъ судомъ и слѣдствіемъ не была, копію съ обвинительнаго акта получила. Отвѣты свои выговаривала Бочкова чрезвычайно смѣло и съ такими интонаціями, точно она къ каждому отвѣту приговаривала: «да, Евфимія, и Бочкова, копію получила, и горжусь этимъ, и смѣяться никому не позволю». Бочкова, не дожидаясь того, чтобы

ей сказали сѣсть, тотчасъ же сѣла, какъ только кончились вопросы.

— Ваше имя? — обратился предсѣдатель къ третьей подсудимой. — Надо встать,— прибавилъ онъ мягко и ласково, замѣтивъ, что Маслова сидѣла.

Маслова быстрымъ движеніемъ встала и съ выраженіемъ готовности, выставляя свою высокую грудь, не отвѣчая, глядѣла прямо въ лицо предсѣдателя своими улыбающимися и немного косящими, черными глазами.

— Звать какъ?

— Звали Любовью,— проговорила она быстро.

Нехлюдовъ, между тѣмъ, надѣвъ *pince-nez*, глядѣлъ на подсудимыхъ, по мѣрѣ того, какъ ихъ допрашивали. — «Да не можетъ быть», думалъ онъ, не спуская глазъ съ лица подсудимой. — «Но какъ же Любовь», думалъ онъ, услыжавъ ея отвѣтъ.

Предсѣдатель хотѣлъ спрашивать дальше, но членъ въ очкахъ, что-то сердито прошептавъ, остановилъ его. Предсѣдатель сдѣлалъ головой знакъ согласія и обратился къ подсудимой.

— Какъ Любовью? — сказалъ онъ. — Вы записаны иначе.

Подсудимая молчала.

— Я васъ спрашиваю, какъ ваше настоящее имя?

— Крещена какъ? — спросилъ сердитый членъ.

— Прежде звали Катериной.

«Да не можетъ быть», продолжалъ себѣ говорить Нехлюдовъ, и между тѣмъ онъ уже безъ всякаго сомнѣнія зналъ, что это была она, та самая дѣвушка, воспитанница-горничная, въ которую онъ одно время былъ влюбленъ, именно влюбленъ, а потомъ въ какомъ-то безумномъ чаду увлекъ и бросилъ, и о которой потомъ никогда не вспоминалъ, потому что воспоминаніе это было слишкомъ мучительно, слишкомъ явно обличало его и показывало, что онъ, столь гордый своей порядочностью, не только не порядочно, но прямо подло поступилъ съ этой женщиной.

Да, это была она. Онъ видѣлъ теперь ясно ту исключительную, таинственную особенность, которая отдѣляетъ каждого человѣка отъ другого, дѣлаетъ его особеннымъ, единственнымъ, неповторяемымъ. Несмотря на неестественную бѣлизну и полноту лица, особенность эта, милая, исключительная особенность была въ этомъ лицѣ, въ губахъ, въ немного косившихъ глазахъ и, главное, въ этомъ наивномъ, улыбающемся взглядѣ и въ выраженіи готовности не только въ лицѣ, но и во всей фигурѣ.

— Вы такъ и должны были сказать,—опять-таки особенно мягко сказалъ предсѣдатель.—Отчество какъ?

— Я—незаконная,—проговорила Маслова.

— Все-таки, по крестному отцу какъ звали?

— Михайловой.

«И что могла она сдѣлать?» продолжалъ думать, между тѣмъ, Нехлюдовъ, съ трудомъ переводя дыханіе.

— Фамилія, прозвище ваше какъ? — продолжалъ предсѣдатель.

— Писали по матери Масловой.

— Званіе?

— Мѣщанка.

— Вѣры православной?

— Православной.

— Занятіе? Чѣмъ занимались?

Маслова молчала.

— Чѣмъ занимались? — повторилъ предсѣдатель.

— Вы сами знаете,—сказала Маслова, улыбнулась и, тотчасъ же, быстро оглянувшись, опять прямо уставилась на предсѣдателя.

Что-то было такое необыкновенное въ выраженіи лица, и страшное, и жалкое, въ значеніи сказанныхъ ею словъ, въ этой улыбкѣ и въ томъ быстромъ взглядѣ, которымъ она окинула при этомъ залу, что предсѣдатель потупился, и въ залѣ на минуту установилась совершенная тишина. Тишина была прервана чимъ-то смѣхомъ изъ публики.

Кто-то зашпикал. Председатель поднял голову и продолжал вопросы.

- Подъ судомъ и слѣдствіемъ не были?
- Не была.—тихо проговорила Маслова, вздыхая.
- Копію съ обвинительнаго акта получили?
- Получила.
- Сядьте.—сказалъ председатель.

Подсудимая подняла юбку сзади тѣмъ движеніемъ, которымъ нарядныя женщины оправляютъ шлейфы, и сѣла. сложивъ бѣлыя небольшія руки въ рукавахъ халата, не спуская глазъ съ председателя.

Началось перечисленіе свидѣтелей, удаленіе свидѣтелей, рѣшеніе объ экспертахъ-докторахъ и приглашеніе его въ залу засѣданія. Потомъ всталъ секретарь и началъ читать обвинительный актъ. Читалъ онъ внятно и громко, но такъ быстро, что голосъ его, неправильно выговаривавшій *л* и *р*, сливался въ одинъ не переставающій, усыпи-

тельный гулъ. Судьи облокачивались то на одну, то на другую ручку кресель, то на столъ, то на спинку, то закрывали глаза, то открывали ихъ и перешептывались. Одинъ жандармъ нѣсколько разъ удерживалъ начинающуюся судорогу зѣвоты.

Изъ подсудимыхъ Картинкинъ, не переставая, шевелилъ щеками. Бочкова сидѣла совершенно спокойно и прямо. Изрѣдка почесывая пальцемъ подъ косынкой голову.

Маслова то сидѣла неподвижно, слушая чтенія и смотря на него, то вздрагивала и какъ бы хотѣла возразить, краснѣла и потомъ тяжело вздыхала, перемѣняла положеніе рукъ, оглядывалась, и опять уставлялась на чтеца.

Нехлюдовъ сидѣлъ въ первомъ ряду на своемъ высокомъ стулѣ, вторымъ отъ края и, не снимая *pince-nez*, смотрѣлъ на Маслову, и въ душѣ его шла сложная и мучительная работа.

(Продолженіе будетъ.)

Послѣдній день.

Рассказъ Ф. Н. Фальковского.

I.

Въ свѣтлой, просторной кухнѣ помѣщика Алексѣя Ивановича Кубова было очень жарко. Стряпуха Анфисья, толстая, безформенная, съ краснымъ отекившимъ лицомъ, сидѣла обезсиленная, неподвижная на массивномъ стулѣ у раскрытаго огня и сонно слѣдила за плотникомъ Ефремомъ. Ефремъ сидѣлъ верхомъ на бревнѣ и выдалбливалъ долотомъ четырехугольныя дыры; топоръ его медленно подымался вверхъ и съ рѣзкимъ трескомъ опускался внизъ, отъ чего по скованной зноемъ окрестности разбѣгались далеко-далеко, до самаго лѣса, хриплые звуки, точно скотина въ полѣ кашляла. При каждомъ взмахѣ топоръ рѣзко сверкалъ на солнцѣ и приводилъ въ движеніе отяжелѣвшія вѣки Анфисьи; старая кухарка съ удовольствіемъ положила бы на подоконникъ истомленную зноемъ голову, но въ печкѣ сидѣлъ хлѣбъ... Боже избави перепустити! Баринъ заставитъ самой съѣсть. Желтая лысина Ефрема казалась расцарапанной, и съ нея по жидкимъ сѣрымъ волосамъ стекала за шею и на воротъ разстегнутой рубахи потъ. Лица Ефрема не видно было, такъ какъ онъ сильно согнулся надъ бревномъ. Торчавшая сбоку безвѣстная борода вздрагивала, острые плечи опускались и подымались до самыхъ ушей: выпѣтшная рубаха прилипла къ тѣлу, худому, мускулистому, и на ней въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно на плечевой спинѣ, видѣлись мокрыя пятна.

«Какая жара... хоть бы шапку надѣть!» почти засыная, думала Анфисья.

Весь дворъ былъ заваленъ бревнами, свезенными сюда зимою послѣ бури, которая свалила въ лѣсу до тысячи деревьевъ. Среди бревенъ рѣзко выдѣлялся своей сверкавшей бѣлизною большой плотъ, надъ которымъ работалъ Ефремъ. Дѣло привычное. Старикъ много плотовъ спускалъ на воду. Вѣрный топоръ безошибочно очистилъ и пригналъ эти тридцать бревенъ, и они теперь покоятся среди стружекъ и опилокъ, что твой паркетный полъ; черезъ день, два его разберутъ на части, свезутъ къ рѣкѣ, гдѣ лѣтъ въ пять, шесть онъ сгниетъ, и Ефремъ будетъ снова пригонять дерево къ дереву.

Въ дверяхъ кухни показался Алексѣй Ивановичъ, еще болѣе старый, чѣмъ Анфисья; онъ тяжело опирался на толстую палку, и что-то похожее на улыбку шевелило его отвислыя щеки.

— Что, старуха, жарко?

Анфисья подобрала ноги и, упершись рукою въ подоконникъ, привстала; ей это было очень трудно: болѣли ноги, болѣла поясница, но на сонномъ лицѣ ея играла улыбка, привѣтливая и беземысленная, какъ улыбаются старые слуги, когда имъ кажется, что господамъ угодно шутить.

Алексѣй Ивановичъ съ минуту задумчиво смотрѣлъ на свою кухарку, кормившую его уже болѣе сорока лѣтъ, на кухонную утварь и сказалъ:

— Стары мы съ тобою, Анфисья. Пора бы на покой.

И онъ вышелъ изъ открытыхъ дверей и сталъ спускаться съ каменныхъ ступенекъ медленно, осторожно держась за перила.

Дряхлый Полканъ, дежавшій у крыльца, уныло поднялъ свою умную голову съ мутными, слезившимися глазами и сталъ подбирать подъ себя ноги, чтобы поднять наветрѣчу хозяину свое отяжелѣвшее, жирное тѣло. И видно было, что ему это было тоже трудно, очень трудно.

— Лежи, лежи, старикъ.

Слегка прихрамывая, опираясь на палку, какъ на костыль, онъ подошелъ къ Ефрему и тяжело опустился на одно изъ бревенъ.

Плотникъ сбоку взглянулъ на барина и молча продолжалъ опускаться и подымать топоръ, нарушая знойную тишину дряхлой усадьбы.

Алексѣй Ивановичъ задумался о томъ, сколько бревенъ очистить на своемъ вѣку этотъ рыжій мужикъ, сколько онъ сложилъ домовъ, въ которыхъ ютятся теперь бѣдность, страданія и жалкая минутная радость, сколько онъ сколотилъ гробовъ и выпилъ водки.

У Ефрема кружилась голова и рбило въ глазахъ: онъ зналъ, что

это старость, которая скоро-скоро вырветъ изъ рукъ его топоръ и привяжетъ его, безпомощнаго, одинокаго, къ хатѣ. Спуститъ ли онъ на рѣку еще хоть одинъ барскій плотъ? Нѣтъ, ни ему, ни барину не дожить...

Мутная, точно запыленная, зелень, сверкавшая до боли глаза, розж, раскинувшаяся кругомъ, какъ песчаная пустыня, неподвижный березнякъ, мелкій, обтрепанный и жалкій, худал, дремавшая кляча на картофельномъ полѣ, работникъ Родька, уткнувшійся носомъ въ стѣну конюшни.—словомъ все, что лѣзло въ глаза старому помѣщику, казалось горячимъ, высохшимъ, безжизненнымъ подъ этимъ синимъ, какъ только-что закаленная сталь, небомъ. А самое небо, чуждое, непривѣтливое уходило далеко-далеко...

У-ухъ, у-ухъ...—стонало все кругомъ съ каждымъ ударомъ Ефрема.

И мучительно хотѣлось, чтобы эти удары прекратились, какъ хочется отдыха горячей, воспаленной головой.

— Жарко,—прозвнѣлъ Ефремъ, выпрямляя спину; онъ всадилъ въ дерево топоръ и принялся крутить папиросу.

Стало совсѣмъ тихо. Горячій воздухъ казался осязаемымъ. Глазамъ было больно отъ рѣзкаго, точно мигавшаго свѣта: даже въ тѣни приходилось щуриться.

Старый баринъ, кажется, уснулъ; голова его безпомощно свѣсилась впередъ, сильно согнувъ старческую спину, и уткнулась бритымъ подбородкомъ въ грудь; жидкіе сѣдые волосы на затылкѣ отгнѣяли изсиня-красную шею, короткую, запыленную жиромъ.

Ефремъ задумчиво кончилъ папироску, сплюнулъ въ сторону, уперся кулаками въ поясницу и поднялся, чувствуя лому во всѣхъ членахъ. Осмотрѣвшись кругомъ, онъ подошелъ къ бревнамъ, взялъ свой армякъ и пошелъ въ тѣнистое мѣсто.

— Господи, Боже ты мой милосердный,—вздохнулъ онъ, перекрестившись, и, бросивъ армякъ на землю, тяжело опустился вслѣдъ за нимъ и растянулся всѣмъ своимъ утомленнымъ тѣломъ. Прямо передъ собою онъ увидѣлъ сонное, отекившее лицо Анфисьи, вспомнилъ, что у нея накоплено шестьсотъ рублей, что онъ три раза за нее сватался, и ему стала противна эта стряпуха съ ея деньгами. Онъ повернулся животомъ внизъ, перекинулъ руки черезъ голову и, прижавшись плотно лицомъ къ армяку, сталъ засыпать. Ку-ку-ре-ку-у-у...—донеслось откуда-то издалека и одиноко, безпомощно потонуло въ полдневномъ зноѣ такъ же неожиданно, какъ и появилось.

Алексѣй Ивановичъ поднялъ голову, и весь огромный дворъ со всѣми хозяйственными и жилыми постройками показался ему вдругъ чужимъ... Онъ сощурилъ глаза, чтобы лучше видѣть свое добро, съ такимъ трудомъ оберегаемое имъ въ теченіе всей своей долгой жизни; но все расплывалось и уходило отъ него. Даже огромный каменный домъ, который онъ самъ строилъ и въ которомъ каждый кирпичъ ему былъ такъ хорошо знакомъ, и тотъ показался ему невыгмъ, чуждымъ. Точно все, что здѣсь находилось, онъ видѣлъ когда-то очень давно, и теперь онъ замшелъ сюда непрошенный, никому невѣдомый, и скоро опять уйдетъ, чтобы никогда больше сюда не возвращался.

Ему сдѣлалось жутко.

Онъ взглянулъ на спавшаго Ефрема, на неподвижную, точно мертвую Анфисью и вспомнилъ, что эти люди были когда-то его крѣпостными; Анфисья онъ ужъ давно не платилъ жалованья, а съ Ефремомъ онъ всегда торговался.

— Полканъ...—тихо окликнулъ онъ сбоку и поднялся.

Собака опять подобрала подъ себя ноги, съ трудомъ подняла старое тѣло и пошла, понуро опустивъ голову, за хозяиномъ.

И оба пошли со двора по пыльной, знойной дорогѣ къ лѣсу,—оба дряхлые, отжившіе, никому ненужные. Они одинъ бодрствовали подъ этимъ недоступнымъ небомъ, погоняемые страхомъ смерти, сторожившей ужъ ихъ на каждомъ шагѣ. По краямъ дороги осталась нетронутой мелкая трава; она уходила въ темнѣвшія канавы и выбѣгала, болѣе густая и сочная, въ поле, примыкая съ одной стороны къ налившимся, уже отяжелѣвшему хлѣбу, желтому и яр-

Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Феодоровна съ Августѣйшими Дѣтьми Великими Княжнами Ольгой Николаевной и Татианой Николаевной.
По фот. К. Е. фонъ-Гаръ и К^о автотипія «Нивы».

кому, съ другой стороны исчезая въ густомъ, сочномъ кудрявомъ клеверѣ.

Хорошія поля были у Алексѣя Ивановича! Недаромъ славились они во всей окрестности; нигдѣ ни камешка, ни прогалыни; ровно, густо стелется клеверъ, рожь и особенно овесъ; лѣсъ охватываетъ со всѣхъ сторонъ поле темной стѣною, какъ крѣпкимъ заборомъ. Славныя поля! Дѣдъ, отецъ и самъ Алексѣй Ивановичъ выгоняли вонъ ту деревню, что жмется къ лѣсу, на эти поля, и каждая пядь земли потребовала не мало труда. Нѣтъ ужъ тѣхъ людей, что удобряли своимъ потомъ эти огромныя площади: и господа, и рабы, всѣ сошли въ одну могилу, а воздѣланныя поля еще долго будутъ давать и густую рожь, и сочный клеверъ.

Изъ лѣсу выбѣгалъ навстрѣчу, тянувшійся изъ капавъ, мелкій, низкій кустарникъ, а за нимъ безпомощно вытягивалась тонкая березка или жалась къ землѣ свѣжая, сильная елка. Въ кустахъ одиноко бился о камни ручей; онъ выходилъ откуда-то изъ безформенной, гнившей массы валежника, съ удивительнымъ упорствомъ пробивъ себѣ дорогу къ свѣту, и поспѣшно убѣгалъ опять куда-то въ землю, разочарованный, холодный; горячее солнце не могло согрѣть его, твердые, полированные камни—остановить его быстрый бѣгъ...

Алексѣй Ивановичъ любилъ это мѣсто; съ тѣхъ поръ, какъ онъ помнилъ себя, онъ въ лѣтнее время каждое утро приходилъ сюда съ полотенцемъ и опускалъ въ эту холодную воду свое лицо, свѣжее, румяное, а теперь отечшее, обезображенное. Какъ быстро проходитъ человѣческая жизнь!

Усталый старикъ полулежа, прислонившись къ дереву, и у ногъ его тяжело дышала Полканъ, истомленный зноемъ. Было тихо. Между стволами разбѣгался во всѣ стороны сухой, ажурный мохъ. У дороги глубоко сидѣлъ въ землѣ огромный камень, и изъ-подъ него съ трудомъ вылезали молодые побѣги сосны и березы. Сколько лѣтъ лежитъ здѣсь этотъ камень? Дѣдъ Алексѣя Ивановича ребенкомъ вѣбирался на него; то же самое продѣлывалъ когда-то и самъ Алексѣй Ивановичъ. Песчаный, что эта громада принесена была сюда, когда и лѣсу здѣсь не было. Съ тѣхъ поръ лежитъ этотъ камень, неподвижный, полный глубокой тайны, мрачный свидетель всего совершающагося вокругъ него, и зло смѣется надъ человекомъ, жизнь котораго ему кажется мгновениемъ...

Алексѣй Ивановичъ вдругъ поднялся, точно его что-то подхватило. — Господи,—шептали его губы:—прости мнѣ мою темную, безобразную жизнь. Я не вѣдалъ, что творилъ. Господи, прости меня, окаяннаго...—и онъ билъ себя кулакомъ въ грудь и припадалъ лицомъ къ травѣ.

Полканъ, поднявъ голову, слѣдилъ съ высунутымъ языкомъ за своимъ старымъ хозяиномъ, и въ его поделъповатыхъ глазахъ отражалось недоумѣніе.

А обросшій мохомъ камень, огромный, свѣтый, сохранялъ свою безстрастную неподвижность, и въ этомъ спокойствіи чудилось:

«И кому нужны вы всѣ съ вашими грѣхами и добродѣтелями. Кто о васъ думаетъ?»

II.

И лѣсъ казался сегодня Алексѣю Ивановичу чужимъ, непривѣтливимъ... Огромный, горячій, слишкомъ яркій, онъ утомлялъ слабыя глаза старика и изиурялъ его тѣло. Трава, мохъ, желтыя иглы иуршали подъ ногами, какъ бумага; было сколько; въ ногахъ ощущалось что-то непріятное. Кругомъ было ослѣпительно, но мертво.

Дошли до мельницы. Старый Антонъ пластомъ лежалъ на самомъ солнцепекѣ, уткнувшись лицомъ въ песокъ. Юрширская свинья, съ залывшей жиромъ мордой, уперлась бокомъ въ стѣну, да такъ и уснула, отвѣчая тяжелыми вздохами на свистъ Антона. Обрѣпанная курица одиноко брела по берегу. Плотина была спущена, вода—неподвижна, какъ небо.

Прошли и подурвавшуюся баню Антона, почти незамѣтную въ густой крапивѣ и малиникѣ. Изъ ея трубы нерѣшительно выползалъ молочный, прозрачный дымъ, какъ легкий паръ. Неужели ее теперь кто-нибудь отапливалъ? Еще немного, и дорога осыпалась. Впереди со всѣхъ сторонъ сочные покровы—главный доходъ помѣстья Алексѣя Ивановича. Трава въ полномъ цвѣтѣ, какъ огромный коверъ... Пора косить. Алексѣй Ивановичъ махнулъ рукою и повернулъ направо; рѣзко свернула бѣлая церковь, скрытая наполовину въ густой зелени погоста, и заставила стараго помѣщика снѣть шапку, широко перекреститься и ускорить шагъ.

Дойдя до хаты церковнаго сторожа, Алексѣй Ивановичъ постучалъ въ низкое закопѣлое окно и крикнулъ:

— Михай, высп-на ключи.

Михай, босой, въ выдѣлшей рубахѣ поверхъ штановъ, лысый, худой старикъ, вышелъ изъ сѣней съ табуретомъ въ рукахъ.

— Маненько, барниг, поседите,—говорилъ онъ, низко кланяясь:—въ церкву покойникъ. Ждемъ батюшку.

Алексѣй Ивановичъ съ минуту молчалъ, опустивъ голову.

— Покойникъ, говоришь ты, кто же померъ?

— Можеть, знаи—Антина изъ Ивановки? Такъ это его дочь.

— Да, да...—Онъ поднялъ голову и прибавилъ:—Пойду, взгляну на покойницу...

Михай удивленно, широко раскрытыми глазами уставился на стараго барина, не находя словъ.

Босая дѣвочка одиноко стояла на пацетри и растерянно смотрѣла на приближавшагося барина. Алексѣй Ивановичъ поглядить ее по волосамъ; она подняла на него большіе, ясные глаза, въ которыхъ блестяли слезы, и голосомъ, въ которомъ слышалось удивленіе, задвила:

— Мамка померла.

Старикъ вошелъ въ церковь; она была пуста, неуютна и казалась холодной; въ сторонѣ у окна, близко къ дверямъ, стоялъ гробъ изъ тонкихъ, чисто выструганныхъ досокъ, по бокамъ которыхъ чернѣли выпуклая шляпки грубыхъ гвоздей. У гроба суетилось нѣсколько женщинъ и рыжий, высокой мужицк; движенія этихъ людей были робки, неуловимы, и ихъ сдержанный шопотъ терился въ приятной свѣжести церкви, казавшейся громадною. Изъ послѣдняго окна выползала, дрожа, длинная, ровная, выпуклая волна свѣта и упиралась желтымъ пятномъ въ ликъ Спасителя; волна шла косо, не касаясь пола, и въ ней густо рослась, какъ живая, такая же волна сверкавшей пыли. Иконостасъ оставался въ тѣни и смотрѣлъ холодно, безъ блеска, изъ своей дали.

Войдя въ церковь, старикъ перекрестился и твердыми шагами направился среди изумленно разступившихся передъ нимъ престылякъ къ покойницѣ. Открывъ одной рукою закрытое лицо мертвой, онъ долго вглядывался въ застывшія, незнакомыя ему черты молодой женщины, тяжело опираясь другою рукою о палку и слегка согнувшись надъ гробомъ. Нѣсколько минутъ, показавшихся стоявшему въ дверяхъ Михею вѣчностью, онъ оставался неподвижнымъ, и когда онъ выпрямился, по лицу его катились слезы.

Изъ церкви онъ вышелъ такъ же твердо, съ высоко поднятой головою.

И, спустившись со ступенекъ, прошелъ къ семейнымъ могиламъ: ихъ было три: высокая, издѣнная и обезличенная временемъ, гранитная колонна надъ отцомъ; широкая, тоже гранитная, плита надъ дочерью и черный, въ видѣ гроба, мраморъ надъ первою женою. До рѣшетки оставалось аршина два ширины свободного мѣста. Оставленнымъ для него.

Съ новымъ для него ощущеніемъ онъ вглядывался въ эту ровную площадку, которая скоро разверзнется, чтобы поглотить его, и чувствовалъ, какъ холоде, выходящій изъ пѣдры этого кочка земли, проникаетъ ему въ душу, разливается по всему тѣлу и тянетъ его изъ этого сіющаго свѣтомъ и жизнью міра въ тѣсную яму.

Погостъ утопалъ въ цвѣтахъ и зелени. Новые и старые кресты съ трудомъ вылезали изъ глушиишей ихъ травы; вдали на горизонтѣ, сливаясь съ ярко-синимъ до блыны небомъ, горѣли облыты жаркимъ солнцемъ деревни Малая и Большая Ивановка. Огромное пятно сверкающаго песку спускалось отъ нихъ до самой рѣки, которая извивалась тяжелой массой расплавленнаго олова среди сочныхъ, ослѣпительно нестрѣвншихъ покрововъ. Тамъ, гдѣ желтъль, песокъ, видѣлись паромъ и полуразвалившаяся хата паромщика Аванасія; отъ парама бѣжала дорога, уходящая въ лѣсъ и продолжавшая еще мѣстами блѣтъ среди мелкаго кустарника, настойчиво вылезавшаго изъ влажной болотной почвы, и окончательно пропадавшая въ огромномъ лѣсу нѣжна Миллера. Лѣсъ шелъ темной, кудрявой массой вплоть до соломенной крыши сарая церковнаго сторожа Михея.

— Какъ хорошо!

Изъ церкви вышелъ рыжий мужицк, поднялъ лежавшую въ травѣ лопату, прошелъ къ оградѣ, широко перекрестился и принялся за работу.

Держась обѣими руками за короткую ручку, прижатую къ самой груди, онъ правой ногой вдавливалъ острое желѣзо въ землю, зѣтмъ нагибался ниже, подхватывалъ рукою середину пазла и, отставивъ впередъ ногу, рѣзкимъ взмахомъ передъ собою сбрасывалъ съ лопаты комъ кореньевъ, земли и травы; послѣ этого онъ тотчасъ снова выпрямился и приставлялъ ручку лопаты къ груди, отъ чего широкія плечи его слегка приподымались, и спина становилась плоскою.

Алексѣй Ивановичъ долго слѣдилъ за стибавшейся и разгибавшейся спиной, стараясь проникнуть въ думы этого человѣка, конаннаго яму для своей молодой жены.

Босая дѣвочка все еще неподвижно стояла на своемъ прежнемъ мѣстѣ и растерянно слѣдила за старымъ барниномъ, а ея большіе дѣтскіе глаза попрежнему удивленно рассказывали:

— Мамка померла.

Тотъ Михай показалъ въ дверяхъ свою лысую голову и краснаѣ пось и, крикнувъ: «Батюшка идеть!», исчезъ въ тѣни прохода такъ же неожиданно, какъ и появился.

Алексѣй Ивановичъ поднялся, отыскалъ глазами спрятавшагося въ тѣни дуба Полкана и направился домой.

Почти задыхался, онъ подымался въ гору, чувствуя, какъ большое ожирѣвшее сердце слабѣетъ съ каждой минутой. Моментами ему казалось, что онъ сейчасъ задохнется отъ недостатка въ дрыхломъ организмѣ воздуха, грохнется на эту корявую затвердѣвшую глину, и его грузное тѣло безпомощно статится подъ гору.

И какъ человѣкъ, чувствующій за собою погоню смерти, онъ напрягалъ послѣднія силы и подымался въ гору, а его вѣрный Полканъ, изучавшій слѣды ногъ своего хозяина въ тсненіи двадцати лѣтъ, влалить за нимъ съ трудомъ въ гору свое никому не пужное, испортившееся тѣло.

— Отдохнемъ же, другъ...

Но черезъ минуту онъ быстро всталъ и, окинувъ тревожнымъ взоромъ деревню, нѣкогда составлявшую его собственность со всѣмъ тѣмъ, что въ ней находилось, онъ, не оглядываясь, скоро, насколько позволяли оцепнѣя ноги, направился по широкой трайтовой улицѣ къ послѣдному домику. Остановившись у ниваго погосившагося входа, чтобы перевести дыханіе, онъ согнулся, вошелъ въ темныя, прохладныя сѣни и отворилъ дверь.

— Здравствуй, Михайло.

Согнувшаяся надъ столярнымъ верстакомъ фигура выпустила изъ рукъ рубанокъ, выпрямилась, и передъ старымъ помѣщикомъ стоялъ высокий, худой старикъ, съ большими темными очками на носу.

— Здравствуйте, баринъ...

Они стояли близко другъ къ другу и, молча, не находя словъ, переживали тяжелыя минуты... Передъ обоими мелькала до мельчайшихъ подробностей драма, разыгрывавшаяся сорокъ лѣтъ тому назадъ въ просторной свѣтлой кухнѣ помѣщика Алексѣя Ивановича Кубокова. Кто во всей окрестности не знаетъ этой драмы, послѣ которой выдворившій Михайло ушелъ въ солдаты, пробывъ столѣтомъ въ городѣ больше тридцати лѣтъ и только недавно вернулся, чтобы умереть въ родной деревнѣ.

— Видишь ли, Михайло,— началъ Алексѣй Ивановичъ, блѣдный, съ трудомъ переводя дыханіе.— Я хотѣлъ тебѣ предложить работу. Мнѣ нуженъ шкапъ... У меня еще хранится черный дубъ,—помнишь, мы его вмѣстѣ съ тобою когда-то вытаскивали изъ Минусы,—такъ не возьмешься ли ты?

— Можно,— отвѣтилъ Михайло, тоже блѣдный.

— Такъ приходи, пожалуйста, сегодня къ приказчику за матеріаломъ.

Разговоръ кончился, и нужно было разойтись... Но они еще неподвижно стояли близко другъ къ другу, съ цѣлымъ роємъ нахлынувшихъ воспоминаній въ душѣ, оба дрыхлае, близкіе къ могилѣ.

— Вотъ что, Михайло,— прерывавшимъ голосомъ заговорилъ старый помѣщикъ: — помиримся. Не хороше такъ долго таить въ сердцѣ гнѣвъ: Богъ накажетъ.

— Мириться намъ не въ чемъ,— Михайло опустил низко сѣдую голову, не замѣчая протянутой ему барской руки: — не въ чемъ... Коли что между нами было, насъ Богъ разсудитъ... Теперь ужъ недолго... Тамъ,—онъ слабо и не высоко поднялъ руку,—увидимся. Здѣсь ужъ намъ дѣлать нечего.

Алексѣй Ивановичъ съежился, точно надъ нимъ занесли тоноръ, и отступилъ назадъ.

— Какъ хочешь, братъ... Такъ ты за матеріаломъ заходи...

И онъ вышелъ, ослабѣвшій, униженный, изъ хаты столѣра и направился домой.

И когда онъ издала увидѣлъ свой огромный домъ, каждый кирпичъ котораго ему былъ такъ хорошо извѣстенъ, онъ уже зналъ, что идти въ этотъ домъ, какъ недолгій гость.

III.

Почти весь остатокъ дня старикъ провелъ за письменнымъ столомъ: особенно долго онъ бесѣдовалъ съ гостившимъ у него сыномъ, письменнo умоляя исполнить его завѣтное желаніе: пожертвовать часть имѣнія подѣ монастырь; при этомъ онъ писалъ, что вся его жизнь была одно сплошное заблужденіе, что онъ теперь только позналъ всю суету міра и все величіе Бога, что одна изъ самыхъ тяжелыхъ ошибокъ его состоитъ въ томъ, что онъ не занимался воспитаніемъ своего сына и не внушилъ ему уваженія къ Богу...

Когда онъ надписывалъ адресъ на послѣднемъ конвертѣ, теплая ночь смотрѣла въ его одинокой кабинетъ.

Онъ всталъ и, обезсиленный, опустился на кровать. Ни откуда не доносилось ни звука, ни шелеста; внутри его тревожно билось сердце, дрожа, замирая и вспыхивая въ предсмертныхъ конвульсіяхъ; семидесять пять лѣтъ билось это сердце и гнало кровь по всему тѣлу. Теперь сердце умираетъ, и вмѣстѣ съ нимъ умретъ все.

Прямо передъ собою Алексѣй Ивановичъ видѣлъ огромный комодъ, изъ котораго когда-то доставали для него пеленки, потомъ дѣтскія рубашки, а потомъ — бѣлье. Рядомъ съ комодомъ на стѣнѣ висѣло охотничье ружье; изъ этого ружья онъ въ теченіе своей жизни убивалъ безконечное число звѣрей и птицъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ онъ на пари снялъ съ высокой березы дятла. Дятель долго падалъ, съ шумомъ мелькая чернымъ комкомъ между вѣтвями и, наконецъ, скользя по стволу, все еще дѣлая попытку за что-нибудь уцѣпиться. Когда Алексѣй Ивановичъ къ нему нагнулся, онъ лежалъ на спинѣ съ высоко поднятыми и конвульсивно сжатыми лапами; языкъ его, длинный и тонкій, былъ высунутъ, а круглые глаза настойчиво спрашивали:

— За что ты меня убилъ?

Алексѣй Ивановичъ осторожно, чтобы не запачкаться, забралъ птицу за лапы и хвостъ и сталъ ударять ее голову о стволъ ружья, пока глаза дятла не потухли.

Такъ онъ потомъ всегда добывалъ раненую птицу или звѣря...

Въ ухахъ шумѣло. Дышать становилось трудно. Голова отяжелѣла и ушла куда-то внизъ. Все исчезло съ рѣзкимъ звономъ, точно въ мозгу лопнула туго натянутая струна.

Алексѣй Ивановичъ знаетъ, что это начались приливы, что если онъ будетъ еще лежать, онъ потеряетъ сознаніе; онъ сдѣлалъ усиліе, подперся руками и сѣлъ, свѣсивъ опухшія ноги.

Отъ усилія шея и лицо его покраснѣли и глаза наполнились кровью; весь кабинетъ закружился вокругъ него, прыгая въ дрожавшемъ и искрившемся свѣтѣ лампы. Онъ схватился одной рукою за спинку кровати, чтобы не упасть въ этомъ бѣшеномъ вихрѣ. Мало-по-малу все успокоилось и приняло обычный видъ. Алексѣй Ивановичъ снова увидѣлъ завѣшенную образами стѣну передъ письменнымъ столомъ, колоду съ большими желѣзными тисками, красный шкапъ, столѣрный верстакъ... Все было на мѣстѣ. Углы комнаты оставались во мракѣ; моментами, когда свѣтъ лампы вспыхивалъ, въ одномъ углу сверкали металлическія части токарнаго станка и словно говорили старику:

«Не забудь проститься и съ нами».

И опять, какъ утромъ на кладбищѣ, онъ почувствовалъ въ себѣ холодъ смерти и отчетливо вспомнилъ лицо покойницы... Но теперь ему не жалъ было жизни, ему было все равно: слабость разлилась по всему его тѣлу, лишила его сознанія всей важности настоящихъ минутъ и погрузила его въ сонъ.

Алексѣй Ивановичъ дремалъ, прижавъ затылкомъ къ спинкѣ кресла, свѣсивъ руки, широко разставивъ ноги и уронивъ голову на-бокъ. Онъ тяжело дышалъ, лицо его было мертвенно-блѣдно, на широкомъ лбу дрожали, отражая въ себѣ свѣтъ лампы, крупныя капли пота, изъ разстегнутой рубашки глядѣла ожирѣвшая грудь...

Временами изъ сжатыхъ губъ его вырывались хрипые звуки и замирали въ тишинѣ комнаты, сурово слѣдившей за своимъ хозяиномъ.

Сонъ его былъ кратокъ: сильное стѣсненіе въ груди заставило его быстро проснуться и привстать... Широко раскрытыми глазами онъ осматривался вокругъ и не узнавалъ предметовъ, среди которыхъ онъ провелъ всю свою жизнь... Со всѣхъ угловъ и стѣнъ на него надвигалось что-то черное, громоздкое и давило его, не давая вздохнуть; вдругъ онъ увидѣлъ въ окно рябину, и это молодое дерево, которое онъ самъ посадилъ, на него навело ужасъ.

— Помогите!...— рвалось изъ его груди; но вмѣсто крика онъ упалъ обратно въ кресло, продолжая оглядываться съ ужасомъ въ глаза.

Въ эту минуту онъ понялъ, что его глаза теперь выражаютъ то же, что выражали глаза птицъ, которыхъ онъ добывалъ о стволѣ ружья; и передъ нимъ замелькали глаза этихъ птицъ, глаза его крѣпостныхъ и глаза дѣвушекъ, которыхъ онъ опозорилъ; и во всѣхъ этихъ глазахъ онъ видѣлъ смерть...

IV.

Старикъ долго прислушивался къ тому, что происходило вокругъ него, и, когда убѣдился, что домъ спитъ, всталъ, взявъ свою толстую палку и осторожно вышелъ черезъ низкую дверь, скрывавшуюся за шкапомъ, на улицу. Спустившись съ крыльца, онъ долго стоялъ, тяжело дыша, прежде чѣмъ собрался съ силами.

Ночь была свѣтлая, теплая. Полканъ неподвижно лежалъ у крыльца. Старикъ тихо окликнулъ его; собака медленно подняла голову, высоко-высоко закинула ее, точно призывала небо въ свидѣтели, какъ ей тяжело вставать, и издала протяжный жалобный стонъ; затѣмъ она начала подбирать подъ себя ноги, царапая ими влажную траву, чтобы поднять дрыхлое тѣло; но, приподнявшись, она упала, безъ силъ, продолжая тоскливо глядѣть на хозяина.

У воротъ онъ опустился на скамейку. Впереди темнѣла деревня. Въ крайней избѣ мерцалъ огонекъ, и тонкіе, дрожавшіе лучи протянулись отъ него къ глазамъ старика.

— Не спать еще...

Онъ поднялся и пустился въ путь, отвоевывая у смерти каждый шагъ.

И та самая дорога, по которой онъ когда-то бѣгалъ ребенкомъ, которая соединила его съ его крѣпостными и въ теченіе всей его жизни неподвижно стлалась передъ его глазами, блѣды зимою и желтыя лѣтомъ,—эта самая дорога казалась ему теперь ужасной, и каждый шагъ по ней стоилъ ему нечеловѣческихъ силъ.

Онъ задыхался, останавливаясь ежеминутно, падалъ и ползалъ по землѣ, отгоняя отъ себя смерть съ той удивительной силой, которая иногда присуща человеку; минутами онъ забывался, и изъ его глазъ исчезалъ весь міръ,—не исчезалъ только огонекъ, дрожавшій въ окнахъ крайней хаты.

— Я не долженъ, я не могу умереть,— хрипѣлъ онъ: — пока не доберусь до этого огня.

Когда въ минуты полного упадка силъ онъ съ мольбою подымалъ отяжелѣвшую голову къ небу, оно говорило ему:

— Это твой страдный путь... По этому пути шли къ тебѣ твои рабы,—искупивъ же.

— Искупаю...— хрипѣлъ онъ:— о, Боже!. Искупаю.

А міръ, который онъ оставлялъ и который ужъ не интересовалъ его, былъ такъ же хорошъ, какъ въ дни его первой любви: такъ же низко плыла надъ лѣсомъ полная луна и, казалось, пробиралась между верхушками деревьевъ, такъ же шептался колосъ и влажное дыханіе вѣяло отъ клевера. Дотачивъ свое отекшее, умирающее тѣло до деревни, старикъ долго неподвижно лежалъ, и, когда онъ поднялъ голову, онъ вздрогнулъ, увидѣвъ передъ собою достигнутую цѣль; онъ всталъ и ступнулъ палкой въ окно.

На порогѣ появилась высокая, худая фигура столѣра.

— Михайло,— прошепталъ Алексѣй Ивановичъ, хватаясь за косякъ двери:— я умираю, прости меня...

— Я тоже умираю,— тихо отвѣтилъ Михайло:— увидимся тамъ, прощай мнѣ вамъ, Алексѣй Ивановичъ, не въ чемъ. Все отъ Бога, Ему и отвѣтъ дадимъ.

— Михайло, Михайло... Я виноватъ, страшно виноватъ передъ тобою, всю твою жизнь искалѣчилъ, странно мнѣ съ тобою тамъ встрѣтиться; прости... изрекъ слово прощенія... я... я...

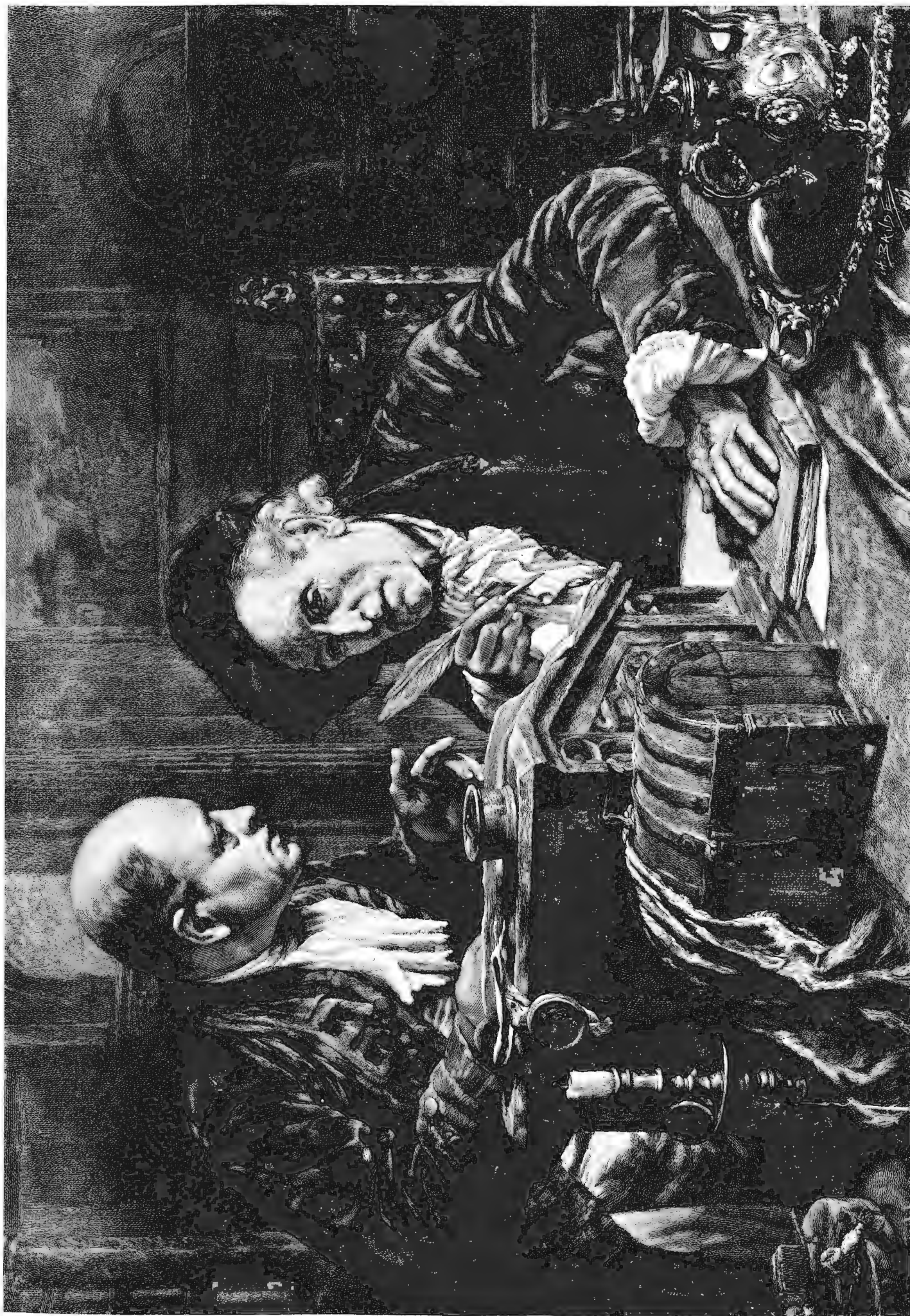
И онъ на козлыняхъ припадалъ къ ногамъ Михайла, задыхаясь и лоя его руки.

— Не могу я вамъ прощати! — рѣзко и неожиданно прозвенѣлъ въ ночной тишинѣ голосъ Михайлы: — не могу. Слишкомъ много горю!.. Не могу! Передъ Богомъ, все передъ Богомъ! Тамъ!.. Тамъ!.. Алексѣй Ивановичъ отшатнулся.

Михайло былъ страшень... Выпрямившись во весь ростъ, съ протянутыми впередъ руками, съ горѣвшимъ взоромъ, онъ стоялъ въ

Раннюю весною. Съ картины Р. Руса грав. Геданъ.

Бельгийская художественная выставка в С.-Петербурге. „Сложный счетъ“. Съ картиши Л. Брюнена граф. Бодъ.

дверяхъ, рѣзко освѣщенный луною, и кричалъ, проклиная свою долгую, мучительную жизнь, своихъ обидчиковъ. Эхо жадно подхватывало каждое его слово и разносило по всей окрестности.

— Смерть, смерть!.. — хрипло прокричалъ, замахавъ руками, Алексей Ивановичъ и бросился по направлению къ дому; но, пробѣжавъ нѣскольکو шаговъ, онъ остановился, вытянулся, грохнулся на землю, и его грузное тѣло покатилось, цѣпляясь за глинистую, корявую почву.

Столяръ сосредоточенно распиливалъ на доски черный дубъ, вѣтый имъ вчера у приказчика. Доски нужны крѣпкія, длинныя и широкія, но дерево это пролежало въ затхлому мѣстѣ около сорока лѣтъ и попортилось, нужно выбирать и пригонять.

Михайло любитъ черный дубъ; много деревъ проходило черезъ его руки, въ особенности, когда онъ работалъ у заграничнаго мастера, по лучше черного дуба онъ ничего не видалъ. Чудное это дерево. Чтобы почернѣть, оно должно сотни лѣтъ пролежать въ водѣ, и, чѣмъ дольше оно лежитъ, тѣмъ оно становится тверже и чернѣе. Особенно хорошо это дерево для гробовъ: легко, не боится сырости и прочно.

Давно-давно, когда и люди-то, можетъ, другіе были, на берегу

рѣчки росъ дубъ; стволъ его становился съ каждымъ годомъ все толще и выше, вѣтви длиннѣе, листъ крѣпче. Пронкло много лѣтъ, и дубъ сталъ такимъ высокимъ, что доходить до неба и въ лунныя ночи бесѣдовать со звѣздами; но песчаный берегъ, изъ котораго онъ вышелъ и который отдавалъ ему послѣдніе соки, чтобы поддерживать его великій ростъ, оказался слишкомъ слабымъ выдержать его тяжесть. Чѣмъ выше становился дубъ, тѣмъ ближе онъ сползалъ къ рѣкѣ... И въ одинъ ужасный день могучее дерево грохнуло въ воду, увлекая за собою почву, которая вскормила его. Все кругомъ задрожало отъ этого паденія; но это не была смерть; дерево погружалось все ниже, и когда легло на дно, для него началась новая, долгая жизнь...

Потомъ пришли люди, достали это дерево изъ глубины рѣки, чтобы дѣлать себѣ столы, шкапы и гробы.

Михайло пригонять и распиливать доски; онъ дѣлалъ гробъ своему барину... Вдругъ онъ выпрямился, перекрестился и прошепталъ:

— Господи, вразуми насъ, какъ жить!

И слезы потекли изъ глазъ старика... Видѣлъ ли эти слезы, земляничій на своемъ обѣденномъ столѣ, старый помѣщикъ?

Пли ему ужъ было все равно?

Первый женскій университетъ.

Очеркъ.

(Съ 3 рисунками.)

Въ ряду выдающихся успѣховъ, которыми прославился XIX вѣкъ въ мировой исторіи, несомненно одинъ изъ друшійшихъ — открытіе высшихъ учебныхъ заведеній для женщинъ. Достигнуть этого успѣха не сразу, а послѣ долгихъ томительныхъ попытокъ въ лабораторіи жизни. Много прошло десятилѣтій; масса потрачена была трудовъ, усилій и убѣжденій какъ со стороны передовыхъ людей науки, такъ и со стороны самихъ женщинъ, старавшихся личнымъ примѣромъ доказывать свои способности къ высшему образованию, пока, наконецъ, въ наиболѣе культурныхъ странахъ пришли къ заключенію, что женщина имѣетъ такое же право на высшее образованіе, какъ и мужчина. И постепенно мѣнялись роли. Слабые и малочисленные голоса поборниковъ женскаго высшаго образованія становились все громче и громче, и въ настоящее время въ меньшинствѣ уже оказываются тѣ, которые убѣждаютъ, что «женщина состоитъ изъ тѣла, души и наряда». Отъ этого неогоннаго предрасудка, долго и упорно державшагося главнымъ образомъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ женщина особенно долго пребывала въ рабствѣ, или, по словамъ Наполеона, исключительно признавалась «въ качествѣ машины для дѣторожденія», ранѣе всѣхъ освободилась — свободная Америка.

Въ то время, какъ въ Англіи, Франціи и другіяхъ европейскихъ государствахъ еще раздумывали, какія установить границы для женскаго образованія и какія могутъ оказаться послѣдствія для семьи, общества и государства отъ расширенія женскаго образованія, въ то время какъ даже профессора германскихъ университетовъ горячо ратовали за недопущеніе женщинъ къ высшему образованію, — Америка сразу рѣшила этотъ нескончаемый вопросъ. Практичныя янки, имѣя обыкновеніе проверять истинныя теоріи на опытѣ, открыли почти уже сорокъ лѣтъ тому назадъ женщинамъ школы и предоставили имъ всѣ отрасли научнаго и литературнаго образованія. Этотъ крупный рѣшительный шагъ въ общественной и даже государственной жизни Штатовъ былъ сдѣланъ не въ увлеченіи модной теоріей эмансипаціи женщинъ, а съ точки зрѣнія мудрой государственной политики. Эта реформа женскаго образованія была реформой всего народнаго образованія въ Америкѣ, служащаго теперь чуть ли не недостижимымъ идеаломъ для Европы.

Какъ справедливо говоритъ г. Гино въ своей книгѣ «Общественное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ», — «церковь, школа, газета — вотъ тѣ три элемента, которые американское общество считаетъ необходимыми условіемъ высокой цивилизаціи». Сознавая всю важность народнаго образованія, американцы съ первыхъ же шаговъ поставили его главнымъ условіемъ развитія своей страны; но имѣвшійся налицо мужской учебный персоналъ не могъ удовлетворить этой возгорѣвшейся жажды знанія. Тогда невольно обратились къ женщинамъ, которыя по своимъ знаніямъ могли стать преподавательницами. Это былъ первый опытъ, къ которому пришла сама жизнь. Мало того, не вездѣ имѣлось достаточно средствъ для того, чтобы построить сразу двѣ школы — для мальчиковъ и дѣвочекъ, — и пришлось волей-неволей обучать ихъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ, дѣти разныхъ половъ, разныхъ классовъ и состояній, сравненныхъ въ силу требованій царящаго тамъ демократическаго равенства, заняли въ школахъ мѣста рядомъ и получали всѣ одинаковое, совершенно равное образованіе. Результаты не замедлили сказаться. Дѣвушки оказались ничуть не уступающими юношамъ въ умственныхъ способностяхъ и прилежаніи. На ряду съ этимъ женскій учебный персоналъ не только не уступалъ преподавателямъ-мужчинамъ въ приемахъ обученія, но и превзошелъ ихъ своей терпѣливостью и внимательностью къ учащимся. Прошло нѣсколько лѣтъ, и отчеты опущенныхъ начальниковъ общественныхъ школъ единогласно подтвердили, что «женщина вноситъ въ исполненіе своихъ обязанностей такое пониманіе, сноровку и тактъ, которые трудно встрѣтить въ мужчинахъ. Если можно ихъ сдѣлать какой-либо упрекъ, то развѣ только въ томъ, что онѣ слишкомъ

ревностно отдаются своей тяжелой работѣ и черезчуръ усвоеннымъ трудомъ часто губятъ свое здоровье». Всѣ эти практическіе результаты, обнаруженные самой жизнью, привели лучше всякихъ теорій къ предоставленію женщинамъ свободы образованія.

И женщина сразу заняла въ Америкѣ видное и почетное положеніе. Для расширенія ея образованія стали основываться спеціальныя высшія заведенія, такъ-называемыя коллегіи, на построеніе которыхъ жертвовали милліоны, какъ на полезнѣйшее, общегосударственное дѣло.

Такъ возникли въ Соединенныхъ Штатахъ на общественныя средства четыре женскихъ высшихъ учебныхъ заведенія, изъ которыхъ слѣдуетъ признать первымъ — и по давности, и по серьезности преподаванія — коллегію Вассара (Vassar College), расположенную въ четырехъ верстахъ отъ г. Покинса (Poughkeepsie) на р. Гудзонѣ.

«Эту коллегію, которую смѣло можно назвать первымъ женскимъ университетомъ, я и рѣшила съ — ишеть намъ З. А. Рагозина. — подробно осмотрѣть и подѣлаться полученными свѣдѣніями съ читателями *Нивы*.

«Явиться туда и разспрашивать, положимъ, можетъ всякій и будетъ, по американскому обычаю, принятъ учтиво, но я пользовалась болѣешими преимуществами, такъ какъ меня ввѣлъ мой добрый пріятель профессоръ Л. Ф. Риттеръ, состоящій при заведеніи директоромъ музыкальной школы. Кромѣ того, русское имя вездѣ въ Штатахъ пользуется большимъ оубаженіемъ. И такъ, директоръ, или какъ здѣсь говорятъ «президентъ» — и директориса (Lady Principal) встрѣтили меня съ величайшей предупредительностью и распорядились, чтобы всѣ отдѣлы были мнѣ показаны и объяснены лицами, ими спеціально завѣдующими. Не бойтесь, однако: я не намѣрена закидать васъ цифрами, а просто приглашаю съ собою прогуляться.

«Коллегія Вассара построена на возвышенности, среди живописной мѣстности. Фасадъ ея тянется на 500 футовъ въ длину, образуетъ въ центрѣ большое зданіе въ 200 футовъ, а по сторонамъ, подъ примымаи углами, — два флигеля, въ 164 фута каждый. Зданіе коллегіи построено по образцу Тюльерійскаго дворца и по своему великолѣпно представляетъ одно изъ богатѣйшихъ сооружений даннаго типа и въ Старомъ, и въ Новомъ Свѣтѣ.

«Но оставимъ пока главное зданіе. Профессоръ Риттеръ ждалъ меня въ другомъ, отдѣльномъ зданіи, въ которомъ помѣщаются только музыкальная школа съ концертною заломъ, да художественная галлерея съ мастерскою и музей. Уже издали меня встрѣтилъ дѣлкій океанъ звуковъ: это или музыкальныя упражненія. По бокамъ длиннаго коридора многое множество небольшихъ комнатъ, и въ каждой по фортепиано. У проф. Риттера семь учительницъ-помощницъ, а утро — время уроковъ. Впрочемъ — весь день происходитъ въ работѣ. Учащіяся по крайней мѣрѣ двѣсти, а въ главномъ зданіи, гдѣ живутъ, музыкальныхъ инструментовъ держать не дозволяется. Концертная зала служитъ также и любительскимъ театромъ. Сцена убрана конетливо, снабжена всякими принадлежностями, даже механическими приспособленіями, и «студентки» зачастую устраиваютъ представленія, конечно безъ мужского элемента. Эта же зала служитъ и для гимнастическихъ упражненій, чисто гигиеническаго свойства, для чего имѣются тутъ же штанги, гири и малныя разнаго калибра. Музей естественной исторіи — хорошъ. Витрины, тянушіяся вдоль всей стѣны большой, освѣщенной сверху, залы, заняты чуть ли не самой полной въ Штатахъ коллекціей сѣверо-американскихъ птицъ. Этой коллекціею американцы очень гордятся и поспешили пополнить ее и теперь. Ясно, что на естественный отдѣлъ вообще обращено большое вниманіе. Собраніе геологическихъ и минералогическихъ образчиковъ весьма богато. Но части зоологическое всѣхъ пособій налицо, — не только чучела, скелеты и рисунки, но нѣсколько витринъ французскихъ анатомическихъ и физиологическихъ моделей изъ папье-маше. Впрочемъ, эти послѣдніе предметы преподаются очевидно лишь въ извѣстныхъ границахъ — что и по-

нятно, такъ какъ учебный курсъ коллегіи — общеобразовательный, безъ специальныхъ «факультетовъ». Нѣсколько студіе, но все же довольно полно обставляютъ художественный классъ; къ этому нужнѣ присоединить еще библиотеку коллегіи, которая очень богата по части искусства. Профессоръ, голландецъ Ванъ-Ингенъ, строго держится новѣйшаго метода — заставлять съ первыхъ же шаговъ работать съ гипса или съ натуры, и сопровождаетъ каждый курсъ соответственными лекціями по части теории и исторіи искусства. То же дѣлаетъ профессоръ Риттеръ относительно музыки. Какъ въ музыкальную, такъ и въ художественную школу допускаются также экстерны, т. е. дѣвочки, не обучающіяся въ «коллегіи» и желающія только изучать ту или другую отрасль искусства. Онѣ платятъ 50 долларовъ въ годъ, допускаются къ экзаменамъ наравнѣ съ другими по окончаніи курса, и получаютъ дипломы по избранной ими части. Такихъ «вольныхъ слушательницъ» въ настоящее время пятьдесятъ семь. Желающія допускаются на тѣхъ же основаніяхъ и на другіе, научные курсы.

«Химія и прочія естественныя науки преподаются въ особомъ зданіи, нижній этажъ котораго отведенъ для аудиторій, тогда какъ въ верхнемъ помѣщаются обширная лабораторія и множество специальныхъ естественно-научныхъ кабинетовъ. Этими кабинетами, какъ и лабораторіею, завѣдуютъ женщины-специалистки, обыкновенно бывшія студентки коллегіи.

«Мы попали какъ разъ на лекцію третьяго курса и, по приглашенію профессора, присѣли въ сторонѣ отъ кафедры. Слушательницъ было около двадцати, всѣ дѣвушки взрослые, отъ 18 до 22-хъ лѣтъ, — прелестная и не привычная для европейскаго глаза картина. Мило и тщательно одѣтыя, по американскому обычаю, онѣ сѣли вразсыпную на переднихъ скамейкахъ, съ наклоненными серьезными личиками, быстро записывали слова профессора. Въ одну изъ высокихъ боковыхъ оконъ кабинета косо падалъ лучъ солнца и узкою золотою лентою ложился по пышнымъ складкамъ свѣтлыхъ лѣтнихъ платьевъ — (погода стояла еще довольно жаркая) — по изящнымъ токамъ и шляпкамъ, освѣщая тутъ яркій бантикъ, тамъ отливающее металлическимъ блескомъ птичье крыло. Дѣвушки жались, наклонялись, заслонялись книжками, но мѣнять мѣсто некогда было — надо было поспѣвать за рѣчью. Да, милостивая, отрадная картина! И въ русской головѣ невольно челькало: «Видно же можно и химію учиться, и имѣть тщательно и къ лицу причесанные волосы, кокетливыя шляпки, изящно спитыя платья».

«Въ сѣняхъ я замѣтила два мраморныхъ бюста, — я думала — какихъ-нибудь великихъ химиковъ. Профессоръ Риттеръ замѣтилъ, и сказалъ мнѣ: — «Да! дѣйствительно великіе — зерно превращали въ золото. Вѣдь это — богатые пивовары, братья Вассаръ, племянники основателя, которые построили и подарили коллегіи это зданіе». Самъ основатель, Матвій Вассаръ, родомъ англичанинъ, изъ простаго фермерскаго семейства, былъ тоже пивоваромъ, тутъ же въ Покипси, гдѣ родители его, баптисты по вѣроисповѣданію, поселились въ 1796 г., рѣшившись эмигрировать вслѣдствіе тогдашнихъ гоненій на всякія «диссидентскія» секты. Покипси тогда былъ просто деревней въ нѣсколько сотъ душъ — вѣдь было же въ то время всего 50,000 жителей въ самомъ Нью-Йоркѣ! Послѣ цѣлаго ряда неудачъ онъ завелъ пивоварню, и дѣло постепенно разрослось до грандіозныхъ размѣровъ. Въ 1845 году пятидесятирѣхлѣтній бездѣтный миллионеръ, въ первый разъ рѣшившись дать себѣ нѣсколько мѣсяцевъ отдыха, отправился съ женою въ Англію, тайно мучимый вопросомъ, на какое бы общепольное дѣло употребить свое богатство. Тамъ, въ странѣ, которую онъ не переставалъ называть своей родиною, онъ возмущался подчиненнымъ положеніемъ женщины, понявъ его настоящую причину — отсутствіе возможности получить высшее, истинно серьезное образование — и вернулся въ Покипси уже съ опредѣленнымъ проектомъ въ головѣ... Онъ рѣшилъ пожертвовать все свое миллионное состояніе на учрежденіе большой коллегіи для молодыхъ дѣвушекъ, въ которой онѣ могли бы получить такое же образованіе, какое дается молодымъ людямъ въ лучшихъ американскихъ коллегіяхъ. Для осуществленія своего плана Вассаръ вошелъ въ сношенія съ учеными

не только Америки, но и Европы, и вообще со всѣми выдающимися дѣятелями по поднятію уровня женскаго образованія. Въ 1861 г. планъ былъ разработанъ окончательно, и тотъ моментъ, когда американское правительство приняло предложеніе Вассара и рѣшило присоединить его коллегію къ числу заведеній университетскаго разряда, — былъ великій, незабвенный моментъ въ исторіи общественаго образованія Соединенныхъ Штатовъ, выдающимся событіемъ въ исторіи умственнаго развитія женщины. Этими рѣшеніемъ было впервые и навсегда провозглашено умственное равенство обоихъ половъ.

«Получивъ правительственную санкцію, Вассаръ выбралъ 24 администраторовъ, которые должны были образовать собою почетное бюро новой коллегіи и, собравъ ихъ 24-го февраля 1861 г. въ одной изъ общественныхъ залъ г. Покипси, изложилъ имъ цѣль новаго учрежденія и торжественно передать имъ попеченіе о нуждахъ своей коллегіи; вмѣстѣ съ этимъ онъ передалъ имъ и сундукъ, въ которомъ находилось 500,000 долларовъ...

«Но бюсты въ сѣняхъ химической лабораторіи не въ пору да лежатъ: прогулка не кончена.

«Особенно заинтересовала меня обсерваторія, красивое зданіе, построенное совсѣмъ особнякомъ на небольшой возвышенности. Это — особенность, отличающая эту коллегію отъ прочихъ того же рода учреждений. Только здѣсь астрономія преподается: практически, полнымъ специальнымъ курсомъ для желающихъ;

Коллегія Вассара. Внѣшній видъ зданія коллегіи.

главныя же теоретическія основы науки (Popular Astronomy) обязательно изучать въ теченіе второго семестра второго курса. Замѣчательно, что очень много дѣвушекъ специально посвящаютъ себя этой трудной наукѣ; по пока женщинамъ-астрономамъ пѣть хода, т. е. онѣ еще не допускаются занимать мѣста при публичныхъ обсерваторіяхъ и метеорологическихъ бюро. «Но это должно измѣниться», — съ тихой увѣренностью замѣтила мнѣ помощница профессора: — «женщины обнаруживаютъ столько склонности и способности къ астрономіи, что имъ современемъ непременно должна открыться дорога». Вотъ настоящій взглядъ на женскій вопросъ! Докажи сперва, что можешь, да не разъ и не два, въ видѣ исключенія, а сто разъ, — и сила непременно возьметъ свое.

«Изъ обсерваторіи нѣсколько ступеней внизъ ведутъ съ одной стороны въ приемную, привѣтливую комнату въ нѣсколько оконъ, изящно убранную и украшенную бюстами миссъ Гершель и Мери Сомервилль, съ другой — въ кабинетъ профессора и аудиторію, за которыми уже помѣщаются жильныя комнаты профессора и ея помощницы. Самъ профессоръ астрономіи — женщина, миссъ Марія Митчелъ^{*}), старшій по годамъ членъ всего учебнаго персонала. Несмотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, она съ неутомимою бодростью исправляла свою должность съ самаго открытія курсовъ въ 1865 г. Кромѣ нея только еще два профессора — математики (тоже женщина), да директоръ художественной школы — могутъ похвалиться такою давностью.

«Предуредительно ознакомивъ меня съ устройствомъ всей коллегіи, меня оставили завтракать, пригласили къ одному изъ учительскихъ столовъ, гдѣ я познакомилась съ библиотечарней, органисткой (вмѣстѣ съ тѣмъ и секретаремъ «президента») и еще одной весьма интересной дамой, учительницей латинскаго и греческаго языковъ. Учителей нѣтъ вовсе, да и изъ профессоровъ, кромѣ директоровъ музыкальной и художественной школы, только четверо мужчинъ: профессора естественной исторіи, физики и химіи, риторики съ англійской литературой, латинскаго и греческаго языковъ и литературы.

^{*} Она скончалась послѣ того, какъ написаны эти строки.

Докторъ, состоящій при коллегіи, тоже женщина, она же — профессоръ физиологіи и гигіены, такъ какъ эти предметы обязательно преподаются на двухъ послѣднихъ курсахъ. Со временемъ падъются замѣстить всѣ профессорскія должности женщинами».

Американскія женщины сразу оцѣнили значеніе Вассаровской коллегіи. Несмотря на весьма высокую годичную плату (400 долларевъ или 800 р. сер. по нынѣшнему курсу, да 100 долларевъ за обученіе музыкѣ или рисованію и живописи), желающихъ поступить явилось болѣе предполагаемаго числа. Помѣщеніе рассчитано приблизительно для четырехсотъ студентокъ, причемъ каждой полагалось имѣть отдѣльную спальню; но были года, когда комнаты попросторнѣе занимались двумя.

Учебная программа коллегіи распределена въ высшей степени разумно. Молодыя дѣвушки принимаются въ коллегію съ 14-ти лѣтъ. Курсъ продолжается 4 года. Для права поступленія на 1-й курсъ нужно умѣть объяснять Цезаря (4 книги), Цицерона (4 рѣчи), Виргилія (6 книгъ), знать алгебру до уравненій второй степени, риторикѣ и всеобщую исторію. Курсъ очень обширенъ, поистинѣ энциклопедическій, и распадается на два отдѣла: классическій и философскій. Но всѣ курсы преподаются отдѣльно и въ различные часы, такъ что студентки коллегіи могутъ по собственному выбору заняться изученіемъ тѣхъ предметовъ, къ которымъ онѣ чувствуютъ наибольшую склонность. При выпускныхъ экзаменахъ для полученія диплома необходимо выдержать испытаніе по нѣкоторымъ обязательнымъ для всѣхъ предметамъ и затѣмъ по тѣмъ, которые избрала себѣ каждая студентка. Характерно, что, несмотря на громадный курсъ и на стремленіе коллегіи ничуть не обременять занятіями студентокъ и заботиться о ихъ физическомъ развитіи, уровень ихъ знаній настолько высокъ, что по общераспространенному мнѣнію превосходитъ уровень знаній воспитанниковъ другихъ высшихъ коллегій.

Объясняется это опять-таки умѣньемъ распределить учебное время. Вотъ вкратцѣ весь день ученицы коллегіи. Начинается ея день очень рано. Въ 7½ ч. утра уже она завтракаетъ, затѣмъ она сама убираетъ свою комнату и ровно въ 8½ ч. является уже на лекцію. Начинаются занятія, въ одной аудиторіи — математикой, въ другой — читаемъ Аристофана, въ третьей — практическимъ изученіемъ нѣмецкаго и французскаго языковъ, въ четвертой — психологіей, въ пятой — исторіей искусствъ и т. д., въ лабораторіяхъ и кабинетахъ кипятъ практическія работы... Всѣ эти работы устроены

и физическое развитіе процвѣтаютъ въ коллегіи въ широкихъ размѣрахъ. Всякаго рода гимнастическія упражненія, фехтованіе, стрѣльба въ цѣль и т. д. — все это имѣетъ среди ученицъ своихъ «чемпионокъ», которыя въ силѣ и ловкости смѣло могутъ соперничать съ юношами. Всякаго рода игры проходятъ на особомъ громадномъ луку, огороженномъ высокимъ заборомъ, чтобы не возбуждать любопытства мужниці красивыми, статными формами юныхъ спортсменокъ, вырисовывающимися подъ довольно откровенными костюмами. Темносинія блузы изъ мягкой шерстяной

Коллегія Вассара. Студентки за лабораторными работами.

матеріи, съ матросскимъ воротникомъ бѣлаго, краснаго, зеленаго или желтаго цвѣтовъ (смотря на какомъ курсѣ находится студентка; цифра курса прикрѣплена у каждой на груди), широкіе шаровары, собранные у колѣнъ и пристегнутые пряжкой, черныя чулки и вырѣзаныя туфли съ резиновыми подошвами — вотъ и весь ихъ костюмъ для игръ.

Въ лунные зимніе вечера устраиваются катанья на саняхъ большими группами; уставшая, съ разгорѣвшимися щеками отъ мороза и еще болѣе отъ удовольствія, онѣ заѣзжаютъ по пути къ окрестнымъ фермерамъ, гдѣ ихъ всегда ласково примутъ, обогрѣютъ и еще ужинкомъ угостятъ. Достаточно назваться студенткою коллегіи Вассара, чтобы всѣ землевладѣльцы штата гостеприимно раскрыли ей свои двери.

Много лѣтъ тому назадъ богатый нью-йоркскій филантропъ, мистеръ Томисонъ, завелъ обычай дарить каждой студенткѣ коллегіи по окончаніи выпускнаго экзамена золотую ложку. Читателямъ, навѣрно, интересно будетъ узнать смыслъ этого оригинальнаго подношенія. Его выслушалъ самъ Томисонъ въ своей рѣчи: «Коллегія Вассара — сказалъ онъ: — высылаетъ въ жизнь своихъ воспитанницъ съ единственнѣмъ приданымъ, съ единственнѣмъ оружіемъ въ рукахъ для борьбы съ жизнью — образованіемъ воспитаніемъ и образованіемъ. Эта золотая ложка, милостивыя государыни, — начало вашего будущаго благосостоянія. Если вы изберете жизнь дѣвственницы, то пусть эта ложка послужитъ основой вашего будущаго имущества; если же вы рѣшитесь раздѣлить свои радости и работы съ другимъ, то пусть она будетъ основой вашего приданаго. Это ваша собственность, приобретенная пребываніемъ въ коллегіи».

И всѣ воспитанницы Вассаровской коллегіи свято хранятъ эту «золотую ложку» съ своей монограммой, какъ свѣтлое воспоминаніе о юныхъ годахъ,

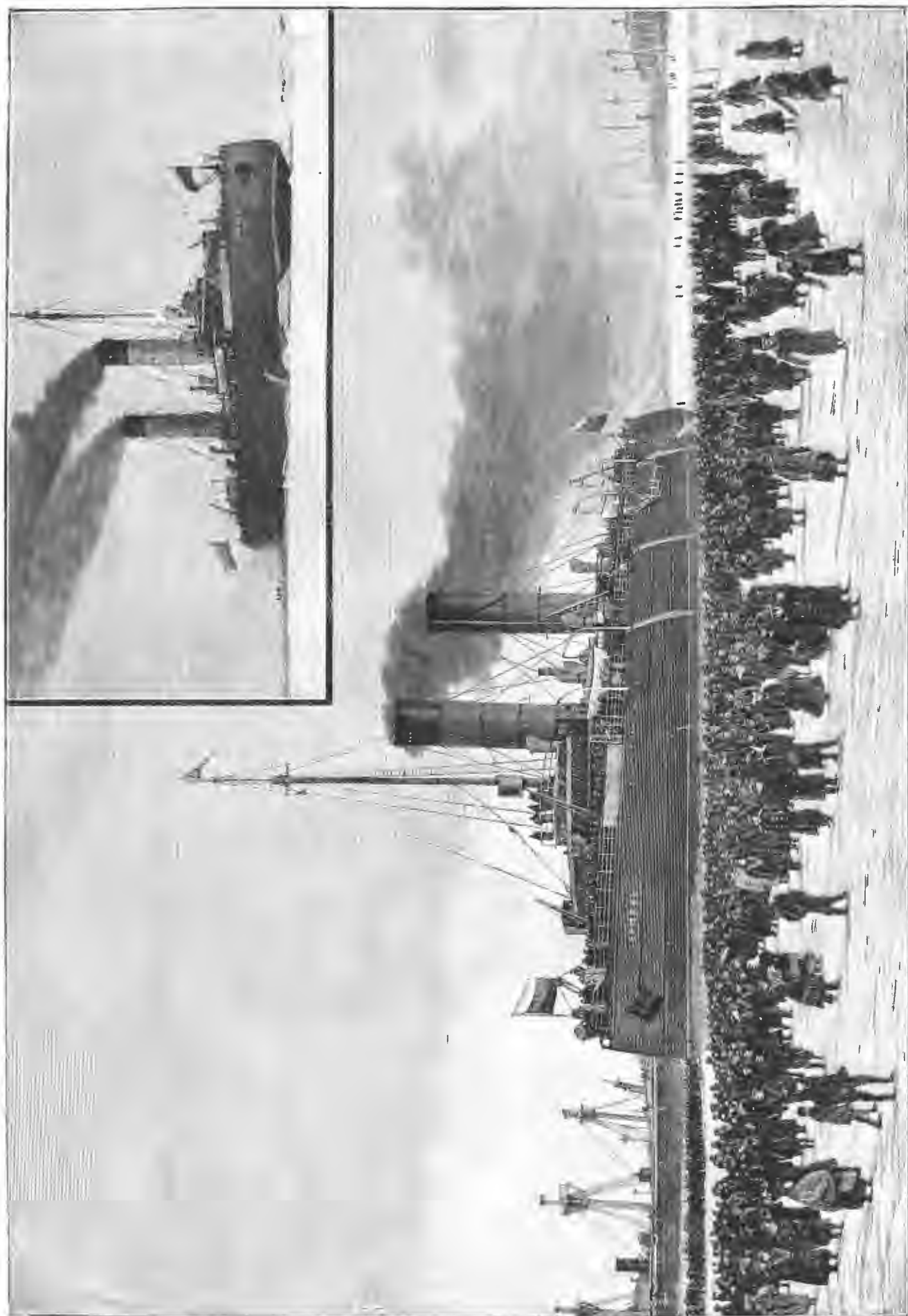
Коллегія Вассара. Студентки высшаго курса.

такъ, что не можетъ явиться ни долгаго перерыва, могущаго нагнать тоску, ни переутомленія... Однимъ словомъ, строгое и по-сладовательное проведеніе мудраго правила — *mens sana in corpore sano*.

Послѣ занятій ученицы предаются отдыху, — разумному, полезному отдыху. Происходятъ бесѣды, завязываются дебаты. Въ коллегіи имѣются свои клубы. По образцу американскихъ высшихъ коллегій, есть тутъ «шекспировскій», «диккенсовскій», «гётевскій» клубы, музыкальный клубъ, клубъ «лаунъ-теннисъ» и т. д. Спортъ

проведенныхъ въ стѣнахъ коллегіи.

Изъ этихъ стѣнъ вышли почти за сорокъ лѣтъ существованія коллегіи тысячи образованныхъ дѣвушекъ, распространившихъ свѣтъ знанія по всей странѣ, создавшихъ новый серьезный взглядъ на женщину, какъ на равноправнаго члена семьи, какъ на способную и полезную рабочую члену не только въ области физическаго, но и интеллектуальнаго труда. Вслѣдъ за коллегіей Вассара, этого перваго женскаго университета, постепенно стали появляться другія такія же коллегіи: Уэльсли и Смита (Wellesley и Smith's

Ледоколь „Ермакъ“ на кронштадтскомъ рейдѣ. Съ фот. грав. М. Н. Рапесвскій.
„Ермакъ“ на пути въ Кронштадтъ.

College), женщины допущены были слушать лекции паравнѣ съ мужчинами въ Мичиганскій и Гарвардскій университеты. Такимъ образомъ оправдались знаменитыя слова Джона-Стюарта Милля, сказанныя имъ въ 1861 г., въ отвѣтъ русскимъ женщинамъ (изъ Петербурга) на ихъ требованіе равнаго доступа къ образованію для мужчинъ и женщинъ: «одинаковый доступъ обоихъ половъ къ образованію важенъ не только для женщинъ,—что было бы уже и

само по себѣ достаточно уважительно,—но и вообще для всей цивилизаціи. Я глубоко убѣжденъ, что нравственное развитіе мужчинъ можетъ безъ этого остановиться, не только потому, что никто не можетъ замѣнить матерей въ воспитаніи ихъ дѣтей, но еще и потому, что вліяніе на мужчину характера и понятій подруги его жизни не можетъ быть незначительнымъ: женщина всегда или толкаетъ его впередъ или задерживаетъ».

Къ рисункамъ.

Нѣмецкій художникъ Алоизъ Эрдтельтъ, сынъ бѣднаго крестьянина, силою воли и упорной вѣрой въ свое дарованіе завоевалъ себѣ видное мѣсто среди современныхъ живописцевъ. Біографія его очень поучительна: она лишній разъ доказываетъ намъ, что истинный талантъ всегда найдетъ себѣ путь и побѣдитъ препятствія, воздвигаемыя ему тяжелыми обстоятельствами жизни. Безъ поддержки, безъ гроша денегъ, терпя невзгоды, онъ страстно отдавался своему любимому дѣлу, работалъ, не покладая рукъ, учился безъ устали. Семь трудныхъ лѣтъ прозель онъ въ заведеніи позолотчика, исполняя ненавистныя ему ремесленныя работы и занимаясь въ свободное отъ урочныхъ часовъ время дорогимъ ему дѣломъ. И наконецъ, судьба сжалилась надъ нимъ и послала ему освободителя, въ лицѣ нѣкоего фонъ-Гѣника, богатаго помѣщика.

Онъ обратилъ вниманіе на юнаго художника и далъ ему средства для его художественнаго образованія. Эрдтельтъ на его деньги учился живописи въ Берлинѣ и Мюнхенѣ, и въ настоящее время занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ рядѣхъ нѣмецкихъ живописцевъ. Одно изъ его послѣднихъ произведеній—

Дѣтская головка—мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ нашего журнала. Достоинства его бросаются въ глаза.

Блѣдное небо и блѣдное солнце; оголенные деревья и темныя поля; въ воздухѣ еще сыро и холоднато. Зима прошла, но весна еще не наступила. Это то время или, вѣрнѣе, тотъ короткій промежутокъ времени, который незамѣтной гранью отдѣляетъ зиму отъ весны—пору сна и унынія отъ поры пробужденія и расцвѣта. Передать настроеніе этого переходнаго времени, уловить его характеръ, дать почувствовать зрителю отдаленное, скорѣе предчувствуемое, вѣяніе ранней весны—задача не легкая для художника. Нѣмецкій художникъ справился съ этою трудною задачею. Въ картинѣ выдержанъ тонъ, и нѣтъ ни малѣйшей невѣрной ноты. Получается цѣльное впечатлѣніе. Да, именно такова ранняя весна.

Духомъ старой голландской школы вѣетъ отъ картины современнаго бельгійскаго художника Леона Брюена (Leon Bruin); съ

тщательностью, которою отличались лучшіе мастера времени провѣтаныя голландской живописи, выписаны всѣ аксессуары этой картины; полны экспрессіи лица двухъ стариковъ, занимающихся

сведеніемъ сложнаго счета по передачѣ искусства, и вся композиція полна спокойнаго настроя. Картина эта была выставлена въ Петербургѣ, на Бельгійской выставкѣ, на которой мы впервые довольно подробно ознакомились съ состояніемъ современной живописи маленькаго, но очень культурнаго народа.

Ледоколъ „Ермакъ“.

(Рис. на стр. 237.)

4-го марта съ утра весь затопутый льдомъ кронштадтскій рейдъ былъ запруженъ народомъ. Среди столпившагося народа особенно много было моряковъ, какъ мѣстныхъ, такъ и пріѣзжихъ изъ Петербурга. Всѣ зорко всматривались въ даль. Ждали прибытія перваго парохода-ледокола «Ермакъ». Въ началѣ четвертаго часа дня «Ермакъ», легко и мѣрно прокладывая себѣ путь среди сплошнаго льда, вошелъ на рейдъ и, сдѣлавъ поворотъ, остановился рядомъ съ эскадреннымъ броненосцемъ «Полтава», встрѣтившимъ его звуками

музыки. Кронштадтъ встрѣтилъ гиганта «Ермака» пушечными салютами съ фортовъ и стѣнки, на что «Ермакъ» отвѣчалъ выстрѣлами изъ двухъ орудій, имѣющихся на суднѣ.

«Ермакъ»—одинъ изъ крупнѣйшихъ ледоколовъ въ мірѣ—построенъ въ Англии (въ Нью-Кэстлѣ) на верфи Армстронга по заказу министерства финансовъ и обошелся въ 1½ милліона рублей. Онъ пришелъ изъ Англии въ десять дней, при чемъ два дня задержался у Ревеля, вслѣдствіе тумановъ. Начиная съ Ревеля, «Ермаку» пришлось бороться со льдомъ. Сначала толщина льда не превышала 3-хъ футовъ, и самый толстый слой льда—около 7 футовъ—пришлось ему пробить въ 40 миляхъ отъ Кронштадта, около Сескара. Все это ледяное пространство отъ Ревеля до Кронштадта «Ермакъ» пробилъ безъ всякихъ затрудненій, корпусъ его не потерялъ никакихъ поврежденій, и всѣ его машины въ полной исправности. Благодаря особому устройству носа «Ермака» и колоссальному вѣсу его (въ немъ 8.000 тоннъ водоизмѣщенія), пароходъ въ состояніи проломить ледъ толщиною даже въ 1½ са-

Антонъ ванъ-Дейкъ. По поводу 300-лѣтія дня рожденія. Съ портрета, находящагося въ С.-Петербургскомъ Эрмитажѣ.

женн. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что «Ермакъ» не столько про- рѣзаетъ, сколько продавливаетъ ледъ: онъ насаживаетъ бы- стрымъ ходомъ на ледяную поверхность и продавливаетъ ее своею колоссальною тяжестью, разбрасывая изъ-подъ бортовъ глыбы льда. Кроме того, на «Ермакъ» имѣется масса приспособлений для ломки льда, и одними изъ полезнѣйшихъ оказались особые якоря для за- цѣпливанія льда снизу и перекачиваніе воды съ одной стороны парохода въ другую, т.-е. искусствен- ное расшевеливаніе его для болѣе успешной ломки льда. На пароходѣ имѣются 71 непотопляемая переборка, устроенная такимъ образомъ, что, въ случаѣ появленія воды въ одной переборкѣ, вода механически вы- пускается въ другую, благодаря чему не можетъ произойти накрениванія.

Приспособленный специально для плаванія въ сѣверныхъ моряхъ, «Ер- малъ» снабженъ всеми научными при- приспособленіями, астрономическими при- борами и имѣетъ каюты 1 класса для ученыхъ экспедицій на 30 человекъ. Команда «Ермака» очень немногочис- ленна, но зато каждый матросъ—опыт- ный мореходъ. Командуетъ ледоколомъ капитанъ 2-го ранга М. П. Васильевъ. Но главный командиръ «Ермака», такъ-сказать виновникъ его появленія на свѣтъ, выработавшій проектъ его постройки, лично завѣдывавшій этой постройкой, присутствовавшій въ Нью- Кэстлѣ при приемѣ ледокола и при- бывшій на немъ теперь изъ Англии— вице-адмиралъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ, портретъ котораго мы здѣсь помещаемъ.

Вице-адмиралъ С. О. Макаровъ (род. въ 1848 г.),—одинъ изъ блестящихъ боевыхъ плавныхъ адмираловъ, награ- жденный за послѣднюю русско-турецкую войну орденомъ св. Владимира 4 ст. съ мечами и бантомъ, золотой саблей съ надписью: «за храбрость», орденомъ св. Георгия 4-й ст. и св. Станислава 2 ст.,—въ настоящее время состоитъ командующимъ практической эскадрой Балтійскаго моря.

С. О. Макаровъ, какъ инициаторъ постройки «Ермака», удостои- лся получить въ отвѣтъ на свое донесеніе о благополучномъ прибы- тии въ Кронштадтъ телеграмму отъ Государя Императора: «По- здравляю васъ съ приходомъ въ Кронштадтъ въ это время года, радуюсь вмѣстѣ съ вами блестящему осуществленію вашей мысли. Николай». Вмѣстѣ съ тѣмъ поздравительныя телеграммы были по- лучены С. О. Макаровымъ отъ Авгу- стѣйшаго Генералъ-Адмирала и отъ великаго князя Александра Михайловича.

Во всѣхъ этихъ телеграммахъ, какъ и въ цѣлой массѣ частныхъ, отъ разныхъ прикосновенныхъ къ морскому дѣлу лицъ, указывается на громадное значеніе пред- стоющей дѣятельности «Ермака» въ дѣлѣ расширенія морской торговли въ Балтійскомъ морѣ и особенно въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ, гдѣ водное сообще- ніе немислимо въ теченіе трехъ четвер- тей года. Мы не можемъ здѣсь, за от- сутствіемъ мѣста, останавливаться на выясненіи этого значенія, тѣмъ болѣе, что недавно, въ *Лит. Прил.* (за январь 1898 г.), мы помѣстили цѣлую статью, посвященную этому интересному вопро- су: «Борьба со льдомъ» К. Фропковича.

Въ заключеніе укажемъ на интерес- ный фактъ, подтверждающій важность постройки такихъ ледоколовъ, какъ «Ер- малъ». 9-го марта «Ермакъ» вышелъ изъ Кронштадта въ море по образованному имъ широкому каналу на вырѣчку не- сколькихъ судовъ, затертыхъ льдомъ близъ Ревеля. Вотъ поистинѣ лучшее подтвер- жденіе практичности идеи вице-адмира- ла С. О. Макарова.

Антонъ ванъ-Дэйкъ.

(Портр. на стр. 238.)

10-го марта исполнилось 300-лѣтіе рожденія знаменитаго фла- мандскаго портретиста и историческаго живописца Антона ванъ- Дэйка.

Антонъ ванъ-Дэйкъ родился 10-го марта 1599 г. въ Антверпенѣ. Судьба его, и какъ человѣка, и какъ художника,—въ сравненіи съ его современниками и товарищами по искусству, съ трудомъ въ теченіе цѣлой жизни завоевывавшими себѣ извѣстность,—является

исключительно благоприятной. Родился ванъ-Дэйкъ въ богатой ку- печеской семьѣ, въ которой глубоко чтили и понимали искус- ство, и первой, угадавшей и начавшей развивать его талантъ, была его родная мать, славившаяся въ свое время своими худо- жественными рукодѣльными работами и вмѣстѣ съ отцомъ не ща- дившая средствъ для самаго разносторонняго воспитанія сына. Та- кимъ образомъ художественныя способности ванъ-Дэйка получили сразу широкое развитіе, не встрѣчая на пути никакихъ препятствій, не утрачивая своей яркости и напря- женія въ борьбѣ съ жизнью, которая улыбалась художнику съ самой козы- бели. Это не могло не отразиться благотворно на его артистической ин- дивидуальности.

Въ 1609 г., послѣ смерти матери, юный ванъ-Дэйкъ поступилъ въ антверпенскую гильдію св. Луки, гдѣ за- нимался живописью подъ руковод- ствомъ извѣстнаго въ свое время ху- дожника Генриха фонъ-Валена. Съ очень раннихъ лѣтъ началъ онъ ра- ботать самостоятельно и, записавшись въ 1618 г. въ антверпенскую гильдію живописцевъ, уже закончилъ этимъ свое ученическое образованіе.

Два года спустя молодой ванъ-Дэйкъ для завершенія своего художествен- наго образованія поступилъ въ мастер- скую своего знаменитаго соотечествен- ника Петра Рубенса. Горячо, восхи- щенно выслушивая отъ указанія сво- его великаго учителя, ставшаго затѣмъ его ближайшимъ другомъ, и проработавъ два года, онъ вышелъ изъ мастерской Рубенса съ очень солид- ной извѣстностью, переступившей да- же предѣлы его отечества. Туда, за предѣлы Бельгіи, направился и онъ самъ, сначала на сѣверъ, а потомъ на югъ. Прежде всего ванъ-Дэйкъ от- правился въ Лондонъ, ко двору короля

Карла I, гдѣ онъ, однако, провѣлъ всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ, а затѣмъ, въ 1623 г.—въ Италію, гдѣ онъ, подобно своему великому учителю Рубенсу, прожилъ много лѣтъ, изучая произведенія зна- менитыхъ колористовъ Тиціана и Пола Веронезе.

Послѣ нятилѣтняго пребыванія въ Италиі, ванъ-Дэйкъ вернулся на родину, гдѣ онъ былъ заваленъ заказами на картины и портреты и снова сблизился съ Рубенсомъ. Но на родинѣ пробылъ онъ всего четыре года; слава о немъ распространилась по всему міру, и въ 1632 г. онъ былъ приглашенъ снова въ Лондонъ, ко двору короля Карла I, османиваго его милостями, воз- ведшаго его въ дворянское достоинство и сдѣлавшаго его своимъ придворнымъ живописцемъ. Въ качествѣ придворнаго живописца, ванъ-Дэйкъ долженъ былъ не только принять участіе въ блестящей придворной жизни, и домъ его быстро сдѣлался пріятнѣйшимъ центромъ, куда собиралась вся англійская знать, вся аристократія ума и таланта. Однимъ сло- вомъ, онъ занялъ такое же положеніе, которое занималъ за сто лѣтъ до него Гансъ Гольбейнъ при королѣ Генрихѣ VIII. Подобно этому нѣмецкому худож- нику, ванъ-Дэйкъ ограничился почти исключительно портретною живописью; только нарѣдка по особому заказу брался онъ за разработку религіознаго или ми- ологическаго сюжета. Какъ извѣстно, этотъ періодъ его художественной дѣ- тельности въ Лондонѣ—самый блестя- щій; первое мѣсто тутъ занимаютъ его знаменитые портреты Карла I и коро- левскаго семейства. Подобно Гольбейну, ванъ-Дэйкъ увѣковѣчилъ своихъ знамени- тыхъ современниковъ въ цѣломъ рядѣ замѣчательныхъ портретовъ, которые пред- ставляютъ въ настоящее время огром- ную художественную цѣнность и хра- нятся въ Лондонѣ (Виндзорѣ) и въ част- ныхъ англійскихъ галлерейхъ, а также въ крупнѣйшихъ художественныхъ гал- лерейхъ и музеяхъ континента, въ Парижѣ, Мюнхенѣ, Дрезденѣ, Петербургѣ (въ Эрмитажѣ) и Вѣнѣ.

Англія стала второю родиной ванъ-Дэйка, и тамъ же, въ зрѣ- ломъ уже возрастѣ, въ концѣ 30-хъ годовъ, онъ женился на фрей- линѣ англійской королевы леди Маріи Рутвенъ. Въ Лондонѣ намѣ- ревался онъ провести всю свою жизнь, но возгорѣвшіяся въ Англіи политическія смуты не давали ему возможности спокойно работать,

Вице-адмиралъ С. О. Макаровъ.
Съ фот. Здобнова грав. Шюблеръ.

А. А. Реммертъ. По поводу 40-лѣтія служебной дѣятель- ности. По фот. автотипія «Нивы».

и онъ вмѣстѣ съ женою снова покинулъ Лондонъ и отправился въ Парижъ, гдѣ его ожидала большая работа—расписать одну изъ галлерей Луврскаго дворца. Но дни его были сочтены. Заболѣвъ въ ноябрѣ 1641 г., онъ посѣдѣлъ обратно въ Англію, но скончался на пути туда, 28-го ноября 1641 г.

Несмотря на свою раннюю смерть—42 лѣтъ отъ роду,—ванъ-Дейкъ оставилъ очень много произведеній. Его историческія картины, его идиллическія изображенія Мадонны, многочисленныя изображенія Страстей Христовыхъ, мнѳологическія и аллегорическія картины,—всѣ эти его работы, представляя собою выдающіеся произведенія искусства, однако значительно уступаютъ по художественному значенію его многочисленнымъ портретамъ, въ которыхъ и сказался особенно его гений, его артистическая индивидуальность. Особенно замѣчательны его портретныя работы позднѣйшихъ временъ, которыя изображаютъ фигуры разныхъ англійскихъ сановниковъ и знаменитостей, поражающія своимъ благородствомъ, своей аристократичностью. Занимаясь еще въ годы работы у Рубенса его сочностью кисти и блескъ колорита, ванъ-Дейкъ значительно усовершенствовалъ свою технику въ Италіи и приобрѣлъ у венеціанскихъ мастеровъ изумительное умѣнье придавать художественнымъ произведеніямъ округлость и опредѣленность контуровъ, пластичность и рельефность моделировки и, главнымъ образомъ, глубину и изящность колорита. Если ванъ-Дейкъ уступалъ Рубенсу въ богатствѣ фантазіи, пылкости темперамента, силѣ и блескѣ красокъ, то онъ превзошелъ своего великаго учителя гениальнымъ умѣньемъ придавать отпечатокъ благородства всему рѣзко-чувственному, умѣньемъ смягчить выраженіе сильныхъ аффектовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выдвинуть на первый планъ духовно-идеальныя черты изображаемаго имъ лица или явленія. Поэтому ванъ-Дейку, какъ изобразителю возвышенныхъ чувствъ, принадлежитъ по праву одно изъ первыхъ мѣстъ среди знаменитѣйшихъ портретистовъ въ мірѣ.

А. А. Реммертъ. (Портр. на стр. 239.)

Въ мартѣ настоящаго года исполняется сорокалѣтнѣ служебной дѣятельности главнаго военно-медицинскаго инспектора, почетнаго лейбъ-медика Двора Его Величества, д. т. с. Адольфа Александровича Реммерта. Значительная часть дѣятельности А. А. Реммерта протекла на Кавказѣ. Окончивъ въ 1858 г., 20 лѣтъ отъ роду, курсъ медико-хирургической академіи, А. А. поступилъ въ слѣдующемъ же году на службу ординаторомъ въ Елисаветинскую клиническую дѣтскую больницу въ Петербургѣ; затѣмъ, въ 1866 г., состоя въ числѣ медицинскихъ чиновниковъ, принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ холерной эпидеміей въ Петербургѣ. Годъ спустя А. А. былъ назначенъ врачомъ при дѣтяхъ Его Императорскаго Высочества великаго князя Михаила Николаевича, состоявшего тогда кавказскимъ намѣстникомъ, и вмѣстѣ съ этимъ назначеніемъ началась усиленная и плодотворная дѣятельность А. А. Реммерта на Кавказѣ, сначала въ качествѣ совѣщательнаго члена общаго присутствія медицинской части гражданскаго вѣдомства на Кавказѣ и за Кавказомъ, затѣмъ управляющаго минеральными водами тифлисской губерніи и съ 1872 года—уже на отвѣтственномъ посту управляющаго медицинскою частью гражданскаго вѣдомства на Кавказѣ и за Кавказомъ. Въ этой должности руководителя цѣлаго вѣдомства А. А. Реммерту открылось широкое поприще для его административныхъ способностей, и дѣятельно мы видимъ цѣлый рядъ проведенныхъ имъ очень существенныхъ преобразованій медицинской части, изъ которыхъ укажемъ въ особенности на устройство въ 1873 г. абасы-туманскихъ минеральныхъ водъ и организацію сельской врачебной части въ ставропольской губ. и терской и кубанской областяхъ, а также устройство скотопригоннаго дѣла на Кавказѣ. За всѣ эти труды А. А. былъ награжденъ въ 1874 г. орденомъ св. Владиміра 3-й ст.

Когда разразилась русско-турецкая война, на А. А. Реммерта была возложена августѣйшимъ главнокомандующимъ кавказской арміи тяжелая и сложная задача по призрѣнію раненыхъ и вообще устройству медицинской и санитарной части на кавказскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Назначенный за время войны сначала окружнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ кавказскаго военнаго округа, а

затѣмъ полевымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ кавказской арміи, А. А. находился въ дѣйствовавшемъ корпусѣ на кавказско-турецкой границѣ при главной квартирѣ августѣйшаго главнокомандующаго, а затѣмъ при осадѣ и штурмѣ крѣпости Карса, въ дѣйствующихъ войскахъ при-рионскаго края и, наконецъ, находился въ ардаганскомъ отрядѣ при занятіи г. Батума. За всѣ эти труды и заслуги по оказанію помощи раненымъ и больнымъ воинамъ А. А. Реммертъ былъ Высочайше награжденъ 3,000 рублями въ годъ, которые повелѣно ему выдавать впредь ежегодно, и орденомъ св. Анны 1-й ст.

Въ 1880 г., когда происходили военныя дѣйствія въ Средней Азіи, А. А. Реммертъ отправился въ ахаль-текинскій отрядъ для устройства санитарной части войскъ, распределенія военнотѣчебныхъ заведеній и устройства эвакуаціонныхъ линій. Задача эта была очень трудная, и административныя способности А. А. сказались здѣсь очень ярко и благотворно.

Въ 1882 году А. А. Реммертъ удостоенъ былъ званія почетнаго лейбъ-медика Двора Его Императорскаго Величества. Утвержденный въ 1886 г. въ званіи совѣщательнаго члена военно-медицинскаго ученаго комитета, А. А. со слѣдующаго года началъ свою многотрудную дѣятельность по надзору и осмотру разбросанныхъ по всей Россіи военныхъ госпиталей, лазаретовъ, аптечныхъ

магазиновъ, санитарныхъ станцій; эта дѣятельность еще болѣе усилилась и осложнилась послѣ назначенія А. А. въ 1887 г. главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ. Въ качествѣ главы всего военно-санитарнаго вѣдомства, А. А. Реммертъ значительную часть времени проводитъ почти ежегодно въ командировкахъ для надзора за состояніемъ военно-врачебныхъ заведеній; неоднократно онъ исполнялъ и еще болѣе отвѣтственныя порученія по борьбѣ съ холерой (въ 1892 г. въ округахъ московскомъ, казанскомъ, кавказскомъ, кievскомъ и области войска донскаго), съ чумной эпизоотіей (въ 1893 г., въ дойской области и харьковской губ.) и съ эпидемическими заботъ

ваніями въ Закаспійской области (въ 1896 г.). Въ видахъ улучшенія аптечнаго дѣла, А. А. предпринималъ спеціальныя поѣздки за границу для ознакомленія съ постановкой тамъ этого дѣла; много потрудился А. А. Реммертъ въ дѣлѣ улучшенія участи слѣпыхъ, за что былъ удостоенъ совѣтомъ попечительства Императрицы Маріи о слѣпыхъ выдающагося отличія—пожизненнаго права ношенія золотого знака попечительства. Однимъ словомъ, вся дѣятельность А. А. Реммерта была посвящена служенію ближнему въ самой разнообразной формѣ, въ мирное время и на полѣ сраженія, въ столицахъ и на далекихъ окраинахъ, но всегда и всюду онъ умѣло и добросовѣстно исполнялъ долгъ врача и администратора.

Электрическая конка въ Петербургѣ.

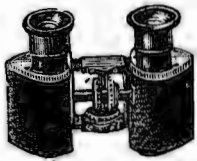
(Рис. на этой стр.)

Петербургъ наконецъ дождался нововведенія, въ которомъ нуждался давно и которое имѣется во всѣхъ крупнѣйшихъ городахъ Европы и даже въ нѣкоторыхъ городахъ Россіи. Нововведеніе это—электрическая конка. Вотъ уже около мѣсяца ходитъ электрической вагонъ по Невскому проспекту вмѣстѣ съ конными вагонами городской конно-железной дороги. Дѣйствуетъ вагонъ прекрасно, идетъ ровно, спокойно, и всегда набитъ пассажирами, стремящимися испытать его качества. Особенность этого вагона та, что онъ движется съ помощью аккумуляторовъ, находящихся въ немъ же и развивающихъ нужную для него электрическую энергію. Аккумуляторное движеніе имѣетъ громадное преимущество передъ другимъ (посредствомъ проводовъ на столбахъ), практикуемымъ, между прочимъ, въ Кіевѣ. Высокіе столбы съ проволокой, соединенной сверху съ каждымъ электрическимъ вагономъ, очень безобразятъ улицы, между тѣмъ, какъ аккумуляторное приспособленіе ничуть не измѣняетъ нормальнаго вида вагоновъ; зато оно значительно дороже и хлопотливѣе. Появившійся нынѣ на Невскомъ проспектѣ электрической вагонъ пущенъ для опыта, по предложенію инженера Нотомба, профессора бельгійской военной академіи. Нужно надѣяться, что успѣшность опытовъ заставитъ, наконецъ, наше городское управленіе сдѣлать ошительный шагъ и замѣнить конную тягу электрической, представляющей столько удобства и общающей въ будущемъ, по оплатѣ стоимости устройства, большія выгоды.

Новый электрической вагонъ на Знаменской площади въ Петербургѣ.
По фот. ген. А. А. Насвѣтевича грав. Шлиперъ.

C. P. GOERZ.

BERLIN.

TRIÉDER-BINOCLES

Повышенные зрительные приборы с призмами, значительно превосходящие все до сего времени употребляемые. Triéder Binocles дают изображения без потери силы посредством призм, потому и называются по-русски

„СИЛОСВѢТЪ“

„Силосвѣтъ“ наилучший бинокль нашего времени для сначень, гонокъ, стрельбы, велосипедистовъ и пр. спортовъ.

ФАБРИЧНЫЯ ЦѢНЫ

на „Triéder-Binocles“ слѣдующія: увеличивающіе въ 12 разъ—100 руб., въ 9 разъ—88 р., въ 6 разъ—75 руб., въ 3 раза—63 руб. Пересылка въ провинцію на счетъ заказчика.

На каждомъ биноклѣ фабричное клеймо и указано увеличение его. Вышеприведенные бинокли можно найти всегда въ большомъ выборѣ у фирмы

ОПТИКЪ

Г. Штраусъ.

№ 27, Большая Морская, № 27, противъ Русскаго для вишней торговли М. № 12153 Банка. 2—1

„Силосвѣтъ“ прежней конструкции, безъ призмъ, продаются по 8, 10 и 12 руб. въ зависимости отъ величины объектива.

„Силосвѣтъ“ одинаково пригоденъ какъ для дневныхъ, такъ и для ночныхъ наблюдений на морѣ, на полѣ и при воздухоплавании. Бинокль изъ алюминія отъ 15 до 85 руб.

Поручения изъ провинцій безъ задатка не выполняются.

НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ СТОЛОВАЯ ВОДА.
Первоклассный освежительный напитокъ
Имеется въ аптекахъ, аптекарскихъ магазинахъ и лучшихъ ресторанахъ.
источникъ въ Бродѣ на Рейнѣ.
Генеральные агенты для всей Россіи **К. КИЛЬШТЕТЪ** и К^о, С.-Петербургъ. № 12154

„Avenarius“

ЛО Н Г Л Е Й Ф Ъ

САМОДѢЙСТВУЮЩИЙ ВОЗДУХОЧИСТИТЕЛЬ

АППАРАТЪ ЛОНГЛЕЙФЪ

УНИЧТОЖАЕТЪ ВСЯКІЙ ДУРНОЙ ЗАПАХЪ

табачный дымъ, угаръ, копоть, вредн. испаренія и пр.

◆ Аппараты „ЛО Н Г Л Е Й Ф Ъ“ премированы на Гигиен. Выст. въ Гамбургѣ 2 окт. 1898 г. ◆

Изящно отдѣл. аппаратъ Лонглейфъ можетъ служить украшеніемъ всякаго жилого помѣщенія. Стоитъ 5 р. со всеми присп. Главное депо: „Предпріятіе гигиенич. аппаратовъ Лонглейфъ“, Москва, Солянка, д. Бабурина.

патентованъ во всѣхъ государствахъ.

ОБРАТ. СВѢД. ДЕП. ТОР. МАРК.

№ 5703.

ЛО Н Г Л Е Й Ф Ъ

Издание Л. Л. Сойкина, СПб., Стремянная, № 12.

Собрание сочиненій д-ра **А. В. ЕЛИСЬЕВА.**

„ПО БѢЛУ СВѢТУ“

Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ Стараго Свѣта, въ 4-хъ томахъ. Цѣна каждаго тома 3 руб., въ переплетѣ 4 руб.

Роскошное изданіе въ 4-ю долю листа; каждый томъ содержитъ около 380 страницъ текста и до 400 оригинальныхъ рисунковъ художниковъ: академ. В. Г. Казанцева, Н. Н. Каразина, профессора А. Д. Кившенко, В. П. Овсянникова, А. А. Писемскаго, С. К. Пютровича, Ф. П. Ризниченко, Е. П. Самокиши-Судковской, акад. Н. С. Самокиши, Э. К. Соколовскаго, А. А. Чикина и друг.

ОДОБРЕНЫ Ученымъ Комитетомъ М-ва Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ, для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ, для учительскихъ библиотекъ всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній и для раздачі воспитанникамъ старшихъ классовъ учебныхъ заведеній въ видѣ награды и РЕНОМЕНДОВАНЫ Главнымъ Штабомъ Военнаго Министерства для приобрѣтенія въ офицерскія библиотеки.

Каждый томъ ПУТЕШЕСТВІЙ д-ра А. В. ЕЛИСЬЕВА представляетъ самостоятельное цѣлое.

PÂTE DENTIFRICE

GLYCÉRINE

S'en servir une fois c'est l'adopter.

GELLÉ FRÈRES

6, Avenue de l'Opéra

PARIS

Ц. № 10239 (12)

НОВОСТЬ!!!

Прелестные карманные металлические часы, заводъ безъ ключа, настояще никелевые, тщательно проверенные, на крышкѣ помѣщенъ художественно исполненный портретъ Государя Императора Николая II, къ нимъ цѣпочка новаго золота и парижскій компасъ

за все только 5 руб.

Предлагается печатное ручательство на 4 года. Вышеупомянутые часы высылаются немедленно и безъ задатка наложеннымъ платежъ.

Ц. 11986 6—4

Требования проше адресовать въ городъ Варшаву, Граничная, № 6

кунцу I. ВУЗЕЕРУ.

Прейс-курранты высылаются бесплатно.

ЛЕОТИ
Первоаарядный торговый домъ корсетовъ
8, Place de la Madeleine
ПАРИЖЪ
Для мѣрки требовать указатель на двеск. яз.

НЕОБХОДИМО для ВСѢХЪ ДАМЪ

Тысячи благодарственныхъ отзывовъ отъ самыхъ интеллигентныхъ потребителей нашей изобрѣтенія дозволяютъ намъ рекомендовать всѣмъ дамамъ **ПАТЕНТОВАННЫЙ ШИНДЛЕРА БЮСТГАЛЬТЕРЪ** (Англицкостъ). Изобрѣтеніе это, замѣняющее корсетъ и признанное во всѣхъ государствахъ, даетъ полное свободное движеніе, вслѣдствіе чего его могутъ носить въ теченіе цѣлаго дня и безъ утомленія себя **ВО** безъ исключенія дамы и даже страдающія, беременныя, кормящія грудью, хозяйки въ домашнемъ быту, трудящіяся въ разныхъ бюро, училищахъ, торговыхъ, путешествующія, управляющія всякаго рода спортъ и т. д., въ чемъ свидѣлствуютъ отзывы докторовъ, прилагающіеся къ каждому экземплярѣ.

Бюстгальтеръ, патентованный въ 13-ти государствахъ, изготовляется изъ лучшихъ и модѣйшихъ корсетныхъ матеріаловъ со швейцарскою отдѣлкой.

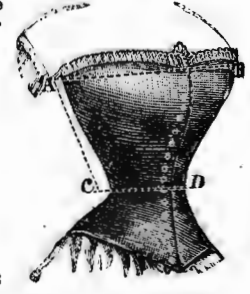
ЦѢНЫ: А. А. В. С. D. D. шел. черн.
3,50. 4,50. 5,75. 6,75. 9,50 к.

Детальные заказы высылаются почтою повсемѣстно наложеннымъ платежомъ (даже безъ задатка) съ причисленіемъ за пересылку 60 коп. При заказѣ слѣдуетъ прислать мѣрку въ сантиметрахъ, верхкахъ, дюймахъ или тесмой по рисунку.

- 1) Полную окружность груди (со спиной), мѣрка на платьѣ подъ мышкою кругомъ отъ А до В.
- 2) Полную окружность талии кругомъ отъ С до D.
- 3) Высоту бока отъ А до С.

Выписывающіе три и болѣе экземпляра за пересылку не платятъ.

Адресъ для заказовъ:
Варшава, „Шиндлера Бюстгальтеръ“
Маршалковская, 118/2. Ц. № 11932 5-3

Корнеты-а-пистонъ
и всѣ другіе духовные мѣдные
и деревянные инструменты, а
также

**РОЯЛИ, ПИАНИНО,
ФИСТАРМОНІИ.**

Скрипки отъ 2—100 р.
Гитары „ 3— 75 р.
Балалайки „ 1— 20 р.
Мандолины „ 8— 75 р.
Цитры „ „ 8— 75 р.

и всѣ прочіе струнные
и механическіе
и самоиграющіе инстру-
менты и принадлежності
рекомендуемъ

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Требуйте иллюстрир. прейсъ-курантъ.

Для всеобщаго свѣдѣнія въ видахъ охраненія народнаго здоровья имѣю честь сообщить новость: мною изобрѣтенъ калориферъ для вентиляціи, вентилирующій и притягивающій въ топку вредный воздухъ изъ различныхъ помѣщеній. Воздухъ, обезвреженный чрезъ огонь, удаляется по каналамъ наружу и не можетъ заражать наружный воздухъ.

Прежнія существующія вентиляціи хорошо вентилируютъ воздухъ, который по каналамъ удаляется наружу, но въ нихъ есть тотъ недостатокъ, что удаленный провентилированный воздухъ не обезвреженъ и потому содержитъ въ себѣ различныя вредныя бактерии и чрезъ окна опять попадаютъ въ комнаты, заражая комнатный воздухъ. Мой же калориферъ не имѣетъ этого недостатка, потому что выходящій на улицу воздухъ совершенно обезвреженъ огнемъ. Поэтому изобрѣтенный мною калориферъ наиболее пригоденъ для больницъ, госпиталей, лабораторій, фабрикъ и другихъ подобныхъ помѣщеній, гдѣ образуется вредный, заразный воздухъ. Модель новаго калорифера и чертежи можно видѣть у меня на дому. Въ настоящее время на это изобрѣтеніе испрашивается привилегія. Принимаю заказы на устройство обезвреживающей вентиляціи.

Мастеръ **Т. М. Михайловъ.**

СПБ., Клинискій пр., д. № 9, кв. 4.

**ФАБРИКА
и СКЛАДЪ**

Бруно Зенгеръ & Ко

С. Петербургъ, Невскій Пр. № 25 (впередъ Казанскій)

**Фотогр. Аппараты
и Принадл.**

Кратк. Прейсъ-Курантъ безплатно.

Т. № 12033 12—6

Фотографич. аппаратъ
„ДУХ“

взлѣдствіе усовершенствованій, достигну-
тыхъ въ этомъ аппаратѣ, въ связи съ деше-
виной, является даже и за границей «Чу-
домъ промышленности!» — Аппаратъ «Духъ»
снабженъ новозобрѣтеннымъ объективомъ
и новосовершенствов. видоискателемъ, бла-
годаря чему каждый можетъ получить имъ
дѣйствительно чудные снимки портретовъ,
видовъ и пр., кромѣ того «Духъ» снабженъ
особымъ механизмомъ для моментальныхъ
снимковъ. Перемѣна пластинъ производится
автоматическимъ путемъ. Аппар. обтянутъ
шагрен. кожей и металл. части никелиро-
ваны. Цѣна апар. (съ рукою) 5 р. 50 к.
Наборъ принадлеж. изъ 44 предм. 3 р. 50 к.
Проб. свам. выс. за 14 к. марк. Адресъ:
Москва, Тверская, № 17. В. Золотареву.

ОСПЕННЫЙ ТЕЛЯТНИКЪ

ветеринарнаго врача С. К. Живописцева
въ г. Орлѣ.

Во всякое время года можно получать свѣ-
жую оспенную вакцину для прививанія лю-
дямъ предохранительной осни. Выписывать
можно съ надлежащимъ платежемъ и на
сумму не менѣе рубля. Заказы исполняются
безъ замедленія. Адресъ: г. Орель, оспен-
ный телятникъ Живописцева.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ

старая фирма
продается. Адресовать: Саратовъ, началь-
ницѣ женск. гимн. М. И. И.

**Л.-гв. Финляндскій полкъ въ 1906 году будетъ праздновать свой
СТОЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ,**

къ которому вновь издается и дополняется исторія полка, составляетъ полковой альбомъ и устраиваетъ историческій музей. Въ виду этого полкъ обращается ко всемъ прежде служившимъ въ полку, ихъ роднымъ и знакомымъ съ просьбою присылать всякаго рода материалы: мемуары, дневники, письма, Высочайшія грамоты, послужные списки, фотографіи, портреты, картины, научныя и литературно-художественныя произведенія бывшихъ офицеровъ полка (или хотя бы лишь указанія о нихъ) и разныя свѣдѣнія о материалахъ, которыми могъ бы воспользоваться полкъ. Количествомъ и родомъ матеріаловъ проситъ не стѣсняться, — все будетъ принято полкомъ съ глубокою благодарностію и по снятіи копій возвращено по принадлежности.

Л.-гв. Финляндскій полкъ ведетъ свое начало отъ Императорскаго баталіона милиціи, сформированнаго 10-го декабря 1806 года и переименованнаго 22-го января 1808 года въ баталіонъ 3.-гв. Миліціи (также 3.-гв. баталіонъ милиціи), 8-го апрѣля 1808 года въ баталіонъ Финляндскаго гардіи, 21-го января 1809 г. въ 3.-гв. Финляндскій баталіонъ, изъ котораго 7-го октября 1811 г. и сформированъ 3.-гв. Финляндскій полкъ.

Бывшихъ офицеровъ полка и ихъ семейства проситъ теперь же прислать свои адресы. Адресовать: С.-Петербургъ, л.-гв. Финляндскій полкъ, юбилейная комиссія.

ЯПОНСКІЕ ЧАИ

только что получены свѣжіе, превосходнаго вкуса и замѣчательнаго аромата. По мнѣнію знатоковъ Японскій чай лучше Китайскаго и Цейлонскаго, потому что ароматнѣе перваго и вкуснѣе втораго. Японскій чай чрезвычайно экономиченъ, скоро разваривается, даетъ продолжительный и густой настой и выдерживаетъ всякую воду. Единственное и главное депо Японскаго чая находится при чайныхъ складахъ.

Москва, купца **И. Е. ДУБИНИНА**, Москва, Покровка, д. Тяжелова.

ЦѢНЫ ЧАЯ:

Розничныя	1. 60 к.	2. — к.	2. 40 к.	2. 80 к.	Покупающимъ 25 ф. даются особ. льготы.
Оптовыя.	1. 35 »	1. 60 »	1. 80 »	2. — »	

Желающимъ выписать на пробу 1 ф. одного сорта или всѣхъ сортовъ по 1/4 ф. чай высылается во всѣ мѣста Европейской Россіи на счетъ магазина по розничной цѣнѣ. При выпискѣ трехъ фун. чай высылается по оптовой цѣнѣ съ пересылкою на счетъ покупателя. Подробный прейсъ-курантъ и льготныя условія высылаются безплатно.

И. С. НИКОЛЬСКІЙ, МОСКВА.

**Россійское Общество застрахованія
капиталовъ и доходовъ**

учрежд. въ 1835 году.

НАРОДНОЕ СТРАХОВАНІЕ.

Страхованіе на случай смерти
безъ врачебнаго освидѣтельствованія,
съ участіемъ въ прибыляхъ Общества
и уплатою премій помѣсячно, начиная
отъ 50 коп. въ мѣсяць.

Тарифы, объявленія и всякія свѣдѣнія можно получить
въ Правленіи Общества: С.-Петербургъ, Улица Глинки, № 1, у Поцѣлуева моста,
въ собств. домѣ,
и у Агентовъ Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.

В. № 11978 4—4

Пейте Цейлонскій чай!

Пейте Цейлонскій чай!!

Пейте Цейлонскій чай!!!

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.

Ш. № 11641 30—20

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготвленія.

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучшій чай по вкусу и аромату.

Годичное потребленіе Цейлонскаго чая въ Россіи

болѣе 10.000,000 фунтовъ 10.000,000.

Главный складъ Цейлонскаго чая у **М. РОЖИВІО**, Москва,

МАРОСЕЙКА, Д. ТУШНИНОЙ.

Ш. № 11642 20—20

Представитель Товарищества Цейлонскихъ плантаторовъ для всей Россіи.

LE TRÈFLE INCARNAT
DE L.T. RIVER
PARFUM A LA MODE

Ц. № 12104 19-4

С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

ТИМОЛОВЫЙ ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ
ТИМОЛОВЫЙ ЗУБНОЙ ПОРОШОКЪ

• ОСВѢЖАЮТЪ РОТЪ УНИКТОЖАЮТЪ ДУРНОЙ ЗАПАХЪ •

ПРОДАЕТСЯ ВЪ ВСѢХЪ ГЛАВН. СКАДЪХЪ. ПРОСИМЪ ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІИ И ТРЕБОВАТЬ НА ЭТИКЕТАХЪ СЛОВО: «ТЕХНО» С- ПЕТЕРБУРГЪ, КОЛОМЕНСКАЯ УЛИЦА №12

С. И. Арнгеимъ, Берлинъ.

ПРИДВОРНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ
ИМПЕРАТОРА ГЕРМАНСКАГО.
ВСЕМИРНО - ИЗВѢСТНЫЙ ЗАВОДЪ

ПЕГОРАВНЫХЪ ШКАФОВЪ

ГАРАНТИРОВАННЫХЪ ОТЪ ОГНЯ И ОТЪ ВЛАДЫ.
ЦѢНЫ ОТЪ 200—500 Р., ДЛЯ БАНКОВЪ И БОЛЬШИХЪ ЗАВЕДЕНІЙ КРУПНЫХЪ РАЗМѢРОВЪ ОТЪ № 12040 500—1000 РУБ. 46—6

Представитель: **О. Г. Шпеннеманъ.**
С.-Петербургъ, Чернышевъ пер., 12.

Прейс-куранты по желанію высылаются бесплатно.

НЕ СПѢШИТЕ ПОКУПАТЬ
ружь не пробуйте
ривъ цѣны по
прейс-куранту
самаго обширнаго
склада ружей
А. П. Погольскаго
въ Москвѣ
Мясницкая ул. №2

Каталогъ высылается **БЕЗПЛАТНО.**

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. №21.

ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ
ВЫСШАГО КАЧЕСТВА
ДЛЯ ЧИСТКИ ЗУБОВЪ И ОСВѢЖЕНІЯ ДЫХАНІЯ РТА. Зубныя порошки. Зубная паста.

МАГАЗИНЪ ВЪ МОСКВѢ НА КУЗНЕЦКОМЪ МОСТУ ДВѢРЬ ПЕРВЫЙ

Brennabor Käder

ВЕЛОСИПЕДНЫЕ ЗАВОДЫ
„БРЕННАБОРЪ“
БРАТЬЕВЪ РЕЙХШТЕЙНЪ
ВЪ БРАНДЕНБУРГЪ Н/Г.

Старѣйшая и величайшая велосипедная фабрика въ Европѣ. Основана въ 1871 году. Работаетъ 4-мя паровыми машинами и электромоторами, составляющими силу въ 900 лш., и занимаетъ около 2500 челов. работниковъ. Годовое производство около 5000 шт. велосипедовъ.

Велосипеды «Бреннаборъ» первоклассны и образцовы. Отдѣленія на всѣхъ главныхъ пунктахъ свѣта, а именно, въ Россіи представительства въ около 200 ц. № 12164 городахъ. 21-1

Фабричный складъ для Европейской и Азіатской Россіи у Торговаго Дома

Э. ЗАГОВСКАГО, Рига.

Каталогъ высылаются бесплатно.

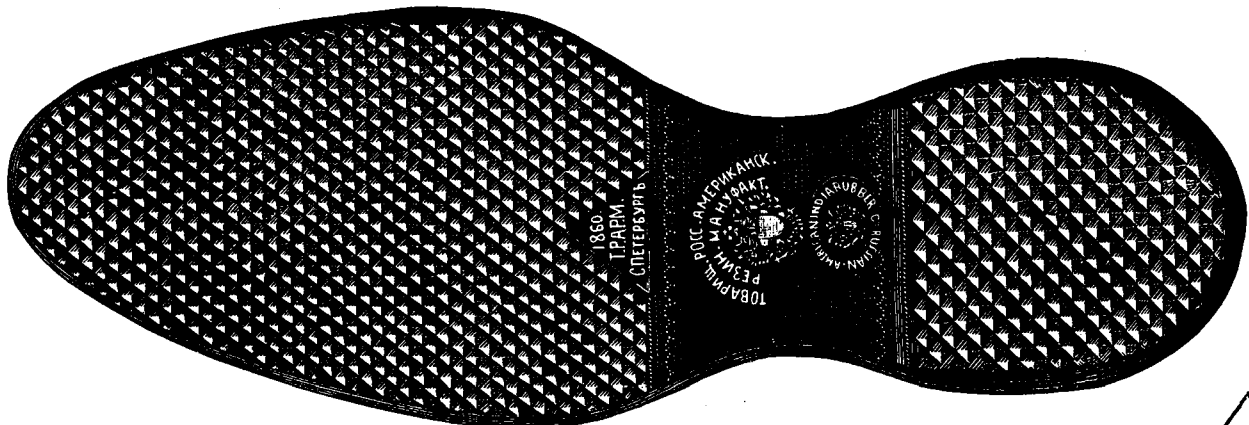
ТОВАРИЩЕСТВО

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНУФАКТУРЫ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ**
обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 11926 13-4

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, и на слово „С.-Петербургъ“ въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо).

ЛОКОМОБИЛИ
АНГЛ. ЗАВ. РУСТОНЪ ПРОКТОРЪ И К^О
ВСЕГДА НА СКАЛАХЪ

У ПРЕДСТАВИТЕЛЕ
Ф. И. РОЗЕНТАЛЬ
ВЪ МОСКВѢ, МЯСНИЦКАЯ КЪЗ.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
Бѣлая и розовая вода для бѣлокурокъ, желтая вода для брюнетокъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ
дрогистовъ Россіи. № 512 (130)

ЦВѢТОЧНЫЕ ЭКСТРАКТЫ
ТВА, ГИГИЕНА

РАЗНЫХЪ ЗАПАХОВЪ, ПРІЯТНЫ, ПРОЧНЫ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ПРЕВОСХОДЯТЪ СУЩЕСТВУЮЩЕ ДО СИХЪ ПОРЪ ЦВѢТОЧНЫЕ ОДЕКОЛОНЫ И ТУАЛЕТНЫЯ ВОДЫ.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
ГЛАВ. СКЛАДЪ: С. ПЕТЕРБУРГЪ, КОЛОМЯЦКАЯ КЪЗ.

ГРОМАДНЫЙ ЗАКАЗЪ
фруктовыхъ, парковыхъ, декоративныхъ, лѣсныхъ деревьевъ и различныхъ сѣмянъ приготовленъ для весенней продажи.
Низкія цѣны. Прейсъ-куранты по требованію высыл. безплатно.

САДОВОДСТВО
А. Быхановой съ с-ми
въ Липецкѣ, Тамбов. губ.

ÉLIXIR, POUFRE ET PÂTE
«DENTIFRICES»
des RR. PP.

BÉNÉDICTINS
DE
l'Abbaye de Soulac,
Dom MAGUELONNE, Prieur.

Inventés en l'an 1373 par le Prieur P. BOURSAUD
VENTE EN GROS :
SEGUIN, BORDEAUX.
Maison fondée en 1807.

VENTE DANS TOUTES
LES BONNES PARFUMERIES,
PHARMACIES ET DROGUERIES.

MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.

GRAND PRIX
Expos. Int^l Lyon 1894
HORS CONCOURS
MEMBRE DU JURY
Exp^o Int^l Bordeaux 1895.

ВХОДИТЪ ВЪ СИГНАТУРЪ
ПРИ ПРІЕМѢ
Въ М. М. Сегуинъ

САМОУЧИТЕЛИ. Съ указ. ценою и час. прозвон. Сост. по америк. системѣ д-ра Розенталя, А. Месковскій.

ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗ. Ц. пространный. изд. 3 р. 40 к., съ пер. 3 р. 80. Общедост. 75 к., съ пер. 1 р. **НѢМЕЦКАГО ЯЗ. Ц.** 3 р., съ пер. 3 р. 40 к. **АНГЛИЙСКАГО ЯЗЫКА.** Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 40 к.

Складъ у Антона Антоновича Месковскаго. СПб., Знаменская, 53.

Образцовая сист. является подражаніемъ указанной самою природою методъ. Подробная программа высыл. безплатно.

Въ виду предстоящ. праздн. пригласяю мнѣю большой выборъ изящныхъ вещей изъ чистаго 589/100 пробы золота специально для подарковъ. Особенно рѣзко

мендую изящный подарокъ
ГАРНИТУРЪ
браслетъ золотой 589/100 пр. изящной отливки, кармазирванный, т. е. осыпанный искусственными парижскими брилліантами, а по серединѣ дуплетъ, санфиръ, рубинъ, аметистъ, бирюза и другіе; такая же пара серебр. и кольцо, все изъ чистаго 589/100 пр. золота

ТОЛЬКО ЗА 12 Р.
Иногороднымъ «Гарнитуръ» высылается въ специально приготовленномъ изящномъ футлярѣ, безъ задатка, наложеннымъ платежомъ.
Адресъ: **И. ВУЗЕРЪ**, складъ золотыхъ издѣлій, Варшава, Граничная, 6.

Продолжается подписка на 1899 годъ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ

ХІV-й г. БЕЗЪ ПРЕДВАРИТ. ЦЕНЗУРЫ ХІV-й г. изданія. съ рисунками и чертежамъ изданія.

52 номера
БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

1) Сельско-хозяйств. энциклопедія.
2) Альманахъ русскаго сельск. хозяйства на 1899 г.
3) 12-й выпускъ альбома домашнихъ животныхъ.
4) Архитектурные проекты.
5) Сельско-хозяйственный сѣмена.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 5 руб. въ СПб безъ доставки, иногородн. 6 руб. съ дост. и перес.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная ул., № 12, собств. домъ.
Издатель П. Сойкинъ.
Редакторъ Ф. Груздевъ.

Продолжается подписка на текущій 1899-й годъ.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Цѣна за годъ **ОДИНЪ РУБЛЬ.**

новый, ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ сельско-хозяйственный ЖУРНАЛЪ,

Имѣющій задачей распространять практически-полезныя по сельскому хозяйству свѣдѣнія, пригодныя для самыхъ мелкихъ хозяевъ и для крестьянъ.

Журналъ «КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО» дополненъ въ библиотечн. всѣхъ изящныхъ учебн. изданій и въ **БЕЗПЛАТНЫЯ НАРОДНЫЯ ЧИТАЛЬНИ.**

Программа журнала: отрасли сельскаго хозяйства, ремесла и домоводство.

Выдержки изъ отзывовъ о журналѣ „Крестьянское Хозяйство“:

1. Газета «Новое Время» — 19 декабря 1898 г.: «Журналъ „Крестьянское Хозяйство“ издается на хорошей бумагѣ, съ прекрасными рисунками, редактируется тѣмъ же лицами, которыя заняли себя созданіемъ популярнаго изъ нашихъ сельско-хозяйственныхъ органовъ „Деревня“; программа изданія отличается строгой обдуманностью, целесообразностью и видимо проводится редакціею съ замѣчательною твердостью. Языкъ простой, серьезный. Подобное изданіе нельзя не приветствовать съ самой горячей симпатіей. Серьезная и прекрасная задача новаго журнала еще болѣе обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что она чужда какой бы то ни было сословной исключительности, у насъ на Руси всегда неумѣстной и фальшивой. Журналъ, судя по его содержанию, рассчитанъ на читателей не изъ одной только крестьянской среды, а посвященъ интересамъ всего мелкаго земледѣльчій въ Россіи.»

2. «Сельско-хозяйственное» приложение въ газетѣ „St. Petersburg Zeitung“, № 327—1898 г.: «Если П. И. Елагину, редактору журнала „Крестьянское Хозяйство“, и въ будущемъ удастся удержать то направленіе, которое ясно сказалось въ первыхъ №№ этого симпатичнаго изданія, то русскимъ мелкимъ хозяевъ можно поздравить съ необходимѣйшимъ для нихъ изданіемъ, дѣльнее и содержательнее котораго едва ли возможно имѣть даже и за сравнительно высокую подписную плату. Въ этомъ журналѣ сообщаются исключительно сельско-хозяйственныя свѣдѣнія въ самой удобопонятной формѣ. Большая часть статей полнена хорошо исполненными рисунками.»

3. «Тамбовскія Губернскія Видомости» № 6—1899 г.: «Небольшой, но интересный журналъ „Крестьянское Хозяйство“ назначаетъ исключительно для деревни; содержаніе статей хозяйственное, пригодное въ сельскомъ быту. Журналъ охватываетъ всю деревенскую жизнь, все ея промысла, искусства и занятія. Статьи написаны просто, толково, ясно, убѣдительно, поясняются и доказываются чертежами и рисунками. Печать крупная, четкая, статьи поименъ и удобопримѣны на практикѣ. Кто любитъ деревню и желаетъ ей добра отъ чистаго сердца, тотъ обязанъ всеми мѣрами распространять въ крестьянствѣ свѣдѣнія о новомъ изданіи, предпринимая на пользу деревни. Помѣщая эту замѣтку, мы увѣрены, что намъ не разъ скажутъ спасибо тѣ, кто выпуститъ и будетъ читать „Крестьянское Хозяйство“.»

Подписная цѣна на журналъ «КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО» за годъ, 12 выпусковъ, съ пересылкою, **ОДИНЪ РУБЛЬ.**
Подписка принимается только въ конторѣ журнала «КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО», С.-Петербургъ, Большая Морская, д. 13. № 12156

Предупрежденіе и лѣченіе
КАТАРРОВЪ
ЖЕЛУДКА И КИШЕКЪ, 1899 г. (50 к. съ пер.), желоррод, чахотки (слож. дезинф.), ревмат., осты, с. язвы. Бѣлы и перелой и др. болѣз. (Соврем. лѣченіе, собств. возрѣнія). Звѣрь — 3 р. (ден., марк., пал. пл.). Адресъ: Киевъ, А-ру Гурину.

Ювелиръ ЭЙКЕНРОТЪ.
МОСКВА, Камергерскій переулокъ, дома Ланозови.

Покупаю жемчужныя янтки, брилліанты, рубины, изумруды, по хорошей цѣнѣ.

Беру въ обмѣнъ старое золото на новыя вещи. Заказы исполняются въ собственной мастерской, находящейся при магазинѣ.

Къ наступающему празднику заготовленъ большой выборъ новѣйшихъ фасоновъ золотыхъ и брилліантовыхъ, съ драгоценными камнями, вещей и большой выборъ новостей

БРЕЛОКОВЪ И ЯИЧЕКЪ.

По новѣйшей методѣ **«ВОРТА»** высылка безплатно проб. лекціи и услов. заочнаго обученія крою и шитью дамск. дѣтск. наряд., верх. плат., бѣлы и корсетовъ. Школа Е. А. Дашминой, Киевъ, Б. Васильевская 89.

Женевацкіе вязаные открытыя **МУЖСКІЕ** черныя вороненыя стали часы, ремонтаръ извѣстной фабрики «**ЭМИЛЬ**», провинне до минуты, съ ручательствомъ за ходъ на 6 лѣтъ, высылается по полученіи задатка 1 руб., а остальные наложен. платежомъ, всего за 4 р. 55 коп. съ цѣною, дамскіе на 1 руб. дороже.

№ 12131 Адресъ: 2—2
Складъ Американскіхъ часовъ Діана въ Одессѣ, Почтовая ул.

Продаются по удешевлен. цѣнамъ фотоаппаратъ и электр. принадлеж. Складъ Я. И. Славоблюбова, СПб., Б. Морская, № 30. Прейсъ-курантъ съ дополнит. полезн. свѣдѣніями для любителей фотографовъ высылается безплатно.

МА-ВОСПИТАНИЕ КУРСОВЪ БЕДНѢЙШИХЪ ДѢТЕЙ ВЪЗ. МАСТЕРСТВО

СНАБЖЕНА
60
ТЕЛЕФОНЪ
1360

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО
ОБЩЕСТВО

ПРОСИТЪ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ ЖЕРТВОВАТЬ ЕМУ

НЕУЖИВНЫЯ ВЕЩИ

АМБУЛАНСЪ ПО ВТОРЫМЪ КЛАССАМЪ ВОСПИТАНИЕ 500 ЗАТѢМЪ

ТЕЛЕФОНЪ 3672. ТЕЛЕФОНЪ 1441.

Подъ этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ Банкирскаго Конторы Генриха Блонкъ въ СПб.

Содержаніе:

Т Е К С Т Ъ: Воскресеніе. Романъ графа Л. Н. Толстого. (Продолженіе). Самаритянинъ. Стих. В. С. Лихачева. — Конецъ. Разсказъ въ письмахъ М. Бернштейна. — Наша колонія. Новая Бухара. Очеркъ. — Къ рисункамъ: Грѣзы. — Деревенскій скрипачъ. — Хорсводъ. — Перенесеніе праха князя Бисмарка. — Торжественная аудіенція во дворцѣ въ Пекинѣ. — Эмиль Эрманъ. — Х. Х. Крюгеръ. — Пожаръ «Гостиницы Виндзоръ» въ Америкѣ. — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Объявленія.

Р И С У Н К И: Грѣзы. Картина Робера-Флери. — «Воскресеніе», романъ графа Л. Н. Толстого: 1) За чтеніемъ. 2) Во время перерыва. Оригинальные рисунки Л. О. Пастернака. — Деревенскій скрипачъ. Картина А. Гризона. — Хороводъ. Картина К. Е. Маковского. — Новая Бухара: 1) Видъ съ желѣзной дороги. 2) Русское политическое агентство. 3) Дворецъ эмира. — Саркофагъ кн. Бисмарка. — Перенесеніе праха кн. Бисмарка въ Фридрихсруэ. — Мавзолей, въ которомъ похороненъ прахъ князя и княгини Бисмаркъ. — Торжественный пріемъ у китайской императрицы. — Эмиль Эрманъ. — Х. Х. Крюгеръ. — «Гостиница Виндзоръ» въ Нью-Йоркѣ до пожара. — Пожаръ «Гостиницы Виндзоръ» въ Нью-Йоркѣ. Спасеніе погибающихъ.

<p>ЛЪЧЕБНИЦА для СТРАДАЮЩИХЪ ЗАЙКАНІЕМЪ д-ра мед. НЕТКАЧЕВА. Москва, Никитскій бульв., д. Шриблтова.</p>	<p>ПРОДАВАЙТЕ ИМЪНІЯ, ДАЧИ, покупатели на таковыя ежедневно прибываютъ въ конторѣ Копанягина, СПб., Б. Московская, 3. Правила высчитаются бесплатно. 400 КВАРТИРЪ съ подробност. Справки 30 к. Готовые списки 60 к. Доставка свѣдѣній на домъ въ мѣсяцъ 4 руб., за городъ 5 руб.</p>	<p>КУМЫСЪ. Открывается 1-го малъ 42-ой сезонъ. Подробн. свѣд.: Самара, д-ру Пестникову. Кумысъ-экспортъ (по портиямъ) высыл. съ 1-го марта, ящикъ 60 бут., съ дост. по ж. дор. больш. скоростью, 30 р. Требов. кумыса-экспортъ и брошюры (35 к.): Самаро-Златоуст. ж. д. станція Смышляевка, Пестникову.</p>	<p>ЗФЕДРА трава Кузьмича боровая съ корнями въ цвѣту маискаго сбора 98 г. особо-высокій сортъ 5 руб., а 1-й сортъ 3 руб., 2-й сортъ 2 р., 3-й сортъ 1 р. за фунтъ безъ пересылки, высылка почтой за деньги и валож. платеж. Наставленія прилагаю бесплатно. Покупайте прому требоват. Борочинское, Самарской губ., Ивану Иванову Жукову-Старшему.</p>
---	--	--	--

Книгоиздательское Товарищество „ПРОСВѢЩЕНІЕ“, С.-Петербургъ, Фонтанка, 52.

Серія популярно-научныхъ изданій по естествознанію:

МИРОВОЗДАНІЕ

(общедоступная астрономія).

Соч. д-ра **Вильгельма Мейера**, бывш. директора берлинскаго «Уrania». Переводъ съ нѣмецкаго, съ разрѣшенія издателя оригинала, подъ редакціей проф. СПб. университета **С. П. ФОНЪ-ГЛАЗЕНАПА**.
15 выпусковъ, болѣе 800 страницъ большого формата и убористой печати, на велевой бумагѣ, съ около 400 рисунковъ въ текстѣ, 9 картами въ краскахъ и 29 хромолитографіями и гелиографіями.
Цѣна за всѣ 15 выпусковъ по подпискѣ 7 руб. 50 коп.
Цѣна отдѣльнаго выпуска 60 коп.
Вышло 2 выпуска.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЖИВОТНАГО МІРА

Соч. проф. **Вильгельма Гааке**, Главнаго составителя известнаго сочиненія „ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ БРѢМА“. Переводъ съ нѣмецкаго, съ разрѣшенія издателя оригинала, д-ра М. Е. Люна, подъ редакціей д-ра зоологіи проф. **Ю. Н. ВАГНЕРА**.
15 выпусковъ, около 800 страницъ большого формата и убористой печати, на велевой бумагѣ, съ 469 художественными иллюстраціями въ текстѣ, 1 картой въ краскахъ, 9 рѣзанными на деревѣ черными картинками и 11 хромолитографіями.
Цѣна по подпискѣ за всѣ 15 выпусковъ 6 руб.
Цѣна отдѣльнаго выпуска 50 коп.
Вышло 6 выпусковъ.

ЧЕЛОВѢКЪ

Соч. д-ра **Юганна Ранке**, профессора Мюнхенскаго университета и Главнаго Секретаря Германскаго Антропологическаго Общества. Переводъ со втораго вновь переработаннаго и дополненаго нѣмецкаго изданія д-ра **М. Е. Люна** и д-ра медицины Берлинскаго университета **А. Л. Синявскаго**, подъ редакціей **Д. А. КОРОПЧЕВСКАГО**.
30 выпусковъ, около 1500 страницъ большого формата и убористой печати, или 2 большихъ тома, на велевой бумагѣ, съ 1398 рисунками въ текстѣ, 6 картами въ краскахъ и 35 хромолитографіями.
Цѣна за всѣ 30 выпусковъ по подпискѣ 12 руб.
Цѣна отдѣльнаго выпуска 50 коп.
Вышло 14 выпусковъ: вып. 1—6-й I-го тома и вып. 16—23-й II-го.

ЖИЗНЬ РАСТЕНІЙ

Соч. проф. **А. Кернера ф.-Марилаунъ**. Переводъ съ дополненіями и библиографическимъ указателемъ со 2-го совершенно вновь переработаннаго и дополненаго нѣмецкаго изданія **А. Генделя** и **В. Траншеля**, подъ редакціей заслуженнаго проф. **И. П. БОРОДИНА**.
30 выпусковъ, свыше 1500 страницъ большого формата и убористой печати, на велевой бумагѣ, съ 2100 художественныхъ иллюстрацій въ текстѣ, 1 картой въ краскахъ, 24 рѣзанными на деревѣ черными картинками и 40 хромолитографіями.
Цѣна за всѣ 30 выпусковъ по подпискѣ 12 р. 80 к.
Цѣна отдѣльнаго выпуска 50 к.
Вышло 17 выпусковъ: I-й томъ (15 вып.) и 2 выпуска II-го тома. Цѣна за I-й томъ въ изящномъ полужономъ переплетѣ 7 р. 50 к. Цѣна отдѣльной крышки 1 р.

ИСТОРІЯ ЗЕМЛИ

Проф. **М. Неймайра**.

Переводъ со 2-го, переработаннаго и дополненаго проф. **Улигомъ**, изданія, съ обширными дополненіями по геологіи Россіи и библиографическимъ указателемъ по русской литературѣ **А. А. Ламанскаго** и **А. П. Нечаева**, подъ общей редакціей заслуж. ордин. проф. Императорскаго Спб. университета **А. А. ИНОСТРАНЦЕВА**.
30 выпусковъ (2 бол. тома: I-й томъ VI+761 стр., II-й томъ XV+848 стр.), съ 1129 рисунками въ текстѣ, 4 картами въ краскахъ, 22 хромолитографіями и 12 рѣзанными на деревѣ картинками.
Цѣна за всѣ 30 выпусковъ по подпискѣ 12 р. 80 коп. Отдѣльные выпуски по 50 коп.
2 большихъ тома: въ коленкор. переплетѣ 14 р. 30 к., въ полужономъ. 15 р. Цѣна отдѣльн. крышекъ: коленкор. по 60 к., полужономъ. по 1 руб. за каждую.
Рекомендовано **Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.**

Популярно-научныя изданія по географіи:

АЛЬБОМЪ КАРТИНЪ ПО ГЕОГРАФІИ ЕВРОПЫ.

75 страницъ текста и 233 отдѣльныхъ рѣзанныхъ на деревѣ художественныхъ рисунковъ и картинъ.
Пояснительный текстъ доктора **А. Гейтбека**.
Переводъ, съ разрѣшенія издателя оригинала, **А. П. Нечаева**, съ предисловіемъ **Д. А. КОРОПЧЕВСКАГО**.
Цѣна въ изящномъ коленкоромъ переплетѣ 1 руб. 50 коп.

АЛЬБОМЪ КАРТИНЪ ПО ГЕОГРАФІИ ВЪНЕВРОПЕЙСКИХЪ СТРАНЪ

85 страницъ текста и 314 отдѣльныхъ рѣзанныхъ на деревѣ художественныхъ рисунковъ и картинъ.
Пояснительный текстъ доктора **А. Гейтбека**.
Переводъ, съ разрѣшенія издателя оригинала, **А. П. Нечаева**, съ предисловіемъ **Д. А. КОРОПЧЕВСКАГО**.
Цѣна въ изящномъ коленкоромъ переплетѣ 1 руб. 75 коп.

Предлагаемые альбомы картинъ по географіи Европы и внѣевропейскихъ странъ, какъ и готовящіеся уже къ печати зоологическіе альбомы млекопитающихъ и птицъ, служатъ очень хорошимъ средствомъ для нагляднаго изученія соответственной области знаній. Текстъ и рисунки обработаны и собраны такимъ образомъ, что альбомы являются необходимымъ—особенно для юношества—дополненіемъ къ географіи и зоологіи. учебникамъ, съ другою,—могутъ служить вполне самостоятельными пособіями для класснаго и домашняго чтенія. Рисунки пояснены краткими, тщательно обработанными текстомъ.

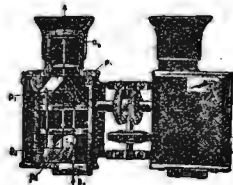
Всѣ рисунки, карты, картины и хромолитографіи, приложен. къ нашимъ изданіямъ, исполнены лучшими нѣмецкими художниками и изготовлены, по нашему заказу, въ Лейпцигѣ Библиографическимъ Институтомъ.
Подробные иллюстрированные проспекты вышедшихъ изъ печати изданій высылаются по требованію бесплатно.

При подпискѣ допускается **самая широкая разсрочка**: взносы принимаются всѣми значительными книжными магазинами въ любомъ размѣрѣ и въ какіе угодно сроки и выпускъ выдается столько, сколько внесено подписникомъ. По внесеніи всей подписной платы остальные выпуски выдаются бесплатно.
Первый выпускъ каждого изданія высылается за 6 семикопеечныхъ марокъ, которыя при подпискѣ зачитываются.

Поле зрѣнія обыкновен. бинокля.

Triëder-Binocle

Новые бинокли.

«Бинокли-Триëдеръ» захватываютъ въ 8—10 разъ болѣе обширное поле зрѣнія, или увеличиваютъ въ 8—10 разъ сильнѣе, нежели обыкновенные бинокли (театральные, полевые и проч.), какъ видно по прилагаемымъ рисункамъ.

Особенно рекомендуются для **театр.** сезона.

Цѣны для Россіи со включеніемъ пересылки и пошрины:

Для театра и охоты: увелич. въ 3 раза — 63 рубля.

Для путешеств., военныхъ, моряковъ, а также на скачкахъ: увеличив. въ 6 разъ — 75 рублей, увеличив. въ 9 разъ — 83 рублей, увелич. въ 12 разъ — 100 рублей.

Получать можно, кромѣ нашего оптич. заведенія, во всѣхъ оптическихъ магазинахъ. Описанія бесплатно.

Оптическое
заведеніе.

C. P. Goerz

Berlin-
Friedenau.
Rheinstr. 52.

Золотая прусская госуд. медаль.

New York: 52 East Union Square. Paris: 22 rue de l'Entrepôt. London: No. 111 New Bond-Str.

С.-Петербургъ: Карлъ Шпанъ, Дворцовая набер., № 12.

R. № 12150 6-1

СИБИРСКІЙ СКЛАДЪ
КИТАЙСКИХЪ ШЕЛКОВЫХЪ МАТЕРІЙ
Д. А. Епанешникова
Москва, Никольская ул., д. Греческ. мон.

ЧЕ-СУ-ЧА.

Дамская отъ 12 до 18 р. кусокъ въ 26/23 арш.
Мужская « 20 « 40 р. кусокъ въ 26/23 «
Фанза « 12 « 50 р. кусокъ въ 21/22 «
Товаръ высылка наложеннымъ платежомъ.
Образцы бесплатно. 10-8

270 Р.

подъ выигрышные билеты. И заемъ до 235 руб., подъ III Дворянскіе до 200 руб., подъ остальные бумаги до 95 руб. въ 5 до 8% годов. и 1/4% ежемѣс. ком. предлагаетъ въ ссуду банкирскій домъ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
59, Невскій. 4-1

ВОЛОЦКІЙ лѣчатъ наружныя, внутреннія болѣзни электротер. Невскій, 53, кв. 7. Отъ 2-4 и отъ 6-7 1/2 ч. в. № 12093 4-2

ОСПЕННЫЙ ТЕЛЯТНИКЪ

ветеринарнаго врача С. К. Живописцева въ г. Орлѣ.

Во всякое время года можно получать свѣжую оспенную вакцину для прививанія людямъ предохранительной осны. Выписывать можно съ наложеннымъ платежомъ и на сумму не менѣе рубля. Заказы исполняются безъ замедленія. Адресъ: Г. Орель, оспенный телятникъ Живописцева.

БЕЗЪ СОМНѢНІЯ

самая лучшая приправа къ кушаньямъ.

Одной или двумя чайными ложками „ГУСТО“ на чашку горячей воды готовится моментально прекрасный и вкусный бульонъ.

Прейсъ-курранты высылаются по первому требованію.

СТРАХОВОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

„САЛАМАНДРА“

УЧРЕЖДЕННОЕ ВЪ 1846 Г.

НОВЫЯ ОПЕРАЦІИ ТОВАРИЩЕСТВА:

1. Страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, какъ коллективныя, служащихъ и рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ, съ участіемъ или безъ участія въ прибыляхъ Товарищества. Страхованія отдѣльныхъ лицъ съ возвратомъ всѣхъ премій послѣ смерти или при достиженіи 45—65-ти-лѣтняго возраста. Значительно уменьшенныя премія и другія преимущества.

2. Страхованія транспортовъ, морскихъ, рѣчныхъ и сухопутныхъ, равно какъ и страхованія пароходовъ и судовъ.

Попрежнему принимаются:

3. Страхованія отъ огня всякаго рода движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ.

Подробныя свѣдѣнія выдаются въ Правленіи Товарищества въ С.-Петербургѣ (Гороховая, 6) и у агентовъ во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи.

ЗОЛОТОВШЕЙНОЕ ДЕПО

церковныхъ и придворныхъ вещей
М. И. ШАДРИНА.

Москва, Тверская, уголъ Газетнаго пер., д. Хвощинскаго.

Парча, плащанъ-Мундиръ, шитье на мундиръ, облаченія, воздыры всѣхъ мн. и вѣд., духи и пр. и пр. шалы, плаги и пр.

ОРДЕНА И ЗНАКИ.
Принимаются заказы на артистическія золотовшейныя работы. № 12190

Прейсъ-курранты высылаются бесплатно.

ФАБРИКА
СКЛАДЪ
Бруно Зенгеръ & Ко
С.-Петербургъ, Невскій Пр. № 25 (сторона Камской)
Фотогр. Аппараты
и Принад.
(Кратк. Прейсъ-Куррантъ безплатно.)

Ц. № 12033 12-7

XXX г.
№ 13

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXX
1899

Выходитъ еженедѣльно 52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ литературныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 27 марта 1899 г.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1899 г.

Безъ доставк въ Петер- бургъ . . .	Безъ дост. въ МОСКВЪ въ конто- ръ И. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи .	Безъ доставк ОДЕССЪ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАЧІЕ“. Ришельевская, 12.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ . . .	Съ пересыл- кою во все мѣст- ности Россіи . . .	За гра- ницу . . .
5 р. 50 к.	6 р. 25 к.	6 р. 50 к.	6 р. 50 к.	7 р.	10 р.

Выставка французскихъ художниковъ въ С.-Петербурѣ. «Грѣзы». Съ картины Робера-Флѣри грав. Ш. Бодъ.

Воскресеніе.

Романъ
графа Л. Н. ТОЛСТОГО.

(Продолженіе.)

Х.

Обвинительный актъ былъ такой: Семнадцатаго января 18... года, въ гостиницѣ «Мавританія» скоростижно умеръ прѣзжіій,—курганскій 2-й гильдин купецъ Ѳерапонтъ Емельяновичъ Смѣльковъ.

Мѣстный полицейскій врачъ 4-го участка удостовѣрилъ, что смерть произошла отъ разрыва сердца, вызваннаго чрезмѣрнымъ употребленіемъ спиртныхъ напитковъ.

Тѣло Смѣлькова было предано землѣ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, возвратившійся изъ Петербурга купецъ Тимохинъ, землякъ и товарищъ Смѣлькова, узнавъ обстоятельство, сопровождавшія кончину Смѣлькова, заявилъ подозрѣніе въ отравленіи его съ цѣлью похищенія бывшихъ при немъ денегъ.

Подозрѣніе это нашло себѣ подтвержденіе на предварительномъ слѣдствіи, коимъ установлено: 1) Смѣльковъ незадолго до смерти получилъ изъ банка 3,800 руб. серебромъ. Между тѣмъ, при описи имущества покойнаго въ порядкѣ охранительномъ, оказалось въ наличности только 312 рублей 16 копеекъ. 2) весь день наканунѣ и всю послѣднюю передъ смертью ночь Смѣльковъ провелъ съ дѣвушкой Любкой (Екатериной Масловой) у нея и въ гостиницѣ «Мавританія», куда по порученію Смѣлькова, и въ отсутствіи его, Екатерина Маслова прѣехала изъ дому за деньгами, кои достала изъ чемодана Смѣлькова, отомкнувъ его даннымъ ей Смѣльковымъ ключомъ, въ присутствіи коридорной прислуги гостиницы «Мавританія»: Евфиміи Бочковой и Симона Картинкина. Въ чемоданѣ Смѣлькова, при отмыканіи его Масловой, присутствовавшіе при этомъ Бочкова и Картинкинъ видѣли пакетики кредитныхъ билетовъ 100-рублеваго достоинства. 3) По возвращеніи Смѣлькова отъ Любки въ гостиницу «Мавританія» вмѣстѣ съ нею, сія послѣдняя, по совѣту коридорнаго Картинкина, дала выпить Смѣлькову въ рюмкѣ коньяка бѣлый порошокъ, полученный ею отъ Картинкина. 4) На слѣдующее утро Любка (Екатерина Маслова) продала своей хозяйкѣ, свидѣтельницѣ Розановой, брилліантовый перстень Смѣлькова, яко-бы подаренный ей Смѣльковымъ. 5) Коридорная дѣвушка гостиницы «Мавританія», Евфимія Бочкова внесла на свой текущій счетъ въ мѣстный коммерческій банкъ 1,800 р. серебромъ.

Судбно-медицинскимъ осмотромъ, вскрытіемъ трупа и химическимъ изслѣдованіемъ внутренностей Смѣлькова обнаружено несомнѣнно присутствіе яда въ организмѣ покойнаго, поданнаго основаніе заключить, что смерть послѣдовала отъ отравленія.

Привлеченные въ качествѣ обвиняемыхъ: Маслова, Бочкова и Картинкинъ, виновными себя не признали, обьявивъ: 1) Маслова,—что она дѣйствительно была послана Смѣльковымъ въ гостиницу «Мавританія» привезти купца денегъ, и, что, отперевъ тамъ, даннымъ ей ключомъ, чемоданъ купца, она взяла изъ него 40 рублей серебромъ, какъ ей было велѣно, но больше денегъ не брала, что могутъ подтвердить Бочкова и Картинкинъ, въ присутствіи которыхъ она отирала и запирала чемоданъ и брала деньги. Далѣе показала, что она при вторичномъ своемъ прѣздѣ въ номеръ купца Смѣлькова дѣйствительно дала ему, по наущенію Картинкина, выпить въ коньякѣ какихъ-то порошковъ, которые она считала усыпительными, съ тѣмъ, чтобы купецъ заснулъ и поскорѣе отпустилъ ее. Кольцо подарилъ ей самъ Смѣльковъ послѣ того, какъ онъ побилъ ее и она заплакала и хотѣла отъ него уѣхать.

Евфимья Бочкова показала, что она ничего не знаетъ

о пронавшихъ деньгахъ, и что она въ номеръ купца не входила, а хозяйничала тамъ одна Любка, и что если что и похищено у купца, то совершила похищеніе Любка, когда она прѣезжала съ купцовымъ ключомъ за деньгами.

Въ этомъ мѣстѣ чтенія Маслова вздрогнула и, открывъ ротъ, оглянулась на Бочкову.

Когда же Евфиміи Бочковой былъ предъявленъ ей счетъ въ банкѣ на 1,800 рублей серебромъ,—продолжалъ читать секретарь,—и спрошено: откуда у нея взялись такія деньги, она показала, что онѣ нажиты ею въ продолженіе 12-ти лѣтъ вмѣстѣ съ Симономъ Картинкинымъ, за котораго она собиралась выйти замужъ. Симонъ Картинкинъ, въ свою очередь, при первомъ показаніи своемъ сознался, что онъ вмѣстѣ съ Бочковой, по наущенію Масловой, прѣехавшей съ ключомъ въ гостиницу, похитилъ деньги и подѣлился ими съ Масловой и Бочковой, при этомъ Маслова опять вздрогнула, привскочила даже, багрово покрасѣла и начала говорить что-то, но судебный приставъ остановилъ ее. Наконецъ,—продолжалъ чтеніе секретарь,—Картинкинъ сознался и въ томъ, что далъ Масловой порошокъ для усыпленія купца; во вторичномъ же своемъ показаніи—отрицалъ свое участіе въ похищеніи денегъ и передачу порошковъ Масловой, во всемъ обвиняя ее одну. О деньгахъ же, вложенныхъ Бочковою въ банкъ, онъ показалъ согласно съ нею, что онѣ приобрѣтены вмѣстѣ съ нимъ 12-лѣтней службой въ гостиницѣ отъ господъ, награждавшихъ ихъ за услуги.

Заключеніе обвинительнаго акта было слѣдующее:

Въ виду всего вышензложеннаго, крестьянинъ села Борковъ, Симонъ Картинкинъ, 33-хъ лѣтъ, мѣщанка Евфимья Иванова Бочкова, 43-хъ лѣтъ, и мѣщанка Екатерина Михайлова Маслова, 27-ми лѣтъ, обвиняются въ томъ, что они 17-го января 188* года, предварительно согласившись между собой, похитили деньги и перстень купца Смѣлькова, на сумму 2,500 рублей, и, съ умысломъ лишить его жизни, напоили его, Смѣлькова, ядомъ, отъ чего и послѣдовала его, Смѣлькова, смерть.

Преступленіе это предусматрѣно 4 и 5 п. 1453 ст. улож. о наказаніяхъ. По сему и на основаніи ст. 201 уст. уголов. судопроизв. крестьянинъ Симонъ Картинкинъ, Евфимья Бочкова и мѣщанка Екатерина Маслова подлежатъ суду окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Такъ закончилъ свое чтеніе длиннаго обвинительнаго акта секретарь и, сложивъ листы, сѣлъ на свое мѣсто, оправляя обѣими руками длинные волосы. Всѣ вздохнули облегченно съ пріятнымъ сознаніемъ того, что теперь началось изслѣдованіе и сейчасъ все выяснится, и справедливость будетъ удовлетворена. Одинъ Нехлюдовъ не испытывалъ этого чувства: онъ весь былъ поглощенъ ужасомъ передъ тѣмъ, что могла сдѣлать та Маслова, которую онъ зналъ невинной и прелестной дѣвочкой 10 лѣтъ тому назадъ.

ХІ.

Когда кончилось чтеніе обвинительнаго акта, председатель, посоветовавшись съ членами, обратился къ Картинкину съ такимъ выраженіемъ, которое явно говорило, что теперь уже мы все и навѣрное узнаемъ самымъ подробнымъ образомъ.

— Крестьянинъ Симонъ Картинкинъ, — началъ онъ, склоняясь нагѣво.

Симонъ Картинкинъ всталъ, вытянувъ руки по швамъ и подавшись впередъ всѣмъ тѣломъ, не переставая беззвучно шевелить щеками.

Вы обвиняетесь въ томъ, что 17-го января 188* г., вы, въ сообществѣ съ Евфимьей Бочковой и Екатериной Масловой, похитили изъ чемодана купца Смѣлькова принадлежащія ему деньги, и потомъ принесли мышьякъ и уговорили Екатерину Маслову дать купцу Смѣлькову въ винѣ выпить яду, отъ чего послѣдовала смерть Смѣлькова. Признаете ли вы себя виновнымъ? проговорилъ онъ и склонился направо.

— Никакъ невозможно, потому нане дѣлю служить гостямъ...

— Вы послѣ скажете. Признаете ли вы себя виновнымъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Я только...

— Послѣ скажете. Признаете ли вы себя виновнымъ? — спокойно, но твердо повторилъ предсѣдатель.

— Не могу я этого сдѣлать, потому какъ...

Опять судебный приставъ подскочилъ къ Симону Картинкину и трагическимъ пошопотомъ остановить его.

Предсѣдатель съ выраженіемъ того, что это дѣло теперь окончено, переложилъ локоть руки, въ которой онъ держалъ бумагу, на другое мѣсто и обратился къ Евфимьѣ Бочковой.

— Евфимья Бочкова, вы обвиняетесь въ томъ, что 17-го января 188* года, въ гостиницѣ «Мавританія», вмѣстѣ съ Симономъ Картинкинымъ и Екатериной Масловой, похитили у купца Смѣлькова изъ его чемодана деньги и перстень и, раздѣливъ похищенное между собой, опозли, для сокрытія своего преступленія, купца Смѣлькова ядомъ, отъ котораго послѣдовала его смерть. Признаете ли вы себя виновной?

— Не виновата я ни въ чемъ,— бойко и твердо заговорила обвиняемая. — Я и въ номеръ не входила... А какъ эта паскуда вошла, такъ она и сдѣлала дѣло...

— Вы послѣ скажете. — сказалъ опять такъ же мягко и твердо предсѣдатель. — Такъ вы не признаете себя виновной?

— Не я брала деньги, и не я пошла, я и въ номеръ не была. Если бы я была, я бы ее вышвырнула.

— Вы не признаете себя виновной?

— Никогда.

— Очень хорошо.

— Екатерина Маслова. — началъ предсѣдатель, обращаясь къ третьей подсудимой:— вы обвиняетесь въ томъ, что, пріѣхавъ въ номеръ гостиницы «Мавританія», съ ключомъ отъ чемодана купца Смѣлькова, вы похитили изъ этого чемодана деньги и перстень,—говорилъ онъ, какъ заученный урокъ, склоняя между губъ ухо къ члену стѣны, который говорилъ, что по списку вещественныхъ доказательствъ недостаетъ стклянки... Похитили изъ чемодана деньги и перстень,— повторилъ предсѣдатель:— и, раздѣливъ похищенное и потомъ вновь пріѣхавъ съ купцомъ Смѣльковымъ въ гостиницу «Мавританія», вы дали Смѣлькову выпить вина съ ядомъ, отъ котораго послѣдовала его смерть. Признаете ли вы себя виновной?

— Ни въ чемъ не виновата,— быстро заговорила она:— какъ сначала говорила, такъ и теперь говорю: не брала, не брала и не брала, ничего я не брала, а перстень онъ мнѣ самъ далъ.

— Вы не признаете себя виновной въ похищеніи 2,500 р. денегъ? — сказалъ предсѣдатель.

— Говорю, ничего не брала, кромя 40 рублей.

— Ну, а въ томъ, что дали купцу Смѣлькову порошокъ въ винѣ, признаете себя виновной?

— Въ этомъ признаю. Только я думала, какъ мнѣ сказали, что они сонны, что отъ нихъ ничего не будетъ. Не думала и не хотѣла. Передъ Богомъ говорю—не хотѣла, сказала она.

— Итакъ вы не признаете себя виновной въ похищеніи денегъ и перстня купца Смѣлькова. — сказалъ предсѣдатель. — Но признаете, что дали порошокъ?

— Стало-быть признаю, только, я думала, сонные порошокъ. Я дала только, чтобы онъ заснулъ, — не хотѣла и не думала.

— Очень хорошо.—сказалъ предсѣдатель, очевидно довольный достигнутыми результатами. Такъ расскажите, какъ было дѣло,—сказалъ онъ, облокотившись на спинку и кладя обѣ руки на столъ.—Расскажите все, какъ было. Вы можете чистосердечнымъ признаніемъ облечь свое положеніе.

Маслова, все такъ же прямо глядя на предсѣдателя, молчала.

— Расскажите, какъ было дѣло.

— Какъ было? — вдругъ быстро начала Маслова.— Пріѣхала въ гостиницу, провели меня въ номеръ, тамъ онъ былъ, и очень уже пьяный. (Она съ особеннымъ выраженіемъ ужаса, расширивъ глаза, произнесла слово: *онъ*.) Я хотѣла ухватъ, онъ не пустилъ.

Она замолчала, какъ бы вдругъ потерявъ нить или вспоминая о другомъ.

— Ну, а потомъ?

— Что-жъ потомъ? Потомъ побыла и поѣхала домой.

Въ это время товарищъ прокурора приподнялся на половину, неестественно опираясь на одинъ локоть.

— Вы желаете сдѣлать вопросъ, — сказалъ предсѣдатель, и на утвердительный отвѣтъ товарища прокурора, жестомъ показалъ ему, что онъ можетъ спрашивать.

— Я желалъ бы предложить вопросъ: была ли подсудимая знакома съ Симономъ Картинкинымъ прежде? — спросилъ товарищъ прокурора, не глядя на Маслову.

И, сдѣлавъ вопросъ, сжалъ губы и нахмурился.

Предсѣдатель повторилъ вопросъ. Маслова испуганно уставилась на товарища прокурора.

— Съ Симономъ? Была,—сказала она.

— Я бы желалъ знать теперь, въ чемъ состояло это знакомство подсудимой съ Картинкинымъ? Часто ли они видались между собой?

— Въ чемъ знакомство? Пригласилъ меня къ гостямъ, а не знакомство,—отвѣчала Маслова, безпокойно переводя глазами съ товарища прокурора на предсѣдателя и обратно.

— Я желалъ бы знать, почему Картинкинъ пригласилъ къ гостямъ исключительно Маслову, а не другихъ дѣвушекъ?—зажмурившись, но съ легкой, мейстофельски хитрой улыбкой спросилъ товарищъ прокурора.

— Я не знаю. Почему я знаю,—отвѣчала Маслова, испуганно оглянувшись вокругъ себя и на мгновеніе остановившись взглядомъ на Нехлюдовѣ:—кого хотѣлъ, того пригласилъ.

«Неужели узнала?»—съ ужасомъ подумалъ Нехлюдовъ, чувствуя, какъ кровь прилиwała ему къ лицу; но Маслова, не выдѣляя его отъ другихъ, тотчасъ же отвернулась и опять съ испуганнымъ выраженіемъ уставилась на товарища прокурора.

— Подсудимая отрицаетъ, стало-быть, то, что у нея были какія-либо близкія отношенія съ Картинкинымъ? Очень хорошо. Я больше ничего не имѣю спросить.

И товарищъ прокурора тотчасъ же снялъ локоть съ конторки и сталъ записывать что-то. Въ дѣйствительности онъ ничего не записывалъ, а только обводилъ перомъ буквы своей записки, но онъ видалъ, какъ прокуроры и адвокаты это дѣлаютъ: послѣ довлаго вопроса вписываютъ въ свою рѣчь ремарку, которая должна сокрушить противника.

Предсѣдатель не сейчасъ обратился къ подсудимой, потому что онъ въ это время спрашивалъ члена въ очкалъ, согласенъ ли онъ на постановку вопросовъ, которые были уже впередъ заготовлены и выписаны.

— Что же дальше было? — продолжалъ спрашивать предсѣдатель.

— Пріѣхала домой,—продолжала Маслова, уже смѣлѣе глядя на одного предсѣдателя:— и легла спать. Только заснула,—наша дѣвушка, Берта, будитъ меня. «Ступай, твой купецъ опять пріѣхалъ». Тутъ *онъ* — она опять съ явнымъ ужасомъ выговорила это слово: *онъ*, — она хотѣла послать за виномъ, а деньги у него всѣ вышли.

„Воскресение“, романъ гр. Л. Н. Толстого. Ориг. рис. (собств. «Нивы») Л. О. Пастернака, иллюстрація «Нивы»

„Воскресение“, романъ гр. Л. Н. Толстого. Во время перерыва.
Ориг. рис. (соств. «Нивы») Л. О. Пастернака, автотипія «Нивы».

Тогда онъ меня послать къ себѣ въ номеръ. И сказать, гдѣ деньги и сколько взять. Я и поѣхала.

Предсѣдатель шептался въ это время съ членомъ на-лѣво и не слыхалъ того, что говорила Маслова, но для того, чтобы показать, что онъ все слышалъ, онъ повторилъ ея послѣднія слова.

— Вы поѣхали. Ну, и что же? — сказалъ онъ.

— Приѣхала и сдѣлала все, какъ онъ велѣлъ: пошла въ номеръ. Не одна пошла въ номеръ, а позвала и Симона Михайловича, и се, — сказала она, указывая на Бочкову.

— Вреть она, и входить не входила... начала-было Бочкова, но ее остановили.

— При нихъ взяла четыре красненькихъ... хмурясь и не глядя на Бочкову, продолжала Маслова.

— Ну, а не забыла ли подсудимая, когда доставала 40 рублей, сколько было денегъ? — спросилъ опять прокуроръ.

Маслова вздрогнула, какъ только прокуроръ обратился къ ней. Она не знала, какъ и что, но чувствовала, что онъ хочетъ ей зла.

— Я не считала, видѣла, что были сторублевия только.

— Подсудимая видѣла сторублевия... я больше ничего не имѣю.

— Ну, что же, привезли деньги? — продолжалъ спрашивать предсѣдатель, глядя на часы.

— Привезла.

— Ну, а потомъ? — спросилъ предсѣдатель.

— А потомъ онъ опять взять меня съ собой... — сказала Маслова.

— Ну, а какъ же вы дали ему въ винѣ порошокъ? — спросилъ предсѣдатель.

— Какъ дала? Выпала въ вино, да и дала.

— Зачѣмъ же вы дали?

Она, не отвѣчая, тяжело и глубоко вздохнула.

— Онъ все не отпускалъ меня... помолчавъ, сказала она. — Измучилась я съ нимъ. Вышла въ коридоръ и говорю Симону Михайловичу: «хоть бы отпустилъ меня. Устала». А Симонъ Михайловичъ говоритъ: «онъ и намъ надоѣлъ. Мы хотимъ ему порошокъ сонныхъ дать; онъ заснетъ, тогда уйдешь». Я говорю: «хорошо». Я думала, что это не вредный порошокъ. Онъ и дать мнѣ бумажку. Я вошла, а онъ лежалъ за перегородкой и сейчасъ же велѣлъ подать себѣ коньяку. Я взяла со стола бутылку финь-шампань, налила въ два стакана — себѣ и ему, а въ его стаканъ всыпала порошокъ и дала ему. Развѣ я бы дала, кабы знала.

— Ну, а какъ же у васъ оказался перстень? — спросилъ предсѣдатель.

— Перстень онъ мнѣ самъ подарилъ.

— Когда же онъ вамъ подарилъ его?

— А какъ мы приѣхали съ нимъ въ номеръ, я хотѣла уходить, а онъ ударилъ меня по головѣ и гребень сломалъ. Я разсердилась, хотѣла уѣхать. Онъ взялъ перстень съ пальца и подарилъ мнѣ, чтобы я не уѣзжала... — сказала она.

Въ это время товарищъ прокурора опять приветалъ и все съ тѣмъ же притворно-напвнымъ видомъ попросилъ позволенія сдѣлать еще нѣсколько вопросовъ и, получивъ разрѣшеніе, склонивъ надъ штымъ воротникомъ голову, спросилъ:

— Я бы желалъ знать, сколько времени пробыла подсудимая въ номерѣ купца Смѣлькова?

Онигъ на Маслову нашель страхъ, и она, безпокойно перебѣгая глазами съ товарища прокурора на предсѣдателя, поспѣшно проговорила:

— Не помню, сколько времени.

— Ну, а не помнить ли подсудимая, заходила она куда-нибудь въ гостиницѣ, выйдя отъ купца Смѣлькова? Маслова подумала.

— Въ номеръ рядомъ, въ пустой, заходила... — сказала она.

— Зачѣмъ же вы заходили? — сказалъ товарищъ прокурора, увлекшись и прямо обращаясь къ ней.

— Дождалась извозчика.

— А Картинкинъ былъ въ номерѣ съ подсудимой или не былъ?

— Онъ тоже зашелъ.

— Зачѣмъ же онъ зашелъ?

— Отъ купца финь-шампань остался, мы вмѣстѣ выпили.

— А, вмѣстѣ выпили. Очень хорошо.

— А былъ ли у подсудимой разговоръ съ Симономъ и о чемъ?

Маслова вдругъ нахмурилась, багрово покраснѣла и быстро проговорила:

— Что говорила? И больше ничего не знаю. Что хотите со мной дѣлайте. Не виновата я, и все. Ничего я не говорила. Что было, то я все рассказала... — сказала она.

— Я больше ничего не имѣю... — сказалъ прокуроръ предсѣдатель и, неестественно приподнявъ плечи, сталъ быстро записывать въ конспектъ своей рѣчи признаніе самой подсудимой, что она заходила съ Симономъ въ пустой номеръ.

Наступило молчаніе.

— Вы не имѣете еще ничего сказать?

— Я все сказала... — проговорила она, вздыхая, и сѣла.

Вслѣдъ за этимъ предсѣдатель записалъ что-то въ бумагу и, выслушавъ сообщеніе, сдѣланное ему шопотомъ членомъ налѣво, объявилъ на 10 минутъ перерывъ засѣданія и поспѣшно всталъ и вышелъ изъ залы.

Вслѣдъ за судьями поднялись и присяжные, адвокаты, свидѣтели и, съ сознаниемъ пріятнаго чувства совершенія уже части важнаго дѣла, задвигались туда и сюда.

Нехлюдовъ вышелъ въ комнату присяжныхъ и сѣлъ тамъ у окна.

XII.

Да, это была Катюша.

Отношенія Нехлюдова къ Катюшѣ были вотъ какія:

Въ первый разъ увидѣлъ Нехлюдовъ Катюшу тогда, когда онъ на третьемъ курсѣ университета, готовя свое сочиненіе о земельной собственности, прожилъ лѣто у своихъ тетюшекъ. Обыкновенно онъ съ матерью и сестрой жилъ лѣтомъ въ материнскомъ большомъ подмосковномъ имѣніи. Но въ этотъ годъ сестра его вышла замужъ, а мать уѣхала на воды за границу. Нехлюдову же надо было писать сочиненіе, и онъ рѣшилъ прожить лѣто у тетюшекъ. У нихъ, въ ихъ глуши, было тихо, не было развлеченій; тетюшки же нѣжно любили своего племянника и наследника, и онъ любилъ ихъ, любилъ ихъ старомодность и простоту жизни.

Нехлюдовъ въ это лѣто у тетюшекъ переживалъ то восторженное состояніе, когда въ первый разъ юноша не по чужимъ указаніямъ, а самъ по себѣ познаетъ всю красоту и важность жизни и всю значительность дѣла, предоставленнаго въ ней человѣку, видитъ возможность безконечнаго совершенствованія и своего и всего міра и отдается этому совершенствованію не только съ надеждой, но съ полной увѣренностью достиженія всего того совершенства, которое онъ воображаетъ себѣ. Въ этотъ годъ еще въ университетъ онъ прочелъ «Соціальную Статистику» Спенсера, и разсужденія Спенсера о земельной собственности произвели на него сильное впечатлѣніе, въ особенности потому, что онъ самъ былъ сынъ крупной землевладѣльцы. Отецъ его былъ небогатъ, но мать получила въ приданое около 10 тысячъ десятинъ земли. Онъ въ первый разъ понялъ тогда всю несправедливость частнаго землевладѣнія и, будучи одинъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ жертва во имя нравственныхъ требованій составляетъ высшее духовное наслажденіе, рѣшилъ не пользоваться правомъ собственности на землю и тогда же отдать доставшуюся ему по наследству отъ отца землю крестьянамъ. Онъ на эту же тему и писалъ свое сочиненіе.

Жизнь его въ этотъ годъ въ деревнѣ у тетушекъ шла такъ: онъ вставалъ очень рано, иногда въ 3 часа, и до солнца шелъ купаться въ рѣчку подь горой, иногда еще въ утреннемъ туманѣ, и возвращался, когда еще роса лежала на травѣ и цвѣтахъ. Иногда по утрамъ, напившись кофе, онъ садился за свое сочиненіе или за чтеніе источниковъ для сочиненія, но очень часто, вмѣсто чтенія и писанія, опять уходилъ изъ дома и бродилъ по полямъ и лѣсамъ. Передь обѣдомъ онъ засыпалъ гдѣ-нибудь въ саду, потомъ за обѣдомъ веселить и смѣшить тетушекъ своей веселостью, затѣмъ ѣздилъ верхомъ или катался на лодкѣ и вечеромъ опять читалъ или сидѣлъ съ тетушками, раскладывая пасьянсъ. Часто по ночамъ, въ особенности луннымъ, онъ не могъ спать только потому, что испытывалъ слишкомъ большую, волнующую радость жизни и, вмѣсто сна, иногда до разсвѣта ходилъ по саду со своими мечтами и мыслями.

Такъ счастливо и спокойно жилъ онъ первый мѣсяцъ своей жизни у тетушекъ, не обращая никакого вниманія на полугорничную-полувоспитанницу, черноглазую, быстроногую Катюшу.

Нехлюдовъ, воспитанный подь крыломъ матери, въ 19 лѣтъ былъ вполне невинный юноша. Онъ мечталъ о женщинѣ, только какъ о женѣ. Все же женщины, которыя не могли, по его понятію, быть его женой, были для него не женщины, а люди. Но случилось, что въ это лѣто, въ Вознесенье, къ тетушкамъ пріѣхала ихъ сосѣдка съ дѣтьми: двумя барышнями, гимназистомъ и съ гостившимъ у нихъ молодымъ художникомъ изъ мужиковъ.

Послѣ чая стали, по скопченному уже лужку передь домомъ, играть въ горѣлки. Взяли и Катюшу. Нехлюдову послѣ нѣсколькихъ перемѣнъ пришлось бѣжать съ Катюшей. Нехлюдову всегда было пріятно видѣть Катюшу, но ему и въ голову не приходило, что между нимъ и ею могутъ быть какія-нибудь особенныя отношенія.

— Ну, теперь этихъ не поймаетъ ни за что, — говорилъ «горѣлый» веселый художникъ, очень быстро бѣгавшій на своихъ короткихъ и кривыхъ, но сильныхъ мужицкихъ ногахъ:

— Нешто спотыкнутся.

— Вы, да не поймаете.

— Разъ, два, три!

Ударилъ три раза въ ладоши. Едва удерживая смѣхъ, Катюша быстро перемѣнилась мѣстами съ Нехлюдовымъ и, пожавъ своей крѣпкой, шершавой маленькой рукой его большую руку, пустилась бѣжать налѣво, гремя крахмальной юбкой.

Нехлюдовъ бѣгалъ быстро, ему хотѣлось не поддаваться художнику, и онъ пустился изъ всѣхъ силъ. Когда онъ оглянулся, онъ увидѣлъ художника, преслѣдующаго Катюшу, но она, живо перебирая упругими молодыми ногами, не поддавалась ему и удалялась влѣво. Впереди была клумба кустовъ сирени, за которую никто не бѣгалъ, но Катюша, оглянувшись на Нехлюдова, подала ему знакъ головой, чтобы соединиться за клумбой. Онъ понялъ ее и побѣжалъ за кусты. Но тутъ, за кустами, была незнакомая ему канавка, заросшая крапивой; онъ спотыкнулся и, острекавъ руки крапивой и омочивъ ихъ уже павшей подь вечеръ росой, упалъ, но тотчасъ же, смѣясь надъ собой, справился и выбѣжалъ на чистое мѣсто.

Катюша, сіяя улыбкой и черными, какъ мокрая смородина, глазами, легла ему навстрѣчу. Они сбѣжались и схватились руками.

— Обстрекались, я чай, — сказала она, свободной рукой поправляя сбившуюся косу, тяжело дыша и улыбаясь, снизу вверхъ прямо глядя на него.

— Я и не зналъ, что тутъ канавка, — сказалъ онъ, также улыбаясь и не выпуская ея руки.

Она придвинулась къ нему, и онъ, самъ не зная, какъ это случилось, погнулся къ ней лицомъ; она не отстра-

нилась, онъ сжалъ крѣпче ея руку и поцѣловалъ ее въ губы.

— Вотъ тебѣ разъ! — проговорила она и, быстрымъ движеніемъ вырвавъ свою руку, побѣжала прочь отъ него.

Подбѣжавъ къ кусту сирени, она сорвала съ него двѣ вѣтки бѣлой, уже осмынавшейся сирени, и, хлопая себя ими по разгоряченному лицу и оглядываясь на него, бойко размахивая передь собой руками, пошла назадъ къ играющимъ.

Съ этихъ поръ отношенія между Нехлюдовымъ и Катюшей измѣнились, и установились тѣ особенныя, которыя бывають между невиннымъ молодымъ человекомъ и такой же невинной дѣвушкой, влекомыми другъ къ другу...

Какъ только Катюша входила въ комнату, или даже издали Нехлюдовъ видѣлъ ея бѣлый фартукъ, такъ все для него какъ бы освѣщалось солнцемъ, все становилось интереснѣе, веселѣе, значительнѣе, жизнь становилась радостнѣй. То же испытывала и она. Но не только присутствіе и близость Катюши производили это дѣйствіе на Нехлюдова; это дѣйствіе производило на него одно сознаніе того, что есть Катюша, а для нея, что есть Нехлюдовъ. Получалъ ли Нехлюдовъ неприятное письмо отъ матери, или не ладилось его сочиненіе, или онъ чувствовалъ юношескую безпричинную грусть, стоило ему только вспомнить о томъ, что есть Катюша и онъ увидитъ ее, и все это разсѣивалось.

Катюшѣ было много дѣла по дому, но она успѣвала все передѣлать, и въ свободныя минуты читала. Нехлюдовъ давалъ ей Достоевскаго и Тургенева, которыхъ онъ самъ только-что прочелъ. Больше всего ей нравилось «Затинье» Тургенева. Разговоры между ними происходили урывками, при встрѣчахъ въ коридорѣ, на балконѣ, на дворѣ и иногда въ комнатѣ старой горничной тетушекъ, Матрены Павловны, съ которой вмѣстѣ жила Катюша, и въ горенку которой иногда Нехлюдовъ приходилъ пить чай въ прикуску. И эти разговоры, въ присутствіи Матрены Павловны, были самые пріятныя. Разговаривать, когда они были одни, было хуже. Тотчасъ же глаза начинали говорить что-то совсѣмъ другое, гораздо болѣе важное, чѣмъ то, что говорили уста, губы морились, становилось чего-то жутко, и они поспѣшно расходились.

Такія отношенія продолжались между Нехлюдовымъ и Катюшей во все время его перваго пребыванія у тетушекъ. Тетушки замѣтили эти отношенія, испугались и даже написали объ этомъ за границу княгинѣ Еленѣ Ивановнѣ, матери Нехлюдова. Тетушка Марья Ивановна боялась того, чтобы Дмитрій не вступилъ въ связь съ Катюшей. Но она напрасно боялась этого: Нехлюдовъ, самъ не зная того, любилъ Катюшу, какъ любятъ невинные люди, и его любовь была главной защитой отъ паденія и для него, и для нея. У него не только не было желанія физическаго обладанія ею, но былъ ужасъ при мысли о возможности такого отношенія къ ней. Опасенія же поэтической Софьи Ивановны въ томъ, чтобы Дмитрій со своимъ цѣльнымъ рѣшительнымъ характеромъ, полюбивъ дѣвушку, не задумалъ жениться на ней, не обращая вниманія на ея происхожденіе и положеніе, были гораздо основательнѣе.

Если бы Нехлюдовъ тогда ясно созналъ свою любовь къ Катюшѣ и въ особенности если бы его стали убѣждать въ томъ, что онъ никакъ не можетъ и не долженъ соединить свою судьбу съ этой дѣвушкой, то очень легко могло бы случиться, что онъ съ своей прямолинейностью во всемъ рѣшилъ бы, что нѣтъ никакихъ причинъ не жениться на дѣвушкѣ, кто бы она ни была, если только онъ любитъ ее. Но тетушки не говорили ему про свои опасенія, и онъ такъ ухалъ, не сознавъ своей любви къ Катюшѣ.

Онъ былъ увѣренъ, что его чувство къ Катюшѣ есть только одно изъ проявленій, наполнявшаго тогда все его существо, чувства радости жизни, раздѣляемое этой милой,

веселой дѣвушкой. Когда же онъ уѣзжалъ, и Катюша, стоя на крыльцѣ съ тетушками, провожала его своими черными, полными слезъ и немного косившими глазами, онъ почувствовалъ, однако, что покидастъ что-то прекрасное, дорогое, которое никогда уже не повторится. И ему стало очень грустно.

— Прощай, Катюша, благодарю за все,—сказалъ онъ черезъ чепецъ Софьи Ивановны, садясь въ пролетку.

— Прощайте, Дмитрій Ивановичъ,—сказала она своимъ приятнымъ, ласкающимъ голосомъ, и, удерживая слезы, наполнившіяся глаза, уѣзжала въ сѣни, гдѣ ей можно было свободно плакать.

(Продолженіе будетъ.)

Самаритянинъ.

Что есть любви еще въ тебѣ,
Не поскупись и всю отдай:
Многообильный Божій міръ
Любовью нищъ изъ края въ край.

Не выноси ее на торгъ
И съ ней въ палаты не ходи:
Наступить день—судьба пошлетъ
Тебѣ страдальца на пути.

Скажи сму: «Вотъ мой кувшинъ,
А въ немъ для ранъ твоихъ елей;

Чѣмъ услужить еще могу
Тебѣ я въ немощи твоей?»

Не жди, чтобъ онъ благодарилъ.
Помогъ—и дальше отъ него;
Твой долгъ исполненъ ли, о томъ
Спроси у сердца своего.

И, что останется любви
Въ кувшинѣ, зря не выливай:
Многообильный Божій міръ
Любовью нищъ изъ края въ край!..

В. С. Лихачевъ.

Конецъ.

Разсказъ въ письмахъ М. Бернштейна.

I.

Ты думаешь, я не сдержу своего слова? Другъ любезный, что и за бутылкою добраго вина общалъ, и всегда исполню. Въ послѣдній разъ съ тобою на прощанье распивъ стаканъ шипучаго вина, я далъ тебѣ слово держать тебя *au courant* моихъ matrimoniaльныхъ поползновеній и избраннаго мною разумнаго способа ихъ осуществленія. И слово я свое сдержу. И сколько бы разъ ты ни повторялъ мнѣ: «Ты въ глубинѣ своего сердца вовсе не такой прозаичный человѣкъ, какимъ хочешь казаться, и тебѣ не удастся своимъ личнымъ примѣромъ подкрѣпить твой взглядъ, что на бракъ слѣдуетъ смотрѣть такъ, какъ на юридическую сдѣлку»,—все будетъ напрасно. Ты унижаешь мое достоинство. Я уже давно покончилъ со всѣми моими университетскими экзаменами (я еще самъ до сихъ поръ удивляюсь, какъ я собственно на нихъ проскочилъ, не сорвавшись!); я теперь *докторъ правъ*, собираюсь взять въ свои руки управленіе моимъ достояніемъ (ликуй, наследникъ моихъ отцовъ,—однимъ множителемъ государственнаго богатства больше стало!) и впоследствии броситься, по всему вѣроятію, въ пучину политики. Но прежде всего я хочу, въ качествѣ спокойнаго мыслящаго *homo sapiens*, привести въ полный порядокъ все лично касающееся моею почтенной особы. Къ числу этихъ личныхъ вопросовъ относится и вопросъ о моей женитбѣ. Я жилъ и любилъ. И при этомъ, безъ сомнѣнія, не оставался все время на какомъ-нибудь зеленомъ острову, а всегда старался мѣнять обстановку, въ жаднѣ вѣчнаго движенія. Теперь довольно. Тридцать лѣтъ. Конецъ. А разъ дѣло идетъ о концѣ, значить—и о бракѣ. Все равно вѣдь: раньше или позже—жениться придется: лучше уже, въ такомъ случаѣ, сдѣлать это по возможности скорѣе; по крайней мѣрѣ развяжешься съ этимъ дѣломъ. Развязку эту зовутъ Бертой. Она красива (не такъ красива, чтобы мнѣ современемъ необходимо было принимать мѣры предосторожности), молода (не такъ молода, чтобы приходилось считаться съ институтскими наивностями), остроумна (не такъ остроумна, чтобы мнѣ приходилось опасаться быть глубокимъ въ сравненіи съ ней), любезна (не такъ любезна, чтобы другимъ общало черезчуръ много), богата (не такъ богата, чтобы меня можно было упрекать, что я женюсь изъ-за денегъ), не имѣетъ матери (одной графой значить меньше въ пассивѣ: «тещи нѣтъ»), отецъ—коммерціи совѣтникъ (одинъ изъ самыхъ добродушныхъ коммерціи совѣтниковъ на землѣ), родственниковъ никакихъ (только одна младшая сестренка, которая въ счетъ не идетъ), репутація семьи безупречная (требованіе, отъ котораго и никогда не откажусь), я, по моему мнѣнію, ей въ достаточной степени нравлюсь (дѣло моея личной любезности и умѣнія—повысить температуру любви).

Итакъ!

Пожалуйста, оставь свои наставленія: не говори мнѣ, что я слишкомъ прозаиченъ. Да, я прозаикъ, вполне сознательный прозаикъ, какимъ подобасть быть практическикому, разумному человѣку. Къ чему здѣсь пышныя риторическія фигуры? Развѣ не полная случайность—встрѣча на жизненномъ пути господина Икса и дѣвочки Игрекъ? Предположи, что они другъ друга не встрѣтили: онъ родился въ Кенигсбергѣ, она—въ Калькуттѣ, и ни одинъ изъ нихъ никогда не преступалъ предѣловъ своей части свѣта. Что же тогда? Великая драма, которой придаютъ такое громадное значеніе, была бы, значить, разыграна съ другимъ дѣйствующимъ лицомъ: для господина Икса она разыгралась бы съ дѣвчонкою А, для дѣвчонки Игрекъ—съ господиномъ В. И дѣвчонка Игрекъ остается для господина Икса совершенно безразличною, незнакомою, несуществующею, представляетъ полное ничто, нуль—потому только, что никому изъ

нихъ обоимъ не пришлось совершить продолжительнаго путешествія на пароходѣ, которое уничтожило бы разъединяющее ихъ разстояніе.

Итакъ—выводъ ясенъ!

Всѣ твои увѣщанія зашатали. Ибо завтра, едва пробьетъ полуденный часъ, я у коммерціи-совѣтнической двери, нажимаю пуговку электрическаго звонка и спрашиваю, можно ли видѣть барышню. (Я обращаюсь сначала къ ней: старикъ—человѣкъ надежный: на все согласенъ, говоритъ, чего только изволитъ пожелать его милая барышня.) Къ вечеру, значить, я сижу здѣсь, за моимъ письменнымъ столомъ и шлю тебѣ сообщеніе о томъ, что я женихъ, съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ деталей—и держу свое слово. Все пойдетъ по маслу; разъ и что разсчитывать, это всегда такъ выйдетъ, безъ малѣйшихъ отступленій. Стрѣлы мальчишки Амура тупы! Да здравствуетъ разумъ! На свѣтѣ не найдется другою человѣка, который былъ бы такъ же спокоенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ же доволенъ, какъ твой, дѣлающійся завтра женихомъ, другъ.

Стефанъ.

II.

Съ отличающею меня честностью, никакше доведу до твоего свѣдѣнія, что дѣло не пошло какъ по маслу. Побочное обстоятельство, непредвидѣнное препятствіе. Вотъ подробное описаніе событія.

Я стою передъ знакомою дверью, нажимаю на знакомую пуговку электрическаго звонка, и меня вводитъ въ весьма знакомую мнѣ гостиную. Я спрашиваю, дома ли барышни—множественное число было употреблено здѣсь изъ исключительной вѣжливости, потому что маленькая (откликающаяся на имя «Фанни») въ счетъ не идетъ. (Мнѣ помнится, я тебѣ объ этомъ уже писалъ.) Дверь открывается. Сердце у меня чутьчуть, совсѣмъ чутьчуть застучало. Какъ ни какъ, а все же вѣдь это такъ-называемый рѣшительный шагъ... Мое сердце разгорячилось понапрасну. Вмѣсто моея Берты (я называю ее моею—*praesens pro futuro*, поминишь, какъ въ гимназій объясняли намъ этотъ синтаксическій оборотъ нашъ старый латинскій), являетъ Фанни. Берты, не подозрѣвавшей вовсе, что счастье въ образѣ нѣкоего *доктора правъ* преступитъ ей порогъ, не было дома. Фанни я вовсе въ расчетъ не принялъ. Однако, что-нибудь нужно же было сказать. Но что? Въ первую минуту я самъ совершенно не зналъ, какъ поступить. Она замѣтила мое смущеніе, и, какъ вскорѣ оказалось, ошиблась. Ошиблась настолько, что право жаль ей, что она могла такъ ошибиться! Я вернуть свое спокойствіе и началъ какой-то разговоръ. Насколько могу припомнить, я сдѣлалъ сначала нѣсколько замѣчаній относительно погоды: какая была погода въ послѣдніе дни, какая сегодня и какую можно ожидать завтра и послѣзавтра, и такъ далѣе. Тема для разговора не особенно оригинальная. Она все время глядѣла на меня своими голубыми глазами совершенно спокойно. Ты знаешь, я вообще терпѣть не могу голубыхъ глазъ и ненавижу, когда они такіе спокойные и кроткіе, какъ у нея, словно она ихъ отъ кого-нибудь въ подарокъ получила на Рождество. Отъ этихъ раздражавшихъ меня «глазочекъ» и немного потерявъ самообладаніе и ставъ говорить (переходы отъ одной темы къ другой мнѣ теперь не принадлежатъ, во всякомъ случаѣ они были быстрые и смѣлые) о Вильгельмѣ Теллѣ (въ придворномъ театрѣ), о свѣрномъ полюсѣ и о городской конкѣ. Вдругъ она меня прерываетъ трепещущимъ голосомъ: «Я не знаю, господинъ докторъ... Вы въ такомъ волненіи... такъ торжественны...» Я ослѣбѣлъ и въ первый моментъ отвѣтилъ: «Безъ сомнѣнія... но сейчасъ же прибавилъ: «Вовсе нѣтъ» (образчикъ *contradictio in adjecto*, ска-

Выставка французских художников въ С.-Петербургѣ. „Деревенскій скрипачъ“.
Съ картины А. Гризона грав. Ш. Бодь.

заль бы наш латинистъ). Затѣмъ я про себя подумалъ: развѣ Берты теперь нѣтъ дома, то не все ли равно: поговорю сперва съ панашею. Поэтому я продолжалъ: «Вашъ панаша дома? У меня есть къ нему дѣло». Тутъ-то и явилось побочное обстоятельство. И если когда-либо побочное обстоятельство заслуживало названія непредвидѣннаго, то несомнѣнно въ данномъ случаѣ. Я, разумеется, не умаляю своихъ достоинствъ; я знаю, что я далеко не уродъ, и не я одинъ придерживаюсь этого взгляда, какъ это доказываютъ безчисленные маленькія письма на розовыхъ листахъ, завидные ленточки и т. д., хранящіеся въ потайномъ ящичкѣ моего письменнаго стола. Но никогда я не могъ предположить, что въ то время, какъ я столь часто переступалъ пороги дома коммерціи совѣтника, чтобы приготовить свое сватовство, что въ это время у маленькой барышни съ рождественскими глазками, за ея низкими лбомъ и въ ея дѣтскомъ сердцѣ могутъ расцвѣсти мысли и чувства, которыя... Однимъ словомъ, она подумала, что я имѣю въ виду ее—и когда я заговорилъ о свиданіи со старикомъ, она опять подумала, что я ее имѣю въ виду—и вдругъ она узнала мнѣ на шею и заплакала!! Чтобы такъ человѣкъ плакалъ, этого я еще ни разу не видалъ. Всѣ слезы, какія мнѣ привелось до сихъ поръ видѣть—неудачная дилетантская попытка въ сравненіи съ этими слезами. Ея сердце плакало, ея душа плакала—отъ потрясенія, отъ радостнаго блаженства. И удерку не было потоку ея слезъ. Какъ она уже давно это знала, и какъ она счастлива, какъ счастлива!.. Въ первое мгновеніе и не рѣшилась взять на себя вывести ее изъ заблужденія. Это была не слабость съ моей стороны, а простая человѣчность. Я человѣкъ спокойный, разсудительный, всегда въ точности знающій, что онъ дѣлаетъ. Я не сентименталенъ, но я не безчувственный варваръ. Я рѣшился, что въ этомъ дѣлѣ нужно придерживаться выжидательнаго метода. Я сталъ разглаживать ея волосы (они пѣжные и мягкіе, но такого цвѣта свѣтлые волосы всегда напоминаютъ мнѣ кукольные) и сказалъ что-то (я не могу ругаться за точную передачу моихъ словъ: меня все-таки это пемного потрясло) въ родѣ: «Но успокойтесь же, прошу васъ, успокойтесь». Я напрасно ломалъ себѣ голову; ничего другого я не могъ придумать. Быть-можетъ даже, что я сказалъ: «милая» или «дорогая»—я вѣдь не варваръ. Она наконецъ успокоилась, сѣла рядомъ со мною на диванъ, совсѣмъ тихо, и взяла мою руку. Казалось, ничего она больше не желала, только бы тихо сидѣть на этомъ мѣстѣ, держать мою руку въ своихъ рукахъ...

Я не отнималъ своей руки, но въ то же время думаю, какъ мнѣ спастись изъ этого невозможнаго положенія. Раньше всего мнѣ слѣдовало, чтобы выправить время для разъясненія ея заблужденія, обезопасить себя съ той стороны, чтобы она не разнесла по всему свѣту о своемъ воображаемомъ «счастьи».—«Я бы хотѣлъ у васъ попросить, не согласитесь ли вы...»—«На все»,—не дала она мнѣ докончить. На все! Я не знаю, что это дѣвушка:—такъ глупа, или—? До сихъ поръ я считалъ ее очень ограниченною или вѣрнѣе я совсѣмъ никакого опредѣленнаго взгляда на все не имѣлъ, такъ какъ никогда не обращаю на нее вниманія. Да она къ тому же, рядомъ съ своею сестрою, совершенно исчезаетъ; я совсѣмъ и не замѣчаю, а если она заговоритъ, то всегда хочется сказать: ахъ, да здѣсь есть еще что-то, и это что-то даже разговорнаго. «Не говорите еще пока ничего панашѣ и вашей сестрѣ». Она киваетъ головою. Это—клятвенное обѣщаніе. На меня этотъ звонъ производитъ впечатлѣніе, что скорѣй она убить себя дастъ, нежели не сдержитъ своего обѣщанія. Съ *этой* стороны, значитъ, мнѣ нечего опасаться. Но какъ же теперь все это устроить? И что изъ всего этого выйдетъ? Я еще только сказалъ (открыто признаюсь, не безъ заиканія, потому что не безчувственный же я человѣкъ): «Мнѣ теперь нужно уйти... Завтра я снова приду... До свиданья». Она сказала: «До свиданья», посмотрѣла мнѣ въ глаза (выраженіе есть у нея въ глазахъ, хотя *очень* ужъ они у нея голубые)—и я ушелъ.

Ты, вѣроятно, подумаешь, что мнѣ слѣдовало немедленно разъяснить заблужденіе. Но если бы ты былъ при всемъ этомъ, то ты самъ бы со мною согласился, что это было совсѣмъ невозможно. Завтра и снова туда пойду. Тогда я разъясню дѣло. Со всевозможною деликатностью, разумеется, такъ какъ мнѣ жаль ея. И наконецъ: это приключеніе мнѣ отчасти льститъ. Я покинусь ей въ братской любви. Это—глупая фраза. Да вѣдь *она* особою проникательностью не отличается. Ее можно будетъ этимъ успокоить, мою будущую маленькую свояченицу. На-дняхъ я тогда поговорю съ Бертою. Придется мнѣ ей про это разсказать, чтобы она себя поосторожнѣе держала съ дѣвочкой. А она не всегда осторогаега: мелочная осторожность не въ ея натурѣ. Это мнѣ нравится. Только безъ сентиментовъ!

Не знаю, право: я чувствую себя не особенно приятно. Я же вѣдь не жаль ей, —этой любящей овецъ. Я вѣдь только умолчать, и изъ человѣчности не сказать ей истины. Завтра или послѣзавтра я ей все скажу.

Ни дѣнаго пощадья! Мы не пощаживались—и она все же вѣрнѣе... Пощадная ограниченности!

III.

Я понѣтъ туда снова только два дня спустя. Я, видишь ли, разсчитывалъ, что она должна будетъ вывести извѣстныя заключенія изъ того факта, что и двое сутокъ послѣ случившагося глазъ не кажу, что у нея должно будетъ зародиться подозрѣніе. Это бы мнѣ обѣщало выходи изъ этого недоразумѣнія, возможно бы разъяснить

ей дѣло. Но *она*—и подозрѣніе! Она повидимому въ меня, словно въ Бога, вѣрнѣе: что бы я ни сдѣлалъ,—такъ оно, значитъ, и нужно. Когда мы случайно очутились вдвоемъ (Берты не было дома, а старика «на минутку» въ контору позвали), и ждалъ, что вотъ сейчасъ начнутся попреки. А она только улыбалась; смотрѣла на меня своими *голубыми* глазами—и улыбалась.

Ты пишешь: «Твой долгъ, долгъ мужчины, — не оставить ее ни на минуту долѣе въ ея заблужденіи». Чортъ бы тебя побралъ! «Долгъ мужчины!» Сказать легко! Ужъ не прикажешь ли, быть-можетъ, сказать ей: «Не улыбайтесь, прошу васъ, я не люблю васъ; человѣкъ, которому вы узнали на шею, на чье плечо вы склонили русую голову, человѣкъ, которому вы открыли все ваше невинное сердце, — не любить васъ; вы ошиблись, и чемъ я отъ души сожалею. Pardon!» Или мнѣ слѣдовало написать ей это? Я думаю объ этомъ. Только это еще хуже было бы. Почему я знаю, въ какую минуту, въ какомъ настроеніи застанетъ ее письмо, что она сдѣлаетъ, когда его прочтетъ? Нѣтъ, это было бы жестоко, не человѣчно. Я хочу быть при этомъ; я хочу смягчить, ослабить ударъ, примирить ее съ необходимостью. Вѣдь съ математическою точностью можно предвидѣть, что должно настать мгновеніе, когда мнѣ можно будетъ незамѣтно воспользоваться какою бы то ни было случайностью, какимъ-нибудь словечкомъ. Тогда—другое дѣло: это уже не то, что такъ, съ бухты-барахты «не оставилъ ее ни на минуту долѣе въ ея заблужденіи». Конечно, она сама усложилась вопросомъ своей ограниченности, наивностию, доверчивостию, — вѣрнѣе сказать, слѣною вѣрою, этимъ тихимъ ожиданіемъ, этимъ взглядомъ, въ которыхъ читаешь: «Чего бы ты ни пожелалъ! Приказывай! Я твоя». Разумеется, въ самомъ невинномъ значеніи этихъ словъ. Пожалуйте, безъ привостей!—онъ совсѣмъ неумѣенъ, когда идетъ рѣчь о ней. Никогда еще мнѣ не приводилось видѣть женщины, которая бы производила на мужчинъ такое (какъ бы это выразиться?), такое обезоруживающее впечатлѣніе, какъ молъ будущаго свояченица. И Берта этимъ не можетъ похвастаться. Ея гордая фигура (Фанни рядомъ съ нею кажется маленькою, хотя она, собственно говоря, вовсе не маленькаго роста), ея темные глаза, ея умъ—все это имѣетъ какой-то вызывающій характеръ; это побуждаетъ, но это не обезоруживаетъ. Тогда какъ Фанни—мѣряться силами, побуждать, охъ, Господи прости! Нѣтъ, это не ея дѣло.

Я удалился двѣ минуты спустя послѣ ухода старика. Мы подали другъ другу руку; она сказала: «До свиданья!» и улыбнулась. Ротъ у нея, скорѣе ротикъ, совсѣмъ не дурной, но эта улыбка прямо-таки глупа. То-есть, не глупа, а неприятна. Она меня сердитъ. Вся эта исторія такъ неприятна. Завтра я ей положу конецъ. Считаешь себя невѣстой, и ни разу ей въ голову не приходило, что вѣдь я ее не цѣлую! Это уже было бы низостью съ моей стороны—цѣловать ее.

Однако дѣло начинается мнѣ надобно. Завтра—конецъ.

IV.

Я ее не засталъ дома. Она была на урокѣ пѣнія. Она «очень хорошо» поетъ,—сказала мнѣ Берта. Я не знаю, что она занимается пѣніемъ бы то ни было искусствомъ. Берта, та въ моемъ присутствіи часто на роль играла (поразительная техника!) — о пѣніи малютки никогда разговору не было. Ну, объ этомъ поговоримъ при случаѣ! Я одно мгновеніе подумалъ: такъ какъ я одинъ-на-одинъ съ Бертою, — не сказать ли мнѣ ей рѣшительное слово? Но это не удобно какъ-то, пока и съ глупою исторіею не разъясался. Долго это не можетъ продолжаться: вчера я въ одномъ обществѣ услышалъ, знаешь, свѣтское *on dit*: будто пѣній регистръ старается «не безъ демонстративности» списать себѣ расположеніе моей невѣсты. Я называю Берту своею невѣстою — но и уже теперь смотрю на себя, какъ на ея жениха, развѣ и на-дняхъ намъ сдѣлается.

А пророчъ: какъ это все же хорошо — старъ предметомъ такого наивнаго обожанія! Когда прислуга сказала мнѣ, что овецки нѣтъ дома, это произвело на меня даже неприятное впечатлѣніе. Да, поди-жъ ты вотъ, — тиеславнѣ, самодовольство, а пріятнѣ!

Только что я собрался уходить, должникъ объ *on dit*. Очень видный, съ пынными усами, азвительный, эlegantный, самонадѣнный, пустой. Моя невѣста была очень любезна съ «демонстративнымъ поклонникомъ». Но и со мною тоже. Во всякомъ случаѣ, въ слѣдующій разъ мнѣ необходимо будетъ привести дѣло къ концу. Малютку мнѣ сердечно жаль—нечего тебѣ смѣяться—безо всякой прони: отъ всего сердца жаль. Я долженъ отнять у ребенка его куклу, ребенокъ будетъ плакать, а дѣтскія слезы — живнѣ сдѣлали меня суровымъ и холоднымъ—единственными слезами, которые меня трогаютъ. Ахъ, а она такъ любила свою куклу! Это не хорошо со стороны куклы, такъ себя вести, если ее такъ любить... Но я вѣдь не кукла. Я человѣкъ, и мужчина, который знаетъ, чего хочетъ.

V.

Вчера мнѣ опять не удалось подождать конца этому смѣшному эпизоду. Я попробовалъ это сдѣлать, но взялся за дѣло не такъ, какъ нужно — и я въ этомъ расказываю. Я былъ съ нею недѣлнкатенъ, суровъ, почти грубъ; она должна была замѣнить мое дурное настроеніе, спросить меня о причинахъ его, дать мнѣ какой-нибудь поводъ для объясненія. Она глядѣла на меня, спокойно, какъ... (но сѣйся надъ сравненіемъ, оно вѣднѣ подходитъ), какъ мать глядитъ на своего баловня, на своего пѣжно любиматаго ребенка — и вдругъ, въ то время, какъ я въ возбужденіи въ недовольствѣ на

нее, на себя, на весь мир, шагая назад и впередь по комнатѣ, она подошла къ роялю и тихонько, совсѣмъ тихонько стала играть, а потомъ зашла. Она шла старинную народную пѣсню, что-то ужасно невинное, о какомъ-то возлюбленномъ, который былъ злымъ парнемъ, и о бѣдной дѣвушкѣ, которая такъ его любитъ... Я никогда не думалъ, чтобы на меня что-нибудь еще могло такъ подѣйствовать! Добро бы еще что-нибудь другое! А то — маленькая дѣвочка, и пустая пѣсенка! Нѣтъ развѣ вовсе спасенія отъ любви, отъ этой робкой, безмысленной любви, которая съ упрямствомъ безумія не видитъ во всемъ мирѣ, и не слышитъ, и не чувствуетъ, и не хочетъ ничего, кромѣ одной своей навязчивой мысли?

Кстати, въ голосѣ ея замѣтно отсутствіе силы и школы; въ разговорѣ онъ очень ясный, звучный, въ пѣніи же мягкій, словно облакомъ, флеромъ подернутый. Да и темпъ изла она слишкомъ медленный.

Я коротко простился и ушелъ.

VI.

Право, я не знаю, слѣдуетъ ли мнѣ посвятить себя политической дѣятельности. Я начинаю сомнѣваться, обладаю ли я нужнымъ для политика умьенемъ. Я такъ хорошо направилъ свою телгу (извини за немного вульгарное выраженіе, мнѣ такъ досадно), такъ она правильно двигалась, не сворачивая съ намѣченного пути, глядя, у самой цѣли—трахи, и я лечу вниз головой! Не смѣйся, пожалуйста, дѣло вполне серьезное. Я хочу сказать для данного момента, для текущихъ сутокъ. Завтра я съ этимъ кончаю, чего бы мнѣ это ни стоило.

Мнѣ удалось застать ее одну (я говорю о Фанни, не о Бертѣ). Я воспользовался первымъ попавшимся поводомъ (я не думаю, чтобы онъ былъ особенно удачнымъ — но въ моемъ положеніи мнѣ ужъ было не до красивыхъ переходовъ на новую тему), напускаю на себя самое серьезное выраженіе и говорю ей: «У меня противъ васъ совѣсть не чиста». Ни слова въ отвѣтъ; только взглядъ—одинъ только взглядъ, который уже напередъ все прощалъ. Я просто изъ себя выйти готовъ былъ съ досады (мнѣ теперь все время приходится быть виѣ себя). Да неужели ничего нельзя подклатъ съ этою наивною любовью? Нѣтъ, больше ужъ я себя съ пути сбить не дамъ. «Мнѣ нужно попросить у васъ извиненія», продолжать я напрямикъ. «Извиненія? У меня?»—спросила она снова этимъ тономъ всепрощенія, который меня изводитъ. Я отбросилъ важность: «Развѣ вамъ никогда въ голову не приходило—что я—что я васъ (мнѣ это стоило усердія, увиравъ тебя, такъ ей это въ лицо пресказать), что я васъ *ты* не называю, что я васъ не...» я хотѣлъ сказать: цѣлюю, но она угадала это и сказала совсѣмъ просто: «о, да, но я думала, что это придетъ современемъ». Теперь вотъ, какъ я пишу объ этомъ, этотъ отвѣтъ кажется ужасно глупымъ. А онъ совсѣмъ не былъ глупымъ; стоило только на ея лицо взглянуть, на всю ея фигуру, такую цѣломудренную и такую плутовскую въ то же время... «Я долженъ передъ вами сознаться, что до того момента, когда вы мнѣ (нѣтъ, «когда вы мнѣ въ любви признались», было бы жестоко; и сказалъ поэтому:) когда мы съ вами встрѣтились,—другая...»

Ненужъ выразился на ея лицѣ; она вся поблѣдѣла и знакомъ попросила меня не говорить больше ни слова. «Этого я не хочу знать», — прошептала она, тяжело дыша, словно отгоняя давящій ее кошмаръ. Господи! Она подумала, что я передъ нею въ своемъ прошломъ каинъ буду, что она не первая, что я до нея другихъ любилъ, и т. д. И какъ только она, до смерти испуганная,—да, действительно, точно на смерть обреченная—прошептала: «я не хочу этого знать»—къ ней снова вернулись слезы: непонятная радость блеснула въ ея глазахъ, словно солнечный лучъ, и головамъ, исполненнымъ блаженства (блаженства, причина котораго — моя любовь!), тономъ—ахъ какими тономъ! (я долженъ признаться, слышать *эту* тонъ изъ устъ дѣвушки, этого я, старый грѣшникъ, не заслужилъ!) она проговорила: «Мнѣ довольно того, что я знаю». Она знаетъ (такъ она думаетъ), что я ее люблю, и этого «ей довольно».

Человѣкъ, другъ, согражданинъ, современникъ! Я спрашиваю тебя: могъ я въ эту минуту сказать: «Милостивая государыня, къ сожалѣнію вы находитесь въ заблужденіи, ибо вы, сударыня, мнѣ совершенно безразличны? Нѣтъ, этого я не могъ сдѣлать! И будь я въ карту поставлены все коммерціи совѣтники, какіе есть на земномъ шарѣ, со всеми ихъ старинными дочерьми,—этого я не могъ сказать!

Да это было бы и неправдой, не *совсѣмъ* правдой. Безразличной для меня и со никакомъ образомъ не могъ назвать. Во-первыхъ, — она моя будущая свояченица, и во-вторыхъ, она — молодая особа, которая, если и не имѣетъ яркихъ, съ перваго взгляда поражающихъ глазъ достоинствъ, то, все же, обладаетъ свойствами, которые, быть-можетъ, могутъ склонить на свою сторону человѣка, умѣющаго видѣть и чувствовать не одно только то, что съ перваго взгляда въ глаза бросается. Господи, вотъ такъ предложение!

Въ построении періода замѣчаются неправильности, сказалъ бы нашъ долговязый учитель словесности. — Во время моего разговора съ нею я замѣтилъ, что мимо ихъ оконъ по улицѣ *он did* верхомъ проѣхалъ... Въ слѣдующій разъ я тоже буду демонстративенъ, непременно, не взирая ни на что (и обнимаю тебя это: не взирая ни на что!).

VII.

Твои наставленія совершенно лишни. «Сердце—не игрушка», — «Ты никакого права не имѣешь шутить съ человѣческой душою, будь

это даже только (только ?) душа дѣвушки... Знаю, другъ мой милѣйшій, все знаю! Да ты уже не думаешь ли, суди по моему шутивому тону, который мнѣ стоить столько усердія. — не полагаешься ли ужъ ты, что мнѣ легко на душѣ? Могу тебѣ увѣрить, что эта исторія мнѣ пренеприятна, самымъ серьезнѣйшимъ образомъ... И это неприятное чувство все усиливается, по мѣрѣ того, какъ я все глубже и глубже вглядываюсь въ это дѣтское сердечко, такое чистое, что передъ нимъ теряешься отъ стыда — и ему я долженъ причинить такую боль! И вѣдь это она *мою* вину искушаетъ! Я виноватъ, одинъ я! Ея ошибка была очень извинительна. Будь я влюбленъ въ Берту, она (т.-е. Фанни) навѣрное замѣтила бы, почувствовала бы это. Но вѣдь я при всѣхъ своихъ визитахъ былъ только холоднымъ наблюдателемъ, желающимъ увѣриться, раньше чѣмъ кинуть, что товаръ стоить своихъ денегъ. Прозаческое сраженіе. Но вѣдь и мои планы были также очень прозаичны. Пожалуйста, не противорѣчь: ты самъ это сказалъ.

Такъ далѣе не можетъ продолжаться. Я на нѣсколько дней преграду своимъ визитамъ.

VIII.

Я исполнилъ свое намѣреніе. Я трое сутокъ не ходилъ туда. Мнѣ это было не легко. Что она обо мнѣ подумаетъ? Не Берта, — та утѣшится... съ демонстративнымъ господнымъ или съ кѣмъ-нибудь другимъ. Нѣтъ, но Фанни! Она принадлежитъ къ числу тѣхъ женщинъ («женщинъ») Скверное выраженіе,—оно совсѣмъ къ ней не подходитъ—она принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ женственныхъ душъ, которыя не способны утѣшиться. Для нихъ все чудно; онѣ не знаютъ и не хотятъ и не желаютъ ничего знать, кромѣ своей любви, своей *единственной* любви, неизменной и вѣчной; и жизнь и смерть для нихъ—все въ этой любви. Господи, какъ это глупо!.. Господи, какъ это прекрасно!

IX.

Сегодня я снова былъ тамъ. Недолго. Берта состроила немилостивую физиономію и позволила направить въ меня нѣсколько стрѣлъ своего остроумія. Ея рѣчь дѣйствительно была пересыпана остроуміемъ, довольно злымъ и тонкимъ. У нея много того, что французы называютъ «esprits». У Фанни вовсе нѣтъ esprit. У нея спокойный, ясный умъ. Но безъ остроты, нужной для «шутки». У нея слишкомъ честный характеръ. На мелкое пристрастіе, безъ котораго не обходится «остроумцы», она не способна. Она называетъ вещи по имени и, что видятъ, то и говоритъ: эффекты освѣщенія, въ которыхъ сказывается esprit, ей чужды. Берта—это электрической свѣтъ, бенгальскій огонь, блѣтый, синий, зеленый, желтый, ракеты, фонтаны, колеса, слышительная пиротехника. Фанни—это только простой дневной свѣтъ—солнце.

Я думаю, она будетъ меня разспрашивать, отчего такъ долго не былъ, выкажетъ недовольство, будетъ сердиться. Ничего подобнаго. Только блаженство, что я снова съ нею. Больше ничего. Она меня любитъ. Безъ вопросовъ, безъ размысленій, безъ колебаній. Навивная романтика среди хитрой обстановки современной гостиной, въ концѣ девятнадцатаго столѣтія! И я, хитроумное порожденіе этого хитроумнаго вѣка, стою съ нею рядомъ—и не знаю, что мнѣ дѣлать! Да, я и на этотъ разъ не знаю, что мнѣ дѣлать. Я снова не сказалъ рѣшительнаго слова. Я не могъ этого сдѣлать. Уста мои не произнесли его.

Но теперь я себя заставаю. Я тебѣ даю, слышишь, мое честное слово, что завтра будетъ конецъ. Ну, — теперь мнѣ отбѣзаны все пути къ отступленію.

До завтра!

X.

Милый, старый дружище! Смѣйся! Предай меня омеѣннью, осыпи меня своими злѣйшими шуточками, излей на мою главу все сокровища твоего остроумія, всю злобу насмѣшки, весь ядъ сарказма, всю тонкость проиія — и когда ты закончишь съ этою операціею, резонность которой я вполне признаю, тогда дай мнѣ руку, твою вѣрную дружескую руку, и дай твоему старому Стефану въ послѣдній разъ передъ тобою показаться, дай мнѣ сказать тебѣ: и счастлива. Я люблю.

Вотъ они здѣсь, предъ моими глазами, эти два слова, которыя я такъ часто произносилъ. Какъ легко я ихъ произносилъ, бывало, когда въ нихъ ничего не было, кромѣ обмана, омыѣннью, чувственной вспышки. И какъ трудно мнѣ ихъ произнести теперь, теперь, когда въ нихъ для меня впервые зазвучала истина. Я люблю.

Давно уже. Я только не зналъ этого, не хотѣлъ знать. Вѣдь я былъ такъ разсудителенъ, разсчитливъ, такъ мудръ, такъ разуменъ. Ахъ, какъ глупъ онъ, этотъ умъ! Какое же онъ ничтожество, какое полное ничто рядомъ съ единственнымъ великимъ безмернымъ чувствомъ, которое воспѣвалось всеми поэтами и которое да восхваляется всемъ человечествомъ—во вѣки вѣковъ, аминь!

Но я хочу тебѣ разсказать все по порядку—хотя у меня въ головѣ такой же кавардакъ, какой можетъ быть въ хижинѣ нищаго, только что выигравшаго двѣсти тысячъ. Всею своею рухлядъ скидываешь онъ въ кучу, къ окну, и потомъ черезъ окно на улицу:

«Вонъ все эти лохмотья, всю эту рухлядь, не нужно мнѣ ихъ больше, я богатъ, богатъ, богатъ!»

Я пошелъ туда, чтобы покончить. И дѣйствительно покончилъ — но не совсѣмъ такъ, какъ я думалъ. Я засталъ ее одну. И она мнѣ сказала, что Берта нѣтъ дома: она пошла за покупками—передъ отъѣздомъ. Папа высказано рѣшилъ похвѣть съ ними на воды. Они ѣдутъ уже завтра. На нѣсколько мѣсяцевъ. Это она

VII выставка картинъ С.-Петербургскаго Общества художниковъ. „Хороводъ“. Съ картины К. Е. Мановскаго грав. Г. Гедант.

миф сказала совершенно спокойно. Только в ее голосе можно было подметить маленькое, совсем маленькое дрожание, и ее голубые детские глаза были слегка затуманены, словно она сдерживала слезы. А вообще оно оставалось прямо,—ей сильное, гордое дитящее сердце.

Завтра была ее свадьба. На дунг у меня прояснилось.

Раздумья! Надолго, быть-может, навсегда. Это было миф не под силу! Этого и не мог вынести, никогда и ни за что. Одно, одно только мгновение—и вдруг стало светло! Я привлекаю ее к себе, поцеловать ее (в первый раз!), спросить: «Где твой отец?» и спустя четверть часа мы были жених и невеста. Официально! Господинь коммерции советника (представительный пожилой господин) сказал, что-то насчет того, что он, собственно чего-то другого ожидать, но я не дал ему высказать глупую мысль, которая долго занимала мой собственный мозг. Верта в первый момент, чуточку похоррадовствовала (я на нее не сержуся за это, и ей простилась в дуниг этот грех!), но она быстро примирилась с случившимся, она любит свою сестру; у меня будет очень остроумная свояченица и своим в военном мушкетере... и жена с глазами, словно Рождество, и с сердцем, словно Святлое Воскресенье!

Она только здесь есть темная точка, одна только мысль меня тревожит. Она еще не знает, как это случилось, как и в первый раз пришел... Нет, лучше не говорить этого. У меня не хватает духа сказать ей, что она первая сказала миф о своей любви, что она только потому завладела тьмой, что казалось уже ей ее достоинством. Может ли женщина это простить? Может ли она простить, что мною все было у нее взято уже тогда, когда я ей еще ничего не дал взаимно?... Мысль, что она мо-

жет когда-нибудь узнать об этом, приводит меня в содрогание. И несмотря на это, — скрываться перед нею, иметь от не тайну?! Это гнетет меня. Но разве и *я* могу ей это сказать? Я не могу теперь от не отказаться; потерять ее для меня немислимо; мол вся жизнь—в не. Это не фраза. И так, значит, миф придется начать мою новую жизнь с взынм укором совести? А все же у меня духу не хватает...

XI.

Спасибо тебе, от души спасибо, дружине! Сердиться? Лучшей услуги ты миф во всю жизнь не оказывал! Ты нашел средство устранить единственное темное пятно на моем счастье. Этого я никогда не забуду, этого *мы* никогда не забудем, никогда во всю нашу жизнь!

Сегодня, как только мы остались одни, она передает миф красиво перевязанный пакетик. «Это миф твой друг прислал». Я развязываю его, гляжу — все мои письма к тебе! «Ты их читала?» спросить я—и сердце у меня замерло.

«Все до единого. Они миф написали, что я это ради тебе должна сделать. Иначе бы я этого не сделала».

«И?...» спросить я. Я думаю, так должно быть на души у бедного грешника, в минуту покаяния перед Судьею своим. Ну, что же, ты думаешь, она сказала? Ничего. Она только меня поцеловала.

И в эти спасения, еще не в любви. Ибо нет ничего на небе, ни на земле, столь протного, как любовь, и, как любовь, могучаго...

Большая это слова, но я знаю, что в них истина. Этой истре миф меня научила. И с этой истре хочу я жить и умереть.

Наши колонии.

Новая-Бухара.

Очерк. (Съ 3 рисунками.)

Новая-Бухара.— русское поселение в восточной части бухарскаго ханства, въ 12 верстахъ къ ю.-в. отъ города Бухары, при Закаспійской желѣзной дорогѣ, въ мѣстности Коганъ, находящейся на высотѣ 235 метровъ надъ моремъ,—основана въ 1888 г. Десять лѣтъ тому назадъ эта мѣстность представляла дикую степь, а въ настоящее время въ Новой-Бухарѣ 2500 жителей.

Въ двѣнадцати верстахъ отъ ханской столицы Бухары, по Каршинскому тракту, залегла полоса пустынная степь—равнина: плотно насыщенная солью земля совершенно безплодна. Съ прерывающимися весенними дождями, сполнившаяся на поверхности почвы солончакъ осаждается и, высыхая, покрываетъ степь жесткою, сѣровато-бѣлаго цвѣта корою; земля принимаетъ мертвенно-бѣлый тонъ. Въ такихъ мѣстахъ изрѣдка лишь сквозь солончакъ пробивается ярко-зеленая трава—верблюжья манна... Растеніе это до того неприхотливо и живуче, до того силно и упруго его травянистыя стебли, что въ Бухарѣ слышшь и рядомъ можно наблюдать, какъ изъ-подъ штукатуры недавно отстроеннаго зданія, на высотѣ иногда болѣе двухъ аршинъ отъ земли, вдругъ пробивается на свѣтъ Божій изъясная, бѣдно-зеленая, уродливая вѣтвь колочка съ тонкими, острыми иголками. Только могучая сила этого дикаго растенія, подулными кустами яркой зелени, мѣстами оживляетъ подавляющую безжизненность солончачовой степи.

Когда строилась Закаспійская желѣзная дорога, здѣсь, въ 1888 году, была открыта станція «Бухара»—и, какъ ближайшій пунктъ желѣзной дороги къ Бухарѣ, станція оживилась притокомъ людей по желѣзной дорогѣ съ одной стороны и притокомъ туземнаго населенія— съ другой. Станція «Бухара» стала крупнымъ грузовымъ пунктомъ. Со всѣхъ сторонъ сюда прибываетъ цѣлыми партиями разная кладь. Транспортныя и торгово-промышленныя компаніи заводятъ уже вблизи станціи товарные склады, открываютъ свои конторы. Глухая дотопъ мѣстность оживилась необычайно. Тутъ строились желѣзнодорожныя зданія, тамъ кое-какъ дѣлились маляки, сколачивались наскоро дощатые шалаши—временныя жилища людей. Тутъ же, въ неуклюжей мазаикѣ—въ грязной тѣнѣ—подъ войлочнымъ навѣсомъ открывался буфетъ, съѣзжая лавочка, магазинъ одежды,—заводилась разная торговля...

23-го іюня 1888 года (по мусульманскому счету 25-го шавала 1305 г.) русскимъ правительствомъ подписано соглашение объ устройствѣ въ бухарскомъ ханствѣ русскихъ поселеній при желѣзнодорожныхъ станціяхъ и пароходныхъ пристаняхъ и въ томъ же году въ мѣстности Коганъ основана русская колонія «Новая-Бухара». Тутъ заложены были дома русскаго Императорскаго политическаго агентства въ Бухарѣ, резиденція котораго раньше была въ ханской столицѣ. Бухарское правительство приступило къ постройкѣ Гостиннаго двора, дающаго шикъ своему владѣльцу хорошую прибыль. Разные предприниматели, торгово-промышленныя общества и частныя лица быстро стали покупать въ пароходномъ договорнаго соглашеніи, земля продается отъ бухарскаго правительства по цѣнѣ около 50 коп. (три бухар. тенги) за квадрат. сажень. Купчая крѣпости на владѣніе совершаются при посредствѣ политическаго агентства.

Между прочимъ замѣтимъ, что покупка участковъ здѣсь была въ-оторое время специально коммерческимъ предпріятіемъ для новыхъ

находчивыхъ людей: они скупали, по выбору, лучшія мѣста и перепродавали потомъ за тройную цѣну.

Въ 1890 году въ Новой-Бухарѣ было уже нѣсколько транспортныхъ конторъ, нѣсколько магазиновъ и лавокъ, почтово-телеграфная контора; въ 1892 году возникла ирано-австрийскіе перевозки, открыто приходское училище и учрежденъ мировой судъ, а въ 1891 году открылось отдѣленіе государственнаго банка и затѣмъ таможни.

Управленіе въ городѣ административно-полицейское. Чиновники по назначенію отъ туркестанскаго генераль-губернатора представляютъ здѣсь полицейскую, и административную, и судебную-исполнительную власть, и заведуетъ городскимъ хозяйствомъ. Годовой бюджетъ городского управленія въ первые годы по основаніи Новой-Бухары достигалъ 2.000 руб., а теперь превышаетъ 12 тысячъ. Главнымъ источникомъ городского дохода являются недвижимыя частновладельческія имущества, торговля, промышленность и взвозный промыселъ. Болѣе 300 лошадей постоянно заняты взвозомъ для грузового и легкаго сообщенія Новой-Бухары съ ханской столицей. Все взвозники, въ сложности, зарабатываютъ въ день около 600 рублей.

Крупную отрасль мѣстной промышленности составляетъ транспортъ разныхъ товаровъ, идущихъ изъ Россіи въ Бухару и обратно. Здѣсь работаютъ четыре транспортныя конторы разныхъ компаній: «Надежда», «Кавказъ и Меркурій», «Восточное Общество» и «Россійское Общество»; конторы эти имѣютъ свои отдѣленія и агентуру въ Старой-Бухарѣ и другихъ мѣстахъ ханства. Изъ Бухары вывозятся главнымъ образомъ хлопцы, шерсть, кожи, киши. Пять паровыхъ заводовъ въ Новой-Бухарѣ обрабатываютъ хлопцы: ошущаютъ его на специальныхъ машинахъ (гузю-ломка и дѣшигъ) отъ шелухи и сѣмянъ и пресуютъ въ тюки для отправки въ Россію. Пудъ пресованнаго хлопца равенъ по объему одному кубическому футу—такъ плотно онъ спрессовывается. Въ Новой-Бухарѣ ежегодно обрабатывается болѣе миллиона пудовъ хлопца, идущаго частью въ Москву, частью въ Лодзь. Много вывозятъ отсюда и стараго хлопца (ваты), бывшаго уже въ употребленіи. Изношенные и негодные ватные халаты, одѣла, матрацы, подушки и всякіе ватные отбросы даютъ такого материала около 50.000 пудовъ въ годъ. Скупается въ Бухарѣ этотъ хламъ за безцѣнокъ, около 40 коп. пудъ, а въ производствѣ идетъ онъ наравнѣ съ чистымъ хлопкомъ. Въ Лодзи, на фабрикахъ Познанскаго, выдѣливается изъ стараго хлопца бумага (теплая матерія), а послѣдніе отбросы перерабатываются въ вату низшаго сорта, которая продается въ Россію по 25—40 к. за пудъ.

Промышленность въ Новой-Бухарѣ не развита. Несмотря на доброкачественность здѣшняго винограда и его обильные урожаи, въ городѣ пока единственный винодѣлательный заводъ куна Бахтадзе, выдѣлывающій около 7.000 ведеръ въ годъ дешеваго винограднаго вина. Нѣсколько мелкихъ промышленниковъ выдѣлываютъ до 2 тысячъ ведеръ вина кустарнымъ способомъ.

Спичечная фабрика вырабатываетъ спичекъ на сумму около 50 тыс. руб., табачная фабрика большого спроса на свои издѣлія не имѣетъ. Ремесленныя заведенія служатъ только для мѣстныхъ заказовъ. Привозятъ сюда изъ Россіи главнымъ образомъ сахаръ, керосинъ, желѣзо, строительные матеріалы *, мануфактурные и га-

* Русскій лѣсъ очень дорогъ: хорошее сосновое бревно стоитъ здѣсь отъ 28 до 30 руб. за штуку.

лантерейные товары. Въ городѣ есть нѣсколько хорошихъ магазиновъ съ разными товарами; двѣ хорошия гостиницы съ номерами содержатся очень прилично, вполне по-европейски. Существуютъ общественный клубъ, публичная библиотечка и читальня, тинографія и переплетная мастерская. По праздникамъ въ приходскомъ училищѣ ведутся народныя чтенія съ туманными картинами.

Первенствующимъ элементомъ населенія въ городѣ являются чиновники, затѣмъ агенты и приказчики разныхъ торгово-промышленныхъ фирмъ, вообще народъ служилый и, вѣроятно, влѣдствие этого въ городѣ нѣтъ никакой общественной жизни, никакихъ побужденій къ общественной дѣятельности. Живутъ — большинство съ хорошимъ достаткомъ, но все однообразно и скучно. Составъ населенія чрезвычайно разнообразенъ по национальностямъ. Такъ, изъ 2,500 жителей насчитываются: 545 русскихъ, 50 поляковъ, 30 немцевъ, 10 грековъ, 40 грузинъ и осетинъ, 155 армянъ, 115 киргизовъ, татаръ и бангировъ, 345 евреевъ, 345 персовъ и 865 сартовъ; изъ этого числа 1,939 мужчинъ, 284 женщины и 277 дѣтей. Поразительна разность между мужскимъ и женскимъ поломъ: почти по 7 мужчинъ приходится на одну женщину.

Широко раскинулась Новая-Бухара, на двѣ версты протянулась она вдоль линіи желѣзной дороги, противъ Бухарскаго вокзала. Это главная часть города, гдѣ находятся все казенныя и частныя учрежденія, торгово-промышленныя заведенія и магазины, а по другую сторону желѣзной дороги расположились фабрики и заводы, воинскія казармы и нѣсколько частныхъ домовъ. Тутъ же, нѣсколько поодаль, саженъ за сто по Бухарскому шоссе отъ вокзала, высятся богатый дворецъ эмира бухарскаго, постройка котораго обоилась въ 300,000 р. Дворецъ построенъ въ мавританскомъ стилѣ, не вполне, впрочемъ, выдержанномъ. Богатыя украшенія изъ алебаstra и множество колоннокъ и башенокъ придаютъ ему очень своеобразный видъ. Вокругъ дворца раскинулся обширный паркъ съ разнообразными древесными породами, декоративными и фруктовыми.

До сихъ поръ, однако, городъ сохранилъ характеръ разбросанности и недостроенности. На пространствѣ двухъ квадр. версты (500 тыс. саж.) раскинулись въ разныя стороны менѣе ста дворовыхъ мѣстъ; цѣлые участки лежатъ пустыреми, безъ всякихъ построекъ, и правильно разбитыя, прямыя улицы мѣстами теряются въ пустошномъ пространствѣ. Теперь въ городѣ всего 113 домовъ, большихъ и маленькихъ. Дома почти исключительно кирпичныя, одноэтажныя, съ плоскими азиатскими крышами; большинство отдѣланы подъ штукатурку. Сырцовый кирпичъ, какъ дешевый матеріалъ, часто употребляется на постройки, но зданія изъ такого матеріала всегда сыры и не долговѣчны; въ три-четыре года они уже разрушаются. Постройки изъ жженого кирпича тоже подвергаются, хотя и не столь быстро, разрушительному вліянію солнца. Содержащаяся въ кирпичной массѣ частица солища насыщается въ сырую погоду атмосферною влагою, которая зимою отъ морозовъ расширяется, разрушая кирпичную массу; кирпичъ становится пористымъ, рыхлымъ и неустойчивымъ. Единственное каменное зданіе въ городѣ — домъ купца Бахтадзе, построенный изъ тесанаго известняковаго камня и стоившій болѣе 40 тыс. рублей. Не болѣе пятидесяти домовъ найдется хорошо устроенныхъ, съ хорошими квартирами, на европейскій ладъ, гдѣ въ квартирахъ деревянныя крашенныя полы и стѣны оклеены обоями. Значительная часть домовъ плохо устроена: дешевыя квартиры такихъ домовъ на кирпичныхъ и земляныхъ полахъ неудобны и не гигиеничны.

Улицы въ городѣ во время дождей и зимою покрываются гл-

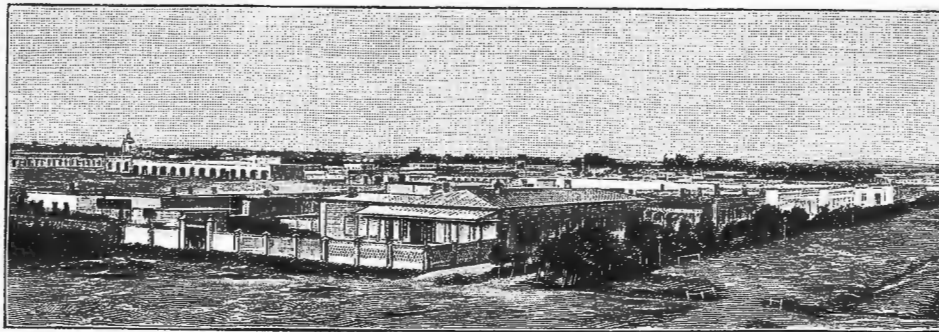
бокою грязью; лесовая почва превращается въ жирную, липкую грязь и образуетъ буквально болото... Въ этой грязи столько соли, что, при высыханіи, улицы покрываются густымъ бѣлымъ налетомъ, и кажется, будто только-что выпалъ снѣгъ. Вымошенная въ грязи обувь, высыхая, покрывается солистымъ налетомъ, состоящимъ изъ игольчатыхъ кристалликовъ. Влѣдствие разбросанности домовъ, тротуаровъ на иныхъ улицахъ и въ поминѣ нѣтъ. Нѣкоторыя улицы густо обсажены деревьями. Бульварная улица, ведущая съ вокзала въ городъ, вымощена камнемъ. По этой улицѣ, въ серединѣ города, красиво раскинулся городской садъ, который, при заботливомъ уходѣ, хорошо содержится и представляетъ въ лѣтнее время лучшее украшеніе города.

Большинствъ трудовъ стоить здѣсь разведеніе растеній. Посаженныя деревья на соленой почвѣ не принимаются, гибнутъ и каждый годъ замѣняются новыми, до тѣхъ поръ, пока земля подъ деревьями не освободится отъ солища посредствомъ тщательнаго разрыхленія и выщелачиванія многократнымъ и обильнымъ затопленіемъ водою.

Большую нужду терпитъ городъ лѣтомъ отъ недостатка воды для орошенія. Дождей въ лѣто совсѣмъ не бываетъ, а проведенная верста за 20 по отводному каналу изъ рѣки Зеравшана вода пропускается въ городъ только одинъ разъ въ недѣлю на два дня; въ эти два дня горожане пользуются водою по особому расписанію. Вдоль городскихъ улицъ проведены неглубокіе каналы, а на дворахъ домовладѣльцевъ устроены бассейны (по-сартски — хаузы), соединенные трубами съ городскимъ каналомъ. Во время водотеченія каждый домовладѣлецъ открываетъ въ опредѣленный часъ шлюзъ своей водопроводной трубы и напускаетъ въ дворовый бассейнъ воды. Изъ бассейновъ вода расходится на разныя дворовыя потребности, но для питья она не годится, такъ какъ она мутная и грязная. Въ самую засуху, когда мало бываетъ воды, шлюзы у водопроводныхъ трубъ запираются на замокъ, и ключи находятся у городского садовника, который завѣдываетъ пропускомъ и распределеніемъ водоснабженія, — чтобы не дать одному много и не оставить другихъ совсѣмъ безъ воды.

За недостаткомъ воды улицы не поливаются, и пыль въ городѣ страшная, солено-бѣлая; тонкая, какъ пудра, легкая, какъ пухъ, она высоко поднимается въ воздухѣ и стоитъ надъ городомъ бѣлымъ облакомъ. Лѣтомъ, почти постоянно, днемъ дуетъ сѣверо-восточный вѣтеръ; сильные порывы его по нѣскольку разъ въ день пронесаются въ видѣ урагана. Тогда и въ домахъ нѣтъ спасенія отъ пыли: какъ воздухъ, пронизываетъ она незамѣтныя скажины, и въ теченіе дня въ домѣ все покрывается легкимъ бѣлымъ налетомъ. Зато часто бываютъ здѣсь чудныя лѣтнія ночи. Вѣтеръ обыкновенно къ вечеру стихаетъ, температура понижается иногда до 16° R., пыль осаждается... Чистый, сухой воздухъ, прохлада и совершенно безоблачное небо...

Климатъ въ Новой-Бухарѣ жаркій, чрезвычайно сухой и рѣзко измѣнчивый. Высшая температура лѣтомъ (по Реомюру) +48, низшая +16; зимою высшая +13, низшая —16; средняя годовая +18. Лѣто чрезвычайно сухо, зима сырая. Влажность воздуха лѣтомъ въ полдень равна 0, ночью 25—40, а зимою: днемъ 65, ночью 75—80. Среднее число дней съ дождями и снѣгомъ въ годъ около 50. Снѣгъ бываетъ въ концѣ декабря, въ январѣ и февралѣ, но лежитъ не долго и быстро таетъ. Времена года не отличаются характерными измѣненіями: жаркое лѣто незамѣтно переходитъ въ зиму. Лѣтній зной дѣйствуетъ на человѣческій организмъ расслабляющимъ образомъ; все лѣто по временамъ свирѣчивается тяжелая лихорадка, осенью и весною появляются разныя воспалительныя болѣзни: воспаление легкихъ, брюшной тифъ, бронхитъ и проч. Но

Новая-Бухара. Видъ съ желѣзной дороги. По фот. грав. Шлиперъ.

Новая-Бухара. Русское политическое агентство. По фот. грав. Шлиперъ.

все-таки по сравненію съ другими городами Закаспійской области — и въ климатическомъ, и въ санитарномъ отношеніяхъ — большое преимущество остается за Новой-Бухарой.

Въ бухарскомъ ханствѣ, кромѣ Н.-Бухары, существуютъ еще двѣ русскія колоніи—Новый-Чарджуй и Керки на рѣкѣ Аму-Дарьѣ.

Г. Б.

Къ рисункамъ.

Грѣзы всегда до нѣкоторой степени замѣняютъ дѣйствительность, когда послѣдняя уныла и безнадежна; если жить тяжело, если человекъ чувствуетъ себя несчастнымъ и если онъ, несмотря на это, не потерялъ способности къ мечтамъ, то грѣзы являются для него не малымъ и цѣннымъ утѣшеніемъ, потому что грѣзы — крылья нашей души. Онѣ уносятъ насъ далеко отъ земли, которая приковываетъ человека къ себѣ тысячу хотя часто и невидимыхъ, но тяжелыхъ пѣней. Однѣ грѣзы имѣютъ силу порвать эти несокрушимыя пѣни и открыть намъ новый міръ; по греческой теогоніи матерью грѣзъ является Сонъ (Гипносъ), а матерью Сна — Ночь (Никсъ). Такимъ образомъ грѣза—внучка Ночи, а Ночь — ее бабушка. У итальянскаго пессимиста Джакомо Леопарди есть диалогъ, въ которомъ Тассъ спрашиваетъ у Генія, — есть ли какое-нибудь вѣрно средство отъ скуки. И Геній отвѣчаетъ: «Есть. Грѣзы и страданіе. Последнее могущественнѣе грѣзъ, потому что страдающій не можетъ скучать». Но кто способенъ мечтать, тотъ вѣдь способенъ и наслаждаться, а гдѣ наслажденіе, тамъ также нѣтъ мѣста скукѣ. Дѣвушка, замечтавшаяся надъ интересной книгой, конечно не скучаетъ. Грѣзы увозятъ ее далеко отъ дѣйствительности, въ особенности, если эти грѣзы—любовныя грѣзы:

Мечты любви—высокія мечты.
Онѣ зовутъ на подвигъ величавый.
Подъ яркимъ солнцемъ женской красоты
Онѣ цвѣтутъ, обвѣяныя славой.

На выставкѣ французскихъ художниковъ въ Петербургѣ находилась жанровая картинка художника Гризона—Le ménestrier, то-есть деревенскій скрипачъ—послѣдняя метаморфоза славныхъ когда-то менестрелей среднихъ вѣковъ. Менестрели были тоже бродячими музыкантами, какъ и деревенскіе скрипачи, но посѣщали они богатые рыцарскіе замки и услаждали слухъ знатныхъ дамъ былыхъ временъ. У нынѣшняго менестреля нѣтъ ни блестящихъ аудиторій, ни знатныхъ слушателей. Онъ бродитъ изъ деревни въ деревню, съ ярмарки на ярмарку, взбирается на импровизированную кафедру — на залитый виномъ столъ или просто присаживается къ нему и начинаетъ выводить на своей скрипкѣ популярныя мотивы народныхъ пѣсенекъ и арій. Скрипачи старой школы — увъ! ихъ осталось уже немного, — сами сочиняютъ свои немудренныя аріи и даже слова къ нимъ. И они очень гордятся своимъ авторствомъ и композиторскимъ талантомъ и презираютъ молодыхъ скрипачей, покупающихъ свое вдохновеніе у нотныхъ издателей. Но самое раздолье деревенскому скрипачу на свадьбѣ. Онъ становится во главѣ кортежа, навязываетъ на скрипичный грифъ розовыя ленты и ведетъ кортежъ въ мерю и церковь, нагрывая на своемъ инструментѣ веселье или торжественныя мотивы. И вечеромъ, на свадебномъ обѣдѣ, и ночью на свадебномъ балу, онъ неутомимо продолжаетъ увеселять молодыхъ и публику. И подъ звуки его арій смѣются и болтаютъ, спорятъ и пляшутъ. Ему и самому весело, въ особенности, когда онъ выпьетъ нѣсколько добрыхъ кружекъ мѣстнаго вина. Флоръ даль прелестный типъ деревенскаго скрипача въ сценѣ свадьбы г-жи Бовари, въ своемъ знаменитомъ романѣ.

Помѣщаясь въ настоящемъ номерѣ *Нивы* картина г. Маковского «Хороводъ» служила однимъ изъ украшеній 7-й выставки картинъ с.-петербургскаго общества художниковъ текущаго года. Выставка эта производила очень выгодное впечатлѣніе участіемъ въ ней выдающихся русскихъ художниковъ, большимъ разнообразіемъ, интересомъ сюжетовъ и, наконецъ, почти полнымъ отсут-

ствіемъ декадентскихъ картинъ. Въ выставкѣ приняли участіе такіе художники, какъ гг. Маковский (К. Е.), Мещерскій, Бакаловичъ, Свѣдомскій, Галкинъ, Сергѣевъ, Лагоріо и др. Что касается до разнообразія, то на выставкѣ были представлены всѣ роды живописи: историческая, бытовая, религіозная, пейзажъ, nature morte чередовались въ правильномъ сочетаніи; такъ что ни одинъ родъ живописи не преобладалъ надъ другимъ. Интересныхъ сюжетовъ было очень много; около той или другой картины вы могли встрѣтить цѣлыя группы людей, которые долго присматривались къ картинѣ и съ сожалѣніемъ отрывались отъ нея. Тотчасъ у входа посетитель любовался «Хороводомъ», г. Маковского, переносившимъ его въ болѣе отдаленныя времена русской исторіи, съ ея жен-

скими играми и забавами. Тутъ же вы невольно останавливались на очень характерномъ типѣ тѣхъ итальянскихъ смѣлчачковъ прошлаго времени (брави), которые готовы были за надлежачую мзду на всякое рискованное преступленіе, не стѣняясь ни временемъ, ни мѣстомъ. Рядомъ вы любовались прекраснымъ русскимъ пейзажемъ: «Утро на старой просѣлкѣ» г. Мещерскаго, и, находясь еще подъ чарующимъ впечатлѣніемъ этихъ мастерскихъ произведеній, зритель наталкивался на жанръ, поглощавшій все его вниманіе въ слѣдствіе наболѣвшей злобы избраннаго художникомъ сюжета. Это — быть одинъ изъ обычныхъ эпизодовъ гимназической жизни. «Срѣзается» — такъ называлъ свою картину г. Винцманъ, и она — цѣлая осмѣянная драма, схваченная во всѣхъ своихъ печальныхъ подробностяхъ.

Зритель переходитъ въ слѣдующую залу, и его съ удивительною силою охватываетъ древне-римская жизнь въ мастерскихъ произведеніяхъ г. Бакаловича. Далѣе онъ любитъся рядомъ видовъ, напоминающихъ ему очень своевременно нашего незабвеннаго и великаго юбиляра, Пушкина. И тутъ же онъ опять переносится въ отдаленное прошлое Россіи, не можетъ долго оторваться отъ драматическаго эпизода наполеоновскаго сраженія, чтобы отдохнуть потомъ на поэтическихъ ландшафтахъ г. Сергѣева, величественныхъ изображенійхъ кавказской природы г. Лагоріо или прекрасныхъ головвахъ г. Маковского...

Мы не можемъ остановиться здѣсь на всѣхъ картинахъ выставки, заслуживающихъ вниманія. Многія изъ нихъ будутъ нами воспроизведены на страницахъ *Нивы*, и тогда намъ представится случай подробнѣе выяснитъ ихъ достоинства. Пока мы хотѣли только отмѣтить, что выставка С.-Петербургскаго Общества художниковъ принадлежала къ числу очень удачныхъ, доставила большое эстетическое наслажденіе посетителямъ и послужила яснымъ доказательствомъ, что помимо всякихъ новыхъ вѣяній въ искусствѣ можно создать замѣчательныя произведенія, и что такъ-называемое декадентство и символизмъ уже отцвѣтаютъ, не успѣвши расцвѣсть.

Обратимся теперь къ картинѣ, воспроизведенной въ настоящемъ номерѣ *Нивы* и великолѣпно гравированной по спеціальному нашему заказу извѣстнымъ лейпцигскимъ граверомъ Г. Геданомъ.

Свѣтлый весенній день; бирюзовое небо, изумрудная зелень и лѣсная даль, подернутая фиолетовой дымкой. Какъ хорошъ и свѣжъ весенній лѣсъ и его лужайки, покрытыя свѣтло-зеленымъ пушистымъ ковромъ съ яркими цвѣточками! Но еще лучше эти живые цвѣты,—эти молодя болыпини съ ихъ порозовѣвшими лицами, синими глазками и алыми губками. Онѣ водятъ хороводъ, этотъ своеобразный танецъ, въ которомъ такъ много нѣги и спокойнаго настроенія уравновѣшенной славянскіи природы, вездѣлнннй безпредѣльной степью, подъ сѣнью блѣднаго, сѣвернаго неба. К. Маковский—признанный поэтъ древне-русской жизни, и никто не поэтизируетъ ее такъ, какъ онъ. Каждая его картина на этотъ сюжетъ—изящное лирическое стихотвореніе, прелестное по формѣ, тонкое по мысли, красивое по настроенію. И его «Хороводъ» не составляетъ исключенія изъ общаго правила.

Перенесение праха князя Бисмарка.

(Съ 3 рис.)

4-го марта въ Фридрихсруэ, имѣнии покойнаго князя Бисмарка, Германія отдала послѣдній долгъ праху своего великаго канцлера, «вѣрнаго слуги императора Вильгельма I», похороненнаго какъ разъ въ тотъ же день, 11 лѣтъ тому назадъ.

Перенесение останковъ князя Бисмарка въ особо построенный мавзолей состоялось, по же-

часовой. Входъ ведетъ въ часовню. Цоколь мавзолея, имѣющаго въ длину 12 сажень, сооруженъ изъ гранита, а вся остальная постройка—изъ туфа. Прахъ князя Бисмарка покоится въ великолѣпномъ мраморномъ (розоватаго цвѣта) саркофагѣ (рис. на этой стр.). Стиль его такой же строгій и мощный, какъ и стиль самаго мавзолея.

Императоръ съ нѣсколькими избранными вошелъ въ часовню, гдѣ тѣмъ временемъ были поставлены передъ небольшимъ алтаремъ оба гроба. Кирасиры съ саблями на-голо расположились около гроба князя. Гости усѣлись на стульяхъ въ центральномъ кораблѣ, за исключеніемъ императора, который выслушалъ панихиду стоя. Затѣмъ пасторъ произнесъ прочувствованное надгробное слово, закончившееся хораломъ подъ звуки органа и тремя залпами изъ орудій, разставленныхъ за мавзолеемъ.

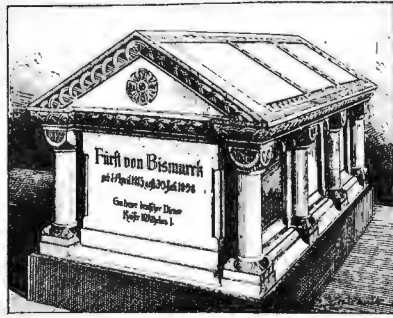
Панихида продолжалась двадцать минутъ. Затѣмъ императоръ Вильгельмъ со всѣми присутствовавшими въ мавзолей вернулся въ замокъ, гдѣ были сервированы завтракъ.

Черезъ полчаса, милостиво распростившись съ семьей покойнаго, императоръ уѣхалъ.

Торжественная аудіенція во дворцѣ въ Пекинѣ.

(Рис. на стр. 258.)

Рисунокъ нашъ, воспроизведенный по наброску съ натуры, предстаетъ вѣроятно историческій моментъ современной жизни Китая. Это—состоявшійся недавно во дворцѣ въ Пекинѣ торжественный приемъ женъ представителей иностранныхъ державъ при китайскомъ правительствѣ. Приемъ этотъ, по своей обстановкѣ, прямо-таки небывалый. Пока существуетъ китайская имперія, не было еще случая, чтобы европеецъ удостоился видѣть во время аудіенціи лицо богдыхана: послѣдній всегда находился за особой занавѣской, изъ-за которой и бесѣдовалъ съ представлявшими ему европейцами. Не менѣе характерно и то, что это новшество, это неслыханное нарушение этикета совершилось именно теперь, при нынѣшней китайской императрицѣ, матери богдыхана. Какъ извѣстно, императрица отстранила своего юнаго сына отъ управления страной, въ виду его склонности къ реформамъ, и первыми дѣлами ея правленія были: увольненіе почти всѣхъ европейскихъ обра-

Саркофагъ кн. Бисмарка.

ланію его семьи, безъ особой торжественности и по силѣ тѣсный, семейный характеръ. Исключительный характеръ этой траурной церемоніи придадо присутствіе императора Вильгельма. Императоръ прибылъ въ Фридрихсруэ въ 11¼ часовъ утра; его величество встрѣтили князь Гербертъ и графъ Вильгельмъ Бисмарки вмѣстѣ съ графиней Ранцау, послѣ чего всѣ отправились во дворецъ, гдѣ, осмотрѣвъ гробы князя и княгини (вмѣстѣ съ прахомъ князя Бисмарка перенесенъ въ мавзолей и прахъ его супруги), императоръ погрузился въ тихую молитву. Затѣмъ открылись ворота, послышались звуки шопеновскаго траурнаго марша, и процессія тронулась.

Въ эту минуту уже горѣли факелы въ рукахъ лицъ, разставленныхъ по обѣимъ сторонамъ дороги между замкомъ и мавзолеемъ. Медленно и торжественно тянулася процессія между ними. Впереди шель военный оркестръ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него парадный кортежъ. Тинина была необычайная. Даже вѣтерка не было слышно... Гробъ княгини несли впереди гроба князя въ довольно большомъ разстояніи отъ него. Обитый чернымъ и весь заваленный вѣнками, онъ плылъ въ воздухѣ, грузно покоясь своей тяжелой массой на плечахъ носильщиковъ, одѣтыхъ въ старо-испанскіе костюмы. По обѣимъ сторонамъ шли лѣсничіе съ пальмами и вѣнками въ рукахъ. Такой же вѣнчанный видъ имѣлъ и гробъ князя Бисмарка. По обѣимъ сторонамъ носильщиковъ шли кирасиры. Позади гроба—императоръ. Голова его, украшенная стальнымъ шлемомъ, опущена была внизъ. Лицо его было блѣдно. Онъ шель плечо къ плечу рядомъ съ Гербертомъ Бисмаркомъ, на которомъ былъ генеральскій мундиръ, а за нимъ слѣдовали Вильгельмъ Бисмаркъ съ престарѣлой сестрою покойнаго, — г-жею Аримъ, графъ Ранцау съ женою Вильгельма Бисмарка, обѣ молоденькія племянницы и сыновья графа Ранцау. Затѣмъ шли Швенингеръ, лейб-медикъ покойнаго князя, графъ Вальдерзе, генералъ-адъютантъ императора Вильгельма I, министры, представитель гамбургскаго сената, офицеры полковъ, которые квартируютъ недалеко отъ Фридрихсруэ.

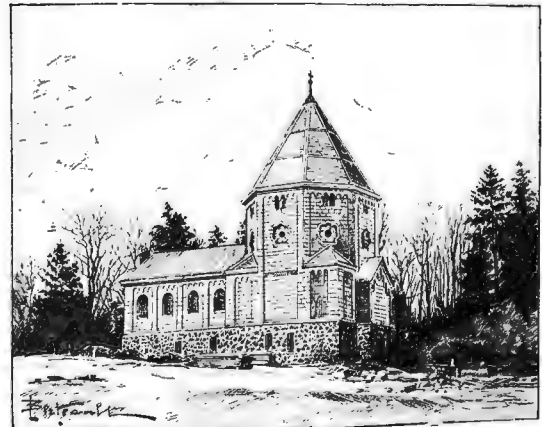
Ровно въ 12 часовъ траурное шествіе достигло мавзолея.

Мавзолей сооруженъ въ одномъ изъ красивѣйшихъ уголковъ парка Фридрихсруэ, любимомъ мѣстѣ покойнаго князя. Онъ состоитъ собственно изъ башневидной гробницы и примыкающей къ ней часовни (рис. на этой стр.). Въ самомъ мавзолей будутъ находиться лишь гробницы князя Бисмарка и его супруги; для остальныхъ же членовъ ихъ семьи устроенъ склепъ внизу, подъ

Перенесение праха кн. Бисмарка въ Фридрихсруэ.

зованныхъ сановниковъ, отъѣна всѣхъ реформаторскихъ указовъ богдыхана-сына и, между прочимъ, также запрещеніе всѣхъ газетъ въ Китаѣ, приносящихъ — де лишь одно зло населенію.

Мавзолей, въ которомъ покоится прахъ князя и княгини Бисмарка.

сму в его взгляды на правительственный и общественный строй. Но велика и живуча сила прогресса: не прошло и года послѣ этого торжества косности, какъ сама императрица должна была уступить постепенному ходу событій и принять у себя во дворцѣ женъ иностранныхъ представителей, являющихся въ то же время представителями европейской культуры въ Китаѣ. Эта аудіенція пробила несомнѣнную брешь въ китайской стѣнѣ, которую вся поднебесная имперія стремилась оградить себя не только отъ Европы, но и отъ вліяній времени, натиска прогресса.

Эмиль Эркманъ. (Портр. на стр. 259.)

Въ Люневиллѣ, бывшій резиденціи Лотарингскаго герцогства, скончался 2-го марта второй изъ знаменитыхъ литературныхъ близнецовъ Эркманъ-Шатрианъ, Эмиль Эркманъ. Въ 60-хъ годахъ произведенія Эркмана-Шатриана пользовались громадною извѣстностью, и очень многіе не догадывались, что это труды двухъ авторовъ.

За дѣльныхъ десять лѣтъ до франко-прусской войны, Эркманъ и Шатрианъ, уроженцы Ифальца, обратили на себя всеобщее внима-

чену въ слѣдующемъ ихъ произведеніи «Waterloo», изданномъ въ 1865 г. Описанію событій того же періода посвящены написанные ими въ 1862, 1863 и 1864 гг. рассказы «L'invasion», «Madame Thérèse» и «L'ami Fritz». Всѣ эти произведенія и создали Эркману и Шатриану широкую популярность.

Въ послѣдніе годы второй Имперіи Эркманъ и Шатрианъ занялись драматургіей. Въ 1869 г. была поставлена въ театрѣ Кюни и пользовалась большимъ успѣхомъ ихъ пьеса «Le juif polonais» («Польскій жидъ»). За ней послѣдовали въ 1877 г. пьесы «L'ami Fritz» (Другъ Фрицъ) и въ 1882 г. «Les Rantzau», переделанныя изъ ихъ же романовъ того же названія. Обѣ эти пьесы поставлены были въ «Théâtre Français» и до сихъ поръ не сходятъ съ репертуара.

Во время новой третьей республики непримиримый анти-бонапартизмъ авторовъ потерялъ свой острый интересъ. Рѣзкій шовинизмъ, которымъ пропитаны были ихъ произведенія послѣ 1871 г., оттолкнулъ отъ нихъ бывшихъ нѣмецкихъ друзей-читателей, и въ то же время не встрѣтилъ большого сочувствія и среди расуди-

Торжественная аудіенція супруговъ иностранныхъ дипломатовъ во дворцѣ въ Пекинѣ. По рис. А. Уайльда грав. Шюблеръ.

ніе пзумительно тонкими описаніями жизни и быта маленькихъ, тихихъ городковъ и поэтичныхъ деревенекъ, раскинувшихся по обоимъ склонамъ сѣверныхъ Вогезовъ, поразительными по теплотѣ и наблюдательности картинками правоты ихъ трудолюбивыхъ жителей. Но на ряду съ идиллическими описаніями этихъ скромныхъ уголковъ, въ рассказахъ, новеллахъ и романахъ обоихъ лотарингскихъ писателей было столько нравственной, обновляющей силы, столько горячей вѣры въ человеческое достоинство и права личности, что ими зачитывались. Это увлеченіе переступило даже границы страны, и нашло себѣ откликъ и во Франціи, и у насъ, въ Россіи. Тяжелое и приниженное положеніе сельскаго населенія, этого истиннаго народа страны, подъ властью «Ancien régime» и слѣдовавшее затѣмъ радостное ликование по поводу тяжко добытой наконецъ свободы, пламенный энтузіазмъ волонтеровъ 1792 г., а также болѣе мрачное настроеніе временъ якобинства, — всѣ эти характернѣйшія событія жизни французскаго народа конца прошлаго вѣка горячо и талантливо обрисованы въ четырехтомной «Histoire d'un paysan» (Исторія крестьянина), изданной Эркманомъ и Шатрианомъ въ 1868—70 гг. Съ такимъ же захватывающимъ интересомъ изображены этими двумя писателями вступленіе французскихъ войскъ въ Германію весной 1813 г. и битва при Лейпцигѣ въ «L'histoire d'un conscrit de 1813» (Исторія рекрута 1813 г.), вышедшей въ свѣтъ еще ранѣе, въ 1864 г. Знаменитая междоусобица во Франціи во времена возвращенія съ о. Эльбы Наполеона и печальный конецъ бельгійскаго похода 1815 г. очер-

тальныхъ французскихъ читателей. Подъ конецъ, въ силу личныхъ, а также и политическихъ разногласій между Эркманомъ и поразительнымъ тяжкой болѣзью Шатрианомъ, ихъ дружба, скрѣпленная болѣе чѣмъ 30-лѣтней совместной работой, распалась, и взаимныя ихъ отношенія послужили даже предметомъ судебного разсмотрѣнія. Процессъ этотъ набросилъ тѣнь на нравственный обликъ обоихъ писателей. Шатрианъ, впрочемъ, скорѣе скончался (въ 1890 г.). Литературная дѣятельность обоихъ писателей прекратилась однако еще за нѣсколько лѣтъ до смерти Шатриана. Теперь послѣдовалъ за своимъ литературнымъ собратомъ и Эркманъ. Родился онъ въ 1822 г.; отецъ его былъ книгопродавецъ. Въ 1842 г. онъ отправился въ Парижъ изучать юриспруденцію, но не закончилъ образованія. Когда Эркманъ занялся вмѣстѣ съ своимъ бывшимъ школьнымъ товарищемъ Шатрианомъ литературными работами, онъ занималъ должность бухгалтера въ управленіи восточной желѣзной дороги, а затѣмъ состоялъ главнымъ кассиромъ управленія государственныхъ долговъ въ Парижѣ.

Х. Х. Крюгеръ. (Портр. на стр. 259.)

17-го марта с.-петербургское общество взаимнаго кредита торжественно праздновало 35-лѣтіе своего существованія и вмѣстѣ съ тѣмъ 25-лѣтіе дѣятельности на поприщѣ взаимнаго кредита одного изъ самыхъ энергичныхъ членовъ правленія общества, Христіана Христіановича Крюгера.

Х. Х. Крюгеръ началъ свою службу по кредитнымъ учрежде-

нявъ въ 1874 году въ должности члена совѣта общества взаимнаго кредита с.-петербургскаго уѣзднаго земства. Съ 1877 по 1879 годъ оныя состоятъ членомъ правленія того же общества, а съ 1879 года перешелъ въ правленіе с.-петербургскаго общества взаимнаго кредита, въ составѣ котораго продолжаетъ плодотворно работать и до сихъ поръ.

Х. Х. Крюгеръ вступилъ въ настоящую свою должность въ тяжелое для общества взаимнаго кредита время. Его энергіи, опытности и знанію дѣла общество, безъ сомнѣнія, въ немалой степени обязано тѣмъ, что ему удалось благополучно оправиться отъ послѣдствій пережитаго имъ кризиса и достигнуть нынѣшняго блестящаго положенія.

По свѣдѣніямъ «Краткаго обзора дѣятельности с.-петербургскаго общества взаимнаго кредита за десятилітіе 1889—1899 гг.», составленнаго Х. Х. Крюгеромъ въ дополненіе къ его историческому очерку за двадцатипятилітіе 1864—1889 гг., обороты общества (по активу) составляли: къ 1-му января 1865 г.—3.626,307 р.; къ 1-му января 1889 г. (спустя 25 лѣтъ)—60.009,417 р.; къ 1-му января 1899 г. (спустя еще 10 лѣтъ)—83.025,436 р.—Обороты по однимъ текущимъ счетамъ за 10 лѣтъ составили 994.856,069 р., а учетная операція за тотъ же періодъ достигла 185.685,740 р. Замѣчательно, что сравнительно съ колоссальнымъ оборотомъ, общество въ весьма незначительномъ размѣрѣ пользовалось позимствованиями изъ государственнаго банка. Весь оборотъ операцій по переучету и перезалогу въ этомъ банкѣ за послѣднее десятилітіе составлялъ всего 96.987,144 р. Значитъ, общество въ наибольшей части своихъ операцій обходилось своими собственными оборотными средствами, не обременяя своимъ существованіемъ государственнаго кредита.

Значительный капиталъ отчисленъ за это время въ пользу служащихъ общества. Къ 1-му января 1899 г., за выдачей участникамъ въ теченіе послѣднихъ 10-ти лѣтъ 101,968 р., въ остаткѣ этого капитала оказалось 141,464 р. Прекрасное обезпеченіе на черный день, которое можно пожелать и другимъ общественнымъ учрежденіямъ.

На ряду съ дѣятельностью по обществу взаимнаго кредита Х. Х. Крюгеръ работаетъ и на другихъ поприщахъ общественной дѣятельности. Съ 1881 г. Х. Х. Крюгеръ состоитъ непрерывно гласнымъ городской думы и, какъ всѣмъ извѣстно, гласнымъ, принимающимъ живое, дѣятельное участіе во всѣхъ городскихъ дѣлахъ, не только постоянно присутствующимъ и говорящимъ въ засѣданіяхъ думы, но и усердно работающимъ въ разныхъ (исключительно, впрочемъ, «бесплатныхъ») городскихъ комиссіяхъ. Х. Х. Крюгеръ состоитъ, сверхъ того, и выборнымъ с.-петербургскаго купческаго

словія, и членомъ с.-петербургскаго коммерческаго суда. Во время состоявшагося въ прошломъ году въ Петербургѣ сѣзда представителей всѣхъ русскихъ обществъ взаимнаго кредита, Х. Х. Крюгеръ былъ однимъ изъ энергичнѣйшихъ участниковъ и руководителей работъ сѣзда. Принявъ на себя всѣ хлопоты по организаціи сѣзда, Х. Х. Крюгеръ былъ затѣмъ избранъ товарищемъ председателя сѣзда (предсѣдательствовалъ на сѣздѣ Е. И. Ламанскій), и подл предсѣдательствомъ Х. Х. Крюгера, между прочимъ, выполнена на сѣздѣ одна изъ главныхъ предстоявшихъ ему работъ—разработка нормальнаго устава обществъ взаимнаго кредита.

Пожаръ „Гостиницы Виндзоръ“ въ Америкѣ.

(Рис. на стр. 260.)

Роскошные 10—20-этажные дома въ Нью-Йоркѣ, поражающіе европейцевъ своими грандіозными размѣрами и въ ширь, и въ высъ, обладаютъ очень крупнымъ недостаткомъ: въ случаѣ пожара они представляютъ собою обильную пищу для огня; масса коридоровъ, сквозные пролеты сверху до низу для подъемныхъ машинъ доставляютъ огню сильную тягу, и этимъ объясняется разрушительная сила пожаровъ въ Америкѣ и зачастую гибель многихъ людей, лишенныхъ возможности спастись изъ десятаго или пятнадцатаго этажа охваченнаго пламенемъ дома. Одними изъ высочайшихъ зданій въ Нью-Йоркѣ являются главнѣйшія гостиницы, въ которыхъ пожары вообще представляютъ особенную опасность, въ виду скученности ихъ населенія. Одной изъ такихъ крупнѣйшихъ, самыхъ аристократическихъ гостиницъ Нью-Йорка, былъ сторѣвшій въ этомъ мѣсяцѣ «Windsor-Hotel». Несмотря на быстро принятые мѣры и на всѣ старанія пожарныхъ, зданіе не удалось отстоять, и около 30 человекъ погибли. Нѣкоторые задохлись въ дыму, большинство же выбросились изъ окна на мостовую и, понятно, разбились до смерти. Одинъ изъ жильцовъ гостиницы, выбросившійся изъ 6-го этажа, упалъ на проходившаго мимо человека

Эмиль Зерманъ († 4 марта 1899 г.).
По фот. грав. Шюблеръ.

и проломилъ ему черепъ, полатившійся самъ очень серьезными увѣчьями. Среди пострадавшихъ была, между прочимъ, и сестра президента республики. Всѣ американскія газеты, описывая страшную картину этого пожара, прославляли геройскій подвигъ знаменитой милліардистки миссъ Анны Гульдъ, распорядившейся спасеніемъ погибающихъ и поощрившей пожарнымъ очень крупную сумму за каждаго спасеннаго ими человека. Многимъ эта энергичная дѣвушка спасла жизнь. Въ настоящее время гостиница представляетъ одинъ развалины. Для наглядности мы воспроизвели видъ гостиницы до пожара и картину самаго пожара.

Политическое обозрѣніе.

Во Франціи однимъ недоразумѣніемъ во внѣшней политикѣ меньше: по свѣдѣніямъ изъ Парижа отъ 10-го марта, переговоры съ Англійей по африканскимъ дѣламъ привели къ соглашенію, уже подписанному сторонами. Франція очищаетъ область Баръ-эль-Газаль, которую займетъ Англія; къ послѣдней переходитъ также изъ владѣній калифа—Кордофанъ и независимый пока Дарфуръ; взаменъ этихъ уступокъ Франція получаетъ нѣсколько султанатовъ на западѣ отъ долины Нила и всю восточную Сахару; владѣнія эти, однако, французамъ необходимо еще завоевать. Англія съ своей стороны получаетъ всю долину рѣки Нила, представляющую обширныя, плодородныя и населенныя области на пути изъ Каира въ Капштадтъ. Послѣ ряда политическихъ неудачъ британскаго правительства въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, Англія сравнительно легкою и дешевою побѣдою достигла блестящихъ результатовъ, найдя самый выгодный исходъ изъ столкновенія съ Франціей. Благодаря замѣчательной послѣдовательности въ дѣйствіяхъ и умѣнію пользоваться всѣми обстоятельствами времени, англичане восторжествовали надъ своими соперниками на «черномъ материкѣ».

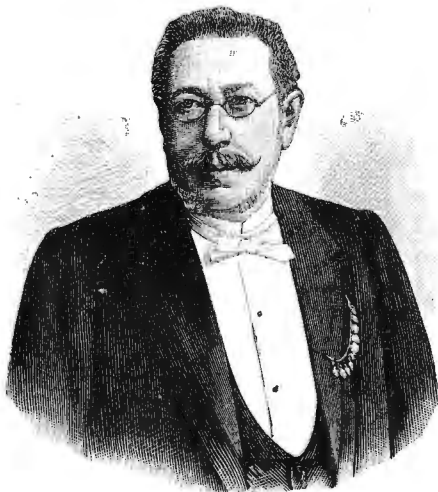
Парижская печать признала соглашеніе послѣдствіемъ слабости, обнаруженной французскимъ правительствомъ въ вопросѣ о Фашидѣ. Офиціозные органы печати, повидимому, удовлетворены соглашеніемъ въ томъ смыслѣ, что оно подаетъ-де надежду на прекращеніе натянутости отношеній между Франціей и Англійей, а это обстоятельство облегчитъ-де переговоры по вопросамъ о Ньюфаундлендѣ и Мадагаскарѣ. Зато оппозиціонная печать отнеслась къ состоявшемуся соглашенію скептически, ожидая бурныхъ преній

въ парламентѣ, на разсмотрѣніе котораго правительство должно внести этотъ вопросъ.

Въ связи съ успѣхами Англии, достигнутыми удачнымъ разрѣшеніемъ франко-англійскаго столкновенія въ долині Нила, пріобрѣтаетъ выдающееся значеніе англо-германское соглашеніе, которое уже получило офиціальное подтвержденіе. На запросъ въ германскомъ рейхстагѣ по поводу переговоровъ съ Англійей, статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ фонъ-Бюловъ далъ слѣдующій категорическій отвѣтъ: «окончательнаго рѣшенія о желѣзной дорогѣ черезъ германскія владѣнія еще нѣтъ; подписанъ договоръ о телеграфной линіи, имѣющей для Германіи весьма важное значеніе; линія эта будетъ проведена въ теченіе пяти лѣтъ и соединитъ германскія восточно-африканскія владѣнія съ южными и сѣверными африканскими телеграфными линіями; по истеченіи сорока лѣтъ проводимая англичанами линія безвозмездно перейдетъ въ собственность Германіи».

Какъ въ Лондонѣ, такъ и въ Берлинѣ печать заговорила о примиреніи нѣмцевъ съ англичанами. Слухи о намѣреніи императора Вильгельма побывать нынѣшнимъ лѣтомъ въ Англии «произвели на англичанъ самое благоприятное впечатлѣніе», англичане-де «сумѣютъ встрѣтить друга достойнымъ образомъ». По словамъ одной нѣмецкой газеты, громадное большинство германскаго народа съ чувствомъ удовольствія присоединится къ желанію-де, чтобы Англія перестала «доносить Соединеннымъ Штатамъ о мнимыхъ проискахъ Германіи».

Общественное мнѣніе Германіи обнаружилось въ послѣднее время

Х. Х. Крюгеръ. По поводу 25-лѣтня общественной дѣятельности.
По фот. Левицка грав. Шюблеръ.

живѣйшій интересъ къ австрійскимъ дѣламъ. Берлинское евангелическое общество начало религиозную агитацію въ сѣверныхъ округахъ Богеміи и въ Штиріи: появившіяся въ тысячахъ экземпляровъ воззванія приглашаютъ австрійскихъ нѣмцевъ-католиковъ переходить въ протестанство — «возстановить связь, порванную триста лѣтъ тому назадъ оружіемъ и просками іезуитовъ, и соединиться снова съ протестантскою Германіей прочнымъ мостомъ, пойти стойко по пути, указанному извѣстными дѣятелями австрійскаго рейхсрата—Шенереромъ и Вольфомъ, за которыми пошли тысячи богемскихъ нѣмцевъ, и поработать на пользу Германіи»; австрійскихъ нѣмцевъ увѣряютъ, что «дѣло обѣщаетъ полный успѣхъ», такъ какъ оно находится въ вѣдѣніи особаго комитета, располагающаго зна-

ціональныхъ потерь: взаимное сваливаніе ответственности за разорительную войну между причастными къ дѣлу государственными дѣятелями усиливало лишь партійные раздоры, не предвѣщая ничего утѣшительнаго. Декретъ о распусценіи кортесовъ вызвалъ сильный шумъ; республиканцы разошлись при крикахъ: «долгой іезуитовъ! да здравствуетъ республика!»

Для успокоенія умовъ министерство приняло рѣшеніе произвести

„Гостиница Виндзоръ“ въ Нью-Йоркѣ до пожара.

Пожаръ „Гостиницы Виндзоръ“ въ Нью-Йоркѣ. Спасеніе погибающихъ.

чительными денежными средствами и энергичными проповѣдниками.

Недовольство нѣмцевъ австрійскими дѣлами встрѣчаетъ энергичную поддержку со стороны вліятельныхъ органовъ германской печати. По отзывамъ офиціозной газеты *Post*, въ германской политикѣ утвердился-де принципъ, что если Австрія станетъ руководствоваться у себя чешскими стремленіями, то она окажется неподходящимъ союзникомъ; въ другихъ газетахъ выражены были сѣвованія на то, что австрійская офиціозная печать не даетъ отпора систематической франко-чешской агитаціи противъ тройственнаго союза, о судьбѣ котораго снова возникаетъ вопросъ: въ Габсбургской имперіи въ настоящее время только Венгрія сочувствуетъ тройственному союзу, но она утратила прежнее значеніе съ тѣхъ поръ, какъ въ ущербъ нѣмецкому вліянію стала возрастать роль славянства. Такое положеніе дѣлъ вынудитъ берлинское правительство заняться постановкой вопроса о дальнѣйшемъ направленіи внѣшней политики Германіи.

Въ Испаніи необычайно тяжелыя условія государственной жизни привели къ министерскому кризису. Новый кабинетъ, во главѣ съ г. Сильвсдой, позаботился прежде всего въ концѣ прошлаго мѣсяца о томъ, чтобы прекратить продолжительныя парламентскія пренія, имѣвшія тщетную цѣль отыскать виновниковъ неисчислимыя на-

новые выборы, отказавшись отъ обычнаго увольненія десятка тысячъ чиновниковъ при переѣздѣ кабинета. Тѣмъ временемъ создались самыя неблагопріятныя обстоятельства: вернувшимся колониальнымъ войскамъ не доплачено жалованья слишкомъ 60 милліоновъ пезетовъ; карлисты сѣютъ смуту среди войска; въ народѣ идетъ усиленная пропаганда. Окончательный мирный договоръ уже ратификованъ королевою-регентшею, что вызвало въ Соединенныхъ Штатахъ сочувствіе къ Испаніи: большинство американскихъ газетъ выразили испанскому народу наилучшія пожеланія; въ Вашингтонѣ возникло предложеніе уплатить за Филиппинскіе острова всѣ двадцать милліоновъ долларовъ въ одинъ пріемъ, въ виду крайне печальнаго положенія Испаніи.

СМѢСЬ.

Вороны императора Августа.—Одержавъ побѣду надъ Антоніемъ въ морской битвѣ при Акціумѣ (31 г. до Р. X.). Октавіанъ сталъ единоличнымъ властителемъ римскаго государства. Триумфальный вѣздъ его въ Римъ послѣ этой побѣды и шестые по улицамъ города, властвовавшего надъ міромъ, отличались невиданнымъ еще до тѣхъ поръ пышностью. Улицы кишѣли народомъ, собравшимся отовсюду на невиданное зрѣлище, и среди этой массы зрителей былъ и какой-то простой ремесленникъ, державшій на рукѣ ворона. Когда колесница побѣдителя приблизилась къ тому мѣсту, гдѣ находился ремесленникъ, воронъ громко и отчетливо произнесъ: «Ave, Caius Julius Caesar Octavianus, victor et imperator!» (Привѣтъ тебѣ, Кай Юлій Цезарь Октавіанъ, побѣдитель и повелитель!) Октавіану понравилось это оригинальное привѣтствіе, и онъ приказалъ уплатить за птицу ея собственнику большую сумму денегъ.

Нѣсколько дней спустя къ Октавіану явился какой-то человекъ, повидимому завидовавшій выпавшему на долю ремесленника счастью, съ доносомъ. Есть-де у того ремесленника еще птица, тоже умѣющая говорить. Императоръ велѣлъ доставить ему и эту птицу, несмотря на всяческія отговорки ея хозяина. Когда доставленную птицу заставили говорить, то услышали слѣдующую фразу: «Привѣтъ тебѣ, Антоній, побѣдитель и повелитель!» Октавіанъ, однако, вовсе и не подумалъ разгнѣваться по поводу такихъ преступныхъ словъ, произнесенныхъ птицею. Онъ всегда и во всемъ любилъ остроуміе и находчивость, и, какъ одаренный государственнымъ умомъ властитель, не упустилъ случая усилить свою популярность. Въмѣсто того, чтобы разгнѣваться и покарать хитраго ремесленника,

который, кромѣ уже приобретеннаго Августомъ ворона, обучилъ и другого, на тотъ случай, если бы побѣдоносное возгуденіе въ Римъ вышло на долю не Октавіана, а Антонія, Октавіанъ велѣлъ приобрести за значительную сумму и втораго ворона. Въсѣхъ о двухъ умныхъ воронахъ, разумеется, быстро облетѣла городъ, и подъ вліяніемъ услышаннаго, какой-то сапожникъ рѣшилъ, въ свою очередь попытаться, не выпадетъ ли и на его долю такое же счастье. Не жалея усилій, принялся онъ за обученіе добытаго имъ ворона, который, подобно извѣстнымъ уже двумъ его пернатымъ товарищамъ, долженъ былъ произносить привѣтственную формулу въ честь императора. Къ сожалѣнію, попавшійся ему воронъ не отличался особыми способностями къ ученію, и нерѣдко, бѣдный сапожникъ, окончательно выбившись изъ силъ и потерявъ всякое терпѣніе, со вздохомъ восклицалъ: «все пропало,—и деньги, и трудъ!» Наконецъ воронъ заучилъ все же нужную фразу и однажды, когда пришлось Октавіану проходить мимо мастерской сапожника, воронъ прокричалъ ему знаменитое пожеланіе, такъ ошарашившее нѣкоторыхъ спекулянтовъ. Повелитель слышалъ привѣтствіе, произнесенное воронъ, но оно не произвело на него ожидаемаго впечатлѣнія. «Оставимъ это животное на своемъ мѣстѣ», обратился Октавіанъ къ своему спутнику:—«у меня въ дворцѣ уже много такихъ!» Едва онъ сказалъ это, какъ воронъ совершенно неожиданно разразился столь часто слышаннымъ имъ восклицаніемъ бѣднаго сапожника: «Все пропало—и деньги, и трудъ!» Октавіанъ поневолѣ засмѣялся, услышавъ столь искреннее признаніе, купилъ и этого ворона въ придачу къ прочимъ и даже заплатилъ за него гораздо дороже, чѣмъ за прежнихъ.

ТОВАРИЩЕСТВО „ПРОВОДНИКЪ“.
Москва. * Рига. * СПбуръгъ.

Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДЪБЛОКЪ!

Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.

* Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. *

ЛОЗЕ МАЙГЛОСКЕН

Эссенція для платковъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6442 (93)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:
ЛОЗЕ „VIOLETTA REGIA“

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46; Егерштрассе, Берлинъ.

Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

Фотографич. аппаратъ „DUX“

вслѣдствіе усовершенствованій, достигнутыхъ въ этомъ аппаратѣ, въ связи съ дешевой, является даже и за границей „Чудою промышленности!“ — Аппаратъ „Dux“ снабженъ новообрѣтеннымъ объективомъ и новосовершенствов. видоскателемъ, благодаря чему каждый можетъ получить издѣйствительно чудные снимки портретовъ, видовъ и пр., кромѣ того „Dux“ снабженъ особымъ механизмомъ для моментальныхъ снимковъ. Перемѣна пластинъ производится автоматическимъ путемъ. Аппар. обтянутъ шагрен. кожей и металлич. части никелированы. Цѣна аппарат. (съ рук.) 5 р. 50 к. Наборъ принадлеж., состоящій изъ 44 предл. 3 р. 50 к., высыл. налож. платеж. Проб. сним. высл. за 14 к. марк. Адресъ: Москва, Тверская, № 17. В. Золотаревъ.

Дальше всего выдвинулся въ этомъ отношеніи французскій фабрикантъ „МАЛЪШЕНЪ“.

Пересылка по г. н. 3 р., почтомъ за 40 ф. Фабрика М. и Н. МАЛЪШЕНЪХЪ. Саратовъ.

Пейте Цейлонскій чай!
Пейте Цейлонскій чай!!
Пейте Цейлонскій чай!!!

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготовления.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучший чай по вкусу и аромату.

Тодичное потребление Цейлонскаго чая въ Россіи болѣе 10.000,000 фунтовъ 10.000,000.

Ш. № 11641 30-21

„ЧТО“

такое искусство укрѣпленія памяти? — книга (8-е испр. и дополн. изд.) проф. мнемоника С. Файнштейна, высыл. за шесть 7-ми коп. марокъ, на велен. бумага — за восемь 7-ми коп. марокъ.

Адресъ: Одесса, Гаванная ул., собственн. д. № 2/8,
профессору мнемоники,
С. ФАЙНШТЕЙНУ.
№ 12044 10-3

И. СТЕФЕНЪ.
СПБ. Казанская ул., № 13.
ФОТОГРАФ. ПРИНАДЛ.
Кинематографы отъ 175 р.
Картны къ нимъ 22 р.
Фонографы отъ 36 р.
напѣтые валики отъ 2 р.
ВОЛШ. ФОНАРИ отъ 16 р.,
раскрашенн. картны къ нимъ отъ 30 коп.
Увеличительные аппараты отъ 40 р.
Разныя новости.
РАСПРОДАЖА ОСТАТКОВЪ.
Иллюстр. каталогъ 60 к. почтов. марками.

„ЖАЖДА ВЕСНЫ“

новый романсъ, ц. 30 к., продается въ муз. маг. Ю. Г. Циммермана и у В. Ильина (Москва, Б.-Спасская ул., д. 12, кв. 9). Выписывающіе у послѣдняго за пересылку не платятъ.

ВЫСШАЯ НАГРАДА

за чрезвычайно художественную обувь, въ особенности дамскую, отличающуюся чистотою работы, изяществомъ покроя и чрезвычайною легкостью при большомъ выборѣ.

Г. ВЕЙСЪ.
С.-Петербургъ, Невскій просп., № 56.

Къ настоящему сезону приготовленъ **ОГРОМНЫЙ ВЫБОРЪ ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ ФАСОНОВЪ ТУФЕЛЬ** и **ВСЯКОЙ ДРУГОЙ ОБУВИ, ДАМСКОЙ, МУЖСКОЙ и ДѢТСКОЙ**, изъ лучшаго матеріала.

Только что получены изъ **ПАРИЖА КОЖИ всевозможныхъ цвѣтовъ** и **самыя новѣйшіе фасоны обуви**, по которымъ и готовятся всѣ заказы подъ моимъ личнымъ наблюденіемъ.

Имѣется огромный выборъ подученныхъ изъ Парижа **чулокъ**, шелковыхъ, фильдекосовыхъ и фильдеперсъ, **подвязки** всѣхъ цвѣтовъ.

Цѣны умѣренныя. В. № 12192 4-1

Новый иллюстрированный прейсъ-курантъ бесплатно.

Издѣлія моей мастерской можно получить въ **Одессѣ** у З. Безиковича, у М. Кукуричкина, въ **Ростовѣ на-Дону** у П. И. Ильина, въ **Кіевѣ** у наслѣдниковъ А. Шабардина, у П. Гомоляки, въ **Харьковѣ** у С. Я. Токарева, въ **Черниговѣ** у А. Данюшевскаго, въ **Ялтѣ** у М. Кушлю, въ **Таганрогѣ** у П. И. Ильина и въ **Екатеринославѣ** у М. Г. Заморуева.

ЛОКОМОБИЛИ
ингл. зав. РУСТОУНЪ ПРОКТОРЪ и К^о
ВСЕГДА НА СКЛАДѢ

У ПРЕДСТАВИТЕЛЯ
Ф. И. РОЗЕНТАЛЬ
ВЪ МОСКВѢ ПУШКИНСКАЯ 133:

НОВОЕ то озабуждаетъ всеобщій интересъ и удивленіе, есть изобрѣтеніе въ Чикаго ручная швейная машина „The Jewel“ которая шьетъ всякую матерію, толстую и тонкую, суло и пологно также аккуртно, какъ самая большіая швейная машина.

Кострукція вся изъ жѣлѣза и стали, изящно отполированная съ регу-
ляторомъ, шпуль-ками, иглоуказ-ками, депчикомъ.

9 руб.

для масла и пилотирр. Машину можно получить въ Москвѣ у Ф. И. Розенталя. Всякъ машина имѣетъ тщательную провѣрку. Каждый стоитъ со всѣми принадлеж. для шитья всевозможныхъ матерій 9 руб. Высылаетъ пошлой только 9 руб. Высылаетъ пошлой всей суммой, или 3 р. вадатка М. RUNOVAKIN, WIEN, Berggasse 3. Вѣна Австрія). Прейсъ-кур. безплатно.

Балалайки:

вѣрнаго строя, хорошаго тона и со-
лидной работы.

Дискантъ	6 р.	
Прима . . . вѣ 4, 8, 12	} и дороже.	
Секунда		9
Альта		10
Басъ		15
Контрабасъ		25

Домры

Прима въ 10 и 20 руб.
Альта въ 15 и 30 руб.

СВЯТЫЕ

За пару 8 руб. или 12 руб.
Прейсъ-курантъ безплатно.
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34.
Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

59 Слѣнь и разказовъ

въ малорусскаго народнаго быта
Петра Раевскаго. 7-е изданіе безъ
пропусковъ съ новыми рисунками ху-
дожника М. М. Ярового. Киевъ, 1899.
Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

25 Слѣнь и разказовъ

въ малорусскаго народнаго быта
Петра Раевскаго. 3-е изданіе съ за-
главнымъ рисункомъ художника М. М.
Ярового. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.
Складъ изданія у Л. Иден-
ковскаго въ Киевѣ.

РИСОВАЯ ПУДРА
ПЛОТНОПРИСТАЮЩАЯ,
ВЕЗАМЪТНАЯ, ДУШИСТАЯ
LA MADONE
Продажа оптомъ:
HUBERT, парфюмеръ въ БОРДО
и въ ПАРИЖѢ: 25, rue d'Engliem
Складъ во всѣхъ хорошихъ
парфюмерныхъ магазинахъ.

ВАЖНО занимающимся сельскимъ хо-
зяйствомъ приобретѣти книгу:
„Основы сельскаго хозяйства“, практическое
руковод. и программа полев. работъ въ те-
ченіи года. Соч. Н. Г. Мельникова, д. 60 в.
съ пересылк. съ налож. платеж. на 15 в.
дороже; можно присылать почтов. марку.
Книжный магазинъ Всеволода Попова.
Киевъ, Фундуклеевская, д. Бернеръ 2.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.
Н. КРАКОВСКАГО,
Бухгалтера Варш. Комм. Банка.
Изданіе 2-ое. Слб. 1896 г. Цѣна 2 р.
Настоящая книга удостоена прѣмїи кон-
курсомъ Варшавск. Коммерц. Училища и
допущена Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.,
какъ уч. пособие и составл. необходимое
пособіе для всякаго желающаго изучити
корреспонденцію и настольную книгу для
всякаго коммерсанта. № 12197 3—1
Выпсылающіе изъ книжн. магаз. Стра-
буна г. Варшава за пересылку не платятъ.

Изданіе 1899 года все разошло по подпискѣ.
Открыта подписка на 2-е изданіе со всѣми приложениями на са-
мый распространяемый въ Россіи музыкальный журналъ (Изданіе
годъ 5-й)

„МУЗЫКА и ПѢНІЕ“

Для цѣвля одноголоснаго и хорового, фортепіано и другихъ ин-
струментовъ. Одобрены Учеб. Комит. при Св. Синодѣ. Одобрены
Уч. Ком. М. Н. Пр. Одобрены особымъ отдѣломъ Уч. Ком. М.
Н. Пр. Рекомендованы Гл. Упр. военно-учебн. зав. Выходитъ
ежемесячно. Подписной годъ нач. съ 15 ноября 1898 г. Подписчики получаютъ 200
лучшихъ музыкальныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ музыки творчества, стоящихъ
въ отдѣлѣ, изданіяхъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ сорокъ рублей. Годовой эк-
земпляръ составитъ болѣе 500 страницъ большого нотнаго формата. Вышелъ № 5-й.
Цѣна № 5 въ отд. продажъ 75 к., съ перес. п. 1 р. (можно марками). Пробный №,
содержащій въ себѣ нотъ, стоящихъ въ отд. изданіяхъ пять рублей, можно полу-
чать за 50 к., съ перес. 71 к. (можно марками). Подробныя объясненія, списковъ
премій, каталогъ книгъ и нотъ высылаются безплатно. Подписка принимается въ
главную конторѣ журнала „Музыка и ПѢнїе“ при книжномъ и музыкальномъ ма-
газинѣ П. К. Селиверстова, С.-Петербургъ, Садовая, 22, противъ Гостинаго двора.
Редакторъ-издатель П. Селиверстовъ. Тамъ же поступилъ въ продажу ХОРЫ КЪ
ЮБИЛЕЮ А. С. ПУШКИНА (безплатныя приложенія къ журналу „Музыка и ПѢнїе“):
Казаченко, Г. Ты помнитъ ли себѣ воздвигъ. Для одноп. и смѣш. хора. Партитура
30 к. Голоса, для одноп. и одн. хора по 40 к. Лисицынъ, М. Въ минушій вѣкъ,
назадъ сто лѣтъ. Для однороднаго и смѣш. хора. Партит. д. 30 к. Голоса по 40 к.
Новыя муз. сочин. на стихотвор. А. С. Пушкина: Брянскій, Н. Пуншева пѣсня.
Воронъ къ ворону летитъ. Для однопод. хора по 30 к. Печатаются: Злобинъ, А.
Послѣдняя туча разсѣянной бури. Для одноп. и смѣш. хора. Партитура д. 30 к.
Казаченко, Г. Какъ на утренней зарѣ. На два голоса д. 30 к. № 12189

Подписная цѣна:
на годъ безъ до-
ставки 4 р., съ
доставкою и пе-
речисленіемъ въ
Россію 5 руб. За
границу 6 руб.
Допускается раз-
срочка. Первый
взносъ одинъ руб.

С. И. Арнгеймъ, Берлинъ.

придворный поставщикъ
Императора Германскаго.
ВСЕМИРНО-ИЗВѢСТНЫЙ ЗАВОДЪ
НЕСГОРАЕМЫХЪ ШКАФОВЪ
Гарантированныхъ отъ огня и отъ вѣдома.
Цѣны отъ 200—500 р., для Банковъ и боль-
шихъ заведеній крупныхъ размѣровъ отъ
№ 12040 500—1000 руб. 46—7
Представитель: **О. Г. Шпеннеманъ.**
С.-Петербургъ, Чернышевъ пер., 12.
Прейсъ-куранты по желанію высылаются безплатно.

Я. БЕККЕРЪ

С.-Петербургъ.
ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА:
Его Величества Императора Всероссийскаго
Его Величества Императора Австрійскаго
Его Величества Короля Шведскаго и Норвежскаго
Его Величества Короля Датскаго.

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ:

1893 г. ЧИНАГО—дипломъ и медаль.
1894 г. АНТВЕРПЕНЪ — „Grand-Prix“.
1896 г. НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ — Госу-
дарственный гербъ.
1897 г. СТОКГОЛЬМЪ—золотая ме-
даль и званіе Поставщика Его
Величества Короля Швеціи и
Норвегіи. В. № 12196 5—1

Рояли отъ 600 руб.
Піанно отъ 450 руб.

БЕЗПЛАТНО высылаются пробные
уроки СТЕНОГРАФИИ.
И. МОГИЛЕВСКІЙ
Одесса, Н. Рыбная, № 2.

Пожизненныя страхованія отъ несчастій НА ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ И ВОДЯНЫХЪ ПУТЯХЪ

заключаются въ Правленіи Общества „Россія“ (С.-Петербургъ, Б. Морская, 37) и у всѣхъ
агентовъ Общества въ городахъ Имперіи. В. № 12147 4—2

LE
TREFFLE INCARNAT
DE L.T. RIVER
PARFUM A LA MODE

П. № 12104 19—1

СКЛАДЫ ЗАВОДОВЪ ГРАФА ГАРРАХА

С.-Петербургъ, Невскій просп., д. 54, противъ Публичной Библиотекы.
Москва, Кузнецкій м., домъ Санъ-Галла.

РЕКОМЕНДУЮТЬ

ХРУСТАЛЬНЫЕ СЕРВИЗЫ изъ богемскаго хру- стала. ХРУСТАЛЬНЫЯ ЛЮСТРЫ. ПРЕДМ. РОСКОШИ изъ хрустала, фарфо- ра и маіолики.		СТОЛОВЫЕ СЕРВИЗЫ. Чайныя и кофей- ныя сервизы. УМЫВАЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ изъ фарфора и опана.
--	---	---

и паскальныя яйца въ большомъ выборѣ
ПО ФАБРИЧНЫМЪ ЦѢНАМЪ.
ГЕРБЫ-ВЕНЗЕЛЯ и РАЗНЫЕ УЗОРЫ на хрусталѣ и фарфорѣ дѣлаются по
заказу въ собственной мастерской ИЗВИЩО, ДЕШЕВО и СНОРО.
ПРОДАЖА ОПТОМЪ и въ РОЗНИЦУ.

ЛЕОТИ

Перворазрядный торговый домъ корсетовъ
В. Place de la Madeleine (9)
ПАРИЖЪ.
Для мѣрки требовать указатель на русск. яз.

По новѣйшей французской методѣ
„ВОРТА“ 10—3
обучаю кроить и шить дамскихъ, дѣтскихъ
нарядовъ, верхн. платья, бѣлья и корсетовъ
въ школѣ и заочно посредствомъ лекцій.
Плата впередъ не взимается. По окончаіи
установленной свѣдѣтельности. Условія высказъ
безплатно. Киевъ, Б. Васильевская д. № 89.
Преподавательница Е. Д. АШМАРИНА.

ПРИГЛАШАЮТСЯ

многие представители и разбидные агенты для солиднаго, давно существующаго издательскаго дѣла. Обращаться письменно: Москва, Мясницкая, Торговому Дому Л. и Э. Метцль и Ко подъ № 99.

БЕЗЪЕРНАЯ УРБАНА КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ И БОРОДЫ БЕЗЪ ЛЯПИСА
 вновь изобрѣтенное безъерное средство для быстрого окрашивания съдѣхъ волосъ и бороды въ черныя, рысыя, темныя, сѣбло-каштановый цвѣта. Цѣна за 1 флаконъ 2 р. съ перес. 2 р. 50 к. продается въ аптекахъ и аптекарск. магазинахъ. ГЛАВНЫЙ СКАДЪ: С. ПЕТЕРБУРГЪ, АПТЕКАРСК. МАГАЗИНЪ А. Урбанъ, С. П. Б. Вольныя Конюш., № 1.

НА ВОСПИТАНИЕ И УХОДЪ ЗА ДѢТЯМИ
СВѢТЛЫЙ ПОПЕЛЕНЪ
 ТОВАРИЩЕСТВО
 ПРОСИТЪ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ ЖЕЛЕТВОВАТЬ ЕМУ
НЕУЖИВНЫЯ ВЕЩИ
 АУДИОНЪ ПО ВТОРЫМЪ КЛАССАМЪ ВОСПИТАНИЕ 500
 ТЕЛЕФОНЪ 3672. ТЕЛЕФОНЪ 1441.

МОСКВА. Физико-Механикъ и Оптикъ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.
Ө. ШВАБЕ
 Кузнечий мостъ, домъ № 1. Голубицкой.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННАЯ
ОЗОГЕНОВАЯ ЛАМПА
 СЪ ПЛАТИНОВОЙ ГОРѢЛКОЙ.
 Хорошее средство для дезинфекци и быстрого очищенія комнатнаго воздуха.
 Цѣна озогеновой лампы изъ обьяго стекла 3 р. 50 к.
 Озогенъ флаконъ 1 р. 50 к.

Въ виду предстоящ. праздниковъ много большой выборъ изящныхъ вещей изъ чистаго 580/100 пробы золота специально для подарковъ. Особенно рекомендую изящный подарокъ **ГАРНИТУРЪ** браслетъ золотой 580/100 пр. изящной отдѣлки, карнизированный, т. е. осыпанный искусственными парижскими брилантами, а по серединѣ дуплетъ, сапфиръ, рубинъ, аметистъ, бирюза и другіе; такая же пара серегъ и кольцо, все изъ чистаго 580/100 пр. золота **ТОЛЬКО ЗА 12 Р.**
 Изюгороднымъ «Гарнитуръ» высылается въ специально приготовленномъ изящномъ футлярѣ, безъ задатка, наложеннымъ платежомъ.
 Адресъ: 1. ВУЗЕЕРЪ, складъ золотыхъ издѣлій, Варшава, Граничная, 6.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА СОЧИНЕНІЯ
С. Н. Терпигорова (С. Атава),
 издаваемыхъ подъ редакціею С. Н. ШУБИНСКАГО, въ шести томахъ in 8°, съ биографическимъ очеркомъ, составленнымъ П. В. Быковымъ, и съ портретомъ автора, исполненнымъ гелиографіею.
СОДЕРЖАНІЕ ОТДѢЛЬНЫХЪ ТОМОВЪ:
 ТОМЪ I. Оскуднѣе. «Благородные». Часть I-я. Отцы.—ТОМЪ II. Оскуднѣе. «Благородные». Часть II-я. Матери.—Желтая книга. Сказаніе о новыхъ князьяхъ и старыхъ князьяхъ.—ТОМЪ III. Потрвоженныя тѣни.—ТОМЪ IV. Повѣсти и рассказы.—ТОМЪ V. Повѣсти и рассказы.—ТОМЪ VI. Историческіе рассказы.
 Все изданіе въ 6 изящныхъ томахъ, отпечатанныхъ на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ,—выдѣтъ въ теченіе сего 1899 г. Первый томъ вышелъ изъ печати и высылается немедленно по полученіи заказа.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за 6 томовъ—8 руб., съ пересылкою 9 руб. 50 коп., въ 6-ти изящныхъ коленкорныхъ переплетехъ 11 руб., съ пересылк. 12 р. 50 к.
 По выходѣ послѣдняго тома цѣна будетъ возвышена.
 Подписныя деньги вносятся сполна—при заказѣ, или въ разсрочку на слѣдующихъ условіяхъ:

Гг. подписчики уплачивають впередъ:	Безъ пересылки.		Съ пересылкою.	
	Брошуров.	Въ перепл.	Брошуров.	Въ перепл.
за 1-й томъ	3 руб.	4 руб.	3 р. 50 к.	4 р. 50 к.
• 2-й »	3 »	4 »	3 »	4 »
• 3-й »	2 »	3 »	3 »	4 »
4-й, 5-й и 6-й томы — бесплатно.	—	—	—	—
Итого	8 руб.	11 руб.	9 р. 50 к.	12 р. 50 к.

Требованія и деньги адресовать въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, М. Морская, № 22. Подписка принимается также въ конторѣ Н. Н. Печковской, въ Москвѣ, въ книж. маг. «Образованіе», въ Одессѣ, и во всѣхъ большихъ книж. маг.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе Ф. Павленкова:
ФІЛОСОФІЯ ШОПЕНГАУЕРА
 въ общепонятномъ изложеніи д-ра Рибо. Посмертный переводъ Э. К. Ватсона.
 Цѣна 50 коп.

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
В. В. ЛЕЖЕНЪ
 существ. съ 1794 г.
 С. П. Б., Казанская ул., д. № 48.
ОРУЖЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ И МАСТЕРСКАЯ.
 Высылаетъ новый иллюстрирован. прейсъ-курантъ на 1899 г. за три 7 коп. марки.

В. ФРЕЙМУТЪ. Москва, Никольская ул., д. графа Шереметьева, пр. Славян. Вазара.
 Поставщикъ Двора Его Императорскаго Величества и придвора. часовыхъ дѣлъ мастеръ.
ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ ВСЯКАГО РОДА ЧАСОВЪ
 Ш. № 12184 собствен. и друг. фабрик. 3-1
 Высылка наложеннымъ платежомъ. Полный прейсъ-курантъ бесплатно.

ÉLIXIR, POUDRE ET PÂTE DENTIFRICES
 des RR. PP.
BÉNÉDICTINS
 DE l'Abbaye de Soulac,
 Dom MAQUELONNE, Prieur.
 Inventés en l'an 1373 par le Prieur P. BOURSAUD
VENTE EN GROS: SEGUIN, BORDEAUX.
 Maison fondée en 1807.
 VENTE DANS TOUTES LES BONNES PARFUMERIES, PHARMACIES ET DROGUERIES.
 MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.
 GRAND PRIX Exposit. Int^l Lyon 1894. HORS CONCOURS MEMBRE DU JURY Exposit. Int^l Bordeaux 1895.
 RIGOR EN SIGNATURE Dom Maquelonne Prieur

„НЕПОКУПНОЕ“.
 Повѣсть П. Н. Полевого.
 Съ 55 оригинальными рисунками Е. П. Самокиши-Судковской.
 Большой роскошный томъ въ 4-ю долю листа въ художественномъ переплетѣ, тисненомъ золотомъ, серебромъ и красками.
 Цѣна 2 р. 50 к., съ перес.—2 р. 80 к., въ художественномъ переплетѣ—3 р., съ пересылкою—3 р. 50 к.
 Треб. просать адресъ, въ контору изданій А. Ф. Маркса, С. П. Б., М. Морская, № 22.

НОВОСТЬ!! 4 Р. съ пересылкою. Одникованная доска для стирки бѣлья. Требуется меньше мыла, воды и труда. Чище моетъ и не рветъ бѣлья. Подробности при выпискѣ: Москва, Пречистонка, д. Малцова. В. Перельману.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ
 старая фирма
 продается. Адресовать: Саратовъ, начальницѣ женск. гимн. М. Н. П.

ПРИЯТНЫЕ ДУХИ
ВЕРА-АНОНА
 РОСКОШНЫЯ НЪЖНЫЯ
 ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЕРА-АНОНА
 ПРИЯТНОЕ, нѣжное бархатистое
Т-ва ГИГИЕНА
 ♦ ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДЪ. ♦
 Гл. складъ: С.-Петербургъ, Коломенская, 12.

Новое иллюстрир. изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С. П. Б.
„ОТРОКЪ-МУЧЕНИКЪ“.
 УТЛИЦКОЕ ПРЕДАНИЕ.
 Повѣсть В. М. Михеева.
 Съ 30-ю рисунк. (10 рис. на отдѣльныхъ листахъ и 20 рис. въ текстѣ) М. В. Нестерова, В. П. Сурикова и Е. М. Бемъ.
БОЛЬШОЙ РОСКОШНЫЙ ТОМЪ
 въ 4-ю долю листа въ худож. переплетѣ, тисненомъ золотомъ и красками.
 Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к., а въ художественномъ переплетѣ, тисненомъ золотомъ и красками—3 руб., съ пересылкою 3 руб. 50 коп.
 Требования просать адресовать въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, С. П. Б., Мал. Морская, № 22.

КЪ ЮБИЛЕЮ
 А. С. Пушкина московская художественная мастерская С. Разсохина и Ко принимаетъ заказы на сътовныя картины для волшебныхъ фонарей въ нижеслѣдующимъ произведеніямъ А. С. Пушкина: «Капитанская дочка» (25 картинъ), «Полтава» (18 к.), «О царѣ Салтанѣ» (15 к.), «Русалка» (7 к.), «Русланъ и Людмила» (13 к.), «Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ» (12 к.), «Евгеній Овгигнъ» (8 к.), «Борисъ Годуновъ» (4 к.), «Бахчисарайскій фонтанъ» (5 к.), «Мертвая царевна» (9 к.) и проч. и проч. Цѣна картинъ: черныя, въ рамкахъ по 65 к., красныя, въ рамкахъ по 1 р. 25 к. за штуку. Москва, Садовая-Триумфальная, д. Голушкина, Мастерская С. Разсохина и Ко. Драматическія пьесы, сюжетъ коихъ заимствованъ изъ произведеній А. С. Пушкина: «Арабъ Петра Великаго» ц. 3 р. 75 к. «Барышня-крестьянка». Ц. 2 р. 50 к. «Евгеній Овгигнъ». Ц. 2 р. «Капитанская дочка». Ц. 2 р. «Смерть за смерть» («Дубровскій»). Ц. 2 р. «Стащпюнкій смотритель». Ц. 2 р. «Черноморъ» («Русланъ и Людмила»). Ц. 2 р. «Золотая рыба». Ц. 2 р. Москва, Творская, театральная библиотека С. О. Разсохина.

Новое изданіе Л. Л. Сойкина, С. П. Б., Стремянная, № 12.

Лирика Я. П. ПОЛОНСКАГО.
 Критическій этюдъ Н. М. Соколова. С. П. Б. 1899 г. Цѣна 60 к.

Табачная фабрика В. И. АСМОЛОВА И К^о.
 рекомендуютъ отличнаго достоинства ПАЦИРОСЫ
ВИЗИТНЫЯ 10 шт. 10 коп. ФЕЛИКСЪ ФОРЪ 10 шт. 6 коп. Получать можно вездѣ.

Для смягченія и бѣлизны кожи.

КАЛОДЕРМА

ЖЕЛЕ КАЛОДЕРМА. * МЫЛО КАЛОДЕРМА.

Ф. Вольфъ и Сынъ въ Карлсруэ.

И. № 12074 25-5

Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

С.-Петербургско-Азовскій Коммерческій Банкъ
Невскій 62.

Отдаются въ наемъ безопасныя ящики для хранения цѣнностей, документовъ и драгоценныхъ вещей.

№ 12152 12-2

ЯПОНСКІЕ ЧАИ

только что получены свѣжіе, превосходнаго вкуса и замѣчательнаго аромата. По мнѣнію знатоковъ Японскій чай лучше Китайскаго и Цейлонскаго, потому что ароматѣе перваго и вкуснѣе втораго. Японскій чай чрезвычайно экономиченъ, скоро разваривается, даетъ продолжительный и густой настой и выдерживаетъ всякую воду. Единственное и главное депо Японскаго чая находится при чайныхъ складахъ.

Москов. купца **И. Е. ДУБИНИНА**, Москва, Покровка, 8. Тяжелова.

Розничныя	1. 60 и.	2. — и.	2. 40 и.	2. 80 и.	Покупателямъ 25 ф. даются особ. льготы.
Оптовые.	1. 35 и.	1. 60 и.	1. 80 и.	2. — и.	

Желающимъ выписать на пробу 1 ф. одного сорта или всѣхъ сортовъ по 1/2 ф. чай высылаются во всѣ мѣста Европейской Россіи на счетъ магазина по розничной цѣнѣ. При выпискѣ трехъ фунт. чай высылается по оптовой цѣнѣ съ пересылкой на счетъ покупателя. Подробный прейскурантъ и льготныя условія высылаются бесплатно.

И. С. НИКОЛАЕВЪ, МОСКВА.

НОВѢЙШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА

„БЛИКЕНСДЕРФЕРЪ“

не только равна другимъ, значительно дороже стоющимъ машинамъ, но она брауею превосходитъ какъ въ прочности, такъ и въ удобствѣ всѣ конструкции иныхъ существующихъ пишущихъ машинъ. Цѣна 100 и 140 руб. Въ 2 года вышущихъ 20,000 машинъ. Образцы шрифтовъ и каталоги высылаются бесплатно.

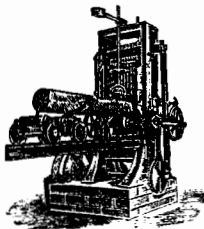
★ ПРЕДСТАВИТЕЛИ: **Э. КУХИМАНЪ и К^о** С.-Петербургъ, Гороховая, 17. ★

ФРАНЦЕНСБАДЪ.

Первыя грязевыя купальни. Обладаютъ очень сильными желѣзистыми источниками, чистыми щелочными водами, содержащими глауберову соль и окиси литія, желѣзистыми ваннами съ богатымъ содержаніемъ углекислоты, ваннами изъ минеральныхъ водъ, пишущими углекислыми ваннами.

Сезонъ съ 1-го мая по 30-е сентября.

В. № 12182 Пропскты высылаются бесплатно. 2-1
Подробныя свѣдѣнія даетъ управляющее курортомъ бургомистрство.

Премиированъ на Всероссийской выставкѣ 6. сер. медалью.
 Машинностроительный котельный и чугуно-мѣдно-литойный заводъ

В. Рейтцъ и Эд. Ротерманъ въ Ревелѣ.

изготавливаетъ спеціально
 лѣсопильные рамы, круглыя пилы, двойныя и ординарныя и
 ленточныя пилы, строгальные станки, машины для пригото-
 вленія древеснаго волокна и т. д., а также и

ПАРОВЫЯ МАШИНЫ и ПАРОВЫЕ КОТЛЫ

всѣхъ системъ, а главнымъ образомъ заводъ принимаетъ заказы на устройствѣ

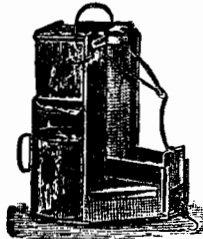
ЛѢСОПИЛЬНЫХЪ ЗАВОДОВЪ.

Устроено болѣе 100 заводовъ въ разныхъ губерніяхъ.

Кромѣ того заводъ принимаетъ заказы на устройствѣ мукомольныхъ мельницъ, винокуренныхъ и ректификаціонныхъ заводовъ, молочныхъ фермъ съ водною, вѣтряною и паровою силою.

Въ складахъ завода имѣются готовые маслобойки и маслообработчики, оси, втулки, рѣзцы, сошники, плуги, бороны, молотилки, конныя приводы и вообще всякаго рода земледѣльческія орудія.

№ 12182 2-2

САМОДѢЙСТВУЮЩІЯ
МЫШЕЛОВКИ и КРЫСОЛОВКИ,
 которыя сами открываются и закрываются, ловятъ до 20-ти мышей и 10-ти крысъ въ ночь.
 ИМѢЕТСЯ МНОГО ПОХВАЛЬНЫХЪ ПИСЕМЪ ОТОВОСЮДУ.
 КРЫСОЛОВКА вѣситъ 26 фунт., ц. 12 р.
 МЫШЕЛОВКА вѣситъ 6 фунт., ц. 2 р.
ГЛАВНЫЙ АГЕНТЪ ДЛЯ РОССИИ
КОНСТАНТИНЪ МАЛЪМЪ,
 С.-Петербургъ, Большая Морская, № 34-й.

О.П.Б. ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ:

„ФИГАРО“, „РЕКОРДЪ“

ЛУЧШІЯ ТУАЛЕТНАЯ МЫЛА

приятный освѣжающій ароматъ, смягчаютъ кожу, придаютъ чистоту и бѣлизну.

ПРОДАЮТСЯ. Просимъ остерегаться подражаній и требовать на этикеткахъ слово: „ТЕХНО“.
 Главныя склады. С.-Петербургъ, Коломенская ул., № 12.

НОВОСТЬ.

Краска И. Купчинскаго.

Сп. у. волосы сѣдые получаютъ желаемый цвѣтъ (бронзеть, шатень или блонднѣть), если будутъ хорошо вымыты и лично, безъ посторонней помощи, подкладывая гребень подъ волосы, легко протерти видимость изъ флаконовъ № 1, 2 и 3-го. Затѣмъ вновь вымытые уже не начекаютъ бѣлыя и становятся мягкими. Повторять окраску слѣдуетъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Коробка 2 р. перее. налож. плат. Москва, П. ВИНЮГРАДОВЪ, Рождественка, д. № 2, СИБ., Фонтанка, 60, у ЛЕВЕНСОНЪ.

ЗНАМЕНИТЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ

„ЭНФИЛЬДЪ“

„Рояль“ 99 г. цѣна 170 руб.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

И. Г. АЛЕКСѢЕВЪ и К^о.

Москва, Рождественка, д. Третьяковскихъ.

Прейсъ-курранты по требованію. П. № 12081 8-3

Въ книжныхъ магазинахъ **Ф. ЮГАНСЕНА**

КИЕВЪ. ХАРЬКОВЪ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ ВСЕМИРНО-ИЗВѢСТНАЯ КНИГА д-ра Г. ПЛОССА:

ЖЕНЩИНА

въ естественномъ и народоувѣдчн.

Антропологическое изслѣдованіе въ 2-хъ томахъ, съ 400 художественно исполнен. рисунками. Переводъ съ нѣмецкаго д-ра медицины В. И. РАММА. Цѣна за все изданіе книги д-ра Пlossа всего только шесть рублей, съ перес. 7 руб.

Живое и популярное изложеніе д-ра Пlossа, иллюстрированное многочисленными прекрасными рисунками, роскошная бумага и прекрасный переводъ дѣлаютъ эту книгу незабываемымъ и роскошнымъ подаркомъ.

П. № 12194

ФАБРИКА ЧАСОВЪ „РОМЕО“ ВЪ ГОР. ЖЕНЕВЪ (ШВЕЙЦАРІЯ).

Каждому извѣстно, что истиннымъ производствомъ карманныхъ часовъ для всего міра есть Швейцарія, то каждый желающій приобрести карманные часы, которые бы служили на многіе годы вѣрнымъ мѣрителемъ времени, долженъ воспользоваться полезнымъ совѣтомъ «покупать изъ первыхъ рукъ», и для этой цѣли нами устроены спеціальныя отдѣлы по экспорту часовъ въ Россію и Финляндію.

Благодаря усиленному требованію во всей Европѣ часовъ накладного золота «Plaqué d'or», фабрика имѣла достаточно времени зацѣпиться опытною по улучшенію производства корпусовъ изъ накладного золота. Фабрика часовъ «Ромео» имѣетъ въ виду этого возможность стать на высотъ своей задачи и рекомендовать часы накладного золота, не уступающіе по прочности механизма, отдѣлкѣ и качеству лучшимъ золотымъ часамъ.

Мужскіе часы «Ромео» 13 рублей, дамскіе на 1 р. дороже. Цѣны обозначены съ уплаченной пошлагой и пересылкой.

Часы «Ромео» обладаютъ замѣчательно вѣрнымъ и точнымъ ходомъ и механизмъ устроенъ съ такою точностью и тщательностью, что мы можемъ ихъ самымъ убѣдительнымъ образомъ рекомендовать каждому.

Къ часамъ предлагается пятилѣтняя гарантія съ обозначеніемъ № часовъ.

Цѣна за **МУЖСКІЕ 13 р. ГЛУХІЕ или ОТКРЫТЫЕ;** дамскіе на штору: 1 р. дороже.

Пересылка во всѣ мѣста Россійской Имперіи и Финляндіи **БЕЗПЛАТНАЯ** и съ уплаченной нами пошлагой.

Имѣются въ большомъ выборѣ золотыя, серебряныя, стальныя и никелевыя часы.

Иллюстрированныя прейсъ-курранты по требованію бесплатно.

Заказы исполняются вложеннымъ платежемъ безъ задатка. № 12082 4-4

Корреспонденція ведется на русскомъ языкѣ.

Предостереженіе: Фабрика часовъ «Ромео» обращаетъ вниманіе почтенныхъ покупателей, что никакихъ отдѣленій въ Россіи не имѣетъ, а потому проситъ обращаться непосредственно до вышеозначенному адресу:

FABRIQUE D'HORLOGERIE „ROMEO“ à GENÈVE
 (Швейцарія) Suisse, Rue de Mont-Blanc, № 11.

!!ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛКИ!!

(На внутренней крышкѣ часовъ «Plaqué d'or», а на циферблатѣ «Ромео».)

Содержаніе:

Т Е К С Т Ъ: Воскресеніе. Романъ графа Л. Н. Толстого. (Продолженіе.)—Стихотвореніе баронессы Е. К. Остенъ-Сакенъ.—Дѣдъ и внукъ. Рассказъ В. Успенскаго.—Исполнская плотина на Нилѣ. Очеркъ.—Къ рисункамъ: У колодца.— Бонапартъ и сержантъ Жюно при осадѣ Тулона.— Чайки.—Къ 50-лѣтію главной физической обсерваторіи въ С.-Петербургѣ.—Постройка моста черезъ р. Енисей на сибирской желѣзной дорогѣ.—Гастролеры Императорской русской оперы.—Политическое обозрѣніе.—Заявленіе.—Объявленія.

Р И С У Н К И: Картина С. Васильковскаго.—«Воскресеніе», романъ гр. Л. Н. Толстого: 1) Пасхальная заутреня. 2) Священникъ и дьяконъ. 3) Нязя Нехлюдовъ у окна дѣвичьей. Ориг. рисунки Л. О. Пастернака.—Бонапартъ и сержантъ Жюно при осадѣ Тулона. Рис. К. Тѣни.—Чайки на восточномъ берегу Шотландіи. Картина М. Мортимера.—Торжество открытія исполнской плотины на Нилѣ. Праздникъ рабочихъ.—Главная физическая обсерваторія въ С.-Петербургѣ.—Постройка моста черезъ р. Енисей на сибирской жел. дор.: 1) Деревянный подвижной кранъ. 2) Возведеніе пролета моста. 3) Одинъ изъ пролетовъ моста.—Гастролеры Императорской русской оперы: Ф. В. Литвинъ и Г. Дельмасъ.

При этомъ № прилагаются: 1) Сборникъ «Нивы» за апрѣль, содержащій въ себѣ Сочиненія И. А. Гончарова, т. IV; 2) «Парижскія моды» за апрѣль 1899 г. съ 27 рис. и отдѣльн. листъ съ 29 чертежами выкроекъ въ натур. величину и 24 рис. выпильныхъ работъ.

Полная интереса лекція

ПРОФЕСС. ЗДГОФМАНЪ.

ПОСЛѢ СМЕРТИ.

Ц. 30 к. съ перес. 40 к. нал. пл. 50 к.

Въ главн. книжн. магаз. и въ книгоиздательствѣ В. П. Быкова: Москва, бл. храма Спасителя, д. Ковригина, кв. № 35.

ФОТОГРАФЪ К. К. БУЛЛА,
С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Садовая улица, д. № 61, противъ Адреснаго стола.

Всегда подготовленъ къ выѣзду и отправляется по приглашенію куда бы то ни потребовалось. Снимаетъ все, не стѣнялся помѣщеніемъ, вездѣ и вездѣ — какъ днемъ, такъ и во всякое вечернее время — при свѣтѣ искусственномъ свѣтѣ. Портреты съ умершихъ, группы во всякомъ составѣ, внутреннія обстановки комнаты, залъ, выставки и т. п.

Всякіе архитектурные предметы, какъ внутренне, такъ и наружные фасады, дома, фабрики, мастерскія съ рабочими, машины, желѣзныя дороги, памятники, магазины, виды и проч.

Различныя сцены и типы, снимки съ древнихъ и старин. предметовъ, открытіе и освѣщеніе зданий, юбилейныя торжества и др.

Моментальныя снимки съ лошадей, собакъ и другихъ животныхъ.

У себя въ навильонѣ: портреты и группы всѣхъ форматовъ. Увеличеніе со всякихъ картъ — до натуральной величины. № 11877 12—3

АНГЛІЙСКІЕ

КЕРОСИНОВЫЕ И ГАЗОВЫЕ ДВИГАТЕЛИ

сист. Кросслей-Отто

предлагаетъ

Торговый домъ

Братья ГАНТЕРТЪ.

Петербургъ, Малая Морская, 21.
Москва, Театральный проездъ, домъ Хлудова.

КЕРОСИНОВЫЕ ДВИГАТЕЛИ
всегда на складѣ.

ТРЕБУЙТЕ
списки двигателей «КРОССЛЕЙ ОТТО»
поставлен. въ Россіи.

Имѣются спеціальныя двигатели для электрическаго освѣщенія.

ПАМЯТЬ

лицъ наид. возр. (начиная съ 8 лѣтъ до глубокой старости) укрѣпляетъ лично и заочно (въ 10 ур.) профессоръ мнемоники, членъ Парижской Академіи, С. Файштейнъ, Одесса.

Первый и единственный въ Россіи преподаватель искусства изобрѣтенія и укрѣпленія памяти и устраненія расхлябанности. Средства моего метода, основаннаго на законахъ физиологии, психол., логики и педагог., память возвращается потерянными ея, дѣлается хорошей у имѣющихъ плохую и лучшей у обладающихъ хорошей, причемъ изобрѣтеніе вниманіе и улучшаются всѣ умственные способности.

Методъ преподаванія дважды премированъ Парижской Академіей.

Въ несомн. пользѣ и дѣлосеоб. моей системы убѣдился въ теченіи моей двѣнадцатилѣтней дѣятельности на курсахъ преподав. мнемоники въ Россіи и за границ., гг. священники, врачи, педагоги, военные, студенты, антеры, художники и тысячи др. лицъ разныхъ профессій, званій и возр., окончивш. у меня курсъ изобрѣтенія и укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня благодарности.

ИНОГОРОДНИМЪ

высыл. условія за заочное преподав. и объемистую брошюру (содерж. многочисл. благодарн. офиц. и индив. компетентн. лицъ, прошедш. у меня курсъ мнемоники) за одну 7-ми коп. марку, вмѣстѣ съ книгой *) (8-е испр. и дополн. изд.). «Что такое искусство укрѣпленія памяти?» за 6-ть 7-ми коп. марокъ, на вѣлѣнной бумагѣ — за 8-ми 7-ми коп. марокъ.

№ 12020 10—4

Лично пр. въ г. Одессѣ, по Гаванной ул., въ д. № 2—8 (рядъ съ Городскимъ садомъ), въ своей кв. бель-этажъ, № 8, или въ своемъ главн. бюро, кв. № 14.

Адресъ для прост. и заказн. писемъ: Одесса, ул. Пушкинской и Бал. ул., собственн. д., № 28, для телегр.: профессоръ мнемоники Файштейнъ у.

(№ телефона въ городѣ 199, № телефона на собств. дачѣ «Мнемозина» 933).

*) Книга эта продается во всѣхъ лучшихъ книжн. магаз. Россійск. имперіи.

Отзывъ проф. Н. В. Галкина
объ

Юлія Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34. | Москва, Кузнецкій м., д. Захарына.

Юліанъ-органъ.

Новоизобрѣтенный инструментъ Юліанъ захватываетъ собою оркестръ и даетъ возможность даже неумѣющимъ играть исполнять всѣ оркестровыя сочиненія и такимъ образомъ пользоваться, съ приблизительно оркестровыми отъѣсками, всѣми педоарами музыки у себя дома.

Юліаны имѣются въ 225, 300, 400, 500, 600, 900, 1,200 и 1,500 р. Ноты къ нимъ въ громадномъ выборѣ, отъ 1 р. 50 к. и дороже. Имѣется много русскихъ свѣтскихъ и духовныхъ пьесъ.

Подробное описаніе бесплатно.

КУРОРТЪ БУДАКИ

близъ Аккермана, доступный для средняго класса. Теплыя ванны и грязевыя ванны, лимонное и морское кушанье, кефиръ, лѣчебный виноградъ. Цѣны умеренны. Открытіе сезона 25 мая. Бронюра высылается бесплатно. За всѣми справками обращаться: Аккерманъ, д-ру Б. С. Нерцу.

Одобр. Учен. Ком. Мин. Народ. Просвѣщен.

ПОЧЕРКИ кривые, ломаные и дрожащія исправляю лично и заочно на бѣло-каллиграфическіе при помощи трехъ знаковь, составляющихъ секретъ автора. Методъ этотъ просить не смѣшивать съ другими, такъ какъ онъ утверждёнъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособия и единствен. рациональный, признанъ въ Россіи, Франціи, Германіи, Англии и др. государств., удостоенъ золот. мед. ВИССОЧАИШ. благодарн. одобр. КОРОН. ОСОБЪ, Президента Республ., высокопостав. лицъ, рецен. и проч. в пр. Изд. продается у автора. За 10 семикоп. марокъ выс. подр. условія заочного преподаванія. Спб., Невскій, 13—9, Проф. каллиграфія и др. графич. искусство Панть

!!Сохраняйте на память!!

ЯБЛОНИ

отъ 30 руб. сотню, ягодные кусты, деревья и кустарники, плѣши, георгины, розы изъ грунта 3 руб. дюжину и пр. предлагаетъ Н. В. Шмеллягъ, поставщикъ Его Величества, въ Спб., Выб. ч., уоль Лаборатори. шоссе и Полюстров. пр. Каталогъ бесплатно.

ЮВЕЛИРЪ

К. И. БОКЪ

бывшій
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, БЮЛЕРЪ. МОСКВА,
Большая Морская, 9. Кузнецкій мостъ, 6.

Громадный выборъ брилліантовыхъ и золотыхъ вещей на всякія цѣны. Изготовляетъ всевозможные жетоны, какъ-то: Всероссийской выставки въ Н.-Новгородѣ 1896 г., XII международнаго медицинскаго конгресса въ Москвѣ, V фотографической выставки Императорскаго Техническаго общества въ С.-Петербургѣ, 100-лѣтняго юбилея министерства путей сообщенія и мн. др. Покупаетъ золото и драгоценныя камни.

№ 12039 12—3

380 буквъ, написанныхъ мнѣваторно-каллиграфически новоруженнымъ глазомъ въ продолженіе 5 минутъ профессоромъ каллиграфія А. Пинтомъ.

Сохраняйте на память!!

ВЕЛОСИПЕДЫ

„ЭНФИЛЬДЪ“

Новость на 1899 годъ
Модель «РИШЪ»

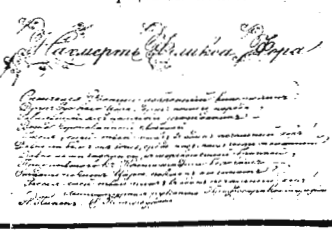
Рекомендуется вниманію знатоковъ и любителей.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ И. Г. АЛЕКСѢЕВЪ и К^о.

Москва, Рождественка, д. Третьяковскихъ.
Прейсъ-курanty высылаются бесплатно. Ц. № 12101 7—3

Сохраняйте на память!!

ПРЕКРАСНЫЕ ПОДАРИ КЪ ПАСХЪ. Изданія А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.

РОСКОШНО-ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ИЗДАНИЯ:

„ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ“

(архитектуры, скульптуры, живописи и пр. и пр.)
СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.
Въ популярномъ, общедоступномъ изложеніи
П. П. ГИЛЬДИЧА.

Въ трехъ объемистыхъ томахъ in quarto, заключающихъ въ себѣ болѣе 2000 страницъ въ 4-ю долю листа, 2100 гравюръ и около 50 художественно-исполненныхъ хромолитографій (печатанныхъ въ 18—25 красокъ) и отдѣльныхъ рисунковъ на цвѣтномъ фонѣ. СПб. 1898.

Благодаря весьма значительному объему и обилію рисунковъ, „Исторія Искусствъ“, въ живомъ и доступномъ для каждаго изложеніи, даетъ полную и широко написанную ПАРТИНУ развития различныхъ отраслей художества на всемъ пространствѣ историческаго міра.

Цѣна изданія въ 3-хъ томахъ, безъ пересылки, 20 руб., въ 3 изящныхъ и прочныхъ коленкорныхъ переплетахъ, съ кожаными (сафьяновыми) корешками,—24 руб. За ящикъ и упаковку взимается 75 коп. Перес.—транспортномъ или почтою (за 27 фунт., въ перепл. за 30 ф.).

„Натанъ Мудрый“

ДРАМАТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ
Г. Э. ЛЕССИНГА.

Съ 35 рисунками и 11 эстампами.
Переводъ съ нѣмецкаго ВИКТОРА КРЫЛОВА. Съ историко-литературными очеркомъ, примѣчаниями къ переводу и библиографическимъ указателемъ.

Это роскошное издание знаменитаго произведенія Лессинга отпечатано на превосходной велен. бумагѣ, крупными красивыми шрифтомъ и украшено 11-ю эстампами и 35-ю рисунками, исполненными специально для него или выбранными изъ наиболее выдающихся нѣмецкихъ изданій. Большой томъ въ 4-ю долю листа, 404 стр. СПб. 1897 г.

Цѣна 6 руб., съ перес. 7 р., въ изящномъ переплетѣ 7 р. 50 к., съ пересылкой 9 руб.

„ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ“

Соч. проф. ОСКАРА ІЕГЕРА.

Переводъ подъ редакцію проф. П. Н. ПОЛЕВОГО.

Въ четырехъ объемистыхъ томахъ, заключающихъ въ себѣ 2615 страницъ большого 8°, 948 художественно-выполненныхъ гравюръ въ текстѣ, 81 отдѣльное приложение, отпечатанныхъ золотомъ, серебромъ, черною и цвѣтными красками, и 41 историческую карту.

„Всеобщая Исторія“ проф. Оскара Іегера представляетъ собою трудъ, замѣчательный по своимъ научнымъ достоинствамъ и еще болѣе по чрезвычайно умѣлому изложенію историческаго матеріала. Тщательный выборъ иллюстрацій и тѣсная связь ихъ съ текстомъ способствуютъ ясности и наглядности изложенія и живо переносятъ воображеніе читателя ко временамъ минувшимъ.

Цѣна безъ пересылки 16 руб., въ 4-хъ прочныхъ коленкорныхъ переплетахъ съ кожан. корешками—20 руб. Ящикъ и упаковка 75 коп. Перес.—транспортномъ или почтою (за 16 фунт., въ перепл.—за 20 фунтовъ).

„ОТРОКЪ-МУЧЕНИКЪ“

УГЛИЦКОЕ ПРЕДАНИЕ.

Повѣсть В. М. Михеева.

Съ 30-ю рисунками (10 рис. на отдѣльныхъ листахъ и 20 рис. въ текстѣ) М. В. Нестерова, В. П. Сурикова и Е. М. Бемъ.

Языкъ всей повѣсти строго выдержанъ и очень красивъ. Отъ него такъ и вѣетъ былой стариной. Такъ же художественно-строгое выдержаны и дивныя иллюстраціи, по которымъ можно прослѣдить всю трагическую повѣсть отъ „отрокъ-мученикъ“.

БОЛЬШОЙ РОСКОШНЫЙ ТОМЪ въ 4-ю долю листа въ художественномъ переплетѣ, тисненомъ золотомъ и красками.

Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 2 р. 80 к., а въ переплетѣ—3 р., съ пересылкою 3 руб. 50 коп.

Требованія и деньги просить адресовать въ контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, М. Морская, № 22. Изданія эти имѣются также въ продажѣ въ конторѣ Н. Н. Печковской въ Москвѣ (Петровскія линіи), въ книжномъ магазинѣ «Образованіе» въ Одессѣ (Ришельевская, 12) и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

„ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ“ И „ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ“

Поэма ДЖОНА МИЛЬТОНА.

Съ 50-ю превосходно исполненными картинами ГУСТАВА ДОРЭ. Изданіе второе. Переводъ съ англійскаго А. Шульговской, вновь провѣренный и дополненный многими примѣчаниями, съ полными подстрочными англійскими текстами и съ биографіею Мильтона.

Содержаніемъ поэмы Мильтона служитъ: первое послушаніе человѣкомъ заповѣди, данной ему Богомъ, и какъ слѣдствіе этого, потеря Рая и блаженства, наконецъ — искупленіе человѣческаго грѣха Спасителемъ міра. Богатая фантазія Мильтона по тѣмъ немногимъ чертамъ, какия даетъ для его сюжета Библія и Апокалипсисъ, рисуетъ широкія картины, мѣстами потрясающей силы.

Цѣна этому роскошному изданію безъ пересылки—12 р., а въ богатомъ переплетѣ, съ прочнымъ шагреновымъ корешкомъ—16 р. Ящикъ и упаковка 75 к. Перес.—транспортномъ или почтою (за 25 фунтовъ).

„СКАЗКИ“

собран. бр. Я. и В. ГРИММАМИ.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

П. Н. ПОЛЕВОГО,

съ 240 художеств. иллюстрац.

П. ГРОТЪ-ЮГАННА и Р. ЛЕЙНБЕБЕРА.

Важною стороною „Сказокъ“ братьевъ Гриммовъ является ихъ общепонятность для всѣхъ возрастовъ, всѣхъ классовъ общества, всѣхъ состояній, а въ смыслѣ семейнаго домашняго чтенія—это настоящій кладъ, особенно по тому воспитательному значенію, какое имѣютъ народныя сказки.

Большой, богато изданный томъ въ 4-ю ДОЛЮ листа. Цѣна безъ перес. 12 р., въ роскошномъ переплетѣ 14 р. Пересылка за 11 фунт.

Имѣется также другое роскошное изданіе „Сказокъ“ въ 8-ю ДОЛЮ листа, цѣною въ изящн. перепл. 4 р., съ пересылкой 4 р. 75 к.

„НЕПОКУПНОЕ“

Повѣсть П. Н. Полевого.

Съ 55 оригинальными рисунками Е. П. Самокишъ-Судковской. Большой роскошный томъ въ 4-ю долю листа, въ художественномъ переплетѣ, тисненомъ золотомъ, серебромъ и красками.

Разсказанная мастерски, съ постояннымъ нарастаніемъ интереса, и отличающаяся глубокой правдивостью изложенія и художественностью обрисовки дѣйствующихъ лицъ, повѣсть П. Н. Полевого оставляетъ въ читателѣ бордаче чувство глубокаго удовлетворенія и пробуждаетъ въ немъ лучшія чувства души.

Прекрасная, художественно воспроизведенная, иллюстрація Е. П. Самокишъ-Судковской не только служитъ украшеніемъ повѣсти, но и запечатлѣваетъ въ памяти читателя образы, которые создалъ авторъ въ своей повѣсти. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес.—2 р. 80 к., въ художественномъ переплетѣ—3 р., съ пересылкою—3 р. 60 к.

„60 ОФОРТОВЪ“

СОБСТВЕННОРУЧНО ТРАВЛЕННЫХЪ НА МЪДИ

Проф. Ив. Ив. Шишкинымъ.

Альбомъ офортовъ проф. Ив. Ив. Шишкина является у насъ единственнымъ въ своемъ родѣ изданіемъ, особенно въ виду того, что въ немъ собранъ трудъ всей жизни маститаго художника.

Изданіе это (in folio) печаталось въ теченіе трехъ лѣтъ въ артистическомъ заведеніи А. Ф. Маркса, причѣмъ всѣ офорты печатались отъ руки, въ высшей степени тщательно, по указаніямъ самого профессора Шишкина.

Альбомъ заключенъ въ роскошную папку, тисненую золотомъ и красками по рисунку самого художника.

Цѣна альбома въ роскошной папкѣ: 1) на эстампной бумагѣ—25 руб., 2) на китайской бумагѣ—50 руб. и 3) на японской бумагѣ—100 руб. За пересылку въ Европейской Россіи—3 р., а въ Азіатскую Россію—за 15 ф. (вмѣстѣ съ ящикомъ) по почтовой тансъ.

„ПОСЪВЕРО-ЗАПАДУРОССИИ“

СОЧ. К. К. СЛУЧЕВСКАГО.

Въ двухъ объемистыхъ томахъ XX + XII + 1064 страницы большого 8°, съ двумя картами сѣвернаго и западнаго края, отпечатанными въ 6 красокъ, и съ 305-ю рисунками.

Книга К. К. Случевского заключаетъ въ себѣ чрезвычайно разнообразный и обильный матеріалъ историческаго, географическаго, этнографическаго и т. п. содержанія, изложенный притомъ въ легкой, интересной формѣ, съ присущимъ автору талантомъ. Текстъ книги иллюстрированъ множествомъ видовъ городовъ и ихъ достопримѣчательностей, воспроизведенныхъ въ художественно исполненныхъ гравюрахъ и автотипахъ съ рисунковъ и фотографическихъ снимковъ.

Цѣна за оба тома 7 р., съ перес. 8 р., въ двухъ изящныхъ переплетахъ 8 р. 50 к., съ перес. 9 р. 50 к.

На пути къ счастью.

РОМАНЪ

Вас. И. Немировича-Данченко.

Романъ этотъ, принадлежащій перу одного изъ известнѣйшихъ нашихъ современныхъ писателей, затрагиваетъ вѣчно юную и всегда интересную тему о борьбѣ чувства съ долгомъ. Дѣйствующія лица обрисованы авторомъ съ свойственнымъ ему умѣньемъ соединять увлекательность фабулы съ яркостью изложенія.

Большой изящный томъ въ 528 страницъ 8° въ красивой обложкѣ. СПб. 1898 г.

Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к., въ изящн. коленкор. перепл. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 90 к.

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ.

Гоголь, Н. В. Полное собраніе сочиненій, подъ редакціею академика-профессора Н. С. Тихонравова. 14-е изданіе, въ пяти томахъ, дополненное естественною В. И. Шенрокомъ биографіею Н. В. Гоголя, съ приложеніемъ двухъ портретовъ Н. В. Гоголя, гравир. на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, двухъ автографовъ и нѣсколькихъ собственноручныхъ рисунковъ Гоголя. СПб. 1898 г. Цѣна 6 р., съ перес. 7 р. 50 к., а въ 5-ти роскошн. коленкор. переплетахъ 8 р. 50 коп., съ перес. 10 р. 80 коп.

Лѣсковъ, Н. С. Полное собраніе сочиненій. Второе изданіе въ 12-ти томахъ, съ критико-биографическомъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ прилож. пяти портретовъ Н. С. Лѣскова и снимка съ его рабочаго кабинета, гравиров. на стали у Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ. Цѣна 15 р., съ перес. 17 р., а въ 12 роскошн. коленкор. перепл., тисненыхъ золотомъ и краскою, 20 р., съ перес. 23 р.

Данилевскій, Г. П. Полное собраніе сочиненій. 7-е посмертное изданіе въ 9-ти томахъ, съ биографическимъ очеркомъ и съ приложеніемъ пяти портретовъ Г. П. Данилевскаго и вида его родового склепа и могилы, въ селѣ Пришибѣ. Цѣна 15 р., съ перес. 17 р., въ пяти прочныхъ и красивыхъ коленкор. перепл., тисненыхъ золотомъ,—19 руб., съ перес. 21 р.

Майковъ, А. Н. Полное собраніе сочиненій. 6-е изданіе, вновь пересмотр. и дополн. авторомъ, въ 3-хъ томахъ, съ автографомъ и портретомъ А. Н. Майкова, гравир. на стали Брокгаузомъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 60 к. Въ 3-хъ роскошн. коленкор. перепл. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р. 50 коп. Цѣна роскошнаго изданія, на лучшей веленовой бумагѣ, 6 р., съ перес. 7 р.; въ богатыхъ переплетахъ 9 р., съ перес. 10 р.

Полонскій, Я. П. Полное собраніе стихотвореній. Новое изданіе, въ 5-ти томахъ, вновь пересмотр. и очень значительно дополнен., съ прилож. двухъ портр. Я. П. Полонскаго (въ юношескомъ возрастѣ и по послѣдн. снимку), гравиров. на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. Цѣна 6 р., съ перес. 7 р. 50 к.; въ 5-ти роскошн. коленкор. перепл. 8 руб. 50 коп., съ пересылкою 10 руб. 50 коп.

Случевскій К. К. „Сочиненія“

Съ портретомъ и автографомъ автора, исполненнымъ гелиографіею. Издичное изданіе in 8° въ шести томахъ, изъ которыхъ первые 3 тома заключаютъ въ себѣ всѣ стихотворенія К. К. Случевского, а послѣдніе 3 тома — его беллетристическія произведенія. Цѣна 8 р., съ перес. 9 руб.; въ перепл. 11 руб., съ перес. 12 руб.

XXX г.

№ 14

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXX

1899

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ литературныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 3 апрѣля 1899 г.

Цѣна этого № 20 к., съ пер. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1899 г.

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	5 р. 50 к.	Безъ дост. въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. ПЕЧНОВОЙ, Петровскія линіи . . .	6 р. 25 к.	Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Ришельевская, 12.	6 р. 50 к.	Съ доставкою въ Петербургъ . . .	6 р. 50 к.	Съ пересылкою во все мѣстоности Россіи . . .	7 р.	За границу . . .	10 р.
-----------------------------------	------------	---	------------	--	------------	----------------------------------	------------	--	------	------------------	-------

При семь прилагаются: 1) Сборникъ „Нивы“ за апрѣль, содержащій въ себѣ СОЧИНЕНІЯ И. А. ГОНЧАРОВА, т. IV; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА АПРѢЛЬ 1899 г. съ 27 рис. и отдѣльн. листъ съ 29 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 24 рис. выпильныхъ работъ.

Воскресеніе.

Романъ

графа Л. Н. ТОЛСТОГО.

(Продолженіе.)

XIII.

Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, Нехлюдовъ не видался съ Катюшей. И увидался онъ съ нею лишь тогда, когда только-что произведенный въ офицеры, по дорогѣ въ армію, захватъ къ тетюшкамъ, уже совершенно

другимъ человѣкомъ, чѣмъ тотъ, который прожилъ у нихъ лѣто три года тому назадъ.

Тогда онъ былъ честный, самоотверженный юноша, готовый отдать себя на всякое доброе дѣло; теперь онъ былъ развращенный, утонченный эгоистъ, любящій только

VII выставка С.-Петербургскаго общества художниковъ. „У колодца“. Съ картины С. Васильковскаго грав. Шлиперъ.

свое наслаждение. Тогда миръ Божій представлялся ему тайной, которую онъ радостно и восторженно старался разгадывать; теперь все въ этой жизни было просто и ясно и опредѣлялось тѣми условіями жизни, въ которыхъ онъ находился. Тогда нужно и важно было общеніе съ природой и съ людьми, жившими, мыслящими и чувствовавшими до него (философами, поэтами); теперь нужны и важны были человѣческія учрежденія и общеніе съ товарищами. Тогда женщина представлялась таинственнымъ и прелестнымъ существомъ; теперь значеніе женщины, всякой женщины, кромѣ своихъ семейныхъ и женъ друзей, было очень опредѣленное: женщина была однимъ изъ лучшихъ орудій испытаннаго уже наслажденія. Тогда не нужно было денегъ и можно было не брать и третьей части того, что давала мать, можно было отказаться отъ имѣнія отца и отдать его крестьянамъ; теперь же недоставало тѣхъ 1500 рублей въ мѣсяцъ, которые давала мать, и съ ней бывали уже неприятные разговоры изъ-за денегъ. Тогда своимъ настоящимъ я онъ считалъ свое духовное существо; теперь онъ считалъ собою свое здоровое, бодрое, животное я.

И вся эта страшная перемена совершилась съ нимъ только оттого, что онъ пересталъ вѣрить себѣ, а сталъ вѣрить другимъ. Пересталъ же онъ вѣрить себѣ, а сталъ вѣрить другимъ, потому что жить, вѣря себѣ, было слишкомъ трудно: вѣря себѣ, всякій вопросъ надо было рѣшать всегда не въ пользу своего животнаго я, инстинкта легкихъ радостей, а почти всегда противъ него; вѣря же другимъ, рѣшать нечего было, все уже было рѣшено и рѣшено было всегда противъ духовнаго и въ пользу животнаго я. Мало того, вѣря себѣ, онъ всегда подвергался осужденію людей, вѣря другимъ, онъ получалъ одобреніе людей, окружавшихъ его.

Такъ, когда Нехлюдовъ думалъ, читалъ, говорилъ о Богѣ, о правдѣ, о богатствѣ, о бѣдности,—все окружавшіе его считали это неумѣстнымъ и отчасти смѣшнымъ, и мать, и тетка его, съ добродушной ироніей называли его *notre cher philosophe*; когда же онъ читалъ романы, рассказывалъ скабрзные анекдоты, ѣздилъ во французскій театръ на смѣшные водевилы и весело пересказывалъ ихъ, все хвалили и поощряли его. Когда онъ считалъ нужнымъ умѣрять свои потребности, носилъ старую шинель и не пилъ вина, все считали это странностью и какой-то хвастливой оригинальностью,—а когда онъ тратилъ большія деньги на охоту или на устройство необыкновеннаго, роскошнаго кабинета, то все хвалили его вкусъ и дарили ему дорогія вещи. Когда онъ былъ цѣломудреннымъ и хотѣлъ остаться такимъ до женитьбы, то родные его боялись за его здоровье, и даже мать не огорчилась, а скорѣе обрадовалась, когда узнала, что онъ сталъ настоящимъ мужчиной и отбилъ какую-то французскую даму у своего товарища. Объ эпизодѣ же съ Катюшей,—о томъ, что ему могла придти мысль жениться на ней, княгиня-мать не могла подумать безъ ужаса.

Точно также, когда Нехлюдовъ, достигнувъ совершеннолѣтія, отдалъ то небольшое имѣніе, которое онъ наследовалъ отъ отца, крестьянамъ, потому что считалъ несправедливымъ владѣніе землею, этотъ поступокъ его привелъ въ ужасъ его мать и родныхъ и былъ постояннымъ предметомъ укора и насмѣшки надъ нимъ, всехъ его родственниковъ. Ему, не переставая, рассказывали о томъ, что крестьяне, получившіе землю, не только не разбогатѣли, но обѣднѣли, заведя у себя три кабака и совершенно переставъ работать. Когда же Нехлюдовъ, поступивъ въ гвардію, съ своими товарищами прожилъ и проигралъ столько, что Елена Ивановна должна была взять деньги изъ капитала, она почти не огорчилась, считая, что это естественно и даже хорошо, когда эта оспа прививается въ молодости и въ хорошемъ обществѣ.

Сначала Нехлюдовъ боролся, но бороться было слишкомъ трудно, потому что все то, что онъ, вѣря себѣ,

считалъ хорошимъ, считалось дурнымъ другими, и наоборотъ, все, что, вѣря себѣ, онъ считалъ дурнымъ, считалось хорошимъ всеми окружающими его. И кончилось тѣмъ, что Нехлюдовъ сдался, пересталъ вѣрить себѣ и повѣрилъ другимъ. И въ первое время это отреченіе отъ себя было неприятно, но продолжалось это неприятное чувство очень недолго, и очень скоро Нехлюдовъ, въ это же время начавъ курить и пить вино, пересталъ испытывать это неприятное чувство и даже почувствовалъ большое облегченіе.

И Нехлюдовъ, съ страстностью своей натуры, весь отдался этой новой, одобрявшейся всеми его окружающими людьми жизни, и совершенно заглушилъ въ себѣ тотъ голосъ, который требовалъ чего-то другого. Началось это послѣ переѣзда въ Петербургъ и завершилось поступленіемъ въ военную службу.

Нехлюдовъ въ этотъ періодъ своей жизни чувствовалъ восторгъ освобожденія отъ всехъ нравственныхъ преградъ, которыя онъ ставилъ себѣ прежде, и, не переставая, находился въ хроническомъ состояніи сумасшествія эгоизма.

Въ такомъ состояніи и находился онъ, когда послѣ трехъ лѣтъ заѣхалъ къ тетюшкамъ.

XIV.

Нехлюдовъ заѣхалъ къ тетюшкамъ, потому что имѣніе ихъ было по дорогѣ къ прошедшему впередъ его полку, и потому, что онѣ его очень объ этомъ просили, но, главное, для того, чтобы увидать Катюшу. Можетъ-быть, въ глубинѣ души и было у него уже дурное намѣреніе противъ Катюши, которое нашептывалъ ему его разнузданный теперь животный человѣкъ, но онъ не сознавалъ этого намѣренія, а просто ему хотѣлось побывать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему было такъ хорошо, и увидать немного смѣшныхъ, но милыхъ, добродушныхъ тетюшекъ, всегда незамѣтно для него окружавшихъ его атмосферой любви и восхищенія, и увидать милую Катюшу, о которой осталось такое пріятное воспоминаніе.

Пріѣхавъ онъ въ концѣ марта, въ Страстную пятницу, по самой распутицѣ, подъ проливнымъ дождемъ, до нитки промокшій и озябшій, но бодрый и возбужденный, какимъ онъ всегда чувствовалъ себя въ это время. «У нихъ ли еще она?» думалъ онъ, вѣзжая на знакомый, заваленный свалившимися съ крыши снѣгомъ, старинный помѣщичій, огороженный кирпичной стѣнкой, дворъ тетюшекъ. Онъ ждалъ, что она выбѣжитъ на его колокольчикъ, но на дѣвичье крыльцо вышли двѣ босыя, подтыканныя бабы съ ведрами, очевидно, мывшія полы. Ея не было и на парадномъ крыльцѣ; вышла только Тихонъ-лакей, въ фаргукѣ, тоже вѣроятно занятый чисткой. Въ переднюю вышла Софья Ивановна, въ шелковомъ платьѣ и чепцѣ.

— Вотъ мило, что пріѣхали! говорила Софья Ивановна, цѣлуя его. Машенька нездорова немного, устала въ церкви. Мы причащались.

— Поздравляю, тетя Соня, говорилъ Нехлюдовъ, цѣлуя руки Софьи Ивановны:— простите, замочилъ васъ.

— Иди въ свою комнату. Ты измокъ весь. И усы ужъ у тебя... Катюша! Катюша! Скорѣе кофею ему.

— Сейчас!— отозвался знакомый пріятный голосъ изъ коридора. И сердце Нехлюдова радостно ёкнуло. «Тутъ!» Для него точно солнце выглянуло изъ-за тучъ, и онъ весело пошелъ съ Тихономъ въ свою прежнюю комнату переодѣваться.

Нехлюдову хотѣлось спросить Тихона про Катюшу: что она? какъ живетъ? не выходитъ ли замужъ? Но Тихонъ былъ такъ почтителенъ и вмѣстѣ строгъ, такъ твердо настаивалъ на томъ, чтобы самому поливать изъ рукомыльника на руки воду, что Нехлюдовъ не рѣшился спрашивать его о Катюшѣ и только спросилъ про его внуковъ, про стараго братцева жеребца, про дворняжку Полкана. Все были живы, здоровы, кромѣ Полкана, который забѣлся въ прошломъ году.

Скинувъ все мокрое и только начавъ одѣваться, Нехлюдовъ услышалъ быстрые шаги, и въ дверь постучались. Нехлюдовъ узналъ и шаги, и стукъ въ дверь. Такъ ходила и стучалась только она.

Онъ накинулъ на себя мокрую шинель и подошелъ къ двери.

— Войдите!

Это была она, Катюша. Все та же, — еще милѣе, чѣмъ прежде. Также снизу вверхъ смотрѣли улыбающіеся, наивные чуть косившіе черные глаза. Она, какъ и прежде, была въ чистомъ бѣломъ фартулкѣ. Она принесла отъ тетушекъ только-что вынутый изъ бумажки душистый кусокъ мыла и два полотенца: большое русское и мохнатое. И нетронутое съ отпечатанными буквами мыло, и полотенца, и сама она — все это было одинаково чисто, свѣжо, нетронуто, приятно. Мылья, твердыя, красныя губы ея все такъ же морщились, какъ и прежде при видѣ его, отъ неудержимой радости.

— Съ прїѣздомъ васъ, Дмитрій Ивановичъ! — съ трудомъ выговорила она, и лицо ея залилось румянцемъ.

— Здравствуй... здравствуйте, — не зналъ онъ, какъ, на «ты» или на «вы» говорить съ ней, и покраснѣлъ такъ же, какъ и она. — Живы, здоровы?

— Слава Богу... Вотъ тетушка прислала вамъ ваше любимое мыло, розовое, — сказала она, кладя мыло на столъ и полотенца на ручки кресель.

— У нихъ свое, — отстаивая самостоятельность гостя, сказала Тихонъ, съ гордостью указывая на раскрытый большой, съ серебряными крышками, сессеръ Нехлюдова, съ огромнымъ количествомъ стлянокъ, щетокъ, фиксажуровъ, духовъ и всякихъ туалетныхъ принадлежностей.

— Поблагодарите тетушку. А какъ я радъ, что прїѣхалъ, — сказалъ Нехлюдовъ, чувствуя, что на душѣ у него становится такъ же свѣтло и умильно, какъ бывало прежде.

Она только улыбнулась въ отвѣтъ на эти слова и вышла.

Тетушки, и всегда любимшія Нехлюдова, еще радостнѣе, чѣмъ обыкновенно, встрѣтили его въ этотъ разъ. Дмитрій ѣхалъ на войну, гдѣ могъ быть раненъ, убитъ. Это трогало тетушекъ.

Нехлюдовъ распредѣлилъ свою поѣздку такъ, чтобы пробыть у тетушекъ только сутки, но, увидавъ Катюшу, онъ согласился встрѣтить у тетушекъ Пасху, которая была черезъ два дня, и телеграфировалъ своему приятелю и товарищу Шенбоку, съ которымъ они должны были съѣхаться въ Одессѣ, чтобы и онъ заѣхалъ къ тетушкамъ.

Съ перваго же дня, какъ онъ увидалъ Катюшу, Нехлюдовъ почувствовалъ прежнее чувство къ ней. Такъ же, какъ и прежде, онъ не могъ безъ волненія видѣть теперь бѣлый фартулкъ Катюши, не могъ безъ радости слышать ея походку, ея голосъ, ея смѣхъ, не могъ безъ умиленія смотрѣть въ ея черные, какъ мокрая смородина, глаза, особенно когда она улыбалась, не могъ, главное, безъ смущенія видѣть, какъ она краснѣла при встрѣчѣ съ нимъ. Онъ чувствовалъ, что влюбленъ, но не такъ, какъ прежде, когда эта любовь была для него тайной, и онъ самъ не рѣшался признаться себѣ въ томъ, что онъ любитъ, и когда онъ былъ убѣжденъ, что любить можно только одинъ разъ, — теперь онъ былъ влюбленъ, зная это и радуясь этому и смутно зная, хотя и скрывая отъ себя, въ чемъ состоитъ эта любовь и что изъ нея можетъ выйти.

Въ Нехлюдовѣ, какъ и во всѣхъ людяхъ, было два человѣка. Одинъ духовный, ищущій блага себѣ только такого, которое было бы благомъ и другимъ людямъ, и другой — животный человѣкъ, ищущій блага только себѣ, и для этого блага готовый пожертвовать благами всего міра. Въ этотъ періодъ его сумасшествія эгоизма, вызваннаго въ немъ петербургской и военной жизнью, животный человѣкъ властвовалъ въ немъ и совершенно задавилъ ду-

ховнаго. Но, увидавъ Катюшу и вновь почувствовавъ то, что онъ испытывалъ къ ней тогда, духовный человѣкъ поднялъ голову и сталъ заявлять свои права. И въ Нехлюдовѣ, не переставая, въ продолженіе этихъ двухъ дней до Пасхи, шла внутренняя, не сознаваемая имъ, борьба.

Въ глубинѣ души онъ зналъ, что ему надо ѣхать, и что не зачѣмъ теперь оставаться у тетокъ, зналъ, что ничего изъ этого не могло выйти хорошаго, но было такъ радостно и прїятно, что онъ не говорилъ этого себѣ и оставался.

Вечеромъ въ субботу, наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія, священникъ съ дьякономъ, какъ они разсказывали, наслу проѣхавъ на саняхъ по лужамъ тѣ три версты, которыя отдѣляли церковь отъ тетушкинаго дома, прїѣхали служить заутреню.

Нехлюдовъ съ тетушками и прислугой, не переставая поглядывать на Катюшу, которая стояла у двери и приносила кадила, отстоялъ эту заутреню, похристосовался съ священникомъ и тетушками и хотѣлъ уже идти спать, какъ услышалъ въ коридорѣ сборы Матрены Павловны, старой горничной Маріи Ивановны, вмѣстѣ съ Катюшей, въ церковь, чтобы святить куличи и пасхи. «Поѣду и я», подумалъ онъ.

Дороги до церкви не было ни на колесахъ, ни на саняхъ, и потому Нехлюдовъ, распорядившійся какъ дома у тетушекъ, велѣлъ осѣдлать себѣ верхового, такъ-называемаго «братцева» жеребца, и, вмѣстѣ того, чтобы лечь спать, одѣлся въ блестящій мундиръ съ обтянутыми рейтузами, надѣлъ сверху шинель и поѣхалъ на развѣшнемся, отяжелѣвшемъ и не перестававшемъ ржать, старомъ жеребцѣ, въ темнотѣ, по лужамъ и снѣгу, къ церкви.

XV.

Всю жизнь потому эта заутреня осталась для Нехлюдова однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и сильныхъ воспоминаній.

Когда онъ въ черной темнотѣ, кое-гдѣ только освѣщаемой бѣлѣющимъ снѣгомъ, шлепая по водѣ, вѣхалъ на прядущемъ ушами, при видѣ зажженныхъ вокругъ церкви плошекъ, жеребцѣ на церковный дворъ, служба уже началась.

Мужики, узнавши племянника Маріи Ивановны, проводили его на сухонькое мѣсто, гдѣ слѣзть, взяли привязать его лошадь и провели его въ церковь. Церковь была полна праздничнымъ народомъ.

Съ правой стороны — мужики: старики въ домодѣльныхъ кафтанахъ и лаптяхъ и чистыхъ бѣлыхъ онучахъ, и молодые въ новыхъ суконныхъ кафтанахъ, подпоясанныхъ яркими кушаками, въ сапогахъ. Слѣва — бабы въ красныхъ шелковыхъ платкахъ, пливовыхъ поддевкахъ, съ ярко-красными рукавами и синими, зелеными, красными, пестрыми юбками, въ ботинкахъ съ подковками. Скромныя старушки, въ бѣлыхъ платкахъ и сѣрыхъ кафтанахъ и старинныхъ поневахъ и башмакахъ или новыхъ лаптяхъ, стояли позади ихъ; между тѣми и другими стояли нарядныя съ масляными головами дѣти. Мужики крестились и кланялись, встряхивая волосами, женщины, особенно старушки, уставившія выцвѣтшіе глаза на одну икону съ свѣчами, крѣпко прижимали сложенные персты къ платку на лбу, плечамъ и животу, и, шепча что-то, перегибались стоя или падали на колѣни. Дѣти, подражая большимъ, старательно молились, когда на нихъ смотрѣли. Золотой иконостасъ горѣлъ свѣчами, со всѣхъ сторонъ окружавшими обвитыя золотомъ большія свѣчи. Паникадло было уставлено свѣчами, съ клиросовъ слышались радостные напѣвы добровольцевъ-пѣвчихъ съ ревущими басами и тонкими дискантами.

Нехлюдовъ прошелъ впередъ. Въ серединѣ стояла аристократія: помѣщикъ съ женою и сыномъ въ матросской курткѣ, становой, телеграфистъ, купецъ въ сапогахъ съ бураками, старшина съ медалью и справа отъ амвона, позади помѣщницы, Матрена Павловна въ пере-

„Воскресение“, романъ гр. Л. Н. Толстого. Пасхальная заутреня.
Орст. рис. (собств. «Нивы») л. о. Пастернака, автогипиз «Нивы».

„Воскресеніє“, романъ гр. Л. Н. Толстого. Священникъ и дяконъ.
Ориг. рис. (собств. «Нивы») Л. О. Пастернака, автогитія «Нивы».

ливчатомъ лиловомъ платьѣ и бѣлой съ каймою шали и Катюша въ бѣломъ платьѣ со складочками на лифѣ, съ голубымъ поясомъ и краснымъ бантикомъ на черной головѣ.

Все было празднично, торжественно, весело и прекрасно: и священникъ въ свѣтлой серебряной съ золотыми крестами ризѣ, и дьячокъ, и дьячки въ праздничныхъ серебряныхъ и золотыхъ стихаряхъ, и нарядные добровольцы-пѣвчіе съ масляными волосами, и веселые напѣвы праздничныхъ пѣсней, и непрестанное благословеніе народа священниками тройными, убранными цвѣтами, свѣчами, съ все повторяемыми и повторяемыми возгласами: Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ! Все было прекрасно, но лучше всего была Катюша въ бѣломъ платьѣ и голубомъ поясѣ, съ краснымъ бантикомъ на черной головѣ и съ сіяющими восторгомъ глазами.

Нехлюдовъ чувствовалъ, что она видѣла его, не оглядываясь. Онъ видѣлъ это, когда близко, мимо нея проходилъ въ алтарь. Ему нечего было сказать ей, но онъ придумалъ и сказалъ, проходя мимо нея:

— Тетушка сказала, что она будетъ разговляться послѣ поздней обѣдни.

Молодая кровь, какъ всегда при взглядѣ на него, залила все милое лицо, и черные глаза, смѣясь и радуясь, наивно глядя снизу вверхъ, остановились на Нехлюдовѣ.

— Я знаю,—улыбнувшись, сказала она.

Въ это время дьячокъ съ мѣднымъ кофейникомъ, пробираясь черезъ народъ, прошелъ мимо Катюши и, не глядя на нее, задѣлъ ее полой стихаря. Дьячокъ, очевидно, изъ уваженія къ Нехлюдову, обходя его, задѣлъ Катюшу. Нехлюдову же было удивительно, какъ это онъ, этотъ дьячокъ, не понимаетъ того, что все, что здѣсь, да и вездѣ на свѣтѣ существуетъ—существуетъ только для Катюши, и что пренебречь можно всѣмъ на свѣтѣ, только не ею, потому что она—центръ всего. Для нея блестяло золото иконостаса и горѣли всѣ эти свѣчи на паникадилѣ и въ подсвѣчникахъ, для нея были эти радостные напѣвы: «Пасха Господня, радуйтесь людѣ». И все, что только было хорошаго на свѣтѣ, все было для нея. И Катюша, ему казалось, понимала, что все это для нея. Такъ казалось Нехлюдову, когда онъ взглядывалъ на ея стройную фигуру въ бѣломъ платьѣ со складочками и на сосредоточенно радостное лицо, по выраженію котораго онъ видѣлъ, что точь-въ-точь то же, что поеть въ его душѣ, поеть и въ ея душѣ.

Въ промежуткѣ между ранней и поздней обѣдней Нехлюдовъ вышелъ изъ церкви. Народъ разступался передъ нимъ и кланялся. Кто узнавалъ его, кто спрашивалъ: «чей это?» На паперти онъ остановился. Нищій обступилъ его, онъ rozdalъ ту мелочь, которая была въ кошелькѣ, и спустился со ступеней крыльца.

Разсвѣло уже настолько, что было видно, но солнце еще не вставало. На могилкахъ вокругъ церкви разсѣлся народъ. Катюша оставалась въ церкви, и Нехлюдовъ остановился, ожидая ее.

Народъ все выходилъ и, стуча гвоздями сапоговъ по плитамъ, сходилъ со ступеней и разсыпался по церковному двору и кладбищу.

Древній старикъ, кондитеръ Марія Ивановны, съ трясушей головой, остановилъ Нехлюдова, похристосовался, и его жена, старушка съ сморщеннымъ кадычкомъ подъ шелковой косынкой, дала ему, вынувъ изъ платка, желтое шафранное яйцо. Тутъ же подошелъ молодой, улыбающийся, мускулистый мужикъ въ новой поддевкѣ и зеленомъ кушагѣ.

— Христосъ воскресъ,—сказалъ онъ, смѣясь глазами, и, придвинувшись къ Нехлюдову, обдалъ его особеннымъ мужицкимъ, пріятнымъ запахомъ и, щекоча его своей курчавой бородкой, три раза поцѣловалъ его въ самую середину губъ своими крѣпкими, свѣжими губами.

Въ то время, какъ Нехлюдовъ цѣловался съ мужикомъ и бралъ отъ него темно-коричневое яйцо, показалось це-

реливчатое платье Матрены Павловны и милая черная головка съ краснымъ бантикомъ.

Она тотчасъ же черезъ головы идущихъ передъ ней увидѣла его, и онъ видѣлъ, какъ просіяло ея лицо.

Онъ вышелъ съ Матреной Павловной на паперть и остановились, подавая нищимъ. Нищій съ красной, зажившей болячкой вмѣсто носа, подошелъ къ Катюшѣ. Она достала изъ платка что-то, подала ему и потомъ приблизилась къ нему и, не выражая ни малѣйшаго отвращенія, напротивъ, такъ же радостно сіяя глазами, три раза поцѣловалась. И въ то время, какъ она цѣловалась съ нищимъ, глаза ея встрѣтились съ взглядомъ Нехлюдова. Какъ будто она спрашивала: хорошо ли, такъ ли она дѣлаетъ?

«Такъ, такъ, милая, все хорошо, все прекрасно, люблю». Они сошли съ паперти, и онъ подошелъ къ ней. Онъ не хотѣлъ христосоваться, но только хотѣлъ быть ближе къ ней.

— Христосъ воскресъ!—сказала Матрена Павловна, склоняя голову и улыбаясь, съ такой интонаціей, которая говорила, что нынче всѣ равны, и, обернувъ ротъ свернутымъ мышкой платкомъ, она потянулась къ нему губами.

— Воистину,—отвѣчалъ Нехлюдовъ, цѣлуясь.

Онъ оглянулся на Катюшу. Она вспыхнула и въ ту же минуту приблизилась къ нему.

— Христосъ воскресъ. Дмитрій Ивановичъ.

— Воистину воскресъ.—сказалъ онъ. Они поцѣловались два раза и какъ будто задумались, нужно ли еще, и, какъ будто рѣшивъ, что нужно, поцѣловались въ третій разъ, и оба улыбнулись.

— Вы не пойдете къ священнику?—спросилъ Нехлюдовъ.

— Нѣтъ, мы здѣсь, Дмитрій Ивановичъ, посидимъ,—сказала Катюша, тяжело, какъ будто послѣ радостнаго труда, вздыхая всею грудью и глядя ему прямо въ глаза своими покорными, дѣвственными, любящими, чуть-чуть косящими глазами.

Въ любви между мужчиной и женщиной бываетъ всегда одна минута, когда любовь эта доходитъ до своего зенита, когда нѣтъ въ ней ничего сознательнаго, разсудочнаго и нѣтъ ничего чувственнаго. Такой минутой была для Нехлюдова эта ночь Свѣтлаго Христова Воскресенія. Когда онъ теперь вспоминалъ Катюшу, то изъ всѣхъ положеній, въ которыхъ онъ видѣлъ ее, эта минута застлала всѣ другія. Черная, гладкая, блестящая головка, бѣлое платье со складками, дѣвственно охватывающее ея стройный станъ и невысокую грудь, и этотъ румянецъ, и эти нѣжные, глянцевиые черные глаза, и во всемъ ея существѣ двѣ главныя черты: чистота дѣвственности любви не только къ нему,—онъ зналъ это—но любви ко всѣмъ и ко всему, не только хорошему, что только есть въ мірѣ, но и къ тому нищему, съ которымъ она поцѣловалась.

Онъ зналъ, что въ ней была эта любовь, потому что онъ въ себѣ въ эту ночь и въ это утро сознавалъ ее и сознавалъ, что въ этой любви онъ сливался съ нею въ одно.

Ахъ, если бы все это остановилось на томъ чувствѣ, которое было въ эту ночь! «Да, все это ужасное дѣло сдѣлалось уже послѣ этой ночи Свѣтлаго Христова Воскресенія!» думалъ онъ теперь, сидя у окна въ комнатѣ присяжныхъ.

XVI.

Вернувшись изъ церкви, Нехлюдовъ разговѣлся съ тетусками, и, чтобы подкрѣпиться, по взятой въ полку привычкѣ, выпилъ водки и вина и ушелъ въ свою комнату, и тотчасъ же заснулъ одѣтый. Разбудилъ его стукъ въ дверь. По стучу узнавъ, что это была она, онъ поднялся, протирая глаза и потягиваясь.

— Катюша, ты? Войди,—сказалъ онъ, вставая.

Она пріотворила дверь.

- - Купать зовутъ,— сказала она.

Она была въ томъ же бѣломъ платьѣ, но безъ банта въ волосахъ. Взглянувъ ему въ глаза, она просіяла, точно она объявила ему о чемъ-то необыкновенно радостномъ.

- - Сейчасъ иду, --- отвѣчалъ онъ, берясь за гребень, чтобы расчесать волосы.

Она постояла минутку лишнюю. Онъ замѣтить это и бросивъ гребень, двинулся къ ней. Но она въ ту же минуту быстро повернулась и пошла своими обычно легкими и быстрыми шагами по полосувикъ коридора.

«Экой я дуракъ», — сказалъ себѣ Нехлюдовъ, — «что же я не удержалъ ее».

И онъ бѣгомъ догналъ ее въ коридорѣ.

Чего онъ хотѣлъ отъ нея, онъ самъ не звалъ. Но ему казалось, что когда она вошла къ нему въ комнату, ему нужно было сдѣлать что-то, что всѣ при этомъ дѣлаютъ, а онъ не сдѣлалъ этого.

- - Катюша, стой,— сказалъ онъ.

Она оглянулась.

- - Что вы?— сказала она, приостанавливаясь.

- - Ничего, только...

И, сдѣлавъ усилие надъ собой и помня то, какъ въ этихъ случаяхъ поступаютъ вообще всѣ люди въ его положеніи, онъ обнялъ Катюшу за талию.

Она остановилась и посмотрѣла ему въ глаза.

- - Не надо, Дмитрій Ивановичъ, не надо,— покраснѣвъ до слезъ, проговорила она, и своей жесткой, сильной рукой отвела обнимающую ее руку.

Нехлюдовъ пустилъ ее, и ему стало на мгновеніе не только неловко и стыдно, но гадко на себя. Ему бы надо было повѣрить себѣ, но онъ не понималъ, что эта неловкость и стыдъ были самыя добрыя чувства его души, просившіяся наружу, а напротивъ, ему показалось, что это говорить въ немъ его глушость, что надо дѣлать, какъ всѣ дѣлаютъ.

Онъ догналъ ее еще разъ, опять обнялъ и поцѣловалъ въ шею. Этотъ поцѣлуй былъ совсѣмъ уже не такой, какъ тѣ первыхъ два поцѣлуя: одинъ безсознательный за кустомъ сирени и другой нынче утромъ въ церкви. Этотъ былъ страшень, и она почувствовала это.

- - Что же это вы дѣлаете?— вскрикнула она такимъ голосомъ, какъ будто онъ безвозвратно разбилъ что-то безконечно-драгоценное, и побѣжала отъ него рысью.

Онъ пришелъ въ столовую. Тетушки нарядныя, докторъ и сосѣдка стояли у закуски. Все было такъ обыкновенно, но въ душѣ Нехлюдова была буря. Онъ не понималъ ничего изъ того, что ему говорили, отвѣчали невпопадъ, и думалъ только о Катюшѣ, вспоминая ощущеніе этого послѣдняго поцѣлуя, когда онъ догналъ ее въ коридорѣ. Онъ ни о чемъ другомъ не могъ думать. Когда она входила въ комнату, онъ, не глядя на нее, чувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ ея присутствіе и долженъ былъ дѣлать усилія надъ собой, чтобы не смотрѣть на нее.

Послѣ обѣда онъ тотчасъ же ушелъ въ свою комнату и въ сильномъ волненіи долго ходилъ по ней, прислушиваясь къ звукамъ въ домѣ и ожидая ея шаговъ. Тотъ животный человѣкъ, который жилъ въ немъ, не только поднималъ теперь голову, но затопталъ себѣ подъ ноги того духовнаго человѣка, которымъ онъ былъ въ первый прїѣздъ свой, и даже сегодня утромъ въ церкви, и этотъ страшный животный человѣкъ теперь властвовалъ одинъ въ его душѣ. Несмотря на то, что Нехлюдовъ не переставалъ караулить Катюшу, ему ни разу не удалось одинъ на одинъ встрѣтить ее въ этотъ день. Вѣроятно, она избѣгала его. Но къ вечеру случилось такъ, что она должна была идти въ комнату рядомъ съ той, которую онъ занималъ. Докторъ остался ночевать, и Катюша должна была постлать постель гостю. Услыхавъ ея шаги, Нехлюдовъ, тихо ступая и сдерживая дыханіе, какъ будто собиравшись на преступленіе, вошелъ за ней.

Засунувъ обѣ руки въ чистую наволочку и держа ими подушку за углы, она оглянулась на него и улыбнулась, но не веселой и радостной, какъ прежде, а испуганной, жалостной улыбкой. Улыбка эта какъ будто сказала ему, что то, что онъ дѣлаетъ—дурно. На минуту онъ остановился. Тутъ еще была возможность борьбы. Хотя слабо, но еще слышенъ былъ голосъ истинной любви къ ней, который говорилъ ему о ней, обѣ ея чувствахъ, обѣ ея жизни. Другой же голосъ говорилъ: смотри, пропустишь свое наслажденіе, --- свое счастье. И этотъ второй голосъ заглушилъ первый. Онъ рѣшительно подошелъ къ ней. И страшное, неудержимое животное чувство овладѣло имъ. Не выпуская ее изъ своихъ объятій, Нехлюдовъ посадилъ ее на постель и, чувствуя, что еще что-то надо сдѣлать, сѣлъ рядомъ съ нею.

- - Дмитрій Ивановичъ, голубчикъ, пожалуйста пустите, - - говорила она жалобнымъ голосомъ. Матрена Павловна идетъ!— вскрикнула она, вырываясь, и дѣйствительно кто-то шелъ къ двери.

- - Такъ я приду къ тебѣ ночью, --- проговорила Нехлюдовъ. --- Ты вѣдь одна?

- - Что вы? Ни за что! Не надо, --- говорила она только устами, но все взволнованное, смущенное существо ея говорило другое.

Подошедшая къ двери, дѣйствительно, была Матрена Павловна. Она вошла въ комнату съ одѣломъ на рукѣ, и, взглянувъ укоризненно на Нехлюдова, сердито выговорила Катюшѣ за то, что она взяла не то одѣло.

Нехлюдовъ молча вышелъ. Ему даже не было стыдно. Онъ видѣлъ, по выраженію лица Матрены Павловны, что она осуждаетъ его и права, осуждая его, зная, что то, что онъ дѣлаетъ --- дурно, но животное чувство, выпроставшееся изъ-за прежняго чувства хорошей любви къ ней, овладѣло имъ и царило одно, ничего другого не признавая. Онъ зналъ теперь, что надо дѣлать для удовлетворенія чувства, и отыскивалъ средство сдѣлать это.

Весь вечеръ онъ былъ самъ не свой; то входилъ къ тетускамъ, то уходилъ отъ нихъ къ себѣ и на крыльцо, и думать обѣ одномъ, какъ бы одну увидеть ее; но и она избѣгала его, и Матрена Павловна старалась не выпускать ее изъ вида.

XVII.

Такъ прошелъ весь вечеръ и наступила ночь. Докторъ ушелъ спать. Тетушки укладывались. Нехлюдовъ зналъ, что Матрена Павловна теперь въ спальнѣ у тетокъ, и Катюша въ дѣвичьей --- одна. Онъ опять вышелъ на крыльцо. На дворѣ было темно, сыро, тепло, и тотъ бѣлый туманъ, который весной стоняетъ послѣдній снѣгъ или распространяется отъ тающаго послѣдняго снѣга, наполнялъ весь воздухъ. Съ рѣки, которая была въ шагахъ подъ кручью передъ домомъ, слышны были странные звуки: это ломался ледъ.

Нехлюдовъ сошелъ съ крыльца и, шагая черезъ лужи по оледенѣвшему снѣгу, подошелъ къ окну дѣвичьей. Сердце его колотилось въ груди такъ, что онъ слышалъ его: дыханіе то останавливалось, то вырывалось тяжелымъ вздохомъ. Въ дѣвичьей горѣла маленькая лампа, Катюша одна сидѣла у стола, задумавшись, и смотрѣла передъ собой. Нехлюдовъ долго, не шевелясь, смотрѣлъ на нее, желая узнать, что она будетъ дѣлать, полагая, что никто не видитъ ея. Минуты двѣ она сидѣла неподвижно, потомъ подняла глаза, улыбнулась, покачала какъ бы на самой себя укоризненно головой и, перемигнувъ положеніе, порывисто положила обѣ руки на столъ и устремила глаза передъ собой.

Онъ стоялъ и смотрѣлъ на нее и невольно слушалъ вмѣстѣ и стукъ своего сердца, и странные звуки, которые доносились съ рѣки. Тамъ, на рѣкѣ, въ туманѣ шла какая-то неустанная, медленная работа, и то сошло что-то, то трещало, то обсыпалось, то звенѣло, какъ стекло, тонкія льдины.

„Воскресеніє“, романъ гр. Л. Н. Толстого. Князь Нехлюдовъ у окна дѣвичьей.
Ориг. рис. (собств. «Нивы») Л. О. Пастернака, авторпій «Нивы».

Онъ стоялъ, глядя на задумчивое, мучимое внутренней работой, лицо Катюши, и ему было жалко ея, но, странное дѣло,—эта жалость только усиливала вождельные къ ней.

Онъ стукнулъ въ окно. Она, какъ бы отъ электрическаго удара, вздрогнула всѣмъ тѣломъ, и ужасъ изобразился на ея лицѣ. Потомъ вскочила, подошла къ окну и придвинула свое лицо къ стеклу. Выраженіе ужаса не оставило ея лица и тогда, когда, приложивъ обѣ ладони, какъ шоры, къ глазамъ, она узнала его. Лицо ея было необыкновенно серьезно,—онъ никогда не видалъ его такимъ. Она улыбнулась, только когда онъ улыбнулся, улыбнулась, только какъ бы покоряясь ему, но въ душѣ ея не было улыбки, былъ страхъ. Онъ сдѣлалъ ей знакъ рукою, вызывая ея на дворъ къ себѣ. Но она помахала головой, что нѣтъ, не выйдетъ, и осталась стоять у окна. Онъ приблизилъ еще разъ лицо къ стеклу и хотѣлъ крикнуть ей, чтобы она вышла, но въ это время она обернулась къ двери,—очевидно, ее позвалъ кто-то. Нехлюдовъ отошелъ отъ окна. Туманъ былъ такъ тяжелъ, что, отойдя на пять шаговъ отъ дома, Нехлюдовъ уже не видѣлъ окна, а только чернѣющую массу, изъ которой свѣтилъ красный, казавшійся огромнымъ, свѣтъ лампы. На рѣкѣ шло то же странное согнѣе, шуршанье, трескъ и звонъ льда. Недалеко изъ тумана во дворъ прокричали одинъ пѣтухъ, отозвались близко другіе, и издалека съ деревни послышались перебивающіе другъ друга и сливающиеся въ одно—пѣтушья крики. Все же кругомъ, кромѣ рѣки, было совершенно тихо. Это были уже вторые пѣтухи.

Пройдя раза два взадъ и впередъ за угломъ дома и попавъ нѣсколько разъ ногою въ лужу, Нехлюдовъ опять подошелъ къ окну дѣвичьей. Лампа все еще горѣла, и Катюша опять сидѣла одна у стола, какъ будто была въ нерѣшительности. Только что онъ подошелъ къ окну, она взглянула въ него. Онъ стукнулъ. И, не разсматривая, кто стукнулъ, она тотчасъ же выбѣжала изъ дѣвичьей, и онъ слышалъ, какъ отлипла и потомъ скринула выходная дверь. Онъ ждалъ ее уже у сѣней и тотчасъ же молча обнялъ ее. Она прижалась къ нему, подняла голову и губами встрѣтила его поцѣлуй. Они стояли за угломъ сѣней на стаявшемъ сухомъ мѣстѣ, и онъ весь былъ полонъ мучительнымъ, неудовлетвореннымъ желаніемъ. Вдругъ опять такъ же чмокнула и тѣмъ же скрипомъ скринула выходная дверь, и послышался сердитый голосъ Матрѣны Павловны:

— Катюша!

Она вырвалась отъ него и вернулась въ дѣвичью. Онъ

слышалъ, какъ захлопнулся ключокъ. Вслѣдъ за этимъ все затихло, красный глазъ въ огнѣ исчезъ, остался одинъ туманъ и возня на рѣкѣ.

Нехлюдовъ подошелъ къ окну, никого не видно было. Онъ постучалъ, ничто не отвѣтило ему. Нехлюдовъ вернулся въ домъ съ параднаго крыльца, но не заснулъ. Онъ снялъ сапоги и босикомъ пошелъ по коридору къ двери Катюши, рядомъ съ комнатой Матрѣны Павловны. Сначала онъ слышалъ, какъ спокойно храпѣла Матрѣна Павловна, и онъ хотѣлъ уже войти, какъ вдругъ она стала кашлять и повернулась на скрипучей постели. Онъ замеръ, и простоялъ такъ минутъ пять. Когда опять все затихло и послышался опять спокойный храпъ, онъ, стараясь ступать на половицы, которые не скригли, пошелъ дальше и подошелъ къ самой двери Катюши. Все было тихо. Она, очевидно, не спала, потому что не слышно было ея дыханья. Но какъ только онъ прошепталъ: «Катюша!»—она вскочила, подошла къ двери и сердито, какъ ему показалось, стала уговаривать его уйти.

— На что похоже? Ну можно ли? Услышать тетеньки, — говорили ея уста, а все существо говорило: «я вся твоя».

И это только понималъ Нехлюдовъ.

— Ну, на минутку отвори. Умоляю тебя, — говорилъ онъ бессмысленныя слова.

Она затихла, потомъ онъ услышалъ шорохъ руки, ищущей ключокъ. Ключокъ щелкнулъ, и онъ протиснулъ въ отвернутую дверь.

Онъ схватилъ ее, какъ она была, поднялъ ее и понесъ.

— Ахъ! Что вы?—шептала она.

Но онъ не обращалъ вниманія на ея слова, несъ ее къ себѣ.

— Ахъ, не надо, пустите, — говорила она, а сама прижималась къ нему.

Когда она, дрожащая и молчаливая, ничего не отвѣчая на его слова, ушла отъ него, онъ вышелъ на крыльцо и остановился.

На дворѣ было свѣтлѣе: внизу на рѣкѣ трескъ и звонъ и согнѣе льдинъ еще усилились, и къ прежнимъ звукамъ прибавилось журчанье. Туманъ же сталъ садиться внизъ, и изъ-за стѣны тумана выплылъ ущербный мѣсяцъ, мрачно освѣщая что-то черное и страшное.

«Что же это: большое счастье или большое несчастье случилось со мной?» — спрашивалъ онъ себя. — «Всегда такъ, все такъ», — сказалъ онъ себѣ и пошелъ спать.

(Продолженіе будетъ.)

* * *

Мнѣ снилось,—отдыхаю
Я дома, у отца.
Цѣлую и ласкаю
Загаръ его лица...
Кругомъ все такъ знакомо!
Онъ самъ живой, какъ былъ,
А я,—я... дома, дома,
Въ расцвѣтѣ юныхъ силъ!...
Знакомыми тропами,
По ўтру, мы идемъ,—
Насъ яблони цвѣтами
Засыпали кругомъ.
Лучи еще не знойны,

А пчелы такъ шумны,
А тучки такъ спокойны,
Подъ ласкою весны...

Я въ полночь вдругъ проснулась,
Отъ страха онѣмѣвъ:
Метель въ окно рванулась,
И стонетъ нараспѣвъ.
Вся саваномъ одѣта,
Спитъ мертвая страна...
И пѣсня жизни спѣта.
И въ косахъ—сѣдина!

Баронесса Е. К. Остенъ-Сакенъ.

Дѣдъ и внукъ.

Разсказъ В. Успенскаго.

I.

Солнце, большое, ясное, только что поднималось на горизонтѣ; внизу, по землѣ, было еще свѣжо и сыро послѣ росистой ночи, а на церкви села Лалтева уже сверкала крестъ. Легкій бѣловатый ту-

манъ поднимался съ дуга; солнце, всходящее выше и выше, кдало на все веселые, яркіе тона; воздухъ былъ полонъ колокольного звона и трелей жаворонковъ; все улыбалось и пѣло.

Былъ праздникъ, и къ молитвѣ созывалъ на этотъ разъ новый

сторожъ лавтевской церкви, Сидорычъ. Какъ новичокъ, онъ былъ слишкомъ проникнутъ сознаниемъ важности дѣла и нѣсколько волновался, боясь сбиться съ ладу при трезвонѣ.

Когда по дорогѣ за селомъ показалась знакомая телѣжка батюшки, Сидорычъ ударилъ во всё.

Колокола такъ радостно звучали и такъ это шло къ праздничному лѣтнему утру, что даже батюшка, за тридцатилѣтнюю службу въ Лавтевѣ видѣвшій много картинъ въ этомъ родѣ, наслаждался и не трогалъ лошадей.

«Истинно хорошо», думалъ онъ, созерцая и слушая. «Покрывай водыми выспрѣнныя Твоя, полагай облака на восхождение Твое»...

Рослый гнѣдой конь батюшки, словно понимая состояние духа хозяина, замедлил шагъ.

А Сидорычъ усталъ звонить и потерялъ ладу: всѣ попытки направиться были напрасны: колокола не слушались. Это испортило нѣсколько настроеніе батюшки.

— На-ка, лошадей прибери,—сказалъ онъ спѣшившему навстрѣчу Сидорычу:—это дѣло по тебѣ, а звонить не берись въ большіе праздники, пусть Фроль звонитъ.

Во время богослуженія неудачи Сидорыча продолжались: вмѣсто кадила онъ тащилъ аналой; нуженъ былъ аналой, онъ подавалъ под-свѣчникъ. О. Пванъ устранилъ его отъ прислуживанья и даже прикрикнулъ на него.

Сидорычъ долженъ былъ ставить обществу «могорычи» за опредѣленіе къ общественной службѣ. Лавтевы строго соблюдали этотъ порядокъ, и потому даже къ обѣднѣ пришлось въ этотъ разъ больше народу, чѣмъ бывало обыкновенно.

Послѣ обѣдни, пока Сидорычъ управлялся въ церкви, «старикъ» разсѣлся около сторожки и въ церковной оградѣ и, бесѣдуя о разныхъ деревенскихъ дѣлахъ, ожидали виновника торжества.

— Эхъ, денегъ-то, чудо!. Наливаетъ магушка!—произнесъ словно про себя старый Киреевичъ, мечтательно глядя въ поле, гдѣ збылась уже побурѣвшая рожь.

Около него заговорили объ урожаѣ.

Илюха Вахторковъ разсказывалъ что-то веселое про старика Лавтекина.

Наконецъ Сидорычъ отбѣгалъ.

— Ну, нечего время терять, пойдемте!—предложилъ кто-то, и всѣ дружно повалили внизъ, подъ горку, къ кабаку.

Сидорычъ водки не пилъ и угощать не любилъ, но теперь безъ этого нельзя было обойтись: сдѣлавшись церковнымъ сторожемъ, онъ становился въ зависимость отъ общества, которое будетъ вознаграждать его за трудъ, которое можетъ его и смѣнить... Распивая сидорычево ведерко, въкоторые и намекали ему на это.

— Гордый ты человекъ: думалъ самъ собою прожить, анъ погоди: общество стало нужно. Такъ-то, дѣды, безъ общества ни-ни!..

Такъ поучалъ Сидорыча сельскій писарь, но прозванію «Нышка», чрезвычайно преданный обществу, когда оно собиралось пить могорычи. У Сидорыча былъ уже готовъ рѣзкій отвѣтъ, но онъ не сказалъ ничего: въ словахъ пьяницы Нышки была доля горькой правды.

Сидорычъ, пилъ, полностью, Амелиячъ Сидорычъ Рудыхъ, былъ высокой старикъ съ большой бородой и суровымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ. Что-то упрямое и жесткое было въ его физиономіи. Лѣтъ 10—12 тому назадъ у Сидорыча была семья, было хозяйство, да не такое истинное, какъ у другихъ лавтевцевъ, а настоящее, солидное хозяйство: телѣга, такъ телѣга, лошади, такъ лошади, хата, такъ хата,—словомъ, все соответствовало своему назначенію и имени, не то, что у другихъ: одно званіе. Сидорычъ былъ «жителъ» и пользовался влияніемъ въ обществѣ: иногда было достаточно только его вида, чтобы на сходѣ проваливались прекрасные обоснованные и чрезвычайно заманчивые проекты объ отдачѣ, напр., общественныхъ угодъ или разныхъ земельныхъ отрѣзковъ, этакъ года на три впередъ, причемъ, въ виду имѣлось главнымъ образомъ «масло» (такъ лавтевы, неизвѣстно почему, называли водку, если она попадалась на общественный счетъ). Конечно, творцы проектовъ и вообще партія «масла» не любили Сидорыча, но все же, въ обществѣ мѣштинъ, онъ былъ самый «правильный» мужикъ изъ всего Лавтева.

И самъ Сидорычъ о себѣ такъ думалъ. У него имѣлось даже высшее подтвержденіе собственной «правильности»: въ Лавтевѣ случился пожаръ: сунъ была; вѣтеръ ткнулъ прямо на дворы. Думали, все село смахнетъ. Сидорычъ взялъ «Необалимую Кушину», сталъ противъ вѣтра, вѣтеръ повернулъ на дѣсь — и пожаръ прератился.

Въ области морали основнымъ положеніемъ Сидорыча было убѣжденіе, что вся бѣда происходитъ отъ людской слабости. Крестьянство особенно сильно ослабло послѣ отчужденія крѣпостныхъ порядковъ.

— Подѣлились, изныяствовались, непочетчики стали... И прежде водку пили, да все не то: были мужики пьяницы, а теперь не рѣдкость,—деревни—нышница, общество—пьяница. Небось, у хорошаго барина не станешь въ кабацкѣ бабѣ добро тащить, да стариковъ-отцовъ за бороды волочить, а нынче—этого сколько хочешь!—убѣжденно «рубиль» онъ (говоръ у него былъ отрывистый такой), идеализируя старину и обличая современные нравы деревни.

Слово у Сидорыча не расходилось съ дѣломъ: его никакъ нельзя было упрекнуть въ слабости, но крайней мѣрѣ въ отношеніи домашнихъ: жена его, старая Лукьянхна, сынъ Лавруха, невѣстка,—всѣ трепетали суроваго хозяина и слушались его безпрекословно.

Сидорычъ считалъ такіа отношенія къ семьѣ спасительными для порядка и семейнаго благополучія.

Но жизнь разбила это его убѣжденіе.

Пошло подъ гору со смерти сына Лаврухи. Поѣхалъ малый въ Польсье за досками; захватила полая вода, простудился и померъ. Потомъ съ невѣсткой неладъ пошелъ, изъ-за мальчишки-внука больше... Ушла къ брату, въ Кіевъ. Старуха бросила тоже, на тотъ свѣтъ отправилась.

Остался Сидорычъ одинъ.

Съ хозяйствомъ ужъ не подъ силу было одному справляться. Скрѣни сердце, поставилъ старикъ свои телѣги и сохи подъ сарай, хомуты и сбрую въ амбаръ заперъ; что выпродалъ, сдалъ землю на годъ и нанялся сторожемъ къ церкви.

Но, хотя Сидорычъ всегда имѣлъ стремленіе къ «божественному», усердно посѣщалъ церковь, имѣлъ желаніе прислуживать въ алтарѣ и теперь на свою службу при церкви смотрѣлъ, какъ на душевна-сительный подвигъ,—онъ не нашелъ въ ней удовлетворенія. Обязанности болѣе почтенныя: подаваніе кадила священнику во время богослуженія, устанавливаніе аналой и т. и. восхитилъ Фроль, другой сторожъ церкви, который лучше зналъ, какъ и когда нужно это дѣлать. А на долю Сидорыча осталось подметаніе въ церкви и около церкви, звонъ въ одинъ колоколь (трезвонить онъ такъ и не выучился).

Съ другой стороны, выросши на крестьянскомъ трудѣ, проживши жизнь въ пемѣ, не легко было помириться съ какою-либо иною дѣятельностью: сѣять свой хлѣбъ, косить, молотить его—это настоящая правильная жизнь, безъ этого Сидорычу было и скучно, и больно. Онъ сдѣлался задумчивъ и потерялъ самоувѣренность: цѣльное міросозерцаніе было потрясено, почва ушла изъ-подъ ногъ... Иногда ему хотѣлось вернуть ее, и тогда онъ мечталъ зввать внука Никишку и вновь устроить съ нимъ хозяйство: онъ зналъ—Никишка былъ живъ и работалъ гдѣ-то въ Кіевѣ.

II.

Но Сидорычъ съ своими предположеніями вернуть внука опоздалъ: внукъ уже прочно стоялъ на совершенно чуждой мечтамъ дѣла линии.

Невѣстка Сидорыча, Матрена, поселившись съ сыномъ въ Кіевѣ, занялась прачечнымъ дѣломъ. Никишка лѣтъ до тринадцати бѣгалъ по кіевскимъ улицамъ, изучая искусство таскать съ лотковъ торгового яблоки и приноси, усваивая вѣски и сильныя ругательства извозчиковъ и рабочихъ и прибрѣтая другія полезныя и пріятныя познанія. Въ этомъ Никишка не отставалъ отъ своихъ уличныхъ товарищей, даже многихъ опереживалъ. Не отставалъ онъ отъ другихъ и по части грамоты: за двѣ зимы посѣщенія школы онъ выучился кое-какъ читать и писать. Это обстоятельство собственно и опредѣлило дальнѣйшую карьеру Никишки — служеніе печатному делу. По совѣту и протекціи знакомаго типографскаго наборщика, Никишка поступилъ въ типографію мальчикомъ, а потомъ, года черезъ три, сдѣлался наборщикомъ. Здѣсь, въ пропитанной шумомъ типографской краски атмосферѣ, среди испрестаннаго звука машинъ, набирая изъ маленькихъ буквъ строки, страницы, листы, десятки листовъ, цѣлые томы, онъ окончательно забылъ свое родное Лавтево, окончательно утратилъ черты, сколько-нибудь напоминающія его происхожденіе изъ деревни. Лицо его по вѣту напоминало типографскія оловянные буквы, и, казалось, въ душѣ его было больше близости къ этимъ буквамъ, чѣмъ къ Лавтеву, къ дѣду Сидорычу, къ крестьянской жизни.

Въ свободное отъ работы время Никишка развлекался со своими товарищами, пилъ; скоро онъ узналъ и прелести женскаго общества.

Такъ сложилась норма его жизни. При ней мать являлась только ненужной помѣхой: проспа денегъ, выражала неудовольствіе, когда случалось приходиться домой пьянымъ или побитымъ. Поэтому Никишка, воспользовавшись случаемъ, перебрался въ другой городъ и прекратилъ сношенія съ матерью.

Тутъ, въ этомъ городѣ, недалеко отъ родины, Никишка, какъ привычный типографскій рабочий, поступилъ на большое жалованье. Въ типографіи его уже называли Никифоромъ, а товарищи даже Никифоромъ Лаврентьевичемъ.

Но норма жизни осталась та же: тѣ же двѣнадцать часовъ работы въ сутки, тѣ же праздничныя удовольствія.

Все-таки, какъ ни склался съ этой нормой Никифоръ, иногда ему казалось, что жизнь его ни на что не похожа: «звѣриная кака-то: ни угла своего, ни семьи, ни попа, ни праздника... Лошавая лошадь и больше ничего», думалъ про себя Никифоръ въ иные минуты. Иногда и дѣдова земля приходила ему въ голову: заполучить бы ее да мужикомъ-хозяиномъ сдѣлаться! По это было лишь случайнымъ мыслямъ, въ осуществимость которой Никифоръ никакъ не могъ вѣрять: и старикъ земли не дастъ, и земля ему не дастъ,—не справится онъ съ ней.

Стоитъ Никифоръ за печатнымъ станкомъ, быстро механически набираетъ строчки: въ око видно,—городская толпа шумитъ,—праздникъ, довольная, сытая... «Хорошо тому, кому готовый кормъ падаетъ,—думаетъ онъ,—это главное... А вотъ, попробуй-ка, такъ-то, по буквамъ...» Руки быстрѣе бѣгаютъ по кассѣ, лицо его дѣлается урюмымъ и злымъ, пока опять шумъ машины и собственная кропотливая работа не погружаетъ его въ тупо-равнодушное состояніе.

По двадцати второму году Никифоръ отправился въ свой уѣздный городъ отбыть призывъ къ воинской повинности. Онъ зналъ, что его не возьмутъ въ солдаты: одинъ сынъ у матери; да, кромѣ того, по

сложению «не вышеть». Поэтому, прогуляв съ заптевскими парнями, вместе съ нимъ призвавшимся, дня три въ городѣ, онъ съ легкимъ сердцемъ съ ними же завернулъ въ Лаптево.

— Захотѣлось деревню посмотреть, — говоритъ онъ своему спутнику, Петрухѣ Кутузову: — съ того времени, какъ мы съ тобой, помнишь, голыцовъ птанами въ ручьи ловили, не былъ въ деревнѣ, — по городамъ больше.

— Что-жь, посмотри, можетъ и понравится... Сидешь на дѣлову землю, женишься, чего лучше? — отозвался Петруха.

Петруху «забрили», и онъ сидѣть мрачный. Только послѣ кабака по пути, въ которомъ спутники хорошо выпили, сдѣлалось веселѣй. Никифоръ разспазывалъ о городской жизни:

— Ты говоришь... въ городѣ всего достать можно — были бы денежки... Я разъ у барина тридцать рублей на бильярдѣ выигралъ и пропилъ ихъ за ночь... Чего хочешь, было!

Петруха слушалъ эти разказы съ большимъ интересомъ: — О, братъ ты мой!.. Ловко!.. — восклицалъ онъ, раскуривая папиросы, купенныя Никишкой въ деревенскомъ кабацѣ.

Въ Лаптево прѣехали ночью. Никифоръ остался у Петрухи. На другой день былъ праздникъ. Семья Кутузова проснулась рано. Бабы возились у печки, Петруха собирался къ обѣднѣ; спать было нельзя, и Никифоръ пошелъ съ ними.

Лѣтъ десять онъ не видалъ церкви и теперь съ любопытствомъ осматривалъ ее, возобновляя въ памяти впечатлѣнія дѣтства. Ему было очень странно: церковь, представлявшаяся въ дѣтствѣ огромной, теперь смотрѣла совсѣмъ маленькою и скромною. Когда Никифоръ ребенкомъ бывалъ въ церкви, на него особенно сильное впечатлѣние производилъ образъ Михаила Архангела на южныхъ дверяхъ: Никишкѣ казалось, что Архангелъ смотритъ на него и грозитъ ему своимъ огненнымъ мечомъ. И теперь, когда взоръ Никифора упалъ на икону, его на минуту охватило жуткое чувство, испытываемое имъ въ дѣтствѣ.

Послѣ обѣдни Никифоръ зашелъ къ дѣду. Сидорычъ ни за что бы не узналъ въ жидкомъ и блѣдномъ парнѣ, одѣтомъ и подстриженномъ «на манеръ чиновника», своего пузатого внука.

— Ну, какъ поживаешь, внучекъ? Мать какъ?

— Мать въ Киевѣ... Она не со мной... Ничего — живеть себѣ.

Никифоръ курилъ папироску, смотрѣлъ на часы.

— И я, что-жь, тоже ничего, зарабатываю: двадцать рублей въ мѣсяцъ платять.

— Платять двадцать, — перебилъ дѣдъ: — а ты лучше скажи, сколько домой приносишь?

— У меня нѣтъ «домой» и приносить мнѣ некуда, — отвѣтилъ, смѣясь, Никифоръ.

Потомъ онъ выпросилъ у дѣда три рубля на дорогу (поиздержался за поѣздку) и ушелъ.

Сидорычъ холодно простился съ внукомъ: его папироски, часы, разговоръ очень не понравились старику. «Тагъ дрянь», рѣшилъ онъ про себя и ни слова не сказалъ ему о землѣ и о хозяйствѣ.

Никифору деревенская жизнь тоже не понравилась:

— Гнусная жизнь — бѣдность, грязь, скука, — говорилъ онъ, уходя изъ Лаптева въ городъ на прежнее мѣсто.

Никифоръ никогда не былъ особенно усерднымъ работникомъ, — онъ только представлялъ довольно удовлетворительный прирѣтокъ къ типографскимъ машинамъ; этого, впрочемъ, было достаточно. Но послѣднее время онъ сталъ работать хуже: мысли о томъ, что домой онъ, дѣйствительно, какъ говорилъ дѣдъ, ничего не приноситъ и никогда приносить не будетъ, что у него нѣтъ «домой», — занимали голову, мѣшали точности и правильности работы: случалось, — такія слова набирали, какихъ и на свѣтѣ нѣтъ. Штъ сталъ больше... Въместо прибавки приходилось получать выговоры.

Наконецъ, послѣ того, какъ Никифоръ отвѣтилъ грубостью на замѣчаніе, ему выдали расчетъ.

Около мѣсяца пришлось пробыть безъ мѣста.

Но занятій по своей специальности Никифоръ и не особенно сильно искалъ; они не сулили ему ничего заманчиваго въ будущемъ: «будешь всю жизнь работать на хозяина, будешь получать какъ разъ столько, чтобы не умереть съ голоду», разсуждалъ Никифоръ. И для него было необыкновенно ясно, что «денеги на деньги идутъ, не иначе».

«Хорошо бы заподучить какия-нибудь, деньги, по кагъ?»

Онъ былъ увѣренъ, что на свѣтѣ есть такіе случаи, даже много такихъ случаевъ, есть такія деньги, которыя только и ждутъ того, чтобы кто-нибудь пришелъ и взять ихъ себѣ.

Такия мысли нѣсколько облегчали существованіе Никишки, питали его душу, но тѣло было удовлетворено плохо: пальто были заложены — жить было совсѣмъ нечѣмъ, и онъ поступилъ въ другую типографію.

Но здѣсь дѣла пошли еще хуже: жалованье было еще меньше, порядки строже, мысли мѣшали еще больше, похмелье случалось чаще.

Мѣсяца черезъ два Никифоръ опять былъ «свободенъ» и, на этотъ разъ, надоло.

Онъ сталъ существовать случайными заработками, въ родѣ колки дровъ, чистки снѣга, погрузки вагоновъ на станціи, ночевалъ и питался въ обжорныхъ рядахъ, въ кабацѣ, на товарныхъ платформахъ — гдѣ придется.

Почти на самомъ концѣ города, гдѣ мощеная улица переходила въ шоссе на «ложные города», среди выпянувшихся въ длинную прямую линію домовъ, пріютилась окрашенная въ желтую краску «бѣлая харчевня съ продажей пива». Хозяйка этого заведенія, Оедосья Андревна Лапина, почтенная вдовствующая дама лѣтъ сорока пяти, занималась дѣломъ со смерти мужа лѣтъ уже двадцать, не особенно заботилась о вѣнкости помѣщенія: она не перемѣнила даже вывѣски, на которой съ трудомъ можно было прочитать приведенную выше надпись. Тѣмъ не менѣе, торговля у Оедосьи Андревны шла недурно, благодаря привѣтливости хозяйки, а также близости базара и сливныхъ масляныхъ дворовъ. Въ базарные дни кабакъ былъ полонъ крестьянами, привозившими въ городъ на продажу произведенія полей, лѣсовъ и сельскаго хозяйства, которые ходили сюда «вспрыскивать» какъ удачныя, такъ и неудачныя сдѣлки, — прасоловъ, рабочаго люда.

«Харчевня» находилась въ районѣ дѣятельности Никифора, и онъ частенько-таки захаживалъ въ нее, промѣнивать заработанные на станціи гроши на шпанки, полбутылки и вареную печенку. Онъ имѣлъ даже небольшой кредитъ здѣсь.

Какъ-то въ осенній пасмурный день Никифоръ зашелъ къ «Лачихѣ» (такъ называли постоянные посетители хозяйку харчевни) довольно рано, часовъ въ десять утра.

Нѣсколько дней онъ не имѣлъ заработка, былъ голоденъ и дрожалъ отъ холода, какъ бродячая собака.

— Андревна, заими шпанки еще, ей-Богу!

— Ну, да, заими, — все заими: давно ужъ такъ... а платить когда будешь?

— Развѣ я не платилъ?.. Какъ работа...

Но Андревна была непреклонна.

— И такъ за тобой ужъ семьдесятъ шесть, да еще — ему запиши... Нашелъ дуру!

— Ну, хоть стакачичка!

Андревна не отвѣчала; она перестирала свое оружіе: стаканы, кружки, бутылки и, казалось, не слышала просьбы Никифора.

Никифоръ стоялъ въ раздумьи: у него былъ одинъ ресурсъ — жижетка, но жалъ было съ ней разстаться: холода наступали; поддевка изорвалась, въ жижеткѣ-то груди тенлыи.

Въ это время вошли въ кабакъ три мужика. Отыскавъ глазами икону, они перекрестились, сказали: «здравствуйте вамъ» и усѣлись около стола.

— Ну-ка, хозяйка, дайте намъ диковину, — сказала одна изъ нихъ, высокій, съ русой бородой.

На столѣ появилась бутылка, стаканы; бутылка стала кланяться стаканамъ, стаканы стали цѣловаться съ мужиками. Въ промежуткахъ мужики разговаривали о своихъ дѣдахъ. Они привозили въ городъ масло, слили его; выпьютъ стакачичка — и домой.

«Гдѣ же я видѣлъ этого русаго?» думалъ Никифоръ, вематриваясь въ высокаго мужика.

Собесѣдники упомянули Лаптево. Теперь онъ узналъ: этотъ высокій — Оедоръ Кутузовъ, дядя Петрухи, ставившагося вмѣстѣ съ нимъ.

— Что вы, почтенные, не изъ Лаптева будете? — обратился къ компаніи крестьянъ Никифоръ.

— Изъ Лаптева... а что? — сказалъ Кутузовъ, осматривая Никишку.

— То-то, я признаю... Значить, земляки...

— А вы кто же сами?

— Я Никифоръ, внукъ Амелияна Сидорыча. Съ племянникомъ вашимъ, Петромъ, помните, въ позапрошломъ году повинность вмѣстѣ отбывали.

Лаптевцы кончали бутылку. Настроеніе сдѣлалось веселымъ и общительнымъ.

— Еще рано, — до крестовъ, куда хочешь, доѣдемъ, — рѣшили они и спросили другую: — выпьемъ, да и пошлемъ... земляку надо стакачичка поднести... Садись, земляки!

Никифоръ подсѣлъ къ нимъ.

— Что это ты, братъ, Никишка, оплошалъ, запаршивѣлъ? Какъ къ намъ приходилъ тогда, — позыремъ смотрѣлъ, — замѣтилъ одинъ изъ лаптевцевъ, котораго называли дядя Василій, не старій еще, лысый мужикъ, съ умными, насмѣшливыми глазами. — Ты тогда не токма, что дѣвкамъ, а и ребятамъ думки придашь: мой малый сколько сумѣвался, чтобъ ему пальто такое сдѣлать, какъ у тебѣ было... Пасчетъ пальта дѣло не вышло, а прическу твою перенялъ-таки.

— Безъ мѣста теперь, — отозвался Никифоръ: — случай такой вышеть... Это не надоло.

— И въ «Сапоговѣ», значить, трудные случаи бываютъ, не въ одномъ Лаптевѣ, — замѣтилъ, смѣясь, Оедоръ. — А, помнишь, тогда ужъ очень ты хрестьянскую жизнь противъ городской обижалъ.

— Хрестьянская жизнь теперь упала — обѣднѣли, — заговорилъ старій изъ мужиковъ, Киреевичъ, совершенно сѣдой, но еще крупній и сильный старикъ, почти не принимавшій участія въ разговорѣ. — Прежде по десяти лошадей имѣли, телѣги, упряжь, одонья по четыре года не трогались!.. Въ пальтахъ не ходили, сапоги тоже рѣдко нашивали, — я самъ въ лаптяхъ вѣнчался, — а достатокъ имѣли, все было... Молодой народъ развитый сталъ, разоряетъ старья хозяйства... Только тамъ и держится достатокъ, гдѣ старики сиду имѣютъ: вошь, Коривый, судержитъ дворъ въ своей власти — и естъ у него... Десять тыщъ, говорятъ, въ церковь беречь отдавать, какъ, въ Русалимѣ пошелъ!

Бонапартъ и сержантъ Жюно при осадѣ Тулона. По рис. в. Тѣни грав. Уионъ.

Чайки на восточномъ берегу Шотландіи. Съ картины М. Мортимера.

III.

Первого октября, в день Покрова Богородицы, село Лаптево читло свой храмовый праздник. В этом году день выдался непогожий: сь самого утра, не переставая, лил холодный, осенний дождь; сьрое небо спустилось так низко, словно хотѣло закрыть мутнымъ бѣловатымъ туманомъ лаптевскія хаты.

Но непогода не мѣшала идти празднику своимъ порядкомъ: какъ всегда, къ лаптевцамъ прѣехали гости: зятя, сваты, кумовья, а то и просто прїятили; какъ всегда, около церкви прѣбывавшіе изъ города торговцы продавали пряники, стодбики, подсолнечное сѣмя, арбузы, ленты, пуговицы, яголки и другіе сезонные товары и предметы деревенской роскоши и туалета.

Послѣ обѣдни лаптевцы потопкались по базару, а потомъ занялись празднованіемъ, т.-е. обѣдали сѣ водкой, пили чай сѣ водкой же, бесѣдовали, пѣли пѣсни. Самые бѣдные и одинокіе, у которыхъ ничего и ничего не было, шли на праздникъ къ сосѣдямъ, къ прїятелямъ или къ знакомымъ: въ такой день всегда можно было найти мѣсто за столомъ, мягкій пирогъ, стаканчикъ водки, вообще все, что составляетъ прелесть «престола» и ждѣтся сѣ нетерпѣніемъ цѣлый годъ.

Въ этотъ день самымъ одинокимъ человѣкомъ въ Лаптевѣ былъ Сидорычъ: онъ никуда не шель, никого не принималъ. Фроль гулялъ на селѣ, и старикъ былъ совершенно одинъ въ своей сторожкѣ. Онъ лежалъ на печи и думалъ свои думы.

Думъ послѣднее время было много въ головѣ Сидорыча: порождала ихъ надвигающаяся старость и одиночество: хотѣлось пересматривать прошлое, обдумывать настоящее. Особенно часто мысль обращалась къ тому моменту прошлаго, сѣ котораго началось распадѣніе семьи или, какъ Сидорычъ мысленно выражался: «пошло подъ гору», — и это прошлое теперь представлялось ему уже въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ прежде: вмѣсто легкаго и прїятнаго сознанія правильности своихъ дѣлъ, явилось такое, отъ котораго тяжело и безпокойно, которое безпоощадно обвивало его.

«Лавруха померъ,—положимъ, въ животѣ и смерти Богъ воленъ, но вѣдь самъ онъ послалъ сына въ Польсѣ, когда поляя вода была на носу; старуха отговаривала, малый упирался»...

Помнить онъ, какъ сынъ передъ смертью сказалъ: «привезъ досокъ себѣ на гробъ... Богъ тебѣ судья, бачка!» И правду сказалъ: изъ этихъ досокъ ему гробъ дѣлали.

Невѣстка Матрена и внукъ вспоминаются. Хорошая, работящая была баба Матрена и красивая, смотрѣть хочется! Сидорычъ не можетъ скрыть отъ себя, что иногда грѣшными глазами смотрѣлъ на невѣстку... Старался молитвой и волей прогнать грѣшныя мысли, — ничего не помогало и, кто знаетъ, что бы вышло, ежели бы не мальчишка мѣшалъ: все-таки Лаврухинъ сынъ—стыдно было... Можетъ-быть, за это онъ и не любилъ внука, близъ по дѣлу и не по дѣлу?

«За это, за это», твердитъ что-то въ душѣ Сидорыча, и онъ не можетъ спорить.

Стемяѣло. На селѣ замелькали огни.

Сидорычъ не зажигалъ огня, и въ сторожкѣ было темно.

«Можетъ-быть, такъ-то и помирять придется — одному, вьотъ-махъ», думалъ сѣ тоскою старикъ.

Онъ бы хотѣлъ и умереть «правильно», чтобы кругомъ родные были, сѣ пособорованіемъ, словомъ, «по-христіански»... Такъ все это должно было быть, да не вышло...

Вспомнился Сидорычу внукъ Никишка, какимъ видѣлъ его въ послѣдній разъ, — сѣ папирской, въ пальто, по особому подстриженный, — и нехорошее враждебное чувство зашевелилось въ душѣ Сидорыча.

Непогода все усиливалась; дождь и вѣтеръ стучали въ окно сторожки; было слышно, какъ подъ напоромъ вѣтра шумѣли вокругъ церкви деревья.

Сидорычу надо было прозвонить обычный вечерній звонъ. Онъ натянулъ зипунъ и вышелъ изъ сторожки.

Вѣтеръ, словно подждавшій за дверью, набросился на него, завернулъ полы зипуна, сбилъ шапку. Старикъ даже растерялся-было отъ такого неожиданнаго и энергичнаго нападенія, но потомъ оправился и ощупью вьотъмахъ сталъ пробираться къ колокольнѣ.

— Господи Исусе, Покровъ Пресвятой Богородицы, — шепталь онъ, борясь сѣ вѣтромъ.

Въ шумѣ вѣтра прорывались высокіе стонущіе звуки, — то тихо отъ вѣтра звонили колокола. Это бывало рѣдко и только въ очень сильную бурю. Сидорычъ зналъ эти звуки, и ему всегда становилось отъ нихъ жутко.

Сѣ молитвой нащупалъ старикъ веревку, спускающуюся сверху, отъ большого колокола, внизъ, къ церковному крыльцу, и сталъ медленно звонить: разъ... два... три... двѣнадцать. Вѣтеръ подхватывалъ восклицанія колокола, старался смѣшать ихъ въ общемъ шумѣ бури, но они были сильны, не сразу подавались, моментами покрывали и шумъ деревьевъ, и вой вѣтра, и наконецъ, гасли и уходили въ темноту ночи.

Сидорыча почему-то сегодня особенно брала робость, и изъ головы у него не выходило, что онъ одинъ.

Осмотрѣвъ замокъ на главныхъ дверяхъ, попробовавъ, плотно ли затворены боковыя двери, которые запирались изнутри, онъ сѣ такимъ ощущеніемъ, будто кто-то его ловить, возвратился въ сторожку и затворилъ за собою дверь.

Было не поздно; на селѣ еще горѣли огни.

Сидорычъ забрался на печь сѣ намѣреніемъ заснуть. Но ему долго не спалось, и онъ думалъ свои думы подъ стоны бури.

Въ эту ночь былъ и еще человѣкъ, который слѣдилъ, что дѣлается около церкви, слушалъ стонъ бури, звонъ колоколовъ...

То былъ внукъ Сидорыча, Никишка.

Узнавъ изъ разговора сѣ лаптевскими мужиками, что ихъ односельецъ, Корявый, отправляясь на богомолье, положилъ па сбереженіе въ церковь деньги, онъ рѣшился украсть ихъ. Голова Никишки какъ-то сама собой упрямо работала надъ составленіемъ плана осуществленія этой идеи. Планъ составилъ такой: ночью, — конечно, темною, воровскою, — пробраться въ церковь, взять деньги и выйти черезъ боковыя двери, запиравшіеся крючками изнутри.

День былъ указанъ лаптевскими мужиками, сѣ которыми онъ встрѣтился у Лапчихи. Они, шутя, звали его къ празднику погулять, дѣда навѣстить.

— Покровъ Богородицы — гуль бываетъ, страсть! — говорили лаптевцы.

У Никишки еще тогда мелькнула мысль, развившаяся потомъ въ неотступную идею, и онъ не то раздумчиво, не то насмѣшливо отвѣтилъ:

— А что-жъ, можетъ-быть, и приду...

Такъ Никишка и остановился на этомъ дѣлѣ: ночь на Покровъ должна быть темная, — новозуіе въ этотъ годъ въ Покровъ прихотилось, — народъ и сторожа будутъ пьяны по случаю праздника.

Размышляя о своемъ предпріятіи, Никишка не разъ вспоминалъ, что оно касается его дѣда, но этому обстоятельству онъ не придавалъ ровно никакого значенія.

Запасшись инструментами: короткимъ ломомъ четверти въ три дюйма, сѣ заостреннымъ концомъ и желѣзною лапою въ видѣ локря, — утромъ на Покровъ Никифоръ выѣхалъ по желѣзной дорогѣ до ближайшей къ Лаптеву стачіи; отъ стачіи до Лаптева было верстъ пятнадцать. Это разстояніе Никифоръ прошелъ пѣшкомъ. Онъ дождался ночи въ лѣсѣ около села, а потомъ перебрался на прилегающее къ церкви кладбище.

Пройдя часа три подъ дождемъ, по грязи, и теперь, сидя въ темнотѣ, среди могильныхъ крестовъ и холмиковъ, Никифоръ не чувствовалъ, однако, ни особенной усталости, ни страха: онъ находился во власти своей идеи, и ему не нужно было даже особыхъ усилій воли, чтобы дѣйствовать рѣшительно и цѣлесообразно. Только звуки колокола немного смущали его...

Двѣнадцать разъ ударилъ колоколь и замолкъ.

Никифору нужно было дожждаться, пока заснетъ сторожъ и село. Отъ дождя и вѣтра онъ укрывался въ недалекомъ стоящій одетъ соломы около господскаго молотильнаго сарая.

Лежа въ соломѣ, онъ обдумывалъ, какъ поступить потомъ, когда у него будутъ въ рукахъ деньги; онъ рѣшилъ, что самое главное не показывать ихъ насколько можно долго: годъ, два пройдетъ, тогда и жить начать... Товарищей у него нѣтъ, — выдать некому.

Угрюмшись въ соломѣ, онъ незамѣтно задремалъ, но въ дремотѣ онъ ни на минуту не забывалъ, что у него есть важное; неотложное дѣло и что засыпать нельзя.

На селѣ погасли огни; люди, казалось, спали. Только слышно было, какъ шумѣла буря.

Никишка всталъ, отряхнулся; ему было жаль оставить нагрѣтое мѣсто; сдѣлавъ надъ собою усиліе, онъ сбросилъ минутную слабость и дремоту и пошелъ къ церкви.

Въ сторожкѣ было темно и тихо.

Отвязавъ отъ колонны веревку большого колокола, Никишка влѣзъ на колокольню, освободить другой конецъ веревки, привязанный къ языку колокола, обмоталъ ее вокругъ себя и чрезъ просвѣтъ колокольни проникъ на церковную крышу.

До купола было разстояніе, по гребню крыши, сажени четыре. Работая руками и ногами, борясь сѣ вѣтромъ, который сверху былъ сильнѣе и дулъ такъ, будто у него было намѣренное сбросить дерзкаго человѣка внизъ, Никишка достигъ купола. Куполь оказался выше, чѣмъ думалъ Никишка: ставни на гребень крыши, онъ хваталъ только до карниза, а окна были выше. Положеніе было трудное: вѣтеръ дулъ сѣ прежнею силою, веревка намочла, руки озябли... Никишка на минуту задумался; но, рѣшивъ, что думать нечего («не воротаться же?»), онъ навязалъ на веревку свой якорь и бросилъ его въ окно купола... оказалось — промахъ; бросилъ съ другой разъ — зазвенѣли стекла: якорь пробилъ стекло и потянулъ за собою веревку. Никишка потянулъ веревку къ себѣ и убѣдился, что якорь зацѣпился за что-то. Но за что?

«Хорошо, какъ за карнизъ или выступъ, а то—за переплетъ рамы... гнилой, не удержитъ», думалъ Никишка.

И онъ налегъ на веревку, сначала легонько, потомъ посильнѣе — она держалась. Сдѣлавъ въ веревкѣ петлю на половину своего роста, онъ сталъ въ нее ногою и потянулся вверхъ. Какъ только ноги Никифора потеряли твердую опору, вѣтеръ отнесъ его въ сторону. Нѣсколько мгновеній онъ висѣлъ въ воздухѣ, извиваясь вѣсьмъ тѣломъ. Путемъ страшныхъ усилій ему удалось, наконецъ, ухватиться руками за нижній переплетъ рамы разбитаго окна купола и опереться колыномъ на карнизъ. Въ переплетѣ были куски разбитаго стекла, и Никифоръ порѣзалъ объ нихъ руки.

Онъ перевелъ духъ. Думать, оставаться безъ дѣятельности было невыносимо жутко, и онъ опять принялся за работу: выломалъ переплетъ въ рамѣ, заложилъ свой якорь снаружи, а веревку перекинулъ внутрь церкви и, послѣ нѣкотораго усилія, заглянулъ туда вслѣдъ за веревкой.

Церковь представлялась тихою, наполненною мракомъ, бездною; только въ двухъ мѣстахъ предъ иконами неугасимыя лампады бо-

родились съ темнотою; но имъ удавалось отстоять лишь очень небольшое пространство около иконъ, противъ которыхъ онѣ горѣли. Въ одномъ изъ освѣщенныхъ пространствъ Никифоръ разсмотрѣлъ ликъ Михаила Архангела и часть огненного меча, и ему показалося, что на него устремлены суровые глаза. Душу его объять ужасъ; былъ моментъ, когда онъ готовъ былъ упасть: этотъ взоръ, этотъ мечъ погубятъ его...

Но назадъ возвращаться прежнимъ путемъ было почти невозможно.

«А, можетъ-быть, если погасить лампаду, и не страшно будетъ...» промелькнуло въ головѣ Никифора.

Перевѣсившись въ окно, онъ ухватился руками за веревку и повисъ на ней. Веревка была мокра и скрутилась жгутомъ; пораненныя руки ослабли. Сдѣлавъ нѣсколько перехватовъ, Никишка обрвался и упалъ на каменные плиты церковнаго пола. Звукъ паденія гулко пронесся по церкви; въ глазахъ Никишки сверкнули огни: мечъ отъ иконы потянулся и поразилъ его. Онъ потерялъ сознание.

Черезъ нѣкоторое время онъ очнулся. Въ церкви попрежнему было тихо и мрачно; колѣни у него были сильно разбиты и болѣли;

окровавленные штаны прилипали къ тѣлу; онъ весь дрожалъ отъ холода каменныхъ плитъ. Вспомнивъ объ иконѣ, онъ почувствовалъ на себѣ ея взглядъ и, забывъ боль, поднялся и направился къ боковымъ дверямъ. Распухшія ноги не сгибались, и онъ не переступалъ, а двигалъ ими.

Съ усиліемъ отворивъ дверь, онъ вышелъ наружу. Морозило; было видно; но вѣтеръ дулъ попрежнему.

Никишка прошелъ черезъ калитку въ оградѣ на кладбище и направился по немъ вправо. Въ эту сторону кладбище спускалось въ ложокъ, весь изрытый копаями. Никифоръ дотащился до канавы и подбился подъ ометъ пеньки, приготовленной для мочки. Онъ старался отогрѣться и все глубже забираясь въ ометъ. Но снопы конопля, — сырые и грубые, — не могли согрѣть его. Онъ почти не думалъ о томъ, что дѣлать: ему больше всего хотѣлось согрѣться, да чтобы не ломило ноги, да не смотрѣли бы на него страшные глаза иконы. Онъ говорилъ самъ съ собою: «наказалъ... огненнымъ мечомъ поразилъ... человекъ — червякъ, гдѣ ему!» Это начинался горячечный бредъ: — «гдѣ ему, гдѣ ему!» твердилъ онъ и плакалъ отъ холода и сознанія ужаса своего положенія.

(Окончаніе будетъ.)

Исполинская плотина на Нилѣ.

Очеркъ. (Съ рис. на стр. 276.)

Въ Ассуанѣ, на Нилѣ, 12-го февраля, въ присутствіи герцога Коннаутскаго, побѣдившаго вмѣстѣ съ своею сунругою, герцогинею Маргаритою, урожденною принцессою прусскою, Ассуанъ на пути въ Фашоду, состоялась торжественная закладка нильской плотины, — исполинскаго сооруженія, которому суждено сдѣлаться очень важнымъ факторомъ экономической жизни обитателей Нильской долины. Сооруженіе это отдано египетскимъ правительствомъ съ подражаніемъ крупной англійской фирмѣ John Aird and Co за 5 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (около 50 милліоновъ рублей). Фирма эта, въ свою очередь, вошла въ соглашеніе съ цѣлою компаніей финансистовъ, доставившей ей нужная для исполненія работъ средства. Работы, собственно, начаты уже въ июлѣ прошлаго года. На землѣ нубійской деревни *Шелалъ*, обитатели которой выселились отсюда на другое мѣсто, теперь размѣстившись въ громадномъ количествѣ сараевъ, складовъ и мастерскихъ, и цѣлая полчища рабочихъ, въ числѣ которыхъ насчитывается до 400 специалистовъ итальянцевъ и около 5000 нубійцевъ и феллаховъ, подъ руководствомъ множества инженеровъ, все время заняты были подготовительными работами, закончившимися теперь торжественною закладкою.

Громадное сооруженіе это будетъ представлять изъ себя сложенную изъ огромныхъ гранитныхъ плитъ каменную плотину въ 15 метровъ средней толщины. Плотина эта пересѣчетъ Нилъ выше перваго водопада. Она будетъ проведена перпендикулярно къ теченію рѣки, которая въ этомъ мѣстѣ пробиваетъ себѣ путь между цѣлымъ рядомъ скалистыхъ острововъ. Длина плотины — около 2000 метровъ (почти 2 версты). На востокъ она будетъ примыкать къ гранитнымъ высотамъ аравійской пустыни, а на западъ къ покрытой желтымъ, какъ охра, пескомъ равнинѣ ливійской пустыни. Верхній край плотины будетъ расположенъ на 106 метровъ выше уровня Средиземнаго моря. Уровень нильской воды, который теперь, во время нильскаго разлива, достигаетъ въ этихъ мѣстахъ высоты 86 метровъ надъ моремъ, съ постройкою плотины поднимется еще на полныхъ 11 метровъ. Нѣсколько шлюзовъ, расположенныхъ на четырехъ различныхъ высотахъ, въ соединеніи съ болѣе рационально устроенными оросительными каналами, дадутъ возможность въ такой мѣрѣ регулировать уровень воды въ рѣкѣ и каналахъ ниже означеннаго сооруженія, что на протяженіи свыше 500 верстъ, вплоть до Сута, можно будетъ въ громадныхъ размѣрахъ поднять производительность плодородной почвы, значительная часть которой не подвергается теперь обработкѣ, за отсутствіемъ орошенія, безъ котораго она ничего не родитъ. Вмѣстѣ съ подъемомъ производительности почвы, повысится, разумѣется, въ сильной степени и народное благосостояніе, что, въ свою очередь, благоприятно отразится и на платежной силѣ населенія Верхняго Египта, въ настоящее время съ трудомъ выплачивающаго взимаемые съ него казенные сборы и налоги. Когда экономическое положеніе народа немного поправится, то можно будетъ и повысить размѣры этихъ налоговъ, — соображеніе, которое, навѣрное, служило одною изъ побудительныхъ причинъ, въ силу которыхъ египетское правительство рѣшилось затратить довольно-таки значительную сумму на вышеупомянутыя работы. По окончаніи этихъ работъ, имѣется въ виду приступить къ подобнаго же рода сооруженію ниже по теченію Нила у Сута. Съ западной стороны сооружаемой у Ассуана плотины проводится назначенный для прохожденія судовъ и барожъ каналъ, въ 9½ метровъ шириною, съ четырьмя шлюзами.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что это исполинское сооруженіе послужитъ большую службу матеріальнымъ интересамъ страны и ея новыхъ владыкъ, — а все же непрерывный стукъ молота и страшный трескъ взрываемыхъ скалъ не порадуешь, а болѣзненно опеча-

литъ сердце всякаго любителя искусства и древностей; необозрима водная равнина, которая разстелется по сторонамъ встрѣченной на пути могучей преграды и на далекое пространство проникнетъ въ глубь аравійской пустыни, будетъ сырою могилою для той сокровищницы древняго искусства, которая теперь, при одномъ упоминаніи имени *Филы*, наполняетъ радостью сердце каждаго, любовавшагося открывавшимся ему тамъ величественнымъ зрѣлищемъ! Уже въ настоящее время полая вода Нила заливаешь нѣкоторыя особенно низко расположенныя мѣста обширной площади, покрытой остатками древнихъ храмовъ. Между тѣмъ, по мѣрѣ роста искусственной гранитной громады, воздвигаемой у водопада, благодаря которой бурная стремнина, низвергающаяся теперь въ этихъ мѣстахъ, замѣнится многоводнѣйшимъ мирнымъ потокомъ, направляемымъ человѣческою волею на окрестныя мѣстности, — потоки этотъ будетъ все выше и выше подступать къ прелестному острову Филы. И вотъ постепенно будутъ затопляться сначала портики южной стороны, такъ что подъ конецъ не стануть уже выглядывать оттуда, радуя взоръ любознательнаго пришельца, чудные архитравы и фронтоны, а потомъ и въ самомъ храмѣ Изиды послышится шумъ и бульканье разбѣгающейся по его священному пространству воды, и толстый слой ила, подымался все выше и выше, покроетъ чудныя колоннады и украшающую ихъ роскошную древнюю живопись, и только знаменитый Кюскъ будетъ возвышаться надъ мутнымъ потокомъ свои стройныя колонны, словно зывая о помощи. Постепенно и неуловимо поведетъ вода свою разрушительную работу. Мутный потокъ въ концѣ концовъ подмоетъ фундаменты, пышные колоннады и чудные портики низвергнутся, сокрушая другъ друга, а рѣчной илѣ черезъ нѣсколько времени занесетъ ихъ и скроетъ, словно въ могилѣ, отъ людскихъ взоровъ. Гибель ихъ неминуема; а вѣдь эти перлы египетско-эллинской архитектуры еще такъ недавно только были высвобождены изъ-подъ покрывавшаго ихъ песка и ила. Давно ли подняты и снова установлены бывшія долго низринутыми колонны? Давно ли расчищена громадная площадь передъ ними? Сколько усилій было потрачено на это, сколько упорнаго труда со стороны хотя бы одного только ученаго руководителя этихъ работъ, извѣстнаго доктора Борхардта? Кто тогда думалъ о близкой гибели, грозящей снова сокровищамъ, съ такимъ трудомъ возстановленнымъ?

Филы, разумѣется, не единственное сокровище древности, приносимое въ жертву матеріальнымъ интересамъ новаго времени: такихъ жертвъ много. Но что касается Филы, то этой жертвы можно было избѣгнуть! Въ распоряженіи администраціи имѣлись и другіе планы оросительныхъ сооруженій: согласно имъ та же цѣль была бы достигнута и при устройствѣ загражденій выше по Нилу, такъ что прекрасный островъ могъ бы быть пощаженъ. И, несмотря на это, быть-можетъ благодаря разницѣ въ стоимости выполненія, предпочтеніе отдано было тому плану, который въ знаменательный день именемъ его высочества хедива удостоился торжественнаго официального освященія путемъ обычнаго при закладкахъ, трехкратнаго удара молоткомъ. Много рѣчей было произнесено на этомъ торжествѣ, но во всѣхъ этихъ рѣчахъ вовсе не было рѣчи о Филахъ. А онѣ были тутъ, передъ глазами, и не одинъ взоръ съ болѣзнованіемъ отдыхалъ во время этого торжества на стройныхъ пилонахъ, привѣтливо видѣвшихъся неподалеку. Но едва ли кто подумалъ при этомъ, что означалъ для прелестныхъ строеній этотъ звонъ металла, ударявшагося о камень при закладкѣ; для древнихъ сокровищъ искусствъ этотъ стукъ молотка былъ погребальнымъ звономъ, напутствующимъ мертвеца въ могилу.

Къ рисункамъ.

Малороссійская деревня далеко не то, что деревня средней полосы Россіи. Ясное голубое небо, бѣлая, чистенькія мазанки, освѣщенные солнцемъ, зрѣющія за плетнями вишни, среди густой, тепло-зеленой листвы, чернобровыя хохлашки въ пестро вышитыхъ

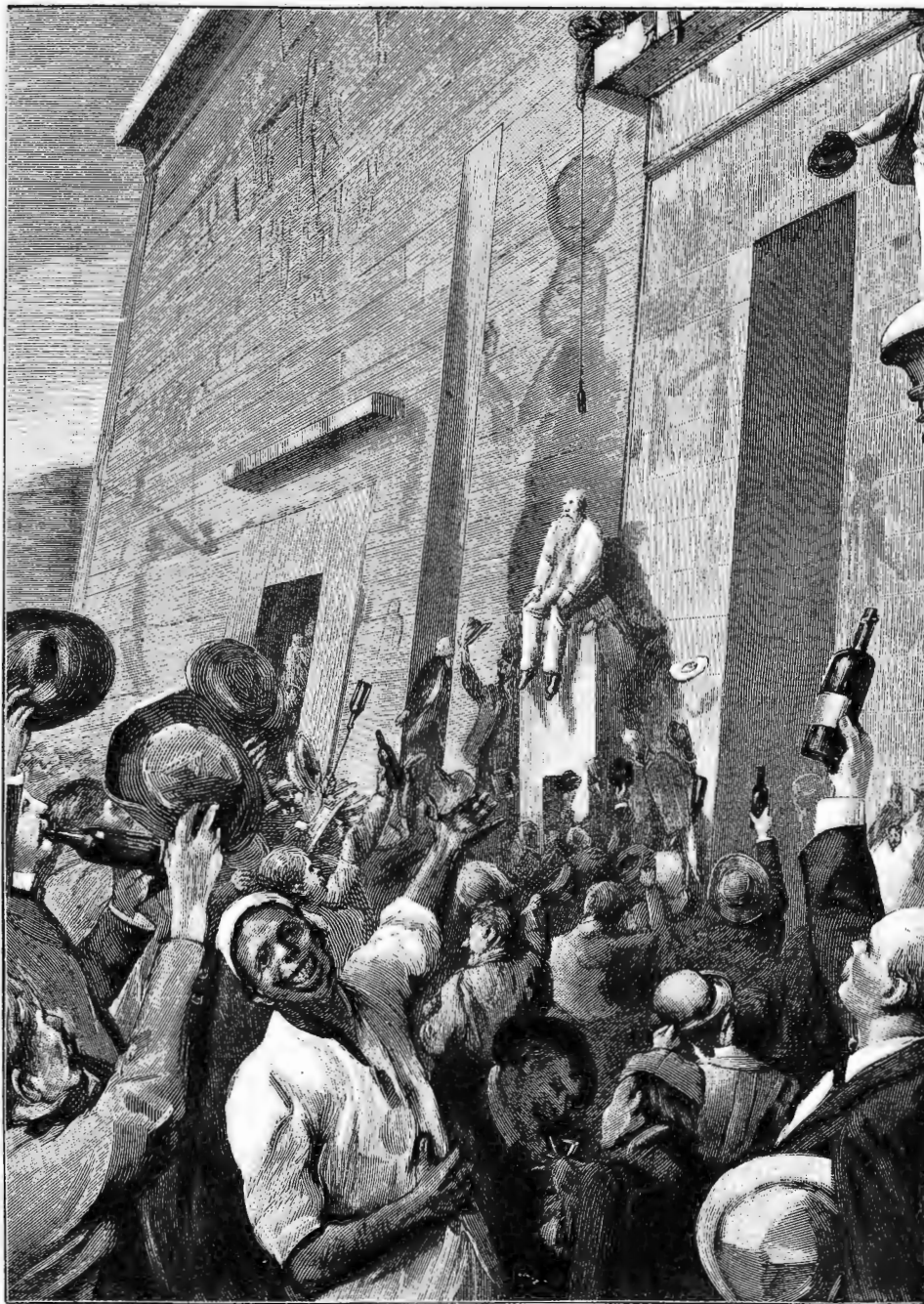
рубашкахъ и плахахъ и загорѣлые хохлы въ высокихъ смушковыхъ шапкахъ — вотъ картина малороссійской деревни, картина юга, съ его благодатнымъ климатомъ, съ его продолжительнымъ лѣтомъ и короткой зимой. Малороссы имѣютъ много общихъ чертъ съ итальян-

цами, — они так же безпечны и лѣнны и так же любятъ пѣсни и общеніе другъ съ другомъ. Лѣтнимъ вечеромъ собираются хуторяне у колодца, который является чѣмъ-то въ родѣ мѣстнаго клуба. Колодецъ всегда на большой, проѣзжей дорогѣ; всякій, ѣдущій изъ ближайшаго города, непременно остановится здѣсь, чтобы попить лошадей или быковъ. Отъ такого путешественника разузнаешь, что дѣлается въ городѣ и вообще на блѣдомъ свѣтѣ, покуришь въ тѣни колодца люльку, проведешь мирно дватри часа и получишь полное удовольствіе. Художникъ С. Васильковскій — большой знатокъ Малороссіи и неподражаемо передаетъ ея пейзажи на своихъ небольшихъ, но талантливо написанныхъ картинахъ. Одну изъ нихъ, бывшую на весенней выставкѣ СПБ. художниковъ, мы воспроизводимъ въ настоящемъ номерѣ нашего журнала.

Однимъ изъ сподвижниковъ императора Наполеона I былъ извѣстный своими военными подвигами герцогъ д'Абрантесъ, біографія котораго представляетъ не малый интересъ. Этотъ герцогъ, который до пріобрѣтенія своего громаднаго титула назывался просто Жюно (Junot), родился въ 1771 г. въ Бюссиле-Гранъ; онъ былъ студентомъ-юристомъ, когда въ 1791 г. рѣшилъ отправиться простымъ гренадеромъ въ батальонъ волонтеровъ департамента Котъ д'Оръ. Онъ обладалъ очень бурнымъ темпераментомъ, и товарищи его по батальону, наблюдая за его порывистымъ и стремительнымъ нравомъ, дали ему прозвище «Бури». Во время осады Тулона, занятаго чужеземными войсками, Бонапарту, въ то время еще простому начальнику артиллеріи, понадобился молодой человекъ для письменныхъ работъ. Ему рекомендовали сержанта Жюно. Однажды, во время неприятельской бомбардировки, Жюно, сидя на бочкѣ, писалъ подъ диктовку Бонапарта доносеніе, какъ вдругъ около него разорвало снарядъ. Онъ самъ и его бумага были покрыты массою мелкихъ осколковъ и густой пылью. Жюно, нисколько не смутившись, весело воскликнулъ: «Прекрасно! У насъ не было песку, чтобы засыпать чернила, а вотъ и песокъ». Эта фраза, произнесенная съ удивительнымъ хладнокровіемъ, послужила началомъ его блестящей карьеры. Бонапартъ взялъ Жюно къ себѣ въ адъютанты. Жюно отличился, какъ храбрый воинъ, въ итальянскомъ походѣ, и въ битвѣ подъ Лонато былъ опасно раненъ въ голову. Онъ участвовалъ и въ походѣ въ Египетъ, гдѣ былъ произведенъ въ бригадные генералы. Въ битвѣ подъ Назаретомъ онъ проявилъ чудеса храбрости, кинувшись съ 300 кавалеристами на десятитысячный турецкій отрядъ и собственноручно зарубивъ сына Мурадъ-Бей. Эта необык-

новенная въ лѣтописяхъ военной исторіи битва была увѣковѣчена на холстѣ художникомъ Гро. Жюно былъ преданъ Бонапарту до фанатизма; защищая его въ одномъ частномъ разговорѣ, противъ нападокъ генерала Ланюсса, онъ вызвалъ своего противника на дуэль и былъ имъ настолько серьезно раненъ, что не могъ послѣдовать за Бонапартымъ, по окончаніи кампаніи во Францію. Послѣ битвы подъ Маренго, Жюно вернулся на родину и былъ назначенъ комендантомъ города Парижа, потомъ произведенъ въ дивизионные генералы и назначенъ командиромъ гусарскаго корпуса. Но когда

Наполеонъ создавалъ своихъ маршаловъ, онъ почему-то не награждалъ этимъ высокимъ званіемъ Жюно, и Жюно былъ этимъ очень обиженъ. Затѣмъ его карьера становится очень разнообразною: онъ исполняетъ обязанности посланника при Лиссабонскомъ дворѣ (1804 — 1805), участвуетъ въ Аустерлицкой битвѣ, дѣлается губернаторомъ Парижа (1806), главнокомандующимъ арміей въ Португаліи, завоевываетъ это королевство меньше, чѣмъ въ два мѣсяца, получаетъ за этотъ необыкновенный походъ титулъ герцога д'Абрантесъ. Къ несчастію, онъ не могъ удержать за собой Португалію, такъ легко имъ покоренной. Англичане, подъ начальствомъ Веллингтона, въ битвѣ подъ Вимейро, одержали надъ новымъ герцогомъ рѣшительную побѣду, и онъ долженъ былъ очистить страну въ августѣ 1808 г., подписавъ въ Синтрѣ мирный договоръ съ побѣдителемъ. Съ этихъ поръ счастливая звезда Жюно стала меркнуть. По возвращеніи своемъ изъ Португаліи, онъ былъ очень сухо принятъ Наполеономъ и въ теченіе своей дальнѣйшей карьеры не сумѣлъ

Торжество открытія исполнинской плотины на Нилѣ. Праздникъ рабочихъ.
По рис. Гр. грав. Хелмицкій.

вернуть себѣ расположенія императора, вынужденный командовать разными невидными корпусами въ Австріи и Испаніи, участвовать въ крайне неудачномъ походѣ въ Португалію (1810) подъ начальствомъ Массена и въ еще болѣе неудачномъ походѣ въ Россію. Полученная имъ головная рана, обрушившаяся на него опала и всевозможныя неудачи повліяли на психическое состояніе Жюно. Онъ отправился отдохнуть къ своему отцу въ Монбаръ и, въ припадкѣ горячечнаго бреда, выбросился изъ окна на улицу. Онъ разбилъ себѣ колѣно и ему отняли ногу. Во время одного буйнаго приступа, Жюно сорвалъ съ ноги повязку, и нѣсколько дней спустя скончался.

Чайки распространены всюду, оживляютъ собою всё моря, но особенно много ихъ водится на Сѣверѣ. Для мориковъ чайки служатъ вѣрнѣйшими предвѣстниками близости суши: когда онѣ появляются на

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ“.

Графъ ЛЕВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ прислалъ намъ для напечатанія слѣдующее заявленіе, которое мы за позднимъ временемъ не имѣемъ уже возможности помѣстить въ самомъ журналѣ:

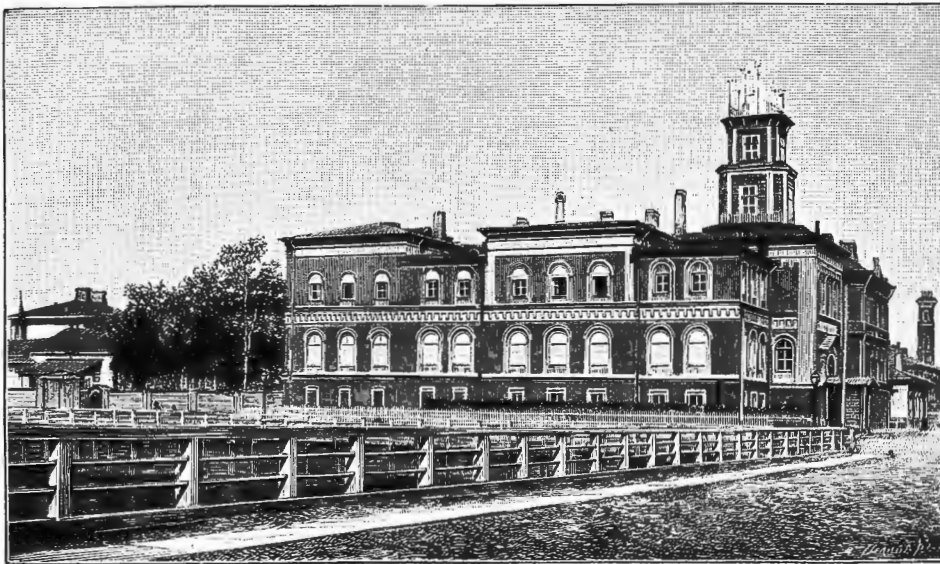
«Перепечатываніе немедленно по ихъ выходѣ въ «Нивѣ» печатаемыхъ въ этомъ журналѣ главъ моего романа «Воскресеніе» я нахожу несправедливымъ по отношенію къ издателю «Нивы», приобрѣвшему отъ меня право перваго печатанія этого романа; и потому, не измѣняя заявленнаго мною отказа отъ права литературной собственности, я прошу гг. издателей русскихъ газетъ и журналовъ подождать перепечатываніемъ этого романа до его окончанія, которое послѣдуетъ приблизительно въ полѣ мѣсяцѣ этого года.

«Исполнивъ эту мою просьбу, издатели очень обяжутъ меня, избавивъ отъ неприятнаго положенія, въ которое въ противномъ случаѣ они ставятъ меня по отношенію къ издателю «Нивы».

Левъ Толстой.

Кроме того, гр. Л. Н. Толстой проситъ всѣ газеты и журналы перепечатать это заявленіе

морь и начинают летать вокруг корабля, это несомненный признак близости берега. Любимый кормъ всѣхъ чаекъ—рыба. Завидѣвъ своимъ зоркимъ глазомъ добычу въ водѣ, онѣ стремительно кидаются въ волны и нерѣдко погружаются свое легкое тѣло фута на полтора или два подъ поверхность воды. Вообще чайки не брезгаютъ ничѣмъ, питаются всякими мелкими животными, водящимися въ морѣ, всеюю надалю, свѣжею и даже гнилою, и подбираютъ всякіе отбросы на берегахъ. При этомъ онѣ очень смѣлы: человека онѣ не боятся, появляются близъ его жилища, посѣщаютъ каждую гавань, каждую деревню на берегу, кружатся вокругъ всякаго судна, выходящаго въ море или приближающагося къ берегу,—опытъ научилъ ихъ, что около людей имъ всегда есть чѣмъ поживиться. Всѣ чайки очень умны, понятливы и умѣютъ оцѣнить окружающія обстоятельства и сообразно съ ними вести себя; онѣ мужественны въ столкновеніи съ другими существами, самонадѣянны и деспотичны, горячо преданы своей семьѣ и любятъ общество себѣ подобныхъ. Во время размноженія чайки соединяются въ большой обществъ, достигающій иногда громадныхъ размѣровъ. Даже въ средней Европѣ, напримѣръ, въ Сѣверной Германіи, не рѣдкость встрѣтить чайковья горы или поселенія въ нѣсколько сотъ паръ, но на далекомъ сѣверѣ есть много поселеній, обитаемыхъ безчисленнымъ количествомъ этихъ птиц; онѣ покрываютъ тамъ собою буквально цѣлыя горы или скалы и устраиваютъ гнѣзда другъ возлѣ друга. На рисункѣ нашемъ выхваченъ художникомъ одинъ такой морской уголокъ (въ Шотландіи), населенный чайками. Зорко всматриваясь въ волнистую поверхность моря и красиво раскинувъ широкія крылья, почти неподвижно парятъ эти изящныя «вороны моря» въ воздухѣ, выжидая добычи.

Главная физическая обсерваторія въ С.-Петербургѣ. По поводу 50-лѣтія ея существованія. По фотогр. грав. Шливеръ.

Къ 50-лѣтію главной физической обсерваторіи въ С.-Петербургѣ. (Рис. на этой стр.)

На Васильевскомъ островѣ, въ 23-й линіи, близъ набережной Б. Невы, пріютилось скромное трехэтажное зданіе, съ башенкой на крышѣ. Врядъ ли кто-либо изъ рѣдкихъ въ этой мѣстности прохожихъ и обратилъ бы когда-нибудь вниманіе на это обыкновенное каменное строеніе самой заурядной архитектуры, если бы вѣчно вертящіяся на самой вершинѣ его башенки какіе-то странные шары сами какъ-то невольно не привлекали бы къ себѣ взоры всѣхъ и каждаго. Если бы эти шары могли говорить, они, навѣрное, поразсказали бы много интереснаго о дѣятельности главной физической обсерваторіи, справившей 1-го апрѣля текущаго года свое пятидесятилѣтіе.

Основанная въ г. С.-Петербургѣ въ 1849 году, главная физическая обсерваторія призвана служить центральнымъ пунктомъ, куда ежедневно стекаются свѣдѣнія о результатахъ метеорологическихъ наблюденій со всѣхъ концовъ Россіи, которая охвачена правильно организованною сѣтью многочисленныхъ метеорологическихъ станцій.

Молодая, не вполне еще установившаяся наука, метеорологія неуклонно и, нельзя сказать, чтобы не безъ нѣкоторой доли успѣха, съ самаго начала истекшаго столѣтія продолжаетъ стремиться къ своему идеалу—предсказывать погоду съ абсолютной вѣрностью.

Успѣхи метеорологіи стали нѣсколько увеличиваться съ тѣхъ поръ, какъ началось болѣе серьезное изученіе физики. Въ половинѣ XVIII столѣтія были составлены первыя карты вѣтровъ и морскихъ теченій и довольно подробно описаны климатическія особенности нѣкоторыхъ странъ. До начала XVIII столѣтія наблюдались лишь болѣе выдающіяся явленія въ природѣ, какъ, наприм., наводненія, холода, электрическіе метеоры, молніи, громъ, и т. п. Само собою разумѣется, что всѣ эти наблюденія имѣли исключительно случайный характеръ и не были достаточно полны для того, чтобы можно было по нимъ вывести какой-либо опредѣленный законъ. Знаменательнымъ для метеорологіи днемъ можно считать 15-е октября 1780 года, когда курфюрстъ Пфальцскій учредилъ первое мангеймское метеорологическое общество.

Метеорологическія наблюденія въ Россіи начались около сере-

дины XVIII столѣтія. Въ С.-Петербургѣ же начались съ 1743 года наблюденія надъ температурой, съ 1741—надъ количествомъ осадковъ (т.-е. дождей, снѣга и т. п.) и съ 1706 года—надъ вскрытіемъ и замерзаніемъ Невы. Самыя наблюдательныя станціи, разбросанныя лишъ мѣстами, безъ всякаго порядка, не отличались ни количествомъ своимъ, ни снаряженіемъ; наблюденія же производились по всевозможнымъ методамъ или, вѣрнѣе сказать, безъ всякаго метода и притомъ самыми разнообразными и не всегда точными инструментами. Только въ 1804 году въ Россіи было введено обязательное производство наблюденій, съ предписаніемъ производить ихъ неукоснительно при всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Около 1850 года изученіемъ климата Россіи занялось русское географическое общество, а за годъ передъ этимъ была, наконецъ, основана въ С.-Петербургѣ главная физическая обсерваторія. Съ учреженіемъ ея въ Россіи мало-по-малу стала организовываться болѣе правильная система наблюденій, благодаря, главнымъ образомъ, большой энергіи, знанію дѣла и постояннымъ личнымъ работамъ бывшаго ея директора Г. П. Вильда, нынѣ почетнаго члена Императорской Академіи наукъ, сильно подвинувшаго

метеорологическое дѣло въ Россіи и оставившаго въ наслѣдство обсерваторіи массу богатого научнаго матеріала и не мало своихъ собственныхъ, далеко немаловажныхъ изобрѣтеній. Преемнику г. Вильда, нынѣшнему директору обсерваторіи М. А. Рыкачеву было уже гораздо легче развивать поставленное, такъ сказаться, на ноги дѣло, по тѣмъ не менѣе—надо отдать справедливость,—и М. А. Рыкачевъ вложилъ въ него не мало своего личнаго труда, знаній и опытности, съ неослабвующей энергіей продолжая улучшать дѣ-

ло, начатое его предшественникомъ. Изъ лѣтописей главной физической обсерваторіи, какъ называются ежегодные сборники о климатѣ Россіи, изданіе которыхъ было начато еще г. Вильдомъ, видно, напр., что въ 1870 г. въ Россіи было всего лишь 47 наблюдательныхъ станцій, черезъ десять лѣтъ, т.-е. къ 1880 году, число ихъ возросло уже до 114, а нынѣ у насъ числится уже слишкомъ 850 болѣе или менѣе правильно организованныхъ станцій, а если принять въ расчетъ также и тѣ пункты, гдѣ производятся лишь частичныя наблюденія, то ихъ можно будетъ насчитать и до 2,375.

Незамѣнимую помощь въ метеорологическихъ наблюденіяхъ оказало изобрѣтеніе самозаписывающихъ приборовъ, которые введены были на нашей главной обсерваторіи съ 1869 года.

Названные приборы отмѣчаютъ свои показанія или точками черезъ извѣстные промежутки времени, или непрерывною кривою линіею, или, наконецъ, прямо сами печатаютъ свои наблюденія, какъ, напримѣръ, анемометръ-интеграторъ Эттингена.

Разнообразные регистрирующие приборы могутъ быть подраздѣлены на два главные типа: механически регистрирующіе и фотографически регистрирующіе. Устройство приборовъ перваго типа заключается въ томъ, что посредствомъ различныхъ механическихъ приспособленій приводится въ дѣйствіе карандашъ, который и чертитъ точки или кривую линію на равнокриво подвижной бумагѣ. Въ фотографическихъ же приборахъ слѣдъ оставляется на движущейся фотографической лентѣ.

Изобрѣтены даже и такіе приборы, въ которыхъ большинство метеорологическихъ инструментовъ соединены вмѣстѣ; они носятъ названіе метеорографовъ. Наиболѣе удачными изъ послѣднихъ считаются метеорографы Секке, Вильда и Риссельберга. Особеннаго вниманія заслуживаетъ самопечатающій приборъ Теорелли.

Для записи переменъ, происходящихъ въ атмосферномъ давленіи, служитъ самозаписывающій приборъ, названный барографомъ.

Наблюденія надъ высотой воды въ Невѣ производятся съ помощью самозаписывающаго прибора, получившаго названіе «лимниграфа», или «приливграфа». Приборъ этотъ установленъ въ нижней комнатѣ у стѣны, прилегающей къ колодезю, нарочно для этого вырытому и соединенному широкой трубой съ Невею. Въ колодезѣ на проволоку опущенъ поплавочекъ, соединенный съ горизонтальнымъ вращающимся цилиндромъ лимниграфа. Гиря, подвѣшенная на шнурѣ, обмотанномъ на томъ же цилиндрѣ, удерживаетъ соединительную проволоку поплава въ постоянное и натянутое положеніе.

При малѣйшемъ измѣненіи уровня воды въ колодезь, а слѣдовательно и въ Невѣ,—такъ какъ первый, какъ сказано выше, соединенъ съ послѣднимъ,—поплавокъ, поднимаясь или опускаясь, вращаетъ цилиндръ, который въ свою очередь, съ помощью зубчатыхъ колесъ и винурковъ, передвигаетъ стрѣлку въ приборъ направо или налево. Штифтъ, укрѣпленный на концѣ стрѣлки, дѣлаетъ черезъ каждыя 10 минутъ проколы на двигающейся подъ стрѣлкой бумагѣ; такимъ образомъ и получаются въ результатъ отмѣтки о всякихъ измѣненіяхъ въ уровнѣ Невы. Точность и аккуратность наблюдений, благодаря только-что описанному прибору, дали возможность открыть въ Петербургѣ существованіе морского прилива и отлива. Надо сказать, что до этого открытія сомнѣвались вообще даже въ самомъ существованіи приливовъ у восточныхъ береговъ довольно открытаго Балтійскаго моря.

Размѣры настоящаго очерка не позволяютъ намъ не только болѣе или менѣе подробно описать введенные физическою обсерваторіею инструменты и приборы, но даже и просто перечислить ихъ. Ихъ такое множество и системы ихъ столь раз-

ваться во всякой мѣстности, наглядно знакомясь съ характеромъ существующей тамъ въ извѣстный моментъ погоды.

Здѣсь кстати будетъ отмѣтить легко, повидимому, устранимое неудобство, на которое намъ неоднократно указывали лица, близко имъ заинтересованныя. Дѣло въ томъ, что въ печатающихся для свѣдѣній пулѣтки синоптическихъ картахъ, зачастую встрѣчаются полныя показанія метеорологическихъ наблюдений съ такихъ мало-поисщаемыхъ пунктовъ, какъ, напримѣръ, Томскъ, Иркутскъ, Уральскъ, Пермь, Вятка и т. п., тогда какъ таковыя же свѣдѣнія о состояніи погоды (осадковъ) и барометрическихъ величинъ на уровнѣ моря въ мѣстностяхъ, столь часто посѣщаемыхъ и притомъ измѣняющихся чуть ли не дѣлѣхъ двѣ приморскія метеорологическія станціи, какъ, напримѣръ, наша Ялта, упомянутыя показанія отсутствуютъ чуть ли не во всѣхъ безъ исключенія картахъ. Помимо той пользы, которую несомнѣнно могли бы оказать болѣе полныя указанія въ картахъ о состояніи всѣхъ метеорологическихъ элементовъ для Ялты, массѣ большихъ, отправляющейся туда для леченія, вообще небезынтересно было бы узнать причину, почему

именно въ большинствѣ показателей, приложенныхъ къ картамъ, противъ имени города Ялта почти всегда замѣчается въ графикахъ вмѣсто соответствующихъ цифръ одна лишь черточка.

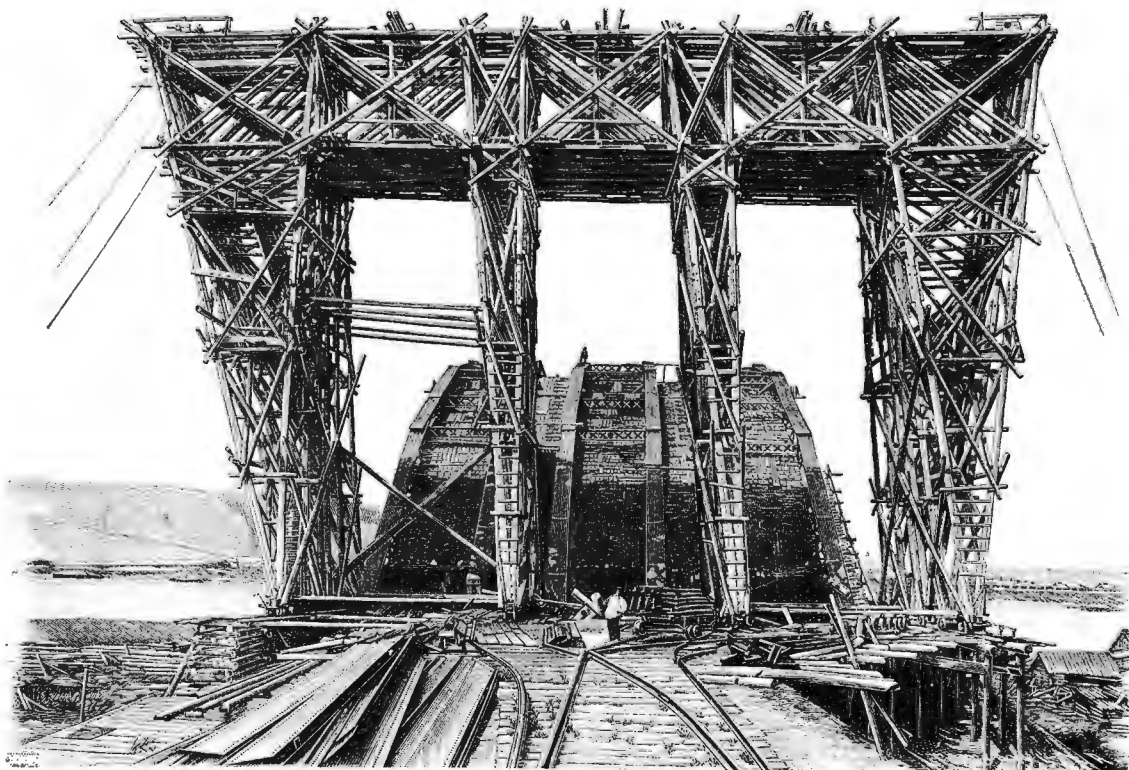
Предсказаніе бурь и подача о нихъ сигналовъ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ современной практической метеорологіи. 9-го мая 1876 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе учредить при главной физической обсерваторіи отдѣленіе морской метеорологіи и штормовыхъ предостереженій. Изъ общаго числа 114 приморскихъ станцій, дѣйствовавшихъ въ послѣднемъ отчетномъ году, на 91 станціи производились наблюденія надъ всѣми почти метеорологическими элементами, остальные же 23 станціи доставляли менѣе полныя наблюденія. Тѣмъ не менѣе ре-

зультатъ штормовыхъ предостереженій оказался довольно благоприятнымъ, давъ для Балтійскаго и Бѣлаго морей 67%, а для Чернаго и Азовскаго морей—53% удачныхъ предостереженій.

Въ томъ же 1876 г., съ котораго, какъ было упомянуто выше, началась подача главною физическою обсерваторіею штормовыхъ предостереженій, произведена была закладка, а съ 1878 г. началась и фактическая дѣятельность знаменитой Павловской обсерваторіи. Одною изъ главныхъ причинъ, послужившихъ основаніемъ къ ея устройству, явилось то немаловажное обстоятельство, что во многихъ приборахъ и приспособленіяхъ, установленныхъ въ зданіи главной физической обсерваторіи, стало явно обнаруживаться вредное вліяніе сотрясенія почвы, неизбежнаго при всякомъ проѣздѣ экипажей мимо обсерваторіи, что въ особенности въ лѣтніе мѣсяцы положительно лишало даже возможности пользоваться нормальнымъ барометромъ. Особенно ощутительно отзывались эти сотрясенія на разныхъ магнитныхъ наблюденіяхъ, такъ какъ проѣздъ тяжелыхъ возовъ, да еще нагруженныхъ обыкновенно разными желѣзными товарами или матеріаломъ, производилъ настоящіе магнитныя бури, крайне препятствовавшія правильности наблюдений.

Подобная непредвидѣнная помѣха и вызвала необходимость устройства филиальнаго отдѣленія обсерваторіи гдѣ-нибудь за городомъ, на каковую потребность милостиво откликнулся Его Императорское Высочество великій князь Константинъ Николаевичъ, предоставившій обсерваторіи въ даръ обширный участокъ въ своемъ Павловскомъ паркѣ. Сооруженная здѣсь магнитная и метеорологическая обсерваторія смѣло можетъ служить образцомъ для всѣхъ другихъ учрежденій этого рода.

Рѣшеніе вопроса о предсказаніи погоды составляетъ пока все еще ахиллесову пятку нашей современной метеорологіи. Много уже было сдѣлано для этого всевозможныхъ попытокъ, много дѣлается теперь, а еще болѣе, пожалуй, предстоитъ ученымъ сдѣлать ихъ и въ будущемъ. Вопросъ о предсказаніи явленій вообще принадлежитъ къ труднѣйшимъ задачамъ всякой науки. Если, напр., астро-

Постройка моста черезъ р. Енисей на Сибирской жел. дор. Деревянный подвижной кранъ.

пообразны, что одно перечисленіе массы научныхъ названій всѣхъ приспособленій едва ли можетъ дать читателямъ особенно ясное представленіе о ихъ конструкціи и назначеніи. Главная физическая обсерваторія чрезвычайно радушно принимаетъ посетителей каждую субботу отъ 2 до 4 часовъ пополудни, а потому лицамъ, интересующимся метеорологическимъ дѣломъ, гораздо удобнѣе и нагляднѣе будетъ ознакомиться съ ними прямо на мѣстѣ.

Получаемая главною физическою обсерваторіею, болѣею частью по телеграфу, свѣдѣнія о произведенныхъ каждою изъ подвижныхъ ея станцій наблюденіяхъ, надлежащимъ образомъ разрабатываются, приводятся въ извѣстную систему и затѣмъ уже наносятся на специальную карту, образцы которой каждому, вѣроятно, приходилось видѣть въ нашихъ большихъ ежедневныхъ газетахъ. Мѣта равнаго давленія атмосферы изображаются на картѣ сплошными линиями, называемыми изобарами, направленіе вѣтра обозначается стрѣлками, а сила его—числомъ штриховъ, поставленныхъ у этихъ стрѣлокъ; облачность и осадки обозначаются разными обозначеніями тутъ же на картѣ значками. Карты эти носятъ названіе синоптическихъ и съ достаточною ясностью характеризуютъ состояніе погоды, стоявшей въ извѣстный періодъ наблюдений на той или другой части земной поверхности. Благодаря синоптическимъ картамъ, удалось съ достаточною подробностью изучить законы вращательныхъ вихрей или, какъ принято называть ихъ, циклоновъ. Въ мѣстностяхъ, подверженныхъ упомянутымъ циклонамъ, преобладаетъ болѣею частью низкое давленіе, которое метеорологи назвали «минимумомъ» и которое въ большинствѣ случаевъ сопровождается осадками (т. е. дождемъ, снѣгомъ и пр.). Напротивъ того, ряды такихъ циклоновъ отдѣлены другъ отъ друга областями болѣе высокаго давленія (или по научной терминологіи—«максимумъ»), въ которыхъ обыкновенно преобладаетъ наилучшая погода. Зная эти главные основанія синоптическихъ картъ, каждый свободно и легко можетъ по нимъ ориентиро-

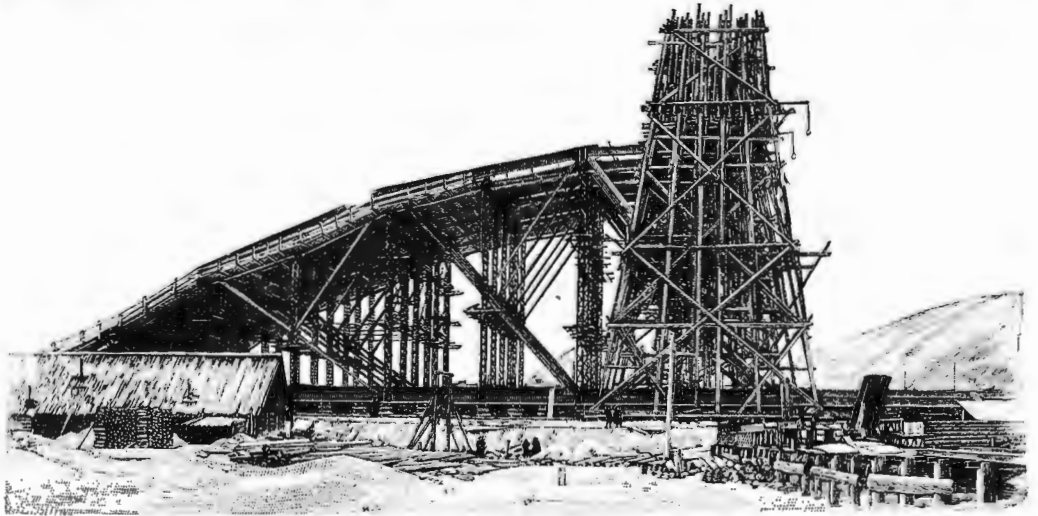
номы и могут определить совершенно точно положеніе известнаго свѣтила на цѣлыя десятки лѣтъ впередъ, то за ихъ искусствомъ стоитъ цѣлый рядъ совершенно точно обоснованныхъ законовъ. Совѣмъ не такъ обстоитъ это дѣло въ метеорологіи. Мы все подмѣиваемся добродушно надъ предсказаніями календаря Брюса. А вѣдь если мы попробуемъ сравнить его предсказанія погоды съ таковыми же метеорологическими предсказаніями, то, пожалуй, недавно еще были бы въ нерѣшительности, кому изъ нихъ отдать предпочтеніе. Изъ этого конечно не слѣдуетъ еще заключать о полной несостоятельности предсказаній, даваемыхъ намъ метеорологіей; надо лишь сожалѣть, что послѣдняя не можетъ еще пока уяснить себѣ многихъ входящихъ въ ея область явленій, съ одной стороны потому, что огромная масса фактовъ усложняетъ и замаскировываетъ ихъ правильность, а съ другой стороны потому, что метеорологическія наблюденія не охватываютъ еще всѣхъ необходимыхъ районовъ да и ведутся сравнительно очень недавно.

Обращаясь къ послѣднему отчету главной физической обсерваторіи, мы видимъ, что въ отчетномъ году сдѣлано было ею всего 5612 предсказаній погоды, изъ которыхъ удачныхъ оказалось 75%. Если это не случайность, то остается только порадоваться столь значительнымъ успѣхамъ почтеннаго учрежденія и съ своей стороны присоединиться къ добрымъ пожеланіямъ, которыя высказаны будутъ со всѣхъ сторонъ по поводу наступленія 50-лѣтія его полезной дѣятельности.

Постройка моста черезъ р. Енисей на сибирской желѣзной дорогѣ. (Съ 3-мя рисунками.)

Пять громаднѣхъ рѣкъ—Тоболъ, Пиймъ, Пурганъ, Обь и Енисей—пересекаютъ, какъ известно, сибирскую желѣзную дорогу. Велика трудность сооруженія этого грандіознаго пути на протяженіи болѣе 7.000 верстъ, но особенно сложна и кропотлива постройка черезъ упомянутыя рѣки громаднѣхъ мостовъ съ каменными опорами и съ металлическимъ верхнимъ строеніемъ. Помимо сложности постройки такихъ огромныхъ мостовъ, протяженіемъ въ нѣсколько сотъ саженъ (мостъ черезъ р. Пурганъ, напримѣръ, имѣетъ въ длину 300 саж., черезъ Обь—364 саж.), являющихся послѣднимъ словомъ строительной техники, на западно- и средне-сибирской желѣзной дорогѣ (по обимъ этимъ участкамъ уже открыто движеніе) возведеніе мостовъ было одной изъ труднѣйшихъ задачъ строителей, въ виду отсутствія на мѣстѣ необходимыхъ строительныхъ ма-

сколько снимковъ съ частей строящагося громаднаго желѣзно-дорожнаго моста черезъ р. Енисей, чтобы понять, сколько вложено въ эту дорогу труда, знанія, любви къ дѣлу,—дѣлу, близкому каждому русскому человѣку... Мало того, это дѣло близко всему человѣчеству, устанавливая новый путь сообщенія и сокращая его продолжительность болѣе чѣмъ вдвое: съ проведеніемъ сибирской желѣзной дороги сообщеніе Европы съ Азиатскимъ Востокомъ (черезъ Владивостокъ, Портъ-Артуръ или Талиенваль до Шанхая) будетъ совершаться въ теченіе 18—20 дней, между тѣмъ какъ

Постройка моста черезъ р. Енисей на Сибирской жел. дор. Возведеніе пролета моста.

на переѣздъ изъ Шанхая въ Европу черезъ Суэцъ требуется 45 дней, а черезъ канадскую желѣзную дорогу — 35 дней. Всякій—и пассажиръ, и грузоотправитель — несомнѣнно предпочтетъ путь по сибирской желѣзной дорогѣ и черезъ Россію.

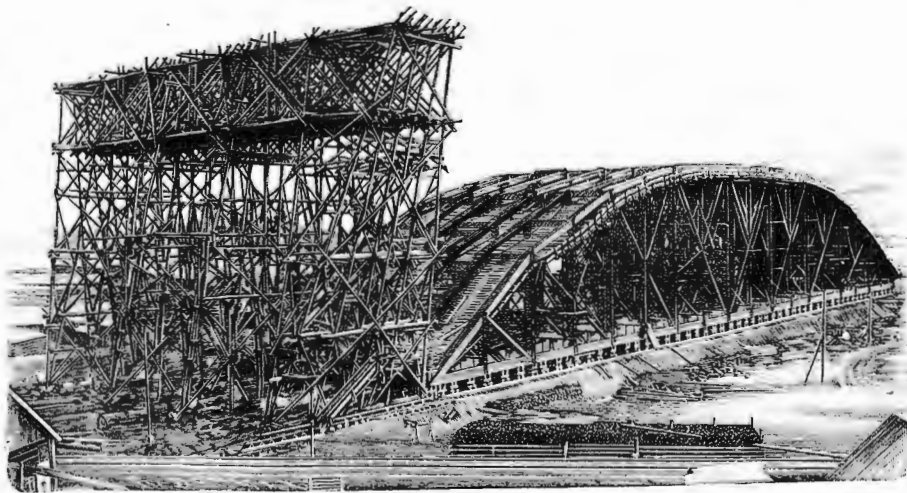
Мостъ черезъ р. Енисей будетъ самымъ большимъ изъ всѣхъ на сибирской дорогѣ—и однимъ изъ величайшихъ въ свѣтѣ. Длина его достигнетъ 400 саженъ, и стоимость его постройки составляетъ по смѣтѣ сумму въ 2.279,950 руб. Первоначально предполагалось закончить его постройкою къ веснѣ 1900 года. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, однако, открытіе моста можетъ послѣдовать уже въ маѣ нынѣшняго 1899 года, такъ какъ всѣ каменные и желѣзные работы уже закончены, и остались только восточенныя работы, на которыя много времени не потребуется.

Гастролеры Императорской русской оперы.

(Портр. на стр. 280.)

Дирекція казенныхъ театровъ пригласила на Великій постъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ иностранныхъ артистовъ къ участію въ русской оперѣ; такими артистами оказались, кромѣ названныхъ въ заголовкѣ нѣвцовъ, пользующихся въ Парижѣ большою извѣстностью, г-жа Больска, поющая у насъ уже второй сезонъ, и гг. Коссира (теноръ) и Вланшаръ (баритонъ); впоследствии присоединили къ нимъ г. Баттистини, любимаго посѣтителей итальянской оперы, и баса г. Силича изъ варшавской оперы по рекомендаціи г. Баттистини. Остальные исполнители—артисты русской оперы, поюще по-русски и по-французски; гастролеры исполняютъ свои партіи по-итальянски и по-французски; такимъ образомъ въ каждомъ спектаклѣ слышатся со сцены три языка. Крупными силами среди приглашенныхъ являются баритонъ г. Баттистини, о которомъ говорить не будемъ, такъ какъ онъ достаточно извѣстенъ, г-жа Литвинъ и г. Дельмасъ.

Г-жа Литвинъ, Фелія Васильевна, русская и родилась въ Петербургѣ; увезенная за границу съ раннихъ лѣтъ, она получила какъ общее, такъ и музыкальное образованіе за границей, причѣмъ занималась у лучшихъ профессоровъ пѣнія. Природа наградила ее изъ ряда выходящимъ голосомъ и прекрасной сценической вишностью. Голосъ ея—настоящее драматическое сопрано, доходящее до предѣльныхъ высотъ; она совершенно свободно и легко, не прибѣгая къ форсированію своихъ вокальныхъ средствъ, покрываетъ хоръ и оркестръ въ ансамбляхъ. Всѣ регистры ея голоса совершенно ровны, что такъ рѣдко встрѣчается у драматическихъ пѣвицъ; затѣмъ она умѣетъ пѣть. Г-жа Литвинъ не новичокъ на сценѣ и составила себѣ большую извѣстность въ Италіи, гдѣ она пѣла въ знаменитомъ миланскомъ театрѣ «La Scala», куда далеко не всѣ

Постройка моста черезъ р. Енисей на Сибирской желѣзной дорогѣ. Одинъ изъ пролетовъ моста.

теріаловъ, главнымъ образомъ желѣза. Это страшно тормозило постройку дороги. Съ цѣлью ускоренія доставки матеріаловъ были сдѣланы заказы новымъ, возникшимъ для цѣлей дороги, заводамъ въ Сибири, но и они не могли своевременно исполнить срочныя работы въ виду почти полнаго отсутствія путей сообщенія. Однимъ словомъ, это была долгая и упорная борьба человѣка съ дикой природой, закончившаяся блистательнымъ успѣхомъ человѣческаго гения и несокрушимой энергіи руководителей и строителей великаго сибирскаго пути.

Достаточно взглянуть на наши рисунки, представляющіе нѣ-

попадаютъ, въ Бельгiи (въ Брюссель), во Франціи (въ парижской Grand-Opéra), въ Германіи, гдѣ она стяжала себѣ славу одной изъ лучшихъ исполнительницъ вагнеровскихъ героинь (Изольда, Брюнгильда, Эльза и пр.) и затѣмъ въ Россіи, гдѣ она выступала въ Москвѣ и у насъ въ качествѣ гастролерши. Изъ русскихъ оперъ она создала «Юдью» Сѣрова, въ которой она прямо-таки не имѣетъ соперницъ. Въ настоящій свой прѣздъ г-жа Литвинъ выступаетъ, кромѣ только-что названной оперы, въ «Гугенотахъ» и «Тристанъ и Изольда» Вагнера. Успѣхъ ея у нашей публики неизмѣненъ.

Г. Дельмасъ поетъ постоянно въ парижской Grand-Opéra, гдѣ считается любимцемъ публики и гдѣ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ труппѣ. Мы его слышали въ Парижѣ въ оперѣ Массенэ «Таиса», въ которой онъ насъ поразилъ столько же рѣдкимъ голосомъ (basso lantante), сколько и созданиемъ типа въ партіи Атанозля. Г. Дельмасъ находится (какъ и г-жа Литвинъ) въ расцвѣтѣ физическихъ и духовныхъ силъ; ему всего въ настоящее время 38 лѣтъ (родился въ 1861 г.). Восемнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ парижскую консерваторію по классу драматическаго искусства и въ 1882 г. игралъ первыя роли въ драмахъ и комедіяхъ. Спустя два года, онъ сталъ проходить курсы пѣнія, которые окончили съ первой наградой, присужденной ему единогласно (что такъ рѣдко случается) и вслѣдъ затѣмъ въ 1886 году дебютировалъ въ Grand-Opéra въ партіи Сень-Бри въ «Гугенотахъ» и тотчасъ же былъ принятъ въ труппу. Съ тѣхъ поръ онъ никогда и нигдѣ не пѣлъ кромѣ Парижа, гдѣ создалъ цѣлый рядъ партій въ операхъ Вагнера (Гансъ Саксъ, Вотангъ и др.), Массенэ («Магъ», «Таиса»), Рейера («Messidor»), Сакони («Эдипъ въ Колоннѣ»), Спонтини («Весталка»), Глюка («Альцеста»), Вебера («Фрейшютцъ»), Сальвейра («Графиня де-Монсаро») и др. У насъ г. Дельмасъ выступилъ въ партіи Олоферна въ оперѣ Сѣрова «Юдью», которую онъ приготовилъ исключительно для Петербурга, въ Мефистофель («Фаустъ» Гуно) и Сень-Бри въ «Гугенотахъ». Всѣ признаютъ въ немъ превосходнаго артиста-пѣвца, обладающаго бархатнымъ голосомъ, которымъ онъ къ тому же прекрасно владѣетъ. Онъ пользуется у насъ, какъ и въ Парижѣ, громаднымъ успѣхомъ.

В. Баскинъ.

Политическое обозрѣніе.

Во Франціи по случаю пасхальныхъ ваканцій сенсационные слухи и вѣсти стихли: 18-го марта палата депутатовъ, послѣ принятія государственнаго бюджета большинствомъ 464 голоса противъ 46, отложила свои засѣданія до 20-го апрѣля; сенатъ также прекратилъ свои занятія до 27-го апрѣля, не успѣвъ утвердить бюджетъ, который слишкомъ долго обсуждался палатою депутатовъ. Уклоняясь отъ ближайшихъ задачъ, нынѣшняя парламентская сессія вызвала продолженіе крайне непопулярнаго во Франціи явленія: республика вступила и въ текущій годъ безъ государственной сѣмты, вслѣдствіе чего пришлось прибѣгнуть, какъ бывало уже не разъ, къ временнымъ кредитамъ, которые растянуты были на нѣсколько мѣсяцевъ до мая включительно; мало того, по ходу парламентскихъ работъ стало почти неизбежнымъ испросить кредиты и на июнь мѣсяць. Такая ненормальность въ законодательствѣ Франціи поставила правительственные круги лицомъ къ лицу съ вопросомъ, какъ справиться съ этимъ недугомъ третьей республики; парламентскихъ же дѣятелей это обстоятельство дискредитируетъ въ глазахъ націи, привыкшей держаться въ хозяйственной жизни строго опредѣленныхъ рамокъ. Оказывается, что народныя представители недостаточно внимательны къ нуждамъ страны, хронически оставляемой въ теченіе многихъ мѣсяцевъ безъ бюджета.

Тѣмъ временемъ нагоняется матеріалъ для рѣшенія выдающихся вопросовъ. На очереди стоятъ: приговоръ общаго собранія кассационнаго суда по пересмотру дѣла Дрейфуса; процессъ Дерудэа передъ

судомъ присяжныхъ и распушеніе преслѣдуемыхъ правительствомъ «лигъ», правленія которыхъ привлечены къ ответственности. Открывшіяся во всѣхъ департаментахъ Франціи очередныя сессіи генеральныхъ совѣтовъ, въ составъ которыхъ входятъ многіе депутаты и сенаторы,—сдва ли обойдутъ молчаніемъ событія, волнующія всю Францію; отголосками же генеральныхъ совѣтовъ уселится критика правительственной программы теперешняго французскаго кабинета.

Къ числу разныхъ инцидентовъ въ международной политикѣ присоединилось событіе въ такой части свѣта, которая, казалось, не можетъ служить ареной столкновения державъ. Вниманіе европейской печати сосредоточено было въ этотъ разъ на островахъ Самоа, расположенныхъ въ австралійской части Тихаго океана. Стратегическое и торговое значеніе архипелага привлекло на него вниманіе державъ, ведущихъ торговлю дѣла въ водахъ Тихаго океана, вслѣдствіе чего весь архипелагъ очутился подъ совместнымъ протекторатомъ Англій, Германіи и Соединенныхъ Штатовъ. Все шло въ добромъ согласіи между тремя державами, пока во главѣ управления архипелагомъ стоялъ туземный король; но послѣдній умеръ, не оставивъ прямыхъ наследниковъ. Разныя партіи выставили нѣсколько претендентовъ на вакантный престолъ. Королемъ архипелага провозглашенъ былъ въ прошломъ году кандидатъ Германіи—Матаафа, но сторонники англійчанъ и американцевъ, съ верховными судьями острововъ во главѣ, признавъ избраніе короля противозаконнымъ, объявили королемъ—Тану, котораго, въ свою очередь, отказались признать сторонники Германіи. Междоусобіе сопровождалось кровавыми схватками, для прекращенія которыхъ Англія и Соединенные Штаты рѣшили

временно оставить власть въ рукахъ Матаафы до полученія консулами дополнительныхъ инструкцій; но сторонники Германіи, не ожидая результата переговоровъ между державами-покровительницами, сдѣлали попытку утвердиться окончательно силою оружія. Тогда адмиралъ стоящаго у г. Апи американскаго судна создалъ на совѣщаніе консуловъ и морскихъ штабъ-офицеровъ. Принято было рѣшеніе не признавать правительства Матаафы; въ этомъ смыслѣ адмиралъ прокламаціей предложилъ партіи неприняннаго короля удалиться внутрь страны; претендентъ на престолъ удалился, но въ то же время появилась прокламація германскаго консула, основывавшая на которой сторонники удалившагося претендента приступили къ военнымъ операціямъ, окружили столицу и укрѣпились въ ея окрестностяхъ. Сторонникамъ Матаафы посланъ былъ ультиматумъ съ требованіемъ очистить предметъ столицы, въ противномъ случаѣ 3-го марта, въ часъ полудни, суда откроютъ огонь, но Матаафа отвѣтилъ на ультиматумъ атакой города. Американскій и англійскій броненосцы начали бомбардировку предметъ столицы и сожгли ближайшія къ ней деревни. Приверженцы Матаафы возобновили атаку города,—убили нѣсколькихъ англійчанъ и американцевъ. Бомбардировка продолжалась съ перерывами цѣлую недѣлю. Временное правительство сторонниковъ Германіи вынуждено было 6-го марта покинуть свою резиденцію—полуостровъ Мулинунъ, который занялъ былъ затѣмъ англійчанами, американцами и сторонниками претендента Тану.

Дѣйствія германскаго представителя обнаружили, что между тремя державами-покровительницами произошло разногласіе, произшедшее въ Берлинѣ и Нью-Йоркѣ неблагоприятное впечатлѣніе: тревожное настроеніе нѣкоторыхъ американскихъ газетъ смятается только увѣренностью, что императоръ Вильгельмъ не захочетъ жертвовать общимъ миромъ изъ-за прискорбнаго инцидента и не измѣнитъ дружественныхъ отношеній.

По свѣдѣніямъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, для улаженія крупнаго недоразумѣнія Германія предложила назначить специальныхъ делегатовъ по одному отъ каждой изъ трехъ заинтересованныхъ державъ. Предложеніе это принято державами.

Гастролерша Императорской русской оперы
Ф. В. Литвинъ. По фот. автот. «Нивы».

Гастролеръ Императорской русской оперы
Г. Дельмасъ. По фот. автот. «Нивы».

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полной годовой подписной платы за „Ниву“ 1899 г., озаботиться своевременными срочными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероли, подъ которою получается ими „Нива“.

С.-Петербургско-Азовскій Коммерческій Банкъ

Невскій 62.

Отдаются въ наемъ безопасные ящики для хранения цѣнностей, документовъ и драгоценныхъ вещей.

№ 12152 12-3

ТВОИМЪ ШОКОЛАДЪ КАКАО

ВЕЗДЪ

ЯПОНСКІЕ ЧАИ

только что получены свежіе, превосходнаго вкуса и замѣчательнаго аромата. По мнѣнію знатоковъ Японскій чай лучше Китайскаго и Цейлонскаго, потому что ароматнѣе перваго и вкуснѣе втораго. Японскій чай чрезвычайно экономиченъ, скоро разваривается, даетъ продолжительный и густой настой и выдерживаетъ всякую воду. Единственное и главное депо Японскаго чая находится при чайныхъ складахъ.

Москов. нупца **И. Е. ДУБИНИНА**, Москва, Покровка, д. Тяжелова.

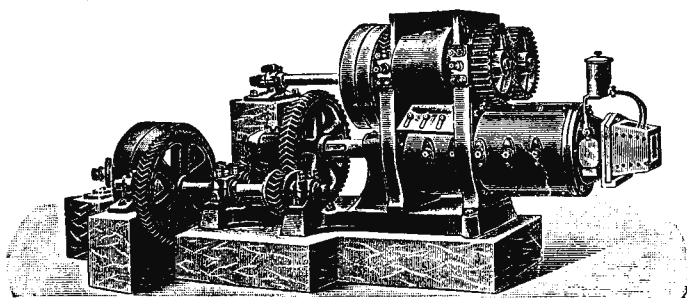
Розничныя	1. 60 к.	2. — к.	2. 40 к.	2. 80 к.	Покупающимъ 25 ф. даются особ. льготы.
Оптовыя.	1. 35 »	1. 60 »	1. 80 »	2. — »	

Желающимъ выписать на пробу 1 ф. одного сорта или всѣхъ сортовъ по 1/4 ф. чай высылается во всѣ мѣста Европейской Россіи на счетъ магазина по розничной цѣнѣ. При выпискѣ трехъ фун. чай высылается по оптовой цѣнѣ съ пересылкой на счетъ покупателя. Подробный прейскурантъ и Льготныя условия высылаются бесплатно.

И.С.НИКОЛЬСКІЙ, МОСКВА.

№ 12162 3-3

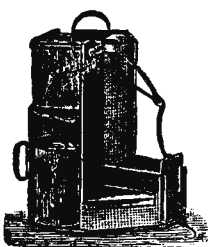
Louis Jäger in Köln-Ehrenfeld,

Луи Јегеръ, Кёльнъ - Эренфельдъ,

машино-строительный заводъ, поставяетъ съ 1862 года

СПЕЦИАЛЬНО: КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫЯ МАШИНЫ ПЕРВОКЛАС. СИСТЕМЫ, полные комплекты для кирпичныхъ, шамотныхъ, черепичныхъ, цементныхъ и заводъ № 11996 довъ для говчарныхъ трубъ. Дробильныя машины. 6-4

САМОДѢЙСТВУЮЩІЯ МЫШЕЛОВКИ и КРЫСОЛОВКИ,

которыя сами открываются и закрываются, ловятъ до 20-ти мышей и 10-ти крысъ въ ночь.

ИМѢЕТСЯ МНОГО ПОХВАЛЬНЫХЪ ПИСЕМЪ ОТОВОСЮДУ.

КРЫСОЛОВКА вѣситъ 26 фун., ц. 12 р.

МЫШЕЛОВКА вѣситъ 6 фун., ц. 2 р.

ГЛАВНЫЙ АГЕНТЪ ДЛЯ РОССІИ КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ, С.-Петербургъ, Большая Морская, № 34-й.

НОВѢЙШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА

„БЛИКЕНСДЕРФЕРЪ“

не только равна другимъ, значительно дороже стоящимъ машинамъ, но она безусловно превосходитъ какъ въ прочности, такъ и въ удобствѣ всѣ конструкции нынѣ существующихъ пишущихъ машинъ. Цѣна 100 и 140 руб. Въ 2 года выпущено 20,000 машинъ. Образцы шрифтовъ в каталоги высылаются бесплатно.

★ ПРЕДСТАВИТЕЛИ: **Э. КИЖИМАНЪ** и **К°** С.-Петербургъ, Гороховая, 17. ★

LE TREFLE INCARNAT DE L.T. RIVER PARFUM A LA MODE

Ц. № 12104 19-5

ЧАСЫ ВЪ ПАМЯТЬ ЮБИЛЕЯ А. С. ПУШКИНА.

Изъ настоящ. стали оксидированные черныя муж. часы «Ремонтуръ» съ прекраснымъ механизмомъ, отличающимся математической вѣрностью хода, съ выемкою предохранит. стекломъ. На крышкѣ часовъ рельефный художественно исполненный портретъ **А. С. Пушкина**, изъ чистаго накладнаго на серебрѣ золота. Всего только за 6 руб., высылаются немедленно по полученіи задатка 1 руб., почтовыми 2-хъ коп. марками. Требования адресовать: Въ фабричный складъ часовъ **И. Г. ШАМИССО**, Одесса, Ринельев., 28. Часы америк. золота, объявляемые всѣми въ 12 руб., складъ высылаетъ за 8 р. и 10 р. Серебр. часы съ портретомъ **А. С. Пушкина** 12 руб. № 12224

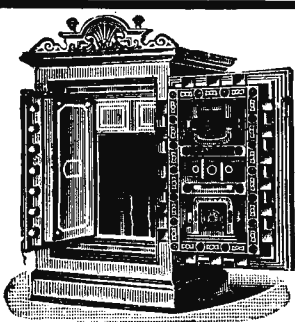
Пріемъ мѣховыхъ вещей, ковровъ и пр. на хранение

въ мѣховыхъ магазин. **Ф. Л. МЕРТЕНСА**

1) Невскій просп., 21, собств. домъ. 2) Гостиный дворъ, № 58.

Всѣ вещи сохраняются въ специально для хранения устроенныхъ складахъ. Полная отвѣтственность за сохранность. В. № 12229 4-1

С. И. Арнгеймъ, Берлинъ.

придворный поставщикъ Императора Германскаго. ВСЕМІРНО - ИЗВѢСТНЫЙ ЗАВОДЪ **ПЕСГОРАЕМЫХЪ ШКАФОВЪ**

гарантированныхъ отъ огня и отъ велама. Цѣны отъ 200—500 р., для Банковъ и большихъ заведеній крупныхъ размѣровъ отъ № 12040 500—1000 руб. 46-8

Представитель: **О. Г. Шпеннеманъ**, С.-Петербургъ, Чернышевъ пер., 12.

Прейск-куранты по желанію высылаются бесплатно.

ВЕЛОСИПЕДНЫЕ ЗАВОДЫ „БРЕННАБОРЪ“

БРАТЬЕВЪ РЕЙХШТЕЙНЪ въ БРАНДЕНБУРГѢ н/г.

Старѣйшая и величайшая велосипедная фабрика въ Европѣ. Основана въ 1871 году. Работаетъ 4-мя паровыми машинами и электромоторами, составляющими силу въ 900 лощ., и занимаетъ около 2500 челов. работниковъ. Годовое производство около 5000 шт. велосипедовъ.

Велосипеды «Бреннаборъ» первоклассны и образцовы. Отдѣленія на всѣхъ главныхъ пунктахъ свѣта, а именно, въ Россіи представительства въ около 200 ц. № 12164 городахъ. 21-2

Фабричный складъ для Европейской и Азиатской Россіи у Торговаго Дома **Э. ЗАГОВСКАГО, Рига.**

Каталоги высылаются бесплатно.

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE

БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахи во рту. № 5121 (120)

Во избѣжаніе часто встречаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ. Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

По новейшей методѣ „ВОРТА“ высклаю безплатно проб. лекція и услов. заочнаго обученія крою и шитью дамск. дѣтск. наряд., верх. плат., бѣлья и корсетовъ. Школа Е. Д. Ашмаринной, Киевъ, В. Васильковская 89.

Л. Я. Столкинда:
КАПСЮЛИ ДЕЗОДОРАТЬ
 для уничтоженія зловонія въ комна-
 тахъ, дѣтскихъ, спальняхъ и т. п.
 Цѣна за 1 кор. въ 100 шт. 35 к.
Л. Я. Столкинда
ДѢТСКОЕ МЫЛО
 на рыбьемъ жирѣ, цѣна 1/1 кус. 50 в.
 и 1/2 кус. 30 коп.
Л. Я. Столкинда
АНТИПАРАЗИТЬ
 отъ клоповъ, таракановъ, блохъ, моли
 и т. п. Цѣна 1/1—1 р., 1/2—55 к., 1/4—
 30 к., 1/8—20 к.
 Аптекарская торговля
 ТОРГОВАГО ДОМА
И. и Е. СТОЛКИНДЪ,
 Москва, Лубянский переул.

НОВАЯ АНГЛИ-
 СКАЯ МАШИНА
 ДЛЯ ВОЛНИ-
 СТОЙ ПРИЧЕСКИ
 ГОФРИРОВКИ
 ВОЛОСЪ

холоднымъ спо-
 собомъ, скоро и
 безъ посторон.
 помощи. Приборъ
 въ 4 шт. 1 руб.,
 съ перес. въ Евр.
 Россію 1 р. 50 к.,
 въ Азіатскую
 Россію 2 руб.
 Прямичныя папилотки для маленькой
 завивки по 20 коп.
 Г. Гебгардъ, Спб., Симеоновская ул., 5.

В. ФРЕЙМУТЪ. Москва, Никольская ул., д. графа
 Шереметьева, пр. Славыи. Базара.
 Поставщикъ Двора Его Императорскаго Величества
 и придворн. часовыхъ дѣлъ мастеръ.
ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ ВСЯКАГО РОДА ЧАСОВЪ
 Ш. № 12194 собствен. и друг. фабрикъ. 3—2
 Высылка наложеннымъ платежомъ. Полный прейсъ-курантъ безплатно.

С.П.Б. ТЕХНО-ХИМИЧЕСОЙ ЛАБОРАТОРИИ
 послѣднія новости:
„ФИГАРО“, „РЕКОРДЪ“
ЛУЧШИЯ ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА
 Приятный освѣжающій ароматъ, смягчаютъ кожу, придаютъ
 нѣжность и бѣлизну.
ПРОДАЮТСЯ Просимъ остерегаться подражаній и
ВЕЗДЪ. требовать на этикеткахъ слово: „ТЕХНО“.
 Главный складъ. С.-Петербургъ, Коломенская ул., № 12.

Лѣчебница Шульце въ Гарделегенѣ (Gardelegen) Саксонія, Германія.

ЛѢЧЕБНИЦА
 для спокойныхъ
 душевно-боль-
 ныхъ, эпилепти-
 ковъ и слабоум-
 ныхъ дѣтей,
 за которыми установленъ
 тщательный присмотръ и
 уходъ. Обширная эконо-
 мія, сады, парки. Лѣс-
 ная, здоровая мѣстность.
**Берлинъ-Лерте-
 вокзалъ.**
 (Berlin-Lehrter Bahn).
 Со справками обращаться
 въ дирекцію лѣчебницы.

съ 50000 руб.
 можно составить себѣ отличное положеніе,
 дающее громадную прибыль. Писать А. И. Б.
 Ящикъ № 13. Кишиневъ.

ПРИГЛАШАЮТСЯ
 мѣстные представители и разѣздные аген-
 ты для солиднаго, давно существующаго из-
 дательскаго дѣла. Обращаться писемно:
 Москва, Мясницкая, Торговому Дому Л. и
 Э. Метца и Ко подъ № 99.

Въ книжныхъ магазинахъ
Ф. А. ЮГАНСОНА
 въ Киевѣ и Харьковѣ
 ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

РОЗМАДЗЕ А. Волга отъ Нижняго до Астра-
 хани, съ фототипическими видами Волги и го-
 родовъ расположенъ на ней. Роскошное изд.
 въ 4 д. листа, в. 5 р. 50 к., съ пер. 6 р.
РОЗМАДЗЕ А. Торговые ряды на Красной
 площади въ Москвѣ. Роскошное изд. съ фо-
 тотипич. видами, цѣна вм. 5 р.—3 р., съ
 пер. 4 р.
КІЕВСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ выстав-
 ка и ея участники. Литературно-художеств.
 изд.—съ массою худож. рисунковъ, въ папкѣ,
 цѣна вм. 5 р.—3 р., съ перес.
ТОНАРСКИЙ. Спортъ, конноезводство и ко-
 неводство Югозападнаго края. Роскошное
 изданіе съ рисунками и портретами владѣль-
 цевъ лошадей. Вып. I. Спортъ—цѣна вм.
 12 р.—4 р. съ перес.
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ Альбомъ художника
А. Н. Саврасова, 20 рисунковъ въ фор-
 матѣ in-folio, въ роскошной обложкѣ, цѣна
 вафето 10 р.—6 р. съ перес.
 Всѣ означенныя изданія приобретены
 мною и илѣются въ продажѣ въ самомъ
 ограниченномъ количествѣ, а потому жел-
 ающихъ получить эти изданія покорнѣй-
 ше прошу не медлить заказами.

Продолжается подписка на 1899 годъ
 иллюстрированный журналъ
**СЕЛЬСКИЙ
 ХОЗЯИНЪ**
 XIV-й г. БЕЗЪ ПРЕДВАРИТ. ЦЕНЗУРЫ XIV-й г.
 изданія, съ рисунками и чертежами изданія
52 номера
БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ
 I) СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. ЭНЦИКЛОПЕДІЯ
 II) Альманахъ русскаго сельск. хозяина
 на 1899 г.
 III) 12-й выпускъ альбома домашнихъ
 животныхъ.
 IV) АРХИТЕКТУРНЫЯ ПРОЕКТЫ.
 V) СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ СЪМЕНА
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 5 руб. въ Спб.
 безъ доставки, иногородн. 6 руб.
 съ дост. и перес.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная ул.,
 № 12, собств. домъ.
 Издатель П. Соикинъ.
 Редакторъ Ф. Груздевъ.

Пейте Цейлонскій чай!
Пейте Цейлонскій чай!!
Пейте Цейлонскій чай!!!

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготвленія.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучшій чай по вкусу и аромату.

Ш. № 11641 30—22

Годичное потребленіе Цейлонскаго чая въ Россіи
 болѣе 10.000,000 фунтовъ 10.000,000.

Табачная фабрика В. И. АСМОЛОВА и К^о.
 рекомендуютъ отличнаго достоинства **ПАПИРОСЫ**
ВИЗИТНЫЯ 10 шт. 10 коп. ФЕЛИКСЪ ФОРЪ 10 шт. 6 коп. Ц. № 12013 5—5
 Получать можно вездѣ.

БЕРНДОРФСКІЙ МЕТАЛЛИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ
АРТУРЪ КРУППЪ.
 въ Москвѣ на Кузнецкомъ мосту
 РЕКОМЕНДУЕТЪ ГОСТИНИЦАМЪ И ХОЗЯЙСТВАМЪ СВОИ ИЗДѢЛІЯ
ИЗЪ МАССИВНАГО МЕТАЛЛА „АЛЬПАКА“
 БѢЛО СЕРЕБРИСТАГО ЦВѢТА: въ натуральномъ видѣ,
 и покрытыя густымъ слоемъ чистаго серебра.
А ТАКЖЕ КУХОННАЯ ПОСУДА ИЗЪ ЧИСТАГО НИКЕЛЯ.
 И. Анофриевъ Гр.

БЕЗПОДОБНАЯ
цитра „**МОНОПОЛЬ**“

отличается силой звука и мелодичным тоном, а с помощью шести педалей, полными очаровательными аккордами может всякий разыгрывать все что угодно, не имея даже понятия о нотках.

Цена 7 руб.

ПРЕДЛАГАЕТЪ
ФАБРИКА ТОРГОВАГО ДОМА
ТОВАРИЩЕСТВА
А. Е. КУДАКОВЪ.
С.-Петербург, Садовая, 33.
Иллюстрированный прейс-курantzъ всѣхъ инструментовъ высылается бесплатно.

Фотографич. аппаратъ
„**ДУХ**“

вследствие усовершенствований, достигнутыхъ въ этомъ аппаратѣ, въ связи съ дешевой ценою, является даже и за границей «Чудомъ промышленности!» — Аппаратъ «Духъ» снабженъ новозобретенными объективами и новосовершенствов. видоскателемъ, благодаря чему каждый можетъ получать имъ действительно чудные снимки портретовъ, видовъ и пр., кромѣ того «Духъ» снабженъ особымъ механизмомъ для моментальныхъ снимковъ. Перемѣна пластинъ производится автоматическимъ путемъ. Аппар. обтянутъ шагрен. кожей и металлич. части никелированы. Цена апар. (съ рукон.) 5 р. 50 к. Наборъ принадлеж., состоящій изъ 44 предм. 3 р. 50 к., высыл. налож. платеж. Проб. сним. высл. за 14 к. марк. Адресъ: Москва, Тверская, № 17. В. Золотареву.

Въ виду предстоящ. праздниковъ предлагается пригласить мною большой выборъ изящныхъ вещей изъ чистаго 569/100 пробы золота специально для подарковъ. Особенно рекомендую изящный подарокъ

ГАРНИТУРЪ
браслетъ золотой 569/100 пр. изъ лучшей отдѣлки, кармазиновый, т. е. осыпанный искусственными парижскими брилліантами, а по серединѣ дуплетъ, сафиръ, рубинъ, аметистъ, бирюза и другіе; такая же пара серегъ и кольцо, все изъ чистаго 569/100 пр. золота **ТОЛЬКО ЗА 12 Р.**

Изготовродимъ «Гарнитуръ» высылаются въ специально приготовленномъ изящномъ футлярѣ, безъ задатка, наложеннымъ платежомъ. Адресъ: **И. ВУЗЕЕРЪ**, складъ золотыхъ издѣлій, Варшава, Граничная, 6.

КРЕМЪ
АЛЬДЕХИДЪ
ВЛАДИО

для смягченія
КОЖИ ЛИЦА И РУКЪ.

Мал. флак. 60 к.; больш. флак. 1 р.

Можно получать вездѣ.
Главный складъ въ Москвѣ
у **В. КРЕМЕРЪ**,
Чижовское подѣ. (10)

Изящныя своимъ ходомъ изящные и прочныя карманные мужскіе часы «Dugabel» верные, прочной стали, самый прочный механизмъ, яврный ходъ, съ шелковою цѣпочкою и брелокомъ **ТОЛЬКО ЗА 4 РУБ.**

за вѣрность хода ручаются на 6 лѣтъ. Высласлать по получению 1 рубля задатка. Дамскіе черные на 1 р. дороже. Адресъ: Торг. фирмъ Бр. Волковичевъ, складъ женск. час. въ Варшавѣ, Королев. 29-42. Даромъ получ. кабинетные часики «Форъ», которые вышле. на сумму болѣе 20 руб.

Новое изданіе **Ф. Павленкова:**
Вѣчный миръ и разоруженіе
М. А. Энгельгардта. Ц. 25 к.

ЗАЙКАНИЕ КАРТАВОСТЬ, ШЕПЕЛЯВОСТЬ
устраиваетъ лечебное заведеніе
К. Ю. Эрнстъ,
Москва, Б. Никитская, № 11, кл. 6. Ц. № 12057 15-3

Руководство къ самообуч. для зайкъ 3 руб.

Для смягченія и бѣлизны кожи.

КАЛОДЕРМА

ЖЕЛЕ КАЛОДЕРМА. * МЫЛО КАЛОДЕРМА.

Ф. Вольфъ и Сынъ въ Карлсруэ.

Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

КАЗЕННЫЙ ЛОМБАРДЪ
(СПБ. Ссудная Казна, Каванская, 7).

Выдача ссудъ подъ заклады изъ золота, серебра и драгоц. камней изъ шести проц. годовыхъ (1/2 коп. съ рубля въ мѣсяцъ), ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 ч. у. до 2 1/2 ч. дня (въ маѣ до 3 ч. дня). № 12208 2-1

Аукціоны прекращаются 5 мая.

Крахмало-сахароварные, Паточные и декстриновые заводы по новѣйшей, испытанной системѣ

дешевое обзаведеніе, превосходные фабрики

устраиваетъ
Спеціальное заведеніе для постройки и перестройки крахмальныхъ заводовъ
R. № 11998 **В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.** 5-3

Прейс-курantzъ бесплатно.

ПИСЬМА КЪ МАТЕРЯМЪ

въ книжныхъ магазинахъ н. п. **КАРБАСНИКОВА:**
С.-Петербургъ: 1) Литейный, 46; 2) внутри Гостиного Двора, кладовая, № 19; 3) Невскій, противъ Гостиного двора, № 50; Москва: Моховая, домъ Важенова; Варшава: Новый Свѣтъ, 69; Вильно: Большая ул., д. Гордона, между прочимъ продается: обѣ уходъ за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ д-ра М. И. Галанина, съ прибавленіемъ діететики беременности, родовъ и послѣродового періода женщины-врача **Е. Д. Готовой-Беккеръ.** Изд. 3-е. Цена 1 р. 75 коп., съ перес. 2 руб. № 12240

ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
ГУМБЕРЪ
предлагаетъ Ц. № 11988

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Георгій ЖЕМЧИЧКА и Ко.
Москва, Столениковъ переулокъ, № 5.
Прейс-курantzъ по требованію. 15-5

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ
для живости и свѣжести лица,
Косметика **А. ЭНГЛУНДЪ.**

Цена за фаянсовую банку 1 руб., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись: **А. Энглуудъ**, красными чернилами и марку (Спб. Косметической Лабораторіи). Подучать можно вездѣ. Главный складъ для всей Россіи: **А. Энглуудъ**, С.-Петербургъ, Михайловская площадь, № 2.

НОВОСТЬ!

Изящный золотой ГАРНИТУРЪ 56 пробы, состоящій изъ браслета, кольца и пары серегъ, красивой отдѣлки, кармазиновый, т. е. осыпанный искусственными парижскими брилліантами, а по серединѣ дуплетъ-аметистъ, сафиръ, рубинъ или бирюза, благодаря большому сбыту а въ состояніи продавать вмѣстѣ 20 руб.

ТОЛЬКО ЗА 12 РУБЛЕЙ.

Изготовродимъ «Гарнитуръ» высылаются въ специально приготовленномъ изящномъ футлярѣ, по получению 1 руб. задатка, можно почтовымъ марками, стальными наложеннымъ платежомъ.

Окладъ золотыхъ издѣлій
М. ГОРДОНЪ
Варшава, Маршалловская, 119.

ЗАОЧНОЕ ОБУЧЕНІЕ
ИГРЪ НА ФОРТЕПИАНО.

Проф. Исполитъ Павловичъ РАПГОФЪ
(бывъ инспекторъ «Курсовъ Рапгофъ», директоръ муз. школы въ СПБ., преп. Пажескаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Корпуса, авторъ многихъ руководствъ),
открылъ подписку на сто письменныхъ уроковъ игры на фортепиано, съ приложеніемъ массы иллюстрацій и нотъ, при помощи которыхъ безъ преподавателя можно легко научиться играть на фортепиано. Подписная цѣна на все это уроковъ—10 руб., съ доставкою во все города Россіи. Допуск. разсрочка въ 2 срока. Пробн. урокъ и программа курса высыл. за 25 к. марками.
СПБ. Невскій пр., № 76, кв. 49.

ЛЕОТИ
Перворазрядный торговый домъ корсетовъ
8, Place de la Madeleine (10)
ПАРИЖЪ.
Для мѣрки требовать указатель на русск. яз.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ
СЛАБИТЕЛЬНАЯ
ГОРЬКАЯ ВОДА
ИСТОЧНИКА
ФРАНЦЪ-ИОСИФЪ

ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ТЕРАПИИ
ВРАЧИ все болѣе и болѣе рекомендуютъ употребленіе натуральныхъ минеральныхъ водъ, и въ томъ числѣ лучшую изъ нихъ въ своемъ родѣ—**Слабит. воду ФРАНЦЪ-ИОСИФЪ**, которая къ тому же является единственнымъ приятнымъ на вкусъ натуральнымъ слабительнымъ.

Имѣется въ продажѣ ПОВСЮДУ.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА
„СМИСЪ - ПРЕМЬЕ“.

Скорость, прочность, удобство. Последнія усовершенствованія. Цена 250 р. и 375 р. Дешев. пишущ. машина **„КОСМОПОЛИТЪ“.** Самый красивый шрифтъ. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами. Описанія и образцы шрифтовъ обѣихъ машинъ высыл. бесплатно.

О. РИХТЕРЪ, СПБ., Адмиралт. пр., 4.
Москва—Ф. И. Розенталя, Мясницкая, 36.
Варшава—Л. Фаянсъ и Ко. Севастополь, 36.
Кіевъ—Н. Фильбергъ, Крестьянск. Одесса—Г. М. Левинсонъ, Гисельевская, 19.

НИЧЕТО НЕБЫВАЛОЕ!
Женева, изъясненіе открытыя **МУЖСКИЕ** черныя часы, вороненой стали, ремонтуръ известной фабрик. «Эмиль», проверенные до минуты, съ ручательствомъ за ходъ на 6 лѣтъ, высласлать и безъ задатка налож. плат. всего за 4 р.

съ шелковою цѣпью; такіе же дамскіе и гимназическіе, а также золот. 1 р. дороже.

Адресъ: главный складъ часовъ **ШО-ДЕ-ФОНЪ** въ Варшавѣ.

КУМЫСЪ.

Открывается 1-го мая 12-ой сезонъ. Подробн. свѣд.: Самара, д-ру Постникову. **Кумысь-экспортъ** (по портисту) высыл. съ 1-го марта. Ящикъ 60 бут., съ дост. по ж. дор. больш. скоростью, 30 р. Требуя, кумысь-экспортъ и брошюры (35 к.): Самара-Златоустъ. Ж. д. станція Смышляева, Постникову.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ
 солидной работы и яркого строя
 ПО ФАБРИЧНЫМЪ ЦѢНАМЪ
 ПРЕДЛАГАЕТЪ
 ФАБРИКА ТОРГОВАГО ДОМА
 ТОВАРИЩЕСТВА
А. Е. КУЛАКОВЪ.
 С.-Петербургъ, Садовая, 33.
 Иллюстрированный прейс-курать
 всѣхъ инструментовъ высылаютъ
 бесплатно. № 12200

**Къ юбилею
 А. С. ПУШКИНА**
 Изготовляю жетоны, художественно исполненные по проекту известн. художника-медальера монетного двора А. Греликса сына.
 Серебряный 1 р. 50 к.
 Бронзовый 30 к.
 Пересылка на счетъ покупателя. Торговцамъ уступка. М. № 12228 4-1
 Д. Осиповъ, специальность изготовлен. орденовъ, разн. знаковъ и жетоновъ.
 С.-Петербургъ, Екатерининскій кан., д. № 42, у Каменнаго моста. Сущ. съ 1855 г.

**ФАБРИКА
 и СКЛАДЪ
 Бруно Зенгеръ и Ко**
 С.Петербургъ, Невскій Пр. № 25 (входомъ Казанскимъ)
**Фотогр. Аппараты
 и Принадл.**
 (Кратк. Прейс-Курать бесплатно.)
 П. 12023 12-8

ОСПЕННЫЙ ТЕЛЯТНИКЪ
 ветеринарнаго врача С. К. Живописцева
 въ г. Орлѣ.
 Во всякое время года можно получать свѣжую оспенную вакцину для прививанія людямъ предохранительной оспы. Выписывать можно съ наложеннымъ платежомъ и на сумму не менѣе рубля. Заказы исполняются безъ замедленія. Адресъ: Г. Орель, оспенный телятникъ Живописцева.

Корнеты-а-пистонъ
 и всѣ другіе духовые мѣдные и деревянные инструменты, а также
**РОЯЛИ, ПИАНИНО,
 ФИСГАРМОНІИ.**
 Скрипки отъ 2-100 р.
 Гитары . . . 3-75 р.
 Балалайки . . 1-20 р.
 Мандолины . . 8-75 р.
 Цитры 8-75 р.
 и всѣ прочіе струнные а также и механическіе и самоиграющіе инструменты и принадлежности рекомендуютъ
И. Ф. МЮЛЛЕРЪ.
 Москва, Петровка, домъ Волкова.
 Требуется иллюстр. прейс-курать.

270 Р.
 подъ выигрышные билеты. И заемъ до 235 руб., подъ III Дворянскіе до 200 руб., подъ остальные бумаги до 95 руб. изъ 5 до 8½ годов. и 4½ ежемѣ. ком. предлагаетъ въ среду банкирскій домъ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
 59, Невскій. 4-2

**СКЛАДЪ
 Юна Матвѣева**
 въ г. Бузулукѣ, Сам. губ.,
 по требованію высылаютъ «ЭФЕДРУ» траву Кузьмича высшій сортъ майскую въ цѣвѣ и съ корнями въ пергаментѣ и коробѣ по 5 руб., 2-й сортъ по 3 р.—за фунтъ.

ДАМАМЪ И БАРЫШНЯМЪ
 изящный подарокъ.
 Изъ чистаго золота 56-й пробы цѣлымъ гарантуръ только за 15 руб. 1) Браслетъ золотой, состоящій изъ плотнаго золотого обруча, на которомъ искусствен. брилліанты превосходной игры обхватываютъ дублетъ-рубинъ, сапфиръ, изумрудъ или бирюзу (по выбору заказчика); 2) Брошь золотая такого же фасона; 3) Пара крупныхъ серегъ такого же фасона; 4) Кольцо золотое такого же фасона выемл. наложен. платеж. по полученіи 3 руб. задатка.
 Цѣлымъ гарантуръ плотнѣе золота за 20 руб.
 Часы американскаго золота, объявляем. другимъ за 12 и 18 руб., мы высылаемъ
только за 10 руб.
 Съ заказами обращаться въ фабричн. складъ золотыхъ издѣлій и часовъ
И. Г. ШАМИССО, Одесса,
 Рихельевская, 28.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.
**ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ
 ЛАБОРАТОРІЯ**
 ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПРЯМЪ.
ТУАЛЕТНЫЙ УКУСОУ.
 РАВНОУБРАНЪ МЯ КОСМЕТИЧЕСКАЯ СВОЙСТВА ЭТОГО СОСТАВА СЪДЪ-
 РАДИ ЕГО ВАЖНОЮ ПОТРЕБНОСТЮ ДЛЯ ТУАЛЕТА.
 Туалетный Укусъ Біолътъ д-р Пармъ
 Карболовый Туалетный Укусъ
 Туалетный Укусъ де ла Ноблесъ.
 МАГАЗИНЫ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
 Вознесенскій просп. угодья Казанскій ск. угодья 24747
 НЕВСКІЙ ПРЯМЪ НЕВСКІЙ ПРЯМЪ
 МАГАЗИНЫ въ МОСКВѢ: въ Козьмодемьянск. мосту между мостами

Складъ женевскихъ и американскихъ часовъ И. Е. Гордонъ.
ТОЛЬКО ЗА 6 Р. 50 К.
 гарантированные стальные часы известной фабрики съ тщательно провѣренными механизмомъ и наложенной на крышкѣ больш. серебр. 84 пр. моногр. съ элегантною цѣпочкой и брелокъ высылаются по полученіи 2 руб. задатка, остальные наложеннымъ платежомъ. Такіе же дамскіе на 2 руб. дороже. Ручательство за вѣрность хода на 2 года.
 Гг. заказчики благоволятъ разборчиво написать обѣ буквы желаемой монограммы. На складѣ имѣется большой выборъ золотыхъ, серебряныхъ и стальныхъ часовъ известнѣйшихъ заграничныхъ фабрикъ.
ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ!
 Москва, Лубяноско-Ильинскія тор. пом., подъездъ 3.

КРЕМЪ АМИКОСЪ (crème amycos).
 Новый кремъ составленъ изъ лучшихъ специализ. Придаетъ и сохраняетъ на долго свѣжій и здоров. цвѣтъ лица, уничтожаетъ морщины, угри, загаръ и красн. лица.
КРЕМЪ АМИКОСЪ необходимъ для сохраненія на долготу красоты лица.
 Цѣна банки 1 р. 25 коп. Европ. Россіи выемл. 2 банки за 3 р. 50 к. Получ. можно во всѣхъ аптекахъ и космет. маг. Россіи. Опт. торг. у изобрѣтат. торг. домъ
 «Парфюмерная лабораторія И. Голлендеръ», С.-Петерб. Развѣдочная, № 13.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ
 старая фирма
 продается. Адресоваться: Саратовъ, начальни-
 ницѣ женск. гимн. М. Н. П.
БУХГАЛТЕРІЮ лично и обществу-
 заочно
 на изу-
 чить у
 М. И. Чер-
 нышева,
 имѣющаго
 разн. родъ
 разбѣж-
 ныхъ, у
 Овдѣтъ,
 На отвѣтъ
 прилаг.
 марку.
 Петербургъ, Знаменская, 2, у Невск. кв. 49.

Новѣйшій самодѣйствующій патентов. шприцъ для растений и винограда
„СИФОНІЯ“,
 противъ болѣзней и порчи растений, къ уничтоженію сорныхъ травъ, желтушника, дыни рѣдки и т. п. Превосходитъ всѣ существующіе шприцы.
 Подробныя описанія и рисунки высылаются по востребованію. Адресъ: Фабрика земледѣльч. машинъ Ф. МАЙ-ВАРТЪ и К°. Франк-К. № 12235 фуртъ и/М. (Германія). 3-1

НОВОСТЬ!!!
 Прелестные карманные металлческіе часы, заводъ безъ ключа, настоящие никелевые, тщательно провѣренныя, на крышкѣ монетныя художественно исполненный портреты Государя Императора Николая II, къ нимъ цѣпочка новаго золота и парижскія комасы
за все только 5 руб.
 Прилагается печатное ручательство на 4 года. Вышеупомянутые часы высылаются немедленно и безъ задатка наложеннымъ платеж. 11986
 6-5
 Требования прошу адресовать въ городъ Варшаву, Граничная, № 6
гущу I. ВУЗЕЕРУ.
 Прейс-курanty высылаются бесплатно.

ROYAL-MONDAIN
 EXTRAIT TRIPLE
GELLÉ FRÈRES
 Parfumeurs
 6, Avenue de l'Opéra, 6
PARIS

**ПЕРВОЕ РУССКОЕ
 Племянное Образцовое Птицеводство**
 Существуетъ съ 1883 года.
ЗОЛОТЫЕ МЕДАЛИ: СПБ. 1888 и 1891 г. Москва 1893 и 1899 г.
 Предлагаетъ чистокровн. гнѣзда и яйца для высвѣжванія отъ 29-ти породъ куръ, 3-хъ породъ утокъ и 4-хъ породъ гусей.
 Подробный иллюстрированный прейс-курать высылаютъ по первому требованію за три 7-ми коп. марк. Осмотръ Птицеводства, практическия указанія и совѣты безвозмездно въ четныя числа мѣс. отъ 10-4 ч. дня.
 Адресъ простой и денежн. корреспонденц.:
 Ст. Колодино, Пск. ж. д.
 Важдѣду Птицеводства
К. Л. Витовскому.

Продаются по дешевѣе. цѣнамъ фотогр. и электр. аринадл. Складъ Я. П. Сланодубова, СПБ. Б. Морская, № 30
 Прейс-курать съ дополнит. полезн. свѣдѣніями для любителей фотографіи высылаются безъ платно.

НЕЗАМѢТНА НА ЛИЦѢ
ТОЛЬКО ГИГИЕНА
Г-СТВА
ПУДРА ГИГИЕНА
РОСКОШНАГО ЗАПАХА.
 ПРОДАЕТСЯ ВСЕДЪ.
 ГЛ. СКЛАДЫ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, КОЛОМЕНСК. 12.

Содержание:

Е К С Т Ъ: Воскресение. Романъ графа Л. Н. Толстого. (Продолженіе).—Дѣдъ и внукъ. Разсказъ В. Успенскаго. (Окончаніе).—Церковь, построенная императоромъ Петромъ I въ память побѣды надъ шведами у дер. Лѣсной. Е. Романова. — Изслѣдованіе южныхъ полярныхъ областей. Очеркъ д-ра І. Клейна.—Лобзаніе Іуды. Мозаика.—Къ рисункамъ: Вѣра.—Іуда.—Лета вдовы.—На вербахъ.—В. В. Чуико.—І. І. Кеннгъ.—Телеграфъ безъ проволоки.—По адресу „Міра Искусства“. Письмо въ редакцію. И. Рѣпина.—Смѣсь.—Объявленія.

Р И С У Н К И: Вѣра. Картина Габріеля Макса.—„Воскресеніе“, романъ гр. Л. Н. Толстого: 1) Подсудимые. 2) Присяжные. Ориг. рисунки Л. О. Пасте нака.—Лобзаніе Іуды. Мозаика для Исаакіевскаго собора. Съ оригинала, писаннаго проф. Келлеромъ съ картонна К. П. Брюллова, исполнили Н. Ю. Селувановичъ и М. И. Щетининъ.—Іуда. Сепія В. А. Котарбинскаго.—Лета вдовы. Картина В. А. Котарбинскаго.—На вербахъ. Ориг. рисунокъ И. И. Ижаневича.—В. В. Чуико.—І. І. Кеннгъ.—Телеграфъ безъ проволоки: 1) А. Телеграфная станція. В. Мачта для телеграфирования. 2) Приемъ телеграммъ на англискомъ берегу.

НАШИ НАСТОЯЩЕ, ВО ВСЕЙ РОССИИ ИЗВѢСТНЫЕ

СКОРОХОДЫ И САНДАЛИ

продаются исключительно только у нижеслѣдующихъ торговцевъ.

ТОВАРИЩЕСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО МЕХАНИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ.

Абаканскъ, Г. И. Мухинъ.	Богословскъ, Богословское Сельское Об-щество Потребителей.	Екатеринбургъ, Торговый домъ „Леопольдъ Нейшеллеръ.“	Иалуга, Г. Ф. Софроновъ.
Азовъ, Е. Я. Малювъ.	Большой Токманъ, Н. Г. Блохъ.	В. А. Деватовъ.	Намонецъ-Подольскъ, І. Гитлеръ.
Ангерманъ, Л. Чобричеръ.	Борисоглебскъ, В. А. Черношашенцовъ.	Товарищество „Н. С. Зо-ловъ и К°“.	З. Гитлеръ.
С. Таранъ.	Брянскъ, К. Т. Бриллиантовъ.	И. И. Замятинъ.	Наменная станція, П. И. Лобановъ.
Акмолинскъ, А. М. Никитинъ.	М. Р. Добчинъ.	Товарищество „Братья П. и В. Макаровы.“	П. И. Шовкопильсовъ.
И. С. Силинъ.	Акционерное Общество Малы-цевскихъ заводовъ.	В. Е. Ходовъ.	Камышовъ, П. Г. Войцевъ.
Алатырь, К. Н. Поповъ и Ко.	С. Смирновъ съ Сыньями.	И. С. Юргинъ.	Е. Г. Войцевъ.
Александрія, Э. М. Грановскій.	Бѣльцы, І. Штеглачъ.	М. Э. Поповъ.	С. Г. Мещеряковъ.
Александровскій заводъ, Александров-ское Общество Потребителей.	Валъи, М. Кронбергъ.	Е. С. Михалевъ.	Канскъ, Д. А. Бурмакинъ.
В. И. Котельниковъ.	Варшава, Х. Дурье и Ш. Гурьянъ, Ры-марская 12.	Г. И. Филь.	И. Р. Гадаловъ.
Александровскъ, Братья Певзнеръ.	Венденъ, Е. Гейнце.	И. В. Котларовъ.	А. Л. Тимофѣевъ.
М. А. Загоричъ.	Верхняя Саида (Пермск. губ.), Верхне-Садзинское Общество По-требителей.	В. С. Шевцовъ.	Торговый домъ „К. М. Чевелевъ и Сынья.“
Алупка, Сади Ибраимовъ.	Верхотурье, Д. Я. Логиновъ.	И. М. Шапошниковъ.	Нарасубазаръ, М. Тумановъ.
Ананьевъ, Б. Лигинъ.	Торговый домъ „И. А. Мухли-нина Наслѣдникъ“.	Бр. И. и М. Стрѣлянинъ.	Наргюль, Е. Г. Стрѣковъ.
Архавиръ, Товарищество галантерейной торговли А. И. Венеціановой.	Емьно, Л. М. Залкиндъ.	В. Г. Замоуревъ.	Насли, А. Ф. Фигуринъ.
Грхангельскъ, Торговый домъ „М. и Е. Аресонъ.“	Витебскъ, С. Рабиновичъ.	М. Г. Замоуревъ.	Нерчь, Д. Дичинъ.
Астрахань, П. Г. Степановъ Старшій.	Владивостокъ, В. Т. Итаниковъ.	Елецъ, П. К. Чистовъ.	И. Аверкиевъ.
И. И. Постниковъ.	Л. Мищенко.	Елисаветградъ, Братья М. и Э. Олинскіе.	Х. Михайловъ.
Братья Гантнеръ.	Владивназъ, Е. С. Зипалова Сыньяи.	М. А. Миценбахеръ.	И. Качурузовъ.
И. Г. Фабрикантовъ.	Братъ Н. и В. Богдасаровъ.	Елисаветполь, Сендъ-Вагиръ Сендовъ.	Кизель, Е. А. Кропотова.
Атбасаръ, И. П. Волосниковъ.	Д. А. Никитинъ.	Енисейскъ, Е. С. Захарова.	Киселовское О-во потребителей.
Ачинскъ, Е. П. Штановъ.	А. И. Шошѣвъ.	А. В. Поникаровский.	Книшима, М. И. Новикова.
Б.ку, Г. М. Мирзевъ.	Владимиръ, П. А. Парковъ.	Торговый домъ „Т. Савель-ева С-въ.“	Книшинецъ, Е. Яковенко.
Е. А. Наджаровъ.	Вологда, Ф. И. Коровинъ.	Ефремовъ, Братъ Долговъ.	М. Зельманъ.
К. А. Каранетлицъ.	Воронежъ, Братъ М. и Л. Поповъ.	Житомиръ, О. А. Эйзенбергъ, СШБ. магаз.	М. Тумаринъ.
Х. А. Сакоковъ.	В. С. Федоровъ.	Жмеринна, К. Яковенко.	Г. Молдавскій.
Баланово, Е. С. Ермилинъ.	Вольмаръ, Р. Геншель.	Златоустъ, А. А. Клоссъ.	Л. Молдавскій.
Балахта (село Енисейск. губ.), В. Т. Тороповъ.	Воронцовъ, Р. И. Корниловъ и Сынъ.	Общество потребителей казен-ныхъ заводовъ.	Кіевъ, Насл. А. И. Шабардина.
Барнаулъ, Торг. домъ „Братья Волковы“.	Вышній-Волочекъ, Н. Евсѣвъ и А. Па-тишевъ.	Ф. М. Михайловъ.	И. А. Гомоляки.
А. Г. Морозовъ.	Вѣрный, А. Я. Деровъ.	Зминогорскъ, П. В. Воробьевскій.	Р. В. Клейбергъ.
Торговый домъ „Сухова Сыньяи“.	Вязма, Братъ Зайцевъ.	И. Н. Макаровъ.	Козловъ, В. Н. Никифоровъ.
И. Ф. Смирновъ.	Гельсингфорсъ, И. Вирганенъ.	А. С. Мѣновниковъ.	А. Иолыскаго Сыньяи.
П. Д. Сухова.	М. Ляндросъ, Алексан-дровская ул., 11.	Зырянскій рудникъ, А. С. Мѣновниковъ.	Ионотопъ, Б. И. Албиндеръ.
Батумъ, Х. И. Нопадоуло.	И. Матсонъ.	Иваново-Вознесенскъ, А. В. Щуковъ.	Хозяйственный Комитетъ Кіево-Воронежской ж. д.
Г. М. Огородниковъ.	Э. Лебець, противъ Эспана-нады.	Измаиль, Д. Лебединскій.	Константино - Инокентіевскій приискъ, Грейсеръ и Томинъ.
Бахмутъ, Торг. домъ „Насл. Брат. А. Я. Абрамовича“.	Глуховъ, В. А. Шкловская.	Ирбитъ, В. Л. Андреевъ.	Нострома, Ф. Ф. Настухова.
М. Л. Абрамовичъ.	Гродно, А. И. Шантыръ.	И. Ф. Казанцевъ.	Кочкаръ, М. И. Марковъ.
Бердянскъ, Р. М. Хайкина.	Гольдингенъ, Р. Герцбергъ.	Иркутскъ, Торгов. домъ „Леопольдъ Ней-шеллеръ“.	Красноярскъ, Е. М. Гадалова.
М. И. Бабаджанъ.	Грозный, Зипаловъ и Чернявскій.	В. Н. Фоминъ.	Г. М. Головановъ.
Березовскій заводъ (Пермск. губ.), С. Г. Бойцевъ.	А. А. Николаевъ.	Торговый домъ „А. М. Попо-марева Сыньяи“.	И. Р. Гадаловъ.
Г. И. Бойцевъ.	Даго Вергель, А. Вуперфельдтъ.	Ф. Г. Пѣшеоновъ.	П. М. Дегтеревъ.
Бериславъ, И. Гончаровъ.	Днянскъ, С. Клякинъ.	А. Ф. Второвъ.	Ф. Ф. Раззороновъ.
Береное (село Томск. губ.), Ф. Д. Маш-таковъ.	Дубовна (Посадъ), А. Х. Граубергеръ.	В. И. Орельскій.	Торговый домъ „Т. Савель-ева Сыньяи“.
Г. Д. Маштаковъ.	Евпаторія, А. Муслимовъ.	Р. С. Кальмееръ.	А. А. Смирновъ.
Бійскъ, Н. В. Ивановъ.	И. Бозаджѣвъ.	М. М. Цукасовъ.	Торговый домъ „К. М. Че-велевъ и Сыньяи“.
П. П. Фирсовъ.	Ейскъ, И. С. Карамеевъ.	Ишимъ, Т-во „Преминки В. Баева“.	Кременчугъ, С. В. Зенгинъ.
Благовѣщенскъ, И. Я. Чуринъ и Ко.		Газанъ, М. В. Катковъ.	Кронштадтъ, Л. К. Марковъ.
Богословскій заводъ, А. Е. Шадрина.		Канскъ, Торг. домъ „Братъ Волковы“.	Курганъ, Братъ Балыновъ.
		Иалуга, Л. Г. Кушниковъ.	Е. Л. Кронангъ.

(Продолженіе на слѣдующ. стр.)

Нурганъ, Г. А. Моисеевъ.
 " А. В. Хлызовъ.
 " М. А. Щербаковъ.
 Кургуръ, Н. М. Жебелевъ.
 Курскъ, П. И. Александровъ.
 Куртамышъ, Г. Я. Пятуховъ.
 " П. К. Третьяковъ.
 Кутаисъ, П. Б. Габунія.
 " Г. I. Кемурлія.
 Кушеа, А. А. Богатирева.
 " Д. Никитинъ.
 Кыштымъ, П. Ф. Фигуринъ.
 На Ленъ, Н. А. Шелковниковъ.
 Либава, Ф. Бланкенбургъ.
 Луга, А. А. Андреевъ.
 Луганскъ, Л. Д. Левитовъ.
 " Братья Тумасовы.
 Лысьва, Лысьвенское Общ. Потребителей.
 Магарово (село), М. А. Дугтревъ.
 Маргеланъ, Наслѣдники Д. Д. Дружника.
 Маринскъ, Торговый домъ "Т. Савельева
 Сынновъ."
 Мариуполь, К. И. Виршовъ.
 " В. А. Томазовъ.
 " Л. X. Горьловъ.
 " И. Д. Балабановъ.
 Минскъ, Н. Н. Брохисъ и Сынъ.
 " З. З. Лямпертъ.
 Минусинскъ, И. Н. Борисовъ.
 " И. Ф. Занинъ.
 " И. В. Кипрѣевъ.
 " П. А. Смирновъ.
 Митава, Н. Блюмбергъ.
 Михайлово, И. Б. Акоповъ.
 Миассъ, Братья Николаевы.
 Могилевъ губернс., О. М. Эберлинъ.
 " Подольск., Ю. Г. Бродъ.
 Моршанскъ, И. М. Мунинъ.
 " Ф. Н. Барановъ.
 Мысовая, Забайкальск. Обл., М. Я. Брод-
 ской.
 Чарва-Гунгербургъ, А. Ф. Гольцъ.
 Нахичеванъ и Д., А. А. Каляловъ.
 Невьянскъ, А. И. Брюхановъ.
 " И. З. Карновъ.
 " П. В. Нестеровъ.
 Нерчинскъ, И. А. Котляковъ.
 " А. И. Рыжковъ.
 Нижне-Уральскъ, Е. С. Стуловъ.
 Нижний-Новгородъ, М. Н. Смирновъ.
 Николаевъ, Я. А. Ага.
 " Б. Бабаджанъ и Д. Ефетовичъ.
 Никольское-Орѣхово, Общество Потребител-
 телей.
 Николайштадтъ, I. P. Хельстремъ.
 Никольскъ, В. Т. Итанинковъ.
 Новгородъ, Ф. Н. Савинъ.
 " Братья Чабурины.
 Новороссійскъ, X. A. Мутафовъ.
 " Б. М. Шапшалъ.
 Новочернаскъ, Н. Г. Милюковъ.
 " В. С. Кадкинъ.
 " А. Г. Литвиновъ.
 " К. С. Карѣевъ.
 Нѣжинъ, М. П. Гомозики.
 Назе-Петровский зав., Р. М. Шерстневъ.
 Оберпаленъ, К. Ф. Лейбергъ.
 Одесса, С. Сарбанъ.
 " К. Яковенко.
 " Н. Агдѣевъ.
 " Л. Фидуринъ.

Одесса, З. Фидуринъ.
 " М. Кисилевскій.
 " А. Голдбергъ.
 Омскъ, Торговый Домъ "Братья Волковы."
 " П. А. Лишатниковъ.
 " Товарищество "Братья Овсянни-
 ковы и А. Ганшинъ съ Сынновъями".
 " М. А. Шанина.
 Ораниенбаумъ, И. Д. Подсадовъ.
 Ординское (село), И. П. Суриковъ.
 Орель, Братья А. Я. и В. Шенкмы.
 Оренбургъ, П. Н. Мошкова.
 " О. И. Грабовскій.
 Орша, В. З. Кичинъ.
 Пашя, Наміевское Общество потребителей.
 Пенза, М. П. Карташовъ.
 " К. П. Карташовъ.
 " А. Н. Семеновъ.
 Пермь, Торговый Домъ "П. Гавриловъ съ
 Сынновъ."
 " П. С. Досмановъ.
 " Е. И. Кибирева.
 " Е. П. Пермяковъ.
 " А. И. Рифманъ.
 " И. М. Ягуновъ.
 Перновъ, М. Вателтъ.
 Петропавловскъ, Товарищество "Братья
 Овсянниковы и А. Ган-
 шинъ съ Сынновъями".
 " М. Ф. Валѣевъ.
 Полтава, С. Я. Токарева.
 Портъ-Артуръ, Экономическое Общество
 Военнослужащихъ.
 Портъ-Рунда, П. Киршъ.
 Поти, А. Д. Лолуа.
 Пошехонье, И. Д. Свѣшниковъ и Сынъ.
 Псковъ, Ф. Гельзингъ.
 " Евгений Якобсонъ.
 Придуки, И. С. Литвиненко Сынновъ.
 Пятигорскъ, С. А. Бураковъ.
 Ревель, К. Бурманъ.
 " Р. Рейхманъ.
 " Р. А. Фельдгунъ.
 " К. Юргенсонъ.
 " А. И. Самойловъ.
 Редежскій рудникъ (Томск. губ.), В. Н.
 Державинъ.
 Ржевъ, Д. Ф. Сазоновъ.
 Рига, Магазины С.-Петербургск. галопъ
 и механической обуви. Известко-
 вал ут., № 25, уголь Сарайной ул.
 Ростовъ на Дону, П. И. Ильинъ.
 " Братья А. и Э. Бак-
 чисарайцевы.
 " Н. Н. Варбашинъ.
 Ростовъ Ярославскій, Титовъ и Мало-
 земовъ.
 Рыбинскъ, Н. В. Батмревъ.
 " А. Я. Кондратьевъ.
 Рязань, А. М. Пономаревъ.
 Самара, К. Н. Поповъ.
 " Ю. В. Христензенъ.
 Сандыктавъ, Станица Акмолинск. Обл.,
 М. Ф. Кошкарковъ.
 Саратовъ, П. Г. Бестужевъ.
 " А. Н. Болдыревъ и К^о.
 " А. Н. Полозова.
 Севастополь, А. Чаушъ.
 " П. Грязновъ.
 " А. Квашинъ.
 " К. Яковенко.

Семипалатинскъ, Ф. С. Афонинъ.
 " Е. Ф. Высоцкій.
 " С. Ф. Плещеевъ.
 Серпуховъ, Е. Я. Фирсова съ Сынновъями.
 Симбирскъ, И. М. Берницъ.
 " Н. В. Кротковъ.
 Симферополь, Я. Гусиковъ.
 " Л. Бозаджиевъ.
 " И. Валасналъ.
 Смоленскъ, I. З. Гриневичъ.
 " А. В. Аваньевъ.
 Сосвенскій заводъ, К. В. Рогозинъ.
 Ставрополь н.К., Товарищество Галанте-
 реиной торговли А. И.
 Велецановой.
 " Л. С. Газиева.
 " Е. С. Чуваловъ.
 Старая Русса, М. Т. Киселевъ.
 Сумы, В. Г. Софроновъ.
 Сухумъ-Кале, В. И. Толерманъ.
 " Братья Ф. и Н. Еркомай-
 швили.
 Сызрань, А. К. Гукъ.
 " В. С. Сидельниковъ.
 Тавастгусъ, Г. Седерlundъ.
 Таганрогъ, П. И. Ильинъ.
 " Х. Тамѣевъ и А. Хаспекоевъ.
 Талица (Перм. губ.), С. Е. Маравинъ.
 Тальсенъ, Г. В. Бергеръ и Сынновъ.
 Тамбовъ, Наслѣдники П. И. Гривнева.
 " И. В. Махаличевъ.
 Таммерфорсъ, Леандеръ Линденъ.
 " А. Шарпаненъ.
 Тара, Торговый домъ "Братья Волковы".
 Ташкентъ, Наслѣдники А. Д. Дружника.
 " I. А. Альперовичъ.
 Тверь, М. П. Жуковъ.
 " И. Г. Долговъ.
 " Ф. М. Егорченко.
 Темрионъ, В. Е. Адамовъ.
 Тифлисъ, А. С. Гиргидовъ.
 " С. Г. Алавердовъ.
 " Н. В. Абовяницъ.
 " Братья С. и И. Бадиновы.
 " М. А. Теръ-Автолицъ.
 " Ш. М. Абовяницъ.
 " И. И. Хоразовъ.
 " Г. Б. Асламазовъ.
 Тобольскъ, Братья Баскины.
 " И. Д. Дурневъ.
 " П. А. Ершовъ.
 Томскъ, В. А. Голдобинъ.
 " Г. М. Головановъ.
 " И. Г. Гадаловъ.
 " Товарищество "Желябо и Залѣ-
 ской".
 " Товарищество "Братья И. и В.
 Макаровы".
 " Н. А. Искулинъ.
 " П. П. Рувашиниковъ.
 " Торговый домъ "К. М. Чевелевъ
 и Сынновъ".
 " Торговый домъ "А. И. Шамарина
 Сынновъ".
 Торможъ, А. Е. Луковникова.
 " С. А. Паричка.
 Троицкасавскъ, И. Е. Бабкинъ.
 Троицкъ, М. Ф. Валѣевъ.
 " П. Г. Говорляныхъ.
 " Торговый домъ "Е. Н. Сѣнокое-
 совъ съ Сынновъями".

Троицкъ, П. З. Филипповъ.
 " Торг. домъ Братья Янушевъ".
 Тула, В. А. Ксенофонтовъ.
 " О. А. Шеголкина.
 " А. А. Селезневъ.
 Тулуны, К. Шелкуновъ и Я. Метелевъ.
 " Е. А. Бузалинъ.
 " П. С. Итутшинскій.
 " Е. Н. Кузнецовъ.
 Тульчинъ, Р. Гельфантъ.
 Турьянскіе рудники, Турбинское Сельское
 общ. потребителей.
 " М. Хаббуллинъ.
 " И. М. Шадринъ.
 " П. М. Шадринъ.
 Тюкалинскъ, Ф. С. Афонинъ.
 " Торговый домъ "Братья Вол-
 ковы".
 Тюмень, М. А. Вяткинъ.
 " П. П. Воробейчиковъ.
 " П. И. Кремлевъ.
 " Г. А. Моисеевъ.
 Урднарская (станция Сем. обл.), А. Т.
 Амельковъ.
 " Я. Т. Дремизъ.
 Усолье (село Пермск. губ.), М. И. Жаковъ.
 " Усольское Общество Потребителей.
 Усолье (Иркутск. губ.), П. Ф. Понома-
 ревъ.
 Устюжна, М. В. Безниина.
 Уфа, В. М. Ваниловъ.
 " И. И. Лебедевъ.
 " С. И. Бочкаревъ.
 Харьковъ, С. Я. Токарева.
 " И. И. Прикъ.
 " А. И. Корвинъ.
 " П. Д. Васкаковъ.
 " Ф. В. Грунинъ.
 " В. Г. Руденко.
 " А. П. Выковъ и К^о.
 Херсонъ, А. Ходушинъ.
 " Е. Медвѣевъ.
 Царицынъ, Я. В. Губановъ.
 " П. и В. Климовы.
 Челябинскъ, А. Я. Бухарина.
 Чистополь, М. Ф. Андифровъ.
 Чита, Торговый домъ "И. А. Колетъ На-
 слѣдн. и К^о".
 " А. Е. Духай.
 Чусовая, Чусовское Общ. Потребителей.
 " А. П. Ширинкина.
 Шаули, X. Э. Мееровичъ.
 Шадринскъ, Г. А. Моисеевъ.
 Шуа, В. X. Пророковъ.
 Юрьевъ, К. Г. Миллеръ.
 " К. Тенюговъ.
 " Г. Мойстусъ.
 Юзово, Я. С. Итинъ.
 " А. С. Лазаренко.
 Якобштадтъ, М. Ф. Мееровичъ.
 " А. Вестерlundъ.
 " Генри Гульгъ.
 Ялта, В. Т. Итанинковъ.
 " М. Куплю.
 " И. Пурлю.
 " Куртъ-Меметъ.
 Ярославль, А. П. Сазановъ.
 " Титовъ и Малоземовъ.
 Феодосія, Е. Д. Майтонъ.
 " А. Куплю.
 " М. Тоймазъ.

Покорнѣе просимъ обратить вниманіе на то, чтобы всѣ наши издѣлія были снабжены на подошвахъ нашимъ вышеозначеннымъ фабричнымъ клеймомъ. Въ особенности же просимъ слѣдить, чтобы на

СКОРОХОДАХЪ И САНДАЛІЯХЪ

были наши фабричныя клейма, ибо существуютъ многочисленныя поддѣлки ихъ.

книжн. **„ОБРАЗОВАНИЕ“**
 МАГАЗ. въ Одессѣ, Ришельевская, № 12,
 съ отдѣлен. Конторы **„НИВЫ“**
 высылаетъ иногород. и въ
 письмъ всѣ книги; можно надосеж. пла-
 тожомъ, получивъ 1/3 въ задатокъ.

ПАМЯТЬ
 лицъ кажд. возр. укрѣпляетъ лично и
 заочно (въ 10 урокъ) профес. мнемоникъ,
 членъ парижск. академ. С. Файнштейнъ.
 Одесса, уг. Пушкин. и Баз. ул., соб-
 ствен. домъ, № 24. Условія преподава-
 нія и объемистую брошюру (содерж.
 многочислен. благодарности офиц. и
 вполнѣ комит. лицъ, прошед. у меня
 курсъ мнемоникъ) высыл. за одну 7-ми
 коп. марку. (№ телефона въ городѣ 199,
 № телеф. на собств. дачѣ „мнемоникъ“
 933). Адр. для телегр.: Одесса, профессору
 мнемоникъ Файнштейну.
 № 12020 10—5

500 КВАРТИРЪ.
 Точныя свѣдѣн. въ спискахъ 30 к. Доставка
 оныхъ на недѣлю 1 р. 25 к. На мѣсяцъ 4 р.
 и содѣлывается передача. Контора Копаши-
 гина, СШБ., Б. Московская 3.
ДОМАШНЯЯ ПРИСЛУГА
 съ аттестатами и личною рекомендаціею.

Пейте Цейлонскій чай!
Пейте Цейлонскій чай!!
Пейте Цейлонскій чай!!!

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
 ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.
 ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготавленія.
 ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучшій чай по вкусу и аромату.

Ш. № 11641 30—23

Тодичное потребленіе Цейлонскаго чая въ Россіи
 болѣе 10.000,000 фунтовъ 10.000,000.

ЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXX г.

№ 15

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXX

1899

Выходитъ ежедневно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. счч. И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 10 апрѣля 1899 г.

Цена этого № 15 к., съ перес. 29 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1899 г.
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Воскресеніе.

Романъ
графа Л. Н. ТОЛСТОГО.
(Продолженіе.)

XVIII.

На другой день блестящій, веселый Шенбокъ захвалъ за Нехлюдовымъ къ тетюшкамъ и совершенно прельстилъ ихъ своей элегантностью, любезностью, веселостью, щедростью и любовью къ Дмитрію. Щедрость его хотя и очень понравилась тетюшкамъ, но привела ихъ даже въ некоторое недоумѣніе своей преувеличенностью. Пришедшимъ слѣбнымъ нищимъ онъ далъ рубль, на чай людямъ онъ роздалъ 15 рублей, и когда Сюзетка, болонка Софья Ивановна, при немъ ободрала себя въ кровь ногу, то онъ, вызвавшись сдѣлать ей перевязку, ни минуты не задумавшись, разорвалъ свой батистовый съ каемочками платокъ (Софья Ивановна знала, что такіе платки стоятъ не меньше 15 рублей дюжина) и сдѣлать изъ него бинты для Сюзетки. Тетюшки не видали еще такихъ и не знали, что у этого Шенбока было 200 тысячъ долгу, которые—онъ знаетъ—никогда не заплатятся, и что поэтому 25 рублей меньше или больше не составляли для него разчета.

Шенбокъ пробылъ только одинъ день и въ слѣдующую ночь уѣхать вмѣстѣ съ Нехлюдовымъ. Они не могли дольше оставаться, такъ какъ былъ уже послѣдній срокъ для явки въ полкъ.

Въ душѣ Нехлюдова въ этотъ послѣдній, проведенный у тетюшекъ день, когда свѣжо было воспомни-

Вѣра. Съ картины Габріеля Макса грав. Фальмеръ.

наніе ночи, поднимались и боролись между собою два чувства: одно — жгучія, чувствєнные воспоминанія любви. хотя и далеко не давней того, что она общалась, и нѣ-котораго самодовольства достигнутой цѣли; другое — сознаніе того, что имъ сдѣлано что-то очень дурное, и что это дурное нужно поправить, и поправить не для нея, а для себя.

Въ томъ состояніи сумасшествія эгоизма, въ которомъ онъ находился, Нехлюдовъ думалъ только о себѣ—о томъ, осудятъ ли его и насколько, если узнаютъ о томъ, какъ онъ съ ней поступилъ, а не о томъ, что она испытываетъ и что съ ней будетъ.

Онъ думалъ, какъ Шенбокъ догадывается объ его отношеніяхъ съ Катюшей, и это льстило его самолюбію.

— То-то ты такъ вдругъ полюбилъ тетунекъ, — сказалъ ему Шенбокъ, увидѣвъ Катюшу: — что недѣлю живешь у нихъ. Это и я на твоёмъ мѣстѣ не уѣхалъ бы. Прелестъ!

Онъ думалъ еще и о томъ, что хотя и жалко уѣзжать теперь, не насладившись вполнѣ любовью съ нею, необходимость отъѣзда выгодна тѣмъ, что сразу разрываетъ отношенія, которыя трудно было бы поддерживать. Думалъ онъ еще о томъ, что надо дать ей денегъ, не для нея, не потому, что ей эти деньги могутъ быть нужны, а потому, что такъ всегда дѣлаютъ. Онъ и далъ ей денегъ столько, сколько считалъ приличнымъ по своему и ея положенію.

Въ день отъѣзда, послѣ обѣда, онъ выждалъ ее въ сѣняхъ. Она вѣсхнула, увидѣвъ его, и хотѣла пройти мимо, указывая глазами на открытую дверь въ дѣвичью, но онъ удержалъ ее.

— Я хотѣлъ проститься. — сказалъ онъ, комкая въ рукѣ конвертъ съ сто-рублевой бумажкой.— Вотъ я...

Она догадалась, сморщилась, затрясла головой и оттолкнула его руку.

— Нѣтъ, возьми, — пробормоталъ онъ, и сунулъ ей конвертъ за пазуху и, точно какъ-будто онъ обжегся, онъ, морщась и стоная, побѣжалъ въ свою комнату.

И долго послѣ этого онъ все ходилъ по своей комнатѣ, и корчился, и даже прыгалъ, и вслухъ охалъ, словно отъ физической боли, какъ только вспоминалъ эту сцену.

Но чтѣ же дѣлать? Всегда такъ. Такъ это было съ Шенбокомъ и гувернанткой, про которую онъ рассказывалъ, такъ это было съ дядей Гришей, такъ это было съ отцомъ, когда онъ жилъ въ деревнѣ и у него родился тотъ незаконный сынъ Митенька, который и теперь еще живъ. А если всё такъ дѣлаютъ, то, стало-быть, такъ и надо. Такъ утѣмалъ онъ себя, но никакъ не могъ утѣшиться. Воспоминаніе это жгло его совѣсть.

Въ глубинѣ, въ самой глубинѣ души онъ зналъ, что поступилъ такъ скверно, подло, жестоко, что ему, съ сознаніемъ этого поступка, нельзя не только самому осуждать кого-нибудь, но смотреть въ глаза людямъ, не говоря уже о томъ, чтобы считать себя прекраснымъ, благороднымъ, великодушнымъ молодымъ человекомъ, какимъ онъ считалъ себя. А ему нужно было считать себя такимъ для того, чтобы продолжать бодро и весело жить. А для этого было одно средство: не думать объ этомъ. Такъ онъ и сдѣлалъ.

Та жизнь, въ которую онъ вступалъ—новыя мѣста, товарищи, война — помогли этому. И чѣмъ больше онъ жилъ, тѣмъ больше забывалъ, и подъ конецъ, дѣйствительно, совсѣмъ забылъ.

Только одинъ разъ, когда послѣ войны, съ надеждой увидѣть ее, онъ заѣхалъ къ тетушкамъ и узналъ, что Катюши уже не было, что она скоро послѣ его отъѣзда отошла отъ нихъ, чтобы родить, что гдѣ-то родила и, какъ слышали тетки, совсѣмъ испортилась,—у него занемло сердце. По времени, ребенокъ, котораго она родила, могъ быть его ребенкомъ, но могъ быть и не его. Тетушки говорили, что она испортилась и была развращенная натура, такая же, какъ и мать. И это сужденіе

тетушекъ было приятно ему, потому что какъ-будто оправдывало его. Сначала онъ все-таки хотѣлъ разыскать ее и ребенка, но потомъ, именно потому, что въ глубинѣ души ему было слишкомъ больно и стыдно думать объ этомъ, онъ не сдѣлалъ нужныхъ усилій для этого разысканія и еще больше забылъ про свой грѣхъ и пересталъ думать о немъ.

Но вотъ, теперь, эта удивительная случайность напомнила ему все и требовала отъ него признанія своей безсердечности, жестокости, подлости, давшихъ ему возможность спокойно жить эти десять лѣтъ съ такимъ грѣхомъ на совѣсти. Но онъ еще далеко былъ отъ такого признанія, и теперь думалъ только о томъ, какъ бы сейчасъ не узналось все, и она или ея защитникъ не рассказали всего и не осямили его передъ всѣми.

XIX.

Въ такомъ душевномъ настроеніи находился Нехлюдовъ, выйдя изъ зала суда въ комнату присяжныхъ. Онъ сидѣлъ у окна, слушая разговоры, шедшіе вокругъ него, и, не переставая, курилъ.

Веселый купецъ, очевидно, сочувствовалъ всей душой времяпровожденію купца Сиблькова.

— Ну, братъ, здѣрово кутилъ, по-сибирски. Тоже губа не дура, какую красотку облюбовалъ.

Старшина высказывалъ какія-то соображенія, что все дѣло въ экспертизѣ. Петръ Герасимовичъ что-то шутилъ съ приказникомъ-евреемъ, и они о чемъ-то захохотали. Нехлюдовъ односложно отвѣчалъ на обращенные къ нему вопросы и желалъ только одного, чтобы его оставили въ покоѣ.

Когда судебный приставъ съ боковой походкой пригласилъ опять присяжныхъ въ залу засѣданія, Нехлюдовъ почувствовалъ страхъ, какъ будто не онъ шелъ судить, но его вели на судъ. Въ глубинѣ души онъ чувствовалъ уже, что онъ негодяй, которому должно быть совѣстно смотрѣть въ глаза людямъ, а между тѣмъ онъ, по привычкѣ, съ обычными самоувѣренными движеніями, вошелъ на возвышеніе и сѣлъ на свое мѣсто, вторымъ послѣ старшины, заложивъ ногу на ногу и играя pince-nez.

Подсудимыхъ тоже куда-то выводили и только-что ввели опять.

Въ залѣ были новыя лица—свидѣтели, и Нехлюдовъ замѣтилъ, что Маслова нѣсколько разъ взглядывала, какъ будто не могла оторвать взгляда отъ очень нарядной, въ шелку и бархатѣ, толстой женщины, которая, въ высокой шляпѣ съ большимъ бантомъ и съ элегантнымъ ридикюлемъ на голой до локтя рукѣ, сидѣла въ первомъ ряду передъ рѣшеткой. Это, какъ онъ потомъ узналъ, была свидѣтельница, хозяйка Масловой.

Начался допросъ свидѣтелей: имя, вѣра и т. д. Идѣтомъ, послѣ вопроса сторонъ, какъ они хотятъ спрашивать: подъ присягой или нѣтъ, опять, съ трудомъ передвигая ноги, пришелъ тотъ же старый священникъ, и опять такъ же поправляя золотой крестъ на шелковой груди, съ такимъ же спокойствіемъ и увѣренностью привелъ къ присягѣ свидѣтелей и эксперта. Когда кончилась присяга, всѣхъ свидѣтелей увели, оставивъ одну, именно Китаеву, хозяйку Масловой. Ее спросили о томъ, чтѣ она знаетъ по этому дѣлу; Китаева съ притворной улыбкой, ныряя головой въ шляпѣ при каждой фразѣ, съ нѣмецкимъ акцентомъ, подробно и складно рассказала:

Прежде всего къ ней пріѣхалъ знакомый коридорный, Симонъ, за Любашей. Черезъ нѣсколько времени Любаша вернулась вмѣстѣ съ купцомъ. Купецъ былъ уже въ экстазѣ, — слегка улыбаясь, говорила Китаева: — и у насъ продолжалъ пить и угощаться, но такъ какъ у него не достало денегъ, то онъ послалъ къ себѣ въ номеръ эту самую Любашу, къ которой онъ получалъ предилекцію,—сказала она, взглянувъ на подсудимую.

Нехлюдову показалось, что Маслова при этомъ улыб-

нулась, и эта улыбка показалась ему отвратительной. Странное, неопредѣленное чувство гадливости, смѣшанное съ состраданіемъ, поднялось въ немъ.

— А какого вы были мнѣнія о Масловой? — краснѣя и робѣя, спросилъ, назначенный отъ суда, кандидатъ на судебныя должности, защитникъ Масловой.

— Самый хорошій, — отвѣчала Кнсаева: — дѣвушка образованный и шикарна. Онъ воспитывался въ хорошии семейство, и по-французски могли читать. Онъ ниль иногда немного лишняго, но никогда не забывался. Со-всѣмъ хорошии дѣвушка.

Катюша глядѣла на хозяйку, но потомъ вдругъ перевела глаза на присяжныхъ и остановила ихъ на Нехлюдовѣ, и лицо ея сдѣлалось серьезно и даже строго. (Одинъ изъ строгихъ глазъ ея косилъ. Довольно долго эти два странно смотрѣвшіе глаза были обращены на Нехлюдова, и, несмотря на охватившій его ужасъ, онъ не могъ отвести и своего взгляда отъ этихъ косящихъ глазъ съ ярко-бѣлыми бѣлками. Ему вспомнилась та страшная ночь съ ломавшимся льдомъ, туманомъ и, главное, тѣмъ ущербнымъ, перевернутымъ мѣсяцемъ, который передъ утромъ взошелъ и освѣщаль что-то черное и страшное. Эти два черные глаза, смотрѣвшіе и на него, и мимо него, напоминали ему это что-то черное и страшное.

«Узнала!» — подумалъ онъ. И Нехлюдовъ какъ бы сжался, ожидая удара. Но она не узнала. Она спокойно вздохнула и опять стала смотрѣть на предсѣдателя. Нехлюдовъ вздохнулъ тоже. «Ахъ, скорѣ бы», — думалъ онъ. Онъ испытывалъ теперь чувство, подобное тому, которое испытывалъ на охотѣ, когда приходилось добывать раненую птицу: и гадко, и жалко, и досадно. Недобитая птица бьется въ ягдташѣ: и противно, и жалко, и хочется поскорѣе добыть и забыть.

Такое смѣшанное чувство испытывалъ теперь Нехлюдовъ, слушая допросъ свидѣтелей.

XX.

Но, какъ на зло ему, дѣло тянулось долго: послѣ допроса по одиночкѣ свидѣтелей и эксперта и послѣ всѣхъ, какъ обыкновенно, дѣлаемыхъ съ значительнымъ видомъ ненужныхъ вопросовъ товарища прокурора и защитниковъ, предсѣдатель предложилъ присяжнымъ осмотрѣть вещественныя доказательства, состоявшія изъ кольца огромныхъ размѣровъ съ розеткой изъ брильянтовъ, очевидно, надѣвавшегося на толстѣйшій указательный палецъ, и фильтра, въ которомъ былъ изслѣдованъ ядъ. Вещи эти были засечатаны, и на нихъ были ярлычки.

Присяжные уже готовились смотрѣть эти предметы, когда товарищ прокурора опять приподнялся и потребовалъ, прежде разсматриванія вещественныхъ доказательствъ, прочтенія врачебнаго изслѣдованія трупа.

Предсѣдатель, который гналъ дѣло, какъ могъ скорѣе, хотя и зналъ очень хорошо, что прочтеніе этой бумаги не можетъ имѣть никакого другого слѣдствія, какъ только скуку и отдаленіе времени обѣда, и что товарищ прокурора требуетъ этого чтенія только потому, что онъ знаетъ, что имѣть право потребовать этого, все-таки не могъ, отказалъ и изъявилъ согласіе. Секретарь досталъ бумагу и опять своимъ картавающимъ на буквы *л* и *р* унылымъ голосомъ началъ читать.

По наружному осмотру оказывалось, что:

1) Ростъ Осерапонта Смѣлькова 2 арш. 12 верш.

— Однако мужчина здоровенный, — озабоченно прошепталъ купецъ на ухо Нехлюдову.

2) Лѣта по наружному виду опредѣлялись: приблизительно около сорока.

3) Видъ трупа былъ вздутый.

4) Цвѣтъ покрововъ вездѣ зеленоватый, исцвѣренный мѣстами темными пятнами.

5) Кожица по поверхности тѣла поднялась пузырями различной величины, а мѣстами слѣзла и виситъ въ видѣ большихъ лоскутовъ.

6) Волосы темнорусые, густые, и при дотрогиваніи легко отстаютъ отъ кожи.

7) Глаза вышли изъ орбитъ и роговая оболочка потускнѣла.

8) Изъ отверстій носа, обонхъ ушей и полости рта вытекаеть пѣнистая сукровичная жидкость, ротъ полуоткрытъ.

9) Шеи почти нѣтъ вслѣдствіе раздутія лица и груди.

10) И т. д., и т. д.

На четырехъ страницахъ, по 27 пунктамъ ниль такимъ образомъ описаніе всѣхъ подробностей наружнаго осмотра страшнаго, огромнаго, толстаго и еще распухшаго, разлагающагося трупа веселивавшегося въ городѣ купца. Чувство неопредѣленной гадливости, которое испытывалъ Нехлюдовъ, еще усилилось при чтеніи этого описанія трупа. Жизнь Катюши и вытекающая изъ ноздрей сукровица, и вышедшіе изъ орбитъ глаза, и его постунокъ съ нею, — все это, казалось ему, были предметы одного и того же порядка, и онъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ и поглощенъ этими предметами. Когда кончилось, наконецъ, чтеніе наружнаго осмотра, предсѣдатель тяжело вздохнулъ и поднялъ голову, надѣясь, что кончено, но секретарь тотчасъ же началъ читать описаніе внутренняго осмотра.

Предсѣдатель опять опустилъ голову и, опершись на руку, закрылъ глаза. Купецъ, сидѣвшій рядомъ съ Нехлюдовымъ, насилу удерживался отъ сна и изрѣдка качался; подсудимые, такъ же, какъ и жандармы за ними, сидѣли неподвижно.

По внутреннему осмотру оказывалось, что:

1) Кожные черепные покровы легко отдѣлялись отъ черепныхъ костей, и кровоподтековъ нигдѣ не было замѣчено. 2) Кости черепа средней толщины и цѣлы. 3) На твердой мозговой оболочкѣ имѣются два небольшихъ пигментированныхъ пятна, величиной приблизительно въ 4 дюйма, сама оболочка представляется блѣдно-матоватаго цвѣта и т. д., и т. д. еще 13 пунктовъ.

Затѣмъ слѣдовали имена понятыхъ, подписи и заключеніе врача, изъ котораго видно было, что найденныя при вскрытіи и записанныя въ протоколъ измѣненія въ желудкѣ и отчасти въ кишкахъ и почкахъ, даютъ право заключить *съ большой степенью вѣроятности, что смерть Смѣлькова послѣдовала отъ отравленія ядомъ, попавшимъ ему въ желудокъ, вмѣстѣ съ виномъ. Сказать по имѣющимся измѣненіямъ въ желудкѣ и кишкахъ, какой именно ядъ былъ введенъ въ желудокъ — трудно; о томъ же, что ядъ этотъ попалъ въ желудокъ съ виномъ, надо полагать потому, что въ желудкѣ Смѣлькова найдено большое количество вина.*

Видно, здоровъ пить былъ. — опять прошепталъ очнувшійся купецъ.

Чтеніе этого протокола, продолжавшееся около часа, не удовлетворило однако товарища прокурора. Когда былъ прочитанъ протоколъ, предсѣдатель обратился къ нему:

Я полагаю, что излишне читать акты изслѣдованія внутренностей.

Я бы просилъ прочесть эти изслѣдованія, — строго сказалъ товарищ прокурора, не глядя на предсѣдателя, слегка бочкомъ приподнявшись и давая чувствовать тонномъ голосомъ, что требованіе этого чтенія составляетъ его право, что онъ отъ этого права не отступится и что отказъ будетъ новодомъ кассациіи.

Членъ суда съ большой бородой и добрыми, внизъ оттянутыми глазами, страдавшій катарромъ, чувствуя себя очень ослабѣвшимъ, обратился къ предсѣдателю:

И зачѣмъ это читать? Только затягиваютъ. Эти новыя метлы не чинце, а долыше метутъ.

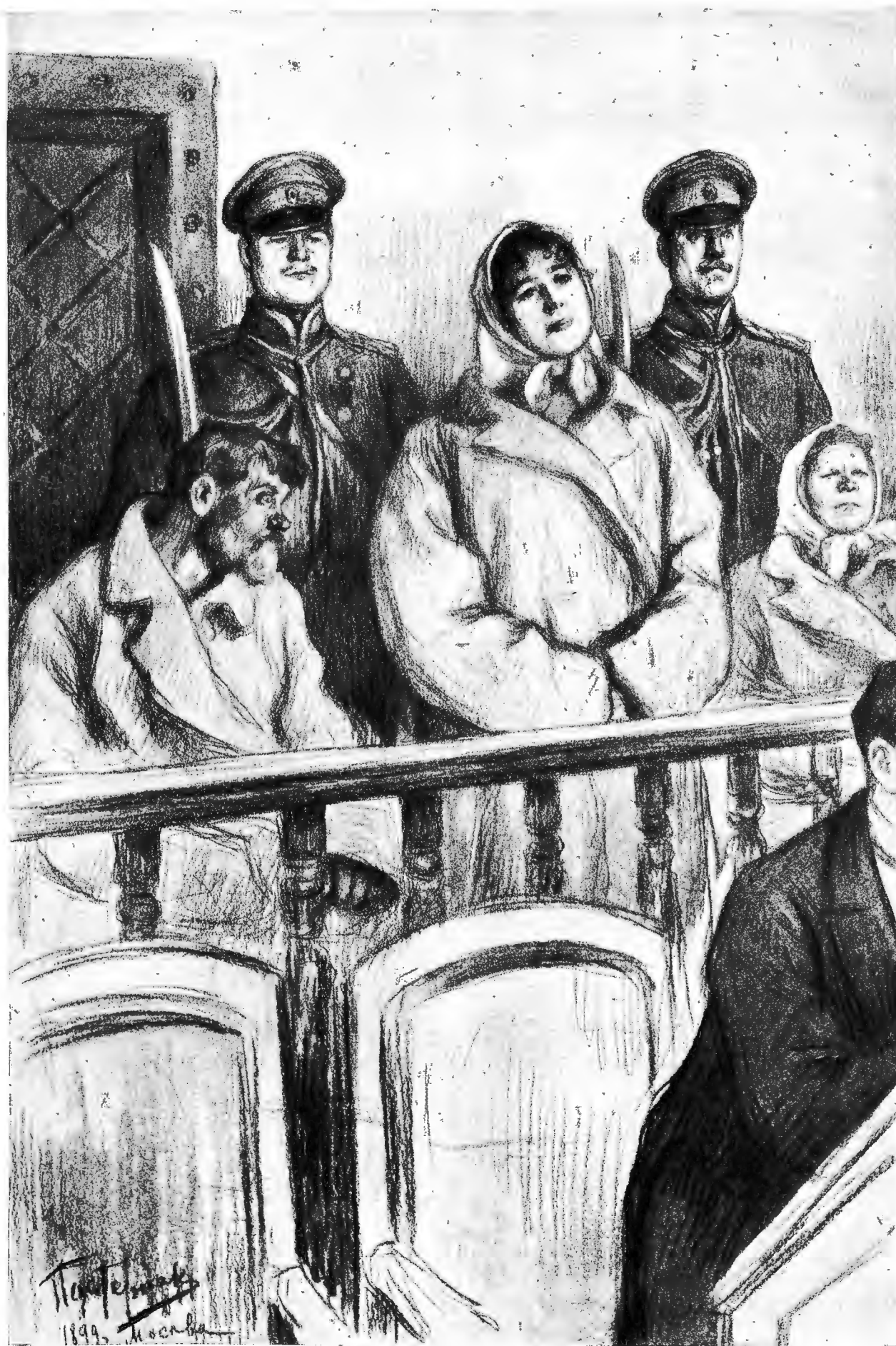
Членъ въ золотыхъ очкахъ ничего не сказалъ и мрачно и рѣшительно смотрѣлъ передъ собой, не ожидая ни отъ своей жены, ни отъ жизни ничего хорошаго.

Чтеніе акта началось:

— 188... года, февраля 15-го дня, я, нижеподписав-

„Воскресеніє“, романъ гр. Л. Н. Толстого. Присяжные.
Ориг. рис. (собств. «Нивы») Л. О. Пастернака, автотипія «Нивы».

„Воскресеніє“, романъ гр. Л. Н. Толстого. Подсудимые.
Ориг. рис. (собств. «Шивы») Л. О. Пастернака, автотипія «Шивы».

пийся, по порученію врачебнаго отдѣленія, за № 638-мъ, началъ съ рѣшительностью, повысивъ диапазонъ голоса, какъ будто желая разогнать сонъ, удручающій всѣхъ присутствующихъ. секретарь:—въ присутствіи помощника врачебнаго инспектора. сдѣлать изслѣдованіе внутренностей:

1) Праваго легкаго и сердца (въ шести-фунтовой стеклянной банкѣ).

2) Содержимаго желудка (въ шести-фунтовой стеклянной банкѣ).

3) Самаго желудка (въ шести-фунтовой стеклянной банкѣ).

4) Печени, селезенки и почекъ (въ трехъ-фунтовой стеклянной банкѣ).

5) Кишочекъ (въ шести-фунтовой глиняной банкѣ).

Предсѣдательствующій, при началѣ этого чтенія, нагнулся къ одному изъ членовъ и пошепталъ что-то, потомъ къ другому и, получивъ утвердительный отвѣтъ, прервалъ чтеніе въ этомъ мѣстѣ.

— Судь признаетъ излишнимъ чтеніе акта,—сказалъ онъ.

Секретарь замолкъ, собирая бумаги, товарищъ прокурора сердито сталъ записывать что-то.

— Господа присяжные засѣдатели могутъ смотрѣть вещественныя доказательства,—сказалъ предсѣдательствующій.

Старшина и нѣкоторые изъ присяжныхъ приподнялись и, затрудняясь тѣмъ движеніемъ или положеніемъ, которое они должны придать своимъ рукамъ, подошли къ столу и поочередно посмотрѣли на кольцо, стклянку и фильтръ. Купецъ даже примѣрилъ на свой палецъ кольцо.

— Ну и палецъ былъ,—сказалъ онъ, возвратившись на свое мѣсто.—Какъ огурецъ добрый,—прибавилъ онъ, очевидно забавляясь тѣмъ представленіемъ, какъ о богатырѣ, которое онъ составилъ себѣ объ отравленномъ кушчѣ.

XXI.

Когда окончился осмотръ вещественныхъ доказательствъ, предсѣдатель объявилъ судебное слѣдствіе законченнымъ, и безъ перерыва, желая скорѣе отдѣлаться, предоставилъ рѣчь обвинителю, надѣясь, что онъ тоже человекъ и тоже хочетъ и курить, и обѣдать, и что онъ пожалѣетъ ихъ. Но товарищъ прокурора не пожалѣлъ ни себя, ни ихъ. Когда ему предоставлено было слово, онъ медленно всталъ, обнаруживъ всю свою граціозную фигуру, и, положивъ обѣ руки на конторку, слегка склонивъ голову, оглядѣлъ залу, избѣгая взглядомъ подеудимыхъ, и началъ:

— Дѣло подлежащее вамъ, господа присяжные засѣдатели,—началъ онъ свою, приготовленную имъ во время чтенія протоколовъ и акта, рѣчь:—характерное, если можно такъ выразиться, преступленіе.

Рѣчь товарища прокурора, по его мнѣнію, должна была имѣть общественное значеніе, подобно тѣмъ знаменитымъ рѣчамъ, которыя говорили сдѣлавшіеся знаменитыми адвокаты. Правда, что въ числѣ зрителей сидѣли только три женщины: швея, кухарка и сестра Симона, да одинъ кучеръ, но это ничего не значило. И тѣ знаменитости такъ же начинали. Правило же товарища прокурора состояло въ томъ, чтобы всегда быть на высотѣ своего положенія, т.-е. проникать въ глубь психологическаго значенія преступленія и обнажать язвы общества.

— Вы видите передъ собою, господа присяжные засѣдатели, характерное, если можно такъ выразиться, преступленіе конца вѣка, носящее на себѣ, такъ сказать, специфическія черты того начальнаго явленія разложенья, которому подвергаются въ наше время тѣ элементы нашего общества, которые находятся подъ особенно, такъ сказать, жгучими лучами этого процесса...

Товарищъ прокурора говорилъ очень долго, съ одной стороны стараясь вспомнить всѣ тѣ умныя вещи, которыя онъ придумалъ, съ другой же стороны, и это главное,

стараясь ни на минуту не остановиться, а сдѣлать такъ, чтобы рѣчь его лилась, не умолкая, въ продолженіе часа съ четвертью. Только одинъ разъ онъ остановился и довольно долго глоталъ слюни, но тутъ же справился и наверстала это замедленіе усиленнымъ краснорѣчіемъ. Онъ говорилъ то нѣжнымъ, вкрадчивымъ голосомъ, переступая съ ноги на ногу, глядя на присяжныхъ, то тихимъ дѣловымъ тономъ, заглядывая въ свою тетрадку, то громкимъ обличительнымъ голосомъ, обращаясь то къ зрителямъ, то къ присяжнымъ. Только на подсудимыхъ, которые всѣ трое впились въ него глазами, онъ ни разу не взглянулъ. Въ его рѣчи было все самое послѣднее, что было тогда въ ходу въ его кругѣ, и что принималось и принимается еще и теперь за послѣднее слово научной мудрости. Тутъ была и наслѣдственность, и прирожденная преступность, и Ломброзо, и Тардъ, и эволюція, и борьба за существованіе, и гипнотизмъ, и внушеніе, и Шарко, и декадентство.

Купецъ Смѣлковъ, по опредѣленію товарища прокурора, былъ типъ могучаго, нетронутаго русскаго человека съ его широкой натурой, который, вслѣдствіе своей довѣрчивости и великодушія, палъ жертвою глубоко развращенныхъ личностей, во власть которыхъ онъ попалъ.

Симонъ Картинкинъ былъ атактистическое произведеніе крѣпостнаго права, человекъ забытый, безъ образованія, безъ принциповъ, безъ религіи даже. Евфимья была его любовница и жертва наслѣдственности. Въ ней были замѣтны всѣ признаки дегенеративной личности. Главной же двигательной пружиной преступленія была Маслова, представляющая въ самыхъ низкихъ своихъ представителяхъ явленіе декадентства. Женщина эта,—говорила товарищъ прокурора, не глядя на нее,—получила образованіе,—мы слышали здѣсь на судѣ показанія ея хозяйки. Она не только знаетъ читать и писать, она знаетъ по-французски, она сирота, вѣроятно несущая въ себѣ зародыши преступности; была воспитана въ интеллигентной дворянской семьѣ, и могла бы жить честнымъ трудомъ; но она бросаетъ своихъ благодѣтелей, предается своимъ страстямъ и выдается своимъ образованіемъ и, главное, какъ вы слышали здѣсь, господа присяжные засѣдатели, отъ ея хозяйки, умѣніемъ вліять тѣмъ таинственнымъ, въ послѣднее время, изслѣдованнымъ наукой, въ особенности школой Шарко, свойствомъ, извѣстнымъ подъ именемъ внушенія. Этимъ самымъ свойствомъ она завладѣваетъ русскимъ богатыремъ, добродушнымъ, довѣрчивымъ Садко, богатымъ гостемъ, и употребляетъ это довѣріе на то, чтобы сначала обокрасть, а потомъ безжалостно лишить его жизни.

— Ну ужъ, это, онъ, кажется, заранторговался,—сказалъ, улыбаясь предсѣдатель, склоняясь къ строгому члену.

— Ужасный болванъ,—сказалъ строгій членъ.

— Господа присяжные засѣдатели,—продолжалъ между тѣмъ, граціозно извиваясь тонкой таліей, товарищъ прокурора.—Въ вашей власти судьба этихъ лицъ, но въ вашей же власти, отчасти, и судьба общества, на которое вы вліяете своимъ приговоромъ. Вы вникните въ значеніе этого преступленія, въ опасность, представляемую обществу отъ такихъ патологическихъ, такъ сказать, индивидуумовъ, какова Маслова, и оградите его отъ зараженія, оградите невинные, крѣпкіе элементы этого общества отъ зараженія и часто гибели.

И какъ бы самъ подавленный важностью предстоящаго рѣшенія, товарищъ прокурора, очевидно, до послѣдней степени восхищенный своею рѣчью, опустился на свой стулъ.

Смысль его рѣчи, за исключеніемъ цвѣтовъ краснорѣчія, былъ тотъ, что Маслова загнилотизировала кушца, вкравшись въ его довѣріе и, пріѣхавъ въ номеръ съ ключомъ за деньгами, хотѣла сама все взять себѣ, но, будучи поймана Симономъ и Евфимьей, должна была подѣлиться съ ними. Постъ же этого, чтобы скрыть слѣды своего преступленія, пріѣхала опять съ кушомъ въ гостиницу и тамъ отравила его.

Послѣ рѣчи товарища прокурора, со скамы адвоката встали средних лѣтъ человѣкъ во фракѣ, съ широкимъ полукругомъ бѣлой крахмальной груди, и бойко сказалъ рѣчь въ защиту Картинкина и Бочковой. Это былъ нанятый ими за 300 рублей присяжный повѣренный. Онъ оправдывалъ ихъ обоихъ и сваливалъ всю вину на Маслову.

Онъ отвергалъ показаніе Масловой о томъ, что Бочкова и Картинкинъ были съ ней вмѣстѣ, когда она брала деньги, наставная на томъ, что показаніе ея, какъ уличенной отравительницы, не могло имѣть вѣса. Деньги 2,500 рублей.—говорилъ адвокатъ,—могли быть заработаны двумя трудолюбивыми и честными людьми, получавшими иногда въ день по 3 и по 5 рублей отъ посетителей. Деньги же куща были похищены Масловой и кому-либо переданы или даже потеряны, такъ какъ она была не въ нормальномъ состояніи. Отравленіе совершила одна Маслова.

Поэтому онъ просилъ присяжныхъ признать Картинкина и Бочкову невиновными въ похищеніи денегъ; если же бы они и признали ихъ виновными въ похищеніи, то безъ участія въ отравленіи и безъ составленнаго заговорѣ намеренія.

Въ заключеніе, адвокатъ въ пику товарищу прокурора замѣтилъ, что блестящія разсужденія господина товарища прокурора о наслѣдственности, хотя и разъясняютъ научные вопросы наслѣдственности, неумѣстны въ этомъ случаѣ, такъ какъ Бочкова—дочь неизвѣстныхъ родителей.

Товарищъ прокурора сердито, какъ бы огрызаясь, что-то записать у себя на бумагѣ и съ презрительнымъ удивленіемъ пожалъ плечами.

Потомъ встала защитникъ Масловой и робко, заикаясь, произнесъ свою защиту. Не отрицая того, что Маслова участвовала въ похищеніи денегъ, онъ только настаивалъ на томъ, что она не имѣла намеренія отравить Смѣлькова, а дала порошокъ только съ тѣмъ, чтобы онъ заснулъ. Хотѣлъ онъ подпустить краснорѣчія, сдѣлавъ обзоръ того, какъ Маслова была вовлечена въ порочную жизнь мужчиной, который остался безнаказаннымъ, тогда какъ она должна была нести всю тяжесть своего паденія, но эта его экскурсія въ область психологій совсѣмъ не вышла, такъ что всѣмъ стало совѣстно. Когда онъ мямлил о жестокости мужчинъ и безпомощности

женщинъ, то председатель, желая облегчить его, попросилъ его держаться сущности дѣла.

Послѣ этого защитника опять встала товарищъ прокурора и, защитивъ свое положеніе о наслѣдственности противъ перваго защитника тѣмъ, что если Бочкова и дочь неизвѣстныхъ родителей, то истинность ученія наслѣдственности этимъ нисколько не инвалидируется, такъ какъ законъ наслѣдственности настолько установленъ наукой, что мы не только можемъ вывести преступленіе изъ наслѣдственности, но и наслѣдственность изъ преступленія. Что же касается предположенія защиты о томъ, что Маслова была вовлечена въ порочную жизнь, воображаемымъ (онъ особенно ядовито сказалъ: воображаемымъ) мужчиною, то всѣ данныя скоупе говорятъ о томъ, что она была соблазнительницей многихъ и многихъ жертвъ, прошедшихъ черезъ ея руки. Сказавъ это, онъ побѣдоносно сѣлъ.

Потомъ предложено было подеудимымъ оправдываться.

Евфимья Бочкова повторяла то, что она ничего не знала и ни въ чемъ не участвовала, и упорно указывала, какъ на виновницу всего, на Маслову. Симонъ только повторилъ нѣсколько разъ:

— Воля ваша, а только безвинно, напрасно.

Маслова же ничего не сказала. На предложеніе председателя сказать то, что она имѣетъ для своей защиты, она только подняла на него глаза, оглянулась на всѣхъ, какъ затравленный звѣрь, и тогда же опустила ихъ и заплакала, громко всхлиывая.

— Вы что?—спросилъ купецъ, сидѣвшій рядомъ съ Нехлюдовымъ, услышавъ странный звукъ, который издавалъ вдругъ Нехлюдовъ. Звукъ этотъ былъ остановленное рыданіе.

Нехлюдовъ все еще не понималъ всего значенія своего теперешняго положенія и приписалъ слабости своихъ нервовъ едва удержанное рыданіе и слезы, выступившія у него на глаза. Онъ надѣлъ рince-nez, чтобы скрыть ихъ, потомъ досталъ платокъ и сталъ сморкаться.

Страхъ передъ позоромъ, которымъ онъ покрывъ бы себя, если бы всѣ, здѣсь, въ залѣ суда, узнали его постонокъ, заглушала проходившую въ немъ внутреннюю работу. Страхъ этотъ въ это первое время былъ въ немъ сильнѣе всего.

(Продолженіе будетъ.)

ДѢДЪ И ВНУКЪ.

Рассказъ В. Успенскаго.

(Окончаніе.)

IV.

Сидорычу плохо спалось въ эту ночь. Какъ только онъ заснулъ, имъ овладѣли тяжелые сны. Снилось ему, что большой церковный колоколъ самъ звонитъ,—видно, какъ языкъ бьетъ по краямъ,—и съ каждымъ ударомъ отъ колокола отпадаютъ куски мѣди и падаютъ внизъ, какъ разъ надъ его головою. Ему страшно, но уйти онъ не можетъ: силъ нѣтъ... Потомъ оказывается, что это—звонитъ Лавруха, и на Сидорыча валятся новыя сосновые доски, точно такія, какъ Лавруха тогда привезъ изъ Полѣсья. Въ сторонѣ, будто, стоитъ Никитка съ папиросою и говоритъ: «вогъ оно дѣло-то какое и не уйдетъ: нельзя», а самъ звонитъ въ жестяную погребушку,—на базарѣ сегодня такія продавались. Погребушка тоже говоритъ: «нельзя, нельзя!»

Когда Сидорычъ проснулся, вѣтеръ шумѣлъ попрежнему и слышался еще какой-то посторонній звукъ,—то стучалъ оторванный однимъ краемъ листъ желѣза церковной крыши. На душѣ было тяжело и безпокойно: картины тяжелаго сновидѣнія не хотѣли покидать сознанія,—ему было страшно.

«Охъ, Господи Иисусе, что-то жутко—не случилось ли чего? Надо бы пойти глянуть около церкви», говорилъ про себя старикъ, чиркала сѣрную спичку, чтобы посмотрѣть на часы. Часовая стрѣлка подходила къ «четыремъ часамъ». — «Скоро пойдетъ пятый часъ ночи» (Сидорычъ считалъ часы по-своему: у него не было: четыре часа, пять часовъ, а—пятый часъ, шестой часъ и т. д.). «Часа полтора до свѣта осталось!» рѣшилъ онъ и, одѣвшись, вышелъ изъ сторожки.

На очистившемся отъ тучъ небѣ были видны звѣзды, которыя тоже показывали, что до свѣта немного осталось. На сѣвѣ мѣстахъ въ двухъ-трехъ свѣтились огни—это заботливыя лампы или хозяйки готовили праздничный завтракъ, чтобы вмѣстѣ съ разсвѣтомъ пред-

ложить его своимъ гостямъ. Близость утра ободрила Сидорыча, и онъ уже не испытывалъ особенной робости; но, тѣмъ не менѣе, осмотрѣть церковь онъ считалъ необходимымъ. Все оказалось, какъ должно быть, только веревки отъ колокола не было, и дверь въ колокольню была не притворена.

«Веревку вѣтромъ оторвало—гнилая... Надо новую свить изъ пеньки, а не изъ накли: у батюки пеньки взять и свить», соображалъ по этому поводу Сидорычъ.—«Но почему же дверь въ колокольню не приперта? Вѣтромъ отбило, буря-то страсть была... Все таки чудно: ежели бы вѣтеръ оторвалъ веревку, то конецъ бы привязанный остался; да и съ дверью прежде этого не случилось». И въ душу его стало закрадываться безпокойство.

Сидорычъ былъ старикъ не изъ робкихъ, но, когда оказалось, что и на языкъ колокола веревки нѣтъ,—онъ растерялся: было несомнѣнно, что ночью около церкви работали человѣческія руки.

«Что же дѣлать,—звонить въ набатъ?» раздумывалъ Сидорычъ. «Пока набатъ, пока народъ,—если и есть кто,—уйдетъ. А можетъ быть, и нѣтъ никого: украли веревку, да и вся... Погребовникъ село понапрасну—смѣяться и ругать будутъ».

Сидорычъ рѣшилъ обойти церковь.

Съ дубинкой наготовѣ, держась близко къ стѣнѣ, присматриваясь и прислушиваясь, онъ пошелъ вокругъ церкви. Ему вспомнились кровавые случаи при подобной обстановкѣ, которые онъ зналъ по разсказамъ, и онъ все болѣе прислушивался и чаще останавливался.

«Будь воля Божья,—по крайности, за Божій домъ умру», ободрялъ себя старикъ, стараясь сбросить тяжелое чувство страха.

Обогнувъ алтарь, онъ увидѣлъ, что правая боковая дверь церкви притворена.

«Скорѣе бѣжать на колокольню и звонить въ набатъ», рѣшилъ

было Сидорычъ, но потомъ сообразилъ, что воры, по всей вѣроятности, уже ушли: ночь проида, на востокъ свѣтлѣло; да и дверь отворенною не оставили бы, если бы были тутъ.

Постоявъ нѣсколько, онъ насклѣлся и подошелъ къ крыльцу, ведущему къ двери. Отъ крыльца къ калиткѣ на кладбище шель какой-то странный слѣдъ: двѣ дорожки, подобныя тѣмъ, какія остаются на росистомъ живнѣй сѣнокоса отъ ногъ косари. Слѣдъ былъ проложенъ по талой и мокрой землѣ; теперь онъ подмерзъ и былъ виденъ ясно. Кое-гдѣ дорожки прерывались, и были видны отпечатки сапогъ съ высокимъ подборомъ.

«Средь ночи было», сообразилъ Сидорычъ и почувствовалъ нѣкоторое успокоеніе: воры, значить, ушли, и его не убьютъ.

По слѣду Сидорычъ вышелъ на кладбище; здѣсь, по травѣ, слѣды были почти не видны; кое-какіе знаки слѣдовъ направлялись къ конянямъ. По нимъ и пошелъ старикъ.

Подойдя къ ложку, онъ услышалъ какъ бы человѣческій стоны. Черезъ нѣкоторое время стоны повторились; близко гдѣ-то за ометомъ пеньки стоналъ человекъ. Старикъ стоялъ, прислушиваясь, усиливаясь сообразить, какая связь можетъ быть между этими стонами и тѣмъ, что произошло ночью около церкви.

Въ это самое время, Никишка, видя приближеніе утра и боясь быть пойманнымъ, рѣшился покинуть свое убѣжище. Вылѣзши изъ омета, онъ направился внизъ по ложку, туда, гдѣ росли густой лознякъ и камышъ, съ тѣмъ, чтобы оттуда выйти на дорогу въ городъ. Сидорычъ, увидѣвъ человѣческую фигуру, отдѣлившуюся отъ омета, бросился за ней. Когда Сидорычъ былъ уже близко, Никишка, услышавъ, что его догоняютъ, прибавилъ было шагу, — побѣжалъ рысью, — потомъ, чувствуя, что уйти онъ не можетъ, опять пошелъ тихо и оглянулся. Сидорычъ былъ уже около него.

— Стой!.. Кто такой?—закричалъ онъ.

— Изъ Митревки прохожій, — всю ночь блужду, — отвѣчалъ Никишка.

Сидорычъ замѣтилъ, что на прохожемъ нѣтъ шапки, въ рукахъ нѣтъ палки.

«Онъ», подумалъ старикъ, — и, схвативъ Никишку за шиворотъ, закричалъ: «разбой!»

У старика, словно, что-то сдавило горло: крикъ, вылетѣвшій изъ его груди, былъ хриплый, глухой и короткій, — его могли слышать лишь роснія около коняней ракиты; но онъ, — голыя, жалкія, мопрыя, — были погружены въ собственное горе и ничего не слышали.

Близко взглянувъ въ лицо своего преслѣдователя, Никишка узналъ въ немъ дѣда.

— Дѣдушка, кормилецъ, родной! Ничего не бралъ, вотъ Христосъ!.. Отпусти!—съ страстной мольбой заговорилъ онъ: — ничего... ничего... Разбился... Отлежусь въ лозѣ,—ночью уйду.

И старикъ узналъ внука. На одинъ моментъ явилось было чувство жалости къ внуку, — ужъ очень несчастенъ былъ Никишка въ эту минуту: блѣдный, съ воспаленными глазами, безъ шапки, съ мольбою на устахъ... Но это былъ Никишка, — городской дрянь, — съ которымъ Сидорычъ связывалъ много горькихъ воспоминаній. Кромѣ того онъ, «правильный» Сидорычъ не могъ сдѣлаться укрывателемъ святотатца. Эти мысли были сильнѣй, — и старикъ, въ отвѣтъ на мольбы, опять закричалъ: «разбой!» и крѣпче схватилъ Никишку. Тотъ рванулся, изъ-подъ полы выхватилъ желѣзный пруть и замасхнулся имъ на дѣда со словами:

— Такъ-то ты...

Но старикъ избѣжалъ удара, поваливъ Никишку на землю. Онъ налегъ на него вѣсьмъ тѣломъ, а самъ все звалъ на помощь.

Уже совсѣмъ разсвѣло. Село проснулось. Начинаясь деревенскій день: поили скотину, задавали ей корму.

Федоръ Кутузовъ, погнавъ на колодецъ лошадей, одинъ изъ первыхъ услышалъ, что кто-то тамъ, въ ложку, кричитъ: «разбой!».

Бросивъ веревку у колодца, онъ побѣжалъ внизъ по ложку за село.

Татьяна Лапочкина слышала крикъ и видѣла, какъ побѣжалъ дядя Федоръ; она бросила плетушку съ кормомъ и стала звать своихъ «мушниковъ»:

— Бачка, Вастя! Либо горимъ, поглядите!—вопила она.

Мужики бѣжали по ложку къ конянямъ, а бабы стояли на улицѣ у дверей своихъ хатъ и напряженно смотрѣли въ сѣроватую мглу холоднаго осенняго утра.

Никишка совсѣмъ отъ борьбы обезсилѣлъ и вналъ въ тупое отчаянное состояніе и лежалъ, не дѣлая никакихъ попытокъ вырваться, но Сидорычъ все крѣпко держалъ его и кричалъ.

Сбѣжался народъ.

— Какъ? что? кто?—спрашивали Сидорыча.

— Церковь обокрали, — сказалъ угрюмо старикъ.

Никишку отвели въ «холодную», сообщили о случившемся отцу Ивану и осмотрѣли церковь.

Съ купола спускалась веревка; на полу были слѣды крови; боковая правая дверь была отперта; отъ крыльца — слѣды. Все въ церкви было цѣло. Около колокольни нашли старую фуражку. Все это, дополненное рассказомъ Сидорыча, довольно ясно представляло дѣло. Впрочемъ, въ разказахъ событіе усложнилось, укралось: говорили о какомъ-то чудѣ, не допустившемъ кражи; о томъ, что Сидорычъ видѣлъ вѣщій сонъ, что воровъ было много, — человекъ десять.

Прѣхалъ слѣдователь, опросилъ, записать показанія. Особенно внимательно онъ допросилъ Сидорыча; и старикъ все подробно рассказалъ, какъ было дѣло.

Никишку отправили въ городъ въ тюрьму.

Сидорыча это событіе сильно потрясло: онъ сдѣлался еще болѣе угрюмымъ, несоборителенъ и задумчивъ. Онъ не могъ понять, не могъ разобраться, отчего это такъ выходитъ: онъ поступилъ, какъ нужно было. «правильно»: «хоть сынъ, отецъ будь—все равно.—сжели ты воръ, а я сторожъ.—нельзя млновать». — а, между тѣмъ, опять тяжесть и мученія.—онять этотъ знакомый «внутренній» голосъ обвинять, и его ничѣмъ не уймешь. Часто во снѣ Сидорычъ слышалъ стоны, надорванный умоляющій голосъ Никишки.

Это было такъ тяжело, что онъ сталъ желать, чтобы Никишку оправдали.

«Да и за что осуждать?» разсуждалъ Сидорычъ: «вѣдъ ничего не взято? Можетъ-быть, совѣсть зазрела, потому и не взялъ... За что осуждать?»

Оправданіе Никишки стало для него, наконецъ, настолько желательнымъ, что онъ въ молитвахъ просилъ Бога сдѣлать это.

Весною Сидорыча, Киреевича, Федора Кутузова и другихъ лаптевцевъ вызвали на судъ свидѣтелями по дѣлу Никишки.

У Сидорыча заняло сердце, когда онъ входилъ въ зало суда. Никишка, въ сѣромъ халатѣ, сидѣлъ за рѣшеткой, — худой, съ мрачно свергавшими глазами. Около него стоялъ солдатъ со штыкомъ. Сидорычъ посмотрѣлъ на внука и потупился, встрѣтивъ горѣвшій ненавистью взглядъ.

«Затравили», подумалъ онъ.

Повторяя свой разказъ о поимкѣ Никишки, Сидорычъ кое-что пропустилъ: не упомянулъ о томъ, что Никишка хотѣлъ ударить его желѣзкою, о томъ, что просилъ его пустить, говоря, что ничего не бралъ. Но прокуроръ пополнилъ эти пробѣлы по показаніямъ на предварительномъ слѣдствіи.

Покушеніе на святотатство со взломомъ было доказано, и Никишку осудили на шесть лѣтъ каторжной работы.

Уезжая домой въ Лаптево, Сидорычъ мысленно повторялъ: «Затравили... затравили... затравили».

У.

Съ этого времени для Сидорыча настали тяжелые дни. Часто ночью Фролъ слышалъ, какъ онъ бормоталъ, не то во снѣ, не то на яву, какія-то слова. А когда однажды буря была, Сидорычъ разбудилъ Фрола и, дрожа отъ страха, говорилъ: «слыши, стонеть...» Фролъ слышалъ только, какъ шумѣла буря, но чувство страха общилось и ему.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Фролъ отправился къ о. Ивану и просилъ «ослобонить» его отъ Сидорыча:

— Сроду со мной этого не было, — говорилъ онъ: — а теперь жуть до напаля: какъ ночь, — бормочетъ, прислушивается. Намедни разбудилъ: слышишь, говоритъ, стонеть... А на самомъ лицѣ нѣтъ, — ровню сумасшедшій... Ослобоните... Да и по церкви отъ него дѣла нѣтъ: ходитъ, какъ во снѣ.

Въ воскресенье послѣ обѣдни батюшка, остановивъ Сидорыча, спросилъ его, нѣ боленъ ли онъ: очень осунулся за послѣднее время.

— Старость, — отвѣтилъ коротко Сидорычъ.

— Старость старостью, а то, бываетъ, и неможется человекъ: отдохнуть нужно...

Сидорычъ зналъ о посѣщеніи батюшки Фроломъ и понималъ, къ чему клониться рѣчь. Онъ думалъ уже самъ уйти со службы при церкви: съ церковью были связаны его тяжелыя думы, и онъ надѣялся, что въ своей хатѣ будетъ легче: не будутъ представляться надрывающіе душу стоны и звоны.

— Можетъ быть и нездоровье... Я и самъ хотѣлъ просить васъ ослобонить.

— Не совсѣмъ, конечно... зачѣмъ же совсѣмъ, — заторопился о. Иванъ: — отдохнешь, тогда опять можно.

Сидорычъ сталъ жить въ своей хатѣ; но тяжелое состояніе не оставило его, мысли его спутались окончательно.

Такъ прошло лѣто. Сидорычу все казалось, что онъ что-то долженъ сдѣлать, что-то большое, по настоящей правильности, но что именно, — онъ не зналъ, и сдѣлалъ только большой новый крестъ для Лаврухиной могилы.

Осенью разъ, въ половинѣ ноября, Сидорычъ проснулся ночью послѣ тяжелаго сна. Онъ видѣлъ во снѣ, будто его давитъ крестъ Лаврухинъ, прямо на грудь концомъ опирается и душитъ. А надъ нимъ стоитъ его старая мать и на-голосъ плачетъ:

— Нельзя помочь, — говоритъ она: — ты самъ, сынокъ, самъ, родной, потрудись!

Была глубокая ночь. На дворѣ бушевала буря, и, слышно было, что-то стучало. «Это ворота на огородъ», сообразилъ Сидорычъ, «не затворилъ, — стучать».

Сидорычу было жутко. Онъ хотѣлъ стряхнуть съ себя сонъ и пошелъ затворить ворота.

Когда онъ вышелъ на огородъ, вѣтеръ явственно донесъ до него звуки: «о-о-ой». Онъ прислушался — крикъ повторился, только слабѣе. «Господи Иисусе! не оставляютъ меня эти стоны!» съ отчаяніемъ подумалъ Сидорычъ. И онъ сталъ креститься. «Разбой!» донеслось до слуха старика изъ бѣловатой мглы ночи. Теперь Сидорычу стало ясно, что это зоветь кто-то на помощь. «Человѣкъ заблудился... Это Богъ мнѣ дѣло указываетъ», подумалъ онъ.

Запахнувъ поплотнѣе полушубокъ и, какъ былъ, въ валенкахъ на босую ногу, старикъ пошелъ на голосъ, по направленію къ Бельдишкамъ.

Лобзаніє Іуды. Мозаика для Исааніевскаго собора.

Съ оригинала, писаннаго проф. Келлеромъ съ картона Н. П. Брюллова, исполнили Н. Ю. Сельвановичъ и М. И. Щетининъ.

Село это было верстах в трех от Лантева. Сидорыч очень хорошо знал местность и не боялся заблудиться. Голос слышался съ лѣвой стороны Бельдишекъ.

Старик шел быстро, не обращая вниманія на вѣтеръ и снѣгъ. Черезъ нѣсколько времени голосъ послышался съ другой стороны. Сидорыч взялъ правѣе. Потомъ голосъ замолкъ. Сидорыч рѣшилъ дойти до бельдишскихъ огородовъ. Но вмѣсто огородовъ онъ пришелъ въ какой-то логъ. Здѣсь снѣгу было такъ много, что онъ засыпался въ валенки: идти было трудно. Старикъ остановился, чтобы перевести духъ. Теперь онъ уже не надѣялся отыскать звавшего на помощь человека, а соображалъ только, какъ бы самому вернуться домой. Стоять долго было нельзя: холодно; идти не хотѣлось; устать. Да и куда идти? Кругомъ только бѣловатая муть, въ которой глазъ ничего не можетъ различить. Соображая направление, по которому шелъ отъ своего села, Сидорыч рѣшилъ, что онъ находится въ Шаринскомъ логѣ. «Если вверхъ по логу взойти,—въ Шариню приду». И онъ взялъ, какъ казалось ему, вверхъ по логу. Но деревни въ этомъ направленіи не было.

Сидорычъ понялъ, что онъ заблудился.

Онъ очень усталъ; ноги его не хотѣли переступать и сильно озябли въ валенкахъ; пальцы рукъ оокостенѣли. Сознаніе безпомощности охватило душу старика. «Замерзну», сказалъ онъ себѣ, и ему сдѣлалось страшно и чудно: такъ близка смерть и такъ, въ сущности, просто... Вспомнилъ онъ свои муки, свое одиночество: «А може и лучше?.. Но итъ, умирать все-таки страшно; хорошо умирать съ ясной душой...» И ему казалось, что останется онъ живъ, онъ найдетъ путь успокоить свою душу, сдѣлаетъ ее такою, что умирать не страшно будетъ.

Впереди что-то чернѣло: лѣсъ не лѣсъ, деревни не деревня... онъ направился туда. Оказалось, то былъ лѣсъ: Становецъ или дру-

гой какой,—старикъ не разобралъ хорошенько. Перебравшись черезъ сугробъ, наметенный вьюгой у опушки лѣса, Сидорычъ скатился по крутому откосу въ лѣсной оврагъ. Здѣсь было тихо, и снѣгъ сыпался только сверху. Онъ отопталъ въ снѣгу мѣстечко и сѣлъ, чтобы вытряхнуть снѣгъ изъ валенокъ. Съ одной ногой онъ справился кое-какъ, а за другую приниматься не хотѣлось: руки были до того безцѣльны, что не могли завязать около ноги веревочки. (Онъ хотѣлъ валенки около ногъ перевязать, чтобы снѣгъ не засыпался). Такъ и не ставъ онъ переобувать другую ногу. Это Становецъ,—рѣшилъ онъ,—отдохну малость,—онитъ идти надо... Задремнишь—это хуже всего; консь... До Красниской дороги близко, а тамъ—вѣнки... по Красишней дорогѣ къ тещю ѣздили...

И въ мысли Сидорыча вилелась воспоминанія разныхъ эпизодовъ его жизни: онъ—женыхъ; сидитъ за столомъ рядомъ съ Анной Лукьяновной; идетъ свадебный ширъ; ихъ величаютъ, называютъ княземъ со княгиней; гости гуляютъ, пьяные, и пляшутъ подъ игру на рожкѣ Демкин-пастуха; Демкинъ рожокъ очень громко продѣлываетъ одну и ту же короткую трель; Сидорычу она представляется ясно, онъ слышитъ ее; трель сдѣлалась съ воемъ бури и не прекращается.

Въ представленіяхъ Сидорыча прошли знакомыя лица: Лавруха, Никитка, Матрена, но онъ не остановилъ ихъ образовъ, такъ какъ уже не мыслить, а грезить, погружившись отъ усталости и холода, незаметно для себя, въ дремоту. Случай съ Низкишкой и крестъ, что давилъ его въ сновидѣніи, теперь представлялись ему давнишними событіями. «Мать тогда плакала: сыночекъ, родной!» И теперь плачетъ Сидорычъ слышитъ: «родной!»

Потомъ онъ заснулъ, чтобы не просыпаться больше. Зимняя вьюга отбѣла его и щедро засыпала бѣлымъ пушистымъ снѣгомъ.

Церковь, построенная императоромъ Петромъ I въ память побѣды надъ шведами у дер. Лѣсной.

(Рис. на этой стр.).

Сраженіе при дер. Лѣсной 28-го сентября 1708 г. было однимъ изъ крупнѣйшихъ эпизодовъ великой сѣверной войны.

Страдая недостаткомъ провіанта и боевыхъ припасовъ, Карлъ XII потребовалъ подкрѣпленій изъ Лифляндіи, но, не дождавшись ихъ, ушелъ изъ Могилева въ Малороссію, и такимъ образомъ оставилъ на произвольное судьбы шедшей къ нему вспомогательный отрядъ подъ начальствомъ извѣстнаго шведскаго генерала Левенгаупта. Въ этомъ отрядѣ было 16 тысячъ человекъ и семь тысячъ повозокъ.

Петръ воспользовался этою ошибкой Карла и лично во главѣ 12-тысячнаго отряда двинулся навстрѣчу Левенгаупту. Шведскій полководецъ, сознавая опасность своего положенія, вслѣдствіи уклонился отъ боя и принять его только тогда, когда энергичное преслѣдованіе его Петромъ угрожало ему лишеніемъ обоза.

Сраженіе произошло у дер. Лѣсной, въ быховскомъ уѣздѣ, моголевской губерніи, 28-го сентября 1708 года и окончилось полнымъ пораженіемъ шведовъ. Они потеряли здѣсь до 8,000 челов. убитыми, 900 чел. плѣнными, 17 пушекъ, 44 знамени, 5,000 повозокъ. Левенгауптъ явился къ Карлу XII близкомъ съ жалкими остатками своего отряда.

Послѣдствія побѣды при Лѣсной чрезвычайно важны. Не говоря уже о крупномъ матеріальномъ ущербѣ, нанесенномъ ею шведамъ и поставившемъ ихъ въ безвыходное положеніе подъ Полтавою, побѣда эта имѣла для молодой русской арміи и ея Преобразователи громадное моральное значеніе, убѣдивъ русскихъ, что они вышли уже изъ періода ученичества и могутъ въ правильномъ бою побѣждать своихъ бывшихъ учителей. Петръ I говоритъ про это сраженіе: «Сія у насъ побѣда можетъ не вѣривъ назваться, понеже надъ регулярнымъ войскомъ никогда такой не бывало, къ тому же еще гораздо меньшимъ числомъ будучи предъ неприятелемъ». Онъ на-

зывалъ его также «матерью полтавской баталии» и «начальнымъ днемъ нашего добра».

И дѣйствительно, день 28-го сентября 1708 г. былъ какъ бы зарею дальнѣйшихъ успѣховъ нашего оружія въ остальной періодъ великой сѣверной войны.

Для увековѣченія памяти о днѣ 28-го сентября Петръ I велѣлъ внести его въ табель дѣлъ викторіальныхъ, велѣлъ выдать нѣсколько медалей и, наконецъ, соорудить на мѣстѣ боя храмъ Рождества Богородицы, видъ котораго мы и воспроизвели въ настоящемъ номерѣ.

Къ сожалѣнію, недолго храмъ просуществовалъ въ Лѣсной. Подъ вліяніемъ религіозныхъ гоненій, свирѣпствовавшихъ въ то время въ Западномъ краѣ, храмъ по смерти Петра I былъ обращенъ въ униатскій, а затѣмъ и совсѣмъ разоренъ и перевезенъ въ с. Головчицы въ 1748 г.

Благодаря Георгію Колинскому, въ 1780 г. петровский храмъ вновь обращенъ въ православный и пребываетъ таковымъ до настоящаго времени, представляя изъ себя рѣдкій памятникъ русскаго церковнаго зодчества начала XVIII вѣка.

Храмъ деревянный, грубой работы; въ длину имѣетъ всего 8 сажень, въ ширину только 3 саж., при высотѣ стѣнъ 8 арш. Церковь двуглавая, обращена алтаремъ на востокъ, имѣ-

Церковь, построенная Петромъ I на мѣстѣ побѣды надъ шведами при деревнѣ Лѣсной. По фот. грав. Рашевскій.

ла первоначально форму корабля, но потомъ, вслѣдствіе позднѣйшихъ пристроекъ, приняла форму буквы Т.

Церковь еще прочна, но для прихода она тѣсна. Существовалъ проектъ продажи ея на еносъ, но благодаря участію моголевскаго губернатора Н. А. Зиповьева и председательницы московскаго археологическаго общества графини П. С. Уваровой, проектъ этотъ отклоненъ. Существуетъ предположеніе вновь перенести его къ дер. Лѣсной, гдѣ вскорѣ по Высочайшему повелѣнію будетъ воздвигнутъ военнымъ министерствомъ грандіозный храмъ-памятникъ.

Изслѣдованіе южныхъ полярныхъ областей.

Очеркъ д-ра І. Клейна.

Благодаря все усиливаящимся изслѣдованіямъ европейцевъ и сѣверо-американцевъ, сѣверный ледовитый океанъ въ европейско-азиатской его части и въ областяхъ такъ-называемаго сѣверо-западнаго прохода сталъ намъ извѣстенъ настолько, что существенныхъ открытій въ его предѣлахъ можно намъ ожидать только по близости къ полюсу и за нимъ, въ направленіи къ мысу Барроу (Barrow).

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находимся мы въ отношеніи знакомства съ географическими данными странъ южнаго полярнаго пояса. Изъ всего замыаемаго южнымъ полярнымъ кругомъ антарктическаго пояса съ общою поверхностью въ $2\frac{1}{2}$ милліоновъ квадратныхъ километровъ, превосходящую, слѣдовательно, болѣе чѣмъ вдвое общую поверхность Европы, намъ извѣстны лишь малая часть, отдѣльные береговые полосы и оконечности. Въ какомъ отношеніи находятся между собою эти нанесенныя уже на карту мѣста, объ этомъ мы не имѣемъ вѣрнаго представленія. Причину этого слѣдуетъ искать въ отдаленности и суровости антарктическихъ областей и въ значительныхъ опасностяхъ для мореплаванія, представляемыхъ особенно многочисленными въ южномъ ледовитомъ океанѣ ледяными горами. Когда знаменитому кругосвѣтному мореплавателю Джеймсу Куку удалось, наконецъ, 17-го января 1773 года перевалить за южный полярный кругъ, ледъ, обступившій его вскорѣ послѣ этого, заставилъ его быстро обратиться назадъ на сѣверъ. Тогда-то именно была впервые встрѣчена одна изъ характерныхъ для антарктическаго моря чудовищно громадныхъ ледяныхъ равнинъ, которыя выступаютъ, словно стѣны, изъ моря, но представляютъ почти совершенно горизонтальную плоскость, которой конца не видно. На слѣдующій годъ Кукъ снова попытался пересѣчь южный полярный кругъ, отправившись изъ Новой Зеландіи, но снова страшныя ледяныя массы заставили его отказаться отъ дальнѣйшаго плаванія въ южномъ направленіи и вселили въ немъ убѣжденіе, что тамъ, должно-быть, находится вѣчный ледъ, покрывающій, вѣроятно, какою-то материкъ и служащій исходнымъ пунктомъ ледяныхъ горъ, которыя встрѣчаются въ морѣ часто до 55° южной широты. И дѣйствительно, въ 1821 году знаменитый русский мореплавателъ Фаддѣй Фаддеевичъ Беллинсгаузенъ видѣлъ по близости отъ указаннаго Кукомъ мѣста ледяную стѣну, а къ востоку отъ нея—берегъ, къ которому онъ, однако, не могъ подойти ближе, чѣмъ на 70 километровъ. Этотъ берегъ получилъ названіе Земли Александра І. Благодаря антарктическимъ изслѣдованіямъ Кука, старая басня о большомъ южномъ материкѣ была окончательно оставлена, но мракъ, покрывавшій спеціальныя географическія подробности относительно мѣст, лежащихъ внутри южнаго полярнаго круга, оставался попрежнему не разсѣяннымъ. Изслѣдованія антарктической области надолго совершенно почти приостановились, и только начиная съ 1815 года шибобийныя суда отрываютъ нѣсколько островныхъ группъ къ юго-востоку отъ мыса Горна. Одному изъ такихъ судовъ подъ командою Джеймса Уэдделя (Weddel) удалось въ 1823 году пробраться далеко къ югу отъ крайняго пункта, достигнутаго Кукомъ. Этотъ успѣхъ былъ, разумеется, дѣломъ случая: Уэдделю пришлось плавать въ морѣ довольно свободномъ отъ льда. Другой китобой Джонъ Виско (Viscoe) открылъ въ 1832 году Грагамову Землю (Grahamland).

Къ концу тридцатыхъ годовъ мы впервые можемъ снова отмѣтить нѣсколько довольно крупныхъ предпріятій, имѣвшихъ цѣлью изслѣдованіе антарктическаго моря. Французское правительство снарядило для этой цѣли экспедицію, въ составъ двухъ корветовъ, подъ начальствомъ Домонъ д'Юрвилля, а Соединенные Штаты послали пять судовъ подъ командою Чарльза Уайлькса (Wilkes). Результатомъ этихъ двухъ экспедицій было открытіе длиннаго ряда береговыхъ пунктовъ между 100° и 160° восточной долготы почти вдоль полярнаго круга. Эта была область, называемая теперь Землею Уайлькса (Уайльксландъ).

Между тѣмъ въ это время въ Англии ревностно работали надъ снаряженіемъ антарктической экспедиціи, въ задачу которой входило производство наблюденій надъ земнымъ магнетизмомъ въ южныхъ широтахъ и, если окажется возможнымъ, достиженіе магнитнаго южнаго полюса. Во главѣ этой экспедиціи, составленной изъ двухъ кораблей, «Эрба» и «Террора», былъ поставленъ Джеймсъ Кларкъ Россъ, и 30-го сентября 1839 года экспедиція выступила въ путь. Плаваніе ея въ полярной области было начато въ ноябрѣ 1840 года, когда она двинулась изъ Новой Зеландіи. Послѣ неоднократной тяжелой борьбы съ ледяными массами, Россъ пробился 9-го января 1841 года до покрытаго горами берега, съ котораго спускались въ море громаднѣйшіе глетчеры. Далѣе берегъ сворачивалъ къ югу, и Россъ пролезъ, держась его, до 77° слишкомъ градуса южной широты, гдѣ, совершенно неожиданно, онъ увидѣлъ испанскій дымящійся вулканъ, отъ раскаленной лавы котораго нижняя часть дымовыхъ облаковъ свѣтилась огнемъ. Этотъ вулканъ, высота котораго была исчислена въ 3750 метровъ, получилъ названіе «Эрба». Расположенная по близости отъ него къ востоку гора въ 3300 метровъ вышиною, со свободными отъ снѣга краями, заставлявшими догадываться о существованіи внутри ея вулканической раскаленной массы, была названа «Терроромъ». У подножія этой горы, въ направленіи къ морю, выступала бѣлая полоса, которая тянулась къ востоку за линію горизонта. Оказалось, что это былъ высокой, въ 50 метровъ, вертикаль-

ный обрывъ ледянаго массива—настоящая ледяная стѣна, за которою вдали възмывались громады горы. Въ слѣдующіе дни Россъ со своими судами прошелъ, придерживаясь этой ледяной стѣны, цѣлыхъ 185 километровъ и все же не достигъ конца ея: снѣжный штормъ вынудилъ его переимѣнить курсъ и, взявъ на nord-ouest, удалиться отъ грозившей опасностью стѣны.

Но, все-таки, онъ нѣсколько разъ, вплоть до 8-го февраля, пробивался къ югу для болѣе точнаго изслѣдованія ледяной стѣны. Было найдено, что она простирается по меньшей мѣрѣ до 160° , а, можетъ-быть, и еще далѣе—до 155° западной долготы. Съ высоты марса было замѣчено, что верхняя поверхность ея представляла вполнѣ горизонтальную плоскость. Къ этому времени (февраль) началось уже образование молодого льда, и только случайной случайности суда были обьязаны тѣмъ, что не замерли близъ этого ледянаго моря, что вѣроятно привело бы къ гибели всей экспедиціи. Материкъ, а можетъ-быть островъ, на которомъ вышалося вулканы, получили имя Земли Викторіи. Россъ снова направился на сѣверъ; въ концѣ февраля исчезла изъ виду Земля Викторіи, и дальнѣйшій курсъ былъ тогда взятъ на западъ, чтобы добраться до восточнаго конца Уайльсковой Земли. Между тѣмъ здѣсь не оказалось вовсе и слѣда земли, и экспедиція вернулась въ Австралію для починки судовъ и для пополненія запасовъ и снаряженія. Въ слѣдующемъ году Россъ снова пробивался къ южному полюсу; 22-го февраля онъ опять увидѣлъ великую ледяную стѣну и дошелъ до $78^\circ 10'$ южной широты, до наиболѣе близкой къ южному полюсу широты, какою до нашихъ дней была достигнута людьми, — но вскорѣ долженъ былъ опять повернуть къ сѣверу. Въ началѣ марта суда находились уже въ почти совершенно свободномъ отъ льда морѣ, но въ ночь съ 12-го на 13-е марта, во время страшнаго снѣжнаго бури, суда неожиданно очутились передъ громадною ледяною горою. Съ болышимъ трудомъ удалось «Эрбу» повернуться; при поворотѣ онъ натолкнулся на гору «Терроръ» и чуть не потерпѣлъ крушенія.

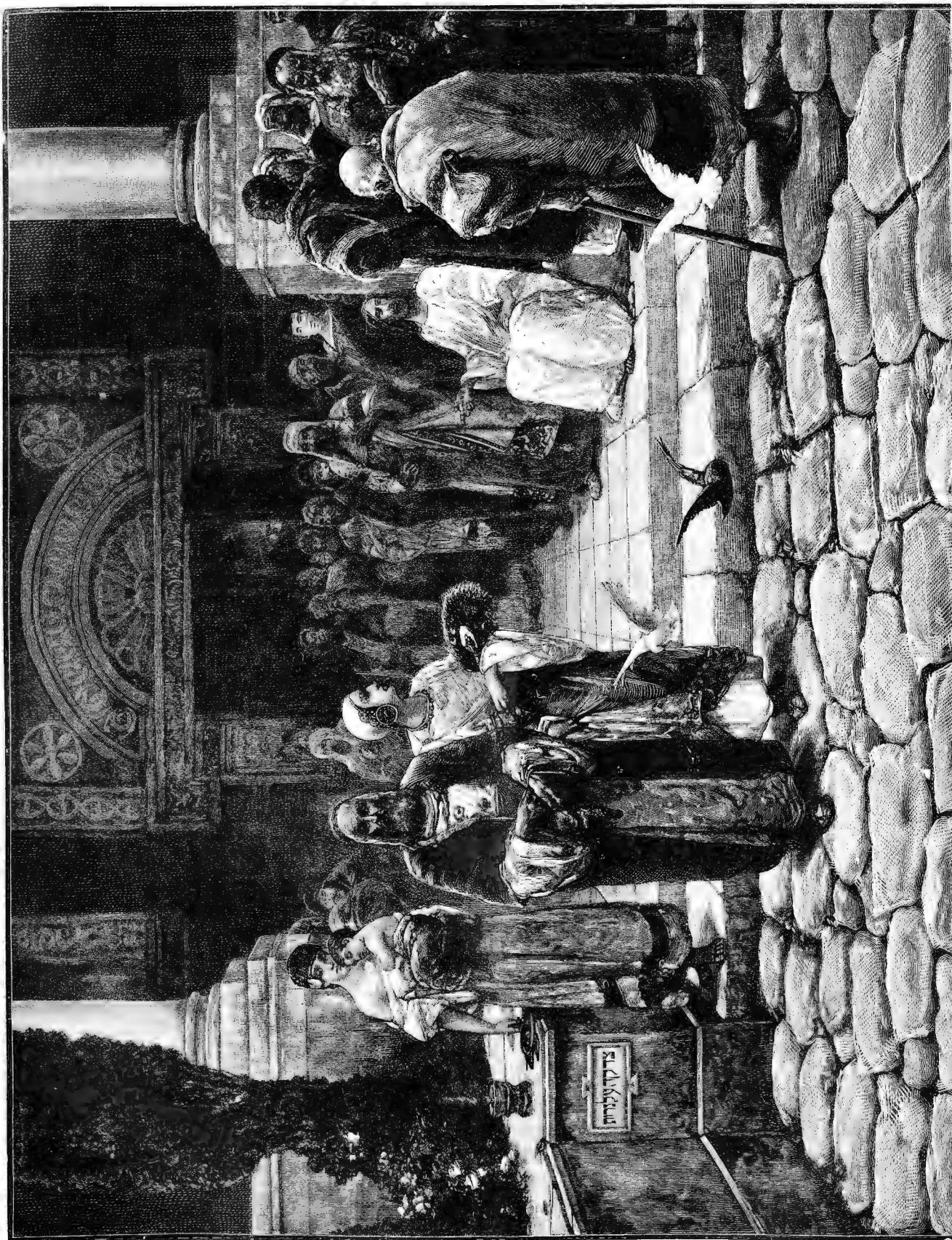
Послѣ этого экспедиція направилась къ Фалклендскимъ островамъ, но, незадолго до конца года, Россъ еще разъ пустился къ югу. Онъ попытался обойти вокругъ Грагамовой Земли, но состояніе льда заставило его отказаться отъ этой мысли: пришлось взять курсъ на востокъ, и только одинъ разъ удалось измѣнить его и взять на югъ, причемъ былъ достигнутъ $71\frac{1}{2}^\circ$ южной широты. Между тѣмъ южное лѣто близилось къ концу: пора было подумать о возвращеніи домой, и 2-го сентября 1843 года Россъ достигъ береговъ Англии. Его путешествіе по заслугамъ считается однимъ изъ величайшихъ подвиговъ всѣхъ временъ. Почти четыре года длилось плаваніе обоихъ судовъ; они достигли крайней, понынѣ достигнутой, южной широты, и 2-го сентября совершенно неожиданно географическія данныя, произвели множество магнитныхъ и особенно естественно-историческихъ наблюденій, и въ концѣ концовъ весь составъ экспедиціи (за исключеніемъ единственнаго утраченнаго товарища) благополучно вернулся на родину. Съ тѣхъ поръ въ антарктическихъ областяхъ не производилось болѣе изслѣдованій, которыя можно было бы хотя приблизительно сопоставить съ великимъ предпріятіемъ Росса. Правда, нѣсколько судовъ Дендйискаго (Dundee) порта совершили за время съ сентября 1892 по іюнь 1893 года антарктическое путешествіе, приведшее къ нѣкоторымъ научнымъ результатамъ, но главною ихъ задачею были не научныя изслѣдованія, а ловля китовъ. Эти суда встрѣтили неподалеку отъ Земли Жуанвилли много ледяныхъ горъ, и въ ихъ числѣ одну въ 30 морскихъ миль длиною и почти въ 50 метровъ высотой. Форма этихъ горъ болѣею частью плоская; въ ихъ замѣтны значительныя слѣды вывѣтриванія. Эти ледяныя массы усыяны пещерами, находящимися въ связи съ похожими на дымовыя трубы отверстиями, сквозь которыя, при прониканіи въ пещеры волнъ морского прибою, выбрасываются колоссальныя столбы воды. Разсѣлины этихъ остѣпительнѣйшихъ ледяныхъ горъ имѣли голубоватую, нѣкото въ лавовую окраску, и когда надъ ними всходило солнце, можно было на далекомъ пространствѣ поболтать живописной окраской этихъ чудовищныхъ массъ льда.

Въ противоположность сѣвернымъ полярнымъ пространствамъ, гдѣ лѣто хотя отчасти даетъ себя знать, въ антарктическихъ областяхъ господствуютъ, можно сказать, не прерывающіяся, вѣчная зима, и снѣгъ никогда не таетъ. Одинъ изъ участниковъ экспедиціи пишетъ: «Въ предѣлахъ, достигнутыхъ человекомъ на сѣверѣ, глазъ его, лѣтомъ, могъ все же отдохнуть при видѣ хотя бы оленей и зайцевъ, или покрытой какою бы то ни было растительностью земли; внутри же южнаго полярнаго круга не приходится вовсе видѣть растенія. Тѣмъ не менѣе и долго буду помнить красоту этого описаннаго ледомъ пейзажа, вспоминать о могучемъ впечатлѣніи, производимомъ на человѣческую душу этимъ вѣчнымъ безмолвіемъ. Нельзя передать словами то, что мы перечувствовали, что мы передумали во время ночныхъ вахтъ, когда стоишь одинъ на опустѣвшей палубѣ, глядя, какъ солнце спускается за горизонтъ, и любуешься бѣлыми массами льда, плавающими въ спокойныхъ черныхъ водахъ полярнаго моря».

Почти въ одно время съ шотландскими парходами появился въ антарктическомъ полярномъ морѣ и норвежскій пароходъ-китоловъ «Язонъ», подъ командою капитана Ларсена. Ларсенъ открылъ гористый

Іуда. Съ сестри в. А. Котарбинскаго грав. Мультановскій.

Лепта вдовы. Съ картины В. А. Котарбинского грав. Цехомский.

остров, названный им Землею короля Оскара II и служащий быть-может, продолжением восточного берега Граламовой Земли. Кроме этого острова Ларсен нашел вблизи еще два острова меньших размеров. На обоих он видел по вулкану в действительности. Другой норвежский пароход, «Антарктик», отправился 20-го сентября 1894 года из Мельбурна на юг, был в шторме, и дошел без больших затруднений до Земли Вигторин, до которой итти еще не добрался послѣ Росса. Часть экипажа, в том числе и норвежский естественновѣдатель Борхгревингъ, высадились даже на землю. Они, по всей вѣроятности, были первыми людьми, ступившими на эту частичку земной коры.

Это была послѣдняя вѣстная намъ антарктическая экспедиция. Мы можемъ, следовательно, придти къ выводу, что со времени богатой результатами экспедиции Росса, — значить болѣе, чѣмъ за столѣтія, — наши знанія относительно пространства по соседству съ южнымъ полюсомъ почти не расширились. Какъ-то даже странно сознается, что еще теперь нами совершенно не исследована часть земной поверхности, вдвое превосходящая по своей величинѣ всю нашу Европу, а между тѣмъ тамъ несомненно можно было бы отыскать не мало данныхъ, недостающихъ для разрѣшенія многихъ важныхъ вопросовъ географіи, океанографіи, метеорологіи и геологіи. Нельзя къ тому же сомнѣваться, что при тѣхъ вспомогательныхъ средствахъ, которыми могутъ быть снабжены научныя экспедиціи въ настоящее время, можно сравнительно легко добиться важныхъ научныхъ результатовъ. Поэтому-то уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ германскій ученый, профессоръ Неймайеръ выступилъ съ настоячиво поддерживаемымъ имъ предложениемъ снаряжить въ южную экспедицію въ южныя полярныя страны. Его старанія привели къ тому, что на собравшемся въ Бременѣ географическомъ съѣздѣ было рѣшено образовать комиссію для южно-полярныхъ исследований. Этою комиссіею были въ свою очередь выработаны планы, которымъ должна руководиться предполагаемая экспедиция. Согласно этому плану, на островѣ Кергелъ, находящемся въ южной части Индійскаго океана, должна быть устроена станція, которая могла бы поддерживать сношенія съ населенными землями. Для этого потребуются особое судно, въ то время, какъ второе судно совершить собственно экспедицію съ цѣлями научнаго исследования на югъ, въ направленіи Земли Уайльбса, или Земли Эндерби, или же Кемпленда. Эта часть антарктической области въ настоящее время еще совершенно неизвѣстна, потому что только экспедиція Чаленджера въ 1874 году доходила въ этомъ направленіи до полярнаго круга, не встрѣтивъ однако твердой земли. Предполагаемыя къ отправленію суда должны, разумеется, представлять собою сильные, грѣшныя, специально снаряженные для плаванія въ льдахъ пароходы. Длительность экспедиціи рассчитана трехлѣтняя, съ по меньшей мѣрѣ двукратною зимовкою. Расходы по снаряженію экспедиціи исчисляются въ размѣрѣ 950,000 марокъ. Къ сожалѣнію, столь значительной суммы не удалось

собрать, и на состоявшемся 19-го февраля 1898 г. въ Лейпцигѣ собраніи комисіи, члены ея высказались за сокращеніе первоначальнаго плана. Согласно измѣненному плану, только одно судно должно проникнуть въ южную полярную область и тамъ перезимовать въ подходящемъ мѣстѣ, при чемъ во время зимовки должно организоваться метеорологическія и магнитныя наблюденія. Съ наступленіемъ весны слѣдуетъ попытаться проникнуть на саняхъ по сплошному полярному льду къ южному полюсу и, по возможности, исследовать западный край Земли Вигторин. Осенью (предполагается осень южнаго полушарія, приходящаяся на нашу весну) саней съ исследователями должны вернуться обратно. Продолжительность всей экспедиціи, считая отъ времени отъѣзда изъ Германіи до возвращенія, рассчитана на два года. Начать путь предполагается въ первыхъ числахъ августа 1900 г. Число участниковъ ограничено двадцатью пятью: — пять ученыхъ, пять судовыхъ офицеровъ и пятнадцать человекъ команды. Научнымъ руководителемъ экспедиціи будетъ докторъ Фрихъ фонъ Фригалльскій, ученый, завоевавшій себѣ извѣстность, какъ практическій полярный исследователь во время своихъ путешествій по Гренландіи. Благодаря ограниченіямъ первоначальнаго проекта, замѣвъ двухъ судовъ однимъ и сокращенію продолжительности экспедиціи съ трехъ лѣтъ на два года, издержки предпріятія значительно уменьшены, и можно надѣяться, что нужная теперь сумма действительно будетъ собрана. Будетъ ли какъ разъ въ періодъ времени съ 1900 по 1902 году состояніе льда благоприятно экспедиціи, это, разумеется, напередъ утверждать нельзя, такъ какъ высказанное нѣкоторыми специалистами мнѣніе, будто именно теперь мы находимся въ періодѣ повышеннаго сгребанія, очень спорно.

Въ Англіи тоже приступаютъ къ снаряженію антарктической экспедиціи и имѣютъ при этомъ въ виду Землю Вигторин. Въ эту же область направилась и изъ Австраліи экспедиція, къ которой присоединился вышеупомянутый Борхгревингъ, рассчитывающій пробраться къ южному полюсу на лыжахъ. Далеко ли онъ доберется на самомъ дѣлѣ, это, понятно, другой вопросъ, такъ какъ въ настоящее время у насъ нѣтъ никакого представленія о томъ, съ чѣмъ онъ можетъ встрѣтиться въ предѣлахъ необитаемаго южнаго полярнаго пространства. Намъ остается только пожелать, чтобы всѣ эти экспедиціи закончились благополучно, и терпѣливо ожидать когда сокровищница человѣческаго знанія обогатится новыми важными фактами — результатомъ тяжелыхъ, но плодотворныхъ трудовъ самоотверженныхъ исследователей. Свѣтъ, который быть-можетъ прольютъ добытые ихъ усиліями факты на нѣкоторые еще мало освѣщенные научныя вопросы, будетъ дорогъ всему человѣчеству, и все человечество съ благодарностью отплатитъ имена руководителей и участниковъ большаго дѣла, не спрашивая, къ какой національности они принадлежатъ. Интересъ, возбужденный во всемъ мѣрѣ полярнымъ путешествіемъ Нансена на «Фрамъ», и почеть, оказанный ему повсюду, служить лучшимъ въ томъ порукою.

Лобзаніе Суды.

Мозаика.

Мозаикой называется искусство воспроизводить картины съ помощью подбора разноцвѣтныхъ и разной величины камней. Каждый мазокъ кисти замѣняется камнемъ или твердымъ сплавомъ соответствующаго цвѣта и формы. Камни эти вкраиваются въ грунтъ, составленный изъ мастики, которая настолько прочно твердеетъ и такъ прочно связываетъ камни, что легче раздробить ихъ, чѣмъ самую мастику.

Мозаика была извѣстна въ глубокой древности. Въ Ассиріи, въ Вавлонѣ, даже у египтянъ она встрѣчалась за много вѣковъ до нашей эры. При помощи ея дѣлали не только стѣнные изображенія, но украшали ею полы, помосты, лѣстницы и прочее. Въ книгѣ «Эсопъ», при описаніи царской столовой, говорится о томъ, что золотыя и серебряныя доки стояли на помостѣ изъ порфира, мрамора и перламутра. У эллиновъ мозаика нашла широкое примѣненіе, а оттуда перешла въ Римъ. Раскопки Помпеи дали намъ интересныя образцы этого рода работъ: вилла Адріана сохранила знаменитыя «Голубовыя», что находится теперь въ Капитольскомъ музеѣ. Изъ Рима мозаика перешла къ христіанамъ и стала любимѣйшей формой украшенія храмовъ. Прочность этихъ работъ такова, что онѣ дошли до нашихъ дней: мозаики Рима и Равенны, а также нѣкоторыя византійскія существуютъ болѣе полутора тысячъ лѣтъ. Въ XI вѣкѣ особенно славились венеціанскіе мозаичисты, и превосходящія ихъ произведенія сохранились въ храмѣ св. Марья въ Венеціи, и во многихъ городахъ Апеннинскаго полуострова, а также въ Сициліи.

Въ XI же вѣкѣ, мозаика, или по-тогдашнему — мусія — была принесена византійцемъ въ Россію. Въ Кіевѣ до сихъ поръ, въ Софійскомъ соборѣ, находится одна изъ величайшихъ мозаикъ, такъ называемая «Нерушимая стѣна», представляющая колоссальный образъ Богоматери. Въ томъ же городѣ есть мозаика въ Золотоверхомъ Михайловскомъ монастырѣ. На сѣверѣ, въ Новгородской области, мозаика появилась только въ формахъ орнаментовъ. Въ царской Русіи мозаика была забыта, быть-можетъ, какъ слѣшкомъ дороговъ способъ расписыванія стѣнъ, и церковь довольствовалась живописью аль-фреско. Въ XVIII столѣтіи, когда наше просвѣщеніе было повернуто въ новое русло, среди прочихъ техническихъ производствъ вспомнили и о мозаикѣ. Первый привилегіи за нее гениальный Ло-

моновозъ, по работы, сдѣланныя подъ его руководствомъ, какъ-то не привились, и вопросъ о мозаичномъ отдѣленіи былъ отложенъ почти на цѣлое столѣтіе.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ, при императорѣ Николаѣ I, отправили въ Италію нѣсколько молодыхъ художниковъ для изученія мозаичнаго дѣла въ мастерскихъ Ватикана. Это были художники Солнцевъ, Раевъ, Федоровъ и Шинваловъ. Работали они подъ руководствомъ Буонафедѣ. Усовершенствовавшись въ искусствѣ, они вернулись въ Петербургъ, и въ сотрудничествѣ съ италійцами Рафаэлли, Кокки, Руоинонди и Буонафедѣ основали мастерскую въ академіи художествъ. Какъ разъ въ это время строился Псаадскій соборъ въ Петербургѣ, и для предохраненія отъ порчи образовъ, ихъ приказано было замѣнить мозаиками. Въ скоромъ времени русское мозаичное производство достигло замѣчательной высоты. Особенно выдѣлились на этомъ поприщѣ мозаичисты: Николай Михайловичъ Алексѣевъ (1813—1880), Михаилъ Ивановичъ Шетининъ (1824—1886) и Иванъ Даниловичъ Бирухинъ (1827—1886).

Въ настоящее время отдѣленіе состоитъ подъ непосредственнымъ надзоромъ извѣстнаго профессора Павла Петровича Чистякова, и работы его виѣ конкурса. Мозаичное воспроизведеніе дошло до такого совершенства, что на самомъ незначительномъ разстояніи невозможно отличить копіи отъ оригинала.

Работа мозаичистовъ чрезвычайно сложная, требующая уюрнаго труда. Самый процессъ производства таковъ.

Когда въ мастерскую доставлена картина, которая должна быть воспроизведена въ мозаикѣ, — изготовляется лишь съ невысокими краями совершенно такой же величины, какъ и оригиналъ. Лишь этотъ заливается особымъ составомъ гипса, и на гладкой его поверхности мозаичистъ съ фотографической точностью копируетъ оригиналъ красками. Когда копія готова, мозаичистъ беретъ изъ огромной коллекціи разноцвѣтныхъ камней (болѣе 15,000 отбѣнокъ и цвѣтовъ) отдѣльные кусочки слюда, и, пододвигая вѣтъ, подходящій къ данному мазку камень, придаетъ куску надлежащую форму. Затѣмъ, изъ мягкой разрезанной глины выговаривается намѣченное мѣсто и заливается вязкимъ гипсомъ. Рядомъ съ нимъ вынимается новый кусокъ закрашеннаго камня и замѣняется вновь отточеннымъ камешкомъ требуемаго цвѣта. Пъ такъ,

шасть за шагом, идет кропотливая работа, — втискиваются камешки, подгоняются, обтачиваются, — и постепенно, на всем протяжении ящичка проступает мозаика в тех же тонах и красках, как и оригинал.

Приготовленная таким образом работа имеет неровную поверхность и далека еще от окончания. Ее кладут лицом вниз на железную плиту, отрывають исподнее деревянное дно ящичка, смывают мягкой глиной сь обратной стороны мозаики, и зашпатель ее цементом, поверху которого наладывается тяжелая каменная плита сь массою ячеек, войдя въ которые, цемент образует сь нею одно цѣлое, и крѣпко связавъ камешки мозаики, закрѣпляетъ цѣлѣмъ художественное произведение. Когда все затвердѣло, образъ снова поворачиваютъ лицомъ вверхъ и начинаютъ шлифовать. — чтобы ни одинъ камешекъ не выступилъ ни на одну линію изъ общаго горизонта. Совершенство всѣхъ этихъ работъ требуетъ большого вниманія и опытности. Дѣло это настолько кропотливо, что

на иной образъ уходитъ не одинъ десятокъ лѣтъ, пока художникъ добьется полной иллюзіи.

Въ настоящее время уже множество образовъ Псаакіевскаго собора замѣнено мозаикой. Теперь мозаичисты употребляютъ не разнородный камень, какъ въ старину, а особый стеклинный сплавъ всевозможныхъ отбѣсковъ, который поддается обработкѣ лучше минарала, и является въ полномъ смыслѣ слова вѣчнымъ.

Образомъ такихъ работъ является послѣднее произведение нашего мозаичнаго отдѣленія, сдѣланное для Псаакіевскаго собора сь оригинала К. П. Брюллова и фигурировавшее на академической выставкѣ 1898 года.

Работа эта представляетъ результатъ долготѣныхъ трудовъ двухъ нашихъ известныхъ мозаичистовъ, академикъ Н. Ю. Селивановича и М. П. Щетинина. При этомъ Н. Ю. Селивановичемъ исполнены: вся фигура Христа, голова и руки Іуды и фигуры воиновъ, а М. П. Щетининымъ — фигуры апостоловъ и драпировка Іуды.

Къ рисункамъ.

Страстная недѣля, это—дни покаянія. Мы воспоминаемъ страдающаго Христа, — страданія Того, Кто за грѣхи міра пожертвовалъ Своею жизнью, совершилъ неслыхательный подвигъ, и, велеминая объ этомъ великомъ подвигѣ, сами каемся въ нашихъ грѣхахъ. Религиозное чувство охватываетъ насъ, заставляетъ забывать о суетности обывденной жизни и возносить наши мысли и чувства къ высшимъ духовнымъ благамъ. Воспоминанія о земной жизни Христа и, въ особенности, о страданіяхъ, Имъ перенесенныхъ, служатъ лучшимъ средствомъ укрѣпить нашу вѣру, а вмѣстѣ сь тѣмъ отрѣшиться отъ того настроенія, которое такъ часто заставляетъ насъ промѣнять высшія блага на низменные.

Этому содѣйствуютъ въ сильной степени и произведенія искусства, проникнутыя глубокимъ религиознымъ чувствомъ. Одно изъ такихъ произведеній помѣщено въ настоящемъ номерѣ *Нивы* и принадлежитъ кисти известнаго нѣмецкаго художника Габриэля Макса, картины котораго мы неоднократно воспроизводили на страницахъ *Нивы*. Его картина *Вѣра* — одинъ изъ удачнѣйшихъ моментовъ его творческой дѣятельности, и въ этой головѣ, какъ бы задавшей себѣ великій и мучительный вопросъ «гдѣ правда?» и ожидающей сь вѣрой его разрѣшенія свыше, чувствуется глубоко-религиозное настроеніе.

*

Луна взошла и освѣтила своимъ ровнымъ пепельнымъ свѣтомъ каменную долину съ высокими руслами потоковъ, высокой холмъ Голговы и мрачныя стѣны городскихъ укрѣпленій Иерусалима. На прозрачномъ фонѣ неба, среди зарождавшихся на немъ звѣздъ, зловѣщныя призраками поднялось три силуэта,—три креста, на которыхъ привожены были, по рукамъ и ногамъ, люди...

Іуда бѣжалъ по обнаженнымъ полямъ, по каменной долинкѣ, по гребнямъ холмовъ; онъ бѣжалъ на удачу, куда глаза глядятъ, ища себѣ послѣдняго убѣжища, послѣдняго пріюта. Ноги его были изранены объ острые камни, волосы его спутались и сплелись, въ головѣ стоялъ шумъ, сердце билось и замирало тревожно; онъ чувствовалъ страшную, физическую и душевную усталость. Онъ не могъ, несмотря на свой продолжительный путь, найти то, чего онъ такъ страстно жаждалъ, потому что онъ искалъ убѣжища, котораго для него не могло уже быть отнынь на землѣ, и потому что онъ бѣжалъ отъ самого себя. И онъ чувствовалъ, какъ что-то темное и огромное подымается со дня его смиренной и измученной души—голосъ проснувшейся совѣсти! Онъ долженъ былъ остановиться и прислониться къ высокой каменной стѣнкѣ, чтобы дать себѣ отдыхъ. Онъ старался не смотреть на темные, страшные силуэты крестовъ; онъ зналъ, что на самомъ высокомъ изъ нихъ, склонивъ голову, увѣчанную терновымъ вѣнцомъ, умеръ Тотъ, Кто долгое время былъ для него учителемъ и пророкомъ...

Мертвенная тишина, глубокая тишина царилъ въ природѣ; печальнымъ свѣтомъ озаряла луна то страшное мѣсто, съ котораго должна будетъ съ первыми лучами солнца возсіяетъ міру заря новой жизни. Іудѣ хотѣлось встрѣтить кого-нибудь, услышать звукъ человѣческаго голоса, который заглушилъ бы голосъ его совѣсти, увидѣть человѣческое лицо, которое застонило бы отъ его воспаленнаго взора блѣдный призракъ умирающаго Страдалца. Но все было тихо и печально вокругъ, какъ въ могилѣ. Сѣдые туманы подымались со дня каменистой долины, и Іуда со страхомъ косился на нихъ, трепетно ожидая, что они закроютъ своей непроницаемой завѣсой высокой холмъ Голговы.

Время шло и медленно повзли туманы. Іуда рѣшился наконецъ взглянуть туда, куда неуверенно, таинственная сила привлекала его помутившійся взоръ. Онъ надѣялся, что страшный призракъ холма съ его крестами уже исчезъ за сѣдыми туманами. И взоръ его остановился; смертельный ужасъ овладѣлъ имъ; кресты Голговы

все еще ясно рисовались на небѣ, а тамъ, внизу, въ клубахъ тумана, онъ увидѣлъ все ту же страшную картину, которая преслѣдовала его по пятамъ, которую онъ носилъ съ собою, какъ тяжкій камень, на омраченной душѣ. Вотъ Тотъ, Которому онъ далъ смертельный поцѣлуй, чей протвѣй взоръ уже угасъ. Вотъ и онъ самъ, приближающій свои уста къ устами великаго Страдалца...

Мрачная душа Іуды содрогнулась; умственнымъ взглядомъ измѣрить онъ въ одно мгновеніе всю бездну своего паденія.

И онъ понялъ только въ это мгновеніе, на что онъ посягнулъ и на Кого поднялъ святотатственную руку. И голосъ совѣсти еще громче заговорилъ въ его измученной душѣ, и, предсудавшись къ нему, онъ понялъ, что для него все кончено, что луна свѣтитъ ему въ послѣдній разъ, что онъ дожидаетъ свою послѣднюю ночь. Онъ вздрогнулъ, сдѣлалъ рѣзкое движеніе, желая сойти съ этого мѣста, уйти отъ страшнаго призрака. Въ кошлѣ, привязанномъ у его пояса, зазвенѣли тѣ тридцать серебрянниковъ, которые онъ получилъ за свое предательство. Онъ сорвалъ кошель и бросилъ его на землю. Внизу, у ступенекъ спуска, онъ увидѣлъ верхушку дерева. Это была та высохшая смоковница, которую проклялъ Господь.

Іудѣ смутно вспомнилась притча Христа. И онъ ускорилъ шагъ и быстрыми шагами подошелъ къ дереву, на одной изъ вѣтвей котораго онъ нашелъ себѣ, наконецъ, послѣднее убѣжище...

*

Въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда Христосъ поучалъ народъ, сиди на ступеняхъ храма, Его обступили первосвященники, старѣйшины и книжники. Онъ отвѣчалъ имъ на ихъ многочисленные и часто коварные вопросы съ той удивительной ясностью и съ той несокрушимой логикой, которые дали могучую силу провозглашенной Имъ новой Истины.

То, чему Онъ училъ, шло въ разрѣзъ съ древнимъ міросозерцаніемъ, усвоеннымъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ выдающимися людьми народа. И потому Его не могли понять, когда Онъ указалъ на бѣдную вдовицу, проходившую мимо Него и положившую въ сокровищницу храма свой скромный даръ — двѣ лепты. Лепта была мѣдной или бронзовой монетой, составлявшей 1/6 часть обола, а оболь равнялся 4 нашимъ копейкамъ. Лепта вдовы не могла идти въ сравненіе съ богатыми приношеніями людей состоятельныхъ и, конечно, могла только возбудить улыбку сожалѣнія на лицахъ богатыхъ старѣйшинъ и первосвященниковъ. Но Христосъ отчетливо произнесъ: «Истинно говорю вамъ, что эта бѣдная вдовица больше всѣхъ положила, ибо всѣ тѣ отъ избытка своего положили въ даръ Богу, а она отъ скудости своей положила все пропитаніе свое, какое имѣла». Ему, конечно, возражали. Если бы всѣ клали лепты, то какъ можно было бы украсить храмъ тѣми драгоценными камнями, которыми онъ украшенъ? Но Христосъ возражалъ: «Прійдутъ дни, въ которые изъ того, что вы здѣсь видите, не останется камня на камнѣ—все будетъ разрушено». Въ этихъ немногихъ словахъ было заключено великое ученіе о тщетѣ всего земного, всего матеріальнаго, всего, что принято было и что до сихъ поръ еще принимаютъ считать цѣннымъ и важнымъ. Но Его не поняли, какъ не понимаютъ его многіе еще и поднесъ.

*

Вербная недѣля — одинъ изъ любимыхъ дѣтьми праздниковъ и вмѣстѣ сь тѣмъ первый весенній праздникъ. На вербахъ весело и оживленно; вербный торгъ почти вездѣ имѣетъ видъ коротенькой весенней ярмарки, на которой продается по дешевымъ цѣнамъ кустарныя игрушки и издѣлія. Очень хорошенькую сценку вербнаго торга изобразилъ намъ художникъ Пжакевичъ. Сколько въ ней жизни! Стоитъ только взглянуть на лица дѣтей, чтобы убѣдиться, что ловкій торговецъ возвратится домой съ пустымъ лоткомъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“, Контора покорнѣе проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полной годовой подписной платы за „Ниву“ 1899 г., озаботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероли, подъ которою получается ими „Нива“.

„На вербахъ“. Ориг. рис. (собств. «Нивы») И. И. Ижакевича, автотип. л. «Нивы».

В. В. Чуйко. (Портр. на этой стр.)

28-го марта скончался Владимир Викторович Чуйко, писатель, пользовавшийся солидной известностью. Большой знаток иностранной литературы, он прославился своими талантливыми переводами произведений иностранных классиков, обнаруживавшими глубокое понимание самого духа писателя и большое умение передать язык произведения. Кроме того, В. В. приобрел себе имя, как литературный критик, особенно ярко обнаруживший эту сторону своего литературного таланта в двух своих известных трудах: «Европейские писатели и мыслители» (представляющих очень обстоятельные биографии крупнейших писателей: Шекспира, Данте, Кальдерона и др. с критическим обзором и пересказом выдающихся их сочинений) и «Вольтер и Екатерина».

Литературная деятельность В. В. Чуйко началась еще в то время, когда он был в университете, в Петербурге. Первые его статьи появились в 1862 г. в *Иллюстрации* Баумана и *С.-Петербургских Ведомостях*, в которых особенно популярностью пользовались его фельетоны и корреспонденции из-за границы, подкупавшие своей живостью и искренностью тона. Но главный и наиболее плодотворный период его деятельности относится к 1880—1892 гг., когда он участвовал в *Новостях*, *Всемирной Иллюстрации*, *Артисте*, *Художественном журнале*, *Наблюдателе*, *Нови* и других изданиях, где он состоял одним из постоянных сотрудников по критическому, биографическому и художественному отделам. В это же время написаны были им и изданы отдельно очень солидные исследования: «Шекспир, его жизнь и произведения», «Очерки развития русской критики», «Исторические и религиозные этюды». Покойник состоял долгое время сотрудником в *Нови*, в которой поместил целый ряд очерков и статей по литературным и художественным вопросам.

За последние годы В. В. Чуйко, несмотря на свой далеко преклонный возраст (он скончался на 59 году жизни), работал очень мало. Тяжелый недуг (чахотка), развивавшийся все сильнее и сильнее, ослаблял его силы и свел его в могилу.

И. И. Кенигъ. (Портр. на этой стр.)

Педагогическая деятельность несомненно одна из самых тяжелых и в то же время одна из наименее видных и благодарных. Дело педагога, этого скромного снотелача начал просвещения, правды и добра, требует таких затрат душевных и физических сил, что пробыть на педагогическом посту четверть века прямо-таки гражданский подвиг, достойный самого широкого чествования. Мало, к сожалению, берется в этой области таких сильных людей, которые могли бы воочию увидеть результаты своих долготных трудов, услышать от своих учеников, — уже людей, умудренных житейским опытом, — оценку своих трудов. Такого редкого счастья, такой горячей оценки, такого широкого чествования удостоился недавно, 1-го апреля г. г., один из почтенных петербургских педагогов, директор немецкого училища св. Анны, Иосиф Иосифович Кенигъ.

Торжественное чествование 25-летия его педагогической деятельности, непрерывно посвященной означенному училищу, было торжеством всего педагогического мира. Все, кто только приходил в соприкосновение с деятельностью И. И. Кенига, — высшее учебное начальство, весь учебный персонал училища св. Анны, заключающего в себя гимназию — мужскую и женскую (Töchter-schule) и реальное училище, — товарищи по труду, директора петербургских гимназий и преподаватели, родители учащихся и учившихся у И. И. Кенига, сами учившиеся и учащиеся у него, — все горячо приветствовали юбиляра речами и адресами, все охвачены были одним чувством признательности и уважения к плодотворной деятельности И. И. Кенига на пользу учащегося юношества. Более 20 депутатов приветствовали юбиляра, и каждой из них он отвечал отдельно речью, блестяще даром красноречия и обнаружив недюжинный лингвистический познания. Каждой депутации он отвечал на их же языке, была даже речь на латинском языке, на которую юбиляр экспромптом отвечал по-латыни же.

Особенно знаменательно подношение, сделанное родителями учеников И. И. Кенига. Они собрали капитал в 3000 р., для учре-

ждения стипендии имени И. И. Кенига при училище св. Анны, причем 5% процентов этого капитала ежегодно должна быть выдаваема награда лучшему выпускнику училища. Характер награды предоставлено определять самому И. И. Кенигу.

Кроме этого торжественного акта, И. И. Кенигу постановлено чествовать юбилейным спектаклем, специальным празднеством для воспитанников и воспитанниц училища св. Анны и юбилейным обедом. Насколько сложна и многотрудна деятельность И. И. Кенига, настолько же кратка его биография.

Он родился 14-го декабря 1845 г. в Шварцассерге в австрийской Силезии, окончил курс гимназии в Троппау, а высшее образование получил в Вюртском университете. По окончании в последнем курса по отряду классической филологии, И. И. Кениг состоял учителем и воспитателем сыновей нашего посла в Париже, барона Штакельберга, и по смерти последнего в 1870 г. сопровождал своих воспитанников в Петербург, откуда предпринял с ними путешествие в Англию и Америку. В 1874 г. И. И. Кениг поступил на службу в училище св. Анны на должность преподавателя древних языков. В 1884 г. он избран был преемником д-ра Кирхнера — директором училища.

Телеграфъ безъ проволоки.

(Съ 2 рис. на стр. 298 и 299.)

Первоначальные известия об открытии молодым итальянским ученым Маркони способ телеграфирования без проволоки относятся к средине 1897 года. Значение этого открытия выяснилось все с большим и большею силою по мере расширения опытов, и в настоящее время, как известно из разосланных по всему свету телеграмм, мы стоим лицом к лицу с поразительным фактом регулярных телеграфных сношений между Францией и Англией, через Падевалу, без посредства подводного кабеля или чего-нибудь подобного. В Вимере, близ Булонь-сюр-Мэр, на гладком морском берегу высится необычных размеров шести, в три метра, из нескольких составных частей, общая высота которых достигает 54 метров. Мачта эта поддерживается пятью стальными проволоками, расходящимися от нее по разным направлениям к вбитым в землю закрѣпкам и обезпечивающим ее устойчивость. Она привлекает целый толпы любопытных, которые долго ее осматривают, повидимому все же ничего не понимая.

Да и что бы могли они здесь понять? Никто собственно не понимает сути явления, — пожалуй, даже и ученые. А между тем мы имеем здесь дело с достоверным, засвидетельствованным фактом, перед которым всякий скептицизм неуместен: эта мачта обменивается с подобною же мачтою на английском берегу, в 50-верстном расстоянии от первой, телеграммами, незримо перелетающими это пространство со скоростью, не поддающейся исчислению.

В непосредственной близости мачты расположены скромные хижины. Стальная проволока спускается с верхушки мачты и сквозь особое стекло проникает во внутренность одной из этих хижин. Там находятся двое сотрудников Маркони, гг. Кемпъ и Брэдфильдъ. Перед ними помещается аппарат, составляющий изобретение Маркони. Он состоит из передаточного аппарата, в котором мы различаем Румкорфову катушку, и обыкновенного приемника Морзе.

И вот в любое время, шумит ли море или тихо плещет у берегов, ясна ли погода или туман все окутывает собою, дует ли легкий прибрежный бриз или бушует бурный вихрь, — все равно: стоит только захотеть, и зародившаяся на одном берегу мысль может быть немедленно передана на другой: электрические волны перенесут ее из Франции в Англию, с мачты у Вимера к другой мачте, высющейся на противоположном берегу.

Рисунок, помещенный у нас, воспроизведен по фотографическому снимку с французской телеграфной станции. В момент снятия фотографии с французского берега замечен был пароход «Кассина», на котором обьезжал морские позиции французский морской министр Локруа. Немедленно гг. Кемпъ и Брэдфильдъ сообщили об этом на другой берег, и не прошло минуты, как был уже получен ответ: «В случае если министр посетит вас, встретьте его с почетом».

Фраза эта отпечатывается на бумажной ленте черточками и

В. В. Чуйко. († 28 марта 1899 г.).
По фот. Здобнова автотипии «Нивы».

И. И. Кенигъ. По поводу 25-летия педагогической деятельности. По фот. автотипии «Нивы».

точками, настолько правильными, настолько ясными для телеграфиста, что можно подумать, что она передана по проволоке, заключенной в гуттаперчевую оболочку и покоящейся на днѣ моря.

Человѣкъ, оказавшійся случайнымъ свидѣтелемъ такого рода опыта, испытываетъ невольно какое-то странное волненіе, очутившись снова передъ этою простою мачтою, этимъ незамѣливымъ и грубымъ на видъ снарядомъ, при посредствѣ котораго достигается возможность столь утонченныхъ сношеній. Дождь ли мочить этотъ шестъ, обволакиваетъ ли его сырость тумановъ, сунуть ли его знойный вѣтеръ, шестъ всегда готовъ къ воспріятію невѣдомыхъ, таинственныхъ колебаній, которыя исходятъ отъ такого же шеста на другомъ берегу моря.

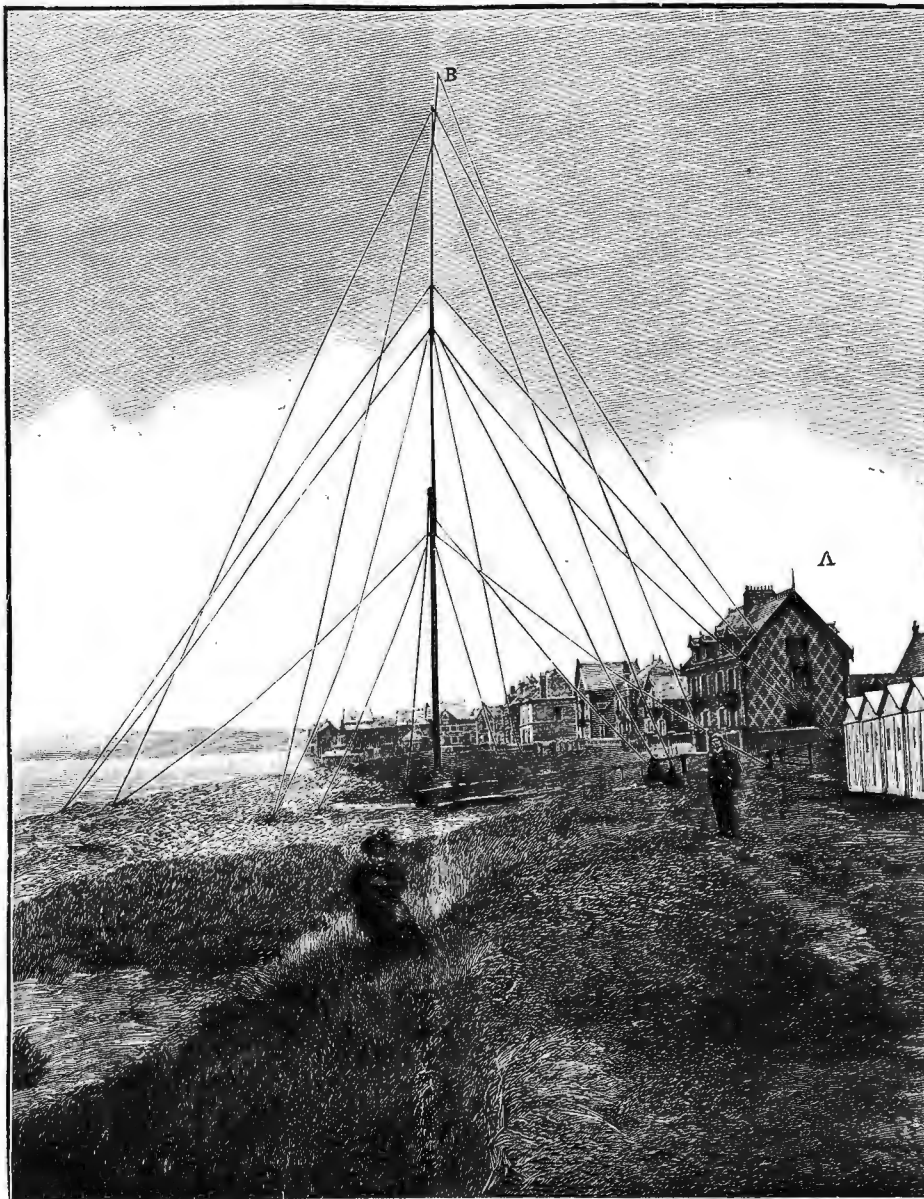
Трудно придумать что-нибудь, что бы такъ поразило наше воображеніе, какъ эта одинокая мачта въ Вимерѣ, являющаяся первымъ практическимъ приложеніемъ необычайнаго открытія, которое, быть можетъ, произведетъ переворотъ во всей системѣ человеческихъ сношеній на разстояніи...

Задача непосредственной передачи электрическихъ колебаній безъ помощи проволоки была разрѣшена не сразу. Важнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы извѣстнымъ нѣмецкимъ физикомъ Герцомъ, употребившимъ при своихъ опытахъ особые возбуждители электричества и изобрѣвшимъ аппаратъ-пріемникъ, къ сожалѣнію очень слабый для того, чтобы получить практическое примѣненіе. Дальнѣйшіе успѣхи въ разрѣшеніи этой задачи были обеспечены лишь со времени открытія французскаго профессора Бранли, которому удалось построить весьма чувствительный пріемникъ, главную часть котораго составляетъ трубка изъ изолирующаго вещества (стекла, напр.),

съ заключенными въ ней металлическими опилками. Черезъ пробку, замыкающую трубку, въ нее входятъ двѣ металлическія проволоки. Трубка соединяется съ гальваническимъ элементомъ и гальванометромъ. Въ обыкновенныхъ условіяхъ опилки проводятъ очень плохо, что видно по отклоненіямъ стрѣлки гальванометра, которыя весьма слабы. Но проводимость опилокъ быстро увеличивается

при появленіи подлѣ трубки съ опилками, даже на большомъ разстояніи, электрической искры. Это сразу отмѣчается гальванометромъ. Если распространяющіяся въ пространствѣ электрическія волны встрѣчаютъ на своемъ пути такую трубку съ опилками, то между отдѣльными опилками появляются микроскопическія искры, которыя разрушаютъ слой окисей, имѣющихся на опилкахъ; такимъ образомъ получается цѣпь проводниковъ, и трубка является весьма чувствительнымъ показателемъ присутствія электрическихъ колебаній. Разрѣшая задачу устраненія проводовъ въ телеграфномъ дѣлѣ, двое ученыхъ, почти одновременно, русскій, г. Поповъ, и итальянецъ г. Маркони, съ надлежащими измѣненіями, примѣнили оба снаряда: снарядъ Герца для послышки волнъ и трубку Бранли для воспріятія ихъ. Первоначальныя несовершенства системы устранялись по мѣрѣ дальнѣйшихъ улучшеній, вносимыхъ въ нее какъ первоначальными изобрѣтателями, такъ и другими, изъ которыхъ можно упомянуть француза Дюкретѣ (Ducrotet), и сдѣлали въ концѣ концовъ

возможнымъ осуществленіе правильныхъ сношеній между двумя, раздѣленными моремъ, странами. Послѣдніе, сообщенные газетамъ, опыты производились отъ имени Маркони, но можно думать, что въ Россіи можно будетъ воспользоваться усовершенствованнымъ аппаратомъ русскаго изобрѣтателя, самостоятельно и раньше Маркони сумѣвшаго разрѣшить столь важную задачу.

Телеграфъ безъ проволоки. А. Телеграфная станція. В. Мачта для телеграфированія. По рис. П. грав. Рашевскій.

По адресу „Міра Искусства“.

(Письмо въ редакцію).

Хотя редакція *Міра Искусства*, послѣ выходовъ противъ В. Верещагина, В. Маковского и др., и напечатала, по моему настоянію, замѣтку, что сотрудники журнала (*Миръ Искусства*) «отнюдь не считаются принадлежащими къ составу редакціи, а потому отвѣтственность за веденіе какъ литературной, такъ и художественной части на нихъ лежать не можетъ», однако, послѣ новыхъ назойливыхъ выходовъ ея въ томъ же родѣ, я рѣшилъ вторично и безповоротно устранился отъ всякаго участія въ журналѣ *Миръ Искусства*, о чемъ и заявляю.

Никогда я не соглашусь съ мнѣніемъ редакціи, что находящіяся въ музеѣ Александра III картины: «*Всемірный потопъ*» Айвазовскаго, «*Юаннъ на Патмосѣ*» Моллера, «*Мученики въ Коллизеѣ*» Фламинкаго, «*Юаннъ Грозный надъ пожаромъ Москвы*» Пашанова, «*Григорій Великій*» В. П. Верещагина, «*Василиса Ме-*

лентева» Сѣдова, «*Колѣдки*» Трутовскаго, «*Жиды контрабандисты*» Рипцонн и др. перечисленныя редакціей картины, слѣдуетъ считать «вещами постыдными, компрометирующими національное творчество». И что «подобныя произведенія, лишенные даже историческаго значенія (?), изъ нашего національнаго музея должны быть немедленно (!!!) убраны» (какъ предписываетъ редакція кому-то).

Далѣе, по поводу копированія, по выраженію редакціи, «того художественнаго глама, который ежедневно копируется въ нашихъ музеяхъ», перечисляются «какъ самыя дурныя, пошлыя вещи, которыя, какъ чума, распространяются по Россіи, заражая невѣжественную публику», — слѣдующіе №№: знаменитая «*Пимфа*» Нефа, № 218, «*Богъ Саваоѿ*» Рейтерна, № 282, № 113 Галпина, № 264 Сейтгофа, № 152 Клевера, № 98 Венига, № 153

Рицони, №№ 2, 5 и 8 Айвазовского, «Василиса Мелентьева» Съдова, «Головки мальчика», № 299 Харламова и др.

Особенно неприятно поразил меня отзыв журнала о знаменитом историческом художникѣ, польскомъ, Матейкѣ: на стр. 77. 8-го №, Игорь Грабарь, сообщая о больших полотнах Матейки на вѣнской выставкѣ, называетъ ихъ «безжизненными, сухими громадами, безъ признака художественнаго темперамента (!), безъ искры какою бы то ни было увлеченія, кромя патристическаго»... «все это когда-то считалось искусствомъ», — изумляется Грабарь. Очевидно, онъ слѣпъ, чтобы видѣть весь потрясающій трагизмъ этихъ историческихъ картинъ и забываемую пластику фигуръ и лицъ, первостепенныхъ, по своей характерности и формѣ, которыми полны всѣ картины Матейки.

Всѣ, кому близки интересы искусства, удивлены претензіей на ту роль, которую желаетъ играть этотъ художественный журналъ.

Къ Академіи Художествъ онъ относится свысока, вышучивая ея дѣятельность. Музею Александра III онъ предписываетъ, какъ подчиненному, убрать изъ залъ то, что редакціи не нравится. Вкусы русской публики онъ беретъ подъ свою опеку, запрещая ей имѣть копій по ея выбору.

Онъ мнитъ, кажется, что носить въ себѣ миссію международного законодателя въ искусствѣ и блюстителя вкусовъ.

Устраняя интернациональныя выставки, онъ приглашаетъ художниковъ по своему выбору и у этихъ избраниковъ выбираетъ произведенія, только отвѣчающія направилю и вкусамъ журнала.

Это направленіе — декадентство, въ буквальномъ значеніи. Его идеалъ — атакизмъ въ искусствѣ. Дилетантизмъ ставится въ принципъ школы.

Бездарный Леопольд-Фредерикъ былъ представленъ на послѣдней международной выставкѣ въ подавляющемъ количествѣ, какъ образецъ современной школы рисовальщика. При одномъ воспоминаніи объ его распухлыхъ, какъ въ спиртовыхъ банкахъ, точно мертвыхъ младенцахъ, при его неумѣньи рисовать и писать — тошнить. А между тѣмъ все это безчисленное количество упражненій этого глуповатаго любителя, назойливо отравлявшаго всю выставку, уже приобретено нашими меценатами въ назиданіе русской школы.

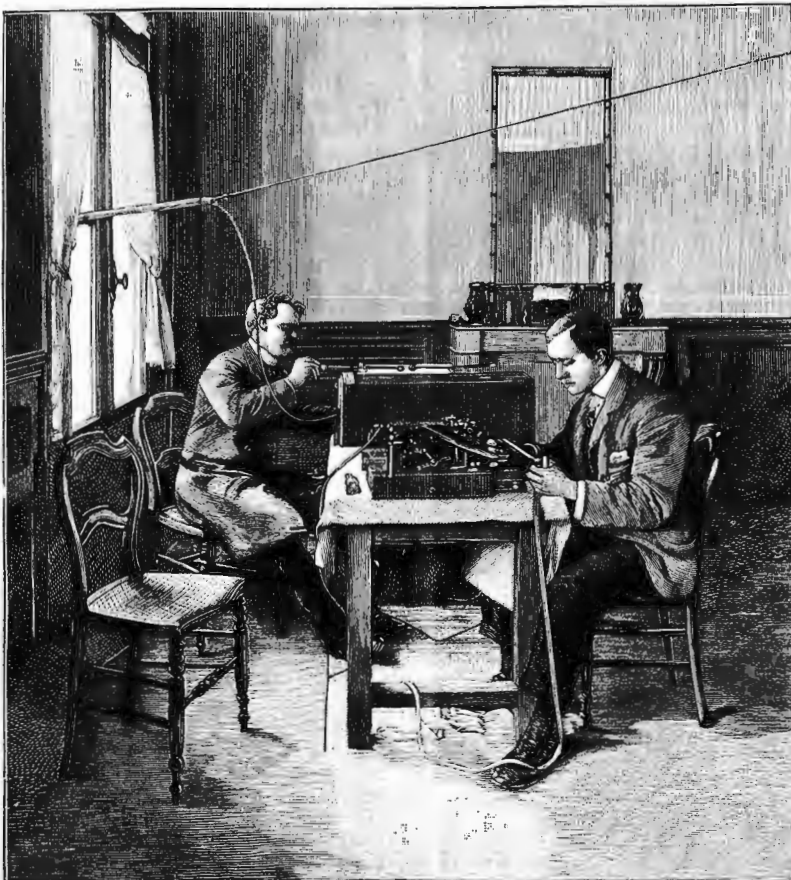
Впрочемъ, они не считаютъ его гениемъ. Ихъ гений — финишъ Галенъ. Это — образецъ одичалости художника. Его идеалъ — бредъ сумасшедшаго, его искусство близко къ каракулямъ дикаря.

Въ скульптурѣ ихъ гений — Роденъ. Статуи Бальзака, какъ и статуя Евы, бывшая у насъ на французской выставкѣ, близки уже къ каменнымъ бабамъ, украшавшимъ скинскія могилы на югѣ Россіи. Это направленіе породило уже легіоны подражателей во всѣхъ родахъ искусства.

Пейзажисты — Моне, Розе и многое множество рабовъ новаго повѣтрія. Анкони, Кондоръ и т. п. развязные дилетанты почувствовали почву для анархіи въ искусствѣ и дѣлаютъ себѣ карьеру. Всѣ молодые финляндцы, а наши Алекс. Бенуа, К. Сомовъ, Малютинъ и др. недоучки, съ благоговѣніемъ изучаютъ манеры этихъ бойцовъ за невѣжество въ искусствѣ и надѣются на славу въ потомствѣ. Ихъ враги — академіи. Традиціи, знанія, логическія наблюденія законовъ формъ и колорита природы, клеймятся ими, какъ самый большой порокъ въ искусствѣ. Они признаютъ за собою право начать искусство снова и заполнить имъ весь міръ, уничтоживъ все «академическое». Имъ необходимо прежде всего свергнуть авторитетъ академическаго образованія въ искусствѣ и поставить на его мѣсто *дилетантизмъ*.

Биржевая цѣна — вотъ чѣмъ теперь опредѣляются достоинства художественнаго произведенія. Картинные торговцы должны замѣнить профессоровъ: имъ известны потребности и вкусы покупателей. Они создаютъ славу художникамъ.

Они теперь всемогущіе творцы славы художниковъ, отъ нихъ всецѣло зависитъ въ Европѣ имя и благосостояніе живописцевъ.

Телеграфъ безъ проволоки. Приемъ телеграммъ на англійскомъ берегу.
По рис. П. грав. Шюблеръ.

Пресса, великая сила, тоже въ ихъ рукахъ. Интересъ къ художественному произведенію зависитъ отъ биржевой игры на него. Возбудить ажіотажъ къ картинкѣ и нажить состояніе — вотъ тайна современнаго успѣха художественнаго произведенія. Безъ гениа, безъ божка, конечно, имъ нельзя обойтись. Еще недавно состоять таковымъ скромный, посредственный Пювись-де-Шаванъ. Онъ умеръ. Пужежъ новый, такой же безобидный, не поддающійся положительному опредѣленію. Художникъ, мало оцѣненный, по своей незначительности, вещи котораго за безцѣнокъ приобретены давно всемогущимъ, ловкимъ торговцемъ, Дюранъ-Рюэлемъ, Дегасть, подулѣной художникъ, доживающій въ бѣдности свою жизнь — вотъ теперь божокъ живописи. Внимайте, языки!

Сбить съ толку любителей, отуманить покупателей, вундуить имъ невѣдомыя тайны разной нагой магии и возбудить биржевой ажіотажъ на незначительныя картинки своего избраника — вотъ интрига ловкаго завочника. И еще такъ недавно русская публика видѣла посредственныя картинки Дегасть и была ошеломлена цѣнами. За 40,000 р. продавались «Жюкель»! (картинкѣ красная цѣна 400 р.). Дюранъ-Рюэлю уже предлагали американцы 100,000 фр. (сестъ телеграмма изъ Америки). Русскіе господа-любители предлагали 25,000 руб. — не отдали (фактъ). И возьметъ 40,000 руб. Только бы побольше говорили. Разыгрывается повтореніе исторіи съ картинкой Милле — «Ангелюзъ», ушедшей было въ Америку за 550,000 фр., но, къ счастью для Франціи, вернувшейся въ Парижъ за 600,000 фр. А въдь это посредственная картинка.

Стоимость высокаго, гениальнаго искусства, работавшаго надъ совершенствомъ формъ, уже понижена (его не имѣется въ рукахъ торговцевъ). Мейсонъ, Фортуніи можно купить теперь далеко ниже стоимости.

И всему это вѣрять идеально и свято. Наши меценаты, дилетанты и просвѣтители вкусовъ — благородные люди. Они такъ обожаютъ Парижъ, такъ стараются быть въ курсѣ его художественныхъ вѣспросовъ и не отстать отъ

его вкусовъ... Святая простота!

Молодые художники съ упованіемъ мечтаютъ о будущей славѣ отъ мага-волшебника Дюранъ-Рюэля.

Просвѣтители, какъ католики отъ папы, получаютъ отъ него санкціи пропандировать его вкусы и комментировать стоимость и значеніе принадлежащихъ ему *chef d'oeuvres* оговъ.

Необходимо очищать музеи отъ стараго хлама. Мѣсто дилетантскому декадентству! Поклоненіе передъ авторитетомъ картинной лавки!

Падаютъ шипъ передъ вкусами ловкой рекламы и свято исполняютъ ея предписанія!

Эхъ, господа, господа!.. Гдѣ же ваша индивидуальность! — Ни крошки патристизма. Быть рабами ловкаго ажіотажа! Вамъ льстятъ пройдохи, надувалы, они гипнотизируютъ ваши благородныя лучшія чувства въ пользу своего кармана. Вы принимаете за чистую монету ихъ шаблонные комплименты и стараетесь быть достойными ихъ предначертаній въ достиженіи интриги, которой вы не подозреваете...

Поскорѣй, поскорѣй забросать грязью все свое, все уничтожить, оставить только рабскія подражанія послѣдней модѣ, установленной въ Rue la Peletier.

Г. Грабарь кичится тѣмъ, что уразумѣлъ сумеречный тонъ Вистлера — все долей, что не въ сумеречномъ тонѣ! Молодой человекъ съ образованіемъ, съ энергіей, много выдвинутой, и такая узкость, такая ограниченность! Посягать на Матейка!

Торопитесь, господа, не трудно предсказать, что не пройдетъ и 10 лѣтъ, какъ ваша хваленая декадентщина и вашъ невѣжественный дилетантизмъ, развившись — очень естественно, какъ всѣ плевелы и сорняки травы, до самопожирующихъ размѣровъ — такъ оплится, такъ опротивѣетъ, что всѣ любители, сдвинувъ плечами и,

покачавъ головами, скажутъ: — «и это называлось, еще такъ недавно, искусствомъ!»

А Матейко все будетъ стоять колоссомъ, и его національная стоймость даже никогда не соприкоснется съ оцѣнкой картинной лавки. А ваши плевки пигмеевъ не достигнутъ даже подножія его пьедестала.

Да, очевидно, вы загнипотизированы, ослѣплены и лѣзете на стѣну. Если бы вставить «Нимфу» Нефа, въ картину Пювистъ-де-Шапана, вы бы растаяли отъ похвалъ и удовольствія. Молодого Иоанна Грознаго изъ картины Шлѣшанова вы бы превознесли на весь міръ, если бы увидѣли его на холстѣ Де-ла-Круа.

Нѣтъ у васъ никакого чувства уваженія къ такимъ почтеннымъ сѣдинамъ самобытнаго таланта, какимъ всегда былъ Айвазовскій. Если бы вашему невѣрному рамолименту въ живописи Монѣ, вѣчно танцующему отъ печки желтенькихъ и лиловенькихъ бессмысленныхъ тониковъ, удалось хотя однажды достичь такого общаго впечатлѣнія картины, какимъ проникнуть «Шотопъ» Айвазовскаго, вы бы подняли его на щитахъ и раструбили бы на весь міръ. А это навѣрно случилось бы только тогда, если бы картины Айвазовскаго скопились, какъ собственность, у Дюранъ-Рюэля.

Попробуйте выкинуть у французовъ Энгра, у нѣмцевъ Овербека!.. Они не стыдятся этихъ художниковъ, историческое значеніе за ними прочно установлено. А у нашего Моллера, одна пьяная ваханка, въ его картинѣ «Иоаннъ на Патмосѣ», перетянетъ на вѣсахъ много ихъ картинъ.

Въ каждой изъ перечисленныхъ вами картинъ найдутся достоинства и особенности, имѣющія значеніе въ ростъ нашей школы: не говоря уже о такомъ талантливомъ художникѣ, какъ Трутовскій, «Колдунъ» котораго такъ характерны и такъ свѣжи и даже такъ въ духѣ нынѣшнихъ картинъ общаго впечатлѣнія, что ваше посягательство на нее, даже съ вашей точки зрѣнія на искусство, не понятно: въ ней нѣтъ и признака академизма.

Пусть это художники второстепенные. Да вѣдь есть же теперь спеціальныя любители второстепенныхъ голландцевъ, напр., А. И. Сомовъ, получающіе субсидіи отъ Эрмитажа, чтобы ѣздить въ Голландію и пополнять и безъ того уже переполненный у насъ, первостепенными голландцами, отдѣлъ голландской живописи. Какъ же это намъ уничтожать своихъ второстепенныхъ художниковъ?

Въ вашихъ мудрствованіяхъ объ искусствѣ вы игнорируете русское, вы не признаете существованія русской школы. Вы не знаете ее, какъ чужаки Россіи. То ли дѣло ботать за европейцами: Давидъ, Делакруа, Бодлеръ, Зола, Рѣскинъ, Вистлеръ; вѣчно переживаете въ европейскую жвачку, достаточно устарѣвшую тамъ и мало кому интересную у насъ. А, сказать правду, выставки ваши поддерживаются, все же, такими художниками, какъ: Сѣровъ, Рябушкинъ, Эдельфельдъ, Головинъ, Давыдовъ, Полѣновъ

и др., вовсе не имѣющими острого характера упадка въ родѣ бѣднаго калѣки-уроода—К. Сомова, котораго вы ставите во главѣ движенія вашей школы. Я же знаю этого способнаго юношу и понять не могу его притворства въ напусканіи на себя такой дѣтской глупости въ краскахъ, какъ его зеленая травка, такого ідиотизма, какъ сцены его композицій съ маленькими выломанными уроодами, лилипутами.

Недавно еще, въ одномъ домѣ, я увидѣлъ на стѣнѣ картинки съ вашей выставки и невольно покраснѣлъ и скорѣй отвелъ глаза. Что виситъ на выставкѣ Курзевовъ—забавно; но повѣсьте эти кричащія чудачества въ жилыхъ помѣщеніяхъ!.. Одна картинка цѣлый годъ висѣла у нихъ верхомъ внизъ. Авторъ увидѣлъ, обидѣлся; перевѣсили—все тѣ же пятна и такъ же никто не понимаетъ, что изображено художникомъ. Но вкусы бываютъ разные. Я знаю еще квартиру, наполненную собственными произведеніями художницы. Не знаешь, куда дѣвать глаза отъ этой мазни дилеттантки; а весь домъ въ восторгѣ и, какъ птицы, въ продолженіе всего визита, поютъ гимны созданіямъ доморощеннаго гения. Ликованіе омрачается только воспоминаніемъ горькихъ обидъ и жалобъ на варварство среды: на выставки не принимали этихъ chef d'oeuvres'овъ.

Можно подумать—не дѣлаюсъ ли я врагомъ новаго направленія въ искусствѣ вообще?—Никогда. Я знаю, какихъ силъ требуетъ поступательное движеніе впередъ во всякой сферѣ человѣческихъ стремленій, и выше всего цѣню это свойство челоѣка. Знаю, что молодежи оно болѣе свойственно и легче дается. И я восхищаюсъ безмѣрно всякимъ своеобразнымъ талантомъ. И въ новомъ движеніи «декадентства» попадаются иногда перлы самобытности художественной, какъ, напримѣръ, у Беллина, Стука, Климша, даже у нашихъ: Е. Д. Полѣновой, Головина, если бы они не портили себя избитой манерой вывѣсочныхъ афишъ. Но я ненавижу эти кичливыя притязанія посредственностей, ихъ шарлатанскій аллобъ кагала и фанатическую нетерпимость къ тому, что не въ приходѣ ихъ секты.

И въ *Миръ Искусства* я высоко ставлю энергію г. Дигилева, его умѣнье хлопотать, ѣздить далеко за экспонатами, улаживать съ собственниками художественныхъ произведеній. На это не многіе способны. Нельзя не дорожить этимъ образованнымъ молодымъ челоѣкомъ, такъ полюбившимъ искусство. Но не вѣрится даже, что челоѣкъ съ такимъ свѣтскимъ лоскомъ, съ такимъ разностороннимъ интересомъ ко всякаго рода искусствамъ (пѣнію, музыкѣ), что это же самый эlegantный аристократъ переноситъ въ живописи такія безобразія, какъ Леонъ Фредерикъ, Галенъ, такія жалкія уродства, какъ К. Сомовъ, Антентъ, Кондоръ и др., и пропускаетъ такія вульгарныя выходки, какъ приведенныя мною выше, въ журналѣ *Миръ Искусства*, которому нельзя отказать во вѣншемъ интересѣ.

30-го марта.

И. Рѣпинъ.

СМѢСЬ.

Лѣченіе малокровія. По сообщенію В. Девлезерскаго во *Врачъ*, д-ръ Hjalmar Agnér (изъ Стокгольма) указываетъ весьма распространенное въ Швеціи народное средство противъ малокровія—крапиву. Его самого, когда ему было 17 лѣтъ, вылѣчили отъ малокровія, заставляя ѣсть черезъ день супъ изъ крапивы. Одной 20-лѣтней дѣвушкѣ, тщетно перепробовавшей самыя различныя лѣченія (включая и препараты желѣза), авторъ назначилъ тотъ же крапивный супъ, сперва черезъ день, а спустя 6 недѣль, когда она уже много поправилась, 2 раза въ недѣлю. О многихъ другихъ случаяхъ излеченія авторъ не говоритъ подробно, такъ какъ въ нихъ большіе получали не одну крапиву. Простая ягучая крапива (*urtica dioica* L.) и мелкая крапива или ягучка (*urtica grans*) имѣютъ одинаковыя свойства, но употребляютъ почти исключительно лишь первую изъ нихъ. Собираютъ траву всего лучше весной. Корни и стебли съ подурзвившимися листьями составляютъ наилучшій препаратъ для сушки. На 2 литра воды берутъ пригоршню такой сухой травы и, заваривъ, пьютъ по 2—3 стакана въ сутки. Но пріятнѣе готовить супъ изъ свѣжей травы. Для супа выбираютъ верхнія части свѣжыхъ стеблей.

Старѣйшее изъ пресмыкающихся—ящерица-туатара, водящаяся въ Новой Зеландіи. Профессоръ биологій тамоняго Кэптербюри-колледжа, по имени Денди, въ продолженіе двухъ лѣтъ тщательно наблюдалъ образъ жизни этого пресмыкающагося. Самымъ удивительнымъ въ жизни туатары является развитіе ея дѣтенышей. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ туатара кладетъ яйца, но и не думаетъ приниматься за ихъ высхижаніе: яйца лежатъ неснесенными не менѣе тринадцать мѣсяцевъ. Такимъ образомъ маленькимъ ящерицамъ приходится зимовать въ яичной скорлупѣ, и онѣ совершаютъ это съ самыми удивительными предохранительными мѣрами. Онѣ приходятъ въ состояніе зимней спячки, причѣмъ поздри ихъ посредствомъ разрастанія клѣтчатой ткани совершенно закрываются, и животное становится нечувствительнымъ къ вѣншему воздуху. Денди различаетъ не менѣе 16 формъ развитія туатары. Произведенныя имъ весьма важныя наблюденія сводятся къ тому, что развитіе туатары во многихъ отношеніяхъ, и въ особенности въ одномъ важномъ пунктѣ, походитъ на развитіе черепахи. Поэтому туатару надо признавать въ близкомъ родствѣ какъ съ ящерицей, такъ и съ черепахой. Порази-

тельна между прочимъ окраска молодыхъ ящерицъ; она представляется ясно выраженныя продольныя и поперечныя полосы, которыя однако сохраняются лишь во время пребыванія дѣтеныша въ яйцѣ и исчезаютъ уже передъ вылупленіемъ изъ яйца. Взрослая ящерица имѣетъ обыкновенно пятнистую окраску. Последнее наблюденіе имѣетъ также немалое значеніе, потому что подобныя же полосы не разъ замѣчаются у молодыхъ птицъ и млекопитающихъ. Профессоръ Денди получилъ отъ правительства разрѣшеніе, ради научныхъ цѣлей, собирать яйца туатары и взрослые экземпляры этого земноводнаго на островѣ Стефенса (лежащемъ у сѣверныхъ береговъ Новой Зеландіи, въ Куковомъ проливѣ), при чемъ главный правитель острова оказалъ ему всевозможное содѣйствіе и сообщилъ собственныя цѣльныя наблюденія надъ образомъ жизни названной ящерицы. Ожидаютъ, впрочемъ, что правительство приметъ мѣры къ охраненію туатары, послѣ того, какъ будетъ установлено значеніе этого вида для науки. Между прочимъ, два нѣмецкихъ ученыхъ заняты въ настоящее время усердными попытками добыть себѣ яйца туатары, однако тщетно. Профессоръ Денди, въ своемъ первомъ сообщеніи о сдѣланныхъ имъ наблюденіяхъ, высказываетъ мысль, что туатара единственное животное, дѣтеныши котораго проводятъ въ яйцѣ зимнюю спячку. Другой зоологъ однако дѣлаетъ поправку къ этому заявленію. Дѣло въ томъ, что хорошо извѣстная у насъ, въ Европѣ, прудовая черепаха (*Emys orbicularis*) представляетъ ту же самую особенность въ развитіи дѣтенышей и тѣмъ еще болѣе подтверждаетъ родство между черепахами и ящерицами. Уже въ прошломъ столѣтіи, Марффиге, въ Австріи, наблюдалъ такую особенность упомянутой выше черепахи, и его наблюденія были подтверждены впоследствии Мираномъ, въ 1857 г. Названный изслѣдователь держалъ и наблюдалъ у себя въ саду, въ Кіевѣ, прудовыхъ черепахъ и открылъ, что онѣ кладутъ яйца въ маѣ и только черезъ 11 мѣсяцевъ высхиживаютъ ихъ. Въ 1894 г., Боллина (Bollinat) сдѣлалъ открытіе, что во Франціи черепаха высхиживаетъ яйца черезъ 22 мѣсяца, послѣ того какъ они положены, т. е., иначе сказать, яйца перезимовываютъ полныхъ двѣ зимы. Такимъ образомъ выясняется весьма важный фактъ: считавшіяся доселѣ совершенно различными группы черепахъ и ящерицъ по новымъ наблюденіямъ находятся въ весьма близкомъ родствѣ между собою.

Санаторія д-ра Ремплера
для страдающ. грудными болѣзнями
въ ГЕРБЕРСДОРФѢ, въ СИЛЕЗИИ.

Находясь съ 1875 г. под личнымъ врачевнымъ наблюдениемъ владѣльца, Герберсдорфская лѣчебница, расположенная высоко надъ уровнемъ моря и снабженная помѣщеніемъ для пользованія слабыми болѣзными воздухомъ, предоставляет самыя благоприятныя условия для лѣченія, за умѣренные цѣны. Объявленія высылаются бесплатно д-ромъ Ремплеромъ. В. № 12253 4-1

НОВѢЙШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА

„БЛИКЕНСДЕРФЕРЪ“

не только равна другимъ, значительно дороже стоящимъ машинкамъ, но она безусловно превосходитъ какъ въ прочности, такъ и въ удобствѣ всѣ конструкции нынѣ существующихъ пишущихъ машинъ. Цѣна 100 и 140 руб. Въ 2 года выписано 20,000 машинъ. Образцы шрифтовъ и каталоги высылаются бесплатно.

★ ПРЕДСТАВИТЕЛИ: **Э. КИЖИЖИДАНЪ и К^о** С.-Петербургъ, Гороховая, 17. ★

С.-Петербургско-Азовскій Коммерческій Банкъ

Невскій 62.

Отдаются въ наемъ безопасныя ящики для храненія цѣнностей, документовъ и драгоценныхъ вещей.

№ 12152 12-4

Лѣчебное заведеніе д-ра БРЕМЕРА для страдающихъ грудными болѣзнями въ Герберсдорфѣ, Прусс. Силезія

Р. № 12236 4-1
высылаетъ бесплатно проспекты. Имѣется русскій врачъ.
Проектируется постройка православной часовни.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается новое изданіе
Ф. ПАВЛЕНКОВА:

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НАРОДА В. ЛУНКЕВИЧА.

появились въ свѣтъ 10 книжекъ: 1) Земля. Съ 13 рис. Ц. 8 к.; 2) Небо и звѣзды. Съ 18 рис. Ц. 8 к.; 3) Громъ и молнія. Съ 24 рис. Ц. 12 к.; 4) Жизнь въ каплѣ воды. Съ 14 рис. Ц. 8 к.; 5) Невидимые друзья и враги людей. Съ 28 рис. Ц. 16 к.; 6) Зеленое царство. Съ 32 рис. Ц. 16 к.; 9) Два великихъ царства природы. Съ 93 рис. Ц. 25 к.; 10) Великаны и карлики въ царствѣ животныхъ. Съ 37 рис. Цѣна 20 коп.; 11) Какъ идетъ жизнь въ человѣческомъ тѣлѣ? Съ 33 рис. Ц. 16 к.; 15) Ростомъ съ ноготокъ, а ума палата. (Жизнь муравья). Съ 12 рис. Ц. 15 к.

Вся библиотека будетъ состоять изъ 40 книжекъ, которыя появятся въ непродолжительномъ времени. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ **П. В. Луковникова** (СПБ., Лештуконъ переулокъ, д. № 2).

С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

ТИМОЛОВЫЙ ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ
ТИМОЛОВЫЙ ЗУБНОЙ ПОРОШОКЪ

• освѣжаютъ ротъ уничтожаютъ дурной запахъ •

ПРОСИМЪ ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ И ТРЕБОВАТЬ НА ЭТИКЕТАХЪ СЛОВО: «ТЕХНО»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, КОЛОМЕНСКАЯ УЛИЦА, № 12.

Пожизненныя страхованія отъ несчастій

НА ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ И ВОДЯНЫХЪ ПУТЯХЪ

заключаются въ Правленіи Общества „Россия“ (С.-Петербургъ, Б. Морская, 37) и у всѣхъ агентвъ Общества въ городахъ Имперіи. В. № 12147 4-3

ВЫСШАЯ НАГРАДА

за чрезвычайно художественную обувь, въ особенности дамскую, отличающуюся

чистотой работы, изяществомъ покроя и чрезвычайною легкостью при большомъ выборѣ.

Г. ВЕЙСЪ.

С.-Петербургъ, Невскій просп., № 56.

Къ настоящему сезону приготовленъ **ОГРОМНЫЙ ВЫБОРЪ ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ ФАСОНОВЪ ТУФЕЛЬ И ВСЯКОЙ ДРУГОЙ ОБУВИ, ДАМСКОЙ, МУЖСКОЙ И ДѢТСКОЙ**, изъ лучшаго матеріала.

Только что получены изъ ПАРИЖА КОЖИ всевозможныхъ цвѣтовъ и самыя новѣйшія фасоны обуви, по которымъ и приготовляются всѣ заказы подъ моимъ личнымъ наблюдениемъ.

Имѣется огромный выборъ полученныхъ изъ Парижа **чулокъ, шелковыхъ, фильдекосовыхъ и фильдеперсъ, подвязки** всѣхъ цвѣтовъ.

Цѣны умѣренныя. В. № 12192 4-2

Новый иллюстрированный прейсъ-курантъ бесплатно.

Издѣлія моей мастерской можно получить въ Одессѣ у З. Безиковича, у М. Кукурличкина, въ Ростовѣ на-Дону у П. И. Ильина, въ Киевѣ у наследниковъ А. Шабардина, у П. Гомоляки, въ Харьковѣ у С. Я. Токарева, въ Черниговѣ у А. Данюшевскаго, въ Ялтѣ у М. Кушлю, въ Таганрогѣ у П. И. Ильина и въ Екатеринославѣ у М. Г. Заморуева.

Ювелиръ ЭЙКЕНРОТЪ.

МОСКВА, Камергерскій переулокъ, домъ Ланозова.

Покупаю жемчужныя вѣтки, бриллианты, рубины, изумруды, по хорошей цѣнѣ.

Беру въ обмѣнъ старое золото и серебро на новыя вещи. Заказы исполняются въ собственной мастерской, находящейся при магазинѣ.

Къ наступающему празднику заготовленъ большой выборъ новѣйшихъ фасоновъ золотыхъ и бриллиантовыхъ, съ драгоценными камнями, вещей и большой выборъ новостей

БРЕЛОКОВЪ И ЯИЧЕКЪ.

«Наилучшій подарокъ для самого себя». Цѣна: 1 шт. 2 р., 2 шт. 3 р., 75 к.

ПОРТМОЗ СО ШТЕМПЕЛЕМЪ

изъ наилучшей черной онойки лагранжевой выдѣлки, съ матовымъ лоскомъ, съ 5 отдѣленіями, 1 внутреннимъ закрытымъ для зпѣнокъ монеты и однимъ особо закрытымъ для золота. Корпусъ изъ одного куска съ механическ. затворомъ, содержащимъ каучуковый штемпель съ подушкой для браски. Въ штемпелѣ можно помѣстить имя, отчество, фамилію и званіе, по желанію и корону. Наружная велич. 2 1/4 x 1 3/4 в. Также дамскія изящныя, размѣромъ 1 3/4 x 1 верш. по тѣмъ же цѣнамъ.

Тѣ же изъ настоящей телячьей, мягкой лагранжевой кожи, штука на 50 к. дороже. Ц. № 12250

Цѣны съ пересылкою въ Европейскую Россію, въ Азіатскую же—съ прибавленіемъ части вѣсовыхъ. Съ наложнымъ платежомъ на 10 к. болѣе. Тоже безъ штемпелей, штука на 35 к. дешевле.

Требованія прошу адресовать: Въ контору фабрики АМЕРИК. КАУЧУКОВЫХЪ ШТЕМПЕЛЕЙ М. ФИШМАНЪ, Варшава, Бѣльская, 18.

ТОВАРИШЕСТВО „ПРОВОДНИКЪ“.
 Москва. * Рига. * Спбурѣ.
 Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подѣ фирмой: „ПРОВОДНИКЪ“.
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.
 ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДЪЕЛКЪ!

1896. 1897.
Я. БЕККЕРЪ
 С.-Петербургъ.
 ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА:
 Его Величества Императора Всероссийскаго
 Его Величества Императора Австрийскаго
 Его Величества Короля Шведскаго и Норвежскаго
 Его Величества Короля Датскаго.
ВЫСШІЯ НАГРАДЫ:
 1893 г. ЧИНАГО—дипломъ и медаль.
 1894 г. АНТВЕРПЕНЪ — „Grand-Prix“.
 1896 г. НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ — Государственный гербъ.
 1897 г. СТОНГОЛЬМЪ—золотая медаль и званіе Поставщика Его Величества Короля Швеціи и Норвегіи. В. № 12196 5—2

Рояли отъ 600 руб.
 Пянино отъ 450 руб.

ЛУЧШІЯ ВЪ МІРѢ
ГАРМОНИИ
 ИЗВѢСТНОЙ ФАБРИКИ **КАЛЬБЕ:**
 Однорядная: въ 3 1/2, 4 1/2, 5, 5 1/2, 6, 6 1/2, 7, 7 1/2, 8, 8 1/2, 9, 10, 11, 12, 14 и 20 руб.
 Двурядная: въ 10, 12, 14, 15, 18, 20, 22, 25 и 35 руб. и Въскія въ 20 и 50 руб.
 Трехрядная: въ 50 руб. и Въскія въ 28, 45 и 70 руб.
 Самоустанавли по 1 руб. и для 3-хъ-рядной 75 коп.

№ 3623—4 р. 50 к.
 „Дамская“
 № 3626—5 р.
 № 3737—20 р.
 № 3750—25 р.
 № 3659—9 р.
 № 3700—10 р.
 № 3780—28 р.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
 С.-Петербургъ, В. Морская, № 34.—Москва, Кузнецкій м., д. Захарына.

Продолжается подписка на 1899 г. на еженедельный общедоступный журналъ „СПУТНИКЪ ЗДОРОВЬЯ“ съ ежемѣсячными бесплатными книжками. Въ вышедшихъ первыхъ 20-ти номерахъ журнала напечатаны, между прочими, ниже-сѣдующія статьи:—Что такое популяризація науки и почему она необходима? Проф. И. А. Сикорскаго.—О равнѣзъ и врожденномъ прорѣзываніи зубовъ у дѣтей, Прив. доц. В. П. Жуковскаго.—Фальсификація и мѣры борьбы съ лею, Проф. А. Пеля.—Развитіе физической силы, Д-ра В. Ф. Краевскаго.—О чумѣ, Проф. В. Добролюбова.—Велосипедъ и нервно-психическое здоровье, Проф. И. А. Сикорскаго.—Къ вопросу о фальсификаціи выхлѣбнаго табака, Проф. Ст. Зальбскаго.—О первой помощи при случайныхъ равнѣзъ въ домашнемъ быту, Проф. Е. В. Павлова.—Острый катаръ желудка, Проф. А. Штрюмпеля.—Психическія явленія и тѣлесныя процессы въ организмѣ животныхъ и человѣка, Академикъ князя И. Р. Тарханова.—Гигіена беременности, Проф. М. Рунге.—Общія причины невралгіи, Проф. А. Пуста и Г. Балле.—Корь, Проф. А. Штрюмпеля.—Изъ деревни, В. Анзимирова.—Бронхитъ у дѣтей, Проф. Ф. Бидерта.—О натуральной осѣи и о значеніи оспопрививанія, А. Н. Шабановой.—Ученіе Д-ра Генриха Ламана о нормальномъ питаніи.—Воскресенныя бесѣды о народномъ здравіи.—Гигіена уха, Проф. О. Кернера. Мнимоумерше новорожденные, Проф. М. Рунге.—Условія здоровья и причины болѣзней, Проф. И. Скорцова.—Кромѣ того напечатаны статьи въ отдѣлахъ Полезныя совѣты 100.—Обиходная рецептура 60.—Обиходная ветеринарія.—60.

Полезныя статьи по всемъ вопросамъ популярной медицины и гигиены и кромѣ того отдѣлы:—Полезныя совѣты.—Обиходная рецептура.—Обиходная ветеринарія.—Вопросы и отвѣты подписчикамъ. Каждый читатель найдеть въ журналѣ много полезнаго для сохраненія своего здоровья. Въ вновь подписавшіеся на 1899 годъ получаютъ журналъ со всеми бесплатными приложеніями съ 1 ноября 1898 г. по 1 января 1900 г., т. е. 60 номеровъ журнала и 14 бесплатныхъ книжекъ. Подписная цѣна съ пересылкой на 1 годъ 5 р., на 1/2 года 3 р. Подписка принимается въ Главной конторѣ журнала „Спутникъ Здоровья“, С.-Петербургъ, Невскій, 148.

Популярно-научная книга, доказывающая счастливые
 Ц. 12263 № № 3—1
ВЫИГРЫШ-
 ныхъ бил. 1, 2 и 3 займ. Ц. 1 руб., съ перес. 1 р. 20 к. (налож. плат. 1 р. 30 к.). Спб. Вознесенскій, 37, кв. 32. КРАСИЛЬНИКОВЪ. 1-го марта с. г. на доказан. №№ пало 255 выигрышей на сумму въ 483 тмс. рублей.

МАГАЗИНЪ АНГЛІЙСКИХЪ ШЛЯПЪ
 11, Большая Морская, 11.
 АНГЛІЙСКІЯ ПУХОВЫЯ ШЛЯПЫ 6 и 8 руб.
 ЦИЛИНДРЫ 10 и 14 руб.
 ИТАЛІЙСКІЯ ПУХОВЫЯ ШЛЯПЫ 8 руб. фабр. «Borsalino».
 ВЪНСКІЯ ПУХОВЫЯ ШЛЯПЫ.
 Соломенные шляпы.
АНГЛІЙСКІЯ СПОРТОВЫЯ И ДОРОЖНЫЯ ШЛЯПКИ.
 Заказы изъ провинціи наложеннымъ платежемъ.
 В. № 12244

ФАБРИКА „СКЛАДЪ“
Бруно Зенгеръ & Ко
 С.Петербургъ, Невскій, № 25 (противъ Кузнецкаго моста).
Фотогр. Аппараты и Принад.
 (Кратк. Прейс-Курантъ Бесплатн.)

РИСОВАЯ ПУДРА
 ПЛОТНОПРИСТАЮЩАЯ, БЕЗЪАМЪТНАЯ, ДУШИСТАЯ
LA MADONE
 Продажа оптомъ:
 HUBERT, парюмеръ въ БОРДО и въ ПАРИЖѢ: 26, rue d'Enghien
 Склада во всехъ хорошихъ парфюмерныхъ магазинахъ.

Паровая Красильная фабрика В. ПЕКЛЕ, въ С.-Петербургѣ.
 Эстляндская ул., д. № 15, уголъ Обводнаго канала.
 ХИМИЧЕСКАЯ ЧИСТКА всякаго носильнаго платья, костюмовъ, занавѣсъ, портьеръ, пано, ковровъ, мебельныхъ матерій, бархата, шелковой ткани, лентъ, перчатокъ, кружевъ, перьевъ и проч.
 ОКРАСКА ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ шерстяныхъ, шелковыхъ и бумажныхъ матерій, а также носильнаго платья въ распоротомъ и нераспортомъ видѣ.
 Магазины для приема работъ: 1) Гороховая ул., д. № 40; 2) Эстляндская ул., д. № 15; 3) у Нарвскихъ воротъ, д. Спиро.
 Работы исполняются быстро и аккуратно. Цѣны умеренныя. Иногороднымъ работамъ высылаются почтой или желѣзной дорогой наложеннымъ платежемъ.

1400
 стилизован. узоровъ для вышиванія, углубленной и рельефной рѣзбѣ, вышиванія и живописи по дереву, и пр., и пр. Рисунки имѣются на бумагѣ и на деревѣ. Наставленія, инструменты, машины и матеріалы. Газета „Дилетантъ“.
 Иллюстр. преис-куррантъ высылаются за 30 цф. почт. марк. Mey & Widmeyer, München.

ЧЕРЕЗЪ ПЕРЕПИСКУ
 даю уроки РУКОДѢЛІЯ ПО УЗОРАМЪ. по-мѣщаемымъ мною въ „Нивѣ“. Иногородн. могу высылать образцы, а въ Петербургѣ ихъ, со всемъ нужнымъ матеріаломъ, можно покупать въ магазинѣ Костинскаго (уголъ Садовой и Черныш. переулк., маг. 19—20). А. НАДПОРОЖСКАЯ, г. Бѣлоз-рскій, Новг. г.

съ 50000 руб.
 можно составить себѣ отличное положеніе, дающее громадную прибыль. Писать А. И. Б. Ящикъ № 13. Кишиневъ.

Знаменитые своимъ ходомъ изящные и прочные карманные мужскіе часы „Dagabel“, черные, коронковой стали, самый прочный механизмъ, вѣрный ходъ, съ шелковой цѣпочкой и брелкомъ ТОЛЬКО ЗА 4 РУБ. за вѣрность хода ручаеся на 6 лѣтъ. Высылаемъ по полученіи 1 рубля задатка. Дамскіе черные на 1 р. дорожке. Адр.: Торг. фирмъ Бр. Варковичскихъ, складъ Женевск. час. въ Варшавѣ, Королев. 29/42. Даромъ получ. кабинетные часы „Форъ“, которые выпис. на сумму болѣе 20 руб.

ПАВЕЛЬ БУРЕ
 В. № 12204 6—1
 поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23. Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
 БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. Новый иллюстрир. преис-куррантъ высыл. по требован. бесплатно

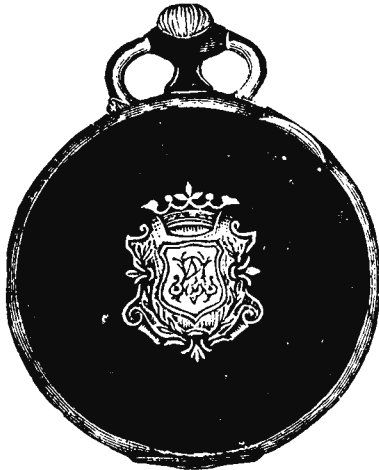
ОСПЕННЫЙ ТЕЛЯТНИКЪ
 ветеринарнаго врача С. К. Живописцева въ г. Орлѣ.
 Во всякое время года можно получать свѣжую оспенную вакцину для прививанія людямъ предохранительной оспи. Выписывать можно съ наложеннымъ платежемъ и на сумму не менѣе 5 рубл. Заказы исполняются безъ замедленія. Адресъ: Г. Орелъ, оспенный телятникъ Живописцева.

Поступила в продажу новая книга: Теория постановки голоса по методу старой итальянской школы и применение теории к практическому обучению, красивому образованию певческих звуков. Сочин. проф. Юрия Арнольда. Выпуск III с 36 рис. в текст. Цена 50 к., с перес. 60 к. Выпуск II с 40 к., с пер. 50 к. Вып. I с 40 к., с пер. 50 к. Склад издания в книжно-музыкальном маг. П. К. Селиверстова, СПб., Садовая, 22.

По новейшей французской методу „ВОРТА“ 10-5 обучаю кройке и шитью дамских, детских нарядов, верхн. платья, бѣлыя и корсетовъ въ школѣ и зочно посредствомъ лекцій. Плата вперед не взимается. По окончании установленное свидѣтельство. Условія высыл. бесплатно. Киевъ, Б. Васильковская д. № 89. Преподавательница Е. Д. АШМАРИНА.

НОВОСТЬ
ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ
Цвѣтущая сирень.
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ.
Магазины въ С.-Петербургѣ:
Невскій просп., № 32 и № 66.
Вознесенскій пр. уг. Назанской, № 24/52.

!!КРАСОТА и ИЗЯЩЕСТВО!!

Складъ часовъ **М. ГОРДОНЪ**, въ Варшавѣ, Маршалковская, № 119.

Во избѣжаніе поддѣлокъ каждый экземпляръ снабженъ пломбой и утверждено департаментомъ торговли и мануфактуръ за № 3056. Ц. № 12246 2-1

ПРІЯТНЫЕ ДУХИ
ВЕРА-АНОНА
РОСКОШНЫЕ ИЖЪНИЕ
ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЕРА-АНОНА
ПРІЯТНОЕ,
ижъное бархатистое

Т-ва ГИГИЕНА
◆ ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДЪ. ◆
Гл. складъ: С.-Петербургъ, Коломенская, 12.

Въ виду предстоит. праздниковъ приготовленъ мною большой выборъ изящныхъ вещей изъ чистаго 560/0 пробы золота специально для подарковъ. Особенно рекомендую изящный подарокъ

ГАРНИТУРЪ
браслетъ золотой 560/0 пр. изящной отдѣлки, кармазированной, т. е. осыпанный искусственными парижскими бриллиантами, а по серединѣ дуплетъ, сапфиръ, рубинъ, аметистъ, бирюза и другіе; такая же пара серегъ и кольцо, все изъ чистаго 560/0 пр. золота **ТОЛЬКО ЗА 12 Р.** Иногороднымъ «Гарнитуръ» высылаютъ въ специально приготовленномъ изящномъ футлярѣ, безъ задатка, наложеннымъ платежемъ. Адресъ: 1. ВУЗЕЕРЪ, складъ золотыхъ издѣлій, Варшава, Граничная, 6.

Черные часы, вороненой стали, известной фабрики Саудо, I сортъ, на крышкѣ изящная золотая накладка, на которой гравирую, по желанію заказчика, монограмму (имя и фамилію), въ нимъ цѣль новаго золота, бортова или шатлежъ, съ изящнымъ брелокомъ

Только за 5 р. 50 н.

Того же сорта часы никелевые, полированные, золоченые посредствомъ электричества, т. е. Electroplated, трудно отличаемые, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ, золотыхъ часовъ; съ тѣми же приложениями, но безъ золотой накладки—рублемъ дешевле. Высылаю вполнѣ вывѣренные часы по полученіи 1 рубля задатка, остальные же наложеннымъ платежомъ и даю печатное ручательство на 5 лѣтъ за вѣрность хода. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается бесплатно. Прошу адресовать:

ÉLIXIR, POUDRE ET PÂTE DENTIFRICES
des RR. PP.
BÉNÉDICTINS
DE l'Abbaye de Soulac,
Dom MAGUELONNE, Prieur.
Inventés en l'an 1373 par le Prieur P. BOURSAUD
VENTE EN GROS :
SEGUIN, BORDEAUX.
Maison fondée en 1807.
VENTE DANS TOUTES LES BONNES PARFUMERIES, PHARMACIES ET DROGUERIES.
MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.

GRAND PRIX Exposit. Int. Lyon 1894
HORS CONCOURS MEMBRE DU JURY Exposit. Int. Bordeaux 1895.

EXIGER LA SIGNATURE DU PRIEUR *Maguelonne*

Въ книжн. магазинахъ Н. Я. Оглоблина въ Киевѣ и С.-Петербургѣ—Екатеринив. ул., № 4—поступили въ продажу новыя книги:
ОЧЕРКИ М. ДРАГОМИРОВА.
Разборъ «Войны и мира» Л. Н. Толстого. Русский солдатъ.—Николеонъ I.—Жанна д'Аркъ.— Съ портретомъ автора и картою. К. 1898. ц. 1 р., с перес. 1 р. 20 к.

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ИТАЛЬЯНСКАГО ЯЗЫКА.
Составилъ И. Гливенко, лекторъ итал. яз. при Унив. св. Владим. К. 1899. ц. 2 р. 25 к., с перес. 2 р. 65 к.

Поступило въ продажу **ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНИЕ ПУШКИНЪ**
въ образахъ и музыкальных мотивахъ.
Составили М. Соколовъ и Л. Гольдмаль.
Содерж.: 1) биографія поэта съ портретомъ; 2) избранныя его произведенія и 3) Музыкальное приложение изъ 16 произвед. поэта съ **НОТАМИ** для ижъня.—(104 стр.) Ц. 40 к., с перес. 60 к. Главн. складъ: Скороп., «ВОСТОКЪ» СПб., Шпалерная, 26.

„Непокупное“. Повѣсть П. Н. Полеваго. Съ 55 оригинальн. рис. Е. П. Самокиши-Судковской. Цѣна 2 р. 50 к., с перес.—2 р. 80 к.; въ художественномъ переплетѣ—3 р., с пересыкою 3 р. 50 к.
Требованія адресовать въ контору изданій А. Ф. Маркса: СПб., Мал. Морская, № 22.

ЯБЛОНИ
отъ 30 руб. стлн. лютые кусты, деревья и кустарники, пионы, георгины, розы изъ грунта 3 руб. дюжину и пр. предлагаетъ Н. В. Шмелингъ, поставщикъ Его Величества, въ СПб., Выб. ч., уголъ Лаборатори. шоссе и Подостров. пр. Каталогъ бесплатно.

ПОРАЗИТЕЛЬНО
уничтожаетъ клоповъ, ихъ гнѣзда и проч. напѣкомыхъ спиртов. машинка
ПРИМУСЪ
Цѣна безъ пересылки 2 р. 50 коп.
ТЕХНИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ
І. ГАММЕРЪ, 2-1
Москва, Тверская, № 28.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
Бѣлая и розовая вода для бѣлокурокъ, желтая вода для брюнетокъ.
Фланонъ 1 р. 75 н., большой 3 р. 50 н.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 512) (131)

Я УПОТРЕБЛЯЮ ТОЛЬКО ЭЛЕОНАТЪ
НА ПОМОЩЬ ВОЛОСАМЪ!
Элеонатъ пр. КИНУНЕНА,
рекомендуется, какъ средство для волосъ, способствующее быстрому росту ихъ и уничтожающее головную перхоть.
Элеонатъ пр. Кинунена находится въ продажѣ 20 лѣтъ и ежегодно расходится десятками тысячъ флаконовъ, что доказываетъ его несомнѣнную пользу волосамъ. Элеонатъ пр. Кинунена издается къ услугамъ публики во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи. Цѣна флакону 1 р. 50 коп., 2 флакона высылаются почтою въ Европѣйскую Россію за 4 руб. Главный складъ: С.-Петербургъ, Разъѣзжая ул., № 13. Адресъ для писемъ: «Провизору Кинуненъ».

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
В. В. ЛЕЖЕНЪ
существ. съ 1794 г.
СПБ., Казанская ул., д. № 48.
ОРУЖЕЙНЫЙ магазинъ и мастерская.
Высылаетъ новый иллюстрирован. прейсъ-курантъ на 1899 г. за три 7 коп. марки.

САМОУЧИТЕЛЬ
двойн. итал. бухгалтеріи, состав. препод. бух. Г. К. Буренко. Въ «Самоучитель» всякій желающій основательно изучить бухгалтерію, найдетъ такое легкое и доступное изложеніе предмета, выработанное мною благодаря многолѣтней практикѣ, что совершенно свободно можетъ усвоить Бухгалтерію въ 10 дней. «Самоучитель» вводитъ заміну дорого стоящее изученіе предмета подъ непосредственнымъ руководствомъ преподавателя. Цѣна 1 р. 50 коп. По желанію могутъ быть высланы 10 книгъ (тетрадей), веденіе которыхъ предлагается въ «самоучитель». Цѣна 10 книгъ 1 р. 50 коп. Пересылка самоуч. 19 к., а вмѣстѣ съ книгами 46 коп., котор. высылаются почтов. марками. «Самоучитель» можетъ быть высланъ наложеннымъ платежомъ за 1 р. 80 к., а вмѣстѣ съ книгами за 3 р. 60 коп. Киевъ, Прорѣзная ул. Г. К. Буренко.

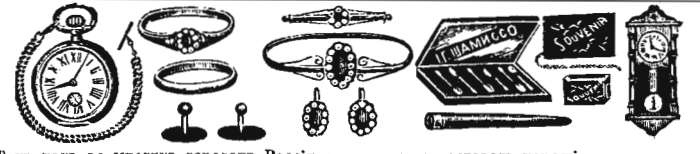
„ЭЙНЕМЪ“ въ МОСКВѢ.
КОСТЪ ПАРОВ. ФАБРИКА въ СИМФЕРОПОЛѢ (въ КРЫМУ.)
ПЮРЕТОМАТЬ.
ГЛАЗИРОВАННЫЕ ФРУКТЫ **КОМПОТЬ.**

ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВЪ торговаго дома
 Андрей Емельянович **КУДАКОВЪ**
 въ С.-Петербургѣ, Садовая улица, № 33,
 рекомендуетъ

ГИТАРЫ
 солидной работы и отличнаго тона
 въ 2, 3, 4, 8, 10, 12, 15, 30, 50, 75 рублей.

СКРЯЖКИ
 въ 2, 3, 5, 6, 10, 15, 30, 100 руб.

ЮБИЛЕЙНЫЙ роскошно иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣхъ инструментовъ высылается **БЕЗПЛАТНО**.

Такъ какъ во многихъ городахъ Россіи очень трудно доставать хорошіе часы, золотыя и серебр. вещи за недорогою цѣну, мы предлагаемъ почтеннѣйшей публикѣ наши золотыя и серебряныя издѣлія, отличающіяся изящностью и массивностью отдѣлки, а часы вѣрностью хода и прочностью корпуса по **чрезвычайно доступнымъ и оптовымъ цѣнамъ**.

Для наглядности помѣщаемъ краткій прейсъ-курантъ:

Часы явек. муж. 4 р., 6 р., 8 р. до 12 р.
 Часы стальн. черн. муж. 5 р., 8 р., 12 р. до 18 р.
 Часы стальн. черн. дам. 7 р., 9 р., 15 р. до 22 р.
 Часы стальн. черн. муж. съ вѣщ. календарезъ 9 р., 12 р., 15 р. до 20 р.
 Часы стальн. черн. съ 8 дней заводомъ 15 р., 20 р., 25 р.
 Часы сер. муж. 9 р., 12 р., 15 р. до 40 р.
 Часы сер. дам. 9 р., 12 р., 15 р. до 20 р.
 Часы америк. золота муж. и дам. 8 р., 10 р., 12 р., 15 р. до 25 р.
 Часы наст. золота 56 пр. муж. массивн. 38 р., 45 р., 55 р., 75 р., 100 р. до 500 р.
 Часы наст. золота 56 пр. муж. очень массивн. «хронометръ» или съ боемъ «Релетиръ» 75 р., 90 р., 150 р. до 1500 р.
 Часы наст. золота 56 пр. дамск. изящно смальр. или гравир. съ бриллиант. и алмаз. 24 р., 30 р., 40 р., 50 р. до 200 р.
 Часы стѣн. и столов. париж. 2-хъ нед. зав. 15 р., 20 р., 25 р., 40 р. до 100 р.

Всѣ заказы выполняются аккуратно и немедленно по получении 10% задатка, а остальное наложеннымъ платежомъ. Требования адресовать: Въ фабричный складъ часовъ и золот. издѣлій **Г. ШАМИССО**, Одесса, Ришельев., 28.

270 Р.
 подъ выигрышные билеты. И заемъ до 235 руб., подъ III Дворянские до 200 руб., подъ остальные бумаги до 95 руб. изъ 5 до 8% годов. и 1/4% ежемѣс. ком. предлагаетъ въ суду банкирскій домъ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
 59, Невскій. 4-3

Поступили въ продажу:
КАЛЕНДАРЬ ВОЛОСТНЫХЪ
 ДЛЯ **СТАРШИИЪ И ПИСАРЕЙ**
 карманнаго формата въ коленк. переплетѣ. Цѣна 50 коп., за перес. 20 коп. Составилъ Спб. Потариусъ А. Анисимовъ.

СБОРНАЯ КНИЖКА СЕЛЬСКИХЪ
 ДЛЯ **СТАРОСТЬ**, въ коленкор. переплетѣ. Цѣна 50 коп., за пересылку 20 к. Составилъ Земскій Начальникъ М. Имшенецкій.

Съ требов. обращ. къ издат. П. П. Соикину, С.-Петербургъ, Стремянная, № 12, собств. д.

ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ И БЛИЗНЫ КОЖИ.

КАЛОДЕРМА

ЖЕЛЕ КАЛОДЕРМА. * МЫЛО КАЛОДЕРМА.

Ф. Вольфъ и Сынъ въ Карлсруэ.

Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

Къ юбилею
А. С. ПУШКИНА
 Изготовляю жетоны, художественно исполненные по проекту извѣстн. художника-медальера монетнаго двора А. Григалева сына.
 Серебряный 1 р. 50 к.
 Бронзовый 30 к.
 Пересылка на счетъ покупателя. Торговцаго уступка. М. № 12228 4-2
 Д. Осиповъ, специальность изготовлен. орденов, разн. знаковъ и жетоновъ.
 С.-Петербургъ, Екатерининскій кан., д. № 42, у Каменнаго моста. Сущ. съ 1855 г.

Громадное
 новое удешевл. цѣны велосипедовъ знаменитой **Америк. Мануф., № 10 МОНАРХЪ**
 № 61--115 р. (1898). 150 р. № 56--130 р. новосты № 66--150 р. (1898). 180 р. № 67--165 р. новосты
 Всѣ одного лучшаго качества и одного вѣса, съ пневмат. «Деплоиъ». Упакровка безплатно. Дешевыхъ популярныхъ (народныхъ) не имѣемъ. Моторные самокаты настоящие Де Дювъ и Бутонъ (изобрѣтателя). Цѣны рѣшительныя. Москва.
 Б. Лубянка № 18. **К. НАТАЛИСЪ**. Кузнецкій мостъ № 13
 Нильнка, Средние ряды. Тверская рядомъ съ Филипповымъ. Сущ. съ 1873 года.

УРОКИ ПО БУХГАЛТЕРІИ
 по спец. методу нуг. корресп.
В. В. РАУЭРТЪ, Либава.
 Пробн. лекціи высн. безплатно.

ШЕЧТО НЕБЫВАЛОЕ!
 Женские, изящныя открытыя мужскіе черныя часы, вороненой стали, ремонтуръ извѣстной фабрики «Эмиль», проверенныя до мизнута, съ ручательствомъ за ходъ на 6 лѣтъ, выслаемъ и безъ задатка налож. плат. всего за 4 р.
 съ шелковой цѣпью; такіе же дамскіе и гимназическіе, а также золот. 1 р. дороже.
 Адресъ: главный складъ часовъ **ШО-ДЕ-ФОНЪ** въ Варшавѣ.

МОСКВА, Лубянско-Ильинскія торгон. пом., подъездъ 3.

НОВОСТЬ!
 ИЗЯЩНЫЙ ЗЛОТОЙ ГАРНИТУРЪ 56 ПРОЗЫ
 состоящій изъ браслета, кольца и пары серегъ, красивой отдѣлки, кармазированной, т. е. осыпанные искусственными парижскими бриллиантами, а по серединѣ дуплетъ-аметистъ, сапфиръ, рубинъ или бирюза, благодаря большому сбыту а въ состояніи продавать вмѣсто 20 руб.
только за 12 рублей.
 Иногороднымъ «гарнитуръ» высылается въ специально приготовленныхъ изящныхъ футлярахъ, по полученіи 1 руб. задатка, можно почтовыми марками, остальныя наложеннымъ Ц. № 12245 платежомъ.

Складъ золотыхъ издѣлій И. Е. ГОРДОНЪ.

ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
ГУМБЕРЪ
 предлагаетъ Ц. № 1988
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Георгій ЗЕМЛИЧКА и Ко.
 Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
 Прейсъ-куранты по требованію. 15-6

LE TREFLE INCARNAT
 DE L.T. RIVER
 PARFUM A LA MODE

Ц. № 12104 19-6

ЗНАМЕНИТЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
„ЭНФИЛЬДЪ“
 „Ройаль“ 99 г. цѣна 170 руб.
 ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
И. Г. АЛЕКСЕЕВЪ и Ко.
 Москва, Рождественка, д. Третьяковъхъ.
 Прейсъ-куранты по требованію. Ц. № 12081 8-4

МОСКВА.
 Физико-Механикъ и Оптикъ
ДВОРА
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.
Ө. ШВАБЕ
 Кузнецкій мостъ, домъ кн. Голицыной.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННАЯ
ОЗОГЕНОВАЯ ЛАМПА
СЪ ПЛАТИНОВОЙ ГОРЬЛКОЙ.
 Хорошее средство для дезинфекціи и быстраго очищенія комнатнаго воздуха.

Цѣна озогеновой лампы изъ бѣлаго стекла 3 р. 50 к.
 Озогенъ флаконъ 1 р. 50 к.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.
 Н. КРАКОВСКАГО,
 Бухгалтера Варш. Комм. банка.
 Изданіе 2-ое. Спб. 1896 г. Цѣна 2 р.
 Настоящая книга удостоена преміи конкурсовъ Варшавск. Коммерч. Училища и допущена Уч. Ком. Мин. Нар. Просв., какъ уч. пособіе и составл. необходимое пособіе для всякаго желающаго изучитъ корреспонденцію и настоящую книгу для всякаго коммерсанта. № 12197 3-2
 Выписывающіе изъ книги мага. Стратуава г. Варшава за пересылку не платятъ.

БЕЗВРЕДНАЯ УРБАНА
 КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ И БОРОДЫ
БЕЗЪ ЛЯПИСА

Вновь изобрѣтенное безвредное средство для быстраго окрашенія сѣдыхъ волосъ и бороды въ черныи, русый, темный и свѣтло-каштановый цвѣта цѣна за 1 флаконъ 2 р. съ перес. 2 р. 50 к. ПРОДАЕТСЯ ВЪ АПТЕК. И КСМЕТИЧ. МАГАЗИН. ГЛАВ. НІЯ СІМЛАДЪ СПЕТЕРЬУРГЪ, АПТЕКАРСК. МАГАЗИНЪ А. Урбанъ. Спб. Больш. Конюш., № 1.

БЕЗПЛАТНО высылается пробные уроки **СТЕНОГРАФИИ И. МОГИЛЕВСКІЯ.**
 Одесса, Н. Рыбная, № 2.

„Наше дворянство“ Соч. Н. П. Семенова, д. 80 к., съ перес. 1 руб., магаз. «Новаго Времени». Невскій, 42; у автора: Галерная, 4.

! 3 р. 50 к. !
„ЛИЛИПУТЬ“.
 ● Усоверш. складн. карман. фотографическій аппаратъ. ● Сним. момент. и съ выдержк. Днемъ и ночью. Портреты, группы, виды и пр. ● Фотографировать можетъ каждый. ● (Вѣсовъ 2 ф.). Требов. адр.: Москва, Почтамтъ, № 103, ПОЛИВАНОВУ. ●

СИБИРСКИЙ СКЛАДЪ
КИТАЙСКИХЪ ШЕЛКОВЫХЪ МАТЕРІИ
Д. А. Епанешникова
 Москва, Никольская ул., д. Греческ. мон.
ЧЕ-СУ-ЧА.
 Дамск. отъ 12 до 18 р. кусокъ въ 26, 28 арш. Мужск. « 20 « 40 р. кусокъ въ 26/28 « Фанга « 12 « 50 р. кусокъ въ 21/22 « Товаръ выслать наложеннымъ платежомъ. Образцы безплатно. 10-7

МЛАДАЛЬНИЦА

ХРИСТОСЪ
ВОСКРЕСЕ

№

НОМЕРЪ

ИЗДАНИЕ

Е. САМОКИШЪ-СУДКОВЕЦЪ

Тетя Саша.

Пасхальный очеркъ И. Н. Потапенко.

Тетушка, Александра Евграфовна, прѣхала въ понедѣльникъ на седьмой недѣль поста. Ее встрѣтилъ на вокзалѣ Михаилъ Евграфовичъ, поцѣловался съ нею, помогъ ей взять изъ багажа большій чемоданъ, усадилъ на извозчика и сказалъ:

— Ну, ужъ ты домой поѣзжай одна. И и то запоздалъ въ канцелярію, а у меня тамъ куча дѣлъ, которыя надо до праздниковъ кончить...

Александра Евграфовна возразила:

— Да неужто у васъ сегодня работаютъ? Да кто же работаетъ въ чистый понедѣльникъ? У насъ съ этого дня начинаютъ въ церковь ходить да о грѣхахъ вздыхать...

Михаилъ Евграфовичъ на это только усмѣхнулся, какъ усмѣхаются дѣтямъ, когда они говорятъ наивности, на которыя нельзя даже возражать, и, пристегнувъ кожаный фартукъ на дрожкахъ, сказалъ извозчику:

— Фурштадская, номеръ 10-й! Поѣзжай! Дѣти дома.—привавилъ онъ, обращаясь къ сестрѣ:— они ждутъ тебя къ завтраку!

Извозчикъ погналъ лошадь, а Михаилъ Евграфовичъ взялъ другого и поѣхалъ въ департаментъ. Уже эта первая встрѣча нѣсколько охладила пылкое сердце Александры Евграфовны. Она прѣхала съ далекаго юга, гдѣ уже была весна въ полномъ разгарѣ. Въ ясный солнечный день покинула она свою родную усадьбу, маленькое уютное гнѣздышко, въ которомъ выросъ и оперился и братъ Михаилъ. На поляхъ зеленѣла трава, и изъ нея выглядывали пунцовыя головки высокихъ тюльпановъ, вотъ-вотъ готовые раскрыться; въ саду цвѣла сирень, и пѣли птицы, заботливо устранивая себѣ гнѣзда; все дышало только-что проснувшейся, молодой, вновь начинавшейся жизнью, ото всего вѣяло ароматомъ весны, и эту весну везла въ своей душѣ Александра Евграфовна, вздумавшая навѣстить брата послѣ семилѣтней разлуки.

Но какъ только ступила она на петербургскую почву, на нее повѣяло сѣвернымъ холодкомъ. Сѣрое небо, сѣрыя, угрюмыя липа, сѣрые камни тротуаровъ и мѣстами обнаженной мостовой, пропитанный насквозь холодной сыростью воздухъ, высокія колошны, широкіе зонтики... И въ душѣ Александры Евграфовны погасло солнце, пожелтѣла зеленая трава, низко опустили головы пунцовыя тюльпаны, завяли и свернулись — сирень, ландыши и фіалки.

Особенно же поразилъ ее братъ. Какъ онъ измѣнился за эти семь лѣтъ! Въ послѣдній разъ она видѣла его вмѣстѣ съ Вавой, его женой. Онъ тогда уже не былъ влюбленъ въ Ваву, но все же она еще вдоховляла его, и онъ былъ веселъ, оживленъ, въ глазахъ были молодость и огонь. И не было этого ужаснаго равнедушія, съ которымъ онъ встрѣтилъ ее теперь. Казенный поцѣлуй, казенная предупредительность-- и все. «Какъ онъ похолодѣлъ!»

Вава умерла пять лѣтъ тому назадъ. Письмо, въ которомъ Михаилъ Евграфовичъ сообщалъ ей объ этомъ, дышало искренней, глубокой печалью. Не отъ этого ли онъ и похолодѣлъ? Или, можетъ-быть, оттого, что онъ недавно получилъ чинъ статскаго совѣтника?.. Впрочемъ, это будетъ видно.

Дѣти встрѣтили ее съ любопытствомъ, но безъ малѣйшей родственной теплоты. Старшему, Васѣ, было двѣнадцать лѣтъ, а дѣвочкѣ Вавѣ, названной такъ въ честь матери, всего девять. Вася забылъ ее, а дѣвочка не имѣла о ней представленія. Но Михаилъ Евграфовичъ утромъ, отправляясь на вокзалъ, сказалъ имъ:

— Сегодня прѣдетъ ваша тетя, Александра Евграфовна. и вы будете съ нею завтракать. Она очень добрая, и вы называйте ее тетей Сашей!

Большее ничего онъ не сказалъ имъ про тетю. Гувернантка миссъ Пуддингъ въ продолженіе цѣлаго часа говорила имъ объ обязанностяхъ племянниковъ по отношенію къ тетямъ, но они пропустили это мимо ушей, какъ поступали со всѣмъ тѣмъ, что она имъ говорила. Поэтому, когда прѣхала Александра Евграфовна, дѣти разсматривали ее съ такимъ же любопытствомъ, какъ если бы привезли въ домъ и поставили на видномъ мѣстѣ какой-нибудь замысловатый музыкальный ящикъ или говорящую куклу.

И все въ домѣ было не такъ, какъ ожидала Александра Евграфовна. При жизни Вавы домъ брата былъ однимъ изъ оживленныхъ домовъ того круга, въ которомъ онъ вращался.

Вава обладала общительнымъ характеромъ, умѣла приять людей и занять ихъ; у нихъ было много знакомыхъ, которые то приходили, то уходили, и въ домѣ стоялъ несмолкающій говоръ, шумъ, смѣхъ. Теперь въ немъ была тишина. Дѣти смотрѣли какими-то маленькими дикарями. Миссъ Пуддингъ выбивалась изъ силъ, стараясь привить имъ пріятную, по ее мнѣнію, сѣтскость, но всѣ ея усилія пропадали даромъ. Игры у нихъ были нелѣпыя, угловатыя. Они ходили на четверенькахъ, неистово визжали, прыгали другъ черезъ друга, щипали и кусали другъ друга, словомъ— проявляли ничѣмъ не смягченную грубость нравовъ. Сухая, строгая и до тошноты нравственная миссъ постоянно упрекала ихъ, читала имъ наставленія, а иногда и наказывала, лишая ихъ второго или третьяго блюда!

Михаилъ Евграфовичъ, дѣйствительно, былъ очень занятъ. Онъ или торчалъ на службѣ, или сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ своемъ кабинетѣ, или засѣдалъ въ какой-нибудь комиссіи. Дѣтей онъ видѣлъ только за обѣдомъ и иногда вечеромъ, когда ихъ на минуту приводили пожелать ему покойной ночи.

Скучнымъ и холоднымъ показался Александрѣ Евграфовнѣ домъ брата. И такъ тяжело ей было видѣть эту перемѣну! И ясно было для нея, что случилось это оттого, что умерла Вава, что въ домѣ нѣтъ нѣжно-внимательнаго взгляда, нѣжнаго женскаго голоса и о всѣхъ заботливо бьющагося сердца. Жаль ей было брата, такъ рано лишеннаго нѣжной опоры и «похолодѣшаго» въ обществѣ скучныхъ мертвыхъ канцелярскихъ бумагъ, но пуще всего жаль дѣтей, которыхъ онъ отдалъ на полную волю англичанки, отлично рекомендованной и, дѣйствительно, честной, выдержанной, но сухой и бездушнѣй. И она рѣшила прежде всего заняться дѣтьми. Надо было привлечь ихъ на свою сторону, и это было сдѣлать легко, потому что они не были ни къ кому привязаны.

Случилось, что во вторникъ дѣти совершили какое-то крупное преступленіе, и за обѣдомъ, когда подали второе блюдо, они оба сидѣли надъ пустыми тарелками съ скучающимъ видомъ, въ то время, какъ другіе ѣли.

— Что это значить? —спросила Александра Евграфовна. — Почему дѣти не ѣдятъ жаркое?

Право, не знаю!—разсѣянно отвѣтилъ Михаилъ Евграфовичъ:— должно-быть, не хотятъ!

— Нѣтъ, они наказаны! —съ достоинствомъ отвѣтила миссъ Пуддингъ.— Они сдѣлали большую шалость.

— Ты считаешь полезнымъ такого рода наказаніе? —спросила Александра Евграфовна у брата.

— Я, мой другъ, въ это не вмѣшиваюсь! —сказалъ Михаилъ Евграфовичъ, а англичанка одобрительно кивнула головой.

— Я думаю, возразила Александра Евграфовна:— что въ воспитаніи дѣтей здоровье играетъ столь же важную роль, какъ и нравственность, и едва ли дѣти стануть нравственнѣе оттого, что будутъ недоѣдать, портить себѣ желудокъ и наживать малокровіе...

— Да, это правда! —сказалъ Михаилъ Евграфовичъ: въ самомъ дѣлѣ, я не подумалъ объ этомъ... Почтенная миссъ Пуддингъ, вы какъ-нибудь иначе наказывайте ихъ, а щипки лишать, дѣйствительно, нельзя!

Миссъ Пуддингъ покраснѣла и сдѣлала такой видъ, какъ-будто въ ея лицѣ была оскорблена вся британская нація. Но дѣтямъ положили на тарелки жаркое, и они начали ѣсть его съ аппетитомъ. Но при этомъ совершилось еще незримое дѣло: Александра Евграфовна сразу и безъ всякихъ усилій завоевала симпатію дѣтей. Уже была протоптана тропинка къ ихъ сердцамъ.

Наступила часъ, когда дѣти укладывались спать. Ихъ раздѣли и уложили въ постели, подъ руководствомъ миссъ Пуддингъ, которая, несмотря на то, что въ ея лицѣ была оскорблена вся британская нація, самоотверженно исполнила свои обязанности. Александра Евграфовна видѣла, какъ погасили лампы и зажгли ночникъ, и слышала, какъ миссъ Пуддингъ своимъ сухимъ голосомъ сказала имъ по-англійски:

Теперь вы должны закрыть глаза и спать! — и ушла въ свою комнату.

«Только-то?» —подумала она и вошла въ дѣтскую.

— Тетя Саша! —не то съ удивленіемъ, не то съ одобреніемъ тихонько произнесла маленькая Вава.

— Тетя Саша! — сказала таким же тихим голосом Вася. Может быть, они боялись, чтобы это нарушение строгого правила не услышала англичанка.

Да, это я, дѣти! — отѣтила Александра Евграфовна. Я пришла пожелать вамъ спокойной ночи!

Она подошла къ дѣвочкѣ, поцѣлала къ ней на ея кровати и наклонилась надъ ней. — Спокойной ночи, Вава!

Дѣвочка, сама не зная, почему, порывисто охватила ручонками ея шею и сочно поцѣловала ее въ губы! Спокойной ночи, тетя Саша!

Ну, спи, дѣтка! Христось съ тобой! — сказала Александра Евграфовна и перекрестила дѣвочку.

Такъ же точно подошла она къ Васѣ: и онъ съ горячностью поцѣловалъ ее и отвѣтилъ на ея пожеланіе. Александра Евграфовна и его перекрестила, ушла и не слышала, какъ трепетно билась въ этотъ вечеръ дѣтскія сердечки, обогрѣтыя тепломъ ея ласки, и не знала, какъ долго они не спали, переживая новое чувство.

Межъ тѣмъ приближался праздникъ. Была уже пятница. Тетя Саша, види, что въ домѣ нѣтъ никакого передипраздничнаго движенія и никакихъ приготовленій, спросила у дѣтей:

— Кто же у васъ заботится о праздникахъ?

— Никто, тетя Саша! А развѣ надо заботиться?

Но какъ же? Надо же, чтобы кто-нибудь приготовилъ праздничный столъ...

— Столъ? Какой столъ, тетя Саша?

— А я припоминаю... что столъ былъ при мамѣ! — сказалъ Вася. — Да, да!.. Еще, помню, я плакалъ, когда меня не разбудили. Да, это было страшно интересно! Весь столъ заставленъ цвѣтами... Такъ свѣтло! Такъ радостно! Всѣ такіе веселые! Всѣ цѣлуются... Но у насъ, послѣ того, какъ умерла мама, ничего этого не бываетъ...

Александра Евграфовна слегка нахмурилась. Послѣ обѣда, когда Михаилъ Евграфовичъ ушелъ въ кабинетъ, она пошла къ нему.

— Миша, я хочу сказать тебѣ два слова! — промолвила тетя Саша.

Михаилъ Евграфовичъ съ удивленіемъ и даже со страхомъ посмотрѣлъ на нее. Онъ любилъ уходить въ «свою берлогу», какъ называлъ онъ свой кабинетъ, и привыкъ, чтобы здѣсь никто его не беспокоилъ. Послѣ смерти жены онъ какъ-то весь ушелъ въ служебныя дѣла, потерялъ интересъ ко всему остальнымъ проявленіямъ жизни, чувствовалъ только, что у него есть долгъ передъ дѣтьми, и весь отдался заботѣ о томъ, чтобы они получили образованіе и нѣкоторое обезпеченіе. Для этого онъ работалъ. Но такая жизнь охладилась и очерствила его душу.

— Говори, пожалуйста! — отвѣтилъ онъ сестрѣ: — садись! — и при этомъ подумалъ: «Навѣрно, о деревенскихъ дѣлахъ что-нибудь... Должно быть, не свеза концовъ съ концами и потребуютъ отъ меня субсидіи».

Александра Евграфовна сѣла.

— Скажи, пожалуйста, неужели ты до того облѣнился, что тебѣ трудно подумать о томъ, чтобы въ домѣ Пасху встрѣчали по старому обычаю?..

Михаилъ Евграфовичъ съ изумленіемъ поднялъ голову.

— Я облѣнился? Ты находишь, что я лѣнюсь?

— Нѣтъ, ты не такъ понялъ меня! Ты работаешь много, слишкомъ даже много... Но ты нравственно облѣнился... Тебѣ какъ-то все равно до всего... Ты охладѣлъ...

— Да, это правда, сестра! Миѣ все равно до всего. И я дѣйствительно охладѣлъ... Но вѣдь и жизнь моя тускла и холодна... Въ ней нѣтъ ничего теплаго... Нѣтъ источника тепла и свѣта... Онъ погасъ!

И такимъ угрюмымъ голосомъ сказала это Михаилъ Евграфовичъ, что у тети Саши дрогнуло сердце.

«Онъ несчастливъ, блѣдный мой братъ! Это оттого, что Вава такъ рано умерла, и онъ одинокъ...» подумала она.

— Я говорю, — продолжала тетя Саша: — что дѣти лишены на Пасхѣ такого красиваго, радостнаго, христіанскаго обычая, какъ торжественная встрѣча великаго праздника всей семьей, за пышно-убраннымъ столомъ...

— Ахъ, полно, мой другъ! И безъ этого слишкомъ много у насъ предразсудковъ... Къ чему мы будемъ виѣдрять въ ихъ души еще этотъ?..

— Предразсудокъ? Можетъ-быть, это и такъ. Но вспомни, Миша, сколько радостныхъ ощущеній доставлялъ онъ намъ съ тобой въ дѣтствѣ, въ нашемъ деревенскомъ домѣ, гдѣ онъ такъ строго соблюдался! Вспомни, какъ приятно было повто-

рять его и послѣ, когда мы сдѣлались взрослыми!.. Подумай, что сто миллионъ людей будутъ нещипывать въ тотъ день братскую радость, выполняя этотъ предразсудокъ... Зачѣмъ же ты самъ бѣжишь отъ этой радости и дѣтей лишаешь ее?

Михаилъ Евграфовичъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ: потому, подумавши, сказалъ:

А впрочемъ, дѣлай, какъ знаешь... Миѣ въ сущности все равно...

Александра Евграфовна посмотрѣла на него съ жалостью и ушла. На другой день утромъ она сказала Васѣ и Вавѣ:

Ну, дѣти, давайте готовиться къ празднику!

Дѣти просіяли. Самая искренняя радость выразилась на ихъ лицахъ, и ужъ весь этотъ день они не отходили отъ тети Саши, которая энергично принялась «поправлять многолѣтнюю ошибку брата». Они вмѣстѣ ѣздили въ кондитерскую за куличами и пасхой, закупали самые разнообразные предметы, а болѣе всего были въ восторгѣ отъ гіацинтовъ и «розъ», которыхъ тетя Саша велѣла притащить полный домъ. Но во главѣ этой чудной цвѣточной арміи стояли два огромныхъ горшка съ сиренью, нѣжный ароматъ которой боролся съ сладкимъ запахомъ гіацинтовъ.

И вотъ наступила пасхальная ночь. Дѣти еще передъ вечеромъ покорно, повинуваясь совѣту тети Саши, улеглись спать, чтобы къ тому времени, когда кончится церковная служба, легко проснуться. Около 12 часовъ Михаилъ Евграфовичъ надѣлъ мундиръ съ орденами, и Александра Евграфовна видѣла, какъ онъ, неся подъ мышкой треуголку, хмурый, недовольный и злой, шелъ въ переднюю.

Куда это ты, Миша? — спросила его Александра Евграфовна.

Я долженъ отстоять утрению и обѣдню въ нашей министерской церкви...

— Развѣ ты не любишь быть въ церкви?

— Нѣтъ, отчего же?.. Но не въ такой обстановкѣ... Какая же тутъ можетъ быть молитва?.. Вѣдь это все по правиламъ, по обычаю и на показъ...

И онъ, свирѣпо надѣвъ пальто и калоши, уѣхалъ. Тогда одѣлась и Александра Евграфовна, вышла изъ дома, отправилась въ ближнюю приходскую церковь и отстояла тамъ службу.

Когда она вернулась домой, дѣти уже встали и одѣлись. Ихъ никто не будилъ. Они сами проснулись, побуждаемые нетерпимымъ желаніемъ встрѣтить праздникъ за пышнымъ, убраннымъ цвѣтами, столомъ. Скоро прѣхалъ и Михаилъ Евграфовичъ, но, должно быть, настроеніе его духа не улучшилось, потому-что онъ быстро прошелъ къ себѣ въ кабинетъ и тамъ зашагалъ такъ громко, что было слышно въ столовой.

Тогда тетя Саша взяла за руки Васю и Ваву и пошла съ ними въ кабинетъ. Когда они вошли, Михаилъ Евграфовичъ остановился и посмотрѣлъ на нихъ взглядомъ человѣка, не понимающаго, чтò передъ нимъ происходитъ. Тетя Саша была въ свѣтломъ платьѣ, Вася былъ одѣтъ въ новенькій матросскій костюмъ, а хорошенькая Вава, съ своими золотистыми кудрями, вся въ бѣломъ, походила на ангела.

... Христось воскресъ, Миша! — сказала тетя Саша.

Еще пристальнѣе посмотрѣлъ Михаилъ Евграфовичъ на нее и на дѣтей, и вдругъ, словно, прорвавъ плотину, въ душу его полились воспоминанія... Вспомнилъ онъ свое счастливое дѣтство и юность и цѣлый рядъ зрѣлыхъ лѣтъ, когда въ этотъ день кругомъ все произносили эти магическія слова, и отъ этихъ словъ у всѣхъ загорались чистой, радостью глаза. День всеобщаго братства, день, когда хоть на одинъ мигъ всѣ уста шепчутъ эти слова и чувствуютъ себя братьями!..

И точно порвались и упали съ него холодныя цѣпи, которыя сковывали его душу эти пять лѣтъ одиночества: лицо его просвѣтлѣло, глаза загорѣлись радостью, и онъ цѣловалъ дѣтей и тетю Сашу и крѣпко жаль ей руку.

И весело было въ это утро за столомъ, убраннымъ гіацинтами, розами и сиренью. Бѣдная миссъ Нуддингъ съ недоумѣніемъ смотрѣла на всѣхъ и спрашивала себя, откуда взялась радость въ этомъ угрюмомъ, молчаливомъ домѣ и почему въ немъ все такъ вдругъ измѣнилось?

А когда черезъ двѣ недѣли послѣ этого тетя Саша собралась было, уѣзжать въ деревню, дѣти вдругъ почувствовали, что это уже невозможно, что съ отъѣздомъ тети Саши въ домѣ погаснетъ радость и опять наступятъ уныніе и холодъ, и стали умолять ее остаться съ ними. Почувствовалъ это и Михаилъ Евграфовичъ и умолялъ вмѣстѣ съ дѣтьми.

Тетя Саша тоже почувствовала это и осталась.

Е. Самокишъ-Гудковская.

Содержаніе:

Т Е К С Т Ъ: Воскресеніе. Романъ графа Л. Н. Толстого. (Продолженіе.)—На Пасхѣ. Стих. П. Попова.—Принцесса Лучезарная. Японская сказка М. П. Васильева. Съ 2 рис. М. Н. Каразина.—Къ рисункамъ: Весна.—Богатыри.—Воскресеніе Христова.—Христосъ воскрес!—Возращеніе съ пасхальными закупками изъ города.—А. Ф. Бычковъ.—Заявленіе.—Графъ Л. Л. Гейденъ.—Оливеръ Кромвель.—Баронесса Клара Гиршъ.—Политическое обозрѣніе.—Объявленія.

Р И С У Н К И: Весна. Картина Л. Мунте.—Богатыри. Картина В. М. Васнецова.—„Воскресеніе“, романъ гр. Л. Н. Толстого. Послѣ приговора. Ориг. рисунокъ Л. О. Пастернака.—Воскресеніе Христова. Картина П. Рубенса.—„Принцесса Лучезарная“. 2 рисунка Н. Н. Каразина.—Христосъ воскрес! Ориг. рисунокъ Н. Д. Дмитриева-Оренбургскаго.—Возращеніе съ пасхальными покупками изъ города. Ориг. рисунокъ Н. Ткаченко.—А. Ф. Бычковъ.—Графъ Л. Л. Гейденъ.—Къ трехсотлѣтію дня рожденія Оливера Кромвеля. Дочь Кромвеля, Елисавета, уговариваетъ отца отказаться отъ предложенной ему короны.—Баронесса Клара Гиршъ.

При этомъ № прилагается выпускъ „Ежемесячныхъ литературныхъ приложений“ за апрѣль.

Изданія товарищества „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“, СПБ., Б. Подъяческая, 39.

Сводъ законовъ Россійской Имперіи.

Неофициальное изданіе подъ редакціей А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филипова.

Всѣ XVI томовъ со всѣми продолженіями въ одной книгѣ. Изданіе можно получить на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Въ 10 выпуски. Ц. 12 р., съ перес. 15 р.; допускается разсрочка для иногор.: при требованіи слѣдуетъ высылать 3 р. и каждый вып. будетъ высылаться ежем. съ налож. плат. по 1 р. 30 к. 2) Одною книгою въ переплетѣ, цѣна 14 р., съ перес. 17 руб.; разсрочка допускается при взносѣ ежемѣсячно не менѣе 3-хъ р. и по оплатѣ книга высылается немедленно. 3) Въ двухъ переплетенныхъ книгахъ, цѣна 14 р. 50 к., съ перес. 18 р., для иногородн. допускается разсрочка: при требованіи слѣдуетъ высылать 2 р. и каждая книга высылается (по указаніи сроковъ) съ наложен. платеж. по 8 р. 20 к. Выписывающіе выпусками могутъ получить крышки (переплеты) для одной книги 1 р. 75 к., для двухъ книгъ 2 р. 50 к. съ перес. Желающіе получить изданіе сразу благоволятъ упомянуть объ этомъ при требованіи. Подписчики Азіатской Россіи и заграничные, желающіе получить изданіе одною книгою, уплачиваютъ 14 р. и за перес. за 14 фунт., въ двухъ книгахъ 14 р. 50 к. и за перес. 15 фунт. по разстоянію

ИСТОРИЯ РОССИИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ. СЕРГѢЯ МИХАЙЛОВИЧА СОЛОВЬЕВА.

Вышли въ свѣтъ вторымъ изданіемъ всѣ 6 книгъ и 7-я указатель. Сочин. С. М. Соловьева. Всѣ 29 том. и указат. помѣщены въ 7-ми книг. Цѣна 15 р., съ пересылкой 18 р. 50 к. Приобрѣтать можно и съ разср. по подпискѣ. При подп. высыл. 3 р., на остальн. сумму будетъ налож. плат.: при высылкѣ съ 1—4 кн. по 3 р. 20 к., на 5 кн.—3 р. 70 к., а 6-я кн. и указ. высыл. безпл. Экземпляры на веленовой бумагѣ стоятъ на 10 р. дороже. Имѣются въ продажѣ экз. отдѣльн. томозъ прежняго изданія ИСТОРИИ РОССИИ и стоятъ по 1 р. 50 к. за томъ, за исключен. IX, XII и XV т., которыхъ нѣтъ. Изготовл. прочн. перепл., за каждую книгу прилач. по 1 р., съ пер. 1 р. 25 к., кромѣ Азіат. Россіи и загран. подписч., каковымъ перес. за ихъ счетъ.

„ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ“ БРЭМА.

Иллюстрир. изданіе. Полный перев. съ 3-го нѣмецк. изд., подъ редакціей К. Н. Сентъ-Иллера съ участіемъ въ отдѣлѣ птицъ Проф. Д. Н. Кайгородова. Цѣна въ отдѣльной продажѣ каждого тома 6 руб., въ перепл. 7 руб.; съ пересыл. 6 р. 50 к., а въ переплетѣ 7 р. 75 к. Принимается подписка на все изд., т. е. на 10 том. Цѣна по подпискѣ 50 р., въ перепл. 62 р. 50 коп. съ перес. Допускается разсрочка: при подп. вносятъ 5 руб. и тома высылаются ежемѣс. (или по назнач. срокамъ) по одному тому съ наложен. платеж. по 5 р. 12 к., а въ перепл. по 6 р. 40 к., 10-й томъ высылается бесплатно, если же въ переплетѣ, то съ наложеннымъ платежемъ 1 р. 25 к.

Товарищество „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“ приступило къ изданію 40 брошюръ для народнаго чтенія.

Извлеченіе изъ первыхъ шести томовъ иллюстрированнаго изданія „Жизнь животныхъ“ А. Брэма. Подъ редакціей К. К. Сентъ-Иллера.

- Изъ коихъ 23 брошюры вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу: 1) Мартышки. Ц. 20 коп., 2) Летучія мыши. Ц. 15 коп., 3) Кошки. Ц. 25 коп., 4) Хорьки и похонія на нихъ животныя. Ц. 20 коп., 5) Гиены и волки. Ц. 15 коп., 6) Собаки. Ц. 25 коп., 7) Лисицы и медвѣди. Ц. 20 коп., 8) Тюлени и моржи. Ц. 20 коп., 9) Бѣлки и похоніе на нихъ грызуны. Ц. 20 коп., 10) Мыши и крысы. Ц. 20 коп., 11) Бобры, зайцы и кролики. Ц. 20 коп., 12) Слоны и носороги. Ц. 20 коп., 13) Лошади и тапировъ. Ц. 20 к., 14) Жираффы. Ц. 15 к., 15) Козлы и бараны. Ц. 20 к., 16) Быки. Ц. 20 к., 17) Антилопы. Ц. 20 к., 18) Олени. Ц. 20 к., 19) Свиныи и бегемоты. Ц. 25 к., 20) Китобразныя. Ц. 20 к., 21) Соколы. Ц. 15 к., 22) Орлы. Ц. 15 к., 23) Коршуны и ястребы. Ц. 20 к., 24) Грифы и совы. Ц. 15 к., 25) Дятлы и кукушки. Ц. 15 к., 26) Полугаи. Ц. 15 к., 27) Соловьи, дрозды и другіе пѣвуны. Ц. 20 к., 28) Воробьи, клесты и сиворцы. Ц. 20 к. За перес. каждой брошюры слѣдуетъ прибавлять по 5 к. Выписывающіе сразу всѣ брошюры уплачиваютъ за перес. 1 руб. Брошюры одобрены Уч. Комит. Мин. Нар. Пров. для ученическихъ младшаго возр. библ., мужск. и средн. учебн. завед. и для учен. библ. городск. ученич., а также для бесплатныхъ Народ. библ.

Съ требованіями слѣдуетъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая, 39. Товарищество „Общественная Польза“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВСЕВОЛОДА ВЛАДИМИРОВИЧА КРЕСТОВСКОГО.

Подъ редакціей Ю. Л. Ельца. Все собраніе сочиненій будетъ помѣщено въ 8 томахъ. Къ изданію будутъ приложены 4 портрета Всевол. Владимировича и его біографія, составленная Ю. Л. Ельцомъ.

Вышли въ свѣтъ 1-й, 2-й и 3-й томы. Цѣна по подпискѣ за всѣ 8 томовъ 10 р., съ перес. 12 р., въ 4-хъ переплетахъ (по 2 тома вмѣстѣ) безъ доставки 13 р., съ перес. 16 р., въ 8 перепл. цѣна 14 р.,—съ пересылк. 16 р. 80 к.

При подпискѣ допускается разсрочка: городскіе подписч. при подпискѣ вносятъ 2 р.—при полученіи 2 и 3-го тома уплачиваютъ по 1 р. 50 к., за остальныя по 1 руб.; иногородные при подпискѣ высылаютъ 2 руб.—и при полученіи 2, 3, 4, 5, 6, и 7 том. уплачиваютъ наложен. плат. по 1 р. 60 к., 8-й т. высылается съ нал. плат. 1 р. 10 к.; желающіе получать безъ налож. платежа, при подпискѣ высылаютъ 2 р. и предъ выходомъ кажд. тома (съ 2 по 7-й) по 1 р. 50 к., а за 8-й т. 1 р. Въ 4-хъ перепл. городскіе подп. прибавляютъ къ каждому четному тому по 75 к., если въ 8 перепл. по 50 к. къ кажд. тому, а иногородные по 1 р. (въ 4 перепл.) а въ 8 перепл. по 60 к. за томъ. Все изданіе будетъ окончено въ 1899 г.

Подписка принимается только на все изданіе.

Вышла и разсылается подписчикамъ пятая книга и XX выпускъ удешевленнаго иллюстрированнаго изданія

ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ. ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФИЯ Элизе Реклю.

Всѣ 19 т. съ 1400 рисунк., гравирован. въ Парижѣ, будутъ помѣщены въ 10 кн. четкимъ уборист. шрифтомъ. Цѣна по подпискѣ 40 р., съ перес. и достав. 45 р. Допуск. разсрочка: подписчики высылаютъ въ задатокъ 1 р. и книги высыл. съ налож. плат. съ 1-й по 9-ю кн. по 4 р. 50 к., а 10-ю кн. 3 р. 50 и 20 к. за налож. платежъ. Товар. раздѣлило 10 кн. на выпуски, по четыре вып. въ кажд. книгѣ, всего 40 вып. и на кажд. вып. наклд. плат. по 1 р. 20 к. При подп. вносятъ 1 р. Все изданіе предпол. оконч. въ теченіе 1900 г. При подпискѣ на изданіе Товарищество проситъ указывать срокъ высылки и количество вышедшихъ книгъ или выпусковъ.

СОЧИНЕНІЯ ФРИДРИХА ШПИЛЬГАГЕНА.

Въ шестнадцати томахъ. Цѣна 6 р., съ перес. 8 р. Въ переплетѣ 9 р. 20 к. съ перес. 12 р.

СОЧИНЕНІЯ БРЕТЬ-ГАРТА.

Въ шести томахъ. Цѣна 3 руб., съ пересылкой 4 руб. Въ переплетѣ 4 р. 50 к., съ пересылкой 5 руб. 50 коп. Приобрѣтающіе сочиненія ШПИЛЬГАГЕНА (16 томовъ) и БРЕТЬ-ГАРТА (6 томовъ) уплачиваютъ за всѣ 22 тома 8 р., съ перес. 11 р. Допускается разсрочка съ ежемѣсячной уплатой по 1 р.; книги высылаются по оплатѣ.

Открытое письмо къ графу ЛВУ ТОЛСТОМУ Фридриха Шпильгагена. Ц. 20 коп.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ СЛАБИТЕЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ
 НЕМНОГИЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ пользуются такимъ **ВОСЕМЬНАДЦАТИ** распространением и популярностью, какъ известная уже въ теченіе 20 лѣтъ слабительная вода Францъ-Юсиѳъ, о чемъ блестяще свидѣлствуютъ 10 золотыхъ медалей, присужденныхъ во всѣхъ частяхъ свѣта.
ОНА ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

БИРШТАНСКІЯ
 минеральныя воды соляно-железистыя, въ 32-хъ вер. отъ г. Ковна, на берегу Нѣмана, въ живописной и здоровой мѣстности. Сезонъ съ 15 мая до конца августа. Кумысное заведение. Подробныя свѣдѣнія до 15 мая въ г. Вильнѣ, на Татарской ул., д. Монтвилла, у Д-ра Медич. Буяльскаго.

ВЫИГРЫШ-
 НЫЕ 1, 2 и 3 займы продаетъ **БАНКИРСКИЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ**,
 59, Невскій, СІВ 2-1

Разрѣш. учеб. начал. Киевскаго округа
КУРСЫ
 двойн. итал. бухгалтеріи и контор. знаній.
 Обучаю посред. лекцій-корреспонденцій, изложен. настолько ясно и популярно, что при желаніи всякій можетъ основат. усвоить всѣ приемы счетовод. безъ всякихъ личныхъ указаній. Мой способъ препода. посред. переп. удостоверенъ лучшимъ отзыв. специал. и массы благодарн. бывшихъ учен., что служить полнѣйш. гарант. для желающ. изучать этотъ предметъ. Окончившимъ выдаю свидѣтельства. На курсы принимаются лица обоаго пола. Услов. и програм. высылаю бесплатно.

Г. К. Буренко, Киевъ, Прорѣз., № 16.

Въ виду предстоит. праздниковъ приготовленъ мною большой выборъ изящныхъ вещей изъ чистаго 560/0 пробы золота 560/0 пробы специально для подарковъ. Особо ценно рекомендую изящный подарокъ **ГАРНИТУРЪ** браслетъ золотой 560/0 пр. изящной отливки, кармазирванный, т. е. осыпанный искусственными парижскими бриллиантами, а по серединѣ дуэлетъ, сапфиръ, рубинъ, аметистъ, бирюза и другіе; такая же пара серегъ и кольцо, все изъ чистаго 560/0 пр. золота **ТОЛЬКО ЗА 12 Р.**
 Иностранцамъ «Гарнитуръ» высылаются въ специально приготовленномъ изящномъ футлярѣ, безъ задатка, наложеннымъ платежомъ.
 Адресъ: Г. ВУЗБЕРЪ, складъ золотыхъ издѣлій, Варшава, Граничная, 6.

ПРИГЛАШАЮТЪ
 4-1
 дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, 59, Невскій.

На гитарѣ даю заочные уроки съ гарантией за успѣхъ. За 7 мѣсяч. курсъ, до 100 ур. съ разсрочкою—10 р. Условія бесплатно. Пробн. лекц. 35 коп. почт. марк. Тюмень, Тоб. губ. А. М. Адромѣеву.

Фабрика непромокаемой одежды
 ТОРГОВАГО ДОМА
М. ХАИКЕВИЧЪ и К^о
 въ ДВИНСКѢ
 предлагаетъ свои издѣлія изъ вискотина и резины самаго высokaго качества по весьма дешовымъ цѣнамъ.
 Прейсъ-курранты бесплатно.

„НЕПОКУШНОЕ“
 Повѣсть П. Н. Полевого.
 Съ 55 оригинальными рисунками Е. П. Самошишъ-Судковской.
 Большой роскошный томъ въ 4-ю долю листа въ художественномъ переплетѣ, тисненомъ золотомъ, серебромъ и красками.
 Цѣна 2 р. 50 к., съ перес.—2 р. 80 к., въ художественномъ переплетѣ—3 р., съ пересылкою—3 р. 50 к.
 Треб. просить адрес. въ контору изданій А. Ф. Маркса, СІВ., М. Морская, № 22.

ЯПОНСКІЕ ЧАИ
 только что получены свѣжые, превосходнаго вкуса и замѣчательнаго аромата. По мнѣнію знатоковъ Японскій чай лучше Китайскаго и Цейлонскаго, потому что ароматнѣе перваго и вкуснѣе втораго. Японскій чай чрезвычайно экономиченъ, скоро разваривается, даетъ продолжительный и густой настой и выдерживаетъ всякую воду. Единственное и главное депо Японскаго чая находится при чайныхъ складахъ,
Москов. нунца И. Е. ДУБИНИНА, Москва, Покровка, д. Тяжелова.

Розничныя	1. 60 к.	2. — к.	2. 40 к.	2. 80 к.	Покупающимъ 25 ф. даются особ. льготы.
Цѣны чай:	Оптовыя. 1. 35 »	1. 60 »	1. 80 »	2. — »	

 Нежелающимъ выписать на пробу 1 ф. одного сорта или всѣхъ сортовъ по 1/4 ф. чай высылается во всѣ мѣста Европейской Россіи на счетъ магазина по розничной цѣнѣ. При выпискѣ трехъ фун. чай высылается по оптовой цѣнѣ съ пересылкою на счетъ покупателя. Подробный преісъ-куррантъ и льготныя условія высылаются бесплатно.
 И. С. НИКОЛАЕВЪ, МОСКВА.

НАШЕЛЬ
 По новѣйшей методѣ **„ВОРТА“** высылаю бесплатно проб. лекціи и услов. заочнаго обученія крою и шитью дамск. и дѣтск. наряд., верх. плат., бѣлья и корсетовъ. Школа Е. Д. Ашмаріной, Киевъ, В. Васильевская, 89.
 гдѣ купить фотографическія карточки всѣхъ знаменитыхъ людей по 5 к. шт. замѣчательно изящной работы. Г-р. торговцамъ значительная уступка; каталогъ бесплатно. Магазины Н. Булатова. СІВ., Вознесенскій № 12277 пр., № 22.

Л. Я. Столкинда:
КАПСЮЛИ ДЕЗОДОРАТЬ
 для уничтоженія зловоній въ комнатахъ, дѣтскихъ, спальняхъ и т. п.
 Цѣна за 1 кор. въ 100 шт. 35 к.
Л. Я. Столкинда
ДѢТСКОЕ МЫЛО
 на рыбьемъ жирѣ, цѣна 1/4 кув. 50 к. и 1/2 кув. 30 коп.
Л. Я. Столкинда
АНТИПАРАЗИТЪ
 отъ клоповъ, таракановъ, блохъ, моли и т. п. Цѣна 1/4—1 р., 1/2—35 к., 1—30 к., 1/2—20 к.
 Аптекарская торговля ТОРГОВАГО ДОМА
Л. и Э. СТОЛКИНДЪ,
 Москва, Лубянской прѣздъ.

Домры, скрипки, гитары, мандолины, цитры, балалайки и пр. рекомендуютъ фабрикантъ **Д. Александрова** оптомъ и въ розницу. Прейсъ-куррантъ высылается бесплатно. Заказы исполняются немедленно. Невскій пр., 57, въ СІВ.

В. ФРЕЙМУТЪ. Москва, Никольская ул., д. графа Шереметьева, пр. Славян. Базара.
 Поставщикъ Двора Его Императорскаго Величества и придворн. часовыхъ дѣлъ мастеръ.
ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ ВСЯКАГО РОДА ЧАСОВЪ
 Ш. № 12184 собствен. и друг. фабрикъ. 3-3
 Высылка наложеннымъ платежомъ. Полный преісъ-куррантъ бесплатно.

Санаторія д-ра Ремплера
 для страдающ. грудными болѣзнями
въ ГЕРБЕРСДОРФѢ, въ СИЛЕЗИИ.
 Находясь съ 1875 г. подъ личнымъ врачебнымъ наблюденіемъ владѣльца, Герберсдорфская лѣчебница, расположенная высоко надъ уровнемъ моря и снабженная помѣщеніемъ для пользованія слабымъ болѣзныхъ воздухомъ, представляетъ самыя благоприятныя условія для лѣченія, за умѣреннымъ цѣны. Объявленія высылаются бесплатно
 д-ромъ Ремплеромъ. Р. № 12253 4-2

НОВО! ИЗЯЩНО! ДЕШЕВО! ПРАКТИЧНО!
 Замѣчательно интересно для всякой семьи!
ПОСТОЯЩІЙ АМЕРИКАН. ГРАФОФОНЪ ЭДИССОНА
 отъ 25 руб. и дешевле. Прекрасно передаетъ голоса знаменитыхъ артистовъ. Главн. складъ американскихъ фонографовъ и графофоновъ для всей Россіи, Рихардъ ЯКОБЪ. Москва, Мясницкая, д. Тульская подворья. Наѣтыя валіки знаменитыхъ артистовъ отъ 1 руб. 50 коп. Прейсъ-куррантъ бесплатно. Пересылка во всѣ мѣста Россіи наложеннымъ платежомъ. Вышлите новый преісъ-куррантъ. Больше 1000 новыхъ пьесъ!!

С.П.Б. **ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЯ ЛАБОРАТОРИЯ**
 послѣднія новости:
„ФИГАРО“, „РЕКОРДЪ“
ЛУЧШИЯ ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА
 Приятныя освѣжающій ароматъ, смягчаютъ кожу, придаютъ нѣжность и бѣлизну.
 ПРОДАЮТСЯ Прейсъ-куррантъ и образцы
 ВЕЗДѢ. Требуется остерегаться подражаній и требовать на этикеткахъ слово: **„ТЕХНО“**.
 Главн. складъ. С.-Петербургъ, Коломенская ул., № 12.

ТРЕБУЙТЕ
 въ АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ **„АРМИНЪ“**
 для хлѣи и мягкости усовъ и бороды.
 Цѣна 50 коп.
 „АРМИНЪ“ безъ № 267 разар. Мед. Упр.—подѣлка. Главн. складъ Г. ПЛОЦА, Пассаажъ, № 52, С.-Петербургъ.

„ЧТО“
 такое искусство укрѣпленія памяти? книга (8-е испр. и дополн. изд.) проф. мемуоника С. Файнштейна, высл. за шесть 7-ми коп. марокъ, на зелен. бумажѣ—за восемь 7-ми коп. марокъ.
 Адресъ: Одесса, Гаванная ул., собственн. д. № 2/8,
 профессору мемуоникки **С. ФАЙНШТЕЙНУ**,
 № 12044 10-4

Популярно-научная книга, доказывающая счастливые
 Ц. 12263 **№ №** 3-2
ВЫИГРЫШ-
 ныхъ бил. 1, 2 и 3 займ. Ц. 1 руб., съ перес. 1 р. 20 к. (налож. плат. 1 р. 30 к.). СІВ. Вознесенскій, 37, кв. 32. **КРАСИЛЬНИКОВЪ**. 1-го марта с. г. на доказан. №№ пало 255 выигршей на сумму въ 483 тыс. рублей.

59 Сценъ и разсказовъ
 изъ малорусскаго народнаго быта Петра Раевскаго. 7-е изданіе безъ пропусковъ съ новыми рисунками художника М. М. Ярового. Киевъ, 1899. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
25 Сценъ и разсказовъ
 изъ малорусскаго народнаго быта Петра Раевскаго. 3-е изданіе съ главными рисунками художника М. М. Ярового. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.
 Складъ изданія у Л. Идн-ковскаго въ Киевѣ.

ЗАЙКАНИЕ
 дѣлится въ лѣчебномъ учрежденіи И. И. Гимиллера. Москва, Новая Басманная, д. Ланина. **ПЛАТА ПО ИЗДѢЧЕНІИ.**
 Условія высылаются бесплатно.

ОСПЕННЫЙ ТЕЛЯТНИКЪ
 ветеринарнаго врача С. К. Живописцева въ г. Орѣ.
 Во всякое время года можно получать свѣжую основную вакцину для прививанія людямъ предохранительной оспы. Выписывать можно съ наложеннымъ платежомъ и на сумму не менѣе рубля. Заказы исполняются безъ замедленія. Адресъ: Г. Орель, оспенный телятникъ Живописцева.

ЯБЛОНИ
 отъ 30 руб. сотню, ягодныя кусты, деревья и кустарники, пионы, георгины, розы изъ грунта 3 руб. дожины и пр. предлагаетъ Н. В. Шмеллига, поставщикъ Его Величества, въ СІВ., Выб. ч. уголъ Лабораторн. шоссе и Полюстров. пр. Каталогъ бесплатно.

Громадное
 новое удешевл. дѣль велосипедовъ знаменитой **Америк. Мануф. „K^o МОНАРХЪ“**
 № 61—115 р. (1898. 150 р. № 56—130 р. новост. № 66—150 р. (1898. 180 р. № 67—165 р. новост.)
 Всѣ одного лучшаго качества и одного вѣса, съ пневмат. «Девонъ». Упаковка бесплатно. Дешевыхъ популярныхъ (народныхъ) не имѣемъ. Моторныя самокаты настоящіе Девъ и Бугонъ (изобрѣтателя). Цѣны рѣшительныя. Москва.
 В. Лубянка № 18. **КАТ-ЛИСЪ**. Кузнецкій мостъ № 13 К. Нат-лисъ. Нытва, Средніе ряды. Тверская рядомъ съ Филипповымъ. Сущ. съ 1872 года.

XXX г.

№ 16

Выдаётся 17 апреля 1899 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходит еженедельно 52 № в годъ, съ приложениемъ 12-ти ежене. книгъ „Сборника“, содеря. соч. И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ литературныхъ приложений, 12 № № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXX

1899

Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1899 г.

При этомъ № прилагается выпускъ «Ежемесячн. литерат. приложений» за апрель 1899 г.

Воскресение.

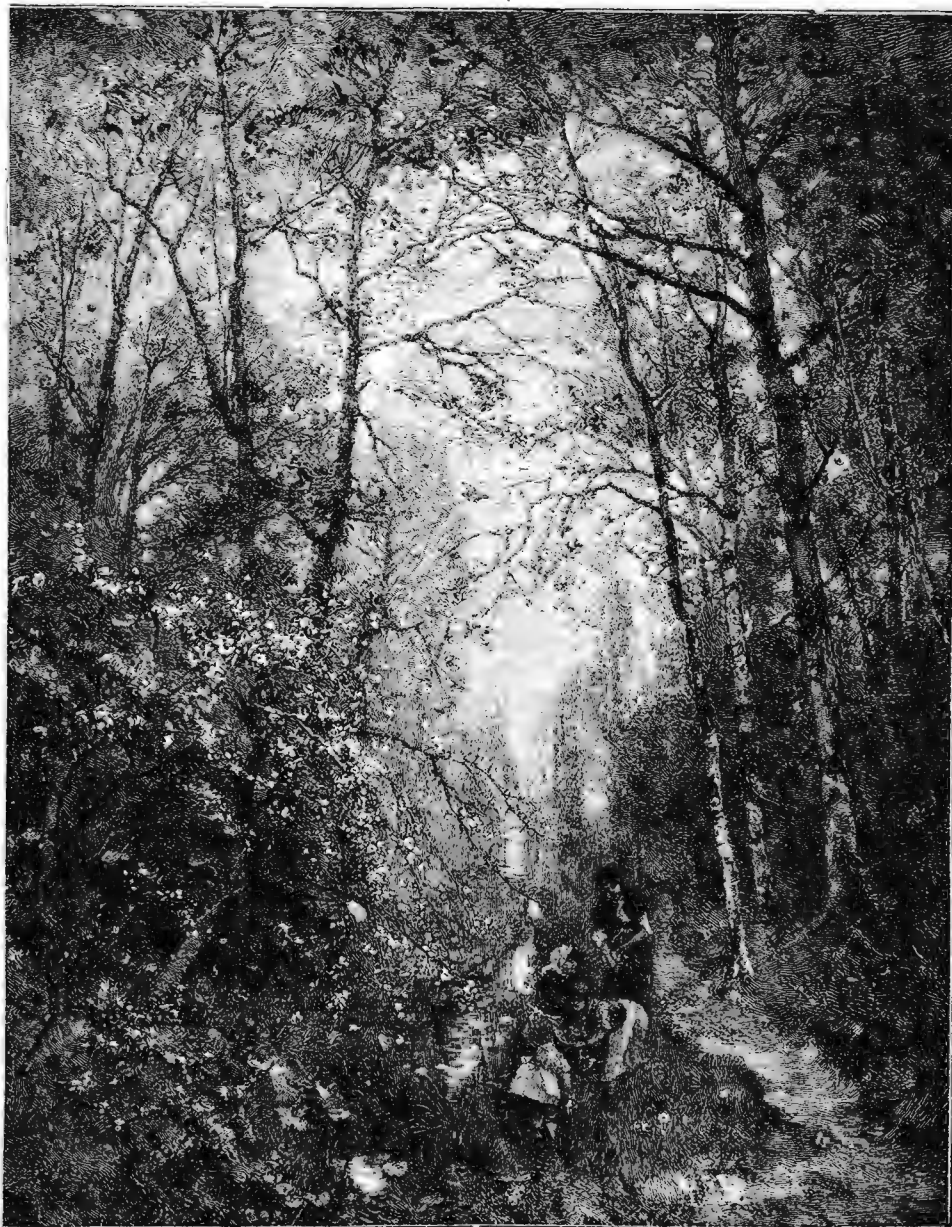
Романъ
графа Л. Н. ТОЛСТОГО.

(Продолженіе.)

XXII.

Послѣ послѣдняго слова обвиняемыхъ и переговоровъ сторонъ о формѣ постановки вопросовъ, продолжавшихся еще довольно долго, вопросы были поставлены, и председатель началъ свое резюме.

Несмотря на то, что ему самому хотѣлось поскорѣе отдѣлаться, онъ такъ привыкъ къ своему занятію, что, начавши говорить, никакъ уже не могъ остановиться, и потому подробно впускалъ присяжнымъ, что если они найдутъ подсудимыхъ виновными, то имѣютъ право признать ихъ виновными, а если найдутъ ихъ невиновными, то имѣютъ право признать ихъ невиновными; если же найдутъ ихъ виновными къ одному, но не виновными въ другомъ, то могутъ признать ихъ виновными въ одномъ, но невиновными въ другомъ. Потомъ онъ объяснилъ имъ еще, что, несмотря на то, что право это предоставлено имъ, они должны пользоваться имъ разумно. Хотѣлъ онъ разъяснить имъ также, что если они на поставленный вопросъ дадутъ отвѣтъ утвердительный, то этимъ отвѣтомъ они признаютъ все то, что поставлено въ вопросѣ, и что если они не признаютъ всего, что поставлено въ вопросѣ, то должны оговорить то, чего не признаютъ. Но, взглянувъ на часы и увидѣвъ, что ужъ было безъ пяти минутъ три, рѣшилъ тотчасъ же перейти къ изложенію дѣла.

Весна. Съ карт. Л. Мунте грав. Эдлеръ.

— Обстоятельства дѣла этого слѣдующія,—началь онъ и повторилъ все то, что нѣсколько разъ уже было сказано и защитниками, и товарищемъ прокурора, и свидетелями.

Председатель говорилъ, а по бокамъ его члены съ глубокомысленнымъ видомъ слушали и изрѣдка поглядывали на часы, находя его рѣчь хотя и очень хорошою. т.-е. такою, какаѣ она должна быть, но нѣсколько длинною. Такого же мнѣнія были и товарищи прокурора, какъ и все вообще судейскіе, и все бывшіе въ залѣ. Председатель кончилъ резюме.

Казалось, все было сказано. Но председатель нашелъ нужнымъ еще сказать нѣсколько словъ о важности того права, которое дано присяжнымъ, и о томъ, какъ они должны со вниманіемъ и осторожностью пользоваться этимъ правомъ и не злоупотреблять имъ, о томъ, что они принимали присягу, что они—совѣсть общества, и что тайна совѣщательной комнаты должна быть священна и т. д. и т. д.

Съ тѣхъ поръ, какъ председатель началъ говорить. Маслова, не снукая глазъ, смотрѣла на него, какъ бы боясь проронить слово, а потому Пехлюдовъ не боялся встрѣтиться съ ней глазами и, не переставая, смотрѣть на нее. И въ его представленіи проходило то обычное явленіе, что давно не видѣнное лицо любимого человѣка, сначала поразивъ тѣми вышними чертами, которыя произошли за время отсутствія, понемногу дѣлается совершенно такимъ же, какимъ оно было за много лѣтъ тому назадъ, исчезаютъ все прошедшія перемены и передъ духовными очами выступаетъ только главное выраженіе исключительной, неповторяемой духовной личности. Это самое проходило въ Пехлюдовѣ.

Да, несмотря на арестантскій халатъ, на разжирѣвшее тѣло и выросшую грудь, несмотря на раздавшуюся нижнюю часть лица, на морщинки на лбу и на вискахъ и на подпухшіе глаза, это была несомнѣнно та самая Катюша, которая въ Свѣтлое Христово Воскресеніе такъ невинно снизу вверхъ смотрѣла на него, любимого ея человѣка, своими влюбленными, смѣющимися отъ радости и полноты жизни глазами.

«И такая удивительная случайность. Вѣдь надо же, чтобы это дѣло пришлось именно на мою сессію, чтобы я, нигдѣ не встрѣчая ее 10 лѣтъ, встрѣтилъ ее здѣсь, на скамьѣ подсудимыхъ. И чѣмъ это все кончится? Поскорѣй, ахъ, поскорѣй бы!»

Онъ все не погорялся тому чувству раскаянія, которое начинало говорить въ немъ. Ему представлялось это случайностью, которая пройдетъ и не нарушитъ его жизни. Онъ чувствовалъ себя въ положеніи того щенка, который дурно велъ себя въ комнатахъ и котораго хозяинъ, взявъ за шиворотъ, тычетъ носомъ въ ту гадость, которую онъ сдѣлалъ. Щенокъ визжитъ, тянется назадъ, чтобы уйти какъ можно дальше отъ послѣдствій своего дѣла и забыть о нихъ; но неутомимый хозяинъ не отпускаетъ его. Такъ и Пехлюдовъ чувствовалъ уже всю гадость того, что онъ надѣлалъ, чувствовалъ и могущественную руку хозяина, но онъ все еще не понималъ значенія того, что онъ сдѣлалъ, не признавалъ самого хозяина. Ему все хотѣлось не вѣрить, что то, что было передъ нимъ, было его дѣло. Но неутомимая, невидимая рука держала его, и онъ предчувствовалъ уже, что онъ не отвертится. Онъ еще храбрился и, по усвоенной привычкѣ, положивъ ногу на ногу и небрежно играя своимъ *pince-nez*, въ самоуверенной позѣ сидѣлъ на своемъ второмъ стулѣ перваго ряда. А между тѣмъ, въ глубинѣ души, онъ уже чувствовалъ всю жестокость, подлость, низость не только этого своего поступка, но всей своей праздною, развратной, жестокой и самовольной жизни, и та странная завѣса, которая какимъ-то чудомъ все это время, все эти 12-ть лѣтъ скрывала отъ него и это его преступленіе, и всю его послѣдующую жизнь, уже колебалась, и онъ урывками уже заглядывалъ за нее!

XXIII.

Наконецъ, председатель кончилъ свою рѣчь и, поднявъ вопросный листъ, передалъ его подошедшему къ нему старшинѣ. Присяжные встали, радуясь тому, что можно уйти, и, не зная, что дѣлать съ своими руками, точно стыдясь чего-то, одинъ за другимъ пошли въ совѣщательную комнату. Только-что затворилась за ними дверь, жандармъ подошелъ къ этой двери и, выхвативъ саблю изъ ножень и взявъ на плечо, сталъ у двери. Судьи поднялись и ушли. Подсудимыхъ тоже вывели.

Войдя въ совѣщательную комнату, присяжные, какъ и прежде, первымъ дѣломъ достали папирсы и стали курить. Неестественность и фальшь ихъ положенія, которыя они въ большей или меньшей степени испытывали, сидя въ залѣ на своихъ мѣстахъ, прошла, какъ только они вошли въ совѣщательную комнату и закурили папирсы, и они съ чувствомъ облегченія развѣстались въ ней, и тогда же начался оживленный разговоръ.

— Дѣвчонка не виновата, зануталась,—сказалъ добродушный купецъ:—надо снисхожденіе дать.

— Вотъ это и обсудимъ,—возразилъ старшина.— Мы не должны поддаваться нашимъ личнымъ впечатлѣніямъ.

— Хорошее резюме сказалъ председатель.— замѣтилъ полковникъ.

— Ну, хорошее! Я чуть не заснулъ.

— Главное дѣло въ томъ, что прислуга не могла знать о деньгахъ, если бы Маслова не была съ ними согласна,—сказалъ приказчикъ еврейскаго тина.

— Такъ что же, по-вашему она украла?—спросилъ одинъ изъ присяжныхъ.

— Ни за что не повѣрю,—закричалъ добродушный купецъ:—а все эта шельма красноглазая нашкодила.

— Все хорошо,—сказалъ полковникъ.

— Да вѣдь она говоритъ, что не входила въ номеръ.

— А вы больше вѣрите ей. Я этой мерзавкѣ ни въ жизнь не повѣрилъ бы.

— Да что же, вѣдь этого мало, что вы не повѣрили бы.—сказалъ приказчикъ.

— Ключъ у нея былъ.

— Что жъ, что у нея?—возразилъ купецъ.

— А перстень?

— Да вѣдь она сказывала.—опять закричалъ купецъ.— Купчина карактерный, да еще выившии, вздули ее. Ну, а потомъ, извѣстно, пожалѣть. На, молъ, не плачь. Человѣкъ вѣдь какой: слышалъ я, чай, 12 вершковъ, худовъ-отъ 8-ми!

— Не въ томъ дѣло,—перебилъ Петръ Герасимовичъ:—вопросъ въ томъ: она ли подговорила и затѣяла все дѣло или прислуга?

— Не можетъ прислуга одна сдѣлать. Ключъ у нея былъ.

— Несвязная бесѣда шла довольно долго.

— Да позволяте, господа,—сказалъ старшина.— Сядемте за столъ и обсудимте. Пожадуйте,—сказалъ онъ, садясь на председательское мѣсто.

— Тоже мерзавки эти дѣвчонки,—сказалъ приказчикъ, и, въ подтвержденіе мнѣнія о томъ, что главная виновница Маслова, рассказать, какъ одна такая украла на бульварѣ часы у его товарища.

Полковникъ по этому случаю сталъ рассказывать про еще болѣе поразительный случай воровства серебрянаго самовара.

— Господа, прошу по вопросамъ,—сказалъ старшина, постукивая карандашомъ по столу.

Все замолкли. Вопросы эти были выражены такъ:

1) Виновенъ ли крестьянинъ села Баркова, крапивенскаго уѣзда, Симонъ Петровъ Картинкинъ, 33 лѣтъ, въ томъ, что 17-го января 188... года въ городѣ N, замесливъ лишить жизни купца Смѣлькова, съ цѣлью ограбленія его, по соглашенію съ другими лицами, далъ ему въ коньякѣ яду, отчего и послѣдовала смерть Смѣлькова, и похитилъ у него деньгами около 2500 рублей и брильянтовый перстень?

Присяжные позволили. Жандармъ, стоявшій съ саблей наголо у двери, вложить саблю въ ножны и посторонился. Судьи сѣли на мѣста, и одинъ за другимъ выпили присяжные.

Старшина съ торжественнымъ видомъ несъ листъ. Онъ подошелъ къ председателю и подаль его. Председатель прочелъ и, видимо удивленный, развелъ руками и обратился къ товарищамъ, совѣщаясь. Председатель былъ удивленъ тѣмъ, что присяжные, оговоривъ первое условіе: «безъ умысла ограбленія», не оговорили второго: «безъ намѣренія лишить жизни». Выходило, по рѣшенію присяжныхъ, что Маслова не воровала, не грабила, а вмѣстѣ съ тѣмъ огривила человѣка безъ всякой видимой цѣли.

— Посмотрите, какую они несправедливость вынесли, — сказать онъ члену налѣво. — Вѣдь это каторжные работы, а она не виновата.

— Ну, какъ не виновата, — сказать строгій членъ.

— Да просто не виновата. По-моему, это случай прирѣшенія 818 статьи (818 статья гласитъ о томъ, что если судъ найдеть обвиненіе несправедливымъ, то онъ можетъ отмѣнить рѣшеніе присяжныхъ).

— Какъ бы думаете, — обратился председатель къ доброму члену.

— Я думаю тоже, что слѣдовало бы, — сказать онъ.

— А вы, — обратился председатель къ сердитому члену.

— Ни въ какомъ случаѣ, — отвѣчалъ онъ рѣшительно. — И такъ уже газеты говорятъ, что присяжные оправдываютъ преступниковъ, что же заговорять, когда судъ оправдываетъ. Я не согласенъ ни въ какомъ случаѣ.

Председатель посмотрѣлъ на часы.

— Жаль, по что же дѣлать, — и подаль вопросы старшинѣ для прочтенія.

Всѣ встали, и старшина, переминаясь съ ноги на ногу, откашлялся и прочелъ вопросы и отвѣты. Всѣ судебскіе: секретарь, адвокаты, даже прокуроръ выразили удивленіе.

Подсудимые сидѣли невозмутимо, очевидно, не понимая значенія отвѣтовъ. Опять всѣ сѣли и председатель спросилъ прокурора: какимъ наказаніемъ онъ полагаетъ подвергнуть подсудимыхъ?

Прокуроръ, обрадованный неожиданнымъ успѣхомъ относительно Масловой, приписывая этотъ успѣхъ своему краснорѣчію, справился гдѣ-то, привсталъ и сказалъ:

— Симона Картинкина полагать бы подвергнуть на основаніи статьи 1452-й и 4 п. 1453-й, Евфимію Бочкову, на основаніи статьи 1659 и Екатерину Маслову на основаніи статьи 1454.

Всѣ наказанія эти были самыя строгія, которыя только можно было положить.

— Судъ удалится для постановленія рѣшенія, — сказать председатель, вставая.

Всѣ поднялись за нимъ, и съ облегченнымъ и приятнымъ чувствомъ совершеннаго хорошаго дѣла стали выходить или передвигаться по залѣ.

— А вѣдь мы, багышка, постыдно наврала, — сказать Петръ Герасимовичъ, подойдя къ Нехлюдову, которому старшина рассказывала что-то. — Вѣдь мы ее въ каторгу закатали.

— Что вы говорите? — вскрикнулъ Нехлюдовъ, на этотъ разъ не замѣчая вовсе непріятной фамильярности учителя.

— Да какъ же, — сказать онъ. — Мы не поставили въ стѣнѣ: «виновна, но безъ намѣренія лишить жизни». Мнѣ сейчасъ секретарь говорить, — прокуроръ подводитъ ее подъ 15 лѣтъ каторги.

— Да вѣдь такъ рѣшили, — сказать старшина.

Петръ Герасимовичъ началъ спорить, говоря, что само собою подразумевалось, что такъ какъ она не брала денегъ, то она и не могла имѣть намѣренія лишить жизни.

— Да вѣдь я прочелъ отвѣты передъ тѣмъ, какъ выходить, — оправдывался старшина. — Никто не возражалъ.

— Я въ это время выходилъ изъ комнаты, — сказать Петръ Герасимовичъ. — А вы то какъ прозѣвали?

— Я никакъ не думалъ, — сказать Нехлюдовъ.

— Вотъ и не думали.

— Да это можно поправить, — сказать Нехлюдовъ.

— Ну, нѣтъ, — теперь конечно.

Нехлюдовъ посмотрѣлъ на подсудимыхъ. Они, тѣ самыя, чья судьба рѣшилась, все такъ же неподвижно сидѣли за своей рѣшеткой передъ солдатами. Маслова улыбалась чему-то. И въ душѣ Нехлюдова шевельнулось дурное чувство. Передъ тѣмъ, предвидя ея оправданіе и оставленіе въ городѣ, онъ былъ въ нерѣшительности, какъ отнестись къ ней. И отношеніе къ ней было трудно: каторга же и Сибирь сразу уничтожали возможность всякаго отношенія къ ней: недобитая птица неперестала бы трепаться въ ягдташѣ и напоминать о себѣ.

XXIV.

Предположенія Петра Герасимовича были справедливы. Вернувшись изъ совѣщательной комнаты, председатель взялъ бумагу и прочелъ:

«188... года, апрѣля 28 дня, по указу Его Императорскаго Величества, Н... Окружный Судъ, по уголовному сдѣленію, въ силу рѣшенія господъ присяжныхъ засѣдателей, на основаніи 3 п. ст. 771, 3 п. ст. 776 и ст. 777 Уст. Уголов. Судопроизв., опредѣлили: крестьянина Симона Картинкина 33 лѣтъ и мѣщанку Екатерину Маслову 27 лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, состоять въ каторжные работы: Картинкина на 8 лѣтъ, а Маслову на 4 года, съ послѣдствіями для обоихъ по 25 ст. Уложенія.

Мѣщанку же Евфимію Бочкову — 43 лѣтъ, — лишивъ ея особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, заключить въ тюрьму, срокомъ на 3 года, съ послѣдствіями по 49 ст. Уложенія. Судебныя по сему дѣлу издержки возложить по равной части на осужденныхъ, а въ случаѣ ихъ несостоятельности принять на счетъ казны.

Шестевенный по дѣлу сему доказательства продать, кольцо возвратить, сткланки уничтожить».

Картинкинъ стоялъ, такъ же вытягиваясь, держа руки съ оттопыренными пальцами по швамъ и шевеля щеками. Бочкова казалась совершенно спокойной. Услыхавъ рѣшеніе, Маслова багрово покраснѣла.

— Не виновата я, не виновата, — вдругъ на всю залу вскрикнула она. — Грѣхъ это. Не виновата я. Не хотѣла, не думала. Вѣрно говорю. Вѣрно. — И, опустившись на лавку, она громко зарыдала.

Когда Картинкинъ и Бочкова вышли, она все еще стояла на мѣстѣ и плакала, такъ что жандармъ долженъ былъ тронуть ее за рукавъ халата.

Нѣтъ, это невозможно такъ оставить, — сказать себѣ Нехлюдовъ, совершенно забывъ свое дурное чувство, и, самъ не зная зачѣмъ, поспѣшилъ въ коридоръ еще разъ взглянуть на нее. Въ дверяхъ тѣснилась оживленная толпа выходившихъ присяжныхъ и адвокатовъ, довольныхъ окончаніемъ дѣла, такъ что онъ нѣсколько минутъ задержался въ дверяхъ. Когда же онъ вышелъ въ коридоръ, Маслова уже была далеко. Скорыми шагами, не думая о томъ вниманіи, которое онъ обращалъ на себя, онъ догналъ и обогналъ ее, и остановился. Она уже перестала плакать и только порывисто всхлипывала, отирая покраснѣвшее пятнами лицо концомъ косынки, и прошла мимо него, не оглядываясь. Пропустивъ ее, онъ поспѣшно вернулся назадъ, чтобы увидать председателя, но председатель уже ушелъ, и Нехлюдовъ погналъ его только въ швейцарской.

— Господинъ председатель, — сказать Нехлюдовъ, подходи къ нему въ ту минуту, когда тотъ уже надѣлъ свѣтлое пальто и бралъ палку съ серебрянымъ набалдашникомъ, подаваемую швейцаромъ: — могу я поговорить съ вами о дѣлѣ, которое сейчасъ рѣшилось? Я — присяжный.

— Да, какъ же, князь Нехлюдовъ? Очень приятно, мы уже встрѣчались, — сказать председатель, пожмая руку и съ удовольствіемъ вспоминая, какъ хорошо и весело

Богатыри. Съ картины В. М. Васнецова грав. Гедак.

2) Виновна ли въ преступленіи, описанномъ въ первомъ вопросѣ, мѣщанка Евфимія Ивановна Бочкова, 43 лѣтъ?

3) Виновна ли въ преступленіи, описанномъ въ первомъ вопросѣ, мѣщанка Екатерина Михайлова Маслова, 27 лѣтъ?

4) Если подсудимая Евфимія Бочкова не виновна по первому вопросу, то не виновна ли она въ томъ, что 17-го января 188... года въ городѣ N, состоя въ служебнѣй при гостиницѣ «Мавританія», тайно похитила изъ запертаго чемодана постояльца той гостиницы, купца Сибилькова, находившагося въ его номерѣ, 2500 рублей денегъ, для чего отперла чемоданъ на мѣстѣ принесеннымъ и подобраннымъ ею ключомъ?

Старшина прочелъ первый вопросъ.

— Ну, какъ, господа?

На этотъ вопросъ отвѣтили очень скоро. Всѣ согласились отвѣтить: «да, виновна», признавъ его участникомъ и отравленія, и похищенія. Не соглашались признать виновнымъ Картинкина только одинъ старый артельщикъ, который на всѣ вопросы отвѣчалъ въ смыслѣ оправданія.

Старшина думалъ, что онъ не понимаетъ, и объяснить ему, что по всему несомнѣнно, что Картинкинъ и Бочкова—виновны, но артельщикъ отвѣчалъ, что онъ понимаетъ, но что все лучше пожалѣть. «Мы и сами не святые»,—сказалъ онъ, и такъ и остался при своемъ мнѣніи.

На второй вопросъ о Бочковой, послѣ долгихъ толковъ и разъясненій, отвѣтили: «не виновна»; такъ какъ не было явныхъ доказательствъ ея участія въ отравленіи, на что особенно налегать съ адвокатъ.

Купецъ, желая оправдать Маслову, настаивалъ на томъ, что Бочкова — главная заводчица всего. Многіе присяжные согласились съ нимъ; но старшина, желая быть строго-законнымъ, говорилъ, что нѣтъ основанія признать ее участницей въ отравленіи. Послѣ долгихъ споровъ, мнѣніе старшины восторжествовало.

На 4-й вопросъ о Бочковой же отвѣтили: «да, виновна», и по настоянію артельщика прибавили: «но заслуживаетъ снисхожденія».

Третій же вопросъ о Масловой вызвалъ ожесточенный споръ. Старшина настаивалъ на томъ, что она виновна и въ отравленіи, и въ грабежѣ, купецъ не соглашался и съ нимъ вступилъ полковникъ, приказчикъ и артельщикъ,—остальные какъ будто колебались, но мнѣніе старшины начинало преобладать, въ особенности потому, что всѣ присяжные устали и охотѣе примыкали къ тому мнѣнію, которое обѣщало скорѣе соединить, а потому и освободить всѣхъ.

По всему тому, что происходило на судебномъ сѣдствіи и по тому, какъ зналъ Нехлюдовъ Маслову, онъ былъ убѣжденъ, что она невиновна ни въ похищеніи, ни въ отравленіи, и сначала былъ увѣренъ, что всѣ признаютъ это, но когда онъ увидать, что—въслѣдствіе неловой защиты купца, очевидно, основанной на томъ, что Маслова правилась ему, чего онъ и не скрывать, и въслѣдствіе отпора, на этомъ именно основаніи, старшины и, главное, въслѣдствіе усталости всѣхъ—рѣшеніе стало склоняться къ обвиненію, онъ хотѣлъ возражать, но ему страшно было говорить за Маслову: ему казалось, что всѣ сейчасъ узнаютъ его отнѣженіе къ ней. А между тѣмъ онъ чувствовалъ, что не можетъ оставить дѣло такъ, и долженъ возражать. Онъ краснѣлъ и блѣднѣлъ и только что хотѣлъ начать говорить, какъ Петръ Герасимовичъ, до этого времени молчаливый, очевидно раздраженный авторитетнымъ тономъ старшины, вдругъ началъ возражать ему и говорить то самое, что хотѣлъ сказать Нехлюдовъ.

— Позвольте,—сказалъ онъ:—мы говорите, что она украла потому, что у ней ключъ былъ, да развѣ не могли коридорные постѣ нея отпереть чемоданъ подобраннымъ ключомъ.

— Ну да, ну да,—подакивалъ купецъ.

— Она же не могла взять денегъ, потому что ей въ ея положеніи некуда дѣвать ихъ.

— Вотъ и я говорю,—подтвердилъ купецъ.

— А скорѣе ея прѣздъ подаль мысль коридорнымъ, и они воспользовались случаемъ, а потомъ все сватали на нее.

Петръ Герасимовичъ говорилъ раздражительно. И раздражительность его сообщила старшинѣ, который въслѣдствіе этого особенно упорно сталъ отстаивать свое противоположное мнѣніе; но Петръ Герасимовичъ говорилъ такъ убѣдительно, что большинство согласилось съ нимъ, признавъ, что Маслова не участвовала въ похищеніи денегъ и перстня, что перстень былъ ей подаренъ. Когда же зашла рѣчь объ ея участіи въ отравленіи, то опять горячій заступникъ ея, купецъ, сказалъ, что надо ее признать невинной, такъ какъ ей не зачѣмъ было отравлять его. Старшина же сказалъ, что нельзя признать ее невинной, такъ какъ она сама со слася, что дала порошокъ.

— Дала, но думала, что это опіумъ,—сказалъ купецъ.

— Она и опіумомъ могла лишить жизни,—возразилъ полковникъ, любившій вдаваться въ отступленія, и началъ при этомъ случаѣ рассказывать о томъ, что у его шурина жена отравилась опіумомъ, и умерла бы, если бы не близость доктора и принятыя во-время мѣры. Полковникъ рассказывалъ такъ внушительно, самоувѣренно, и съ такимъ достоинствомъ, что ни у кого не хватало духа перебить его. Только приказчикъ, заразившись примѣромъ, рѣшился перебить его, чтобы рассказать свою исторію.

— Такъ привыкаютъ другіе,—началъ онъ:—что могутъ сорокъ капель принимать, у меня родственникъ...

Но полковникъ не далъ перебить себя и продолжать рассказъ о послѣдствіяхъ вліянія опіума на жену его шурина.

— Да вѣдь уже пятый часъ, господа,—сказалъ одинъ изъ присяжныхъ.

— Такъ какъ же, господа,—обратился ко всѣмъ старшина:—признаемъ виновной, но безъ умысла ограбленія, и имущества не похищала. Такъ, что ли?

Петръ Герасимовичъ, довольный своей побѣдой, согласился.

— Но заслуживаетъ снисхожденія,—прибавилъ купецъ.

Всѣ согласились. Только артельщикъ настаивалъ на томъ, чтобы сказать: «нѣтъ, не виновна».

— Да, вѣдь, оно такъ и выходитъ,—разъяснилъ старшина:—безъ умысла ограбленія, и имущества не похищала, стало быть, и не виновна.

— Валій такъ, и заслуживаетъ снисхожденія: значить, что останется, послѣднее считать,—весело проговорилъ купецъ. Всѣ такъ устали, такъ запутались въ споръ, что никто не догадался прибавить къ отвѣту:—*да, но безъ намѣренія лишить жизни.*

Нехлюдовъ былъ такъ взволнованъ, что тоже не замѣтилъ этого. Въ этой формѣ отвѣты и были внесены въ залу суда.

Рабаэ пишетъ, что юристъ, къ которому пришли судиться, послѣ указанія на всевозможные законы и по прочтеніи двадцати страницъ юридической безсмысленной латыни, предложилъ судящимся кинуть кости: четъ или нечетъ. Если четъ, то правъ истецъ, если нечетъ, то правъ отвѣтчикъ.

Такъ было и здѣсь. Это, а не другое рѣшеніе принято было не потому, что всѣ согласились, а, во-первыхъ, потому что предѣлательствующій, говорившій такъ долго свое резюме, на этотъ разъ упустилъ сказать то, что онъ всегда говорилъ, а именно то, что, отвѣчая на вопросъ, они могутъ сказать: да—виновна, но безъ намѣренія лишить жизни; во-вторыхъ, потому что полковникъ очень длинно и скучно рассказывалъ исторію жены своего шурина; въ-третьихъ, потому что Нехлюдовъ былъ такъ взволнованъ, что не замѣтилъ уничтоженія оговорки объ отсутствіи намѣренія лишить жизни и думалъ, что оговорка: «безъ умысла ограбленія» уничтожаетъ обвиненіе; въ-четвертыхъ, потому что Петръ Герасимовичъ не былъ въ комнатѣ, онъ выходилъ въ то время, какъ старшина перечесть вопросы и отвѣты и, главное, потому что всѣ устали и всѣмъ хотѣлось скорѣи освободиться, и потому согласиться съ тѣмъ рѣшеніемъ, при которомъ все скорѣе кончается.

онъ танцовать—лучше всѣхъ молодыхъ—въ тотъ вечеръ, какъ встрѣтился съ Нехлюдовымъ.—Чѣмъ могу служить?

Вышло недоразумѣніе въ отвѣтъ относительно Масловой. Она невиновна въ отравленіи, а между тѣмъ ее приговорили къ каторгѣ, — съ сосредоточенно мрачнымъ видомъ сказалъ Нехлюдовъ.

— Судъ постановилъ рѣшеніе на основаніи отвѣтовъ, данныхъ вами же,—возразилъ председатель, подвигаясь къ выходной двери:—хотя отвѣты и суду показались несоответственными дѣлу.

Онъ вспомнилъ, что хотѣлъ разъяснить присяжнымъ то, что ихъ отвѣтъ: «да—виновна», безъ отрицанія умысла убійства, утверждаетъ убійство съ умысломъ, но, торопясь кончить, не сдѣлалъ этого.

— Да, но развѣ нельзя поправить ошибку?

— Поводъ къ кассации всегда найдется. Надо обратиться къ адвокатамъ,—сказалъ председатель, немпожко на-бокъ надѣвая шляпу и продолжая двигаться къ выходу.

— Но вѣдь это ужасно.

— Видите ли, Масловой предстояло одно изъ двухъ: очевидно, желая быть какъ можно пріятнѣе и учтивѣе съ Нехлюдовымъ, сказалъ председатель, расправивъ бакенбарды сверхъ воротника пальто, и, взявъ его слѣжка подъ локоть и направляя къ выходной двери, продолжалъ:—вы вѣдь тоже идете?

— Да,—сказалъ Нехлюдовъ, поспѣшно одѣваясь и пошелъ съ нимъ.

Они вышли на яркое веселящее солнце, и тотчасъ же надо было говорить громче отъ грохота колесъ по мостовой.

— Положеніе, изволите видѣть, странное,—продолжалъ председатель, возвышая голосъ:—ей, этой Масловой, предстояло одно изъ двухъ: или почти оправданіе, тюремное заключеніе, въ которое могло быть зачислено и то, что она уже сидѣла, даже только арестъ.—или каторга: середины нѣтъ. Если бы прибавили слова: «но безъ намѣренія причинить смерть», то она была бы оправдана.

— Я непростительно упустилъ это,—сказалъ Нехлюдовъ.

— Вотъ въ этомъ все дѣло.—улыбаясь, сказалъ председатель, глядя на часы.

Оставалось только три четверти часа до послѣдняго срока, назначеннаго Кларой.

— Теперь, если хотите, обратитесь къ адвокату. Нужно найти поводъ къ кассации. Это всегда можно найти. На Дворянскую,—отвѣчалъ онъ извозчику:—30 копѣекъ,—никогда больше не плачу.

— Ваше превосходительство, пожалуйте.

— Мое почтеніе. Если могу тѣмъ служить, домъ Дворяникова, на Дворянской, легко запомнить.

И онъ, ласково поклонившись, уѣхалъ.

XXV.

Разговоръ съ председателемъ и чистый воздухъ нѣсколько успокоили Нехлюдова. Онъ подумалъ теперь, что испытываемое имъ чувство было имъ преувеличено вѣдствіе утра, проведеннаго въ такихъ непривычныхъ условіяхъ.

«Разумѣется, удивительное и поразительное совпаденіе!

И необходимо сдѣлать все возможное, чтобы облегчить ея участь, и сдѣлать это скорѣе. Сейчасъ же. Да, надо тутъ въ судѣ узнать, гдѣ живетъ Фанаринъ или Мининъ. Онъ вспомнилъ двухъ извѣстныхъ адвокатовъ».

Нехлюдовъ вернулся въ судъ, снялъ пальто и пошелъ наверхъ. Въ первомъ же коридорѣ онъ встрѣтилъ Фанарина. Онъ остановилъ его и сказалъ, что имѣетъ до него дѣло. Фанаринъ зналъ его въ лицо и по имени и сказалъ, что очень радъ сдѣлать все пріятное.

— Хотя я и усталъ... но если не долго, то скажите мнѣ ваше дѣло: пойдемте сюда.

И Фанаринъ ввелъ Нехлюдова въ какую-то комнату, вѣроятно, кабинетъ какого-нибудь судьи. Они сѣли у стола.

— Ну-съ, въ чемъ дѣло?

— Прежде всего я буду васъ просить,—сказалъ Нехлюдовъ:—о томъ, чтобы никто не зналъ, что я принимаю участіе въ этомъ дѣлѣ.

Ну, это само собой разумѣется. И такъ...

— Я нынче быть присяжнымъ, и мы осудили женщину въ каторжные работы,—невинную. Меня это мучаетъ.

Нехлюдовъ неожиданно для себя покраснѣлъ и замялся. Фанаринъ блеснулъ на него глазами, и опять опустилъ ихъ, слушая.

— Ну-съ,—только проговорилъ онъ.

— Осудили невинную, и я желалъ бы кассировать дѣло и перенести его въ высшую инстанцію.

— Въ Сенатъ,—поправилъ Фанаринъ.

— И вотъ я прошу васъ взяться за это.

Нехлюдовъ хотѣлъ кончить поскорѣе самое трудное и потому тутъ же сказалъ:

— Вознагражденіе, расходы по этому дѣлу я беру на себя, какіе бы они ни были.—сказалъ онъ, краснѣя.

— Ну, мы условимся,—снисходительно улыбаясь его неопытности, сказалъ адвокатъ.

— Въ чемъ же дѣло?

Нехлюдовъ рассказалъ.

— Хорошо-съ, завтра я возьму дѣло и просмотрю его. А послѣзавтра, нѣтъ, въ четвергъ, пріѣзжайте ко мнѣ въ шесть часовъ вечера, и я дамъ вамъ отвѣтъ. Такъ, такъ? Ну, и пойдемте, мнѣ еще тутъ нужны справки.

Нехлюдовъ простился съ нимъ и вышелъ.

Бесѣда съ адвокатомъ и то, что онъ принялъ уже мѣры для защиты Масловой, еще болѣе успокоили его. Онъ вышелъ на улицу: погода была прекрасная, онъ радостно вдохнулъ весенній воздухъ. Извозчики предлагали свои услуги, но онъ пошелъ гнѣвно, и тотчасъ же дѣльный рой мыслей и воспоминаній о Катюшѣ и объ его поступкѣ съ ней закружились въ его головѣ, и ему стало уныло и все показалось мрачно. «Нѣтъ, это я обдумую послѣ»,—сказалъ онъ себѣ:—«а теперь, напротивъ, надо развлечься отъ тяжелыхъ впечатлѣній».

Онъ вспомнилъ объ обѣдѣ у Корчагиныхъ и взглянулъ на часы. Было еще не поздно, и онъ могъ поспѣть къ обѣду. Мимо звонила конка. Онъ пустился бѣжать и вскочилъ въ нее. На площади онъ соскочилъ, взялъ хорошаго извозчика и черезъ десять минутъ былъ у крыльца большого дома Корчагиныхъ.

(Продолженіе будетъ.)

На Пасхѣ.

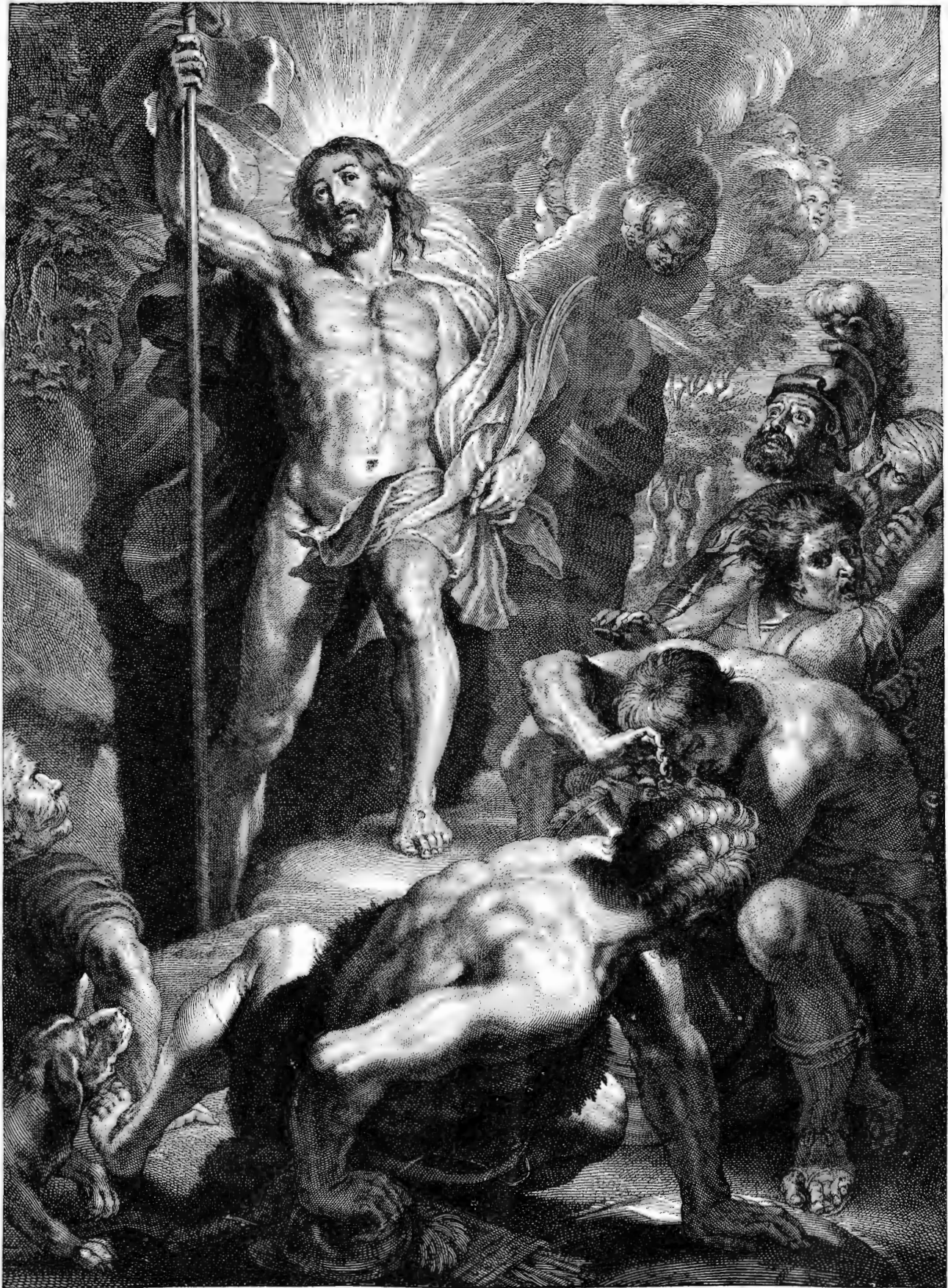
Все, что умерло и развѣяно,
Все, что распято и осмѣяно,
Съ вѣрой жаркою силой внутренней
Оживаетъ вновь въ часъ заутрени.
И, зарю добра съ тьмой не путая,
Отодвинулась злоба лютая
Опрокинута, какъ надгробіе:
I оскрсаетъ въ насъ духъ незлобія,
Духъ согласія, примиренія,
Христіанскаго всепрощенія.

Предъ сіянемъ ихъ, не упорствуя,
Размягчается сердце черствое;
Распливаются думы черныя,
Побѣжденныя и покорныя.
Думы свѣтлыя возрождаются,
Въ ризы бѣлыя облакаются.
Что-то чистое и весеннее
Пробуждаетъ въ насъ Воскресеніе —
«Пасха красная», свѣтлолика,
«Непорочная» и «великая».

Павель Поповъ.

„Воскресеніє“, романъ гр. Л. Н. Толстого. Послѣ приговора.
Ориг. рис. (собств. «Нивы») Л. О. Пастернака, автогипія «Нивы».

Воскресение Христово. Съ картины п. Рубенса грав. ванъ-Большвертъ.

Принцесса Лучезарная.

Японская сказка М. П. Васильева. Ст 2 рис. Н. Н. Каразина.

I.

Много-много лѣтъ тому назадъ жилъ-былъ на свѣтѣ старый дровосѣкъ, по имени Токутори; жилъ онъ со своей старухой-женой въ маленькой избушкѣ, подъ горой. Онъ былъ очень бѣденъ и зарабатывалъ себѣ пропитаніе тѣмъ, что изъ срубленныхъ въ горахъ бамбуковъ дѣлалъ на продажу разныя хозяйственныя вещи. Однажды вечеромъ, возвращаясь домой черезъ бамбуковыя заросли, онъ замѣтилъ въ чащѣ какой-то свѣтъ; подоиди поближе, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что на бамбукѣ сидитъ и свѣтитъ подобно свѣтляку маленькая фея, величиной не больше его ладони. Старикъ осторожно снялъ ее и спесъ домой къ женѣ.

Въ три мѣсяца изъ крошечной феи выросла хорошенькая дѣвочка, а еще немного спустя она стала красивой, статной дѣвицей. Ея пріемные родители рѣшили, что пора дать ей имя, платье и обстановку, соответственныя ей красотѣ и прочимъ достоинствамъ. Такіе расходы теперь были по карману бывшему еще недавно бѣдняку: съ тѣхъ поръ, какъ въ его домѣ появилась маленькая фея, въ каждомъ колѣбѣ бамбука, срубаннаго имъ, онъ находилъ золото и, такимъ образомъ, разбогатѣлъ, купилъ себѣ прекрасный домъ и завелъ большой штатъ прислуги.

Пріемная дочь Токутори при необыкновенной красотѣ была добра, мила и умна; для стариковъ она была источникомъ постоянной радости и свѣта; послѣднее обстоятельство слѣдуетъ понимать буквально, такъ какъ, гдѣ бы она ни находилась ночью, не нужно было зажигать свѣчей,—отъ нея струился мягкій, точно лунный свѣтъ.

По случаю нареченія ей имени устроень былъ пиръ на весь міръ и гости были созваны со всего округа. По причинѣ ея необыкновеннаго блеска и неземной прасоты ее назвали *Найо-Таке-Нокану-Хима*, что въ переводѣ значитъ: Лучезарная принцесса перистыхъ бамбуковъ. Три дня длился пиръ, и три дня многочисленныя гости свободно могли любоваться красотой дѣвушки, но лишь только окончились празднества, даже ближайшіе сосѣди, несмотря на всѣ попытки, не могли увидѣть ее: вся жизнь дѣвушки съ тѣхъ поръ проходила во внутреннихъ комнатахъ и садахъ дворца.

Эта таинственность только послужила къ большому распространению славы о необыкновенной красотѣ дѣвушки и возбужденію

общаго любопытства и желанія увидѣть ее. Много молодыхъ людей знатныхъ фамилій бросили свои дворцы и бродили днемъ и ночью вокругъ дома стараго дровосѣка въ тщетной надеждѣ, что случай поможетъ имъ увидѣть хоть мелькомъ красавицу Найо-Таке, такъ заинтересовавшую ихъ своей таинственностью. Въ числѣ этихъ воздыхателей были два принца императорской крови и трое князей изъ высшей знати, которые прямо обратились къ старику Токутори и посватали его дочь; онъ посоветовалъ женихамъ вернуться въ свои замки и позабыть все, такъ какъ не хотѣлъ выдавать ее насильно, а сама она наотрѣзъ отказалась выйти замужъ.

Неудачная попытка побудила-было ихъ послѣдовать совѣту старика — предать все дѣло забвенію, но по странному противорѣчію имъ оказалось невозможнымъ позабыть именно то, чего они вовсе не знали—невѣсту-невидимку. Разсуждая по-своему довольно правильно, что должна же она со временемъ выйти замужъ за кого-нибудь, они рѣшили дождаться этого времени и продолжали свои прогулки вокругъ Токуторова жилища, верясь, какъ ночью мотыльки, вокругъ огня, съ тѣмъ же рискомъ опалить себѣ крылья, а то и совсѣмъ сгорѣть.

Токутори, видя такое постоянство, рѣшился повліять на дочь.

— Дорогая моя, — сказалъ онъ: — хотя мы и знаемъ, что ты настоящая фея, хотя, быть-можетъ, феи никогда не выходятъ замужъ, но мы тебя воспитывали и любили, какъ родную дочь; теперь ты выросла и стала красивой дѣвушкой,—мы должны позаботиться и прискаты тебѣ мужа. Я думаю, что ты можешь быть счастливой и безъ этого, пока мы живы, но мнѣ уже подѣ семьдесятъ лѣтъ, я, не сегодня-завтра, могу умереть, и потому прошу тебя обдуманно выбрать себѣ мужа изъ этихъ знатныхъ жениховъ, чтобы тебѣ не осталось безъ покровителя послѣ моей смерти.

Дѣвушка отвѣчала, шутя, что хотя она и фея, но любитъ стараго Токутори, какъ родного отца, и готова сдѣлать ему угодно. Но мужчины такъ непостоянны: она боится, что эти женихи съ высокимъ положеніемъ скоро веномятъ, что она дочь простаго дровосѣка, и такъ же скоро охладѣютъ къ ней, поэтому ей бы хотѣлось заставить ихъ какимъ-нибудь великимъ подвигомъ доказатьъ на дѣлѣ, что они действительно любятъ ее такъ, какъ увѣряютъ.

Узнавъ желаніе Найо-Таке, всѣ женихи изысканіи согласіе подчинились ему, но хитрая красавица просто желала избавиться сразу отъ всѣхъ назойливыхъ ухаживателей, а потому и разослала ихъ въ разныя стороны свѣта, поручивъ одному привезти изъ Индіи каменный сосудъ Будды, другому найти на Восточномъ океанѣ гору Хоранъ и сорвать вѣтку растущаго на ней дерева (у этого дерева, по слухамъ, листья серебряныя, стволъ и вѣтви золотыя, а плоды и цвѣты—драгоценныя камни), третьему жениху она предложила ѣхать въ Китай и тамъ добыть мѣхъ изъ огневыхъ крысъ, четвертому — снять радужный камень-амулетъ съ шеи дракона, пятому, наконецъ, сыскать раковину, которую ласточки прячутъ въ своихъ гнѣздахъ во время кладки яицъ.

II.

Принцъ, на долю котораго досталось ѣхать въ Индію за каменнымъ сосудомъ Будды, былъ тяжеловѣтъ на подъемъ; онъ самъ себя убѣдилъ, что если даже удастся счастливо проплыть тѣ сотни и тысячи миль, которыя отдѣляютъ его страну отъ Индіи, то и тогда задача еще будетъ далека отъ разрѣшенія, ибо Индія велика, и развѣ самъ Будда знаетъ, гдѣ находится сосудъ. Между тѣмъ ему сильно хотѣлось жениться на Найо-Таке, и онъ придумалъ хитрость. Сказавъ, что ѣзжаетъ въ Индію, онъ исчезъ куда-то и пропалъ три года,—время, которое, онъ полагалъ, нужно для путешествія въ Индію и обратно. По окончаніи срока этого добровольнаго изгнанія, онъ спокойно отправился въ маленький храмъ, затерянный въ горахъ, гдѣ передъ алтаремъ стоялъ священный каменный сосудъ, покрытый копотью и грязью. Принцъ унесъ его домой и сочинилъ письмо, въ которомъ, описывая свое вымышленное путешествіе, рассказывая, съ какими опасностями прошелъ онъ мори и горы, чтобы добыть эту драгоценность. Вложивъ письмо въ сосудъ, онъ увязалъ его въ дорогую нарчевую ткань и съ приложеніемъ вѣтки искусственныхъ цвѣтовъ, т.-е. пріветственнаго подарка, послалъ его Найо-Таке.

Она была очень удивлена посылкой,—ей не вѣрилось, чтобы лѣнивый принцъ способенъ былъ действительно вынести всѣ трудности путешествія въ Индію и поисковъ за сосудомъ. Зная, что, если сосудъ действительно блеснетъ, который она имѣла въ виду, онъ долженъ сверкать, какъ алмазь, Найо-Таке поторопилась развязать узелъ, но въ немъ оказался только старый, закопченный сосудъ, покрытый грязью, и въ немъ письмо. И то, и другое красавица отослала обратно. Но влюбленный принцъ не утомился,—вмѣсто того, чтобы со стыда скрыться навсегда съ ея глазъ, онъ написалъ маленькую излищную поэмъ, въ которой смѣло объяснялъ, что сосудъ Будды действительно блеснетъ подобно алмазамъ, но въ присутствіи ея собственной лучезарной красоты померкъ, что самъ онъ теперь бросилъ этотъ сосудъ, но съ нимъ вмѣстѣ отбросилъ и стыдъ и все такъ же страстно желаетъ снискать ея доброе расположеніе.

Другой принцъ,—тотъ, который отправился на поиски плавающей горы Хоранъ и растущаго на ней чудеснаго дерева,—былъ очень богатъ и хитеръ. Онъ рѣшилъ не жалѣть ни денегъ, ни труда, чтобы добыть руки «Принцессы Лучезарной». Онъ объявилъ

своим придворным, что ждет на горячие ключи для поправления здоровья и не скоро вернется домой, а Найо-Таке послала сказать, что убывает по ее поручению. Многочисленная свита проводила его до берега моря; взяв с собой нескольких человек, он отпустил остальных, сказав им, что отправляется в путешествие, съез на корабль и отплыл на запад. С этого времени прошло три года и о нем не было ни слуху, ни духу.

В один прекрасный день прошла молва, что принц вернулся и привез с собой ветку чудесного дерева — *удонь*, которое цветет однажды в три тысячи лет.

Раньше чем Найо-Таке, удивленная этой вестью, опомнилась, ей прислужницы принесли ей богато-украшенный ящик и в нем, ибачто, казавшиеся ветвью неизвестного дерева, украшенной неизвестными, чудными цветами. Она не похожа была на ветвь настоящего, обыкновенного дерева. Кора и листья были чистого золота, а цветы — драгоценные камни всевозможных цветов. К этой ветви на шелковинке было привязано письмо, в котором принц признавался, что он решился подвергнуть свою жизнь всевозможным опасностям и случайностям трудного путешествия, но не отступать, пока не добудет драгоценной ветви, разумея под последним названием Найо-Таке. Подарок очень понравился дѣвушкѣ, но все-таки она глубоко вздыхала при мысли, что ей придется выйти замуж за принца.

Как раз в это время Токутори сообщил ей, что принц пришел за получением того, что ему было обещано за успешно-выполненное поручение. Найо-Таке, погруженная в грустные размышления, не отвѣтила ничего. Старый дворецкий не понимал, почему дочь его так противится браку с богатым, красивым принцем, доказавшим ей свою преданность таким подвигом, а она все твердила, что, давая поручения своим поклонникам, была убѣждена в совершенной их невыполнимости.

Токутори, вернувшись к принцу, попросил рассказать его похождения, которые были полны приключений и чудес.

Принц, нимало не смущаясь, начал:

— Боже двух лет тому назад, в десятый день второй луны, я выехал на поиски. твердо решив не возвращаться без чудесной ветви с горы Хоран. Я не знал, куда идти, но, положившись на волю судьбы, направил свой корабль с первым подувшим ветром. Случалось, погода ревели, море вздувалось, плыло, и точно хотело проглотить нас, то подкидывая наш корабль, то опуская его до самого дна морского; в другое время океан застывал в ливном бездѣйствіи, мы съѣдали нашу провизию и затѣм кое-как прокармливались устрицами и другими ракушками, которыми находили на пустынных береговых скалах. Ужасныя чудовища иногда появлялись из волн и с ревом лѣзли на корабль, намѣреваясь нас пожрать. На пятисотый день нашего плаванія, находясь в совершенно неизвестном морѣ, я увидѣлъ далеко на горизонтѣ большую массу, казавшуюся прекрасным, плодучим островом. Мы приблизились иплыли вокруг него три дня, отыскивая бухту, гдѣ бы удобнее пристать; наконец, в одном мѣстѣ, проходила вулкана берега, и замѣтил женщину с серебряным вулканом в руках, черпавшую воду из хрустального ручья; женщина эта была прекрасна, какъ ангелъ. На мой вопрос, какъ называется это мѣсто, она отвѣчала, что это гора Хоран. Не будучи въ состояніи сдержать мою радость, я спросил, какъ зовут ее самоѣ; она прошептала какое-то очень близкое или и скрылась, постѣ чего и ее не встрѣчалъ больше. Возвратившись въ деревню и кусты, покрытые такими чудными цвѣтами, которые бывають развѣ только на звѣздахъ. Весело журчащія алмазные водопады прыгали съ золотой скалы на серебряную и через них переплывали были волшебные мосты изъ драгоценныхъ камней всѣхъ цвѣтовъ радуги. Среди деревьевъ я сразу замѣтил то, которое мнѣ было нужно, и оторвал отъ него ту ветвь, которую вы видите здѣсь, хотя, долженъ сказать, тамъ были деревья и цвѣты еще болѣе красивые. Въ такой странѣ хотѣлось бы остаться навѣки, но лишь только я овладѣлъ ветвью, сердце мое забило отъ отчужденія, и я, не теряя времени, съѣлъ на корабль и отправился въ обратный путь; ветры дули попутные, и въ четыреста дней мы обратились до родного берега, — я даже не переѣхалъ платья, вымоченнаго въ морской водѣ, такъ и торопился къ вамъ.

Токутори был тронутъ рассказомъ принца до слезъ.

Въ это время въ садъ вошли шестеро человекъ, державшихъ въ расщепленной паличѣ*) письмо; одинъ изъ нихъ приблизился къ собесѣдникамъ и съ глубокимъ поклономъ попросилъ плату за тысячу дней, проведенныхъ за работой драгоценной ветви.

Токутори отъ изумленія не могъ промолвить слова. Взглянувъ на принца, онъ увидѣлъ, что тотъ задрожалъ, поблѣднѣлъ и опустилъ глаза. Найо-Таке изъ своихъ комнатъ видѣла, какъ вошли въ садъ эти люди, и отчасти услышала, о чемъ они просили; она послала одну изъ своихъ женщинъ и потребовала ихъ къ себѣ. Рассказъ ихъ былъ не долговъ. Оказалось, что вся чудесная повѣсть о приключеніяхъ принца была сплошнымъ вымысломъ, въ дѣйствительности онъ, выйдя въ море, вернулся тайкомъ черезъ три дня и скрылся въ предварительномъ приготовленномъ домѣ, окруженномъ тремя рядами толстыхъ стѣнъ, такъ что ни одинъ нескромный глазъ не могъ увидѣть, что дѣлается въ самомъ домѣ. Здѣсь онъ прожилъ три года, завершивъ съ шестью искусными мастерами, которыми, кромѣ богатаго вознагражденія, были обѣ-

щаны чины, если они сдѣлають ветку подобную той, какую описывала Найо-Таке: свое дѣло они выполнили, но, не получивъ за него обиданныхъ наградъ, они рѣшили обратиться къ Найо-Таке, такъ какъ слышали, что она собирается выйти замужъ за принца, который уже поднесъ ей ветку въ качествѣ свадебнаго подарка.

Красавица, съ грустью помышлявшая о предстоящемъ бракѣ, слыша рассказъ мастеровъ, ожала и развеселилась: хлопнула въ ладоши, она приказала явившейся на ея зов прислугѣ щедро заплатить этимъ людямъ за добрый дѣла ей ветви, а злополучная ветка была возвращена принцу. Подавленный стыдомъ, онъ лежалъ ничкомъ, не подымая головы, пока не зашло солнце, и уже ночь покровомъ ночи скрылся.

Мастера-ювелиры, довольные и веселые, возвращались домой, по дороге на нихъ напалъ уличенный ими принцъ и въ отищеніе за свой стыдъ, отнявъ у нихъ деньги, данныя Найо-Таке, бросилъ ихъ въ грязь, а людей безжалостно избилъ.

Постѣ всего этого принцъ не вернулся въ свой дворецъ, такъ какъ его позорное поведение непременно получило бы огласку; онъ скрылся въ горахъ и, несмотря на предпринятые поиски, никто о немъ больше никогда не слышалъ.

III.

Знатный даймио*) Нире, на долю котораго выпало ѣхать въ Китай за мѣхомъ изъ огневыхъ крысъ, былъ очень богатъ и пользовался общимъ уваженіемъ. — востоду у него были преданные друзья: одинъ изъ нихъ, по имени Го, какъ разъ жилъ въ Китаѣ, Нире отправилъ къ нему вѣрнаго человека, снабдивъ его крупной суммой денегъ, и просилъ пріятеля не жалѣть своихъ трудовъ и времени въ поискахъ за мѣхомъ изъ огневыхъ крысъ, если только такіе есть.

— Ну, задача! — сказалъ Го, прочтя письмо Нире. — Слышать-то я слышалъ про огневыхъ крысъ, это вѣрно; но добыть цѣлый мѣхъ изъ ихъ шкурки, это не такъ легко.

Постѣ долгихъ, тщательныхъ поисковъ онъ узналъ, что много летъ тому назадъ пришедшій изъ Индіи святой отшельникъ привезъ съ собой плащъ изъ шкурки огневыхъ крысъ, но что съ нимъ стало въ послѣдствіи. — никому не было известно; продолжалъ вѣдѣть наводить справки объ этомъ плащѣ, Го случайно услышалъ, что онъ тщательно хранится, какъ священная вещь, въ одномъ дальнемъ храмѣ за горами. Онъ послалъ тотчасъ же въ этотъ храмъ надежнаго человека, снабдивъ его рекомендательными письмами отъ высокооставленныхъ лицъ; благодаря этимъ письмамъ, посланному удалось добыть сокровище, хотя и пришлось заплатить за него гораздо больше, чѣмъ отпустилъ на его покупку Нире. Довѣренный слуга его свѣтлости, получивъ драгоценный плащъ, поспѣшилъ отплыть изъ Китая въ ближайшій портъ Японіи; здѣсь его ждали высланныя навстрѣчу верховыя лошади, и онъ все разстояние до столицы, въ четыреста сличкомъ миль, проскакалъ въ семь дней.

Нире такъ былъ радъ пріобрѣтенію, что даже не справился о его цѣнѣ. Опустившись на колѣни, онъ съ молитвой благодарности преклонился въ сторону Китая. Въ воображеніи его ясно рисовалась величественная Найо-Таке въ этомъ царственномъ одѣянн; онъ уложилъ его въ богато-украшенный ящикъ и поспѣшилъ къ повѣстѣ.

Найо-Таке не скрыла своего восхищенія при видѣ зеленовато-золотистаго мѣха, отливашаго на солнечномъ свѣтѣ, какъ расплавленный металл. По памяти, какъ она ошиблась въ подаркахъ первымъ двумъ жениховъ, Найо-Таке захотѣла проверить подлинность и этого, а потому попросила Нире положить плащъ на огонь, такъ какъ отличное свойство настоящаго мѣха огневыхъ крысъ — его негорючесть.

Токутори пробовалъ протестовать противъ этого рѣшенія, вспоминая неудачу первыхъ двухъ жениховъ; онъ боялся, что такая же судьба постигнетъ и третьяго. Жена его раздѣлила эти опасенія.

Нире недоумѣвала, почему Найо-Таке сомнѣвается въ подлинности мѣха, но на ея настойчивое требованіе положить мѣхъ на *либичи* (очагъ). Но, увы, мѣхъ сразу вспыхнулъ такъ свѣтло, какъ за минуту до того свѣтлы были надежды жениха; чувствуя, что вмѣстѣ съ мѣхомъ онъ обращаются въ пепелъ, Нире поблѣднѣлъ и, опустивъ голову, печальный вернулся домой. Единственнымъ слабымъ утѣшеніемъ ему было письмо отъ Найо-Таке, въ которомъ, выражая ему сочувствіе, она просила его вѣрить, что никогда не сожгла бы плаща, если бы предвидѣла, что онъ можетъ сгорѣть.

IV.

Владѣтельный князь Оки былъ большой хвастунъ, но еще большій трусъ. Чтобы не подвергнуть риску свою особу, онъ созвалъ всѣхъ своихъ придворныхъ и обѣщалъ исполнить всякое требованіе того человека, который доставитъ ему радужный камень-амулетъ съ шен дракона.

Какъ ни трудно было предпріятіе, — смѣльчакъ нашлись.

Они просіялъ, похваливъ своихъ слугъ за вѣрность, открылъ свои сундуки и, раздавъ имъ много шелку, серебра и золота на путевыя издержки, отпустилъ на поиски, напутствуя еще разъ приказаніемъ не возвращаться безъ амулета.

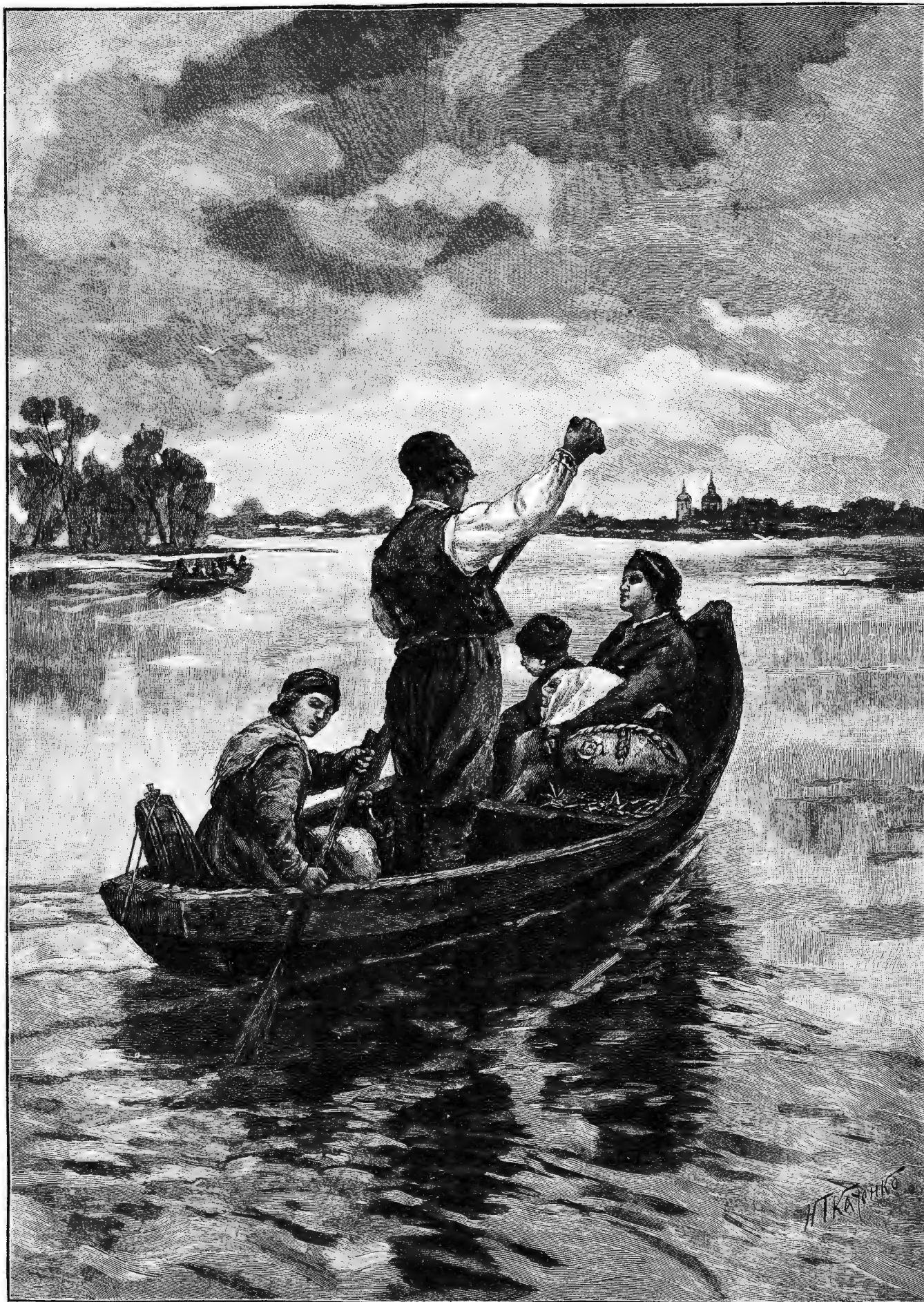
Хитрые придворные, зная хорошо, что имъ не достать требуемаго амулета, посмѣялись надъ легковѣрнымъ Оки, раздѣлили между собой выданный имъ на дорогу деньги и товары и разбре-

*) Обычный способъ при подачѣ прошенія или передачѣ письма.

*) Князь, владѣлецъ удѣла.

Христось воскресе! Ориг. рис. (собств. «Нивы») Н. Д. Дмитриева-Оренбургскаго, гравир. Ю. Мультишовскій.

Возвращеніє съ пасхальными покупками изъ города. Ориг. рис. (собств. «Нивы») Н. Ткаченко, гравир. Ю. Пшюблеръ.

лись въ разныя стороны. Некоторые потихоньку вернулись къ себѣ домой и жили въ своихъ семьяхъ на деньги князя; другіе, на эти же средства, везелись и купили, но ни одинъ не искалъ встрѣчи съ дракономъ.

Они выстроили себѣ пока новый великолѣпный дворецъ изъ дорогихъ цвѣтныхъ деревъ; на украшеніе его онъ не щадилъ лака, золота, рѣзбы и тканей. Твердо вѣрившись, что Найо-Таке станетъ его женой, онъ распустилъ всѣхъ своихъ прежнихъ женъ и только ждалъ возвращенія вѣрныхъ слугъ, чтобы ввести въ новый дворецъ новую княгиню.

Проходить годъ,—о вѣрныхъ слугахъ ни слуху, ни духу. Онъ не въ силахъ былъ сдержать своего нетерпѣнія. Взявъ съ собою только двухъ человѣкъ, онъ ѣдетъ въ ближайшій приморскій городъ и тамъ у встрѣчныхъ моряковъ спрашиваетъ, не возвратились ли люди князя Оки съ амулетомъ съ шеи убитаго имъ дракона. Моряки смѣялись ему въ лицо.

Раздраженный насмѣшками, Оки, потрясая лукомъ, поклялся отыскать рѣдкостнаго дракона, убить его и снять съ его шеи радужный амулетъ. Онъ сѣлъ на корабль и отплылъ на западъ.

Нѣсколько дней погода стояла тихая, плаваніе похоже было на увеселительную прогулку, теплый воздухъ пѣжилъ море и застывшая, какъ ртуть, вода отражала нестерпимо-сверкавшее солнце. Но коварная стихія пожелала остаться вѣрной своей славы, или просто бездѣйствіе ей надоѣло—небо нахмурилось, море потемнѣло, вѣтеръ сталъ задуть порывами все сильнѣе и сильнѣе, темно-сѣрыя тучи быстро неслись по небу такъ низко, что почти задышали мачты корабля; изрѣдка сквозъ нихъ показывался клочокъ далекаго голубого неба, точно для того, чтобы еще болѣе жутко стало отъ сознанія, что гдѣ-то тамъ, очень далеко, въ это время и тихо, и ясно. Скоро и этихъ пятенъ не стало видно на небѣ, все оно точно опустилось еще ниже безформенной, тяжелой массой, изъ которой лилъ дождь, по временамъ сверкали ослѣпительныя молніи и слышались раскаты грома. Штормъ ревѣлъ съ необыкновенной силой, море ходило горами, вѣтеръ срывалъ пѣныстыя вершины валовъ и, смѣшавъ ихъ съ дождемъ, хлесталъ брызгами, какъ розгами, по лицамъ испуганныхъ мореходовъ. Стихія перемѣшалась,—снизу соленая мгла, которая неслась надъ кипящимъ моремъ, а сверху ливень, какіе бывають только въ этихъ мѣстахъ, уничтожили границу между воздухомъ и водой.

У князя Оки душа ушла въ пятки, а тутъ еще лопманъ, человѣкъ бывалый и много плававшій, сказалъ, что никогда въ жизни ему не случалось бывать въ такой передѣлкѣ, что если ихъ корабль не залетѣтъ волнами, то, вѣроятно, сожжетъ молніей, а въ лучшемъ случаѣ унесетъ въ южное море, гдѣ все равно придется погибнуть.

Оки, одурѣвшій отъ страха и морской болѣзни, очнулся и дрожащимъ голосомъ замѣтилъ ему, что теперь вся надежда на него, а потому онъ не долженъ пугать его.

Но вотъ постепенно непогода стихла, гроза и штормъ пронеслись, раскаты грома слышались изрѣдка, какъ отдаленное эхо, море еще долго не хотѣло успокоиться, точно негодуя на нарушителей его покоя; но для судна уже не было опасности. Засвѣтло солнце, и уставые, измученные, промокшіе мореплаватели вздохнули отъ глубины души, увидѣвъ, что они находятся во внутреннемъ морѣ*), у береговъ провинціи Харита.

Они не вѣрили, что опасность миновала, ему все еще казалось, что ихъ несетъ въ южное море, и въ смертельномъ страхѣ онъ лежалъ внизъ; онъ тогда только пришелъ въ себя и убѣдился, что онъ на твердой землѣ, когда приходившій на судно губернаторъ провинціи извелъ его изъ трюма. Онъ простудился, кашлялъ, глаза его покраснѣли и вѣки налились, какъ слезы. Слѣды перенесенной морской болѣзни и страха, не исчезнувшіе съ его лица, дѣлали его до того смѣшнымъ, что встрѣчные прохожіе при видѣ его не могли удержатъ улыбки. Никакими силами нельзя было убѣдить его вернуться домой моремъ, онъ усаѣлся въ носилки и, проклиная свою судьбу, безславно вернулся домой.

Придворные, благоразумно сидѣвшіе по домамъ, прослышавъ про неудачу ихъ князя, собрались съ духомъ и, придя къ нему, покаялись, что они и не пытались исполнить его порученіе. Оки, подъ свѣжымъ впечатлѣніемъ пережитаго, даже похвалилъ ихъ за мудрость, такъ какъ, —сказалъ онъ,—ничего пытаться исполнить невозможное. Сначала пронесся-было слухъ, что Оки вернулся съ драконовымъ сокровищемъ, но потомъ, провѣдавъ истину, народъ сталъ надъ нимъ глумиться, говоря, что единственное сокровище, которое онъ добылъ—это по сливѣ на каждый глазъ.

Дворецъ, выстроенный для Найо-Таке, такъ и остался нежилымъ, къ удовольствію вороны, въ скорости свившихъ въ немъ гнѣзда.

V.

Князь Исе взялся достать раковину изъ ласточкина гнѣзда. Онъ послалъ за своимъ старымъ домоправителемъ и спросилъ, не знаетъ ли онъ, гдѣ ласточки строятъ себѣ гнѣзда? Старикъ удивился, зачѣмъ князю его повадобились гнѣзда ласточки, но, узнавъ, что нужны—собственно не гнѣзда, а попадающаяся въ нихъ раковина, сказалъ, что впервые слышитъ такую вещь, что много разъ ему доводилось убивать ласточекъ, но никогда ни въ ихъ желудкахъ, ни въ гнѣздахъ онъ не находилъ ничего путнаго, но возможно, что во время кладки яицъ тамъ и найдется раковина, и что, кстати, подъ крышей сосѣдняго дома свило себѣ гнѣзда множество ласто-

чекъ. Забравшись на крышу, можно поглядѣть, не окажется ли въ ихъ гнѣздахъ раковины.

Исе обрадовался совѣту, и по его приказанію двадцать молодцовъ тотчасъ же приставили лѣстницу и, забравшись на крышу, стали смотрѣть внизъ, а князь нетерпѣливо спрашивалъ, не видятъ ли они чего. Перепуганнымъ шумомъ, ласточки всѣ повилетѣли изъ гнѣздъ и съ пронзительнымъ крикомъ носились кругомъ на почтительному разстоянію. Одинъ изъ старыхъ приближенныхъ князя шепнулъ ему, что за дѣло взялись неладно, что ласточки пугливы и въ присутствіи такой толпы ни за что не вернуться въ свои гнѣзда и не станутъ нестись; онъ посоветовалъ убрать лѣстницу и вмѣсто нея приспособить крѣпкую корзину на блокѣ, въ которой можно было бы во всякое время поднять человѣка подъ крышу и посмотришь, нѣтъ ли чего въ гнѣздахъ; онъ слышалъ, что ласточки, раньше чѣмъ снести яйцо, вертять хвостомъ и повертывается въ гнѣздѣ семь разъ, и надѣялся, что если ему удастся подослѣть въ это время, онъ найдетъ раковину.

Князю понравилась мысль вѣрнаго слуги, и онъ, отдавъ соответственныя приказанія, вернулся домой. Снявъ съ себя дорогое платье, онъ подарилъ его, въ знакъ особаго расположенія, мудрому, старому совѣтнику и весь вечеръ провелъ, пируя и веселясь со своими приближенными. Рано утромъ Исе послѣшилъ на кухню посмотришь, не найдена ли раковина, но къ его разочарованію дѣло не подвижилось нисколько. Князь разсердился и, сказавъ, что къ его желанію отнеслись недобросовѣстно, самъ пожелалъ сѣсть въ корзину и осмотришь гнѣзда. Онъ приказалъ поднять себя, и, очутившись подъ крышей, замѣтилъ, что въ одномъ изъ гнѣздъ ласточка вертѣлась; осторожно просунувъ руку въ гнѣздо, онъ осяпалъ что-то гладкое и холодное; зажавъ находку въ рукѣ, онъ крикнулъ внизъ:

— Спускайте корзину, я нашелъ, что нужно.

На половинѣ обратнаго пути корзины веревка не выдержала, оборвалась, князь полетѣлъ и упалъ спиной прямо на желѣзный котелъ. Перепуганная свита подскочила, подняла князя, но онъ былъ безъ чувствъ; смочили ему голову и губы холодной водой, онъ очнулся и, спросивъ слабымъ голосомъ свѣчу, сказалъ, что хочетъ посмотришь раковину, доставшуюся ему такой дорогой цѣной. Но и тутъ ждало его горькое разочарованіе—въ его все еще крѣпко зажатой рукѣ оказался комочекъ грязи, изъ которой ласточки лѣпять свои гнѣзда; онъ горько вздохнулъ и вновь лишился сознанія. Перенесенный во дворецъ, князь только и думалъ, какъ бы скрыть свою неудачу отъ всѣхъ,—онъ предпочелъ бы умереть, чѣмъ стать посмѣшищемъ всего народа.

Найо-Таке, до которой дошелъ смутный слухъ о несчастіи, постигшемъ Исе, послала ему маленькое письмо въ стихахъ, съ вопросомъ: правда ли, что послѣ столькихъ стараній его труды не увѣнчались успѣхомъ, и онъ не добылъ раковины?

Исе былъ очень слабъ, когда получилъ это письмо, но, собравъ остатокъ силъ, потребовалъ бумаги и отвѣтилъ, что за свою неудачу онъ достаточно вознагражденъ ея вниманіемъ къ нему, хотя оно и не можетъ уже возвратитъ ему угасающую жизнь,—и скончался.

VI.

Слава о красотѣ Найо-Таке и печальной участи неудачныхъ искателей ея руки, дошла, наконецъ, до ушей самого микадо, и у него явилось непреодолимое желаніе увидѣть эту удивительную дѣвушку. Онъ послалъ знатную придворную даму въ домъ Токутори, чтобы она убѣдилась лично, насколько справедливы слухи о ея пріемной дочери. Важную даму, прѣхавшую въ сопровожденіи большой свиты, встрѣтила жена Токутори; ей было сказано, что цѣль посѣщенія ея дома, по желанію его величества микадо, это—посмотришь Найо-Таке.

Старуха объявила своей дочери объ этомъ, но та наотрѣзъ отказалась показаться придворной дамѣ, говоря, что не видитъ основанія, почему бы ей подниматься подобнымъ желаніямъ хотя бы и самого микадо. Какъ ни старалась старуха Токутори убѣдить Найо-Таке показаться посланной, она осталась непреклонной и окончательно объявила, что микадо можетъ приказатъ убить ее, но она, все-таки, не покажется этой женщинѣ. Такъ ии съ чѣмъ и вернулась придворная дама и доложила о своей неудачѣ.

Микадо разсмѣялся.

—Маленькая волшебница, кажется, хочетъ разбить мое сердце, какъ уже разбила сердца своихъ прежнихъ поклонниковъ,—сказалъ онъ, и постарался больше о ней не думать. Но наперекоръ своему желанію вспоминалъ о ней все чаще и чаще; наконецъ, онъ послалъ за Токутори и попросилъ у него дочь въ замужество. Микадо прибавилъ, что отецъ въ правѣ распорядиться рукой своей дочери, и общалъ, что послѣ свадьбы онъ, старый дровосѣкъ, будетъ возведенъ въ высокое званіе.

Восхищенный предложеніемъ, старикъ, вернувшись домой, убѣдительно просилъ Найо-Таке согласиться на такое блестящее замужество, но дочь его смотрѣла на этотъ союзъ иначе, и отказалась сдѣлаться «дворцовой рабыней».

— Если же, —прибавила она:—изъ честолюбія вы меня будете къ этому принуждать, то больше никогда меня не увидите.

— Что мнѣ почести, —отвѣчалъ огорченный Токутори:—если тебя не будетъ съ нами; но неужели же ты не можешь рѣшиться испытать счастье у микадо.

— Если въ этого такъ хотите, я попробую, но я знаю, что отъ этого я умру.

*) Средиземное и Японское море между о-вами Япономъ, Сигономъ и Ку-шю.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо; если такъ, я пойду и скажу микадо, что его желаніе не можетъ быть исполнено.

Микадо не хотѣлъ вѣрить, что отказъ серьезенъ, какъ въ глубинѣ души полагалъ и самъ Токутори. Подумавъ немного, микадо сказалъ, что онъ пойдетъ на охоту въ сторону жилища Токутори, зайдетъ къ нему и захватитъ Найо-Таке неожиданно, не давъ ей времени опомниться и отказать ему въ свиданіи. Токутори согласился.

Все случилось, какъ было условлено,—микадо безъ доклада вошелъ въ домъ дровосѣка и увидѣлъ чудной, неземной красоты существо, отъ котораго струился необыкновенный свѣтъ; онъ угадалъ, что это и есть таинственная Найо-Таке, и схватилъ ее за рукавъ въ ту минуту, какъ она хотѣла скрыться во внутреннія комнаты. Хотя она и закрывала свое лицо другимъ рукавомъ, но все же микадо удалось разсмотрѣть ея черты, навсегда вѣзавшіяся въ его сердцѣ. Онъ погребовалъ, чтобы она не уходила, а тотчасъ же отправилась съ нимъ во дворецъ. Но Найо-Таке отвѣчала, что, такъ какъ она не на землѣ рождена, то не можетъ исполнить его желанія. Когда микадо, несмотря на это, обхватилъ ее и хотѣлъ силой унести, она вдругъ исчезла, и онъ сажалъ въ объятіяхъ пустоту; тогда только онъ убѣдился, что она—существо сверхъестественное, и сталъ просить ее вновь стать видимой и показаться ему на прощанье.

Найо-Таке появилась, освѣтивъ комнату розовымъ свѣтомъ.

Сознавая, что волшебница для него недоступна, микадо съ тяжелымъ сердцемъ простился съ ней и вернулся въ свой дворецъ. Разставаясь съ Токутори, онъ возвелъ его въ достоинство самурая (дворянина) и далъ ему подъ начальство сотню человѣкъ, бывшихъ въ его свѣтѣ.

Съ тѣхъ поръ во дворцѣ микадо поселилась тоска; красивѣйшія женщины и дѣвушки, представившіяся ко двору, казались ему уродами при воспоминаніи о чудной красотѣ Найо-Таке. Въ одиночествѣ онъ сочинялъ поэмы въ честь ея и нѣсколько успокоивался, когда получалъ на нихъ отвѣты.

VII.

Прошло три года. За Найо-Таке стали замѣчать, что каждый разъ при наступленіи полнолунія она становилась грустной; какое-то горе точило ее, и по нѣлымъ часамъ она сидѣла и со слезами на глазахъ глядявалась въ безстрастное лицо полной луны.

Токутори, узнавъ объ этомъ, пришелъ къ ней и сталъ ее уговаривать.

— Дорогая моя волшебница, что такъ печалитъ тебя, когда міръ кругомъ такъ прекрасенъ. Послушайся старика, не гляди на луну, если она тебя разстраиваетъ.

Дѣвушка старалась побороть свою грусть, но въ половинѣ лѣта горе вяло вверхъ, и она дни и ночи заливалась слезами. Старики стали допытываться, что съ ней такое, и нельзя ли какъ-нибудь помочь горю.

— Я дитя луны,—призналась она наконецъ,—и тамъ въ свѣтлой столицѣ у меня есть отецъ и мать; они меня послали на нѣкоторое время на землю, но наступать срокъ моего возвращенія, и скоро за мной придутъ посланники съ луны. Не думайте, что я рада покинуть васъ,—прибавила она, видя, какъ старики разрыдались при этомъ сообщеніи.

— Вспомни время, когда я тебя нашелъ въ бамбукахъ,—сказалъ Токутори:—какъ ты была мала тогда; теперь ты съ меня ростомъ; неужели же ты думаешь, что я вырастилъ тебя для того, чтобы тебя отняли у меня какіе-то жители луны.

Женская прислуга Найо-Таке плакала горькими слезами при мысли о возможной разлукѣ съ ней.

Микадо, услышавъ кое-что объ этой странной исторіи, послалъ узнать точнѣе, въ чемъ дѣло. Токутори, изложивъ посланному всѣ обстоятельства дѣла и свое горе, черезъ него попросилъ государя на время полнолунія дать ему сильную стражу, которая не допустила бы похищенія Найо-Таке.

Посланный исполнилъ порученіе и разжалобилъ микадо, сказавъ ему, что Токутори отъ тревожнаго ожиданія состарился вдвое и скорбился, точно столѣтній старикъ.

Микадо приказалъ опытнѣйшему изъ своихъ генераловъ и шести другимъ командирамъ полковъ, взявъ двѣ тысячи человѣкъ солдатъ, охранять домъ Токутори.

Передъ наступленіемъ полнолунія тысяча солдатъ расположились вдоль ограды дома, а другая тысяча—на его крышѣ. Женщины, вооружившись койками, взялись охранять коридоры. Жена Токутори въ одной изъ внутреннихъ комнатъ, гдѣ хранились драгоценности, сидѣла, обвивъ Найо-Таке, а онъ самъ сторожилъ у дверей.

Когда, по мнѣнію Токутори, все было готово къ охранѣ, онъ объявилъ, что теперь даже ангель не проберется въ его домъ, и съ задоромъ приказалъ людямъ, стоявшимъ на крышѣ, стрѣлять во все, что бы ни шло съ неба, будь то даже капля росы. Найо-Таке предупреждала его, что всѣ мѣры, принятія имъ, бесполезны и бесполезны противъ тѣхъ, которые должны придти за ней, а старикъ все-таки хвастался, что онъ собственными ногтями выцарапаетъ имъ глаза, вырветъ волосы и, содравъ съ нихъ платье, вытолкаетъ ихъ съ позоромъ.

Найо-Таке пыталась остановить его безразсудное хвастовство, она говорила ему, что хотѣла бы прожить съ пріемными родителями и ухаживать за ними, когда они будутъ слабы и дряхлы, что она просила отца съ матерью позволить ей остаться на землѣ только еще на одинъ годъ; но они не согласились. Токутори продолжалъ твердить свое, что ни одинъ лунный житель, какъ бы онъ силенъ и могучъ ни былъ, не тронетъ Найо-Таке. Въ этихъ разговорахъ ихъ застала ночь.

VIII.

Въ полночь домъ Токутори и вся окрестность освѣтились, точно днемъ, полный мѣсяцъ засіялъ въдесятеро сильнѣе, и съ неба спустилась необыкновенная процессія существъ въ роскошныхъ платьяхъ со знаменами и значками въ рукахъ и остановилась въ воздухѣ на разстояніи сажени отъ земли. Войско, бывшее на крышѣ, пораженное ужасомъ, не въ состояніи было сдѣлать выстрѣла, а тѣ, которымъ удавалось дрожащими отъ страха пальцами натянуть тетиву и пустить стрѣлу, промахивались и съ раскрытыми отъ ужаса глазами смотрѣли безмолвно на чудесное видѣніе.

Одинъ изъ небесныхъ пришельцевъ, выдѣлявшійся изъ толпы своимъ необычайнымъ блескомъ и величественнымъ видомъ, приблизился къ Токутори и обратился къ нему съ рѣчью, а Токутори, за минуту до того безъ мѣры хвастливый, протерся ницъ въ бессмысленномъ ужасѣ.

— Сѣдобродный юноша! «Принцесса Лучезарная» за свою провинность была изгнана на землю и, въ награду за твою жестокость и доброту, ей указано было прожить нѣкоторое время въ твоей бѣдной хижинѣ. Время ея наказанія окончилось, мы пришли за ней, отдай намъ ее немедленно.

Жители луны не умираютъ и не старѣютъ, время для нихъ не существуетъ, и они считали Токутори молодымъ человѣкомъ, несмотря на его сѣдину; его дворецъ казался имъ бѣдной, грязной хижинкой въ сравненіи съ ихъ свѣтлыми чертогами на лунѣ.

Токутори сдѣлалъ послѣднюю попытку, — онъ сказалъ, что та, про которую они спрашиваютъ, послана на землю, какъ они утверждаютъ, на короткое время, а находящаяся у него Найо-Таке живетъ съ ними уже двадцать лѣтъ, стало-быть, она не та, которую имъ нужно и, кромѣ того, она въ настоящее время опасно больна и не можетъ выйти.

На это небесный посоль даже не отвѣтилъ, онъ приказалъ приготовить воздушныя носилки и раскинуть надъ ними легкій газовый зонтикъ, а самъ позвалъ принцессу:

— Иди же скорѣе; какъ можешь ты оставаться такъ долго въ этой грязной лачугѣ!

Отъ этихъ словъ крѣпко запертыя двери растворились, и принцесса, освободившись изъ безсилно опустившихся рукъ старухи, вышла. Она спросила Токутори, — неужели онъ на дороге не пожелаетъ ей счастья, но старикъ, рыдая, умолялъ не покидать его, ибо онъ не могъ себѣ и представить, что съ нимъ будетъ, когда ея не станетъ.

Видя, что Токутори совершенно потерялъ голову отъ горя и не въ состояннн ничего понять, Найо-Таке написала письмо, которое онъ могъ бы прочесть послѣ ухода ея къ себѣ на луну; въ этомъ письмѣ она повторила, что, если бы она была земнымъ существомъ, величайшей ея радостью было бы ухаживать за приемными родителями до самой ихъ смерти, но такъ какъ это невозможно, то она оставляетъ имъ на память свое платье. Если въ полнолуние они посмотрятъ на него и прочтуть ея письмо, она, Найо-Таке, будетъ смотреть на нихъ съ луны, и руки ея, принявъ форму лучей, разглядятъ морщины на ихъ лицахъ.

Одинъ изъ лунныхъ посланцовъ подаль принцессѣ пузырекъ съ *водою жизни*; она отпила немного и пошла на платье, которое оставляла Токутори. Въ это время свѣтлый духъ хотѣлъ накинуть на нее великолѣпный плащъ изъ перьевъ, но она остановила его.

— Подожди немного. Тотъ, кто надѣваетъ этотъ плащъ, разрываетъ со всеѣмъ земнымъ, а я еще не покончила расчетовъ съ землею, — и тутъ же она написала письмо микадо:

«Хотя вы благоволили послать цѣлое войско, чтобы не допустить меня покинуть землю, но я не могу остаться. Мнѣ прискорбно, что я не могу отвѣчать на ваши чувства, тѣмъ болѣе, что вы никогда не изгнали меня изъ своего сердца...» И въ заключеніе добавила: «моя послѣдняя мысль передъ тѣмъ, какъ оставить землю и исчезнуть въ лунномъ свѣтѣ — была о тебѣ». Это письмо и остаткіи *воды жизни* она послала микадо.

Къ рисункамъ.

Св. Пасха, этотъ свѣтлый праздникъ, совпадаетъ обыкновенно съ первыми днями весны, съ первыми днями пробужденія природы послѣ долгой, зимней спячки, возрожденія ея къ новой жизни. Такимъ образомъ пасхальные дни являются двойнымъ праздникомъ, праздникомъ людей и природы. По славянской мнѳологн уже рождественскіе праздники слѣдуетъ считать предварительнымъ праздникомъ весны. Народъ образно представляетъ себѣ борьбу весенняго солнца съ зимнимъ чудовищемъ Кашеємъ, и рождественская Коляда — торжество послѣдней — еще незначительная побѣда; змѣй, оправившись отъ пораженія, собирается съ силами и обрушивается стужами на несчастную землю. Послѣ новой борьбы весна торжественно появляется зеленъ. И люди, согрѣтые и ободренные первымъ весеннимъ солнцемъ, рѣшаются праздновать это событіе. Въ мартѣ мѣсяцѣ уже изгнали изъ деревень злую зиму Морену и привѣтствовали новую весну.

Нѣмецкій художникъ Мунтъ даетъ на своей картинкѣ поэтическій «уголокъ весны»; между лѣсной тропинкой и лѣснымъ ручейкомъ, на зеленомъ бархатѣ молодой, свѣтлой зелени, собралось нѣсколько дѣтшекъ подъ наблюденіемъ взрослыхъ. Свѣтлое весеннее небо стелется надъ ними, деревья, усыпанные цвѣтомъ, распространяютъ благоуханіе, серебристая вода ручейка журчитъ около нихъ... Жизнь взаперти кончилась — впереди теплое лѣто и свобода бѣгать по лѣсамъ и полямъ. И дѣтшекъ радуется и яркій цвѣтокъ, прнотнвшійся въ мягкой зелени травы, и прожужжавшая пчелка, и сорванный листъ лопуха, похожаго на зонтикъ, и колокольчикъ, напоминающій шапочку, если его опрокинуть, и стрекоза, похожая на кобыла, и самый праздникъ Пасхи, съ его красными и золотыми личками, куличами, подарками. Для нихъ наступитъ суровая пора жизни. И блаженъ тотъ изъ нихъ, которому будетъ чѣмъ вспомнить короткую, но счастливую весну...

Одна изъ самыхъ интересныхъ выставокъ текущаго года была, несомнѣнно, выставка картинъ г. Васнецова въ Академіи Художествъ. Она отличалась отъ другихъ тѣмъ, что на ней были выставлены картины одного художника, и несмотря на это, она привлекала огромное число посѣтителей и вызывала въ нихъ чувство наибольшаго удовлетворенія. Замѣтимъ еще, что на этой выставкѣ собраны были далеко не все картины г. Васнецова. Все его произведенія религіознаго содержанія, столь сильно содѣйствовавшія его славѣ, отсутствовали на выставкѣ. Обнимала она, однако, значительный періодъ его дѣятельности. Самая ранняя картина относилась къ 1881 г.; самая поздняя — къ 1899 г. Такимъ образомъ выставка обнимала почти 20 лѣтъ творчества нашего художника.

Въ теченіе этого продолжительнаго времени опредѣлился характеръ его дарованія. Если мы возьмемъ такія картины, какъ «Затишье» и «Скнны», написанныя въ 1881 г., и сравнимъ ихъ съ позднѣйшими картинами, то мы убѣдимся, что въ началѣ своей дѣятельности художникъ очень тщательно выписывалъ все детали. Постепенно же эта детальная работа исчезаетъ, но взамѣнъ получается большая интенсивность творчества. Художникъ какъ бы пренебрегаетъ отдѣлкою своихъ картинъ и сосредоточиваетъ все вниманіе на основной идѣ. Взбѣтъ съ тѣмъ мы видимъ, что въ началѣ талантъ его разнообразнѣе и постепенно сосредоточивается на излюбленныхъ художникомъ сюжетахъ...

Изъ 38 картинъ, красовавшихся на выставкѣ, большинство было посвящено иллюстрированію русскихъ писателей — Островскаго,

Вслѣдъ за этимъ, простившись съ землей, она завернулась въ блестящій плащъ, и вмигъ Токутори съ его горемъ и все земное было забыто; она съѣла въ носилки, окруженная воздушной стражей, вся процессія плавно поднялась къ небесамъ и растаяла въ свѣтлыхъ лучахъ луны.

Въ неутихомъ горѣ по утраченной навсегда дочери, старая чета бродила по опустѣвшему дому, не находя себѣ ни мѣста, ни успокоенія. Старикъ равнодушно выслушалъ содержаніе оставленнаго имъ письма, не захотѣлъ воспользоваться предложеніемъ продлить жизнь безконечно, такъ какъ, — говорили они, — имъ болѣе не для кого жить и печего дѣлать на этомъ свѣтѣ; и они легли и заснули навѣки.

Начальникъ отряда, охранявшаго домъ Токутори, вернулся во дворецъ и подробно донесъ микадо обо всемъ случившемся и о томъ, какъ его люди оказались безсильными удержать принцессу.

Когда микадо прочелъ письмо Найо-Таке, посланное вмѣстѣ съ *водою жизни*, горе его не знало мѣры; онъ отказался отъ пиши, приказалъ, чтобы болѣе не было музыки во дворцѣ, и, призвавъ одного изъ своихъ довѣренныхъ офицеровъ, повелѣлъ ему сыскать самую высокую гору въ государствѣ, вершина которой была бы поближе къ небесамъ, и тамъ, разложивъ костеръ, сжечь на немъ данную ему *воду жизни* и написанное имъ стихотвореніе въ честь «Принцессы Лучезарной».

Гора нашлась въ провинціи Цуруга. Взорвавшись на ея вершину съ большимъ отрядомъ солдатъ, офицеръ разложилъ громадный костеръ и сжегъ на немъ поэмѣ микадо и пузырекъ съ *водою жизни*. Съ тѣхъ поръ гора эта называется Фуджи-нояма, т. е. гора безсмертная.

Говорятъ, дымъ отъ этого костра и до сихъ поръ струится къ небу.

Пушкина, Лермонтова и русскихъ былинь. Затѣмъ слѣдуютъ сюжеты, заимствованные изъ старинныхъ рисунковъ, служившихъ украшеніемъ различныхъ предметовъ домашняго обихода нашихъ предковъ. Встрѣчались на выставкѣ и нѣсколько портретовъ и; кромѣ того, одинъ пейзажъ. Пейзажъ этотъ — «Затишье» — по настроенію и вышнскѣ превосходенъ, и можно только пожалѣть, что г. Васнецовъ отказался отъ этого рода живописи. Но онъ создалъ такіа замѣчательныя произведенія въ другихъ жанрахъ, что пенять на него за это не приходится. Его иллюстраціи къ Пушкину или Лермонтову, его декорации и костюмы къ «Снѣгурочкѣ» Островскаго принадлежать къ лучшему, что было создано въ этомъ направленн русскихъ художниками. Что же касается до его воссозданія нстнво русскихъ былинь, то не только никто не превзошелъ г. Васнецова въ этомъ отношенн, но даже не можетъ выдержать съ нимъ отдаленнаго сравненія.

Въ настоящемъ номерѣ *Ивы* мы воспроизводимъ основную картину выставки — его знаменитыхъ «Богатырей».

Русскій эпосъ, выразившійся въ нашихъ былинахъ, поразителенъ по живости колорита, блеску и богатству фантазіи, по рельефности героевъ. Эпическимъ спокойствіемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поистинн богатырской силой вѣетъ отъ этихъ былинь, составляющихъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій русской народной поэзіи. Богатыри русскаго народнаго эпоса все обладаютъ силой, ловкостью, оглушительнымъ голосомъ, продолжительнымъ сномъ и способностью много пить и много ѣсть. Но въ то же время русскій эпосъ идеализируетъ своихъ героевъ-богатырей, придавалъ ихъ дѣятельности религіозный или патріотическій характеръ и смычалъ ихъ физическую силу чертами добродушія и человѣчности. Русская живопись, долгое время какъ будто чуждавшаяся нашего эпоса, нашла, наконецъ, своего поэта былинь. Это — В. М. Васнецовъ. Его «Богатыри» — великолѣпный образецъ мощи и проникновенія художника. Въ нихъ какъ будто сосредоточено то широкое спокойствіе и сознаніе силы, которыми они отличаются и въ былинахъ. Эти три богатыря — Алеша Поповичъ, Илья Муромецъ и Добрыня Никитичъ — всегда тѣсно связаны въ былинахъ и находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою.

Илья Муромецъ сидѣлъ сиднемъ тридцать лѣтъ, и какъ минуло ему тридцать лѣтъ, сталъ онъ на ногахъ ходить крѣпко и ощущать въ себѣ силу великую и сдѣлалъ онъ себѣ сую ратную и коня булатное и осѣдлалъ коня добраго, богатырскаго. Ѣдетъ онъ въ Кіевъ и по дорогѣ беретъ сильнаго богатыря Соловья-разбойника и приводитъ его съ собою у стремени булатнаго. Книазъ кіевскій не вѣритъ его разсказу: «что ты обманываешь меня?», осердился, причитъ онъ. Какъ услышали это богатыри Алеша Поповичъ и Добрыня Никитичъ, бросились они смотреть и увидѣли, что Илья Муромецъ правъ. Вотъ и назвалися Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ братьями. И осѣдлали они своихъ добрыхъ коней и поѣхали въ чистое поле гулять и ѣздили ровно три мѣсяца, искали, выслатривали супротивника, но не нашли его...

Предъ нами во всей своей мощной красѣ три младшихъ богатыря. Главнѣйшій изъ нихъ, являющійся центральной фигурой картины. — «старый казакъ» Илья Муромецъ: вороной его конь дышитъ такой же мощью, какъ и самъ Илья, и въ его черныхъ ушныхъ глазахъ точно свѣтится горделивое сознаніе, что за спицею несетъ онъ на своемъ хребтѣ. По правую руку отъ Илы на блѣзю коня грозно сидитъ, держа мечъ наготовѣ, храбрый, «вѣжій» Добрыня Никитичъ, княжій слуга, ловкій, «на пожку поверткій», мастеръ на

гусляхъ да въ тавен играть, мастеръ и въ полѣ чистомъ побиться. По другую руку Ильи — спесивый, бранчивый, въ бою верткій и хитрый, «бабій пересмѣшникъ» Алеша Поповичъ. Всѣ эти три яркихъ былинныхъ фигуры изображены мастерски нашимъ знаменитымъ художникомъ. Великолѣпная гравюра Гедана, исполненная по специальному нашему заказу, точно воспроизводитъ всѣ тончайшія детали картины, являющейся цѣннымъ вкладомъ въ русскую живопись нынѣшняго вѣка.

Рубенсъ — одинъ изъ величайшихъ художниковъ фламандской школы, — какъ извѣстно, съ одинаковымъ успѣхомъ работалъ во всевозможныхъ родахъ живописи. Онъ писалъ картины аллегорическаго содержания, историческія, портреты, сельскіе жанры, религиозные сюжеты. И во всѣхъ картинахъ его чувствуется могучій геній, плодovitость его богатой фантазіи, поразительная энергія его рисунка, смѣлость мазка, сила колорита. И если Рафаэль — поэтъ идеальныхъ настроеній, то Рубенсъ — настоящій поэтъ движенія и жизни. За всю свою художественную дѣятельность Рубенсъ написалъ свыше 1300 полотенъ. Какъ образецъ творчества Рубенса, мы даемъ здѣсь его знаменитую картину **Воскресеніе Христово**, въ которой сохранены всѣ типичныя черты, свойственныя великому художнику въ трактовкѣ религиозныхъ сюжетовъ. Рубенсъ отлично сознавалъ свое положеніе въ искусствѣ и свою силу: онъ бралъ за свои произведенія колоссальныя суммы. Извѣстенъ его гордый отвѣтъ одному алхимику, предложившему ему купить секретъ производства золота. Художникъ, смѣясь, отвѣтилъ ему: «Я давно нашелъ этотъ секретъ... на моей палитрѣ».

Въ древней до-Петровской Руси былъ обычай, и доселѣ еще сохранявшійся въ нѣкоторыхъ дальнихъ и глухихъ уголкахъ нашего отечества. На Святой недѣлѣ каждый православный могъ подойти къ каждому ближнему своему и христосоваться съ нимъ, мѣняясь при этомъ яйцами. Свято соблюдая этотъ обычай, однаково приравнивавшій всѣхъ смертныхъ въ одномъ радостномъ воспоминаніи о чудесномъ Воскресеніи Христовомъ, и сами цари московскіе христосовались въ Святыя праздники съ нищими и даже съ узниками, къ которымъ сходили въ ихъ мрачныя и смрачныя тюрьмы, чтобы и къ нимъ заронить во тьму радостный лучъ наступившаго Свѣтлаго праздника. Покойный Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій, рисунокъ котораго мы помѣщаемъ въ настоящемъ № *Нивы*, прекрасно воспользовался этимъ древнимъ русскимъ обычаемъ, чтобы создать живую и милую жанровую сценку. Бодрышня, на Святой недѣлѣ, отправилась въ церковь, помолиться Богу, приложиться къ иконамъ и

мощамъ св. угодниковъ. Окончивъ молитву и удовлетворивъ своему религиозному чувству, она, въ сопровожденіи своей неизбѣжной спутницы — мамки, собирается уже выходить изъ храма, какъ вдругъ навстрѣчу ей, выходитъ изъ-за столба нищій, и, протягивая къ ней руку съ краснымъ яичкомъ, говоритъ ей обычное привѣтствіе: «Христосъ воскрес!» Бодрышня отступаетъ въ испугъ и смущеніи, и не знаетъ, что ей дѣлать, на что рѣшиться? Она сознаетъ, что ей нельзя отвѣтить на привѣтъ нишаго иначе, какъ: «воистину воскрес!» — и затѣмъ похристосоваться съ нимъ и принять отъ него его благодарный даръ; но стыдъ дѣвичій, а можетъ быть и спесь бодрыска сдерживаютъ ее и стѣсняютъ, и она почти готова обратиться за совѣтомъ и помощью къ своей спутницѣ-мамкѣ... А Божій человекъ стоитъ передъ ней, съ краснымъ яичкомъ въ рукахъ, и ждетъ ея отвѣта на свое привѣтствіе... П.

Ты знаешь край, гдѣ все
весельемъ дышитъ.
Гдѣ рѣки льются чище
серебра...

Этотъ край — Малороссія, и рисунокъ художника Н. Ткаченко переноситъ насъ въ этотъ благословенный край. Весна въ разгарѣ, рѣки давно очистились отъ льда, деревья давно уже зазеленѣли; днемъ подъ палящимъ солнцемъ юга становится уже жарко. Наступаетъ Свѣтлое Христово Воскресеніе; въ Страстную субботу нужно уже быть окончательно готовымъ къ встрѣчѣ Великаго Праздника. И всю недѣлю шныряютъ по широко разлившейся рѣкѣ лодки, отъ села, пріютившагося въ темно-зеленыхъ рощахъ, до большого уѣзднаго города. Последний срокъ для возвращенія съ пасхальными закупками изъ города — конечно, Страстная суббота. На рисунокѣ г. Ткаченко мы видимъ лодку, нагруженную пасхальными яствами — тутъ и каравай хлѣба, и бутылъ водки, и «обновы», которыя бережно держатъ въ рукахъ, завернутыми въ холстъ, молодой хохлашка. Этотъ несложный жанръ полонъ наблюдательности и проникнутъ поэтическимъ настроеніемъ.

А. Ф. Бычковъ († 2-го апрѣля 1899 г.). По фот. грав. Шюблеръ.

А. Ф. Бычковъ. (Портр. на этой стр.)

Русская наука и всѣ люди, близко съ нею соприкасающіеся, понесли тяжкую утрату въ лицѣ скончавшагося 2-го апрѣля директора Императорской публичной бібліотеки, академика Аванасія Федоровича Бычкова. Среди научныхъ дѣятелей бывають такіе люди, которые какъ бы срастаются со своимъ дѣломъ, живутъ съ этимъ дѣломъ одною общою жизнью, почти отождествляются съ нимъ; цѣлыя поколѣнія, подрастая и развиваясь, привыкають ихъ видѣть неустанно работающими на томъ же мѣстѣ и въ томъ же направленіи, и, наконецъ, привыкають думать, что этимъ дѣятелямъ, какъ извѣстнымъ

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №.№. „Нивы“ съ 1-го мая, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полной годовой подписной платы за „Ниву“ 1899 г., озаботиться скорѣйшей присылкой слѣдующаго срочнаго взноса. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероли, подъ которою получается ими „Нива“.

сказочнымъ богатствомъ—«на роду смерть не писана!» Къ числу такихъ-то именно дѣателей принадлежалъ и покойный Аѳанасій Ѳеодоровичъ, котораго всѣ мы привыкли видѣть безмѣннымъ часо-вымъ на томъ посту, который онъ всю жизнь свою такъ горячо и ревностно охранялъ... Всѣ тѣ, для кого Публичная библиотека радушно отпирала свои двери, со студенческой скамьи и до сѣднхъ волосъ помнили Аѳанасія Ѳеодоровича все такимъ же, неизмѣнно-живымъ, подвижнымъ и энергичнымъ, такимъ же преданнымъ дѣлу и готовымъ на всякую услугу, какимъ онъ былъ и до конца: онъ давно уже сложился въ эту форму и давно оставался въ ней неизмѣннымъ. Самъ постоянно занятый, онъ ужасно любилъ видѣть, что и другіе не отстаютъ отъ него въ трудолюбіи, а потому вмѣнили себѣ въ особенное удовольствіе—приходить на помощь каждому труженнику, который нуждался въ его указаніяхъ и совѣтахъ. А эти указанія были всегда очень цѣнны, потому что едва ли можно было найти въ Петербургѣ другаго, лучшаго знатока нашей древней рукописной литературы, палеографіи, историографіи и археологіи въ самомъ живомъ и обширномъ значеніи этого слова. И всѣ эти разнородныя и разнообразныя свѣдѣнія, совмѣщавшіяся въ головѣ Аѳанасія Ѳеодоровича, при его колоссальной памяти и чрезвычайной живости, были всегда и для всѣхъ открытою сокровищницей.

Не сложна и не запутанна біографія этого ученаго, посвятившаго наукѣ всю свою жизнь. Родился А. Ѳ. Бычковъ въ 1818 г. въ Фридрихсгамѣ и все свое дѣтство провелъ въ Финляндіи. По роду своему онъ принадлежалъ къ старинной ярославской дворянской фамиліи, состоявшей въ близкомъ родствѣ съ боярскими и княжескими родами. Образование первоначально получилъ въ ярославской гимназіи, гдѣ окончилъ курсъ первымъ ученикомъ и опредѣлился въ московскій университетъ. Здѣсь, подъ руководствомъ любимаго профессора—М. П. Погодина—Аѳанасій Ѳеодоровичъ ревностно принялся за изученіе русской исторіи и древностей и, главнымъ образомъ, за изученіе источниковъ. Ему, какъ отличному студенту, предстояло получить адъюнктуру по кафедрѣ русской исторіи, но онъ предпочелъ поступить на службу (въ 1840 г.) въ только-что учрежденную тогда археологическую комиссію и усердно принялся за изданія памятниковъ древней русской письменности: лѣтописей, актовъ, грамотъ и т. п. Почти одновременно съ поступленіемъ на службу въ археологическую комиссію, Бычковъ поступилъ въ Публичную библиотеку, гдѣ и прослужилъ болѣе полулѣта, не переставая быть дѣятельною, живою силою, много способствовавшею подъему, распространенію и совершенствованію этого превосходнаго государственнаго учрежденія. Интересы библиотеки были постоянно въ такой степени близки А. Ѳ. Бычкову, что онъ, при всей многосложности своихъ занятій, вынуждавшихъ его постоянно работать далеко за полночь, неизмѣнно проводилъ въ библиотекѣ все утро, до 4-хъ часовъ пополудни, не «засѣдалъ» только, а дѣятельно работалъ надъ всевозможными вопросами книжнаго дѣла, надъ сношеніями библиотеки съ другими учеными учрежденіями въ Россіи и за границей, и надъ разрѣшеніемъ иногда довольно трудныхъ вопросовъ по хозяйству библиотеки.

Всесторонній свѣдѣніи А. Ѳ. Бычкова по русской словесности и письменности, по русской старинѣ и народности давно уже обратили на него вниманіе Императорской Академіи Наукъ, которая избрала его съ 1855 года въ члены-корреспонденты, а съ 1866 г. возвела въ академики по отдѣленію русскаго языка и словесности. И здѣсь, не менѣе, чѣмъ въ археологической комиссіи и въ библиотекѣ, А. Ѳ. Бычковъ былъ дѣятель, подвиженъ и незамѣнимъ при разрѣшеніи многихъ научныхъ вопросовъ, не менѣе трудолюбивъ и какъ одинъ изъ усерднѣйшихъ сотрудниковъ академическихъ изданій.

Если бы мы захотѣли перечислить здѣсь всѣ труды А. Ѳ. Бычкова и указать тѣ изданія, въ которыхъ онъ участвовалъ, то намъ не хватило бы мѣста, хотя бы мы въ пять разъ увеличили объемъ нашей статьи. Достаточно будетъ сказать, что въ теченіе послѣдняго полулѣта не было предпринято ни одного ученаго труда или изданія въ области изученія нашей древней письменности, въ которомъ бы Аѳанасій Ѳеодоровичъ не принималъ самаго дѣятельнаго и непосредственнаго участія. Какъ на весьма важныя заслуги покойнаго, мы должны указать на «Дворцовые разлады за 1602—1710 гг.», изданныя въ пяти томахъ подъ его редакціей; на изданныя имъ «Юрнлы и походные журналы Петра I съ 1695 по 1725 годъ», и въ особенноти на изданіе трехъ громадныхъ томовъ «Писемъ и бумагъ Петра Великаго», надъ обработкою которыхъ онъ трудился слишкомъ восемнадцать лѣтъ!

А. Ѳ. Бычковъ и скончался, какъ добрый воинъ, на своемъ посту—за дѣломъ, среди трудовъ и заботъ. 29-го марта, проведя все

утро въ библиотекѣ, онъ вечеромъ принималъ участіе въ одномъ изъ засѣданій, которыя отнимали у него такъ много времени, и соби-рался еще поспѣть въ Синодъ, на другое ученое засѣданіе. Но почувствовалъ себя дурно и упалъ въ обморокъ. Ему была подана первая помощь, и онъ былъ перенесенъ домой. Прийдя въ себя, онъ тотчасъ же озабочился объ исполненіи нѣкоторыхъ самоуживнѣйшихъ дѣлъ по библиотекѣ, сталъ дѣлать распоряженія и особенно настаивалъ на томъ, чтобы исполненіе ихъ не было замедлено... Свѣжесть ума, при полной памяти и замѣчательномъ присутствіи духа, онъ сохранялъ въ теченіе всѣхъ пяти дней своей краткой болѣзни и говорилъ съ окружающими, участвовалъ въ ихъ жизни до послѣднихъ своихъ минутъ... Миръ праху труженика, беззаветно преданнаго наукѣ и посвятившаго ей всю жизнь!
П. Полевой.

Графъ Л. Л. Гейденъ. (Портр. на этой стр.)

3-го апрѣля семья русскихъ моряковъ торжественно отпраздновала рѣдкое, небывалое торжество—пятидесятилѣтіе генераль-адъютантской службы старѣйшаго русскаго адмирала, графа Логгина Логгиновича Гейдена.

Графъ Л. Л. Гейденъ.
По фот. Левинскаго автот. «Нивы».

Графъ Л. Л. Гейденъ родился въ 1806 г. и четырнадцати лѣтъ, произведенный въ мичманы, присягнулъ на вѣрность службы императору Александру I; еще въ юные годы совершилъ онъ рядъ доблестныхъ боевыхъ подвиговъ, навѣки запечатлѣвшихъ его славное имя въ исторіи русскаго флота. Юношей совершилъ онъ кругосвѣтное плаваніе и затѣмъ, уже въ чинѣ лейтенанта, въ 1826 г., участвовалъ въ знаменитомъ Наваринскомъ бою, за который былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ. Рѣдкая награда 20-лѣтнему юношѣ. Три года спустя онъ былъ удостоенъ другой рѣдкой награды (въ его возрастѣ)—ордена св. Георгія 4-й степени за 18 шестимѣсячныхъ кампаній, иными словами—за то, что онъ въ теченіе 9 лѣтъ—съ 14-лѣтняго возраста—непрерывно проплавалъ на военныхъ судахъ.

Императоръ Николай I обратилъ вниманіе на графа Л. Л. Гейдена и вскорѣ по восшествіи на престолъ пожаловалъ ему званіе флигель-адъютанта. Затѣмъ, послѣдовательно переходя всѣ штабъ-офицерскіе чины, онъ занималъ рядъ отвѣтственныхъ должностей: эскадръ-майора и управляющаго военно-походною по флоту канцеляріей Его Величества, дежурнаго генерала главнаго морского штаба, военнаго губернатора и главнаго командира ревельскаго порта. 3-го апрѣля 1849 г., имѣя отъ роду всего 43 года и находясь въ контръ-адмиральскомъ чинѣ,

гр. Л. Л. награжденъ былъ почетнымъ званіемъ генераль-адъютанта. Десять лѣтъ спустя гр. Гейденъ былъ призванъ императоромъ Александромъ II къ участію въ дѣлахъ Александровскаго комитета о раненыхъ, въ которомъ онъ усердно прослужилъ въ теченіе болѣе 36 лѣтъ. 17-го ноября 1895 г., по поводу 75-лѣтія службы гр. Л. Л. въ офицерскихъ чинахъ, онъ былъ назначенъ вице-предсѣдателемъ Александровскаго комитета о раненыхъ и членомъ Государственнаго Свѣта.

Въ день исполнявшагося юбилея его генераль-адъютантства, гр. Л. Л. Гейденъ удостоенъ былъ Высочайшаго рескрипта и высокой Царской награды.

«Нынѣ, въ изъявленіе преемственнаго въ Нашемъ Домѣ уваженія къ вашей многолѣтней полезной и самоотверженной дѣятельности»,—говорится въ рескриптѣ:—«а равно въ знакъ искренняго Моего къ вамъ благорасположенія, жалуя вамъ, для ношенія на груди, при семь препровождаемые, брилліантами осыпанные портреты Императоровъ Александра I, Николая I, Александра II, Александра III и Мой, пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный и искренно уважающій васъ».

НИКОЛАЙ.

Государь Императоръ осчастливилъ кромѣ того гр. Л. Л. Гейдена въ день его юбилея Своимъ личнымъ посѣщеніемъ его на квартирѣ. Маситый адмиралъ былъ тронутъ до слезъ этой Царской милостью. Въ тотъ же день его посѣтили Ихъ Императорскія Высочества великіе князья Владиміръ Александровичъ, Борисъ Владиміровичъ, Алексѣй Александровичъ, Павелъ Александровичъ, Константинъ Константиновичъ, Дмитрій Константиновичъ, Георгій Михайловичъ, Александръ Михайловичъ, Сергій Михайловичъ и Ихъ Высочества принцы Александръ Петровичъ и Петръ Александровичъ Ольденбургскіе и герцогъ Михаилъ Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкій.

Оливеръ Кромвель. (Рис. на стр. 319.)

13-го апрѣля 1899 г. исполнилось триста лѣтъ со дня рожденія одного изъ знаменитѣйшихъ государственныхъ дѣателей Англій, Оливера Кромвеля.

Родившійся въ небогатой семьѣ простаго землевладѣльца въ Гун-

тингдонъ, Оливеръ Кромвель получил среднее образование въ Кэмбриджѣ, затѣмъ изучалъ юриспруденцію въ Лондонѣ, но затѣмъ, вследствие кончины отца, вернулся къ сельскому хозяйству, на 22-мъ году женился, и сталъ образцовымъ хозяиномъ и семейникомъ. Воспитанный въ строгой религіозности, суровый и энергичный Кромвель вмѣстѣ съ другими англичанами, послѣ религіознаго разрыва съ Римомъ, сталъ кальвинистомъ и, по обычаю кальвинистовъ, читалъ библейскія поученія, молился со своими единомышленниками, произносилъ даже проповѣди, — по правиламъ кальвинистовъ, право «вѣщанія» дано каждому христианину.

Въ наступившія въ Англии смутныя времена, когда сильно колебались и государственныя, и религіозныя основы, такой человекъ, какъ Кромвель, — твердый въ вѣрѣ, умный, энергичный, увѣренный въ силу своего характера, не могъ не выдѣлиться, не занявъ высокаго положенія. Онъ дважды — въ 1628 и въ 1640 г. былъ избираемъ въ парламентъ, но главная его дѣятельность началась во время междоусобной войны, когда Кромвель сталъ во главѣ войскъ «независимыхъ» противъ короля Карла I, не желавшаго подчи-

съ Даніей, Швеціей, Голландіей, Португаліей, а Франція и Испанія наперерывъ заискивали его расположенія. Съ такой же энергіей взялся онъ и за упрядоченіе внутренняго строя государства. Главнымъ актомъ его правленія было установленіе полной свободы совѣсти, сразу упротворившее страну, гдѣ кипѣла постоянная борьба между пресвитеріанами, анабаптистами, квакерами и протестантами. Часть парламента упорно боролась противъ мѣропріятій Кромвеля, но онъ распустилъ парламентъ въ 1655 г. и лишь въ слѣдующемъ созвалъ новый, который призналъ его власть.

Мало того, въ средѣ этого новаго парламента возникла мысль возстановить наследственную монархію въ лицѣ Кромвеля и его потомковъ. 19-го марта 1657 г. представлено было Кромвелю рѣшеніе палаты предложить ему королевскую корону. Въ душѣ его происходила страшная борьба. Онъ чувствовалъ, что узаконенный въ своей неограниченной власти королевской короной онъ сможетъ, наконецъ, привести государственныя порядки въ блестящее положеніе, но въ то же время онъ понималъ, какъ тяжело будетъ для него королевскій вѣнецъ, сколько онъ принесетъ ему личнаго горя,

Къ трехсотлѣтію дня рожденія Оливера Кромвеля. Дочь Кромвеля, Елисавета, уговариваетъ отца отказаться отъ предложенной ему короны. Съ картины Ю. Шрадера по грав. Бонга автотипія «Нивы».

ваться требованіямъ парламента. Эта тяжкая война имѣла религіозную подкладку — борьбу протестантовъ съ папствомъ и католиками. Не получивъ никакаго военнаго образованія, Кромвель былъ одаренъ зато рѣдкою проницательностью; онъ понялъ, что силу королевскихъ войскъ составляло высокоразвитое въ нихъ чувство рыцарской чести, и потому онъ внушилъ своимъ войскамъ еще большую нравственную силу — духъ религіознаго возбужденія. Благодаря этому оружію, Кромвелю удалось побѣдить королевскія войска и заставить Карла I подчиниться парламенту. Въ 1649 г. Карлъ былъ низложенъ, и въ 1651 г. уничтожено было временно въ Англии королевское достоинство. Палата общинъ, какъ представительница верховныхъ правъ народа, олицетворяла собою государственную власть, и Англія стала республикой.

Но, несмотря на провозглашеніе республиканскаго образа правленія, мудрое государственное правило «Le roi est mort, vive le roi» осталось въ полной силѣ и быстро дало о себѣ знать. На смѣну Карлу I уже былъ собственно новый король изъ народа — Оливеръ Кромвель. Въ 1653 г., послѣ блестящихъ побѣдъ надъ возмущившейся Шотландіей, Кромвелю былъ предложенъ парламентомъ титулъ протектора трехъ соединенныхъ государствъ — Англии, Ирландіи и Шотландіи. Его пятилѣтнее правленіе страной подъ именемъ протектора было въ полномъ смыслѣ королевскимъ по независимости. За эти пять лѣтъ Кромвелю удалось привести къ блестящему положенію внѣшнія дѣла Англии; послѣ постоянныхъ, нескончаемыхъ войнъ и вражды ему удалось установитъ мирныя отношенія

какое вызоветъ ожесточеніе враговъ, какъ этотъ титулъ будетъ не по сердцу даже его лучшимъ друзьямъ, его старымъ боевымъ сподвижникамъ, которые были его самыми надежными сторонниками, но врядъ ли примирились бы съ мыслью видѣть его въ пышномъ королевскомъ одѣяніи.

Рѣшила эту борьбу главнымъ образомъ горячая просьба его любимой дочери Елисаветы. Предчувствуя, какимъ опасностямъ отецъ себя подвергаетъ, она вымолила у него отказаться отъ предложенной короны. Этотъ трогательный моментъ, очень знаменательный въ исторіи Англии, изображенъ на нашемъ рисункѣ.

Не малую долю въ этомъ отказѣ Кромвеля отъ короны слѣдуетъ приписать и его патриотизму. Онъ никогда не былъ честолюбцемъ и даже выразился, что подносимый титулъ будетъ «только лишнимъ перомъ на его шляпѣ». Имѣя въ виду только благо государства, онъ пришелъ къ своему рѣшенію послѣ долгаго раздумья и скромно сравнилъ въ парламентѣ себя съ полицейскимъ, обязаннымъ блюсти за спокойствіемъ въ своемъ приходѣ. Кромвель принялъ лишь проектъ конституціи, создававшей конституционную монархію, но безъ королевскаго титула, и онъ торжественно присягнулъ на Библии служить своей странѣ. Это произошло 14-го іюня 1657 г., а годъ спустя его уже не стало. Въ 1658 г. его постигло страшное семейное горе: умерла его любимая дочь Елисавета, лэди Клайполь; еще ранѣе лишился онъ двоихъ своихъ сыновей — Роберта и Оливера, и въ томъ же 1658 г., 22-го августа, скончался онъ самъ въ старомъ дворцѣ англійскихъ королей, Уайтхоллѣ. Онъ умеръ среди полноты

своего могущества. Передъ смертью онъ велѣлъ прочесть себѣ то мѣсто изъ посланія къ Филиппійцамъ (гл. IV, ст. 12—13), въ которомъ говорится о силѣ вѣры: «Умѣю жить и въ скудости, умѣю жить и въ изобиліи; научился всему и во всемъ: насыщаться и терпѣть голодъ, быть и въ обиліи, и въ недостаткѣ; все могу въ укрѣпляющемъ меня Иисусѣ Христѣ».

Этими евангельскими словами можно охарактеризовать всю жизнь и дѣятельность Кромвеля. Послѣ смерти его была выбита въ память его медаль, на лицевой сторонѣ которой было изображеніе Кромвеля, а на оборотной—оливковое дерево со слѣдующей надписью вокругъ: «non deficiente oliua» (не оскудѣетъ оливковое дерево). Въ этихъ словахъ былъ отчасти намекъ на имя Кромвеля—Оливеръ, а быть-можетъ, отчасти и намекъ на незабвенность его дѣятельности, имѣвшей цѣлый миръ и порядокъ.

Баронесса Клара Гиршъ.

(Портр. на этой стр.)

Извѣстная благотворительница баронесса Клара Гиршъ, вдова барона Маврикія Гирша, умершая недавно въ Парижѣ, была дочерью бельгійскаго сенатора и банкира М. Бишофсгейма и родилась въ Антверпенѣ 18-го іюня 1833 года. Въ іюнѣ 1855 г. она вышла замужъ за Маврикія Гирша. Ея мужъ, сынъ второстепеннаго мюнхенскаго банкира, поступилъ на службу въ банкирскій домъ Бишофсгейма, съ цѣлью тщательно изучить банковое дѣло. Бракъ его съ дочерью его принципала открылъ ему широкую дорогу для проявленія своихъ выдающихся коммерческихъ способностей. Его предпріятія увѣнчались блестящимъ успѣхомъ, и баронъ Гиршъ, ставъ миллионеромъ, поселился съ женою въ Парижѣ. Тамъ, въ кругу своего мужа отъ экс-императрицы Евгеніи дворцъ, баронесса Клара Гиршъ сумѣла выказать весь блескъ воспитанности, хотя по природѣ она отличалась скромностью вку-

Баронесса Клара Гиршъ.
По рис. Гг. грав. Хельмкнѣй.

совъ и привычекъ и не любила пышности. Смерть ея единственнаго сына Люсьена заставила ее отказаться отъ пышныхъ пріемовъ въ своемъ дворцѣ и съ еще большею энергіею отдаться дѣламъ благотворительности, въ которыхъ она всегда выказывала свое доброе сердце и выдающуюся заботливость о сирыхъ и обездоленныхъ. Большая часть громаднаго состоянія, оставленнаго ей ея мужемъ, перейдетъ теперь въ фондъ «Еврейскаго колонизаціоннаго общества», капиталы котораго возрастутъ благодаря этому до 7 миллионъ фунтовъ стерлинговъ. Кромѣ того, ею не забыты также и многочисленные благотворительныя учрежденія во Франціи, Англии, Австріи, Россіи, основанныя или поддерживаемыя ея щедротами.

За свою выдающуюся благотворительную дѣятельность, баронесса Гиршъ удостоилась высокаго вниманія со стороны императора Франца-Иосифа, зачислившаго ее одною изъ первыхъ въ число дамъ «ордена Елисаветы», учрежденнаго имъ въ память своей покойной супруги. Изъ числа ея выдающихся пожертвованій, общая сумма которыхъ достигла 30 миллионъ франковъ, упомянемъ о двухмилліонномъ дарѣ институту Пастера, благодаря которому оказалось возможнымъ соорудить при немъ биологическую лабораторію. Въ Парижѣ ею была основана также школа труда (на rue Secrétan), въ пользу которой она пожертвовала 1½ мил. франковъ. Въ Англии на ея средства сооружена большая санаторія для немущихъ больныхъ. Въ Америкѣ на пожертвованные ею 7 миллионъ основанъ цѣлый рабочий городокъ для эмигрировавшихъ туда изъ Россіи. Всѣ основанныя ею въ различныхъ странахъ благотворительныя учрежденія получаютъ еще значительныя суммы на поддержаніе своей дѣятельности, согласно завѣщанію покойной, и кромѣ того, на завѣщанныя ею суммы будеть основано еще множество новыхъ, изъ нихъ большинство во Франціи.

Политическое обозрѣніе.

Важнѣйшій въ наши дни международный вопросъ—конференція объ ограниченіи вооруженныхъ силъ переходить изъ области предположеній въ дѣйствительную жизнь: изъ Гааги, гдѣ будутъ засѣдать спеціальныя уполномоченныя державъ, нидерландское правительство разослало 25-го марта официальное приглашеніе на конференцію, созываемую по «достославному почину Россійскаго Императора». На международное совѣщаніе приглашены 19 европейскихъ державъ, Соединенные Штаты Сѣверной Америки, Сіамъ, Персія, Китай и Японія. Всѣ правительства, получившія знаменательную дипломатическую повѣстку, назначили уже своихъ делегатовъ. Черезъ нѣсколько недѣль весь цивилизованный миръ съ напряженнымъ вниманіемъ станетъ слѣдить за тѣмъ, что происходитъ въ столицѣ Нидерландовъ.

Во Франціи, вопреки всеобщему ожиданію политическихъ кружковъ, чѣмъ ближе день, когда кассационный судъ выскажется по дѣлу Дрейфуса, тѣмъ менѣе увѣренности, что достигнуто будетъ желанное успокоеніе, а потому и стали обнаруживаться уже сомнѣнія въ томъ, что удастся прекратить слишкомъ продолжительную агитацию. Правительство воспользовалось парламентскими ваканціями для того, чтобы повліять на общественное настроеніе. Съ этою цѣлью глава кабинета, г. Дюпонъ, въ концѣ истекшаго мѣсяца обратился къ своимъ избирателямъ съ пространною рѣчью, въ которой говорилось, что вообще положеніе Франціи благоприятно, что республика не боится государственныхъ переворотовъ, что экономическія условія страны хороши, и что во внѣшней политикѣ конвенція съ Англіей обезпечиваетъ за Франціей въ Африкѣ настоящую колониальную имперію. Затѣмъ въ рѣчи еще говорилось, что для безопасности береговъ страны и колоній приняты мѣры, благодаря которымъ Франція можетъ съ довѣріемъ относиться къ будущему, и что дѣлу Дрейфуса виденъ уже конецъ, такъ какъ всѣ обязанности отнесены къ рѣшенію кассационнаго суда съ полнымъ уваженіемъ. Въ заключеніе министр-президентъ назвалъ преступною полемику, привлекающую къ дѣлу національную армію—«эту обширную семью, къ которой принадлежатъ всѣ сыны отечества, этотъ залогъ безопасности республики въ настоящемъ и ея надежды въ будущемъ, этотъ оплотъ независимости страны, ея государственнаго строя и законовъ!» Избиратели-слушатели привѣтствовали своего депутата бурными знаками одобренія.

Отраднымъ политическимъ явленіемъ послѣдняго времени признается сближеніе Франціи съ Италіей, обрисовавшееся на дняхъ самымъ нагляднымъ образомъ.

Итальянская королевская чета совершила побѣдку на островѣ Сардинію. Французской средиземной эскадрѣ—изъ десяти броненосныхъ судовъ—поручено было привѣтствовать государя сосѣдней страны отъ имени Франціи въ сардинскихъ водахъ. Французскимъ судамъ, прибывшимъ 31-го марта въ г. Кальяри, устроена была итальянской эскадрой торжественная встрѣча: французскимъ моря-

камъ, сходящимъ на берегъ, оказанъ былъ властями и населеніемъ сердечный пріемъ.

Наканунѣ прибытія итальянской королевской четы французскій адмиралъ далъ офицерамъ итальянской эскадры роскошный завтракъ, во время котораго съ обихъ сторонъ высказано было не мало горячихъ взаимныхъ симпатій съ пожеланіями прочности дружбы между обими родственными націями. По прибытіи короля и королевы, французскій адмиралъ, привѣтствуя ихъ отъ имени французскаго правительства, передалъ имъ сердечныя поздравленія французскаго народа.

За завтракомъ на французскомъ адмиральскомъ суднѣ 2-го апрѣля, въ честь короля и королевы, французскій адмиралъ, «гордясь честью, оказанною французской эскадрѣ посѣщеніемъ королевской четы», принесъ ей сердечную благодарность за «новое доказательство высочайшей симпатіи къ Франціи» и поднялъ бокалъ отъ имени президента французской республики за благоденствіе короля, королевы и королевскаго дома, за выдающихся талантовъ итальянскихъ министровъ, за благоденствіе великой итальянской націи, за ея прекрасную армію и флотъ. Король Гумбертъ, отвѣчая на французское слово языкъ, сказалъ, что выраженный отъ имени французскаго правительства чувства встрѣтили въ его сердцѣ такой же глубокой отголосокъ, какой вызванъ былъ восстановленіемъ добрыхъ торговыхъ отношеній между Франціей и Италіей. Король поднялъ бокалъ за благоденствіе Франціи и за президента республики, котораго сердечно благодарилъ за присылку прекрасной эскадры.

Франко-итальянская дружественная манифестация у острова Сардиніи по справедливости отмѣчена почтью, какъ выдающееся политическое событіе, которое, во всей вѣроятности, не останется безъ существеннаго вліянія на международную жизнь западно-европейскихъ державъ.

Кровавыя событія на архипелагѣ Самоа (см. *Нива* № 14) приняли очень серьезный характеръ. По послѣднимъ извѣстіямъ бой близъ г. Апинъ въ концѣ прошлаго мѣсяца былъ жестокой, причѣмъ англійскіе и американскіе матросы были отбиты съ урономъ, благодаря численному превосходству непріятели. Восстановленіе порядка ожидается только съ прибытіемъ комиссіи заинтересованныхъ державъ, которая уже выѣхала изъ Санъ-Франциско въ Апію.

Въ германскомъ рейхстагѣ на запросъ о событіяхъ на Самоа фонъ-Бюловъ отвѣтилъ, что правительство, твердо держась актовъ, касающихся архипелага Самоа, весьма желаетъ урегулированія вопроса, въ которомъ Германия стоитъ за неприкосновенность своихъ правъ и интересовъ. По отзывамъ вліятельной печати, недоразумѣніе между Германіей и Штатами можно считать выясненнымъ, съ Англіей, предстоитъ значительныя затрудненія, благодаря тому, что британское правительство искусно пользуется своимъ морскимъ превосходствомъ надъ Германіей.

ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
ГУМБЕРЪ
предлагаетъ Ц. № 11988
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Георгіи ЯЗЕМЛИЧКА и К^о.
Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
Прейсъ-куранты по требованію. 15-7

БАЛЬЗАМЪ ЭЙКАЛИПТИ для ВОЛОСЪ,
косметика А. ЭНГЛУНДЪ,

уничтожаетъ перхоть и приятно освѣжаетъ головную кожу.
Цѣна за флаконъ 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 руб.
Для предупрежденія отъ поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подписи: А. ЭНГЛУНДЪ красными чернилами и марку СПБ. Косметической Лабораторіи.
Получать можно вездѣ. Главный складъ для всей Россіи: А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площадь, № 2. № 12240

Schlesischer Obersalzbrunnen
Oberbrunnen

ПЕРВОКЛАССНЫЙ АЛКАЛИЧЕСКИЙ источникъ съ УСОЛЖОМЪ привнесенный съ 1601 г.
Анализъ и подробности объ источникѣ высылаются бесплатно
Контора отправки Нинженскихъ Минеральныхъ Водъ въ ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЪ.
ЗАЛЬЦБРУННЪ СЛАДЪ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.
ФУРВАХЪ и СТРИВОЛЬ, (Силезія).

НОВАЯ КНИГА:
ЗВѢЗДНОЕ НЕБО И ЕГО ЧУДЕСА.

Н. ФЛАММАРИОНА. Подробное описаніе звѣздъ, видимыхъ простыми глазами, и всѣхъ небесныхъ предметовъ, удобныхъ для наблюденія. Со вступительной статьей автора къ русскому изданію, его портретомъ, 400 рисункъ. въ текстѣ, небесными картами и раскрашенными таблицами. Переводъ Е. А. Предтеченскаго. Ц. 3 р. 50 коп. Изданіе книжного магазина П. В. Луковникова, СПб. Лештуковъ пер., д. № 2. № 12271

Пріемъ мѣховыхъ вещей, ковровъ и пр. на храненіе

ОТЪ **МОЛДИ**

въ мѣховыхъ магазинъ. **Ф. Л. МЕРТЕНСА**
1) Невскій просп., 21, собств. домъ. 2) Гостиный дворъ, № 58.
Всѣ вещи сохраняются въ специально для храненія устроенныхъ складахъ. Полная отвѣтственность за сохранность. В. № 12229 4-2

ФОТОГРАФЪ МОСКОВСКАГО ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
Н. Н. ИВАНОВЪ.
Москва, Камергерск. пер., д. № 6.
Исключительно только мною исполняются портреты А. С. Пушкина съ оригинала художника Зеньковского, единственнаго портретиста вполнѣ исторически вѣрно сумѣвшаго передать черты покойнаго поэта. Визит. карт. отъ 6 р. 100 шт. кабин. отъ 15 р., будуарн. 50 р. 50×60 с.—10 р. въ напару за 1 экз. Востъ (натур.) работы Зеньковского (оригиналы) по 25 р. и 35 р. Пріемъ заказовъ на увеличеніи, портреты акварельными и масляными красками (съ карточкой, давность ихъ значенія не имѣетъ). Художественность исполненія своей работы вполнѣ гарантирую. Гг. оптовымъ покупателямъ большая уступка. Н. Ивановъ.

Складъ женевскихъ и американскихъ часовъ И. Е. Гордонъ.

ТОЛЬКО ЗА 6 Р. 50 К.

гарантированные стальные часы известной фабрики съ тщательно провереннымъ механизмомъ и наложенной на крышкѣ больш. серебр. 84 пр. моногр. съ олегантною цѣлочкой и брелокомъ высылаются по полученіи 2 руб. задатка, остальные наложеннымъ платежомъ. Также же дамскіе на 2 руб. дороже. Ручательство за вѣрность хода на 2 года.

Гг. заказчики благоволятъ разборчиво написать объ буквы желаемой монограммы. На складъ имѣется большой выборъ золотыхъ, серебряныхъ и стальныхъ часовъ извѣстнѣйшихъ заграничныхъ фабрикъ.

Москва, Лубяно-Ильинскія тор. пом., подъездъ 3.

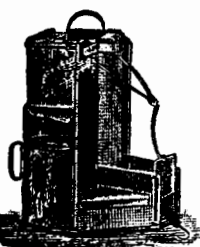
НОВОЕ ИЗДАНИЕ
КАЛЕВАЛА

Финскія народныя былинны. Пересказалъ Н. А. Борисовъ. Изданіе 2-е, съ рисунками. Ц. 50 к. Одобрено Ученымъ и Учеби. Комитетами. Складъ въ книжномъ магазинѣ П. В. Луковникова, СПб. Лештуковъ пер., домъ № 2. № 12272

КРАСИВО ПИСАТЬ выучивается всякій заочно (посредствомъ переноски) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО.**
Методъ преподаванія на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. За 4 семиконечныя марки высылаются **ПРОБНОЕ ПИСЬМО** шрифтовъ, подробныя условія и образцы испрошенія почерк. заочн. учен. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерibasовская, д. № 19.

КРЕМЪ АМИКОСЪ (crème amycos).

Новый кремъ содержитъ въ составѣ селеніумъ. Пріобрѣтаетъ и сохраняетъ на себѣ способность въ продолженіи вѣснъ защищать кожу лица, шеи и груди отъ вреднаго вліянія ультра-фиолетовыхъ лучей, предохраняетъ отъ долгой жары лица. Издается въ 2-хъ видахъ: 1) Кремъ въ банкахъ по 3 р. 50 к. 2) Кремъ въ банкахъ по 1 р. 50 к. Складъ въ книжномъ магазинѣ П. В. Луковникова, СПб. Лештуковъ пер., домъ № 2. № 12273

САМОДѢЙСТВУЮЩІЯ
МЫШЕЛОВКИ и КРЫСОЛОВКИ,

которыя сами открываются и закрываются, ловятъ до 20-ти мышей и 10-ти крысъ въ ночь.
ИМѢЕТСЯ МНОГО ПОХВАЛЬНЫХЪ ПИСЕМЪ ОТОВСЮДУ.
КРЫСОЛОВКА вѣситъ 26 фун., ц. 12 р.
МЫШЕЛОВКА вѣситъ 6 фун., ц. 2 р.
ГЛАВНЫЙ АГЕНТЪ ДЛЯ РОССІИ
КОНСТАНТИНЪ МАЛЪХИЪ,
С.-Петербургъ, Большая Морская, № 34-й.

С.-Петербургско-Азовскій Коммерческій Банкъ
Невскій 62.

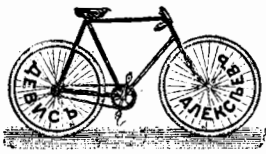
Отдаются въ наемъ безопасныя ящики для храненія цѣнностей, документовъ и драгоценныхъ вещей.
№ 12152 12-5

Для смягченія и бѣлизны кожи.

КАЛОДЕРМА

ЖЕЛЕ КАЛОДЕРМА. ❖ МЫЛО КАЛОДЕРМА.
Ф. Вольфъ и Сынъ въ Карлсруэ.

Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

ВЕЛОСИПЕДЫ
„ЭНФИЛЬДЪ“

Новость на 1899 годъ
Модель „РИШЪ“
Рекомендуется вниманію знатоковъ и любителей.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **И. Г. АЛЕКСѢЕВЪ и К^о.**
Москва, Рождественка, д. Третьяковыхъ.
Прейсъ-куранты высылаются бесплатно. П. № 12101 7-4

А. БОЛЬТЪ и К^о
МОСКВА,
Ильинка, уг. Ипатьевск. пер.
Никольская, противъ Черкаскаго переулка.

Непромокаемая одежда:
ПАЛЬТО,
МАКФАРЛАНЫ,
ШИНЕЛИ,
НАКИДКИ

мужскіе и дамскіе изъ лучшихъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій, рисунковъ сезона 1899 г.
Прейсъ-куранты съ образцами матерій высылаются бесплатно.
Бумажное бѣлье Мей и Эдлхеймъ.

Христосъ Воскресе!
 Касим. Противухамед. Миссия привѣтствуетъ ширѣ такъ своихъ благотворителей. Она же проситъ добрыхъ людей: помогите ей на постройку храма и училища и—дать немущимъ дѣтямъ пищу, пріютъ и христ. поеди. учено!
 Адресъ: Рязань, Епис. Мелетію или Насимовъ, миссіонеру свящ. Василію Дорониному.

ВЫГРЫШНЫЕ
 3-й заемъ на тиражъ 1 мая продаетъ Банк. Кооп. Е. П. ФЕДОРОВА, Спб. Невскій 97. 1 взносъ—10 р. съ уплатой остальн. ссуды частями, на льготныхъ условіяхъ. Порученія гг. знотор. исполняются добросовѣстно. Страхование бѣл. отъ гг. вног. по 1 р. 10 к. и 15 к. марка. **ТРЕБУЮТСЯ АГЕНТЫ.**

1/2 КОП. ВЪ ГОДЪ
 обходится содержаніе любого комнатнаго или оранжерейнаго растенія въ полной силѣ и роскошнѣйшемъ развитіи, посредствомъ полвки слабымъ растворомъ Вагнеровскихъ туковъ. То-же средство служитъ и для быстрого оживленія отсталыхъ и радикальнаго исцѣленія больныхъ экземпларовъ. Подробное наставленіе въ видѣ обстоятельной брошюры объ усиленномъ удобреніи, по запросу высылка. бесплатно.
Г. ФРИКЪ.
 С.-Петербургъ, Адмиралт. пр., 10.

БЕЗЪ СОМНѢНІЯ
 самая лучшая приправа къ кушаньямъ.

Одной или двумя чайными ложками „ГУСТО“ на чашку горячей воды готовится моментально прекрасный и вкусный бульонъ.
 Прейсъ-курранты высылаются по первому требованію.

КУПИТЕ ДЛЯ ВАШИХЪ САМОВАРОВЪ
 Патентованный Аппаратъ-Регуляторъ

ЭКОНОМНО, УДОБНО и ИЗЯЩНО.
 Аппаратъ-регуляторъ поддерживаетъ кипѣніе въ самоварѣ въ теченіе 10 часовъ, удерживаетъ дымъ и гарь, сохраняетъ качество чая. Предохраняетъ руки отъ обжоговъ и исключаетъ всякую надобность въ примитивномъ накрываніи самоварной трубы бумагой. Аппаратъ приводится въ дѣйствіе простымъ поворотомъ кружочка стержня, какъ у обыкновенной лампы. При заказѣ слѣдуетъ прислать бумажной лентой **ТОЧНУЮ МѢРКУ ОБЪЕМА ВКРУГЪ ТРУБЫ,** въ томъ мѣстѣ, гдѣ надѣвается конфорка.
ЦѢНА съ пересылкой за 1 штуку 1 р. 20 к., 3 шт. 3 р. 10 к., 5 шт. 4 р. 80 к. Прислать деньгами или марками, наложеннымъ платежомъ 10 к. дороже.
 Аппаратъ изготовленъ изъ самоварной мѣди. Высеребренный на 50 коп. дороже.
 Адресъ: **ПРОЛЬ и ЧИДНЕРЪ,** Одесса, Средняя, соб. домъ.
 Приглашаются агенты.

Лѣчебное заведеніе д-ра БРЕМЕРА для страдающихъ грудными болѣзнями въ Герберсдорфѣ, Прусск. Силезія
 R. № 12236 4 -2
 высылаетъ бесплатно проспекты. Имѣется русскій врачъ.
 Проектируется постройка православной часовни.

ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗІЯ
 въ г. Зарайскѣ, Рязанской губ., станція Московско-Казанской ж. д.
 Приемные экзамены 11-го и 12-го мая во всѣ классы. Годовая плата за обученіе обязательнымъ предметамъ, съ французскимъ языкомъ, въ четырехъ младшихъ классахъ 30 р., въ старшихъ—40 р., не обязательнымъ: латинскому языку 4 р., нѣмецкому яз. и рисованію по 3 руб., содержаніе на частныхъ квартирахъ 150 руб. въ годъ; предполагается устройство общежитія.
 2-1 № 12274

С. И. Арнгеимъ, Берлинъ.
 придворный поставщикъ Императора Германскаго.
 ВСЕМИРНО-ИЗВѢСТНЫЙ ЗАВОДЪ **НЕСГОРАЕМЫХЪ ШКАФОВЪ**
 гарантированныхъ отъ огня и отъ влзлама.
 Цѣны отъ 200—500 р., для Банковъ и большихъ заведеній крупныхъ размѣровъ отъ № 12040 500—1000 руб. 46-9
 Представитель: **О. Г. Шпеннеманъ.**
 С.-Петербургъ, Чернышевъ пер., 12.
 Прейсъ-курранты по желанію высылаются бесплатно.

Иодисто-соляное КУПАНЬЕ ГАЛЛЬ. Верхняя Австрія.
 Самая крѣпкая іодистая соль на континентѣ, противъ золотухи и всѣхъ общихъ и специальныхъ болѣзней, при которыхъ іодъ служитъ важнымъ лѣчебнымъ средствомъ. Превосходныя лѣчебныя приспособленія (купанья и минеральныя воды, водолѣченіе, вдыханіе, массажъ, электр. ванны). Весьма благоприятныя климатическія условія. Железнодорожная станція. Путь черезъ Линцъ на Дунаѣ, черезъ Штейеръ или черезъ Вельс. СЕЗОНЪ съ 15-го мая по 30-е сентября. Ваннами можно пользоваться также съ 1 до 15-го мая. Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаются бесплатно.
 R. № 12267 4—1
 Лѣчебное управленіе купанья ГАЛЛЬ.

СПЕРМИНЪ ПРОФ. ПЕЛЯ.
SPERMINUM POEHL СРЕДСТВО ДЛЯ **МАЛОКРОВНЫХЪ И СЛАБОНЕРВНЫХЪ.**
 Тонизирующее средство при лихорадочныхъ и изнурительныхъ болѣзняхъ употребляется: 1) внутрь, въ видѣ капель (Essentia Spermini-Poehl), 2) въ видѣ подожныхъ впрыскиваній (Sperminum-Poehl pro injectione).
ИМѢТСЯ ВО ВСѢХЪ БОЛЬШИХЪ АПТЕКАХЪ.
 ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:
ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ ПРОФ. ДОКТОРА ХИМИИ ПЕЛЯ,
 С.-Петербургъ, Вас. Остр., 7 лин., д. 18.
 Лабораторія охотно снабжаетъ гг. врачей пользовавшихся въ научной печати наблюденіями надъ цѣлебнымъ дѣйствіемъ этихъ препаратовъ.

Знаменитые своимъ ходомъ изящные и прочные карманные мужские часы «Durabel», черные, вороненой стали, самый прочный механизмъ, вѣрный ходъ, съ шелковымъ цѣпкомъ и брелокомъ **ТОЛЬКО ЗА 4 РУБ.**
 за вѣрность хода ручается на 6 лѣтъ. Высылаемъ по полученіи 1 рубля задатка. Дамскіе черные на 1 р. дороже. Адр.: Торг. фирмѣ Бр. Варковичихъ, складъ женскихъ час. въ Варшавѣ, Королев. 29/42. Царюмъ получ. кабинетныя часики «Форъ», которые выпис. на сумку болѣе 20 руб.

ЦВѢТОЧНЫЕ ЭКСТРАКТЫ
 ТВА „ГИГИЕНА“
 РАЗНЫХЪ ЗАПАХОВЪ, ПРИЯТНЫХЪ, ПРОЧНЫХЪ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ПРЕВОСХОДЯТЪ СУЩЕ-СТВУЮЩІЕ ДО СИХЪ ПОРЪ ЦВѢТОЧНЫЕ ОДЕКОЛОНЫ и ТУАЛЕТНЫЯ ВОДЫ.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
 ГЛ. СКЛАДЫ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, КОЛОМЕНСКІЯ.

Къ юбилею А. С. ПУШКИНА
 Изготовленію медалей, художественно исполненные по проекту вѣдѣст. художника-медальера монетнаго двора А. Грилихеса сына.
 Серебряный 1 р. 50 к.
 Бронзовый 30 к.
 Пересылка на счетъ покупателя. Торговцамъ уступка. М. № 12228 4—3
 Д. Осиповъ, специальность изготовлен. орденовъ, разн. знаковъ и медалей.
 С.-Петербургъ, Екатерининскій кан., д. № 42, у Каменнаго моста. Суд. съ 1855 г.

Ювелиръ ЭЙКЕНРОТЪ.
 МОСКВА, Камергерскій переулокъ, домъ Ланозова.
Покупаю жемчужныя вѣтки, бриллианты, рубины, изумруды, по хорошей цѣнѣ.
Беру въ обмѣнъ старое золото и серебро на новыя вещи. Заняты исполненіемъ въ собственной мастерской, находящейся при магазинѣ.
Къ наступающему празднику заготовленъ большой выборъ новейшихъ фасоновъ золотыхъ и бриллиантовыхъ, съ драгоценными камнями, вещей и большой выборъ новостей
БРЕЛОКОВЪ И ЯИЧЕКЪ.

Пейте Цейлонскій чай!
Пейте Цейлонскій чай!!
Пейте Цейлонскій чай!!!

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготвленія.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучшій чай по вкусу и аромату.
 Годичное потребленіе Цейлонскаго чая въ Россіи болѣе 10.000,000 фунтовъ 10.000,000.
 III. № 11641 30 24

ЛѢЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ЦИММЕРМАНА ВЪ ХЕМНИЦѢ, ГЕРМАНІЯ.
 Лѣтя и зима, сезоны; за день отъ 5—10^{1/2} мар., вклуч. все, также 1 конс. и завтраки.
 Завѣдыв. врачъ д-ръ Диске (Disque), авт. с. «Естествен. лѣч. болѣзн.», 5 изд., въ пер. 3 мар., и «Диететическ. столъ», 3 изд., въ перепл. 1.80 мар. (скл. изд. на нѣм. яз. у О. Вратер, Leipzig). 2-й врачъ д-ръ Бургартъ. Лѣчеб. зав. съ инстит. ортопед. и врач. гимнаст. по сист. Цандера. Лѣч. бол.: нервн. (гипноз., гидротер., элект., электр. ванны.), женск. (с. Туре-Брандтъ), сахарн., желуд., кишечн. (уставл. діеты по посл. жел. выдѣл.), спинного мозга (компенс. терапія), почечн., моч. пузыря, легн., сердца, а также ожирѣн. (электр. свѣт. ванны), подагры, ревматизма (песоч. ванны) и искривл. позвон. и т. д. 3 доктора и 1 женщ.-врачъ. Пропл. выс. безпл. управл. лечебн. зав.

КАЗЕННЫЙ ЛОМБАРДЪ
 (СПБ. Ссудная Казна, Казанская, 7).

Выдача ссудъ подъ заклады изъ золота, серебра и драгоц. камней изъ шести проц. годовыхъ (1/2 коп. съ рубля въ мѣсяцъ), ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 ч. у. до 2 1/2 ч. дня (въ маѣ до 3 ч. дня). № 12208 2—2
 Аукционы прекращаются 5 мая.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЪ 1889.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
 ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. № 27.

О-д-р Колонъ двойной
 О-д-р Колонъ тройной
 О-д-р Колонъ тройной

МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
 ВОЗНЕСЕНСКІЙ ПР. № 27 (КАЗАНСКОЕ ША. ДОНЪ № 27)
 НЕВСКІЙ ПР. № 27 (КАЗАНСКОЕ ША. ДОНЪ № 27)
 НЕВСКІЙ ПР. № 27 (КАЗАНСКОЕ ША. ДОНЪ № 27)

МАГАЗИНА ВЪ МОСКВѢ: на Кузнецкомъ мосту № 11 (КАЗАНСКОЕ ША. ДОНЪ № 27)

ВЕЛОСИПЕДНЫЕ ЗАВОДЫ „БРЕННАБОРЪ“
БРАТЬЕВЪ РЕЙХШТЕЙНЪ
 въ БРАНДЕНБУРГѢ н/г.
 Старѣйшая и величайшая велосипедная фабрика въ Европѣ. Основана въ 1871 году. Работаетъ 4-мя паровыми машинами и электромоторами, составляющими силу въ 900 лощ., и занимаетъ около 2500 челов. работниковъ. Годовое производство около 5000 шт. велосипедовъ.
 Велосипеды «Бреннаборъ» первоклассны и образцовы. Отдѣленія на всѣхъ главныхъ пунктахъ свѣта, а именно, въ Россіи представительства въ около 200 ц. № 12164 городахъ. 21—3
 Фабричный складъ для Европейской и Азиатской Россіи у Торговаго Дома
Э. ЗАГОВСКАГО, Рига.
 Каталоги высылаются безплатно.

Въ Москвѣ, на Никольской ул., въ Славянскомъ Базарѣ, въ книжномъ магазинѣ
ЗЕМСКАГО
 ПОСТУПИЛО Юбилейное изданіе.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВСѢХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ВСЕРОССИЙСКИХЪ 3-ХЪ ТВОРЦОВЪ ВЕЛИЧАЙШИХЪ И ЗНАМЕНИТѢЙШИХЪ НАШИХЪ РОДНЫХЪ ПОЭТОВЪ:
Пушкина, Лермонтова
 и
КОЛЬЦОВА. № 12275 3—1

Всѣ три сочиненія въ 3-хъ частяхъ собраны въ одною большимъ томѣ, съ приложеніемъ очень интересныхъ ихъ біографій, въ особенности перваго и втораго, а именно: Пушкина и Лермонтова, каковыя величайшіе поэты оба погибли скорбно-печальными и трагическими образомъ на роковыхъ дуэляхъ въ полномъ расцвѣтѣ лѣтъ жизни ихъ, но въ особенности здѣсь помѣщено интересное описаніе: предсмертные разговоры ихъ съ своими приближенными друзьями при послѣднихъ минутахъ трагически несчастныхъ кончинъ ихъ, конечно каждая въ отдѣльности и въ свои времена. Въ книгѣ помѣщены и портреты ихъ всѣхъ четырехъ, а именно 1-й портретъ Пушкина, 2-й жены Наталіи Николаевны, урожденной Гончаровой, 3-й Лермонтова и послѣдній четвертый портретъ Кольцова, гравированныхъ на стали, хорошей работы. Цѣна книги съ пересылкою по всѣмъ городамъ Россійской Имперіи 1 р. 50 к., а въ хорошей папкѣ съ золотымъ тисненіемъ 2 руб., въ роскошномъ же дорогомъ англійскомъ переплетѣ 3 р.

1865. Москва.

1870. С.-Петербургъ.

1882. Москва.

1896. Нижн.-Новгор.

ТОВАРИЩЕСТВО

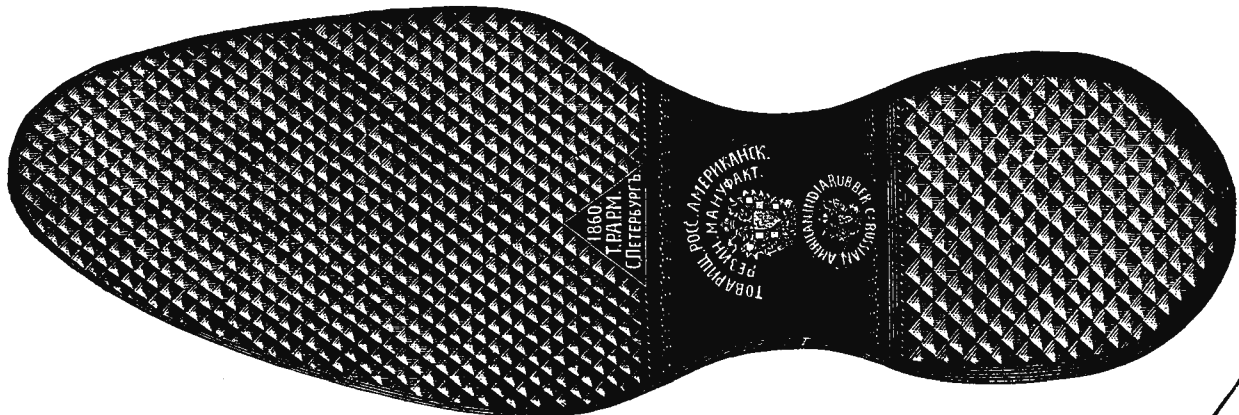
РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНУФАКТУРЫ

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

учрежденное въ 1860 году,

РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ

просить при покупкѣ обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

№ 11926 13—5

на Государственный гербъ и въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, и на слово „С.-Петербургъ“ въ красномъ треугольничкѣ (фабричное клеймо).

Балалайки,

вѣрнаго строя, хорошаго тона и солидной работы.

Двухъ	6 р.
Прима	въ 4, 8, 12 »
Секунда	9 »
Альтъ	10 »
Басъ	15 »
Контрабасъ	25 »

и дороже.

Домры

Прима въ 10 и 20 руб.
Альтъ въ 15 и 30 руб.

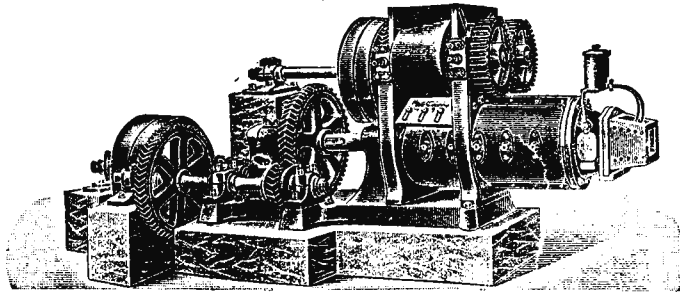
СВЪДЪ

За лару 8 руб. или 12 руб.

Прейс-курантъ бесплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34.
Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

Louis Jäger in Köln-Ehrenfeld,

Луи Јегеръ, Кёльнъ-Эренфельдъ,

машино-строительный заводъ, поставившій съ 1862 года

СПЕЦИАЛЬНО: КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫЯ МАШИНЫ ПЕРВОКЛАСС. СИСТЕМЪ.
полные комплекты для кирпичныхъ, шамотовыхъ, черепичныхъ, цементныхъ и заводъ для гончарныхъ трубъ. Дробильныя машины.

МЫЛО ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫЯ ВЪ ТЕПЛОМЪ ДИСПОЗЕ БЕЗЪ ВОДЫ * П.Н.ВИНОГРАДОВА. * ПАРКИ

ПОХВАЛЫНЫЙ ОТЗЫВЪ на Всероссийской Выставкѣ 1896 года. требовать куски съ этикетомъ утвержд. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.

БѢЛЫЕ получается замѣчательно чистымъ. Желтизна и пятна уничтожаются ЭКОНОМІЯ въ топливѣ. ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. Мыла ДИСПОЗЕ расходуетъ въ ТРИ РАЗА МЕНЬЕ простаго. Совершенно безвредно для тканей бѣлья. Удовольствіе въ № 3780. ЭКОНОМИЧНО ДЛЯ БАНИ. Продажа въездъ. Опт. у П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка, домъ № 2

270 Р.

подъ выигранные билеты, II заемъ до 235 руб., подъ III Дворянскіе до 200 руб., подъ остальные бумаги до 95 руб. изъ 5 до 8% годов. и 1/4% ежемѣс. ком. предлагаетъ въ суду банкирскій домъ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
59, Невскій. 4-4

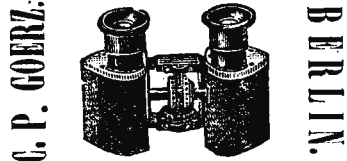
Крахмало-сахароварные, Паточные и декстриновые

заводы по новѣйшей, испытанной системѣ

Дешевое обзаведеніе, превосходные фабрикаты

Р. № 12024 устраиваетъ 4-4
Спеціальное заведеніе для постройки и перестройки крахмальныхъ заводовъ

В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.
Прейс-куранты бесплатно.

„TRIEDER-BINOCLES“

Повѣитію зрительные приборы съ призмами, значительно превосходящіе всѣ до сего времени употребляемые.

„Trieder Binocles“ даютъ изображенія безъ потери силы посредствомъ призмъ, потому и названы по-русски

„СИЛОСВѢТЪ“

„Силосвѣтъ“ наилучшій бинокль нашего времени для скачекъ, гонокъ, стрѣльбы, велосипедистовъ и пр. спортавъ.

ФАБРИЧНЫЯ ЦѢНЫ на „Trieder-Binocles“ слѣдующія: увеличивающій въ 12 разъ—100 руб., въ 9 разъ—88 р., въ 6 разъ—75 руб., въ 3 раза—63 руб.

Пересылка въ провинцію на счетъ заказчика.

На кандомъ бинокль фабричное нлемо и указано увеличеніе его. Вышеприведенные бинокли можно найти всегда въ большомъ выборѣ у фирмы

ОПТИКЪ

Г. Штраусъ.

№ 27, Большая Морская, № 27, противъ Русскаго для вынѣшней торговли М. № 12153 Банка. 2-2

„Силосвѣтъ“ прежней конструкторки, безъ призмъ, продается по 8, 10 и 12 руб. въ зависимости отъ величины объектива.

„Силосвѣтъ“ одинаково пригоденъ какъ для дневныхъ, такъ и для ночныхъ наблюдений на морѣ, на полѣ и при воздухоплаваніи.

Бинокли изъ алюминія отъ 15 до 85 руб.

Порученія изъ провинцій безъ задатка не выполняются.

ОДЕССКІЙ ЛИМАКЪ

ЗАМѢНА ЛИМАННЫХЪ ВАННЪ ВО ВОЕННОЕ ВРЕМЯ ГОДА.
Продукты для ваннъ на дому: соль, йодо-бромный щелокъ и грязь. Высыл. поведку. Заказы, подр. свѣд. и прейс-кур. контора Сухо-Дальняцкаго сол. пром. Одесса. Ришельевская 74.

ВСѢМЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ по требованію **БЕЗПЛАТНО**

ПРОБНЫЙ № ЖУРНАЛА **Русскій Паломникъ**

СПБ., Стрѣмянная, 12, собств. дѣлѣ.

Кто еще не носилъ

СКОРОХОДЫ

Товарищества С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви попробуй и испытай ихъ въ это лѣто, они легки, очень удобны, прочны и дешевы.

Подмышники Канфильдъ.

Безъ швовъ. Безъ запаха. Непромокаемы.

Превосходное средство предохраненія отъ порчи для каждаго платья.

Canfield Rubber Co.,

Hamburg, Grosse Bleichen, 16.

Настоящіе только съ нашей маркой „Canfield“.

Наждая пара подмышниковъ снабжена письменнымъ ручательствомъ.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN

Эссенція для платковъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра — Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6442 (99)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:

ЛОЗЕ „VIOLETTA REGIA“

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

ФАБРИКА И СКАДЪ
Бруно Земперъ
С.-Петербургъ, Невскій Пр. № 25 (бывшій Камышовый)
Фотогр. Аппараты и Принадл.
(Кратк. Прейс-Курантъ Бесплатно)

НОВОСТЬ!!!

Прелестные гарманные металлические часы, заводъ безъ ключа, настоящіе никелевые, тщательно провѣренныя, на крышкѣ помѣщенъ художественно исполненный портретъ Государя Императора Николая II, въ нимъ цѣпочка ногаго золота и парижскій комасъ

за все только 5 руб.

Предлагается печатное ручательство на 4 года. Вышеупомянутые часы высылаются немедленно и безъ задатка наложеннымъ плат. Ц. 11986 6-6

Требованія прошу адресовать въ городъ Варшаву, Граннычая, № 6

купцу I. ВУЗЕЕРУ.

Прейс-куранты высылаются бесплатно.

TEINTURE Instantanée **NIGRITINE** NOIR, CHATAIN, BRUN **GELLÉ FRÈRES** 6, Avenue de l'Opéra, 6 PARIS

съ 50000 руб.

можно составить себѣ отличное положеніе, дающее громадную прибыль. Писать А. И. Б. Ядвѣкъ № 13. Кишиневъ.

ПОРАЗИТЕЛЬНО

уничтожаетъ клоповъ, ихъ гнѣзда и проч. насѣкомыхъ спиртовъ. машинка

ПРИМУСЪ

Цѣна безъ пересылки 2 р. 50 коп.

ТЕХНИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ **I. ГАММЕРЪ,** 2-2

Москва, Тверская. № 28.

Содержаніе:

Т Е К С Т ь: Воскресеніе. Романъ графа Л. Н. Толстого. (Продолженіе).—Первое представленіе. Очеркъ Серафимы Детчи.—Движущаяся дорога.—Къ рисункамъ: Эльбурсъ съ Бермамута утромъ.—Гамаюнъ, птица вѣщая.—Влюбленные.—Пріемная въ земской больницѣ.—Михаиль Евграфовичъ Салтыковъ.—Франко-русская выставка Краснаго Креста въ С.-Петербургѣ.—Л. Ф. Гомилусъ.—Спасеніе океанскаго парохода „Болгарія“.—Смѣсь.—Заявленіе.—Объявленіи.

Р И С У Н К И: Эльбурсъ съ Бермамута утромъ. Картина Л. Ф. Лагоріо.—„Воскресеніе“, романъ гр. Л. Н. Толстого: 1) За закуской у Корчагиныхъ. 2) Княгиня Софія Васильевна и Филиппъ. Ориг. рисунки Л. О. Пастернака.—Гамаюнъ, птица вѣщая. Картина В. М. Васнецова.—Влюбленные. Картина В. Піотровича.—Пріемная въ земской больницѣ. Картина И. С. Казанова.—Движущаяся дорога. Новый способъ передвиженія, проектированный для будущей парижской выставки 1900 г.—М. Е. Салтыковъ.—Франко-русская выставка Краснаго Креста въ Петербургѣ: 1) „Новгородскія древности“—коллекція В. С. Передольскаго. 2) Издѣлія ремесленной школы-пріюта для калѣкъ. 3) Экспонаты Комитета Краснаго Креста по оказанію первой помощи.—Л. Ф. Гомилусъ.—Капитанъ Шмидтъ, командиръ океанскаго парохода „Болгарія“, 24 дня боролся съ бурей въ океанѣ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“ съ 1-го мая, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полной годовой подписной платы за „Ниву“ 1899 г., озаботиться скорѣйшей присылкой слѣдующаго срочнаго взноса. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероли, подъ которою получается ими „Нива“.

С. М. ЭЛІАШЕВЪ, Москва, Софійка, ЛУБЯНСКІЙ ПАССАЖЪ № 60-61.

Иллюстр. прейсъ-курантъ высыл. по требов. величайшій выборъ: КРОВАТЕЙ съ изящной живописью, английскихъ волооченныхъ, никелированныхъ и обыкновенныхъ. МАТРАЦОВЪ пружинныхъ, проволочныхъ, волосныхъ и друг.; КРЕСЕЛЪ для больныхъ. ВАННЪ, ДУШЪ и ШКАФОВЪ купальныхъ. УМЫВАЛЬНИКОВЪ мраморныхъ и металлич. ДѢТСКИХЪ КОЛЯСОКЪ и ВЕЛОСИПЕДОВЪ. ЛЕДНИКОВЪ комнатн. и друг. хозяйствен. вещей. Единственныя фабричныя складъ издѣлія Варшавск. фабр. Бр. Фрумкинныхъ.

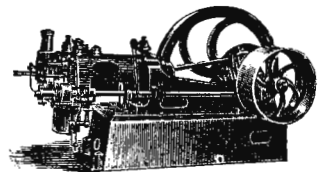
ЧЕРЕЗЪ ПЕРЕДѢЛКУ даю уроки Рукодѣлья по узорамъ, пожелаемымъ мною въ „Нивѣ“. Иногородн. могу выслать образцы, а въ Петербургѣ ихъ, со всѣмъ нужнымъ матеріаломъ, можно покупать въ магазинѣ Костинскаго (уголь Садовой и Черныш. переулка, маг. 19-20). А. НАДПОРОЖСКАЯ, г. Бѣлозерскъ, Новг. г.

Товарищество С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви предлагаетъ зеленые, коричневые и черные

СКОРОХОДЫ.

Английскіе

КЕРОСИНОВЫЕ и ГАЗОВЫЕ ДВИГАТЕЛИ

сист. Кросслей-Отто предлагаетъ торговый домъ Братья ГАНТЕРТЬ. Петербургъ, Малая Морская, 21. Москва, Театральныя проѣздъ, домъ Хлудова.

КЕРОСИНОВЫЕ ДВИГАТЕЛИ всегда на складѣ.

ТРЕБУЙТЕ

списки двигателей «КРОССЛЕЙ ОТТО» поставленъ въ Россіи. Имѣются спеціальныя двигатели для электрическаго освѣщенія.

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ СКЛАДЪ мужского, дамскаго и дѣтскаго готоваго платья

В. К. ФИРГАНГЪ

фирма существуетъ съ 1867 г. Москва, Ильинка, противъ Биржи, имѣетъ честь довести до свѣдѣнія гг. иногороднихъ покупателей, что требованія ихъ исполняются съ особою тщательностью и по оптovýmъ цѣнамъ, чѣмъ даетъ возможность имѣть въ провинціи готовое платье послѣднихъ фасоновъ, хорошаго покрою и недорого.

Иллюстрированные прейсъ-куранты весенняго и лѣтняго сезона со способомъ снятія мѣрокъ высылаются по требованію немедленно.

съ 50000 руб.

можно составить себѣ отличное положеніе, дающее громадную прибыль. Писать А. И. Б. Яцншъ № 13. Кишиневъ.

ГИТАРЫ

Народныя въ 3 и 5 руб. Для любителей въ 6, 7, 10, 15 и 20 руб. Для артистовъ въ 25, 30, 40, 50, 75, 100 и 125 руб. Отъ 6 руб. и дороже съ механизмомъ для струнъ. Самоучитель 1, 1 1/2 и 3 руб.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34. Москва, Кузнецкій м. д. Захарьина.

Я. БЕККЕРЪ

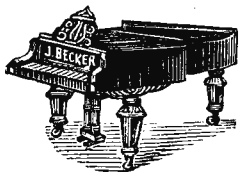
С.-Петербургъ.

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА:

Его Величества Императора Всероссийскаго
Его Величества Императора Австрийскаго
Его Величества Короля Шведскаго и Норвежскаго
Его Величества Короля Датскаго.

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ:

1893 г. ЧИКАГО—дипломъ и медаль.
1894 г. АНТВЕРПЕНЬ — „Grand-Prix“.
1896 г. НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ — Государственный гербъ.
1897 г. СТОКГОЛЬМЪ—золотая медаль и званіе Поставщика Его Величества Короля Швеція и Норвегіи. В. № 12196 5—3

Рояли отъ 600 руб.
Пианино отъ 450 руб.

МОСКВА.

Физико-Механикъ и Оптикъ ДВОРА

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Ө. ШВАБЕ

Кузнецкій мостъ, домъ кн. Голицыной.

Усовершенствованная

ОЗОГЕНОВАЯ ЛАМПА

СЪ ПЛАТИНОВОЙ ГОРЬЛКОЙ.

Хорошее средство для дезинфекціи и быстрого очищенія комнатнаго воздуха.

Цѣна озогеновой лампы изъ
бллага стекла 3 р 50 к.
Озогенъ флаконъ 1 р. 50 к.

Къ юбилею

А. С. ПУШКИНА

Изготовляю жетоны, художественно исполненные по проекту извѣсти. художника-медальера монетнаго двора А. Грипихеса сына.

Серебряный 1 р. 50 к.
Бронзовый 30 к.

Пересылка на счетъ покупателя. Торговцамъ уступка. М. № 12293 4—4

Д. Осиповъ, специальность изготовлен. орден. разн. знаковъ и жетон.

С.-Петербургъ, Екатерининскій кан., д. № 42, у Каменнаго моста. Сущ. съ 1855 г.

БЕЗПЛАТНО высылаются пробныя уроки **СТЕНОГРАФИИ.** И. Могилевскій. Одесса, Н. Рыбад, № 2.

СИБИРСКИЙ СКЛАДЪ

КИТАЙСКИХЪ ШЕЛКОВЫХЪ МАТЕРІЙ

Д. А. Епанешникова

Москва, Никольская ул., д. Греческ. мон.

ЧЕ-СУ-ЧА.

Дамская отъ 12 до 18 р. кусокъ въ 26/28 арш.
Мужская « 20 « 40 р. кусокъ въ 26/28 «
Фанза « 12 « 50 р. кусокъ въ 21/22 «
Товаръ высылаю наложеннымъ платежомъ.
Образцы безплатно. 10—8

ПОЖИЗНЕННЫЯ страхованія

ОТЪ НЕСЧАСТІЙ

НА ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ И ВОДЯНЫХЪ ПУТЯХЪ

заклѣчаются въ Правленіи Общества „Россія“ (С.-Петербургъ, Б. Морская, 37) и у всѣхъ агенто́въ Общества въ городахъ Имперіи. В. № 12147 4—4

Изданіе 1899 года разошлось по подпискѣ.

Открыта подписка на 2-е изданіе со всѣми приложениями на самый распространенный въ Россіи музыкальный журналъ (Изданіе годъ 5-й)

„МУЗЫКА и ПѢНІЕ“

Для пѣнія одногоголоснаго и хорового, фортепiano и другихъ инструментовъ. Одобренъ Учеб. Комит. при Св. Синодѣ. Одобренъ Уч. Ком. М. Н. Пр. Одобренъ особыми отдѣломъ Уч. Ком. М. Н. Пр. Рекомендованъ Г. Упр. военно-учебн. зав. Выходитъ ежемѣсячно. Подписной годъ нач. съ 15 ноября 1898 г. Подписчики получаютъ 200 лучшихъ музыкальныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ музык. творчества, стоящихъ въ отдѣлн. изданіяхъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ сорокъ рублей. Годовой экземпляръ состави́тъ болѣе 500 страницъ большого нотнаго формата. Выше́тъ № 6-й. Содержаніе: **Отдѣлъ I**, текстъ: 1) Гродзкій, В. Очеркъ исторіи музыки въ Россіи. 2) Морель, В. Какъ достигнъ наилучшихъ результатовъ въ искусствѣ пѣнія. 3) Обзоръ новѣйшей духовно-музык. литературы. 4) Библиографія. 5) Музыкальное эхо. **Отдѣлъ I'**, пѣніе: 6) Казаченко, Г. Какъ на утренней зарѣ. Слова А. С. Пушкина. На 2 голоса. 7) Злобинъ, А. Туча. Слова А. С. Пушкина. Для однород. хора. 8) Тоже. Для смѣш. хора. 9) Оффенбахъ, Ж. Романсъ Антонія изъ оп. «Сказки Гофмана». 10) Варламовъ, А. Горныя вершины. На 1 гол. съ форт. 11) Тоже. На 2 гол. 12) Абтъ, Ф. Практическая школа сольнаго пѣнія. **Отдѣлъ III**, легкія пѣсни д. форт.: Шуманъ, Р. Альбомъ для юношества: 14) Небольшой романсъ. 15) Пьеска. 16) Хороводная пѣсня. 17) Всадникъ. **Отдѣлъ IV**, пѣсни д. форт. средн. трудн.: 18) Осенинь, Т. Весення радости. 19) Иго-же. На лонѣ природы. 20) Гейнсъ, К. Возвращеніе на родину. 21) Franke, P. Intermezzo russe. 22) Lincke, P. Hänsel und Gretel. Gavotte. 23) Saint-Saëns, C. Danse de la Gipsy. 24) Морлей, О. Томъ-Тигъ. Весенній танецъ. 25) Bogdanoff, N. Grande Valse. 26) Chaminade, C. Egloune. Romance sans paroles. **Отдѣлъ V**, для разн. инстр.: 27) Мешковский, М. Серенада. Для скрипки, флейты или мандолины съ форт. 28) Тоже. Для 2 скр. съ форт. 29) Тоже. Для 2 скрип. и альта съ форт. 30) Тоже. Для струннаго квартета. 31) Объявленія. Цѣна № 6 въ отд. продажѣ 75 к., съ перес. д. 1 р. Пробный №, содержащій въ себѣ ноты, стоящихъ въ отд. изд. пять рублей, можно получать за 50 к., съ перес. 71 к. (можно марками). Подробныя объясненія, списокъ премій, каталоги книгъ и ноты высылаются безплатно. Подписка принимается въ главн. конторѣ журнала «Музыка и Пѣніе» при книжномъ и музыкальномъ магазинѣ П. К. Селиверстова, С.-Петербургъ, Садовая, 22, противъ Гостиного двора. Редакторъ-издатель П. Селиверстовъ. Тамъ же поступили 2-е изданіе въ продажѣ **ХОРОЙ КЪ ЮБИЛЕЮ А. С. ПУШКИНА**: Казаченко, Г. Ты поминишь себѣ. Для одноп. и смѣш. хора. Партитура ц. 30 к. Голоса по 40 к. Лисинъ, М. Въ минувшій вѣкъ. Для однород. и смѣш. хора. Партитура ц. 30 к. Голоса по 40 к. Новая муз. сочин. на слова А. С. Пушкина: Бранскій, Н. Пуншвая пѣсня. Воронъ къ ворону летитъ. Для однород. хора по 30 к. Злобинъ, А. Туча. Для одноп. и смѣш. хора. Партитура ц. 30 к. Казаченко, Г. Какъ на утренней зарѣ. На два голоса ц. 30 к. № 12103

Подписная цѣна: на годъ безъ доставки 4 р., съ доставкой и пересылкою по всей Россіи 5 руб. За границу 6 руб. Допускается разсрочка. Первый взносъ одинъ руб.

ВОЛИЦІЙ лечитъ наружныя, внутреннія болѣзни электротер. Невскій, 53, кв. 7. Отъ 2—4 и отъ 6—7 1/2 ч. в. № 12093 4—3

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника ХУІІІ в. Всеволода Соловьева. СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Требования адресовать въ контору изданія А. Ф. Маркса, СПб., М. Морская, № 22.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Н. КРАКОВСКАГО.
Бухгалтера Варш. Комм. банка.
Изданіе 2-ое. Сиб. 1896 г. Цѣна 2 р.
Настоящая книга удостоена премии конкурсомъ Варшавск. Коммер. Училища и допущена Уч. Ком. Мин. Нар. Просв., какъ учеб. пособіе и составл. необходимое пособіе для всякаго желающаго изучить корреспонденцію и настольную книгу для всякаго коммерсанта. № 12197 3—3
Выписывающіе изъ книгъ магаз. Страница г. Варшава за пересылку не платятъ.

С.-Петербургско-Азовскій Коммерческій Банкъ

Невскій 62.

Отдаются въ наемъ безопасныя ящики для хранения цѣнностей, документовъ и драгоценныхъ вещей.

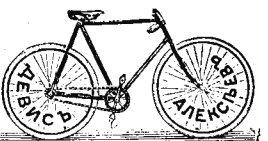
№ 12152 12—6

ПАВЕЛЬ БУРЕ

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23. Москва, до Б. Лубянкъ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
♦ **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ** собственной фабрики ♦
♦ съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. ♦
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безплатно

В. № 12204 6—2

ЗНАМЕНИТЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ

„ЭНФИЛЬДЪ“

„Ройаль“ 99 г. цѣна 170 руб.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

И. Г. АЛЕКСѢЕВЪ и К⁰.

Москва, Рождественка, д. Третьяковскихъ.

Прейсъ-куранты по требованію. П. № 12081 8—5

Популярно-научная книга, доказывающая счастливыя
Ц. 12263 № № 3—3

ВЫИГРЫШ-

ныхъ бил. 1, 2 и 3 займ. Ц. 1 руб., съ перес. 1 р. 20 к. (налож. плат. 1 р. 30 к.). СПб. Вознесенскій, 37, кв. 32. **КРАСИЛЬНИКОВЪ.** 1-го марта с. г. на доказан. №№ пало 255 выигрышей на сумму въ 483 тыс. рублей.

БЕЗПЛАТНО

высылаю условія и пробныя лекціи заочнаго обученія кройкѣ и шитью дамскихъ и дѣтскихъ парадовъ. В. В. Бенедиктовъ, Москва, Тихвинская ул., д. Александровой, кв. № 2.

АГЕНТЫ

сладкіе, дѣльные, съ указаніемъ референціи пригласаются во всѣхъ городахъ Россіи и Сибіри для новаго изданія. Выгодныя условія. Варшава, Дѣльная, 21, кв. 4.

XXX г.

№ 17

Выданъ 24 апрѣля 1899 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходить еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXX

1899

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1899 г.

Воскресеніе.

Романъ
графа Л. Н. ТОЛСТОГО.

(Продолженіе.)

XXVI.

— Пожалуйте, ваше сіятельство, ожидаютъ, — сказалъ ласковый, жирный швейцарь большого дома Корчагиныхъ, отворяя безшумно двигающуюся на английскихъ петляхъ дубовую дверь подъезда. — Кушаютъ, только васъ вѣжливо просить.

Швейцарь подошелъ къ лѣстницѣ и позвонилъ наверхъ.

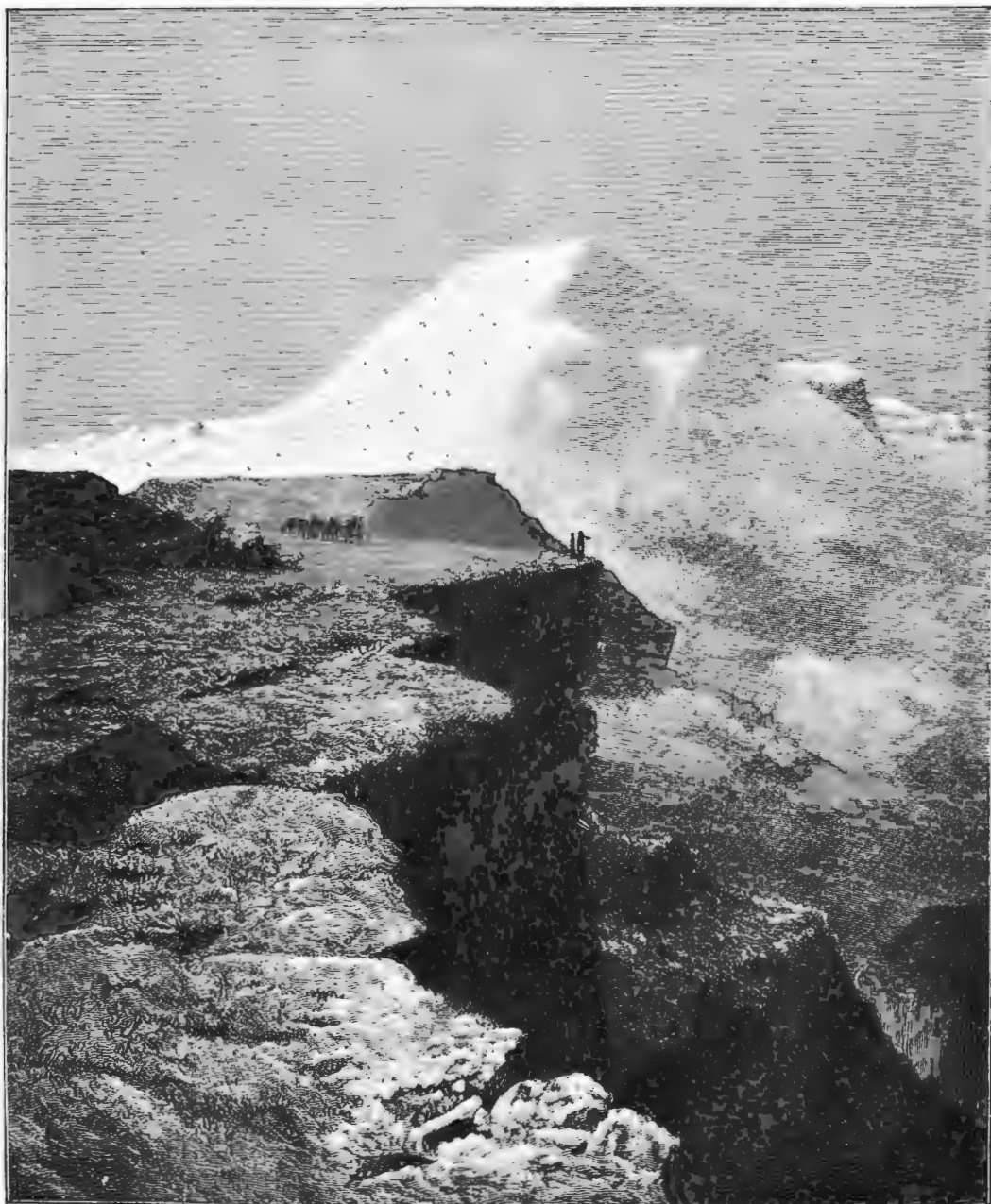
— Кто-нибудь есть? — спросилъ Нехлюдовъ, раздвѣваясь.

— Г. Колосовъ, да Михаилъ Сергѣевичъ, а то всѣ свои, — отвѣчалъ швейцарь.

Съ лѣстницы выглянули красавецъ-лакей, во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ.

— Пожалуйте, ваше сіятельство, — сказалъ онъ. — Приказано просить.

Нехлюдовъ вошелъ на лѣстницу и по знакомой, великолѣпной и просторной залѣ прошелъ въ столовую. Въ столовой за столомъ сидѣло все семейство, за исключеніемъ матери, княгини Софьи Васильевны, никогда не выходившей изъ своего кабинета. Вверху стола сидѣлъ старикъ Корчагинъ, рядомъ съ нимъ, съ лѣвой стороны, докторъ, съ другой—

VII выставка С.-Петербургскаго общества художниковъ. Эльбрусъ съ Бермамута утромъ.
Съ картины Л. Ф. Лагоріо грав. Хельмицкій.

гость Иванъ Ивановичъ Колосовъ, бывший губернский предводитель, теперь членъ правленія банка, либеральный товарищъ Корчагина; потомъ съ лѣвой стороны — miss Редеръ, гувернантка маленькой сестры Мисси, и сама 4-хъ-лѣтняя дѣвочка; съ правой, напротивъ—братъ Мисси, единственный сынъ Корчагиныхъ, гимназистъ VI-го класса, Петя, для котораго вся семья, ожидая его экзаменовъ, оставалась въ городѣ, и студентъ-репетиторъ; потомъ слѣва — Катерина Алексѣевна, 40-лѣтняя дѣвица-славянофилка; напротивъ — Михаилъ Сергѣевичъ или Миша Телѣгинъ, двоюродный братъ Мисси, и внизу стола сама Мисси и подлѣ нея нетронутый приборъ.

— Ну вотъ, и прекрасно. Садитесь, мы еще только за рыбой,— съ трудомъ и осторожно жуя вставными зубами, проговорилъ старикъ Корчагинъ, поднимая на Нехлюдова налитые кровью безъ видимыхъ вѣкъ глаза.

— Степанъ, — обратился онъ съ полнымъ ртомъ къ толстому величественному буфетчику, указывая глазами на пустой приборъ. Хотя Нехлюдовъ хорошо зналъ и много разъ и за обѣдомъ видалъ стараго Корчагина, нынче какъ-то особенно неприятно поразили его это красное лицо съ чувственными смакующими губами, надъ заложеной за жилетъ салфеткой, и жирная шея, а главное—вся эта унитанная, генеральская фигура.

— Сю минуту подадутъ, ваше сиятельство, — сказали Степанъ, доставая изъ буфета, уставленнаго серебряными вазами, большую разливательную ложку и кивая красавицу-лакею съ бакенбардами, который сейчасъ же сталъ опрavlять рядомъ съ Мисси нетронутый приборъ, покрытый искусно сложенной, крахмальной съ торчащимъ гербомъ салфеткой.

Нехлюдовъ обошелъ весь столъ, вѣсьмъ пожимая руки. Всѣ, кромѣ стараго Корчагина и дамъ, вставали, когда онъ подходилъ къ нимъ. И это обхождение стола и пожиманіе рукъ вѣсьмъ присутствующимъ, хотя съ большинствомъ изъ нихъ онъ никогда не разговаривалъ, показалось ему нынче особенно неприятнымъ и смѣшнымъ. Онъ извинился за то, что опоздалъ, и хотѣлъ сѣсть на пустое мѣсто на концѣ стола между Мисси и Катериной Алексѣвной, но старикъ Корчагинъ потребовалъ, чтобы онъ, если уже не пить водки, то все-таки закусилъ бы у стола, на которомъ были омары, икра, сыры, селедки. Нехлюдовъ не ожидалъ того, что онъ такъ голоденъ, но, начавши ѣсть хлѣбъ съ сыромъ, не могъ остановиться и жадно ѣлъ.

— Ну что же, подрывали основы?—сказалъ Колосовъ, проницески употребляя выраженіе ретроградной газеты, возстававшей противъ суда присяжныхъ. — Оправдали виноватыхъ, обвинили невинныхъ, да?

— Подрывали основы... Подрывали основы... — повторилъ, смѣясь, князь, питавшій неограниченное довѣріе къ уму и учености своего либерального товарища и друга.

Нехлюдовъ, рискуя быть неучтивымъ, ничего не отвѣтилъ Колосову и, сѣвъ за поданный дымящійся супъ, продолжалъ жевать.

— Дайте же ему поѣсть, — улыбаясь, сказала Мисси, этимъ мѣстоименіемъ «ему» напоминая свою съ нимъ близость.

Колосовъ между тѣмъ бойко и громко разсказывалъ содержаніе возмутившей его статьи противъ суда присяжныхъ. Ему поддакивалъ Михаилъ Сергѣевичъ, племянникъ, и разсказалъ содержаніе другой статьи той же газеты.

Мисси, какъ всегда, была очень *distinguée* и хорошо, — незамѣтно хорошо одѣта.

— Вы должно-быть страшно устали, голодны, — сказала она Нехлюдову, дождавшись, чтобы онъ прожевалъ.

— Нѣтъ, не особенно. А вы? Ѣздили смотрѣть картины?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, мы отложили. А мы были на lawn tennis'ы у Саламатовыхъ. И дѣйствительно мистеръ Круксъ удивительно играетъ.

Нехлюдовъ пріѣхалъ сюда, чтобы развлечься, и всегда ему въ этомъ домѣ бывало пріятно, не только влѣдствіе того хорошаго тона роскоши, которая пріятно дѣйствовала на его чувства, но и влѣдствіе той атмосферы ласки, которая незамѣтно окружала его. Нынче же, удивительное дѣло, все въ этомъ домѣ было противно ему, — все, начиная отъ швейцара, широкой лѣстницы, цвѣтовъ, лакеевъ, убранства стола, до самой Мисси, которая нынче казалась ему непривлекательной и ненатуральной. Ему неприятенъ былъ и этотъ самоувѣренный, пошлый, либеральный тонъ Колосова, неприятна была бычачья, чувственная фигура стараго Корчагина, неприятны были французскія фразы славянофилки Катерины Алексѣвны, неприятны были стѣсенныя лица гувернантки и репетитора, особенно неприятно было мѣстоименіе «ему», сказанное о немъ... Нехлюдовъ всегда колебался между двумя отношеніями къ Мисси: то онъ, какъ бы прищуриваясь, или какъ бы при лунномъ свѣтѣ видѣлъ въ ней все прекрасное: она казалась ему и свѣжа, и красива, и умна, и естественна... А то вдругъ онъ, какъ бы при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, видѣлъ, — не могъ не видѣть всего того, чего недоставало ей. Нынче былъ для него такой день. Онъ видѣлъ всѣ морщинки на ея лицѣ, зналъ, видѣлъ, какъ взбиты волосы, видѣлъ остроту локтей, и, главное, видѣлъ широкій ноготь большого пальца, напомнившій такой же ноготь отца.

— Прескучная игра, — сказалъ Колосовъ о теннисѣ: — гораздо веселѣе была лапта, какъ мы играли въ дѣтствѣ.

— Нѣтъ, вы не испытали. Это страшно увлекательно, — возразила Мисси, особенно ненатурально произнося слово «страшно», какъ показалось Нехлюдову.

И начался споръ, въ которомъ приняли участіе и Михаилъ Сергѣевичъ, и Катерина Алексѣвна. Только гувернантка, репетиторъ и дѣти молчали, видимо, скучая.

— Вѣчно спорять! — громко хохоча, проговорилъ старикъ Корчагинъ, вынимая салфетку изъ-за жилета, и, гремя стуломъ, — который тотчасъ же подхватилъ лакей, — всталъ изъ-за стола. За нимъ встали и всѣ остальные и подошли къ столику, гдѣ стояли полоскательницы и налита была теплая душистая вода, и, вылоаскивая рты, продолжали никому не интересный разговоръ.

— Не правда ли?—обратилась Мисси къ Нехлюдову, вызывая его на подтвержденіе своего мнѣнія о томъ, что ни въ чемъ такъ не виденъ характеръ людей, какъ въ игрѣ. Она замѣтила на его лицѣ то сосредоточенное и, какъ ей казалось, осудительное выраженіе, котораго она боялась въ немъ, и хотѣла узнать, чѣмъ оно вызвано.

— Право не знаю, я никогда не думалъ объ этомъ, — отвѣчалъ Нехлюдовъ.

— Пойдите къ маме?—спросила Мисси.

— Да, да, — сказалъ онъ, доставая напроску, такимъ тономъ, который явно говорилъ, что ему не хотѣлось бы идти.

Она молча, вопросительно посмотрѣла на него, и ему стало совѣстно. «Въ самомъ дѣлѣ, пріѣхать къ людямъ для того, чтобы наводить на нихъ скуку» — подумалъ онъ о себѣ и, стараясь быть любезнымъ, сказалъ, что съ удовольствіемъ пойдетъ, если княгиня приметъ.

— Да, да, мама будетъ рада. Курить и тамъ можете. И Иванъ Ивановичъ тамъ.

Хозяйка дома, княгиня Софья Васильевна была лежачая дама. Она восьмой годъ при гостяхъ лежала, въ кружевахъ и лентахъ, среди бархата, позолоты, слоновой кости, бронзы, лака и цвѣтовъ, и никуда не ѣздила и принимала, какъ она говорила, только «своихъ друзей», т. е. все то, что, по ея мнѣнію, чѣмъ-нибудь выдѣлялось изъ толпы. Нехлюдовъ былъ въ числѣ этихъ друзей, и потому что онъ считался умнымъ молодымъ человекомъ, и потому что его мать была близкимъ другомъ семьи, и потому что хорошо бы было, если бы Мисси вышла за него.

Комната княгини Софьи Васильевны была за большою и маленькою гостиними. Въ большой гостиной Мисси, шедшая впереди Нехлюдова, рѣшительно остановилась и, взявшись за спинку золоченаго стульчика, посмотрѣла на него.

Мисси очень хотѣла выйти замужъ, и Нехлюдовъ былъ хорошая партія. Кромѣ того, онъ нравился ей, и она приучила себя къ мысли, что онъ будетъ ея, не она будетъ его, а онъ ея, и она съ безсознательной, но упорной хитростью,—такою, какаю бываеъ у душевно-больныхъ,—достигала своей цѣли. Она заговорила съ нимъ теперь, чтобы вызвать его на объясненіе.

— Я вижу, что съ вами случилось что-то, — сказала она: — что съ вами?

Онъ вспомнилъ про свою встрѣчу въ судѣ, нахмурился и покраснѣлъ.

— Да, случилось,—сказалъ онъ, желая быть правдивымъ:—и странное, необыкновенное и важное событіе.

— Что-же? Вы не можете сказать что?

— Не могу теперь. Позвольте не говорить. Случилось то, что я еще не успѣлъ вполне обдумать,—сказалъ онъ, и покраснѣлъ еще болѣе.

— И вы не скажете мнѣ? — Мускутъ на лицѣ ея дрогнулъ, и она двинула стульчикомъ, за который держалась.

— Нѣтъ, не могу,—отвѣтилъ онъ, чувствуя, что, отвѣчая ей такъ, онъ отвѣчалъ себѣ,—признавалъ, что дѣйствительно съ нимъ случилось что-то очень важное.

— Ну, такъ пойдете.

Она трихнула головой, какъ бы отгоняя ненужныя мысли, и пошла впередъ болѣе быстрымъ, чѣмъ обыкновенно, шагомъ.

Ему показалось, что она неестественно сжала ротъ, чтобы удержать слезы. Ему стало совѣстно и больно, что онъ огорчилъ ее, но онъ зналъ, что малѣйшая слабость погубитъ его, т. е. свяжетъ. А онъ, нынче, боялся этого больше всего, и онъ молча дошелъ съ ней до кабинета княгини.

XXVII.

Княгиня Софья Васильевна кончила свой обѣдъ, очень уточненный и очень питательный, который она съѣдала всегда одна, чтобы никто не выдалъ ее при этомъ непозитическомъ отправленіи. У кушетки ея стоялъ столикъ съ кофе, и она курила пахитоску. Княгиня Софья Васильевна была худая, длинная, все еще молодящаяся брюнетка съ длинными зубами и большими черными глазами.

Говорили дурное про сія отношенія съ докторомъ. Нехлюдовъ прежде забывалъ это. Нынче же онъ не только вспомнилъ, но когда онъ увидалъ у ея кресла доктора съ его намащенной, лоснящейся, раздвоенной бородой, ему стало ужасно противно.

Рядомъ съ Софьей Васильевной, на низкомъ мягкомъ креслѣ, сидѣлъ Колосовъ у столика и помѣшивалъ кофе. На столикѣ стояла рюмка ликера.

Мисси вошла вмѣстѣ съ Нехлюдовымъ къ матери, но не осталась въ комнатѣ.

— Когда мама устанетъ и прогонитъ васъ, приходите ко мнѣ,—сказала она, обращаясь къ Нехлюдову такимъ тономъ, какъ будто ничего не произошло между ними, и, весело улыбувшись, неслышно шагая по толстому ковру, вышла изъ комнаты.

— Ну здравствуйте, мой другъ, садитесь и рассказывайте,—сказала княгиня Софья Васильевна съ своей искусной, притворной, совершенно похожей на натуральную улыбкой, открывавшей прекрасныя длинныя зубы, чрезвычайно искусно сдѣланныя, словно они были настоящіе.—Мнѣ говорятъ, что вы пріѣхали изъ суда въ очень мрачномъ настроеніи. Я думаю, что это очень тяжело для людей съ сердцемъ,—сказала она по-французски.

— Да, это правда,—сказалъ Нехлюдовъ:—часто чув-

ствуешь свою не... чувствуешь, что не имѣешь права судить...

— Comme c'est vrai — какъ будто пораженная истинностью его замѣчанія, воскликнула она, какъ всегда искусно лъстя своему собесѣднику.

— Ну, а что-же ваша картина, она очень интересуеетъ меня,—прибавила она:—если бы не моя немощь, ужъ я давно была бы у васъ.

— Я совѣмъ оставилъ ее,—сухо отвѣтилъ Нехлюдовъ, которому нынче неправдивость ея лести была такъ же очевидна, какъ и скрываемая ею старость. Онъ никакъ не могъ настроитъ себя, чтобы быть любезнымъ.

— Напрасно! Вы знаете, мнѣ сказалъ самъ Рѣпинъ, что у него положительный талантъ, — проговорила она, обращаясь къ Колосову.

«Какъ ей не совѣстно такъ врать»,—хмурясь, думалъ Нехлюдовъ.

Объединившись, что Нехлюдовъ не въ духѣ и нельзя его повлечь въ пріятный и умный разговоръ, Софья Васильевна обратилась къ Колосову съ вопросомъ объ его мнѣніи о новой драмѣ такимъ тономъ, какъ будто это мнѣніе Колосова должно было рѣшить всякія сомнѣнія и каждое слово этого мнѣнія должно быть увѣковѣчено. Колосовъ осуждалъ драму и высказывалъ по этому случаю свои сужденія объ искусствѣ. Княгиня Софья Васильевна поражалась вѣрностью его сужденій, пыталась защищать автора драмы, но тотчасъ же или сдавалась, или находила среднее мнѣніе. Нехлюдовъ смотрѣлъ, и слушалъ, но видѣлъ, и слышалъ совѣмъ не то, что было передъ нимъ.

Слушая то Софью Васильевну, то Колосова, Нехлюдовъ видѣлъ, во-первыхъ, что ни Софья Васильевна, ни Колосову нѣтъ никакого дѣла ни до драмы, ни другъ до друга, а что если они говорятъ, то только для удовлетворенія физиологической потребности послѣ ѣды пошевелить мускулами языка и горла. Во-вторыхъ, онъ видѣлъ, что Колосовъ, выпивъ водки, вина, ликера, былъ немного пьянъ, не такъ пьянъ, какъ бывають пьяны рѣдко пьющіе мужики, но какъ бывають пьяны люди, сдѣлавшіе себѣ изъ вина привычку. Онъ не шатался, не говорилъ глупостей, но былъ въ ненормальномъ, возбужденно-довольномъ состояніи. Въ-третьихъ, Нехлюдовъ видѣлъ то, что княгиня Софья Васильевна среди разговора съ безпокойствомъ смотрѣла на окно, черезъ которое до нея начиналъ доходить косою лучъ солнца, который могъ слишкомъ ярко освѣтить ея старость.

— Какъ это вѣрно,—сказала она про какое-то замѣчаніе Колосова, и нажала въ стѣнѣ у кушетки пуговку звонка.

Въ это время докторъ всталъ и, какъ домашній человѣкъ, ничего не говоря, вышелъ изъ комнаты. Софья Васильевна проводила его глазами, продолжая разговоръ.

— Пожалуйста, Филиппъ, опустите эту гардину,—сказала она, указывая глазами на гардину окна, когда на звонокъ ея вошелъ красавецъ-лакей.

— Нѣтъ, какъ ни говорите, въ немъ есть мистическое, а безъ мистическаго нѣтъ поэзіи,—говорила она, однимъ чернымъ глазомъ сердито слѣдя за движеніями лакея, который опускалъ гардину.

— Мистицизмъ безъ поэзіи — суевѣріе, а поэзія безъ мистицизма — проза,—сказала она, печально улыбаясь и не спуская взгляда съ лакея, который расправлялъ гардину.

— Филиппъ, вы не ту гардину: у большого окна,—страдальчески проговорила Софья Васильевна, очевидно, жалѣвшая себя за тѣ усилія, которыя ей нужно было сдѣлать, чтобы выговорить эти слова, и тотчасъ же, для успокоенія, поднося ко рту рукой, покрытой перстнями, пахучую, дымящуюся пахитоску.

Широкогрудый, мускулистый красавецъ Филиппъ слегка поклонился, какъ бы извиняясь, и, мягко ступая по ковру своими сильными, съ выдающимися икрами, ногами, покорно и молча перешелъ къ другому окну и, старательно

„Воскресение“, романъ гр. Л. Н. Толстого. За закуской у Корчагиныхъ.
Ориг. рис. (собств. «Нивы») л. о. Пастернака, авторшии «Нивы».

„Воскресеніе“, романъ гр. Л. Н. Толстого. Нягиня Софья Васильевна и Филиппъ.
Ориг. рис. (собств. «Нивы») Л. О. Пастернака, автотипія «Нивы».

взглядывая на книжницу, стала такъ расправлять гардину, чтобы ни одинъ лучъ не смѣлъ падать на нее. Но и тутъ онъ сдѣлалъ не то, и опять измученная Софья Васильевна должна была прервать свою рѣчь о мистицизмѣ и поправить несомнѣливаго и безжалостно тревожащаго ее Филиппа. На мгновеніе въ глазахъ Филиппа вспыхнулъ огонекъ.

«А чортъ тебя разберетъ, что тебѣ нужно, въроятно, внутренне проговорилъ онъ», — подумалъ Нехлюдовъ, наблюдая всю эту игру. Но красавецъ и силачъ Филиппъ тотчасъ же скрылъ свое движеніе нетерпѣлія и стала покойно дѣлать то, что приказывала ему измощенная, безсилая, вся фальшивая книжница Софья Васильевна.

— Разумѣется, есть большая доля правды въ ученіи Дарвина, — говорилъ возвратившійся Колосовъ, развалился на низкомъ креслѣ и сонными глазами глядя на книжницу Софью Васильевну: — но онъ переходить границы, — да.

— А вы върите въ наслѣдственность? — спросила книжница Софья Васильевна Нехлюдова, тяготясь его молчаніемъ.

— Въ наслѣдственность? — переспросилъ Нехлюдовъ. — Нѣтъ, не въроятно, — сказалъ онъ, весь поглощенный въ эту минуту тѣми странными образами, которые почему-то возникли въ его воображеніи. Рядомъ съ силачомъ, красавцемъ Филиппомъ, котораго онъ вообразилъ себѣ натурщикомъ, онъ представилъ себѣ Колосова нагимъ, съ его животою въ видѣ арбуза, плѣшивой головой и безмускульными, какъ плети, руками. Также смутно представлялись ему и закрытыя теперь шелкомъ и бархатомъ плечи Софьи Васильевны, какими они должны быть въ дѣйствительности, но представленіе это было слишкомъ страшно, и онъ постарался отогнать его.

Софья Васильевна смѣрила его глазами.

— Однако, Мисси васъ ждетъ, — сказала она. — Пойдите къ ней, она хотѣла вамъ сыграть новую вещь Шумана... Очень интересно.

«Ничего она не хотѣла играть. Все это она для чего-то вретъ», — подумалъ Нехлюдовъ, вставая и пожимая прозрачную, костлявую, покрытую перстнями руку Софьи Васильевны.

Въ гостиной его встрѣтила Екатерина Алексѣевна и тотчасъ же заговорила:

— Однако я вижу, что на васъ обязанности присяжнаго дѣйствуютъ угнетающе, — сказала она, какъ всегда, по-французски.

— Да, простите меня, я нынче не въ духѣ и не имѣю права на другихъ наводить тоску, — отвѣтилъ Нехлюдовъ.

— Отчего вы не въ духѣ?

— Позвольте мнѣ не говорить отчего, — сказалъ онъ, отыскивая свою шляпу.

— А помните, какъ вы говорили, что надо всегда говорить правду, и какъ вы тогда всѣмъ намъ говорили такія жестокия правды. Отчего же теперь вы не хотите сказать? Помнишь, Мисси? — обратилась Екатерина Алексѣевна къ вышедшей къ нимъ Мисси.

— Оттого, что то была игра, — отвѣтилъ Нехлюдовъ серьезно. — Въ игрѣ можно, а въ дѣйствительности мы такъ дурны, — т. е. я такъ дуренъ, что мнѣ, по крайней мѣрѣ, говорить правды нельзя.

— Не поправляйтесь, а лучше скажите, чѣмъ же мы такъ дурны, — сказала Екатерина Алексѣевна, играя словами и какъ бы не замѣчая серьезности Нехлюдова.

— Нѣтъ ничего хуже, какъ признавать себя не въ духѣ, — промолвила Мисси. — Я никогда не признаюсь въ этомъ себѣ, и отъ этого всегда бываю въ духѣ. Что жъ, пойдѣте ко мнѣ. Мы постараемся разогнать вашу mauvaise humeur.

Нехлюдовъ испыталъ чувство, подобное тому, которое должна испытывать лошадь, когда ее оглаживаютъ, чтобы надѣть узду и вести запрягать. А ему нынче больше, чѣмъ когда-нибудь, было непріятно возить. Онъ извинился,

что ему надо домой, и сталъ прощаться. Мисси долгие обыкновеннаго удержала его руку.

— Помните, что то, что важно для васъ — важно и для вашихъ друзей, — сказала она. — Завтра приѣдете?

— Едва ли, — сказалъ Нехлюдовъ и, чувствуя стыдъ, самъ не зная, за себя или за нее, онъ покраснѣлъ и поспѣшно вышелъ.

— Что это такое? Comme cela m'intrigue, — говорила Екатерина Алексѣевна, когда Нехлюдовъ ушелъ. — Я непременно узнаю. Какая-нибудь affaire d'amour propre: il est très susceptible notre cher Митя.

— Plutôt une affaire d'amour sale, — хотѣла сказать и не сказала Мисси, глядя передъ собою съ совершенно другимъ, потухшимъ лицомъ, чѣмъ то, съ какимъ она смотрѣла на Нехлюдова, но она не сказала даже Катеринѣ Алексѣевнѣ этого каламбура дурного тона и проговорила только: — у всѣхъ насъ бывають и дурные, и хорошие дни.

«Неужели и этотъ обманетъ», — подумала она. — Послѣ всего, что было, это было бы очень дурно съ его стороны».

Если бы Мисси пришлось объяснить, что она разумѣетъ подъ словами: «послѣ всего, что было», она не могла бы ничего сказать опредѣленнаго, а между тѣмъ она несомнѣнно знала, что онъ не только вызвалъ въ ней надежду, но почти далъ ей обѣщаніе. Все это были не опредѣленные слова, а взгляды, улыбки, намѣки, умолчанія. Но она все-таки считала его своимъ, и лишиться его было для нея очень тяжело.

XXVIII.

«Стыдно и гадко, гадко и стыдно», — думалъ, между тѣмъ, Нехлюдовъ, пѣшкомъ возвращаясь домой по знакомымъ улицамъ. Тяжелое чувство, испытанное имъ отъ разговора съ Мисси, не покидало его. Онъ чувствовалъ, что формально, если можно такъ выразиться, онъ былъ правъ передъ нею, онъ ничего не сказалъ ей такого, что бы связывало его, не дѣлалъ ей предложенія, но, по существу, онъ чувствовалъ, что связалъ себя съ нею, обѣщавъ ей, а между тѣмъ нынче онъ почувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ, что не можетъ жениться на ней. «Стыдно и гадко, гадко и стыдно», — повторялъ онъ себѣ не объ однихъ отношеніяхъ къ Мисси, но обо всемъ. «Все гадко и стыдно», — повторялъ онъ себѣ, входя на крыльцо своего дома.

— Ужинать не буду, — сказалъ онъ Корнею, вошедшему за нимъ въ столовую, гдѣ былъ приготовленъ приборъ и чай. — Вы идите.

— Слушаю, — сказалъ Корней, но не ушелъ и сталъ убирать со стола. Нехлюдовъ смотрѣлъ на Корнея и испытывать къ нему недоброе чувство. Ему хотѣлось, чтобы всѣ оставили его въ покоѣ, а казалось, что всѣ, какъ нарочно, на зло пристають къ нему. Когда Корней ушелъ съ приборомъ, Нехлюдовъ подошелъ было къ самовару, чтобы засыпать чай, но, услыхавъ шаги Аграфены Петровны, поспѣшно, чтобы не видать ее, вышелъ въ гостиную, затворивъ за собою дверь. Комната эта — гостиная — была та самая, въ которой три мѣсяца тому назадъ умерла его мать. Теперь, войдя въ эту комнату, освѣщенную двумя лампами съ рефлекторами — однимъ у портрета его отца, а другимъ у портрета матери — онъ вспомнилъ свои послѣднія отношенія къ матери, и эти отношенія показались ему ненадуральными и противными. И это было стыдно и гадко. Онъ вспомнилъ, какъ, въ послѣднее время ея болѣзни, онъ прямо желалъ ея смерти. Онъ говорилъ себѣ, что желалъ этого для того, чтобы она избавилась отъ страданій, а въ дѣйствительности хотѣлъ этого, чтобы самому избавиться отъ вида ея страданій.

Желая вызвать въ себѣ хорошее воспоминаніе о ней, онъ взглянулъ на ея портретъ, за 5000 рублей написанный знаменитымъ живописцемъ. Она была изображена въ бархатномъ черномъ платьѣ, съ обнаженной грудью. Художникъ, очевидно, съ особеннымъ стараніемъ выписалъ

грудь, промежутокъ между двумя грудями и ослѣпительныя по красотѣ плечи и шею. Это было уже совсѣмъ стыдно и гадко. Что-то было отвратительное и кошунственное въ этомъ изображеніи матери въ видѣ полуобнаженной красавицы, тѣмъ болѣе отвратительное, что въ этой же комнатѣ три мѣсяца тому назадъ лежала та же женщина, ссохшаяся, какъ мумія, и все-таки наполнявшая мучительно тяжелымъ запахомъ, который ничѣмъ нельзя было заглушить, не только всю комнату, но и весь домъ. Ему казалось, что онъ и теперь слышалъ этотъ запахъ. И онъ вспомнилъ какъ за день до смерти она взяла его сильную, бѣлую руку своей костявой черньющей ручкой, посмотрѣла ему въ глаза и сказала: «Не суди меня, Митя, если я не то сдѣлала», и на выцвѣтшихъ отъ страданій глазахъ выступили слезы. «Какая гадость!»—сказалъ онъ себѣ еще разъ, взглянувъ на полуобнаженную женщину съ великолѣпными мраморными плечами и руками и съ побѣдоносной улыбкой. Обнаженность груди на портретѣ напомнила ему другую молодую женщину, которую онъ видѣлъ на-дняхъ также обнаженной. Это была Мисси, которая придумала предложить вызвать его вечеромъ къ себѣ, чтобы показаться ему въ бальномъ платьѣ, въ которомъ она ѣхала на балъ. Онъ съ отвращеніемъ вспомнилъ объ ея прекрасныхъ плечахъ и рукахъ. И этотъ грубый, животный отецъ съ своимъ прошедшимъ, съ своею жестокостью, и эта сомнительной репутаціи *bel esprit* мать. Все это было отвратительно и вмѣстѣ съ тѣмъ стыдно. Стыдно и гадко, гадко и стыдно.

«Нѣтъ, нѣтъ,—думалъ онъ, освободиться надо; освободиться отъ всѣхъ этихъ фальшивыхъ отношеній и съ Корчагиными, и съ Марьей Васильевной, и съ наслѣдствомъ, и со всѣмъ остальнымъ... Да, подышать свободно. Уѣхать за границу—въ Римъ, заняться своей картиной. Онъ вспомнилъ свои сомнѣнія насчетъ своего таланта... Ну, да все равно, просто подышать свободно. Сначала въ Константинополь, потомъ въ Римъ, только отдѣлаться поскорѣе отъ присяжничества. И устроить это дѣло съ адвокатомъ».

И вдругъ въ его воображеніи съ необыкновенною живостью возникла арестантка съ черными, косыми глазами. А какъ она заплкала при послѣднемъ словѣ подсудимыхъ! Онъ посиѣнно, тупа ее, смялъ докуренную напиросу въ пепельницѣ, закурилъ другую и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. И одна за другою стали возникать въ его воображеніи минуты, пережитыя съ нею. Вспомнилъ онъ послѣднее свиданіе съ ней, ту страсть, которая въ то время овладѣла имъ, и то разочарованіе, которое онъ потомъ испыталъ. Вспомнилъ бѣлое платье съ голубой лентой, вспомнилъ заутреню. «Вѣдь я любилъ ее, истинно любилъ хорошей, чистой любовью въ эту ночь, любилъ ее еще прежде, да еще какъ любилъ тогда, когда я въ первый разъ жилъ у тетусекъ и писалъ свое сочиненіе!» И онъ вспомнилъ себя такимъ, какимъ онъ былъ тогда. На него пахнуло этой свѣжестью, молодостью, полнотою жизни, и ему стало мучительно грустно.

Различіе между нимъ, какимъ онъ былъ тогда и какимъ онъ былъ теперь—было огромно, оно было такое же, если не больше. Чѣмъ различіе между Катюшей въ церкви и той дѣвушкой, которую они судили нынче утромъ. Тогда онъ былъ бодрый, свободный человекъ, передъ которымъ раскрывались безконечныя возможности, теперь онъ чувствовалъ себя со всѣхъ сторонъ пойманнымъ въ тенетахъ глупой, пустой, безцѣльной, ничтожной жизни, изъ которыхъ онъ не видѣлъ никакого выхода, да даже, большей частью, и не хотѣлъ выходить. Онъ вспомнилъ, какъ онъ когда-то гордился своей прямоотой, какъ ставилъ себя когда-то правиломъ всегда говорить правду и, дѣйствительно, былъ правдивъ, и какъ онъ теперь былъ весь во лжи,—въ самой страшной лжи, во лжи, признаваемой всѣми людьми, окружающими его, правдой.

И не было изъ этой лжи,—по крайней мѣрѣ онъ не видѣлъ,—никакого выхода. И онъ загрызъ въ ней, привыкъ къ ней, нѣжился въ ней.

Какъ развязать отношенія съ Марьей Васильевной, съ ея мужемъ такъ, чтобы было не совѣстно смотрѣть въ глаза ему и его дѣтямъ? Какъ безъ лжи распутать отношенія съ Мисси? Какъ выбраться изъ противорѣчій между признаніемъ незаконности земельной собственности и владѣніемъ наслѣдствомъ отъ матери? Какъ загладить свой грѣхъ передъ Катюшей? Нельзя же это оставить такъ. «Нельзя бросить женщину, которую я любилъ, и удовлетвориться тѣмъ, что я заплачу деньги адвокату и избавлю ее отъ каторги, которой она и не заслуживаетъ. Загладить вину деньгами такъ, какъ я тогда думалъ, что сдѣлалъ, что должно, давай ей деньги!»

И онъ живо вспомнилъ минуту, когда онъ, въ коридорѣ, догнавъ ее, сунулъ ей деньги и убѣжалъ отъ нея. «Ахъ, эти деньги!»—съ ужасомъ и отвращеніемъ, такимъ же, какъ и тогда, вспоминалъ онъ эту минуту. — «Ахъ, ахъ! какая гадость!»—такъ же, какъ и тогда, вслухъ проговорилъ онъ.—Только мерзавецъ, негодий могъ это сдѣлать! И я, я—тотъ негодий и тотъ мерзавецъ!—вслухъ проговорилъ онъ.—Да неужели въ самомъ дѣлѣ,—онъ остановился на ходу:—неужели я, въ самомъ дѣлѣ, неужели я точно негодий? А то кто же?—отвѣтить онъ себѣ.—Да развѣ это одно?—продолжалъ онъ уличать себя.—Развѣ не гадость, не низость твое отношеніе къ Марьѣ Васильевнѣ и ея мужу? И твое отношеніе къ имуществу? Подъ предлогомъ, что деньги отъ матери, пользоваться богатствомъ, которое считаешь незаконнымъ? И вся твоя праздная, скверная жизнь. И вѣнецъ всего—твой поступокъ съ Катюшей. Негодий, мерзавецъ! Они (люди) какъ хотять, пусть судятъ обо мнѣ, ихъ я могу обмануть, но себя-то я не обману».

И онъ вдругъ понялъ, что то отвращеніе, которое онъ въ послѣднее время чувствовалъ къ людямъ и, въ особенности нынче, и къ князю, и къ Софьѣ Васильевнѣ, и къ Мисси, и къ Корнею—было отвращеніе къ самому себѣ. И удивительное дѣло, въ этомъ чувствѣ признанія своей подлости было что-то болѣзненное, и вмѣстѣ радостное и успокоительное.

Съ Нехлюдовымъ не разъ уже случалось въ жизни то, что онъ называлъ «чистой душой». Чистой душой называлъ онъ такое душевное состояніе, при которомъ онъ, вдругъ, послѣ иногда большого промежутка времени, сознавалъ замедленіе, а иногда и остановку внутренней жизни, принимаясь вычищать весь тотъ соръ, который, накопившись въ его душѣ, былъ причиной этой остановки.

Всегда послѣ такихъ пробужденій Нехлюдовъ составлялъ себѣ правила, которыми намѣревался слѣдовать уже навсегда: писалъ дневникъ и начиналъ новую жизнь, которую надѣялся никогда уже не измѣнять, — *turning a new leaf*, — какъ онъ говорилъ себѣ. Но всякій разъ соблазны міра улавливали его, и онъ, самъ того не замѣчая, опять падалъ, и часто ниже того, какимъ былъ прежде.

Такъ онъ очищался и поднимался нѣсколько разъ; такъ это было съ нимъ въ первый разъ, когда онъ прѣхалъ на лѣто къ тетускамъ. Это было самое живое, восторженное пробужденіе. И послѣдствія его продолжались довольно долго. Потомъ такое же пробужденіе было, когда онъ бросилъ статскую службу и, желая жертвовать жизнью, поступилъ во время войны на военную службу. Но тутъ засореніе произошло очень скоро. Потомъ было пробужденіе, когда онъ вышелъ въ отставку и, уѣхавъ за границу, сталъ заниматься живописью.

Съ тѣхъ поръ и до нынѣшняго дня прошелъ длинный періодъ безъ чистки, и потому никогда еще онъ не доходилъ до такого загрязненія, до такого разлада между тѣмъ, чего требовала его совѣсть, и той жизнью, которую онъ велъ, и онъ ужаснулся, увидавъ это разстояніе.

Разстояніе это было такъ велико, загрязненіе такъ сильно,

что въ первую минуту онъ отчаялся въ возможности очищения. «Вѣдь уже пробовалъ совершенствоваться и быть лучше, и ничего не вышло,—говорилъ въ душѣ его голосъ искusstеля:—такъ что же пробовать еще разъ? Не ты одинъ, а всѣ такіе—такова жизнь, говорилъ этотъ голосъ». Но то свободное, духовное существо, которое одно истинно, одно могущественно, одно вѣчно, уже пробудилось въ Нехлюдовѣ. И онъ не могъ не повѣрить ему. Какъ ни огромно было разстояніе между тѣмъ, что онъ былъ, и тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ быть,—для пробудившагося духовнаго существа представлялось все возможно.

«Разорву эту ложь, связывающую меня, чего бы это мнѣ ни стоило, все и всѣмъ скажу правду и сдѣлаю правду,—рѣшительно, вслухъ, сказалъ онъ себѣ.—Скажу правду Мисси, что я распутникъ и не могу жениться на ней, и только напрасно тревожилъ ее; скажу Марьѣ Васильевнѣ (женѣ предводителя), — впрочемъ, ей нечего говорить, скажу ея мужу, что я негодай, обманывалъ его; съ наслѣдствомъ распоряжусь такъ, чтобы признать правду. Скажу ей, Катюшѣ, что я негодай, виновать передъ ней, и сдѣлаю все, что могу, чтобы облегчить ея судьбу. Да, увижу ее и буду просить ее простить меня. Да, буду просить прощенья, какъ дѣти просятъ».

Онъ остановился.

— Женюсь на ней, если это нужно.

Онъ остановился, сложилъ руки передъ грудью, какъ онъ дѣлалъ это, когда былъ маленькій, поднятъ глаза кверху и проговорилъ:

— Господи, помоги мнѣ, научи меня, приди и вселся въ меня, и очисти меня отъ всякаго скверны.

Онъ молился, просилъ Бога помочь ему, очистить его, а между тѣмъ то, о чемъ онъ просилъ, уже совершилось. Онъ почувствовалъ не только свободу, бодрость и радость жизни, но почувствовалъ все могущество добра. Все, все самое лучшее, что только могъ сдѣлать человекъ, онъ чувствовалъ себя теперь способнымъ сдѣлать.

На глазахъ его были слезы, когда онъ говорилъ себѣ это: и хорошія, и дурныя слезы; хорошія слезы потому, что это были слезы радости, пробужденія въ себѣ того духовнаго существа, которое всѣ эти годы спало въ немъ, и дурныя потому, что онъ были слезы умиленія надъ самимъ собою, надъ своей добродѣтелью.

Ему стало жарко. Онъ подошелъ къ выставленному окну и отворилъ его. Окно выходило въ садъ. Была лунная, тихая, свѣжая ночь, по улицѣ прогремѣли колеса и потомъ все затихло. Прямо подъ окномъ видѣлась тѣнь сучьевъ оголеннаго высокаго тополя, всѣми своими развилками отчетливо лежащая на пескѣ расчищенной площадки. Надъ тополю была крыша сарая, казавшаяся бѣлой подъ яркимъ свѣтомъ луны, впереди переплетались сучья деревьевъ, изъ-за которыхъ видѣлась черная тѣнь забора. Нехлюдовъ смотрѣлъ на освѣщенный луной садъ и крышу, и на тѣнь тополя, слушалъ и выдыхалъ живительный, свѣжій воздухъ.

«Какъ хорошо, какъ хорошо, Боже мой, какъ хорошо!»—говорилъ онъ про то, что было въ его душѣ.

(Продолженіе будетъ.)

Первое представленіе.

Очеркъ Серафимы Детчи.

I.

— Слышали? Дирекція, говорятъ, приобрѣла новую пьесу Нордена!..

— Да, я прочелъ замятку въ газетахъ. А не знаете ли вы названіе и сюжетъ пьесы?

— Не имѣю ни малѣйшаго представленія. Слышалъ только, что въ ней много дѣйствующихъ лицъ.

— Гм!.. Послѣ успѣха первой пьесы Норденъ торопится поставить вторую. Хочетъ ковать желѣзо, пока горячо.

— Не думаю, чтобы онъ могъ написать что-нибудь путное въ такой короткій срокъ.

Актриса X., первая любовница, отдыхавшая въ креслѣ за кулисами, пока другіе репетировали на сценѣ, стала прислушиваться къ разговоръ товарищей съ многозначительной усмѣшкой.

— Это въ высшей степени интересная вещь!...—проговорила она небрежно.

— Какъ? Развѣ вы читали ее?

Актрису окружаютъ со всѣхъ сторонъ. Цѣль ея достигнута: она чувствуетъ себя головой выше другихъ—вѣдь ей, ей *одной*, да еще первому любовнику, модный авторъ сообщилъ о послѣдней новинкѣ, о своемъ послѣднемъ дѣтищѣ!

— И есть хорошія роли?

— Много женскихъ ролей?

— Изъ какой жизни? Изъ древней, средневѣковой или современной?—посыпались со всѣхъ сторонъ вопросы.

— Я не имѣю права говорить, пока авторъ самъ не прочтетъ пьесы.

Въ эту минуту къ толпѣ любопытныхъ подходитъ режиссеръ. Его окружаютъ со всѣхъ сторонъ и засыпаютъ вопросами. Вотъ отъ кого можно получить свѣдѣнія.

— Кто будетъ играть въ новой пьесѣ Нордена?

— Есть ли благодарныя роли?

— Нельзя ли какъ-нибудь прочесть пьесу?

— Что роли? Розданы уже или нѣтъ?

Режиссеръ только съ улыбкой пожимаетъ плечами.

— Все это вы знаете на-дняхъ. Въ настоящую минуту авторъ съ директоромъ какъ разъ распределяютъ роли. Кажется, нѣкоторыя роли будутъ дублированы.

— Какъ это неприятно! Пойдутъ всякія невыгодныя сравненія, и кто сыграетъ первый, будетъ всегда правъ, въ ущербъ второму...

— Таково желаніе автора. Репетиціи покажутъ, кому играть первому.

— Но почему-же г-жа X. знаетъ все раньше всѣхъ?

— Авторъ желаетъ, чтобы она играла главную роль и уже условился съ нею.

— Ахъ, вотъ что!.. Вотъ какъ!.. — слышится недружелюбное голоса.

II.

Начались репетиціи, и съ этой минуты каждый изъ участвующихъ могъ воскликнуть:

«Улетѣлъ мой покой,

Улетѣлъ навсегда,

Не вернулъ мнѣ его

Никогда, никогда!..»

Дни и недѣли, предшествующія «первому представленію», можно сравнить съ различными фазами эпидемической первой горячки, заражающей всякаго, кто приблизится къ очагу болѣзни. Самымъ серьезнымъ больнымъ является авторъ, такъ какъ отъ него вѣдь и исходитъ зараза. Уже за нѣсколько недѣль передъ постановкой пьесы онъ проявлялъ признаки ненормальности, и окружающіе только покачивали головами; теперь же безпощадная болѣзнь неудержимо вступила въ свои права. Опасности заразиться подвергается, конечно, прежде всего режиссеръ, потому что онъ болѣе другихъ имѣетъ общенія съ авторомъ и, если только долгіе годы режиссерства не послужили ему предохранительной прививкой отъ яда первыхъ представленій, то и его надо считать тяжело больнымъ и общеніе съ нимъ прямо опаснымъ для жизни.

Больнымъ въ болѣе легкой формѣ является директоръ театра, если только онъ не связанъ съ авторомъ родственными или дѣловыми узами. О, въ такомъ случаѣ болѣзнь его жестоко ослабляется! Онъ бѣгаетъ по темнымъ угламъ кулисъ, читая про-себя краткія молитвы и теребитъ зубами платокъ, которымъ онъ вытираетъ со лба холодный потъ.

Если же директоръ не сильно заинтересованъ въ дѣлахъ автора, дѣло упрощается. Въ этомъ случаѣ директоръ стоитъ на недосягаемой высотѣ, завернувшись въ тогу антисептического скептицизма и съ сострадательной улыбкой взираетъ на происходящую внизу сутолоку.

Сцена погружена въ таинственный полумракъ.

Одинокіе газовые рожки или электрическія лампочки блестятъ, какъ звѣздочки на покрытомъ тучами небѣ, повидимому, только затѣмъ, чтобы еще болѣе отбѣнить господствующій кругомъ мракъ.

Если приглядѣться поближе, можно различить движущіяся въ полутьмѣ фигуры, которыя внезапно останавливаются, подойдя къ краю отверстой черной пропасти. Эта черная пропасть есть зрительная зала, къ краю которой подходятъ авторъ и режиссеръ, направляясь къ роковому директорскому столу, стоящему на авансценѣ. Декораторъ, машинистъ, бутфоръ и завѣдующій освѣщеніемъ группируются вокругъ, въ почтительномъ отдаленіи. Это сидѣли при больныхъ, готовые исполнить малѣйшее желаніе постѣднихъ.

Кое-гдѣ, въ поставленныя уже двери кулисъ, выглядываютъ блѣдные, изможденные, заспанныя лица алтеровъ. При необходимости поздно ложиться, въ десять часовъ утра они еще далеко не успѣли и, съ усталой головой и распатанными нервами, неохотно приступаютъ къ напряженной утренней работѣ.

— Что же не начинаютъ?—говорить одинъ.

— И зачѣмъ это насъ заставляютъ «среди ночи» являться на

Выставка картинъ В. М. Васнецова въ Императорской Академіи Художествъ. „Гамаюнъ, птица вѣщяя“.
Съ картины В. Васнецова грав. Геданъ.

репетиции, когда они еще не стоворились насчет декораций!— ворчить другой.

— Дѣйствительно, могли бы подумать объ этомъ раньше. — вмѣшивается, зѣвая, премьерша, которая второпяхъ не успѣла завить своихъ локончиковъ на лбу и теперь бонится, какъ бы у автора не пропала вся иллюзія.

Опасенія ея, повидимому, не напрасны, потому что среди репетицій авторъ обращается къ ней съ вопросомъ:

— Скажите, пожалуйста, въ какихъ волосахъ вы намѣрены играть эту роль?

— Какъ, въ какихъ? Въ моихъ собственныхъ, — отвѣчаетъ актриса.

— Pardon, но я нахожу цвѣтъ вашихъ волосъ не подходящимъ къ роли.

— Вы хотите сказать...

— Говоря откровенно, другой цвѣтъ волосъ былъ бы вамъ больше къ лицу. Напримѣръ, рыжій!

— Такъ вамъ угодно, чтобы я играла эту роль въ рыжемъ...

— То-есть, я долженъ прежде посмотрѣть, идетъ ли вамъ рыжій парикъ. Вы играете сегодня? Да? Такъ будьте любезны, надѣньте вечеромъ рыжій парикъ, а я приду посмотрѣть на васъ.

— Какъ, вы хотите, чтобы я играла протвѣтую молодую женщину въ огненно-красномъ парикѣ!..

— Почему же нѣтъ?

— А если самъ авторъ будетъ въ театрѣ? Онъ именно просилъ меня, передъ первымъ представленіемъ, играть эту роль въ пепельно-свѣтлыхъ волосахъ.

— Ну, что-жь!.. Вы такъ и играли! Но вѣдь *его* первое представление давно прошло; такъ не все ли ему равно?

И премьерша играла въ этотъ вечеръ роль протвѣтой, тихой женщины, въ ярко-рыжемъ парикѣ. И драматургъ, и директоръ были оба въ восторгѣ; оба нашли, что рыжіе волосы необыкновенно идутъ ей, что она только теперь вполнѣ овладѣла ролюю.

Затѣмъ стали обсуждаться туалеты.

— Кто шьетъ вамъ костюмы для этой роли?

— Не беспокойтесь; будетъ хорошо!

— Да; но вы должны шить непременно въ одномъ изъ первыхъ домовъ...

— Это возбудить въ публикѣ особый интересъ къ пьесѣ.

— А вы заплатите мнѣ по счетамъ этихъ первыхъ домовъ, г. директоръ?—спросила полухитра, полусерьезно бѣдная премьерша.

— Что вы!.. И не подумаю!.. Для чего же вы получаете такое большое жалованье?

— Но вѣдь три костюма для этой роли стоятъ больше того, что я получаю въ мѣсяцъ!

— Что дѣлать!.. Что дѣлать!..—отвѣчаетъ не совсѣмъ довольнымъ тономъ директоръ и спѣшитъ исчезнуть.

На слѣдующее утро репетируютъ безъ розей. Каждая сцена прерывается по шести и по семи разъ. То вычеркивается цѣлая фраза, то вставляется слово, то смягчается рѣзкое выраженіе.

Выходную фразу горничной заставляютъ повторять семь разъ и столько же разъ прерываютъ первую актрису, едва вошедшую въ свою роль.

Роль горничной надо передать другой; эта госпожа невозможна!..—пенечетъ взволнованный авторъ режиссеру. Тотъ покорно киваетъ головой, и—судьба начинающей молодой актрисы, которая должна была играть роль горничной, рѣшена.

Авторъ вскакиваетъ съ мѣста и направляется къ первой актрисѣ.

— Извините меня, сударыня, но эту сцену надо вести въ самомъ нѣжномъ тонѣ.

— Но вѣдь по пьесѣ я должна пронизировать, должна колоть моего партнера горькой насмѣшкой!.. Вы сами помѣтили въ роли: «Съ горькой ироніей». Какой же можетъ тутъ быть нѣжный тонъ?

— Ну, если актеры знаютъ лучше... если они спорятъ!..

— Я не спорю,—возражаетъ актриса, съ трудомъ подавляя раздраженіе:—а только защищаю свою манеру играть, которую я приняла по вашимъ же, написаннымъ здѣсь, указаніямъ.

— Но, можетъ-быть, г. Норденъ находитъ теперь нужнымъ смягчить тонъ. Сказанная фраза звучитъ всегда гораздо рѣзче, чѣмъ написанная,—старается примирить спорящихъ режиссеръ.

— Что вы хотите этимъ сказать?—спрашиваетъ авторъ обиженно.

— Дорогой г. Норденъ,—возражаетъ режиссеръ, беря автора подъ руку и увлекая его въ одинъ изъ уголковъ авансены.—Говори откровенно, вы пугаетесь сами того, что написали, когда видите все это въ лицахъ, на сценѣ.

— Но позвольте, однако!..

— Я вѣдь говорю только о словахъ, о слишкомъ сильныхъ выраженіяхъ. Вы мѣтите иногда дальше цѣли; вы переходите границы того, что можно сказать на сценѣ.

Авторъ дѣлаетъ крайне удивленное и нетерпѣливое лицо.

— Въ романѣ,—продолжаетъ режиссеръ:—вы можете говорить, что хотите, а если выразитесь удачно, то границы возможнаго растягиваются, какъ резинка; я готовъ почти сказать, что границъ нѣтъ вовсе—возьмите, напримѣръ, Зола и его послѣдователей. Но въ лицахъ, на сценѣ, насъ оскорбляетъ каждая малость. А потому, вотъ вамъ мой дружескій советъ: переработайте эту сцену: она слишкомъ смѣла и можетъ послужить камнемъ преткновенія для успѣха пьесы. Вѣдь вы знаете накаловъ нашихъ первыхъ представлений. Если сами вы всего только одинъ разъ побывали въ огнѣ, такъ вы видѣли, какъ они бѣли пощамъ вашихъ коллегъ. Если хотѣ одна сценка нарушить иллюзію и подастъ поводъ къ разсужде-

ніямъ и здолговію, тогда конечно; хищный звѣрь лизнуть крови и набрасывается уже на все. Повѣрьте мнѣ: смягчите вашу сцену.

Между тѣмъ, къ разговаривавшимъ подошелъ директоръ, тоже человекъ опытный въ этихъ дѣлахъ, и они вдвоемъ повели бѣднягу-драматурга въ застѣнокъ, то-есть въ контору дирекціи, гдѣ несчастному, корчившемуся отъ боли, вырѣзали мясо кусками и изгнали его раскаленными щипцами. Когда онъ вышелъ оттуда, у него буквально голова была въ огнѣ. Его убѣдили передѣлать заключенія актовъ и пѣлья сцены, и онъ долженъ былъ сейчасъ же приняться за эту тяжелую работу.

На слѣдующихъ репетиціяхъ происходили настоящія битвы.

Вслѣдствіе передѣлокъ, въ каждой, уже выученной роли, пришлось дѣлать измѣненія. Ни одна сцена не ладилась, суфлеръ сбивался, читалъ вычеркнутое и сбивалъ всѣхъ съ толку.

Авторъ метался, какъ угорѣлый, то по авансентѣ, то по темному партеру, кусая кончики усовъ, чтобы заставить себя молчать. Зато режиссеръ шумѣлъ и бранился, и готовъ былъ накинуться даже на ingénue, свою невесту, съ которой онъ самъ проходилъ роль, но которая все еще оставалась довольно деревянной и безцвѣтной.

Хуже всего дѣло шло съ сентиментальной ingénue. На ея долю выпала небольшая, но характерная роль, рассчитанная на особую индивидуальность, которой не обладала ни одна изъ актрисъ. попеременно бравшихся за эту роль. Какъ ни старался директоръ, вмѣстѣ съ авторомъ и режиссеромъ, проходить съ ними каждую фразу, ни одна актриса не могла войти въ тонъ этой несчастной маленькой рольки, вокругъ которой, однако, группировалась вся пьеса. Авторъ уже отчаивался найти подходящую актрису, какъ вдругъ его вызвалъ по телефону директоръ театра. Это было передъ началомъ вечерняго представленія, и въ кассѣ стояла толпа. Авторъ собирался-было пройти мимо въ директорскую святая святыхъ, какъ вдругъ изъ дверей кассы показался самъ директоръ, нетерпѣливо ожидавшій автора.

— Милѣйшій другъ,—сказалъ онъ:—у меня есть для васъ приятный сюрпризъ!..

— Что такое? Вѣрно, пьеса моя вернулась, наконецъ, изъ цензуры?—торопливо проговорилъ авторъ.

— Къ сожалѣнію, еще нѣтъ!

— А пора бы ужъ, когда мы такъ подвинулись съ репетиціями! Но въ чемъ же дѣло?

— Идите сюда,—сказалъ директоръ съ таинственной улыбкой и повелъ Нордена къ дверямъ кассы.

— Если вы обѣщаете не вскрикнуть отъ удивленія, я покажу вамъ свой сюрпризъ въ дверную щелку.

Онъ протворилъ дверь кассы, и Норденъ разглядѣлъ въ дверную щель молодую дѣвушку, робко, какъ испуганная птичка, сидѣвшую на стулѣ, устремивъ большіе голубые глаза на дверь, какъ будто оттуда должно было показаться что-то страшное. Взглядъ ея случайно встрѣтился съ глазами обоихъ мужчинъ.

— Боже милостивый!—воскликнулъ Норденъ:—да вѣдь это...

— Те... не кричать!.. Что это?

— Да вѣдь это сама живая Катя изъ моей пьесы!..

— Что? Не правда ли? Мнѣ это тотчасъ же пришло въ голову, какъ только я услышалъ ея тоненькій голосокъ, когда она спрашивала себя въ кассѣ даровой билетъ. Выглянуть и остановить маленькую особу—было для меня дѣломъ одной минуты. Я попросилъ ее войти въ комнату при кассѣ, освѣдомился, не актриса ли она, такъ какъ, спрашивая даровой билетъ, она все болѣе и болѣе смущалась, думая, что совершила какое-то невѣдомое преступленіе. Голосокъ ея сталъ еще болѣе дѣтскимъ, взглядъ еще безпомощнѣе, и вся она походила на пойманную птичку. Она все болѣе правилась мнѣ, и когда я, наконецъ, безъ труда допытался, что она сестра извѣстной артистки и сама актриса и не имѣетъ апажементъ, я тотчасъ же телефонировалъ вамъ, чтобы узнать, согласны ли вы со мной?

— Еще бы, еще бы, конечно!..—радостно воскликнулъ счастливый авторъ.—Г. директоръ, вы должны пригласить ее тотчасъ же, сію минуту!.. Да?

— Да, но пока на *одну* только роль.—былъ осторожный отвѣтъ.

Пойманную птичку выпустили и, къ удивленію бѣдной дѣвочки, думавшей, что она видитъ сонъ, съ нею заключили условіе на продолжительное гастролерство.

Маленькое существо дѣйствительно необычайно подходило къ своеобразной, наивно-сентиментальной роли, какъ будто авторъ писалъ именно для нея. Ея безпомощная манера, во всѣхъ другихъ роляхъ мѣшавшая успѣху, была здѣсь какъ разъ кстати. Говорить тоненькимъ, высокимъ, дѣтскимъ голоскомъ и недоумывающе раскрывать большіе голубые глаза—большого роль не требовала. Своимъ появленіемъ новая артистка превзошла всѣ ожиданія писателя. Она была солнечнымъ лучомъ въ переживаемыхъ имъ тяжелыхъ минутахъ. Съ остальными актерами дѣло шло далеко не такъ хорошо. Въ игрѣ каждая Норденъ находилъ что-нибудь неладное. Онъ просилъ, сердился, критиковалъ, отмѣнялъ сегодня то, чего хотѣлъ вчера, вычеркивалъ, вписывалъ снова, и снова вычеркивалъ, плаче заканчивалъ акты, словомъ, на десятой репетиціи всѣ были сбиты съ толку, и никто не знаетъ, ни какъ ему стоять, ни какъ ходить по сценѣ.

Во время перемены декораций актеры собрались въ такъ-называемой «гостиной», служившей по вечерамъ уборной, и обмѣнивались мнѣніями насчетъ драматурга.

— Право, чувствуешь себя совсем новичком,—сказала съ раздраженіемъ актриса на амплуа матерей.—Я не знаю, куда дѣвать руки, точно сегодня поступила на сцену. Ничѣмъ ему не угодишь! Ни однимъ словомъ, ни однимъ жестомъ. А вѣдь я была уже на сценѣ, когда онъ лежалъ въ пеленкахъ!..

— Да, онъ корчитъ изъ себя «великаго писателя» съ тѣхъ поръ, какъ его первая вещь имѣла такой успѣхъ!..—замѣтилъ «благородный отецъ», кругленькій и очень близорукий господинъ въ темныхъ очкахъ. — За послѣднее время память начала нѣсколько измѣнять ему, и разучиваніе ролей, къ которому онъ относился всегда самымъ добросовѣстнымъ образомъ, стоило ему довольно большого труда. — Подумайте! — продолжалъ онъ. — Какъ-то на дняхъ я принимаюсь вечеромъ, послѣ представления, учить роль, работаю до поздней ночи, и вдругъ сегодня—трах!—авторъ вычеркиваетъ все прежнее, пишетъ совсемъ другое, передѣлываетъ фразы, словомъ, я не въ состояніи переучивать роль, и теряюсь, у меня все перемѣшалось въ головѣ, это невозможно!..

— А я потеряла всякій интересъ къ своей роли,—вздыхаетъ герония. — Я не имѣю возможности играть такъ, какъ я понимаю и чувствую роль и какъ онъ самъ обрисовываетъ свою героиню. Онъ сегодня изволенъ тѣмъ, чего самъ хотѣлъ вчера, и хвалитъ то, что будетъ бранить завтра!.. Я чувствую себя, какъ въ тискахъ, связанною по рукамъ и по ногамъ. Вся самостоятельность пропадаетъ, и я живу какъ въ лихорадкѣ. Если бы еще я играла здѣсь нѣсколько лѣтъ, тогда это мало беспокоило бы меня; но вѣдь я создаю здѣсь роль впервые, она должна составить мнѣ положеніе въ глазахъ критики и публики, и вдругъ я принуждена отказываться отъ своей индивидуальности и играть не такъ, какъ я понимаю роль. Право, я готова возвратитъ ее автору хоть сейчасъ.

— Послушайте, однако!.. — вмѣшался первый любовникъ, до тѣхъ поръ молча слушавшій разговоръ своихъ товарищей. Онъ былъ личный другъ писателя, видѣлъ, какъ фигура героя возникла подъ его перомъ; но нѣкоторыя черты героя были даже взяты съ него, роль была скроена по его образцу, и онъ сразу вошелъ въ нее, какъ въ хорошо сшитое платье. Онъ обсуждалъ съ авторомъ каждую особенность изображаемаго лица еще въ то время, какъ писалъ пьеса, и теперь для него не оставалось никакихъ недоразумѣній. Напротивъ, Норденъ былъ въ восторгѣ отъ игры своего пріятеля, который съ каждой репетиціей все правдивѣе втягивался въ роль и въ то же время изображалъ самого себя.

— Да, вамъ хорошо говорить, — возразила актриса. — Вамъ не приходится принимать экстравагантный, несвойственный вашей природѣ характеръ. Вы успѣли составить себѣ здѣсь имя, критика знаетъ и цѣнитъ вашу игру, и все, что бы вы ни воспроизвели, будетъ заранѣе считаться прекраснымъ!..

— Но не забывайте зато мое щекотливое положеніе: — сколько у меня враговъ, которыхъ я приобрѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ я нарушилъ контрактъ съ неподходящей для меня сценой. Не забывайте, что озабоченный антрепренеръ поклялся тогда погубитъ меня и лишитъ куска хлѣба. А это ему очень не трудно: всѣ права на сторонѣ сильнаго, антрепренера, а нашъ братъ, актеръ, не имѣетъ права сохранить настолько человѣческаго достоинства, чтобы на законномъ основаніи покинуть сцену, которая для него не подходитъ, которая оскорбляетъ его художественное чувство и убиваетъ его талантъ. Остается одно рѣшительное средство — нарушить контрактъ, что я и сдѣлалъ!.. И за это страшное преступленіе воздвигается цѣлый адъ преслѣдованій. Всѣ сцены составили союзъ и поставили себѣ правиломъ не ангажировать ни въ труппу, ни на гастроли артиста, разъ нарушившаго контрактъ. А потому, если бы директоръ нашей сцены тоже принадлежалъ къ союзу антрепренеровъ, мнѣ оставалось бы только или умереть съ голоду вмѣстѣ съ семьей, или покаяннымъ грѣшникомъ вернуться на ту сцену, которая была противна моему художественному чувству. Враги мои имѣютъ довольно обширныя связи, а наша пьеса вѣдь еще не прошла цензуру!

— Да, это правда! Ес задерживаютъ какъ-то необыкновенно долго; а между тѣмъ репетиціи въ полномъ ходу,—замѣтилъ, одинъ изъ актеровъ.

— Вотъ видите ли, и у меня тоже свои заботы, и я тоже трепещу за успѣхъ нашей новинки!

— И для Нордена тоже очень важно, удастся ли ему этой новинкой закрепить успѣхъ своей первой пьесы и свою авторскую славу! — добавилъ благородный отецъ.

— Этимъ и обдѣляется его нервное состояніе, — продолжалъ первый любовникъ. — Ахъ, кабы поскорѣе прошла генеральная репетиція и первое представленіе!

— Говорять, на этотъ разъ и пресса явится на генеральную репетицію.

— Да, будетъ очень торжественно!

— Если бы только мой портной не обманулъ меня! — жаловалась премьерша. — Ни одинъ туалетъ еще не готовъ!.. Счастливые вы, господа мужчины, вамъ не нужно заботиться о трипахъ, а вы еще получаете высшіе оклады!.. Гдѣ тутъ справедливость!.. Мы, за наше меньшее жалованье, должны имѣть модныя салонныя платья, но и дорогіе историческіе костюмы, украшения, парики, башмаки, тогда какъ вамъ достаточно имѣть фракъ, сюртукъ, покаяній смокингъ, да еще лѣтній костюмъ, и этого вполне довольно для любой современной пьесы; а для историческихъ вамъ все даетъ дирекція, и вамъ остается только надѣть то, что подастъ вамъ костюмеръ.

Въ эту минуту раздался звонокъ, означавшій, что смѣна деко-

раціи окончена, и репетиція, со всѣми ея тревоженіями, можетъ идти дальше.

На этотъ разъ помѣха заключалась въ бутафорскихъ вещахъ. Въ особенности машинка для кипяченія молока, появившаяся на сцену въ третьемъ актѣ, ни за что не хотѣла дѣйствовать. Несчастный бутафоръ мечется, тащитъ все, что находится изъ подобныхъ вещей, но ничто не помогаетъ. Онъ убѣгаетъ и приноситъ на выборъ цѣлый ассортиментъ машинокъ. Репетиція прерывается. Авторъ, директоръ и режиссеръ подходятъ къ рамѣ и, какъ трое классическихъ судей ада, судятъ и ридятъ о достоинствахъ и недостаткахъ различныхъ машинокъ для кипяченія молока.

А актеры съ недовольными лицами сердито сидятъ по угламъ. Этотъ новый перерывъ еще болѣе затянетъ репетицію, а они п безъ того сидятъ здѣсь голодные съ десяти часовъ утра и знаютъ, что вечеромъ опять заняты, и послѣ шести часовъ снова должны явиться въ театръ. Мужчины разсказываютъ другъ другу анекдоты и беззубо острятъ, а дамы напряженно зѣваютъ, ощущая боль подъ ложечкой и пустоту въ головѣ. Можетъ ли быть рѣчь о настроеніи!

Едва начали репетировать, какъ новую бѣду надѣлала канарейка. По увѣренію ея хозяйки, злополучнаго бутафора, она такъ выдрессирована, что поетъ по приказанію. Но бѣдная, перепуганная птичка, повѣшенная въ клѣткѣ между яркимъ свѣтомъ электрической лампы и черной тѣнью кулисъ,—что производитъ необычно-сильное впечатлѣніе на ея маленькій птичій мозгъ. — далека отъ художественнаго настроенія. Она бьется въ клѣткѣ, испуганно чирикаетъ, но не поетъ.

Репетиція возобновляется. Настроеніе снова найдено: наступаетъ трагическій моментъ — какъ вдругъ раздается сладкое, звонкое пѣніе канарейки, къ сожалѣнію, совсемъ не во-время, и трагическое положеніе переходитъ почти въ комическое.

— Къ чорту эту птицу! — кричитъ режиссеръ.

— Она не виновата. — распинается бутафоръ за свою воспитанницу: — я изъ-за кулисы шепнулъ ей «слово», она и запѣла.

III.

По мѣрѣ того, какъ приближается день генеральной репетиціи и перваго представленія, усиливается горячка.

Директора беспокоитъ цензура, до сихъ поръ не дающая отвѣта, хотя пьеса уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ представлена на разсмотрѣніе, и дирекція, и артисты положили на нее много труда, денегъ и силъ.

Воленіе автора растеть со дня на день. Дома онъ бываетъ только для самаго короткаго отдыха; онъ ведетъ кочевую жизнь. Его можно видѣть то въ ресторанѣ, окруженнаго своими приверженцами, то бродящимъ одиноко по зимнимъ аллеямъ городского сада, то въ дружественномъ кругу меценатовъ и пріятелей. Вездѣ только и рѣчи, что объ его пьесѣ и предстоящемъ первомъ представленіи. Ему пришлось бы ухаживать куда-нибудь, и ухаживать очень далеко, чтобы услышать что-нибудь, кромѣ заглавія своего произведенія.

Въ такомъ же лихорадочномъ напряженіи живутъ и актеры, кромѣ репетицій занятые еще по вечерамъ.

Съ новой ролью въ головѣ, занимающей всѣ его помыслы, актеръ долженъ почти каждый вечеръ участвовать въ другихъ пьесахъ; а для необходимаго сосредоточенія и приготовленія къ новой роли, ему остаются лишь поздніе вечерніе часы, когда онъ возвращается изъ театра, разбитый физически, съ расшатанными нервами, и долженъ, еще передъ отходомъ ко сну, выжать изъ себя искру вдохновенія, которая поможетъ бы освѣтить съ новой стороны его роль.

Дѣйствительно, г легка жизнь актера. Ни одинъ фабричный рабочій не трудится такъ безустанно, безъ опредѣленныхъ рабочихъ часовъ, съ такимъ напряженіемъ умственныхъ и физическихъ силъ, съ такимъ полнымъ отреченіемъ отъ своего я, какъ актеръ, хотя наивные филістеры все еще смотрятъ на него, какъ на веселаго, легкомысленнаго дармоеда, живущаго въ полное свое удовольствіе.

Но вотъ наступилъ день такъ-называемой генеральной репетиціи. то-есть въ сущности настоящаго представленія, только безъ платной публики. Въ театръ имѣютъ доступъ только актеры, родственники играющихъ и иногда представители прессы. Зрительный залъ погруженъ во мракъ, по сцену освѣщена вполне, и декораций, бутафорскія принадлежности, гримъ и костюмы актеровъ лѣ же, что и на первомъ представленіи.

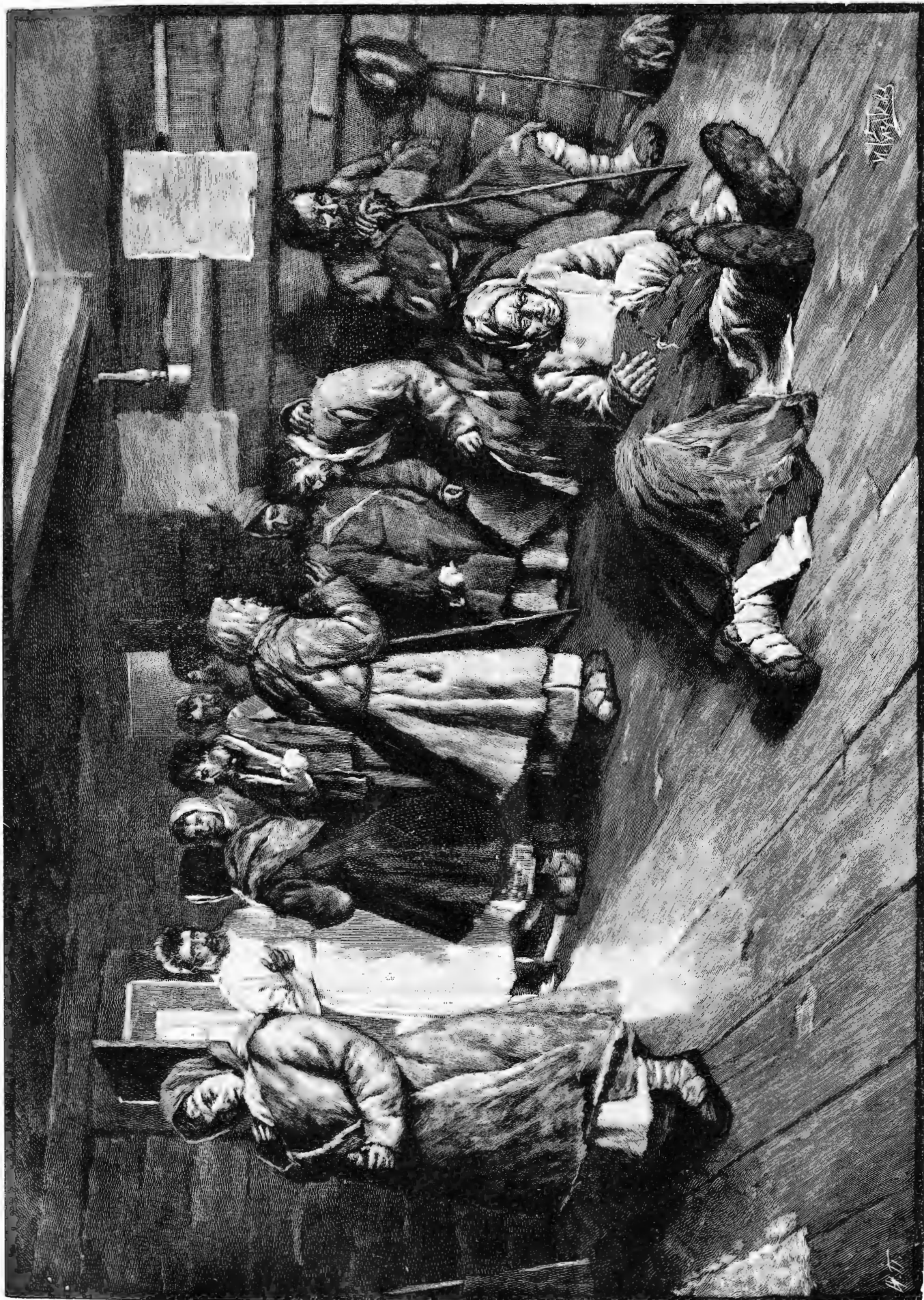
Въ день генеральной репетиціи, актеры, легше спать поздно ночью, или лучше сказать рано утромъ,—должны встать еще раньше обыкновеннаго, на этотъ разъ дѣйствительно «среди ночи»; вставать со свѣчами; особенно тяжело приходится актрисамъ, которымъ нужно еще разъ позаботиться о своихъ туалетахъ. Извѣстно было бы говорить о волненіи, съ которымъ не могутъ справиться въ концѣ расшатанные нервы, въ сѣрое, холодное ноябрьское утро. А вѣдь большинство новыхъ ролей приходится разучивать именно зимой и осенью. Нельзя назвать также особенно пріятнымъ моментъ, когда актриса, играющая главную роль, стоитъ у окна, съ часами въ рукахъ, и ждетъ посланнаго отъ портного, который тысячу разъ обещалъ прислать платье и все еще не присылаетъ. А неумолимая стрѣлка часовъ все бѣжитъ и бѣжитъ.

— Барышни. — докладываетъ горничная: — театральная карета прѣхала.

— Такъ. значить, въ театрѣ!

ХІХ анварельная выставка въ Академіи Художествъ. „Влюбленные“. Съ картины В. Потровича грав. П. Панковъ.

Конкурсная выставка въ Академіи Художествъ. „Пріемная въ земской больницѣ“.
Съ картины И. С. Назарова грав. И. Цавловъ.

IV.

Въ театрѣ кипитъ уже дѣятельность во всю. Премьерша прѣѣхала на этотъ разъ поздно, все изъ-за тщетныхъ ожиданій портного. Проходя мимо полуотворенныхъ дверей уборныхъ, изъ которыхъ слышится сильный запахъ пудры, кольдъ-крема и духовъ, она видитъ, что другія актрисы уже почти одѣты. Впрочемъ портники все еще снуютъ съ пакетами; въ уборныя проносятся огромныя картонки, вызывая своимъ появленіемъ громкія выраженія восторга или неудовольствія. Парикмахеръ, размахивая щипцами, любезничаетъ въ узенькомъ коридорѣ съ модисткой, которая принесла шляпы и шапочки,—словомъ, жизнь бьетъ ключомъ.

Придя въ свою уборную, гдѣ костюмерша встрѣчаетъ ее съ легкимъ упрекомъ за опозданіе, актриса прежде всего спрашиваетъ: «принесли ли платья?»

— Никто ничего не приноситъ, барышня: а то бы я сейчасъ вынула платья изъ картонокъ и развѣсила бы.

— Такъ надо сейчасъ же телефонировать и послать къ портному! Господи, Боже мой, что я буду дѣлать безъ этихъ платьевъ. Когда и авторъ, и директоръ придають имъ столько значенія и требуютъ, чтобы они были хороши и характерны. Отъ этихъ волненій у меня даже мигрень сдѣлалась! Ну, какъ я буду играть такую большую роль? Это невыносимо!

— А можетъ-быть, портной прочелъ сегодня замѣтку въ газетахъ и думаетъ, что генеральной репетиціи не нужно!.. — спокойно выражаетъ свое мнѣніе костюмерша.

— Не нужно? Отчего не нужно? — повторяетъ машинально премьерша, занятая принадлежностями грима.—Какъ отвратительно мазаться днемъ! Спустите, пожалуйста, полотноше шторы. Вотъ такъ! О какой замѣткѣ въ газетахъ вы говорите и чѣмъ она касается моего портного?

— Да въдѣ въ газетахъ написано, что *цензура не пропустила пьесы!*

Фарфоровая баночка съ кольдъ-кремомъ со звономъ летитъ на столъ, пуховка съ пудрой падаетъ на полъ и поднимаетъ цѣлое бѣлое облако.

— Что вы говорите? Какъ не пропустила?

Артистка не вѣритъ своимъ ушамъ.

— Да развѣ вы, барышня, не читали сегодня въ газетахъ?

— Ахъ, до того ли мнѣ, чтобы читать газеты!.. Такъ неужели это правда? Въдѣ это ужасно!.. Для чего же мы тогда гримиремся? Въдѣ репетиціи вѣроятно не будетъ?

— Итъ, будетъ! Мы справлялись въ бюро. Говорятъ: генеральная репетиція не отменяется. Они надѣются, что запрещеніе будетъ снято.

— А если не будетъ? Это было бы ужасно! Столько напрасныхъ надеждъ, столько труда и издержекъ!.. Одна эта роль обошлась мнѣ въ тысячу марокъ!.. А платья все не несутъ!.. Надо сейчасъ же телефонировать портному, что репетиція не отменена и что я жду своихъ костюмовъ.

Костюмерша идетъ исполнить приказаніе. Репетиція начинается, а исполнительница главной роли все еще сидитъ въ старенькомъ черномъ платьѣ, которое она второпяхъ набросила сегодня поутру.

Между тѣмъ въ партерѣ собрался весь цвѣтъ столичной интеллигенціи: критики, литераторы, издатели, антрепренеры, театральные агенты, артисты и авторъ со своими друзьями, директоръ, режиссеръ и всѣ «не занятые» товарищи. Первые сцены производятъ благоприятное впечатлѣніе. Инженіе очаровательна и режиссеръ — ея учитель и женихъ — съ довольнымъ видомъ поглаживаетъ себѣ въ темнотѣ бороду... Наконецъ выходитъ главная героиня, въ ярко-рыжемъ парикѣ и старомъ черномъ шелковомъ платьѣ!

Въ партерѣ пробѣгаетъ ропотъ; всѣ шепчутся и съ удивленіемъ переглядываются между собою. Авторъ вскакиваетъ, въ отчаяніи ломая руки: друзья снова усаживаютъ его въ кресло, и онъ запикиваетъ себѣ въ ротъ всю бороду, чтобы не зарычать, какъ раненый левъ. Артистки, которыя «вынашиваютъ» костюмы изъ Парижа: обращаются къ разрабаченному и безъ того директору съ выраженіемъ лицемѣрнаго удивленія.

— Но въдѣ она играетъ великолепно,—замѣчаетъ одинъ изъ друзей автора:—сцена непремѣнно произведетъ эффектъ.

— О, эти бабы!.. —охаютъ авторъ и вдругъ вспоминаютъ, что все это напрасно, что пьеса запрещена!..

Запрещена!.. Напрасны трудъ столькихъ мѣсяцевъ; напрасны расходы; пропали всѣ надежды на вѣрный почти успѣхъ. Однако зрители тщетно ожидаютъ какой-нибудь рискованной сцены или опаснаго мѣста: передъ ними развертывается лишь довольно мрачная картина, взятая изъ жизни.

Исполненіе превосходно. Всѣ актеры сжились со своими ролями: все идетъ гладко, легко, само собою, какъ будто и не было потрачено столько упорнаго труда. И все-таки каждый изъ нихъ въ лихорадочномъ волненіи, зная, передъ какой аудиторіей онъ играетъ. Каждую минуту директоръ, авторъ или режиссеръ можетъ бросить изъ темнаго партера порицаніе съ такимъ стараніемъ придуманному гриму или костюму. Но сегодня всѣ слишкомъ заняты болѣе серьезнымъ и важнымъ дѣломъ, и на такія детали обращается мало вниманія, тогда какъ въ другое время нерѣдко фасонъ или цвѣтъ платья исполнительницъ вызываетъ пререканія, и несчастная артистка должна въ послѣднюю минуту замѣнить его чѣмъ-нибудь другимъ. Точно такъ же и гримъ, усы и парики актеровъ подвергаются

иногда самой строгой критикѣ. Но сегодня все идетъ какъ по маслу. А когда, въ третьемъ актѣ, героиня появилась наконецъ въ одномъ изъ запоздавшихъ туалетовъ и потомъ, въ каждомъ актѣ, надѣвала все болѣе и болѣе сенсационныя платья, тогда и авторъ забылъ всѣ свои безпокойства и мученія. По окончаніи репетиціи онъ отправляется на сцену и горячо пожимаетъ руки всѣмъ своимъ добросовѣстнымъ сотрудникамъ. Все шло такъ хорошо, такъ гладко: общій ансамбль, воодушевленная игра всѣхъ актеровъ, успѣхъ у квинтъ-эссенціи критики, и вдругъ—запрещена!..

Послѣ двухнедѣльной бѣготни по канцеляріямъ, уговариваній, улаживаній, удалось наконецъ добиться желаемого результата: запрещеніе было снято, и день перваго представленія назначенъ.

Уже довольно поздно вечеромъ Норденъ сообщилъ радостную вѣсть своему другу, актеру, а этотъ послѣдній уже въ одиннадцать часовъ ночи извѣстилъ по телеграфу свою партнершу. Нѣкоторые другіе изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ также получили приглашеніе отпраздновать въ тѣсномъ кругу давно желанное снятіе запрещенія. Нѣсколько времени спустя, авторъ и первый любовникъ уже сидѣли за столомъ искриваго вина, празднующъ разрѣшеніе пьесы.

— Запрещеніе снято,—проговорилъ задумчиво писатель:—но будетъ ли пьеса имѣть успѣхъ? Дѣти мои, нельзя испытывать боговъ: можетъ-быть, мы празднуемъ нашъ провалъ!..

— Подождемъ, дружище, имѣй терпѣніе!.. — успокаивалъ его актеръ.

— Интересъ къ пьесѣ возросъ до сказочныхъ размѣровъ; ничто не могло составить ей лучшей рекламы, какъ это запрещеніе. Мнѣ говорилъ сегодня директоръ, что касса буквально осаждается съ тѣхъ поръ, какъ въ газетахъ появилась замѣтка, что день перваго представленія назначенъ. Всѣ мѣста проданы до райка включительно.

А я слышала случайно, что барышничество въ полномъ ходу: за кресло платятъ по пятьдесятъ марокъ!..

И дѣйствительно, день перваго представленія ожидался съ самымъ напряженнымъ нетерпѣніемъ. «Весь цвѣтъ столицы» явился въ театрѣ.

Возбужденно шуршать въ ложахъ шелковыя платья дамъ; ихъ украшенные перьями и цвѣтами головки съ любопытствомъ склоняются то въ ту, то въ другую сторону.

Одна часть партера сидитъ въ напряженномъ ожиданіи, тогда какъ другая готовится къ бою. Друзья автора и актеровъ соединились для защиты и нападенія. Имъ предстоитъ выдержать сильный натискъ.

Завистники писателя собрались, чтобы такъ или иначе доказать пониженіе успѣха сравнительно съ его первымъ произведеніемъ: враги пераго любовника—чтобы помѣшать его успѣху и поставить на карту его артистическое существованіе. Надо было ожидать всего. Авторъ, блѣдный, какъ смерть, притаился въ уголкѣ директорской ложи, изъ которой, по обыкновенію улыбался, раскланивался директоръ со знакомыми журналистами.

Въ переполненной залѣ слышится сдержанный шумъ голосовъ. Запахъ духовъ поднимается изъ ложъ и преселъ къ радостно настроеннымъ зрителямъ верхнихъ ярусовъ.

Шопотъ, тихій, равнодушный смѣхъ, шумъ раскрываемыхъ вѣеровъ, тамъ и сямъ брошенное полугромко замѣчаніе, шестель развертываемыхъ и складываемыхъ программъ.

Но вотъ раздастся послѣдній звонокъ, свѣтъ въ залѣ затемняется, и занавѣсъ медленно взвывается вверхъ.

V.

Элегантное, по послѣднему слову моды, убранство гостиницы на сценѣ вызываетъ среди зрителей одобрительныя возгласы. Въ этой обстановкѣ комфорта и роскоши «весь цвѣтъ столицы» тотчасъ же чувствуетъ себя какъ дома.

Публика приручена и начинаетъ слушать сочувственно.

Первыя сцены оригинальны и остроумны. Появленіе героини настолько же своеобразно, насколько туалетъ ея элегантенъ и характеренъ. Тонъ, манеры, прическа, все взято съ натуры. Такая женщина существуетъ, вы ее знаете, встрѣчали, говорили съ ней, но только гдѣ, когда?

И вдругъ кто-то произноситъ извѣтное всему городу женское имя. Оно переходитъ изъ устъ въ уста, всѣ переглядываются, улыбаются, киваютъ головой, и интересъ растетъ.

Но вотъ выходитъ герой пьесы, баловень и любимецъ публики, видѣвшей его на другой сценѣ. Ему пытаются аплодировать, но тотчасъ же раздаются въ отвѣтъ негромкое «тес, тес». Аплодирующимъ шипаютъ.

Артистъ начинаетъ говорить: идетъ характерный діалогъ между нимъ и его партнершей. Но удивительно, что въ театрѣ наступило сразу какое-то волненіе: его реплики почти не слышно. Неужели у всѣхъ вдругъ сдѣлался насморкъ?—Никогда въ театрѣ столько не кашляли и не сморкались, какъ именно въ тѣ минуты, когда говоритъ молодой актеръ!..—Странное дѣло!..

Актеръ уходитъ со сцены — мертвая тишина. Сморканье и кашель прекращаются, какъ по мановенію волшебнаго жезла. Первый актъ окончился вопросительнымъ знакомъ. Какъ-то странно, но интересно. Публика аплодируетъ, аплодируетъ сочувственно, ободряюще. Актеры выходятъ на вызовы. Но, какъ только къ нимъ присоединится изъ боковой двери герой пьесы, къ аплодисментамъ начинается примѣшиваться негромкое, пока еще робкое, шипанье.

Второй акт -- шедевр постановки и искусства самого автора, производит захватывающее впечатление. Каждое лицо живет на сцене, хотя и напоминает несколько особенно удачная лица из первой пьесы автора; тем не менее публика слушает с интересом. Героиня пьесы также играет прекрасно, и всё со вниманием следить за тонкими нюансами ее речи. Но вот является ее партнер -- между обоими завязывается настоящая диалог *fin de siècle*. -- диалог своеобразный, оригинальный, яркий, яркий, шикарный. Хотелось бы разлышать все, что говорится, но это невозможно. В особенности, когда говорит герой, поднимается неслыханное сморкание, кашель и шестая программа.

-- Тсс! тсс! Тише! -- слышится из публики; но все напрасно -- шум продолжается, пока наконец герой не уходит послѣ эффектной сцены.

Начинаются аплодисменты, за которыми слѣдует долгое шиканье. Теперь все понятно. Тут личные счеты, личная война!..

Автор трепещет въ особенности за третій актъ, заключительная сцена котораго довольно смѣла. Герой становится здѣсь на минуту песимистичнымъ, а это, вмѣстѣ съ рискованнымъ положеніемъ, можетъ вызвать переворотъ въ настроеніи публики.

Актъ этотъ очень интересный, начинается при полной тишинѣ. Слышно, кажется, какъ бьются сердца у зрителей. Но вотъ появился герой, и нѣтъ больше тишины и сосредоточеннаго настроенія.

У автора, стоящаго за первой кулисою, морозъ пробѣгаетъ по кожѣ. Онъ приделонился лбомъ къ грязному подрамку декорація и старается разглядѣть сцену сквозь дыру въ холстѣ, въ которую видна также часть зрительной залы.

Вонь, въ полутемномъ партерѣ, сидятъ шакалы первыхъ представлений, готовые растерзать автора. Это особая специальность, рад которой нѣкоторые только и приходятъ въ театрѣ.

«Какъ-то сойдеть третій актъ?» думаетъ блѣдный, дрожащій, какъ въ лихорадкѣ, авторъ.

Онъ стоитъ у кулисы и невольно повторяетъ каждое слово актера, вздрагивая, когда тотъ обмолвится или случайно переставитъ слова.

Во время этого рѣшающаго акта и директоръ находится на сценѣ. Онъ тревожно ходитъ по боковымъ проходамъ кулисы, вадъ и впередъ, какъ часовой. Обычная улыбка на его губахъ застыла, судорожно сжатые пальцы комятъ носовой платокъ, который онъ ежеминутно подноситъ къ губамъ, безсознательно кусая его.

Наконецъ спускается занавѣсъ послѣ третьяго акта.

Въ залѣ глубокая тишина. Всѣ затаяли дыханіе: для находящихся на сценѣ эта мучительная минута неизвѣстности кажется вѣчною.

Потомъ вдругъ взрывъ аплодисментовъ, шиканье, шумъ, свистъ, говоръ взволнованныхъ голосовъ.

Занавѣсъ поднимается и опускается безчисленное множество разъ, а шумъ все продолжается. Неизвѣстно еще, пересилитъ ли успѣхъ или оппозиція? Шумъ продолжается и въ антрактѣ, когда обыкновенно всѣ спѣшатъ въ фойе и въ коридоры, чтобы дать успокоиться возбужденнымъ нервамъ, услышать чужія мнѣнія, встрѣтить знакомыхъ, что-нибудь выпить.

Критики стоятъ въ сторонѣ, дѣлая замѣтки въ записныхъ книжкахъ, въ то время, какъ за женами ихъ ухаживаютъ артисты и молодые литераторы.

Публика обмѣнивается мнѣніями и «составляетъ мнѣнія». Всѣ спѣшатъ «другихъ посмотреть и себя показать», раскланяться со знакомыми, пошутить, поболтать, а также попить и поѣсть, какъ будто всѣ эти люди явились въ театрѣ страшно проголодавшимися и не въ состояніи переждать два съ половиной или три часа безъ существоваемаго подкрѣпленія силъ.

Короче сказать, антрактъ разѣвываетъ все впечатлѣніе третьяго

акта, и когда звонокъ призываетъ зрителей обратно въ залъ, имъ надо сначала припомнить, въ чемъ было дѣло.

И отъ мнѣнія этихъ разбѣянныхъ, занятыхъ совѣстью другихъ людей, зависитъ успѣхъ автора и артистовъ! -- по крайней мѣрѣ въ вечеръ пераго представленія, когда публика своимъ одобреніемъ или неодобреніемъ призываетъ твореніе къ жизни или стираетъ его съ лица земли.

Нарушители покоя, казалось, исчезли, и хроническій катаръ слушателей прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ полиція шеннула свое словечко. Пепирительская линія, хотѣвшая выбить автора изъ сѣдла, оказалась такимъ образомъ побѣжденной.

Но что же думаетъ авторъ? Пикетъ пьесы успѣхъ или нѣтъ?

Это покажутъ слѣдующіе акты.

VI.

Послѣ страшнаго шума въ третьемъ актѣ и аплодисментовъ, смѣшанныхъ съ шиканьемъ, трудно было понять, что относится къ автору и что къ герою пьесы.

Только послѣ того, какъ шумные враты были удалены или призваны къ порядку, то-есть въ двухъ слѣдующихъ актахъ, стало возможно составить себѣ какое-нибудь ясное представленіе о пьесѣ.

Авторъ долженъ быть оставаться на своемъ посту, чтобы увидѣть, проглотитъ ли тысячеголовая гидра его твореніе, его послѣднее дѣтище или подниметъ его на штырь.

Четвертый актъ произвелъ глубокое впечатлѣніе.

Оригинальныя сценки «конца вѣка» смѣялись потрясающимъ моментами.

И авторъ съ наслажденіемъ замѣтилъ, какъ тамъ и сямъ въ креслахъ замелькали носовые платки, и, враждебно дотолъ, сморкание и кашель показались ему теперь, когда они выражали растроганное чувство -- музыкой небесныхъ сферъ.

-- Разбираетъ, разбираетъ! -- променталь авторъ, обращаясь къ вынырнувшему откуда-то директору.

-- Да, теперь успѣхъ обезпеченъ. -- проговорилъ тотъ съ сіяющей улыбкой.

Какъ разъ въ эту минуту опустился занавѣсъ послѣ четвертаго акта, и изъ залы послышался точно громовой шумъ морского прибой.

Занавѣсъ все поднимался и опускался, и счастливый авторъ несчетное число разъ раскланивался передъ публикой.

Въ груди его было только одно чувство: несказанное блаженство. Въ пятомъ и послѣднемъ актѣ не могло уже случиться ничего неожиданнаго. Онъ зналъ, что его другъ и любимецъ играетъ въ этомъ актѣ прямо потрясающе.

И гордый, какъ побѣдившій полководецъ, онъ отправился въ директорскую ложу, чтобы оттуда насладиться послѣднимъ актомъ.

«Плачьте, плачьте, рыдайте!» думалъ онъ, злорадуя, когда вся зрительная зала расцвѣтилась, какъ флагами, бѣлыми носовыми платками.

И ему пришла въ голову пословица: «Мышкѣ слезки, кошкѣ игрушки».

Чѣмъ сильнѣе плакала зала, тѣмъ больше онъ радовался.

По окончаніи, восторгамъ не было конца.

Актеры, драматургъ, директоръ, всѣ выходили на безчисленные вызовы публики, съ сіяющими счастьемъ лицами, потому что успѣхъ пьесы для заинтересованныхъ лицъ имѣлъ очень большое значеніе.

Для автора и директора въ немъ слышался звонъ золота.

Для главныхъ исполнителей -- шестель лавровъ!.. И такимъ образомъ каждый получалъ принадлежавшее ему по праву, и всѣ волненія, несприятности и споры послѣднихъ недѣль были забыты, всю усталость какъ рукой сняло.

Всѣ поздравляли другъ друга руки, какъ послѣ счастливо оконченной дуэли, всѣ дышали радостью, любовью и всепрощеніемъ.

Движущаяся дорога.

(Рис. на стр. 336.)

На парижской выставкѣ 1889 г. общее вниманіе публики было обращено на сооруженную для ея удобства маленькую желѣзную дорогу по системѣ Девовилля. Несмотря на всю незначительность ея протяженія, тысячи побѣдовъ шныряли по ней въ обѣ стороны, перевоза миллионы пассажировъ. Вагоновъ на ней было множество, и все же бывали моменты, когда ихъ не хватало, и толпы народа длинными хвостами вытягивались передъ кассами. Согласно предположеніямъ организаторовъ будущей выставки, въ 1900 г. имѣется въ виду устроить втрое болѣе входовъ, чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ, и если бы и въ 1900 г. не было бы другого способа передвиженія, кромѣ желѣзной дороги, то пришлось бы считаться съ очень немалыми затрудненіями.

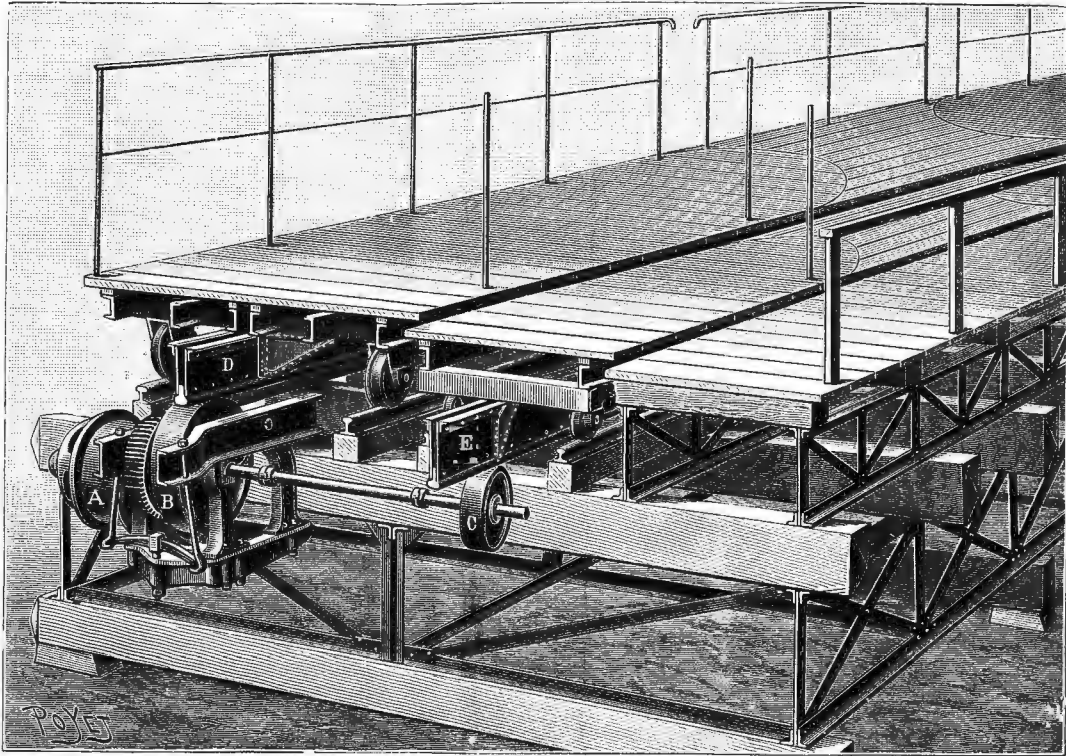
Въ силу этого озабочились изысканіемъ другихъ способовъ передвиженія, и остановились на мысли соорудить безконечную желѣзнодорожную линію съ непрерывнымъ движеніемъ, причемъ длина поѣзда совпадала бы съ длиною пробѣгаемаго пространства. Идея эта -- не нова; уже на послѣднихъ выставкахъ въ Чикаго и Берлинѣ пользовались подобнаго рода системами передвиженія; но такъ какъ теперь рѣчь идетъ о примѣненіи ея въ болѣе широкихъ размѣрахъ, то генеральный комиссаръ будущей парижской выставки потребовать отъ лицъ, испрашивавшихъ концессию, устройства пробной линіи, обусловивъ успѣшностью опыта выдачу

окончательной концессіи. Требуемая пробная линія недавно закончена постройкою. Недалеко отъ Парижа, въ открытой мѣстности Сентъ-Уана сооружена теперь подвижная платформа, того же типа, какою предположено для выставки, но меньшихъ размѣровъ. Опытъ оказался очень удачнымъ и вполне оправдалъ ожиданія строителей и выставочной администраціи.

Верхній настилъ платформы расположенъ на высотѣ трехъ аршинъ слѣшкомъ (2 метра 30 сант.) надъ землею. Мы говоримъ -- *платформа*, потому что ихъ три: одна неподвижная и двѣ подвижныхъ. Изъ подвижныхъ одна находится въ непрерывномъ движеніи со скоростью 4-хъ верствъ въ часъ, т. е. со скоростью движенія обыкновеннаго вѣселохода. Чтобы попасть съ неподвижной платформы на самодвижущуюся, стоитъ только сдѣлать одинъ шагъ въ направленіи движенія всей системы. Это очень легко, а для большаго облегченія можно при этомъ ухватиться за кольца, укрѣпленные въ движущейся платформѣ, на разстояніи шести метровъ другъ отъ друга (8 съ небольшимъ аршинъ). Вторая платформа движется съ удвоенною скоростью; она шире предыдущей, и является собственно главною частью сооруженія, такъ какъ первая служитъ только посредствующимъ звеномъ. Съ платформы съ замедленнымъ движеніемъ на платформу съ ускореннымъ движеніемъ переходить съ такою же легкостью, какъ съ неподвижной на первую движущуюся.

Сотни лиц, присутствовавших на опытах, могли убедиться въ легкости, съ какою продѣлывался этотъ переходъ съ платформы на платформу.

Настиль платформы состоитъ изъ послѣдовательнаго ряда отдѣльных частей, сопрягающихся другъ съ другомъ кругообразно сѣзанными поверхностями. Благодаря такому расположенію ихъ концовъ, вся система можетъ двигаться по всевозможнымъ кривымъ и изгибамъ въ предѣлахъ 14-аршиннаго радиуса. Подъ этими частями настиль находится болѣе широкій рельсъ, составляющій съ шпиромъ одно цѣлое; каждый рельсъ соединяется съ послѣдующимъ особою подвижною смычкою, расположенною на вертикальной оси, такъ что они могутъ двигаться подъ тѣмъ же угломъ, что и самый настиль. Эти рельсы катятся по двигателямъ, расположеннымъ другъ отъ друга на разстояніи 35 аршинъ и приводимымъ во вращательное движеніе при помощи электричества. Всѣ платформы вмѣстѣ съ пассажирами достаточно для достиженія достаточнаго тренія. Двигательные валы помѣщены на подшипникахъ съ рессорами, чѣмъ достигается постоянная равномерность давленія, подъ которымъ валь соприкасается съ рельсомъ; благодаря этому же приспособленію исправляются и отклоненія отъ горизонтальнаго положенія, возможные въ отдѣльных частяхъ рельса. Валь всегда одинаково налегаетъ на рельсъ. Помимо этого подъ настилью находится еще два ряда маленькихъ вальковъ, движущихся по двумъ неподвижнымъ рельсамъ, уложеннымъ въ общеніи пути.

Движущаяся дорога. Новый способ передвиженія, проектированный для будущей парижской выставки 1900 г.

Эта пробная линия, представляющая собою сомнѣтельную окружность протяженіемъ въ полверсты, является уменьшенной моделью будущей выставочной дороги на каткахъ. Опытъ этотъ не будетъ безполезенъ. Оказалось, что движеніемъ платформы вызывается довольно сильный шумъ, могущій обезпокоить посѣтителей. Это могли замѣтить всѣ бывавшіе въ Сентъ-

Уапѣ. Уже приняты, поэтому, спеціальныя мѣры для устраненія этого недостатка въ будущемъ, при постройкѣ выставочной платформы, и въ 1900 г. многочисленнымъ посѣтителямъ выставки будетъ показана движущаяся дорога.

Къ рисункамъ.

На Бермамутъ ѣздить изъ Кисловодска любоваться панорамой Эльбруса и восходомъ солнца въ горахъ. Въ Кисловодскѣ нанимаютъ коляску, въ которую извозчикъ забираетъ дрова, угли, самоваръ, нѣсколько буроковъ и провизію; отправляются вечеромъ, чтобы провести ночь на Бермамутѣ и встать до разсвѣта. Дорога изъ Кисловодска на Бермамутъ чрезвычайно красива и идетъ все время въ гору. По прибытіи на вершину, публика бродитъ по окрестностямъ, пока извозчикъ приготовляетъ костеръ, самоваръ и ходитъ за водой къ горному ключу. Потомъ, когда всѣ приготовленія сдѣланы, жарятъ шашлыкъ изъ молодого баранка и пьютъ кахетинское или чай. Всѣ одѣваются въ бурки, потому что на высотѣ холодно. Набрасываютъ охапки сѣна и ложатся спать. Снизу, изъ мрачной, ужасъ наводящей бездны поднимается туманъ, точно тысяча фантастическихъ призраковъ. Бѣлые фантомы причудливой формы въ длинныхъ, расплывающихся саванахъ выходятъ отсюда, растутъ, поднимаются выше, завлакиваютъ окрестности. Бездна, изъ которой они выходятъ, кажется подъ покровомъ ночи бездонной и страшной. Цѣлое море тумана въ одну минуту вырастаетъ передъ глазами и скрываетъ все, что еще можно было бы различить черезъ тьму прозрачной ночи. Туманъ колыхнется и какъ будто вздрагиваетъ, одно чудовище за другимъ лѣзетъ изъ мрачной бездны. Одно, словно въ смертельномъ ужасѣ, простраетъ свои длинныя руки и сверху хватаясь за острые выступы скалъ, и замираетъ на ея каменной груди; другое—идетъ ему навстрѣчу и, столкнувшись съ нимъ, сливается въ одну общую массу, безъ формъ, безъ очертаній. А ночь, темная и покойная, плыветъ поверхъ тумановъ. Утромъ, передъ разсвѣтомъ, картина мѣняется. И небо, и горы, и бездны—все затянато одною молочной ризой. Тьма, подъ влияніемъ этой бѣлой сѣдой пелены, разсѣивается и становится похожей на блѣдный, мутный разсвѣтъ. Чувствуется, что гдѣ-то вдали, на краю свѣта, за этой чудовищной безграничной пеленой, встаетъ солнце, брезжитъ свѣтъ... Сплошная, кажушаяся непроницаемою, завѣса густого тумана вдругъ неожиданно разрывается. Волны ея разбѣгаются отъ образовавшагося отверстия и открываютъ волшебную, феерическую декорацию: Эльбрусъ, въ серебряной шапкѣ вѣчнаго снѣга, блистаетъ тѣснѣю недръ и точно самоцвѣтныхъ камней, подъ горячими лучами величественно восходящаго солнца. Все вокругъ алѣетъ.

Снѣжная цѣпь, блистая пурпуромъ, очаровываетъ взоръ. Красный цвѣтъ переходитъ въ розовый, фиолетовый, голубой и превращается въ синій въ ущельяхъ и узкихъ лощинахъ. Прозрачное голубое небо, бездонное въ вышняхъ, точно оковано блистающимъ золотомъ на горизонтѣ. Тянетъ свѣжій вѣтерокъ, вспархиваютъ горные жители—орлы. А внизу, подъ Бермамутомъ, колыхнется и клубится побѣжденный туманъ, какъ волны приносящаго моря. Картина Л. Ф. Лагорю, бывшая на выставкѣ слб. общества художниковъ, и изображаетъ «Эльбрусъ съ Бермамута утромъ», въ то время, когда туманы расходятся.

Множество поэтическихъ сказокъ основано на древне-языческомъ вѣрованіи въ чудесное искусство превращеній, дающее возможность принимать на себя всевозможные образы птицъ звѣрей и даже неодушевленныхъ предметовъ. Не только боги, но и колдуны и вѣдьмы, силою доступныхъ имъ чаръ и заклинаній, могли преобразоваться въ разнаго рода оборотней. На такомъ вѣрованіи, широко распространенномъ у всѣхъ народовъ, создано множество этическихъ сказаній, чародѣйныхъ образовъ, старинныхъ рисунковъ. Народныя пѣсни заставляютъ своихъ героевъ

По темнымъ лѣсамъ летать чернымъ ворономъ.

По чистой полю скакать сѣрымъ волкомъ.

По крутымъ горамъ тонкимъ бѣлымъ горностаемъ.

По синимъ морямъ плавать сѣрой утешкою.

На картинѣ В. М. Васнецова изображенъ одинъ изъ такихъ рисунковъ—Гамаюнъ, птица вѣщая. Но надо быть значительнымъ художникомъ, чтобы такъ искусно воспользоваться стариннымъ рисункомъ для изображенія движеній человѣческой души и создать красками цѣлую поэму. Взгляните на выраженіе лица этой «птицы вѣщей». Сколько затаеннаго страха въ ея глазахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сколько въ нихъ скорби! Она увидѣла будущее и, увидѣвъ его, ужаснулась. Улетѣла она далеко-далеко, и, вся обята страхомъ, усѣлась на одинокомъ деревѣ, не будучи въ состояніи справиться съ волнующими ее чувствами. Этотъ моментъ удивительно переданъ художникомъ.

«Любить... нѣтъ... не любить... любить...» — такъ гадаютъ влюб-

ленные, сидя за холмомъ, скрытые отъ любопытныхъ взоровъ, среди весеннихъ цвѣтовъ. Весна—пора любви, а «влюбленность» — ея весна. Любовь начинается увлеченіемъ, а кончается, по большей части, охлажденіемъ—точь-въ-точь какъ лѣто, которому предшествуетъ весна и за которымъ слѣдуетъ слезливая осень и суровая, холодная зима. Но развѣ влюбленные думаютъ о такихъ грустныхъ вещахъ? Конечно, нѣтъ! Имъ не до пессимистической философіи жизни. Гораздо легче сорвать ромашку, отыскавъ ее въ густой травѣ, и узнать по ней свою судьбу.

Отчего цвѣтку не повѣрить? Вѣдь онъ не болѣе, какъ орудіе судьбы. Никто не считалъ его лепестковъ, никто не можетъ предвидѣть его отвѣта. А одуванчики? Какъ много ихъ кругомъ... Стоять они гордые, на длинныхъ стебляхъ, красивые, воздушные... Но дуетъ вѣтеръ, и вся красота ихъ развѣется по полю, и отъ всей ихъ красоты останется стебель, да и тотъ—пустой внутри. Такъ и счастье человѣческой жизни — гордое и красивое до первой бури, до первой невзгоды.

*

Кто имѣлъ случай бывать въ приемной земской больницы и наблюдать въ ней типы больныхъ, тотъ, конечно, нисколько не удивится, что авторъ картины, которую мы воспроизводимъ въ настоящемъ номерѣ *Нивы*, художникъ И. С. Казаковъ, удостоенъ за нее этого званія и посланъ для усовершенствованія на три года за границу. Сколько типовъ въ его композиціи и какъ вѣрно схвачены они съ натуры, точно живьемъ выхвачены изъ жизни! И этотъ врачъ, который прошелъ всю медицинскую науку и знаетъ самыя невѣроятныя и сложныя названія и симптомы болѣзней, но не въ состояніи, однако, сразу понять мудренныя объясненія этихъ немудреныхъ больныхъ, у которыхъ обыкновенно «усѣ болитъ» и непременно куда-то «подкатывается!» А что именно болитъ и куда подкатывается — разобрать невозможно. И растеть съ одной стороны раздраженіе, а съ другой—недовѣріе къ ученой медицинѣ и глубокая вѣра въ свою, народную медицину, въ разныхъ бабушекъ и повитухъ, знахарей и колдуновъ. Это — столкновение науки съ невѣжествомъ, свѣта съ мракомъ и вѣчная ихъ борьба, въ которой часто побѣждаетъ невѣжество; но въ картинѣ г. Казакова, кажется, побѣдителемъ является врачъ — иначе у него въ приемной не было бы столько народу.

Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ.

(Портр. на этой стр.)

Десять лѣтъ тому назадъ—28-го апрѣля 1889 г.—скончался Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ (Щедринъ). Когда мы вспоминаемъ его писательскій обликъ—а кто съ нимъ не знакомъ—мы не знаемъ, чему больше удивляться: щедринскому ли остроумію, его заразительному, желчному и ѣдкому смѣху, или той силѣ негодующей скорби, которою дышитъ всякая строка щедринскихъ произведеній. Къ нему, какъ и къ его учителю, Гоголю, вполнѣ примѣнимо изреченіе пророка: «горькимъ словомъ можемъ посмѣяться».

Надъ чѣмъ, однако, смѣялся Салтыковъ своимъ «горькимъ словомъ», на что негодовать ои? Именно объ этомъ умѣстнѣе всего вспомнить въ день десятой годовщины его смерти, потому что въ его «горькомъ словѣ» заключается цѣлѣнная сила, въ которой мы до сихъ поръ такъ сильно нуждаемся.

Одни полагаютъ, что смѣхъ Салтыкова былъ смѣхъ злоня, осмѣивающій даже то, что заслуживаетъ полнаго сочувствія. Другіе приурочиваютъ этотъ смѣхъ къ партійнымъ цѣлямъ и видятъ въ Салтыковѣ политиканствующаго писателя. Заблуждаются, конечно, и тѣ, и другіе. Салтыковъ раздѣлялъ участь великаго своего учителя и предшественника Гоголя. Смѣхъ его приходился болѣе или меньше всѣмъ по душѣ, потому что всѣ забывали ѣдкія слова: «Что смѣетесь? Надъ собой смѣйтесь». Читая Салтыкова, какъ раньше Гоголя, большинство думало, что смѣхъ этихъ писателей направленъ

на другихъ, а не на тѣхъ, кто смѣялся. Только въ настоящемъ зеркалѣ мы узнаемъ себя, а въ томъ зеркалѣ, которое представляетъ литература, возсоздающая типическія наши черты, мы по большей части самихъ себя не узнаемъ.

Если-бъ это не оправдалось на Салтыковѣ, мы относились бы къ его смѣху иначе, чѣмъ по большей части относимся къ нему. Мы сразу поняли бы, что это не смѣхъ злоня и не смѣхъ человѣка партіи, а смѣхъ гражданина, вѣрнаго сына своей родины, осмѣивающаго не кого-то стоящаго въ сторонѣ отъ насъ, а насъ самихъ, т.-е. русское общество.

Началь Салтыковъ свою писательскую дѣятельность въ концѣ 40-хъ годовъ, если не считать раннихъ его стихотворныхъ опытовъ. «Противорѣчія» и «Запутанное дѣло», которыми онъ дебютировалъ, были уже ѣдкія сатиры на наше общество. То же, но въ гораздо болѣе сильной степени можно сказать объ его «Губернскихъ очеркахъ» и «Исторіи одного города». Салтыковъ присматривается къ окружающей его дѣйствительности, вдумывается въ прошлое нашего общества, и у него срывается съ языка ѣдкая кличка: «глуповцы». Подъ старость, почти накажуи смерти, онъ пишетъ свою «Пошехонскую старину» и раскрываетъ намъ, что не въ одной глуупости было дѣло, а въ страшномъ нравственномъ извращеніи, въ жестокости выше всякой мѣры. И возьмите всѣ произведенія Салтыкова, начиная съ «Губернскихъ очерковъ» и кончая «Пошехонской стариной», — развѣ это не рядъ мастерскихъ картинъ глуупости, жестокости, нравственной извращенности нашего общества? Господа тащентцы, господа Головлевы, помпадуръ и помпадурши, — неужели всѣ эти типичныя личности живутъ гдѣ-то въ сторонѣ отъ насъ для того, чтобы возбуждать наше фарисейское негодованіе и нашъ фарисейскій смѣхъ, неужели они не плоть и не кровь отъ нашей плоти и крови?

Нельзя сказать, чтобы сила Салтыкова заключалась въ созданіи общечеловѣческихъ, т.-е. сильно обобщенныхъ типовъ. Такимъ типомъ можно признать развѣ его Гудушку вслѣдствіе той внутренней трагедіи, которая разыгрывается въ душѣ этого печальнаго щедринскаго героя. Слишкомъ Салтыковъ болѣе непосредственными злобами нашей дѣйствительности, чтобы отрѣшиться отъ нихъ и удалиться въ область глубокаго психологическаго анализа и оцѣнки общихъ условий, окружающихъ человѣка. Онъ жилъ жизнью современности, но, благодаря своей мѣткой наблюдательности, открывалъ въ ней самыя сокровенныя причины окружающаго насъ зла.

Начать онъ писать еще во времена дореформенной Россіи. Расцвѣтъ его литературной дѣятельности, однако, совпадаетъ съ эпохой великихъ реформъ, и именно эта эпоха дала направленіе его мысли и главную силу его сатиры. Въ то время, какъ общество увлеклось этими реформами и ожидало «наступленія настоящаго дня», Салтыковъ задавался вопросомъ: ну, а какъ же встрѣять «глуповцы» эти реформы, какъ примутся за ихъ осуществленіе тѣ, на которыхъ оно будетъ возложено? Отвѣтъ Салтыкова на эти вопросы былъ отвѣтомъ негодующей скорби, граничившей иногда съ мрачными отчаяніемъ. Салтыковъ не вѣрилъ въ наступленіе «настоящаго дня», потому что слишкомъ близко присмотрѣлся къ нашему обществу и слишкомъ глубоко зналъ его, и въ то время, какъ другіе увлекались имъ, по выраженію одного изъ наиболѣе увлекшихся людей того времени, отдавалъ свой талантъ «пѣвтамъ невиннаго юмора». Какъ далеко надо было стоять отъ дѣйствительной жизни, чтобы видѣть въ «горькомъ словѣ» Салтыкова «невинный юморъ»? А между тѣмъ на основаніи этого писаревского приговора передовой лагерь отвернулся отъ Салтыкова, не признавая его своимъ человѣкомъ. И это продолжалось до тѣхъ поръ, пока внушительные факты не убедили нашихъ Маниловыхъ, что ихъ взгляды на жизнь въ сущности не имѣютъ съ нею ничего общаго.

Эпоха великихъ реформъ въ концѣ концовъ ихъ не удовлетворила.

М. Е. Салтыковъ. По поводу 10-лѣтія дня кончины.
Рис. и грав. Нейманъ.

Салтыковъ понялъ истинную причину обнаружившагося разочарования. Онъ своими сатирами ясно ее указалъ. Общество не сумѣло воспользоваться этими реформами: не сумѣло ими воспользоваться ни крестьянство, ни дворянство, ни тѣ, которымъ доверено было ихъ осуществленіе. Изъ нѣдръ народной жизни появился «образъ торжествующей свиньи». Рядомъ съ нимъ стоитъ образъ «государственного младенца», и тутъ же красуется образъ бывшаго «ташкентца», «возвращающагося въ убожище Монрепо». Никто ярче Салтыкова въ нашей литературѣ не изобразилъ этихъ трехъ типовъ, порожденныхъ эпохою великихъ реформъ: осудивъ дворяннѣ, нарождающійся кулакъ, неумѣлый и легкомысленный администраторъ,—вотъ тѣ три образа, которые Салтыковъ съ замѣчательною чуткостью прозрѣлъ въ нашей жизни, и которые онъ выдвинулъ съ необыкновенною силою. Если бы этимъ исчерпывалась заслуга его передъ русскою литературою, то и въ такомъ случаѣ имя его заслуживало бы безсмертія.

Салтыковъ помогъ намъ разобраться въ той путаницѣ общественныхъ отношеній, которая создана была переходомъ отъ дореформенной къ современной Россіи. Своєю мѣткою сатирою, своимъ «горькимъ словомъ» онъ намъ указалъ истинныя причины полунуспѣха благотѣльныхъ и столь великихъ реформъ. Какъ Кантемиръ, Фонвизинъ, Грибоедовъ, Гоголь, онъ усмотрѣлъ эти причины въ несостоятельности русскаго общества. Этимъ устанавливается преемственная связь между нимъ и детальными нашими сатириками. Клеархи, Менадры, Гликконы, Недоросли, Скотинины, Фамусовы, Молчалины, Ноздревы, Собакевичи, городничіе, помпадуръ, Утробины, Лудушки, Разуваевы,—вся эта галлерея представителей нашего общества составляетъ нѣчто непрерывное и цѣльное. Пройтись по этой галлереѣ, присмотрѣться къ изумительнымъ по силѣ художественнаго проникновенія картинамъ ея, значитъ уразумѣть, въ чемъ главная причина нестройства русской жизни. Въ этомъ смыслѣ за Салтыковымъ обеспечено прочное мѣсто среди самыхъ выдающихся нашихъ писателей; въ этомъ смыслѣ онъ былъ и всегда останется однимъ изъ самыхъ умѣлыхъ и краснорѣчивыхъ руководителей русскаго общества.

Франко-русская выставка Краснаго Креста въ С.-Петербурѣ.

(Съ 3 рис.).

Цѣль франко-русской выставки—благотворительная. Она возникла въ интересахъ двухъ очень симпатич-

ныхъ учреждений комитета Краснаго Креста: первой въ Россіи ремесленной школы-пріюта для калѣкъ и подготовительныхъ медицинскихъ курсовъ для Братьевъ Милосердія.

«Русскій отдѣлъ» франко-русской выставки былъ разбитъ на четыре главныхъ отдѣла: научный, художественный, фабрично-заводскій и кустарно-ремесленный, въ которыхъ въ общей сложности участвовало болѣе 400 экспонентовъ изъ различныхъ мѣстностей Европейской и Азиатской Россіи.

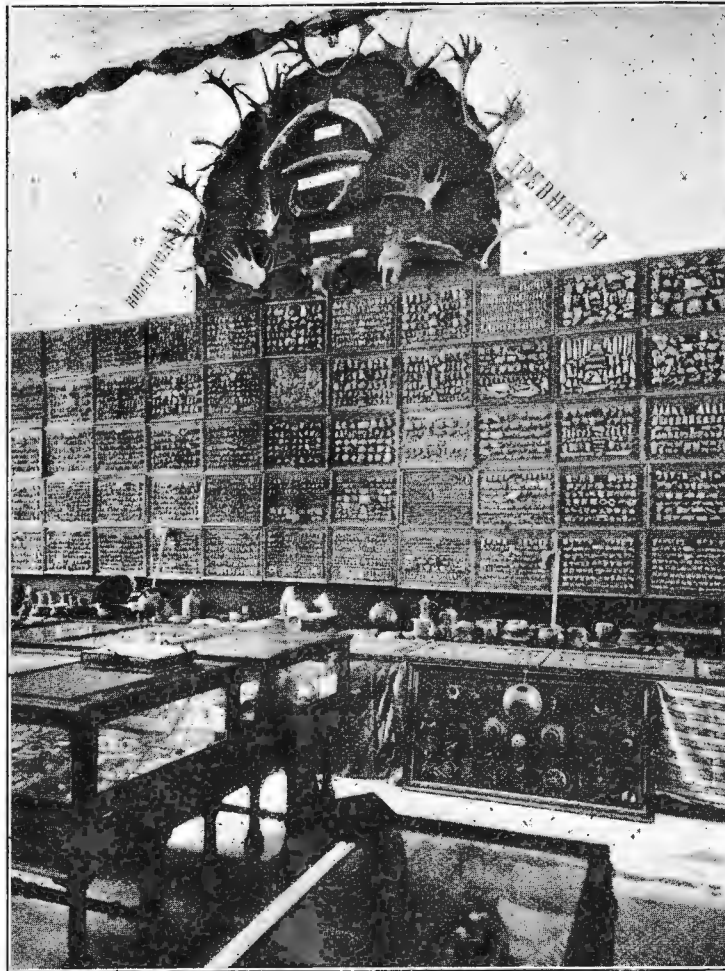
Согласно задачамъ Краснаго Креста, первоначальному мѣсто въ «научномъ отдѣлѣ» отведено русскому обществу охраненія народнаго здоровья и др. учреждениямъ и лицамъ, работающимъ на пользу страждущихъ и по вопросамъ о предупрежденіи заблѣваній и оздоровленіи человѣчества.

Русское общество охраненія народнаго здоровья экспонировало массу предметовъ изъ недавно основаннаго имъ «Музея первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ», одна изъ главныхъ задачъ котораго:—путемъ различныхъ наглядныхъ пособій облегчить всякому желающему ознакомленіе съ приемами этой помощи и дать ясное понятіе о томъ, насколько важно знать эти приемы. Здѣсь выставлены были прекрасно исполненныя изъ воска и папьемаше фигуры, изображающія различныя приемы поданія первой помощи; далѣе въ изобилии представлены были образцы перевязочнаго матеріала, шинь, инструментовъ, различныхъ пособій, а также и литература (русская и иностранная) по вопросу поданія помощи.

«Комитетъ Краснаго Креста по оказанію первой помощи» экспонировалъ разные экипажи вѣнской работы, носилки и предметы для транспорта больныхъ и раненыхъ.

Особое вниманіе обращалъ на себя весьма удобный и замѣчательно легкой 3-хъ-колесный велосипедъ на пневматическихъ шинахъ съ носилками изъ тростника «thalassa», съ зонтикомъ и различными приспособленіями, работы Е. Вульфа въ Берлинѣ. Носилки придѣланы очень удачно; онѣ раскладываются въ видѣ койки, а также и кресломъ, смотря по надобности. Эта полезная повозка приводится въ движеніе всего одною ногою велосипедиста (рис. на стр. 339).

Антропологическій кабинетъ при спб. университетѣ экспонировалъ весьма обширную и цѣнную въ научномъ отношеніи коллекцію черепныхъ аномалій, автографовъ преступниковъ и душевнобольныхъ, антропометрическія приборы и обширную литературу по патологической антропологии.

Франко-русская выставка Краснаго Креста въ Петербургѣ. «Новгородскія древности»—коллекція В. С. Передольскаго. По фот. К. Булла авт. «Нивы».

Франко-русская выставка Краснаго Креста въ Петербургѣ. Издѣлія ремесленной школы-пріюта для калѣкъ. По фот. К. Булла автотипія «Нивы».

Сравнительно обширным являлся на выставкѣ отдѣлъ археологической. Тутъ особенное вниманіе обращала на себя обширная коллекція г. Передольскаго, давно уже пользующаяся заслуженной извѣстностью и въ данномъ отношеніи, по отзывамъ специалистовъ-археологовъ, остающаяся пока единственною. Обнимающая собою, главнымъ образомъ и въ наиболѣе цѣнной для археологии своей части, первобытную эпоху территориальнаго ядра ильменскихъ славянъ, она является поучительнымъ и достойнымъ подражанія примѣромъ, какіихъ результатовъ можетъ достигнуть частная научная инициатива, при наличности той энергіи и любви къ дѣлу, которыми въ такомъ широкомъ размѣрѣ ясно выражаются въ цѣнныхъ результатахъ изслѣдованій г. Передольскаго (рис. на стр. 338). Коллекція эта широко и послѣдовательно иллюстрируетъ жизнь области Великаго Новгорода со времени доисторическихъ, т.-е. со времени существованія первобытнаго человѣка древне-каменной культуры и до нашего времени (вѣка XIV—XV—XVI).

Комиссія по устройству педагогическаго отдѣла на всемірной выставкѣ въ Парижѣ, организованная министерствомъ народнаго просвѣщенія, экспонировала нормальныя коллекціи работъ по ручному труду (издѣлія изъ дерева, металла и систематическія руководства по ручному труду). Ручной трудъ, служа въ извѣстной мѣрѣ противовѣсомъ умственнымъ занятіямъ, имѣетъ цѣлью пріучить учащихся къ порядку, точности, аккуратности и ловкости въ работѣ, сообщать имъ полезный въ жизни навыкъ, развить руки, глаза и волю и способствовать по возможности ихъ физическому и эстетическому развитію. Отсюда ясно значеніе и интересъ экспонированныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія коллекцій и руководство по ручному труду.

Тутъ же ремесленная школа-пріютъ для калѣкъ Краснаго Креста экспонировала издѣлія прирѣзаемыхъ. Здѣсь находились издѣлія: портяжныя, сапожныя, столярныя, издѣлія изъ баста (особаго вида заграничная трава), бамбуковая мебель и пр., по своему изяществу и чистотѣ отдѣлки нисколько не уступающія работѣ обычныхъ здоровыхъ мастеровъ (рис. на стр. 338).

Далѣе была организована особая группа—«морской подѣлъ». Морское дѣло представлено было въ прекрасныхъ коллекціяхъ моделей судовъ, машинъ и пр.

Въ этой группѣ между прочимъ обращаютъ вниманіе коллекціи орудій лова жемчуга изъ сельско-хозяйственнаго музея министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ и коллекція раковинъ и русскаго рѣчного жемчуга, а также подѣлокъ изъ него, экспонированныхъ путешественникомъ-исслѣдователемъ крайняго русскаго сѣвера А. К. Хребтовымъ.

Затѣмъ представляли особую группу—книгоиздательство, картографія и художественныя изданія; группа эта является соединительнымъ звеномъ между отдѣлами научнымъ и художественнымъ.

Издатель нашего журнала А. Ф. Марксъ выставилъ цѣлый рядъ художественныхъ изданій, свидѣтельствующихъ по отзыву экспертовъ о постоянномъ совершенствованіи въ техникѣ исполненія, и работы своего новаго картографическаго заведенія. Картографическихъ заведеній въ Россіи весьма мало, а заведеній, обладающихъ большими средствами и приспособленными для исполненія всякаго рода графическихъ работъ, всего два—г. Ильина и г. Маркса.

Картографическими и литографическими заведеніями А. Ф. Маркса были выставлены: географическій атласъ Э. Ю. Петри, финансово-статистическій атласъ П. А. Антропова, различныя отдѣльно изданныя карты, рисунки для вышиванія гладью К. Д. Де-Шагрена, альбомы съ рисунками для вышиванія Левенецъ и Дремлюкъ и др., отличающіеся замѣчательною техникою исполненія. Особенно же удачными работами отличался картографическій отдѣлъ.

Въ «фабрично-заводскомъ отдѣлѣ» выставки принимали участіе многія крупныя фирмы изъ разныхъ мѣстностей Россіи. Наконецъ «отдѣлъ кустарно-ремесленный» далъ почти полную картину существующихъ нынѣ кустарныхъ промысловъ и ремеселъ.

Кустарный отдѣлъ на выставкѣ, устроенный подъ опытнымъ руководствомъ специалистовъ, отличался не только разнообразіемъ, но и строго обдуманнѣмъ подборомъ и качествами экспонатовъ. Насколько же значительны успѣхи русской кустарной промышленности, видно уже изъ одного того факта, что многія изъ нашихъ кустарныхъ издѣлій достигли за послѣднее время хорошаго сбыта за границу.

Таковы въ общихъ чертахъ «русскій отдѣлъ» франко-русской выставки Краснаго Креста.

Л. Ф. Гомиліусъ. (Портр. на стр. 340.)

Недавно (18-го марта) исполнилось двадцатипятилѣтіе профессорской дѣятельности въ петербургской консерваторіи Луи Федоровича Гомиліуса, преподающаго игру на органѣ. Г. Гомиліусъ выдвинулся въ нашемъ музыкальномъ мѣрѣ не только, какъ педагогъ, давшій цѣлый рядъ выдающихся органистовъ, занимающихъ должности при церквяхъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ. Онъ гораздо болѣе извѣстенъ по тѣмъ грандіознымъ концертамъ, которые почти ежегодно даются въ Петербургѣ подъ его управленіемъ, и въ которыхъ онъ знакомитъ нашу публику съ классическими произведеніями Баха, Генделя, Гайдна, Бетховена, Мендельсона, Брамса.

Приготовить, разучить и представить на судъ публики такія капитальныя сочиненія, какъ «Messias» Генделя, «Matheus Passion» Баха, «Paulus» Мендельсона, «Нѣмецкій реквиемъ» Брамса, мессы Бетховена, «Сотвореніе міра» и «Времена года» Гайдна и др. съ солистами, хорами и оркестромъ—вовсе не такъ легко, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. А между тѣмъ, благодаря г. Гомиліусу, наша публика имѣетъ возможность знакомиться съ этими произведеніями, исполняемыми обыкновенно очень рѣдко, какъ потому, что они весьма трудны для изученія, такъ и потому, что у насъ, русскихъ, нѣтъ такихъ музыкальныхъ обществъ,—какъ въ Германіи, на примѣръ,—которые задаются специально цѣлью исполнять исключительно тотъ или другой жанръ музыкальныхъ произведеній. При такомъ чувствительномъ пробѣлѣ въ нашей музыкальной жизни, дѣятельность г. Гомиліуса пріобрѣтаетъ еще большее значеніе, ибо ему мы обязаны знакомствомъ съ классическими авторами, которыхъ онъ къ тому же исполняетъ прекрасно, основательно изучивъ тотъ репертуаръ, который онъ избралъ для своихъ духовныхъ концертовъ.

Съ 1871 года г. Гомиліусъ дирижируетъ постоянно петропавловскимъ хоромъ; кромѣ того, онъ состоитъ органистомъ въ лютеранской церкви св. Петра и продолжаетъ свою профессорскую дѣятельность въ консерваторіи.

Л. Ф. Гомиліусъ родился въ Петербургѣ въ 1845 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ реформатскомъ училищѣ, а послѣдствіи въ консерваторіи, которую онъ окончилъ вмѣстѣ съ П. И. Чайковскимъ въ 1865 г. Въ консерваторіи онъ учился фортепیانной игрѣ у А. Г. Рубинштейна и у К. Ю. Давыдова—на виолончели. По окончаніи курса Л. Ф. года четыре игралъ на виолончели въ оркестрѣ Большаго театра.

Несмотря на блестящіе успѣхи по классамъ фортепیانно и виолончели, его всегда тянуло къ органу, который онъ еще раньше изучалъ у извѣстнаго въ то время Штиля; самъ Рубинштейнъ поощрялъ ему посвятить себя исключительно органу. Кромѣ того, говоря о дѣятельности Л. Ф. Гомиліуса, необходимо упомянуть,

Франко-русская выставка Краснаго Креста въ Петербургѣ. Экспонаты Комитета Краснаго Креста по оказанію первой помощи. По фот. К. Булла автотипія «Нивы».

что онъ свои досуги удѣляетъ еще композиторской дѣятельности; у него есть произведенія для хора, фортепiano и романсы.

В. Баскинъ.

Спасеніе океанскаго парохода „Болгарія“.

(Съ портр. на этой стр.)

24-го февраля этого года, послѣ долгого томительнаго ожиданія, съ быстротой молніи пронеслась по Гамбургу и оттуда по всему свѣту радостная вѣсть: «Болгарія» вошла въ Пунта Дельгада (гавань въ Мексиканскомъ заливѣ). Пароходъ этотъ считался уже погибшимъ и былъ спасенъ только благодаря нечеловѣческимъ усиліямъ и отвагѣ своего капитана и экипажа.

Кромѣ 80 человѣкъ экипажа, на «Болгарія» находились 54 пассажира. Въ ночь съ 1-го на 2-е февраля пароходъ былъ застигнутъ страшной бурей, которая сломала руль, и судно беспомощно металось по океану, вполнѣ предоставленное волѣ стихій. На утро 5-го февраля, когда положеніе судна казалось безнадежнымъ, на горизонтѣ показались два парохода, сбѣжавшіе на помощь къ погибающимъ; но бури долго мѣшала имъ приблизиться, и только 12-го февраля пароходъ «Веславентъ» съ 16 пассажирами «Болгаріи», большую часть которыхъ составляли женщины и дѣти, вошелъ въ Пунта Дельгада. Четыре человѣка изъ экипажа потерпѣвшаго судна, которымъ удалось во время вторичной бури перебраться въ лодкѣ

Л. Ф. Гомилусъ. По поводу 25-лѣтія музыкально-педагогической дѣятельности. По фот. Денъера автотипія «Нивы».

на пароходъ «Викторія», принесли ужасную вѣсть: «Болгарія» же «Болгарія» съ 38 пассажирами и экипажемъ въ 75 человѣкъ (одинъ матросъ былъ снесенъ волной) съ немощными усиліями достигла Пунта Дельгада. Буря смѣнялась бурей въ эти 24 дня почти небывалаго перехода, и первое краткое сообщеніе капитана по телеграфу ярко рисуетъ ужасы этой 24-хъ-дневной борьбы: руль сломанъ, два люка выбиты, въ трюмъ вода достигла 16-ти футовъ, переборки разрушены, двери и дѣстицы на палубѣ и въ каютахъ сорваны. Грузъ былъ переброшенъ на лѣвый бортъ, и судно сильно накренилось. Доблестное мужество экипажа и геройское самообладаніе капитана «Болгаріи» Шмидта ободрало пассажировъ въ самыя безнадежныя минуты.

Всѣ пассажиры парохода, прибывъ въ гавань, поднесли капитану Шмидту горячо написанный адресъ, въ которомъ выразили свои чувства признательности какъ ему, такъ и всему экипажу, въ особенности старшему офицеру Кульсу и первому механику Бернгарду.

«Болгарія», построенная въ 1898 году въ Гамбургѣ, имѣетъ 152,82 метра длины, 18,96 метра ширины и 10,55 глубины. Машина ея развиваетъ 3,600 лошадиныхъ силъ. Стоимость парохода опредѣлена въ 2½ милліона марокъ, причѣмъ полный грузъ его достигать такой же суммы.

Не принадлежа къ морскимъ гигантамъ, «Болгарія» все же занимаетъ видное мѣсто среди 73 пароходовъ, поддерживающихъ пассажирское сообщеніе съ Америкой.

СМѢСЬ.

Спасительный страхъ, возбуждаемый х-лучами. Изъ Парижа сообщаютъ въ газету *Post*: Профессоръ Рентгенъ будетъ, вѣроятно, чрезвычайно удивленъ, узнавъ, что въ числѣ другихъ успѣховъ открытыхъ имъ х-лучей приходится отмѣтить также и способность ихъ воздѣйствовать на лицъ, совершившихъ преступленія, заставляя ихъ сознаться въ своей винѣ. Такъ, напримеръ, какой-то кучеръ, завернувшій въ одинъ изъ кабацковъ пассажа Тиволи, потребовалъ себѣ стаканъ вина и, чтобы расплатиться, бросилъ на прилавокъ двадцати-франковую золотую монету. Хозяинъ кабака похѣлъ въ свою выручку за сдачею. Когда онъ снова поднялъ голову и приготовился расчитаться съ кучеромъ, то на прилавкѣ уже не оказалось положенной кучеромъ золотой монеты. Между хозяиномъ кабака и выпившимъ свое вино кучеромъ завязался, разумѣется, горячій споръ: монета пропала, а между тѣмъ никто изъ нихъ не признавался въ томъ, что онъ взялъ ее себѣ. Неизвѣстно, чѣмъ бы окончился этотъ споръ, если бы въ него не вмѣшался одинъ изъ присутствовавшихъ въ кабацкѣ гостей и не заявилъ, что золотая монета была взята съ прилавка стоявшимъ возлѣ него молодымъ человѣкомъ, и имъ проглочена. Молодой чезвѣкъ, на котораго было взведено это обвиненіе, упорно отрицалъ свою вину, которую, къ тому же, было довольно не легко доказать. Но хозяину кабака, жадно поглощавшему всякаго рода газетныя новости, пришло вдругъ на мысль потребовать отъ молодого человѣка отпавиться вмѣстѣ съ нимъ къ полицейскому комиссару, въ управленіи котораго внутренности молодого человѣка должны были подвергнуться будто бы изслѣдованію посредствомъ рентгеновскихъ х-лучей. Перспектива подобнаго изслѣдованія такъ подѣйствовала на подозрѣваемаго, что онъ сознался въ кражѣ. Его, понятно, отправили въ полицію, которой выпало такимъ образомъ на долю повагиться о возвращеніи владѣльцу золотой монеты.

Число словъ въ различныхъ языкахъ. Есть очень много

любителей статистическихъ вычисленій, которыхъ не останавливаетъ убійственная зачастую по своей кропотливости работа. Имъ мы объявляемъ многими интересными числовыми сопоставленіями, для которыхъ нужно было затратить массу времени и усидчиваго труда.

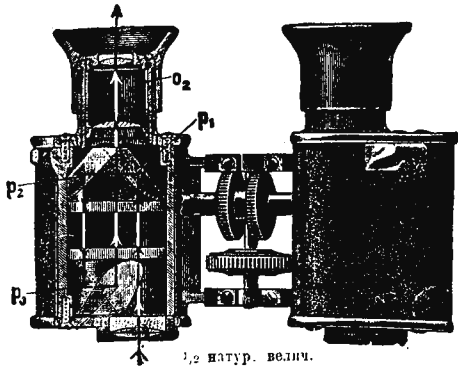
Въ числѣ такихъ любителей нашлись люди, которые сосчитали число словъ въ различныхъ языкахъ. По ихъ вычисленіямъ оказывается, что англійскій языкъ слѣдуетъ считать самымъ богатымъ—по количеству словъ—изъ всѣхъ европейскихъ языковъ. Онъ обогащается непрерывно новыми словами и особенно разросся за послѣдніе 30—40 лѣтъ. Въ новѣйшихъ англійскихъ словаряхъ, самымъ значительнымъ изъ которыхъ можно считать Оксфордскій словарь д-ра Муррея (*Murray*), насчитывается не менѣе 260,000 различныхъ словъ. Второе мѣсто послѣ англійскаго, занимаетъ языкъ нѣмецкій: въ немъ 80,000 словъ; затѣмъ идутъ итальянскій—45,000 словъ, французскій—30,000 словъ и испанскій—20,000 словъ. Изъ числа восточныхъ языковъ особенно выдается арабскій, по числу словъ значительно превосходящій даже англійскій языкъ. У китайцевъ наберется около 10,000 слоговыхъ знаковъ, при помощи которыхъ образуется около 49,000 словъ. Чрезвычайно богатымъ по количеству словъ является также нарѣчіе тамилъ, которымъ говорили древне-индійское племя дравидовъ. Теперь оно употребляется еще только на югѣ Индіи; по послѣднимъ подсчетамъ въ немъ оказывается еще свыше 67,642 словъ. Турецкій языкъ уже гораздо бѣднѣе; въ немъ всего 22,580 словъ, но все же онъ богаче много европейскаго, напр. испанскаго, въ которомъ всего 20,000. На Гавайскихъ островахъ мѣстное нарѣчіе насчитываетъ еще свыше 15,500 словъ. Очень бѣдны, напротивъ, отдѣльныя нарѣчія большинства некультурныхъ народовъ и племенъ. У кафрскихъ племенъ южной Африки не наберется 8,000 словъ, а у австралійскихъ аборигеновъ и того меньше: 2,000 можно считать максимумомъ имѣющихся въ ихъ распоряженіи словъ.

Капитанъ Шмидтъ, командиръ океанскаго парохода „Болгарія“, 24 дня боролся съ бурей въ океанѣ.

По фот. грав. Цехомскій.

НОВЫЕ БИНОКЛИ ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫЕ TRIËDER-BINOCLE

1/2 натур. велич.

„Бинокли-Триëдеръ“ значительно превосходятъ всѣ до сихъ поръ употребляемые бинокли (театральные, полевые и пр.), увеличивая, при одинаковомъ съ ними полѣ зрѣнія, въ 8—10 разъ **силнѣе**, а при одинаковомъ увеличении захватывая въ 8—10 разъ **болѣе обширное поле зрѣнія**. Въ принципѣ „Бинокль-Триëдеръ“ представляетъ собою кеплеровскую трубу, съ тѣмъ лишь, что картина въ немъ воспроизводится посредствомъ системы призмъ. „Бинокль-Триëдеръ“ незамѣнимъ въ театрѣ и въ дорогѣ, а также для военныхъ, моряковъ, охотниковъ, на скачкахъ и на гонкахъ. На каждомъ биноклѣ имѣется наша фирма. Получать по фабричнымъ цѣнамъ можно, кромѣ нашего оптического заведения, во всѣхъ лучшихъ оптическихъ магазинахъ или же, гдѣ таковыхъ нѣтъ, черезъ г. Карла Шпанъ въ С.-Петербургѣ, Дворцовая набер., 12.

Цѣна для Россіи включительно съ пошлиной и пересылкой: увелич. въ 3 раза—63 р.; въ 6 разъ—75 р.; въ 9 разъ—88 р.; въ 12 разъ—100 р. Подробныя описанія устройства и прейсъ-курантъ высылаются бесплатно.

№ 12089 6-2

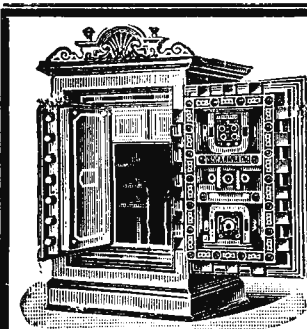

Оптическое заведеніе
New-York, 52, East Union Square.
London, Ross, 111, New Bond Street.

C. P. GOERZ

Berlin-Friedenau.
Rhein-Strasse, 52.
[Paris, 23 Rue de l'Entrepôt.

С.-Петербургъ: Карлъ Шпанъ, Дворцовая набер., 12.

С. И. Арнгеймъ, Берлинъ.
придворный поставщикъ
Императора Германскаго.
ВСЕМИРНО-ИЗВѢСТНЫЙ ЗАВОДЪ
ЖЕЛѢЗНЫХЪ ШКАФОВЪ
гарантированныхъ отъ огня и отъ влзлама.
цѣны отъ 200—500 р., для Банковъ и большихъ заведеній крупныхъ размѣровъ отъ № 12040 500—1000 руб. 46—10
Представитель: **О. Г. Шпеннеманъ.**
С.-Петербургъ, Чернышевъ пер., 12.

Прейсъ-куранты по желанію высылаются бесплатно.

В. № 12301
5-1

БРАТЯ Р. И А. ДИДЕРИХСЪ.

Фабрика
РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО

основанная въ 1810 году СШБ., Владимирская, № 8, рекомендуетъ превосходнаго тона и отличной работы **РОЯЛИ** въ 1100, 900, 800, 700, 650 и 550 рублей. **ПИАНИНО** въ 650, 500 и 450 р. Прейсъ-куранты высылаются бесплатно.

Дено въ Москвѣ: Юлій Генрихъ Циммерманъ; въ Кіевѣ: Г. Индржицкій; въ Ригѣ: О. Энгельманъ; въ Воронежѣ: Р. Т. Шугама; въ Баумъ: Ф. И. Шрейберъ; въ Тифлисѣ: В. М. Марциановъ; въ Уфѣ: Л. Я. Дворжацъ.

Для смягченія бѣлизны кожи.

КАЛОДЕРМА

ЖЕЛЕ КАЛОДЕРМА. * МЫЛО КАЛОДЕРМА.

Ф. Вольфъ и Сынъ въ Карлсруэ.

Ц. № 12071 25-9

Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

Краска для волосъ Голлендера „НАТУРЕЛЬ“

самая безвредная и прочная, окрашивающая волосы въ натуральныя цвѣта: черныя, каштановыя и темнорусыя. Краска „НАТУРЕЛЬ“ не имѣетъ дурнаго вліянія на волосы. Цѣна коробки 1 руб. 50 к., съ пересылкою въ Европейскую Россію 2 руб. 25 коп.

Требовать во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи. Главный складъ: торговый домъ **ПАРФЮМЕРНАЯ ЛАБОРАТОРІЯ И. ГОЛЛЕНДЕРА.**
С.-Петербургъ, Разъѣзжая, № 13.

ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ

ГУМБЕРЪ

предлагаетъ Ц. № 11988

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Георгій ЖЕМЛИЧКА и К°.
Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
Прейсъ-куранты по требованію. 15-8

КТО ЖЕЛАЕТЪ ОБЛАДАТЬ
НАИЛУЧШЕЙ ШВЕЙНОЙ МАШИНОЙ
ТОМУ СЛѢДУЕТЪ ПРИОБРѢСТИ
НАСТОЯЩУЮ АМЕРИКАНСКУЮ
„НЬЮ-ГОМЪ“

отличающуюся простотою конструкціи, легкимъ ходомъ и небывалою прочностью. **ЕДИНСТВЕННЫЙ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ СКЛАДЪ**

товарищество **М. Блокъ**
на паяхъ

Правленіе Москва. Отдѣленія: С.-Петербургъ, Кіевъ, Одесса, Варшава, Екатеринбургъ, Конандъ. Представители почти во всѣхъ городахъ Имперіи; гдѣ таковыхъ нѣтъ Товарищество проситъ обращаться въ Правленіе, въ Москву.

Паровая Красильная фабрика В. ПЕКЛІЕ, въ С.-Петербургѣ.

Эстляндская ул., д. № 15, уголъ Обводнаго канала.

ХИМИЧЕСКАЯ ЧИСТКА всякаго носильнаго платья, костюмовъ, занавѣсъ, портьеръ, шапокъ, ковровъ, мебельныхъ матерій, бархата, шелковой ткани, лентъ, перчатокъ, кружевъ, перьевъ и проч.

ОКРАСКА ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ шерстяныхъ, шелковыхъ и бумажныхъ матерій, а также носильнаго платья въ распоротомъ и нераспоротомъ видѣ.

Магазины для приѣма работъ: 1) Гороховая ул., д. № 40; 2) Эстляндская ул., д. № 15; 3) у Нарвскихъ воротъ, д. Сирво. В. № 12256 2-2

Работы исполняются быстро и аккуратно. Цѣны умеренныя. Нижегородскія работы высылаются почтой или желѣзной дорогой наложеннымъ платежемъ.

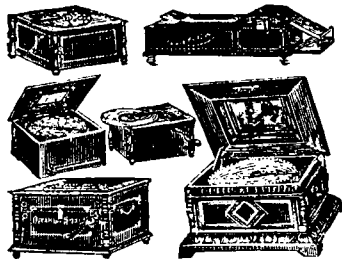

ТОВАРИЩЕСТВО
„ПРОВОДНИКЪ“.
 Москва. * Рига. * Спбурѣ.

Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: **„ПРОВОДНИКЪ“.**
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. **Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.**
 ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛНО!

* Резина. * Липолеумъ. * Азбестъ. *

Самограюціе музыкальные ящичи и органы въсѣх системъ. Прейсъ-курантъ высылается бесплатно. Заказы исполняются немедленно.

РЕКОМЕНДУЕТЪ

Д. Александровъ.

ДЕПО

Невскій, 57, въ С.-Петербургѣ.

Vin de Saint-Raphaël.

Превосходно на вкусъ.

Сохраняется по способу Пастера. Просятъ обратить вниманіе на фабричную марку и марку Союза фабрикантовъ для борьбы съ фальсификаціями.

Къ каждой бутылкѣ приложена брошюра д-ра де-Барре

О СЕНЬ-РАФАЭЛЬСКОМЪ ВИНѢ, какъ о питательномъ, укрѣпляющемъ и цѣлебномъ средствѣ.

Остерегаться поддѣлокъ.

Compagnie du Vin de Saint-Raphaël, Valence, Drome, France.

Въ Русской Книжной Торговлѣ
А. Г. СЫРКИНА, Вильна продается слѣдующія новыя книги:
 Д-ръ Нуссбаумъ. О вліяніи душевной дѣятельности на болѣзненные процессы. Ц. 50 коп.
 Д-ръ Нирсхгопъ. Болѣзни желудка и кишечника и ихъ причины, предупрежденіе и лѣченіе. Ц. 50 коп.
 Д-ръ Коварскій. Какъ вскармливать дѣтей до 3-хъ лѣтняго возраста. Ц. 35 коп.
 Его же. Можно ли жениться. Ц. 10 коп.
 В. Л. Каганъ. Справочн. книжка французскихъ неправильныхъ глаголовъ, изд. 1-е. Ц. 35 коп.

По повѣщенной французской методѣ
„ВОРТА“ 10-7

обучаю кроить и шить дамскихъ, дѣтскихъ нарядовъ, верхн. платья, бѣлья и корсетовъ въ школѣ и заочно посредствомъ левій. Плата вперед не взимается. По окончаніи установленное свидѣтельство. Условія высылки бесплатно. Киевъ, Б. Васильевская д. № 89. Преподавательница Е. Д. АШМАРИНА.

Санаторія д-ра Ремплера
 для страдающ. грудными болѣзнями
 въ ГЕРБЕРСДОРФѢ, въ СИЛЕЗИИ.

Находится съ 1875 г. подъ личнымъ врачевнымъ наблюденіемъ владѣльца, Герберсдорфскаго лѣчибца, расположенная высоко надъ уровнемъ моря и снабженная помѣщеніемъ для пользованія слабыми воздухомъ, предоставляет самыя благоприятныя условія для лѣченія, за умеренныя цѣны. Объявленія высылаются бесплатно д-ромъ Ремплеромъ. R. № 1253 4-3

Тысячи благодарственныхъ отзывовъ отъ самыхъ интеллигентныхъ потребителей нашего изобрѣтенія дозволяютъ намъ рекомендовать всѣмъ дамамъ **ПАТЕНТОВАННЫЙ ШИНДЛЕРА БЮСТГАЛЬТЕРЪ** (Анжикорсетъ). Изобрѣтеніе это, замѣняющее корсетъ и признанное во всѣхъ государствахъ, даетъ полное свободное движеніе, вслѣдствіе чего его могутъ носить въ теченіе цѣлаго дня и безъ утомленія себя **ВСѢ** безъ исключенія дамы и даже страдающія, беременныя, кормящія грудью, хозяйки въ домашнемъ быту, трудящіяся въ разныхъ бюро, училищахъ, торговыхъ, путешествующія, управляющія всякаго рода спортъ и т. д., въ чемъ свидѣлствуютъ **отзывы докторовъ**, прилагающіеся къ каждому экземпляру.

Бюстгальтеръ, патентованный въ 13-ти государствахъ, изготовляется изъ лучшихъ и моднѣйшихъ корсетныхъ матеріаловъ со щегольской отдѣлкой.

Цѣны: А. А. В. С. D. D. шелк. черн.
 3.50. 4.50. 5.75. 6.75. 9.50 к.

Детальные заказы высылаются почтою повсемѣстно наложеннымъ платеніемъ (даже безъ задатка) съ причисленіемъ за пересылку 60 коп. При заказѣ слѣдуетъ прислать мѣрку въ сантиметрахъ, вершкахъ, дюймахъ или тесьмой по рисунку.

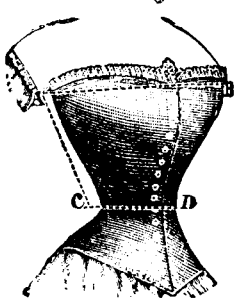
- 1) Полную окружность груди (со спиной), мѣря на платѣ подъ мышкою кругомъ отъ А до В.
 - 2) Полную окружность талии кругомъ отъ С до D.
 - 3) Высоту бока отъ А до С.
- Выписывающіе три и болѣе экземпляра за пересылку не платятъ.

Адресъ для заказовъ:

Варшава, „Шиндлера Бюстгальтеръ“

Маршалковская, 118 2.

Ц. № 11932 5 4

РИСОВАЯ ПУДРА

ПЛОТНОПРИСТАЮЩАЯ,
 НЕЗАМѢТНАЯ, ДУШИСТАЯ

LA MADONE

Продажа оптомъ:
 HUBERT, парижскій въ ВОРЛО
 и въ ПАРИЖѢ: 26, rue d'Enghien
 Складъ во всѣхъ хорошихъ
 парфюмерныхъ магазинахъ.

Международный языкъ

ЭСПЕРАНТО.

Подробный курсъ (учебникъ, книги упражненій, полныя словари, книги для чтенія, адреса эсперантистовъ) высылаются за три рубля (или съ наложеннымъ платежомъ за 3 р. 20 коп.). Адресовать: д-ру Л. М. Замонюфу въ Варшаву. № 12310 10-1

ПРІЯТНЫЕ БУЖИ
ВЕРА-АНОНА
 РОСКОШНЫЕ ИВЖИНЫ
 ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЕРА-АНОНА
 ПРІЯТНОЕ,
 ивжное бархатистое

Т-ва ГИГИЕНА

ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ.

Гл. складъ: С.-Петербургъ, Коменданск. 12.

ВЫСШАЯ

НАГРАДА

чистотою работы, изяществомъ покроя и чрезвычайною легкостью при большемъ выборѣ.

Г. ВЕЙСЪ.

С.-Петербургъ, Невскій просп., № 56.

Къ настоящему сезону приготовленъ **огромный выборъ всевозможныхъ фасоновъ туфель и всякой другой обуви, дамской, мужской и дѣтской,** изъ лучшаго матеріала.

Только что получены изъ **Парижа КОЖИ** всевозможныхъ цвѣтовъ и самыя повѣншіе фасоны обуви, по которымъ и готовятся всѣ заказы подъ моимъ личнымъ наблюденіемъ.

Имеется огромный выборъ полученныхъ изъ Парижа **чулокъ**, шелковыхъ, фильдековскихъ и фильдеперсъ, **подвязки** всѣхъ цвѣтовъ.

Цѣны умеренныя.

В. № 12192 4 3

Новый иллюстрированный преісъ-курантъ бесплатно.

Издѣлія моеи мастерской можно получить въ Одессѣ у З. Безикевича, въ М. Кукуркичина, въ Ростовѣ на-Дону у П. И. Пальца, въ Киевѣ у наследниковъ А. Шабардина, у П. Гомоляки, въ Харьковѣ у С. Я. Токарева, въ Черниговѣ у А. Дашошевскаго, въ Ялтѣ у М. Кушлю, въ Таганрогѣ у П. И. Пальца и въ Екатеринославѣ у М. Г. Заморска.

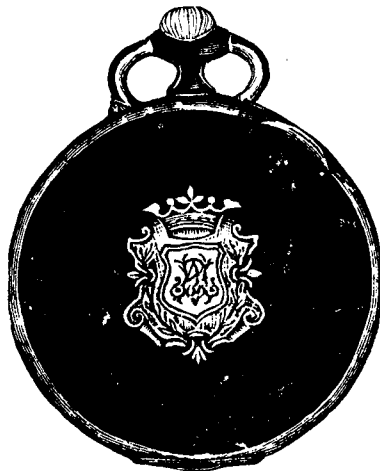
Лѣчебное заведеніе д-ра БРЕМЕРА для страдающихъ грудными болѣзнями въ Герберсдорфѣ, Пруссек. Силезія Р. № 12236 4—3
 высылаютъ бесплатно проспекты. Имѣется русскій врачъ.
 Проектируется постройка православной часовни.

Пріемъ мѣховыхъ вещей, ковровъ и пр. на храненіе

ОТЪ МОДИ

въ мѣховыхъ магазинахъ. **Ф. Л. МЕРТЕНСА**
 1) Невскій просп., 21, собств. домъ. 2) Гостинный дворъ, № 58.
 Всѣ вещи сохраняются въ специально для храненія устроенныхъ складахъ. Полная отвѣтственность за сохранность. В. № 12229 4—3

!!КРАСОТА и ИЗЯЩЕСТВО!!

Черные часы, вороненой стали, известной фабрик Сандо, 1 сортъ, на крышкѣ изящная золотая накладка, на которой гравирову, по желанію заказчика, монограмму (имя и фамилію), къ намъ дѣли новаго золота, бортовая или шатленъ, съ изящнымъ брелокомъ

Только за 5 р. 50 н.

Того же сорта часы никелевые, полированные, золоченые посредствомъ электричества, т. е. Electrogoldet, трудно отличимые, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ, золотыхъ часовъ, съ тѣмъ же приложеніями, но безъ золотой накладки—рублемъ дешевле. Высылаю вполнѣ выѣренныя часы по полученіи 1 рубля задатка, остальные же надлежащимъ платежомъ и даю печатное ручательство на 5 лѣтъ за вѣрность хода. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылаюся бесплатно. Прощу адресовать:

Складъ часовъ **М. ГОРДОНЪ**, въ Варшавѣ, Маршалковская, № 119.

Во избѣжаніе поддѣлокъ каждый экземпляръ снабженъ пломбой и утверждѣн департаментомъ торговли и мануфактуръ за № 3056. Ц. № 12246 2—2

Въ Москвѣ, на Никольской ул., въ Славянскомъ Базарѣ, въ книжномъ магазинѣ **ЗЕМСКАГО** ПОСТУПИЛО Юбилейное изданіе.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВСѢХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ВСЕРОССИЙСКИХЪ 3-ХЪ ТВОРЦОВЪ ВЕЛИЧАЙШИХЪ и ЗНАМЕНИТѢЙШИХЪ НАШИХЪ РОДНЫХЪ ПОЭТОВЪ:
Пушкина, Лермонтова и КОЛЬЦОВА. № 12275 3—2

Всѣ три сочиненія въ 3-хъ частяхъ собраны въ одномъ большомъ томѣ, съ приложеніемъ очень интереснымъ ихъ біографіи, въ особенности перваго и втораго, а именно: Пушкина и Лермонтова, каковыя величайшіе поэты оба погибли скорбно-печальнымъ и трагическимъ образомъ на роковыхъ дуэляхъ въ полномъ расцвѣтѣ лѣтъ жизни ихъ, но въ особенности здѣсь помѣщено интересное описаніе: предсмертные разговоры ихъ съ своими приближенными друзьями при послѣднихъ минутахъ трагически несчастныхъ кончинъ ихъ конечно каждаго въ отдѣльности и въ свои времена. Въ книгѣ помѣщены и портреты ихъ всѣхъ четырехъ, а именно 1-й портретъ Пушкина, 2-й жены Наталія Николаевны урожденной Гончаровой, 3-й Лермонтова и послѣдній четвертый портретъ Кольцова, гравированныхъ на стали, хорошей работы. Цѣна книги съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 1 р. 50 к., а въ хорошей папкѣ съ золотымъ тисненіемъ въ 2 руб., въ роскошномъ же дорогомъ англійскомъ переплетѣ 3 р.

ЗАИКАНИЕ КАРТАВОСТЬ, ШЕПЕЛЯВОСТЬ
 устраниаетъ лѣчебное заведеніе **К. Ю. Эрнстъ**,
 Москва, Б. Никитская, № 11, кв. 6. Ц. № 12057 15—4
Руководство къ самообуч. для заикъ 3 руб.

С.П.Б. **ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ** ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ:

„ФИГАРО“, „РЕКОРДЪ“
ЛУЧШИЯ ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА

Пріятный освѣжающій ароматъ, смягчаютъ кожу, придаютъ нѣжность и бѣлизну.

ПРОДАЮТСЯ БЕЗДѢ. Просимъ остерегаться подражаній и требовать на этикеткахъ слово: **„ТЕХНО“**.

Главный складъ. С.-Петербургъ, Коломенская ул., № 12.

НОВОСТЬ.
Краска И. Купчинскаго.

Волосы сдѣлые получаютъ желаемый цвѣтъ, если будутъ хорошо вымыты и лично, безъ посторонней помощи, подкладывая гребень подъ волосы, легко протерты шеточкой жидкостью изъ флаконовъ №№ 1, 2 и 3-го. Затѣмъ вновь вымытые уже не пачкаются бѣло и становятся мягкими; повторять окраску слѣдуетъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Въ требованіи указывать цвѣтъ волосъ: черный, шатень или блондинъ. Короб. 2 руб., пересылка нал. платежомъ. Складъ П. Виноградовъ, Москва, Рождественка, д. № 2. Ц. № 12306 4—1

EAU DENTIFRICE BALSAMIQUE DE LOHSE
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (130)

Во избѣжаніе часто встречаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и во всѣхъ drugistsвъ Россіи.

Крахмальные заводы
 по новой реформированной системѣ Уландъ

обеспечиваютъ наибольшую прибыль сбереженіемъ **40% КАПИТАЛА НА УСТРОЙСТВО**, малыми издержками производства; **превосходнѣйш. фабрикаты.**
 Специальное заведеніе для устройства и перестройки крахмальныхъ заводовъ
 Р. № 11937 **В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.** 5—2
 Прейсъ-куранты бесплатно.

ÉLIXIR, POUDRE et PÂTE DENTIFRICES
 des RR. PP.
BÉNÉDICTINS
 DE **Abbaye de Soulas,**
 Dom **MAGUELONNE, Prieur.**
 Inventés en l'an **1373** par le Prieur **P. BOURSAUD**
VENTE EN GROS :
SEGUIN, BORDEAUX.
 Maison fondée en 1807.
 VENTE DANS TOUTES LES BONNES PARFUMERIES, PHARMACIES ET DROGUERIES.
 MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.

GRAND PRIX Exo Int'l Lyon 1894 HORS CONCOURS MEMBRE DU JURY Exo Int'l Bordeaux 1895
 EXIGER LA SIGNATURE DU PRIEUR Maguelonne S. G.

НОВОЕ, что возбуждает всеобщий интерес и удивление, есть **ручная швейная машина, THE JEWEL**, которая шьет всякую материю, толстую и тонкую, сукно и полотно также аккуртно, какъ самая большая швейная машина. Кок-струция вся лезъ желѣза и стали, изящно отполированная съ регуляторомъ, шувальными, ками, иглою, ками, ленточкой, лато-ромъ, шувальными, ками, иглою, ками, ленточкой.

9 руб.

для наса и плюстрир. Конѣчно изложоннымъ руководствомъ Въсь 5 Кило. Каждая машина имѣетъ тщательнo провѣркъ ходъ и стоить со всѣми приспособа. для шитья всевозможныхъ матерій и мною олад. пошолной только 9 руб. Высылаютъ по получении всей суммы, или 3 р. задатка. **M. RUNDBAKIN, WIEN, Berggasse 3.** (Вѣна Австроія). Преис-кур бѣ платно.

УРОКИ ПО БУХГАЛТЕРІИ по спец. методу пут. корресп. **В. В. РАУЭРТЪ, Либава.** Пробн. лекціи высм. бесплатно.

Знаменитые своимъ ходомъ изящные и прочные карманные мужскіе часы «Durabel», черные, вороненой стали, самый прочный механизмъ, вѣрный ходъ, съ шелковою цѣпочкою и брелокомъ **ТОЛЬКО ЗА 4 РУБ.** за вѣрность хода ручается на 6 лѣтъ. Высылаемъ по получении 1 рубля задатка. Дамскіе черные на 1 р. дороже. Адр.: Торг. фирмъ Бр. Варковичскихъ, складъ женевск. час. въ Варшавѣ, Королев. 29/42. Даромъ получ. кабинетные часики «Фор», которые выпис. на сумму болѣе 20 руб.

Изящные и прочные карманные мужскіе ЧАСЫ, всѣ 3 крышки изъ настоящего американскаго золота, анкеръ, ходъ на 23 камняхъ, механизмъ самой лучшей конструкціи, съ изящною цѣпочкой и брелокомъ, также американскаго золота.

Вмѣсто 18 и 20 только за 10 и 12 р. Дамскіе на 1 р. дороже.

Печатное ручательство на 8 лѣтъ. Покупаящимъ 2 шт. уступается 50 к., на 3 шт. 1 р. и на 4 шт. 2 р. № 12311 3-1

Высылаются по получении 2 руб. задатка, остальные наложеннымъ платежомъ.

Выписывающіе за пересылку не платятъ.

Адресъ: Ю. Губеръ, Складъ Женевскихъ часовъ, Одесса, Почтовая, 21/6.

ПАМЯТЬ

лицъ кажд. возр. укрѣпляеть лично и заочно (въ 10 урокъ.) профес. мнемоникъ, членъ парижск. академ. **С. Файнштейнъ.** Одесса, уг. Пушкин. и Баз. ул., собствен. домъ, № 23. Условія преподаванія и объемънаго брошюру (содерж. многочислен. благодарности оффиц. и вполнѣ компет. лицъ, промед. у меня курсъ мнемоники) высыл. за одну 7-ми коп. марку. (№ телефона въ городѣ 199. № телеф. на собств. дачѣ «мнемоника» 933). Адр. для телегр. Одесса, профессору мнемоники Файнштейну. № 12020 10-6

БЕЗВРЕДНАЯ УРБАНА КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ И БОРОДЪ БЕЗЪ ЛЯПИСА

ВНОВЕ ИЗОБРЕТЕННОЕ БЕЗВРЕДНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ БЫСТРАГО ОКРАШЕНІЯ СѢДЫХЪ ВОЛОСЪ И БОРОДЪ ВЪ ЧЕРНЫЙ, РУСЫЙ, ТЕМНЫЙ И СВѢТЛО КАШТАНОВЫЙ ЦВѢТЪ ЦѢНА ЗА 1 ФЛАКОНЪ 2 Р. СЪ ПЕРЕС 2 Р. 50 К ПРОДАЕТСЯ ВЪ АПТЕК. И КОСМЕТИЧ. МАГАЗИН. ГЛАВ. МЫШ СКЛАДЪ: СПЕТЕРБУРГЪ, АПТЕКАРСК. МАГАЗИНЪ А. Урбанъ. С.ПБ. Большой. Конюш., № 1.

НОВѢЙШАЯ ПИЩУЩАЯ МАШИНА

„БЛИКЕНСДЕРФЕРЪ“

не только равна другимъ, значительно дороже стоящимъ машинамъ, но она безусловно превосходить какъ въ прочности, такъ и въ удобствахъ всѣ конструкціи нынѣ существующихъ пишущихъ машинъ. Цѣна 100 и 140 руб. Въ 2 года выигнуено 20,000 машинъ. Образцы шрифтовъ и каталоги высылаются бесплатно.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ: Э. КИЖИМАНЪ и К° С.-Петербургъ, Гороховая, 17.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ОСНОВЫ П. П. СОЙКИНА.

ТРЕЗВОСТИ. Сборн. науч. выхъ и литературныхъ статей, съ приложеніемъ устава общества трезвости, положеніемъ и формами. Составилъ Соболевскій. Цѣна 50 коп., съ пересылкой 70 коп. Ц. № 12298 3-1

Съ требованіями обращаться къ издателю: С.-Петербургъ, Стрельчанная, № 12, собственный домъ.

ЛУЧШАЯ ПИЩУЩАЯ МАШИНА „СМИСЬ-ПРЕМЬЕ“.

Скорость, прочность, удобство. Последняя усовершенствованія. Цѣна 250 р. и 275 р. Дешев. пишущ. машина

„КОСМОПОЛИТЬ“

Самый красивый шрифтъ. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами. Описанія и образцы шрифтовъ обихъ машинъ высм. бесплатно.

О. РИХТЕРЪ, СПБ., Адмиралт. пр., 4. Москва—Ф. И. Розенталь, Мясницкая, 36. Варшава—Я. Фаянсъ и К°. Сенаторская, 36. Киевъ—Н. Фальбергъ, Крещатики. Одесса—Г. М. Левинсонъ, Рышельевская, 19.

ФРАНЦЕНСБАДЪ.

Первая грязевая курортъ. Обладаетъ очень сильными желѣзистыми источниками, чистыми щелочными водами, содержащими глауберову соль и окиси литія, желѣзистыми ваннами съ богатымъ содержаніемъ углекислоты, ваннами изъ минеральной воды, пишущими углекислыми ваннами.

Сезонъ съ 1-го мая по 30-е сентября.

К. № 12182 Пропскты высылаются бесплатно. 2-2

Подробныя свѣдѣнія даетъ управляющее курортомъ бургомистерство

Громадное

новое удешевл. цѣвъ волосопеловъ знаменитой **Америк. Мануф. „Н° МОНАРХЪ“**

№ 64—115 р. (1898. 150 р. № 56—130 р. новостъ № 66—150 р. (1898. 180 р. № 67—165 р. новостъ

Всѣ одного лучшаго качества и одного вѣса, съ пневмат. «Денлоу». Упаковка бесплатно. Дешевыхъ популярныхъ (народныхъ) не имѣемъ. Моторные самотаки настоящие Де Дювъ и Бутонъ (изобрѣтателя). Цѣны рѣшительныя. Москва.

Б. Лубянка № 18. Кузнецкій мостъ № 13 **К. НАТАЛИСЪ.** Ильинка. Средніе ряды. Тверская рядомъ съ Филипповымъ. Сущ. съ 1872 года.

КРАСИВО выучивается вслѣдъ заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО.**

Методъ премированъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. За 4 семиконечныя марки высылается **ПРОБНОЕ ПИСЬМО** шрифтовъ, подробныя условія и образцы исправленія почерк. заочн. учен. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дербасовская, д. № 19.

Вышла въ свѣтъ и продается **ВЪ ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХЪ** новая книга поема въ стихахъ: **„ВЪ ГЛУШИ ГОЛОДНОЙ“**

Цѣна съ пересылкой 35 коп. сер. Требования адресовать: Одесса, Херсонская д. 36, кв. 2. Въ складъ изданія книги „Въ глуши голодной“. Марка не принимается.

Пейте Цейлонскій чай!
Пейте Цейлонскій чай!!
Пейте Цейлонскій чай!!!

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготовления.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучшій чай по вкусу и аромату.

Тодичное потребление Цейлонскаго чая въ Россіи болѣе 10.000,000 фунтовъ 10.000,000.

Ш. № 11641 30-25

Только 6½ руб.,
а не 9 руб., стоить **ШВЕЙНАЯ МАШИНА „THE JEWEL“**

въ Нижнемъ Новг. въ магазинѣ **И. Я. СОКОЛОВЪРОВА,** ул. Б. Покровка, домъ № 35 и въ Ниж. Ярн.: Мануфактур. Набер. рядъ съ Бразильск. пассажъ.

Двухнит. шв. м. отъ 15 р. дѣтскія по 2½ р., очень изящны.

Вязальныя машины отъ 60 р. превосх. качества, даютъ хорошей зароб. необход. для кажд. семьи. Обученіе бесплатно, заоч. ясно изд. письмами. Упак. тшач. бепал. Усл.: зад. ¼ и вал. платежъ.

Московское Товарищество повсемѣстнаго артезианскаго водоснабженія, орошенія и осушкы

Б. И. фонъ-ВАНГЕЛЬ, Москва, Покровская, собств. д., № 84, Телефонъ № 2168,

принимаетъ на себя устройство артезианскихъ колодезъ для получения чистой воды для городовъ, мѣстностей, желѣзныхъ дорогъ и частныхъ лицъ.

Сооруженіе полныхъ насосныхъ станцій ручного и машиннаго дѣйствія, вѣтряными, керосиновыми и приводимыми въ дѣйствіе горячимъ воздухомъ двигателями.

Собственники привилегіи для всей Россіи на патентованные пневматическіе алеваторы „Мамуть“ для подъема воды изъ артезианскихъ колодезъ, съ большой глубины, а также и для подъема другихъ жидкостей, какъ-то: нефти, кислотъ, бумажной массы, барды, сточныхъ водъ разныхъ видовъ—холодныхъ, горячихъ, иловатыхъ и песчаныхъ. Единственно надежное насосное сооруженіе, не требующее ремонта, такъ какъ въ скважинѣ не имѣется движущихся и трущихся частей, какъ, напр., поршней, цилиндровъ, клапановъ и пр.

Продажа комплектовъ бурового инструмента, составленныхъ на основаніи собственной многолѣтней практики, буровыхъ трубъ и др. необходимыхъ матеріаловъ: а) для буренія въ ручную и машиннымъ способомъ, б) для изысканія полезныхъ ископаемыхъ, в) для устройства артезианскихъ и абиссинскихъ колодезъ. Геологическія изысканія для разныхъ цѣлей. Устройство аппаратовъ для смѣгненія жесткой воды, употребляемой для питанія котловъ и другихъ промышленныхъ цѣлей. Сооруженіе фильтровъ для очистки мутной воды.

По востребованію высылаются прейсъ-курранты и смѣты. 93 5-4

Содержание:

Т Е К С Т ы: Воскресение. Романъ графа Л. Н. Толстого. (Продолженіе.)—Весна. Стих. Б. Никонова.—Утро передъ свадьбой. Разсказъ Элоизы Болье.—Исполдинскій проектъ. Очеркъ инженера А. Опеліуса.—О происхожденіи языка.—Рыба-фанель.—Къ рисункамъ: Пробужденіе.—Лѣтомъ.—За здоровье.—Турецкій барнасъ.—Переваль въ кавказскихъ горахъ.—Свадебный пирь.—Заявленіе.—Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.—Н. В. Склифасовскій.—Оноре Бальзакъ.—Памятникъ на могилѣ А. Н. Майкова, на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.—Самоанцы и ихъ король Матаафа.—Смѣсь.—Объявленія.

Р И С У Н К И: Пробужденіе. Картина К. Е. Маковского.—Турецкій барнасъ. Картина С. И. Васильковскаго.—Перегаль въ горахъ Кавказа. Картина Л. Ф. Лагорио.—«Воскресеніе», романъ гр. Л. Н. Толстого. Возвращеніе Масловой въ камеру послѣ приговора. Ориг. рисунокъ Л. О. Пастернака.—Лѣтомъ. Картина К. Е. Маковского.—За ваше здоровье. Картина Ф. Брюнери.—Укрощеніе строптивой. Картина К. Герста.—Рыба-фанель.—Н. В. Склифасовскій.—Оноре Бальзакъ.—Памятникъ А. Н. Майкову на его могилѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.—Матаафа, король самоанцевъ.—Самоанцы во время боя.

При этомъ № прилагаются: 1) Сборникъ «Нивы» за май, содержащій въ себѣ Сочиненія И. А. Гончарова, т. V; 2) «Парижскія моды» за май, съ 32 рис. и отдѣльныхъ листъ съ 24 чертж. выкроскъ въ натур. величину и 25 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Къ предстоящему юбилею столѣтія рожденія

А. С. ПУШКИНА

мы выпустимъ отдѣльный альбомъ, посвященный исключительно
нашему великому поэту.

Пушкинскій альбомъ будетъ содержать очерки жизни поэта, его безсмертныхъ твореній и общаго его значенія для русской жизни и литературы. Очерки будутъ снабжены множествомъ портретовъ и рисунковъ, иллюстрирующихъ жизнь и творенія Пушкина. Въ альбомъ будетъ помещено около 100 рисунковъ и портретовъ.

Составленный такимъ образомъ Пушкинскій альбомъ представитъ для всѣхъ несомнѣнный интересъ, въ особенности же явится весьма подходящимъ изданіемъ для раздачи на память о знаменательной годовщинѣ воспитанникамъ и воспитанницамъ учебныхъ заведеній, рабочимъ на фабрикахъ и пр.

Пушкинскій альбомъ будетъ выпущенъ въ значительномъ объемѣ — около 80 страницъ „Нивы“, въ изящной обложкѣ, и поступитъ въ продажу 18 мая.

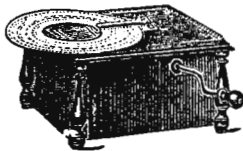
Цѣна Пушкинскаго альбома въ отдѣльной продажѣ назначена весьма умѣренная—50 коп., съ пересылкою 60 коп. (можно почтовыми марками).

Выписывающіе Пушкинскій альбомъ (для раздачи воспитанникамъ, рабочимъ и пр.) въ количествѣ	не менѣе 100 экз. платятъ по 50 к., съ перес. по 55 к. за 1 экз.
	» » 500 » » » 45 » » » » 43 » » » »
	» » 1000 » » » 40 » » » » 42 » » » »

Заказы будутъ исполняться по порядку поступленія, а потому лицъ, желающихъ приобрести „Пушкинскій альбомъ“, просимъ послѣдить присылкой требованій, такъ какъ сверхъ количества, предназначеннаго для подписчиковъ „Нивы“, которые получаютъ этотъ альбомъ бесплатно въ видѣ приложенія къ журналу, для отдѣльной продажи Пушкинскій альбомъ будетъ отпечатанъ лишь въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ.

Требованія и деньги адресовать: въ контору журнала «Нива», СПБ., Малая Морская, № 22. Адресъ для телеграммъ: С.-Петербургъ „Нивамарисъ“.—Выписывать альбомъ можно также чр. контору Н. Печковской въ Москвѣ, чр. книжн. маг. „Образованіе“ въ Одессѣ, и чр. всѣ больш. книжн. магазины.

Удобный для танцевъ и домашняго развлечения

ОРГАНЪ-ИНТОНА

патентованный, лучшаго достоинства, съ 16 прочными стальными голосами.

Цѣна только 8 руб. Ноты къ нему металлическія только по 30 коп., то-есть съ 15 разн. нотами 12 руб. 50 коп. и съ 21 разн. нотами 14 руб. 30 коп.

Списокъ нотъ бесплатно. Прейсъ-курантъ бесплатно.

**Юлій Генрихъ
ЦИММЕРМАНЪ.**
С.-Петербургъ, В. Морская, № 34.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарина.

ФОТОГРАФЪ К. К. БУЛЛА,

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Садовая улица, д. № 61, противъ Адъеснаго стола.

Всегда подготовленъ къ выѣзду и отправленію куда бы то ни потребовалось. Снимаетъ все, не стѣнялся помещеніемъ, вездѣ и всюду — какъ днемъ, такъ и во всякое вечернее время — при своемъ искусственномъ свѣтѣ. Портреты съ умершихъ, группы во всякомъ составѣ, внутреннія обстановки комнатъ, залъ, выставки и т. п. Великіе архитектурные предметы, какъ внутренне, такъ и наружные фасады, дома, фабрики, мастерскія съ рабочими, машины, желѣзныя дороги, памятники, магазины, виды и проч. Различныя сцены и типы, снимки съ древнихъ и старин. предметовъ, открытіе и освященіе зданій, юбилейныя торжества и др. Моментальныя снимки съ лошадей, собакъ и другихъ животныхъ. У себя въ павильонѣ: портреты и группы всѣхъ форматовъ. Увеличеніе со всякихъ картъ — до натуральной величины. № 11877 12—4

Санаторія д-ра Ремплера

для страдающ. грудными болѣзнями

въ ГЕРБЕРСДОРФЪ, въ СИЛЕЗИИ.

Находясь съ 1875 г. подъ личнымъ врачевымъ наблюденіемъ владѣльца, Герберсдорфскаго лѣчебница, расположенная высоко надъ уровнемъ моря и снабженная помѣщеніемъ для пользованія сл.быхъ больныхъ воздухомъ, представляетъ самыя благоприятныя условія для лѣченія, за умѣреннаго цѣны. Объявленія высылаются бесплатно. Р. № 12253 4—4

„ЧТО“

такое искусство укрѣпленія памяти? книга (8-е испр. и допол. изд.) проф. мюнхенки С. Файнштейна, высл. за шестъ 7-ми коп. марокъ, на велен. бумагѣ—за восемь 7-ми коп. марокъ.

Адресъ: Одесса, Гаванная ул., собственн. д. № 28,

профессору мюнхену

С. ФАЙНШТЕЙНУ.

№ 12044 10—5

Повѣнція самодѣлюющій шприцевъ. шприцы для растений и винограда „СИФОНІЯ“

противъ болѣзней и порчи растеній, къ уничтоженію сорныхъ травъ, желтушника, дикой рѣдьки и т. п. Превосходитъ всѣ существующіе шприцы. Подробныя описанія и рисунки высылаются по востребованію. Адресъ: Фабрика земледѣльч. машинъ Ф. МАЙ АРТЪ и К^о. Франк-Р. № 12235 4—4

ЮВЕЛИРЪ

К. И. БОКЪ

бывшій
БЮЛЕРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Большая Морская, 9. МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 6.

Громадный выборъ брилліантовыхъ и золотыхъ вещей на всякія цѣны. Изготовляеть всевозможные жетоны, какъ-то: Всероссийской выставки въ Н.Новгородѣ 1896 г., XII международнаго медицинскаго конгресса въ Москвѣ, У фотографической выставки Императорскаго Техническаго общества въ С.-Петербургѣ, 100-лѣтняго юбилея министерства путей сообщенія и мн. др. Покупаетъ золото и драгоценныя камни.

№ 12039 12-4

В.Жуковскій

С. ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ № 97.

Локомотивы, паров. машины, керос. двигатели, турбины.
Искусственные жернова Траппа, мельницы, просоручки, крунодеры, сукновалы, шерстечесалки, гонторѣзки. Ц. № 12317 5-1

Лѣсопилн. рамы, маслоб. прессы, черепич. прессы.
Иллюстрированный каталогъ высылается бесплатно.

Зеленая, коричневая и черная

САНДАЛИ

изготовляетъ Товарищество С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви.

С.-Петербургско-Азовскій Коммерческій Банкъ

Невскій 62.

Отдаются въ наемъ безопасныя ящики для хранения цѣнностей, документовъ и драгоценныхъ вещей.

№ 12152 12-7

С. И. Арнгеимъ, Берлинъ.

придворный поставщикъ
Императора Германскаго.
ВСЕМИРНО - ИЗВѢСТНЫЙ ЗАВОДЪ

ПЕГОРАЕМЫХЪ ШКАФОВЪ

гарантированныхъ отъ огня и отъ валама.
цѣны отъ 200—500 р., для Банковъ и большихъ заведеній крупныхъ размѣровъ отъ
№ 12040 500—1000 руб. 46—11

Представитель: **О. Г. Шпеннеманъ.**
С.-Петербургъ, Чернышевъ пер., 12.

Прейс-курранты по желанію высылаются бесплатно.

ЧЕРНИЛА ЛЕОНГАРДИ.

Спец. копиров. чернила.

Темно-фіолет. копир. чернила, легко стекаютъ. По истеченіи мѣсяцевъ и даже годовъ даютъ хорошія отчетливыя копіи.

Черныя двойныя копир. чернила, стекаютъ черными. Отъ 2 до 4 копій.

Копир. чернила „Non plus ultra“ для корреспонденціи съ дальн. странами. Отъ 4 до 8 копій.

Чернила для книгъ и для копирования.
Алициариновыя чернила для письма и копирования. № 12323 10-1
Антрац. чернила для письма и копирования.
Черныя желѣзисто-орѣшковые чернила.

Черный чернильный порошокъ (атролитъ). Химич. фабрики чернилъ, основ. въ 1826 г.

Авг. ЛЕОНГАРДИ

въ ДРЕЗДЕНЪ.

Изобрѣтателя и единствен. фабриканта всемірно-извѣстныхъ

Алициариновыхъ чернилъ для письма и копирования, легко стекающихъ и вполнѣ прочныхъ желѣзисто-орѣшковыхъ чернилъ 1-го класса. Во избежаніе поддѣлокъ просятъ обращать вниманіе на ящикъ въ Россіи этикетъ и фабрич. предохранит. марку.

Неподдѣльно только съ сей предохранительной маркой.

Trade Mark

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлокурокъ, желтая вода для брюнетонъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ
дрогистовъ Россіи. № 5420 (132)

Лѣчебное заведеніе д-ра БРЕМЕРА для страдающихъ грудными болѣзнями въ Герберсдорфѣ, Пруссія Силезія

R. № 12236 4-4

высылаеть бесплатно проспекты. Избѣгаетъ русской врачъ.
Проектируется постройка православной часовни.

„ЭЙНЕМЪ“ въ Москвѣ.

Собств. Царов. фабрика въ Симферополѣ (въ Крымѣ.)

ПЮРЕТОМАТЪ.

ГЛАЗИРОВАННЫЕ ФРУКТЫ КОМПОТЪ.

Ш. № 11997 16-5

А. БОЛЬТЪ и К^о.

МОСКВА,
Ильинка, уг. Платовск. пер.
Никольская, противъ Черкаскаго переулка.

Непромокаемая одежда:

ПАЛЬТО,
МАКФАРЛАНЫ,
ШИНЕЛИ,
НАКИДКИ

№ 12279 7-2

мужскіе и дамскіе изъ лучшихъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій, рисунокъ сезона 1899 г.
Прейс-куррантъ съ образцами матерій высылается бесплатно.
Бумажное бѣлье Мей и Эдльхъ.

XXX г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

г. XXX

№ 18

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выроекъ.

1899

Выдавъ 1 мая 1899 г.

Цена этого № 20 к., съ порос. 25 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1899 г.

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	5 р. 50 к.	Безъ дост. въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи . . .	6 р. 25 к.	Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАЧІЕ“, Ришельевская, 12.	6 р. 50 к.	Съ доставкою въ Петербургъ . . .	6 р. 50 к.	Съ перевыплатою во всѣ мѣстности Россіи . . .	7 р. 10 р.	За гра. ницу.
-----------------------------------	-------------------	---	-------------------	--	-------------------	----------------------------------	-------------------	---	-------------------	---------------

При семъ прилагаются: 1) Сборникъ „Нивы“ за май, содержащій въ себѣ СОЧИНЕНІЯ И. А. ГОНЧАРОВА, т. V; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА МАЙ 1899 г. съ 32 рис. и отдѣльн. листъ съ 24 чертеж. выгр. въ натур. велич. и 25 рис. рукодѣльныхъ работъ.

„Пробужденіе“. Съ картины К. Е. Маковского (исключит. право воспроизв. принадл. «Нивѣ») грав. Геданъ.

Воскресеніе.

Романъ
графа Л. Н. ТОЛСТОГО.

(Продолженіе.)

XXIX.

Маслова вернулась домой въ свою камеру только въ 6 часовъ вечера, усталая и больная ногами послѣ пройденныхъ безъ привычки пятнадцати верстъ по камню, сверхъ того убитая неожиданно строгимъ приговоромъ и голодная.

Когда еще во время одного перерыва, сторожа загусывали подлѣ нея хлѣбомъ и крутыми яйцами, у нея ротъ наполнился слюной, и она почувствовала, что голодна, но попросить у нихъ считала для себя унижительнымъ. Когда же послѣ этого прошло еще три часа, ей уже перестало хотѣться ѣсть, и она чувствовала только слабость. Въ такомъ состояніи она услышала неожиданный приговоръ. Въ первую минуту она подумала, что ослышалась, не могла сразу повѣрить тому, что слышала, не могла соединить себя съ понятіемъ каторжанки. Но, увидавъ спокойныя дѣловыя лица судей, присяжныхъ, принявшихъ это извѣстіе, какъ нѣчто вполне естественное, она возмущилась и закричала на всю залу, что она не виновата. Увидавъ также, что и крикъ ее былъ принятъ какъ нѣчто естественное, ожидаемое и не могущее измѣнить дѣла, она заплакала, чувствуя, что надо покориться той жестокой и удивившей ее несправедливости, которая была совершена надъ ней. Удивило ее въ особенности то, что такъ жестоко осудили ее мужчины, молодые, не старые мужчины, тѣ самые, которые всегда такъ ласково смотрѣли на нее. Одного товарища прокурора, — она видала совсѣмъ въ другомъ настроеніи. Въ то время какъ она сидѣла въ арестантской, дожидаясь суда, и въ перерывахъ засѣданія она видѣла, какъ эти мужчины, притворяясь, что они идутъ за другимъ дѣломъ, проходили мимо дверей или входили въ комнату только за тѣмъ, чтобы оглядѣть ее. И вдругъ эти самые мужчины зачѣмъ-то приговорили ее въ каторгу, несмотря на то, что она была невинна въ томъ, въ чемъ ее обвиняли. Она плакала, но потомъ затихла и въ состояніи полнаго оупунія сидѣла въ арестантской, дожидаясь отправки. Ей хотѣлось теперь только одного: покурить. Въ такомъ состояніи застали ее Бочкова и Картинкинъ, которыхъ послѣ приговора ввели въ ту же комнату. Бочкова тотчасъ начала бранить Маслову и называть каторжаной.

— Что взяла? Оправилась? Небось не отверглась подлая! Что заслужила, того и досидѣла. На каторгѣ, небось, франтовство оставишь.

Маслова сидѣла, засунувъ руки въ рукава халата и склонивъ низко голову, неподвижно смотрѣла на два шага передъ собой, на затоптанный полъ, и только говорила:

— Не трогаю я васъ, вы и оставьте меня. Въдъ я не трогаю, — повторила она нѣсколько разъ, потомъ совсѣмъ замолчала. Оживилась она немного только тогда, когда Бочкову и Картинкина увели и вошелъ сторожъ, принесшій ей три рубля денегъ.

— Ты Маслова? — спросилъ онъ.

— На, вотъ, тебѣ барыня прислала, — сказалъ онъ, подавая ей деньги.

— Какая барыня?

— Бери знай, разговаривать еще съ вами.

Деньги эти прислала Китаева. Уходя изъ суда, она обратилась къ судебному приставу съ вопросомъ, можетъ ли она передать нѣсколько денегъ Масловой. Судебный приставъ сказалъ, что можно. Тогда, получивъ разрѣшеніе, она сняла замшевую перчатку, съ тремя пуговицами, съ пухлой бѣлой руки, достала изъ заднихъ складокъ шелковой юбки модный бумажникъ и, выбравъ

изъ довольно большого количества купонновъ, только-что сѣзанныхъ съ билетовъ, заработанныхъ ею, одинъ — въ 2 рубля 50 коп. — и, присоединивъ къ нему два двугривенныхъ и еще гривенникъ, передала ихъ приставу. Приставъ позвалъ сторожа и при жертвователницѣ передалъ эти деньги сторожу.

— Пожалуйста, вѣрно отдавайте, — сказала Каролина Альбертовна сторожу.

Сторожъ обидѣлся за это недоверіе и потому такъ сердито обошелся съ Масловой.

Маслова обрадовалась деньгамъ, потому что онѣ давали ей то, чего одного желала она теперь.

Только бы добыть папирсы и затануться, думала она, и все мысли ея сосредоточились на этомъ желаніи покурить. Ей такъ хотѣлось этого, что она жадно вдыхала воздухъ, когда въ немъ чувствовался запахъ табачнаго дыма, выходящаго въ коридоръ изъ дверей кабинета. Но ей пришлось еще долго ждать, потому что секретарь, которому надо было отпустить ее, забывъ про подсудимыхъ, занялся разговоромъ и даже споромъ о какой-то статьѣ съ однимъ изъ адвокатовъ.

Наконецъ, въ 5-мъ часу ее отпустили, и конвойные нижегородецъ и чувашинъ — повели ее изъ суда заднимъ ходомъ. Еще въ сѣняхъ суда она передала имъ 20 копеекъ, проси купить два калача и папирсы. Чувашинъ засмѣялся, взялъ деньги и сказалъ: «Ладно, купаемъ» — и дѣйствительно честно купилъ и папирсы, и калачей и отдалъ сдачу. Дорогой нельзя было курить, такъ что Маслова съ тѣмъ же неудовлетвореннымъ желаніемъ куренія подошла къ острогу. Въ то время, какъ ее привели къ дверямъ, съ поѣзда желѣзной дороги привели человѣкъ сто арестантовъ. Въ проходѣ она столкнулась съ ними.

Арестанты — бородатые, бритые, старые, молодые, русскіе, инородцы нѣкоторые съ бритыми полуголовами, гремя ножными кандалами, наоляя и прихожую пылью, шумомъ шаговъ, говоромъ и ѣдкимъ запахомъ пота. Арестанты, проходя мимо Масловой, все оглядывали ее и нѣкоторые подходили къ ней и задѣвали ее.

— Ай дѣвка, хороша, — говорилъ одинъ. — Тетенькѣ, мое почтеніе, говорилъ другой, подмигивая глазомъ. Одинъ, черный, съ выбритымъ синимъ затылкомъ и усами на бритомъ лицѣ, пугаясь въ кандалахъ и гремя ими, подскочилъ къ ней и обнялъ ее.

— Аль не спознала дружка. Будетъ модничать-то! — крикнулъ онъ, оскаливая зубы и блестя глазами, когда она оттолкнула его.

— Ты что, мерзавецъ, дѣлаешь? — крикнулъ подошедшій сзади помощникъ начальника.

Арестантъ весь сжался и поспѣшно отскочилъ. Помощникъ же накинудся на Маслову.

— Ты зачѣмъ тутъ?

Маслова хотѣла сказать, что ее привели изъ суда, но она такъ устала, что ей лѣнь было говорить.

— Изъ суда, ваше благородіе, — сказалъ старшій конвойный, выходя изъ-за проходившихъ и прикладывая руку къ шапкѣ.

— Ну и сдай старшему. А это что за безобразіе.

— Слушаю, ваше благородіе.

— Соколовъ! Принять. — крикнулъ помощникъ.

Старшій подошелъ и сердито ткнулъ Маслову въ плечо, и, кивнувъ ей головой, повелъ ее въ женскій коридоръ. Въ женскомъ коридорѣ ее всю оцупали, обыскали и не найдя ничего (коробка папирсовъ была засунута въ калачѣ), впустили въ ту же камеру, изъ которой она вышла утромъ.

XXX.

Камера, въ которой содержалась Маслова, была длинная комната, въ 9 аршинъ длины и 7 ширины, съ двумя окнами, выступающею обѣзлой печкой и нарами съ разохшимися досками, занимавшими двѣ трети пространства. Въ серединѣ, противъ двери, была темная икона съ приклеенною къ ней восковой свѣчкой и подвѣшеннымъ подъ ней запыленнымъ букетомъ иммортелекъ. За дверью налѣво было почернѣвшее мѣсто пола, на которомъ стояла вонючая кадка. Повѣрка только-что прошла, и женщины уже были заперты на ночь.

Всѣхъ обитательницъ этой камеры было пятнадцать: двѣнадцать женщинъ и трое дѣтей.

Было еще совсѣмъ свѣтло, и только двѣ женщины лежали на нарахъ: одна, укрытая съ головой халатомъ — дурочка, взятая за безписьменность — эта всегда почти спала, — и другая чахоточная, отбывавшая наказаніе за воровство. Эта не спала, а лежала, подложивъ подъ голову халатъ, съ широко-открытыми глазами, съ трудомъ, чтобы не кашлять, удерживая въ горлѣ щекочущую ее и переливающуюся мокроту. Остальныя женщины: всѣ простоголовыя и въ одиѣхъ суроваго полотна рубахахъ, нѣкоторыя сидѣли на нарахъ и шили, нѣкоторыя стояли у окна и смотрѣли на проходившихъ по двору арестантовъ. Изъ тѣхъ трехъ женщинъ, которыя шили, одна была та самая старуха, которая провожала Маслову — Кораблеву, — мрачнаго вида, насупленная, морщинистая, съ висѣвшимъ мѣшкомъ кожи подъ подбородкомъ, высокая, сильная женщина, съ короткой косичкой русыхъ, сѣдѣющихъ на вискахъ волосъ и съ волосатой бородавкой на щекѣ. Старуха эта была приговорена къ каторгѣ за убійство топоромъ мужа. Убила же она его за то, что онъ приставалъ къ ей дочери. Кораблева была старостихой камеры, она же и торговала виномъ. Она шила въ очкахъ и держала въ большихъ рабочихъ рукахъ иголку по-крестьянски, тремя пальцами и остріемъ къ себѣ. Рядомъ съ ней сидѣла и также шила мѣшки изъ парусины невысокая, курносая, черноватая женщина съ маленькими черными глазами, добродушная и болтливая. Это была сторожиха при желѣзнодорожной будкѣ, присужденная къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы за то, что не вышла съ флагомъ къ поѣзду, съ поѣздомъ же случилось несчастіе. Третья шившая женщина была Фодосья, — Феничка, какъ ее звали товарки, — бѣлая, румяная, съ ясными дѣтскими голубыми глазами и двумя длинными русыми косами, обернутыми вокругъ небольшой головы, совсѣмъ молодая, очень миловидная женщина, содержавшаяся за покушеніе отравить мужа. Попыталась она отравить его тотчасъ же послѣ замужества, въ которое была выдана 16-лѣтней дѣвочкой. Въ тѣ 8 мѣсяцевъ, во время которыхъ она, будучи взята на поруки, ожидала суда, она не только помирилась съ мужемъ, но такъ полюбила его, что судъ засталъ ее живущей съ мужемъ душа въ душу. Несмотря на то, что мужъ и свекоръ и въ особенности полюбившая ее свекровь старались на судѣ всѣми силами оправдать ее, она была приговорена къ ссылкѣ въ Сибирь, въ каторжныя работы. Добрая, веселая, часто улыбающаяся, Фодосья эта была сосѣдка Масловой по нарамъ и не только полюбила Маслову, но признала своей обязанностью заботиться о ней и служить ей. Безъ дѣла сидѣли на нарахъ еще двѣ женщины: одна лѣтъ сорока, съ блѣднымъ худымъ лицомъ, вѣроятно, когда-то очень красивая, теперь худая и блѣдная, — держала на рукахъ ребенка и кормила его бѣлой, длинной грудью. Преступленіе ея состояло въ томъ, что когда изъ ихъ деревни везли рекрута, по понятіямъ мужиковъ, незаконно взятаго, народъ остановилъ станогово и отнял рекрута. Женщина же эта, тетка незаконно взятаго малаго, первая схватила за поводъ лошадь, на которой везли рекрута. Еще сидѣла безъ дѣла на нарахъ невысокая, вся въ морщин-

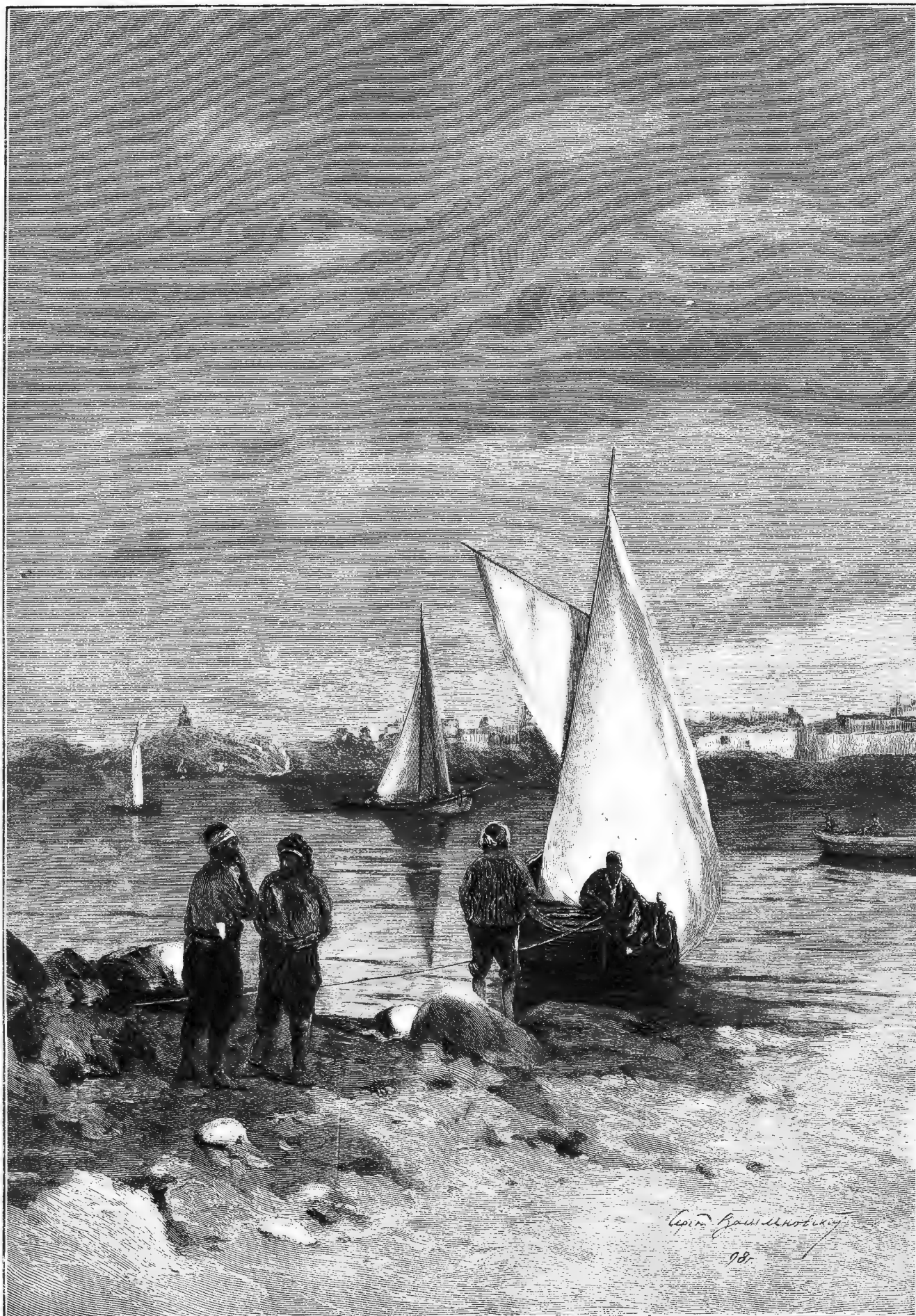
кахъ, добродушная старушка съ сѣдыми волосами, и горбатой спиной. Старушка эта сидѣла у печки на нарахъ и дѣлала видъ, что ловить четырехлѣтняго, коротко остриженнаго, пробѣгавшаго мимо нея толстопузаго, заливавшагося смѣхомъ, мальчика. Мальчишка въ одной рубашонкѣ пробѣгалъ мимо нея и приговаривалъ все одно и то же: — ишь, не поймала! Старушка эта, обвинявшаяся вмѣстѣ съ сыномъ въ поджогъ, переносила свое заключеніе съ величайшимъ добродушіемъ, сокрушаясь только о сынѣ, сидѣвшемъ съ ней одновременно въ острогѣ, но болѣе всего о своемъ старикѣ, который, она боялась, совсѣмъ безъ нея завшивѣетъ, такъ какъ невѣстка ушла, и его обмывать некому.

Кромѣ этихъ семи женщинъ, еще четыре стояли у одного изъ открытыхъ оконъ и, держась за желѣзную рѣшетку, знаками и криками переговаривались съ проходившими по двору тѣми самыми арестантами, съ которыми столкнулась Маслова у входа. Одна изъ этихъ женщинъ, отбывавшая наказаніе за воровство, была большая, грузная, съ обвисшимъ тѣломъ, рыжая женщина, съ желтовато-бѣлыми, покрытыми веснушками лицомъ, руками и толстой шеей, выставившейся изъ-за развязаннаго, раскрытаго ворота. Она громко кричала въ окно хриплымъ голосомъ неприличныя слова. Съ ней рядомъ стояла ростомъ съ десятилѣтнюю дѣвочку, черноватая нескладная арестантка, съ длинной спиной и совсѣмъ короткими ногами. Лицо у нея было красное, въ пятнахъ, съ широко-разставленными черными глазами и толстыми короткими губами, незакрывавшими бѣлые выступающіе зубы. Она визгливо, урывками, смѣялась тому, что происходило на дворѣ. Арестантка эта, прозывавшаяся Хоропавкой за свое щегольство, судилась за кражу и поджогъ. Позади ихъ стояла въ очень грязной сѣрой рубахѣ, жалкаго вида, худая, жилистая и съ огромнымъ животомъ, беременная женщина, судившаяся за укрывательство кражи. Женщина эта молчала, но все время одобрительно и умиленно улыбалась на то, что происходило на дворѣ. Четвертая, стоявшая у окна, была отбывающая наказаніе за корчемство невысокая, коренастая, деревенская женщина съ очень выпуклыми глазами и добродушнымъ лицомъ. Женщина эта — мать мальчишки, игриваго со старушкой, и семилѣтней дѣвочки, бывшихъ съ ней же въ тюрьмѣ, поэтому, что не съ кѣмъ было оставить ихъ, такъ же, какъ и другія, смотрѣла въ окно, но, не переставая, визжала чулокъ и неодобрительно морщилась, закрывая глаза, на то, что говорили со двора проходившіе арестанты. Дочка же ея, семилѣтняя дѣвочка, съ распущенными бѣлыми волосами, стоя въ одной рубашонкѣ рядомъ съ рыжей и ухватившись худенькой маленькой ручонкой за ея юбку, съ остановившимися глазами внимательно вслушивалась въ тѣ ругательныя слова, которыми перекидывались женщины съ арестантами, и шопотомъ, какъ бы заучивая, повторяла ихъ. Двѣнадцатая арестантка была дочь дьячка, утопившая въ колодезь своего ребенка. Это была высокая, статная дѣвушка съ спутанными волосами, выбивавшимися изъ недлинной, толстой, русой косы, и выпуклыми глазами. Она, не обращая никакого вниманія на то, что происходило вокругъ нея, ходила босая и въ одной грязной сѣрой рубахѣ взадъ и впередъ по свободному мѣсту камеры, круто и быстро поворачиваясь, когда доходила до стѣны.

XXXI.

Когда загремѣлъ замѣкъ, и Маслову впустили въ камеру, всѣ обратились къ ней. Даже дочь дьячка на минуту остановилась, посмотрѣла на вошедшую, поднявъ брови, но, ничего не сказавъ, тотчасъ же пошла опять ходить своими большими, рѣзательными шагами. Кораблева воткнула иголку въ суровую холстинку и вопросительно, черезъ очки, уставилась на Маслову.

— Э, эхъ-ма! Вернулась. А я такъ и думала, что опра-

VII выставка с.-петербургскаго общества художниковъ. „Турецкій баркасъ“.
Съ картины С. И. Васильковскаго (исключ. право воспроизв. прин. «Нивѣ») грав. М. Рапеевскій.

VII выставка с.-петербургскаго общества художниковъ. „Переваль въ горахъ Кавказа“.
Съ картины Л. Ф. Лагоріо грав. Цехомскій.

вять, — сказала она своимъ хриплымъ, басистымъ, почти мужскимъ, голосомъ. Видно, закатали.

Она сняла очки и положила свое шитье рядомъ на нары.

Мы и то съ тетенькой, касатка, переговаривались, може сразу ослобонять. Тоже, сказывали, бываетъ. Еще и денегъ надають, подь какой часъ попадешь—тотчасъ же начала своимъ пѣвучимъ голосомъ сторожика. — Анъ вотъ оно что. Видно сгадь нашъ не въ руку. Господь, видно, свое, касатка,—не умолкая, вела она свою ласковую и благозвучную рѣчь.

— Ужли-жь присудили? — спросила Федосья съ сострадательной нѣжностью, глядя на Маслову своими дѣтскими, ясно-голубыми глазами, и все веселое, молодое лицо ея измѣнилось, точно она готова была заплакать.

Маслова ничего не отвѣчала и, молча, прошла къ своему мѣсту, второму съ края, рядомъ съ Кораблевой, и сѣла на доски нары.

— Чай, и не поѣла. — сказала Федосья, вставая и подходя къ Масловой.

Маслова, не отвѣчая, положила калачи на изголовье и стала раздѣваться: сняла пыльный халатъ и косынку съ курчавящихся черныхъ волосъ и сѣла.

Игравшая на другомъ концѣ нары съ мальчикомъ горбатая старушка подошла тоже и остановилась противъ Масловой.

— Тцъ, тцъ, тцъ! жалостливо покачавъ головой, защекала она языкомъ.

Мальчишка подошелъ тоже за старушкой и, широко открывъ глаза и выпятивъ уголкомъ верхнюю губу, уставился на калачи, которые принесла Маслова. Увидавъ всѣ эти сочувственные лица, послѣ всего того, что съ ней было нынче, Маслова чуть не заплакала, и у ней задрожали губы. Но она старалась удержаться и удерживалась до тѣхъ поръ, пока не подошла старушка и мальчишка. Когда же она услышала доброе, жалостливое тцыканье старушки и, главное, когда встрѣтилась глазами съ мальчишкой, переведшимъ свои серьезные глаза съ калачей на нее, она уже не могла удерживаться. Все лицо ея задрожало, и она разрыдалась.

— Я говорила: добывай защитника настоящего. — сказала Кораблева. Что же, на высылку? — спросила она.

Маслова хотѣла отвѣтить и не могла, а, рыдая, достала изъ калача коробку съ папиросами, на которой была изображена румяная дама въ очень высокой прическѣ и съ открытой треугольникомъ грудью, и подала ее Кораблевой. Кораблева поглядѣла на картинку, покачала неодобрительно головой, преимущественно на то, что Маслова такъ дурно тратила деньги, и, доставъ одну папироску, закурила ее о лампу, затянулась сама, а потомъ сунула Масловой. Маслова, не переставая плакать, жадно стала разъ за разомъ втягивать въ себя и выцускать табачный дымъ.

Каторга — проговорила она, всхлипывая.

— Не бойся они Бога, мироѣды, кровопийцы проклятые. — проговорила Кораблева. — Ни за что засудили дѣвку.

Въ это время среди оставшихся у оконъ женщинъ раздавался раскатъ хохота. Дѣвочка тоже смѣялась, и ея тонкій дѣтскій смѣхъ сливался съ хриплымъ и визгливымъ смѣхомъ взрослыхъ. Арестантъ со двора что-то сдѣлалъ такое, что подѣйствовало такъ на смотрѣвшихъ въ окна.

— Ахъ, подлый! Что дѣлаетъ, — проговорила рыжая и, колеблясь всѣмъ жирнымъ тѣломъ, прижавшись лицомъ къ рѣшеткамъ, закричала безсмысленно-неприличные слова.

— То-то шкура барабанная! Чего гогочетъ! — сказала Кораблева, покачавъ головою на рыжую, и опять обратилась къ Масловой. — Много ли годовъ?

— Четыре. — сказала Маслова, и слезы полились такъ обильно изъ ея глазъ, что одна попала на папиросу.

Маслова сердито скомкала, бросила ее и взяла другую. Сторожика, хотя и не курившая, тотчасъ же подняла окурокъ, и стала расправлять его, не переставая разговаривать.

Видно и вправду, касатка, говорила она: правду-то боровъ сжевалъ. Дѣлають, что хотятъ. А мы такъ сгадывали, что ослобонять. Матвѣвна говоритъ ослобонять, а я говорю нѣтъ, говорю, касатка, чуетъ мое сердце, забывать они ее, такъ и вышло. — говорила она, очевидно съ особеннымъ удовольствіемъ слушающая звукъ своего голоса.

Въ это время арестанты ужъ всѣ прошли черезъ дворъ, и женщины, переговаривавшіяся съ ними, отошли отъ окна и тоже подошли къ Масловой. Первая подошла пучеглазая корчемница съ своей дѣвочкой.

— Что же, даже строго? — спросила она, подсаживаясь къ Масловой и продолжая быстро вязать чулокъ.

— Оттого и строго, что денегъ нѣтъ. Были бы денешки, да хорошаго ловчака нанять, небось, оправдали бы, сказала Кораблева. — Тотъ, какъ бишь его. — лохматый, носастый, тотъ, сударыня моя, изъ воды сухого выведетъ. Кабы его взять.

— Какъ же, взяла. — оскаливъ зубы сказала подѣвшая къ нимъ Хорошавка: тотъ меньше тысячи и плюнуть тебѣ не возьметъ.

— Да ужъ видно такая твоя планида. — вступилась старушка, сидѣвшая за поджигательство. — Легко ли, отбилъ жену у малаго, да его же засадилъ, и меня туды-жь, на старости лѣтъ, начала она въ сотый разъ рассказывать свою исторію. Отъ тюрьмы да отъ сумы, видно, не отказывайся. Не сума—такъ тюрьма.

— Видно у нихъ все такъ, — сказала корчемница и, взглянувъ въ голову дѣвочки, положила чулокъ подѣ себя, притянула къ себѣ дѣвочку между ногъ и начала быстрыми пальцами сечь ей въ голову. — «Зачѣмъ виномъ торгуешь!» А чѣмъ же дѣтей кормить? — говорила она, продолжая свое привычное дѣло.

Эти слова корчемницы напомнили Масловой о винѣ.

— Винца бы. — сказала она Кораблевой, утирая рукавомъ рубахи слезы и только пзрѣдка всхлипывая.

— Галырки? Что же, давай. — сказала Кораблева.

XXXII.

Маслова достала изъ калача же деньги и подала Кораблевой купонъ. Кораблева взяла купонъ, посмотрѣла, и, хотя не знала грамотъ, повѣрила все знавшей Хорошавкѣ, что бумажка эта стоитъ 2 р. 50 к., и пошла къ одлушнику за спрятанной тамъ стеклянкой съ виномъ. Увидавъ это, женщины— не сосѣдки по нарамъ— отошли къ своимъ мѣстамъ. Маслова между тѣмъ вытряхнула пыль изъ косынки и халата, влѣзла на нары и стала ѣсть калачъ.

— Я тебѣ чай берегла, да остылъ, небось. — сказала ей Федосья, доставая съ полки обернутый онучей жестяной чайникъ и кружку.

Напитокъ былъ совсѣмъ холоденъ и отзывался больше жестью, чѣмъ чаемъ, но Маслова налила кружку и стала запивать калачъ.

— Финашка, на. — кликнула она, и, оторвавъ кусокъ калача, дала смотрѣвшему ей въ ротъ мальчику.

Кораблева между тѣмъ подала стеклянку съ виномъ и кружку. Маслова предложила Кораблевой и Хорошавкѣ. Эти три арестантки составляли аристократію камеры, потому что имѣли деньги и дѣлились тѣмъ, что имѣли.

Черезъ нѣсколько минутъ Маслова оживилась и бойко рассказывала про судъ, передразнивая прокурора, и то, что особенно поразило ее въ судѣ. Поразило ее особенно то, какъ мужчины, вездѣ, гдѣ бы она ни была, по ея наблюденію, бѣгали за ней. Въ судѣ всѣ смотрѣли на нее, рассказывала она, и то и дѣло нарочно для этого заходили въ арестантскую.

Конвойный, и то говоритъ: это все тебя смотрѣть ходять. Придетъ какой-нибудь: гдѣ тутъ бумага какая, или еще что, а я вижу, что ему не бумага нужна, а меня такъ глазами и ѣсть. — говорила она, улыбаясь и какъ бы въ недоумѣніи покачивая головой. — Тоже — артисты.

— Да уже это какъ есть, — подхватила сторожиха, и тотчасъ полилась ея пѣвучая рѣчь. — Это какъ мухи на сахаръ. На что другое ихъ нѣтъ, а на это ихъ взять. Хлѣбомъ не корми ихняго брата...

— А то и здѣсь, — перебила ее Маслова. — Тоже и здѣсь попала я. Только меня привели, а тутъ партія съ вокзала. Такъ такъ одолѣли, что не знала, какъ отдѣлаться. Спасибо, помощникъ отогналъ. Одинъ присталъ такъ, что насилу отбилась.

— А какой изъ себя? — спросила Хорошавка.

— Черноватый, съ усами.

— Должно, онъ.

— Кто онъ?

— Да Щегловъ. Вотъ, что сейчасъ прошелъ.

— Какой такой Щегловъ?

— Про Щеглова не знаетъ. Щегловъ два раза съ каторги бѣгалъ. Теперь поймали, да онъ уйдетъ. Его и надзиратели боятся, — говорила Хорошавка, передававшая записки арестантамъ и знавшая все, что дѣлается въ тюрьмѣ. — Безпрѣмѣнно уйдетъ.

— А уйдетъ, насъ съ собой не возьметъ, — сказала Кораблева. — А ты лучше вотъ что скажи, — обратилась она къ Масловой: — что тебѣ аблакать сказалъ объ прошеніи, вѣдь теперь подавать надо.

Маслова сказала, что она ничего не знаетъ.

Въ это время рыжая женщина, запустивъ обѣ, покрытыя веснушками, руки въ свои спутанные густые рыжіе волосы и скребя ногтями голову, подошла къ пившимъ вино аристократамъ.

— Я тебѣ, Катерина, все скажу, — начала она. — Перво-наперво, должна ты записать: недовольна сѣдомъ, а послѣ того къ прокурору заявить.

— Да тебѣ чего? — сердитымъ басомъ обратилась къ ней Кораблева. — Вино почуяла: нечего зѣбы заговаривать. Безъ тебя знаютъ, что дѣлать, тобой не нуждаются.

— Не съ тобой говорятъ, что встрѣваешь.

— Вина захотѣлось? Подѣзжаешь.

— Да ну, поднеси ей, — сказала Маслова, всегда раздававшая всѣмъ все, что у нея было.

— Я ей такую поднесу...

— Ну, ну-ка, — надвигаясь на Кораблеву заговорила рыжая. — Не боюсь я тебя.

— Осторожная шкура!

— Отъ такой слышу.

— Разварная требуха!

— Я требуха? Каторжная, душегубка. — закричала рыжая.

— Уйди, говорю, — мрачно проговорила Кораблева.

Но рыжая только ближе надвигалась, и Кораблева толкнула ее въ открытую жирную грудь. Рыжая какъ будто только этого и ждала, и неожиданно быстрымъ движеніемъ вцѣпилась одной рукой въ волосы Кораблевой, а другой хотѣла ударить ее въ лицо, но Кораблева ухватила эту руку. Маслова и Хорошавка схватили за руки рыжую, стараясь оторвать ее, но рука рыжей, вцѣпившаяся въ косу, не разжималась. Она на мгновенье отпустила волосы, но только для того, чтобы замотать ихъ вокругъ кулака. Кораблева же съ скривленной головой колотила одной рукой по тѣлу рыжей и ловила зубами ея руку. Женщины столпились около дерущихся, разнимали и кричали. Даже чахоточная подошла къ нимъ и, кашляя, смотрѣла на сдѣвившихся женщинъ. Дѣти прижались другъ къ другу и плакали. На шумъ вошла надзирательница съ надзирателемъ. Дерущихся розняли, и Кораблева, распустивъ сѣдую косу и выбирая изъ нея

выданные куски волосъ, а рыжая, придерживая на желтой груди всю разодранную рубаху, — обѣ кричали, объясняя и жалуясь.

— Вѣдь я знаю, все это вино: вотъ я завтра скажу смотрителю, онъ васъ проберетъ. Я слышу — пахнетъ, — говорила надзирательница. — Смотрите, уберите все, а то плохо будетъ, — разбирать васъ некогда. По мѣстамъ и молчать.

Но молчаніе долго еще не установилось. Долго еще женщины бранились, рассказывали другъ другу, какъ началось и кто виноватъ. Наконецъ, надзиратель и надзирательница ушли, и женщины стали затихать и укладываться. Старушка стала передъ иконой и начала молиться.

— Собрались двѣ каторжныя, — вдругъ хриплымъ голосомъ заговорила рыжая съ другого конца наръ, сопровождая каждое слово до странности изощренными ругательствами.

— Мотри, какъ бы тебѣ еще не влетѣло, тотчасъ отвѣтила Кораблева, присоединивъ такія же ругательства. И обѣ затихли.

— Только бы не помѣшали мнѣ, я бы тебѣ бѣльма-то повыдрала... — опять заговорила рыжая, и опять не заставилъ себя ждать такой же отвѣтъ Кораблеви.

Опять промежутокъ молчанія подольше, и опять ругательства. Промежутки становились все длиннѣе, и, наконецъ, все совсѣмъ затихло.

Всѣ лежали, нѣкоторые захрапѣли, только старушка, всегда долго молившаяся, все еще клала поклоны передъ иконой, а дочь дьячка, какъ только надзирательница ушла, встала и опять начала ходить взадъ и впередъ по камерѣ.

Не спала Маслова и все думала о томъ, что она каторжная, и ужъ ее два раза назвали такъ: назвала Бочкова и назвала рыжая, и не могла привыкнуть къ этой мысли. Кораблева, лежавшая къ ней спиной, повернулась.

— Вотъ, не думала, не гадала, — тихо сказала Маслова. — Другіе, что дѣлають — и ничего, а я ни за что страдать должна.

— Не тужи, дѣвка. И въ Сибири люди живутъ. А ты и тамъ не пропадешь, — утѣшала ее Кораблева.

— Знаю, что не пропаду, да все-таки обидно. Не такую бы мнѣ судьбу надо, какъ я привыкла къ хорошей жизни.

— Противъ Бога не пойдешь, — со вздохомъ проговорила Кораблева: — противъ Него не пойдешь.

— Знаю, тетенька, а все трудно.

Онѣ помолчали.

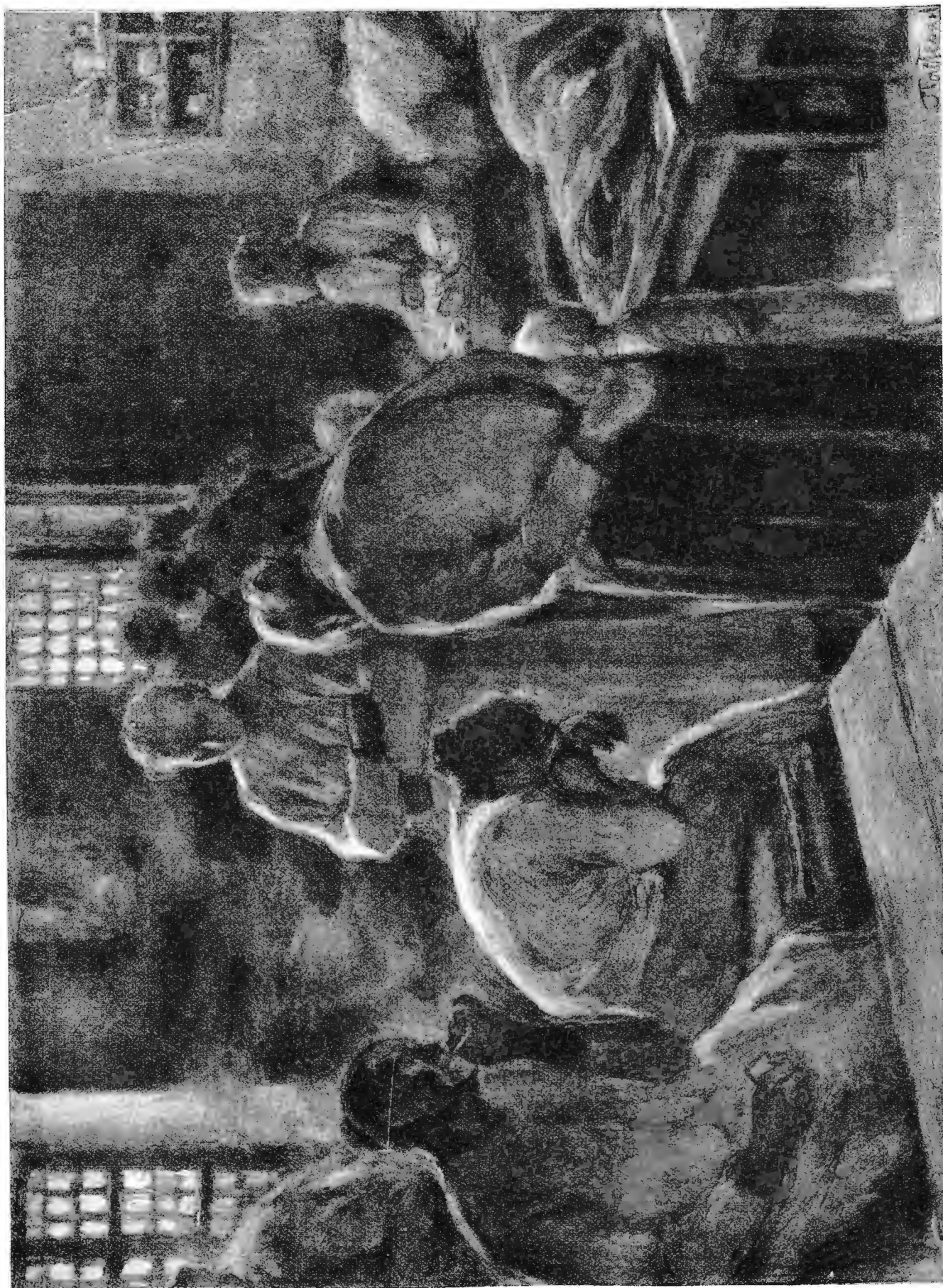
— Слышишь? Распустѣха-то, проговорила Кораблева, обращая вниманіе Масловой на странные звуки, слышавшіяся съ другой стороны наръ.

Звуки эти были сдержанныя рыданія рыжей женщины. Рыжая плакала о томъ, что ее сейчасъ обругали, прибили и не дали ей вина, котораго ей такъ хотѣлось. Плакала она и о томъ, что она во всей жизни своей ничего не видала, кромѣ ругательствъ, насмѣшекъ, оскорбленій и побоевъ. Хотѣла она утѣшиться, вспомнивъ свою первую любовь къ фабричному, Оедкѣ Молодѣнкову, но, вспомнивъ эту любовь, она вспомнила и то, какъ кончилась эта любовь. Кончилась эта любовь тѣмъ, что этотъ Молодѣнковъ, въ пьяномъ видѣ, для шутки, мазнулъ ее купоросомъ, и потомъ хохотать съ товарищами, глядя на то, какъ она корчилась отъ боли. Она вспомнила это, и ей стало жалко себя, и, думая, что никто не слышитъ ея, она заплакала, и плакала, какъ дѣти — стеноя, и сопя носомъ, и глотая соленыя слезы.

— Жалко ея, — сказала Маслова.

— Извѣстно, жалко, а не дѣль.

(Продолженіе будетъ.)

„Воскресение“, романъ гр. Л. Н. Толстого. Возвращение Масловой въ камеру послѣ приговора.
Ориг. рис. (собств. «Нивы») Л. О. Пастернака, артистич. «Нивы».

ЛѢТОМЪ. Съ картины К. Е. Маковского (исключ. право воспроизв. прин. «Нивѣ») грав. Геданъ.

Весна.

Невѣстѣ—цвѣты и любовь,
 Больному—цвѣты на могилу
 Весна, прилетѣвшая вновь,
 Съ улыбкой своей подарила...
 И кто ее видѣлъ—однимъ
 Она улыбнулась, какъ счастье,
 Другимъ подарила ненастье,
 И смерть и страданья инымъ.
 Но, волны отдѣльныхъ созвучій:

И лепеть поднявшихся травъ,
 И шелестъ березы пахучей
 Въ гармоніи жизни смѣшавъ,
 Свой гимнъ запѣваетъ могучій
 Владычица жизни—весна.
 И тонуть въ немъ слабые звуки
 И горя, и скорби, и муки,—
 И смерть покоряетъ она.

Б. Никонъ.

Утро передъ свадьбой.

Разсказъ Элоизы Больё.

Ротмистръ баронъ Далэнъ быстрымъ движеніемъ сбросилъ съ себя одѣяло. Онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо: словно что-то давило его широкую грудь.

— Лука, принесли сапоги? — крикнулъ онъ своему денщику, вошедшему въ комнату съ водой для бритья.

Вѣрный слуга былъ чѣмъ-то удрученъ.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе!

— Лука... Что это?... да ты никакъ...

На свѣтло-голубыхъ глазахъ денщика блеснули слезы, и во взглядѣ, которымъ окинулъ его ротмистръ, сквозило порицаніе, смѣшанное съ благодарностью.

— Съ чего это ты, старина? Вѣдь не на смерть идемъ.—утѣшалъ онъ его.—Еще лучше заживемъ.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе! — глотая слезы, отвѣчалъ Лука, и быстрымъ движеніемъ утеръ глаза. — Только все-жъ оно по-другому нынче все пойдетъ!

Какая-то тѣнь пробѣжала по лицу ротмистра.

— Да, да, навѣрное, по-другому, — вздохнулъ онъ, обращаясь скорѣе къ себѣ, чѣмъ къ денщику. Потомъ громкимъ голосомъ приказалъ Луцкѣ: — стасккую пару!

— Ваше высокоблагородіе, да неужто же вы станете... — поблѣднѣвъ отъ ужаса, началъ Лука.

— Въ стаскомъ вѣнчаться? — улыбаясь, закончилъ Далэнъ начатую денщикомъ фразу. — Нѣтъ, можешь успокоиться; мы представимся во всемъ подобающемъ блескѣ. Но мнѣ нужно еще кой-куда сходить.

Онъ сказалъ это равнодушнымъ тономъ. Но все же, какъ ни глупо это было, онъ почувствовалъ легкое замѣнительство.

Лука съ несвойственной ему пеловкостью готовилъ кофе. Честное лицо его носило слѣды озабоченности и стыда. Въ душѣ его происходила страшная борьба. Онъ чувствовалъ непреодолимую потребность сказать что-то своему начальнику, но воинская субординація удерживала его. Нѣсколько разъ онъ проглатывалъ готовивъ сорваться съ его языка слова. Наконецъ, онъ рѣшился и, уставивъ глаза въ кофейную чашку, тихимъ и перѣшительнымъ голосомъ пробормоталъ:

— Не лучше ли мнѣ туда съ письмомъ сходить, ваше высокоблагородіе?

Онъ самъ испугался своей смѣлостью, но ротмистръ не разсердился. Онъ только еще больше покраснѣлъ и сказалъ:

— Нѣтъ, это неудобно. Мнѣ нужно самому пойти. Да это пустяки; на это много времени не уйдетъ. Не опоздаю же я на свою собственную свадьбу; ужъ въ этомъ ты на меня положи.

Лука повѣсилъ голову. Онъ свое дѣло сдѣлалъ. Множество писемъ и записокъ лежало на столѣ, на которомъ уже былъ приготовленъ кофе. Ротмистръ только мелькомъ просмотрѣлъ ихъ.

Просидѣвъ за кофе гораздо меньше, чѣмъ обыкновенно, ротмистръ быстрымъ движеніемъ всталъ изъ-за стола.

Взоръ его упалъ на большой фотографическій портретъ его невѣсты. Какая она красавица, и какая милая! И въ самомъ дѣлѣ, не лучше ли послать Луку съ письмомъ? Предстоящая ему прогулка была не изъ пріятныхъ. Онъ охотно бы отъ нея отказался.

Онъ съ нѣжною улыбкою взглянулъ на портретъ своей невѣсты.

И къ чему это онъ все откладывалъ до послѣдней минуты?

Прощанье—противное слово!

Нервная дрожь пробѣжала по его тѣлу.

Но онъ быстро овладѣлъ собою. Въ этомъ случаѣ малодушіе было бы жестокостью.

— Лука, извозчика! — рѣзко крикнулъ онъ, желая отрѣзать себѣ путь къ отступленію.

Лука высунулся на половину изъ окна и пронзительнымъ свисткомъ позвалъ извозчика.

— Если кто меня спрашивать будетъ, скажи, я скоро вернусь.—сказалъ ротмистръ, выходя изъ квартиры.

Дрожжи пробѣжали нѣсколько улицъ и по обсаженной деревьями аллѣе подвезли ротмистра къ воротамъ парка.

Далэнъ соскочилъ съ извозника и велѣлъ ему дожидаться.

Съ опущенною головою, съ руками, спрятанными въ карманы пальто, Далэнъ быстро простучилъ сквозь пріотворенныя желѣзные рѣшетчатые ворота. Пройдя немного по главной дорогѣ и свернувъ на боковую тропинку, продолженную между рядами полузасохшихъ буковыхъ деревьевъ, онъ скоро дошелъ до мѣста.

У каменной статуи, изображавшей сатира, стояла дѣвушка, спиной къ дорожкѣ, по которой шелъ Далэнъ.

Она быстро обернулась, слышавъ шаги, и пошла ему навстрѣчу. Онъ протянулъ ей обѣ руки.

— Ты здѣсь, Нюта?

— Вѣдь ты же этого хотѣлъ,—отвѣтила она, глядя ему въ глаза.

— Я тебя ждать заставилъ?—участливо спросилъ Далэнъ.

Она, видимо, озябла. Сквозь нитяныя перчатки, одѣтыя ею ради торжественнаго случая, можно было чувствовать, какъ заоченьбли ея руки.

— Да, немного пришлось-таки подождать,—сказала она и улыбнулась, словно желая показать, что это ничего не значить.

— Бѣдняжка! — онъ ласково потрепалъ ее по раскраснѣвшейся щекѣ. Она закрыла глаза отъ удовольствія и благодарно улыбалась.

Бѣдняжка! Это слово, сорвавшееся съ его устъ подъ вліяніемъ минутнаго участія, поразило его самого: такъ много было въ немъ правды. Ему еще тяжелѣе стало на душѣ: дѣйствительно—бѣдняжка!

Онъ вздохнулъ.

— Да, да, Нюта. Тяжело жить на свѣтѣ. Не всегда можно жить такъ, какъ бы хотѣлось.

Она посмотрѣла на него вопросительнымъ, испуганнымъ взглядомъ. Онъ ласково похлопалъ ее по рукѣ, какъ бы желая смягчить жестокость своихъ словъ.

— Намъ надо проститься, дитя мое!

— Проститься! — пробормотала Нюта.

Она широко раскрыла глаза отъ испуга и слегка покачнулася.

— Когда? — спросила она, немного оправившись. — Развѣ очень скоро? — Невыразимый ужасъ слышался въ ея словахъ.

Онъ старался не глядѣть на нее.

— Теперь же. Сегодня моя свадьба.

Онъ приготовился къ взрыву слезъ, упрековъ. Но она только вскрикнула отъ боли и ни слова не проговорила.

— Я считалъ, что такъ будетъ всего лучше, Нюта. Чему быть, того не миновать. Лучше ужъ быстрѣе съ этимъ покончить. Я думаю, и для тебя это лучше будетъ.

Она словно онемѣла.

— Ты не думай, что мнѣ это легко, — продолжалъ Далэнъ. — Какъ еще тяжело-то. Да вѣдь противъ теченія не поплывешь! Я бы счастливъ былъ, если бы всю жизнь могъ съ тобою прожить. Какъ бы хорошо было, каждый день, покончивъ со службою, возвращаться въ свое гнѣздышко, гдѣ бы меня ждала ты, моя хорошая, заботливая женушка... Да нельзя этого...

Тутъ она уже не могла выдержать. Она громко зарыдала. Слезы ручьемъ потекли по ея щекамъ.

— Извини, пожалуйста,—сказавъ слезы пробормотала она.

Неизвѣстно было, въ чемъ она извинялася — въ томъ ли, что не сумѣла скрыть своего горя, или въ томъ, что ей пришлось вынуть носовой платокъ, что, по ея понятіямъ, было неприлично.

Несмотря на всю ихъ близость, она всегда видѣла въ немъ важнаго барина. Она даже никогда не рѣшалась называть его по имени.

— Нюта, — сказалъ онъ нѣжнымъ голосомъ, въ которомъ слышался упрекъ.—Мнѣ и такъ тяжело.

Она съ поразительною силой воли сдержала свои рыданія.

— Только не сердись на меня,—сказала она, дѣлая усиліе улыбнуться.—Я вѣдь всегда знала, что когда-нибудь это настанетъ. Ты меня на этотъ счетъ не обманывалъ. Ты баринъ и женишься на баринѣ. Это въ порядкѣ вещей. А если это и тебѣ не легко...

Послѣднія слова она проговорила неуверенно, словно стыдясь, но все же въ нихъ слышалось что-то въ родѣ горделиваго торжества.

— Очень не легко, Нюта,—сказалъ Далэнъ.

Онъ говорилъ правду.

Когда онъ отправился на это послѣднее свиданіе, образъ его невѣсты, казалось, совсѣмъ завладѣлъ его душою; въ ней не было мѣста для другой женщины: прощаніе съ Нютой было только не пріятною обязанностью, требованіемъ порядочности. Но ея покорность судьбѣ лишила его твердости. Если бы боль отъ причиняемыхъ ей страданій вызвала съ ея стороны негодованіе, возмущеніе, если бы она отвѣтила на его слова грубою вспышкой, ему было бы легче.

Но эта трагическая покорность! Это понимание мотивов его поступка, это желание оправдать его!

Вот она передь нимъ—полузамерзшая, въ своей тоненькой жакеткѣ. А его гезета будетъ носить подаренную имъ ей два дня тому назадъ дорожную шубу. Это было глупостью, съумасшествіемъ, но его внезапно охватило невольное возмущеніе противъ своей невѣсты, избалованной постоянными заботами о ней саванного ея отца.

Она не отличалась ни особенными жестокосердіемъ, ни особенною ограниченностью, но она бы навѣрное съ глубокимъ презрѣніемъ оглядѣла бы Нюту, знай она о ея существованіи.

Въ ея положеніи, въ положеніи вѣхъ ей подобныхъ свѣтскихъ барышень, она не могла бы поступить иначе. Вѣдь всѣ желаютъ... и онъ также до этой минуты желалъ этого. — чтобы онъ такими былъ—эти дамы, около которыхъ увиваются свѣтскіе кавалеры.

Его на минуту охватило чувство негодованія противъ вѣхъ этихъ дочерей семействъ высшихъ классовъ съ ихъ условною честностью. Въ чемъ ихъ преимущества по сравненію съ этимъ милымъ ребенкомъ, который стоитъ теперь рядомъ съ нимъ? Она ему великодушно отдала себя всю, не спрашивая вовсе о томъ, что она получитъ взамѣнъ, и теперь, когда онъ пришелъ и сказалъ ей: прощай!—она съ такимъ героическимъ спокойствіемъ, безъ малѣйшаго упрека разстается съ ребенкомъ, все у нея взлывшимъ.

Почему свѣтъ такъ созданъ? Почему? Къ чему эти жестокіе конфликты?

Ихъ можно было бы избѣгать, если бы...

Да, если бы люди перестали быть такими, какъ они теперь. Но вѣдь всякій человѣкъ является продуктомъ полученнаго имъ воспитанія, общественныхъ нравовъ, привычекъ, прожитъ въ такихъ условіяхъ въ теченіе цѣлыхъ трехъ десятковъ лѣтъ слыхомъ...

Онъ до сихъ поръ не подсвѣргалъ критикѣ свою жизнь. Онъ бралъ жизнь такую, какою она была,—и все шло прекрасно.

И только сегодня въ день своей свадьбы въ первый разъ пришлось ему задуматься и разглядѣть, какъ безмысленны были условія, въ которыхъ онъ жилъ. Какъ противостественна его разлука съ Нютой. Онъ раньше думалъ, что какъ разъ время порвать связи, а между тѣмъ теперь онъ почувствовалъ, какъ онъ еще привязанъ къ ней; никогда еще не представлялась ему съ такою ясностью вся сила этой привязанности.

Что его влекло къ Нютѣ? Ея наивная, здоровая свѣжесть сразу овладѣла имъ, и это вліяніе не ослабѣвало за все время. Слава Богу и теперь еще оно чувствовалось! Но рядомъ съ этимъ и множество другихъ не столь замѣтныхъ причинъ содѣйствовали закрѣпленію его привязанности. Нюта постоянно оставалась такою, какою ее создала природа: умною и чуткою; прелести утонченнаго воспитанія ей не коснулись. Нерѣдко онъ позволялъ себѣ срывать на ней непріятности, причиненныя ему на службѣ и въ частной жизни, очень часто онъ являлся къ ней въ свѣрномъ расположеніи духа, — и она всегда при этомъ обнаруживала чуткость и умъ. Она удивительно его понимала. Онъ часто бывалъ пораженъ умнѣемъ ея примѣняемымъ къ его характеру, къ его взглядамъ, ея понятливостью въ вещахъ, казалось бы, совсѣмъ не входящихъ въ предѣлы ея кругозора. Она обладала чисто-женскимъ инстинктомъ, и инстинктъ этотъ не былъ несколько затронутъ воспитаніемъ. Она оставалась совершенно неиспорченнымъ сырымъ матеріаломъ, способнымъ вылиться въ любую форму подъ вліяніемъ любви.

Въ немъ безсознательно проявлялась обычная въ художникѣ ибнность къ созданному имъ творенію. Нюта много переняла отъ него. Но и она на него повлияла также не мало.

Люди, предполагающіе, что подобнаго рода связи ничего не представляютъ противъ легкомыслія и грубой чувственности, чрезвычайно удивились бы, заглянувъ случайно въ опрятную комнату Нюты и увидавъ передъ собою обычную, но совсѣмъ не совпадающую съ ихъ предположеніями картину: Нюта за починкою его бѣлья, а онъ, ротмистръ, погруженный въ изученіе таинственнаго механизма ея швейной машинки или занятый прирученіемъ ея канарейки. Нюта проходила изъ семьи, отличавшейся строгой нравственностью, и ихъ связь не была свободна отъ нѣкоторой доли буржуазности.

Они еще не пережили своей любви. Встрѣчи еще вызывали въ нихъ радостное чувство. Въ этомъ было столько невиннаго счастья. И вдругъ теперь онъ ее отталкиваетъ отъ себя!..

Какъ это жестоко!

Онъ мрачно глядѣлъ предъ собою сквозь утренній туманъ на испачканную грязными пятнами статую Венеры, на блѣдно-зеленый, начинавшій желтѣть дернъ, на которомъ выдѣлялась градна ярко-красныхъ гераній, казавшаяся какимъ-то кричащимъ пятномъ, нарушавшимъ свою яркостью гармонию общей картины увяданія.

Нюта чувствовала, что онъ переживаетъ мучительныя минуты. Она ибжно взяла его за руку.

— Не печалься обо мнѣ. — сказала она съ особенною сердечностью.—Вѣдь ты мнѣ столько счастья далъ, столько счастья! Всю мою жизнь я буду тебѣ за это благодарна. Какова была бы моя судьба, не встрѣтивъ я съ тобою? Что бы я нашла въ жизни? Мужа-грубияна, кучу дѣтей, ничего кромѣ мученья, а съ тобою мнѣ довелось узнать, какъ хороша, какъ ибжна можетъ быть любовь. Повѣрь, я не завидую богатымъ дамамъ твоего круга, не завидую и твоей невѣстѣ.—Чувство горделиваго самосознанія придавало отбѣнокъ нѣкоторой торжественности ея свѣжему, полному лицу.—Я думаю даже, что бѣдная Нюта могла бы отнестись къ нимъ съ участливымъ

сожалѣніемъ. Вѣдь лучшую долю твоей любви взяла я. Нюта, и навсегда. Такой любви дважды не бываетъ.

Онъ чуть не вскрикнулъ отъ боли.

— О, Нюта, какъ тяжело наше разставанье!

— А я, какъ разъ, хотѣла утѣшить тебя,—жадно возразила дѣвушка.

— Ты раскрываешь предо мною, какимъ богатствомъ я обладаю,—пробормотала Даланъ.

Онъ взглянулъ ей въ лицо. Вотъ она передь нимъ—эти свѣжіе губки, героически сжимающіяся въ улыбку, старающіяся сдержать болѣзненное, нервное подергиванье.—губки, которыя онъ такъ часто цѣловалъ, и эти глаза, чудные каріе глаза, глядѣвшіе на него съ такою безирѣдильною покорностью.—и все это, о, Боже, онъ отталкиваетъ отъ себя!

Онъ схватилъ ея руки. Непривычныя перчатки только уродовали ихъ, а ему такъ хотѣлось взять въ свои руки эти маленькія, прекраснѣйшія отъ работы ручки, прикосновеніе которыхъ было такъ ибжно, такъ мягко!

— Сними перчатки. Нюта!—сказалъ онъ повелительно.

Она послушно исполнила приказаніе. Ей хотѣлось попросить и ея снять также перчатки, но она не отважилась на такую просьбу.

Его выхолоденныя руки, съ старинными фамильными перстнями, приводили ее всегда въ восхищеніе. Красивыя лица и статныя фигуры встрѣчались и въ ея кругу, но такихъ рукъ нельзя было такъ встрѣтить. Какъ часто, бывало, она съ ибжностью, не свободною отъ нѣкоторой почтительности, поглаживала эти бѣлые пальцы, съ красиво изогнутыми ногтями, какъ она ими любовалась, какъ внимательно изучала вырѣзанный на перстнѣ гербъ. Какъ это было тонко и красиво! Ничто не заставляло ее въ такой степени чувствовать важность ея возлюбленнаго.

Вдали, въ туманѣ показались неясныя очертанія приближающейся къ нимъ фигуры одного изъ рабочихъ.

— Нюта, намъ нужно разстаться.

Она покорно кивнула головою; но рука его была ибжно сжата ея рукою.

— Живи счастливо, добрая ты моя дѣвушка,—сказалъ онъ славленнымъ отъ волненія голосомъ.

Ему было очень свѣрно на душѣ. Онъ твердо рѣшилъ: никакихъ ибжностей. Въ день свадьбы ибжности съ другою. Это было бы... это вообще неумѣсто.

Но вѣдь это было въ послѣдній разъ. И онъ видѣлъ, что губы ея жаждутъ поцѣлуя; могъ онъ развѣ отказать ей въ этомъ послѣднемъ утѣшеніи? — Одинъ поцѣлуй на прощанье!—съ усиліемъ выговорилъ онъ.

Туманъ припрыгъ ихъ, словно пеленою. И онъ цѣловалъ ее, не одинъ, а несчетное число разъ — и щеки ея, и губы, и глаза, сомкнувшіеся отъ блаженства. Никогда еще не обмѣнивались они такими поцѣлуями. Они словно душу другъ у друга извлекали хотѣли поцѣлуями. Нюта пришла къ нему, какъ утопающая.

Ничего больше не было тамъ, въ туманѣ, кромѣ нихъ. Только Венера продолжала кокетничать, да Сатиръ—скалить свои зубы. Въ эту минуту въ мозгу Даланъ блеснула мысль: бросить все: и невѣсту, и готовящійся свадебный пиръ, разстаться и съ красивымъ мундиромъ и убѣжать съ Нютой въ Америку.

Но это было только мгновенною вспышкою мысли въ чаду любви. На ближайшей колокольнѣ пробило десять. Глухо и необычайно слабо доносился звукъ колокола сквозь туманъ.

Даланъ испуганно вздрогнулъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго ему уже нужно было поспѣть для заключенія брачнаго контракта.

— Нюта, мнѣ нужно спѣшить!

Онъ выпустилъ ее изъ своихъ рукъ. Она неохотно раскрыла глаза, какъ человѣкъ, пробуждающійся послѣ сладкаго сна.

Онъ нетерпѣливо топнулъ ногой; ему хотѣлось побороть въ себѣ охватившую его ибжность.

Туть у нея вырвалось:

— Развѣ ты больше никогда ко мнѣ не придешь?

Это былъ крикъ отчаянія, вырвавшійся изъ глубины истерзаннаго сердца, впервые раздавшійся слабымъ намекъ на протестъ.

— Это невозможно, Нюта,—съ трудомъ отвѣтилъ онъ.

— Я тебя никогда больше не увижу?—У нея дыханіе сперло.—Никогда?—и съ мольбою, въ которой чувствовалась ужасъ, она продолжала: — Только не это; сжался надо мною! Только видѣть тебя позволю мнѣ... хоть изрѣдка... только поглядѣть на тебя! На первое время хотя бы. Потомъ я привыкну безъ тебя. Но не такъ сразу... ты не знаешь... Она больше не могла говорить.

Онъ не могъ ее оттолкнуть отъ себя такъ, не давъ ей того скромнаго утѣшенія, о которомъ она молила.

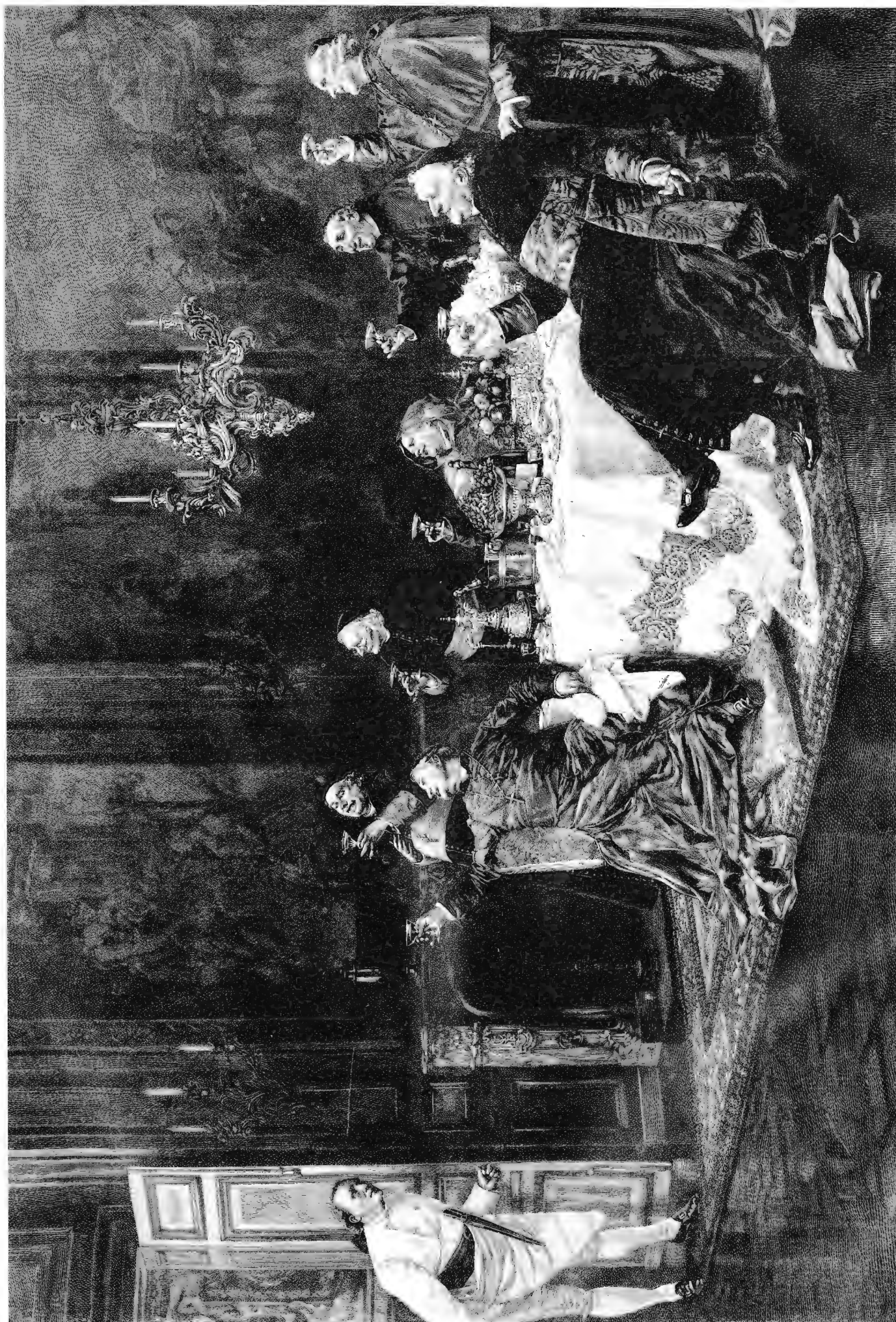
— Бить-можетъ, Нюта, да — лучше было бы, если бы ибтъ! Я буду ирѣдка забѣгать, взглянуть, какъ ты живешь. Ну, прощай.

— Прощай!

Онъ пошелъ быстро, не оборачиваясь, по окаймленной оголенными буками дорожкѣ.

Она видѣла, какъ онъ скрылся, постепенно, словно тая въ туманѣ. Ея руки безысленно опустились. Съ минуту она простояла безъ движенія, опѣнѣвъ такъ, что мало чѣмъ отличалась отъ находившихся возлѣ нея каменныхъ изображеній Венеры и Сатира.

Но затѣмъ лицо ея озарилось теплымъ свѣтомъ надежды. На полныхъ губахъ появилась слабая улыбка; онъ беззвучно шептала: «только бы видѣть его».

„За ваше здоровье“. Сь картины Ф. Бронери грав. Бодъ.

Укращеніе строптивой. Съ картины К. Герса грав. Геданг.

Исполинскій проектъ.

Очеркъ инженера А. Опейсуа.

Не успѣли еще американцы покончить съ военными дѣйствіями на Кубѣ и Филиппинскихъ островахъ, а ихъ мысль занята уже другимъ грандіознымъ планомъ, осуществленіемъ котораго они рассчитываютъ одержать мирную побѣду, по своимъ результатамъ и общаемихъ выгодамъ, не имѣющую себѣ равной въ исторіи и по своей смѣлости далеко превосходящую все доселѣ сдѣланное чело-вѣчествомъ.

Проектъ этотъ, по политическимъ основаніямъ, приходится держать въ секретѣ, пока осуществленіе его не сдѣлалось вполнѣ обеспеченнымъ. Но теперь уже не приходится сомнѣваться въ томъ, что конгрессъ готовъ не только ассигновать нужные для осуществленія проекта средства, но и взять на себя ответственность за все возможные послѣдствія осуществленія его, и нѣтъ поэтому больше никакого основанія препятствовать опубликованію этого плана, могущаго, въ полномъ смыслѣ слова, взволновать и потрясти весь міръ. Въ чемъ же дѣло? Не больше и не меньше какъ въ урегулированіи Гольфштрема, въ измѣненіи того направленія, котораго это теплое теченіе придерживается въ настоящее время. Детальные планы такого урегулированія уже вполнѣ выработаны крупной инженерною фирмою Элли Слосперъ и К^о, и къ работамъ по выполненію ихъ будетъ приступлено въ непродолжительномъ времени.

Чтобы дать понять нашимъ читателямъ всю смѣлость этого проекта, намъ придется начать немного издалека. Идея подобнаго рода предпріятія не нова. Объ этомъ думали уже почти полтора вѣка тому назадъ, и мысль эта приходила въ голову не какому-нибудь пустому фантазеру, а известному ученому и общественному дѣятелю Вѣнѣмину Франклину. Общеизвѣстно, что наша Европа отличается гораздо болѣе мягкимъ климатомъ, чѣмъ можно было ожидать, принимая во вниманіе ея географическое положеніе. Въ Азіи и Америкѣ подъ тѣми же широтами наблюдается гораздо болѣе низкая температура, чѣмъ въ Европѣ; вспомнимъ, что Нью-Йоркъ лежитъ почти на одной широтѣ съ Неаполемъ, а Берлинъ съ Иркутскомъ. Между тѣмъ климатъ Нью-Йорка приближается скорѣе къ климату Берлина, чѣмъ Неаполя, а въ Иркутскѣ каждую зиму температура опускается ниже точки замерзанія ртути. Этою мягкостью нашего климата мы обязаны, главнымъ образомъ, Гольфштрему, т. е. тому могучему морскому теченію, которое несетъ отъ Южной Америки къ европейскимъ берегамъ громадный потокъ теплой воды, благотворное воздѣйствіе котораго чувствуется въ Европѣ вплоть до крайней сѣвера Скандинавскаго полуострова. Наибольшую пользу извлекаетъ Англія; она непосредственно омывается Гольфштремомъ и благодаря этому является страной, обладающею наиболѣе умѣреннымъ климатомъ изъ всѣхъ европейскихъ областей, расположенныхъ подъ тѣми же широтами. Напротивъ, Сѣверная Америка совсѣмъ не затрагивается Гольфштремомъ, имѣющимъ сѣверо-восточное направленіе; въ Сѣверной Америкѣ сказывается главнымъ образомъ вліяніе холоднаго полярнаго теченія.

При тщательномъ изученіи морскихъ теченій причина такого направленія Гольфштрема на сѣверо-востокъ выясняется передъ нами съ большою ясностью. Основное морское теченіе, продолженіемъ котораго служитъ Гольфштремъ, идетъ съ юга, омываетъ самую широкую часть Южной Америки и по извѣстному закону, въ силу котораго все теченія направляются преимущественно вдоль берега, попадаетъ сначала въ Караибское море и затѣмъ въ Мексиканскій заливъ. Въ этомъ громадномъ бассейнѣ скорость его теченія должна, разумѣется, значительно замедлиться, такъ что для протекающей въ немъ воды остается вполнѣ достаточно времени, чтобы основательно прогрѣться на большую глубину подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей. Не слѣдуетъ забывать, что эта мѣстность представляетъ самый теплый уголокъ земного шара. Въ этомъ бассейнѣ, однако, попавшій туда съ юга потокъ не застываетъ: гдѣ есть постоянный притокъ, тамъ необходимо долженъ существовать и правильный отливъ воды, и этотъ отливъ направляется снова вдоль берега. Берегъ этотъ, а вмѣстѣ съ нимъ и теченіе, тянется въ направленіи къ сѣверо-востоку и несомнѣнно оно повернуло бы подъ конецъ на сѣверъ и стало бы омывать побережье Сѣверной Америки, не встрѣявъ оно на пути внезапнаго препятствія въ полуостровѣ Флоридѣ. Эта узкая коса, которая выдвигается почти отвѣсно съ сѣвера на югъ, заставляетъ теченіе рѣзко отклониться къ югу. Благодаря такому крутому повороту, теченіе слишкомъ уже далеко отклоняется отъ сѣверо-американскаго материка, чтобы снова достигнуть его. Поэтому оно продолжаетъ двигаться сначала въ восточномъ направленіи, но затѣмъ снова начинаетъ отклоняться постепенно къ сѣверу, пока, наконецъ, не достигаетъ на далекомъ сѣверо-востокѣ береговъ Европы, которые и омываются Гольфштремомъ такъ же, какъ первоначальное теченіе омывало берегъ американскій. Одно взгляда на карту морскихъ теченій достаточно для того, чтобы высказаться за возможность направленія теченія прямо къ сѣверу: для этого нужно лишь сдѣлать достаточныхъ размѣровъ прорѣзъ сквозь флоридскій полуостровъ, нужно его немного, такъ сказать, отодвинуть, такъ чтобы теченіе могло пробить себѣ дорогу, не отклоняясь отъ своего естественнаго направленія.

Но отъ слова до дѣла далеко, и исполнимость подобной задачи должна была долго находиться подъ сомнѣніемъ, тѣмъ болѣе, что вдвое болѣе узкій Панамскій перешеекъ еще до сихъ поръ не могъ быть

перерѣзанъ каналомъ, несмотря на все усилія. Не надо, однако, упускать изъ виду, что во Флоридѣ обстоятельства складываются гораздо благоприятнѣе, чѣмъ на Панамскомъ перешейкѣ. Панамскій перешеекъ представляетъ горный хребтъ, нижайшая точка котораго расположена на высотѣ 100 метровъ; во Флоридѣ же работы будутъ вестись на равнинѣ съ размытою, частью же даже заболоченною почвою. Можно, поэтому, съ достаточною вѣроятностью предположить, что здѣсь можно будетъ на первое время ограничиться прорытіемъ сравнительно узкаго канала, а тамъ уже морское теченіе, разѣ направленное въ старое русло *, само быстро проложитъ себѣ вполнѣ просторный путь.

Помимо прорытія первоначальнаго канала-ложки, работы, по проекту американской инженерной фирмы, должны быть направлены еще на устройство двухъ громадныхъ дамбъ-перемычекъ, благодаря которымъ можно будетъ урегулировать направленіе потока. Одна такая, очень длинная дамба, будетъ построена въ концѣ полуострова, въ юго-западномъ направленіи и ускоритъ работу Гольфштрема по расширенію своего новаго ложка, являясь для него неожиданною преградой. Вторая такая дамба-перемычка будетъ построена на противоположномъ концѣ превратившейся въ островъ Флориды, въ направленіи сѣверо-восточномъ. Она будетъ выступать далеко въ очень мелкое въ этомъ мѣстѣ море и направлять выходящее изъ искусственнаго русла теченіе къ сѣверу, вдоль американскаго побережья.

Разумѣется, не мало трудностей можетъ встрѣтиться на пути осуществленія этого грандіознаго проекта,—трудностей, которыхъ теперь нельзя и предвидѣть. Но можно заранее сказать, что онѣ не затормозятъ окончательно предпринятаго дѣла. За успѣхъ работъ можно поручиться, разѣ за него берется американцы съ ихъ поразительною энергіею и выдержкою и ихъ громаднымъ національнымъ богатствомъ, которому не страшны затраты на полезное дѣло, какъ бы велики онѣ ни были.

А что это дѣло для нихъ полезно, въ этомъ сомнѣваться не приходится, и польза отъ успѣшно-законченнаго предпріятія вполнѣ примиритъ съ жертвами, принесенными для его исполненія. Великій американской республикѣ придется поступиться порядочнымъ кускомъ земли, едва ли не большую половину Флориды, но зато на громадномъ пространствѣ сѣверо-американскаго материка, по крайней мѣрѣ, въ восточной его части, вынѣшенный суровый, сухой климатъ смѣнится мягкимъ климатомъ приморскихъ странъ Европы, дѣлающимъ возможной культуру зерновыхъ хлѣбовъ даже на далекомъ сѣверѣ. Покрѣпя до сихъ поръ ледянымъ покровомъ, равнины сѣвера обратятся въ богатѣйшія житницы, которыя десятилето окупятъ стоимость принесенной въ жертву южной флоридской земли. Вновь созданное національное богатство позволитъ съ избыткомъ вознаградить владѣльцевъ погибшихъ участковъ земли, такъ что дѣловые вопросы и затрудненія, могущія возникнуть при осуществленіи дѣла, въ самой Америкѣ, уладятся легко и быстро безъ нарушенія чьихъ-либо интересовъ.

Но не одна Америка заинтересована въ этомъ дѣлѣ. Она будетъ въ несомнѣнномъ выигрышѣ. А что скажетъ Европа? Вѣдь ея интересы несомнѣнно пострадаютъ: вѣдь то тепло, которое принесетъ столько выгодъ американцамъ — будетъ отнято у Европы.

Положимъ, у Европы есть еще другой источникъ тепла — пустыня Сахара, и Европа, слѣдовательно, не превратится немедленно въ холодную, покрытую льдомъ Сибирь. Да и едва ли удастся всю массу Гольфштрема отклонить въ вышеупомянутомъ направленіи: навѣрное порядочная доля его будетъ еще служить Европѣ. Но во всякомъ случаѣ, если и не сразу, то постепенно намъ придется считаться съ значительнымъ пониженіемъ средней годичной температуры, которое несомнѣнно вредно отразится на растительности, и крайніе предѣлы извѣстныхъ видовъ растений несомнѣнно отодвинутся далеко къ югу. Разведеніе винограда, процвѣтающее теперь даже въ областяхъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Альпъ, станетъ совершенно невозможнымъ въ этихъ предѣлахъ, и рейнское вино отойдетъ въ область прекрасныхъ преданій, а ледники на горныхъ высотахъ станутъ разрастаться и спускаться внизъ. Все го скорѣе и чувствительнѣе перемена климата отразится на Британскихъ островахъ, такъ какъ на нихъ согрѣвающее вліяніе Гольфштрема обнаруживается съ наибольшою силою.

Англичане—люди практическіе: примирятся ли они съ перспективою «маленькаго охлажденія» своей покрытой зеленью европейскою родиной, несмотря на громадную выгоду, которая изльсцуетъ отъ осуществленія предположеннаго плана ихъ обширные владѣнія въ Сѣверной Америкѣ (Канада)—это еще пока неизвѣстно. Дѣло, повидимому, должно будетъ подвергнуться дипломатическому обсужденію, хотя международное право едва ли предвидѣло возможность возникновенія такого дипломатическаго казуса. Трудность улаженія противоположныхъ интересовъ въ данномъ случаѣ не малая, такъ какъ съ юридической стороны съ Америкой, какъ и за

* Геологическими изслѣдованіями установлена вѣроятность предположенія, что Гольфштремъ въ бытшія отдаленныя времена шелъ въ сѣверномъ направленіи, вдоль сѣверо-американскаго побережья, пока изъ отложеній сѣверо-американскихъ рѣкъ, въ связи съ разрастаніемъ коралловыхъ рифовъ, не создалось ему препятствія въ видѣ выступившаго изъ моря полуострова Флориды.

любой другой страной, нельзя отрицать права въ предѣлахъ своей территории поступать и дѣйствовать, какъ ей заблагоразсудится, тѣмъ болѣе, что такое государство, какъ Соединенные Штаты, занимающее полъ материка, болѣе другихъ способно и отстоять свое право. Какъ разрѣшится называющаяся дипломатическая задача и не вызоветъ ли она тяжелыхъ международныхъ осложнений, въ

виду глубокихъ измѣненій въ условіяхъ жизни обитателей Европы, этой важнѣйшей части земного шара, которыми грозитъ осуществленіе американскаго проекта—это вопросъ, который мы не беремъ разрѣшать. Отвѣта на него надо ждать отъ будущаго столѣтія. Во всякомъ случаѣ американскій проектъ достаточно смѣлѣ и грандіозенъ и имѣетъ все права на вниманіе.

О происхожденіи языка.

Слово «языкъ» имѣетъ два значенія: одно—анатомио-физиологическое, указывающее на органъ вкуса, служащій вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ изъ органовъ рѣчи; другое—переносное, которымъ обозначается вся совокупность звуковъ, словъ, знаковъ, употребляемыхъ данною группою людей для выраженія мысли. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ мы можемъ также говорить о языкѣ глазъ, языкѣ наиздевъ или языкѣ жестовъ. По мнѣнію знаменитаго языковѣда Грима, высказанному въ началѣ нынѣшняго столѣтія, языкъ представляетъ изобрѣтеніе перваго человѣческаго семейства. Но съ мнѣніемъ этимъ трудно согласиться, особенно теперь, когда наука, по мѣрѣ изученія природы, приходитъ къ заключенію, что языкъ развился постепенно, какъ и все въ природѣ. Рѣшить вопросъ о происхожденіи языка можно не путемъ сравнительной грамматики, а въ тѣсномъ единеніи съ данными естествознанія. Языкѣ, въ широкомъ смыслѣ, былъ изобрѣтенъ задолго до того, какъ появились люди, и источникомъ его служитъ, несомнѣнно, та способность общенія, которую мы называемъ языкомъ жестовъ.

Когда оса находитъ запасы меда, она возвращается обратно къ своему гнѣзду и черезъ короткое время приводитъ съ собою сотню другихъ осъ. То же самое наблюдалось и относительно муравьевъ. Въ то время, какъ у нынѣшнихъ животныхъ этотъ обмѣнъ впечатлѣній ограничивается, по видимому, жестами, т.-е. движеніями, у животныхъ болѣе высшихъ разрядовъ онъ уже достигаетъ извѣстнаго развитія, выражаясь нѣкоторою скалою тоновъ и звуковъ. Такъ, мы знаемъ, что птицы, для обозначенія извѣстныхъ чувствъ, на мѣрѣнн пользуются именно тѣми, а не другими голосовыми звуками. У нашей домашней курицы можно подмѣтить по меньшей мѣрѣ дюжину различныхъ тоновъ, употребляемыхъ для обозначенія такого же количества представленій или чувственныхъ иллюзій, напр., при высиживаніи яицъ, при созвѣжьи цыплятъ, при поискахъ пищи, при поискахъ защиты, при гнѣвѣ, боли, безпокойствѣ, боязни, радости, горделивомъ ощущеніи, вызываемомъ въ ней снесеніемъ яйца и т. д. Путемъ ежедневнаго наблюденія убѣждаемся мы въ томъ, что и собака, и кошка (послѣдняя въ меньшей степени), при проявленіяхъ ихъ богатой ощущеніями жизни, издаютъ не меньшее количество столь же разнообразныхъ звуковъ. При этомъ нужно замѣтить, что эти животныя, подобно ребенку въ первые два года его жизни, способны къ воспріятію цѣлага міра представленій, не находя словъ для ихъ обозначенія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, понимаютъ множество словъ, не умѣя произносить ихъ...

Прогрессъ въ способности обмѣниваться впечатлѣніями находится въ зависимости отъ присутствія или отсутствія способности произносить членораздѣльные звуки. Но и тамъ гдѣ имѣется такая способность, слѣдуетъ заранѣе установить двѣ ступени: на одной членораздѣльные звуки произносятся въ силу безознательнаго, несмысленнаго подражанія, на другой же тому или другому звуку сознательно придается опредѣленное значеніе, смыслъ. Съ первымъ явленіемъ мы встречаемся, наблюдая говорящихъ птицъ, идіотовъ и маленькихъ дѣтей, не достигшихъ еще годового возраста. Если мы при этомъ обратимъ вниманіе на тотъ несомнѣнный фактъ, что птицы въ психологическомъ отношеніи стоятъ на гораздо болѣе низкой ступени развитія, чѣмъ, напр., собаки, кошки, обезьяны, то наше предположеніе, что условія, препятствующія этимъ животнымъ произносить членораздѣльные звуки, находятся въ зависимости отъ ихъ анатомическаго строенія, а не отъ уровня ихъ психическаго развитія, окажется вполнѣ обоснованнымъ и заслуживающимъ признанія. Такъ, напримѣръ, дознано, что расширеніе гортани и, слѣдовательно, болѣе совершенство и ясность рѣчи находится въ тѣсной зависимости отъ того, насколько положеніе горящаго приближается въ вертикальному, при которомъ достигается наибольшая свобода передней части корпуса; въ меньшей зависимости развитіе органовъ рѣчи находится также и отъ неперестаннаго стремленія отыскивать все лучшее и лучшіе способы передачи другимъ своихъ впечатлѣній. Это наблюдается уже у животныхъ. Дикая собака незнакома съ лаемъ; она можетъ издавать только хриплый визгъ; то же самое подмѣчено и относительно мяуканья кошекъ.

Состояніе прирученности открываетъ животнымъ вмѣстѣ съ массою новыхъ отношеній и цѣлый рядъ новыхъ впечатлѣній и вызываетъ въ нихъ развитіе новыхъ силъ и способностей. У собаки, напр., выраженіе ея ощущеній, ея радости и любви, скорби и боли, настолько совершенствуется, что часто издаваемые ею для выраженія этихъ ощущеній звуки почти приближаются къ членораздѣльнымъ. Извѣстно нѣсколько такихъ, подтвержденныхъ надежными свидѣтельными фактовъ: обь однимъ изъ нихъ говорить, напр., Лейбницъ, когда собаки, находившіяся вѣроятно въ стоячемъ «просительномъ» положеніи, ясно произносили нѣкоторыя слова. Что же касается говорящихъ птицъ, именно поцугавъ, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что послѣ долгаго,

настойчиваго обученія, безъ котораго не можетъ обойтись и ребенокъ, они научаются правильному и умѣстному примѣненію приобрѣтеннаго ими и осмысленнаго запаса словъ.

Но во всякомъ случаѣ надо признать, что все ихъ искусство въ этомъ направленіи не можетъ быть признакомъ болѣе высокой степени достигнутаго ими психическаго развитія по сравненію съ собакою, «просицею» ѣсть и пить, или кошкою, дергающею насъ за платье и выражающей этимъ просьбу выпустить ее на дворъ. Съ другой стороны обнаруживаемая при этомъ птицами понятливость едва ли значительно разнится отъ понятливости ребенка, только-что начинающаго говорить. Единственное различіе заключается здѣсь въ томъ, что эта способность у ребенка, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, развивается съ такою быстротою и силою, что птицы со всемъ своимъ искусствомъ остаются далеко позади.

Въ зависимости отъ развитія способности рѣчи находится и возможность достиженія болѣе высокой степени самосознанія, и хотя мы не можемъ совершенно отрицать наличность хотя бы и въ самой ничтожной степени такого самосознанія у высшихъ классовъ животныхъ, но никогда имъ не достигнуть той ступени, на которой обыкновенно стоитъ около третьяго года своей жизни ребенокъ цивилизованнаго европейца. Въ эту пору европейскій ребенокъ обыкновенно начинаетъ сознавать свою собственную личность и противопоставлять ее внѣшнему міру, приступаетъ къ своему рода обсужденію своихъ собственныхъ поступковъ и дѣйствій. Эта ступень развитія обычно знаменуется тѣмъ, что ребенокъ перестаетъ говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ. Изъ объекта (предмета) онъ превращается въ сознающаго себя субъекта (личность). Обладающаго громаднымъ, умноженнымъ и закрѣпленнымъ цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ поколѣній капиталомъ умственныхъ задатковъ и способностей и значительно усовершенствованнымъ при помощи воспитанія аппаратомъ для обозначенія и выраженія своихъ мыслей и желаній, ребенокъ съ этой поры, благодаря языку, съ поразительною быстротою пробиваетъ себѣ дорогу на высшія ступени пріеущаго человѣку положенія въ мірѣ.

Разумѣется, нельзя также упускать изъ виду существованія знаменательной промежуточной ступени. Извѣстно, что необразованная, мало культурная часть населенія во всѣхъ странахъ имѣетъ привычку говорить о себѣ, какъ обь объектѣ (въ третьемъ лицѣ). Что этотъ многозначительный обычай въ прежнія времена былъ всеобщимъ, это подтверждено филологическими разысканіями, согласно которымъ личное мѣстоименіе «я» во всѣхъ языкахъ можетъ быть сведено къ одному корню со словомъ, значащимъ «онъ», сопровождающимся пояснительнымъ жестомъ.

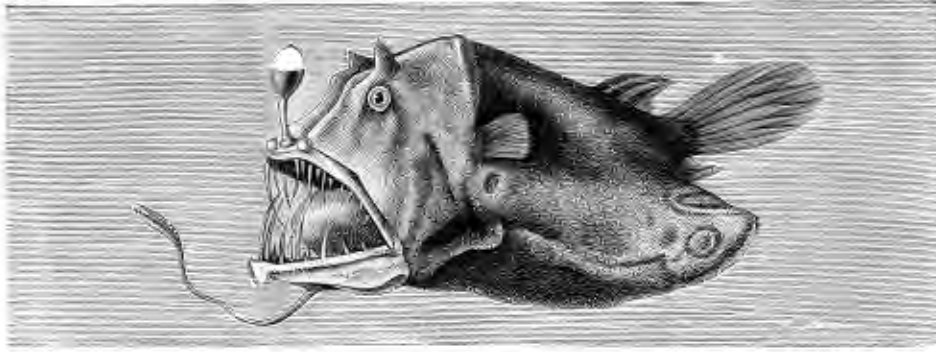
Но филологическія разысканія приводятъ насъ не только къ этому выводу. Если мы тщательнѣе прослѣдимъ въ обратномъ порядкѣ ходъ развитія языка, то мы вообще встрѣимся съ увеличивающимся, по мѣрѣ возвращенія къ первичнымъ временамъ, однообразіемъ и упрощеніемъ рѣчи и языка. Постепенно исчезаютъ вспомогательныя слова, флексіи и другія частички, которыми обозначаются различныя отношенія словъ къ другимъ частямъ предложенія, и подъ конецъ остаются только главные и пояснительныя члены предложенія (названія предметовъ и свойствъ). Но затѣмъ мы подмѣчаемъ, что и они какъ бы таютъ, поглощая другъ друга: и опредѣленіе смысла, въ которомъ нужно понимать данное слово, находится въ зависмости отъ мѣста, занимаемаго имъ въ предложеніи, или отъ тона и жеста говорящаго. Такъ, въ заключеніе, мы приходимъ до той ступени, на которой нѣкогда находилась человѣческая рѣчь, гдѣ каждое слово заключаетъ въ себѣ одномъ все фундичіи исчезнувшихъ при нашемъ обратномъ пути къ древнимъ временамъ частей рѣчи, какія появились на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія.

Подобно тѣмъ существамъ животнаго міра, которыя въ одно и то же время и простые клѣтки, и вмѣстѣ съ тѣмъ все же цѣлыя самостоятельныя организмы, — первичные элементы языка представляютъ также и отдѣльныя слова и самостоятельныя предложенія. Такимъ образомъ наука сравнительнаго языковѣданія приводитъ насъ при пользованіи ретроспективнымъ методомъ къ той же точкѣ, къ которой мы были приведены послѣ краткаго рассмотренія интересующаго насъ вопроса съ точки зрѣнія естественно-исторической. И если у знаменитаго языковѣда вырывается фраза: «Языкѣ, чѣмъ дальше мы будемъ возвращаться въ глубину времени, измѣняется, по сравненію съ нынѣшнимъ его состояніемъ, въ такой мѣрѣ, что мы не можемъ освободиться отъ мысли, что должно было существовать время, когда языка вовсе не было», то мы можемъ дополнить его слова еще слѣдующимъ: «Человѣческая рѣчь (языкъ) возникла въ тотъ моментъ, когда изъ груди объясняшаго жеста или звукоподражаніемъ первичнаго человѣка вырвался первый отчетливый звукъ, которому онъ придавалъ значеніе опредѣленнаго представленія».

Рыба-факаель.

(Рис. на этой стр.)

Сколько в природѣ встрѣчается малоизвѣстных курьезовъ, рѣдкостныхъ произведеній, которыя можно объяснить лишь въ томъ случаѣ, если ясно представить себѣ таинственное строеніе живого существа. И у художника бываютъ разные эскизы, проекты, наброски, которые на ряду съ законченными произведеніями совершенно теряются, но тѣмъ не менѣе сами по себѣ представляютъ значительный интересъ. Въ природѣ эти формы, какъ не способныя къ «борьбѣ за существованіе», погибаютъ очень скоро, и мы узнаемъ о такихъ рѣдкостныхъ произведеніяхъ природы по различнымъ окаменѣlostямъ, скелетамъ и т. д. Такия «судеса» существуютъ и продолжаютъ нарождаться и нынѣ, но только число ихъ становится все меньше и меньше. Вспомнимъ хотя бы о такихъ рѣдкостныхъ существахъ, какъ кенгуру и какъ замѣчательное австралийское млекопитающее «утконосъ», наконецъ, какъ киви, неоднократно изображавшія въ *Нивѣ*, и, наконецъ, бабируссы съ острова Целебеса. Все это формы приспособленныя, существовавшія очень давно, погибшія однако почти всюду и сохранившіяся только тамъ, гдѣ имъ не приходилось бороться ни съ кѣмъ—на островахъ, оторвавшихся отъ материка. Такъ, одно изъ интереснѣйшихъ существъ живетъ еще нынѣ въ Индіи. Это бабочка каллима, которая, сидя на вѣткѣ, имѣетъ видъ полузавядшаго листа. Обманъ зрѣнія еще усиливается тѣмъ, что у прыгнуть ей

Рыба-факаель.

и сохраняетъ свой фонарь, чтобы привлечь на его свѣтъ другихъ рыбъ, которыя, принимая фонарь за свѣтящееся животное, устремляются на него и становятся добычей хищной рыбы, проглатывающей ихъ цѣлыми массами. Среди многообразныхъ чудесъ природы рыба-факаель одно изъ самыхъ рѣдкостныхъ и интересныхъ.

имѣются тоненькіе отростки, которые въ сложенномъ видѣ замѣчательно схожи со стебелькомъ. Такъ называемый *Phyllopteryx eques* представляетъ точную копию обрывка водорослей. Тѣнивыя, со своими длинными, свѣшивающимися красновато-сѣрыми волосами, похожи на бородачьи лишайны, висящихъ на вѣтвяхъ населенныхъ ими деревьевъ. Въ Новой Гвинее встрѣчаются куколки бабочекъ, совершенно напоминающихъ своимъ видомъ каллиму росы и подобно ей блестящихъ на солнцѣ. На южномъ берегу Австраліи среди грибовъ водится слизень, котораго съ трудомъ отличить отъ гриба даже опытный глазъ натуралиста. Къ такимъ же курьезамъ принадлежитъ «рыба-факаель» (*Linophryne lucifer*), изображеніе которой помѣщено на этой страницѣ. Она живетъ въ глубинѣ моря. На носу у нея фонарикъ, тухнущій и зажигающійся вновь вполнѣ по ея усмотрѣнію. Какимъ образомъ свѣтится этотъ колбовидный наростъ, до сихъ поръ еще неизвѣстно. Впрочемъ, фонарикъ этотъ служитъ не для того, чтобы разсвѣдить его владѣльцѣ вѣчную тьму, въ которой она живетъ; нѣтъ, она засвѣ-

чиваетъ свой фонарь, чтобы привлечь на его свѣтъ другихъ рыбъ, которыя, принимая фонарь за свѣтящееся животное, устремляются на него и становятся добычей хищной рыбы, проглатывающей ихъ цѣлыми массами. Среди многообразныхъ чудесъ природы рыба-факаель одно изъ самыхъ рѣдкостныхъ и интересныхъ.

Къ рисункамъ.

На только-что закрывшейся выставкѣ сб. общества художниковъ, о которой намъ уже не разъ приходилось говорить на этихъ страницахъ, обращали на себя вниманіе еще нѣсколько картинъ, которыя мы здѣсь воспроизводимъ. Двѣ изъ нихъ принадлежатъ сочной и колоритной кисти нашего извѣстнаго художника К. Е. Маковскаго—этого поэта женской красоты. Дѣйствительно, каждая его женская или дѣтская головка—лирическое стихотвореніе, полное вкуса, изящества и красивыхъ формъ и линий. Вотъ, напримеръ, эта большезлазная дѣвочка полна радости покоя. Она только-что сладко выспалась, до усталы набѣжавшей за день; она отдохнула и набралась новыхъ силъ; пробужденіе ея радостно, несмотря на то, что на лицѣ ея лежитъ еще отпечатокъ туманныхъ, ночныхъ грѣзъ. Но день насталъ, а вмѣстѣ съ нимъ и жажда жизни.

Съ другой стороны, взгляните на картину: «*Лѣтомъ*»,—на эту полную жизни и веселости блондинку въ костюмѣ *capotièrre*. Она только что покинула свою шлюбку, причалила къ берегу и нарвала нѣсколько вѣточекъ вѣтвистаго дерева. Освѣщенная горячими лучами солнца, обвѣянная ароматнымъ воздухомъ лѣтнихъ полей, возбудившая шлопочной гонкой, она полна тѣмъ чувствомъ жизни, которое французы такъ удачно назвали терминомъ—*joie de vivre*... Въ этихъ двухъ картинахъ художникъ намъ даетъ двѣ ноты бытія, вѣчно сближающія другъ друга и часто переходящія одна въ другую—ноту жизни и ноту покоя.

Послѣ сытнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкаго обѣда почтенные патеры захотѣли чествовать виновника того, кто доставилъ имъ столько пріятныхъ минутъ. Они пьютъ за здоровье главнаго повара, который въ этотъ день превзошелъ самого себя. И главный поварь, съ кошакомъ въ рукѣ, благодарный и чувствительный къ похваламъ такихъ компетентныхъ судей, растроганно выславливаетъ похвалы своему таланту. Онъ скромно, какъ истинный художникъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ немного и сознаетъ свое значеніе въ обиходѣ жизни вообще, и въ жизни почтенныхъ патеровъ, въ частности.

«*Турецкій баркасъ*» художника С. Васильковскаго, о которомъ мы недавно говорили по поводу его картины «У колодца»,—это прелестная миниатюра, изображающая видъ Босфора и нѣсколько парусныхъ судовъ, такъ называемыхъ баркасовъ, грузовыхъ судовъ для перевозки съ кораблей и на корабль тяжести. И въ этой картинѣ находимъ тѣ же достоинства, какъ и въ большинствѣ произведеній этого художника—та же свѣжесть краски, та же тщательная отдѣлка, та же прелесть колорита.

Въ прошломъ номерѣ *Нивы* мы говорили о картинѣ проф. Ла-

горио—«*Эльбрусъ съ Бермавута*». Теперь передъ нами другое его произведеніе—«*Перевалъ въ кавказскихъ горахъ*». Вѣковыя громады Кавказа столбились въ узкомъ ущельѣ; по краю горы идетъ узенькой лентой горная тропа, нависшая надъ обрывомъ, на глубинѣ котораго съ дикимъ ревомъ бушуетъ горная рѣка. Это, вѣроятно, часть полузаброшенной военно-осетинской дороги въ Алагирскомъ ущельѣ. Время мало измѣнило вѣшній видъ, да, пожалуй, и нравы обитателей Кавказа. И при взглядѣ на фигуру горца, изображеннаго г-мъ Лагорио на его картинѣ, невольно припоминаются стихи Пушкина изъ «Кавказскаго плѣнника»:

Черкесъ оружіемъ обвѣшенъ:
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ...
Его богатство—копье ретивый,
Нитомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый...

Картина «*Свадебный пиръ*» принадлежитъ кисти извѣстнаго дюссельдорфскаго художника Карла Гертса; она даетъ намъ одну изъ сценъ вѣчно-юной шекспировской комедіи «Укрощеніе строптивой»: въ композиціи вѣмецкаго художника много жизни, юмора и шаловливой граціи, которыя онъ почерпнулъ изъ богатаго источника шекспировской поэзіи. Духомъ эпохи вѣетъ отъ этой сложной аquarelli Гертса, прекрасно иллюстрирующей знаменитую комедію Шекспира.

ВЪЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№. „Нивы“ съ 1-го мая, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полной годовой подписной платы за „Ниву“ 1899 г., озаботиться скорѣйшей присылкой слѣдующаго срочнаго взноса. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероли, подъ которою получается ими „Нива“.

Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

Пролгодній недородъ, какъ извѣстно, тяжело отразился на населеніи многихъ губерній, преимущественно приволжскихъ. Нужда среди крестьянскаго люда этихъ мѣстностей приняла такіе широкіе размѣры, что кромѣ правительственной и земской помощи настоятельно требуется и помощь общественная. «Красный Крестъ» началъ собирать пожертвованія съ этою цѣлью. На его призывъ откликнулось много сострадательныхъ людей. Но, несмотря на щедрыя пожертвованія, нужда все еще велика и становится все ужаснѣе по мѣрѣ того, какъ съ наступленіемъ весны послѣдніе жалкіе запасы хлѣба истощаются.

Наши читатели, всегда отзывчивые къ чужому горю, конечно также поспѣшили уже или поспѣшатъ еще на помощь пострадавшимъ. Чтобы облегчить имъ доброе дѣло, мы предлагаемъ имъ посылать свои сильныя пожертвованія въ контору *Нивы* деньгами или почтовыми марками. Если каждый изъ подписчиковъ *Нивы* пожертвуетъ черезъ наше посредство хотя бы только ничтожную сумму, то и въ такомъ случаѣ получится крупная помощь пострадавшимъ. Сколько горя будетъ облегчено или устранено этими деньгами, сколько изнемогающихъ отъ горькой нужды крестьянскихъ семействъ будетъ поставлено на ноги, особенно если жертвователи не забудутъ, что «вдвое дасть тотъ, кто быстро дасть».

О всѣхъ поступающихъ пожертвованіяхъ будетъ данъ отчетъ на страницахъ *Нивы* съ обозначеніемъ фамилій жертвователей, и, по мѣрѣ накопленія денегъ, онѣ будутъ передаваться или въ «Красный Крестъ» или общественнымъ дѣлателямъ, самоотверженно принявшимъ на себя трудную задачу оказанія пострадавшимъ помощи на мѣстѣ.

Поступили отъ редакціи и конторы «Нивы», типо-литографій (съ ея отдѣленіями) и переплетной «Нивы» и картографическаго заведенія А. Ф. Маркса пожертвованія слѣдующихъ лицъ:

Агафонова—15 к., Агеева—10 к., Адинарцевъ—20 к., Азучковъ, П. П.—50 к., Акудова—10 к., Александрова—30 к., Александрова—10 к., Александрова—10 к., Александровъ—30 к., Александровъ—15 к., Алексеевъ—15 к., Алексеевъ, П.—20 к., Алексеевъ, Т.—50 к., Андреева—15 к., Андреева—10 к., Андреева—10 к., Андреевъ—10 к., Андреевъ—15 к., Андреевъ—1 р., Андреевъ, Н.—25 к., Андреевъ, К.—20 к., Андреевъ—20 к., Антиповъ, С.—3 р., Антиповъ П.—50 к., Антонова Г.—20 к., Антоновъ, С.—50 к., Антоновъ, Я.—50 к., Апанасенко—25 к., Арнаутова—10 к., Арсеньевъ, Н.—15 к., Архипова—20 к., Афанасьева—10 к., Бабринъ—25 к., Бабринъ—1 р., Базегский—50 к., Бакофъ, Эд.—5 р., Бакофъ, Г.—1 р., Бакофъ, С.—1 р., Бакофъ, Х.—1 р., Бакофъ, Э.—50 к., Балагинъ—20 к., Балдинъ—15 к., Балудинъ, Иванъ—10 к., Барчукова—10 к., Барчукова, Н.—20 к., Барышевъ—20 к., Бирюковъ, Ф.—5 р., Бирюковъ—1 р., Бирюковъ, М.—50 к., Бирюковъ, С.—50 к., Бирюковъ, Н.—50 к., Блескъ—1 руб., Блокъ—30 к., Болдова—10 к., Боркивичъ—10 к., Борухина—20 к., Бѣлоусовъ, Н.—1 р., Бѣлоусовъ, Ф.—1 р., Брингитъ—1 р., Бѣляничковъ—30 к., Валдова—25 к., В.—20 к., Валдикъ—50 к., Вацъ—10 к., Васильева—1 р., Васильева—15 к., Васильева, В.—10 к., Васильева, В.—10 к., Васильева П.—20 к., Васильева, З.—10 к., Васильева, О.—25 к., Васильева, Анна—20 к., Васильева—20 к., Вернеръ—1 р., Вернь—1 р., Выдвѣвъ—50 к., Вильманъ—10 к., Вноровскій, М. П.—25 р., Войковъ—20 к., Волокитинъ—20 к., В.—5 к., Воронцовъ—10 к., Гаврилова, М.—20 к., Гавриловъ—20 к., Гагинъ, Н.—50 к., Гейне—1 р., Геннингъ, Ф. Н.—10 р., Генге—1 р., Герасименко—20 к., Гердотъ—20 к., Гиршбергъ—30 к., Гольдинъ, Т.—20 к., Гольченко—1 руб., Гольдъ—20 к., Горбуновъ, Т.—50 к., Григорьевъ, Е.—20 к., Г.—10 к., Григорьева П.—20 к., Григорьева, О.—20 к., Громанъ—50 к., Грюнбергъ, Ю. О.—100 р., Гурвановъ—15 коп., Гурева—30 коп., Гусева—10 коп., Гусевъ, Ф.—20 коп., Дамаская I—20 к., Дамаская II—10 к., Данилова—20 к., Данилова—10 к., Даниловъ—50 к., Д.—10 к., Деминъ—1 р., Дмитриева—10 к., Дмитриевъ, Н.—20 к., Дмитриевъ, Ник.—20 коп., Догальскій, Иванъ—25 коп., Долговская—20 коп., Евдокимова—15 к., Евлановъ—20 к., Евсиковъ, Н.—50 к., Евстиниѣвъ, П.—50 к.,

Егорова—10 к., Егорова—15 к., Егоровъ—20 к., Егоровъ, В.—20 к., Езакъ,—20 к., Емельяновъ—1 р., Емельяновъ П.—1 р., Еремьевъ—50 к., Ерехонская—20 к., Ермаковъ, Д.—50 к., Ермолаева—10 к., Ермолаевъ,—10 к., Ершова—10 к., Ершовъ, Н.—50 к., Ефимова—20 к., Ефимовъ—20 к., Жеховскій—20 к., Жилинская—10 к., Жуковъ—30 к., Ж.—10 к., Забулоновъ—20 к., Завистовскій—50 к., Захарова, Катя—20 к., Захарченко—15 к., Зильбе—1 р., Зимаковъ, Н.—50 к., Иванова—20 к., Ивановъ—20 к., Ивановъ—20 к., Ивановъ, Н.—50 к., Иваскъ—20 к., Иванова—10 к., Иванова—10 к., Ивановъ, Н.—10 к., Ивановъ, Ф.—50 к., Ивановъ—20 к., Игнатъевъ—20 к., Игнатъева—10 к., Изитохонъ, М.—20 к., Ильямина—10 к., И.—10 к., Ивановъ, И.—50 к., Юновъ, Л.—20 к., Каливанъ—25 к., Камкина—15 к., Карепановъ—50 к., Карлова—20 коп., Карновъ—20 коп., Карчевская—20 к., Касловскій—20 к., Каталазовъ, П. А.—3 р., Кева—20 к., Кельмайръ—1 р., 50 к., Кириловъ—20 к., Киселевъ—20 к., Клементьевъ, Т.—50 к., Коволинъ, Конст.—15 к., К.—10 к., Козевъ—50 к., К.—10 к., Козлова—15 к., Козлова, Д.—40 к., Кокаръ, А.—1 р., Комаровъ—15 к., Комаровъ—15 к., Комисаровъ—20 коп., Кондакова—15 коп., Кондаковскій, О.—1 руб., Кондратовъ—20 к., Кондратьевъ—25 к., Коньковъ—30 к., Корельскій—1 р., 50 к., Корягина—10 к., Корягина—10 к., Косицкій—20 к., Косовъ, А.—50 к., Котюкина—50 к., Крапинъ—20 к., Крапцова—25 к., Краковякъ, А.—50 к., Криза—50 к., Крижева—20 к., Кузикова—15 к., Кудрявцева—10 к., Кузьмина—10 к., Кузьминъ, Н.—10 к., Кузьминъ—10 к., Кузьминъ, П.—50 к., Куличковъ—10 к., Куликъ, Н.—50 к., Куряева—30 к., Курпа—20 к., Курило—10 к., Кучерова—20 к., Лаврентьева—20 к., Ладьянина—20 к., Ладьянитъ—1 руб., Лашинъ, П.—50 к., Ларионова—15 к., Ларионова—20 к., Леблева—20 к., Левовская—10 к., Логатъ—50 к., Логотина—15 к., Липанина—20 к., Липанина—25 к., Логинова, В. Ф.—20 к., Лобгагенъ—1 руб., Лукниъ, Г.—30 к., Лусманъ, П.—30 к., Лыковъ—10 к., Лысовъ, М.—10 к., Мазальскій—20 к., Макарова—10 к., Макарова—20 к., Макаровъ, Ник.—20 к., Максимовъ—10 к., Максимовъ—15 к., Максимиловъ—20 к., Манюковскій—50 к., Марквичъ—10 к., Маркова—20 к., Маркъ, А. Ф.—1000 руб., Маркъ, Р. Ф.—50 руб., Маркъ, Р. П.—5 руб., Маркъ—50 к., Мартыновъ, Вас.—10 коп., Мартыну—30 коп., Масальскій—10 к., Масальскій, С.—15 к., Маслениковъ—50 к., Машенкова—10 к., Медвѣдова—10 к., Мединъ—1 р., Мейеръ, Е.—1 р., Мейеръ—1 р., Мейшперъ—20 к., Микудичъ—30 к., Миллеръ—50 к., Михайлова—15 к., Михайловъ—15 к., Михайловъ—30 к., Михайловъ, Я.—20 к., Михайловъ, М.—20 к., Митрокова 15 к., Митрикъ, М.—10 р., Можайевъ, Паит.—10 к., Мисинъ, В.—50 к., Мойсеевъ, Демоній—20 к., Морозовъ—20 к., Моръ—1 р., Москальченко—20 к., Мотовъ—1 р., Мошкова, П.—50 к., Мундгасъ, К.—1 р., Мундгасъ—25 к., Мурановъ, И.—50 к., Мѣданиковъ—30 к., Наборский—4 руб. 45 коп., Назарова—10 к., Назаровъ, П.—50 коп., Натальская—15 к., Ненастьева—20 к., Никитинъ, Ф.—50 к., Николаева—15 к., Николаева, А.—15 к., Николаева, М.—20 к., Николаева Г.—10 к., Николаевъ—10 к., Николаевъ, Вик.—10 к., Никольскій—50 к., Нистиферова—20 к., Новговъ—50 к., Новиковъ—20 к., Обстъ—1 р., О.—10 к., Орловскій, П.—20 к., Орловъ, А.—50 к., Орловъ, Гавр.—10 к., Орѣхова—15 к., О.—10 к., Осипова—20 к., Осипова—20 к., Павлова—50 к., Павловъ, В.—25 к., Полудинъ—10 к., Паинъ, Г. П.—25 р., Павлова—20 к., Паициловъ—30 к., Паициловъ—20 к., Паициловъ, А.—30 к., Пачергисъ, В.—50 к., Патракова—20 к., Пахловъ, П.—50 к., Папуковъ—15 к., Перлякъ, П.—30 к., Перфильева—10 к., Петерсонъ—10 к., Петрова—25 к., Петровъ—20 к., Петрова—50 к., Петрова—20 к., Петрова, А.—10 к., Петрова, М.—10 к., Петровъ—20 к., Петровъ, П.—20 к., Петровъ, К.—35 к., Пименовъ—20 к., Писковскій—20 к., Пискуновъ—10 к., Платоновъ—10 к., Подаревъ—1 р., Подаревъ—30 к., Поддѣва—20 к., Подпорова—20 к., Попова I—20 к., Попова II—20 к., Попова III—50 к., Поновъ, А.—20 к., Постниковъ—20 к., Потаповъ—15 к., Предудаль, П.—2 р., 50 к., Штеиниъ—50 к., Пугачевъ, А.—50 к., Пугачевъ, В.—50 к., Пугачевъ, Г.—50 к., Пучковъ—20 к., Разживаловъ, М.—50 к., Райжева—20 к., Райкъ—50 к., Раке—20 к., Рахмановъ, М.—2 р., Родионовъ—30 к., Родионовъ 20 к., Розинеръ, Л. Е.—50 р., Романшия—10 к., Романова—10 к., Романовъ, Захаръ—20 к., Ротманъ—20 к., Рыбаковъ—25 к., Савельевъ, М.—1 р., Савицкій—20 к., С.—10 к., Саженовъ—25 к., Сазонова—10 к., Саленко—20 к., Салыниковъ—20 к., Самаринъ—50 к., Свѣтловъ, В. Я.—3 р., Семенова—20 к., Семенова—20 к., Семенова, А.—10 к., Семенова, М.—10 к., Семенова, С.—10 к., Семеновъ—25 к., Семеновъ, Петръ—10 к., Сементковскій, Р. П.—100 р., Сергѣева П.—15 к., Серебровъ, Александръ—20 к., Синкевичъ, М.—2 р., Сивиниъ—20 к., Скобелева—15 к., Слонина—10 к., Слонинъ, С.—50 к., Смирнова—10 к., Смирнова—15 к., Смирновъ—10 к., Смирновъ, В.—20 к., Смирновъ, Е.—10 к., Смородина—20 к., Соболевъ—30 к., Соколова—20 к., Соколова—10 к., Соколовъ—10 к., Спиридоновъ, Петръ—15 к., Старковъ—10 к., Страховъ, А.—50 к., Суворовъ—15 к., Сулимовъ, И.—50 к., Суходеръ, В. М.—2 р., Сычева—30 к., Сыдова—20 к., Тайтъ, Петръ—20 к., Тарасковъ—25 к., Таривоничъ—50 к., Тельдеръ, К.—5 р., Тельдеръ, Р.—3 р., Теловъ, В.—2 р., Тимофеева—30 к., Тимофеевъ, С.—20 к., Титковъ, Нв.—1 р., Тихомировъ—20 к., Тихонова—10 к., Томсова, Александра—20 к., Томсовъ—25 к., Томсовъ, М. А.—30 к., Трещихинъ—20 к., Тручевъ—50 к., Туркинъ, П.—50 к., Тушина—50 к., Ульинова—20 к., Урусова—15 к., Федоровъ—20 к., Федоровъ—15 к., Федоровъ—10 к., Филимонова—20 к., Филинова Г.—20 к., Филинова П.—10 к., Фишеръ—1 р., Фокинъ—20 к., Фридрихъ, Е. О.—50 к., Фролова—20 к., Фроловъ, В.—70 к., Фроловъ, Ф.—50 к., Харитоновъ, И.—30 к., Холявискій, В.—50 к., Хоуи—10 к., Храброва, Ш.—10 к., Цайъ—50 к., Циммеръ А.—2 р., Цинциусъ—50 к., Цициусъ—2 р., Цицонко—20 к., Цѣликова—50 к., Ченциъ—10 к., Черемъхинъ—1 р., Чернявскій—50 к., Чеснокъ, Г.—1 р., Чейкѣй—25 к., Шагинъ—25 к., Шатихинъ, Г.—20 к., Шафъ, А. П.—2 р., Шварцъ, Е.—20 к., Шилова—30 к., Шинкина—30 к., Шинкина, Евгения—20 к., Шинкина, Марія—25 к., Шитинъ—10 к., Шкерь—10 к., Шнейдеръ, Н. Ф.—5 р., Шорвъ—20 к., Шинкина—10 к., Штеверъ, А.—50 к., Штейнмиллеръ, Е.—15 к., Штекельъ—1 р., Юдина I—10 к., Юдина II—10 к., Эйзентъ, П. М.—50 р., Эйхгорнъ—1 р., Юрскъ—20 к., Яковлева—20 к., Яковлевъ, С.—20 к., Яковлевъ, Ф.—5 р., Яшинъ, К.—50 к. Всего поступило 1,623 руб. 85 коп.

Н. В. Склифасовскій. (Портр. на стр. 358.)

Въ нынѣшнемъ году исполняется сорокалѣтне ученая дѣятельности нашего извѣстнаго хирурга, профессора Николая Васильевича Склифасовскаго.

Н. В. Склифасовскій родился 25-го марта 1836 года въ херсонской губерніи, на хуторѣ близъ г. Дубосары. Окончивъ съ отличіемъ курсъ во 2-й одесской гимназіи, онъ поступилъ въ московскій университетъ на медицинскій факультетъ. Въ 1859 г., по окончаніи курса, Н. В. занялъ мѣсто ординатора одесской городской больницы и съ перваго же года сдѣлался завѣдывающимъ хирургическимъ отдѣленіемъ. Блестящая научная подготовка и горячая любовь къ избранному дѣлу скоро сказались: — его операніи, производившіяся съ удивительной точностью и рѣдкимъ успѣхомъ, обратили вниманіе ученаго міра.

Въ 1866 г. Н. В. Склифасовскій былъ посланъ за границу для усовершенствованія и, вернувшись черезъ два года, продолжалъ работать въ Одессѣ, въ хирургическомъ отдѣленіи городской больницы вплоть до 1870 года, когда получилъ кatedру хирургіи въ кіевскомъ университетѣ. Во время послѣдней русско-турецкой войны Н. В. посланъ былъ на театръ военныхъ дѣйствій, и своимъ личнымъ примѣромъ и вдохновеннымъ словомъ неустанно училъ

молодежь отдаваться до самозабвенія дѣлу ухода за ранеными. Онъ самъ перевязалъ первыхъ раненыхъ при переправѣ черезъ Дунай, принималъ дѣятельное участіе на главныхъ перевязочныхъ пунктахъ во время военныхъ дѣйствій подъ Ізлєвою и на Шинь при отраженіи арміи Сулеймана-паши. Довольно сказать, что подъ Бумареми черезъ руки Н. В. Склифасовскаго прошло болѣе 10,000 раненыхъ. «Въ награду за самоотверженіе и мужество, оказанныя при подавніи помощи раненымъ 18-го іюля», Н. В. пожалованъ былъ орденомъ св. Владиміра 3 степ. съ мечами, а въ октябрѣ 1877 г. произведенъ въ чинъ дѣятельнаго статскаго совѣтника.

Въ октябрѣ того же года Н. В. Склифасовскій вернулся въ Петербургъ продолжать свою преподавательскую дѣятельность въ medico-хирургической академіи, начавшюся въ 1872 г., но спустя три года онъ перешелъ въ московскій университетъ на кatedру факультетской клиники. Около 14 лѣтъ завѣдывалъ Н. В. этой клиникой и за это время успѣлъ завоевать себѣ имя одного изъ крупнѣйшихъ русскихъ хирурговъ. Выдающейся заслугой Н. В. слѣдуетъ считать успѣшное осуществленіе проекта постройки новыхъ клиникъ при московскомъ университетѣ, на Девичьемъ полѣ, куда была переведена въ 1890 г. и его хирургическая клиника.

Въ 1893 г. Н. В. принялъ сдѣланное ему предложеніе стать во

главъ клиническаго института великой княгини Елены Павловны. Какъ известно, клиническій институтъ, предоставляя свои научно-образовательныя средства и клиники въ распоряженіе врачей, даетъ имъ возможность совершенствоваться и слѣдить за быстрымъ ходомъ развитія науки. Поэтому должно быть особенно цѣнно и даже необходимо, чтобы во главѣ его стоялъ человекъ выдающійся, могущій быть не только талантливымъ учителемъ, но и свѣтлымъ примѣромъ безкорыстной, самоотверженной преданности интересамъ науки и страждущаго человечества. Такимъ именно учителемъ и руководителемъ является маститый Н. В. Склифасовскій.

Соропатіе его ученой дѣятельности должно быть торжествомъ всей русской медицинской науки, должно быть привѣтствовано всѣмъ русскимъ обществомъ съ горячими пожеланіями ему еще на долгіе годы продолжать свою полезную ученую и педагогическую дѣятельность.

Оноре Бальзакъ.

(Портр. на этой стр.)

8-го мая исполняется столѣтняго годовщина рожденія знаменитаго французскаго писателя, Оноре Бальзака, одного изъ создателей современнаго реалистическаго романа.

Выдающійся по своему громадному таланту, мощный по значенію своихъ произведеній, Бальзакъ по своей жизни, по своей судьбѣ — яркій примѣръ писателя-страдальца, борна за свой талантъ. Вся жизнь его — одинъ мучительный, одно страданіе въ котихъ нужды, отнимавшіе лучшие силы, убивавшее энергію.

Страсть къ книгѣ сильно вредила его школьнымъ занятіямъ и даже отразилась на его здоровьи. Въ 1814 г. онъ переселился съ родителями въ Парижъ, гдѣ онъ, послѣ дѣлаго ряда неудачныхъ опытовъ заняться «дѣломъ» въ видѣ писемныхъ работъ у нотариуса и адвоката, рѣшился испробовать свои силы въ литературѣ.

Первымъ дѣломъ онъ написалъ пятнактную трагедію «Кромвель», но она оказалась неудачной. Тогда онъ, ничуть не смущившись, принялся писать романы. Только диву даешься, что за колоссальный запасъ умственныхъ силъ былъ у этого человека. Въ теченіе пяти лѣтъ онъ написалъ около сорока романовъ. Романы эти были такого рода, что послѣдствіемъ онъ не хотѣлъ даже признать ихъ своими. Публика тоже ихъ не одобрила, и Бальзакъ рѣшился приобрести средства къ существованію — жерманильнымъ путемъ. Онъ купилъ типографію и сталъ вынуждать дешевыя изданія Лафонтена и Мольера. Это было блестящее предпріятіе, своего рода новаторство въ издательскомъ дѣлѣ, но оно требовало для своего осуществленія человека стойкаго, практическаго, въ рукахъ котораго оно дало бы крупныя барыши. У Бальзака же изъ этого дѣла ничего не вышло; мало того, оно погубило всю его послѣдующую жизнь, наградивъ его массой долговъ, отъ которыхъ онъ никогда не могъ избавиться.

Въ двадцать девять лѣтъ, претерпѣвъ всѣ эти неудачи, онъ началъ работать сызнова, но при условіяхъ далеко не такихъ, какъ прежде. Мысль о долгахъ, все возрастающихъ, сдѣлали съ ростовщиками, упрашиваніе кредиторовъ, преслѣдовали его постоянно и принуждали къ неслыханной, страшно напряженной работѣ. И при всѣхъ этихъ убійственныхъ условіяхъ, каковыми замѣчательными произведеніями обогатилъ Бальзакъ литературу. Работать больше и напряженнѣе, чѣмъ работалъ Бальзакъ, невозможно. Онъ спалъ четыре-пять часовъ; вставалъ въ полночь, пилъ кофе и работалъ безъ перерыва по двѣнадцати часамъ; очень любилъ уединеніе, онъ по цѣлымъ недѣлямъ не читалъ газетъ, чтобы не прерывать своихъ работъ. При этомъ онъ относился къ своей работѣ съ рѣдкимъ благоговѣніемъ, съ изуми-

тельнымъ стремленіемъ безконечно совершенствоваться произведенія. Онъ держалъ восемь, десять корректуръ. По сравненію съ десятой его корректурой первая казалась наброскомъ — столько допозненій и измѣненій дѣлалъ онъ уже во время печатанія своихъ произведеній. Если же вспомнить, что имъ издано было болѣе 70 томовъ, то легко станеть, что за гигантскую работу мысли продѣлалъ этотъ человекъ.

Вѣчная нужда, какъ это оправдывалось уже на многихъ писателяхъ, въ значительной мѣрѣ усилвала тотъ внутренній огонь, которымъ пылала его душа. Бывали моменты, когда фантазія настолько захватывала Бальзака, выливалась въ такіе грандіозные замыслы и литературныя (какъ, напримѣръ, написать колоссальную «Человѣческую комедію» — въ которой должны быть изображены люди всѣхъ классовъ и состояній общества), и не литературныя, — что онъ совершенно забывалъ границы человѣческой жизни. Онъ задалъ въ Сардинію открывать свинцовые рудники, заброшенные будто бы древними римлянами, онъ избиралъ составъ для изговленія бумаги, который долженъ былъ сдѣлать переворотъ во всемъ издательскомъ дѣлѣ. Но всѣ эти волшебныя замысли, имѣвшіе иногда въ основѣ очень практичную идею, разсѣивались, и увлекающійся писатель возвращался опять и съ новой энергіей въ свой литературный міръ, — въ міръ своихъ героевъ, съ которыми онъ жилъ, какъ съ живыми, близкими ему людьми. Онъ страдалъ ихъ горемъ, радовался ихъ счастью. Родные его получали извѣстія о здоровьи и судьбѣ его героевъ, и когда одинъ изъ друзей разсказывалъ ему объ его большой

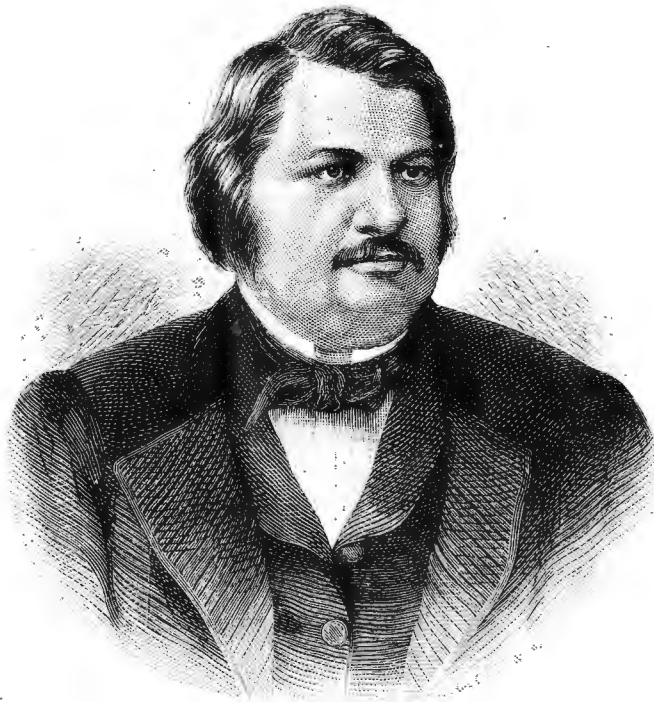
сестрѣ, Бальзакъ вдругъ прервалъ его: «Такъ, такъ, но вернемся къ дѣйствительности, поговоримъ объ Евгении Грандѣ» (героиня одного изъ его романовъ, озаглавленнаго ея именемъ). Это ли не высшее проявленіе поэтической фантазіи?

Бальзакъ, какъ бы задавшійся дѣлю исчерпать образы и типы своего времени, дать намъ, дѣйствительно, вѣрное изображеніе неуспокойной, бьющей ключомъ жизни Парижа. Напряженность работы, изнѣженіе, голодающая и мерзвющая нищета, роскошь богачей, страсти и волненія семейной и социальной жизни, политики, искусства, религіи, — все служило ему матеріаломъ для его произведеній, все это воспроизведено съ рѣдкимъ духовнымъ проникновеніемъ, съ исключительной художественною яркостью. Въ романахъ Бальзака выведено около 4,000 дѣйствующихъ лицъ. Ни одинъ сюжетъ не казался ему такимъ низкимъ, чтобы онъ не открылъ въ немъ черты трагической человѣчности, ни одинъ сюжетъ не былъ для него настолько высокъ, чтобы онъ не возвысился до него своимъ знаніемъ людей. Бальзакъ — одинъ изъ первостепенныхъ изобразителей жизни крупныхъ городскихъ центровъ. Но Парижъ для полноты своей бурной стремительной жизни требуетъ постоянного притока свѣжей крови изъ провинціи, и потому Бальзакъ сдѣлалъ почти всю Францію мѣстомъ и предметомъ своихъ разсказовъ. Во всѣхъ изображаемыхъ имъ мѣстностяхъ онъ побывалъ лично, весь мѣстный колоритъ, окружающій его героевъ, это — результатъ непосредственныхъ наблюденій и изученій. Мало того, онъ посѣтилъ Корсику и Сардинію, Германію, Италію и даже Россію, и всѣ эти путешествія давали неиссякающую пищу его художественной фантазіи.

Первый романъ Бальзака, подписанный его именемъ (первые анонимныя труды его были изданы подъ псевдонимомъ), вышелъ ровно 70 лѣтъ тому назадъ. Это были «Шуаны» (Les derniers Chouans), — историческій романъ, трактующій эпизодъ изъ революціонныхъ войнъ и представляющій результатъ увлеченій Бальзака Вальтеръ-Скоттомъ. По увлеченію это скоро прошло, и онъ сразу

Н. В. Склифасовскій. По поводу 40-лѣтня ученой дѣятельности. По фот. Д. Здобиова авт. «Нивы».

Оноре Бальзакъ. По поводу 100-лѣтня дня рожденія. Съ портрета грав. Шюблеръ.

нашелъ истинное призваніе своего таланта — на почвѣ анализа и изображенія современной жизни. Его «Психологія брака» трактуетъ уже, какъ видно по заглавію, условия, при которыхъ возможна брачная жизнь. Въ томъ же 1831 г. выпустилъ онъ въ свѣтъ свою знаменитую повѣсть «Шагреневая кожа». Изъ дальнѣйшихъ крупнѣйшихъ его произведеній одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ его извѣстный романъ «Женщина въ 30 лѣтъ», увѣковѣчившій этотъ образъ «бальзаковской женщины» въ литературѣ всего міра. Изъ другихъ крупнѣйшихъ его произведеній особенно извѣстны: «Le père Goriot», «La recherche de l'absolu», «Le medecin de campagne», «Eugénie Grandet», «Les parents pauvres», а также его повѣсти: «Scènes de la vie privée», «Scènes de la vie de campagne», «Scènes de la vie parisienne». Кроме того имъ написаны были цѣлый рядъ пьесъ для театра. Въ 1840 г. появилась его первая драма «Вотренъ», затѣмъ два года спустя — комедія «Мечты Гвинолы», а потомъ драмы «Памела Киро» и имѣвшая большіе успѣхъ драма «Мачиха», поставленная въ 1849 г. Извѣстная его драма «Дѣльцы» была поставлена на сценѣ уже послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1851 г.

Бальзакъ умеръ какъ разъ въ то время, когда судьба наконецъ улыбнулась ему и обѣщала впереди много сѣтлаго и радостнаго. Это счастье явилось ему въ лицѣ полюбившей его польской графини Ганской. Послѣ столькихъ разочарованій, послѣ столькихъ лѣтъ завистливыхъ преслѣдованій въ писательской и журнальной средѣ, онъ наконецъ добился общаго признанія своего таланта, и брать съ давно любимой женщиной — графиней Ганской, состоявшійся въ 1850 г., въ Малороссіи, былъ такъ-сказать вѣнцомъ его славы. Но это счастье было очень не долго. Поэстрадавшаяся, усталое сердце не имѣло больше силъ, и три мѣсяца спустя оно уже остановилось навѣки.

Въ 1877 г. была опубликована переписка Бальзака съ семьей и друзьями. Эти письма, — неотдѣланныя, искреннія признанія человека, дѣлящагося своими мыслями съ близкими людьми, — показали всему міру, что сердце его было такъ же велико и прекрасно, какъ и его произведенія.

Памятникъ на могилѣ А. Н. Майкова.

(Рис. на этой стр.)

8-го марта исполнилась вторая годовщина кончины Николаевича Майкова, и нынѣ на могилѣ нашего незабвеннаго поэта воздвигнутъ изящный гранитный памятникъ. Онъ представляетъ глыбу сѣраго гранита, увѣчанную чернымъ металлическимъ

крестомъ и покоящуюся на черномъ мраморномъ пьедесталѣ. Посрединѣ — бронзовый медальонъ съ изображеніемъ А. Н. Майкова, окруженный лавровой и пальмовой вѣтвями, на которыхъ вышита пологая улыбка лиры поэта.

Самоанцы и ихъ король Матаафа.

(Съ портр. и рис. на стр. 360).

Далеко затерявшіеся въ Тихомъ океанѣ, полинезийскіе острова Самоа въ настоящее время возбуждаютъ горячій интересъ во всей Европѣ, ставъ яблокомъ раздора между Германіей, Англіей и Соеди-

ненными Штатами. Всѣ эти три государства имѣютъ на островахъ Самоа свои колоніальныя владѣнія. Распространяя культуру среди дикихъ туземцевъ — островитянъ, они стремятся распространить какъ свое влияние на ихъ политическіе и общественные порядки, и вотъ на почвѣ этихъ состязательныхъ стремленій какъ можно ярче утвердился на Самоа и произошли очень серьезныя разногласія между представителями упомянутыхъ трехъ державъ.

Поводомъ къ этимъ разногласіямъ послужилъ, какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ изъ «Полит. Обзоръ» въ № 14, споръ о правѣ на королевскій престолъ. Черезъ два мѣсяца по смерти короля Малиетоа Тауапена, избраннаго всѣми тремя державами, въ ноябрѣ прошлаго года былъ избранъ въ король престарѣлый и въ извѣстной степени даже культурно-образованный Матаафа. Избраніе Матаафы вызвало неудовольствіе представителей Англіи и Америки, и послѣ цѣлаго ряда интригъ король Матаафа былъ свергнутъ, и престолъ предоставленъ былъ другому претенденту — Тану. Приверженцы Матаафы не примирились съ этимъ и рѣшили отстаивать его право съ оружіемъ въ рукахъ. Матаафа укрѣпился въ королевской резиденціи Апи и открыто приготовился къ военнымъ дѣйствіямъ, забаррикадировавъ улицы и всѣ подступы къ городу. Тогда американскія и англійскія суда начали обстрѣливать городъ. Восемь дней длилась бомбардировка, но безрезультатно. Матаафа не сдаваясь, пользуясь скрытой поддержкой германскаго консула, не раздѣляющаго взглядовъ своихъ коллегъ. Пока американцы и англичане уничтожали самоанскія жилища, шли усиленные дипломатическіе переговоры между Германіей съ одной стороны и Америкой и Англіей — съ другой. Въ настоящее время, какъ уже было у насъ сообщено въ № 15 (Политическ. Обзоръ), засѣдаетъ въ Апи специальная третейская комиссія изъ представителей всѣхъ трехъ державъ для рѣшенія спора претендентовъ на

Памятникъ А. Н. Майкову на его могилѣ, на кладбищѣ Новодевичьяго монастыря.

По фот. К. Булла автотипія «Нивы».

престоль, а также урегулирования интересов держав на островах Самоа.

Особенно заинтересована в этом деле Германия, владения которой на этих островах значительно превосходят владения прочих держав. На одном острове Уполу, крупнейшем из трех островов Самоа, немцами владения занимают две пятых всего острова. На ряду с Германией Англия и Америка основались на островах Самоа в семидесятых годах. Всех их привлекло благоприятное положение этих островов в центре южного полярного моря, прекрасный климат, способствующий произрастанию там в громадных количествах кокосы, хлопчатка, кофе, табака, разных тропических плодов и т. д., находящихся себе прекрасный рынок в Австралии и восточной Азии.

Главный город Апиа, служащий вместе с тем резиденцией консулов, расположен у подножья горы того же названия и состоит всего из одной улицы, ведущей прямо из гавани. На ней расположены дома европейцев (числом около 400 человек), окруженные богатыми садами; но тут же, рядом с ними, высится незатейливая хижина туземцев, кажущаяся благодаря этому соседству еще более неприглядными.

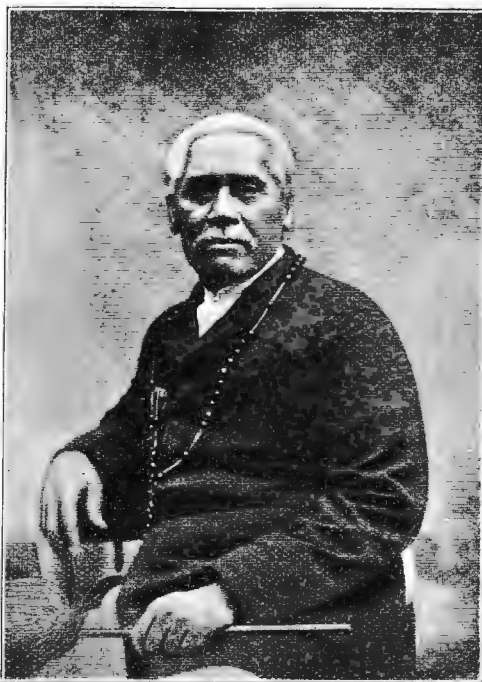
В культурном отношении самоанцы совершенные дикари. Передник из древесной коры, покрывающий бедра — у мужчин, короткая юбка из травы — у женщин, вот чем только прикрыты их красное, мощное тело. Неприхотливые в одежде, они зато очень заботливы о своей внешности: они красят волосы в красный цвет и мажут их кокосовым маслом; на шею они надевают ожерелья из кабаньих клыков и маленьких раковин; в особых же торжественных случаях они украшают все тело птичьими перьями самых редких, кричащих цветов, мыслимых лишь в тропических странах.

Все ручные работы самоанцев поражают своей искусностью; обработкой земли они, однако, занимаются неохотно, представляя

это занятие пришельцам с других соседних островов и китайцам, находящимся там в значительном числе. Ленивый, привыкший к тушеядству, самоанец нехотя идет даже на охоту или рыбную ловлю; большую часть времени самоанец сидит, ничего не делая, в своей хижине или перед ней, окруженный кучею здоровых, цветущих ребятшек.

В еде, силе и сладком кейфе проходит вся жизнь самоанцев. Забота у них никаких: — природа обо всем позаботилась за них: им стоит только протянуть руку, чтобы быть сытыми и довольными. На каждом шагу растут саговые пальмы; стоит только чуть-чуть взрывать их тонкий ствол, чтобы найти в изобилии тесто для приготовления питательного хлеба или вкусного питья; тут же рядом висят гроздья кокосовых пальм, в громадных орехах которых содержится много, прекрасно утоляющее жажду; здесь же растут хлебные деревья, огромные плоды которых (с дыню величиною) не перестают сыть в течение двух третей года. Знаменитый мореплаватель Кук дивился необыкновенной плодородности этих деревьев. Если кто в своей жизни посадит там десять хлебных деревьев, то он может спокойно сознать, что исполнил свой жизненный долг как по отношению к себе, так и по отношению к своему потомству, обеспечив ему источник существования. Кроме того, там вечно сыть и зреть масса вкусных питательных плодов и ягод. На ряду с этим островитяне питаются рыбой и раковинами; людоедство, когда-то практиковавшееся на островах, исчезло уже очень давно, с приходом первых миссионеров, проповедывавших слово Христово.

Насколько богат растительный мир на Самоа, настолько беден животный мир. На ряду с поугаями и голубями там встречаются только несколько пород птиц: млекопитающих там тоже очень немного; зато там кишат мириады насекомых, в особенности бабочки и жуки.

Матаафа, король самоанцев.
По рис. I. Z. автотипия «Нивы».

СМЪСЬ.

По случаю исполняющегося 26-го мая текущего года 50-летия службы директора петербургского николаевского кадетского корпуса ген.-лейт. Я. А. Дружинина между

бывшими кадетами — его воспитанниками — возникла мысль образовать фонд, на % с которого предполагается или воспитывать сироту одного из бывших кадетов корпуса или же оказывать пособие бывшим кадетам, находящимся в бедственном положении. В настоящее время уже собрана некоторая сумма, внесенная в русский для внешней торговли банк (С.-Петербург, Большая Морская, д. № 32), куда и могут направлять свои взносы бывшие кадеты, желающие принять участие в образовании фонда имени Я. А. Дружинина. К этому благому делу, предпринятому бывшими кадетами николаевского корпуса, присоединились также и бывшие пажы периода 1857—1874 года, когда Я. А. Дружинин состоял в должности инспектора классов пажекаго корпуса.

М. И. Долина за границей. Последняя артистическая поездка М. И. Долиной во Францию и Германию была блестящим триумфом как ее самой, так и русской музыки, которую она исполняет

с редким успехом. Талантливая артистка участвовала недавно в Париже в концертах Ламуро, в пользу риде специально для нее устраивавшихся вечеров, в редакции «Фигаро», в театре «La Bodinière», где состоялась специальная «Seance de la musique Russe: шумных оваций удостоилась певичка также на «Soirée musicale», устроенном клубом русских художников, живущих в Париже. Вся парижская община и специальная печать поместила восторженные отзывы о М. И. Долиной. Не меньшим успехом пользовалась наша певичка в Германии. В Дрездене она участвовала в концерте в память А. Г. Рубинштейна и встречена была очень радушно всей музыкальной критикой. В Берлине певичка участвовала в концерте Филармонического общества и принята была с редким энтузиазмом. Берлинская пресса прямо признала, что «г-жа Долина-Горленко своим чудным, полным драматизма пением достигла полного успеха».

Самоанцы во время боя. По рис. I. Z. автотипия «Нивы».

М. И. Долина удостоилась приглашения идти перед германской императорской четой и вместе с тем очень лестной оценки со стороны их величества.

Вышла въ свѣтъ и продается
ВЪ ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХЪ
новая книга поема въ стихахъ:
„ВЪ ГЛУШИ ГОЛОДНОЙ“
Цѣна съ пересылкой 35 коп. сер.
Требования адресовать: Одесса, Херсонская д. 36, кв. 2. Въ складѣ изданія книга „Въ глуши голодной“. Марки не принимаются.

Въ оружейномъ складѣ
торговаго дома
Я. ЗИМИНА вд. и К^о.
Москва, Тверская близъ Гаетнаго переулка.
Вновь полученныя винныя мѣстопроектированныя своимъ превосходнымъ боемъ охотничьи двухствольныя ружья центрального боя
НАЦИОНАЛЬ
фабрики Ленажъ въ Льежѣ, цѣною въ 30, 35, 44, 48 и 70 руб.
Новый прейс-курантъ высыл. безплатно.

ДЕШЕВЫЯ ЦѢНЫ,
превосходный
товаръ.
Кнопбессель Петровскія
линии,
№ 8.
БАНЦГАФЪ и К^о., Москва.

Л. Я. Столкинда:
КАПСУЛИ ДЕЗОДОРАТЬ
для уничтоженія зловонія въ комна-
тахъ, дѣтскихъ, спальняхъ и т. п.
Цѣна за 1 кор. въ 100 шт. 35 к.
Л. Я. Столкинда
ДѢТСКОЕ МЫЛО
на рыбьемъ жирѣ, цѣна 1/2 кус. 50 к.
и 1/2 кус. 30 коп.
Л. Я. Столкинда
АНТИПАЗИТЬ
отъ клоповъ, таракановъ, блохъ, моли
и т. п. Цѣна 1/2—1 р., 1/2—55 к., 1/4—
30 к., 1/8—20 к.
Аптекарская торговля
ТОРГОВАГО ДОМА
Л. и Я. СТОЛКИНДЪ,
Москва, Лубянский переул.

«Н наилучшій подарокъ для самого себя».
Цѣна: 1 шт. 2 р., 2 шт. 3 р. 75 к.

ПОРТМОНЪ СО ШТЕМПЕЛЕМЪ
изъ наилучшей черной опойки загранич-
ной выдѣлки, съ матовымъ лоскомъ,
съ 5 отдѣленіями, 1 внутреннимъ за-
крытымъ для звонкой монеты и однимъ
особо закрытымъ для золота. Корпусъ
изъ одного куска съ механич. скл-
творомъ, содержащимъ каучуковый
штемпель съ подушкой для краски.
Въ штемпелѣ можно помѣстить имя,
отчество, фамилію и званіе, по желанію
и корону. Наружная велич. 2 1/4 x 1 1/4 в.
Также дамскія издѣлія, разнѣромъ
13 x 1 в. цѣн. по тѣмъ же цѣнамъ.
Тѣ же въ настоящей тюленевой, мяг-
кой шагренированной кожи, штука на
50 к. дорож. Ц. № 12330 8—1
Цѣны съ пересылкою въ Европ.скую
Россію, въ Азіатскую же—съ прибавле-
ніемъ части въсѣвыхъ. Съ наложеннымъ
платежомъ на 10 к. болѣе. Также безъ
штемпелей, штука на 35 к. дешево.
Требования
просить
адресовать:
Въ контору фабрики
АМЕРИК. КАУЧУКО-
ВЫХЪ ШТЕМПЕЛЕЙ
М. ФИШМАНЪ,
Варшава, Бѣльскія, 18.
Простота
исполь-
зованія
ошибки
невоз-
можны

Платину, золото, серебро, мѣдь, галуны,
позументъ, парчу, погонны, эполетную мишу-
ру **ПОКУПАЮ.** Расчетъ по курсу. Иногород-
нымъ высылаю за присланное деньги или
любимый товаръ въ обмѣнъ. **И. Я. Дурье,** Ка-
занская, № 9, С.-Петербургъ.

КРЕМЪ
АЛЬДЕХИДЪ
ВЛАДИО
для смягченія
КОЖИ ЛИЦА И РУКЪ.
Мал. флак. 60 к.; больш. фл. 1 р.
Можно получить вездѣ.
Главный складъ въ Москвѣ
у В. КРЕМЕРЪ,
Чижовское подъ. (11)

ВЕЛОСИПЕДЫ
„ЭНФИЛЬДЪ“
Новость на 1899 годъ
Модель «РИШЪ»
Рекомендуется вниманію знатоковъ и лю-
бителей.
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ И. Г. АЛЕКСѢЕВЪ и К^о.
Москва, Рождественка, д. Третьяковскихъ.
Прейс-куранты высылаются безплатно. П. № 12101 7—5

Пріемъ мѣховыхъ вещей, ковровъ и пр. на храненіе
ОТЪ МОДИ
въ мѣховыхъ магазин. **Ф. Л. МЕРТЕНСА**
1) Невскій просп., 21, собств. домъ. 2) Гостиный дворъ, № 58.
Всѣ вещи сохраняются въ специально для храненія устроенныхъ скл-
дахъ. Полная отвѣтственность за сохранность. В. № 12229 4—4

БЕНГАЛЬ
ДЛЯ ДОМАШНЯГО ПЕРЕКРАШИВАНІЯ
ВСЯКИХЪ МАТЕРІЙ

Лучшія въ мірѣ!
Краски «Bengal» для домашняго
перекрашиванія всякихъ матерій.
Кремовая краска «Bengal» для гар-
динъ. Синька «Bengal» въ льня-
ныхъ мѣшечкахъ. Жидкія бронзы
въ бутылкахъ. Чернила для мѣтки
обѣлья и пр. хим. фабрики «Бен-
галь» въ Влоцлавскѣ. Имѣются въ
каждомъ лучшемъ аптекарскомъ ма-
газинѣ. № 12329 3 1

БЕЗПЛАТНО
высылаю условія и пробныя лекціи заочнаго
обученія кроить и шитью дамскихъ и дѣтскихъ
нарядовъ. **В. В. Бенедиктовъ,** Москва, Тах-
винская ул., д. Александровой, кв. № 2.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ
СЛАБИТЕЛЬНАЯ
ГОРЬКАЯ ВОДА
ИСТОЧНИКА
ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ
СВОЕЮ ВСЕМИРНОЮ СЛАВОЮ
СЛАВИТ. ВОДА
„ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ“
обязана своимъ ПРЕВОСХОДНЫМЪ свой-
ствамъ, вслѣдствіе чего она получила само-
широкое распространеніе, будучи известна
даже въ самыхъ маленькихъ уголкахъ зем-
ного шара. Нормальный пріемъ — звинный
стаканъ, прінимаемый утромъ натощакъ.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

къ ЮБИЛЕЮ А. С. ПУШКИНА.
Фотографическіе снимки
излюбленныхъ поэтомъ мѣстъ въ с. Михай-
ловскомъ — имѣнія Пушкиныхъ, воспомѣтъ
Тригорскомъ и Святыхъ горахъ Опочецкаго
уѣзда. Всѣхъ 10 снимковъ бударнаго фор-
мата по 60 коп. за экземпляръ, меньшаго
размѣра 40 к. Большая стѣнная фотографія—
общій видъ Святыхъ горъ 1 р. 50 к.
Деньги съ точнымъ и четкимъ адресомъ
просятъ высылать переводомъ въ г. Опочку
Псковской губ., фотографія, Алексѣю Игна-
Никоновичу. При наложенномъ платѣжѣ вы-
сылается половина стоимости заказа. Пере-
сылка на счетъ заказчика.

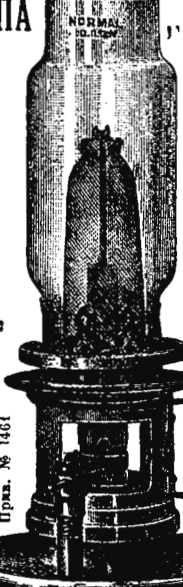

Вышла изъ печати книга:
собраніе сочиненій **Е. И. Конради**
ТОМЪ I.
Исповѣдь матери
съ портретомъ и биографіи. очер-
комъ. Изданіе **В. А. Баландиной.**
Ц. 2 р. 75 коп.
Продается во всѣхъ книжныхъ
магазинахъ.

1000 ВЕЛОСИПЕДОВЪ НА СКЛАДѢ
РАЗНООБРАЗНѢЙШІЙ
ВЫБОРЪ!
ТРЕБУЙТЕ
КАТАЛОГЪ!
ТОВАРИЩЕСТВО
М. Блок
МОСКВА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Кіевъ, Екатеринбургъ,
Одесса, Варшава,
Кокандъ, Ростовъ н/д.

Пейте Цейлонскій чай!
Пейте Цейлонскій чай!!
Пейте Цейлонскій чай!!!
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготвленія.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучшій чай по вкусу и аромату.
Тодичное потребленіе Цейлонскаго чая въ Россіи
болѣе 10.000,000 фунтовъ 10.000,000.
Ш. № 11641 30—26

ЛАМПА ЧУДО

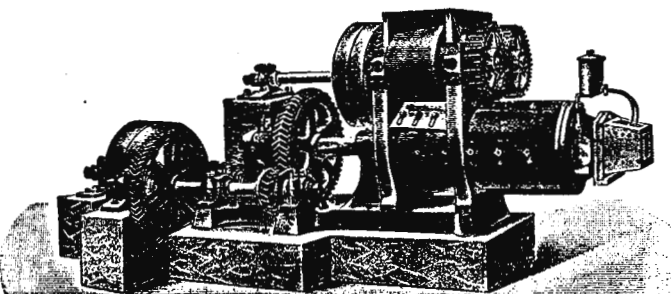
съ чудомъ по сист. д-ра АУЭРА, даетъ электрической свѣтъ, зажигаетъ въсью лампъ "Молния" горитъ безъ фитиля; расходу 1 коп. въ часъ. Пат. № 1461

Бюджетъ 100,000 шт. въ употреб. Прейс-курантъ въ подроб. описаніе съ рисун. за 7 в. марку. Фабрика каменныхъ лампъ и газозеросиновыхъ лампъ Теодоръ Крейнфельдъ, Вилль.

ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗИЯ
въ г. Зарайскѣ, Рязанской губ., станція Московско-Казанской ж. д.
Пріемные экзамены 11-го и 12-го мая во все классы. Годовая плата за обученіе обязательнымъ предметамъ, съ французскимъ языкомъ, въ четырехъ младшихъ классахъ 30 р., въ старшихъ - 40 р., но обязательнымъ: латинскому языку 4 р., немецкому яз. и рисованію по 3 руб., содержаніе на частныхъ квартирахъ 150 руб. въ годъ; предлагается устройство общежитія. № 12274 2-2

КРАСИВО ПИСАТЬ
выучивается вслѣдъ заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО**.
Методъ премирновалъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. За 4 семиклассныя марки высылается **ПРОБНОЕ ПИСЬМО** прифртовъ, подробныя условія и образцы испрлненій почерк. заочн. учев. Адресъ: профессору каллиграфіи **Адольту Коссодо** въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

Louis Jäger in Köln-Ehrenfeld,

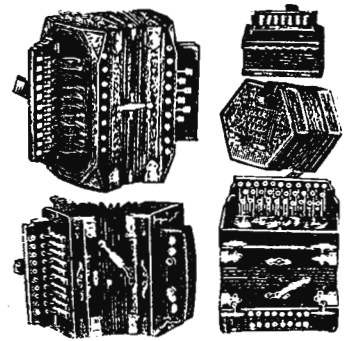
Луи Јегеръ, Кёльнъ - Эренфельдъ,

машино-строительный заводъ, поставяетъ съ 1862 года **СПЕЦИАЛЬНО: КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫЯ МАШИНЫ ПЕРВОКЛАС. СИСТЕМЫ** полные комплекты для кирпичныхъ, шамотовыхъ, черепячныхъ, цементовыхъ и заводъ для гончарныхъ трубъ. Дробильныя машины. № 11996 6-6

ФАБРИКА И СКЛАДЪ Бруно Зенгеръ & К°
С.Петербургъ, Невскій Пр. № 25 (бывш. Казанской)
Фотогр. Аппараты и Принадл.
(Кратк. Прейс-Курантъ Бесплатно)

КУРОРТЪ БУДАКИ

близъ Аккермана, доступный для средняго класса. Теплыя ванны и грязевыя ванны, лиманное и морское купанье, кофиръ, лѣчебныя виноградъ. Цѣны умеренныя. Открытіе сезона 25 мая. Брошюра высылается бесплатно. За всѣми справками обращаться: Анкерманъ, д-ру Б. С. Нерцу.

Русскія и нѣмецкія гармоніи хорошаго качества, рекомендуетъ фабрика Д. Александрова оптомъ и въ розницу. Прейс-курантъ высылается бесплатно. Заказы исполняются немедленно. Дено: Невскій пр., 57, въ СПб.

Иодисто-соляное КУПАНЬЕ ГАЛЛЬ. Верхняя Австрія.

Самая крѣпкая іодистая соль на континентѣ, противъ золотухи и всѣхъ общихъ и специальныхъ болѣзней, при которыхъ іодъ служитъ важнымъ лѣчебнымъ средствомъ. Превосходныя лѣчебныя приспособленія (купанья и минеральныя воды, водолѣченіе, вдыханіе, массажъ, электрич. ванны). Весьма благоприятныя климатическія условія. Железнодорожная станція. Путь черезъ Линцъ на Дунай, черезъ Штейеръ или черезъ Вельс. СЕЗОНЪ съ 15-го мая по 30-е сентября. Ваннами можно пользоваться также съ 1 до 15-го мая. Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаетъ бесплатно № 12267 4-2 Лѣчебное управленіе купанья ГАЛЛЬ.

Для смягченія и бѣлизны кожи.

КАЛОДЕРМА

ЖЕЛЕ КАЛОДЕРМА. * МЫЛО КАЛОДЕРМА.

Ф. Вольфъ и Сынъ въ Карлсруэ.

Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

ТРЕБУЙТЕ въ аптекарскихъ магазинахъ **„АРМИНЪ“**

для холи и мягкости усовъ и бороды. Цѣна 50 коп. „АРМИНЪ“ безъ № 267 разр. Мед. Упр. - подѣлка. Главн. складъ Г. ШЮЦА. Пассажд., № 52, С.-Петербургъ.

ПРИГЛАШАЮТЪ 4-3
дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться письменно: Банкирскій домъ Генрихъ Блиннъ, С.-Петербургъ, 59, Невскій.

НЕЗАМѢТНА НА ЛИЦѢ ТОЛЬКО ГИГИЕНА Т-СТВА ПУДРА ГИГИЕНА РОСКОШНАГО ЗАПАХА.
ПРОДАЕТСЯ ВЪСДѢ. ГЛ. СКЛАДЫ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, КОЛОМЕНСК. 12

Новыя брош., 1899 г., д-ра Гурина.
СТАРОСТЬ,
какъ болѣзань; предупр. и лѣченіе ея; - катарра жел., кишечк., гемор., м.-полов. болѣзаней (бѣлы, тр.) и др. бол. Общедост. излож. соврем. и собств. лѣченія. За 3 бр. - 1 р., за всѣ 15 - 4 руб. Адресъ: Кіевъ, д-ру Гурина.

ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ **ГУМБЕРЪ**
предлагаетъ Ц. № 11988
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Георгій ЯЕМЛИЧКА и К°.**
Москва, Столенинковъ переулокъ, № 5.
Прейс-куранты по требованію. 15-9

ВЕЛОСИПЕДНЫЕ ЗАВОДЫ **„БРЕННАБОРЪ“**
БРАТЬЕВЪ РЕЙХШТЕЙНЪ въ БРАНДЕНБУРГѢ н/г.
Старѣйшая и величайшая велосипедная фабрика въ Европѣ. Основана въ 1871 году. Работаетъ 4-мя паровыми машинами и электромоторами, составляющими силу въ 900 лощ., и занимаетъ около 2500 челов. работниковъ. Годовое производство около 5000 шт. велосипедовъ.
Велосипеды «Бреннаборъ» первоклассны и образцовы. Отдѣленія на всѣхъ главныхъ пунктахъ свѣта, а именно, въ Россіи представительства въ около 200 городовъ. 21-4
Ц. № 12164
Фабричный складъ въ Европейской и Азиатской Россіи у Торговаго Дома **Э. ЗАГОВСКАГО, Рига.**
Каталоги высылаются бесплатно.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ
солдидной работы и вѣрнаго строя
ПО ФАБРИЧНЫМЪ ЦѢНАМЪ ПРЕДЛАГАЕТЪ
ФАБРИКА ТОРГОВАГО ДОМА ТОВАРИЩЕСТВА **А. Е. КУЛАКОВЪ.**
С.-Петербургъ, Садовая, 33.
Иллюстрированный прейс-курантъ всѣхъ инструментовъ высылается бесплатно. № 19379

Международный языкъ **ЭСПЕРАНТО.**
Подробный курсъ (учебникъ, книга упражненій, полные словари, книги для чтенія, адреса эсперантистовъ) высылается за три рубля (или съ наложеннымъ платежомъ за 3 р. 20 коп.). Адресовать: д-ру Л. М. Заменгофу въ Варшаву. № 12310 10-2

По новѣйшему методу **„ВОРТА“**, выслано бесплатно проб. лекція и услов. заочнаго обученія крою и шитью дамск., дѣтск. наряд., верх. плат., бѣлы и корсетовъ. Школа Е. Д. Ашмаринной, Кіевъ, Б. Васильковская, 89.
Изыщныя и прочныя карманныя мужскія ЧАСЫ, всѣ 3 крышки изъ настоящаго американскаго золота, анкеръ, ходъ на 23 камняхъ, механизмъ самой лучшей конструкции, съ изящною дѣлочкой и брегетомъ, также американскаго золота.
Въѣсто 18 и 20 только ко 10 и 12 р. Дамскіе на 1 р. дороже.
Початное ручательство на 8 лѣтъ. Покупавшимъ 2 шт. устуается 50 К., на 3 шт. 1 р. и на 4 шт. 2 р. № 12311 3-2
Высылаются по полученію 2 руб. задатка, остальные наложеннымъ платежомъ. Выписывающіе на пересылку не платятъ. Адресъ: Ю. Губеръ, Складъ Женевскихъ часовъ, Одесса, Почтовая, 21/6.

Основан. въ 1886 году КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРІИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ.
Бухгалтерія торговая, банковая, сельскохозяйственная и фабричная, винной монополіи и земскихъ управъ. Москва, Тверская ул., уголъ Леонтьевскаго пер., д. Поликова. Ц. № 12319 4-1
4-го МАЯ НАЧАЛО ЛѢТНЯГО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются бесплатно.
Въ текущемъ учебномъ году на курсахъ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ обучалось 227 человекъ.

Содержание:

ТЕКСТЪ: Воскресение. Романъ графа Л. Н. Толстого. (Продолженіе).—Нъ столѣтніе годовщинѣ А. С. Пушкина.—Къ рисункамъ: Табуницкѣ.—Іоаннъ IV въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ.—Черногорскій княжичъ Данило и его невѣста, принцесса Ютта мекленбургъ-стрелицкая.—Дворецъ мира въ Гаагѣ.—К. Н. Посеть.—М. Н. Островскій.—А. В. Бодиско.—С. Д. Дрожжинъ.—Военныя дѣйствія на Филиппинскихъ островахъ.—Политическое обозрѣніе.—Разныя новости.—Смѣсь.—Тиражъ выпущенъ въ Государственномъ Банкѣ.—Объявленія.

РИСУНКИ: Табуницкѣ. Картина І. Брандта.—"Воскресеніе", романъ гр. Л. Н. Толстого. Катюша бѣжитъ за побѣдомъ. Ориг. рис. Л. О. Пастернака.—Царь Іоаннъ IV Грозный проситъ игумена Кирилла (Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря) благословить его въ монахи. Картина К. В. Лебедева.—Высокопаренные женихъ и невѣста, княжичъ Данило черногорскій и принцесса Ютта мекленбургъ-стрелицкая.—Королевскій дворецъ въ Гаагѣ, въ которомъ будетъ происходить мирная конференція.—К. Н. Посеть.—М. Н. Островскій.—А. В. Бодиско.—С. Д. Дрожжинъ.—Военныя дѣйствія американцевъ на Филиппинскихъ островахъ.

Пушкинскій альбомъ:

ТЕКСТЪ: Муза Пушкина. Стих. С. Фруга.—Жизнь Пушкина: I. Родословная Пушкина и дѣтскіе годы. II. Пушкинъ въ лицѣ. III. Двадцатые годы. IV. Въ селѣ Михайловскомъ.

РИСУНКИ: Прадѣвъ Пушкина: Абрамъ Петровичъ Ганнибаль.—Дѣдъ Пушкина: Иванъ Абрамовичъ Ганнибаль.—Мать Пушкина, Надежда Осиповна.—Отецъ Пушкина, Сергій Львовичъ.—Братъ Пушкина, Левъ Сергѣевичъ.—Сестра Пушкина, Ольга Сергѣевна Павлицева.—Домъ на Нѣмецкой улицѣ въ Москвѣ, гдѣ родился Пушкинъ.—Пушкинъ-мальчикъ.—Пушкинъ-лицейскій.—Царскосельскій лицей, гдѣ воспитывался Пушкинъ.—Князь А. М. Горчаковъ.—П. Я. Чаадаевъ.—Баронъ А. А. Дельвигъ.—Князь П. А. Вяземскій.—Крыловъ, Пушкинъ, Жуковский, Гнѣдичъ. Картина академика Г. Г. Чернецова.—Домъ Инзова въ Кишиневѣ, въ которомъ жилъ Пушкинъ.—Портретъ А. С. Пушкина.—Виды Гурзуфа. По наброскамъ Э. Магдесіана.—Портретъ А. С. Пушкина.—Домъ, въ которомъ жилъ Пушкинъ въ Одессѣ въ 1823 году.—Сельцо Михайловское.—Пушкинъ и няня, Картина И. И. Геллера.—Пушкинъ въ Михайловскомъ. Картина Н. Н. Ге.—Наталья Николаевна Гончарова (въ дѣтствѣ).—Жена Пушкина, Наталья Николаевна (рожденная Гончарова).—Автографъ А. С. Пушкина.—Собственноручные наброски Пушкина, изображающіе Е. Н. Киселеву (рожденную Ушакову).—Георгъ-Карлъ Дантесъ (баронъ де-Геккеренъ).—Шефъ жандармовъ, графъ А. Х. Бенкендорфъ.

1896. 1897.

Я. БЕККЕРЪ

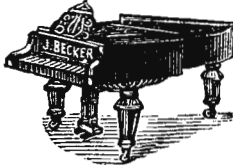
С.-Петербургъ.

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА:

Его Величества Императора Всероссийскаго
Его Величества Императора Австрийскаго
Его Величества Короля Шведскаго и Норвежскаго
Его Величества Короля Датскаго.

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ:

1893 г. ЧИКАГО—дипломъ и медаль.
1894 г. АНТВЕРПЕНЬ — "Grand-Prix".
1896 г. НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ — Государственный гербъ.
1897 г. СТОКГОЛЬМЪ—золотая медаль и званіе Поставщика Его Величества Короля Швеціи и Норвегіи. В. № 12196 5—4

Рояли отъ 600 руб.
Пианино отъ 450 руб.

ДВА ГАЗМОТОРА,

въ виду замѣны ихъ моторами большой силы, продаются:
1 двухцилиндровый, въ 16 лощ. силъ, фабрики Отто, Дейтцъ, бывшій лишь одинъ годъ въ употребленіи,—за 3,900 руб.
1 одноцилиндровый, въ 12 лощ. силъ, той же фабрики,—за 2000 руб.
С.-Петербургъ, Измайловскій просп., д. 29. М. Мичге.

СКРИПКИ

для учениковъ въ 6, 8, 10, 12, 15 и 21 р.
для артистовъ въ 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 и до 1,000 р.
народныя скрипки въ 2 и 4 р.

СМЫЧКИ

для учениковъ 1, 1½ и 2 р.
для артистовъ въ 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 р.; народныя въ 50 к.

Свѣжія струны и другія принадлежности.
Школа Брацца въ 1 р., 2½ и 3 руб.
Прейсъ-куррантъ бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.
Вижашію гг. провинціальныхъ покупателей.

Въ настоящее время пересылка по почтѣ обходится значительно дешевле, чѣмъ прежде. Подробности въ моемъ новѣйшемъ прейсъ-куррантѣ, высылаемомъ бесплатно.

Превосходное средство для сохраненія дерева отъ гниенія

КАРБОЛИНЪ

АНТИСЕПТИЧЕСКІЙ СОСТАВЪ

ФАБРИКАНТЫ
КРАСНОУФИМСКІЙ ЗАВОДЪ
БРАТЯ ЗРЕЛБАХЪ
СПЕТЕРБУРГЪ, 4-го в. д. № 18

Прейсъ-Куррантъ высылается бесплатно.

выучивается вслѣдъ заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО.**

Методъ преподаванія на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. За 4 семикопеечныя марки высылаются **ПРОБНОЕ ПИСЬМО** шрифтовъ, подробныя условія и образцы исправленія почерк. заочн. учен. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерябасовская, д. № 19.

ВСѢМЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ по требованію **БЕЗПЛАТНО**

ПРОБНЫЙ № ЖУРНАЛА **Русскій Паломникъ**

СПБ., Стрѣмянная, 12, собств. домъ.

Наши

Скороходы и Сандали

какъ и весь товаръ нашего Товарищества, снабжены, кромѣ помѣщеннаго на подошвѣ фабричнаго клейма, еще Государственнымъ гербомъ, на что при покупкѣ просимъ обращать вниманіе.

Товарищество С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.
Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII в., въ 3-хъ част. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Громадное новое удивел. дѣлѣ велосипедовъ знаменитой **Америк. Мануф. „НО МОНАРХЪ“**

№ 61—115 р. (1898). 150 р. № 56—130 р. новостн. № 66—150 р. (1898). 180 р. № 67—165 р. новостн.

Всѣ одного лучшаго качества и одного вѣса, съ пневмат. «Деллоиъ». Упаковка бесплатно. Дешевыя популярныя (народныя) по изобрѣд. Моторныя самокаты настоящіе: Де Дюнкъ и Бутонъ (изобрѣтатели). Дѣлать рѣшительныя. Москва.

В. Лубинка № 18. **К. НАТАЛИСЪ**
Бузницкая мостъ № 13
Плѣшка, Средніе ряды. Тверская рядомъ съ Филипповымъ. Сущ. съ 1872 года. **БИБ**

ПАМЯТЬ

лицъ кажд. возр. укрѣплить лично и заочно (въ 10 урок.) профес. мнемоники, членъ парижск. академ. С. Файнштейнъ.

Одесса, уг. Пушкинъ и База ул., собствен. домъ, № 24. Условія преподаванія и обьемистую брошюру (содерж. многочислен. благодарности оффиц. и вполнѣ компет. лицъ, прошед. у меня курсъ мнемоники) высыл. за одну 7-ми коп. марку. (№ телефона въ городѣ 199, № телеф. на собств. дачѣ «многозвонка» 933). Адр. для телегр.: Одесса, профессору мнемоники Файнштейну.

№ 12020 10—7

Поступила въ продажу новая норвежская книга

"СПУТНИКЪ ХОЗЯЙКИ"

съ 300 испытан. рецептовъ домашней кухни, естественн. отдѣломъ куличей и отдѣломъ крѣпкихъ напитковъ для любителей. Книга издава. специально для хозяйекъ съ употребленіемъ средствъ и по своей цѣнѣ доступна каждому. Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 р. 10 коп. Высылаю и наложеннымъ платежомъ. (Съ требованіемъ обращаться къ В. Петровской въ г. Херсонъ.)

Международный языкъ

ЭСПЕРАНТО.

Подробный курсъ (учебникъ, книга упражненій, полные словари, книги для чтенія, адреса esperantistov) высылаются за три рубля (или съ наложеннымъ платежомъ за 3 р. 20 коп.). Адресовать: д-ру Л. М. Замбофону въ Варшаву. № 12310 10—3

НАВОЖДЕНИЕ. Ром. изъ современн. жизни
Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Трава Кузьмича.

Боров. и степ. послѣд. сб., выѣсто 5 и 7 р.,
1 ф. 50 к. (не мен. 2 ф.), 5 ф. по 45 к., 10 ф.
25 к., 20—25, пудъ 8 р. Цвѣт. (уп. и зас. б.)
2 и 3 р. ф. Наст. главные сѣяды лотом.
почты. гражд. Гурія Николаев. Кутемин-
скаго въ Бузулукъ, Самар. губ., или для ско-
рѣйшей высылки: Самара, Вознес., соб. домъ.

БЕЗПЛАТНО выслаются проб-
ные уроки
СТЕНОГРАФІИ.
И. Могилевскій. Одесса, Н. Рыбная, № 2.

УРОКИ ПО
● БУХГАЛТЕРІИ ●
по спец. методѣ пуч. корресп.
В. В. РАУЭРТЪ, Лябава.
Пробн. лекція высыл. бесплатно.

В. Жуковскій
С. ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ № 97.

Локомобили, паров. машины, керос. двигатели, турбины.
Искусственные жернова Траппа, мельницы, просорушки, крушодеры, сукновалки,
шерсточесалки, гонторѣзки. Ц. № 12317 5—2
Лѣсопилы, рамы, маслянойн. прессы, черепич. прессы.
Иллюстрированный каталогъ высылается бесплатно.

ПРАКТИЧНАЯ
НЕСГОРАЕМЫЕ
ФИТИЛИ
ДЛЯ
КЕРОСИНОВЫХЪ
ЛАМПЪ И
КУХОНЪ
ВСѢХЪ СИСТЕМЪ.
НА ФИТИЛ. ТРЕБОВАТЬ
КЛЕЙМО ФАБРИКИ.
ТРИУМФЪ
НЕ КОПАТЬ, УВЕЛИЧИВАЮТЪ ПЛАМЯ, БЕЗОПАСНЫ ОТЪ ВЗРЫВА, ГОРЯТЪ
БЕЗЪ МАЛѢЙШАГО ЗАПАХА, ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ЭКОНОМІЯ ВЪ КЕРОСИНѢ, НЕ
ТРЕБУЮТЪ ОБРѢЗЫВАНІЯ И ФИТИЛЬНАЯ ТЕСЬМА, ОСТАВАЯСЯ НЕСГОРАЕ-
МОЮ, НИКОГДА НЕ УБИВАЕТЪ. ЦѢНА за 5 вершковыи ФИТИЛЬ для
ГОРѢЛОКЪ КРУГЛЫХЪ въ лин. 35, 30, 25, 20, 15, 18, 14, 12, 10, 8.
копѣек. 70, 60, 50, 40, 30, 35, 32, 28, 24, 20, 16.
ПЛОСКИХЪ въ линіи 14, 12, 10, 7, 5, 3, 2. **МИТРАЛЪЕЗЪ** 3 и 5 коп.
копѣекъ 14, 12, 10, 7, 5, 3, 2.
КЕРОСИНОВ. КУХОНЪ въ лин. 20, 30, 33. ИМѢЮТСЯ для всѣхъ безъ
исключенія горѣлокъ.
копѣек. 20, 30, 33.
Заказы адресоваты **МОСКВА, Д. ФОМИНУ**, Уланскій перек., домъ Измайловой № 6.
Торговцамъ при покупкѣ не менѣе 25 руб. скидки 30%. При требованіи почтой
наложен. платежомъ сообщ. размѣръ линіи или высыл. мѣрки (можно начертить линіи).
Чтеніе одного рубля иногороднимъ заказы не высылаетъ.

Краткіе держки ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ о высокои качествахъ „фитилей Триумфъ“:
1) УИ-АВЛЕНІЕ ВЪ складѣ фитилей и лампъ Д. ФОМИНУ, Уланскій пер. № 6. Москва.
РАДОМСКАГО Высланные складомъ по требованію моему отъ 20-го января
Узданаго Воинскаго Начальника. сего года, за № 906, несгораемые ламповые фитили «Триумфъ»
оказались весьма практичными, какъ не производящіе ко-
поти, увеличивающіе пламя, не дающіе чувствовать запаха
керосина и казбалающіе отъ постоянного обрѣзыванія фитилей
и чистки горѣлокъ. Въ виду этого, прошу выслать во вѣтрен-
ное мѣѣ Управление наложеннымъ платежомъ такихъ-же фити-
лей слѣдующее количество.
Февраля 6 дня 1899 года.
Губ. г. РАДОМЪ.
Воинскій Начальникъ 1) 30-линейныхъ къ лампамъ моднѣи 5 шт. 3 р. — к.
Полковникъ (Подпись неразбор- 2) 20 „ „ „ „ „ 2 „ 80 к.
чива). 3) 14 „ „ „ „ „ 10 „ 2 р. 80 к.
4) 10 „ „ „ „ „ 5 „ 1 р. — к.
Дѣлопроизводитель Итого. . . 22 шт. 7 р. 60 к.
Капитанъ Самойловъ.

2) Мы нижеподписавшіеся въ пріятную обязанность поставили себя засвидѣ-
тельствовать, что при переѣвѣ обыкновенныхъ фитилей въ нашии керосиновыхъ
лампамъ несгораемыми фитилями „Триумфъ“, послѣдніе дѣйствительно оказались со
слѣдующими преимуществами: не копятъ, увеличиваютъ пламя, безопасны отъ взрыва,
горятъ безъ малѣйшаго запаха, даютъ значительную экономію, избавляютъ прислугу
отъ постоянного обрѣзыванія и фитильная тесьма, оставаясь несгораемою, никогда
не убываетъ.

М. Я. ж. д. Начальникъ станціи Щелково В. Сергѣевъ. Торговый домъ Н. Зави-
таевъ и Ко. М. Ф. Кузьминъ, содержатель гостиницы „Лондонъ“. А. А. Варгинъ, мо-
сковскій домовладѣлецъ. В. В. Усановъ, Донская область. С. Войтневичъ, окончившій
математическій факультетъ Московскаго университета. А. Измайловъ, домовладѣлецъ.
А. Н. Юрнинъ, содержатель модной мастерской. Чугуно-литейный заводъ М. Ф. Плату-
нова. Книгоиздатель, продаватель газеты „Курьеръ“ Александръ Гефгоръ. Содержа-
тель часоного магазина рязанскій мѣщанинъ Д. Павловъ-Дюнихъ. Техникъ Николай
Земсковъ. Агентъ службы движенія М. Яроса. Ар. ж. дор. Александръ Васильевъ.
Московскій домовладѣлецъ Сергѣй Ивановъ Машинскій. Паровая мельница братьевъ
Васильевыхъ. Управляющій Н. Федоровъ. Содержатель биржевой гостиницы А. Ма-
ляновъ. Потомственный почетный гражданинъ Николай Афанасьевичъ Сухановъ.
Торговый домъ Д. Т. Моисеевъ и Ко. Москва, фабрика лампъ Габриель и Г. Анжено,
петербургское отдѣленіе. Содержатель С.-Петербургскій парикмахерской на Страс-
номъ бульварѣ Павелъ Николаевичъ Артемьевъ. Съ подлиннымъ вѣрно Д. Фоминъ и Ко.
Господину Д. ФОМИНУ въ Москвѣ, Уланскій пер., № 6.

3) Милостивый государь! Настоящимъ увѣдомлю Васъ, что присланные Вами
фитили Азовско-Донскому Банку въ Елисаветполѣ оказались очень хорошаго качества,
будте любезны прислать мнѣ еще нѣсколько экземпляровъ вашихъ печатныхъ рекламъ,
дабы я могъ съ помощью ихъ рекомендовать Ваши фитили своимъ знакомымъ. Съ
почтеніемъ Д. Яковлевъ.

4) Общество потребителей въ г. Николаевѣ подъ фирмою **ОБЩЕСТВО СБЕРЕЖЕНІЯ И ПРИОБРѢТЕНІЯ** существуетъ съ 1899 г.
Получены отъ г-на Д. Фомина изъ Москвы для продажи въ магазинъ Общества Потребителей подъ фирмою «Общество
Сбереженія и Приобрѣтенія въ Николаевѣ» **НЕСГОРАЕМЫЕ**
ФИТИЛИ „ТРИУМФЪ“ оказались дѣйствительно по испытанію
несгораемыми и кроиъ того эти фитили имѣютъ еще слѣдую-
щія преимущества: не копятъ, увеличиваютъ свѣтъ, не тре-
буютъ постоянного обрѣзыванія, не даютъ языковъ и вообще
вполнѣ отвѣчаютъ своему назначенію и печатаемымъ о нихъ
г. Фоминныхъ рекламъ, которыя вполнѣ справедливы. Предсѣ-
датель Общества Сбереженія и Приобрѣтенія Спиринниковъ.
Членъ Правленія Герасимовъ.
Одесса 12 марта 1899 года.

Господину Д. ФОМИНУ въ Москвѣ, Уланскій пер., № 6.
5) Милостивый Государь! Къ числу лицъ, выразившихъ Вамъ свою признатель-
ность за изобрѣтенные Вами несгораемые фитили «Триумфъ», какъ за весьмаую но-
винку въ области освѣщенія, я, съ своей стороны, ставлю себя въ пріятную обязан-
ность присоединиться и подтвердить, что, относясь въ началѣ вполнѣ скептически къ
Вашему столь важному изобрѣтенію, приобрѣвъ Ваши фитили «Триумфъ», я послѣд-
ствіи убѣдился, что таковые вполнѣ отвѣчаютъ тѣмъ преимуществамъ, о которыхъ уже,
въ свою очередь, высказались и другіе. Примите и проч. Съ совершеннымъ почтеніемъ
Домовладѣлецъ А. Ф. Денцовъ.

6) «Одесскія Новости» отъ 12 марта 1899 г. № 4566 отмѣчаютъ: «Г. Фоминныхъ
въ Москвѣ изобрѣтенныи несгораемые фитили для керосиновыхъ лампъ и кухонь. По
отзывамъ, выдаваемымъ разными учрежденіями, изобрѣтеніе это вноситъ крупную но-
вость въ область освѣщенія. Новинка эта появилась въ продажѣ и въ Одессѣ».
7) «Южная Обзорнѣ» № 750 отъ 12 марта 1899 г. русскіе изобрѣтатели не пе-
реводятся. Однимъ изъ жителей г. Москва г. Фоминныхъ взята привилегія на несо-
раемые фитили для всѣхъ керосиновыхъ лампъ и кухонь. Полученные г. Фоминныхъ
отзывы отъ вѣкторныхъ казенныхъ учреждений подтверждаютъ, что изобрѣтеніе несо-
раемыхъ фитилей должно внести крупную новинку въ область освѣщенія; фитили эти,
какъ мы слышали, уже появились въ продажѣ въ магазинахъ г. Одессы.

Всѣ иногороднія требованія исключительно выполняются только главнымъ складомъ,
куда и слѣдуетъ адресоваты.
Д. ФОМИНУ, Москва, Уланскій пер., № 6.

С.-Петербургско-Азовскій Коммерческій Банкъ
Невскій 62.
Отдаются въ наемъ безопасныя ящики для
храненія цѣнностей, документовъ и драго-
цѣнныхъ вещей.
№ 12152 12—8

КТО ЖЕЛАЕТЪ ОВЛАДАТЬ
НАИЛУЧШЕЙ ШВЕЙНОЙ МАШИНОЮ
ТОМУ СЛѢДУЕТЪ ПРИОБРЕСТИ
НАСТОЯЩУЮ АМЕРИКАНСКУЮ
„НЬЮ-ГОМЪ“
отличающуюся простотою конструкции, легкимъ ходомъ и небы-
валой прочностью. ЕДИНСТВЕННЫЙ ДЛЯ ВСЕЙ РОССИИ СКЛАДЪ
товарищество **М. Блокъ**
на паяхъ
Правленіе Москва. Отдѣленія: С.-Петербургъ, Киевъ, Одесса, Варшава, Ека-
теринбургъ, Конандъ. Представители почти во всѣхъ городахъ Имперіи; гдѣ та-
ковыхъ нѣтъ Товарищество проситъ обращаться въ Правленіе, въ Москву.

Миндальный кремъ (Crème d'amandes)
Вѣсто мыла для мытія лица и рукъ, замѣняющій мыла и миндальныя орехи,
рекомендуется всѣмъ лицамъ, имѣющимъ вѣжную и раздражительную кожу, не
выносящую мыла.
Миндальный кремъ никогда не портится. При употребленіи миндальнаго крема,
лицо надолго сохраняетъ свою вѣжность и свѣжесть. Банка въ 1 р., 60 к. и 30 к.
Мыло изъ миндальнаго крема.
Нѣжѣйшее по составу, съ пріятнымъ ароматомъ, кусокъ 50 коп. Получать можно
во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи. Остерегаться под-
дѣлокъ и подражаній. Обратитъ вниманіе на фирму: торговый домъ «Парфюмерная
лабораторія І. ГОЛДЕНДЕРЪ», С.-Петербургъ, Разъѣзжая, № 13.

ПАВЕЛЬ БУРЕ
В. № 12204 6—3
поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23.
Москва, по В. Лубянской, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
♦ **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ** собственной фабрики ♦
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. бесплатно.

РИСОВАЯ ПУДРА
ПЛОТНОПРИСТАЮЩАЯ,
БЕЗАМЪТНАЯ, ДУШИСТАЯ
LA MADONE
Продажа отомъ:
HUBERT, парюмеръ въ **БОРДО**
и въ **ПАРИЖѢ**: 26, rue d'Enghien
Склады во всѣхъ хорошихъ
парфюмерныхъ магазинахъ.

СИБИРСКІЙ СКЛАДЪ
КИТАЙСКИХЪ ШЕЛКОВЫХЪ МАТЕРІЙ
Д. А. Епанешникова
Москва, Никольская ул., Д. Греческ. мон.
ЧЕ-СУ-ЧА.
Дамская отъ 12 до 18 р. кусокъ въ 26/28 арш.
Мужская « 20 « 40 р. кусокъ въ 26/28 «
Фанза « 12 « 50 р. кусокъ въ 21/22 «
Товаръ высылаетъ наложеннымъ платежомъ.
Образцы бесплатно. 10—9

XXX г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXX

№ 19

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1899

Выданъ 8 мая 1899 г.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1899 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Безъ доставки въ Петербургъ	5.50	Безъ дост. въ МОСКВЪ въ конторѣ Н. ПЕЧКОВСКОЙ, К. Петровскія линіи	6.25	Безъ доставки въ ОДЕССЪ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, К. Ришельевская, 12.	6.50	Съ доставкою въ Петербургъ	6.50	Съ пересылкою во все мѣстоности Россіи	7	За гра. ницу	10 р.
На ¼ года съ дост. въ СПБ. 1 р. 25 к., съ перес. иногор. 1 р. 25 к.; на ½ года съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 к.											

При этомъ № прилагаются первые два листа Пушкинскаго Альбома „Нивы“.

Табунщикъ. Съ картины І. Брандта грав. Брендамуръ.

Воскресеніе.

Романъ
графа Л. Н. ТОЛСТОГО.

(Продолженіе.)

XXXIII.

Первое чувство, испытанное Нехлюдовымъ на другой день, когда онъ проснулся, было сознание того, что съ нимъ что-то случилось, и прежде даже, чѣмъ онъ вспомнилъ, что случилось, онъ зналъ уже, что случилось что-то важное и хорошее. «Катюша, судъ». Да, и надо перестать лгать и сказать всю правду. И какое удивительное совпаденіе: въ это самое утро пришло, наконецъ, то давно ожидаемое письмо отъ Марьи Васильевны, жены предводителя, то самое письмо, которое ему теперь было особенно нужно! Она давала ему полную свободу, желала счастья въ предполагаемой имъ женитьбѣ.

— Женитьба!—проговорилъ онъ проницательно.—Какъ я теперь далеко отъ этого.

И онъ вспомнилъ свое вчерашнее намѣреніе все сказать ей мужу, покаяться передъ нимъ и выразить готовность на всякое удовлетвореніе. Но нынче утромъ это показалось ему не такъ легко, какъ вчера. «И потомъ, зачѣмъ дѣлать несчастнымъ человѣка, если онъ не знаетъ. Если онъ спроситъ, да, я скажу ему. Но нарочно идти говорить ему? Нѣтъ, это не нужно».

Такъ же трудно показалось нынче утромъ сказать всю правду Мисси. Опять нельзя было начинать говорить,—это было бы оскорбительно. Неизбѣжно должно было оставаться, какъ и во многихъ житейскихъ отношеніяхъ, нѣчто подразумеваемое. Одно онъ рѣшилъ нынче утромъ: онъ не будетъ ѣздить къ нимъ и скажетъ правду, если спросятъ его.

Но зато въ отношеніяхъ съ Катюшей не должно было оставаться ничего недоговореннаго.

«Поѣду въ тюрьму, скажу ей, буду просить ее простить меня. И если нужно, да, если нужно, женюсь на ней»,—думалъ онъ.

Эта мысль о томъ, чтобы, ради нравственнаго удовлетворенія, пожертвовать всѣмъ и жениться на ней, нынче утромъ особенно умилила его.

Давно онъ не встрѣчалъ дня съ такою энергіей. Вшедшей къ нему Аграфенѣ Петровнѣ онъ тотчасъ же съ рѣшительностью, которой самъ не ожидалъ отъ себя, объявилъ, что не нуждается болѣе въ этой квартирѣ и въ ея услугахъ. Молчаливымъ соглашеніемъ было установлено, что онъ держитъ эту большую и дорогую квартиру для того, чтобы въ ней жениться. Сдача квартиры, стало-быть, имѣла особенное значеніе. Аграфена Петровна удивленно посмотрѣла на него.

— Очень благодарю васъ, Аграфена Петровна, за всѣ заботы обо мнѣ, но мнѣ теперь не нужна такая большая квартира и вся прислуга. Если же вы хотите помочь мнѣ, то будьте такъ добры распорядиться вещами, убрать ихъ покаместъ, какъ это дѣлалось при мамѣ. А Наташа прійдетъ, она распорядится. (Наташа была сестра Нехлюдова).

Аграфена Петровна покачала головой.

— Какъ же распорядиться? Вѣдь понадобятся же, — сказала она.

— Нѣтъ, не понадобятся, Аграфена Петровна, навѣрное не понадобятся,—сказалъ Нехлюдовъ, отвѣчая на то, что выражало ея покачиваніе головой. — Скажите, пожалуйста, и Корнѣю, что жалованье я ему отдалъ впередъ за два мѣсяца, но что мнѣ не нужно его.

— Напрасно, Дмитрій Ивановичъ, вы такъ дѣлаете,—выговорила она.—Ну, за границу поѣдете, все-таки понадобится помѣщеніе.

— Вы не то думаете, Аграфена Петровна. Я за границу не поѣду; если поѣду, то совсѣмъ въ другое мѣсто.

Онъ вдругъ багрово покраснѣлъ.

«Да, надо сказать ей,—подумалъ онъ:—нечего умалчивать. Надо все всѣмъ сказать».

— Со мной случилось очень странное и важное дѣло вчера. Вы помните Катюшу у тетушки Марьи Ивановны?

— Какъ же, я ее шить учила.

— Ну, такъ вотъ вчера въ судѣ эту Катюшу судили, и я былъ присяжнымъ.

— Ахъ, Боже мой, какая жалость!—сказала Аграфена Петровна.—Въ чемъ же она судилась?

— Въ убійствѣ,—и все это сдѣлать я.

— Какъ же это вы могли сдѣлать? Это очень странно вы говорите, — сказала Аграфена Петровна, и въ старыхъ глазахъ ея зажглись огоньки.

Она знала исторію съ Катюшей.

— Да, я всему причиной. И вотъ это измѣнило всѣ мои планы.

— Какая же отъ этого можетъ для васъ быть пере-мѣна?—сдерживая улыбку, сказала Аграфена Петровна.

— А та, что если я причиной того, что она пошла по этому пути, то я же и долженъ сдѣлать, что могу, чтобы помочь ей.

— Это ваша добрая воля, — только вины вашей тутъ особенной нѣтъ. Со всѣми бываетъ, и если съ разсудкомъ, то все это заглаживается и забывается, и живутъ,—сказала Аграфена Петровна строго и серьезно:—и вамъ это на свой счетъ брать не къ чему. Я и прежде слышала, что она сбилась съ пути, такъ кто же этому виноватъ?

— Я виноватъ. А потому и хочу исправить.

— Ну, ужъ это трудно исправить.

— Это мое дѣло. А если вы о себѣ думаете, то то, что мама желала...

— Я про себя не думаю. Я покойницей такъ благодѣтельствована, что ничего не желаю. Меня Лизанька зоветъ (это была ея замужняя племянница), я къ ней и поѣду, когда не нужна буду. Только вы напрасно принимаете это къ сердцу,—со всѣми это бываетъ.

— Ну, я не такъ думаю. И все-таки прошу васъ, помогите мнѣ сдать квартиру и вещи убрать. И не сердитесь на меня. Я вамъ очень, очень благодаренъ за все.

Удивительное дѣло: съ тѣхъ поръ, какъ Нехлюдовъ понялъ, что онъ дурень и противень самъ себѣ, съ тѣхъ поръ другіе перестали быть противными ему; напротивъ, онъ чувствовалъ и къ Аграфенѣ Петровнѣ, и къ Корнѣю ласковое и уважительное чувство. Ему хотѣлось покаяться и передъ Корнѣемъ, но видъ Корнѣя былъ такъ внушительно-почтительный, что онъ не рѣшился этого сдѣлать.

Дорогой въ судѣ, проѣзжая по тѣмъ же улицамъ, на томъ же извозчигѣ, Нехлюдовъ удивлялся самъ на себя, до какой степени онъ нынче чувствовалъ себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Женитьба на Мисси, казавшаяся еще вчера столь близкой, представлялась ему теперь совершенно невозможной. Вчера онъ понималъ свое положеніе такъ, что не было и сомнѣнія, что она будетъ счастлива пойти за него; нынче онъ чувствовалъ себя недостойнымъ не только жениться, но быть близкимъ съ нею. «Если бы она только знала, кто я, то ни за что не принимала бы меня. А я еще въ упрекъ ставилъ ей ея кокетство съ тѣмъ господиномъ. Да нѣтъ, если бы даже она и пошла теперь за меня, развѣ я могъ бы быть не то, что счастливъ, но спокоенъ, зная, что та тутъ въ тюрьмѣ и завтра-послѣзавтра пойдетъ съ этапомъ на каторгу. Та, погубленная мной женщина, пойдетъ на каторгу, а я буду здѣсь принимать поздравленія и дѣлать визиты съ молодой женой. Или буду съ

предводителем, которого я постыдно обманывалъ, на собраніи считать голоса за и противъ проводимаго постановленія земской инспекціи школъ и т. п., а потомъ буду назначать свиданія его женѣ (какая мерзость!), или буду продолжать картину, которая, очевидно, никогда не будетъ кончена, потому что мнѣ и не слѣдуетъ заниматься этими пустяками. И не могу ничего этого дѣлать теперь»,—говорилъ онъ себѣ и, не переставая, радовался той внутренней переѣмкѣ, которую чувствовалъ.

«Прежде всего,—думалъ онъ:—теперь увидать адвоката и узнать его рѣшеніе, а потомъ... потомъ увидать ее въ тюрьмѣ, вчерашнюю арестантку, и сказать ей все».

И когда онъ представлялъ себѣ только, какъ онъ увидитъ ее, какъ онъ скажетъ ей все, какъ покается въ своей винѣ передъ ней, какъ объявитъ ей, что онъ сдѣлаетъ все, что можетъ, женится на ней, чтобы загладить свою вину,—тогда особенное восторженное чувство охватывало его, и слезы выступали ему на глаза.

XXXIV.

Приѣхавъ въ судъ, Нехлюдовъ въ коридорѣ еще встрѣтилъ вчерашняго судебного пристава и разспросилъ его: гдѣ содержатся приговоренные уже по суду арестанты и отъ кого зависитъ разрѣшеніе свиданія съ ними? Судебный приставъ объяснилъ, что содержатся арестанты въ разныхъ мѣстахъ, и что, до объявленія рѣшенія въ окончательной формѣ, разрѣшеніе свиданій зависитъ отъ прокурора.—«Я вамъ скажу и провожу васъ самъ послѣ засѣданія. Прокурора теперь и нѣтъ еще. Послѣ засѣданія! А теперь пожалуйте въ судъ. Сейчас начинается».

Нехлюдовъ поблагодарилъ показавшагося ему нынче особенно жалкимъ пристава за его любезность и пошелъ въ комнату присяжныхъ.

Въ то время, какъ онъ подходилъ къ этой комнатѣ, присяжные ужъ выходили изъ нея, чтобы идти въ залу засѣданія. Купецъ былъ такъ же веселъ, и такъ же закурилъ и выпилъ, какъ и вчера, и какъ стараго друга встрѣтилъ Нехлюдова. И Петръ Герасимовичъ не вызывалъ нынче въ Нехлюдовѣ никакого неприятнаго чувства своей фамилярностью и хохотомъ.

Нехлюдову хотѣлось и всѣмъ присяжнымъ сказать про свое отношеніе къ вчерашней подсудимой. «По-настоящему,—думалъ онъ:—вчера во время суда надо было встать и публично объявить свою вину». Но когда онъ, вмѣстѣ съ присяжными, вошелъ въ залу засѣданія и началась вчерашняя процедура: опять «судъ идетъ», опять трое на возвышеніи въ воротникахъ, опять молчаніе, усаживаніе присяжныхъ на стульяхъ съ высокими спинками, жандармы, священникъ,—онъ почувствовалъ, что хотя и нужно было сдѣлать это, онъ и вчера не могъ бы разорвать эту торжественность.

Приготовленія къ суду были тѣ же, что и вчера (за исключеніемъ приведенія къ присягѣ присяжныхъ и рѣчи къ нимъ предсѣдателя).

Дѣло сегодня было о кражѣ со взломомъ. Подсудимый, оберегаемый двумя жандармами съ саблями на-голо, былъ худой, узкоплечій 20-тилѣтній мальчикъ въ сѣромъ халатѣ и съ сѣрымъ безкровнымъ лицомъ. Онъ сидѣлъ одинъ на скамьѣ подсудимыхъ и исподлобья оглядывалъ входившихъ. Мальчикъ этотъ обвинялся въ томъ, что, вмѣстѣ съ товарищемъ, сломалъ замокъ въ сараѣ и похитилъ оттуда старые половики, на сумму 3 рубля 67 копѣекъ. Изъ обвинительнаго акта видно было, что городской остановилъ мальчика въ то время, какъ онъ шелъ съ товарищемъ, который несъ на плечѣ половики. Мальчикъ и товарищъ его тотчасъ же повинились, и оба были посажены въ острогъ. Товарищъ мальчика, слесарь, умеръ въ тюрьмѣ, и вотъ мальчикъ судился одинъ. Старые половики лежали на столѣ вещественныхъ доказательствъ.

Дѣло велось точно такъ же, какъ и вчера, со всѣмъ арсеналомъ доказательствъ, уликъ, свидѣтелей, присяги, допросовъ, экспертовъ и перекрестныхъ вопросовъ. Свидѣтель-городовой на вопросы предсѣдателя, обвинителя, защитника безжизненно отрубалъ: «такъ точно-съ», «не могу знать» и опять «такъ точно»... но, несмотря на это, видно было, что онъ жалѣлъ мальчика и неохотно рассказывалъ о своей поимкѣ.

Другой свидѣтель, пострадавшій старичокъ, домовладѣлецъ и собственникъ половиковъ, очевидно, желчный человекъ, когда его спрашивали, признаетъ ли онъ свои половики, очень неохотно призналъ ихъ своимъ; когда же товарищъ прокурора сталъ допрашивать его о томъ, какое употребленіе онъ намѣренъ былъ сдѣлать изъ половиковъ, очень ли они ему были нужны, онъ разсердился и отвѣчалъ: «И пропади они пропадомъ, эти самые половики, они мнѣ и вовсе не нужны. Кабы я зналъ, что столько изъ-за нихъ докуки будетъ, такъ не то что искать, а приплатилъ бы къ нимъ красенькую, да и двѣ бы отдалъ, только бы не таскали на допросы. Я на извозчикахъ рублей 5 проѣздилъ. А я же нездоровъ. У меня и грижа и ревматизмы».

Такъ говорили свидѣтели, самъ же обвиняемый во всемъ винился и, какъ пойманный звѣрекъ, безмысленно оглядываясь по сторонамъ, прерывающимся голосомъ рассказывалъ все, какъ было.

Дѣло было ясно, но товарищъ прокурора такъ же, какъ и вчера, поднимая плечи, дѣлалъ тонкіе вопросы, долженствовавшіе уловить хитраго преступника.

Въ своей рѣчи онъ доказывалъ, что кража совершенна въ жилищѣ помѣщеніи и со взломомъ, а потому мальчика надо подвергнуть самому тяжелому наказанію.

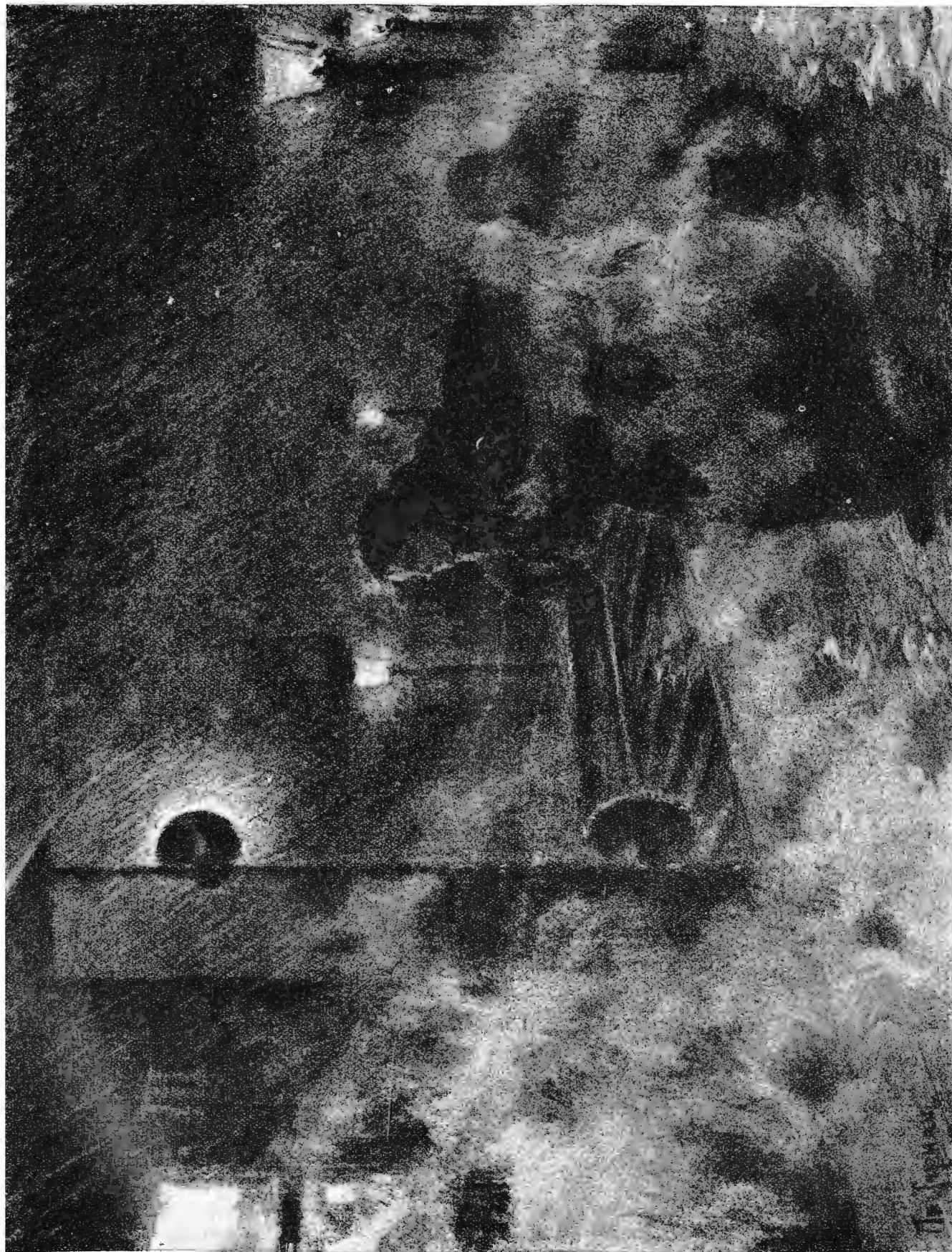
Назначенный же отъ суда защитникъ доказывалъ, что кража совершенна не въ жилищѣ помѣщеніи и что потому, хотя преступленіе и нельзя отрицать, но все-таки преступникъ еще не такъ опасенъ для общества, какъ это утверждалъ товарищъ прокурора.

Предсѣдатель такъ же, какъ и вчера, изображалъ изъ себя безпристрастіе и справедливость и подробно разъяснялъ и внушалъ присяжнымъ то, что они знали и не могли не знать. Такъ же, какъ и вчера, дѣлались перерывы, такъ же курили; такъ же судебный приставъ вскрикивалъ: «судъ идетъ», и такъ же, стараясь не заснуть, сидѣли два жандарма.

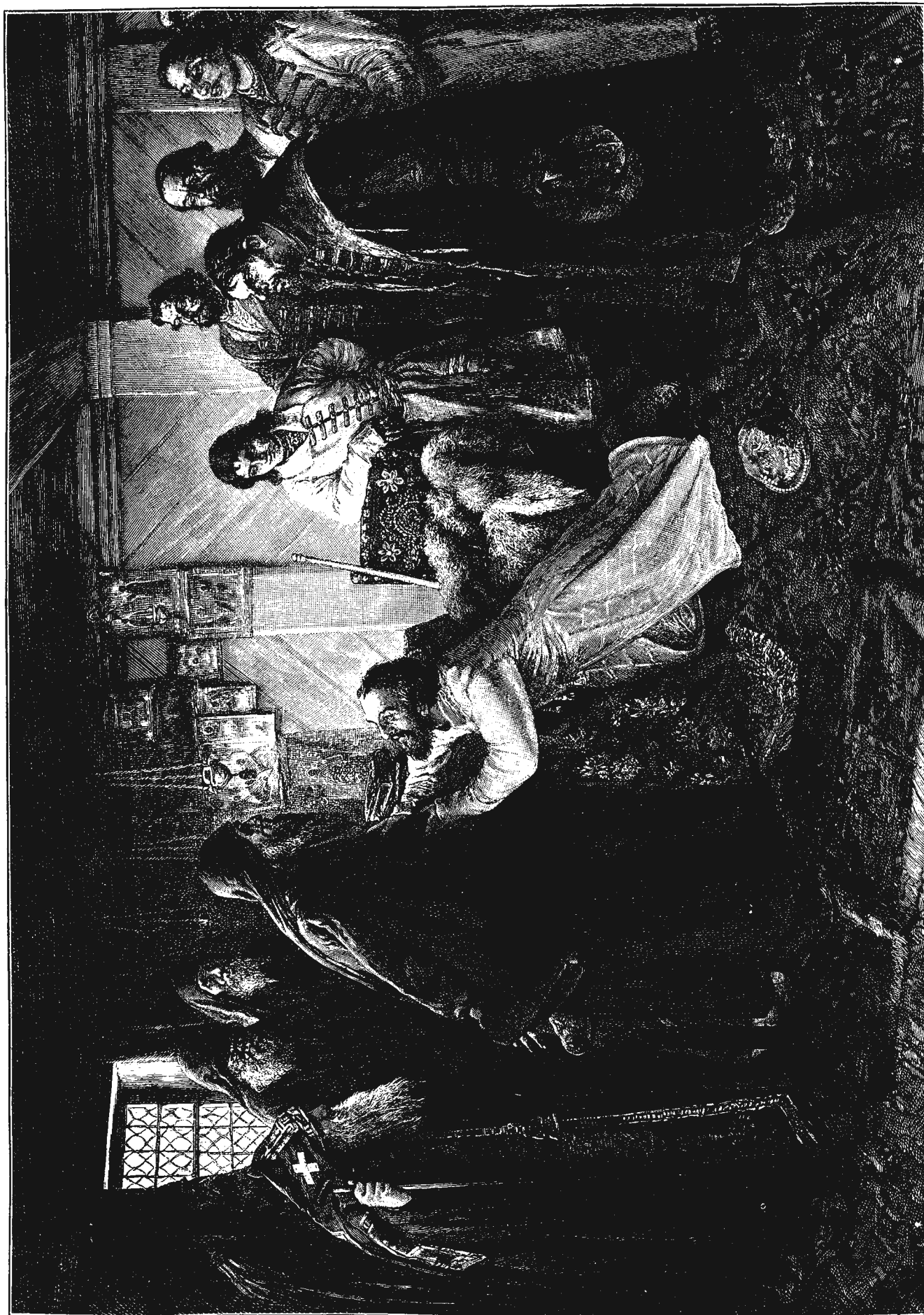
Изъ дѣла видно было, что этотъ мальчикъ былъ отданъ отцомъ мальчишкой на табачную фабрику, гдѣ онъ прожилъ 5 лѣтъ. Въ нынѣшнемъ году онъ былъ рассчитанъ хозяиномъ послѣ происшедшей неприяности хозяина съ рабочими, и, оставшись безъ мѣста, ходилъ безъ дѣла по городу, пропивая съ себя послѣднее. Въ трактирѣ онъ сошелся съ такимъ же, какъ онъ, еще прежде лишившимся мѣста и сильно нившимъ слесаремъ, и они вдвоемъ, ночью, пьяные, сломали замокъ и взяли оттуда первое, что попало. Ихъ поймали. Они во всемъ сознались. Ихъ посадили въ тюрьму, гдѣ слесарь, дожидаясь суда, умеръ. Мальчика же вотъ теперь судили, какъ опасное существо, отъ котораго надо оградить общество.

«Такое же опасное существо, какъ вчерашняя преступница,—думалъ Нехлюдовъ, слушая все, что происходило передъ нимъ.—Они опасны. А мы не опасные?.. Я—распутникъ, обманщикъ, и всѣ мы, всѣ тѣ, которые, зная меня такимъ, каковыя я есть, не только не презирали, но уважали меня?»

Вѣдь очевидно, что мальчикъ этотъ не какой-то особенный злодѣй, а самый обыкновенный—это видятъ всѣ—человѣкъ, и что сталъ онъ тѣмъ, что есть, только потому, что находился въ такихъ условіяхъ, которыя порождаютъ такихъ людей. И потому, кажется, ясно, что для того, чтобы не было такихъ мальчиговъ, нужно постараться уничтожить тѣ условія, при которыхъ образуются такіа несчастныя существа. Вѣдь стоило только найтись человѣку,—думалъ Нехлюдовъ, глядя на бо-

„Воскресеніє“, романъ гр. Л. Н. Толстого. Натюша бѣжитъ за поѣздомъ.
Ориг. рис. (собств. «Иппы») Л. О. Пастернака, авторитипъ «Иппы».

XXVII передвижная выставка. Царь Иоанн IV Грозный просить игумена Кирилла (Кирилло-Блозерского монастыря) благословить его въ монахи. Съ картины К. В. Лебедева грав. Холмский.

лѣзненное, запуганное лицо мальчика: — который пожалѣлъ бы его, когда его еще отъ нужды отдавали изъ деревни въ городъ, и помогъ этой нуждѣ; или даже когда онъ ужъ былъ въ городѣ и, послѣ 12 часовъ работы на фабрикѣ, шелъ съ увлекшими его старшими товарищами въ трактиръ, стоило найтись человѣку, который сказалъ бы: «не ходи, Вани, не хорошо», — мальчикъ не пошелъ бы, не заболтался и ничего бы не сдѣлалъ дурного.

Но такого человѣка, который бы пожалѣлъ его, не нашлось ни одного во все то время, когда онъ, какъ звѣрекъ, жилъ въ городѣ свои года ученья и остриженный подъ гребенку, чтобъ не разводилъ вшей, бѣгалъ мастерамъ за покупкой; напротивъ, все, что онъ слышалъ отъ мастеровъ и товарищей съ тѣхъ поръ, какъ онъ живетъ въ городѣ, было то, что молодецъ тотъ, кто обманетъ, кто выпьетъ, кто обругаетъ, кто приберетъ, кто развратничаетъ.

Когда же онъ, больной и испорченный отъ нездоровой работы, пьянства, разврата, одурѣлый и шальной, какъ во снѣ, шлялся безъ цѣли по городу и сдуру залѣзъ въ какой-то сарай и вытащилъ оттуда никому не нужные половники, мы не то, что позаботились о томъ, чтобы уничтожить тѣ причины, которыя довели этого мальчика до его теперешняго положенія, а хотимъ поправить дѣло тѣмъ, что будемъ казнить этого мальчика!..

Ужасно!

Нехлюдовъ думалъ все это, уже не слушая того, что происходило передъ нимъ. И самъ ужасался тому, что ему открывалось. Онъ удивлялся, какъ могъ онъ не видѣть этого прежде, какъ могли другіе не видѣть этого.

XXXV.

Какъ только сдѣланъ былъ первый перерывъ, Нехлюдовъ всталъ и вышелъ въ коридоръ съ намѣреніемъ уже больше не возвращаться въ судъ. Пускай съ нимъ дѣлаютъ, что хотятъ, но участвовать въ этой комедіи онъ болѣе не можетъ.

Узнавъ, гдѣ кабинетъ прокурора, Нехлюдовъ пошелъ къ нему. Курьеръ не хотѣлъ допустить его, объявивъ, что прокуроръ теперь занятъ, но Нехлюдовъ, не слушая его, прошелъ въ дверь и обратился къ встрѣтившему его чиновнику, прося его доложить прокурору, что онъ присяжный и что ему нужно видѣть его по очень важному дѣлу. Княжескій титулъ и хорошая одежда помогли Нехлюдову. Чиновникъ доложилъ прокурору, и Нехлюдова выпустили. Прокуроръ принялъ его стоя, очевидно, недовольный настоятельностью, съ которой Нехлюдовъ требовалъ свиданья съ нимъ.

— Что вамъ угодно? — строго спросилъ прокуроръ.

— Я присяжный, фамилія моя Нехлюдовъ, и мнѣ необходимо видѣть подсудимую Маслову, — быстро и рѣшительно проговорилъ Нехлюдовъ, краснѣя и чувствуя, что онъ совершаетъ такой поступокъ, который будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на его жизнь.

Прокуроръ былъ невысокій, смуглый человѣкъ, съ короткими, сѣдѣющими волосами, блестящими быстрыми глазами и стриженной густой бородой на выдающейся нижней челюсти.

— Маслову? Какъ же, знаю. Обвинялась въ отравленіи, — сказалъ прокуроръ спокойно. — Для чего же вамъ нужно видѣть ее? — И потомъ, какъ бы желая смягчить, прибавилъ: — Я не могу разрѣшить вамъ этого, не зная, для чего вамъ это нужно.

— Мнѣ нужно это по особенно важному для меня дѣлу, — вспыхнувъ, заговорилъ Нехлюдовъ.

— Такъ-съ, — сказалъ прокуроръ и, поднявъ глаза, внимательно оглядѣлъ Нехлюдова. — Дѣло ея слушалось, или еще нѣтъ?

— Она вчера судилась и приговорена къ четыремъ годамъ каторги совершенно неправильно. Она невинна.

— Такъ-съ. Если она приговорена только вчера, — сказала прокуроръ, не обращая никакого вниманія на заявленіе Нехлюдова о невинности Масловой: — то до объявленія приговора въ окончательной формѣ она должна все-таки находиться въ домѣ предварительнаго заключенія. Свиданія тамъ разрѣшаются только въ опредѣленные дни. Туда вамъ и совѣтую обратиться.

— Но мнѣ нужно видѣть ее какъ можно скорѣе, — дрожа нижней челюстью, сказалъ Нехлюдовъ, чувствуя приближеніе рѣшительной минуты.

— Для чего же вамъ это нужно? — поднимая съ нѣкоторымъ безпокойствомъ брови, спросилъ прокуроръ.

— Для того, что она невинна и приговорена къ каторгѣ. Виновикъ же всего я, — говорилъ Нехлюдовъ дрожащимъ голосомъ, чувствуя, вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ говоритъ то, чего не нужно бы говорить.

— Какимъ же это образомъ? — спросилъ прокуроръ.

— Потому что я обманулъ ее и привелъ въ то положеніе, въ которомъ она теперь. Если бы она не была тѣмъ, до чего я ее довелъ, она и не подверглась бы такому обвиненію.

— Все-таки я не вижу, какую связь это имѣетъ съ свиданіемъ.

— А то, что я хочу стѣдовать за нею и... жениться на ней, — выговорилъ Нехлюдовъ. И какъ всегда, какъ только онъ заговоритъ объ этомъ, слезы выступили ему на глаза.

— Да? Вотъ какъ! — сказалъ прокуроръ. — Это дѣйствительно очень исключительный случай. Вы, кажется, гласный красноперскаго земства? — спросилъ прокуроръ, какъ бы вспоминая, что онъ слышалъ прежде про этого Нехлюдова, теперь заявляющаго такое странное рѣшеніе.

— Извините, я не думаю, чтобы это имѣло связь съ моей просьбой, — вспыхнувъ, злобно отвѣтилъ Нехлюдовъ.

— Конечно, нѣтъ, — чуть замѣтно улыбаясь и нисколько не смущаясь, сказалъ прокуроръ: — но ваше желаніе такъ необыкновенно и такъ выходитъ изъ обычныхъ формъ...

— Что же, могу я получить разрѣшеніе?

— Разрѣшеніе? Да, я сейчасъ дамъ вамъ пропускъ. Потрудитесь посидѣть.

Онъ подошелъ къ столу, сѣлъ и сталъ писать.

— Пожалуйста, присядьте.

Нехлюдовъ стоялъ.

Написавъ пропускъ, прокуроръ передалъ записку Нехлюдову, съ любопытствомъ глядя на него.

— Я еще долженъ заявить, — сказалъ Нехлюдовъ: — что я не могу продолжать участвовать въ сессіи.

— Нужно, какъ вы знаете, представить уважительныя причины суду.

— Причины тѣ, что я считаю всякій судъ не только бесполезнымъ, но и безнравственнымъ.

— Такъ-съ, — сказалъ прокуроръ, все съ той же чуть замѣтной улыбкой, какъ бы показывая этой улыбкой то, что такія заявленія знакомы ему и принадлежатъ къ извѣстному ему забавному разряду. — Такъ-съ, но вы, очевидно, понимаете, что я, какъ прокуроръ суда, не могу согласиться съ вами. И потому совѣтую вамъ заявить объ этомъ на судѣ, и судъ разрѣшитъ ваше заявленіе и признаетъ его уважительнымъ или неуважительнымъ, и въ послѣднемъ случаѣ наложить на васъ взысканіе. Обратитесь въ судъ.

— Я заявилъ, и болѣе никуда не пойду, — сердито проговорилъ Нехлюдовъ.

— Мое почтеніе, — сказалъ прокуроръ, наклоня голову, очевидно желая скорѣе избавиться отъ этого страннаго посѣтителя.

— Кто это у васъ былъ? — спросилъ членъ суда, вслѣдъ за выходомъ Нехлюдова, входя въ кабинетъ прокурора.

— Нехлюдовъ, знаете, который еще въ Красноперскомъ уѣздѣ, въ земствѣ, разныя странныя заявленія дѣлалъ. И представьте, онъ — присяжный, и въ числѣ подсудимыхъ оказалась женщина или дѣвушка, приговорен-

ная въ каторгу, которая, какъ онъ говоритъ, была имъ обманута, и онъ теперь хочетъ жениться на ней.

— Да не можетъ быть?

— Такъ онъ мнѣ сказалъ... И въ какомъ-то странномъ возбужденіи.

— Что-то есть, какая-то ненормальность въ нынѣшнихъ молодыхъ людяхъ.

— Да онъ уже не очень молодой.

— Ну, ужъ какъ надоѣтъ, батюшка, вашъ прославленный Ивашенковъ. Онъ изморомъ беретъ: говорить и говорить безъ конца.

— Ихъ надо просто останавливать, а то вѣдь настоящіе обструкціонисты...

XXXVI.

Отъ прокурора Нехлюдовъ поѣхалъ прямо въ домъ предварительнаго заключенія. Но оказалось, что никакой Масловой тамъ не было, и смотритель объяснилъ Нехлюдову, что она должна быть въ старой пересыльной тюрьмѣ. Нехлюдовъ поѣхалъ туда.

Дѣйствительно, Екатерина Маслова находилась тамъ.

Расстояніе отъ дома предварительнаго заключенія до пересыльнаго замка было огромное, и пріѣхавъ Нехлюдовъ въ замокъ уже только къ вечеру. Онъ хотѣлъ подойти къ двери огромнаго, мрачнаго зданія, но часовой не пустилъ его, а только позвонилъ. На звонокъ вышелъ надзиратель. Нехлюдовъ показалъ свой пропускъ, но надзиратель сказалъ, что безъ смотрителя онъ не можетъ пустить. Нехлюдовъ направился къ смотрителю. Еще поднимаясь по лѣстницѣ, Нехлюдовъ слышалъ изъ-за дверей звуки какой-то сложной, бравурной пьесы, разыгрываемой на фортепіано. Когда же ему отворила дверь сердитая горничная, съ завязаннымъ глазомъ, звуки эти какъ бы вырвались изъ комнаты и поразили его слухъ. Это была надоѣвшая расподія Листа, игранная прекрасно, но только до одного мѣста. Когда доходило до этого мѣста, то повторялось опять то же самое. Нехлюдовъ спросилъ повязанную горничную, — дома ли смотритель.

Горничная сказала, что нѣтъ.

— Скоро ли будетъ?

Расподія опять остановилась и опять съ блескомъ и шумомъ повторилась до заколдованнаго мѣста.

— Я пойду спрошу.

И горничная вышла.

Расподія только-что опять разбѣжалась, какъ вдругъ, не доходя до заколдованнаго мѣста, оборвалась и послышался голосъ:

— Скажи ему, что нѣтъ и нынче не будетъ. Онъ въ гостяхъ, чего пристають, — раздавался женскій голосъ изъ-за двери, и опять послышалась расподія, но опять остановилась и послышался звукъ отодвигаемаго стула. Очевидно, рассерженная пианистка сама хотѣла сдѣлать выговоръ приходящему не въ урочный часъ назойливому посѣтителю.

— Панаша нѣтъ, — сердито сказала, выходя, съ взбитыми волосами, жалкаго вида, блѣдная дѣвушка, съ снѣжками подъ улыбки глазами. Увидавъ молодого человѣка въ хорошемъ пальто, она смягчилась. — Войдите, пожалуйста. Вамъ что же надо?

— Въ острогъ видѣть заключенную. У меня разрѣшеніе отъ прокурора.

— Ну, я не знаю, панаша нѣтъ. Да зайдите, пожалуйста, — опять позвала она его изъ маленькой передней. — А то обратитесь къ помощнику, онъ теперь въ конторѣ, съ нимъ поговорите. Ваша какъ фамилія?

— Благодарю васъ, — сказалъ Нехлюдовъ, не отвѣчая на вопросъ, и вышелъ.

Еще не успѣли за нимъ затворить дверь, какъ опять раздались все тѣ же бойкіе, веселые звуки, такъ же медные ни къ мѣсту, въ которомъ они производились, ни къ лицу жалкой дѣвушки, такъ упорно заучивавшей ихъ.

На дворѣ Нехлюдовъ встрѣтилъ молодого офицера съ торчащими, нафабранными усами и спросилъ его о помощникѣ смотрителя. Это былъ самъ помощникъ. Онъ взялъ пропускъ, посмотрѣлъ его и сказалъ, что по пропуску въ домъ предварительнаго заключенія онъ не рѣшается пропустить сюда. Да ужъ и поздно. Пожалуйте завтра.

— Завтра въ 10 часовъ свиданіе разрѣшается всемі; вы пріѣзжайте, и самъ смотритель будетъ дома. Тогда свиданіе можете имѣть въ общей, а если смотритель разрѣшитъ, то и въ конторѣ.

Такъ и не добившись въ этотъ день свиданія, Нехлюдовъ поѣхалъ домой. Взволнованный мыслью увидать ее, Нехлюдовъ шелъ по улицамъ, вспоминая теперь не судъ, а свои разговоры съ прокуроромъ и смотрителями. То, что онъ искалъ свиданія съ ней и сказалъ про свое намѣреніе прокурору и былъ въ двухъ тюрьмахъ, готовясь увидать ее, такъ взволновало его, что онъ долго не могъ успокоиться. Пріѣхавъ домой, онъ тотчасъ же досталъ свои давно нетронутые дневники, перечелъ нѣкоторыя мѣста изъ нихъ и записалъ слѣдующее: «Два года не писалъ дневника и думалъ, что никогда уже не вернусь къ этому ребячеству. А это было не ребячество, а бесѣда съ собой, съ тѣмъ истиннымъ, божественнымъ я, которое живетъ въ каждомъ человѣкѣ. Все время это я спало, и мнѣ не съ кѣмъ было бесѣдовать. Пробудило его необыкновенное событіе 28-го апрѣля, въ судѣ, гдѣ я былъ присяжнымъ. Я на скамьѣ подсудимыхъ увидалъ ее, обманутую мною Катюшу, въ арестантскомъ халатѣ. По странному недоразумѣнію и по моей ошибкѣ ее приговорили къ каторгѣ. Я сейчасъ былъ у прокурора и въ тюрьмѣ. Меня не пустили къ ней, но я рѣшилъ все сдѣлать, чтобы увидать ее, покаяться передъ ней и загладить свою вину, хотя женитьбой. Господи, помоги мнѣ! Мнѣ очень хорошо, радостно на душѣ».

XXXVII.

Долго въ эту ночь не могла заснуть Маслова, а лежала съ открытыми глазами и, глядя на дверь, заслонявшуюся то взадъ то впередъ проходившею дьячихой, думала.

Думала она о томъ, что ни за что не пойдетъ замужъ за каторжнаго, на Сахалинѣ, а какъ-нибудь иначе устроится, — съ какимъ-нибудь изъ начальниковъ, съ писаремъ, хоть съ надзирателемъ, хоть съ помощникомъ. Они всѣ на это падки. «Только бы не похудѣть. А то пропадешь». И она вспомнила, какъ защитникъ смотрѣлъ на нее, и какъ смотрѣлъ предсѣдатель, и какъ смотрѣли встрѣчавшіеся и нарочно проходившіе мимо нея люди въ судѣ. Она вспомнила, какъ, посѣтившая ее въ острогѣ, Берта рассказывала ей, что тотъ студентъ, котораго она любила, живя у Китаевой, пріѣзжалъ къ нимъ, спрашивалъ про нее и очень жалѣлъ. Вспоминала она о дракѣ съ рыжей и жалѣла ее, вспоминала о булочникѣ, выславшемъ ей лишній калачъ. Она вспоминала о многихъ, но только не о Нехлюдовѣ. О своемъ дѣтствѣ и молодости, а въ особенности о любви къ Нехлюдову, она никогда не вспоминала. Это было слишкомъ больно. Эти воспоминанія, гдѣ-то далеко, нетронутыми лежали въ ея душѣ. Даже во снѣ она никогда не видала Нехлюдова. Нынче, на судѣ она не узнала его не столько потому, что когда она видѣла его въ послѣдній разъ, онъ былъ военный, безъ бороды, съ маленькими усиками и, хотя и короткими, но густыми выщипанными волосами, а теперь былъ на видъ уже не молодой человѣкъ, съ бородою, — сколько потому, что она никогда не думала о немъ. Похоронила она всѣ воспоминанія о своемъ прошедшемъ съ нимъ въ ту ужасную темную ночь, когда онъ пріѣзжалъ изъ арміи и не заѣхалъ къ тетушкамъ.

До этой ночи, пока она надѣялась на то, что онъ заѣдетъ, она не только не тяготилась ребенкомъ, котораго носила подъ сердцемъ, но часто удивленно уми-

лялась его мягкимъ, а иногда порывистымъ движеніямъ въ себя. Но съ этой ночи все стало другое. И будущій ребенокъ сталъ только одной помѣхой.

Тетушки ждали Нехлюдова, просили его заѣхать, но онъ телеграфировалъ, что не можетъ, потому что долженъ быть въ Петербургѣ къ сроку. Когда Катюша узнала это, она рѣшила пойти на станцію, чтобы увидеть его. Поѣздъ проходилъ ночью, въ 2 часа. Катюша уложила спать барышень и, подговоривъ съ собою дѣвочку, кухаркину дочь Маньку, надѣла старыя ботинки, накрылась платкомъ, подобралась и побѣжала на станцію.

Была темная, осенняя, дождливая, вѣтреная ночь. Дождь то начиналъ хлестать теплыми крупными каплями, то переставалъ. Въ полѣ, подъ ногами, не было видно дороги, а въ лѣсу было темно, какъ въ печи, и Катюша, хотя и знала хорошо дорогу, сбилась съ нея въ лѣсу и дошла до маленькой станціи, на которой поѣздъ стоялъ 3 минуты, не заходя, какъ она надѣялась, а послѣ второго звонка. Выбѣжавъ на платформу, Катюша тотчасъ же, въ окнѣ вагона перваго класса, увидела его. Въ вагонѣ этомъ былъ особенно яркій свѣтъ. На бархатныхъ креслахъ сидѣли другъ противъ друга два офицера и играли въ карты. На столикѣ у окна горѣли отекшія, толстыя свѣчи. Онъ, въ обтянутыхъ рейтузахъ и бѣлой рубашкѣ, сидѣлъ на ручкѣ кресла, облокотившись на его спинку, и чему-то смѣялся. Какъ только она узнала его, она стукнула въ окно зазѣбшей рукой. Но въ это самое время ударилъ третій звонокъ, и поѣздъ медленно тронулся, сначала назадъ, а потомъ одинъ за другимъ стали подвигаться впередъ толчками сдвигаемые вагоны. Одинъ изъ игравшихъ поднялся съ картами въ рукахъ и сталъ глядѣть въ окно. Она стукнула еще разъ, и приложила лицо къ стеклу. Въ это время дернулся и тотъ вагонъ, у котораго она стояла, и пошелъ. Она пошла рядомъ, смотря въ окно. Офицеръ хотѣлъ опустить окно, но никакъ не могъ. Нехлюдовъ всталъ и, оттолкнувъ офицера, сталъ спускаться. Поѣздъ прибавилъ хода, такъ что Катюша шла быстрымъ шагомъ. Поѣздъ пошелъ еще скорѣе, и окно спустилось. Въ это самое время кондукторъ оттолкнулъ ее и вскопчилъ въ вагонъ. Она отстала, но все бѣжала по мокрымъ доскамъ платформы, потомъ платформа кончилась, и Катюша насилу удержалась, чтобы не упасть, сбѣгая по ступенькамъ на землю. Она бѣжала, но вагонъ перваго класса былъ уже далеко впереди. Мимо нея бѣжали вагоны II-го класса, потомъ еще быстрѣе побѣжали вагоны III-го класса, но она все-таки бѣжала. Когда пробѣжалъ послѣдній вагонъ съ фонарями, она была уже за водокачкой, внѣ защиты, и вѣтеръ набросился на нее, срывая съ головы ея платокъ и обдѣпляя съ одной стороны платьемъ ея бѣгущія ноги. Платокъ сбило съ нея вѣтромъ, но она все бѣжала.

— Тетенька Михайловна!—кричала дѣвочка, едва поспѣвая за нею.—Платокъ потеряли!

Катюша остановилась и, закинувъ голову назадъ и схватившись за нее руками, зарыдала.

— Уѣхалъ!—закричала она.

«Онъ, въ освѣщенномъ вагонѣ, на бархатномъ креслѣ сидитъ, шутитъ, пьетъ, — а я вотъ здѣсь, въ грязи, въ темнотѣ, подъ дождемъ и вѣтромъ—стою и плачу»,—подумала она сама съ собой и сѣла на землю и такъ громко зарыдала, что дѣвочка испугалась и обняла ее за мокрое платье.

— Тетенька, домой пойдемъ.

«Пройдетъ поѣздъ—подъ вагонъ, и кончено»,—думала между тѣмъ Катюша, не отвѣчая дѣвочкѣ.

Она рѣшила, что сдѣлаетъ такъ. Но тутъ же, какъ это всегда бываетъ въ первую минуту затишья послѣ волненія, онъ, ребенокъ, — его ребенокъ, который былъ въ ней, вдругъ вздрогнулъ, стукнулся и плавно потянулся, и опять застучалъ тѣмъ-то тонкимъ, нѣжнымъ и острымъ. И вдругъ, все то, что за минуту такъ мучило ее, что казалось нельзя было жить, вся злоба на него и желаніе отомстить ему хоть своей смертью,—все это вдругъ отдалилось. Она успокоилась, встала, оправилась, надѣла на голову платокъ и пошла домой.

Измученная, мокрая, грязная, она вернулась домой, и съ этого дня въ ней начался тотъ душевный переворотъ, вслѣдствіе котораго она сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ была теперь. Съ этой страшной ночи она перестала вѣрить въ Бога и въ добро. Она прежде сама вѣрила въ Бога и въ то, что люди вѣрятъ въ Него, но съ этой ночи убѣдилась, что никто не вѣритъ въ это, и что все, что говорятъ про Бога и Его законъ, все это—обманъ и несправедливость. Онъ, котораго она любила, и который ее любилъ,—она это знала,—бросилъ ее, надругавшись надъ ея чувствами. А онъ былъ самый лучший изъ всѣхъ людей, какихъ она знала. Всѣ же остальные были еще хуже. И все, что съ ней случилось, на каждомъ шагѣ подтверждало это. Тетки его, богомольныя старушки, прогнали ее, когда она не могла уже такъ служить имъ, какъ прежде. Всѣ люди, съ которыми она сходилась,—женщины старались черезъ нее добыть денегъ, мужчины, начиная со стараго становаго и до тюремныхъ надзирателей, смотрѣли на нее, какъ на предметъ удовольствія. И ни для кого ничего не было другого на свѣтѣ. Въ этомъ еще больше утвердилъ ее старый писатель, съ которымъ она сошлась на второй годъ своей жизни на свободѣ. Онъ прямо такъ и говорилъ ей, что въ этомъ—онъ называлъ это поэзіей и эстетикой — состоитъ все счастье.

Всѣ жили только для себя, для своего удовольствія, и всѣ слова о Богѣ и добрѣ были обманъ. Если же когда и поднимались вопросы о томъ, зачѣмъ на свѣтѣ все устроено такъ дурно, что всѣ дѣлаютъ другъ другу зло и всѣ страдаютъ,—надо было не думать объ этомъ. Станетъ скучно — покурила или выпила, и пройдетъ.

(Продолженіе будетъ.)

КЪ столѣтней годовщинѣ

А. С. Пушкина.

Наступаетъ знаменательная годовщина въ исторіи русскаго самосознанія и русской литературы: сто лѣтъ тому назадъ — 26-го мая 1799 г.—родился величайшій нашъ писатель, Пушкинъ, залившій ниву родного слова потоками свѣта и любви.

Присоединяя всей душой къ общему чествованію незабвенной памяти Пушкина, мы съ этого номера отводимъ многіе столбцы нашего журнала очеркамъ, посвященнымъ великому поэту, и расширяемъ съ этою цѣлью рамки «Нивы»: вмѣсто 2½ листовъ (20 страницъ), мы будемъ давать — 3½ (28 страницъ), а въ номерѣ, предшествующемъ дню юбилея, дадимъ 7½ листовъ (60 страницъ). Добавочные листы будутъ всецѣло посвящены очеркамъ: 1) жизни поэта, 2) его безсмертныхъ твореній и 3) общаго его значенія для русской жизни и литературы. Два первыхъ очерка будутъ снабжены множествомъ портретовъ и рисунковъ (около 100), иллюстрирующихъ жизнь и творенія Пушкина, а всѣ три составятъ отдѣльный пушкинскій альбомъ (съ особою нумераціею и художественно украшенной обложкой), который читатели «Нивы» сохраняютъ на память о столѣтней годовщинѣ рожденія великаго чашего поэта.

Къ рисункамъ.

Польскій художникъ Иосифъ Брандтъ справедливо считается однимъ изъ самыхъ выдающихся знатоковъ и поэтовъ степи и степной жизни. И люди, и лошади—герои брандтовскихъ картинъ—вольныя и необузданныя дѣти широкой привольной степи. Безбрежная зеленая степь, безпредѣльный просторъ и безконечный шатеръ голубого неба—кладутъ какой-то особый отпечатокъ на характеръ и на весь видъ обитателей степи. Въ нихъ есть что-то широкое, вольное, удалое—какой-то размахъ силы, до поры до времени скрытой, сдерживаемой, но которая всегда можетъ быть вызвана къ жизни. Этотъ конный табунщикъ, стерегущій въ степи доверенныхъ ему коней, написанъ художникомъ съ полнымъ знаніемъ дѣла и трактованъ съ искренней любовью. Въ этомъ, вѣроятно, секретъ того впечатлѣнія, которое производитъ на зрителя его картина.

Высоконареченные женихъ и невѣста. Княжичъ Данило черногорскій и принцесса Ютта мекленбургъ-стрелицкая. По грав. автотипія «Нивы».

ивншуся, и пришедшу ми къ вашему преподобію, и тогда со игуменомъ бнше Иосафъ, архимандритъ Каменской, и Сергѣй Кольчовъ, ты Никодимъ, ты Антоній, а иныхъ не упомяю; и бывши въ сей бесѣдѣ надолгъ, и азъ грѣшный вамъ извѣстихъ желание свое о постриженіи... и свое обѣщаніе положихъ вамъ съ радостію, яко нигдѣ индѣ, аще благовоитъ ми Богъ во благополучно время здраву постричься, точю въ сей обители Чудотворца Кирилла, и вамъ, молировавшихъ, азъ же обаянныи преклонихъ съ верную свою главу и припадохъ къ честнымъ стопамъ игумена, благословенія прося; оному же руку на мнѣ положшу и благословившу мене на семъ...»

На достоинства картины мы указывать не станемъ: они бросаются въ глаза. Не даромъ г. Лебедевъ пользуется извѣстностью опытного и умѣлаго иллюстратора отечественной исторіи.

Черногорскій княжичъ Данило и его невѣста, принцесса Ютта мекленбургъ-стрелицкая.

(Портр. на этой стр.)

Княжичъ Данило черногорскій, недавно обручившійся съ принцессой Юттой мекленбургъ-стрелицкой,—старшій сынъ князя Николая и будущій властитель Черногоріи. Княжичъ родился въ Цетиньѣ 17-го іюня 1871 г. По праву наследника престола княжичъ Данило состоитъ главнокомандующимъ дѣйствующей черногорской арміи; вмѣстѣ съ тѣмъ княжичъ числится полковникомъ русской службы, по стрѣлковому батальону, а также полковникомъ сербской арміи. Подобно своему отцу, княжичъ Данило свои досуги посвящаетъ поэзіи и музыкѣ, и его произведенія, проникнутыя яркимъ народнымъ духомъ, дышащія силой и страстной порывистостью, пользуются большою популярностью въ Черногоріи.

Невѣста княжича Данилы,—принцесса Ютта мекленбургъ-стрелицкая, дочь наследнаго принца Адольфа-Фридриха и принцессы Елисаветы

Картина К. В. Лебедева воскрешаетъ въ нашей памяти одинъ изъ характернѣйшихъ эпизодовъ царствованія Иоанна Грознаго—пріѣздъ царя въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь съ цѣлю постричься въ монахи. Это странное противорѣчіе въ характерѣ Грознаго—жестокость и самоуничженіе, самобичеваніе—ярко охарактеризовалъ Карамзинъ. «Любопытно видѣть, какъ сей государь,—говоритъ онъ:—до конца жизни усердный читатель христіанскаго закона, хотѣлъ сознать его божественное ученіе съ своею неслыханною жестокостію: то оправдывалъ оную въ видѣ правосудія, утверждая, что всѣ ея мученики были измѣнники, чародѣи, враги Христа и Россіи; то смиренно винилъ себя предъ Богомъ и людьми, называлъ себя гнуснымъ убійцею невинныхъ, приказывалъ молиться за нихъ въ святыхъ храмахъ; то утѣшался надеждою, что искреннее раскаяніе будетъ ему спасеніемъ, и что онъ, сложивъ съ себя земное величіе, въ мирной обители св. Кирилла-Бѣлозерскаго современемъ будетъ примѣрнымъ инокомъ». Моментъ, талантливо изображенный художникомъ, описанъ въ слѣдующемъ отрывкѣ письма Иоанна къ игумену кирилловскому: «Помните, отцы святіи, егда нѣкогда придучеся ми у васъ быти... и повелѣхъ тогда сущему игумену Кириллу съ нѣкими отъ васъ нѣгдѣ въ кельѣ скривнѣ быти, самому же съ мятежа и лица мірскаго упразд-

Королевскій дворецъ въ Гаагѣ, въ которомъ будетъ происходить мирная конференція. По фот. грав. Рашевскій.

ангальтской, родилась въ Неустрелицѣ 12-го января 1880 года. Высоконареченные женихъ и невѣста связаны родственными узами съ нашимъ Императорскимъ Домомъ: княжичъ Данило—со стороны своихъ августѣйшихъ сестеръ ихъ высочествовъ Милицы Николаевны, супруги великаго князя Петра Николаевича, и Станы Николаевны, супруги герцога лейхтенбергскаго Георгія Максими-

лиановича; принцесса Ютта—со стороны своего двоюродного дѣда герцога Георга († 8-го июня 1876 г.), состоявшаго въ супружествѣ съ великой княгиней Екатериной Михайловной, въ Бозѣ почившей 1-го мая 1894 г. Принцесса Ютта, исповѣдующая нынѣ лютеранство, приметъ православіе.

Дворецъ мира въ Гаагѣ. (Рис. на стр. 369.)

Въ началѣ мая открывается мирная конференція въ Гаагѣ. Помѣщеніемъ для конференціи избранъ одинъ изъ лучшихъ нидерландскихъ дворцовъ. Совершенно удаленный отъ городского шума, весь утопающій въ зелени, расположенный въ поэтической мѣстности, на берегу красиваго озера, дворецъ этотъ какъ нельзя лучше отвѣчаетъ своему нынѣшнему назначенію:—конференція будетъ работать въ немъ въ полной тиши. Дворецъ, являющійся любимую лѣтнею резиденціею юной королевы Вильгельмины, выстроенъ въ строго-нидерландскомъ стилѣ и отличается отъ обыкновенныхъ нидерландскихъ зданій и видѣть только своимъ большимъ куполомъ. Весь фасадъ дворца облицованъ простымъ краснымъ кирпичомъ, непокрытымъ никакой краской или глазурью и придающимъ ему оригинальный характеръ. Время почти не наложило на него своего разрушительнаго отпечатка, а стоитъ дворецъ уже очень давно, болѣе двухъ съ половиною вѣковъ. Онъ построенъ въ 1647 году. Отнынѣ онъ приобретаетъ историческое значеніе и останется драгоценной реликвіей конца XIX вѣка. Исторія навѣки сохранивъ за нимъ названіе: «дворецъ мира».

К. Н. Посъеть. (Портр. на этой стр.)

26-го апрѣля скончался, послѣ продолжительной болѣзни, бывший министръ путей сообщенія генералъ-адъютантъ Константинъ Николаевичъ Посъеть.

К. Н. Посъеть родился въ 1819 году и получилъ образованіе въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Произведенный въ 1836 году въ мичманы, онъ совершилъ первыя плаванія въ Вѣломъ и Балтійскомъ моряхъ. Назначенный въ 1852 году командиромъ парового судна «Гр. Вронченко» и въ 1857 г.—учебнаго артиллерійскаго корабля «Прохоръ», покойный примѣнилъ на нихъ многія придуманныя имъ улучшенія.

Болѣе широкое развитіе дѣятельность К. Н. получила съ того времени, когда на адмирала Путятина возложено было заключеніе торговаго договора съ Японіею. К. Н. отправился съ нимъ на фрегатѣ «Паллада», и плаваніе это было великолѣпно описано Н. А. Гончаровымъ; позже, въ 1861—1863 г., К. Н., въ должности начальника отряда яхтъ, вновь ѣздилъ въ Японію для обмѣна трактатовъ. Назначенный состоять наставникомъ при великомъ князѣ Алексѣѣ Александровичѣ, онъ сопутствовалъ своему Августѣйшему воспитаннику во всѣхъ его продолжительныхъ и дальнихъ плаваніяхъ въ Средиземное море, Атлантическій океанъ, къ берегамъ Америки, Китая, Японіи и Сибири.

Произведенный въ 1861 г. въ контръ-адмиралы, въ 1868 г.—въ вице-адмиралы и въ 1882 г.—въ адмиралы, К. Н. былъ назначенъ, въ 1874 г., на постъ министра путей сообщенія. Въ этой отвѣтственной должности К. Н. проявилъ широкую дѣятельность: онъ организовалъ особыя «описныя партіи», работы которыхъ послужили къ исправленію и улучшенію многихъ русскихъ рѣкъ; для улучшенія условій судоходства по внутреннимъ водамъ были привлечены опытные моряки, учреждены водомѣрные посты, метеорологическія станціи, судоходные съѣзды и произведено много гидротехническихъ работъ.

Не мало сдѣлано покойнымъ и для желѣзнодорожнаго дѣла: при немъ вновь проведено свыше 9,000 верстъ желѣзнодорожныхъ путей; выработана и утверждена общій уставъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, положено начало урегулированія желѣзнодорожныхъ тарифовъ; большія работы предпринимались также въ интересахъ лабоатжнаго плаванія. При немъ расширены каналы Очаковскаго бара и Керчь-Еникальскаго пролива, вновь устроены каналы: Сисскій, Свирскій и Маринскій, открытъ Морской каналъ въ С.-Пе-

тербургѣ, произведено множество промѣровъ русскихъ рѣкъ и гаваней.

Назначенный членомъ Государственнаго Совѣта въ 1882 году, покойный, состоя въ то же время въ должности предсѣдателя главнаго управленія Императорскаго русскаго общества спасанія на водахъ, съ неутомимою энергіею продолжалъ трудиться на пользу созданнаго имъ же дѣла спасанія утопающихъ на водахъ; благодаря его заботамъ, въ настоящее время почти вся Россія покрыта сплошною сѣтью лѣтнихъ и зимнихъ спасательныхъ постовъ.

Имя К. Н. Посъета извѣстно и на научно-литературномъ поприщѣ. Появившійся въ 1847 году его первый трудъ: «Артиллерійское ученіе», въ которомъ весьма обстоятельно разсматриваются основныя правила артиллерійской практики первоклассныхъ иностранныхъ флотовъ, не мало содѣйствовалъ развитію боевой силы русскихъ военныхъ судовъ, что не замедлило сказаться въ дѣлахъ нашихъ судовъ близъ Кавказскаго прибрежья. Еще болѣе вниманіе специалистовъ обратилъ на себя появившійся въ 1849 г. второй его трудъ: «Вооруженіе военныхъ флотовъ»; трудъ этотъ, вышедшій три года спустя вторымъ изданіемъ, былъ увѣнчанъ Академіей Наукъ Демидовскою преміею и сдѣлался настольною книгою каждаго специалиста.

К. Н. Посъеть состоялъ почетнымъ членомъ морского технического комитета и Николаевской морской академіи и многихъ ученыхъ обществъ. Именемъ К. Н. Посъета названъ заливъ въ Приморской области, на западномъ побережьи залива Петра Великаго.

М. Н. Островскій.

(Портр. на этой стр.)

26-го апрѣля исполнилось пятидесятилѣтіе служенія одного изъ выдающихся нашихъ государственныхъ дѣятелей, предсѣдателя департамента законовъ Государственнаго Совѣта, статсъ-секретаря д. т. с. Михаила Николаевича Островскаго.

М. Н. Островскій родился въ Москвѣ въ 1827 году и, подобно старшему брату своему, извѣстному драматургу Александру Николаевичу, окончилъ курсъ сперва въ московской губернской, нынѣ первой, гимназіи, а затѣмъ въ Императорскомъ московскомъ университетѣ. 26-го апрѣля 1849 года М. Н., тогда еще двадцатидвухлѣтній юноша, началъ службу при симбирскомъ гражданскомъ губернаторѣ, но затѣмъ былъ переведенъ въ С.-Петербургъ, гдѣ сдѣлался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ помощниковъ государственнаго контролера В. А. Татаринова и принималъ весьма близкое участіе во всѣхъ его важнѣйшихъ работахъ по введенію контрольных преобразованій въ Россіи.

Назначенный въ 1871 году товарищемъ государственнаго контролера, спустя годъ сенаторомъ, а въ 1874 году—статсъ-секретаремъ, М. Н. Островскій вскорѣ обратилъ на себя вниманіе правительства своею выдающеюся дѣятельностью. Въ 1877 году онъ обозрѣвалъ дѣйствія полевого контроля кавказской арміи, результатомъ чего явилось назначеніе его, въ 1878 году, членомъ Государственнаго Совѣта, присутствующимъ въ департаментѣ государственной экономіи. Годъ спустя, М. Н. назначенъ былъ почетнымъ опекуномъ.

Въ 1881 г., когда М. Н. былъ назначенъ министромъ государственныхъ имуществъ, для него открылось новое широкое поприще. М. Н. Островскій не только преобразовалъ весь внутренній строй министерства, но и создалъ подходящій контингентъ лицъ, сумѣвшихъ подъ его руководствомъ принести много существенной пользы.

Изъ цѣлаго ряда выдающихся мѣропріятій М. Н. Островскаго за время его обширной дѣятельности въ главѣ министерства государственныхъ имуществъ, слѣдуетъ особенно выдвинуть его труды въ дѣлѣ упорядоченія оброчныхъ статей, установленія—выгоднаго для казны и народнаго хозяйства—порядка отдачи ихъ въ аренду; при немъ проведенъ законъ 1888 года объ охранѣ лѣсовъ и положено твердое основаніе сельско-хозяйственному образованію въ Россіи. Всѣ эти широкія реформы и мѣропріятія требовали значительныхъ денежныхъ затратъ, и расходы министерства за первое семилѣтіе управленія М. Н. Островскимъ дѣйствительно возросли съ 20 до 22½ милліоновъ рублей; но въ общей сложности министерство государственныхъ имуществъ, за

К. Н. Посъеть. († 26 апрѣля 1899 г.).
По грав. Барановскаго авт. «Нивы».

М. Н. Островскій. По поводу 50-лѣтія служебной дѣятельности. По грав. Барановскаго автот. «Нивы».

покрытием своих расходов, как по всем вверенным ему частям управления, так и по эксплуатации подлежащих его управлению имуществ, приносило уже государству до 10.000.000 руб. чистого дохода.

В 1893 г. М. Н. назначен был председателем департамента законов Государственного Совета. В Высочайшем рескрипте, данном М. Н. Островскому 26-го апреля т. г. по поводу его юбилея, деятельность его в Государственном Совете охарактеризована следующими словами: «Последние шесть лет ваши разносторонние познания находят себе отменно полезное применение при исполнении порученных вам 1-го января 1893 г. ответственных обязанностей председателя департамента законов Государственного Совета; не щадя здоровья и сил, вы влагаете в изучение подлежащих рассмотрению, нередко весьма сложных дел, присущую вам беззаветную приверженность к труду. Столь же ревностное и просвещенное участие вы принимаете в заседаниях других высших установлений Империи».

М. Н. Островский состоит, кроме того, почетным членом Императорской академии наук и председателем комитета музея прикладных знаний в С.-Петербурге.

В день своего юбилея М. Н. Островский удостоен был, кроме всемирноизвестного рескрипта, пожалования высшей награды—ордена св. Андрея Первозванного.

А. В. Бодиско. (Портр. на этой стр.)

20-го апреля скончался штабс-ротмистр Андрей Васильевич Бодиско. Покойный с прошлой осени с особым самоотвержением работал в числе тех безкорыстных тружеников, которые в настоящее время призваны облегчить страдания населения пострадавших от неурожая губерний. По воле Провидения, А. В. Бодиско был первой жертвой (надо молить Бога, чтобы и последней) в строю тех интеллигентных деятелей, которые руководят делом борьбы за голодом и эпидемиями.

Осенью 1898 г. А. В. Бодиско получил назначение в неурожайную губернию, в качестве помощника главного уполномоченного от Красного Креста, ген. Шведова. По прибытии на место, ему были поручены район, заключающий в себе симбирский и бунинский уезды, в которых население поголовно терпело нужду в хлебе, при чем в большинстве сель этих уездов свирепствовали сыпной тиф и чинга. Были села, где в каждой хатке лежало по несколько больных. Почти весь медицинский персонал отряда А. В. Бодиско переболел тифом и чингой. Каким-то чудом завезенный районом уберечься на место от заражения, несмотря на то, что приходилось ночевать в хатах, где все крестьянская семья была больна. Питание было скудное. В течение четырех месяцев покойный не обдал, ибо нельзя же было не подлечь последним куском хлеба с голодающими. Превосходным подспорьем питания служил ему шоколад, которым его снабдили родные пред отправлением в симбирскую губернию. В первый раз ему пришлось пообедать в Москве, где он был проездом на несколько часов. 5-го апреля, истощенный и изнуренный, А. В. прибыл в Петербург, вызванный по делу о продовольствии, и через два дня был помещен в усиленный лазарет конно-гвардейского полка, так как у него открылись тиф и чинга, а 20-го апреля, не придя в сознание, он скончался.

В день приезда в Петербург покойный передавал близким людям, что в его район эпидемия усиливается; питание населения недостаточно; люди приуныли; удручающее и тяжелое впечатление вызывает одно воспоминание обо всем пережитом.

На похороны А. В. Бодиско присутствовали: представитель от общества Красного Креста, председатель общества, генерал-адъютант адмирал Кремер, представитель от ген. Шведова, все офицеры лейб-гвардии уланского полка, родные и много друзей и знакомых. На гроб возложены были венки от Красного Креста, от товарищей-офицеров лейб-гвардии уланского полка, от ген. Шведова и красивый из фарфоровых цветов венок с надписью: «Безвременно погибшему на службе страждущим от искренних друзей».

Мать покойного получила следующую телеграмму от ген. Шведова: «Глубоко скорблю о кончине Андрея Васильевича. Мир праху честного труженика, положившего свой живот в святом деле помощи страждущим».

Приводим краткий формуляр покойного. А. В. Бодиско происходил из столбовых дворян орловской губернии; отец его был губернатором в Сибири. А. В. получил образование в реальном училище Гуревича, а затем в Николаевском кавалерийском училище, откуда в 1889 г. выпущен в лейб-гвардию уланский полк; в 1898 г. он был назначен адъютантом к командиру 18-го армейского корпуса, откуда и был командирован в поволжские губернии. Скончался он на 33-м году жизни.

Мир праху твоему, честный труженик, «положивший душу свою за други своя»...

С. Д. Дрожжинь. (Портр. на стр. 372.)

Недавно исполнилось 25-летие литературной деятельности Спиридона Дмитриевича Дрожжина, поэта-самоучки, который среди поэтов этого рода завоевал себе первенствующее место в последнее время. Это — не Кольцов, не Сляпушкин, не Суриков; но он стоит значительно выше многих других стихотворцев из народа. Г. Дрожжинь справедливо говорит:

«Я для песни задушевной
«Взял лосьвов зеленых попоть,
«А у Волги в жарь полдневный
«Темных струй подслушал ропоть;
«Взял у осени неастье,
«У весны благоуханье,
«У народа взяла я счастье
«И беззлочно страдаю».

Его стихи, действительно, задушевные; от них веет русской природой и русской деревней, то—русской меланхолией и скорбью, то—русским весельем и удалью. Иногда из груди поэта вырывается какой-то отчаянно-скорбный вопль:

«Не сумью горя
«Высказать словами,—
«Так в тоску его я
«Изолю слезами;
«И когда слезою,
«Злое, не зальется,
«Отъ души родною
«Песнею споется!».

Иногда же он, повидимому, махнув рукой на все житейское, восклицает удало и звучно:

«Ты зайой
«Мня весной
«Пьсю, соловейко!

«Уходи,
«Пропади,
«Грусть, тоска-зловдыка!»

Преобладающее место в лирике г. Дрожжина занимают отклики деревенской жизни, и тут он—знаток деревни, ее сыт, ее плоть и кровь.

Встречаются у г. Дрожжина (но в значительно меньшем количестве) также и культурные, так-сказать, мотивы, явные, несомненно, Некрасовым, Некрасовым и др. Тем не менее, для оценки его жизни и деятельности такие стихотворения имеют значение: они свидетельствуют, что даже при всем своем горьком существовании, поэт развивал себя чтением, не впадая в полное уныние и некая утешения и поддержки в самообразовании.

Действительно, тяжело прошло детство и юность С. Д. Дрожжина. Родился он в 1848 г. в деревне Низовки, тверской губернии и уезда, на Волге, и выучился грамоте от дяди, любившего читать Священное Писание и вообще оказавшего благотворное влияние на своего внука. Бедность они пережили тяжкую: отец Дрожжина жил в столице, в кучерах, и о семье не заботился, так что дядю приходилось иногда прокармливать своих внуков, ходя с сумою по миру. Поучившись еще немного грамоты у сельского дьячка, мальчик в 1860 г. попал в Петербург и очутился «маль-

чишкой» в гостинице «Европа» с жалованьем по 2 рубля в месяц, с потасовками от буфетчика и от посетителей гостиницы и с непрерывной работой от 4 час. утра до 12 noon. С детства склонный к мечтательности и созерцанию, здесь он восполнял себя наставшее для него лишение чтением книжонок, которые покупал у книгонош за вырученные «на чай» деньги.

Вырвавшись отсюда, он становится на много лет скитальцем: то—подручным в табачной лавочке, то—половым в трактире, то—больным, или опять приказчиком в магазин игольчатых газовых свечей, или в углу за 1 р. 25 к. в месяц, или же без всякого угла, без гроша денег, на гранитных спусках Невы или в пригородном парке на скамейке, и, наконец—лакеем у какого-то барина, который, однако, не нашел в нем лакейского призвания... Но в этом скитальческом образе жизни он не забывает о духовной пище: днем, при каждой возможности, заходит в Публичную библиотеку, читает, работает над собой и даже... пишет дневник! Впоследствии помещенный М. Н. Семевским в *Русской Старине* дневник г. Дрожжина потрясает читателя, не только как скорбное свидетельство самоучки, жаждавшего духовной работы, но и как яркое доказательство мощности духа русского человека, который способен пережить тяжелое существование, полный надежд, бодро и твердо... В скитаниях своих пришлось С. Д. Дрожжину пожить в Москве, и даже в Ташкенте на табачной фабрике, куда его завез какой-то купец, обещав ему золотые горы, а на самом деле не дал потом даже расчета. Когда же поэт добрался кое-как на родину, тут его и женили. Но тут далеко еще не настает для него благополучие. Стремление к литературе влекло его жить в столице. Но жить с семьею в столице на свои литературные заработки он, понятно, не мог хотя бы даже мало-мальски сносно: приходилось ютиться с семьею в сырой и холодной комнатке; жена хворала; дети один за другим умирали... Брать же на родину не хотелось: его разлад с отцом, никогда не ценившим его любви к книге, продолжался и разрастался. Когда поэт пытался пожить в деревне, он испытывал на себе и на своей семье деспотизм

А. В. Бодиско. († 20 апреля 1899 г.)
По фот. автотипия «Нивы».

отца, хотя и онъ, и жена, наравнѣ съ другими, пахали, косили, жали.

За послѣдніе годы, впрочемъ, С. Д. Дрожжинъ, покончивъ со своими мытарствами, вполне устроился въ деревнѣ и, какъ ея вѣрный сынъ, отдаетъ ей дань мозолями за сохой да косой и пѣснями.

С. Д. Дрожжинъ не мало сотрудничалъ въ журналахъ и выпустилъ два сборника стихотвореній: «Стихотворенія С. Д. Дрожжина» и «Пѣсни крестьянина».

Военныя дѣйствія американцевъ на Филиппинскихъ островахъ. (Рис. на стр. 372б.)

Въ то время какъ Старый Свѣтъ дѣятельно готовится къ мирной конференціи, къ искорененію войны, къ прекращенію вооруженій, Новый Свѣтъ, съ его пресловутыми представителями мирнаго труда и прогресса, продолжаетъ воевать и съ оружіемъ въ рукахъ захватываетъ каждую пядь земли Филиппинскихъ острововъ. Война вовсе не прекратилась, потоки крови до сихъ поръ заливаютъ эти мирно процвітавшіе острова, превращенные теперь въ однѣ развалины. Въ концѣ марта послѣ ожесточеннаго боя американскимъ войскамъ удалось отбросить повстанцевъ изъ позицій въ окрестностяхъ Маниллы — къ сѣверу; генералъ Отисъ донесъ въ Вашингтонъ, что разбитые филиппинцы возвращаются

въ свои городскія жилища; населеніе мѣстности между Манилой и пунктами, до которыхъ достигли американскіе отряды, просило о покровительствѣ Штатовъ; населеніе оповѣщено воззваніемъ генерала Отиса, что верховное господство Штатовъ будетъ установлено на всемъ филиппинскомъ архипелагѣ; всякое противодѣйствіе будетъ подавлено силою; населенію архипелага дарована будетъ самая широкая автономія. На помощь повстанцамъ послѣли періодическіе дожди, во время которыхъ военныя дѣйствія рѣшительно невозможны. Американскіе генералы пришли къ заключенію, что для водворенія порядка на всемъ архипелагѣ потребуется стотысячная армія. Такой поворотъ дѣла произвелъ въ Вашингтонѣ сильное впечатлѣніе. Продолженіе военныхъ дѣйствій на Филиппинахъ грозитъ такимъ образомъ Соединеннымъ Штатамъ очень чувствительными потерями людьми и деньгами; вмѣстѣ съ тѣмъ у повстанцевъ тоже изсякаютъ силы къ сопротивленію. Этимъ объясняется, что вождь повстанцевъ Агвинальдо изъявилъ американцамъ готовность сдаться, съ тѣмъ чтобы была обусловлена самостоятельность Филиппинскихъ острововъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, делегаты отъ Макъ-Кинлея и Агвинальдо изъявили готовность придти къ соглашенію, на основаніи котораго Соединенные Штаты могли бы предоставить, подъ своимъ контролемъ, населенію филиппинскаго архипелага конституцію, подобную американской.

Политическое обозрѣніе.

Появившіеся нѣсколько недѣль тому назадъ слухи объ окончаніи переговоровъ между Россіей и Англіей относительно разграниченія интересовъ этихъ державъ въ Китаѣ, — подтвердились, наконецъ, заявленіями изъ авторитетнаго источника. На годичномъ банкетѣ академіи художествъ, происходившемъ въ Лондонѣ 18-го апрѣля, лордъ Салисбери оповѣстилъ многочисленное собраніе, что «достигнуто удовлетворительное соглашеніе съ русскимъ правительствомъ». Ораторъ выразилъ при этомъ надежду, что новое соглашеніе будетъ имѣть хорошіе результаты; указавъ на отношенія, временно существовавшія между Англіей и великою имперіею за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, британскій премьеръ нашелъ возможнымъ радостно приветствовать фактъ, что «соглашеніе по китайскому вопросу, съ нѣкоторою достовѣрностью, предотвратитъ всякую вѣроятность столкновенія съ британскими интересами и цѣлями въ будущемъ».

Затѣмъ въ палатѣ лордовъ послѣдовало официальное сообщеніе по китайскимъ дѣламъ — о заключеніи съ Россіей желѣзнодорожной конвенціи. Подтверждая неприкосновенность державныхъ правъ Небесной имперіи, конвенція признала за Россіей исключительное право желѣзнодорожной дѣятельности въ Манчжуріи; Англіи предоставлены такія же преимущества въ долині Янгъ-Цзе-Кянга.

Въ Лондонѣ 25-го апрѣля обнародованы ноты, которыми обмѣнялись Россія и Англія по китайскому вопросу: вмѣстѣ съ изложеніемъ деталей относительно обоюдныхъ желѣзнодорожныхъ предпріятій въ предѣлахъ Небесной имперіи, въ дипломатическихъ документахъ выражено взаимное желаніе Россіи и Англіи — избѣгать столкновеній въ вопросахъ, въ которыхъ сопрягаются интересы обѣихъ сторонъ; ненарушимостью державныхъ правъ Китая и соблюденіемъ договоровъ имѣется въ виду устранить все, что можетъ вызвать осложненія; исполненіе существующихъ постановленій признается необходимымъ, какъ для упроченія мира на Дальнемъ Востоцѣ, такъ и для охраненія интересовъ Китая. Дополнительные документы касаются постройки новыхъ желѣзнодорожныхъ вѣтвей въ Китаѣ и регулируютъ права на линію Шанхай-Куанъ-Нью-Чуангъ, которая должна оставаться исключительно въ китайскихъ рукахъ.

По отзывамъ газеты *Times*, состоявшееся соглашеніе послужитъ основой для дальнѣйшихъ переговоровъ къ удовлетворительному размежеванію интересовъ Англіи и Россіи на Дальнемъ Востоцѣ. Подобный взглядъ высказали и другіе органы печати, близкіе къ правительственнымъ кружкамъ. Но печать консервативнаго лагеря, не считающая необходимымъ скрывать свое руссофобство, стала рекомендовать для Китая «цѣлесообразную политику», которая дала-де въ Египтѣ блестящіе результаты. По мнѣнію газеты *Globe*, весь вопросъ сводится къ тому, какъ достигнуть превосходства английскихъ силъ надъ русскими; Англія должна помочь Китаю при участіи другихъ заинтересованныхъ державъ; необходимо-де довести ежегодные размѣры британской торговли въ Китаѣ до 350 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, т.-е. до половины всей заграничной торговли Англіи; въ виду своего положенія въ Индіи, Англія не должна играть въ Китаѣ вторую роль; принципъ, восторжествовавшій въ Египтѣ, долженъ быть примѣненъ въ большихъ размѣрахъ

и въ Китаѣ, англизированіе котораго составляетъ цѣль Англіи; цѣлостъ Небесной имперіи будетъ только тогда обезпечена, когда британское правительство будетъ достаточно сильнымъ, чтобы «противодѣйствовать движенію Россіи» въ предѣлахъ Китая.

Къ счастью цивилизованнаго человечества, чающаго теперь благаго мира, взгляды английскихъ руссофобовъ не вполне совпадаютъ съ намѣреніями британскаго правительства, а потому существуетъ полная надежда на миролюбивое согласованіе интересовъ Россіи и Англіи на берегахъ Тихаго океана.

Во Франціи засѣданія палаты депутатовъ возобновились 20-го апрѣля. Попытки социалистовъ добиться отъ военнаго министра привлеченія къ отвѣтственности «скомпрометированныхъ военныхъ» — до рѣшенія дѣла Дрейфуса кассационнымъ судомъ — не удалась: министерство сумѣло отерочить всѣ запросы по дѣлу о «пересмотрѣ» до тѣхъ поръ, пока не выскажется кассационный судъ, и палата приступила къ очереднымъ дѣламъ, не имѣющимъ отношенія къ пресловутому «пересмотру». Въ засѣданіи 23-го апрѣля это рѣшеніе палаты однако было обойдено: отъ военнаго министра потребованы были объясненія по поводу скандала въ политехнической школѣ. Одинъ изъ профессоровъ этого учебнаго заведенія, напечатавшій статью въ защиту Дрейфуса, былъ враждебно встрѣченъ воспитанниками школы, послѣ чего пришлось приостановить курсъ профессора, а воспитанникамъ сдѣланъ былъ выговоръ за нарушеніе дисциплины. По объясненію военнаго министра въ палатѣ, начальникъ школы «твердо исполнилъ свой долгъ, охраняя порядокъ въ подвѣдомственномъ ему учебномъ заведеніи». Дѣлавшій запросъ депутатъ сталъ упрекать военнаго министра въ томъ, что онъ прекращеніемъ лекцій упомянутаго профессора одобрилъ актъ нарушенія дисциплины въ школѣ; въ заключеніе своего запроса ораторъ отказался признать объясненія министра удовлетворительными. Отвѣтъ военнаго министра вызвалъ среди сторонниковъ Дрейфуса такой шумъ, что военный министръ Фрей-

сина долженъ былъ сойти съ трибуны. На слѣдующій день Фрейссинъ увѣдомилъ министра-президента, что послѣ инцидента въ палатѣ считаетъ необходимымъ разстаться со своими товарищами по кабинету. Послѣ обычныхъ увѣщаній, отставка была принята, и новымъ военнымъ министромъ назначенъ министръ общественныхъ работъ Кранцъ, портфель котораго переданъ сенатору Монестею.

Отставка Фрейссина произвела большую сенсацию, давшую поводъ предполагать существованіе разногласія среди членовъ кабинета.

На запросъ въ палатѣ о причинахъ смѣны военнаго министра, министръ-президентъ отвѣтилъ 26-го апрѣля заявленіемъ о полномъ единодушій въ кабинетѣ, послѣ чего подавляющимъ большинствомъ голосовъ принятъ былъ простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ.

Въ тотъ же день возобновилъ свои засѣданія сенатъ, приступившій къ разсмотрѣнію государственнаго бюджета на текущій годъ. Такимъ образомъ парламентской работѣ данъ нормальный ходъ, но нервная раздражительность народныхъ представителей, въ связи съ ожидаемымъ постановленіемъ кассационнаго суда, создаетъ почву для неожиданностей въ политической жизни Франціи, тѣмъ болѣе, что крайняя лѣвая заняла въ палатѣ господствующее положеніе.

С. Д. Дрожжинъ. По поводу 25-лѣтія литературной дѣятельности. По фот. автотипія «Нивы».

Разныя извѣстія.

— По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, внесено в кассу главного управления россійскаго общества Краснаго Креста одинъ милліонъ пятьсотъ тысячъ рублей, на усиленіе средствъ общества по предпринятой имъ организаціи продовольственной и врачебной помощи населенію 7 восточныхъ губерній.

— Августѣйшая Покровительница попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ Государыня Императрица Александра Феодоровна повелѣть соизволила: командировать въ губерніи: казанскую, вятскую и симбирскую — члена комитета, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Галкина-Враскаго и въ губерніи самарскую и уфимскую — члена комитета тайнаго совѣтника барона Буксегвена, снабдивъ ихъ денежными средствами изъ суммъ попечительства; назначить при каждомъ изъ нихъ по нѣскольку помощниковъ врачей и предоставить уполномоченнымъ: принимать пожертвованія, которыя, безъ сомнѣнія, начнутъ поступать отъ сочувствующихъ дѣлу лицъ, расходовать таковыя на потребности порученнаго имъ дѣла и доводить о нихъ до Высочайшаго Ея Величества свѣдѣнія черезъ комитетъ попечительства. Оба уполномоченные, М. Н. Гал-

кинъ-Враскій и баронъ О. О. Буксегвенъ, съ сотрудниками своими, выѣзжаютъ изъ Петербурга 1-го мая въ перечисленные выше губерніи и, по пріѣздѣ туда, приступаютъ къ непосредственному выполнению возложенной на нихъ задачи, ознакомляясь при этомъ съ дѣятельностью на мѣстахъ благотворительныхъ обществъ и частныхъ лицъ, дабы выяснитъ, кому изъ нихъ должна быть оказана необходимая поддержка, а также на чье содѣйствіе можно всего вѣрнѣе рассчитывать для завѣдыванія вновь организуемыми попечительствомъ учреждениями трудовой помощи. Ея Императорское Величество, принимая особенно близко къ сердцу задачу, преемствуемую въ данномъ случаѣ попечительствомъ, и желая личнымъ пожертвованіемъ содѣйствовать ея осуществленію, 26-го сего апрѣля, Всемилостивѣйше соизволила пожаловать, на усиленіе отпущенной изъ расходуемаго капитала попечительства суммы, изъ Собственныхъ Своихъ средствъ пятьдесятъ тысячъ рублей.

— При Литературномъ Фондѣ учреждена Л. Ф. Пантелѣевымъ премія за лучшее сочиненіе о Бѣлинскомъ. Капиталъ преміи—1.500 р., съ нарастающими до дня выдачи процентами. Срокъ представленія со-

чиненій—10 апрѣля 1901 года. Комитетъ Литературнаго Фонда, для разсмотрѣнія представленныхъ сочиненій, избираетъ особую комиссію изъ 3-хъ лицъ.

Премія присуждается одному лицу. Премированное сочиненіе должно заключать въ себѣ: а) полный биографическій очеркъ, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней, психологической, стороны, на основаніи всѣхъ доступныхъ матеріаловъ; б) изложеніе хода развитія идей Бѣлинскаго, въ связи съ современными ему и непосредственно преемствующими умственными теченіями, какъ русскими, такъ и европейскими. При этомъ должно быть обращено особенное вниманіе на исторію русской критики и журналистики въ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ; в) всестороннюю оцѣнку значенія дѣятельности Бѣлинскаго для русской жизни вообще и для послѣдующаго развитія русской словесности въ особенности; г) характеристику ближайшихъ друзей и недруговъ Бѣлинскаго. Литературный Фондъ издаетъ премированное сочиненіе на свои средства или на деньги, могущія поступить для этой цѣли. Вся чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ капиталъ имени Бѣлинскаго при литературномъ фондѣ.

Смѣсь.

Первыя ощущенія при огнестрѣльныхъ ранахъ. Въ новомъ нѣмецкомъ журналѣ «Мать-Земля» была недавно помѣщена статья о маузеровскомъ ружьѣ и его дѣйствіи въ посадѣнную испанско-американскую войну. Въ этой статьѣ мы находимъ слѣдующіе новѣйшія данныя относительно ощущеній, испытываемыхъ въ первое время послѣ пораненія новыми малокалиберными пулями: I. Кречманъ (I. Kreschmann), военный корреспондентъ одной американской газеты, слѣдующимъ образомъ описываетъ свои ощущенія: «Когда въ меня попала маузеровская пуля, раздробившая мнѣ руку и просверлившая мнѣ спину, я почувствовала, словно мнѣ кто нанесъ ударъ кулакомъ. Ощущеніе было приблизительно такое, какое испытываешь, когда какой-нибудь не въ мѣру воодушевившійся пріятель, въ избыткѣ чувствъ, хлопнетъ васъ, ободренія ради, неожиданно по плечу. Я немного покачнулся отъ удара, но онъ не былъ настолько силенъ, чтобы сбить меня съ ногъ. Я прослѣдилъ путь пули: въ томъ мѣстѣ, гдѣ она ударила въ меня, оставалось совѣсть маленькое отверстіе; въ мѣстѣ же выхода ея изъ тѣла, отверстіе раны, края которой были разорваны, достигало 3½ дюймовъ въ діаметрѣ. Замѣчательно было, какую незначительную боль причинила пуля въ первое мгновеніе. Но уже въ слѣдующій моментъ я почувствовалъ въ рукѣ острую колющую боль и увидѣлъ, что рука моя повисла, безъ движенія, словно пустой рукавъ. Кость была сломана». — Э. Маршалъ (E. Marshall), одинъ изъ «Rough Riders» («Вольныхъ кавалеристовъ»), раненный при «La Quagira», такъ описываетъ этотъ случай: «Внезапно я почувствовалъ ударъ въ спину; ударъ этотъ не былъ ни особенно силенъ, ни болячеенъ. Можно было подумать, что мнѣ кто-нибудь далъ легкаго тумака. Я упалъ на землю и къ немалому удивленію оказался не въ состояніи снова подняться на ноги. Я былъ раненъ маузеровской пулей. Пуля эта при полетѣ производила своеобразный шипящій звукъ, совсѣмъ не похожій на шумъ отъ полета другихъ пуль. Насколько я могу описать этотъ звукъ, онъ напоминаетъ звукъ, получаемый при произнесеніи ряда буквъ: «з-з-з-з-ю». Звукъ этотъ настолько явственный, что многіе думаютъ, будто, услышавъ его, можно поспѣть увернуться отъ пули. Санитары Краснаго Креста первыми подошли ко мнѣ и сдѣлали перевязку. Затѣмъ я подвергся врачебному осмотру, и докторъ сказалъ мнѣ, что моя рана смертельна, и что мнѣ остается жить всего нѣсколько минутъ. Я упалъ въ обморокъ, и когда очнулся, то увидѣлъ, что лежу вмѣстѣ съ другими ранеными подъ грушею деревьевъ. Я лежалъ въ высокой травѣ, не ощущая вовсе боли, и многіе изъ другихъ раненыхъ также находили, что почти не чувствуютъ боли. Слова врача, что моя рана смертельна, произвели на меня такое же незначительное нравственное впечатлѣніе, какимъ было физическое впечатлѣніе, производимое почти неощутимую болью отъ пораненія. Этотъ нравственный и физической индифферентизмъ не могъ быть объясненъ ничѣмъ, кромѣ сильнѣйшаго потрясенія всего организма подъ влияніемъ поразившей тѣло маузеровской пули. Позднѣе, когда чувствительность снова вернулась ко мнѣ, мнѣ казалось, что у меня весь позвоночникъ сверху до низу утыканъ раскаленными до красна иглами. Причиною этого нестерпимаго ощущенія были попавшіе въ рану осколки раздробленной пулею кости».

Змѣя, у которой очень много занятій. Въ вѣнскихъ газетахъ недавно была помѣщена забавная исторійка изъ жизни Марка Твена. Американскій юмористъ былъ какъ-то въ Новой Зеландіи, гдѣ онъ прочелъ рядъ лекцій и сообщеній по различнымъ, интересовавшимъ публику, вопросамъ. Однажды ему пришлось говорить о такъ-называемомъ «запретительномъ» законѣ, т. е. законѣ, воспрещающемъ продажу спиртныхъ напитковъ. Маркъ Твенъ объявить себя сторонникомъ этого мѣропріятія. «Но,—прибавилъ онъ,—нельзя не признаться, что у этого закона есть и свои неприятныя стороны, которыя могутъ выясниться хотя бы изъ слѣдующаго примѣра: — Гдѣ-нибудь лѣтъ тому назадъ одному здоровому парню съ запада пришлось понасть въ одинъ изъ восточныхъ городовъ, въ которомъ

дѣйствовала запретительная законъ. На его вопросъ, гдѣ бы тутъ можно было выпить, ему отвѣчали, что единственный человѣкъ въ городѣ, у котораго можно достать крѣпкіе напитки, — аптекарь. Молодець отирается къ аптекарю и объявляетъ ему, зачѣмъ онъ пришелъ. Каково было его удивленіе, когда онъ услышалъ въ отвѣтъ:

— Безъ рецепта врача я не могу вамъ отпустить никакого напитка.

Напрасны были всѣ убѣжденія несчастнаго, всѣ его увѣренія въ томъ, что онъ умираетъ отъ жажды, что у него нѣтъ времени искать теперь врача.

— Я ничѣмъ не могу вамъ помочь, — отвѣчалъ аптекарь на всѣ его жалобы:—я могу отпустить спиртные напитки только въ самыхъ настоятельныхъ случаяхъ и, главнымъ образомъ, въ случаѣ укушенія кого-либо ядовитой змѣей.

— Да гдѣ же здѣсь найдешь такую змѣю?—спросилъ въ отчаяніи пришедшій.

Аптекарь далъ ему адресъ, и молодець поторопился убраться изъ аптеки. Но онъ явился вскорѣ вновь въ аптеку, уже совершенно отчаявшись.

— Ну, что?—воскликнулъ аптекарь.

— Смигнитесь! — простоналъ измученный паренъ: — змѣя больше не въ состояніи жалеть отъ *перетомленія*, и кромѣ того она уже *заказана на нѣсколько недель впередъ*.

КЪ СВѢДѢНІЮ ЗЕМСКИХЪ И ГОРОДСКИХЪ УПРАВЪ,
УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ, ВЛАДѢЛЬЦЕВЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ И ПРОЧ.

КЪ ПРЕДСТОЯЩЕМУ СТОЛѢТІЮ РОЖДЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА

мы выпускаемъ отдѣльный альбомъ, посвященный исключительно нашему великому поэту.

Съ текстомъ и рисунками альбома можно ознакомиться по помѣщеннымъ въ настоящемъ № «Нивы» первымъ двумъ его листамъ. Весь альбомъ будетъ состоять изъ 10 такихъ листовъ, т. е. будетъ объемомъ въ 80 страницъ. Кромѣ текста въ альбомѣ будетъ помѣщено около 100 рисунковъ и портретовъ.

Альбомъ въ изящной обложкѣ поступитъ въ продажу 18 мая.

Подробное объявленіе см. въ № 18-мъ «Нивы».

Цѣна Пушкинскаго альбома въ отдѣльной продажѣ назначена весьма умѣренная — 50 коп., съ пересылкою 60 коп. (можно почтовыми марками).

Выписывающіе Пушкинскій альбомъ (для раздачи воспитанникамъ, рабочимъ и пр.) въ количествѣ:

не менѣе	100 экз.	платятъ по	50 к.	съ перес.	по 55 к.	за 1 экз.
»	»	500	»	»	45	»
»	»	1000	»	»	40	»

Требованія и деньги адресовать: въ контору журнала «Нива», СПб., Малая Морская, № 22. Адресъ для телеграммъ: С.-Петербургъ „Нивамарксъ“.

Военныя дѣйствія американцевъ на Филиппинскихъ островахъ. По рисунку Н. В. авторинія «Нивы».

5% закладн. съ выигр. листы Гос. Дв. Зем. Банка 1889 г.

19 тиражъ 1-го мая 1899 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКЪ.

№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.						
10	33	500	1418	17	500	2968	17	500	4862	44	5000	7683	37	500	9439	12	500	11868	24	500	14027	14	500
13	24	500	1474	44	500	2971	42	500	4883	40	500	7789	48	500	9652	11	500	11872	23	500	14075	23	500
23	40	500	1577	21	500	3016	16	500	5106	9	500	7932	7	500	9724	3	500	11922	40	8000	14161	12	500
56	38	500	1577	30	500	3035	23	500	5190	8	500	7953	41	500	9992	23	25000	12069	30	500	14184	35	20000
70	29	500	1612	48	500	3035	39	500	5262	14	500	8027	40	500	9994	30	500	12080	30	8000	14229	44	500
76	43	500	1613	46	500	3140	48	500	5283	7	1000	8204	1	500	10125	47	500	12099	35	500	14330	40	10000
134	36	500	1620	43	500	3162	49	500	5409	32	5000	8220	27	1000	10283	27	500	12189	41	500	14385	41	500
167	36	5000	1622	4	500	3168	49	500	5437	33	1000	8251	20	500	10342	19	500	12212	31	500	14441	21	500
198	4	500	1637	20	500	3211	29	500	5439	42	500	8266	37	500	10350	35	1000	12227	40	500	14441	48	500
208	49	500	1661	14	500	3291	42	500	5452	31	500	8342	19	500	10386	31	500	12404	31	500	14475	21	500
311	49	500	1677	4	500	3323	36	500	5730	43	500	8365	10	500	10588	11	500	12451	18	500	14487	15	500
373	39	500	1690	40	500	3354	28	500	5773	10	1000	8422	24	500	10688	13	500	12453	22	500	14521	10	500
459	2	500	1719	5	500	3444	13	1000	5969	46	500	8472	36	500	10784	50	500	12526	33	1000	14536	17	500
473	39	500	1746	3	1000	3506	48	500	5981	8	5000	8476	39	500	10926	18	500	12526	34	500	14575	19	500
475	50	500	1753	3	500	3559	25	500	6151	24	500	8529	43	500	10936	48	10000	12713	15	500	14644	43	500
511	26	500	1759	23	500	3561	15	500	6191	44	500	8621	5	500	10943	50	500	12738	22	500	14676	15	500
532	49	500	1793	36	500	3603	25	500	6196	4	500	8641	8	500	10973	30	1000	12755	45	500	14726	32	500
534	45	500	1815	11	5000	3623	28	500	6384	40	500	8652	24	500	10981	9	500	12770	41	500	14830	14	500
610	32	500	1978	20	5000	3634	32	1000	6391	12	500	8660	16	1000	10998	50	500	12812	25	1000	14854	42	500
719	11	1000	1985	6	500	3679	28	500	6487	24	500	8674	30	500	11061	26	500	12851	19	500	14858	20	500
727	19	500	2032	5	500	3692	15	500	6522	3	1000	8749	8	5000	11062	31	500	12988	42	500	14963	32	500
748	43	500	2032	47	500	3729	17	500	6650	2	500	8787	46	500	11102	39	500	13015	27	500	14978	14	500
762	12	500	2065	29	500	3777	43	500	6696	19	500	8823	11	500	11103	34	1000	13238	7	500	15026	30	1000
770	26	500	2081	2	5000	4105	32	500	6740	22	500	8833	32	500	11200	46	500	13238	34	500	15054	42	500
834	26	500	2127	15	500	4136	2	500	6793	32	500	8881	24	500	11411	16	500	13317	33	500	15058	6	500
909	12	500	2230	47	500	4165	43	500	6909	36	500	8889	2	500	11415	11	500	13416	49	500	15116	15	500
1017	27	500	2241	36	500	4171	16	500	6914	15	500	8958	22	500	11451	25	500	13419	10	500	15149	35	500
1021	42	500	2344	4	500	4269	35	500	6952	1	500	8972	5	500	11458	2	500	13534	29	500	15243	32	500
1063	1	500	2556	48	500	4313	3	75000	6993	36	500	9109	23	500	11469	27	500	13542	25	500	15214	45	500
1100	38	500	2626	39	500	4363	18	500	7167	14	500	9215	40	500	11492	30	500	13630	21	500	15266	20	500
1166	47	500	2738	36	1000	4429	34	500	7250	24	500	9232	8	500	11503	25	8000	13697	4	500	15321	14	1000
1258	23	8000	2792	6	40000	4498	19	500	7278	2	500	9257	2	500	11533	36	500	13761	10	500	15412	10	500
1289	39	500	2820	43	500	4520	4	500	7304	39	500	9369	24	500	11642	16	500	13970	31	500	15428	33	500
1292	22	500	2873	49	500	4638	47	1000	7328	2	500	9370	1	500	11682	22	1000	14003	10	500	15515	1	500
1298	30	500	2910	19	500	4649	10	500	7427	25	500	9378	27	500	11728	38	500	14006	4	500	15537	44	500
1348	27	500	2946	8	10000	4657	45	500	7434	27	500	9419	47	500	11759	9	500	14013	8	500	15938	45	500
1381	18	500	2959	40	500	4756	2	500	7468	26	500	9428	20	500	11788	30	500	14021	9	500	15943	36	8000
1382	27	500	2962	7	500	4806	14	500	7674	40	500												

№№ серий, вышедшихъ въ тиражъ погашенія:

44, 53, 738, 873, 920, 1021, 1162, 1231, 1429, 1540, 1682, 1691, 1706, 1760, 1832, 2067, 2245, 2267, 2333, 2546, 2891, 2929, 3016, 3040, 3081, 3169, 3263, 3450, 3651, 4070, 4153, 4197, 4394, 4784, 4844, 5012, 5288, 5320, 5421, 5912, 5938, 6010, 6019, 6033, 6117, 6147, 6260, 6383, 6521, 6565, 6596, 6798, 6839, 7129, 7203, 7447, 7532, 7593, 7647, 7754, 7828, 7864, 7902, 7941, 8162, 8267, 8583, 8716, 8788, 8966, 8991, 9004, 9443, 9627, 9716, 9751, 9752, 9809, 10046, 10171, 10371, 10373, 10578, 10598, 10705, 10912, 10941, 10951, 11020, 11230, 11248, 11332, 11435, 11460, 11810, 12233, 12241, 12466, 12467, 12632, 12663, 12725, 12927, 13091, 13324, 13449, 13707, 13908, 14083, 14128, 14168, 14463, 14591, 14641, 14785, 14900, 15022, 15030, 15429, 15556, 15683, 15772, 15798, 15841, 15872, 15875, 15882, 15951, 15985, 15989.

Всего 130 серий, составляющихъ 6500 билетовъ, на сумму 845,000 рублей.

Издатель А. Ф. Маркст.

Редакторъ Р. И. Сементковскій.

ТОВАРИЩЕСТВО
„ПРОВОДНИКЪ“.
Москва. * Рига. * Сибуртъ.

* Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. *

Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДЪЛОЖЬ!

Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.

Основан. въ 1886 году КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРІИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ.

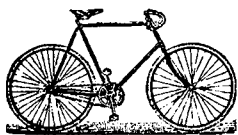
Бухгалтерія торговая, банковая, сельскохозяйственная и фабричная, винной монополіи и земскихъ управъ.

Москва, Тверская ул. уголъ Леонтьевскаго пер., д. Полякова.

Ц. № 12319 4-2

4-го МАЯ НАЧАЛО ЛѢТНЯГО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются бесплатно.

Въ текущемъ учебномъ году на курсахъ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ обучалось 227 человекъ.

ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ

ГУМБЕРЪ

предлагаетъ Ц. № 11938

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Георгій ЭЗЕМЛИЧКА и К^о.
Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
Прейсъ-курранты по требованію. 15-10

С.П.Б. ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ:

„ФИГАРО“, „РЕКОРДЪ“

ЛУЧШІЯ ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА

Приятный освѣжающій ароматъ, смягчаютъ кожу, придають
нѣжность и бѣлизну.

ПРОДАЮТСЯ Прейсъ-курранты по требованію и
ВЕЗДѢ. требовать на этикеткахъ слово: „ТЕХНО“.

Главный складъ. С.-Петербургъ, Коломенская ул., № 12.

ÉLIXIR, POUDRE ET PÂTE
DENTIFRICES

des RR. PP.

BÉNÉDICTINS

DE

l'Abbaye de Soulas,

Dom MAQUELONNE, Prieur.

Inventés en l'an 1373 par le Prieur P. BOURSAUD

VENTE EN GROS :

SEGUIN, BORDEAUX.

Maison fondée en 1807.

VENTE DANS TOUTES
LES BONNES PARFUMERIES,
PHARMACIES ET DROGUERIES.

MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.

GRAND PRIX
Expos^{it} Int^l Lyon 1884
HORS CONCOURS
MEMBRE DU JURY
Exp^o Int^l Bordeaux 1885

AVEC LA SIGNATURE
DU PRIEUR
dans le signature
B. O. O.

ЧЕРНИЛА ЛЕОНГАРДИ.

Спеціальность: Первоклассныя по отзывамъ государственн. учреждений
Желѣзисто-орѣшковыя чернила

Наилучшія: для книгъ, актовъ, документовъ
и письменностей всякаго рода

Копировальныя чернила.

Чернила для письма и копирования.

ЧЕРНИЛА ДЛЯ КНИГЪ.

„Атраль“ (жидкая китайская тушь).

Несмывающаяся тушь для бѣлья.

Жидкій клей и гумми.

Краски и подушки для штемпелей.

„НАРИНЪ“ краска для клейманія мяса,
безвредна, скоро высыхаетъ, не расплывается
отъ воды.

Автографич. и гектографич. чернила.

Гектографич. листы и масса.

Химич. фабрики чернилъ, основ. въ 1826 г.

Авг. ЛЕОНГАРДИ
въ Дрезденѣ.

Изобрѣтатель и единств. фабрикантъ всемірно-
№ 12339 извѣстныхъ 10-1

Алицаркиновыхъ чернилъ для письма
и копирования,

легко стекающихъ и вполнѣ прочныхъ же-
лѣзисто-орѣшковыхъ чернилъ 1-го класса.

Во избѣжаніе подѣлокъ просятъ обращать
вниманіе на выш. въ Россіи этикетъ и фабрич.
предохранил. марку.

Неподдѣльно
только съ соей
предохрани-
тельной
маркой.

DEMSCHNEIDER

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN

Эссенція для платновъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра —
Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6442 (100)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЯ ДУХИ:

ЛОЗЕ „VIOLETTA REGIA“

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ

Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ
магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

Новое изданіе П. П. СОЙКИНА.
Съ требов. обрац. СИБ. Стрелянная, № 12.

**КАРМАННАЯ СПРАВОЧНАЯ
КНИЖКА**
въ 2-хъ ДЛЯ ПРАВОСЛАВНАГО
ЧАСТЯХЪ ДУХОВЕНСТВА
около 600 стран.

Часть I — календарная, съ чистыми лист-
ками почтовой бумаги для записи на каж-
дый день, въ мягкомъ коленкоровомъ пере-
плетѣ, съ карандашомъ и грифельною доскою.

Часть II — заключаетъ рядъ тѣхъ церковно-
гражданскихъ узаконеній и распоряженій,
съ которыми духовенство наше по своей прак-
тикѣ встрѣчается наиболее часто. Въ при-
ложеніи дается рядъ циркулярныхъ указовъ
Святѣйшаго Синода, относящихся къ брач-
нымъ и судебнымъ дѣламъ, и извѣстный, со-
ставленный покойнымъ митрополитомъ мос-
ковскимъ Филаретомъ, свѣтъ погребенія архи-
ереевъ и священниковъ въ Пасху.

Для удобства пользования, книжка снаб-
жена детально составленными алфавитнымъ
указателемъ, оглавленіемъ и перочномъ (въ
концѣ) всѣхъ узаконеній и распоряженій по
духовному вѣдомству, вышедшихъ за истек-
шій годъ.

Цѣна за обѣ части 1 р. съ пересылкою.
Выпущенныя за 1898 и 1899 г. платитъ за
оба года 1 р. 50 к. съ перес.

Карманная справочная книжка на 1899 г.
для православнаго духовенства не есть пе-
репечатка предыдущаго изданія.

Пейте Цейлонскій чай!

Пейте Цейлонскій чай!!

Пейте Цейлонскій чай!!!

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготвленія.

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучший чай по вкусу и аромату.

Ш. № 11641 30-27

Годичное потребленіе Цейлонскаго чая въ Россіи
болѣе 10.000,000 фунтовъ 10.000,000.

ЖИЗНЬ

№ 20.

XXXI

1899 г.

Содержание:

ТЕКСТЪ: Воскресение. Романъ графа Л. Н. Толстого. (Продолжение).—Двойникъ Гладстона. Очеркъ.—Къ рисункамъ:—Остановка.—«Свиданіе съ арестантами» допускается по воскресеньямъ и четвергамъ, отъ 11 до 12 часовъ дня.—Адмиралъ А. И. фонъ-Крузъ.—Генрихъ Кипертъ.—Разрушенный желѣзнодорожный мостъ.—Французскій отдѣлъ Франко-русской выставки.—Объ отъѣздѣ или ограниченіи ссылки.—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Объявленія.

РИСУНКИ: Остановка. Картина Г. Цигеля.—«Воскресение», романъ графа Л. Н. Толстого: 1) У входа въ тюрьму. 2) Приемная въ мужскомъ отдѣленіи тюрьмы. Орг. рисунки Л. О. Пастернака.—Свиданіе съ арестованными. Женское отдѣленіе. Картина Н. А. Насаткина.—Адмиралъ А. И. фонъ-Крузъ.—Памятникъ на могилѣ А. И. фонъ-Круза въ Кронштадтѣ.—Генрихъ Кипертъ.—Разрушенный желѣзнодорожный мостъ на р. Крымзѣ, близъ Сызрани (2 рисунка).

Пушкинскій Альбомъ (Продолженіе):

ТЕКСТЪ: Жизнь Пушкина. V. Женитьба Пушкина. VI. Кончина поэта.—Произведенія Пушкина: «Блаженство». «Осгаръ». «Русланъ и Людмила».
РИСУНКИ: Пушкинъ у Гоголя. Картина академика М. П. Клодта.—Портретъ А. С. Пушкина, работы Кипренскаго.—Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Генкереи 27-го января 1837 г. Съ картины Волкова рисов. Ковержневъ.—Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Генкереи, 27-го января 1837 г. Картина Наумова.—Мѣсто дуэли Пушкина въ 1880 г. Рисунокъ Рейгардта.—Мѣсто дуэли Пушкина въ 1889 г.—Пушкинъ въ гробу. Рисунокъ Бореля.—Маска Пушкина, снятая съ него на другой день послѣ кончины.—Портретъ Пушкина, рисованный съ маски работы Э. Жуковской.—Святгорскій монастырь, гдѣ покоится прахъ Пушкина. Рисунокъ В. Полякова.—Памятникъ Пушкину въ Москвѣ, работы академика М. М. Опекушина.—Памятникъ Пушкину въ Одессѣ, работы Ж. А. Полонской.—«Блаженство». Рисунокъ С. С. Соломко.—«Осгаръ». Рисунокъ С. С. Соломко.—«Русланъ и Людмила». Людмила передъ зеркаломъ. Рисунокъ С. С. Соломко.

При этомъ № прилагается выпускъ «Ежемесячныхъ Литературныхъ Приложеній» за май.

Vin de Saint-Raphaël.

Превосходно на вкусъ.

Сохраняется по способу Пастера. Просятъ обратить вниманіе на фабричную марку и марку Союза фабрикантовъ для борьбы съ фальсификаціями.

Къ каждой бутылкѣ приложена брошюра д-ра де-Барре

О СЕНЬ-РАФАЕЛЬСКОМЪ ВИНѢ, какъ о питательномъ, укрѣпляющемъ и дѣловомъ средствѣ.

Остерегаться поддѣлокъ.

Compagnie du Vin de Saint-Raphaël, Valence, Drome, France.

ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ — ЗЕМЛЯ.

Въ лучшей части города, близъ Александровскаго парка и недалеко отъ желѣзной дороги, по Бульвару продается полностью или по частямъ шесть десятинъ или 14400 квадрат. саж. О выгодности во всѣхъ отношеніяхъ жизни въ Царскомъ Селѣ и о цѣнности продаваемой земли смотрѣть въ № 8309 газеты «Новое Время», отъ 15-го апрѣля, объявленіе «Капиталистамъ о Царскомъ Селѣ». Желающимъ получить это объявленіе и купить землю обращаться къ Павлу Львовичу Прончевскому, живущему въ Царскомъ Селѣ, Церковная улица № 15.

ДЕШЕВЫЯ ЦѢНЫ,

првосходный товаръ.

Женбесекъ Петровскія линіи, № 8.
БАНЦГАФЪ и К^о., Москва.

По новѣйшей методѣ **„ВОРТА“**, высылка безплатно проб. лекція и услов. изочнаго обученія крою и шитью дамск. дѣтек. зарядъ, верх. платъ, бѣлья и корсетовъ. Школа Е. Д. Ашмаринной, Киевъ, В. Васильковская, 89.

Печатается новая серія наданія д-ра Лейненберга:

„ПРОТИВЪ РАЗВРАТАДУ“
Въ пяти выпускахъ, начиная съ 1 мая, каждый мѣсячъ по одному. Цѣна по подпискѣ (до 15 юня) одинъ рубль съ перес. Деньги адресовать: Д-ру Лейненбергу, Одесса, Почтовая, 66.

УДОЧКИ

и всѣ принадлеж-ности для рыбной ловли лѣвосторонней фабрики Алькоксъ и К^о (S. Alcock & Co in Redditch) вновь полученны изъ Англіи въ большомъ выборѣ въ магазинѣ С. И. ДОЙНИКОВА, СПБ. 1-й магазинъ — Невскій пр., Милютинъ рядъ, д. Лѣсниовой, 27—18; 2-й магазинъ—Гост. Дворъ, противъ Панеснаго корпуса, № 73 и 3-й магазинъ—Чернышевъ пер., Банковская линія, № 15. Иллюстр. лп.-кур. работо-ва. приналд. высыл. за 2 лотч. марку.

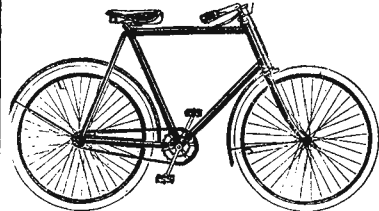

„ADLER“ Первоклассные ВЕЛОСИПЕДЫ

ВЫСШІЯ НАДВОЛЬШЕЕ ОТЛИЧІЯ распространеніе

Фабрика велосипедовъ „Adler“ бывш. Генр. Клейеръ въ Франкфуртѣ н/М. Склада въ Варшавѣ у І. Козловскаго, Бѣльская, 6. Представители во многихъ больш. шихъ городахъ. Гдѣ нѣтъ представителей, тамъ ищутъ дѣятельныхъ агентовъ.

Первая Россійская фабрика велосипедовъ

„РОССІЯ“ А. Лейтнеръ и К^о ВЪ РИГѢ.

ОСНОВАНА 1886 г.

ФАБРИЧНЫЕ СКЛАДЫ:

въ Ригѣ, С.-Петербургѣ (Михайловская ул., № 2), Москвѣ, Киевѣ, Лодзи, Либавѣ и Парижѣ.

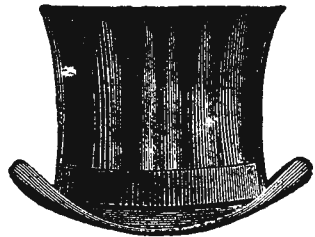
Каталоги, русскіе, нѣмецкіе и польскіе, безплатно.

ЛѢЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ЦИММЕРМАНА ВЪ ХЕМНИЦѢ, ГЕРМАНІЯ.
Лѣтн. и зимн. сезоны; за день отъ 5—10 1/2 мар., влюч. все, тѣло 1 конс. и завтраки. Завѣдыв. врачъ д-ръ Диске (Disque), авт. с. «Естествен. лѣч. болѣзн.», 5 изд., въ пер. 3 мар., и «Діететическ. столъ», 3 изд., въ перепл. 1.80 мар. (скл. изд. на нѣм. яз. у О. Sprager, Leipzig). 2-й врачъ д-ръ Бургартъ. Лѣчб. зав. съ инстит. ортопед. и врач. гимнаст. по сист. Цандера. Лѣч. бол.: нервн. (гипнозъ, гидротер., электр., электр. ванн.), женск. (с. Туре-Брандтъ), сахарн., желуд. кишечн. (устан. діета по изсл. жел. выдѣл.), спинного мозга (компенз. терапия), почкн., моч. пузыря, легн., сердца, а также онирѣи. (электр. свѣт. ванн.), подагры, ревматизма (шесоч. ванны) и исиривл. позвон. и т. д. 3 доктора и 1 женщ.-врачъ. Прост. выс. безпл. управ. лѣчбн. зав.

МАГАЗИНЪ АНГЛІЙСКИХЪ ШЛЯПЪ

11, Большая Морская, 11.

АНГЛІЙСКІЯ ПУХОВЫЯ ШЛЯПЫ 6 и 8 руб.
ЦИЛИНДРЫ 10 и 14 руб.
ФАБРИКЪ: Christy's London. Dyson & Co London. Watson & Sons London и проч.

ИТАЛІАНСКІЯ ПУХОВЫЯ ШЛЯПЫ 8 руб. фабр. «Borsalino».
ВѢНСКІЯ ПУХОВЫЯ ШЛЯПЫ.
СОЛОМЕННЫЯ ШЛЯПЫ.

АНГЛІЙСКІЯ СПОРТОВЫЯ И ДОРОЖНЫЯ ШЛЯПКИ.

Заказы изъ провинціи наложеннымъ платежемъ.

В. № 12355

ТОВАРИЩЕСТВО АСФАЛЬТОВЫХЪ РАБОТЪ ВЪ РОССІИ
С.-Петербургъ, Невскій. 3
производитъ асфальтовые, бетонныя и канализаціонныя работы изъ самыхъ лучш. № 12376 шихъ матеріаловъ. 4—1

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА
„СМІСЬ-ПРЕМЬЕ“.
Скорость, грочность, удобство. Последнія усовершенствованія. Цѣна 250 р. и 275 р. Дешев. пишущ. машина
„КОСМОПОЛИТЪ“
Самый красив. шрифтъ.

Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами. Описанія и образцы шрифтовъ обѣихъ машинъ высыл. безплатно.
О. РИХТЕРЪ, СПБ., Адмиралт. пр., 4. Москва—Ф. И. Розенвалт, Мясницкая, 36. Варшава—Я. Фаяльскіи и К^о. Сенаторская, 36. Киевъ—Н. Фальбергъ, Крещатикъ. Одесса—Г. М. Левинсовъ, Ришельевская, 19.

Корнеты, флейты, кларнеты и пр.
духовые инструменты лучшаго качества. Прейс-куранты всѣмъ инструментамъ вы-сылаются безплатно. Рекомендуетъ
Д. Александровъ.
Депо: Невскій, 57, въ С.-Петербургѣ.

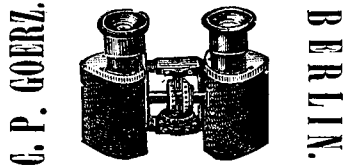
НОВОСТЬ!!!
Преступные карманныя металлическіе часы, заводъ безъ ключа, настоящие пикелевые, тщательно пробрѣяныя, на крышкѣ помѣщенъ художественно исполненный портретъ Государя Императора Николая II, къ нимъ дѣлочка новаго золота и парижскій компасъ
за все только 5 руб.

Прилагается печатное ручательство на 4 года. Вышеупомянутые часы высылаются немедленно и безъ задатка наложеннымъ пла-Ц. 12377 тежемъ. 10—1
Требованія прошу адресовать въ городъ Варшаву, Градичная, № 6

КУПЦУ І. ВУЗЕЕРУ.
Прейс-куранты высылаются безплатно.

„Непокупное“ Повѣсть П. Н. Погибальн. рис. Е. П. Самокишъ-Судковской. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес.—2 р. 80 к.; въ художественномъ переплетѣ—3 р., съ перес.—3 р. 50 к.
Требованія адресовать въ контору изданій А. Ф. Маркса: СПБ., Мал. Морская, № 22.

ТРАВА КУЗЬМИЧКА
(Ephedra Vulgaris).
Майскаго сбора 1898 г. съ корнями продается фунтъ съ пересылк.: Высшій сортъ борон. отборн. въ цѣнѣ 3 р. Оча-же въ металлическ. коробкахъ 4 р. Второй сортъ борон. 2 р. Наставленіе прилагается безплатно.
Съ требованіями прошу адресоваться въ Со-рочинское, Самарск. губ., въ складъ Эфедры Н. И. Семенова. Ц. № 12363

„ТРИЕДЕР-БИНОКЛЕС“
 Новѣйшіе зрительные приборы съ призмами, значительно превосходящіе всѣ до сего времени употребленные.
 „Trieder Binokles“ даютъ изображенія безъ потери света посредствомъ призмъ, потому и названы по-русски

„СИЛОСВѢТЬ“
 „Силосвѣть“ наилучшій бинокль нашего времени для сначекъ, гонокъ, стрельбы, велосипедистовъ и пр. спортовъ.

ФАБРИЧНЫЯ ЦѢНЫ
 на „Trieder-Binokles“ слѣдующія: увеличивающій въ 12 разъ—100 руб., въ 9 разъ—88 р., въ 6 разъ—75 руб., въ 3 раза—63 руб. Пересылка въ провинцію на счетъ заказчика.

На каждомъ бинокль фабричное клеймо и уназано увеличение его. Вышприведенные бинокли можно найти всегда въ большомъ выборѣ у фирмы

ОПТИКЪ Г. Штраусъ.

№ 27, Большая Морская, № 27, противъ Русскаго для винной торговли М. № 12360 Банка. 5—1

„Силосвѣть“ прежней конструкціи, безъ призмъ, продаются по 8, 10 и 12 руб. въ зависимости отъ величины объектива. „Силосвѣть“ одинаково пригоденъ какъ для денныхъ, такъ и для ночныхъ наблюдений на морѣ, на полѣ и при воздухоплавании. Бинокли изъ алюминія отъ 15 до 85 руб. Порученія изъ провинцій безъ задатка не выполняются.

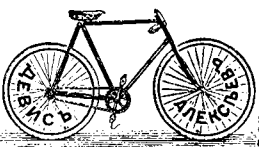

РАЗНЫХЪ ЗАПАХОВЪ, ПРЯТНЫ, ПРОЧНЫ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ПРЕВОСХОДЯТЪ СУЩЕСТВУЮЩЕ ДО СИХЪ ПОРЪ ЦВѢТОЧНЫЯ ОДЕКОЛОНЫ И ТУАЛЕТНЫЯ ВОДЫ. ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
 ГЛ. СКЛАДЫ: С. ПЕТЕРБУРГЪ, КОЛОМЕНСКІЯ, 12.

Л. Я. Столкинда:
КАПСЮЛИ ДЕЗОДОРАТЬ
 для уничтоженія аловоніи въ комнатахъ, дѣтскихъ, спальняхъ и т. п. Цѣна за 1 кор. въ 100 шт. 35 к.
Л. Я. Столкинда
ДѢТСКОЕ МЫЛО
 на рыбьемъ жирѣ, цѣна 1/4 к. 50 к. и 1/2 к. 30 коп.
Л. Я. Столкинда
АНТИПАЗИТЬ
 отъ клоповъ, таракановъ, блохъ, моли и т. п. Цѣна 1/4—1 р., 1/2—55 к., 1/4—30 к., 1/8—20 к.
 Аптекарская торговля ТОРГОВАГО ДОМА
Л. и Э. СТОЛКИНДЪ,
 Москва, Лубянской пробѣдъ.

СБОРНИКЪ пьесъ для 4-хъ голосовъ школьнаго хора: гимны, духовн. стихи, былинны, народн. пѣсни, стихотвор. Изд. 2-е, В. Лебедева. Получать можно: у Юргасона, Селиверстова, по адресу: Тамбовъ, Духовн. Семинарія, В. В. Лебедеву—уступка. № 12356

LAIT de NYMPHEA
 косметическое средство для кожи
МОЛОКО НИМФЕЯ.
 Цѣна 1 руб. 25 коп.
СОЛД-СРЕМЪ.
 Цѣна 75 коп.
А-ЛЯ-РЕНОМЪ.
 Невскій пр., № 3.
 Ц. № 12372 С. ПЕТЕРБУРГЪ. 3—1

ВЕЛОСИПЕДЫ „ЭНФИЛЬДЪ“
 Новость на 1899 годъ
Модель «РИШЪ»
 Рекомендуются вниманію знатоковъ и любителей.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ И. Г. АЛЕКСѢЕВЪ и К^о.
 Москва, Рождественка, д. Третьяковыхъ.
 Прейсъ-куранты высылаются бесплатно. п. № 12101 7—6

В. Жуковскій
 С. ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ № 97.

Локомобили, паров. машины, керос. двигатели, турбины.
 Искусственные жернова Траппа, мельницы, просорушки, круподеры, сукновалки, шерстечесалки, гонторѣзки. Ц. № 12317 5—3
Лѣсопилън. рамы, масляной. прессы, черенич. прессы.
 Иллюстрированный каталогъ высылается бесплатно.

Крахмало-сахароварные, Паточные и декстриновые заводы по новѣйшей, испытанной системѣ дешовое обзаведеніе, превосходные фабрикаты устраиваетъ
 Специальное заведеніе для постройки и перестройки крахмальныхъ заводовъ
 Р. № 11998 **В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.** 5—4
 Прейсъ-куранты бесплатно.

Поступила въ продажу новая книга:
ЗАПИСКИ ЗЕМСКАГО НАЧАЛЬНИКА.
АЛЕКСАНДРА НОВИКОВА.
 СПб., 1899. Цѣна 1 руб. 50 коп.
 Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ типогр. М. М. СТАСЮЛЕВИЧА.
 С.-Петербургъ, Васильевскій остр., 5 л., 28. № 12362 2—1

ФАБРИКА „СКЛАДЪ“
Бруно Зенгеръ
 С. ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР. № 25 (сторона Казанская)
Фотогр. Аппараты и Принадл.
 (КРАТК. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО.)

Поступила въ продажу новая поваренка книга
„СПУТНИКЪ ХОЗЯЙКИ“
 съ 300 испытан. рецептовъ домашней кухни, великолѣпн. отдѣломъ куличей и отдѣломъ крѣпкихъ напитковъ для любителей. Книга издана специально для хозяекъ съ употребленіемъ средствъ и по своей цѣнѣ доступна каждому. Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 р. 10 коп. Высылаю и наложеннымъ платежомъ. Съ требованіемъ обращаться къ Е. Петрожицкой въ г. Херсонъ.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ СЛАБИТЕЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ
СЛАВИТ. ВОДА ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ
 не только панла себѣ у насъ **ВЕЛИЧАЙШЕЕ РАСПРОСТРАНЕНІЕ**, по заняла выдающееся положеніе и на мировомъ рынкѣ. Требовать непременно „Franz-Josef-Bitterwasser“, такъ какъ въ продажѣ имѣются подъ сходными этикетками другія менѣе дѣйствительныя воды.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

ПРИГЛАШАЮТЪ
 дѣлательныхъ агентоѡ. Обращаться письменно: Бакирскій дожъ Генрихъ Блюмъ, С.-Петербургъ, 59, Невскій.

Превосходное средство для сохраненія дерева отъ гниенія
КАРБОЛИКЪ
 АНТИСЕПТИЧЕСКІЙ СОСТАВЪ
 ТАБЛИЧНЫЯ ФАБРИКАНТЫ
 КРАСНОУХИММЕСКІЙ ЗАВОДЪ
БРАТЯ ЗРЕНБАХЪ
 С. ПЕТЕРБУРГЪ, 4 рота с. д. № 118
 Прейсъ-Курантъ высылается бесплатно.

ВЫСШАЯ НАГРАДА

за чрезвычайно художественную обувь, въ особенности дамскую, отличающуюся чистотою работы, изяществомъ покроя и чрезвычайною легкостью при большомъ выборѣ.

Г. ВЕЙСЪ.
 С.-Петербургъ, Невскій просп., № 56.

Къ настоящему сезону приготовленъ **ОГРОМНЫЙ ВЫБОРЪ ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ ФАСОНОВЪ ТУСЕЛЬ** и всякой другой обуви, дамской, мужской и дѣтской, изъ лучшаго матеріала. Только что получены изъ **ПАРИЖА КОЖИ** всевозможныхъ цвѣтовъ и самые новѣйшіе фасоны обуви, по которымъ и приготовляются всѣ заказы подъ личнымъ наблюденіемъ.

Имѣется огромный выборъ полученныхъ изъ Парижа **чулокъ**, шелковыхъ, фильдековскихъ и фильдеперсъ, **подвязки** всѣхъ цвѣтовъ.

ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ. В. № 12192 4—1

Новый иллюстрированный преісъ-курантъ бесплатно. Издѣлія моей мастерской можно получить въ Одессѣ у З. Безиковича, въ М. Кукуринина, въ Ростовѣ на-Дону у П. И. Ильина, въ Невѣ у настѣдниковъ А. Шабардина, у П. Гомоляки, въ Харьковѣ у С. Я. Токарева, въ Черниговѣ у А. Данюшевскаго, въ Ялтѣ у М. Кушлю, въ Таганрогѣ у П. И. Ильина и въ Екатеринославѣ у М. Г. Заморуева.

XXX г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXX

№ 20

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній. 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1899

Выданъ 15 мая 1899 г.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1899 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	5 р. 50 к.	Безъ дост. въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. ПЕЧНОВСКОЙ, Петровскія линіи . . .	6 р. 25 к.	Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАЧІЕ“, Ришельевская, 12.	6 р. 50 к.	Съ доставкою въ Петербургъ . . .	6 р. 50 к.	Съ пересылкою во все мѣстности Россіи . . .	7 р. 10 р.	За границу . . .	10 р.
-----------------------------------	-------------------	---	-------------------	--	-------------------	----------------------------------	-------------------	---	-------------------	------------------	--------------

На 1/4 года съ дост. въ СПБ. 1 р. 25 к., съ перес. ингор. 1 р. 25 к.; на 1/2 года съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 к.

При этомъ № прилагается выпускъ «Ежемесячн. литерат. приложеній» за май 1899 г.

При этомъ №. прилагаются 3-й и 4-ый листы Пушкинскаго Альбома „Нивы“.

Остановка. Съ карт. Г. Цигеля грав. Клозь.

Воскресеніе.

Романъ

графа Л. Н. ТОЛСТОГО.

(Продолженіе.)

XXXVIII.

На слѣдующій день, въ воскресеніе, въ 5 часовъ утра, когда въ женскомъ коридорѣ тюрьмы раздался обычный свистокъ, не спавшая уже Короблева разбудила Маслоу.

«Каторжница», съ ужасомъ подумала Маслоу, прогиправ глаза и невольно вдыхая въ себя ужасно вонючій къ утру воздухъ, и хотѣла опять заснуть, уйти въ область безсознательности, но привычка страха пересилила сонъ, и она поднялась и, подобравъ ноги, съѣла, оглядываясь. Женщины уже поднялись, только дѣти еще спали. Горченица съ выпуклыми глазами, осторожно, чтобы не разбудить дѣтей, вытаскивала изъ-подъ нихъ халатъ. Бунтовница развѣшивала у печки тряпки, служившія пеленками, а ребенокъ заливался отчаяннымъ крикомъ на рукахъ у голубоглазой Оедосей, качавшейся съ нимъ и баюкавшей его тихимъ голосомъ. Чахоточная, схватившись за грудь, съ палитымъ кровью лицомъ, откашливалась и, въ промежуткахъ вздыхая, почти вскрикивала. Рыжая, проснувшись, лежала кверху животомъ, согнувъ толстыя ноги и громко и весело разеказывала видѣнный сонъ. Старушка-поджигательница стояла опять передъ образомъ и, шепча одни и тѣ же слова, крестилась и кланялась. Дьячиха неподвижно сидѣла на парахъ и непроснувшись, тупымъ взглядомъ смотрѣла передъ собой. Хорошавка подвигала на палецъ масляные, жесткіе черные волосы.

Но коридору послышались шаги въ плетающихся котахъ, загремѣлъ замокъ и вошли два арестанта-парашечника въ курткахъ и короткихъ, много выше школоты, сѣрыхъ штанахъ и, съ серьезными, сердитыми лицами, поднявъ на водовозъ вонючую кадку, понесли ее вонъ изъ камеры. Женщины вышли въ коридоръ, къ крамамъ, умываться. У крановъ произошла ссора рыжей съ женщиной, вышедшей изъ другой соседней камеры. Опять ругательства, крики, жалобы...

— Или карцера захотѣли, — закричалъ надзиратель и хлопнулъ рыжую по жирной, голой снѣгъ такъ, что щелкнуло на весь коридоръ. — Чтобъ голосу твоего не слышно было.

— Вишь, разыгрался, старый, — сказала рыжая, принявъ это обращеніе за ласку.

— Ну, живо! Убирайтесь къ обѣднѣ.

Не успѣла Маслоу причесться, какъ пришелъ смотритель со свитой.

— На повѣрку! — крикнулъ надзиратель.

Изъ другой камеры вышли другія арестантки и всѣ стали въ два ряда вдоль коридора, причемъ женщины задняго ряда должны были класть руки на плечи женщинъ перваго ряда. Всѣхъ пересчитали.

Послѣ повѣрки пришла надзирательница и повела арестантокъ въ церковь. Маслоу съ Оедосей находились въ среднѣй колонны, состоявшей болѣе чѣмъ изъ ста женщинъ, вышедшихъ изъ всѣхъ камеръ. Всѣ были въ бѣлыхъ кобынкахъ, кофтахъ и юбкахъ, и только изрѣдка среди нихъ попадались женщины въ своихъ цвѣтныхъ одеждахъ. Это были жены съ дѣтми, слѣдовавшія за мужьями. Вся лѣстница была захвачена этимъ шествіемъ. Слышался мягкій топотъ обуви въ коты ногъ, говоръ, иногда смѣхъ. На поворотѣ Маслоу увидѣла злобное лицо своего врага, Бочковой, шедшей впереди, и указала его Оедосѣ. Сойдя внизъ, женщины замолчали и, крестясь и кланяясь, стали проходить въ отворенныя двери еще пустой, блестящей золотомъ, церкви. Ихъ мѣсто было направо, и онѣ тѣнились и вапирая другъ на друга, стали устанавливать. Вслѣдъ за женщинами вошли въ сѣрыхъ халатахъ пересыльные, отениживающіе и сылаемые по приговорамъ общества, и, громко откашливаясь,

стали тѣсною толпой палтво и въ среднѣй церкви. Наверху же, на хорахъ, уже стояли приведенные прежде — съ одной стороны, съ бритыми полуголовами, каторжники, обнаруживавшіе свое присутствіе позвякиваніемъ цѣпей, съ другой — не бритые и не закованные, подслѣдственные.

Острокная церковь была вновѣ построена и отдѣлана богатымъ кушомъ, потратившимъ на это дѣло нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, и вся блестяла яркими красками и золотомъ.

Нѣкоторое время въ церкви было молчаніе и слышалось только сморканіе, откашливаніе, крикъ младенцевъ и изрѣдка звонъ цѣпей. Но вотъ арестанты, стоявшіе посереднѣй, нарахнулись, пажались другъ на друга, оставляя дорогу посереднѣй и по дорогѣ этой прошель, смотритель и сталъ впереди всѣхъ, посереднѣй церкви.

Началось богослуженіе.

XXXIX.

Нехлюдовъ рано выѣхалъ изъ дома. Но передъ нимъ еще ѣхалъ деревенскій мужикъ и страннымъ голосомъ кричалъ: — Молока, молока, молока.

Наканунѣ былъ первый теплый весенній дождь. Вездѣ, гдѣ не было мостовой, вдругъ зазеленѣла трава; березы въ садахъ осыпались зеленымъ пухомъ, и черемуха, и тополя расправляли свои длинныя, пахучіе листья, а въ домахъ и магазинахъ выставляли и вытирали рамы. На толкучемъ рынкѣ, мимо котораго пришлось проѣзжать Нехлюдову, кишѣла около выстроенныхъ въ рядъ палатокъ сплошная толпа народа и ходили оборванные люди съ сапогами подъ мышкой и перекинутыми черезъ плечо выглаженными панталонами и жилетами.

У трактировъ уже тѣснились, высвободившись изъ своихъ фабрикъ, мужчины въ шестыхъ подѣвкахъ и глинявитыхъ сапогахъ и женщины въ шелковыхъ яркихъ платкахъ на головахъ и пальто съ стеклянусомъ. Городовые съ желтыми шинками шестолетовъ стояли на мѣстахъ; по дорожкамъ бульваровъ и по зеленому, только-что окрасившемуся газону бѣгали, играя, дѣти и собаки, и веселые нянюшки переговаривались между собой, сидя на скамейкахъ.

По улицамъ, прохладнымъ и влажнымъ еще съ лѣвой стороны, въ тѣни, и высохшимъ по среднѣй, не переставая, гремѣли по мостовой тяжелые возы ломовыхъ, дребезжали пролетки и звѣли конки. Со всѣхъ сторонъ дрожалъ воздухъ отъ разнообразнаго звона и гула колоколовъ, призывавшихъ народъ къ присутствованію при такомъ же служеніи, которое совершалось теперь въ тюрьмѣ. И народъ расходился каждый по своему приходу.

Извозчикъ подвезъ Нехлюдова не къ самой тюрьмѣ, а къ повороту, ведущему къ тюрьмѣ.

Нѣсколько человѣкъ мужчинъ и женщинъ, болѣею частью съ узелками, стояли тутъ, на этомъ поворотѣ къ тюрьмѣ, шагахъ въ ста отъ нея. Справа были невысокія деревянныя строенія, слѣва двухъэтажный домъ съ какой-то выѣской. Само огромное каменное зданіе тюрьмы было впереди и къ нему не подпускали посѣтителей. Часовой съ ружьемъ ходилъ взадъ и впередъ, строго окрикая тѣхъ, которые хотѣли обойти его.

У калитки деревянныхъ строеній, съ правой стороны противъ часоваго сидѣлъ на лавочкѣ надзиратель въ мундирѣ съ галунами, съ записной книжкой. Къ нему подходили посѣтители и называли тѣхъ, кого желали видѣть, и онъ записывалъ. Нехлюдовъ также подошелъ къ нему и назвалъ Катерину Маслоу. Надзиратель съ галунами записалъ.

— Почему не пускаютъ еще? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Обѣщя идти. Вотъ отойдетъ обѣщя, тогда впускать.

Нехлюдовъ отошелъ къ толпѣ ожидавшихся. Изъ толпы выдѣлился въ оборванной одеждѣ и смятой шляпѣ, въ опоркахъ на босу ногу, человѣкъ съ красными полосами во все лицо и направился къ тюрьмѣ.

— Ты куда дѣлешь? — крикнулъ на него солдатъ съ ружьемъ.

— А ты чего орешь? — несколько не смущаясь окрикомъ часового, отвѣтилъ оборванецъ и вернулся назадъ: — не пускаешь—пожду. А то кричить, ровно еперать.

Въ толпѣ одобрительно засмѣялись. Посѣтители были большей частью люди худо одѣтые, даже оборванные, но были и приличные по виѣшнему виду и мужчины, и женщины. Рядомъ съ Нехлюдовымъ стоялъ хорошо одѣтый, весь бритый, полный, румяный человѣкъ съ узелкомъ, очевидно, бѣлья въ рукѣ. Нехлюдовъ спросилъ его, въ первый ли онъ разъ тутъ? Человѣкъ съ узелкомъ отвѣтилъ, что онъ каждое воскресенье бываетъ здѣсь, и они разговорились. Это былъ швейцаръ изъ банка, онъ пришелъ сюда провѣдать своего брата, судимаго за подлогъ. Добродушный человѣкъ этотъ разсказалъ Нехлюдову всю свою исторію и хотѣлъ разспрашивать и его, когда ихъ вниманіе отвлекли прѣѣхавшіе на крушнѣ, породистой вороной лошади, въ пролеткѣ на резиновыхъ шинахъ, студентъ съ дамой подъ вуалью. Студентъ несъ въ рукахъ большой узелъ. Онъ подошелъ къ Нехлюдову и спросилъ его—можно ли, и что нужно сдѣлать для того, чтобы передать милостыню — калачи, которые онъ привезъ. «Это я по желанію невѣсты. Это моя невѣста. Родители ея посоветовали намъ свезти заключеннымъ».

— Я самъ въ первый разъ и не знаю, но думаю, что надо спросить этого человѣка, — сказалъ Нехлюдовъ, указывая на надзирателя съ галунами, сидѣвшаго съ книжкой направо.

Въ то самое время, когда Нехлюдовъ разговаривалъ съ студентомъ, большія, съ оконцемъ въ серединѣ, желѣзныя двери тюрьмы отворились, и изъ нихъ вышелъ офицеръ въ мундирѣ съ другимъ надзирателемъ, и надзиратель съ книжкой объявилъ, что внутрь посѣтителей начинается. Часовой посторонился, и все посѣтители, какъ будто боясь опоздать, скорымъ шагомъ, а кто и рысью, пустились къ двери тюрьмы. У двери стоялъ одинъ надзиратель, который, по мѣрѣ того какъ посѣтители проходили мимо него, считалъ ихъ, громко произнося: 16, 17 и т. д. Другой надзиратель, внутри зданія, догрозиваясь рукой до каждаго, также считалъ проходившихъ въ слѣдующія двери, съ тѣмъ, чтобы при выпускѣ, провѣривъ счетъ, не оставитъ ни одного посѣтителя въ тюрьмѣ и не выпуститъ ни одного заключеннаго. Счетчикъ этотъ, не глядя на того, кто проходилъ, хлопнулъ рукой по сшитъ Нехлюдова, и это прикосновеніе руки надзирателя въ первую минуту оскорбило Нехлюдова, но тотчасъ же онъ вспомнилъ, зачѣмъ онъ пришелъ сюда, и ему совѣстно стало этого чувства неудовольствія и оскорбленія.

Первое помѣщеніе за дверями была большая комната со сводами и желѣзными рѣшетками въ небольшихъ окнахъ. Въ комнатѣ этой, называвшейся сборной, Нехлюдовъ увидѣлъ въ нишѣ большое изображеніе Распятія.

Нехлюдовъ шелъ медленнымъ шагомъ, пропуская впередъ себя сѣднвшихъ посѣтителей, испытывая смѣшанныя чувства ужаса передъ тѣми злодѣями, которые заперты здѣсь, состраданія къ тѣмъ невиннымъ, которые, какъ вчерашній мальчикъ и Катюша, должны быть здѣсь, и робости и умиленія передъ тѣмъ свиданіемъ, которое ему предстояло. При выходѣ изъ первой комнаты, на другомъ концѣ ея, надзиратель проговорилъ что-то. Но Нехлюдовъ, поглощенный своими мыслями, не обратилъ вниманія на это и продолжалъ идти туда, куда шло больше посѣтителей, то-есть въ мужское отдѣленіе, а не въ женское, куда ему чужно было.

Пропуская сѣднвшихъ впередъ, онъ вошелъ послѣднимъ въ помѣщеніе, назначенное для свиданій. Первое, что поразило его, когда онъ, отворивъ дверь, вошелъ въ это помѣщеніе, былъ оглушающій, сливающийся въ одинъ гулъ, крикъ сотни голосовъ. Только ближе подойдя къ

людямъ, точно какъ мухи насѣвшимъ на сахаръ, прильнувшимъ къ стѣнкѣ дѣлившей комнату на-двое, Нехлюдовъ понялъ, въ чемъ дѣло. Комната съ окнами на задней стѣнкѣ была раздѣлена на-двое не одной, а двумя проволочными стѣнками, шедшими отъ потолка до земли. Между стѣнками ходили надзиратели. На той сторонѣ стѣнокъ были заключенные, на этой сторонѣ—посѣтители. Между тѣми и другими были двѣ стѣнки и аршина три разстоянія, такъ что не только передать что-нибудь, но и разсмотрѣть лицо, особенно близорукому человѣку, было невозможно. Трудно было и говорить, надо было кричать изъ всѣхъ силъ, чтобы быть услышаннымъ. Съ обѣихъ сторонъ были прижавшіяся къ стѣнкамъ лица: женъ, мужей, отцовъ, матерей, дѣтей, старавшихся разсмотрѣть другъ друга и сказать то, что нужно. Но такъ какъ каждый старался говорить такъ, чтобы его разслышалъ его собесѣдникъ, и сосѣди хотѣли того же и ихъ голоса мѣшались другъ другу, то каждый старался перекричать другого. Отъ этого-то стоялъ тотъ гулъ, перебиваемый криками, который поразилъ Нехлюдова, какъ только онъ вошелъ въ эту комнату. Разобрать то, что говорилось, не было никакой возможности. Можно было только по лицамъ судить о томъ, что говорилось и какія отношенія были между говорящими. Ближе къ Нехлюдову была старушка въ платочкѣ, которая, прижавшись къ стѣнкѣ, дрожа подбородкомъ, кричала что-то блѣдному молодому человѣку съ бритойполовиной головы. Арестантъ, поднявъ брови и сморщивъ лобъ, внимательно слушалъ ее. Рядомъ съ старушкой была молодая человѣкъ въ поддѣвкѣ, который слушалъ, покачивая головой, то, что ему говорили похожій на него арестантъ съ измученнымъ лицомъ и слѣдующей бородой. Еще дальше стоялъ оборванецъ и, махая рукой, что-то кричалъ и смѣялся. А рядомъ съ нимъ сидѣла на полу женщина съ ребенкомъ, въ первый разъ увидавъ того сѣдого человѣка, который былъ на другой сторонѣ, въ арестантской курткѣ, съ бритой головой и въ кандалахъ. Надъ этой же женщиной—швейцаръ, съ которымъ говорилъ Нехлюдовъ, кричалъ изъ всѣхъ силъ лысому, съ блестящими глазами, арестанту на той сторонѣ.

Нехлюдовъ пробылъ въ этой комнатѣ минутъ пять, испытывая какое-то странное чувство тоски, сознанія своего безсилія и разлада со всемъ міромъ; нравственное чувство, похожее на качку въ кораблѣ, овладѣло имъ.

«Однако, надо дѣлать то, за чѣмъ пришелъ, — сказалъ онъ, подбадривая себя. Какъ же быть?»

Онъ сталъ искать глазами начальство и, увидавъ невысокаго, худого человѣка съ усами, въ офицерскихъ погонахъ, ходившаго позади народа, обратился къ нему.

— Не можете ли вы, милостивый государь, мнѣ сказать, спросилъ онъ съ особенно напряженной вѣжливостью: — гдѣ содержатся женщины и гдѣ свиданія съ ними разрѣшаются?

— Вамъ развѣ въ женскую надо?

— Да, я бы желалъ видѣть одну женщину изъ заключенныхъ, — съ той же напряженной вѣжливостью отвѣчалъ Нехлюдовъ.

— Такъ вы бы такъ говорили, когда въ сборной были.

— Вамъ кого же нужно видѣть?

— Мнѣ нужно видѣть Екатерину Маслову.

— Она что же, приговоренная?

— Да, третьяго дня она была приговорена, — покорно отвѣчалъ Нехлюдовъ, боясь какъ-нибудь испортить настроеніе смотрителя, какъ будто принявшаго въ немъ участіе.

— Коли въ женскую, такъ сюда пожалуйте, — сказалъ смотритель, очевидно, рѣшивъ, по виѣшности Нехлюдова, что онъ стоитъ вниманія. Сидоровъ, обратился онъ къ усатому унтеръ-офицеру съ медалями: — проводи, вотъ ихъ, въ женскую.

— Слушаю-съ.

Въ это время у рѣшетки послышалась чьи-то раздирающія душу рыданія.

„Воскресение“, романъ гр. Л. Н. Толстого. У входа въ тюрьму.
Ориг. рис. (собств. «Нивы») Л. О. Пастернака, авторіція «Нивы».

„Воскресение“, романъ гр. Л. Н. Толстого. Приемная въ мужскомъ отдѣленіи тюрьмы.
Ориг. рис. (собств. «Нивы») Л. О. Пастернака, авторитипъ «Нивы».

Все было странно Нехлюдову, и страннее всего то, что ему приходилось благодарить и чувствовать себя обязанным передь смотрителем и старшим надзирателем.

Надзиратель вывел Нехлюдова из мужской посетительской въ коридоръ, и тотчасъ же, черезъ дверь напротивъ, ввелъ его въ женскую комнату для свиданій.

XI.

Комната эта такъ же, какъ и мужская, была разделена на-трое двумя сѣтками, но она была значительно меньше и въ ней было меньше и посетителей, и заключенныхъ, но крикъ и гулъ былъ такой же, какъ и въ мужской. Также между сѣтками ходило начальство. Начальство здѣсь представляла надзирательница въ мундирѣ съ галунами на рукавахъ и синими выпушками и такимъ же кушакомъ, какъ у надзирателей. И такъ же, какъ и въ мужской, съ обѣихъ сторонъ налили къ сѣткамъ люди: съ этой стороны въ разнообразныхъ одѣянїяхъ городские жители, съ той стороны, арестантки, нѣкоторыя въ бѣлыхъ, нѣкоторыя въ своихъ одеждахъ. Вся сѣтка была уставлена людьми. Одни поднимались на цыпочки, чтобы черезъ головы другихъ быть услышанными, другія сидѣли на полу и переговаривались.

Замѣтнѣе всѣхъ женщинъ-арестантокъ и поразительнымъ крикомъ, и видомъ, была лохматая, худая цыганка-арестантка, со сбившейся съ курчавыхъ волосъ косыной, стоявшая почти посерединѣ комнаты, на той сторонѣ рѣшетки, у столба, и что-то съ быстрыми жестами кричавшая низко и туго подполсанному цыгану въ синемъ сюртукѣ. Рядомъ съ цыганомъ присѣлъ къ землѣ солдатъ, разговаривая съ арестанткой, потомъ стоялъ, прильнувъ къ сѣткѣ, молодой съ свѣтлой бородкой мужичокъ въ лаптяхъ, съ раскраснѣвшимся лицомъ, очевидно, съ трудомъ сдерживавшій слезы. Съ нимъ говорила милостивая бѣлокурая арестантка, свѣтлыми голубыми глазами смотрѣвшая на собесѣдника. Это была Федосья съ своимъ мужемъ. Подлѣ нихъ стоялъ оборванецъ, переговаривавшійся съ растрепанной широколицей женщиной; потомъ двѣ женщины, мужчина, опять женщина — противъ каждаго была арестантка. Въ числѣ ихъ Масловой не было. Но позади арестантокъ, на той сторонѣ, стояла еще одна женщина, и Нехлюдовъ тотчасъ же понялъ, что это была она, и тотчасъ же почувствовалъ, какъ усиленно забилося его сердце и остановилось дыханіе. Рѣшительная минута приближалась. Онъ подошелъ къ сѣткѣ и узналъ Катюшу. Она стояла позади голубоглазой Федосьи и, улыбаясь, слушала то, что она говорила. Она была не въ халатѣ, какъ третьяго дня, а въ бѣлой кофтѣ, туго стянутой поясомъ и высоко подымавшейся на груди. Изъ-подъ косынки, какъ на судѣ, выставялись вьющиеся черные волосы.

«Сейчасъ рѣшится», думалъ онъ. «Какъ мнѣ позвать ее? Или сама подойдетъ?»

Но сама она не подходила. Она ждала Клару и никакъ не думала, что этотъ мужчина къ ней.

— Вамъ кого нужно? — спросила, подходи къ Нехлюдову, надзирательница, ходившая между сѣтками.

— Катерину Маслову, — едва могъ выговорить Нехлюдовъ.

— Маслова, къ тебѣ, — кригнула надзирательница.

Маслова оглянулась и, поднявъ голову и прямо выставя грудь, съ своимъ знакомымъ ему выраженіемъ

готовности, подошла къ рѣшеткѣ, протискиваясь между двумя арестантками, и удивленно-вопросительно уставилась на Нехлюдова, не узнавая его.

Признавъ, однако, по одеждѣ, въ немъ богатаго человека, она улыбнулась.

— Что вы? — сказала она, приближая къ рѣшеткѣ свое улыбающееся съ косыми глазами лицо.

— Я хотѣлъ видѣть... — Нехлюдовъ не зналъ, какъ сказать: «васъ» или «тебя» и рѣшилъ сказать «васъ». Онъ говорилъ не громче обыкновеннаго: — Я хотѣлъ видѣть васъ... я...

— «Ты мнѣ зубы-то не заговаривай», — кричалъ подлѣ него оборванецъ: — «Брала или не брала?»

— «Вовсе помираетъ, слаба...», кричалъ кто-то съ другой стороны.

Маслова не могла слышать того, что говорилъ Нехлюдовъ, но выраженіе его лица въ то время, какъ онъ говорилъ, вдругъ напомнило ей то, о чемъ она не хотѣла вспоминать. И улыбка исчезла съ ея лица, и на лбу образовалась страдальческая морщина.

— Не слышать, что говорите, — прокричала она, щурясь и все больше и больше морща лобъ.

— Я пришелъ...

«Да, я дѣлаю то, что должно, я каюсь», — подумалъ Нехлюдовъ.

И только-что онъ подумалъ это, слезы выступили ему на глаза, подступили къ горлу, и онъ, зацѣпившись пальцами за рѣшетку, замолчалъ, дѣлая усиліе, чтобы не разрыдаться.

— «Кабы здорова, я бы не пошелъ», — кричали съ одной стороны.

— «Вѣрь ты Богу, знать не знаю», — кричала арестантка съ другой стороны.

Маслова увидала его волненіе, и оно сообщилось ей: глаза ея загорѣлись, румянецъ пятнами выступилъ на бѣлыя, пухлыя щеки; но лицо продолжало быть строго, и косые глаза пристально смотрѣли мимо.

— Похоже, да не признаю, — закричала она.

— Я пришелъ затѣмъ, чтобы просить у тебя прощенія, — прокричалъ онъ громкимъ голосомъ, безъ интонацій, какъ заученный урокъ.

Когда онъ прокричалъ эти слова, ему стало стыдно, и онъ оглянулся. Но тотчасъ же пришла мысль, что если ему стыдно, то это тѣмъ лучше, потому что онъ долженъ нести стыдъ. И онъ громко продолжалъ:

— Я дурно, гадко поступилъ, прости меня, — прокричалъ онъ еще.

Она стояла неподвижно и не спускала съ него своего косога взгляда.

Онъ не могъ дальше говорить и отошелъ отъ рѣшетки, стараясь удержать колебавшійся его грудь рыданія.

Смотритель, тотъ самый, который направилъ Нехлюдова въ женское отдѣленіе, очевидно, заинтересованный имъ, пришелъ въ это отдѣленіе и, увидавъ Нехлюдова не у рѣшетки, спросилъ его, почему онъ не говоритъ съ той, съ кѣмъ ему нужно. Нехлюдовъ высморкался и, встряхнувшись, стараясь имѣть спокойный видъ, отвѣчалъ:

— Не могу говорить черезъ рѣшетку, ничего не слышно.

Смотритель задумался.

— Ну, что же, можно вывести ее сюда на время.

— Марья Карловна! — обратился онъ къ надзирательницѣ. — Выведите Маслову наружу.

(Продолженіе будетъ.)

Двойникъ Гладстона.

Очеркъ.

Въ свѣтлый июньскій вечеръ 1893 г., въ одной изъ гостинныхъ Национальнаго клуба было особенно оживленно: нѣсколько молодыхъ людей выражали свои восторги извѣстному министру, Полю Чарльзвурту, которому они давали обѣдъ въ благодарность за удивительно талантливое изображеніе всѣхъ извѣстныхъ личностей. Каждый вечеръ представленіе Поля Чарльзвуртъ собирало въ театрѣ

«Альгамбра» массу публики, которая не могла надвинуться болѣе чѣмъ поразительной способностью артиста измѣнять свое лицо, голосъ, фигуру.

Всѣ восторги и похвалы Полю Чарльзвурту принималъ очень весело и просто; онъ былъ добродушный, славный малый и нисколько не гордился даннымъ ему природой талантомъ.

— А все-таки замѣтил парламентскій репортеръ м-ръ Модслей, закуривая послѣ десерта сигару:—вы не могли бы сойти у насъ въ палату общинъ за мистера Гладстона!

Чарльзвортъ сначала засмѣялся, но, подумавъ, отвѣтилъ:

— Знаете что: я не могу ругаться, и на пари не пойду — но попробую! Право, попробую! Это было бы интересно.

Раздались аллодисменты; однако, Модслей замѣтилъ, что подобная шутка положительно невыполнима:

— Подумайте, вѣдь не можете же вы разгуливать по парламенту въ видѣ Гладстона тогда, когда почтенный джентльменъ находится тамъ самъ; хотя и говорятъ, что онъ доврчивъ какъ ребенокъ, но врядъ ли вы его убѣдите, что вы—это онъ, а онъ—кто-нибудь другой.

— Конечно! За это я и не берусь! Но вѣдь можно выбрать день, когда онъ не присутствуетъ въ парламентѣ.

— А когда онъ не присутствуетъ, то объ этомъ бываетъ объявлено во всѣхъ газетахъ; поэтому сомнѣваюсь, чтобы даже съ нашимъ талантомъ благоразумно было рисковать!

— О, я знаю! Благоразумія тутъ нѣтъ, а риска много! Но мнѣ ужъ теперь не отдѣлаться отъ этого желанія... Я буду ждать удобнаго случая и готовиться... Вотъ весело!

— Ну, не особенно вамъ будетъ весело, если попадетесь.

Тѣмъ не менѣе, Чарльзвортъ окончательно рѣшился попытаться счастья, и всѣ его друзья поклялись, что будутъ хранить смѣлую затѣю въ глубочайшей тайнѣ.

Прежде всего минутъ занялся изученіемъ своей жертвы. Получить доступъ на галерею палаты общинъ во время засѣданій ему было не трудно: многие изъ членовъ парламента готовы были оказать услугу извѣстному артисту, хотя и удивлялись, почему онъ неожиданно заинтересовался политикой.

Черезъ нѣсколько дней, когда артистъ окончательно изучилъ манеру, съ которой Гладстонъ входитъ въ палату изъ-за высокаго кресла спикера, дѣлаетъ замѣтки у себя на кофляхъ, болтаетъ по временамъ съ сосѣдями, слушаетъ, приложивъ ладонь къ уху, и т. п. — онъ предложилъ товарищамъ собраться вечеромъ у него на квартирѣ и посмотреть релетинию.

Когда въ комнату вошелъ не сѣдой благообразный старикъ въ сѣрыхъ панталонахъ, черномъ скюртукѣ, съ бѣлымъ цвѣткомъ въ петлицѣ и слегка измятой рубашкой, а «самъ мистеръ Гладстонъ» — то даже Модслей бросилъ всѣ свои сомнѣнія.

— Хорошо, что я не предложилъ вамъ пари! — сказалъ онъ. — Да если бы вы отправились въ парламентъ даже въ то самое время, когда тамъ Гладстонъ, то его, пожалуй, выпроводили бы отсюда какъ мошенника!

Чарльзвортъ былъ очень радъ.

Ставалось выбрать день; посвященные въ тайну ждали съ нетерпѣніемъ, чтобы первый министръ уѣхалъ изъ Лондона или бросилъ дѣла отъ усталости; но каждый день, между тремя и четырьмя, крѣпкій старикъ являлся аккуратно на свое мѣсто и уходилъ не раньше конца засѣданія.

— Ну, ради Бога! Что жъ это такое?! — жаловался Чарльзвортъ. — Вѣдь онъ меня изведет!

Наконецъ, однажды утромъ, въ понедѣльникъ, Модслей — который къ этому времени началъ увлекаться больше всей остальной компаніи — съ волненіемъ собралъ товарищей въ отдѣльную комнату и прочелъ имъ слѣдующія строки въ *Times*:

«Мистеръ Гладстонъ простудился въ субботу и провелъ весь вчерашній день дома. Опасности нѣтъ, но на сегодняшнемъ засѣданіи парламента онъ присутствовать не можетъ».

— Отлично! Великолепно! Если вы, Чарльзвортъ, явитесь сегодня, то всѣ подумаютъ, что онъ не послушался доктора, вотъ и все! Онъ это часто дѣлаетъ. А между тѣмъ васъ, все-таки, не захотятъ тревожить и не предложатъ ряда важныхъ вопросовъ.

— «Рядъ важныхъ вопросовъ?!» Я объ этомъ и не подумалъ... Я совѣмъ провалюсь при первомъ же вопросѣ!..

— О, нѣтъ! — ободрительно замѣтилъ репортеръ. — Вы только подхватите нѣсколько изъ его любимыхъ выраженій, а уклониться отъ отвѣта всегда можно! Не забывайте, что онъ плохо слышитъ — вамъ это можетъ быть очень полезно.

Затѣмъ Модслей объяснилъ Чарльзворту, чтобы тотъ подѣзжалъ къ министерскому подъѣзду, рядомъ съ «лѣстницей журналистовъ», откуда ведетъ прямая дорога ко входу въ палату общинъ.

— Не забывайте, ваше мѣсто — первого министра! Первое по правую руку отъ спикера.

— Какъ бы мое мѣсто не оказалось въ кутузкѣ! — съ веселымъ юморомъ отвѣчалъ Чарльзвортъ и отправился приготовляться къ серьезному представленію.

Рѣшили, что Модслей будетъ засѣдать на своемъ обычномъ мѣстѣ въ галереѣ, откуда хорошо видно спикера и первую скамью, а остальные члены компаніи останутся въ клубѣ, гдѣ свѣдѣнія обо всемъ происходящемъ въ парламентѣ немедленно получались по телеграфу.

Около трехъ часовъ небольшая компанія джентльменовъ не безъ волненія собралась въ телеграфной комнатѣ клуба. «Клинъ... клинъ-клинъ», скоро застучалъ аппаратъ, и на бѣленькой лентѣ показались слова:

«Палата общинъ. Спикеръ занялъ свое мѣсто въ пять минутъ четвертаго».

Пошли вопросы и отвѣты, весь ходъ преній... Молодые люди не отрывали глазъ отъ выполнявшей изъ-подъ колеса свѣтлой змѣйки... Вдругъ всѣ они невольно ахнули:

«Въ три четверти четвертаго вошелъ въ палату мистеръ Гладстонъ и занялъ свое обычное мѣсто. Очевидно, онъ поправился отъ недавней простуды, и встрѣченъ былъ выраженіями горячей симпатіи».

Между тѣмъ, прежде чѣмъ занять «свое обычное мѣсто», Чарльзвортъ попалъ въ нѣсколько неловкое положеніе: подѣзжавъ съ той стороны зданія, гдѣ находится подъѣздъ министровъ, онъ спокойно хотѣлъ войти въ дверь, какъ оказалось, что она заперта. Всегда стоящій рядомъ полицменъ, почтительно поклонившись великому защитнику народа, невольно выразилъ свое удивленіе:

— Какъ, сэръ! Вы забыли вашъ ключъ?

Чарльзвортъ никакъ не ожидалъ, что у каждого министра есть свой ключъ отъ входа въ парламентъ, и, роясь въ карманахъ, могъ отвѣтить только одно:

— Какъ досадно! Никогда этого со мной не бывало.

— Никогда, сэръ! — подтвердилъ полицменъ.

Къ счастью, въ критическую минуту подѣзжалъ одинъ изъ министровъ и, конечно, выпустилъ своего принципала.

Чарльзвортъ сейчасъ же оправился и увѣренно поднялся по лѣстницѣ, тѣмъ болѣе, что спутникъ обратился къ нему только съ вопросами о здоровьи, на которые очень легко было отвѣтить.

Въ три четверти четвертаго Модслей, сидѣвшій на галереѣ, невольно сжался, точно пойманный въ какой-то вишь... Но «мистеръ Гладстонъ» показался изъ-за кресла спикера своей обычной, достойной походкой, не спѣша опустился на мѣсто, поздоровался съ ближайшими сосѣдами, завернулъ фалды фрака къ себѣ на кофляхъ, тщательно натянулъ рукава на крахмальные рукавички и, приложивъ руку къ уху, началъ внимательно слушать преній.

Все было сдѣлано такъ, что даже Модслей глазамъ своимъ не повѣрилъ. Но вдругъ поднялся одинъ изъ членовъ и обратился съ вопросомъ къ министру внутреннихъ дѣлъ; тотъ отвѣтилъ, что вопросъ слишкомъ важенъ и его слѣдуетъ представить на заключеніе перваго министра.

Нечего дѣлать; Чарльзвортъ съ достоинствомъ поднялся со своего мѣста и заговорилъ голосомъ Гладстона... Но содержаніе отвѣта повергло всѣхъ въ невыразимое недоумѣніе:

— Сэръ! Мнѣ кажется, что я долженъ принять во вниманіе всѣ обстоятельства и взвѣсить интересы страны. Передо мной я вижу три пути: отвѣтить вамъ подробно, отвѣтить вамъ кратко и — не отвѣтить вамъ вовсе. Мой общественный долгъ — принять послѣднее рѣшеніе; и я надѣюсь, что это не будетъ принято вами за личную обиду.

Послышавшій громкій смѣхъ; министры переглянулись; джентльменъ, сдѣлавшій запросъ, осwirѣлѣлъ; Модслей не зналъ, куда ему дѣться и что дѣлать.

Но Чарльзвортъ вошелъ во вкусъ новой роли и продолжалъ внимательно слушать дальѣйшія пренія; черезъ нѣсколько минутъ онъ поразилъ всѣхъ присутствовавшихъ, закричавъ: «Слушайте! слушайте!» когда высказывались взгляды, совершенно противоположные взглядамъ «его» партіи.

Всталъ новый джентльменъ и началъ говорить:

— Достопоч-ч-ч-чтенный ч-ч-ч-членъ, кот-кот-кот-т-т-торый...

Вдругъ онъ замолчалъ и обернулся въ негодованіи; обернулись и всѣ другіе... Со скамьи за его спиной раздавалось страшно комичное подражаніе его запяканью. Многие, не выдержавъ, расхохотались. Но два солидные, плотные провинціала, на которыхъ было обращено теперь общее вниманіе, сердясь и пыхтя, взгляли другъ на друга въ благородномъ гнѣвѣ...

Никто ничего не понималъ, только Модслей на галереѣ задыхался отъ смѣха: онъ зналъ, что Чарльзвортъ не даромъ считался первымъ чревоушчателемъ въ Европѣ!

Поднялся шумъ и крикъ. Спикеръ призывалъ къ порядку. Между тѣмъ виновникъ зла съ самымъ достойнымъ видомъ взялъ листокъ бумаги и принялся дѣлать у себя на кофляхъ замѣтки.

Но тутъ одинъ изъ ближайшихъ сосѣдей «мистера Гладстона», съ уваженіемъ глядя на его благородное лицо и фигуру — вдругъ закурилъ губу... Еще черезъ минуту, наклонившись съ тонкой улыбкой на него, наблюдательный джентльменъ добродушно проговорилъ нилоголоса:

— Удивительно, сэръ! Вы забыли только одно маленькое обстоятельство: у Гладстона на лѣвой рукѣ не хватаетъ одного пальца!..

Чарльзвортъ почувствовалъ себя нѣсколько неловко... Но симпатичный сосѣдъ продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— Безъ сомнѣнія, ваше имя — Поль Чарльзвортъ; ничто иной не могъ бы этого сдѣлать... Но теперь послушайте моего совѣта, сэръ: удалитесь!..

— Совершенно вѣрно, молодой человекъ! Иду. А вамъ спасибо... Какой же я разниа — самого главнаго не замѣтилъ!

Увидя, что «Гладстонъ» спокойно всталъ и удалился, Модслей мигомъ выбѣжалъ на улицу по лѣстницѣ журналистовъ. Въ ту же минуту отворился министерскій подъѣздъ — и представительный полицменъ ошалѣлъ окончательно: мистеръ Гладстонъ въ два прыжка очутился въ пробѣжавшемъ пустомъ кабѣ — и покатило, заливаясь веселымъ смѣхомъ; вслѣдъ за нимъ помчался извѣстный репортеръ...

— Хоть тресни, а тутъ ничего не поймешь! — пробормоталъ бюлетеньщикъ порядка и, для собственной правдивенной поддержки, лихо закрутилъ усы...

Съ тѣхъ поръ не разъ происходили споры о томъ, былъ ли мистеръ Гладстонъ 10-го іюня 1893 года въ парламентѣ или лежалъ больной въ своемъ загородномъ домѣ.

XXVII передвижная выставка. „Свидание съ арестованными“. Женское отделение.
Съ картины Н. А. Касаткина антология «Нивы».

Къ рисункамъ.

Овцы — одинъ изъ немногихъ животныхъ, которыя нуждаются въ покровительствѣ человека. Пугливость ихъ, какъ извѣстно, доходитъ до смѣшнаго, трусость просто жалка. Достаточно легкаго шороха, чтобы испугать все стадо; молнія, громъ или буря приводятъ овецъ въ паническій страхъ, и часто всѣ усилія человека спасти ихъ оказываются тщетными. Овечьимъ пастухамъ, особенно въ степи, приходится нерѣдко очень плохо. Въ метель или выгогу все стадо разбѣгается, овцы мчатся очертя голову, совершенно растерянные, уносятся въ глубь степи или бросаются въ воду; случается также, что онѣ въ страхѣ вдругъ останавливаются, и, стоя неподвижно на одномъ мѣстѣ, даютъ себя метели засыпать снѣгомъ, мерзнуть, издыхаютъ отъ голода, не выказывая даже попытки отыскать себѣ защиту отъ бури или добыть себѣ пищи. То же самое бываетъ съ овцами, какъ многіе навѣрно наблюдали, во время наводненія или пожара. Онѣ тѣсно скучиваются, и столкнуть ихъ съ мѣста нѣтъ человеческихъ силъ. Ихъ приводятъ въ столбнякъ, впрочемъ, не только такія стихійныя силы. Извѣстенъ, напримѣръ, случай, что цѣлое стадо овецъ задохлось въ хлѣву оттого, что туда забѣжали двѣ охотничьи собаки. Онѣ привели овецъ въ такой страхъ, что тѣ столпились въ одну плотную кучу и задавили другъ друга. Другое стадо овецъ было приведено въ такое смятеніе собакой прохожаго, что разбѣжалось во всѣ стороны, при чемъ, конечно, не мало овецъ погибло. Собака, однако, никогда не является врагомъ овецъ; большей частью даже, какъ мы знаемъ, она бережетъ овечье стадо и, какъ напримѣръ на помѣщенной у насъ въ этомъ номерѣ картинѣ **Остановка**, даже ведетъ стадо, заботливо охраняя отъ враговъ. Враговъ такихъ очень много; волкъ да медвѣдь стерегутъ овецъ на каждомъ шагѣ, и этимъ объясняется, что умная собака прислушивается къ каждому подозрительному шороху, зорко смотритъ вдаль и останавливаетъ стадо при малѣйшемъ сомнѣніи. Художникъ удивительно живо схватилъ такой моментъ остановки. Въ фигурѣ собаки столько пытливаго страха и какъ бы сознанія своей отвѣтственности, а въ лицахъ столько покорности, столько безотвѣтной подчиненности, что совершенно забываешь, что это картина, а не сама дѣйствительность.

Адмиралъ А. И. фонъ-Крузъ. По поводу 100-лѣтія со дня кончины. Съ портрета по фот. П. И. Блavenецъ грав. Шюблеръ.

На XXVII-й передвижной выставкѣ текущаго года, въ Петербургѣ, обращало на себя общее вниманіе посѣтителей большое полотно, принадлежащее кисти талантливаго художника г. Касаткина, изображавшее камеру дома предварительнаго заключенія. «Свиданіе съ арестантами допускается по воскресеніямъ и четвергамъ, отъ 11 до 12 часовъ дня» — таково названіе этой картины, производящей сильное впечатлѣніе своимъ трагическимъ настроеніемъ. Дѣйствительно, тонкая и вдумчивая наблюдательность художника невольно приковывала вниманіе зрителя къ этому произведенію, въ которомъ заключено столько человеческаго страданія. Взгляните на эти лица: на однихъ — равнодушіе, почти полное, тупое равнодушіе къ своему положенію, къ своей судьбѣ; на другихъ — отчаяніе, безнадежность; на третьихъ — тихая, покорная печаль; на четвертыхъ — простое любопытство, порывъ, гнѣвъ, безсильная ярость... Какая обширная гамма человеческихъ ощущеній, какой грустный уголокъ человеческой жизни! И невольно вспоминается, при взглядѣ на эту картину, печальная героиня послѣдняго романа «великаго писателя земли русской» — Катюша Маслова, имя которой теперь на всѣхъ устахъ, и которая сдѣлалась жертвой современнаго общественнаго неблагоустройства, людской распущенности и удаленія отъ истинно-христианскаго взгляда на основы нравственной жизни. И сколько такихъ Масловыхъ въ этой «злой ямѣ», за этой рѣшеткой, точно въ звѣриницѣ отдѣлившей звѣрей отъ людей, порочныхъ членовъ общества отъ добродѣтельныхъ. Эта рѣшетка — официальная грань между порокомъ и добродѣтью. По одну сторону ея — жизнь на свободѣ, свѣтлый Божій міръ, по другую — бездна, одинъ изъ круговъ дантовскаго ада; недостаетъ лишь на этой рѣшеткѣ знаменитой надписи: «lasciate ogni speranza»... Но развѣ не бываетъ порока, разгуливающаго на свободѣ, и добродѣтели, запертой за рѣшетку? Все на свѣтѣ относительно, и въ дѣйствительной жизни границы порока и добродѣтели часто тѣсно соприкасаются... Много печальныхъ думъ наводитъ эта картина талантливаго художника, въ которой, какъ намъ кажется, заключена глубоко-гуманная идея.

Адмиралъ А. И. фонъ-Крузъ. (Съ портр. и рис.)

Датчанинъ по происхожденію, Александръ Ивановичъ фонъ-Крузъ родился въ Россіи 26-го октября 1731 года.

Въ 1758 г. онъ былъ произведенъ въ лейтенанты, а въ 1766 г. въ капитаны 2-го ранга и назначенъ командиромъ корабля «Св. Евстафій». Командуи этимъ кораблемъ, А. П. въ 1769 г. былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга и отправился въ составѣ эскадры адмирала Спиридова въ Средиземное море, гдѣ 24-го іюня 1770 г. прославилъ свое имя и увѣковѣчилъ имя своего корабля въ хіосскомъ сраженіи.

Русскій флотъ подъ командой графа Алексѣя Григорьевича Орлова, въ количествѣ 16 судовъ, напалъ на турецкій, состоявшій изъ 72 судовъ. Турки стояли на якорѣ въ три линіи. Русскій флотъ подошелъ подъ парусами, и авангардъ нашъ составляли: корабль «Еврона», «Св. Евстафій», «Три Святителя»; они подошли къ неприятелю на pistolетный выстрѣлъ и, несмотря на страшный огонь, наши не стрѣляли, пока адмиралъ Спиридовъ не сдѣлалъ сигнала: «начать бой съ неприятелемъ», и тогда флотъ нашъ открылъ свой разрушительный огонь. «Св. Евстафій», благодаря перебитымъ снастямъ, не могъ отойти отъ неприятеля, и начался бой въ рукопашную съ горѣвшимъ кораблемъ турецкаго адмирала, Конудана-паша.

Пожаръ на турецкомъ кораблѣ принялъ угрожающіе размѣры и, наконецъ, его горящая гротъ-мачта упала поперекъ «Евстафія»; скоро огонь достигъ крѣпости-камеры, и «Евстафій» взорвало. Храбрый командиръ, вѣрный своему долгу, не покидалъ своего корабля до послѣдняго момента и раздѣлялъ судьбу съ дорогимъ ему кораблемъ. А. И. взлетѣлъ на воздухъ и былъ потомъ поднятъ изъ воды подошедшей шлюпкой.

«Англичане, французы, венеціане и мальтійцы, живые свидѣтели всѣхъ дѣйствій, признавались, что они никогда не представляли себѣ, чтобы можно было атаковать неприятеля съ такимъ терпѣніемъ и неустрашимостью», — вотъ слова всеподданнѣйшаго донесенія гр. А. Гр. Орлова о подвигѣ А. П. фонъ-Круза.

Боясь, что пожаръ сдѣлается общимъ, турки съ поспѣшностью рубили канаты и въ страшномъ безпорядкѣ бросились въ Чесменскую бухту, гдѣ были уничтожены русскими въ ночь съ 25 на 26 іюня. Изъ всѣхъ турецкихъ судовъ спасены были корабль «Родосъ», командиромъ котораго гр. Орловъ назначилъ А. П. фонъ-Круза, повелѣвъ ему идти въ Россію; но пострадавшее судно не выдержало непогоды и погибло около восточнаго берега залива Короны. Вслѣдствіе страшной течи, А. П. принужденъ былъ поставить его на мель, чтобы дать возможность командѣ высадиться на берегъ; свежая вѣтреникъ ему людей, А. П. сжегъ корабль, чтобы онъ снова, хотя и негодный, не попалъ въ руки неприятеля.

За примѣрный героическій подвигъ въ хіосскомъ сраженіи императрица Елизавета II пожаловала А. П. фонъ-Круза орденомъ св. Георгія 4-й степени при собственноручномъ рескриптѣ.

Въ 1790 г., въ войну со шведами, вице-адмиралъ фонъ-Крузъ командовалъ кронштадтскою «запасною эскадрою» изъ 17 кораблей и 8 гребныхъ фрегатовъ, и, имѣя флагъ на кораблѣ «Іоаннъ Креститель», встрѣтилъ шведскій флотъ въ 21 корабль и 8 фрегатовъ, подъ командой герцога Карла Зюдерманландскаго, близъ мыса Стирсудена. 23-го мая четыре раза сходились непріятельскія эскадры, и всѣ четыре раза шведы, пользуясь выгоднымъ повѣтрениымъ положеніемъ, уклонялись отъ рѣшительнаго боя. На слѣдующій день, 24-го мая, сраженіе возобновилось въ 5 часовъ пополудни; шведы снова были на вѣтрѣ, и опять послѣ понесенныхъ потерь ушли въ Выборгскій заливъ. Вице-адмиралъ фонъ-Крузъ пожалованъ былъ за стирсуденское (или красноросское) сраженіе орденомъ св. Александра Невскаго, и всѣ участники боя были щедро награждены императрицей. Шведы, скрывшіеся въ Выборгскій заливъ, были заперты тамъ русскимъ флотомъ подъ командою адмирала В. Я. Чичагова, съ которымъ соединилась эскадра вице-адмирала фонъ-Круза. 22-го іюня шведы со страшными потерями прорвались черезъ нашъ флотъ. Самъ король Густавъ III былъ на галерномъ флагѣ и послѣ выборгскаго погрома укрылся въ Роченсалмѣ, гдѣ вскорѣ подписалъ миръ. А. И. получилъ чинъ адмирала, орденъ св. Георгія 2-й степени и при празднованіи мира — алмазами украшенную шапку. 5-го января 1797 г. А. И. былъ пожалованъ орденомъ Андрея Первозваннаго и въ томъ же году командовалъ 2-й дивизіей флота, плававшего подъ личнымъ предводительствомъ императора Павла Петровича.

5-го мая 1799 г. адмиралъ фонъ-Крузъ скончался въ Кронштадтѣ, гдѣ и похороненъ на лютеранскомъ кладбищѣ. На его могилѣ поставлена колонна съ прикрѣпленными къ ней кораблями (рис. на стр. 382).

Въ 1791 г. славный герой Хіосса жилъ въ Ораніенбаумѣ. Къ нему

однажды вечером пришел незнакомец и просил позволения нарисовать его портрет; но адмирал отказал; тогда все родственники вместе с художником стали упрашивать А. П., и наконец, адмирал согласился. Портрет написан был сухими красками в несколько дней и скоро был принесен адмиралу, который, вручая деньги художнику, вдруг заметил какую-то надпись. Он страшно разсердился и сказал: «Прошу вас, милостивый государь, принять вознаграждение за труд и непременно стереть эту надпись. Вы не имете права ценить дела мои». Художник отказался. Взять деньги и заявить, что совершенно награжден тем, что имела честь первым нарисовать портрет его; затем он прибавил: «Я гравёр Скородумовъ, присланъ по волѣ императрицы, и надпись эта ся собственнаго сочиненія, равно какъ и самое расположеніе портрета». Тогда адмиралъ просилъ Скородумова принять отъ него на память драгоценную золотую табакерку. Надпись была следующая:

Громи отражая громъ,
Онъ спасъ Петровъ и градъ, и домъ.

Екатерина.

Эта надпись теперь высѣчена на надгробномъ памятникѣ адмирала фонъ-Круза. Помѣщенный у насъ здѣсь портретъ А. П. воспроизведенъ съ акварели, хранящейся въ библиотекѣ кронштадтскаго морскаго собранія.

Генрихъ Кипертъ.

(Портр. на стр. 383.)

Скончавшійся въ Берлинѣ, въ апрѣлѣ т. г., Генрихъ Кипертъ былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ современныхъ картографовъ: его географическіе атласы и карты пользуются всемірной извѣстностью. За послѣднія 50 лѣтъ, въ которыхъ протекала дѣятельность Киперта, географическія карты стали насущною потребностью не только каждой школы при обученіи географіи, но и цѣлаго ряда лицъ, совершающихъ передвиженія по землѣ: купцу, офицеру, моряку, туристу—всѣмъ одинаково географическая карта служитъ подспорьемъ для изученія мѣстности, для ориентированія въ своихъ путешествіяхъ. И соответственно возросшему спросу поднялась самая техника картографіи, доведенная въ настоящее время до совершенства. Очень крупную долю участія въ этомъ развитіи картографіи принялъ покойный Генрихъ Кипертъ.

Генрихъ Кипертъ родился 19-го іюля 1818 г. въ Берлинѣ; высшее образованіе получилъ онъ въ берлинскомъ университетѣ и уже въ 1837—39 гг. руководилъ топографическими работами прусскихъ офицеровъ въ Малой Азій, которую онъ затѣмъ (въ 1841 и 1842 гг.) по собственному почину изслѣдовалъ для тѣхъ же топографическихъ цѣлей. Этими своими работами онъ сразу выдвинулся въ ученый міръ и былъ приглашенъ техническимъ руководителемъ Географическаго института въ Веймарѣ, но въ 1852 г. вернулся въ Берлинъ, чтобы посвятить себя преподавательской дѣятельности. Въ 1859 г. онъ былъ избранъ въ профессора университета. Въ свободное отъ профессорскихъ время онъ предпринималъ поѣздки въ Палестину, Карію, Лесбосъ, Мизию и Троаду. Особенную извѣстность въ ученыхъ кругахъ приобрѣлъ Кипертъ послѣ выхода въ свѣтъ (въ 1840—46 гг.) его «Атласа Эллады и греческихъ колоній». За нимъ послѣдовала рядъ замѣчательныхъ археологическихъ картъ, изъ которыхъ слѣдуетъ указать на его атласъ древней географіи «*Fortae orbis antiqui*». Выдающаяся же популярности въ широкой публикѣ доставилъ Киперту его «Новый ручной атласъ земного шара», вышедшій въ Берлинѣ въ 1857—61 гг. и содержащій 60 картъ. Много сдѣлано имъ картъ и для школъ; такъ, извѣстны его стѣнные учебныя карты и его замѣчательная историческая «Стѣнная карта древней Греціи».

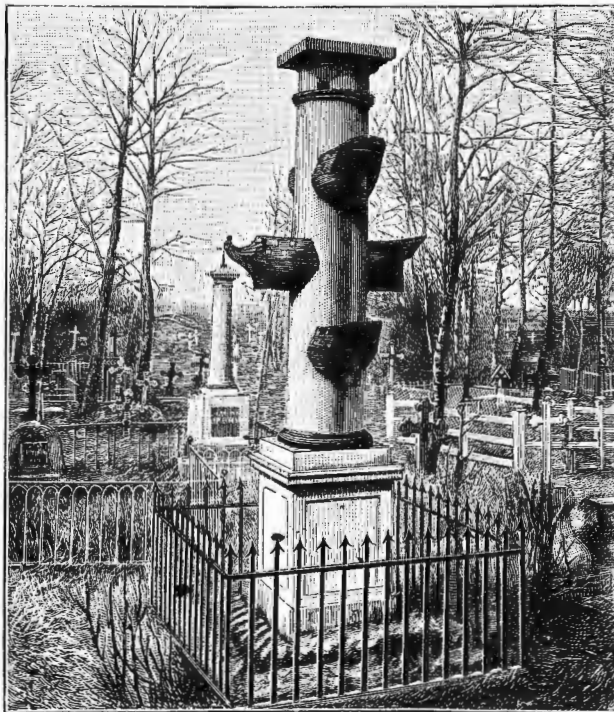
Карты и атласы Киперта выдержали дѣлй рядъ изданій, и покойный, несмотря на свой преклонный возрастъ, работалъ надъ ихъ усовершенствованіемъ почти до самой своей кончины, продолжая чуть ли не до послѣдняго дня жизни свою профессорскую дѣятельность. Для составленія своихъ картъ Кипертъ самъ объѣздилъ чуть ли не весь свѣтъ, и уже 70 лѣтъ отъ роду онъ путешествовалъ по Малой Азій, дѣлая ежедневно 9—10-часовые переходы верхомъ. Бодрый и сильный, несмотря на свои 80 лѣтъ, Кипертъ преданъ былъ своему дѣлу до самоубійства. Онъ изучилъ 17 языковъ и, въ поискахъ за правильнымъ начертаніемъ какого-нибудь незна-

чительнаго географическаго наименованія, нерѣдко перечитывалъ нѣсколько специальныхъ изслѣдованій на иностранныхъ языкахъ. Врядъ ли кому приходило въ голову, какихъ трудовъ стоило ему приготовить точную, вѣрную географическую карту. Но все тѣ сотни картъ, которыя исполнены были Кипертомъ, явятся незабываемымъ памятникомъ его трудовъ на пользу науки.

Разрушенный желѣзнодорожный мостъ.

(Рис. на стр. 384.)

1-го апрѣля т. г. на вѣтви Сызрань—Рузавка Московско-Казанской желѣзнодорожной дороги весеннимъ разливомъ рѣки Крымзы разрушился желѣзнодорожный мостъ. Катастрофа эта, обошедшаяся къ счастью безъ человѣческихъ жертвъ, заслуживаетъ широкаго общественнаго вниманія. Дѣло въ томъ, что мостъ этотъ построенъ на рѣкѣ Крымзѣ (близъ Сызрани) въ ноябрѣ прошлаго года, и движеніе по мосту продолжалось всего только четыре мѣсяца. Причиной катастрофы является, по мѣстнымъ свѣдѣніямъ, самый способъ постройки моста, не обладавшаго достаточной стойкостью для борьбы съ напоромъ весенней воды. Воспроизведенные у насъ снимки даютъ полное представленіе о размѣрахъ катастрофы и невольно наводятъ на размышленія. Надо думать, что по тщательномъ разслѣдованіи виновникомъ катастрофы окажется не только весенняя вода.

Памятникъ на могилѣ адмирала А. И. фонъ-Круза въ Кронштадтѣ.
По фот. П. И. Бѣлавенецъ грав. Рашевскій.

Французскій отдѣлъ франко-русской выставки.

Приходилось ли вамъ, читатель, испытывать когда-нибудь то чувство полнаго эстетическаго удовольствія, которое овладѣваетъ вами, когда вы, пробывъ долго на какомъ-либо празднично-оживленномъ большомъ базарѣ, попадаете вдругъ въ успокоительную тишину не бывшаго на эффектѣ, но солидно и со вкусомъ устроеннаго магазина художественныхъ рѣдкостей. Совершенно тождественное впечатлѣніе производитъ на посетителя французскій отдѣлъ франко-русской выставки по сравненію его съ разными другими выставками. Тогда какъ обыкновенно на такихъ выставкахъ крайне ограниченное число интересныхъ экспонатовъ приходится съ трудомъ отыскивать среди массы самыхъ обыкновенныхъ, на французской выставкѣ каждая вещь какъ представляется интересъ.

Первая характерная особенность та, что во французскомъ отдѣлѣ мы не встрѣтили ни одной кричащей своею вышнностью витрины, всѣ шкалики и горки для экспонатовъ сдѣланы чрезвычайно просто, но солидно и мило. Мало того, экспоненты, точно сговорившись, все устроили почти совершенно одинаковыя хранилища для своихъ вещей, такъ что выставка въ общемъ оставляетъ впечатлѣніе скорѣе какого-то музея, нежели нашихъ заурядныхъ, по одному общему шаблону разукрашиваемыхъ цвѣтными матеріями да флагами выставокъ. Не обошлись безъ этого, положимъ, и французы, но у нихъ все это какъ-то у мѣста, всего, какъ говорится, въ мѣру, безъ пересола. Весь французскій отдѣлъ хотя и размѣщается въ одномъ лишь, правда, довольно большомъ, залѣ музея Штиглица, но экспонаты разставлены такъ просторно и удобно, что посетители могутъ свободно осматривать ихъ со всѣхъ сторонъ, ничуть не мѣшая при этомъ другъ другу. Какъ ни просты, однако, съ виду шкалики и витринки, но по нимъ наглядно убѣдишься въ справедливости народной поговорки относительно обманчивой вышности. Подойдите къ любой витринѣ, и вы не такъ-то скоро оторвете свой восхищенный взоръ отъ разложенныхъ тамъ экспонатовъ. Надо лично самому увидѣть все то, что навезли къ намъ французы, чтобы составить себѣ болѣе полное понятіе о выдающемся превосходствѣ чуть ли не всѣхъ выставочныхъ предметовъ.

Начиная съ комфортабельной мебели, самыхъ причудливыхъ фантастическихъ фасоновъ, смѣло могущей послужить однимъ изъ лучшихъ украшеній самаго фешенебельнаго салона, и вплоть до простаго половника, во всемъ бросается въ глаза самая богатая фантазія и тонкій вкусъ. Вы найдете здѣсь и превосходную посуду, и всякіе очень практичныя хозяйственные снаряды. Мастеръ прежде, чѣмъ приступить къ работѣ, не забываетъ предварительно подумать, для чего каждая вещь предназначается и что собственно нужно сдѣлать съ послѣдней, чтобы облегчить ей исполненіе своей роли. Роскошь и совершенство работы ювелирныхъ, равно какъ и

бронзовыхъ издѣлій мы описывать не беремъ. Во-первыхъ, вкусы бываютъ крайне разнообразны, а во-вторыхъ, объ этихъ вещахъ возможно судить лишь наглядно. То же самое нужно сказать и о чудесныхъ вышивкахъ. Что касается до экспонируемыхъ искусственныхъ цвѣтовъ, то французы, и безъ того уже славящиеся, какъ извѣстно, этого рода промышленностью, на этотъ разъ превзошли самихъ себя. Всѣ выставленные экземпляры цвѣтовъ до того превосходны, до того натуральны, что такъ и хочется открыть витрину, чтобы убѣдиться, не мистифицируютъ ли васъ.

Французы болѣе любители угощать посѣтителей своихъ выставокъ какими-либо новинками или оригинальностями, служащими, какъ принято ихъ называть, гвоздями и оказывающимися почти всегда наиболѣе заманчивыми средствами для привлеченія къ себѣ публики. На описываемой выставкѣ также имѣется, если и не гвоздь, въ полномъ смыслѣ сего слова, то, во всякомъ случаѣ, хотя маленькій гвоздикъ. Эта роль выпала на долю крайне оригинальнаго металлизированнаго горнаго хрустала, въ составъ коего пылкая фантазія показывающихъ этотъ экспонатъ посѣтителямъ французовъ вводитъ платину и даже золото. Насколько это справедливо, судить не беремъ, но что касается самаго материала, изъ котораго сдѣлана масса самой разнообразной хозяйственной мелочи (посуды), то качество его дѣйствительно не оставляетъ желать ничего лучшаго. Правда, что посуда при легкомъ ударѣ паль-

цемъ издаетъ совершенно металлическій звонъ и оказывается настолько прочна, что тотъ же самый хрусталь, изъ коего она сдѣлана, вполне годенъ даже для изготовления изъ него колокольчиковъ (образцы которыхъ имѣются тутъ же на выставкѣ). Но изъ всего этого не слѣдуетъ еще, что для сообщенія хрусталу означенныхъ качествъ является необходимымъ прибавлять въ сплавъ непременно платину и золото. Помимо того всѣ подѣлки изъ металлизированнаго хрустала чрезвычайно нарядны, хотя и продаются по сравнительно очень дорогой цѣнѣ, около пяти рублей за крошечную чашечку. Находчивые французы объясняютъ, впрочемъ, что на мѣстѣ, т.-е. въ Парижѣ, та же чашечка стобитъ на наши деньги не больше 2 р. 50 коп., но нужно принять во вниманіе пошлину, провозъ и т. п. Для выставки, экспонаты которой освобождены отъ всякихъ пошлинъ и слѣдуютъ по уменьшенному тарифу, объясненіе это, какъ будто, и не совсѣмъ подходитъ. Впрочемъ, если поднимать вопросъ о цѣнахъ, назначенныхъ за всѣ вообще выставочные предметы, то оцѣнка послѣднихъ можетъ поразить каждого ничуть не менѣе, чѣмъ самая роскошь большинства экспонатовъ. Французы, очевидно, цѣну себѣ знаютъ, равно какъ и убѣждены безъ сомнѣнія, что только то и должно быть дорого, что мило, или наоборотъ.

Генрихъ Кипертъ.
По фот. грав. Шюблеръ.

Вообще же французскій отдѣлъ франко-русской выставки можетъ-быть признанъ прекраснымъ.

Объ отмѣнѣ или ограниченіи ссылки.

Государь Императоръ, по разсмотрѣніи вопроса о ссылкѣ и каторгѣ, въ особомъ соображеніи, подъ личнымъ Его Императорскаго Величества предѣлательствомъ, Высочайше соизволилъ принять во вниманіе нижеслѣдующее:

Установленная еще въ XVII столѣтіи ссылка преступниковъ въ Сибирь иѣкогда содѣйствовала заселенію этого обширнаго и обильнаго естественными богатствами края, нуждавшагося въ рабочихъ силахъ для проведенія дорогъ, постройки крѣпостей и воздѣлыванія государственныхъ земель; съ теченіемъ же времени въ тѣсную связь съ ссылкой была приведена и самая каторга. Но, по мѣрѣ того, какъ стали прибывать въ Сибирь все въ болѣе и болѣе числѣ свободные переселенцы, создавшіе честнымъ, тяжелымъ трудомъ свое благосостояніе въ дотогѣ пустынной странѣ, дальнѣйшее направленіе туда ссыльныхъ оказывалось не только бесполезнымъ, но и вреднымъ для края. Между тѣмъ, ссылка и каторга въ Сибири заняли первенствующее мѣсто въ строѣ карательныхъ учрежденій Имперіи. Трудность продолжительнаго цѣше-этапнаго слѣдованія въ этотъ дальній край и всевозможная лишенія, ожидавшія сосланнаго на мѣстѣ его возверенія, придавали ссылкѣ значеніе тяжкаго, устрашающаго наказанія, а крайняя затруднительность возвращенія на родину побуждала видѣть въ ссылкѣ наиболѣе надежную мѣру для огражденія мѣстностей Европейской Россіи отъ вредныхъ людей. Съ усовершенствованіемъ путей сообщенія и способовъ пересылки арестантовъ, а равно съ общимъ культурнымъ развитіемъ Сибири, ссылка постепенно утрачивала свой карательный характеръ, вредъ же, наносимый ею Сибири, съ каждымъ годомъ усугублялся. Въ настоящемъ ея видѣ она служитъ въ болѣе части случаевъ лишь къ развращенію какъ самихъ сосланныхъ, такъ и мѣстнаго населенія, а частые побѣги съ мѣстъ поселенія вызываютъ появленія во внутреннихъ губерніяхъ бездомныхъ бродягъ, увеличивающихъ собою классъ людей, опасныхъ для мирнаго населенія. Въ равной мѣрѣ и каторга, являющаяся въ установленной законами лѣгкой наказаній наиболѣе тяжкою карательною мѣрою, въ дѣйствительности потеряла, въ значительной степени, свойство таковой и потому требуетъ кореннаго преобразованія.

Такое положеніе ссылки и каторги составляло предметъ Царственныхъ заботъ въ Божѣ почивающихъ Императоровъ

Александра II и Александра III, предуказавшихъ необходимость измѣненія дѣйствующихъ по сему предмету законоположеній.

Пріемля сіи заботы, какъ завѣтъ, отъ Предковъ унаслѣдованный, и усматривая въ ссылкѣ тяжкое бремя для Сибири и прелатствіе на пути гражданскаго преуспѣянія этого края, призываемаго нынѣ къ всестороннему обновленію, Его Величество Государь Императоръ, въ 6-й день мая 1899 г., Высочайше повелѣтъ соизволилъ: приступить къ безотлагательному разрѣшенію вопроса объ отмѣнѣ или ограниченіи ссылки, назначаемой какъ по суду, такъ и въ порядкѣ административномъ, по приговорамъ мѣщанскихъ и сельскихъ обществъ; для исполненія же таковой Монаршей воли:

I. Образовать, подъ предѣлательствомъ министра Юстиціи, комиссію изъ чиновъ министерства Юстиціи и представителей подлежащихъ вѣдомствъ.

II. Возложить на сію комиссію разработку предположеній:

- 1) о замѣнѣ ссылки, назначаемой по суду, другими соотвѣтственными наказаніями;
- 2) объ отмѣнѣ или ограниченіи административной ссылки по приговорамъ мѣщанскихъ и крестьянскихъ обществъ;
- 3) о переустройствѣ каторги и слѣдующаго за ней поселенія;
- 4) объ упорядоченіи участи ссыльныхъ, находящихся нынѣ въ Сибири;
- 5) о преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ пересыльную часть и распределеніе ссыльныхъ;
- 6) объ учрежденіи принудительныхъ общественныхъ работъ и рабочихъ домовъ, какъ мѣръ предупредительныхъ и карательныхъ;—и

7) о депежныхъ средствахъ, необходимыхъ для осуществленія мѣропріятій, вызываемыхъ отмѣною или ограниченіемъ ссылки и преобразованіемъ карательныхъ учрежденій.

III. Предоставить министру Юстиціи, по мѣрѣ составленія въ означенной комиссіи отдѣльныхъ предположеній, непосредственно и безъ предварительнаго сношенія съ вѣдомствами, испрашивать Высочайшія указанія относительно дальнѣйшаго направленія сихъ предположеній, смотря по свойству ихъ, въ Государственный Совѣтъ, Комитетъ министровъ или Комитетъ сибирской желѣзной дороги.

Политическое обозрѣніе.

День рожденія Государя Императора ознаменовался въ этомъ году двумя событіями первостепенной важности. Въ этотъ день состоялось открытіе мирной конференціи, призванной, по высокогуманному почину нашего Монарха, ограничить великое зло безконечныхъ вооруженій, и обнародовано Высочайшее повелѣніе о безоглядательномъ разрѣшеніи вопроса объ отбѣи или ограниченіи ссылки и переустройствѣ каторги. Это—два событія, которыя могутъ быть названы величайшими проявленіями духа гуманности въ истекающемъ XIX вѣкѣ.

Итакъ, мировое событіе, ожидаемое человечествомъ съ живѣйшимъ интересомъ, наступило: въ Гаагу уже съѣхались делегаты державъ на конференцію объ ограниченіи вооруженій. Въ столицу Голландіи отправилось также множество представителей печати, поставившей себя задачей освѣдомлять европейское общество о ходѣ преній по важнѣйшему политическому вопросу, поставленному державамъ великимъ починомъ Россіи.

По свѣдѣніямъ изъ достоверныхъ источниковъ, окончательный составъ конференціи таковъ: участвуютъ 26 государствъ, представляемыхъ 109 делегатами; официальнымъ языкомъ признанъ французскій; делегаты занимаютъ мѣста въ азбучномъ порядкѣ наименованій державъ, причемъ рядомъ съ Турціей, по настоянію Порты, располагается ея вассаль — Болгарія; съ цѣлью держаться точныхъ рамокъ выработанной программы занятій, державами принято строгій уговоръ, какой не практиковался до сихъ поръ въ международныхъ конференціяхъ, а именно—рѣшено отклонять петиціи какихъ-либо обществъ, а также не принимать предложеній и записокъ правительствъ относительно внутреннихъ порядковъ другихъ державъ.

До послѣдняго времени нѣкоторые державы надѣялись, что на конференцію приглашенъ будетъ делегатъ папы, усиленно заботящагося о благахъ общаго мира, но энергичный протестъ Италіи, встрѣтившій рѣшительную поддержку Англии, подѣйствовалъ въ томъ направленіи, что святѣйшій престолъ былъ исключенъ изъ состава державъ, которымъ адресованы были повѣстки о присылкѣ делегатовъ въ Гаагу. Отказъ Европы принять въ свою среду представителя римскаго первосвященника послужилъ предметомъ запроса въ нидерландскомъ парламентѣ: католическіе депутаты внесли протестъ противъ устраи-

ненія главы католической церкви отъ участія въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ подготовка почвы для эры общаго мира. Въ оправданіе такого отношенія державъ къ папѣ, нидерландскій министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ парламенту, что съ 1870 года святѣйшій престолъ ни разу не получалъ приглашенія на международныя конференціи; сожалѣть объ этомъ, по мнѣнію министра, можно, но удивляться не слѣдуетъ.

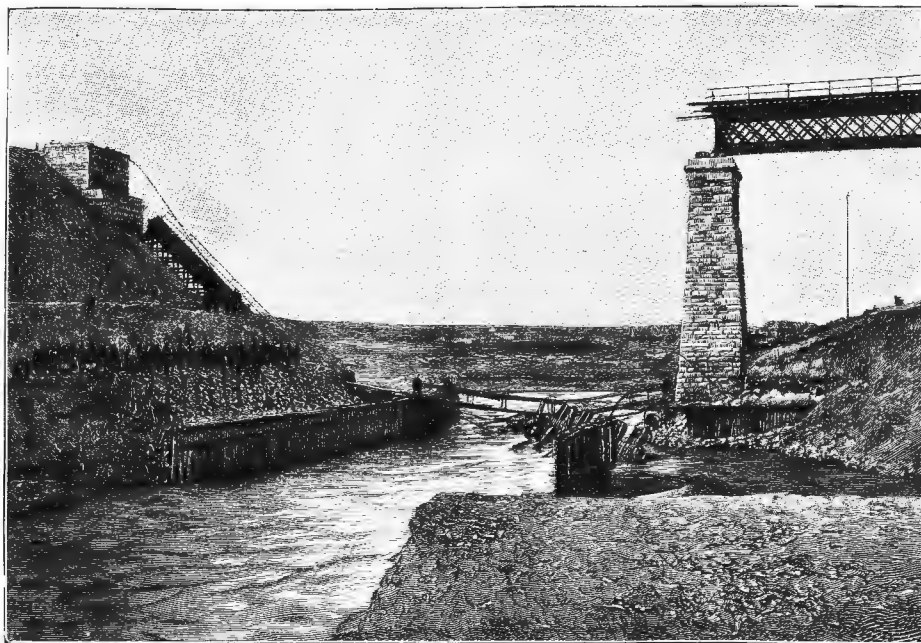
Ближайшимъ слѣдствіемъ этого рѣшенія державъ относительно нынѣшней конференціи было то, что папскій интернунцій въ Гаагѣ, по предписанію кардинала Рамполлы, 3-го мая покинулъ свой постъ и выѣхалъ въ Люксембургъ. Такимъ образомъ великое мировое событіе вызвало на первыхъ порахъ значительное разочарованіе среди католиковъ.

Несмотря на миллионныя ассигнованія на военныя надобности, даже со стороны второстепенныхъ державъ,—общественное мнѣніе Европы не теряетъ надежды, что конференція въ Гаагѣ найдетъ прочную основу для разрѣшенія многихъ недоразумѣній между народами помимо войны.

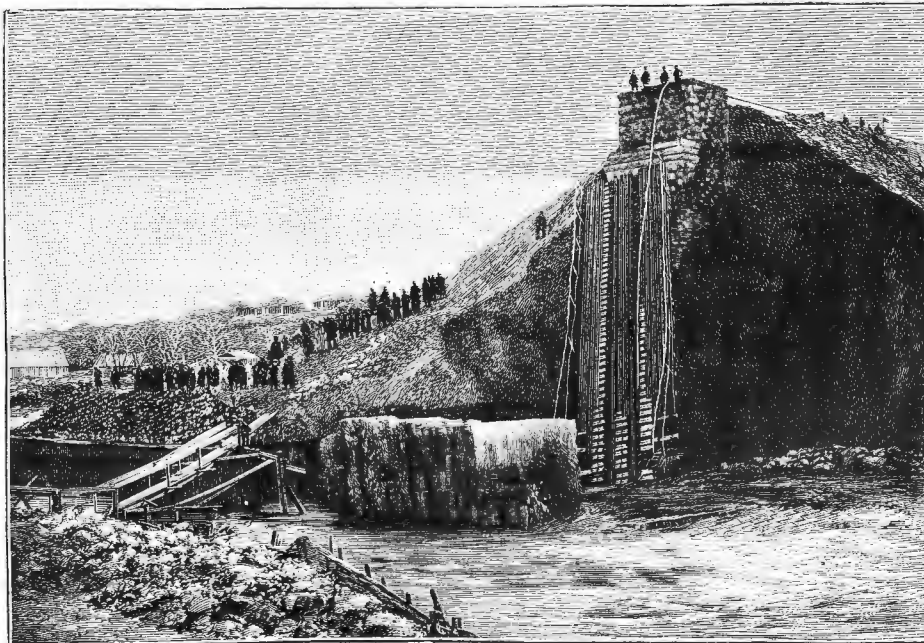
Переходя къ другимъ политическимъ вопросамъ, отмѣтимъ, что въ Италіи положеніе министерства за послѣднее время сильно пошатнулось. Въ парламентѣ открыто стало высказываться недовольство виѣшней политикою кабинета, не сумѣвшаго-де воспользо-

ваться важными фактами международной жизни и причинившаго этимъ промахомъ существенный ущербъ національному самолюбію Италіи. По мнѣнію представителей итальянскаго народа, министерство не обратило должнаго вниманія на англо-французское соглашеніе въ Африкѣ, затрагивающее-де интересы Италіи, вынужденной поэтому слѣдить за событіями въ ближайшихъ къ Сициліи африканскихъ областяхъ. Съ другой стороны министр иностранныхъ дѣлъ адмиралъ Каневаро сдѣлалъ важное упущеніе на Дальнемъ Востоцѣ, гдѣ Италіи не удалось достигнуть тѣхъ же результатовъ, какіе выпали на долю

прочихъ великихъ державъ. Воспользовавшись ошибками кабинета, оппозиція маркиза ди-Рудини и умѣренно-либеральныхъ группъ рѣшила испровергнуть министерство. Послѣ рѣзкихъ нападокъ парламента на министерство по поводу виѣшней политики, кабинетъ генерала Пеллу подалъ 21-го апрѣля въ отставку. Нѣсколько дней спустя генералу Пеллу удалось сформировать новый кабинетъ, въ ко-

Разрушенный желѣзнодорожный мостъ на р. Крымзѣ, близъ Сызрани.
По фот. Аршинова грав. Рашевскій.

Разрушенный желѣзнодорожный мостъ на р. Крымзѣ, близъ Сызрани.
По фот. Аршинова грав. Рашевскій.

торомъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ достался старому дипломату маркизу Висконти-Веноста—ревностному стороннику фран-

ко-итальянскаго единенія. Преніе труды этого дипломата подготовили почву для недавно заключеннаго франко-итальянскаго договора.

СМѢСЬ.

Международная торговля продуктами птицеводства. Въ субботу 1-го мая въ Петербургѣ съ большою торжественностью открыта первая международная выставка птицеводства и его продуктовъ. Въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ птицеводство всегда играло важную роль; за послѣднее же время, благодаря усилившемуся желѣзнодорожному обмѣну и благопріятному измѣненію и пониженію тарифныхъ ставокъ, русское птицеводство заняло исключительное положеніе на международномъ рынкѣ. Въ 1898 г. вывозъ птицы и продуктовъ птицеводства изъ Россіи достигъ крупной цифры 41 милліона рублей. И что особенно важно, такими успѣхами въ этой области Россія въ значительной степени обязана частной инициативѣ, которую обычно русскимъ людямъ похвалиться не приходится. Въ Россіи, какъ пишетъ г. А. М. въ *St.-Petersburger Zeitung*, за послѣднее время образовался цѣлый рядъ обществъ, поставившихъ себѣ задачею способствовать успѣхамъ птицеводства, путемъ распространения специальныхъ знаний, устройства выставокъ и поддержки выдающихся отечественныхъ птицеводовъ. Ихъ усилія не пропали даромъ. Въ этомъ можно убедиться при ближайшемъ ознакомленіи съ устроенной российскимъ обществомъ птицеводства въ С.-Петербургѣ международной выставкой. Выставка эта преслѣдуетъ двѣ цѣли: съ одной стороны она познакомитъ иностранцевъ съ современнымъ состояніемъ русскаго птицеводства, съ другой—дастъ возможность русскимъ птицеводамъ изучить вкусы заграничныхъ потребителей и требованія международного рынка. Одновременно съ выставкою въ Петербургѣ будутъ происходить за сѣданія международного конгресса птицеводовъ. Въ его задачу входитъ всесторонняя разработка вопросовъ о современномъ состояніи птицеводства и о потребностяхъ отдѣльныхъ отраслей его съ научной, хозяйственной, технической и промышленной точекъ зрѣнія и обсужденіе общихъ мѣропріятій, необходимыхъ для подъема птицеводства, и отдѣльныхъ мѣръ, могущихъ облегчить охрану полезныхъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи птицъ отъ уничтоженія.

Благопріятные результаты, уже достигнутые въ этой области, благодаря широко проявившемуся въ ней частному почину, и позволяющіе надѣяться еще на большій успѣхъ въ будущемъ, должны въ насъ пробудить усиленное желаніе работать и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, какъ нужно работать, чтобы достигнуть хорошихъ результатовъ. Какъ далеко бы ушла впередъ Россія, если бы и въ другихъ отрасляхъ русскаго сельскаго хозяйства можно было отмѣтить такую же энергичную и плодотворную дѣятельность, съ какою мы встречаемся въ области птицеводства!.

Цѣнность международного обмѣна продуктами птицеводства въ 1897 году исчисляется въ 384.446,000 рублей; изъ этой суммы 207.806,000 руб., значить около 54%, приходится на торговлю яйцами.

Второе мѣсто (около 28%) по цѣнности занимаетъ торговля перьями и пухомъ; затѣмъ около 20% приходится на стоимость живой и битой птицы, и наконецъ въ суммѣ 8—9 милліоновъ рублей выражается цѣнность сбытаго въ 1897 году на международномъ рынкѣ итичьаго удобренія (гуано).

Изъ отдѣльныхъ странъ первое мѣсто по цѣнности оборота занимаетъ Германия. Въ этой странѣ онъ опредѣляется цифрою 71.686,000 рублей; изъ нихъ 61.794,000 рублѣй приходится на ввозъ, а суммою 9.892,000 рублѣй выражается цѣнность вывоза. Второе мѣсто принадлежитъ Великобританіи, — ввозъ которой равнялся въ

1897 году 62.323,000 рублѣй; цѣнность вывоза—6.505,000 рублѣй— всего слѣдовательно 67.828,000 рублѣй. Австро-Венгрія съ годовымъ оборотомъ (за 1897 годъ) въ размѣрѣ 67.800,000 рублѣй принадлежитъ къ числу странъ, экспортирующихъ продукты птицеводства. Во Франціи, годовоі оборотъ которой равнялся 54.737,000 руб., приходилось на вывозъ 31.037,000 руб. и на ввозъ—23.700,000 руб. На шестомъ мѣстѣ стоитъ Россія съ 36.264,000 руб. годового оборота, изъ числа которыхъ стоимость вывоза выражается внушительною цифрою 35.705,000 рублѣй. Прочія страны остаются далеко позади.

По вывозу яицъ первое мѣсто занимаютъ Россія и Австро-Венгрія, которая вдвоемъ доставляютъ больше половины всего международного экспорта яицъ. Почти $\frac{3}{4}$ всего количества яицъ, попадающихъ на мировой рынокъ, потребляется Германіею и Великобританіею.

Мертвую и битую птицу доставляютъ на мировой рынокъ главнымъ образомъ тѣ же двѣ страны—Россія и Австро-Венгрія. Большая часть живой и битой птицы, доставленной на мировой рынокъ, потребляется Германіею. Германія, Англія и Франція совмѣстно потребляютъ болѣе $\frac{3}{4}$ всего количества живой и битой птицы, попадающей на мировой рынокъ.

Высшей ступени достигло птицеводство въ Германіи, гдѣ оно процвѣтаетъ; но дѣйствительной, непрерывно растущей потребности ея населенія въ продуктахъ птицеводства, германскіе птицеводы никогда не будутъ въ состояніи удовлетворить. Страны, въ которыхъ съ большою силою начала развиваться фабричная промышленность, должны поневолѣ ослабить производсто сельскохозяйственныхъ продуктовъ и примириться съ сознаниемъ соответственной зависимости въ этомъ отношеніи отъ заграничнаго рынка. Это уже общій законъ.

Что касается Россіи, то, по вычисленіямъ Абовина и Гулишамбарова, число куръ въ Россіи опредѣляется приблизительно въ 200 милліоновъ штукъ, количество гусей въ 50 милліоновъ и количество утокъ тоже въ 50 милліоновъ. Яицъ въ Россіи, по вычисленіямъ Абовина, получается около 12 милліардовъ штукъ, изъ нихъ около 1 $\frac{1}{2}$ милліарда вывозится за границу и около 10 $\frac{1}{2}$ милліардовъ потребляется въ предѣлахъ нашего отечества. Вывозъ яицъ сталъ значительно расти только за послѣдніе годы; въ 1859 году было вывезено изъ Россіи только 378,000 штукъ яицъ, а въ 1898 году уже 1,830,551,000 штукъ.

Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

Съ 1-го по 7-е мая поступило пожертвованій: отъ незнакомца (Воронежъ)—1 р., А. Н. Танненбергъ (Москва)—1 р. 20 к., В. (Псковъ)—35 к., А. И. Прозорова (Ковна)—40 к., Н. А. Рукавишниковой (Тверь)—2 р., М. Орловой (Ржевъ)—3 р., Е. Н. (Москва)—3 р., неизвестной (Москва)—85 к., Ю. Д. В. (Москва)—60 к., Зиночки (Москва)—20 к., Е. Рябчинской (Кіевъ)—70 к., Р. В. (Москва)—50 к., С. Н. Г. (Москва)—46 к., Н. М. З. (Рославль) (собранные въ память учителя И. А. Бурдакова, въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая въ Самарск. губ.)—7 р., ученика Владимира Львова (Москва)—27 к., А. Воробьевой (Гельсингфорсъ)—70 к., Рышковой (СПБ.)—25 р., Подписчика (СПБ.)—1 р., Иваловой (СПБ.)—1 р. 20 к., служащихъ цѣнной типографіи Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ бумагъ (СПБ.)—15 р. 30 к., А. Р. (СПБ.)—10 р., Петра Ротина (СПБ.)—25 р., Гунина (СПБ.)—3 р., А. Г. Васильева (СПБ.)—5 р., Сергѣя Зейме (СПБ.)—2 р., Рейзельера (СПБ.)—25 к., Петербургскаго Учебн. магазина (СПБ.)—15 р. Итого 124 руб. 98 к., а съ прежде поступившими всего 1748 руб. 83 коп.

Изъ означенной суммы выслано въ Казанскую губ.: 1) О. Н. Булыгиной, въ с. Красный Яръ—300 руб., 2) Е. И. Донауровой, въ сл. Рыбную—300 р., 3) Н. Н. Юшковой, ст. Гармония—300 руб.; въ Самарск. губ.: 4) А. С. Пругавину, въ Самару—300 руб. и въ Симбирск. губ.: 5) В. С. Сѣрковой, въ с. Большіе-Березники—300 р., всего выслано 1500 рублѣй.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Р. И. Сементковскій.

КЪ СВѢДѢНІЮ ЗЕМСКИХЪ И ГОРОДСКИХЪ УПРАВЪ,
УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ, ВЛАДѢЛЬЦЕВЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ и проч.
КЪ ПРЕДСТОЯЩЕМУ СТОЛѢТІЮ РОЖДЕНІЯ
А. С. ПУШКИНА

мы выпускаемъ отдѣльный альбомъ, посвященный исключительно нашему великому поэту.

Съ текстомъ и рисунками альбома можно ознакомиться по помѣщеннымъ въ настоящемъ № «Нивы» вторымъ двумъ его листамъ. Весь альбомъ будетъ состоять изъ 10 такихъ листовъ, т.-е. будетъ объемомъ въ 80 страницъ. Кромѣ текста въ альбомѣ будетъ помѣщено около 100 рисунковъ и портретовъ.

Альбомъ въ изящной обложкѣ поступитъ въ продажу 18 мая. Подробное объявленіе см. въ № 18-мъ «Нивы».

Цѣна Пушкинскаго альбома въ отдѣльной продажѣ назначена весьма умѣренная—50 коп., съ пересылкою 60 коп. (можно почтовыми марками).

Выписывающіе Пушкинскій альбомъ (для раздачи воспитанникамъ, рабочимъ и пр.) въ количествѣ:

не менѣе 100 экз. платятъ по 50 н., съ перес. по 55 к. за 1 экз.
» 500 » » » 45 » » » 48 » » »
» 1000 » » » 40 » » » 42 » » »

Требованія и деньги адресовать: въ контору журнала «Нива», СПБ., Малая Морская, № 22.

Адресъ для телеграммъ: С.-Петербургъ «Нивамарксъ».

С.-Петербургско-Азовскій Коммерческій Банкъ
Невскій 62.

Отдаются въ наемъ безопасные ящики для хранения цѣнностей, документовъ и драгоценныхъ вещей.

№ 12152 12-9

**EAU DENTIFRICE
BALSAMIQUE DE LOHSE**
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

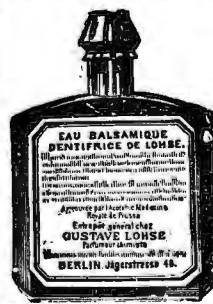
Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (131)

Во избѣжаніе часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ аптековъ Россіи.

ГИТАРЫ

Народныя въ 3 и 5 руб.
Для любителей въ 6, 7, 10, 15 и 20 руб.
Для артистовъ въ 25, 30, 40, 50, 75, 100 и 125 руб.

Отъ 6 руб. и дороже съ механизмомъ для струнъ.
Самоучитель 1, 1½ и 3 руб.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34.
Москва, Кузнецкій м., д. Захарына.

Вниманію гг. провинціальныхъ покупателей.

Въ настоящее время пересылка по почте обходится значительно дешевле, чѣмъ прежде. Подробности въ мѣсяцъ пошлѣмъ прейсъ-куритьт высылаются бесплатно.

ЧЕРНИЛА ЛЕОНГАРДИ.

Спец. копиров. чернила.

Темно-фіолет. копир. чернила, легко стекають. Постепенно мѣсяцевъ и даже годовъ даютъ хорошія отчетливыя копіи.

Черныя двойныя копир. чернила, стекають черными. Отъ 2 до 4 копій.

Копир. чернила „Non plus ultra“ для корреспонденціи съ дальн. странами. Отъ 4 до 8 копій.

Чернила для книгъ и для копирования.

Алициариновыя чернила для письма и копирования. № 12323 10--2

Автрап. чернила для письма и копирования.

Черныя желѣзисто-орѣшковыя чернила.

Черный чернильный порошокъ (агротипъ). Химич. фабрики чернилъ, основ. въ 1826 г.

Авг. ЛЕОНГАРДИ въ ДРЕЗДЕНЪ.

Изобрѣтатели и единственныя фабриканта всемірно-извѣстныхъ

Алициариновыхъ чернилъ для письма и копирования, легко стекающихъ и вполнѣ прочныхъ желѣзисто-орѣшковыхъ чернилъ 1-го класса. Во избѣжаніе поддѣлокъ просимъ обращать вниманіе на знакл. въ Россіи этикетъ и фабричн. предохранит. марку.

Неподдѣльно только съ сей предохранительной маркой.

ГВОЗДИНЕМЪ ШОКОЛАДЪ КАКАО

Вездѣ

БЕЗПЛАТНО

высылаю условія и пробныя лекціи заочнаго обученія кройкѣ и шитью дамскихъ и дѣтскихъ нарядовъ. В. В. Бенедиктовъ, Москва, Тихвинская ул., д. Александровой, кв. № 2.

„ЧТО“

такое искусство укрѣпленія памяти: книга (8-е испр. и дополн. изд.) проф. мнемоники С. Файнштейна, высыл. за шесть 7-ми коп. марокъ, на велен. бумагѣ—за восемь 7-ми коп. марокъ.

Адресъ: Одесса, Гаванная ул., собственный д. № 2/8,
профессору мнемоники
С. ФАЙНШТЕЙНУ.
№ 12044 10—6

На

ФАБРИЧНОЕ КЛЕЙМО

Товарищества С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви появилось множество поддѣлокъ и обувь, низшаго достоинства, снабженная поддѣльнымъ клеймомъ, часто предлагается за наше производство; почему просимъ обратить особое вниманіе на помѣщенное здѣсь рядомъ наше фабричное клеймо.

выучивается великія заочныя (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО.**

Методъ премарованъ на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. За 4 семиконечныя марки высылается **ПРОБНОЕ ПИСЬМО** шрифтовъ, подробныя условія и образцы исправленія почерк. заочн. учен. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

ВЫИГРЫШ-

№1Е 1, 2 и 3 зими продаѣтъ **БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ,**
59, Невскій, С.П.Б. 2--2

Пейте Цейлонскій чай!

Пейте Цейлонскій чай!!

Пейте Цейлонскій чай!!!

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготвленія.

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучший чай по вкусу и аромату.

Тодичное потребленіе Цейлонскаго чая въ Россіи болѣе 10.000,000 фунтовъ 10.000,000.

Ш. № 11641 30 - 28

ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ.

Графа Е. А. Салтаса.

Историческій романъ времени восшествія на престолъ и начала царствованія императрицы Екатерины II. Въ 2-хъ ч. С.П.Б. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колѣнкор. перепл. 2 р. 75 к., съ пересыл. 3 р. 25 к.

Съ требованіями обращаться въ конг. А. Ф. Маркса, С.П.Б. Мал.Морская, № 22.

ТРЕБУЙТЕ

ВЪ АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ

„АРМИНЪ“

для холи и мягкости усомъ и бороды. **ЦѢНА 80 КОП.**

„АРМИНЪ“ безъ № 267 разр. МѢД. Упр. — поддѣлка. Главн. складъ **Г. ПЮСЛА,** Пассажъ, № 52, С.-Петербургъ.

Международный языкъ

ЭСПЕРАНТО.

Подробный курсъ (учебникъ, книга упражненій, полныя словари, книги для чтенія, адреса эсперантистовъ) высылается за три рубля (или съ надлежащихъ платежей за 3 р. 20 коп.). Адресовать: д-ру **Л. М. Замонгофу** въ Варшаву. № 12310 10—4

Въ память ПУШКИНСКАГО ЮБИЛЕЯ

Открыты письма худож. работы, отпечатан. въ краскахъ, слѣдующ. 3-хъ сюжетовъ:

- 1) Портр. Пушкина въ возр. 12—14 лѣтъ и видъ Царскоевскаго лацея.
- 2) Портр. Пушкина въ цвѣтущемъ періодѣ и видъ села Михайловскаго.
- 3) Видъ памятника Пушкину въ Москвѣ. Цѣна за 3 шт. 20 коп. Имѣются также и карточки съ тѣми же рисунками (безъ адресаго текста). Цѣна за 3 шт. тоже 20 коп. За перес. простою бандеролью не считается. За заказъ же бандеролью прошу прилагать 7 коп. Въ уплату принимаю марки.

Р. Г. Дальштремъ,
С.-Петербургъ, Троицкая ул., № 11, кв. 17.
Половина прибыли назначается на всероссийскій памятникъ А. С. Пушкину.

Рекомендуется безплатно БУХГАЛТЕРОВЪ и КОНТОРЩИКОВЪ.

Выучиваетъ письменнымъ способомъ **БУХГАЛТЕРІИ** и **КОММЕРЧ. НАУКЪ** **Г. Ханковскій,** учитель уполн. учеб. клас. въ Варшавѣ, Новоградская ул., 36. Программа безплатно.

РУССКІЯ ПЬЕСЫ

въ огромномъ выборѣ на складѣ для:

ГРАМОФОНА
ФОНОГРАФА
ГРАФОФОНА
у оптика и механика

А. Вурхардъ СПб., Невскій, 6. Тел. 2633.
Требуйте каталоги.

PÂTE DENTIFRICE GLYCÉRINE
S'en servir une fois c'est l'adopter.
GELLÉ FRÈRES
6, Avenue de l'Opéra PARIS

КОРДЪ КАЖДОМУ
научиться красиво и скоро писать. За 1 руб. высылаю весь секретъ исправить любой почеркъ въ 7 дней **бесплатно**. Генетич. способомъ, приобретающимъ вселѣнную славу. Адресъ: въ г. Нарву (СНБ. губ.) В. Гурьянову.

ПУДРА **АНТИСЕПТИКЪ** **ДЕ-МЕДИЦИННА** **ПРОТИВЪ ПРѢДНІЯ** **НЕПРІЯТНАГО ЗАПАХА** **НОЖНЫХЪ ПАЛЬЦЕВЪ**

ПЯТИЦА АПТЕКА ЛЕМБЕРГЪ **ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ**

А. ТУГЕНГОЛЬДА. Цѣна 30 коп.

Платину, золото, серебро и мѣдь покупаю. Иногороднымъ немедленно высылаю деньги за полученное. Разсчетъ по курсу. **И. Я. Лурье,** Казанская, 9. СПб.

GRAND PRIX Exposit. Int^l Lyon 1894 **HORS CONCOURS** MEMBRE DU JURY Expo^l Int^l Bordeaux 1895.

ÉLIXIR, POUDRE ET PÂTE DENTIFRICES
des RR. PP.

BÉNÉDICTINS

DE **l'Abbaye de Soulas,**
Dom **MAQUELONNE, Prieur.**

Inventés en l'an **1373** par le Prieur **P. BOURSAUD**

VENTE EN GROS :
SEGUIN, BORDEAUX.
Maison fondée en 1807.

VENTE DANS TOUTES LES BONNES PARFUMERIES, PHARMACIES ET DROGUERIES.

EXIGER LA SIGNATURE DU PRIEUR *Dom Maquellonne*

MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.

Въ Москвѣ, на Никольской ул., въ Славянскомъ Базарѣ, въ книжномъ магазинѣ **ЗЕМОКЪ** ПОСТУПИЛО Юбилейное изданіе.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВСѢХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ВСЕРОССИЙСКИХЪ 3-ХЪ ТВОРЦОВЪ ВЕЛИЧАЙШИХЪ И ЗНАМЕНИТѢЙШИХЪ НАШИХЪ РОДНЫХЪ ПОЭТОВЪ:

Пушкина, Лермонтова
и **КОЛЬЦОВА.** № 12275 3—3

Всѣ три сочиненія въ 3-хъ частяхъ собраны въ одномъ большомъ томѣ, съ приложеніемъ очень интересныхъ ихъ биографій, въ особенности первого и второго, а именно: Пушкина и Лермонтова, каковыя величайшіе поэты оба постигли скорбно-печальнымъ и трагическимъ образомъ на роковыхъ дуэляхъ въ полномъ расцвѣтѣ лѣтъ жизни ихъ, но въ особенности здѣсь помѣщено интересное описаніе: предсмертные разговоры ихъ съ своими приближенными друзьями при послѣднихъ минутахъ трагически несчастныхъ кончинъ ихъ, коючю каждого въ отдѣльности и въ свои времена. Въ книгѣ помѣщены и портреты ихъ всѣхъ четырехъ, а именно 1-й портретъ Пушкина, 2-й жены Наталіи Николаевны, урожденной Гончаровой, 3-й Лермонтова и послѣдлаго четвертый портретъ Кольцова, гравированныхъ на стали, хорошей работы. Цѣна книги съ пересылкою по всѣмъ городамъ Россійской Имперіи 1 р. 50 к., а въ хорошей папкѣ съ золотымъ тисненіемъ 2 руб., въ роскошномъ же дорожномъ англійскомъ переплетѣ 3 р.

ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ

ГУМБЕРЪ

предлагаетъ Ц. № 11983

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Георгій ЖЕМЛИЧКА и Ко.**
Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
Прейсъ-курранты по требованію. 15—11

новѣйшая пишущая машина

„БЛИКЕНСДЕРФЕРЪ“

не только равна другимъ, значительно дороже стоящимъ машинкамъ, но она безусловно превосходитъ какъ въ прочности, такъ и въ удобствѣ всѣ конструкции нынѣ существующихъ пишущихъ машинъ. Цѣна 100 и 140 руб. Въ 2 года вышущено 20,000 машинъ. Образцы шрифтовъ и каталоги высылаются безплатно.

★ ПРЕДСТАВИТЕЛИ: **Э. КИЖИМАНЪ и Ко** С.-Петербургъ, Гороховая, 17. ★

СПЕРМИНЪ ПРОФ. ПЕЛЯ. СРЕДСТВО ДЛЯ **МАЛОКРОВНЫХЪ И СЛАБОНЕРВНЫХЪ.**

Тонизирующее средство при лихорадочныхъ и изнурительныхъ болѣзняхъ употребляется: 1) внутрь, въ видѣ капли (Essentia Spermium-Poehl), 2) въ видѣ подкожныхъ впрыскиваній (Spermium-Poehl pro injectione).

ИМѢЕТСЯ ВО ВСѢХЪ БОЛЬШИХЪ АПТЕКАХЪ.

главный складъ:
ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ ПРОФ. ДОКТОРА ХИМИИ ПЕЛЯ,
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 7 ян., д. 18.
Лабораторія охотно снабжаетъ и. врачей пожелавшихъ въ научной печати наблюденія надъ цѣлебнымъ дѣйствіемъ этихъ препаратовъ.

Громадное

новое удешевл. дѣль велосипедовъ знаменитой **Америк. Мануф. „Н^о МОНАРХЪ“**

№ 64—115 р. (1898. 150 р. № 66—130 р. новосты № 66—150 р. (1898. 180 р. № 67—165 р. новосты

Всѣ одного лучшаго качества и одного вѣса, съ пневмат. «Дежюль». Упаковка безплатно. Дешевыхъ популярныхъ (народныхъ) не имѣемъ. Моторные самокаты настоящіе Де Дювь и Бутонъ (заобрѣтателя). Цѣны рѣшительныя. Москва.

Б. Лубянка № 18. К. НАТАЛИСЪ.
Кузнечій мостъ № 13. Ильинка, Средніе ряды. Тверская рядомъ съ Филипповымъ. Сущ. съ 1872 года.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ **ОСНОВЫ ТРЕЗВОСТИ.** Сборн. научныхъ и литературныхъ статей, съ приложеніемъ устава обществъ трезвости, положеніемъ и формами. Сост. д-ръ Соболевскій. Цѣна 50 коп., съ пересылкою 70 коп. Ц. № 12298 3—2

Съ требованіями обращаться къ издателю: **С.-Петербургъ, Стрѣмянная, № 12, собственный домъ.**

Изданіе Т-ва **„НАРОДНАЯ ПОЛЬЗА“** С.-Петербургъ, Псковскій, 148.

Редакція журнала «Спутникъ Здоровья» приступила къ изданію брошюры о русскихъ и иностранныхъ **КУРОРТАХЪ** подъ общей редакціей профессора **Ст. Г. Зальтскаго.**

Каждая брошюра составлена по слѣдующей программѣ: I. Историческій очеркъ и географическое положеніе. — II. Свойства водъ и ихъ вліяніе на организмъ. — III. Курортный режимъ. — IV. Развлеченія. — V. Окрестности. — VI. Условія мѣстной жизни. — VII. Продаждъ отъ русскихъ правящ. Ц. № 12344 3—2

Брошюры снабжены иллюстраціями.

КАРЛСВАДЪ. Цѣна 60 к. съ пер.
ФРАНЦЕНСВАДЪ. ц. 60 к. съ пер.
МАРИЕНВАДЪ. Цѣна 60 к. съ пер.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала «Спутникъ Здоровья», С.-Петербургъ, Невскій, 148.

1000 ВЕЛОСИПЕДОВЪ НА СКЛАДѢ

РАЗНООБРАЗНѢЙШІЙ ВЫБОРЪ!

ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГЪ!

ТОВАРИЩЕСТВО **М. Брок**

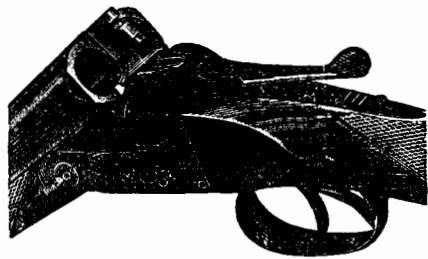
МОСКВА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Кіевъ, Екатеринбургъ, Одесса, Варшава, Нюмандъ, Ростовъ и др.

ПОЛЬ МАРИ.
НЕВСКІЙ ПР., № 13,
уголъ Больш. Морской.

ХИМИЧЕСКАЯ ЧИСТКА:
Бальныхъ платьевъ, костюмовъ, перьевъ, порчатонокъ, кружевъ, занавѣсей и проч. Мужскихъ платьевъ, пальто и мундировъ.

ОКРАСКА ВО ВСѢ ЦВѢТА.
Заказы иногор. исполняются **Р. № 12369 немедленно.** 2—1

Оружейный магазин Р. Р. РОГГЕНЪ,

поставщик Московскаго Общества охоты имени Императора АЛЕКСАНДРА II.

Москва, Неглинный проезд, домъ Дебре.

ДОВОДИТЬ ДО СВДѢНІЯ ГГ. ОХОТНИКОВЪ, ЧТО ИМЪ ВЫПУЩЕНЪ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ на ружья и охотничьи принадлежности.

Единственный представитель въ Москвѣ для продажи ружей Льежской Мануфактуры, со стволами Джона Коккеридъ. ♦ Цѣны самыя умеренныя. ♦ Громадный выборъ. ♦ Льготныя условия для гг. офицеровъ и лицъ, служащихъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ. ♦ При магазинѣ находится мастерская для починки и передѣлки оружія. ♦ Прейс-курантъ по требованію высыл. за 12 к. марками.

Основан. въ 1886 году КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРІИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ.

Бухгалтерія торговая, банковая, сельскохозяйственная и фабричная, винной монополіи и земскихъ управъ.

Москва, Тверская ул., уголъ Леонтьевского пер., д. Полякова.

Ц. № 12319 4-3

4-го МАЯ НАЧАЛО ЛѢТНЯГО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются бесплатно.

Въ текущемъ учебномъ году на курсахъ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ обучалось 227 человекъ.

А. БОЛЬТЪ и К^о.
МОСКВА,
Ильинка, уг. Ипатьевск. пер.
Никольская, противъ Черкасскаго переулка.

Непромокаемая одежда:
ПАЛЬТО,
МАКФАРЛАНЫ,
ШИНЕЛИ,
НАКИДКИ

№ 12279
7-3

мужскіе и дамскіе
изъ лучшихъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій, рисунковъ сезона 1899 г.
Прейс-курантъ съ образцами матерій высылается бесплатно.
Бумажное бѣлье Мей и Эдлехъ.

Подмышники Канфильдъ.
Безъ швовъ. Безъ запаха. Непромокаемы.

Превосходное средство предохраненія отъ порчи для каждой платы.

Canfield Rubber Co.,
Hamburg, Grosse Bleichen, 18.
Настоящіе только съ нашей маркой „Canfield“.

Каждая пара подмышниковъ снабжена письменнымъ ручательствомъ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА АЛЕКСАНДРА КУТУЗОВА,
С.-Петербургъ, Невскій пр., 29—31, рядомъ съ Думой. Отдѣленіе: Садовая, 32.

Имѣть честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что съ 1-го мая впередъ до измѣненія

ПЛАТИТЬ:	
по текущему счету	4 1/2%
по вкладамъ на годъ и болѣе	по соглашенію
на 6 мѣсяцевъ	6%
на 3 мѣсяца	5 1/2%
по востребованію	5%

Контора открыта отъ 9 до 5 ч. вечера, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ закрыта.

ЗАЙКАНИЕ КАРТАВОСТЬ, ШЕПЕЛЯВОСТЬ
устраняетъ лѣчебное заведеніе
К. Ю. Эрнстъ,
Москва, Б. Никитская, № 11, кв. 6. Ц. № 12057 15-5

Руководство къ самообуч. для зайкъ 3 руб.

Лучшія въ мірѣ!

Краски «Bengal» для домашняго перекрашиванія всякихъ матерій. Кремовая краска «Bengal» для гардинъ. Синька «Bengal» въ льянныхъ мѣшечкахъ. Жидкія бронзы въ бутылкахъ. Чернила для мѣтки бѣлья и пр. хим. фабрики «Бенгаль» въ Влоцлавскѣ. Имѣются въ каждомъ лучшемъ аптекарскомъ магазинѣ. № 12329 3-3

Для смягченія и бѣлизны кожи.

КАЛОДЕРМА

ЖЕЛЕ КАЛОДЕРМА. * МЫЛО КАЛОДЕРМА.

Ф. Вольфъ и Сынъ въ Карлсруэ.

С.П.Б. **ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ** послѣднія новости:

„ФИГАРО“, „РЕКОРДЪ“
ЛУЧШІЯ ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА

Пріятный освѣжающій ароматъ, смягчаютъ кожу, придаютъ нѣжность и бѣлизну.

ПРОДАЮТСЯ Просимъ остерегаться подражаній и вездѣ. требовать на этикеткахъ слово: **„ТЕХНО“**.

Главный складъ. С.-Петербургъ, Коломенская ул., № 12.

ТРЕБУЙТЕ ВСЕГДА

Мыло Голлендеръ вазелиновое туалетное, кусокъ 30 коп. Пудру Голлендеръ, вазелиновую, коробъ въ 60 и 30 коп.

Поддѣлки вазелиноваго туалетнаго мыла явились въ продажѣ, а потому торговый домъ «Парфюмерная лабораторія І. Голлендеръ», обращая на это вниманіе почтеннѣйшей публики, проситъ всегда требовать, во избѣжаніе покупки поддѣлки, только мыло „ГОЛЛЕНДЕРЪ“ вазелиновое туалетное, высокое качество котораго не нуждается въ рекламахъ. Продажа во всѣхъ городахъ Имперіи, въ аптекахъ, аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ. № 12358

Оптовая продажа у изобрѣтателей: С.-Петербургъ, Развѣзкая, № 13, торговый домъ «Парфюмерная лабораторія І. ГОЛЛЕНДЕРЪ».

ИСПРАВЬТЕ СВОЙ ПОЧЕРКЪ ЗА 1 руб. 60 коп.

Красиво писать по послѣднему усовершенств. и дополненному методу

„КАЛЛИГРАФЪ“

въ 15 уроковъ СЪ РУЧАТЕЛЬСТВОМЪ ЗА УСПѢХЪ выучивается всякій, самый дурной почеркъ превращается въ блестяще красивый.

1) Теоретическая часть, состоящая изъ руководства на 33 стр.
2) Практическая часть, состоящая изъ 5 отдѣловъ, раздѣленныхъ на 15 уроковъ на 160 страницахъ. № 11918 3-3

Цѣна за весь курсъ исправленія почерка, т. е. за обѣ части, состоящая изъ 192 стр., съ перес. 1 р. 60 к., можно присылать почт. марками; съ налож. плат. 1 р. 75 к. Адресъ: Полтава. Складъ изданія «КАЛЛИГРАФЪ» Д. Н. Подземскому, собств. домъ.

Schlesischer Obersalzbrunnen

Oberbrunnen

ПЕРВОКЛАССНЫЙ АЛКАЛИЧЕСКІЙ источникъ съ успѣхомъ приближаемый съ 1601 г.

Анализъ и подробности объ источникѣ высылаются бесплатно

Контора отправки Княжескихъ Минеральныхъ Водъ въ **ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЪ.** ЗАЛЬЦБРУННЪ * СЛАДЪ во всѣхъ аптекахъ **ФУРБАХЪ и СТРИВОЛЬ,** (Силезія). * и аптекарскихъ магазинахъ.

МЫЛО для стирки БѢЛЫЯ
въ ТЕПЛОЙ **ДИСПОЗЕ** БЕЗЪ
ВОДЫ * П. Н. Виноградова. * ПАРКИ

ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ на Всероссийской Выставѣ 1896 года. требовать куски съ этикеткою утвержден. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.

БѢЛЪЕ получается замѣчательно чистымъ. Желтизна и пятна уничтожаются ЭКОНОМІЯ въ топливѣ. ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. Мыла ДИСПОЗЕ расходуются въ ТРИ РАЗА МЕНЪЕ простаго. Совершенно безвредно для тканей бѣлья. Удостоверенъ № 3780. ЭКОНОМИЧНО для БАНИ. Продажа вездѣ. Опт. у П. Н. Виноградова, Москва. Рождественка, домъ № 2.

ЖИВНА

№ 21

XXXI г.

1899 г.

Содержаніе:

Т Е К С Т Ъ: Воскресеніе. Романъ графа Л. Н. Толстого. (Продолженіе). — Громъ при ясномъ небѣ. Очеркъ д-ра А. Дитмара. — Два ключа. (Памяти Пушкина). Стих. П. Порфирова. — Къ рисункамъ: Бѣсѣда. — Проба голосовъ. — Не онъ. — Мирная конференція и делегаты державъ. — Международная выставка садоводства въ Таврическомъ дворцѣ. — Спускъ новаго броненосца „Громобой“. — Политическое обозрѣніе. — Объявленіе.

Р И С У Н К И: Бѣсѣда. Картина Л. О. Пастернака. — Проба голосовъ. Картина Н. П. Богданова-Бѣльскаго. — Не онъ. Картина К. Венига. — Делегаты державъ на конференціи мира въ Гаагѣ: Е. Е. Стааль (Россія). — Буржуа (Франція). — Графъ Вельзергеймъ (Австрія). — Графъ Мюнстеръ (Германія). — Уайтъ (Соединенные Штаты). — Понсефотъ (Англія). — Графъ Нигра (Италія). — Международная выставка садоводства въ Таврическомъ дворцѣ въ СПБ.: 1) Видъ изъ Императорскаго павильона на декорацию „Ливадійскаго дворца“. 2) Видъ на Императорскій павильонъ. — Спускъ крейсера „Громобой“ съ эллинга Балтійскаго судостроительнаго завода на Невѣ.

Пушкинскій альбомъ. (Окончаніе.)

Т Е К С Т Ъ: Произведенія Пушкина: „Кавказскій плѣнникъ“. — „Братья-разбойники“. — „Бахчисарайскій фонтанъ“. — „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“. — „Цыгане“. — „Борисъ Годуновъ“. — „Арапъ Петра Великаго“. — „Утопленникъ“. — „Полтава“. — „Каменный Гость“. — „Скупой рыцарь“. — „Предъ испанкой благородной“. — „Станціонный смотритель“. — „Моцартъ и Сальери“. — „Евгеній Онѣгинъ“. — „Барышня-крестьянка“. — „Сказка о царѣ Салтанѣ“. — „Бѣсы“. — „Дубровскій“. — „Русалка“. — „Мѣдный всадникъ“. — „Сказка о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ“. — „Сказка о золотомъ пѣтушкѣ“. — „Анжелино“. — „Египетскія ночи“. — „Напитанская дочка“. — Значеніе Пушкина. — Изъ воспоминаній о Пушкинѣ (на обложкѣ).

Р И С У Н К И: „Русланъ и Людмила“: 1) Людмила въ замкѣ Черномора. Ориг. рис. И. Панова. 2) Бой Руслана съ Рогдаемъ. Ориг. рис. Винцмана. 3) Русланъ и живая голова. Ориг. рис. И. Панова. 4) Ратмиръ въ волшебномъ замкѣ. Ориг. рис. Р. Штейна. 5) Русланъ и Черноморъ. Ориг. рис. А. Кившенко. — „Кавказскій плѣнникъ“: Ориг. рис. Р. Штейна. — „Братья-разбойники“: Ориг. рис. Н. Лосева. — „Бахчисарайскій фонтанъ“: 1) Ханъ Гирей въ своемъ дворцѣ. 2) Гаремъ хана. 3) Похищеніе Маріи татарками. Ориг. рисунки Р. Штейна. — „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“: Ориг. рис. Р. Штейна. — „Цыгане“: Ориг. рис. Р. Штейна. — „Борисъ Годуновъ“: 1) Въ кельѣ Пимена. Ориг. рис. А. Земцова. 2) Борисъ и юродивый. Ориг. рис. А. Земцова. 3) Корчма на литовской границѣ. Картина Масоѣдова. 4) Самозванецъ на русской границѣ. Ориг. рис. Р. Штейна. — „Арапъ Петра Великаго“: Ориг. рис. Р. Штейна. — „Утопленникъ“: Ориг. рис. Н. Н. Каразина. — „Полтава“: 1) Кочубей въ темницѣ. Ориг. рис. Н. Лоренца. 2) Допросъ Кочубея. Ориг. рис. Р. Штейна. 3) Петръ I передъ битвой. Ориг. рис. Р. Штейна. 4) Бѣгство Карла XII и Мазепы. Ориг. рис. Р. Штейна. — „Каменный гость“: Ориг. рис. А. Земцова. — „Скупой рыцарь“: Ориг. рис. А. Земцова. — „Предъ испанкой благородной“: Ориг. рис. С. Соломко. — „Станціонный смотритель“: Ориг. рис. Р. Штейна. — „Моцартъ и Сальери“: Картина В. Крюкова. — „Евгеній Онѣгинъ“: 1) Онѣгинъ за туалетомъ. 2) Татьяна и няня. 3) Татьяна и Онѣгинъ. Ориг. рисунки Е. П. Самокишъ-Судковской. — „Бѣсы“: Ориг. рис. Н. Н. Каразина. — „Барышня-крестьянка“: Ориг. рис. Р. Штейна. — „Сказка о царѣ Салтанѣ“: 1) Превращеніе лебеди въ царевну. Ориг. рис. С. Соломко. 2) Черноморъ и богатыри. Ориг. рис. А. Чикина. — „Дубровскій“: 1) Нападеніе Дубровскаго на свадебный поѣздъ. 2) Борьба француза-учителя (Дубровскаго) съ медвѣдемъ. Ориг. рисунки Р. Штейна. — „Русалка“: 1) Прощаніе князя съ дочерью мельника. Ориг. рис. Ковержева. 2) Свиданіе князя съ дочерью мельника. Ориг. рис. В. Васнецова. 3) Дѣтское дно. Русалка и ея дочь. Ориг. рис. И. Волова. — „Мѣдный всадникъ“: Ориг. рис. Н. Н. Каразина. — „Сказка о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ“: Ориг. рис. А. Земцова. — „Сказка о золотомъ пѣтушкѣ“: 1) Встрѣча царя Додонова съ колдуньей. Ориг. рис. Р. Штейна. 2) Царь Додонъ и Шамаханская царца. Ориг. рис. С. Соломко. — „Анжелино“: Ориг. рис. С. Соломко. — „Египетскія ночи“: Ориг. рис. Р. Штейна. — „Напитанская дочка“: 1) Гриневъ встрѣчается на Волгѣ плоть съ висѣлицей. Ориг. рис. Н. Н. Каразина. 2) Гриневъ у Пугачева. Ориг. рис. Р. Штейна. 3) Марья Ивановна и Екатерина II. Ориг. рис. Р. Штейна.

Къ свѣдѣнію земскихъ и городскихъ управъ, учебныхъ завед., владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ и проч.

Вышелъ изъ печати и поступ. въ продажу „**ПУШКИНСКІЙ АЛЬБОМЪ**“, изданный къ столѣтню рожденія А. С. Пушкина и посвященный исключительно нашему великому поэту.

Съ текстомъ и рисунками альбома можно ознакомиться по помѣщеннымъ въ настоящемъ № „Нивы“ послѣднимъ его листамъ. Весь альбомъ состоитъ изъ 10 такихъ листовъ (80 страницъ). Кроме текста въ альбомѣ помѣщено около 100 рисунковъ и портретовъ.

Подробное объявленіе см. въ № 18-мъ „Нивы“. Цѣна Пушкинскаго альбома назначена весьма удѣрнительная—50 коп., съ перес. 60 коп. (можно почтовыми марками).

Выписывающіе Пушкинскій альбомъ (для раздачи воспитанникамъ, рабочимъ и пр.) въ количествѣ:

Безъ пересылки:
не менѣе 100 экз. платять по 50 к. за 1 экз.
» 500 » » 45 » » »
» 1000 » » 40 » » »

Съ пересылкой:
не менѣе 100 экз. платять по 55 к. за 1 экз.
» 500 » » 48 » » »
» 1000 » » 42 » » »

Требованія и деньги адресовать въ Контору журнала „НИВА“, С.-Петербургъ, М. Морская, 22. Адресъ для телеграммъ: СПБ. „Нивамарсъ“. — Альбомъ имѣется также въ продажѣ въ Конторѣ Н. Печниковской въ Москвѣ, въ кн. маг. „Образованіе“ въ Одессѣ и въ больш. книжн. маг.

С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
ТИМОЛОВЫЙ ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ
ТИМОЛОВЫЙ ЗУБНОЙ ПОРОШОКЪ
• ОСВѢЖАЮТЪ РОТЪ УНИЧТОЖАЮТЪ ДУРНОЙ ЗАПАХЪ •
ПРОСИМЪ ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ И ТРЕБОВАТЬ НА ЭТИКЕТАХЪ СЛОВО: «ТЕХНО»
С. ПЕТЕРБУРГЪ, КОЛОМЕНСКАЯ УЛИЦА, № 12.

В. Жуковскій
С. ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ № 97.

Локомобили, паров. машины, керос. двигатели, турбины.
Искусственные жернова Траппа, мельницы, просеивающія, круподеры, сукноватки, шерсточесалки, гонторѣзки. Ц. № 12317.5—4
Лѣсопилен. рамы, масляной. прессы, черепич. прессы.
Иллюстрированный каталогъ высылается бесплатно.

ГАРМОНИИ
извѣстнѣйшей фабрики вѣ мірѣ **КАЛЬБЕ.**

Однорядныя въ 2 1/2, 4 1/2, 5, 5 1/2, 6, 6 1/2, 7, 7 1/2, 8, 8 1/2, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 18 и 20 рублей.
Двурядныя въ 10, 12, 14, 15, 18, 20, 22, 25 и 35 руб. и въскія въ 20, 23 и 50 рублей.
Трехрядныя въ 50 руб. и въскія въ 25, 45 и 70 рублей.
Самоучители въ 75 к. и 1 р.
Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьяна.
Вниманію гг. провинціальныхъ покупателей.
Въ настоящее время пересылка по почтѣ обходится значительно дешевле, чѣмъ прежде. Подробности въ моемъ новѣйшемъ прейсъ-куррантѣ, высылаемомъ бесплатно.

С.-Петербургскіе

Скороходы и Сандалии

только тогда неподдѣльны, если подошвы ихъ снабжены приведеннымъ рядомъ фабричнымъ клеймомъ и Государственнымъ Гербомъ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Фабричное клеймо.

ГЛИНЯНЫЯ ПЛИТКИ
отъ самыхъ простыхъ до роскошнѣйшихъ рисунковъ продаетъ и укладываетъ Тов. асфальт. работъ въ Россіи СПБ., Невскій, 3.

СИБИРСКІЙ СКЛАДЪ
КИТАЙСКІХЪ ШЕЛКОВЫХЪ МАТЕРІЙ
Д. А. Епанешникова
Москва, Никольская ул., д. Греческ. мон.
ЧЕ-СУ-ЧА.
Дамская отъ 12 до 18 р. кусокъ въ 26/23 арш.
Мужская « 20 « 40 р. кусокъ въ 26/23 «
Фанза « 12 « 50 р. кусокъ въ 21/22 «
Товаръ высылаю наложеннымъ платежомъ.
Образцы бесплатно. 10—10

Основан. въ 1886 году КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРИИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ.

Бухгалтерія торговая, банковая, сельскохозяйственная и фабричная, винной монополіи и земскихъ управъ.

Москва, Гверская ул., уголъ Леонтьевского пер., д. Полякова.

Ц. № 12319 4-4

4-го МАЯ НАЧАЛО ЛѢТНЯГО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются бесплатно.

Въ текущемъ учебномъ году на курсахъ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ обучалось 227 человекъ.

ELIXIR, POUDRE ET PÂTE DENTIFRICES
des RR. PP.

BÉNÉDICTINS
DE
l'Abbaye de Soulac,
Dom MAGUELONNE, Prieur.

Inventés en l'an 1373 par le Prieur P. BOURSAUD
VENTE EN GROS :
SEGUIN, BORDEAUX.
Maison fondée en 1807.

VENTE DANS TOUTES
LES BONNES PARFUMERIES,
PHARMACIES ET DROGUERIES.

MAISON à PARIS, 26, Rue d'Enghien.

GRAND PRIX
Expos^o Int^o Lyon 1889
HORS CONCOURS
MEMBRE DU JURY
Exp^o Int^o Bordeaux 1895

EXIGER LA SIGNATURE
DU PRIEUR
Dom Maguelonne

В. № 12301
5-2

БРАТЯ Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.

Фабрика
РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО

основанная въ 1810 году
СПБ., Владимирская, № 8,
рекомендуетъ превосходнаго
тона и отличной работы
РОЯЛИ въ 1100, 900, 800, 700,
650 и 550 рублей.
ПИАНИНО въ 550, 500 и 450 р.
Прейс-курранты высылаются
бесплатно.

Депю въ Москвѣ: Юлій Гергаръ Циммерманъ; въ Кіевѣ: Г. Гладрыжскіи;
въ Ригѣ: О. Энгельманъ; въ Воронежѣ: Р. Т. Шугама; въ Баку: Ф. И. Шрейберъ;
въ Тифлисѣ: Б. М. Мирманіанъ; въ Уфѣ: Л. Я. Дворжцъ.

Банкирскай Домъ
Г. ВАВЕЛЬБЕРГЪ
С.-Петербургъ, Невскій, 25

доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что по порученію
Восточнаго Общества Товарныхъ складовъ, страхованія
и транспортированія товаровъ съ выдачею ссуды имъ
будетъ производиться съ 15 мая с. г. обмѣнъ 6%
облигацій I выпуска означеннаго Общества на новыя
5% облигаціи съ приплатою 5 руб. по каждой 5%
облигаціи за представленную къ обмѣну 6% облигацію.

Представляемыя къ обмѣну 6% облигаціи должны
имѣть купоны, начиная со срока 1 марта 1900 г.,
равно какъ и новыя 5% облигаціи будутъ выдаваемы
съ купономъ того же срока.

Для гг. иногородныхъ пересылку обмѣненныхъ 5%
облигацій, взамѣнъ присылаемыхъ 6% облигацій, Бан-
кирскай Домъ принимаетъ на свой счетъ.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЬ 1889.

**ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ
ЛАБОРАТОРІЯ**
ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. МЗ.

ГЛИЦЕРИНЪ ВЕЛУРЪ
СРЕДСТВО ДЛЯ ПРЕДОХРАНЕНІЯ ОТЪ ВЪЛАГА, ВЕСУШЕКЪ И
КРАСОТЫ ЛИЦА.
Глицериновое молоко Вода де Лисъ
и Ирисовое молоко. де Нинонь для кожи.

МАГАЗИНЫ: въ С.-ПЕТЕРБУРГѣ:
ВОЗНЕСЕНСКІЙ ПР. ПЕР. УГОЛУ КАЗАНСКОЙ УЛ. Д. № 48
НЕВСКІЙ ПР. МЗ. Д. № 28
МАГАЗИНЫ въ Москвѣ: въ КУЗНЕЦОВЪ МОСТЪ Д. № 11
МАГАЗИНЫ въ Кіевѣ: въ КУЗНЕЦОВЪ МОСТЪ Д. № 11

С.-Петербургско-Азовскій Коммерческій Банкъ
Невскій 62.

Отдаются въ наемъ безопасныя ящики для
храненія цѣнностей, документовъ и драго-
цѣнныхъ вещей.

№ 12152 12-10

ЧЕРНИЛА ЛЕОНГАРДИ.
Спеціальность: Первоклассныя по отзывамъ государственн. учреждений
Желѣзисто-орѣшковые чернила

Шалучшія: для книгъ, актовъ, документовъ
и письменностей всякаго рода

Копировальныя чернила.
Чернила для письма и копированія.
ЧЕРНИЛА ДЛЯ КНИГЪ.
„Атраль“ (жидкая китайская тушь).
Песмывающаяся тушь для бѣлыя.
Жидкій клей и гумми.
Краски и подушки для штемпелей.
„НАРИНЬ“ красна для клейменія мяса,
безвредна, скоро высыхаетъ, не расплывается
отъ воды.
Автографич. и гектографич. чернила.
Гектографич. листы и масса.
Химич. фабрики чернилъ, основ. въ 1826 г.

Авг. ЛЕОНГАРДИ
въ Дрезденѣ.

Изобрѣтателя и единств. фабриканта всемірно-
№ 12339 известныхъ 10-2
Алицариновыхъ чернилъ для письма
и копированія,
легко стекающихъ и вполнѣ прочныхъ же-
лѣзисто-орѣшковыхъ чернилъ 1-го класса.
Во избѣжаніе поддѣлокъ проситъ обращать внима-
ніе на валъ. въ Россіи этикетъ и фабрич.
предохранил. марку.

Неподдѣльно
только съ соей
предохрани-
тельной
маркой.

Trade Mark

O.R.M.S. № 12337

Для СМЯГЧЕНІЯ и БЪЛИЗНЫ КОЖИ.

КАЛОДЕРМА
ЖЕЛЕ КАЛОДЕРМА . * * * МЫЛО КАЛОДЕРМА.

Ф. Вольфъ и Сынъ въ Карлсруэ.

Ц. № 12074 25-13

Поступила въ продажу новая книга:
ЗАПИСКИ ЗЕМСКАГО НАЧАЛЬНИКА.
АЛЕКСАНДРА НОВИКОВА.
СПБ., 1899. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Складъ изданій въ книжномъ магазинѣ типогр. М. М. СТАСЮЛЕВИЧА.
С.-Петербургъ, Васильевскій остр., 5 л., 28. № 12362 2-2

ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
ГУМБЕРЪ
предлагаетъ Ц. № 11998

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Георгій ЗЕМЛИЧКА и К^o.
Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
Прейс-курранты по требованію. 15-12

XXX г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXX

№ 21

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти еженѣдн. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1899

Выданъ 22 мая 1899 г.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

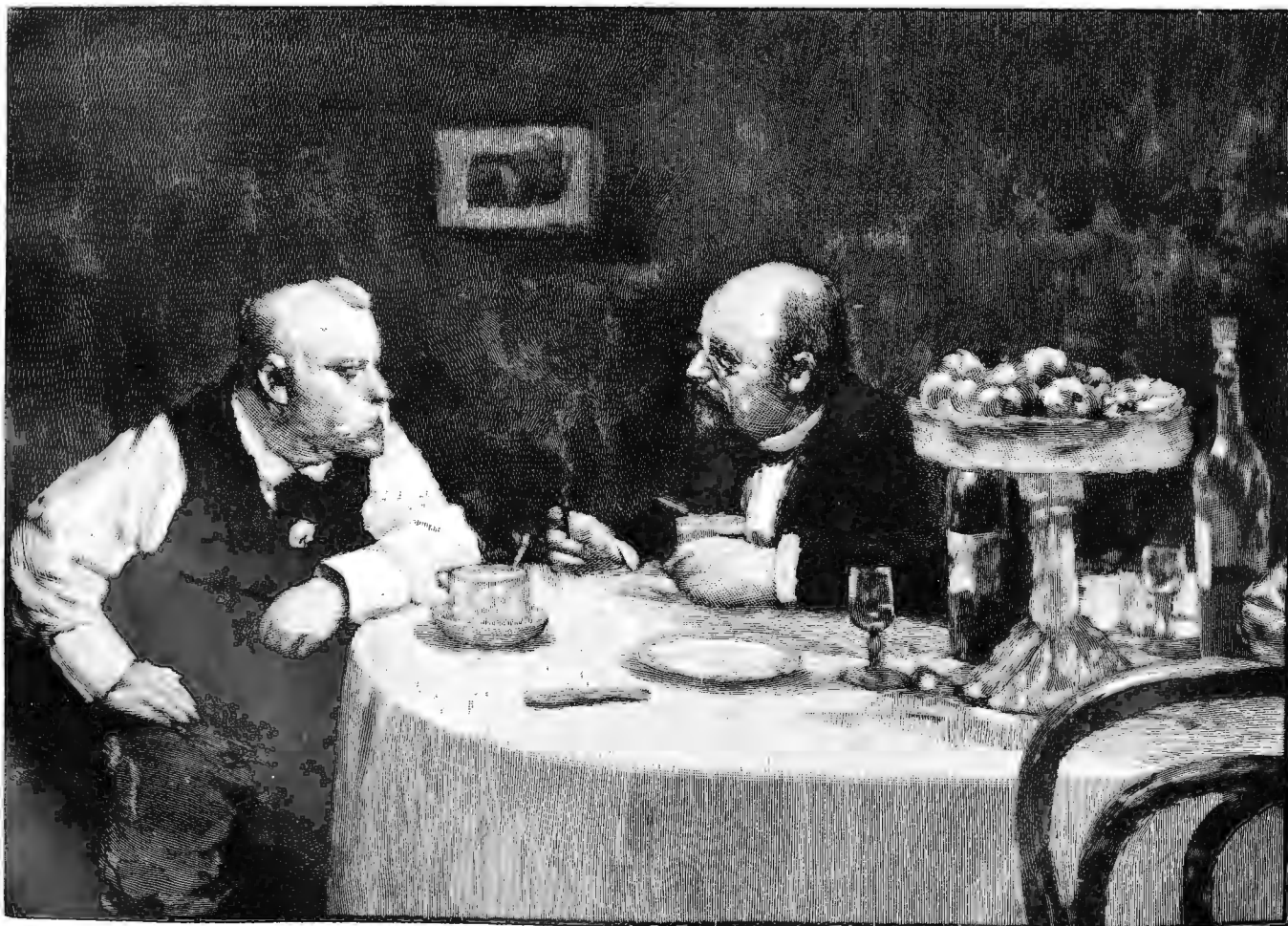
Продолжается подписка на „НИВУ“ 1899 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, МАЛАЯ МОРСКАЯ, Д. № 22.

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	5 р. 50 к.	Безъ дост. въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи . . .	6 р. 25 к.	Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАЧІЕ“, Ришельевская, 12.	6 р. 50 к.	Съ доставкою въ Петербургъ . . .	6 р. 50 к.	Съ пересылкою во все мѣстности Россіи . . .	7 р. 10 п.	За гра-ницу . . .	10 р.
-----------------------------------	-------------------	---	-------------------	--	-------------------	----------------------------------	-------------------	---	-------------------	-------------------	--------------

На ¼ года съ дост. въ СПБ. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на ½ года съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногородн. 3 р. 50 к.

При этомъ № прилагаются 5-ый по 10-ый листы Пушкинскаго Альбома „Нивы“ и обложка къ нему.

„Бесѣда“. Съ картины Л. О. Пастернака грав. И. Павловъ.

Воскресеніе.

Романъ
графа Л. Н. ТОЛСТОГО.

(Продолженіе.)

XII.

Черезъ минуту изъ боковой двери вышла Маслова. Подойдя мягкими шагами вилоть къ Нехлюдову, она остановилась и исподлобья взглянула на него. Черные волосы, такъ же какъ и третьяго дня, выбивались выющимися колечками, лицо нездоровое, пухлое, блѣлое, было миловидно, совершенно спокойно; только глянцево-черные косые глаза изъ-подъ подпухшихъ вѣкъ особенно блестяли.

— Можно говорить здѣсь, — сказалъ смотритель и отошелъ.

Нехлюдовъ подвинулся къ скамьѣ, стоявшей у стѣны.

Маслова взглянула вопросительно на помощника смотрителя и потомъ, какъ бы съ удивленіемъ пожавъ плечами, пошла за Нехлюдовымъ къ скамьѣ и сѣла на нее рядомъ съ нимъ, оправивъ юбку.

— Я знаю, что вамъ трудно простить меня, — началъ Нехлюдовъ, но опять остановился, чувствуя, что слезы мѣшакуютъ: — но если нельзя уже поправить прошлаго, то я теперь сдѣлаю все, что могу. Скажите...

— Какъ это вы нашли меня? — не отвѣчая на его вопросъ, спросила она, глядя и не глядя на него своими косыми глазами.

«Боже мой! Помоги мнѣ. Научи меня, что мнѣ дѣлать!» — говорилъ себѣ Нехлюдовъ, глядя на ся такое измѣнившееся теперь лицо.

— Я третьяго дня былъ присяжнымъ, — сказалъ онъ: — когда васъ судили. Вы не узнали меня?

— Нѣтъ, не узнала. Некогда мнѣ было узнавать. Да я и не смотрѣла, — отвѣтила она.

— Вѣдь былъ ребенокъ? — спросилъ онъ и почувствовалъ, какъ лицо его покраснѣло.

— Тогда же, слава Богу, померъ, — коротко и злобно отвѣтила она, отворачиваясь отъ него взглядъ.

— Какъ же, отчего?

— Я сама больна была, чуть не померла, — сказала она, не поднимая глазъ.

— Какъ же тетушки васъ отпустили?

— Кто жъ станетъ горничною съ ребенкомъ держать? Какъ замѣтили, такъ и прогнали. Да что говорить, — не помню ничего, все забыла. То все кончено.

— Нѣтъ, не кончено. Не могу я такъ оставить этого. Я хоть теперь хочу искупить свой грѣхъ.

— Нечего искупать; что было, то было и прошло, — сказала она, и, чего онъ никакъ не ожидалъ, она вдругъ взглянула на него и неприятно заманчиво и жалостно улыбнулась.

Маслова никакъ не ожидала увидать его, особенно теперь и здѣсь, и потому въ первую минуту появленіе его поразило ее и заставило вспомнить о томъ, чего она не вспоминала никогда. Она въ первую минуту вспомнила смѣтно о томъ новомъ чудномъ мірѣ чувствъ и мыслей, который открытъ былъ ей прелестнымъ юношей, любившимъ ее и любимымъ ею, и потомъ объ его непонятной жестокости и цѣломъ рядѣ униженій, страданій, которые послѣдовали за этимъ волшебнымъ счастьемъ и вытекли изъ него. И ей сдѣлалось больно. Но не будучи въ силахъ разобраться въ этомъ, она поступила и теперь, какъ поступала всегда, отогнала отъ себя эти воспоминанія и постаралась застлать ихъ особеннымъ туманомъ развратной жизни. Въ первую минуту она соединила сидящаго передъ ней человѣка съ тѣмъ юношей, котораго она когда-то любила, но потомъ, увидавъ, что это слишкомъ больно, она перестала соединять его съ тѣмъ. Теперь этотъ чисто-одѣтый, выхолонный господинъ съ надушенной бородой былъ для нея не тотъ Нехлюдовъ,

котораго она любила, а только одинъ изъ тѣхъ людей, которые, когда имъ нужно было, пользовались такими существами, какъ она, и которыми такія существа, какъ она, должны были пользоваться, какъ можно для себя выгодноѣе. И потому она заманчиво улыбнулась ему.

Она помолчала, обдумывая, чѣмъ бы воспользоваться отъ него.

— То все кончено, — сказала она. — Теперь вотъ осудили въ каторгу.

И губы ея задрожали, когда она выговорила это страшное слово.

— Я знаю, я увѣренъ былъ, что вы не виноваты, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Извѣстно, не виновата. Развѣ я воровка или грабительница.

— У насъ говорятъ, что все отъ адвоката, — продолжала она. — Говорятъ, надо прошеніе подать. Только дорого, говорятъ, берутъ...

— Да, непременно, — сказалъ Нехлюдовъ. — Я уже обратился къ адвокату.

— Надо не пожалѣть денегъ на хорошаго, — сказала она.

— Я все сдѣлаю, что возможно.

Наступило молчаніе.

Она опять такъ же улыбнулась.

— А я хочу васъ попросить... денегъ, если можете. Немного... десять, — вдругъ сказала она.

— Да, да, — сконфуженно заговорилъ Нехлюдовъ и взялся за бумажникъ.

Она быстро взглянула на смотрителя, который ходилъ взадъ и впередъ по камерѣ.

— При немъ не давайте, а когда онъ отойдетъ; а то отберутъ.

Нехлюдовъ досталъ бумажникъ, какъ только смотритель отвернулся, но не успѣлъ передать десяти-рублевою бумажку, какъ смотритель опять повернулся къ нимъ лицомъ. Онъ зажалъ деньги въ рукѣ.

«Вѣдь это мертвая женщина», — думалъ Нехлюдовъ, глядя на это, когда-то милое, теперь оскверненное пухлое лицо съ блестящимъ, нехорошимъ блескомъ черныхъ косящихъ глазъ, слѣдившихъ за смотрителемъ и за рукою Нехлюдова со скагой бумажкой. И на него нашла минута колебанія.

Опять тотъ искуситель, который говорилъ вчера ночью, заговорилъ въ душѣ Нехлюдова, какъ всегда, стараясь вывести его изъ вопроса о томъ, что должно сдѣлать, въ вопросъ о томъ, что выйдетъ изъ его поступковъ и что полезно.

«Ничего ты не сдѣлаешь съ этой женщиной, — говорилъ этотъ голосъ: только себѣ на шею повѣсишь камень, который утопитъ тебя и помѣшаетъ тебѣ быть полезнымъ другимъ. Дать ей денегъ, все что есть, проститься съ ней и кончить все навсегда?» — подумалось ему.

Но тутъ же онъ почувствовалъ, что теперь, сейчасъ, совершается нѣчто самое важное въ его душѣ, что его внутренняя жизнь стоитъ въ эту минуту какъ бы на колеблющихся вѣсахъ, которые малѣйшимъ усиленіемъ могутъ быть перетянуты въ ту или другую сторону. И онъ сдѣлалъ это усиліе, призывая Того Бога, Котораго онъ вчера почувствовалъ въ своей душѣ, и Богъ тутъ же отозвался въ немъ. Онъ рѣшился сейчасъ сказать ей все.

— Катюша! Я пришелъ къ тебѣ просить прощенія, а ты не отвѣтила мнѣ, простила ли ты меня, простишь ли ты меня когда-нибудь, — сказалъ онъ, вдругъ переходя на ты.

Она не слушала его, а глядѣла то на его руку, то на

Смотрителя. Когда смотритель отвернулся, она быстро протянула къ Нехлюдову руки, схватила бумажку и положила за поясъ.

— Чудно, что говорите, — сказала она, презрительно, какъ ему показалось, улыбаясь.

Нехлюдовъ чувствовалъ, что въ ней есть что-то, прямо враждебное ему, защищающее ее такою, какою она теперь, и мѣшающее ему проникнуть до ея сердца.

Но, удивительное дѣло, это его не только не отталкивало, но еще больше, какой-то особенной, новой силой притягивало къ ней. Онъ чувствовалъ, что ему должно разбудить ее духовно, что это страшно трудно, — но самая трудность этого дѣла привлекала его. Онъ испытывалъ къ ней теперь чувство такое, какого онъ никогда не испытывалъ прежде ни къ ней, ни къ кому-либо другому, въ которомъ не было ничего личнаго: онъ ничего не желалъ себѣ отъ нея, а желалъ только того, чтобы она перестала быть такою, какою она была теперь, чтобы она пробудилась и стала такою, какою она была прежде.

— Катюша, зачѣмъ ты такъ говоришь? Я вѣдь знаю тебя, помню тебя тогда въ Пановѣ...

Но она не сдавалась, не хотѣла сдаться.

— Что старое поминать, — еще сильнѣе морщась, сухо сказала она.

— Я вспоминаю затѣмъ, чтобы загладить, искупить свой грѣхъ. Катюша, — началъ онъ, и хотѣлъ-было сказать о томъ, что онъ женится на ней, но онъ встрѣтилъ ея взглядъ и прочелъ въ немъ что-то такое страшное и грубое, отталкивающее, что не могъ договорить.

Въ это время посѣтители стали выходить. Смотритель подошелъ къ Нехлюдову и сказалъ, что время свиданія кончилось. Маслова встала, покорно ожидая, когда ее отпустятъ.

— Прощайте, мнѣ еще многое нужно сказать вамъ, но, какъ видите, теперь нельзя, — проговорилъ Нехлюдовъ, и протянулъ руку. — Я приду еще.

— Кажется, все сказали...

Она подала руку, но не пожала.

— Нѣтъ, я постараюсь видѣться съ вами еще, гдѣ бы можно переговорить, и тогда скажу очень важное, что нужно сказать вамъ, — проговорилъ Нехлюдовъ.

— Что же, приходите, — сказала она, улыбаясь той улыбкой, которой улыбалась мужчинамъ, которымъ хотѣла нравиться.

— Вы ближе для меня, чѣмъ сестра, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Чудно. — повторила она и, покачивая головой, ушла за рѣшетку.

XLII.

Нехлюдовъ ожидалъ, что уже при первомъ свиданіи Катюша, увидавъ его, узнавъ его намѣреніе служить ей и его раскаяніе, обрадуется, умилится и станетъ опять Катюшей, но, къ ужасу своему, онъ увидалъ, что Катюши не было, а была одна Маслова. Это удивило и ужаснуло его.

Преимущественно удивило его то, что Маслова не только не стыдилась своего положенія, но какъ будто даже была довольна, почти гордилась имъ. А между тѣмъ это и не могло быть иначе. Всякому человѣку для того, чтобы дѣйствовать, необходимо считать свою дѣятельность важною и хорошею. И потому, каково бы ни было положеніе человѣка, онъ непременно составитъ себѣ такой взглядъ на людскую жизнь вообще, при которомъ его дѣятельность будетъ казаться ему важною и хорошею.

Обыкновенно думаютъ, что воръ или убійца, признавая свою профессію дурною, долженъ стыдиться ея. Проходя же совершенно обратное. Люди, судьбою и своими грѣхами-ошибками поставленные въ извѣстное положеніе, какъ бы оно ни было неправильно, составляютъ себѣ такой взглядъ на жизнь вообще, при которомъ ихъ положеніе представляется имъ хорошимъ и уважительнымъ. Для поддержанія же такого взгляда люди

инстинктивно держатся того круга, въ которомъ признаются понятія, составленные ими себѣ о жизни и о своемъ въ ней мѣстѣ. Насъ это удивляетъ, когда дѣло касается воровъ, хвастающихся своею ловкостью, или убійць, хвастающихся своею жестокостью. Но удивляетъ это насъ только потому, что кружокъ этихъ людей ограниченъ, и, главное, что мы находимся внѣ его.

Такой взглядъ на свою жизнь и свое мѣсто въ мірѣ составился и у Масловой. Она была приговорена къ каторгѣ, и, несмотря на это, она составила себѣ такое міровоззрѣніе, при которомъ могла одобрять себя и даже гордиться передъ людьми своимъ положеніемъ.

Мировоззрѣніе это состояло въ томъ, что главное благо всѣхъ мужчинъ, всѣхъ безъ исключенія, — старыхъ, молодыхъ, гимназистовъ, генераловъ, образованныхъ, необразованныхъ, — состоитъ въ общеніи съ привлекательными женщинами, и потому всѣ мужчины, хотя и притворяются, что заняты другими дѣлами, въ сущности желаютъ только одного этого. Она же — привлекательная женщина, можетъ удовлетворять или неудовлетворять это ихъ желаніе, и потому она — важный и нужный человѣкъ. Вся ея прежняя и теперешняя жизнь подтверждала справедливость этого взгляда.

Въ продолженіе десяти лѣтъ она вездѣ, гдѣ бы она ни была, начиная съ Нехлюдова и старика-станового, и кончая острожными надзирателями, видѣла, что всѣ мужчины нуждаются въ ней, она не видѣла и не замѣчала тѣхъ мужчинъ, которые не нуждались въ ней. И потому весь міръ представлялся ей собраніемъ людей, со всѣхъ сторонъ сторожившихъ ее и всѣми возможными средствами — обманомъ, насиліемъ, куплей, хитростью — старающихся овладѣть ею.

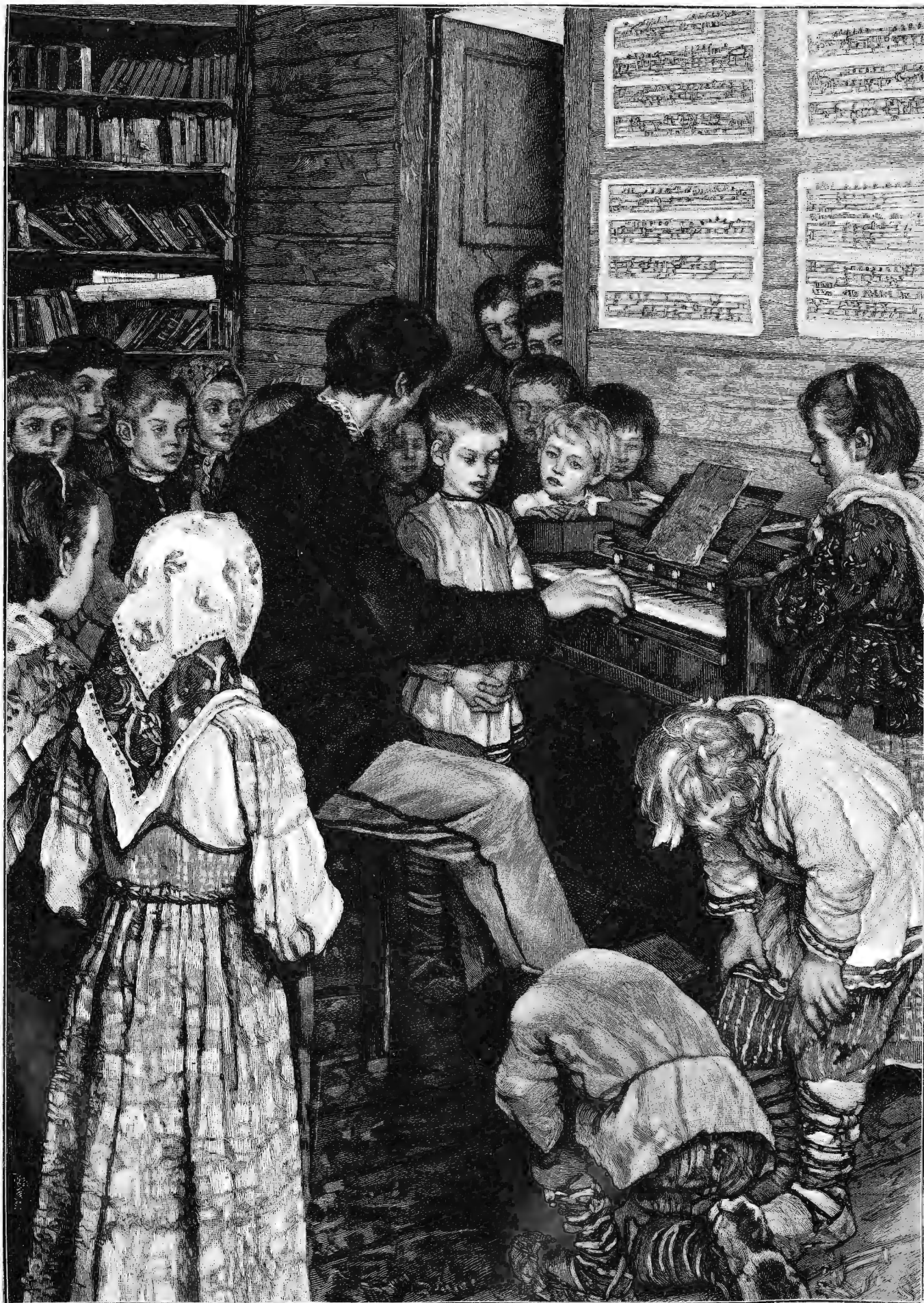
Такъ понимала жизнь Маслова и, при такомъ пониманіи жизни, она была не только не постыдливъ, а очень важный человѣкъ. И Маслова дорожила такимъ пониманіемъ жизни больше всего на свѣтѣ, — не могла не дорожить имъ, потому что, измѣнивъ такое пониманіе жизни, она терила то значеніе, которое такое пониманіе давало ей среди людей. И для того, чтобы не терять своего значенія въ жизни — она инстинктивно держалась круга людей, которые смотрѣли на жизнь, какъ и она. Чувя же, что Нехлюдовъ хочетъ вывести ее въ другой міръ, она противилась ему, предвидя, что въ томъ мірѣ, въ который онъ привлекалъ ее, она должна будетъ потерять это свое мѣсто въ жизни, давашее ей увѣренность и самоуваженіе. По этой же причинѣ она отгоняла отъ себя и воспоминанія первой юности и первыхъ отношеній съ Нехлюдовымъ. Воспоминанія эти не сходились съ ея теперешнимъ міросозерцаніемъ и потому были совершенно вычеркнуты изъ ея памяти или скорѣе гдѣ-то хранились въ ея памяти нетронутыми, но были такъ заперты, замазаны, какъ пчелы замазываютъ гнѣзда клочней (червей), — которые могутъ погубить всю пчелиную работу, — чтобы къ нимъ не было никакого доступа. И потому теперешній Нехлюдовъ былъ для нея не тотъ человѣкъ, котораго она когда-то любила чистой любовью, а только богатый господинъ, которымъ можно и должно воспользоваться, и съ которымъ могли быть только такія отношенія, какъ и со всѣми мужчинами.

«Нѣтъ, не могъ сказать ей главного», — думалъ Нехлюдовъ, направляясь вмѣстѣ съ народомъ къ выходу. «Я не сказалъ ей, что женюсь на ней. Не сказалъ, а сдѣлаю это», — думалъ онъ.

Надзиратели, стоя у дверей, опять, выпуская посѣтителей, въ двѣ руки ихъ считали, чтобы линіей человѣкъ не вышелъ или не остался въ тюрьмѣ. То, что его хлопали по спинѣ, теперь не оскорбляло его, — онъ даже и не замѣчалъ этого.

XLIII.

Нехлюдову хотѣлось измѣнить свою внѣшнюю жизнь: сдать большую квартиру, распустить прислугу и переѣхать въ гостиницу. Но Аграфена Петровна доказала

XXVII передвижная выставка. „Проба голосовъ“. Съ картины Н. П. Богданова-Бѣльскаго грав. Ю. Шюблеръ.

Выставка С.-Петербургского Общества художников. „Не онъ“, Съ картины Н. Венига грав. Гюрик.

ему, что не было никакого резона до зимы что-либо измѣнять въ устройствѣ жизни; лѣтомъ квартиры никто не возьметъ, а жить и держать мебель и вещи гдѣ-нибудь да нужно. Такъ что всѣ усилія Нехлюдова измѣнить свою вѣшнюю жизнь (ему хотѣлось устроиться просто, по-студенчески) не привели ни къ чему. Мало того, что все осталось попрежнему, въ домѣ началась усиленная работа: провѣтриванія, развѣшиванія и выбиванія всякихъ шерстяныхъ и мѣховыхъ вещей, въ которой принимали участіе и дворникъ, и его помощникъ, и кухарка, и самъ Корней. Сначала выносили и вывѣшивали на веревки какіе-то мундиры и странные мѣховыя венцы, которые никогда никѣмъ не употреблялись, потомъ стали выносить ковры и мебель, и дворникъ съ помощникомъ, засучивъ рукава мускулистыхъ рукъ, усиленно въ тактъ выколачивали эти вещи, и по всѣмъ комнатамъ распространился запахъ нефталина. Проходя по двору и глядя изъ окошъ, Нехлюдовъ удивлялся тому, какъ ужасно много всего этого было, и какъ все это было несомнѣнно бесполезно. Единственное употребленіе и назначеніе этихъ вещей, думалъ Нехлюдовъ, состояло въ томъ, чтобы доставить случай дѣлать упражненія Аграфенѣ Петровнѣ, Корнею, дворнику, его помощнику и кухаркѣ.

«Не стоить измѣнять формы жизни теперь, пока дѣло Масловой не рѣшено», думалъ Нехлюдовъ. «Да и слѣшкомъ трудно это. Все равно само собой все измѣнится, когда освободятъ или соплютъ ее, и я поѣду за ней.»

Въ назначенный адвокатомъ Фанаринымъ день Нехлюдовъ пріѣхалъ къ нему. Войдя въ его великолѣпную квартиру собственнаго дома, съ огромными растеніями и удивительными занавѣсками на окнахъ и, вообще, той дорогой обстановкой, свидѣтельствующей о дурашнхъ, т.-е. безъ труда полученныхъ деньгахъ, которая бываетъ только у людей неожиданно разбогатѣвшихъ,—Нехлюдовъ засталъ въ пріемной ожидающихся очереди просителей, сидящихъ какъ у врачей, уныло около столовъ съ должествующими развлекать ихъ иллюстрированными журналами. Помощникъ адвоката, сидѣвшій тутъ же, у высокой конторки, узнавъ Нехлюдова, подошелъ къ нему, поздоровался и сказалъ, что онъ сейчасъ доложитъ принципалу. Но не успѣлъ помощникъ подойти къ двери въ кабинетъ, какъ она сама отворилась, и послышались громкіе оживленные голоса молодого коренастаго человѣка, съ краснымъ лицомъ и съ густыми усами, въ совершенно новомъ платьѣ, и самого Фанарина. На обоихъ лицахъ было то выраженіе, какое бываетъ на лицахъ людей, только что сдѣлавшихъ выгодное, но не совсѣмъ хорошее дѣло.

— Сами виноваты, батюшка,—улыбаясь, говорилъ Фанаринъ.

— И радъ бы въ рай, да грѣхи не пуцаютъ.

— Ну, ну, мы знаемъ.

И оба ненатурально засмѣялись.

— А, князь, пожалуйте,—сказалъ Фанаринъ, увидавъ Нехлюдова, и, кивнувъ еще разъ удалявшемуся купцу, ввелъ Нехлюдова въ свой, строгаго стиля, дѣловой кабинетъ.—Пожалуйста, курите,—сказалъ адвокатъ, садясь противъ Нехлюдова и сдерживая улыбку, вызываемую успѣхомъ предшествующаго дѣла.

— Благодарю, я о дѣлѣ Масловой.

— Да, да, сейчасъ. У, какіе шельмы эти толстосумы,—сказалъ онъ.—Видѣли этого молодца, у него миллионъ 12 капитала. А говорить: пуцаетъ. Ну, а если только можетъ вытянуть у васъ 25-ти-рублевый билетъ—зубами вырветъ.

«Онъ говоритъ пуцаетъ, а ты говоришь 25-ти-рублевый билетъ»,—думалъ между тѣмъ Нехлюдовъ, чувствуя непреодолимое отвращеніе къ этому развязному человѣку, тономъ своимъ желавшему показать, что онъ съ нимъ, съ Нехлюдовымъ, одного, а съ прішедшими клиентами и остальными—другого, чуждаго имъ лагеря.

— Ужъ очень онъ меня измучилъ—ужасный негодяй. Хотѣлось дуну отвести,—сказалъ адвокатъ, какъ бы

оправдываясь въ томъ, что говорить не о дѣлѣ.—Ну-съ, о вашемъ дѣлѣ... Я его прочелъ внимательно и «содержанія одной не одобрилъ», какъ говорится у Тургенева, т.-е.: адвокатнишко быть дрянной, и всѣ поводы кассациіи упустилъ.

— Такъ что же вы рѣшили?

— Сю минуту. Скажите ему,—обратился онъ къ вошедшему помощнику:—что какъ я сказалъ, такъ и будетъ: можетъ—хорошо, не можетъ—не надо.

— Да онъ не согласенъ.

— Ну, и не надо,—сказалъ адвокатъ, и лицо у него изъ радостнаго и благодушнаго вдругъ сдѣлалось мрачное и злое.

— Вотъ, говорятъ, что адвокаты даромъ деньги берутъ,—сказалъ онъ, наводя на свое лицо опять прежнюю пріятность.—Я выпросталъ одного несостоятельнаго должника изъ совершенно неправильнаго обвиненія, и теперь они ко мнѣ всѣ лѣзутъ. А каждое такое дѣло стоить огромнаго труда. Вѣдь и мы тоже, какъ какой-то писатель говорилъ, оставляемъ кусочекъ мяса въ чернильницѣ.

— Ну-съ, такъ ваше дѣло, или дѣло, которое интересуется васъ,—продолжалъ онъ:—ведено скверно, хорошихъ поводовъ къ кассациіи нѣтъ, но все-таки попытаться кассировать можно, и я вотъ написалъ слѣдующее.

Онъ взялъ листъ исписанной бумаги и, быстро проглатывая нѣкоторые неинтересныя формальныя слова и особенно внушительно произнося другія, началъ читать:

«Въ уголовный кассационный Департаментъ и т. д. и т. д. такой-то и т. д. жалоба. Рѣшеніемъ, состоявшимся и т. д. и т. д. вердикта и т. д. признана такая-то Маслова виновною въ лишеніи жизни посредствомъ отравленія кунца Смѣлькова и на основаніи 1454 ст. Уложения приговорена къ и т. д. каторжныя работы и т. д.»

Онъ остановился, очевидно, несмотря на большую привычку, все-таки съ удовольствіемъ слушая свое произведеніе.

— «Приговоръ этотъ является результатомъ столь важныхъ процессуальныхъ нарушеній и ошибокъ»,—продолжалъ онъ внушительно:—«что подлежитъ отмене. Во-первыхъ, чтеніе во время судебного слѣдствія акта изслѣдованія внутренностей Смѣлькова было прервано въ самомъ началѣ предсѣдателемъ»—разъ.

— Да вѣдь это обвинитель требовалъ чтенія,—съ удивленіемъ сказалъ Нехлюдовъ.

— Все равно, защита могла имѣть основанія требовать того же самаго.

— Но вѣдь это же совсѣмъ ни на что не нужно было.

— Все-таки, это поводъ. Далѣе: «Во-вторыхъ, защитникъ Масловой»,—продолжалъ онъ читать:—«былъ остановленъ во время рѣчи предсѣдателемъ, когда, желая охарактеризовать личность Масловой, онъ коснулся внутреннихъ причинъ ея паденія, на томъ основаніи, что слова защитника якобы не относятся прямо къ дѣлу, а между тѣмъ въ дѣлахъ уголовныхъ, какъ то было неоднократно указываемо Сенатомъ, выясненіе характера и вообще нравственнаго облика имѣетъ первенствующее значеніе, хотя бы для правильнаго рѣшенія вопроса о вѣнненіи»,—два,—сказалъ онъ, взглянувъ на Нехлюдова.

— Да вѣдь онъ очень плохо говорилъ, такъ что нельзя было ничего понять,—еще болѣе удивляясь, сказалъ Нехлюдовъ.

— Малый глупый совсѣмъ и, разумѣется, ничего не могъ сказать путнаго,—смѣясь, сказалъ Фанаринъ,—но все-таки поводъ. Ну-съ, потомъ. «Въ-третьихъ: въ заключительномъ словѣ своемъ предсѣдатель, вопреки категорическаго требованія 1 п. 801 ст. Уст. Угол. Суд., не разъяснилъ присяжнымъ засѣдателямъ, изъ какихъ юридическихъ элементовъ слагается понятіе о виновности, и не сказалъ имъ, что они имѣютъ право, признавъ доказаннымъ фактъ дачи Масловою яду Смѣлькову, не вѣннить ей это дѣяніе въ виду за отсутствіемъ у нея умысла на убійство и такимъ образомъ признать ее винов-

пою не въ уголовномъ преступленіи, а лишь въ проступкѣ,—неосторожности, послѣдствіемъ копей, неожиданнымъ для Масловой, была смерть кунца.» Это вотъ главное.

— Да мы и сами могли понять это; это наша ошибка.

— «И наконецъ, въ четвертыхъ, продолжалъ адвокатъ:—присяжными засѣдателями отвѣтъ на вопросъ суда о виновности Масловой былъ данъ въ такой формѣ, которая заключала въ себѣ явное противорѣчіе. Маслова обвинялась въ умышенномъ отравленіи Смѣльгова съ исключительно корыстною цѣлью, каковая являлась единственнымъ мотивомъ убійства, присяжные же въ отвѣтъ своемъ отвергли цѣль ограбленія и участіе Масловой въ похищеніи цѣнностей, изъ чего очевидно было, что они имѣли въ виду отвергнуть и умыселъ подсудимой на убійство и лишь по недоразумѣнію, вызванному неполнотою заключительнаго слова предсѣдателя, не выразили этого надеждающимъ образомъ въ своемъ отвѣтѣ, а потому такой отвѣтъ присяжныхъ безусловно требовалъ примѣненія 816 и 808 ст. Уст. Угол. Суд., т.-е., разъясненія присяжнымъ со стороны предсѣдателя сдѣланной ими ошибки и возвращенія къ новому совѣщанію и новому отвѣту на вопросъ о виновности подсудимой»,— прочелъ Фанаринъ.

— Такъ почему же предсѣдатель не сдѣлалъ этого?

— Я бы тоже желалъ знать почему?—смѣясь, сказалъ Фанаринъ.

— Стало-быть, Сенатъ исправить ошибку.

— Это, смотря по тому, кто тамъ въ данный моментъ будетъ засѣдать.

— Ну, такъ вотъ-съ. Дальше пишемъ: «такой вердиктъ не давалъ суду права,—продолжалъ онъ быстро:—подвергнуть Маслову уголовному наказанію, и примѣненіе къ ней 3 п. 771 ст. Уст. Уголовн. Суд. составляетъ рѣзкое и крупное нарушеніе основныхъ положеній нашего уголовного процесса. По изложеннымъ основаніямъ имѣю честь ходатайствовать и т. д., и т. д. объ отмене согласно 909, 910, 2 п. 912 и 928 ст. Уст. Угол. Суд. и т. д., и т. д. и о передачѣ дѣла сего въ другое отдѣленіе того же суда для новаго разсмотрѣнія». Такъ вотъ-съ, все что можно было сдѣлать—сдѣлано. Но буду откровененъ: вѣроятія на успѣхъ мало. Впрочемъ, все зависитъ отъ состава Департамента Сената. Если есть рука, похлопочите.

— Я кое-кого знаю.

— Да и поскорѣе, а то они все разбѣдутся и тогда три мѣсяца надо ждать... Ну, а, въ случаѣ неуспѣха, остается прошеніе на Высочайшее имя. И въ этомъ случаѣ готовъ служить въ составленіи прошенія.

— Благодарю васъ,—гонораръ, стало-быть.

— Помощникъ передать вамъ бѣловую жалобу и скажетъ.

— Еще я хотѣлъ спросить васъ: прокуроръ далъ мнѣ

пропускъ въ тюрьму къ этому лицу, въ тюрьмѣ же мнѣ сказали, что нужно еще разрѣшеніе губернатора для свиданій въ условныхъ днѣхъ и мѣста. Нужно ли это?

— Да, я думаю. Но теперь губернатора нѣтъ, править должность вице.

— Это Масленниковъ?..

— Да.

— Я знаю его,—сказалъ Нехлюдовъ и всталъ, чтобы уходить.

Въ это время въ комнату влетѣла быстрымъ шагомъ маленькая, страшно безобразная, курносая, костлявая, желтая женщина,—жена адвоката, очевидно, нисколько не унывавшая отъ своего безобразія. Она не только была необыкновенно оригинально нарядна,—что-то было на ней накручено и бархатное, и шелковое, и ярко-желтое, и зеленое,—но и жидкіе волосы ея были подвиты, и она побѣдоносно влетѣла въ пріемную, сопутствуемая длиннымъ улыбающимся человѣкомъ съ землянымъ цвѣтомъ лица, въ сюртукѣ съ шелковыми отворотами и бѣломъ галстукѣ. Это былъ писатель; его зналъ по лицу Нехлюдовъ.

— Анатолю,—проговорила она, отворяя дверь:—пойдемъ ко мнѣ. Вотъ Семенъ Ивановичъ обѣщаетъ прочесть свое стихотвореніе, а ты долженъ читать о Гаршинѣ непременно.

Нехлюдовъ хотѣлъ уйти, но жена адвоката пошептала съ мужемъ и тотчасъ же обратилась къ нему:

— Пожалуйста, князь, я васъ знаю и считаю излишнимъ представленіемъ,—посѣтите наше литературное утро. Очень будетъ интересно. Анатолю прелестно читать.

— Видите, сколько у меня разнообразныхъ дѣлъ,—сказалъ Анатолю, разводя руками, улыбаясь и указывая на жену, выражая этимъ невозможность противустоять такой обворожительной особѣ.

Съ грустнымъ и строгимъ лицомъ и съ величайшей учтивостью поблагодаривъ жену адвоката за честь приглашенія, Нехлюдовъ отказался за неимѣніемъ возможности, и вышелъ въ пріемную.

— Какой гримасникъ,—сказала про него жена адвоката, когда онъ вышелъ.

Въ пріемной помощникъ передалъ Нехлюдову готовое прошеніе и, на вопросъ о гонорарѣ, сказалъ, что Анатолий Семеновичъ назначилъ 1,000 рублей, объяснивъ при этомъ, что собственно такихъ дѣлъ Анатолий Петровичъ не беретъ, но дѣлаетъ это для него.

— Какъ же подписать прошеніе, кто долженъ?—спросилъ Нехлюдовъ.

— Можетъ сама подсудимая, а если затруднительно, то и Анатолий Петровичъ, взявъ отъ нея довѣренность.

— Нѣтъ, я съѣзжу и возьму ея подпись,—сказалъ Нехлюдовъ, радуясь случаю увидать Катюшу раньше назначеннаго дня.

(Продолженіе будетъ.)

Громъ при ясномъ небѣ.

Очеркъ д-ра А. Дитмара.

Въ природѣ существуетъ много явленій, для которыхъ еще не найдено вполнѣ точныхъ объясненій. По большей части это обуславливается сравнительною рѣдкостью этихъ явленій, слишкомъ малымъ количествомъ наблюденій, которыя могли бы послужить матеріаломъ для детальнаго разъясненія вопроса. Къ числу такихъ явленій принадлежитъ и наблюдавшійся мною впервые въ этомъ году отрывистый громъ при ясной погодѣ, по звуку поразительно похожій на отдаленную пальбу изъ пушекъ, за которую я его первоначально и принялъ.

Прошедшее лѣто въ нашей мѣстности (я живу въ Митавѣ, въ Курляндіи) было не особенно жаркое и не обильное грозами, которыя наблюдались только изрѣдка въ іюнь; послѣ же іюня, термометръ въ тѣни рѣдко подымался выше 22° по Цельсію; гигрометръ также рѣдко показывалъ больше 65 процентовъ влажности, и дождей было очень мало.

Въ послѣднихъ числахъ августа, я какъ-то прогуливался за городомъ. Было около 5 часовъ пополудни; небо было совсѣмъ ясное и только мѣстами подернуто клочками облаковъ, гонимыхъ довольно свѣжимъ бризомъ, душимъ съ WNW (западо-сѣверо-запада). Вдругъ я услышалъ совершенно явственно, что гдѣ-то вдалекѣ пальятъ изъ

пушекъ, и отдѣльные выстрѣлы непрерывно слѣдуютъ одинъ за другимъ, раздѣляемые лишь неравнобѣрными промежутками, длительною отъ нѣсколькихъ секундъ до минуты слишкомъ.

«Навѣрное сегодня морскіе маневры въ Усть-Двинскѣ» (въ Рижскомъ заливѣ, верстахъ въ 40 отъ Митавы),—подумалъ я въ первую минуту, потому что такую примѣрную стрѣльбу во время морскихъ маневровъ мнѣ и раньше уже удавалось изрѣдка слышать, когда въ воздухѣ было ясно и дулъ благопріятный вѣтеръ. Сегодня, однако, вѣтеръ дулъ не прямо съ моря, и меня поэтому особенно поразилъ долетавшій до меня звукъ пальбы, хотя я и не могъ съ достовѣрностью подмѣтить, въ какомъ собственно направленіи доносился звукъ выстрѣловъ.

Немного погодя я замѣтилъ, что на горизонтѣ съ навѣтренной стороны подымается словно стѣна изъ облаковъ, не особенно грозная, но во всякомъ случаѣ сулящая дождь; чтобы не промокнуть подъ дождемъ, я прервалъ начатую прогулку и направился въ обратный путь къ дому. Пушечная пальба продолжала между тѣмъ раздаваться, не усиливаясь сколько-нибудь замѣтно.

Только въ три четверти шестого, когда передній край дождевого облака стоялъ уже почти надо мною, и стало даже накрапывать,

предполагаемая пушечная пальба рѣзко смѣнилась отчетливыми ударами грома, и не оставалось болѣе никакого сомнѣнія, что столь невинное съ виду дождевое облако несло съ собой грозу. Минуть черезъ пятнадцать гроза уже подошла къ городу и разразилась рядомъ отвѣсно низвергавшихся на землю молній, съ короткими, рѣзкими по звуку ударами грома. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молнія надѣлала много бѣдъ.

Въ ближайшіе послѣ того дни я ревностно просматривалъ метеорологическія замѣтки (сообщенія о погодѣ), помѣщавшіяся въ мѣстныхъ газетахъ, и узналъ изъ нихъ, что гроза прошла въ глубь страны къ югу, направляясь по долинѣ Двины почти вплоть до Двинска, полоскою около 30 верстъ въ ширину. Повсюду характеръ ея былъ одинаковъ и вполне сходился съ моимъ описаніемъ; повсюду почти она сопровождалась несчастными случаями; молнія сожгла много стоявшихъ въ полѣ построекъ, особенно хлѣбныхъ амбаровъ, и даже нѣсколько людей было ею убито.

Вскорѣ послѣ того я повстрѣчался съ пріятелемъ, которому пришлось наблюдать ту же грозу въ уѣздѣ, въ 60 верстахъ отъ Митавы, въ восточно-юго-восточномъ направленіи (OSO). Гроза подошла къ той мѣстности около 8 часовъ вечера; но уже съ 6 часовъ, по его словамъ, онъ слышалъ звукъ пушечной пальбы, вполне сходной съ тою, которую я слышалъ почти двумя часами раньше въ ближайшихъ окрестностяхъ Митавы. Различавшіяся имъ звуки были настолько характерны, что онъ спросилъ меня, не производилось ли въ то время гдѣ-нибудь въ нашихъ краяхъ артиллерійскихъ маневровъ. Такимъ образомъ, на столь большое разстояніе можно было слышать этотъ похожій на выстрѣлы громъ уже въ то время, когда гроза стояла еще надъ Митавою, и слѣдовательно еще долго нельзя было подмѣтить даже намека на грозовое облако!

Какъ же могло случиться, что звукъ грома разнесся на такое громадное разстояніе и притомъ въ такой отчетливой формѣ открытистыхъ, какъ бы закругленныхъ, короткихъ ударовъ, невольно наводившихъ на мысль о пушечныхъ выстрѣлахъ?

Въ основѣ возникновенія *раскатовъ* грома лежатъ, какъ извѣстно, двѣ причины: во-первыхъ, большое протяженіе пути, проходимого молніею, не позволяющее намъ слышать въ одинъ и тотъ моментъ трескъ грома, производимого молніею въ каждой точкѣ пробѣгаемаго ею разстоянія; во-вторыхъ, отраженіе звука облаками (эхо). Если длина молніи не болѣе одной трети версты, и если притомъ молнія падаетъ совсѣмъ близко отъ насъ, то мы слышимъ только одинъ короткий, не превышающій секунды и похожій на выстрѣлъ трескъ, безъ всякаго раската.

Но, по большей части, происходятъ такъ-называемыя высокія грозы, при которыхъ молніи пробѣгаютъ лишь между рядами облаковъ, и ни одна не попадаетъ внизъ на землю; и наоборотъ наиболѣе рѣдкимъ, невидимому, случаемъ является именно тотъ, при которомъ въ умѣ зарождается ложное представленіе о производящей гдѣ-то пальбѣ изъ орудій, то-есть такой видъ грозы, при которой вовсе не бываетъ горизонтальныхъ, пробѣгающихъ между облаками молній, а однѣ только короткія вертикальныя молніи, низвергающіяся прямо въ землю. Но это послѣднее возможно, очевидно лишь въ томъ случаѣ, *когда все грозовое облако образуетъ только одну непрерывную массу или слой, которая заряжена положительнымъ (+) электричествомъ и проходитъ на небольшой высотѣ надъ землею.*

Обычныя условія возникновенія типичной грозы таковы: жаркій, безоблачный лѣтній день съ температурою воздуха, уже ранѣе полудня повисившеюся до 27° Ц, по меньшей мѣрѣ, причемъ гигрометръ показываетъ въ то же время, что влажность воздуха доходить до 75—85 процентовъ. Въ такіе дни обыкновенно уже около полудня образуется по большей части легкій токъ воздуха съ сѣвера, и къ 4 часамъ дня можно уже подмѣтить, какъ съ юга, *значить съ суши*, надвигается гроза, которая уже издали возвѣщаетъ о своемъ приближеніи долгими, растянутыми раскатами грома. Кромѣ того въ нашей мѣстности считается вѣрною примѣтою будущей грозы фактъ движенія облаковъ *въ сторону, обратную направленію вѣтра*. Эти два, приблизительно между сѣверомъ и югомъ

(S и N), проносящіяся и другъ другу противоположныя воздушныя теченія возникаютъ, какъ извѣстно, такимъ образомъ, что нагрѣвшійся надъ материкомъ воздухъ стремится къверху и тамъ наверху направляется къ болѣе холодному N (сѣверу), тогда какъ въ области, расположенной ниже, болѣе прохладный, а потому и болѣе плотный и тяжелый воздухъ устремляется съ N (сѣвера) на S (югъ), чтобы заполнить собою образовавшееся разрѣженное пространство и, такимъ образомъ, снова возстановить нарушенное равновѣсіе. Если при этомъ поднимающійся къверху жаркій воздухъ сильно насыщенъ водяными парами, то эти послѣдніе сгущаются на высотѣ, гдѣ господствуетъ ледяной холодъ, въ тѣ плотныя, словно скатанныя и скованныя холодомъ и издавна видныя облачныя массы—*cumuli*, кучевыя облака, которые, при освѣщеніи ихъ солнцемъ, имѣютъ видъ отдаленной горной цѣпи или исполоскихъ нагроможденій снѣжно-бѣлой ваты.

Но и проносящееся ниже болѣе прохладное воздушное теченіе съ сѣвера (N) должно также вызвать здѣсь сгущеніе водяныхъ паровъ, хотя и въ другой формѣ и въ болѣе слабой степени, и въ результатѣ появляются два или болѣе отдѣльныхъ слоевъ облаковъ, которые движутся на разныхъ или одинаковыхъ высотахъ въ противоположныхъ направленіяхъ и заряжены разнороднымъ электричествомъ. Если эти облачныя массы приближаются другъ къ другу, то тогда начинается безпорядочное переплетаніе ихъ между собою, и если верхній, сильнѣе охлажденный, облачный слой опустится еще ниже и ступится въ дождь или градъ, то во время его опусканія холодъ отъ него вызоветъ такое внезапное сгущеніе водяныхъ паровъ въ болѣе низкой воздушной области, что здѣсь образуется пустое пространство, въ которое и устремится съ бѣшеною силою со всѣхъ сторонъ окружающій воздухъ, производя этимъ всѣмъ знакомые могучіе порывы вѣтра, вихри или ураганы, сопровождаемые градомъ и страшнымъ ливнемъ. Тотъ же процессъ опусканія верхняго облака въ область, занимаемую облакомъ ниже расположеннымъ, вызываетъ очевидно и то чередованіе въ расположеніи заряженныхъ противоположнымъ электричествомъ группъ облаковъ, которое потребно для возникновенія упомянутыхъ выше, достигающихъ протяженія въ нѣсколько миль горизонтальныхъ молній, и отсюда становится понятнымъ, какъ эти длинныя междуоблачныя молніи могутъ все же чередоваться и съ короткими, падающими вертикально въ землю.

Совсѣмъ при иныхъ условіяхъ протекала, очевидно, та осенняя гроза, при которой намъ впервые удалось услышать заинтересовавшие насъ пушечные выстрѣлы, оказавшіяся на самомъ дѣлѣ короткими ударами отдаленнаго грома. Тутъ грозовое облако, очевидно, образовалось *надъ моремъ*, благодаря тому, что развѣсившаяся отъ испаренія на морской поверхности водяные пары ступились подъ влияніемъ холоднаго воздушнаго теченія съ западо-сѣверо-запада (WNW). То же воздушное теченіе понесло ихъ и дальше за предѣлы побережья въ глубь страны въ видѣ свизнаго, не особо широкаго и толстаго облачнаго слоя, который двигался *вмѣстѣ съ вѣтромъ* на небольшой высотѣ надъ землею и былъ, очевидно, заряженъ однимъ только положительнымъ (+) электричествомъ.

Это облако, въ силу вышеупомянутой причины, обмѣнивалось только съ землею короткими вертикальными молніями, потому что въ данномъ случаѣ не было въ наличности условій, благоприятствующихъ возникновенію горизонтальныхъ междуоблачныхъ молній.

Выводъ, который можно сдѣлать изъ всего вышесказаннаго, сводится, по видимому, къ слѣдующему. *Интересующее насъ явленіе воспріятія звуковъ, напоминающихъ пальбу изъ пушекъ, при хорошей ясной погодѣ въ мѣстѣ воспріятія этихъ звуковъ связано, очевидно, съ близостью морского побережья, и дѣйствительно, подобное явленіе все чаще наблюдается въ мѣстностяхъ, удовлетворяющихъ этому условію: въ Бельгійи, на побережьи Фунди-Бай (Заливъ Фунди) въ Новой Шотландіи, въ дельтѣ Ганга и, наконецъ, на восточномъ побережьи Балтійскаго моря. Явленіе это обусловливается грозами, несущимися при сугомъ воздухъ вмѣстѣ съ вѣтромъ съ моря въ глубь страны.*

Два ключа.

(Памяти Пушкина.)

Тамъ, въ странѣ благословенной,
Гдѣ лазурь не знаетъ тучъ,
Въ нѣдрахъ роши сокровенной
Плещетъ влагой вдохновенной
И журчитъ кастальскій ключъ.

Златокудрый богъ дѣлійскій,
Сребролукій Аполлонъ
Тамъ на лирѣ эолійской
Оживляетъ мертвый сонъ.

И поютъ лѣса нѣмые,
Рѣветъ музъ священный хоръ,—
Вьются кудри золотыя,

Льются рѣчи неземныя,
Вдохновеньемъ блещетъ взоръ.

Тщетно жалкимъ пилигримомъ
Безъ тропы туда брести:
Ключъ останется незримымъ,
Роши дивной не найти.

Тамъ далеко за горами,
Въ царствѣ русской старины,
Гдѣ таинственными снами
Дебри темныя полны,

Въ глубинѣ дубравъ безвѣстной,
Гдѣ разрывъ-трава растетъ,

Въ полутьмѣ, струей чудесной
По камнямъ ложницы тѣсной
Ключъ живой воды течетъ.

Тщетно жалкимъ пилигримомъ
Безъ тропы туда брести:
Ключъ останется незримымъ
И дубравы не найти.

Но въ минуты просвѣтлѣнья
Геній къ тайнамъ путь нашелъ
И позналъ онъ вдохновенъ,
И позналъ онъ ключъ неслѣбный,—
Онъ безсмертіе обрѣлъ.

П. Порфирьевъ.

Къ рисункамъ.

Наши читатели хорошо знакомы съ талантомъ художника Пастернака. Кто, напримѣръ, внимательно взглядывается въ его иллюстраціи къ роману г. Л. Н. Толстого: «Воскресеніе», тотъ, конечно, и самъ убѣдился въ томъ, какъ глубоко онъ проникъ въ духовную жизнь героевъ романа нашего великаго художника слова. Рука объ руку идутъ писатель и художникъ. Въ этомъ—достоинство и значеніе иллюстрацій г. Пастернака, не говоря о мастерскомъ рисункѣ и оригинальномъ исполненіи, по которому чувствуется,

звать потомъ дѣтской деревенской жизни. Никто съ такимъ знаніемъ дѣла и съ такой любовью къ нашимъ деревенскимъ ребятишкамъ не рисуетъ такихъ полныхъ жизни и поэзіи дѣтскихъ типовъ. Вспомните его задумчиваго мальчика, съ глубокимъ волненіемъ слушающаго рассказъ монаха («Будущій инокъ»); вспомните его «Устный счетъ»; наконецъ взгляните на «Пробу голосовъ»—на эти оживленныя, смысленныя и любопытныя лички русыхъ и темныхъ головокъ, и вы согласитесь, что такъ можетъ изображать ихъ

Леонъ Буржуа (Франція).

что художникъ старается передать суть, настроеніе, характеръ, образъ, смыслъ изображаемаго, а не мелочныя детали. Поэтому разсматривать его иллюстраціи не слѣдуетъ, какъ детально разработанныя гравюры, вблизи, а на некоторомъ разстояніи.

Воспроизведенная въ настоящемъ номерѣ

Графъ Вельзерсгеймъ (Австрія).

картина его «Бесѣда» такъ полна настроенія, что кажется, будто бы присутствуешь при этой бесѣдѣ двухъ пожилыхъ друзей, разговарившихъ послѣ обѣда.

На XXVII передвижной выставкѣ обращала на себя вниманіе небольшая картина молодого талантливаго художника г. Богданова-Бѣльскаго, котораго смѣло можно на-

Е. Е. Стааль (Россія).

Графъ Мюнстеръ (Германія).

Андриу Уайтъ (Соединенные Штаты).

Делегаты державъ на мирной конференціи въ Гаагѣ. Автотипія «Нивы».

Сэръ Понсефотъ (Англія).

только тотъ, кто дѣйствительно чувствуетъ поэзію этихъ обаятельныхъ сценъ и въ сердцѣ котораго живетъ любовь къ этимъ часто обездоленнымъ «молодымъ всходамъ».

«Съ душою для любви открытою широко» она пришла на свиданіе. Довѣрчиво шла она

Графъ Нигра (Италія).

къ условленному мѣсту. Ей съ трудомъ удалось вырваться изъ шумнаго общества, окружавшаго ее; среди этой толпы друзей, знакомыхъ и поклонниковъ, она чувствовала себя одиноко, и единственная дума владѣла ею въ то время, когда ей приходилось выслушивать обычные рѣчи, къ которымъ она такъ давно привыкла... эта мысль—была о немъ! Въ ихъ вчерашнемъ разговорѣ было что-то новое,

мелькнувшее и исчезнувшее, но оставившее слѣдъ въ ея душѣ. И разговоръ этотъ былъ обыкновенный, и въ словахъ этого разговора не было ничего необычайнаго, но въ тонѣ его рѣчи, въ неуловимыхъ интонаціяхъ его голоса, въ его глазахъ, въ его улыбкѣ ей мелькнуло что-то, что заставило забиться сладкой тревогой ея молодое, неопытное сердце. Она пришла. Зачѣмъ? Они назвали другъ другу мѣсто и часъ, но не назначили свиданія. Они оба имѣли привычку гулять въ этомъ паркѣ въ определенное время. Ничего не было бы предосудительнаго въ томъ, если бы они встрѣтились. И всю ночь папанунѣ она терзалась мыслью: было ли это свиданіе или она ложно поняла его слова?.. Но вотъ собака вытнула шею, что-то зашуршало по этой дорогѣ... послышались шаги. Это онъ, это онъ! Она не ошиблась. Мужской силуэтъ показался за деревьями. Нѣтъ, это... не онъ! Она ошиблась! Она отступила на шагъ. Ждать или не ждать? Сомнѣнія и обида овладѣли ея сердцемъ. Что, если она придавала значеніе тому, что было сказано безъ всякаго значенія?

Такое впечатлѣніе производить милая картинка художника г. Венига, бывшая на 7-й выставкѣ картинъ с.-петербургскаго общества художниковъ. Художникомъ взятъ моментъ, который легко можетъ разрѣшиться въ драму или въ поэму любви.

Мирная конференція и делегаты державъ.

(Съ 7 портр. на стр. 393.)

Мирная конференція въ Гаагѣ торжественно открыта и начала свои работы. Этому выдающемуся событію посвящено все «Политическое обозрѣніе» настоящаго номера.

Мы помѣщаемъ въ этомъ же номерѣ портреты делегатовъ шести главнѣйшихъ европейскихъ державъ и Соединенныхъ Штатовъ.

Предсѣдатель конференціи, нашъ посоль при англійскомъ дворѣ, д. т. с. Егоръ Егоровичъ Стааль—маститый русскій дипломатъ, работающій на этомъ поприщѣ болѣе полувѣка. Е. Е. Стааль родился въ 1824 г. и окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ въ 1843 г. На своемъ нынѣшнемъ посту Е. Е. Стааль состоитъ съ 1884 г. и имѣетъ значительныя заслуги въ дѣлѣ упроченія дружественныхъ сношеній Россіи съ Англійей. Благодаря его политической прозорливости и дипломатической опытности, Е. Е. удалось заключить знаменитое мирное соглашеніе по разграниченію нашихъ владѣній въ Афганистанѣ. На денешъ съ извѣщеніемъ о подписаніи протоколовъ, въ Бозѣ почившій императоръ Александръ III собственноручно начерталъ: «Благодарить его отъ Меня за всѣ его труды по афганскому вопросу». Въ прошломъ году Е. Е. Стааль, по поводу исполнившаго 50-лѣтія его служебной дѣятельности, удостоился милостиваго Высочайшаго рескрипта, а въ нынѣшнемъ удостоенъ высокой чести быть представителемъ Россіи на созванной ею конференціи мира.

Германскій уполномоченный графъ Мюнстеръ, много лѣтъ состоящій посломъ въ Парижѣ, уже тѣмъ самымъ доказалъ свои исключительныя дипломатическія и политическія способности. Маститый дипломатъ (род. въ 1820 г.), выступившій на политическое поприще еще во времена основанія германской имперіи, окажется несомнѣнно очень дѣятельнымъ сотрудникомъ на конференціи.

Австрійскій делегатъ, чрезвычайный посоль графъ Рудольфъ Вельзерсгеймъ—также солидныхъ лѣтъ дипломатъ (род. въ 1842 г.), довольно хорошо знакомъ съ Россіей и въ частности съ Петербургомъ, гдѣ долгое время былъ совѣтникомъ посольства.

Италія избрала своимъ делегатомъ графа Нигра, одного изъ старѣйшихъ представителей европейской дипломатіи (род. въ 1827 г.). Графъ Нигра принималъ дѣятельное участіе во всей исторіи итальянскаго королевства, начиная съ 1848 г. Графъ Нигра былъ, между прочимъ, итальянскимъ посломъ въ Петербургѣ. Въ настоящее время онъ состоитъ уже въ теченіе 14 лѣтъ посломъ въ Вѣнѣ.

Представитель Англій,—сэръ Понсефотъ, уже болѣе 6 лѣтъ занимающій посольскій постъ въ Вашингтонѣ, — одинъ изъ выдающихся въ Англій политическихъ дѣятелей. Въ настоящее время ему 71 годъ отъ роду, и онъ стоялъ долгое время во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. На своемъ посольскомъ посту онъ выдѣлился именно умѣньемъ умиротворять сталкивающіеся интересы Англій и Америки.

Французскій делегатъ, Леонъ Буржуа является однимъ изъ выдающихся членовъ конференціи. Его ораторскій талантъ, большой государственный опытъ, выработанное парламентской дѣятельностью умѣніе руководить преніями и независимость взглядовъ окажутъ несомнѣнно влияние на ходъ работъ конференціи при обсужденіи труднѣйшихъ вопросовъ.

Соединенные Штаты, ставшіе отнынѣ одной изъ великихъ военныхъ державъ, прислали на конгрессъ одного изъ крупнѣйшихъ своихъ дипломатовъ и политическихъ дѣятелей, сэра Уайта, состоящаго нынѣ посломъ въ Берлинѣ. Сэръ Уайтъ (род. въ 1832 г.)—извѣстный американскій историкъ, долгіе годы былъ профессоромъ и президентомъ Корнелійскаго университета. Въ 1892—94 гг. онъ состоялъ посломъ при нашемъ дворѣ.

Международная выставка садоводства въ Таврическомъ дворцѣ. (Рисунки на стр. 395.)

5-го мая, въ присутствіи Его Величества Государя Императора, Ихъ Императорскихъ Высочествъ, министровъ, иностранныхъ по-

словъ и посланниковъ, состоялось торжественное открытіе устроенной въ Таврическомъ дворцѣ международной выставки садоводства. Почетнымъ президентомъ выставки состояла Ея Императорское Высочество великая княгиня Елисавета Осодоровна, въ качествѣ почетнаго президента Императорскаго русскаго общества садоводства.

Выставка эта, совершенно небывалая у насъ по своимъ грандіознымъ размѣрамъ, представляла замѣчательную картину растительнаго царства всѣхъ странъ. Помимо русскихъ экспонентовъ изъ разныхъ губерній, въ выставкѣ приняли участіе почти всѣ европейскія государства, садоводы которыхъ прислали большія коллекціи прекрасныхъ экземпляровъ всевозможныхъ растений. Общее убранство выставки и планировка доставленныхъ растений отличались художественнымъ вкусомъ. Внутреннія залы Таврическаго дворца превращены были всѣ сплошь въ роскошныя оранжереи. Посрединѣ круглаго зала разбитъ былъ цвѣтникъ изъ роскошныхъ азалій (дрезденскихъ). По стѣнамъ тянулись красивымъ бордюромъ громадныя красныя и бѣлыя камелии въ цвѣтѣ изъ таврическихъ оранжерей; ихъ опоясывала группа хвойныхъ, среди которыхъ гордо высились въ разныхъ мѣстахъ громадныя пальмы, взращенныя не только за границей, въ южныхъ странахъ, но и у насъ, въ Петербургѣ, трудами садоводовъ-любителей. Во внутреннемъ большомъ залѣ раскинуто было нѣсколько цвѣтниковъ, густо покрытыхъ разнообразными растениями въ цвѣтѣ. Правая сторона занята была цвѣтущими и декоративными растениями, доставленными изъ Франціи.

Передъ Царскою ложкою установлена была громадная группа древовидныхъ рододендроновъ, замѣчательныхъ по разнообразію цвѣтовъ. Фонтанъ окруженъ былъ гортензіями, художественно расположенными по національнымъ цвѣтамъ (рис. на стр. 395). Царская ложа открывала чудную картину въ смежную съ заломъ оранжерею. Тамъ вдоль внутренней стѣны раскинуто была декорация Ливадійскаго дворца, исполненная декораторомъ Ламбинимъ настолько искусно, что давала полную иллюзію Ливадіи и ея чарующихъ красотъ природы (рис. на стр. 395). Особенно видное мѣсто на выставкѣ принадлежало французскимъ садоводамъ. Имъ представлены были, между прочимъ, въ четырехъ отдѣльныхъ комнатахъ разныя принадлежности садоводства, плоды и много растений для клумбъ, штамбовыя растенія въ цвѣтѣ, большая коллекція климатисовъ, коллекція всевозможныхъ видовъ гвоздики и піоновъ и, наконецъ, громадная группа орхидей въ цвѣтѣ. Последняя группа являлась однимъ изъ самыхъ видныхъ украшеній выставки, наравнѣ съ прекрасными коллекціями группъ розъ петербургскихъ садоводовъ и кавказскими гіацинтами, конкурировавшими съ голландскими.

Почти половина Таврическаго сада занята была разнообразными растениями, среди которыхъ особое вниманіе обращали на себя экземпляры альпійскаго каменистаго участка. Изъ Англій доставлены были выдающіяся коллекціи насѣкомоядныхъ и кувшничатыхъ.

Въ техническомъ отдѣлѣ выставки сосредоточено было много садоводныхъ принадлежностей, вина изъ яблокъ, медовыя напитки, и проч. Тамъ же имѣлась большая коллекція рѣзанныхъ цвѣтовъ съ художественно выполненными изъ нихъ корзинами и фигурами.

Въ общемъ, выставка, по своимъ размѣрамъ, количеству и разнообразію представленныхъ на нее экспонатовъ, превзошла всѣ предыдущія выставки садоводства и дала возможность посетителямъ ознакомиться съ самыми рѣдкими растениями всѣхъ странъ. На выставку прибыло болѣе 200 иностранныхъ делегатовъ и приглашенныхъ экспертовъ. Выставка пользовалась громаднымъ успѣхомъ въ публичнѣ, и за десять дней, въ теченіе которыхъ она была открыта, на ней перебивало нѣсколько десятковъ тысячъ человекъ.

Спускъ новаго броненосца „Громобой“.

(Рис. на стр. 396.)

8-го мая, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, Государя Императора и Государыни Императрицы Маріи Осодоровны, состоялся спускъ на воду съ Балтійскаго судостроительнаго завода новаго крейсера 1-го ранга «Громобой» и транспорта «Енисей».

Транспортъ «Енисей» того же типа, что и транспортъ «Амуръ», спущенный въ прошломъ году. Крейсеръ «Громобой» является однимъ изъ гигантовъ нашего броненоснаго флота и по своимъ колоссальнымъ размѣрамъ подходит къ знаменитому нашему крейсеру «Россія». Длина крейсера — 473 ф., а если прибавить еще таранъ, то 480 ф. 6 д.; ширина вмѣстѣ съ обшивкою—68 ф. 6 д.; осадка въ водѣ — 26 ф., вѣсъ — 12,359 тоннъ. Машины его въ 14,500 силъ развиваютъ скорость хода въ 19 съ лишнимъ узловъ съ запасомъ угля въ 2,500 тоннъ. Вооруженіемъ своимъ «Громобой» превзойдетъ даже «Россію»; на немъ будетъ болѣе многочисленная скорострѣльная малокалиберная артиллерія. Затѣмъ обычные на броненосцахъ паровыя двигатели для палубныхъ механизмовъ будутъ замѣнены 77-ю электро-моторами, а надводные минные аппараты замѣнены подводными. Всѣ эти нововведенія, являющіяся результатомъ послѣднихъ успѣховъ техники, измѣнили внутреннее строеніе «Громобоя», внѣшній же видъ его такой же, какъ и «Россія». Новый крейсеръ строился всего 23½ мѣсяца; главный его строитель—корабельный инженеръ Аверинъ. Отмѣтимъ, что корпусъ крейсера, механизмъ и всѣ его части проектированы и исполнены здѣсь, на Балтійскомъ заводѣ.

Видь изъ Императорскаго павильона на декорацию „Ливадійскаго дворца“.

Видь на Императорскій павильонъ.

Международная выставка садоводства въ Таврическомъ дворцѣ, въ С.-Петербургѣ.

По фотогр. ген. А. А. Насвѣтевича автотипии «Нивы».

Политическое обозрѣніе.

Вниманіе всѣхъ политическихъ кружковъ и печати приковано къ историческому событію въ Гаагѣ. Голландскій министръ иностранныхъ дѣлъ де-Борфоръ открылъ «конференцію мира» блестящею рѣчью, привѣтствуя отъ имени королевы делегатовъ державъ и выражая чувства глубокаго уваженія и живѣйшей благодарности Императору Всероссийскому, избравшему мѣстомъ конференціи Гаагу и тѣмъ оказавшему Голландіи великую честь. «Императору угодно было, — продолжать ораторъ: — благороднымъ починкомъ своимъ, восторженно привѣтствуемымъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, осуществить желаніе своего августѣйшаго предка, императора Александра I, объ установленіи братства всѣхъ государей и всѣхъ народовъ Европы, живущихъ въ согласіи и по-братски помогающихъ другъ другу. Вдохновленный этимъ возвышеннымъ преданіемъ, Императоръ Всероссийскій предлагаетъ всѣмъ собравшимся на конференцію изыскать средства для установленія предѣла вооруженій съ цѣлью предупрежденія угрожающихъ всему міру бѣдствій. День открытія конференціи, совпадающій съ национальнымъ праздникомъ Россіи, безусловно будетъ знаменательнѣйшимъ

Императора». Отъ графа Муравьева полученъ отвѣтъ на телеграмму предсѣдателя конференціи: Государь Императоръ, «тронутой телеграммой, изволивъ выразить искреннѣйшую благодарность делегатамъ и сердечнѣйшія пожеланія успѣха трудамъ конференціи.

Первое засѣданіе, на которомъ допущены были представители печати, продолжалось меньше часа.

Во второмъ засѣданіи, 8-го мая, принято было предложеніе предсѣдателя объ образованіи трехъ комиссій для подробной разработки главныхъ вопросовъ конференціи: 1) о сокращеніи вооруженій, 2) о военныхъ законахъ и 3) о третейскомъ судѣ. Затѣмъ постановлено было не допускать представителей печати въ засѣданіяхъ, сообщенія же о работахъ конференціи передавать печати черезъ бюро конференціи.

Изагая вопросы, подлежащіе обсужденію конференціи, г. Стааль главное значеніе придавъ вопросу о посредничествѣ и третейскомъ судѣ, затѣмъ второе мѣсто отвѣтъ вопросу о военныхъ законахъ, о необходимости расширить существующія соглашенія державъ относительно болѣе гуманныхъ способовъ веденія войны, и лишь третье мѣсто представилъ вопросу объ ограниченіи вооруженій.

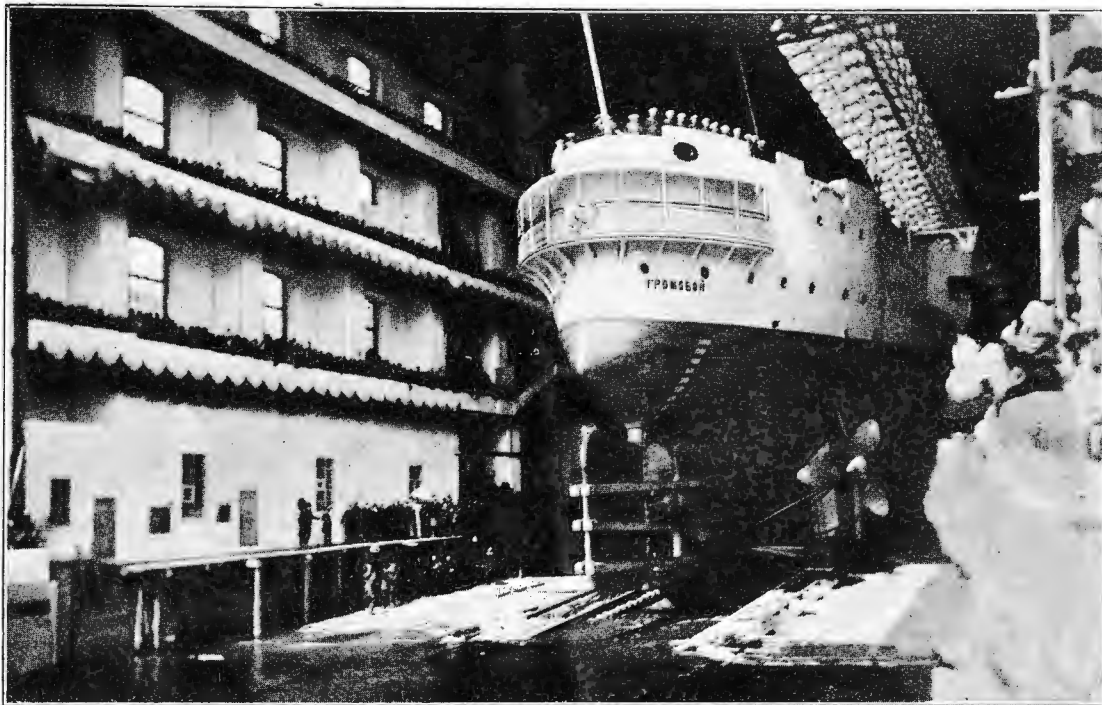
По этой программѣ и сформированы комиссіи, образованы подкомиссіи и опредѣленъ порядокъ сотрудничества каждаго изъ делегатовъ. Такимъ образомъ въ тиши «Лѣсного замка» важная работа въ полномъ ходу.

Въ Высбаденѣ, 6-го мая, за обѣдомъ императоръ Вильгельмъ II сказалъ за здравную рѣчь, въ которой къ «ежегодной задушевной здравницѣ» присоединилъ сердечнѣйшія пожеланія успѣха конференціи; обращаясь затѣмъ къ русскому послу, вѣнценосный ораторъ сказалъ, что его пожеланія направлены къ тому, чтобы двумъ опытнымъ государственнымъ дѣятелямъ—русскому и германскому делегатамъ на конференціи удалось, на почвѣ исконной, испытанной на дѣлѣ традиціи обоихъ Императорскихъ домовъ и обоихъ народовъ, дѣйствовать, согласно даннымъ сообщѣ приказаніямъ обоихъ Императоровъ, — такъ, чтобы Императоръ Всероссийскій остался доволенъ конференціей. Императоръ Вильгельмъ закончилъ свою рѣчь словами: «Да здравствуетъ Его Величество! Ура!»

Такое авторитетное напутствіе конференціи усугубляетъ надежду, что труды на пользу общаго мира приведутъ къ благимъ послѣдствіямъ.

Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

Съ 7-го по 14-е мая поступило пожертвованій: отъ Анны Тихомировой (СПБ.)—5 р., отъ Ш. (СПБ.)—5 р., Нила (СПБ.)—15 к., Лукичевой (СПБ.)—1 р., Ануфриевой (СПБ.)—50 к., гр. Е. С. Т. (СПБ.)—50 р., Терентьева (СПБ.)—3 р., Глацкой (СПБ.)—2 р., учащихся въ калмыцкой женской школѣ (СПБ.)—10 р., отъ селъ Моркиныхъ Горь, тверской губ., о. И. Е. Митропольскаго, собранные въ дни Св. Пасхи въ приходѣ этого села—15 р., неизвѣстнаго (Киѣвъ)—4 р., И. Х. (СПБ. Лѣсной корпустъ)—3 р., отъ мастеровыхъ и рабочихъ Ржевскаго депо Николаевской ж. дор. (Ржевъ)—12 р., Н. С. Пеннишки и арендаторовъ им. Пиктовичи (ст. Провенички)—20 р., Ольги (Москва)—5 р., С. А. Мадлиана (Алексинъ)—4 р., 40 коп., Р. Коптовскаго (Перновъ)—3 руб., Лобзина (Москва)—20 к., Львова (Москва)—20 к., Дзвизкаго (Москва)—20 к., Ф. Тебустъ (Москва)—20 к., Панова (Москва)—20 к., К. Ф. (Москва)—30 к., Ракинца (Москва)—25 к., неизвѣстнаго (Варшава)—1 р., подписчика № 150948 (Дятково)—1 р., Архангельскихъ (Воробьевка)—1 р., Глѣбова (Либавъ)—1 р., Шемаловскаго (Череповецъ)—1 р., Анны Сапоровской (Везенбергъ)—1 р., А. С. Маршинскаго (Юрьевъ)—72 к., Н. Н. (г. Бѣлый)—11 руб., служащихъ городской станціи Ряз.-Ур. ж. д. (Москва)—8 р., А. В. Домогацкаго (Калуга)—2 р., А. И. Бонковской (Людиминтъ)—2 руб., врача А. Акулова—1 руб., В. Н. Вахрушева (Вогородицкъ)—35 к., В. А. Извъкова (Жиздра)—32 к., С. И. Владимірова (ст. Клястины)—25 к., Е. Спиридонова (г. Холмъ)—21 к., неизвѣстнаго (Жмеринка)—5 р., Т. Зарѣцкой (Жмеринка)—1 р., М. Яхонтовой (Мозырь)—5 р., И. Палевица (Демьянскъ)—2 р., Н. Домашнева (г. Тульчинъ)—1 р., 10 к., Ю. Парамоновой (г. Устюжна)—1 р., Н. Н. (ст. Голицыни)—84 к., подписчика № 112024 (Ильичи)—70 к., отъ В. Цротцера (Варшава)—35 к., Х. З. Любошица (Горки)—25 к., Тины (г. Сѣдлецъ)—20 к., С. А. Н. К. Т. (Владикавказъ)—7 р., Рождественскаго (Москва)—50 к., Фельдманъ (Москва)—50 к., Ефремовой (Москва)—40 к., М. И. Соколова (Козловъ)—2 р., Шевченко (Кинешевъ)—1 р., подписчика № 103365 (Дубенская)—91 коп., Евы Серманъ (Лодзь)—50 к., Е. Т. Любошицой (Свенцаны)—50 к., М. Порело (Кантемировка)—50 к., неизвѣстнаго (Н.-Новгородъ)—49 к., неизвѣстнаго (Каменецъ-Подольскъ)—15 р., неизвѣстнаго (Суличи)—5 р., 14 к., П. и Н. Костылевыхъ (Елецъ)—5 руб., шт.-кап. Короваева (Таруса)—2 р., Петра Глазунова (Калуга)—1 р., Феодосія Глазунова (Калуга)—1 р., Валд. Дели и Володи Глазуновыхъ (Калуга)—1 р., Е. П. Ивановской (Архангельскъ)—1 р. Итого 241 р. 33 к., а съ прежде поступившими всего 1990 р. 16 к.

Спускъ крейсера „Громобой“ съ эллинга Балтійскаго судостроительнаго завода на Невѣ.
По фот. ген. А. А. Насвѣтвича автотипія «Нивы».

днемъ въ исторіи истекающаго столѣтія. Раздѣлиа чувства Императора Всероссийскаго къ великому дѣлу мира, королева Нидерландовъ предоставила въ распоряженіе делегатовъ лучшей свой замкъ, украшенный художественными произведеніями, наиболѣе соответствующими задачамъ конференціи. Послѣ этой рѣчи, вызвавшей всеобщее одобреніе членовъ конференціи, г. де-Борфоръ предложилъ телеграммой выразить Государю Императору почтительнѣйшія поздравленія конференціи и глубокую благодарность ей за великодушный починъ въ великомъ благородномъ дѣлѣ, содѣйствовать осуществленію котораго делегаты державъ искреннѣйше желаютъ. Затѣмъ г. де-Борфоръ предложилъ избрать предсѣдателемъ конференціи русскаго посла г. Стаалья. Всѣ эти предложенія были приняты единогласно при оживленныхъ знакахъ одобренія.

Занявъ предсѣдательское мѣсто, г. Стааль произнесъ прочувствованную рѣчь, въ которой выразилъ конференціи прежде всего благодарность за ея горячія чувства къ Государю Императору, затѣмъ ораторъ указалъ на счастливое предназначеніе, что делегаты съѣхались подъ покровительствомъ юной королевы въ спокойную среду, въ лоно народа, являющагося выдающимся дѣятелемъ во всемирной цивилизаціи, — въ страну, которая служитъ примѣромъ того, что можетъ сдѣлать для блага народовъ доблесть, патриотизмъ и неуклонная энергія. На исторической почвѣ Нидерландовъ обсуждались величайшія задачи политической жизни государствъ, здѣсь колыбель науки междунагоднаго права.

По предложенію предсѣдателя послана была благодарственная телеграмма королевѣ Нидерландовъ за радушно и теплое гостепримство и пристроено было къ сформированію бюро конференціи, въ составъ котораго вошли: г. де-Борфоръ—почетнымъ президентомъ, г. Стааль—президентомъ и первый делегатъ Голландіи—вице-президентомъ.

Нидерландская королева телеграммой на имя г. Стаалья благодарила конференцію за выраженныя чувства, сообщивъ при этомъ, что «самымъ искреннимъ образомъ желаетъ, чтобы съ Божіею помощью конференція своими трудами могла осуществить великодушную мысль Государя

**ПРИЯТНЫЕ ДУХИ
ВЕРА-АНОНА
РОСКОШНЫЕ НЪЖНЫЕ**

**ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЕРА-АНОНА
ПРИЯТНОЕ,
нѣжное бархатистое**

Т-ва ГИГИЕНА
◆ ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ ◆
Гл. склад: С.-Петербург, Коломенская, 12.

Разрѣш. Киев. Учебн. окр. курсы
ДВ. ИТ. БУХГАЛТЕРИИ
скоро и основательно выуч. всякаго посред-
перен., вполнѣ замян. удобное препода. Услов.
выс. безпл. А. П. Бобырь, Киевъ, Рейтарск., 23.

СПРАВОЧНАЯ КОНТОРА, МИТАВА, КУРЛЯНД.
рекомед. губернатор., боннѣ, экономокъ,
учителей, упр.авляющихъ и т. д.

ГРОМАДНОЕ
новое удешевл. цѣны велосипедовъ знаменитой
Америк. Мануф. „Н° МОНАРХЪ“
№ 64—115 р. (1898. 150 р. № 56—130 р. новостъ
№ 66—150 р. (1898. 180 р. № 67—165 р. новостъ
Всѣхъ одного лучшего качества и одного
вѣса, съ пневмат. „Денлопъ“. Упаковка безпл.
нѣмбѣе. Моторные самокаты настоящие
Де Дювъ и Бутонъ (изобрѣтателя). Цѣны
рѣшительныя. Москва.
В. Лубянка № 18. **К. НАТАЛИСЪ.**
Кузнечій мостъ № 13
Ильинка, Среднїе ряды. Тверская рядомъ съ
Филипповымъ. Сущ. съ 1872 года.

НАВОНДЕНИЕ. Ром. изъ современн. жизни
Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
Требованїа адресовать къ конторѣ изданїи
А. Ф. Маркса: СПБ., Мал. Морская, № 22.

**Дешевыя
ТУМАННЫЯ КАРТИНЫ**
для волшебныхъ фонарей
(одобр. Пост. Комм. по техн. образов.
при Импер. Русск. Техн. Общ.).
Поступили въ продажу картины въ
краскахъ къ произведенїямъ Пушкина,
серїями по 25 коп. штука: «Кавказскїи
пастухи» 7 карт., «Полтава» 9 карт.,
«Золотая рыбка» 8 карт., «Русланъ и
Людмила» 12 карт., «Сказка окупцѣ
Остолопѣ» 7 карт., съ брошюрами Ком-
иссїи народныхъ чтенїи. **ЕВГ. ТИЛЕ**
преемн., СПБ., Благовѣщ. пл., № 5.

По новѣйшей французской методѣ
„ВОРТА“ 10—10
обучаю кройкѣ и шитью дамскихъ, дѣтскихъ
нарядовъ, верха платья, бѣлья и корсетовъ
въ школѣ и заочно посредствомъ лекцій.
Плата впередъ не взимается. По окончанїи
установленнаго свидѣтельства. Условїя высыл.
безплатно. Киевъ, Б. Васильковская д. № 39.
Преподавательница Е. Д. АШМАРИНА.

**ПРЕВОСХОДНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ
СОХРАНЕНІЯ ДЕРЕВЪ**
отъ ГНИЕНІЯ
КАРБОЛИКЪ
АНАТОЛЬСКИЙ СОСТАВЪ
САМОЕ ХИМИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО
ПРОТИВЪ ГНИЕНІЯ
БРАТРА ЗИЛЕНБАХЪ
СПЕТЕРБУРГЪ, 4 РЪТЪ С. А. № 18
Прсыя Курантъ высылается безплатно.

Изданїе Т-ва „НАРОДНАЯ ПОЛЬЗА“
С.-Петербургъ, Невскїй, 148.
Редакція журнала „Спутникъ Здоровья“
прислужива къ изданїю брошюръ о рус-
скихъ и иностранныхъ КУРОРТАХЪ
подъ общей редакціей
профессора Ст. И. Зальсскаго.
Каждая брошюра составлена по сльдую-
щей программѣ: I. Историческїй очеркъ
и географическое положенїе. — II. Свой-
ства воды и нхъ вліяніе на организмъ. —
III. Курортный режимъ. — IV. Развлече-
нїя. — V. Окрестности. — VI. Условїя мѣст-
ной жизни. — VII. Проѣздъ отъ русскихъ
границъ. Ц. № 12344 3—3
Брошюры снабжены иллюстраціями.
КАРЛСВАДЪ. Цѣна 60 к. съ пер.
ФРАНЦЕНСВАДЪ. Ц. 60 к. съ пер.
МАРИЕНВАДЪ. Цѣна 60 к. съ пер.
Съ требованїями обращаться въ
контору журнала „Спутникъ Здо-
ровья“, С.-Петербургъ, Невскїй, 148.

НОВОСТЫ!
ДЛЯ БЪЛЫЗЫ
ЛИЦА
отъ ЗАГАРА МЫЛО ЖЕРМЕНЬ
Имѣющимъ веснушки, угри и вообще не чистое
и блѣлое лицо слѣдуетъ освѣжннши лицо чистой
водой, умывать съ этимъ мыломъ утромъ и ве-
черомъ, а лѣтомъ при влажноти лица, повто-
рять нѣсколько разъ. Подроб. наставленїя при
кажд. кускѣ. Цѣна на складѣ: Москва, Рожде-
ственка, № 2 П. Виноградова, 1/2 д., 1 р. 50 к.,
перес. мал. плат., менѣе неуплачивается, а также
имѣется въездъ въ лучш. магазинъхъ. Требовать
на каждомъ кускѣ № свид. 3131.

ПАВЕЛЬ БУРЕ В. № 12204
6—4
поставннщъ Двора Его Величества С.-Петербургъ, Невскїй пр., д. № 23.
Москва, по В. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнечкаго моста.
◆ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики ◆
съ полнымъ ручательствомъ за прочностъ механизма и вѣрностъ хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безплатно.

НОВѢЙШІЯ АМЕРИКАН. СКОРО-ПИШУЩІЯ МАШИНЫ
„ЮСТЪ“
Безусловно усовершенствованнѣйшія изъ
всѣхъ существующихъ системъ.
Каталоги высылаются безплатно.
Торгов. домъ А. М. ГУСЕВЪ и К°.
С.-Петербургъ, Большая Морская, 30.
Импортъ различныхъ машинъ, орудїи и аппаратовъ. Полное оборудо-
ванїе фабрикъ, заводовъ и мастерскихъ, а также электрическ. станцій.

ТОЛЬКО РАЗЪ ВЪ ЖИЗНИ БЫВАЕТЪ ПОДОБНЫЙ СЛУЧАЙ.
БОЛЬШАЯ РАСПРОДАЖА.
Однѣ изъ лучшихъ американскихъ заводовъ выдѣли изъ бл.аго металла „Британнъ“ (British Silver),
которыи по виду и качеству не уступаютъ настоящему серебру, выкудивъ бл.аго сыродутельную
распорядку всѣхъ сл.овъ товаровъ.
Выведенїе изъаходящее въ Вѣнѣ серовѣснанаго склада этого завода поручена намъ. Поэтому желаннѣе
получить отъ насъ за извѣстную цѣну 14 рублемъ, въ которую входитъ уже имѣю расположенїя въ
Россїи оубажа, порозовые рисунки и упаковка, выисывающїе комъ:
6 штукъ амер. патент. (British Silver) столовыхъ ножей брат. серебра съ насгощ. англицк. вѣлками.
1 ложка
10 ложка съ вѣлкой
12 большая розовая ложка
2 вѣлка
3 подставка для ножей и вѣлокъ
2 ящикъ
6 фруктовъ, выдѣл. бровированной стали съ фарфоровымъ черепками (Victorinox).
1 вѣзель
2 шпатель. патент.
1 сѣчно-ножа для чая
1 сѣчно-ножа для сахара
1 Спертали скорозарка „Идолъ“, эта новозобрѣтенная машинка варить необыкновенно скорыи
образомъ, позволяя размѣнительнаго количества спирта.
Всего 54 штуки стоятъ 14 рублемъ.
Желаннѣе всего познакомиться рѣзкимъ случаемъ просто послѣднѣи свои заказы, ибо продажа будетъ протѣ-
водится только такъ какъ будетъ выисывающїе комъ.
Съ требованїями можно обращаться за русскою язикъ.
Всѣ выисывающїе 54 штуки стоятъ съ упаковкою и уже уплатенною имѣю посланїю и пересылкою только 14 рупъ
былнми засылается по получении денегъ или чекотвѣтннми платонкомъ.
Псыяа прсыяа адресовать комъ:
Rix Exporthaus, Wien, II Praterstrasse, 16/a.

КУПАНЬЕ ГАЛЛЬ. Верхняя Австрія.
Самая крѣпкая иодстая соль на континентѣ, противъ золотухи и въсѣхъ общнхъ и спе-
ціальннхъ болѣзней, при которыхъ иодъ служитъ важнымъ лѣчебнымъ средствомъ. Пре-
восходннй лѣчебныи приспособленїа (купанн) и минеральныи воды, водоупрѣненїе,
вдыханїе, массажъ, электрнч. ваннн). Весьма благопрїятнн климатическїи условїи.
Жельзнодоронная станція. Путь черезъ Линцъ на Дунай, черезъ Штейеръ или черезъ
Вельс. СЕЗОНЪ съ 15-го мая по 30-е сентября. Ваннми можно пользоваться также
съ 1 до 15-го мая. Подробннн программы на разныхъ языкахъ высылается безплатно
К. № 12267 4—3
Лѣчебное управленїе купаннн ГАЛЛЬ.

ТОЛЬКО 4 Р. 90 к.; 2 за 9 р. 55 к.;
3 за 13 р. 90 к.
ПРЕЛЕСТНОЕ ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО 56-ї ПРобы
съ искусств. ПРЕВОСХОДНЫМЪ БРИЛЛАНТОМЪ
БЕЗЪ ФОЛГИ ИЛИ ПОДКЛАДКИ, такъ что
трудно
узнать отъ настоящаго брилланта. Цѣны съ пересылкою въ
Европ. Россїи **БАЗАРЪ МАРКЪ** С.-Петербургъ,
Невскїй, № 20—31.
налож. плат.

ЗНАМЕНИТЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
„ЭНФИЛЬДЪ“
„Ройаль“ 99 г. цѣна 170 руб.
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
И. Г. АЛЕКСѢЕВЪ и К°.
Москва, Рождественка, д. Третьяковыхъхъ.
Прейсъ-куранты по требованїю. П. № 12081 8—7

У книгопродавца-издателя **А. Я. ПАНАФДИНА**
Москва, Покровка, Ляднн пер., соб. домъ № 11—13
ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІА А. С. ПУШКИНА
въ одномъ томѣ подъ редакціей и съ биограрфїей П. В. Смирновскаго, съ портр. автора,
факсимиле, видѣмъ памятникъ и рисунками М. Михайлова; напечатанное въ 2 столбца,
1838 страницъ на хорошей бумагѣ, цѣна 1 р. 50 к. съ перес. Земскннхъ управламъ и
лицамъ, выисывающнхъ не менѣе 25 экземпляровъ, уступается по 1 руб., пересылка
за счетъ выисывающнхъ. Коленкороннй тнпелннй перепечатъ 50 коп.

„ADLER“ Первоклассные
ВЕЛОСИПЕДЫ
всхнхя | наживомъхххххх
отличїя | распространенїе
Фабрнна велосипедовъ „Adler“ бывш. Генр. Клейеръ въ Франкфуртъ н/М.
Складъ въ Варшавѣ у П. Козловскаго, Бѣлянская, 6. Представнтели во многихъ боль-
шнхъ городахъ. Гдѣ нѣтъ представнтели, тамъ ищутъ дѣятельннхъ агентовъ.

„ЭЙНЕМЪ“ ВЪ МОСКВѢ.
СОВСТВ. ДАРОВЪ ФАБРИКА ВЪ СИМФЕРОПОЛѢ
(ВЪ КРЫМУ.)
ПЮРЕТОМАТЬ.
ГЛАЗИРОВАННЫЕ ФРУКТЫ
КОМПОТЬ.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЮ
EAU DE LYS DE LOHSE
Бѣлая и розовая вода для бѣлокрурыхъ, желтая вода для брннетонъхъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILLENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Прндворннй парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерннхъ магазинъхъ и у всѣхъ
дрогистовъ Россїи. № 5121 (133)

ТОВАРИЩЕСТВО
„ПРОВОДНИКЪ“.
 Москва. * Рига. * СПбурзь.

Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.
 ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
 ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДЪБЛОКЪ!

* Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. *

Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.

Я. БЕККЕРЪ

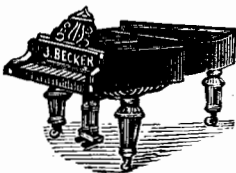
С.-Петербургъ.

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА:

Его Величества Императора Всероссийскаго
 Его Величества Императора Австрийскаго
 Его Величества Короля Шведскаго и Норвежскаго
 Его Величества Короля Датскаго.

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ:

1893 г. ЧИКАГО—дипломъ и медаль.
 1894 г. АНТВЕРПЕНЬ — „Grand-Prix“.
 1896 г. НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ — Государственный гербъ.
 1897 г. СТОНГОЛЬМЪ—золотая медаль и званіе Поставщика Его Величества Короля Швеція и Норвегіи. В. № 12196 5-5

Рояли отъ 600 руб.
 Піанино отъ 450 руб.

LAIT de NYMPHEA

косметическое средство для кожи

МОЛОКО НИМФЕЯ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

СОЛД-СРЕМЪ.

Цѣна 75 коп.

А-ЛЯ-РЕНОМЪ.

Невскій пр., № 3.

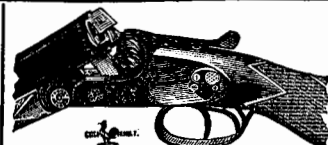
Ц. № 12372 С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Международный языкъ
ЭСПЕРАНТО.

Подробный курсъ (учебникъ, книга упражненій, полные словари, книги для чтенія, адреса эсперантистовъ) высылается за три рубля (или съ наложеннымъ платежомъ за 3 р. 20 коп.). Адресовать: д-ру Л. М. Заменгофу въ Варшаву. № 12310 10-5

„Непокупное“. Повѣсть П. Н. Погодина. рис. Е. П. Самокинъ-Судковской. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес.—2 р. 80 к.; въ художественномъ переплетѣ — 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ конг. А. Ф. Маркса, СПб. Мал. Морская, № 22.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ

Оружейнаго магазина

И. И. ЧИЖОВА.

С.-Петербургъ, Литейный пр., 51.

По требованію высыл. безплатно.

БЕЗПЛАТНО

высылаю условия и пробныя лекціи заочнаго обученія кройкѣ и шитью дамскихъ и дѣтскихъ нарядовъ. В. В. Бенедиктовъ, Москва, Тихвинская ул., д. Александровой, кв. № 2.

Пейте Цейлонскій чай!

Пейте Цейлонскій чай!!

Пейте Цейлонскій чай!!!

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
 ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.
 ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготвленія.
 ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучший чай по вкусу и аромату.

Ш. № 11641 30 - 29

Годичное потребленіе Цейлонскаго чая въ Россіи
 болѣе 10.000,000 фунтовъ 10.000,000.

1000 велосипедовъ на складѣ
**РАЗНООБРАЗѢЙШІЙ
 ВЫБОРЪ!**

ТРЕБУЙТЕ
КАТАЛОГЪ!

ТОВАРИЩЕСТВО
М. Блок
 МОСКВА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Кіевъ, Одесса, Николаевъ,
 Екатеринбургъ, Варшава, Ростовъ н/Д.

**НОВОСТЬ
 МАГИЧЕСКОЕ**

ОГНИВО!
 ЗАМѢНЯЕТЪ СПИЧКИ И КАРМАННЫЙ ФОНАРЬ.

Изящно! Практично! Безопасно! Дешево!
 Служить карманной свѣчницей, давая яркій свѣтъ по цѣлымъ часамъ. Сдѣлано изъ никкеля. Только 1 1/2 вершинны—удобно носить въ карманѣ.

Наложен. платежомъ съ пересылкой въ Европ. Россіи: № 12394 5-1
 Огниво съ 500 зарядами 1 р. 80 к.
 „ 2000 „ 2 р. 70 к.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ-Невскій просп., № 20-31.

Въ КРЫМУ на берегу моря продаются участки подъ дачи, мѣр. отъ 200 кв. саж. въ 3-хъ вер. отъ Севастополя, рядкомъ съ Херсонскимъ монастыремъ. Обращаться: Контора вѣднй Н. Н. Тура. Севастополь.

Тысячи благодарственныхъ отзывовъ отъ самыхъ интеллигентныхъ погребительницъ нашего изобрѣтенія дозволяютъ намъ рекомендовать всѣмъ дамамъ **ПАТЕНТОВАННЫЙ ШИНДЛЕРА БЮСТГАЛЬТЕРЪ** (Антикорсетъ). Изобрѣтеніе это, замѣняющее корсетъ и признанное во всѣхъ государствахъ, даетъ полное свободное движеніе, вслѣдствіе чего его могутъ носить въ теченіе цѣлаго дня и безъ утомленія себя **ВОЪ** безъ исключенія дамы и даже страдающія, беременныя, кормящія грудью, хозяйки въ домашнемъ быту, трудящіяся въ разныхъ бюро, училищахъ, торговыхъ, путешествующія, управляющія всякаго рода спортъ и т. д. въ чемъ свидѣлствуютъ отзывы донторовъ, прилагающіеся къ каждому экземпляру.

Бюстгальтеръ, патентованный въ 13-ти государствахъ, изготовляется изъ лучшихъ и моднѣйшихъ корсетныхъ матеріаловъ со швейцарскою отдѣлкою.

А. А. А. В. С. Д. Д. шелк. черн.
 Цѣны: 3.50. 4.50. 5.75. 6.75. 9.50 к.

Детальные записки высылаются почтою повсемѣстно наложеннымъ платежомъ (даже безъ задатка) съ причисленіемъ за пересылку 60 коп. При заказѣ слѣдуетъ прислать мѣрку въ сантиметрахъ, вершкахъ, дюймахъ или тесмой по рисунку.

- 1) Полную окружность груди (со спиною), мѣрку на платьѣ подъ мышкою кругомъ отъ А до В.
 - 2) Полную окружность талии кругомъ отъ С до Д.
 - 3) Высоту бока отъ А до С.
- Выписывающіе три и болѣе экземпляра за пересылку не платятъ.

Адресъ для заказовъ:

Варшава, „Шиндлера Бюстгальтеръ“

Маршалковская, 118/2.

Ц. № 11932 5-5

Александръ Сергѣевичъ

ПУШКИНЪ.

1799.

26 мая.

1899.

Муза Пушкина.

Сто лѣтъ прошло съ тѣхъ незабвенныхъ дней,
Когда, чтобъ вызвать отзвукъ струнъ сердечныхъ,
Явился нашей лиры чародѣй,
Глашатай красоты и правды вѣчныхъ.
Онъ нашимъ дѣдамъ пѣлъ, но свой завѣтъ—
Завѣтъ, какъ жизнь, какъ молодость, какъ свѣтъ,
Чарующихъ и сладкихъ вдохновеній—
Онъ далъ пѣвцамъ грядущихъ поколѣній;
И звуки дивной Пушкинской струны,
Казалось,—вѣчно бодръ, вѣчно юнъ—
На долгія столѣтія должны
Запечатлѣть родныя струны.

Но, муза русская! Тобой
Исполненъ ли завѣтъ его святой?

Творящей силой чудныхъ вдохновеній
Была обильна молодость твоя;
Но кратокъ былъ—увя!—расцвѣтъ весенній
Какъ солнце лѣта, засіявъ твой геній
И догорѣлъ, какъ зимняя заря.
Съ вершины той, гдѣ алтари сіяли,
Сошла ты въ долъ, объятый сномъ и тьмой,
И пѣснью мрачной гнѣва и печали
Раздался скорбный голосъ твой.

Твоя лампада робко замерцала;
Цвѣты упали съ блѣднаго чела;

Но лиръ скорбной родина внимала:
Ту пѣсню красота не озаряла,
Но все же правда, правда въ ней была.
И вѣчный миръ душѣ поэта,
И память свѣтлая тому,
Кто пѣлъ ее, хоть проблескъ свѣта
Вливая въ нашу вѣковую тьму...

Гдѣ-жь ты теперь, великая, благая?
Гдѣ ясный взоръ, гдѣ образъ милый твой?
Ужели та, безумная, слѣпая,
Съ безкровнымъ тѣломъ, съ блѣдною душой,
Изъ-за моря причудой нездоровой

Къ намъ занесенная,—ужель
Она властна плѣнить насъ пѣснью новой?
Ей отдала ты свой вѣнецъ лавровый,
Свою волшебную свирѣль?..

О, нѣтъ! Возстань, желанная, воскресни!
Какъ небо юга—въ борозды полей,
Въ упавшій голосъ нашей пѣсни
Ты снова жизнь и силу влей.

Воскресни, дивная! И пѣснь твоя живая
Да зазвучитъ надъ чуткою толпой,
Безсмертьемъ Пушкина вѣнчая

И Пушкинымъ вѣнчая край родной...

С. Фругъ.

Жизнь Пушкина.

I.

Родословная Пушкина и дѣтскіе годы.

Сто лѣтъ истекаетъ съ тѣхъ поръ какъ родился Пушкинъ. Въ знаменательные дни этого вѣкового юбилея кто не пожелаетъ вспомнить жизнь поэта, воскресить въ памяти его вдохновенный образъ и то общество, среди котораго ему пришлось жить, творить и трагически погибнуть?

Предлагаемый здѣсь очеркъ имѣетъ цѣлью придти въ этомъ отношеніи на помощь читателю.

Пушкинъ, съ отцовской стороны, принадлежалъ къ старинному русскому дворянскому роду, упоминаемому въ лѣтописяхъ еще со временъ Юанна Грознаго, съ материнской сто-

роны имѣлъ прадѣдомъ негра Ганнибала. Въ біографіи Ганнибала многое осталось до сихъ поръ невыясненнымъ, однако извѣстно, что онъ былъ сыномъ владѣтельнаго князька, былъ, семи лѣтъ отъ роду, похищенъ и препровожденъ аманатомъ (заложникомъ) въ Константинополь, откуда отосланъ русскимъ посланникомъ въ подарокъ Петру Великому, любившему всякіе «раритеты» и курьезы. Въ память славнаго карагенянина, молодой негръ получилъ прозвище Ганнибала и принялъ православіе; крестнымъ отцомъ его былъ самъ царь, давшій ему свое отчество и имя Абрама, по созвучію съ нехристианскимъ именемъ Ибрагима; крестной матерью его была королева польская. Молодой арапченокъ спалъ въ царской комнатѣ и сопровождалъ Петра во всѣхъ его походахъ, а въ 1716 г. поѣхалъ съ нимъ во Францію, гдѣ и остался учиться, посту-

шилъ во французскую армию, былъ рапегъ въ Испаніи и дослужился до чина капитана. По возвращеніи Абрама въ Россію, царь опредѣлять его въ бомбардирскую роту. Послѣ смерти своего покровителя, Ганнибалъ присоединился къ партіи возмущившихся противъ всесильнаго Меншикова и былъ удаленъ въ Сибирь; только въ 1730 г. его перевели маіоромъ въ Тобольскій гарнизонъ, потомъ капитаномъ въ инженерный корпусъ.

Въ царствованіе Елизаветы, Ганнибалъ быстро выдвинулся, дослужился до званія камергера; въ 1762 г. онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-аншефа. Говорятъ, Суворовъ былъ обязанъ ему возможностью избрать военную карьеру, потому что Ганнибалъ убѣдилъ отца будущаго полководца уступить наклонностямъ сына. Въ 1781 г. Ганнибалъ умеръ.

Изъ его шести дѣтей самымъ выдающимся былъ Иванъ Абрамовичъ, принимавшій участіе въ морской экспедиціи, отличившійся подл Чесмою, взявшій Наваринъ и основавшій гор. Херсонъ. Умеръ онъ въ 1801 г., тоже въ чинѣ генералъ-аншефа.

Старикъ Ганнибалъ не любилъ другого своего сына Осипа, отличавшагося крутымъ нравомъ. Осипъ Абрамовичъ былъ женатъ на Марьѣ Алексѣевнѣ Пушкиной и имѣлъ дочь Надежду; по смерти мужа, Марья Алексѣевна дала дочери блестящее воспитаніе, вывезла ее въ свѣтъ, въ высшее петербургское общество, пользуясь покровительствомъ крестнаго отца дѣвушки, Ивана Ганнибала. Молодая и красивая креолка имѣла успѣхъ въ этомъ обществѣ и скоро вышла замужъ за гвардейскаго офицера, Сергѣя Львовича Пушкина.

Отъ этого брака родился нашъ великій поэтъ, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, который далъ намъ нѣсколько опозитизированную біографію своего прадѣда въ повѣсти «Арапъ Петра Великаго» и свою родословную— въ сатирическомъ стихотвореніи «Моя родословная или русскій мѣщанинъ». Дѣлая въ немъ намеки на темное

Прадѣдъ Пушкина. Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ. По фот. съ портрета, хранящагося въ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣл., авт. «Нивы».

Дѣдъ Пушкина: Иванъ Абрамовичъ Ганнибалъ. По фот. съ портрета, хранящагося у А. С. Перфильевой, автотипія «Нивы».

происхожденіе нѣкоторыхъ знатныхъ русскихъ родовъ, онъ говоритъ:

Не торговаль мой дѣдъ бли-
нами,
Въ князья не прыгаль изъ
хохловъ,
Не пѣлъ на клиросѣ съ
дьячками.
Не ваксалъ царскихъ сапоговъ.
И не былъ бѣлымъ онъ сол-
датомъ
Нѣмецкихъ пудренныхъ дру-
жинъ;
Куда-жъ мнѣ быть аристо-
кратомъ—
И, слава Богу,—мѣщанинъ.
Подъ гербовой моей печатью
Я свитокъ грамотъ сохранилъ.
И, не якаясь съ новой знатью,
И крови спѣсъ угомонилъ.
Я—неизвѣстный стихотво-
рецъ,
И Пушкинъ просто,—не
Мусинъ.
И самъ большой, не царь-
дворецъ:
Я—грамотѣй, я—мѣщанинъ.

Отецъ поэта, Сергѣй Льво-
вичъ, получилъ блестящее,
но тѣмъ временамъ, образо-
ваніе, владелъ въ совершен-
ствѣ французской прозой и
стихами, перечиталъ чуть не
всю французскую литерату-
ру XVII и XVIII вѣковъ и
всю жизнь питалъ настоя-
щую страсть къ необремени-
тельнымъ умственнымъ за-
нятіямъ; но былъ очень не-
практиченъ въ жизни, и тя-
готился службой гвардейска-
го поручика. Въ 1796 году
онъ женился, подалъ въ от-
ставку, чтобы имѣть возмож-
ность жить на свободѣ. 20-го
декабря 1797 г. у него ро-
дилась дочь Ольга (впослѣд-
ствіи—Павлицева). Затѣмъ
онъ переселился въ деревню,
въ подмосковное имѣнье те-
щи—с. Захаровку. Но онъ
терпѣть не могъ деревни,
передалъ управленіе имѣн-
емъ приказчикамъ, которые
его беспощадно обкрадывали,
а самъ проводилъ все время
въ чтеніи. Дома онъ былъ
вспыльчивъ и раздражitel-
ленъ, зато въ гостяхъ обво-
рожителемъ и весель. По вы-
раженію Аншенкова, у него
не было времени для соб-
ственныхъ дѣлъ, потому что
онъ слишкомъ усердно за-
нимался чужими. Всѣ зна-
комые любили его, а его
собственные дѣти, когда под-
росли, относились къ нему
съ снисходительностью, какъ
къ маленькому ребенку. Его
любимой фразой была: —
«que la volonté du Ciel
soit faite»,—синонимъ эго-
истическаго индифферен-
тизма ко всему на свѣтѣ.

Мать поэта, Надежда Осиповна Ганнибалъ, была на четыре года моложе мужа, которого она сильно забрала въ руки, такъ что онъ до старости, напримѣръ, курилъ потихоньку отъ нея. Съ дѣтьми она была сурова и требовательна, не выносила возраженій и неисполненія ея желаній и способна была дуться и не разговаривать цѣлыми мѣсяцами. Съ сыномъ Александромъ, родившимся въ Москвѣ, въ четвергъ, въ день Вознесенія, 26 мая 1799 года, она однажды не разговаривала въ теченіе цѣлаго года. Такъ же, какъ и мужъ ея, она любила общество и свѣтъ и не долюбливала хозяйство. О ихъ петербургскомъ домѣ, когда Пушкины переѣхали въ столицу, имѣются слѣдующія свѣдѣнія: «домъ ихъ всегда былъ на изнанку: въ одной комнатѣ богатая старинная мебель, въ другой—пустыя стѣны или соломенный стулъ; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня съ баснословной неопрятностью; ветхіе рыдваны съ тощими клячами, и вѣчный недостатокъ во всемъ, начиная отъ денегъ до послѣдняго стакана». Но зато домъ этотъ отличался литературностью. Сергій Львовичъ и братъ его, Василій Львовичъ, водили дружбу со многими литераторами; въ домѣ же Сергія Львовича даже камердинеръ его сочинялъ стихи.

Надежда Осиповна не очень любила своего сына Александра и, во всякомъ случаѣ, меньше сестры его Ольги и младшаго брата Льва.

Въ раннемъ дѣтствѣ Александръ Пушкинъ не только не представлялъ собою ничего выдающагося или замѣчательнаго, но, напротивъ, своей угрюмостью, неповоротливостью и тучностью приводилъ въ отчаяніе родителей и въ особенности мать, которая иногда такъ преслѣдовала ребенка, что онъ убѣгалъ спасаться къ бабушкѣ—Марѣ Алексѣевнѣ Ганнибалъ; она прятала его въ рабочую корзину, гдѣ уже его никто не смѣлъ тронуть. Родители Пушкина, одно время, серьезно опасались за его умственные способности; его нельзя было выгнать изъ дому и заставить играть съ дѣтьми. Однажды, когда ему было семь лѣтъ, его насильно принудили идти гулять съ дѣтьми, но онъ отсталъ отъ нихъ, усѣлся на дорогѣ, посреди улицы, и долго просидѣлъ молча. Кто-то изъ окна одного изъ домовъ выглянулъ и засмѣялся, увидя его. Тогда мальчикъ, ретельно, обиженно сказалъ глядящему: «Ну, нечего зубы скалывать»,—и ушелъ домой.

Мать Пушкина, Надежда Осиповна. Съ портрета, помѣщенного въ «Альбомѣ Пушкинской выставки 1880 г.», авторитипія «Нивы».

Бабушка и воспѣтая впоследствии поэтомъ няня, Арина Родионовна, были первыми наставницами Пушкина въ русскомъ языкѣ; бабушка была женщина энергичная и бывалая, отличающаяся здравымъ смысломъ и большимъ жизненнымъ опытомъ. Няня представляла изъ себя типъ старинной, преданной службѣ, отказавшейся отъ отпусковъ и знавшей весь сказочный міръ народной поэзіи. Только съ ними и говорилъ мальчикъ по-русски, потому что остальные въ домѣ—отецъ, мать, гости, губернеры и гувернантки, отъ которыхъ ему сильно доставалось за его «тупоуміе», словомъ, всѣ—говорили по-французски.

На седьмомъ году съ Пушкинымъ совершился переворотъ, совершенно неожиданный для окружающихъ: ребенокъ сдѣлался рѣзвымъ, шаловливымъ и развязнымъ. Няню и бабушку смѣнили тогда учителя и гувернеры. Ученіе шло тѣмъ же мѣся безтолково; ему преподавали французскій, нѣмецкій и англійскій языки и арифметику, которую онъ ненавидѣлъ. Онъ пролилъ не мало слезъ, не будучи въ состояніи постичь правила дѣленія. Больше всего онъ успѣвалъ во французскомъ языкѣ и впоследствии владелъ имъ, какъ роднымъ; слогъ его французскихъ писемъ сдѣлалъ бы честь любому французскому писателю.

Съ десяти лѣтъ Пушкинымъ овладѣваетъ настоящая страсть къ чтенію—французскому, конечно. Онъ началъ съ Плутарха

и Гомера и перечиталъ чуть ли не всю отцовскую бібліотеку. Отецъ его питалъ особое уваженіе къ Мольеру и читалъ его произведенія громко, для поученія дѣтямъ. И мальчикъ такъ увлекся Мольеромъ, что у него явилось желаніе попробовать свои силы въ стихотворствѣ. На двѣнадцатомъ году онъ написалъ комедію «L'Escamoteur» («Похититель») и разыгралъ ее передъ сестрою, которая оевистала его. Онъ не обидѣлся на сестру и тутъ же написалъ свою первую эпиграмму:

Dis-moi, pourquoi l'Escamoteur
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas, c'est que le pauvre
auteur
L'escamota de Molière.

По мѣрѣ того, какъ мальчикъ читалъ, онъ продолжалъ подражать прочитаннымъ авторамъ; начитавшись Лафонтена, онъ сталъ писать басни, прочитавъ Генриаду, написалъ «La Toyade», т. е. войну карликовъ съ карликами во времена Дагобера.

Гувернантки жестоко пре-

Отецъ Пушкина, Сергій Львовичъ. Съ портрета, помѣщенного въ «Альбомѣ Пушкинской выставки 1880 г.», авторитипія «Нивы».

слѣдовали его за эти «глупости», отымавши у него время отъ «серьезныхъ» занятій.

Братъ Пушкина, Левъ Сергѣевичъ.
Съ семейн. портр. (исключит. право воспроизв. принадл. «Нивѣ») грав. Герике.

II.

Пушкинъ въ лицей.

Благодаря протекціи А. И. Тургенева и дяди Василя Львовича, Александръ Пушкинъ былъ принятъ въ основанный въ то время Царскосельскій лицей. Въ октябрѣ 1811 г. послѣдовало торжественное открытіе этого учебнаго заведенія, куда и поступилъ Пушкинъ. Лицей былъ очень хорошо обставленъ лучшими преподавательскими силами. Однако прекрасные преподаватели вскорѣ оказались ниже своей задачи; одни давали зубрить ученикамъ свои тетрадки, другіе принимали участіе въ пирушкахъ аристократовъ-воспитанниковъ

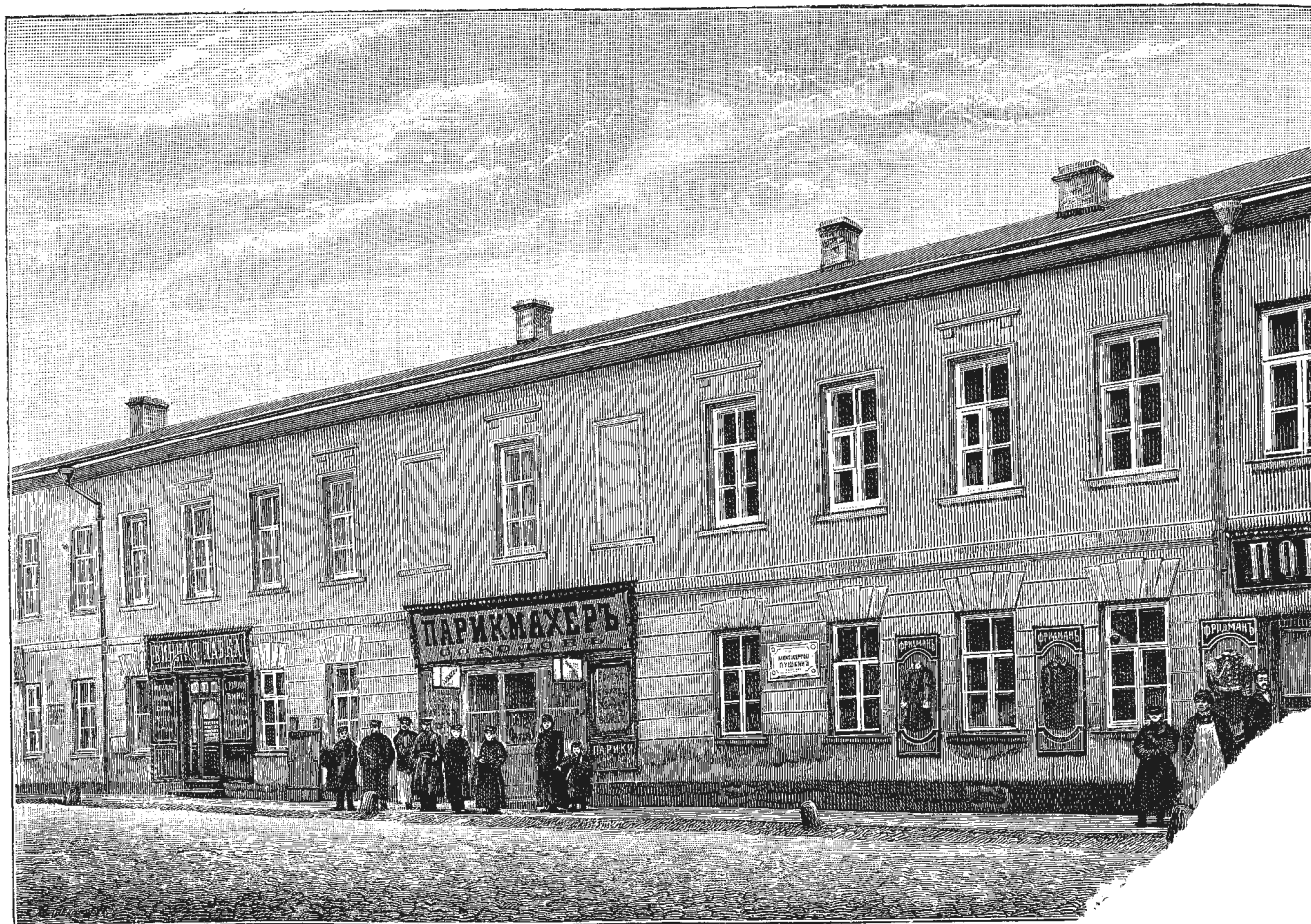
и дѣлали имъ невольныя послабленія на урокахъ и экзаменахъ; тѣмъ не менѣе, въ лицей царилъ особый духъ, — духъ свободы и поощренія къ самообразованію, и воспитанники этого учебнаго заведенія на всю жизнь сохранили о немъ теплое воспоминаніе.

«Учебная жизнь Пушкина не была блестяща», — говорить

Сестра Пушкина: Ольга Сергѣевна Павлицева.
Съ семейн. портр. (исключ. право воспроизв. принадл. «Нивѣ») грав. Герике.

Аппенковъ въ своихъ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина». — «При обширной, почти изумительной памяти, ему

Домъ на Нѣмецкой улицѣ въ Москвѣ, гдѣ родился Пушкинъ. Съ фот. грав. А. Шлѣ

недоставало продолжительных, ровных усилий вниманія. Къ тому же въ характерѣ его было какое-то нежеланіе выказывать и тѣ познанія, которыя онъ приобрѣлъ... Въ лицѣ основныя черты характера Пушкина развернулись очень

Пушкинъ-мальчикъ. Съ совр. гравюры Гейтмана грав. Герике.

скоро... — съ одной стороны обнаружилось доверчивое и любящее сердце, съ другой — расположеніе къ насмѣлкѣ и преслѣдованію непріязненныхъ личностей, доводившее иногда многихъ до дѣтскаго отчаянія. Товарищи называли его французомъ за его превосходное знаніе французскаго языка; но въ этомъ эпитетѣ скрывалось перасположеніе товарищей къ живому и задорному мальчику... Только Дельвигъ зналъ его душу, сильно расположенную къ пріязни и откровенности».

Первымъ стихотвореніемъ Пушкина на русскомъ языкѣ, написаннымъ имъ въ лицѣ, было «Посланіе къ сестрѣ», а первымъ напечатаннымъ — «Къ другу стихотворцу», появившееся въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1814 году.

Пушкинъ сдѣлался душою лицейскаго кружка повеллистовъ и поэтовъ, въ числѣ которыхъ были Пличевскій, Дельвигъ и Кюхельбекеръ; они собирались по вечерамъ и сочиняли экспромтомъ стихи и рассказы, отличавшіеся подражаніемъ любовной и вакхической лирики русскихъ учениковъ и продолжателей Горация. Такимъ образомъ Пушкинъ больше всего подражалъ Батюшкову, Жуковскому и Василю гудяичу, которому далъ отсталъ «парнасскій дядорогъ, по стихотворному го просидѣлъ адъ, котизъ окна одно, однажды выглянулъ и засѣло Парнасу, онъ пишетъ:

ля его. Тогда мальчикъ! разсудокъ потерялъ, обиженно сказалъ глядскихъ еще шатаюсь на Пегасъ: му: «Ну, нечего зубы съотъ радъ, хотя не радъ... лить», — и ушелъ домой. овсѣмъ не братъ: арнасъ.

На публичномъ экзаменѣ, въ 1815 г., шестнадцатилѣтній Пушкинъ привелъ въ восторгъ всѣхъ присутствовавшихъ стихотвореніемъ «Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ».

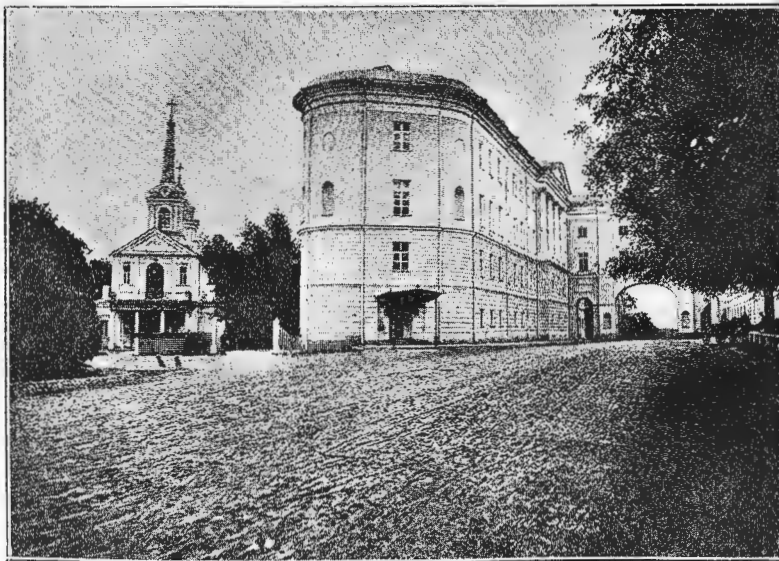
Въ послѣдней строкѣ этого стихотворенія юноша Пушкинъ принесъ даръ своего восхищенія поэту Державину, присутствовавшему на экзаменѣ:

О, скальдъ Россіи вдохновенный,
Воспѣвшій ратныхъ грозный строй!
Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламененной,
Взгреми на арфѣ золотой;
Да снова стройный гласъ героя въ честь пролетѣтъ,
И струны трепетны посыплютъ огонь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца.

Пушкинъ-лицеистъ. Съ портрета, принадлежавшаго Е. А. Энгельгардту, грав. Герике.

Державинъ, вставъ съ мѣста, склонилъ передъ Пушкинымъ свою сѣдую голову и хотѣлъ обнять его, но молодой поэтъ былъ очень смущенъ и скрылся такъ, что его долго не могли отыскать.

Царскосельскій лицей, гдѣ воспитывался Пушкинъ.

Къ тому же періоду относится и стихотвореніе «Подъ вечеръ осени ненастной», сдѣланное почти народною пѣсню и перепечатавшееся въ 20-хъ годахъ на лубочныхъ листахъ.

Всѣ эти опыты привели къ тому, что Пушкина стали знать и внѣ стѣнъ лицея, а это измѣнило на него взглядъ его родителей, только что переселившихся въ Петербургъ на постоянное жительство. Жуковский и Батюшковъ заѣзжаютъ къ нему въ лицей, совѣтуютъ ему, ободряютъ его. Профессора смотрятъ на него какъ на будущую знаменитость, товарищи распѣваютъ хо-

ромъ его пьесы, положенныя на музыку. Извѣстность его растетъ и доходитъ до того, что въ 1816 г. лирикъ Нелединскій-Мелецкій, которому императрица Марія Феодоровна поручила написать стихи на обрученіе великой княжны Анны Павловны, прямо отправляется въ лицей и *заказываетъ*

стихотвореніе Пушкину, который и оканчивает его через два часа.

На обѣдѣ у министра народнаго просвѣщенія, гр. Разумовскаго, о Пушкинѣ уже шелъ общій и горячій разговоръ. Въ предсказывали ему большую славу. Гр. Разумовскій обратился къ Сергѣю Львовичу Пушкину и сказалъ:

— Я бы желалъ, однакоже, образовать сына вашего къ прозѣ.

Но Державинъ съ жаромъ и запальчивостью возразилъ ему:

— Оставьте его поэтомъ!

Въ стѣнахъ лица Пушкинъ успѣлъ написать сто двадцать лицейскихъ стихотвореній и задумать и начать первую свою поэмѣ «Русланъ и Людмила». Въ маѣ 1817 г. состоялся выпускные экзамены лицейство, на одномъ изъ которыхъ Пушкинъ читалъ свое стихотвореніе «Безвѣріе»; но научные его отвѣты были плохи, и онъ былъ выпущенъ 19-мъ ученикомъ съ чиномъ X класса. Его другъ Дельвигъ окончилъ курсъ предпослѣднимъ.

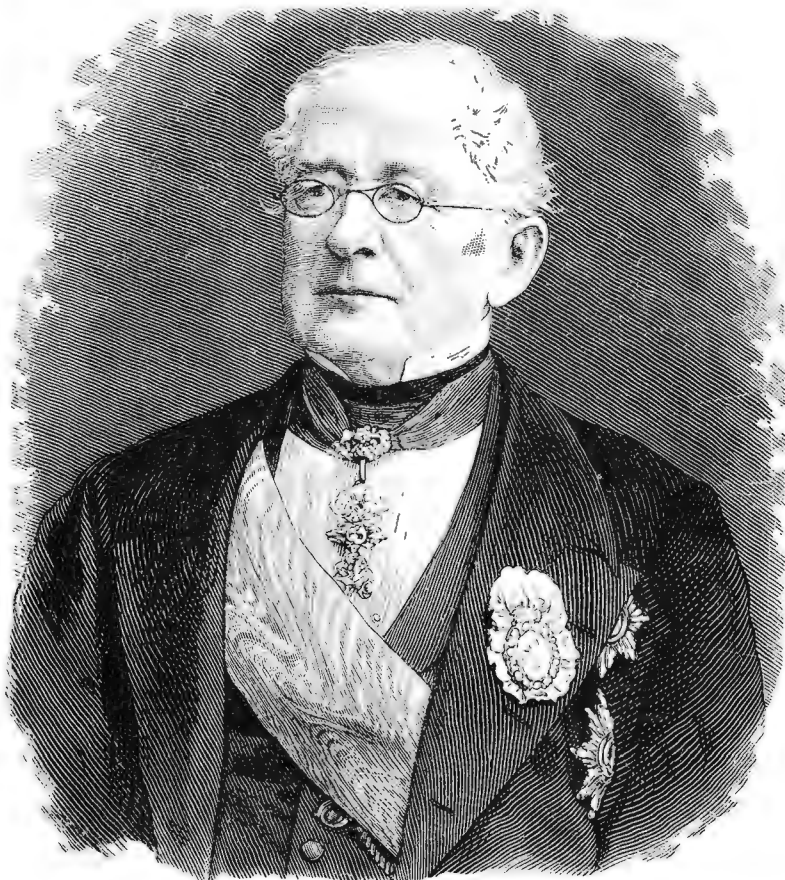
Во время пребыванія въ лицей, благодаря существовавшей

тамъ свободѣ, Пушкинъ и другіе лицесты сблизились съ обществомъ офицеровъ гусарскаго полка, стоявшаго въ Царскомъ Селѣ; конечно, это было малоподходящее общество для молодыхъ лицестовъ, предававшихся кутежамъ съ военной молодежью; однако, среди лейбъ-гусаръ Пушкинъ сошелся съ однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей эпохи—съ П. Я. Чаадаевымъ, имѣвшимъ большое и благотворное на него влияніе. Чаадаеву посвящено нѣсколько стихотвореній Пушкина, въ которыхъ онъ съ теплымъ чувствомъ вспоминаетъ о дружбѣ своей съ нимъ:

...Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
Гдѣ ты всегда—мудрецъ, а иногда—мечтатель
И вѣтренной толпы безстрастный наблюдатель;
Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,
Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры...

Эти отношенія къ гусарскому полку возбудили

въ Пушкинѣ одно время желаніе поступить на военную службу, но отецъ его не соглашался на это, въ виду недостатка средствъ, а дядя совѣтовалъ предпочесть гражданскую службу. Поэтъ

Князь А. М. Горчаковъ. Рис. В. Шпакъ, грав. Вейерманъ.

П. Я. Чаадаевъ. По портрету, хранящемуся у А. А. Венкстеръ, автотипія «Нивы».

Баронъ А. А. Дельвигъ. Съ современнаго портрета грав. Нейманъ.

вскорѣ отказался отъ своего намѣренія, хотя и обращался къ дядѣ съ вопросомъ:

Скажи, парнасскій мой
отець,
Неужто вѣрный музъ любовникъ
Не можетъ ибѣжный быть ибѣвецъ
И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?
Ужели тотъ, кто иногда
Жжетъ ладанъ Аполону даромъ,
За честь не можетъ безъ стыда
Жечь порохъ наравнѣ съ гусаромъ
И, если можно, города?

Однако, вскорѣ онъ самъ сталъ шутить надъ собою и надъ своимъ желаніемъ «красиво мерзнуть на парадѣ». Но его очень влекло на волю, вонъ изъ лица, и онъ писалъ за годъ до выпуска кн. П. А. Вяземскому, извѣстному поэту, критику и журналисту: «еще цѣлый годъ плюсовъ, минусовъ, правъ, налоговъ, высокаго, прекраснаго... Безбожно молодого чловѣка держать взаперти и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную академию и бесѣду губителей російскаго слова»

III.

Двадцатые годы.

Пушкинъ былъ выпущенъ изъ лица по второму разряду, зачисленъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ и получилъ жалованье въ 700 р.

«Вышедъ изъ лица», — пишетъ Пушкинъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ: — «я тотчасъ почти уѣхалъ въ псковскую деревню моей матери. Помню, какъ обрадовался я сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ и проч., но все это правилось мнѣ не долго. Я любилъ и донинѣ люблю шумъ и толпу».

Вернувшись изъ

Князь П. А. Вяземскій. По соврем. литографіи автотипія «Нивы».

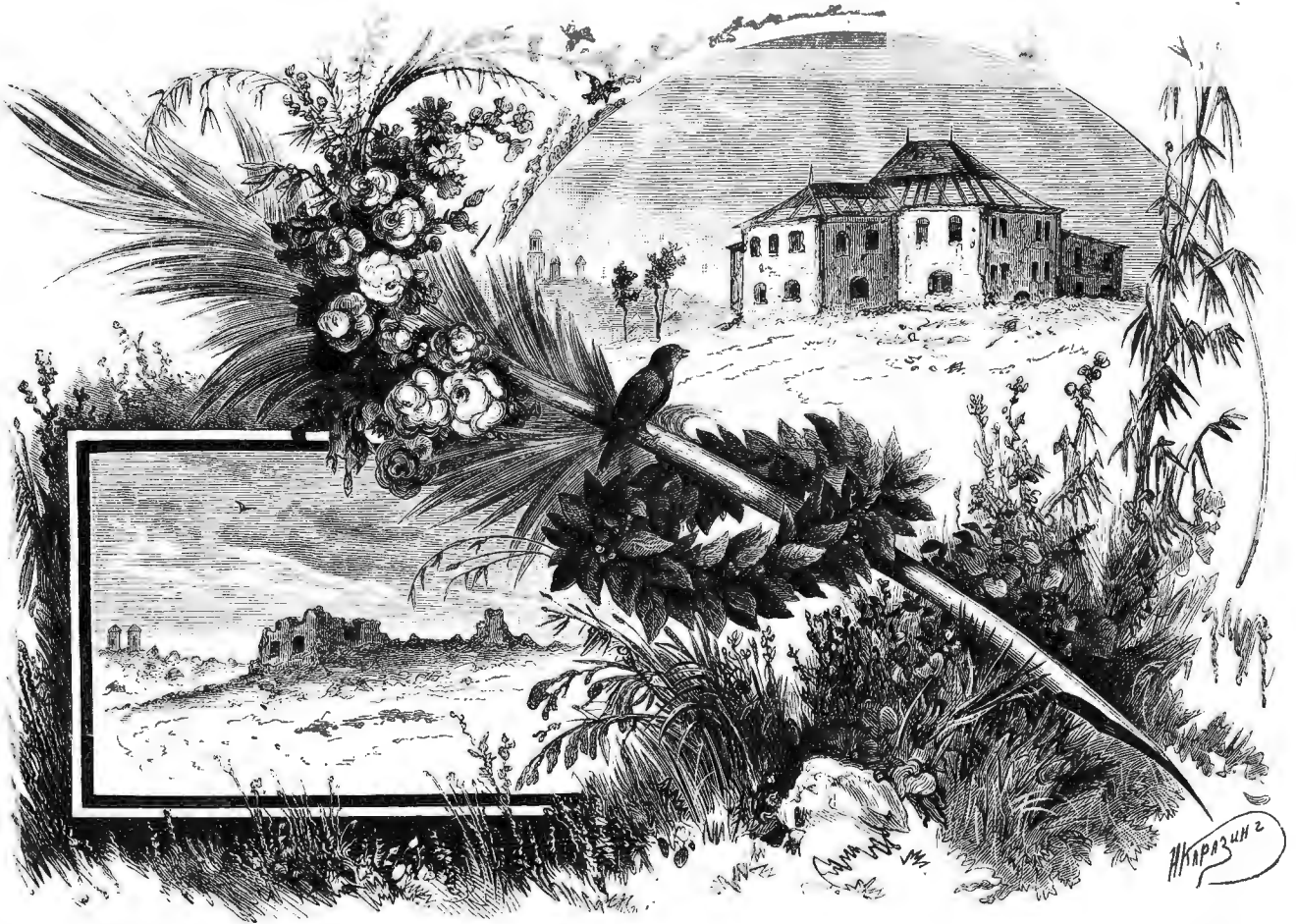

Крыловъ, Пушкинъ, Жуковскій, Гнѣдичъ. Картина академика Г. Г. Чернецова. Грав. Терике.

отпуска въ Петербургъ, Пушкинъ сталъ вести шумную безпорядочную жизнь полную разнообразныхъ впечатлѣній. Однако, онъ продолжалъ работать и дописывать «Руслана и Людмилу», которую и читалъ на литературныхъ вечерахъ Жуковскаго. Когда Пушкинъ прочелъ послѣднюю пѣсню своей первой поэмы, Жуковскій подарилъ ему свой портретъ съ слѣдующей надписью: «Ученику-нобѣдителю, отъ побѣжденнаго учителя, въ высочайше торжественный день окончанія «Руслана и Людмилы». Поэма была издана въ 1820 г. съ посвященіемъ «Красавицамъ». Появленіе поэмы было встрѣчено съ восторгомъ публикой и большинствомъ литературныхъ знаменитостей того времени — Жуковскимъ, Гнѣдичемъ, Крыловымъ, кн. Вяземскимъ и другими. Но были и недоволь-

ные, какъ, напр., И. Дмитриевъ, пришедшій вмѣстѣ съ критиками того времени въ ужасъ отъ введенія сказочнаго элемента въ возвышенную область поэзіи.

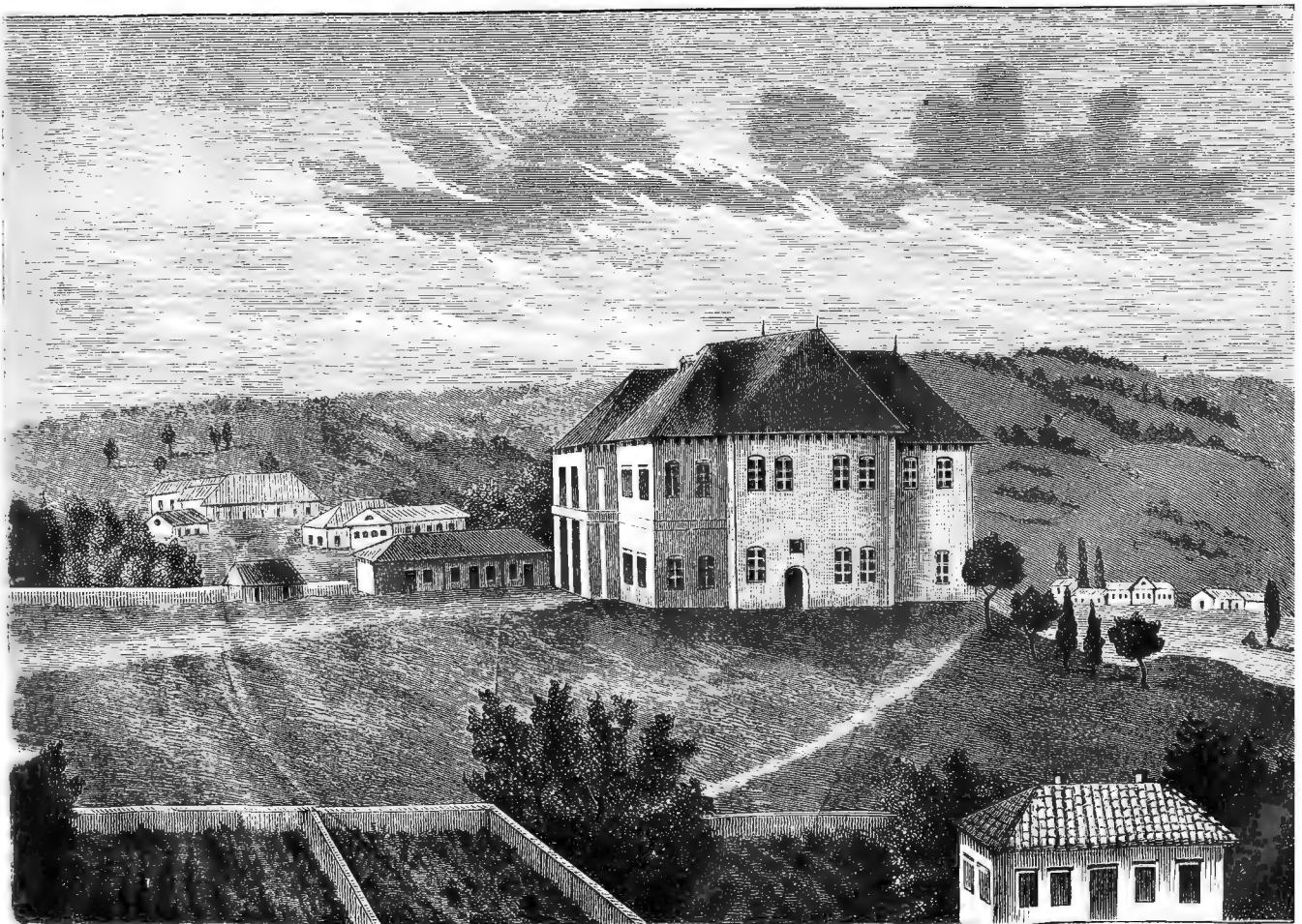
Самъ авторъ продолжаетъ вести разсѣянную жизнь, и въ то же время не перестаетъ работать: усердно посѣщаетъ литературный кружокъ «Арзамасъ», Катенина, который отучилъ его отъ «односторонности литературныхъ мнѣній, а односторонность есть пагуба мысли», субботы Жуковскаго, домъ Карамзина, на котораго однако писалъ эпиграммы. Тѣмъ не менѣе, полгода спустя онъ «съ жадностью и пониманіемъ» читалъ «Исторію Государства Россійскаго» пишетъ стихи, совершенствуя ихъ форму и силу выраженія. Кн. Вяземскій сообщаетъ о нихъ Жуковскому «Стихи чертенка» племян-

Домъ Инзова въ 1830 г.

Со стараго наброска рис. Н. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.

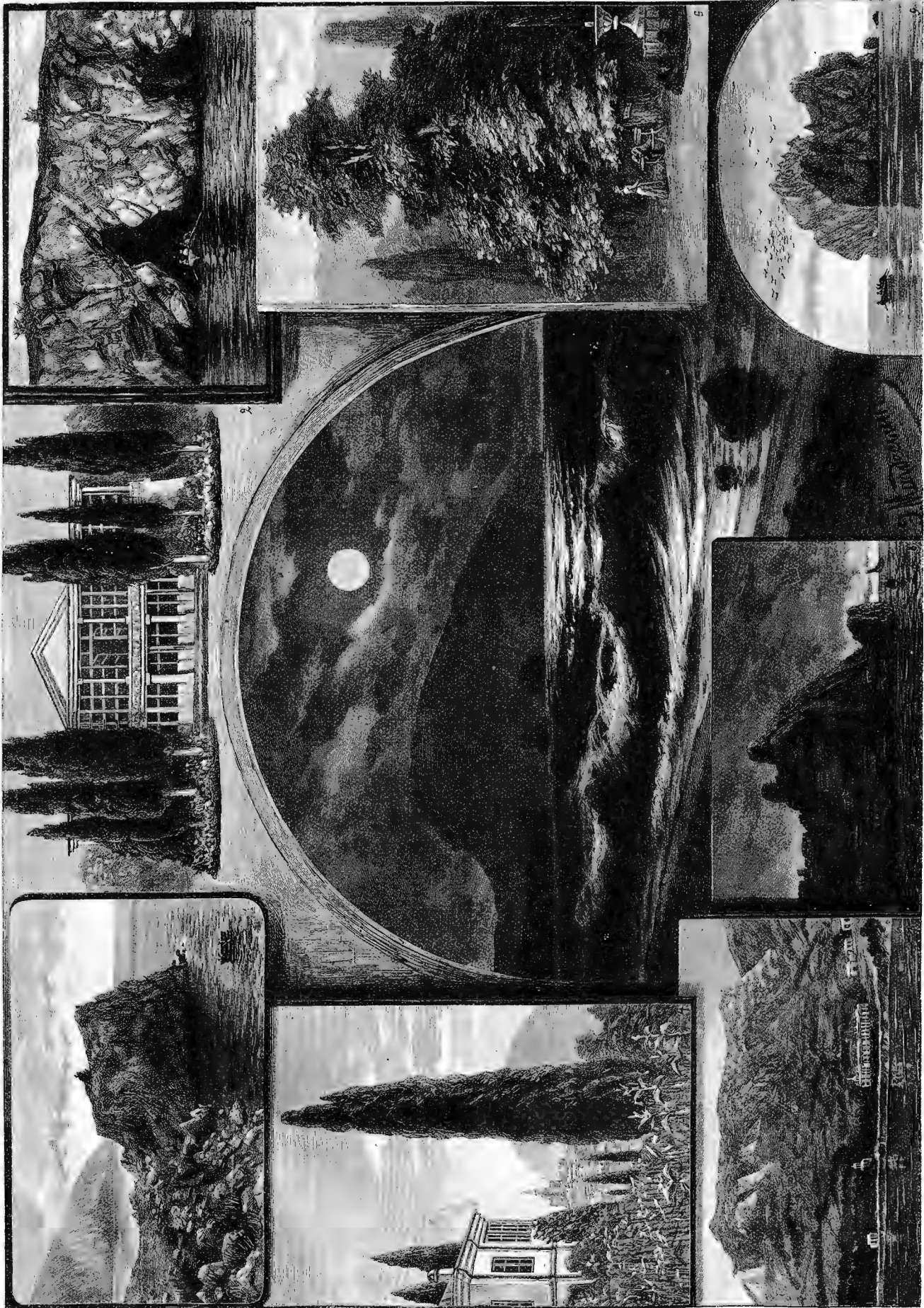
Домъ Инзова въ 1854 г.

Домъ Инзова въ Кишиневѣ, когда въ немъ жилъ Пушкинъ. Съ соврем. рисунка грав. М. Рашевскій.

Акулинич

1) Скала Пушкина. 2) Домъ, въ которомъ жилъ А. С. Пушкинъ. 3) Грота Пушкина. 4) Кипарисъ Пушкина противъ южнаго фасада дома. 5) Ав-Дегъ при луномъ свѣтѣ. 6) Платанъ Пушкина. 7) Видъ съ моря на паркъ и Яву. 8) Крѣпость Гурзуфа. 9) Адалари (острова-камни).
Виды Гурзуфа. По наброскамъ Э. Магдесіана грав. М. Рашевскій.

ника чудесно-хороши. Я все отдалъ бы за него— движимое и недвижимое. Какая бестія! Надоно намъ его посадить въ желтый домъ: не то этотъ бѣшеный сорванецъ насъ всѣхъ заѣстъ, насъ и отцовъ нашихъ». Но Пушкинъ все еще недоволенъ собой и все еще «объятъ тоской за чашей ликования».

Разбѣйная жизнь довела поэта до того, что онъ два раза лежалъ въ горячкѣ. Все это вызывало и разстройство денежныя дѣль.

Приближался роковой для Пушкина 1820-ый годъ.

Среди его знакомыхъ и друзей было нѣсколько декабристовъ, къ которымъ, впрочемъ, самъ Пушкинъ не принадлежалъ; но онъ сочувствовалъ вольнолюбивымъ идеямъ и выражалъ это сочувствіе не только въ разговорахъ, но и въ стихахъ, которые быстро распространились среди молодежи.

Гр. Милорадовичъ, тогдашній генералъ-губерна-

Портретъ А. С. Пушкина, изданный Т. Т. Нанковымъ. Грав. Терике.

торъ, неожиданно вызвалъ Пушкина къ себѣ и приказалъ при немъ полицеймейстеру ѣхать къ поэту на квартиру и сдѣлать обыскъ. Пушкинъ заявилъ, что истребилъ все опасное.

— Графъ, — сказалъ онъ: — вы напрасно это дѣлаете. Тамъ не найдете того, чего ищете. Лучше велите дать мнѣ перо и бумагу, я здѣсь же все вамъ напишу.

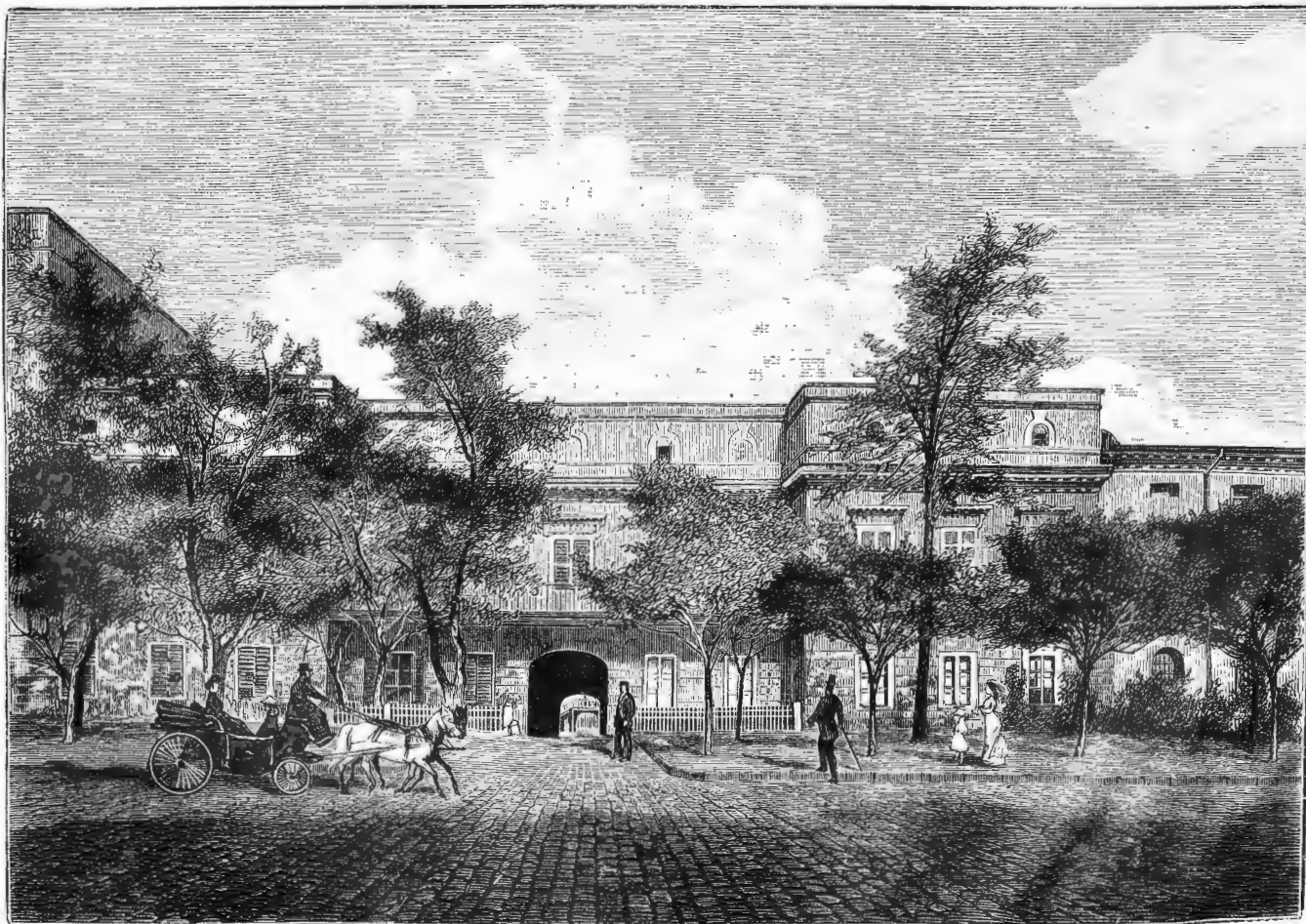
Ему принесли требуемое, и онъ написалъ по памяти всѣ свои «вредныя» стихотворенія.

Это произвело хорошее впечатлѣніе, и Милорадовичъ воскликнулъ:

— Ah! c'est chevaleresque! — и пожалъ ему руку.

Говорятъ, Пушкину грозила ссылка въ Сибирь или въ Соловецкій монастырь. Но государь обратился за совѣтомъ къ Энгельгардту.

— Энгельгардтъ, — сказалъ онъ ему, встрѣтившись съ нимъ въ царскосельскомъ саду: — Пушкина надо сослать въ Сибирь:

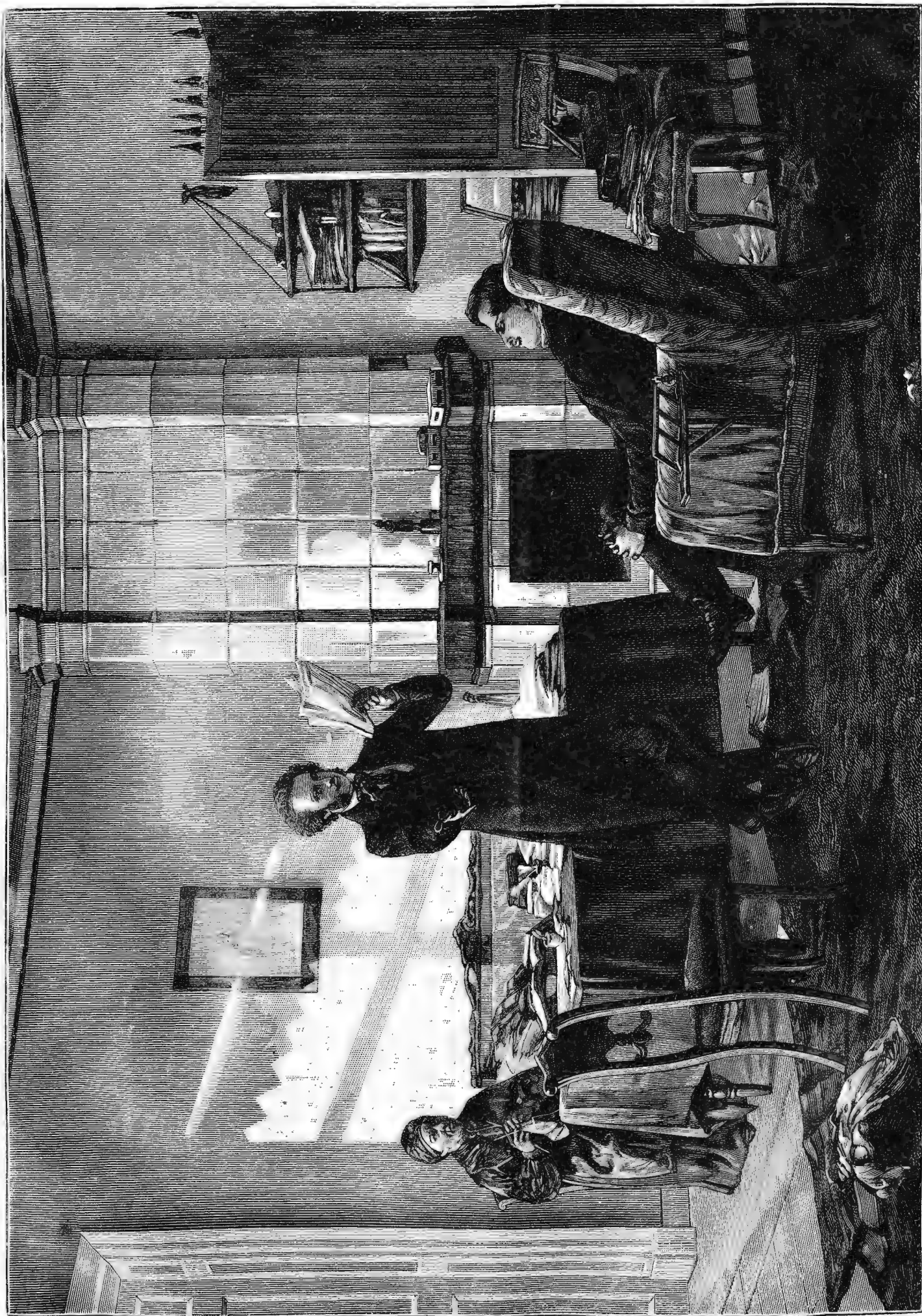
Домъ, въ которомъ жилъ Пушкинъ въ Одессѣ въ 1823 году. Съ fotogr. рис. В. Шлакъ, грав. М. Рашевскій.

Сельцо Михайловское. Съ литографіи 1837 года.

Пушкинъ и няня. Съ карт. И. И. Геллера (исключ. право воспроизв. принадл. «Нивъ») грав. К. Зоммеръ.

Арина Родіоновна.

Пушкінъ.

Пушкінъ въ Михайловскомъ. Картина н. н. Ге. Рис. Дальевичъ грав. Б. Пугъ.

онъ навелъ Россію возмутительными стихами; вся молодежь знаетъ ихъ наизусть. Мнѣ очень нравится откровенный его поступокъ съ Милорадовичемъ, но это не мѣняетъ дѣла.

— Воля вашего величества, — отвѣтилъ государю Энгельгардтъ: — но вы мнѣ простите, если я позволю себѣ сказать два слова въ защиту бывшаго моего воспитанника. Въ немъ развивается необыкновенный талантъ, который требуетъ поощренія. Пушкинъ теперь уже краса современной нашей литературы, а впереди еще больше на него надежды. Ссылка можетъ губительно подействовать на пылкій нравъ молодого человѣка. Я думаю, что великодушіе ваше лучше всего вразумитъ его.

Всѣ друзья Пушкина подпаялись за него горой. Чаадаевъ упросилъ Карамзина ходатайствовать о немъ передъ императрицей; хлопоталъ Жуковский, президентъ академіи художествъ Оленинъ и другіе.

Карамзинъ упрекалъ поэта и читалъ ему наставленія.

— Можете ли вы, по крайней мѣрѣ, — въ концѣ-концовъ сказалъ онъ ему: — дать мнѣ слово, что въ продолженіе года не напишете ничего противнаго правительству? Иначе я выйду лжецомъ, прося за васъ и говоря о нашемъ раскаяніи.

— Я даю слово, — сказалъ Пушкинъ.

Хлопоты увеличались успѣхомъ, и поэтъ «для пользы службы» былъ переведенъ въ распоряженіе ген. Пизова, пенечителя колонистовъ южнаго края.

Взволнованный, но не унавший духомъ, Пушкинъ помчался на перекладной по Бѣлорусскому тракту въ Екатеринославъ. Ему дали 1000 руб. на дорогу. Онъ былъ очень тронутъ великодушіемъ государя. Пушкинъ везъ Пизову письмо своего начальника гр. Калодистрія, который писалъ Пизову, выражая надежду, что изъ Пушкина, подъ его влияніемъ, выйдетъ «прекрасный чиновникъ, или по крайней мѣрѣ перворазрядный писатель».

Въ Екатеринославѣ Пушкинъ встрѣтился съ своимъ петербургскимъ знакомымъ ген. Раевскимъ и его двумя дочерьми: такъ какъ онъ опять заболѣлъ горячкой, то Пизовъ разрѣшилъ ему послѣ того предпринять въ обществѣ Раевского и семьи его путешествіе на Кавказъ и въ Крымъ для поправленія здоровья. «Моремъ пріѣхали мы въ Керчь» — пишетъ Пушкинъ своему брату Льву: — «а изъ Керчи въ Кефу (Феодосію)... отсюда отправилъсь мы, мимо полуденныхъ береговъ Тавриды, въ Юрзуфъ (Гурзуфъ, принадлежавшій тогда герцогу Римелье). Ночью на кораблѣ написалъ я элегію («Погасло дневное свѣтло»)... Въ Юрзуфѣ прожилъ я три недѣли... Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и прослушивать цѣлые часы. Въ двухъ

шагахъ отъ дома росъ кипарисъ, каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, неполненнымъ дружбы».

Пушкинъ увлекся одною изъ дочерей Раевского и чувство-

Наталья Николаевна Гончарова (въ дѣтствѣ).

По портрету, хранящемуся у Д. Д. Гончарова. авт. Нивы

По акварельному портрету, хранящемуся у А. А. Пушкина, грав. Шюблеръ.

Жена Пушкина, Наталья Николаевна (рожденная Гончарова).

По портрету работы Мазера, хранящемуся у И. Н. Подклюшниковъ, автотипія «Нивы».

валъ себя счастливымъ. Въ Гурауфъ онъ началъ писать «Кавказскаго плѣнника». Въ то время какъ молодой изгнанникъ путешествовалъ, Иззовъ былъ переведенъ въ Кишиневъ, куда долженъ былъ отправиться и Пушкинъ, побывавъ предварительно въ имѣии матери Раевского. Изъ екатеринославскихъ воспоминаній у Пушкина остался лишь одинъ образъ, послужившій ему темой для поэмы «Братья-разбойники»: два скованные разбойника убѣжали изъ екатеринославской тюрьмы и переплыли въ цѣпяхъ вѣзавъ Дибръ.

Въ Кишиневѣ Пушкинъ поселился сначала въ простой наемной мазанкѣ, а потомъ переехалъ въ домъ Иззова, который очень тепло и сердечно относился къ поэту; Пушкинъ велъ въ Кишиневѣ вольную жизнь; посѣщалъ русское и туземное общество, ухаживалъ за дамами, посѣщалъ пирушки и игралъ въ карты; имѣлъ нѣсколько исторій и дуэлей. Послѣ одной изъ такихъ ссоръ Иззовъ послалъ Пушкина въ Измаилъ; по дорогѣ Пушкинъ встрѣтилъ цыганскій таборъ и присталъ къ нему, прокочевавъ съ нимъ довольно продолжительное время.

Ведя такую жизнь, поэтъ не переставалъ усердно заниматься своимъ любимымъ дѣломъ. Онъ такъ много читалъ и писалъ, что ему казалось, будто онъ впервые позналъ теперь «и тихій трудъ, и жажду размысленій». Въ Кишиневѣ онъ написалъ, на основаніи пѣсни трактиршій служанки,

балладу «Черная шаль», быстро сдѣлавшуюся популярной. Онъ создалъ здѣсь болѣе 40 стихотвореній, не считая крупныхъ вещей, какъ напр.: «Бахчисарайскій фонтанъ», и всевозможныхъ другихъ работъ, оставшихся невыполненными.

Въ Кишиневѣ же началъ и «Евгеній Онѣгинъ», написано стихотвореніе «Наполеонъ» и «Пѣнь о вѣщемъ Олегѣ». Несмотря на столь плодотворную дѣятельность и на свободу, которую Пушкинъ пользовался въ Кишиневѣ, онъ рвался душою изъ этого города и съ трудомъ переносилъ изгнаніе. Онъ писалъ въ это время брату: — «здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ; я насплу уломалъ Иззова, чтобы онъ отпустилъ меня въ Одессу. Я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу; ресторация и итальянская опера напомнили мнѣ старину и, ей-Богу, обновили мнѣ душу. Между тѣмъ прѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково, объявляетъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ».

Однако радость Пушкина была кратковременна. Воронцовъ, понятно, не желалъ видѣть въ Пушкинѣ ни поэта, ни свѣтскаго человѣка, а исправнаго чиновника. И Пушкину было въ Одессѣ куда труднѣе, чѣмъ въ Кишиневѣ. Онъ пытался

приноровиться къ новымъ требованіямъ, но никакъ не могъ превратиться изъ страстнаго поэта въ приличнаго, подтянутаго чиновника и позволялъ себѣ разныя выходки. Такъ,

Рв ***

*Я помню чудное мгновенье,
Междо мной всталъ тебе
Какъ малютка видѣть,
Какъ сама кисточка красилъ*

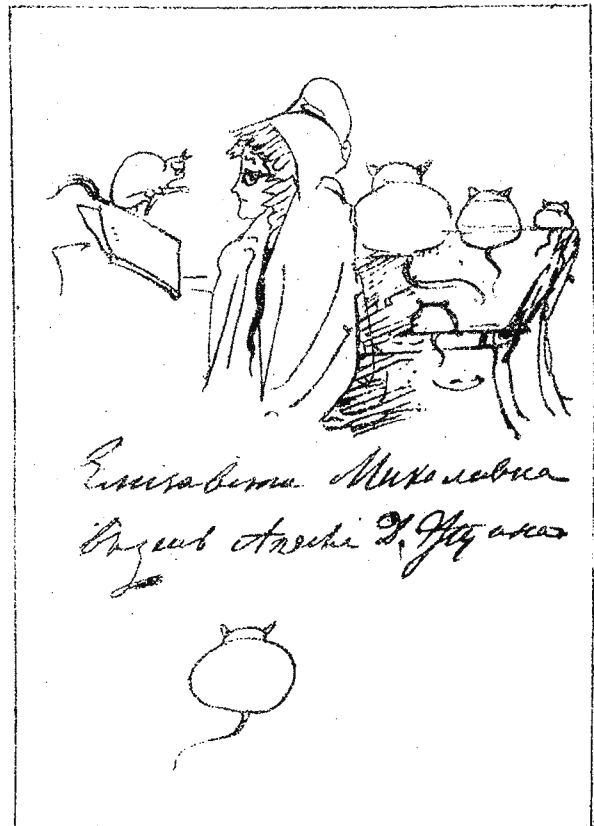
*Рв то милое чувство бездѣлочно,
Рв тревожить шумной судьбы
Звучалъ много-далеко голосъ невнятный
А слышалъ мнѣ въ перемѣ*

*Мнѣ гдѣ, буръ порывъ мнѣ мнѣ
Радость преданія мнѣ*

*И я забылъ твой голосъ невнятный
Твой небезысходный перемѣ*

*Рв мнѣ во мракѣ вразомѣ
Милуешь мнѣ два мои
Буръ то мнѣ, буръ вразомѣ
Буръ мнѣ, буръ вразомѣ, буръ мнѣ*

Автографъ А. С. Пушкина.

Собственноручные наброски Пушкина, изображающіе Е. Н. Киселеву (рожденную Ушакову). Изъ альбома, хранящагося у П. С. Киселева. Автотипія «Нивы».

напр., когда Воронцов отправил его в командировку — исследовать саранчу в степях Новороссии, Пушкин, вместо солидного рапорта о поручении, представил своему начальнику четверостишие:

Саранча летѣла, летѣла
И сѣла.
Сидѣла, сидѣла — все сѣла
И вновь улетѣла.

Въ концѣ-концовъ отношенія такъ обострились, что Воронцовъ просилъ гр. Нессельроде, управлявшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, отозвать Пушкина изъ Одессы.

Гр. Нессельроде отвѣтилъ Воронцову письмомъ, что Государь Императоръ вполне согласенъ съ предложеніемъ графа и находить необходимымъ удалить Пушкина въ имѣніе ради-

Георгъ-Карлъ Данесъ (баронъ де-Генкеренъ).
Съ соврем. портрета автотипія «Нивы».

телей, въ некоевую губернію, подъ надзоръ мѣстнаго начальства.

IV.

Въ селѣ Михайловскомъ.

30-го іюля 1824 года Пушкинъ, получивъ 389 р. прогонныхъ денегъ и 150 р. жалованья, да еще 3000 р. ассигнаціями отъ П. А. Вяземскаго, за только-что изданный имъ «Бахчисарайскій фонтанъ» — первый крупный гонораръ — выѣхалъ изъ Одессы. Прощанію съ Одессой Пушкинъ посвятилъ предельное стихотвореніе «Къ морю»:

Прощай, свободная стихія,
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Онъ былъ обязанъ подлинной ѣхать, нягдѣ не останавливаясь, что и исполнилъ въ точности.

Грустно было возвращеніе опального поэта на родину. Родители приняли его сурово, и весьма недружелюбно посмотрѣли на возникшую между сыномъ и младшими дѣтьми дружбу, боясь, чтобы онъ не совратилъ ихъ. Начальникъ края, маркизъ Паулуччи, поручилъ отцу Пушкина взять на себя надзоръ за поведеніемъ его блуднаго сына. Отецъ вполне воспользовался этимъ официальнымъ порученіемъ, и между нимъ и сыномъ произошла не одна тяжелая сцена. Пушкинъ одною изъ этихъ сценъ, гораздо познѣе, воспользовался въ «Скупомъ рыцарѣ».

Въ концѣ-концовъ отецъ Пушкина отказался отъ своей официальной миссіи и вмѣстѣ съ женой и дѣтьми уѣхалъ въ Петербургъ. Поэтъ остался одинъ, годъ наблюдениемъ мѣст-

наго предводителя дворянства и настоятеля монастыря. Онъ развлекался частыми визитами въ соседнее село Тригорское, гдѣ проживала П. А. Осипова съ дочерьми и племянницей А. П. Кернъ. А. П. Кернъ гостила въ то время у своей тетки и жалела познакомиться съ поэтомъ. Кернъ была красавица, и это знакомство кончилось тѣмъ, что Пушкинъ страстно влюбился въ молодую женщину. Онъ посвятилъ ей альбомное стихотвореніе: «Я помню чудное мгновеніе». Автографъ этого стихотворенія читатели найдутъ на этихъ страницахъ. Пушкинъ и здѣсь, какъ всюду, много читалъ и работалъ. «Книгъ, ради Бога книгъ!» — постоянно пишетъ онъ брату. Цѣлый день, съ утра до обѣда, сидитъ онъ съ перомъ въ рукѣ и пишетъ, а вечеромъ слушаетъ и записываетъ сказки своей няни, Арины Родионовны. По этимъ сказкамъ онъ изучаетъ

Шефъ жандармовъ, графъ А. Х. Бенндорфъ.
Съ соврем. портрета автотипія «Нивы».

русскую народную рѣчь и тѣмъ пополняетъ пробѣлы воспитанія. Картины этой деревенской жизни Пушкина мы видимъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ».

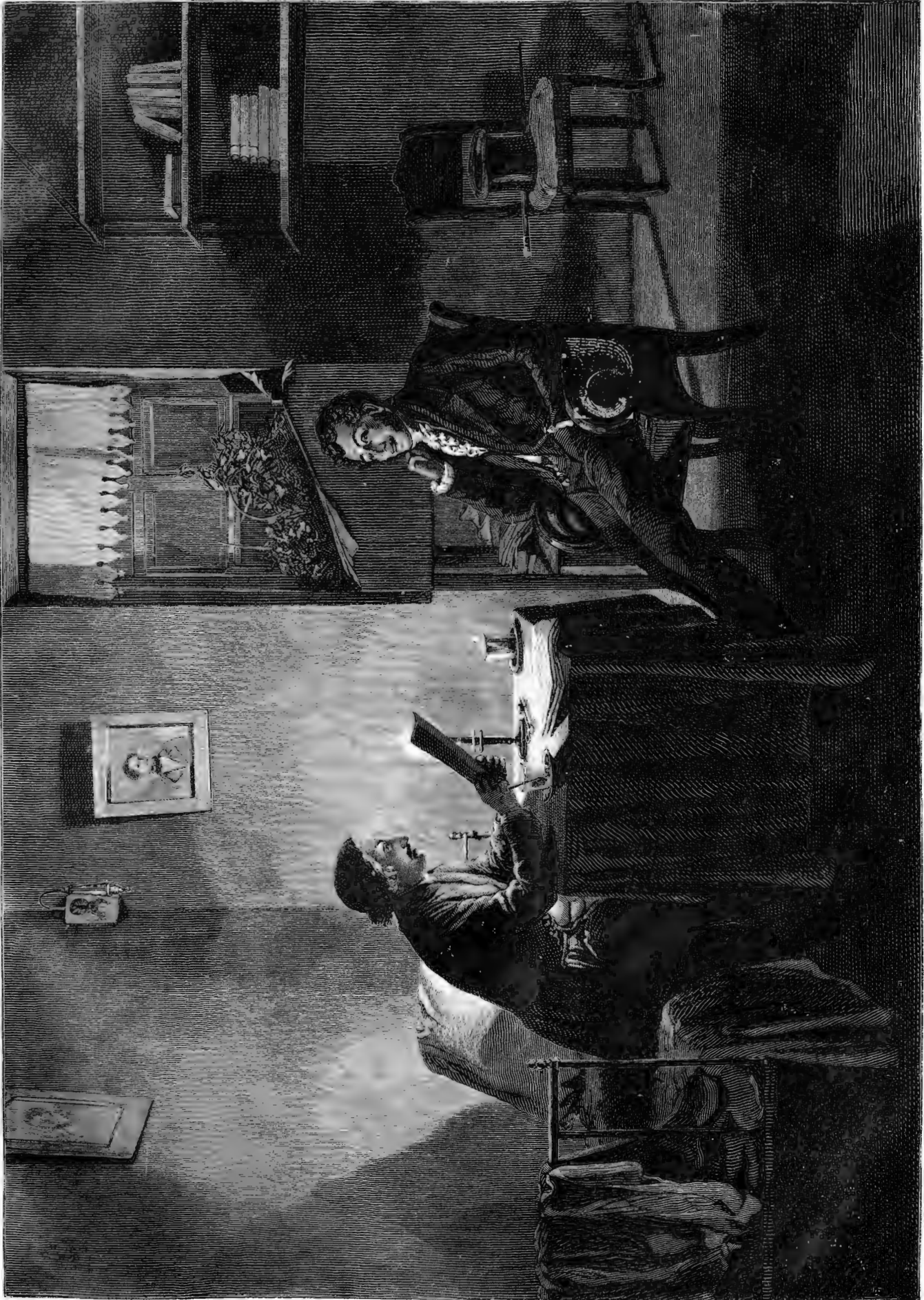
Онѣгинъ жилъ аناхоретомъ;
Въ седьмомъ часу вставалъ онъ лѣтомъ,
И отправлялся налегкѣ
Къ бѣгущей подъ горой рѣкѣ.

Прогулки, чтеніе, сонъ глубокій,
Лѣсная тѣнь, журчанье струй.
Порой бѣляки черноокой
Младой и свѣжій поцѣлуй,
Уздѣ послушный конь ретивый,
Обѣдъ довольно прихотливый,
Бутылка свѣжаго вина,
Уединенье, тишина —
Вотъ жизнь Онѣгина святая.

Особенно производительно занимался Пушкинъ осенью и очень любилъ это грустное и поэтическое время года. Весной его посетилъ Пушкинъ, его старый другъ и товарищъ. Ему онъ читалъ свои творенія въ той комнатѣ, гдѣ онъ имѣлъ привычку работать, а няня сидѣла поодаль и слушала его чтеніе.

Посѣтили его еще два лицейскіе товарища — Дельвигъ и кн. Горчаковъ, попавшій случайно въ окрестности Михайловскаго. Вотъ какъ описываетъ это посѣщеніе поэтъ въ своемъ стихотвореніи:

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней.
Хвала тебѣ — фортуны блескъ холодный
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.
Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой:
Ступая въ жизнь, мы быстро разойдемся.

Пушкинъ у Гоголя. Картина акадѣмика М. П. Клодта, грав. Ю. Барановскій.

Но невзначай, проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись.

Въ июль 1826 г. Пушкинъ послалъ черезъ губернатора письмо государю съ выраженіемъ раскаянія, воспользовавшись тѣмъ, что имя его не значилось въ спискахъ заговорщиковъ 14-го декабря, такъ какъ онъ не принималъ участія въ заговорѣ. Вскорѣ онъ былъ увезенъ присланнымъ фельдшеремъ въ Москву, а 8-го сентября прямо съ дороги представленъ государю. Государь говорилъ съ нимъ долго и откровенно.

— Здравствуй, Пушкинъ, — сказалъ ему государь Николай Павловичъ. — Доволенъ ли ты своимъ возвращеніемъ?

— Очень доволенъ, ваше величество, — отвѣтилъ Пушкинъ.

Государь вступилъ съ нимъ въ бесѣду, въ концѣ которой прямо спросилъ его:

— Пушкинъ, принялъ ли бы ты участіе въ 14-мъ декабря, если бы былъ въ Петербургѣ?

— Непремѣнно, государь: все друзья мои были въ заговорѣ, и я не могъ бы не участвовать въ немъ. Одно лишь отсутствіе спасло меня, за что я благодарю Бога!

— Довольно ты надурчился, — сказалъ ему государь: — надѣюсь, теперь будешь разсудителенъ, и мы болѣе ссориться не будемъ. Ты будешь присылать ко мнѣ все, что сочинишь; отнынѣ я самъ буду твоимъ цензоромъ.

Пушкинъ такъ увлекся въ разговорѣ съ государемъ, что облокотился на столъ, а потомъ почти сѣлъ на него. Государь отвернувшись, сдѣлавъ видъ, что не замѣтилъ этой вольности, но потомъ, говоря объ этомъ свиданіи, сказалъ: — «съ поэтѣмъ нельзя быть милостивымъ».

Однако, государь разрѣшилъ ему жить, гдѣ угодно, а съ мая 1827 г. и въ Петербургѣ.

За время своего пребыванія въ Михайловскомъ, Пушкинъ окончилъ поэмъ «Цыганы», начатую въ Одессѣ, написалъ «Графа Нулина», навѣянаго на него чтеніемъ «Лукреціи» Шекспира. Эту повѣсть онъ написалъ въ два утра. «Борисъ Годуновъ» тоже всецѣло принадлежитъ михайловскому періоду. Пушкинъ самъ былъ очень доволенъ этой трагедіей. «Я перечелъ ее вѣлхъ одинъ, билъ въ ладони и кричалъ: ай да Пушкинъ!» Но онъ продержалъ ее у себя шесть лѣтъ, не довѣряя вкусу публики и критиковъ. Онъ напечатать ее въ 1831 году и не ошибся въ своихъ сомнѣніяхъ. Критика жестоко обрушилась на него. Одинъ Вѣланскій, съ его свѣтлымъ умомъ, призналъ ея значеніе. Михайловскому періоду принадлежатъ и «Египетскія почты», не говоря о массѣ другихъ мелкихъ стихотвореній и статей.

Такимъ образомъ періодъ заточенія въ селѣ Михайловскомъ является чуть ли не самымъ производительнымъ періодомъ въ творческой дѣятельности великаго поэта.

Портретъ А. С. Пушкина, работы Нипренскаго. Грав. Герике.

У.

Женитьба Пушкина.

Пушкинъ вздохнулъ полной грудью, вырвавшись изъ Ми-

хайловскаго. Онъ съ наслажденіемъ отдался своему прежнему образу жизни, посѣщая вечера, знакомыхъ, литературные кружки и театры. Вѣсть объ его освобожденіи была радостно принята публикой, конечно, той публикой, которая читала. Его вездѣ принимали восторженно, съ открытыми объятіями. Первое время поэтъ проводилъ въ Москвѣ, только что отвеселившейся на коронаціи. Въ литературныхъ кружкахъ Пушкинъ былъ желаннымъ, дорогимъ гостемъ; онъ читалъ въ этихъ кружкахъ свои произведенія, приводилъ ими въ восторгъ молодежь, и вызывалъ такой горячій подъемъ воодушевленія, какого до тѣхъ поръ не бывало въ литературѣ.

Однако Пушкину вскорѣ съ горечью пришлось убѣдиться, что свобода его скорѣе призрачная, чѣмъ дѣйствительная. За нимъ слѣдили, его подстерегали. Шумный его успѣхъ въ московскомъ обществѣ создалъ ему сильнаго врага въ лицѣ могущественнаго гр. Бенкендорфа. Тщечно ждалъ Бенкендорфъ визита отъ поэта, и, не дождавшись его, написалъ ему ядовитое письмо:

«Я ожидалъ пріѣзда вашего», — писалъ ему Бенкендорфъ: — «чтобы объявить вамъ Высочайшую волю по просьбѣ вашей, но, отправляясь теперь въ Петербургъ, и не надѣясь видѣть васъ здѣсь, честь имѣю увѣдомить, что Государь Императоръ не только не запрещаетъ пріѣзда вашего въ столицу, но предоставляетъ совершенно на вашу волю... Сочиненій вашихъ никто разсматривать не будетъ: на нихъ нѣтъ никакой цензуры. Государь Императоръ самъ будетъ и первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ, и цензоромъ».

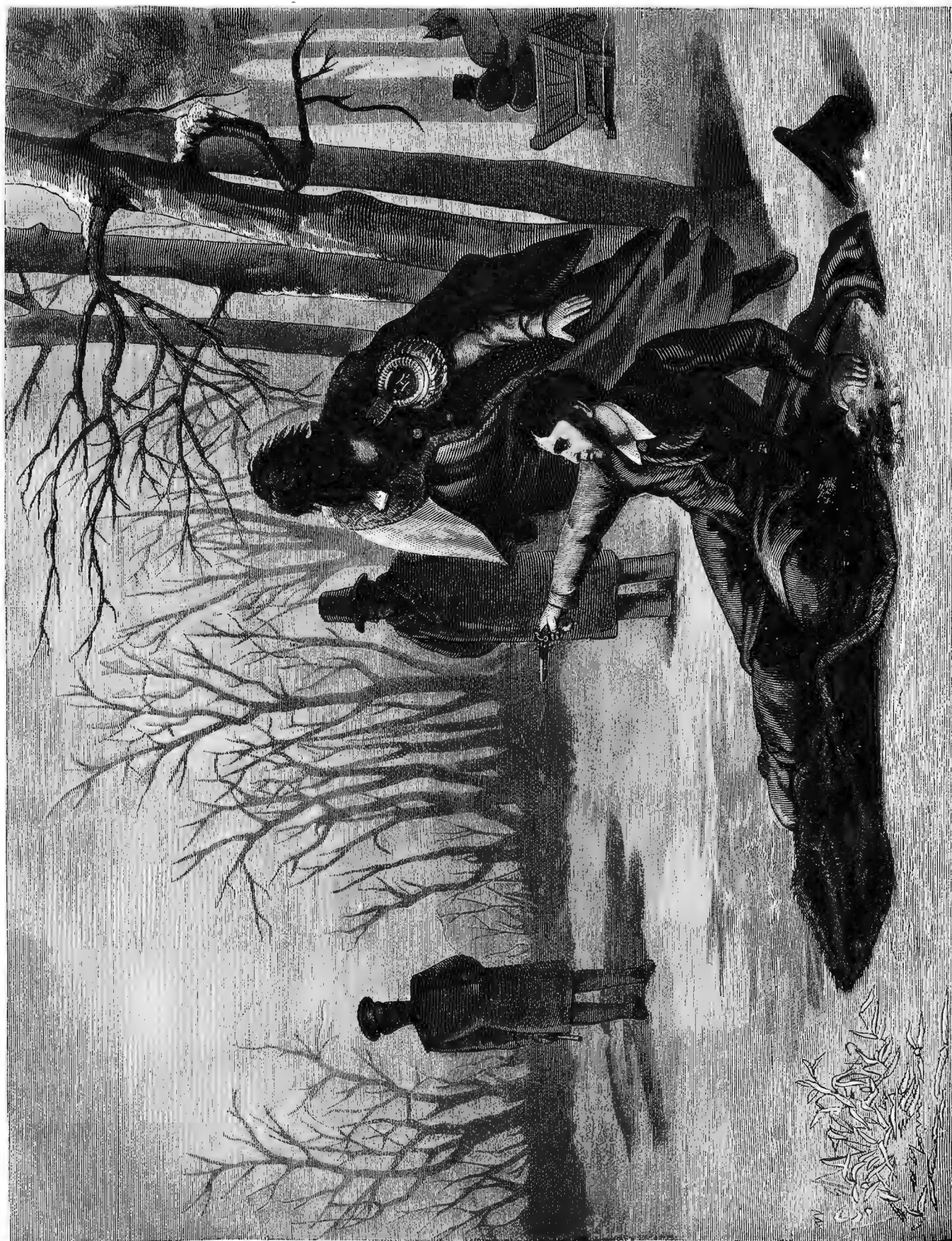
Пушкинъ былъ въ восхищеніи отъ этого письма, которое мы привели въ сокращеніи, и не усто-

тѣлъ въ немъ ядовитыхъ намековъ на то, что поэтъ не сдѣлалъ ему визита. Но гр. Бенкендорфъ не дремалъ и вскорѣ прислалъ ему новое письмо, адресованное въ с. Михайловское, куда Пушкинъ, «почуя рѣшмы», уѣхалъ работать и отдохнуть отъ московскихъ овацій.

Это письмо было уже гораздо яснѣе и строже. Ссылаясь на свое предыдущее письмо, въ которомъ Бенкендорфъ предписывалъ Пушкину все его сочиненія до напечатанія и распространенія ихъ въ рукописяхъ представлять ему для передачи государю, онъ писалъ: — «нынѣ доходятъ до меня свѣдѣнія, что вы изволили читать въ нѣкоторыхъ обществахъ сочиненную вами вновь трагедію. Это меня побуждаетъ васъ покорнѣе просить объ увѣдомленіи меня: справедливо ли такое извѣстіе или нѣтъ?»

Письмо это произвело на Пушкина тяжелое впечатлѣніе: онъ, наконецъ, почувствовалъ въ тонѣ его угрозу, а въ авторѣ его — своего врага.

Онъ послалъ Бенкендорфу извинительное письмо и сознался, что имѣлъ неосторожность читать въ Москвѣ свою трагедію, но не изъ ослушанія Высочайшей воли, а только потому, что худо понималъ эту волю. Онъ приложилъ къ письму и трагедію. Затѣмъ гр. Бенкендорфъ потребовалъ и остальные произведенія, назначенныя къ печати.

Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккеренъ 27-го января 1837 г.
 Съ картины, писанной по словесной передачь академикомъ Волковымъ, рис. Коверзневъ, грав. Герасимовъ.

Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Генкереиъ 27-го янв. 1837 г.
Съ картины Наумова. По фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Въ 1827 г. возгорѣлось дѣло о стихотвореніи «Андрей Шенье». Стихотвореніе это, написанное въ началѣ 1825 г., было разсмотрѣно цензурой 8-го октября того же года, т. е. за два мѣсяца до 14-го декабря и разрѣшено за исключеніемъ изъ него 44 стиховъ. Именно этотъ отрывокъ въ 44 стиха распространился въ спискахъ по Москвѣ. Дѣло тянулось два года. Пушкина измучили допросами.

Легко представить себѣ душевное состояніе поэта, переживавшаго это тяжелое время. Но творческія силы не покидали его. Въ 1828 г. онъ мѣлѣе, чѣмъ въ мѣсяцъ, написалъ, «Полтаву». «Гадкая проза жизни» начинала серьезно тяготить поэта, что онъ и выражаетъ въ письмѣ П. А. Осипову: — «Нелѣпость и глупость обѣихъ нашихъ столицъ равносильна, хотя и различна, и такъ какъ я стараюсь быть безпристрастнымъ, то, если бы предоставленъ мнѣ былъ выборъ между обоими городами, — я избралъ бы Тригорское, подобно арлекину; который на вопросъ, что онъ предпочитаетъ — быть колесованнымъ или повѣшеннымъ — отвѣчалъ: я предпочитаю молочный супъ».

Но эти проблески веселости становятся все рѣже и рѣже. Душа поэта изнываетъ; онъ не знаетъ, что съ собой дѣлать: просится въ дѣйствующую армию въ началѣ турецкой войны, просится за границу. Душевная его тоска отражается на его творествѣ, и скорбной, печальной нотой звучитъ въ его лирическихъ произведеніяхъ этого періода.

Характеръ Пушкина круто мѣняется. Подобно тому, какъ въ немъ произошелъ рѣзкій переломъ въ семилѣтнемъ возрастѣ, такъ и теперь совершается второй переломъ. Когда-то необыкновенно живой и страстный любитель развлеченій, Пушкинъ становится угрюмымъ, цѣлые дни проводитъ лежа на диванѣ, ни съ кѣмъ не говоря, молча кура трубку.

Въ это время Пушкинъ сдѣлалъ предложеніе Наталіи Николаевнѣ Гончаровой. Въ маѣ 1829 года онъ получилъ отъ нея не совсѣмъ удовлетворительный отвѣтъ и съ отчаяніемъ уѣхалъ на Кавказъ, проведя дѣнь недѣли въ Тифлисѣ и отправился къ дѣйствующей арміи, гдѣ находился его братъ Левъ Сергѣевичъ. Изъ этого путешествія Пушкинъ привезъ нѣсколько стихотвореній и «Путешествіе въ Арзерумъ».

Осталось невыясненнымъ, возобновилъ ли Пушкинъ свое сватовство тѣмъ же по возвращеніи съ Кавказа; извѣстно только, что въ это время онъ посвятилъ нѣсколько стихотвореній Елизаветѣ Николаевнѣ Ушаковой («Вы избалованы природой», «Я васъ узналъ, о, мой оракулъ»). Кромѣ того остался еще цѣлый альбомъ, разрисованный и написанный рукою Пушкина. Двѣ карикатуры изъ этого альбома мы приводимъ здѣсь, какъ образчикъ рисунковъ Пушкина. Е. Н. Ушакова въ томъ же 1829 г. вышла замужъ за Киселева, и альбомъ этотъ принадлежитъ теперь ея сыну.

Съ Наталіей Николаевной Гончаровой Пушкинъ познакомился въ 1828 г., когда ей было всего 15 лѣтъ, на балу, и тогда же сказалъ ей, что участь его будетъ навсегда связана съ ея участью. Въ 1830 году Москва оживилась прибытіемъ туда двора, и молодая Гончарова была дѣятельной участницей всѣхъ баловъ, собраній и празднествъ. Разговоры объ ея успѣхахъ въ свѣтѣ, о ея красотѣ не давали покоя Пушкину. По возвращеніи съ Кавказа, онъ мчится изъ Петербурга въ Москву. Въ самый день Пасхи, 21 апрѣля 1830 г. онъ сдѣлалъ предложеніе, которое и было, наконецъ, принято.

Семейство Гончаровыхъ стояло очень высоко на ступеняхъ общественной лѣстницы, но было почти разорено. Главою семьи считался дѣдъ, промышленное предпріятіе котораго, за немѣнѣемъ наличныхъ денегъ, висѣло на волоскѣ. Хотя предложеніе поэта и было принято и помолвка уже состоялась, тѣмъ не менѣе Пушкина держали въ почтительномъ отдаленіи отъ невѣсты; но его свѣтенія и придворныя связи охотно эксплуатировались будущей тещей, часто дѣлавшей ему неприятности и сцены.

Отъ всѣхъ этихъ передрагъ и душевныхъ волненій, Пушкинъ уѣхалъ въ Болдино. Но желаніе работать, несмотря на тѣгостныя условія, создавшіяся для этой работы, не покидаетъ его и осенью 1830 г., въ Болдинѣ, которое выдѣлили ему, наконецъ, отецъ изъ родового имѣнія. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ создаетъ «Скучнаго рыцаря», «Моцарта и Сальери», «Донъ-Жуана», около 30-ти стихотвореній, пять «Повѣстей

Бѣлкина», «Пиръ во время чумы», «Домикъ въ Коломенѣ» и нѣсколько главъ «Опѣтина».

По возвращеніи изъ деревни въ декабрѣ, черезъ карантинныя, учрежденные по случаю холеры, Пушкинъ пробрался въ Москву; новый 1831 годъ засталъ его въ хлопотахъ о женитьбѣ, но 14 января онъ былъ глубоко огорченъ извѣстіемъ о смерти Дельвига, стараго однокашника и друга. Въ среду, 18-го февраля 1831 года, Пушкинъ былъ, наконецъ, обвѣнчанъ, въ Москвѣ, въ церкви Старого Вознесенія. Новобрачные остались жить въ Москвѣ до весны; послѣ Пасхи они переѣхали въ Царское Село. Въ Царскомъ Селѣ Пушкинъ выступилъ съ знаменитыми стихотвореніями — «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина»; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ написалъ здѣсь и свои сказки: «О царѣ Салтанѣ», «О мертвой царевнѣ», «О золотомъ пѣтушкѣ».

Съ дачи Пушкинъ переѣхалъ въ Петербургъ и отдавался работѣ со страстью. Къ этому времени его жизни относится его знакомство и даже сближеніе съ Гоголемъ, входившимъ уже въ славу. Пушкинъ одинъ изъ первыхъ увѣровалъ въ блестящую будущность автора «Вечеровъ на хуторѣ». Оба писателя видѣлись часто, бесѣдовали о литературныхъ дѣлахъ и читали другъ другу свои произведенія. Это знакомство имѣло огромное вліяніе на Гоголя, по его собственному признанію. Извѣстно, что сюжеты «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора» даны были Гоголю Пушкинымъ. Въ 1833 г. Пушкинъ былъ принятъ въ число членовъ Академіи. Денежныя дѣла его были разстроены. Онъ уплачивалъ еще долги холостой жизни, а домашніе расходы его, по его словамъ, увеличились вдесятеро, такъ какъ нужно было принимать у себя и выѣзжать въ высшій свѣтъ, гдѣ жена его блистала на балахъ. Къ осени 1833 г. у Пушкина уже были готовы матеріалы для «Исторіи Пугачевского бунта», «Капитанская дочка» и отдѣланы совершенно «Русалка» и «Дубровскийъ» — эта первая у насъ попытка соціального романа.

Въ концѣ 1833 года Пушкинъ пожалованъ былъ камеръ-юнкеромъ, а въ мартѣ 1834 г. ему дано было 20,000 р. на печатаніе «Исторіи Пугачевского бунта». Несмотря на все это, жить въ Петербургѣ ему становится все труднѣе и труднѣе; дѣла его родителей разстраиваются, онъ беретъ ихъ на себя, послѣ чего отецъ и братъ не перестаютъ обращаться къ нему за деньгами, не справляясь о томъ, откуда ему взять денегъ для удовлетворенія ихъ просьбъ.

«Хлопоты по имѣнію меня бѣсятъ», — пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ женѣ, — «съ твоего позволенія надобно будетъ, кажется, выйти мнѣ въ отставку и со вздохомъ сложить камеръ-юнкерскій мундиръ, который такъ приятно льстил моему честолюбію... Ты молода, но ты уже мать семейства, и я увѣренъ, что тебѣ не труднѣе будетъ исполнить долгъ доброй матери, какъ исполняешь ты долгъ доброй, честной жены».

Къ этому времени присоединились и другія неприятности.

Въ то время ходила въ обиходъ по рукамъ эниграмма: «Въ академіи наукъ, засѣдаетъ князь Дундукъ»... Новый министръ народнаго просвѣщенія гр. Уваровъ встрѣтилъ у Карамзинныхъ Пушкина, которому молва приписывала эту эниграмму.

Министръ сказалъ поэту:

— Вы роняете свой талантъ, позволяя себѣ осмѣивать почтенныхъ и заслуженныхъ людей такими эниграммами.

Пушкинъ векипѣлъ и отвѣтилъ ему:

— Какое право имѣете вы дѣлать мнѣ выговоръ, когда не смѣете утверждать, что это мои стихи?

— Но всѣ говорятъ, что ваши! — возразилъ Уваровъ.

— Мало ли что говорятъ! А я вамъ вотъ что скажу: я на васъ напишу стихи и напечатаю ихъ съ моею подписью.

И дѣйствительно, когда вскорѣ послѣ этого разговора Уваровъ захворалъ, а наследники его поторопились опечатать его имущество, въ надеждѣ, что онъ умретъ, между тѣмъ какъ министръ неожиданно выздоровѣлъ, Пушкинъ написалъ стихотвореніе «На выздоровленіе Лукулла», которое и было напечатано въ *Московскомъ Наблюдателѣ*.

Эта выходка принесла много неприятностей поэту. Въ результатъ получился вызовъ къ Бенкендорфу и объясненіе съ

нимъ, о которомъ разсказывалъ самъ Пушкинъ. Приводимъ этотъ разсказъ въ извлеченіи.

«Вхожу. Графъ съ серьезной, даже со строгой миной, впрочемъ, учтиво отбѣтилъ на мой поклонъ, пригласилъ меня сѣсть у стола vis-à-vis.

«— Александръ Сергѣевичъ! Я обязанъ сообщить вамъ неприятное и щекотливое дѣло по поводу вотъ этихъ вашихъ стиховъ. Хотя вы и называли ихъ Лукулломъ и переводомъ съ латинскаго... но все русское общество въ наше время настолько просвѣщено, что умѣетъ читать между строкъ...

«— Совершенно согласенъ и радуюсь за развитіе общества. Но позвольте узнать, кто эта жалкая особа, которую вы узнали въ моей сатирѣ?

«— Не я узналъ, а Уваровъ самъ себя узналъ и просилъ обо всемъ доложить гоеударю. И даже то, какъ вы сказали ему, что напишете на него стихи и подишетесь подъ ними.

«— Сказать и теперь не отпраюсь... Только именно эти-то стихи я написалъ не на него.

«— А на кого же?

«— На васъ.

«Бенкендорфъ, вытаращивъ на меня глаза, вскрикнулъ:

«— Что?! На меня?

«А я, заранѣе восхищаясь развязкой... три раза оборачиваясь къ нему лицомъ, повторялъ:

«— На васъ, на васъ, на васъ!

«Тутъ ужъ Александръ Христофоровичъ, во всемъ величій власти, громовержцемъ поднимаясь съ кресла, схватилъ журналъ и, подойдя ко мнѣ, дрожащей отъ злости рукой тыкая на извѣстные мѣста стиховъ, сказалъ:

«— Однако, послушайте, сочинитель! Что-жъ это такое? Какой-то пройдоха наслѣдникъ... (читаетъ) «Теперь ужъ у вельможъ не стану нянчить ребятинекъ...» Ну, это ничего. (продолжаетъ читать): «Теперь мнѣ честность—трынь-трава, жену обманывать не буду!..» Ну, и это ничего, вздоръ!.. по вотъ ужасное, непозволительное мѣсто: «И воровать уже забуду казенныя дрова». А, что вы на это скажете?

«— Скажу только, что вы не узнаете себя въ этой колкости.

«— Да развѣ я воровать казенныя дрова?

«— Такъ, стало-быть, Уваровъ воровалъ, когда подобную улику принялъ на себя!

«Бенкендорфъ понявъ силлогизмъ, сердито улыбнулся и промчалъ:

«— Гм! Да!.. Самъ виноватъ...

«— Вы такъ и доложите гоеударю. А за симъ имѣю честь кланяться вашему сятельству».

VI.

Кончина поэта.

Положеніе Пушкина было тяжелымъ, и бракъ не припесъ ему успокоенія, котораго онъ такъ жаждалъ, чтобы всецѣло посвятить себя своимъ трудамъ.

Жена его была признанная красавица — *la beauté romantique* — какъ ее называли въ свѣтѣ. Одна изъ великосвѣтскихъ дамъ-иностранокъ выразилась въ своемъ письмѣ о женѣ Пушкина такъ: «она прекрасное созданіе; но это меланхолическое и тихое выраженіе, похожее на предчувствіе несчастья!» Конечно эта *beauté romantique* должна была сильно волновать воображеніе такого поклонника красоты, какимъ былъ Пушкинъ. Увлеченіе его было сначала только увлеченіемъ художника, созерцающаго «чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ». Онъ писалъ своей невѣстѣ въ альбомѣ:

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей;
Она поконитъ стыдливо
Въ красѣ торжественной своей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньи исчезаетъ.
Куда бы ты ни послѣдшала,
Хоть на любовное свиданье,
Какое-бъ въ сердцѣ ни питала
Ты сокровенное мечтанье,—

Но, встрѣтаясь съ ней, смущенный, ты
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

Но вскорѣ горячая человѣческая страсть овладѣла Пушкинымъ. И эта страсть буквально сжигала его.

Любила ли его Наталія Николаевна? На этотъ вопросъ скорѣе можно отвѣчать утвердительно, какъ можно отвѣтить отрицательно на другой вопросъ—понимала ли она его? По крайней мѣрѣ, въ перепискѣ съ женою, Пушкинъ говоритъ обо всемъ, кромѣ того, что составляло весь смыслъ его жизни о своихъ литературныхъ работахъ и планахъ. Онъ какъ будто конфузится писать и говорить объ этомъ, точно боится довѣрить святая святыхъ своей души женицинѣ, которая врядъ ли пойметъ его. Такимъ образомъ, высшая сторона жизни, сторона духовная, оставалась у Пушкина неудовлетворенною, и въ своей семейной жизни онъ долженъ былъ чувствовать страшное душевное одиночество.

Кромѣ того несомнѣнно, что ревность должна была мучить его, несмотря на то, что онъ былъ увѣренъ въ женѣ, воспитанной въ принципахъ благочестія и добродѣтели; но онъ зналъ пустоту и ничтожество всѣхъ этихъ свѣтскихъ ухаживателей и донъ-жуановъ. Онъ боялся не измѣны со стороны жены, а скорѣе злословія, сплетенъ, грязныхъ и пошлыхъ намековъ представителей того общества, въ которомъ онъ враждовалъ, и которое, къ тому же, было недоброжелательно къ нему настроено. Онъ былъ правъ, какъ показываетъ исторія его кончины.

Въ его письмахъ къ женѣ звучитъ тревожная нотка:

«Смотри, женка. Того и гляди избалдуешься безъ меня, забудешь меня—некокетничашься. Одна надежда на Бога, да на тетку. Авось сохранять тебя отъ искушеній разсѣянности... «Кокетничать я тебѣ не мѣшаю, но требую отъ тебя холодности, благопристойности, важности — не говорю уже о безпорочности поведенія, которое относится не къ *тону*, а къ чему-то уже важнѣйшему»... «Вчера получилъ отъ тебя два письма, но я хочу немножко тебя пожурить. Ты, кажется, не путемъ некокетничалась. Смотри, не даромъ кокетство не въ модѣ и почитается признакомъ дурного тона. Въ немъ толку мало... вотъ тебѣ вся тайна кокетства. *Было бы корыто, а свиньи будутъ*. Къ чему тебѣ принимать мужичишъ, которые за тобой ухаживаютъ? Не знаешь, на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова, о Оомѣ и Кузьмѣ. Оома накормилъ Кузьму икрой и селедкой. Кузьма сталъ просить лить. а Оома не далъ. Кузьма и прибилъ Оому, какъ каналью. Изъ этого поэтъ выводитъ слѣдующее правоученіе: красавицы! не кормите селедкой, если не хотите лить давать; не то можете наскочить на Кузьму. Видишь ли! Прошу, чтобы у меня не было этихъ академическихъ завтраковъ. Теперь, мой ангелъ, цѣлую тебя какъ ни въ чемъ не бывало, и благодарю за то, что ты подробно и откровенно описываешь мнѣ свою безпугую жизнь... Я не ревнивъ, да и знаю, что ты во все тяжкое не пугнешься; но ты знаешь, какъ я не люблю все, что пахнетъ московскою барышнейю, все, что не *comme il faut*, все, что *vulgar*... «Женка, женка! Я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по три мѣсяца въ стеной глуши, оставаюсь въ пакостной Москвѣ, которую ненавижу—для чего?—для тебя, женка, чтобы ты была спокойна и блистала себѣ на здоровье, какъ прилично въ твои лѣта и съ твоей красотой. Побереги же и ты меня. Къ хлопотамъ, неразлучнымъ съ жизнью мужчины, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности etc. etc.».

Въ своихъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ, гр. Соллогубъ старается выяснить, въ чемъ, именно, заключалось несчастье поэта.

«Въ сущности Пушкинъ былъ до крайности несчастливъ»,— говоритъ онъ, «и главное его несчастье заключалось въ томъ, что онъ жилъ въ Петербургѣ и жилъ свѣтской жизнью, его убившей. Пушкинъ находился въ средѣ, надъ которой не могъ не чувствовать своего превосходства, а между тѣмъ въ то же время чувствовалъ себя почти постоянно униженнымъ и по достатку, и по значенію въ аристократической сферѣ, къ которой онъ имѣлъ какое-то неностижимое пристрастіе. Наше общество такъ еще устроено, что величайшій художникъ

Мѣсто дуэли Пушкина, въ 1880 г. Съ натуры рис. Рейнгардтъ, грав. М. Рашевскій.

Мѣсто дуэли Пушкина, въ 1899 г. По фот. автотипія «Нивы».

безъ чина становится въ официальномъ мірѣ ниже послѣд-
няго писаря. Когда при развѣздахъ кричали:—Карегу Пуш-
кина!—Какого Пушкина? — Сочинителя! Пушкинъ обижался,
конечно, не за названіе, а за то пренебреженіе, которое ока-
зывалось названію».

А денежные затрудненія все продолжались. Онъ очень раз-
считывалъ поправить свои дѣла работами по исторіи. Онъ
задался нѣбью написать исторію Петра I, котораго ставилъ
такъ высоко. Плодомъ его историческихъ работъ были: «Дуб-
ровскій», «Канитаская дочка», «Мѣдный Всадникъ» и «Арапъ
Петра Великаго». Но денежные расчеты его не оправдыва-
лись, и приходилось прибѣгать къ займамъ, въ особенности
послѣ пожалованья поэта въ камеръ-юнкеры, когда ему при-
шлось бывать при дворѣ и вывозить на придворные балы жену.

Пожалованіе придворнымъ званіемъ причинило ему также
не мало неприятностей. Онъ писалъ по этому поводу: «Вели-
кій князь намедни поздравилъ меня въ театрѣ. «Покоривъше
благодарю ваше высочество: до сихъ перъ всё надо мной
смыслили: вы первый меня поздравили».

Самолюбіе поэта страш-
но страдало, что и видно
изъ его замѣтокъ. Въ
одной изъ нихъ, въ ко-
торой онъ жаловался на
свое камеръ-юнкерство,
онъ вписалъ слѣдующую
фразу: «Баронъ д'Аптесть
и маркизъ де Пина, два
Шуана, будутъ приняты
въ гвардію прямо офи-
церами. Гвардія рошцетъ».

Думалъ ли онъ тогда,
что это имя Дантеса сдѣ-
лается роковымъ для него
именемъ!

Баронъ Жоржъ д'Ап-
тесть или Дантесть былъ
нидерландскаго происхожде-
нія, но—французскій под-
данный, отецъ котораго
получилъ отъ Наполео-
на I титулъ барона.
Послѣ революціи трид-
цатого года Дантесть эмигрировалъ въ Россію, снабженный
множествомъ рекомендательныхъ писемъ. Онъ былъ очень
красивъ, вкрадчивъ, некателенъ и любезенъ; быстро втерся
въ аристократическое общество, въ которомъ нашелъ покрови-
телей, представившихъ его императрицѣ и просившихъ для
него ея протекціи. Вступленіе Дантеса въ русскую службу
произошло довольно оригинально. Живонисецъ Ладюрнеръ,
имѣвшій мастерскую въ Эрмитажѣ, часто принималъ у себя
государя. Познакомившись съ Дантесомъ, Ладюрнеръ рѣшилъ
сдѣлать ему карьеру. Онъ нарисовалъ карикатурный порт-
ретъ Людовика Филиппа, котораго государь очень не любилъ,
и поставилъ его на видномъ мѣстѣ въ мастерской, посовето-
вавъ Дантесу не отлучаться изъ нея. При первомъ же по-
сѣщеніи государя, на вопросъ его, кто авторъ карикатуры,
живонисецъ представилъ ему молодого эмигранта, и Дантесть тутъ
же смѣло попросилъ императора принять его на русскую
службу. Государь, который былъ очень въ духѣ, немедленно
согласился. Дантесть умѣлъ обвораживать людей. Такъ, напр.,
неизвѣстно почему, нидерландскій посланникъ, баронъ Геке-
ренъ усыновилъ его, далъ ему свою фамилію и сдѣлалъ его
своимъ наследникомъ; объясняли это тѣмъ, что Дантесть
былъ его незаконнымъ сыномъ; говорили еще, что старый
баронъ сдѣлалъ это изъ ненависти къ своему семейству.
Старикъ Гекеренъ не отличался нравственностью и былъ
крайне несимпатичнымъ человѣкомъ, пользовавшимся всѣми
средствами, часто недозволенными, для намѣченныхъ цѣлей;
онъ былъ извѣстенъ сплетнями, перессорившими многихъ въ
Петербургѣ. Его приемный сынъ былъ тѣмъ, что тогда назы-
валось блестящимъ офицеромъ, обворожительнымъ красавцемъ
и нобѣдителемъ дамскихъ сердець. Онъ умѣлъ скаламбурить,

отпустить bon-mot, удачно сострить; очень любилъ прихваст-
нуть, въ особенности успѣхомъ у женщинъ, но былъ совер-
шенно необразованъ и даже не развитъ.

Дантесть и Пушкинъ познакомились въ рестораціи Дюма,
гдѣ часто обѣдали за табльдотомъ. Они сблизились, постоянно
встрѣчаясь въ одномъ и томъ же петербургскомъ обществѣ.

Между тѣмъ Пушкинъ продолжалъ свои работы и усердно
посѣщалъ традиціонныя субботы Жуковскаго, на которыхъ
встрѣчался съ Крыловымъ, кн. Вяземскимъ, кн. Одоевскимъ,
Глинкой и Гоголемъ. Но Пушкинъ былъ уже не тотъ; харак-
теръ его сталъ желчнымъ и подозрительнымъ. На окружаю-
щихъ онъ смотрѣлъ косо, въ каждомъ словѣ старался видѣть
намекъ на свои семейныя отношенія или оскорбленіе. Теперь
онъ легко поддавался сплетнямъ, и по всему видно было, что
въ немъ начался уже душевный разладъ. Одинъ изъ его біогра-
фовъ, г-жа Венкестеръ, допускаетъ мысль, что онъ дѣйствовалъ,
какъ будто «руководимый смутной надеждой встрѣтить пулю,
которая разомъ разрѣшила бы его запутанные счеты съ жизнью».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ душу его закралось какое-то темное

предчувствіе, и въ разго-
ворѣ съ сестрой, прѣхав-
шей на похороны ихъ
матери, Пушкинъ ска-
залъ Ольгѣ Сергѣевнѣ: —
Si vous saviez, ma chère
sœur, combien l'exis-
tence m'est à charge!
J'espère qu'elle ne
durera pas longtemps...
et je vous dirai mieux:
je le sens! —И онъ по-
кушается въ Святогор-
скомъ монастырѣ, рядомъ
съ могилой матери, мѣ-
сто для будущей своей
могины.

Жена его продолжала
выѣзжать. Вскорѣ въ
свѣтѣ разнесся слухъ о
пазойливомъ ухаживаніи
за нею Дантеса. Сплет-
ня, все разрастаясь и
увеличиваясь, какъ снѣж-

ный комъ, конечно, достигла ушей Пушкина, до котораго услуж-
ливые «друзья» успѣли довести этотъ слухъ. Это было по-
сѣдней каплей, сдѣлавшей невозможнымъ компромиссъ и
вынудившей несчастнаго поэта выступить на активную защиту
своей чести. Все, что онъ пережилъ за эти годы семейной
жизни, вся горечь обидъ, всѣ мелочныя оскорбленія, все пере-
житое имъ и удерживаемое на днѣ гордой и оскорбленной
души взволновалось и заклокотало въ немъ. Ненависть къ
пошлому обществу, страстная, неутолимая жажда мести овла-
дѣла имъ. Въ лицѣ Дантеса онъ точно бросалъ вызовъ всему
петербургскому обществу.

Вдохновеніе покинуло его въ эти скорбныя минуты его жиз-
ни. Будто чувствуя, что для него все уже и навсегда кон-
чено, онъ написалъ еще одно стихотвореніе «Памятникъ»—
могучій и гордый эпитогъ къ закончившейся литературной
дѣятельности. Безъ ложной скромности, безъ скромной фальши,
онъ самъ даетъ оцѣнку своему гению:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не зарастетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.

Нѣтъ! Весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ пиитъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгузъ и другъ степей калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокий вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ надшимъ призывалъ.

**Наталья Николаевна Пушкина, съ ду-
шевнымъ прискорбіемъ извѣщая о кончинѣ
супруга ея, Двора Е. И. В. Камеръ-Юнкера
Александра Сергѣевича Пушкина, по-
слѣдовавшей въ 29-й день сего Января, по-
коривъше просить пожаловать къ отпѣванію
тѣла его въ Исаіевскій Соборъ, состоящій
въ Адмиралтействѣ, 1-го числа Февраля въ
11 часовъ до полудня.**

Извѣщеніе о смерти Пушкина.

Велѣнью Божию, о муза, будь послушна:
Обиды не страшись, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету прислани равнодушно
И не оспаривай глупца...

Такимъ языкомъ, сильнымъ, гордымъ и мощнымъ, могъ говорить только гений. И это поэтическое завѣщаніе, эта лебедина пѣсня поэта, достойно завершила его поэтическую дѣятельность. Онъ уже не имѣлъ нравственныхъ силъ обойти клевету презрительнымъ молчаніемъ и вступилъ въ споръ, въ смертельный, послѣдній споръ съ «глушцами жестокаго вѣрка». И онъ погибъ въ этой неравной борьбѣ, погибъ, потому что стоялъ одинокомъ среди легионовъ пошляковъ, среди моря клеветы, которое поглотило его своими нечестными волнами.

Въ октябрѣ, въ Петербургѣ, на лицейскомъ праздникѣ удрученный, душевно-разбитый поэтъ, хотѣлъ прочесть собранвшимся лиценстамъ стихотвореніе, написанное имъ къ этому торжеству; но только онъ произнесъ:

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался...

какъ голосъ его оборвался, и слезы полились изъ его глазъ. Онъ опустился на диванъ, въ безсиліи, въ изнеможеніи.

Это было его прощаніе съ товарищами, съ поэзіей, съ жизнью. Затѣмъ взвилась занавѣсъ надъ послѣднимъ, короткимъ актомъ его жизненной трагедіи.

Изъ письма Пушкина къ графу Бенкендорфу мы увидимъ, какъ начался этотъ послѣдній актъ.

«Графъ, писалъ поэтъ 21 ноября: — считаю себя въ правѣ и даже обязаннымъ сообщить вашему сиятельству о томъ, что произошло въ моемъ семействѣ. Утромъ 4 ноября, я получилъ три экземпляра безыменнаго письма, оскорбительнаго для моей собственной и для жены моей чести. По виду бумаги, по слогу письма, по его редакціи, я съ первой же минуты догадался, что оно отъ иностранца, чловѣчка вышшаго круга,

дипломата. *) Я сталъ разыскивать. Узнаю, что семь или восемь особъ въ тотъ же день получили по экземпляру такого же письма, запечатаннаго и адресованнаго на мое имя, поѣтъ

*) Баръ Гекернъ, старика.

двойнымъ конвертомъ. Большая часть лицъ, его получившихъ, подозревая гнусности, не переслали его ко мнѣ. Вообще негодовали на столь подлую и незаслуженную обиду, но повтория, что поведеніе моей жены безупречно, говорили, что поводомъ такой гнусности послужило настойчивое ухаживанье за нею г. д'Антеса. — Не мнѣ было допустить, чтобы въ данномъ

случаѣ имя моей жены связано было съ чѣмъ бы то ни было именемъ. Я поручилъ передать это г. д'Антесу. Баронъ Гекернъ пріѣхалъ ко мнѣ и принялъ вызовъ за г. д'Антеса, прося у меня 15-ти-дневной отсрочки. — Случилось такъ, что въ этотъ условленный промежутокъ времени д'Антесъ влюбился въ мою свояченицу, дѣвицу Гопчарову, и сталъ преслѣдовать ея руки. Узнавъ объ этомъ по общественнымъ слухамъ, я поручилъ попросить г. д'Аршіака (секунданта г. д'Антеса) смотрѣть на мой вызовъ, какъ на несо-

стоявшійся. Между тѣмъ я удостоверился, что безыменное письмо было отъ г. Гекерна, о чемъ считаю долгомъ довести до свѣдѣнія правительства и общества. — Будучи единственнымъ судьей и блюстителемъ моей и женной чести, а потому и не требуя ни правосудія, ни мщенія, я не могу и не хочу кому бы то ни было предъявлять доказательство того, что утверждаю. Во всякомъ случаѣ надѣюсь, графъ, что это письмо служитъ доказательствомъ уваженія и довѣрія моего къ особѣ вашей.»

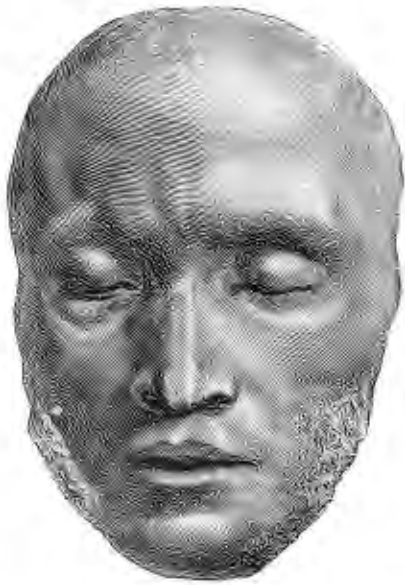
Одновременно онъ написалъ крайне рѣзкое письмо и къ старнику Гекерну:

«Я не хочу, чтобы жена моя выслушивала ваши отеческія увѣщанія. Не могу дозволить, чтобы сынъ вашъ, послѣ гнуснаго своего поступка, осмѣливался еще съ ней говорить и того менѣе ухаживать за нею и отпущать ей казарменные каламбуры, разыгрывая пѣвко-преданнаго и несчастнаго вздыхателя, тогда какъ онъ ни что иное какъ негодяй и мерзавецъ. Итакъ, я вынужденъ просить васъ, г. баронъ, прекратить всѣ эти продѣлки, если желаете избѣжать новаго скандала, передъ которымъ я, конечно, не отступлю.»

Письмо это не было отпущено по назначенію именно вслѣд-

Пушкинъ въ гробу. Рисунокъ Бореля, грав. Терике.

Маска Пушкина, снятая съ него на другой день послѣ кончины. Грав. Терике.

Портретъ Пушкина, рисованный съ маски Э. Жуковской. Грав. Терике.

ствие изъясненнаго Дантесомъ намѣренія жепитъся на Екатерину Николаевну Гончарову. Пушкинъ тѣмъ не менѣе отказался отъ всякихъ сношеній съ Дантесомъ, даже послѣ состоявшейся въ 1837 г. свадьбы своего прага съ его свояченицей. Онъ даже не принялъ свадебнаго визита молодыхъ.

Ихъ старались мирить, заставляли встрѣчаться въ разныхъ мѣстахъ: старикъ Гекернъ продолжалъ говорить съ женой Пушкина о страсти къ ней своего пріемнаго сына, а она передавала этотъ разговоръ своему мужу. Пушкинъ выходилъ изъ себя, и его мрачное, тяжелое настроеніе духа стало замѣтно всѣмъ окружающимъ, кромѣ его жены. Но наконецъ и она замѣтила, что съ нимъ творится что-то пелад-

Пушкинъ отвѣтилъ:

— *Ça m'est fort égal, seulement tâchez de faire tout cela plus vite.* (Мнѣ все равно, но нельзя-ли все это сдѣлать поскорѣй).

Секунданты отыбрали шаги, отыбрали барьеры шинелями и стали заряжать пистолеты. Пушкинъ не могъ сдерживать своего нетерпѣнія.

— *Eh bien! est-ce fini?* (Ну, готово-ли?)—обратился онъ къ Дансау.

Когда все было готово, Дансау махнулъ шляпой.

Пушкинъ первымъ подошелъ къ барьеру и остановился, наводя пистолетъ. Но Дантесъ, не дойдя до барьера одного

Святогорскій монастырь, гдѣ похоронен прахъ Пушкина. Рис. В. Полякова, автотипія Ангерера и Гёшля.

шага, и предложила ему уѣхать на время изъ Петербурга. Но это предложеніе явилось запоздалымъ. Пушкинъ рѣшилъ уже кончить дѣло иначе. У него сохранилось письмо, о которомъ мы говорили выше. Онъ его переписалъ, кое-что измѣнивъ въ немъ, и отправилъ Гекерну.

Послѣдовалъ вызовъ Дантеса.

Въ 4 часа пополудни 27-го января 1837 г. за Черной рѣчкой, близъ комендантской дачи, состоялась дуэль. Противники пріѣхали одновременно: Пушкинъ съ подполковникомъ К. К. Дансаемъ, Дантесъ съ виконтомъ д'Аршиакомъ. Въ сажняхъ полутора отъ дачи выбрали площадку, окруженную густымъ кустарникомъ, скрывавшимъ присутствовавшихъ отъ постороннихъ глазъ. Утоптали ногами снѣгъ, выровняли мѣсто и вызвали противниковъ.

Было очень холодно—свыше 15 градусовъ и, кромѣ того, дулъ рѣзкій вѣтеръ. Пушкинъ былъ закутанъ въ медвѣжью шубу, все время молчалъ, былъ спокоенъ, но иногда выражалъ признаки нетерпѣнія.

Дансау спросилъ его:

— Находишь ли удобнымъ выбранное нами мѣсто?

шага, выстрѣлилъ.

Пушкинъ упалъ.

— *Je crois que j'ai la cuis'e fracassée.* (Кажется, у меня раздроблено бедро), сказалъ онъ.

Секунданты кинулись къ нему, но Пушкинъ удержалъ Дансау словами:

— *Attendez! Je me sens assez de force pour tirer mon coup.* (Подожди! У меня хватитъ силъ, чтобы стрѣлять).

Дантесъ ждалъ у барьера, прикрывъ грудь правой рукой. Падая на снѣгъ, Пушкинъ выронилъ изъ рукъ пистолетъ, и Дансау подаль ему другой.

Кн. П. А. Вяземскій такъ рассказываетъ о послѣдовавшей сценѣ:

«Опираясь лѣвой рукой въ землю, Пушкинъ сталъ прицѣливаться въ Дантеса и твердою рукою выстрѣлилъ. Пушкинъ кинулъ вверхъ свой пистолетъ и вскрикнулъ: браво! Послѣ, когда оба противника лежали каждый на своемъ мѣстѣ, Пушкинъ спросилъ д'Аршиака:

«— *Est-il tué?* (Убитъ-ли онъ?)»

Памятникъ Пушкину въ Москвѣ, работы академика М. М. Опекушина. По рис. В. Шлака грав. Иуца.

« — Non, mais il est blessé au bras et à la poitrine. (Итъ, но онъ раненъ въ руку и грудь).

« — C'est singulier: j'avais cru que cela m'aurait fait plaisir de le tuer; mais je sens que non. (Странно, я думалъ, что мнѣ доставитъ удовольствіе убить его; но теперь вижу, что итъ).

«Д'Арниакъ хотѣлъ сказать нѣсколько мировыхъ словъ, но Пушкинъ не далъ ему времени продолжать.

« — Au reste, c'est égal; si nous nous rétablissons tous les deux, ce sera à recommencer». (Впрочемъ, все равно; если мы оба поправимся, то придется начать снова).

Рана Дантеса была не опасна, но Пушкинъ былъ раненъ въ животъ. Карета Дантеса привезла Пушкина къ его квартиру на Мойкѣ, въ домъ князя Волконскаго. Было уже около 6 ч. вечера.

— Грустно тебѣ меня нести? — спросилъ Пушкинъ у камердинера.

Его внесли въ кабинетъ. Онъ велѣлъ подать себѣ чистое бѣлье, раздѣлся и легъ. Жена его хотѣла войти, но онъ закричалъ:

— N'entrez pas: il y a du monde chez moi. (Не входи; я не одинъ).

Потомъ, когда она вошла, онъ сказалъ ей:

— Какъ я счастливъ! Я еще живъ и ты возлѣ меня! Будь покойна! Ты не виновата; я знаю, что ты не виновата...

Между тѣмъ прибылъ докторъ Шольцъ, котораго Пушкинъ, оставшись наединѣ, просилъ сказать правду.

— Не могу отъ васъ скрыть — вы въ опасности, — отвѣтилъ тотъ.

— Скажите лучше, умираю.

— Считаю долгомъ не скрывать и того.

— Je vous remercie, vous avez agi en honnête homme envers moi. Il faut que j'arrange ma maison. (Благодарю васъ, вы поступили, какъ честный человекъ. Я долженъ устроить свои дѣла).

Пріѣхавшій докторъ Арендтъ, осмотрѣвъ его и уѣзжая, сказалъ, что отправляется къ государю.

— Скажите ему, что умираю, — проговорилъ Пушкинъ: — и прошу у него прощенья за себя и за Дантеса.

Между тѣмъ къ Пушкину собрались друзья, между которыми былъ и Жуковскій.

Ночью пріѣхалъ Арендтъ и привезъ Пушкину собственноручную записку государя, написанную карандашомъ: «Если Богъ не приведетъ насъ свидѣться въ здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ мое прощенье и послѣдній совѣтъ: умереть христіаномъ. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я ихъ беру на свои руки».

— Скажите государю, — отвѣтилъ тронутый Пушкинъ: — что жалко о потери жизни, потому что не могу изъяснить ему благодарность, что я былъ бы весь его.

Священникъ причастилъ его. Пушкинъ не хотѣлъ выдавать своихъ страданій при жепѣ и крѣпился, а когда она выходила, стоналъ отъ боли и повторялъ: — «Бѣдная жена! бѣдная жена!»

Страданія поэта длились два дня. Мученія его были ужасны, и терпѣніе его замѣчательно. Арендтъ не могъ придти въ себя отъ изумленія. Ночь на 28-е января была мучительна. Жуковскій пріѣхалъ съ новыми словами утѣшенія отъ государя. Пушкинъ поднялъ руки и сказалъ:

— Вотъ какъ я утѣшусь! Скажи Государю, что я желаю ему долгаго, долгаго царствованія, что я желаю ему счастья въ его сибирь, что я желаю ему счастья въ его Россіи.

У подъѣзда Пушкина была положительная давка. Всѣ хотѣли его видѣть, но къ нему допускали лишь самыхъ близкихъ знакомыхъ. Умирающій спрашивалъ, кто былъ у него въ домѣ, и говорилъ:

— Мнѣ было бы пріятно видѣть ихъ всѣхъ, но у меня нѣтъ силы говорить съ ними.

Онъ постоянно щувалъ свой пульсъ и говорилъ:

— Вотъ смерть идетъ!

Данзасъ спросилъ его, не поручить ли онъ что-либо передать Геккерену, въ случаѣ смерти. И Пушкинъ отвѣтилъ ему:

— Требую, чтобы ты не метилъ за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть христіаномъ...

Въ два часа пополудни 29-го января Пушкину стало вдругъ хуже. Пришла жена, опустилась на колѣни у изголовья, прижалась лицомъ къ его лицу. Пушкинъ поглядилъ ее по головѣ и проговорилъ: — «Ну, ну, ничего! Слава Богу, все хорошо, поди».

Вотъ какъ Жуковскій описываетъ его послѣднія минуты.

«Онъ подаль руку Дашю и, пожимая ее, проговорилъ: — «ну подымай же меня, пойдемъ, да выше, выше... ну пойдемъ!» Но, очнувшись, онъ сказалъ: — «мнѣ-было пригрѣзилось, что я съ тобой лѣзу вверхъ по этимъ книгамъ и подламъ! высоко!.. и голова закружилась». Немного погодя, онъ опять, не раскрывая глазъ, сталъ локать левую руку и, потянувъ ее, сказалъ: — «ну, пойдемъ же, пожалуйста, да вмѣстѣ». Даль, по просьбѣ его, взялъ его подъ мышки и приподнялъ выше... Лицо Пушкина прояснилось, и онъ сказалъ: — «кончена жизнь!» Даль, не разслышавъ, отвѣчалъ: — «да, конечно, мы тебя поворотили». — «Жизни

кончена!» — повторилъ умирающій внятно и положительно. «Тяжело дышать, давить!».

Это были его послѣднія слова. Въ три четверти третьяго часа пополудни, 29-го января 1837 года, Пушкина не стало.

Съ умершаго поэта были сняты портреты («Пушкинъ въ гробу») и маски, снимки съ которыхъ читатели найдутъ на этихъ страницахъ.

Праха поэта были перенесены изъ его квартиры въ придворно-копюженную церковь; 1-го февраля было отпѣваніе, а ночью въ тотъ же день тѣло Пушкина было отправлено въ Нековскую губернію, въ Святогорскій монастырь, гдѣ великій поэтъ нашелъ себѣ вѣчный покой. Могила находится за церковью Успенія Божіей Матери, на краю крутого обрыва. Надгробный памятникъ изъ бѣлаго мрамора съ надписью «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ», окруженною лавровымъ вѣнкомъ, возвышается теперь надъ его могилой.

Смерть величайшаго русскаго поэта какъ будто разбудила дремавшее общественное мнѣніе. Только съ того момента, когда глаза его закрылись навѣкъ, общество поняло, что оно потеряло въ его лицѣ и кого оно хоронило.

Лермонтовъ написалъ страстные, проникнутые глубиной печалью и горячимъ негодованіемъ къ убійцамъ Пушкина, стихи.

.. Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увилъ торжественный вѣнокъ.

Памятникъ Пушкину въ Одессѣ, работы Ж. А. Полонской.
По фот. автотипія Нивы.

Его убійца хладнокровно
 Навелъ ударъ!.. Спасенна вѣтъ!
 Сѣлись, онъ дерзко презиралъ
 Земли чужой законъ и нравы:
 Не могъ падить онъ нашей славы,
 Не могъ понять въ сей мигъ кровавый,
 На что онъ руку подымалъ!..

Стихи эти разошлись въ десяткахъ тысячахъ экземпляровъ въ рукописныхъ спискахъ и были у всѣхъ на устахъ.

Произведенія Пушкина.

1814.

Пушкинъ началъ писать стихи еще въ дѣтствѣ, а будучи въ лицей, онъ сталъ ихъ уже печатать. Въ первыхъ его стихотвореніяхъ, относящихся къ лицейскому періоду, чувствуется, конечно, подражательность классическимъ образцамъ. Но и въ этихъ первыхъ, юношескихъ опытахъ уже поражаетъ простота и звучность стиха, какъ напримѣръ въ длинномъ антологическомъ стихотвореніи «Блаженство» (рис. на стр. 31), относящемся къ 1814 году.

Въ роцѣ сумрачной, тѣмной. Печью, на простой свирѣли
 Гдѣ журча въ травѣ душистой, Пѣлъ влюбленный пастушокъ.
 Свѣтлый бродитъ ручеекъ,

Пастушокъ тоскуетъ о пастуникѣ Хлоѣ, измѣнившей ему.
 Сатиру учить его:

Слушай, юноша любезный,	Такъ поди-жь теперь, съ похмѣлья,
Мнѣ гь блаженства вѣкъ лови;	Съ Купидономъ помирись:
Помни дружбы наставленія:	Позабудь его обиды,
Безъ вина здѣсь нѣтъ веселья,	И въ объятіяхъ Дориды
Нѣтъ и счастья безъ любви;	Снова счастьемъ насладись!

*

Къ тому же 1814 г. относится и поэма «Осгаръ» (подражаніе Парни). Парни былъ французскимъ поэтомъ, членомъ академіи (1753—1814). Громкая его извѣстность была вызвана похвалою Вольтера, провозгласившаго его французскимъ Гибулломъ. У Пушкина есть много переводовъ и подражаній Парни, не только въ его лицейскихъ стихотвореніяхъ, но и въ стихотвореніяхъ до 1824 г. Онъ упоминаетъ о Парни даже въ «Евгеніи Онегинѣ», а, желая похвалить Батюшкова, называетъ его «россійскимъ Парни».

Нашъ рисунокъ (на стр. 31) изображаетъ главную сцену изъ поэмы «Осгаръ».

По камнямъ гробовымъ, въ туманахъ полуночи,
 Ступая трепетно усталого ногой,
 По Лорѣ путникъ шелъ: его напрасно очи
 Ночлега мирнаго искали въ тѣмъ густой.

Онъ встрѣчаетъ стараго барда, который, указывая путнику на одну изъ могилъ, рассказываетъ ему исторію Осгара:

Во двѣтъ нѣжныхъ лѣтъ любилъ Осгаръ Мальвину;
 Не разъ онъ въ радости съ подругою встрѣчалъ.
 Вечерній свѣтъ заны, скользили на долину,
 И тѣнь, упавшую съ приморскихъ грозныхъ скалъ.
 Казалось, ихъ сердца другъ къ другу пламенили.
 Одной, одной Осгаръ Мальвиною дышалъ!..
 Но быстро дни любви и счастья пролетѣли,
 И вечеръ горести для юноши насталъ!..

Мальвина измѣнила юношѣ. Однажды онъ входитъ въ ея хижины и видитъ въ объятіяхъ своей возлюбленной Звигнела:

И ярость дикая во взорахъ закипѣла,
 Нѣмѣть и дрожитъ любовникъ молодой;
 Онъ грозный мечъ извлекъ—и нѣтъ уже Звигнела,
 И блѣдный духъ его сокрылся въ тѣмъ ночной!

Мальвина обняла несчастнаго колѣна,
 Но взоры отративъ: «живи!» вѣщала Осгаръ:
 «Живи, ужъ я не твой, презрѣна мной измѣна,
 Забуду, потушу къ невѣрной страсти жаръ.»
 И тихо за порогъ выходитъ онъ въ молчаньи,
 Окованъ мрачною, безмолвною тоской:
 Исчезло сладкое навѣкъ очарованье!

Осгаръ провелъ длинный годъ въ молчаливой пустышѣ, потомъ палъ сраженный въ бою Фингаломъ, сыномъ Одена.

1820.

Поэму «Русланъ и Людмила» Пушкинъ задумалъ еще въ лицей, начавъ работать надъ ней въ 1817 году и продолжая отдѣлывать и писать ее въ 1818 и 1819 году. Онъ окон-

Въ 1880 году Москва съ необыкновеннымъ торжествомъ праздновала открытіе памятника безсмертному поэту, тому, кто самъ себя воздвигъ перукотворный памятникъ въ сердцѣ каждаго русскаго человѣка. Къ стыду нашей столицы, нужно сказать, что въ Петербургѣ, въ которомъ такъ много пережило и въ которомъ умеръ мученической смертію Пушкинъ, ему нѣтъ памятника, если не считать памятникомъ жалкую статуэтку, на Пушкинской улицѣ.

чиль ее весною 1820 г. Пронсхожденіе ея еще не советѣмъ изслѣдовано; содержаніе ея очень сложно: многое слышанное, вычитанное и пережитое, многое, что произвело на юнаго поэта неотразимое впечатлѣніе, легло въ содержаніе этого перваго крупнаго его произведенія. Имя героя и нѣкоторые эпизоды (напр. съ Головою) взяты изъ сказки «Ерусалагъ Лазаревичъ», которую Пушкинъ слышалъ въ дѣтствѣ отъ няни Арины Родионовны. Пиръ Владиміра, взяты имъ изъ сборника Кириши Данилова, Баянъ—«изъ Слова о Полку Игоревѣ»; битва Руслана съ Черноморомъ изъ Аріоста, кое-что даже изъ Жуковскаго. Добродушный и умный юморъ, смѣлое соединеніе фантазіи съ реальностью, жизнерадостное настроеніе—все это было такимъ «новымъ словомъ» въ искусствѣ того времени, такимъ далекимъ отъ наблониности, напусксного паюоса и формализма, что поэма произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на публику и вызвала недоумѣніе у критики. Уже въ 1824 г. Русланъ попалъ на сцену (Волшебная трилогія кн. А. А. Шаховскаго—«Финнъ» и большой балетъ Дидло).

Кому не извѣстна эта поэма? Мы не будемъ рассказывать здѣсь ея содержанія, а только приведемъ тѣ мѣста изъ нея, которыя иллюстрированы нашими рисунками (стр. 32, 33 и 34).

Людмила, похищенная со свадебнаго пира, очутилась въ замкѣ колдуна Черномора. Ее стараются развлекать, дарятъ ей наряды и дорогія украшенія.

Три дѣвы красоты чудесной	Двѣ ножки, чудо изъ чудесъ.
Въ одеждѣ легкой и прелестной	Княжнѣ послѣдній дѣвица
Княжнѣ явились, подошли	Жемчужный поясъ подаетъ.
И поклонились до земли.	Межь тѣмъ незримая нѣвица
Тогда слышными шагами	Веселы пѣсни ей поетъ.
Одна поближе подошла,	Увы, ни камни ожерелья,
Княжнѣ воздушными перстами	Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ,
Златую косу заплела	Ни пѣсни лести и веселья
Съ искусствомъ, въ наши дни не	Ея души не веселятъ;
новымъ,	Напрасно зеркало рисуетъ
И обвила вѣнцомъ перловымъ	Ея красы, ея нарядъ,—
Окружность блѣднаго чела.	Потупи неподвижный взглядъ,
За нею, скромно взоръ склоняя,	Она молчитъ, она тоскуетъ.
Потомъ приблизилась другая—	Тѣ, кои правду возлюба,
Лазурный, пышный сарафанъ	На темномъ сердца дѣв читали.
Одѣтъ Людмила стройный станъ;	Конечно, знаютъ про себя,
Покрылись кудри золотыя	Что если женщина въ печали,
И грудь, и плечи молодыя	Сквозь слезъ, украдкой, какъ-
Фатой прозрачной, какъ туманъ.	нибуди.
Покровъ завистливый добзаетъ	На зло привычекъ и расудку,
Красы, достойныя небесъ,	Забудеть въ зеркало взглянуть—
И обувь легкая сжимаетъ	То грустно ей ужъ не на шутку,

Является волшебникъ Черноморъ:

Раздался шумъ; озарена	Княжна съ постели соскочила,
Мгновеннымъ блескомъ тѣла	Сѣдого барду за колпакъ
почная.	Рукою быстрою ухватила,
Мгновенно дверь отворена:	Дрожащій занесла кулакъ,
Безмолвно, гордо выступая,	И въ страхѣ завизжала такъ,
Нагими саблями сверкая,	Что всѣхъ араповъ оглушила.
Араповъ длинный рядъ идетъ	Тренета, скорчился бѣднякъ,
Понарну, чинно, сколь возможно,	Княжна испуганной блѣднѣе;
И на подушкахъ осторожно	Зажавши уши поскорѣе,
Сѣду бороду несетъ:	Хотѣлъ бѣжать, но въ бородѣ
И входитъ съ важностью за нею.	Залутался, ужалъ и бьетъ:
Подъявъ величественно шею.	Встасть, упалъ; въ такой бѣдѣ
Горбатый карликъ изъ дверей:	Араповъ черный рой мятется;
Его-то головъ обритою,	Шумятъ, толкаются, бѣгутъ,
Высокимъ колпакомъ покрытой,	Хватаютъ колдуна въ охапку
Привадежала борода.	И вопъ расцувывать осуетъ.
Ужъ онъ приблизился: тогда	Оставя у Людмилы шапку.

Между тѣмъ Русланъ спѣшитъ къ невѣстѣ на выручку и вступается по дорогѣ въ бой съ Рогдаемъ, «кровавыхъ битвъ искателемъ» и мрачнымъ обожателемъ Людмилы.

„Блаженство“. Рис. С. С. Соломко.
Автотипия Нивы

При свѣтѣ трепетномъ луны
Сразились витязи жестоко:
Сердца ихъ гнѣвомъ стѣбены;
Ужъ конья брошены далеко.
Уже мечи раздроблены,
Кольчуги кровью покрыты,
Щиты трещатъ, въ куски
разбиты...
Они схватились на коняхъ:
Взрывая къ небу черный прахъ.
Подъ ними кони борзые бьются;
Борцы, недвижно слетены,
Другъ друга стиснувши, остаются
Какъ бы къ сѣдлу прикованы;
Ихъ члены злобой сведены,

Далѣе, Русланъ встрѣчается съ Головою:

Ужъ поблѣднѣлъ закатъ
румяный,
Надъ усиленной землей
Дымятся синіе туманы
И всходитъ мѣсяцъ золотой.
Померкла степь. Тропкою темной
Задумчивъ ѣдетъ нашъ Русланъ.
И видитъ: сквозь ночной туманъ
Вдали чернѣтъ холмъ огромный,
И что-то страшное хранитъ.
Онъ ближе къ холму, ближе—
слышитъ:
Чудесный холмъ какъ будто
дышитъ.
Русланъ внимаетъ и глядитъ
Безтрепетно, съ покойнымъ
духомъ:
Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожитъ,
Трещетъ упрямой головою,
И грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ, безоблачной
луною
Въ туманѣ блѣдно озарясь,
Яснѣетъ. Смотритъ храбрый
князь—
И чудо видитъ предъ собою.

Переделалъ и костенюги:
По жиламъ быстрый огонь бѣжитъ;
На вражьей груди грудь
дрожитъ—
И вотъ колеблется, слабѣютъ—
Кому-то пасть... Вдругъ витязь
мой.
Вскрикнувъ, желѣзною рукой
Съ сѣдла наѣздника срываешь,
Подземлетъ, держитъ надъ
собою—
И въ волны съ берега бросаетъ.
«Ногищи!» грозно восклицаетъ:
«Умри, завистникъ злобный
мой!»

Найду ли краски и слова?—
Предъ нимъ живая голова.
Огромны очи сномъ объята,
Храпится, качая шлемъ
пернатый,
И перья въ темной высотѣ
Какъ тѣни ходятъ, развѣваясь.
Въ своей ужасной красотѣ
Надъ мрачной стенью
возвышаясь,
Безмолвиемъ окружена,
Пустыни сторожъ безмянливый,
Руслану предстаетъ она
Громадой грозной и туманной.
Въ недоумѣнныи хочетъ онъ
Таинственный разрушить сонъ.
Вблизи осматривая диво,
Объѣхалъ голову кругомъ
И, ставъ предъ носомъ
молчаливо,
Щекотить ноздри конемъ.
И, сморщась, голова зѣвнула,
Глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихорь, степь
дрогнула,
Взылалась пыль: съ рѣсницъ, съ
усовъ

Съ бровей слетѣла стая совъ;
Проснулись роши молчаливы,
Чихнуло эхо—конь ретивый
Заржалъ, задрогалъ, отлетѣлъ,
Едва самъ витязь усидѣлъ;
И велѣдъ раздался голосъ

шумный:
«Куда ты, витязь неразумный?
Ступай назадъ; я не шушу!
Какъ разъ нахала проглочу!»
Русланъ съ презрѣньемъ

оглянулся,
Брадами удержалъ коня,
И съ гордымъ видомъ

усмѣхнулся:
«Чего ты хочешь отъ меня?»
Нахмурился, голова вскричала:
«Вотъ, гости мнѣ судьба послала!
Послушай, убирайся прочь!
Я спать хочу, теперь ужъ ночь,
Прощай!» Но витязь знаменитый,
Услыша грубые слова,
Воскликнулъ съ важностью

сердитой:
«Молчи, пустая голова!
Слыхалъ я истину бывало:
Хоть лобъ широкъ, да мозгу
мало!

И ѣду, ѣду, не свищу,
А какъ наѣду, не спущу!»

Тогда, отъ ярости нѣмѣя,
Стѣсненной злобой пламенѣя,
Надулась голова: какъ жарь,
Кровавы очи засверкали;
Напѣяся, губы задрожали;
Изъ устъ, ушей поднялся парь:

И вдругъ она, что было мочи,
Навстрѣчу князю стала дуть...
Напрасно конь, закуривъ очи,
Склонивъ голову, нагужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумракъ
ночи

Невѣрный продолжаетъ путь,
Объятый страхомъ, ослѣпленный,
Онъ мчитъся вповѣ,

изнеможенный,
Далече въ поле отдохнуть
Вновь обратиться витязь

хочетъ

Вновь отраженъ, надежды нѣтъ!
А голова ему вослѣдъ,
Какъ сумасшедшая, хохочетъ,
Грешитъ: сай, витязь! ай, герой!

Куда ты? Тише, тише, стой!
Эй, витязь, шепю сломить даромъ:
Не трусь, наѣдникъ, и меня
Порадуи хоть однимъ ударомъ,
Пока не заморилъ коня.»

И между тѣмъ она герой
Дразнила страшнымъ языкомъ.
Русланъ, досаду въ сердцѣ кроя,
Грозитъ ей молча конемъ,
Трещетъ его рукой свободной,

И, задрожавъ, булать холодный
Вонзился въ дерзостный языкъ.
И кровь изъ бѣшеннаго зѣва
Рѣкою пообжала бивги.

Отъ удивленья, боли, гнѣва,
Въ минуту дерзости лишась,
На князя голова глядѣла,
Желѣзо грызла и блѣднѣла.--

Русланъ поражаетъ голову и видитъ на опустѣвшемъ мѣстѣ
богатырскій мечъ.

Другой обожатель Людмилы, «младой Ратмиръ», похвальный
тоже отыскивать похищенную красавицу, подъѣзжая къ волшебному
замку, слышитъ звуки пѣсни, которую поетъ на стѣнѣ
замка дѣва.

„Осгаръ“. Рис. С. С. Соломко.
Автотипия Нивы.

„Русланъ и Людмила“. Людмила передъ зеркаломъ. Ориг. рис. С. С. Соломко. Грав. Ю. Музытановскій.

„Русланъ и Людмила“. Людмила въ замкъ Черномора. Ориг. рис. И. Панова, грав. Шмидтъ.

Приложениє къ журналу „Нива“ 1899 г.

„Русланъ и Людмила“. Бой Руслана съ Рогдаемъ.
Ориг. рис. Винцмана, автотипія «Нивы».

«Ложится въ полѣ мракъ
ночной;
Отъ волнъ поднялся вѣтеръ
хладный.
Ужъ поздно, путникъ молодой!—
Укройся въ теремъ нашъ
отраднѣй!
«Здѣсь ночью нѣга и покой,
А днемъ и шумъ, и ширванье,
Приди на дружное призванье,
Приди, о, путникъ молодой!
Она манитъ, она поетъ—
И юный ханъ ужъ подъ стѣною;
Его встрѣчаютъ у воротъ
Дѣвицы красныя толпою;
При шумѣ ласковыхъ рѣчей

Онъ окруженъ: съ него не
сводитъ
Онѣ пѣвнителей очей:
Двѣ дѣвицы коня уводятъ.
Въ чертоги входитъ ханъ молодой,
За нимъ отшельницъ милыхъ рой;
Одна снимаетъ шлемъ крылатый,
Другая кованныя латы,
Та мечъ беретъ, та пыльный
щитъ;
Одежда нѣги замѣнить
Желѣзные доспѣхи брони.
Восторгомъ витязь упоенный
Уже забылъ Людмилы пѣвнѣй
Недавно милыя красы;
Томится сладостнымъ желаньемъ.
Бродящій взоръ его блеститъ...

Ратмиръ увлекся дѣвами и остался въ замкѣ наслажденій.
Между тѣмъ Русланъ, «местью пламенѣя, достигъ обители
злѣдѣя» и вступаетъ съ нимъ въ жестокой бой.

Ужъ витязь подъ горой стоитъ,
Призывный рогъ какъ буря воетъ,
Неретиливый конь кипитъ
И съѣтъ конитомъ мощнымъ
роетъ.
Князь карлу ждетъ. Внезапно онъ
По шлему крѣпкому, стальному
Рукой незримой пораженъ;
Ударъ упалъ подобно грому;
Русланъ подымлетъ смутный
взоръ
И видитъ—прямо надъ главою—
Съ поднятой, страшной булавою
Летаетъ карла Черноморъ.
Щитомъ покрывшись, онъ
нагнулся,
Мечомъ потрясъ и замахнулся;
Но тотъ взвился подъ облака,
На мигъ исчезъ—и свысока,
Шумъ, летитъ на князя снова.
Проворный витязь отлетѣлъ,—
И въ свѣтъ съ размаха рокового
Колдунъ упалъ, да тамъ и сѣлъ;
Русланъ, не говори ни слова,
Едва дышу, иѣтъ мочи болѣ:

Съ коня долой, къ нему спѣшитъ,
Поймалъ, за бороду хватаетъ;
Волшебникъ силится, кричитъ,
И вдругъ съ Русланомъ
улетаетъ...
Ретивый конь вѣслѣдъ глядитъ;
Уже колдунъ подъ облаками;
На бородѣ герой виситъ;
Летятъ надъ мрачными лѣсами,
Летятъ надъ дикими горами,
Летятъ надъ бездною морской;
Отъ напряженья костей,
Русланъ за бороду злѣдѣя
Упорной держится рукой...
Боязнь объемлетъ Черномора;
Въ досадѣ, въ горести нѣмой,
Напрасно длинной бородой
Усталый карла потрясаетъ;
Русланъ ея не выпускаетъ
И щиплетъ волосы порой.
Два дня колдунъ героя носить,
На третій онъ пощады проситъ:
«О, рыцарь, сжался надо мною;
Едва дышу, иѣтъ мочи болѣ:

Оставь мнѣ жизнь, въ твоей я
волѣ;
Скажи—спущусь, куда велишь»...
—Теперь ты нашъ; ага,
Смирись, покорствуй русской
силѣ!
Неси меня къ моей Людмилѣ.
Смиренно внемлетъ
Черноморъ;
Домой онъ съ витяземъ спустился;
Летитъ—и мигомъ очутился
Среди своихъ ужасныхъ горъ.
Тогда Русланъ одной рукою
Взялъ мечъ сраженной головы,
И, бороду схвативъ другою,
Отсѣкъ ее, какъ горсть травы.
—Знай нашихъ!—молвилъ онъ
жестоко,—
Что, хищникъ, гдѣ твоя краса?
Гдѣ сила?—и на шлемъ высокой
Сѣдые вляетъ волосы;
Свистя, зоветъ коня лихого;
Веселый конь летитъ и ржетъ;
Нашъ витязь карлу чутъ живого
Въ котомку за сѣдою кладетъ,
А самъ, боясь мгновенья траты,
Слѣшитъ на верхъ горы крутой;
Достигъ—и съ радостной душой
Летитъ въ волшебныя палаты.

1821.

«Кавказскій пѣвнникъ» имѣлъ еще болѣе большій успѣхъ, чѣмъ «Русланъ и Людмила». Пушкинъ окончилъ его въ Каменкѣ въ 1821 г., и уже въ слѣдующемъ году поэма вышла въ свѣтъ въ Петербургѣ, въ изданіи Н. И. Гнѣдича. Въ поэмѣ двѣ части—описательно-этнографическая и романтично-психологическая. По мнѣнію самого Пушкина, первая часть удалась ему лучше, а во второй опъ хотѣлъ изобразить «это равнодушіе къ жизни и ея наслажденіямъ, эту старость души, которая сдѣлалась отличительными чертами молодежи XIX вѣка». Въ основу поэмы положенъ разсказъ пѣвца Нѣмцова, о томъ, какъ его будто бы освободила изъ плѣна влюбившаяся въ него черкешенка. Успѣхъ поэмы въ публикѣ былъ неслыханный. И если «Русланъ» далъ поэту известность, то «Пѣвнникъ» создалъ ему настоящую славу. Нѣкоторые изъ стиховъ поэмы тотчасъ же стали поговорками, а она сама сдѣлалась родоначальницею всей нашей обширной и важной кавказской художественной литературы. Въ 20-хъ годахъ «Пѣвнникъ» вызвалъ много посредственныхъ подражаній и на другой годъ по выходѣ въ свѣтъ былъ передѣланъ въ балетъ, ставшій очень популярнымъ и долго не сходящимъ со сцены. Фабула поэмы не сложна, и вся прелесть ея заключается въ ея тонѣ, настроеніи и вышней отдѣлкѣ стиха; русскій офицеръ попадаетъ въ плѣнъ къ горцамъ; въ него влюбляется черкешенка и помогаетъ бѣжать (рис. на стр. 36).

Свѣтила ночи затмѣвались;
Въ дали прозрачной означались

„Русланъ и Людмила“. Русланъ и живая голова.
Ориг. рис. И. Панова, автотипія «Нивы».

„Русланъ и Людмила“. Ратмиръ въ волшебномъ замкѣ.
Ориг. рис. Р. Штейна, автотипія «Нивы».

Громады свѣтлоснѣжныхъ горъ;
Главу склонивъ, потупя взоръ,
Они въ безмолвіи разстались.

Плѣнникъ хотѣлъ бѣжать, но онъ былъ закованъ въ цѣпи
Мечтаетъ русскій о побѣдѣ;
Но дѣнь невольника тяжка,
Быстра глубокая рѣка...
Межъ тѣмъ, померкнувъ, степь
уснула;
Вершины скаль омрачены;
По бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны;
Елени дремлютъ надъ водами,
Умолкнулъ поздній крикъ ордовъ,
И глухо вторится горами
Далекій топотъ табуновъ.
Тогда кого-то слышно стало...
Мелькнуло дѣвы покрывало,
И вотъ—печальна и блѣдна,
Къ нему приблизилась она.
Уста прекрасной ищутъ рѣчи,
Глаза исполнены тоской,
И черной падаютъ волной
Ея власы на грудь и плечи.
Въ одной рукѣ блеснитъ пила,
Въ другой книжалъ ея булатный:
Казалось, будто дѣва шла
На тайный бой, на подвигъ
ратный.
На плѣнника возведши взоръ,
«Бѣги! сказала дѣва горь:
Нигдѣ черкесъ тебя не встрѣтитъ.
Сидиши, не трать почныхъ часовъ!»

Возьми кинжалъ—твоихъ слѣдовъ
Никто во мракѣ не замѣтитъ».
Пилу дрожащей взявъ рукой,
Къ его ногамъ она склонилась:
Визжитъ желѣзо подъ пилой.
Слеза невольная скатилась—
И цѣпь распалась и гремитъ.
«Ты воленъ!—дѣва говоритъ—
Бѣги!» Но взглядъ ея безумный
Любви порывъ изобразилъ.
Она страдала. Вѣтеръ шумный,
Свистя, покровъ ея клубялъ.
«О, другъ мой! русскій возошлъ:
Я твой навѣкъ, я твой до гроба!—
Ужасный край оставилъ оба,
Бѣги со мной...»—Нѣтъ, русскій,
нѣтъ!
Она исчезла, жизни сладость—
Я знала все, я знала радость,
И все прошло, пропалъ и слѣдъ.
Возможно-ль? ты любилъ другую...
Найди ее, люби ее!
О чемъ же я еще тоскую,
О чемъ уныніе мое?..
Прости! любви благословенья
Съ тобою будутъ каждый часъ.
Прости—забудь мои мученья,
Дай руку мнѣ... въ послѣдній
разъ.—»

Въ біографическомъ очеркѣ мы уже говорили о происхожденіи поэмы изъ русской жизни «Братья-Разбойники» (рис. на стр. 37); Пушкинъ остался очень недоволенъ ею и сжегъ набросокъ; но одинъ изъ отрывковъ сохранился, и поэтъ, отдавъ его, послалъ въ печать. Поэма написана была въ 1821 г., а появилась въ «Полярной Звѣздѣ» лишь въ 1825 г. Въ ней есть очень сильныя, поэтически-красивыя мѣста, попадаются пеконно-русскія выраженія и обороты. Такъ, напр., вѣсѣтъ извѣстное начало поэмы:

Не стая воровать слеталась
На груди тлѣющихъ костей...

Разбойники собрались, за Волгою, вокругъ огня, и слушаютъ рассказы новаго пришельца:

«Насъ было двое: братъ и я. Туда стремимся. Велѣдъ за нами
Росли мы вмѣстѣ; нашу Кричатъ: «лови! лови! уйдуть!»
младость Два стража издали плывутъ.
Вскормила чуждая семья. Но ужъ на островъ мы ступаемъ,
Намъ, дѣтямъ, жизнь была не въ Оковы камнемъ разбиваемъ,
радость... Другъ съ друга рвемъ ключни
Мы жили въ горѣ, средь одеждъ,
заботъ... Отагощенные водою...
Наскучила намъ эта доля, Погоню видимъ за собою,
И согласились межъ собой, Но смѣло, полные надеждъ,
Мы жребій испытать иной; Сидимъ и ждемъ. Одинъ ужъ
Въ товарищи себѣ мы взяли тонень,
Булатный ножъ да темну ночь; То захлебнется, то застонеть—
Забыли робость и печали, И, какъ свинцовъ, пошелъ ко дну.
А совѣтъ отогнали прочь. Другой прощылъ ужъ глубину;
«И что-жъ? попались молодцы; Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ
Недолго братья пировали: въ бродъ упрямо,
Поймали насъ—и кузнецы Не внемля крику моему,
Насъ другъ ко другу приковали... Идетъ, но въ голову ему
«По улицамъ однажды мы, Два камня полетѣли прямо—
Въ цѣпяхъ для городской И хлынула на волны кровь:
тюрьмы Онъ утонулъ—мы въ воду вневъ.
Сбирали вмѣстѣ подавнѣ, Мы береговъ достигъ уснѣли
Исполнить давнее желанье. И въ дѣсь ушли. Но блѣдный
Рѣка шумѣла въ сторонѣ, братъ...
Мы къ ней—и съ береговъ И трудъ, и волнъ осенній хладъ
высокихъ Недавнихъ слѣзъ его лишили:
Бухъ!—поплыли въ водахъ Опять недугъ его слюмили
глубокихъ, И злыя грезы постыли.
Цѣпями общими гремитъ, Умолкъ и буйной головою
Бьемъ волны дружными ногами, Разбойникъ въ горести поникъ,
Песчаный видимъ островокъ, И слезъ горячею рѣкою
И, разѣвая быстрый токъ, Свирѣпый оросился лиць.»

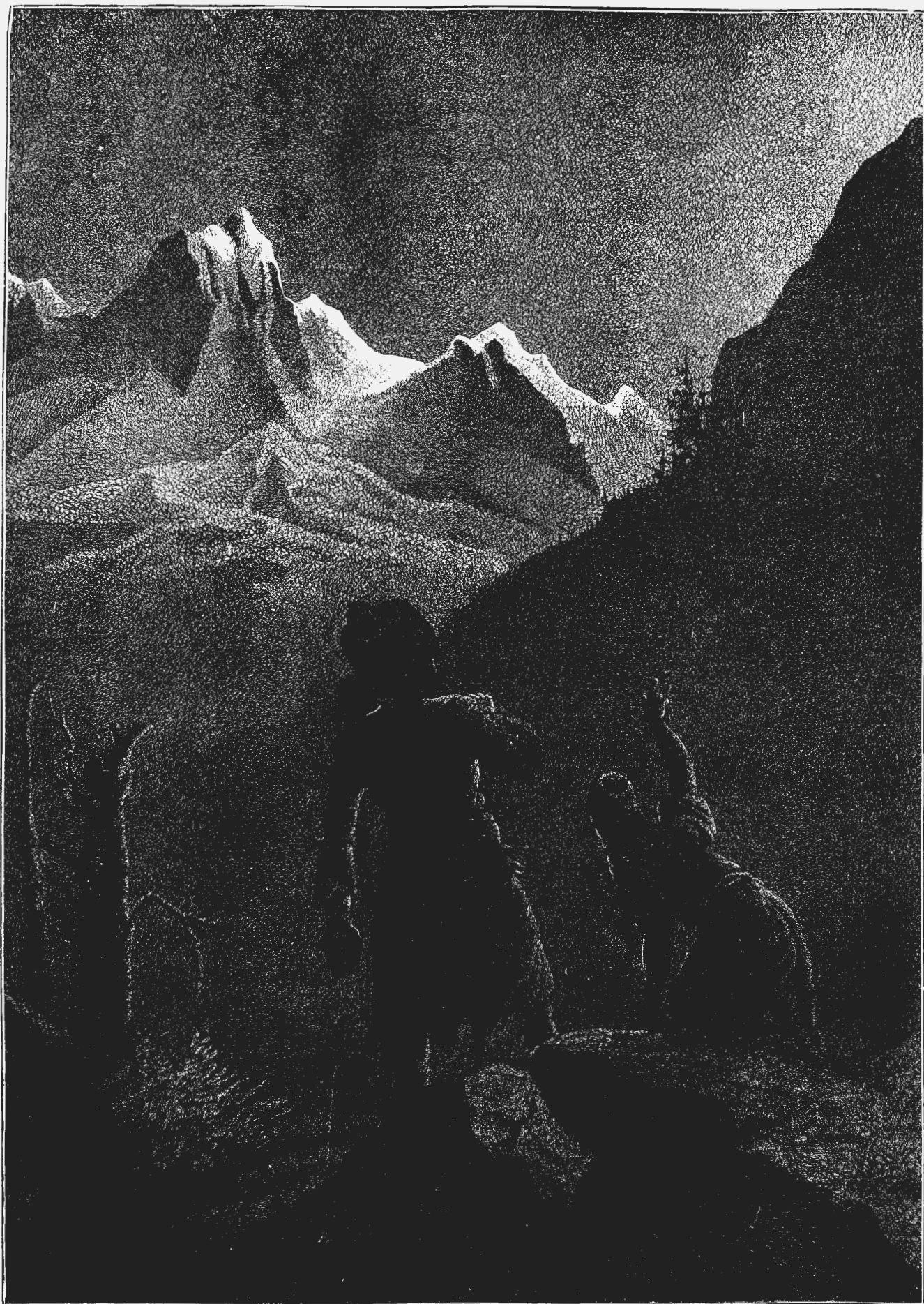
1822.

Живя въ изгнаніи, въ Кишиневѣ, Пушкинъ работалъ надъ «Бахчисарайскимъ фонтаномъ», три иллюстраціи къ которому читатели найдутъ на страницахъ 38, 39 и 40.

Гарей сидѣлъ, потупя взоръ; Безмолвно работѣнный дворъ
Ялтарь въ устахъ его дымился; Вкругъ хама грознаго тѣпился.

„Русланъ и Людмила“. Русланъ и Черноморь.
Ориг. рис. А. Кившенко, автотипія «Нивы».

„Кавказскій плѣнникъ“. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Флюгель.

Все было тихо во дворцѣ;
Благоговѣя, всѣ читали

Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.

Въ основу «Бахчисарайскаго фонтана» легъ рассказъ Е. Н. Раевской о княжнѣ Потоцкой, бывшей женою хана Керимъ-Гирея.

За описаніемъ двора хана слѣдуетъ изображеніе его гарема:

Раскинувъ легкіе влася,
Какъ идуть плѣнницы младыя
Купаться въ жаркіе часы,
И льются волны ключевыя
На ихъ волшебныя красы...

... Безпечно ожидал хана,
Вокругъ игриваго фонтана,
На шелковыхъ коврахъ онѣ
Толпою рѣзвою сидѣли...

И вдругъ, среди этихъ плѣнницъ и рабынь, появилась красавица Марія; еще «недавно милою красой она цвѣла въ странѣ родной; сѣдой отецъ гордился ею, и звалъ отрадою своею».

Давно-ль? И что же? Тьмы
татарь

На Польшу хлынули рѣвою:
Не съ той ужасной быстротою
По жатвѣ стелется пожаръ.
Обезображенный войною
Цвѣтущій край осиротѣлъ...
...И пышный замокъ опустѣлъ.
Тиха Маринна свѣтлица.
... Отецъ въ могилѣ, дочь — въ плѣну.

Скупой наслѣдникъ въ замкѣ
правитъ
И тягостнымъ ярмомъ безславить
Опустошенную страну.

1822.

Иллюстрація наша къ балладѣ Пушкина «Пѣснь о Вѣщемъ Олгѣ» (на стр. 41) даетъ два момента изъ этого произведенія.

Съ дружиной своею, въ цареградской
бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ
конѣ.

Изъ темнаго лѣса, навстрѣчу ему,
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведеній
весь вѣкъ.

И къ мудрому старцу подъѣхалъ
Олегу.

— Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что случится въ жизни со мною?
«И волны, и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.
И снѣга моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ,—
Незримый хранитель могущему данъ.
Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смиренный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю;
И холодъ, и сѣча ему ничего:—
Но примешь ты смерть отъ коня своего.»
Олегу усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачился думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ ковы онъ слѣзаетъ угрюмый;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой.
«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
Разстагся настало намъ время;
Теперь отдыхай,—ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня!

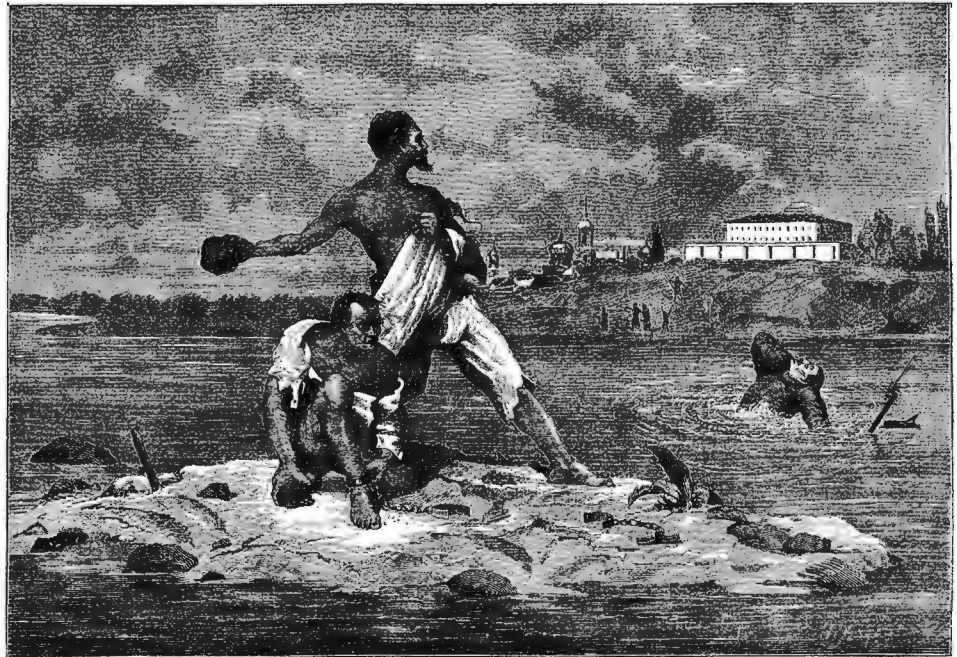
Проходятъ годы.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ: на холмѣ, у берега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаютъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуется надъ ними ковыль.
Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: «спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:

На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обagriшь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!
Такъ вотъ гдѣ тайлася погибель моя:
Мнѣ смертью кость угрожала!»
Изъ мертвой главы гробовая змѣя,
Шипя, между тѣмъ, выползала;
Какъ черная лента, вкругъ ногъ обвилась,—
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь...
Ковши круговые, заплѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ,
Дружина пируетъ у берега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

1824.

По пути изъ Кишинева въ Одессу Пушкинъ присталъ къ

«Братья-разбойники». Ориг. рис. Н. Лосева, автотипія «Нивы».

одному цыганскому табору и нѣкоторое время кочевалъ съ нимъ.

Результатомъ этой поэтической фантазіи явилась знаменитая поэма «Цыгане» (рис. на стр. 42).

Цыгане шумною толпой По Бессарабию кочуютъ. Они сегодня надъ рѣкой Въ шатрахъ изодранныхъ по- чуютъ.	Все живо посреди степей: Заботы мирныя семей, Готовыхъ съ утромъ въ путь недалній, И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей, И звонъ походной наковальни. Но вотъ на таборъ кочевой Нисходитъ сонное молчанье, И слышно въ тишинѣ степной Лишь лай собакъ, да коней ржанье. Огни звездъ погашены, Спокойно все, луна сияетъ Одна съ небесной вышнны И тихій таборъ озаряетъ.
--	--

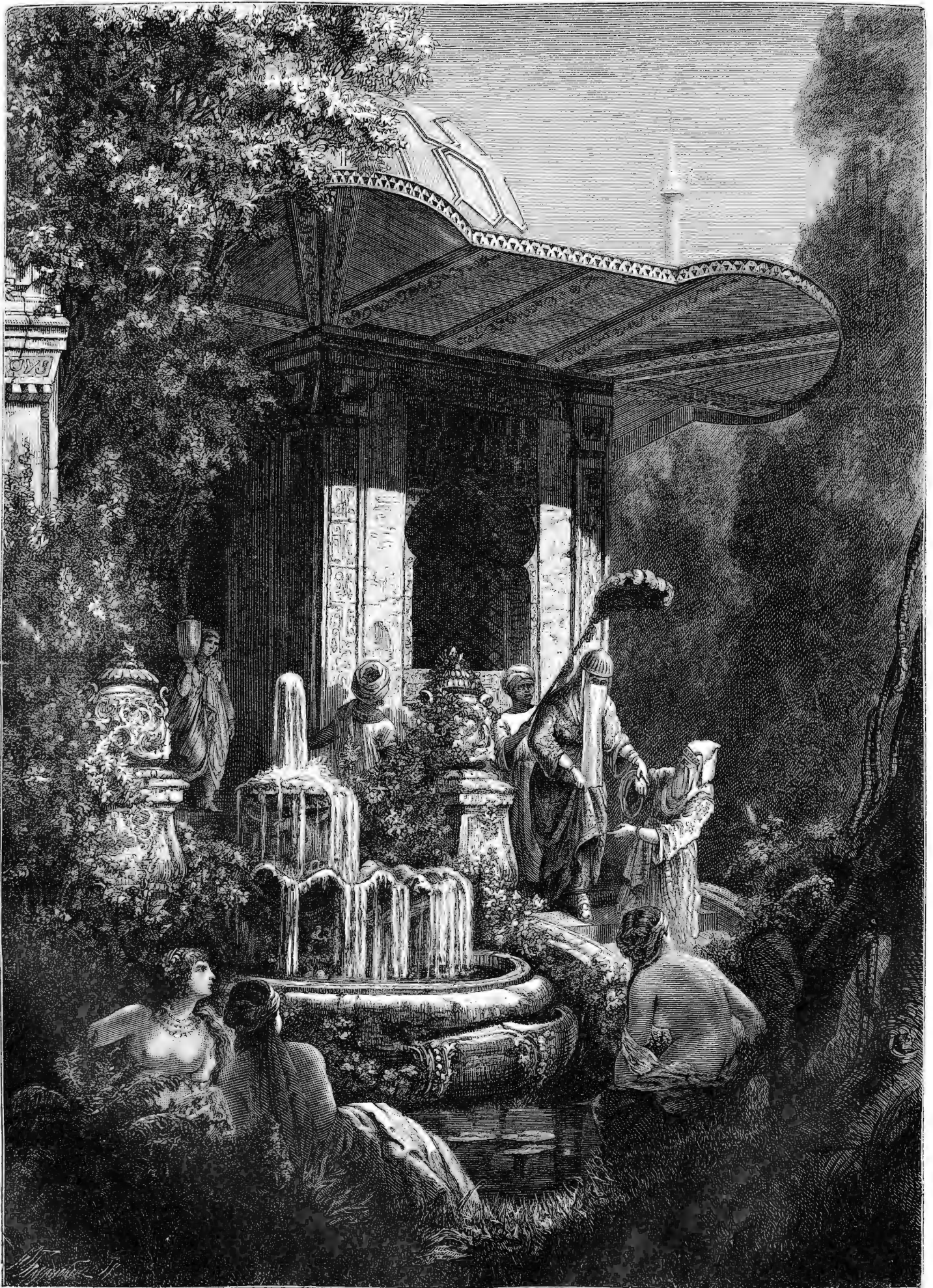
Типъ главнаго героя поэмы Алеко имѣетъ не мало чертъ, связующихъ его съ героями «Братьевъ-разбойниковъ» съ одной стороны, и съ «Евгениемъ Онѣгинымъ» — съ другой.

1825.

Во время подневольнаго своего житья въ с. Михайловскомъ, производительность Пушкина была громаднa. Одинокій, въ глухой деревнѣ, сидѣлъ онъ цѣлыми днями въ своемъ кабинетѣ и неустанно писалъ. Самымъ значительнымъ и выдающимся произведеніемъ михайловскаго періода является трагедія «Борисъ Годуновъ», или, какъ самъ Пушкинъ озаглавилъ ее: «Комедія о настоящей бѣдѣ московскому государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ». Онъ началъ ее въ 1824 г., а кончилъ въ августѣ 1825 г. Онъ много подготовлялся къ ней чтеніемъ. «Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей, — пишетъ онъ, — дало мнѣ мысль оживить

„Бахчисарайскій фонтанъ“. Ханъ Гирей въ своемъ дворцѣ. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Флюгель.

„Бахчисарайській фонтань“. Гаремъ хана. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Барановскій.

„Бахчисарайскій фонтанъ“. Похищеніє Маріи татарами. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Дзедзиць.

„Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Флогель

„Цыгане“. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Рашевский

„Борисъ Годуновъ“. Въ кельѣ Пимена. Ориг. рис. А. Земцова, автотипія «Нивы».

въ драматической формѣ одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ нашей исторіи. Шекспиру я подражалъ въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ дѣтписяхъ старался я угадать языкъ тогдашняго времени, — источники богаты; успѣлъ ли я ими воспользоваться — не знаю». Во всякомъ случаѣ онъ сознательно устранилъ изъ драмы все узко-романтическое и все сентиментальное, желая возвыситься до настоящей національной драмы. Надъ второстепенными лицами этого произведенія онъ работалъ съ такимъ же усердіемъ, какъ и надъ главными. Онъ заботился о мелочахъ, но не упустилъ изъ виду всей драмы и хлопоталъ о томъ, чтобы не нарушить впечатлѣнія цѣлаго. Онъ самъ остался очень доволенъ «Борисомъ Годуновымъ». О дальнейшей судьбѣ этого произведенія мы говорили уже въ биографическомъ очеркѣ.

Наши рисунки (на этой и на слѣдующихъ двухъ страницахъ) изображаютъ нѣсколько сценъ изъ этой трагедіи.

Ночь. Келья въ Чудовомъ монастырѣ. Отецъ Пимень пишетъ передъ лампадой:

На старости я сызнова живу; Минувшее проходить предо мною...	Ты все писалъ и сномъ не позабылся,	Григорій.
Давно-ль оно несло съ событій полно, Волнуясь, какъ море-окиянь?	А мой покой бѣсовское мечтанье Тревожило, и врагъ меня мучилъ:	Мнѣ снилося, что тѣсница круглая
Теперь оно безмолвно и спокойно: Немного лицъ мнѣ память сохранила,	Меня вела на башню; съ высоты Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ:	Внизу народъ на площади кипѣлъ
Немного словъ доходить до меня, А прочее погбло невозвратно!..	И на меня указывалъ со смѣхомъ; И стыдно мнѣ, и страшно стало	И новилось —
Но близьокъ день, лампада догораетъ — Еще одно, послѣднее сказанье. (Пишетъ.)	И падай стремглавъ, я пробуждался...	И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Пимень. Проснулся, братъ.	Не чудно ли?	Пимень.
Григорій. Благослови меня, Честный отецъ.	Младая кровь играетъ; Смирій себя молитвой и постомъ,	И сыны твои видѣній легкихъ будутъ
Пимень. Благослови Господь Тебя и днесь, и присно, и во вѣки.	Исполнены..	

Другой рисунокъ изображаетъ корчму на литовской границѣ. Въ корчмѣ сидятъ Мисаиль и Варлаамъ, бродяги въ видѣ чернецовъ, Григорій Отрепьевъ, одѣтый уже міряниномъ и хозяйка. Входятъ пристава.

Первый приставъ. Алеха! при тебѣ ли царскій указъ?

Второй. При мнѣ.

Первый. Подай-ко сюда.

Мисаиль. Что ты на меня такъ пристально смотришь?

Первый приставъ. А вотъ что: изъ Москвы бѣжалъ нѣкоторый злой еретикъ, Гришка Отрепьевъ. Слыхалъ ли ты это?

Мисаиль. Не слыхалъ.

Приставъ. Не слыхалъ? Ладно. А того бѣлаго еретика царь приказалъ изловить и повѣсить. Знаешь ли ты это?

Мисаиль. Не знаю.

Приставъ (Варлааму). Умъ-шь ли ты читать?

Варлаамъ. Смолоду зналъ, да разучился.

Приставъ (Мисаилу). А ты?

Мисаиль. Не умудрилъ Господь.

Приставъ. Такъ вотъ тебѣ царскій указъ.

Мисаиль. На что мнѣ его?

Приставъ. Мнѣ сдается, что этотъ бѣглый еретикъ, воръ, мошенникъ — ты.

Мисаиль. Я? Помилуй! Что ты!

Приставъ. Постой! держи двери. Вотъ мы сейчасъ и справимся.

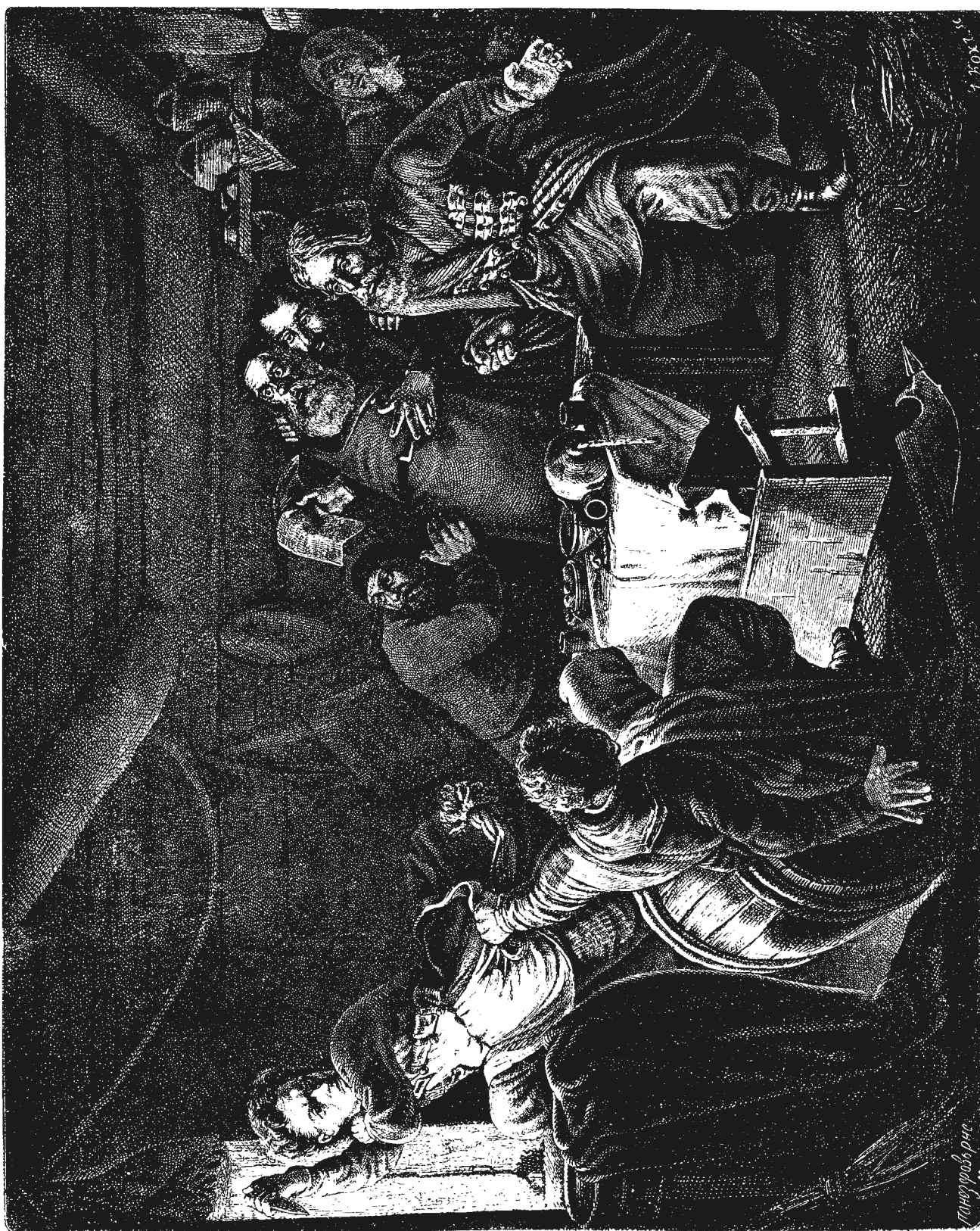
Хозяйка. Ахъ, они окаянные мучители! и старца-то въ покоѣ не оставятъ!

Приставъ. Кто здѣсь грамотный?

Григорій (выступаетъ впередъ). Я грамотный!

„Борисъ Годуновъ“. Борисъ и юродивый. Ориг. рис. А. Земцова, автотипія «Нивы».

„Борись Годуновъ“. Корчма на литовской границѣ. Съ картины Мясоѣдова рис. Понсеороги, граф. Кухт.

„Борисъ Годуновъ“. Самозванецъ на русской границѣ. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Флюгель.

Приставъ. Вотъ на... А у кого же ты научился?

Григорій. У нашего пономаря.

Приставъ (даетъ ему указъ). Читай же вслухъ!

Григорій (читаетъ). «Чудова монастыря недостойный чернецъ Григорій, изъ роду Отрепьевыхъ, впалъ въ ересь и дерзнулъ, наученный дьяволомъ, возмущать святую братію всякими соблазнами и беззаконіями. А по справкамъ оказалось, отбѣжалъ онъ, окаянный Гришка, къ границѣ Литовской»...

Приставъ (Мисаилу). Какъ же не ты?

Григорій. «И царь повелѣлъ изловить его»...

Приставъ. И повѣситъ!

Григорій. Тутъ не сказано: повѣситъ.

Приставъ. Врешь! не всякое слово въ стробу пишется. Читай: изловить и повѣситъ.

Григорій. «И повѣситъ. А лѣтъ ему, вору Гришкѣ, отъ роду... (смотри на Варлаама) за 50, а росту онъ средняго, лобъ имѣетъ платиновый, бороду съдую, брюхо толстое». (Всѣ глядятъ на Варлаама).

1-й приставъ. Ребята! здѣсь Гришка! держите, вяжите его! Вотъ ужъ не думалъ, не гадалъ!

Варлаамъ (вырывая бумагу). Отстаньте, пострѣлы! что я за Гришка? Какъ! 50 лѣтъ, борода сѣдая, брюхо толстое! Нѣтъ, братъ, молодъ еще надо мною шутки шутить. Я давно не читывалъ и худо разбираю, а тутъ ужъ разберу, какъ дѣло до петли доходить. (Читаетъ по складамъ): «А лѣтъ е-му отъ ро-ду 20».—Что, братъ, гдѣ тутъ 50? видишь—20!

2-й приставъ. Да, помнится, двадцать; такъ и намъ было сказано.

1-й приставъ (Григорію). Да ты, братъ, видно, забавникъ.

(Во время чтенія Григорій спотыкается, потирая голову, съ рукою за пазухой.)

Варлаамъ (продолжаетъ). «А ростомъ онъ малъ, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волосы рыжіе, на щекѣ бородавка, на лбу другая». Да это, другъ, ужъ не ты ли?

(Григорій вдругъ вынимаетъ кинжалъ; всѣ передъ нимъ разступаются; онъ бросается въ окно.)

Приставы. Держи! держи!

(Всѣ бѣгутъ въ безпорядкѣ.)

На слѣдующемъ рисункѣ мы видимъ князя Курбскаго и самозванца, приближающихся къ нашей границѣ. Это было 16-го октября 1604 г.

Курбскій (прискакавъ первый): Вотъ, вотъ она, вотъ русская граница! Святая Русь! отечество! я твой Чужбины прахъ съ презрѣнемъ Съ моихъ одеждъ; пью жадно Овъ мнѣ родной! Теперь твоя О, мой отецъ, утѣшилась, и въ Опальныхъ возрадуются кости! Самозванецъ (идетъ тихо съ Какъ счастливъ онъ! какъ чи-	Въ немъ радостью и славой разыгралась! Ты кровь излить за сына Иоанна Готовишься, законнаго царя Ты возвратить отечеству... Ты отряхаю правъ, Душа твоя должна пылать всѣмъ воздухъ новый: Курбскій: Ужель и ты не веселишься ду- хомъ? Вотъ наша Русь: она—твоя, ца- ревичъ! Тамъ ждуть тебя сердца твоихъ людей, Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.
---	---

И наконецъ, на четвертомъ рисункѣ (стр. 43) изображена сцена встрѣчи царя Бориса съ юродивымъ на площади передъ соборомъ въ Москвѣ.

П А Р О Д Ъ.

Одинъ. Скоро ли царь выйдетъ изъ собора?

Другой. Обѣдня кончилась; теперь идетъ молебствіе.

Первый. Что? ужъ проклинали того?

Другой. Я стоялъ на паперти и слышалъ, какъ дьяконъ завопилъ. Гришка Отрепьевъ—анаѣма!

Первый. Пускай себѣ проклинаятъ; царевичу дѣла нѣтъ до Отрепьева.

Другой. А царевичу поютъ вѣчную теперь намать.

Первый. Вѣчную память живому! Вотъ ужъ имъ будетъ, безбожникамъ.

Третій. Чу! шумъ. Не царь ли?

Четвертый. Нѣтъ, это юродивый.

(Входитъ юродивый въ желѣзной шапкѣ, обвѣшанный веригами и окруженный мальчишками.)

Мальчишки. Николка, Николка, желѣзный колпакъ!... трррр...

Старуха. Отвяжитесь отъ него, бѣсенята. Помолитесь, блаженный, за меня грѣшную.

Юродивый. Дай, дай, дай копеечку.

Старуха. Вотъ тебѣ копеечка; помни же меня.

Юродивый (садится на землю и поетъ).

Мѣсяць ѣдетъ,
Котенокъ плачетъ,
Юродивый, вставай,
Богу помолитесь!

(Мальчишки окружаютъ его снова.)

Одинъ изъ нихъ. Здравствуй, юродивый, что же ты шапки не снимаешь? (Щелкаетъ ею по желѣзной шапкѣ.) Экъ она звонитъ!

Юродивый. А у меня копеечка есть.

Мальчишка. Неправда; ну, покажи. (Вырываетъ копеечку и убѣгаетъ.)

Юродивый (плачетъ). Взяли мою копеечку, обижаютъ юродиваго.

Народъ. Царь, царь идетъ! (Царь выходитъ изъ собора; бояринъ впереди раздаетъ нищимъ милостыню. Бояре.)

Юродивый. Борисъ, Борисъ! Николку дѣти обижаютъ!

Царь. Подать ему милостыню! О чемъ онъ плачетъ?

Юродивый. Николку маленькія дѣти обижаютъ. Вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзали ты маленькаго царевича.

Бояре. Поди прочь, дуракъ! схватите дурака!

Царь. Оставьте его. Молись за меня, бѣдный Николка! (Уходитъ.)

Юродивый (ему вслѣдъ). Нѣтъ, нѣтъ! нельзя молиться за царя-Ирода: Богородица не велитъ.

1827.

Въ повѣсти «Аранъ Петра Великаго», какъ и въ стихотвореніи «Моя родословная», Пушкинъ даетъ намъ свѣдѣнія о своемъ происхожденіи. Въ стихотвореніи перечисляется родня со стороны отца, а въ повѣсти со стороны матери, урожденной Ганнибалъ. Мы говорили подробно и о стихотвореніи, и о повѣсти въ первой главѣ біографическаго очерка. Здѣсь же мы даемъ иллюстрацію (стр. 48) къ повѣсти «Аранъ Петра Великаго».

«Оставалось 28 верстъ до Петербурга. Пока закладывали лошадей, Ибрагимъ (Абрамъ Ганнибалъ) вошелъ въ ямскую избу. Въ углу человѣкъ высокаго роста, въ зеленомъ кафтанѣ, съ глиняною трубкою во рту, облокотясь на столъ, читалъ гамбургскія газеты. Услышавъ, что кто-то вошелъ, онъ поднялъ голову. — Ба, Ибрагимъ!—закричалъ онъ, вставая съ лавки:—здорово, крестникъ!

Ибрагимъ узналъ Петра, въ радости къ нему бросился, но почтительно остановился. Государь приблизился, обнялъ его и поцѣловалъ въ голову.

— Я былъ предувѣдомленъ о твоёмъ приѣздѣ, — сказала Петръ:—и поѣхалъ тебѣ навстрѣчу. Жду тебя здѣсь со вчерашняго дня.

Ибрагимъ не находилъ словъ для изъявленія своей благодарности.

— Вели же, — продолжалъ государь:—твою повозку везти за нами, а самъ садись со мною — и поѣдемъ ко мнѣ.

Подали государеву коляску; онъ сѣлъ съ Ибрагимомъ — и они поскакали. Черезъ полтора часа они приѣхали въ Петербургъ... Государева коляска остановилась у дворца, т. е. у Царицына Сада.

На крыльцѣ встрѣтила Петра женщина лѣтъ 35-ти, прекрасная собою, одѣтая по послѣдней парижской модѣ. Петръ поцѣловалъ ее и, взявъ Ибрагима за руку, сказалъ:

— Узнала ли ты, Катенька, моего крестника? Прощу любить и жаловать его попрежнему.

Екатерина устремила на него черные, пронизательные глаза

и благосклонно протянула ему ручку. Двѣ юныя красавицы, высокія, стройныя, свѣжія, какъ розы, стояли за нею и почетительно приблизились къ Петру.

— Лиза!—сказала онъ одной изъ нихъ:—помнишь ли ты маленькаго арана, который для тебя крадь у меня яблоки въ Ораніенбаумѣ? Вотъ онъ; представляю тебѣ его.

Великая княжна засмѣялась и покрасѣла. Пошли въ столовую. Въ ожиданіи государя, столъ былъ накрытъ. Петръ со всѣмъ семействомъ сѣлъ обѣдать, пригласивъ и Ибрагима. Во время обѣда государь съ нимъ разговаривалъ о разныхъ предметахъ, спрашивалъ его объ испанской войнѣ, о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, о регентѣ, котораго онъ любилъ, хотя и осуждалъ въ немъ многое. Ибрагимъ отличался умомъ точнымъ и наблюдательнымъ. Петръ былъ очень доволенъ его отвѣтами; онъ вспомнилъ нѣкоторыя черты Ибрагимова младенчества и рассказывалъ ихъ съ такимъ добродушіемъ и веселостью, что никто въ ласковомъ и гостеприимномъ хозяйствѣ не могъ подозрѣвать героя полтавскаго, могучаго и грознаго преобразователя Россіи.

1828.

«Утопленникъ» — баллада, написанная Пушкинымъ въ 1828 г. въ селѣ Михайловскомъ. Какъ въ формѣ стиха, такъ и въ содержаніи баллады, Пушкинъ, очевидно, соперничалъ съ Жуковскимъ, и въ смыслѣ народности одерживалъ надъ своимъ учителемъ блестящую побѣду. Поэзія Пушкина удивительно вѣрна русской дѣйствительности, изображаетъ ли она русскую природу или русскаго человѣка. На нашемъ рисункѣ (стр. 49) изображены три момента изъ баллады:

Прибѣжали въ избу дѣти,
Воронохъ зовуть отца:
«Тятя! тятя! наши сѣти
Притащили мертвеца».
—Врите, врите, бѣсенята,
Загорчалъ на нихъ отецъ;
Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будеть вамъ уже мертвецъ!
Судъ найдетъ, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я вѣкъ не разберусь...
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай нафтакъ: ужъ полетусь...
Гдѣ-жъ мертвецъ?—«Вонъ, тятя,
э-вотъ!»

Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мертвый виденъ на пескѣ.
Безобразно трупъ ужасный
Поснибля и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмѣльный молодецъ,
Али ограбленный ворами
Недогадливый купецъ—
Мужикъ какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ...
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащить,
И отъ берега кругою
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ полпылъ снова
За могилою и крестомъ.

Долго мертвый межъ волнами
Плылъ, качался, какъ живой;
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
«Вы, щенки, за мной ступайте!
Будеть вамъ по калачу,
Да смотрите-жъ, не болтайте,
А не то поколочу».

Въ ночь погода замумѣла,

Узволновалася рѣка;
Ужъ лучина дорѣла
Въ дымной хатѣ мужика;
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На полатяхъ мужъ лежитъ;
Буря воегъ; вдругъ онъ всмелеть:
Кто-то тамъ въ окно стучить.
«Кто тамъ?»—Эй, впусти,
хозяинъ!—

«Ну, кака я тамъ бѣда?
Что ты почью бродишь, Каннъ?
Чортъ занесъ тебя сюда!
Гдѣ возитесь мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно».
И лѣнвою рукою
Подымаетъ онъ окно.
Изъ-за тучъ луна катится—
Что же? Голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черныя впились.

И мужикъ окно захлопнулъ,
Гостя голого занавъ,—
Такъ и обмеръ. «Чтобъ ты
лопнул!»

Прошепталъ онъ, задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ
мѣшались,

Трясая ночь онъ напролетъ,
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.

Есть въ народѣ слухъ ужасный.
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ:
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаеда,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

*

Въ октябрѣ 1828 г. Пушкинъ началъ «Полтаву» и окончилъ ее въ три недѣли. Первая мысль о поэмѣ изъ жизни Мазепы возникла у него при чтеніи «Войнаровскаго», Рыльскаго; изъ нея онъ узналъ, что Мазепа обольстилъ дочь Кочубея; «я изумился,—говоритъ Пушкинъ,—какъ могъ поэтъ пройти мимо столь страшнаго обстоятельства». Пушкину пришла идея изобразить любовную исторію старца гетмана. Съ этой цѣлью онъ сталъ читать «Исторію Малой Россіи», Бантышъ-Каменскаго и множество другихъ источниковъ. Во время этого чтенія, въ головѣ Пушкина создавался планъ поэмы.

Рамки ея раздвигались, и романтическій элементъ тѣсно связывался съ историческимъ. Съ этой поэмы началось увлеченіе Пушкина Петромъ Великимъ, которое красной нитью проходитъ черезъ всю его будущую творческую дѣятельность. Поэма вышла въ 1829 г. и не имѣла успѣха. Только немногіе горячіе поклонники Пушкина оцѣнили «Полтаву», которая, онеотпизировавъ природу Малороссіи и ея своеобразный бытъ, направила Гоголя на тотъ же путь («Тарасъ Бульба»). Наши рисунки (на стр. 51—54) даютъ важнѣйшія сцены изъ поэмы:

Вотъ Кочубей въ темницѣ за доносъ на Мазепу. Петръ I не повѣрилъ доносу и выдалъ доносчика гетману.

Тиха украинская почь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ

Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ
И пышныхъ гетмановъ сады,
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопотъ и смятенъе.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,

Въ глубокомъ, тяжкомъ размышленъѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.
Завтра казнъ. Но безъ боязни
Онъ мыслить объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему? желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый...

Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ—и пробужденъ,
Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ

Скоро Петръ Великій убѣдился, что доносъ Кочубея былъ вѣренъ, и что Мазепа дѣйствительно измѣнникъ. Полтавскій бой рѣшилъ побѣду русскнхъ; Петръ самъ велъ войска въ сраженіе:

Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ, какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сія птенцы гнѣзда Петрова—
Въ лрѣмѣнахъ счастья земнога,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненъе:
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнъе...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскнхъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
Сослнсь въ дыму среди равнины—

Послѣ битвы подъ Полтавою, пораженіе шведовъ оказалось полнымъ, и Карлъ XII принужденъ былъ спастись бѣгствомъ; съ нимъ бѣжалъ и Мазепа. Перейдя на сторону шведовъ, онъ выдалъ планы русскаго царя королю шведскому. По дорогѣ онъ встрѣтилъ обольщенную имъ дочь Кочубея, Марію, которая, при извѣстнн о казни отца, убѣжала отъ гетмана и сошла съ ума; безумная, она бродила вокругъ опустѣвшаго дома Кочубея.

Верхомъ, въ глуши степей па-
Король и гетманъ мчатся оба.
Бѣгутъ... Судьба связала ихъ.

Мой вождь подъ знаменемъ кре-
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служи-
тель

За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной приобщусь!..
Но не отшельника святого,
Онъ гостя знаятъ инога—
Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
И, отвращеніемъ томимъ,
Страдалецъ горько вопрошаетъ:
Ты здѣсь, жестокой человѣкъ?
Зачѣмъ послѣдній мой почлегъ
Еще Мазепа возмущаетъ?

Орликъ. Гдѣ сиряталъ деньги?
укажи!
Не хочешь?—Деньги гдѣ? скажи,
Иль выйдеть слѣдствие плохое.
Подумай, мѣсто намъ назначъ.
Молчишь?—Ну, въ пытку. Гей,
палачъ!
Палачъ вошелъ... О, ночь му-
ченій!

И грянулъ бой, полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раска-
леннымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій
строй

Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Врадами, саблями звуча,
Сшибался, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груды,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, рязать,
Прахъ роютъ и въ крови ши-
пятъ.

Шведъ, русскій—колетъ, рубитъ,
рѣжетъ;
Бой барабанный, клики, скре-
жетъ;
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье,
стоятъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сто-
ронъ...

Среди тревоги и волненъя,
На битву взоромъ вдохновенъя
Вожди спокойные глядятъ,
Движенъя ратныя слѣдятъ,
Предвидятъ гибель и побѣду
И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.

Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу королю,
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головою,

„Арапъ Петра Великаго“. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Флюгель.

„Утопленникъ“. Ориг. рис. н. н. Каразина, грав. Рашевскій.

Опъ скачетъ, русскими гонимъ, Мазепа будто испугался?
И слуги вѣрные толпою ..Предъ нимъ съ развитыми вла-
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ. сами.
...Съ нимъ старый гетманъ ска- Сверкая впалями глазами,
четъ рядомъ. Все въ рубищѣ, худа, блѣдна,
Предъ ними хуторъ... Что же Стоить, луной освѣщена...
вдругъ «Иль это сонъ?... Марія... ты-ли?»

Марія не узнала своего стараго крестнаго и возлюбленнаго; она съ ужасомъ убѣгаетъ отъ него, а опъ съ глубокой горестью прощается «съ роднымъ рубежомъ». Пмя его предали апашемъ; память о Мазенѣ угасла, и напрасно бы какой-нибудь чужестранецъ сталъ въ Малороссіи искать его могилы. Могила же Кочубея и до сихъ поръ существуетъ.

1830.

«Какая глубокая и поучительная трагедія!» восклицаетъ Бѣлинскій, разбирая «Моцартъ и Сальери» Пушкина, — «но намъ предстоитъ переходить отъ одного чуда искусства къ другому». — продолжаетъ онъ въ той же статьѣ, — «и тяжесть взятой нами на себя обязанности смущаетъ насъ своей несо-размѣрностью съ нашими силами. Ничего нѣтъ легче, какъ говорить о слабомъ произведеніи или открывать слабыя стороны хорошаго; ничего нѣтъ труднѣе, какъ говорить о произведеніи, которое велико и въ цѣломъ, и въ частяхъ!.. Къ такимъ принадлежатъ: «Скупой Рыцарь», «Русалка» и «Каменный Гость».

Бѣлинскій называетъ «Каменнаго Гостя» перломъ созданій Пушкина, богатѣйшимъ, роскошнѣйшимъ алмазомъ въ его поэтическомъ ибницѣ. «Для кого существуетъ искусство какъ искусство, въ его идеалѣ, въ его отвлеченной сущности, для того «Каменный Гость» не можетъ не казаться безъ всякаго сравненія лучшимъ и высшимъ въ художественномъ отношеніи созданіемъ Пушкина... Какая дивная гармонія между идеей и формой! Какой стихъ, прозрачный, мягкій и упрямый, какъ волна, благозвучный, какъ музыка! Какая кисть, широкая, смѣлая, какъ будто небрежная, такая антично-благородная простота стили! Какія роскошные картины волшебной страны, гдѣ почъ лимономъ и лавромъ пахнутъ!..»

На нашемъ рисункѣ (стр. 54) изображена сцена приглашенія Донъ-Жуаномъ статуи командора въ гости:

Донъ-Жуанъ: Ступай же, Лепорелло,
Проси ее пожаловать ко мнѣ—
Пѣть, не ко мнѣ, а къ Донъ-Аннѣ, завтра.
Лепорелло: Статую въ гости звать! Зачѣмъ?
Донъ-Жуанъ: Ужь, вѣрно,

Не для того, чтобъ съ нею говорить.
Проси статую завтра къ Донъ-Аннѣ
Приди попозже вечеромъ и стать
У двери на часахъ.

Лепорелло: Охота вамъ
Шутить, и съ кѣмъ!

Донъ-Жуанъ: Ступай же!

Лепорелло: Но...

Донъ-Жуанъ: Ступай!

Лепорелло: Преславная, прекрасная статуя!
Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, покорно проситъ
Пожаловать... Ей Богу, не могу;
Мнѣ страшно.
Донъ-Жуанъ: Грусъ! вотъ я тебя!..

Лепорелло: Позвольте.

Мой баринъ Донъ-Жуанъ, васъ проситъ завтра
Приди попозже въ домъ супруги вашей
И стать у двери...

(Статуя киваетъ головой въ знакъ согласія.)

Ай!

Донъ-Жуанъ: Что тамъ?

Лепорелло: Ай, ай!..

Ай, ай!.. умру!

Донъ-Жуанъ: Что сдѣлалось съ тобою?

Лепорелло (живая головой): Статуя... ай!

Донъ-Жуанъ: Ты кланяешься?

Лепорелло: Нѣтъ,

Не я—она!

Донъ-Жуанъ: Какой ты вздоръ несешь!

Лепорелло: Подите сами.

Донъ-Жуанъ: Ну, смотри-жь, бездѣльники!
(Статуя.) Я, командоръ, прошу тебя приди
Къ твоей вдовѣ, гдѣ завтра буду я,
И стать у двери на часахъ. Что? будешь?

(Статуя киваетъ опять.)

О, Боже!

Лепорелло: Что? я говорилъ...

Донъ-Жуанъ: Уйдемъ.

*

Въ томъ же 1830 году Пушкинъ написалъ маленькую трагедію «Скупой рыцарь». «Идея ясна сама по себѣ и по названію поэмы,—говоритъ Бѣлинскій. Скупость—страсть не новая, но гений умѣетъ и старое сдѣлать новымъ. Скупецъ Пушкина ужасенъ—это лицо трагическое». Любуясь своимъ золотомъ, старый баронъ говоритъ:

Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
Съ какой-нибудь развратницей лукавой,
Иль душой, имъ обманутой, такъ я
Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный къ вѣрнымъ сундукамъ.
Счастливыи день! могу сегодня я
Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще неполный)
Горсть золота накопленнаго вынуть.
Немного, кажется, но понемногу
Сокровища растутъ. Читалъ я гдѣ-то,
Что царь однажды воинамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу,—
И гордый холмъ возвысился, и царь
Могъ съ вышины съ весельемъ озираться
И долъ, покрытый бѣлыми шатрами,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
И всѣ ихъ отпущу, и стану самъ
Средь нихъ глядѣть на блещущія груды.

(Зажигаетъ свѣчи и оттираетъ сундуки одинъ за другимъ.)

Я царствую!.. Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастье, въ ней честь моя и слава!
Я царствую!.. Но кто вослѣдъ за мной
Приметъ власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!
Безумецъ, расточитель молодой!
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!
Едва умру, онъ, онъ сойдетъ сюда,
Подъ эти мирные, нѣмые своды
Съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ,
Укравъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отпереть—
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дырявые карманы.
О, если-бъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ!.. о, если-бъ изъ могилы
Приди я могъ сторожевою тѣнью,
Сидѣть на сундукъ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить, какъ нынѣ!..

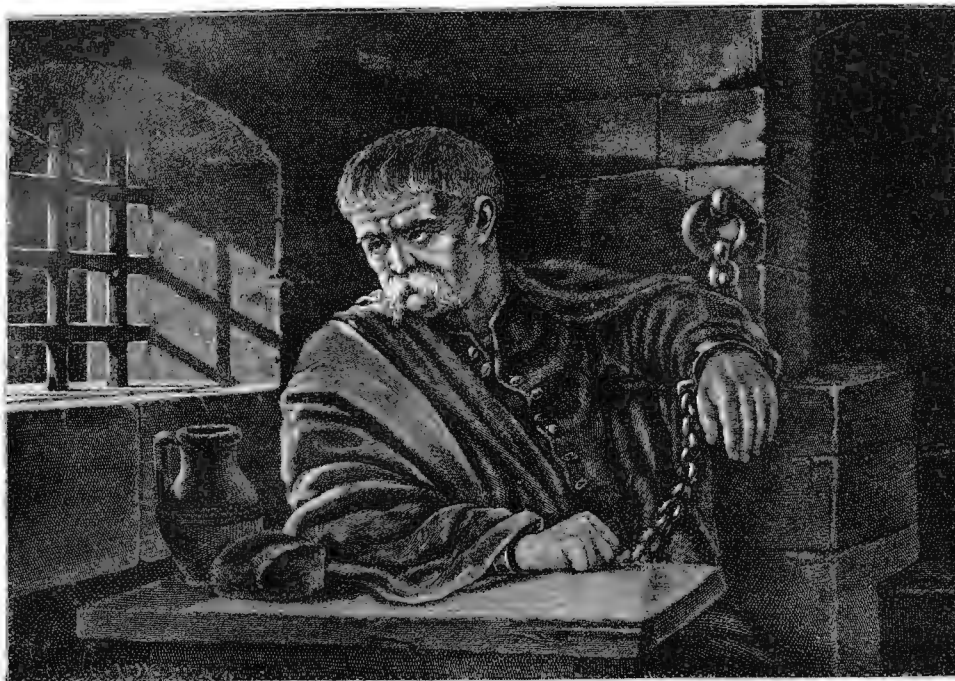
*

Изъ маленькихъ стихотвореній, въ этотъ же періодъ, написано Пушкинымъ граціозное стихотвореніе «Предъ испанкой благородной», которое мы приводимъ цѣликомъ (рис. на стр. 56).

Предъ испанкой благородной	Жизни имъ она дороже
Двое рыцарей стоять:	И, какъ слава, имъ мила.
Оба смѣло и свободно	Но одинъ ей милъ. Кого же
Въ очи прямо ей глядятъ.	Дѣва сердцемъ избрала?
Блещутъ оба красотою,	«Кто, рѣши, любимъ тобою?»
Оба сердцемъ горячи,	Оба дѣвъ говорятъ
Оба мощною рукою	И съ надеждой молодою
Оперлися на мечи.	Въ очи прямо ей глядятъ.

*

Пушкинъ цѣнилъ романы В. Скотта. Приглядываясь къ ходу европейской литературы, онъ какъ бы предугадалъ скорое торжество нравоописательной повѣсти и романа и рѣшилъ испытать свои силы на этомъ поприщѣ. Въ своихъ прозаическихъ повѣстяхъ онъ оставался реалистомъ, убѣжденнымъ противникомъ романтическихъ повѣстей-поэмъ, въ стилѣ Бестужева-Марлинскаго. Опъ очень дорожилъ успѣхомъ своихъ «повѣстей», но, боясь нападокъ критики, скрылъ свое имя. Критика встрѣтила ихъ крайне враждебно, но опъ раскунались публичкой и читались съ удовольствіемъ; и Пушкинъ, больше довѣрившій публичкѣ, чѣмъ критикѣ, смель своей опытъ удавшимся. «Станціонный смотритель» — одна изъ маленькихъ его повѣстей, издавшихся подъ общимъ заглавіемъ «Повѣсти Бѣлкина», напечатана была въ 1830 г. Трогательная исторія бѣднаго станціоннаго смотрителя, въ простомъ поэтичномъ изложеніи Пушкина, хорошо извѣстна всей читающей публичкѣ. На рисункѣ (стр. 56) изображенъ тотъ трогательный моментъ, когда дочь смотрителя, Дуня, послѣ бѣгства ея съ проѣзжимъ гусаромъ изъ отчача дома, вернулась на родину повидаться съ отцомъ, и нашла только его могилу съ простымъ деревяннымъ крестомъ.

„Полтава“. Кочубей въ темницѣ.
Ориг. рис. Н. Лоренца, по гравюрѣ Шюблера автотипія «Нивы».

*

Въ концѣ августа 1830 г., Пушкинъ отправился въ имѣніе Болдино, по своимъ дѣламъ, и оставался тамъ три мѣсяца, воспользовавшись этимъ временемъ для литературныхъ работъ; полное уединеніе вызвало у него такой приливъ вдохновенія, какого давно не было. Между прочими вещами онъ написалъ тамъ «Моцартъ и Сальери», небольшую трагедію, которую первоначально назвалъ «Завистью» и которая воплощаетъ идею о сущности взаимныхъ отношеній генія и обыкновеннаго, зауряднаго таланта. Моцартъ—геній, неоспоримый, признанный таковымъ еще при жизни современниками. Сальери—ничто въ сравненіи съ нимъ, талантъ, какихъ много, но умный и благородный; зависть не скоро побѣждаетъ его, да и зависть эта особаго рода: его раздражаетъ простота Моцарта, то, что тотъ не умѣетъ цѣнить себя, свой геній, а потому и искусство. Сальери—жрецъ искусства, и ради этого искусства рѣшается отравить Моцарта, потому что считаетъ это нужнымъ. За обѣдомъ, въ трактирѣ, онъ всыпаетъ въ стаканъ друга-генія ядъ.

Моцартъ.

... Ахъ, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравилъ?

Сальери.

Не думаю, онъ слишкомъ былъ смѣшонъ
Для ремесла такого.

Моцартъ.

Онъ же геній,
Какъ ты, да я. А геній и злодѣйство—
Двѣ вещи несовмѣстныя. Не правда-ль?

Сальери.

Ты думаешь?
(Бросаетъ ядъ въ стаканъ Моцарта).

Ну пей-же.

Моцартъ.

За твое

Здоровье, другъ, за искренній союзъ,
Связующій Моцарта и Сальери,
Двухъ сыновей гармоніи.

(Шептъ).

Сальери.

Постой,

Постой, постой!.. Ты выпилъ!.. безъ меня?

Моцартъ

(бросаетъ салфетку на столъ).

Довольно, съѣлъ я.

(Идетъ къ фортепiano).

Слушай-же, Сальери,

Мой Requiem. (Играетъ).

Ты плачешь?

Сальери.

Эти слезы

Впервые лью: и больно, и приятно,

Какъ будто тяжкій совершилъ я
долгъ,
Какъ будто ножъ цѣлебный мнѣ
отсѣкъ
Страдавшій членъ! Другъ Моцартъ,
эти слезы...
Не замѣчай ихъ. Продолжай, спиши
Еще наполнить звуками мнѣ душу...

Моцартъ. Когда бы всѣ такъ
чувствовали силу
Гармоніи! Но нѣтъ: тогда-бъ не могъ
И мѣръ существовать; никто-бъ не
сталъ
Заботиться о нуждахъ низкой
жизни—
Всѣ преданы бы вольному искус-
ству!
Насъ мало избранныхъ, счастли-
вецъ праздныхъ,
Пренебрегающихъ презрѣнной
пользой,
Единого прекраснаго жрецовъ.
Не правда-ль? Но я нынче нездо-
ровъ,
Мнѣ что-то тяжело; пойду, засну.
Прощай же.

Сальери. До свиданья.

(Одинъ.)

Ты заснешь

Надолго, Моцартъ!.. Но ужель онъ
правъ,

И я—не геній? Геній и злодѣйство—
Двѣ вещи несовмѣстныя. Неправда:

А Бонаротти?.. Или это сказка
Тупой, бессмысленной толпы—и не былъ
Убийцею создатель Ватикана?

«Пушкинъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, поражаетъ знаніемъ че-
ловѣческаго сердца; только великіе поэты, какъ Шекспиръ,
умѣютъ находить въ тайникахъ человѣческой натуры такія
странныя, повидимому, противорѣчія, и изображать ихъ такъ,
что они становятся намъ понятными безъ объясненія.

„Полтава“. Допросъ Кочубея.
Ориг. рис. Р. Штейна, по грав. Барановскаго автотипія «Нивы».

„Полтава“. Петръ I передъ битвой. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Голевинскій.

1831.

«Евгений Онегинъ» начать былъ еще въ Кишиневѣ, въ 1823 г. «Что касается до моихъ занятій», — пишетъ Пушкинъ къ П. А. Вяземскому въ 1823 г., — «я теперь пишу не романъ, а романъ въ стихахъ — дьявольская разница! Въ родѣ Донъ-Жуана». Въ этомъ романѣ онъ «забалтывается до нелзя», «захлебывается желчью», не надѣется провести романъ черезъ нашу «своенравную цензуру», а потому и пишетъ «спустя рукава». Но начиная со 2 главы, онъ увлскается, раздвигаетъ планъ работы и приходитъ къ твердому убѣжденію, что это будетъ лучшее его произведение. «Онегина» Пушкинъ писалъ долго, вплоть до 1831 года. Герой романа — Онегинъ — баринъ великорусскаго дворянскаго быта, учившійся, какъ все тогда — чему-нибудь и какъ-нибудь; какъ большинство въ то время щеголявшій разочарованностью, романтической усталостью и байроизмомъ — «москвичъ въ Гаральдовомъ плащѣ» и совершенно несостоятельный при встрѣчѣ съ дѣйствительнымъ жизненнымъ романомъ, героиней котораго является поэтичная, мечтательная, но чистая, здоровая нравственно дѣвушка-провинциалка. Евгений Онегинъ — гениальное воспроизведеніе жизни нашего полукультурнаго дворянства той эпохи. Мы даемъ здѣсь три сцены изъ романа, въ талантливой композиціи Е. П. Самокиши-Судговецкой (стр. 58—61).

„Каменный гость“. Ориг. рис. А. Земцова, автотипія «Нивы».

„Полтава“. Бѣгство Карла XII и Мазепы.

Ориг. рис. Р. Штейна, по грав. Рашевскаго автотипія «Нивы».

Вотъ блестящая характеристика героя романа:

XXIII.	И для ногтей, и для зубовъ. Руссо [замѣчу мимоходомъ]
Изобразу ль въ картинѣ вѣр- ной	Не могъ понять, какъ важный Гриммъ
Уединенный кабинетъ, Гдѣ модъ воспитанникъ при- мѣрный	Смѣлъ чистить ногти передъ нимъ, Краснорѣчивымъ сумасбродомъ:
Одѣть, раздѣть и вновь одѣть? Все, чѣмъ для прихоти обильной Торгуетъ Лондонъ шенетильный	Защитникъ вольности и правъ Въ семь случаевъ совѣмъ не правъ.
XXV.	Быть можно дѣльнымъ чело- вѣкомъ
И по балтическимъ волнамъ За лѣсъ и сало возить намъ; Все, что въ Парижѣ вкусъ го- лодный,	И думать о красѣ ногтей: Къ чему безплодно спорить съ вѣкомъ?
XXIV.	Обычай — деспотъ межъ людей
Полезный промыселъ избравъ, Изобрѣтаешь для забавъ, Для роскоши, для нѣги модной, Все украшало кабинетъ Философа въ осьмнадцать лѣтъ.	Второй Каверинъ, мой Евгенийъ, Боясь ревнивыхъ осужденій, Въ своей одеждѣ былъ педантъ И то, что мы назвали франтъ.
XXVI.	Онъ три часа, по крайней мѣрѣ, Предъ зеркалами проводилъ, И изъ уборной выходилъ Подобный вѣтреной Венерѣ, Когда, надѣвъ мужской нарядъ Богиня ѣдетъ въ маскарадъ.
Январь на трубкахъ Царсграда, Фарфоръ и бронза на столѣ, И чувствъ взлѣженныхъ отрада, Духи въ граненомъ хрусталѣ; Гребенки, пилочки стальные, Прямые ножницы, кривыи, И шетки тридцати родовъ —	И такъ тридцати родовъ —

Второй рисунокъ изображаетъ слѣдующую сцену:

XXVII.	Хранила въ памяти не мало Старинныхъ былей, неблизкиъ
Тоска любви Татьяну гонить, И въ садъ идетъ она грустить, И вдругъ недвижны очи клонить, И льнь ей далѣе ступить:	Про злыхъ духовъ и про дѣвницъ; А нынѣ все мнѣ темно, Таня: Что знала, то забыла. Да, Пришла худая череда!
XXVIII.	Пришла худая череда!
Приподнялася грудь, ланиты Мгновеннымъ пламенемъ по- крыты, Дыханье замерло въ устахъ, И въ слухѣ шумъ, и блескъ въ очахъ...	Зашлобо... — «Разскажи мнѣ, няня, Про ваши старые года: Была ты влюблена тогда?»
XXIX.	— И, полно, Таня! въ эти лѣта Мы не слышали про любовь; А то бы согнала со свѣта Меня покойница свеирова —
Настанетъ ночь: луна обходить Дозоромъ дальній сводъ небесъ, И соловей во мглѣ древесъ Напѣвы звучные заводитъ.	«Да какъ же ты вѣчалась, няня?» — Такъ, видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня
Татьяна въ темнотѣ не спитъ И тихо съ няней говоритъ:	Моложе былъ меня, мой свѣтъ, А было мнѣ тринадцать лѣтъ. Недѣли двѣ ходила сваха Къ моей роднѣ, и наконецъ Благословилъ меня отецъ.
XVII.	«Мнѣ скучно; Поговоримъ о старинѣ.»
«Не спится, няня: здѣсь такъ душно! Открой окно да сядь ко мнѣ.» — Что, Таня, что съ тобой? — «Мнѣ скучно; Поговоримъ о старинѣ.»	Мнѣ съ плачемъ косу расплели И съ пѣнемъ въ церковь повели.
— Что, Таня, что съ тобой? — «Мнѣ скучно; Поговоримъ о старинѣ.»	Мнѣ съ плачемъ косу расплели И съ пѣнемъ въ церковь повели.

„Скупой рыцарь“. Ориг. рис. А. Земцова, грав. Флюгель.

„Предъ испанкой благородной“.

Ориг. рис. С. Соломко, по грав. Мультиановскаго автотипия «Нивы».

XIX.

И вотъ ввели въ семью чужую... Дай окроплю святой водою,
Да ты не слушаешь меня... — Ты вся горюшь... — «Я не больна;
«Ахъ, няня, няня, я тоскую, Я... знаешь, няня... влюблена.»
Мнѣ тошно, милая моя: — Дитя мое, Господь съ тобою! —
Я плакать, я рыдать готова!» И няня дѣвushку съ мольбой
— Дитя мое, ты нездорова; Крестила дряхлюю рукой.
Господь помилуй и спаси!

На третьемъ рисункѣ читатель видитъ одну изъ капитальныхъ сценъ романа — объясненіе Онегина съ Татьяной, въ саду.

XI.

Но, получивъ посланье Тани, Себя на судъ вамъ отдаю.
Онегинъ живо тронуть былъ: XIII.
Языкъ дѣвическихъ мечтаній «Когда-бы жизнь домашнимъ
Въ немъ думы роюмъ возмущилъ; Я ограничить захотѣлъ;
И вспомнилъ онъ Татьяны милой Когда - бѣ мнѣ быть отцомъ,
И бабдннй цвѣтъ, и видъ уны- супругомъ,
лнй — Приятный жребій повелѣлъ;
И въ сладостный, безгрѣшннй Когда - бѣ семейственной кар-
сонь тинной
Душою погрузился онъ. Пѣнился я хоть мигъ единый —
Быть - можетъ, чувствій пылъ То вѣрно-бѣ кромѣ васъ одной
старинный Невѣсты не искалъ иной.
Имъ на минуту овладѣлъ; Скажу безъ блескокъ мадригалъ-
Но обмануть онъ не хотѣлъ ныхъ;
Довѣрчивость души невинной. Нашедъ мой прежннй идеалъ,
Теперь мы въ садъ перелетимъ, Я вѣрно-бѣ васъ одну избралъ
Гдѣ встрѣтилась Татьяна съ нимъ. Въ подруги дней моихъ печаль-
ныхъ:

XII.

Минуты двѣ они молчали, Всего прекраснаго въ залогъ,
Но къ ней Онегинъ подошелъ Я былъ бы счастливъ.. сколько
И молвилъ: «Вы ко мнѣ писали, могъ!
Не отпирайтесь. Я прочелъ XIV.
Души довѣрчивой признанья, «Но я не созданъ для бла-
Любви невинной изліянья; женства:
Мнѣ ваша искренность мила; Ему чужда душа моя;
Она въ волненье привела Напрасны ваши совершенства —
Давно умолкнувшія чувства; Ихъ вовсе недостойнъ я.
Но васъ хвалить я не хочу; Повѣрьте (совѣсть въ томъ по-
Я за нее вамъ отплачу рукой),
Признаемъ также безъ искус- Супружество намъ будетъ мукой.
ства; Я, сколько ни любилъ бы васъ,
Примите исповѣдь мою, — Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;

Начнете плакать—ваши слезы Онъ подаль руку ей. Печально
Не тронуть сердца моего, (Какъ говорится, машинально)
А будутъ лишь бѣснть его. Татьяна молча оперлась;
Судите-жъ вы, какія розы Головкой томною склонясь,
Намъ заготовить Гименей Пошла домой вкругъ огорода;
И, можетъ-быть, на много дней!» Явились вмѣстѣ, и никто
XV. Не вздумалъ имъ пенять на то:
Такъ проповѣдовалъ Евгений. Имѣть сельская свобода
Сквозъ слезъ не видя ничего, Свои счастливыя права,
Едва дыша, безъ возраженій— Какъ и надменная Москва.
Татьяна слушала его.

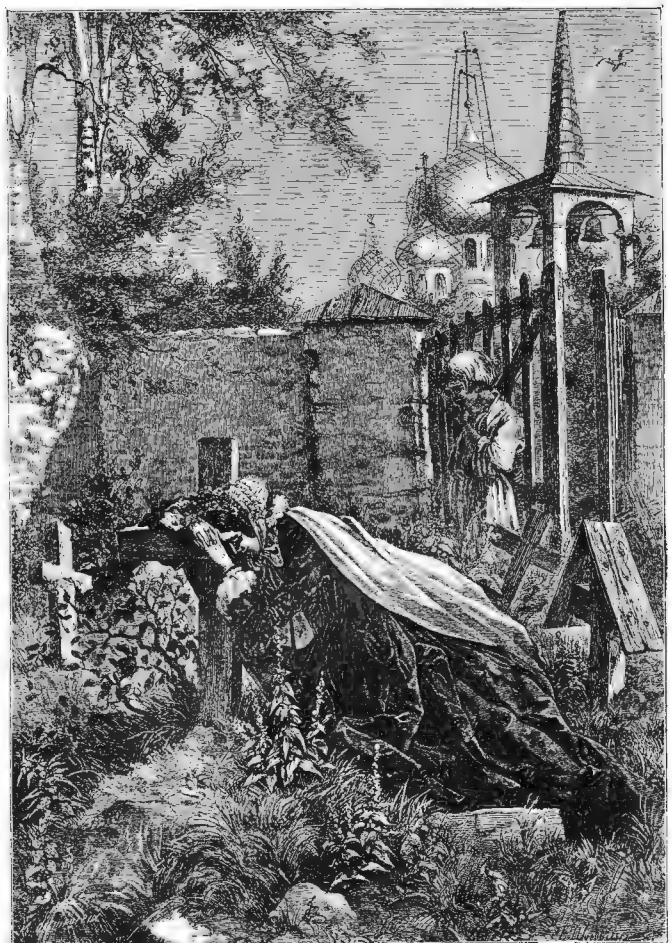
Въ этомъ же году Пушкинымъ написана и повѣсть «Барышня-крестьянка».

Повѣсть представляетъ помѣщичью жизнь съ идилической точки зрѣнія.

Молоденькая дочь помѣщика Муромскаго, Лиза, или Бетси, какъ зоветъ ее отецъ-англоманъ, случайно встрѣчается въ лѣсу съ сосѣдомъ-помѣщикомъ, Алексѣемъ Берестовымъ. Она его мило дурачитъ, представляясь деревенской дѣвushкой Акулиной. Они встрѣчаются въ лѣсу—она съ кузовочкомъ въ рукахъ и въ крестьянскомъ платьѣ; онъ—съ ружьемъ за плечами (рис. на стр. 63); тутъ завязывается между ними знакомство, которое переходитъ затѣмъ въ любовь, и все кончается свадьбой.

Видался, почти ежедневно, съ Жуковскимъ въ 1831 г., Пушкинъ вступилъ съ нимъ, нѣкоторымъ образомъ, въ соперничество на поприщѣ обработки русскихъ народныхъ сказокъ, и въ 1831 г. написалъ сказку «О царѣ Салтанѣ», сюжетъ которой занималъ его гораздо раньше, въ Кишиневѣ, и на этотъ разъ онъ побѣдилъ своего учителя яркостью и жизненностью своихъ образовъ (рис. на стр. 63 и 64).

«Мы объѣхали весь свѣтъ— Море вздуется бурливо,
За моремъ житье не худо; Закипитъ, подыметъ вой,
Въ свѣтѣ жъ, вотъ какое чудо: Хлынетъ на берегъ пустой,
Островъ на морѣ лежитъ, Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ—
Градъ на островѣ стоитъ, И останутся на брегѣ
Каждый день идетъ тамъ диво: Тридцать три богатыря,

„Станціонный смотритель“.

Ориг. рис. Р. Штейна, по грав. Ольшевскаго автотипия «Нивы».

„Моцартъ и Сальери“. Съ картины В. Крюнова грав. Голевнскій.

„Евгеній Онѣгинъ“. Онѣгинъ за туалетомъ. Ориг. рис. Е. П. Самокишъ-Судковской, автогипсія «Нивы» .

Въ чешуѣ златой горя:
Всѣ—красавицы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборѣ;
Старый дядька Черноморъ
Съ ними изъ моря выходить

И попарно ихъ выводить.
Чтобы островъ тотъ хранить
И дозоромъ обходить:
И той стражи вѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А сидитъ тамъ князь Гвидонъ:

Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду:
«Если живъ я только буду,
Чудный островъ навѣщу
И у князя погощу.»
Повариха и ткачиха

Ни-гугу—но Бабариха,
Усмѣхнувшись, говорить:
«Кто насъ этимъ удивитъ?
Люди изъ моря выходить
И себѣ дозоромъ бродить!
Правду-ль бають или лгутъ.»

„Евгеній Онѣгинъ“. Татьяна и няня. Ориг. рис. Е. П. Самокишъ-Судковской, антологія «Нивы».

Дива я не вижу тутъ.
Въ свѣтѣ есть такія-ль дива?
Вотъ идетъ молва правдива:
За мѣремъ царевна есть,
Что не можно глазъ отвести—
Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ,

Мѣсяцъ подъ косою блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выплываетъ, будто пава;
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Молвить можно справедливо,

Это диво, такъ ужъ диво.»
Гости умные молчатъ:
Спорить съ бабой не хотятъ.
Чуду царь Салтанъ дивится,
А царевичъ хоть и злится,
Но жалѣетъ онъ очей
Старой бабушки своей.

Онъ надъ ней жужжитъ,
кружится—
Прямо на носъ къ ней садится,
Носъ ужалилъ богатырь,—
На носу вскочилъ волдырь.
И опять пошла тревога:
«Помогите, ради Бога!

Е. С. Самокишъ Судновскій

„Евгеній Онѣгинъ“. Татьяна и Онѣгинъ. Ориг. рис. Е. П. Самокишъ-Судновской, авторства Ангерера и Гейля въ Вѣнѣ.

Караул! лови, лови,
Да дави его, дави...
Вот уж! пожди немножко.
Погоди!..» А имель в окошко,
На спокойно в свой удъл
Через море полетъл.

Князь у сinya моря ходитъ,
Съ сinya моря глаз не сводитъ:
Глядь—поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветь.
«Здравствуй, князь ты мой
прекрасный!

Что-жь ты тихъ, какъ день
ненастный?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
«Грусть-тоска мени съѣдаетъ—

Люди женятся; плужу,
Не женать лишъ я хожу.»
«А кого же на примѣтъ
Ты имѣешь?»—«Да на свѣтъ.
Говорятъ, царевна есть,
Что не можно глазъ отвести;

„Бѣсы“. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. Пучъ.

Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ,
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выступаетъ, точно нава:
Сладку рѣчь-то говоритъ,

Будто рѣченька журчитъ.
Только, полно, правда-ль это?»
Князь со страхомъ ждетъ отвѣта.
Лебедь бѣлая молчитъ
И, подумавъ, говоритъ:
«Да! такая есть дѣвица.
Но жена—не ругавица:

Съ бѣлой ручки не страхнешь,
Да за поясъ не заткнешь.
Услужу тебѣ совѣтомъ—
Слушай: обо всемъ объ этомъ
Пораздумай ты путемъ,
Не раскатъся-бъ потомъ.»
Князь предъ нею сталъ божится,

Что пора ему жениться;
Что объ этомъ обо всемъ
Передумалъ онъ путемъ;
Что готовъ душою страстной
За царевною прекрасной
Онъ пышкомъ вдти отсель,
Хоть за тридевять земель.

„Барышня-крестьянка“. Ориг. рис. Р. Штейна, по грав. Флюгель-автотипии «Нивы».

Лебедь тутъ, вздохнувъ глубоко,
Молвила: «зачѣмъ далеко?»
Знай, близка судьба твоя,
Вѣдь царевна эта—я.»
Тутъ она, взмахнувъ крылами,
Полетѣла надъ волнами
И на берегъ съ высоты
Опустилася въ кусты,
Встрепенулася, отряхнула
И царевной обернула:
Мѣсяць подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ,
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава:
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченка журчитъ.
Князь царевну обнимаетъ,
Къ бѣлой груди прижимаетъ,
И ведетъ ее скорѣй
Къ милой матушкѣ своей.

«Никто изъ русскихъ поэтовъ,—говоритъ Бѣлинскій,—не умѣлъ съ такимъ неостижимымъ искусствомъ сырскивать живой водой своей творческой фантазій матеріалы народныхъ нашихъ пѣсенъ, какъ Пушкинъ. Прочтите его «Бѣсовъ» (стр. 62), и вы увидите, какой очаровательный міръ поэзій умѣлъ вызвать поэтъ своимъ волшебнымъ жезломъ...»

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Бѣду, бѣду въ чистомъ полѣ:
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно поневолѣ
Средь неведомыхъ равнинъ!
— Эй, пошелъ, ляшчикъ!...—
«Шѣть мочи:
Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слизаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водить, видно,
Да кружить по сторонамъ.
«Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плещетъ на меня;
Вонъ—теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тѣмѣ пустой.»
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна

Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали...—Что тамъ въ
полѣ?—
«Кто ихъ знаетъ: пенъ, иль водкъ?
Вьюга злится, вьюга плачетъ:
Кони чуткіе храпѣтъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Вижу—духи собралися
Средь бѣлющихъ равнинъ.
Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! куда ихъ гонять?
Что такъ жалобно поютъ?
Домового ли хоронять,
Вѣдму-ль замужъ выдають?
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна

Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роємъ

Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ.

1832.

Лѣтомъ 1832 г. Пушкинъ, будучи въ Москвѣ, услышалъ отъ Нащокина разсказъ о нѣкоемъ Островскомъ, который, въ слѣдствіе притѣсеній своего богатаго помѣщика-сосѣда, лишился имѣнія и сдѣлался «врагомъ общества»; поэту сейчасъ же пришла идея сдѣлать изъ этого разсказа романъ, которымъ, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ и занялся съ увлеченіемъ. Черезъ три съ половиною мѣсяца романъ былъ оконченъ; приближаясь къ развязкѣ, Пушкинъ почувствовалъ недовольство своимъ произведеніемъ, и, заключивъ его паскоро набросанными, двумя эффектными сценами, оставилъ въ рукописи, даже не переписаннымъ. «Пушкинъ былъ правъ и въ своемъ увлеченіи, и въ своемъ разочарованіи,—говоритъ проф. Киричниковъ:—«по замыслу, «Дубровскій» одно изъ величайшихъ его произведеній, начинающее новую эпоху въ литературѣ; по формѣ, въ какую отлилась идея—это разбойничій романъ. То обстоятельство, что этотъ романъ, съ поглощающимъ интересомъ читается еще и теперь, несмотря на свои недостатки, показываетъ, что Пушкинъ былъ истиннымъ художникомъ и въ слабыхъ своихъ наброскахъ».

Вотъ сцена дикой помѣщичьей забавы добраго стараго времени.

«Проголодавшася медвѣдя запрутъ, бывало, въ пустой комнатѣ, привязавъ его веревкою за кольцо, ввинченное въ стѣну. Веревка была длиною почти во всю комнату, такъ что одинъ только противоположный уголь могъ быть безопаснымъ отъ нападенія страшнаго звѣря. Приводили обыкновенно новичка къ дверямъ этой комнаты, нечаянно вталкивали его къ медвѣдю, двери запирались, и несчастную жертву оставляли наединѣ съ косятымъ пустыннокомъ. Бѣдный гость, съ оборванной поюю, съ оцарапанной рукою, скоро отыскивалъ безопасный уголь, но принужденъ былъ иногда цѣлые три часа стоять, прижавшись къ стѣнѣ, и видѣть, какъ разъяренный звѣрь въ двухъ шагахъ отъ него прыгалъ, становился

„Сказка о царѣ Салтанѣ“. Превращеніе лебедя въ царевну. Ориг. рис. С. Соломко, по грав. Шюблера автотипии «Нивы».

„Сказка о царѣ Салтанѣ“. Черноморь и богатыри. Ориг. рис. А. Чикина, грав. Шоблеръ.

„Дубровскій“. Нападеніе Дубровскаго на свадебный поѣздъ. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Барановскій.

„Дубровский“. Борьба француза-учителя (Дубровскаго) съ медвѣдемъ.
Ориг. рис. Р. Штейна, по грав. Неймана авт. «Нивы».

на дыбы, ревѣлъ, рвался и силился до него дотронуться. Таковы были благородныя увеселенія русскаго барина! Нѣсколько дней спустя послѣ прѣзда учителя (Дубровскаго), Троекуровъ вспомнилъ о немъ и вознамѣрился угостить его въ медвѣжьей комнатѣ. Для этого, призвавъ его однажды утромъ, повелъ онъ его темными коридорами; вдругъ боковыя двери отворились— двое слугъ вталкиваютъ въ нее француза и заираютъ ее на ключъ. Опомнившись, учитель увидѣлъ привязаннаго медвѣдя; звѣрь началъ фыркать, издали обнюхивая своего гостя, и вдругъ, поднявшись на заднія лапы, пошелъ на него... Французъ не смугился, не побѣжалъ и ждалъ нападенія. Медвѣдь приблизился; Дефоржъ вынулъ изъ кармана маленькій пистолетъ, вложилъ его въ ухо голодному звѣрю и выстрѣлилъ. Медвѣдь повалился. Вебъ сбѣжалъ, двери отворились— Кирила Петровичъ (Троекуровъ) вошелъ, изумленный развязкою своей шутки (рис. на этой стр.).

Другой нашъ рисунокъ изображаетъ сцену нападенія Дубровскаго на свадебный поѣздъ.

Марья Кириловна ничего не видала, ничего не слышала; думала объ одномъ съ самаго утра: ждала Дубровскаго; надежда ни на минуту ее не покидала. Но когда священникъ обратился къ ней съ обычнымъ вопросомъ, она содрогнулась и обмерла, но еще медлила, еще ожидала. Священникъ, не дождавшись ее отвѣта, произнесъ невозвратимыя слова.

Обрядъ былъ конченъ. Она чувствовала холодный поцѣлуй немилаго супруга; она слышала льстивыя поздравленія присутствующихъ, и все еще не могла повѣрить, что жизнь ее была навѣки окована, что Дубровскій не прилетѣлъ освободить ее. Князь обратился къ ней съ ласковыми словами—она ихъ не поняла; они вышли изъ церкви; на паперти толпились крестьяне изъ Покровскаго. Взоръ ее быстро ихъ обѣжалъ и снова оказалъ прежнюю безчувственность. Молодые съѣли вѣтѣ въ карету и поѣхали въ **, куда уже Кирила Петровичъ отправился прежде, чтобы встрѣтить тамъ молодыхъ. Наединѣ съ молодою женой князь нисколько не былъ

смущенъ съ холоднымъ видомъ. Онъ не сталъ докучать ей приторными изъясненіями и смѣшными восторгами; слова его были просты и не требовали отвѣтовъ. Такимъ образомъ, проѣхали они около десяти верстъ; лошади пѣслись быстро по кочкамъ проселочной дороги, и карета почти не качалась на своихъ англійскихъ рессорахъ. Вдругъ раздались крики погони; карета остановилась, и толпа вооруженныхъ людей окружила ее. Человѣкъ, въ полумаскѣ, отворилъ дверцы со стороны, гдѣ сидѣла молодая княгиня, и сказалъ ей:

— Вы свободны! выходите.

— Что это значитъ? закричалъ князь: кто ты таковъ?..

— Это Дубровскій, отвѣчала княгиня.

Одной изъ «Нѣсенъ западныхъ славянъ», въ обработкѣ французскаго писателя Мериме, Пушкинъ воспользовался для своей «Русалки», которую писалъ въ зиму 1832—33 г. Эта нѣсеня—«Янынь-королевичъ». «Русалку» Пушкинъ задумалъ гораздо раньше, еще въ 1828 г. Существуетъ предположеніе, что онъ готовилъ ее въ то время, какъ либретто для оперы А. П. Бсаулова, но это точно не установлено. Это чудное произведеніе нашего поэта осталось неоконченнымъ. Проф. А. Кирничниковъ говоритъ, что эта народная драма—«высшій пунктъ, котораго достигъ Пушкинъ въ умѣнѣ примирить въковое національное творчество съ личнымъ, соединить сказочную фантастику и первобытный лиризмъ съ драматичностью положеній и глубоко-гуманной идеей».

Мы здѣсь даемъ три иллюстраціи къ этому произведенію:

Дочь мельника: Пстой, тебѣ сказать должна я—

Не помню что..

Князь: Припомни.

Она: Для тебя

Я все готова.. Нѣтъ, не то.. Пстой..

Нельзя, чтобы навѣи, въ самомъ дѣлѣ,

Меня ты могъ покннуть.. Все не то..

Да, вспомнила: сегодня у меня

Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся.

Князь: Несчастная! Какъ быть? Хотя для него

Побереги себя! Я не оставлю

Ни твоего ребенка, ни теби.

Современемъ, быть-можетъ, самъ прѣду

„Русалка“. Прощаніе князя съ дочерью мельника.
Ориг. рис. Коверзнева, по грав. Пуца авт. «Нивы».

Васъ навѣстить. Утѣшься, не крушиш.
 Дай обниму тебѣ въ послѣдній разъ.
 (Уходитъ.) Ухъ, конечно! Душѣ какъ будто легче.
 Я бури ждалъ, но дѣло обошлось
 Довольно тихо. (Уходитъ. Она остается неподвижною.)

Мельникъ (входитъ): Не угодно-ль будетъ
 Пожаловать на мель.. Да гдѣ же онъ?
 Скажи, гдѣ книзь нашъ? Ва, ба, ба! Какал
 Повязка! Вся въ каменныхъ дорогахъ!
 Такъ и горитъ! И бусы!.. Ну, скажу,
 Подарокъ царскій. Ахъ онъ, благодѣтель!..
 А это что? мѣшочекъ! Ужъ не деньги-ль?..
 Да что же ты стоишь, не отвѣчаешь,
 Не вымолвишь словечка? Али ты
 Отъ радости неожиданной одурѣла,
 Иль на тебя столбнякъ нашель?

Дочь: Не вѣрю,
 Не можетъ быть. Я такъ его любила..
 Или онъ звѣрь. Иль сердце у него
 Косматое?

Мельникъ: О комъ ты говоришь?
Дочь: Скажи, родимый: какъ могла его
 Я прогнѣвить? Въ одну недѣлю развѣ
 Моя краса пропала? Иль его
 Отравой опоилъ?

Мельникъ: Что съ тобой?
Дочь: Родимый, онъ уѣхалъ! Воишь онъ скачетъ!
 И я, безумная, его пустила!
 Я за полы его не уцѣпилась!
 Я не повисла на уздѣ коня!
 Пускай же бѣ онъ съ досады отрубилъ
 Мнѣ руки по-локоть; пускай бы тутъ же
 Онъ растопталъ меня своимъ конемъ!

Днѣпровское дно.

Теремъ русалокъ. Русалки придутъ около своей царицы.

Старшая русалка: Оставьте прижу, сестры. Солнце сѣло,
 Столбомъ луна блеститъ надъ нами. Полно!
 Плывите вверхъ, подъ небомъ поиграть,
 Да никого не трогайте сегодня:
 Ни пѣшехода шекотать не смѣйте,
 Ни рыбакамъ ихъ неводо отгачать
 Травой и тиной, ни ребенка въ воду
 Заманивать рассказами о рыбакахъ.

(Входитъ русалочка.)

Гдѣ ты была?

Дочь: На землю выходила
 Я къ дѣду. Онъ вечеръ меня просилъ
 Со дна рѣки собрать ему тѣ деньги,
 Которыя когда-то въ воду къ намъ
 Онъ побросалъ. Я долго ихъ искала;
 А что такое деньги—я не знаю.
 Однакоже я вынесла ему
 Пригоршню раковинокъ самоцвѣтныхъ:
 Онъ очень былъ имъ радъ.

Русалка: Безумный скрига!
 Послушай, дочка: нынче на тебя
 Надѣюсь я. Къ намъ на берегъ сегодня
 Придетъ мужчина. Стеречи его
 И выдь ему навстрѣчу. Онъ намъ близокъ:
 Онъ—твой отецъ.

Дочь: Тотъ самый, что тебя
 Покинулъ и на женигѣ женился?

Русалка: Онъ самъ. Къ нему нѣжнѣе приласкайся
 И расскажи все то, что отъ меня
 Ты знаешь про свое рожденіе, также
 И про меня. И если спроситъ онъ:
 Забыла-ль я его или нѣтъ—скажи,
 Что все его я помню и люблю,
 И жду къ себѣ. Ты поняла меня?
Дочь: О! поняла.

Русалка: Ступай же. (Одна.) Съ той поры,
 Какъ бросилась безъ памяти я въ воду
 Отчаянной и презрѣнной дѣвчонкой,
 И въ глубинахъ Днѣпра рѣки очнулась
 Русалкою холодною и мочуей,
 Прошло ужъ восемь долгихъ-долгихъ лѣтъ;
 Я каждый день о мщеньи помышляю..
 И нынѣ, кажется, мой часъ насталъ.

Настоящимъ героемъ поэмы «Мѣдный всадникъ», являются не Евгений, а Петербургъ. Начинается она грандіозной картиной, изображающей Петра, задумавшаго основать новую столицу, и продолжается описаніемъ этой столицы въ современномъ Пушкину состояніи.

Красуйся, градъ Петровъ, и да умирится же съ тобою
 Красивый Петербургъ! И побѣжденная стихія:
 Неколебимо, какъ Россія! Вражду и плѣнь старинный свой

Пусть волны финскія забудутъ Объ ней свѣжо воспоминашь..
 И тиетной злобою не будутъ Объ ней, друзья мои, для васъ
 Тревожить вѣчный сонъ Петра! Начну свое повѣствованье.
 Была ужасная пора: Печалось будетъ мой разсказъ..

Эти полные «высокой и мощной поэзіи» стихи служатъ введеніемъ къ разсказу, основанному на истинномъ происшествіи и дающему описаніе страшнаго наводненія, постигнаго Петербургъ въ 1824 г. (рис. на стр. 70). Съ исторіей наводненія Пушкинъ тѣсно сліялъ исторію любви. «Картина наводненія,—говоритъ Вѣлискій,—написана у Пушкина красками, которыя цѣною жизни готовъ бы былъ купить поэтъ прошлаго вѣка, помѣшавшійся на мысли написать эпическую поэму «Потопъ». Тутъ не знаешь, чему больше дивиться,—громадной ли грандіозности описанія, или его почти прозаической простотѣ, что вмѣстѣ взятое доходитъ до высочайшей поэзіи.»

Погода пуще свирѣѣла; Садки подъ мокрой зеленой,
 Нева вздувалась и ревѣла, Обломки хижинъ, бревна, провѣн,
 Котломъ клокоча и клубясь, — Товаръ занасливой торговли,
 И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь, Пожитки бѣдной нищеты,
 На городъ кинулась. Предъ нею Грозой снесенные мосты,
 Все побѣжало, все вокругъ Гроба съ размытаго кладбища
 Вдругъ опустѣло.. Воды вдругъ Плывають по улицамъ!
 Втекли въ подземные подвалы; Народъ
 Къ рѣшеткамъ хлынули кана- Зрять Божій гнѣвъ и казни ждети.
 лы,— Увы! все гибнетъ: кровь и пища.
 И всплылъ Петрополь, какъ Гдѣ будетъ взятъ?
 Тритонъ, Въ тотъ грозный годъ
 По поясъ въ воду погруженъ. Покойный царь еще Россіей
 Со славою правилъ. На балконъ
 Печаленъ, смутенъ вышелъ онъ
 Какъ воры, лѣзутъ въ окна; чалны И молвилъ: «съ Божіей стихіей
 Съ разбѣга стекла бьютъ кормой: Царямъ не совладать»..

Осада! приступи! Злая волны, Печаленъ, смутенъ вышелъ онъ
 Какъ воры, лѣзутъ въ окна; чалны И молвилъ: «съ Божіей стихіей
 Съ разбѣга стекла бьютъ кормой: Царямъ не совладать»..

Кто не знаетъ прелестной сказки «О мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ»? Повѣсть о томъ, какъ злая мачиха, во что бы то ни стало, хотѣла избавиться отъ своей красавицы-надчерицы, и, изводя ее всѣми способами, прислала ей, наконецъ, отравленное яблоко. Женихъ царевны, Елисей, находитъ свою невѣсту мертвой въ стеклянномъ гробѣ и своимъ поцѣлуемъ оживляетъ ее (рис. на стр. 71):

Вотъ идетъ, и поднялась Изумленными глазами,
 Передъ нимъ гора крутая; И, качаясь надъ цѣпами,
 Вкругъ нея страна пуста; Привздохнувъ, произнесла:
 Подъ горою темный входъ. «Какъ же долго и спала!»
 Онъ туда скорѣй идетъ. И встаетъ она изъ гроба..
 Передъ нимъ, во мглѣ печальной, «Ахъ!..» и зарыданъ оба.
 Гробъ качается хрустальный, Въ руки онъ ее беретъ
 И въ хрустальномъ гробѣ томъ. И, на свѣтъ изъ тмы несетъ,
 Спитъ царевна мертвымъ сномъ. И, бесѣдуя пріятно,
 И о гробѣ невѣсты милой Въ путь пускается обратно,
 Онъ ударился всей силой. И трубить уже молва:
 Гробъ разбился. Дѣва вдругъ Дочка царская жива!

Въ основу своей сказки о «Золотомъ нѣтушкѣ» Пушкинъ взялъ извѣстную народную сказку, опозитивировавъ ее своимъ стихомъ и колоритомъ (рис. на стр. 73 и 74).

Годъ, другой проходитъ мирно, Безъ шеломовъ и безъ латы
 Пѣтушекъ сидитъ все смирно. Оба мертвые лежатъ,
 Вотъ однажды царь Додонъ Мечъ вознивши другъ во друга.
 Страшнымъ шумомъ пробужденъ: Бродятъ кони ихъ средь луга
 «Царь ты нашъ! отецъ народа! По притоптанной травѣ,
 Возглашаетъ воевода: По кровавой муравѣ..
 Государь! проснись! бѣда!» Царь завывалъ: «охъ, дѣти, дѣти!
 Войска идутъ день и ночь: Горе мнѣ! попался въ сѣти
 Имъ становится не въ мочь. Оба наши сокола!
 Ни побища, ни стана, Горе! смерть моя пришла.
 Ни надгробнаго кургана, Все завывалъ за Додономъ;
 Не встрѣчаетъ царь Додонъ. Застонала тяжкимъ стономъ
 Что за чудо?—мыслятъ онъ. Глубь долины, и сердце горь
 Вотъ осмой ужъ день прохо- Потрясается. Вдругъ матеръ
 дитъ, Распахнулася.. и дѣвица.

Войско въ горы царь приводитъ, Шамаханская дарица,
 И промежъ высокихъ горъ, Вся сия, какъ заря,
 Видитъ шелковый шатеръ. Тихо встрѣтила царя.
 Все въ безмолвіи чудесномъ, Какъ предъ солнцемъ птица ночи,
 Вкругъ шатра; въ ущельи тѣс- Царь умоля, ей гляди въ очи,
 номъ И забылъ онъ передъ ней
 Рать побитая лежитъ. Смерть обоихъ сыновей.
 Царь Додонъ къ шатру спѣ- И она передъ Додономъ
 шитъ.. Улыбнулась,—и съ поклономъ
 Что за страшная картина! Его за руку взяла
 Передъ нимъ его два сына И въ шатеръ свой увела.

„Русалка“. Свиданіе князя съ дочерью мельника. Ориг. рис. В. Васнецова, грав. Куренковъ.

„Русалка“. Дніпровське дно. Русалка и ея дочь. Ориг. рис. И. Волкова, граф. Флюгель.

„Медный всадник“. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. Рашевский.

„Сказка о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ“. Ориг. рис. А. Земцова, грав. Шюблеръ.

Тамъ за столъ его сажала,
 Всякими яствомъ угощала,
 Уложила отдыхать
 На парчевую кровать;
 И потомъ недѣлю ровню,
 Покорясь ей безусловно,
 Оклодываѣ, восхищенъ,
 Пировалъ у ней Додонъ.
 Наконецъ, и въ путь обрат-

Ничего ты не получишь.
 Самъ себя ты, грѣшникъ, мучишь.
 Убравшей, цѣль пока:
 Отпашите старика!
 Старичокъ хотѣлъ заспорить,
 Но съ инымъ накладно взорить:
 Царь хватилъ его жезломъ
 По лбу; тотъ узнавъ ничкомъ,
 Да и духъ вонь.—Всѣ стояща
 Содрогулася, а дѣвица
 Хи-хи-хи, да ха-ха-ха!
 Не боится, знаетъ, грѣха.
 Царь, хотъ былъ встревоженъ

Со своею силой ратной
 И съ дѣвицей молодой,
 Царь отправился домой...
 Вдругъ въ толпѣ увидѣлъ онъ,
 Въ сорочинской шапкѣ бѣлой,
 Весь какъ лебедь посѣдѣлый,
 Старый другъ его, мудрецъ.
 «А! здорово, мой отецъ,
 Молвилъ царь ему: что скажешь?
 Подъ поближе, что прикажешь?»
 «Царь! отвѣтствуетъ мудрецъ:
 Разочтемся, наконецъ.
 Помини? за мою услугу,
 Обѣщавъ мнѣ, какъ другу,
 Волю первую мою
 Ты исполнить, какъ свою.
 Подари-жь ты мнѣ дѣвицу,
 Шамаханскую нарицу».—
 Плюнулъ царь: «такъ лихъ же,

сильно,
 Усмѣхнулся ей умильно.
 Вотъ вѣзжастъ въ городъ онъ.
 Вдругъ раздаѣся легкій звонъ,—
 И въ глазахъ у всей столицы
 Пѣтушокъ спорхнулъ со снѣцы,
 Къ колесницѣ полетѣлъ
 И царю на теми съѣлъ;
 Встрепенулся, кинулъ въ теми
 И, взвился... и въ то же время
 Съ колесницы наль Додонъ:
 Охнулъ разъ—и умеръ онъ;
 А царица вдругъ пропала,
 Будто вовсе не бывала.
 Сказка—ложь, да въ ней намекъ,
 Добрымъ молодцамъ урокъ.

По мнѣнію Бѣлинскаго поэма «Анджело» представляетъ собою переходъ отъ эпическихъ поэмъ къ драматическимъ; но крайней мѣрѣ диалогъ играетъ въ этой пьесѣ большую роль. Содержание поэмъ слѣдующее.

Суровый правитель одного изъ итальянскихъ городовъ, Анджело, временно замѣстившій стараго Дука, отправившагося въ путешествіе, воскресилъ къ жизни давно забытый законъ о прелюбодѣяннѣ, каравшій смертною казнью этотъ проступокъ. Молодой патрицій Клавдіи первый подпадаетъ подъ дѣйствіе этого закона. Но Анджело любитъ сестру Клавдіи Изабеллу и за ея взаимность обѣщаетъ ей жизнь брата.

Сестра отправляется къ Клавдію въ темницу, чтобы передать ему рѣшеніе правителя (рис. на стр. 74).

Клавдіо: Смерть ужасна!

Изабелла: И стыдъ ужасенъ.

Клавдіо: Такъ—однакожъ... умереть,
 Идти невѣдомо куда, во гробѣ тлѣть,
 Въ холоднои тѣснотѣ... Увы! земля прекрасна
 И жизнь мила. А тутъ: войти въ нѣмую мглу,
 Стремглавъ низвергнуться въ кипящую смолу,
 Или во льду застыть, или съ вѣтромъ быстротечнымъ
 Посигъся въ пустотѣ пространствамъ безконечнымъ.

Изабелла: О, Боже!

Клавдіо: Другъ ты мой! сестра! позволь
 мнѣ жить,

Ужъ если будетъ грѣхъ спасти отъ смерти брата.
 Природа извинишь.

Изабелла: Что смѣешь говорить?

Трусъ! тварь бездушная! отъ сестрина разврата
 Себѣ ты жизни ждешь!.. кровосмѣситель! Нѣтъ,
 Я думать не могу, нельзя, чтобъ жизнь и свѣтъ
 Моимъ отцомъ тебѣ даны. Прости мнѣ, Боже!
 Пѣтъ, осквернила мать отеческое ложе,
 Коль понесла тебя. Умри. Когда бы я
 Спасти тебя могла лишь волею моею,
 То все-таки бѣ теперь свершилася казнь твоя.
 Я тысячу молитвъ за смерть твою имѣю,
 За жизнь—ужъ ни одной.

Клавдіо: Сестра, постой, постой!

Сестра, прости меня...

Монахъ стоялъ межъ тѣмъ за дверью отпертою
 И слышалъ разговоръ межъ братомъ и сестрою.
 Пора мнѣ вамъ сказать, что старій сей монахъ
 Не что иное былъ, какъ Дукъ переодѣтый...
 Младой отшельницы подслунавъ весь разговоръ,
 Въ растроганномъ умѣ рѣшилъ онъ тотъ же часъ
 Не только наказатъ жестокоость и обиду,
 Но сладить кое-что... Онъ тихо въ дверь вошелъ,
 Дѣвицу отозвалъ и въ уголокъ отвелъ.
 «Я слышалъ все,—сказалъ; ты похвалы достойна:
 Свой долгъ исполнила ты свято; но теперь
 Предайся-жь ты моимъ совѣтамъ. Будь покойна,
 Все къ лучшему придетъ; послушна будь и вѣрь».

1835.

Созданіе «Египетскихъ ночей» относится ко второй поло-

винѣ 1835 г., когда Пушкинъ принялся за отдѣлку этой оригинальной по замыслу и по формѣ повѣсти. Въ содержаніе этого произведенія вошла античная поэма, занимавшая творческой умъ Пушкина еще въ Кишиневѣ. «Египетскія ночи» написаны прозой и стихами. Въ прозаической части повѣсти выведенъ современный поэту большой свѣтъ и странный характеръ его отношеній къ искусству и къ его жрецамъ. Въ стихотворной части, поэтъ переноситъ насъ въ атмосферу римскаго міра, уже одряхлѣвшаго и утратившаго все свои вѣрованія, но все еще жаднаго до наслажденій, все еще готоваго купить эти наслажденія цѣною жизни. Бѣлинскій называетъ «Египетскія ночи»—воскресшимъ, подобно Помпей и Геркулануму, древнимъ міромъ на закатѣ его жизни; стихи, которыми написана повѣсть, считаетъ «чудомъ искусства» и восхищается колоритомъ и стилемъ этого произведенія (рис. на стр. 75).

Чертогъ сиялъ. Гремѣли хоромъ
 Пѣвцы при звукѣ флейты и лиры;
 Царица голосомъ и взоромъ
 Свой пышный оживляла пиръ.
 Сердца неслись къ ея престолу;
 Но вдругъ надъ чашей золотой
 Она задумалась и долу
 Поникла дивною главой...
 И пышный пиръ какъ будто
 дремлетъ;
 Безмолвны гости; хоръ молчитъ;
 Но вновь она чело подымлетъ
 И съ видомъ яснымъ говоритъ:
 «Въ моей любви для васъ блаженство;
 Блаженство можно вамъ купить...
 Внемлите мнѣ: могу равенство
 Межъ вами я возстановить.
 Кто къ торгу страстному приступить?
 Свою любовь я продаю...»
 «Клянусь.. о, матеръ наслажденій!

Тебѣ неслыханно служу:

На ложе страстныхъ искушений
 Простой наемницей схожу!
 Внемли же, мощная Кирида,
 И вы, подземные цари,
 И боги грознаго Лиды!
 Клянусь, до утренней зари
 Моихъ властителей желанья
 Я сладострастно уголю;
 И всѣми тайнами лобзанья
 И дивной нѣгой уголю!
 Но только утренней порфирой
 Аврора вѣчная блеснетъ,
 Клянусь, подъ смертною сѣнкой
 Глава счастливецъ упадетъ!»

И вотъ уже сокрылся день,
 И блещетъ мѣсяцъ златорогій;
 Александрийскіе чертоги
 Покрыла сладостная тѣнь;
 Фонтаны бьютъ, горятъ лампады,
 Курится легкій опіамъ,
 И сладострастныя прохлады
 Земнымъ готовятся богамъ.

1836.

Лучшую свою прозаическую повѣсть—«Капитанскую дочку», Пушкинъ задумалъ въ 1833 году, во время своихъ усиленныхъ работъ по подготовкѣ матеріаловъ къ «Исторіи Пугачевского бунта», но въ совершенно иномъ видѣ. Въ томъ видѣ, какъ мы ее знаемъ, повѣсть появилась въ 1836 году въ 4-й книжкѣ *Современника*. Публика отнеслася холодно къ этому произведенію, въ которомъ, однако, было столько художественныхъ красотъ и въ особенности реализма характеровъ и картинъ, что «Капитанская дочка» оказала огромное и благотворное вліяніе на будущія судьбы нашего историческаго романа. «Капитанская дочка», по мнѣнію проф. А. Кирничникова—наиболѣе яркое проявленіе того поворота въ творчествѣ Пушкина, который чувствуется уже послѣ 1830 года и который самъ поэтъ называетъ воспѣваніемъ *милосердія* и призывомъ милости къ падшимъ. Другой критикъ, Бѣлинскій, говоритъ, «что «Капитанская дочка»—вѣчто въ родѣ «Онѣгина» въ прозѣ. Поэтъ изображаетъ въ ней нравы русскаго общества въ царствованіе Екатерины.»

Приводимъ три отрывка изъ этой повѣсти.

1) *Гриневъ встрѣчаетъ плоть съ висьлицей.*

«...Я увидѣлъ въ сумракѣ что-то плившее внизъ по Волгѣ. Незнакомый предметъ приближался. Я велѣлъ гребцамъ остановиться и дожидаться.

Луна зашла за облако. Плавающій призракъ сдѣлался еще темнѣе. Онъ былъ отъ меня уже близко, и я все еще не могъ его различить.

— Что бы это было?—говорили гребцы: парусъ не парусъ, мачта не мачта.

Вдругъ луна вышла изъ-за облака и озарила зрѣлище ужасное. Къ намъ навстрѣчу плыла висьлица, утвержденная на плоту. Три тѣла висѣли на перекладинѣ. Болѣзненное любезнѣтство овладѣло мною. Я захотѣлъ взглянуть на лица висѣльниковъ. По моему приказанію гребцы зацѣпили плоть багромъ, и лодка моя толкнулася о пливущую висьлицу. Я выпрыгнулъ и очутился между ужасными столбами. Полная луна озарила обезображенныя лица несчастныхъ. Одинъ изъ

„Сказка о золотомъ пѣтушкѣ“. Встрѣча царя Додона съ колдуномъ.
Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Флогель.

„Сназла в золотомъ пѣтушкѣ“. Царь Додонъ и Шамаханская царица. Ориг. рис. С. Соломко, по грав. Шюблера авт. «Нивы».

нихъ былъ старый чувашъ, другой — русскій крестьянинъ, сильный и здоровый малый лѣтъ 20-ти. Взглянувъ на третьяго, я сильно былъ пораженъ и не могъ удержаться отъ жалобнаго восклицанія: это былъ Вашька, бѣдный мой Вашька, по глухости своей притаившій къ Пугачеву. Надъ ними прибита была черная доска, на которой бѣлыми крупными буквами было написано: «Воры и бунтовщики». Гребцы равнодушно ожидали меня, удерживая плоть багромъ. Я съѣлъ опять въ лодку. Плоть поплылъ внизъ по рѣкѣ. Всплывша долго черпѣла во мракѣ. Наконецъ она исчезла, и лодка моя приехала къ высокому и крутому берегу» (рис. на стр. 76—77).

2) Гриневъ у Пугачева.

Пугачевъ сидѣлъ подъ образами, въ красномъ кафтанѣ, въ высокой шапкѣ и важно подбочась. Около него стояло нѣсколько изъ главныхъ его сотоварищей, съ видомъ приторопиваго подобротрастия. Видно было, что вѣсть о прибытїи офицера изъ Оренбурга пробудила въ бунтовщикахъ сильное любопытство. Пугачевъ узналъ меня съ перваго взгляда. Поддѣльная важность его вдругъ исчезла.

— А, ваше благородіе!—сказалъ онъ мнѣ съ живостью:—какъ поживаешь? Зачѣмъ тебя Богъ принесъ?

Я отвѣчалъ, что фхалъ по своему дѣлу и что люди его меня остановили.

— А по какому дѣлу?—спросилъ онъ меня.

Я не зналъ, что отвѣчать. Пугачевъ, полагая, что я не хочу объясниться при свидѣтеляхъ, обратился къ своимъ товарищамъ и велѣлъ имъ выйти. Всѣ послушались, кромѣ двухъ, которые не тронулись съ мѣста.

— Говори смѣло при нихъ,—сказалъ мнѣ Пугачевъ:—отъ нихъ я ничего не таю.

Я взглянулъ наискось на наперсниковъ самозванца. Одинъ изъ нихъ, тщедушный и сгорбленный старичокъ съ сѣдою бородкою, не имѣлъ въ себѣ ничего замѣчательнаго, кромѣ голубой ленты, надѣтой черезъ плечо по сѣрому армяку. Но вѣкъ не забуду его товарища. Онъ былъ высокаго роста,

дороденъ и широкоплечъ, и показался мнѣ лѣтъ сорока пяти. Густая рыжая борода, сѣрые сверкающіе глаза, носъ безъ позреи и красноватая пятна на лбу и на щекахъ придавали его рябому, широкому лицу выраженіе неизгасимое. Онъ былъ въ красной рубахѣ, въ киргизскомъ халатѣ и въ казачьихъ шароварахъ. Первый (какъ узналъ я послѣ) былъ бѣглый капралъ Бѣлородовъ; второй — Аванасій Соколовъ (прозванный Хлопушей), ссыльный преступникъ, три раза бѣжавшій изъ сибирскихъ рудниковъ (рис. на стр. 78).

3) Марья Ивановна и Екатерина II.

Мысль увидѣть императрицу лицомъ къ лицу такъ устранила ее, что она съ трудомъ могла держаться на ногахъ. Черезъ минуту двери отворились, и она вошла въ уборную государыни.

Императрица сидѣла за своимъ туалетомъ. Нѣсколько придворныхъ окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково къ ней обратилась, и Марья Ивановна узнала въ ней ту даму, съ которой такъ откровенно объяснялась она нѣсколько минутъ тому назадъ. Государыня подозвала ее и сказала съ улыбкой:

— Я рада, что могла сдержать вамъ свое слово и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, которое сами потрудитесь отвезти къ будущему свекру.

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакавъ, упала къ ногамъ императрицы, которая подняла ее и поцѣловала. Государыня разговорилась съ нею. (Рис. на стр. 78).

Знаю, что вы не богаты,—сказала она:—но я въ долгу передъ дочерью капитана Миронова. Не безпокойтесь о будущемъ. Я беру на себя устроить ваше состояніе.

Обласкавъ бѣдную сироту,—государыня ее отпустила.

Вспомнивъ жизнь Пушкина и давъ обзоръ его произведеній, мы въ слѣдующей, заключительной статьѣ постараемся выслѣнить общее его значеніе.

„Анжело“. Ориг. рис. С. Соломко, по грав. Ольшевскаго автотипія «Нивы».

„Египетскія ночи“, Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Флогель.

„Капитанская дочка“. Гриневъ встрѣчаетъ на Волгѣ плотъ съ висѣлицей. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. Рашевскій.

„Капитанская дочка“. Встрѣча Гринева съ Пугачевымъ.
Ориг. рис. Р. Штейна, по грав. Барановскаго автотипии «Нивы».

Значеніе Пушкина.

Три писателя, изъ которыхъ каждый составляетъ гордость и славу русской литературы, старались опредѣлить значеніе Пушкина.

Одинъ изъ нихъ, Гоголь, сказалъ: «Пушкинъ данъ былъ міру на то, чтобы доказать собою, что такое самъ поэтъ, и ничего больше;—что такое поэтъ, взятый не подъ влияніемъ какого-нибудь времени или обстоятельство, и не подъ условіемъ также собственнаго, личнаго характера, какъ человѣка, но въ независимости отъ всего». Другой писатель, Тургеневъ, заявилъ: «Пушкинъ былъ центральный художникъ, человѣкъ, близко стоящій къ самому средоточію русской жизни». Наконецъ третій, Достоевскій, провозгласилъ, что въ появленіи Пушкина «заключается для всѣхъ насъ, русскихъ, нѣчто безусловно пророческое». Пушкинъ рисовался Достоевскому, какъ великій «русскій скиталецъ», которому необходимо всемірное счастье, чтобъ успокоиться, который первый отразилъ въ себѣ одну изъ главныхъ нашихъ національныхъ чертъ—стремленіе быть всечеловѣкомъ, жить общою жизнью всего міра, внести примиреніе въ европейскія противорѣчія, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ.

Вотъ три оцѣнки значенія Пушкина.

Пушкинъ былъ «поэтъ и больше ничего». Можно ли высказать большую похвалу? Вѣдь быть поэтомъ въ истинномъ значеніи этого слова значитъ олицетворять собою высшую правду, доступную человѣку, мыслителю, гражданину, значитъ забыть о себѣ и жить только для этой правды, т. е. стремиться къ красотѣ и истинѣ.

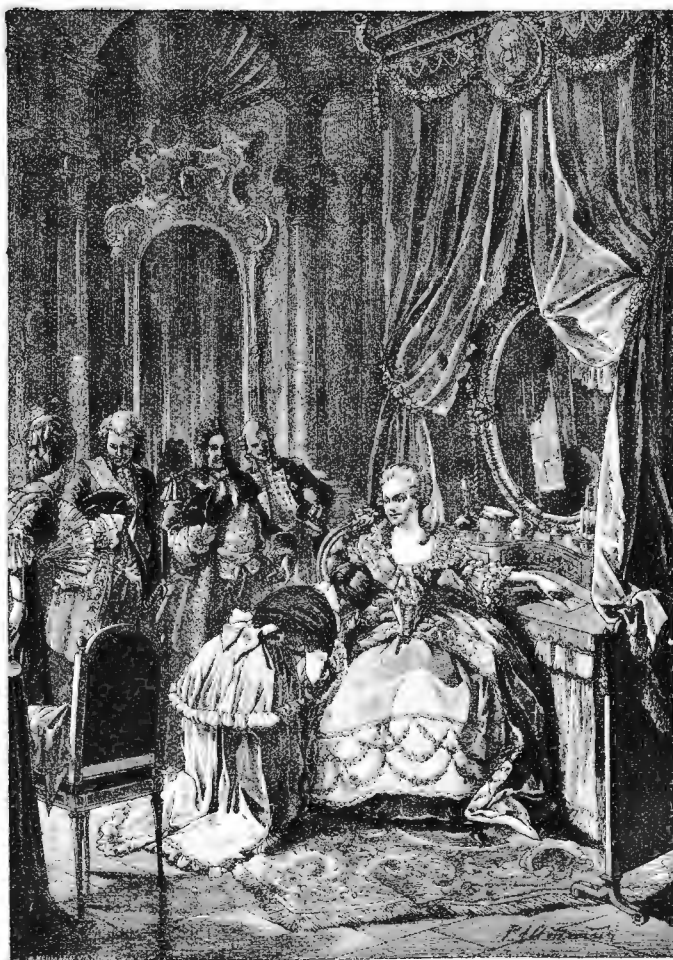
Пушкинъ былъ человѣкъ, близко стоящій къ самому средоточію русской жизни». Это простое на видъ слово составляетъ также верхъ похвалы, которую можно сказать о писателѣ. Оно означаетъ, что никто не понялъ такъ глубоко, какъ Пушкинъ, русскую жизнь, ибо о комъ же можно ска-

зать, что онъ близко стоялъ къ самому «средоточію» ея? Русскую жизнь изучали и изучаютъ многіе проникательные и талантливые люди, но по большей части даже самые выдающіеся изъ нихъ отмѣтили и выявили только одну или нѣсколько ея сторонъ, а приблизиться къ ея средоточію—никому еще не удалось.

Пушкинъ былъ «всечеловѣкъ». Онъ понялъ высшія проявленія человеческой души, онъ не только жилъ жизнью своего народа, но въ этой жизни уразумѣлъ общечеловѣческую тоску и предначерталъ тотъ путь, на который вступитъ Россія сама и который она укажетъ остальнымъ народамъ.

Прибавимъ къ этому, что такіе выдающіеся писатели, какъ Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій, единодушно признавали Пушкина своимъ руководителемъ, которому они старались только подражать, какъ робкіе ученики подражаютъ великому учителю.

Приведенные нами отзывы и самый фактъ признанія лучшими нашими писателями Пушкина недостижимымъ образцомъ уже вполнѣ устанавливаютъ его громадное значеніе въ жизни и литературѣ. Въ виду этихъ отзывовъ и этого факта можетъ показаться страннымъ и даже непонятнымъ, что были полосы въ нашемъ прошломъ, когда великое значеніе Пушкина меркло, когда не тотъ или другой критикъ, а какъ бы все общество временно забывало о Пушкинѣ. Явленіе это, повторяемъ, могло бы казаться непонятнымъ, если бы мы не знали, что и солнце для насъ иногда меркнетъ, застилаясь густымъ слоемъ тучъ... Но тучи разсѣиваются, въ нихъ образуются просвѣты, и солнце опять торжествуетъ, обдавая землю и все, на ней живущее, потоками свѣта и тепла. Это повторилось и съ Пушкинымъ: мы забывали о немъ, но постоянно къ нему возвращались, и наступившая столѣтняя годовщина его рожденія составляетъ опять въ нашей жизни одинъ изъ тѣхъ свѣтлыхъ, радостныхъ, яркихъ солнечныхъ дней, когда всѣ мы, какъ бы различны ни были наши чувства и воззрѣнія, сливаемся въ общемъ сознаніи того, чѣмъ былъ для насъ Пушкинъ и чѣмъ онъ для насъ всегда останется...

„Капитанская дочка“. Марья Ивановна у императрицы.
Ориг. рис. Р. Штейна, по грав. Неймана автотипии «Нивы».

Не блестящим метеором пронесся он по небосклону русской поэзии. Иметь его порождение можно проследить по творениям его предшественников. Не будь Кантемира, Ломоносова, Фонвизина, Державина, как замечил еще Вяземский, не было бы и Пушкина. Он сам это понимал лучше кого бы то ни было и с страстным вниманием изучал произведения своих предшественников, усваивая себе то, что было в них лучшего. Ни один критик не оценил их так верно, так глубоко, так всесторонне, как Пушкин, и не только своими отзывами о них, но и собственными своими произведениями, которые составляют удивительный по красоте и силе синтез всей русской поэзии прошлого века. Родинские в конце XVIII-го века, он усвоил себе его дух, его содержание, претворил их в своем гениальном ум, и на этой исторической почве воздвиг здание собственной поэзии. Никто лучше его не понимал прошлого нашей родины, а вместе с тем понять самого Пушкина может только тот, кто знает ее прошлое, кто вдумчиво к нему относится, как нельзя понять современную русскую жизнь, не вдумавшись в прошлое нашего отечества. Для оценки значения Пушкина нельзя брать ту или другую критическую, философскую или эстетическую теорию, все эти, так-называемые, последние слова мнимой науки или философии, надо занять другую точку зрения, — историческую, потому что сам Пушкин — одно из великих созданий нашей исторической жизни.

Пушкинская муза глубоко коренится в прошлом нашей истории и литературы и, только питаясь соками нашей народной жизни, она могла превратиться в могучее, восторженное, широко раскинувшееся дерево. От ствола этого дерева пошли многочисленные побеги, сами превратившиеся постепенно в мощные ветви, из которых каждая по силе и величии равняется доброму дереву. Мы все знаем эти ветви. Это — Гоголь, Гончаров, Тургенев, Полонский, Майков, Фет, Толстой. Пушкин своими произведениями намечил те пути, по которым пошла вся дальнейшая русская литература. Иметь в ней течения, которое не было бы ясно указано или намечено Пушкиным.

Современная русская литература с самого начала представляет два широких русла, которые можно назвать литературой обличительной и литературой патристической: первая с поразительной глубиной анализа разоблачала несовершенство нашего общества, вторая вдохновенно влила в могущество и силу России. Это — дети одной и той же матери: глубокой любви к родине. Кантемир и Ломоносов, Фонвизин и Державин, — главные представители этих двух течений в прошлом веке. В начале нынешнего они сливаются в Пушкина, в котором патристическая нота звучит так же сильно, как и обличительная. Автор «Бориса» и «Клеветникам России» — в то же время и автор «Евгения Онегина», и нам трудно определить, в чем сила Пушкина проявилась ярче, — в произведениях ли, в которых выражено сознание высшего могущества и внутренней силы России, или в тех, в которых он раскрывает язвы нашего общества.

После Пушкина ни один писатель уже не занял того центрального положения в нашей литературе, какое занял Пушкин. В нем два широких течения слились; после него они опять разъединились, образуя много ручьев, ручеек и речушек. Глубокая вера в могущество и силу России имела своих глашатаев; изучение русской действительности со всеми ее несовершенствами также нашло своих знаменитых представителей. Патристическая и обличительная литература приняла новую форму славянофильской и западнической, но сущность осталась та же. Если никто не дал более яркого, полного и художественного выражения чувствам, воодушевлявшим славянофилов, то никто не превзошел Пушкина и в глубине анализа современной ему русской жизни. Кому принадлежат стихи:

Сильна ли Русь? — Война и морь,
И бунт, и востановъ бурь напоръ
Ее, бѣснущаясь, потрясали —
Смотрите жъ: все стоит она,
А вкруг нея волненья пали.

А кому принадлежат следующие стихи:

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди востановъ нивъ и горъ
Другъ человечества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона
Присвоило себѣ насильственной дозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца...

У кого вырвались из глубины души востановъ слова:

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по маню царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

Если Пушкин изучил прошлое России, если он вынес из этого изучения глубокую веру в ее могущество и силу, то он с другой стороны несомненно ясно видел ее несовершенство и с страстным вниманием изучал их, оставив нам такую яркую картину внутренней несостоятельности даже самых образованных русских людей, каковы его «Онегин»...

Онегин! Сколько мыслей, и чувств слились для русского человека в этом названии. Ведь Онегин, — этот роман в стихах — первоисточник всей современной русской беллетристики — властительница наших дум в лице Гоголя, Гончарова, Тургенева, Достоевского, Толстого. Пушкин своим «Онегиным» положил краеугольный камень тому зданию, которое своею красотой, человечностью, глубиной анализа, высокою нравственностью изучает теперь весь цивилизованный мир. Достоевский говорить о «великом скитании» Пушкина, как о пророческом явлении нашей общенародной жизни. Русская душа в своих скитаниях ищет правды: правды общественной, правды народной, правды общечеловеческой. И это скитание русской души выразилось в Пушкине с удивительной силой...

И даль свободнаго романа
Я сквозь магическій кристаллъ
Еще неясно различалъ.

Это говорит Пушкин о своем «Онегине». Но, Боже мой, как на самом деле он ясно уже различал сквозь магический кристалл своей фантазии безконечную даль и ширь русского романа! И если он, как сын прошлого века, умел объединить в себе самые яркие лучи ломоносовской и державинской поэзии наряду с самыми яркими лучами творчества Кантемира и Фонвизина, то он с другой стороны собрал все эти лучи в один яркий свѣточъ. Мотивы гениальных произведений Гоголя были непосредственно задуманы самим Пушкиным. Кто не усмотрит в Адуевых, Обломовых, Райском духовных чад Онегина и Ленского? А тургеневские «лишние люди», а князь Нехлюдов или Ленин величайшего современного русского писателя, Толстого? Кто может, хотя бы на минуту, усомниться, что между всеми этими типами и Онегиным существует прямая преемственная связь?

А образ Татьяна? Понял ли кто-нибудь глубже русскую женщину, — скромную русскую женщину, душа которой жаждет самоотвержения и подвига? Возьмите Лизу или Елену Тургенева, или Веру Гончарова и спросите себя, — в чем заключается их нравственная красота, то неотразимое обаяние, которыми он для нас окружен? Развѣ Татьяна не их первообразъ, развѣ в душе Татьяны не кроется уже тот нестоимый запасъ добра, которое производит такое чарующее и душу возвышающее впечатлѣние въ образахъ Лизы и Елены или Веры?

Русская литература во второй половине текущего столѣтия сосредоточила лучшие свои силы на общественном романѣ. Гоголь, Гончаровъ, Тургеневъ, Достоевскій, Толстой разрабатывали и разрабатывают именно этот родъ словесности, — а кто указалъ имъ путь, как не Пушкинъ, кто понималъ значение общественнаго романа глубже, чѣмъ онъ? Критики часто указываютъ на байронизмъ Пушкина. Но можно ли сильнѣе осмѣять именно байроновское направление, чѣмъ это сдѣлано Пушкинымъ въ его «Цыганахъ» и особенно въ его «Оне-

гнѣвъ? Алско, этотъ грозный обличитель общественныхъ золь, «для себя лишь хочеть воли», по представителемъ истиннаго свободолюбія и общественной справедливости является не онъ, а старый цыганъ. Евгений Онегинъ предается міровой скорби, хандрить, скушаетъ, не находитъ себѣ ни удовлетворяющей его уметвенной пищи, ни настоящаго дѣла. Но не онъ истинный герой романа, а безпритязательная, скромная Татьяна, которая вся отдается чувству нравственнаго долга и совершаетъ незамѣтный, но истинный подвигъ.

Вспомнимъ «Дубровскаго». Что такое этотъ романъ по существу своему, если не первообразъ въ русской литературѣ того безконечнаго ряда романовъ, повѣстей и очерковъ, въ которыхъ бичуется барскій произволъ, взяточничество, невозможность для личности отстоять законнымъ порядкомъ свои права. Скажемъ больше: если устранить форму, то мы въ «Дубровскомъ» видимъ первообразъ всѣхъ русскихъ беллетристическихъ произведеній, въ которыхъ изображается борьба личности съ окружающими ее общественными условіями, т. е. первообразъ соціального романа.

Всѣ остальные роды отечественной словесности также имѣютъ въ Пушкинѣ своего главнаго представителя. Русская поэзія, если бѣ не имѣла Пушкина, лишилась бы лучшей своей красоты. Мы не будемъ говорить о пушкинскомъ языкѣ. Онъ стоитъ до сихъ поръ такъ высоко, что можетъ считаться образцомъ силы, чистоты и художественности. «Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русский языкъ... Нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу». Это сказалъ Тургеневъ. Но если русский языкъ служилъ утѣшеніемъ и опорой лучшимъ русскимъ людямъ, если они почерпали въ немъ вѣру въ свѣтлое будущее и въ силу Россіи, то кому они этимъ больше обязаны, чѣмъ Пушкину? Не онъ создалъ русский языкъ, но онъ уловилъ его духъ такъ, какъ никто, и, какъ никто, онъ далъ намъ почувствовать его силу и красоту. Къ самому Пушкину болѣе, чѣмъ къ кому-либо изъ русскихъ поэтовъ, мы можемъ примѣнить собственные его слова:

Его стиховъ извѣстная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль.
И рѣзвая задумается радость.

Струны, звучація на его лирѣ, такъ многообразны, что не знаешь, какой стороны русской жизни или какихъ движеній человѣческой души онѣ не затрагиваютъ. Его лирика не только достигла необычайнаго совершенства по формѣ, — совершенства, остающагося до сихъ поръ недостижимымъ, но по содержанию своему охватила всю русскую жизнь со всѣми ея теченіями. Въ ней воплотились, какъ мы видѣли, и мощь Россіи, и скорбь ея; она раскрыла намъ съ необыкновенною полнотою душу русскаго человѣка, чуждающагося всего неяснаго, жгиваго, туманнаго, преданную общественной правдѣ. Сознаніе государственности звучитъ въ ней могучими аккордами. Пушкинъ, какъ никто, сознавалъ великое историческое значеніе государства для русской жизни; не менѣе вѣрилъ онъ въ силу русскаго народа, сказанія и бытъ котораго онъ изучалъ съ неослабнымъ рвеніемъ и воплотилъ въ поэтическихъ произведеніяхъ, не только замѣчательно художественныхъ, но и свѣдѣтельствующихъ о томъ, какъ глубоко онъ проникъ въ народную душу. Всякая строчка его стиховъ служитъ доказательствомъ его громадной начтатности, его обширныхъ знаній историческихъ, философскихъ, литературныхъ. Онъ до тонкости изучилъ русскихъ и иностранныхъ писателей, и конечно, тотъ, кто знакомъ съ произведеніями Пушкина, не пугался въ издавшихся недавно «Запискахъ Смирновой», чтобы убѣдиться, что людей съ болѣе широкимъ образованіемъ, чѣмъ Пушкинъ, на Руси не было. Такимъ образомъ въ немъ слились и получили небывалое по художественной красотѣ выраженіе мысли и чувства его предшественниковъ и современниковъ, и смерть его обратила впервые вниманіе всего образованнаго міра на русскую литературу.

При такомъ гениальномъ умѣ, при такой творческой силѣ

(не забудемъ, что Пушкинъ началъ и окончилъ такое грандіозное произведеніе, какъ «Полтава», менѣе чѣмъ въ мѣсяць, что онъ 15-ти-лѣтнимъ юношей сочинилъ произведеніе, которое сдѣлалось народною пѣсней, что въ томъ возрастѣ, когда другіе еще учатся, онъ былъ уже крупнымъ писателемъ, знаменитымъ всей образованной Россіи), — при такомъ широкомъ образованіи, Пушкинъ не могъ не быть и глубокимъ цѣнителемъ чужихъ произведеній. Его критическія замѣтки, его журнальныя статьи обличаютъ въ немъ такого многосторонняго и глубокаго критика, что и въ этомъ отношеніи его слѣдуетъ причислить къ самымъ выдающимся нашимъ писателямъ. Онъ многое подсказалъ лучшему нашему критику и восторженному его поклоннику, Вѣлинскому, и однимъ изъ первыхъ понялъ его значеніе для русской литературы. Задумывая журналъ, Пушкинъ непремѣнно хотѣлъ привлечь его въ сотрудники.

Словомъ, пѣтъ той области, въ которой онъ не проложилъ бы новаго пути или не указалъ бы на него. Лирика, романъ, историческая драма, сатира, критика, — все это имѣло въ Пушкинѣ усерднаго работника и гениальнаго представителя. Какъ писатель, сознающій свой долгъ передъ обществомъ, Пушкинъ стоитъ также неизмѣримо высоко. Никто глубже его не понималъ призванія писателя.

Ты—царь живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя награды за подвигъ благородный.

Онъ въ самомъ тебѣ. Ты самъ—своей высшей судѣ:
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранить,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Какъ ни тяжела была вѣдѣнная жизнь Пушкина, онъ ставилъ литературу выше всего, любилъ ее больше всего и никогда не измѣнялъ истинному призванію писателя.

Но если Пушкинъ усвоилъ себѣ все, что было лучшаго въ русской литературѣ прошлаго вѣка, если онъ такъ глубоко понималъ русскую жизнь и душу русскаго человѣка, если творчество его было такъ многосторонне, что однимъ изъ лучшихъ его учениковъ могъ о немъ сказать:

На Руси онъ, какъ Россія,
Всеобъемлющъ и великъ,

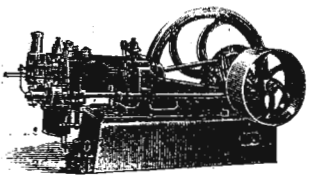
если онъ является родоначальникомъ всей современной русской литературы, если его дѣйствительно можно уподобить могучему дереву, своими корнями далеко ушедшему въ прошлое Россіи и своими сильными вѣтвями поддерживающему все зданіе современной русской литературы, то не правы ли и Гоголь, и Тургеневъ, и Достоевскій въ своей оцѣнкѣ значенія Пушкина? Онъ — поэтъ и больше ничего; онъ приблизился къ самому ередоточию русской жизни; значеніе его пророческое. Да, онъ — поэтъ, онъ — писатель въ истинномъ значеніи этого слова; никто глубже его не понималъ русской жизни, потому что онъ въ своихъ дивныхъ произведеніяхъ сумѣлъ выразить сокровеннѣйшія ея думы; ни одинъ писатель на Руси не имѣлъ такого пророческаго значенія, потому что вся повѣдѣнная русская литература вступила на путь, указанный Пушкинымъ. Въсѣтъ съ тѣмъ, Пушкинъ получилъ значеніе національнаго поэта. Надо стать на почву исторической жизни нашего народа, проникнуться его стремленіями, его упованіями, чтобы понять и оцѣнить Пушкина: онъ самъ стоялъ такъ близко къ русской жизни, что всякій, кто съ своей стороны къ ней приблизился, тотчасъ же пойметъ Пушкина и полюбитъ его музу, какъ родную, безъ которой и дышать, и жить нельзя. Если «въ нашихъ сомнѣніяхъ и раздумьяхъ о родинѣ поддержкою и опорой намъ служить русской языкъ», то поддержкою и опорой служить намъ и Пушкинскій стихъ, столь же великій, могучій, правдивый и свободный: если нельзя не вѣрить, что русский языкъ данъ великому народу, то и нельзя не вѣрить, что только великій народъ могъ дать Пушкина.

Содержание:

ТЕКСТЪ: Воскресеніе. Романъ графа Л. Н. Толстого. (Продолженіе). — Нартузь. Очеркъ нѣтъ заводской жизни Г. Сѣверцова. — Библиотека британскаго музея. — Праздникъ птицъ. Стих. К. Фофанова. — Къ рисункамъ: Невѣсты. — Не припомню. — Убѣжище. — Прощанье съ рекрутами. — Въ парикмахерской. — Новый спасательный аппаратъ. — С. А. Рачинскій. — „Дверь мира“ во дворцѣ въ Гаагѣ. — Засѣданіе кассационнаго суда по дѣлу Дрейфуса во „Дворцѣ Правосудія“. — Артуръ Никишъ и оркестръ берлинскаго филармоническаго общества. — Политическое обозрѣніе. — Объявленія.

РИСУНКИ: Невѣсты. Картина Е. М. Бемъ. — Не припомню. Картина В. Е. Маковского. — „Воскресеніе“, романъ гр. Л. Н. Толстого. Въ квартирѣ тюремнаго смотрителя. Ориг. рис. Л. О. Пастернака. — Убѣжище. Картина П. Леруа. — Прощанье съ рекрутами въ верхнемъ Египтѣ. Картина Ж. Клерана. — Въ парикмахерской. Картина М. Леруара. — Планъ читальнаго зала британскаго музея въ Лондонѣ. — Британскій музей въ Лондонѣ. Внѣшній видъ здания. — Испытаніе новаго спасательнаго аппарата на р. Шпрѣ, въ Берлинѣ. Рис. Э. Тилля. — С. А. Рачинскій. — Ученики С. А. Рачинскаго, — о. Діаконъ и шкільный учитель въ селѣ Татевѣ (смоленской губ.). — „Дверь мира“ во дворцѣ въ Гаагѣ. — Засѣданіе кассационнаго суда по дѣлу Дрейфуса во „Дворцѣ Правосудія“. — Артуръ Никишъ.

Английскіе

Керосиновые и газовые ДВИГАТЕЛИ

сист. Кросслей-Отто предлагаетъ
БРАТЯ ГАНТЕРТЬ.
 Петербургъ, Малая Морская, 21.
 Москва, Театральный проездъ, домъ Хлудова.
 Керосиновые двигатели всегда на складѣ.
ТРЕБУЙТЕ
 списки двигателей «КРОССЛЕЙ ОТТО» поставлен. въ Россіи.
 Измѣются специальные двигатели для электрическаго освѣщенія.

„ADLER“ Первоклассные ВЕЛОСИПЕДЫ

ВЫСШІЯ ↑ НАИВОЛЬШІЕ
 ОТЛИЧІЯ ↓ распространены

Фабрика велосипедовъ „Adler“ бывш. Генр. Клейеръ въ Франкфуртѣ н. М.
 Склады въ Варшавѣ у І. Козловскаго, Бѣлянская, 6. Представители во многихъ большихъ городахъ. Гдѣ нѣтъ представителей, тамъ ищутъ дѣятельныхъ агентовъ.

С. М. ЭЛИШЕВЪ, Москва, Софійка, ЛУБАНСКІЙ ПАССАЖЪ № 68-61.
 * Цѣны всѣ доступны *
 Иллюстр. прейсъ-куррантъ высыл. по требов. величайшій выборъ КРОВАТЕЙ съ изящной живописью, английскихъ юбочныхъ, никелированныхъ и обыкновенныхъ МАТРАЦОВЪ пружинныхъ, проволочныхъ, железныхъ и друг.; КРЕСЕЛЪ для больныхъ, ВАННЪ, ДУШЪ и ШКАФОВЪ купальныхъ. УМЫВАЛЬНИКОВЪ мраморныхъ и металлич. Дѣтскихъ КОЛЯСОКЪ и ВЕЛОСИПЕДОВЪ. ПЕДНИКОВЪ комнатн. и друг. хозяйствен. вещей. Единственный фабричный складъ издѣлій Варшавск. фабр. Бр. Фрумкинскихъ.

С.-Петербургскіе

СКОРОХОДЫ съ резинами

очень удобные, практичныя и прочныя, предлагаются Товариществомъ С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви.

КРАСИВО выучивается всякій заочно (посредствомъ периллики) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. БОССОДО.**
 Методъ премированъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. За 4 семиконечныя марки высылается **ПРОБНОЕ ПИСЬМО** шрифтовыхъ, подробныя условія и образцы исправленія почерк. заочн. учен. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Боссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

Считаю нравственнымъ долгомъ выразить моему преподавателю Профессору Каллиграфіи Г-ну А. Боссодо въ Одессѣ свою сердечную и искреннюю благодарность за исправленіе моего плохого почерка заочно. Въ нѣсколько уроковъ я научился не только блестяще, красиво писать, но изучилъ Конторскую сворованіе, Рондо и Готикъ.
Н. Басихинъ.
 г. Дмитріевъ.
 1899 г. Мая 19-го.

ПУДРА **АНТИСЕПТИКЪ** **ДЕ-МЕДИЦИНЫ** **А. ТУГЕНГОЛЬДА.** **ПРОТИВЪ ПРЯННАГО НЕПРИЯТНАГО ЗАПАХА НОЖНЫХЪ ПАДЪЦЕВЪ.**
 цѣна 30 коп.

КУРОРТЪ БУДАКИ
 близъ Аккермана, доступный для средняго класса. Теплыя ванны въ грязевыхъ ваннахъ, лиманное и морское купанье, кефиръ, лечебный виноградъ. Цѣны умеренныя. Открытіе сезона 25 мая. Брошюра высылается бесплатно. За всеми справками обращаться: Аккерманъ, д-ру Б. С. Невцу.

СЕМЕЙНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ
Ф. С. Комарскаго.
 Собраніе популярныхъ лекцій для самообразованія.
 Второй выпускъ разосланъ подписчикамъ.
СОДЕРЖАНІЕ I-го и II-го ВЫПУСКОВЪ: Физика—6 лист. Химія—3 л. Астрономія—1 л. Анатомія—4 л. Антропология—5 л. Всеобщая истор.—6 л. Русск. истор.—2 л. Всеобщ. истор. поэзія—4 л. Истор. русск. слов.—3 л. Полит. экон.—3 л. Уголовное право—3 л.
 Въ составленіи лекцій принимаютъ участіе: А. А. Байковъ, лаборантъ ист. ниж. путей сообщ. (хим.); А. К. Бороздинъ, прив.-доцентъ слб. унив. (истор. русск. словеса.); В. А. Вагнеръ, прив.-доц. московск. унив. (справ. психолог.); Б. П. Вейнбергъ, прив.-доц. новоросс. унив. (физ.); П. И. Вейнбергъ (всеобщ. истор. поэзія); М. М. Волкова, женщ. врачъ (мед.); С. Б. Гандинъ (физиолог.); А. Г. Генкель, магистрантъ богот. (богат.); В. П. Жуковский, д-ръ мед., прив.-доц. кіевскаго унив. (мед.); В. Н. Звѣрзвъ, горн.-инжен., преподав. инстит. вѣж. пут. сообщ. (геологія); Д. А. Каменскій, д-ръ мед., прив.-доц. военно-мед. акад. (мед.); Ю. Г. Малисъ, д-ръ мед. (анат.); М. Г. Нейзеръ, д-ръ мед. (мед.); П. Н. Перверзевъ (полит. экон.); В. В. Передольскій, ассист. по кафедрѣ геогр. и антроп. слб. унив. (антроп.); А. А. Петровский, лабор. технол. инст. (физ.); А. А. Пилленю, магистрантъ международн. права (межд. право); И. В. Платоновъ, магистрантъ уголовн. права (угол. право); С. И. Савиновъ, инспекторъ метеорол. станц. главн. физ. обсерваторіи (метеорол.); Л. М. Серебряковъ, завед. част. астрон. обсерват. Шпабе (астр.); А. И. Сомовъ, старшій хранитель Импер. Эрмитажа (истор. искусство); А. С. Травескій, професс. (всеобщая и русск. истор.); А. П. Фавицій, д-ръ мед., прив.-доц. военно-мед. академіи (мед.); Ф. Н. Шведовъ, професс. новоросс. унив. (физ.); В. М. Шимкевичъ, професс. слб. унив. (биологическія основы зоологіи)

„ОТРОКЪ-МУЧЕНИКЪ“. Углицкоу преданіе. Рисунки В. М. Михеева. Съ 30-ю рис. (10 рис. на отдѣльныхъ листахъ и 20 рис. въ текстѣ). М. В. Нестерова, В. П. Суринова и Е. М. Бемъ. Большой роскошный томъ въ 4-ю долю листа въ худож. переплетѣ, тисненомъ золотомъ и красками. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к., а въ художественномъ переплетѣ, тисненомъ золотомъ и красками—3 руб., съ пересылкою 3 руб. 50 коп. Требования адресовать въ контору изданій А. Ф. Маркса, СПб., М. Морская, № 22.

Удобный для танцевъ и домашняго развлеченія
ОРГАНЪ-ИНТОНА
 патентованный, лучшаго достоинства, съ 16 прочными стальными голосами.
 Цѣна только 8 руб. Ноты къ нему металлическія только по 30 коп.; то-есть съ 15 разн. нотами 12 руб. 50 коп. и съ 21 разн. нотами 14 руб. 30 коп.
 Списокъ нотъ безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
 С.-Петербургъ, В. Морская, № 34.
 Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.
 Вниманію гг. провинціальныхъ покупателей.
 Въ настоящее время пріесяла то почти необходимо значительнѣе бѣеделе, чѣмъ прежде. Подробности въ Глобъ новѣйшемъ прейсъ-куррантѣ, высылается безплатно.

ТРЕБУЙТЕ
 ВЪ АПТЕКАХЪ И МАГАЗИНАХЪ
„АРМИНЪ“
 для холи и мягкости усовъ и бороды.
 Цѣна 50 коп.
 „АРМИНЪ“ безъ № 267. разар. Мед. Упр.—поддѣлка. Главн. складъ Г. ШОБА, Пассажа, № 52, С.-Петербургъ.

ЗАЙКАНИЕ
 дѣлится въ лечебномъ учрежденіи И. И. Гимиллера, Москва, Новая Басманная, д. Лапина. **ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ.**
 Условія высылаются безплатно.

!!! ДОЛОЙ ПОДТЯЖКИ и ПУГОВИЦЫ!!!
 носите здоровый эластично-пружинистый бюрокдержатель, удобно для всѣхъ и каждого, здоровое и легкое держаніе, свободное дыханіе; нѣтъ давленія, на нуту Штука 70 к., съ пер. 1 р., 3 шт. съ пер. 2 р. 50 к.; 6 шт. съ пер. 4 р. 50 к., наложен. платеж. на 10 к. болѣе. Требованія адресовать: **Ю. С. ЖУКУ**, Варшава, Новолипка, 30.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе
Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ПАТОЛОГІЯ ДУШИ.

Популярныя бесѣды д-ра Мориса Флѣри. Переводъ съ 4 французск. издан.
 Съ рисунками. Цѣна 1 рубль. П. № 12406

ВЪЗПЛАТНО

высылаю условия и пробныя лекціи заочнаго обученія кройкѣ и шитью дамскихъ и дѣтскихъ шарфовъ. В. В. Бенедиктовъ, Москва, Тихвинская ул., д. Александровой, кв. № 2.

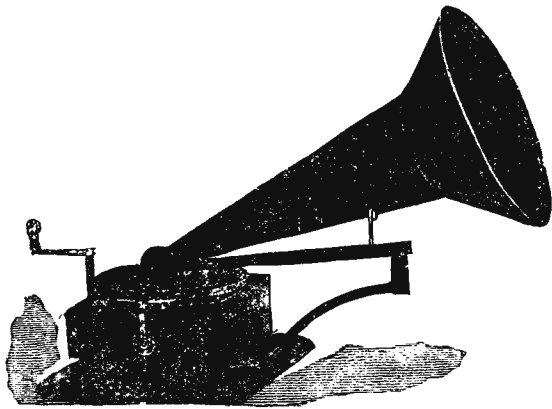
Платину, золото, серебро и мѣдь покупаю.

Изгороднимъ немедленно высылаю деньги за полученное. Разсчетъ по курсу. Г. Я. Лурье, Казанская, 9. СІБ.

Въ КРЫМУ на берегу моря продаются участки подъ дачи, мѣр. отъ 200 кв. саж. въ 3-хъ вер. отъ Севастополя, рядомъ съ Херсонскимъ монастыремъ. Обращаться: Контора вѣдѣній Н. Н. Тура. Севастополь.

БУЛЬДОГИ и ТАКСЫ

чистокровныя продаются за излишествомъ. СІБ. В. О. 7 линия, д. 36, кв. 22. Доставка по ж. д. безъ провозныхъ.

ГРАММОФОНЪ.

НАКОНЕЦЪ-ТО! удалось изобрѣсти идеальный аппаратъ для передачи пѣнія, человѣческой рѣчи и всякой вокальной и инструментальной музыки. До сихъ поръ даже хорошіе и дорогие фонографы имѣли тѣ главныя недостатки: 1) что звуки были неестественны и не достаточно громки и 2) что валики, воспроизводящіе звуки, долго подвергаются порчѣ, вслѣдствіе неумѣлаго обращенія съ ними или просто подъ вліяніемъ температуры воздуха. Вновь изобрѣтенный профессоромъ Г. Берлинеромъ въ Вашингтонѣ «ГРАММОФОНЪ»: 1) на 28 разъ громче фонографа и 2) аппаратъ очень простъ въ обращеніи, не боится никакихъ переизмѣнъ температуры, а потому очень удобенъ для игры не только въ комнатѣ, но и на открытомъ воздухѣ. 3) Аппаратъ приводится въ движеніе простымъ часовымъ механизмомъ, очень прочно установленнымъ въ дубовой оправѣ; 4) вмѣсто восковыхъ валиковъ приближаются пластинки изъ твердой массы, почему послѣднія вовсе не портятся ни отъ сырости, ни отъ пыли, ни даже отъ соприкосновенія руками. 5) До сихъ поръ въ продажѣ не появились валики для фонографовъ, (запечатлѣнные) напѣтые выдающимися артистами, и тѣ немногіе Беттніевскіе валики съ громкими именами продаются по 10, 15, 20 и 25 рублей за валикъ. Если къ тому же указать на то, что хорошій фонографъ, съ усовершенствованной Беттніевской діафрагмой, стоитъ около 300 рублей и дороже, то Граммофонъ оазывается самымъ дешевымъ, самымъ рациональнымъ и прочнымъ аппаратомъ. Въ виду того обстоятельства, что граммофонъ передаетъ звуки, сохраняя тембръ и колоритъ голоса пѣвцовъ, даже лучшіе солисты Императорской русской оперы, выдающіеся концертныя артисты и артистки изъявили желаніе принять дѣятельное участіе въ дѣлѣ пополненія репертуара русскихъ номеровъ. Поэтому я для Граммофона могу предложить русскія пьесы, романсы, и аріи въ образцовомъ исполненіи такихъ артистовъ, какъ тенора: Морской, Г. А., Чупрининковъ, М. М., Орѣшневичъ; баритоны: И. В. Тартаковъ, Н. В. Викторовъ и г-нъ К. * * *; басы: К. Т. Серебряковъ, О. О. Палечекъ; сопрано: княжна Черкасская, М. М. Гуцина и меццо-сопрано: Е. А. Палечекъ. Солисту Его Величества В. В. Андреевъ исполнили на балаганѣ нѣсколько популярныхъ русскихъ номеровъ. Оркестръ лейб-гвардіи Финляндскаго полка, подъ управленіемъ инспектора всѣхъ хоровъ гвардіи и с.-потербургскаго военнаго округа г. Оглоблина, исполнили популярнѣйшіе номера русскаго репертуара и нѣкоторыя извѣстныя военныя марши. Изъ опереточныхъ артистовъ мною были привлечены къ участію: С. А. Пальмъ, г. Рутковский, Брянскій и г-жа Смолина. Удовлетворяя желанію публики, на граммофонныя пластинки нами нанесены также многіе комическіе номера: ересьскіе квартеты, куплеты и ансамбли.

Такимъ образомъ получился громадный и разнообразный русскій репертуаръ, на который я недавно за границею приобрѣлъ права монополии, одинаково какъ и на продажу американскихъ Граммофоновъ. Не желая подобно многимъ монополистамъ злоупотребить своимъ исключительнымъ положеніемъ, я не только не повышаю цѣны на граммофонъ, но понижаю таковую даже на 25%. Съ появленіемъ въ свѣтъ сего объявленія, цѣна на граммофонъ для всей Европейской Россіи, съ пересылкой на имя заказчиковъ, будетъ 60 рублей. Ноты, выписываемыя вмѣстѣ съ аппаратомъ, высылаются безъ особой платы за доставку. Цѣна пьесамъ (пластинкамъ съ напѣтыми или наигранными пьесами) иностранныхъ отъ 1 р. 50 к. до 2 р. 50 к. и русскихъ отъ 2 руб. до 3 р. 50 к. за каждый экземпляръ. Граммофонъ высылаю наложеннымъ платежемъ, по полученіи задатка въ 25 рублей. Принимаю на себя по желанію заказчика также и выборъ пьесы, но въ этомъ случаѣ прошу возможно точно указать: что именно нравится заказчику: иностранныя, русскія, оперные или опереточныя номера или куплеты, или же иностранныя или русскія оркестровыя пластинки? Тутъ-же имѣется на складѣ громадный выборъ новѣйшихъ и лучшихъ фонографовъ, графофоновъ въ 30, 40, 50, 75, 100, 225 руб. и дороже, и къ нимъ прекрасно исполненный репертуаръ русскихъ и иностранныхъ валиковъ отъ 1 р. 50 коп. Катоги фонографовъ и валиковъ высылаю за 5 марокъ по 7 коп. Катоги граммофоновъ высылаю бесплатно.

Заказы и письма прошу адресовать:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ ОПТИКА И МЕХАНИКА А. БУРХАРДЪ.
 СІБ., Невскій просп., 6. Телефонъ 2633.

ОПТОВЫМЪ ПОКУПАТЕЛЯМЪ
 скидка!

При отправкѣ прямо изъ Крыма виноградный сокъ
 пользуется льготнымъ тарифомъ.

1896 года
ТОВАРИЩЕСТВО ЭЙНЕМЪ въ МОСКВѢ.
 СОБСТВЕННАГО ЗАВОДА въ СИМФЕРОПОЛЬ въ КРЫМУ.

СТЕРИЛИЗОВАНЫЙ.
ВИНОГРАДНЫЙ СОКЪ

исключительно южно-бережнаго винограда: 1) изъ столовыхъ, красныхъ и бѣлыхъ сортовъ; 2) изъ лечебныхъ (Semillon, Riesling, Chasselas и др.) сладкій и полусладкій; 3) изъ Муската бѣлаго и розоваго, также и

ГАЗИРОВАННЫЙ.

Прейсъ-курантъ и брошюра о санитарномъ значеніи бесплатно.
 Требованія адресовать въ Москву или Симферополь, Товариществу Эйнемъ.

При отправкѣ прямо изъ Крыма виноградный сокъ
 пользуется льготнымъ тарифомъ.

ОПТОВЫМЪ ПОКУПАТЕЛЯМЪ
 скидка!

XXX г.
№ 22

Выходить еженедельно (52 № в годъ), съ приложениемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ литературныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXX
1899

Выдашь 29 мая 1899 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1899 г.

Воскресеніе.

Романъ
графа Л. Н. ТОЛСТОГО.

(Продолженіе.)

XLIV.

Въ обычное время въ острогѣ просвѣтили по коридорамъ свѣтки надзирателей; греми желѣзомъ. отворились двери коридоровъ и камеръ, зашлепали босые ноги и каблуки котовъ, по коридорамъ прошли парашечники, наполняя воздухъ отвратительною вонью; умылись, одѣлись арестанты и арестантки и вышли по коридорамъ на повѣрку, а постѣ повѣрки пошли за книжкомъ для чая.

За чаемъ по всѣмъ камерамъ острога шли оживленные разговоры о томъ, что въ этотъ день должны быть наказаны розгами два арестанта. Одинъ изъ этихъ арестантовъ былъ хорошо грамотный молодой человекъ, приказчикъ Васильевъ, убившій свою любовницу въ припадкѣ ревности. Его любили товарищи по камерѣ за его веселость, щедрость и твердость въ отношеніяхъ съ начальствомъ. Онъ зналъ законы и требовалъ исполненія ихъ. Три недѣли тому назадъ надзиратель ударилъ парашечника за то, что тотъ облилъ его новый мундиръ щами. Васильевъ вступился за парашечника, говоря, что нѣтъ закона бить арестантовъ. «Я тебѣ покажу законъ», сказалъ надзиратель, и изругалъ Васильева. Васильевъ отвѣтилъ тѣмъ же. Надзиратель хотѣлъ его ударить, но Васильевъ схватилъ его за руки, подержалъ такъ минуты три, повернулъ и вытолкнулъ изъ двери. Надзиратель пожаловался, и смотритель велѣлъ посадить Васильева въ карцеръ.

Карцеры были рядъ темныхъ чулановъ, запиравшихся снаружи запорами. Въ темномъ, холодномъ карцерѣ не было ни кровати, ни стола, ни стула, такъ что посаженный сидѣлъ или лежалъ на грязномъ полу, гдѣ черезъ него и на него бѣгали крысы, которыхъ въ карцерѣ было очень много и которые были такъ смѣлы, что въ темнотѣ нельзя было уберечь хлѣба. Онѣ съѣдали хлѣбъ изъ-подъ рукъ у посаженныхъ и даже нападали на самихъ посаженныхъ, если они переставали шевелиться. Васильевъ сказалъ, что не пойдетъ въ карцеръ, потому что не виноватъ. Его повели силой. Онъ сталъ отбиваться, и двое арестантовъ помогли ему вы-

XXVII передвижная выставка. «Невѣсты». Картина Е. М. Бемъ, съ фот. автотипій «Нивы».

рваться отъ надзирателей. Собрались надзиратели и между прочимъ знаменитый своей силою Петровъ. Арестантовъ смяли и втокнули въ карцеры. Губернатору тотчасъ же было донесено о томъ, что случилось и что похожее на бунтъ. Была получена бумага, въ которой предписывалось дать главнымъ двумъ виновникамъ — Васильеву и бродягѣ Непомнящему — по 30 розогъ.

Наказаніе должно было происходить въ женской посѣдательской.

Съ вечера это было извѣстно всѣмъ обитателямъ острога, и по камерамъ шли оживленные разговоры о предстоящемъ наказаніи.

Кораблева, Хорошавка, Ѳедосья и Маслова сидѣли въ своемъ углу и, красныя и оживденныя, выпивъ уже водки, которая теперь не переводилась у Масловой и которую она щедро угощала товарокъ, пили чай и говорили о томъ же.

— Развѣ онъ буянилъ или что, — говорила Кораблева про Васильева, откусывая крошечные кусочки сахару своими крѣпкими зубами. Онъ только за товарища сталъ. Потому нынче драться не велятъ.

— Малый, говорятъ, хоронитъ, — прибавила простоволосая со своими длинными косами Ѳедосья, сидѣвшая на полѣнѣхъ противъ наръ, на которыхъ былъ чайникъ.

— Вотъ бы ему сказать, Михайловна, — обратилась сторожиха къ Масловой, подразумевая подъ нимъ Нехлюдова.

— Я скажу. Онъ для меня все сдѣластъ, — улыбаясь и встряхивая головой, отвѣчала Маслова.

— Да вѣдь когда прійдетъ, а они, говорятъ, сейчасъ пошли за ними, — сказала Ѳедосья. — Страсть это; — прибавила она, вздыхая.

— Я однова видѣла, какъ въ волостномъ мужика драли. Меня къ старшинѣ батюшка свекоръ послалъ, пришла я, а онъ, глядь, — начала сторожиха длинную исторію.

Разсказы сторожихи былъ прерванъ звукомъ голосовъ и шаговъ въ верхнемъ коридорѣ.

Женщины притихли, прислушиваясь.

— Поволокли, черти, — сказала Хорошавка. — Запорютъ они его теперь. Злы ужъ больно на него надзиратели, потому онъ имъ спуска не даетъ.

Наверху все затихло, и сторожиха досказала свою исторію, какъ она испужалась въ волостномъ, когда тамъ въ сараѣ мужика сѣкли, какъ у ней вся внутренность отскочила. Хорошавка же разсказала, какъ Щеглова плетью драли, а онъ и голоса не далъ. Потомъ Ѳедосья убрала чай, и Кораблева и сторожиха взялись за шитье, а Маслова сѣла, обнявъ колѣнки, на нарѣ, тоскуя отъ скуки. Она собралась было заснуть, лечь, какъ надзирательница кликнула ее въ контору къ посѣтителю.

— Безпремѣнно скажи про насъ, — говорила ей старуха Меньшова въ то время, какъ Маслова оправляла косынку передъ зеркаломъ съ облѣщенной цаноловину ртутью: — не мы заглян, а онъ самъ, злодѣй, и работникъ видѣлъ; онъ души не уберетъ. Ты скажи ему, чтобы онъ Митрія вызвалъ. Митрій все ему выложитъ, какъ на ладонѣ; а то, что-жъ это, заперли въ замокъ, а мы и духомъ не слыхали, а онъ, злодѣй, царствуетъ съ чужой женой, въ кабацѣ сидитъ.

— Не законъ это! — подтвердила Кораблева.

— Скажу, непременно скажу, — отвѣчала Маслова. — А то выниги еще для смѣлости, — прибавила она, подмигнувъ глазомъ.

Кораблева нашла ей полчанки. Маслова вышла, утерлась и въ самомъ веселомъ расположеніи духа, повторяя сказанныя ею слова: «для смѣлости», покачивая головой и улыбаясь, пошла за надзирательницей по коридору.

XLV.

Нехлюдовъ уже давно дожидался въ сѣняхъ.

Прійхавъ въ острогъ, онъ позвонилъ у входной двери

и подалъ дежурному надзирателю разрѣшеніе прокурора.

— Вамъ кого?

— Видѣть арестантку Маслову.

— Нельзя теперь: смотритель занятъ.

— Въ конторѣ? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Нѣтъ, здѣсь, въ посѣдательской, — отвѣчала смущенно, какъ показалось Нехлюдову, надзиратель.

— Развѣ нынче принимаютъ?

— Нѣтъ, особенное дѣло, — сказалъ онъ.

— Какъ же его увидать?

— Вотъ выйдутъ, тогда скажете. Обождите.

Въ это время изъ боковой двери вышелъ съ блестящими галунами и сіяющимъ, глянцовитымъ лицомъ, съ пропитанными табачнымъ дымомъ усами, фельдфебель и строго обратился къ надзирателю.

— Зачѣмъ сюда пустили?.. Въ контору...

— Мнѣ сказали, что смотритель здѣсь, — сказалъ Нехлюдовъ, удивляясь на то безпокойство, которое замѣтно было и въ фельдфебелѣ.

Въ это время, внутренняя дверь отворилась, и вышелъ запотѣвшій, разгоряченный Петровъ.

— Будетъ помнить, — проговорилъ онъ, обращаясь къ фельдфебелю.

Фельдфебель указалъ глазами на Нехлюдова, и Петровъ замолчалъ, нахмурился и прошелъ въ заднюю дверь.

«Кто будетъ помнить? Отчего они все такъ смущены? Отчего фельдфебель сдѣлалъ ему какой-то знакъ?» думалъ Нехлюдовъ.

— Нельзя здѣсь дожидаться, пожалуйста въ контору, — опять обратился фельдфебель къ Нехлюдову, и Нехлюдовъ уже хотѣлъ уходить, когда изъ задней двери вышелъ смотритель, еще болѣе смущенный, чѣмъ его подчиненные. Онъ, не переставая, вздыхалъ. Увидавъ Нехлюдова, онъ обратился къ надзирателю.

— Ѳедотовъ, Маслову изъ пятой женской, въ контору, — сказалъ онъ.

— Пожалуйте, — обратился онъ къ Нехлюдову. Они прошли по крутой лѣстницѣ въ маленькую комнатку съ однимъ окномъ, письменнымъ столомъ и нѣсколькими стульями. Смотритель сѣлъ.

— Тяжелыя, тяжелыя обязанности, — сказалъ онъ, обращаясь къ Нехлюдову и доставая толстую папиросу.

— Вы, видно, устали, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Усталъ отъ всей службы — очень трудныя обязанности. Хочешь облегчить участь, а выходить хуже; только и думаю, какъ уйти; тяжелыя, тяжелыя обязанности...

Нехлюдовъ не зналъ, въ чемъ особенно была для смотрителя трудность, но нынче онъ видѣлъ въ немъ какое-то особенное, возбуждающее жалость, унылое и безнадежное настроеніе.

— Да, и думаю, что очень тяжелыя, — сказалъ онъ. — Зачѣмъ же вы исполняете эти обязанности?

— Средства не имѣю, семья.

— Но если вамъ тяжело...

— Ну, все-таки, я вамъ скажу, по мѣрѣ силъ приношу пользу, все-таки, что могу, смягчаю. Кто другой на моемъ мѣстѣ совсѣмъ бы не такъ повелъ. Вѣдь это легко сказать 2000 слишкомъ человекъ, да какихъ. Надо знать, какъ обойтись. Тоже люди, жалѣешь ихъ. А распустить тоже нельзя.

Смотритель сталъ разсказывать недавній случай драки между арестантами, кончившейся убійствомъ.

Разсказъ его былъ прерванъ входомъ Масловой, предшествуемой надзирателемъ.

Нехлюдовъ увидалъ ее въ дверяхъ, когда она еще не видала смотрителя. Лицо ея было красно. Она бойко шла за надзирателемъ и, не переставая, улыбалась, покачивая головой. Увидавъ смотрителя, она съ испуганнымъ лицомъ уставилась на него, но тотчасъ же оправилась и бойко и весело обратилась къ Нехлюдову.

— Здравствуйте, — сказала она нараспѣвъ и улыбаясь и сильно, не такъ, какъ тотъ разъ, встряхнувъ его руку.

— Я, вотъ, привезъ вамъ подписать прошеніе, — сказала Нехлюдовъ, немного удивляясь тому бойкому виду, съ которымъ она нынче встрѣтила его. — Адвокатъ составилъ прошеніе, надо подписать, и мы поплемъ въ Петербургъ.

— Что же, можно и подписать. Все можно, — сказала она, щури одинъ глазъ и улыбаясь.

Нехлюдовъ досталъ изъ кармана сложенный листъ и подошелъ къ столу.

— Можно здѣсь подписать? — спросилъ Нехлюдовъ у смотрителя.

— Иди сюда, садись, — сказалъ смотритель: — вотъ тебѣ и перо. Умѣешь грамотѣ?

— Когда-то знала, — сказала она и, улыбаясь, оправивъ юбку и рукавъ кофты, сѣла за столъ, неловко взяла своей маленькой, энергической рукой перо, и, засмѣявшись, оглянулась на Нехлюдова.

Онъ указалъ ей, что и гдѣ написать.

Старательно макая и отряхивая перо, она написала свое имя.

— Больше ничего не нужно? — спросила она, глядя то на Нехлюдова, то на смотрителя и укладывая перо то на чернильницу, то на бумагу.

— Миѣ нужно кое-что сказать вамъ, — проговорилъ Нехлюдовъ, взявъ у нея изъ рукъ перо.

— Что же, скажите, — произнесла она и вдругъ, какъ будто о чемъ-то задумалась или захотѣла спать, стала серьезной.

Смотритель всталъ и вышелъ, и Нехлюдовъ остался съ ней съ глазу на глазъ.

XLVI.

Надзиратель, приведши Маслову, присѣлъ на подоконникъ поодаль отъ стола. Для Нехлюдова наступила рѣшительная минута. Онъ, не переставая, упрекалъ себя за то, что въ то первое свиданіе не сказалъ ей главнаго, — того, что онъ намѣренъ жениться на ней, и теперь твердо рѣшился сказать ей это. Она сидѣла по одну сторону стола, Нехлюдовъ сѣлъ противъ нея по другую. Въ комнатѣ было свѣтло, и Нехлюдовъ въ первый разъ ясно на близкомъ разстояніи увидалъ ея лицо, — морщинки около глазъ и губъ и подпухлость глазъ. И ему стало еще болѣе, чѣмъ прежде, жалко ея.

Облокотившись на столъ такъ, чтобы не быть слышаннымъ надзирателемъ, человѣкомъ еврейскаго типа съ сдѣющимися бакенбардами, сидѣвшимъ у окна, а одною ею, онъ сказалъ:

— Если прошеніе это не выйдетъ, то подадимъ на Высочайшее имя. Сдѣлаемъ все, что можно.

— Вотъ кабы прежде; адвокатъ бы хорошій... — перебила она его. — А то этотъ мой защитникъ дурачокъ совсѣмъ былъ. Все миѣ комплименты говорилъ, — сказала она и засмѣялась. — Кабы тогда знали, что я вамъ знакома, другое было бы. А то что? Думаютъ, всѣ — воровки.

«Какая она странная нынче», подумалъ Нехлюдовъ и только-что хотѣлъ сказать свое, какъ она опять заговорила.

— А я вотъ что. Есть у насъ одна старушка, такъ всѣ, знаете, удивляются даже. Такая старушка чудесная, а вотъ ни за что сидитъ, и она, и сынъ, и всѣ знаютъ, что они не виноваты, а ихъ обвинили, что подожгли и сидятъ. Она, знаете, услышала, что я съ вами знакома, — сказала Маслова, вертя головой и взглядывая на него: — и говоритъ: скажи ему, пусть, говорить, сына вызовутъ, онъ имъ все расскажетъ. Меньшова ихъ фамилія. Что жъ, сдѣлаете? Такая, знаете, старушка чудесная, видно сейчасъ, что понапрасну. Вы голубчикъ, похлопочите, — сказала она, взглядывая на него, опуская глаза и улыбаясь.

— Хорошо, я сдѣлаю, узнаю, — сказалъ Нехлюдовъ, все болѣе и болѣе удивляясь ея развязности. — Но миѣ о своемъ дѣлѣ хотѣлось поговорить съ вами. Вы помните, что я вамъ говорилъ тотъ разъ? — сказалъ онъ.

— Вы много говорили. Что говорили тотъ разъ? — сказала она, не переставая улыбаться и поворачивая голову то въ ту, то въ другую сторону.

— Я говорилъ, что пришелъ просить васъ простить меня, — сказалъ онъ.

— Ну что, все простить, простить, ни къ чему это... вы лучше...

— Что я хочу загладить свою вину, — продолжалъ Нехлюдовъ: — и загладить не словами, а дѣломъ. Я рѣшилъ жениться на васъ.

Лицо ея вдругъ выразило испугъ. Косые глаза ея, остановившись, смотрѣли и не смотрѣли на него.

— Это еще зачѣмъ понадобилось? — проговорила она, злобно хмурясь.

— Я чувствую, что я передъ Богомъ долженъ сдѣлать это.

— Какого еще Бога тамъ нашли? Все вы не то говорите, Бога? Какого Бога? Вотъ вы бы тогда помнили Бога, — сказала она и, раскрывъ ротъ, остановилась.

Нехлюдовъ только теперь почувствовалъ сильный запахъ вина изъ ея рта и понялъ причину ея возбужденія.

— Успокойтесь, — сказалъ онъ.

— Нечего миѣ успокаиваться. Ты думаешь, я пьяна? Я и пьяна, да помню что говорю, — вдругъ быстро заговорила она и вся багрово покраснѣла: — я каторжная, а вы баринъ, князь, и нечего тебѣ со мной мараться. Ступай къ своимъ княжнамъ...

— Какъ бы жестоко ты ни говорила, ты не можешь сказать того, что я чувствую, — весь дрожа, тихо сказалъ Нехлюдовъ: — не можешь себѣ представить, до какой степени я чувствую свою вину передъ тобою!..

— Чувствую вину... — злобно передразнила она. — Тогда не чувствовалъ, а сунулъ 100 рублей. Вотъ — твои цѣна...

— Знаю, знаю, но что же теперь дѣлать? — сказалъ Нехлюдовъ. — Теперь я рѣшилъ, что не оставляю тебя, — повторилъ онъ: — и что сказалъ, то сдѣлаю.

— А я говорю, не сдѣлаешь! — проговорила она и громко засмѣялась.

— Катюша! — началъ онъ.

— Уйди отъ мѣня. Я — каторжная, а ты — князь и нечего тебѣ тутъ быть, — вскрикнула она, вся преображенная гнѣвомъ, вырывая у него руку.

— Ты мной хочешь спастись, — продолжала она, торопясь высказать все, что поднялось въ ея душѣ. — Ты мной въ этой жизни усладился, мной же хочешь и на томъ свѣтѣ спастись! Противень ты миѣ, и очки твои, и жирная, поганая вся рожа твоя. Уйди, уйди ты! — закричала она, энергическимъ движеніемъ вскочивъ на ноги.

Надзиратель подошелъ къ нимъ.

— Ты что скандалишь! Развѣ такъ можно...

— Оставьте, пожалуйста, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Чтобъ не забывалась, — сказалъ надзиратель.

— Нѣтъ, подождите, пожалуйста, — сказалъ Нехлюдовъ.

Надзиратель отошелъ къ окну.

Маслова опять сѣла, опустивъ глаза и крѣпко сжавъ свои скрещенныя пальцами маленькія руки.

Нехлюдовъ стоялъ надъ ней, не зная, что дѣлать.

— Ты не вѣришь миѣ, — сказалъ онъ.

— Что вы жениться хотите — не будетъ этого никогда. Повѣшусь скорѣе! Вотъ вамъ.

— Я все-таки буду служить тебѣ.

— Ну, это ваше дѣло. Только миѣ отъ васъ ничего не нужно. Это я вѣрно вамъ говорю, — сказала она. — И зачѣмъ я не умерла тогда, — прибавила она, и заплакала жалостнымъ плачемъ.

Нехлюдовъ не могъ говорить: ея слезы сообщились ему.

Она подняла глаза, взглянула на него, какъ будто удивилась, и стала утирать косынкой текуція по щекамъ слезы.

Надзиратель теперь опять подошелъ и напомнилъ, что время расходится. Маслова встала.

XXVII передвижная выставка. „Не припомню“. Картина В. Е. Маковского, автотипия «Нивы».

„Воскресение“, романъ гр. Л. Н. Толстого. Въ квартирѣ тюремнаго смотрителя.
Ориг. рис. (собств. «Нивы») Л. О. Пастернака, автотипія «Нивы».

— Вы теперь возбуждены. Если можно будет, я завтра приеду. А вы подумайте, — сказал Нехлюдовъ.

Она ничего не отвѣтила, и не глядя на него вышла за надзирателемъ.

— Ну, дѣвка, заживешь теперь, — говорила Кораблева Масловой, когда она вернулась въ камеру. — Видно, здорово въ тебя втреснувши, не зѣвай, пока онъ ѣздитъ. Онъ выручить. Богатымъ людямъ все можно.

— Это какъ есть. — пѣвучимъ голосомъ говорила сторожиха. — Бѣдному жениться и ночь коротка, а богатому только задумалъ, загадалъ — все тебѣ какъ пожелалъ, такъ и сбудется. У насъ такой, касатка, почтенный, такъ что сдѣлать...

— Что жъ, омоемъ-то дѣлѣ говорила? — спросила старуха.

Но Маслова не отвѣчала своимъ товаркамъ, а легла на нары и, съ уставленными въ уголь косыми глазами, лежала такъ до вечера. Въ ней шла мучительная работа. То, что ей сказалъ Нехлюдовъ, вызывало ее въ тотъ мѣръ, въ которомъ она страдала и изъ котораго ушла, не понявъ и возненавидѣвъ его. Она теперь потеряла то забвеніе, въ которомъ жила, а жить съ ясной памятью о томъ, что было, было слишкомъ мучительно. Вечеромъ она опять кушила вина и напилась вмѣстѣ съ своими товарками.

XLVII.

«Да, такъ вотъ оно что! Вотъ что!» — думалъ Нехлюдовъ, выходя изъ острога и только теперь вполне понимая всю вину свою. Если бы онъ не попытался заглядить, некупить свой постунокъ, онъ никогда бы не почувствовалъ всей преступности его, мало того, и она бы не чувствовала всего зла, сдѣланнаго ей. Только теперь это все вышло наружу во всемъ своемъ ужасѣ. Онъ увидалъ теперь только то, что онъ сдѣлалъ съ душой этой женщины, и она увидала и поняла, что было сдѣлано съ нею. Прежде Нехлюдовъ игралъ своимъ чувствомъ, любовался самимъ собою и своимъ раскаяніемъ, теперь ему просто было странно. Бросить ее, — онъ чувствовалъ это теперь — онъ не могъ, а между тѣмъ не могъ себѣ представить, что выйдетъ изъ его отношеній къ ней.

На самомъ выходѣ Нехлюдову кто-то подаль записку. Выходя изъ тюрьмы, онъ прочелъ ее. Въ запискѣ было написано карандашомъ, бойкимъ почеркомъ, безъ еровъ, слѣдующее:

«Узнавъ, что вы посѣщаете острогъ, интересуюсь одной уголовной личностью, мнѣ захотѣлось повидаться съ вами. Просите свиданія со мной. Вамъ дадутъ, а я передамъ вамъ много важнаго для вашей протекже и для политическихъ. Благодарная вамъ Вѣра Богодуховская!»

«Богодуховская! Что такое Богодуховская?» думалъ Нехлюдовъ, весь поглощенный впечатлѣніемъ свиданія съ Масловой и въ первую минуту не связывая никакого воспоминанія съ этимъ именемъ и почеркомъ. «А!» вдругъ вспомнилъ онъ. «Дьяконова дочь на медвѣжьей охотѣ».

Вѣра Богодуховская была учительница въ глухой Новгородской губерніи, куда Нехлюдовъ съ товарищами заѣхалъ для медвѣжьей охоты. Учительница эта обратилась къ Нехлюдову съ просьбой дать ей денегъ для того, чтобы ѣхать на курсы. Нехлюдовъ далъ ей эти деньги и забылъ про нее. Теперь оказывалось, что эта госпожа была политическая преступница, сидѣла въ тюрьмѣ, гдѣ вѣроятно узнала его исторію, и вотъ предлагала ему свои услуги. Какъ тогда все было легко и просто, какъ теперь все тяжело и сложно. Нехлюдовъ живо и радостно вспомнилъ тогдашнее время и свое знакомство съ Богодуховской. Это было передъ масленицей, въ глуши, верстъ за 60 отъ желѣзной дороги. Охота была счастливая, убили двухъ медвѣдей и обѣдали, собираясь ѣзжать, когда хозяйнѣ пѣзы, въ которой останавливались, пришелъ сказать, что пришла дьяконова дочка и хочетъ видѣться съ княземъ Нехлюдовымъ.

— Хорошенькая? — спросилъ кто-то.

— Ну, полно, — сказалъ Нехлюдовъ, всталъ изъ-за стола и, удивляясь, зачѣмъ онъ понадобился дьяконовой дочери, сдѣлать серьезное лицо и пошелъ въ хозяйскую хату.

Въ комнатѣ была дѣвушка въ войлочной шляпѣ, въ шубкѣ, жилистая, съ худымъ некрасивымъ лицомъ, въ которомъ хороши были одни глаза съ поднятыми надъ ними бровями.

— Вотъ, Вѣра Ефремовна, поговори съ ними, — сказала старуха-хозяйка: — это самый князь. А я уйду.

— Чѣмъ могу вамъ служить, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Я... я... Видите ли, вы богаты, вы швыряете деньгами на пустыки, на охоту. Я знаю, — начала дѣвушка, сильно конфузясь: — а я хочу только одного, хочу быть полезной людямъ — и ничего не могу, потому что ничего не знаю.

— Что же я могу сдѣлать?

— Я — учительница, но хотѣла бы на курсы, и меня не пускаютъ. Не то что не пускаютъ, они пускаютъ, но надо средства. Дайте мнѣ, и я кончу курсъ и заплачу вамъ.

Глаза были правдивые, добрые, и все выраженіе и рѣшимости, и робости было такъ трогательно, что Нехлюдовъ, какъ это бывало съ нимъ, вдругъ перенесся въ ея положеніе, понялъ ее и пожалѣлъ.

— Я думаю, богатые люди быють медвѣдей, мужиковъ, поять — все это дурно. Отчего бы имъ не сдѣлать добро. Мнѣ нужно бы только 80 рублей. А не хотите, мнѣ все равно, — сердито сказала она, невыгодно для себя объяснивъ упорный и серьезный взглядъ, который Нехлюдовъ устремилъ на нее.

— Напротивъ, я очень благодаренъ вамъ, что вы мнѣ дали случай...

Когда она поняла, что онъ соглашается, она покраснѣла и замолкла.

— Я сейчасъ принесу, — сказалъ Нехлюдовъ.

Онъ вышелъ въ сѣни и тутъ же засталъ товарища, который подслушивалъ ихъ разговоръ. Онъ, не отвѣчая на шутки товарищей, досталъ изъ сумки деньги и понесъ ей.

— Пожалуйста, пожалуйста, не благодарите. Я васъ долженъ благодарить.

Нехлюдову пріятно было теперь вспомнить все это; пріятно было вспомнить, какъ онъ чуть не поссорился съ офицеромъ, который хотѣлъ сдѣлать изъ этого дурную шутку, какъ другой товарищъ поддержалъ его, и какъ вслѣдствіе этого ближе сошелся съ нимъ, и какъ вся охота была счастливая и веселая, и какъ ему было хорошо, когда они возвращались ночью назадъ къ станціи желѣзной дороги. Вереница саней парами гусемъ двигалась безъ шума рысцою по узкой дорогѣ лѣсами, иногда высокими, иногда низкими, съ сѣлками сплошь задавленными санями слонными лепешками снѣга. Въ темнотѣ, блестя краснымъ огнемъ, закуривалъ кто-нибудь хорошо пахнущую палиросу. Осипъ, обкладчикъ, перебѣгаетъ отъ саней къ санямъ, по колѣно въ снѣгу, и присаживается, рассказывая про лосей, которые теперь ходятъ по глубокимъ снѣгамъ, глодаютъ осиновую кору, и про медвѣдей, которые теперь въ своихъ дремучихъ берлогахъ пыхтятъ въ отдушину теплымъ дыханіемъ.

Нехлюдову вспомнилось все это и больше всего счастлирое чувство сознанія своего здоровья, силы и беззаботности. Легкія, напруженная полушубокъ, дышать морознымъ воздухомъ, на лицо сыплется съ задѣтыхъ дугой вѣтокъ снѣгъ, тѣлу тепло, лицу свѣжо, и на душѣ ни заботъ, ни упрековъ, ни страховъ, ни желаній. Какъ было хорошо! А теперь? Боже мой, какъ все это было мучительно и трудно!

XLVIII.

Проснувшись на другой день утромъ, Нехлюдовъ вспомнилъ все то, что было наканунѣ, и ему стало страшно.

Но, несмотря на этот страх, онъ больше чѣмъ когда-нибудь прежде рѣшилъ, что будетъ продолжать начатое.

Съ этимъ чувствомъ сознанія своего долга онъ выѣхалъ изъ дома и поѣхалъ къ Масленникову просить его разрѣшить ему посѣщенія въ острогѣ, кромѣ Масловой, еще и той старушки Меньшовой съ сыномъ, о которой Маслова просила его; кромѣ того онъ хотѣлъ просить о свиданіи съ Богодуховской, которая могла быть полезна Масловой.

Нехлюдовъ зналъ Масленникова еще давно по полку. Масленниковъ былъ тогда казначеемъ полка. Это былъ добродушнѣйшій, исполнительнѣйшій офицеръ, ничего не знавшій и не хотѣвшій знать въ мірѣ, кромѣ полка. Теперь Нехлюдовъ засталъ его администраторомъ, замѣнившимъ полкъ губерніей и губернскимъ правленіемъ. Онъ былъ женатъ на богатой и бойкой женщинѣ, которая и заставила его перейти изъ военной въ статскую службу.

Она смѣялась надъ нимъ и ласкала его, какъ свое прирученное животное. Нехлюдовъ въ прошлую зиму былъ одинъ разъ у нихъ, но ему такъ не интересна показалась эта чета, что послѣ онъ ни разу не былъ.

Масленниковъ весь просіялъ, увидавъ Нехлюдова. Такое же было у него жирное и красное лицо, та же корпуленція, и такая же, какъ въ военной службѣ, прекрасная одежда. Тамъ это былъ всегда чистый, но послѣдней модѣ облегавшій его плечи и грудь мундиръ или тужурка, теперь это было по послѣдней модѣ сшитое статское платье, такъ же облегавшее его сытое тѣло и выставлявшее широкую грудь. Онъ былъ въ вицмундирѣ. Несмотря на разницу лѣтъ (Масленникову было подъ 40), они были на «ты».

— Ну вотъ, спасибо, что пріѣхалъ. Пойдемъ къ женѣ. А у меня какъ разъ десять минутъ свободныхъ передъ засѣданіемъ. Принципиальнѣе вѣдь уѣхалъ. Я правлю губерніей,—сказалъ онъ съ удовольствіемъ, котораго не могъ скрыть.

— Я къ тебѣ по дѣлу.

— Что такое?—вдругъ, какъ будто насторожившись, испуганнымъ и нѣсколько строгимъ тономъ сказалъ Масленниковъ.

— Въ острогѣ есть одно лицо, которымъ я очень интересуюсь (при словѣ: острогѣ—лицо Масленникова сдѣлалось еще болѣе строго), и мнѣ хотѣлось бы имѣть свиданіе не въ общей, а въ конторѣ и не только въ опредѣленные дни, но и чаще. Мнѣ сказали, что это отъ тебя зависитъ.

— Разумѣется, mon cher, я все готовъ для тебя сдѣлать,—дотрагиваясь обѣими руками до его колѣнъ, сказалъ Масленниковъ, какъ бы желая смягчить свое величіе:—это можно, но, видишь ли, я—калифъ на часъ.

— Такъ ты можешь дать мнѣ бумагу, чтобы я могъ видѣться съ нею?

— Это женщина?

— Да.

— Такъ за что жъ она?

— За отравленіе. Но она неправильно осуждена.

— Да, вотъ тебѣ и правый судъ, ils n'en font point d'autres,—сказалъ онъ для чего-то по-французски.—Я знаю, ты не согласишься со мною, но что же дѣлать, c'est mon opinion bien arrêtée,—прибавилъ онъ, высказывая мнѣніе, которое онъ въ разныхъ видахъ въ продолженіе года читалъ въ ретроградной, консервативной газетѣ.—Я знаю, ты либераль.

— Не знаю, либераль ли я или что другое,—улыбаясь, сказалъ Нехлюдовъ, всегда удивлявшійся тому, что его всѣ причисляли къ какой-то партіи и называли либераломъ только потому, что онъ, судя человѣка, говорилъ, что надо прежде выслушать его, что передъ судомъ всѣ люди равны, что не надо мучить и бить людей вообще, а въ особенннсти такихъ, которые не осуждены.—Не знаю, либераль ли я или нѣтъ, но только знаю, что те-

перешніе суды, какъ они ни дурны, все-таки лучше прежнихъ.

— А кого ты взялъ въ адвокаты?

— Я обратился къ Фанарину.

— Ахъ, Фанаринъ!—морщась, сказалъ Масленниковъ, вспоминая, какъ въ прошломъ году этотъ Фанаринъ на судѣ допрашивалъ его, какъ свидѣтели, и съ величайшей учтивостью въ продолженіе получаса поднималъ его на смѣхъ.

— Я бы не посоветовалъ тебѣ имѣть съ нимъ дѣло. Фанаринъ—est un homme taré.

— И еще къ тебѣ просьба,—не отвѣчая ему, сказала Нехлюдовъ.—Давно очень я знаю одну дѣвушку—учительницу—она очень жалкое существо и теперь тоже въ тюрьмѣ, и желаетъ повидаться со мной. Можешь ты мнѣ дать и къ ней пропускъ.

Масленниковъ немного набокъ склонилъ голову и задумался.

— Это политическая.

— Да, мнѣ сказали такъ.

— Вотъ видишь, свиданія съ политическими даются только родственникамъ, но тебѣ я дамъ общій пропускъ. Je sais que vous n'abuserez pas...

— Какъ ее зовутъ, твою protégée?.. Богодуховской?— Elle est jolie?

— Hideuse.

Масленниковъ неодобрительно покачалъ головой, подошелъ къ столу и на бумагѣ съ печатнымъ заголовкомъ бойко написалъ: «Подателю сего, князю Дмитрію Ивановичу Нехлюдову, разрѣшаю свиданіе въ тюремной конторѣ съ содержащейся въ замкѣ мѣщанкой Масловой, равно и съ фельдшерницей Богодуховской»,—дописалъ онъ и сдѣлалъ размашистый росчеркъ.

— Вотъ ты увидишь, какой порядокъ тамъ. А соблюсти тамъ порядокъ очень трудно, потому что переполнено, особенно пересыльными, но я все-таки строго смотрю и люблю это дѣло. Ты увидишь—имъ тамъ очень хорошо, и они довольны. Только надо умѣть обращаться съ ними. Вотъ на-дняхъ была неприятность—неповиновеніе. Другой бы призналъ это бунтомъ и сдѣлалъ бы много несчастныхъ. А у насъ все прошло очень хорошо. Нужна съ одной стороны заботливость, съ другой—твердая власть,—сказалъ онъ, сжимая выдающийся изъ-за бѣлаго крѣпкаго рукава рубашки съ золотой запонкой, бѣлый, пухлый кулакъ съ бирюзовымъ кольцомъ:—заботливость и твердая власть.

— Ну, этого я не знаю,—сказалъ Нехлюдовъ:—я былъ тамъ два раза, и мнѣ было ужасно тяжело.

— Значишь что? Тебѣ надо сойтись съ графиней Пасекъ, продолжалъ разговорившійся Масленниковъ:—она вся отдалась этому дѣлу. Elle fait beaucoup de bien. Благодаря ей, можетъ-быть, и мнѣ, безъ ложной скромности скажу, удалось все измѣнить, и измѣнить такъ, что уже нѣтъ тѣхъ ужасовъ, которые были прежде, а имъ прямо тамъ очень хорошо. Вотъ ты увидишь. Вотъ Фанаринъ. Я не знаю его лично, да и по моему общественному положенію наши пути не сходятся, но онъ положительно дурной человѣкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ позволяетъ себѣ говорить на судѣ такія вещи, такія вещи...

— Ну, благодарствуй,—сказалъ Нехлюдовъ, взявъ бумагу, и, не дослушавъ, простился съ своимъ бывшимъ товарищемъ.

— А къ женѣ ты не пойдешь?

— Нѣтъ, извини меня, теперь мнѣ некогда.

— Ну, какъ же, она не проститъ мнѣ,—говорилъ Масленниковъ, провожая бывшего товарища до первой площадки лѣстницы, какъ онъ провожалъ людей не первой важности, но второй важности, къ которымъ онъ причислялъ Нехлюдова.—Нѣтъ, пожалуйста, зайди хоть на минуту.

Но Нехлюдовъ остался твердъ, и въ то время, какъ лакей и швейцаръ подкакивали къ Нехлюдову, подавая ему пальто и палку, и открывали дверь, у которой сна-

руки стоялъ городской, онъ сказалъ, что никакъ не можетъ теперь.

— Ну, такъ въ четвергъ, пожалуйста. Это ей приемный день. Я ей скажу! — прокричалъ ему Масленниковъ съ лѣстницы.

XLIX.

Въ тотъ же день прямо отъ Масленникова прѣхавъ въ острогъ, Нехлюдовъ направился къ знакомой уже квартирѣ смотрителя. Опять слышались тѣ же, какъ и въ тотъ разъ, звуки плохого фортепьяно, но теперь игралась не рапсодія, а этюды Клементи, тоже съ необыкновенной силой, отчетливостью и быстротой. Отворившая горничная съ подвизаннымъ глазомъ сказала, что капитанъ дома, и провела Нехлюдова въ маленькую гостиную съ диваномъ, столомъ и подоженнымъ съ одной стороны розовымъ бумажнымъ кошакомъ большой лампы, стоявшей на шерстяной вязаной салфеточкѣ. Вышелъ главный смотритель съ измученнымъ, грустнымъ лицомъ.

— Прощу покорно, что угодно? — сказалъ онъ, застегивая среднюю пуговицу своего мундира.

— Я вотъ быть у вице-губернатора и вотъ разрѣшеніе, — сказалъ Нехлюдовъ, подавая бумагу. — Желаю бы видѣть Маслову.

— Маркову? — переспросилъ смотритель, не разслышавъ изъ-за музыки.

— Маслову.

— Ну, да! Ну, да!

Смотритель всталъ и подошелъ къ двери, изъ которой слышались ругады Клементи.

— Маруся, хоть немножко подожди, — сказалъ онъ голосомъ, по которому видно было, что эта музыка составляетъ крестъ его жизни: — ничего не слышно.

Фортепьяно замолкло, послышались недовольные шаги, и кто-то заглянулъ въ дверь.

Смотритель, какъ бы чувствуя облегченіе отъ этого перерыва музыки, закурилъ толстую папиросу слабого табаку и предложилъ Нехлюдову. Нехлюдовъ отказался.

— Маслову...

— Маслову нивче, неудобно видѣть, — сказалъ смотритель.

— Отчего?

— Да такъ, вы сами виноваты, — слегка улыбаясь, сказалъ смотритель. — Князь, не давайте вы ей прямо денегъ. Если желаете, давайте мнѣ. Все будетъ принадлежать ей. А то вчера вы ей вѣрно дали денегъ, она достала вина — никакъ не искоренить этого зла — и сегодня нашлась, — совсѣмъ, такъ что даже буйная стала.

— Да неужели?

— Какъ же, даже долженъ быть мѣры строгости употребить — перевелъ въ другую камеру. Она женщина смиренная, но денегъ вы, пожалуйста, не давайте. Это такой народъ.

Нехлюдовъ живо вспомнилъ вчерашнее, и ему стало опять странно.

— А Богодуховскую, политическую, можно видѣть? — спросилъ Нехлюдовъ, помолчавъ.

— Что-жъ, это можно, — сказалъ смотритель. — Ну, ты чего, — обратился онъ къ дѣвочкѣ пяти или шести лѣтъ, пришедшей въ комнату и, поверотивъ голову такъ, чтобы не спускать глазъ съ Нехлюдова, направившейся къ отцу. — Вотъ и упадешь, — сказалъ смотритель, улыбаясь на то, какъ дѣвочка, не глядя передъ собой, зацѣпилась за коврикъ и подбѣжала къ отцу.

— Такъ если можно, я бы пошелъ.

— Можно-то, можно, — сказалъ смотритель, обнявъ дѣвочку, все смотрѣвшую на Нехлюдова. — Пожалуй...

Смотритель всталъ и, нѣжно отстранивъ дѣвочку, вышелъ въ переднюю.

Еще смотритель не успѣлъ надѣть подаваемое ему под-

вязанной дѣвушкой пальто и выйти въ дверь, какъ опять закурчали отчетливыя ругады Клементи.

— Въ консерваторіи была, да тамъ не порядоки. А большое дарованіе, — сказалъ смотритель, спускаясь съ лѣстницы. — Хотите выступать въ концертахъ.

Смотритель съ Нехлюдовымъ подошли къ острогу. Калитка мгновенно отворилась при приближеніи смотрителя. Надзиратели, взявъ подъ козырекъ, провожали его глазами. Четыре человѣка съ бритыми полуголовами и неся кадки съ чѣмъ-то, встрѣтились имъ въ прихожей, и всѣ скались, увидавъ смотрителя. Одинъ особенно пригнулся и мрачно насунулся, блестя черными глазами.

— Разумѣется, талантъ надо совершенствовать, нельзя зарывать: но въ маленькой квартирѣ, знаете, тяжело бываетъ. — продолжалъ смотритель разговоръ, не обращая на этихъ арестантовъ никакого вниманія, и, усталыми шагами волоча ноги, прошелъ, сопутствуемый Нехлюдовымъ, въ сборную.

— Вамъ кого видѣть желательно? — спросилъ смотритель.

— Богодуховскую.

— Это изъ бани? Вамъ подождать придется, — обратился онъ къ Нехлюдову.

— А нельзя ли мнѣ покамѣсть увидать арестантовъ Меньшовыхъ — мать съ сыномъ, обвиняемыхъ за поджогъ.

— Это изъ 21-й камеры? Что жъ, можно ихъ вызвать.

— А нельзя ли мнѣ повидать Меньшова въ его камерѣ.

— Да вамъ покойнѣе въ сборной.

— Идтъ, мнѣ интересно.

— Вотъ нашли интересное.

Въ это время изъ боковой двери вышелъ щеголеватый офицеръ-помощникъ.

— Вотъ, сведите князя въ камеру, къ Меньшову. Камера 21, — сказалъ смотритель помощнику: — а потомъ въ контору. А я вызову. Какъ ее звать?

— Вѣра Богодуховская, — сказалъ Нехлюдовъ.

Помощникъ смотрителя былъ бѣлокурый, молодой съ нафабранными усами, офицеръ, распространяющій вокругъ себя запахъ цвѣточного одеколона.

— Пожалуйста, — обратился онъ къ Нехлюдову съ приятной улыбкой. — Интересуетесь нашимъ заведеніемъ?

— Да, и интересуюсь этимъ человѣкомъ, который, какъ мнѣ говорили, совершенно невинно попалъ сюда.

Помощникъ пожалъ плечами.

— Да, это бываетъ, — спокойно сказалъ онъ, учтиво впередъ себя пропуская гостя въ широкій вонючій коридоръ. — Бываетъ, и врутъ они. Пожалуйста.

Двери камеръ были отперты, и нѣсколько арестантовъ было въ коридорѣ. Чуть замѣтно князя надзирателямъ и косясь на арестантовъ, которые, или прижимаясь къ стѣнамъ, проходили въ свои камеры, или вытянувъ руки по швамъ и по-солдатски провожая глазами начальство, останавливались у дверей, помощникъ провелъ Нехлюдова черезъ одинъ коридоръ, подвелъ его къ другому коридору налѣво, запертому желѣзной дверью.

Коридоръ этотъ былъ уже, темнѣе и еще вонючѣе перваго. Въ коридорѣ съ обѣихъ сторонъ выходили двери, запертыя замками. Въ дверяхъ были дырочки, такъ-называемыя глазки, въ полвершка въ діаметрѣ. Въ коридорѣ никого не было, кромѣ старичка-надзирателя съ грустнымъ, сморщеннымъ лицомъ.

— Въ которой Меньшовъ? — спросилъ помощникъ надзирателя.

— Восьмая налѣво.

— А эти заняты? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Всѣ заняты, кромѣ одной.

(Продолженіе будетъ.)

Французская художественная выставка въ С.-Петербургѣ. „Убѣжище“. Картина П. Леруа, автотипія «Нивы».

Картузъ.

Очеркъ изъ заводской жизни Г. Сѣверцова.

I.

Молодая вдова, солдатка Матрена, поступила на стекляннй заводъ въ упаковщицы. Двоихъ дѣтей, что были съ нею, она тоже опредѣлила къ дѣлу; Наталья, дѣвочка лѣтъ восьми, носила на деревянномъ лоточкѣ готовую посуду въ закальные печи, а Ваню, ея братишку, годомъ старше сестры, принялъ на выучку въ свое «Гнѣздо» или «стулъ» лучшей заводской мастеръ Осиновикъ.

«Гнѣздо» или «стулъ» составляютъ на заводскомъ языкѣ: самъ мастеръ, два его подмастерья и два мальчишка-подручныхъ.

Ваня былъ смѣшленнымъ мальчуганомъ, но прежде чѣмъ учить его ремеслу, мастеръ, по заведенному обычаю, поручилъ ему держать форму, раскрывать ея половинки, когда Осиновикъ, набравъ на желѣзную трубку тягучую стеклянную массу, вкладывалъ ее въ форму, и захопывать ее при выдуваннй рабочей массы.

Наука была не трудная. Ванюшка скоро научился ловко закрывать форму, не боясь обжечь себѣ руки, и, довольный имъ, Осиновикъ положилъ ему пять цѣлковыхъ жалованья въ мѣсяцъ, да еще подарилъ свой старый картузъ, въ который могли войти чуть ли не двѣ Ванюшкины головы. Мальчикъ остался очень доволенъ подаркомъ и, подоживъ въ него бумаги, добился все же, что картузъ не лѣзъ ему на глаза.

Пять рублей, получаемые сыномъ, были большимъ подспорьемъ Матренѣ. Цѣлый день не разгибая спины, она едва могла выработать двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ. Наталья еще ничего не получала.

Все-таки жизнь бѣдной вдовы на заводѣ была лучше, чѣмъ дома въ деревнѣ, гдѣ, послѣ смерти ея мужа, каждый изъ семи его считалъ своимъ долгомъ упрекнуть Матрену и ея дѣтей въ дармоедствѣ.

Крохотная каморка, похожая скорѣе на чуланъ, отведенная ей заводскою администраціею, радовала ее несказанно; все же это былъ ея собственный уголь.

Прошло уже два мѣсяца, какъ вдова поселилась на заводѣ. Работа ей далась, она скоро привыкла къ ней и быстро укладывала и вязала посуду не хуже любой работницы, занимающейся много лѣтъ этимъ дѣломъ.

Несмотря на свой не легкій трудъ, Матрена рѣдко работала молча, ея пѣнье всегда слышалось въ упаковочной.

Прервавъ на минуту работу, гигантъ-Осиновикъ, тяжело отдуваясь, шель къ упаковщицамъ, высматривая среди цвѣтныхъ головныхъ платковъ, гдѣ сидятъ молодая солдатка.

Замѣтивъ слушающаго мастера, Матрена сейчасъ же умолкала, она стыдилась его.

— Что-жъ, красотка, замолчала?—добродушно замѣчалъ гигантъ.— А я хотѣлъ слушать, пой.

Но упаковщица молчала.

— А Ванюшка твой хорошо работаетъ, до дѣла началъ, шель-мѣцъ, доходить,—улыбался, продолжалъ мастеръ.

Ничто такъ не подкупаетъ матерей, какъ похвала ихъ дѣтямъ.

Ея робость передъ мастеромъ исчезла, и она, раскраснѣвшись отъ удовольствія, тихо его поблагодарила:

— Спасибо, Петръ Феклистычъ, за смилка, спасибо.

А Ванюшка еще больше старался и зорко слѣдилъ за приемами мастера, желая скорѣе выучиться.

Осиновикъ постоятъ-постоятъ, посмотреть на смолкнувшую пѣвунью, вздохнетъ и снова примется за свою тяжелую работу.

II.

Время шло быстро. Матрена работала на заводѣ уже третій мѣсяцъ. Весна смѣнила гиную зиму. Звонко зазвенѣли ручейки талого снѣга, бойко извивался по скатамъ косягоровъ. Проталины въ лѣсу чернѣли все больше и больше. Рано прилетѣвшіе этотъ годъ грачи черными движущимися точками оживляли блестящій подъ ласковыми лучами солнца, покрытыя снѣгомъ поляны. Въ воздухѣ носился пріятный, слегка опьяняющій, прѣлый запахъ отходящихъ отъ зимняго замерзанія деревьевъ, при чемъ кора послѣднихъ слегка зеленѣла. За ночь свѣжій утренникъ снова сковывалъ распутившуюся дорогу, колеи, полныя водою, покрывались тонкимъ налетомъ льда, но чуть, косые еще, лучи солнца выглядывали изъ-за щетинистой стѣны лѣса, какъ ледяныя оковы рушились, и брызги летѣли изъ-подъ полозьевъ саней.

Рѣчка тоже начала бурлить; вода переполнила запруды бумажной мельницы и шумно двинулась книзу, взламывая ледъ и затопляя по низинамъ берега.

То-то раздолье было Ванѣ.

Серьезный не по лѣтамъ, какъ ребенокъ, рано узнавшій нужду, онъ все свои стремленія обращалъ только на то, чтобы скорѣе выучиться ремеслу, получать больше жалованья и помогать матери. Вслѣдствіе этого, все забавы, игры, присущія его возрасту, его не занимали. Въ свободное отъ работы время, мальчуганъ часами сидѣлъ на берегу рѣчки или шель въ лѣсъ, его интересовало каждое движеніе природы, каждый шагъ весны. Прилетѣли грачи, онъ первый узналъ объ этомъ и сказалъ Осиновику:

— Петръ Феклистычъ, грачъ у насъ явился—скоро весна.

Распустилась верба, и она послужила предметомъ наблюденія Ванюшки.

— Барашки на вербѣ повыскакали,—догадывалъ онъ мастеру.

Послѣдній улыбнулся и сказалъ мальчику:

— Ладно, Ванюшка, примѣчай только. Кого-то драть новой вербой будемъ, ужъ—не тебя ли?

Мальчикъ зналъ, что добрякъ-Осиновикъ никого и пальцемъ не тронетъ, и слова его пропускалъ мимо ушей.

Вспухшая рѣчка была предметомъ большого вниманія съ его стороны. Урывая каждый свободный моментъ, онъ бѣжалъ на берегъ, благо гутта стояла у самой рѣчки, и поглядывалъ на желтый, сильно потрескавшійся ледъ и на рѣдкія полыньи.

— Пошла,—прибѣжалъ онъ какъ-то въ гутту съ сіяющимъ лицомъ:—такъ льдины и пруть.

Все понятно догадались, что ледъ на рѣчкѣ пошелъ. Послышались шутивыя замѣчанія:

— Ай да паренъ, вотъ такъ дошлый, услѣдилъ. Бѣги теперь, держи рѣчонку, чтобъ не сбѣжала,—говорилъ Семень Рыжій:—тоже мастеръ, караулъ, хозяинъ деньги заплатитъ.

Но Ванюшка понималъ, что надъ нимъ шутятъ, и отмалчивался.

По праздникамъ ему нравилось стоять подъ вечеръ на мосту и наблюдать, какъ, поживаясь отъ холоднаго вѣтра, упаковщицы и шлифовальщицы отплясывали съ заводскою молодежью на перовномъ мостовомъ накатѣ—кадриль и польки.

Граверъ Селезень, онъ же и импровизованный музыкантъ на гармоннй, больше всего интересовалъ Матренина сына.

— Дядя Акимъ, какъ это ты на гармоннй-то переборы дѣлаешь?—съ любопытствомъ спрашивалъ онъ музыканта, заостенѣвшими отъ холода пальцами перебирававшего лады инструмента.

— Штука не хитрая, нужно только допрежь того пѣсню въ памяти держать, а тамъ ужъ перепоны нѣтъ никакой.

— Дай, дядя, я попробую.

Но музыкальныя упражненія въ антрактахъ танцевъ ему не давались, гармоннй въ его рукахъ играла что-то несурзное.

— Маль еще,—съ сознаниемъ своего достоинства рѣшалъ Селезень, и, отнимая отъ Ванюшки инструмента, снова игралъ танцы, тогда какъ озябшіе танцоры и танцорки опять начинали танцовать.

— Мудреная вещь, мамка,—шепталъ мальчуганъ, возвращаясь въ материнскій уголь.

— Подожди, милый, и ты поймешь, вотъ гляди подрастешь,—пробовала Матрена утѣшать сына:—поди и Акимъ-то не сразу до всего дошелъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ, гармоника стала предметомъ Ванюшкиныхъ вождѣній. Онъ спалъ и видѣлъ себя обладателемъ ея.

«Только, какъ Петръ Феклистычъ прибавитъ мнѣ жалованья, такъ сейчасъ и куплю»,—говорилъ онъ самъ себѣ и не разъ прицѣпывался въ лавкѣ у колониста. Дешевле полтинника все же ему не удалось уговорить лавочника уступить этотъ инструментъ.

— Ладно, парнишка, будутъ деньги, лети ко мнѣ, авось какъ-нибудь столкуемся.

И мальчикъ съ нетерпѣніемъ ждалъ того дня, когда онъ станетъ обладателемъ пяти гривениковъ.

III.

Между тѣмъ весна надвигалась все ближе и ближе. Картины природы смѣнялись съ каждымъ днемъ, съ каждымъ золотымъ лучомъ дневнаго свѣтила. Стоявшій голымъ, лѣсъ подернулся блѣдно-зеленой дымкой, еле примѣтной на темныхъ сучьяхъ деревьевъ. Желтоватый мохъ и трава властно выглянули изъ-подъ снѣжнаго покрова, ежедневно сокращая его пространство и гоня запоздавшую зиму-старуху глубоко въ землю. Боръ оживился шумомъ и щебетаньемъ новыхъ жильцовъ,—безчисленныхъ птицъ. Тоскливо-сладостно затокочалъ тетеревъ, надобливо зазвучала кукушка, за-свистали, зачирикали всевозможныя пичужки. Пахнуло тепломъ, ароматомъ тополя, солнечный лучъ еще ярче, еще жизненнѣе заигралъ на блѣой корѣ березы, зашумѣли макушки раки, осыная желтой пылью своихъ завязей шумно бѣгущую по камнямъ рѣчку, забывшую о своихъ зимнихъ оковахъ.

Желѣзнодорожныя скаты, точно мягкимъ ковромъ, покрылись, послѣ перваго теплаго дождя, нѣжной, молодой травой. Побѣда какъ-то веселѣе забѣгала по полотну, даже сами свистки паровозовъ зазвучали веселѣе, мягче.

Все оживилось, все расцвѣло. Теперь для Ванюшки наступилъ настоящій рай. Все свободное отъ работъ время онъ съ сестренкой проводилъ въ лѣсу, любуясь на быстрыхъ блѣлокъ, на терпѣливого дятла, на любопытныхъ лягушекъ, выставлявшихъ свои головы изъ заросшаго тиною маленькаго лѣснаго озера.

— Ванька-губонилепъ, иди въ бабки играть,—звали его сверстники, но мальчуганъ уклонялся отъ какихъ-либо игръ.

— Какой ты, Ванюша, дикій,—выговаривала ему Матрена:—смотри, ребята все, какъ ребята, а ты чудной какой-то.

— Не, мамынька, мнѣ до дѣла напередъ дойти охота, а послѣ и побаловать успѣю,—спокойно отвѣчалъ мальчикъ, и снова бѣжалъ къ своей формѣ.

— Малецъ, скажи матѣ, что вечеру къ ней зайду,—сказалъ Осиновикъ Ванюшкѣ:—мнѣ нужно съ нею поговорить.

— Скажу, дяденька,—испуганно прошепталъ мальчикъ.

Въ его воображеннй представилось, что мастеръ придетъ къ его матери только затѣмъ, чтобы пожаловаться на него, и началъ перебирать въ умѣ все свои ошибки и погрѣшности.

«Може развѣ, третьягодня, два раза графинѣ плохо выдулся»,— пришло ему на память:—«да вѣдь опять не я виноватъ, а самъ Петръ Оеклистычъ, больно мало стекла на трубку взялъ. А не то, пожалуй, бутылки вчера криво выходили, такъ не за то ли?» И мальчикъ терялся въ догадкахъ.

IV.

— Слушай, Матрена Ивановна, — говорилъ Осиновикъ, сидя въ помѣщеніи вдовы, куда онъ явился принарядившись, съ длинной серебряной пѣпочкой черезъ шею и чисто вымывшись отъ заводской копоти:—слушай, выходи за меня замужъ. Меня ты теперь пять мѣсяцевъ знаешь, пить я пью, но не много, не буяню, деньжонки сотни три у меня имѣются. Тагъ, что ли?

Матрена, потупя глаза, сидѣла молча.

Осиновичъ, чтобы скрыть свое невольное смущеніе, откупорилъ стоявшую передъ нимъ сороковку, шумно налилъ себѣ въ чашку водки и залпомъ выпилъ.

— Ну, что же молчишь? — не выдержалъ онъ безмолвія упаковщицы.

Медленно подняла она глаза на гостя, посмотрѣла на него, вздохнула и тихо проговорила:

— Спасибо вамъ, Петръ Оеклистычъ, за доброе слово, только не пара я вамъ, сирота, да еще съ дѣтми.

— Пустое, баба, гуторишь, — раздраженно сказалъ мастеръ:—ребятъ твоихъ я до дѣла доведу, все по-хорошему...

— На этомъ еще разъ вамъ низкое спасибо, — поклонилась Матрена: — только не то же мнѣ съ вами о другомъ толковать. Коли надумали жениться, мало ли у насъ въ упаковочной дѣвушкѣ-то. Вотъ хоть бы Глаша...

— Рябая-то, что ты, Матрена Ивановна, опомнись, — горячо возразилъ мастеръ:—да мнѣ окромя тебя никого не нужно.

Снова воцарилось молчаніе.

На этотъ разъ первую заговорила вдова.

— Прости меня, Бога ради, Петръ Оеклистычъ, не могу за тебя идти замужъ...

— Приглянулся аль кто другой тебѣ на заводѣ?

— И-й, родимый, въ помыслахъ не держала, у меня во—сироты,— и солдатка указала на двѣ бѣлокурыя головки ребятъ, утомившихся за день и мирно спавшихъ на материнской кровати.

— Что-жъ дѣлать! — разведя руками, произнесъ Осиновикъ. — Прощенья просимъ,—и, нахлобучивъ на глаза картузъ, онъ вышелъ изъ каморки вдовы.

Полусвѣтъ майскаго вечера мягко лежалъ на заснушемъ послѣ дневной суеты заводскомъ поселкѣ. Изъ темнаго зданія гутты, сивозъ открытыя ворота видѣлось бѣлое пламя газовой печи.

Недовольно сплунувъ, мастеръ даже не посмотрѣлъ на гутту и быстро зашагалъ въ лѣсъ.

V.

На другой день на работу позвали очень рано. Стекло сварилось вмѣсто шести часовъ въ четыре, и чуть кралъ легкихъ предрасвѣтныхъ облачковъ заалбли, мальчики побѣжали по мастерамъ сзывать на работу. На этотъ разъ въ двухъ горшкахъ варилось цвѣтное стекло. Крупный заказъ на корабельные фонари принудилъ директора назначить работу одновременно изъ обоихъ горшковъ одному Осиновику. Кромѣ него, никто изъ заводскихъ мастеровъ не умѣлъ выдувать матчовые фонари.

Да въ дѣйствительности только гиганту Осиновику и было въ пору поднять на трубкѣ кверху двухпудовую дозу стекла.

Десять, самое большое двѣнадцать фонарей выходило изъ двухъ горшковъ, и всей работы хватало не болѣе какъ часа на два, но любой рабочій лучше согласился бы проработать на мелкихъ вещахъ восемь часовъ, чѣмъ наворачивать и выдувать такіе крупные предметы, какъ фонари.

Петръ Оеклистычъ, въ однихъ портахъ, ежминутно отиралъ потъ со своего лица и волосатой груди. Несмотря на свои мѣхоподобныя легкія, мастеръ усленно дышалъ и отдувался послѣ каждаго выдутаго имъ шара.

Одинъ, безъ помощи подмастерьевъ, онъ вытаскивалъ изъ отверстия печи конецъ толстой желѣзной трубки съ кускомъ раскаленнаго стекла, казавшагосл бѣлымъ, несмотря на свой рубиновый или зеленый цвѣтъ.

Твердо упираясь ногами о деревянный полъ верстака или помоста, шедшаго вокругъ всей печи, Осиновикъ спускалъ стекло въ форму, раскрываемую Ваней, дулъ въ трубку минуту-другую, вертѣлъ, при чемъ деревянная форма, обильно смазанная коноплянымъ масломъ, шипѣла и обугливалась, и ловкимъ взмахомъ руки взбрасывалъ трубку съ выдуюю вещью выше своей головы, чтобы не остывшій еще шаръ принялъ приплюснутую форму. Потомъ уже осторожно опускалъ ее на деревянный лотокъ, который, держа въ два конца и сгибаясь подъ его тяжестью, несли вслѣдъ затѣмъ въ

закальную печь двое подмастерьевъ. Вокругъ печи стоялъ какой-то адъ, было душно, слышался звонъ льющагосл стекла и громкій говоръ рабочиыхъ.

— Много ли осталось еще выдувать, Петръ? — спросилъ директоръ завода, подойди къ мастеру.

— Да, пожалуй, на два, а то всего и на одинъ разъ хватить.

— Усталъ, небось?

— Не легко, Левонъ Левонычъ; да все бы ничего, коли бы ни одна тутъ загвоздка,—угрюмо сказала Осиновикъ.

— Ой-ли, въ чемъ дѣло?

— Расчетъ просить хочу, Левонъ Левонычъ, ослобоните.

— Что это тебѣ вздумалось?—изумился директоръ. — Недоволенъ мною, что ли?

— Ни въ жизнь! Во, по сихъ поръ довольны,—показавъ на шею, отвѣтилъ мастеръ.—Другая оказія случилась.

— Не пушу,—рѣшительно замѣтилъ директоръ.

— Ну, такъ я въ лѣсъ пойду; возьму у Кузмы ружье и начну птицу бить: надо же на чемъ-нибудь сердце сорвать.

— Да тебя, дуракъ, въ тюрьму за это посадятъ, развѣ не знаешь, до Петрова дня охота воспрещена.

— А, ну, и пускай сажаютъ.

— Кончай, кончай, потомъ поговоримъ,—съ этими словами директоръ перешелъ къ другому мастеру.

— Ну, послѣднюю порцію, наворачивай, что ли,—закричалъ Осиновикъ, и двое подмастерьевъ, опустивъ въ горшокъ трубку, стали наворачивать стекло.

— Готово, Петръ Оеклистычъ!

Гигантъ, поплевавъ въ руки, взялся за трубку и, вынувъ изъ печи, сталъ опускать раскаленное стекло въ форму.

Раздался дикій крикъ, заставившій всѣхъ работающихъ побросать работу и поспѣшить къ тому мѣсту, гдѣ работалъ Осиновикъ.

VI.

Стекланная масса, плохо навораченная подмастерьями, сползла съ конца трубки и вмѣсто формы свалилась прямо на голову Ванюшки, облѣпивъ всю его фуражку.

Внѣ себя отъ боли, онъ страшно закричалъ и мотнулъ головой.

Благодаря счастливой случайности, картузъ, подаренный ему мастеромъ, былъ на мальчикѣ; слишкомъ великій для него, онъ не удержался на его головѣ и вмѣстѣ съ стекломъ свалился на землю. Тѣмъ не менѣе, хотя прошло всего одно мгновеніе, раскаленная масса все же сдѣлала свое дѣло — оба уха ребенка были спалены чуть ли не до черепа.

Мальчикъ лежалъ на землѣ безъ чувствъ. Растерявшійся Осиновикъ плакалъ и кричалъ, какъ помѣшанный:

— Я его убилъ, я его убилъ!

Побѣжали за фельдшеромъ. Матрена, испуганная, вмѣстѣ съ другими упаковщицами, нечеловѣческимъ крикомъ Ванюшки, тоже прибѣжала.

Увидя лежащаго безъ движенія сына, она свалилась тутъ же на землю, рыдала.

— Милый мой сыночекъ, Ваничка, родимый, что съ тобой? Очнись, голубчикъ, скажи матери хоть слово!

Но мальчикъ только слабо стоналъ.

Испуганный директоръ велѣлъ перенести его въ пріемный покой. Разстроенные происшедшимъ, рабочіе кое-какъ продолжали работу. Осиновикъ убожалъ въ отчаяніи въ лѣсъ.

— Ничего, живъ будетъ, — сказалъ фельдшеръ, перевязавъ больного:—только проваляется долго.

— Живъ будетъ! Слава Тебѣ, Господи! — перекрестилась Матрена, услышавъ приговоръ фельдшера.—Только живъ бы остался сыночекъ, похожу за нимъ, сердечнымъ.

Поздно вечеромъ вернулся на заводъ Осиновикъ. Дико поглядывая на товарищей, точно затравленный волкъ, онъ боялся услышать отъ нихъ хоть слово о томъ, что мальчикъ умеръ.

— Ну, братъ, молись Богу,—замѣтилъ Селезень:—выживетъ парнишка-то; коли-бъ не твой картузъ, такъ бы сразу и спалило ему голову.

Этихъ словъ было достаточно для мастера. Онъ бѣгомъ пустился къ пріемному покою, чтобы повидать больного.

Молодость, бальзамическое дыханіе весны—все помогло Ванюшкѣ встать черезъ двѣ недѣли на ноги.

— Теперь, ужъ какъ ты хочешь, — сказалъ гигантъ-мастеръ солдаткѣ:—а я даже по закону долженъ кормить твоего мальчонка, и не остану отъ тебя: иди за меня замужъ.

Матрена покраснѣла и тихо прошептала:

— Видно, такъ ужъ суждено, Петръ Оеклистычъ.

А май все пышнѣе, все роскошнѣе разукрашивалъ поля и лѣса, солнце ласкало природу, и людей, все сузило Осиновику и Матренѣ спокойное, мирное счастье...

Библиотека британскаго музея.

(Съ 2 рис. на стр. 410).

XIX столѣтіе кончается такими чудесными изобрѣтеніями, о которыхъ предки наши не могли мечтать. Могъ ли кто-нибудь предсказать, напр., что, стоя въ Лондонѣ, въ главной почтовой конторѣ, онъ будетъ въ состояніи слушать своего собесѣдника непосредственно изъ Парижа? Средства сообщенія удивительны: желѣзныя дороги, телеграфы, съ проводами и безъ проводовъ и т. п. Книгопе-

чатаніе дошло до чрезвычайнаго совершенства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ удивительны и средства разрушенія: что значить греческій огонь, римскій таранъ передъ современными бомбами и динамитомъ? Будущій обозрѣватель всѣхъ этихъ чудесъ невольно остановится въ изумленіи. Какъ все это возможно? Неужели добрый геній человечества могъ произвести всѣ эти ужасы для опустошенія, вызвать

Прощаніє съ рекрутами въ верхнемъ Египтѣ. Съ картиши Ж. Клерэна грав. Бодъ.

Въ парикмахерской. Съ картины М. Леруара грав. Бодь.

эти слезы несчастных матерей, оплакивающих своих детей, убитых в войнах для защиты отечества, оплакивающих своих детей и мужей, убитых христианами-цивилизаторами Австралий, Африки, Индии и т. д.? Да, если бы было только это, то XIX-й век оставил бы ужасное наследство XX-му. Но наряду с разрушительной работой злого гения шла тихая, скромная, но тем не менее огромная работа доброго гения. Да, и работа эта огромна и результаты ее значительны.

Все это невольно приходит мне в голову, когда я вижу, нѣтъ—когда я пользуюсь теми благами этой тихой, скромной работы, которыми человечество накапливает постепенно для единения людей, вытѣсняя тихо, незамѣтно, но упорно все то, что их разъединяет. Въ то время, как выдумывают подводные торпедные лодки, могущія разрушить гиганты-броненосцы, въ это время гдѣ-нибудь скромно празднуется открытие библиотеки, въ которой собирается мудрость человеческая, постоянно, на всѣ лады твердящая людям: слейтесь воедино, любите друг друга...

Но и въ этой мирной области на ряду съ маленькими собраниями мудрости всегда были и теперь существуют огромные гиганты, хранители мудрости, которые выросли за предѣлы национальности, дѣлались невольно международными, раздвигая стѣны национальностей и соединяя людей воедино.

Такъ было въ древности, и это были умственные центры,—какъ, напр., александрийская библиотека, основанная Птоломеемъ въ 290 г. до Р. Хр.,—куда стекались и римляне, и греки, и евреи, и персы, и египтяне. Туда ѣхали заканчивать образование ученые, туда ѣхали просвѣщаться дилетанты-меленаты, туда родители посылали своихъ юношей, тамъ съ глубокимъ почтеніемъ оставались императоры, и каждый изъ нихъ смышлялъ воздать своему дань уваженія предъ святилищемъ науки.

Тогда не было книгопечатанія, тогда не было тѣхъ удивительныхъ путей сообщеній, какъ нынѣ, но, говорить, что эта библиотека была богаче теперешнихъ большихъ книгохранилищъ. Всѣ народы и націи, примыкавшіе къ Александрии—евреи, греки, римляне и т. д., всѣ они пополняли ее манускриптами, деньгами, императоры грабили часто библиотеки въ завоеванныхъ государствахъ и переносили ихъ туда.

Объ одномъ такомъ современномъ гигантѣ я намѣренъ поговорить, именно, о библиотекѣ при британскомъ музеѣ въ Лондонѣ.

Библиотека эта открыта въ 1753 г., но, только благодаря энергій бывшаго въ 1837 г. библиотечкаря Антоніо Панизи, она стала раз-

виваться съ поразительной быстротой и вмѣсто 240.000 томовъ, насчитывавшихся въ 1837 г., она имѣла черезъ 19 лѣтъ управленія Панизи 400.000 томовъ, а теперь около 1.900.000*).

Эта библиотека—лучшее книгохранилище англійской литературы и, кромѣ того, лучшая библиотека всѣхъ национальностей внѣ ихъ родины. Славянская литература здѣсь представлена лучше всего послѣ петербургской библиотеки, голландская лучше всего послѣ голландской и т. д.

Послѣ оглушительнаго шума адскаго движенія, которое вы испытываете на лондонскихъ улицахъ, вы входите въ узенькій переулокъ «Museum Street», и въ концѣ его вамъ представляется величественное зданіе, огражденное прекрасной желѣзной рѣшеткой. Вы входите во дворъ

и видите передъ собой грандіозную колоннаду, напоминающую вамъ древній афинскій Паренонъ, и съ невольнымъ уваженіемъ вступаете въ этотъ величественный храмъ, пробуждающій въ душѣ вашей что-то возвышенное.

Великолѣпная передняя со статуями Марка Аврелія, Шекспира и др., и прямо передъ вами входъ въ читальный залъ.

Входъ въ британскій музей для всѣхъ безплатенъ и доступенъ безъ всякихъ формальностей и задержекъ. Входъ въ читальню сопряженъ съ самыми ничтожными формальностями. Необходимо отъ администраціи библиотеки записаться входнымъ билетомъ, послѣдній же дается на 3 дня всякому, на болѣе же продолжительное время только тѣмъ, кто предъявитъ рекомендацію какому-нибудь домовладѣльца въ Англии,—формальность, въ сущности сводящаяся тоже къ пустякамъ. Но зато, получивъ билетъ, вы являетесь настоящимъ хозяиномъ библиотеки. Никакихъ стѣсненій или ограниченій. Всѣ книги въ вашемъ распоряженіи, всѣ служащіе къ вашимъ услугамъ.

Изъ прекрасной передней музей въходите въ читальный залъ. Это—громадный круглый залъ (140 футовъ въ діаметрѣ) со стекляннымъ куполомъ. Въ центрѣ расположены за круглой перегородкой столы, за которыми сидятъ главный завѣдующій библиотекой и его помощникъ. Второй и третій круги заняты столами и полками со справочными изданиями и каталогами. Между прочимъ, для британской библиотеки наступленіе XX-го столѣтія ознаменуется окончаніемъ колоссальной работы—печатаніемъ всѣхъ каталоговъ всѣхъ книгъ въ библиотекѣ.

Печатаніе каталоговъ началось въ 1881 г. Раньше они были писанные, но такъ какъ ежегодно прибавляется въ среднемъ около 40.000 названій, то каталоги эти печатаются и на оставшихся пустыхъ листахъ наклеиваются печатныя названія поступающихъ изданій. Это позволяетъ занимать имъ меньше мѣста, и если будетъ продолжатъ поступать книгъ столько же, какъ и до сихъ поръ, то мѣста хватитъ еще на 300 лѣтъ, а именно, для 2000 томовъ каталоговъ, заключающихъ въ себѣ 18.000.000 названій.

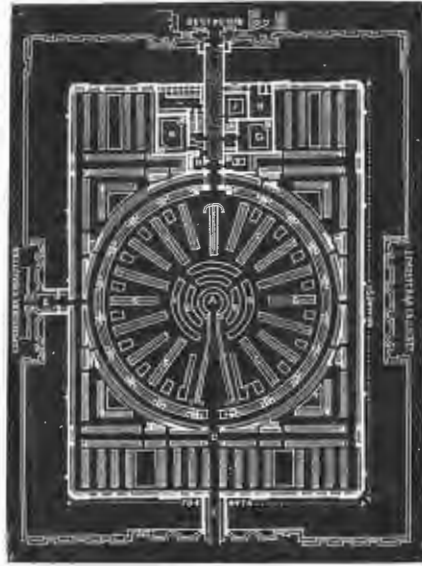
Отъ круговъ съ каталогами и справочными изданиями расходятся радіально столы для читателей. Такихъ столовъ 19 большихъ и 16 малыхъ, за ними могутъ заниматься около 360 человекъ. Эти столы замыкаются послѣднимъ кругомъ—стѣной, къ которой приделаны полки; на нихъ находятся всевозможныя изданія, которыми вы можете пользоваться безъ всякаго контроля; всего такимъ образомъ

въ безконтрольное распоряженіе читателя предоставлено около 20.000 томовъ, не говоря, разумѣется, объ остальныхъ книгахъ, которая надо выписывать по особымъ билетамъ.

По стѣнамъ внутри идутъ 3 этажа полокъ съ книгами и затѣмъ за стѣной безконечный лабиринтъ полокъ въ нѣсколько этажей. Всѣ полы желѣзные рѣшетчатые, лѣстницы желѣзныя, все желѣзное, и, стоя на высшемъ этажѣ, вы видите подъ собою самый низшій этажъ. Между полками постоянно шмы-

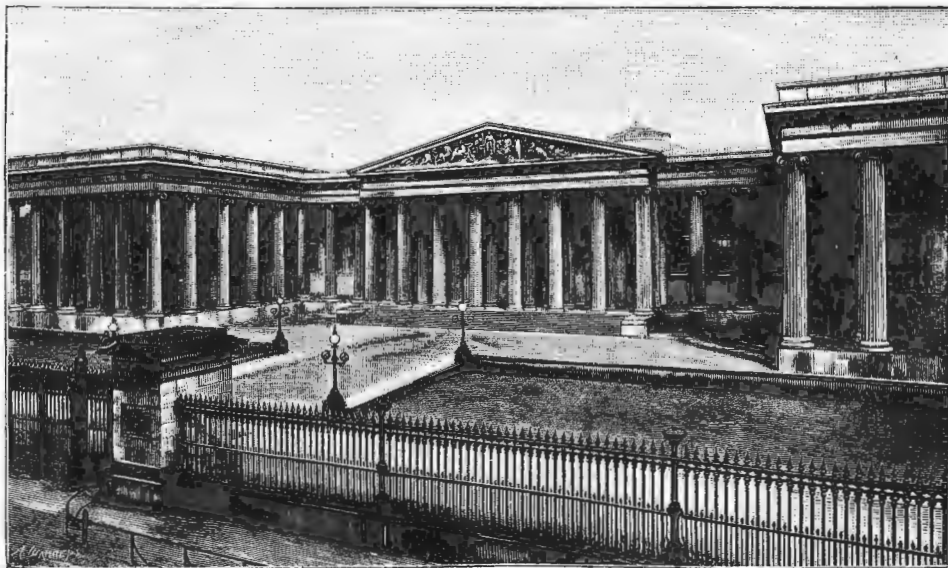
гаютъ тележки на гуттаперчевыхъ колесахъ, привозящія и увозящія книги.

Не говори объ удивительной тишинѣ и спокойствіи, не говоря объ удобномъ столѣ, креслѣ, пюпитрѣ и полочкѣ за вашимъ столомъ, электрическомъ освѣщеніи и т. п., но что самое главное—вы можете достать любую книгу, которую вамъ нужно и которая

А—библиотечкарь. В—каталоги. С—столы читателей. D—ходы по библиотекѣ для служащихъ. E—входъ изъ королевской библиотеки. F—входъ изъ северной библиотеки. G—комната для выдачи билетовъ. H—дамская раздевальня. I—комната для служащихъ. K—мужская раздевальня. L—мужская уборная. M—комната для звантковъ. N—комната помощниковъ библиотечкаря.

Планъ читальнаго зала Британскаго музея въ Лондонѣ.

Британскій музей въ Лондонѣ. Внѣшній видъ зданія. По фот. грав. Шлиперъ.

*) Парижская имѣетъ свыше 2.000.000, петербургская немного меньше лондонской.

имѣется въ библиотекѣ на французскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, любой манускриптъ съ положительно сказочной быстротой въ какіе-нибудь четверть часа *); а это удобство положительно небывалое. Тутъ же въ вашемъ распоряженіи масса справочныхъ изданій, прекрасно составленные каталоги лучшихъ книгъ, указатели статей въ періодической литературѣ и т. д. И сверхъ этого мертваго матеріала, вы имѣете живую справочную литературу въ лицѣ завѣдующаго, его помощниковъ и служащихъ. Если только вы въ чемъ-нибудь затрудняетесь, стѣнитъ только вамъ обратиться къ нимъ, и вы встрѣтите самую радушную готовность, вамъ отыщутъ то, что вы желаете, постараются указать, какъ найти и т. п. Но, наконецъ, если вы не находите желаемой книги, стѣнитъ вамъ записать ее, сдѣлавъ примѣчаніе, почему она желательна, и на другой день вы увидите отбѣтку бібліотекаря, будетъ ли книга приобретена.

По закону всѣ книги, издающіяся въ Англіи, поступаютъ въ британскій музей по 1 экземпляру, но помимо этого очень много заграничныхъ изданій получается даромъ. И все-таки, кромѣ этого, ежегодно затрачивается на покупку книгъ около 210,000 руб.

Вотъ расходы бібліотеки за 1897 г.: всего затрачивается ежегодно около 1.130,000 р., изъ нихъ жалованье служащимъ 550,000 р. **), покупка книгъ и разныхъ изданій 210,000 р., переплеты и починки 94,000 р., печатаніе каталоговъ 75,000 р., отопленіе, вентиляція и пр. 32,000 р., мебель и приспособленія 100,000 р., полиція 42,000 р. и проч. расходы 27,000 р.

Изъ 34,337 томовъ книгъ, поступившихъ за послѣдній годъ, было подарено 7,288 томовъ, поступило по закону 12,033, вслѣдствіе международнаго обмѣна 544 тома и приобретено покупкой 14,472.

Изъ 70,394 періодическихъ изданій, поступившихъ за то же время, куплена почти половина 31,341 ***).

Библиотека открыта отъ 9 ч. утра до 8 ч. вечера, и нужно сказать, что посѣщается она очень усердно: такъ, въ прошломъ году ежедневно посѣщало бібліотеку въ среднемъ 643 человекъ; самое большее число посѣтителей приходится на 4 часа дня—354, т. е. почти столько, сколько можетъ помѣститься залъ, и самое меньшее въ 7 ч. 30 м. веч. — 90 человекъ; посѣтители эти затребовали всего 1,405,866 томовъ, такъ что каждый въ среднемъ бралъ въ день по 7 томовъ.

Кромѣ огромнаго круглаго читальнаго зала, есть еще газетная комната, въ которой вы можете достать всѣ англійскія газеты за всѣ годы; ее посѣщаетъ въ среднемъ около 14,500 человекъ въ годъ; затѣмъ комната атласовъ и картъ; ее посѣщаетъ около 300 человекъ, и отдѣленіе манускриптовъ, посѣщаемое въ среднемъ около 9,500 человекъ. При библиотекѣ есть буфетъ. Онъ находится въ центрѣ египетской галлерей, и, идя въ него, вы должны пройти комнату римской скульптуры и часть греческой. Вы проходите мимо чудесныхъ изваяній Марка Аврелія, Антиноя, Цезаря, ужаснаго Нерона и т. д.

Въ буфетѣ вы получаете по очень дешевой цѣнѣ чрезвычайно разнообразныя продукты: горячіе и холодныя. Все свѣжее и подается удивительно быстро. Спиртныхъ напитковъ нѣтъ.

Кого только вы не встрѣтите въ этой библиотекѣ: здѣсь и турокъ въ своей красной фескѣ, и узкоглазый китаецъ, и черный негръ, очень много нѣмцевъ и голландцевъ, немало и русскихъ, французовъ и др.

Когда вы займетесь нѣсколько дней здѣсь, вы поймете, что это не англійская, а международная бібліотека, съ тою только разницей, что содержится она въ такой исправности, такъ удобно приспособлена для нуждъ занимающихся, какъ умѣютъ это дѣлать одни только англичане.

Этотъ международный характеръ британской бібліотеки и удивительный порядокъ, въ которомъ она содержится, невольно наводятъ на мысль, что люди должны постараться обогащать хотя нѣсколько книгохранилищъ всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Нельзя этой обязанности возложить на англичанъ, положимъ, или на русскихъ или на французовъ. Какъ бы добросовѣстно они ни занимались дѣломъ пополненія бібліотеки, но они это будутъ дѣлать одно-сторонне съ точки зрѣнія французовъ, русскихъ, англичанъ и т. п. Надо, чтобы всѣ націи въ этомъ участвовали, какъ это было въ сѣдой древности, въ александрійской библиотекѣ, надо, чтобы былъ установленъ какой-нибудь порядокъ механическаго пополненія книгами каждой національности, и только тогда можно рассчитывать на сравнительную полноту хотя бы нѣсколькихъ библиотекъ въ мірѣ.

Нужно замѣтить, что попытки устроить это уже были, хотя и не увѣнчались успѣхомъ. Въ 1832 году канцлеръ казначейства извѣстилъ совѣтъ бібліотеки, что есть въ виду соглашеніе съ французскимъ королемъ, слѣдствіемъ котораго была бы возможность обмѣниваться всякими новыми изданіями для бібліотеки британскаго музея въ Англіи и королевской бібліотеки въ Парижѣ. Къ сожалѣнію, проектъ этотъ не осуществили. Но ничто не мѣшаетъ ему осуществиться. Въ этомъ вопросѣ заинтересованы, повторю, не одна нація, а всѣ, не одни ученые, публицисты, журналисты и т. д., но также издатели, редакторы и т. п. Если они хотятъ, при изданіи своихъ книгъ, журналовъ и газетъ, чтобы то, что они издаютъ, имѣло не временный характеръ, а было бы доступно всегда и всѣмъ, они сами должны придти на помощь и выработать такія основанія, по которымъ бы изданія ихъ попадали по крайней мѣрѣ въ 3 книгохранилища: въ Петербургъ, Лондонъ и Парижъ. Надо объ этомъ хлопотать, надо выработать соглашенія и т. д. Но пока это еще не выработано, не надо медлить. Надо, чтобы каждый авторъ, каждый издатель, каждый, кто можетъ, теперь же посылать свои изданія бесплатно въ эти бібліотеки и просилъ бы всякій разъ, чтобы на это обращали вниманіе и чтобы хлопотали о скорѣйшемъ осуществленіи возможно полнаго обмѣна изданіями между бібліотеками. И въ особенности намъ, русскимъ, важно это имѣть на другомъ краю Европы.

Не слѣдуетъ жалѣть на это силъ и средствъ, потому что это ведетъ къ тому новому единенію, котораго такъ жаждетъ и которое такъ важно человечеству. Это приведетъ къ умственной работѣ на одномъ общемъ поприщѣ, гдѣ нѣтъ ни эллина, ни іудея...

Б—е.

Праздникъ птицъ.

Снова травка проглянула
Межъ снѣговъ, какъ пухъ, измятыхъ.
Нынче праздникъ, и большое
Оживленье у пернатыхъ.

Важно голуби гуляютъ
Съ воркованіемъ у лѣстницъ,
А скворцы болтаютъ что-то
И хлопочутъ у скворешницъ.

Воробьи безумно спорятъ,
Словно пьяные спросонокъ,—
И слѣдитъ за ними зорко,
Притаившійся котенокъ.

Ранній жаворонокъ сыплетъ
Переливы, что на флейтѣ;
И, купаясь въ лужѣ, утка
Клокчетъ уткамъ: пейте! пейте!

Сколько свѣта, сколько шума!
Сколько гомона и звона!
И «ура» веснѣ горланитъ
Пролетѣвшая ворона.

А другая забралась,
Дню весеннему доврѣясь,
На вершину, и зловѣще
Повторяетъ: ересь! ересь!

А весна-то такъ и брызжетъ,
Такъ и вѣетъ, такъ и дышитъ!
Ею первый перелѣсокъ
Въ муравѣ зеленой вышить.

Отъ ея дыханья мухи
Опыленные воскресли...
И куда она ни входитъ:
Въ огороды, въ поле, въ лѣсъ ли, —

Все зоветъ, смѣясь, къ веселью...
Но, чуждаясь вакханалы,
Муравей на хворостъ выползъ,
Тонко стянутый у талии...

Разсердилась чаровница,
Зарумянилась въ тучѣ
И забрызгала слезами
На лоцины, мхи и кручи...

*) Рѣдко, очень рѣдко затрачивается больше времени. Для того, чтобы составить представленіе, насколько это важно удобство, я позволю себѣ сравнить порядки парижской національной бібліотеки. На васъ смотрятъ тамъ очень предубѣжденно, видя въ васъ возможнаго вора, и потому вы должны пройти мытарства получена и возвращенія всевозможныхъ билетовъ, но, кромѣ того, зачастую читатель долженъ ждать книгу день, а то и нѣсколько дней.

**) Главный бібліотекарь получаетъ 12,000 р., 8 завѣдующихъ отдѣлами по

6,500—7,500 р., 6 помощниковъ завѣдующихъ отдѣлами по 6,500 р. и т. д.

***) Кстати замѣчу здѣсь, что изъ русскихъ періодическихъ изданій въ библиотекѣ имѣются: *Новое Время*, *Новости*, *Московскія Видошлсти*, *Вѣстникъ Европы*, *Русскіе Богатство*, *Русскія Мысли*, *Русскій Вѣстникъ*, *Историч. Вѣстникъ*, *Русская Старица*, *Сибирскій Вѣстникъ*, *Православное Обозрѣніе*, *Журналъ министерства народнаго просвѣщенія*, *Библиографъ*, *Вопросы философіи и психологіи*.

Вотъ вся русская современная періодическая литература.

И, тѣснясь, бѣгутъ потоки...
 Все омылося, все чише,
 И раскрылись ей навстрѣчу
 Рамы душіныя въ жилищѣ.

И вошла весна, дѣвичьи
 Сны соткала въ хороводы,
 Все вокругъ объединяя
 Торжествомъ живой природы.

К. Фофановъ.

Къ рисункамъ.

Е. М. Бемъ — создавшая у насъ своеобразный жанръ: картины изъ дѣтской жизни въ древне-русскомъ стилѣ, — дошла въ этой области прямо-таки до совершенства. Ея маленькія картинки, ежегодно появляющіяся на выставкахъ, привлекаютъ всеобщее вниманіе и обнаруживаютъ въ ней большого художника. Проникшись истинно-русскимъ духомъ нашихъ древнихъ сказокъ и пословицъ, изучившая древне-русскій бытъ, Е. М. Бемъ мастерски пользуется этими знаніями на своихъ картинахъ, совершенно оригинальныхъ, вполнѣ самобытныхъ. Воспроизведенная у насъ, въ этомъ номерѣ, съ послѣдней академической выставки, картина ея «Невѣсты» — одинъ изъ шедевровъ «бемовскаго» жанра. Это — рядъ живыхъ, бойкихъ сценъ, какъ бы иллюстрацій къ изображеннымъ тутъ же рядомъ

онъ хочетъ купить себѣ то, что даетъ забвеніе, хотя бы на время прекращаетъ тоску. Но, можетъ-быть, и на это кратковременное утѣшеніе не хватаетъ средствъ. И вдругъ такая неожиданная встрѣча! Старый пріятель можетъ помочь, воспоминанія прошлаго могутъ его разжалобить. «Не узнаете?» Но тутъ раздастся пренебрежительный и жестокой отвѣтъ: «Не припомню». И дѣйствительно, удобно ли вспомнить человѣку, который самъ такъ близокъ къ паденію, о другомъ, который ужъ такъ низко палъ. Не заставятъ ли его желаніе сохранить передъ людьми видъ достоинства, отказаться отъ знакомства съ тѣмъ, кто его ужъ потерялъ, кто окончательно можетъ подорвать его репутацію «порядочнаго» человѣка? Всѣ воспоминанія о прошломъ, всѣ хорошія чувства

Испытаніе новаго спасательнаго аппарата на р. Шпре, въ Берлинѣ. По рис. Э. Тилия автотипія «Нивы».

пословицамъ и поговоркамъ. Обрамленная изящнымъ древне-русскимъ орнаментомъ, эти граціозныя фигурки маленькіхъ боярышень-невѣстъ приковываютъ къ себѣ взоры каждаго. Но художница не ограничилась одними невѣстами. Она изобразила намъ и бойкую сваху, и юнаго жениха, обращающаго къ ней съ просьбой: «Сваху, свашеньку, высватай мнѣ Машеньку. Пашеньку али Сашеньку!» и — тутъ же раздумывающаго: «Кого же взять? Умную взять — не дастъ слова сказать, ученую взять — много надо книгъ держать, худую взять — стыдно въ люди показывать, хорошую взять — много люди будутъ знать, знатную взять — надо много убору держать, изъ крестьянства взять — отъ компаніи отстать, убогую взять — стануть пересмѣхать, церковнаго чину взять — будутъ кутейникомъ звать, небрежливую взять — все съ нею растерять, тароватую взять — дома не собрать!» И тутъ же на картинѣ внизу художница привела отвѣтную поговорку: «Аще кто хочетъ по нраву взять, то вѣкъ женатому не бывать». И, какъ бы убѣжденный правотой этой поговорки, юный женихъ сталъ опять раздумывать: «Жениться — бѣда, не жениться — бѣда, а третья бѣда — пойдетъ ли милая за меня?» Отвѣтъ на эти его сомніія художница дала также, но уже не въ формѣ поговорки, а въ очаровательномъ образѣ юнаго жениха: — какая милая не пойдетъ за него? *

Какъ различны бываютъ встрѣчи старыхъ пріятелей и друзей! Давно два пріятеля не видѣлись, и вотъ судьба ихъ снова свела. Это случилось въ пивной. Оба обѣдѣли, но одинъ тщательно старается сохранить видъ внѣшняго достоинства. Онъ только-что записался газетою, потребовалъ себѣ кружку пива, какъ къ нему подходитъ его старый пріятель. Стоитъ только взглянуть на послѣдняго, чтобы убѣдиться, что судьба его сильно помила и давно заставила его утратить чувство собственнаго достоинства. На послѣдніе гроши

умолаютъ. «Нѣтъ, не припомню». Старый пріятель презрительно отворачивается и садится пить свое пиво, углубившись въ газету...

Эта маленькая драма чудесно изображена на картинѣ г. Маковскаго, красавшейся на послѣдней передвижной выставкѣ. *

Картина французскаго художника Леруа «Убѣжище» проникнута глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Это — какъ бы видѣніе. Бѣдная женщина-грѣшница потерпѣла полное крушеніе въ жизни: ей нечего ожидать отъ людей. Самый близкій человѣкъ ей измѣнилъ, и эта измѣна равносильна для нея общему осужденію. Всей своей изстрадавшейся душой она обращается къ вѣрѣ, ищетъ утѣшенія въ церкви. Сколько слезъ пролила она, сколько вздоховъ вырвалось изъ ея груди подъ церковными сводами! Люди къ ней безжалостны. Не простятъ ли ее тѣ, кто служатъ высшимъ олицетвореніемъ состраданія, милости къ падшимъ. Она обращаетъ свои взоры къ Богородицѣ, — и вдругъ, о, чудо! Богородица раскрываетъ ей свои объятія и прижимаетъ ее къ своей груди. Люди не простили грѣшницу, но небо ее простило. Тамъ она нашла себѣ вѣрное убѣжище.

Эти чувства прекрасно выражены на картинѣ г. Леруа, составившей одно изъ украшеній французской выставки въ Петербургѣ. *

Когда всматриваешься въ картину г. Клерэна «Прощанье съ рекрутами», невольно вспоминаешь недавнее наше прошлое и благословляешь гуманный починъ въ дѣлѣ ослабленія бѣдствій войны. Предъ нами чуждая намъ обстановка, чуждые намъ лица, но какъ картина эта по внутреннему своему содержанію все еще намъ близка! Дѣйствіе происходитъ въ Верхнемъ Египтѣ. Рекруты передъ тѣмъ, какъ ихъ зачислятъ окончательно въ ряды войскъ, содержатся въ казармахъ; ихъ жены, матери, сестры со-

бираются около казармъ, чтобы съ ними проститься. Тутъ происходятъ потрясающія сцены. Одна изъ нихъ и изображена на картинѣ г. Клерана,—служившей украшеніемъ парижскаго салона текущаго года. Окна казармъ такъ малы и находятся на такой вышинѣ, что человѣкъ не можетъ высунуть головы, чтобы послѣдній разъ взглянуть на близкихъ или бросить имъ прощальный взглядъ. Только нѣкоторымъ изъ новобранцевъ это удается, а остальные въ знакъ прощанья и для того, чтобы принять то или другое приношеніе, высовываютъ только руки; а внизу, подъ стѣною, у крѣпко запертаго входа столпились женщины: одиѣ изъ нихъ въ отчаяніи распростерлись на землѣ, другія безсильно рыдаютъ въ объятіяхъ другъ у друга, третьи оглашаютъ воздухъ криками, жалобами, изступленными возгласами. Руки высовываются изъ казармъ, другія руки простираются къ небу; но рукамъ этимъ соединиться трудно, а сади ужъ надвигается сила, которая кнѣтомъ разгонитъ всю эту толпу обезумѣвшихъ отъ горя женщинъ, и только мужчины, отцы новобранцевъ, подчинятся безропотно своей участи, какъ они безропотно теперь сидятъ у воротъ казармъ, олицетворяя собою восточный фатализмъ...

Жанровая картинка г. Леруара переноситъ насъ въ прошлый вѣкъ, — вѣкъ париковъ. Если они встрѣчались тогда на каждомъ шагу, то понятно, что въ парикмахерской они загромождали собою все. Тутъ они красовались во всевозможныхъ видахъ, наполнили собою безконечныя картонки и, надѣтые на болваны, напоминали собою людей всѣхъ возрастовъ и положеній. Старый парикмахеръ и его милостивый сынъ также заняты приготовленіемъ париковъ. Но тутъ же находится и посѣтитель, человѣкъ достаточный, судя по костюму. Онъ снялъ свой парикъ, и молодой парикмахеръ приводитъ его въ порядокъ на болванѣ въ то время, какъ молоденькая родственница, кузина, намываетъ щеки посѣтителя. Но молодые люди пользуются и этимъ моментомъ, чтобы увѣрить другъ друга въ своихъ пламенныхъ чувствахъ. Они умѣютъ соединять приятное съ полезнымъ. За спиною посѣтителя кузина протягиваетъ руку кузену, и онъ запечатлѣваетъ на ней страстный поцѣлуй. Не видать этого ни посѣтитель, ни углубленный въ свое дѣло старый парикмахеръ. Нѣтъ до этого и дѣлать, уплетающему свое молоко. Носколько поэзии находятъ молодые люди въ проявленіи нѣжныхъ чувствъ въ такой, повидному, неудобный моментъ!..

Картина французскаго художника мастерски воспроизводитъ обыденную жизнь прошлаго вѣка.

Изобрѣтатель новаго спасательнаго аппарата, изображенаго на нашемъ рисункѣ, — старый морякъ Альбертъ Шульце. Аппаратъ этотъ, надѣваемый на грудь, состоитъ изъ двухъ соединенныхъ ремнемъ и обтянутыхъ непромокаемымъ полотномъ резиновыхъ подушекъ, которыя надуваются чрезъ двѣ маленькія трубки. Каждая изъ подушекъ вполне можетъ удерживать одного человѣка на водѣ. Когда воздухъ выпущенъ изъ подушекъ, приборъ можетъ помѣститься въ карманѣ. Пловецъ можетъ его раскрывать въ водѣ и надуть; воздухъ въ подушки можно постоянно надуть вновь, даже находясь въ водѣ. Опыты съ этимъ аппаратомъ производились въ Килѣ и Вильгельмстафенѣ морскими офицерами, по приказанію адмирала Тирница, и дали блестящіе результаты. Аппаратъ Шульце изготовленъ въ трехъ величинахъ: для рѣкъ и для моря. Аппараты меньшей величины уже введены въ употребленіе въ Берлинѣ для обученія плаванию; для этой цѣли онъ особенно пригоденъ, такъ какъ даетъ возможность сохранять въ водѣ горизонтальное положеніе. Аппаратъ еще приспособленъ для плавания въ открытомъ морѣ, снабженъ еще завязками для прикрѣпленія къ ногамъ, и такимъ образомъ держитъ человѣка стоймя въ водѣ, даже въ томъ случаѣ, если онъ лишился сознанія.

С. А. Рачинскій. (Портр. на этой стр.)

Всякій, кому дорого дѣло народнаго образованія въ Россіи, знаетъ и глубоко цѣнитъ имя Сергѣя Александровича Рачинскаго. Этотъ почтенный ученый (род. въ 1836 г.), состоявшій долгие годы профессоромъ московскаго университета по кафедрѣ ботаники, бросившій профессору болѣе 30 лѣтъ тому назадъ и посвятившій себя народному образованію, на самой «низшей» его ступени, — т. е. преподаванію въ народной школѣ — личность совершенно исключительная. Это не было юношеское увлеченіе или только сердечный порывъ пойти въ народъ, помочь ему. Нѣтъ, это былъ строго, зрѣло обдуманый шагъ уже пожилого человѣка, не только имѣвшаго въ виду великую просвѣтительную цѣль, но и составившаго себѣ ясный, опредѣленный планъ дѣятельности, цѣлую школьную систему, которую онъ стойко, послѣдовательно провелъ въ жизнь. Четверть вѣка живетъ онъ въ своемъ родовомъ селѣ Татевѣ, бѣльскаго уѣзда, смоленской губ., и тихо, исподволь распространяетъ свѣтъ ученія въ народной массѣ. Человѣкъ рѣдкой скромности и въ то же время рѣдкой вѣры и убѣжденности въ величій принятаго на себя отвѣтственнаго дѣла, С. А. Рачинскій совершенно слился съ жизнью своихъ крестьянскихъ учениковъ. Для

большаго единенія онъ вскорѣ даже переселился изъ барскаго дома въ школу, и такимъ образомъ весь и всегда былъ къ услугамъ своей школы.

С. А. Рачинскій не только училъ дѣтей, но и занимался съ юношами-крестьянами, которыхъ онъ готовилъ въ учителя для окрестныхъ селъ и для которыхъ онъ былъ скорѣе руководителемъ и наставникомъ. Наиболе выдающимся ученикамъ С. А. далъ и дальнѣйшее образованіе. Многихъ изъ нихъ онъ подготовлялъ въ учителя или священно-служители, а также направлялъ въ разныя училища; другихъ же опредѣлялъ на частную службу управляющими, приказчиками и т. д. Въ настоящее время болѣе

30 учениковъ С. А. стали самостоятельно учить въ школахъ, нѣсколько учениковъ его, призванныхъ къ священно-служительству, сдѣлались діаконами и священниками. Портреты двоихъ изъ такихъ выдающихся учениковъ С. А. Рачинскаго, о діаконѣ и учителѣ въ селѣ Татевѣ — мы помѣщаемъ здѣсь вмѣстѣ съ портретомъ ихъ почтеннаго учителя.

Мало того, благодаря школѣ С. А., возникла цѣлая учительская семинарія (въ селѣ Дровнинѣ, гжатскаго уѣзда), въ которой бывшій ученикъ С. А. Рачинскаго, В. А. Лебедевъ подготовляетъ народныхъ учителей. Понятное дѣло, что въ школу Рачинскаго стекаются учиться со всей округи, даже изъ болѣе отдаленныхъ деревень. Горячо идя навстрѣчу этимъ стремленіямъ къ ученію, С. А. учредилъ у себя

С. А. Рачинскій. Рис. Н. П. Богдановъ-Бѣльскій. Автотипія «Нивы».

Ученики С. А. Рачинскаго — о. діаконъ и школьный учитель въ селѣ Татевѣ (смоленской губ.). Рис. Н. П. Богдановъ-Бѣльскій. Автотипія «Нивы».

при школѣ общежитіе. Вотъ на этихъ дѣтяхъ, находящихся постоянно подъ присмотромъ С. А., онъ производитъ особенно благотворное вліяніе, не только обучая, но и воспитывая ихъ. Съ самаго утра С. А. уже среди «своихъ дѣтей»: на общей молитвѣ ученики поютъ церковныя пѣсни, по субботамъ, въ прежнее время, самъ С. А. читалъ евангеліе по-церковно-славянски и по-русски, давая при этомъ краткія объясненія. Вообще, какъ обученіе, такъ и воспитаніе С. А.—строго-христіанское, національное, основывающееся на религиозно-нравственныхъ началахъ. Этотъ характерно-народный, національный духъ получила школа С. А. Рачинскаго съ самаго начала и на этихъ незыблемыхъ основахъ существуетъ она уже четверть вѣка, являясь существеннымъ факторомъ въ дѣлѣ развитія народнаго образованія и въ то же время представляя собой яркій примѣръ, такъ-сказать, прототипъ національной школы.

Школа въ Татевѣ стала рассадникомъ школъ, въ которыхъ ученики С. А. Рачинскаго горячо продолжаютъ начатое имъ дѣло.

Въ послѣднее время С. А. Рачинскій, вслѣдствіе слабости и нездоровья, вынужденъ былъ прекратить свои школьныя занятія. Но душою онъ очень бодръ и свою бодрость передаетъ своимъ ученикамъ, руководящимъ занятіями въ его школѣ подъ его вѣдѣніемъ.

Много придаетъ силъ С. А. лестная оцѣнка его многолѣтнихъ трудовъ на поприщѣ народнаго образованія, раздавшаяся съ высоты Престола. Скромный русскій школьный учитель, какимъ собственно является С. А. Рачинскій, или какъ официально онъ названъ: «почетный поечитель церковно-приходскихъ школъ IV благочинническаго округа, бѣльскаго у., смол. губ.»—удостоенъ 14-го мая, въ знаменательный день Священнаго Коронаванія, Высочайшаго рескрипта, составленнаго въ очень значительныхъ выраженіяхъ. Приводимъ Высочайшій рескриптъ цѣликомъ:

«Сергій Александровичъ. Многолѣтняя ваша дѣятельность на пользу народную обращаетъ на себя особое Мое вниманіе. Обширное образованіе ваше и опытность, приобретенную на государственной службѣ въ Московскомъ университетѣ, посвятили вы, съ раннихъ лѣтъ, дѣлу просвѣщенія посреди населенія, наиболѣе въ немъ нуждающагося. Поселяя безвыздно въ отдаленномъ родовомъ имѣніи, вы явили для всего благороднаго сословія живой примѣръ дѣятельности, соответствующей государственному и народному его призванію. Труды ваши по устройству школьнаго обученія и воспитанія крестьянскихъ дѣтей въ неразрывной связи съ церковью и приходомъ, послужили образованію уже нѣсколькихъ поколѣній въ духѣ истиннаго просвѣщенія, отвѣчающаго духовнымъ потребностямъ народа. Школы, вами основанныя и руководимыя, состоятъ въ числѣ церковно-приходскихъ, стали питомникомъ въ томъ же духѣ воспитанныхъ дѣятелей, училищемъ труда, трезвости и добрыхъ нравовъ и живымъ образцомъ для всѣхъ подобныхъ учрежденій.

Близкая сердцу Моему забота о народномъ образованіи, коему вы достойно служите, побуждаетъ Меня изъявить вамъ искреннюю Мою признательность.

«Пребываю къ вамъ благосклонный *НИКОЛАЙ*».

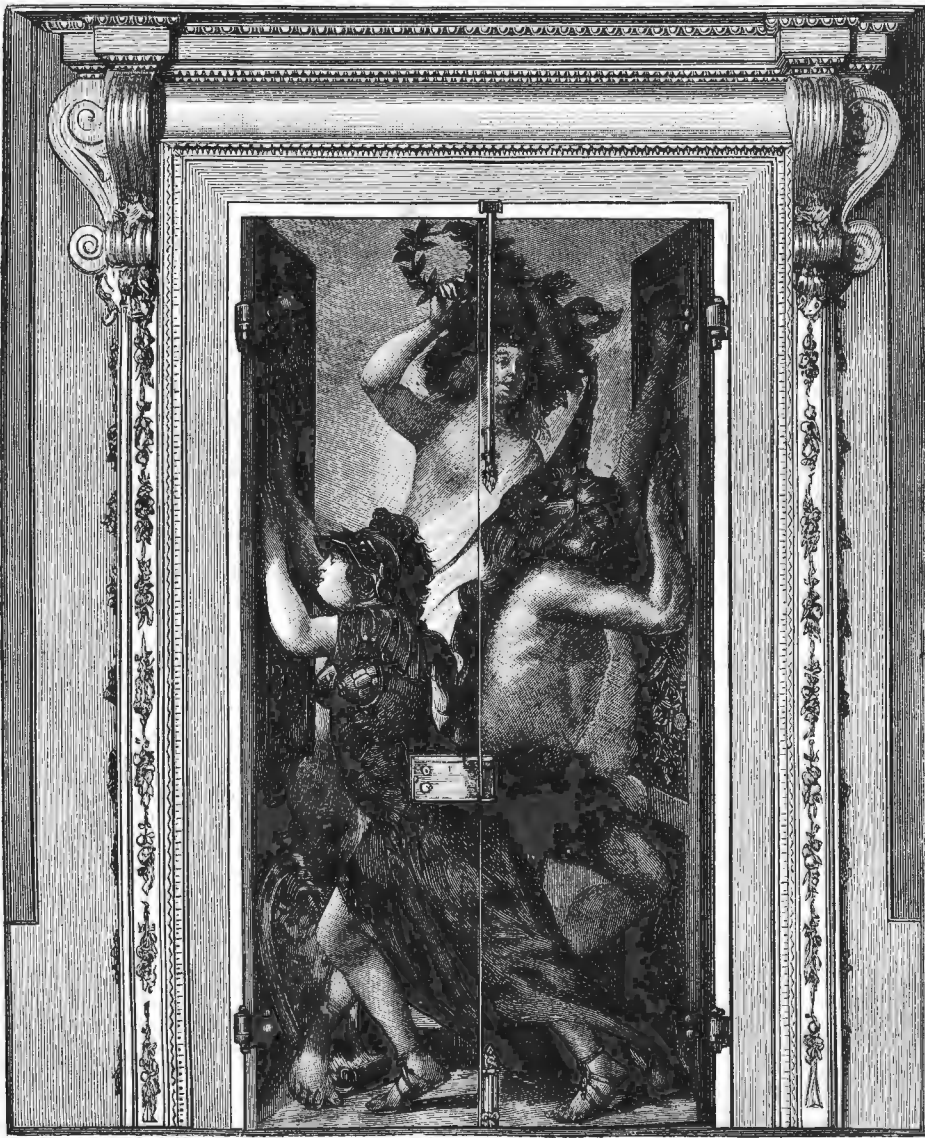
Эти милостивыя Царскія слова будутъ увѣковѣчены въ исторіи русскаго народнаго образованія.

Помѣщенные у насъ здѣсь портреты С. А. Рачинскаго и его двухъ учениковъ, о. діакона и школьнаго учителя, исполнены извѣстнымъ художникомъ Н. П. Богдановымъ-Бѣльскимъ, тоже вышедшимъ изъ школы С. А. Рачинскаго и, такимъ образомъ, обязаннымъ ему своимъ образованіемъ и развитіемъ своего выдающагося художественнаго таланта. Наши читатели хорошо знакомы съ картинами этого молодого художника, успѣвшаго въ скорое время своими работами на передвижныхъ выставкахъ завоевать оченъ солидное имя въ художественномъ мірѣ. Одна изъ его послѣднихъ картинъ «Проба голосовъ» была воспроизведена у насъ въ прошломъ номерѣ.

„Дверь мира“ во дворцѣ въ Гаагѣ.

(Рис. на этой стр.)

При открытіи мирной конференціи нидерландскій министръ иностранныхъ дѣлъ де-Борфоръ въ своей блестящей привѣтственной рѣчи, коснувшись великой идеи конференціи, указалъ на входную дверь Оранской залы «дворца мира», украшенную картиной, изображающей «Палладу и Геркулеса, открывающихъ врата храма Януса для богини мира». Дѣйствительно самый фактъ существованія въ залѣ засѣданія мирной конференціи этой картины, символизирующей преклоненіе двухъ высшихъ представителей военной и физической силы передъ представительницей мира, является счастливымъ предзнаменованіемъ успѣшныхъ результатовъ конференціи. Въ эту отнынѣ знаменитую «дверь мира» вошли представители державъ съ сознаниемъ громадной отвѣтственности возложеннаго на нихъ порученія. Дай Богъ, чтобы всѣ они, закончивъ засѣданія конференціи, вышли изъ нея побѣдителями въ многотрудномъ дѣлѣ уменьшенія бѣдствій войны, и чтобы Паллада и

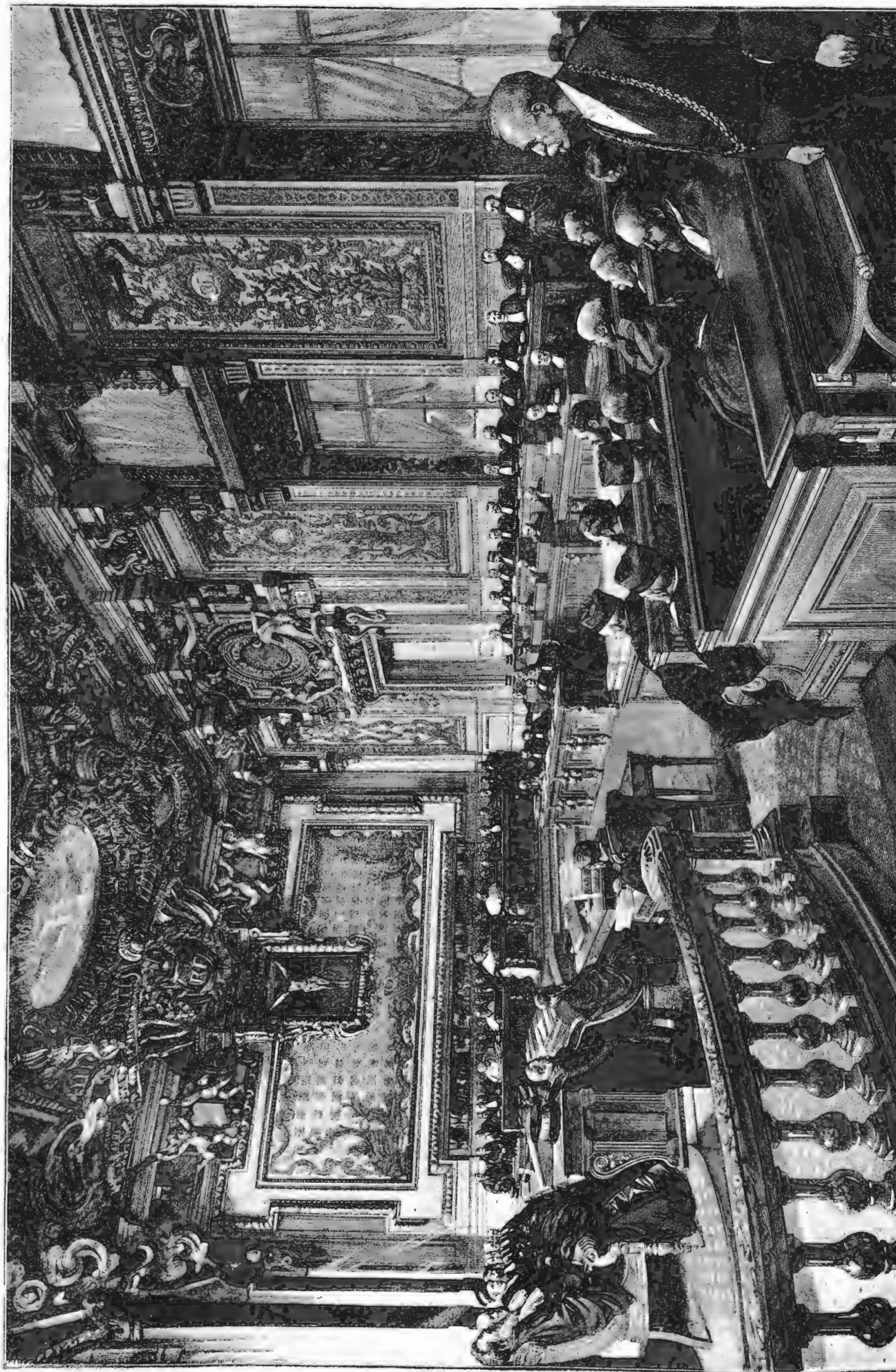

„Дверь мира“ во дворцѣ въ Гаагѣ. По рис. П. грава Шюблеръ.

Геркулесъ преклонились предъ силою ихъ человеколюбія, предъ ихъ рѣшеніемъ по возможности сократить число кровопролитій.

Засѣданіе кассационнаго суда по дѣлу Дрейфуса во «Дворцѣ Правосудія». (Рис. на стр. 415.)

Дѣло Дрейфуса, ставшее однимъ изъ крупнѣйшихъ судебныхъ дѣлъ XIX вѣка, вызвавшее столько тревоженій во Франціи, терпяетъ постепенно свой острый характеръ и близится къ концу. Вопросъ о пересмотрѣ процесса 1894 г., горячо поднятый Шерреръ-Кестнеромъ и Золя, поставленный на обсужденіе кассационнаго суда въ полномъ составѣ, собственно уже рѣшенъ. Мы приводимъ въ «Политическомъ обзорѣнн» настоящаго номера краткое описаніе соединеннаго засѣданія всѣхъ департаментовъ кассационнаго суда. Изъ рѣчей докладчика Балло-Бопрэ и генеральнаго прокурора Мано видно, что пересмотръ дѣла долженъ быть постановленъ судомъ. По тщательномъ, всестороннемъ изслѣдованіи этого дѣла, оказалось, что въ немъ былъ допущенъ цѣлый рядъ неправильностей формальнаго и фактическаго свойства. Пусть

Засѣданіе кассационнаго суда по дѣлу Дрейфуса во „Дворцѣ Правосудія“. Съ грав. Тирія автотипія «Нивы».

новый военный суд разобрать наконец строго и справедливо это злосчастное дело, тяготящее надъ Франціей столько лѣтъ и тормозящее весь ход ея внутренней жизни. Мы даемъ здѣсь картину, изображающую засѣданіе кассационнаго суда въ роскошномъ залѣ «Дворца Правосудія». Здѣсь собралось, можно сказать, все высшее правосудіе Франціи съ президентомъ суда Мазо во главѣ. На этихъ пятьдесятъ высшихъ судей смотритъ съ напряженнымъ ожиданіемъ вся Франція, даже весь міръ, заинтересованный этимъ сенсационнымъ деломъ.

Г. Никишъ и оркестръ берлинскаго филармоническаго общества. (Портр. на этой стр.)

Зимній музыкальный сезонъ закончился въ Петербургѣ рядомъ концертовъ извѣстнаго дирижера г. Артура Никиша, предпринявшаго артистическое турне по Россіи съ оркестромъ берлинскаго филармоническаго общества. Четыре концерта въ залѣ дворцанскаго собранія у насъ, привлекая массу слушателей, доказали, что время (конецъ сезона, когда никакія имена сборовъ обыкновенно не дѣлаютъ) для истинно-художественныхъ явленій роли не играетъ. Не меньшій успѣхъ выпалъ на долю г. Никиша и его капеллы въ Москвѣ и другихъ городахъ, которые онъ выбралъ для своихъ концертовъ (Рига, Мятава, Харьковъ, Одесса, Кіевъ, Варшава). Пріѣхать къ намъ съ дѣльнымъ оркестромъ могъ г. Никишъ только послѣ того, какъ онъ приобрѣлъ уже симпатіи нашихъ меломановъ въ первый свой пріѣздъ, года три тому назадъ, когда онъ сразу сталъ любимцемъ публики, посѣщающей симфоническіе концерты. Нынѣшній пріѣздъ еще болѣе укрѣпилъ его связь съ нашей публикой, для которой онъ, очевидно, всегда будетъ желаннымъ гостемъ.

Какъ самъ г. Никишъ, такъ и его оркестръ заслуживаютъ того, чтобы о нихъ поговорить. Г. Никишъ, занимающій въ настоящее время въ Германіи одно изъ первыхъ мѣстъ, по происхожденію венгерецъ, родился въ 1835 г. и получилъ музыкальное образованіе въ вѣнской консерваторіи, по окончаніи которой онъ поступилъ помощникомъ капельмейстера въ лейпцигскую оперу. Здѣсь онъ обратилъ на себя серьезное вниманіе Франца Листа, имѣвшаго громадное влияніе въ Германіи на общее теченіе музыкальныхъ дѣлъ. Г. Никиша стали приглашать нарасхватъ; онъ дирижировалъ то въ Бостонѣ, то въ Буда-Пештѣ, то въ Берлинѣ и т. д. Наконецъ, въ 1895 г. онъ получилъ лестное для дирижера приглашеніе занять мѣсто капельмейстера симфоническаго собранія въ лейпцигскомъ Gewandhaus'ѣ. Имя г. Никиша было окончательно упрочено. Въ Петербургъ онъ попалъ по рекомендаціи Чайковскаго, относившагося къ нему крайне симпатично, какъ можно заключить изъ тѣхъ строкъ, которыя онъ ему посвящаетъ въ своемъ «Дневникѣ».

Какъ дирижеръ, г. Никишъ обладаетъ рѣдкими индивидуальными качествами: своеобразнымъ и глубокимъ пониманіемъ исполняемыхъ имъ авторовъ, обширнымъ и всестороннимъ знакомствомъ съ музыкальной литературой, горячимъ темпераментомъ, которымъ онъ, однако, вполне владѣетъ, рѣдкой музыкальной памятью (онъ почти все дирижируетъ назусть), артистическимъ вкусомъ и пр.

Оркестръ берлинскаго филармоническаго общества, состоящій изъ семидесяти человѣкъ, поражаетъ прежде всего равновѣсіемъ своихъ группъ (струнныхъ, деревянныхъ и мѣдныхъ инструментовъ), затѣмъ рѣдкой сыгранностью и дисциплиной. Это своего рода мейнингенцы, у которыхъ все доведено до совершенства; ихъ воздушное, прозрачное pianissimo не имѣетъ себѣ подобныхъ. Всѣ исполнители—превосходные артисты. Неудивительно при такихъ условіяхъ, что оркестръ производитъ такое глубокое и неизгладимое впечатлѣніе.

Артуръ Никишъ.
По фот. грав. Шюблеръ.

В. Басинъ.

Политическое обозрѣніе.

Всеобщее оживленіе европейскихъ политическихъ кружковъ, вызванное совѣщаніями державъ въ Гаагѣ, не могло отвлечь вниманіе Франціи отъ ряда внутреннихъ вопросовъ, поддерживающихъ въ ней возбужденное состояніе умовъ.

По случаю открытія въ Дижонѣ памятника бывшему президенту Карно, состоялся 9-го мая торжественный въездъ въ Дижонъ президента республики г. Луба и блестящій смотръ войскамъ.

Во время предствленія офицеровъ президенту, г. Луба сказалъ начальнику ихъ: «сердце арміи бьется въ унисонъ съ сердцемъ французской націи; армія—сила націи, выходитъ изъ народа и возвращается въ народъ, раздѣляя его благороднѣйшія чувства и иногда, къ сожалѣнію, его страсти; армія, однако, болѣе исполнена сознанія своего долга и глубоко предана республикѣ; правительство никогда не оставитъ арміи, къ которой питаетъ глубокую привязанность».

Такой авторитетный отзывъ объ арміи внесъ въ лучшую часть французскаго общества значительное успокоеніе.

Между тѣмъ для Парижа наступили дни чрезвычайнаго общественнаго возбужденія, заставившаго правительство принять усиленныя мѣры предосторожности: съ одной стороны ожидалось возвращеніе во Францію популярнаго военнаго дѣятеля—генерала Галліена, окончательно покорившаго Мадагаскаръ, и майора Маршана, добравшагося во главѣ экспедиціи до Фашоды и уступившаго этотъ пунктъ англичанамъ, по приказанію нынѣшняго правительства. Съ другой же стороны, на 17-ое мая назначено было разсмотрѣніе дѣла Дрейфуса. Генералъ Галліени, представившійся президенту республики, получилъ въ награду слѣдующій чинъ и затѣмъ уѣхалъ въ провинцію на отдыхъ, уклоняясь отъ всякихъ манифестацій. Также сравнительно очень тихо прошла встрѣча майора Маршана и прочихъ участниковъ африканской экспедиціи, удостоенныхъ медалей по постановленію палаты депутатовъ.

Гласное засѣданіе по дѣлу Дрейфуса началось въ полдень 17-го мая. Докладчикъ, г. Бало-Бопрэ, послѣдовательно изложилъ обстоятельства злополучнаго дѣла и всесторонне разобралъ всѣ документы; только въ засѣданіи слѣдующаго дня докладъ былъ законченъ. Заключение по дѣлу, въ главнѣйшихъ чертахъ, сведено къ слѣдующему:

докладчикъ «вышелъ съ полнымъ сознаніемъ поддѣльности документа», послужившаго главнымъ основаніемъ для осужденія разжалованнаго офицера; далѣе—«въ своей душѣ и совѣсти» докладчикъ «не можетъ отрицать существованіе новаго факта, неизвѣстнаго судьямъ 1894 года; шумъ, вызванный дѣломъ, показываетъ, что оно не обычное; защитники пересмотра своими неумѣстными, несправедливыми и страстными нападками на армію и на военный судъ вызвали въ странѣ такое настроеніе, которое по страстности своей не соотвѣтствуетъ значенію этого несчастнаго дѣла; честь арміи не нуждается въ томъ, чтобы невинный оставался на Чортовомъ островѣ»; не требуя отъ суда, чтобы онъ объявилъ Дрейфуса невиннымъ, докладчикъ «съ твердымъ убѣжденіемъ, съ живѣйшимъ сознаніемъ своего долга и отвѣтственности говорить: надо предписать пересмотръ процесса 1894 года и передать Дрейфуса такому военному суду, который произнесъ бы приговоръ съ полнымъ знаніемъ дѣла».

Вслѣдъ за этимъ изложилъ свое заключеніе генеральный прокуроръ Маню, потребовавшій также постановленія въ пользу пересмотра приговора 1894 года. «Насталъ торжественный моментъ, — закончилъ Маню свою рѣчь. — Страна подчинится новому приговору, весь міръ присоединится къ нему, исторія занесетъ его на свои скрижали. Вотъ трое судей, творящихъ надъ всѣми нами судъ, и противъ нихъ нѣтъ апелляціи».

Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

Съ 16-го по 21-е мая поступило пожертвованій: отъ Тихомирова (СПБ.)—50 к., Миквицъ (СПБ.)—5 р., Олюши (СПБ.)—1 р. 50 к., А. Р. (СПБ.)—1 р. 50 коп., Петржакъ (СПБ.)—10 р., неизвѣстно отъ кого, почтою 15-го мая—20 руб., отъ мелочныхъ торговцевъ и другихъ лицъ стараго базара (г. Ромны) — 40 руб., N. N. (Nagy Kikinda)—3 р., Матушевской (Смѣла)—3 р., М. Р. Гончаровой (Николаевъ)—2 р., М. И. А. (Курскъ)—1 р., Е. Исупатовой (Тверь) — 1 р., свѣцъ о. Стефана Ильинскаго (с. М. Крупецъ)—1 р., Перноровск. учт. М. Подюка (Эйрагола)—50 коп., П. Киселевича (Казань)—50 коп., Ф. Залескаго (Казань)—40 к., Ф. Календы (Казань)—50 к., А. Вирнскаго (Казань)—20 к., В. Якубовскаго (Казань)—40 к., А. Каленкова (Ивановъ)—25 к., А. И. (Воронежъ)—21 к., Соши Стрѣшневой (Воронежъ)—20 коп., А. В. Бабуневой (Воронежъ)—10 р., И. Леонова (Боядаревка)—5 р., Н. К. (Шацкъ)—5 р., А. Г. Корсуновской (Вогуславъ)—3 р., неизвѣстнаго (с. Дроздовка)—3 р., свѣцъ о. Іоанна Низаева (Деменское)—3 р., Д. И. Малыгина (Ростовъ)—2 р., Л. И. Малыгина (Ростовъ)—1 р., Г. И. Малыгина (Ростовъ)—2 р., Е. И. Малыгина (Ростовъ)—1 р., В. И. Малыгина (Ростовъ)—1 р., Е. К. Кагальмахеръ (Курскъ)—1 руб., Е. Л. Попудовской (Міассъ)—1 р., А. Шалыгина (Черкутино)—1 р., подписчика № 115476 (Уфа)—1 р., И. Т. Александровича (Могилевъ)—1 р. 5 к., И. И. Гончарова (Владимиръ)—2 р., свѣцъ о. Юрашквича (Зембинъ)—1 р., Г. И. Иванова (Астрахань)—50 к., Мѣщанкина (Семеновъ)—40 к., Акатова (Сергачъ)—10 коп., Коля и Володи Степановыхъ (Кобринъ)—50 к., Мурзина (Харьковъ)—98 коп., Е. К.—14 к., неизвѣстнаго (Рязань)—2 р., Канѣвецъ (Алтынковка)—1 р. 79 к., петербуржца (СПБ.)—1 р., А. В. Губановой (Царицынъ)—1 р., Нины и Жоржика (Умань)—1 р., И. Ф. Юдина (Середина-Буда)—35 коп., А. и Л. (Александровская)—35 к., отъ подписчика «Нивы», псаломщика—25 р., И. И. Гинсаръ (Вирзула)—4 р., А. Марковой (Вирзула)—21 к., С. Д. Потапова (Краснослободскъ)—3 р., чинювъ Дебальцевской почтово-телеграфной конторы (Дебальцево)—3 р., неизвѣстнаго (Витебскъ)—3 р., Елены Сомовой (Орховъ)—3 р., неизвѣстнаго (Заравъскъ)—2 р., Е. И. Хармышевой (Маріуполь)—1 р., К.—ина (Балашовъ)—1 р., В. А. Спасскаго (Балахна)—1 р., А. Лосевой (Чечерскъ)—1 р., о. диакона Ив. Соколова (Серпуховъ)—1 р., Эммы П. (Кремучугъ)—50 коп., Оли Феофановой (Болховъ)—6 р., С. И. Степановой (Гомель)—5 руб., С. М. Беззастагнаго (Херсонъ)—50 к., Н. А. К. (Т. Х. Шура)—2 р. 37 к., Аваневскаго 2-го городского училища (Апаневъ)—2 руб., І. Луговскаго (Витебскъ)—1 руб., Н. Паневина (Курскъ)—50 коп., учителя И. Шевчука (Саврань)—45 коп., М. В. Промыслова (Остеръ)—35 к., А. И. Коваленко (Екатеринодаръ)—35 коп., Павла Ф. (Архангельскъ)—20 к., А. Б. (Архангельскъ)—25 к., А. И. (Архангельскъ)—1 р., А. Т. (Архангельскъ)—5 к., И. Крыгина (Панютино)—6 р., неизвѣстныхъ (Петровровка)—20 р. (для передачи гр. Л. Н. Толстому), Саши П.—50 к., Юліи Малиновской—3 р., Я. Вѣтровой (Брянскъ)—2 р. 50 к., о. діак. Василія Сукачева (Мирнополье)—1 р., А. В. (Троицкъ)—1 р., А. Г. Яковлева (Вологда)—1 р., ЛеДюкъ (Ульяновка)—1 р., Н. И. Самсѣль (Вытегра)—1 р., А. М. Сафорова (Яранскъ)—25 к. Итого 222 р. 80 к., а съ прежде поступившими всего 2212 р. 80 к.

10 р. 1-й взнос
на 1-й, 2-й и 3-й (Двор.)
ВЫГРЫШНЫЕ
займы съ прав. упл. остат. ссуды
астами на льготных условиях
продаетъ Банкрская Контора
В. П. ФЕДОРОВА.
СПб. Невскій пр. 97. СПб.
ТРЕБУЮТСЯ АГЕНТЫ.

По новейшей методѣ „ВОРТА“,
высылаю бесплатно проб. лекціи и услов.
заочнаго обученія крою и шитью дамск., дѣтск.
наряд., верх. плат., бѣлья и корсетовъ. Школа
Е. Д. Ашмариной, Кіевъ, Б. Васильковская, 89.

УРОКИ ПО
БУХГАЛТЕРІИ
по спец. методѣ пуг. корресп.
В. В. РАУЭРТЪ, Либава.
Пробн. лекціи высыл. бесплатно.

! ФЕЙЕРВЕРКЪ !
и фонари для
ИЛЛЮМИНАЦИИ.

Ракеты отъ 5 коп.
Главный складъ въ С.-Петербурѣ при ма-
газинѣ игрушекъ **Т. ДОЙНОВА,** Казан-
ская улица, 5.
Требуйте прейсъ-курантъ.

Заводъ лампад. Мисель по упрощен. системѣ
дающей выгоды заводч. 50 к. въ пудъ и
завялен. о
ПРИВИЛЕГИИ
предлагаю устроить въ провинціи за умѣр.
плату. Чтобы совѣтъ пустить заводъ въ
ходъ, т. е. получить сто пуд. маселъ, денегъ
надо около 1000 р. Агент. 25% комис. СПб.
Палевскій пр. д. 24. Мх. Яков. Соковъ.

Для смягченія и бѣлизны кожи.
КАЛОДЕРМА
ЖЕЛЕ КАЛОДЕРМА. * МЫЛО КАЛОДЕРМА.
Ф. Вольфъ и Сынъ въ Карлсруэ.

Ц. № 12074 25-14

Събную ослепшую вакцину для прививки
предохранительной осни людямъ высла-
деть телгики ветер. врача **М. Е.**
Тарнорудова. Цилиндръ по 15 и 25 к.
Можно съ налож. платежомъ и на сумму
не менѣе рубля. Заказы исполняются
немедленно. Адр. г. Курмышъ, Самб. г.
Тарнорудову.

Требуйте эфедру траву Кузьмича.
Свѣж. майск. послѣдн. сбора высыл. почтой
во все мѣста Россіи. Можно съ налож. плат.
Отборная высш. сортъ съ цвѣткомъ въ короб.
по 4 р. за ф., 1-й сортъ отбора. боров. 3 р.
за ф., втор. сортъ 2 р. и 1 р. за ф. съ подр.
наставл. для приготова. Брошюра Портан-
скаго прил. бесплатно. Конт. скл. на мѣстѣ
сбора Эфедры. Адр.: ст. Сорочинская, Сам.
губ., Вузауук. уѣзда, Т. Г. Кокушкину.

Вновь изобрѣтенное безвредное средство для быст-
раго окрашванія свѣдлыхъ волосъ и бороды въ
черный, русый, темный и свѣтло-каштановый цвѣтъ.
Цѣна за 1 флаконъ 2 р. съ перес. 2 р. 50 к.
Продаетъ въ аптек. и косметич. магазин. Глав-
ный складъ: **СПЕТЕРБУРГЪ** АПТЕКАРСК. МАГАЗИНЪ
А. Урбанъ. СПб. Божья. Конюш., № 1.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN
Эссенція для платковъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра —
Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6442 (101)
НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:
ЛОЗЕ „VIOLETTA REGIA“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.
Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ
магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

НОВОСТЬ!!!
Прелестные кармашные ме-
таллическіе часы, заводъ безъ
ключа, настояще никеле-
вые, тщательно проверен-
ные, на крышкѣ помѣщенъ
художественно исполненный
портретъ Государя Импера-
тора Николая II, въ нимъ
цѣпочка новаго золота и
парижскій комасъ
за все только 5 руб.
Прилагается печатное рудательство на 4 года.
Вышеупомянутые часы высылаются немед-
ленно и безъ задатка наложеннымъ пла-
т. 12377 тежелъ. 10-2
Требования прому адресовать въ городъ
Варшаву, Граничная, № 6
КУНЦУ I. ВУЗЕЕРУ.
Прейсъ-куранты высылаются бесплатно.

В. Жуковскій
С. ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ № 97.

Локомобили, паров. машины, керос. двигатели, турбины.
Искусственные жернова Траппа, мельницы, проросурки, круподеры, сукновалки,
шерсточесалки, гонторѣзки. Ц. № 12317 5-5
Лѣсопилян. рамы, маслобойн. прессы, черепич. прессы.
Иллюстрированный каталогъ высылается бесплатно.

ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
ГУМБЕРЪ
предлагаетъ Ц. № 11983
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Георгій ЗЕМЛИЧКА и К^о.
Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
Прейсъ-куранты по требованію. 15-13

ВЕЛОСИПЕДЫ
„ЭНФИЛЬДЪ“
Новость на 1899 годъ
Модель «РИШЪ»
Рекомендуется вниманію знатоковъ и лю-
бителей.
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **И. Г. АЛЕКСѢЕВЪ и К^о.**
Москва, Рождественка, д. Третьяковскихъ.
Прейсъ-куранты высылаются бесплатно. Ц. № 12101 7-7

НОВОСТЬ
МАГИЧЕСКОЕ
ОГНИВО!
ЗАМѢНЯЕТЪ СПИЧ-
КИ И КАРМАННЫЙ
ФОНАРЬ.
Изящно! Практично!
Безопасно! Дешево!
Служитъ карманной
свѣчицей, давая
яркій свѣтъ по цѣлымъ часамъ.
Сдѣлано изъ никкеля. Только 12 вер-
вышныи—удобно носить въ карманѣ.
Наложн. платежемъ съ пересылкой въ
Европ. Россіи: № 12394 5-2
Огниво съ 500 зарядами 1 р. 80 к.
" 2000 " 2 р. 70 к.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ-
Невскій просп.,
№ 20-31.

ПРИГЛАШАЮТЪ
дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться
письменно: Банкрскій домъ Генрихъ
Блонсъ, С.-Петербурѣ, 59, Невскій.

ПУШКИНА жетоны съ портрет. высыл.
налжж. платжж: зол. 16 р.,
сер. 1 р. 50 к., бронз. 75 к.
съ пересылк. СПб. Сел. Императ. Фарфор.
завода, 27. **ЮРГЕНСЪ.**
Зн. Главной Физической Обсерваторіи.

Пейте Цейлонскій чай!
Пейте Цейлонскій чай!!
Пейте Цейлонскій чай!!!

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготвленія.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучший чай по вкусу и аромату.

Годичное потребленіе Цейлонскаго чая въ Россіи
болѣе 10.000,000 фунтовъ 10.000,000.

Ш. № 11641 30-30

ТОВАРИЩЕСТВО РАБОТЪ ВЪ РОССИИ
СПБ., Невскій, 3

производитъ бетонныя, канализационныя, водопроводныя и асфальтовыя работы.

Фабрика каучуковыхъ штемпелей и граверное заведение мѣдныхъ печатей и золотыхъ и серебряныхъ монограммъ

И. Л. КРАСНОПОЛЯ,
въ г. Ровно, Вол. г., Тополевая ул.
Исполняетъ всевозможные заказы по весьма дешевымъ цѣнамъ.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ бесплатно. Нужны агенты.

Международный языкъ **ЭСПЕРАНТО.**
Подробный курсъ (учебникъ, книга упражненій, полные словари, книги для чтенія, адреса эсперантистовъ) высылается за три рубля (или съ наложеннымъ платежомъ за 3 р. 20 коп.). Адресовать: д-ру Д. М. Замеякофу въ Варшаву. № 12310 10-6

Фабрика «СКЛАДЪ»
Бруно Зенгеръ & Ко
С.Петербургъ, Невскій Пр. № 25 (заводъ К. Мамонтова)
Фотогр. Аппараты и Принадл.
(Кратк. Прейсъ-Курантъ Бесплатно)

Только действительно хорошее и основанное на добросовестности имѣть въ торговлѣ уеихъ!

Универсальный фотограф. аппаратъ **„ДУХЪ“**

Этотъ аппаратъ всѣмъ дѣлающъ автоматическое объективна даетъ въ полномъ смыслѣ идеальныя снимки, — такія же, какъ самыя дорогія аппараты. „Духъ“ снимаетъ портреты, виды, группы и др., работаетъ съ выдержкой и крошечного имѣетъ моментальный затворъ. Размеры снимк. 6x9 (визит. карт.). „Духъ“ снабженъ вѣдущимъ механизмомъ для автоматической перемѣны пластинъ. Цѣна апар. „Духъ“ съ подробнейш. руководствомъ, по которому всякій можетъ снимать—5 руб. 50 коп. Полный наборъ всѣхъ принадлеж. для фотографирования 3 руб. 50 коп. Высл. н.лож. платежомъ. За этотъ аппаратъ имѣю благодарственные письма. Пробн. сним. за 14 коп. марк. Адресъ: Москва, Тверская, № 17, В. Золотареву. № 12402 3-1

БЕЗЪ СОМНѢНІЯ
самая лучшая приправа къ кушаньямъ

„ГУСТО“
Бульонъ-Экстрактъ
SUPPENWÜRZE
„Gusto“
ТОВАРИЩЕСТВА ПИРО ВАРЯЖИ
ЭИНЕМЪ
МОСКВА

Одинъ или двумя чайными ложками „ГУСТО“ на чашку горячей воды готовится моментально прекрасный и вкусный бульонъ

Прейсъ-курантъ высылаются по первому требованію.

ТОЛЬКО 4 Р. 90 к.; 2 за 9 р. 55 к.;
3 за 13 р. 90 к.

ПРЕЛЕСТНОЕ ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО 56-Й ПРОБЫ съ искусств. ПРЕВОСХОДНЫМЪ БРИЛЛИАНТОМЪ

БЕЗЪ ФОЛГИ ИЛИ ПОДКЛАДКИ, такъ трудно узнать отъ настоящаго бриллианта. Цѣны съ пересылкою въ Европ. Россіи

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ, Невскій, № 20—31.
налож. плат.

С.-Петербургско-Азовскій Коммерческій Банкъ
Невскій 62.

Отдаются въ наемъ безопасныя ящики для хранения цѣнностей, документовъ и драгоценныхъ вещей.

№ 12152 12-11

НОВОСТЬ.
Краска И. Купчинскаго.

Волосы сѣдые получаютъ желаемый цвѣтъ, если будутъ хорошо вымыты и лично, безъ посторонней помощи, подкладывая гребень подъ волосы, легко протерты щеточкой жидкостью изъ флаконовъ №№ 1, 2 и 3-го. Затѣмъ вновь вымытые уже не пахнутъ бѣлье и становятся мягкими; повторять окраску слѣдуетъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Въ требованіи указывать цвѣтъ волосъ: черный, шатенъ или блондинъ. Короб. 2 руб., пересылка нал. платежомъ. Складъ П. Виноградовъ, Москва, Рождественка, д. № 2. Ц. № 12306 4-2

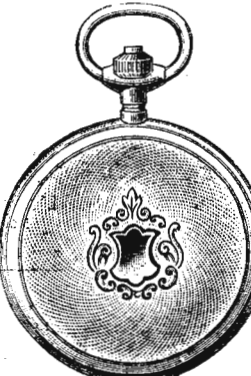
Фабричный складъ часовъ «ЖЕНЕВА» въ Варшавѣ рекомендуетъ тщательно вывѣренные и обтаженные **КАРМАНЫЕ ЧАСЫ:**

Никелевые открытыя массивно обтаженные золотомъ, заводъ безъ ключа 5 р.
Такіе же голубые 6 р. 50 к.
Никелевые открытыя съ портретомъ Государя Императора 5 р.
Такіе же черной вороненой стали 6 р.
Черной вороненой стали съ золотой накладкой, на которой гравированъ монограммъ владѣльца 5 р. 50 к.
Такіе же дамскіе 6 р.
Никелевые открытыя съ портретомъ о. Іоанна Кронштадтскаго 5 р.
Такіе же черной вороненой стали 6 р.
Цѣны всѣмъ часамъ обобщен. съ цѣпочками и брелоками.

НОВОСТЫ
Юбилейные часы съ портретомъ А. С. Пушкина никелевые 5 р. 50 к.
Черной вороненой стали 6 р. 50 к.
Серебряные 84 пр. заводъ безъ ключа. 12 р.
Цѣны съ цѣпочками и юбилейными брелоками.

Карманные часы настоящаго новаго золота «double'or» никогда не темнѣютъ, съ полнымъ ручательствомъ, съ такою же цѣпочкою и брелокомъ, мужскіе 12 р. и 15 р., дамскіе 13 р.

Заказы высылаются немедленно по полученіи 1 р., задатка, остальные же наложеннымъ платежомъ. Адресъ: Фабричному складу часовъ «ЖЕНЕВА», Варшава, Рымарьскій, 18. Прейсъ-куранты высылаются бесплатно. Ц. № 12412

1000 ВЕЛОСИПЕДОВЪ НА СКЛАДѢ

РАЗНООБРАЗНѢЙШІЙ ВЫБОРЪ!

ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГЪ!

ТОВАРИЩЕСТВО **М. БЛОКЪ**

МОСКВА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Кіевъ, Одесса, Екатеринобургъ, Варшава, Коновандъ, Ростовъ н/А.

НОВОЕ, что обуждаетъ всеобщій интересъ и удивленіе, есть лнтересъ и удивленіе, есть премію въ Чикаго „Princess“ со всѣми принадлеж., цѣна 15 руб.

ручная швейная машина „The Juwel“ которая шьетъ всякую матерію, толстую и тонкую, суило и положно также аккуратно, какъ самая большая швейная машина Кон-струкція ея изъ легкаго и стали, вѣздно отполи- рованная съ регу-ками, ягоди, клям, ленточкой

Цѣна 9 руб.

Для масла и намотки можно н.ложить руководомъ. Вѣст. 5 Кило. Каждая машина имѣетъ тщательно проверенъ ходъ и стоитъ со всѣми приспособ., для шитья всевозможныхъ матерій и мною оладч. пошлой только 9 руб. Выслается по лучшей всей сумми, или 3 р. задатка

M. RUN & KIN, WIEN, Berggasse 3. (Вѣна Австрія). Прейсъ-кур. бесплатно.

ПОЛЬ МАРИ.
НЕВСКІЙ ПР., № 13,
уголь Больш. Морской.

ХИМИЧЕСКАЯ ЧИСТКА:
Бальныя платья, костюмы, перья, перчатокъ, кружевъ, занавѣсокъ и проч. Мужскихъ платьевъ, пальто и мундирывъ.

ОКРАСКА ВО ВСѢ ЦВѢТА.
Заказы иногор. исполняются н. № 12369 немедленно. 2-2

ЧЕРНИЛА ЛЕОНГАРДИ.
Спец. копиров. чернила.

Темно-фіолет. копир. чернила, легко стекаютъ. По истеченіи мѣсяцевъ и даже годовъ даютъ хорошія отчетливыя копии.

Черныя двойныя копир. чернила, стекаютъ черными. Отъ 2 до 4 копій.

Копир. чернила „Non plus ultra“ для корреспонденціи съ дальн. странами. Отъ 4 до 8 копій.

Чернила для книгъ и для копирования.

Алициариновыя чернила для письма и копирования. № 12323 10-3

Антрац. чернила для письма и копирования.

Черныя желѣзисто-орѣшковыхыя чернила.

Черный чернильный порошокъ (атродитъ). Химич. фабрики чернилъ, основ. въ 1826 г.

Авг. ЛЕОНГАРДИ
вЪ ДРЕЗДЕНЪ.

Изобрѣтателя и единственн. фабриканта всемирно-нѣвѣстныхъ Алициариновыхъ чернилъ для письма и копирования, легко стекающихъ и вполнѣ прочныхъ желѣзисто-орѣшковыхъ чернилъ 1-го класса.

Во избѣжаніе поддѣлокъ просить обращать вниманіе на явлен. въ Россіи этикетъ и фабрич. и едохранит. марку.

КАЧЪ
АМЕРИКАНСКАЯ
РУЧКА СЪ ЧЕРНИЛАМИ „СЭВТИ“

Самое лучшее Американское издѣліе.

Одинъ оборотъ руки открываетъ ручку для вливанія чернилъ, другой оборотъ вывертываетъ **ЗОЛОТОЕ ПЕРО** изъ чернильницы ручки и прикосновеніемъ къ бумагѣ готово къ письму. ♦ Просить обратитъ вниманіе на фабрич. марку и названіе „Сэвти“ (Safety).

Купить можно во всѣхъ ишеч. магазинахъ. Главной складъ для Россіи

У Т. И. ГАГЕНЪ, МОСКВА.
♦♦ ТОРГОВЦАМЪ СКИДКА ♦♦
Иллюстрированныя Прейсъ-Куранты высылаются по требованію бесплатно.

ВСѢМЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ по требованію **БЕЗПЛАТНО**

ПРОБНЫЙ № ЖУРНАЛА **Русскій Паломникъ**

СПБ., Стрѣмянная, 12, собств. домъ.

Содержаніе:

Т Е К С Т ы: Воскресеніе. Романъ графа Л. Н. Толстого. (Продолженіе).—Равныя силы. Разсказъ Лиліанъ Бэлль.—Святая Горы. Стих. Н. Борисовича.—Морской чортъ.—Къ рисункамъ: Несостоявшійся торгъ.—Рыбаки.—Скивы.—Плясуныя.—Воскресеніе въ Фрейбургѣ.—какъ путешествуютъ въ Гватемаль.—Делегаты державъ на мирной конференціи въ Гаагѣ.—М. Г. Савина.—Яковъ Галеви.—Чествованіе памяти Пушкина.—Политическое обозрѣніе.—Объявленія.

Р И С У Н К И: Несостоявшійся торгъ. Картина Бонча-Томашевскаго.—Рыбаки. Картина Н. Сергѣева.—Скивы. Картина В. М. Васнецова.—Плясуныя. Картина М. А. Матѣева.—Воскресенный день въ Фрейбургѣ (Швейцарія). Картина У. Мюнъ.—Какъ путешествуютъ въ Гватемаль.—Морской чортъ (Manta birostris).—Делегаты державъ на мирной конференціи въ Гаагѣ.—М. Г. Савина.—Яковъ Галеви.

При этомъ № прилагаются: 1) Сборникъ „Нивы“ за іюнь, содержащій въ себѣ Сочиненія И. А. Гончарова, т. VI; 2) „Парижскія моды“ за іюнь, съ 36 рис. и отдѣльный листъ съ 28 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 23 рис. выпильныхъ работъ.

ГИТАРЫ

Народныя въ 3 и 5 руб.
Для любителей въ 6, 7, 10, 15 и 20 руб.
Для артистовъ въ 25, 30, 40, 50, 75, 100 и 125 руб.
Отъ 6 руб. и дороже съ механизмомъ для струкъ.
Самочитель 1, 1/2 и 3 руб.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
ГЛАВНОЕ ДЕЛО и ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.
С.-Петербургъ, В. Морская, 34.
Москва, Кузнецкій м., д. Захарыина.
Вниманію гг. провинціальныхъ покупателей.

Въ настоящее время пересылка по почте обходится значительно дешевле, чѣмъ прежде. Подробности въ моемъ новѣйшемъ прейсъ-куронтѣ, высылаемъ бесплатно.

Превосходное средство для сохранения дерева отъ гниенія

КАРБОЛИНЪ
ФАБРИКАНТЫ
БРАТЯ ЗРЕНБАХЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ, 4-рога с. д. № 6
Прейсъ-Куронтъ высылается бесплатно.

ФОТОГРАФЪ К. К. БУЛЛА,

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Садовая улица, д. № 61, противъ Адреснаго стола.

Всегда подготовленъ въ выѣзду и отправляется по приглашенію куда бы то ни потребовалось. Снимаетъ все, не стѣсняясь помѣщеніемъ, вездѣ и всюду — какъ днемъ, такъ и во всякое вечернее время — при своемъ искусственномъ свѣтѣ. Портреты съ умершихъ, группы во всякомъ составѣ, внутреннія обстановки комнаты, залъ, выставки и т. п.

Всякіе архитектурные предметы, какъ внутренніе, такъ и наружные фасады, дома, фабрики, мастерскія съ рабочими, машины, желѣзныя дороги, памятники, магазины, виды и проч.

Различныя сцены и типы, снимки съ древнихъ и старин. предметовъ, открытіе и освященіе зданий, юбилейныя торжества и др.

Моментальныя снимки съ лошадей, собакъ и другихъ животныхъ.

У себя въ навильонѣ: портреты и группы всѣхъ форматовъ. Увеличеніе со всякихъ картъ — до натуральной величины. № 11877 12—5

Самая красивая и изящная обувь

САНДАЛИИ

Товарищества С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви. Ихъ можно получить у тѣхъ торговцевъ, адреса и имена которыхъ публикованы въ № 15 этого журнала.

ПАМЯТЬ

Лишь кажд. возр. укрѣпляетъ лично и заочно (въ 10 урокъ.) профес. мнемоникъ, членъ парижск. акад. С. Файнштейнъ. Одесса, уг. Пушкин. и Баз. ул., собствен. домъ, № 24. Условія преподаванія и объемистую брошюру (содерж. многоисчисл. благодарности оффиц. и вполнѣ компет. лицъ, прошед. у меня курсъ мнемоники) высылаю за одну 7-ми коп. марку. (№ телефона въ городѣ 199, № телеф. на собств. дачѣ «мнемонина» 933). Адр. для телегр.: Одесса, профессору мнемоники Файнштейну. № 12020 10—8

СЕМЕЙНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

Ф. С. КОМАРСКАГО.
Второй выпускъ разосланъ подписчикамъ. (Подр. смотр. № 22 «Нивы»).

Международный языкъ

ЭСПЕРАНТО.

Подробный курсъ (учебникъ, книга упражненій, полныя словари, книги для чтенія, адреса эсперантистовъ) высылаются за три рубля (или съ наложеннымъ платежомъ за 3 р. 20 коп.). Адресовать: д-ру Л. М. Замонгофу въ Варшаву. № 12310 10—7

Музыкальный магазинъ

старая фирма
ПРОДАЕТСЯ ДЕШЕВО.
Адресоваться: Саратовъ, начальниці женск. гим. М. Н. П.

ВЪЗМЪАТНО

высылаю условія и пробныя лекціи заочнаго обученія кройкѣ и шитью дамскихъ и дѣтскихъ шаринокъ. В. В. Бенедиктовъ, Москва, Тих. винская ул., д. Александровой, кв. № 2.

ЮВЕЛИРЪ К. И. БОКЪ

бывшій БЮЛЕРЪ. МОСКВА,
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Большая Морская, 9. Кузнецкій мостъ, 6.

Громадный выборъ бриллиантовыхъ и золотыхъ вещей на всякія цѣны. Изготовляетъ всевозможные жетоны, какъ-то: Всероссийской выставки въ Н.-Новгородѣ 1896 г., XII международнаго медицинскаго конгресса въ Москвѣ, V фотографической выставки Императорскаго Техническаго общества въ С.-Петербургѣ, 100-лѣтняго юбилея министерства путей сообщенія и мн. др. Покупаетъ золото и драгоценныя камни. № 12039 12—5

ЮБИЛЕЙНЫЙ СУРПРИЗЪ!!!

наименьшая книга въ свѣтѣ!

Сочиненія А. С. Пушкина въ брелкѣ къ часамъ.

Брелокъ снабженъ микроскопомъ, съ помощью котораго текстъ легко читается.—Въ изящномъ медальонѣ помѣщается миниатюрный томикъ „Евгеній Онѣгинъ“ или „Всѣ поэмы Пушкина“.

Цѣна 1 экз. въ издѣломъ брелкѣ 1 рубль, въ серебр. 84 пробы 3 р. 50 коп., то же позолоченномъ 4 р. 50 коп., золотомъ 56 пробы 25 рублей. Пересылка за одинъ фунтъ — высылаются и съ налож. платежомъ. Выписывающіе 5 сразу за пересылку не платятъ. — Торговцамъ уступка.—Агенты приглашаются.

Книжный магазинъ **А. ЦУКЕРМАНА, ВАРШАВА, Налевки, 15.**

Извѣщеніе.

Симъ имѣю честь довести до свѣдѣнія уважаемой публики, что я перевелъ свою фабрику въ собственное имѣніе въ **Риксдорфѣ**, около Берлина, у станціи жел. дороги, соединенной съ моею фабрикою подъѣзднымъ желѣзн.-дорожн. путемъ.

Адресъ для писемъ и посылокъ:
C. Schlickeysen, Rixdorf bei Berlin.
Адресъ для телеграммъ: Schlickeysen Rixdorf.
К. ШЛИККЭЙЗЕНЪ.
фабрика машинъ для производства кирпича, торфа и глины.

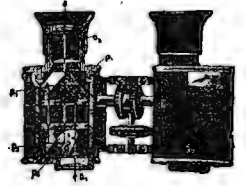
ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ ГУМБЕРЪ

предлагаетъ Ц. № 11989
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Георгій ЖЕМЛИЧКА и Ко.**
Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.
Прейсъ-куранты по требованію. 15—14

Trieder-Binocle

Новые бинокли.

«Бинокли-Триедеръ» захватываютъ въ 8—10 разъ болѣе обширное поле зрѣнія, или увеличиваютъ въ 8—10 разъ сильнѣе, нежели обыкновенные бинокли (театральные, полевые и проч.), какъ видно по прилагаемымъ рисункамъ.

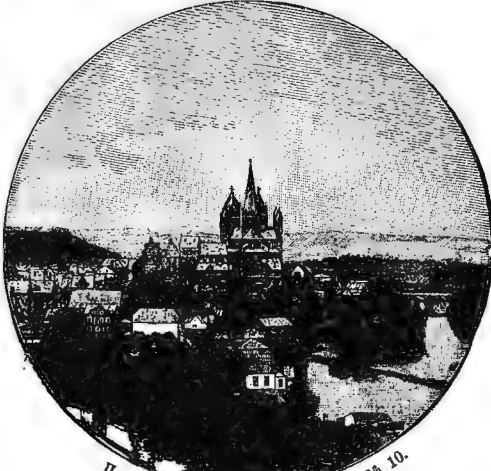
Четкость, ясность и чистота картины.

Особенно рекомендуются для **путешествій.**

Цѣны для Россіи со включеніемъ пересылки и пошлныи:

Для театра и охоты: увелич. въ 3 раза — 63 рубля.
Для путешеств., военныххъ, моряковъ, а также на скачкахъ: увеличив. въ 6 разъ — 75 рублей, увеличив. въ 9 разъ — 88 рублей, увелич. въ 12 разъ — 100 рублей.

Получать можно, кромѣ нашего оптич. заведенія, во всѣхъ оптическихъ магазинахъ. Описанія бесплатно.

Оптическое заведеніе.

C. P. Voerz

Berlin-Friedenau.
Rheinstr. 52.

New York: 52 East Union Square. Paris: 22 rue de l'Entrepôt. London: 4/5 Holborn-Circus, E. C.

С.-Петербургъ: Карлъ Шпанъ, Дворцовая набер., № 12.

ТОВАРИЩЕСТВО
„ПРОВОДНИКЪ“.
Москва. * Рига. * Сибирь.

Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмой: **„ПРОВОДНИКЪ“.**

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДЕЛОКЪ!

Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.

* Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. *

ТОЛЬКО РАЗЪ ВЪ ЖИЗНИ БЫВАЕТЪ ПОДОБНЫЙ СЛУЧАЙ.

БОЛЬШАЯ РАСПРОДАЖА.

Одна изъ болѣе замѣчателныхъ заводовъ всѣмъ изъ обязана магаз. «Братъ» (British Silver), который по виду и качеству не уступаетъ настоящему серебру, вымученъ былъ извѣстнаго окончательнаго распродажу всѣхъ своихъ товаровъ.
Легенды утверждаютъ въ Вѣнѣ европейскаго склада этого завода поручена мѣш. Потому жадности могутъ получить отъ нова за выкупаемую цѣну 14 рублей, въ которую входятъ уже мною упомянутая въ Россіи пошлага, порозничные расходы и упаковки, доставляющія вещь:
8 штукъ амер. патент. (British Silver) столовыхъ ножей, серебра съ вѣсточ. английск. клинчичи.
5 вилочекъ
10 ложекъ
1 чайныхъ ложечекъ
1 большаго розоват. ложка
1 мала
1 подставокъ для ножей и вилокъ
1 ящикъ
6 фруктовъя ножи брошюваннаго стали съ фарфоровыми черенками (Vienn. Zakel).
6 вилочекъ
1 амерікан. патенто. столовыхъ ножей
1 стѣн-ложка для чаю
1 стѣн-ложка для сахара
1 Спиртная сворочка «Ивель»; эта новозобрѣтенная машина варитъ необыкновенно скорыми образамъ, огорода возмачительное количество сахара.
64 штукъ.

Всего 64 штуки стоятъ 14 рублей.

Желающимъ воспользоваться рѣдкимъ случаемъ проситъ посѣщать свои склады, ибо продажа будетъ прекратиться только тогда когда извѣстнаго запаса товара.
Съ требованіемъ можно обратиться на русское языкъ.
Всѣ выписываемыя 64 штуки стоятъ съ упаковкою и уже упомянутою мною пошлагою и пересылкою только 14 руб.
Вамъ исполняются по получении денегъ для выписываемыхъ предметовъ.
Письма просить адресовать только:

Rix Exporthaus, Wien, II Praterstrasse, 16/a.

ЗНАМЕНИТЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ
„ЭНФИЛЬДЪ“
„Рояль“ 99 г, цѣна 170 руб.
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

И. Г. АЛЕКСѢЕВЪ И К⁰.

Москва, Рождественка, д. Третьяковъхъ.
Прейсъ-куррантъ по требованію. П. № 12081 8—8

ПАВЕЛЬ БУРЕ В. № 12204 6—5
поставщикъ Двора Его Величества С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23.
Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнечкаго моста.
♦ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики ♦
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-куррантъ высыл. по требован. бесплатно.

№ 4711 Рейнская Фиалка
Поставщикъ Двора Его Императорскаго Величества
ФЕРД. МЮЛЬГЕНСЪ
Колокольная № 4711 въ Кальнѣ на Рейнѣ и Ритъ
Дѣйствительный СВѣжій Запахъ ФИАЛКИ.
безъ примѣси (мускуса, пачули и проч.)
Модный Царфюмъ Зеликовсвитскихъ круговъ
Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмахъ.

Крахмальные заводы

по новой реформированной системѣ Уланда
обеспечиваютъ наибольшую прибыль сбереженіемъ
40% КАПИТАЛА НА УСТРОЙСТВО, малыми издержками производства;
превосходнѣйш. фабрики.
Спеціальное заведеніе для устройства и перестройки крахмальныхъ заводовъ
R. № 11937 **В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.** 5—3
Прейсъ-куррантъ бесплатно.

XXX г.

№ 23

Выданъ 6 июня 1899 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложениемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ литературныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXX

1899

Цѣна этого № 20 к., съ пор. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1899 г.

При семъ прилагаются: 1) Сборникъ „Нивы“ за июнь, содержащій въ себѣ Сочиненія И. А. ГОНЧАРОВА, т. VI; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ ЗА ІЮНЬ 1899 г. съ 36 рис. и отдѣльн. листъ съ 28 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 23 рис. выпильныхъ работъ.

Воскресеніе.

Романъ
графа Л. Н. ТОЛСТОГО.

(Продолженіе.)

Л.

— Можно поглядѣть?—спросилъ Нехлодовъ.

— Сдѣлайте одолженіе, — съ пріятной улыбкой сказалъ помощникъ и сталъ что-то спрашивать у надзирателя. Нехлодовъ заглянулъ въ одно отверстіе: тамъ высокій, молодой человѣкъ въ одномъ бѣльѣ, съ маленькой черной бородкой, быстро ходилъ взадъ и впередъ: услышавъ шорохъ у двери, онъ взглянулъ, нахмурился и продолжалъ ходить.

Нехлодовъ заглянулъ въ другое отверстіе: глазъ его встрѣтился съ другимъ испуганнымъ, большимъ глазомъ, смотрѣвшимъ въ дырочку; онъ поспѣшно отстранился. Заглянувъ въ третье отверстіе, онъ увидалъ на кровати спящаго, очень маленькаго роста, свернувшася человѣчка съ головою укрытаго халатомъ. Въ четвертой камерѣ сидѣлъ широколицый, бѣдный человѣкъ, низко опустивъ голову и облокотившись локтями на колѣни. Услышавъ шаги, человѣкъ этотъ поднялъ голову и поглядѣлъ. Во всемъ лицѣ, въ особенности въ большихъ глазахъ, было выраженіе безнадежной тоски. Его.

VII выставка картинъ с.-петербургскаго общества художниковъ. „Несостоявшійся торгъ“. Съ картины Томашевскаго грав. Бонгъ.

очевидно, не интересовало узнать, кто глядит къ нему въ камеру. Кто бы ни глядѣлъ, онъ, очевидно, не ждалъ ни отъ кого ничего добраго. Нехлюдову стало страшно; онъ пересталъ заглядывать и подошелъ къ 21 камерѣ Меньшова. Надзиратель отперъ замокъ и отворилъ дверь. Молодой, съ длинной шеей, мускулистый человѣкъ съ добрыми круглыми глазами и маленькой бородкой стоялъ подлѣ койки и съ испуганнымъ лицомъ, поспѣшно надѣвая халатъ, смотрѣлъ на входившихъ. Особенно поразили Нехлюдова добрые, круглые глаза, вопросительно и испуганно перебѣгавшіе съ него на надзирателя, на помощника и обратно.

— Вотъ господинъ хочетъ про твое дѣло разспросить.

— Покорно благодаримъ.

— Да, мнѣ рассказывали про ваше дѣло,—сказалъ Нехлюдовъ, проходя въ глубь камеры и становясь у рѣшетчатого и грязнаго окна: -- и хотѣлось бы отъ васъ самихъ услышать.

Меньшовъ подошелъ тоже къ окну и тотчасъ же началъ рассказывать сначала робко, поглядывая на зрителя, потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе. Когда же зритель совсѣмъ ушелъ изъ камеры въ коридоръ, отдавая тамъ какія-то приказанія, онъ совсѣмъ осмѣлѣлъ. Рассказъ этотъ по языку и манерамъ былъ рассказъ самаго простого, хорошаго мужицкаго парня, и Нехлюдову было особенно странно слышать этотъ рассказъ изъ устъ арестанта въ позорной одеждѣ и въ тюрьмѣ. Нехлюдовъ слушалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оглядывалъ и низкую койку съ содомейнымъ тюфякомъ, и окно съ толстой желѣзной рѣшеткой, и грязныя, отсырѣвшія и замазанныя стѣны, и жалкое лицо, и фигуру несчастнаго, изуродованнаго мужика въ когахъ и халатѣ, и ему все становилось грустнѣе и грустнѣе, не хотѣлось вѣрить, чтобы было правда то, что рассказывалъ этотъ добродушный человѣкъ. А между тѣмъ, еще ужаснѣе было думать, чтобы этотъ правдивый рассказъ, съ этимъ добродушнымъ лицомъ, былъ бы обманъ и выдумка. Рассказъ состоялъ въ томъ, что цѣловальникъ вскорѣ послѣ женитбы отбилъ у него жену. Онъ искалъ закона вездѣ. Вездѣ цѣловальника оправдывали. Разъ онъ силой увелъ жену, она убѣжала на другой день. Тогда онъ принялъ требовать свою жену. Цѣловальникъ сказалъ, что жены его нѣтъ (а онъ видѣлъ ее, входя), и велѣлъ ему уходить. Онъ не пошелъ. Цѣловальникъ съ работникомъ избилъ его въ кровь, а на другой день загорѣлся у цѣловальника дворъ. Его обвинили съ матерью, а онъ не поджигалъ, а былъ у кума.

— И дѣйствительно ты не поджигалъ?

— И въ мысляхъ, баринъ, не было. А онъ, злодѣй мой, должно, самъ поджегъ. Сказывали, онъ только застраховалъ. А на насъ съ матерью сказали, что мы были, страшали его. Оно точно, я въ тотъ разъ обругалъ его, не стерпѣю сердце. А поджигать не поджигалъ. И не былъ тамъ, какъ пожаръ начался. А это онъ нарочно подогналъ къ тому дню, что съ матушкой были. Самъ поджегъ для страховки, а на насъ сказалъ.

— Да неужели?

— Вѣрно, передъ Богомъ говорю, баринъ. Будьте отцомъ роднымъ! — онъ хотѣлъ кланяться въ землю, и Нехлюдовъ насилу удержалъ его. — Вызвольте, ни за что пропадаю,—продолжалъ онъ. И вдругъ щеки его задергались, онъ заплакалъ и, засучивъ рукавъ халата, сталъ утирать глаза рукавомъ грязной рубахи.

— Кончили?—спросилъ зритель.

— Да. Такъ не унывайте, сдѣлаемъ, что можно, — сказалъ Нехлюдовъ и вышелъ. Меньшовъ стоялъ въ двери, такъ что надзиратель толкнулъ его дверью, когда затворялъ ее. Пока надзиратель запиралъ замокъ на двери, Меньшовъ смотрѣлъ въ дырку въ двери.

II.

Проходя назадъ по широкому коридору (было время обѣда и камеры были отперты) между отдѣлами въ свѣтло-

желтые халаты, короткіе, широкіе штаны и коты людьми, жадно смотрѣвшими на него, Нехлюдовъ испытывалъ странныя чувства и состраданія къ тѣмъ людямъ, которые сидѣли, и почему-то стыда за себя, за то, что онъ спокойно разсматриваетъ это.

Въ одномъ коридорѣ пробѣжалъ кто-то, хлопая котами, въ дверь камеры, и оттуда вышли люди и стали на порогѣ Нехлюдова, кланаясь ему.

— Прикажете, ваше благородіе, не знаю, какъ назвать, рѣшить насъ какъ-нибудь.

— Я не начальникъ, я ничего не знаю.

— Все равно, скажите кому, начальству, что ли, — сказалъ негодующій голосъ. — Ни въ чемъ не виноваты, страдаемъ второй мѣсяць.

— Какъ? Почему?—спросилъ Нехлюдовъ.

— Да вотъ заперли въ тюрьму. Сидимъ второй мѣсяць, сами не знаемъ за что.

— Правда, это по случаю,—сказалъ помощникъ смотрителя: — за безписьменность взяли этихъ людей и надо было отослать ихъ въ ихъ губернію, а тамъ острогъ сгорѣлъ, и губернскаго правленіе отнеслось къ намъ, чтобы не посылать къ нимъ. Вотъ мы всѣхъ изъ другихъ губерній разослали, а этихъ держимъ.

— Какъ, только поэтому?—спросилъ Нехлюдовъ, остановясь въ дверяхъ.

Толпа, человѣкъ 40, всѣ въ арестантскихъ халатахъ, окружила Нехлюдова и помощника. Сразу заговорило нѣсколько голосовъ. Помощникъ остановилъ:

— Говорите одинъ кто-нибудь.

Изъ всѣхъ выдѣлился высокій, благообразный крестьянинъ, лѣтъ 50. Онъ разъяснилъ Нехлюдову, что они всѣ высланы и заключены въ тюрьму за то, что у нихъ не было паспортовъ. Паспорта же у нихъ были, но только просрочены недѣли на двѣ. Всякій годъ бывали такъ просрочены паспорта, и ничего не взыскивали, а нынче взяли, да вотъ второй мѣсяць здѣсь держатъ, какъ преступниковъ.

— Мы всѣ по каменной работѣ, всѣ одной артели. Говорятъ, въ губерніи острогъ сгорѣлъ. Такъ мы въ этомъ не причинны. Сдѣлайте божескую милость.

Нехлюдовъ слушалъ и почти не понималъ того, что говорилъ старый благообразный человѣкъ, потому что все вниманіе его было поглощено большой, темно-сѣрой, многоголой вошью, которая ползла между волосъ по щекаѣ благообразнаго каменщика.

— Какъ же такъ? Неужели только за это?—говорилъ Нехлюдовъ, обращаясь къ зрителю.

— Да, ихъ бы надо послать и водворить на мѣсто жительства,—говорилъ помощникъ.

Только-что зритель кончилъ, какъ изъ толпы выдвинулся маленькій человѣчекъ, тоже въ арестантскомъ халатѣ, началъ, странно кривя ротомъ, говорить о томъ, что ихъ здѣсь мучаютъ ни за что.

— Хуже собакъ...—началъ онъ.

— Ну, ну, лишняго тоже не разговаривай, помалкивай, а то знаешь...

— Что мнѣ знать, —отчаянно заговорилъ маленькій человѣчекъ.—Развѣ мы въ чемъ виноваты?

— Молчать!—крикнулъ начальникъ, и маленькій человѣчекъ замолчалъ.

«Что же это такое?» говорилъ себѣ Нехлюдовъ, выходя изъ камеръ, какъ сквозь строй прогоняемый сотней глазъ, выглядывавшихъ изъ дверей и встрѣчавшихся арестантовъ.

— Неужели, дѣйствительно, держать такъ прямо невинныхъ людей, — проговорилъ Нехлюдовъ, когда они вышли изъ коридора.

— Что жъ прикажете дѣлать? Но только, что и много они врутъ. Послушать ихъ— всѣ невинны,—говорилъ помощникъ смотрителя: — а то прямо ни за что, бываетъ, сидятъ.

— Да вѣдь эти-то не виноваты же ни въ чемъ.

Эти-то положимъ. Но только народъ очень испорченный. Безъ строгости невозможно. Есть такіе типы бѣдовыя, тоже налецъ въ ротъ не клади.

— Вотъ вчера двоихъ вынуждены были наказать.

— Какъ наказать?—спросилъ Нехлюдовъ.

— Розгами наказывали по предписанію...

— Да вѣдь тѣлесное наказаніе отмѣнено.

— Не для лишенныхъ правъ. Эти подлежатъ.

Нехлюдовъ вспомнилъ все, что онъ видѣлъ вчера, дожидаясь въ сѣняхъ, и понялъ, что наказаніе происходило именно въ то время, какъ онъ дожидался, и на него съ особенной силой нашло то смѣшанное чувство любопытства, тоски, недоумѣнія и нравственной, переходящей почти въ физическую, тошноту, которое и прежде, но никогда съ такой силой не охватывало его.

Не слушая помощника смотрителя и не глядя вокругъ себя, онъ поспѣшно вышелъ изъ коридоровъ и направился въ контору. Смотритель былъ въ коридорѣ и, занятый другимъ дѣломъ, забылъ вызвать Богодуховскую. Онъ вспомнилъ, что обѣщалъ вызвать ее, только тогда, когда Нехлюдовъ вошелъ въ контору.

— Сейчасъ я пошло за ней, а вы посидите, — сказалъ онъ.

ЛІІ.

Контора состояла изъ двухъ комнатъ. Въ первой комнатѣ, съ большой выступающей обѣзлой печью и двумя грязными окнами, стояла въ одномъ углу черная мѣрка для измѣренія роста арестантовъ, въ другомъ углу висѣлъ большой образъ Христа. Въ этой первой комнатѣ стояло нѣсколько надзирателей. Въ другой же комнатѣ сидѣли по стѣнамъ и отдѣльными группами или парочками человѣкъ двадцать мужчинъ и женщинъ и негромко разговаривали. У окна стоялъ письменный столъ.

Смотритель сѣлъ у письменнаго стола и предложилъ Нехлюдову стулъ, стоявшій тутъ же. Нехлюдовъ сѣлъ и сталъ разсматривать людей, бывшихъ въ комнатѣ.

Прежде всѣхъ обратилъ его вниманіе молодой человѣкъ въ короткой жакеткѣ, съ пріятнымъ лицомъ, который, стоя передъ арестантомъ въ халатѣ и дѣвушкой, сидѣвшей рядомъ съ нимъ, что-то горячо и съ жестами рукъ рассказывалъ имъ. Рядомъ сидѣлъ старый человѣкъ въ синихъ очкахъ и неподвижно слушалъ, держа за руку молодую женщину въ арестантской одеждѣ, что-то рассказывавшую ему. Мальчикъ-реалистъ съ остановившимся, испуганнымъ выраженіемъ лица, не спуская глазъ, смотрѣлъ на старика. Недалеко отъ нихъ, въ углу, сидѣла парочка влюбленныхъ: она была стриженная, съ энергическимъ лицомъ, бѣлокурая, миловидная, совсѣмъ молоденькая дѣвушка въ модномъ платьѣ; онъ — съ тонкими чертаніями лица и волнистыми волосами красивый юноша въ арестантскомъ халатѣ. Они сидѣли въ уголку и шептались, очевидно, мѣля отъ любви. Ближе же всѣхъ къ столу сидѣла сѣдая, въ черномъ платьѣ, женщина, очевидно, мать. Она глядѣла во всѣ глаза на чахоточнаго вида молодого человѣка въ гуттаперчевой курткѣ и хотѣла что-то сказать, но не могла выговорить отъ слезъ: и начинала, и останавливалась. Молодой человѣкъ держалъ въ рукахъ бумажку и, очевидно, не зная, что ему дѣлать, съ сердитымъ лицомъ перегибалъ и мялъ ее. Подлѣ нихъ сидѣла полная, румяная красивая дѣвушка съ очень выпуклыми глазами, въ сѣромъ платьѣ и пелеринкѣ. Она сидѣла рядомъ съ плачущей матерью и нѣжно гладила ее по плечу. Все было красиво въ этой дѣвушкѣ: и большія бѣлыя руки, и волнистыя остриженные волосы, и крѣпкіе носъ и губы; но главную прелесть ея лица составляли каріе, бараньи, добрые, правдивые глаза. Красивые глаза ея оторвались отъ лица матери въ ту минуту, какъ вошелъ Нехлюдовъ, и встрѣтились съ его взглядомъ. Но тотчасъ же она отвернулась и что-то стала говорить матери. Недалеко отъ влюбленной парочки сидѣлъ черный, лохматый человѣкъ съ мрачнымъ лицомъ и сердито го-

ворилъ что-то безбородому посетителю, похожему на скопца. У самой двери стоялъ молодой человѣкъ въ гуттаперчевой курткѣ и очевидно былъ болѣе занятъ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое онъ производитъ на зрителей, чѣмъ тѣмъ, что говорилъ. Нехлюдовъ сѣлъ рядомъ съ смотрителемъ и съ напряженнымъ любопытствомъ глядѣлъ вокругъ себя. Его развлекалъ подошедшій къ нему стриженный ребенокъ-мальчикъ и тоненькимъ голоскомъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— А вы кого ждете?

Нехлюдовъ удивился вопросу, но, взглянувъ на мальчика и увидавъ серьезное, осмысленное лицо съ внимательными, живыми глазами, серьезно отвѣтилъ ему, что ждетъ знакомую женщину.

— Что же, она вамъ сестра?—спросилъ мальчикъ.

— Нѣтъ, не сестра, — отвѣтилъ удивленно Нехлюдовъ. — А ты съ кѣмъ здѣсь? — спросилъ онъ мальчика.

— Я съ мамой. Она политическая, — сказалъ мальчикъ.

— Марія Павловна, возьмите Колю! — сказалъ смотритель, нашедшій, вѣроятно, противозаконнымъ разговоръ Нехлюдова съ мальчикомъ.

Марія Павловна, та самая красавица, которая обратила вниманіе Нехлюдова, встала во весь свой высокій ростъ и сильной, широкой, почти мужской походкой подошла къ Нехлюдову и мальчику.

— Что онъ у васъ спрашиваетъ, кто вы?—спросила она, — слегка улыбаясь своими прекрасно изогнутыми губами и доверчиво глядя ему въ глаза своими выпуклыми добрыми глазами, — у Нехлюдова такъ просто, какъ будто не могло быть сомнѣнія въ томъ, что она со всѣми была, есть и должна быть въ простыхъ, ласковыхъ, братскихъ отношеніяхъ. — Ему все нужно знать, — сказала она и совсѣмъ улыбнулась въ лицо мальчику такой доброй, милой улыбкой, что и мальчикъ, и Нехлюдовъ — оба невольно улыбнулись на ея улыбку.

— Да, спрашивалъ меня, къ кому я?

— Марія Павловна, нельзя разговаривать съ посторонними. Вѣдь вы знаете, — сказалъ смотритель.

— Хорошо, хорошо, — сказала она и, взявъ своей большой бѣлой рукой за ручку не спускавшаго съ нея глазъ Колю, вернулась къ матери чахоточнаго.

— Чей же это мальчикъ? — спросилъ Нехлюдовъ, уже у смотрителя.

— Политической одной, онъ въ тюрьмѣ и родился.

— Неужели?

— Да, вотъ теперь ѣдетъ въ Сибирь съ матерью.

— А эта дѣвушка?

— Не могу вамъ отвѣчать, — сказала смотритель, пожимая плечами. — А вотъ и Богодуховская.

ЛІІІ.

Изъ задней двери, вертливой походкой, вышла маленькая, стриженная, худая, желтая Вѣра Ефремовна съ своими огромными, добрыми глазами.

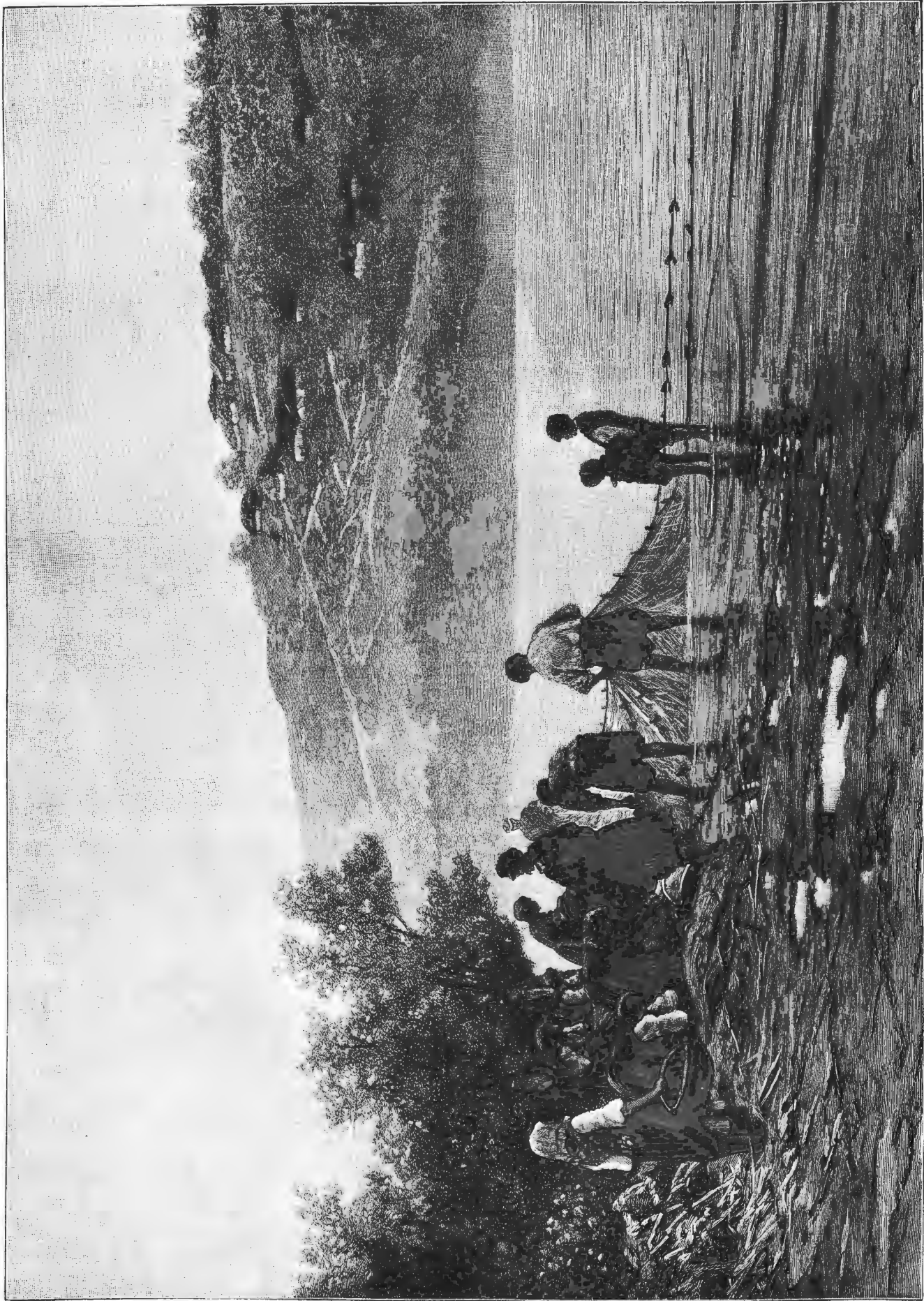
— Ну, спасибо, что пришли, — сказала она, пожимая руку Нехлюдова. — Вспомнили меня? Сядемте.

— Не думалъ васъ найти такъ.

— О, мнѣ прекрасно; такъ хорошо, такъ хорошо, что лучшаго и не желаю. — говорила Вѣра Ефремовна, какъ всегда, испуганно глядя своими огромными, добрыми, круглыми глазами на Нехлюдова и верги желтой, тонкой-тонкой жилистой шеи, выступавшей изъ-за жалкихъ, смятыхъ и грязныхъ воротничковъ кофточки.

Нехлюдовъ сталъ спрашивать ее о томъ, какъ она попала. Отвѣчая ему, она съ большимъ оживленіемъ стала рассказывать объ ея дѣлѣ. Рѣчь ея была вся пересытана иностранными научными словами о пропагандированіи, о дезорганизаци, о группахъ, секціяхъ и подсекціяхъ, которыхъ, — она была очевидно вполне увѣрена, — что всѣ знали, а о которыхъ Нехлюдовъ никогда и не слыхивалъ.

Она рассказывала ему, очевидно вполне увѣренная, что ему очень интересно и пріятно знать все это. Не-

VII выставка картинъ с.-петербургскаго общества художниковъ. „Рыбаны“.
Съ картины Н. Сергѣева грав. Хельмцкій.

Выставка картинъ В. М. Васнецова, „Скифы“.
Съ картины В. М. Васнецова (право исключит. воспроизведеніи въ гравюру принадлежатъ «Нивѣ») грав. Шибдери.

хлюдовъ же смотрѣлъ на ея жалкую шею, на рѣдкіе, спутанные волосы и удивлялся, зачѣмъ она все это дѣлала и разсказывала. Она жалка была ему, но совсѣмъ не такъ, какъ былъ жалокъ Меньшовъ-мужикъ съ своими поблѣвшими, какъ картофельные ростки, ругами и лицомъ, безъ всякой вины съ его стороны сидѣвшій въ вонючемъ острогѣ. Она жалка была той очевидной путаницей, которая у нея была въ головѣ. Она, очевидно, считала себя героиней и рисовалась передъ нимъ, и этимъ и была особенно жалка ему. Эту черту рисовки Нехлюдовъ видѣлъ и въ ней, и еще въ нѣкоторыхъ лицахъ, бывшихъ въ комнатѣ. Приходъ его обратилъ на себя ихъ вниманіе, и онъ чувствовалъ, что они немножко иначе дѣлали то, что дѣлали, потому что онъ былъ тутъ. Черта эта была и въ молодомъ человѣкѣ въ гуттаперчевой курткѣ, и въ женщинѣ въ арестантскомъ халатѣ, и даже и въ парочкѣ влюбленныхъ. Не было этой черты только въ чахоточномъ молодомъ человѣкѣ, въ красавицѣ съ бараными глазами, и въ черномъ лохматомъ человѣкѣ съ глубоко-сидящими глазами, который говорилъ съ худымъ, безбородымъ человѣкомъ, похожимъ на скопца.

Дѣло, о которомъ хотѣла говорить Вѣра Ефремовна съ Нехлюдовымъ, состояло въ томъ, что товарка ея, Шустова, даже и не принадлежавшая къ ихъ подгруппѣ, была арестована потому, что у нея нашли книги и бумаги, переданныя ей на сохраненіе. Вѣра Ефремовна считала себя отчасти виновной въ заключеніи Шустовой и умоляла Нехлюдова, имѣющаго связи, сдѣлать все возможное для того, чтобы освободить ее.

Свою исторію Вѣра Ефремовна разсказала такъ, что она, кончивъ акушерскіе курсы, сошлась съ какою-то партіей. Сначала шло все хорошо, но потомъ схватили одну личность, захватили бумаги и начали всѣхъ брать.

— Взяли и меня, и вотъ теперь высылаютъ...— закончила она свою исторію. — Но это ничего. Я чувствую себя превосходно, — и она жалостно улыбнулась.

Нехлюдовъ спросилъ про дѣвушку съ бараными глазами; Вѣра Ефремовна разсказала, что это дочь генерала, и что она попалась за то, что взяла на себя чужую вину, и теперь идетъ въ каторгу.

— Альтруистическая, хорошая личность... — сказала Вѣра Ефремовна.

Другое дѣло, о которомъ хотѣла говорить Вѣра Ефремовна, касалось Масловой. Она знала, какъ все зналось въ острогѣ, исторію Масловой и совѣтовала хлопотать о переводѣ ея къ политическимъ или по крайней мѣрѣ въ сидѣлки въ больницу, гдѣ теперь особенно много больныхъ, и нужны работники.

Нехлюдовъ сказалъ, что онъ едва ли что-нибудь можетъ тутъ сдѣлать, но обѣщалъ попытаться сдѣлать все возможное, когда онъ будетъ въ Петербургѣ.

LIV.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ смотрителемъ, который поднялся и объявилъ, что свиданіе кончилось и надо расходиться. Нехлюдовъ всталъ, простился съ Вѣрой Ефремовной и отошелъ къ двери, у которой остановился, наблюдая то, что происходило передъ нимъ.

— Господа, пора, пора, — выходя, говорилъ смотритель, но посѣтители и заключенные все не уходили.

Требованіе смотрителя вызвало въ находящихся въ комнатѣ и заключенныхъ и посѣтителяхъ только особенное оживленіе, но никто и не думалъ расходиться. Нѣкоторые встали и говорили стоя. Нѣкоторые продолжали сидѣть и разговаривать. Нѣкоторые стали прощаться и плакать. Особенно трогательна была мать съ чахоточнымъ сыномъ. Молодой человѣкъ все вертѣлъ бумажку, и лицо его казалось злымъ; такъ велики были усилія, которыя онъ дѣлалъ, чтобы не заразиться чувствомъ матери. Мать же, услышавъ, что надо прощаться, легла ему на плечо и рыдала, сопя носомъ. Дѣвушка съ бараными глазами — Нехлюдовъ невольно слѣдилъ за ней — стояла

передъ рыдающей матерью и что-то успокоительно говорила ей. Старикъ въ синихъ очкахъ, стоя, держалъ за руку свою дочь и кивалъ головой на то, что она говорила. Молодые влюбленные встали и держались за руки, молча глядя другъ другу въ глаза.

— Вотъ этимъ однимъ весело, — сказалъ, указывая на влюбленную парочку, молодой человѣкъ въ короткой жакеткѣ, стоя подлѣ Нехлюдова и такъ же, какъ и онъ, глядя на прощающихся.

Чувствуя на себѣ взгляды Нехлюдова и молодого человѣка, влюбленные — арестантъ въ халатѣ и бѣлокурая миловидная дѣвушка — вытянули сдѣвленные руки, опрокинулись назадъ и, смѣясь, начали кружиться.

— Нынче вечеромъ женятся здѣсь, въ острогѣ, и она съ нимъ идетъ въ Сибирь, — сказалъ молодой человѣкъ.

— Онъ что же?

— Каторжный. Хотя они веселятся, а то ужъ слишкомъ больно слушать, — прибавилъ молодой человѣкъ въ жакеткѣ, прислушиваясь къ рыданьямъ старика въ синихъ очкахъ.

— Господа! Пожалуйста, пожалуйста. Не вынудьте меня принять мѣры строгости, — говорилъ смотритель, повторяя нѣсколько разъ одно и то же. — Пожалуйста, пожалуйста, — говорилъ онъ слабо и нерѣшительно. — Что же это? Ужъ давно пора. Что жъ это? Вѣдь этакъ невозможно. Я послѣдній разъ говорю, — повторилъ онъ уныло, то садясь, то вставая, то закуривая, то туша свою мариландскую папироску.

Наконецъ заключенные и посѣтители стали расходиться: одни во внутреннюю, другіе въ наружную дверь. Прошли мужчины въ гуттаперчевой курткѣ, и чахоточный, и черныи лохматый каторжный; ушла и Вѣра Ефремовна, ушла и Марья Павловна съ мальчикомъ, родившимся въ острогѣ.

Стали выходить и посѣтители. Пошелъ тяжелой походкой старикъ въ синихъ очкахъ, за нимъ пошелъ и Нехлюдовъ.

— Да-съ, удивительные порядки, — какъ бы продолжалъ прерванный разговоръ словоохотливый молодой человѣкъ, спускаясь съ Нехлюдовымъ вмѣстѣ съ лѣстницы. — Спасибо еще, капитанъ — добрый человѣкъ, не держится правилъ. А то вѣдь мученіе. Все поговорять — отведутъ душу.

Когда Нехлюдовъ, разговаривая съ Медынцевымъ, — такъ отрекомендовалъ себя словоохотливый молодой человѣкъ, — сошелъ въ сѣни, къ нимъ подошелъ съ усталымъ видомъ смотритель.

— Такъ если хотите видѣть Маслову, то пожалуйста завтра, — сказалъ онъ, очевидно желая быть любезнымъ съ Нехлюдовымъ.

— Очень хорошо, — сказалъ Нехлюдовъ и поспѣшилъ выйти. Онъ испытывалъ теперь, какъ и тотъ разъ, при входѣ въ острогъ и посѣтительскую, кромѣ жалости, еще и чувство недоумѣнія и какой-то нравственной тошноты.

«Зачѣмъ это?» — спрашивалъ онъ себя и не находилъ отвѣта.

LV.

На другой день Нехлюдовъ поѣхалъ къ адвокату и сообщилъ ему дѣло Меньшовыхъ, прося взять на себя защиту. Адвокатъ внимательно выслушалъ и сказалъ, что если дѣло обстоитъ такъ, какъ оно передано Нехлюдовымъ, то весьма вѣроятно, то онъ безъ всякаго вознагражденія возьмется за защиту. Нехлюдовъ, между прочимъ, разсказалъ адвокату о содержимыхъ 130 человѣкъ по недоразумѣнію и спросилъ: отъ кого это зависитъ, кто виноватъ? Адвокатъ помолчалъ, очевидно желая отвѣтить точно.

— Кто виноватъ? Никто, — сказалъ онъ рѣшительно. — Скажите прокурору — онъ скажетъ, что виноватъ Масленниковъ, скажите Масленникову, онъ скажетъ, что виноватъ прокуроръ. Никто не виноватъ.

— Я сейчас ѣду къ Масленникову и скажу ему.

— Ну-съ, это бесполезно,— улыбаясь, возразил адвокат. — Это такая, — онъ вамъ не родственникъ и не другъ? — это такая, съ позволенія сказать, дубина и вмѣстѣ съ тѣмъ хитрая скотина.

Нехлюдовъ, вспомнивъ, что говорилъ Масленниковъ про адвоката, ничего не отвѣтилъ, и, простившись, поѣхалъ къ Масленникову.

Масленникова Нехлюдову нужно было просить о двухъ вещахъ: о переводѣ Масловой въ больницу и объ несчастныхъ 130 бесписьменныхъ и, если можно, помочь имъ. Какъ ни тяжело ему было имѣть дѣло и даже просить такого человѣка,—это было единственное средство достигнуть цѣли и надо было пройти черезъ это.

Подъѣзжая къ дому Масленникова, Нехлюдовъ увидалъ у крыльца нѣсколько экипажей: пролетки, коляски и кареты, и вспомнилъ, что какъ разъ нынче былъ тотъ пріемный день жены Масленникова, въ который онъ просилъ его пріѣхать. Въ то время, какъ Нехлюдовъ подъѣзжалъ къ дому, одна карета стояла у подъезда, и лакей, въ шляпѣ съ кокардой и пелеринѣ подсаживалъ съ порога крыльца даму, подхватившую свой шлейфъ и открывшую черныя, тонкія шиколотки въ туфляхъ. Среди стоящихъ уже экипажей, онъ узналъ закрытое ландо Корчагиныхъ. Сѣдой, румяный кучеръ почтительно и привѣтливо снялъ шляпу, какъ особенно знакомому барину. Не успѣлъ Нехлюдовъ спросить швейцара о томъ, гдѣ Михайлъ Ивановичъ (Масленниковъ), какъ онъ самъ показался на ковровой лѣстницѣ, провожая очень важнаго гостя, такого, какого онъ провожалъ уже не до площадки, а до самаго низа. Очень важный военный гость этотъ, сходя, говорилъ по-французски объ аллегри въ пользу пріютовъ, устраиваемыхъ въ городѣ, высказывая мнѣніе, что это хорошее занятіе для дамъ: «и имъ весело, и деньги собираются!»

— *Qu'elles s'amuse et que le bon Dieu les bénisse.* — А, Нехлюдовъ, здравствуйте. Что давно васъ не видно,—привѣтствовалъ онъ Нехлюдова. — *Allez présenter vos devoirs à madame.* И Корчагины тутъ. *Et Nadine Bukshevden.* *Toutes les jolies femmes de la ville,* — сказала онъ, подставляя и нѣсколько приподнимая свои военные плечи подъ подаваемую ему, его же великолѣпнымъ съ золотыми галунами лакеемъ, пинель. — *A revoir, mon cher.* — Онъ пожалъ еще руку Масленникову.

— Ну, пойдѣмъ наверхъ, какъ я радъ,—возбужденно заговорилъ Масленниковъ, подхватывая подъ руку Нехлюдова и, несмотря на свою корпуленцію, быстро увлекая его наверхъ. Масленниковъ былъ въ особенно радостномъ возбужденіи, которое Нехлюдовъ не могъ не приписать удовольствію, полученному отъ вниманія оказаннаго ему важнымъ лицомъ. Всякое вниманіе, оказанное ему важнымъ лицомъ, приводило его въ такой же восторгъ, въ который приходитъ ласковая собачка, послѣ того, какъ хозяинъ погладитъ, потреплетъ, почесетъ ее за ушами. Она крутитъ хвостомъ, сжимается, извивается, прижимаетъ уши и безумно носится кругами. То же самое былъ готовъ дѣлать Масленниковъ. Онъ не замѣчалъ серьезнаго выраженія лица Нехлюдова, не слушалъ его и неудержимо влекъ его въ гостиную, такъ что нельзя было отказать, и Нехлюдовъ шелъ съ нимъ, такъ что нельзя было отказать, и Нехлюдовъ шелъ съ нимъ.

— Дѣло послѣ, что прикажешь все сдѣлаю,—говорилъ Масленниковъ, проходя съ Нехлюдовымъ черезъ залу. — Доложите *генеральшт*, что князь Нехлюдовъ, — на ходу, сказалъ онъ лакею; лакей иноходью, обгоняя ихъ, двинулся впередъ. — *Vous n'avez qu'à ordonner.* Но жену повидай непременно. Мнѣ и то досталось за то, что я тотъ разъ не привелъ тебя.

Лакей уже успѣлъ доложить, когда они вошли, и Анна Игнатьевна, вице-губернаторша, генеральша, какъ она называла себя, уже съ сіяющей улыбкой наклонилась къ Нехлюдову изъ-за шляпокъ и головъ окружающихъ

ее у дивана. На другомъ концѣ гостиной у стола съ чаемъ сидѣли барыни и стояли мужчины—военные и штатскіе, и слышался неумолкаемый трескъ мужскихъ и женскихъ голосовъ.

— *Enfin!* Что же это вы насъ знать не хотите? Чѣмъ мы васъ обидѣли?

Такими словами, предполагавшими интимность между нею и Нехлюдовымъ, которой никогда не было, встрѣтила Анна Игнатьевна входящаго.

— Вы знакомы? Знакомы.—Мадамъ Бѣлявская, Михайлъ Ивановичъ Черновъ.—Садитесь поближе.

— *Missi, venez donc à notre table. On vous apportera votre thé...* И вы...—обратилась она къ офицеру, говорившему съ Мисси, очевидно забывъ его имя:—пожалуйте сюда. Чаю, князь, прикажете?

— Ни за что, ни за что не соглашусь, она просто не любила,—говорилъ женскій голосъ.

— А любила пирожки.

— Вѣчно глупыя шутки,—со смѣхомъ вступилась другая дама, въ высокой шляпѣ, блестящая шелкомъ, золотомъ и камнями.

— *C'est excellent* — эти вафельки, и легко. Подайте еще сюда.

— Что же скоро ѣдете?

— Да ужъ нынче послѣдній день. Отъ этого мы и пріѣхали.

— Такая прелестная весна, такъ хорошо теперь въ деревнѣ.

Мисси въ шляпѣ и какомъ-то темно-полосатомъ платьѣ, схватывавшемъ безъ складочки ея тонкую талію, точно какъ-будто она родилась въ этомъ платьѣ, была очень красива. Она покраснѣла, увидавъ Нехлюдова.

— А я думала, что вы уѣхали,—сказала она ему.

— Почти уѣхалъ,—сказалъ Нехлюдовъ.—Дѣла задерживаютъ. Я и сюда пріѣхалъ по дѣлу.

— Заѣзжайте къ мамѣ. Она очень хочетъ васъ видѣть,—сказала она и, чувствуя, что она жметъ и онъ понимаетъ это, покраснѣла еще больше.

— Едва ли успѣю,—мрачно отвѣчалъ Нехлюдовъ, стараясь сдѣлать видъ, что не замѣтилъ, какъ она покраснѣла.

Мисси сердито нахмурилась, пожалала плечами и обратилась къ эlegantному офицеру, который подхватилъ у нея изъ рукъ порожнюю чашку и, цѣпляя саблей за кресла, мужественно перенесъ ее на другой столъ.

— Вы должны тоже пожертвовать для пріюта.

— Да я и не отказываюсь, но хочу приберечь всю свою щедрость до аллегри. Тамъ я выкажу себя уже во всей силѣ.

— Ну смотрите,—послышался явно притворно смѣющийся голосъ.

Пріемный день былъ блестящій, и Анна Игнатьевна была въ восхищеніи.

— Мнѣ Мика говорилъ, что вы заняты въ тюрьмахъ. Я очень понимаю это,—говорила она Нехлюдову.—Мика (это былъ ея толстый мужъ, Масленниковъ) можетъ имѣть другіе недостатки, но вы знаете, какъ онъ добръ. Всѣ эти несчастные заключенные — его дѣти. Онъ иначе не смотритъ на нихъ. *Il est d'une bonté...*

Она остановилась, не найдя словъ, которыя могли бы выразить *bonté* мужа, и тотчасъ же, улыбаясь, обратилась къ входившей старой сморщенной старухѣ въ лиловыхъ бантахъ.

Поговоривъ сколько нужно было и такъ безсодержательно, какъ тоже нужно было для того, чтобы не нарушить приличія, Нехлюдовъ всталъ и подошелъ къ Масленникову.

— Такъ, пожалуйста, можешь ты меня выслушать?

— Ахъ, да! Ну что же?

— Пойдемъ сюда.

Они вошли въ маленькій японскій кабинетикъ и сѣли у окна.

(Продолженіе будетъ.)

Равныя силы

Разсказъ Лиліанъ Бэльтъ.

I.

Когда молоденькой и хорошенькой американкѣ скучно—это значить, что она ни въ кого не влюблена. Но это вовсе не значить, что никто не влюбленъ въ нее: послѣднее вызвало бы справедливое негодование, а не скуку.

Джессикѣ Дрю было скучно.

Она сидѣла у огня и караулила почтальона. Никакихъ особенныхъ писемъ она не ожидала, но когда за дѣвужкой упорно ухаживаютъ нѣсколько человекъ, то съ каждой почтой возможны пріятно-волнующія новости.

Въ ожиданіи почтальона есть что-то своеобразное; оно наводитъ на размышленіе и трогательно настраиваетъ душу; поэтому въ Америкѣ, гдѣ жизнь летитъ такъ сухо-дѣйтельно, ожиданіе почтальона можно считать даже полезнымъ занятіемъ.

Джессика была слегка разсодвана, но только слегка. По ея наблюденіямъ, каждая барышня, у которой былъ одинъ поклонникъ, заслуживала среди мѣстнаго женскаго общества названіе «душечка»; та, которая властвовала надъ двумя мужскими сердцами—называлась «прелесть»; но лишь только количество поклонниковъ разрасталось и переходило за полдюжины—мѣстныя дамы моментально превращались въ строгій приговоръ: «кокетка!»

Джессике только что перевели въ немногочисленный разрядъ кокетокъ.

Она была въ хорошихъ отношеніяхъ со своей совѣстью и любила совѣтоваться съ нею. Хотя особеннаго одобренія совѣсть ей никогда не выражала. Въ данную минуту разрѣшался вопросъ: почему прозвище «кокетки» было одновременно и пріятно, и обидно?

Съ помощью ирраго луча, какимы совѣсть любить неожиданно освѣщать темныя предметы, вопросъ скоро разрѣшился. Съ одной стороны—съ этимъ прозвищемъ, по мѣстнымъ понятіямъ, за ней окончательно признавалась власть надъ сильной половиной общества; но въ то же время ея высшая природа оскорблялась при одномъ предположеніи, что она можетъ унизиться до игры какимы чувствомъ, какъ любовь.

Положимъ... иногда она унижалась до этого; но не по собственной инициативѣ—о, нѣтъ! Ей никогда въ голову не приходило заставить человека влюбиться; но если она замѣчала, что это ужъ все равно случилось, тогда—ну, тогда она не запрещала любить себя... даже, быть-можетъ, поощряла. Это, конечно, дурно; многое пріятное на свѣтѣ—дурно. Но какимы же образомъ, Господи помилуй, какимы же образомъ узнать, хорошій это человекъ, или нѣтъ? И любилъ его, или нѣтъ? Видѣ никого и не узнаешь, какъ сдѣдуетъ, пока не увидишь его влюбленнымъ!

По ценамъ Джессики разлился румянецъ: собственно говоря, она сильно подозрѣвала, что любовь не захерсеетъ въ ея сердце тайкомъ, а громозласно заявить о своемъ приходѣ; но такъ какъ она до сихъ поръ не появлялась, то Джессика считала себя въ правѣ дѣлать опыты надъ собственными чувствами, не обращая особеннаго вниманія на чувства того, кто увлекался до умопомраченія и не подозрѣвалъ, что служить только объектомъ для производства опыта.

И это тоже было дурно,—такъ дурно, что совѣсть совсѣмъ разсердилась и обидѣла Джессикку.

«Ну, что же это, въ самомъ дѣлѣ, почтальонъ не идетъ! Наверное богатеетъ въ каждомъ домѣ съ горничными... Глупо!»

Новая мысль нѣсколько успокоила дѣвужку: она вспомнила, что обладать способностью невольно внушать людямъ полную вѣру въ ея прекрасныя качества—вѣру, которую она ни въ какомъ случаѣ не раздѣляла сама. Даже поклонники, потерявъ надежду на малѣйшій успѣхъ, удалялись и покорно уступали мѣсто слѣдующимъ, оставаясь при полномъ убѣжденіи, что противъ нихъ—только злая судьба, а сама Джессика рѣшительно ни при чемъ. Они защищали ее даже отъ нападокъ женской половины общества, такъ какъ дамы не умѣли пропачкаться какимы беззавѣтнымъ уваженіемъ.

По временамъ Джессика раскаивалась и заставляла себя переѣмиться. Но къ неперенемому огорченію, скоро оказывалось, что результаты ея строго-честныхъ стремленій очень плачевны: «новоявленныя» поклонники находили ее невѣжливой, жестокой и—не поддывая еще окончательно очарованію—послѣдно удалялись, вообразивъ, что она или беззвѣрно горда, или страдаетъ припадками ипохондріи.

Тогда оскорбленная явной несправедливостью, она возвращалась къ прежнимъ привычкамъ и предоставляла все естественному ходу вещей. По ея собственному выраженію, ея жизнь была «полна великихъ начинаній безъ всякаго результата».

Несмотря на слабость, въ которой Джессика укоряла себя, позволяя мужчинамъ влюбляться до самозабвенія, она презирала флиртъ—даже самый звукъ этого слова: поклонникамъ позволялось изливать свои чувства въ какимы-угодно пылкихъ выраженіяхъ—но нельзя было дотронуться до кончиковъ ея пальцевъ; женственность и достоинство удерживали ее отъ малѣйшаго униженія любви, которая оставалась въ ея мечтахъ прекрасной, чистой цѣлью жизни; и только жаркимъ рѣчамъ поклонниковъ она предоставляла полную свободу, не придавая имъ особеннаго значенія. Такимы образомъ, теряя надежду на взаимность и даже освобождаясь иногда отъ чаръ ея личнаго вліянія, мужчины все-таки продолжали относиться къ ней, какъ къ существу высшему и недостижимо-прекрасному.

Въ ея обаятельности было что-то, не поддающееся опредѣленію; во взглядѣ и манерахъ чувствовалась кака-то мигкая таинственность, которую она сознавала и любила въ себѣ. Съ перваго взгляда она казалась оригинальной: потомъ—привлечательной, потомъ—обольстительной. Кроме того, чувствовалось, что она очень умна. Она дѣйствительно была умна; даже настолько, чтобы скрывать свой умъ, когда слѣдовало, отъ мужчинъ.

Какъ это часто случается съ людьми, одаренными самообладаніемъ, свѣтлымъ разумомъ и твердой волей, Джессика главнымъ образомъ привлекала къ себѣ совершенно противоположныя натуры. Простодушные, рѣшительные, уступчивые люди составляли главный контингентъ ея поклонниковъ, и рядъ черезчуръ добродѣтельныхъ и самоотверженныхъ юношей, поочередно занимавшихъ мѣсто главнаго поклонника, нѣсколько раздражалъ дѣвужку. Никто изъ нихъ не подозрѣвалъ ея маленькихъ хитростей, никто не представлялъ интереса, отдаваясь въ руки, какъ загнипоти-зировавшій, никто не былъ настолько уменъ, чтобы хоть изрѣдка давать отпоръ тонкимъ насмѣшкамъ и презрѣнію, загоравшемуся въ глубинѣ таинственныхъ синихъ глазъ. Вотъ только послѣдній, Франкъ Фаръ... по...

II.

— Джессика, тебѣ письмо!—прозвучало за дверью молодой голосокъ.

Джессика оглянулась—(и какъ это она проглядѣла почтальона!)—быстро подошла къ двери и отворила ее.

— Только одно, Глэдисъ?

— Только одно интересное: два другихъ надписаны, кажется, женскими почеркомъ,—отвѣчала сестра съ безпощаднымъ прямотономъ пятнадцатилѣтней дѣвочки.

Джессика сдвинула темныя брови, какъ отъ неожиданнаго удара, но, взглянувъ на открытое личико сестры, ласково сказала:

— Войди сюда, милочка.

Глэдисъ слегка смутилась, кладя свою ручку въ протянутую руку сестры: обыкновенно Джессика бывала очень сдержанна съ нею.

— Смотри, Глэдисъ. Это письмо отъ моей старой, бѣдной учительницы, нѣмки, которую я очень люблю; она живетъ теперь совершенно одна, и я стараюсь развлекать ее, чѣмъ могу. Второе—отъ миссисъ Лойдъ Стэнли, матери твоей подруги: она мой лучший, любимый другъ! Она очень умная и по характеру моложе всѣхъ здѣшнихъ барышень, вмѣстѣ взятыхъ. Каждое изъ этихъ двухъ писемъ для меня въ десять разъ дороже третьяго, написаннаго рукой Франка Фэра. Понимаешь, Глэдисъ? Ну, теперь иди... и не считай меня дурною.

— Дурною, Джессика? Никогда въ жизни! Я считаю тебя самой, самой хорошей на свѣтѣ!

Джессика сжала руку сестры съ порывомъ благодарности. Выходя изъ комнаты, Глэдисъ глубоко вздохнула и подумала въ тысячный разъ, будетъ ли и она такая же «прелесть», когда вырастетъ?

Оставшись наединѣ, Джессика сначала прочла письма отъ жепцинь, хотя и почувствовала—съ презрѣніемъ къ самой себѣ,—что сначала прочла бы письмо Франка, если бы не слова, сказанныя только-что сестрѣ.

Взявъ въ руки третій конвертъ, она внимательно осмотрѣла его со всѣхъ сторонъ, прежде чѣмъ вскрыть, и нѣсколько разъ перечла адресъ. Что могъ писать человекъ, на-дняхъ получившій отъ нея отказъ?.. Правда, ей не совсѣмъ нравилась манера, съ какою онъ его принялъ и удалился: онъ держался такъ, словно его самолюбіе было оскорблено больше, чѣмъ чувство, словно онъ намѣренъ отомстить и убѣжденъ, что придетъ и его очередь торжествовать.

Но нѣтъ! Неблагодарно подозрѣвать его въ такой низости, какъ желаніе отомстить!.. А что, если онъ повторитъ прежнюю просьбу? И сомнѣніе закралось въ сердце Джессики, какъ закрадывалось и прежде: умно ли она поступила, отказавъ ему? Онъ отличался отъ ея идеала очень немногимъ, и это опасное сходство не разъ смущало ея душу. Но она не считала его достаточно смѣлымъ, чтобы снова придти къ ней и требовать согласія, рискуя вторично получить оскорбительный отказъ. А если да?.. Если онъ настолько смѣлъ?.. И она распечатала письмо.

Въ немъ было всего три строчки; Джессика прочла ихъ нѣсколько разъ. Франкъ просилъ позволенія рекомендовать ей своего друга, мистера Ванъ-Бюрена.

«Гдѣ я слышала раньше это имя?» подумала Джессика. «Наверное, не отъ Франка... Кажется, отъ миссисъ Стэнли! Да, да, конечно!»

Она быстро подошла къ письменному столу и написала:

«Дорогой другъ. Ваше милое письмо пришло только-что, вмѣстѣ съ письмомъ Франка. Онъ пишетъ, что его товарищъ, Ванъ-Бюренъ, будетъ черезъ нѣсколько дней въ нашемъ городѣ; считая его симпатичнымъ человекомъ, Франкъ далъ ему рекомендательное письмо ко мнѣ, желая—какъ онъ пишетъ—доставить мнѣ пріятное знакомство».

«Напишите поскорѣе, не тотъ ли это Ванъ-Бюренъ, котораго вы знаете и который женится на Полли Поппъ. Если да—я должна быть осторожна. Я помню, вы говорили, онъ хорошъ до очарованія, и я боюсь, что мнѣ съ нимъ не справиться. Я, кажется, убогу изъ

ХІХ выставка картинъ общества русскихъ акварелистовъ, „Плясунья“.
Съ картины М. А. Матвѣева грав. Шюблеръ.

дома и пережду въ окрестныхъ лѣсахъ, пока онъ не уйдетъ. И *отчего* это Франку такъ хочется познакомиться мнѣ съ нимъ? Развѣ только?..

«Отвѣчайте скорѣй, скорѣй! Я напишу вамъ подробности сегодня вечеромъ.

Ваша Джессика».

Черезъ день пришелъ отвѣтъ, заказнымъ письмомъ. Джессика улыбнулась, увидя лишнюю марку, и разорвала конвертъ быстрѣе обыкновеннаго.

«Любимая моя дѣточка. Обстоятельства осложняются. Вашъ Вань-Бюренъ—и есть мой Вань-Бюренъ, но бѣдная Полли Поппъ уже не можетъ назвать его своимъ: свадьба разстроилась, а почему—покрыто мракомъ невѣстности. Онъ, очевидно, не признаетъ за собой никакой вины и съ гордостью уклоняется отъ всякихъ объясненій. Если бы я убѣдилась, что онъ могъ сдѣлать низость, то, кажется, заставила бы мужа побить его, хотя это не мое дѣло. (Впрочемъ, онъ и за мной претонко ухаживалъ). Во всякомъ случаѣ, это человѣкъ замѣчательно умный, страшно хитрый и неотразимо привлекательный. Другого такого я не знаю; а вы, Джессика—вы даже не подозреваете, что *могутъ* быть такіе мужчины на свѣтѣ! Даже я, старая женщина, съ пятнадцати-лѣтней Джоржи на рукахъ—къ стыду моему должна признаться, что и я поддаюсь его очарованію, и когда онъ на меня глядитъ, мнѣ кажется, что онъ видитъ не только всю мою душу, но даже зорь обоев за моею спиной!.. Видь у него очень благовопитаннаго, очень самостоятельнаго и очень сдержаннаго человѣка. Самоувереніе—страшное, какъ будто онъ созданъ не для нашего жалкаго общества, а для какой-то особенной житейской обстановки. Смѣшно и стыдно мнѣ передавать вамъ глупыя сплетни, Джессика, но вы сами хотѣли знать о немъ побольше, такъ найдите и слушайте: онъ, будто бы, говорилъ, что стобитъ ему пожелать—и всѣ барышни и дамы въ нашемъ городѣ кинутся ему на шею; но онъ, молъ, не желаетъ ни одной. Я не могу повѣрить, чтобы онъ могъ сказать такую пошлость! Онъ слишкомъ уменъ, слишкомъ тонокъ для этого... и слишкомъ хорошъ. Но если это правда—нужно во что бы то ни стало покорить его! Увлеките его, Джессика, заставьте его склониться передъ вами на колѣни, заставьте сдѣлать предложеніе—а потомъ, жалкаго, уничтоженнаго, оттолкните съ презрѣніемъ... для Полли Поппъ. За это не только она, но и сотни другихъ дѣвушекъ осыпали бы васъ цвѣтами. Вы, вы одна въ цѣломъ мірѣ можете побѣдить его и не сойти съ ума отъ любви! И, конечно, вамъ одной я рѣшаюсь предлагать такая вещи. О, Боже! Надѣюсь, судьба не накажетъ мою Джоржи за злобныя бредни ея старой матери!.. Однако, какъ это, въ самомъ дѣлѣ, гадко съ моей стороны: можетъ-быть, онъ никогда не говоритъ подобныхъ вещей?»

«Когда вы его увидите, другъ мой, вы тоже найдете, что онъ *слишкомъ* обаятеленъ.

«Я увѣрена, что вы его поймете. Скрутите же его, унижьте—и отвернитесь. Ему пора попасть въ руки такой Цирцеи, какъ вы. О, Господи, я становлюсь совсѣмъ злоючюй-вѣдьмой!»

«Завтра иду покупать первые очки. Противно о нихъ и подумать, но что подѣлаешь!..

«Послѣ морскихъ купаній, въ Джоржи прибавилось двѣнадцать фунтовъ вѣсу; она пришла бы въ ужасъ, если бы знала, что я пишу вамъ объ этомъ. До свиданья, моя радость.

«Сердечно любящая васъ соумышленица

Л. Стэнли.

«PS. Право не знаю, *зачѣмъ* Франку понадобилось знакомить его съ вами. Не можетъ же мужчина быть такъ глупъ, чтобы представлять Вань-Бюрена женщиной, которую онъ самъ любитъ!.. Развѣ только!.. О, я совершенно съ вами согласна!»

Джессика рѣшила, что надо хорошенько подумать, и прежде всего прерительно улыбнулась:

«Да, онъ бы всѣ забросал меня цвѣтами, сдѣлай я то, чего онъ не можетъ сдѣлать самъ! Нѣтъ, слава Богу, я не знаю ни Полли Поппъ, ни остальной компаніи, и ради *ихъ* удовольствія палецъ о палецъ не ударю!.. Интересно знать, когда онъ явится?»

III.

Онъ пришелъ въ тотъ же день. Сидя одинъ въ гостиной въ ожиданіи хозяйки, онъ съ пасмѣшливой улыбкой вспоминалъ свой недавній завтракъ съ двумя товарищами, изъ которыхъ Франкъ Фэръ только-что пережить періодъ сумасшедшей любви, а у другого послѣдній какъ разъ начинался. Страшная глупость: развѣ можетъ дѣвушка—какая бы она ни была—кружить головы всѣмъ мужчинамъ, и даже умнымъ, хорошимъ малымъ! Ясное дѣло, она изучила нѣсколько удачныхъ приемовъ и, умѣло пользуясь ими, всегда добивалась успѣха.

Онъ ненавидитъ флиртъ. Онъ знаетъ, что она ему не понравится. Онъ опять улыбнулся, вспоминая восклицаніе одного знакомаго, когда тотъ узналъ о его предстоящемъ визитѣ:

— Идете знакомиться съ миссъ Дрю? Боже васъ сохрани!

Вань-Бюренъ слегка смѣтился, замѣтивъ неожиданно, что миссъ Дрю уже стояла въ дверяхъ гостиной и молча смотрѣла на него. Онъ долженъ былъ пройти къ ней черезъ всю комнату. Въ манерѣ, съ какой она протянула руку и въ самомъ прикосновеніи было что-то особенное; послѣ онъ вспомнилъ, что она спокойно положила въ его руку свою, которую онъ поддерживалъ одну секунду; это было очень приятно; онъ посмотрѣлъ ей въ глаза и почувствовалъ удовольствіе, что пришелъ.

Первыя минуты прошли гладко. Оба изучали другъ друга подъ

прикрытіемъ обычныхъ, мало значащихъ фразъ. Скоро оба нашли свое предвзятое мнѣніе невѣрнымъ.

Джессика уже нѣсколько разъ повторила себѣ:

«Нѣтъ! Онъ не могъ сказать такой пошлости! Не можетъ быть!..»

Дѣйствительно, такихъ мужчинъ она никогда не встрѣчала. Сила... Въ немъ чувствовалась какая-то особенная сила, миссисъ Стэнли была совершенно права; но Джессика удивилась, какимъ образомъ умная и проникательная женщина могла назвать его гордость—самоувереніемъ: это была гордость естественная, неизбежная, украшавшая человѣка, а не пустое самоувереніе!.. Съ нимъ можно было говорить, съ нимъ стоило сразиться.

«Удивительные глаза!» думалъ Вань-Бюренъ. «Въ первую минуту они были свѣтлые и прозрачные, какъ янтаръ, а теперь въ нихъ движется какія-то глубокія, фантастическія тѣни... О чемъ она думаетъ? Что она думаетъ *обо мнѣ*?»

Вопросъ удивилъ его самого: до сихъ поръ онъ никогда не сомнѣвался въ томъ, что думаютъ о немъ женщины; всѣ ихъ мысли были прозрачны, и его склонность къ психологіи никогда не встрѣчала среди женщинъ матеріала, интереснаго для наблюденій.

«Боже мой! Зачѣмъ, для чего Франкъ познакомилъ меня съ этимъ человѣкомъ?»—думала между тѣмъ Джессика.

Этотъ вопросъ раздражалъ ея любопытство. Она считала унижительнымъ голословно обвинять Франка въ мстительности; она признавала его—умомъ, если не чувствомъ—*почти* идеальнымъ человѣкомъ и не хотѣла допустить мысли, что онъ нарочно ввелъ въ ея жизнь безусловно опасную, коварную личность.

«Коварную?.. Но я *чувствую*, что онъ хорошій!.. Зачѣмъ же? Зачѣмъ?»

— Очевидно, вы не успокоитесь, пока не разрешите вопроса.

Это неожиданное замѣчаніе, произнесенное спокойнымъ тономъ, вызвало на лицѣ Джессики такое искреннее удивленіе, что онъ улыбнулся.

— Какъ вы угадали?—спросила она.

«Хорошая» мелькнуло у него въ головѣ. «Не отговаривается пустыми словами».

— По вашимъ глазамъ,—отвѣчалъ онъ вслухъ.— Вы стараетесь разрешить задачу. Не лгу себя мыслью, что я васъ занимаю, но все же вы пробуете разрешить задачу, изучая меня. Угадалъ я, или нѣтъ?

— Угадали... Я думала о томъ, должна ли женщина вѣрить своему непосредственному чувству?

— Не знаю; у насъ оно мало развито.

— Да, кажется—мало. Но зато способность рассуждать логически настолько развита у мужчинъ, что они иногда видятъ разумомъ чужую душу, хотя не чувствуютъ ее сердцемъ. Вы это только-что доказали.

Она говорила просто и искренно.

Вань-Бюрена покорило: вотъ она, военная хитрость! Это была его собственная манера, онъ ждалъ ея и сейчасъ же узналъ: переходъ на личную почву! И какъ артистически она разставила ловушку, какъ естественно—подумашь! Нѣтъ, онъ ни за что не сдастся! Положимъ, она больше чѣмъ красавица, она особенная дѣвушка—но онъ теперь видитъ ея главныя силы; это его же орудія! И какъ ни тонко, но она шла напроломъ. Это ему не понравилось.

— По-моему, у мужчинъ пять чувствъ, у женщинъ шесть, а у кокетокъ семь,—сказалъ онъ, смотря ей прямо въ глаза.

Тонкая натура Джессики моментально почувствовала перемену; и она знала, отчего произошла эта перемена. Другіе мужчины слѣпо попадали въ разставленные сѣти, этотъ же настолько уменъ, что съ перваго шага выпутался изъ тенетъ. Вполнѣ оцѣнивъ соперника, она, тѣмъ не менѣе, почувствовала уколъ его тонкой рапиры, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ ея тенета были разставлены не съ холоднымъ расчетомъ, а скорѣе съ бессознательнымъ порывомъ искренности. Она еще не успѣла отвѣтить, какъ онъ прибавилъ:

— Этимъ женщина выше мужчины.

Такая иронія была открытымъ ударомъ.

— А звѣрь выше обоихъ,—сказала она, прикрывая рѣсницами набѣжавшія на глаза темныя тѣни:—у звѣря есть инстинктъ, который степенью выше женской чѣткости. Только мужчина посланъ въ міръ бродить ощупью, и ему нерѣдко приходится сложить свое единственное оружіе—логику.

Ея гибкій и остроумный отвѣтъ сразу переслалъ его минутное разочарованіе. Онъ разсмѣялся.

Но Джессика только улыбнулась. Она была дѣйствительно оскорблена. До сихъ поръ мужчины считали ее лучше, чѣмъ она есть, а этотъ не хотѣлъ признать въ ней даже то, что она сама считала въ себѣ хорошимъ. Это было чересчуръ.

— Такъ вы ставите инстинктъ животнаго выше непосредственнаго чувства женщины?—спросилъ онъ.

— Да. Животныя, слѣпо руководясь инстинктомъ, никогда не ошибаются; женщина ошибается только тогда, когда убѣдитъ себя разумомъ, что не слѣдуетъ отдаваться непосредственному чувству; мужчина, руководясь исключительно логическими выводами, бываетъ чаще всѣхъ неправъ.

Въ тонѣ ея голоса не было ни гордости, ни злобы—только твердая увѣренность.

— Какъ неправъ?—спросилъ онъ.

— Размышляя строгими силлогизмами, онъ часто не замѣчаетъ, какъ больно онъ ранитъ чужое сердце.

Вань-Бюренъ взглянулъ на нее съ подозрѣніемъ. Что это, опять переходъ на личную почву? Несмотря на его предостереженіе? Но спокойный тонъ и повѣдѣніе ея доказывали, что она только разсуждала. Это укололо его. Съ досадою замѣтивъ въ себѣ чувство обиды, онъ такъ раздражился, что не успѣлъ его скрыть.

— Такой умной женщиной, какъ вы, нечего опасаться за свое сердце, — сказалъ онъ, не подумавъ, и въ ту же секунду закусилъ губы.

Джессика моментально воспользовалась его промахомъ:

— Такъ это были личности? Я думала, мы разсуждаемъ вообще.

Онъ промолчалъ въ досадѣ и продолжалъ смотрѣть на нее. И что-то одухотворенное, тонкое въ лицѣ и во всей позѣ дѣвушки поразило его больше, чѣмъ всѣ ея слова, и коснулось глубины его сердца. Онъ понялъ, что отнесся къ ней несправедливо, не такъ, какъ долженъ относиться мужчина къ женщинѣ—въ особенности онъ къ *такой* женщинѣ. Они помѣрились силами, но оба сразу взяли невѣрный тонъ, поставивъ другъ друга въ слишкомъ невыгодное положеніе.

— Начнемъ сначала! — сказалъ онъ просто. — Мы могли бы познакомиться иначе, лучше.

— Нѣтъ, — отвѣчала Джессика, вставая и протягивая ему руку. — Будемъ продолжать въ томъ же духѣ. Только... — она на секунду замаялась: — не считайте меня *слишкомъ* умной: я женщина, съ обыкновенными женскими недостатками.

Странно чувствовалъ себя Вань-Бюренъ, выходя отъ Джессики. Легкое прикосновеніе ея тонкихъ пальцевъ и выраженіе лица въ послѣднюю минуту, казалось, проникли куда-то въ глубь его существа и затронули струнку, о существованіи которой онъ и самъ не подозрѣвалъ. Его воображеніе, открытое впечатлѣніемъ ея особенной красоты, дополняло все, чего она не договорила. Какъ умно и какъ просто дала она понять, что дальнѣйшая борьба между ними была бы недостойна ихъ обоихъ, что имъ лучше сразу признать другъ за другомъ силу и остаться на военномъ положеніи, не занимаясь пустой перестрѣлкой.

Она нисколько не кокетка, нѣтъ! Она слишкомъ эстетична и слишкомъ умна для этого. Она признала въ немъ что-то хорошее, позволивъ ему заглянуть въ ея свѣтлую душу... И онъ — первый разъ въ жизни — почувствовалъ за это благодарность... А впрочемъ, кто ихъ разберетъ, эти чувства — можетъ быть это не благодарность, а удовлетворенный эгоизмъ?.. Можетъ-быть *любовь*?!

И онъ такъ громко ступнулъ тростью по тротуару, что два шедшіе впереди джентльмена оглянулись.

«Не обращайтесь на меня вниманія, господа», — сказалъ онъ имъ мысленно: — «я не сумасшедшій, я только глупъ».

IV.

Прибѣжавъ въ свою комнату, Джессика заперла дверь на ключъ и, крѣпко сжимая руки, принялась быстро ходить изъ угла въ уголъ.

«Пришло!.. Вотъ оно — возмездіе — пришло наконецъ! И вѣдь я ждала, я знала, что оно придетъ, сколько разъ предостерегала себя!.. Теперь поздно, теперь не уйти ни за что».

«О, Франкъ умно поступилъ! Очень умно! Онъ меня лучше знаетъ, чѣмъ я предполагаю. Вотъ отметилъ — Боже мой! Онъ знаетъ, что мнѣ не справиться... Теперь мой очередь! Я знала, знала, что когда-нибудь это случится... Я собиралась возненавидѣть за это Франка — и нисколько не ненавижу! Я рада... Я очень рада, что увидѣла этого человека. Ну что жъ, это ничего не значитъ... Нѣтъ — значитъ! Конечно, очень много значитъ! Прежде всего это значитъ, что я хочу его увидѣть еще разъ. И это значитъ также, что я мечтаю покорить его: вѣдь мнѣ удавалось покорить, кого угодно!.. Да-а, но вѣдь онъ совсѣмъ не такой, какъ другіе, онъ — особенный! Вѣрно говоритъ миссисъ Стэнли; она предостерегала меня. Да и все меня предостерегало — а вотъ я, какъ слѣпая и глухая, лѣзу прямо на огонь, съ ума схожу отъ радости, что мною хотятъ поиграть, а потому насмѣются! И ни за что не хочу отступить, хотя еще есть время... Что — есть время?.. Вовсе нѣтъ, ни минуточки нѣтъ времени! Теперь ужъ конецъ, поздно, теперь мнѣ его никогда не забыть... Съ этого дня онъ составляетъ часть моего существа — но *только* (надо это помнить!), *только* для мукъ и горя. Ему все равно: онъ сильнѣе и опытнѣе меня!».

«Не будь я такая гадкая, у меня не было бы теперь сомнѣній и страха: женщины, которыя никогда не играютъ въ любовь, — навѣрное никогда не боятся, что *имъ* могутъ не отвѣтить на ихъ честную любовь. Имъ въ голову не придетъ, что вниманіе со стороны мужчины можетъ быть только красивой, вишней игрой, развлеченіемъ... Какъ я глупа! Развѣ я могу ему нравиться? Мало развѣ у него было разныхъ Полли Поупъ и ей подобныхъ? Я только послѣдняя! Черезъ мѣсяцъ будутъ говорить: «Полли Поупъ, Джессика Дрю и всѣ его безнадежныя поклонницы»... Нѣтъ, никогда, ни за что! *Этого* я не могу вынести! Не могу, не могу, не могу!».

«Вотъ это прекрасно, нечего сказать: начала уже беспокоиться, что люди обо мнѣ скажутъ. Прелестное созданіе, что и говорить: каждый мужчина долженъ быть бы гордиться моимъ чувствомъ — оно такъ чисто, такъ возвышенно!.. О-о!»

И она ушла на колѣни передъ кресломъ, закрывая руками свое возбуденное лицо.

«Если бы я полюбила дѣйствительно хорошаго человека, я могла бы

совсѣмъ переимѣниться... Я чувствую это... Во мнѣ еще есть хорошія чувства...»

Прошло полчаса. Стало смеркаться. Подъ вліяніемъ какой-то новой мысли, Джессика быстро встала, подошла къ письменному столу и перечитала предпослѣднее письмо миссисъ Стэнли. Потомъ положила его обратно въ конвертъ и выпрямилась:

«Да, это рѣшеное дѣло. У меня должно хватить смѣлости и разума хоть настолько, чтобы спастись во-время. Миссисъ Стэнли теперь въ Наррагансетъ, и я воспользуюсь ея приглашеніемъ погостить. Завтра же ѣду».

На слѣдующее утро, садясь къ окну въ отдѣленіи перваго класса, въ которомъ не было ни одного пассажира, Джессика густо покраснѣла подъ вуалью: она убѣдала... Она, Джессика Дрю, спасалась бѣгствомъ!

И между тѣмъ, въ душѣ ея не было сознанія, что она поступаетъ именно такъ, какъ должна, подчиняясь разуму, достоинству, благородству... Нѣтъ! Въмѣсто этого она испытывала странную нерѣшимость и въ чемъ-то укоряла себя.

Да, это глупо. Въ сущности, она не знаетъ человека; она обязана была подождать слѣдующей встрѣчи, прежде чѣмъ бѣжать, сломавъ голову!

Обязана?..

Гордая насмѣшка надъ собственной мыслью искривила ея гордыя губы: «обязана» — потому, что она *хочетъ* его видѣть... Хочетъ, хочетъ, мучительно хочетъ, больше всего въ мірѣ!..

Поѣздъ помчался. Дверь изъ курительнаго отдѣленія отворилась, кто-то вошелъ и вдругъ остановился. Джессика подняла голову и встрѣтила пораженный взглядъ Вань-Бюрена.

Одну секунду онъ колебался, потомъ подошелъ и, переложивъ ея плечъ на противоположный диванъ, сѣлъ рядомъ.

— Это было мое мѣсто, — проговорилъ онъ съ полусмущенной улыбкой, не глядя на нее.

— Какъ странно, — невольно прошептала Джессика.

— Вовсе не странно, — серьезно отвѣтилъ онъ.

Джессика робко посмотрѣла на него.

— Я думала, вы дольше останетесь въ нашемъ городѣ.

— Да, я собирался, но выѣхалъ неожиданно... Я только-что послалъ вамъ записку и нѣсколько розъ, — продолжалъ онъ дѣловымъ тономъ.

Джессикѣ мгновенно охватило желаніе телеграфировать съ первой станціи домой, чтобы ей переслали записку и розы. Розы... *Первыя* отъ него... и, конечно, послѣднія!..

— Благодарю васъ, Я...

— Вы мнѣ тоже вчера не говорили, что собирались уѣхать, — перебилъ онъ.

— Не говорила?

Видя его смущеніе, она попробовала овладѣть собой. У нея было въ карманѣ послѣднее письмо миссисъ Стэнли, взятое нарочно на случай, если ея твердость поколеблется. Она положила на него руку, черезъ платье, и бумага слегка зашуршала. Тѣмъ не менѣе, ея снова охватило чувство безпомощности, словно кто-то отнималъ всѣ ея силы... И это было такъ приятно... Куда онъ могъ ѣхать?..

— Я ѣду въ Наррагансетъ, — неожиданно проговорилъ онъ: — вѣроятно, и вы тоже?

У Джессики отъ ужаса захватило дыханіе.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я ѣду... — (Господи, да какъ же называется то мѣсто, гдѣ у тети Ливингстонъ имѣніе?) — въ... въ Юркъ-Гарборъ.

— Но этотъ поѣздъ не идетъ въ Юркъ-Гарборъ! — громко произнесъ онъ, взглядывая на нее въ первый разъ.

При его мужскомъ складѣ ума, всякое смущеніе мгновенно исчезло, лишь только онъ услышалъ, что женщина попала въ невѣрный поѣздъ.

— Боже мой! — и Джессика густо покраснѣла. — Какъ это папа ошибся? Вѣдь я ему, кажется, сказала, что хочу поѣхать сначала въ Юркъ-Гарборъ!

— Сначала?.. Значитъ потомъ вы собирались въ Наррагансетъ?

— Да... Миссисъ Стэнли теперь у себя въ имѣніи.

— Такъ поѣжайте сначала къ ней! — горячо проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Сначала я непремѣнно должна ѣхать въ Юркъ-Гарборъ! Вы обязаны мнѣ помочь. Тетя ждетъ меня и будетъ страшно беспокоиться.

Тутъ ея густыя рѣсницы невольно опустились: она вспомнила, что тетя очень больна и ни въ какомъ случаѣ не можетъ принимать гостей, даже ее.

— Не беспокойтесь, миссъ Дрю. Ошибку легко исправить, — серьезно проговорилъ онъ. — Позвольте мнѣ лично доставить васъ въ Юркъ-Гарборъ.

Джессика разсмѣялась, и нервная нотка прозвѣла въ этомъ короткомъ смѣхѣ:

— Ни въ какомъ случаѣ!.. Я ѣду въ Наррагансетъ.

У миссисъ Стэнли гостило довольно большое общество. Благодаря разнымъ мелочнымъ, свѣтскимъ обычаямъ, Джессика и Вань-Бюренъ не могли воспользоваться случаемъ, чтобы выяснитъ свои чувства. Каждый изъ нихъ наконецъ убѣдился въ искренности и глубинѣ своего чувства; но, помни изъ личной практики всѣ способы разсчитанной, холодной атаки, ежеминутно подозрѣвалъ другого въ тонкой, артистической игрѣ.

Воскресный день въ Фрейбургѣ (Швейцарія). Съ картины У. Мюлье грав. Бодь.

Какъ путешествуютъ въ Гватемалѣ. По рис. Г. Л. К. грав. Шлиперъ.

Миссис Стэнли приходила въ восторгъ отъ этого особеннаго флирта, развивавшагося передъ ея глазами, и еще больше разжигала дѣло остроумными намеками, совѣтами и предостереженіями.

Наступила осень, и всѣ разъѣхались по домамъ одновременно. У Ванъ-Бюрена не хватило бы силъ уѣхать раньше, т. е. оставить Джессику по собственной волѣ. Если бы онъ рѣшился повѣрить своему «непосредственному чувству», его сомнѣнія давно бы кончились. Но онъ не могъ забыть послѣдняго предостереженія Франка: «Помни, другъ, что она искусна всѣхъ актрисъ въ мірѣ; каждое ея слово основано на тончайшихъ соображеніяхъ; я не слыхалъ ничего, что выходило бы у нея изъ сердца — если только у нея есть сердце!»

Подобная характеристика имѣла въ глазахъ Ванъ-Бюрена даже болѣе значенія, чѣмъ предполагалъ Франкъ Фэръ: онъ понималъ такую натуру, угадывалъ въ ней свою собственную! И теперь, помня предостереженія друга, онъ наблюдалъ за дѣвушкой съ безпошадной предвзятой точки зрѣнія, не позволялъ себѣ вѣрить простымъ впечатлѣніямъ, не хотѣлъ слушать, что подсказывало ему любимѣе сердце — и такъ и разстался, не сказавъ ей ничего.

Живя у себя дома, въ Нью-Йоркѣ, Ванъ-Бюренъ получилъ среди осени приглашеніе къ однимъ знакомымъ на сезонъ охоты, и уже совсѣмъ-было собрался ѣхать, когда узналъ во-время, что тамъ будетъ и Джессика Дрю. Онъ умышленно избѣгалъ встрѣчи даже съ Франкомъ и миссисъ Стэнли, боясь разговоровъ о томъ, что стало теперь его мучительною, неотвязною мечтой.

V.

Быль канунъ Рождества. Ванъ-Бюренъ шелъ вдоль Широкой улицы, погруженный въ собственные мысли. Онъ осыпалъ себя упорами: развѣ можно было поддаваться постороннему вліянію, даже вліянію такого искренняго друга, какъ Франкъ Фэръ!.. Здѣсь только она сама, только Джессика можетъ рѣшить его сомнѣнія — и судьбу. Съ тѣхъ поръ какъ онъ разстался съ нею, она представлялась ему такой прекрасной, чистой, свѣтлой, и въ то же время такой близкой, каждое ея слово такимъ правдивымъ, — что все его существо было полно одной мыслью: видѣть ее! Видѣть, слышать и любить!..

И въ одну секунду онъ рѣшилъ ѣхать къ ней, ѣхать сегодня же, съ вечернимъ поѣздомъ.

При этомъ вдохновенномъ рѣшеніи съ души его спала страшная тяжесть. Онъ улыбнулся и, почувствовавъ себя легко и весело, остановился на углу 23-й улицы и вынулъ изъ кармана папиросницу и спички. Холодный, рѣзкій вѣтеръ гналъ по улицѣ мелкій снѣгъ и задулъ спичку. Ванъ-Бюренъ поднялъ воротникъ и зажегъ вторую. Она тоже потухла: онъ даже не успѣлъ поднести ее къ папиросѣ. Чиркнувъ третью — тоже безуспѣшно.

Нетерпѣливымъ жестомъ отбросилъ онъ въ сторону пустую коробку съ послѣднимъ обломкомъ спички и только-что зашагалъ дальше, какъ къ нему подокичнулъ мальчишка-газетчикъ, съ остроумной, веселой рожицей, покраснѣвшей на холодномъ вѣтрѣ, какъ яблоко. Прыгая передъ Ванъ-Бюреномъ, мальчуганъ держалъ въ рукахъ ярко горѣвшую спичку и повторялъ:

— Возьмите у меня огня, сэръ, возьмите! Моя спичка ярко горитъ!

По его лукавой рожицѣ видно было, что въ случаѣ неудовольствія джентльмена онъ моментально увернется, но пока что онъ продолжалъ прыгать, предлагая свои услуги; спичка, защищенная маленькой шершавой рукой, дѣйствительно горѣла яркимъ огонькомъ. Ванъ-Бюренъ засмѣялся, наклонился и закурилъ.

Въ то же мгновеніе надъ его ухомъ прозвучала еще чей-то смѣхъ. Онъ поднялъ голову и увидѣлъ Джессику. Она стояла въ двухъ шагахъ, сіяла красотой, въ рамкѣ изъ блестящихъ снѣжинокъ, облѣпившихъ мѣховую воротъ шубки и пряди волнистыхъ волосъ.

— Какъ, вы здѣсь?! — воскликнулъ онъ въ порывѣ неожиданной радости. — А я только-что рѣшилъ ѣхать къ вамъ сегодня!

— Да? — и ея глаза заблестѣли ярче снѣжинокъ. — А я избавила васъ отъ хлопотъ. Я прѣехала на праздники къ миссисъ Стэнли.

Онъ бросилъ папиросу и пошелъ рядомъ, не отводя восхищеннаго взгляда отъ милаго лица дѣвушки и не замѣчая мальчишки-газетчика, который, подхвативъ на лету его папиросу, все такъ же прыгалъ впереди, кура и разматывая ихъ счастливыя лица лукавыми глазенками. Джессика замѣтила его первая.

— Посмотрите на этого ребенка! У него салоги каша просятъ.

— А завтра Рождество, барышня! — бойко подхватилъ тотъ съобразительностью уличнаго мальчугана.

— Что вѣрно, то вѣрно, дружнице, — замѣтилъ Ванъ-Бюренъ. — Вотъ, возьми — купи себѣ салоги.

— Ни за какія коврижки, сэръ! — весело возразилъ мальчишка. — Если вамъ все равно, я несусь этою моею матерю.

— Милый ребенокъ! — прошептала Джессика.

— Ахъ, мошенникъ! — пробормоталъ Ванъ-Бюренъ.

— Это не надувательство? — тихо спросила она.

— Почти все на свѣтѣ надувательство, — отвѣчалъ Ванъ-Бюренъ, неожиданно вспомнивъ предостереженіе Франка.

Она наклонилась къ мальчику:

— Вотъ, на углу ждетъ меня карета миссисъ Стэнли. Ты попросишь кучера подѣхать? Ну, спасибо.

— Вы будете дома сегодня вечеромъ? Нѣтъ? Такъ завтра? Можно мнѣ придти? Днемъ?

— Да, приходите. Мы будемъ рады васъ видѣть.

При этихъ обыкновенныхъ словахъ въ ся взглядѣ блеснуло что-то такое, отъ чего сердцу Ванъ-Бюрена стало тѣсно въ груди; оно вдругъ захотѣло вырваться и летѣть, летѣть на просторъ, въ самое поднебесье.

Усадивъ Джессику и проводивъ карету взглядомъ, Ванъ-Бюренъ остановилъ проѣзжавшій мимо кэбъ и ухватилъ мальчишку за шиворотъ:

— Ахъ, мошенникъ ты этакій! — закричалъ онъ въ порывѣ такого дикаго восторга, что никто изъ знакомыхъ не узналъ бы его въ эту минуту. — Сейчасъ полѣзай сюда со всеми твоими газетами, и вѣчно горящими спичками, и знаніемъ человѣческаго сердца! Ѣдемъ въ гости къ твоей матерю! Она вѣрно больна? Нѣтъ? Угля мало? Я такъ и зналъ. У васъ, конечно, шестеро дѣтей и всѣ меньше тебя? Что? Нѣтъ? Только трое? Удивительно. Очень скромное количество для бѣдной женщины. А отецъ вѣрно пьетъ? Тоже нѣтъ? Умеръ? Странное дѣло. Онъ долженъ былъ бы жить, пить запоемъ и битъ васъ всѣхъ. У васъ будетъ завтра ѣлка? Что-о? Нѣтъ? Какъ ты смѣешь ягать! Я тебѣ говорю, что будетъ! И рождественскій обѣдъ будетъ, съ индюшкой и кремомъ, и вы должны всѣ такъ наѣсться, чтобы лопнуть! Слышишь ты это? Обѣщаешь мнѣ лопнуть?

Мальчуганъ заливался восторженнымъ смѣхомъ.

— А, ты, небось, въ восторгѣ, что надулъ меня, а? У тебя, можетъ-быть, богатая мать и добродѣтельный отецъ? Но знаешь, мнѣ рѣшительно все равно, врешь ты или нѣтъ? Ты понимаешь, что я *долженъ* устроить кому-нибудь елку и рождественскій обѣдъ. Понимаешь? Ну? И знаешь почему?..

— Потому — все эта барышня! — не задумываясь, отвѣчалъ мальчуганъ съ широкой улыбкой.

— Вѣрно, братъ! «Потому — все эта барышня!» И если я учиню что-нибудь такое, за что людей сажаютъ въ желтый домъ, или совершу геройскій подвигъ, или уберусь ко всѣмъ чертямъ — знай, мальчикъ: «потому — все эта барышня!» Понимаешь, другъ?

— Понимаю, сэръ. Мы прѣехали. Вотъ наше окно.

— Силы небесныя, что за мѣсто! — и Ванъ-Бюренъ вошелъ вслѣдъ за мальчуганомъ въ темныя сѣни, изъ которыхъ три ступеньки вели въ комнату подвальнаго этажа.

VI.

На первый день Рождества, въ часть, слишкомъ ранній для визитовъ, Ванъ-Бюренъ опять входилъ черезъ темныя сѣни въ ту же комнату.

Окруженный тремя дѣтьми (Томъ не считалъ), онъ началъ соорудить съ ихъ оглушительной помощью самую удивительную елку.

— Знаете что, миссисъ Орелли? Мнѣ ужасно интересно, какой у васъ будетъ сегодня обѣдъ... Мнѣ такъ и представляется большой пирогъ съ кремомъ. Вы не начинали еще топить печь? Нѣтъ? Такъ знаете что, подите сейчасъ въ кондитерскую и выберите самый огромный пирогъ, съ цѣлой горой шоколаднаго крему; хорошо? Пожалуйста. И, знаете, возьмите съ собой дѣтей, и пусть они наберутъ себѣ леденцовъ и всякихъ тамъ сластей — столько, чтобы ихъ стошнило. Непремѣнно, чтобы стошнило, миссисъ Орелли? Безъ этого не будетъ настоящаго праздника. И вообще, купите все, что увидите тамъ хорошаго... Для себя, пожалуйста, чего-нибудь вмѣсто этой сырой брусники!.. А я пока навшу эти штуки, — прибавилъ онъ, берясь за подарки, когда всѣ четверо вышли изъ комнаты.

«И куда только засунуть мнѣ эту штуку?» съ недоумѣніемъ спрашивалъ онъ себя черезъ нѣсколько минутъ, держа въ рукахъ огромный резиновый мячъ. Услыхавъ за спиной шорохъ открываемой двери, онъ прибавилъ:

— Миссисъ Орелли, я, кажется, попрошу васъ помочь!

— Хотя я и не миссисъ Орелли, но...

Почти весь четырехугольникъ двери былъ заслоненъ грудой пакетовъ, изъ-за которыхъ выглядывало чудное личико.

— Джессика!..

Мячъ, брошенный въ сторону, подпрыгнулъ до потолка. Освободивъ дѣвушку отъ пакетовъ и свертковъ, Ванъ-Бюренъ до корней волосъ покраснѣлъ отъ неожиданной радости. Когда Джессика это замѣтила, двѣ крупныя слезы, какъ жемчужины, повисли на темныхъ рѣсницахъ Джессики.

— Простите меня, — проговорила она. — Я была несправедлива.

Онъ протянулъ къ ней руки.

— А вы меня полюбите, если я прощу?

— Я уже люблю васъ. Я васъ давно люблю.

У него захватило дыханіе.

— Давно?! Уже давно, Джессика?... О, почему я этого не зналъ, я былъ такъ несчастенъ! Отчего вы мнѣ не сказали?

— Какъ же я могла сказать? Вы никогда не спрашивали! Вы мнѣ даже ни въ чемъ не вѣрили! Я никогда не была сама собой передъ вами. Я боялась придти сюда вчера, чтобы вы не приняли мое доброе желаніе за новый порокъ.

— Хорошая, милая!.. Боже мой, сколько времени мы потеряли!

— Я купила отличнаго луку, мистеръ Ванъ-Бюренъ! Вы, вѣрно, съ удовольствіемъ покупаете съ нами жаренаго луку въ такой счастливый день! — миссисъ Орелли стояла въ дверяхъ, съ большой корзинкой на плечѣ и, ласково улыбаясь, смотрѣла на Джессику.

— Благодарю васъ, миссисъ Орелли. Говоря по совѣсти, я обошелся бы сегодня и безъ жаренаго луку... Это миссъ Дрю.

— Благослови ее Господь! Миссъ Дрю разыскала вчера Томми съ вечерними газетами и пришла къ намъ, какъ ангель небесный.

— Вы красноречивы, миссис Орелли. А где Томми?
— Томми тошнит от леденцов, сэр. Вот он, забился в уголь.
— Это очень хорошо. Приятно слышать, Томми. Как только поправишься, съешь еще, чтобы опять стошнило—слышишь? Если понадобится доктор — заплачу сь величайшим удовольствием! Тогда будет настоящий праздник... Понимаешь, Томми?

— Понимаю, сэр.
Когда Джессика и Вань-Бюренъ вышли на улицу, миссис Орелли высунулась из окна.
— Прелесть, какой джентльмен! Правда, Томми?
— Потому — все эта барышня, — сь убъждениемъ отвѣчалъ Томъ.
— Они приѣхали въ разныхъ каретахъ, а уѣхали въ одной! — торжественно заключила миссис Орелли, захлопывая окно.

Святые Горы.

Весь согнувшийся дугою,
Ветхий днями, лысь и сѣдъ,
На проѣзжую дорогу
Сь внукомъ Сашей вышелъ дѣдъ.

И глядитъ старикъ, склоняясь
Дряхлымъ тѣломъ надъ клюкой,
Какъ течетъ вдоль по дорогѣ
Русскій людъ живой рѣкой:

Кто въ коляскѣ, кто въ линейкѣ,
Кто въ телѣгѣ, кто верхомъ,
Кто сь котомкой за плечами
По пути бредетъ пѣшкомъ.

Говоритъ внукъ Саша дѣду:
— «Ты скажи, коль можешь, мнѣ,
Что такое приключилось
Вь нашей тихой сторонѣ?»

«Вѣрно, дѣдушка, ты знаешь,
И откуда, и куда
По шоссе идутъ и ѣдутъ
Мужички и господа!» —

Дѣдъ киваетъ головою —
Внуку малому въ отвѣтъ:
— «Ну, конечно, милый, знаю!
Не скажу тебѣ я — нѣтъ!

«Вѣдъ сегодня — день великій,
Дорогой намъ, русскимъ, день!
Свѣтлый праздникъ для столицы
Городовъ и деревень!

«Ото всѣхъ концовъ Россіи
Шлетъ гонцовъ отчизны ширь;
Всѣ спѣшатъ къ пѣвцу родному,
Вь Святогорскій монастырь.

«На весь мѣръ перомъ свободнымъ
Свой народъ прославилъ онъ;
И къ нему, ко дню рожденья,
Русь стеклася на поклонъ.

«Знай же, Саша, что сегодня
Ровно минуло сто лѣтъ,
Какъ въ Москвѣ родился Пушкинъ,
Тетка твой, большой поэтъ!»

— «Какъ сто лѣтъ?» смѣется мальчикъ,
Широко глаза раскрывъ.
«Видно, дѣдушка, ошибся!
Такъ состарился и живъ?»

— «Живъ онъ! Самъ того не зная,
Внукъ, ты истину изрекъ!
И не старъ, а молодъ, молодъ
И отъ смерти онъ далекъ!

«Буду я лежать въ могилѣ,
Старымъ будешь, внучекъ, ты —
Сохранить пѣвецъ народный
Прежней юности черты!

«Протекутъ, смѣняясь, годы,
Проплывутъ чредой вѣка, —
Не умчитъ его сь собою
Къ смерти вѣчности рѣка.

«И, какъ правда, неизмѣнный
Вь роковомъ потокѣ лѣтъ,
Будетъ жить вь сердцахъ народныхъ
Воспитавшій ихъ поэтъ!»

Н. Борисовичъ.

Морской чортъ.

Недавно вернувшійся изъ продолжительнаго путешествія по Нижней Калифорніи и Мексикѣ французскій ученый Леонъ Дигэ (Dignet) вывезъ оттуда многочисленную коллекцію образчиковъ флоры и фауны посѣщенныхъ имъ мѣстностей. Главную достопримѣчательность его коллекціи составляетъ рѣдкій въ музеяхъ прекрасный экземпляръ испанской рыбы, изъ породы скатовъ, носящей своеобразное названіе *морского чорта*. Рыба эта принадлежитъ къ разряду головоперыхъ (cephalopteri); научное названіе ея *Manta* или *Cephalopterus birostris*.

Названіе cephalopterus или головоперыхъ дано этимъ рыбамъ потому, что по обѣ стороны головы у нихъ имѣютъ подобіе крыльевъ или роговъ, представляющихъ на самомъ дѣлѣ ничто иное, какъ грудные плавники. Благодаря сплюсненной, словно сжатой формѣ ихъ туловища, снабженнаго сбоку очень сильно развитыми брюшными плавниками и заканчивающагося сзади длиннымъ и тонкимъ хвостомъ, онѣ напоминаютъ своимъ видомъ фигуру воздушнаго змѣя, котораго мальчуганы сь такою радостью любятъ запускать въ воздухъ. Поверхность ихъ бываетъ по большей части гладкою и всегда темнаго цвѣта, чернаго сь синимъ отливомъ; нижняя сторона, гдѣ находятся жаберныя расщелины, наоборотъ, матово-бѣлая.

Морской чортъ, вывезенный Л. Дигэ и принесенный имъ въ даръ парижскому музею естественной исторіи, былъ пойманъ въ Калифорнійскомъ заливѣ сь помощью лодки и парохода; по обычу въ распоряженіи рыбаковъ, занимающихся ловлей ихъ, нѣтъ другихъ приспособленій, кромѣ простого, выдолбленнаго изъ древеснаго ствола, челнока, называемаго *каноа* (canoa). Трое мужчинъ усаживаются въ это примитивное суденышко; одинъ сзади управляетъ весломъ, другой держитъ гарпунъ, а у третьяго въ рукѣ копьё, къ которому, какъ и къ гарпуну, привязана веревка.

Когда животное поражено гарпуномъ, оно обыкновенно ищетъ спасенія въ бѣгствѣ и быстро уплываетъ, насколько позволяетъ ему веревка, отпускаемая вслѣдъ за нимъ сь лодки. Но какъ только оно почувствуетъ, что дальше его что-то не пускаетъ, оно старается освободиться отъ гарпуна, и, послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ въ этомъ направленіи, быстро устремляется обратно на челнокъ. Тутъ нужно держать ухо востро. Человѣкъ, вооруженный копьёмъ, бьетъ манту въ одинъ изъ ея головныхъ придатковъ, а одинъ изъ его товарищей, въ то же время, не выпуская однако веревки, схватываетъ другое копьё и старается попасть въ плавниковое сочлененіе. Если оба удара удачны, манта словно парализуется, и ее уже легко прикончить ударами копья. При неудачѣ же первыхъ

ударовъ, дѣло, по словамъ г. Дигэ, совершенно мѣняется, и манта, наваливъ на челнокъ, можетъ его кувырнуть, и погубить ловцовъ ударами своихъ плавниковъ. Въ такомъ случаѣ наиболее важная роль выпадаетъ на гребца, который, маневрируя своимъ весломъ, восстанавливаетъ равновѣсіе, колеблемое воинственными попытками морского чорта, въ то время, какъ остальные двое, укрываясь въ челнокѣ отъ сильныхъ ударовъ чортовыхъ плавниковъ, стараются отбиться отъ животнаго своими копиями.

Морской чортъ — животное далеко не воинственное. Если оно и накидывается такимъ образомъ на ловцовъ, то только въ минуту смертельной опасности. У морского чорта есть скверная привычка — захватывать своими придатками попадающіяся ему навстрѣчу неподвижныя и плавающія тѣла. Зачастую по утрамъ его находятъ подвѣсившимся къ опущеннымъ въ воду якорнымъ канатамъ и цѣпямъ. Поэтому, въ періоды морского затиханія, ловцы жемчуга предусмотрительно закрѣпляютъ свои маленькія суда не однимъ, а двумя якорями, основательно опасаясь, что, въ противномъ случаѣ, суда ихъ могутъ быть далеко увлечены сильными мантами.

Морской чортъ показывается въ Калифорнійскомъ заливѣ, главнымъ образомъ, сь марта по іюль. Въ теченіе этого періода, когда море бываетъ спокойно, можно часто наблюдать, какъ морской чортъ плыветъ по морской поверхности, описывая большіе круги, или внезапно выскакиваетъ изъ воды вверхъ на воздухъ и затѣмъ снова, сь большимъ шумомъ падаетъ въ свою стихію. Г. Дигэ предполагаетъ, что онъ питается мелкими разновидностями ракообразныхъ или другими морскими животными, густо пеленою покрывающими въ это время водную поверхность залива.

Экземпляръ морского чорта, добытый г. Дигэ, довольно значительнаго по своимъ размѣрамъ; въ свѣжомъ видѣ, величина его достигала 4 метровъ (около 5½ аршинъ). Но известны экземпляры еще болѣе значительныхъ размѣровъ. Такъ въ Гуаймасѣ, въ Калифорнійскомъ заливѣ, нѣкто г. Кюманжъ (Cushman), главный инженеръ мѣстныхъ копей, видѣлъ экземпляръ морского чорта, который имѣлъ въ ширину 12 метровъ (около 17 аршинъ); сорокъ человекъ сь трудомъ вытянули его на берегъ. Другой экземпляръ, добытый сравнительно недавно въ окрестностяхъ Нью-Йорка, для извлеченія котораго изъ воды на берегъ понадобилась, по словамъ д-ра Соважа, сила двухъ быковъ, двухъ лошадей и двадцати человекъ, не можетъ быть еще причисленъ къ самымъ крупнымъ, хотя размѣры его достигали 5 метровъ въ длину и 6 метровъ въ ширину. Таковы же приблизительно были размѣры экземпляра, недавно добытаго у береговъ Испаніи.

Къ рисункамъ.

«Нужда спасаетъ, нужда лишитъ, нужда пѣсеню поетъ»... но еще чаще нужда заставляетъ плакать и нести послѣдній цѣнный вещь въ «злую яму» — къ закладчику. Передъ нами типичная обстановка одной изъ этихъ злыхъ ямъ — комната въ частной кабелъ сеудъ, которыхъ было такъ много еще недавно въ Петербургѣ. Закладчикъ не брезгаетъ ничѣмъ: на столѣ у него бронзовая ваза, на окнѣ ящики съ серебромъ, на этажеркѣ всевозможныя вазы, альбомы и ящички: на стѣнѣ закладныя квитанціи, а на подоконникѣ книги для записи закладываемого имущества. Закладчикъ похожъ на наука: онъ мирно сидитъ въ своей паутинѣ и выжидаетъ жертву. Ему не зачѣмъ отыскивать добычу — она сама, обезсиленная нуждой, летитъ къ нему въ паутину, какъ бѣдная муха... и запутывается въ ней. Художникъ г. Томашевскій-Бонча, картина котораго была на VII-й выставкѣ картинъ Общества художниковъ, изобразилъ намъ «несостоявшійся торгъ». Благодѣтель уже осмотрѣлъ своимъ зоркимъ окомъ два браслета; онъ уже взвѣсилъ ихъ на вѣсахъ, онъ уже опредѣлилъ имъ цѣну и уже выложилъ деньги... Но несчастная муха, залетѣвшая въ сѣти паука, несмотря на всю свою нужду, не въ состояніи согласиться на бесовѣстно низкую оцѣнку и... торгъ не состоялся. Она возьметъ вещи, а онъ спрячетъ деньги въ ларецъ и равнодушно сядетъ выжидать новую жертву, а, можетъ-быть, и эту самую, потому что онъ увѣренъ, что нужда все-таки загонитъ ее къ нему. Тѣмъ лучше! Тогда можно будетъ оцѣнку еще понизить...

На той же выставкѣ Общества художниковъ обращала на себя общее вниманіе картина нашего извѣстнаго пейзажиста г. Сергѣева — «Рыбаки». Несмотря на простоту сюжета, на несложность композиціи, картина эта — очень большихъ размѣровъ — привлекала къ себѣ вниманіе публики тѣмъ неуловимымъ, на первый взглядъ, настроеніемъ, которое всегда составляетъ секретъ истиннаго дарованія и безъ котораго ни одно художественное произведение не можетъ имѣть настоящей силы. Настроеніе въ картинѣ г. Сергѣева чувствуется не только въ группѣ рыбаковъ, женщинъ и дѣтей, стоявшихъ у невода, но, главнымъ образомъ, въ самомъ пейзажѣ этого туманнаго лѣтняго утра, когда рѣка еще затянута молочной ризою испареній, которыхъ не въ силахъ еще одолѣть восходящее солнце. На этомъ фонѣ спокойнаго пейзажа картина бодрого труда труженниковъ-рыбаковъ производитъ удивительно умиротворяющее, отрадное впечатлѣніе. Вотъ въ чемъ, можетъ быть, секретъ успѣха этой картины, не говоря о блестящей техникѣ, съ которою она написана.

Древніе историки именемъ скивоовъ — скорѣе собирательнымъ, чѣмъ собственнымъ — называли всѣ народы, жившіе въ сѣверо-западной Европѣ и сѣверо-восточной Азіи, не дѣлая различія между тѣмъ или инымъ племенемъ. До насъ дошли описанія ихъ набѣговъ, битвъ, жестокости и дикости. Они возили съ собою привязанными къ сѣдламъ черепа своихъ побѣжденныхъ враговъ и изъ этихъ череповъ пили, какъ изъ чаши. У нихъ была особая тактика войны: заманить неприятельскія войска или орды въ глубь страны, постоянно отступая передъ ними, и затѣмъ, подавивъ ихъ численностью, уничтожить. Такъ они поступили съ Даріемъ въ 513 г., у котораго они уничтожили громадную армію.

На картинѣ г. Васнецова и изображена съ ирреальнымъ ему громаднымъ талантомъ одна изъ скивскихъ битвъ. Достаточно взглянуть на эту картину, чтобы понять, какимъ мощнымъ даромъ проникновения въ сѣдую старину обладаетъ г. Васнецовъ, умѣя придавать своимъ произведеніямъ не только колоритъ самыхъ отдаленныхъ эпохъ, но и духъ ихъ. Скивоы, бывшіе на выставкѣ картинъ г. Васнецова въ Императорской академіи художествъ, — одна изъ его лучшихъ картинъ бытового и былиннаго періода.

Акварель художника М. А. Матвѣева, которую публика любовалась на бывшей въ Петербургѣ XIX выставкѣ картинъ Общества русскихъ акварелистовъ, изображаетъ намъ русскую плясунью, подобченившуюся правой рукой и приподнявшею край передника лѣвой, — характерныя движенія русской народной пляски, когда женщина подъ медленный ритмъ музыки «выступаетъ павой» и «плететъ лебедью»

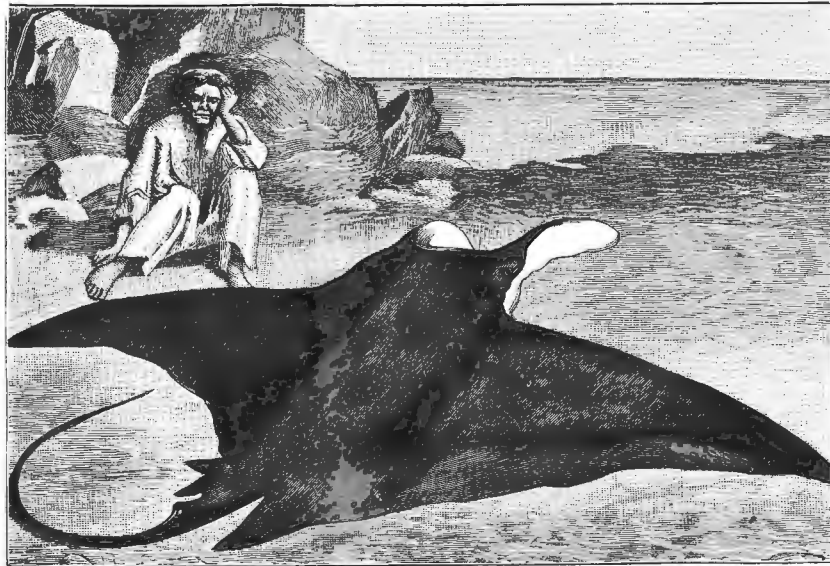
Взглянетъ — искрами словно обмечетъ;
Повернется направо — что сизый орелъ,
Повернется налѣво — что кричатъ
Подвигается мѣрно и взадъ, и впередъ...

Если можно такъ выразиться, художникъ очень удачно уловилъ въ своей картинкѣ именно ритмъ этого танца и вложилъ много экспрессіи въ лицо плясуньи.

Воскресная идиллія... Бирюзовые воды горной рѣки, окаймленные изумрудными берегами и бѣлыми домиками на темнозеленомъ фонѣ горнаго лѣса — таковъ типичный ландшафтъ любого швейцарскаго уголка. Скромный городокъ Фрейбургъ, съ его двумя висячими мостами, считается столицей кантона того же имени; это очень древній городъ, что видно по постройкамъ его, сохранившимъ свои типическія особенности. Городъ былъ основанъ въ 1178 г. герцогомъ Бертольдъ IV и славится церковью св. Николая, органъ котораго считается первымъ въ Европѣ. Обыватели Фрейбурга, какъ и иностранцы, охотно посѣщаютъ этотъ соборъ, выстроенный въ готическомъ стилѣ. Художникъ Менье далъ намъ поэтическую картинку воскреснаго отдыха; пара молодыхъ людей, вернувшись изъ церкви, отдыхаетъ на террасѣ, увитой плющомъ, и любуется видомъ роднаго ландшафта, который никогда надобно не можетъ. Скромно и тихо проходитъ воскресенье въ Фрейбургѣ, такъ же скромно и тихо, какъ и вся жизнь его трудолюбивыхъ обывателей.

Для людей, привыкшихъ пробѣгать тысячеверстныя разстоянія, снокойно разваливъ въ удобномъ кушѣ желѣзнодорожнаго вагона, можетъ показаться, при взглядѣ на нашъ рисунокъ: «Какъ путеше-

шествуютъ въ Гватемаль», что на немъ изображена какаяднибудь смѣшная карнавальная процессія. Имъ очень трудно будетъ повѣрить, что они видятъ передъ собою изображение обыкновеннаго способа передвиженія, практикуемаго въ горной области одного изъ государствъ центральной Америки — республики Гватемалы. При нынѣшнемъ быстромъ развитіи путей сообщенія, можно ожидать, что скоро и эта дикая горная область оживится свистомъ локомотива, тянущаго вездѣ за собою на горныя кручи рядъ удобныхъ вагоновъ; пока же приходится довольствоваться страннымъ способомъ передвиженія, практикующимся въ этой области уже цѣлыя сотни лѣтъ, съ самаго того времени, когда безпокойные испанскіе искатели приключеній, въ своихъ поискахъ за заманчивымъ золотомъ, цѣлыми шайками стали появляться на американскомъ побережьи къ великому удивленію и горю исконныхъ краснокожихъ обитателей этихъ мѣстъ. Испанскіе конкистадоры умѣли довольно ловко примѣняться къ обстоятельствамъ и не задумывались передъ представлявшимися имъ трудностями. Нисколько не смущившись отсутствіемъ въ центральной Америкѣ подходящаго вьючнаго животнаго для перевозки тяжестей по горнымъ кручамъ, они сами создали его, превративъ въ вьючныхъ животныхъ себѣ подобныхъ людей, но разумеется не своего, блага племени, а мѣдно-красныхъ индѣйцевъ-туземцевъ. Съ тѣхъ поръ до нашихъ дней на горныхъ тропахъ Гватемалы повсюду встрѣчаются процессіи въ родѣ изображенной на нашемъ рисункѣ. Въ своеобразномъ креслѣ-клеткѣ, защищенномъ сверху и съ боковъ, спокойно возсѣдаетъ путникъ, совершенно не заботясь о томъ, что вся тяжесть его сытаго тѣла давитъ на спину и особенно на голову несчастнаго человека-животнаго, черезъ лобъ котораго перекинута кожаный ремень, поддерживающій на вѣсу этотъ своеобразный экипажъ. Тысячи верстъ неходитъ съ такимъ грузомъ несчастный туземецъ. Уже за нѣсколько шаговъ можно отличить человека, занимающагося такимъ тяжелымъ и обиднымъ трудомъ, по лишенной волосъ полосѣ и толстой мозолистой опухлости на черепѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ проходитъ ремень съ тяжелою ношею. Иногда эта ноша — пассажиръ, иногда же — простой грузъ. При передвиженіи пассажировъ приходится пользоваться услугами нѣсколькихъ вьючныхъ индѣйцевъ. Одинъ переноситъ самого пассажира, остальные — продовольствіе для него, воду и другой грузъ.

Морской чортъ (*Manta birostris*). По рис. Nature грав. Шлиперъ.

Бельгія: М. Бернартъ.

Греція: М. Деліанисъ.

Данія: Ф. Билль.

Испанія: Герцогъ Тетуанскій.

Китай: Янгъ-Ю.

Нидерланды: Ванъ-Карнебекъ.

Персія: Мирза-Риза-Ханъ.

Португалія: Графъ Мацедо.

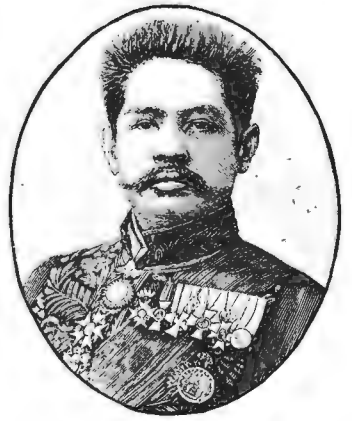
Россія: О. О. Мартенсъ.

Румынія: А. Бельдимапъ.

Сербія: М. Міятовичъ.

Сіамъ: Фіа Зурія Нуватръ.

Турція: Турханъ-паша.

Швеція и Норвегія: Баронъ Билдтъ.

Швейцарія: А. Ротъ.

Японія: Баронъ Гайяши.

Делегаты державъ на мирной конференціи въ Гаагѣ. Автогипси «Нивы».

Делегаты державъ на мирной конференціи въ Гаагѣ. (Съ 16 портретами.)

Въ № 21 *Нивы* мы помѣстили портреты первыхъ делегатовъ всѣхъ великихъ державъ, принимающихъ участие въ работахъ мирной конференціи. Въ настоящемъ номерѣ дополняемъ эту галерею мирныхъ дѣятелей портретами первыхъ делегатовъ всѣхъ остальныхъ державъ. Изъ нихъ почти всѣ занимаютъ или занимали посольскіе посты въ чужестранныхъ государствахъ; делегаты Китая—Янгъ-Ю, Японіи—баронъ Гайаши и Персиа—генералъ-адъютантъ Мирза-Риза-Ханъ состоятъ посланниками при нашемъ Дворѣ. На ряду со всѣми этими первыми делегатами мы помѣстили здѣсь и портретъ профессора О. О. Мартенса, членищагося официально вторымъ делегатомъ, но являющагося бесспорно однимъ изъ самыхъ выдающихся и наиболее подготовленныхъ дѣятелей мирной конференціи. Профессоръ О. О. Мартенсъ—знатокъ международного права, былъ неоднократно избираемъ третейскимъ судьей въ международныхъ спорахъ, и такимъ образомъ можетъ быть по справедливости названъ «умиротворителемъ государствъ».

М. Г. Савина. (Портр. на этой стр.).

Въ настоящемъ году исполнилось двадцатипятилѣтіе сценической дѣятельности въ Петербургѣ Маріи Гавриловны Савиной. Этотъ театралный юбилей совпалъ съ другимъ торжествомъ русской драматической сцены, созданнымъ М. Г. Савиной. Мы говоримъ о ея блестящемъ успѣхѣ за границей, на сценѣ берлинскихъ и пражскаго театровъ. Этотъ первый опытъ ознакомленія иностранцевъ съ русской драмой былъ триумфомъ русскаго драматическаго искусства въ лицѣ ея лучшей представительницы. И дѣйствительно, кто кромѣ Савиной могъ взять на себя смѣлость явиться такой представительницей? Савина, вѣдь это—вся наша петербургская драма за 25 лѣтъ, это—цвѣтъ, гордость ея. И въ Берлинѣ и Прагѣ отнеслись именно такъ: Савину и сопровождавшихъ ее артистовъ гг. Горева, Аполлонскаго, г-жу Стравинскую и др., очарованные артисты и публика чествовали специальными банкетами, привѣтствовали горячими рѣчами, имъ подносили адреса отъ разныхъ артистическихъ обществъ; императоръ и императрица германскіе удостоили М. Г. Савину и другихъ русскихъ артистовъ продолжительной милостивой бесѣды и, въ знакъ выраженія своего восторга, наградили подарками.

И по возвращеніи на родину, все еще подъ впечатліемъ пережитыхъ на чужбинѣ восторговъ, М. Г. Савина удостоилась совершенно исключительнаго отличія: «За особые услуги, оказанныя русскому искусству» ей пожаловано званіе солистки Его Величества, съ правомъ ношенія на груди присвоеннаго этому званію знака, и артистка удостоилась чести представляться Государю Императору.

Эта исключительная награда за 25-лѣтнюю дѣятельность совершенно соответствуетъ услугамъ, оказаннымъ Савиной русскому драматическому искусству. Савина именно—солистка русской сцены. Савина—совершенно исключительное дарованіе, она,—можно сказать,—создала свою школу, дала образецъ сценическаго исполненія, которому четверть вѣка подражаютъ у насъ сотни артистовъ на роли ingénue. Играть «подъ Савину», «по-савински» стало сценическимъ терминомъ, своего рода амплуа. Савина создала цѣлую галерею русскихъ женскихъ типовъ, явившись вдохновенной представительницей русской женщины, истолковательницей ея характера. Всѣхъ этихъ типовъ привести немислимо, такъ какъ она исполнила болѣе 300 ролей и участвовала болѣе чѣмъ въ 2,000 спектакляхъ; но даже изъ наиболѣе яркихъ составится очень внушительный списокъ. Больше всего типовъ принадлежитъ, понятно, Островскому: Наденька («Воспитанница»), Полина («Доходное мѣсто»), Любовь Гордѣевна и Анна Ивановна («Бѣдность не порокъ»), Наташа («Трудовой хлѣбъ»), Глафира («Волки и овцы»), Лидія («Въшенныя деньги»), Тугина («Послѣдній жертва»), Лариса («Безприданница»). Варя («Дикарка»), Елена («Женитба Вѣлугина»), Липочка («Свои люди сочтемся»), Оля Василькова («Свѣтитъ да не грѣбеть»), Евладія («Невольницы»), Шѣгина («Таланты и поклонники»), Оксимова («Красавецъ-мужчина»), Катерина («Гроза»), Марія Андреевна («Бѣдная невеста»), Василиса («Василиса Мелентьевна») и т. д. Затѣмъ, кому не памятна Савина въ роляхъ Даши («Мишуря»), Кати («Виноватая»), Кандюкиной («Вакантное мѣсто»), Ольги («Выгодное предпріятіе») — Потѣхина, въ «Мѣсяцъ въ деревнѣ», «Провинціалкѣ» и «Холостякѣ» — Тургенева, въ «Горѣ отъ ума» (Софья), «Ревизорѣ» (Марія Антоновна), «Чародѣйкѣ» Шпажнскаго (Кума Настасья), «Клеймѣ Бобрыкина», «Симфоніи» М. Чайковскаго (Елена Протичъ) и т. д. Какое необыкновенное разнообразіе женскихъ характеровъ, какіе подчасъ противоположные типы! Единственно, что ихъ соединяло,

это—сама Савина, сроднившаяся съ этими типами, переживавшая всю сложную жизненную драму каждой изъ нихъ и дававшая понять ее намъ, зрителямъ. Всѣ эти женскія фигуры, созданныя нашими выдающимися драматургами, принимали живыя формы, яркія духовныя очертанія въ исполненіи Савиной, улавливающей своимъ художественнымъ чутьемъ всѣ соотвѣтствующія черты ихъ характеровъ, истолковывавшей ихъ публикѣ и, придавъ имъ художественный обликъ, проводившей эти женскіе образы въ массу. Это было такое творчество, которое захватывало массу своей художественностью, искренностью, близостью къ жизни. Не удивительно поэтому, что авторы очень цѣнили такую артистку и уже впередъ были увѣрены въ успѣхѣ своей пьесы, разъ за нею бралась Савина. Островскій, этотъ рѣдкій знатокъ сцены, передъ постановкой своей «Безприданницы» писалъ Бурдину: «Савина при своихъ средствахъ должна съ ума свести публику». Эта пьеса написана была Островскимъ ровню 20 лѣтъ тому назадъ, и такимъ образомъ слова его, характеризующія Савину въ то время, въ то же время были своего рода пророчествомъ.

Теперь, когда Савина находится въ апогѣе своей славы, отъ радно вспомнить скромную обстановку ея перваго дебюта на Александринской сценѣ четверть вѣка тому назадъ. Она явилась на нашу образцовую сцену не «Безприданницей», а уже съ небольшимъ провинціалнымъ именемъ, съ аттестатомъ «мастерницы на первыя роли». Провинція въ данномъ случаѣ выдала очень вѣрный аттестатъ. Это сразу обнаружилось на первомъ же дебютѣ—9-го апрѣля 1874 г.—въ пьесѣ Виктора Крылова «По духовному завѣщанію». Въ ея игрѣ сразу сказалося что-то новое, самобытное, вносящее свѣжую струю въ современное драматическое искусство: вѣло жизни, молодость. Артистическій міръ взволновался, разгадавъ въ ней сразу громадный талантъ. И этотъ юный талантъ развертывался быстро, гигантскими шагами. При празднованіи перваго десятилѣтія сценической дѣятельности М. Г. Савиной уже сказались горячія симпатіи къ ней публики,—это было шумное чествованіе любимой артистки, доставившей своимъ талантливомъ исполненіемъ много художественнаго наслажденія. Еще болѣе шумными были восторги публики по поводу чествованія 20-лѣтія сценической дѣятельности М. Г. Савиной. Это уже было прямо сценическое торжество, въ которомъ принялъ горячее, единодушное участіе и артистическій, и литературный міръ. Нечего говорить о томъ, что въ будущемъ сезонѣ, когда будетъ данъ бенуфисъ М. Г. Савиной за ея 25-лѣтнюю службу, этотъ юбилейный спектакль будетъ прямо-таки праздникомъ русскаго сценическаго искусства.

Теперь, по истеченіи четверти вѣка, М. Г. Савина уже не только выдающаяся исполнительница ролей ingénue, а драматическая, даже трагическая актриса. За послѣдніе годы у многихъ знатоковъ и любителей роднаго театра, при оцѣнкѣ исполненія Савиной, невольно просилась на уста сравненія съ крупнѣйшими современными артистками съ Дузъ во главѣ. Савина постепенно доросла до этого совершенства. Но мы, русскіе, подобно тому, какъ люди обыкновенно не замѣчаютъ постепеннаго роста близкихъ лицъ, не рѣшались поставить М. Г. Савину въ рядъ первостепенныхъ мировыхъ артистокъ, какъ это сдѣлали сразу за границей люди, ознакомившіеся съ ея исполненіемъ по нѣсколькимъ всего пьесамъ русскаго и иностраннаго репертуара. Особенно очаровала М. Г. Савина берлинскую критику и публику исполненіемъ роли Магды въ «Родитѣ» Зудермана. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что они были лишены такого важнаго условія правильной оцѣнки, какъ пониманіе языка. Они цѣнили ея талантъ, школу, ея умъ, ея миимику, ея красивое, выразительное лицо, передающее тончайшія душевныя движенія, ея простоту и глубину чувства, ея умѣнье молчать,—да, умѣнье молчать въ драматическіе моменты, совершенно исключительное у Савиной,—ея страдальческое выраженіе глазъ, которое не можетъ не тронуть каждаго чувствительнаго челоука, ея сильный, богатый нюансами голосъ, ея граціозъ, ея изящество, художественный вкусъ, выражающійся столько же въ области духовной, въ пониманіи и трактовкѣ изображаемаго лица, сколько въ чисто внѣшней, въ дѣлѣ костюма, и создавшей ей вполнѣ заслуженную славу создательницы театралныхъ модъ, и, наконецъ, главное, что не можетъ, по выраженію Островскаго, «не свести съ ума», это—ея молодость... Многимъ, быть-можетъ, покажется страннымъ, что про артистку, справляющую двадцатипятилѣтіе сценической дѣятельности, можно сказать, что она молода. Но такъ могутъ думать лишь тѣ, кто не видѣлъ въ нынѣшнемъ году Савиной. Она неувыдаема, она молода душой, она умѣетъ жить душой, и эта жизнь бросаетъ яркій отблескъ на всю ея внѣшность. Въ этомъ весь секретъ молодости. Да и Савиной, той Савиной, которую мы знаемъ, которой восхищаемся и будемъ навѣрное долго восхищаться, всего вѣдь 25 лѣтъ. И въ этомъ смыслѣ можно понимать ея знаменитый афоризмъ: «Сцена—моя жизнь».

И. Эйзенъ.

М. Г. Савина. По фот. Императорскихъ театровъ авт. «Нивы».

Яковъ Галеви (Портр. на этой стр.)

15-го мая исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Якова Галеви, автора оперы «Жидовка», доставившей ему популярность и любезнѣйшей весь міръ. Кто только не восторгался аріей Элеазара: «Рахиль, ты мнѣ дана»? Но не на одной только «Жидовкѣ» зиждется слава этого композитора; названная опера только болѣе известна и въ ней болѣе ярко отразилась особенность дарованія Галеви, написавшаго не больше и не меньше, какъ тридцать два произведенія, изъ которыхъ болѣе крупнымъ пользовались «Карль VI», выдержавшій подъ рѣдъ сто представленій, «Кирская королева», «Буря» (на шекинпровекій сюжетъ), «Молнія» (комическая опера), «Мушкетеры королевы», «Флорентинская чума» («Гвидо и Жаневра») и др. Въ Парижѣ и въ Ниццѣ (на родинѣ и на мѣстѣ его вѣчнаго упокоенія) состоялись большія празднества въ честь названнаго композитора. Иностранцы умѣютъ чтить своихъ выдающихся дѣятелей и при жизни, и послѣ смерти.

Яковъ Галеви принадлежалъ къ старинной еврейской фамиліи; родился онъ въ Парижѣ 27-го мая 1799 г. и съ самыхъ раннихъ лѣтъ обнаруживалъ блестящія способности въ математикѣ, литературѣ и музыкѣ. Десяти лѣтъ онъ поступилъ въ консерваторію, гдѣ директоромъ состоялъ такой знаменитый музыкантъ, какъ Керубини. Керубини былъ очень строгъ, но Галеви тѣмъ не менѣе окончилъ первымъ и удостоился за свою кантату «Герминія» высшей награды и былъ посланъ въ Римъ.

Здѣсь онъ тщательно изучалъ старинныхъ мастеровъ и по возвращеніи въ Парижъ

Яковъ Галеви.

По старин. портрету автор. «Нивы».

стать заниматься исключительно композиціей, и притомъ только оперной; первые шаги его были довольно неудачны. Слава его началась, когда онъ добился въ 1835 г. постановки своей «Жидовки» на большой сценѣ. Онъ прекрасно понималъ, что послѣ «Цамми», «Вильгельма Телли» (1829 г.) и «Роберта-Дьявола» (1831 г.) надобно выступить съ большою оперою; «Жидовкой» онъ достигъ своей цѣли; успѣхъ этой оперы былъ громадный. Такой же успѣхъ и въ томъ же году имѣла и комическая его опера «Молнія».

Выдающимися отличительными особенностями французской оперной музыки вообще, и въ частности музыки Галеви, являются: рельефность, отчетливость и выразительность, которая въ серьезномъ и трагическомъ жанрѣ возвышается порою до истиннаго пафоса, а въ комическомъ жанрѣ ведетъ къ пикантности; что же касается чисто музыкальных достоинствъ, то здѣсь слѣдуетъ отмѣтить сжатый, отрывистый ритмъ, который значительно усиливаетъ выраженіе чувствъ и страстей, игровую и въ то же время блестящую оркестровку, легкую и граціозную мелодію въ комическомъ родѣ и возбужденность и страстность для выраженія героическаго въ драматическомъ жанрѣ; но надъ всемъ этимъ паритъ у Галеви вдохновеніе, т.-е. то, что составляетъ душу всякаго художественнаго произведенія. Можно смѣло сказать, что, не будь «Вильгельма Телли» и «Жидовки», едва ли въ 1836 г. появились бы «Гугеноты»; во всякомъ случаѣ имѣть шумный успѣхъ послѣ «Роберта» могъ только изъ рѣды выходящій талантъ, каковымъ и былъ авторъ «Жидовки».

В. Баскинъ.

Чествованіе памяти Пушкина.

26-го мая вся Россія «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды» чествовала столѣтіе рожденія своего величайшаго поэта. Начиная со столицъ и кончая маленькими уѣздными городами, всюду происходили торжества, всюду прославляли имя Пушкина. Особенно торжественностью отличались чествованія въ Петербургѣ, Москвѣ и Святыхъ Горахъ, — мѣстѣ упокоенія великаго поэта.

Въ Петербургѣ, 26-го мая, въ 10 часовъ утра, въ Казанскомъ соборѣ была совершена заупокойная литургія по А. С. Пушкинѣ. Заупокойную литургію совершалъ высокопреосвященный Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій съ соборнымъ духовенствомъ при пѣніи митрополитическихъ пѣвчихъ и пѣвчихъ Казанскаго собора.

Императорская академія наукъ избрала для своего торжественнаго засѣданія въ честь Пушкина одинъ изъ самыхъ большихъ залъ въ Петербургѣ — залъ консерваторіи, куда приглашены были всѣ выдающіеся дѣятели въ области литературы и искусства, всѣ высшіе сановники. На эстрадѣ за длиннымъ огромнымъ столомъ, окаймленнымъ бордюромъ зелени и растений, сидѣли академики и въ центрѣ ихъ августѣйшій президентъ великій князь Константинъ Константиновичъ, по правую сторону его высочества — вице-президентъ Майковъ, по лѣвую — непремѣнный секретарь Дубровинъ. Въ парской ложѣ и ложахъ съ правой стороны находились Ихъ Высочества великіе князья Владиміръ Александровичъ, Борісь Владиміровичъ, Андрей Владиміровичъ, великая княгиня Елена Владиміровна, великій князь Алексѣй Александровичъ, великая княгиня Милица Николаевна, князь Александръ Георгіевичъ Романовскій, принцесса Евгения Максимиліановна Ольденбургская, княгиня Анастасія Николаевна, принцесса Елена Георгіевна Салсенъ-Альтенбургская, принцы Александръ Петровичъ и Петръ Александровичъ Ольденбургскіе.

Августѣйшій президентъ академіи открылъ засѣданіе, прочитавъ слѣдующую телеграмму Государя Императора:

«Не имѣя возможности присутствовать въ торжественномъ собраніи академіи наукъ, посвященномъ чествованію столѣтія со дня рожденія великаго Пушкина, Я сердцемъ и умомъ участвую въ празднествѣ, въ которомъ въ этотъ знаменательный день сливается вся Россія.

НИКОЛАЙ».

Вслѣдъ затѣмъ, когда смолкли восторженные клики присутствовавшихъ, Его Императорское Высочество прочелъ слѣдующій Высочайшій указъ, которымъ учреждается въ Императорской академіи наукъ разрядъ изящной словесности и особый фондъ имени Пушкина: «Одушевляемые горячею любовью къ родному языку и родной словесности, завѣщанною Намъ державными предками Нашими, признали Мы за благо, во вниманіе къ представленію Его Императорскаго Высочества великаго князя президента академіи наукъ, ознаменовать столѣтіе со дня рожденія великаго русскаго писателя Пушкина учрежденіемъ въ Императорской академіи наукъ, посвященнымъ его памяти, разряда изящной словесности и особаго фонда имени Пушкина.

Вновь учреждаемый разрядъ долженъ составить одно цѣлое съ отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской академіи

наукъ, образованнымъ изъ Императорской Россійской академіи, членомъ которой былъ Пушкинъ; на отрываемыя въ семь отдѣленій новыя должности академиковъ должны быть избираемы какъ писатели-художники, такъ равно ученые изслѣдователи въ области словесности.

Пушкинскій фондъ предназначается для изданія произведеній русскіхъ писателей, а также словаря русскаго языка и другихъ трудовъ второго отдѣленія академіи наукъ.

Въ сихъ видахъ Всемилостивѣйше повелѣваемъ:

1) Въ дополненіе къ Высочайше утвержденному 1-го іюня 1893 г. штату Императорской академіи наукъ, учредить во второмъ ея отдѣленіи русскаго языка и словесности шесть новыхъ должностей ординарныхъ академиковъ съ содержаніемъ, по означенному штату обыкновеннымъ. 2) На образованіе Пушкинскаго фонда отпустить ежегодно изъ Государственнаго казначейства, сверхъ ассигнуемыхъ нынѣ второму отдѣленію академіи наукъ суммъ, по 15,000 рублей. 3) Потребную для содержанія шести ординарныхъ академиковъ и на расходы по Пушкинскому фонду сумму вносить въ смѣту по министерству народнаго просвѣщенія, начиная съ 1900 г. Мы твердо вѣримъ, что второе отдѣленіе Императорской академіи наукъ, какъ высшее въ Россіи учрежденіе, въ кругу зачатій коего входятъ словесныя науки, не престанетъ ревностно трудиться для ихъ процвѣтанія, обогащая отечественную словесность новыми вкладами и призывая въ свою среду достойныхъ представителей русскаго языка и литературы.

НИКОЛАЙ».

Громовое «ура» было отвѣтомъ на эту Высочайшую милость, дарованную отечественной изящной литературѣ въ лицѣ ея высшаго, бессмертнаго творца и представителя.

Затѣмъ великій князь произнесъ рѣчь, въ которой отмѣтили въ послѣдовательномъ порядкѣ все, что сдѣлано для чествованія и увековѣченія памяти Пушкина. Среди такихъ особенно выдающихся мѣръ правительства отмѣтили, со словъ Августѣйшаго оратора, что: «Правительство приняло на себя заботу по охраненію дорогъ для Россіи могилы поэта въ Святогорскомъ монастырѣ. Имѣніе Пушкиныхъ, село Михайловское, опочиваемаго уѣзда, псковской губ., приобретено въ казну съ предоставленіемъ исконному дворянству устроить въ усадьбѣ покойнаго поэта какое-либо благотворительное учрежденіе, связанное съ именемъ А. С. Пушкина. Разрѣшена повсемѣстная подписка на сооружаемый въ С.-Петербургѣ памятникъ бессмертному поэту».

По окончаніи своей рѣчи, законченной словами: «Да живетъ во вѣки въ русскіхъ сердцахъ имя Пушкина — любовь, гордость и слава великой Россіи!» и вызвавшей всеобщій энтузіазмъ, его высочество самъ прочелъ рядъ привѣтственныхъ телеграммъ.

Августѣйшаго президента смѣнили на кафедрѣ академикъ А. Н. Веселовскій, произнесшій рѣчь о Пушкинѣ, какъ національномъ поэтѣ, и А. О. Кони, охарактеризовавшій Пушкина, какъ вдохновеннаго поэта, мощнаго новатора русскаго языка, мыслителя, моралиста, критика, историка, по выраженію Полонскаго, «все любившаго, все въ самомъ себѣ вмѣщавшаго».

Ръчью А. О. Кони закончилась литературная часть торжества. Раздались торжественные звуки кантаты (слова августейшего поэта К. Р., музыка А. К. Глазунова). Пѣлъ хоръ русской оперы, солиныя партія исполняли М. И. Долина-Горленко и А. П. Ершовъ; аккомпанировалъ придворный оркестръ. Кантатой закончилось академическое торжество.

Въ тотъ же день вечеромъ состоялся въ помѣщеніи военнаго собрания грандіозный обѣдъ, на которомъ присутствовало около 400 человѣкъ, въ томъ числѣ почти всѣ представители литературы и журналистики, много специально приглашенных къ обѣду иностранныхъ гостей изъ славянскихъ земель и изъ Франціи.

Въ Москвѣ Общество любителей россійской словесности устроило торжественное засѣданіе въ большомъ Колонномъ залѣ благороднаго собрания. По открытіи засѣданія, секретарь общества россійской словесности заявилъ, что общество избрало, къ пушкинскимъ торжествамъ, въ почетные члены А. М. Жемчужникова, А. Ф. Кони, А. А. Потѣхина и М. И. Сухомлинова. Затѣмъ профессоръ Веселовскій произнесъ пространную рѣчь съ характеристикою личности и творчества Пушкина. Н. А. Чаевъ прочелъ свое стихотвореніе, посвященное поэту и написанное къ юбилею. Второю была рѣчь В. Е. Якушкина объ общественныхъ взглядахъ Пушкина. Затѣмъ слѣдовали привѣтствія отъ различныхъ ученыхъ, литературныхъ и художественныхъ обществъ, отъ періодическихъ изданій Москвы и отъ печати Петербурга.

Торжество въ Святыхъ Горахъ началось 26-го мая въ 9 ч. утра

Политическое обозрѣніе.

Всестороннее обстоятельное разсмотрѣніе дѣла Дрейфуса въ Кассационномъ судѣ привело къ единственному законному выходу изъ всей путаницы, созданной этимъ процессомъ. Кассационная палата вынесла 22-го мая резолюцію, которой признала существованіе новыхъ фактовъ въ дѣлѣ и усмотрѣла въ нихъ достаточный поводъ къ кассации приговора парижскаго военнаго суда отъ 22-го декабря 1894 г., а потому и отменила этотъ приговоръ, постановивъ при этомъ предать Дрейфуса военному суду въ г. Реннѣ для отвѣта на вопросъ: виновенъ ли Дрейфусъ въ томъ, что въ 1874 г. поддерживалъ сношенія съ агентами иностранной державы, чтобы дать ей средства или побудить ее совершить враждебныя дѣйствія и начать войну противъ Франціи.

Послѣ этой резолюціи кассационной палаты въ публикѣ раздались возгласы: «да здравствуетъ правосудіе! да здравствуетъ законъ!»

Такимъ поворотомъ злосуднаго дѣла обезпечено странѣ значительное успокоеніе. Но неожиданно для всѣхъ друзей Франціи выступилъ новый инцидентъ, который произвелъ очень грустное впечатлѣніе во всѣхъ политическихъ кружкахъ. На скачкахъ въ Отейль, куда приглашенъ былъ президентъ республики, 24-го мая, произошелъ скандалъ, несмѣнный по дерзости, направленный противъ главы французской республики. Какъ только появился г. Лубэ, отовсюду раздались свистки и неистовые крики: «Въ отставку! Панама! Да здравствуетъ армія!» Въ послѣдовавшей свалкѣ одинъ изъ манифестантовъ приблизился къ г. Лубэ, замахнулся палкой и хотѣлъ ударить президента по шляпѣ; усилившаяся враждебная манифестация постепенно распространилась на толпу; министр-президентъ изъ президентской ложи далъ полиціи знакъ къ атакѣ толпы; во всеобщей свалкѣ оказалось множество избитыхъ, въ томъ числѣ и полицейскій офицеръ, которому разбили голову; произведено множе-

торжественной литургіей въ соборѣ монастыря. На литургіи присутствовали родственники поэта: сыновья его, Александръ и Григорій Александровичи Пушкины, супруга послѣдняго, племянникъ поэта Павлищевъ, а также товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, сенаторъ баронъ А. А. Икскуль-фонъ-Гильденбандтъ, губернаторъ, губернской и уѣздные предводители дворянства, представители мѣстной власти, печати и литературно-художественнаго міра. Литургію служило духовенство соборнѣ съ двумя игуменами Никандровой пустыни и Свѣтогорскаго монастыря, при двухъ хорахъ: архіерейскомъ и Архангельскомъ. Послѣ литургіи молящійся, въ предшествіи духовенства, прошли по пути, уставленному цѣпями и хоругвями, къ могилѣ поэта. Послѣ панихиды были возложены къ подножію памятника вѣнки: отъ семейства Пушкиныхъ, отъ воспитанниковъ Александровскаго лицея, отъ псковскаго дворянства, отъ общества, отъ городовъ Пскова, Новоржева и Опочки, отъ учебныхъ заведеній и прочихъ учреждений и обществъ. Въ 2 часа дня состоялось во временномъ театрѣ торжественное засѣданіе, посвященное памяти Пушкина.

На другой день торжества состоялся народный спектакль. Затѣмъ въ 3 часа дня состоялось музыкально-литературное утро. Одушевление въ Святыхъ Горахъ было неописуемое. Это было въ полномъ смыслѣ народное торжество.

Въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ мы дадимъ изображенія и болѣе подробное описаніе этихъ торжествъ.

ство арестовъ, преимущественно лицъ изъ аристократическаго общества. По тревогѣ вызванъ былъ конвой президента для его охраны на обратномъ пути въ Елисейскій дворецъ.

Враждебная президенту республики манифестация была организована молодыми роялистами. Президентъ республики г. Лубэ, глубоко оскорбленный этимъ скандаломъ, высказался, что вся семья его была противъ его кандидатуры на постъ президента, но теперь, когда постъ главы государства сталъ опаснымъ, долгъ его ясно намѣченъ—исполнить свои полномочія до конца.

Въ палатѣ депутатовъ, вмѣстѣ съ запросомъ по поводу постановленія кассационнаго суда, потребованы были отъ министерства объясненія по только-что случившемуся скандалу въ Отейль. Министръ-президентъ далъ палатѣ слѣдующія объясненія: полиція исполнила свой долгъ; глава кабинета беретъ на себя всю отвѣтственность; одинъ человѣкъ изъ публики бросился на президента республики, который сохранилъ полное спокойствіе; эти дѣйствія тѣмъ оскорбительнѣе, что они происходили на глазахъ представителей державъ; всѣ арестованные будутъ вызваны къ судебному слѣдователю, который сумѣетъ найти слѣды заговора; главными манифестантами были члены клубовъ; правительство рѣшило закрыть эти учрежденія. Свою рѣчь г. Дюшю закончилъ обращеніемъ къ депутатамъ: «если вы предоставите намъ ваше довѣріе, мы сумѣемъ защитить республику». Палата отвѣтила продолжительными рукоплесканіями. Послѣ преній принята была громаднымъ большинствомъ слѣдующая формула: «палата, клеймя скандалъ въ Отейль и одобряя заявленія правительства, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

Такимъ образомъ, солидарность палаты депутатовъ съ правительствомъ дала кабинету г. Дюшю увѣренность, необходимую при нынѣшнемъ теченіи государственныхъ дѣлъ.

Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

Съ 22-го по 28-е мая поступило пожертвованій: отъ С. Е. И. (СПБ.)—5 р., Рышковской (СПБ.)—1 р., служащихъ въ контролѣ сборовъ N—ой жел. дор. (СПБ.)—40 р., служащихъ бухгалтерской конторы С. Я. Лиліенталь (Москва)—100 руб., служащихъ Боговолскаго депо Ряз.-Урал. ж. д. (Боговолское)—15 р., неизвѣстной (Ливорно)—4 р. 75 к., Е. А. Исакова (Москва)—1 р. 40 к., Гени Гонтаревскаго (Желанная)—1 р., Сани Гонтаревской (Желанная)—1 р., Лиды Прутулско (Желанная)—37 к., А. О. Семенова (Нижегородская)—1 р., Подгоронскаго (Сулинъ)—50 к., Полевцова (ст. Псковъ)—35 к., Нины и Вѣры Гедванъ (Благодарное)—1 р., Георгія Махрова (Благодарное)—50 к., Ульяны Скоковой (Благодарное)—50 к., А. Ольховскаго (Ватума)—1 р. 10 к., Пани, Нюси и Лиды Ольховскихъ (Ватума)—30 к., Н. Воронежской (Воронежъ)—21 к., И. А. Покровскаго (Филипповское)—72 к., В. Демуріана (Тифлисъ)—10 к., М. Полетика (Копотопъ)—25 р., Т. Богаевского (Миргородъ)—10 р., учениковъ Яковлевскаго начальнаго народнаго училища (Софійское)—7 р. 20 к., П. Юрасова-Маркова (Сочи)—3 р., Илко (Сочи)—1 р. 50 к., Маша (Сочи)—50 к., Митя (Хороль)—1 р., Славка (Хороль)—1 р., Раечки (Хороль)—1 р., Луки Петрановскаго (Бранловъ)—2 р. 27 к., Васильева (Бранловъ)—50 к., отъ свнцъ о. В. Липовскаго, собранные отъ разныхъ лицъ (Борисоглѣбскъ)—6 р., Нины, Моти, Лиды и Лиды Большаковыхъ (Татчина)—4 р., Михайлиди (Мариуполь)—5 р., А. Н. Подкопаевой (Щучинъ)—2 р., Г. С. Карцева (ст. Бростъ)—3 р., Рѣдина (Гамбовъ)—25 коп., А. Е. Крылова (Плестъ)—20 к., П. М. Васильева (Данковъ)—15 к., Косогорова (Темниковъ)—15 к., подпичка № 105241 (Николаевка)—5 р., М. В. Тропцкой (Горичи)—1 р., Г. А. Синекова (Павловка)—1 р., Ю. Адамовой (Пятигорскъ)—1 р., П. Гауъ (Тула)—1 р., отъ А. Куликовскаго (собранные въ с. Должанцахъ отъ: А. Н. Куликовскаго—1 р., М. Ф. Куликовской—30 к., С. В.—2 р., Х. Подкаменъ—50 к., У. Киперманъ—25 к., Н. Хельмицкаго—3 р., Д. Павловскаго—1 р., Ломейеръ—5 р., Б. Гейбовичъ—50 к., Я. Кошеръ—50 к., М. О. Виберъ—30 к., М. Виберъ—50 к., Л. Главачкаго—50 к., Г. Нимгаузеръ—50 к., И. Деймельъ—1 р. Коссе—50 к., Н. Горюничъ—50 к., В. Балдицкаго—1 р., В. Гольчицкаго—1 р., Гутковскаго—1 р., И. Шафиръ—1 р., А. Ломейеръ—60 к., всего 22 р. 45 к., а за удержаніемъ 45 к. почтовыхъ расходовъ, прислано 22 руб. 22 р.), Е. А. Марковой, А. Н. Марковой и Э. К. Модль (Варшава)—15 р., П. Шахова (Паваново-Вознесенскъ)—4 р., А. Немцевой (Иваново-Вознесенскъ)—2 р., И. Н. Кривцакаго (Попеляны)—2 р. 80 к., Е. и Н. (Москва)—3 р., А. Г. С. (СПБ.)—1 р. 33 к., С. Грузинова (Волоколамскъ)—1 р. 40 к., В. М. Соловьева (Перновъ)—1 р., Н. В. Сабашади (Керчь)—1 р., Васи Красникова (Козелецъ)—70 к., учителя И. Тропцкаго (Невѣрково)—56 к., М. Веселовскаго (Цестяки)—42 к., Старыничева (Шатова)—30 к., Кляндской (Аннен-

скій)—35 к., отъ неизвѣстнаго изъ с. Богачи (собранные отъ: Н. Михайловскаго—1 р., Я. Х—ко—1 р., В. Цвѣткова—1 р., Д. Яремко—1 р., М. Козловой—50 к., М. Шарковской—70 к., Ф. Собельниковой—20 к., Е. Раевской—1 р., Ф. Фенука—50 к., В. Еремьевой—1 р., А. Х—ко—50 к., Р. Болотинской—30 к., М. Жадко-Вазилевичъ—30 к., Н. Истратова—1 р., А. Донченко—1 р., П. Грановскаго—25 к., Д. Бѣлоусъ—20 к., А. Рѣзничко—25 к., И. Ленчяко—25 к., А. Ксензико—30 к., В. Богдановичевой—50 к., Писаренко—30 к., N—30 к., N—1 р., N—50 к., О. Андруска—30 к., А. Вербицкаго—1 р., Г. Дубинскаго—2 р., Ф. Науменко—25 к., N—20 к., А. Данилевскаго—5 р., N—20 к., N—20 к., всего прислано 24 р.)—24 р., отъ служащихъ и мастеровыхъ Бурьянскаго сахарнаго завода и другихъ лицъ (Бурьянъ)—36 р. 75 к., учителя В. Скопцова, собранные въ ст. Раздорской (хут. Собаченскій)—16 р., изъ копилки Натанши, Сержи и Катя Стышевцевыхъ, по случаю именинъ папы (Горловка)—10 р., сельскаго священника (Починки)—5 р., И. Ц. Кржонцевскаго (Юково)—3 р., ученика А. Мишевскаго (Кѣльцы)—1 р., В. Фрейде (Скадовка)—1 р. 72 коп., Ф. Г. Лысова (Лисичанскъ)—25 к., М. А. Кузыминой (Землянскъ)—25 к., Х. А. Зарапова (Тельавъ)—20 к., И. И. Токсъ (Н. Новгородъ)—1 р., служащихъ фабр. Т-ва Рождественской М-ры П. В. Бергъ (Тверь)—80 р., свнцъ С. Свидовки, о. Петра Западскаго (Черкасы)—27 р., К. И. Бузова (Кременчугъ)—2 р., неизвѣстнаго (Грузино)—1 р., Е. Богдановой (Шанскій зав.)—1 р. 7 к., В. И. Боголюбскаго изъ с. Нѣмы (собранные имъ отъ: Е. И. Боголюбской—30 к., А. И. Бяковой—20 к., А. Ашихминой—20 к., М. Ашихминой—15 к., Е. Ашихминой—15 к., П. И. Орлова—10 к., И. М. Воронцова—5 к., А. Ф. Гордолова—15 коп., М. Ф. Ершова—10 к., В. И. Боголюбскаго—60 к., а всего прислано 2 р.)—2 р., М. С. Пинорова (Волчанскъ)—3 р., Сидорова (Серебряково)—1 р., М. П. Менчинскаго (Прокуровка)—50 к., М. П. Соколинскаго (Тамбовъ)—1 р. 50 к., М. И. Соколинскаго (Тамбовъ)—1 р. 50 к., Назарова-Суздальскаго (Тейково)—15 коп., отъ священника варятальскаго прихода, о. А. Протасова, собранные имъ отъ разныхъ лицъ—6 р. 15 к., отъ П. В. (СПБ.)—20 р., отъ служащихъ цѣнной типографіи Экспедиціи Государственныхъ Бумагъ (СПБ.)—8 руб. Итого 567 р. 02 к., а съ прежде поступившими (2212 р. 96 к., по ошибкѣ было напечатано въ № 22—2212 р. 80 м.) всего 2779 р. 98 м.

Передано въ Главное Управленіе Россійскаго Общества Краснаго Креста—100 руб. Выслано въ Казанскую губернію: 1) А. С. Казимировой, въ г. Арскъ—150 руб., 2) Е. К. Шепетьяниной, въ г. Казань—100 руб., 3) Свнцъ о. Михаилу Иванову, въ с. Красновидово—100 руб., въ Самарскую губ.: 4) А. С. Пругавину, въ Самару—200 руб.; въ Симбирскую губ.: 5) В. С. Сѣрковой, въ с. Большие-Березники—200 руб.; въ Уфимскую губ.: 6) Ф. Е. Рязанской, въ Карамалы—100 руб. и 7) Графу Л. Н. Толстому, въ Ясную-Полянью—20 руб. Итого 970 руб., а съ прежде высланными всего 2470 рублей.

НА ВОСПИТАНИЕ И УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНУЮ РАБОТУ ДЕТЕЙ И ЮВЕНТОВ

СВЯТОСЛАВ

60. ТЕЛЕФОНЪ 1360

ИМПЕРАТОРСКОГО УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО

ПРОСИТЪ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ ЖЕЛТВОВАТЬ ЕМУ

НЕУЖИВНЫЯ ВЕЩИ

АУКЦИОНЪ ПО ВТОРНИКАМЪ ВОСПИТАНИЕ 500 ЛАВЪ

ТЕЛЕФОНЪ 3678. ТЕЛЕФОНЪ 1141.

Только действительно хорошее и основанное на добросовестности иметь въ торговлѣ успѣхъ!

Универсальный фотограф. аппаратъ

„ДУХ“

Этотъ аппаратъ вслѣдствіе новизны и оригинальной конструкции объектива даетъ въ полномъ смыслѣ идеальныя снимки, — такія же, какъ самыя дорогія аппараты. „Дух“ снимаетъ портреты, виды, группы и пр., работаетъ съ выдержкой и крошечнаго имѣетъ моментальный затворъ. Размѣръ снимк. 6x9 (визитн. карт.). „Дух“ снабженъ видоискателемъ и механизмомъ для автоматической перемѣны пластинъ. Цѣна апар. „Дух“ съ подробнѣйш. руководствомъ, по которому всякій можетъ снимать—5 руб. 50 коп. Полный наборъ всѣхъ принадлежн. для фотографирования 3 руб. 50 коп. Высыл. налож. платежомъ. За этотъ аппаратъ имѣю благодарственныя письма. Пробн. сним. за 14 коп. марк. Адресъ: Москва, Тверская, № 17, В. Золотареву. № 12402 3—2

ЗАЙКАНИЕ КАРТАВОСТЬ, ШЕПЕЛЯВОСТЬ!

устраиваетъ лѣчебное заведеніе

К. Ю. Эрнстъ,

Москва, Б. Никитская, № 11, кв. 6. Ц. № 12057 15—6

Руководство къ самообуч. для зайкъ 3 руб.

НОВѢЙША АМЕРИКАНСК. СКОРО-ПИШУЩАЯ МАШИНА

„ЮСТЬ“

Безусловно лучшій изъ всѣхъ существующихъ системъ.

Каталоги и обученіе бесплатно.

Торгов. домъ А. М. ГУСЕВЪ и К^о.

С.-Петербургъ, Большая Морская, 30.

Импортъ различныхъ машинъ, орудій и аппаратовъ. Полное оборудованіе фабрикъ, заводовъ и мастерскихъ.

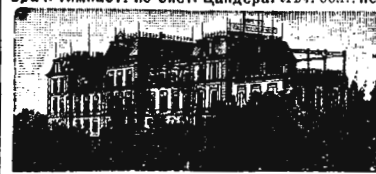
Постройка подъездныхъ путей и узко-колейныхъ жел. дор. В. № 12428 **СТРОИТЕЛЬНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.** 2—1

ЛѢЧБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ЦИММЕРМАНА ВЪ ХЕМНИЦѢ, ГЕРМАНІЯ.

Лѣтн. и зимн. сезоны; за день отъ 5—10 1/2 мар., вклоч. все, также 1 конс. и завтраки.

Завѣдыв. врачъ д-ръ Диске (Disque), авт. с. «Естествен. лѣч. болѣзн.», 5 изд., въ пер. 3 мар., и «Діететическ. столъ», 3 изд., въ перепл. 1.80 мар. (скл. изд. на иѣм. яз. у O. Sprager, Leipzig). 2-й врачъ д-ръ Буркгартъ. Лѣчб. зав. съ инстинг. ортопед и врач. гимнаст. по сист. Цандера. Лѣч. бол.: нервн. (гипноз., гидротер., элект., электр. ванн.), женск. (с. Туре-Брандтъ), сахарн., желуд., кишечн. (устан. діета по изсл. жел. выдѣл.), спинного мозга (компенз. терапия), почечн., моч. пузыря, легн., сердца, а также оинртн. (электр. свѣт. ванн.), подагры, ревматизма (песоч. ванн.) и искривл. позвон. и т. д. 3 доктора и 1 женщ.-врачъ. Просп. выс. безпл. управл. лѣчбн. зав.

ЧЕРНИЛА ЛЕОНГАРДИ.

Спеціальность: Первоклассныя по отзывамъ государственн. учрежденій Желѣзисто-орѣшковыя чернила

Неподдѣльно только съ соей предохранительной маркой.

Наилучшія: для книгъ, актовъ, документовъ и письменностей всякаго рода.

Копировальныя чернила. Чернила для письма и копирования. ЧЕРНИЛА ДЛЯ КНИГЪ.

„Атраль“ (жидкая китайская тушь). Несмывающаяся тушь для бѣлыя. Жидкій клей и гумми.

Краски и подухи для штемпелей. „НАРИНЪ“ краска для клеймения мяса, безвредна, скоро высыхаетъ, не расплывается отъ воды.

Автографич. и гектографич. чернила. Гектографич. листы и масса.

Химич. фабрики чернилъ, основ. въ 1826 г.

Авг. ЛЕОНГАРДИ въ Дрезденѣ.

Изобрѣтателъ и единств. фабрикантъ всемірно-извѣстныхъ 10—3

Алицариновыхъ чернилъ для письма и копирования, легко стекающихъ и вполнѣ прочныхъ желѣзисто-орѣшковыхъ чернилъ 1-го класса. Во избѣжаніе поддѣлокъ просятъ обращать вниманіе на завыл. въ Россіи этикетъ и фабрич. предохранит. марку.

Л. Я. Столкинда: КАПСЮЛИ ДЕЗОДАТОРА для уничтоженія зловонія въ комнатахъ, дѣтскихъ, спальныхъ и т. п. Цѣна за 1 кор. въ 100 шт. 35 к.

Л. Я. Столкинда **ДѢТСКОЕ МЫЛО** на рыбьемъ жирѣ, цѣна 1/1 кус. 50 к. и 1/2 кус. 30 коп.

Л. Я. Столкинда **АНТИПАЗИТЪ** отъ клоповъ, таракановъ, блохъ, моли и т. п. Цѣна 1/1—1 р., 1/2—35 к., 1/4—30 к., 1/8—20 к.

Аптекарская торговля **ТОРГОВАГО ДОМА Л. и Е. Столжкндъ,** Москва, Лубянский переулъ.

ВОЛИЦНІЙ лѣчатъ наружныя, внутреннія болѣзни электротер. Невскій, 53, кв. 7. Отъ 2—4 и отъ 6—7 1/2 ч. в. № 12093 4—4

КРЕМЪ АЛЬДЕХИДЪ ВЛАДИО для смирченія КОЖИ ЛИЦА И РУКЪ. Мал. флак. 60 к.; больш. фл. 1 р. Можно получать вездѣ. Главный складъ въ Москвѣ у **В. КРЕМЕРЪ,** Чижовское подл. (12)

Новѣйшій самодѣйствующій патентов. приборъ для растеній и винограда **„СИФОНІЯ“**, противъ болѣзней и порчи растеній, къ уничтоженію сорныхъ травъ, желтушника, дикой рѣдьки и т. п. Превосходитъ всѣ существующіе приборы. Подробныя описанія и рисунки высылаются по востребованію. Адресъ: Фабрика земледѣльч. машинъ Ф. МАЙФАРТЪ и К^о. Франк-Р. № 12235 фуртъ и/м. (Германія). 3—3

УДОЧКИ и всѣ принадлежн. для рыбной ловли известной фабрики Алькокъ и К^о (S. Alcock & Co in Redditch) вновь получены изъ Англій въ большомъ выборѣ въ магазинахъ С. И. ДОЙНИКОВА, СПБ. 1-й магазинъ—Невскій пр., Милотинъ рядъ, А. Лѣсниной, 27—18; 2-й магазинъ—Гост. Дворъ, противъ Пажескаго корпуса, № 73 и 3-й магазинъ—Чернышевъ пер., Банковская линія, № 15. Иллюстр. пр.-кур. рыболовн. принадл. высыл. за 2 к. почт. марку.

По новѣйшей французской методѣ **„ВОРТА“** 10—10 обучая кройкѣ и шитью дамскихъ, дѣтскихъ народовъ, верхн. платья, бѣлыя и корсетовъ въ школѣ и заочно посредствомъ лекцій. Плата впередъ не взимается. По окончаніи установленное свидѣтельство. Условія высыл. бесплатно. Киевъ, Б. Васильевская д. № 89. Преподавательница Е. Д. АШМАРИНА.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ—хроника ХУІІІ в. Всеволода Соловьева. СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ДЕШЕВЫЯ ЦѢНЫ, превосходный товаръ. **Женевесъ** Петровскія линіи, № 8. **БАНЦГАФЪ и К^о,** Москва.

Для приема заказовъ на увеличеніе большихъ портретовъ съ маленькихъ фотографическ. карточекъ требуются агенты. Студія свѣтописи, С.-Петербургъ, Литейный проспектъ, д. № 29.

„Непокупное“ Повѣсть П. Н. Попова. рис. Е. П. Самокишъ-Судковскій. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес.—2 р. 80 к.; въ художественномъ переплетѣ—3 р., съ перес.—3 р. 50 к. Съ требованіями обращаться въ конт. А. Ф. Маркса, СПб. Мал. Морская, № 22.

КРАСИВО ПИСАТЬ выучивается всякій заочно (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО.** Методъ преподаванія на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. За 4 семикопеечныя марки высылаются **ПРОБНОЕ ПИСЬМО** шрифтовъ, подробныя условія и образцы исправленія почерк. заочн. учен. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дербасовская, д. № 19.

НОВОСТЬ МАГИЧЕСКОЕ ОГНИВО! ЗАМѢНЯЕТЪ СПИЧКИ И КАРМАННЫЯ ФОНАРЬ. Изящно! Практично! Безопасно! Дешево! Служитъ карманной спичечницей, давая яркій свѣтъ по цѣлымъ часамъ. Сдѣлано изъ чистаго нѣккеля. Только 1 1/2 вер. вышныя—удобно носить въ карманѣ. Налож. платежъ съ перес. въ Европ. Россіи: Огниво съ 500 зарядами 1 р. 30 к. „ „ „ 2000 „ 2 р. 70 к.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невск. пр., № 20.

МИРРОЛЬ **ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ** ПУШКИНСКАЯ АПТЕКА СПЕТЕРБУРГЪ **ОТЪ ПОТА** ПРОВ. А. ГАККЕЛЯ

Общество Распр. Практ. Знаній между образ. женщинами въ Москвѣ.

ШКОЛА СЧЕТОВОДСТВА, въ д. Скоропадской у Никитскихъ Воротъ. Предметы обязательныя: Бухгалтерія и Коммерч. вычисленія, Торговое Законодѣніе, Политич. Эконом., Коммерч. Геогр. и Каллиграфія, плата 50 руб. Необязательныя: Коммерч. Корресп. на нѣмецкомъ языкѣ, плата 25 руб. Курсъ 8 мѣс. съ сентября по май, пріемъ въ августѣ и сентябрѣ. № 12421

НОВѢЙШІЙ ПАТЕНТЪ ВЕЛОСИПЕДЫ безъ цѣпи; съ фонаремъ, звонкомъ и принадлежностями **руб. 215.** КОНТОРА: Невскій, уголъ Надеждинской, д. № 96/1, кв. № 23.

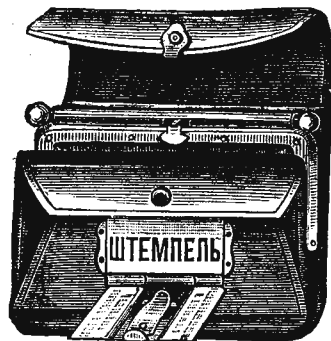
М.-Половая болѣзни (тр., бѣли), предупр. и лѣчен. изъ 1899 г.;—катар. жел., киш.; гемор., ревм., чихотки и др. соврем. и совств. лѣченіе. За 3 бр.—1 р.; за всѣ 15—4 р. (марк., нал. пл.) Адр. автора: Киевъ, д-ру Гурины.

КОНЧИНА МІРА. Очеркъ. Новый потокъ. Столкновение съ кометой. Ц. 25 коп. (съ перес. марками 35 к.). СПб., Вознесенскій, 37, кв. 32. Красильниковъ.

ТОВАРИЩЕСТВО АСФАЛЬТОВЫХЪ РАБОТЪ ВЪ РОССІИ С.-Петербургъ, Невскій, 3 производитъ асфальтовыя, бетонныя и канализаціонныя работы изъ самыхъ лучшихъ матеріаловъ. 4—2

ПУДРА **АНТИСЕПТИКЪ** **Д-МЕДИЦИНЪ** **А. ТУГЕНГОЛЬДА.** **ГЛАВНЫИ СКЛАДЪ** МОСКВА **ПЯТИЦА АПТЕКА ЛЕМБЕРГЪ** ПРОДАЕТСЯ **ВЪСЮДУ** **ПРОТИВЪ ПРЯНЫИ НЕ ПРЯТ НА С ЗАПАХА НОЖНЫХЪ ПЯДЦЕВЪ.** Цѣна 30 коп.

«Наилучший подарок для самого себя».
Цена: 1 шт. 2 р., 2 шт. 3 р. 75 к.

ПОРТМОНО СО ШТЕМПЕЛЕМЪ
изъ наилучшей черной онойки заграничной выделки, съ матовымъ лоскомъ, съ 5 отдѣленіями, 1 внутреннимъ закрытымъ для звонкой монеты и однимъ особо закрытымъ для золота. Корпусъ изъ одного куска съ механическ. затворомъ, содержащимъ зачучковый штемпель съ подушкой для краски.
Въ штемпель можно помѣстить имя, отчество, фамилію и званіе, по желанію и корону. Наружная велич. 2 1/4 x 1 3/4 в. Также дамскія изящныя, разбромъ 1 3/4 x 1 верш. по тѣмъ же цѣнамъ.
Тѣ же изъ настоящей голеновой, мягкой шагренированной кожи, штука на 50 к. дороже. Ц. № 12330 8—2
Цѣны съ пересылкою въ Европейскую Россію, въ Азіатскую же—съ приближеніемъ части въсвоихъ. Съ наложеннымъ платежомъ на 10 в. болѣе. Также безъ штемпелей, штука на 35 к. дешевле.

Простота сод-
ержанія на на-
столе
каваліи.
Въ контору фабрики
**АМЕРИК. КАУЧУКО-
ВЫХЪ ШТЕМПЕЛЕЙ**
М. ФИШМАНЪ,
Варшава, Бѣльска, 18.

„ADLER“ Первоклассные
ВЕЛОСИПЕДЫ
ВЫСШІЯ НАЖВОЛЪЩЕЕ
ОТЛИЧІЯ распространіе

Фабрика велосипедовъ „Adler“ бывш. Генр. Клейеръ въ Франкфуртъ и/М.
Складъ въ Варшавѣ у І. Козловскаго, Бѣльска, 6. Представители во многихъ боль-
шихъ городахъ. Гдѣ нѣтъ представителей, тамъ ищутъ дѣятельныхъ агентовъ.

ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ И БЪЛИЗНЫ КОЖИ.
КАЛОДЕРМА
ЖЕЛЕ КАЛОДЕРМА. * МЫЛО КАЛОДЕРМА.
Ф. Вольфъ и Сынъ въ Карлсруэ.

С.-Петербургско-Азовскій Коммерческій Банкъ
Невскій 62.
Отдаются въ наемъ безопасныя ящики для
храненія цѣнностей, документовъ и драго-
цѣнныхъ вещей.
№ 12152 12—12

Vin de Saint-Raphaël.
Превосходно на вкусъ.
Созрѣваетъ по способу Пастера. Просить обратить вниманіе на фабричную марку и марку Союза фабрикантовъ для борьбы съ фальсифікаціями.
Къ каждой бутылкѣ приложена брошюра д-ра де-Варре **О СЕНЬ-РАФАЭЛЬСКОМЪ ВИНѢ** какъ о питательномъ, укрѣплителномъ и цѣлебномъ средствѣ.
Остерегаться поддѣлокъ.
Compagnie du Vin de Saint-Raphaël, Valence, Drome, France.

ТОЛЬКО 4 Р. 90 к.; 2 за 9 р. 55 к.;
3 за 13 р. 90 к.
ПРЕЛЕСТНОЕ ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО 56-Й ПРОБЫ
съ искусств. ПРЕВОСХОДНЫМЪ БРИЛЛАНТОМЪ
БЕЗЪ ФОЛГИ ИЛИ ПОДКЛАДКИ, такъ что
трудно
узнать отъ настоящаго брилліанта. Цѣны съ пересылкою въ
Европ. Россію **БАЗАРЪ МАРОКЪ** С.-Петербургъ.
Невскій, № 20—31.

ФАБРИКА
И СКАДЪ
Бруно Зенгеръ и Ко
С.-Петербургъ, Невскій Пр. № 25 (входъ въ Мясницкую)
Фотогр. Аппараты
и Лринад.

А. БОЛЬТЪ и Ко.
МОСКВА,
Ильинка, уг. Ипатьевск. пер.
Никольская, противъ Черваскаго
перушка.
Непромокаемая одежда:
ПАЛЬТО,
МАКФАРЛАНЫ,
ШИНЕЛИ,
НАКИДКИ
№ 12279
7—4
мужскіе и дамскіе
изъ лучшихъ шелковыхъ и шерстяныхъ
матерій, рисунковъ сезона 1899 г.
Прейсъ-курантъ съ образцами ма-
терій высылаются безплатно.
Бумажное бѣлье Мей и Эдликъ.

Лѣчебница
ДЛЯ СТРАДАЮЩИХЪ
ЗАИКАНІЕМЪ
№ 12430 и др. болѣз. рѣчи 3—1
д-ра мед. **НЕТЕКАЧЕВА.**
Москва, Никитскій бульв., д. Прибылова.

Одесскій лиманъ у больного на дому.
Лиманное лѣченіе назначается при ревматизмѣ, золотухѣ, англійской болѣзни, женскихъ бол., бол. кожи, костей и др. О. № 12431
ЗАМѢНА лиманныхъ ваннъ, во всякое время года. Продукты для ваннъ на дому, соль, йодобромный шловокъ (спеціально для ваннъ приготовляемые по способу принятому въ Крейцбахъ, Кроазинкѣ и др.), грязь и рапа. Высылаются повсюду. Заказы, подр. свѣдѣнія и преісъ-куранты, контора сухо-дальничкаго промысла, Одесса, Ришельевская, 74.

Уничтожаетъ
Мозоли и Бородавки
„МОЗОЛИНЪ“
А. РЕЙНГЕРЦЪ.
Продается въ аптекахъ, аптекарскихъ
и резиньовыхъ магазинахъ, Россіи.
Питомъ у А. РЕЙНГЕРЦЪ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
102 РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, № 24.

EAU DENTIFRICE
BAISANIQUE DE LOHSE
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.
Средство для полосканія рта, уничтожаетъ
запахъ во рту. № 5121 (132)
Во избѣжаніе часто встречаемыхъ въ продажѣ под-
дѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ
и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

1000 ВЕЛОСИПЕДОВЪ НА СКАДЪ
РАЗНООБРАЗНѢЙШІЙ
ВЫБОРЪ!
ТРЕБУЙТЕ
КАТАЛОГЪ!
ТОВАРИЩЕСТВО
М. Блок
МОСКВА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Кіевъ, Екатеринбургъ,
Одесса, Варшава,
Июандъ, Ростовъ н/д.

LAIT de NYMPHEA
КОСМЕТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ КОЖИ
МОЛОКО НИМФЕЯ.
Цѣна 1 руб. 25 коп.
СОЛ-СРЕКХЕ.
Цѣна 75 коп.
А-ЛЯ-РЕНОМЭ.
Невскій пр., № 8.
П. № 12372 С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 3—3

ТРЕБУЙТЕ!
новый преісъ-курантъ ружей, револьве-
ровъ и принадлежностей охоты.
Торговый домъ Я. ЗИМИНА вдова и Ко.
Москва, Тверская, близъ Газетнаго.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА
„СМИСЬ - ПРЕМЬЕ“
Скорость, прочность,
удобство. Последнія
усовершенствованія.
Цѣна 250 р. и 275 р.
Дешев. пишущ. машина
„КОСМОПОЛИТЬ“
Самый красив. шрифтъ.
Съ 3 разными русскими и 3 разными латин-
скими алфавитами. Описанія и образцы
шрифтовъ обѣихъ машинъ высыл. безплатно.
О. РИХТЕРЪ, СПБ., Адмиралъ пр., 4.
Москва—Ф. И. Розентау, Мясницкая, 36.
Варшава—И. Фалъсъ и Ко, Сенаторская, 36.
Кіевъ—П. Фальбергъ, Креватикъ. Одесса—
Г. М. Левинсоуъ, Ришельевская, 19.

ROYAL-MONDAIN
EXTRAIT TRIPLE
GELLÉ FRÈRES
Parfumeurs
6, Avenue de l'Opéra, 6
PARIS

НОВОЕ ИЗДАНИЕ **ОСНОВЫ**
П. Н. Сойкина.
ТРЕЗВОСТИ. Сборн. науч-
ныхъ и лите-
ратурныхъ
статей, съ приложеніемъ устава общества
трезвости, положеніемъ и формами. Сост.
д-ръ Соболевскій. Цѣна 50 коп., съ пере-
сылкой 70 коп. Ц. № 12293 3—3
Съ требованіями обращаться
къ издателю: С.-Петербургъ, Стре-
мянная, № 12, собственный домъ.

Необходимо къ яѣту приобрести 2 руково-
дства, одобренныя спеціалн. журналами: 1) для
приготовл. домашнихъ способомъ: водокъ,
наливковъ, ягодныхъ винъ, ликеровъ и т. д. ц.
1 р.; 2) для производства газовыхъ водъ
аппаратомъ ц. 2 р. 50 к. съ пересылк.
Адресъ: С.-Петербургъ, В. О., 7 линия.
Лабораг. проф. Пель. С. Піотровскому.

Содержаніе:

Т Е К С Т Ъ: Воскресеніе. Романъ графа Л. Н. Толстого. (Продолженіе). — Блаженный. Рассказъ. — Открытіе памятника Пастеру въ Лиллѣ. — Къ рисункамъ: Невская цѣтчица. — Нищій. — Орлеанская дѣва. — Бой быковъ. — Дѣла давно минувшихъ дней. — Одесская торговая биржа. — Чествованіе памяти Пушкина. — П. К. Кюгельгенъ. — Политическое обозрѣніе. — Объявленіе.

Р И С У Н К И: Кіевская цѣтчица. Картина Н. К. Пимоненко. — „Воскресеніе“, романъ графа Л. Н. Толстого. Кузьминскіе мужики въ ожиданіи Нехлюдова. Органъ рис. Л. О. Пастернака. — Нищій. Картина Э. Фриана. — Орлеанская дѣва. Картина А. К. Мюллеръ-Нордена. — Бой быковъ. Картина Н. Кейзера. — „Дѣла давно минувшихъ дней“. Картина Люкасъ-Робинъ. — Новая торговая биржа въ Одессѣ: 1) Внѣшній видъ зданія. 2) Дворъ. 3) Заль. — Пушкинскій праздникъ въ Таврическомъ дворцѣ, 27 мая 1899 г. Сцена изъ „Бахчисарайскаго фонтана“. Зарема и Марія. Сцена изъ „Цыганъ“. Алеко, Земфира и молодой цыганъ. Торжественное шествіе героевъ пушкинскихъ произведеній. — Пушкинскія торжества въ Святыхъ Горахъ. Временной театр, въ которомъ происходило чествованіе поэта. — Памятникъ Пушкину, воздвигнутый въ саду Императорскаго Александровскаго Лицея въ Петербургѣ, 28 мая т. г. — Надрѣбный памятникъ Пушкину у Успенской соборной церкви въ Святыхъ Горахъ. — П. К. Кюгельгенъ.

Новое изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

Поступила въ продажу только-что отпечатанная новая книга:

„ЛѢСНАЯ ТЕХНОЛОГІЯ“

Съ 425 иллюстраціями, соч. **Ө. К. АРНОЛЬДА** представляющая собою необходимое дополненіе къ его сочиненію „Русскій Лѣсъ“, въ составъ котораго она вошла въ видѣ 2-ой части II-го тома.

Въ первомъ изданіи «Русскаго Лѣса», состоявшемъ изъ 3-хъ томовъ (только въ 3-хъ книгахъ), почти вовсе не была затронута одна изъ важныхъ частей лѣсоводственныхъ знаній — „Лѣсная технология“. Между тѣмъ и специалистъ-лѣсоводъ, и лѣсной хозяинъ не должны быть чужды лѣсной технологіи, трактующей о приѣмахъ, способахъ и формахъ обработки срубаемыхъ деревьевъ и обращенія ихъ путемъ механической или химической переработки въ требуемый рынками товаръ: лѣсные матеріалы, готовые издѣлія и конечные продукты. Безъ знакомства съ этой областью лѣсоводственныхъ знаній невозможно осмысленное хозяйство въ лѣсахъ, а главное не можетъ быть достигнуто наивыгоднѣйшее использование лѣсныхъ богатствъ въ соотвѣстствіи съ современными состояніемъ древообрабатывающей техники.

Вышедшая нынѣ, въ видѣ 2-й части II-го тома, дополнительная 4-я книга „Русскаго Лѣса“ и имѣетъ цѣлью пополнить указанный пробѣлъ. Но авторъ имѣетъ въ виду и другую цѣль: «нѣкоторыя изъ лѣсотехническихъ производствъ», говоритъ **Ө. К. Арнольдъ** въ своемъ предисловіи къ книгѣ, «составляя исконное давнишнее занятіе населенія, прочно основались въ странѣ, другія только-что начинаютъ возникать, а нынѣ не имѣютъ даже примѣра попытки. Вслѣдствіе этого естественно при изложеніи лѣсной технологіи обратить вниманіе на болѣе подробно ознакомленіе читателей съ тѣми производствами, развитіи или привитыя которыя въ Россіи составляетъ своевременную задачу“. Предлагаемая книга является тѣмъ болѣе своевременной, что въ теченіе послѣднихъ 28-ми лѣтъ (съ 1871 г.) у насъ не выходило ни одного сочиненія, которое бы охватывало всю область лѣсной технологіи. Этимъ обстоятельствомъ и были вызваны полученные нами отъ многихъ читателей перваго изданія «Русскаго Лѣса» заявленія о желательности видѣть изданіе дополненнымъ возможно подробнымъ описаніемъ способовъ изготовленія разнаго рода лѣсного матеріала, т. е. введеніемъ въ изданіе отдѣла лѣсной технологіи; послѣдняя и составляетъ предметъ вышедшей нынѣ дополнительной книги.

Содержаніе 2-ой части II тома «Русскаго Лѣса». Въ этой книгѣ разсматриваются: свойства дерева — техническія, физическія, механическія и химическія. Фауны древесины. Усушка и разбуханіе и ихъ вліяніе на формоизмѣняемость дерева. Орудія и способы валки и заготовки лѣса. Сортименты лѣса — дровяного, строевого и подлѣсного, ихъ учетъ и браковка. Затѣмъ въ частности механическая обработка дерева: распиловка ручная и заводская, строганіе, сверленіе и долбленіе дерева. Специальная производствъ по механической обработкѣ дерева: для бондарныхъ издѣлій, для экипажей, гнупой мебели, паркетовъ, гонта, спичечной соломъ и коробки, дре-

весной стружки, древесной массы, мочальныхъ издѣлій, лажкарнаго промысла, деревянной посуды, для щепного товара и корзино-плетенія. Въ особой главѣ разсматривается химическая обработка дерева и дѣйствіе высокой температуры на дерево: углежженіе въ ямахъ, кострахъ и печахъ; добываніе жидкихъ продуктовъ сухой перегонки дерева и переработка ихъ. Добываніе шадрика, поташа и сажи. Производство целлюлозы. Крышечная панка. Этиловый алкоголь. Фабрикація искусственнаго шелка изъ древесины. Извлеченіе шавелевой кислоты. Полученіе дубильной коры и приготовленіе дубильныхъ красильныхъ экстрактовъ. Добываніе смоль въ естественномъ видѣ. Аппараты для перегонки живицы подъ пониженнымъ давленіемъ. Переработка канифоли на масла и добываніе эфирныхъ маселъ. Наконецъ, разсматривается транспортъ лѣса: устройство лѣсовозныхъ, грунтовыхъ дорогъ и спусковъ лѣса на горахъ; деревянно-рельсовые или лежневые дороги; лѣсныя желѣзныя дороги; лѣсопроводные желоба и канатные лѣсоспуски; сплавъ лѣса; сборъ сгоняемаго лѣса; запаны пловучія и постоянныя; сплавъ лѣса въ плотахъ; сплотка лѣса; грузовые, многорядные плоты; размѣры плотовъ; сплавъ въ рамахъ; плоты для сплава по озерамъ и по морю; потеря лѣса при сплавѣ; главнѣйшіе типы судовъ, служащихъ для перевозки лѣса.

Всѣ вошедшія въ книгу статьи отличаются ясностью изложенія, а украшающія книгу иллюстраціи (425 рисунковъ) облегчаютъ полное усвоеніе содержанія. Большой, издѣію изданный томъ въ 8-ю долю листа, отпечатанный четкимъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, XIV+585 стр. СПб. 1899 г. Цѣна 2-й части II тома „Русскаго Лѣса“, несмотря на значительный объемъ книги и множество гравюръ, назначена весьма умѣренная — **4 р., съ перес. 4 р. 50 к.**

Имѣются также въ продажѣ:

остальныя три части «РУССКАГО ЛѢСА»:

ТОМЪ ПЕРВЫЙ. Второе, пересмотрѣнное и значительно дополненное изданіе. СПб. 1893 г. Большой томъ (XIV+406 стр. в 8^ю), съ приложеніемъ 2-хъ картъ лѣсистости Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

ТОМЪ ВТОРОЙ. Часть I, содержащая „ЛѢСНУЮ БОТАНИКУ“, съ 17-ю эстампами на мѣди и 125 гравюрами на деревѣ. Новое, 2-е изданіе, XX+705 страницъ в 8^ю. СПб. 1898 г. Цѣна 5 руб., съ перес. 5 руб. 50 коп.

ТОМЪ ТРЕТІЙ. Второе, пересмотрѣнное и дополненное изданіе, съ шестью рисунками и двумя планами лѣсныхъ дачъ. XI+392 страницъ. СПб. 1897 г. Цѣна 2 руб., съ перес. 2^{р.} 50 к.

Цѣна за всѣ три тома (въ 4-хъ книгахъ) 15 р., съ перес. 16 р. 50 к.

Требованія и деньги адресовать въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, СПб., М. Морская, № 22. — Изданіе имѣется также въ продажѣ въ конт. Н. Н. Печковской, въ Москвѣ (Петровскія линіи), въ книжн. маг. „Образованіе“ въ Одессѣ (Риг елевская, № 12) и во всѣхъ больш. книжн. магазинахъ.

Новое изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ:

Только что вышелъ изъ печати и поступилъ въ продажу

УЧЕБНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ,

составленный профессоромъ **Э. Ю. Петри**

и состоящій изъ 46 главныхъ картъ, 127 дополнительныхъ картъ и чертежей на 45 таблицахъ.

Въ Атласу приложены: оглавленіе, «краткія указанія для учащихся» и «методологическое введеніе».

При составленіи Атласа имѣлись въ виду возможная полнота и разносторонность содержанія на ряду съ ясностью и краткостью карты и возможно лучшимъ освѣщеніемъ наиболее выдающихся для описываемыхъ мѣстностей особенностей.

Съ своей стороны, издатель старался придать Атласу вполне изящный и безукрѣпленный внѣшній видъ, какъ въ отношеніи бумаги, такъ и по художественному исполненію картъ и чертежей, а назначеніемъ крайне умѣренной цѣны — 2 руб. (несмотря на полноту и роскошь изданія) имѣлось въ виду сдѣлать Атласъ возможно болѣе доступнымъ для учащихся.

Учебный Географическій Атласъ проф. Э. Ю. Петри:

I. **ОДОБРЕНЪ** Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособия для гимназій какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, для реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ и семинарій.

II. **РЕКОМЕНДОВАНЪ** состоящимъ при Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріи по Ученіямъ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ Учебнымъ Комитетомъ — въ качествѣ учебнаго пособия по географіи для среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ.

III. **РЕКОМЕНДОВАНЪ** Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній — въ качествѣ учебнаго пособия при прохожденіи курса географіи въ кадетскихъ корпусахъ.

Цѣна „Учебнаго Географическаго Атласа“ **Э. Ю. Петри:** 1) брошюваннаго экз. — 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; 2) въ папкѣ съ коленкоровымъ корешкомъ и углами — 2 р. 35 к., съ пер. 2 р. 90 к.; 3) въ прочномъ коленкоровомъ переплетѣ съ кожанымъ корешкомъ и углами — 2 р. 60 к., съ перес. 3 р. 20 к.

Требованія и деньги адресовать въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, М. Морская, № 22. — Изданіе имѣется также въ продажѣ въ конторѣ Н. Н. Печковской въ Москвѣ (Петровскія линіи), въ книжн. магазинѣ „Образованіе“ въ Одессѣ (Ришельевская, 12) и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

 Издание ЮРГЕНСОНА:
К. БЕРЮ
 знаменитая
ШКОЛА ДЛЯ СКРИПКИ.
 Издание на 3-х языках (русс., франц. и немец.).
Часть III, выпуск I.
 (Вып. II и последний печатаются.)
 Цена 1-го вып. 2 р., второго 1 р.
 Часть I ц. 2 р. 50 к. Часть II ц. 3 р.
 Каталог бесплатно.
 Москва у П. ЮРГЕНСОНА.

Христослюбивые благотворители!
 Господь судял мнѣ замѣнить въ селѣ Дерново деревянный ветхий храмъ каменнымъ. Какъ первый, такъ и второй будетъ во имя Святителя и Чудотворца Николая. Денегъ въ храмъ нѣтъ. Откликнитесь, Благодѣтели, на мой зовъ, на мое всеусерднѣйшее прошеніе, помогите кто чѣмъ можетъ. Скажи, добрый братъ, свое имя, и буду молиться за тебя, а есть родной покойникъ, дорогой сердцу твою, скажи и его имя, и помню его на проскомидии и отрадно ему будетъ. И тебя, добрый датель, Господь поманетъ въ день скорби твоея, въ часъ кончины твоей и за гробомъ. Будте милосерды!
 Села Дерново Священникъ Александръ Тихомировъ.
 Адресъ: С. В. ж. д. ст. Мятлево, Калужской губерніи, въ село Дерново, Священнику Александру Аванасьевичу Тихомирову.

1000 велосипедовъ на складѣ
РАЗНООБРАЗНѢЙШІЙ ВЫБОРЫ!
 ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГЪ!
 ОБШИРНѢЙШІЙ СКЛАДЪ въ Россіи.
 ТОВАРИЩЕСТВО
М. Блок
 МОСКВА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
 Киевъ, Екатеринбургъ, Одесса, Варшава, Николаевъ, Ростовъ н/А.

Общество Распр. Практ. Знаній между образ. женщинами въ Москвѣ.

ШКОЛА СЧЕТОВОДСТВА,
 въ д. Скоропадской у Никитскихъ Воротъ.

Предметы обязательныя: Бухгалтерія и Коммерч. вычисления, Торговое Законодѣніе, Политич. Эконом., Коммерч. Геогр. и Каллиграфія, плата 50 руб.
 Необязательныя: Коммерч. Корресп. на немецкомъ языкѣ, плата 25 руб.
 Курсъ 8 мѣс. съ сентября по май, приемъ въ августѣ и сентябрѣ. № 12421

ТРЕБУЙТЕ
 въ АПТЕКАРСКІХЪ МАГАЗИНАХЪ
„АРМИНЪ“
 для холи и мягкости усомъ и бороды.
 ЦѢНА 50 КОП.
 „АРМИНЪ“ безъ № 267 разр. Мед. Упр.—поддѣлка. Главн. складъ Г. ШОЦА, Пассаажъ, № 52, С.-Петербургъ.

Международный языкъ
ЭСПЕРАНТО.
 Подробный курсъ (учебникъ, книга упражненій, полныя словари, книги для чтенія, адреса эсперантистовъ) высылаются за три рубля (или съ наложеннымъ платежомъ за 3 р. 20 коп.). Адресовать: дру Л. М. Замеагофу въ Варшаву. № 12310 10—8

Фонографы (ГРАФОФОНЫ)
 воспринимающіе и передающіе рѣчь, пѣніе, инструментальную музыку и проч.
 30 р., 40 р., 50 р., 75 р. и 100 р.
 Валіеки гладкіе для восприниманія, шифованные лучшаго качества по 1 р. Валіеки съ пѣніемъ, инструментальной музыкой, оркестровыми пьесами и проч., въ хорошемъ исполненіи и въ громаднѣмъ выборѣ по 2 р.
Грамофоны усовершенствованные въ 60 р.
 Звуковыя пластинки въ нихъ по 2 р.
Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
 С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34. Москва, Кузнецкій м., д. Захарыина.

ДЛЯ ДАЧЪ И ПРОВИНЦІИХЪ ЖЕЗАМЪБЛИЖИХЪ
 РЕТИРАДНИКЪ, механизмъ для простыхъ отхожихъ мѣстъ, замѣняетъ ватерклозетъ. Не допускаетъ ни сквозного вѣтра, ни зловонія. Не требуетъ воды, не портится отъ мороза. Постановка безъ мастера. Цена 12 руб. Упаковка и отправка 1 1/2 руб. МАШИНА ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫХЪ. Цена съ лоханкой 16 1/2 руб. Штормов. фонари и т. д. Иллюстрир. описаніе по востребованію. № 12435 3—1
В. КРЮГЕРЪ. СПБ., Торговая ул., № 17.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО „РОССІЯ“
 Наличные капиталы свыше 35.000,000 руб.
 Страхованія жизни, отъ несчастныхъ случаевъ, отъ огня, транспортовъ и стеновъ.

Для смягченія и бѣлизны кожи.
КАЛОДЕРМА
 ЖЕЛЕ КАЛОДЕРМА. * МЫЛО КАЛОДЕРМА.
Ф. Вольфъ и Сынъ въ Карлсруэ.

Мыло для стирки бѣлья въ теплой водѣ * П. Н. Виноградова. * ПАРКИ БЕЗЪ ДИСПОЗЕ
 ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ на Всероссийской Выставкѣ 1896 года. требовать куски съ этикетомъ утвержден. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.
 БѢЛЪЕ получается замѣчательно чистымъ. Желтизна и пятна уничтожаются ЭКОНОМІЯ въ топливѣ, ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. Мыла ДИСПОЗЕ расходуются въ ТРИ РАЗА МЕНЪЕ простаго. Совѣшено безвредно для тканей бѣлья. Удовольствъ за № 3780. ЭКОНОМИЧНО ДЛЯ БАНИ. Продажа вездѣ. Опт. у П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка, домъ № 2.

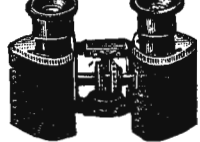
ДЛЯ приема заказовъ на увеличеніе большихъ портретовъ съ маленькихъ фотографическихъ карточекъ требуются агенты.
 Студія свѣтописи, С.-Петербургъ, Литейный проспектъ, д. № 29.

УРОКИ ПО БУХГАЛТЕРІИ
 по след. методѣ пуг. корресп.
В. В. РАУЭРТЪ, Либава.
 Пробн. лекціи высыл. бесплатно.

Въ непродолжительномъ времени, въ Москвѣ, выйдеть въ свѣтъ *1-е издание въ Россіи* — сочиненіе Андрея Розена (декабриста) „Въ ссылкѣ“, „Одиссея недавнихъ дней“ и приложеніе, его же, „Самоубійство новаго рода“. Эпиграфъ Ж. Ж. Руссо: „Я, какъ будто предчувствуя, что жизнь уходитъ отъ меня, стараюсь снова поймать ее за начало“. Предисловіе звука. 15 листовъ убористой печати; цена 1 р. 25 к. Главн. складъ изданія во всѣхъ магазинахъ „Новаго Времени“ *Сувениры*, тамъ-же и подписка на сочиненіе. Подписка принимается также въ типографіи Чукча на въ Москвѣ, на Б. Дмитровкѣ.

НА ВОСПИТАНІЕ И ВОССТАНОВЛЕНІЕ ДѢТЕЙ
ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО
 ОБЩЕСТВА
 ПРОСИТЬ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ СЪБРАТСТВОВАТЬ ему
ЖЕНУЖНЫЕ ВЕЩИ
 60 ТЕЛЕФОНЪ 1360
 500 КАРТОНОВЪ
 ТЕЛЕФОНЪ 3671. ТЕЛЕФОНЪ 1141.

МИРРОЛЬ ПОРОШОКЪ УНИЧТОЖАЮЩІЙ ЗАПАХЪ ОТЪ ПОТА
ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ ПУШКИНСКАЯ АПТЕКА
 СПЕТЕРБУРГЪ
 ПРОВОДЪ А. ГАККЕЛА
 ПУШКИНСКАЯ № 9.

C. P. GOERZ. BERLIN.

„TRIÈDER-BINOCLES“
 Новѣйшіе зрительныя приборы съ призмами, значительно превосходящіе всѣ до сего времени употребляемые.

„Trièder Binocles“ даютъ изображенія безъ потери свѣта посредствомъ призмъ, потому и называемъ русскія
„СИЛОСВѢТЪ“
 „Силосвѣтъ“ наилучшій бинокль нашего времени для сначекъ, гонокъ, стрѣльбы, велосипедистовъ и пр. спортовъ.
ФАБРИЧНЫЯ ЦѢНЫ на „Trièder-Binocles“ слѣдующія: увеличивающіи въ 12 разъ—100 руб., въ 9 разъ—88 р., въ 6 разъ—75 руб., въ 3 раза—63 руб. Пересылка въ провинцію на счетъ заказчика.
 На кандонѣ бинокль фабричный илеймо и указано увеличеніе его. Вышеприведенныя бинокли можно найти всегда въ большомъ выборѣ у фирмы

ОПТИКЪ Г. Штраусъ.
 № 27, Большая Морская, № 27, противъ Русскаго для виѣшей торговли М. № 12360 Банка. 5—2
 „Силосвѣтъ“ прежней конструкціи, безъ призмъ, продается по 8, 10 и 12 руб. въ зависимости отъ величины объектива.
 „Силосвѣтъ“ одинаково пригоденъ какъ для денныхъ, такъ и для ночныхъ наблюденій на морѣ, на полѣ и при воздухоплаваніи. Бинокль въ алюминіи отъ 15 до 85 руб.
 Порученія изъ провинціи безъ задатка не выполняются.

XXX г.

№ 24

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXX

1899

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выдастъ 12 іюня 1899 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1899 г.

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	5 р. 50 к.	Безъ дост. въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи .	6 р. 25 к.	Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАЧІЕ“, Ришельевская, 12.	6 р. 50 к.	Съ доставкою въ Петербургъ . . .	6 р. 50 к.	Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи . . .	7 р.	За г-ра-лицу . . .	10 р.
-----------------------------------	-------------------	---	-------------------	--	-------------------	----------------------------------	-------------------	---	-------------	--------------------	--------------

Кіевская цвѣтчица. Картина Н. К. Пимоненко грав. Г. Геданъ

Воскресеніе.

Романъ

графа Л. Н. Толстого.

(Продолженіе.)

LVI.

— Ну-съ, je suis à vous. Хочешь курить. Только постой, какъ бы намъ тутъ не нанортить, — сказалъ онъ и принесъ пепельницу. — Ну-съ.

— У меня къ тебѣ два дѣла.

— Вотъ какъ.

Лицо Масленникова сдѣлалось мрачно и уныло. Всѣ слѣды того возбужденія собачки, у которой хозяинъ почесалъ за ушами, исчезли совершенно. Изъ гостиной доносились голоса. Одинъ женскій говорилъ: jamais, jamais je ne eroirais, а другой, съ другого конца, мужской, что-то рассказывалъ, все повторяя: la comtesse Vongozoff и Victor Apraksine. Съ третьей стороны слышался только гулъ голосовъ и смѣхъ. Масленниковъ прислушивался къ тому, что происходило въ гостиной; слушалъ и Нехлюдова.

— Я опять о той же жепщинѣ — сказалъ Нехлюдовъ.

— Да, невинно осужденная. Знаю, знаю.

— Я просилъ бы перевести се въ служанки въ больницу. Мнѣ говорили, что это можно сдѣлать.

Масленниковъ сжалъ губы и задумался.

— Едва ли можно, — сказалъ онъ. — Впрочемъ, я посоветуюсь и завтра телеграфирую тебѣ.

— Мнѣ говорили, что тамъ много больныхъ и нужны помощницы.

— Ну да, ну да. Такъ во всякомъ случаѣ дамъ тебѣ знать.

— Пожалуйста, — сказалъ Нехлюдовъ.

Изъ гостиной раздался общій и даже натуральный смѣхъ.

— Это все Викторъ, — сказалъ Масленниковъ, улыбаясь: — онъ удивительно остеръ, когда въ ударѣ.

— А еще, — сказалъ Нехлюдовъ: — сейчасъ въ острогѣ сидятъ 130 человекъ только за то, что у нихъ просрочены паспорта. Ихъ держатъ мѣсяць здѣсь.

И онъ рассказалъ причины, по которымъ ихъ держатъ.

— Какъ же ты узналъ про это? — спросилъ Масленниковъ, и на лицѣ его вдругъ выразилось безпокойство и недовольство.

— Я ходилъ къ подсудимому, и меня въ коридорѣ обступили эти люди и просили...

— Къ какому подсудимому ты ходилъ?

— Крестьянину, который невинно обвиняется и къ которому я пригласилъ защитника. Но не въ этомъ дѣло. Неужели эти люди, ни въ чемъ не виноватые, содержатся въ тюрьмѣ только за то, что у нихъ просрочены паспорта и...

— Это дѣло прокурора, — съ досадой перебилъ Масленниковъ Нехлюдова. — Вотъ ты говоришь: судъ скорый и правый. Обязанность товарища прокурора посѣщать острогъ и узнавать, законно ли содержатся заключенные. Они ничего не дѣлаютъ; играютъ въ винтъ.

— Такъ ты ничего не можешь сдѣлать? — мрачно спросилъ Нехлюдовъ, вспоминая слова адвоката о томъ, что губернаторъ будетъ сваливать на прокурора.

— Нѣтъ, я сдѣлаю. Я справлюсь сейчасъ.

— Для нея же хуже. C'est un souffre-douleur, — слышался изъ гостиной голосъ женщины, очевидно совершенно равнодушной къ тому, что она говорила.

— Тѣмъ лучше, я и эту возьму, — слышался съ другой стороны игривый голосъ мужчины и игривый смѣхъ женщины, что-то не давнишней ему.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что, — говорилъ женскій голосъ.

— Такъ вотъ, я сдѣлаю все, — повторилъ Масленниковъ, туша папироску своею бѣлою рукой съ бирюзовымъ перстнемъ: — теперь пойдемъ къ дамамъ.

— Да еще вотъ что, — сказала Нехлюдова, не входя въ гостиную и остановившаяся у двери. — Мнѣ говорили, что вчера въ тюрьмѣ наказывали тѣлесно людей. Правда ли это?

Масленниковъ покраснѣлъ.

— Ахъ, ты объ этомъ? Нѣтъ, mon cher, рѣшительно тебя не надо пускать, тебѣ до всего дѣло. Пойдемъ, пойдемъ, Annette зоветъ насъ, — сказалъ онъ, подхватывая его подъ руку и выказывая опять такое же возбужденіе, какъ и послѣ вниманія важнаго лица, но только теперь уже не радостное, а тревожное.

Нехлюдовъ вырвалъ свою руку изъ его и, никому не кланаясь и ничего не говоря, съ мрачнымъ видомъ проскочилъ черезъ гостиную, залу и мимо выскочившихъ лакеевъ въ переднюю и на улицу.

— Что съ нимъ? Что ты ему сдѣлалъ? — спросила Annette у мужа.

— Это à la française, — сказалъ кто-то.

— Какой это à la française, это à la zoulou.

— Ну, да онъ всегда былъ такой.

Кто-то поднялся, кто-то пріѣхалъ и щебетанья пошли своимъ чередомъ: общество пользовалось эпизодомъ съ Нехлюдовымъ, какъ удобнымъ предметомъ разговора нынѣшняго jour fix'a.

На другой день послѣ его посѣщенія Масленникова, Нехлюдовъ получилъ отъ него, на толстой глянцевиной съ гербомъ и печатями бумагѣ, письмо великолѣпнымъ, твердымъ почеркомъ о томъ, что онъ написалъ о переводѣ Масловой въ больницу врачу, и что по всей вѣроятности желаніе его будетъ исполнено. Было подписано: «любящій тебя старшій товарищъ», и подъ подписью: Масленниковъ былъ сдѣланъ удивительно искусный, большой и твердый росчеркъ.

— Дуракъ! — не могъ удержаться не сказать Нехлюдовъ, особенно за то, что въ этомъ словѣ: «товарищъ» онъ чувствовалъ, что Масленниковъ снисходилъ до него, т. е. несмотря на то, что считалъ себя очень важнымъ человекомъ, думать, если не польститъ, то показать, что онъ все-таки не слишкомъ гордится своимъ величіемъ, называя себя его товарищемъ.

LVII.

Одно изъ самыхъ обычныхъ и распространенныхъ суевѣрій то, что каждый человекъ имѣетъ одни свои опредѣленные свойства, что бываетъ человекъ добрый, злой, умный, глупый, энергичный, апатичный и т. д. Люди не бываютъ такими. Мы можемъ сказать про человека, что онъ чаще бываетъ добръ, чѣмъ золъ, чаще уменъ, чѣмъ глупъ, чаще энергиченъ, чѣмъ апатиченъ, и наоборотъ; но будетъ неправда, если мы скажемъ про одного человека, что онъ всегда добрый или умный, а про другого, что онъ всегда злой или глупый. А мы всегда такъ дѣлимъ людей. И это не вѣрно. Люди какъ рѣки: вода во всѣхъ одинакая и вездѣ одна и та же, но каждая рѣка бываетъ то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая. Такъ и люди. Каждый человекъ носить въ себѣ зачатки всѣхъ свойствъ людскихъ, и иногда проявляетъ одни, иногда другія, и бываетъ часто совсѣмъ не похожъ на себя, оставаясь все однимъ и самимъ собою. У нѣкоторыхъ людей эти перемены бываютъ особенно рѣзки.

И къ такимъ людямъ принадлежалъ Нехлюдовъ. Пере-
мѣны эти происходили въ немъ и отъ физическихъ, и
отъ духовныхъ причинъ. И такая переѣна произошла
въ немъ теперь.

То чувство торжественности и радости обновленія, ко-
торое онъ испытывалъ послѣ суда и послѣ перваго сви-
данія съ Катюшей, прошло совершенно и замѣнилось
послѣ послѣдняго свиданія страхомъ, даже отвращеніемъ
къ ней и сознаниемъ напряженности долга. Онъ рѣшилъ,
что не оставитъ ее, не измѣнитъ своего рѣшенія жениться
на ней, если только она захочетъ этого; но это было ему
тяжело и мучительно.

На другой день своего посѣщенія Масленникова онъ
опять поѣхалъ въ острогъ, чтобы увидать ее.

Смотритель разрѣшилъ свиданіе, но не въ конторѣ и
не въ адвокатской, а въ женской посѣдательской. Несмотря
на свое добродушіе, смотритель былъ сдержаннѣе, чѣмъ
прежде, съ Нехлюдовымъ; очевидно, разговоры съ Мас-
ленниковымъ имѣли послѣдствіемъ предписаніе болѣе
осторожности съ этимъ посѣдителемъ.

— Видѣться можно,— сказалъ онъ:— только, пожалуй-
ста, насчетъ денегъ, какъ я просилъ васъ... А что на-
счетъ перевода ея въ больницу, какъ писалъ его пре-
восходительство, такъ это можно, и врачъ согласенъ.
Только она сама не хочетъ, говорить: очень мнѣ нужно
за паршивцами выносить... Вѣдь это, князь, такой на-
родъ,—прибавилъ онъ.

Нехлюдовъ ничего не отвѣчалъ и попросилъ допустить
его къ свиданію. Смотритель послалъ надзирателя, и Не-
хлюдовъ вошелъ за нимъ въ пустую женскую посѣдатель-
скую.

Маслова уже была тамъ и вышла изъ-за рѣшетки, ти-
хая и робкая. Она близко подошла къ Нехлюдову и, глядя
мимо него, тихо сказала:

— Простите меня, Дмитрій Ивановичъ, я нехорошо
говорила третьяго дня.

— Не мнѣ прощать васъ...— началъ было Нехлюдовъ.

— Но только, все-таки, вы оставьте меня,— прибавила
она, и въ страшно скосившихся глазахъ, которыми она
взглянула на него, Нехлюдовъ прочелъ опять напряженное
и злое выраженіе.

— Зачѣмъ же мнѣ оставить васъ?

— Да ужъ такъ.

— Отчего такъ?

Она посмотрѣла на него опять тѣмъ же, какъ ему по-
казалось, злымъ взглядомъ.

— Ну, такъ вотъ чтò,— сказала она.— Вы меня оставь-
те, это я вамъ вѣрно говорю. Не могу я. Вы это со-
всѣмъ оставьте,— сказала она дрожащими губами и за-
молчала.— Это вѣрно. Лучше повѣшусь.

Нехлюдовъ чувствовалъ, что въ этомъ отказѣ ея была
ненависть къ нему, непрощенная обида, но было и что-то
другое — хорошее и важное. Это подтвержденіе въ со-
вершенно спокойномъ состояніи прежняго ея отказа
сразу уничтожило въ душѣ Нехлюдова всѣ его сомнѣнія
и вернуло его къ прежнему серьезному, торжественному
и умиленному состоянію.

— Катюша, какъ я сказалъ, такъ и говорю,— произнесъ
онъ особенно серьезно.— Я прошу тебя выйти за меня
замужъ. Если же ты не хочешь, и пока не хочешь, я
такъ же, какъ и прежде, буду тамъ, гдѣ ты будешь, и
пойду туда, куда тебя повезутъ.

— Это ваше дѣло, я больше говорить не буду,— ска-
зала она, и опять губы ея задрожали.

Онъ тоже молчалъ, чувствуя себя не въ силахъ го-
ворить.

— Я теперь ѣду въ деревню, а потомъ поѣду въ Пе-
тербургъ,— сказалъ онъ, наконецъ, оправившись.— Буду
хлопотать по вашему, по нашему, дѣлу и, Богъ дастъ,
отмѣнять приговоръ.

— И не отмѣнять— все равно. Я не за это, такъ за

другое того стòю... — сказала она, и онъ видѣлъ, какое
большое усиліе она сдѣлала, чтобы удержать слезы.

— Ну, что же, видѣли Меньшова?—спросила она вдругъ,
чтобы скрыть свое волненіе.— Правда вѣдь, что они не
виноваты?

— Да, я думаю.

— Такая чудесная старушка,— сказала она.

Онъ рассказалъ ей все, что узналъ отъ Меньшова, и
спросилъ, не нужно ли ей чего; она отвѣтила, что ничего
не нужно.

Они опять помолчали.

— Ну, а насчетъ больницы,— вдругъ сказала она,
взглянувъ на него своимъ косымъ взглядомъ:— если вы
хотите, я пойду, и вина тоже не буду пить...

Нехлюдовъ молча посмотрѣлъ ей въ глаза. Глаза ея
улыбались.

— Это очень хорошо,— только могъ сказать онъ.

«Да, да, она совсѣмъ другой человѣкъ», думалъ Не-
хлюдовъ, испытывая послѣ прежнихъ сомнѣній совер-
шенно новое, никогда не испытанное имъ чувство увѣ-
ренности въ непобѣдимости любви.

Вернувшись послѣ этого свиданія въ свою вонючую
камеру, Маслова сняла халатъ и сѣла на свое мѣсто
наръ, опустивъ руки на колѣна. Въ камерѣ были только:
чохоточная, Владимірская съ груднымъ ребенкомъ, ста-
рушка Меньшова и сторожика съ двумя дѣтьми. Дьяч-
кову дочь вчера признали душевно-больной и отправили
въ больницу. Остальныя же всѣ женщины стирали. Ста-
рушка лежала на нарахъ и спала; дѣти были въ кори-
дорѣ, дверь въ который была отворена. Владимірская съ
ребенкомъ на рукахъ и сторожика съ чулкомъ, который
она не переставала вязать быстрыми пальцами, подошли
къ Масловой.

— Ну, что, повидались?—спросили онѣ.

Маслова, не отвѣчая, сидѣла на высокихъ нарахъ,
болтая недостающими до полу ногами.

— Чего рюмишь?— сказала сторожика.— Пуще всего
не падай духомъ. Эхъ, Катюха. Ну!— сказала она,
быстро шевеля пальцами.

Маслова не отвѣчала.

— А наши стирать пошли. Сказывали, нынче пода-
ніе больше. Нанесли много, говорятъ,— сказала Вла-
димірская.

— Финанка!— закричала сторожика въ дверь.— Куда,
пострѣленокъ, забѣжалъ.

И она вынула одну спицу и, воткнувъ ее въ клубокъ
и чулокъ, вышла въ коридоръ.

Въ это время послышался шумъ шаговъ и женскій
говоръ въ коридорѣ, и обитательницы камеры въ котахъ
на босу ногу вошли въ нее, каждая неся по калачу, а
нѣкоторыя и по два. Ѳедосья тотчасъ же подошла къ
Масловой.

— Чтò же, али чтò не ладно?—спросила Ѳедосья,
своими ясными, голубыми глазами любовно глядя на
Маслову.— А вотъ намъ къ чаю,— и она стала уклады-
вать калачи на полочку.

— Чтò жъ, или раздумалъ жениться?—спросила Ко-
раблева.

— Нѣтъ, не раздумалъ, да я не хочу,— отвѣтила Ма-
слова:— такъ и сказала.

— Вотъ и дура!— сказала своимъ басомъ Кораблева.

— Чтò жъ, коли не жить вмѣстѣ, на кой ладъ же-
ниться,—спросила Ѳедосья.

— Да вѣдь вотъ твой мужъ идетъ же съ тобой,— воз-
разила сторожика.

— Чтò жъ, мы съ нимъ въ законѣ,— сказала Ѳедосья.—
А ему зачѣмъ законъ принимать, коли не жить.

— Во дура! Зачѣмъ? Да женись онъ, такъ онъ озо-
лотитъ ее.

„Воскресеніє“, романъ гр. Л. Н. Толстого. Кузьминскіе мужики въ ожиданіи Нехлюдова.
Ориг. рис. (собств. «Нивы») Л. О. Пастернака, автотипія «Нивы».

Нищій. Съ картины Э. Фріана грав. Бодь.

— Онъ сказалъ: куда бы тебя ни послали, я за тобой поѣду,—сказала Маслова.

— Поѣдетъ—поѣдетъ, не поѣдетъ—не поѣдетъ. Я просить не стану. Теперь онъ въ Петербургъ ѣдетъ хлопотать. У него тамъ всѣ министры родные,—продолжала она:—только все-таки не нуждаюсь я имъ.

— Извѣстное дѣло!—вдругъ согласилась Кораблева, разбирая свой мѣшокъ и очевидно думая о другомъ.—Что же, винца выпьемъ.

— Я не стану,—отвѣчала Маслова.—Пейте сами.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Черезъ двѣ недѣли дѣло могло слушаться въ Сенатѣ и къ этому времени Нехлюдовъ намѣревался поѣхать въ Петербургъ, и, въ случаѣ неудачи въ Сенатѣ, подать прошеніе на Высочайшее имя, какъ совѣтовалъ составившій прошеніе адвокатъ. Въ случаѣ оставленія жалобы безъ послѣдствій, къ чему, по мнѣнію адвоката, надо быть готовымъ, такъ какъ кассационные поводы очень слабы, партія каторжныхъ, въ числѣ которыхъ была Маслова, могла отправиться въ первыхъ числахъ іюня и потому, для того, чтобы приготовиться къ поѣздкѣ за Масловой въ Сибирь,—что было твердо рѣшено Нехлюдовымъ,—надо было теперь же съѣздить по деревнямъ, чтобы устроить тамъ свои дѣла.

Прежде всего Нехлюдовъ поѣхалъ въ Кузьминское,—ближайшее, большое, черноземное имѣніе, съ котораго получался главный доходъ. Онъ жила въ этомъ имѣніи въ дѣтствѣ и въ юности, потомъ уже взрослымъ два раза былъ въ немъ и одинъ разъ по просьбѣ матери привозилъ туда управляющаго-нѣмца и повѣрялъ съ нимъ хозяйство, такъ что онъ давно зналъ положеніе имѣнія и отношенія крестьянъ къ конторѣ, т.-е. къ землевладѣльцу. Отношенія крестьянъ къ землевладѣльцу были таковы, что крестьяне находились въ полной зависимости у конторы. Нехлюдовъ зналъ это со временъ студенчества, когда онъ исповѣдывалъ и проповѣдывалъ ученіе Генри Джорджа, и на основаніи этого ученія отдалъ отцовскую землю крестьянамъ. Правда, что послѣ военной службы, когда онъ привыкъ проживать около 20 тысячъ въ годъ, всѣ эти знанія его перестали быть обязательными для его жизни, забылись, и онъ никогда не только не задавалъ себѣ вопроса о томъ, откуда получаются тѣ деньги, которыя ему давала мать, но старался не думать объ этомъ. Но смерть матери, наслѣдство и необходимость распоряженія своимъ имуществомъ, т.-е. землею, опять подняли для него вопросъ объ его отношеніи къ земельной собственности. За мѣсяцъ тому назадъ Нехлюдовъ сказалъ бы себѣ, что измѣнить существующій порядокъ онъ не въ силахъ, что управлять имѣніемъ не онъ,—и болѣе или менѣе успокоился бы, живя далеко отъ имѣнія и получая съ него деньги. Теперь же онъ рѣшилъ, что хотя ему предстоитъ поѣздка въ Сибирь и сложное и трудное отношеніе съ міромъ остроговъ, для котораго необходимо общественное положеніе и, главное, деньги, онъ все-таки не можетъ оставить дѣло въ прежнемъ положеніи, а долженъ, въ ущербъ себѣ, измѣнить его. Для этого онъ рѣшилъ не обрабатывать землю самому, а, отдавъ ее по недорогой цѣнѣ крестьянамъ, дать имъ возможность быть независимыми отъ землевладѣльца. Не разъ, сравнивая положеніе землевладѣльца съ владѣльцемъ крѣпостныхъ, Нехлюдовъ приравнивалъ отдачу земли крестьянамъ, вмѣсто обработки ея работниками, къ тому, что дѣлали рабовладѣльцы, переводя крестьянъ съ барщины на оброкъ. Это не было разрѣшеніе вопроса, но это былъ шагъ къ его разрѣшенію: это былъ переходъ отъ болѣе грубой къ менѣе грубой формѣ владѣнія людьми. Такъ онъ и намѣренъ былъ поступить.

Нехлюдовъ пріѣхалъ въ Кузьминское около полудня. Во всемъ упрощая свою жизнь, онъ не телеграфировалъ, а взял со станціи тарантасикъ парой. Ямщикъ былъ молодой малый въ нанковой, подносанной по складкамъ ниже тали, поддевкѣ, сидѣвшій по-ямски, бочкомъ, на козлахъ и тѣмъ охотнѣе разговаривавшій съ баринкомъ, что, пока они говорили, разбитая, хромая, бѣлая коренная и поджарая, запаленная пристяжная могли идти шагомъ, чего имъ всегда очень хотѣлось.

Ямщикъ рассказывалъ про управляющаго въ Кузьминскомъ, не зная того, что онъ везетъ хозяина. Нехлюдовъ нарочно не сказалъ ему.

— Шикарный нѣмецъ,—говорилъ онъ, повернувшись въ полуборотъ къ сѣдоку, то снизу, то сверху перехватывая длинное кнутовище:—тройку завелъ соловыхъ, выѣдетъ со своей хозяйкой—такъ куда годишься! Зимой, на Рождествѣ, слѣка была въ большомъ домѣ, я гостей возилъ тоже; хорошо убрана была. Въ губерніи такой не увидишь! Награбилъ денегъ—страсть! Чего ему: вся его власть. Сказываютъ, хорошее имѣніе купилъ.

Нехлюдовъ думалъ, что онъ совершенно равнодушенъ къ тому, какъ управляетъ нѣмецъ его имѣніемъ и какъ пользуется. Но рассказъ ямщика съ длинной таліей былъ неприятенъ ему. Онъ любовался прекраснымъ днемъ, густыми, темнѣющими облаками, иногда закрывавшими солнце, и полями, надъ которыми поднимались жаворонки, и лѣсами, покрытыми уже сверху и снизу свѣжей зеленью, и лугами, на которые уже выпущены были стада и лошади, и полями, на которыхъ видѣлись пахари,—и нѣтъ-нѣтъ, ему вспоминалось, что было что-то неприятное, и когда онъ спрашивалъ себя, что?—то вспоминалъ рассказъ ямщика о томъ, какъ нѣмецъ хозяйничаетъ въ Кузьминскомъ.

Пріѣхавъ въ Кузьминское и занявшись дѣлами, Нехлюдовъ забылъ про это чувство.

Просмотръ конторскихъ книгъ и разговоръ съ приказчикомъ, который съ наивностью выставлялъ выгоды малоземельности крестьянъ и того, что они окружены господской землей, еще больше утвердилъ Нехлюдова въ намѣреніи прекратить свое хозяйство и отдать всю землю крестьянамъ. Изъ конторскихъ книгъ и разговоровъ съ приказчикомъ онъ узналъ, что двѣ трети, какъ и было прежде, лучшей пахатной земли обрабатывались своими работниками усовершенствованными орудіями, остальная же треть земли обрабатывалась крестьянами наймомъ по пяти рублей за десятину, т.-е. за пять рублей крестьянинъ обязывался три раза вспахать, три раза заскородить и засеять десятину, потомъ скосить, связать или сжать и свезти на гумно, т.-е. совершить работы, стѣившія по вольному дешевому найму, по меньшей мѣрѣ, десять рублей за десятину. Платили же крестьяне работой за все, что имъ нужно было отъ конторы, самая дорогія цѣны. Они работали за луга, за лѣсъ, ботву отъ картофеля, и всѣ почти были въ долгу у конторы. Такъ, за запольныя земли, отдаваемыя внаймы крестьянамъ, бралось за десятину въ четыре раза больше того, что цѣна ея могла принести по расчету изъ пяти процентовъ.

Все это Нехлюдовъ зналъ и прежде, но онъ теперь узнавалъ это, какъ новое, и только удивлялся тому, какъ могъ онъ и какъ могутъ всѣ люди, находящіеся въ его положеніи, не видѣть всей ненормальности такихъ отношеній. Доводы управляющаго о томъ, какъ ни за что пропадетъ весь инвентарь, который нельзя будетъ продать за одну четверть того, что онъ стоитъ, какъ крестьяне испортятъ землю, вообще, какъ много Нехлюдовъ потеряетъ при передачѣ земли крестьянамъ,—только подтверждали Нехлюдова въ томъ, что онъ совершаетъ хорошей поступокъ, отдавая крестьянамъ землю и лишая себя большей части дохода. Онъ рѣшилъ покончить это дѣло сейчасъ же, въ этотъ свой пріѣздъ. Собрать и продать посѣянный хлѣбъ, распродать инвентарь и не-

нужныя постройки—все это долженъ былъ сдѣлать управляющій уже послѣ него. Теперь же онъ просилъ управляющаго собрать на другой день сходку крестьянъ трехъ деревень, окруженныхъ землею Кузьминскаго, для того, чтобы объявить имъ о своемъ намѣреніи и условиться въ цѣнѣ.

Съ пріятнымъ сознаниемъ своей твердости противъ доводовъ управляющаго и готовности на жертву для крестьянъ, Нехлюдовъ вышелъ изъ конторы и, обдумывая предстоящее дѣло, прошелся вокругъ дома, по цвѣтникамъ, занушеннымъ въ нынѣшнемъ году (цвѣтникъ былъ разбитъ противъ дома управляющаго), по зарастающему цикоріемъ lawn-tennis'у и по липовой аллеѣ, гдѣ онъ обыкновенно ходилъ курить свою сигару и гдѣ кокетничала съ нимъ три года тому назадъ гостившая хорошенка Киримова. Придумавъ вкратцѣ рѣчь, которую онъ скажетъ завтра мужикамъ, Нехлюдовъ пошелъ къ управляющему и, обсудивъ съ нимъ за чаемъ еще разъ вопросъ о томъ, какъ ликвидировать все хозяйство, совершенно спокойный и довольный тѣмъ добрымъ дѣломъ, которое онъ собирался сдѣлать для крестьянъ, вошелъ въ приготовленную для него комнату большого дома, всегда отводившуюся для пріема гостей.

Въ небольшой чистой комнатѣ этой съ картинами видовъ Венеціи и зеркаломъ между двухъ оконъ была поставлена чистая, пружинная кровать и столикъ съ графиномъ воды, спичками и гасилкой. На большомъ столѣ у зеркала лежалъ его открытый чемоданъ, изъ котораго виднѣлись его туалетный несесеръ и книги, взятые имъ съ собою: русская—опытъ изслѣдованія законовъ преступности, о томъ же одна нѣмецкая и одна англійская книга. Онъ хотѣлъ ихъ читать въ свободныя минуты во время поѣздки по деревнямъ, но теперь, взглянувъ на нихъ, онъ почувствовалъ себя очень далекимъ отъ этихъ вопросовъ. Совершенно другое занимало его.

Въ комнатѣ въ углу стояло старинное кресло, красного дерева, съ инкрустациями, и видъ этого кресла, стоявшаго въ спальнѣ матери, вдругъ поднялъ въ душѣ его совершенно неожиданное чувство. Ему вдругъ жалко стало и дома, который развалится, и сада, который запустится, и лѣсовъ, которые вырубятся, и всѣхъ тѣхъ скотныхъ дворовъ, конюшенъ, инструментныхъ сараевъ, машинъ, лошадей, коровъ, которыхъ хотя и не имъ, но — онъ зналъ—заводились и поддерживались съ такими усилиями. Прежде ему казалось легко отказаться отъ всего этого, но теперь ему жалко стало не только этого, но и земли, и половины дохода, который могъ такъ понадобиться теперь. И тотчасъ къ его услугамъ явились разсужденія, по которымъ выходило, что не благоразумно и не слѣдуетъ отдавать землю крестьянамъ и уничтожать свое хозяйство.

«Землей я не долженъ владѣть. Не владѣя же землею, я не могу поддерживать все это хозяйство. Кромѣ того, я теперь уѣду въ Сибирь, и потому ни домъ, ни имѣніе мнѣ не нужны» — говорилъ одинъ голосъ. — «Все это такъ, — говоритъ другой голосъ: — но, во-первыхъ, ты не провелъ же всей жизни въ Сибири. Если же ты женишься, то у тебя могутъ быть дѣти. И какъ ты получишь имѣніе въ порядкѣ, ты долженъ такимъ же передать его. Есть обязанности къ землѣ. Отдать, уничтожить все очень легко, завести же все — очень трудно. Главное же, ты долженъ обдумать свою жизнь и рѣшить, что ты будешь дѣлать съ собой, и соотвѣтственно этому и распорядиться своей собственностью. Потомъ — истинно ли ты передъ своей совѣстью поступаешь такъ, какъ ты поступаешь или дѣлаешь это для людей, для того, чтобы похвалиться передъ ними», спрашивалъ себя Нехлюдовъ и не могъ не признать, что то, что будутъ говорить о немъ люди, имѣло вліяніе на его рѣшеніе. И чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ больше и больше поднималось вопросъ и тѣмъ они становились неразрѣшимѣ. Чтобы избавиться отъ этихъ мыслей, онъ легъ въ свѣжую

постель и хотѣлъ заснуть съ тѣмъ, чтобы завтра, на свѣжую голову, рѣшить вопросы, въ которыхъ онъ теперь запутался. Но онъ долго не могъ уснуть; въ открытыя окна, вмѣстѣ съ свѣжимъ воздухомъ и свѣтомъ луны, вливалось кваканье лягушекъ, перебиваемое чаканіемъ и свистомъ соловьевъ; далекихъ, изъ парка и одного близко — подъ окномъ, въ кустѣ распустившейся сирени. Слышавъ соловьевъ и лягушекъ, Нехлюдовъ вспомнилъ о музыкѣ дочери смотрителя; вспомнивъ о смотрителѣ, вспомнилъ о Масловой, какъ у нея такъ же, какъ кваканье лягушекъ, дрожали губы, когда она говорила: «вы это совѣмъ оставьте». Потомъ нѣмецъ-управляющій сталъ спускаться къ лягушкамъ. Надо было его удержать, но онъ не только слѣзъ, но сдѣлался Масловой и сталъ упрекать его: «Я каторжная, а вы князь». — «Нѣтъ не поддамся, — подумалъ Нехлюдовъ и очнулся, и спросилъ себя: — Что же, хорошо или дурно я дѣлаю? Не знаю, завтра узнаю». И онъ самъ сталъ спускаться туда, куда полѣзъ управляющій и Маслова, — и тамъ все кончилось.

II.

На другой день Нехлюдовъ проснулся въ 9 часовъ утра. Молодой конторщикъ, прислуживавшій барину, услышавъ, что онъ шевелится, принесъ ему ботинки, такіе блестящіе, какими они никогда не были, и холодную, чистѣйшую ключевую воду и объявилъ, что крестьяне собираются. Нехлюдовъ вскочилъ съ постели, опоминаясь. Вчерашнихъ чувствъ сожалѣнія о томъ, что онъ отдаетъ землю и уничтожаетъ хозяйство, не было и слѣда. Онъ съ удивленіемъ вспоминалъ о нихъ и сталъ поспѣшно одѣваться, радуясь тому дѣлу, которое предстояло ему, и невольно гордясь имъ. Изъ окна его комнаты видна была поросшая цикоріемъ площадка lawn-tennis'a, на которой, по указанію управляющаго, собирались крестьяне. Лягушки не даромъ квакали съ вечера. Погода была пасмурная. Съ утра шелъ тихій, безъ вѣтра, теплый дождичекъ, висѣвшій капельками на листьяхъ, на сучьяхъ, на травѣ. Въ окнѣ стоялъ, кромѣ запаха зелени, еще запахъ земли, просящей дождя. Нехлюдовъ нѣсколько разъ, одѣваясь, выглядывалъ изъ окна и смотрѣлъ, какъ крестьяне собирались на площадку. Одни за другими, они подходили, раскланивались и становились кружкомъ и, опираясь на палки, бесѣдовали. Управляющій, налитой, мускулистый человекъ, въ короткомъ пиджакѣ, съ зеленымъ стоячимъ воротничкомъ и огромными пуговицами, пришелъ сказать Нехлюдову, что всѣ собрались, но что они подождутъ, — пускай прежде Нехлюдовъ напьется кофею или чаю, — и то, и другое готово.

— Нѣтъ, я ужъ лучше пойду къ нимъ, — сказалъ Нехлюдовъ, испытывая совершенно неожиданно для себя чувство робости и стыда при мысли о предстоящемъ разговорѣ съ крестьянами.

Онъ шелъ исполнить то желаніе крестьянъ, объ исполненіи котораго они и не смѣли думать, — отдать имъ за дешевую цѣну землю, — т. е. онъ шелъ сдѣлать имъ благодѣяніе, а ему было чего-то совѣстно. Когда Нехлюдовъ подошелъ къ собравшимся крестьянамъ, и обнажились русыя, курчавыя, плѣшивыя, сѣдые головы, онъ такъ смутился, что долго ничего не могъ сказать. Дождичекъ мелкими капельками продолжалъ идти и оставался на волосахъ, бородахъ и на ворсѣ кафтановъ крестьянъ. Крестьяне смотрѣли на барина и ждали, что онъ имъ скажетъ, а онъ такъ смутился, что ничего не могъ сказать. Смущенное молчаніе разбило спокойный, самоувѣренный нѣмецъ-управляющій, считавшій себя знатокомъ русскаго мужика и прекрасно, правильно говорившій по-русски. Сильный, перекормленный человекъ этотъ, такъ же, какъ и самъ Нехлюдовъ, представляли оба поразительный контрастъ съ худыми, сморщенными лицами и вы-

дающимися изъ-подъ кафтановъ худыми лопатками мужиковъ.

— Вотъ, князь хочетъ вамъ добро сдѣлать—землю отдать, только вы того не стойте,—сказалъ нѣмецъ.

— Какъ не стоимъ, Василий Карлычъ, развѣ мы тебѣ не работали. Мы много довольны барыней-покойницей, царство небесное, и молодой князь, спасибо, насъ не бросаетъ,—началь рыжеватый мужикъ-краснобай.

— Мы не обижаемся господами, только вотъ насчетъ тѣсноты,—сказалъ другой, широколицый мужикъ съ большой бородой.—Жить тѣсно стало.

— Я затѣмъ и призвалъ васъ, что хочу, если вы желаете этого, отдать вамъ всю землю,—проговорилъ Нехлюдовъ.

Мужики молчали, какъ бы не понимая или не вѣря.

— Въ какихъ, значить, смыслахъ землю отдать,—сказалъ одинъ, среднихъ лѣтъ, мужикъ въ поддевки.

— Отдать вамъ внаймы, чтобы вы пользовались за невысокую плату.

— Разлюбезное дѣло,—сказалъ одинъ старикъ.

— Только бы въ силу платежъ былъ,—сказалъ другой.

— Землю отчего не взять!

— Намъ дѣло привычное,—землей кормимся!

— Вамъ же покойнѣе, только знай—получай денежки, а то грѣха сколько!—послышался голоса.

— Грѣхъ отъ васъ,—сказалъ нѣмецъ:—если бы вы работали, да порядокъ держали.

— Нельзя нашему брату, Василий Карлычъ,—заговорилъ остроносый, худой старикъ.—Ты говоришь, зачѣмъ лошадь пустить въ хлѣбъ, а кто ее пускати: я день-деньской, а день—что годъ, намахался косой, либо что, заснуть въ ночномъ, а она у тебя въ овсахъ, а ты съ меня шкуру дерешь.

— А вы бы порядокъ вели.

— Хорошо тебѣ говорить—порядокъ. сила наша не беретъ,—возразилъ высокий, черноволосый, обросшій весь волосами, нестарый мужикъ.

— Вѣдь я говорилъ вамъ, обгородили бы.

— А ты лѣсу дай,—сзади вступился маленькій, невзрачный мужичокъ.—Я хотѣлъ лѣто-съ загородить, срубить слежку, такъ ты меня на три мѣсяца затурилъ вшей кормить въ замокъ. Вотъ и загородить.

— Это что же онъ говоритъ?—спросилъ Нехлюдовъ у управляющаго.

— Der erste Dieb im Dorfe, -- по-нѣмецки сказали управляющій.—Каждый годъ въ лѣсу попадался. А ты научись уважать чужую собственность,—сказалъ управляющій.

— Да мы развѣ не уважаемъ тебя,—сказалъ старикъ.—Намъ тебя нельзя не уважать, потому мы у тебя въ рукахъ, ты изъ насъ веревки вьешь.

— Ну, братъ, васъ не обидишь,—вы бы не обидѣли.

— Какъ же, обидишь? Разбилъ мнѣ лѣто-съ морду, такъ и осталось. Съ богатымъ не судись, видно.

— А ты дѣлай по закону.

Очевидно, шелъ словесный турниръ, въ которомъ участвующие не понимали хорошенько, зачѣмъ и что они говорятъ. Нехлюдовъ постарался вернуться къ дѣлу: установить цѣны и сроки платежей.

— Такъ какъ же насчетъ земли? Желаете ли вы? И какую цѣну назначите, если отдать всю землю?

— Товаръ ваишь, вы цѣну назначьте.

Нехлюдовъ назначилъ цѣну. Какъ всегда, несмотря на то, что цѣна, назначенная Нехлюдовымъ, была много ниже той, которую платили кругомъ, мужики начали торговаться и находили цѣну высокой. Нехлюдовъ ожидалъ, что его предложеніе будетъ принято съ радостью, но проявленія удовольствія совѣтъ не было замѣтно. Только по тому Нехлюдовъ могъ заключить, что предложеніе его имъ выгодно, что, когда зашла рѣчь о томъ, кто беретъ землю,—все ли общество или товарищество, то начались жестоки споры между тѣми крестьянами, которые хотѣли выключить слабосильныхъ и плохихъ плательщиковъ изъ участія въ землѣ, и тѣми, которыхъ хотѣли выключить. Наконецъ, благодаря нѣмцу, установили цѣну и сроки платежей, и крестьяне, шумно разговаривая, пошли подъ гору, къ деревнѣ. а Нехлюдовъ пошелъ въ контору составлять съ управляющимъ проектъ условія.

Все устроилось такъ, какъ этого хотѣлъ и ожидалъ Нехлюдовъ: крестьяне получили землю процентовъ на 30 дешевле, чѣмъ отдавалась земля въ округѣ; его доходъ съ земли уменьшился почти на половину, но былъ съ избыткомъ достаточенъ для Нехлюдова, особенно съ прибавленіемъ суммы, которую онъ получилъ за проданный лѣсъ и которая должна была вырчитаться за продажу инвентаря. Все казалось было прекрасно, а Нехлюдову было и грустно, и скучно, и, главное, совѣстно. Онъ видѣлъ, что крестьяне, несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ говорили ему благодарственные слова, были недовольны и ожидали чего-то большаго. Выходило, что онъ лишилъ себя многого, а крестьянамъ не сдѣлалъ того, чего они ожидали.

На другой день условіе домашнее было подписано, и провожаемый пришедшими выборными-стариками, Нехлюдовъ, съ непріятнымъ чувствомъ чего-то недоблганнаго, сѣлъ въ шикарную, какъ говорилъ ямщикъ со станціи, троечную коляску управляющаго и уѣхалъ на станцію, простившись съ мужиками, недоумгвующе и недовольно покачивавшими головами. Нехлюдовъ былъ недоволенъ собой. Чѣмъ онъ былъ недоволенъ,—онъ не зналъ, но ему все время чего-то было грустно и чего-то стыдно.

(Продолженіе будетъ)

Блаженный.

Рассказъ.

I.

На самомъ краю села стояла крошечная полуразвалившаяся изба. Хотя и соедѣнны избы были малы и тѣсны, такъ какъ всѣ жители этой улицы были выселившиеся вслѣдствіе раздѣла крестьяне, однако крайній дворникъ поражалъ своимъ нищенскимъ видомъ. Онъ весь состоялъ изъ покривившагося сруба самыхъ малыхъ размѣровъ; одно оконечко съ потускнѣвшими стеклами сиротливо выглядывало на улицу; вмѣсто сѣней къ одной сторонѣ избы была приставлена лѣтучка изъ стараго плетня, а солома съ крыши такъ обвалилась, что свободно пропускала дождь и снѣгъ. Двора совѣтъ не было, и по всему было видно, что у хозяина нѣтъ ни скотины, ни телѣги, ни даже простой сохи.

Мы рѣдко посѣщали эти выселки; они стояли нѣсколько на отлѣтъ, за деревенскими огородами, и отдѣлялись отъ крестьянскаго выгона болотистымъ логомъ, гдѣ въ мутной водѣ могли связки конопля.

Плохой, низкій, всегда дырявый мостикъ соединялъ оба берега, и не разъ на немъ проваливалась мужицкая телѣга, такъ что мы предпочитали переходить пѣшкомъ.

Когда мы попадали въ эту часть деревни, то обыкновенно ограничивались тѣмъ, что заходили въ двѣ-три знакомыя избы, а на лачужку, стоявшую на краю улицы, не обращали вниманія. Никогда около нея не было замѣтно движенія, никакіе деревенскіе сплетни и рассказы не касались ея хозяйина, точно жизнь замрала у соедѣнной каменной избы, и сѣренкій срубъ былъ всеми забытъ и заброшенъ.

Но онъ не былъ всеми забытъ; только жизнь, которая въ немъ приютилась, была такъ смиренна, что не бросалась никому въ глаза, и протекала тихо и незамѣтно, не мѣшая никому и не требуя вниманія сосѣдей.

Былъ жаркій июльскій день; солнце безжалостно накаляло сухую, растрескавшуюся землю; сельское стадо медленно бродило по бурому выжженному дугу, тщетно силясь найти былинку свѣжей травы.

Мужики съ унылыми лицами подвозили къ своимъ дворамъ тѣ немногіе снопы, которые удалось собрать въ полѣ, а бабы безъ оживленія молотили на своихъ гумнахъ, зная, что спѣшить не зачѣмъ,—все равно работы хватить лишь на нѣсколько дней.

Орлеанская дѣва. Съ картины А. В. Мюллеръ-Нордена грав. Г. Геданъ.

Грозной тучей надвигался тот «голодный год», который долго будет памятенъ всемъ русскимъ людямъ. Мы были на выселкахъ и переходили изъ избы въ избы, стараясь составить себѣ ясное понятие о степени нужды народа и придумывать способы бороться съ ней.

— Что, хватить у васъ хлѣба на зиму?—спрашивали мы у всѣхъ.

— До зимняго Николы хватить, больше не будетъ, — отвѣчали намъ. Лишь немногіе говорили, что хватить до Крещенія.

— Что же вы будете дѣлать?

— Не знаемъ.

— А корма скотинѣ хватить?

— До Рождества хватить, не болѣе.

— Что же вы будете дѣлать?

— Не знаемъ.

Всюду унылыя лица и тотъ же безнадежный отвѣтъ.

— А съ топкой какъ быть?

— Топку будемъ покупать, пока деньги есть, да солома больно дорога, не надолго хватить. Хлѣба нѣтъ, пшеница тоже нѣтъ, картошка не родилась, капусту съѣлъ червь, ложись да помирай, — и бабы со вздохомъ принимались за свои цѣпы, а мужики молча отходили въ сторону.

Мы дошли до послѣдней большой избы, рядомъ съ которой стояла та одинокая лачужка, которую я описала выше. Тутъ-то мы замѣтили, что дверь въ нее была отворена. Я спросила у стоящаго вблизи мужика, который запрягалъ лошадей, чтобы ѣхать въ поле, — чья это изба. Онъ равнодушно посмотрѣлъ на насъ и сказалъ:

— Федора, слѣпого.

— Федора слѣпого, — возразила я съ удивленіемъ: — что онъ семейный или одинокій?

— Одинокій.

— Да онъ вѣрно очень бѣдствуетъ, коль изба такъ плоха?

— Бѣдствуетъ, — отвѣчали мужики еще равнодушнѣе, влѣвъ въ свою телѣгу и отъѣхали.

Везучастіе, съ которымъ онъ произнесъ это слово, меня разсердило; я была поражена, что слѣпой, одинокій человекъ могъ жить въ такой развалинѣ, и никто намъ до сихъ поръ объ этомъ не говорилъ, между тѣмъ, какъ я воображала, что мы знаемъ все село. Мы тотчасъ же направились къ избѣ, вошли въ дырявыя сѣнцы, черезъ которыя свободно гулялъ вѣтеръ, и отворили дверь. Пришлось перегнуться почти вдвое, чтобы въ нее пролѣзть. Изба была гурная и такая маленькая, что небольшая русская печь занимала болѣе четверти комнаты, а остальное пространство было занято столомъ и двумя лавками. Сквозь крошечное оконце едва проникало солнце и освѣщало совершенно почернѣвшіе отъ дыма стѣны и потолокъ; единственнымъ украшеніемъ служили висѣвшія въ углу иконы, которыя обратились въ черныя доски, такъ что, если бы онѣ не висѣли въ углу, никто бы и не догадался, что это—образы.

Около печки стоялъ человекъ высокаго роста, худощавый, съ длинной и жидкой русой бородой и какими-то странными глазами; они не то глядѣли, не то не глядѣли, и лишь по ихъ неподвижности можно было догадаться, что человекъ этотъ слѣпой. Его холщевая рубашка и холщевые же портики были грязны и разорваны, а отъ суконнаго кафтана, натянуто на плечи, оставались одни ключья.

Когда мы вошли, его лицо, обращенное къ двери, будто онъ могъ что-нибудь видѣть, выражало напряженное вниманіе; но какъ только мы съ нимъ заговорили, оно стало спокойно и освѣтилось какой-то сияющей, но полубезсознательной улыбкой.

— Что, Федоръ, давно ты здѣсь живешь? — спросила я его. — Какъ же мы про тебя никогда не слышали?

— Да что про меня слышать-то, — отвѣтилъ онъ, слегка шепелявя: — живу я, слава Богу, — и онъ оставилъ свой безжизненный взглядъ въ неопредѣленную точку, между тѣмъ, какъ на лицѣ его свѣтилась та же кроткая, почти безсознательная улыбка.

— А ты давно ослѣпъ?

— Давно, матушка, давно: все глазки болѣли, потомъ захворалъ я головой и вовсе пересталъ видѣть.

Онъ говорилъ тихо и спокойно, точно рѣчь шла о постороннемъ человекѣ.

— А ничего ты не видишь, или свѣтъ видишь?

— Солнышко вижу, — и онъ весь просіялъ: — только разглядѣть ничего не могу, и свѣтъ вижу, слава Богу.

— А ты не скучаешь, не тоскливо тебѣ слѣпымъ-то быть?—продолжали мы.

— Да, сперва поскучалъ, а тамъ привыкъ. Меня Богъ не оставилъ, слава Богу, живу.

— Чѣмъ же ты кормишься, земля у тебя есть?

— Есть земля, на одну душу есть, три десятины безъ осмьинника; сдаю землицу и кормлюсь, мнѣ не много надо, слава Богу, сытъ.

— Отчего же ты одинъ живешь, вѣдь это скучно, развѣ никого у тебя нѣтъ?

— За чѣмъ скучать, одному не скучно, есть у меня сноха, вдова, живетъ съ ребятами на фатерѣ, я когда и съ ней поживу; да не хорошо въ чужой избѣ, люди молиться не даютъ, одному лучше, вольнѣе. Все стою и молитвы читаю, никто не мѣшаетъ, хорошо мнѣ, слава Богу.

Этими словами оканчивались всѣ его рѣчи.

— И много знаешь молитвъ?

— Много знаю, все читаю, а то просто стою и про себя говорю:

Господи помилуй, Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грѣшнаго— а то и залопу. И въ церковь ходить люблю, одуженка плоха стала, стыдно, а все хожу, — и снова лицо его просіяло.

— Ты говоришь, что землю едаешь, да хватаешь ли у тебя денегъ на хлѣбъ да на топливо?

— Въ хорошей годъ хватаетъ, — отвѣтилъ онъ спокойно: — а въ плохой не хватаетъ; лѣтось подати заплатилъ, а хлѣбъ и солома вздорожали, я кормился до масленой, а тамъ побираться пошелъ; люди добрые не оставляютъ, подаютъ, слава Богу, прокормился. Только весной плохо, не вижу ничего, попадаю въ болото, и палка не помогаетъ; разъ чуть было не утопъ, да спасибо люди выручили. Ничего, слава Богу, жить можно.

— А съ топкой какъ же справляешься, вѣдь холодно въ избѣ?

— Холодно, матушка, холодно, лягу подъ полушубокъ, да отъ полушубка ничего не осталось, пойду къ снохѣ, обогрѣюсь, да опять приду, — слава Богу, не пропадаю.

Онъ улыбался, но и вздохнулъ.

Мы были потрясены до глубины души. Столько слышали мы за это лѣто жалобъ на плохіе года, столько мы еще въ тотъ же день видѣли унылыхъ лицъ. Жаловались люди, имѣющіе средства прожить безбѣдно и не одинъ годъ, жаловались люди бѣдные, но сильные, здоровые, могущіе работать; а этотъ безпомощный слѣпонецъ, не обезпеченный ни пищею, ни одеждою, ни теплою избою, и не знающій, какъ добыть необходимое, только улыбался и благодарилъ Бога.

II.

Послѣ этого перваго знакомства, мы часто посѣщали Федора и всегда находили въ немъ ту же радостную покорность, ту же свѣтлую увѣренность, что онъ не пропадетъ.

Мы разспрашивали о немъ на селѣ, и всѣ говорили о немъ, какъ о странномъ человекѣ.

— Чудной онъ какой-то, Богъ его знаетъ, блаженный, — былъ общій отзывъ: — ни обиды отъ него никто не видалъ, ни чернаго слова не слыхалъ, а ужъ какая жизнь-то тошная! Пойдетъ въ мятель побираться, кафтанишко плохой, снѣгомъ всего облѣпнѣтъ, собачки на него кидаются. Къ обѣдѣ пойдетъ, палкой въ сугробъ попадетъ, самъ вязнетъ, съ дороги сбивается, продрогнетъ весь, а все ничего. Блаженный!

Въ началѣ сентября, передъ отъѣздомъ изъ деревни, мы зашли къ Федору проститься.

Мы нашли его, по обыкновенію, въ избѣ; онъ сидѣлъ въ углу на корточкахъ и перебиралъ руками небольшую кучку картофеля. Мы стали его разспрашивать, чѣмъ онъ будетъ жить эту зиму, и онъ сказалъ намъ, что землю свою онъ уже сдалъ, часть денегъ пойдетъ на подати, а остальную часть онъ уже началъ проѣдать.

— Хлѣбъ нынче дорогъ, — говорилъ онъ: — болѣе трехъ мѣсяцевъ не прокормлюсь, картошки вотъ выкопалъ изъ своего огорода, да родилась плохо, не надолго хватить.

Мы освѣдомились о топкѣ.

— Топочки нѣтъ, — отвѣтилъ онъ: — буду понемножку покупать; а когда деньги выйдутъ, я въ земляночкѣ буду жить, самъ въ огородѣ выкопаю, — пойдете я вамъ покажу.

Онъ весело улыбался, какъ ребенокъ, который придумалъ славную штуку, и повелъ насъ за домъ въ свой огородъ, гдѣ сорная трава пышно разрослась, несмотря на сухое лѣто, и заволодела всѣмъ грядки. Среди густыхъ массъ запыленной лебеды возвышался маленький шалашикъ, покрытый соломой; Федоръ отодвинулъ охапку съ одного бока, и мы увидали подъ крышей глубокою яму.

— Что же это такое?—спросили мы съ удивленіемъ.

— Это я себѣ на зиму выкопалъ, — отвѣчалъ онъ съ живостью: — яма глубокая, когда въ избѣ будетъ морозъ, на днѣ ямы будетъ тепло, тамъ земля не мерзала, — буду тамъ сидѣть. Все равно, гдѣ бы ни жить, вездѣ хорошо, слава Богу!

Онъ весь сиялъ, и сердце невольно сжималось при видѣ его искренней, трогательной радости. Мы ему обѣщали соломы на топку и новый полушубокъ, и велѣли придти къ нашему управляющему, когда у него выйдетъ весь хлѣбъ; онъ улыбнулся, благодарилъ, но спокойно и почти равнодушно, точно опять-таки рѣчь шла о постороннемъ человекѣ и не касалась его совѣтъ.

Черезъ нѣсколько дней мы уѣхали и вернулись лишь въ январѣ, когда у насъ устроилось попечительство для борьбы съ голодомъ. Мы завели столовыя для дѣтей, стариковъ и убогихъ, и, обходя избы для составленія списка нуждающихся, зашли и къ Федору. День былъ ясный и морозный, снѣгу было такъ много, что онъ почти закрывалъ избышки, и лишь тѣсное пространство было вычищено между стѣнами домовъ и стѣной снѣга. Федорова лачужка стояла безъ крыши: онъ всю ее употребилъ на топку, а къ управляющему за помощью не пошелъ; къ счастью, послѣдній узналъ объ его положеніи и самъ послалъ ему соломы.

Мы подошли: дверь была отворена, и изъ нея валилъ дымъ, такъ какъ печка топилась. Внутри было такъ темно, что мы въ первую минуту ничего не могли разглядѣть; но когда наши глаза привыкли къ темнотѣ, мы узнали Федора, сидящаго у стола и перебирающаго въ рукахъ какіе-то длинные, темные, сѣрые кирпичики.

Мы спросили его, что это такое, и онъ съ обычной своей кроткой улыбкой отвѣчалъ, что это хлѣбъ.

Потомъ онъ разказалъ намъ, что онъ съ осъни покупалъ муку, затѣмъ, когда денегъ у него осталось немного, пробовалъ побираться, да никто не подавалъ, — всѣ сами нуждались въ хлѣбѣ: проходилъ цѣлый день и ничего не соберешь.

Тогда онъ на оставшіяся деньги снова сталъ покупать муку, а чтобъ надолше хватило, онъ сталъ муку мѣшать съ золой.

— Хлѣбъ вышелъ ничего, ѣсть можно, слава Богу,—сказалъ онъ, оканчивая свой распасъ, и при этомъ отломилъ одинъ ломтикъ.

Хлѣбъ рассыпался, точно сухая глина; мы были глубоко поражены, но Федоръ такъ же весело и спокойно улыбался.

Мы стали его спрашивать, зачѣмъ онъ не обратился за помощью къ нашему управляющему, какъ ему было сказано, но онъ просто возразилъ: «зачѣмъ? Я и такъ сытъ».

Тогда мы общали записать его въ столовую, онъ просіялъ и спокойно поблагодарилъ: «спасибо, побираться не придется». Видно было, что эта мысль ему пріятна.

Наступилъ день открытія столовой. Всѣ записанные, въ томъ числѣ и Федоръ, собрались въ одну изъ самыхъ бѣдныхъ избъ деревни, хозяйка вынула изъ печки большой чугунокъ щей, и мы объявили, что надо читать молитву.

Дѣти всѣ были ниже школьнаго возраста и потому не знали молитвъ, и Федоръ выступилъ впередъ; онъ повернулся въ ту сторону, гдѣ былъ образа, и началъ читать: «Богородицу» и «Отче нашъ».

Читалъ онъ своеобразно, невнятно и съ особыми удареніями, но въ голосѣ звучало глубокое чувство. Всѣ молча крестились, а потому молча и серьезно сѣли за столъ. Спокойно погружалась ложка въ общую чашку, тихо подносились обѣими руками ко рту, а падающія капли подбирались кусочкомъ хлѣба.

Пріятно было смотреть, съ какимъ удовольствіемъ обѣдалъ Федоръ, хотя онъ улыбался и тогда, когда ѣлъ свой хлѣбъ съ золой;— видно было, какъ онъ наслаждается теплою пищей и сознаетъ ея превосходство. Съ этого дня онъ всегда читалъ молитву, а иногда говорилъ при этомъ и нѣсколько наставительныхъ словъ своимъ одноклассникамъ, на что никто не обижался.

Приходилъ онъ всегда въ своихъ лохмотьяхъ, хотя получилъ общанный новый полушубокъ. На мой вопросъ, куда онъ его дѣвалъ, онъ отвѣчалъ:

— Блуду, въ будни не надѣваю, а въ праздникъ къ обѣднѣ въ немъ хожу; въ столовую недалеко, мнѣ и въ старомъ тепло, слава Богу.

III.

Такимъ онъ и остался въ моей памяти: вижу и теперь передъ собой его высокую, сухощавую фигуру, облеченную въ лохмотья и опирающуюся на длинную палку, растрепанные волосы, бороду и тихое, ясное выраженіе лица.

Въ юль наше «почечительство» разѣхалось. Страшный призракъ «голоднаго года» исчезъ, крестьяне съ веселыми лицами собирали свой хлѣбъ, а тому меньшинству, которое было разорено и не могло

пробиться до слѣдующаго урожая, было организовано пособіе. Судьба Федора тоже была устроена, и можно было ухѣхатъ спокойнымъ. Санитарная часть также была удовлетворительна; распространившаяся весной сильная эпидемія сыпного тифа за лѣто уменьшилась и даже совсѣмъ исчезла. Къ несчастью, съ наступленіемъ зимы снова появились случаи заболѣваній тифомъ; держалась ли зараза въ домахъ и усилила свое дѣйствіе, когда семьи скучились въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ, были ли другія причины— не знаю. Но то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ стали заболѣвать крестьяне, и одной изъ первыхъ жертвъ сдѣлался Федоръ. Когда онъ почувствовалъ себя больнымъ, онъ легъ на свою печку, покрывшись полушубкомъ и ничего никому не сказалъ. Его сноха, случайно къ нему зашедшая, нашла его въ такомъ положеніи; ей стало жалъ протого страдальца, и она стала его уговаривать перейти къ ней. Онъ сначала не хотѣлъ, но потомъ согласился, и тамъ, въ чужой избѣ, но среди единственныхъ родныхъ, которые у него были, онъ спокойно дострадалъ свой скорбный вѣкъ. Онъ не боялся смерти, но жалѣлъ о жизни, и его сноха говорила мнѣ послѣ, что «ему не хотѣлось помирать».

Онъ умеръ тихо и безропотно, какъ жилъ, и ужъ мало кто помнитъ объ его смиренномъ существованіи, точно онъ и послѣ смерти не хочетъ тревожить людей своею памятью.

Къ сожалѣнію, это удалось ему не вполне: его полушубокъ, до ставшіяся по наслѣдству его снохѣ, внезапно исчезъ; въ кражѣ обвинили одну старую солдатку, и завязалась тяжба, которая не окончилась и до сихъ поръ.

Такимъ образомъ, единственный предметъ роскоши, которымъ Федоръ, хотя немного и недолго пользовался, явился причиной раздора; не даромъ онъ всю свою жизнь старался уходить подальше отъ людей и ничѣмъ не возбуждать ихъ зависти и недовольства. Жалъ, что послѣ его смерти съ его именемъ связана бабы распри; впрочемъ, причиной этого скорѣе являемся мы, насильно пожлавшие украситъ его жизнь, хотя онъ именно всякаго такого украшения избѣгалъ. Самъ же онъ и по смерти остался вѣренъ самому себѣ.

Его усадьба перешла въ руки новаго домохозяина, который передъ убогой зачужкой построилъ новую избу, а ее обратилъ въ свиной хлѣвъ.

Только одинъ старикъ-сосѣдъ, главный пріятель Федора, жалѣетъ, что ему не съ кѣмъ уже говорить о «божественномъ», да между крестьянами вообще осталось неопредѣленное воспоминаніе о странномъ человѣкѣ. «Святой онъ былъ человекъ, блаженный, царство ему небесное!»—говорятъ бабы, когда заведешь съ ними рѣчь о Федорѣ, и при этихъ словахъ онѣ задумываются и вздыхаютъ.

Открытие памятника Пастеру въ Лиллѣ.

Недавно въ г. Лиллѣ, во Франціи, состоялся большой праздникъ. Въ этотъ день тамъ былъ торжественно открытъ прекрасный памятникъ одному изъ величайшихъ ученыхъ, которыми можетъ гордиться Франція, Луи Пастеру. Въ тотъ же день тамъ происходило также открытіе института Пастера.

Множество выдающихся иностранныхъ ученыхъ присоединилось къ ученому міру Франціи, чтобы увеличить торжественность этого праздника науки. Среди присутствовавшихъ иностранныхъ гостей выдѣлялись особенно представители учреждений, аналогичныхъ основанному Пастеромъ институту: Его Высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, президентъ института экспериментальной медицины въ С.-Петербургѣ; Макъ-Фейдинъ, директоръ Джернеровскаго института въ Лондонѣ; Дельбрюкъ, директоръ бактериологическаго института въ Берлинѣ; Рэй Лашкастеръ, директоръ Лондонскаго музея; нынѣ уже покойный Бюхнеръ изъ Мюнхена и множество другихъ. Имя Пастера очень популярно и за предѣлами Франціи и пользуется повсюду большимъ почетомъ. Изъ французскихъ ученыхъ назovemъ академикомъ: Буассье, Ж. Бертрана; преемника Пастера по завѣдыванію пастеровскимъ институтомъ въ Парижѣ—Дюкло; Нокара, Моно, Бруардели, Бушара, Ландузи, Ш. Рише, Марморера. Присутствовали почти всѣ ученые знаменитости Франціи. Правительство было представлено въ лицѣ двухъ министровъ гг. Виже, министра земледѣлія, и Гиллена, министра колоній. Въ своихъ рѣчахъ оба министра напомнили присутствующимъ, какъ много сдѣлалъ для Франціи бывший деканъ лильскаго факультета.

Преемникъ Пастера по завѣдыванію пастеровскимъ институтомъ въ Парижѣ, профессоръ Дюкло началъ съ того, что Пастеру, кажется, воздана слава во всѣхъ видахъ, и трудно, казалось бы, припомнить какую-нибудь заслугу Пастера, за которую ему бы не воздали уже хвалу. Но у него, Дюкло, найдется еще поводъ почтить своего учителя и друга: онъ для этого припомнитъ выдающуюся роль, выпавшую на долю Пастера въ развитіи лабораторныхъ изслѣдованій, благодаря его знаменитому, надѣлавшему столько шуму, «Бюджету науки». Въ то время, какъ въ другихъ странахъ имѣлись великолѣпно устроенныя лабораторіи, самые знаменитые французскіе ученые работали въ трущобахъ, которымъ трудно подобрать названіе. Клодъ Бернаръ экспериментировалъ въ Collège de France, въ какомъ-то погребѣ, въ которомъ люди задыхались отъ недостатка воздуха и удушливаго зловонія. Въ своемъ энергичномъ воззваніи къ общественнымъ властямъ, Пастеръ настаивалъ на томъ, чтобы научныя учрежденія во Франціи получили хотя бы такое устройство,

которое бы позволило имъ держаться по крайней мѣрѣ на уровнѣ заграничныхъ университетскихъ лабораторій. Его призывъ былъ услышанъ. Мало-по-малу и во Франціи возникъ починъ въ этомъ дѣлѣ сначала у государства, поддержанный затѣмъ муниципалитетами и частными лицами. И теперь во Франціи въ распоряженіе науки предоставлены настоящіе дворцы. Муниципалитеты соперничаютъ другъ съ другомъ въ ревностной заботливости о научныхъ учрежденіяхъ и щедро снабжаютъ французскія лабораторіи необходимымъ персоналомъ и матеріалами, нужными для успѣшной работы. «Пастеръ,—прибавилъ Дюкло:—подивился бы теперь, посѣтивъ наши новыя сооруженія и убѣдившись, что и здѣсь сѣмена, брошенные имъ, дали обильные всходы. Эта статуя воздаетъ ему славу, какъ мыслителю и ученому. Пастеровскій институтъ и другія просвѣдательныя учрежденія въ Лиллѣ будутъ вѣчно напоминать о немъ, какъ о предтечѣ научнаго прогресса, и какъ объ одномъ изъ величайшихъ благодѣтелей человечества».

Къ этому можно только прибавить пожеланіе, чтобы общественныя управленія другихъ городовъ слѣдовали благому примѣру города Лилля, и подобно ему не ограничивались только постройкою казармъ, а воздвигали бы также и лабораторіи на благо прогресса и цивилизаціи.

Новый памятникъ Пастеру помѣщается на площади Филиппа Добраго (Place Philippe-le-Bon). Онъ сооруженъ на средства, собранныя путемъ всенародной подписки. Онъ былъ переданъ городу Лиллю г. Байе (Bayet), завѣдующимъ отдѣломъ первоначальнаго обученія въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и президентомъ комитета по сооруженію памятника. Г. Делори, мэръ города Лилля, вступилъ во владѣніе памятникомъ отъ имени города и благодарилъ комитетъ въ прочувствованной рѣчи, покрытой аплодисментами публики. Министры и ученые привѣтствовали вдову великаго ученаго, г-жу Пастеръ, занимавшую почетное мѣсто на официальной эстрадѣ, и чрезвычайно взволнованную переживаемымъ радостнымъ моментомъ чествованія памяти и заслугъ ея незабвеннаго супруга.

Самый памятникъ задуманъ и выполненъ очень широко. Статуи и барельефы на немъ работы Альфонса Кордонье. Архитектурный проектъ принадлежитъ Л. Кордонье. Украшающіе памятникъ фигуры и барельефы наглядно выясняютъ передъ зрителемъ благородное значеніе главнѣйшихъ открытій Пастера. Здѣсь мы видимъ самого Пастера за его главнѣйшими занятіями, видимъ и спасенныхъ, благодаря его открытіямъ, отъ вѣрной смерти и мученій паціентовъ: и ребенка, укушеннаго бѣшеною собакою, котораго не-

Бой быковъ. Съ картины Н. Кейзера граф. Бодт.

„Дѣла давно минувшихъ дней“. Съ картины Люкасъ-Робинзъ грав. Бодль.

счастливая мать протягивает къ вооруженному прививнымъ шприцемъ Пастеру, и главныхъ помощниковъ Пастера.

Когда закончилась церемонія открытія памятника Пастеру, всѣ присутствовавшіи при ней приглашенные лица направились на бульваръ Людовика XIV, на которомъ красуется великолѣпный Новый Институтъ Пастера. Всѣ друзья науки могли отъ души порадоваться, ознакомившись съ прекраснымъ устройствомъ научнаго учрежденія, работы котораго навѣрное принесутъ не мало пользы родной странѣ и человѣчеству.

Городъ Лилль имѣетъ полное право на то, чтобы именно въ немъ красовался памятникъ Пастеру. Первые открытія Пастера были сдѣланы именно въ Лилль. Пастеръ былъ организаторомъ и первымъ деканомъ открытаго въ 1854 году въ Лилль факультета наукъ (Faculté des sciences), соответствующаго нашему естественному факультету. Ему было тогда всего 32 года. Онъ первоначально читалъ въ Лилль курсъ общей химіи. Лекціи его собирали многочисленныхъ слушателей, и въ числѣ ихъ было не мало практиковъ-промышленниковъ—винокуровъ и пивоваровъ. Они съ интересомъ слушали лекціи молодого и очень доступнаго и внимательнаго профессора, и зачастую обращались къ нему за разрѣшеніемъ затрудненій, встрѣчавшихся въ ихъ повседневной промышленной практикѣ. Между профессоромъ и слушателями установился, благодаря этому, постоянный обменъ мыслей и наблюденій, и заинтересованный практическимъ приложеніемъ научныхъ теорій, Пастеръ преобразовываетъ свою кафедру въ кафедру химіи прикладной, технической, предоставивъ адъюнкту чтение лекцій по курсу общей химіи.

И вотъ въ 1856 году ученый химикъ дѣлаетъ открытіе, послужившее исходною точкою для всей пастеровской теоріи. Вотъ при

какихъ обстоятельствахъ это произошло. (Цитируемъ по бюллетеню Общества друзей науки).

«...Въ тотъ годъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, вслѣдствіе ли плохого оборудованія винокуренъ, или плохого качества урожая свеклы, производство спирта было отмѣчено нѣкоторыми случайностями, которыя очень обезпокоили винокуровъ. Одному изъ нихъ, г. Биго-Тилуа, владѣльцу довольно большого завода, пришла въ голову счастливая мысль сообщить о своихъ затрудненіяхъ Пастеру и подвергнуть свои продукты анализу молодого профессора, который въ то время читалъ какъ разъ о броженіи.

«Чтобы изучить броженіе въ нормальныхъ условіяхъ, Пастеръ почти ежедневно направлялся на заводъ Биго-Тилуа и тамъ производилъ различные опыты и изслѣдованія надъ матеріалами, употребляемыми при выкурѣ спирта, и здѣсь-то при помощи самыхъ простыхъ приспособленій Пастеръ сдѣлалъ несомнѣнное открытіе, подмѣтивъ въ спиртной жидкости существованіе specialнаго бродила, и доказавъ затѣмъ, что всякое броженіе есть результатъ развитія особаго начала—грибка, присущаго именно данному броженію».

Пастеръ обобщилъ сдѣланныя имъ первоначально наблюденія и распространилъ ихъ на молоко, пиво, уксусъ. Идя все впередъ по этому пути, онъ доказалъ вполнѣ, что въ основѣ заразительныхъ болѣзней—куриной холеры, болѣзни шелковичныхъ червей, сбачьяго бѣшенства—лежитъ также дѣйствіе болѣзнетворныхъ ферментовъ, т. е. микробовъ.

Всѣмъ извѣстно, какими успѣхами, какими неоцѣнимыми благодѣянiami обязана пастеровскому ученію наука и человѣчество. Воздвигнутый ему памятникъ—только слабая дань его заслугамъ.

Къ рисункамъ.

Тому, кто бывалъ въ Кіевѣ, хорошо знакомъ типъ кіевской цвѣточницы, которая, въ залитый яркимъ южнымъ солнцемъ весенній день, предлагаетъ прохожимъ ярко-красныя розы или блѣснобѣжныя лиліи. Кіевская цвѣточница часто сама похожа на полевую цвѣтокъ, будучи дочерью того благословеннаго края, гдѣ изъ цвѣтковъ вѣнокъ плететь Маруся и о «стариннѣ поэтѣ слѣпой Гришко», и о которомъ вспоминалъ нашъ поэтъ гр. А. Толстой въ своемъ прелестномъ стихотвореніи:

Ты знаешь край, гдѣ нивы золотыя
Испещрены лазурью васильковъ...

Картина г. Пимоненко воспроизводитъ этотъ жизнерадостный типъ кіевской цвѣточницы, улыбка которой можетъ заставить раскочешиться самаго угрюмаго прохожаго и купить у нея нѣсколько стебельковъ съ душистыми, красивыми лиліями.

*

Есть нѣсколько родовъ бѣдности: одна трудолюбивая, полная лишений, заботъ о насущномъ хлѣбѣ, о судьбѣ ввѣренныхъ бѣдняку близкихъ и дорогихъ существъ; она требуетъ неустаннаго труда, подчасъ тяжелой физической работы, но хлѣбъ, добываемый въ потѣ лица, — иногда въ буквальномъ смыслѣ этого выраженія—сладокъ, потому что даетъ человѣку-труженику сознаніе исполненнаго долга, нравственнаго удовлетворенія. Это — бѣдность почтенная, уважаемая, честная. Ея нечего стыдиться, а иногда ею можно гордиться. Есть другая бѣдность — бѣдность отъ нежеланія работать, отъ непривычки къ труду, отъ привычки къ бездѣлью и къ легкому добыванію хлѣба, выпрашиваньемъ подаенія. Жизнь такою бѣдняка полна разнообразія: большія дороги, многолюдныя села, зелень лѣсовъ, встрѣчи съ людьми, яркое солнце и угрюмая непогода, лѣтній зной и зимняя стужа — вотъ этапы его существованія; но выпрашивание подаенія, выпрашивание людской милостыни всегда тяжело для самаго закоренѣлаго попрошайки и подчасъ гораздо тяжелѣе самой тяжелой работы, самаго гнетущаго труда. Эта пассивная бѣдность — позорна. Есть и еще одинъ видъ бѣдности: это бѣдность, происшедшая вслѣдствіе физической неспособности къ труду, вслѣдствіе старости и болѣзни. Это — бѣдность несчастная, и такому бѣдняку-нищему всякій другой бѣднякъ охотно поможетъ. На картинѣ французскаго художника г. Эмиля Фриана мы видимъ стараго нищаго-бѣдняка, пришедшаго за помощію къ труженику-бѣдняку. Картинка эта наводитъ на размышленія невеселаго свойства, но въ ней отражается жизнь, какъ она есть...

*

Орлеанская дѣва.—Каждый годъ, 2-го (14) іюля, въ день національнаго праздника Франціи, торжественная процессія съ вѣнками и знаменами направляется въ Парижъ на площадь Риволи, на которой красуется небольшая, скромная на видъ копия статуя. Тысячи провинціаловъ, спеціально прѣзжающихъ къ этому дню въ столицу, присоединяются къ парижанамъ и увѣнчиваютъ статую цвѣтами, войска отдають статуѣ воинскія почести. Эта статуя изображаетъ Жанну д'Аркъ, Орлеанскую дѣву. Священный образъ этой дѣвушки-мученицы, вставшей на защиту своей родины, мужественно вступившей въ борьбу съ врагомъ, силою своего одушевленія спасшей страну отъ гибели и расклатившейся за свой великій подвигъ смертью на острѣѣ,—живетъ вотъ уже около пяти вѣковъ въ мировой исторіи и останется навсегда незабвеннымъ, высшимъ прилгобомъ чловѣка, положившаго жизнь «за други своя». Образъ Жанны д'Аркъ — символъ неугасающаго народнаго чувства любви

къ родинѣ. Французы чтутъ свою героиню прямо-таки съ священнымъ благоговѣніемъ; историки, поэты, художники ревностно собираютъ данныя о «святой мученицѣ»—и цѣлымъ рядомъ ученыхъ изслѣдованій, поэмъ и драмъ, цѣлой галлереей картинъ и изваяній воздвигли ей поистинѣ нерукотворный памятникъ въ душѣ народной.

У насъ, въ Россіи, особенно чуткой къ самоотверженности, издавна съ большимъ сочувствіемъ относятся къ поэтически трогательному и рыцарственно-благородному образу Орлеанской дѣвы. Художникъ Мюллеръ-Норденъ возсоздалъ этотъ дивный образъ во всей его чарующей красотѣ и простотѣ.—Предъ нами Орлеанская дѣва, облеченная въ воинскіе доспѣхи, но вся дышащая любовью и восторгомъ. По описанію старинныхъ хроникъ, она была высокаго роста, сильна, красива, стройна, съ роскошными черными волосами и съ глубокими, задумчивыми темными глазами. Несмотря на свой восемнадцатилѣтній возрастъ, она стойко и бодро выносила всѣ тяготы лагерной и боевой жизни, она отважно вела родную войска на бой съ врагомъ ея короля и народа. Но эта отвага, это мужество было результатомъ экстаза, одушевленія, увѣренности въ своемъ призваніи свыше спасти страну отъ гибели; въ самой натурѣ Жанны д'Аркъ ничего нѣтъ грубаго, суроваго. Ея мягкій, пѣвучій голосъ одухотворялъ людей и въ мирное время, и въ пылу боя; ея сноровчатость ничуть не умалаялась и подъ военными доспѣхами, еще болѣе подчеркнутыми ея своимъ суровымъ блескомъ. Даже въ разгаръ боя она остается женщиной, и всѣ свои боевыя подвиги совершаетъ исключительно подъ вліяніемъ высшей нравственной силы.

Художникъ съ артистическою чуткостью понялъ ея сложную натуру и далъ намъ на своей картинѣ именно чистый образъ дѣвственницы, закованной въ броню. Это поистинѣ подвижница, совершившая боевыя подвиги. Ея чистый, дѣвственный взоръ обращенъ къ небу. Оттуда она была призвана на свой подвигъ и туда она отошла, пострадавъ за людей и отъ людей.

А. К. Мюллеръ-Норденъ — молодой русский художникъ (род. въ 1867 году), получившій образованіе сначала въ Академіи Художествъ, затѣмъ, по оставленіи ея въ 1889 г., въ Мюнхенѣ—этомъ центрѣ художественнаго міра, привлекающемъ къ себѣ такую массу молодыхъ талантовъ. Нынѣ это уже вполне готовый художникъ, съ солиднымъ именемъ — одного изъ выдающихся портретистовъ даже въ ряду иностранныхъ художниковъ. Завоевавшій себѣ извѣстность за границей, А. К. Мюллеръ-Норденъ за послѣдніе годы обратилъ на себя вниманіе высшихъ художественныхъ круговъ и у насъ, въ Россіи. Изъ работъ А. К. Мюллеръ-Норденъ заслуживаютъ особаго вниманія его великолѣпные портреты, между прочимъ, герцогини Саксен-Альтенбургской и княжны Черногорской.

Не можемъ не обратить вниманія читателей на артистичность гравюры этой картины. Эта громадная картина, величиною въ челоѣческій ростъ, рисована углемъ, и Г. Геданъ болѣе трехъ мѣсяцевъ работалъ надъ гравюрой, стараясь передать каждый штрихъ оригинала. И это удалось ему вполнѣ—предъ нами поистинѣ художественная гравюра.

*

Бой быковъ—одно изъ любимѣйшихъ общественныхъ увеселеній Испаніи; самые блистательные бои быковъ бывають въ Севильѣ, гдѣ выстроены для этой цѣли обширные цирки съ аренами, вмѣщающими до 20.000 зрителей. Передъ началомъ боя борцы (quadrilla) проходятъ передъ зрителями въ предшествіи пикадоровъ, вооруженныхъ пиками: за ними идутъ чудасы, которые становятся вдаль

барьера, наконец, является главный боец — эспада или тореадор со шпагой в руке. Атака на быка начинается пикадорами, которые приводят животное в ярость уколами пик в шею. На помощь пикадорам являются чулосы, набрасывающие быку шарфы на голову и спасающиеся от него бегством. Когда бык раздражен до последней степени, выступает тореадор. Это самый горячий, самый страстный момент этого дикаго зрелища. Публика, наполняющая места на аренах, слѣдит за всеми перипетиями боя съ чисто-испанскою страстностью, ободряет борцовъ, требует смѣны быка, если тотъ оказывается слишкомъ смирнымъ, или неустово аллодируетъ ему, если онъ побѣждаетъ эспаду. Рѣдко когда бой быковъ обходится безъ кровопролития или даже человѣческихъ жертвъ: но напрасно передовые люди Испаніи возвышаютъ свои голоса противъ этого остатка варварства, глубоко вкоренившагося въ народныя испанскія нравы: бой быковъ, повидимому, является насущною потребностью этихъ пылкихъ людей. Взгляните на картину Кейзера, и вы сразу поймете, почему бой быковъ продолжаетъ существовать въ Испаніи.

вывозъ достигать около 4 миллионъ рублей, а ввозъ — 2 миллионъ, — семьдесятъ лѣтъ спустя размѣры вывозной торговли уже приближались къ 100 миллионъ рублей, а ввозной — къ 40 миллионъ руб. Этотъ перевѣсъ дѣлности вывоза надъ ввозомъ наблюдался въ Одессѣ въ теченіе послѣднихъ 75 лѣтъ почти неизменно, за исключеніемъ нѣсколькихъ лѣтъ, главнымъ образомъ въ годы войны и неурожаевъ. Уступая лишь Петербургу по размѣрамъ ввоза, одесскій портъ по отношенію вывозной торговли является даже первымъ въ имперіи. Полязна тому назадъ Петербургъ и даже Рига превосходили Одессу въ этомъ отношеніи, а за послѣдніи 15 лѣтъ Одесса размѣрами отпускной торговли превзошла всѣ наши порты. Такимъ образомъ Одесса отпускаетъ теперь вдвое болѣе товаровъ, чѣмъ Петербургъ, или, что еще нагляднѣе, оборотъ ея внѣшней торговли достигаетъ 14% общаго оборота всей имперіи. Главнѣйшимъ предметомъ вывозной торговли Одессы являются зерновые продукты, и изъ нихъ въ особенности пшеница, благодаря чему Одессу даже называютъ «пшеничнымъ городомъ». Кромѣ хлѣба, вывозятся изъ Одессы: сахаръ-рафинадъ,

Новая Торговая Биржа въ Одессѣ. Внѣшній видъ зданія. Съ фотогр. автотипія «Нивы».

Уголокъ алжирской отмени; жгучее африканское солнце золотитъ своими яркими лучами тонкій бѣлый песокъ и группу бѣлыхъ каменныхъ домиковъ на берегу. Старый морякъ, укрывшись въ тѣни рыбацкаго баркаса, чинитъ рыболовныя сѣти и рассказываетъ собравшимся около него вичатамъ о дѣлахъ давно минувшихъ дней, о событіяхъ добраго стараго времени и о преданіяхъ старины глубокой. Въ его воспоминаніяхъ, сказкахъ и разсказахъ столько интересныхъ приключеній, что молодое поколѣніе слушаетъ его съ жадностью и волненіемъ. Въ его разсказахъ запечатлѣлась привольная морская жизнь, полная опасностей и лишеній: жизнь моряка, широкая какъ море и такая же напризная, какъ оно; она представляется таинственною и заманчивою этимъ дѣтямъ, выросшимъ на берегу лазурнаго Средиземнаго моря, привыкшимъ наблюдать его издали и полюбоившимъ его безпредѣльную ширь и гладь. Мѣстный колоритъ прелестно переданъ на картинѣ французской художницы г-жи Люкасъ-Робинъ.

Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ назначено торжественное открытіе новой одесской товарной биржи, которая несомнѣнно явится однимъ изъ выдающихся архитектурныхъ сооруженийъ Одессы.

Въ Одессѣ, этомъ крупнѣйшемъ центръ нашей вывозной торговли, давно ощущалась необходимость въ особой товарной биржѣ. Достаточно сравнить обороты внѣшней торговли Одессы за послѣдніи 75 лѣтъ, чтобы представить себѣ колоссальную картину страшно быстраго роста ея торговаго значенія. Въ то время, какъ въ 1822 г.

сѣмя льняное, конопляное, рѣпное, маковое и т. д., рыба соленая, маринованная и копченая, шерсть, бумажныя ткани, табакъ, сниртъ, сукно и т. д. Всѣ эти товары направляются въ Восточную Сибирь, дальнюю Азію, Турцію, Англію, Францію, Румынію, Голландію, Бельгію, Египетъ, Грецію, Болгарію, Австрію, Италію. Изъ предметовъ ввоза особенно выдаются по своимъ размѣрамъ: хлопокъ-сырецъ, желѣзо, оливковое масло, фрукты, чай, каменный уголь, сельскохозяйственные машины, орѣхи, приности.

Вся эта масса разнообразныхъ товаровъ, привозимыхъ и вывозимыхъ въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, давно требовала извѣстнаго сосредоточенія, — центра, въ которомъ находились бы постоянно образцы этихъ товаровъ, особенно продуктовъ вывозной торговли, и гдѣ производитель-землевлдѣлецъ и покупатель могли бы сами входить въ прямия сношенія. Такимъ центромъ и является товарная биржа. Но мнѣнію многихъ выдающихся мѣстныхъ негодантовъ, отсутствіе такой биржи наносило существенный ущербъ развитію одесской торговли и явилось одной изъ главнѣйшихъ причинъ уменьшенія экспортной торговли Одессы.

Въ виду этого одесское купечество, признавъ крайне неотложнымъ для развитія одесской торговли сооруженіе особаго зданія товарной биржи, постановленіемъ 4-го апрѣля 1891 года, поручило купеческой управѣ приступить къ сооруженію на средства купечества зданія биржи, съ тѣмъ, что это зданіе будетъ составлять собственность купеческаго общества.

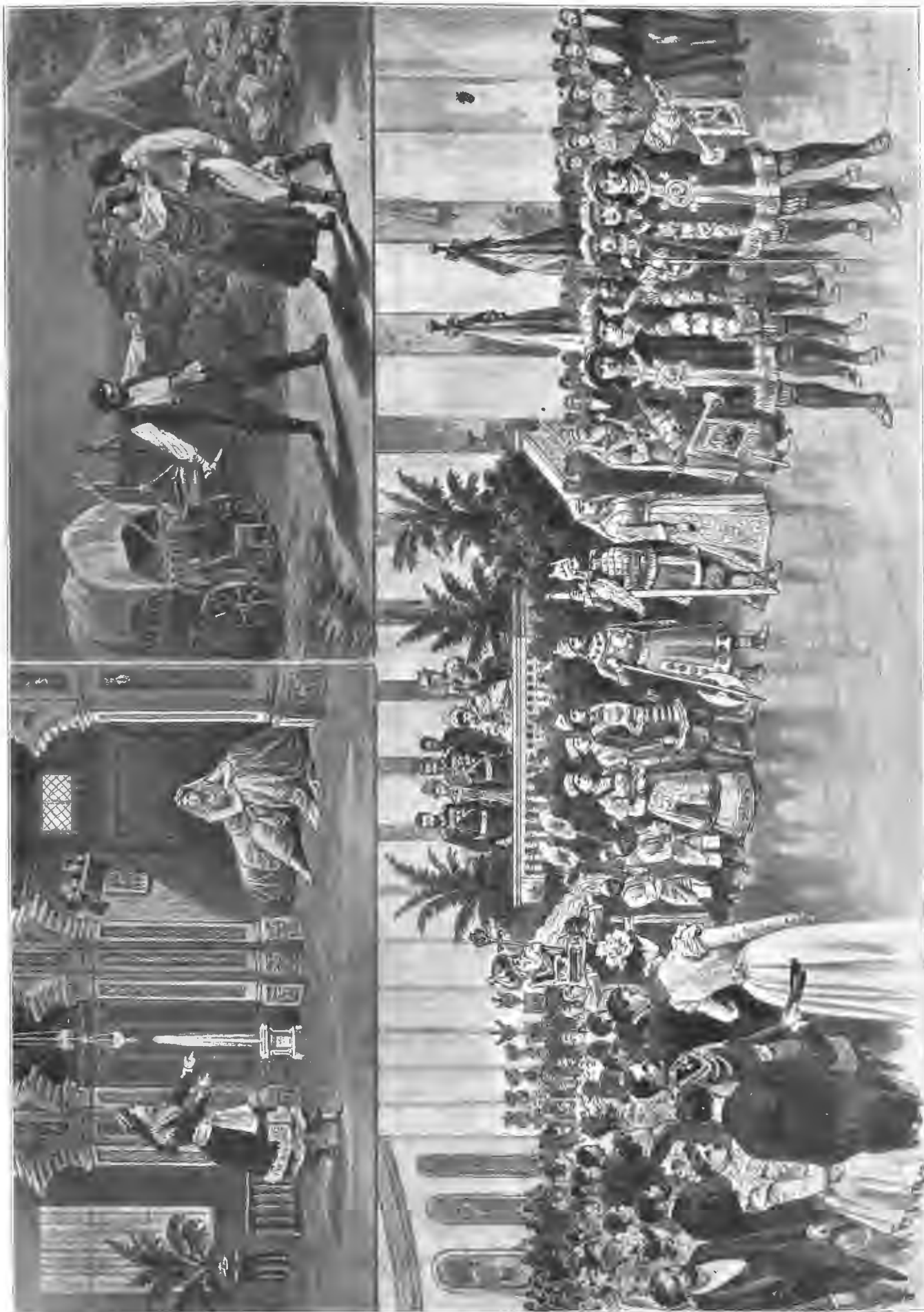
Закладка зданія совершена была 23-го августа 1894 года, въ

Новая Торговая Биржа въ Одессѣ. Заль. Съ фот. автотипія «Нивы».

Новая Торговая Биржа въ Одессѣ. Дворъ. Съ фот. автотипія «Нивы».

Сцена из „Бахчисарайскаго фонтана“. Зарема и Марія.
 Торжественное шествіе героевъ пушкинскихъ произведеній.
Пушкинскій праздникъ въ Таврическомъ дворцѣ, въ Петербургѣ, 27 мая 1899 г. Ориг. рис. (собств. «Нивы») К. Брожа, автор. «Нивы».

первый день второго столѣтія существованія города. Зданіе построено архитекторомъ Лонскимъ, по планамъ и подъ наблюдениемъ архитектора А. О. Бернардацци.

Постройка самого зданія биржи обошлась въ 915.000 рублей, а съ мебелировкой и разнаго рода приспособленіями и усовершенствованіями, всего затрачено около милліона рублей.

Стѣны зала биржи украшены великолѣпно исполненными панно работы Н. Н. Каразина. Панно изображаютъ исторію развитія торговыхъ сношеній человѣчества. Онѣ раздѣлены на 6 группъ, по слѣдующему плану: 1) Народы свайнаго и каменнаго періода: кочевые и осѣдлые народы Россіи, скіоны.—Торговля—исключительно

мѣновая, до изобрѣтенія денежныхъ знаковъ. 2) Античный міръ: Эллада, Ассирія, Египеть, Финикія и Эіопія. 3) Новгородская республика и Ганзейскій союзъ: начало договорнаго права — нотариатъ. 4) Колонія Старога и Новаго Свѣта (открытіе Америки). 5) Народы сѣверныхъ окраинъ и прилегающихъ къ нимъ умѣренныхъ странъ: Сибирь, Китай и Японія. 6) Современный Константинополь. Левантійскія народности.—Индія. Всего изображено до 300 фигуръ въ натуральную величину. Панно писаны масляными красками и имѣютъ три аршина высоты и 72 аршина длины: онѣ раздѣлены по обозначеннымъ группамъ архитектурными пилястрами.

Чествованіе памяти Пушкина.

(Съ 4 рис.).

Въ Святыхъ Горахъ чествованіе памяти Пушкина, какъ уже было упомянуто, началось у надгробнаго памятника поэта, близъ Успенской соборной церкви. Основаніемъ памятника служить ка-

вздать славу Пушкину собрались въ театрѣ 26-го мая, въ 2 часа дня. Псковскій губернский предводитель дворянства Новосильцевъ, какъ мѣстный хозяинъ торжества, привѣтствовалъ собраніе въ крат-

Пушкинскія торжества въ Святыхъ Горахъ. Временной театрѣ, въ которомъ происходило чествованіе поэта.
По фот. К. Булла автотипія «Нивы».

менный бутъ, а на немъ кирпичный оштукатуренный фундаментъ, покрытый по краямъ листовымъ желѣзомъ. На фундаментѣ двѣ плиты, а на нихъ еще меньшаго размѣра плита изъ гранита, на которой воздвигнуть бѣлый мраморный обелискъ въ формѣ усѣченной пирамиды. Въ нижней части обелиска полукруглая сквозная ниша, въ срединѣ которой стоитъ урна, прикрытая ниспадающимъ покрываломъ. На верхней части обелиска, съ передней стороны, обращенной къ храму, помѣщенъ бронзовый, вызолоченный крестъ, а подъ нимъ звѣздочка въ срединѣ лавроваго вѣнка, высѣченнаго въ гранитъ. На гранитной плитѣ къ сторонѣ церкви начертана слѣдующая надпись: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, родился въ Москвѣ 26-го мая 1799 года, скончался въ С.-Петербургѣ 29-го января 1837 года». Общая высота памятника около 6-ти аршинъ. Онъ окруженъ невысокою желѣзною рѣшеткой (рис. на стр. 455).

Внизу горы, на которой покоится прахъ Пушкина, проходитъ у самой монастырской ограды дорога, ведущая въ Тригорское. Глубокая лощина отдѣляетъ ее отъ высокаго холма, громадыщагося какъ разъ противъ соборной церкви. На этомъ холмѣ былъ построенъ къ 26-му мая художникомъ К. И. Изенбергомъ изящный театръ очень солидныхъ размѣровъ: въ немъ могли умѣститься 1000 зрителей. Мѣсто для театра было избрано очень удачно. Дивный пейзажъ, окружавшій театръ, служилъ ему естественной декорацией (рис. на этой стр.). Внутри театръ былъ красиво декорированъ панно, изображавшими сцены изъ разныхъ произведеній Пушкина.

нихъ прочувствованныхъ словахъ. Затѣмъ была исполнена хоромъ Архангельскаго торжественная кантата (слова Полонскаго, музыка Александрова). Первую рѣчь произнесъ К. К. Случевскій. Ораторъ ярко провелъ въ ней параллель между Пушкинымъ и Петромъ Великимъ. Петръ Великій, проживъ всего 53 года, совершилъ подвиги, для осуществленія которыхъ въ другой странѣ понадобились бы вѣка и усилія цѣлаго ряда гениальнѣхъ дѣятелей. Пушкинъ въ 37 лѣтъ успѣлъ создать цѣлый міръ новыхъ звуковъ и образовъ, одинъ оставилъ будущимъ поколѣніямъ цѣлую литературу, нѣмъ донинѣ не превзойденные образцы во всѣхъ родахъ словеснаго искусства. И самое чествованіе нынѣшняго пушкинскаго юбилея, поощряемое съ высоты престола, по мнѣнію г. Случевского, превзошло одушевленіемъ и небывалыми размѣрами недавня чествованія Колумба въ Испаніи и Данте—въ Италіи.

Восторженными овациями всѣхъ присутствовавшихъ было встрѣчено поднесеніе делегатомъ министерства народнаго просвѣщенія, Е. П. Ковалевскимъ, старшему сыну поэта, А. А. Пушкину, диплома на званіе почетнаго члена московскаго Императорскаго Румянцевскаго музея.

Затѣмъ раздались торжественные звуки кантаты, написанной М. М. Ивановымъ на слова К. К. Случевского и исполненной хоромъ Архангельскаго, при участіи солистовъ.

Къ бюсту поэта, поставленному на эстрадѣ, начали затѣмъ подходить депутаціи и возглагать вѣнки. Бурный, долго не смолкавшій

рукоплесканія привѣтствовали Пушкиныхъ при возложеніи художественно исполненнаго серебрянаго вѣнка «отъ семьи» великаго поэта.

Послѣ того были прочитаны привѣтственные телеграммы со всѣхъ концовъ Россіи и стихотворенія, посвященныя Пушкину.

Затѣмъ два раза былъ повторенъ гимнъ Пушкину (слова Случевского, музыка Главача) хоромъ Архангельскаго; этимъ же хоромъ въ заключеніе исполненъ былъ русскій народный гимнъ. Одновременно съ актомъ на открытой эстрадѣ для народа состоялось чтеніе о Пушкинѣ.

Этотъ первый день торжествъ былъ собственно самымъ главнымъ. Въ остальные два дня — 27-го и 28-го мая — состоялись литературное утро, съ участіемъ артистовъ и артистовъ Императорскихъ театровъ и частныхъ сценъ, и большой народный спектакль, на которомъ были исполнены разныя произведенія Пушкина.

Въ Петербургѣ, кромѣ уже упомянутыхъ нами торжествъ въ честь Пушкина, выдѣлился своей грандіозностью пушкинскій праздникъ въ Таврическомъ дворцѣ, состоявшійся съ Высочайшаго соизволенія 27-го мая.

Въ первомъ кругломъ залѣ дворца, между колоннами, на высокомъ бѣломъ пьедесталѣ, высился громадный бюстъ поэта. У подножія пьедестала были положены лавровый вѣнокъ и пальмовая вѣтвь. Сосѣдній залъ превращенъ былъ въ фойѣ. Справа находилась эстрада для придворнаго оркестра, убранная зеленью и цвѣтами. Въ противоположномъ концѣ зала пять оконъ задрапированы были художественными пано: «У лукоморья дубъ зеленый», работы художника В. Овсянникова; «Село Михайловское», работы художника Крыжицкаго; «Балъ» изъ поэмы «Евгеній Онегинъ», работы художницы Самокиши-Судковской; «Святогорскій монастырь» работы художника Кондратенко и «Полтава» работы художника Самокиши. Въ центрѣ этого зала, на возвышеніи, былъ разбитъ красивый шатеръ, богато убранный экзотической зеленью и цвѣтами; шатеръ былъ предназначенъ для Особъ Императорской Фамиліи.

Слѣдующій колонный залъ превращенъ былъ въ театръ. Правая стѣна зала была украшена громадными пано работы воспитанниковъ Императорской академіи художествъ. Весь залъ былъ залитъ электрическимъ свѣтомъ изъ массы бронзовыхъ люстръ и бра.

Въ ложѣ театра находились Ихъ Императорскія Высочества великіе князья Владиміръ Александровичъ и Константи́нъ Константиновичъ, Августѣйшій предсѣдатель комитета соединенныхъ литературныхъ и художественныхъ обществъ, устраивавшихъ этотъ праздникъ; великая княгиня Милица Николаевна, великая княжна Елена Владиміровна, принцесса Евгения Максимиліановна Ольденбургская, княгиня Анастасія Николаевна Романовская, герцогиня Лейхтенбергская, принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій и принцесса Елена Георгиевна Саксен-Альтенбургская, герцогиня Саксонская.

Тутъ же въ театрѣ присутствовали представители литературы, искусства и художествъ,

Памятникъ Пушкину, воздвигнутый въ саду Императорскаго Александровскаго Лицея въ Петербургѣ, 28 мая т. г. По фот. автотипія «Нивы».

Надгробный памятникъ Пушкину у Успенской соборной церкви въ Святыхъ Горахъ. По фот. К. Булла автотипія «Нивы».

прибывшіе изъ-за границы иностранные гости и весь цвѣтъ петербургской аристократіи.

Торжественные звуки фанфаръ возвѣстили начало праздника. Изъ-за занавѣсы вышла придворная пѣвческая капелла въ малиновыхъ кафтаняхъ. Всѣ поднялись со своихъ мѣстъ и, стоя, прослушали гимнъ «Боже, Цари храни». Послѣ этого дана была одноактная опера «Алеко» на текстъ поэмы «Цыгане» съ музыкою С. В. Рахманинова и либретто В. И. Немировича-Данченко. Въ этой оперѣ съ большимъ успѣхомъ выступила г-жа М. А. Дейша-Сюницкая и гг. И. В. Ершовъ, Я. А. Фрей и Ф. И. Шалапинъ, а также артисты хора оперы и балета Императорскихъ театровъ и оркестра. Затѣмъ были исполнены картины: «Гаремъ-комната Маріи» и «Фонтанъ слезъ», изъ поэмы Пушкина «Бахчисарайскій фонтанъ». Придворный оркестръ исполнилъ отступление, а затѣмъ женскій хоръ подъ аккомпаниментъ оркестра спѣлъ татарскую пѣсню. Придворная пѣвческая капелла дивно спѣла вокальную «Настала ночь». Г. Самусь прочелъ текстъ этой поэмы, а г-жи О. Г. фонъ-Бремзентъ и * * * исполнили сцену Заремы съ Марією (рис. на стр. 453).

Праздникъ закончился эффектно поставленной художниками гг. Шрейберомъ, Каразинымъ и другими, торжественной процессією, въ которой болѣе трехъ сотъ богато одѣтыхъ въ костюмы лицъ изображали какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя сцены изъ поэмы бессмертнаго поэта. Всѣ участвовавшіе въ процессіи въ заключеніе приняли участіе въ живой картинѣ, вокругъ памятника Пушкина.

На другой день, 28-го мая, состоялось торжество въ Александровскомъ лицей. Почтить память Пушкина собралась на актѣ вся лицейская семья. Тутъ же прибыли и А. А. Пушкинъ съ сыномъ и дочерью. Попечитель лицея гр. Протасовъ-Бахметевъ открылъ торжество чтеніемъ Высочайшихъ повелѣній объ учрежденіи въ лицей стипендіи Пушкина для его потомковъ, объ учрежденіи Пушкинской серебряной медали для ежегодной выдачи воспитанникамъ I и II класса за лучшія годовыя сочиненія и объ учрежденіи лицейскаго Пушкинскаго общества, имѣющаго цѣлью изученіе твореній великаго поэта и распространеніе ихъ во всѣхъ слояхъ народа, а также сообщилъ о постановленіи Думы, которымъ учреждается въ лицей пушкинская стипендія отъ города. Послѣ чтенія привѣтственныхъ телеграммъ и рѣчи проф. Шляпкина на тему «Пушкинъ и свобода личности», бывшій лицестъ, министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ А. С. Ермоловъ прочелъ большое стихотвореніе памяти Пушкина, подъ заглавіемъ «Три зари».

По окончаніи торжествъ въ актовомъ залѣ, въ лицейскомъ саду состоялось торжественное освященіе и открытіе памятника-бюста А. С. Пушкина. Вновь сооруженный бюстъ — работы академика И. Н. Шредера. На лицевой сторонѣ пьедестала помѣщенъ лицейскій гербъ, окруженный лавровымъ вѣнкомъ, на которой начертана надпись: «Genio loci» (рис. на этой стр.).

П. К. Кюгельгенъ. (Портр. на этой стр.)

Наши сограждане нѣмецкаго происхожденія очень задушевно отирадиовали 1-го июня въ Петербургѣ 25-лѣтне г. Кюгельгена, главнаго редактора одной изъ наиболее распространенныхъ петербургскихъ нѣмецкихъ газетъ, *St. Petersburg Zeitung*. Торжество состоялось въ залѣ Петропавловской школы. Цѣлый рядъ депутаций отъ нѣмецкихъ газетъ, приходивъ, благотворительныхъ учреждений, пѣвческихъ обществъ привѣтствовали юбиляра сочувственными адресами. Затѣмъ состоялся обѣдъ, послужившій дальнѣйшимъ подтвержденіемъ чувствъ уваженія и признательности, которыя юбиляръ снискалъ среди многочисленныхъ читателей редактируемой имъ газеты.

Павелъ Константиновичъ Кюгельгенъ—уроженецъ города Везенберга, эстляндской губерніи. Тотчасъ по окончаніи курса въ дерптскомъ университетѣ онъ началъ участвовать въ мѣстной газетѣ, затѣмъ переселился въ Петербургъ, гдѣ преподавалъ нѣмецкій языкъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Но его постоянно влекло къ публицистической дѣятельности. Уже въ 1872 г. онъ состоялъ редакторомъ одной изъ петербургскихъ нѣмецкихъ газетъ, а 1-го июня 1874 г. принялъ на себя редакторство *St. Petersburg Zeitung*.

Съ тѣхъ поръ онъ непрерывно руководитъ этою старѣйшею изъ газетъ въ Россіи. Независимо отъ непрерывныхъ сложныхъ работъ по редактированію газеты, г. Кюгельгенъ продолжаетъ свою педагогическую дѣятельность въ 'Елизаветинскомъ и Екатерининскомъ институтахъ, находитъ время принимать дѣятельное участие въ разныхъ благотворительныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, и результатомъ исполненія всѣхъ этихъ сложныхъ и трудныхъ обязанностей и было то общее признаніе его заслугъ, которое такъ ярко выразилось на юбилейномъ его торжествѣ.

Мы упомянули уже о томъ, что *St. Petersburg Zeitung*—одна изъ старѣйшихъ газетъ, издаваемыхъ въ Россіи. Она основана при Екатеринѣ I, въ 1726 г., и слѣдовательно издается уже въ теченіе 173 лѣтъ. Это служитъ очевиднымъ доказательствомъ ея живучести, т.-е. существующей въ ней потребности. Съ одной стороны она

П. К. Кюгельгенъ. По поводу 25-лѣтія редакторской дѣятельности. По фот. грав. Шюблеръ.

удовлетворяетъ многочисленныхъ нашихъ согражданъ нѣмецкаго происхожденія, съ другой—находитъ себѣ читателей и за границей. Между двумя сосѣдними имперіями существуетъ много точекъ соприкосновенія въ очень жизненныхъ интересахъ. Органъ печати, улавливающий эти интересы и умѣющий имъ служить, удовлетворяетъ насущной потребности и можетъ оказать громадную пользу, знакома тѣхъ, кто не владѣетъ въ достаточной степени русскимъ языкомъ, съ жизнью нашего отечества и съ наиболее яркими ея отраженіями въ русской журналистикѣ, разсѣивая предубѣжденія, способствуя примиренію сходящихся стремленій. Такъ понимая свою задачу почтенный юбиляръ, и при немъ редактируемая имъ газета начала отводить очень много мѣста ознакомленію своихъ читателей съ жизнью Россіи во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Въ этомъ смыслѣ *St. Petersburg Zeitung* можетъ, по всей справедливости, быть названа русскою газетою, хотя и издаваемою, согласно прямому своему назначенію, на нѣмецкомъ языкѣ. По полнотѣ сообщаемыхъ ею о Россіи свѣдѣній и подробному обсужденію явленій русской жизни, она заняла при нынѣшнемъ редакторѣ выдающееся мѣсто среди петербургской печати.

Задушевный характеръ юбилейнаго торжества г. Кюгельгена вполне подтверждаетъ, что редактируемая имъ газета служила за истекшія 25 лѣтъ вѣрнымъ отраженіемъ чувствъ, взглядовъ, настроенія нашихъ согражданъ нѣмецкаго происхожденія. Выбѣтъ съ тѣмъ онъ съ успѣхомъ исполнилъ главную свою задачу. Мы не будемъ упоминать о проявленной имъ вдумчивости, постоянной напряженности вниманія, непрерывности долголѣтняго труда, которыя требовались для созданія выдающагося органа печати. Это значило бы говорить *pro domo sua*. Но если читатель не всегда усилитъ себѣ эту сторону дѣятельности редактора, то товарищи по перу умѣютъ ее

цѣнить, и въ день юбилея отъ души привѣтствуютъ редактора-юбиляра, какъ соратника на одинаковомъ поприщѣ. Одновременно съ П. К. Кюгельгеномъ праздновалъ 25-лѣтіе своей журнальной дѣятельности его ближайшій сотрудникъ и помощникъ А. П. Феннеръ, раздѣляющій съ нимъ всѣ труды по редакціи.

Политическое обозрѣніе.

Неслышанное оскорбленіе главы государства во Франціи послужило источникомъ дальнѣйшихъ осложненій. Желая выразить свои симпатіи къ президенту, сенатъ вслѣдъ за палатой вотировалъ отъ имени четырехъ республиканскихъ группъ резолюцію, которую сенатъ «присоединился къ чувствамъ своего президента и заклеймилъ непростительными дѣяніями въ Отелъ».

Въ то же время г. Лубэ получилъ выраженія симпатіи изъ разныхъ мѣстъ Франціи и изъ-за границы, что, казалось, послужило дѣлу успокоенія умовъ. Вслѣдъ за тѣмъ, однако, возникло новое безпокойство въ виду того, что 30-го мая должны были состояться большія великобританскія скачки въ Лондонѣ, на которыхъ обыкновенно присутствуетъ президентъ республики. Не желая отступать отъ обычая, г. Лубэ обѣщавъ непременно быть на празднествѣ блестящаго парижскаго общества.

По пути слѣдованія президента республики отъ Елисейскаго дворца до Лондона приняты были чрезвычайныя мѣры предосторожности. Въ день праздника мѣстность около скачекъ имѣла видъ воинскаго стана, въ которомъ расположилась кавалерія и пѣхота; сюда же направлено было около десяти тысячъ полиціи; открыта была временная канцелярія прокурора, заготовлены были тюремныя кареты для арестованныхъ. На всемъ пути отъ дворца до скачекъ президента республики сопровождали клики: «да здравствуетъ Лубэ! да здравствуетъ республика!» При этихъ же кликахъ президентъ вернулся во дворецъ. Скачки прошли спокойно, вопреки всякимъ опасеніямъ. Только при разлѣдѣ публики, въ Булонскомъ лѣсу большія партіи социалистовъ и анархистовъ, распѣвая свои пѣсни, вмѣстѣ съ криками въ честь г. Лубэ и съ поношеніями арміи, на-

падали на эмпажи, заставляя сидѣвшихъ въ нихъ присоединиться къ манифестации, и разгромили одинъ изъ ближайшихъ ресторановъ. Для усмиренія бунтовъ вызваны были войска; послѣ атаки оказалось множество раненыхъ и арестованныхъ.

Дѣйствія полиціи и слѣдовательно самого правительства подверглись горячему обсужденію въ палатѣ депутатовъ 31-го мая. На запросъ объ этомъ одного изъ вождей социализма министръ-президентъ отвѣтилъ, что инструкціи сводились къ поддержанію порядка—тѣмъ болѣе, что было нападеніе на полицію; что объ установленіи отвѣтственности сдѣлано распоряженіе, но уже теперь можно-де воздать должное полиціи. Этотъ отвѣтъ г. Дюнонъ вызвалъ одобреніе лишь въ парламентскомъ центрѣ, вся же лѣвая протестовала. На грубость полиціи по отношенію къ социалистамъ указали и другіе ораторы. Въ заключеніе преній были внесены три формулы перехода къ дѣламъ, и изъ нихъ правительство приняло ту, въ которой выражалось одобреніе заявленіямъ г. Дюнонъ.

Между тѣмъ палата, большинствомъ 321 противъ 173 голосовъ, приняла другую формулу, гласящую: «палата, нагнѣренная поддерживать только такое правительство, которое рѣшится энергично защищать республиканскія учрежденія и обезпечить общенациональный порядокъ, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

Въ виду этого рѣшенія министры тотчасъ же вышли изъ залы палаты, и въ шестомъ часу вечера кабинетъ г. Дюнонъ въ полномъ составѣ вручилъ президенту республики коллективное прошеніе объ отставкѣ. Принявъ отставку кабинета, г. Лубэ просилъ его остаться у власти до назначенія новаго министерства.

Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожаа.

Съ 29-го мая по 4-е іюня поступило пожертвованій: отъ Л. Б. (СПБ.)—2 руб., А. Б. (СПБ.)—1 руб., служащихъ типографіи штаба отдѣльнаго корпуса пограничной стражи (СПБ.)—9 р. 85 к., Александръ Филипповъ (СПБ.)—5 р., отъ канцеляріи рижской таможи (Рига)—25 р., изъ Редискаго завода отъ Н. И. Бѣлоглазова—1 р., Ф. Ф. Баранникова—15 к., А. И. Бѣлоглазова—25 к., А. В. Долганова—30 к., Ф. М. Еленкина—20 к., Е. Н. Кабылина—20 к., П. С. Криночкина—20 к., Ф. Н. Козлова—50 к., А. В. Лебедева—20 к., Д. И. Михайлова—20 к., А. А. Овчинкина—20 к., Е. Г. Пыпина—20 к., Я. Я. Фролова—50 к., Г. К. Храмова—25 к., отъ А. Гельманъ—1 р., дѣтей А. и Л. Платневскихъ—2 р. 75 к., А. Н. Булашевичъ (Сосныцы)—5 р., Н. Н. Вальховскаго (Екатеринославъ)—1 р., подпечника (Градизскъ)—49 к., Порогътекаго (Архангельскъ)—50 к., А. Шубиной (узиска) —70 к., В. Г. Бабайкина (Одесса)—1 р., изъ дер. Лубище, калиск. губ. отъ Ольги Перевозчиковой—50 к., Елены Филипповой—50 к., Д. В. Филипповой—20 к., Д. А. Филипповой—25 к., Ввры

Филипповой—25 к., Евгеніи Филипповой—15 к., Маріи Мельниковой—15 к.; отъ неизвѣстныхъ (Архангельскъ)—2 р. 20 к., отъ служащихъ тронце-периской земской аптеки (Калыниъ)—2 р. 45 к., Шевцова (Пркутскъ)—2 р., Долозовской и ея сестры (Варшава)—6 р., О. П. Г. (Старая Русса)—2 р., Бориса Г. (Старая Русса)—1 р., Тати Г. (Старая Русса)—25 к., П. Чайковскаго (Духовская)—1 р., Н. Высоцкой (Ведень)—1 р., неизвѣстныхъ (Орша)—1 р., В. Миланкина (Невинномысская)—5 р., Г. Алакозова (с. Петровское)—4 р., К. Н. Орлова (Владимиръ)—5 р., Н. Индосѣкина (Юзовка)—1 р. 50 к., Н. Леонова (Юзовка)—1 р., В. И. Стефанскаго (Боровскъ)—3 р., А. Бачинскаго (Ново-Константиновская)—1 р., В. В. Агапова (Калинино)—3 р. 40 к., Н. К. Юрылина—50 к., В. А. Даниловой—20 к., Р. Бреславецъ—15 к., подпечника (Рыбинскъ)—10 р., Пранды Лацъ (Мелитополь)—10 р., отъ служащихъ Хмельницкаго имѣнія гр. О. В. Левановой (Хмельникъ)—25 р., неизвѣстныхъ (Поля)—3 р., изъ гор. Михайлова отъ подпечника № 84482—3 р., его жены—1 р., его дѣтей—1 р., П. М.—1 р., К. Ш.—1 р., А. Любавцева—50 к., А. Никитиной—50 к., Турчицына (Пркутскъ)—1 р. итого 162 р. 43 к., а съ прежде поступившихъ всего 2942 р. 47 к.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ СЛАБИТЕЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА
ИСТОЧНИКА
ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ

ЕДИНСТВЕННОЕ ПРИЯТНОЕ на вкус слабительное, это—слабит. вода

ИСТОЧНИКА **ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ** уже более двадцати лѣтъ пользующаяся рѣдкую популярностью.

Организмъ не привыкаетъ къ дѣйствию. Воду эту **ОБЯЗАТЕЛЬНО** должно имѣть во всякой семьѣ.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

НОВОСТЬ МАГИЧЕСКОЕ ОГНИВО!
ЗАМѢНЯЕТЪ СПИЧКИ И КАРМАННЫЙ ФОНАРЬ.

Изящно! Практично! Безопасно! Дешево! Служитъ карманной спичечницей, давая яркій свѣтъ по цѣлымъ часамъ.

Сдѣлано изящно изъ никеля. Только 1 1/2 вершинны—удобно носить въ карманѣ. Налож. платож. съ перес. въ Европ. Россіи: Огниво съ 500 зарядами 1 р. 80 к. » 2000 » 2 р. 70 к.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Невск. пр., № 20.

НОВОСТИ!!!

Прелестные карманные металлические часы, заводъ безъ ключа, настоящие никелевые, тщательно проверенные, на крышкѣ помѣщенъ художественно исполненный портретъ Государя Императора Николая II, къ нимъ цѣпочка новаго золота и парижскій компасъ

за все только 5 руб.

Прилагается печатное ручательство на 4 года. Вышеупомянутые часы высылаются немедленно и безъ задатка наложеннымъ плат. Ц. 12377

Требования прому адресовать въ городъ Варшаву, Граничная, № 6

КУПУ И. ВУЗЕЕРУ. Прейс-курранты высылаются бесплатно.

УНИЧТОЖАЕТЪ МОЗОЛИ И БОРОДАВКИ
"МОЗОЛИНЪ" А. РЕЙНГЕРЦЪ.
ПРОДАЕТСЯ ВЪ АПТЕКАХЪ, АПТЕКАРСКИХЪ И РЕЗИНОВЫХЪ МАГАЗИНАХЪ РОССІИ.
Оптомъ у А. РЕЙНГЕРЦЪ, БИТЕВУРГЪ, 107 Рождественская, № 24.

УДОЧКИ
и все принадлежности для рыбной ловли известной фабрики Алcock и К^о (S. Alcock & Co in Redditch) ввозъ получены изъ Англіи въ большомъ выборѣ въ магазинахъ С. И. ДОМИНОВА, СПБ. 1-й магазинъ — Невскій пр., Милотинъ рядъ, д. Лѣсьникова, 27—18; 2-й магазинъ—Гост. Дворъ, противъ Панаснаго корпуса, № 73 и 3-й магазинъ—Чернышевъ пер., Банковская линия, № 16. Иллюстр. пр.-кур. рыболовн. принадд. высыл. за 2 к. почт. марку.

ПУДРА ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ МОСКВА
АНТИСЕПТИНЪ ПЯТИЦА АПТЕКА ЛЕМБЕРГЪ Д-М. ДИМИТРИЙ ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
А. ТУГЕНГОЛЬДА ЦѢНА 30 КОП.
ПРОТИВЪ ПРЯНІЯ, НЕПРІЯТНАГО ЗАПАХА НОЖНЫХЪ ПАЛЬЦЕВЪ.

По новѣйшей методѣ **"БОРТА"**, высылку бесплатно проб. лещія и услов. значаго обученія крою и шитью дамск., дѣтск. наряд., верх. плат., бѣлы и корсетовъ. Школа Е. Д. Ашмарина, Киевъ, В. Васильевская, 89.

ГЛАВНЯЯ ПЛИТКИ
отъ самыхъ простыхъ до роскошнѣйшихъ рисунковъ продаетъ и укладываетъ
Тов. асфальт. работъ въ Россіи
СПБ., Невскій, 3.

СПЕРМИНЪ ПРОФ. ПЕЛЯ.
SPERMINIUM POEHLI СРЕДСТВО ДЛЯ **МАЛОКРОВНЫХЪ И СЛАБОНЕРВНЫХЪ.**
Тонизирующее средство при лихорадочныхъ и измурительныхъ болѣзняхъ употребляется: 1) внутрь, въ видѣ капли (Essentia Spermimi-Poehli), 2) въ видѣ подкожныхъ впрыскиваній (Spermium-Poehl pro injectione).
ИМѢЕТСЯ ВО ВСѢХЪ БОЛЬШИХЪ АПТЕКАХЪ.
ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:
ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ ПРОФ. ДОКТОРА ХИМИИ ПЕЛЯ,
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 7 лин., д. 18.
Лабораторія охотно снабжаетъ и. врачей появившимся въ научной печати наблюденіями надъ цѣлебнымъ дѣйствіемъ этихъ препаратовъ.

"ЭЙНЕМЪ" въ МОСКВѢ.
Собств. Паров. Фабрика въ Симферополѣ (въ Крымѣ.)
ПЮРЕТОМАТЬ.
ГЛАЗИРОВАННЫЕ ФРУКТЫ **Компотъ.**

ЧЕРНИЛА ЛЕОНГАРДИ.
Спец. копиров. чернила.
Темно-фиолет. копир. чернила, легко стекаютъ. По истеченіи мѣсяцевъ и даже годовъ даютъ хорошія отчетливыя копій.
Чернила двойныя копир. чернила, стекаютъ черными. Отъ 2 до 4 копій.
Копир. чернила "Non plus ultra" для корреспонденціи съ дальн. странами. Отъ 4 до 8 копій.
Чернила для книгъ и для копированія.
Алициариновые чернила для письма и копирования. № 12323 10—4
Автрац. чернила для письма и копирования.
Черныя желѣзисто-орѣшковая чернила.
Черный чернильный порошокъ (атролитъ). Химич. фабрики чернилъ, основ. въ 1826 г.
Авг. ЛЕОНГАРДИ въ ДРЕЗДЕНѢ.
Изобрѣтателя и единственн. фабриканта всемирно-извѣстныхъ Алициариновыхъ чернилъ для письма и копирования,
легко стекающихъ и вполне прочныхъ желѣзисто-орѣшковыхъ чернилъ 1-го класса. Во избѣжаніе поддѣлокъ просятъ обращать вниманіе на заявл. въ Россіи этикетъ и фабричн. предохранит. марку.

Иодисто-соляное **КУПАНЬЕ ГАЛЛЬ.** Верхняя Австрія.
Самая крѣпкая іодистая соль на континентѣ, противъ золотухи и всѣхъ обихихъ и специальныхъ болѣзней, при которыхъ іодъ служитъ важнымъ лечебнымъ средствомъ. Превосходныя лечебныя приспособленія (купальи и минеральныя воды, водолѣченіе, вдыханіе, массажъ, электр. ванны). Всяма благоприятныя климатическія условія. Железнодорожная станція. Путь черезъ Линцъ за Дунай, черезъ Штейеръ или черезъ Вельс. СЕЗОНЪ съ 15-го мая по 30-е сентября. Ваннами можно пользоваться также съ 1 до 15-го мая. Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаетъ бесплатно К. № 12267 4—4 Лѣчебное управленіе купальи ГАЛЛЬ.

ТОЛЬКО 4 Р. 90 к.; 2 за 9 р. 55 к.; 3 за 13 р. 90 к.
ПРЕЛЕСТНОЕ ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО 56-й ПРОБЫ съ искусств. ПРЕВОСХОДНЫМЪ БРИЛЛАНТОМЪ
БЕЗЪ ФОЛЬГИ ИЛИ ПОДКЛАДКИ, такъ что трудно узнать отъ настоящаго брилланта. Цѣны съ пересылкою въ Европ. Россіи
БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ, Невскій, № 20—31

Только дѣйствительно хорошее и основанное на добросовѣстности имѣть въ торговлѣ успѣхи!

Универсальный фотограф. аппаратъ **"DUX"**.
Этотъ аппаратъ вслѣдствіе новозобрѣтеннаго особой конструкции объектива даетъ въ полномъ смыслѣ идеальныя снимки, — такіе же, какъ самыя дорогіе аппараты. "Dux" снимаетъ портреты, виды, группы и пр., работаетъ съ выдержкой и кроетъ того имѣетъ моментальный затворъ. Размѣръ снимк. 6x9 (визитъ. карт.). "Dux" снабженъ видоскателемъ и механизмомъ для автоматической перемѣны пластинъ. Цѣна аппар. "Dux" съ подробнѣйш. руководствомъ, по которому всякій можетъ всѣмъ принадлежи. для фотографированія 3 руб. 50 коп. Высш. налож. платажомъ. За этотъ аппаратъ имѣю благодарственныя письма. Пробн. сним. за 14 коп. марк. Адресъ: Москва, Тверская, № 17, В. Золотареву. № 12402 3—3

ФАБРИКА "СКЛАДЪ" Бруно Зенгеръ & К^о
С.Петербургъ, Невскій Пр. № 25 (противъ Кавказской) Ц. 12332 9—5
Фотогр. Аппараты и Принадд. (Кратк. Прейс-Куррантъ Бесплатно)

КАЧ АМЕРИКАНСКАЯ РУЧКА СЪ ЧЕРНИЛАМИ СВѢТЛ. Самое лучшее Американское издѣліе.

Одинъ оборотъ руки открываетъ ручку для вливанія чернилъ, другой оборотъ вывертываетъ **ЗОЛОТОЕ ПЕРО** изъ чернильницы ручки и прикосновеніемъ къ бумагѣ готово къ писму. ♦ Просятъ обратить вниманіе на фабрич. марку и названіе "Овнті" ("Safety"). Купить можно во всѣхъ писчеб. магазинахъ. Главнй складъ для Россіи **У Т. И. ГАГЕНЪ, МОСКВА.** ♦ ♦ ТОРГОВЦАМЪ СКИДКА ♦ ♦ Иллюстрированные Прейс-Курранты высылаются по требованію бесплатно.

Превосходное средство для сохраненія дерева отъ гниенія **КАРБОЛИНЪ**
АНТИСЕПТИЧЕСКАЯ СОСТАВЪ ФАБРИКАНТЫ КРАСНОГО ХИМИЧЕСКАГО ЗАВОДА БРАТЪЯ ЗРЛЕНБЕРГЪ СПЕТЕРБУРГЪ, ЧРТО С. А. № 18 Прейс-Куррантъ высылается бесплатно.

КРАСИВО (посредствомъ переноски) выучивается всякій заочно въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО.**
Методъ преподаванія на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медали. За 4 семиконечныя марки высылается **ПРОБНОЕ ПИСЬМО** шрифтовъ, подробныя условія и образцы исправленія поперк. заочн. учен. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

Фабрика непромокаемой одежды ТОРГОВАГО ДОМА **М. ХАИКЕВИЧЪ и К^о** въ ДВИНСКѢ предлагаетъ свои издѣлія изъ вискитана и резины самаго высokaго качества по весьма дешевой цѣнѣ. Прейс-курранты бесплатно.

"ЧТО
такое искусство укрѣпленія памяти? книга (8-е испр. и дополн. изд.) проф. мнемоники С. Файнштейна, высыл. за пошт. 7-ми коп. марокъ, на велен. бумагѣ—за восемь 7-ми коп. марокъ. Адресъ: Одесса, Гаванная ул., собственн. д. № 2/8, профессору мнемоники **С. ФАЙНШТЕЙНУ.** № 12044 10—7

БЕЗПЛАТНО

высылаю условия и пробныя лекціи заочнаго обучения кройкѣ и шитью дамскихъ и дѣтскихъ нарядовъ. В. В. Бенедиктовъ, Москва, Тихвинская ул., д. Александровой, кв. № 2.

Вышли изъ печати первые три тома СОЧИНЕНІЙ

С. Н. ТЕРПИГОРЕВА

(С. Атавы),

издаваемые под редакціею С. Н. ШУБИНА, в шести томахъ in 8°, съ биографическимъ очеркомъ, составленнымъ П. В. Быковымъ, и съ портретомъ автора, исполненнымъ гравировкой.

Все издание въ 6 изящныхъ томахъ, отпечатанныхъ на хорошей бумагѣ, четкими шрифтомъ, — выйдетъ въ теченіе сего 1899 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за 6 томовъ — 8 руб., съ пересылкою 9 руб. 50 коп., въ 6-ти изящныхъ коленкорovýchъ переплетяхъ 11 руб., съ пересылк. 12 р. 50 к.

Требованія адресовать въ контору изданій А. Ф. Маркса, СПб., М. Морская, № 22.

БЕЗВРЕДНАЯ УРБАНА КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ И БОРОДЫ БЕЗЪ ЛЯПИСА

Вновь изобрѣтенное безвредное средство для быстраго окрашивания седыхъ волосъ и бороды въ черныя, русыя, темныя и свѣтло-каштановыя цвѣта. Цѣна за 1 флаконъ 2 р. съ перес. 2 р. 50 к. ПРОДАЕТСЯ въ аптекахъ и косметич. магазинахъ. ГЛАВ. НЫЯ Складъ: СПЕТЕРБУРГЪ, АПТЕКАРСК. МАГАЗИНЪ А. Урбанъ. СПб. Божья Копка, № 1.

Лѣчебница для страдающихъ ЗАИКАНІЕМЪ

№ 12430 и др. болѣзн. рѣчи 3-2

д-ра мед. **НЕТКАЧЕВА.**

Москва, Никитскій бульв., д. Прибылова.

НА ПУТИ КЪ СЧАСТЬЮ. Романъ Вас. И. Немировича-Данченко. Большой изящный томъ въ 528 страницъ 8°, въ красивой обложкѣ. СПб. 1898 г.

ЦѢНА за эту книгу, несмотря на ея значительный объемъ, назначена крайне умеренная — 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 25 коп.

Требованія адресовать въ контору изданій А. Ф. Маркса. СПб. М. Морская, № 22.

Подмышники Канфильдъ.

Безъ швовъ. Безъ запаха. Непромоиаемы.

Превосходное средство предохраненія отъ порчи для каждаго платья.

Canfield Rubber Co.,
Hamburg, Grosse Bleichen, 16.

Настоящіе только съ нашей маркой „Canfield“.

Каждая пара подмышниковъ снабжена письменнымъ ручательствомъ.

ИЗВѢСТНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ

ГУМБЕРЪ

предлагаетъ Ц. № 11989

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Георгій ИВЕМЛИЧКА и Ко.**

Москва, Столешниковъ переулокъ, № 5.

Прейсъ-куранты по требованію. 15-15

Schlesischer Obersalzbrunnen

Oberbrunnen

ПЕРВОКЛАССНЫЙ АЛКАЛИЧЕСКІЙ источникъ **ВЪ СЪ УСПѢХОМЪ** приимлемый съ 1601 г.

Анализъ и подробности объ источникѣ высылаются бесплатно.

Контора отправки Нѣмецкихъ Минеральныхъ Водъ въ **ОБЕРЗАЛЬЦБРУННЪ.**

ФУРВАХЪ и СТРИВОЛЬ, ЗАЛЬЦБРУННЪ, Складъ во всѣхъ аптекахъ (Силезія). † и аптекарскихъ магазинахъ.

№ 4711 Рейнская Фиалка

Костюмика Двора Его Императорскаго Величества **ФЕРД. МЮЛЬГЕНСЪ**

Колокольная № 4711 въ Кальвѣ на Рейнѣ и Вилъ

Дѣйствительный Сильжій Запахъ Фиалки. безъ примѣсовъ (мускуса, пачули проч.)

Модный Парфюмъ Зелниковскихъ круговъ.

Продается во всѣхъ лучшихъ магазинахъ.

для ухода за кожей

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлокурохъ, желтая вода для брюнетовъ. Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 5120 (134)

1896 ГОДА

ТОВАРИЩЕСТВО **ЭЙНЕМЪ** въ МОСКВѢ.

СОБСТВЕННОГО ЗАВОДА въ СИМФЕРОПОЛЬ въ КРЫМУ.

ИЗЪ СТОЛОВЫХЪ СОРТОВЪ ВІНОГРАДА

ИЗЪ ЛЕЧЕБНЫХЪ СОРТОВЪ ВІНОГРАДА

СТЕРИЛИЗОВАНЫЙ **ВІНОГРАДНЫЙ СОКЪ**

исключительно южно-бережнаго винограда: 1) изъ столовыхъ, красныхъ и бѣлыхъ сортовъ; 2) изъ лечебныхъ (Semillon, Riesling, Chasselas и др.) сладкій и полусладкій; 3) изъ Муската бѣлаго и розоваго, также и

ГАЗИРОВАННЫЙ.

Прейсъ-курантъ и брошюра о санитарномъ значеніи бесплатно.

Требованія адресовать въ Москву или Симферополь, Товариществу Эйнемъ.

При отправкѣ прямо изъ Крыма виноградный сокъ пользуется льготнымъ тарифомъ.

ОПТОВЫМЪ ПОКУПАТЕЛЯМЪ скидка!

ОПТОВЫМЪ ПОКУПАТЕЛЯМЪ скидка!

При отправкѣ прямо изъ Крыма виноградный сокъ пользуется льготнымъ тарифомъ.

Содержаніе:

ТЕНСТЪ: Воскресеніе. Романъ графа Л. Н. Толстого. (Продолженіе.) — Лѣсной зѣврекъ. Рассказъ З. Яговлевой. — Александринскій пріютъ для женщинъ въ С.-Петербургѣ. (Съ 5-ю рисунками.) — Къ рисункамъ: Лучи. — Дѣлѣжь добычи. — Этьюдъ. — Уголокъ Амальфи. — Чествованіе памяти Пушкина. — Юганъ Штраусъ. — Политическое обозрѣніе. — Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. — Объявленія.

РИСУНКИ: Лучи. Картина Н. А. Сергѣева. — „Воскресеніе“, романъ гр. Л. Н. Толстого. Нищія бабы. Ориг. рис. Л. О. Пастернака. — Дѣлѣжь добычи. Картина К. Степанова. — Этьюдъ. Ориг. рисунокъ И. Е. Рѣпина. — У береговъ Амальфи (въ южной Италіи). Рисунокъ З. Димера. — Александринскій пріютъ для женщинъ въ С.-Петербургѣ: 1) Виды зданія пріюта съ Большого просп. и 14 линіи Вас. Острова. Главный входъ. 2) Бѣльевое отдѣленіе. 3) Пріемная. 4) Одна изъ комнатъ родильнаго отдѣленія. 5) Кухня. — Чествованіе памяти Пушкина. Пушкинская выставка въ академіи наукъ: 1) Коллекція портретовъ. 2) Сабля, подаренная Пушкину Паскевичемъ. 3) Разные предметы, принадлежавшіе Пушкину. — Бани въ Михайловскомъ. — Карета, въ которой ѣздилъ Пушкинъ. — Барскій домъ въ Тригорскомъ. — Комната въ Тригорскомъ. — Торжество у подножія памятника Пушкина въ Москвѣ 26-го мая. — Юганъ Штраусъ.

При этомъ № прилагается выпускъ „Ежемесячныхъ литературныхъ приложений“ за іюнь.

С. М. ЭЛІАШЕВЪ, Москва,
Софійка, ЛУБЯНСКІЙ ПАССАЖЪ
№ 60—61.

Иллюстр. прейсъ-курантъ высыл. по требов.
ВЕЛИЧАЙШІЙ ВЫБОРЪ:
КРОВАТЕЙ съ изящной живописью, английскихъ золоченыхъ, никелированныхъ и обывочныхъ.
МАТРАЦОВЪ пружинныхъ, проволочныхъ, волосныхъ и друг.; КРЕСЕЛЪ для больныхъ, ваннъ, душъ и ШКАФОВЪ купальныхъ, умывальниковъ мраморныхъ и металлич. Дѣтскихъ КОЛЯСОКЪ и ВЕЛОСИПЕДОВЪ, ПЕДИКОВЪ комнатн. и друг. хозяйствен. вещей. Единственный фабричный складъ издѣлія Варшавск. фабр. Бр. Фрунжскихъ.

ФАБРИКА „СКЛАДЪ“
Бруно Зенгеръ и Ко
С. ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій Пр. № 25 (камерда Машиной)
Фотогр. Аппараты и Принадл.
(Кратк. Прейсъ-Курантъ безплатн.)

НОВОСТЬ МАГИЧЕСКОЕ ОГНИВО!
ЗАМѢНЯЕТЪ СПИЧКИ И КАРМАННЫЙ ФОНАРЬ.
Изящно! Практично! Безопасно! Дешево!
Служитъ карманной спичечницей, давая яркій свѣтъ по плѣтымъ часамъ. Сдѣлано издѣліе изъ никкеля. Только 1/2 вер. вышивы — удобно носить въ карманѣ. Налож. платежъ съ перес. въ Европ. Россіи: Огниво съ 500 зарядами 1 р. 80 к. * 2000 2 р. 70 к.

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невск. пр., № 20.

ДЛЯ ДАЧЪ И ПРОВИНЦІИ НЕЗАМѢНИМУЪ
РЕТИРАДИНЪ, механизмъ для простыхъ отхожихъ мѣсть, замѣняетъ ватерклозетъ. Не допускаетъ ни сквозного вѣтра, ни аэрація. Не требуетъ воды, но портится отъ мороза. Постановка безъ мастера. Цѣна 12 руб. Упаковки и отправка 1 1/2 руб. **МАШИНА ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЪЯ** Цѣна съ лоханкой 16 1/2 руб. Штормов. фонари и т. д. Иллюстрир. описание по востребованію. № 12435 3—2
В. КРЮГЕРЪ. СПБ., Торговая ул., № 17.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО „РОССІЯ“
Наличные капиталы свыше 35.000,000 руб.
Страхованія жизни, отъ несчастныхъ случаевъ, отъ огня, транспортовъ и стеколъ.

А. БОЛЬТЪ и Ко.
МОСКВА, Ильинка, уг. Ипатьевск. пер. Никольская, противъ Черкаскаго переулка.
Непромокаемая одежда:
ПАЛЬТО, МАКФАРЛАНЫ, ШИНЕЛИ, НАКИДКИ
№ 12979 7—5
мужскіе и дамскіе изъ лучшихъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій, рисунокъ сезона 1899 г. Прейсъ-курантъ съ образцами матерій высылается безплатно. Бумажное бѣлье Мей и Эдлхъ.

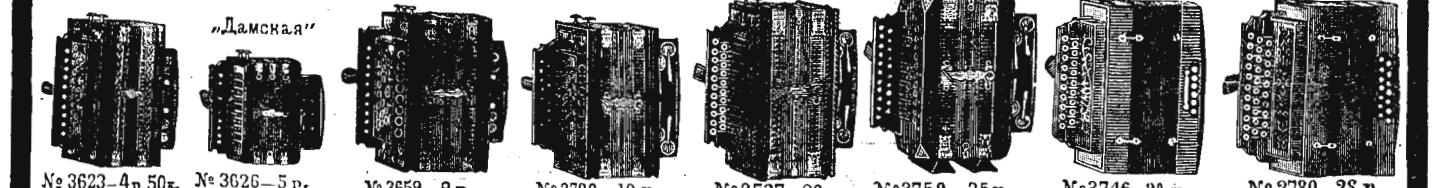
ПАМЯТЬ
лицъ каждаго возр. укрѣпляетъ лично и заочно (въ 10 урокъ.) профес. мнемоникъ, членъ парижск. академ. С. Файнштейнъ. Одесса, уг. Пушкин. и Баз. ул., собствен. домъ, № 23. Условія преподаванія и объемистую брошюру (содерж. многочлест. благодарности оффиц. и вполнѣ комит. лицъ, прошед. у меня курсъ мнемоники) высыл. за одну 7-ми коп. марку. (№ телефона въ городѣ 199, № телеф. на собств. дачѣ „элевонина“ 933). Адр. для телегр. Одесса, профессору мнемоники Файнштейну. № 12020 10—9

ФОТОГРАФЫ — ЛЮБИТЕЛИ!
КУПИТЕ АРИСТОТИПНУЮ БУМАГУ знаменитой марки:
ДВА МЕЧА
Продается въ складахъ фотограф. принадлежностей и антикарскихъ магазинахъ Россіи. Оптомъ отъ фабрикантовъ: Vereinigte Fabriken Photogr. Papiere, Dresden, A.

Разрѣш. Киев. Учени. окр. курсу
ДВ. ИТ. БУХГАЛТЕРІИ
скоро и основательно выуч. великаго посред. переп., вполнѣ заглав. услов. препода. Услов. высл. А. П. Бобырь. Киевъ, Рейтарск., 23.

АКО
* АБР. КЛЕЙМО *
Придастъ подошвамъ тройную прочность, дѣлаетъ ихъ непромокаемыми и предохраняетъ ноги отъ сырости и холода. Флак. 30 к.
ВИНКЪ и СААТЪ, РИГА.

ГАРМОНИИ ИЗВѢСТНѢЙШЕЙ ФАБРИКИ I. Ф. КАЛЬБЕ И ЛУЧШЕЙ ВѢНСКОЙ РАБОТЫ.
№ 3623—4 р. 50 к. № 3626—5 р. № 3659—9 р. № 3700—10 р. № 3737—20 р. № 3750—25 р. № 3716—20 р. № 3780—28 р.
САМОУЧИТЕЛИ: для однорядной 1 р., для двухъ-рядной 1 р., для трехъ-рядной 75 к. Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И ПОТЪ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Большая Морская, № 34 и 40. МОСКВА, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

Новое издание А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

Поступила въ продажу только-что отпечатанная новая книга:

„ЛѢСНАЯ ТЕХНОЛОГІЯ“.

Съ 425 иллюстраціями, соч. О. К. АРНОЛЬДА, представляющая собою необходимое дополненіе къ его сочиненію „Русскій Лѣсъ“, въ составъ котораго она вошла въ видѣ 2-й части II-го тома.

Содержаніе 2-ой части II тома «Русскаго Лѣса».
 Въ этой книгѣ разсматриваются: свойства дерева — техническія, физическія, механическія и химическія. Фауны древесныя. Усушка и разбуханіе и ихъ вліяніе на формозмѣняемость дерева. Орудія и способы валки и заготовки лѣса. Сортименты лѣса—дровяного, строевого и подлѣочнаго, ихъ учетъ и браковка. Затѣмъ въ частности механическая обработка дерева: распиловка ручная и заводская, строганіе, сверленіе и долбленіе дерева. Специальные производства по механической обработкѣ дерева: для бондарныхъ издѣлій, для экипажей, гнутой мебели, паркетовъ, гонта, спичечной соломѣ и коробки, древесной стружки, древесной массы, мочальныхъ издѣлій, локжарнаго промысла, деревянной посуды, для щепного товара и корзино-плетенія. Въ особой главѣ разсматривается химическая обработка дерева и дѣйствіе высокой температуры на дерево: углежженіе въ ямахъ, кострахъ и печахъ; добычаніе жидкихъ продуктовъ сухой перегонки дерева и переработка ихъ. Добываніе шадрика, поташа и сажки. Производство целлюлозы. Крышечная папка. Этиловый алкоголь. Фабрикація искусственнаго шелка изъ древесины. Извлеченіе щавелевой кислоты. Полученіе ду-

бильной коры и приготовленіе дубильныхъ сильныхъ экстрактовъ. Добываніе смолы въ естественномъ видѣ. Аппараты для перегонки живицы подъ пониженнымъ давленіемъ. Переработка канифоли на масла и добываніе эфирныхъ маселъ. Наконецъ, разсматривается транспортъ лѣса: устройство лѣсовозныхъ, грунтовыхъ дорогъ и спусковъ лѣса на горахъ; деревянно-рельсовые или лежневые дороги; лѣсныя желѣзныя дороги; лѣсопроводные желоба и канатные лѣсопуски; сплавъ лѣса; сборъ спгоняемаго лѣса; запаны плочучія и постоянныя; сплавъ лѣса въ плотахъ; сплотка лѣса; грузовые, многорядные плоты; размѣры плотовъ; сплавъ въ рамахъ; плоты для сплава по озерамъ и по морю; потеря лѣса при сплавѣ; главнѣйшіе типы судовъ, служащихъ для перевозки лѣса.

Всѣ вошедшія въ книгу статьи отличаются ясностью изложенія, а украшающія книгу иллюстраціи (425 рисунковъ) облегчаютъ полное усвоеніе содержанія. Большой, изящно изданный томъ въ 8-ую долю листа, отпечатанный четкимъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, XIV+585 стр. СПб. 1899 г.

Цѣна 2-й части II тома „Русскаго Лѣса“, несмотря на значительный объемъ книги и множество гравюръ, назначена весьма умѣренная—**4 р., съ перес. 4 р. 50 к.**

Требованія и деньги адресовать въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, СПб., М. Морская, № 22.

Новое издание А. Ф. Маркса,

въ С.-Петербургѣ:

УЧЕБНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ,

составленный профессоромъ Э. Ю. Петри

и состоящій изъ 46 главныхъ картъ, 127 дополнительныхъ картъ и чертежей на 45 таблицахъ.

Въ Атласу приложены: оглавленіе, краткія указанія для учащихся и „методологическое введеніе“.

Учебный Географическій Атласъ проф. Э. Ю. Петри:

I. ОДОБРЕНЪ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособия для гимназій какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, для реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ и семинарій.

II. РЕКОМЕНДОВАНЪ состоящимъ при Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріи по Ученіямъ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ Учебнымъ Комитетомъ—въ качествѣ учебнаго пособия по географіи для среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ.

III. РЕКОМЕНДОВАНЪ Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній—въ качествѣ учебнаго пособия при прохожденіи курса географіи въ кадетскихъ корпусахъ.

Цѣна „Учебнаго Географическаго Атласа“ Э. Ю. Петри: 1) брошюрованнаго экз.—2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; 2) въ папкѣ съ коленкоровымъ корешкомъ и углами—2 р. 35 к., съ пер. 2 р. 90 к.; 3) въ прочномъ коленкоровомъ переплетѣ съ кожаными корешкомъ и углами—2 р. 60 к., съ перес. 3 р. 20 к.

Требованія и деньги адресовать въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, М. Морская, № 22.

МИРРОЛЬ **ОПТОВЫЙ Складъ**
 ПЕРШОКЪ **ПУШКИНСКАЯ АПТЕКА**
 УНИТРАЖАЮЩІЕ **СПЕТЕРБУРГЪ**
 ЗАНАХЪ **ОТЪ ПОТА**
 ПРОВ. А. ГАККЕЛЯ
 Имѣется въ складѣ лучш. аптекарск. и парфюмерн. малярияхъ.

НОВОСТЬ. Краска И. Купчинскаго.

Волосы съдые получаютъ желаемый цвѣтъ, если будутъ хорошо вымыты и лично, безъ посторонней помощи, подкладывая гребень подъ волоса, легко протерты щоточкой жидкостью изъ флаконовъ №№ 1, 2 и 3-го. Затѣмъ вновь вымытые уже не пачкаютъ бѣлы и становятся мягкими; повторить окраску слѣдуетъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Въ требованіи указывать цвѣтъ волосъ: черный, шатень или блондинъ. Короб. 2 руб., пересылка наплатежемъ. Складъ П. Виноградовъ, Москва, Рождественка, д. № 2.

Международный языкъ **ЭСПЕРАНТО.**
 Подробный курсъ (учебникъ, книга упражненій, полные словари, книги для чтенія, адреса эсперантистовъ) высылается за три рубля (или съ наложеннымъ платежомъ за 3 р. 20 коп.). Адресовать: дру Л. М. Замонюфу въ Варшаву. № 12310 10—9

Английскіе Локомобили
 и **Паровыя Машины**
 всегда на складѣ у **Ф. И. Розенталя**
 Москва, Мясницкая, 36/38.

НОВАЯ АНГЛІЙСКАЯ МАШИНКА для волнистой прически ГОФРИРОВКИ ВОЛОСЬ
 холоднымъ способомъ, скоро и безъ посторон. помощи. Приборъ въ 4 шт. 1 руб., съ перес. въ Евр. Россію 1 р. 50 к., въ Азиатскую Россію 2 руб. Практичная папильотки для маленькой завивки по 20 коп. Г. Гейбардтъ, СПб., Симеоновская ул., 5.

Приятное съ полезнымъ!!!
 Часы „Триумфъ“ съ музыкой, замѣняющие будильникъ. Роскошные столовые или кабинетные стоячіе часы, прекрасной отдѣлки, играющіе въ какое угодно время 2 пьесы лучшихъ русскихъ или иностран. композиторовъ. Механизмъ часовъ «Триумфъ» самый усовершенствованный и отличается замѣчательно вѣрнымъ ходомъ.
 Цѣна съ упаковкой за 1 шт. 5 р. 50 к. Выписывающіе 2 штуки за пересылку въ Европейскую Россію не платятъ. Заказы высылаются по полученіи 1 р. задатка, можно почтовыми марками. При заказѣ просить писать, какія пьесы: вальсъ, маршъ или др. и съ портретомъ Пушкина или безъ.
АДРЕСОВАТЬ
М. М. ХАЗАНОВУ
 Варшава, почтовый ящикъ № 458.

ПУДРА **ГЛАВНЫЙ Складъ**
 АНТИСЕПТИНЪ **ПЯТИК. АПТЕКА ЛЕМБЕРГЪ**
 Д-М.Е.ДМИТРИЙ **ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ**
А. ТУГЕНГОЛЬДА. Цѣна 30 коп.
 ПРОТИВЪ ПРІЯТНАГО НЕПРИЯТНАГО ЗАПАХА НОЖНЫХЪ ПАЛЬЦЕВЪ.

ПУДРА **ГЛАВНЫЙ Складъ**
 АНТИСЕПТИНЪ **ПЯТИК. АПТЕКА ЛЕМБЕРГЪ**
 Д-М.Е.ДМИТРИЙ **ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ**
А. ТУГЕНГОЛЬДА. Цѣна 30 коп.
 ПРОТИВЪ ПРІЯТНАГО НЕПРИЯТНАГО ЗАПАХА НОЖНЫХЪ ПАЛЬЦЕВЪ.

ТОВ. АСФ. РАБОТЬ ВЪ РОССІИ
 СПб., Невскій, 3
 производитъ бетонныя, канализаціонныя, водопроводныя и асфальтъныя работы. № 12401 товья работы. 4—2

НОВОСТЬ! **ДЛЯ БЛИЗКОГО ЛИЦА**
 отъ загара мыло **ЖЕРМЕНЪ**
 Имѣющимъ веснушки, угри и вообще не чистое и блѣлое лицо слѣдуетъ освѣжить лицо чистой водой, умывать съ этимъ мыломъ утромъ и вечеромъ, а лѣтомъ при влажности лица, повторять нѣсколько разъ. Подроб. наставленіе при кажд. кускѣ. Цѣна на складѣ Москва, Рождественка, № 2 у П. Виноградова, 1/2 дюж. 1 р. 50 к., перес. нал. плат., менѣе неупускается, а также имѣется вездѣ въ лучш. магазинахъ. Требовать на каждомъ кускѣ № свид. 3131.

ПОПЕЧИТЕЛЬНОСТЬ
 ВЪ ВОСТАНОВЛЕНІИ ПОСРЕДСТВОМЪ АНТИСЕПТИНЪ
 СКАЖИТЕ **60.** **ТЕЛЕФОНЪ 1360**
ПРОСИТЪ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ ЖЕРТВОВАТЬ ему
НЕУЖИВЪНЫ ВЕЩИ
 АУКЦИОНЪ ПО ВТОРЫМЪ РУКАМЪ ВОСПИТАНІЕ до 500 руб.
 ТЕЛЕФОНЪ 3878. ТЕЛЕФОНЪ 1144.

ТОВАРИЩЕСТВО „ПРОВОДНИКЪ“. Москва. * Рига. * СПетербургъ.
Т-ва РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗАВОДОВЪ подъ фирмою: „ПРОВОДНИКЪ“.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ. Обращать вниманіе на клеймо (звѣзда) съ фирмой.
 * Резина. * Линолеумъ. * Азбестъ. *

XXX г.

№ 25

Выданъ 19 юня 1899 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣ. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ литературныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXX

1899

Цѣна этого № 15 к., съ пер. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1899 г.

Безъ до- ставки въ Петер- бургъ . . .	5.50	К.	Безъ дост. въ конто- ръ Н. ПЕЧОВСКОЙ, Петровскія линіи . . .	6.25	К.	Безъ достав- ки въ ОДЕССУ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Ришельевская, 12.	6.50	К.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ . . .	6.50	К.	Съ пересыл- кою во всѣ мѣст- ности Россіи . . .	7	р. иду.	За гра- нцу . . .	10 р.
--	------	----	---	------	----	--	------	----	--	------	----	---	---	---------	-------------------------	-------

При этомъ № прилагается выпускъ «Ежемесячн. литерат. приложений» за юнь 1899 г.

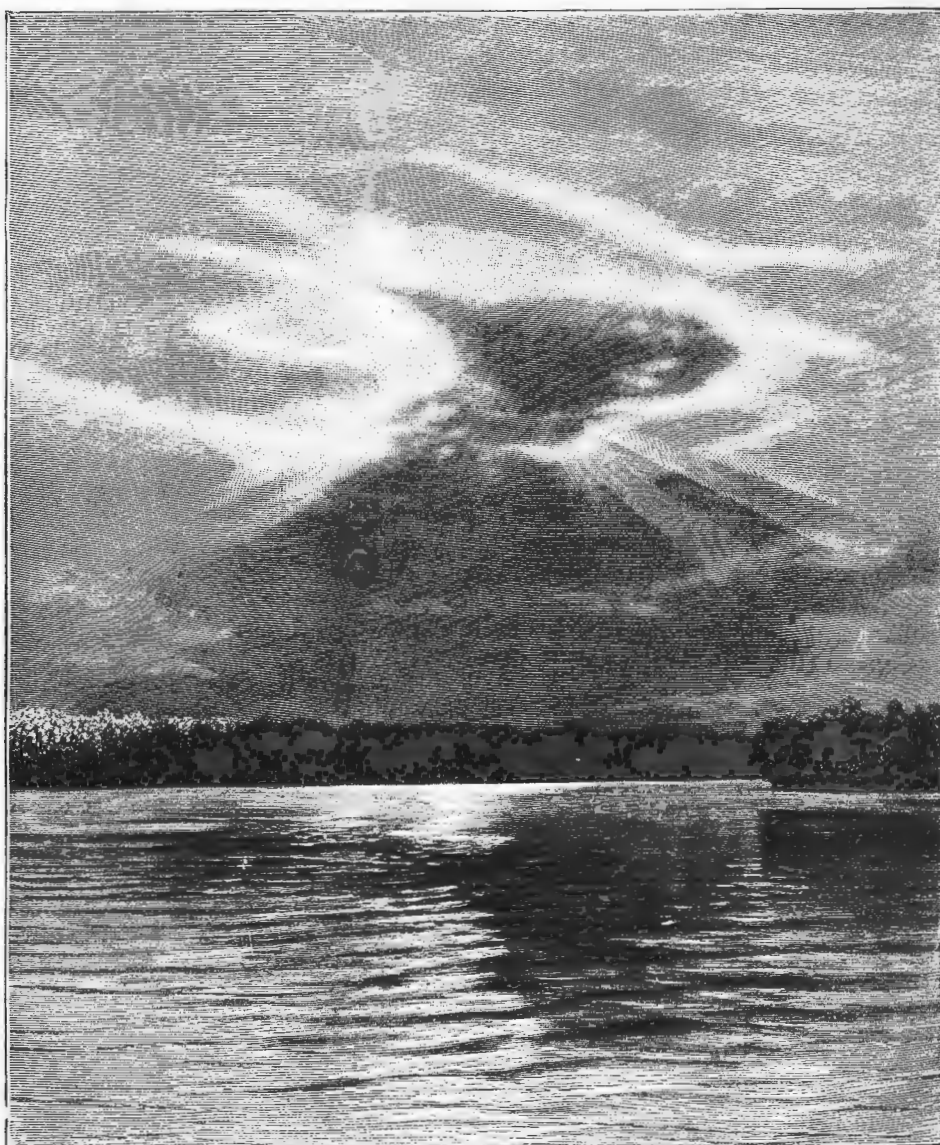
Воскресеніе.

Романъ
графа Л. Н. ТОЛСТОГО.

(Продолженіе.)

III.

Изъ Кузьминскаго Нехлюдовъ поѣхалъ въ доставшееся ему по наследству отъ тетюшекъ имѣніе, — то самое, въ которомъ онъ впервые увидѣлъ Катюшу. Онъ хотѣлъ и въ этомъ имѣніи устроить дѣло съ землею такъ же, какъ онъ устроилъ его въ Кузьминскомъ; кромѣ того, узнать все, что можно еще узнать про Катюшу и ея и своего ребенка: — правда ли, что онъ умеръ и какъ онъ умеръ? Онъ пріѣхалъ въ Паново рано утромъ и, первое, что поразило его, когда онъ въѣхалъ во дворъ, были видъ заустѣнія и ветхости, въ который пришли всѣ постройки и въ особенности домъ. Желѣзная крыша, давно не крашенная, краснѣла отъ ржавчины и нѣсколько листовъ были задраны кверху, вѣроятно бурей; тесь, которымъ были обшиты домъ, были ободраны мѣстами людьми, обдиравшими его тамъ, гдѣ онъ легко отдрался, отворачивая ржавые гвозди. Крыльца — оба, переднее и особенно памятное ему заднее, сгнили и были разломаны, оставались только перемѣты, окна нѣкоторыя вмѣсто стекла были задѣланы тесомъ, и флигель, въ которомъ жилъ приказчикъ, и кухня, и конюшни — все было ветхо и сѣро. Только садъ не только не обветшалъ, но разросся, сросся и теперь былъ весь въ цвѣту; изъ-за забора видны

VII выставка картинъ с.-петербургскаго общества художниковъ „Лучи“.
Съ картины Н. А. Сергѣева грав. Рашевскій.

были, точно бѣлыя облака, цвѣтуція вишни, яблоки и сливы. Ограда же сирени цвѣла, точно такъ же, какъ въ тотъ годъ, 14 лѣтъ тому назадъ, когда за этой сиренью Нехлюдовъ игралъ въ горѣлки съ 18-лѣтней Катюшей и, упавъ, острекался крапивой. Лиственница, которая была посажена Софьей Ивановной около дома и была тогда въ колѣ, была теперь большое дерево, годное на бревно, все одѣтое желто-зеленой, нѣжно-пушистой хвоей. Рѣка была въ берегахъ и шумѣла на мельницѣ въ спускахъ. На лугу, за рѣкою паслось пестрое смѣшанное крестьянское стадо. Приказчикъ, не кончившій курса семинаристъ, улыбаясь, встрѣтилъ Нехлюдова на дворѣ, не переставая улыбаться, пригласить его въ контору и, улыбаясь же, какъ-будто этой улыбкой общая что-то особенное, ушелъ за перегородку. За перегородкой пошевелились и замолкли. Извозчикъ, получивъ на чай, уѣхалъ со двора, и стало совершенно тихо. Вслѣдъ за этимъ мимо окна пробѣжала босая дѣвушка въ вышитой рубахѣ съ пушками на ушахъ, за дѣвушкой пробѣжалъ мужикъ въ толстыхъ сапогахъ.

Нехлюдовъ сѣлъ у окна, глядя въ садъ и слушая. Въ маленькое створчатое окно, слегка пошевеливая волосами на его потномъ лбу и записками, лежавшими на изрѣзанномъ ножомъ подоконникѣ, тянуло свѣжимъ весеннимъ воздухомъ и запахомъ раскопанной земли. На рѣкѣ «тра-патапъ, тра-патапъ» — шлепали, перебивая другъ друга, вальки бабъ, и звуки эти разбѣгались по блестящему на солнцѣ плесу запруженной рѣки, и равномерно слышалось паденіе воды на мельницѣ.

И вдругъ Нехлюдовъ не то что вспомнилъ, что точно такъ же онъ когда-то давно, когда еще онъ былъ молодъ и невиненъ, слышалъ здѣсь на рѣкѣ эти звуки вальковъ по мокрому бѣлью изъ-за равномернаго шума мельницы, и точно такъ же весенній вѣтеръ шевелилъ его волосами на мокромъ лбу и листками на изрѣзанномъ ножомъ подоконникѣ,—и онъ не то что вспомнилъ себя 18-лѣтнимъ мальчикомъ, какимъ онъ былъ тогда, но почувствовалъ себя такимъ же, съ той же свѣжестью, чистотой и безконечнымъ, исполненнымъ самыхъ великихъ возможностей, будущимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это бываетъ во свѣтѣ, онъ зналъ, что этого уже нѣтъ, и ему стало ужасно грустно.

— Когда прикажете кушать? — спросилъ приказчикъ, улыбаясь.

— Когда хотите—я не голоденъ. Я пойду пройдуся по деревнѣ.

— А то не угодно ли въ домъ пройти, у меня все въ порядкѣ внутри. Извольте посмотреть, если въ наружности...

— Нѣтъ, послѣ, а теперь скажите, пожалуйста, есть у васъ тутъ женщина,—Матрена Харина?

Это была тетка Катюши.

— Какъ же, на деревнѣ, — никакъ не могу съ ней справиться. Шинокъ держать. Знаю и обличаю, и браню ее, а коли актъ составить—жалко: старуха, внучата у ней, — сказала приказчикъ все съ той же улыбкой, выражавшей и желаніе быть пріятнымъ хозяину, и увѣренность въ томъ, что Нехлюдовъ точно такъ же, какъ и онъ, понимаетъ всякія дѣла.

— Гдѣ она живетъ? Я бы прошелъ къ ней.

— Въ концѣ слободы, съ того края, третья избушка. На лѣвой рукѣ кирпичная изба будетъ, а тутъ за кирпичной избой и ея хибарка. Да я васъ провожу лучше,—радостно улыбаясь, говорилъ приказчикъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я найду, а вы, пожалуйста, прикажите оповѣстить мужиковъ, чтобы собрались: мнѣ надо поговорить съ ними о землѣ,—сказалъ Нехлюдовъ, намѣреваясь здѣсь покончить съ мужиками такъ же, какъ и въ Кузьминскомъ, и если можно нынче же вечеромъ.

IV.

Выйдя за ворота, Нехлюдовъ встрѣтилъ на тропинкѣ, пробитой по поросшему подорожникомъ и клоповникомъ выгону, быстро перебивавшую толстыми босыми ногами,

возвращавшуюся уже крестьянскую дѣвушку, въ пестрой занавѣскѣ съ пушками на ушахъ. Она быстро махала одной лѣвой рукой поперекъ своего хода, правой же крѣпко прижимала къ животу краснаго цѣтуха. Цѣтухъ съ своимъ качающимся краснымъ гребнемъ казался совершенно спокойнымъ и только то вытягивалъ, то поднималъ одну черную ногу, цѣпляясь когтями за занавѣску дѣвушки. Когда дѣвушка стала подходить къ барину, она сначала умѣрила ходъ и перешла съ бѣга на шагъ, поровнявшись же съ нимъ, остановилась и, размахнувшись назадъ головой, поклонилась ему и только, когда онъ прошелъ, побѣжала съ цѣтухомъ дальше. Спускаясь къ колодцу, Нехлюдовъ встрѣтилъ еще старуху въ грязной суровой рубахѣ, несшую на сторбленной спинѣ тяжелыя полныя ведра. Старуха осторожно поставила ведра и точно такъ же, съ размахомъ назадъ, поклонилась ему.

За колодцемъ начиналась деревня. Былъ ясный, жаркій день, и въ 10 часовъ уже парило, собирались облака, изрѣдка закрывали солнце. По всей улицѣ стоялъ рѣзкій, ѣдкій и не пріятный запахъ навоза, шедшій и отъ тянувшихся въ гору по глянцевино-укатанной дорогѣ телѣгъ, и, главное, изъ раскопаннаго навоза дворовъ, мимо отворенныхъ воротъ которыхъ проходилъ Нехлюдовъ. Шедшіе за возами въ гору мужики, босые, въ измазанныхъ навозной жижей порткахъ и рубахахъ, оглядывались на высокаго толстаго барина, который, въ сѣрой шляпѣ, блестящей на солнцѣ своей шелковой лентой, шелъ вверхъ по деревнѣ, черезъ шагъ дотрогиваясь до земли глянцевиной колѣнчатой палкой, съ блестящимъ набалдашникомъ. Возвращавшіеся съ поля мужики, трясясь рысью на облучкахъ пустыхъ телѣгъ, снимая шапки, съ удивленіемъ слѣдили за необыкновеннымъ человекомъ, шедшимъ по ихъ улицѣ; бабы выходили за ворота и на крыльца и показывали его другъ другу, пронося глазами.

У четвертыхъ воротъ, мимо которыхъ проходилъ Нехлюдовъ, его остановили со скрипомъ выѣзжавшія изъ дворовъ телѣги, высоко нагруженныя ушлепаннымъ навозомъ съ наложенной на него рогожкой для сидѣнія. Шестилѣтній мальчикъ босикомъ шелъ за возомъ. Молодой мужикъ въ лаптяхъ, широко шагая, выгонялъ лошадей за ворота. Длинноногий, голубой жеребенокъ вскаочилъ изъ воротъ, но, испугавшись Нехлюдова, нажался на телѣгу и, обивая ноги о колеса, проскочилъ впередъ вывозившей изъ воротъ тяжелой возъ, безпокоившейся и слегка заржавшей матки. Слѣдующую лошадь выводилъ худой бодрый старикъ тоже босикомъ въ полосатыхъ порткахъ и длинной, грязной рубахѣ съ выдающимися на спинѣ худыми кострецами.

Когда лошади выбрались на накатанную дорогу, старикъ вернулся къ воротамъ и поклонился Нехлюдову.

— Барышень нашихъ племянничекъ будешь?

— Да, да.

— Съ пріѣздомъ; что же, пріѣхалъ насъ провѣдать?—словоохотливо заговорилъ старикъ.

— Да, да. Что-же, какъ вы живете?—сказалъ Нехлюдовъ, не зная, что сказать.

— Какая наша жизнь! Самая плохая наша жизнь,—какъ будто съ удовольствіемъ нараспѣвъ протянулъ словоохотливый старикъ.

— Отчего плохая?—спросилъ Нехлюдовъ, входя подъ ворота.

— Да какая же жизнь? Самая плохая жизнь,—сказалъ старикъ, слѣдуя за Нехлюдовымъ на вычищенную до земли часть подъ навѣсомъ.

Нехлюдовъ вошелъ за нимъ подъ навѣсъ.

— У меня вонъ-онѣ 12 душъ,—продолжалъ старикъ, указывая на двухъ женщинъ, которыя со сбившимися платками, потными, подоткнувшись, съ голыми, до половины испачканными навозной жижей, икрами, стояли съ вилами на уступѣ невычищеннаго еще навоза. —Что ни мѣсяць, то купи 6 пудовъ, а гдѣ ихъ взять?

— А своего развѣ недостаетъ?

— Своего?!—съ презрительной усмѣлкой переспросил старикъ. — У меня земли на 3 души, а нынче всего 8 копенъ собрали,—до Рождества не хватило.

— Такъ какъ же вы дѣлаете?

— Такъ и дѣлаемъ, вотъ одного въ работники отдамъ, да у вашей милости деньжонокъ возьмъ. Еще до заговѣнья всѣ забрали, а подати не плачены.

— А сколько податей?

— Да съ моего двора рублей 17 въ треть сходить. Охъ, не дай Богъ, житье, и самъ не знаешь, какъ обращаешься!

— А можно къ вамъ пройти въ избу?—спросилъ Нехлюдовъ, подвигаясь впередъ по дворику и съ очищеннаго мѣста входя на нетронутые еще и развороченные вилами, желто-шафранные, сильно-пахучіе слои навоза.

— Отчего же, заходи,—сказалъ старикъ и, быстрыми шагами босыхъ ногъ, выдавливавшихъ жижу между пальцами, обогнавъ Нехлюдова, отворилъ ему дверь въ избу.

Бабы, оправивъ на головахъ платки и спустивъ на-невы, съ ужасомъ смотрѣли на чистаго барина съ золотыми застежками на рукавахъ, входившаго въ ихъ домъ.

Изъ избы выскочили въ рубашонкахъ двѣ дѣвочки. Пригнувшись и снявъ шляпу, Нехлюдовъ вошелъ въ сѣни и въ пахнувшую кислой вѣдой грязную и тѣсную, занятую двумя станами избу. Въ избѣ у печи стояла старуха, съ засученными рукавами худыхъ жилистыхъ загорѣлыхъ рукъ.

— Вотъ баринъ нашъ, къ намъ въ гости зашелъ,—сказалъ старикъ.

— Что жъ, милости просимъ, — ласково сказала старуха, отворачивая засученные рукава.

— Хотѣлъ посмотрѣть, какъ вы живете, — сказалъ Нехлюдовъ.

— Да такъ живемъ вотъ, какъ видишь. Изба завалиться хочетъ, того гляди уберетъ кого. А старикъ говоритъ, и эта хороша. Вотъ и живемъ — царствуемъ,—говорила бойкая старуха, нервно подергиваясь головой. — Вотъ сейчасъ обѣдать соберу. Рабочій народъ кормить стану.

— А что вы обѣдать будете?

— Что обѣдать? Пищей наша хорошая. Первая перемѣна хлѣбъ съ квасомъ, а другая — квась съ хлѣбомъ, — сказала старуха, оскаливая свои съѣденные до половины зубы.

— Нѣтъ, безъ шутокъ, покажите мнѣ, что вы будете кушать нынче.

— Кушать?—смѣясь, сказалъ старикъ. — Кушанье наше не хитрое. Покажь ему, старуха.

Старуха покачала головой.

— Захотѣлось нашу мужицкую вѣду посмотрѣть? Дотошный ты баринъ, посмотрю я на тебя. Все ему знать надо. Сказывала хлѣбъ—съ квасомъ, а еще щи, снытки бабы вчера принесли, вотъ и щи; апосля того—картошки.

— И больше ничего?

— Чего жъ еще, забѣлимъ молочкомъ,—сказала старуха, посмѣиваясь и глядя на дверь.

Дверь была отворена, и сѣни были полны народомъ: и ребята, дѣвочки, бабы съ грудными дѣтьми жались въ дверяхъ, глядя на чуднаго барина, разсматривавшаго мужицкую вѣду. Старуха, очевидно, гордилась своимъ умѣньемъ обойтись съ баринкомъ.

— Да, плохая, плохая, баринъ, жизнь наша, что говорить, — сказалъ старикъ. — Куда лѣзете! — закричалъ онъ на стоявшихъ въ дверяхъ.

— Ну, прощайте,—проговорилъ Нехлюдовъ, чувствуя неловкость и стыдъ, въ причинѣ которыхъ онъ не давалъ себѣ отчета.

— Благодаримъ покорно, что провѣдалъ насъ, — сказалъ старикъ.

Въ сѣняхъ народъ, нажавшись другъ на друга, пропустилъ Нехлюдова, и онъ вышелъ на улицу и пошелъ

вверхъ по ней. Слѣдомъ за нимъ изъ сѣней вышли два мальчика босикомъ: одинъ, постарше, въ грязной, бывшей бѣлой рубахѣ, а другой—въ худенькой, слинявшей, розовой. Нехлюдовъ оглянулся на нихъ.

— А теперь куда пойдешь?—спросилъ мальчикъ въ бѣлой рубахѣ.

— Къ Матренѣ Хариной,—сказалъ онъ.—Знаете?

Маленькій мальчикъ въ розовой рубахѣ чему-то засмѣялся, старшій же серьезно переспросилъ:

— Какая Матрена? Старая она?

— Да, старая.

— О-о, — протянулъ онъ. — Это Семениха, это на концѣ деревни. Мы тебя проводимъ. Ай-да, Оедька, проводимъ его.

— А лошади-то?

— Авось ничего!

Оедька согласился, и они втроемъ пошли вверхъ по деревнѣ.

V.

Нехлюдову было легче съ мальчиками, чѣмъ съ большими, и онъ дорогой разговорился съ ними. Маленькій, въ розовой рубахѣ, пересталъ смѣяться и говорилъ такъ же умно и обстоятельно, какъ и старшій.

— Ну, а кто у васъ самый бѣдный?—спросилъ Нехлюдовъ.

— Кто бѣдный? Михайла бѣдный, Семень Макаровъ, еще Марѳа даже бѣдная.

— А Анисья, та еще бѣднѣй. У Анисьи и коровы нѣтъ—побираются.

— У ней коровы нѣтъ, да зато ихъ всего трое, а Марѳа сама пята,—возражалъ старшій.

— Все-таки та вдова,—отстаивала розовый мальчикъ Анисью.

— Ты говоришь, Анисья вдова, а Марѳа все равно, что вдова,—продолжалъ старшій мальчикъ.— Все равно—мужа нѣтъ.

— Гдѣ же мужъ?—спросилъ Нехлюдовъ.

— Въ острогѣ вшей кормить, — употребляя обычное выраженіе, сказалъ старшій мальчикъ.

— Лѣтось въ господскомъ лѣсу двѣ березки срубъ, его и посадили. Теперь шестой мѣсяць сидитъ, а баба побирается, трое ребятъ да старуха убогая, — обстоятельно говорилъ мальчикъ.

— Гдѣ она живетъ?—спросилъ Нехлюдовъ.

— А вотъ этотъ самый дворъ,—отвѣтилъ мальчикъ, указывая на домъ, противъ котораго крошечный бѣлоголовый мальчикъ, насилу державшійся на кривыхъ, выгнутыхъ наружу въ колѣняхъ, ногахъ, качаясь стоялъ на улицѣ, на самой тропинкѣ, по которой шелъ Нехлюдовъ.

— Васька, куда, пострѣленокъ, убѣжалъ! — закричала выбѣжавшая изъ избы, въ грязной сѣрой, какъ бы засыпанной золой, рубахѣ баба и съ испуганнымъ лицомъ бросилась впередъ Нехлюдова, подхватила ребенка и унесла въ избу, точно боялась, что Нехлюдовъ сдѣлаетъ что-нибудь надъ ея дѣтей.

Это была та самая женщина, мужъ которой за березки изъ лѣса Нехлюдова сидѣлъ въ острогѣ.

— Ну, а Матрена эта, бѣдная?—спросилъ Нехлюдовъ, когда они уже подходили къ избушкѣ Матрены.

— Какая она бѣдная: она виномъ торгуетъ, — рѣши-тельно отвѣтилъ розовый, худенькій мальчикъ.

Дойдя до избушки Матрены, Нехлюдовъ отпустилъ мальчиковъ и вошелъ въ сѣни, а потомъ въ избу. Хатка старухи Матрены была шести аршинъ, такъ что на кровати, которая была за печью, нельзя было выгнаться большому человѣку; «на этой самой кровати» — подумалъ онъ:—«рожала и болѣла потомъ Катюша». Почти вся хата была занята станомъ, который въ то время, какъ вошелъ Нехлюдовъ, стукнувшись головой о низкую дверь, старуха только-что улаживала со своей старшей внучкой. Еще двое внучатъ встѣдъ за баринкомъ стремглавъ вбѣ-

„Воскресеніе“, романъ гр. Л. Н. Толстого. Въ Пановѣ. Нищія бабы.
Ориг. рис. (собств. «Нивы») Л. О. Пастернака, авторшия «Нивы».

VII выставка картинъ с.-петербургскаго общества художниковъ. „Дѣлежъ добычи“.
Съ картины К. Степанова (исключ. право востр. въ гравюрѣ принадл. «Нивѣ») грав. Шюблеръ.

жали въ избу и остановились за нимъ въ дверяхъ, ухватившись за приголки руками.

— Кого надо? — сердито спросила старуха, находившаяся въ дурномъ расположеніи духа съ исладившагося стана и, кромѣ того, какъ корчемница, боявшаяся незнакомыхъ людей.

— Я помѣщикъ. Мнѣ поговорить хотѣлось бы съ вами.

Старуха помолчала, пристально взглядываясь; потомъ вдругъ вся преобразилась.

— Ахъ ты касатикъ, а я-то, дура, не возчала: думаю, какой прохожій,—притворно-ласковымъ голосомъ заговорила она.—Прости ты меня, ради Христа.

— Какъ бы поговорить безъ народа, — сказалъ Нехлюдовъ, глядя на отворенную дверь, въ которой стояли ребята, а за ребятами худая женщина съ исчахшимъ, но все улыбающимся, отъ болѣзни блѣднымъ, ребеночкомъ въ скуфеечкѣ изъ лоскутиковъ.

— Чего не видали, я вамъ дамъ, подай-ка мнѣ сюда костыль,—крикнула старуха на стоявшихъ въ двери.— Затвори, что ли.

Ребята отошли, баба съ ребенкомъ затворила дверь.

— Я-то думаю, кто пришелъ? А это самъ баринъ, золотой ты мой, красавчикъ ненаглядный.—говорила старуха.—Куда зашелъ, не побрезговалъ. Ахъ ты брильянтовый! Сюда садись, ваше сіятельство, вотъ сюда на конникъ,—говорила она, вытирая конникъ занавѣской.—А я думаю, какой чортъ лѣзеть, ахъ это самъ ваше сіятельство, баринъ хороший. благодѣтель, кормилецъ нашъ. Прости ты меня, старую дуру— слѣпа стала.

Нехлюдовъ сѣлъ, старуха стала передъ нимъ, подперла правой рукой щеку, подхвативъ лѣвой рукой острый локоть правой, и заговорила пѣвучимъ голосомъ:

— И старый же ты сталъ, ваше сіятельство; то, какъ рѣдѣй хороший былъ, а теперь что! Тоже забота, видно.

— Я вотъ что пришелъ спросить: помнишь ли ты Катюшу Маслову?

— Катерину-то. Какъ же не помнить.—она мнѣ племянница. Какъ не помнить; и слезъ-то, слезъ я по ней пролила. Вѣдь я все знаю. Кто, батюшка, Богу не грѣшешь, царю не виноватъ. Дѣло молодое, тоже чай, кофей пили, ну и случился грѣхъ. Что-жъ дѣлать! Кабы ты ее бросилъ, а ты какъ ее наградили: сто рублей отванилъ. А она что сдѣлала. Не могла въ разумъ взять. Кабы она меня слушала, она бы жить могла. Да хоть и племянница мнѣ, а прямо скажу—дѣвка непутевая. Я вѣдь ее послѣ къ какому мѣсту хорошему приставила: не хотѣла покориться, обругала барина. Развѣ намъ можно господь ругать: ну ее и разочли. А потомъ опять же у лѣсничаго жить можно было, да вотъ не захотѣла.

— Я спросить хотѣлъ про ребенка. Вѣдь она у васъ родила? Гдѣ ребеночекъ?

— Ребеночка, батюшка мой, я тогда хорошо обдумала. Она дюже трудна была, не чаяла я ей подняться. Я и окрестила дѣвочку, какъ должно, и въ воспитательный представила. Ну, ангельскую душку что жъ томить, когда мать помираетъ. Другіе такъ дѣлаютъ, что оставляютъ младенца, не кормятъ.—онъ и сгаснетъ; но я думаю: что жъ такъ—лучше потружусь, пошлю въ воспитательный. Деньги были, ну и свезли.

— А нумерь былъ?

— Нумерь былъ, да померъ ребеночекъ тогда же. Она сказывала: какъ привезла, онъ и кончился.

— Кто она?

— А самая эта женщина, въ Скородномъ жила. Она этимъ занималась. Маланьей звали, померла она теперь. Умная была женщина.—вѣдь она какъ дѣлала! Бывало, принесутъ ей ребеночка, она возьметъ и держитъ его у себя въ домѣ, прикармливаетъ. И прикармливаетъ, батюшка ты мой, пока кумилектъ соберетъ. А какъ соберетъ троихъ или четверыхъ, сразу и везетъ. Такъ у ней было умно издѣлано: такая люлька большая, въ родѣ двуснальная, и туда, и сюда класть. И ручка придѣлана.

Вотъ она ихъ положить четверыхъ, головками врозь, чтобъ не бились, ножками вмѣстѣ, такъ и везетъ сразу четверыхъ. Сосочки дастъ, они и молчатъ, сердечные.

— Ну, такъ что же?

— Ну, такъ и Катерининаго ребенка повезла. Да никакъ недѣли двѣ у себя держала. Онъ и зачирвѣлъ у ней еще дома.

— А хороший былъ ребеночекъ?—спросилъ Нехлюдовъ.

— Такой ребеночекъ, что надо бы лучше, да некуда. Какъ есть въ тебя,—прибавила старуха, подмигивая старымъ глазомъ.

— Отчего же онъ ослабѣлъ: вѣрно дурно кормили?

— Какой ужъ кормъ? Только примѣръ одинъ. Извѣстное дѣло, не свое дѣтище. Абы довести живымъ. Сказывала, довезла только до Москвы, такъ въ ту же пору и сгасъ. Она и свидѣтельство пригезла,—все, какъ должно. Умная женщина была.

Только и могъ узнать Нехлюдовъ о своемъ ребенкѣ.

VI.

Ударившись еще разъ головой объ обѣ двери въ избѣ и въ сѣняхъ, Нехлюдовъ вышелъ на улицу. Ребята: бѣлый, дымчатый и розовый дожидались его. Еще нѣсколько новыхъ пристало къ нимъ. Дожидалось и нѣсколько женщинъ съ грудными дѣтьми, и между ними была и та худая женщина, которая легко держала на рукахъ безкровнаго ребеночка въ скуфеечкѣ изъ лоскутиковъ. Ребеночекъ этотъ, не переставая, странно улыбаясь всѣмъ своимъ старческимъ личикомъ. Нехлюдовъ зналъ, что это была улыбка страданія. Онъ спросилъ, кто эта женщина.

— Это самая Анисья, что я тебѣ говорилъ,—сказалъ старшій мальчикъ.

Нехлюдовъ обратился къ Анисьѣ.

— Какъ ты живешь? — спросилъ онъ. — Чѣмъ кормишься?

— Какъ живу? Побираюсь, — отвѣтила Анисья и заплакала.

Старческий же ребеночекъ весь расплылся въ улыбку, изгибая свои, какъ червячки, тоненькія ножки.

Нехлюдовъ досталъ бумажникъ и далъ 10 рублей женщинѣ. Не успѣлъ онъ сдѣлать двухъ шаговъ, какъ его догнала другая женщина съ ребенкомъ, потомъ старуха, потомъ еще женщина. Всѣ говорили о своей нищетѣ и просили помочь имъ. Нехлюдовъ роздалъ тѣ шестьдесятъ рублей мелкими бумажками, которые были у него въ бумажникѣ, и съ страшной тоскою въ сердцѣ вернулся домой, т.-е. во флигель приказчика. Приказчикъ, улыбаясь, встрѣтилъ Нехлюдова съ извѣстіемъ, что мужики соберутся вечеромъ. Нехлюдовъ поблагодарилъ его и, не входя въ комнаты, пошелъ ходить въ садъ по усыпаннымъ бѣлыми лепестками яблочныхъ цвѣтовъ дорожкамъ, обдумывая все то, что онъ видѣлъ. «Народъ вымираетъ, привыкъ къ своему вымиранію, среди него образовались пріемы жизни, свойственные вымиранію—умираніе дѣтей, сверхсильная работа женщинъ, недостатокъ пищи для всѣхъ, особенно для стариковъ. И такъ понемногу приходилъ народъ въ это положеніе, что онъ самъ не видитъ всего ужаса его и не жалуется на него. А потому и мы считаемъ, что положеніе это естественно и такимъ и должно быть. Все это было ему теперь такъ ясно, что онъ не могъ достаточно удивляться тому, какъ люди не видятъ, и онъ самъ такъ долго не видѣлъ того, что такъ очевидно ясно. Было совершенно ясно, что дѣти и старые люди мрутъ оттого, что у нихъ нѣтъ молока, а нѣтъ молока потому, что нѣтъ земли, чтобы пасти скотину и собирать хлѣбъ и сѣно. И онъ составилъ въ головѣ своей проектъ, состоящій въ томъ, чтобы отдать землю крестьянамъ въ наемъ за ренту, а ренту признать собственностью этихъ же крестьянъ съ тѣмъ, чтобы они платили эти деньги и употребляли ихъ на подати и на дѣла общественныя. Это не было Singletax, но было болѣе

возможное при теперешнем порядкѣ приближеніе къ ней. Главное же было то, что онъ отказывался отъ пользова- нія правомъ земельной собственности.

Когда онъ пришелъ въ домъ, приказчикъ, особенно радостно улыбаясь, предложилъ обѣдать, выражая опасеніе, чтобы не переварилось и не пережарилось приготовленное его женой, съ помощью дѣвицы съ пушками, угощеніе.

Столъ былъ накрытъ суровой скатертью, вышитое по- лотенце было вмѣсто салфетки и на столѣ въ *vioux-saxe*, съ отбитой ручкой суповой чашкѣ былъ картофельный супъ съ тѣмъ самымъ пѣтухомъ, который выставлялъ то одну, то другую черную ногу, и теперь былъ разрѣзанъ, даже разрубленъ на куски, во многихъ мѣстахъ покры- тые волосами. Послѣ супа былъ тотъ же пѣтухъ съ под- жаренными волосами и творожники съ большимъ коли- чествомъ масла и сахара. Какъ ни мало вкусно все это было, Нехлюдовъ ѣлъ, не замѣчая того, что ѣсть, такъ онъ былъ занятъ своею мыслью, сразу разрѣшившею ту тоску, съ которой онъ пришелъ съ деревни.

Жена приказчика выглядывала изъ двери въ то время, какъ испуганная дѣвушка съ пушками подавала блюдо, а самъ приказчикъ, гордясь искусствомъ своей жены, все болѣе и болѣе радостно улыбался.

Послѣ обѣда Нехлюдовъ съ усиленіемъ усадилъ приказ- чика и, для того, чтобы проверить себя и вмѣстѣ съ тѣмъ высказать кому-нибудь то, что его такъ занимало, передалъ ему свой проектъ отдачи земли крестьянамъ и спрашивалъ его мнѣнія объ этомъ. Приказчикъ улыбался, дѣлая видъ, что онъ это самое давно думалъ и очень радъ слышать, но въ сущности ничего не понималъ, очевидно не оттого, что Нехлюдовъ неясно выражался, но оттого, что по этому проекту выходило то, что Не- хлюдовъ отказывался отъ своей выгоды для выгоды дру- гихъ, а между тѣмъ истина, что всякій человѣкъ за- ботится только о своей выгодѣ въ ущербъ выгодѣ дру-

гихъ людей, такъ укоренилась въ сознаніи приказчика, что онъ предполагалъ, что чего-нибудь не понимаетъ, когда Нехлюдовъ говорилъ о томъ, что весь доходъ съ земли долженъ поступать въ общественный капиталъ крестьянъ.

— Понялъ. Вы, значитъ, процентъ съ этого капитала будете получать?—сказалъ онъ, совсѣмъ просіявъ.

— Да нѣтъ же. Вы поймите, я совсѣмъ отдаю землю.

— Такъ вѣдь дохода вамъ уже не будетъ?—спросилъ, переставъ улыбаться, приказчикъ.

— Да я и отказываюсь.

Приказчикъ тяжело вздохнулъ и потомъ опять сталъ улыбаться. Теперь онъ понялъ. Онъ понялъ, что Нехлю- довъ человѣкъ не вполне здравый, и тотчасъ же началъ искать въ проектѣ Нехлюдова, отказывавшагося отъ земли, возможность личной пользы и непремѣнно хотѣлъ понять проектъ такъ, чтобы ему можно было воспользоваться отдаваемой землей.

Когда же онъ понялъ, что и это невозможно, онъ огорчился и пересталъ интересоваться проектомъ, и только для того, чтобы угодить хозяину, продолжалъ улы- баться. Видя, что приказчикъ не понимаетъ его, Нехлю- довъ отпустить его, а самъ сѣлъ за изрѣзанный и зали- тый чернилами столъ и занялся изложеніемъ на бумагѣ своего проекта.

Солнце спустилось уже за только-что распустившіяся липы, и комары роями влетали въ горницу и жалили Не- хлюдова. Когда онъ въ одно и то же время кончилъ свою записку и услышалъ изъ деревни доносившіеся звуки бле- нія стада, скрипа отворяющихся воротъ и говора мужи- ковъ, собравшихся на сходкѣ, Нехлюдовъ сказалъ при- казчику, что не надо мужиковъ звать къ конторѣ, а что онъ самъ пойдетъ на деревню, къ тому двору, гдѣ они соберутся. Выпивъ наскоро предложенный приказчикомъ стаканъ чаю, Нехлюдовъ пошелъ на деревню.

(Продолженіе будетъ.)

Лѣсной звѣрекъ.

Разсказъ 3. Яковлевой.

I.

— Куда это ты, братъ, собрался? — спросилъ молодой человѣкъ, останавливая на Московскомъ вокзалѣ красиваго съ легкой про- сѣдью человѣка, одѣтаго по-дорожному и съ сумкою черезъ плечо.

— Въ дѣбри Орловской губерніи.—отвѣчалъ тотъ.—писать этюды.

— И изучать младшую братію? — насмѣшливо подсказалъ спра- шивавшій.

— Пожалуй, если время будетъ; только я дѣлаю поправку къ твоему замѣчанію—изучать не младшаго брата, а младшую сестру.

— Ты неисправимъ, — засмѣялся молодой человѣкъ: — а когда назадъ?

— Это одинъ Аллахъ вѣдаетъ: соскучусь—вернусь черезъ недѣлю, попривтись—зиму проведу.

Пріятели разошлись.

Владиміръ Николаевичъ Князевъ говорилъ правду. Онъ никогда не зналъ, что будетъ дѣлать завтра, и теперь, наскоро собравшись, даже не простившись съ друзьями и пріятелями, бѣжалъ въ деревню.

Онъ усталъ отъ людей, шума, электричества, женщинъ—его потя- нуло къ природѣ и уединенію.

Ему было тридцать пять лѣтъ, онъ былъ знаменитый художникъ. Зимой онъ прожигалъ жизнь и выставлялъ картины; весной, ликви- дировавъ всѣ романы, уѣзжалъ куда-нибудь далеко: поправлялъ здо- ровье и писалъ эскизы.

Изда въ селѣ Зиновьевкѣ, гдѣ поселился Владиміръ Николаевичъ, не давала ни комфорта, ни удобства; но онъ былъ въ восторгѣ, что лишентъ на время всей той роскоши, которая въ городѣ была ему необходима. Лежа на набитомъ свѣжемъ сѣнникѣ, онъ чувствовалъ себя счастливецемъ, и на другое утро, съ восходомъ солнца вскочивъ бодрый и свѣжій, онъ захватилъ полотно, краски и пошелъ въ лѣсъ, гдѣ уже наканунѣ онъ замѣтилъ подходящее для его этюдовъ мѣсто.

Когда Владиміръ Николаевичъ входилъ на намѣченную себѣ ма- ленькую поляну, всю покрытую густыми листьями лопушника и кустами какихъ-то растений, онъ увидалъ, какъ что-то шелохнулось въ травѣ, точно звѣрекъ пробѣжалъ. Владиміръ Николаевичъ подо- ждалъ съ минуту, но—ни движенія, ни шелеста. Онъ подумалъ, что ошибся.

Уставивъ полотно, вынувъ краски, художникъ началъ работать. Раннее утро было восхитительно. Князеву была знакома эта кар- тина. Часто въ зимніе дни въ гостиныхъ ему вспоминались эти утра, и онъ, какъ влюбленный, вздыхалъ. А весной, когда его уже

тянуло въ даль, онъ на упреки черныхъ, сѣрыхъ или голубыхъ глазъ отвѣчалъ:

— Что дѣлать, милая, мои предки были номады, и я страдаю атаквизмомъ.

Маленькая полянка, на которой сидѣлъ Князевъ, была проста по своей безыскусственности и граціозна, какъ сама природа. Пере- нося на полотно листъ большого лопушника, онъ вдругъ увидалъ среди зелени два большихъ черныхъ глаза, полныхъ страха и лю- бопытства, смотрѣвшихъ на него. Они сверкнули и исчезли. Кня- зевъ не шелохнулся. Черезъ нѣсколько минутъ они опять появи- лись, повидимому успокоенные тѣмъ, что художникъ не замѣтилъ ихъ,—и такъ и впилсь въ него.

Князевъ работалъ, а глаза глядѣли. Такъ прошелъ часъ. Нако- нецъ художникъ всталъ, спокойно собралъ работу и пошелъ домой. На поворотѣ онъ опять оглянулся: глаза, какъ два черныхъ бриль- янта, блестя и слѣдили за нимъ.

На другое утро, наполнивъ карманы пряниками и булками, Кня- зевъ пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ работалъ наканунѣ—глаза уже ждали его.

Онъ расположился, взялъ кисть и началъ писать вмѣстѣ съ окру- жающимъ ландшафтомъ темное, едва замѣтное дѣтское личико, выглядывавшее изъ-подъ лопуха. Уходя, Князевъ оставилъ на травѣ принесенные гостинцы и на этотъ разъ, не оборачиваясь, ушелъ домой.

Ему хотѣлось приручить лѣснаго звѣрка, какъ мысленно назвалъ онъ дѣтское личико подл лопушникомъ.

Когда на третій день Владиміръ Николаевичъ пришелъ въ лѣсъ— ни пряниковъ, ни булки не было, были только тѣ же черные глаза, которые на этотъ разъ Князевъ рѣшилъ взять въ плѣнъ. Онъ однимъ прыжкомъ очутился подлѣ неприятеля, и, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ что-нибудь сообразить, Князевъ уже держалъ въ своихъ рукахъ ма- ленькое существо, которое визжало и извивалось, желая вырваться на свободу.

— Пусти—укушу, — ревлъ черненькое существо.

— Я тебѣ не сдѣлаю больно, перестань бороться, и я оставлю тебя въ покоѣ.

Но существо визжало и барахталось изо всѣхъ силъ. Борьба про- должалась довольно долго, пока обезсиленный ребенокъ не затыхъ; тогда Князевъ опустил его на траву и сѣлъ рядомъ.

Пойманный звѣрекъ закрывалъ лицо обими руками, и Владиміръ Николаевичъ видѣлъ только черную головку, на которой кудри торчали

во всё стороны, как на головѣ Медузы. Худенькое тѣлце вздрагивало еще отъ рыданій, холщевая рубашка сомнительной чистоты прикрывала ребенка, которому было повидимому не болѣе пяти-шести лѣтъ.

— Какъ тебя зовутъ?—ласково спросилъ Князевъ.

Отвѣта не послѣдовало.

— Какъ тебѣ зовутъ, дити? — повторилъ онъ, прикасаясь рукой къ наклоненной головкѣ.

Головка заметалась, чтобъ освободиться отъ непрощенной ласки, и что-то сердито промычала.

— Хочешь приникъ? На, возьми,—говорилъ Князевъ, желая заслужить милость маленькаго плѣнника и дотрогиваясь приникомъ до него.

Руки моментально скользнули съ лица и на Князева глянуло загорѣвшее личико, съ нависшими на лобъ кудрями, съ знакомыми уже ему большими, пугливыми глазами. Выраженіе лица было злое и дикое, хотя уже слегка умиротворенное видомъ гостинца, который держали передъ нимъ. Ребенокъ взглянулъ на приникъ, перевелъ глаза на Князева, потомъ опять на приникъ и, повидимому не устоявъ противъ такого великаго соблазна, быстро схватилъ его и молча сталъ ѣсть.

— Нравится тебѣ? — снова спросилъ Князевъ, желая завязать разговоръ.

Молчаніе.

— Если ты мнѣ скажешь, какъ тебя зовутъ, я еще дамъ приника.

Голова быстро наклонилась, спрятавъ лицо, и ребенокъ отрывисто проговорилъ:

— Я тебѣ не люблю!

— Вотъ какъ! — засмѣялся Князевъ. — За что же? За то, что я тебѣ дамъ приникъ?

— Зачѣмъ пришелъ сюда?

— Такъ что же такое? Развѣ это твоё мѣсто?

Ребенокъ молча кивнулъ головой.

— Вотъ какъ! Что жъ ты тутъ дѣлаешь?

— Прячусь.

— Зачѣмъ же ты прячешься?—уже заинтересованный, спрашивать Князевъ, снова подавая приникъ для смягченія души непріятеля.

— Чтобъ не били.

— Все равно побьютъ, когда вернешься домой.

Дикарка лукаво взглянула на художника.

— Я пойду, когда всё спятъ, и прямо къ дѣдушкѣ на печку — тамъ не смѣютъ. Дѣдъ имъ во-что... — ребенокъ сжалъ маленькій грязный кулакъ и воинственно поднесъ его къ лицу Князева.

— А за что тебя бьютъ?

— За все... Больше за Мишку.

— Зачѣмъ же ты обижаешь Мишку?

Ребенокъ удивленно взглянулъ на Князева.

— Не... Мишка хороший. Бьютъ, зачѣмъ не нянчу.

— Ахъ, вотъ оно что! Кто же это Миша?

— Тетки Настасья сынъ...

— Ага,—сказала Князевъ: — а тебя какъ зовутъ?

— Поля.

— Такъ ты дѣвочка?—засмѣялся Князевъ.

Ребенокъ протянулъ руку къ Князеву.

— Мишкѣ,—сказала она нѣсколько смѣлѣе.

Князевъ далъ ей приникъ. Она быстро вскочила, вскинула ножами и скрылась въ чащѣ.

Напрасно Князевъ звалъ ее, кричалъ, потомъ общалъ приниковъ и булокъ—она не откликнулась.

II.

На другой день ни глазъ, ни дѣвочки. Князеву стало даже грустно, и онъ началъ раскаиваться въ томъ, что употребилъ насилие. Но черезъ два дня она пришла и, спрятавшись за стволъ дерева, все время, пока она работала, выглядывала изъ-за него.

— А вотъ и ты, Поля!—привѣтствовалъ ее Владиміръ Николаевичъ.—Подойди, я тебѣ гостинца принесъ.

Но она не подошла, а упрямю стояла и исподлобья глядѣла на него. Такъ прошло дня три. При первомъ движеніи Князева звѣрекъ убѣгалъ и не возвращался. Тогда Князевъ рѣшился на крайнее средство, и когда ребенокъ на четвертое утро появился издали и началъ глядѣть на него, онъ вытащилъ изъ кармана ярко и лубочно расписанную куклу, лучшую, какую онъ могъ найти въ деревенской лавкѣ.

— Посмотри-ка, что у меня,—говорилъ онъ, высоко подымая куклу, чтобъ дѣвочка могла видѣть всю ея красоту. Испушеніе было велико, и Полю сердце не выдержало — она забыла и страхъ, и застѣнчивость, бросилась къ Князеву, да такъ и застыла въ созерцаніи невиданнаго великолѣпія.

— Слушай, Поля,—проговорилъ Князевъ, любуясь восторгомъ ребенка: — эта кукла будетъ твоя, если ты не будешь отъ меня бѣгать.

Дѣвочка кивнула головой, не отрывая глазъ отъ куклы.

— Вотъ садись сюда на траву,—говорилъ Князевъ, усаживаясь и самъ съ куклой.

Поля быстро сѣла рядомъ.

Князевъ положилъ куклу на ея колѣни. Она не пошевелилась и благоговѣнно глядѣла на выпуклые, стеклянные глаза и на яркое, ситцевое платье куклы, чувствуя въ своемъ маленькомъ сердцѣ не-

выразимую гордость, что такая нарядная особа лежала на ея грязной рубашкѣ и принадлежала ей.

Вдругъ лицо ея омрачилось,

— Мишка отыметъ...—грустно проговорила дѣвочка.

— А ты не давай.

— Ишь ты... Будутъ бить.

— Кто же тебя бьетъ?

— Тетка Настасья, тятка Мишки, Акулина. — быстро заговорила она.

Князевъ грустно взглянулъ на худенькаго, нѣжнаго ребенка, котораго столько большихъ рукъ било.

— Что жъ, и пріятели твои—деревенскіи дѣти тоже тебя бьютъ?

— Не... они со мной не играютъ.

— Отчего?

Со мной нельзя играть,—произнесъ ребенокъ съ увѣренностью.

— Ахъ ты, глупая дѣвочка, — съ улыбкой говорилъ Князевъ: — отчего же нельзя?

— Я свѣрная... я—жидъ...

Князевъ не могъ, несмотря на всю жалость, не расхохотаться надъ тѣмъ, съ какимъ убѣжденіемъ Поля произнесла свой приговоръ.

— Жидовъ совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ, крошка; есть евреи,—и когда она подняла недоумѣвающей взглядъ на него, не понимая, что онъ говоритъ, онъ сконфузленно добавилъ:— ты не жидовка, посмотри, у тебя есть крестъ на шеѣ.

— Не... я жидъ, — съ убѣжденіемъ повторила она, и опять вся отдалась куклѣ.

— А какъ ее зовутъ? — черезъ минуту съ блаженной улыбкой спросила Поля, почтительно указывая пальцемъ на куклу.

— Катей... ты будешь ее любить?

— Страсть люблю... Знаешь, я ее здѣсь спрячу, тамъ Мишка отыметъ.

— Конечно, спрячь, попадая въ тонъ,—заговорилъ Князевъ.— А развѣ дѣдъ не защититъ тебя дома?

Лѣсной звѣрекъ махнулъ своей маленькой ручкой.

— Дѣдъ больной, съ печи не слѣзаетъ... — и выразительное личико ребенка отуманилось.

— Когда бабка жила, — черезъ минуту уже сама заговорила дѣвочка: — было хорошо, она любила Полю... — и дѣтскія слезы показались по ея лицу.

— Какъ-же бабушка могла защищать, она тоже вѣрно старухой была?—спросилъ Князевъ, желая отвѣтъ съ еще печальной мысли.

Дѣвочка отерла рукавомъ рубашки глаза, подумала и сказала:

— Бабка хозяйкой была... а дѣдъ что... — она опять пренебрежительно махнула рукой.

III.

Черезъ нѣсколько дней они стали друзьями. Правда, она еще не бросалась къ нему при встрѣчѣ, не ласкала, какъ ласкала Катю, которую боготворила, обращаясь съ куклой бережно и почтительно, какъ съ важной особой.

— Глазки-то какіе,—говорила Поля, пересчитывая достоинства куклы:—ручки-то маленькія, бѣленькія.

Князевъ чувствовалъ, что не на шутку привязывается къ лѣсному звѣрку, случайно попавшемуся на его пути. Когда онъ разставался съ Полей на опушкѣ лѣса, онъ уносилъ въ душѣ смуглый ея обликъ, онъ вспоминалъ ея дѣтскія рѣчи, ея горе, слезы, а главное то одиночество, къ которому жизнь обрекла крошечную дикарку.

Князевъ рѣшился пойти въ семью, гдѣ росла дѣвочка, узнать всё подробности о ней и помочь, насколько возможно.

Онъ, даже въ дни своихъ увлеченій, такъ много не думалъ о любимой женщинѣ, какъ теперь онъ думалъ о Поля. Онъ сочинялъ ей сказки, клеилъ игрушки, вырѣзывалъ лошадокъ и съ какимъ-то блаженствомъ смотрѣлъ, какъ личико его любимицы пылало восторгомъ, а глаза, эти недавно злобные глаза, дѣлались кроткими и любовными.

Разъ утромъ она пришла къ нему съ разбитымъ лбомъ, зная и возбудившая.

— Что съ тобой?—испугался Владиміръ Николаевичъ, увидавъ ея.

— Били.—лаконически отвѣчала Поля, принимаясь за булку, принесенную Князевымъ.

— За что?

— Мишку не качаю.

— Отчего же ты не качаешь?

— Къ тебѣ бѣгаю. У тебя хорошо, ты добрый, — и дикарка въ первый разъ улыбнулась широкой, дѣтской улыбкой.

— Такъ, значитъ, ты любишь меня?—бросая кисть и садясь на траву, спросилъ Князевъ.

Ребенокъ вмѣсто отвѣта охватилъ грязными ручонками его шею и началъ тихо всхлипать.

— Ну, полно, дѣточка, полно, крошка, — говорилъ растроганный Князевъ, сажая ребенка на колѣни и лаская его.

Онъ ясно понималъ, что дѣлалось въ душѣ одинокой дѣвочки, и чувство жалости все больше и больше охватывало его.

— Пойдемъ, — рѣшительно проговорилъ онъ, вставая и беря ребенка за руку.

Дѣвочка отерла глаза и удивленно спросила:

— Куда?

— Къ теткѣ Настасѣ.

Этюдъ. Ориг. рис. (собств. «Нивы») И. Е. Рѣпина. Автотипія «Нивы».

Поля попятилась.

— Не пойду, побейте.

— Не бойся; я, какъ твоя бабушка, не дамъ тебя въ обиду. По- кажи дорожку, и увидишь, что тебя больше бить не будутъ.

Съ гордостью шла Поля по деревнѣ, держа за руку своего друга. Взрослые и дѣти останавливались и долго смотрѣли имъ вслѣдъ, недоумѣвая, что могло связывать этого важнаго барина съ ребен- комъ, котораго всѣ презирали!

Когда Поля съ важностью ввела Князева въ избу, тетка На- стасья даже ахнула, а старый дѣдъ приподнялся на печи.

Князевъ поклонился и сѣлъ на лавку. Поля прижалась къ нему.

— Я пришелъ узнать,—началъ онъ:—кто это дѣвочка и какъ она попала къ вамъ?

Хозяйка смутилась и молча, исподлобья смотрѣла на Князева.

— Я васъ спрашиваю, кто эта дѣвочка?

— А ты отецъ, что ли, ей будешь?—подозрительно спросила хо- зяйка, вспомнивъ шрамъ на лбу ребенка.

— Если бы я былъ отецъ,—отвѣчалъ Князевъ:—и бы не спра- шивалъ, кто она.

— На воспитаніе была отдана,—нѣсколько успокоившись, отвѣ- чала женщина:—да вотъ шесть лѣтъ и глазъ не кажутъ. Легко ли при нашей бѣдности-то лишній ротъ.

— За что же вы ее бьете,—сурово заговорилъ Князевъ:—развѣ она виновата, что ее бросили?

Хозяйка вдругъ озлилась.

— Такъ работай. У насъ нѣтъ хлѣба для лѣнтяевъ, а она даже нянчить сынишку не хочетъ.

— Но она не въ силахъ. Смотрите, какаа она маленькая... — указывая на крошечную, хилую дѣвочку, говорилъ Князевъ.

— Никто ее и не бьетъ. А лѣнтяйка, да воровка.

— Не ма,—послышался старческой голосъ съ печи:—Бога не гнѣви.

— А, дѣдушка, здравствуй,—привѣтствовали старика Владимиръ Николаевичъ. — Я тебя знаю по рассказамъ моего маленькаго друга—Поля.

— Здравствуй, батюшка, дай Богъ тебѣ здоровья. А ты не вѣрь ей. (Онъ указалъ на свою дочь Настасью). Поля хорошая, только жалкая такая, брошенная, потому и бьютъ.

— Ахъ ты, старій хрычъ, кто ее бьетъ?

— Бьютъ, батюшка, бьютъ,—упрямо продолжалъ старикъ:—шибко бьютъ! Ужъ ты защити сироту—я не могу.

— Ну, погоди ты, старій ибедникъ,—съ угрозою проговорила Настасья:—вотъ придетъ хозяйинъ, онъ тебѣ покажетъ, какъ чужимъ людямъ глать на насъ.

— Что же, я правду... — слегка сконфуженно оправдывался старикъ.

— Будь спокоенъ, дѣдушка, все устроимъ хорошо,—ободрилъ его Князевъ.—А скажите, хозяйка, кто привезъ къ намъ Полю? Да го- ворите правду, не бойтесь, вамъ же будетъ лучше.

— Да что-жъ, намъ скрывать нечего; вся деревня знаетъ и жа- лѣетъ насъ. Привезла эту дѣвочку разряженная такая барыня, черная, такая же, какъ она теперь,—женщина показала рукой на Полю.—Я,—говоритъ,—вамъ пятнадцать рублей буду въ мѣ- сяцъ платить, только,—говоритъ,—берегите моего ребенка. При- везла это она, за три мѣсяца впередъ, сорокъ пять рублей, бѣлая разная, да пять рублей мастери-старухѣ моей подарила, она въ тѣ поры хозяйкой была. Да съ тѣхъ поръ и пропала, вотъ скоро шесть лѣтъ будетъ.

Князевъ взглянулъ на Полю, — она съ поблѣвшимъ лицомъ, съ какимъ-то страхомъ прислушивалась къ словамъ хозяйки и боязливо жалась къ нему.

— Въ чемъ же виновата бѣдный ребенокъ?—невольно вырвалось у Князева.

— Такъ-то оно такъ, баринъ... — въ раздумьи проговорила На- стасья.—Да ужъ безъ того бѣдность одолѣла, а тутъ еще два лиш- нихъ рта. Вѣдь вотъ тоже лежебокъ,—она ткнула пальцемъ въ сторону старика.—А тутъ зимой корова пала, поневоля злость возьметъ.

— А почему вы Полю жидовкой называете, вѣдь она крещеная?

— Да такъ ребяташки ее прозвали — черномазая она такая, да кудрястая.

— Слушайте, Настасья,—проговорилъ послѣ минутнаго размыш- ленія Князевъ, доставая бумажникъ:—я вамъ дамъ на корову. Это за вашего отца, чтобы вы не попрекали его кускомъ.—Онъ про- ткнулъ двадцатипятирублевую бумажку оторопѣвшей отъ радости женщицѣ.—А Полю я возьму съ собой, когда уѣду отсюда. А те- перь я буду платить за нее. Не смѣйте бить, одѣньте ее чисто, по- мните, что она теперь мой ребенокъ, по милости котораго вы сы- ты, — онъ протянулъ красненькую бумажку.—Выйдутъ деньги, еще дамъ, только смотрите, не обижайте Полю.

— Помилуйте, батюшка баринъ, да за что же сироту, вѣдь она Божье дитя, — говорила уже совсѣмъ растерявшаяся отъ счастья Настасья.

Князевъ всталъ.

— Прощай, дѣдъ, береги Полю.

— Пошли тебѣ Господь Богъ здоровья, кормилецъ, молитесь буди...—говорилъ дѣдъ.

Поля крѣпко держала за полу своего друга, намѣреваясь уйти съ нимъ, но на порогѣ она остановила его.

— Посмотри, это Мишка.

Князевъ взглянулъ на поля. Тамъ на четверенькахъ быстро ползъ къ нимъ грязный, голый ребенокъ; на лицѣ у него были болячки, на головѣ—тоже. Князевъ быстро вынулъ изъ избы, напустуемый разными пожеланіями Настасьи, и, взявъ Полю за руку, направился въ лѣсъ, гдѣ оставилъ свой начатый эскизъ и краски.

IV.

Черезъ день Поля явилась къ Князеву въ новомъ сарафанѣ и въ косичкахъ, но неугомонные волосы, выбиваясь, какъ ороетъ, тор- чали вокругъ лба. Онъ отъ души смѣялся ей неловкому, важному виду: ей, не привыкшей къ платью, было и приятно, и жутко.

— Я—Катя,—говорила Поля, вертясь передъ нимъ.—Посмотри, какаа нарядная.

Потомъ, остановившись, она произнесла рѣшительно:

— Поля не жидъ.

— Вотъ какъ! Поздравляю—почему же эта перемѣна?

— Тетка сказала, — повторила внушительно дѣвочка, думая, что такого аргумента достаточно.

Потомъ, подойдя вплотную къ Князеву, она шепнула ему на ухо:

— А ты—тятка.

— Чей?

— Полинъ.

— Это тоже тетка сказала?—засмѣялся Владимиръ Николаевичъ. Дѣвочка кивнула головой.

— И отличненько... Ну, такъ слушай, милая дочка, ты уѣдешь съ папой осенью.

— Съ тобой? — радостно закричала она. — Какъ я рада, какъ я рада! А Катю возьмемъ?—робко спросила она.

— Конечно, безъ Кати нельзя...

— А Мишку?—еще тише проговорила Поля.

— Ты еще скажешь дѣда, тетку и всю деревню?

— Возьмемъ Мишку,—повторила она.

— Нѣтъ, Мишка останется со своей мамой. Кто же его нян- чить будетъ?

— Поля,—широко улыбаясь, проговорила дѣвочка.

— У Поля будетъ Катя, а Мишка останется тутъ.

Все смолкло. Князевъ продолжалъ писать; Поля, казалось, замерла за его стуломъ. Наконецъ онъ повернулся посмотрѣть, что она дѣ- лаетъ, а звѣрекъ все стоялъ въ той же позѣ, и по огорченному лич- ну ея катились крупныя слезы. Князевъ, привзавшійся къ ре- бенку, любилъ въ ней эти рѣзкіе переходы, посадилъ ее на колѣни и началъ утѣшать. Но ничто не помогало—она продолжала плакать, и только обѣщаніе взять съ собой Мишку вызвало у нея улыбку.

Теперь, когда Полю не надо было украдкой бѣгать на свиданіе съ «тятей», какъ она его называла, когда больше не было побоевъ и голода дома, Поля начала расцвѣтать. Хищное, злобное выраже- ніе смѣнилось дѣтскою улыбкой, потребность въ ласкѣ стала усили- ваться въ ней. Когда Владимиръ Николаевичъ утромъ просыпался— первое, что бросалось ему въ глаза, это была Поля, тихохонько си- дящая у двери и ожидающая его пробужденія.

— А, лѣсной звѣрекъ, — говорилъ Князевъ, и дѣвочка, радостно хлопая въ ладоши, торопила его вставать, звала въ лѣсъ, въ ея лѣсъ, гдѣ каждая тропинка была ей знакома.

— Погоди, вышьемъ чаю, тогда пойдемъ.

Поля чинно садилась подлѣ него и рабски подражала ему въ чаепитіи и затѣмъ, прильнувъ къ его колѣнямъ или рукъ, осыпала поцѣлуями и перѣдко, взглядываясь въ него своими большими и все еще пугливыми глазами, шептала ему ласковыя слова.

Странное чувство вызывали въ немъ ласки и поцѣловы маленькаго звѣрка. Онъ, скептически относившійся ко всякой любви, былъ счастливъ отъ этихъ безхитростныхъ ласкъ, отъ учащеннаго біенія ея искренняго, маленькаго сердечка. И Князевъ, избалованный и эгоистичный, начинать съ любовью мечтать о томъ, какъ онъ по- седится съ Полей въ Петербургѣ, какъ будетъ ее воспитывать и работать для нея.

V.

Вернувшись разъ усталый изъ лѣса, Князевъ получилъ письмо отъ сестры, которая бранила его, что онъ забрался въ такую глушь, не оставивъ никому своего адреса, что она нишетъ на авось со словъ Семена, его лакея, и зоветъ его скорѣе прѣхать, такъ какъ его матери очень худо.

Владимиръ Николаевичъ очень любилъ свою мать, его глубоко встревожила вѣсть о ея болѣзни, а главное боязнь не застать ее уже въ живыхъ.

— Сегодня же ѣду, — рѣшилъ онъ, съ вѣкоторымъ сожалѣніемъ оглядывая свои начатые эскизы и всю свою импровизированную незатѣйливую обстановку.

— А Поля...—мелькнуло у него въ головѣ, и сердце его сжа- лось.—Взять съ собой въ Кіевъ—невозможно, оставить здѣсь—без- сердечно и жалко.

Онъ въ эту минуту болѣе, чѣмъ когда-либо, чувствовалъ, какъ до- рогъ былъ ему этотъ лѣсной звѣрекъ.

Черезъ полчаса Князевъ былъ у тетки Настасьи, объяснивъ, что ѣдетъ недѣли на двѣ, что оставлять тутъ всѣ пожитки и вернуться за Полей; затѣмъ онъ далъ денегъ, просилъ беречь ее лучше глаза и, обѣщавъ за это привезти подарковъ, ушелъ. Въ дверяхъ ему по- палаась Поля.

— Тятя, тятя, — закричала она съ восторгомъ, охватывая его колѣни.

— Пойдемъ со мной,—бери ее за руку, сказалъ Князевъ:—мигъ надо что-то тебѣ сказать.—И онъ повелъ ее къ себѣ.

Но сказать Полю объ его отъѣздъ было ему труднѣе, чѣмъ онъ думалъ. Онъ и чаемъ ее поилъ, и домики ей строилъ, — а все не могъ начать главнаго. Но когда сказалъ, то и самъ испугался того, что сдѣлалъ.

Поля, при первыхъ словахъ его, что онъ уѣзжаетъ, вся побѣлѣла и съ крикомъ «не пушду», обхватила его шею руками, да такъ и замерла на груди. Но когда она, ласкала его, объявилъ, что все-таки поѣдетъ, что она останется здѣсь и онъ за ней прїѣдетъ, дѣвочка упала на полъ и, закрывъ лицо руками, горько зарыдала. Ни утѣшенія, ни ласки не помогали. Когда онъ подходилъ къ ней, она кричала:

— Оставь, ты гадкій, — и пуще рыдала, обливалась слезами.

Князевъ былъ въ отчаяніи.

— Ну, не плачь, я не поѣду, — наконецъ сказалъ онъ, подымалъ ее съ полу и сажая къ себѣ на полъни.

Поля, всхлипывая, молчала.

— Перестань, я тебѣ говорю — не поѣду. О чемъ же ты, крошка, плачешь?

— Обманываешь, — сквозь слезы проговорила дѣвочка и опять зарыдала.

Много труда стоило Владимиру Николаевичу успокоить ее. И наконецъ, измученная и потрясенная горемъ и слезами, она задремала у него на рукахъ. Князевъ бережно уложилъ ее на кровать и наскоро началъ укладывать въ сакъ-воляжъ свои вещи. Заказанная телѣга ждала его у порога — надо было поспѣть къ вечернему поѣзду, а предстояло ѣхать верстъ пятнадцать. Онъ торопился. Передъ уходомъ онъ подошелъ къ кровати, чтобы хоть взглянуть проститься со своей любимицей. Она лежала, раскинувши свои худенькія ручонки, черные локоны окружали ея блѣдное до прозрачности личико, и большія, опущенныя рѣсницы клали тѣнь на полъ-лица. Князевъ любовался ею, и небывалая нѣжность подступала къ сердцу.

— Прїѣду, возьму мою Полю — воспитаю... буду не одинъ... — и какія-то далекія картины промелькнули въ умѣ Владимира Николаевича.

— Бога ради, сведите дѣвочку домой, когда она проснется, да не будите ее.

Онъ сѣлъ въ телѣгу.

— Прощайте, черезъ двѣ недѣли я буду назадъ. Берегите картины.

Хозяева на порогѣ въ поясъ кланялись.

Мужикъ, сидѣвшій на облучкѣ, дернулъ вожжами, и лошади тронулись крупной рысцой.

Вдругъ позади раздавался крикъ. Князевъ быстро оглянулся. Поля, полуодѣтая, протянувъ руки впередъ, бѣжала за ними.

— Вернись, — кричалъ въ отчаяніи Князевъ, понимая, что если онъ остановится, то ему не попасть на поѣздъ, и болѣзнь не застать въ живыхъ мать пугала его.

— Скорѣе, — торопилъ онъ возницу: — возьмите ее, — кричалъ онъ мужикамъ, мимо которыхъ бѣжала Поля. И Князевъ видѣлъ, какъ ее схватили, но она съ какой-то неестественной силой вырывалась и бѣжала дальше. Наконецъ она споткнулась и упала. Таратайка повернула за уголъ. Князевъ зарылъ лицо руками.

VI.

Долго въ вагонѣ ему все видѣлась крошечная жалкая фигурка, полная отчаянія, бѣгущая за нимъ съ протянутыми впередъ руками.

Къ счастью, Князевъ засталъ свою мать въ живыхъ, онъ прїѣхалъ въ день тяжелаго кризиса болѣзни, — радость ли свиданія съ любимымъ сыномъ или патура взяла свое — старушка съ этого дня стала видимо поправляться. И черезъ недѣлю она уже сидѣла въ креслѣ въ цѣлѣтущемъ, благоухающемъ саду.

Владимиръ былъ младшій въ семьѣ, воспитывался въ столицѣ, откуда онъ изрѣдка прїѣзжалъ къ матери, оставался не болѣе недѣли или нѣсколькихъ дней. Потому Анна Львовна была до-нельзя счастлива видѣть по цѣлымъ днямъ сына подлѣ себя. Онъ ей давалъ лѣкарства, читалъ газету, а когда она, утомленная, дремала въ креслѣ, онъ дѣлалъ наброски карандашомъ въ своемъ альбомѣ, — словомъ онъ цѣлый день не отходилъ отъ нея. И старушкѣ хотѣлось долго не вставать съ кресла и не выздоравливать, чтобы сохранить возлѣ себя своего любимца.

Черезъ двѣ недѣли Анна Львовна совсѣмъ поправилась, чувствовала себя превосходно, а Владимиръ Николаевичъ началъ поговаривать объ отъѣздѣ.

Анна Львовна вспокоилась и чуть снова не захворала — онъ долженъ былъ остаться еще съ недѣлю — хотя, когда опасность миновала, его опять потянуло на сѣверъ съ его лѣсами, къ его неконченными картинкамъ и къ маленькой Полю. Много разъ писалъ Владимиръ Николаевичъ Настасьѣ, посылалъ денегъ, спрашивалъ про дѣвочку и получалъ отвѣты, въ которыхъ, кромѣ поклоновъ на всѣхъ четырехъ страницахъ — ничего не находилъ, а въ концѣ письма была приписка, что, молъ, Поля жива и здорова — ждетъ его. Но это только и нужно было Князеву, и онъ, успокоенный, дарилъ день за днемъ своей старушкѣ.

Наконецъ, день отъѣзда насталъ. Много при прощаньи пролила слезъ Анна Львовна, думая, что быть-можетъ она видятъ его въ послѣдній разъ. И только тогда отпустила, когда онъ пообѣщалъ прїѣхать къ ней на Рождество и привезти Полю.

Старушка сама уложила подарки и игрушки, которые она посылала дѣвочкѣ, въ чемоданъ сына — она уже успѣла полюбить ма-

ленькаго лѣснаго звѣрька по увлекательнымъ разсказамъ Владимира Николаевича о своей любимицѣ.

— Ты отдай ее мнѣ, — говорила Анна Львовна сыну: — гдѣ тебѣ — мужичиѣ возиться съ ребенкомъ, а мнѣ будетъ по крайней мѣрѣ занятіе, да и ты чаще заглядывать будешь.

Онъ въ отвѣтъ только цѣловалъ ея добрыя старческія руки.

VII.

Былъ конецъ августа, когда Князевъ вернулся раннимъ утромъ въ деревню. Сбросивъ чемоданъ у дверей своей избы, Князевъ быстро пошелъ къ Полю, заранѣе наслаждаясь ея радостью.

Раскрывъ дверь, онъ вошелъ въ избу: кромѣ Мишки да храпѣвшаго на печи дѣда — никого не было. Въ рукахъ Мишки Князевъ увидѣлъ грязную, изломанную Катю.

— Гдѣ всѣ? — спросилъ онъ мальчишку.

Тотъ молчалъ и усиленно моргалъ глазами.

Старикъ, видно, узналъ голосъ Князева и быстро поднялся на локтѣ.

— Съ нами крестная сила, — проговорилъ онъ съ испугомъ: — никакъ нашъ баринъ.

— А, дѣдушка, здравствуй, — весело заговорилъ Владимиръ Николаевичъ: — ну, что, какъ поживаешь?

— Ничего, кое-какъ дышу еще, да что обо мнѣ, — онъ махнулъ рукой: — а вотъ Поля-то наша, дѣтка-то...

— А что? — дрогнувшимъ голосомъ спросилъ молодой человѣкъ.

Старикъ хотѣлъ-было что-то отвѣтить, какъ за спиной раздался голосъ вошедшей Настасьи.

— Благодаритель-то нашъ, ясный соколъ-то нашъ, Владимиръ Николаевичъ, — нараспѣвъ причитывала она, низко кланяясь гостю.

— Гдѣ Поля? Зови ее! Я ей привезъ гостиницы.

Настасья боязливо попятилась къ двери.

— Да гдѣ же она? Что же ты молчишь? — растерянно говорилъ Князевъ, глядя на оробѣвшую женщину.

— Нѣту ея, нѣту, — всхлипывалъ дѣдъ на печи.

— Какъ нѣтъ? Гдѣ же она? — какъ-то слабо переспросилъ Князевъ и опустился на скамью.

— Молчи ты, старый чортъ, — огрызнулась Настасья на дѣда: — не твое дѣло, сама все доложу барину.

— Ну! — вырвалось у Князева.

Но Настасья молчала и поглядывала на дверь.

— Да что же ты молчишь? — закричалъ Князевъ.

Настасья повалилась ему въ ноги.

— Ни въ чемъ я тутъ не виновата...

— Что случилось, Господи?..

— Очень ужъ тосковала она по тебѣ.

Настасья опять замолчала.

— Да говори же, не мучь...

Онъ снова опустился на скамью.

— Недѣлки двѣ она точно потерянная была, не ѣсть; мы ее и тѣмъ, и другимъ улаживаемъ — она молчитъ да плачетъ.

— Ну?

— Вотъ и стала она пропадать отъ насъ — по твоему приказанію берегли мы ее пуще глаза. Пойдемъ, найдемъ ее въ лѣсу, силой приведемъ, и, глядь, опять убѣжала. Измучились мы съ ней.

— Что же, она пропала? — дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Владимиръ Николаевичъ.

— Нѣтъ, батюшка, хуже, ужъ Богу такъ угодно было, на то Его святая воля.

— Полно причитывать; говори все, — жестко проговорилъ Князевъ.

— Уборка это у насъ была ранняя, торопились, ливня ждали, до того день-деньской измаялись, что какъ пришли въ избу, такъ и повалились спать, невдомекъ это намъ было посмотретьъ, тутъ ли Поля...

Она замялась.

— Ну?

— А ее, Христова ангела, не было, какъ ушла въ лѣсъ, такъ тамъ и осталась, а ливень да гроза всю ночь были. Утромъ, какъ встали, давай ее искать.

— И не нашли?

— Нѣтъ, батюшка, нашли, какъ не найти. На той поляночкѣ, гдѣ ты сниживалъ, тамъ въ травѣ и лежитъ, спитъ, обнявъ свою Катю. Взяли это мы ее на руки, и не проснулася, голова горитъ. Положили подъ образами. Открыла это глаза — блестятъ, горитъ вся, и давай это она все-то несурзное говорить, и все тебя, баринъ, поминаетъ. Накрыли это мы ее потелѣе, думали, отлежится.

— Да договаривай же, — почти крикнулъ Владимиръ Николаевичъ.

— Такъ она, голубка наша, денька два помаялась, да и умерла. Даже за лѣкаремъ не успѣли послать.

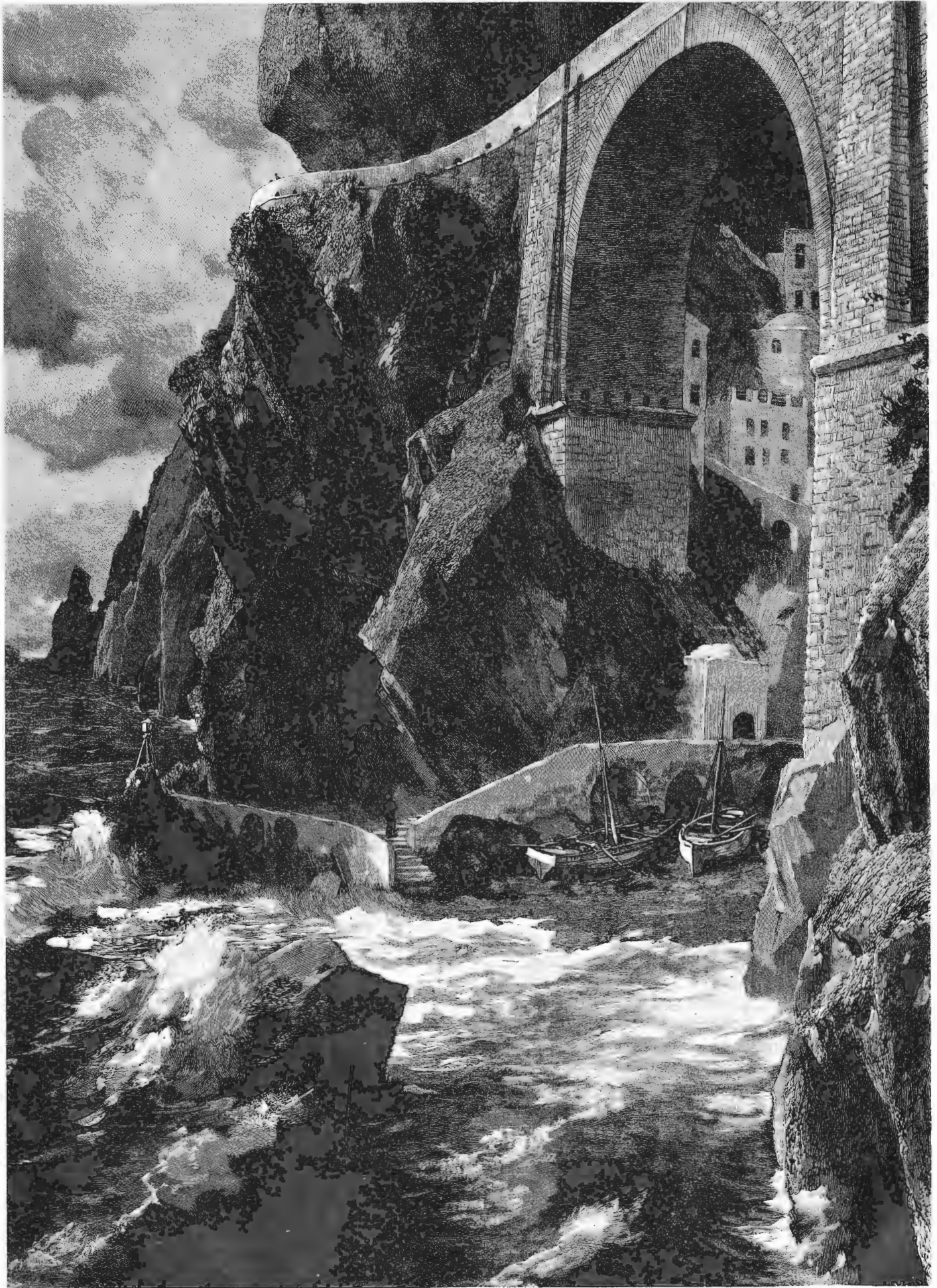
Князевъ, закрывъ лицо руками, просидѣлъ такъ минутъ десять; въ избѣ стояла мертвая тишина.

Наконецъ, онъ всталъ. Настасья молча, со страхомъ, глядѣла на него.

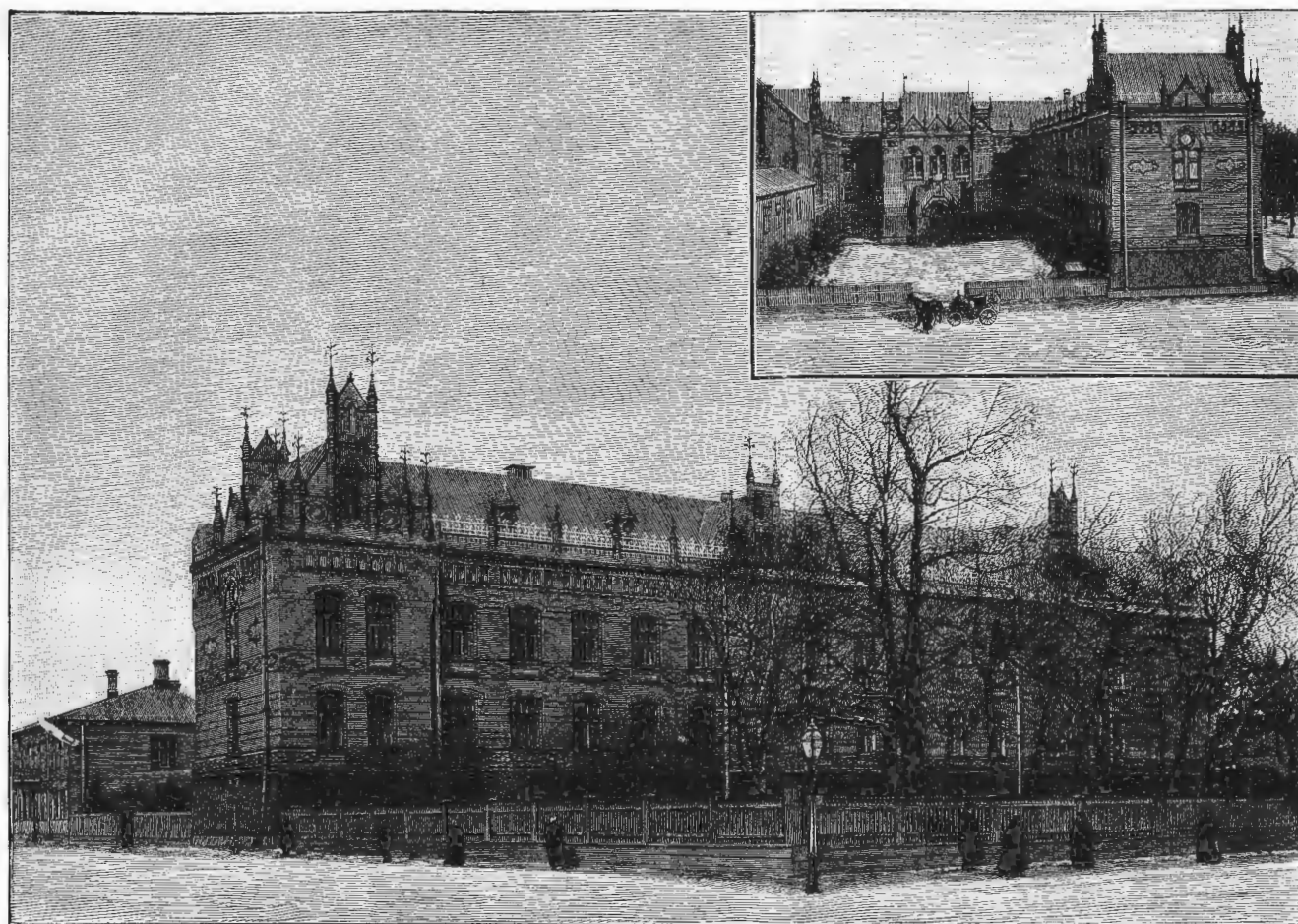
— Веди меня къ ней на могилу, — отрывисто проговорилъ Князевъ, и вдругъ ему бросился въ глаза Мишка, съ куклой на колѣняхъ.

Владимиръ Николаевичъ схватилъ куклу, завернулъ ее въ платокъ и положилъ въ карманъ. Это было все, что у него осталось отъ «лѣснаго звѣрька».

Оба молчали, пока шли.

У береговъ Амальфи (въ южной Италиі). Рис. З. Димера, грав. Уніонъ.

Видъ зданія пріюта съ Большого просп. Васильевского Остр.

Видъ зданія пріюта съ 14-й линіи Вас. Остр. Главнѣй входъ.

Александринскій пріютъ для женщинъ въ С.-Петербургѣ. По фот. К. Булла грав. Рашевскій.

Александринскій пріютъ для женщинъ въ С.-Петербургѣ. Бѣльеовое отдѣленіе. По фот. К. Булла грав. Рашевскій.

Въ самомъ дальнемъ углу незатѣливаго деревенскаго кладбища была могила Поли. Люди и тутъ отвели ей послѣднее мѣсто, но природа, казалось, окружила съ особой любовью ея могилку: солнце цѣлый день свѣтило, согрѣвая маленькую насыпь съ простымъ крестомъ, полную расцвѣтающихъ полевыхъ цвѣтовъ.

Увидавъ насыпь, Князевъ остановился и, не поворачивая головы, проговорилъ:

— Уйди!

Настасья не заставила два раза повторить себѣ приказаніе.

А Князевъ, оставшись одинъ, оцѣдилъ на землю.

— Поли, крошка моя, лѣсной звѣрскъ мой,—шепталъ онъ.— Это я виноватъ, что тебя нѣтъ, я...

И образъ крохотной дѣвочки, обгущей съ протнутыми руками въ отчаяннн за его тѣлгой, воскресъ въ его душѣ, какъ живой...

Солнце зашло, а Князевъ все сидѣлъ на могилѣ и, закрывъ лицо руками, думалъ свою думу

Александринскій пріютъ для женщинъ въ С.-Петербургѣ.

(Съ 5-ю рисунками.)

На Васильевскомъ островѣ, на углу Большаго проспекта и 14-й линіи, съ 7-го марта нынѣшняго года высятся красивое каменное трехэтажное зданіе въ готическомъ стилѣ, окруженное обширнымъ садомъ. Это — вновь построенный евангелическими обществами въ Петербургѣ «Александринскій пріютъ для женщинъ» («Alexandra-Stift für Frauen») (рис. на стр. 469). Если судить по размѣрамъ этого зданія, занимающаго вмѣстѣ съ садомъ 1427 кв. сажень, если ознакомиться съ внутреннимъ его устройствомъ, то нельзя не признать названіе его слишкомъ скромнымъ. Это не пріютъ, а цѣлая женская больница и клиника, устроенная согласно всѣмъ новѣйшимъ требованіямъ гигиены и примѣнительно ко всѣмъ послѣднимъ завоеваніямъ акушерства и гинекологіи. Съ сентября нынѣшняго года въ этомъ пріютѣ будетъ учреждена повивальная школа, по образцу имѣющихся уже у насъ надеждами с.-петербургскаго клиническаго повивальныхъ институтовъ, далеко не могущихъ принять въ свои аудиторіи всѣхъ желающихъ изучитъ акушерство.

Такимъ образомъ, учрежденіемъ «Александринскаго пріюта для женщинъ» удовлетворены будутъ сразу двѣ насущнѣйшія потребности городского населенія: въ обширномъ родовспомогательномъ заведеніи и повивальной школѣ. Эта потребность чувствуется особенно сильно за послѣдніи пять-шесть лѣтъ, и она-то побудила первыхъ учредителей Александринскаго пріюта, пастора К. Фрейфельда и нынѣшняго директора пріюта д-ра К. Г. Видемана, приступить къ осуществленію этого благого дѣла.

Не многимъ вѣроятно извѣстно, что въ Петербургѣ ежегодно до 2,000 роженницъ не находятъ себѣ пріюта въ родовспомогательныхъ заведеніяхъ, за недостаткомъ въ нихъ мѣста. Нерѣдко приходится въ газетахъ читать раздирающія душу описанія страданій по городу несчастныхъ женщинъ изъ родильнаго пріюта въ пріютъ, нерѣдко разрывающихся отъ бремени тутъ же на извозчикѣ или у воротъ пріюта. И пріюты нельзя винить въ этомъ. У нихъ фактически нѣтъ мѣста. Учашеніе же за послѣдніе годы такихъ печальныхъ случаевъ объясняется просто-напросто увеличеніемъ населенія въ Петербургѣ. Съ какимъ шумленіемъ былъ встрѣченъ результатъ послѣдней переписи населенія, опредѣлившей населеніе Петербурга въ 1,270,000 человекъ. Этотъ пріоростъ 200,000 человекъ населенія можетъ послужитъ объясненіемъ многихъ явленій столичной жизни и въ томъ числѣ недостатка больничныхъ помѣщеній. Мы радуемся увеличенію населенія, мы съ гордостью взираемъ на выдающееся положеніе Россіи въ ряду другихъ странъ въ отношеніи количества роженцій и на будущее нашей страны, напередъ исчисляя грядущій ростъ ея населенія, но въ то же время общество очень мало заботится о развитіи тѣхъ учрежденій, отъ которыхъ зависитъ это постепенное увеличеніе народонаселенія, мало заботится объ устройствѣ больницъ, лѣчебницъ, амбулаторій и родильныхъ пріютовъ. Прошли времена, когда относились хладнокровно къ разсказамъ, что въ деревняхъ бабы рожаютъ въ полѣ и затѣмъ тутъ же продолжаютъ работать или работницы-поденщицы въ городахъ на другой день послѣ родовъ уже ходятъ и работаютъ; все это было да можетъ-быть и есть такъ, но вопросъ въ томъ, какъ сходить этимъ несчастнымъ бабамъ ихъ быстрое выздоровленіе? Кому теперь не извѣстно, что рѣдка деревенская баба не страдаетъ женскими болѣзнями? Объ этомъ узнали, когда появились въ деревняхъ врачи. Теперь поняли, какъ необходимо имѣть сельскихъ повивальныхъ бабокъ; теперь поняли, какъ необходимы родильные пріюты, ясли для грудныхъ дѣтей и т. д. Все это учрежденія, на которыхъ зиждется увеличеніе народонаселенія, населенія здороваго, а не обреченнаго съ самаго рожденія на гибель или на болѣзни, благодаря слабости или болѣзни матерей. Мало кому извѣстно, напримѣръ, что ежегодно умираетъ въ мірѣ отъ родовъ триста тысячъ женщинъ? Многія изъ этихъ смертей приходится на несчастные случаи, на предшествующія болѣзни, но значительная часть умираетъ именно отъ отсутствія медицинской помощи во время родовъ, отъ несоблюденія при этомъ важнѣйшихъ гигиеническихъ правилъ и т. д.

Если принять все это въ соображеніе, то можно понять и оцѣнить значеніе только что учрежденнаго въ Петербургѣ «Александринскаго пріюта для женщинъ». Могущій вмѣстѣ въ своихъ палатахъ 80 больницъ—роженницъ и страдающихъ серьезными женскими болѣзнями, пріютъ этотъ окажетъ, такимъ образомъ, въ теченіе года врачебную помощь по крайней мѣрѣ 2,000 женщинъ, и кромѣ того будетъ выпускать акушерокъ, которыя, въ свою очередь, будутъ оказывать медицинскую помощь многимъ другимъ тысячамъ женщинъ.

Знаменательнымъ и въ то же время трогательнымъ фактомъ

является то, что пріютъ этотъ построенъ цѣлкомъ на частныя средства. Каждый камень этого грандіознаго зданія — есть даръ благотворителей, среди которыхъ были люди самыхъ разнообразныхъ классовъ. Душою всего этого учрежденія было нѣсколько лицъ: сенаторъ А. А. Герке, Г. Шерникау, д-ръ К. Г. Видеманъ, Г. Гильзе ванъ-деръ-Шальсъ, Л. Кѣнигъ, проф. Э. Биддеръ, К. Зигель, М. Нейшеллеръ, Э. Нобель, П. Кюгельгенъ и др. Имъ главнымъ образомъ это учрежденіе обязано своими средствами, своимъ колоссальнымъ зданіемъ, богатствомъ и цѣлесообразностью своего внутренняго устройства.

Зданіе Александринскаго пріюта, воздвигнутое, по проекту архитектора К. Шмидта, съ необыкновенной быстротой, благодаря стараніямъ и личнымъ трудамъ г. Л. Кенига, стоявшаго во главѣ строительной коммисіи, выдѣляется среди всѣхъ окружающихъ его зданій на Васильевскомъ островѣ.

Весь нижній этажъ занятъ хозяйственными помѣщеніями. Тутъ помѣщаются сложнаго устройства аппараты для вентиляціи воздуха всѣхъ больничныхъ помѣщеній. Холодный вѣтрный воздухъ, входящій черезъ громадное отверстіе въ стѣнѣ, снабженное рѣшеткой, проходитъ по галлерей, кольцеобразно загнутаго для того, чтобы на полу осѣла изъ него пыль, и затѣмъ попадаетъ въ пустое пространство (въ видѣ широкой трубы, идущей снизу вверхъ вдоль всего зданія), надъ которымъ сверху расположенъ цѣлый рядъ калориферовъ; благодаря сильной тягѣ воздухъ подымается вверхъ уже нагрѣтымъ и равномерно по трубамъ распределяется по всѣмъ палатамъ. Въ каждой комнатѣ устроены вверхъ и внизъ особыя рѣшетки для входа свѣжаго и выхода испорченнаго воздуха. Такимъ образомъ получается очень сильная вентиляція, дающая возможность въ теченіе часа два раза переѣмнитъ весь воздухъ во всемъ зданіи. Отопленіе зданія — паровое. Въ каждой комнатѣ устроенъ подъ окномъ аппаратъ для регулированія температуры. Освѣщается все зданіе электричествомъ. Въ другомъ помѣщеніи внизу же устроенъ громадный бакъ съ постоянно горячей водой. Этотъ бакъ снабжаетъ всѣ помѣщенія горячей водой, и въ каждой комнатѣ имѣется въ умывальникѣ всегда наготовѣ кранъ съ холодной и кранъ съ горячей водой.

У самаго входа внизу находится пріемная (рис. на стр. 471). Здѣсь роженницы или больныя осматриваются врачомъ и затѣмъ направляются по широкой, отлогой лѣстницѣ наверхъ въ помѣщенія для родильницъ. Для слабыхъ или тяжело больныхъ, не имѣющихъ уже силъ подняться по лѣстницѣ, устроена тутъ же подъемная кровать на колесикахъ. На нее кладутъ больную, рядомъ съ нею становится акушерка, и ихъ поднимаютъ посредствомъ лифта вверхъ. Акушерка находится при родильницѣ тутъ же, во время подъема въ родильную, для того, чтобы больная не пугалась и чтобы на случай нужды оказать ей помощь въ это время. Нечего говорить о томъ, что пріемная обставлена всѣми необходимыми медицинскими приспособленіями, содержащимися въ исключительной чистотѣ. Масса свѣта, падающаго изъ оконъ, подчеркиваетъ эту чистоту. Тутъ же въ пріемной находится телефонъ, соединенный со всѣми помѣщеніями врачей, обихъ начальницъ, палатами и т. д. Въ томъ же этажѣ находится амбулаторія: изящная гостиная для пациентокъ, ожидающихъ приема, и небольшая пріемная врача.

Внизу же находится кухня (рис. на стр. 472). Въ расположенныхъ посреднѣ громадныхъ котлахъ, накаливаемыхъ паромъ, варятся супъ, мясо, каши, картофель и т. д. Шаровой котель, доставляющій жаръ кухнѣ, находится внѣ зданія, на дворѣ; но на случай его порчи или ремонта, тутъ же рядомъ съ кухней устроенъ запасный небольшой котель. Кромѣ громадныхъ котловъ имѣется еще плита и близъ нея длинный металлическій ящикъ, въ родѣ плиты, тоже нагрѣваемый паромъ и предназначенный для поддержанія въ горячемъ состояніи пищи, которая ставится туда по изготовленіи, въ ожиданіи очереди подачи больнымъ и врачебному персоналу. Рядомъ съ кухней устроена подъемная машина, посредствомъ которой подаютъ наверхъ въ палаты пищу больнымъ. Тамъ, опять-таки, кушанья ожидаетъ специальная повозка съ помѣщеніями для жидкой и твердой пищи; ее подвозятъ къ каждой палатѣ, и тутъ у дверей, подъ наблюденіемъ начальницы, наливается въ тарелки супъ и раскладывается по тарелкамъ мясо, рыба, дичь и т. д. Для того, чтобы кушанье не остыло, стѣнки повозки двойныя, и въ нихъ наливается кипятокъ, поддерживающій тепло. Меню кушанья для больныхъ очень разнообразно и носитъ вполнѣ домашній характеръ. Врачи и весь служебный персоналъ пріюта ѣдятъ то же кушанье, что и больныя. Чистота на кухнѣ поразительная.

Второй этажъ отведенъ подъ гинекологическое отдѣленіе. Тутъ есть и общаѣ палата, и отдѣльныя комнаты, съ двумя кроватями

въ каждой. Желающія занимать сами всю комнату платятъ 5 руб. въ сутки и могутъ имѣть въ комнатѣ при себѣ родственницу или кого-либо изъ близкихъ лицъ. Занимающія въ отдѣльной комнатѣ лишь одну кровать — платятъ по 3 рубля въ сутки; въ общей же палатѣ плата установлена по 1 руб. въ сутки; для бѣдныхъ же лѣчение предоставляется безплатно.

Убранство комнатъ просто, но вполне уютно и не имѣетъ несноснаго больничнаго характера. Наоборотъ, во всемъ видна заботливость о больныхъ, стремленіе обставить ихъ какъ можно удобнѣе. На ряду съ обычными принадлежностями комнатнаго убранства, обращаютъ на себя вниманіе имѣющіяся для каждой больной полотняный чехоль съ гребенкой и щеткой, стерилизуемыхъ послѣ каждой больной, изящный починикъ въ видѣ маленькой лампочки съ круглымъ колпачкомъ и т. д. Все это мелочи, но онѣ дороги больному, какъ указаніе особой о немъ заботливости. Кому пришлось лежать въ больницѣ и приходилось просыпаться ночью въ полутьмѣ, навѣвавшей гнетущее состояніе духа, тотъ оценитъ эту мелочь въ видѣ ночника. Комнаты высоки, свѣта масса, воздухъ свѣжій, чистый и не насыщенъ лѣкарствами, какъ въ другихъ больницахъ. Чистота ухода доведена до совершенства. Бѣлье и вода стерилизуются въ особыхъ аппаратахъ. Аппаратъ для стерилизации воды снабженъ термометромъ; только тогда, когда онъ показываетъ, что температура дошла до 110° Ц., — берутъ горячую воду для спринцованій и другихъ надобностей.

Въ концѣ коридора помѣщается особое — септическое отдѣленіе. Оно предназначено для больныхъ, у которыхъ появляется лихорадка и слѣдовательно есть признаки зараженія. Эти больныя совершенно изолированы. Для нихъ устроенъ даже особый ходъ. Осторожность въ отношеніи занесенія заразы настолько въ пріютѣ велика, что имѣются для акушерокъ спеціальныя тонкія гуттаперчевыя перчатки, въ которыхъ онѣ и прибираютъ у такихъ опасныхъ больныхъ; каждый разъ послѣ этого перчатки стерилизуются.

Въ томъ же этажѣ находится аудиторія для чтенія лекцій будущимъ слушательницамъ повивальной школы. На ряду съ другими учебными приспособленіями обращаетъ здѣсь на себя вниманіе громадный проекціонный фонарь для показыванія на экранѣ увеличенныхъ изображеній разныхъ микроскопическихъ препаратовъ. Если принять во вниманіе обычный уровень образованія слушательницъ, то слѣдуетъ признать такое нововведеніе очень полезнымъ по своей наглядности.

Затѣмъ особенно выдѣляется по своему устройству операціонная комната, снабженная всеми новѣйшими оперативными приспособленіями. Въ громадномъ, очень свѣтломъ залѣ расположено нѣсколько операціонныхъ столовъ; одинъ изъ нихъ маленький — для дѣтскихъ операцій.

Третій этажъ отведенъ подъ помѣщенія для родильницъ. Тутъ также имѣются и отдѣльныя платныя комнаты съ одной и 2 кроватями (рис. на стр. 472), и общія платныя палаты, предоставляемыя бѣднымъ безвозмездно. Желающія занять всю комнату платятъ за помощь при родахъ и за 10-дневное пребываніе — 65 руб.; за дальнѣйшее время платится по 5 р. въ сутки; занимающія лишь одну кровать платятъ за то же время 40 р., и по 3 р. въ сутки за дальнѣйшее время. Въ общихъ палатахъ взимается за то же время — 10 р. и затѣмъ, если понадобится еще лежать, по 1 р. въ сутки.

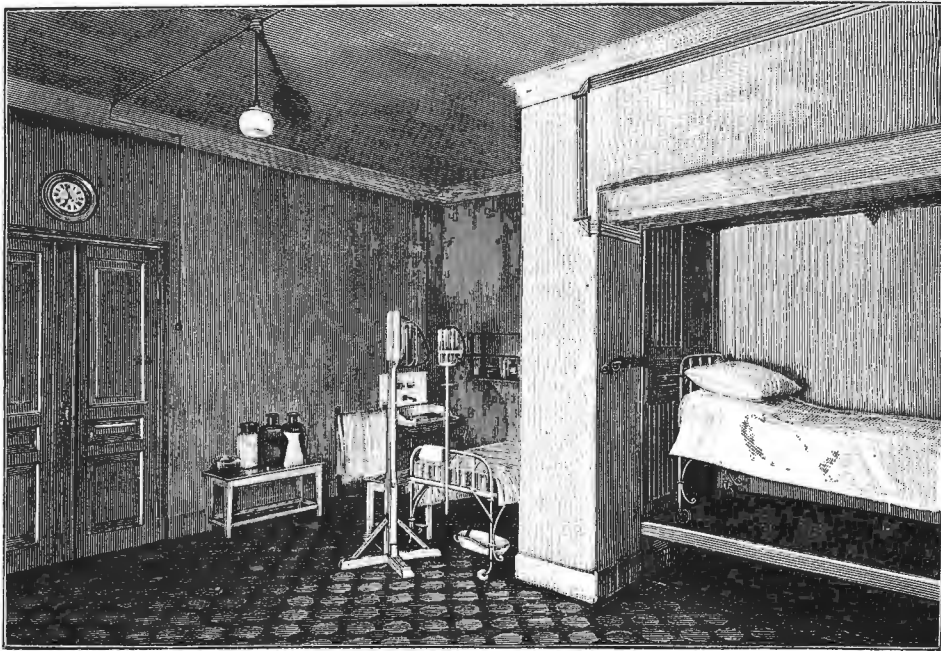
Отношеніе врачебнаго персонала совершенно одинаково къ платнымъ и бесплатнымъ, они видятъ предъ собой лишь больныхъ, для облегченія страданій которыхъ они призваны. Заботясь о постоянномъ, непрерывномъ врачебномъ уходѣ за больными, комитетъ пріюта постановилъ, чтобы директоръ и главный врачъ, 3 ассистента и 4 акушерки находились всегда при пріютѣ, и они имѣютъ въ зданіи свои помѣщенія, — нужно сказать, очень скромныя. Весь главный врачебный персоналъ пріюта состоитъ изъ: главнаго врача, д-ра К. Г. Видемана, его помощника и старшаго ординатора Э. Э. Клеменца, 2-го старшаго ординатора Ф. А. Доберта, младшихъ ординаторовъ: П. В. Кентмана, П. А. Лухсингера

и Г. Г. фонъ Цуръ-Мюленъ. Во главѣ служебнаго персонала стоятъ двѣ начальницы: г-жи А. Р. Эше и М. А. Тамманъ.

Комнаты родильнаго отдѣленія тянутся по всему коридору. Передъ каждой кроватью, въ ногахъ больной стоитъ поперекъ маленькая люлька. Чистота и опрятность убранства доведены до совершенства. Все: кровати, одѣяла, бѣлье, стѣны, изысканно изразцовые позы — блещетъ и искрится подъ лучами солнца. Всѣ помѣщенія для больныхъ размѣщены преднамѣренно на югъ, для того чтобы солнце дольше освѣщало ихъ. Свѣтъ — большой ненавистникъ болѣзнетворныхъ микробовъ, и въ союзѣ съ дѣятельной врачебной помощью онъ творитъ чудеса.

Тутъ же недалеко отъ помѣщеній родильницъ и отъ общихъ родильныхъ комнатъ, гдѣ происходитъ самыя роды, находится комната для купанія новорожденныхъ. На шею у каждого изъ дѣтей надѣтъ на плечикѣ металлическій кружочекъ съ номеромъ кровати его матери: это сдѣлано для того, чтобы преднамѣренно или случайно не произошло замѣны дѣтей. Этотъ номеръ виситъ на ребенкѣ съ момента рожденія вплоть до ухода матери съ ребенкомъ, по выпискѣ изъ пріюта.

Въ этомъ же этажѣ находится въ особомъ помѣщеніи аптека и лабораторія для химическихъ и микроскопическихъ изслѣдованій, богато снабженная всеми необходимыми аппаратами и между прочимъ двумя очень цѣнными микроскопами. Здѣсь же рядомъ заслуживаетъ вниманія представленное у насъ на рисункѣ (на стр. 469) бѣлье-ное отдѣленіе. Это — великолѣпно отдѣланная полированная деревянная, высокая комната, уставленная въ два этажа громадными шкапами, за зеркальными стѣнами которыхъ хранится

Александринскій пріютъ для женщинъ въ С.-Петербургѣ. Приемная. По фот. К. Булла грав. Шлиперъ.

бѣлье, необходимое для больныхъ. Все это бѣлье, какъ и убранство комнаты, какъ и вообще почти всѣ предметы убранства во всемъ пріютѣ — пожертвованія частныхъ благотворителей. Особая лѣстница ведетъ наверхъ, къ верхнимъ шкапамъ, и двѣ подъемныя машины по обѣимъ сторонамъ даютъ возможность находящейся вверху прислугѣ быстро подавать начальницѣ нужное количество бѣлья и оттуда разносить его по палатамъ. Первоначально бѣлья было заготовлено громадное количество — въ разсчетъ на 50 больныхъ, но уже теперь, по истеченіи всего трехъ мѣсяцевъ, его начинаетъ недоставать. Причина очень простая: въ пріютѣ обращается за помощью такая масса родильницъ и больныхъ, что пришлось увеличить число кроватей, и вмѣсто первоначально опредѣленныхъ 50 кроватей теперь уже поставлено 80; помѣщеніе для этихъ лишннихъ 30 кроватей предоставилъ главный врачъ, уступившій свою квартиру и переѣхавшій въ маленький деревянный домикъ рядомъ. Вотъ еще одно доказательство, какъ настоятельно необходимы въ Петербургѣ такіе родильные пріюты для женщинъ.

Изъ числа имѣющихся въ Александринскомъ пріютѣ кроватей — тринадцать содержатся на частныя средства жертвователей, внесенныхъ по 5,000 р. на содержаніе каждой кровати. Имена этихъ добрыхъ людей выгравированы золотыми буквами на мраморныхъ доскахъ, украшающихъ стѣны зала, находящагося въ томъ же третьемъ этажѣ. Строители, заботясь о предоставленіи какъ можно большаго мѣста палатамъ для больныхъ, разсудительно отдели одну не очень большую комнату для зала. Онъ не великъ, но производитъ прекрасное впечатлѣніе. Изящно расписанныя цвѣтными стеклами окна придаютъ ему скорѣе характеръ храма, чѣмъ обыкновеннаго зала. И дѣйствительно въ немъ совершается религіозный обрядъ, первый въ жизни христіанина — здѣсь крестятся новорожденныхъ.

Много труда, матеріальныхъ средствъ и любви къ ближнему вложено въ устройство этого пріюта и плоды этихъ трудовъ уже видны теперь. Открытый для всѣхъ нуждающихся въ акушерской помощи женщинъ, безъ различія вѣроисповѣданія, національности, общественнаго положенія, этотъ пріютъ созданъ евангелическими обществами во имя высшей евангелической заповѣди — помогать ближнимъ, слабымъ и немощнымъ, помогать матерямъ исполнить ихъ высшее, божественное назначеніе.

И. Эйзень.

Къ рисункамъ.

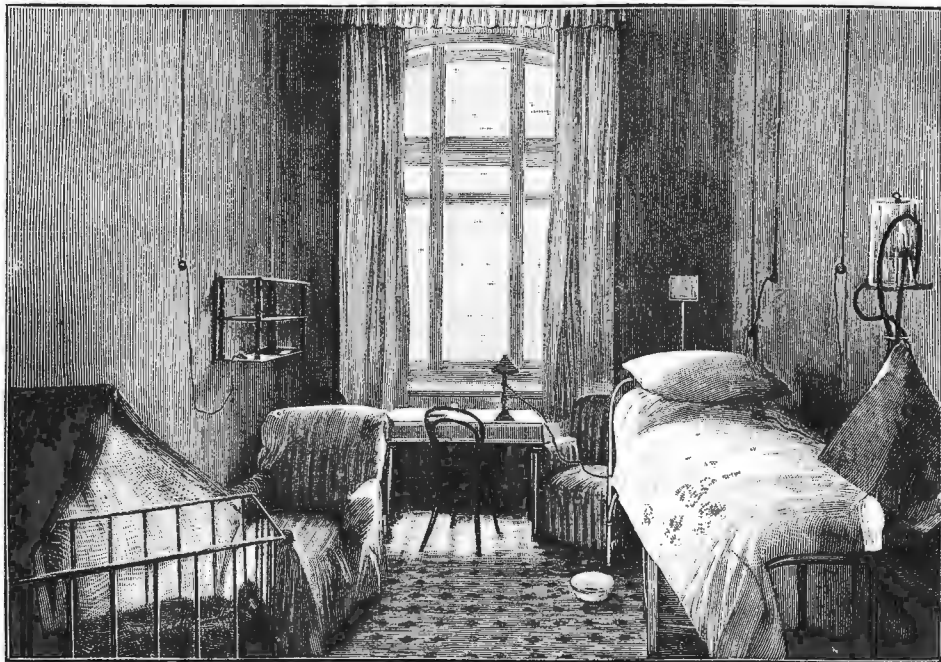
Если вы живали «на лопь природы» и наблюдали за нею внимательно, то вы легко поймете, сколько поэтической прелести заключается въ картинѣ г. Сергѣева—«Лучи». Надъ спокойной рѣ-

кой, слегка подернутой рябью, надъ темнозеленымъ береговымъ лѣскомъ, изъ-за мрачныхъ грозовыхъ тучъ вырывается нѣсколько лучей заходящаго солнца. Клочокъ лѣса, освѣщенный этими лучами, походитъ на свѣтлый изумрудъ въ темной оправѣ, а освѣщенная вода—на полосы стали. Безконечнымъ просторомъ вѣетъ отъ этого пейзажа, мирнымъ настроеніемъ угасающаго дня... и на душѣ становится такъ безмятежно и спокойно и вмѣстѣ съ тѣмъ и темно грустно. Это — вечерняя элегія красокъ, написанная въ минорномъ тонѣ на весьма знакомую и потому милую мелодію, для которой авторомъ найдены новыя комбинаціи...

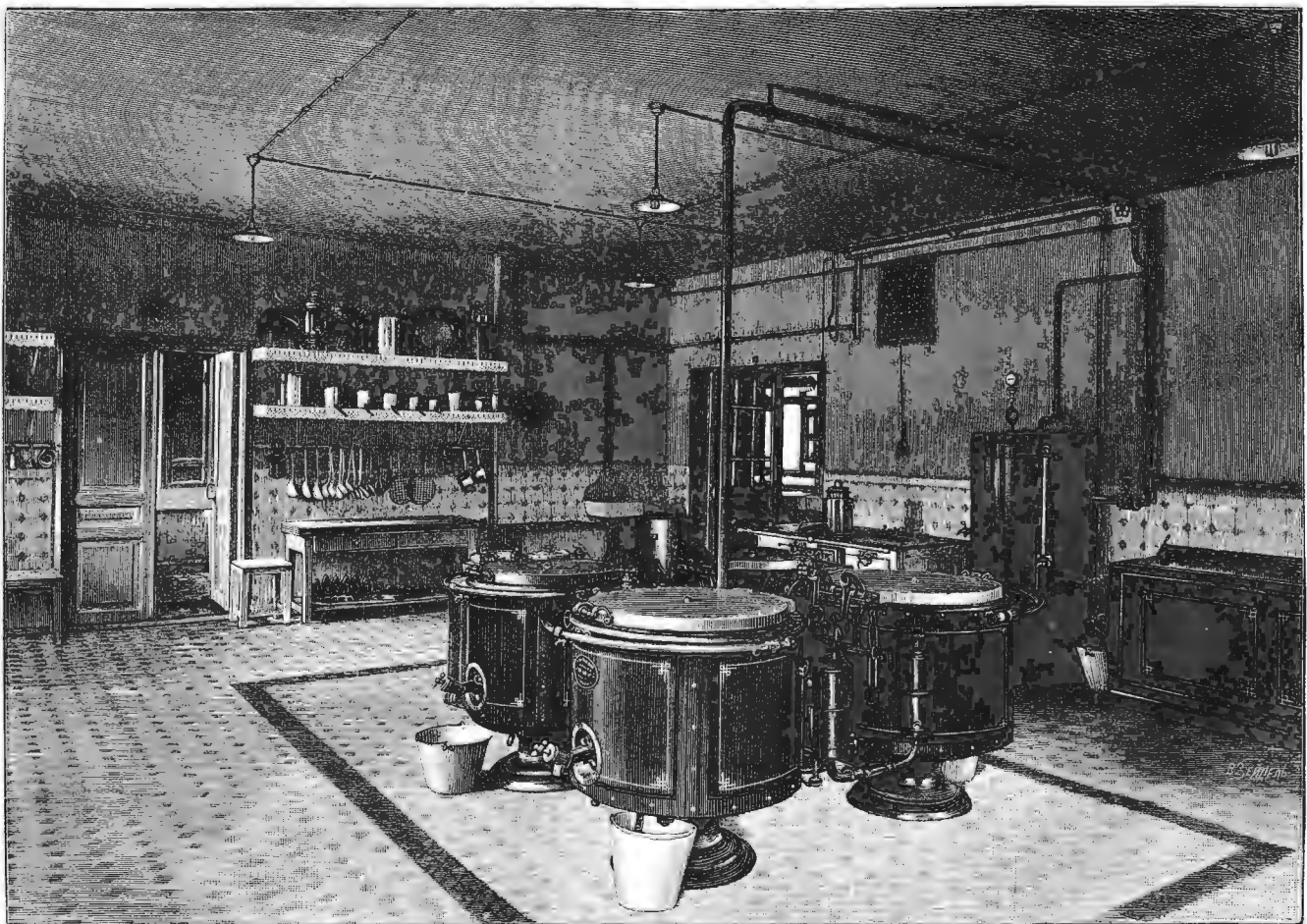
Картина г. Степанова, украшавшая собою выставку Спб. общества художниковъ въ текущемъ году, переноситъ насъ въ отдален-

ныя времена, когда еще существовали морскіе разбойники, веселыя пирушки подъ темными каменными сводами закопченной таверны и дѣлежъ добычи, награбленной пиратами. Послѣ жаркаго морского дѣла, эти хищныя морскія птицы собрались въ гостеприимномъ притонѣ и, сытно поужинавъ, приступили къ дѣлежу. Пока дѣлили награбленныя богатства, все шло относительно спокойно; и золото, и серебро, и камни, и ткани — все это имѣетъ опредѣленную цѣну и столноваться обо всемъ этомъ легко: при помощи обоюдныхъ уступокъ можно прийти къ соглашенію. Но какъ разделить живую добычу? Вмѣстѣ съ награбленными сокровищами попались въ плѣнъ двѣ женщины, двѣ молодыя красотки. Оба предводителя подѣлили ихъ между собою. Одна уже примирилась съ своей судьбой и

даже насмѣшливо посматриваетъ на свою подругу, вырывающуюся изъ рукъ старшаго пирата. И его товарищъ не то съ любопытствомъ, не то съ раздумьемъ смотритъ на эту сцену. Въ картинѣ г. Степанова много интересныхъ группъ, много ри-

Александринскій пріютъ для женщинъ въ С.-Петербургѣ. Одна изъ комнатъ родильнаго отдѣленія. По фот. К. Булга грав. Зейпель.

Александринскій пріютъ для женщинъ въ С.-Петербургѣ. Кухня. По фот. К. Булга грав. Зейпель.

сунка; написана она съ тѣмъ блескомъ и техническимъ мастерствомъ, которое такъ свойственно таланту этого художника, давно ставшаго любимцемъ русской публики.

Кто не знаетъ «Запорожцевъ» Рѣпина? Но нашъ знаменитый художникъ, вообще, какъ извѣстно, съ рѣдкою наблюдательностью изучилъ прошлое и настоящее Малороссіи. Какъ ему удаются типы казаковъ! Одинъ изъ этихъ великолѣпныхъ этюдовъ, полныхъ наблюдений и жизни, мы воспроизводимъ непосредственно изъ альбома знаменитаго художника на этихъ страницахъ.

Амальфи — поэтичный по своему мѣстоположенію приморскій городъ, расположенный на скалистомъ берегу Салернского залива. Виды Амальфи считаются одними изъ самыхъ красивыхъ во всей Европѣ. Домъ его расположенъ амфитеатромъ по склонамъ скалъ и соединяются другъ съ другомъ высѣченными въ этихъ скалахъ лѣстницами. Высокіе мосты на сводахъ перекинуты отъ скалы къ скалѣ. Городъ представляется изъ себя цѣлую симфонію скалъ, лѣстницъ, переходовъ, ступеней, мостовъ, стѣнъ и арокъ, подъ которыми находятъ себѣ пріютъ рыбацкія лодки. Среди этихъ скалъ, на каждомъ свободномъ промежуткѣ земли ютятся сады, наполненные темнозелеными лаврами, пыльно-сѣрыми оливковыми деревьями; тамъ и сямъ виднѣются лимонныя и апельсиныя рощи съ ихъ светло- и темно-золотистыми плодами. Кое-гдѣ еще виднѣются остатки сторожевыхъ башенъ, воздвигнутыхъ здѣсь противъ набѣговъ морскихъ разбойниковъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ наиболее уцѣлѣвшихъ башенъ живутъ теперь трудолюбивые рыбаки. Темный колоритъ скалъ на лазури моря, зелень садовъ, освѣщенная лучами южнаго солнца — все это даетъ очаровательную картину, полную романтизма, красокъ и блеска. Пейзажъ художника Димера изображаетъ уголокъ Амальфи и часть грандіознаго виадукта, высотой, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, до 150 метровъ, ведущаго изъ города въ Сорренто. Въ настоящее время Амальфи, когда-то игравшій значительную роль въ исторіи Италіи, пришелъ въ совершенный упадокъ, и теперь считается лишь излюбленнымъ туристами мѣстечкомъ.

Чествованіе памяти Пушкина.

(Съ 8 рисунками.)

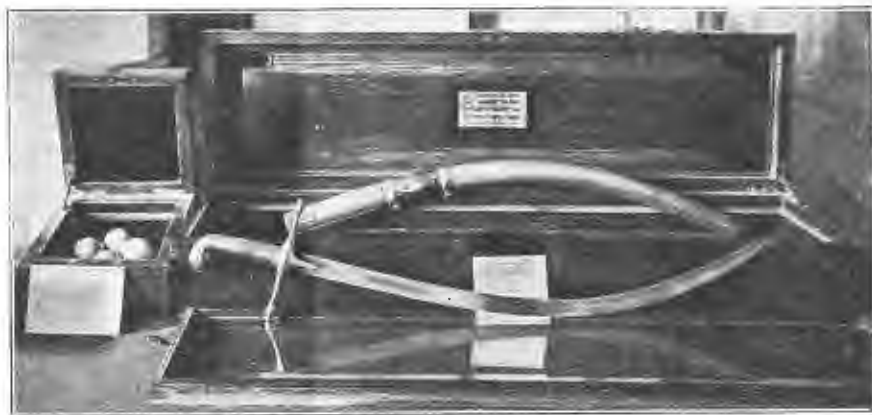
Только-что закончившіяся пушкинскія празднества, въ которыхъ на этотъ разъ принимала участіе вся грамотная Россія, возобновили въ памяти нашей всѣ дороги для русскаго сердца воспоминанія о нашемъ великомъ поэтѣ. Воспоминанія эти выразились въ массѣ литературныхъ статей и заявленій, въ рѣчахъ, въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ памяти поэта, въ пожертвованіяхъ на его памятникъ и на благотворительныя учрежденія въ память его, въ оваціяхъ, обращенныхъ къ существующимъ уже памятникамъ Пушкина и, наконецъ, въ тѣхъ пушкинскихъ выставкахъ, которыя, по поводу пушкинскаго юбилея, были устроены въ С.-Петербургѣ при академіи наукъ и въ Москвѣ при обществѣ «Любителей русской словесности». Эти выставки — очень характерное явленіе нашего времени. На нихъ собрано было все, что можетъ хотя сколько-нибудь характеризовать личность поэта и ту эпоху, въ которую онъ жилъ и дѣйствовалъ, все, что могло хотя сколько-нибудь напомнить о его земномъ существованіи и, выражаясь языкомъ спиритовъ, материализовать передъ нами его живую личность, облечь въ плоть и кровь тотъ отвѣченный обликъ поэта, который уцѣлѣлъ намъ отъ живого Пушкина — въ его твореніяхъ, въ воспоминаніяхъ его друзей и современниковъ, въ его собственныхъ письмахъ и запискахъ. Съ этою цѣлю на выставкахъ

Пушкинская выставка въ академіи наукъ. Коллекція портретовъ. Съ фот. Булла автот. Нивы.

были собраны богатѣйшія коллекціи автографовъ поэта и современныхъ ему изданій его сочиненій, современные журналы, въ которыхъ помѣщались его произведенія, или же тѣ, въ которыхъ печатались критики на его произведенія. Сверхъ того, собраны были, если и не всѣ, то вѣрнѣйшіе портреты Пушкина, писанные съ него при жизни; рядомъ съ ними собраны и портреты его современниковъ, съ которыми онъ былъ друженъ и близокъ или вообще состоялъ въ какихъ бы то ни было сношеніяхъ, встрѣчался въ обществѣ или сталкивался въ литературѣ. Эта живая лѣтопись, писанная перомъ и кистью, дополнялась еще видами различныхъ мѣстностей, въ которыхъ Пушкинъ жилъ въ различные періоды своей жизни, которыя онъ воспѣвалъ въ своихъ стихахъ или иначе убожничилъ. Наименьшую часть выставки составляли предметы, никогда

принадлежавшіе Пушкину и теперь храняемые почитателями Пушкина. Они—священные реликвии. Къ числу такихъ реливий, несомнѣнно, принадлежитъ перстень Пушкина, за нѣсколько часовъ до кончины переданный имъ В. И. Далю, и нынѣ составляющій собственность Его Императорскаго Высочества великаго князя Константина Константиновича, и другой перстень—знаменитый «Талисманъ»—въ охранительную силу котораго вѣрилъ Пушкинъ.

Пушкинская выставка въ академіи наукъ. Сабля, подаренная Пушкину Паскевичемъ. Съ фот. Насвѣтвпча авт. «Нивы».

рыми и дѣлится въ нынѣшнемъ номерѣ журнала съ читателями. На одномъ изъ рисунковъ, прилагаемыхъ здѣсь, мы видимъ обширную коллекцію портретовъ Пушкина, писанныхъ съ него при жизни, и различныхъ его изображеній—въ краскахъ, въ наброскахъ карандашомъ и въ скульптурной лѣпкѣ, начиная отъ знаменитыхъ портретовъ работы Кипренскаго и Тропинина, до статуи работы Опекушина. На другомъ рисункѣ собраны реликвии: лампа, при ко-

Пушкинская выставка въ академіи наукъ. Разные предметы, принадлежавшіе Пушкину. Съ фот. Булла авт. «Нивы».

Этотъ перстень имѣетъ свою исторію. Онъ былъ снятъ съ руки уже умершаго Пушкина Жуковскимъ и перешелъ (по кончинѣ послѣдняго) къ его сыну, Павлу Васильевичу, который, въ концѣ 70-хъ годовъ, подарилъ его П. С. Тургеневу. Въ настоящее время онъ принадлежитъ Пушкинскому музею при Александровскомъ лицейѣ. Надпись, вырѣзанная на немъ, оказывается еврейскою, и, по переводу московскаго старшаго раввина, гласитъ: «Симха, сынъ почтеннаго рабби Юсифа, да будетъ благословенна его память». Весьма цѣнны автографы Пушкина, доставленные изъ собственной библиотеки Его Величества Государя Императора и въ Бозѣ почившаго Его Родителя, а также изъ коллекцій Императорской публичной библиотеки, Л. Н. Майкова, П. Я. Дашкова и друг. Мы почерпнули изъ этой богатой Пушкинской выставки нѣсколько снимковъ, кото-

Баня въ Михайловскомъ, уцѣлѣвшая со времени Пушкина. Съ фот. Булла авт. «Нивы».

торой Пушкинъ работалъ (№ 727), волосы Пушкина въ медальонѣ (№ 731), кольцо-талисманъ (№ 728) и т. д. Третій рисунокъ—изображеніе сабли, подаренной Пушкину Паскевичемъ во время пребыванія поэта въ Эрзерумѣ, и бильярдные шары отъ того бильярда, на которомъ Пушкинъ любилъ играть.

Въ дополненіе къ этимъ рисункамъ, мы даемъ еще цѣлый рядъ другихъ рисунковъ,—снимковъ съ фотографій, сдѣланныхъ по нашему заказу. Читатели, конечно, съ величайшимъ интересомъ взглянуть на сохранившійся до сихъ поръ барскій домъ въ Тригорскомъ, гдѣ поэтъ провелъ столько хорошихъ дней. Другой рисунокъ изображаетъ баню въ Михайловскомъ, единственное тамъ строеніе, уцѣлѣвшее со времени Пушкина. Третій—ту карету, въ которой Пушкинъ собирался совершить съ Вульфомъ поѣздку

Карета, въ которой ѣздилъ Пушкинъ. Съ фот. Булла авт. «Нивы».

Барскій домъ въ Тригорскомъ. Съ фот. Булла авт. «Нивы».

въ Дертъ съ тѣмъ, чтобы оттуда махнуть за границу. Наконецъ, четвертый — одну изъ комнатъ въ Тригорскомъ, гдѣ поэтъ часто проводилъ время и въ которой также сохранены реликвіи: кресло, въ которомъ онъ сидѣлъ, фортепіано, на которыхъ играли въ его присутствіи, различные портреты и т. д. «Все то старина, то и дѣяніе» — и отъ всего этого вѣетъ священными для насъ воспоминаніями о самомъ великомъ нашемъ поэтѣ.

Въ заключеніе мы даемъ рисунокъ, изображающій торжество, происходившее 26-го мая въ Москвѣ у подножія памятника, сооруженнаго тамъ Пушкину благодарною Россією. Сердце нашего отечества, Москва, какъ извѣстно, также достойнымъ образомъ отпраздновало великую годовщину.

Юганъ Штраусъ.

(Портр. на стр. 476).

Недавно въ Вѣнѣ умеръ знаменитый «король вальсовъ», Юганъ Штраусъ. Съ нимъ исчезъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ представителей такъ называемой легкой музыки, но въ благородномъ значеніи этого слова. Не даромъ Рихардъ Вагнеръ говорилъ, что одинъ вальсъ Штрауса поэтичностью, граціозностью и истинно-музыкальнымъ содержаніемъ превосходитъ многія серьезные произведенія. Дѣйствительно, его вальсы, отчасти полки, кадрили обладаютъ двойнымъ достоинствомъ: они вѣсьмъ доступны и въ то же время не лишены такого содержанія, которое обезпечиваетъ за ними очень выдающееся мѣсто въ искусствѣ. Достаточно сказать, что знаменитые композиторы, какъ Брамсъ и др. завидовали богатству творчества Штрауса и что нѣкоторые изъ нихъ вдохновлялись его мелодіями для своихъ собственныхъ произведеній. Правда, тайна успѣха Штрауса отчасти заключалась въ его поразительномъ умѣнн

лично исполнять созданныя имъ мелодіи. Такъ, многія изъ его произведеній пользовались успѣхомъ только въ его исполненіи, но другія такъ поэтичны и музыкальны, что до сихъ поръ въ любомъ хорошемъ исполненіи могутъ быть причислены къ перламъ жанра, избраннаго Штраусомъ.

Лѣтъ 30 тому назадъ онъ обратился къ другому жанру, сталъ писать оперетты и даже комическія оперы. Эти произведенія также облетѣли всю Европу, въ особенности его «Цыганскій баронъ». Если Штраусъ не превзошелъ Оффенбаха въ этой области, то отчасти сравнялся съ нимъ, въ особенности же въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ даетъ просторъ своей способности создавать поэтически танцевальныя мотивы.

Творчество Штрауса имѣетъ чисто-національный характеръ, который однако нельзя назвать пѣмненнымъ, а скорѣе австрійскимъ или, еще вѣрнѣе, вѣнскимъ. Оно проникнуто той непосредственностью и граціозностью чувства, которые нашли себѣ уже такое яркое выраженіе въ прошломъ столѣтіи у Гайдна. Въ видоизмѣненной формѣ этотъ австрійскій характеръ музыки воскресъ въ произведеніяхъ Штрауса. Но всякій крупный талантъ, оставаясь національнымъ, въ то же время становится доступнымъ и вѣсьмъ другимъ народамъ. Если мазурки Шопена облетѣли весь міръ, то и вальсы Штрауса съ одинаковымъ удовольствіемъ слушаются людьми вѣсьхъ національностей. Люди пожилые хорошо еще помнятъ тотъ безпримѣрный успѣхъ, которымъ пользовался Штраусъ у насъ, въ Петербургѣ, гдѣ онъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ, съ 1854 по 1870 г., воодушевлялъ слушателей лѣтомъ въ Павловскѣ. Это было блестящее время въ лѣтнихъ павловскихъ концертахъ. Ни одинъ дирижеръ послѣ

Комната въ Тригорскомъ. Съ фот. Булаа авт. «Нивы».

Торжество у подножія памятника Пушкина въ Москвѣ 26-го мая. Съ фот. Бродовскаго авт. «Нивы».

Штрауса не пользовался тамъ такою популярностью. Не даромъ и самъ Штраусъ признавалъ Россію своею второю родиною и написалъ множество музыкальныхъ произведеній, посвященныхъ нашему отечеству.

Штраусъ родился въ 1825 г. въ Вѣнѣ. Уже шестилѣтнимъ ребенкомъ онъ сочинилъ первый свой вальсъ, который былъ напечатанъ и до сихъ поръ не забытъ. Странное дѣло: отецъ его, выдающійся музыкантъ, признанный всею Вѣною также «королемъ вальсовъ», не оцѣнилъ дарованій своего сына и даже разошелся съ своею женою изъ-за того, что она всячески поощряла сына къ композиторской дѣятельности. Такимъ образомъ Штраусъ, какъ и многіе выдающіеся люди, обязалъ матери своею позднѣйшею громкою славою. Восемнадцати лѣтъ отъ роду онъ уже дирижировалъ оркестромъ и приводилъ вѣнцевъ въ восторгъ своимъ исполненіемъ легкой музыки. Всю жизнь онъ творилъ съ лихорадочнымъ жаромъ. Случалось, что онъ гдѣ-нибудь въ ресторанѣ сочинялъ вальсы на меню обѣдовъ или ужиновъ. Одинъ изъ лучшихъ его вальсовъ написанъ во время прогулки на кредиткѣ за несимѣиіемъ листа бумаги. Въ предсмертныя часы онъ еще отбивалъ тактъ рукою на одѣялѣ. Жилъ онъ только музыкою и для музыки. Посмертная воля его также свидѣтельствуеетъ объ этомъ. Все свое крупное состояніе, нажитое музыкальными произведеніями и концертами, онъ завѣщалъ одному изъ вѣнскихъ музыкальныхъ обществъ. Доходы съ этого состоянія составляютъ много десятковъ тысячъ гульденовъ. Такимъ образомъ музыкальное искусство получило отъ покойнаго Штрауса и очень крупный матеріальный даръ.

Политическое обозрѣніе.

Давнишній споръ Англій съ Трансваальской республикой возгорѣлся съ новою силою. Нѣсколько недѣль тому назадъ правительство республики буровъ раскрыло въ Йоганнесбургѣ крупный заговоръ, и подстрекателями снова оказались англичане. Этотъ новый инцидентъ обострилъ отношенія трансваальцевъ къ англичанамъ. Для выясненія накопившихся недоразумѣній назначено было свиданіе губернатора капской земли съ президентомъ Трансваальской республики Крюгеромъ. Переговоры, однако, не привели къ благополучному концу.

Въ опубликованной 3-го іюня англійской «силой книгѣ» британскій министръ колоній подвергъ рѣзкой критикѣ всю систему управленія Трансваальской республики. Этотъ документъ послужилъ неопровержимымъ подтвержденіемъ намѣреній британскаго правительства произвести давленіе на буровъ, чтобы принудить ихъ уступить требованіямъ Англій.

Споръ Англій съ Трансваальской республикой сводится въ общихъ чертахъ къ слѣдующему: трансваальцы, потомки голландскихъ переселенцевъ, отказываются въ гражданскихъ правахъ такъ-называемымъ унтлендерамъ—разнымъ пришлымъ золотопромышленникамъ, не обнаруживающимъ намѣреній стать осѣлыми жителями республики. Прославившійся въ свое время набѣгъ послѣднихъ на республику, какъ известно, потерпѣлъ полную неудачу. Англій приняла подъ свое покровительство вождя шайки, Джамсона, и его сподвижниковъ, и трансваальское правительство передало виновниковъ заговора британскимъ властямъ, потребовавъ лишь возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ бурямъ разбойничьимъ набѣгомъ.

Во время продолжительныхъ переговоровъ по этому вопросу, Англій, заступаясь за унтлендеровъ, предъявила къ Трансваалу слѣдующія требованія: права гражданства республики буровъ приобрѣтаютъ всѣ унтлендеры, прожившіе въ Трансваалѣ пять лѣтъ; присяга на подданство должна быть измѣнена въ томъ смыслѣ, чтобы унтлендеръ, становясь гражданиномъ Трансваала, могъ продолжать считаться британскимъ подданнымъ; принявшій трансваальское подданство получаетъ всѣ права гражданина республики буровъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Англій отказалась отъ уплаты убытковъ за набѣгъ Джамсона и отъ обѣщанія уступить республикѣ буровъ половину побережья Индійскаго океана для доставленія Трансваалу выхода къ морю.

Дѣйствуя въ миролюбивомъ духѣ, президентъ Крюгеръ предложилъ Англій: непрѣмленнымъ условіемъ приобрѣтенія правъ гражданства должно быть двухлѣтнее пребываніе въ странѣ; избирательное право дается унтлендерамъ пять лѣтъ спустя; всѣ поселенцы до 1890 г. получаютъ избирательное право не ранѣе 1902 г.;

для желающихъ принять подданство устанавливается имущественный цензъ—владѣніе недвижимостью въ 150 фунтовъ стерлинговъ или годовой доходъ въ 200 фунтовъ, или же плата за помѣщеніе въ 50 фунтовъ стерлинговъ; при ходатайствѣ о подданствѣ должны быть представлены доказательства, что унтлендеръ пользовался въ своемъ отечествѣ всѣми правами гражданина; въ присягѣ унтлендеръ отрывается отъ прежняго подданства. Всѣ эти предложенія сдѣланы Трансваалемъ подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы британское правительство обязалось впредь передавать всѣ споры Англій съ республикою буровъ—третьему суду.

Губернаторъ Капской земли, по приказанію изъ Лондона, прервалъ недавно переговоры съ президентомъ Крюгеромъ. Депутатъ гражданъ въ Капштадтѣ губернаторъ сообщилъ, что англійскую политику относительно Трансваала, чуждую-де агрессивныхъ цѣлей, скорѣе можно назвать политикою величайшаго терпѣнія; Англій не допуститъ-де, чтобы эта политика стала политикою нерадѣнія къ собственнымъ интересамъ; если Трансвааль не уступитъ, придется прибѣгнуть къ инымъ мѣрамъ для достиженія намѣченной цѣли.

Въ совѣтѣ британскихъ министровъ трансваальскій вопросъ послужилъ предметомъ серьезнаго обсужденія. Въ Лондонѣ приняты энергичныя мѣры на случай военныхъ дѣйствій въ Трансваалѣ; къ предполагаемому театру войны уже отправленъ значительный отрядъ войска; начаты приготовления къ отправкѣ подкрѣпленій. Дѣйствія англійскаго правительства вызвали множество тревожныхъ толковъ. Лондонская печать высказала мнѣніе, что война съ Трансваалемъ—дѣло весьма возможное.

Съ своей стороны президентъ Крюгеръ сдѣлалъ еще уступку Англій: имущественный цензъ пониженъ до 100 фунтовъ стерлинговъ дохода и отменено требованіе формальнаго отреченія отъ прежняго подданства.

Трансваальскій парламентъ, фольксраадъ, принялъ этотъ проектъ и постановилъ, до введенія новаго закона, обратиться съ воззваніемъ къ народу. Президентъ Крюгеръ благодарилъ за довѣріе, указалъ на неопредѣленность выхода изъ нынѣшняго тревожнаго положенія и заявилъ, что онъ ничего не уступитъ, потому что дать больше ничего не можетъ. «Да поможетъ Господь бурямъ!»—воскликнулъ онъ.—Трансвааль уже разъ лишился-было независимости, но, съ Божіею помощію, удалось возстановить ее.

По свѣдѣніямъ изъ Лондона отъ 9-го іюня, съ обѣихъ сторонъ происходить значительныя приготовленія къ войнѣ; на помощь Трансваалу готовится выступить Оранжевая республика. Такимъ образомъ въ Южной Африкѣ можно ожидать кровопролитія.

Іоганъ Штраусъ. † 22-го мая 1899 г.
Съ фот. грав. Шюбертъ.

Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

Съ 5-го по 11-го іюня поступило пожертвованій отъ: Мосоловой (СПБ.)—3 р., А. Ш. (Москва)—3 р., Б. Н. Ф. (СПБ.)—3 р., Спозгоржевскаго (Зельцъ)—25 к., невѣстнаго (Анновка)—6 р. 28 к., крестьянъ м. Апповскіи, Екатор. губ.—4 р. 22 к., Н. Н. Аванасьева (Кіевъ)—2 р., Е. Я. Плясугъ (Чаплинка)—35 к., Жижцаго (Николаевъ)—25 к., NN (Черноморія)—2 р., Люси (Одесса)—50 к., Г. И. Абабьева (Одесса)—1 р. 05 к., Р. А. Божичкой (Каменецъ)—10 р., свящ. о. С. Кузьмичева (Иновка)—5 р., Ивлиевой (Липецкъ)—28 к., невѣстной (с. Юзкуи)—1 р., изъ Покровскаго отъ: Липюгиной—1 р., Журъ—1 р., Тони—1 р., Тушковой—2 р., А. М. Архангельскаго (Елисаветградъ)—50 к., отъ Вѣлскаго уѣзднаго полицейскаго управленія (собранные отъ разныхъ лицъ)—13 р., отъ А. Д. Тимофеева (Тамбовъ)—1 р., М. Я. Горбушина (Картамышевская)—1 р., Д. А. Тройловича (Шабо)—5 р., служащихъ ст. Чонгаръ К.—X.—С. ж. д.—8 р., Е. И. Боржекова (составляющее чистую выручку отъ лекцій с. Пушкинѣ, читанныхъ имъ въ Н. Новгородѣ)—24 р. 78 к., Жени, Володи и Сережи (Лоткино)—7 р., изъ м. Козыки отъ: М. Яхонтовой—2 р., свящ. о. Н. Яхонтова—2 р., С. Я. М. (Прасковья)—14 р., Е. К. и А. К. (Ярославъ)—1 р., невѣстнаго (Аасенъ)—1 р. 50 к., невѣстнаго (Ташкентъ)—3 р., невѣстнаго (Stuttgart)—5 р., пд. Я. Я. С. (Шубково)—1 р., А. А. Васильева (Енисейскъ)—1 р., Ф. И. Мордвинова (Туголѣсъ)—1 р., Тамарочки (Намалково)—

72 к., чиновъ управленія мѣскаго почтово-телегр. округа—27 р. 55 к., П. С. В. (Люцинь)—1 р., Нины и Тани (Ліда)—2 р., Р. А. Воскобойникова (Лодзь), собранные отъ четырехъ лицъ—5 р., подписчика № 110405 (Томскъ)—5 р., И. Басаргина (Царицынъ)—1 р., невѣстной (Зеньковъ)—1 р., Г. Попатилло (Бѣлополье)—1 р. 25 к., подписчицы (Рязань)—1 р., Ярошевской (Витбескъ)—4 р., Коли, Маруси и Сережи Бекманъ (Дорогобужъ)—3 р., К. Андонова (Александровскъ)—3 р., П. Вальевича (Стародубъ)—2 р., Фигорскаго (Ново-Павловка)—2 р., Лапичкаго (Rezausk)—1 р., свящ. о. Удимова (Омскъ)—1 р., Тарасова (Сѣвса)—1 р., Мт. А. (Козаковъ)—25 р., отъ Шеткиныхъ (Доброполье): И. Н.—50 к., А. И.—10 к., Е. И.—10 к., Сапи и Райи Мошковичей (Городище)—70 к., подписчика № 88390 (Звѣржицекъ)—35 к., отъ Реховыхъ: И.—10 к., Е.—10 к., М.—20 к., Т. Д. Ждановой—2 к., М. В. Шуйскихъ (Нальчикъ)—1 р. 50 к., М. Барониной (Нальчикъ)—50 к., Б. Леонтовича (Вогодуховъ)—2 р., Н. И. (Сороки)—2 р., А. А. Степанова (Ватумъ)—3 р., Г. А. Павлова (Каменская)—10 р., А. В. Коншевскаго (Наманганъ)—25 к., X—1 р., С. Завьялова (Алатырь)—21 к., Н. П. Мельникова (Чимкентъ)—25 к., А. Г. Дмитріевой (Нижнедѣвичскъ)—28 к., отъ учителя Дебальцевскаго училища, собранные отъ учащихся (ст. Дебальцево)—16 р. 05 к., отъ А. И. Вуренина (собранные отъ фирмы Эмилъ Вюртлеръ и К°—20 р., отъ другихъ лицъ изъ Дубовій Балки—14 р.)—34 р., свящ. о. І. Атанаѣвича (м. Букн)—17 р., А. К. (Тверь)—5 р., полк. Теллева (ст. Нерпестъ)—1 р. 75 к. итого 323 р. 70 к., а съ пріеде поступившими всего 3266 р. 17 к.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ВѢРИТЬ ИЛИ НЕ ВѢРИТЬ?

Научный обзоръ загадочныхъ явленій. Д-ра В. В. Витнера. Съ 43 рисунками въ тексты. СПб. 1899 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ПАВЕЛЬ БУРЕ В. № 12204 6-6

поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23. Москва, до Б. Лубянской, № 8, противъ Кузнецкаго моста.

♦ **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ** собственной фабрики ♦
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. бесплатно.

ТОЛЬКО 4 Р. 90 к.; 2 за 9 р. 55 к.;
3 за 13 р. 90 к.

ПРЕЛЕСТНОЕ ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО 56-й ПРОБЫ
съ искусств. ПРЕВОСХОДНЫМЪ БРИЛЛАНТОМЪ

БЕЗЪ ФОЛГИ ИЛИ ПОДКЛАДКИ, такъ что
трудно
узнать отъ настоящаго брилліанта. Цѣны съ пересылкою въ
Европ. Россіи

БАЗАРЪ МАРКЪ С.-Петербургъ,
Невскій, № 20—31.

ЛОЗЕ MAIGLÖCKHEN

Эссенція для платковъ — Мыло — Туалетная вода — Рисовая пудра —
Брильянтинъ — Духи для комнатъ № 6442 (102)

НОВѢЙШІЕ ЦВѢТОЧНЫЕ ДУХИ:
ЛОЗЕ „VIOLETTA REGIA“

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46, Егерштрассе, Берлинъ.

Получить можно также во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ
магазинахъ и у лучшихъ куаферовъ.

НОВѢЙШІЯ АМЕРИКАНСК. СКОРО-ПИШУЩІЯ МАШИНЫ

„ЮСТЬ“

Безусловно лучшія изъ всѣхъ существующихъ системъ.

Каталоги и обученіе бесплатно.

Торгов. домъ А. М. ГУСЕВЪ и К^о.
С.-Петербургъ, Большая Морская, 30.

Импортъ различныхъ машинъ, орудій и аппаратовъ. Полное оборудованіе фабрикъ, заводовъ и мастерскихъ.
Постройка подъѣздныхъ путей и узко-колейныхъ жел. дор.

В. № 12428 **СТРОИТЕЛЬНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.** 2-2

!!! ПОСЛѢДНЕЕ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ !!!
Часы американскаго золота можно приобрести у
М. ГОРДОНЪ, Варшава,
Маршалковская, № 119.

Изящно! Прочно! Практично! Дешево!
Трудно отличить отъ дорого стоящихъ золотыхъ часовъ. Механизмъ самаго лучшаго совершенства, Анкеръ, ходъ на 23-хъ камняхъ (удостоены медаліи). Всѣ три крышки американскаго новаго золота. Къ каждому часамъ бесплатно прилагается цѣпочка новаго золота съ брелокомъ, въ изящномъ футлярѣ. По желанію заказчика, гравирову его монограмму на верхней крышкѣ. Часы изготовляются подъ личнымъ наблюденіемъ. Полная гарантія фирмы за вѣрность хода на шесть лѣтъ. Громадный сбытъ даетъ мнѣ возможность, вмѣсто рекламируемыхъ другими за 16 и 20 р., предложить ихъ **ТОЛЬКО ЗА 10 и 12 руб.**

Такіе же дамскіе — на одинъ рубль дороже. Пересылка за счетъ фирмы! Р. С. Вышеупомянутые часы съ приложеніями высылаются по полученіи 1 рубля задатка. Остальные же налож. платеж. Иллюстр. прейсъ-курантъ высыл. бесплатно. Адресъ: складъ часовъ **М. ГОРДОНЪ, Варшава, Маршалковская, № 119.** Во избѣжаніе поддѣлокъ каждый экземпляръ снабженъ пломбой и утвержденъ департамент. торговли и мануфактуръ за № 3056.

КОНЧИНА МІРА.

Очеркъ. Новый нотозъ. Столкновение съ кометой. Ц. 25 коп. (съ перес. марками 35 к.). СПб., Вознесенскій, 37, кв. 32. Красильниковъ.

Крахмальные заводы

по **ново-реформированной системѣ Уланда**

обеспечиваютъ наибольшій доходъ!
Спеціальное заведеніе для устройства и перестройки крахмальныхъ заводовъ
В. Уландъ, Лейпцигъ.
Прейсъ-куранты бесплатно.

Московское Товарищество повсемѣстнаго артезианскаго водоснабженія, орошенія и осушки

Б. И. фонъ-ВАНГЕЛЬ,
Москва, Покровская, собств. д., № 84, Телефонъ № 2163,

принимаетъ на себя устройство артезианскихъ колодезевъ
для полученія чистой воды для городовъ, мѣстностей, желѣзныхъ дорогъ и частныхъ лицъ.

Сооруженіе полныхъ насосныхъ станцій
ручного и машиннаго дѣйствія, вѣтранными, керосиновыми и приводимыми въ дѣйствіе горячимъ воздухомъ двигателями.

Собственники привилегіи для всей Россіи на патентованные пневматическіе элеваторы „Мамутъ“ для подъема воды изъ артезианскихъ колодезевъ, съ большой глубины, а также и для подъема другихъ жидкостей, какъ-то: нефти, кислотъ, бумажной массы, барды, сточныхъ водъ разныхъ видовъ — холодныхъ, горячихъ, иловатыхъ и песчаныхъ. Единственно надежное насосное сооруженіе, не требующее ремонта, такъ какъ въ скважинѣ не имѣется движущихся и трущихся частей, какъ, напр., поршней, цилиндровъ, клапановъ и пр.

Продажа комплектовъ буроваго инструмента, составленныхъ на основаніи собственной многолѣтней практики, буровыхъ трубъ и др. необходимыхъ матеріаловъ: а) для буренія въ ручную и машиннымъ способомъ, б) для изысканія полезныхъ ископаемыхъ, в) для устройства артезианскихъ и абиссинскихъ колодезевъ. Геологическія изысканія для разныхъ цѣлей. Устройство аппаратовъ для смягченія жесткой воды, употребляемой для питанія котловъ и другихъ промышленныхъ цѣлей. Сооруженіе фильтровъ для очистки мутной воды. Ц. № 11593 5-5

По востребованію высылаются прейсъ-куранты и смѣты.

ШКОЛА МАССАЖА

утвержд. мед. департ. Курсъ 6-ти мѣсячн.
Плата 50 руб. № 12452
Проешенія подаются учениц. З. И. Вонгеровой, Минскъ губ.

БЕЗПЛАТНО

высылаю условія и пробныя лекціи заочнаго обученія кройкѣ и шитью дамскихъ и дѣтскихъ гардербовъ. В. В. Бенедиктовъ, Москва, Тихвинская ул., д. Александровой, кв. № 2.

КРАСИВО ПИСАТЬ выучивается всякій заочнѣо (иссредствомъ переноски) въ 15 уроковъ у профессора каллиграфіи **А. КОССОДО.**

Методъ премированъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ золотой медаліи. За 4 семилѣтнее марія высылается **ПРОБНОЕ ПИСЬМО** шрифтовъ, подробныя условія и образцы исправленія почерк. заочн. учен. Адресъ: Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

15 15
рублей рублей

Безъ Пользы!
въ видѣ рекламы.

Только для распространенія въ Россіи нашего издѣлія мы продаемъ по собственной фабричной цѣнѣ настоящее **американскіе часы**

Plaque Remontoir
съ двойными крышками. Часы эти, которіе отъ настоящихъ золотыхъ отличить совершенно невозможно, продаемъ мы по собственной фабричной цѣнѣ **ТОЛЬКО въ видѣ рекламы,** что разумеется составляетъ въ торговѣ исключительную рѣдкость. Антиматематически механизмъ не уступаетъ механизму часовъ стоющихъ 300 рублей, крѣпкіе крышки устроены по новейшей системѣ и покрыты плотнымъ слоемъ 18ти каратовымъ золотомъ.

Предъ отправкою часовъ покупатель вселкій экземпляръ тщательно провѣряется и снабжается нашимъ ручательствомъ на 3 года

Цѣна за штуку только 15 рублей, такіе же дамскіе часы 20 рублей. Мужскіе цѣпочки „Plaque“ танцерыне, высочіе односторонне или двойные съ эlegantными брелками 3 рубля. Дамскіе шейные или „Chatelaine“ съ эlegantными брелками 3 рубля. Въ цѣны включены уже уплаченные нами въ Россіи пошллина и пересылочные расходы. **Заказы исполняются немедленно по полученіи денегъ или наложеннымъ платежемъ.** Съ требованіями можно обращаться на русскомъ языкѣ. Адресъ:

ANTON RIX & BRUDER
Wien, Praterstrasse 16.

ЧЕРНИЛА ЛЕОНГАРДИ.

Спеціальность: Первоклассныя по отзывамъ государственн. учрежденій **Желѣзисто-орѣшковые чернила**

Наилучшія: для книгъ, актовъ, документовъ и письменностей всякаго рода.

Копировальныя чернила.
Чернила для письма и копированія.
ЧЕРНИЛА ДЛЯ КНИГЪ.
„Атраль“ (жидкая китайская тушь). Несмывающаяся тушь для бѣлыя. Жидкій клей и гумми.
Краски и подушки для штемпелей.
„КАРИНЪ“ краска для клейменія мяса, безвредна, скоро всмѣкаетъ, но расплывается отъ воды.
Автографич. и гектографич. чернила. Гектографич. листы и масса.
Химич. фабрики чернилъ, основ. въ 1826 г.

Авг. ЛЕОНГАРДИ
въ Дрезденѣ.

Изобрѣтатель и единств. фабриканта всемирно-извѣстныхъ 10-4
Алицариновыхъ чернилъ для письма и копированія, легко стекающихъ и вполнѣ прочныхъ желѣзисто-орѣшковыхъ чернилъ 1-го класса. Во избѣжаніе поддѣлокъ проситъ обращать вниманіе на завѣд. въ Россіи этикетъ и фабрич. предохранит. марку.

Неподдѣльно только съ соей предохранительной маркой.

1000 велосипедов на складе
**РАЗНООБРАЗНѢЙШІЙ
ВЫБОРЪ!**
ТРЕБУЙТЕ
КАТАЛОГЪ!

ТОВАРИЩЕСТВО
М. Брок
МОСКВА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Кіевъ, Одесса, Екатеринбургъ, Варшава, Ростовъ

№ 4711
Рейнская фиалка
Поставлена Императорскому Высочайшему
Ферд-Мюльгенсу
Колокольня № 4711 въ Кельнѣ на Рейнѣ и Ритъ
ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЙ СВѢЖІЙ ЗАПАХЪ ФІАЛКИ.
безъ примѣсы (мускуса, пачулы и проч)
Модный Парфюмъ Зеленосвѣтскихъ круговъ.
Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ.

**Лѣчебница
ДЛЯ СТРАДАЮЩИХЪ
ЗАКАНИЕМЪ**
№ 12430 и др. болѣз. рѣчи 3-3
Д-ра мед. **НЕТКАЧЕВА.**
Москва, Пикетскій бульв., д. Прибылова.

Уничтожаетъ
Мозоли и бородавки
"МОЗОЛИНЪ"
А. РЕЙНГЕРЦЪ.
Продается въ аптекахъ, аптекарскихъ
и Резиновыхъ магазинахъ Россіи.
Оптомъ у А. РЕЙНГЕРЦЪ, Олонецк. 10;
10: Рождественск. № 24.

Самое прочное и богатое
ВЪ МІРѢ

Страхованіе жизни

Излишекъ имущества надъ об-
стоятельствами—около
111 милліоновъ рублей

Главное для Россіи Управление
Общества «Эквитеблъ»:
С.-Петербургъ, Невскій пр. 21.
Главноуполномоченный
ц. № 12442 **И. И. Поповъ.**
6-1

Общество „Эквитеблъ“

**БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
АЛЕКСАНДРА КУТУЗОВА,**
С.-Петербургъ, Невскій пр., 29—31, рядъ съ Думой. Отдѣл.: Садовая, 32.
Имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что она платитъ:

по текущему счету	4 1/2%
по вкладамъ: на годъ и болѣе	по соглашенію
на 6 мѣсяцевъ	6%
на 3 мѣсяца	5 1/2%
по востребованію	5%

Контора открыта отъ 9 до 5 час. веч.; по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ закрыта.

СОВЕРШЕНСТВО КОНЦА ВЪКА!
Привилегія № 2152.
Новообретенная коросинная кухня признана повсюду самой лучшей:—не коптитъ, горитъ безъ дымка и напоса голубымъ огнемъ жаритъ пламенемъ, употребляя въ часъ на 1/2 к. керосина, быстро кипятитъ воду и варитъ пищу. Цѣна 2 руб.
Высылаются и налож. плат. Пересылка за 2 фута.
Прешу адресовать:
М. ЛЕВИНУ, Варшава, Таомаская, № 9.

Для смягченія и бѣлизны кожи.
КАЛОДЕРМА
ЖЕЛЕ КАЛОДЕРМА. * МЫЛО КАЛОДЕРМА.
Ф. Вольфъ и Сынъ въ Карлсруэ.
Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

TEINTURE
Instantanée
NIGRITINE
NOIR, CHATAIN, BRUN
GELLÉ FRÈRES
6, Avenue de l'Opéra, 6
PARIS

ДЕШЕВЫЯ ЦѢНЫ,
превосходный товаръ.

Жестябессы Петровскія
линіи,
№ 8.
БАНЦГАФЪ и К°, Москва.

КАРМАННЫЙ ПИСЬМЕННЫЙ ПРИБОРЪ
№ 19, заключающій въ себѣ самокрасящій штемпель для краски: имя, отчество и фамилія, перо, карандашъ и сургуч. печать изъ 2-хъ буквъ и 1 р. съ перышкою.

Портмонз со штемпелемъ № 20 съ 5-ю отдѣленіями для звонкой монеты и золота, самой лучшей опойки изъ одного куска съ механическимъ затворомъ, содержащимъ каучуковый штемпель съ подушкой для краски. Въ штемпелѣ можно помѣстить имя, отчество, фамилію и званіе, по желанію и коронку. Наружная величина 2 1/4 x 1 3/4 в. Цѣна 1 р. 85 к. Также дамскія изысканія, размеромъ 1 3/4 x 1 верст. по тѣмъ же цѣнамъ. Цѣны съ перышкою въ Европейскую Россію, въ Азіатскую же—съ прибавленіемъ части въсвоыхъ. Съ наложнымъ платежомъ на 10 коп. дороже.

Требованія высылаются по полученію полной стоимости или не менѣе 1 руб. При заказѣ не менѣе 5-ти руб. прилагаются бесплатно 100 штукъ визитныхъ карточекъ, отпечатанныхъ на хорошей бristolской бумагѣ. Заказы и деньги просимъ адресовать въ контору фабрики штемпелей **И. С. Зилана** въ Вѣлостокѣ.

Удостоенъ награды національной Академіи Земледѣлія, Промышленности и Торговли въ Парижѣ,
**ПИСЬМЕННОЕ
ПРЕПОДАВАНІЕ ДВОЙНОЙ
БУХГАЛТЕРІИ**
на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, вполне замѣняющее устное преподаваніе. Масса благодарн. и отличныхъ отзывовъ. Окончившимъ, по желанію, выдается удостовѣреніе объ изучен. предмет. подъ моимъ руководствомъ. Преподаватель бухгалтеріи, членъ Национальн. Академіи Землед. Промышл. и Торговли въ Парижѣ,
А. Н. ЯНГОВСКІЙ, РИГА.
Условія и пробныя письма высылаю бесплатно. Предостерегъ отъ подражаній. Полная гарантія успѣха. Плата умеренная.

БЕЗЪ СОМНѢНІЯ
самая лучшая приправа къ кушаньямъ.

„Густо“
Бульонъ-Экстрактъ
Supperwürze
„Gusto“
ТОВАРИЩЕСТВО ПАРОВЪ МАШИНЫ
ЭИНЕМЪ
МОСКВА

Одной или двумя чайными ложками „ГУСТО“ на чашку горячей воды готовится моментально прекрасный и вкусный бульонъ.

Прешь-курранты высылаются по первому требованію.

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВ. ЖУРНАЛЬ
„ФОТОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“**
IV ГОДЪ ИЗДАНІЯ СЪ НОЯБРЯ 98 - ПО НОЯБРЬ 99 Г.
5 Р. ЕЖЕМѢС. ХУДОЖ. ПРИЛОЖЕН. **5 Р.**
ВЪ ГОДЪ СЪ ПЕР. **Изд. А. Ф. РЕЙНЕ МОСКВА.** ВЪ ГОДЪ СЪ ПЕР.

БРАТЯ Р. П. А. ДИДЕРИХСЪ.
Фабрика
РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО
основанная въ 1810 году СПБ., Владимірская, № 8, рекомендуетъ превосходнаго тона и отличной работы
РОЯЛИ въ 1100, 900, 800, 700, 650 и 550 рублей.
ПИАНИНО въ 550, 600 и 450 р.
Прейсъ-курранты высылаются бесплатно.

Депо въ Москвѣ: Юлій Генрихъ Циммерманъ; въ Кіевѣ: Г. Инадришегъ; въ Ригѣ: Г. Энгельманъ; въ Воронежѣ: Р. Т. Шугамъ; въ Баку: Ф. И. Шрейберъ; въ Тифлисѣ: В. М. Мириманянъ; въ Уфѣ: Л. Я. Дворжецъ.

**МЕТОДИКА
ЖЕНСКИХЪ РУКОДѢЛІЙ
М. А. ПОСПѢЛОВОЙ.**
Руководство для преподаванія рукодѣлій въ профессиональныхъ школахъ, гимназіяхъ, городскихъ и сельскихъ школахъ.

Превосходное средство для сохраненія дерева отъ гніенія
КАРБОЛИНЪ
АКТИВНО-ДЕЙСТВУЮЩІЙ СОСТАВЪ
ФАБРИКАНТЫ
ХИМИЧЕСКАЯ ЗАВОДЪ
БРАТЯ ЭРЛЕНБАХЪ
СПЕТЕРБУРГЪ, ЧРТОА С. А. № 18
Прешь-куррантъ высылаются бесплатно.

По повѣстей французской методѣ
„ВОРТА“ 10-10
обучаю кройкѣ и шитью дамскихъ, дѣтскихъ нарядовъ, верхн. платья, бѣлы и корсетовъ въ школѣ и заочно посредствомъ лекцій. Плата впередъ не взимается. По окончаніи установленное свидѣтельство. Условія высылаю бесплатно. Кіевъ, В. Васильевская д. № 89.
Преподавательница **Е. Д. АШМАРИНА.**

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1899 г.

Безъ доставки въ Петербургъ . . . **5 р. 50 к.**
 Безъ дост. въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи . . . **6 р. 25 к.**
 Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ км. маг. «ОБРАЗОВАНІЕ», Ришельевская, 12. . . **6 р. 50 к.**
 Съ доставкою въ Петербургъ . . . **6 р. 50 к.**
 Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи . . . **7 р.**
 За г-ра . . . **10 р.**
 На ¼ года съ дост. въ СПБ. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на ½ года съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

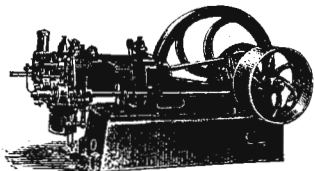
Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ „Нивы“ съ 1-го іюля, Контора покорнѣйше просить гг. подписчиковъ, не внесшихъ полной годовой подписной платы за „Ниву“ 1899 г., озаботиться скорѣйшей присылкой слѣдующаго срочнаго взноса. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероли, подъ которою получается ими „Нива“.

Содержаніе:

ТЕКСТЪ: Заявленіе.—Зачѣмъ билось въ сердце?.. Разсказъ Т. Л. Щепкиной-куперникъ.—Невысказанное. Стих. Б. Нионова.—Друзья по-неволь. Очеркъ В. А. Фрей.—Гдѣ рисункамъ: На лонѣ природы.—Въ поискахъ натуры.—Урокъ чтенія.—Философъ изъ Санъ-Суси.—Покинутая келья.—Гдѣ же рыба?—Памятникъ подвигамъ л.-гв. Сапернаго баталіона.—Городской ломбардъ въ Петербургѣ.—В. Л. Геллеръ.—Роза Бонерь.—Карлотта Гризи.—Политическое обозрѣніе.—Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.—Объявленія.

РИСУНКИ: На лонѣ природы. Рис. Л. Детмана.—Въ поискахъ натуры. Картина В. И. Андреева.—Урокъ чтенія. Картина И. Дмитріева.—Философъ изъ Санъ-Суси. Скульптура Магнуссена.—Покинутая келья. Картина Г. Стеффанъ.—Гдѣ же рыба? Картина Г. Каульбаха.—Друзья по-неволь: Растенія, излюбленныя муравьями (2 рис.).—Памятникъ подвигамъ л.-гв. сапернаго баталіона въ Петербургѣ, освѣщенный 6-го іюня т. г.—Наружный видъ петербургскаго городского ломбарда.—Внутренній видъ петербургскаго городского ломбарда.—В. Л. Геллеръ.—Роза Бонерь.—Карлотта Гризи.

Англійскіе

КЕРОСИНОВЫЕ и ГАЗОВЫЕ ДВИГАТЕЛИ

сист. Кросслей-Отто
 предлагають
 торговый домъ
Братья ГАНТЕРТЬ.
 Петербургъ, Малая Морская, 21.
 Москва, Театральный проѣздъ, домъ
 Хлудова.

КЕРОСИНОВЫЕ ДВИГАТЕЛИ
 всегда на складѣ.
ТРЕБУЙТЕ
 списки двигателей «КРОССЛЕЙ ОТТО»
 поставлен. въ Россіи.
 Имѣются спеціальныя двигатели для
 электрическаго освѣщенія.

КРАСИВО выучивается всякій заочнo
 (посредствомъ переписки)
 въ 15 уроковъ у
ПИСАТЬ профессора каллиграфіи
А. БОССОДО.
 Методъ преподаванія на Парижской
 всемирной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ
 золотой медали. За 4 семилеточныя
 марки высылается **ПРОБНОЕ ПИСЬМО**
 шрифтовъ, подробныя условія и образцы
 исправленій почерк. заочн. учен. Адресъ:
 Профессору каллиграфіи Адольфу Бос-
 содо въ Одессѣ, Дерибасовская, д. № 19.

ФОТОГРАФЪ К. К. БУЛЛА,

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Садовая улица, д. № 61, противъ Адреснаго стола.

Всегда подготовленъ къ выѣзду и отправляется по приглашенію куда бы то ни
 потребовалось. Снимаетъ все, не стѣняая помѣщеніемъ, неждѣ и всюду — какъ
 днемъ, такъ и во всякое вечернее время — при своемъ искусственномъ свѣтѣ.
 Портреты съ умершихъ, группы во всякомъ составѣ, внутреннія обстановки
 комнатъ, залъ, выставки и т. п.
 Всякіе архитектурные предметы, какъ внутренне, такъ и наружные фасады, дома,
 фабрики, мастерскія съ рабочими, машины, желѣзныя дороги, памятники, магазины,
 выды и проч.
 Различныя сцены и типы, снимки съ древнихъ и старин. предметовъ, открытіе
 и освѣщеніе зданій, юбилейныя торжества и др.
 Моментальныя снимки съ лошадей, собакъ и другихъ животныхъ.
 У себя въ павильонѣ: портреты и группы всѣхъ форматовъ. Увеличеніе со всякихъ
 картъ — до натуральной величины. № 11877 12—6

ПРИГЛАШАЮТЪ

дѣятельныхъ агентовъ. Обращаться
 письменно: Банкирскій домъ Генюихъ
 Блонкъ. С.-Петербургъ, 59, Невскій.

УРОКИ ПО

● БУХГАЛТЕРІИ ●

по спец. методу пут. корресп.
В. В. РАУЭРТЪ, Либава.
 Пробн. лекція высыл. бесплатно.

ЮВЕЛИРЪ

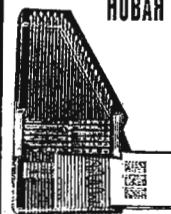
К. И. БОКЪ

бывшій

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, БЮЛЕРЪ. МОСКВА,
 Большая Морская, 9. Кузнецкій мостъ, 6.

Громадный выборъ брилліантовыхъ и золотыхъ вещей на всякія
 цѣны. Изготовляетъ всевозможныя жетоны, какъ-то: Всероссий-
 ской выставки въ Н.-Новгородѣ 1896 г., XII междунаро-
 данаго медцинскаго конгресса въ Москвѣ, V фотографич-
 еской выставки Императорскаго Техническаго общества
 въ С.-Петербургѣ, 100-лѣтняго юбилея министерства путей
 сообщенія и мн. др. Покупаетъ золото и драгоцѣнные камни.

№ 12039 12—6

НОВАЯ НАРОДНАЯ ЦИТРА

съ патентованными
 подкладными ли-
 стами, на которой
 каждый незнако-
 мый съ чтеніемъ
 нотъ можетъ точ-
 ность же играть по
 подкладнымъ ли-
 стамъ. Цена безъ
 листовъ 8 р. Под-
 кладные листы по
 15 коп.

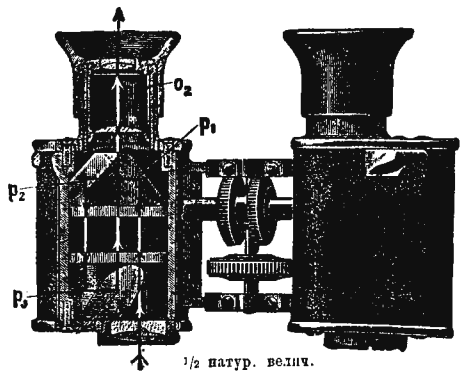
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.
 С.-Петербургъ, В. Морская, 31.
 Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

ЗАЙКАНИЕ

дѣлится въ лѣчебномъ учрежденіи
 И. И. Гимиллера. Москва, Новая
 Басманная, д. Ланіна. **ПЛА-**
ТА ПО ИЗДѢ-
ЧЕНІИ.
 Условія высылаются бесплатно.

ФАБРИКА
и СКЛАДЪ
Бруно Зенгеръ & К^о
 С.-Петербургъ, Невскій П. № 25 (бывшій Кавказскій)
Фотогр. Аппараты
 и Принадл.
 (Кратк. Прейсъ-Курантъ-Биллетъ)
 № 12329 9—7

НОВЫЕ БИНОКЛИ ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫЕ TRIEDER-BINOCLE

1/2 натур. велич.

№ 12089 6-3

„Бинокли-Триедеръ“ значительно превосходятъ все до сихъ поръ употребляемые бинокли (театральные, полевые и пр.), увеличивая, при одинаковомъ съ ними полѣ зрѣнія, въ 8—10 разъ **силнѣе**, а при одинаковомъ увеличеніи захватывая въ 8—10 разъ **болѣе обширное поле зрѣнія**. Въ принципѣ „Бинокль-Триедеръ“ представляетъ собою кеплеровскую трубу, съ тѣмъ лишь, что картина въ немъ воспроизводится посредствомъ системы призмъ. „Бинокль-Триедеръ“ незаметимъ въ театрѣ и въ дорогѣ, а также для военныхъ, моряковъ, охотниковъ, на сначкахъ и на гонкахъ. На каждомъ биноклѣ имѣется наша фирма. Получать по фабричнымъ цѣнамъ можно, кромѣ нашего оптического заведенія, во всѣхъ лучшихъ оптическихъ магазинахъ или же, гдѣ таковыхъ нѣтъ, черезъ г. Карла Шпанъ въ С.-Петербургѣ, Дворцовая набер., 12.

Цѣна для Россіи включительно съ пошлиной и пересылкой: увелич. въ 3 раза—63 р.; въ 6 разъ—75 р.; въ 9 разъ—88 р.; въ 12 разъ—100 р. Подробныя описанія устройства и прейсъ-курantzъ высылаются бесплатно.

Оптическое заведеніе
New-York, 52, East Union Square.
London, 4/5 Holborn-Circus, E. C.

C. P. GOERZ

Berlin-Friedenau.
Rhein-Strasse, 52.
Paris, 22 Rue de l'Entrepôt.

С.-Петербургъ: Карлъ Шпанъ, М. Коношная, 10.

ФОТОГРАФЫ — ЛЮБИТЕЛИ!
КУПИТЕ
АРИСТОТИПНУЮ БУМАГУ
знаменитой марки:
ДВА МЕЧА

Продается въ складахъ фотограф. принадлежностей и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Оптомъ отъ фабрикантовъ: Vereinigte Fabriken Photogr. Papiere, Dresden, A.

ЗАЯВЛЕНІЕ льчать
ОСНОВАТЕЛЬНО. Письменно и для перегов. сжоди. отъ 10 до 2 ч. утра и отъ 6 до 8 ч. веч., кромѣ воскр. и праздн. дней. С. Пбурѣ, Большая Коношная, д. № 25, кв. 5. Удостоверенія объ успѣшн. льченіи предъ-лв. у меня.

ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ.

ПО ФАБРИЧНЫМЪ ЦѢНАМЪ:

Скрипки . . .	отъ 2—100 р.
Гитары . . .	2—125 р.
Балалайки . .	1— 50 р.
Мандолины . .	5—100 р.
Цитры	2— 75 р.

А ТАКЖЕ И ДРУГІЕ
м. музык. инструменты

ПРЕДЛАГАЕТЪ
ФАБРИКА ТОРГОВАГО ДОМА
Андрей Емельяновичъ
КУЛАКОВЪ.
С.-Петербургъ, Садовая ул., № 33.
Иллюстрированный прейсъ-курantzъ
всѣмъ инструм. **ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.**

КАЧ АМЕРИКАНСКАЯ
РУЧКА СЪ ЧЕРНИЛАМИ СЪВѢТІ.
Самое лучшее Американское издѣліе.

Одинъ оборотъ руки открываетъ ручку для вливанія чернилъ. Другой оборотъ вывертываетъ **ВОЛОТОВО ПЕРО** изъ чернильницы ручни и прикосновениемъ къ бумагѣ готово къ письму. ♦ Просить обратить вниманіе на фабрич. марку и названіе „Съвѣти“ (Safety). Купить можно во всѣхъ ищетъ. магазинахъ. Главной складъ для Россіи

У Т. И. ГАГЕНЪ, МОСКВА.
♦ ♦ ТОРГОВАМЪ СКИДКА ♦ ♦
Иллюстрированныя Прейсъ-Курantzы высылаются по требованію бесплатно.

СТРАХОВОЕ **ОБЩЕСТВО** **„РОССІЯ“**

Наличные капиталы
свыше **35.000,000** руб.

Страхованія жизни,
отъ несчастныхъ случаевъ, отъ огня,
транспортвъ и стеколь.

„ЧТО
такое искусство укрѣпленія памяти?“
книга (8-е испр. и дополн. изд.) проф. мнемоники С. Файнштейна, высыл. за шесть 7-ми коп. марокъ, на велел. бумагѣ—за восемь 7-ми коп. марокъ.
Адресъ: Одесса, Гаванная ул., собствен- ный д. № 2/8,
профессору мнемоники
С. ФАЙНШТЕЙНУ.
№ 12044 10—8

По новѣйшей методѣ „ВОРТА“,
высылаю бесплатно проб. лекція и услов. заочнаго обученія крою и шитью дамск., дѣтск. нряд., верх. плат., бѣлья и корсетовъ. Школа Е. Д. Ашмаринной, Киевъ, В. Васильковская, 89.

БЕЗПЛАТНО ВЫСЫЛАЕТЪ КАЖДОМУ
книжку о кройкѣ и шитьѣ и основательно обучаетъ кройкѣ и шитью заочно, т. е. письменно на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, преподавательница практической кройки и шитья, М-мъ Найдичъ, Давидъ-Горо- № 12475 докъ, Минск. губ. 2—1

Новое изданіе **А. Ф. МАРКСА**, въ С.-Петербургѣ.
Поступила въ продажу только-что отпечатанная новая книга:
„ЛѢСНАЯ ТЕХНОЛОГІЯ“

Съ 425 иллюстраціями, соч. **Ф. К. АРНОЛЬДА**, представляющая собою необходимое дополненіе къ его сочиненію „Русскій Лѣсъ“, въ составъ котораго она вошла въ видѣ 2-й части II-го тома.

Содержаніе 2-й части II тома «Русскаго Лѣса». Въ этой книгѣ разсматриваются: свойства дерева — техническія, физическія, механическія и химическія. Фауны древесныя. Усушка и разбуханіе и ихъ вліаніе на формоизмѣненіе- мость дерева. Орудія и способы валки и заготовки лѣса. Сортименты лѣса — дровяного, строевого и подлѣочнаго, ихъ учетъ и браковка. Затѣмъ въ частности механическая обработка дерева: распиловка ручная и заводская, строганіе, сверленіе и дооблѣиваніе. Специальныя произ- водства по механической обработкѣ дерева: для бондар- ныхъ издѣлій, для оклажей, для гнупой мебели, парко- товъ, гонта, снѣлочной соломы и коровья, древесной стружки, древесной массы, мочальныхъ издѣлій, лажка- наго промысла, деревянной посуды, для шениго товара и корзино-плетенія. Въ особой главѣ разсматривается химическая обработка дерева и дѣйствіе высокой тем- пературы на дерево: углежженіе въ ямахъ, лостахъ и не- чаль; добываніе жидкихъ продуктовъ сухой перегонки дерева и переработка ихъ. Добываніе шадрика, поташа и сажн. Производство целлюлозы. Крышечная панка. Эти- ловый алкоголь. Фабрикація искусственн. шелка изъ древесныя. Извлеченіе шавелевой кислоты. Молоченіе ду- бильной коры и приготовленіе дубильныхъ красильныхъ экстрактовъ. Добываніе смоль въ естественномъ видѣ.

Аппараты для перегонки живицы подъ пониженнымъ да- вленіемъ. Переработка канифоли на масла и добываніе эфирныхъ маселъ. Паконеніе, разматривается транспортъ лѣса: устройство лѣсовозныхъ, грунтовыхъ дорогъ и спус- ковъ лѣса на горахъ; деревянно-рельсовые или лѣжневые дороги; лѣсные желѣзныя дороги; лѣсородные желоба и канатные лѣсороспуски; сплавъ лѣса; сборъ сгоняемаго лѣса; запавы пловучія и постоянныя; сплавъ лѣса въ по- тахъ; сплотка лѣса; грузовые, многорядные плоты; раз- мѣры плотовъ; сплавъ въ рамкахъ; плоты для сплава во озерамъ и по морю; потеря лѣса при сплавѣ; плавильшіе тины судовъ, служащихъ для перевозки лѣса.

Всѣ вошедшія въ книгу статьи отлвчаются ясностью изложенія, а украшающія книгу иллюстраціи (425 рисун- ковъ) облегчаютъ полное усвоеніе содержанія. Большой, изящно изданный томъ въ 8-ю долю листа, отпечатанный четкимъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, XIV+458 стр. (СПб. 1899 г.

Цѣна 2-й части II тома „Русскаго Лѣса“, не- смотря на значительный объемъ книги и ма- жество гравюръ, назначена весьма умѣренная— **4 р., съ перес. 4 р. 50 к.**

Требованія и деньги адресовать въ коотору изданій **А. Ф. МАРКСА**, СПб., М. Морская, № 22.

XXX г.
№ 26

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 12-ти ежемѣс. книгъ „Сборника“, содерж. соч. И. А. ГОНЧАРОВА, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXX
1899

Выданъ 26 июля 1899 г.

Цѣна этого № 15 к., съ порос. 20 в.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1899 г.

Заявленіе.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой проситъ насъ прервать на одинъ номеръ печатаніе его романа: „Воскресеніе“, чтобы сдѣлать въ немъ нѣкоторыя дополненія и измѣненія, требующія болѣе продолжительнаго времени. Не желая ничѣмъ стѣснять спокойную работу знаменитаго писателя и увѣренные, что читатели вполнѣ раздѣляютъ это чувство, мы исполняемъ просьбу Льва Николаевича. Поэтому мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ „Нивы“ небольшой рассказъ, а съ слѣдующаго, 27-го номера, возобновимъ печатаніе „Воскресенія“.

Зачѣмъ билось ея сердце?..

Рассказъ

Т. Л. Щепкиной-Куперникъ.

I.

Въ столовой задвигали стульями, усаживаясь за столъ. Столовая была отдѣлана въ старинномъ стилѣ: темныя, рѣзнаго дуба стѣны, полки, уставленные фаянсомъ, художественная изразцовая печь—по желтому фону лиловый рисунокъ. Сквозь цвѣтныя стекла большого окна смутно видѣлись тѣни деревьевъ; яркій свѣтъ электричества, какъ бы въ насмѣшку надъ исторіей горѣвшаго въ фламандской

На лонѣ природы. Съ рис. Л. Детмана грав. Геданъ.

люстры XVI-го вѣка, убиваль робкіе, искусственно измѣненные лучи дневного свѣта, окрашеннаго въ лиловатые, зеленоватые, кровавые оттѣнки. Въ каминѣ пылалъ огонь, а на изящно сервированномъ столѣ стояли въ хрусталѣ пышные розы на длинныхъ стебляхъ, бѣдныя дѣти юга, присланныя сюда изъ Ниццы на вѣрную смерть.

Обѣдало человѣкъ двадцать. Мужчины, во фракахъ и мундирахъ, усаживали дамъ въ свѣтлыхъ туалетахъ. Дамы дѣлали видъ, что не знаютъ, что такое аппетитъ, и съ небесными улыбками брали лежавшіе у нихъ на приборахъ пучки бѣлыхъ левкоевъ и желтыхъ кризантемъ, опуская ихъ за вырѣзъ корсажа.

Въ это время хозяйка, хорошенькая молодая женщина съ разсѣяннымъ лицомъ, сдѣлала испуганные глаза и шотономъ спросила лакея:

— Вы еще не доложили Маріи Романовнѣ, что обѣдъ поданъ?

— Докладывалъ... Ея превосходительство сейчасъ идутъ...—неслышно отвѣтилъ лакей.

Она досадливо сдвинула бровки.

«Вѣчная манера опаздывать»... подумала она про себя. Въ эту минуту двери изъ внутреннихъ комнатъ открылись, и на порогѣ показалась высокая старушка, вся въ черномъ, съ совершенно сѣдыми волосами, прикрытыми вдовьимъ чепцомъ.

Только-что начавшіе размѣщаться гости опять поднялись съ мѣстъ, чтобы привѣтствовать вошедшую. Нѣкоторыхъ изъ нихъ хозяйка дома ей представляла.

Старушка отвѣчала чуть слышно, съ доброй и слегка застѣнчивой улыбкой обводя глазами присутствующихъ, словно стѣсняясь за свой темный нарядъ, такъ рѣзко отличавшійся отъ свѣтлыхъ и нѣжныхъ тоновъ, переливавшихся вокругъ нея.

Она сѣла въ концѣ стола; обносить начали съ нея. Обѣдъ пошелъ своимъ чередомъ, а съ нимъ и обѣденные разговоры. Тихо звенѣлъ хрусталъ, постукивало серебро вилокъ о фарфоръ; все вмѣстѣ издали напоминало жужжаніе большого пчелинаго улья, но вблизи можно было разобрать отдѣльныя фразы, отрывки разговоровъ, пониженный тонъ легкаго клякства. За столомъ было около десяти дамъ—молодыхъ, элегантныхъ; если не всѣ могли назваться красивыми, то всѣ были интересны извѣстнымъ изяществомъ, неуловимой, но постоянной заботой о себѣ, блескомъ туалета, наконецъ оживленіемъ, вызваннымъ пріятнымъ сосѣдствомъ и двумя-тремя глотками шампанскаго. Были это дамы или барышни—трудно было сказать. У всѣхъ слышалось что-то одинаково смѣлое въ тонѣ, въ манерахъ; робости, дѣвической стыдливости не замѣчалось и слѣда.

Старушка, одиноко и молча сидѣвшая на своемъ мѣстѣ, невольно прислушивалась къ доносившимся до нея то справа, то слѣва разговорамъ и старалась понять ихъ. Говорили о любви, о спортѣ, о театрѣ; темы, казалось, были знакомы старушкѣ, но звучали для нея какъ-то по-новому.

Вотъ совсѣмъ юный господинъ, съ замѣтной лысинкой и узенькими плечами, серьезно допрашивалъ свою сосѣдку:

— Но отчего же вы не пріѣхали на катокъ? Неужели хоккэй пересталъ васъ интересовать?

— Что вы, что вы!—оправдывалась та, какъ будто дѣло шло о жизни и смерти.—Мнѣ просто не дали знать. Я была въ такомъ отчаяніи... Кто же выигралъ?

— Наша группа.

— Поздравляю, поздравляю!.. Вашъ голькишеръ былъ?

— Князь Лебединскій, а у противной партіи Боби

Сухновъ.

— Ха-ха-ха! А Нэтти хотѣла играть на Боби. Вотъ-то я посмѣюсь надъ ней!.. А кто же былъ у васъ bulldog'ами?

— Bulldog'и были я и Мика Вольфъ!..

— О! Съ такими bulldog'ами побѣда была несомнѣнна!

— Помилуйте, вы мнѣ лстите!

Старушка съ удивленіемъ глядѣла на молодого человѣка, которому такъ лестно было быть бульдогомъ, но съ

другой стороны стола донесся до нея отрывокъ бесѣды, привлечшій ея вниманіе еще больше. Говорили о театрѣ хорошенькая брюнетка и молодой человѣкъ съ моноклемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ступайте посмотрѣть эту вещь непременно. Я вамъ говорю, что это оча-ро-вательно.

— Федоръ Иоанновичъ... Федоръ Иоанновичъ...—повторялъ тотъ, лоя глазомъ монокль.—Никогда объ этой пьесѣ не слыхалъ. Должно-быть, новинка?

— Кажется, новинка... Это... Толстого.

— А! Того самаго, который!..

— Нѣтъ, нѣтъ, не Льва Толстого; это А. Толстой!..

— Антонъ Толстой!.. не правда-ли?

— Нѣтъ; вы все смѣшали; это есть нѣкій Чеховъ!.. онъ тоже имѣлъ большой триумфъ въ этомъ театрѣ; c'est lui qui s'appelle Antoine.

— Parfaitement, parfaitement, maintenant je me rappelle d'avoir lu quelque chose... Il y avait des télégrammes... Ну, да, именно; это театръ, гдѣ принято на каждой première посылать автору телеграмму?

— Не всегда: я была на première «Федора Иоанновича», но Толстому телеграммы не посылали!

— Да? Вѣрите послѣ этого газетамъ... Rien que de la blague!..

Немного дальше оживленно бесѣдовала еще парочка. Блондинка съ личикомъ ангела спрашивала своего сосѣда, напоминавшаго видомъ англичанина, рыжеватаго и откормленнаго сырымъ мясомъ.

— Чѣмъ же кончилась швейцарская борьба? Баронъ положилъ?

— Въ пять минутъ. Сразу взялъ Красноводскаго на мельницу и уложилъ шутя.

— Еще бы! Это чемпионъ, баронъ Ферль! Я не могу налюбоваться его бисепсами. Вотъ настоящее сложеніе Геркулеса. Хотя, по правдѣ сказать, я предпочитаю сложеніе Аполлона: изящнѣе торсъ и длиннѣе ноги.

— А какъ ваши успѣхи, вы преусиживаете?

— О да! Я теперь наконецъ дошла до того, что свободно выжимаю пять пудовъ!..

— Не оскорбляйте моего божественнаго Сандро!—слышалось съ другого конца стола, гдѣ сидѣли молодая женщина въ прическѣ и костюмѣ прерафаэлитской фигуры и художникъ съ томными глазами и въ безконечныхъ воротникахъ.

— Неужели, графиня, вы не предпочитаете мадоннъ Гирландайо? Въ нихъ есть что-то до того свѣжее... дѣтское...

— Нѣтъ, онѣ слишкомъ... vulgaires; вся прелесть Боттичелли и есть въ этой неопредѣленности, въ этомъ мистицизмѣ очертаній... А его... какъ ихъ тамъ зовутъ!..—графиня даже вздохнула.—Я часто мечтала... Какъ должна быть прекрасна такая любовь... непременно въ очень печальной обстановкѣ... грустная лунная ночь... плакучія нивы вокругъ...

— И вы, вы!—возражалъ художникъ:—способны мечтать о такой любви... Не повѣрю никогда!..

— Право... мнѣ казалось бы, что такая любовь преступна... Un crime... cela donne tant de saveur à l'amour!..

Рядомъ съ ними разговоры шли уже иного рода. Хорошенькая вдовушка, у которой все блестяло: глаза, зубы, улыбка, серъги въ ушахъ, — шутиливо жаловалась сидѣвшему возлѣ нея офицеру:

— Я же не виновата; что этотъ человѣкъ меня преслѣдуетъ своей любовью цѣлую вѣчность... вотъ уже скоро два года!..

— А что, если я вамъ скажу вѣрное средство избавиться отъ него?—спрашивалъ офицеръ, наклоняясь къ ней совсѣмъ близко.

— Вы? Да неужели? Я вамъ буду вѣчно благодарна!

— А награда?

— Какая хотите!—вызывающе вскинула она на него глаза.

— А! Въ такомъ случаѣ скажу:—если желаете избавиться отъ ухаживаній настойчиваго поклонника...

— Ну?

— Выходите за него замуж, и все будет кончено!

— Ахъ! Вы стоите награды. Нѣтъ, какъ это мнѣ раньше не пришло въ голову? Да вѣдь это гениальная мысль!— воскликнула она, откидываясь на спинку стула и весело разсмѣявшись.

Въ это время она встрѣтила взглядъ двухъ старыхъ глазъ, удивленно смотрѣвшихъ на нее. Ихъ выпѣтшая эмаль хранила выраженіе такой почти дѣтской чистоты, что она невольно опустила свои блестящіе глаза и подумала съ легкой досадой смущенія:

— Что это еще за *memento mori*, эта *belle-maman*!..

А *belle-maman* сидѣла, слушала и—думала.

«Странно... Какъ теперь трудно стало понимать разговорную рѣчь; не только французскую, но и русскую не поймешь!»

Новыя слова... новыя мысли... вѣрно-ли она поняла? «Чтобы избавиться отъ мужчины, достаточно выйти за него замуж?» Не такъ въ ея время думали... Впрочемъ, это было давно. Тогда еще барышни не говорили о ногахъ Аполлона, не выжимали пяти пудовъ... Тогда люди, соединяясь, думали, что сходятся на всю жизнь... Да такъ и было!

И почему-то ей ясно вспомнились ихъ обѣды въ «Марьиномъ», вдвоемъ со старикомъ-мужемъ, съ которымъ дружно и любовно прожила она сорокъ-три года. Сорокъ-три года неразлучно!

При этой мысли она только большимъ усиленіемъ воли не допустила просившихся на глаза слезъ, а проглотила ихъ вмѣстѣ съ ложкой *punch glacé*, сразу захватившаго ей ледомъ горло...

Когда, бывало, она съ покойнымъ Андреемъ Игнатьевичемъ сидѣла въ ихъ уютной деревенской столовой, за незатѣйливымъ, но вкуснымъ обѣдомъ, съ его любимыми блюдами, ставшими въ силу привычки и ея любимыми блюдами, и старый Федотъ приносилъ имъ въ кожаной сумкѣ привезенную со станціи почту,—отъ писемъ, написанныхъ на толстой англійской бумагѣ то твердымъ почеркомъ сына, то косымъ бисеромъ невестки, всегда на нихъ вѣяло чѣмъ-то интереснымъ, захватывающимъ, не похожимъ на ихъ обычное существованіе. Андрей Игнатьевичъ, читая о служебныхъ уснѣхахъ сына, о раутахъ, о музыкальныхъ вечерахъ принимался вспоминать ихъ жизнь съ Марьей Романовной въ городѣ, гдѣ онъ нѣсколько трехлѣтій служилъ предводителемъ. Старички оживлялись. Она шутя упрекала его въ ухаживаніи за какой-нибудь красавицей, которой теперь уже было лѣтъ подъ семьдесятъ... Наконецъ, они рѣшались собраться въ Москву, погостить у сына.

— Постой, постой!—шутилъ старикъ.—Вотъ подтянусь, побрыюсь... Надѣну всѣ ордена, да примусь поблѣдять молоденькихъ барынь; а, Машенька, что ты тогда?

И онъ заливался старческимъ смѣхомъ, довольный, что его Машенька не могла скрыть невольной обиды при этихъ словахъ.

Но такъ и не собрался ея дорогой старикъ поухаживать за московскими красавицами. Смерть застала его въ «Марьиномъ»—а ее зачѣмъ-то пощадила.

Зачѣмъ? Развѣ не мечтали они, доживъ вмѣстѣ до глубокой старости, вмѣстѣ и умереть?.. Но она всегда была сильнѣе любовью, чѣмъ онъ; въ ея любви къ нему съ первыхъ дней было не только чувство жены и подруги, а и чувство нѣжнѣйшей матери, заботливой, оберегающей его ревниво отъ всякихъ непріятностей и горя, готовой принять на себя всѣ грозящіе ему удары. И съ этимъ чувствомъ когда-то прижимала она къ груди его темнокудрую голову, съ тѣмъ же чувствомъ ласкала она эту любимую голову, когда та стала уже совсемъ серебряной...

Очевидно, ей Господь назначилъ облегчить его смерть. Онъ умеръ въ вѣрныхъ ея объятіяхъ, до послѣдней минуты чувствуя ея ласку, слыша бѣненіе ея сердца—бывшагося долгіе, долгіе годы только для него...

Какъ ребенка баюкала она его, и ласкала, и шептала ему нѣжнѣйшія имена... и вотъ его не стало—а ея сердце продолжало биться...

Зачѣмъ? для чего?..

На этотъ вопросъ она не находила отвѣта, оставшись одна въ страшно опустѣвшемъ деревенскомъ ихъ домѣ; не нашла его и здѣсь, въ городѣ, куда перевезъ ее сынъ и гдѣ она зачѣмъ-то должна была жить, двигаться, существовать...

II.

— Маман! Мы встаемъ!..—хотя сдержанно, но громко и съ легкимъ укоромъ повторила молодая хозяйка.

Марья Романовна очнулась... Она увидѣла, что одна задерживаетъ гостей, давно окончившихъ обѣдъ, и смущенно поднялась. Ея впалыя щеки чуть замѣтно порозовѣли. Мужчины, съ равнодушнымъ сожалѣніемъ взглядывая на старуху въ траурѣ, начали благодарить ее за обѣдъ и цѣловать ея сухую, блѣдную, какъ лепестки увидшаго цвѣтка, руку.

И это официальное признаніе ея правъ какъ хозяйки казалось ей странной и совѣмъ ненужной ироніей.

— Кофе поданъ въ японской гостиной...—тихо доложила ей метрдотель. Но Марья Романовна не пошла въ японскую гостиную. Она знала, что послѣ обѣда, какъ всегда, Костя Байковъ съ товарищами будутъ играть итальянскія пѣсенки на русскихъ балалайкахъ и гудкахъ; потомъ подруга ея невестки, Модъ, будетъ пѣть шансонетки изъ репертуара Иветты Жильберъ, а баронъ Клейнъ съ моноклемъ—говорить монологи изъ репертуара Коклена. Все это ей пришлось слышать уже нѣсколько разъ, и теперь она предпочла не слушать. Она опять вышла тѣми же дверями, въ которыя вошла, и, пройдя коридоромъ и поднявшись по винтовой лѣсенкѣ, очутилась на своей половинѣ.

Ея половиной назывались три комнаты въ мезонинѣ, къ которымъ примыкала комната ея горничной и гардеробная. Рѣзкимъ контрастомъ являлась «половина» Марьи Романовны со всѣмъ остальнымъ домомъ Свицкихъ.

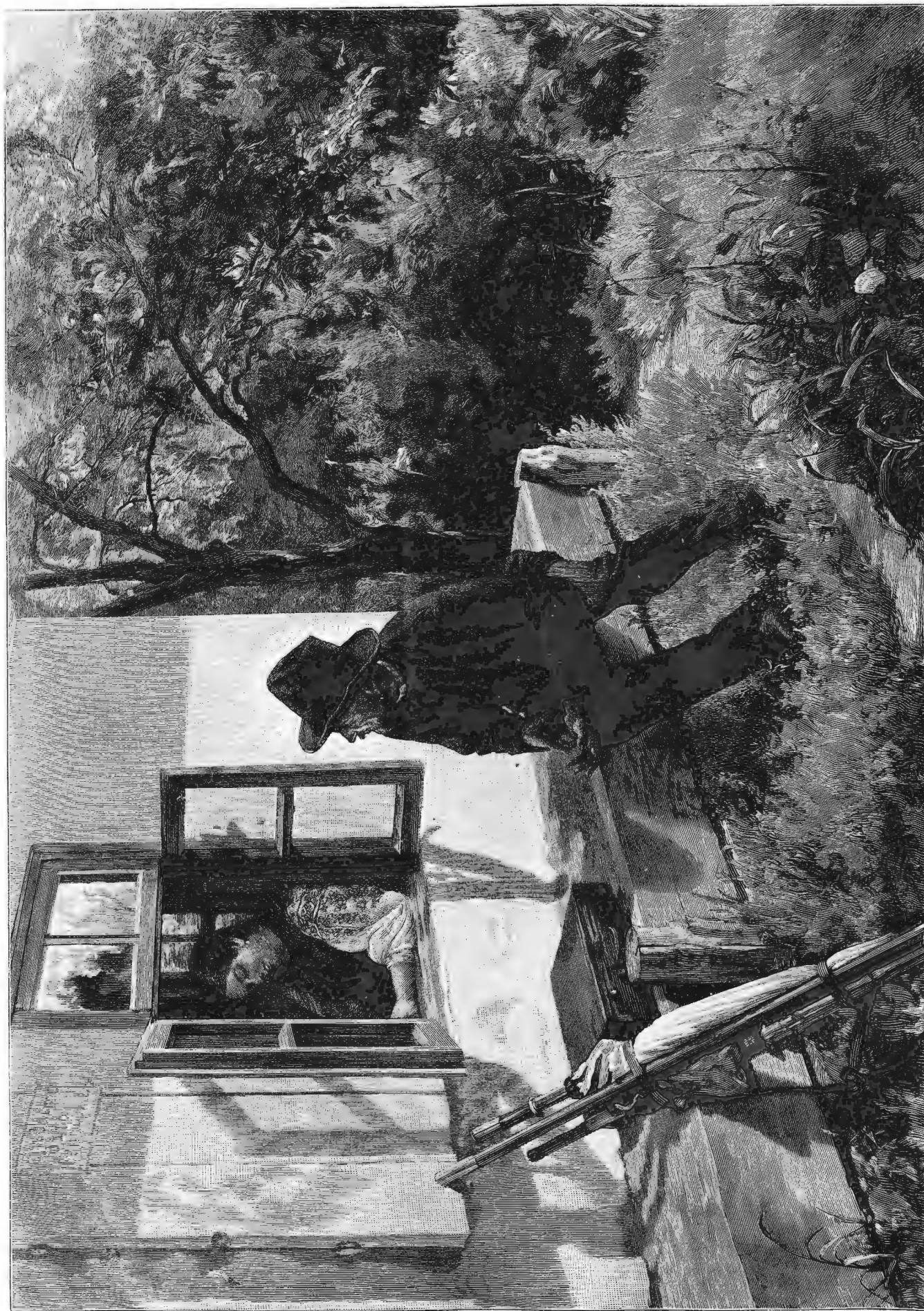
Ихъ особнякъ, въ одномъ изъ переулковъ на Поварской, представлялъ собою маленькій музей всевозможныхъ эпохъ и стилей. Тутъ была и японская гостинная, и будуаръ рококо, и неизбѣжный салонъ Louis XVI, и спальня Louis XV, и кабинетъ Renaissance, и египетскій fumoir, и готическій вестибюль. Стѣны пестрѣли фресками и гобеленами, пыльные ковры затыгивали полы; изъ зелени тропическихъ растений выглядывали группы и статуи, въ jardiniѣркахъ *vieux-saxe* цвѣли зимой кусты сирени, и всюду ярко горѣли розовые, лиловые, желтые тюльпаны электрическаго свѣта.

Наверху же—небольшія комнатки съ простыми свѣтленькими обоями были уставлены всевозможной, сборной мебелью: «le bric-à-brac de maman», какъ съ легкой усмѣшкой снисхожденія называлъ ихъ Свицкій.

Перевозя мать изъ деревни въ городъ, онъ просилъ ее взять съ собой только «необходимое»; но, увидя все то, что Марья Романовна считала необходимымъ, онъ лишь сокрушенно пожалъ плечами, хотя противорѣчить ей не сталъ; такимъ образомъ въ числѣ вещей необходимыхъ отправилась и огромная красная дерева кровать, и объемистыя вальтеровскія кресла, и шитыя подушки, и вышившіе ковры, и бисерное изображеніе ангела въ золотой рамѣ, и много-много самыхъ разнообразныхъ предметовъ.

Почему, собственно говоря, была Марья Романовнѣ необходима старая фарфоровая масленка въ видѣ лебедя, или неидушіе часы съ бронзовымъ Наполеономъ на верхушкѣ, или скамеечка подъ ноги, вышитая розами, напоминавшими красные кочешки капусты—было неизвѣстно.

Но, во всякомъ случаѣ, если эти вещи и не насчитывали за собою столько столѣтій, какъ стоявшіе на полкахъ фламандской столовой кубки и тарелки, зато съ хозяйкой этихъ комнатъ онъ жили долго-долго, успѣли

Выставка в Императорской Академіи Художествъ. „Въ поискахъ природы“. Съ картины В. и. Андреева грав. Хелмгольцъ.

ХІХ выставка Общества русских анварелистовъ. „Урокъ чтенія“. Писать и грав. И. Дмитріевъ.

сродниться и казались ей обломками, страничками ее прошлого.

Ныне свидетели ее былой жизни, тихой и счастливой—здесь, в чужом уголке, они так сочувственно и дружелюбно смотрели на нее; и от всех этих влиявших тонов, старинных вещей, блеклых материй словно отделялось тихое вняние грусти и затягивало все комнаты ласковой дымкой воспоминания!..

Электричества, беспокойного, рѣзкого—не было здесь. Мирно горели простые керосиновые лампы и освещали развѣшенные и разставленные портреты—все больше одно и то же лицо: сначала—мальчика в шелковой рубашечкѣ и ямщицкой шляпѣ съ навлившими перьями, потом гладко остриженного кадетика,—потом блестящего драгуна и, наконец, почтеннаго старика в орденахъ, но всюду тѣ же темные, живые глаза, тот же высокій лобъ и добрая улыбка... А на нѣкоторыхъ портретахъ рядомъ съ нимъ—святой въ бѣлой фатѣ, молоденькой, красивой, несмотря на старомодную прическу, дамочкой, наконецъ, старой старушкой съ сѣдыми волосами, но съ неизмѣннымъ выраженіемъ безпредѣльной нѣжности и обожанія въ устремленныхъ на него глазахъ—можно было узнать Марью Романовну.

Последній портретъ, въ черной рамѣ, передъ которымъ стоялъ букетикъ ландышей, изображалъ старика лежащимъ въ гробу среди цвѣтовъ. Здесь рядомъ съ нимъ не было его вѣрной спутницы—она, живая, стояла передъ портретомъ, замыкавшимъ исторію ее жизни, и слезы катились по ее старческому лицу.

Наконецъ, Марья Романовна вытерла глаза и, устало опустившись въ кресло, взяла въ руки книгу. Но глаза у нея становились слабы; трудно было читать при огнѣ, и кромѣ того невыносимо разболѣлась голова. Она невольно стала прислушиваться къ тишинѣ, машинально нюхая флакошъ съ солью и потирая плачущіе виски.

Снизу доносились заглушенные звуки балалайки; казалось, будто дребезжала только одна нотка, отбивая тактъ: — Разъ, два! Разъ, два! Разъ, два!

А въ ладѣ этой ноткѣ тикали часы на ночномъ столикѣ: «Тикъ, такъ... Тикъ, такъ... Тикъ, такъ!..»

И Марья Романовнѣ начинало чудиться, что въ тактъ этимъ страннымъ, монотоннымъ звукамъ бьется у нея сердце; каждая жилка пульсируетъ и стучитъ въ вискахъ.

«Что это со мною?»—думала она, дрожа какъ отъ лихорадки. А въ вискахъ все отдавалось:

«Тикъ, такъ... Тикъ, такъ... Тикъ, такъ!..»

Какъ не привыкла она до сихъ поръ къ тишинѣ!

Сорокъ три года рядомъ съ ней быть близкій человекъ, съ которымъ она дѣлилась малѣйшимъ впечатлѣніемъ, каждою мыслью! Когда они, бывало, сидя вечеромъ вдвоемъ, примолкали—тишины все-таки не было! Она слышала его ровное дыханіе, покашливаніе, шелестъ газеты, стукъ шаговъ; ей было *слишкомъ его присутствіе*, она сознавала, что рядомъ съ ее жизнью—дружно идетъ другая, дорогая ей жизнь!

И теперь у нея часто бывали минуты, когда ей хотѣлось сказать: «Андрей Игнатьевичъ, посмотри...» или: «Послушай-ка, Андрей Игнатьевичъ!», когда она видѣла, слышала, читала что-нибудь интересное... И, только поймавъ себя на этой мысли, она вся вздрагивала отъ внутренняго холода при сознаніи, что его нѣтъ!

Сгубно было ей признаваться, но она боялась оставаться ночью одна въ спальнѣ. Иногда кошмары мучили ее, и она, по привычкѣ, просыпаясь, звала мужа; но когда сознание къ ней возвращалось—оно было ужаснѣ кошмара!

Иногда, наоборотъ, сонъ такъ ясно рисовалъ ей картины былой жизни: ее дорогой старикъ былъ съ ней, шутилъ, улыбался ей... и она открывала глаза съ счастливой улыбкой—и опять холодѣла отъ мучительной, гнетущей мысли, отъ вѣчнаго вопроса:

— Гдѣ же онъ? Загнѣмъ она одна? Къ чему бьется ее старое, измученное сердце?.. О, лучше бы остано-

лось оно, какъ эти старые часы, что еще ее мать подарила ей въ день свадьбы.

Она со стономъ сжимала руки.

— Если бы, если бы хоть разочекъ еще его увидѣть; сорокъ три года прожили вмѣстѣ, а все, кажется, не все еще было сказано другъ другу, не вся нѣжность была исчерпана... Разокъ, разокъ еще его увидѣть, о, Господи!..

Раздался стукъ въ дверь.

— Кто тамъ?

Марья Романовна, вся вздрогнувъ отъ неожиданности, обернулась къ дверямъ. Вошла горничная.

— Ахъ! Это вы, Настя!..

«Да и кто же могъ быть еще?» подумала она.

— Прикажете убрать комнаты на ночь, ваше превосходительство?

— Можете, Настя!..

И она опять взялась за книгу. Но ей становилось совсѣмъ не хорошо. Голова тяжѣла, и соли не помогали ей. Все явственнѣе и явственнѣе стучало въ вискахъ и въ сердцѣ: «тикъ-такъ, тикъ-такъ, тикъ-такъ!..»

Снизу долетали звуки фортепiano, и тоже все слышалась какая-то одна упорная нотка и словно держалась въ воздухѣ...

«Что это со мною?» подумала Марья Романовна и хотѣла встать, но зашаталась и чуть не упала.

Горничная подбѣжала къ ней съ испугомъ:

— Что съ вами, ваше превосходительство?

— Въ постель!..—слабо прошептала Марья Романовна, чувствуя, что вся покрывается холоднымъ потомъ, и слыша только одну назойливую нотку да стукъ часовъ: «тикъ-такъ, тикъ-такъ, тикъ-такъ!..»

И ей казалось, что все въ комнатѣ стучитъ большими, широкими ударами въ тактъ этому стуку.

А въ ей пылающемъ мозгу, прежде чѣмъ все потемнѣло, мелькнула счастливая, блаженная мысль:

«Неужели конецъ? Неужели къ нему?»

Но тутъ она потеряла сознание.

III.

Въ спальнѣ Марьи Романовны полутемно,—только невѣрнымъ свѣтомъ озаряетъ уголокъ лампы. Пахнеть лѣкарствами. Въ креслѣ дремлетъ Настя.

Марья Романовна лежитъ неподвижно къ своей широкой постели и пристально смотритъ на огонекъ.

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ она больна; теперь ей лучше. Утромъ заѣзжалъ къ ней докторъ-нѣмецъ, веселый, улыбающійся; онъ ѣздилъ каждый день, стучалъ ее, слушалъ, шутилъ съ нею—и она ждала его съ удовольствіемъ: это все-таки былъ живой человекъ, обращавшій на нее вниманіе.

Сегодня онъ, наконецъ, ей сказалъ:

— Nun, теперь ми молодци; noch paar Tage, und dann können wir spazieren gehen!

Это не то чтобы обрадовало ее: жить ей совсѣмъ не хотѣлось. Но все-таки выходъ изъ этого состоянія полной неподвижности и полного одиночества былъ ей прямо необходимъ. Очевидно, умирать было еще рано. Надо было жить, а, значитъ, придумать что-нибудь, чтобы жить.

Какъ она жила здесь? Даже и до болѣзни, дни ее текли тяжело и медленно. Она была уже слишкомъ стара и слишкомъ слаба, чтобы найти себѣ успокоеніе и развлеченіе въ какой-нибудь дѣятельности: благотворительность, выѣзды... Куда ей думать объ этомъ? Она привыкла жить тихо, мирно, спокойно, привыкла къ своему счастью и своему дому.

Но теперь у нея нѣтъ ни счастья, ни дома. За время своей болѣзни она особенно это поняла.

Правда, и сынъ, и невѣстка ее любятъ, относятся къ ней почтительно, признаютъ ее хозяйкой—за обѣдомъ начинаютъ съ нея и ее первую благодарятъ.

Но все это фикція! Она никому въ домѣ не нужна. Даже хозяйство вести она не можетъ: завѣдывать всѣми

этими постоянными раутами, вечерами, обѣдами ей не подь силу, да и не знаетъ она, что теперь принято, что въ модѣ...

Съ сыномъ и съ невѣсткой она почти не видится. Онъ занятъ страшно: днемъ—въ канцеляріи, вечеромъ—карты, театр, jour fix'ы; часто и не обѣдаетъ дома, прибѣгаетъ только переодѣться. Анни занята и днемъ, и вечеромъ развлеченіями, которыя, впрочемъ, она днемъ называетъ дѣлами. Днемъ въ Москвѣ легче разыскать безпаспортнаго бродягу, чѣмъ Анни. Она вѣчно устраиваетъ какія-то лотереи, балы, концерты въ пользу безчисленныхъ обществъ, членомъ которыхъ она состоитъ; въ день у нея бываютъ по два, по три засѣданія. Потомъ модныя лекціи, музыкальныя утра, выставки, базары, первыя представленія, визиты... Она молода, красива, энергична; мужъ въ ней души не часть и цѣнитъ ее за то, что она за него поддерживаеъ нужныя связи, на что ему часто времени нѣтъ. И она не живетъ, а горитъ. Гдѣ же ей въ этомъ горѣніи найти больше пяти минутъ въ день, чтобы поболтать съ «maman»?

Да и не о чемъ имъ разговаривать. Онѣ — женщины разныхъ поколѣній, разныхъ вкусовъ и направленій, говорятъ на разныхъ языкахъ и не понимаютъ другъ друга. И не даромъ по взаимному, хотя безмолвному соглашенію, онѣ избѣгаютъ разговоровъ, чтобы не дойти до спора.

Говорятъ онѣ не мыслями, а готовыми фразами.

Вотъ теперь Анни только-что была здѣсь. Зашелестѣла шелковыми юбками, наполнила комнату тонкимъ запахомъ духовъ, присѣла на минуту у постели больной—такая розовая, свѣжая, но и такая равнодушная и раздѣльная!

Она поцѣловала похудѣвшую, почти прозрачную руку «maman».

— Le docteur a dit que vous allez bientôt sortir... Я такъ рада, chère maman!.. Вы хорошо спали эту ночь? Вы прелестно выглядите. Ахъ, а я просто измучилась! Право, я завидую вамъ. У васъ здѣсь такъ хорошо, тихо, вы можете лежать спокойно... А мы съ Модъ вчера опять до четырехъ часовъ не расходились изъ-за этого ужаснаго спектакля. Право, наши обѣды даже не понимаютъ, сколько мы имъ приносимъ въ жертву здоровья. Вы думаете, я сейчасъ свободна? У меня уже полонъ кабинетъ народу. Сегодня у насъ экстренное собраніе нашего общества; я сказала, что пошла искать шуровую книгу, а то меня не выпустили бы къ вамъ. Столько дѣла! Боже мой! У меня голова кругомъ идетъ! Я бѣгу. До завтра, chère maman! Выздоровлявайте! Вы не помните, въ какой день на этой недѣлѣ будетъ воскресенье! Ахъ, я не то хотѣла сказать...

Но что она хотѣла сказать, осталось Марья Романовнѣ неизвѣстнымъ, такъ какъ каблучки Анни уже быстро стучали по лѣстницѣ.

Приблизительно такъ являлась она каждый день, со своей раздѣльной улыбкой, спрашивая и не слушая, отвѣчая невпопадъ, цѣловала маман и исчезала, извиняясь, что занята.

На нее Марья Романовна не могла быть въ претензіи... Она отлично понимаетъ, что Анни молода, что молодежи надо жить: не сидѣть же этой порхающей пташкѣ у постели больной старухи.

Нѣтъ, нѣтъ, она не хочетъ быть неблагодарной. У нея есть все, что надо: каждый день докторъ, крѣпкое вино, свѣжая игра, даже ея любимые ландыши. Сынь каждый день хоть на минутку заглядываетъ къ ней, справляется, не надо ли ей чего-нибудь. У ея постели весь день сидитъ горничная.

У нея все есть.

У нея нѣтъ только одного... ласки, любви, нѣжности, чувства, что кто-то страдаетъ за нее, болѣетъ ея болѣзнию, мучается возможностью потерять ее.

— О! Вотъ ты чего захотѣла!— съ горечью сама себѣ

говоритъ Марья Романовна.—Будь довольна и тѣмъ, что есть.

Но тутъ ярко и ясно воспоминаніе рисуетъ ей картину далекаго прошлаго.

Вотъ ея сынъ, Сережа — этотъ важный сановникъ теперь, а тогда пухлый, маленькій мальчикъ, лежитъ больной. У мальчика дифтеритъ. Прислуга не хочетъ за нимъ ухаживать, да она и не допустила бы этого. Когда мужъ уговариваетъ ее взять сидѣлку, она объ этомъ и слышать не хочетъ.

— Чтобы я довѣрила моего ребенка наемницѣ? За кого же ты меня считаешь?

И долгіе дни, долгія безсонныя ночи, на минуту забывалась и немедленно вскакивая при каждомъ слабомъ стоиѣ, при каждомъ вздохѣ ребенка—она проводитъ, не раздѣваясь, не причесываясь, на-скоро проглатывая обѣдъ и не отрываясь жаднымъ взглядомъ отъ своего больного ребенка.

Потомъ наступаютъ дни выздоровленія. Опасность миновала. Какое счастье! Онъ побѣднѣлъ, вытянулся. Но онъ живъ, возвращенъ ей,—она вымолила его въ безсонныя ночи, и теперь, попрежнему не отходя отъ него, съ слезами тихой радости и умиленія играетъ съ нимъ, смотритъ, какъ онъ кушаетъ первое яичко, и осыпаетъ страстными поцѣлуями его похудѣвшія ножки...

Вѣдь это все было! Это не сонъ, не сказка. Вся эта страстная любовь, эта нѣжность была... Почему же ей не дано извѣдать этого?

Опять она себѣ возражаетъ:

— Это безуміе! Мать судьбой дана ребенку для защиты, для обороны; любовь ребенка не можетъ, не должна быть сравниваема съ любовью матери.

Но тутъ же какой-то внутренній голосъ спрашиваетъ ее:

— Почему такая несправедливость? Почему мать должна отдавать ребенку всю свою любовь, всѣ свои силы, а подь старость — слабая, больная, пожалуй, еще безпомощнѣе этого ребенка, — она должна за это испытать полное одиночество!.. Да не она одна: на старости лѣтъ всякая женщина—если она потеряла мужа—становится неизбѣжно одинокой. Молодежь бѣжитъ, летитъ впередъ; жизнь смѣется ей, она занята своими дѣлами, своими радостями, борьбой и любовью — и только жалкія крохи этого отдають старушкамъ, когда-то отдавшимъ ей все.

«Да! Это неизбѣжно. Зачѣмъ же напрасныя сѣтованія?» думаетъ Марья Романовна.

А кругомъ все тихо-тихо, и только слышно сонное дыханіе Насти...

Жутко, жутко въ этой безотраднѣй тишинѣ!.. Зачѣмъ же все еще бьется ея сердце?..

IV.

Вскорѣ послѣ своей болѣзни, Марья Романовна сидѣла у себя наверху. Она была еще такъ слаба, что ей трудно было двигаться, похудѣла до того, что казалась совсѣмъ прозрачной.

— Маман! Можно къ вамъ? — раздался вдругъ за дверью голосъ Анни.

Въ этомъ голосѣ было что-то необычное, заставившее Марью Романовну насторожиться.

— Конечно, можно, дитя мое, войди!

Анни подошла къ креслу, въ которомъ лежала старушка, поцѣловала у нея руку и сѣла рядомъ съ ней.

По ея лицу сразу та замѣтила, что она чѣмъ-то возбуждена. Глаза у нея блестящи. Она словно хотѣла заговорить и не знала, какъ.

— Ты что, Анни?—съ тревогой спросила Марья Романовна, вглядываясь въ глаза невѣстки.

— Вы знаете, маман...—заговорила та. — Я шла къ вамъ сообщить большую... большую новость. Я все еще сомнѣвалась... но сегодня я окончательно узнала, что буду матерью.

— Ты? Анни?..

У Марьи Романовны от неожиданности захватило духъ. Обѣ женщины нѣкоторое время молча глядѣли другъ на друга, одинаково взволнованныя.

Будущее материнство не могло не смутить душу Анни. Когда она узнала, что ея предположенія вѣрны и что ранѣе чѣмъ черезъ полгода она станетъ матерью — ее потянуло къ Марьѣ Романовнѣ, какъ къ женщинѣ, которая уже прошла это испытаніе. Здѣсь компетентность Марьи Романовны была несомнѣнна; она признала это, и ей хотѣлось у нея найти совѣтъ и поддержку.

— Маман... это очень страшно? — по-дѣтски спросила она, поднимая на старуху смущенные глаза.

На этотъ разъ они не были разсѣяны, какъ обыкновенно; выраженіе какой-то сосредоточенности появилось въ нихъ, тотъ характерный для всякой будущей матери взглядъ, которымъ она какъ будто стремится проникнуть въ таинственную глубину самой себя.

— Страшно? Что ты, дитя мое! — (такъ въ первый разъ назвала Марья Романовна невѣстку) — Что же тутъ страшнаго! Всѣ мы черезъ это прошли... Все забывается, когда услышишь первый крикъ своего ребенка. Это такое наслажденіе! — отвѣчала она, растроганно глядя на невѣстку, какъ на что-то новое.

Черезъ нѣсколько минутъ обѣ женщины оживленно разговаривали. У нихъ, наконецъ, нашлась тема для разговора.

Воспоминанія Марьи Романовны о томъ, какъ родился Сережа, разпросы Анни, совѣты, наставленія, планы — и въ первый разъ за все время два часа совместной бесѣды пролетѣли для нихъ такъ быстро, что Анни и не замѣтила, какъ подкралась часовая стрѣлка къ 9-ти.

— Боже мой! 9 часовъ! Какъ я опоздала, ужъ, вѣрно, первый актъ кончился, а я еще не одѣта! Надо летѣть! До свиданія, снѣге маман!

И въ первый разъ она искренно прижалась къ старухѣ, цѣлуя ее, а та въ первый разъ послѣ своей болѣзни крѣпко и сладко заснула, радостно взволнованная мыслью о томъ, что у нея будетъ внучка...

Вскорѣ въ гардеробной водворились швейная машина и дѣвушка съ красной ленточкой на шеѣ и завитой чолкой, начавшая строчить съ утра до вечера миниатюрное, словно кукольное бѣлье.

Анни, конечно, было не до бѣлья; она торопилась устроить всѣ свои дѣла, пока еще была въ состояніи выгнать, и всѣмъ взялась завѣдывать Марья Романовна. Это было для нея дѣло привычное.

Она предала безпощадному уничтоженію всѣ свои тончайшія сорочки и ушла всей душой въ распашоночки, баветочки и пеленочки. По столамъ разбросаны были модные журналы, а по стульямъ — пучки лѣнты, и при взглядѣ на нихъ Марья Романовна думала:

«Розовыя понадобятся или голубыя? Дѣвочка будетъ или мальчикъ? Мальчикъ — хорошо... Но хорошо и дѣвочка... Ахъ! Не все ли равно, кто! Маленькое, розовое, теплое созданіе — мальчикъ или дѣвочка — все равно вѣдъ будетъ звать меня «бабушкой!»..

И при этой мысли сердце старухи сладко сжималось, и надежда робко проникала въ него.

Чаше прежняго стала заходить наверхъ Анни; ей самой было труднѣе летать, какъ бывало; она уставала, сидѣла въ креслахъ, въ канотѣ, блѣдная, но съ довольнымъ лицомъ; она сама отъ себя не ожидала такого геройства! Вдругъ у нея будетъ бѣбѣ!.. И она даже собственноручно сдѣлала одинъ чепчикъ: на большее у нея храбрости не хватило. Наконецъ великій день насталъ.

Вотъ когда Марья Романовна почувствовала себя настоящей хозяйкой въ домѣ! И докторъ, и акушерка обращались къ ней; прислуга безропотно подчинялась ея приказаніямъ. Она ободряла Свицкаго, и первая изъ рукъ акушерки приняла маленькаго наследника!..

Ей казалось, что она помолодѣла лѣтъ на двадцать.

Она не чувствовала усталости, провозившись весь день, не присѣвъ ни на минутку, и осталась ночевать на кушеткѣ въ спальнѣ невѣстки, прислушиваясь къ каждому вздоху ребенка и то и дѣло вставая полюбоваться на него, дрожа отъ радостнаго волненія и шепча слова молитвы.

Ребенокъ былъ здоровъ и милъ. Но Анни самой его кормить не позволили, да она и не настаивала, зная, что это сопряжено съ большими заботами и хлопотами. Марья Романовна удивилась ея спокойному отношенію къ этому вопросу... Но потомъ задумалась — и улыбнулась. Очевидно, она рѣшила, что это хорошо...

Кормилица была взята молодая, красивая. Черезъ нѣсколько времени ребенка окрестили; Марья Романовна была крестной матерью, и мальчишка въ честь дѣда называли «Андрей».

— Послушайте, маман! — сказала Анни, когда Марья Романовна принесла ей послѣ крестинъ сына. — Теперь у насъ важный вопросъ!

— Какой, дитя мое?..

— Надо перевести бѣбѣ въ отдѣльную комнату. Ну, подумайте! Не могу же я его съ кормилицей держать въ моей спальнѣ! Какъ они у мѣста будутъ среди моихъ teintures Pompadour съ пеленочками, ванночками и т. д.

И Анни весело разсмѣялась.

— Отдай свою уборную подъ дѣтскую... посоветовала Марья Романовна.

— У pensez vous? А куда же я дѣну всѣ мои умывальники, и туалетъ, и... Нѣтъ, нѣтъ! Это невозможно. Надо что-нибудь придумать!

— Я не вижу ничего другаго, — отвѣтила Марья Романовна: — какъ уничтожить твой будуаръ и сдѣлать въ немъ дѣтскую.

— Но вѣдъ онъ проходной въ гостиную! Что вы! И потомъ какъ же мнѣ безъ будуара... Вотъ въ самомъ дѣлѣ исторія... Куда же мнѣ дѣвать бѣбѣ? — съ отчаяніемъ спросила Анни, морща бровки.

«Всѣ домъ, все ему отдать ты должна!» — вертѣлось на устахъ у бабушки, но она не выдала своего волненія и съ виду совершенно равнодушно предложила:

— Ну, хочешь, я отдамъ у себя наверху угловую комнату? Все равно она мнѣ не нужна. Въ ней нѣсколько шкаповъ, но ихъ можно поставить въ комнату Насти.

— Ахъ, милочка маман! Чудная мысль! Ему тамъ прекрасно будетъ, тихо, въ сторонкѣ... Но, можетъ-быть, это васъ стѣснить?

— Нисколько! — съ притворнымъ спокойствіемъ отвѣтила Марья Романовна, а у самой на душѣ все пѣло и ликовало.

Съ легкостью молодой женщины она принялась распоряжаться перестановкой.

Андрюша съ мамкой были переведены въ гардеробную, и Анни была безконечно довольна: бѣбѣ такъ хорошо устроился подъ вѣрнымъ надзоромъ бабушки, не пришлось разорять ни будуара рококо, ни кабинета renaissance... И главное, можно было наконецъ съ спокойной совѣстью приняться за дѣла, которыя она такъ ужасно, ужасно запустила за время своей болѣзни!..

V.

Большой гардеробной въ мезонинѣ совсѣмъ нельзя узнать. Освобожденная отъ шкаповъ, сундуковъ, выметенная, затянутая свѣтлой клеенкой, со своими розовыми обоями и бѣлыми занавѣсочками, она глядитъ чисто и весело; а нарядная голубая колыбелька, высокая постель кормилицы и неизбѣжный беспорядокъ въ видѣ рожковъ, гремушекъ, пеленочекъ придаютъ ей жилой и уютный видъ.

Розовая лампадка горитъ передъ образами, ея нѣжные лучи смѣшиваются съ молочнымъ свѣтомъ висячей лампы, отъ которой на полу ложится ровный, бѣлый кругъ. Въ печкѣ, потрескивая, догораютъ дрова, а котенокъ развалился брюшкомъ кверху у огня и нѣжится. Марья

Философъ изъ Санъ-Суси. Скульптура Магнуссена, грав. Веберъ.

Романовна сидитъ въ большихъ креслахъ у колыбельки и тихо толкуетъ съ стоящей передъ ней кормилицей.

— Ты думаешь, онъ не понимаетъ? Онъ все понимаетъ, увѣрю тебя. Онъ только еще не хочетъ говорить.

— Помните, мое слово, барыня, скоро заговоритъ. Ужъ и такъ воркуетъ ровно голубочекъ. Вотъ зубки пройдутъ первые, и заговоритъ.

— Слава Богу еще, что легко идутъ.

— А что докторъ-то сказалъ?

— Вотъ и сказалъ, что очень благополучно.

— Фррр!..

Вдругъ распахивается дверь, и съ шумомъ появляется Анни. Обѣ женщины кидаются къ двери и шикаютъ на Анни, — причеиъ кормилка, забывая всю сословную рознь, съ укоромъ говорить ей:

— Ну вотъ, нешто можно такъ шумѣть! Напужаете ребенка-то!

Анни сконфужена. Она смотритъ попрежнему разсѣянно и улыбаясь говорить:

— Я на минутку... У него жарокъ былъ? Что докторъ сказалъ? Пустяки? Я такъ и знала. О! вотъ онъ и проснулся... Ахъ, какой онъ уморительный... беззубый и лысый... право, онъ похожъ на дядю сенатора! Ха-ха-ха! Ну, не пищи, не пищи, я тебя не беру... Фу, какъ вы его избаловали... идеиъ обѣдать, тапан? Нѣтъ? Не хотите? Ну хорошо, я велю вамъ прислать сюда. Ему можно кремъ? Я думаю можно, это мягко! Я и ему пришлю! Adieu, bébé!..

И пославъ поцѣлуй кончиками пальцевъ, она скрывается.

— Дай, дай мнѣ его сюда, кормилка! — говоритъ Марья Романовна. — Нѣтъ, ничего, проснулся веселенькій! О, ты моя радость!..

— А вотъ я его сейчасъ распеленаю, мы покушаемъ, а тамъ и погуляемъ!..

Черезъ нѣсколько минутъ распеленатый мальчуганъ лежитъ на колыняхъ у бабушки и «гуляетъ». Ему одиннадцатый мѣсяць, но онъ кажется старше: это толстый, весь розовый, весь въ ямочкахъ и словно перевязанный ниточками ребенокъ. Въ настоящую минуту онъ усердно старается закинуть лѣвымъ кулачкомъ правую ножку себѣ въ ротъ. Его маленькое тѣлице все облитое мягкимъ свѣтомъ лампы, а веселые глазенки смотрятъ на Марью Романовну съ выраженіемъ несомнѣннаго благоволенія.

— Андрюша! Андрюша! шепчетъ она ему съ неизъяснимой лаской, и кажется, всю душу свою вкладываетъ въ эти слова.

Такъ, бывало, звала она въ минуты нѣжности своего дорогого старика, такъ привелось ей звать и это крошечное существо, вдругъ наполнившее для нея весь міръ и ставшее ей самымъ близкимъ, самымъ дорогимъ существомъ на свѣтѣ.

И это общее имя словно сближало дорогое для нея прошлое съ дорогимъ будущимъ...

Да! Пришелъ этотъ маленькій, розовый комочекъ, и вдругъ все измѣнилось въ ея жизни.

У нея было одно прошлое. Онъ не только далъ ей

настоящее, но еще и заставилъ ее думать о будущемъ, — ее, рѣшившую, что жизнь кончена, что начнется теперь медленное приготовленіе къ смерти. И вдругъ настала жизнь съ тревоженіями, радостями и страхами, полная смысла и цѣли!..

Маленькое божество, маленькій властелинъ деспотически вопарился въ тихихъ, печальныхъ комнаткахъ — и все измѣнилъ; еще не произнесъ ни слова, не умѣя двигаться, а только бессознательно плача и смѣясь — все заставилъ идти иначе, внесъ жизнь, свѣтъ, тепло и прогналъ страшныхъ враговъ старости: одиночество и тишину — однимъ своимъ появленіемъ.

Одиночество? Его больше нѣтъ. Здѣсь — Андрюша. У него нѣтъ ни дѣлъ, ни развлеченій, ни засѣданій. Онъ не можетъ никуда уйти отсюда. Его колыбелька тутъ, и каждую минуту бабушка можетъ подойти къ нему, слушать его воркованье, смотрѣть въ эти глазки, мало-помалу загорающіеся огнемъ сознанія, улыбающіеся при видѣ ея — о, она больше не одинока!

Тишина? Нѣтъ больше и этой пугающей, мертвой тишины. Пускай снизу доносятся звуки музыки, заглушенный смѣхъ, пѣніе — все это больше не подчеркиваетъ такой болѣзненной ироніей тишины мезонина: она улетѣла навсегда, спугнутая ровнымъ дыханіемъ ребенка, его лискомъ и шибетаніемъ, колыбельной пѣсенкой кормилки, припѣваньемъ и «ладушками!» И эти милые, простые звуки вносятъ жизнь въ тихія комнаты, молодую, радостную, какъ просыпающееся утро, полное птичьяго гомона и солнечнаго свѣта!.. Теперь, на старости лѣтъ, она ожила, она помолодѣла, грѣясь въ лучахъ этой пробуждающейся жизни.

Ласки! Нѣжности! Какъ больно, какъ жадно ждала она ихъ — и думала, что лишена ихъ навсегда. А теперь въ сердце постучалось новое, нежданно явившееся существо и властно потребовало отъ нея этой ласки, этой нѣжности... Она нужна ему! Ея любовь еще нужна на свѣтѣ!.. Бываетъ же такое счастье?.. А я роптала... Господи! Неисповѣдимы пути Твои!..

— Барыня! Матушка!.. — прервала вдругъ кормилка ея мысли. — Вы послушайте-ка, что онъ говоритъ-то — барыня!

Ребенокъ, какъ всегда, лепеталъ что-то несвязное, но Марья Романовна, увѣжденная, что «онъ понимаетъ», наклонилась къ нему и спросила:

— Что ты говоришь, радость моя?

— Ба-ба! ба-ба! — произнесъ Андрюша, смотря на нее большими голубыми, какъ фіалки, глазами и протягивая къ ней ручки.

Марья Романовна не повѣрила себѣ.

— Это онъ васъ, барыня, кличетъ! — съ восторгомъ твердила кормилка. — Ну, скажи, золото мое, скажи, ангель, будь пайныка: бабушка! ба-ба!

— Ба-ба! — ясно повторилъ ребенокъ и засмѣялся.

Марья Романовна молча прижала къ себѣ внука.

Слезы потекли по щекамъ ея.

И ясно, всей полнотой благодарнаго чувства, сознала она въ эту минуту, зачѣмъ еще билось ея старое сердце...

Невысказанное.

Рѣчной просторъ кругомъ раскинуть.
Своими листьями не двинуть
Во мглѣ прибрежные кусты...
Надъ нами звѣзды... Ночью звѣздной
Молчимъ, пlying надъ сонной бездной,
И говорить за насъ мечты.

И рѣчь ведутъ о томъ свободно,
Что въ насъ таится безысходно.
И близокъ сердцу въ часъ ночной

Ихъ разговоръ простой и ясный,
Но робость сердца силой властной
Разъединяетъ насъ съ тобой...

И тяжко намъ! Въ мгновенья встрѣчи
Томятся въ сердцѣ счастья рѣчи
И гибнуть въ сердца глубинѣ, —
А мы все такъ же молчаливы,
Какъ въ сонной мглѣ рѣчныя ивы,
Какъ звѣзды въ свѣтлой вышинѣ!..

Б. Никоновъ.

Друзья по-неволю.

Очерк В. А. Фрей.
(Съ 2 рисунками.)

Едва ли существует борьба злѣе и беспощаднѣе той, какая непрерывно ведется между растениями и насѣкомыми. Безъ малѣйшаго отдыха, безъ какихъ-либо перемирій, цѣлыми вѣками кипитъ она на нашей землѣ. Для насъ, людей, привыкшихъ къ болѣе или менѣе видимымъ и осязательнымъ проявленіямъ борьбы, хотя бы то были торжествующіе клики побѣдителей или стоны умирающихъ жертвъ, это вѣковое ратоборство между двумя органическими царствами природы совершается, правда, незамѣтно. Однако, это нисколько не мѣшаетъ ему достигать размѣровъ, въ сравненіи съ которыми самыя кровопролитныя войны цѣлыхъ народовъ могутъ показаться простыми забавами.

Мы, люди, ужасаемся, когда намъ приходится считать убитыхъ на полѣ сраженія тысячами; здѣсь же для счета жертвъ мало будетъ, пожалуй, и миллиардовъ. Пораженія, наносимыя насѣкомыми растениямъ, можно приравнять только къ роковымъ дѣйствіямъ тѣхъ или другихъ стихійныхъ силъ природы. На первый взглядъ шансы противниковъ представляются намъ далеко не одинаковыми. Всѣ преимущества тактики, стратегии и вооруженія на сторонѣ насѣкомыхъ: полная свобода движеній, произвольный выборъ позиціи, пункта нападенія и, наконецъ, острое оружіе, въ видѣ зубовъ, челюстей, жала и цѣпкихъ многочисленныхъ лапокъ. Но это только такъ кажется. Если мы дадимъ себѣ трудъ болѣе внимательно рассмотреть органическое строеніе нѣкоторыхъ изъ представителей растительнаго царства, то убѣдимся, что многія растения не только не лишены природой достаточно могучихъ средствъ для самообороны, но одарены даже способностью вести съ насѣкомыми наступательную войну. Мало того, цѣлый классъ растений цѣлится почти исключительно животною пищею.

Такъ, напримѣръ, на берегахъ рѣкъ часто встрѣчается небольшое растение съ мелкими бѣлыми цвѣтками, расположенными на длинной цвѣтоножкѣ, которая внизу окружена розеткою изъ нѣсколькихъ листочковъ ложкообразной формы и красноватаго цвѣта; верхняя сторона этихъ листочковъ усѣяна волосками, утолщенными на концахъ въ видѣ булавы. Значеніе этихъ органовъ росянки (*Drosera rotundifolia*), какъ именуется это растение, станетъ намъ вполне понятно, если мы положимъ на поверхность ея листа маленькій кусочекъ мяса или муху. Волосики листа, иначе называемые щупальцами, тотчасъ же склоняются надъ своей добычей, охватываютъ ее со всѣхъ сторонъ и выпускаютъ прозрачный сокъ, по составу своему напоминающій «желудочный». Проходитъ нѣкоторое время, пока волосики опять примутъ прежнее положеніе, но, увы! — кусочекъ мяса куда-то исчезъ, а отъ мухи остались одни только крылышки. Что же произошло? Растеніе поглотило насѣкомое.

На топкихъ мѣстахъ мы зачастую можемъ встрѣтить другого хищника растительнаго царства — жирянку (*Pinguicula vulgaris*), которую легко отличить отъ однородныхъ болотныхъ растений по ея фиолетовымъ цвѣтамъ и довольно длиннымъ мясистымъ листьямъ, края которыхъ слегка загнуты внутрь. Роль щупальцевъ исполняютъ здѣсь особыя железки, которыми покрыта поверхность листа жирянки.

Но самыя интересныя изъ плотоядныхъ растений (представляющихъ въ общемъ до 30-ти различныхъ видовъ) не встрѣчаются у насъ: они встрѣчаются лишь въ тропическихъ странахъ. Таковы, напримѣръ, *Sarracenia*, *Darlingtonia* и *Nepenthes*. Последнее — одно изъ самыхъ замѣчательныхъ растений-хищниковъ. Каждый листъ *Nepenthes* на концѣ удлинняется въ шнурокъ, оканчивающійся особымъ аппаратомъ, въ видѣ рожка съ крышкой. Рожокъ этотъ окрашенъ въ яркіе цвѣта и заключаетъ внутри цѣлую систему железокъ, выделяющихъ вышеупомянутый пищеварительный сокъ. Насѣкомому, попавшему въ эту соблазнительную ловушку, нѣтъ спасенія: оно тонетъ въ наполняющемъ рожокъ сокѣ и становится жертвою *Nepenthes*.

Нѣкоторыя растенія идутъ еще дальше. Такъ, напримѣръ, онѣ ухитряются приманивать къ себѣ насѣкомыхъ, мирно ползающихъ по землѣ, выделяя изъ своихъ железъ заманчивыя сахаристыя соки, который, обильно капая на землю, предательски влечетъ къ растенію падкое на всякое лакомство насѣкомое.

Казалось бы, что, наблюдая антагонизмъ между растениями и насѣкомыми, слѣдуетъ отбросить всякую мысль о возможности дружбы между ними. На дѣлѣ же приходится убѣждаться въ противномъ. Существуетъ не мало фактовъ, доказывающихъ, что зачастую эти непримиримые враги, сами того не замѣчая, приносятъ другъ другу очевидную пользу. Кому, напримѣръ, не извѣстно, что многія крылатыя насѣкомыя служатъ усерднѣйшими факторами въ дѣлѣ самооплодотворенія растений, перенося при посредствѣ своихъ пылинчатыхъ тѣлецъ цвѣточную пыль съ тычинокъ одного цвѣтка на пестики другого. Правда, не всѣ насѣкомыя оказываютъ растениямъ подобную услугу, нѣкоторыя лакомятся цвѣткомъ, такъ сказать, совершенно безплатно, ухитряясь очень осторожно лакомиться содержимымъ цвѣтка. Такъ, напримѣръ, мухи счищаютъ замѣчательно быстро и искусно все то, что случайно пристанетъ къ ихъ тонкимъ ножкамъ. Иныя насѣкомыя поступаютъ еще проще: вмѣсто того, чтобы пройти за сладкимъ сокомъ цвѣтка обыкновенною дорогою, они пробираются туда, какъ говорится, съ чернаго хода, т. е. попросту прогрызаютъ самыя покровы цвѣтка. На такія вольности пускаются обыкновенно безкрылыя, ползающія насѣкомыя, какъ напримѣръ, жуки и муравьи.

Что касается муравьевъ, то, какъ оказывается, нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ къ насѣкомымъ, лучше всѣхъ другихъ сживающимся съ растениями. Какъ извѣстно, они часто посѣщаютъ стволы и листья иныхъ деревьевъ и болѣе мелкихъ растений, растущихъ вблизи муравейника. Такія прогулки совершаются муравьями съ удовольствіемъ для себя и не безъ пользы для самихъ растений. Напомнимъ, что муравьи культивируютъ своеобразный родъ скотоводства, въ которомъ роль дойныхъ коровъ исполняется такъ называемыми травяными тлями. Муравьи ползаютъ часто на стебли растений, чтобы поохотиться за своимъ дойнымъ скотомъ или хотя бы подойти его на мѣстѣ.

Нерѣдко случается, однако, что муравьи далеко не ограничиваются одними партизанскими вылазками. Есть много растений, стебли которыхъ снабжены такъ называемыми узлами, или имѣютъ пустоту въ срединѣ. У другихъ стволы покрыты разнородными наростами, сердцевина которыхъ также имѣетъ камеры крайне разнообразной формы. Отъ вниманія смѣтливыхъ насѣкомыхъ не ускользаютъ, конечно, такія удобныя квартирки, съ успѣхомъ могущія замѣнить имъ обыкновенный муравейникъ. Тутъ и травяныя тли окажутся подъ рукою, не говоря уже о питательномъ сокѣ растенія, которымъ можно пользоваться, не выходя даже изъ квартиры. Поэтому муравьи приползаютъ на растеніе со всѣмъ своимъ скарбомъ и быстро разсекаютъ во внутреннихъ задушкахъ растенія. Болѣе удобными для этой цѣли оказываются различныя пальмовидныя растенія, во внутреннихъ пустотахъ которыхъ зачастую обитаютъ муравьи, такъ называемые древесные. Само собою разумѣется, что они тотчасъ же начинаютъ приспосабливаться къ жилью и къ мѣстнымъ условіямъ среды, устраиваютъ по мѣрѣ надобности новыя камеры, перегораживаютъ и всячески удобно приспособляютъ уже существующія. Случается нерѣдко, что муравьи выдѣляютъ сердцевину ствола или нароста почти до чиста, т. е. до самой наружной пленки ихъ, что не мѣшаетъ однако растенію оставаться здоровымъ, какъ будто бы въ немъ и нѣтъ жильцовъ. Напротивъ того, замѣчено даже, что присутствіе муравьевъ, раздражая ткани растенія, вызываетъ усиленное скопленіе растительныхъ соковъ и тѣмъ способствуетъ ихъ наибольшему развитію.

Нѣкоторые изъ муравьевъ, такъ называемые красные (*Dimia*), избирающие мѣстомъ своего жительства преимущественно плодовые деревья, не довольствуясь естественными дуплами, устраиваютъ себѣ квартиры изъ листьевъ, которые они склеиваютъ въ полые шары, причемъ еще выстилаютъ послѣдніе внутри особымъ веществомъ, напоминающимъ прозрачную бумагу, выработываемую осами. Интересно описываетъ эту замѣчательную постройку одинъ изъ естественныхъ испытателей. Рядъ муравьевъ стройно выстраивается по ребру листа, затѣмъ къ этому листу они притягиваютъ другой, соединяютъ ихъ краями и держатъ въ такомъ положеніи, пока ихъ товарищи не скрѣпятъ листья съ внутренней стороны упомянутою клейкою бумагою. Въ зависимости отъ того, какъ идетъ внутренняя работа, и наружныя рабочіе мало-по-малу передвигаются по ребру листа. Если нужно притянуть листъ, отстающій довольно далеко, смѣтливые зодчіе образуютъ изъ себя цѣпь и такимъ образомъ достаютъ второй листъ, притягиваютъ его къ первому, и затѣмъ уже закрѣпляютъ оба листа.

Нѣкоторые муравьи устраиваютъ свое гнѣздо на вѣтвяхъ деревьевъ, дѣлая его изъ коровьяго помета, который они искусно превращаютъ въ чешуйчатую массу, нагромождая послѣднія одна на другую въ видѣ череніи, при чемъ крыша гнѣзда дѣлается отдѣльно и имѣетъ куполообразную форму. Другіе муравьи строятся подобнымъ же образомъ, но въ качествѣ строительнаго матеріала употребляютъ изъ смѣшанныхъ съ листьями. Чтобы дополнить перечень муравьевъ, любящихъ селиться на растеніяхъ, необходимо упомянуть еще о гнѣздахъ изъ шелковаго хлопка. Само собою разумѣется, что, разъ поселившись на какомъ-нибудь растеніи, муравьи не допустятъ на него никакого другого насѣкомаго, если, конечно, у нихъ хватитъ силы, чтобы совладать съ послѣднимъ. Отсюда можно усмотрѣть новую услугу, оказываемую муравьями растениямъ: они обезпечиваютъ ихъ отъ нападенія вредныхъ насѣкомыхъ. Въ тропическихъ странахъ чуть не на каждомъ шагу встрѣчаются растенія, которыя самымъ мирнымъ образомъ уживаются со своими врагами-насѣкомыми, въ особенности муравьями, такъ что нѣкоторые изъ изслѣдователей окрестили этихъ оригинальныхъ представителей царства флоры именемъ *mutuésorhite*, т. е. «друзей муравьевъ». Не можемъ при этомъ не отмѣтить того характернаго факта, что въ общій перечень этихъ растительныхъ друзей муравья попалъ также и растеніе *Nepenthes*, которое, какъ выше было упомянуто, безусловно принадлежитъ къ хищникамъ растительнаго царства и едва ли можетъ считаться другомъ того, на погибель коего у каждого своего листка выставляетъ предательскія ловушки.

Интереснымъ типомъ среди упомянутыхъ растительныхъ друзей муравьевъ является *Asacia cognigera*. Листья этого дерева имѣютъ въ своемъ основаніи, вмѣсто обыкновенныхъ связокъ, двѣ крѣпкія иглы, настолько правильно закругленной формы, что ихъ не безъ основанія сравнили съ рогами быка. Внутренность этихъ иглъ совершенно пуста и заселена муравьями, которые проникаютъ туда, прогрызая на поверхности иглы маленькую дырочку. Муравьи жи-

Покинутая келья. Съ картины І. Г. Стеффанъ грав. Гедапъ.

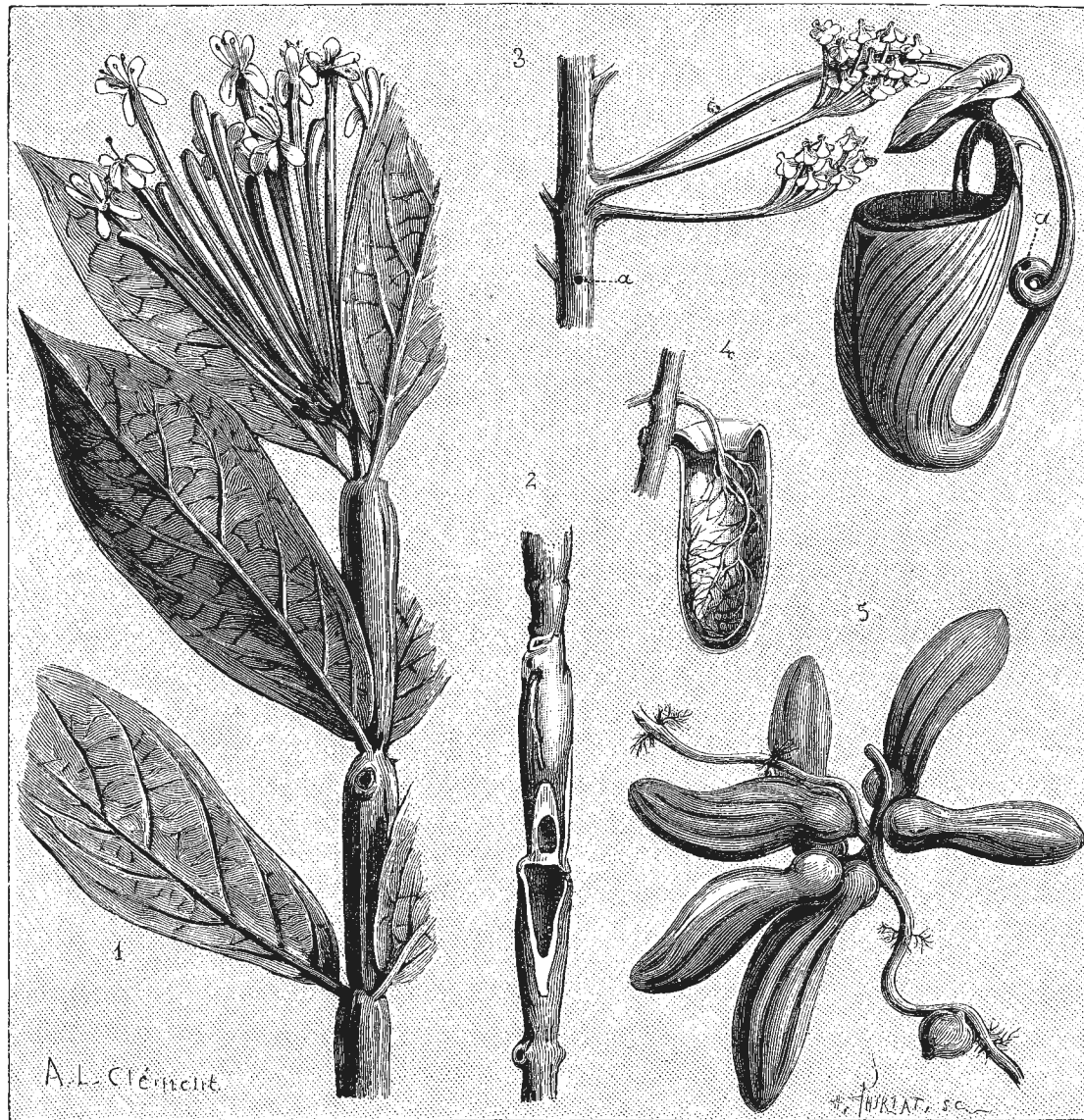

Гдѣ же рыба? Съ картины Г. Наульбаха грав. Геданъ.

вущие на деревьях этого рода, принадлежать къ двумъ видамъ, никогда, однако, не встрѣчающимся вмѣстѣ на одномъ и томъ же деревѣ: такъ, напримѣръ, если на одномъ изъ этихъ деревьевъ разселилась порода *Pseudomyrmex bicolor*, то на ближайшемъ непремѣнно встрѣишь другой видъ муравьевъ, а именно: *Crematogaster*. Впрочемъ, хотя указанные виды муравьевъ и не могутъ ужиться вмѣстѣ, тѣмъ не менѣе гостеприимное дерево пользуется ими вполне одинаково, такъ, напримѣръ, они собираютъ сладкій сокъ, выделяемый особыми органами, окружающими черешокъ листа, и, кромѣ того, находятъ на оконечностяхъ листьевъ особия маленькия шишечки, которыя играютъ въ муравьиномъ домашнемъ обиходѣ роль своеобразныхъ фруктовъ, такъ какъ, будучи вначалѣ крошки, онѣ въ периодъ своей полной зрѣлости дѣлаются мясистыми и сочными.

Въ лѣсахъ Малайскихъ острововъ довольно часто можно встрѣтить роскошное растеніе *Endospermum holuseanum*, которое также

Если дружное сожителство растенія съ насѣкомымъ кажется намъ вообще удивительнымъ, то дружба между исконными врагами: насѣкомымъ и плотояднымъ растеніемъ—хищникомъ—*Nepenthes bicalcarata* (см. рис. 1) является положительно необычайною. Въ началѣ нашего очерка мы уже ознакомили читателей съ характеромъ и типомъ оригинальныхъ ловушекъ этого растенія, предназначенныхъ на погибель его врага. И вдругъ то же самое насѣкомое—въ данномъ случаѣ муравей—безстрашно располагается на постоянныя квартиры чуть ли не въ тѣхъ же самыхъ предательскихъ камерахъ растенія. Положимъ, муравьи предпочитаютъ выбирать для своего жительства выпуклый и губчатый стебель *Nepenthes*, который не имѣетъ непосредственнаго соединенія съ чашечкой, т.-е. ловушкой растенія. Однако, храбрые ползунки устраиваютъ свои гнѣзда такъ же и въ болѣе для нихъ опасныхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, возлѣ цвѣтковъ растенія, зачастую склоняющихся своими

Друзья по-неволѣ. Рис. 1. Растенія, излюбленныя муравьями.

1. Царское дерево (*Clerodendron fistulosum*). 2. Стебель царскаго дерева. 3. *Nepenthes bicalcarata*; а—отверстіе, продѣланное муравьями. 4. Тюрничекъ *Dischidia* въ продольномъ разрѣзѣ. 5. Тюрнички *Dischidia*.

значится въ спискѣ друзей муравьевъ. Красота и внушительные размѣры этого дерева доставили ему названіе «царскаго». Муравьи, разселяющіеся въ изрытомъ пустотами стволѣ его, не безъ основанія считаются главною причиною колоссальнаго роста и паразитическаго развитія этого тропическаго растенія. Несмотря на самый заботливый уходъ и тщательныя попеченія специалистовъ-садоводовъ, это растеніе, при отсутствіи въ немъ обычныхъ жильцовъ—насѣкомыхъ, положительно приостанавливается въ своемъ естественномъ ростѣ. На другомъ растеніи *Clerodendron fistulosum* (см. рис. 1) муравьи разселяются во внутренностяхъ узловатаго стебля. Достойно вниманія, что узлы этого стебля отличаются особенною выпуклостью и снабжены непремѣнно отверстиемъ, служащимъ какъ бы входомъ во внутреннее помѣщеніе. Муравьи стараются оберегать это гостеприимное растеніе отъ вторженія какаго бы то ни было врага. Попробуйте-ка сорвать съ растенія маленькую вѣточку. Благодарныя насѣкомыя тотчасъ же набросятся на вашу руку и больно накажутъ васъ за дерзкое покушеніе.

головками надъ самымъ жерломъ роковой ловушки. Смѣлыя насѣкомыя бѣгаютъ тутъ по самымъ опаснымъ для нихъ мѣстамъ. Малѣйшее недовкое или неосторожное движеніе, и муравей летитъ въ ловушку, изъ внутренности коей для него, конечно, нѣтъ уже спасенія.

Растеніе — *Kibara formicatum* даетъ намъ случай наблюдать фактъ нѣсколько иного рода, а именно: наглядное подтвержденіе нѣкоторыхъ выводовъ изслѣдователей, какъ напр., вывода о существованіи у муравьевъ довольно разнообразнаго племеннаго скота. Оказывается, что эти крошки — гастрономы, да еще какіе! Такъ, они далеко не довольствуются тѣмъ, что роль дойныхъ коровъ исполняютъ для нихъ травяныя тли. Вкусъ шестиногихъ скотовладельцевъ является въ этомъ отношеніи очевидно испорченнымъ, по крайней мѣрѣ въ внутренности колѣнчатого стебля *Kibara formicatum* мы находимъ вмѣстѣ съ муравьемъ еще и другое знакомое намъ насѣкомое — кошениль. Несомнѣнно, что муравьи едва ли допустили бы къ себѣ въ гнѣздо этихъ сожителей, если бы

не видѣли отъ нихъ той или другой пользы. Не слѣдуетъ ли допустить, что муравьи сами перенесли къ себѣ кошениль, тѣмъ болѣе, что эти насѣкомыя имѣютъ привычку выдѣлать изъ себя какую-то сладковатую жидкость, которую заботливые фермеры слизываютъ съ видимымъ удовольствіемъ.

Насколько растенія иногда подлаживаются подъ вкусъ своихъ квартирантовъ, можно видѣть на чрезвычайно интересномъ примѣрѣ—«*Myrmeodia echinata*» и—«*alata*» (см. рис. 2, стр. 492), принадлежащихъ къ типу такъ-называемыхъ паразитныхъ растеній. Многие изъ нашихъ читателей, конечно, встрѣчали на корѣ и вѣтвяхъ большихъ деревьевъ какъ бы болѣзненные наросты, на дѣлѣ оказывающіеся вполне самостоятельными растеніями, которыхъ питаются соками тѣхъ же деревьевъ. Въ тропическихъ странахъ такія растительные полипы достигаютъ солидныхъ размѣровъ; такъ, напр., упомянутыя мирмекодіи или «муравейницы», попадающіяся преимущественно на значительныхъ высотахъ, почти сплошь покрываютъ вѣтви деревьевъ, въ видѣ громадныхъ шишекъ или яйцевидныхъ образований, достигающихъ иногда почти аршина въ діаметрѣ. Цѣпляясь за сучки нѣсколькими ничтожными корешками, наросты эти въ то же время заключаютъ въ себѣ многочисленное живое население. Масса наружныхъ отверстій служитъ входомъ въ цѣлый рядъ галлерей, сообщающихся между собой и густо населенныхъ муравьями. На первый взглядъ можетъ показаться, что муравьи сами источили сердцевину этого растенія; однако наблюдѣнія обнаружили тотъ безспорный фактъ, что послѣднее, будучи вполне изолировано отъ какихъ бы то ни было насѣкомыхъ, все равно сохраняетъ описанное внутреннее свое устройство, даже и въ томъ случаѣ, если мы будемъ выращивать его прямо изъ сѣмянъ. Съ другой стороны нельзя также не признать, что муравьи способствуютъ усиленному развитію мясистыхъ органовъ мирмекодіи, чѣмъ и оказываютъ ей несомнѣнную услугу, а именно: по условіямъ знойной тропической природы это паразитное растеніе нуждается въ подобнаго рода образованияхъ, служащихъ превосходными резервуарами воды для его потребностей.

Картина трогательнаго разоруженія еще недавнихъ враговъ—растенія и насѣкомаго—была бы не совсѣмъ полна, если бы мы не указали на крайне оригинальное строеніе нѣкоторыхъ органовъ растенія *Dischidia*, которое, такъ сказать, приноситъ себя въ жертву сдружившемуся съ нею врагу. На предыдущемъ примѣрѣ мирмекодіи мы уже видѣли, какъ это грозное на видъ растеніе представляетъ, хотя правда и не совсѣмъ безкорыстно, въ полное распоряженіе врагамъ свои губчатые стебли. Тамъ и сямъ по вьющемуся стеблю растенія мы видимъ образования, въ видѣ тюрничковъ, которые и служатъ притономъ, главнымъ образомъ для муравьевъ. Устройство этихъ оригинальныхъ органовъ станетъ вполне понятнымъ, если мы соединимъ края листа вѣншей стороной отъ вершины къ основанію такимъ образомъ, чтобы снизу получилось широкое отверстіе, и тогда листъ принимаетъ форму башлычка или капюшона. Теперь стоитъ только въ большей или меньшей степени перегнуть черешокъ листа у основанія конуса книзу, и мы получимъ тюрничокъ, въ который превращается листъ

у дисхидіи. Такой способъ самопреобразованія листьевъ станетъ совершенно очевиднымъ, если мы примемъ во вниманіе, что вначалѣ мы замѣчаемъ на растеніи одни лишь свернувшіеся тамъ и сямъ капюшоны, т.-е., такъ сказать, первую стадію развитія тюрничковъ или, какъ ихъ обыкновенно, называютъ, урнъ. Только уже затѣмъ эти урны принимаютъ вполне законченную форму, живописно, на подобіе какихъ-то фантастическихъ фонариковъ, обвѣшивая собой вьющійся стебель растенія. Часто случается однако, что преобразование листьевъ останавливается вдругъ на полудорогѣ, и тогда они или лишь отчасти сгибаютъ свой черешокъ, или уже навсегда остаются въ формѣ капюшоновъ, напоминая роту павловскихъ солдатъ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ по другой сторонѣ стебля имъ всегда соответствуетъ совершенно нормальный листъ, и факта существованія двухъ супротивныхъ урнъ еще не наблюдалось.

Уже въ началѣ образованія на черешкахъ появляется нѣсколько нѣжныхъ отростковъ, причемъ ближайшіе къ отверстию урны входятъ внутрь ея. Въ концѣ концовъ урна имѣетъ одинъ или два главныхъ корня, соединенныхъ съ цѣлой системой чрезвычайно тонкихъ корешковъ. Характерно то обстоятельство, что нижняя поверхность листа, обращенная при измѣненіи его въ урну къ свѣту, сохраняетъ свою зеленую окраску, тогда какъ внутренность урны представляется какъ бы обтянутой пурпурнымъ бархатомъ. Вотъ въ этихъ-то залахъ съ роскошными объемами живутъ муравьи и притомъ въ громадномъ количествѣ и, что называется, въ добромъ здравіи. Тутъ—цѣлые муравейники съ тысячами индивидовъ и множествомъ личинокъ, т.-е. попросту муравьиныхъ яицъ. Неустойчивые работники чинно поднимаются и спускаются по естественной лѣстницѣ изъ вышеупомянутыхъ корешковъ, зорко оберегая наружный входъ въ свой дворецъ отъ случайныхъ набѣговъ со стороны другихъ кочевниковъ изъ міра насѣкомыхъ.

Но этимъ не ограничиваются услуги муравьевъ. Кто скажится надъ бѣдной мирмекодіей въ тропическія жары? Ея мизерный шарикъ-стебелекъ, успѣвшій за день высохнуть и сморщиться, какъ сморчокъ, не даетъ уже ни одной капли живительной влаги. Долго и тщетно въ концѣ измученная мирмекодія молила бы безжалостное небо о дождѣ, если бы не муравей. Этотъ благодѣтель пролѣзъ въ одинъ прекрасный день въ первое изъ попавшихся ему по дорогѣ отверстій въ стеблѣ мирмекодіи и, найдя въ немъ довольно удобную для себя квартиру, не долго думая, переселился сюда со всѣмъ своимъ скарбомъ, съ чадами и домочадцами. Сталь новый жилецъ жить да поживать, да добра наживать. Вскорѣ, глядишь, заботливый домовладелецъ надстраиваетъ на домикѣ все новые да новые этажи. Въ результатѣ и расплодившемуся жильцу выгодно, да и самой домохозяйкѣ-мирмекодіи хорошо: теперь уже найдется достаточно мѣста, чтобы широко раскинуть ей свою спасительную водопроводную сѣть. Такимъ-то образомъ повеселѣвшее растеніе, увеличивъ, благодаря муравьямъ, вмѣстимость своего губчататаго тѣла, съ избыткомъ запасается драгоценной влагой и, въ случаѣ засухи уже не вѣшаетъ безпомощно истомленной жаромъ головы. Короче говоря, прежніе враги до того тѣсно сживаются, что почти не могутъ и существовать одинъ безъ другого.

Къ рисункамъ.

Скучно въ деревнѣ!.. Изнемогающія отъ бездѣля дачницы взяли всѣ необходимыя принадлежности и отправились въ поле «рисовать съ натуры»... Выбрали лужайку, гдѣ удобнѣе сидѣть, выбрали пейзажъ, который полечее нарисовать—и началась работа. Съ перваго взгляда, пожалуй, можно подумать, что предъ вами настоящія художницы, — такъ онѣ сосредоточились на своей работѣ. Но, посмотрѣвши внимательно, вы скоро убѣдитесь, что еслибы было чѣмъ замѣнить рисованіе, еслибы подвернулось интересное общество пріятныхъ кавалеровъ, то внимъ были бы забыты и бумага, и карандаши, и сладные стулья... За неимѣніемъ лучшаго, приходится довольствоваться рисованіемъ на лонѣ природы. Но и дилетантизмъ въ искусствѣ имѣетъ свою прелесть, и во всякомъ случаѣ это—занятіе безобидное.

Жанровая картинка художника В. П. Андреева—**Въ поискахъ натуры**, бывшая на выставкѣ въ академіи художествъ, производитъ пріятное впечатлѣніе своей простотой и искренностью тона. Отправиться искать натуру еще мало: нужно найти ее, а кому же изъ нашихъ художниковъ не извѣстно, какъ это трудно, чаще же всего прямо невозможно. Никто не желаетъ облегчить художнику его задачу. И вотъ, онъ родитъ по садамъ, хуторамъ и лугамъ, присматривается къ типамъ, заводитъ знакомства, тратитъ массу времени на непродуцибельные и политичные разговоры, изощряется въ хитроуміи, чтобы только склонить подходящую натуру и вырвать у нея согласіе послужитъ ему моделью. Тутъ часто примѣняется къ дѣлу знаменитый іезуитскій лозунгъ—цѣль оправдываетъ средства. И конечно цѣль достигается, потому что, если бы она въ концѣ концовъ не достигалась, то не было бы и этой милой картинки г. Андреева.

Съ давнихъ поръ монастыри были расадниками просвѣщенія на Руси. Единственные книжные люди въ старину были монахи. Они не таили своихъ знаний, не прятались съ ними отъ людей, какъ это дѣлало католическое духовенство, запрещавшее мірянамъ читать библію, но охотно дѣлились съ окружающимъ темнымъ людемъ крупицами того золота, которымъ обладали... Ныне сравнительно уже много школъ для народа — и церковныхъ, и земскихъ,

но и въ теперешнее время можно встрѣтить въ какомъ-нибудь захолустьѣ «монастырскаго человѣка», почтеннаго и «ветхаго днями», обучающаго окрестныхъ ребятишекъ за небольшую плату, а то и даромъ. На картинкѣ г. Дмитриева, украшавшей послѣднюю алтарельную выставку, изображенъ именно такой монастырскій грамотей, представляющій какъ бы pendant къ знаменитому «отставному солдату» Беранже. Не въ аудиторіи происходитъ этотъ «урокъ чтенія» — это начало всѣхъ наукъ... Кругомъ садъ... И самъ профессоръ только что, можетъ-быть, окапывалъ деревья и поливалъ цвѣты!.. А вотъ пришелъ къ нему этотъ парнишка-пастухъ—и началась наука... И—взгляните—какое усиліе мысли, какая сосредоточенность на лицѣ ученика! И какое, подумаешь, вслѣдѣ дѣло тутъ происходитъ! Побольше бы такихъ уроковъ чтенія, за неимѣніемъ достаточнаго числа настоящихъ школъ. Если учителя подобнаго рода, можетъ-быть, и не всегда сѣютъ непосредственно «доброе, разумное», то они готовятъ почву, на которой впоследствии «разумное и доброе» само взойдетъ.

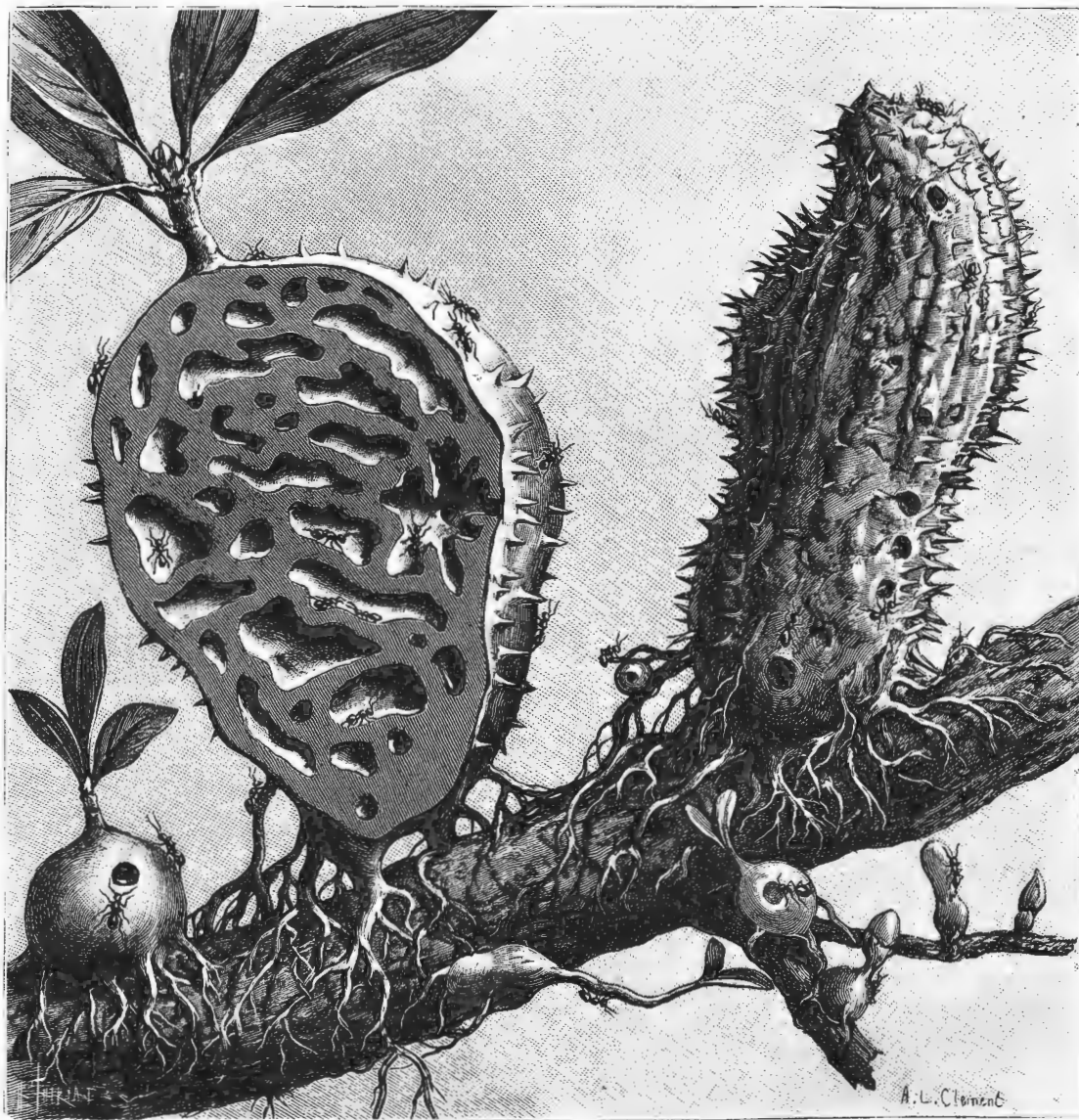
Предъ нами мощная фигура философа изъ Санъ-Суси, одного изъ величайшихъ людей XVIII вѣка, прусскаго короля Фридриха Великаго. Стремленіе къ наукамъ и искусствамъ, пробудившееся въ немъ еще въ дѣтствѣ, ревностное изученіе философіи, которому онъ отдался съ молодости, глубокое уваженіе къ ученымъ и писателямъ, которыми онъ старался окружить себя всю жизнь—все это рѣзко выдѣляло короля не только изъ ряда монарховъ его времени, но и среди выдающихся умовъ прошлаго вѣка. Еще будучи провинциемъ, Фридрихъ въ 1736 г., удалившись отъ придворной жизни, поселился въ замкѣ Рейнсбергѣ, близъ Руппина, и предался тамъ своимъ любимымъ литературно-философскимъ занятіямъ, плодомъ которыхъ явился его знаменитый трудъ «*Анти-Маккиавель*». Въ этомъ, сравнительно небольшомъ по размѣрамъ, сочиненіи Фридрихъ разбираетъ типъ государя, который изображенъ Маккиавелемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ свои личныя воззрѣнія на идеалъ государя. Благодаря этому сочиненію завязалась у Фридриха сначала переписка, а затѣмъ и тѣсная дружба съ Вольтеромъ, которая особенно окрѣпла со времени переѣзда Фрид-

риха во вновь построенный имъ близъ Потсдама загородный дворецъ «Санъ-Сусъ». Совершилось это въ 1747 г. Въ Санъ-Сусенъ Фридрихъ, послѣ блестящихъ побѣдъ и цѣлаго ряда государственныхъ и общественныхъ реформъ, отдался своему влеченію къ философіи и литературѣ. Здѣсь онъ написалъ свою «Исторію моего времени» (*Histoire de mon temps*), представляющую исторію сilesскихъ войнъ и обзоръ исторіи Бранденбургскаго дома. Сюда, въ числѣ разныхъ именитыхъ иностранцевъ, приглашенныхъ Фридрихомъ, явился въ іюль 1750 г. и Вольтеръ. Онъ былъ такъ радушно принятъ Фридрихомъ, что образно выразилъ свое впечатлѣніе словами: «здѣсь я чувствую себя во Франціи». Тонкій философскій умъ Вольтера оказалъ огромное вліяніе на многіе литературные труды Фридриха, и это вліяніе было бы еще сильнѣе, если бы не властолюбіе и даже корыстолюбіе Вольтера, слѣпкомъ безцеремонно вторгавагося въ дѣла короля. Постепенно Фридрихъ разоча-

отъ всего, что связывало его прежде съ міромъ. Онъ расширилъ и углубилъ щель въ скалѣ, превративъ ее въ маленькую пещеру, вытесалъ ведущія къ ней ступени и выстроилъ деревянную дверь, заграждавшую входъ въ его келью...

И жилъ онъ тутъ въ одиночествѣ и вдали отъ людей. Прилетали къ нему птицы, да приходила къ лѣстницѣ лань—подбирать крохи, бросаемыя ей отшельникомъ.

Недавно онъ умеръ... Его нашли и похоронили тутъ же, неподалеку отъ его кельи, и вырубили на скалѣ крестъ, обозначающій тихую и безвѣстную могилу. Лѣстница поросла мохомъ, дверь кельи ветнасть... Лань, пришедшая къ ручью, грустно поводитъ ушами, уже не получая теперь своего хлѣба... И тишина—дикая и унылая тишина царитъ кругомъ покинутой кельи, нарушаемая лишь музкой ручья да шумомъ деревьевъ...

Друзья по-неволю. Рис. 2. Растенія, излюбленныя муравьями.

Справа—общій видъ муравейницы—*Mymecodia alata*. Натѣво—муравейница *Mymecodia echinata* въ продольномъ разрѣзѣ. Внизу—образованіе муравейницы *Mymecodia echinata*.

ровывался въ Вольтерѣ, какъ человекъ, и въ особенности возмущенъ былъ его нападками на другого француза-ученаго, Мопертюи, котораго король очень цѣнилъ. Читатели наши знакомы съ ихъ отношеніями по очерку «Фридрихъ Великій и Мопертюи», помѣщенному въ «Литер. Прил.» (№ 5). Въ этомъ очеркѣ ярко обрисованъ Фридрихъ Великій именно съ духовной стороны, какъ писатель и человекъ. Великолѣпная скульптура Магнуссена можетъ служить прекрасной иллюстраціей къ этому очерку.

Онъ избралъ себѣ такое мѣсто, гдѣ ничто не напоминало ему о прежней жизни... Здѣсь не было ни прохожихъ, ни проезжихъ, не было шума и суеты. Однѣ угрюмыя скалы нависли сводомъ, да зеленѣли между ними сосны. Здѣсь было такъ тихо, что ручей, струившійся внизу ущелья, наполняятъ своимъ звономъ и ропотомъ всю окрестность... Порою свистѣлъ между камнями вѣтеръ и стонали сосны.

И тутъ онъ—отшельникъ—долго жилъ со своею скорбью, со своей тайной, со своимъ желаніемъ уйти на край свѣта, скрыться

Каульбахъ— истинный поэтъ дѣтской жизни... Подобно многимъ другимъ картинкамъ, онъ и на прилагаемомъ рисункѣ вновь даетъ одинъ изъ моментовъ жизни «на зарѣ сознанія»...

Ребятинки, играя, набрали на кадку съ водой. Ребятинки такіе маленькіе, что кадка для нихъ— настоящее озеро... Старшей дѣвочки—уже довольно коварной особы—пришло въ голову позабавиться надъ малышами, подурочить ихъ.— «Дайте рыбу удить!» предлагаетъ она имъ. «Вотъ тутъ вода, а въ водѣ рыба!» Немедленно появилась сдѣланная изъ вѣтки удочка... Крючка не оказалось—но и такъ сойдетъ! И началось пресерьезное дѣло... Старшая сестра лукаво поглядываетъ на своихъ доверчивыхъ товарищей, а они совершенно поглощены занятіемъ... Удильщикъ—даже ротъ раскрылъ отъ сосредоточеннаго вниманія, а самый маленькій—уцѣпился за край кадки и всѣмъ существомъ погрузился въ дѣло... Онъ желаетъ видѣть рыбу... Гдѣ же рыба?... Когда никакой рыбы не окажется, и ловля окажется тщетной—произойдетъ, можетъ-быть, маленькая ссора, а тамъ найдется новое интересное занятіе... Ахъ, хороши дѣтскіе годы!..

Въ понедѣльникъ, 14-го іюня, пушечные выстрѣлы возвестили столичному населенію радостную вѣсть о приращеніи Царской Семьи дочерью Марією. Объ этомъ событіи послѣдовалъ въ тотъ же день Высочайшій манифестъ.

Государыня Императрица Александра Феодоровна и высоконоворожденная Великая Княжна Марія Николаевна, какъ видно изъ официальныхъ бюллетеней, находятся въ вожделенномъ здравіи. Такимъ образомъ, никто не нарушаетъ праздничнаго настроенія, вызваннаго этимъ радостнымъ событіемъ въ Царской Семьи, а имя Высоковорожденной служитъ предзнаменованіемъ жизни, столь же плодотворной, какъ была плодотворна жизнь ея царственныхъ предшественницъ, носившихъ то же прекрасное имя.

Памятникъ подвигамъ л.-гв. сапернаго батальона.

(Рис. на этой стр.).

6-го іюня, въ день св. Троицы, состоялось въ Петербургѣ передъ церковью во имя св. Космы и Даміана, что на Кирочной, освященіе перевезеннаго туда изъ Петергофа памятника л.-гв. сапернаго батальона.

Исторія этого памятника довольно интересна. Онъ сооруженъ по повелѣнію императора Николая I при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Во время лагернаго сбора 1853 г. императоръ приказалъ саперамъ взорвать гранитныя глыбы, загромождавшія площадь передъ ихъ лагеремъ. Но одну изъ нихъ онъ приказалъ не трогать. Во время же нахождения батальона на зимнихъ квартирахъ императоръ повелѣлъ поставить на уцѣлѣвшей гранитной глыбѣ бронзовый орелъ и прикрѣпить къ ней доску съ надписью: «Подвигамъ лейб-гвардіи сапернаго батальона». Объ этой Высочайшей милости батальонъ узналъ только на слѣдующій годъ, когда снова пришелъ въ лагерь подъ Петергофомъ.

Военные подвиги батальона дѣйствительно вполне заслуживали этого высокаго отличія. Огненное свое крещеніе онъ получилъ въ турецкую войну 1828—

29 гг., когда ему за геройскую осаду Варны было пожаловано георгиевское знамя. Не менѣе онъ отличился во время польскаго возстанія 1831 г. подъ Остроленкою и при взятіи Варшавы. Впослѣдствіи во время турецкой войны 1877—78 гг. гвардейскіе саперы оказали арміи блестящее содѣйствіе при переходѣ ея черезъ Балканы. Участіе ихъ въ этомъ дѣлѣ было такъ значительно, что генералъ Гурко имъ заявилъ: «Трудами рукъ вашихъ, саперы, мы перешли Балканы». Императоръ Александръ III, принимавшій такое живое участіе въ этой кампаніи, постановилъ перенести памятникъ изъ Петергофа въ Петербургъ и поставить его въ скверѣ передъ церковью батальона.

Нынѣ воля Императора Александра III исполнена, и 6-го іюня происходило освященіе памятника на новомъ мѣстѣ. Торжество это, совпавшее съ батальоннымъ праздникомъ, было отпраздновано съ большимъ воодушевленіемъ. Послѣ освященія и рѣчи военнаго министра, генералъ-лейтенанта Куропаткина, состоялось во дворѣ казармъ гулянье для нижнихъ чиновъ, а въ офицерскомъ собраніи обѣдъ, на которомъ провознесено было очень много душевныхъ тостовъ.

Городской ломбардъ въ Петербургѣ.

(Рис. на стр. 494.)

Было время, лѣтъ 40 тому назадъ, когда въ Петербургѣ не было никакихъ общественныхъ учрежденій, въ которыхъ выдавались бы ссуды подъ залогъ вещей и вообще движимаго имущества. Бѣдняки, которымъ на скорую руку нужны были рубль, два, обращались за этимъ къ разнымъ «благодѣтелямъ рода человѣческаго», которые и

принимали въ залогъ все, отъ мѣднаго кофейника до пары обтрепанныхъ башмаковъ включительно. Подъ эти вещи они выдавали ссуду, при чемъ брали за каждый полтинникъ 10 коп. въ мѣсяцъ процента, а за рубль до 20 коп. въ мѣсяцъ. Полиція хотя и преслѣдовала этихъ тайныхъ ростовщиковъ, но они ловко умѣли прятать концы въ воду и обезпечивали себѣ безнаказанность тѣмъ, что брали отъ залогодателей расписку въ томъ, что вещь, заложная за рубль или за два, продана за 1 рубль 20 коп. или за 2 руб. 40 коп. Стоило бѣдняку просрочить одинъ день, и вещь пропала.

Въ шестидесятихъ годахъ появились вмѣсто этихъ тайныхъ ростовщиковъ — «гласныя кассы ссудъ», бравшія однако до 120 процентовъ годовыхъ, а за золотыя, серебряныя и брильянтоваыя около 96 процентовъ. Не менѣе обирали столичную бѣдноту и конкурировавшія съ кассами ссудъ — такъ называвшіяся лавки «покупки и продажи», въ которыхъ подъ видомъ покупки старыхъ вещей выдавались ссуды подъ залогъ и старыхъ, и новыхъ. Долго процвѣтали эти учрежденія, обогащая своихъ владѣльцевъ, пока, наконецъ, «ссудное» дѣло не было регулировано посредствомъ учрежденія ломбардовъ, основанныхъ на акціонерныхъ началахъ и раскинувшихъ свои отдѣленія по всѣмъ частямъ города и,

Памятникъ подвигамъ л.-гв. сапернаго батальона въ Петербургѣ, освященный 6-го іюня т. г. Съ фот. Глыбовскаго автотипія «Нивы».

главное, значительно понизившихъ проценты за ссуду. Пониженію этому содѣйствовала возникшая между нѣсколькими появившимися въ столицѣ ломбардными обществами конкуренція, доведшая размѣръ процентовъ за ссуду до 24 годовыхъ. Но даже такое значительное уменьшеніе процентовъ все же еще казалось недостаточнымъ. Городъ рѣшилъ самъ взять въ свои руки ссудныя операціи подъ залогъ движимыхъ имуществъ и, не заинтересованный въ полученіи матеріальныхъ выгодъ, дѣйствительно, можетъ за небольшой ссудный процентъ помочь бѣдному населенію «въ минуту жизни трудную».

Мысль объ учрежденіи городского ломбарда возникла давно, но для осуществленія ея было много препятствій. Главнымъ препятствіемъ было отсутствіе у городского управленія средствъ. Наконецъ она явилась, благодаря разрѣшенію городу сдѣлать заемъ въ миллионъ рублей на ломбардъ. Изъ этой суммы 600,000 р. ассигновано для центрального отдѣленія городского ломбарда, открытаго 7-го апрѣля въ обширномъ помѣщеніи на Пантелеймоновской улицѣ (на углу Моховой). Остальные 400,000 руб. будутъ распределены, въ качествѣ оборотныхъ суммъ, между двумя отдѣленіями, которыя будутъ открыты въ ближайшемъ будущемъ.

Дѣятельность городского ломбарда, несмотря на свою кратковременность, уже очень солидна.

Изъ представленнаго распорядителемъ ломбарда отчета, ломбардъ съ 7-го апрѣля по 22-е мая выдалъ 9,445 ссудъ, на сумму 135,882 р. Ссудъ отъ 1 р. до 10 р. выдано 6,787, отъ 11 р. до 50—2,126; отъ 51 р. до 100—358; отъ 100 до 200 р.—129. Максимальныхъ ссудъ, т.-е. отъ 200 до 300 р. выдано всего 45.

Наружный вид петербургскаго городского ломбарда. Съ фот. Булла грав. Гашевскій.

Внутренний вид петербургскаго городского ломбарда. Съ фот. Булла авт. «Нивы».

Мы видим, таким образом, что городской ломбард оказывает помощь именно мелкими ссудами, т.-е. тому кругу населения, для которого дорог каждый грош и чувствителен каждый лишний процент ссуды. С течением времени деятельность городского ломбарда расширится, и таким образом будет правильно удовлетворяться одна из существенных нужд столичного населения.

Наши рисунки изображают, первый, наружный вид здания ломбарда, а второй—тот момент послѣ освящения здания, когда участвовавшіе въ немъ лица закладывали и выкупали разные вещи, чтобы лично убѣдиться, какъ дѣйствуетъ новое учрежденіе.

В. Л. Геллеръ.

(Портр. на этой стр.)

Недавно скончался, 47 лѣтъ отъ роду, лоцъ-командиръ общества с.-петербургскихъ лоцмановъ и командиръ Невскаго пловучаго маяка, Владиміръ Львовичъ Геллеръ. Дѣятельность В. Л. представляетъ поучительный примѣръ того, какъ много можетъ сдѣлать даже скромный дѣятель, когда въ душѣ его горитъ искра добра и сознанія своего долга.

В. Л. былъ назначенъ с.-петербургскимъ лоцъ-командиромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ командиромъ Невскаго пловучаго маяка въ 1890 г. и тотчасъ же съ увлеченіемъ отдался реорганизационной дѣятельности. До 1890 г. общество с.-петербургскихъ лоцмановъ, преобразованное на новыхъ основаніяхъ изъ казенной лоцманской команды, владѣло самое жалкое существованіе. На Подзорномъ (Лоцманскомъ) островѣ, отданномъ въ пользованіе общества, ему принадлежали лишь три нежилыхъ строения, а капиталъ общества не превышалъ 8 тысячъ рублей.

Для выѣзда на суда лоцмана имѣли всего три шлюпки, которыя притомъ должны были служить и для промѣрныхъ работъ.

При небольшомъ окладѣ казеннаго содержанія, заработокъ лоцмановъ за проводку приходящихъ въ Петербургъ парусныхъ кораблей и пароходовъ былъ ничтоженъ, такъ какъ судовщики не довѣряли новому обществу и предпочитали обходиться услугами частныхъ проводниковъ. Никакихъ пенсій и пособій лоцманамъ и ихъ семействамъ не полагалось. По незначительности денежнаго содержанія, по отсутствію какихъ бы то ни было научныхъ свѣдѣній, по бѣдности духовныхъ интересовъ и даже по вѣншему облику—лоцмана мало чѣмъ отличались отъ захолустныхъ «гарнизонныхъ» командъ стараго времени.

По инициативѣ и подѣ ближайшимъ руководствомъ покойнаго В. Л. за 9 лѣтъ его управленія обществомъ, положеніе послѣдняго стало неузнаваемымъ: почти всѣ дома на Подзорномъ островѣ выкуплены отъ частныхъ лицъ обществомъ, устроены мостки, набережная, каменная мостовая и водопроводъ; построено для лоцмановъ общественное собраніе, съ умѣло подобранной бібліотекой, завѣдена школа для дѣтей лоцмановъ и учреждена постоянная медицинская помощь устройствомъ пріемнаго покоя съ врачомъ, акушеркою и бесплатнымъ отпускомъ лѣкарствъ; имѣется юрисконсультъ для веденія арендныхъ дѣлъ общества; штатъ лоцмановъ и содержаніе (вѣрнѣе, заработокъ) ихъ увеличился; съ возрастаніемъ капитала общества явилась возможность выдавать пенсіи и единовременныя пособія утратившимъ здоровье лоцманамъ и семействамъ умершихъ; число шлюпокъ увеличено до 7-ми, а въ послѣдніе три года обществомъ приобретены два прекрасныхъ буксирно-ледорѣзныхъ парохода, общюю стоимостью до восьмидесяти тысячъ рублей, снабженные сильными водоотливными и противопожарными насосами. Кромѣ того, на Подзорномъ островѣ устроена спасательная станція, и гробами на спасательныхъ шлюпкахъ состоятъ лоцмана. Всѣмъ лоцманамъ и лоцманскимъ ученикамъ присвоена изящная форма.

Столь блестящимъ успѣхомъ общество с.-петербургскихъ лоц-

мановъ обязано, главнымъ образомъ, неустаннымъ трудамъ и инициативѣ покойнаго: въ докладахъ морскому начальству, въ заступаніяхъ присутствія по устройству коммерческаго порта въ Петербургѣ, въ различныхъ комиссіяхъ и въ непрерывныхъ должностныхъ сношеніяхъ своихъ съ различными вѣдомствами, а также на судебныхъ процессахъ общества съ судовладельцами и шкиперами, нарушавшими законныя постановленія, В. Л. стойко поддерживалъ интересы лоцманскаго дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ личнымъ примѣромъ проводки судовъ по Морскому каналу и на рѣкѣ Невѣ, и строгимъ, но справедливымъ отношеніемъ какъ къ своимъ лоцманамъ, такъ и къ судовщикамъ, сумѣлъ вызвать у первыхъ горячій интересъ къ своему дѣлу, а у вторыхъ—довѣріе къ искусству и умѣнью лоцмановъ, въ виду чего доходы общества быстро возросли, а частные проводники исчезли изъ Петербурга. Особенно окрѣпло это довѣріе послѣ неоднократныхъ случаевъ благополучной проводки лоцманами изъ Петербурга въ Кронштадтъ гигантовъ, военныхъ броненосцевъ и крейсеровъ, только что отстроенныхъ, съ неурегулированными еще машинами и притомъ преимущественно въ осеннее время, т.-е. при сильныхъ вѣтрахъ и низкой водѣ. Аварій съ судами въ районѣ дѣятельности петербургскихъ лоцмановъ уменьшались съ каждымъ годомъ и дошли до ничтожной цифры, даже сравнительно съ обычнымъ процентомъ аварій въ иностранныхъ портахъ.

Забывая о матеріальномъ благосостояніи общества и улучшеніи быта своихъ подчиненныхъ, В. Л. вмѣстѣ съ тѣмъ стремился къ повышенію образованія лоцмановъ, желая ставить ихъ въ уровеньъ съ лучшими иностранными лоцманами. Въ этихъ видахъ для сыновей лоцмановъ, прошедшихъ курсъ первоначальной школы на Подзорномъ островѣ, было исходатайствовано нѣсколько вакансій въ петербургскихъ мореходныхъ классахъ.

Кромѣ того, по мѣрѣ убывающаго старости лоцмановъ и расширенія штатовъ, В. Л. старался привлечь въ общество молодыхъ людей изъ числа окончившихъ курсъ въ мореходныхъ классахъ.

Завѣтною мечтою покойнаго было поднять образованіе лоцмановъ до такой высоты, чтобы въ военное время они могли, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ Финскаго залива и Балтійскаго моря, пополнить возмужавшую въ штурманскихъ офицерахъ на судахъ военнаго флота, а въ мирное—удовлетворять потребности морского вѣдомства въ опытныхъ исполнителяхъ гидрографическихъ работъ. Мечта эта отчасти начала сбываться, такъ какъ уже въ прошлую навигацію нѣкоторые избранные имъ лоцмана съ успѣхомъ водили коммерческія суда и любительскія яхты до германскихъ портовъ, а одинъ изъ нихъ былъ принятъ,

съ вольнаго найма, на офицерскую вакансію въ Бѣломорскую съемку, гдѣ и заслужилъ хорошую аттестацію отъ морскаго начальства. Къ сожалѣнію, всѣ эти хлопоты при увлеченіи службою, буквально до самозабвенія, масса переписки по возникшимъ вопросамъ, а въ навигаціонное время—постоянный надзоръ и днемъ, и ночью за проводкою судовъ лоцманами, особенно на Невѣ, у мостовъ, гдѣ шансы аварій наиболѣе велики, подорвали казавшееся крѣпкимъ здоровье В. Л. Всего больше, однако, этому способствовало то, что въ одну изъ своихъ поѣздокъ на паровомъ катерѣ на Невскій маякъ, при сильномъ ударѣ волны,

В. Л. былъ сшибленъ съ ногъ и брошенъ грудью о бортъ катера. Послѣдствія этого ушиба и привели къ роковой развязкѣ. Однако, до дня своей смерти В. Л. мужественно боролся съ болѣзью и ни на минуту не покидалъ своего любимаго дѣла.

Роза Бонѣръ. (Портр. на этой стр.)

Недавно скончавшаяся знаменитая французская художница, Роза Бонѣръ родилась 22-го октября 1822 года въ Бордо; въ 1830 году она перѣехала на жительство въ Парижъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, бывшимъ ея единственнымъ учителемъ на избранномъ оу попри-

В. Л. Геллеръ. Съ фот. авт. «Нивы».

Роза Бонѣръ.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

Карлотта Гризи.
Съ современнаго портрета грав. Шюблеръ.

щѣ. Онъ заставлялъ ее копировать Рафаэля, Тициана, Рубенса и др. мастеровъ, картинами которыхъ полны парижскіе музеи. Но молодую художницу привлекали другіе сюжеты: она посвятила себя изображенію животныхъ и тѣмъ больше разрабатывала эту отрасль живописи, тѣмъ болѣе въ ней совершенствовалась и тѣмъ болѣе приобретала популярности и славы. Имя ея, какъ анималистки, не имѣетъ себѣ равнаго въ Европѣ. Она начала выставку въ 1841 г.; первый значительный успѣхъ сдѣлала ей выставленная въ салонѣ 1845 г. двѣнадцать картинъ; въ 1848 г. она получила большую золотую медаль, а въ 1849 г. ея картина: «Пашуціе волы» была приобретена правительствомъ въ люксембургскій дворецъ. Национальная галерея въ Лондонѣ приобрѣла ей шедевр: «Конская ярмарка» (1853). Изъ другихъ ея картинъ очень известны «Бараны на морскомъ берегу», «Овцы на пастбищѣ», «Царь львовъ» и «Стадо кабановъ». Французское общество, относившееся сначала съ большой восторженностью къ картинамъ Розы Бонёръ, постепенно къ нимъ охладѣло, отчасти обиженное тѣмъ, что художница съ начала шестидесятихъ годовъ перестала выставлять во Франціи и экспонировала свои картины въ Англіи, Америкѣ и другихъ странахъ—вездѣ, кромѣ своей родины. Тѣмъ не менѣе и общество, и въ особенности ея товарищи по искусству, отдавали ей должное и высоко цѣнили ея талантъ. Никто изъ современныхъ живописцевъ не писалъ животныхъ съ такой силой и съ такимъ глубокимъ знаніемъ анатоміи. Въ ея работахъ нѣтъ ни изысканности, ни манерности, ни желанія бить на эффектъ; всѣ ея картины просты, какъ проста и естественна жизнь ея излюбленныхъ героевъ. Но она любила этихъ безсловесныхъ героевъ, тщательно изучала ихъ и въ творческихъ образахъ давала намъ результаты этого добросовѣстнаго изученія.

Внѣшними событиями была не богата ея жизнь, почти сплошь посвященная упорному труду на поприщѣ искусства. Р. Бонёръ пережила глубокое горе въ 1849 г., потерявъ своего любимаго отца, учителя и друга, послѣ чего долго не была въ состояніи взяться за кисть. Въ пятидесятыхъ годахъ она получила орденъ Почетнаго Легиона, по настоянію императрицы Евгеніи. Она жила въ уединеніи въ окрестностяхъ Фонтенебло и умерла въ маѣ настоящаго года, 77 лѣтъ отъ роду. Съ ея картинъ сдѣлано множество гравюръ, содѣйствовавшихъ популяризаціи ея таланта среди широкой публики.

Политическое обозрѣніе.

Министерскій кризисъ во Франціи оказался на этотъ разъ очень продолжительнымъ. Со дня паденія министерства печать стала безпощадно критиковать бывшій кабинетъ, его политику колебаній, вызвавшую будто бы всеобщее неудовольствіе. Такое настроеніе чрезвычайно затруднило выборъ главы новаго кабинета, хотя еще 1-го іюня г. Лубэ сообщилъ президентамъ сената и палаты о своемъ желаніи возможно скорѣе покончить съ кризисомъ.

Цѣлый рядъ комбинацій не имѣлъ успѣха: выдающіеся парламентскіе дѣтели, призванные въ Елисейскій дворецъ, не нашли выхода изъ созданнаго паденіемъ министерства положенія. Президенту республики пришлось вызвать изъ Гааги представителя Франціи на мирной конференціи — г. Леона Буржуа; но и этотъ дѣтель, побывавъ въ Парижѣ, окончательно отказался отъ задачи составленія новаго министерства и вернулся къ прерваннымъ занятіямъ на международномъ совѣщаніи. Наконецъ г. Лубэ призвалъ въ Елисейскій дворецъ своего друга, г. Вальдека-Руссо, которому удалось разрѣшить трудную задачу: въ официальной газетѣ опубликованы были 11-го іюня декреты о назначеніи новыхъ министровъ. Составъ новаго кабинета французской республики слѣдующій: Вальдекъ-Руссо — президентъ совѣта и министръ внутреннихъ дѣлъ, Делькассе — министръ иностранныхъ дѣлъ, генералъ маркизъ Галлифе — военный министръ, Лансесанъ — морской, Монисъ — юстиціи, Кальво — финансовъ, Мильеранъ — торговли, Лейтъ — народнаго просвѣщенія, Декрѣ — колоній, Жанъ Дюпонъ — земледѣлія, Боденъ — общественныхъ работъ. Въ министерство вошли: пять умѣренныхъ республиканцевъ, четыре радикаловъ-соціалистовъ и генералъ Галлифе, какъ представитель консерваторовъ, примирившихся съ республикой.

Глава новаго кабинета состоялъ адвокатомъ крупныхъ панамистовъ; военный министръ извѣстенъ, какъ руководитель ниспроверженія парижской коммуны въ 1871 году; Мильеранъ и Боденъ неоднократно принимали участіе въ организаціи стачекъ, создавшихъ не мало хлопотъ прежнимъ министерствамъ. Печать выразила сильное удивленіе по поводу такого разнохарактернаго состава кабинета.

Въ ожиданіи программы дѣятельности новаго министерства, въ палатѣ депутатовъ 14-го іюня всѣ галереи были полны задолго до начала засѣданія; въ залѣ чувствовалось напряженное настроеніе. Соціалсты приветствовали новое министерство враждебными криками. Глава кабинета — г. Вальдекъ-Руссо, часто прерываемый, прочиталъ декларацію, въ общихъ чертахъ, слѣдующаго содержания: своимъ рѣшеніемъ поддерживать лишь правительство, энергично отстаивающее республиканскія учрежденія и обеспечивающее общественный порядокъ, палата ясно опредѣлила задачу новаго кабинета; дѣло идетъ о сохраненіи общаго достоянія, что, по мнѣнію министерства, достижимо только при участіи всѣхъ республиканцевъ; правительство стремится къ тому, чтобы положить конецъ агитаціямъ противъ строя, освященнаго всенароднымъ голосованіемъ; во главѣ интересовъ, тѣснѣйшимъ образомъ связанныхъ съ сохраненіемъ и достоинствомъ націи, министерство ставитъ

Карлотта Гризи. (Портр. на стр. 495.)

Недавно въ Парижѣ скончалась на 78 году жизни знаменитая балерина, Карлотта Гризи.

Гризи была великолѣпной классической танцовщицей, отличающейся легкостью, воздушностью и замѣчательной техникой. Кромѣ того, она славилась тѣмъ, что называется стальнымъ носкомъ и законченностью танцевъ. Она танцевала въ Петербургѣ, явившись къ намъ во всемъ блескѣ своей красоты и во всемъ обаяніи своей молодости, и выступила на нашей сценѣ послѣ триумфовъ другой знаменитости — Фанни Эльслеръ. Что касается ея мимическаго дарованія, то оно было много ниже дарованія Тальони и даже Эльслеръ. Но, по словамъ Д. В. Григоровича, Гризи поражала современниковъ своей необыкновенной женственностью и изяществомъ. Нашъ маститый писатель говорилъ, что онъ ставилъ ее выше всѣхъ танцовщицъ того времени. Гризи дебютировала въ Петербургѣ 8-го октября 1850 г. въ «Жизели». Она имѣла шумный успѣхъ и ее восхваляли въ стихахъ:

Не спорю я, она—не Фанни,
Нѣтъ тѣни сходства даже въ ней:
Иную дань рукоплесканій,
Иной вѣнокъ подругъ феи!.

К. Гризи родилась въ Визинидѣ, деревнѣ верхней Истрии, въ 1821 г. Пяти лѣтъ отъ роду она уже танцевала на сценѣ театра La Scala, въ Миланѣ; училась у знаменитой Малибранъ пѣнію и у не менѣе знаменитаго хореографа Перро—танцамъ. Выйдя за Перро замужъ, она въ 1840 г. танцевала въ Парижѣ. Самый шумный успѣхъ она имѣла въ «Жизели», и эта созданная ею роль навсегда осталась любимѣйшею въ ея репертуарѣ. Она объѣздила со своимъ мужемъ театры Франціи, Англіи и Бельгіи; она танцевала въ выдающихся балетахъ своего времени: «Периз», «Питомица Фея», «Le diable à quatre», «Эсмеральда», «Наяда и рыбаки» и др.

По окончаніи своей театральн. дѣятельности К. Гризи удалилась въ Швейцарію, гдѣ начала вести жизнь помѣщицы.

К. Гризи оставила яркій слѣдъ въ исторіи балета, и ея имя останется навсегда въ лѣтописяхъ хореографическаго искусства, наравнѣ съ именами Тальони, Фанни Эльслеръ и Черитто, съ которыми ей, между прочимъ, пришлось участвовать въ Лондонѣ въ знаменитомъ pas de quatre Пуни и Перро.

армію, являющуюся, благодаря преобразованиямъ третьей республики, символомъ безопасности и гордости Франціи; подобно знаменитымъ военачальникамъ, министерство стоитъ за безусловную дисциплину, составляющую залогъ величія арміи; правительство защититъ ее отъ оскорбленій, желаетъ странѣ успокоенія и единенія, какъ необходимаго условія исполненія культурныхъ задачъ Франціи; проситъ отъ парламента болѣе широкихъ полномочій, кабинетъ возлагаетъ на себя и болѣеую отвѣтственность; пора прекратить раздоры и заняться дѣлами государственной важности, экономическимъ и социальнымъ прогрессомъ страны; если удастся устранить политику разногласія, кабинетъ получитъ увѣренность, что исполнилъ свой долгъ.

Бурныя пренія угрожали закрытіемъ засѣданія. Давая объясненія, министръ-президентъ закончилъ свою рѣчь словами: «какое бы рѣшеніе ни приняла палата, я свой долгъ исполнилъ». Среди всеобщаго волненія и продолжительныхъ рукоплесканій зсей парламентской лѣвой группы, пренія были закончены; приступили къ составленію формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ. Г. Вальдекъ-Руссо не принялъ простого перехода, и послѣдній былъ отклоненъ палатою; затѣмъ изъ множества предложенныхъ формулъ, палата большинствомъ 263 голосовъ противъ 237, приняла ту, къ которой присоединилось министерство: переходъ къ очереднымъ дѣламъ состоялся при выраженіи одобренія деклараціи и мѣропріятій правительства. За декларацію министерства высказался и сенатъ, вотировавъ кабинету одобреніе громаднымъ большинствомъ.

Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

Съ 12-го по 18-е іюня поступило пожертвованій: отъ свѣд. о. А. Оргу-сара, собранные отъ прихожанъ Іевенской церкви (м. Іеве) — 12 р. 16 к., отъ Н. С. Пешинской (им. Пиктовскаго) — 10 р., М. П. Соколинскаго (Тамбовъ) — 3 р., С. Н. Чернякова (Кіевъ) — 1 р., О. И. Извъткиной (Жиздръ) — 28 к., свѣд. о. І. Аеонскаго, собранные отъ дамъ с. Покровскаго Ярослав. губ. — 7 р. 45 к., О. Н. П. (Серпуховъ) — 3 р., Сони и Мани Островскихъ (Оренбургъ) — 30 к., учителя П. Кундевича (д. Дьяковичи) — 30 к., В. П. Пырхъ (Дьяковичи) — 20 к., со ст. Хотоботова Р. - Ур. ж. д. отъ: Ф. В. Балашова — 2 р. 40 к., В. В. Балашова — 2 р., Л. М. Упитъ — 2 р. 15 к., А. М. Лопачева — 1 р., А. И. Зеленина — 1 р. 10 к., В. Д. Феклистова — 80 к., И. И. Мальцова — 60 к., В. Т. Кузнецова — 50 к., А. И. Цвѣтнова — 1 р., С. Хворова — 25 к., В. О. Учка (Журавца) — 1 р., П. И. Жирякова (Оренбургъ) — 1 р., Г. Г. Гебенитрейтъ (Каменецъ-Подольскъ) — 1 р. 50 к., изъ Ахтырки отъ: Киселевича — 1 р., Вити — 50 к., И. Л. Гриваго (Кіевъ) — 6 р., свѣд. о. И. Успенскаго (Трубчевскъ) — 3 р., А. В. Павлоградскаго (Апшеронская) — 2 р. 40 к., П. В. Боева (Мельниковъ) — 20 к., В. И. Колесова (Царицынъ) — 5 р., неизвѣстнаго (Семипалатинскъ) — 3 р., Сани Р. (Ягодное) — 1 р., свѣд. о. І. А. Куленскаго (с. Елизарово) — 12 р., неизвѣстнаго (Кузнецкъ) — 5 р., М. Хилковской (Житомиръ) — 35 к., Кузьмина (Сиб.) — 3 р., С. В. Фадѣева (Сиб.) — 1 р., Агеева (Екатеринославъ) — 20 к., неизвѣстнаго (Кременчугъ) — 3 р., изъ Кишинева отъ: А. К. Тисло — 1 р., А. Я. Типо — 1 р., В. и М. Крыловыхъ (Москва) — 1 р., А. Сулуинской (с. Еньки) — 1 р., Д. Юрскъ (Любегощъ) — 5 р., неизвѣстнаго (Ворожецъ) — 1 р. 30 к. Итого 110 р. 14 к., а съ прежде поступившими всего 3376 р. 31 к.

Выслано въ Казанскую губ.: 1) А. П. Колокольниковой въ с. Железку, Спаскаго у. — 150 р., 2) А. С. Казимировой въ г. Арскъ — 150 р.; въ Сибирскую губ.: 3) В. С. Сѣровой въ с. Большие Березники — 150 р., 4) М. О. Когану въ с. Аскулы, Сыр. у. — 150 р.; въ Вятскую губ.: 5) Н. А. Влинову въ с. Молега Елаб. у. — 150 р.; въ Уфимскую губ.: 6) А. А. Степанову въ с. Карамалы Мензель. уѣз. — 150 р. Итого 900 руб., а съ прежде высланными всего 3370 руб.

Редакторъ Г. И. Сементковскій.

НА ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ И УСТРОЙСТВО БОЛЬНИЦ

СОЗДАНИЕ

ТОПЕЧНО-ТЕПЛОТЕХНИЧЕСКОЕ

ОБЩЕСТВО

ПРОСИТЪ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ
Жертвовать ему

ПОНУЖНЫЯ ВЕЩИ

АММОНІА ПО ВТОРЫЯМЪ
БОСПИТАНІЮ
до 500 АММОНІА

УЕЛЕРЪ № 3678.

НОВОЕ то возбуждает всеобщий интерес и удивление, есть ручная швейная машина, **Телуиел** которая шьет всякую материю, тонкую и толкую, сурдо и полотно также аккуртно, какъ самая болъшая швейная машина.

Конструкция вся изъ жельза и стали, изящно отделанная съ регуляторомъ и вьюетрир. Дешёго и удобное руководство въ 5 Кило. Каждая машина имеетъ тщательно проверенъ ходъ и стоитъ со всеми приспособа. для шитья всевозможныхъ матерій и мною оплач. пошлано только 9 руб. Высылаетъ поученій всей суммы, или 3 р. за датка **M. RUNDBAKIN, WIEN, Berggasse 3.** (Въна Австрія). Прейс-кур 60 платно.

9 руб.

ВОСТРЕГАТЬСЯ ПОДЪ БЛОКЪ

ПРОВИЗОРЪ

Г. Ф. ЮРГЕНСЪ

БОРНО-ТИМОНОВОЕ МЫЛО

ПРОТИВЪ ИЗЛИШНЕЙ ПОТЛИВОСТИ И
ДЕЗОРИРУЮЩЕЕ

БЛАГОУВОНОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО

ВЫСШАГО ДОСТОЯНСТВА

ПРОДАЕТСЯ БЕЗДЪ

1/2 К. 50 К. 1/2 К. 30 К.

ВЪРНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ

отъ 125 до 250 руб. въ мѣсяцъ могутъ имѣть мужичи всѣхъ сослов. черезъ продажу посред. публичн патентован. американск. предмета, что можетъ быть доказано успѣхъ. дѣл. лицъ. Необх. капит. не менше 200 р. Только недобрн. предлож. съ обозн. рода зан. будутъ приняты во вниманіе.

Просятъ адресоватъ въ С.-Петербургъ.

В. А. ФРИДЪ

Васильевскій Островъ, 2 линія, 16—39.

МИРРОЛЬ **ОПТОВЫЙ СЛАДЪ**

ПОРОШОКЪ **ПУШКИНСКАЯ АПТЕКА**

ОТЪ ПОТА **СПЕТЕРБУРГЪ**

ПРОВО А ГАККЕЛЪ

В. № 123612

БЕЗПЛАТНО

высылаю условия и пробныя лекціи заочнаго обученія кройкѣ и шитью дамскихъ и дѣтскихъ нарядовъ. В. В. Бенедиктовъ, Москва, Тихвинская ул., д. Александровой, кв. № 2.

Международный языкъ

ЭСПЕРАНТО.

Подробный курсъ (учебникъ, книга упражненій, полные словари, книги для чтенія, адреса эсперантистовъ) высылается за три рубля (или съ наложеннымъ платежомъ за 3 р. 20 коп.). Адресовать: А-ру Л. М. Заменгофу въ Варшаву. № 12310 10—10

ДЛЯ ДАЧЪ И ПРОВИНЦІИ НЕЗАМЪНЧИМЪ

РЕТИРАДНИКЪ, механизмъ для простыхъ отхожихъ мѣстъ, замѣняетъ ватерклозетъ. Не допускаетъ ни сквознаго вѣтра, ни зловонія. Не требуетъ воды, не портится отъ мороза. Постановка безъ мастера. Цѣна 12 руб. Упаковка и отправка 1 1/2 руб. **МАШИНА ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫХЪ**. Цѣна съ лоданкой 16 1/2 руб. Штормов. фонари и т. д. Иллюстрир. описаніе по востребованію. № 12435 3—3

В. КРЮГЕРЪ. СПБ., Торговая ул., № 17.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВ. ЖУРНАЛЪ

“ФОТОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ”

IV ГОДЪ ИЗДАНІЯ СЪ НОЯБРЯ 98 — ПО НОЯБРЬ 99 Г.

ЕЖЕМЪС. ХУДОЖ. ПРИЛОЖЕН.

5 р. ИЗД. Д. Ф. РЕЙНЕ МОСКВА. 5 р.
ВЪ ГОДЪ СЪ ПЕР

“КРАСОТА И ИЗЯЩЕСТВО”

Черныя часы, вороненой стали 1-й сортъ, на крышкѣ изящная золотая накладка, на которой гравирову, по желанію заказчика, монограмму, имя и фамилію. Къ нимъ цѣна новаго золота, бортовой или шатленъ, съ изящнымъ бретюкомъ.

ТОЛЬКО ЗА 5 Р. 50 К.

Того же сорта часы никелевыя, полированные, золоченыя посредствомъ электричества, т. е. Elcctrogillet, трудно отличимыя, даже специалистами, отъ настоящихъ, дорого стоящихъ, золотыхъ часовъ; съ тѣмъ же приложениемъ, но безъ золотой накладки—рублемъ дешевле. Высылаю впередъ вывѣренныя часы по полученіи 1 р. задатка, остальные же наложеннымъ платежомъ и даю печатное ручательство на 5 лѣтъ за вѣрность хода. Иллюстрированный прейс-курантъ высылается бесплатно. Прощу адресовать: Складъ часовъ **М. ГОРДОНЪ**, въ Варшавѣ, Маршальская, № 119.

Во избѣжаніе поддѣлокъ каждый экземпляръ снабженъ пломбой и утвержденъ Департаментомъ Торговли и Мануфактуръ за № 3056. Ц. № 12470 2—1

Случайныя вещи.

Продается мебель подержанная и новая, вполнѣ выдержанная. Принадлежности домашняго устройства; бронза, драпировки, золото, драгоценныя камни. Москва, Неглинный проѣздъ, пассажъ Солодовникова, рядомъ съ Абрикосовымъ. Ц. № 11987 6—2

ТОЛЬКО 4 Р. 90 к.; 2 за 9 р. 55 к.;
3 за 13 р. 90 к.

ПРЕЛЕСТНОЕ ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО 56-й ПРОБЫ
съ искусств. ПРЕВОСХОДНЫМЪ БРИЛЛАНТОМЪ

БЕЗЪ ФОЛГИ ИЛИ ПОДКЛАДКИ, такъ что трудно узнать отъ настоящаго брилланта. Цѣна съ пересылкою въ Европ. Россіи **БАЗАРЪ МАРОКЪ** С.-Петербургъ, Невскій, № 20—31

ЗАЙКАНЕ

КАРТАВОСТЬ, ШЕПЕЛЯВОСТЬ
устраняетъ зѣбное заведеніе **К. Ю. Эрнеть**, Москва, Б. Никитская, № 11, кв. 6.

Руководство къ самообуч. для зайкъ 3 руб.

270 Р.

подъ выигранные билеты, II заемъ до 240 руб., подл III Дворянскіе до 200 руб., подл IV гражданскіе бумаги до 95 руб. изъ 5 до 8% годов. и 1/4% ежемѣс. ном. предлагаетъ въ соуду банкирскій домъ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
59, Невскій. 7—1

ТОВАРИЩЕСТВО

АСФАЛЬТОВЫХЪ РАБОТЪ ВЪ РОССІИ

С.-Петербургъ, Невскій, 3

производитъ асфальтовые, бетонныя и канализаціонныя работы изъ самыхъ лучшихъ матеріаловъ. 4—3

БЕЗВРЕДНАЯ УРБАНА

ВОЛОСЪ ИЛИ БРОДИ

БЕЗЪ ЛЯПИСА

Вновь изобрѣтенное безвредное средство для быстрого окраски волосъ и бороды въ черныя, русыя темныя и светло каштановыя цвѣта. Цѣна 3 л. флажонъ 2 р. съ перес 2 р 50 к. Продаеться въ аптек. и косметич. магазинъ. Главн. ный складъ С.-Петербургъ, Аптекарск. магазинъ А. Урбанъ. СПБ. Больш. Коюш., № 1.

ТРЕБУЙТЕ

ВЪ АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ

„АРМИНЪ”

для хали и мягкости усовъ и бороды. **ЦѢНА 50 КОП.**

„АРМИНЪ” безъ № 267 разр. Мед. Упр. поддѣлка. Главн. складъ **Г. ШОЦА**. Пассаажъ, № 52, С.-Петербургъ.

! 3 р. 50 к. !

„лилипутъ”

Уверши. складъ. карман. фотографическій аппаратъ. Сним. моментъ и съ выдержк. Дневъ и ночью. Портреты, группы, виды и пр. Фотографировать можетъ каждый. (Въсов. 2 ф.). Требов. адр.: Москва, Почтамтъ, № 103, ПОЛИБАНОВУ.

ОРУЖЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ

Я. ЗИМИНА вдова и К^о.

Москва, Тверская, близъ Газетнаго, д. Стр. Общ. Россіи.

Делю ружей фабрикъ Лежажъ, Т-ва Льежской М-ри, Вельмонъ и Скоттъ и Силье. Цѣны самыя убреныя. Громадный выборъ. Леготныя условия для гг. офицеръ и лицъ служащихъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ. При магазинѣ образовалъ мастерская, чистка и ремонтъ всякаго рода оружія. Иллюстрированный прейс-курантъ по требованію бесплатно.

1000 ВЕЛОСИПЕДОВЪ НА СКЛАДЪ

РАЗНООБРАЗНѢЙШІЙ ВЫБОРЪ!

ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГЪ!

ТОВАРИЩЕСТВО

„М. Блокъ”

МОСКВА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Кіевъ, Екатеринбургъ, Одесса, Варшава, Кокандъ, Ростовъ и др.

Громадное

новое удешевл. цѣны велосипедовъ знаменитой **Америк. Мануф. „НО МОНАРХЪ”**

№ 61—115 р. (1898. 150 р. № 56—130 р. новостъ № 66—150 р. (1898. 180 р. № 67—165 р. новостъ

Всѣ одного замучаго качества и одного вѣса, съ изящат. „Депюлго”. Упаковка бесплатно. Дешевыхъ популярныхъ (народныхъ) но изъбѣж. Моторныя самокаты настоящія Де Дювъ и Бутонъ (изобрѣтателя). Цѣны рѣшительныя. Москва.

Б. Лубянка № 18. Кузнецкій мостъ № 13 **К. НАТАЛИСЪ**. Ильинка, Среднеіе янды. Тверская рядомъ съ Фалишинымъ. Суд. съ 1872 года.

Уничтожаетъ

Мозоли и Бородавки

„МОЗОЛИНЪ”

АРЕЙНГЕРЦЪ

Продается въ аптекахъ, аптекарскихъ и розничныхъ магазинахъ въ Россіи. Оптомъ у АРЕЙНГЕРЦЪ, С.-Петербургъ, 10^й Рождественскій № 24.

ЛУЧШАЯ ПИШУЩАЯ МАШИНА

„СМИСЪ - ПРЕМЬЕ”

Скорость, прочность, удобство. Последняя усовершенствованія. **Цѣна 250 р. и 375 р.** Дешев. пишущ. машина **„КОСМОПОЛИТЬ”**. Самый красив. шрифтъ. Съ 3 разными русскими и 3 разными латинскими алфавитами. Описанія и образцы шрифтовъ объявъ машинъ высыл. бесплатно. **П. РИХТЕРЪ, СПБ., Адмиралт. пр., 4.** Москва—Ф. И. Розенталь, Мясницкая, 36. Варшава—И. Фальсъ и К^о. Сенаторская, 36. Кіевъ—П. Фальбергъ, Крушатки. Одесса—Г. М. Левинсонъ, Ринельдерская, 19.

Превосходное средство для сохранения дерева отъ гниенія

КАРБОЛИНЪ

ПРЕДЪИЗВЪЩЕНІЕ СОСТАВЪ

КАРБОЛИНЪ

БРАТЯ ЗРЕНБЕКЪ

СПЕТЕРБУРГЪ, 4 рота С. А. № 15

Прейс-Курантъ высылается бесплатно

ВЫЙ-

дѣтъ скоро прейс-курантъ магазина бумаги **А. И. ПЕТРОВА**, СПБ., Надеждинская, 29. Телефонъ № 2486.

Новосты!!!

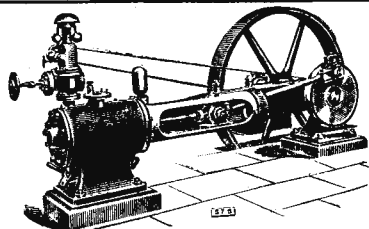
Прелестные карманные, металлическія часы, заводъ безъ ключа, настояще никелевыя, тщательно профренныя, на крышкѣ помѣщенъ художественно исполненный портретъ Государя Императора Николая II, къ нимъ цѣлочка новаго золота и парижскій кошачъ

за все только 5 руб.

Прилагается печатное ручательство на 4 года. Вышеупомянутыя часы высылаются немедленно и безъ задатка наложеннымъ платежомъ. 10—1

Требованія прошу адресовать въ городъ Варшаву, Грмичная, № 6

кунцу І. ВУЗЕЕРУ.
Прейс-куранты высылаются бесплатно.

Англійскіе Локомотиви
и
Паровія Машины
всегда на складѣ у
Ф. И. Розенталя
Москва, Мясницкая, 36/38.

EAU DENTIFRICE
BALSAMIQUE DE LOUZE
БАЛЬЗАМИЧЕСКАЯ ВОДА ДЛЯ ЗУБОВЪ ЛОЗЕ.

Средство для полосканія рта, уничтожаетъ запахъ во рту. № 5121 (133)
Во избѣжаніе часто встречаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, требовать на этикетѣ полную фирму:
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
46, Егерштрассе, Берлинъ, придворн. парфюмеръ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ВЕЗДЬ

Чудо-микроскопъ.

Микроскопъ этотъ, распроданъ на всемъ рѣ. выставкѣ въ Чикаго въ количествѣ 2 1/2 милліон., теперь высылается нами за безначит. цѣну
ТОЛЬКО ЗА 2 РУБЛЯ.
Съ помощью этого «чудо-микроскопа» можно видѣть кажд. предм. увеличен. около 1000 разъ, такъ что даже мельчайшіе атомы и невидим. прост. глазомъ животныя приним. величину майскаго жука. Необходимъ при изуч. ботаники и зоологіи и является давно желаннымъ домашнимъ инструментомъ для опредѣленія доброты питательн. продукт. и для отысканія трихинъ въ мясѣ. Невидим. прост. глазомъ инфузоріи, живущ. въ водѣ, совершен. свобод. различаются съ помощью этого микроск., который, къ тому же, можетъ служить и лупою для близорукихъ при чтеніи мельчайш. прифт. Объяснен. прилож. при кажд. микроск. «Чудо-Микроскопъ», увеличивающій 2500 разъ, съ лупой для чтенія, со мног. готов. пластинк., въ издѣ. короб.—только 4 руб. Требов. могутъ быть сообщ. и на русск. яз. Заказы исполн. только по получ. денегъ, причемъ стоимость перес. и оплату пошл. принима. на свой счетъ известнѣйш. фирма:

M. Feith, Wien, 11, Taborstrasse, 11.
Постав. Личнаго Составу Правительст. Учрежд. Австріи.

ЧЕРНИЛА ЛЕОНГАРДИ.

Спец. копиров. чернила.

Темно-фиолет. копир. чернила, легко стекаютъ. По истеченіи мѣсяцевъ и даже годовъ даютъ хорошия отчетливыя копіи.
Черныя двойныя копир. чернила, стекаютъ черными. Отъ 2 до 4 копій.
Копир. чернила «Non plus ultra» для корреспонденціи съ дальн. странами. Отъ 4 до 8 копій.

Чернила для книгъ и для копирования.

Алициариновыя чернила для письма и копирования. № 12323 10—5

Антрац. чернила для письма и копирования.

Черныя желѣзисто-орѣшковая чернила. Черный чернильный порошокъ (атролитъ). Химич. фабрики чернилъ, основ. въ 1826 г.

Авг. ЛЕОНГАРДИ
въ ДРЕЗДЕНЬ.

Изобрѣтателя и единственн. фабриканта всемирно-извѣстныхъ

Алициариновыя чернилъ для письма и копирования, легко стекающихъ и вполнѣ прочныхъ желѣзисто-орѣшковыхъ чернилъ 1-го класса. Во избѣжаніе поддѣлокъ просить обращать вниманіе на вышл. въ Россіи этикетъ и фабрич. предохранит. марку.

Неподдѣльно только съ сей предохранительной маркой.

№ 4711
Рейнская Фіалка
Историческая Двора
Его Императорскаго Высочества
ФЕРД. МЮЛЬГЕНСЪ
Халкокольная № 4711 въ Кельнѣ на Рейнѣ и Ритъ
Дѣйствительный Свѣжій Запахъ ФІАЛКИ.
безъ примѣси (МУСКУСА, ПАЧУЛИ и проч.)
Модный Парфюмъ Великосвѣтскихъ круговъ
Продается во всѣхъ лучшихъ магазинахъ.

П Крахмало-сахароварные,
Паточные и декстриновые
заводы по новѣйшей, испытанной системѣ
дешевое обзаведеніе, превосходные фабрикаты
устраиваетъ
Спеціальное заведеніе для постройки и перестройки крахмальныхъ заводовъ
К. № 11998 **В. Г. Уландъ, Лейпцигъ.** 5—5
Прейсъ-куррантъ безплатно.

Побѣда ежедневно 5,000 чел.
Ежедневно публик. Сплетантъ.
Въ праздн. и бенед. дни около 15,000 чел.
Въ 4 верстахъ отъ Царскаго Села. —
Павловскій вокзалъ
Ежедневно бесплатныя музык. вечера.
Объявленія въ музыкальныхъ программахъ принимаются: СПБ: Фонтанка 95, въ конторѣ типогр. «В. С. Балашевъ и К.»
Условія высыл. по первому требованію.
Лучшій оркестръ.—Въ 20 верст. отъ С.-Петербурга.—

Для СМЯГЧЕНІЯ И БЛИЗНЫ КОЖИ.
КАЛОДЕРМА
ЖЕЛЕ КАЛОДЕРМА * МЫЛО КАЛОДЕРМА.
Ф. Вольфъ и Сынъ въ Карлсруэ.
Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

Къ чему зонтикъ??!
Когда всѣмъ извѣстна по высокимъ качествамъ и общедоступной цѣнѣ резиновая и вискатиновая непромокаемая одежда
ТОРГОВАГО ДОМА
ФЕЛЬТЕНШТЕЙНЪ и РОЗЕНБЕРГЪ
въ Диннскѣ
вполнѣ защищаетъ всю одежду отъ дождя и непогоды.
БЕЗПЛАТНО!! ремень для носки одежды черезъ плечо.
Пересылка до 7-ми фунт. на счетъ фабрики.
Новосты! Непромокаемое платье изъ вулканизованно прорезиненной шерстяной матеріи.
Требуйте бесплатно интересныя прейсъ-курранты.

ПРАКТИЧНО! УДОБНО!
ДЕШЕВО!
РЕЗИНОВЫЯ И
ВИСАТИНОВЫЯ
НЕПРОМОКАЕМЫЯ
ОДЕЖДЫ!

